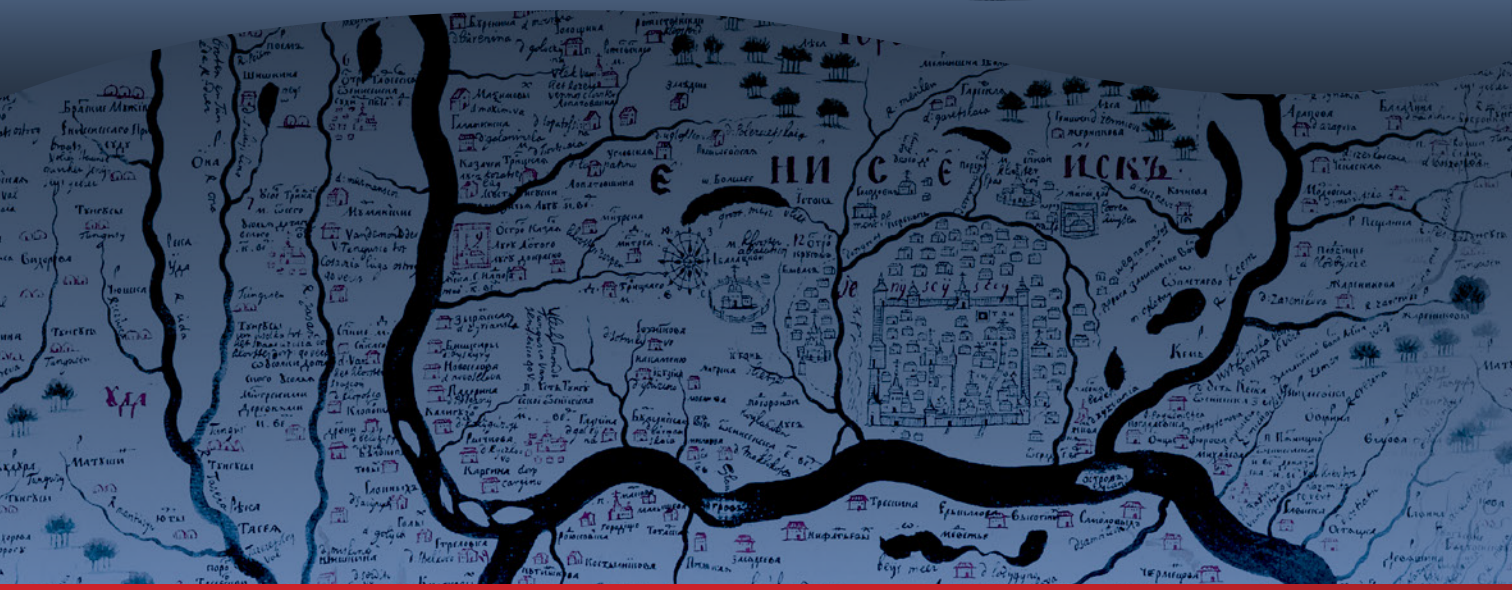
СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2022

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ 1822 1925 200 ОСНОВАНА В 1822

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ ГУБЕРНАТОР

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская Академия Наук

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ICOM international council of museums Россия

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Материалы IX Сибирского исторического форума
Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.
Электронное издание

Красноярск
СФУ
2022

УДК 94(571)
ББК 63.529(253)(255)
Н 303

Н303 Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней [Электронный ресурс] : материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н. И. Дроздов. – Электрон. дан. (62,4 Mb). – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. – 1649 с. – Систем. требования : PC не ниже класса Pentium I ; 128 Mb RAM ; Windows 98/XP/7/8/10 ; AdobeReader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.– Режим доступа: http://sibhistory.sfu-kras.ru/архив/.
ISBN 978-5-7638-4737-6

Представлены материалы докладов IX Сибирского исторического форума, проходившего в г. Красноярске 14–16 сентября 2022 г. и посвященного 200-летию основания Енисейской губернии и народам Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней. Участниками форума стали известные ученые-историки, археологи, антропологи, музееведы, культурологи, искусствоведы, работники архивов, библиотек и краеведы из различных городов России, а также зарубежные ученые из Австрии, Азербайджана, Белоруссии, Бельгии, Венгрии, Италии, Китая, Казахстана, Киргизии, Пакистана, Турции, США, Таджикистана, Узбекистана.

Предназначены тем, кто изучает и интересуется историей России, Сибири и Дальнего Востока.

Электронный вариант издания
см.: http://catalog.sfu-kras.ru
ISBN 978-5-7638-4737-6

УДК 4737-6
© Сибирский федеральный университет, 2022

Электронное научное издание

Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней

Тексты публикуются в авторской редакции
Технический редактор, верстальщик М. С. Соловьева

Подписано в свет 19.08.2022. Заказ № 17084
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-16; http://bik.sfu-kras.ru
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Главный редактор

Дроздов Николай Иванович
доктор исторических наук, профессор

В состав редакционной коллегии и программного комитета входят:

заместитель главного редактора
Комарицин Сергей Гурьевич
кандидат исторических наук

редактор программы
Пчелкина Дарья Сергеевна
кандидат культурологии

редактор составитель
Калашникова Елена Борисовна

редактор платформы «История Сибири
Андюсев Борис Ермолаевич
кандидат исторических наук

редактор платформы
«Краеведение.200 лет Енисейской губернии»
Дементьев Александр Петрович
кандидат исторических наук

редактор платформы
«Народы Сибири и Дальнего Востока
с древних времён и до наших дней»
Смирнов Евгений Сергеевич
кандидат философских наук, доцент

редактор платформы
«Музеи: наследие, история и современность»,
«Традиции и современность в культуре и искусстве Сибири»
Чихачёва Мария Михайловна
кандидат искусствоведения

От редакции
2022 год – 200-летие образования Енисейской губернии

Понадобилось два века, начиная с 1628 года, найти понимание, через трудный путь поиска и ошибок, что территория Сибири является внутренним ресурсом развития всего Российского государства.

Великий реформатор Михаил Михайлович Сперанский разделил Сибирь на губернии. Первым губернатором Енисейской губернии стал 46-летний А.Степанов, который восемь лет возглавлял земли водного бассейна р. Енисей.

Некогда слаборазвитая окраинная территория государства, место ссылки и каторги, край угрюмых поселенцев, сегодня Сибирь развивается современно и динамично.

Сибирский писатель В.Г.Распутин писал:

«Сибирь – это Сибирь, которая имеет своё имя, лежит на своем месте и выработала свой, ни на что другое не похожий характер. Из конца в конец, из края в край над нею витает свой дух словно бы до сих пор не решивший быть ему добрым или злым – в зависимости от того как поведет себя человек!».

Сибирский исторический форум стал уже ежегодным и в этом году проходит девятый раз, и из года в год объединяет тысячи ученых из всех уголков России и зарубежья.

Авторы сборника, а их более одной тысячи прислали для публикации новейшие научные и краеведческие материалы, которые дают нам возможность заглянуть и в далекое прошлое, и в годы последних четырех столетий, и в новую Сибирь.

Редакционная коллегия разделила материалы сборника на платформы для более удобного изучения научных текстов:

I. «Музеи: наследие, история и современность».

II. «Скифский мир Евразии»

III. «Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней»

IV. «История Сибири»

V. «Традиции и современность в культуре и искусстве Сибири»

VI. «Краеведение. 200 лет Енисейской губернии»

Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Желаем Вам плодотворной работы!
С уважением, редколлегия сборника.

Международный Сибирский исторический форум заслужил репутацию крупнейшего ежегодного научно-гуманитарного мероприятия в России.

В подготовке IX-го Форума в 2022 году, посвященного историко-культурному наследию народов Сибири и Дальнего Востока и 200-летию основания Енисейской губернии, приняли участие сотни ведущих ученых из разных городов страны – работники научных организаций РАН, университетов, музеев, архивов.

В сборнике трудов Форума представлены тексты докладов и выступлений крупнейших отечественных антропологов, археологов, этнографов, историков культуры и искусств, лингвистов, специалистов по гражданской и военной истории, истории общественной мысли и науки.

Это важный документ эпохи, коллективный труд людей, занимающихся изучением, сохранением и популяризацией историко-культурного наследия нашей страны.

Уверен, что эта публикация станет заметным явлением не только научной жизни, но и привлечет внимание всех, кому дорога наша историческая традиция, кто интересуется историей и культурой родной земли.

Доктор юридических наук

Профессор

Президент Сибирского федерального университета

А.В.Усс
Губернатор Красноярского края

Уважаемый Александр Викторович!
Уважаемые жители Красноярского края!

В 2022 году отмечается 200-летие основания Енисейской губернии. Это суровая Сибирская земля с уникальными природными богатствами всегда была неотъемлемым звеном становления Российской государственности. Её осваивали сильные духом, самоотверженные и целеустремленные люди, чей характер сегодня сохранен в их потомках- жителях Красноярского края.

Важно отметить, что бережное отношение к исторической памяти, культурному наследию и национальным традициям несет в себе большое объединяющее начало для народов Енисейской Сибири.

Уверен, что и в дальнейшем это останется непреходящей ценностью и основой для поступательного развития региона.

Поздравляю Вас со знаменательным юбилеем. Желаю крепкого здоровья, счастья и благополучия Вашим семьям.

Президент Русского Географического Общества

С.К.Шойгу

Уважаемые друзья, коллеги!
Позвольте поздравить Вас с началом работы IX-го Международного Сибирского исторического форума!

Сопредседатель Российского исторического общества,

Научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН,

Лауреат Государственных премий в области науки и технологий РСФСР,

Лауреат Большой золотой медали им М.В. Ломоносова

А. П. Деревянко
Академик

Этот форум посвящен 200-летию образования Енисейской губернии и богатейшему историко-культурному наследию народов Сибири.

Благодаря реформам Михаила Михайловича Сперанского в 1822 г. в составе нынешнбего Красноярского края и Хакасии была образована Енисейская губерния, которая сыграла важную роль в дальнейшем освоении и научном изучении Сибири.

Сибирь, обладающая богатейшими природными и минеральными ресурсами играла, играет и будет играть большую роль в росте экономического могущества и укреплении Российской государственности.

Сибирь осваивали и осваивают смелые, сильные духом, талантливые люди, благодаря самоотверженному труду которых на этой территории создана развитая промышленность, сельское хозяйство, передовая наука и культура. Сибирь славится не только своими ресурсами, но и богатейшим историко-культурным наследием, уходящим своими корнями в глубокое прошлое человеческой истории.

В Сибири, на территории Хакасии, 300 лет назад были проведены первые в России археологические раскопки, что знаменовало начало Российской археологии. В Сибири при строительстве Военного госпиталя в г. Иркутске в 1871 году была открыта первая в России палеолитическая стоянка, в которой одними из первых в мире в чётких стратиграфических условиях удалось обнаружить, вместе с плейстоценовыми животными, предметы искусства, сделанные человеком. В Сибири, в Алтайском крае, открыта древнейшая в мире стоянка человека Карама (возрастом около 800 тысяч лет назад), расположенная около 52° с.ш., что свидетельствует о высоких когнитивных и адаптационных способностях Homoerectus, позволивших ему расселиться так далеко на север Евразии. В Сибири в Денисовой пещере открыт новый таксон — Homosapiensaltaiensis, — принимавший непосредственное участие в становлении человека современного типа (Homosapienssapiens), то есть нас с Вами. Можно приводить ещё много других примеров древности и самобытности древних этносов в Сибири.

В Сибири проживают десятки коренных народов, которые независимо от своей численности имеют свой язык, свою самобытную историю и культуру, богатейший фольклор. В настоящее время издано 35 академических томов фольклора народов Сибири. И это только начало.

В настоящее время осуществляется уникальный государственный проект по дальнейшему социально-экономическому развитию территории «Енисейской Сибири», которая объединяет Красноярский край и Республику Тува и Хакасия и у нас россиян полная уверенность в том, что успешная реализация этого проекта, внесет свой большой вклад в могущество и процветание нашей Родины.

Желаю участникам и гостям форума плодотворной работы!

I Музеи: наследие, история и современность

Содержание

Болонкина Е.В.
«Научно-фондовая работа музейных центров Красноярска в 1950–1965 гг. . . . 11-16

Ермилова В.В.
Неопубликованные письма Н.Ф. Катанова И.Т. Савенкову
в эпистолярном собрании Минусинского музея 17-20

Запорожченко Г.М.
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук:
интеграция науки, культуры, образования в области наследия 21-28

Зипунникова Н.Н.
Роль музейных практик в познании иркутских истоков
юридического вуза 29-34

Кравцова Л.А., Нужденко А.Ю.
Вклад музеев Кузбасса в преодоление проблем социокультурной
адаптации людей с ограниченными возможностями по зрению 35-41

Лыхин А.П.
Имена на фасаде 42-45

Крайнева И.А.
Электронные архивы: pro et contra 46-53

Листвягова Т.А.
К вопросу о становлении и развитии Хакасского национального
краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова 54-59

Милевский О.А.
Научные исследования Д.А. Клеменца в рамках сотрудничества
с Минусинским музеем: 1883–1886 гг. 60-65

Ооржак Ш.С.
Музей истории политических репрессий в Туве 66-69

Петрова (Дудоровская) Т.В.
Передвижной историко-этнографический музей (ПИЭМ)
Т.В. Петровой (Дудоровской) 70-74

Плетенкина О.В.
Сохранение и популяризация культурных ценностей советской
эпохи на примере парка музеев «Галерея времени» г. Новосибирск 75-80

Решетникова И.Л.
Современные цифровые технологии: цифровая перезагрузка
в музее им. Н.М. Мартьянова 81-85

Сидорина Е.Ю.
Минусинский Мартьяновский музей в начале XX века 86-92

Труевцева О.Н.
Мультимедийная музеефикация объектовкультурного наследия 93-96

Шелегина О.Н.
Динамика музейного мира Сибири: лидерство
институциональное и персональное 97-102

УДК 7(571.51)

Научно-фондовая работа музейных центров Красноярска в 1950–1965 гг. (по материалам Дома-музея В.И. Сурикова, Красноярской художественной галереи)

Болонкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом русского искусства XVIII – начала XX вв. Красноярского художественного музея им. В.И. Сурикова, г. Красноярск, Россия.
ebolonkina77.77@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1637-1442

АННОТАЦИЯ Статья посвящена особенностям развития научно-фондовой работы в красноярских музейных центрах на протяжении 1950–первой половины 1960-х гг. На примере Красноярской художественной галереи, мемориального Дома-музея В.И. Сурикова раскрыты основные тенденции в области комплектования коллекций, их учета, хранения, научного описания, ведения учетно-хранительской документации. Показана роль государства в организации фондового хозяйства, а также в определении тематической направленности при пополнении музейных собраний. Впервые в научный оборот введены архивные документы, характеризующие особенности собирательской, реставрационной деятельности в музеях Красноярска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярск, научно-фондовая работа, Красноярская художественная галерея, Дом-музей В.И. Сурикова, научная инвентаризация, комплектование фондов.

Одним из основополагающих направлений музейной деятельности является научно-фондовая работа. Она включает в себя комплектование, учет, хранение, научное изучение объектов наследия, а также проведение комплексных консервационных и реставрационных работ. От того насколько правильно организована данная работы зависит вся деятельность музея в целом.

Важной вехой в истории развития музейного дела в СССР стали 1950–1960-е гг., когда происходилоформированиеприоритетных направленийв научно-фондовой деятельности. Государственная политика в это время была направлена на дальнейшее развитие основ научного комплектования, систематизации, учета и изучения коллекций, их хранения и экспонирования, создания условий для соблюдения всех требований к фондовой работе.

В этот период времени развитие научно-фондовой работы в музеях Красноярска, как и во всем сибирском регионе, происходило под влиянием изменений в государственной культурной политике. Прежде всего, была сформирована система управления музейной деятельности на всех уровнях. В 1953 г. управление музеями в стране осуществляло вновь созданное Министерство культуры РСФСР. С 1959 г. художественные музеи и картинные галереи были переданы в ведение Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР. На местах деятельность музейных центров координировалась органами культуры исполкомов Советов[1, с. 16].

Процесс развития фондового хозяйства музеев в это время происходил на основе нормативно-правовых актов, изданных советским правительством. Еще в 1947 г. вышла «Инструкция по учету музейных фондов», на основе которой базировалась вся учетно-хранительская работа. Обязательным для оформления фондовых поступлений было ведение инвентарных книг и книг поступлений. К началу 1950-х гг. большинство музеев страны завершило заполнение необходимой учетной документации, что обеспечило полную сверку музейных экспонатов [7, с. 30].

Однако, несмотря на некоторые изменения в фондовой деятельности музеев, ведение

учетно-хранительской работы все-таки не соответствовало необходимым требованиям. Прежде всего, отсутствовала унификация учетно-системных стандартов и условий хранения, что отражалось на качестве учета и систематизации коллекций. Музейные фонды оставались неразделенным на основной, научно-вспомогательный и обменный. Сотрудниками неправильно велись книги поступлений и инвентарные книги.

После Великой Отечественной войны в Красноярске открываются два значимых музейных центра. Так, в 1948 г. под влиянием идеологического фактора, когда особое место стали занимать мемориальные музеи В.И. Ленина, И.В. Сталина, героев Великой Отечественной войны, деятелей культуры и науки, был создан Дом-музей В.И. Сурикова. В 1957 г. на фоне изменений в музейной жизни страны вышло распоряжение Совета Министров РСФСР №2316-р о создании Красноярской Краевой художественной галереи.

В 1951 г. предполагалось начать работу по упорядочению учета и хранения музейных ценностей в мемориальном Доме-музее В.И. Сурикова.В фондах здесь хранились подлинные произведения художника, а также изделия из драгоценных металлов, скульптура, керамика, документы и рукописи, предметы быта и т.д. Работы Сурикова поступили в дар от его потомков семьи Кончаловских, а также были переданы из собрания Красноярского краеведческого музея. Всего к началу 1950-х гг. в музее насчитывалось 40 подлинных мемориальных предметов [9, с. 110]. Сотрудниками музея планировалось начать проведение полной инвентаризации музейных ценностей. С этой целью необходимо было создать инвентарную книгу для подлинных произведений художника, хранящихся в музее и отдельную инвентарную книгу для вспомогательных материалов, составить научное описание на подлинные работы, завести книгу поступлений экспонатов в фонды. Планировалось вести собирательскую работу по приобретению старинных вещей и подлинных вещей семьи Сурикова для бытовых экспозиций дома (кухня, спальня, сени), а также подлинных произведений художника. Однако, в связи с тем, что в штате музея всего числился 1 научный сотрудник, то проведение инвентаризации и научного описания фондов затянулось на долгие годы [4, л. 1, 3].

В 1953 г. (апрель) и 1954 г. (январь) вышли постановления Совета Министров РСФСР «О серьезных недостатках в учете и хранении музейных ценностей в музеях системы Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Министерстве», согласно которым было принято ряд соответствующих мер по ведению учетно-хранительской документации. Особое внимание обратили на планомерности комплектования фондов. Наряду с количественным учетом все больше внимания стали уделять научной инвентаризации и составлению научных карточек. Научные паспорта и документы, подтверждающие подлинность мемориальных предметов, направлялись в Управление музеев. Подлинность предметов хранения в мемориальных музеях подтверждались и привлеченными к экспертизе родственниками. Так, неподлинность 20 вещей была установлена дочерью В.И. Сурикова Ольгой Васильевной Кончаловской во время ее пребывания в Красноярске в сентябре-октябре 1951 г. Они были переведены в подсобные вещи и хозяйственный инвентарь.

В 1958 г. государством было облегчено обеспечение музеев необходимыми бланками для ведения учетно-хранительской документации. Министерство культуры РСФСР разрешило изготавливать на месте инвентарные книги, бланки коллекционных описей, актов приема, выдачи экспонатов, карточек для составления научных картотек и каталогов музейных собраний [9, с. 108, 109].

Во второй половине 1950–первой половине 1960-х гг. фонды Дома-музея В.И. Сурикова продолжали постепенно пополняться.В один из приездов в Красноярск семья Кончаловских передала в дар музею ряд произведений В.И. Сурикова. В музейную коллекцию поступили и личные вещи, связанные с жизнью В.И. Сурикова и членов его

семьи. В 1954 г. на хранении в музее находилось 22 живописных работы, 21 – графическая, пять – скульптур и 32 мемориальных предмета.

К 110-летнему юбилею со дня рождения В.И. Сурикова фонды музея пополнились рядом работ, поступивших из разных источников. Так, в 1957 г. музейная коллекция пополнилась 10 живописными работами. Из Центральной реставрационной мастерской, через Министерство культуры СССР О.В. Кончаловской были переданы женские портреты, пейзажные работы, несколько этюдов к картинам «Степан Разин» и «Посещение царевной женского монастыря».

В 1958 г. из красноярского краевого музея перешли в собрание мемориального музея три юношеские графические работы мастера, а также этюд «Плечо стрельца» к картине «Боярыня Морозова». В этом же году сотрудником музея И.Л. Иошпой в комиссионном магазине Москвы была найдена акварель В.И. Сурикова «Алупка (Берег моря)», ранее хранившаяся в коллекции В.Я. Хенкина [2, с. 43].

Кроме этого, из собрания краеведческого музея было получено подлинное письмо В.И. Сурикова 1878 г. Активно пополнялся вспомогательный фонд музея. Так, были закуплены репродукции картин «Утро стрелецкой казни» и «Переход Суворова через Альпы», а также 10 репродукций картин В.А. Серова, И.К. Айвазовского, М.С. Васнецова. Была создана фототека диафильмов (30 пленок).

В это же время сотрудниками музея велась работа по учету и хранению предметов. Все фондовые материалы регистрировались в книге учета основных ценностей музея, установленного образца. Была составлена картотека основных фондов с описанием и фотографиями каждого предмета, начата работа по паспортизации фондов. С целью обеспечения сохранности произведений искусства было застеклено 10 работ В.И. Сурикова. В июле 1959 г. из Центра реставрационных мастерских в музей прибыли реставраторы, которые провели осмотр картин. Было сделано заключение, что все работы находятся в хорошем состоянии. Кроме этого, сотрудниками проводилась профилактика и других музейных предметов. Регулярно чистились, обрабатывались нафталином и дустом от моли не только мемориальная одежда и мягкая мебель, но и также все дорожки и ковры [4, л. 54, 62, 65, 66].

В первой половине 1960-х гг. комплектование музейной коллекции происходило за счет поступления подлинных произведений и вещей В.И. Сурикова, формирования фонда фотонегативов, а также редких книг, связанных с творчеством художника. Так, в 1962 г. были приобретены редкие издания с иллюстрациями Сурикова (Изд. А.С. Пушкина. Т. IV. 1889). Самое активное участие в дальнейшем пополнении музейной коллекции приняли внуки художника, Наталья Петровна и Михаил Петрович Кончаловские. В эти годы они передали три работы В.И. Сурикова, украсившие музейную экспозицию. От них поступали не только работы, но и личные вещи В.И. Сурикова. Существенными, среди них, были поступления 1963 и 1965 гг., когда в собрание музея поступили карманные часы «В. Габю», рубашки, жилет, шляпа и зонтик, прядь волос художника, а также шерстяное одеяло и самовар с подносом из московской квартиры Суриковых. В целом же, фонд суриковских произведений и подлинных мемориальных предметов с 1948 по 1966 гг. увеличился более чем в 2,5 раза (с 40 до 109 ед. хранения) [2, с. 44].

В это же время в музее велась работа по сохранению фондов. Так, для приведения в порядок скульптур в самом музее и во дворе были приглашены специалисты из Художественного фонда СССР. С целью наблюдения за зданием музея пригласили специалистов по грибку, которые определили, что ничего не угрожает дому художника. Реставраторы из Государственной Третьяковской галереи были привлечены к осмотру работ В.И. Сурикова. Они выписали заключение, согласно которому в музее нет аварийных работ, нуждающихся в немедленной реставрации [4, л. 91].

В конце 1950–начале 1960-х гг. в Красноярской художественной галерее велась активная работа по формированию и пополнению коллекции, реставрации произведений искусства, научной обработке фондов. Изначально собрание Красноярской художественной галереи было создано на основе художественных коллекций Красноярского краеведческого музея (Приказ Министерства культуры РСФСР №355 от 14.06.1957 г.).Данный документ основывался на Приказе №211 (апрель 1957 г.) по Министерству культуры РСФСР, согласно которого краеведческие музеи должны были передать в постоянное пользование приобретенные за счет специально выделенного фонда художественные произведения в музеи, галереи соответствующего профиля. Всего из краеведческого музея в собрание поступило 612 произведений искусства [3, с. 125].

Основную работу по комплектованию, научной обработке, реставрации и консервации фондов в галерее контролировал Главный хранитель. В 1958 г. первым хранителем становится М.Н. Прозорова. В этом же году ей на смену приходит, только что закончивший Иркутское художественное училище, молодой научный сотрудник и художник В.А. Сергин. С 1961 г. за хранение фондов галереи стал отвечать Е.М. Гонтаровский, который пришел из Красноярского краеведческого музея [6, л. 2, 14, 22].

В 1958 г. была проведена значительная работа по реставрации произведений искусства. Для этого из Иркутского художественного музея пригласили главного хранителя Г.И. Дудина, который отреставрировал 58 работ и 50 рам. В следующем году было закончено составление инвентарной книги, в которую были внесены все необходимые сведения о работах, хранящихся в фонде и представленных в экспозиции. В 1960 г. было закончено составление инвентарной картотеки, научной инвентаризацией было охвачено 866 произведений искусства. Постоянно систематизировался научный материал для создания каталога художественной галереи. Однако, для проведения более плодотворной научно-фондовой работы не хватало научных сотрудников. С 1959 по 1964 гг. в штате галереи насчитывалось всего 2–3 сотрудника, которые одновременно занимались организацией выставок внутри и вне стен учреждения, ведением экскурсий и организацией лекториев [6, л. 2,5, 9,13,27,38].

Комплектование фонда произведений искусства в художественной галерее происходила за счет целого комплекса источников. В первой половине 1960-х гг. собрание, как и во всех музеях страны, формировалась за счет поступлений из государственных учреждений культуры: Дирекции художественных фондов при Министерстве культуры РСФСР, Дирекции художественных выставок и панорам Комитета по делам искусства при Совете министров СССР [8, с. 141]. Часть произведений искусства поступила из дореволюционных собраний крупнейших музеев страны: Государственного музея изобразительного искусства им. А.С. Пушкина (ГМИИ им. А.С. Пушкина), Государственного Русского музея (ГРМ), Государственного исторического музея (ГИМ).

Произведения поступали в коллекцию также через закупочную комиссию при Управлении культуры Красноярского краевого исполкома, на заседаниях которой и решался вопрос о закупки произведений изобразительного искусства. Вопросы о приобретении работ художников обсуждались на заседаниях Ученого совета галереи, в состав которого входили: директор, научные сотрудники, представители научных учреждений, партийных, советских и общественных организаций, художники и искусствоведы [5, л. 1–46].

В 1959 г. главной задачей художественных центров стала демонстрация достижений русского и советского реалистического искусства с высоким «идейным содержанием». Новые идеологические задачи определили содержание основных направлений комплектования коллекции Красноярской художественной галереи. Прежде всего,

в собрание поступали произведения живописи и графики реалистического русского искусства XVIII–начала XX в.Среди них были работы И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Г.И. Гуркина, А.А. Киселева, М.В. Нестерова, К.Е. Маковского, И.Е. Репина, Д.И. Каратанова, С.Ю. Жуковского и многих других. Кроме этого, коллекцию украсили живописные работы неизвестных художников и портретные миниатюры, относящихся к концу XVIII – средине XIX в. Музейное собрание в это же время активно пополнялось работами красноярских художников (Я.С. Еселевич, Т.В. Ряннель, Б.Я. Ряузов, Поздеев, Р.К. Руйга, А.П. Лекаренко и др.), предметами декоративно-прикладного искусства (российский и советский фарфор, изделия из якутской Уэлленской косторезной мастерской, произведения народных мастеров камнерезов Тувы, работы мастеров Китая и т.д.), скульптурой. В эти годы особенно пополнялся фонд советского искусства. Так, в 1962 г. в собрание галереи поступили произведения советских художников В.Ф. Стожарова, В.К. Павленко, работы скульптора В.И. Ингала, графические листы Н.Н. Жукова, В.С. Климашина, М.Г. Ройтера и многих других. Всего с 1958 по 1964 гг. общее число произведений искусства увеличилось в 1,8 раз (с 913 до 1637 ед. хр.). Из них 56 % составляли графические работы, 28% – живопись, 11% – декоративно-прикладное искусство и 5% – скульптура. В среднем ежегодно коллекция увеличивалась примерно на 107 ед. хр. [6, л. 11,12,29а, 31,33, 39]

Таким образом, в первой половине 1960-х гг. в художественной галерее была развернута обширная собирательская работа, направленная на пополнение коллекции произведений русского и советского искусства. Для сохранения фондов были проведены реставрационные работы. Научными сотрудниками велась работа по научной обработке основного и научно-вспомогательного фондов.

Заключение

В целом, на протяжении 1950–первой половины 1960-х гг. процесс развития научно-фондовой работы красноярских музеев всецело зависел от государственной политики, проводимой относительно развития всей музейной сети СССР. На формирование приоритетов в фондовой деятельности музеев большое влияние оказывала общая политическая ситуация в стране.

Демократические тенденции общественной жизни в СССР в середине 1950-х гг. привели к изменениям в тематической направленности научного комплектования фондов и их количественному росту. Собрания пополнялись за счет различных источников, которые были тесно связаны со спецификой самого музея. Так, если в собрание мемориального Дома-музея В.И. Сурикова предметы в основном поступали от наследников художника семьи Кончаловских, то фонды Красноярской художественной галереи пополнялись благодаря передаче художественных произведений из различных музеев страны, через Министерство культуры РСФСР, закупкам работ у художников и частных коллекционеров.

В первой половине 1960-х гг. значительно улучшилась учетно-хранительская работа. Научные сотрудники вели работу по инвентаризации музейных предметов и их научному описанию. В музеях была налажена работа по составлению научных картотек и паспортов, где описывался каждый музейных предмет.

Особое внимание в красноярских музеях уделяли работе по сохранению фондов. Сотрудниками проводились различного рода профилактические работы, направленные на обеспечение сохранности предметов быта и произведений искусства. Регулярно приглашались специалисты из различных специальных учреждений и музеев страны, Художественного фонда СССР, которые осматривали музейные ценности и делали выводы о необходимости проведения реставрационных работ.

К середине 1960-х гг. научно-фондовая работа стала одной из основных направлений в деятельности мемориального Дома-музея В.И. Сурикова, Красноярской художественной галереи. В это время были заложены основы дальнейшего развития музейного дела в Красноярске, которые способствовали укреплению позиций и значимости красноярских музеев в культурном пространстве Сибири и на всесоюзном уровне.

Благодарности:

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Красноярского края за оперативное предоставление материалов по данной теме.

Список литературы

[1] *Беневаленская* Е.Н. Региональная практика изучения местной истории в музеях Алтая во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.//Вести Кемеровского государственного университета. 2017. №4. С. 16–20.

[2] *Болонкина* Е.В. Развитие музейного дела в Красноярске в 1940 – 1960-е гг. (на примере мемориального Дома-музея В.И. Сурикова)//Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 23-25 октября 2019 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. С.41–45.

[3] *Болонкина* Е.В. Экспозиционно-выставочная деятельность музейно-художественных центров Красноярска в конце 1950 – 1960-х гг. (на примере Красноярской художественной галереи)//Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока, 2021. №1 (6) март. С. 124–131.

[4] ГАКК Ф. Р-2227, Оп.1, Д.6.

[5] ГАКК Ф. Р-2270, Оп.1, Д.2.

[6] ГАКК Ф. Р-2270, Оп.1, Д.4.

[7] *Меженькова* О.С. Развитие фондовой работы Чувашского национального музея и становление научно-фондового отдела// Чувашский национальный музей: люди, события, факты. Чебоксары: Чувашский национальный музей. 2020. № 15. С.28-35.

[8] *Федотова* А.А. Основные источники и направления комплектования фондов провинциальных музеев России во второй половине XX в.// Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. №3 (20). С. 140–145.

[9] *Яшина* Л.В. Развитие музейного дела в Восточной Сибири в 1945–1985 гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области). Диссертация канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 330 с.

УДК7(571.51)

Неопубликованные письма Н.Ф. Катанова И.Т. Савенкову в эпистолярном собрании Минусинского музея

Ермилова Валентина Васильевна
Старший научный сотрудник научно-фондового отдела,Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск, Россия.
martianov-musey@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье приводятся неопубликованные ранее письма учёного-тюрколога Н.Ф. Катанова к красноярскому педагогу и шахматисту И.Т. Савенкову. В письмах рассказывается об его экспедициях кон. XIX в. с целью изучения культуры и быта коренных народов, проживавших в Урянхайском крае и Минусинском округе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Николай Фёдорович Катанов, Иван Тимофеевич Савенков, Николай Михайлович Мартьянов, Минусинский музей, коллекции, коренные народы, тюрколог.

В 2022 г. научная общественность России отмечает две памятные даты в жизнедеятельности замечательного российского ученого-тюрколога Н.Ф. Катанова: 160 лет со дня его рождения и 100 лет со дня кончины. Николай Фёдорович родился 6 мая 1862 г., а по новому стилю 18 мая, что совпало позднее с Международным Днём музеев. Место рождения первого хакасского профессора – степной улус Тураков, в 16 километрах от с. Аскиз. Отец Катанова Фёдор Семёнович, улусный писарь, сагаец по происхождению, состоял в невенчанном браке с качинкой Марией Степановной Кизековой.

Брат отца Ефим Семёнович Катанов служил учителем открывшегося в 1869 г. Аскизского одноклассного училища [4]. В том же году Николай стал посещать уроки в сельском училище. Но 2 декабря 1873 г. его отец умер, и 11-летний Николай остался сиротой. Стремясь к знаниям, в 1876 г. он принял решение поступить в русскую классическую гимназию г. Красноярска, которую окончил с золотой медалью в 1884 г.

Для того, чтобы учиться и содержать себя, Николай давал уроки французского языка детям красноярских купцов. Среди них были Арсений Ярилов и его родственница Вера Емельянова. Юный Арсений, отлынивавший от занятий, готов был подраться со своим репетитором, чуть старше его по возрасту. Но настойчивый Катанов смог унять строптивого ученика и дать ему необходимые знания.

Позднее А.А. Ярилов стал известным профессором-почвоведом, а В.А. Емельянова (Баландина) окончила женскую гимназию с золотой медалью, затем стала крупным учёным-химиком и предпринимателем [1].

Николаю Катанову было 15 лет, когда в Минусинске в 1877 г. был официально открыт местный музей, внёсший заметное оживление в жизнь учащейся молодёжи. Ведь музей располагался в помещении городского училища, и учащиеся уже два года пользовались предметами естественно-исторической коллекции в качестве учебных пособий. Ф.Я. Кон, автор известного исторического очерка о музее, писал, что любознательный юноша Катанов был знаком с Н.М. Мартьяновым, доставлял ему сведения и материалы почти с самого основания музея. Поскольку рукопись очерка была просмотрена самим Николаем Фёдоровичем, то это свидетельство Кона можно считать точным [3].

Начало переписки Н.Ф. Катанова и Н.М. Мартьянова относится к 1886 г. 20 января 1886 г. студент Петербургского университета Катанов, завершая письмо, подписался

словами «Ваш старый знакомый» [5].

В 1888 г. Н.Ф. Катанов окончил Восточный факультет Петербургского университета. Способного выпускника, специалиста по тюркской словесности, отметил уже тогда академик В.В. Радлов. Он предложил отправить Н.Ф. Катанова в этнолого-лингвистическую экспедицию для изучения тюркских племен Сибири и Восточного Туркестана, мало изученных в то время. Совет РГО выделил Катанову на путешествие 600 рублей. В январе 1889 г. Николай Фёдорович выехал из Петербурга в Омск и Томск, затем через Красноярск в Минусинск и Аскиз. Своё путешествие в «Урянхайскую землю» Катанов начал 7 марта 1889 г. из родного села Аскиз. Поездка длилась 5,5 месяцев (по 28 августа 1889 г.). Николай Фёдорович пытался преодолеть недоверие тувинцев к себе, подозревавших, что он послан от Белого царя описывать их землю.

Катанов выдавал себя за переводчика урянхайского языка при Усинском пограничном начальнике, либо за торговца с р. Абакан. Благодаря этим нехитрым уловкам ему удавалось не только записывать сказки, песни, рассказы, загадки и шаманские молитвы, но и заносить в тетрадь имена и возраст рассказчиков, чего не удавалось ранее никому. Желая расположить к себе собеседников, Катанов угощал их кирпичным чаем, калачами, конфетами, одарял нитками, хиной, табаком, писчей бумагой, карандашами и резинками [9].

Судьба первого хакасского профессора Николая Фёдоровича Катанова была тесно связана с такими знаменитыми деятелями Сибири как заведующие Минусинским местным публичным музеем Н.М. Мартьянов (1877-1904), А.А. Ярилов (1905-1907) и И.Т. Савенков (1907-1911).

Недавно при реорганизации архивного фонда И.Т. Савенкова были выявлены ещё три письма Н.Ф. Катанова, не опубликованные до сегодняшнего дня. Два из них были адресованы И.Т. Савенкову в 1889 и одно – в 1913 гг. Оба документа за 1889 г. написаны на именном бланке «М.Н.П. Кандидат Императорского С.-Петербургского университета Николай Феодорович Катанов».

Несмотря на значительную разницу в возрасте, Н.Ф. Катанов и И.Т. Савенков были близки по своим увлечениям, преданности делу изучения этнографии, истории и культуры коренного населения Южного Енисея. Савенков был старше Катанова на 16 лет, служил преподавателем в Красноярской гимназии, где учился юный хакас. Но это не мешало их общим интересам в будущей деятельности. Они оба - выпускники С.-Петербургского университета, члены Императорского Русского Географического Общества, сотрудники Минусинского местного музея.

Разделяя увлечённость игрой в шахматы И.Т. Савенкова, автора очерков о шахматной игре сойотов, Катанов во время экспедиции сообщил 1 июня 1889 г. в письме Савенкову о сойотских названиях шахмат: «Глубокоуважаемый Иван Тимофеевич! До сего времени я ещё не успел поиграть в шахматы, ни приобрести их. Надеюсь всё это сделать, когда попаду на Бом-Кемчик. 12 числа только что истекшего месяца я был на р. Елигест, где один сойот Ойнарского сумона по имени Дамба сказал мне нижеследующее:

Наши шахматы	***Урянхайские шахматы***
король	*князь (нойон)*
королева	*собака (ыт)*
офицер	*верблюд (тебэ)*
тура	*елега (тергэ)*
конь	*конь (ат)*

«Из этих названий только князь и телега – монгольские, некоторые (собака, верблюд, конь, парень) - урянхайские. Следовательно, ясно, что шахматы получены сойотами у

соседей – монголов». В конце письма Катанов рассказал об особенностях игры в шашки у сойотов. Завершая сообщение, он отметил: «Время провожу успешно: записал две сказки, 70 слов и 3000 слов для урянхайского словаря» [6].

В другом письме И.Т. Савенкову от 10 сентября 1889 г. Николай Фёдорович сообщил: «Глубокоуважаемый Иван Тимофеевич! Исполняя Вашу просьбу, я купил в Урянхайской земле шахматы и отправил их уже Вам. О получении известите: «с. Аскыс, Минус. окр. Н.Ф. К-ву». Одной фигурки нет: утеряна. Вместо «парней» (юношей) – «щенята». Шахматы приобретены в верховьях Бом-Кемчика» [8].

В этнографической коллекции Минусинского музея по сойотам хранятся шахматы из минерала агальматолита («куль шедра») – 32 фигуры (работа сойота Намжалы; в верховьях Енисея), а также другие, вырезанные из дерева. [10, с. 112]Чей это дар, пока не выяснено, так как в XIX в. музей не имел книги поступлений, новые поступления были записаны в годовых отчётах музея.

Продолжая свой рассказ об экспедиции 1889 г., Катанов сообщил следующее: «Через Саянский хребет я перевалил 31 августа. На нём выпал уже полуаршинный снег. С верховьев Бом-Кемчика до д. Арбатской мы ехали 8 дней. Материалов как по обычаям и верованиям, так и языку, я собрал очень много. Песен урянхайских я записал до 1000. Собрано много загадок и сказок. Поездкою вообще очень доволен. Месяц этот всецело посвящу переписке собранного набело. Дневник путешествия представлю Географическому Обществу, а оригинал сказок, загадок и песен – Академии Наук. В песнях выражена вся жизнь урянхайцев, со всеми радостями и печалями».

Далее Катанов рассказал о своих планах на ближайшее время – о поездке в верховья р. Бирюсы с целью изучения карагасов (тофаларов): «Я собрал также тамги (клейма) урянхайские и рисунки на предметах домашнего обихода: кисетах, трубках, шапках, сёдлах и пр.» [8].

Осенью 1893 г. в Петербурге Н.Ф. Катанов успешно сдал экзамены на степень магистра турецко-татарской словесности и 9 ноября был назначен преподавателем в звании экстраординарного профессора Казанского Университета.

Зная интерес Савенкова к этнографии малых народов, Катанов во время экспедиций собирал сведения о шаманских бубнах и рисунках на них, чтобы передать их затем Ивану Тимофеевичу для научных целей. Так, в письме Савенкову 9 марта 1913 г. Катанов сообщает, что мог бы передать ему до сотни рисунков разных бубнов для их публикации [7].Не случайно первая научная работа Катанова-гимназиста, появившаяся в 1883 г., имела название «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» [2].

Н.Ф. Катанов передал в дар библиотеке Минусинского музея свои многочисленные научные труды, в том числе, «Шаманский бубен и его значение», опубликованный в «Енисейских Епархиальных Ведомостях» в № 6 за 1889 г. [10, с. 202-203].

Таким образом, благодаря проведённой реорганизации научного архива Минусинского музея, собрание писем Н.Ф. Катанова пополнилось вновь выявленными интересными документами, характеризующими личность талантливого ученого-тюрколога как сотрудника Минусинского музея. Сегодня эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова в собрании Минусинского музея насчитывает 80 единиц писем.

Список литературы

[1] Горлов Д.В. Детские и юношеские годы Н.Ф. Катанова // Сборник материалов IX краеведческих межрегиональных чтений им. В.А. Баландиной. Черногорск, Музей истории г. Черногорска, 2010. С. 225-227.

[2] Кокова И.Ф. Н.Ф. Катанов. Документально-публицистическое эссе. Абакан, Хакасское кн. изд-во, 1993. С. 15.

[3] Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного публичного музея за 25 лет (1877-1902 гг.). Казань, 1902. С.102.

[4] Нилогов А.С. К генеалогии Николая Фёдоровича Катанова // Мартьяновские краеведческие чтения (2016-2017 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып.11. Минусинск, 2018. С. 268-272.

[5] Письмо Н.Ф. Катанова Н.М. Мартьянову. С.-Петербург, 20 января 1886 г. // АМКМ (Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова). Ф.1. Оп.1. Д. 35. Лл. 89-90.

[6] Письмо Н.Ф. Катанова И.Т. Савенкову. Заведение М.Ф. Тархова на р. Шагонар, левом притоке Улу-Кема. 1 июня 1889 г. // АМКМ. Ф. 2. О. 3. Д. 403. Лл. 22-23 об.

[7] Письмо Н.Ф. Катанова И.Т. Савенкову. Казань, 9 марта 1913 г. //АМКМ. Ф. 3. О. 2. Д. 403. Лл. 25-26.

[8] Письмо Н.Ф. Катанова И.Т. Савенкову. С. Лугавское Минусинского округа (проездом), 10 сентября 1889 г. //АМКМ. Ф. 2. О. 3. Д. 387. Лл. 16-17 об.

[9] Симчит К.-М.А. Николай Фёдорович Катанов. К 150-летию со дня рождения // Летопись Тувы-2012. Историко-краеведческий альманах. Национальный музей республики Тыва, ТИГИ. Кызыл: тип. КЦО «Аныяк», 2011. С. 107-109.

[10] Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный Каталог этнографического отдела музея. Минусинск: тип. В.И. Корнакова, 1900. С. 112.

УДК 62.09:001 – 051 (571)

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук: интеграция науки, культуры, образования в области наследия

Запорожченко Галина Михайловна
Доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ФБГУН Институт истории Сибирского отделения РАН, сектор социально-политической истории, г. Новосибирск, Россия.
galinakoop@yandex.ru
https://orcid.org/: 0000-0002-1237-0792

аннотация В статье дается анализ научно-исследовательского и организационного потенциала Института истории Сибирского отделения Российской академии наук в области наследиеведения. Институт – активный член Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК), российского Международного совета музеев (ИКОМ ЮНЕСКО). Региональное историко-культурное и научное наследие в Институте представлено уникальным собранием старопечатных книг и рукописей, опытом функционирования Музея СО РАН, Музея науки и техники. В дискурсе освоения наследия Институтом ведутся значимые теоретические и научно-практические исследования, изданы монографии и сборники научных трудов, обоснован концепт «музейный мир Сибири». На примере новосибирского Академгородка разработан универсальный алгоритм изучения наследия достопримечательного места, представляющий каркас для развития векторов культурной памяти, многообразной социокультурной деятельности, коммеморативных практик. Институт основал и вывел на международный уровень Всероссийскую конференцию «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», принципиально основываясь на широкой интеграции и партнерстве учреждений науки, образования и культуры.

ключевые слова историко-культурное и научное наследие; интеграция науки, культуры и образования; достопримечательное место, Институт истории СО РАН.

Воздействие постмодернизма, глобализма на культурные процессы актуализирует необходимость интеграции на международном уровне исследований генезиса культурного наследия, его роли в социальном развитии, закономерностей функционирования, а также аксиологических проблем, связанных с ценностями различного уровня и технологиями наследования.

Глобализация открыла множество каналов для распространения стандартизированной массовой культуры, моды, образцов потребительского поведения, унифицированного мышления. Глобализация и постмодернизм, обогатив содержание культурной жизни народов мира, породили в то же время опасность шоутизации и девальвации культуры. Сегодня набирают силу противоположные процессы, связанные со стремлением к традиционной культуре, её истокам, что проявляется в новом мировом тренде глокализации, когда происходит обогащение людей не массовыми, а локальными культурами, имеющими, как правило, традиционные этнические корни, и находящимися под угрозой из-за воздействия глобализационных процессов. Эти обстоятельства обусловливают необходимость усиления изучения историко-культурного наследия по всем направлениям, включая теоретический уровень создания общей теории культурного наследия и практических технологий его охраны и освоения [15, с. 80].

Значимой площадкой, где осуществляется разработка этой проблематики является новосибирский Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук. С 2015 г. новым для Института стало направление междисциплинарных гуманитарных исследований, связанное с актуализацией и освоением научного и историко-культурного наследия Сибирского региона, как самого крупного региона России. Данное направление предполагает музеефикацию, изучение, введение в научный оборот на основе новых

технологий, популяризацию историко-культурного и научного наследия и обладает огромным потенциалом в исследовательском, познавательном, воспитательном контексте.

Одной из актуальных научно-организационных и социокультурных задач, последовательно осуществляемых Институтом истории СО РАН, является создание коммуникационного пространства для формирования дискурса наследия на международном, региональном и локальном уровнях с вовлечением в этот процесс учреждений науки, образования и культуры. Интеграция науки, образования, культуры в области наследия развивается Институтом как актуальный и перспективный тренд в многообразных формах.

Существенное значение в плане приобретения опыта в представлении научного наследия имела деятельность в 1991–2012 гг. Музея Сибирского отделения РАН как структурного научно-исследовательского подразделения Института истории СО РАН, культурно-просветительного центра Президиума СО РАН и экспериментальной площадки Научного совета по музеям. В нем на базе дома-музея академика М.А. Лаврентьева был реализован ряд экспозиционно-выставочных и научно-образовательных проектов, имевших высокий социокультурный эффект: «Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации», «История сибирской науки в лицах», «Пять десятилетий в истории СО РАН» [7, с. 108-109].

Подразделением музейного типа Института являлся «Музей науки и техники» – победитель первого Всероссийского грантового конкурса «Научный музей в XXI веке», который представлял историю вычислительной техники, достижения сибирских ученых в области информационных технологий, компьютерный учебно-игровой комплекс «Игротека». Совместно с профильными общественными организациями, средствами массовой информации музей проводил просветительную работу, направленную на формирование научного мировоззрения и профориентацию молодежи [6].

Региональное историко-культурное наследие представлено в Институте собранием старопечатных книг и рукописей, насчитывающим более 1400 ед. хр. Основную часть фонда составляют книги кирилловской печати XVI–XVII вв. и манускрипты XVI–XX вв., приобретенные у староверов Урало-Сибирского региона, Алтая и Дальнего Востока в археографических экспедициях. Уникальное собрание ежегодно пополняется, исследователями древнерусской книжной культуры и истории старообрядчества создан его электронный каталог, проводятся междисциплинарные научные исследования археографической коллекции, экскурсии и лекции для школьников и студентов.

С 2008 г. Институт истории СО РАН включился в деятельность Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК). Институт представлен в руководящих органах, участвует в работе его ежегодных международных симпозиумов. В 2012 г. институт стал коллективным членом национального комитета ИКОМ России, Комитета музеологии Международного совета музеев (ИКОФОМ) ИКОМ ЮНЕСКО. На ежегодных международных симпозиумах Комитета музеологии ИКОМ (Тунисская Республика, 2012 г., Франция, 2014 г.) были представлены и опубликованы совместные с известными российскими музеологами доклады: «Изучение мнения посетителей: исторический анализ в России», «Миссия музея в современном обществе. Проблемы коммуникации» [18; 19].

В дискурсе освоения наследия Институтом истории СО РАН ведутся значимые теоретические и научно-практические исследования, обеспечившие его успешную интеграцию в российское научное и социокультурное пространство, мировое музейное сообщество. Прежде всего отметим издание научных монографий и сборников трудов, посвященных проблемам наследия, музееведения, идентичности. В коллективной

монографии «Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития» [9] впервые в отечественной и зарубежной науке представлено формирование и развитие 40 музеев Сибирского отделения, дана развернутая характеристика их фондовых собраний и научных коллекций, проанализированы традиционные и новационные формы представления научного наследия. Серия сборников научных статей посвящена выявлению и обобщению актуальных направлений в развитии музейного мира и музеефикации наследия России, а также анализу коммуникационных процессов в современном музее, проблемам интерпретации наследия [10; 11].

К актуальным и новационным формам представления научного наследия Институтом истории СО РАН следует отнести и его участие в проектах, что также способствует интеграции науки, культуры, образования. В течение ряда лет был успешно выполнен ряд проектов, направленных на комплексное исследование проблематики наследия, в том числе истории и деятельности Сибирского отделения РАН и его центрального локуса – новосибирского Академгородка в современный период:

«Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации»,

«Академические музеи СО РАН: история формирования и развития»,

«Роль сибирских музеев в формировании и трансляции региональной идентичности»,

«Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» (ФЦП «Культура России»),

«Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия»,

«Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе»,

«Освоение наследия в социокультурном пространстве Сибири (вторая половина XX – XXI вв.),

«Актуализация культурного наследия в странах Азии» (международный трансграничный научно-образовательный и социокультурный проект Научного совета по музеям СО РАН, Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО) [14].

Целью проектов являлось создание адекватной условиям глобализации пространственной модели освоения наследия, учитывающей региональную, в том числе этно-конфессиональную, специфику, традиции и инновации в общественном развитии, современный характер взаимодействия власти и общества.

Интеграционный проект «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия» выполнялся при ведущей роли Института систем информатики и Института истории СО РАН музейными подразделениями институтов Сибирского отделения. В архиве представлены персональные фонды известных ученых, документы Научного совета по музеям СО РАН, материалы научных экспедиций. 11 фондов архива содержат около 33 тыс. сканов документов, из них атрибутировано свыше 7 тыс. Созданный архивный массив востребован в конкретно-исторических исследованиях, источниковедении, архивоведении и музеологии [8].

Теоретические и научно-практические исследования Института СО РАН выполняются на основе синтеза цивилизационного, социокультурного, акторного, историко-антропологического, адаптационного, коммуникационного, синергетического подходов. Используются типологический, сравнительно-исторический (во всех его разновидностях), метод. Источниками исследования служат историографический и информационный ресурс изданий о СО РАН, материалы электронного открытого архива СО РАН, мемуары, результаты метода включенного наблюдения и фиксации социокультурных событий.

Установлено, что в исторической динамике и на современном этапе главными акторами социокультурной сферы и освоения историко-культурного наследия как приоритетного общественно-значимого движения являются: государство, общественные организации, лидеры науки, образовательной деятельности и культуры, активная часть гражданского общества. Музей представляет собой базовый институт наследия как социокультурный, глокальный (сочетающий локальное и глобальное) институт.

Новационные разработки историко-культурного характера в сфере наследия позволили ввести в научный оборот концепт и исследовательскую модель «музейный мир Сибири», отразившую адаптационный подход к изучению истории и современного развития музеев [13].

В модели «музейный мир Сибири» выделены следующие пространства:

Материальное (историко-культурное и природное наследие, особо охраняемые территории, музеефицированные объекты, музеи и учреждения музейного типа)

Интеллектуальное (научные учреждения и учебные заведения, общественные организации, лица, занимающиеся музейной деятельностью и музееведением, музейные проекты)

Коммуникационное (локальные и глобальные телекоммуникационные сети (Интернет), средства массовой информации, выставочная деятельность музеев, музейная аудитория). Обозначенные пространства взаимодополняющие и взаимопроникающие. Их условное выделение дает возможность исследования каждого с учетом его специфики. Музейный мир предстает как составная часть социокультурного пространства региона.

Существенные результаты были достигнуты в изучении в русле актуальных мировых научных трендов концепта «освоение наследия». «Освоение наследия» (по М.Е. Каулен) понимается как универсальный способ сохранения наследия, остающимся живым и действенным даже когда та или иная форма бытия культуры перестает существовать физически, когда освоенная социумом культурная форма обретает свое бытие и способность воплотиться в иной форме культуры иного времени и пространства. [16].

В развитие исследовательского ренессанса «места памяти» в социогуманитарных науках о наследии, обусловленного работами М. Хальбвакса, В. Беньямина, П. Нора и др., разработан новый научный подход: метод выделения социокультурных комплексов – универсальный метод изучения достопримечательного места как феномена регионально-локальной идентичности. Актуальность данного направления определяется важной ролью Сибирского отделения Российской академии наук в развитии российской и мировой науки, реализацией проекта «Академгородок 2:0» в рамках инновационной стратегии научно-технологического развития России. Новосибирский Академгородок с 65-летней историей приобрел мировую известность, историко-культурный статус достопримечательного места, неповторимый образ «Золотой долины» сибирской науки, стремящейся к версии 2:0 – «Кремниевой тайге» XXI в.

Комплексное междисциплинарное исследование этого наукограда с позиций полисемантической категории «социокультурное пространство», которое объединяет людей, населяющих его, чувством особого восприятия места жительства, опиралось на концепты научного топоса и пространственного наследия. Формирование и анализ эмпирической базы исследования, включающей материалы, характеризующие социокультурное пространство новосибирского Академгородка от его первокультуры до наших дней, позволили выделить совокупность динамичных социокультурных комплексов.

Среди них: топонимический (именные и «научные» названия улиц, тропинок, памятные знаки), мемориально-монументальный (памятники, мемориальные доски), наследиеведческий (музейные структуры институтов, Выставочный центр СО РАН, галерея Дома ученых), интеллектуально-досуговый и аттрактивный (арт-стрит объекты, культурно-досуговая инфраструктура с научной символикой и тематикой, фестиваль граффити «Графит науки»), экологический (природные объекты, оборудованные для целей рекреации, несущие научно-просветительную функцию – Утиный пруд, Муравьиная тропа, Беличья тропа), ивентовый (значимые культурные события и креативные проекты, известные за пределами региона – Интернеделя, Маёвка, Всероссийский тотальный диктант по русскому языку, первоапрельские капустники клубов КВН НГУ, форум «Академгородок – место силы и свободы», фестиваль «Академина», первомайский хэппенинг с абсурдистскими социально-заостренными плакатами «Монстрация»).

Таким образом, впервые был разработан и предложен алгоритм изучения наследия достопримечательного места, представляющий каркас для развития векторов культурной памяти и многообразной социокультурной деятельности локального сообщества, актуальный для процессов брендирования территорий. Реализация данного новационного подхода отражена в коллективной монографии «Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и историко-культурное наследие» [12, с. 3].

Проблематика освоения наследия, музеев как его базового института, социокультурного пространства достопримечательного места закономерно продолжилась в изучении социокультурных практик. Впервые было введено в научный оборот определение «социокультурные практики», вариант их структурирования, представлен опыт реализации социокультурных практик (исследовательских, коммуникационных, коммеморативных, досуговых) в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI в., определены содержание и значимость их исторического контента, эффективность и перспективность в пространстве культуры жизнедеятельности населения Сибирского региона [17].

Научно-исследовательский проект «Достопримечательное место Новосибирский Академгородок: научное и историко-культурное наследие» в 2020 г. был посвящен 120-летию со дня рождения организатора и первого президента СО РАН академика М.А. Лаврентьева. Научному осмыслению подлежали коммеморативные практики и значительный опыт коммеморации в Новосибирском научном центре СО РАН в актуальном концепте парадигмы памяти и нового научного направления «мнемософии» – науки о публичной памяти. Данные исследования продвинули создание модели коммеморации, в которую включены такие элементы, как названия улиц, тропинок, институтов, памятники, мемориальные доски, памятные знаки, университетские аудитории, музейные коллекции, мемориальные комнаты, кабинеты, библиотеки, дом-музей, книжная серия «Наука Сибири в лицах», «умные лавочки», коммеморативные мероприятия, которые конфигурируют социокультурную среду для задач коммеморации как традиционным, так и новационным образом. Установлено, что новые тренды в сфере публичной памяти связаны с новациями в отношении социальной инклюзии,

социального активизма, моральной агентивности, развитием коммуникационных сетевых технологий [1; 2; 4; 5].

Обобщение и алгоритмизация опыта коммеморации в ННЦ СО РАН имеют существенное практическое значение, поскольку сфера публичной памяти, интегрирующая науку, образование, культуру, популяризацию историко-культурного и научного наследия, жизнедеятельности выдающихся личностей, выполняет важную социокультурную функцию создания смыслового пространства социального мифотворчества, существенно влияющего на жизнедеятельность общества.

Результаты исследований Института истории СО РАН в сфере наследия нашли отражение в научных монографиях и статьях, активно апробировались на международных и всероссийских научных конференциях, внедрялись в социокультурную практику региона. Значимыми научными мероприятиями при активном участии Института являлись:

Симпозиум «Идентичность и наследие: исследовательские подходы и социокультурные практики» в рамках Международной научной конференции «Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий» (г. Новосибирск, 15–27 октября 2018 г.);

II Международный научно-практический форума «Культура евразийского региона» и VI Международной научно-практической конференции «Культура в евразийском пространстве: традиции и новации» (23–24 мая 2018 г., г. Барнаул);

– Международная научная конференция «Музей, музеология и культурное наследие» (Нур-Султан, Республика Казахстан,17–18 апреля 2019 г.),

Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития (Улан-Удэ, Республика Бурятия, 18 апреля 2019 г.),

Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: наука, наследие, общество» (Улан-Удэ, Республика Бурятия, 9–12 сентября 2019 г.).

С целью активизации сотрудничества учреждений культуры и образования, расширения сферы влияния академических институтов, высших учебных заведений на развитие российского и регионального социокультурного пространства Институтом истории СО РАН в 2011 г. было инициировано проведение Всероссийской конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения». К настоящему времени успешно проведено четыре этапа в 2011, 2014, 2017, 2020 гг. В октябре 2020 г. IV Всероссийская научно-практическая конференции (с международным участием) «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» прошла в Новосибирске в рамках Международного научного форума «НАСЛЕДИЕ» Новосибирского государственного университета. Конференция вышла на международный уровень, реализовала новые формы трансляции своих заседаний в глобальное информационное пространство. Конференция-новация в музейном мире России стала традицией.

Конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» принципиально основывается на широкой интеграции и партнерстве учреждений науки, образования, культуры. В числе организаторов этапа 2020 г., кроме Института истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского

института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Г. Омск), ИКОМ (Международный совет музеев) России, Исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия» (АНО «Новый институт культурологии»), Музей «Заельцовка» – филиал МАУК «Музей Новосибирска», среди соорганизаторов: Государственный Эрмитаж, Государственный музей истории религии, Российский этнографический музей, Государственный Дарвиновский музей, Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия Волошина», Омский государственный историко-краеведческий музей, Музей Бурятского научного центра, Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ, Новосибирский государственный педагогический университет.

Проведение Институтом истории СО РАН этих конференций в сотрудничестве с учреждениями науки, образования и культуры с представлением докладов по проблемам наследия, публикацией сборников трудов создало существенный историографический ресурс и эмпирическую базу для международных компаративистских и междисциплинарных исследований по разработке общей теории наследия, развитию музеологии и музеев в условиях глобальности и голокализма.

Таким образом, анализ актуальных форм представления научного наследия Институтом истории СО РАН позволяет говорить о формировании и успешном развитии нового для института направления междисциплинарных гуманитарных исследований, связанных с актуализацией (путем музеефикации) и освоением (изучение, введение в научный оборот на основе новых технологий, популяризация) научного и историко-культурного наследия. Теоретическим вкладом Института в русле актуальных мировых научных трендов концепта «освоение наследия» является разработка исследовательской модели «музейного мира Сибири», метода выделения социокультурных комплексов как универсального метода изучения достопримечательного места, издание научных монографий и сборников трудов, посвященных проблемам наследия, музееведения, идентичности. Научно-организационный потенциал Института позволил основать и вывести на международный уровень Всероссийскую конференцию «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения». В своей деятельности Институт истории СО РАН принципиально основывается на широкой интеграции и партнерстве учреждений науки, образования, культуры, активно развивает тенденции интегрированного подхода к наследию, наследиеведческой интердисциплинарности, интеграции наследия и общества с целью реализации социокультурного и научно-образовательного потенциала наследия как основы дальнейшего развития мировой культуры.

Список литературы

[1] *Запорожченко Г.М.* Публичная память о лидерах сибирской науки (вторая половина XX-начало XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. №2 (16). С. 9-24.

[2] *Запорожченко Г.М.*, Шелегина О.Н. Сибирские Академины»: женщины ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // [Электронный ресурс] Исторический курьер. 2019. №3 (5). // URLhttp: // istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf.

[3] *Запорожченко Г.М.* Достопримечательное место как пространственная форма культурного наследия // Музей, музеология и культурное наследие: мат-лымеждун. научн. конф. Нур-Султан, 2019. 588 с. С. 80–94.

[4] *Запорожченко Г.М.* Мемориальные комнаты известных ученых как форма публичной памяти // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2019. № 2 (34). С. 195–208.

[5] *Запорожченко Г.М.* Новые тренды в сфере публичной памяти // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 6. С. 129–138.

[6] *Запорожченко Г.М.*, Покровский Н.Н. Музей науки и техники Сибирского отделения РАН в социокультурном пространстве Новосибирского Академгородка // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 1. С. 105–111.

[7] *Ламин В.А.*, *Шелегина О.Н.* Актуальные формы представления научного наследия Институтом истории СО РАН // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 107–111.

[8] *Ламин В.А.*, *Шелегина О.Н.* Проект «Открытый архив СО РАН» как синтез гуманитарных наук и информационных технологий // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014 № 3 (15). С. 84–91.

[9] Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук (очерки формирования и развития) / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 260 с.

[10] Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI в. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2011 248 с.

[11] Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013 262 с.

[12] *Покровский Н.Н.*, *Запорожченко Г.М.*, *Шелегина О.Н.* Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и историко-культурное наследие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 128 с.

[13] *Шелегина О.Н.* Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 230 с.

[14] *Шелегина О.Н.*, *Запорожченко Г.М.*, *Покровский Н.Н.* Проектная деятельность сектора «Музей СО РАН» по освоению историко-культурного наследия Евразии // Культура в Евразийском пространстве. № 1(1) 2017. С.119-124.

[15] *Шелегина О.Н*, *Запорожченко Г.М.* Международный опыт и социокультурные практики в сфере музеологии и культурного наследия // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 2 (38). С. 78-92.

[16] *Шелегина О.Н.* Наследие и идентичность: исследовательские и социокультурные тренды // Культурологический сборник: исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института наследия. М.: Институт наследия, 2019. 170 с. С. 109-125.

[17] *Шелегина О.Н.*, Запорожченко Г.М. Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века // Вестник НГУ. Серия История, Филология. 2021. Т. 20. № 8: История. С. 87-100.

[18] *Chuvilova I.*, *Shelegina O.* The Museum's Mission in the Modern Society and Problems of Museum Communication (With a Focus on Russia) // New trends in museology ICOFOM Study Series, vol. 43b. Paris, 2015. P. 303–313.

[19] *Kaulen M.*, *Cherkaeva O.*, *Chuvilova I.*, *Lamin V.*, *Shelegina O.* Studying the Opinion of the Visitors: an Historycal Analysis in Russia // Empowering the Visitors: Process, Progress, Protest. ICOFOM Study Series – ISS 41 Tunis, 2012. P. 228–231.

УДК 340

Роль музейных практик в познании иркутских истоков юридического вуза (из опыта УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева)

Зипунникова Наталья Николаевна
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия.
igp@usla.ru
https://orcid.org/0000-0003-1800-3704

АННОТАЦИЯ В статье предпринята попытка показать некоторые возможности и значение деятельного познания начального – иркутского – периода истории Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева посредством музейных практик. В числе результатов работы воссозданного в 2011 г. музея вузовской истории – историко-правовое обоснование открытого в 1918 г. одним из белых правительств юридического факультета Иркутского государственного университета в качестве первоначала вуза, с 1934 г. развивавшего свою работу на Урале. Обозначены цели и задачи действующего музея истории юридического университета, подчеркнута роль научного познания иркутских корней вуза, акцентировано внимание на вовлечение в научно-исследовательскую, проектную работу начинающих исследователей. В качестве стратегических сюжетов такого познания определены эволюция нормативно-правовых основ деятельности, организационного переустройства университетского факультета, а также его профессорско-преподавательского состава и учебно-административных практик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,музей истории, иркутский период истории, Иркутский университет, факультет, исследовательские практики.

Первоначалом Уральского государственного юридического университета имени Вениамина Федоровича Яковлева (ранее – Уральской государственной юридической академии, а прежде – Свердловского юридического института, Свердловского правового института, Сибирского (Иркутского) института советского права) является юридический факультет второго в Сибири университета – Иркутского.

Длительное время «точкой отсчета» вузовской истории рассматривалась известная реформа советского юридического образования 1931 г. Большой 50-летний юбилей Свердловский юридический институт, готовивший профессиональные кадры юристов для Урала, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока, торжественно отметил в 1981 г. Тогда институту было присвоено имя Р.А. Руденко и вручен орден Трудового Красного Знамени; среди прочего, была подготовлена первая юбилейная книга, ставшая фундаментом вузовского историописания [15]. В то же самое время, как минимум дважды, в вузе поднимался вопрос о необходимости внимательнее «всмотреться» в истоки: в 1946 г. и в позднесоветские десятилетия. Тому были основания. Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» содержало нормативную конструкцию о выделении факультетов советского строительства и права из университетов (наряду с Московским, Ленинградским, Саратовским, Казанским и из Иркутского) и реорганизации их в самостоятельные институты советского права «для подготовки судебно-прокурорских работников для краевых, областных и районных органов», с передачей в ведение Народного комиссариата юстиции РСФСР [13]. То есть связка «факультет – институт» была очевидной в разные времена. В 1934 г. постановлением СНК РСФСР от 1 августа 1934 г. Сибирский институт советского права был переведен из Иркутска в Свердловск, и с это времени начался уральский период вузовской истории.

Как и во многих советских образовательных учреждениях, в институте функционировал музей боевой и трудовой славы. Это «место памяти» оказало значительное влияние на вузовскую жизнь, сохранилось во многих рассказах, но было недостаточно формализовано; «сколки» фондов, прежде всего, фотодокументы стали основой воссозданного в 2011 г. по решению совета Уральской государственной юридической академии музея истории.

Нынешний музей истории университета, перешагнув первую заметную дату – десятилетие, творчески решает самые разные задачи: пополняет, сберегает фонды, ведет научные исследования, привлекая к ним обучающихся в вузе, организует выставки (в том числе, передвижные), реализует различные мероприятия в рамках молодежной политики, вовлекает универсантов в деятельность по сохранению историко-культурного наследия университета, содействует укреплению корпоративной культуры и этики, др. В числе целевых установок музея – исследование и продвижение традиций юридического образования как принципиальной особенности генезиса правовой системы, а также опыта университета как одного из ведущих юридических вузов страны. Музеем налажены творческие связи с рядом музейных и архивных институций; в основу работы положено последовательное взаимодействие с университетским архивом, сделавшее возможным, кроме прочего, прочное научное обоснование реализуемых проектов. Свою идентичность музей вербализирует, кроме прочего, с помощью триединой формулы: «память – творчество – студенты-исследователи».

Значимой сферой приложения усилий сотрудников музея и заинтересованных университетских акторов стало изучение иркутского периода вузовской истории. Одним из важнейших практических результатов работы в этом направлении стало историко-правовое обоснование хронотопа «иркутский 1918 г.» в качестве более верной, точной «точки отсчета» развития вуза, прошедшего за столетие путь от университетского юридического факультета до юридического университета и в полной мере продемонстрировавшего концепт «судьба вуза – судьба страны». В итоге в 2018 г. УрГЮУ торжественно встретил свой вековой юбилей, пополнив арсенал праздничных и коммеморативных практик разнообразными мероприятиями (закладка капсулы времени, историко-документальные выставки, круглые столы и иные научно-практические форумы, «ночь выпускников», соревнования, праздничный концерт, др.), а также подготовив большую «Книгу-100» [17].

Весомым находим также целый ряд мероприятий, подготовленных музеем, архивом университета и молодыми исследователями, занимающимися в «профильном» кружке Студенческого научного общества (по истории государства и права России, с элементами музейного и архивного дела) в преддверие 100-летия. В их числе – рубрика в социальных медиа университета «История одного экспоната», круглые столы «”Юбилеемания“», познание традиций юридического образования и развитие юридической университетологии: навстречу 100-летию УрГЮУ», «Хроника университетского века (студенческий исследовательский проект)». В рамках подготовки «Хроники...», при изучении разнообразных носителей исторической, историко-правовой, историко-культурной и юридической информации, были выявлены значимые в каждом из ста лет вузовской истории события, представлены известные ее акторы – профессура, сотрудники, студенты, выпускники. С участием начинающих исследователей были подготовлены публикации по истории вуза, среди которых выделим работу, где осмысляется феномен юбилея и юбилейные практики [12].

Магистральной линией деятельности музея в деле изучения сибирского (иркутского) этапа вузовской жизни являются научные исследования. Значимым ориентиром здесь стали наработки иркутских коллег [например: 8; 11]. Сложно переоценить и

результаты исследовательской командировки сотрудников музея и архива УрГЮУ в Иркутск (сентябрь 2017 г.), в ходе которой проводились искания в Государственном архиве Иркутской области, архиве и Научной библиотеке им. В.Г. Распутина Иркутского государственного университета, а также иных библиотеках города, шло активное и весьма плодотворное общение с коллегами из ИГУ. Результатами музейно-архивных исследовательских поисков являются, прежде всего, научные и документальные публикации – в «музейной» рубрике Российского юридического журнала, его «Электронном приложении», других периодических изданиях. Часть материалов вошла в упомянутую книгу, подготовленную к 100-летию вуза. Продвижение в познании особенностей становления юридического факультета в Иркутском университете в период трагического гражданского противостояния, его последующих трансформаций способствует научно-обоснованному сопровождению выставочно-экспозиционной деятельности, организации мероприятий в рамках молодежной политики и музейной педагогики.

Нас интересуют нормативно-правовые основания учреждения второго в Сибири и первого Восточно-Сибирского университета с юридическим факультетом, а также преобразований последнего в гуманитарный (с общественно-правовым отделением), далее – в факультет общественных наук, затем – факультет права и местного хозяйства, впоследствии – факультет советского строительства. То обстоятельство, что многочисленные попытки устроить, открыть университет в Иркутске (середина XIX – начало XX вв.) увенчались успехом у одного из белых правительств, а именно Временного Сибирского, обусловливает необходимость вдумчивого осмысления проблемы их законодательства и практик управления – отнюдь не самой исследованной, несмотря на появление крупных работ [4; 9; 18]. По крайней мере, констатируется, что судьба «уникального документа – «Грамоты о создании ИГУ», которая была подписана премьер-министром Российского правительства Володарским и вручена ректору ИГУ М. Рубинштейну 3 декабря 1918 г.» так и не была установлена [2, с. 170].

Не менее важными видятся характеристики организационно-управленческих и учебно-административных практик, возможные посредством интерпретации делопроизводственной документации. Большой интерес, как показалось, вызвали документы, связанные с приглашением в устраиваемый университет ученых и преподавателей, формированием учебных планов, первой университетской сессией (1918–1919), устройством кафедр и кабинетов. Заметим, что кабинетная система, развивавшаяся в университете и на факультете с первых месяцев работы, была показана через презентацию книг, переехавших вместе с институтом на Урал и находящихся сейчас в фондах Научной библиотеки УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, в рамках оригинальной выставки на XV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса в июне 2022 г. Штампы кабинетов на книгах – свидетельства вузовской жизни [16].

Значимая тема – профессорско-преподавательский состав юридического факультета. Ее изучение и презентация на выставках, круглых столах и иных форумах развивает осмысление преемственности эпох, идей, их диалогичности. Известно, например, что изначально на факультет в Иркутск приглашался Серафим Владимирович Юшков. Обстоятельства жизни и карьеры ученого сложились так, что в вузе он работал (пусть и непродолжительное время), но уже в Свердловске, став первым заведующим образованной в сентябре 1936 г. кафедры истории государства и права [3]. По устоявшейся традиции, отраженной в вузовской историографии [19], с этого времени ведется история кафедры, отметившей в 2021 г. свое 85-летие. В то же самое время одной из первых кафедр университетского юрфака стала кафедра истории русского права, исполнять должность ординарного профессора по которой с 15 октября 1918 г. поручалось Сергею

Петровичу Покровскому [6]. Организовывал переезд института советского права из Восточной Сибири на Урал первый его директор Юрий Михайлович Позан, судьба которого сложилась трагически [14, с. 11-13].

Начинал работу в Иркутске Борис Борисович Черепахин, автор очерка о факультете права и местного хозяйства в сборнике к 10-летию Иркутского университета [7, с. 55-67], приехавший в Свердловск не в 1934 г., вместе с институтом, а позднее, в 1939 г. В годы Великой Отечественной войны, являясь заместителем директора СЮИ по учебной и научной работе, при частой смене директоров, ученый фактически руководил вузом. Известный цивилист, Б.Б.Ч, как звали его в вузе, стал учителем учителей (С.С. Алексеева, М.Я. Кирилловой, О.А. Красавчикова, Е.Д. Шешенина, др.) [10, с. 232, 238-239]. Без упоминания имен профессоров М.М. Агаркова, В.П. Доманжо, Г.Ю. Маннса, С.П. Покровского, начинавших работу на юрфаке, а также иных преподавателей, работавших в Иркутске, не проходит ни одно мероприятие, в том числе, с участием студентов-исследователей, в ходе которых осмысляется иркутский период вузовской истории.

Небезынтересны и другие сюжеты функционирования факультета для подготовки юристов в Иркутском университете. Помимо «больших» тем, в том числе упомянутых выше, от наследования законодательству и университетским учебно-административным практикам императорской России в первые месяцы после открытия, последующей советизации вуза, до перманентного поиска эффективной модели советского юридического образования, музей УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева и неравнодушные исследователи обращаются к частным вопросам типа попыток устроить музеи или проведения методических форумов на факультете в Иркутске. С музейно-исследовательскими целями изучаются научная, справочная, популярная литература, нормативные правовые акты, периодическая печать, архивные документы. Большой интерес представляют так называемые эго-источники, к примеру, воспоминания о факультете общественных наук Л.И. Тамм [1, с. 18-19].

Так или иначе, юридический факультет в Иркутском государственном университете, неоднократно реформировавшийся в 1918–1931 гг., является истоком, началом истории и ныне действующего юридического института университета [20, с. 9-22] и УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева. Такая двуединая платформа обусловливает необходимость и значительный творческий потенциал взаимодействия, сотворчества коллег по университетам, музейным, архивным, библиотечным и иным культурным институциям. В таком сотрудничестве возможно и дальнейшее плодотворное продвижение в научном познании университетских традиций, скреплявших и развивавших культурное, образовательно-научное и в значительной степени правовое пространство России на сломе эпох.

В ходе работы вузовского музея в последние годы возникает множество вопросов. Среди них, например, такой: нет ли противоречия между охарактеризованной выше исследовательской парадигмой музея и современным прочтением этой культурной институции как «постмузея», важнейшей задачей которого «становится достижение культурного плюрализма через репрезентацию самых разных субкультур (культур различных сообществ и групп), в том числе маргинальных», когда «высокая культура уступает «массовой». Как отмечается, сотрудники постмузея больше не «жрецы храма» и не просветители, а в лучшем случае модераторы (медиаторы) и «провайдеры контента» [5, с. 188, 193]. Понятно, что такой ракурс рассмотрения присущ, прежде всего, музеям как самостоятельным учреждениям культуры, а у вузовских музеев как будто иные задачи. Однако, было бы неосмотрительно игнорировать тенденции в развитии культуры: важно рефлексировать, осмыслять новое и то, как оно переплетается, конфликтует с традиционным, проникает в него. Музей истории УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, будучи

«творческой лабораторией памяти», пытается опираться в своей деятельности, в сложно устроенном контексте нынешнего времени, как раз на научный фундамент и развивать разнообразные музейные практики, включая исследовательские. Думается, что противоречия преодолимы в ходе последовательной, кропотливой и неравнодушной работы, при приглашении заинтересованных в творческом познании, сохранении и приумножении университетских традиций и памяти лиц – преподавателей, сотрудников, студентов, выпускников, абитуриентов и «внешних агентов». Музей видится и «местом памяти», и креативным центром, способствующим укреплению университетских идентичности и бренда. Дальнейшее изучение сибирских (иркутских) корней вуза зафиксированы им в числе перспективных задач.

Список литературы

[1] ALMAMATER. Иркутский классический... Историко-публицистические очерки, посвященные 85-летию Иркутского государственного университета / гл. ред. и сост. А. Гимельштейн. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2003. 503 с.

[2] *Ануфриев* А.В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 166-172.

[3] Архив Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. Ф. 2143-р. Оп. 1Л. Ед. хр. 20. Л. 89.

[4] Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию белого движения: коллективная монография / под ред. В.Т. Тормозова, Г.И. Письменского. М.: Изд-во СГУ, 2008. 332 с.

[5] *Бонами* З.А. Как читать и понимать музей. Философия музея. М.: Издательство АСТ, 2018. 224 с.

[6] Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп.1. Д. 3. Л. 3.

[7] Десять лет Иркутского университета. 1918–1928. Иркутск: издание Юбилейной комиссии, 1928. 179 с.

[8] Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. словарь / сост. и отв. ред. В.Н. Казарин. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 252 с.

[9] *Зимина* В.Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. 484 с.

[10] *Зипунникова* Н.Н. Б.Б.Ч. как связь времен (К 120-летию со дня рождения Бориса Борисовича Черепахина) // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 232-240.

[11] *Казарин* В.Н., *Лякутина* Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

[12] *Калинина* А.В., *Гордик* С.А., *Еловиков* Н.А., *Катаргин* М.В. Феномен юбилея в познании истории юридического вуза: исследовательские возможности и ориентиры // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 134-163. URL: electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/Музей.pdf (дата обращения: 10.06.2022).

[13] О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства: постановление ВЦИК РСФСР. 20 апреля 1931 г. // СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.

[14] Ректоры Свердловского юридического института – Уральской государственной юридической академии (биографическая хроника). Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2005. 52 с.

[15] Свердловский юридический институт. 50 лет. 1931–1981. М.: Юридическая литература, 1981. 175 с.

[16] Сибирское наследие в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева: каталог выставки / отв. ред. О.А. Овчинникова; сост. и автор вступит. статьи О.В. Морева. Екатеринбург, 2022. 76 с. (Серия «Из собрания Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; вып. 2).

[17] Университет 100 лет. Уральский государственный юридический университет. 1918–2018: в 2 т. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 520 с.

[18] *Цветков* В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. 2-е изд., испр., доп. М.: Эксмо, 2019. 1056 с.

[19] Эволюция российского и зарубежного права государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): сб. научных трудов: в 4 т. Т. 1: История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах ученых кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / под ред. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. 1023 с.

[20] Юридический институт Иркутского государственного университета. История юридического образования в ИГУ. 1918–2004. Иркутск: Иркутская областная типография № 1 им. В.М. Посохина, 2004. 159 с.

УДК 351.85

Вклад музеев Кузбасса в преодоление проблем социокультурной адаптации людей с ограниченными возможностями по зрению

Кравцова Людмила Александровна
Кандидат культурологии, Ведущий научный сотрудник Кабинета истории угольной промышленности Кузбасса, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН, Институт угля, г. Кемерово, Россия.
kravtcovala@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5477-4640

Нужденко Анжелика Юрьевна
Главный библиотекарь, Специальная библиотека Кузбасса для незрячих и слабовидящих, г. Кемерово, Россия.
oblbiblnez@mail.ru

АННОТАЦИЯ Данная статья освещает опыт участия музеев Кемеровской области – Кузбасса[1] в социокультурной адаптации людей с ограниченными возможностями по зрению в партнерстве со Специальной библиотекой Кузбасса для незрячих и слабовидящих. Динамика развития культуры региона на современном этапе находится на подъёме и заметном всплеске интереса его жителей; в то же время социально ограниченная категория незрячих и слабовидящих наших сограждан не имеет возможности самостоятельного включения в актуальные общественные процессы. Региональные музеи разных профилей как институты сохранения и актуализации многоликих пластов историко-культурного и природного наследия края разработали эффективные формы его трансляции для особой категории кузбассовцев, восполнив определенный информационный и культурный вакуум в удовлетворении их ожиданий, интересов и потребностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музеи Кемеровской области – Кузбасса, социокультурная адаптация инвалидов по зрению, Специальная библиотека Кузбасса для незрячих и слабовидящих, взаимодействие музеев и библиотек.

В развитии социокультурного пространства Кузбасса в последние годы отмечается значительный интерес его жителей к музеям и транслируемому ими историко-культурному наследию. Во многом этому способствует общественная инициатива, целенаправленная политика Администрации Правительства Кузбасса и деятельность Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, направленные на формирование имиджа Кемеровской области как современного туристического региона, динамично пополняющего его актуализированными объектами культурного и природного наследия, новыми центрами культуры, современными рекреационными зонами, маршрутами и очагами спортивного туризма. В динамике данных процессов особая категория кузбассовцев с ограниченными возможностями по зрению требует пристального внимания: в силу сложившихся жизненных обстоятельств эта часть нашего общества дистанцирована от общедоступных средств активного включения в региональный социокультурный контекст и современных возможностей полноценного удовлетворения культурных потребностей.

Участие человека в информационном обмене является одним из важнейших аспектов социального равенства. Вместе с тем «каждое социальное действие содержит в себе культурные атрибуты» [7, с. 76]. Учитывая сущностную специфику социокультурных отношений, определяемую единством социальных отношений и культуры, следует принять тот факт, что для незрячих и слабовидящих людей проблема

[1] С 21 декабря 2018 г. наименования «Кемеровская область – Кузбасс», «Кемеровская область» и «Кузбасс» – стали официально равнозначны, что получило фиксацию на государственном уровне [3, с. 16].

коммуникационно-информационного обмена представляется чрезвычайно острой в силу того, что, по известным данным, 90 % информации о внешнем мире человек получает через зрение [18, с. 88]. Рассматривая базовые социальные функции музеев и библиотек, включающих культурно-образовательное, рекреационное, информационно-коммуникативное их предназначение, следует, что именно эти общественные институты призваны участвовать в разрешении комплекса проблем социокультурной адаптации инвалидов по зрению. Кроме того, для участия музея в работе с особой аудиторией важным мотивирующим аргументом должно служить утверждение известного культуролога и музеолога Ю.Э. Комлева: «Выявление целевых субъектов музейной коммуникации позволяет более эффективно развивать информационные ресурсы музея, которые представляют собой сложную систему внутренних информационных продуктов и носителей музейной информации, поступивших или созданных музеем в результате информационного обмена с внешней средой и обобщения результатов музейной работы» [4, с. 660]. Итак, в условиях существующих реалий в ответ на запрос определенного социума жителей Кемеровской области сотрудники Специальной библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих (ГКУК «КузОСБ») выступили инициаторами идеи важного партнерского взаимодействия с музеями региона. Целью совместного сотрудничества стало развитие возможностей доступности историко-культурного наследия края и его актуализация для рассматриваемой аудитории. Результатом взаимообогащающего творческого труда партнеров каждый раз становился уникальный интегрированный музейно-библиотечный продукт проектной деятельности.

Первый опыт успешного практического взаимодействия музея и Специальной библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих состоялся в 2014 г. Следует подчеркнуть, что, по данным библиотеки, книжный фонд ежегодно пополняется. Так, например, в 2018 г. добавилось 11094 экземпляра адаптированных книг на различных физических (материальных) носителях[13, с. 3]. К сожалению, из тематического охвата массива пополняемых изданий выпадает региональное краеведение, что связано с отсутствием специализированных типографий рассматриваемого назначения. В связи с чем налаживание научно-творческих отношений с музеем-заповедником «Томская Писаница» обогатило данную область знаний через создание адаптированного комплексного пособия «Шедевры первобытного искусства: наскальные рисунки Томской писаницы» [20]. Более года сотрудникикрупнейшего за Уралом музея-заповедника совместно с библиотекарями осуществляли отбор, подготовку, корректировку материалов пособия: музей предоставил научно-информационные материалы о памятниках древнего искусства Томской Писаницы и фотоизображения петроглифов. Использование библиотекойсобственных специальных ресурсов и средств – Центра Брайлевской печати, студии звукозаписи, оборудования для выпуска книг с рельефной графикой и 3D-моделями – позволило трансформировать научный и визуальный копийный музейный материал в тематическое комплексное пособие. Впервые в Кузбассе благодаря тесному взаимодействию профильных специалистов у людей с ограничениями зрения появилась возможность ознакомления с уникальным комплексом истории и культуры народов Евразии – памятника наскального искусства «Томская Писаница». Так, наряду с приоритетными ценностными ориентациями незрячих людей, к которым относятся семья, здоровье, работа, материальное благополучие, в приобщении к социокультурной среде, оказывающей значимое воздействие на развитие иформирование личности незрячего[8, с. 9, 15], появился дополнительный коммуникационный канал.

Адаптированное издание раскрывает историю открытия, исследования и описание древних петроглифов. В доступной для осмысления форме предлагает аудиовоспроизведение в виде «говорящей» (озвученной) книги, записанной на CD-диске; крупношрифтовое и брайлевское изложение книг, адресно ориентированных на категории читателейс различной степенью нарушения зрения. Важным методическим

компонентом адаптированного пособия стало специальное рельефно-графическое приложение в виде альбома с масштабированными копиями изображений наскальных рисунков, позволяющих в тактильной форме дистанцированно «рассмотреть» уникальные памятники древнего искусства, «ощутить наскальные рисунки на кончиках пальцев» [21] в мельчайших деталях. Следует отметить, что на IX Всероссийском конкурсе изданий для слепых и слабовидящихв номинации «Лучшее издание с использованием музейных средств», выполненное с применением новых приёмов и технологий,работа «Шедевры первобытного искусства: наскальные рисунки Томской писаницы» получило Диплом II степени [1].Основанное на музейных источниках, интерпретированных с помощью средств специализированной адаптации, пособие стало новым источником знаний в области историко-культурного наследия Сибири для особой категории кузбассовцев.

Расширение кругозора и грамотности в области естественно-научного знания и природного краеведения является общепринятой культурной нормой, однако для людей с ограничениями по зрению это сопряжено с объективными сложностями. В этой связи тезис музеолога Мастеницы Е. Н. о том, что «музей должен служить человеку в стремлении понять мир, в котором мы живем» [9, с. 51], постулирует необходимость участия естественно-научных музеев и их коллекций в качестве генераторов знаний о природе и экологии для незрячих людей. Так, в 2017 году, объявленном Годом экологии в России, в рамках партнерского проекта «Экология Кузбасса: особый взгляд» благодаря взаимодействию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, Специальной библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих, Дирекции особо охраняемых природных территорий Кузбасса, Государственного архива Кузбасса было разработано тематическое комплексное издание «Царство дикой природы Кузбасса» [19], ориентированное на целевую аудиторию детей с ограничениями по зрению, их родителей и тифлопедагогов.

Важно подчеркнуть, что полученный продукт творческого труда благодаря вещественному и научно-информационному соучастию музея приобрел универсальный характер: пособие стало интересным и для зрячих детей; научная смысловая основа позволила использовать его как пособие в учебном процессе, а также в качестве познавательного или справочного источника. Аудио-воспроизведение информационной составляющей знакомит с животным миром планеты, региона, предоставляет возможность услышать голоса мира диких зверей. Дополненное тактильной составляющей издание предоставляет возможность познакомиться с доходчивым рельефно-графическим изображением объекта животного мира и собственноручно ощутить его меховой покров на образце шерсти, подготовленном и обработанном для данных целей специалистами музея «Археология, этнография и экология Сибири». Подобная интерактивность освоения знаний особо ценна для незрячего человека: она дает возможность ощутить более тесную связь с реальной природой. Предложить «потрогать, пощупать, повертеть», по мнению ученого-музеолога и искусствоведа А. Лебедева, представляет собой особое стремление каждого музея, но пока остается преимуществом музеев природы и естественно-научных коллекций [10]. В 2018 году X Всероссийский конкурс изданий для слепых и слабовидящих, проводимый Российской государственной библиотекой для слепых, дал высокую оценку комплексному изданию «Царство дикой природы Кузбасса», удостоив ДипломомIII степенив номинации «Лучшее краеведческое издание» [12].

Драйвером активизации роли музеев в жизни региона стал Указ Президента Российской Федерации В. Путина от 27 августа 2018 г. «О праздновании 300-летия образования Кузбасса» [17], обозначивший формирование ключевой идеи, объединившей всех жителей Кемеровской области. Вовлечению особой категории кузбассовцев в социокультурную динамику актуализации шахтерской тематики во многом

способствовало музейное сообщество, присоединившееся к усилиям работников Специальной библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих.

Так, состоявшееся в 2020 г. участие академического музейного подразделения – Кабинета истории угольной промышленности Кузбасса Института угля СО РАН (структурное подразделение Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук) в данном процессе имело определенную цель – доступно представить региональную «угольную» тематику в междисциплинарном формате, включив основы знаний об угле, природных процессах его образования, способах добычи и использования твёрдых горючих ископаемых, их значении для общества [5, с. 165]. Взаимодействие профильных специалистов – угольщиков, музеологов и библиотекарей специальных библиотек для слепых позволило подготовить уникальное научно-популярное комплексное издание «Уголь Кузбасса – чёрное золото России»[6], адаптированное для людей с ограниченными возможностями зрения.

Структура пособия включает разноплановые составные компоненты: методическую тактильную часть, представленную аннотированной естественно-научной коллекцией углей, горных пород и палеонтологических объектов; адаптированное крупношрифтовое иллюстрированное изложение информационного блокадля слабовидящих; брайлевскую транскрипцию информационной составляющей с тактильно-графическими изображениями (рисунками, диаграммами и картой-схемой); «говорящую книгу» на флеш-карте и DVD-диске. Следует подчеркнуть, что комплектованию коллекции музей Института угля уделил особое внимание, поскольку практическое отсутствие возможности акцента на аттрактивности природных объектов поставило задачу усиления ассоциативных, репрезентативных и информативных свойств предметов. Это осуществлялось на этапе отбораобразцовс учетом тщательногоанализа насоответствие определенным физическим параметрам (размер, вес, прочность)и выраженность тактильных свойств (структура, текстура, трещиноватость и др.). Задачей интерпретации научной информации стала направленность на разновозрастных целевых читателей, желающих расширить свой кругозор аспектами естественно-научных знаний в области наук о Земле [14]. Так, реализованный проект способствовал удовлетворению потребности рассматриваемой социальной группы наших сограждан в получении новых научных знаний.Отметим, что совместный творческий продукт, пройдя региональный конкурс «Лучшие товарыи услуги Кузбасса–2020» с золотым знаком «Кузбасское качество» [2, с. 44; 11], также был отмечен Почетным Дипломом и знаком «Новинка» на Федеральном этапе Программы «100 лучших товаров России» в разных номинациях.

Масштабным по участию музеев региона в подготовке тематических краеведческих изданий для людей с ограниченными возможностями по зрению стал выпуск в 2021 г.на базе библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих серии Бюллетеней «Города шахтёрской славы Кузбасса» в адаптивных форматах, посвящённых 12 городам Кемеровской области – Кузбасса.Темы сериального издания определила зародившаяся в 2001 г. традиция ежегодного избрания городов столицами празднования Дня шахтера [15, с. 11], а историческая дата 300-летия образования Кузбасса [17] придала особую актуальность проекту, в котором участвовали 12 краеведческих музеев разного регионального уровня. Партнерами библиотечной программы «К истокам Кузбасса», посвящённойвышеназванной знаковой дате истории края, в проекте «Города шахтёрской славы Кузбасса» стали краеведческие музеи городов Новокузнецка, Прокопьевска, Киселёвска, Междуреченска, Ленинска-Кузнецкого,Осинников, Анжеро-Судженского городского округа, Музейно-выставочный центр г. Белово, Мысковский историко-этнографический музей, Городской музей имени В. Н. Плотникова г. Берёзовского, Выставочный зал «Музей» Калтанского городского округа, Музей-заповедник «Красная горка» г. Кемерова. Исторические очерки о шахтерских городах представили новые

знания о Кузбассе особой аудитории; позволили им осознать свою причастность к масштабным региональным культурным событиям; послужили мощным импульсом социокультурной адаптации.

Каждый из выпусков, напечатанный рельефно-точечным шрифтом Брайля и укрупнённым плоскопечатным шрифтом, содержательно наполнен фактографическим материалом собраний музеев, что позволяет формировать достоверные представления о собственном крае на локальных уровнях. Иллюстрацией этому могут служить названия изданий: «Угольное сердце Междуреченска», «Шахтёрская летопись Анжеро-Судженска», «Прокопьевск – чёрная жемчужина Кузбасса», «Мыски в истории угольного Кузбасса», «Шахтёрская судьба Киселёвска», «Горняцкая история Осинников», «Кемерово – шахтёрская столица Кузбасса», «Чёрное золото Ленинска-Кузнецкого», «Шахтёрская доблесть Новокузнецка», «Белово – центр угольного края», «Шахтёрская история Калтана», «Берёзовский – шахтёрские рекорды». Обширный материал, подготовленный музеями городов Кемерова, Новокузнецка, Березовского, Прокопьевска и Белова, рассказал о крупнейших центрах угледобычи региона в двухтомных бюллетенях. Характерной особенностью серии изданий стал предлагаемый читателю историко-культурный контекст тематических выпусков, имеющих выраженное доминирование шахтерского образа Кузбасса, находящегося в основе его региональной идентичности.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что рассмотренные музеи Кузбасса после создания адаптированных комплексных пособий, бюллетений продолжают сотрудничество с ГКУК «КузОСБ», участвуя в их продвижении к адресату. Яркие презентацииизданий, тематические уроки и встречи с участием авторов-составителей, представителей партнёров на площадках специализированных библиотек и школ стимулируют желание людей стать участниками общественных процессов, не ограниченных социальной группой инвалидов.

Заключение

Таким образом, забота о духовном здоровье общества неотделима от решения проблем недостаточной степени включенности некоторых категорий его граждан в актуальные социокультурные процессы. Способы овладения культурным активом человечества особенно затруднены для людей, имеющих ограниченные возможности по зрению; это препятствует формированию у них знаний, ценностей, норм и социальных образцов, необходимых современному человеку. В Кемеровской области – Кузбассе музеиразных профилей, ведомственной принадлежности и статусной позиции в творческом содружестве с сотрудниками Специальной библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих целенаправленно участвуют в приобщении рассматриваемой аудитории к историко-культурному и природному наследию края. На волне динамичного развития культуры региона расширение музейной практики в формах культурно-образовательной работы, ориентированной на целевую аудиторию инвалидов по зрению, и значительный методический опыт ГКУК «КузОСБ» внесли вклад в социокультурную адаптацию кузбассовцев с нарушениями зрения и способствовали укреплению их социальных связей в обществе.

Благодарности

Авторы выражают благодарность руководству и специалистам Государственного казённого учреждения культуры «Специальная библиотека Кузбасса для незрячих и слабовидящих»за заинтересованное сотрудничество с музеями Кузбасса и предоставление материалов об их участии в работе с людьми, имеющими ограничения по зрению.

Список литературы

[1] Всероссийский конкурс на лучшую творческую работу. IX Всероссийский конкурс на лучшее издание для слепых и слабовидящих, выполненное с использованием новых приёмов и технологий // Российская государственная библиотека для слепых. URL: http://rgbs.ru/professionals/konk/ (дата обращения: 03.05.2022).

[2] ГКУК «КУЗОСБ» Передвижная выставка «Уголь Кузбасса – чёрное золото России» для людей с ограничениями по зрению // Лучшие товары и услуги Кузбасса–2020 / Администрация Правительства Кузбасса; Кемеровский ЦСМ. Кемерово, 2020. 51 с.

[3] История // Администрация Правительства Кузбасса. URL: https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/history.php (дата обращения: 02.06.2022).

[4] Комлев Ю.Э. Информационные ресурсы музея в историко-культурном пространстве региона: коммуникационные аспекты // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 653-656.

[5] Кравцова Л.А. Естественно-научные коллекции ФИЦ УУХ СО РАН как базовая основа популяризации угольной науки // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. №2(22). С. 164-171.

[6] Кравцова Л.А. Уголь Кузбасса – черное золото России: научно-популярное издание / ИУ СО РАН, ФИЦ УУХ СО РАН. Кемерово, 2020. 46 л.: ил. Текст (тактильный): непосредственный // ГКУК КузОСБ. Инв. №К5.

[7] Лондаджим Тьерри. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. Октябрь. С. 76-78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1 (дата обращения: 16.05.2022).

[8] Лоторева Е.В. Особенности социокультурной адаптации незрячих людей в обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук // Электронная библиотека диссертаций.М., 2010. 23 с. URL: https://www.dissercat.com/content/osobennosti-sotsiokulturnoi-adaptatsii-nezryachikh-lyudei-v-rossiiskom-obshchestve/read (дата обращения: 25.05.2022).

[9] Мастеница Е.Н. Музей в начале третьего тысячелетия: ведущие тенденции развития // Общество. Среда. Развитие. 2020. №3. С. 46–54.

[10] Мнения экспертов ПостНауки о роли естественно-научных и научно-технических музеев в современном обществе // ПостНаука. URL: https://postnauka.ru/talks/32658 (дата обращения: 11.05.2022).

[11] Новости. 25 декабря 2020 г. // Государственное казенное учреждение культуры «Специальная библиотека Кузбасса для незрячих и слабовидящих. URL: http://www.kemosb.ru/newstek.php?page=46 (дата обращения: 02.06.2022)

[12] Поздравляем победителей X Всероссийского конкурса на лучшее издание для слепых и слабовидящих «Беречь природы дар бесценный» // Российская библиотечная ассоциация. URL: http://www.rba.ru/news/news_1298.html (дата обращения: 16.05.2022).

[13] Сведения об общедоступной (публичной) библиотеке за 2018 год. Форма №6-НК. Государственное казенное учреждение культуры «Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих. От 14.01.2019// ГКУК КузОСБ. Делопроизводственный архив.

[14] Слабовидящим кемеровским ребятишкам привезли книгу про кузбасский уголь со шрифтом Луи Брайля // 1–Line. Первые новости Сибири. URL: https://1line.info/news/social/slabovidyashchim-kemerovskim-rebyatishkam-privezli-knigu-pro-kuzbasskiy-ugol-so-shriftom-lui-braylya.html (дата обращения: 04.05.2022).

[15] Тулеев А., Шамгунов Д. Трудовой ритм земли Кузнецкой. Кемерово: Сибирская издательская группа, 2017. 247 с.

[16] Указ Президента РФ от 27.03.2019 № 130 "О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44118 (дата обращения: 02.06.2022).

[17] Указ Президента РФ от 27.08.2018 «О праздновании 300-летия образования Кузбасса» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58385 (дата обращения: 02.06.2022).

[18] Хуснутдинова А.Ю. Особенности социокультурной адаптации инвалидов по зрению // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. №5 (12) Ч. 2. С. 88-89. URL: http://research-journal.org/wp-content/uploads/2013/06/5-12-2.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

[19] Царство дикой природы Кузбасса [Шрифт Брайля]: в 1 альбоме: [Рельефно-графическое пособие] / сост. О.А. Барановская; редкол.: Н.В. Скалон, Т.А. Скалон, Н.А. Белоусова, О.Б. Шрайбман, Е.С. Тимченко, А.Ю. Нужденко. ГКУК «Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих», 2017. 1 альбом. + 1 CD. // ГКУК КузОСБ. Инв.№ МО5.

[20] Шедевры первобытного искусства: наскальные рисунки Томской писаницы / сост. А.Ф. Покровская, В.А. Каплунов; Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих. Кемерово: Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих, 2014. 16 с. (Издание для слабовидящих) // ГКУК КузОСБ. Инв. № 049125.

[21] Шедевры первобытного искусства: изображения наскальных рисунков Томской писаницы [Шрифт Брайля]: в 1 альбоме: Рельефно-графическое пособие] / сост. О.А. Барановская; А.Ф. Покровская, В.А. Каплунов. Кемерово: Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих, 2014. 1 альбом // ГКУК КузОСБ. Инв.№ 049125.

УДК 069.51(571.51)

Имена на фасаде

Лыхин Андрей Павлович
с. Тесь Минусинского района
andrey1957001@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследователям Сибири, имена которых закреплены на медных табличках на фасаде Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Биография, исследование Сибири, Мартьяновский музей.

На Соборной площади Минусинска расположено одно из красивейших зданий города – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. На фасаде музея установлены памятные доски, которые информируют жителей и гостей города о том, что здание является объектом культурного наследия федерального значения, построенное по проекту архитектора В.А. Рассушина, и что Владимир Ильич Ленин в период своей сибирской ссылки 1897–1900 гг. пользовался общественной библиотекой музея. На фасаде, выходящим на ул. Ленина, установлена памятная доска, посвященная Ярилову Арсению Арсениевичу (1868–1948 гг.), директору Минусинского музея в 1905–1907 гг., уроженцу Минусинского округа, выдающемуся ученому, профессору, одному из основоположников докучаевского почвоведения.

Установленные под окнами второго этажа, медные таблички с фамилиями менее заметны. Коротко, в алфавитном порядке, расскажу об этих известных людях, чьи имена увековечены на фасаде музея.

Адрианов Александр Васильевич (1854–1920) – этнограф, археолог, публицист, сибирский просветитель. В залах музея имеются многочисленные предметы с раскопок Адрианова на Тагарском острове, на озере Тагарском и долины р. Тубы 1890-е гг. В фондах научной библиотеки читатели могут ознакомиться с трудами Александра Васильевича Адрианова: 1). «Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском Крае». Минусинск. 1902–1924гг.; 2). «Шага. (Сойотский Новый Год). Этнографический набросок из Урянхайской жизни», Томск. 1917 г.; 3). «Айран в жизни минусинского инородца». С.-Петербург. 1909 г.; 4). Статья «Писаницы на реке Мане», опубликованная в «Записках Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества». Том IX, стр. 1–34. А.В. Андрианов занимался фотографией, на стендах музея расположены его фотографии экспонатов. Посетителей музея заинтересует «Открытый лист», датированный 18 июня 1915 г., выданный Императорской археологической комиссией члену Императорского Русского Археологического общества Александру Васильевичу Адрианову на право производства археологических раскопок в течении 1915 года в пределах Минусинского уезда Енисейской губернии. В галерее древностей под номером 22 установлено первое изваяние Ташибинского чаатаса, которое Адрианов доставил в музей в 1900 году.

Аспелин Йоганн Рейнгольд (1842–1915) – финский археолог. В музее, в отделе древностей, можем увидеть под номером 42 стелу с рунической надписью. Найдена И.Р. Аспелиным на левом берегу р. Улуг-Хем, в 30 км ниже устья р. Элегест. Рядом, под номером 43 аналогичная стела, обнаруженная в 1888 г. И.Р. Аспелиным в долине р. Чаа-Холь.

Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) – немецкий натуралист и ботаник, исследователь Сибири. Сибирская флора и фауны были главным предметом внимания Гмелина, собранный им материал лег в основу многотомной работы «Флора Сибири».

Кастерн Матиас Александр (1813–1852) – исследователь Сибири.В Минусинский округ Кастерн прибыл весной 1847 г., здесь он занимался археологическими изысканиями, совершил поездку в Саянские горы.В музее в галерее древностей находится под номером 47 стела с рунической надписью из окрестностей д. Означенной (Хакасия). Найдена М.А. Кастерном в 1847 г.

Катанов Николай Федорович (1862–1922) – этнограф, фольклорист, общественный деятель. Считается первым хакасским учёным.В 1887–1892 гг. возглавлял экспедицию в Абаканскую долину Минусинского уезда Енисейской губернии, в которой был собран богатый этнографический материал, совместно с профессором Айналовым расшифровали арабскую надпись на бронзовом зеркале, принадлежавшем музею [5, с. 9].

Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914) – археолог, этнограф, путешественник, революционер-народник, публицист. В 1886 г. доставил в Минусинский музей из Уйбатской степи «Камень Мессершмидта». Научный труд «Древности Минусинского музея» способствовал популяризации музея в среде российской и зарубежной науки, а сам автор пользовался огромным авторитетом в среде своих коллег как блестящий мыслитель, публицист, ученый и исследователь.

Кропоткин Александр Алексеевич (1841–1886), за «крайне вредный» образ мыслей был сослан в Минусинск, где познакомился с Н.М. Мартьяновым и стал его соратником. А.А. Кропоткин вёл переписку музея, метеонаблюдения, в период 1877–1882 гг. заведовал метеостанцией музея [4, с.234].

Крылов Порфирий Никитич (1850–1931) – ботаник, провизор, основатель Гербария Томского университета, большой друг Н.М. Мартьянова. Познакомились они в Казани во время учебы в университете на получение звания провизора, П.Н. Крылов убедил Н.М. Мартьянова в значимости гербария при решении вопросов, связанных с изучением флоры. Уроженец Минусинского уезда, Порфирий Никитич в 1892 г. приезжает на малую родину и останавливается у Н.М. Мартьянова, затем совершает экспедицию в Урянхайский край. Большое количество экземпляров различных растений, собранных в этой экспедиции, пополнили гербарный фонд Минусинского музея. Свой труд «Флора Алтая и Томской губернии» П.Н. Крылов посвятил Н.М. Мартьянову и его именем назвал ряд растений [1, с. 24-27].

Лукашевич Александр Осипович (1855–после 1907) – революционер-народник. Был сослан в Иркутскую губернию, с 1885 г. поселен в Минусинск, где стал соратником Н.М. Мартьянова. Был назначен смотрителем работ по строительству здания музея. [3, с. 97]. В музее хранится его отчет о первом 10-летии (1877–1887) Минусинскаго Музея.

Мартьянов Николай Михайлович (1844–1904) – ботаник, основатель и заведующий музеем в течение 27 лет.В музее можно увидеть множество экспонатов, привезенных Николаем Михайловичем из многочисленных экспедиций и поездок. Он имел ценную личную коллекцию минералов, которую привез из Казани. После его смерти семья передала эту, возросшую кратно, коллекцию в музей. Сегодня с неё может ознакомиться любой желающий. Среди минералов можно увидеть антимонит (сурьмяный блеск), топаз, никелевую руду, лазурит…

Интересны экспонаты, рассказывающие о жизни самого Мартьянова. Фотография членов Петербургского общества естествоиспытателей, членом которого он состоял, диплом на звание почетного члена Российского фармацевтического общества, свидетельство на утверждение в степени провизора с отличием вызывают неподдельный интерес у посетителей музея. Рядом экспонируются муляжи государственных наград Н.М. Мартьянова: орден Св. Станислава 3 степени, орден Св. Станислава 2 степени, орден Св. Анны 3 степени. Отдельно стоит упомянуть медаль «За труды по всеобщей переписи населения».

Из многочисленных экскурсий Николай Михайлович привез большой материал по флоре Минусинской долины. Гербарий, собранный в большей части самим Мартьяновым,

является гордостью музея. Большой интерес для специалистов представляют коллекции грибов и жесткокрылых насекомых. Им составлен «Каталог народно-медицинских средств, находящихся в музее», изданный в Красноярске в 1883 г. Главный труд Николая Михайловича Мартьянова – «Флора Южного Енисея». Немало археологических предметов было найдено в экспедициях самим Н.М. Мартьяновым, сегодня они находятся в экспозициях музея.

Миллер Герхард Фридрих (1705–1783) – русско-немецкий историограф, естествоиспытатель и путешественник. В своем труде «История Сибири», том III, гл. X, описал свой путь из Красноярска через степи к реке Абакану и Саянскому острогу, оттуда через Югасинский и Ирбитский железные и медные заводы к Абакану и далее по Енисею вниз и назад к Красноярску в 1739 г. [4, с. 8].

Мессершмидт Даниэль Готлиб (1685–1735) – ученый, путешественник, первым начал научное изучение Сибири. «Камень Мессершмидта», найденный в Уйбатской степи, изваяние эпохи ранней бронзы с выбитой поверх рунической надписью – один из главных экспонатов галереи древностей музея под номером 36. В научной библиотеке Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова имеются издания, в которых можно найти информацию о Д.Г. Мессершмидте и о его семилетнем путешествии по Сибири. Это монография Новлянской Марии Григорьевны «Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири» (Л.: Наука, 1970. 184 с.). Жемчужиной можно назвать четыре тома на немецком языке, изданные в Берлине в 1964 г. «MesserschmidtForschungreisedurchSibirrien. 1720–1727».

Паллас Петр Симон (1741–1811) – исследователь Сибири. Известное сочинение, переведенное на русский язык, «Путешествие по разным провинциям Российского государства» наряду со сведениями естественно-историческими, геологическими и географическими знакомит читателя с богатыми данными по этнографии и археологии края.

Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – географ, этнограф, публицист, общественный деятель. В фондах научной библиотеки Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова можно ознакомиться со следующими трудами Григория Николаевича Потанина:

1). Критика и библиография на «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 году и на «Чертежную книгу Сибири» С. Ремезова. – СПб.: Министерство народного просвещения, 1890;

2). Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником Г.Н. Потаниным. Вып. IV. Материалы этнографические с 26-ю таблицами. – СПб., 1883;

3). Сказки, записанные Г.Н. Потаниным от В.А. Палкина // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО по этнографии. – 1902. – Т. 1. – Вып. 1, ч. VI. – с. 111-199.

Рассушин Владимир Александрович (1858–1934) – иркутский архитектор. В 1887-1890 годах для музея было построено специальное здание (ныне 1-й корпус). Архитектором его был В.А. Рассушин.

Савенков Иван Тимофеевич (1846–1914) – археолог. Труды И.Т. Савенкова, находящиеся в фондах Минусинского регионального краеведческого музея: 1). «Каменный век в Минусинском крае» Москва, 1896 г.; 2). «О палеолитической эпохе в окрестностях г. Красноярска, Енисейской губернии (С картою и разрезами)».

Сафьянов Георгий Павлович (1850–1913) – минусинский купец (1-й гильдии), один

из крупнейших представителей русской торговли в Урянхайском крае, ското- и золотопромышленник. Был близким другом Н.М. Мартьянова. Будучи главой городского общественного управления г. Минусинска, участвовал в основании Минусинского краеведческого музея. Являлся членом его комитета с самого основания, жертвовал деньги, подарил музею свою домашнюю библиотеку и этнографическую коллекцию предметов охоты и домашнего быта сойотов [2, с. 169–170].

Сибиряков Иннокентий Михайлович (1859–1901) – купец 1-й гильдии, один из крупнейших сибирских благотворителей, общественный деятель-меценат. Внес значительные денежные средства на строительство здания музея. В фондах музея хранятся многие коллекции и пособия, а также книги, альбомы, подаренные Сибиряковым.На втором этаже главного корпуса посетители любуются картиной Добровольского «Байкал ночью», это тоже подарок Иннокентия Михайловича.

Черский Иван Дементьевич (1845–1892) – выдающийся геолог и географ, внесший огромный вклад в изучение Сибири.В сочинении И.Д. Черского «Описание послетретичных ископаемых севера Сибири» описаны послетретичные остатки Минусинского Музея [4, с. 113].

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) – публицист, археолог, востоковед. В фондах научной библиотеки Минусинского регионального музея имени Н.М. Мартьянова имеются следующие труды Николая Михайловича Ядринцева:

1). Отчёт о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ: отдельный оттиск // Записки Императорского Русского Археологического Общества. – СПб., 1887. – Т. III. – С. 26.;

2). Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. –СПб, 1892. – 719 с.; 3). Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях: исторический очерк // Женский вестник. – 1865. – С 104—123.

Заключение:

Перечисленные выше имена не должны остаться именами на табличках, об этих удивительных людях должны знать школьники, студенты; а жители города в ближайшее время, надеюсь, примут решение о том, кого необходимо увековечить на оставшихся четырех пустующих местах для табличек.

Список литературы

[1] ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851-2021 гг.). / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. 431 с.

[2] *Ведрова*А.В. Мартьяновские Краеведческие Чтения (2020-2021 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск XIV. Минусинск, 2021 г. // Порфирий Никитич Крылов и Минусинский музей. С. 24-27.

[3] *Ермолаева* Л.Н. Иркутск – Харбин: жизнь и время Владимира Рассушина. Материалы межрег. Научно-практ. Конф. «Рассушинские чтения», 3 апр. 2015 г. 2-е изд., доп. - Иркутск: Оттиск, 2020. - 132 с. //Архитектор Рассушин и Минусинский музей. С. 95-100.

[4] Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. 268 с.

[5] *Николай Михайлович Мартьянов*. Жизнь и призвание / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова». Минусинск: ООО «Знак», 2020. Т.1. 148 с.: ил.

УДК 004.91

Электронные архивы: proetcontra

Крайнева Ирина Александровна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
krayneva55@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-0601-9795

АННОТАЦИЯ Применение информационных технологий – один из ведущих трендов постиндустриального общества. Они способны ускорить оборот актуальной информации для бизнеса. Наша наука – история, базой которой являются архивы и музеи – не столь оборотиста. Но тем не менее, в условиях современного информационного бума перед ней также встали проблемы релевантности и своевременности получаемой информации. Чтобы актуальная информация была сохранена и использована, она должна быть доступна. В этой парадигме наша команда в ИСИ СО РАН и развивает проекты по созданию и наполнению электронных архивов документов открытого доступа. Доклад посвящен проблемам создания, бытования и использовании данных ресурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА открытые архивы СО РАН, информационные технологии, исторические исследования, музейная практика

Введение

Американским ученым в области вычислительных систем, Тьюринговым лауреатом Джэймсом Грэем (James Nicolas “Jim” Gray, 1940–?) была высказана идея четвертой парадигмы научных исследований, или науки с использованием больших объемов данных на основе grid-технологии – архива науки. И, хотя в работах Грэя и его последователей акцентируется внимание на систематизации и свободном использовании естественнонаучных реалий (экспериментальные данные и результаты моделирования), несомненно, идея большого виртуального архива науки для гуманитарных исследований не менее своевременна [1]. Данное обстоятельство усиливает актуальность свободного доступа к информации в свете установленного эмпирически позитивного влияния информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на деятельность акторов науки [2]. Требования новизны и актуальности исследований науки как социально-когнитивного института с новой силой ставят вопрос о большей и оперативной доступности архивного, библиотечного, музейного и прочих контентов наследия. Информатизация, а также коммерциализация деятельности государственных архивов получила новый импульс благодаря Интернету. Исследователи получили доступ к научно-справочному аппарату многих крупных архивов. Некоторые возможности открытого доступа к собраниям демонстрируют и музеи России благодаря системе КАМИС и Госкаталогу.

Мы считаем, что должны быть использованы и альтернативные возможности на основе свободного доступа к информации. Поэтому опыт ИСИ СО РАН, который в числе первых научных коллективов осуществил несколько проектов по созданию, научной интерпретации, методической и организационной работе в области цифровизации научного наследия, может быть актуализирован как технологичный, научно обоснованный и успешно апробированный [3].

Несколько слов о наших проектах и партнерах. За период с 2000 г. нами выполнены три проекта по созданию открытых цифровых архивов, которые аккумулируют в основном документы и фотографии по истории науки в Сибири. Наличие трех разных

[2] Три других научных парадигмы: теория, эксперимент, моделирование.

платформ объясняется исследовательскими интересами программистов, и эти коллизии мы оставим за скобками, сославшись на соответствующие работы [4, 5]. Для обоснования актуальности нашей работы приведем пару аргументов. В 2013 г., когда началась реформа РАН, она нанесла урон, в том числе, инфраструктуре памяти Академии. В частности, прекратил работу Научный совет по музеям СО РАН, финансовый пул которого составлял 10 млн. рублей в год на 40 с небольших музеев Сибирского отделения. Приходилось слышать слова сожаления от коллег-музейщиков СО РАН, для которых Научный совет по музеям был не только источником финансирования, но и методическим консультантом и клубом профессионального общения. Музеи институтов, которые имели статус исследовательских подразделений, были переведены в научно-вспомогательные, что понизило их статус.

Другой пострадавшей структурой памяти СО РАН стал Научный архив СО РАН (НАСО), персонал которого был сокращен, а комплектование документов прекратилось. Сейчас достаточно остро стоит проблема дальнейшего существования Научного архива СО РАН. В настоящее время этот ресурс находится в помещении ГПНТБ СО РАН (Научная библиотека). Ведомственная принадлежность библиотеки – Минобр РФ (до недавнего времени ФАНО). Архив же – собственность Президиума СО РАН. В кулуарах СО РАН родилась, но к счастью, еще не реализована совершенно неплодотворная идея расчленить архив, передав архивы институтов им на хранение, что может привести к полной утрате фондов. ИСИ СО РАН совместно с Институтом истории СО РАН выступают против такого решения, неоднократно обращались к руководству Президиума с предложением начать оцифровку архива, но это решение откладывается по разным причинам. ИСИ СО РАН, представляется, может стать основой дата-центра регионального уровня, но для этого нужна поддержка руководящих академических структур. Как сказано выше, нами созданы открытые архивы при участии как подразделений СО РАН: музеев и мемориальных комнат, группы прессы, Выставочного центра, газеты «Наука в Сибири», так и частных собраний.

Электронный архив академика А.П. Ершова

В 1999 г. в ИСИ СО РАН началась работа над Автоматизированной информационной системой создания и поддержки электронного архива документов – цифрового архива академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988) – создателя Новосибирской школы программирования и неформального лидера отечественных программистов. Руководили эти междисциплинарным проектом д.ф.-м.н. А.Г. Марчук и научный сотрудник его лаборатории В.Э. Филиппов. Разработчиками системы стали магистранты ММФ НГУ А.Н. Немов, К.В. Федоров и бакалавр С.В. Антюфеев. В разработке концепции системы принимали участие математик к.ф.-м.н. М.А. Бульонков, матлингвист Н.А. Черемных, историк И.А. Крайнева. Большой вклад в описание документов архива в ИС в качестве операторов внесли и вносят И.Ю. Павловская, С.И. Жуковская, А.Ф. Рар (1928–2011), Л.Л. Змиевская (1936–2022), Н.А. Полюдова, к.ф.-м.н. А.А. Бульонкова, администратор проектов А.А. Фурсенко. Работу над созданием электронной версии архива поддержал ряд отечественных и зарубежных IT–компаний (MicrosoftResearch, xTech, AtapySoftware, УНИПРО).

Как показала реализация проекта по созданию Интернет-ориентированной информационной системы «Электронный архив академика А.П. Ершова» (http://ershov.iis.nsk.su/), использование электронной версии документов имеет не только коммуникационное, но и эргономическое значение, поскольку многие исследователи, долгое время работающие с архивными источниками, страдают от хронических заболеваний, вызванных долгосрочным контактом со старой бумагой и пылью. Электронные архивы безопасны с этой точки зрения.

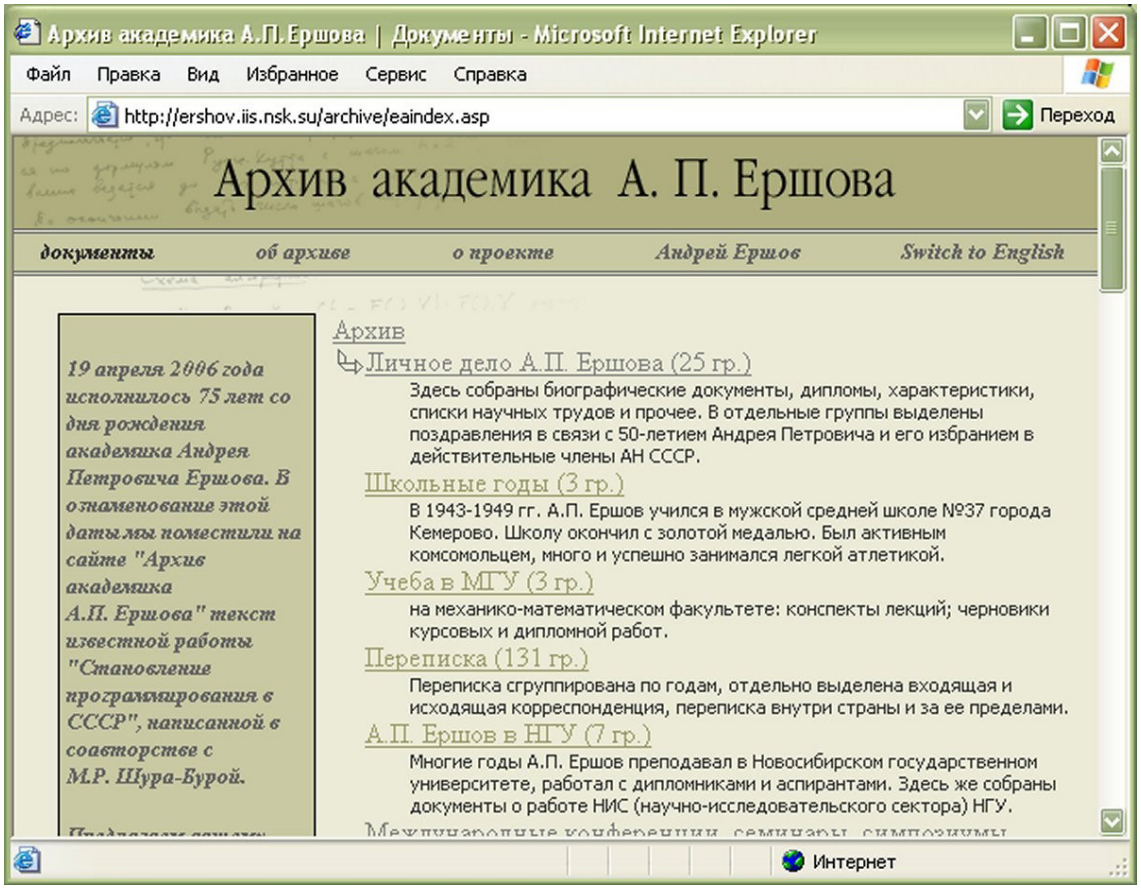

Рис. 1. Список тематико-хронолигических групп Электронного архива академика А.П. Ершова.

Помимо собственно документов из архива А.П. Ершова, на платформе Электронного архива размещены материалы по истории ИСИ СО РАН, Временного научно-технического коллектива (ВНТК) «Старт», Ершовской мемориальной конференции «Перспективы систем информатики» (PSI). Эти коллекции тематически связанные с корпусом архива А.П. Ершова. Здесь же размещены документы члена-корреспондента АН СССР Святослава Сергеевича Лаврова (1923–2004, Санкт-Петербург), предоставленные ИСИ СО РАН его учениками для публикации в Интернете. По данным на 23.06.22 ресурс содержал 42,8 тыс. документов.

Фотоархив СО РАН

По завершении проекта «Электронный архив академика А.П. Ершова» в преддверии 50-летия Сибирского отделения СО АН СССР/РАН инициативная группа ИСИ СО РАН под руководством д.ф.-м.н. А.Г. Марчука приступила к реализации проекта «Электронный фотоархив СО РАН» http://www.soran1957.ru (старт в 2005 г.). Этот ресурс объединил разрозненные коллекции фотографий по истории науки в Сибири в единый корпус документов, поступавших от фотокорреспондентов, организаций, из частных собраний.

В истории Новосибирска знаковым событием XX века стало создание города науки – Новосибирского Академгородка. Начало фотолетописи Академгородка – от момента поиска места для строительства – было положено академиком М.А. Лаврентьевым. Он пригласил фотографа Рашида Ибрагимовича Ахмерова (1926–2017), который к тому времени занимался фотофиксацией истории институтов Западно-Сибирского филиала АН СССР. Позднее к работе приступили и другие профессиональные фотографы, активно велась любительская съемка. В наши дни пополнение фотоархива СО РАН продолжается уже преимущественно из личных коллекций. Недавно фотоархив

пополнился коллекцией клуба «Квант» ФФ НГУ, фото экспедиций эколога д.б.н. А.А. Титляновой, пресс-секретаря СО АН СССР/СО РАН к.т.н. Н.А. Притвиц и другие. Полезность проделанной работы состояла не только в создании обширной коллекции, но и в том, что многие фотодокументы были достоверно аннотированы благодаря их открытой публикации.

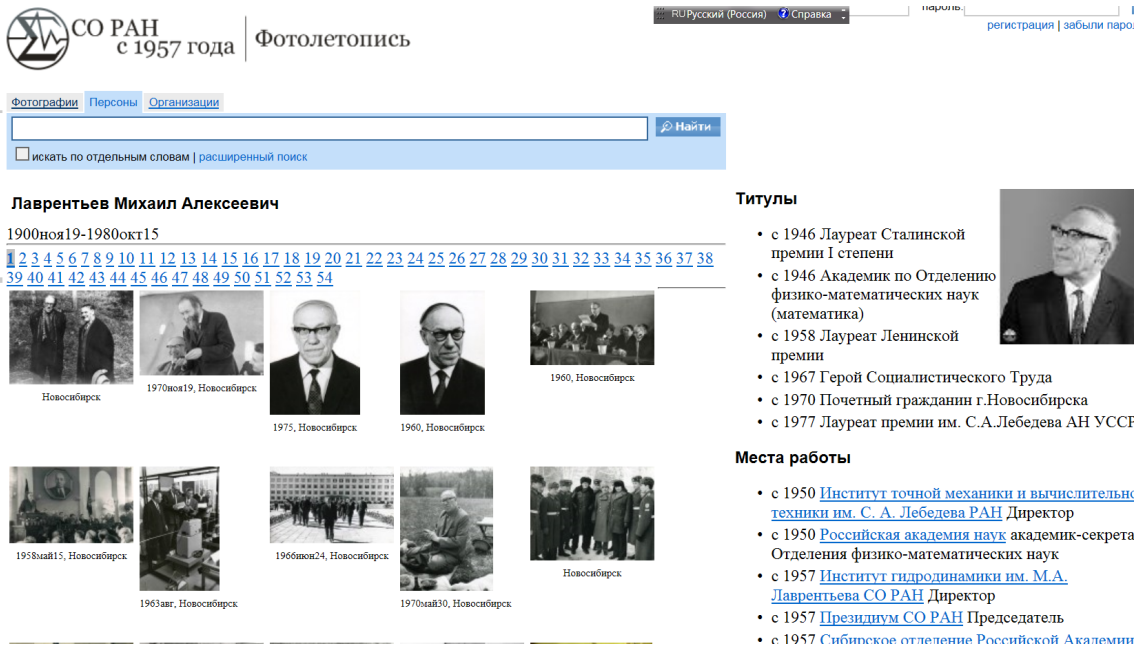

Рис. 2. Собрание фото академика М.А. Лаврентьева в Фотоархиве СО РАН.

База данных фотоархива в настоящее время содержит информацию приблизительно о 7000 персон, о 2000 организаций и мероприятий, на 23.06.2022 в архиве размещено более 33 тыс. сканов фотодокументов. Перед введением фотодокументов в систему над ними производятся реставрационные работы изображений с целью их очистки от повреждений и «шума». Эта коррекция не затрагивает содержания документа. Сканирование документов производится в качестве, пригодном для последующей печати с разрешением от 300 до 1200 dpi в несжатом формате tif и цветном пространстве RGB. В архив включаются и фотодокументы в формате jpg, созданные с помощью современных цифровых устройств.

На платформе Электронного фотоархива СО РАН также размещен архив еженедельника Сибирского отделения РАН «Наука в Сибири» (до 1983 г. «За науку в Сибири»), который выходит с 1961 г. Архив газет тематически связан с фотоархивом, его систематизация осуществлялась на основе привязки к тем сущностям, которые выявлены в фотоархиве (персоны, организации, мероприятия, и т.д.). К сожалению, браузерная технология Silverlight от Microsoft Research, которая позволяла обозревать изображение газеты в целом, приблизить некоторую область, выделить ее и привязать к сущностям предметной области, в настоящее время не поддерживается разработчиком, и мы находимся в поиске альтернативного решения. Газета имеет несколько собственных веб-сайтов с архивной страницей (https://www.sbras.info/main; https://www.sbras.ru/ru/HBC_archive).

Открытый архив СО РАН

Опыт работы в вышеописанных проектах позволил расширить тематический охват исторических источников. С 2012 г. выполнялся интеграционный проект

фундаментальных исследований Президиума СО РАН «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия» (2012–2014 гг., http://odasib.ru/). В данном проекте, помимо ИСИ СО РАН, участвовал ряд гуманитарных институтов СО РАН: Институт истории, Институт археологии и этнографии, Государственная публичная научно–техническая библиотека, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, музейные подразделения данных институтов. Каждый из участников проекта представил свою специфическую коллекцию, собранную в ходе профильной деятельности. На конец июня 2022 г. Открытый архив СО РАН включал 30 фондов (содержал 106 тыс. сканов документов на 23.06.22).

Рис. 3. Главная страница Открытого архива СО РАН.

Создание Интернет-ориентированных ИС позволяет нам расширить охват невостребованных архивов и сделать доступными коллекции, которые пока не попали в сферу интересов Научного архива СО РАН и других государственных или ведомственных архивов. Наполнение Открытого архива осуществляется из частных собраний по согласованию с фондодержателями. Собрание Открытого архива включает персональные фонды (председателей СО АН СССР/РАН академиков Г.И. Марчука, В.А. Коптюга, Н.Л. Добрецова; социолога академика Т.И. Заславской, филолога д.филолог.н. М.И. Черемисиной, математика чл.-корр АН СССР А.А. Ляпунова, физика-теоретика д.ф.-м.н. Ю.Б. Румера и других ученых). Другую группу фондов составляют архивы научных и образовательных организаций: Института археологии и этнографии, Института монголоведения, буддологии и тибетологии, Института физики полупроводников, Физико-математической школы, Высшего колледжа информатики и др. Третья группа

фондов – это архивы общественных и творческих организаций Новосибирского Академгородка: клуба альпинистов «Вертикаль», кафе-клуба «Под интегралом», театра-студии Академгородка, института «Открытое общество». Отдельное собрание составляет фонд устной истории и воспоминаний людей, профессионально и ментально связанных с Академгородком.

Рис. 4. Пример визуализации и описания документов (фронтовые письма А.А. Ляпунова) в Открытом архиве СО РАН

Персональные фонды ученых, которые преобладают в Открытом архиве, содержат не только источники личной информации, но и позволяют представить исторический контекст, в котором жили и работали наши герои. Особенной ценностью обладают такие эго-документы, как письма и дневники, которые ныне являются, практически, исчезающими видами исторических источников. В архиве собраны также делопроизводственная и судебно-следственная документация, научные труды, публицистика, периодика, изобразительные материалы и фотодокументы. Работа по наполнению Открытого архива продолжается по сей день. Некоторые материалы, введенные нами в открытые архивы, затем передаются на государственное хранение (ГАНО, АРАН).

Заключение

Важная общенаучная проблема, связанная с созданием и функционированием информационных систем (ИС) – это достоверность контента. В среде историков-профессионалов существует устойчивое мнение, что исследователю необходимо видеть подлинный документ, работать с ним непосредственно, чтобы получить о нем наиболее полное представление. Но существующая система архивации не может обеспечить охват даже тех материалов, которые она должна аккумулировать согласно своим реестрам. Создание профессиональных ИС предполагает ответственность ее разработчиков за качество воспроизведения документов, чтобы исследователь мог получить полное представление об их характере и содержании. Современные средства репрезентации позволяют это делать. Неслучайно активно издаются факсимиле редких

книг, проводится сканирование книжных раритетов.

Мы думаем, что нужно решать проблему путем создания дата-центров, которые обеспечивали бы резервное копирование контента и его поддержку в случае возникновения проблем, связанных с функционированием конкретного ресурса. Именно по такому пути идет с середины 1980-х гг. европейское сообщество. Здесь действуют программы поддержки специалистов, занимающихся сохранением, консервацией и продвижением знаний о наследии при помощи цифровой реальности: FrameworkProgrammeforResearch&TechnologicalDevelopmentFR1, 1984–1987 продолжалась до 2013 г., а ее преемницей стала программа HORIZON 2020 [6]. Помимо программ поддержки соответствующих исследований в Великобритании и Франции, например, созданы специальные центры, которые обеспечивают долгосрочное хранение программного обеспечения и доступ к нему. Кроме того, Европейская комиссия планирует создать единое «Европейское открытое научное облако» в качестве среды для хранения, обмена и повторного использования своих данных по различным дисциплинам с поддержкой соответствующей инфраструктуры [7].

В наших условиях, по-видимому, еще не достигнута критическая масса для таких решений в государственном масштабе. По инициативе сотрудников лаборатории исторической и политической информатики Пермского государственного национального исследовательского университета создан каталог историко-ориентированных систем [8]. Идет и обратный процесс: так, например, остановлено финансирование проекта Электронной библиотеки «Научное наследие России», анонсированный как единое научное информационное пространство [9].

Специализированные музейные, библиотечные и архивные системы нацелены как на решение внутренних задач организаций, так и на внешнего пользователя. Возросли возможности доступности данных, чему пример – открытые архивы, публикации коллекций, архивных описей и литературных произведений. Открытые электронные архивы активно используются в научно-исследовательской и просветительной работе по истории науки, техники и образования [10, 11]. Опыт, который мир пережил в годы пандемии, только укрепил нас в правильности и актуальности нашей работы в области применения информационных технологий для гуманитарных исследований.

Список литературы

[1] *Линч К.* Четвертая парадигма Джима Грэя и формирование архива науки // Четвертая парадигма: научные исследования с использованием больших объемов данных / Под ред. Т. Хэя, С. Тэнсли, К. Толле. Редмонд; Вашингтон, 2009. С. 175-182.

[2] *Мирская Е.З.* Новые информационные технологии в российской науке: история, результаты, проблемы и перспективы // Науковедческие исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Ракитов. М., 2011. С. 174-200.

[3] *Krayneva I., Troshkov S.* Archival Information Systems: New Opportunities for Historians // Perspectives of System Informatics: 12th International Andrei P. Ershov Informatics Conference, PSI 2019, Novosibirsk, Russia, July 2–5, 2019, Revised Selected Papers. Editors: Bjørner, Nikolaj, Virbitskaite, Irina, Voronkov, Andrei (Eds.). Series: Lecture Notes in Computer Science, Vol. 11964, Subseries: Theoretical Computer Science and General Issues. P. 41-49.

[4] *Трошков С.Н.* Об опыте миграции приложений на свободно распространяемое программное обеспечение с открытым кодом // Вестник НГУ. Серия: Информационныетехнологии.

2018. Т. 16, № 2. С. 89-91.

[5] *Krayneva I., Marchuk A.* Open Archives of the SB RAS: Systems of Historical Factography // Proceedings of the 22nd Conference on Scientific Services & Internet (SSI-2020) Novorossiysk-Abrau (online), Russia, September 21-25, 2020.

[6] Digital Heritage. Progress in Cultural Heritage : Documentation, preservation and protection // Proceedings EuroMed 2016 : 6th International conference. Nicosia, Cyprus, 2016. PartII. LNCS. 10058. P. V-VII.

[7] *Доорн-Моисеенко Т.Л.* Электронные архивы и их роль в развитии информационной инфраструктуры исторической науки. // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. С. 101-117.

[8] *Корниенко С.И., Гагарина Д.И.* Историко-ориентированные информационные системы: от сохранения источников к новым методам их изучения // Российская история. 2010. №. 3. С. 86-87.

[9] *Афиани В.Ю.* Архив в глобальном информационном пространстве. // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. Сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; Отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 62-73.

[10] *Boenig-Liptsin, Margarita.* 2015. Making Citizens of the Information Age: A Comparative Study of the First Computer Literacy Programs for Children in the United States, France, and the Soviet Union, 1970-1990. Doctoral dissertation, Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences. 389 p.

[11] *Tatarchenko, Ksenia.* 2013. A House with the Window to the West: The Akademgorodok Computer Center (1958-1993). Doctoral dissertation, Princeton, NJ: Princeton University. 274 p.

УДК 351.85

К вопросу о становлении и развитии Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова (по материалам научного архива)

Листвягова Тамара Александровна
Хранитель I категории научно-фондового отдела, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан, Россия.

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается процесс становления и развития Краеведческого музея с 1928 по 2021 года. Проводится анализ деятельности музея, его значение в культурной жизни Хакасии. Рассматривается вклад сотрудников музея и энтузиастов музейного дела в сохранение исторической памяти и культурного наследия Хакасии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА краеведческий музей, становление и развитие, фонды, коллекции, сотрудники, экспозиции, методический центр

«Цель музея не может быть иною,
чем цель хоровода и храма предков,
в который и превратился хоровод, то есть солнцевод,
возвращавший солнце на лето, возбуждавший жизнь во всем,
что замерло зимою....»
Н.Ф. Федоров

Согласно данным сайта «Культура.РФ», гуманитарного просветительского проекта, посвященного культуре России, на 2021 год каталог музеев составляет 4494 объекта из них 947 являются краеведческими, то есть комплексными. По количеству музеи уступают только домам культуры и клубам – 11237, а также библиотекам – 14313[3] . Среди обозначенных объектов культуры особое место для Хакасии занимает Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова. Музей– ровесник города Абакана, Хакасской автономной области, Хакасского национального драматического театра, Хакасского книжного издательства.

Благодаря постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20.08.1928 года «О музейном строительстве в РСФСР» и постановлению Главнауки от сентября 1928 года «Об оживлении музейной работы среди национальных меньшинств», стало возможным построение музейной сети в национальных регионах. Всвязи с этим, на организационном заседании 11 февраля 1929 года Комитета содействия Хакасского окружного краеведческого музея (Комсод), было принято решение об организации краеведческого музея в п. Усть-Абакан (ныне г. Абакан) на общественных началах. 19 февраля 1929 года зам. заведующего окружным отделом народного образования В.А. Рюмин обратился в Хакасский исполком с ходатайством «Об утверждении состава комитета содействия музею» в составе 15 человек[4] . К 21 февраля 1929 года музей открылся для посетителей.

Первым заведующим музеем был назначен ученик Н.Ф. Катанова – историк, кавказовед Владимир Афанасьевич Рюмин. Первыми экспонатами, поступившими в музей, стали палеонтологические коллекции «Фауна и флора Кембрийского периода» и «Фауна Девонского периода», переданные Томским профессором И.К. Баженовым будущему музею в 1928 году[5] , и юрта в полном убранстве, переданная учителем

[3] Культура РФ. [Электронный ресурс] https://www.culture.ru/museums/institutes/local-history/location-russia (дата обращения: 11.11.2021)
[4] Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, Фонд 11, Оп. 1, ХКМ КП 6241/27
[5] Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, Фонд 11, Оп. 1, ХКМ КП 6241/26

К.С. Тодышевым (236 предметов), которую перевозили на телегах за несколько раз. Библиотека составляла около 2000 единиц хранения. Музей принимал посетителей 3 часа в неделю, каждое воскресенье с 11 до 14 часов дня. Располагался в помещении окружного здравотдела по ул. Набережной (ныне район Никольской церкви)[6] . Из первых поступлений музея сохранилась лишь малая часть палеонтологической коллекции и последняя страница акта, где есть подпись и указано: «Сдал К.С. Тодышев. Принял: зав. музеем В. Рюмин. 3 мая 1929 г. Усть-Абаканск»[7] . Остальное утрачено в результате многочисленных переездов, пожаров, потопов.

В 1930 году В.А. Рюмин уезжает из Хакасии. По ряду причин: низкая активность практически всех членов общества, безразличное отношение со стороны руководства, партийных органов и населения к работе общества, отсутствие материальных средств на деятельность - музей и краеведческое общество к началу 1931 году фактически перестали существовать[8].

Однако, 30 марта 1931 года выходит постановление Наркома РСФСР «О мероприятиях по развертыванию краеведческого дела». На основании этого документа Хакасский областной исполнительный комитет принимает постановление от 29 июля 1931 года «Об организации Областного краеведческого музея». Таким образом, музей становится государственным, в его составе числилось три штатных единицы: директор, научный сотрудник и единица технического персонала[9]. И уже 1 ноября возобновлена работа краеведческого общества.

20 августа 1933 года Президиум ВЦИК принял постановление «О состоянии и задачах музейного строительства в АССР и АО», где в пунктах б) и в) указано следующее: « б) уделить особое внимание укреплению материально-финансовой базы существующих музеев, обеспечить их твердым бюджетом и соответствующими помещениями, неуклонно соблюдая вышеуказанное Постановление Правительства о порядке перевода музеев в другие помещения; в) обязать плановые и хозяйственные организации обеспечить бесплатное предоставление музеям диаграмм, образцов ископаемых, моделей и проч. материалов и экспонатов;». Несмотря на вышеуказанное постановление, в первые годы работы музея в нем часто менялось руководство[10], не было своего помещения, практически отсутствовала материально-технической база. Докладные записки, подготовленные проверяющими Кучугешевой (1938 г.) и Л.Н. Терентьевой (1939 г.) подтверждают проблемы с кадрами и помещением.

По рекомендации Л.Н. Тереньевой научного сотрудника Ленинградского государственного музея этнографии из Ленинграда на должность директора был приглашен этнограф П.И. Каралькин. Благодаря интенсивной исследовательской работе, организованной П.И. Каралькиным в 1939-1941 годы, в музее были уточнены названия животных и птиц, а также описаны экспонаты по геологии и минералогии в отделе природы. За год он сумел пополнить фонды музея на 250 единиц хранения и провести подготовку к масштабной выставке «Хакасия за 10 лет». Летом 1940 года Петр Ильич организовал и участвовал в разведывательной экспедиции по обследованию историко-археологических памятников. Он наладил работу по консультированию и выдаче справок по истории, этнографии, геологии и другим вопросам Хакасии. Естественно, все выше перечисленное, привело к популяризации музея. В следствие

---

6 Белоусова Л. И. «Деятельность первого краеведческого общества в Абакане» [Электронный ресурс] // ГКУ РХ «Национальный архив». https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/122/122f7f629c380af69a2472b-babof3818.pdf (дата обращения: 07.11.2021)

7 Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, Фонд 11, Оп. 1, ХКМ КП 6241/7

8 Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, Фонд 11, Оп. 1, ХКМ КП 6241/7

9 ГКУ РХ «Национальный архив» Ф-Р-39. Оп. 1. Д. 17. Л. 18

10 Известны далеко не все руководители музея, так с января по март 1934 года Гедемин (Тюндешева) Прасковья Иннокентьевна, с апреля по октябрь 1934 года Худяков Константин Михайлович, с марта 1936 по апрель 1938 года Орлова Анна Сергеевна, а с предположительно апреля по декабрь 1938 Безматерных.

чего увеличилась посещаемость музея: 1939 год – 6421 человек, 1940 год – 10218 человек. В штатном расписании музея за 1940 год числилось 2 научных сотрудника и 8 человек технического и административного персонала. Сам музей состоял из трех отделов: природы, истории и социалистического строительства. При этом фонды музея находились в летней юрте, а рабочий кабинет в помещении выставочного зала[11].

В 1941 году началась война, Петр Ильич ушел на фронт. И без того трудная жизнь музея, по причине пожара, остановилась на несколько месяцев. В годы войны с июля 1942 по 1944 год музеем руководил АН. Савчук, доцент, кандидат экономических наук, эвакуированный из Ленинграда. Он сумел организовать общественность (профессор, дин С.А. Токарев, В.П. археолог Левашева, профессор А.Н. Пассек, геолог З.А. Смолько, художники Б.Н. Соколов и Т.Г. Коцубей, учитель Н.А. Бойко, музыковед А.А. Кенель, филолог Л.С. Шептаев, Прокопенко и другие) и восстановить деятельность музея, буквально из пепла, в сжатые сроки с июля по октябрь 1942 года[12].

С 1943 года в музее, по рекомендации профессора Г.Ф. Дебеца, начал работать Альберт Николаевич Липский - этнограф, антрополог, специализировавшийся на изучении коренных народов Дальнего Востока: нанайцах, орочах, эвенах, эвенках и других. За 30 лет работы в Краеведческом музее ему, благодаря сотрудничеству с ведущими археологами (С.В. Кисилевым, М.П. Грязновым, Л.А. Евтюховой, В.П. Левашевой и др.), удалось существенно пополнить археологический фонд и создать экспозиции по истории Хакасии. Он исследует сотни исторических памятников, стел и изваяний. Липский создает самую большую коллекцию каменных изваяний. Альберт Николаевич участвует в археологических экспедициях, с конца 1960-х годов в деятельности Хакасского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, берется за паспортизацию древних могильников. Липский работал директором Краеведческого музея (1944 по 1948 гг.), а затем научным сотрудником при следующих руководителях музея: А.М. Мишурове (1949-1959 гг.), М.П. Захарове (1959-1961 гг.), В.Н. Половниковой (1961-1991 гг.)

Известно, что в 1950 году, в связи с подготовкой к 20- летию Хакасской автономной области в музее не принимали с января по октябрь посетителей и обновляли экспозиции 234 м2 по всем отделам[13]. Делали эту работу совместно с общественным советом, созданным в 1950 году. В его состав совета вошли: С.Н. Мартынов, П.В. Бутанаев, О.В. Яворский, А.Н. Гладышевский, Н.Г. Доможаков, К.М. Патачаков, А.А. Горский, А.Н. Устинов и другие.

За тот же 1950 год музей увеличивает коллекции на 4244 экспоната, и на 1 января 1951 года общий фонд предметов составляет 5773 единиц хранения. Большая часть из них – 4890 предметов были представлены в экспозициях. Что касается учетной документации, то за первые три десятка лет работы музея она практически не сохранилась. Уцелевшие книги поступлений основного фонда ведутся с 1960 года, полностью завершены 23 книги.

С 1931 года по 1973 год музей часто переезжал, горел, закрывался и возрождался вновь. Перед музеем стояла проблема не только отсутствия постоянного помещения, но и нехватки квалифицированных кадров. Музей жил благодаря силе духа и мысли, стойкости интеллигенции, образованной общественности, преданных сотрудников - их стремлению сохранить для потомков культурный пласт, срез духовной и материальной жизни предыдущих поколений, для сохранения преемственности и обретения смысла настоящего.

Стараниями В.Н. Половниковой, в 1974 году музей получил собственное помещение на 1 этаже жилого дома по адресу ул. Пушкина 96, где располагался ближайшие 43 года.

---

[11] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1940 год. // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/1а Л.3
[12] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1942 год. // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/2 Л.1
[13] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1942 год. // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/7 Л.27

В.Н. Половникова пришла работать в Хакасский областной музей краеведения в 1959 году, проработав до этого год в Красноярском музее, в 1961 году заняла пост директора. За 30 плодотворных лет ее руководства существенно расширились фонды, создавались новые экспозиции, улучшались условия учета и хранения экспонатов, расширился штат сотрудников и ежегодно повышалась их квалификация. Валентина Николаевна предприняла все возможное, чтобы превратить длинное неуютное помещение в интересную экспозицию, отстроить выставочный зал площадью около 1 тыс.м^2 [14]. К 1976 году музей был удостоен дипломом Министерства культуры РСФСР, а в 1978 году – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за совершенствование экспозиций и работу отдела советского периода.

В 1991 году на пост директора музея заступила Мылтыгашева Людмила Петровна (1991-2000) – маленькая изящная женщина с сильным характером и широким кругозором. В трудные 1990-е годы для страны она смогла сохранить, развить и увеличить музейную сеть. Она выстояла в борьбе с Правительством Республики Хакасия в его упорном стремлении заложить фонды музея наследия предков в американском банке. Тогда как, в 1989 году, по завещанию Карачаковой-Картиной в музей передана бесценная коллекция европейской живописи, антикварной мебели, скульптуры, предметов искусства и личных документов.

К сожалению, так и не была написана история музея. Серьезную работу по анализу музейного дела в Хакасии провела Татьяна Николаевна Феоктистова (2001-2011), сменившая Л.П. Мылтыгашеву. В 2006 году в свет выходит ее монография «К истории становления музеев в Хакасии». В том же 2006 году музей получает статус национального, а в 2007 становится музеем имени Л.Р. Кызласова. За время своего руководства Татьяна Николаевна неоднократно поднимала вопрос о необходимости строительства нового отдельного современного здания музея, оснащенного всем необходимым для хранения и экспонирования музейного фонда[15].

В 2017 году музей переехал в новое здание, которое было построено при поддержке главы Республики Хакасия – В.М. Зимина. Сложную задачу по транспортировке уникальных каменных изваяний решал новый директор музея – А.И. Готлиб. С 2016 года ведется работа по выполнению госзадания по формированию Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Так, к 2021 году внесено в электронную систему Камис 109932 единиц хранения, переведено в госкаталог 44337 предметов. К 2025 году основной музейный фонд РФ будет полностью переведен на единую цифровую платформу.

За свою почти вековую историю Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова превратился в истинную жемчужину Юга Сибири, где хранятся уникальные коллекции по археологии, этнографии, минералогии, палеонтологии, нумизматике, живописи, графике, мебели, филателии, коллекции редких книг, фотографий, документов и других. Все коллекции разделены на 18 фондов и на 2021 составляют более 151415[16] музейных предметов, площадь фондохранилищ 1502,9 м^2. Для сравнения: общий объем всего музейного фонда Республики на Хакасия 2020 год составляет 295709[17] предметов.

Сегодня музей состоит из 7 отделов: коммерческого развития, бухгалтерского учета, административного-хозяйственного, отдела по работе с посетителями, экспозиционно-выставочного, научно-фондового, художественного. Всего в штате

---

[14] Хакасскому национальному краеведческому музею 90 лет! **[Электронный ресурс]** // ГКУ РХ «Национальный архив». https://arhiv.r-19.ru/projects/exhibitions/khakasskomu-natsionalnomu-kraevedcheskomu-muzeyu-im-l-r-kyzlasova-90-let-/ (дата обращения: 15.11.2021)

[15] 113,5 тысяч единиц хранения

[16] Из них 101 724 ОФ и более 49691 ВФ

[17] Культура РФ. **[Электронный ресурс]** https://www.culture.ru/museums/institutes/local-history/location-russia (дата обращения: 11.11.2021)

трудится более 60 человек, из них: 4 кандидата наук (А.И. Готлиб, Е.Н. Данькин, Н.А. Данькина, К.М. Торбоставев), 2 заслуженных работника культуры Республики Хакасии (Л.Г. Угдыжекова, Е.Б. Щеголькова), 2 научных сотрудника (Е.Н. Данькин, Э.Н. Киргинеков), 43 имеют высшее образование.

Ежегодно сотрудники музея подают заявки на участие в грантах, стажировках, проходят курсы повышения квалификации, участвуют в конференциях, семинарах, круглых столах, форумах, проводят методические занятия, публикуют статьи, каталоги, сборники[18]. На протяжении десятилетий музей успешно сотрудничает с образовательными и культурными учреждениями Республики Хакасия: ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», ГКУ РХ «Национальный архив», ГБУК РХ «НБ им. Н.Г. Домажакова», представители которых входили в состав ученого совета музея. С момента основания Хакасского музея краеведения ощущается помощь и поддержка Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Сегодня музей сотрудничает с федеральными государственными учреждениями культуры такими как: Государственный исторический музей, Российский этнографический музей, Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

В ответ на запросы времени музей успешно завоевывает аудиторию в цифровом пространстве: на официальном сайте, соцсетях, мобильных приложениях.

Какой была бы наша культурная идентичность без нашего культурного наследия, без культурного кода, без культурных образцов и образов, без музея? Каким наполненным был бы наш духовный мир, какие бы связи и взаимосвязи мы могли бы выстроить с праотцами, с корнями, с малой Родиной, с миром? Как мы могли бы ответить на вопрос: - Кто мы? - Вот примеры тех немногих вопросов, которые помогают нам задуматься и понять роль и значимость музея, в частности, и культуры в целом[19].

Список литературы

[1] *Белоусова Л.И.* Деятельность первого краеведческого общества в Абакане. [Электронный ресурс] // ГКУ РХ «Национальный архив». https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/122/122f7f-629c380af69a2472bbab0f3818.pdf (дата обращения:11.11.2021).

[2] *Белоусова Л.И.* По улицам, длиною в жизнь: Страницы истории первых улиц города в 1925-1960 годы. Часть I. Абакан, 2017. 320 с.

[3] ГКУ РХ «Национальный архив» Ф-Р-39. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

[4] ГКУ РХ «Национальный архив» Ф.Р-929. Оп. 1. Д. 120. ЛЛ. 20-21.

[5] ГКУ РХ «Национальный архив» Ф.Р-929. Оп. 1. Д. 127.

[6] Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, Фонд 11, Оп. 1, ХКМ КП 6241/27.

[7] Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова, Фонд 11, Оп. 1, ХКМ КП 6241/26.

[8] Известия ЦИК И ВЦИК, от 3/X 1928 года, №230.

[9] Культура РФ. [Электронный ресурс] https://www.culture.ru/museums/institutes/local-history/location-russia (дата обращения: 11.11.2021).

[10] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1940 год // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/1а.

[18] С 2011 года в музее ежегодно проводятся Кызласовские чтения

[19] Подробнее об этом и многом другом рассуждает в своем курсе лекций Александр Азуан «Культурные коды экономики: почему страны живут по-разному». В приложении ARZAMAS и на сайте: https://arzamas.academy/courses/90/1

[11] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1942 год// НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/2.

[12] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1950 год // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/7.

[13] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1956 год // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/12.

[14] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1959 год // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/13.

[15] Отчет Хакасского Областного музея краеведения за 1965-70 год // НА ХНКМ им. Л.Р. Кызласова - Д. НА 2/14

[16] *Половникова* В.Н. Из истории Хакасского областного музея краеведения. // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка и литературы. Вып. XIII, серия историческая №1. - Абакан, 1969.С. 178-187.

[17] *Угдыжекова* Л.Г. Из истории музея. // Мартьяновские краеведческие чтения (1999-2002 гг.) Вып. 2.Абакан, 2003. С.56-58.

[18] *Федоров* Н.Ф. Музей, его смысл и назначение. [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzey.html (дата обращения: 10.11.2021).

[19] *Феоктистова* Т.Н. К истории становления музеев в Хакасии. – Абакан, 2006. 132 с.

[20] Хакасскому национальному краеведческому музею 90 лет! [Электронный ресурс] // ГКУ РХ «Национальный архив». https:// https://arhiv.r-19.ru/projects/exhibitions/khakasskomu-nat-sionalnomu-kraevedcheskomu-muzeyu-im-l-r-kyzlasova-90-let-/ (дата обращения: 15.11.2021).

УДК 94 (47)

Научные исследования Д.А. Клеменца в рамках сотрудничества с Минусинским музеем: 1883–1886 гг.

Милевский Олег Анатольевич
Доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия.
olegmilevsky@mail.ru, https:// https://orcid.org/0000-0003-4613-826X

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается научная деятельность проводимая ссыльным революционером-народником Д.А. Клеменцом в период его пребывания в политической ссылке в Минусинске. Исследуется экспедиционная деятельность Д.А. Клеменца по изучению региона, проводимая при поддержке местного музея и его директора Н.М. Мартьянова. Изучается его деятельность, направленная на формирование научных коллекций минусинского музея. Анализируется книга Д.А. Клеменца «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» и ее значение для продвижения бренда музея. Оценивается вклад Д.А. Клеменца в развитие музейного дела, а также в изучение археологии, этнографии и геологии Южной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Народничество, политическая ссылка, Южная Сибирь, минусинский музей, этнография, археология, геология.

Освоение Сибири начавшееся россиянами в XVI в. постепенно сопровождалось и ее научным изучением. Начало этому положили еще казаки-первопроходцы, затем в XVIII в. пришел черед Д.Г. Мессершмидта и Великой Северной экспедиции. Немалую лепту в «научное открытие» Сибири внесли и политические ссыльные XIX–начала XXвв., начиная от декабристов, участников польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. и заканчивая ссыльными народниками и социал-демократами. Они немало сделали для того, чтобы этот огромный крайперестал быть для жителей Европейской России только ледяной пустыней и«terraincognito». И среди этой плеяды «невольных» исследователей Сибири важное местозанимает и имя Дмитрия Александровича Клеменца (15.12. 1848– 08.01. 1914).

Научное наследи Д. Клеменца весьма многообразно и до сих пор плохо изучено. В мире науки конца XIX– начала XX вв. он был известен, как географ, геолог, этнограф, археолог и музеевед [1; 10; 25; 26; 28; 29]. Советских историков он в первую очередь интересовал, как крупный революционер-народник и общественный деятель [3; 15; 31], а уж затем как исследователь Сибири. Поэтому неудивительно, что его научная деятельность, хотя и рассматривалась в ряде работ, но делалось это весьма фрагментарно [6; 13; 33].Только в последние десятилетия этот подход изменился и ученые стали активно заниматься исследованиями его многогранной научной деятельности [5; 17; 27].

Не осталось без внимания и изучение деятельности Д. Клеменца, как одного из пионеров музейного дела в Сибири [30; 32]. В становлении Д. Клеменца, как музееведа, именно минусинский период его жизни, сотрудничество с местным музеем, а также дружба с его основателем Н.М. Мартьяновым сыграли первостепенную роль [18].

Судьба, приведшая Д. Клеменца в Минусинск во-многом характерна для «поколения 1870-х гг». Как и многие из числа учащейся молодежи, он в бытность обучения в Санкт-Петербургском университете примкнул к революционному движению, следствием чего стал его арест и ссылка. По решению властей 8 июля 1881 г. он подлежал высылке на 5 лет в Якутскую область. Однако по пути следования, в Красноярской пересыльной тюрьме, он тяжело заболел в результате чего место ссылки ему заменили на более близкое в пределах Енисейской губернии [2, л. 2], им оказался город Минусинск куда он и прибыл 26 января 1883 г.[2, л. 13].

Этот небольшой городок в 5 тысяч жителей располагался в Южной части Енисейской

губернии. А.А. Кропоткин, отбывавший в нем ссылку с 1875 по 1882 гг., писал о нем: «Минусинск – типичный сибирский городок, – серенький, невзрачный. Здесь все серо: улицы, стены, крыши домов, заборы» [14, с. 42].

Однако при этом жизнь в городе имела и очевидные плюсы. Одним из его достоинств для ссыльных являлось наличие определенного культурного ландшафта. 10 января 1877 г. благодаря подвижнической деятельности провизора Н.М. Мартьянова и при поддержке местной Думы в городе открылся музей [12, с. 47].

Оказавшись в отрыве от революционной деятельности Д. Клеменц не сдался и посвятил все свои силы самообразованию. Самым притягательным для него местом зимой 1883 г. стало здание музея и его фонды. Его основатель Н. Мартьянов искренне уважал политических ссыльных. Он одним из первых понял, какие возможности таит в себе их интеллектуальный потенциал и старался всемерно привлекать их к культурно-просветительской деятельности. В этом отношении Д. Клеменц оказался для него сущей находкой. На протяжении своего пребывания в Минусинске он неизменно помогал Н. Мартьянову в музейных делах. Но и Н. Мартьянов оказал на него сильное влияние. Во многом именно Н. Мартьянову русская наука обязана тем, что в ней появилась яркая и колоритная фигура Д. Клеменца.

Для Д. Клеменца-путешественника все началось летом 1883 г. В это время он при протекции Н. Мартьянова принял участие в экспедиции проводимой по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества (ЗСОИРГО) томским ученым А.В.Адриановым. Программа экспедиции предусматривала посещение неизученной юго-восточные части Алтая. В круг исследований включалось определение истоков реки Томь, а также водораздела рек Абакана и Мрассу и проведение археологических и этнографических изысканий [6, с. 18]. Уже в первом своем путешествии Д. Клеменц продемонстрировал недюжинные способности. Его особую роль в этом научном предприятии впоследствии отмечал и А. Адрианов, указывавший, что «Клеменц положительно стал головой и душой экспедиции» [1, с. 110].

Не забывал Д. Клеменц и о сборе материалов интересах музея. Свидетельство тому, его экспедиционные письма Н. Мартьянову. В одном из них, он, зная об особом интересе Н. Мартьянова к флоре региона сообщал, что «растений собрал по горам и здесь около 50 видов, не имевшихся в прежней коллекции» [19, л. 1 об.–2]. Пополнялись им и минералогические музейные собрания, о чем он также пишет Н. Мартьянову: «Посылаю с Байкаловым несколько пород, собранных мною между Есью и Таштыпом» [19, л. 2] или «породы числом 16, из них 4 дубликата в музей» [19, л. 1].

Это путешествие стало судьбоносным для Д. Клеменца – оно в корне изменило его жизнь. В сентябре в Минусинске появился новый Д. Клеменц – географ и путешественник. По возращении он безвылазно работал в здании музея, погрузившись вместе с Н. Мартьяновым и другим ссыльным Г.П. Андреевым в составление отчетов и описание собранных коллекций. Этому он посвятил всю зиму 1883–1884 гг. В это же время Н. Мартьянов готовил к изданию свой фундаментальный труд «Флора Минусинского округа» и думается, что ботанические коллекции собранные в экспедиции 1883 г. Д. Клеменцем, немало его работе способствовали.

Этой же зимой 1884 г. он при поддержке все того же Н.Мартьянова добился разрешения на зимнюю вылазку за пределы Минусинска. Д. Клеменц проехал по правому берегу Абакана, затем добрался до хребта Изых, но из-за трудностей зимнего перехода он не смог осмотреть западную и юго-западную часть Изыха. Поездка носила в основном геологический характер, была собрана коллекция горных пород, вновь пополнившая собрания минусинского музей. На основе изучения обнаруженного геологического материала Д. Клеменц высказал позднее подтвердившуюся гипотезу о «принадлежности Изыхских и Бейских пластов к одной и той же формации» [9, с. 13].

Летом 1884 г. он при финансовой поддержке ЗСОИРГО уже самостоятельно

отправился в составе небольшой экспедиции исследовать верховья Абакана. Ее целью являлось достижение неисследованного уголка Алтая «с водоразделом между вершинами рек Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебедя (правого притока р. Бии) и Телецким озером» [1, с. 111]. Эта экспедиция выдалась крайне непростой. И все же Д. Клеменцу удалось достигнуть истоков Абакана и нанести их на карту [20, л. 1]. В очередной раз пополнил он и коллекции музея, например, у села Таштыпское группа открыла месторождение окаменелостей, интересное в геологическом плане [9, с. 13] и часть этих находок пополнила экспозицию Минусинского музея. А на обратном пути Д. Клеменцу удалось выдвинуть блестящую научную гипотезу об изменении русла Енисея ниже деревни Означенной (Саяногорск – О.М.) [26, с. 4].

Зима 1884 – 1885 гг.в научном отношении проходила для Д. Клеменца еще более насыщенно, чем предыдущие периоды экспедиционного простоя. Он вплотную начал заниматься подготовкой каталога, затем переросшего в серьезнейшую работу «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» [10]. Работая над книгой Д. Клеменц задумывает и еще один проект: начинает собирать и обрабатывать материал для подготовки «Карты Минусинского округа с указанием главнейших археологических памятников», впоследствии ее опубликует в «Сибирских древностях» В.В. Радлов [27, с. 112].

Весна 1885 г. принесла Д. Клеменцу и новые экспедиционные хлопоты. Уже в мае 1885 г. он совместно с купцом Г.П. Сафьяновым отправился в Западные Саяны и тогда мало исследованный Урянхайский край (Тыва–О.М.). Фактически Д. Клеменц вместе с Г.Н. Потаниным и А. Адриановым, посетившим Урянхай в 1881 г., стали пионерами в научном изучении тогда таинственного Урянхайского края.

Этим же летом 1885 г. он проверил свою гипотезу о старом русле Енисея, совершив две поездки из Минусинска по Абаканской степи до Енисея у деревни Означенной и подножия Саян у села Бейского и собрал немало данных, в подтверждение гипотезы о старом русле Енисея. В дальнейшем эту его идею ученые подтвердили [11, с. 278].

Его экспедиции 1883–1885 гг. предоставили ценнейший материал для географической, и что еще более важно геологической характеристики юго- западной части Минусинского округа. Материалы, частично опубликованные в «Записках ЗСОРИГО» привлекли внимание к личности Д. Клеменца маститых ученых. В частности, на геологические данные, впервые введенные им в научный оборот, опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901 г.) [31, с. 75].

За столь непродолжительный период времени, около 3-х лет, Д. Клеменц много сделал в научном плане для естественнонаучного изучения Минусинского округа и прилегавших к нему территорий. В его исследовательской деятельности можно выделить три научных приоритета: это изучение геологии Минусинского округа, археологическое направление, пока связанное с обобщением уже имеющегося материала и вытекающее отсюда краеведение. Причем, Д. Клеменца, несомненно, можно считать одним из родоначальников именно научного краеведения. Благодаря его экспедициям постоянно пополнялись и фонды музея.

Однако, действительное научное признание, Д. Клеменцу принесли работы по археологии края, хотя в минусинский период он еще не имел права на самостоятельные раскопки, так как у него не имелось на это разрешительных документов (открытого листа – О.М.). Летом 1886 г. вышла книга «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох». Ее появление стало настоящей научной сенсацией не только в отечественной, но и мировой археологии. Она сделала имена Д. Клеменца и Н. Мартьянова известными не только в российском, но и в европейском научном сообществе.

Работа Д. Клеменца состояла собственно из книги, содержавшей описание материала и атласа рисунков. Текст книги разбивался на две части. Первая была представлена

введением, заключавшим в себе физико-географический очерк Минусинского округа, описание археологических памятников с опорой на имевшиеся тогда источники, включая новейшие работы В.В. Радлова, А.В. Адрианова, Н.В.Ядринцева, И.П. Кузнецова-Красноярского, И.Т. Савенкова, Аспелина и др. В ней Д. Клеменц разобрал классификацию курганов сделанную предшественниками, внес поправки и предложил новую классификацию. При этом, ссылаясь на авторитетное мнение современного археолога Д.Г. Савинова: «Д. Клеменц на основе визуального изучения огромного количества наземных сооружений разрабатывает их классификацию, более дробную и более соответствующую действительности, чем предложенная ранее В. Радловым» [27, с. 278].

Вторая часть работы Д. Клеменца содержала систематический каталог с общими данными по каждой группе вещей и детальными измерениями каждого памятника. Надо сказать, что издание «Древностей...», фактически открывшее для ученых археологические богатства Минусинского округа, вызвало боль научный резонанс и привлекло внимание широкой научной общественности к Минусинскому музею. Появление книги сделало и Д. Клеменца, и Н. Мартьянова, что называется персонами-грата в российском, да и вмировом научном сообществе. Прославился и сам музей. Нельзя не согласиться с высказанной мыслью, что «работа эта... сделала судьбу Минусинского музея: из никому неизвестного местного музея он делается известным даже за пределами России» [25, с. II].

Книгу разослали всем заинтересованным лицам в России и за ее пределами. Введение Д. Клеменца к каталогу «Древностей...» высоко оценил Г. Потанин, отмечавший, что «очерк составлен превосходно» и представляет блестящую работу» [28, с. 135].

В сентябре 1886 г. Н. Мартьянов получил письмо от академика П. Майкова с благодарностью за присылку атласа и описания металлических изделий из древностей Минусинского края и в ответ предложил для библиотеки музея свои издания [22].

6 декабря 1886 г. непременный секретарь Российской Академии наук К.С. Веселовский пишет заведующему музеем: «Не могу выразить, как я порадовался успеху, достигнутому Вашими стараниями в деле разыскания и описания интересных памятников старины Минусинского края. Издание Ваше – превосходно и по ученому тексту г. Клеменца, и по отличному исполнению фотогравюры Шерера и Набгольца; а обстоятельный каталог металлических древностей Музея открывает для археологов такое богатство коллекций любопытных и поучительных предметов, что может с честью выдержать сравнение с лучшими изданиями этого рода у нас и за границей» [12, с. 84].

В самом начале 1887 г. Н. Мартьянова письмом Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии уведомили, что на заседании общества 15 октября 1886 г. он был награжден золотой медалью [24]. Сразу же после выхода в свет «Древностей Минусинского музея» Д. Клеменца избрали членом-корреспондентом Московского археологического общества.

Информация о труде Д. Клеменца с его высокой оценкой появилась в 1887 г. во Франции [7, с. 6]. 13 июня 1886 г. всемирно известный Лейпцигский музей «Истории народов» присвоил Н. Мартьянову звание его почетного члена [21].

Последний год пребывания Д. Клеменца в Минусинске выдался таким же насыщенным, как и предыдущие. В августе 1886 г. истекал срок его административной ссылки и он планировал перебраться в Томск. Поэтому это лето Д. Клеменц хотел провести максимально полноценно в научном плане. Для этого нужны были средства и в этом ему помог Н. Мартьянов. Зная о денежных затруднениях Д. Клеменца он обратился за помощью к купцу – миллионеру, меценату И.П. Сибирякову. Письмо Н. Мартьянова крайне интересно и показательно в плане характеристики Д. Клеменца, как человека и ученого.

Вот, что писал Н. Мартьянов И. Сибирякову 20 июля 1886 г.: «Д.А. Клеменц более

трех лет заботится о нашем музее. Во время своих разъездов с ученой целью, и в качестве члена экспедиции А.В. Адрианова в 1883 г, и как самостоятельный исследователь, по поручению географического общества в 1884 г., он не забывал о Минусинском музее… благодаря ему, мы получили возможности, в значительной мере расширить некоторые из своих коллекций… Вообще в лице Дмитрия Александровича Музей приобрел такого ценного работника, что я не могу и выразить Вам всей признательности, какая выпадает от меня на его долю.

Будучи знаком с его солидной научной подготовкой, с его преданностью интересам науки, я часто задавался мыслью: сколько бы он принес пользы музею, если бы наш Комитет мог предложить ему средства для экскурсий, специально приуроченных к нуждам музея? К сожалению ни мы, ни он не располагаем, свободными суммами и Музей только случайно может извлекать выгоды из его поездок, по поручению того или другого ученого общества.

Пользуясь новым признаком Вашего искреннего желания, придти на помощь Музею, я хочу сделать Вам предложение: не найдете ли Вы возможным назначить полученные мною 300 рублей на разъезды Дмитрия Александровича. Он знает, что нужно музею и при своей склонности довольствоваться малым способен доставить музею несравненно больше новых и ценных материалов, чем могла бы дать его коллекция, купленная, по Вашему поручению» [23, л. 10б – 2].

Одобрительный ответ И. Сибирякова пришел из Ялты 18 сентября. Именно на эти деньги удалось снарядить небольшую экспедицию в рамках которой коллекция музея пополнилась новыми экспонатами. По итогам этой поездки впоследствии Д. Клеменц опубликовал этнографический очерк в «Восточном обозрении» [4].

В дальнейшем находясь уже вне пределов Минусинска, проживая в разные годы в Томске и Иркутске, Д. Клеменц никогда не порывал тесных контактов с Минусинским музеем. И даже перебравшись в столицу, где он работал в Музее археологии и этнографии, а затем стоял у истоков создания Этнографического отдела Русского музея он сохранял деловые и дружественные связи с минусинским музеем и его бессменным руководителем Н. Мартьяновым, которого он считал своим учителем в музейном деле.

Список литературы

[1] *Адрианов* А.В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тип. К.И. Витковского, 1917. С. 103-124.

[2] Государственный архив Красноярского края (ГА КК.). Ф. 595. Оп.63. Ед.хр. 1781.

[3] *Гольдфарб* С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд- во Иркутского ун- та, 1986. 176 с.

[4] Д. К-цъ. Из поездки в Качинскую степь // Восточное обозрение. 1886. 20 ноября. № 47. С. 10-12.

[5] *Дубов* И.В. У истоков Российского этнографического музея (К 150-летию со дня рождения Дмитрия Александровича Клеменца) // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 112-121.

[6] *Дэвлет* М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово:Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.

[7] *Дэвлет* М.А. Д.А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. № 4. С. 3-9.

[8] *Клеменц* Д.А. Заметка о девонских отложениях Минусинского округа // Материалы, собранные Д.А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг.

Омск: Тип- я Окружного штаба, 1890. С. 1-26.

[9] *Клеменц* Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск.: Тип. «Сибирской газеты», 1886. 185 с.

[10] *Ковалик* С. Ф. К биографии Д. А. Клеменца // Русская мысль. 1914. № 6. С. 4-5.

[11] *Козьмин* Н.Н. Избранные труды. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.

[12] *Кон* Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань: Типо- литография Императорского ун- та, 1902. 209 с.

[13] *Конаков* А.П. Д.А. Клеменц – основатель этнографического отдела Русского музея // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 94. М., 1968. С. 45-61.

[14] *Кропоткин* А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная России. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.12.: Восточные окраины России: Ч.1.: Восточная Сибирь. СПб.–М., 1895. С. 19-51.

[15] *Левин* Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. М.: Изд- во Всероссийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.1929. 128 с.

[16] Литературное наследство Сибири. Т.7. Новосибирск: Новосибирское книжное изд- во, 1986. С. 134-139.

[17] *Милевский* О.А. , Панчекно А.Б. Беспокойный Клеменц. М.: РОССПЭН, 2017. 695 с.

[18] *Милевский* О.А. Преодолевая расстояния история дружбы Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца // Вестник Томского государственного университета. История. № 62. 2019. С. 61-71.

[19] Минусинский краеведческий музей Основной фонд (МКМ ОФ). Ед.хр. 10566 /2.

[20] МКМ ОФ. Ед.хр. 10614 /5.

[21] МКМ ОФ. Ед.хр. 10672 /6.

[22] МКМ ОФ. Ед.хр. 10678 /8.

[23] МКМ ОФ. Ед.хр. 10686 / 5. .

[24] МКМ ОФ. Ед.хр. 10687 /6.

[25] *Могилянский* Н.М. Памяти Д.А. Клеменца // Материалы по этнографии России. СПб.: Изд- во Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III, 1914. Т. 2. С. I-VII.

[26] *Обручев* В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т.XLV. 1916. Иркутск: Тип-я К.И. Витковского 1917. С. 1-34.

[27] Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. 208 с.

[28] *Попов* И.И. Д.А. Клеменц // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 291-300.

[29] *Потанин* Г.Н. Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Т.7. Новосибирск: Новосибирское книжное изд- во, 1986. С. 134-139.

[30] *Равикович* Д.А. Клеменц Дмитрий Александрович // Российская музейная энциклопедия в 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; «РИПОЛ Классик», 2001 С. 274.

[31] *Федорова* В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд- во Красноярского ун-та, 1988. 176 с.

[32] *Черняк* Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 5-8.

[33] *Якушин* Н. Неутомимый исследователь Сибири // Сибирские огни. 1975. № 4. С. 169-184.

УДК 351.85

Музей истории политических репрессий в Туве

Ооржак Шолбан Сергеевич
Заведующий филиала музея репрессий Национального музея Республики Тыва, г. Кызыл, Россия.

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается история становления Музея истории политических репрессий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музей, музеи политических репрессий, Тувинская народная республика, трагичность судеб политических репрессий, фонды и экспозиции музея.

История человечества получила достаточно весомое количество социально-исторических травм в XX веке: еврейский холокост, геноцид армян, многочисленные гражданские войны в разных государствах, репрессии в Советском Союзе и пр.

Музей истории политических репрессий в Туве в настоящее время является филиалом Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Он располагается в г. Кызыле, по ул. Комсомольская 5. Музей был создан 29 октября 1994 году по распоряжению Министерства культуры, кино и туризма Республики Тыва[5].

Музей занимает здание, в котором в 1930-х гг. помещалось спецкомендатура НКВД ТНР. Здесь чинились расправы над руководителями ТНР, выбивая с них показания и фабрикуя их дела. Заключенных держали в подвале здания. В разное время здание использовалось в разных целях, например, оно было зданием редакции газеты «Тыванын Аныяктары» в советское время. С 1994 года его специально отреставрировали для музея политических репрессий [5].

Важным хранилищем документов тех самых «страшных» лет является Музей истории политических репрессий в Туве. В его фондах хранятся протоколы заседаний тувинского общества «Мемориал», фотодокументы и рукописи воспоминаний репрессированных и их родственников.

Задачами музея являются не только хранения музейных материалов, но и всестороннее и глубокое изучения причин и условий, породивших репрессий и аналитический подход к их последствиям.

Первым директором музея была председатель общества «Мемориал» Александра Намчыловна Кызыл-оол. Под ее руководством, музей проводил встречи и передвижные выставки в Эрзинском, Тес-Хемском, Улуг-Хемском, Сут-Хольском кожуунах и т.д. Свою работу они совмещали с деятельностью общества «Мемориал» [4].

С 1997 по 2004 год музеем руководил Ондар Дукур-оолович Охемчик, как и предыдущие директора, он также был сыном «врага народа», поэтому зная всю трагичность судеб жертв репрессий, приложил много сил и энергии в развитие музея. Им же было написано огромное количество статей для газет, посвященные репрессиям, и собрано большое количество материалов и фотоснимков, сделанных Охемчиком лично. До работы в музее он много лет посвятил газетам «Тыванын аныяктары» и «Шын», за что был удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Республики Тыва» [3].

С августа 2004 по январь 2012 года директором, с 2010 – заведующим, был Бадыргы Александрович Саар-оол, член общества «Мемориал». До этого он работал заведующим музея Тувинских добровольцев и научным сотрудником отдела истории Национального музея. При нем в 2010 году музей репрессий стал филиалом Национального музея РТ.

С 2012 года должность заведующего филиала занимал Михаил Михайлович Ондар,

а с 2016 года по 15 января 2020 года заведующим являлся Шолбан Сергеевич Ооржак. С 15 января 2020 года по 6 декабря 2021года заведующим был, кандидат исторических наук Март-оол Вячеслав Донгакович, где с 6 декабря 2021 года вновь назначили заведующим Шолбана Сергеевича Ооржака.

Фонды филиала включают в себя богатейшую коллекцию фотоснимков политических, общественных деятелей, граждан ТНР и СССР, подвергшихся репрессиям. Имеются копии материалов Центрального государственного архива РТ, Рукописного фонда ТИГПИ, фонды Национального музея, также большое количество газетных материалов и письменных воспоминаний самих репрессированных и их родственников. В общей сложности насчитывается более 1000 ед. фотографий и материалов. Также хранятся порядка 20 ед. личных вещей репрессированных [1].

Музей истории политических репрессий в Туве не только представляет посетителю артефакты и сообщают исторические факты. Экспозиции музея воздействуют на эмоции посетителей: за счёт дизайна, архитектуры, искусства, видео и фото, театральных элементов достигается эмоциональная реакция.

Повествование в музейной экспозиции в Музее истории политических репрессий в Туве ведётся, от лица пострадавших: посетителю предлагается перестать быть сторонним наблюдателем и представить себя на месте жертв. Часто жертвы описываются не как некая группа, а как отдельные личности: посетители узнают их имена, видят лица на фотографиях, читают истории из их жизни.

Идея экспозиции музея памяти состоит не только в том, чтобы рассказать о событиях прошлого. Её этический посыл для настоящего и будущего выражается в том, что важно отстаивать права человека, а тёмные страницы истории не должны повториться «никогда снова».

Также фонды музея включают в себя коллекцию фотографий руководителей ТНР (как главных организаторов и исполнителей репрессивных компаний, так и их жертв), общественных деятелей республики, подвергшихся преследованиям, репрессированных рядовых граждан ТНР и граждан СССР, постоянно проживавших на территории ТНР, а также жертв политического террора в Туве послевоенного (советского) периода. Отдельную часть фонда составляют личные вещи репрессированных. Музей ведет специальную картотеку, в которую занесены имена реабилитированных жителей республики. Собрание музея включает в себя архив документов, писем, воспоминания бывших узников ГУЛАГа и их детей, коллекцию личных вещей, принадлежащих им и связанных с историей пребывания в заключении, прошедшими ГУЛАГ, статьи авторов, предлагающих свое осмысление этой темы. Экспозиция также знакомит с судьбами людей, ставших жертвами репрессивной политики и оказавшихся в заключении. Важной частью является реконструкция кабинета следователя и фрагмент камеры политзаключенного [1].

Филиал Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, музей истории политических репрессий в Туве тесно сотрудничает с Региональной общественной историко-просветительскойорганизацией Республики Тыва «Мемориал». Филиал тувинского музея вступил в ряды Ассоциации российских музеев памяти в ноябре 2017 г. Благодаря членству филиала в Ассоциации 30 марта 2018 г. в стенах Национального музея РТ была открыта выставка «Стена скорби». Во время открытия выставки был подписан специальный договор о сотрудничестве между Национальным музеем РТ и Музеем истории ГУЛАГа [1, с. 13].

Отметим, что музей-филиал политических репрессий каждый год 30 октября в День памяти жертвам политических репрессий проводит митинг родственников жертв репрессий около памятника «Непокоренный», возведенного в 1996 году недалеко от музея скульптором Т. Ондаром. Заканчивается митинг возложением цветов у памятника и круглым столом в музее.

В 2018 г. спустя 80 лет после этого трагического события Национальным музеем им. Алдан-Маадыр Республики Тыва был запущен проект по созданию «Аллеи памяти», идея которой была предложена ветераном труда Анай Балчировной Кара-оол, которая является потомком репрессированного.

На Аллее памяти жертвам политических репрессий будут увековечены 7 мемориальных бюстов политических деятелей за счет средств близких родственников, знакомых и других.

В настоящее время установлены 4 бюста жертвам политических репрессий, которые возглавляли Туву, занимая высшие посты в исполнительной и законодательной власти органах власти [1]:

Сат Чурмит-Дажы Саны-Шири оглу (1894-1938), Председателя Совета Министров ТНР;

Оюн Танчая Чырандай оглу (1894-1938), инициатора создания тувинской национальной валюты «акша», первого министра финансов Тувы и директора Тувинского торгово-промышленного банка;

Адыг-Тюлюш Хемчик-оола Олдукай оглу (1893-1938), Председателя Президиума Малого Хурала ТНР;

Куулар Сунгар-оол Товунак оглу (1908-1938 гг.), полномочногопредставителя ТНР в Монголии и секретаря Президиума Малого Хурала ТНР.

Остальные трое политических деятелей (Кара-Сал Пиринлей,Оюн Сенгиижик и Сат Лопсан) станут олицетворением всех 130 приговорённых к расстрелу, о которых нужно особенно говорить и помнить, поскольку нет даже их могил, куда бы могли прийти с поклоном потомки.

В дальнейшем планируется создание остальных 3 бюстов репрессированных политиков 1938 г., которые станут олицетворением всех 130 приговорённых к расстрелу:

Кара-Сал Пиринлей Орума оглу (1905-1938) – Государственный прокурор.

Оюн Сенгиижик Тамчай оглу (1900-1938) – заместитель государственного прокурора.

Сат Лопсан Базыр-оол оглу (1911-1938) – министр торговли и промышленности.

Также в «Аллее памяти» планируется возвести тумбы с именами расстрелянных граждан Тувы, чьи места захоронения до сих пор неизвестны. Доподлинно известно, что в годы репрессий было расстреляно 138 чел.

За отсутствием должной и своевременной оценки трагическим событиям в данный момент именно филиал является единственным в республике местом памяти жертв политических репрессий. Больше того, выступая в качестве своеобразного «очевидца» прошлого, призван служить напоминанием и уроком для нынешних и грядущих поколений Тувы.

Список литературы

[1] *Бичелдей* К.А., Чыргалан С.Ю., Иргит О.Ю., Кадыг-оол Х.К. Развитие музейного дела в Республике Тыва: история и современность // Новые исследования Тувы. 2019. № 2. С. 4-20.

[2] *Доржу* З.Ю., Иргит О.Ю. «Дело Девяти»: судебный процесс 1938 года над государственными

деятелями Тувинской Народной Республики в годы политических репрессий // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 2 (34). С. 32-39.

[3] *Дыртык-оол, А.О.* Музейное строительство Тувы в составе Российской Федерации. Кызыл: Тув. книжн. изд-во, 2009. 136 с.

[4] *Иргит О.Ю.* Фотографии В.П. Ермолаева как важный исторический источник о репрессиях в Туве // Ермолаевские чтения. Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. 2019. С. 176-180.

[5] *Ооржак Шолбан Сергеевич* История здания музея политических репрессий в Туве // Ермолаевские чтения - 2020. №IV. С. 107-110.

[6] Культ личности и политические репрессии в Туве / Под ред. М.Б. Достак-оола. Кызыл: Тув. книжн. изд-во. 2003. 144 с.

[7] *Ховалыг С.С.* Личность в истории: Монгуш Буян-Бадыргы (1892-1932) // Вестник Евразии. 2007. № 2. С. 42-71.

УДК 351.85

Передвижной историко-этнографический музей (ПИЭМ) Т.В. Петровой (Дудоровской)

Петрова (Дудоровская)Тамара Владимировна
Почётный член ИПО «Краевед», действительный член КК ИРО РГФ, г. Красноярск, Россия.

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается история созданияпередвижного историко-этнографического музеяТ.В. Петровой (Дудоровской). Раскрывается семейная история рода Дудоровских и Рукосуевых. Характеризуются особенности коллекций музея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА передвижной историко-этнографический музей, память, потомки, экспонаты.

Я вхожу и кланяюсь музею,
С трепетом в историю смотрю,
Наслаждаюсь родиной своею –
Искренне об этом говорю.

Я прошу, чтоб Вы не охладели
И не опускали рук и плеч.
Вам спасибо скажут, что сумели
Для потомков прошлое сберечь!

Алексей Карнаухов, 2000 г.

Я, Тамара Владимировна Петрова (Дудоровская-Рукосуева), родилась в 1947 г. в д. Федино Абанского района Красноярского края. С 1957 г. проживаю в г. Красноярске, где окончила общеобразовательную школу №33 и в 1969 г. – Красноярский финансово-кредитный техникум. В 1981 г. – Красноярский государственный университет, по специальности финансист (ст. экономист, ст. бухгалтер-ревизор). Ветеран труда федерального значения. Обладаю оптимизмом и щедростью, эти качества помогают мне преодолевать успешно все невзгоды.

Основала передвижной Историко-этнографический музей (ПИЭМ) на дому, Передвижной Историко-этнографическом музее (ПИЭМ)являюсь потомком ***Дудоровских и Рукосуевых*** – поморов, выходцев из Великого Новгорода, освоивших Русский Север и Восточную Сибирь (Иркутскую область, Красноярский край).

Дудоровские пришли ***300 лет назад (1719 г.)*** в посад, а потом в Иркутск из г. Соливычегодска. Они были представителями влиятельной и могущественной группы – купцы 2, 1 гильдии, судовладельцы, осваивающие с другими купцами Алеутские острова… К***упец Н.П.Мыльников***, семейства ***Мичуриных и Дудоровских*** положили начало созданию ***Российско-Американской компании***, образованной в 1799 г. в г. Иркутске, их подписи стояли на Соединительном Акте. Один из Дудоровских был

Головой г. Иркутска и библиофилом, коллекционером, одним из основателей течения «Патриоты Сибири». Гены предков со временем проявились у меня – страсть к коллекционированию появилась уже в детстве, а тяга к торговле сыграла большую роль в профессиональной деятельности, я 7 лет проработала в ЦУМе.

Рукосуевы пришли из села Усть-Цна на реке Печора. Предки по линии бабушки и дедушки были однофамильцами - носили фамилию **Рукосуевы**. Необходимо отметить что самым первым представителем **Рукосуевых** (по линии бабушки Василисы Потаповны) являлся ***Потапко Иванов*. «Был - на государственной службе на Красном Яру на житье в казаках» в десятке Никиты Хохрякова, присланные из г. Енисейска (1627 г.).**

По линии дедушки ***Якова Ивановича Рукосуева*** - согласно ***Переписной книги*** служилых людей Енисейского уезда (1669 г.) и ***Дозорной книги*** (1673 г., л.181) РГАДА ф.214 Оп.1 Д.580: Енисейского присуд вверх по Тунгуске реке (л.169) Рыбинского острогу поименные крестьяне (л.176 об.): ***Федька Мокеев*** сын **Рукосуев** с тремя братьями – с Ывашкою, с Афонькою, с Митькою (л.178) - Ивашка Иванов сын… (л.179) Петрушка Афанасьев сын… (л.333). Иркутскому острогу на Куде реке в Красной слободе - пашенные крестьяне. (л.340 об.) Ивашка Данилов сын… (л.348) – Данилко Иванов сын… Иркутского острога на Танке реке – пашенные крестьяне.

Неожиданным было открытие в 2013 г., что по прабабушке ***Устинье Михайловне Смолиной***, я отношусь к дворянскому роду. ***Смолины в XVI*** веке были уже дворянами, занимая место по управлению дворцовыми землями. И к князю Патрикееву, люди попали из наследственных имений по матери, получившей, разумеется, из дворцовых вотчин приданое. Поэтому неудивительно, что в ***Боярских книгах*** встречам мы дворян Смолиных (существующий род). В 2013 году я получила медаль «Юбилей Всенародного Подвига 1613-2013», выпущенной к 400-летию преодоления смуты и восстановления государственности, которая была вручена на заседании Дворянского Собрания г. Красноярска (с правом ношения).

В 2005 году в своей квартире создала передвижной историко-этнографический музей. Это, прежде всего, потребность души. Музей развивает интерес к семейным реликвиям через выставки экспонатов, конкурсы, конференции, мастер-классы, встречами с любителями старины, краеведами, родословами, своими земляками, использование музейных материалов в качестве учебно-методических пособий при обучении учащихся школ, студентов и общественных организаций, помогает развивать чувство патриотизма, прививает любовь к родным местам, гордость за свой край, народ. Музей доступен и понятен для

любого посетителя, его посещают бесплатно. Раньше музей на дому посещали только родственники, друзья, одноклассники, соседи, краеведы и родословы. Экспонаты музея были представлены фотографиями в альбомах.

В 2006 г. музей стал передвижным. Все фотографии музея я расположила на планшетах и демонстрирую их с другими экспонатами.

Главными экспонатами музея являются баннеры:

1. **Публичный отчёт на мероприятии «Принцип открытости общественных организаций»** Гражданской ассамблеи Красноярского края, 2009 г. (2.4х3,6 м).

2. **Сибирская родословная Тамары Петровой (Дудоровской-Рукосуевой)** краеведа, родослова, музееведа, 2015 г. (50х70 см) и 2011 г. (1,5х2 м) На этом баннере могучий «дуб в разрезе», на котором отражен многочисленный род Дудоровских и Рукосуевых, и Смолиных (600 человек, из них 300 на фотографиях). Он, как открытая книга, дает наглядное изображение из каких мест пришли наши предки.

3. **Передвижной Историко-этнографический музей**, 2010 г. (2х3 м),

4. **300 летдеревне Федино Абанского района Красноярского края, 2016 г.** (1,5х2,2 м).

Баннеры были изготовлены по моему авторскому дизайну. Для облегчения организаций проводимых выставок были изготовлены пять заламинированных листов формата А3 с информацией больших баннеров.

В 2008 г. в таком же исполнении было изготовлено первое генеалогическое древо. (С 2015 г. принимаю участие в шествии Бессмертного полка.)

Среди экспонатов музея

- фрагменты быта XIX-XX вв.;
- ВОВ. Дошли до Берлина: Петров В.И., Рукосуев П.Я. и др.;
- рукоделие;
- детское народное творчество;
- о великих красноярских художниках В.И. Сурикове, Д.И. Каратанове (составила его родословную со слов его любимого внука и своего соседа Д.Н. Черноморцева), А.П. Лекаренко и др.;
- о создателе педагогического подвижного музея М.В. Красноженовой;
- о родословии;
- о знаменитых почетных краеведах И.Т. Лалетине, Л.В. Безъязыкове и И.Н. Бывших, И.А. Целищеве и др.;

Всё отражено в проспекте музея

При музее имеется библиотека с литературой об истории Сибири, о Русском Севере, подарочные экземпляры книг по краеведению и родословию и др., собран большой семейный фотоархив. Создан клуб «Хранители очага», в нем занимаются учащиеся школ, студенты, любители истории и старины, краеведы и родословы.

Являясь носителем русской старожильческой культуры, на основе своих детских коллекций, семейных реликвий и подарков дарителей я создала музей. Список дарителей имеется в музее, сейчас их более сорока человек и он постоянно пополняется. Дарители – люди, любящие историю и прекрасно осознающие, что большинство людей только

через музейные коллекции могут соприкоснуться с далёким или недавним прошлым.

Мне часто приходиться путешествовать по районам Красноярского края и Иркутской области: Абанский, Богучаны, Чунояр, Малеево, Кодинск, Осиновый мыс, Енисейск, Лесосибирск, Назарово, Минусинск, Ачинск, Абан, Почет, Иркутск, Братск и т.д. Эти поездки помогают мне собирать экспонаты для своего музея. Провожу мастер-классы по родословию, различные выставки на городских форумах, Днях России, Днях народного единства, в библиотеках, школах и других учебных заведениях и общественных организациях и т.д. Демонстрирую сюжеты, снятые о музее телеканалами г. Красноярска: Россия-2 («Вести») и 7 канал «Телесфера» («Народный репортёр», «Новости») и др.

Моим земляком **В. *Собачкиным*** был снят видеосюжет о презентации макета книги «Хранительница очага» о передвижном Историко-этнографическом музее, проходившей в декабре 2012 г. в Литературном музее им. В.П. Астафьева. Двоюродная сестра Л. Миллер (Рукосуева) снимала о праздновании 300-летия моей малой родины – д. Федино Абанского района Красноярского края. Съёмки проводились в июле 2016 г. в деревне, и в 2017 г. было проведено мероприятие, посвящённое юбилею деревни в Городской библиотеке им. А.М. Горького. На нём присутствовали родословы, краеведы, родственники, работники библиотеки, гости от общественных организаций. Были выставлены баннеры, планшеты, экспонаты музея. В завершении было чаепитие. Члены общества ИРО фотографировали мероприятие.

Я всегда беру в дорогу маленький альбом со снимками экспонатов своего музея, фотоаппарат, пробник родословного древа. Однажды разговорилась со случайной попутчицей, показала ей альбом. Совершенно незнакомая женщина подарила мне самопряху. Из г. Иркутска в 2008 г привезла красивый наличник, а в библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского в отделе редких книг, нашла ***V-ю Книгу 2-й ревизии 1744 г.***, где говорилось о том, когда и откуда пришли мои предки по линии отца ***Дудоровские***.

Я являюсь автором более 100 статей, опубликованных в газетах: «Красноярская газета», «Городские новости», «Красноярский рабочий», «Наш край» и др.;

- сборниках «Красноярский родослов», вып. №2 (2004 г.) и №3 (2016 г.);
- сборнике Публичных отчетов общественных организация «Принцип открытости» Гражданской Ассамблеи Красноярского края от ИПО «Краевед», декабрь 2009 г.;
- Хранители памяти - краеведы Красноярска», 2014 г.;
- автор макета книги «Хранительница очага Передвижного историко-этнографического музея Тамары Петровой» 2012 г.;
- X и X тома «Никто не забыт… ВОВ 1941-1945 гг.» 2006 г., 2008 г.;
- сборники «Пишем мы, пишут о нас», 25 штук, 2004 - 2022 г.;
- «Поляки на Енисее» книга 2, Красноярск 2005 г.;
- XI, XII, XIV тома «Книга Памяти жертв политических репрессий Красноярского края»;
- Мартьяновские краеведческие чтения. Вып.IV, V, 2007 г.;
- «Дороги Победы» 2005 г.;
- «Этих дней не смолкнет слава» 2005 г.;

Награждена более 39 дипломами, благодарственными письмами, сертификатами, почётными грамотами за проводимые выставки музейных экспозиций по родословию и краеведению в детских садах, образовательных учреждениях, библиотеках, общественных организациях, музеях города Красноярска и Красноярского края. Мероприятия, проводимые мною в образовательных учреждениях способствуют патриотическому воспитанию, взращиванию интереса к родной истории. Дети, посещающие их, могут получить представление о профессиях: историка, музееведа, журналиста, писателя и т.п.

Посетители музея часто оставляют свои отзывы. Вот некоторые из них:

«Большая редкость в наше время встретить человека, который настолько почитал бы и уважал память своих предков». Н.В. Кенская, почётный член КК ИРО РГФ.

«Ваша энергия обладает удивительной силой зажигать огонёк жажды познания».В.В. Понаморёва, преподаватель архитектурного института гор. Иркутск.

«Я думаю, что если бы предки Тамары Владимировны, которых уже нет с нами на этой земле, узнали о том, что ею было сделано, они поклонились бы ей низко в пояс за ПАМЯТЬ, которую она хранит о них и восстанавливает». Татьяна Протопопова, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института.

Краеведы и родословы Красноярского края сердечно поздравили Тамару Владимировну Петрову (Дудоровскую-Рукосуеву) с ее юбилеем и 17-летием основания её передвижного Историко-этнографического музея. Пожелали Тамаре Владимировне оставаться неутомимой и энергичной, как знают её уже много лет. Пусть это станет залогом новых открытий и успехов.

УДК 30.428.304

Сохранение и популяризация культурных ценностей советской эпохи на примере парка музеев «Галерея времени» г.Новосибирск

Плетенкина Ольга Викторовна
Старший экскурсовод, Парк музеев «Галерея времени», г. Новосибирск, Россия.
olyavp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9462-0347

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается опыт работы парка музеев «Галерея времени» по сохранению и популяризации культурного наследия советской эпохи по сохранению исторической памяти, укреплению патриотизма и чувства гордости за свою страну. Описываются современные формы организации музейной деятельности, основывающиеся на возможности погружения в ушедшую эпоху, раскрываются возможности современного музея, вызывающие у посетителей желание вновь вернуться на площадку музея с целью приобщения к культурному наследию и проведению организованного семейного досуга в формате, объединяющем парк культуры и музей в одном лице.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ностальгия,Парк музеев, культурное наследие, СССР, туризм, преемственность поколений.

В сердце Сибири, в Новосибирске, создан, успешно развивается и функционирует уникальный многопрофильный парк музеев «Галерея времени».Инновационность проекта заключается в том, что на небольшой территории объединены общей концепцией «эпоха СССР», традиционный музей «Ретро-техника», выставка военной техники под открытым небом, интерактивный музейный выставочный павильон «Музей эпохи СССР» с 15 интерьерными локациями и тремя временными музейными экспозициями из частных коллекций, а также концертный павильон с современным цифровым оборудованием.Павильоны предназначены для постоянных и сменных выставок, посредством которых парк музеев представляет многообразие и уникальность материальной и духовной культуры советского периода. Парк музеев «Галерея времени» обладает интересными собраниями, представляющими историко-культурное наследие советской эпохи. На сегодняшний день музейные фонды насчитывают более 20 тысяч единиц хранения музейных предметов. Директор парка музеев, его основатель и бессменный руководитель Курдюмов Владимир Борисович, награжден грамотами за активное участие во 2-ом Открытом Городском ретро-фестивале «От прошлого к будущему», за активное участие в 1-ом Городском фестивале ретротехники «Машины молодости нашей», за большой вклад в развитие ретро-движения в городе Новосибирске и Новосибирской области, Дипломом за победу в конкурсе «Золотая Медаль» АвтоСиб 2014, также Благодарственными письмами за активную и плодотворную работу по сохранению технического наследия на благо жителей города Новосибирска; за многолетний добросовестный труд, активную жизненную позицию и значительный вклад в дело военно-патриотического воспитания молодежи; за работу нацеленную на воспитание гуманистических ценностей, повышение культурного и образовательного уровня подрастающего поколения, за большой вклад в сохранение историко-культурного наследия Новосибирской области.

В настоящее время повсеместно наблюдается спад интереса к классической форме музейной деятельности, что является результатом развития современных интерактивных технологий и индустрии развлечений, как следствие, основные академические формы музейной деятельности также претерпели ряд изменений. Инновации и соответствие требованиям современного посетителя становятся необходимостью в сохранении,

развитии и популяризации культурно-исторического и духовного наследия каждой уходящей эпохи. Историко-культурное наследие, хранителями которого считаются музеи, являются основой для укрепления гражданской идентичности и единства общества.

Цели парка музеев «Галерея Времени»:

- способствовать социальному миру, диалогу «советских» и «постсоветских» поколений, знакомству населения с многогранным и многовековым культурным наследием России,
- создание уникального всесезонного комплекса, способствующего сохранению исторической памяти, историко-культурного наследия и укрепление патриотизма и чувства гордости за свою страну,
- развитие туризма в Сибирском регионе.

Сегодня общество переживает настоящий ренессанс под названием «Назад в СССР»: на продуктовых полках – квазисоветские товары из серии «Тот самый чай», в сети – тематические сайты и группы «Про советское детство», в сериалах – ламповые 80-е, а в музеях – экспозиции «По волнам моей памяти». «Галерея времени» - это уникальный Новосибирский музей, который дает полное представление о жизни и быте людей в советский период. В нем собрана крупнейшая коллекция исторических предметов того времени, которые в буквальном смысле переносят в прошлое и показывают жизнь простого, среднестатистического жителя, Советского гражданина. Это не просто музей с выставочными залами и коллекциями экспонатов, это сочетание времени и ценностей, которые хранятся у человека на уровне «генетической памяти», которую мы будем продолжать нести и передавать будущим поколениям многими столетиями[2].

Как ни странно, создание классического музея, каким он является в данный момент, не входило в планы организаторов. Создатели «Галереи времени» хорошо известные люди в мире ретротехники. Реставрационная мастерская Владимира Борисовича Курдюмова начала заниматься реставрацией автомобилей задолго до открытия музея в 2008 году. Первый автомобиль «ГАЗ-М-1» был отреставрирован в 2012 году. Желание поделиться успехом и продемонстрироватьширокой публике, полученный опыт работы с уникальными экспонатами и привело к открытию первой музейной выставки - 05 сентября 2020 года [7]. Таким образом, тогда ещё просто музей «Галерея времени», выработал свою индивидуальную концепцию работы с посетителем. К традиционным экскурсиям добавились форумы, конференции и концерты, кинопоказы и фэшн-мероприятия, театрализованные постановки, проведение тематических музейных уроков, квестов, мастер-классов, в которых каждый мог принять непосредственное участие, а также организация городских и региональных праздничных и памятных мероприятий и фестивалей. Более того, парк музеев является опытной площадкой для проведения и написания научных работ школьниками, студентами и аспирантами средних и высших учебных заведений, кроме того парк музеев является местом прохождения студентами производственной и преддипломной практики.

Уже через год успешной работы 1 мая 2021 года распахнула свои двери новая выставка музея «Галерея времени» – «Эпоха СССР». За это время были созданы экспозиции «Советская школа», «Коммунальная квартира», «Музыкальный магазин», «Швейная мастерская», «Гостиная 60-х - 70-х годов», «Кабинет следователя», «Комната моды», «Деревенская изба», «На задворках истории», «Ленинская комната», «Медицинский кабинет», «Выставка декоративно-прикладного искусства», «Киноаппаратная», «Фотоателье». Кроме того, музей предоставил свои выставочные площадки коллегам:

музею «Аналогового звука», «Музею В.С.Высоцкого» и музею магнитов на холодильник «Компас».

Интерьерные локации, позволяющие «прикоснуться» к экспонату показали, что за интерактивными методами работы – будущее. Несмотря на все трудности настоящего времени, и, к счастью, уже минувшего периода, когда от советского прошлого пытались избавиться, что привело к неизбежной утрате многих интереснейших экземпляров, продолжается пополнение фондовой коллекции, которая на данный момент является одной из интереснейших в сибирском регионе.

Опыт работы с посетителями, накопленный парком музеев «Галерея времени», интересен и уникален: человек, приходящий в «парк» с целью отдохнуть и развлечься, попадает в «музей» и оказывается вовлечен в культурно-просветительное пространство. Прежде чем о нём рассказать, необходимо остановиться на моменте, который стал отправной точкой в поисках новаций в борьбе за посетителя.

В реалиях современного технологического прогресса музеи вынуждены вести борьбу за реального посетителя с мультимедийной реальностью. Она делает доступным для обозрения любой артефакт почти в любой точке мира, зачем вообще выходить из дома? Однако при этом утрачивается эффект присутствия и сопереживания, который необходим человеку для осознания и своей идентичности, и культурного разнообразия в целом. Локации «Музея эпохи СССР», обставленные подлинными предметами и открытые для посетителей, позволяют решить данный вопрос: войдя, можно погрузиться в атмосферу прошлой эпохи, интерьер которой в точности воссоздают экспонаты из музейных фондов. Разве интернет даст такую возможность? Человек не живет в вакууме, поэтому на территории парка музеев «Галерея Времени» и была воссоздана бытовая среда, характерная для советской эпохи, а также представлены пусть и нередкие, но каждому, по-своему, родные и близкие предметы, позволяющие «вернуться» в годы детства, юности, молодости[8].

Через год после открытия музей выходит за рамки своей чисто экспозиционной деятельности. Открывается концертный павильон, создаются ландшафтные зоны с авиационными площадками, привлекательными для населения, как в плане отдыха, так и в плане познания советской авиатехники. Общая музейная концепция и краткие сроки реализации проектных решений позволили создать неповторимый музейный ансамбль. Выставочные экспонаты, павильоны, техника, открытые развлекательные и учебные пространства, интерьерные композиции – всё это создает удивительную канву прошлого и настоящего.В выставочных залах проводится большая массово-просветительская работа, проводятся экскурсии, читаются лекции.

В настоящее время парк музеев «Галерея времени» постоянно растёт, расширяется и развивается, преобразуется в многопрофильное учреждение, которое в будущем объединит под своей крышей историко-культурные, архитектурныеи технологические памятники советской эпохи и подобного которому, как отмечают наши посетители, в том числе и иностранные – в других регионах нет, и который является постоянным объектом наблюдений региональных, российскихСМИ: телеканалов «Россия», «ОТС», интернет-площадок NGS, Youtube, печатных изданий «Ведомости Законодательного собрания НСО» и других.

Ежедневно в течение года на территории парка музеев «Галерея времени» работают выставочные павильоны, военная экспозиция с подлинными образцами вооружения, расположенная под открытым небом, проводятся мастер-классы и ярмарки «Города мастеров». И как показывают цифры статистики, а в 2021 году музей посетили более тридцати тысяч человек, такой формат работы весьма востребован. При создании историко-культурного музейного комплекса нашей главной задачей было сохранить подлинные предметы быта и техники с воссозданием аутентичной среды, разносторонне представить разнообразие и богатство советской эпохи через

презентацию материального и нематериального наследия, интерьер и природный ландшафт. Мы объединили традиционный академический музей с экспозициями под открытым небом и парком культуры и отдыха. Считаем, что этот подход полностью себя оправдал, превратив парк музеев «Галерея времени» в одно из самых посещаемых мест в сибирском регионе.

Нам очень часто задают вопрос: «Что мы там не видели, что мы не знаем об СССР, что там можно смотреть?» Детские игрушки, школьная форма и школьные принадлежности, мебель, посуда, бытовая техника, книги, журналы, учебники – непременные свидетели ушедшей эпохи, являются её отражением и отображением тех основных моментов, на которых формировались основные жизненные принципы и складывалось мироощущение и жизнепонимание советского человека и его потомков. Простые бытовые предметы позволяют раздвинуть границы времени и вызвать приятные воспоминания, «подержать в руках частичку своего прошлого». В настоящее время парк музеев «Галерея времени» позволяет в полном масштабе оценить достижения и огромное наследие советской эпохи в области науки, культуры и техники, решая вопросы воспитания российского патриотизма, способствуя укреплению единства общества, побуждая интерес к изучению истории и культуры страны.

В результате научно-исследовательской и собирательской работы коллекция парка музеев постоянно пополняется значительным количеством музейных предметов, большинство из которых имеет историческую, культурологическую, этнографическую и региональную ценность, глубоко отражает самобытность советской эпохи.

Самой значительной коллекцией парка музеев является собрание гражданских и военных ретро автомобилей, ярчайшим представителем которого является первый русский серийный автомобиль «Руссо-Балт», модель С, выпускавшийся с 1909 года на Русско-балтийском вагонном заводе в городе Рига [1;3]. Не менее интересен редкий автомобиль времен СССР «Москвич» 1954 года выпуска по прозвищу «Буратино», частично изготовленный из дерева [6], а также автомобиль «Волга ГАЗ-24» - на который в 1970-е годы можно было обменять квартиру в центре Москвы [5].

Интересны также такие коллекции парка музеев как: угольные самовары начала XX века, отечественная и зарубежная аудио, фото и видеотехника советского периода, домотканые ковры, выполненные в лоскутной технике, коллекция фарфора (императорский завод, заводы Гарднера, Попова, Кузнецовых и др. начала XX века), коллекция часов начала-середины XX века[4].

В 2021 году фонды парка музеев пополнились вертолётом «Ми-8», в истории полётов которого есть Северный полюс и легендарным самолетом «Як-40» - ярчайшими представителями советской авиапромышленности. Сделано это было по инициативе руководства парка музеев «Галерея времени» и при поддержке транспортной компании «Энергия» и её руководителя Кучумова А.А.

У посетителей парка музеев есть уникальная возможность почувствовать себя пилотом настоящего истребителя «Альбатрос L-39» или вертолёта «Ми-2», пройти курс лётного мастерства у настоящего инструктора. В планах развития парка музеев – открытие осенью 2022 года целого выставочного павильона, посвященного авиа-космической тематике, а также тематической выставки «Святыни Сибири».

Еще одной формой сохранения, развития и популяризации историко-культурного наследия советской эпохи является участие парка музеев в развитии регионального туризма, который направлен, в том числе на знакомство посетителей с традиционными ремеслами русского народа. Участники интерактивных мастер-классов не только знакомятся с теорией, но и постигают навыки, необходимые при изготовлении предметов быта, поделок из природных материалов и оформлении интерьеров жилых помещений в соответствии с требованиями советской эпохи.

Наш опыт работы в данном направлении неоднократно рекомендовался к

распространению в регионе губернатором Новосибирской области Травниковым А.А., Министерствами культуры, региональной политики, образования Новосибирской области,неоднократно отмечавшими колоссальную работу, проделанную парком музеев и оценившими еговклад в сохранение истории страны и воспитание будущих поколений.

Этого невозможно было бы добиться без дружного сплоченного коллектива единомышленников, работающих в парке музеев «Галерея времени» и поддержки органов местной исполнительной власти.

Новосибирская область сегодня один из крупнейших, динамично развивающихся регионов России, а Новосибирск по праву считается культурной, деловой и научной столицей Сибири.

Сибирский регион обладает большим неисчерпаемым туристическим потенциалом, который заключается в наличии исторических мест, привлекательных ландшафтов, заповедников, уникальных озёр, памятников природы и современных объектов туристической инфраструктуры. Для туристов предлагаются развлечения на любой вкус: семейный отдых и активный туризм; неспешные прогулки и экстремальные виды спорта; лечение и отдых, обучение и профессиональное развитие; познавательные и культурные экскурсии и туры; музеи, концертные площадки, галереи и театры; крупнейшие фестивали, конгрессы и форумы.

Туризм основан на интересе к подлинной жизни народов, к ознакомлению с народными традициями, обрядами, творчеством и культурой. Парк музеев «Галерея времени» – это единственный в регионе музейный комплекс с выставочными павильонами, авто- мото- и военной техникой под открытым небом, занимающий высшие строчки самых популярных и посещаемых мест Сибири.

Заключение

Коллекции музея и знания, связанные с ними – важнаячасть культурного наследия, то есть накопленных «свидетельств», опыта, площадки интересного и увлекательного доступа к знанию, информации и объектам, хранящим память прошлого. Парк музеев работает по алгоритму машины времени, когда знакомые с детства предметы возвращают посетителя к добрым воспоминаниям. Это не просто тематические экспозиции – это своеобразные якоря, которые тянут за собой цепочки воспоминаний об этих предметах. Как они были куплены? Какие события с ними связаны? Происходит реконструкция времени — в первую очередь, эмоциональная.

И люди очень сильно реагируют на эти нахлынувшие воспоминания, иногда даже плачут – приходится успокаивать[2].

Таким образом, паркмузеев Новосибирска, создаваемый как уникальный всесезонный культурно-просветительский и научно-просветительский комплекс, на сегодняшний день способствует:

- воспитанию молодежи в духе уважения к истории и культуре своего народа и страны в целом;
- формированию патриотизма;
- возрождению и изучению традиций, обрядов и обычаев народов нашей страны, созданию условий для просветительской деятельности, популяризации достижений национальной культуры;
- созданию условий для удовлетворения культурных потребностей гостей и жителей региона;
- просвещению населения;

- популяризации творческих достижений в сфере декоративно-прикладного искусства, развитию народных промыслов и ремёсел, преемственности, возрождению забытых национальных ремёсел;
- росту авторитета и популярности имиджа Новосибирска в Сибирском регионе и за его пределами;
- созданию эффективной организационной инфраструктуры и базы для проведения массовых культурных мероприятий города и области (концерты, национальные праздники, выставки, смотры художественной самодеятельности различных уровней);
- развитию туризма в Новосибирской области;
- повышению инвестиционной привлекательности города и области.

Список литературы

[1] 1. Амелин П.День рождения «Галереи времени» //Спецавтострой. 2021. №2. С. 21-28.

[2] 2. Дмитриева Н. Анестезия ностальгией // ВедомостиЗаконодательного Собрания Новосибирской области, 22 декабря 2021. № 51. С. 21.

[3] Электронные ресурсы:

[4] 4. Антипов Д. В музее «Галерея времени» собрали десятки уникальных экспонатов // https://youtu.be/3Kely97cafQ.

[5] 5. Баев А. Эпоха СССР // https://youtu.be/_i3gcO2UNZs

[6] 6. Косенко Д. За машину давали квартиру в центре Москвы // https://ngs.ru/text/auto/2021/02/28/69784712/.

[7] 7. Косенко Д. Смотрите, «Буратино». В Новосибирске сохранился редкий «Москвич» из дерева – зачем в СССР делали такое //https://ngs.ru/text/auto/2021/03/10/69801191/.

[8] 8. Малков Арсений Геннадьевич День рождения Галереи Времени // https://youtu.be/cFsL-XeVG7Q.

[9] 9. Март Р. Обзор музея «Галерея времени» // https://vk.com/video-198010465_456239130.

УДК 069(571.51)

Современные цифровые технологии: цифровая перезагрузка в музее им. Н.М. Мартьянова

Решетникова Ирина Леонидовна
Учёный секретарь, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова», г. Минусинск, Россия.
irastar0000@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлен анализ опыта внедрения цифровых технологий в современную деятельность Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск, Красноярский край. Автор полагает, что краеведческий музей играет важную роль в сохранении культурной памяти, продвижении территории и ее культурного наследия. В статье рассмотрены новые музейные коммуникации, ставшие возможными благодаря применению современных цифровых технологий в музейной деятельности и ряду государственных инициатив в области культурной политики. Автор отмечает положительный опыт этой работы связанных с цифровизацией музейных коммуникаций, ряд проблем и перспективы развития провинциального музея после цифровой перезагрузки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музей, цифровизация, современные цифровые технологии, Минусинск.

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова является одним из ведущих культурных центров Енисейской Сибири. Отвечая новым запросам современного посетителя, музей постоянно перестраивает свою работу и все чаще обращается к современным цифровым технологиям. В этой статье мы рассмотрим лучшие практики применения цифровых технологий Минусинского музея, а также проблемы и перспективы развития провинциального Минусинского музея после цифровой перезагрузки.

Под цифровизацией понимается крупномасштабный долгосрочный процесс внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. Этот процесс характеризуется расширением масштаба решаемых задач; усложнением используемых цифровых технологий, включая искусственный интеллект; развитием аналитических и прогностических функций цифровых систем [2, с. 46-63.].

Цифровизация затрагивает все сферы жизни современного общества, включая и сферу культуры. Одной из приоритетных задач государственной культурной политики в России является использование цифровых коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания. С этой целью разработан национальный проект «Культура», в состав которого входит федеральный проект «Цифровая культура». Важнейшая задача этого проекта – обеспечить широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны[8, с. 17-42.].

В этой связи огромное значение приобретает задача рационального использования цифровых возможностей по всем направлениям деятельности. Перечислим некоторые направления, активно применяемые в Минусинском музе:

1. *Проектирование и модернизация инфраструктуры здания, включая интегрированное управление.*

Музейный комплекс включает здания и помещения, которые требуют преобразований в эпоху цифровизации. Своеобразной цифровой перезагрузкой для отдела музея им. Н. М. Мартьянова «Мемориального музея «Дом-квартира Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова»» стала архитектурно-художественная модернизация, в рамках его 50-летия. Сегодня проект успешно реализован, новая экспозиция получила название «Минусинск. Усадьба и быт населения уездного города XIX-XX вв.». Разработчики частично восстановили внутреннюю планировку и интерьеры жилых помещений дома, а также надворные постройки «чистой» половины усадьбы (в их числе, - завозня,

флигель, подвал, конюшня, навес). Экспозиция предусматривает аудио-визуальное сопровождение с погружением посетителя в семейное домохозяйство родовой усадьбы уездного города Сибири в начале прошлого столетия.

В настоящее время ведутся работы над созданием новой экспозиции во II корпусе Минусинского музея после реставрационных работ. Предполагается, что трансформация нового корпуса будет уникальна, так как модернизация архитектурно-строительных возможностей старого здания происходит с учетом современных требований и технологий[7, с. 40.].

2. *Комплексная система безопасности и мониторинга* (видеонаблюдение, СКУД и т.п.). Осуществляется на основе правовых актов Российской Федерации в области обеспечения безопасности музейного учреждения с применением комплекса технических средств.

3. *Оцифровка коллекций, автоматизированные системы учета фондов и хранения цифровых ресурсов.*

Министерство культуры РФ инициировало создание Государственного каталога музейного фонда РФ – единого информационного ресурса основных сведений о музейных предметах и музейных коллекциях, хранящихся во всех музеях Российской Федерации. Сейчас поставлена задача – до 2025 года все находящиеся на учете предметы занести в электронный каталог[4, с. 2–4.].

Фонд Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова» насчитывает более 200 тыс. ед. хр. Оцифровка фонда началась с 2010 года. Для этой цели музеем были приобретены программные продукты – автоматизированные информационные системы. С 2018 г. была приобретена и установлена АМС КАМИС-5. Ежегодно музей заносит около 20 тыс. ед. предметов основного фонда[7, с. 11.].

Создание электронных копий музейных предметов дает возможность обеспечить доступ ко всем экспонатам музея, а не только к тем, которые находятся на открытом хранении, т. е. в постоянных и временных экспозициях. Несмотря на то, что информация об экспонатах предоставляется предельно краткой, она все же позволяет удаленным пользователям узнать о наличии в фондах музея нужного артефакта[5, с. 189-196.].

4. *Виртуальное/информационное пространство музея (сайт, соц. сети).*

В современных условиях возможности получения знаний значительно расширены. Сегодня большое распространение получило виртуальное взаимодействие наряду с непосредственным диалогом с посетителем посредством информационных технологий. Для популяризации и продвижения музейного продукта существует множество различных digital инструментов[6, с. 23-26.], например: веб-сайт музея им. Н. М. Мартьянова: https://музей-мартьянова.рф/. Простой дизайн, интересный, полезный, и понятный для пользователей информационный контент сайта мартьяновского музея ежегодно привлекает около 25 тыс. пользователей. Медийное информационное пространство музея: статьи, видео и изображения носят научно-популярный, ознакомительный и развлекательный характер (онлайн-голосование). Активно используются и различные приложения, экраны; компьютеры и планшеты, смартфоны, гаджеты; цифровое телевидение; 3D голографическое оборудование; мобильные приложения и др. [7, с. 15.].

Гаджеты и смартфоны представляют такие возможности, как просмотр различных видеоизображений, получая информацию далеко от основного источника этой информации. С помощью планшетов можно сфотографировать музейные экспонаты, передавая снимки в интернет и распространяя их[6, с. 23-26.].

Одним из новых digital-инструментов мартьяновского музея, которым успешно пользуются многие музеи России, является мобильное приложение «Артефакт». В 2021 году Минусинский музей стал победителем конкурса Федерального проекта «Цифровая культура» национального проекта «Культура» на создание мультимедиагида на русском и английском языках с дополненной реальностью на цифровой платформе «Артефакт» (г. Москва). В рамках проекта был создан мультимедиа-гид по экспозиции «Этносы Саяно-Алтая».

Интерактивный гид позволяет самостоятельно знакомиться с редкими музейными предметами экспозиции при помощи смартфона и бесплатного приложения «Артефакт». При видеораспознавании или считывании QR-кода в экспозиции музея можно просмотреть «точки интереса», прочитать развернутое описание предмета, нажав на «точки интереса» и просмотреть фотографии. А для тех, кто предпочитает слушать, в рамках проекта «Artefact» доступен аудиогид.

Экспозиция «Этносы СаяноАлтая» посвящена истории, культуре и быту народов, живущих на территории древней долины Южного Енисея – хакасов и тувинцев. Среди артефактов коллекции – предметы шаманского культа и местной разновидности буддизма, украшения, посуда, одежда, конская упряжь, которые поступили в музей в конце XIX – начале XX века.

Воплощение этнографической выставки в виртуальном пространстве помогает «посетить» музей людям с ограниченными возможностями здоровья и иностранным гражданам, кому недоступен поход в музей.

Сохранение исторических материалов, популяризация знаний, привлечение и удержание посетителей – это главная цель деятельности любого музея. Привлечение посетителей с помощью digital-технологий в музее им. Н. М. Мартьянова осуществляется за счет видеопроектов:

- информационно-просветительский проект «История уездного города М». Видеопроект посвящен 200-летию Енисейской губернии, 145-летию Минусинского музея и 200-летия Минусинска. Основная задача – научная популяризация Минусинска как города-памятника. Видеоролики продолжительностью 5 - 7 минут снимаются и размещаются раз в месяц на сайте музея, портале Культура.24, ссылки дублируются в социальных сетях;

- научно-просветительский мультимедийный проект – «Древнейшее наследие Сибири». Разработан в 2020 г. и начал свою реализацию с января 2021 г. В его рамках представлены основные археологические культуры, их бытовые, военные, мировоззренческие особенности. Кроме того, описываются археологические памятники Среднего Енисея и деятельность Минусинского музея по их изучению и сохранению наследия. Проект является открытым инструментом научно-просветительского направления, с учётом презентации продуктов проекта через основные медиа платформы музея, что позволяет расширить возможности формирования у жителей Южной Сибири и туристов из других регионов страны комплекса знаний об археологическом наследии Минусинской котловины и его ценности.

- научно-просветительский проект – электронный лекторий «Клуб любителей локальной истории и археологии «Реплика»» https://музей-мартьянова.рф/replica/.

- оцифровка изданий из фондов научной библиотеки, связанных с историей Императорского Русского географического общества в регионе и др.

Участие в различных мультимедийных проектах позволяет популяризировать уникальное музейное собрание Мартьяновского музея в виртуальном пространстве. Так, в 2021 году музей принял участие во Всероссийском мультимедийном проекте «Музеи России: 7 экспонатов». В рамках проекта музеем было создано и представлено на виртуальных информационных платформах музея и в социальных медиа семь коротких минутных роликов о реликвиях прошлого из собрания Мартьяновского музея: Портрет Н.М. Мартьянова, вышитый шёлком на крепдешине художником Григорием Аткниным; знаменитый камень Мессершмидта, обнаруженный в 1721 году в хакасской степи; мундир барона фон Унгерна; минералы из коллекции, собранной еще Н.М. Мартьяновым; изделия Гусевского стекольного завода; бараньи лопатки из этнографической коллекции музея и книга Джорджа Кеннана из собрания научной библиотеки музея.

Создание Мультимедийного альбома-энциклопедии «Культурное наследие Юга Красноярского края» (https://музей-мартьянова.рф/wp-content/themes/muzey/assets/files/24-HTML/index.html#p=3) стало возможным в рамках победы в грантовом

конкурсе Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства в 2021 г. [7, с. 19-30.].

Digital-инструменты – это электронные ресурсы, которые обеспечивают контакт между людьми, а также организациями в интернете. К ним можно отнести активную просветительскую работу музея в социальных сетях: «Одноклассники»: https://ok.ru/profile/582788941605; «ВКонтакте»: https://vk.com/martyanov.museum и мессенжерах: «Telegram messenger»: https://t.me/mkmuzeum.

В 2020 году сфера культуры приняла на себя удар от пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19. В рамках проведения карантинных мероприятий музеи перешли в режим самоизоляции, по завершении которого, продолжили работу с ограничением на проведение массовых культурных мероприятий. Несмотря на вышеперечисленные мероприятия, связанные с профилактическими мерами по распространению коронавирусной инфекции, в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова работа не прекращалась. За этот период музей стал онлайн участником «Интермузея» – единственного в мире музейного фестиваля, в котором ежегодно участвуют сотни российских и зарубежных музеев. Структура фестиваля включала: деловую программу в формате вебинаров – более 100 мероприятий, культурную и детскую программы – около 70 событий, а также интерактивную музейную выставку, на которой Минусинский музей в рамках памятной даты – 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, представил онлайн-выставку одного экспоната – реликвии Великой Отечественной войны: двигатель с бомбардировщика дважды Героя Советского Союза С.И. Кретова.

Традиционными для музея стали организация и проведение онлайн акций, презентаций и виртуальных экспозиционно-выставочных проектов.

В 2020 году в рамках партнерского проекта Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова с Лабораторией RSSDA, которая занимается внедрением в практику исторических и археологических исследований цифровых технологий сбора и анализа пространственных данных, выполнено документирование коллекции каменных изваяний и стел, оленных камней, плит с петроглифами и рунических надписей экспозиции «Древнейшие цивилизации «Саяно-Алтая». Создано 79 моделей. Цель этой деятельности – помочь исследователю создать цифровой образ объекта исследования, а затем «увидеть невидимое» там, где традиционными методами этого достичь невозможно. Результаты лазерного сканирования экспозиции представлены на сайте Лаборатории RSSDA https://rssda.su/tables/xz-min/. О методах создания 3 D моделей уникальной экспозиции мартьяновского музея сотрудники лаборатории делились по видеоконференц-связи (ВКС) на научно-практической конференции.

С 2019 г. музей им. Н.М. Мартьянова проводит научно-практическую конференцию с международным участием «Мартьяновские краеведческие чтения» в онлайн формате. Материалы конференции публикуются в изданиях «Мартьяновские краеведческие чтения. Сборник докладов и сообщений» и в сборнике «Учёные записки Минусинского краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова», включённом в систему РИНЦ с размещением на платформе elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Электронные издания музея представлены на официальном сайте музея[1, с. 7-19].

5. *Система реализации услуг и продуктов, СКП, электронная коммерция.*

Сложившаяся финансовая ситуация заставляет музеи самостоятельно зарабатывать. В Минусинском музее привлечение дополнительных источников финансирования состоит из маркетингового комплекса в том числе электронного. Примером электронной коммерции может послужить «Сувенирная лавка» - виртуальный музейный магазин, предлагающий на сайте музея огромный выбор музейной продукции; электронная продажа билетов в музей через Интернет, в том числе по «Пушкинской карте»[7, с. 31-32].

Из вышеперечисленного комплекса электронной коммерции следует отметить, что данные меры способствуют привлечению новых посетителей в музей, повышению качества их обслуживания, стимулируют интерес и внимание общества к музею и его коллекциям[3, с. 221].

Цифровизация открывает широкие возможности для привлечения в музей посетителей и формирования постоянной заинтересованности публики, позволяет за счет новых технологий значительно обогатить экспозиционно-выставочную и культурно-образовательную деятельность музея. К числу важнейших преимуществ цифровизации музеев относятся доступность, сохранность, коммуникативность и интерактивность.

Вместе с тем существуют риски, которые несет цифровизация – это угроза превращения музея в развлекательный цифровой парк, в котором основное внимание посетителя уделяется не музейным предметам, а цифровым технологиям с доминированим досуговых мероприятий развлекательного характера взамен просветительской деятельности и формирования этического и эстетического потенциала общества[9, с. 231-241].

В результате внедрения и применения цифровых технологий в повседневную деятельность Минусинского музея можно сделать вывод, что на современном историческом этапе развития социума цифровизация музейной деятельности мартьяновцев входит в число приоритетных направлений культурной политики музея, которая способствуют эффективнее выполнять свою просветительскую функцию, давать практические знания, привлекая гостей до и после, а также во время фактического посещения.

Список литературы

[1] *Борисова С.А.* Мартьяновские краеведческие чтения (2020-2021 гг.). Сборник докладов и статей. Вып. 14. Минусинск. С 284.

[2] *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46-63.

Электронные ресурсы:

[3] Актуальные проблемы развития музеев-заповедников: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции // Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск. 2006. 221 с. https://kizhi.karelia.ru/library/aktual (дата обращения: 1.06.2022).

[4] Беляева М.А., Ладыгина Т. А. Новые музейные коммуникации: цифровая перезагрузка РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1000286 (дата обращения: 1.06.2022).

[5] *Ванеева О.В.* Комплексное использование интерактивных технологий в рамках музейного пространства // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 189-196. (дата обращения: 1.06.2022).

[6] *Клячина А.Р.* Информационные технологии в развитии музейного маркетинга https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-razvitii-muzeynogo-marketinga (дата обращения: 1.06.2022).

[7] Информация о работе муниципального бюджетного учреждения культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова» за 2021 год Минусинск. С. 40. file:///C:/Users/Пользователь/Desktop/ИТОГ-Годовой-отчет-МБУК-МКМ-за-2021.pdf (дата обращения: 1.06.2022).

[8] Национальный проект «Культура» / Министерство культуры РФ. https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/ (дата обращения: 1.06.2022).

[9] *Гендина Н.И., Косолапова Е.В., Родионова Д.Д., Рябцева Л.Н.* Цифровизация музеев и необходимость формирования информационной культуры музеологов

[10] file:///C:/Users/Пользователь/Desktop/КОНФЕРЕНЦИИ/2022/Современные%20цифровые%20технологии%20в%20музее%20им.%20Н.М.%20Мартьянова/tsifrovizatsiya-m С. 232 (дата обращения: 14.06.2022).

УДК069.51(571.51)

Минусинский Мартьяновский музей в начале XX века (по архивным источникам и печатным изданиям)

Сидорина Елена Юрьевна
Зав. научной библиотекой, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск, Россия.
kort50@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается небольшой период времени деятельности музея 1904-1913 гг., когда он переживал трудный период после смерти основателя Н.М. Мартьянова. По архивным документам и печатным изданиям представлена борьба за музей не только сибиряков, но и представителей российской научной общественности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинский музей, Академия наук, Общество географическое, город Минусинск, продажа музея.

В 1877 г. в городе Минусинске (Енисейской губернии), при содействии общественности, Николай Михайлович Мартьянов открывает музей, которым он руководил около 30 лет.

Благодаря Н.М. Мартьянову музей стал известен далеко за пределами губернии. Музей представлял свои коллекции на выставках: в 1892 г. при Московском международном конгрессе – археологическую коллекцию, в 1900 г. на Всемирной Парижской выставке – археологическую и этнографическую коллекции, также во Флоренции (1885 г.) и Чикаго (1893 г.).

После смерти Н.М. Мартьянова в 1904 г. музей переживает не лучшие времена: часто меняются заведующие, Минусинская городская дума недостаточно выделяет средств на содержание музея.

К 1908 г. усадьба музея составляла 1084 кв. саж. (на этой территории находились здания музея, библиотеки, флигель для библиотекаря, подвал, павильон для выставки с/х орудий), а стоимость их составляла 36500 руб. Кроме того, музею принадлежало движимое имущество: мебель, посуда на сумму 8500 руб.[20] .

Музей в 1907 г. приобретает усадьбу от Ярославско-Костромского Банка, где были расположены: два двухэтажных здания – каменное и деревянное, каменные флигели, кладовая и баня. Приобретённая усадьба находилась рядом с музеем. Данная покупка обошлась музею в 8585 рублей[21].

Из-за ограниченности средств в этот период не было организовано ни одной экспедиции, не решён вопрос нехватки свободного места для экспонатов, библиотечного фонда, зданиям требовался ремонт, не решён квартирный вопрос и соответственно увеличение штата работников музея.

Но музей, при всём своём безденежье, в 1908 г. приобрёл коллекции: археологическую и естественно-историческую (70 руб. 35 коп.), книги на сумму 4 руб. 60 коп., портрет П.П. Семёнова-Тян-Шанского за 48 руб. 69 коп, уплатил проценты по займу 163 руб. 33 коп. На 1 января 1909 г. музей остался должен по займу за покупку усадьбы 3000 рублей по займу и 400 руб. наличными деньгами[22].

---

[20] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 года. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1910. С. 13

[21] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 года. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1910. С. 13-14.

[22] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 года. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1910. С. 18.

В связи с тем, что Минусинский музей приходит в упадок, в 1908 г. Комитетом музея было подготовлено постановление об увеличении пособия для музея.

Постановление было доведено до сведения городской думы. В свою очередь дума подготовила ходатайство и особую записку: «Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину Иркутскому Генерал-Губернатору, чрез Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875 «О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому городскому Мартьяновскому музею».

К Записке были приложены «Журнал собрания Минусинской Городской Думы, октября 22 дня 1908 года № 252», «Протокол заседания Комитета Минусинского Мартьяновского музея. Заседание 15 сентября 1908 года» и «Заявление члена Комитета Е.К. Мартьяновой (вдовы основателя Минусинского музея).

В Записке было отмечено критическое положение: «...музей предвидит свое постепенное замирание вследствие недостаточности средств, отпускаемых на его ежегодное содержание (от Казны, с 1900 года, 1500 р. и от г. Минусинска – 300 р.)»[23] и обращено внимание на главные нужды.

Состав Комитета музея был непостоянен, большинство были должностные лица и не могли уделять большого времени для работы в музее. Вследствие этого, они участвовали в работе Комитета музея от случая к случаю.

В 1908/1909 гг. состав Комитета музея насчитывал 12 человек:

- председатель – П.А. Бахов – Городской Голова;

Члены Комитета:

- Е.К. Мартьянова (вдова Н.М. Мартьянова);
- Н.С. Волконский (горный инженер)
- П.М. Цытович (податной инспектор 1-го участка Особого раскладочного присутствия Минусинского уезда, колл. сов.)
- И.Т. Савенков (избран новым заведующим вместо уехавшего А.А. Ярилова; археолог);
- В.М. Борейша (горный инженер, в 1911 г. был избран заведующим музея);
- А.А. Строгий (лесной ревизор);
- Н. И. Войцеховский (дворянин, член Особого раскладочного присутствия, г. Минусинск);
- Н.Н. Козьмин (чиновник по землеустройству, историк);
- К.А. Козьмина (преподавательница словесности и истории Минусинской женской прогимназии);
- И.Н. Соколов;
- А.Ф. Персиков (минусинский мещанин, архитектор);
- А.Ф. Метёлкин (минусинский мещанин, владелец типографии).

Из данного списка видно, что реальную помощь в научном описании коллекций,

---

[23] О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому музею // Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину Иркутскому Генерал-Губернатору, чрез Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1908. С. 1.

[24] О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому музею // Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину Иркутскому Генерал-Губернатору, чрез Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1908. С. 2.

изготовлении новых предметов могут оказать только два человека (И.Т. Савенков и Н.Н. Козьмин).

К этому времени, как отмечается в Записке, прекратились пожертвования предметов «…за неимением у музея достаточных средств для покупки…вещей»[24].

К 1908 г. в Минусинском округе сложилась ситуация, когда кочевники переходят к оседлому образу жизни и занимаются земледелием. А вследствие этого идёт освоение новых земель, где находятся археологические памятники. И члены Комитета считают, что музей, при своём бедственном положении потеряет археологические ценности. В этом случае для музея пропадут и этнографические предметы (бубны, одежда, украшения), так как идёт быстрое обрусение инородцев, изменяются их бытовые условия.

Члены Комитета в Записке отмечают, что в научной среде есть сочувствующие Минусинскому музею, которые на протяжении 30 лет помогали музею: Императорский Казанский университет, Императорское Русское Географическое Общество, Императорское Московское Археологическое Общество, Этнографический отдел Русского Музея имени Императора Александра III. А в 1891 г. «Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич, ныне благополучно царствующий Государь Император, соизволил пожаловать Свой портрет»[25].

Комитет музея надеется, «…что на критическое положение Минусинского музея будет обращено внимание и это полезное учреждение не останется без поддержки»[26] и «…было возбуждено ходатайство о принятии Минусинского музея под покровительство Императорской Российской Академии Наук»[27].

С 1908 по 1911 гг. заведующим музеем был Иван Тимофеевич Савенков.

Некий И.К. Ковригин в письме от 19 апреля 1909 года пишет И.Т. Савенкову «…Не склонен я также слишком обвинять и Минусинское городское управление, а равно и «большую» и «малую» публику за кажущееся равнодушие к музею, – увы! – все это у нас обычно и объяснимо…»[28].

14 марта 1910 г. состоялось заседание комитета Минусинского музея по поводу «корреспонденции о переводе Минусинского музея в Томск и даже продаже этого музея городу Томску…» в газете «Русские Ведомости»[29], которая была напечатана в 85 номере «Русских ведомостей».

Членами Комитета было решено «послать от комитета музея в редакцию «Русских Ведомостей» опровержение и просить городского голову напечатать со своей стороны от Городского Общественного Управления такое же опровержение в газету «Сибирская жизнь», издающейся в Томске…»[30].

Помощник минусинского Головы А. Егонский пишет письмо в редакцию газеты «Сибирская жизнь», где заверяет, что «…ни в городе, ни в думе никогда не подымался

---

[25] О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому музею // Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину Иркутскому Генерал-Губернатору, чрез Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1908. С. 16.

[26] О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому музею // Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину Иркутскому Генерал-Губернатору, чрез Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1908. С. 16.

[27] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 года. Минусинск: типография В.В. Федорова, 1910. С. 15.

[28] Переписка с правительственными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и празднования юбилеев различных обществ // АММ. Оп. 1. Д. 147. Картон 27.

[29] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1910/11 года. Минусинск, 1912. С. 16.

[30] Протоколы заседаний комитета музея // АММ. Оп. 1. Д. 143. Картон 7.

[31] Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. СПб., 1910. № 13. С. 24.

вопрос о передаче городского Мартьяновского музея кому бы то ни было, а тем более не могло и не может ни в каком случае состояться постановление городской думы о такой передаче. Мартьяновский музей составлял, составляет и всегда будет составлять истинную гордость и неотъемлемую принадлежность города Минусинска»[31].

«Новость» о передаче или продаже Минусинского музея городу Томску широко освещалась в средствах массовой информации.

В номере 57 газеты «Сибирская жизнь» в рубрике «По Сибири (от собственных корреспондентов)» читаем: «…будто состоялось постановление городской думы о передаче в собственность города Томска местного музея на том якобы основании, что городу понадобилось здание под реальное училище. Весть эта вызывает удивление и сомнение в ее достоверности»[32].

В журнале «Сибирские вопросы» было напечатана статья «Не угашайте духа!» в защиту Минусинского музея: «…Вдруг, как гром из ясного неба, по совету какого-то местного любомудра, минусинское общество вздумало продать в Томск красу и гордость Минусинска – Мартьяновский местный музей, музей, которому мало подобных на свете. Если и знали, что в Сибири есть город Минусинск, то лишь потому, что там есть музей»[33].

Было высказано несколько причин о передаче музея Томску, это и отсутствие консерватора, и отдать помещение музея под реальное училище. Но, ни для кого не было секретом, что большую сумму для строительства музея, пожертвовал иркутский меценат, золотопромышленник И.М. Сибиряков. В своём письме от 21 февраля 1886 г. Н.М. Мартьянову он пишет о своём пожертвовании 3000 руб. на условиях: «…чтобы город пообещался ни для каких других целей это здание не употреблять»[34].

Елена Константиновна Мартьянова (вдова основателя музея), находясь за границей, также не осталась в стороне и «…выразила свой горячий протест против возникновения даже самой мысли о таком переводе»[35]. Письмо Елены Константиновны было помещено в газете «Обская жизнь».

Распорядительный комитет местного подотдела Географического Общества отрицательно высказался относительно передачи музея Томску, и такие действия назвал незакономерными[36].

Не осталось в стороне и Императорское Московское Археологическое общество. На имя заведующего музея И.Т. Савенкова в феврале 1910 года приходит письмо от председателя Общества графини П.С. Уваровой. Она пишет, что «… Необходимо спасти музей так или иначе и обратиться к людям, которые могут помочь в этом деле», и обвиняет И.Т. Савенкова в том, что он не поставил в известность «…отчего Вы ничего не пишите об этом в вашем письме»[37].

На имя заведующего музея приходит письмо городского головы П. Бахова от 11 декабря 1909 г., которое гласит: «Вследствие требования Енисейского Губернского Управлении…, основанного на требовании канцелярии Иркутского генерал-губернатора, имею честь…прислать в Городское Общ. Управление подробные отчеты о расходе денежных сумм, затрачиваемых на содержание музея…для отсылки их в губернское Управление»[38].

Предварительный отчет по музею был отправлен в Минусинскую городскую думу на двух листах от 30 января 1910 года. К данному отчёту в архивном деле прилагается

32 По Сибири (от собственного корреспондента) // Сибирская жизнь. Томск, 1910. № 57. 13 марта. С. 3.
33 Не угашайте духа! // Сибирские вопросы. СПб., 1910. № 10-11. С. 82.
34 Отчёт по постройке здания для Минусинского музея и библиотеке. Минусинск, 1890. С. 2.
35 Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. СПб., 1910. № 12. С. 21.
36 Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. СПб., 1910. № 13. С. 24-25.
37 Переписка с правительственными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и празднования юбилеев различных обществ // АММ. Оп. 1. Д. 147. Картон 57-58.
38 Переписка с правительственными и общественными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и научно-исследовательской деятельности // АММ. Оп. 1. Д. 145. Картон 43-45.
39 Переписка с правительственными и общественными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и научно-исследовательской деятельности // АММ. Оп. 1. Д. 145. Картон 43-45

список, по которому можно предположить, что отчёт был отправлен:

- «Его Превосходительству Господину Енисейскому Губернатору,
- в Енисейский Губернский Статистический комитет,
- в Канцелярию Господину Иркутскому Генерал-Губернатору»[39].
- Отчёт подписан заведующим музеем И. Савенковым.

По отчёту музея можно судить,какими суммами обходится музей: несмотря на нехватку денежных средств коллекции музея в отчётном периоде «увеличились на 478 номеров, из которых 261 местные предметы», а библиотечный фонд пополнился на «786 названий книг, журналов и газет в 1259 томах»[40].

На протяжении нескольких лет идёт переписка по спасению Мартьяновского музея, но теперь она ведётся на уровне столицы России – Санкт-Петербурга.

Городской Голова Минусинска П.А. Бахов и Комитет музея в августе 1912 г. пишут в письме И.Т. Савенкову (к тому времени проживающего в Санкт-Петербурге) «…осмелюсь обратиться к Вам, как члену музейного Комитета, с покорнейшей просьбой не отказать в принятии на себя труда по осуществлению предварительных переговоров…увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому Музею»[41].

Вопрос об увеличении пособия Минусинскому музею стал сдвигаться с мёртвой точки: в Санкт-Петербург, на имя члена Государственной Думы С.В Востротина в ноябре 1912 г. уходит письмо, где Комитет музея «…усерднейше просит Вас о поддержании в бюджетной комиссии ходатайства Минусинской Городской Думы…» и «…в случае необходимости всякого рода дополнений о Музее и его нуждах сведения Вам могут быть даны членом Музейного Комитета и бывшим Заведывающим Музея Иваном Тимофеевичем Савенковым…»[42].

Иван Тимофеевич Савенков, бывший заведующий музеем, понимая сложное положение Мартьяновского музея, готовит Докладную записку в Императорскую Академию Наук, где пишет о нуждах «…этого отдаленного окраинного музея»[43] и ходатайствует перед Академией Наук «…о принятии этого музея под свое покровительство…»[44].

П.П. Семёнов-Тян-Шанский– председатель Императорского Географического Общества, в поддержку Мартьяновского музея ходатайствует перед Министром внутренних дел Н.А. Маклаковым: «Императорское Русское Географическое Общество, всегда считая своей нравственною обязанностью поддерживать работу как отдельных лиц, учреждений, направленную к изучению и познанию нашего Отечества, почтим своим долгом и в настоящем случае ходатайствовать перед Вашим превосходительством как Министром Внутренних Дел…об увеличении в возможно большей мере ныне отпускаемой ему (Минусинскому музею) субсидии»[45].

Министр Внутренних Дел не остался равнодушным и вопрос о нуждах Мартьяновского музея был решён положительно.

---

40 Переписка с правительственными и общественными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и научно-исследовательской деятельности // АММ. Оп. 1. Д. 145. Картон 43-45.

41 Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г // АММ. Оп. 1. Д. 156. Картон 10.

42 Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. // АММ. Оп. 1. Д. 156. Картон 2.

43 Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам. 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. // АММ. Оп. 1. Д. 156. Картон 4.

44 Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам. 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. // АММ. Оп. 1 Д. 156. Картон 4.

45 Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам». 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. // АММ. Оп. 1. Д. 156. Картон 29.

Императорская Академия Наук в апреле 1913 г. докладывает Министру Внутренних дел о том, что «…Комиссия Директоров Академических Музеев, которая, ознакомившись подробно с нынешним состоянием Минусинского Музея и с описанием его богатых коллекций, послуживших материалом для работ как отечественных, так и иностранных ученых, а также приняв во внимание огромное культурное его значение в богатом, обширном и быстро развивающемся крае, пришла к решению о необходимости всемерно поддержать ходатайство Музея о дополнительных ежегодных ассигновании в его распоряжение 2000 рублей, помимо внесенных в смету Министерства Внутренних Дел 1500 рублей… Что же касается принятия Музея под покровительство Императорской Академии Наук, то и по этому ходатайству Комиссия Директоров высказалась положительном смысле…»[46].

В октябре 1913 г. Минусинский музей получает Уведомление о том, что «…состоялось принятие Минусинского Городского Мартьяновского Музея…» под покровительство Императорской Академии Наук[47].

Не только Минусинский музей был на грани закрытия, после смерти основателя.

Участь быть проданным едва не постигла и Енисейский музей (основан А.И. Кытмановым). В 1911 г. в городскую думу г. Енисейска гласным П.М. Пигасовым было написано письмо с таким предложением: «Музей для нуждающагося в средства нашего города Енисейска имеет необходимости нет. Лучше бы согласились с разрешения г. Губернатора перепродать все предметы в другие, лучшие, богатые центровые города, от продажи образовались бы средства и самое помещение приносило бы доход городу»[48]. К этому времени А.И. Кытманов уже скончался.

Городская дума рассматривает данное предложение и высказывает свое мнение: «…и городская дума вполне признает заслуги покойного перед родиной, только г. Пигасову как видно не вдомек о существовании прошлогоднего декабря постановление думы о присвоении музею имени основателя Александра Игнатьевича что он входит по истине с таким диким» предложением»[49].

Многие сибирские музея переживали в н. XX в. не лучшие времена, но благодаря местным органам власти, научным учреждениям Сибири, России не закрылись, не были проданы, а смогли наладить свою научную и просветительскую деятельность.

С момента открытия Минусинского прошло уже 145 лет, но он по-прежнему «… является тем классическим базисом, на котором будет основываться всякое дальнейшее изучение края. Его не минует ни один грядущий исследователь, и не откажет ему и его основателю в дани благодарности и удивления».

Список литературы

[1] Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князи Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков. Абакан: Журналист, 2010.

[2] О необходимости увеличения пособия, выдаваемого от казны Минусинскому Городскому Мартьяновскому музею // Записка Минусинской Городской Думы, представленная Господину

[46] Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам. 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. // АММ. Оп. 1. Д. 156. Картон 28.

[47] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею, состоящему под покровительством Императорской Академии Наук и Общественной библиотеке за 1913 год. Минусинск: типография А.Ф. Метелкина, 1914. С. 14.

[48] Наши корреспонденции. Г. Енисейск // Сибирская мысль. Красноярск, 1911. № 32. С. 2.

[49] Наши корреспонденции. Г. Енисейск // Сибирская мысль. Красноярск, 1911. № 32. С. 2.

Иркутскому Генерал-Губернатору, через Господина Начальника Енисейской губернии 7 ноября 1908 г., № 2875. Минусинск: типография В.В. Федорова, 1908.

[3] Отчёт по постройке здания для Минусинского музея и библиотеке. Минусинск, 1890.

[4] Отчёт по Минусинскому Местному Музею и Общественной Библиотеке за 1904 год. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1902.

[5] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею и Общественной библиотеке за 1908/9 года. Минусинск: типография В.В. Федорова, 1910.

[6] Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской городской общественной библиотеке за 1910/11 гг. Минусинск, 1912.

[7] Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год (без выходных данных).

[8] Переписка с правительственными и общественными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и научно-исследовательской деятельности // АММ. Оп. 1 Д. 145. Картон.

[9] Переписка с правительственными учреждениями и организациями по вопросам работы музея и празднования юбилеев различных обществ // АММ. Оп. 1. Д. 147. Картон.

[10] Переписка с Академией наук и другими учреждениями об увеличении ассигнований музею и другим административно-правовым вопросам. 13 апреля 1912 г. – 29 апреля 1913 г. // АММ. Оп. 1. Д. 156. Картон.

[11] Протоколы заседаний комитета музея //АММ. Оп. 1. Д. 143. Картон.

[12] Сибирская мысль. Красноярск, 1911. № 32.

[13] Сибирский вопросы. СПб, 1910. № 12.

[14] Сибирские вопросы. СПб, 1910. № 13.

[15] Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Буква С, 2008.

[16] *Яворский* Г. Н.М. Мартьянов. Абакан, 1961.

[17] *Ярилов* А.А. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартьянове. Юрьев, 1906.

УДК 069(571.51)

Мультимедийная музеефикация объектовкультурного наследия

Труевцева Ольга Николаевна
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историко-культурного наследия и туризмаАлтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.
trueutseva@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается возможность повышения роли традиционных музеев в сохранении и популяризации объектов культурного наследия, которые не входят в состав их коллекций. Появление новой функции обусловлено, с одной стороны, ограниченностью экспозиционных возможностей, изменениями потребностей посетителей, расширением новых видов музеев, связанных с музеефикацией объектов культурного наследия. С другой – бурным развитием электроники и информационных технологий, диверсификацией сферы использования виртуальных средств, их применение в музейной практике. Соединение данных процессов позволяют говорить о возможности мультимедийной музеефикации объектов культурного наследия, виртуальном преобразовании в музейные объекты с целью сохранения, выявления и популяризации их культурной, научно-познавательной, художественной, исторической ценности. Эффективное осуществление данной функции будет способствовать актуализации традиционных форм и методов работы музеев, росту их популярности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музей, музеология, объекты культурного наследия, музеефикация, информационные технологии, мультимедийные средства.

Наиболее заметными явлениями в музейном мире в последние три десятилетия стали музеефикация объектов культурного наследия и широкое внедрение мультимедийных технологий. При этом первое явление связано, преимущественно, с глубинными социальными процессами, обусловленными, с одной стороны, мощным натиском глобализации, размыванием национальных культур, с другой – ответной реакцией этнических общностей по защите своих традиционных ценностей, поиску и публичному утверждению своей культурной идентичности. Второе – прямое следствие развития науки и техники, электронных технологий и их проникновение во все сферы нашей жизни. Возможно ли увязать эти объективные процессы и направить их в русло осуществления новой для музея функции, мы попытаемся рассмотреть в данной статье.

О каком нововведении в музейную деятельность пойдёт речь? О сохранении и популяризации природного и культурного наследия. Казалось бы, что здесь нового, ведь именно для этого и создавались музеи, этим они и занимаются. Однако, не всё так просто.

Возьмём, к примеру, архитектурное наследие. Да, многие музеи занимают старинные здания, которые являются памятниками истории и архитектуры, и, соответственно, заботятся об их сохранении. Отметим, что для большинства музеев это скорее беда, чем преимущество. Содержать старые не приспособленные здания в условиях ограниченного финансирования и обеспечивать при этом сохранность фондов, не имея специализированных хранилищ, не просто. Сохранение большей части зданий-памятников, как правило, отдаётся на откуп арендаторам. При этом значительная часть исторических зданий на долгие годы остаются без использования, фактически бесхозными, обречёнными к постепенному разрушению.

Не лучше, а точнее гораздо хуже обстоит дело с археологическим наследием. В подавляющем большинстве случаев, археологи, завершив раскопки, приступают к исследованию своих находок, забывая о самих памятниках. Десятки тысяч курганов по стране остаются бесхозными, провоцируя «чёрных копателей» на преступный промысел.

Не меньше проблем и в сохранении и популяризации нематериального культурного наследия. Его собиранием, изучением сегодня занимаются, преимущественно, дома народного творчества, этнокультурные объединения, лаборатории исторического краеведения вузов, студенты-практиканты исторических факультетов и институтов культуры. Этот процесс никем не координируется, ничем не регламентируется, собранные этнографические и фольклорные материалы, в лучшем случае, пылятся в вузовских музеях и лабораториях и постепенно предаются забвению.

Перечень проблем можно продолжить трудностями сохранения объектов природного наследия; комплексных объектов, объединяющих ландшафтные зоны с архитектурными сооружениями; достопримечательных мест, относящихся к памятным местам, культурным и природным ландшафтам, связанным с историей формирования этнических общностей на территории РФ; религиозно-исторических мест, которые с 2017 года также отнесены к объектам культурного наследия.

Казалось бы, перечисленные объекты находятся в компетенции органов государственной охраны культурного наследия, и, следовательно, они и призваны заниматься его популяризацией. Но, во-первых, они никогда этим не занимались и не располагают необходимыми специалистами, хотя при соответствующей административно-политической воле это дело поправимое. Во-вторых, и это главное, трудно представить историко-краеведческий музей, который обходит стороной региональное культурное достояние.

Чтобы решить вопрос: стоит ли заниматься музеям популяризацией объектов недвижимого культурного наследия необходимо обратиться к понятию музеефикации. Наиболее весомый вклад в его исследование и определение внесла М.Е. Каулен. Достаточно вспомнить её многочисленные статьи, включая «Музейную энциклопедию»[1, с. 390-393], учебное пособие и монографию, целиком посвящённые данной проблеме [3;4], а также Э.А. Шулепову, защитившую докторскую диссертацию, в которой музеефикация рассматривалась как механизм использования культурного наследия на региональном уровне [5]. Музеефикацию рассматривали в своих работах В.Д. Белецкий, Е.К. Дмитриева, В. М. Кимеев, Т.М. Кольцова, А.И. Мартынов,Е. Н. Мастеница, А.Н. Медведь. Список исследователей далеко не исчерпывающий: различные аспекты проблемы рассматривали практически большинство музеологов. При этом отметим, что существенных различий в общем подходе к пониманию сути процесса не отмечается.

Большинство исследователей и практиков трактуют музеефикацию как преобразование объектов природного и культурного наследия в музейные объекты с целью сохранения, выявления и популяризации их культурной, научно-познавательной, художественной, исторической ценности. Чаще всего это происходит с недвижимыми историко-культурными памятниками: архитектурными сооружениями, дворцово-парковыми ансамблями, домами, в которых проживали выдающиеся личности, производственными зданиями, которые превращаются в музеи-дворцы, дома-музеи, музеи-усадьбы, музеи-заводы, музеи-заповедники и др.

Процессы не новые, но в последние годы они приобрели доминирующее значение и в создании музеев, и в привлечении посетителей, которые стали «уставать» от музеев традиционного коллекционного типа. Сочетание рекреационных преимуществ музеев под открытым небом с ощущением достоверности, которую создаёт естественная среда бытования музейных предметов, в большей мере притягивает современного посетителя, избалованного информационной насыщенностью электронных гаджетов.

Разумеется, это вовсе не означает, что надо сворачивать деятельность традиционных историко-краеведческих музеев, которых у нас в стране подавляющее большинство. Их главное преимущество – насыщенность подлинными предметами старины, отнюдь не утрачивает свою притягательность для людей. Но и построение экспозиции вокруг отдельных предметов не исчерпывает потребностей посетителей. Сегодня многие, не говоря уже о школьниках и студентах, хотят получить целостную картину исторического развития во всём его культурном многообразии. Но на это способны лишь отдельные крупные, как правило, столичные музеи, располагающие огромными фондами,

формировавшимися со времён создания Кунсткамеры за счёт поступления историко-культурных ценностей со всех уголков страны.

Каким образом могут попытаться решить эту проблему региональные, городские, районные краеведческие музеи? Очевидно, что рассчитывать на радикальное увеличение бюджетов, которое бы позволило музеефицировать, восстановить, отреставрировать привлекательное историческое здание, наполнить его уникальным антикварiатом и новейшим мультимедийным оборудованием – не приходится. Но и другого выхода, кроме использования возможностей цифровизации нет.

Что может дать небогатому провинциальному музею привлечение на свою сторону виртуальной реальности? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо провести «ревизию» применения мультимедийных средств в российских музеях. К числу наиболее популярных и доступных средств относится представление музея в Интернете. Сегодня редкий музей не имеет своего сайта, многие размещают различную информацию о себе и своих коллекциях в социальных сетях. Значительная часть сайтов предлагает виртуальные экскурсии. В некоторых музеях они сделаны на любительском уровне, но, тем не менее, первые опыты стимулируют дальнейшее применение компьютерных технологий.

С каждым годом всё большее распространение, как правило, в музеях регионального уровня получают информационные сенсорные киоски с возможностью интерактивной навигации. Оснащённые сенсорными экранами и специально разработанным программным обеспечением, они выполняют в музее различные функции.

С их помощью посетитель может получить информацию об истории музея, об экспозиции, новых или наиболее ценных экспонатах, фондах и уникальных музейных предметах, которые по каким-либо причинам находятся в хранилищах или на реставрации, представить видео, дополняющее выставку нематериального культурного наследия. Это оборудование сегодня активно используется для создания и демонстрации Книг памяти, интерактивных карт, других дополнительных визуальных материалов.

Если отдельные элементы виртуальной реальности получили распространение во многих, даже провинциальных музеях, то дополненная реальность для них пока ещё мечта, которую можно наблюдать пока только в Эрмитаже и других местах подобного уровня [6, с. 27-32].

Полученные с помощью 3D-точные виртуальные копии уникальных объектов культурного наследия «оживают» в любом смартфоне. Следует отметить, что мечта эта, скорее всего, не очень далёкая. Если сегодня оборудование для создания дополненной реальности пока ещё стоит очень дорого, в ближайшем будущем оно может стать таким же привычным как персональный компьютер или фотокамера в телефоне.

Но уже сегодня есть простые, эффективные средства, чтобы с достаточной полнотой и красочностью представлять объекты природного и культурного наследия, находящиеся далеко за пределами музейной экспозиции. Это широко известные, по крайней мере, в молодёжной среде, QR-коды. В туристско-экскурсионной деятельности они чаще всего используются для сообщения дополнительной информации о наиболее популярных объектах городской среды. Может быть этой информацией, закреплённой на памятниках архитектуры и монументального искусства и стоит ограничиться и не дублировать её в музее?

Убеждены, что дублировать ничего не нужно. У музея свои особенности содержания и стиля нарратива, определяемого экспозиционными задачами. Главная проблема подавляющего большинства музеев в ограниченности экспозиционного пространства, не позволяющего выставить всё, что накоплено десятилетиями, а иногда и столетиями коллекционирования, концентрирующего информацию в скупую лаконичную этикетку. Поэтому многим объектам историко-культурного наследия не находится места под крышей музея.

Именно здесь и должно прийти на помощь QR-кодирование, которое без особых финансовых затрат обеспечит каждого посетителя необходимым объёмом качественной информации с учётом его возрастных, интеллектуально-образовательных потребностей,

ограниченных только базой данных музея. При этом сам по себе QR-код занимает минимум места на экспозиционном стенде. Другое важное его достоинство заключается в возможности оперативно вносить изменения, пополнять базу данных, обеспечивающую функционирование кода. Третья особенность – предоставление посетителю возможности выбора и использования информации, что создаёт условия для его мотивирования к продолжению изучения музейных коллекций.

Использование QR-кодов в музейной практике – это лишь одно из многочисленных средств «преобразования объектов природного и культурного наследия в музейные объекты с целью сохранения, выявления и популяризации их культурной, научно-познавательной, художественной, исторической ценности», что и называется музеефикацией. Разумеется, подобная музеефикация носит виртуальный характер, но пользу приносит реальную. При этом главная ценность музея, заключённая в экспонате, от этого ничего не теряет, приобретая новые грани от эмоционально насыщенного показа среды его прежнего бытования. Таким образом, мультимедийную музеефикацию объектов культурного наследия можно рассматривать как имманентную функцию традиционного музея, возникшую в результате развития информационных технологий.

Список литературы

[1] *Каулен* М.Е. Роль музея в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия // Культура памяти. Сб. научных статей. МК РФ Российский институт культурологии.М.: Древлехранилище, 2003.

[2] *Каулен* М.Е. Музеефикация предметов наследия: от предмета до традиции //Культура российской провинции. Калуга, 2000. С.199-209; Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 390-393.

[3] *Каулен* М.Е. Музеефикация природных и культурных объектов. Учебное пособие. Омск, 2003.

[4] *Каулен* М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

[5] *Шулепова*, Э.А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. культуролог. / Моск. пед. гос. ун-т. М, 1998. 42 с.

[6] Виртуальная и дополненная реальности в Эрмитаже «погружают» в детали // Музей.2019. №7. С.27-32.

УДК 069(091)

Динамика музейного мира Сибири: лидерство институциональное и персональное

Шелегина Ольга Николаевна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
oshelegina@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-3715-4380

АННОТАЦИЯ В работе в исторической динамике (с конца XVIII по вторые десятилетияXXI вв.) представляются процессы формирования, развития, адаптации музейного мира Сибири. Определяются особенности функционирования музея как социокультурного института. Выделяются лидеры музейного дела – известные общественные деятели, ученые, музеи, занимающие лидерские позиции, наиболее значимые и новаторские социокультурные проекты. Рассматриваются современные социокультурные тенденции в музейном мире Сибири: освоение и музеефикация наследия, интеграция науки, образования, культуры, сотрудничество с регионами России и ближнего зарубежья. Показана актуальность и перспективность анализа и продвижения позиций лидерства в музейном мире Сибири как основы его приоритетных позиций в российском и международном музейном сообществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музейный мир Сибири, государство, общество, лидерство, социокультурное пространство, освоение наследия, интеграция.

Музейный мир в научном дискурсе рассматривается как часть действительности, обладающая признаками музейности – музейное пространство для реализации социальных практик. Автором статьи впервые разработан и представлен концепт «музейный мир Сибири» [10, с. 70-135], в дальнейшем апробированный в региональных музееведческих исследованиях. Музейный мир Сибири, сформировавшийся в исторической динамике, представляет собой совокупность взаимодополняющих и взаимодействующихматериального, интеллектуального и коммуникационного пространств, интегрирующих процессы создания, развития, адаптации музейной сети ксоциально-экономическим и социокультурнымизменениям, освоения наследия как основы развития музейного пространства при активной роли государства, общественных организаций, лидеров в сфере музейной деятельности.

В контент материального пространства музейного мира Сибири нами включаются: историко-культурное и природное наследие, особо охраняемые территории, музеефицированные объекты наследия, музеи и учреждения музейного типа; в контент интеллектуального соответственно: научные учреждения, учебные заведения, общественные организации, лица, проявляющие активность в музейной сфере, коммуникационного – глобальные информационные сети, средства массовой коммуникации, музейные формы коммуникации). Системообразующим элементом, динамичным ядром музейного мира Сибири является музей как социокультурный, глокальный (сочетающий локальное и глобальное) институт, интегрированный в социально-экономическое пространство региона. В современный период особое значение имеет региональная политика в сфере культуры, включая музейную, как форма реализации государственного планирования и управления.

Формирование музейного пространства Сибири началось в конце XVIII в. и было связано с государственной политикой по освоению азиатской территории государства.«Иркутский музеум» (1782 г.) считается первым провинциальным музеем России,учитывавшим интересы власти и общества по обеспечению доступности культурных ценностей широким кругам населения.В его основу был положен один из первых в истории российского музейного дела проект иркутского губернатора Ф.Н.

Клички. Новаторство и перспективность проекта сочетались с высоким уровнем личной активности и заинтересованности его автора в успехе значимого для края дела [4]. Первое музейное учреждение, сосредоточившее значительные материальные ресурсы, интегрировалось в жизнь местного сообщества став Музеем Сибирского отдела РГО – научно-просветительным центром по изучению Сибири и сопредельных территорий.

Барнаульский горный музеум был создан в 1823 г. в ознаменование100-летия горнозаводского дела на Алтае. Инициатором создания музея явился П.К. Фролов – горный инженер, начальник округа Колывано-Воскресенских заводов. Музей привлекал многих ученых и путешественников: К. Ледебура, А.А. Гумбольта, П.П. Семенова-Тян-Шанского. Однако узковедомственный характер музея не позволил ему распространить свое влияние на территорию региона.

К новой генерации музеев относится Тобольский (1870 г.), организованный по инициативе И.Н. Юшкова – знатока истории и этнографии края в соответствии с решением Тобольского статистического комитета и получившего статус государственного самостоятельного учреждения, действующего на основе Устава под руководством Общества «Тобольский губернский музей» (с 1889 г.). Первым и единственным в этот период (1893-1918 гг.) печатным музейным органом в России являлся «Ежегодник Тобольского губернского музея».

Во второй половине XIXв. сибирское музейное строительство было связано с общероссийским благодаря общественным деятелям, энтузиастам, приехавшим в Сибирь с целью организации местных музеев. Несомненным лидером в этом благородном деле стал Н.М. Мартьянов, прибывший в Минусинск в 1874 г. в качестве заведующего аптекой, и уже в 1877 г. при поддержке городских властей и общественности организовавший «Минусинский Местный Публичный Музей» (так обозначенный в Уставе). Этот выдающийся человек фактически способствовал организации первой региональной музейной сети в Восточной Сибири. По примеру Минусинского – «старшего брата», «родоначальника сибирских музеев» – были созданы музеи в Енисейске (1883), Нерчинске (1886), Ачинске (1887), Красноярске (1889), Кяхте и Владивостоке (1890), Якутске и Благовещенске (1891), Чите (1895) [3, с. 12-16].

В целом в результате активной деятельности по созданию музеев в 1870-1890-х гг., обусловленной рядом экономических и социокультурных факторов, общественных инициатив было создано 16 публичных музеев местного края. Причем 4 из них было организовано в Енисейской губернии юбилей которой по праву отмечается на Сибирском историческом форуме.

Уже на первом этапе формирования музейного мира Сибири – в последней трети XIX–начале XX вв.– музеи стали своеобразными центрами притяжения местного населения, играющими важную роль в формировании и распространении позитивного образа сибирского региона на российском и мировом уровне путем участия в престижных выставках Нижегородской, Парижской, научных конгрессах в Москве. Весьма показательно, что в начале XX в. в семь наиболее значимых российских фондовых собраний вошли таковые четырех сибирских музеев: Минусинского, Иркутского, Читинского, Кяхтинского[6, с. 216].

Последующую динамику развития материального пространства музейного мира Сибири можно соотнести с выделяемым И.А. Сизовой и О.С.Ульяновой этапом развития региональной музейной сети в 1920-1990-е гг. [8, с.149-151]. До начала Великой Отечественной войны знаменательными событиями стали открытие крупных музеев в г. Томске, Новосибирске, Омске, Кемерово и музеев краеведческого профиля в городах и поселках областного подчинения (Колпашево, Маслянино, Таре, Ленинск – Кузнецке), Дома-музея В.И. Ленина в Шушенском Красноярского края (1930 г.). В 1939 году начал создаваться Музей истории освоения и развития Норильского промышленного района в Красноярском крае. Анализ музейного пространства Сибири в этот период достаточно

четко отражает государственную политику по организации музеев соответствующих профилей (историко-революционных, производственных), ориентированных на отражение достижений социализма, идейно-просветительную работу общественности с населением.

Создание в сибирском регионе новых музеев не прекращалось даже в годы Великой Отечественной войны. В 1944 г. были организованы Бурятский республиканский художественный музей им. Ц.С. Сампилова, Музей Усть-Ордынского (Бурятского) автономного округа в Иркутской области (начал работу в 1947 г.). В 1945 г. на базе Туринского поселкового музея образован Эвенкийский окружной краеведческий музей. Появление этих музеев в значительной степени связано с государственной заботой о сохранении и популяризации этнокультурного наследия народов края.

В 1960-1980-ее годы, определяемые в российской и мировой литературе как «музейный бум», происходит расширение музейного мира Сибири за счет организации первого за Уралом Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (1961 г.),музеев в городах – крупных народнохозяйственных стройках, на трассе БАМ, в г. Братске, значительного числа общественных музеев, функционирующих под научно-методическим и организационным руководством государственных. Важное значение для интеграции этих музеев в региональный музейный мир приобрело создание резерва и системы перехода лучших общественных музеев, получивших статус «народных», в государственные структуры. Шло дальнейшее развитие на основе государственного регулирования музеев-заповедников, обусловленное интересом к историко-культурному наследию и развитию туристско-экскурсионного дела.

К концу XX в. более 400 музеев краеведческого, исторического, художественного, литературного профиля, мемориальных музеев образовывали региональную музейную сеть в рамках которой реализовывалась музейная политика (законодательство, строительство, организация управления), практика (научно-фондовая, экспозиционная, просветительная работа), коммуникация (внутримузейная, межмузейная).

Несомненным достижением этого периода является организация известных в России музеев-заповедников: Ленского государственного историко-архитектурного «Дружба» (1996 г, Республика Саха), археологического «Казановка» (1996 г., Республика Хакасия), историко-этнографического «Шушенское» (1993 г, Красноярский край), мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина (1999, с. Сростки, Алтайский край). Созданный по инициативе и под руководством известного археолога и музеолога, доктора исторических наук, профессора А.И. Мартынова многофункциональный комплексный историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» (1993 г.) отнесен к особо ценным культурным объектам России.

В интеллектуальном и коммуникационном пространстве музейного мира Сибири новации выражались в оформлении влиятельных на российском и международном уровне общественных организационных структур, способствующих интеграции науки, образования, культуры: Сибирского филиала Научно-методического совета по работе музеев Министерства культуры РСФСР (1985 г., руководители – известные историки, доктора наук, профессора В.В. Алексеев (ныне академик), В.И. Шишкин, Н.А. Томилов); Научного совета по музеям Сибирского отделения Российской академии наук (1994 г., председатели – директора Института истории СО РАН, члены-корреспонденты РАН Горюшкин Л.М., Ламин В.А.), Комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона Международного совета музеев при ЮНЕСКО (2003 г., председатель – доктор исторических наук, профессор Труевцева О.Н.).

Существенную роль в изучении современного музейного мира Сибири, процессов взаимодействия государства и общества, стратегии региональной культурной политики в музейной сфере сыграл открытый междисциплинарный проект «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство». Данный проект

был инициирован в 2011 г. сектором «Российская музейная энциклопедия» (руководитель – кандидат исторических наук И.В. Чувилова) Российского института культурологии (ныне – АНО «Новый институт культурологии») и поддержан Научным советом по музеям СО РАН, Институтом истории СО РАН. Результатом выполнения проекта стало создание методик и рекомендаций для разработки музейных программ и координации региональной культурной политики в вопросах сохранения и презентации обществу историко-культурного наследия и имеющих в настоящее время особую актуальность. Перспективной для развития музейного пространства Сибири может стать модель взаимодействия государства и общества, основанная на активизации потенциала каждого региона в т.ч. в сфере освоения историко-культурного наследия и взаимодействия федеральных и местных властей, а также наращивании ресурсных возможностей и достижения гармоничного сочетания опыта, традиций и новаций [1, с. 23], способствующих интеграции исторических и современных реалий.

Сибирь, как известно, является полиэтничным макрорегионом России. Этнокультурное наследие можно рассматривать как одну из базовых позиций для развития и интеграции всех пространств музейного мира в диапазоне от исследовательских проектов, работы этно-экологическихсредовых музеев, до музеефикации особо значимых объектов наследия коренного населения края, широкого спектра историко-этнографических выставок. В связи с этим считаем необходимым отметить новаторский проект омских этнографов и сотрудников музеев по созданию под руководством известного ученого, организатора науки, общественного деятеля, музеолога, доктора исторических наук, профессора Н.А. Томилова [9], научной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», включающей более 20 каталогов музеев Сибири и способствующей расширению эффективного информационного взаимодействия музеев и исторической науки, социокультурной практики [5].

В2019 г. Омским государственным историко-краеведческим музем(директор – доктор исторических наук, председатель Союза краеведов России П.П. Вибе) был успешно выполнен крупный экспозиционный проект «Этническая панорама Сибири» (20 этнических культур, 700 предметов). Его реализация оказалась возможной благодаря плодотворному сотрудничеству музея с омским Домом дружбы и шестью национально-культурными объединениями Омской области, людьми разных национальностей, неравнодушных к наследию своих предков. Путеводитель по выставке, способствующей сохранению политической и социально-экономической стабильности в регионе стал финалистом Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» (2021 г.). [2].Актуальным и перспективным представляет сотрудничество, развиваемое этим музеем на государственном и межгосударственномуровнях, и расширяющее влияние музейного мира Сибири. Совместно с Республикой Крым реализованы проекты «Азиатская Россия», «Музейный диалог» (2015– 2016 гг.), развиваются административные и культурные контакты с представителями музеев Республики Казахстан.

Важное значение в обобщении опыта деятельности российских музеев, внедрении в практику результатов музеологических исследований, консолидации сибирского музейного сообщества играет признанная новацией в развитии музейного мира России Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», проходившая в Новосибирске (2011, 2014, 2017, 2020) на базе Института истории СО РАН при активном участии государственных учреждений в сфере культуры, высших учебных заведений, крупнейших музеев России.

В первые десятилетия XXIв. стратегическим направлением развития музейного мира Сибири становится общественно-значимый переход от использования к освоению наследия в дискурсе «культура – музей – наследие – идентичность». При этом под освоением

наследия понимается совокупность процессов выявления, изучения, сохранения, реставрации и реконструкции, музеефикации и дигитализации (оцифровки) объектов наследия, формирование информационно-коммуникационного пространства для внедрения результатов этих процессов в социокультурную практику на региональном, национальном и международном уровне. [11, с. 7, 199-208]. На институциональном уровне в этом тренде актуализирует деятельность научно-образовательного центра «Музей и культурное наследие» (Томского национального государственного исследовательского университета), Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Омск), Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России, Института истории СО РАН – коллективного члена ИКОМ, Новосибирского национального государственного исследовательского университета, регулярно проводящего международный научный форум «Наследие».

В настоящее время Национальный проект «Культура» и региональная составляющая федерального проекта «Творческие люди» стали основой для взаимодействия государства и общества в приобщении населения к отечественному культурно-историческому наследию, знакомству с выставками собраний ведущих федеральных и региональных музеев страны. В рамках федерального проекта «Цифровая культура» создаются новационные музейные продукты: мультимедийные гиды дополненной реальности, виртуальные выставки, расширяющие сферу влияния музейного мира Сибири.

Новосибирский областной государственный краеведческий музей является региональным лидером в воплощении стратегии открытости и новых форматов работы с обществом, в т.ч. и таких как Международный фестиваль музейного маркетинга и гостеприимства «Музей для людей». Современные музеи оказываются более активно включенными в сферы брендирования, издательскую деятельность, интернет-пространство; «взаимодействие в музейной сфере превращается в точку пересечения различных языков культуры» [7, с. 95].

Таким образом, представив в исторической динамике (с конца XVIII до вторых десятилетий XXI вв.) развитие музейного мира Сибири можно говорить о синергетическом эффекте лидерства на институциональном и персональном уровнях, способствующем поступательному развитию социокультурного пространства региона, формированию перспективных музейных проектов в области освоения историко-культурного наследия и укрепления российской идентичности.

Список литературы

[1] *Астафьева О.Н.* Региональная культурная политика // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. С. 11-23.

[2] *Вибе П.П., Блинова О.В.* Деятельность Омского государственного историко-краеведческого музея по изучению и репрезентации этнографических коллекций // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А. Ильина, С.Н. Корусенко. Омск: Изд. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 11-19.

[3] *Ермолаева Л.Н., Голованенко Н.А.* Минусинский музей. Устав 1877 года: взгляд в будущее // Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Институт истории Российской академии наук, 2017. С. 11-23.

[4] *Кличка* Ф.Н. Об устройстве музея в Иркутске // Музееведческая мысль в России XIX-XX вв. сб. док. и материалов / Российский институт культурологии. М., 2010. С. 131-142.

[5] *Патрушева* Г.М. Фондовая работа и работа с фондами музеев России – путь к сохранению культурного наследия // Третий Росс. культурологический конгресс с междунар. участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» : тез. докл. и сообщ. СПб.: ЭЙДОС, 2010. С. 212-213.

[6] *Равикович* Д.А. Музеи местного края во второй половине XIX в. – начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. С. 145-215.

[7] *Рыжова* О.А. Место музея в социокультурном диалоге // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред. М.Л. Бережнова, А.А. Ильина, С.Н. Корусенко. Омск: Изд. дом «Наука», 2021. Ч. 2. С. 94-99.

[8] *Сизова* И.А., *Ульянова* О.С. Особенности развития музейной сети Сибири (XVIII-начало XXI вв.)// Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул, Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА», 2016. С. 146-154.

[9] *Томилов* Н.А. 60 лет в научном сообществе: гуманитарные исследования, российские ученые и их окружение (вторая половина XX-первые десятилетия XXIвека): монография в 2-х т. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.П. Корзун, С.Н. Корусенко. Омск: Издательский дом «Наука», 2020. Т.1. 444 с.

[10] *Шелегина* О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

[11] *Шелегина* О.Н. Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 230 с.

II

Скифский мир Евразии

Содержание

Беляев А. А.
Об использовании арсената никеля древними металлургами Обь-Енисейского междуречья 105-112

Бобров В.В., Моор Н.Н.
Многофигурные зооморфные композиции в декоре тагарских изделий . . 113-117

Бобров В.В., Боброва Л.Ю.
Искусство гравировки на бронзовых предметах из кулайского святилища на горе Арчекас 118-123

Бородовский А.П.
Клады скифского времени Среднего Енисея 124-128

Бородовский А.П.
Скифское время горной долины Нижней Катуни 129-133

В**довин А.С., Дроздов Н.И., Макаров Н.П., Макулов В.И.**
Охрана памятников археологического наследия в Енисейской Сибири. История и современность 134-143

Заика А. Л.
Вопросы изучения, сохранения и популяризации памятников наскального искусства Енисейской Сибири на примере Шалаболинской писаницы . . . 144-149

Ключников Т. А.
Актуализация археологического наследия в современном обществе: методы, проблемы и перспективы. 148-153

Кокоулин В. Г.
Методологические аспекты изучения скифского мира Сибири 154-160

Мандрыка П.В.
Молодёжь в археологии Красноярска: вчера, сегодня, завтра 161-163

Март-оол В.Д.
Территория Тувы – колыбель скифского и тюркского миров 164-166

УДК 903.01/.09

Об использовании арсената никеля древними металлургами Обь-Енисейского междуречья

Беляев Александр Алексеевич
Фрилансер, г. Томск, Россия.
pmz2@list.ru

АННОТАЦИЯ Исследованы составы древних западносибирских бронз скифского времени. Установлено закономерное снижение концентраций никеля в северо-западном направлении Обь-Енисейского междуречья от тувинских памятников до кулайских поселений на р. Васюган. Выявлено наличие двух корреляционных трендов Ni-As независимо от мест находок изделий. Сделан вывод о преднамеренном легировании бронз природными арсенатами и арсенидами никеля. В большинстве случаев данное легирование не приводило к улучшению свойств металла, а применялось, по-видимому, в ритуальных целях. Для древних металлургов Минусинской котловины, Мариинской лесостепи и Приобья арсенат никеля аннабергит, судя по всему, доставлялся с месторождений Хараджуль-Бутрахтинского рудного узла юга Хакасии и с тувинского месторождения Хову-Аксы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА древняя металлургия бронзы, ритуальное легирование.

Получение мышьяковых бронз сталкивается с проблемой высокой летучести мышьяка. Но решение этой проблемы облегчается при наличии в расплаве никеля [22, с. 173; 30 с. 47]. Повышенное содержание никеля в раннетагарских бронзах отмечается многими исследователями [20; 24; 25].

А.С. Савельева [13] в своей диссертации выделила четыре группы тагарских памятников по доле сплавов с повышенными концентрациями Ni.

Был проведён анализ составов бронзовых изделий, в том числе соседних культур. В результате установлена пространственная закономерность в распределении средних концентраций никеля в бронзах на территории Обь-Енисейского междуречья.

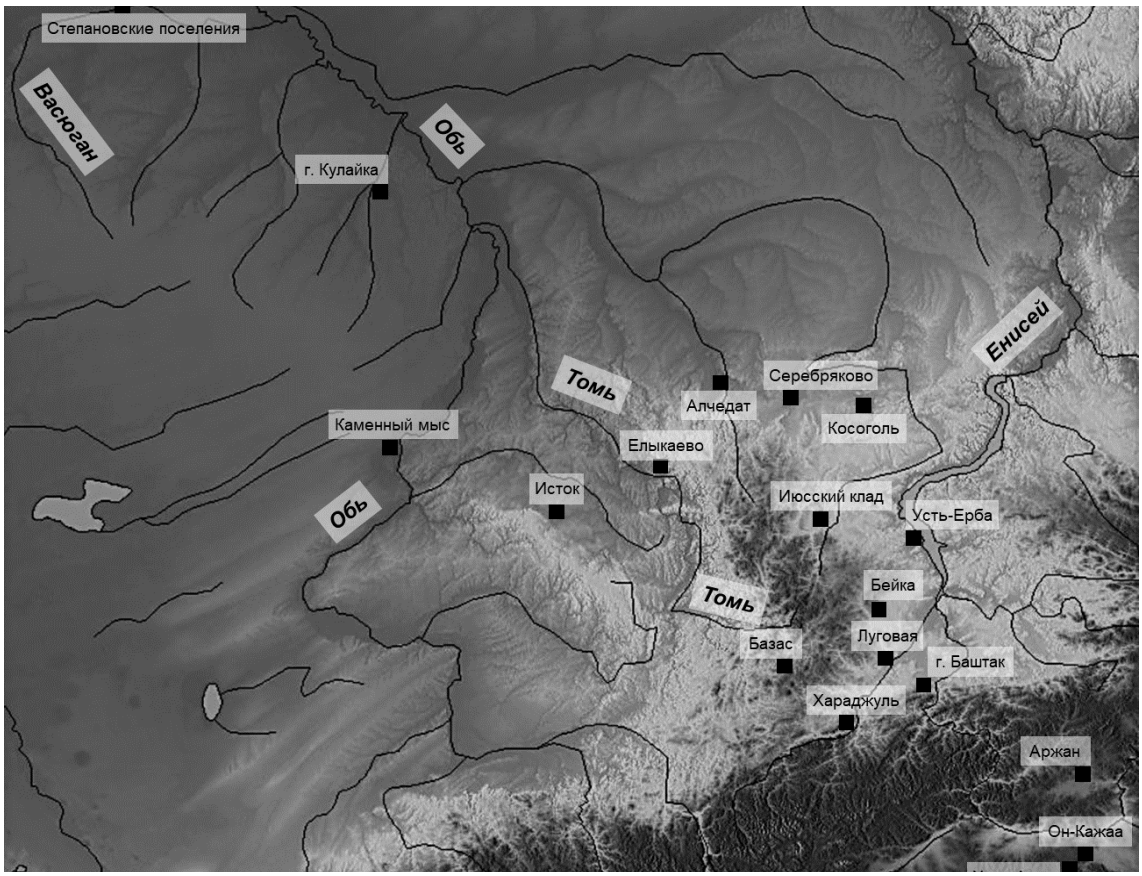
Основой для исследований послужили данные спектральных анализов:

- кулайских изделий из Степановских поселений и культового места г. Кулайка Томской области [29];
- предметов раннего железа новосибирского Приобья, более двух третей которых составляют кулайские артефакты Каменного Мыса [21];
- тувинских сборов (Он-Кажаа, предметы Кызыльского и Минусинского музеев) [19] и бронз кургана Аржан [10];
- изделий района Серебряково: погребения Серебряково I [15; 17], Большепичугино I [3; 14], Некрасово II [16], а также бронз кургана Алчедат I [18];
- случайных сборов в районе Усть-Ербы и Медвежьего лога [8], а также изделий Июсского [5] и Косогольского [9] кладов.

Расположение пунктов, которые упоминаются, отражено на обзорной карте рисунка 1.

При многослойности поселения и наличии изделий из разных культурно-хронологических комплексов они объединялись в одну выборку с целью получить средние значения компонентов бронзы в течение всех периодов изготовления изделий в данной местности. Хронологическая зависимость также имеет место, но является отдельной темой и в данной работе не затрагивается. В целом проанализированные предметы относятся к периоду VIII–I в.в. до н.э.

Были рассчитаны средние содержания химических элементов в бронзах. При этом явно аномальные значения (>Хср.+3б) заменялись максимальной величиной данного компонента в исследуемом массиве данных. Таким образом, в соответствии с правилом «три сигма» исключались случайные величины, которые не могли быть отнесены к

рассматриваемой выборке.

Рис. 1. Обзорная карта

В результате произведённых расчётов установлено территориальное отличие бронз по среднему содержанию концентраций никеля. Статистические данные приведены в таблице 1, на основании которой построена кривая пространственного распределения средних содержаний никеля в бронзах (рис. 2).

Из рисунка 2 следует, что средние концентрации никеля снижаются в

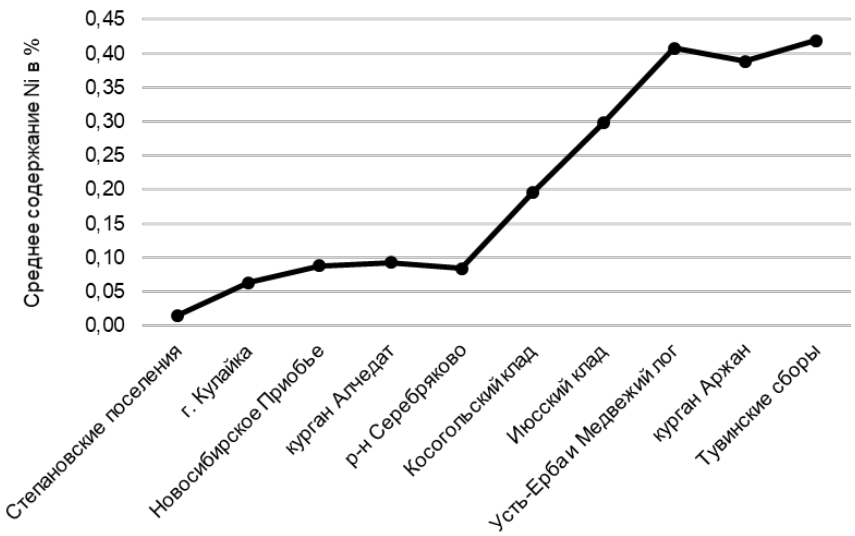

Рис. 2. Средние содержания никеля в изделиях

северо-западном направлении от Тувы до р. Васюган Томской области с 0,419% (0,013% – 1,4%) до 0,015% (0,006% – 0,026%).

Место сбора	Период, к которому относится совокупность изделий	n, шт.	Среднее (Хср.), %	Станд. откл. (б)	Макс. знач., %	Мин. знач., %	Кол-во аном. знач., шт.
Степановские поселения	5 в до н.э.	8	0,015	0,007	0,026	0,006	0
Г. Кулайка	6-1 вв до н.э.	8	0,063	0,029	0,11	0,025	0
Новосибирское приобье	6-1 вв до н.э.	109	0,088	0,077	0,32	0,001	3
Курган алчедат	2-1 вв до н.э.	51	0,093	0,035	0,2	0,02	4
Р-н серебряково	5-1 вв до н.э.	290	0,084	0,042	0,204	0,05	9
Косогольский клад	2-1 вв до н.э.	86	0,195	0,179	0,7	0,000	4
Июсский клад	8-1 вв до н.э.	43	0,298	0,226	0,94	0,07	2
Усть-ерба и медвежий лог	7-6 вв до н.э.	38	0,408	0,399	1,2	0,05	0
Курган аржан	8 в до н.э.	144	0,389	0,392	1,5	0,000	0
Тувинские сборы	8-3 вв н.э.	17	0,419	0,435	1,4	0,013	0

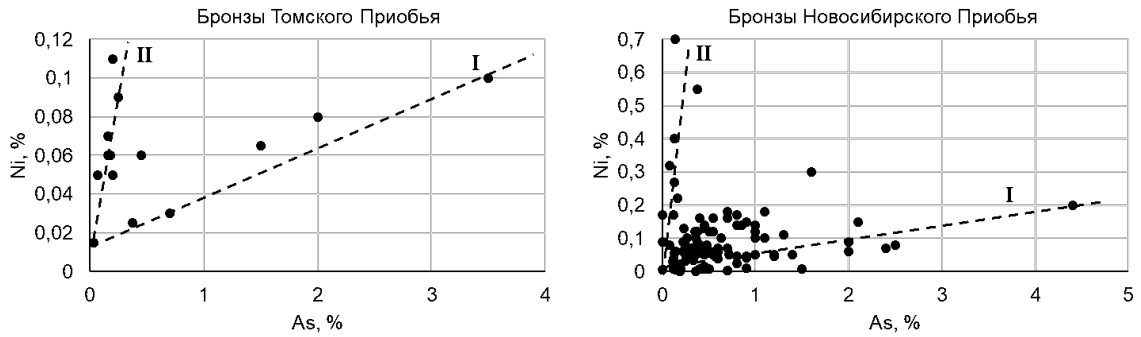
Таблица 1
Статистические данные содержаний никеля

Менее последовательное, но в целом аналогичное снижение наблюдается и у концентраций мышьяка. Общей значимой корреляции никеля с мышьяком, как правило, нет. Тем не менее, во всех выборках отчётливо наблюдаются две корреляционные прямые (рис. 3–5), за исключением кулайских изделий Степановских поселений.

Из графиков рисунков 3–5 следует, что независимо от хронологии и места нахождения в бронзовых изделиях фиксируются два тренда мышьяк-никелевой корреляции (прямые I и II на графиках). Прямая I имеет низкую величину отношения Ni/As. Прямая II отличается более высокими значениями Ni/As, которые становятся идентичными отношению этих элементов в природных арсенидах и арсенатах никеля.

Устанавливаемая зависимость между расстоянием от источника металла и потерей легирующих компонентов при переплавках [30, p. 48], а также между расстоянием от месторождения легирующего металла и его содержанием в изделиях [27, с. 131], может использоваться для определения направления миграции применяемых сплавов или минералов, на которое указывает устойчивое снижение их содержаний в бронзах.

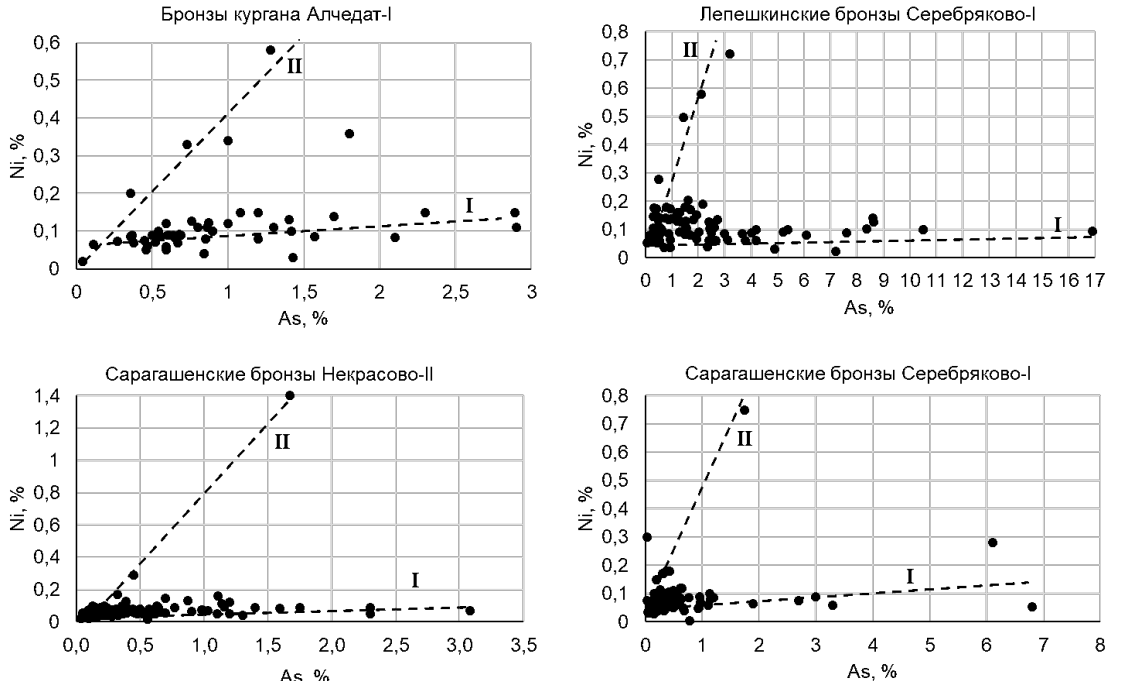
Анализ рисунка 2 позволяет сделать предположение о миграции компонента, содержащего никель с юго-востока в северо-западном направлении Обь-Енисейского междуречья. Никелевые сплавы в то время были неизвестны, следовательно,

распространяться могли, судя по имеющимся корреляционным трендам, никельсодержащие мышьяковистые минералы.

Рис. 3. Корреляция Ni-As в бронзах кулайских изделий

Основными минералами никеля и мышьяка являются такие арсениды никеля, как никелин (NiAs), раммельсбергит (NiAs2), хлоантит (NiAs3). Последний в поверхностных условиях крайне неустойчив и после первого дождя превращается в зелёный арсенат никеля – аннабергит (Ni3[AsO4]2*8H2O), за что и получил название (греч. «хлоантес» – зеленеющий) [7, с. 111, с. 431].

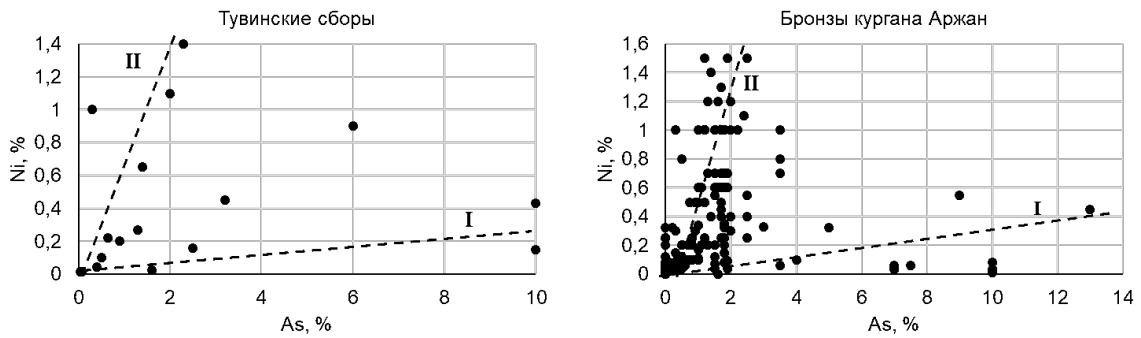

Рис. 4. Корреляция Ni-As в тагарских бронзах Мариинской лесостепи

Рис. 5. Корреляция Ni-As в тувинских бронзах

Аннабергит имеет яблочно-зелёный цвет со стеклянным до перламутрового блеском, является мягким, хрупким минералом, который легко крошится и истирается, что позволяет получать сыпучий продукт, добавка которого к меди заметно улучшала её свойства. Температура разложения аннабергита является самой высокой среди минералов мышьяка и составляет 1000ОС, т.е. практически совпадает с температурой плавления меди (1080ОС), что позволяет проводить легирование этим арсенатом даже в атмосферных условиях. Экспериментальная плавка меди с аннабергитом в восстановительной среде показала его высокую эффективность при получении мышьяковистой бронзы [11].

Древняя металлургия, несомненно, сопровождалась магическими ритуалами, о чем подробно изложено в работе Е.Н. Черныха [28].

Также о ритуальном, обрядовом характере одновременного использования в процессе плавки таких флюсов, как красные охры и белый кварц, высказывал предположение С.С. Черников [27, с. 129].

Действительно, представляется вполне реальным проведение древними металлургами ритуала с использованием красочного «волшебного» порошка, после которого повышается качество получаемого металла. Есть основание считать, что использование аннабергита имело и гораздо более глубокий сакральный смысл.

Не имеет обоснованных возражений выдвинутая Л. Бошером гипотеза производства искусственных арсенидов (шпейсов) не только с целью легирования собственных изделий, но также в качестве товара, который мог распространяться на значительные расстояния [30]. Но, думается, что не менее ликвидным товаром могли быть и естественные минеральные добавки. В Обь-Енисейском междуречье таким минеральным товаром по всей видимости был аннабергит, точнее хлоантит, по поверхности которого развивается зелёный аннабергит.

Пологая прямая I на рисунках 3–5 интерпретируется как дополнительная ритуальная добавка хлоантит-аннабергита к более доступному арсенопириту (FeAsS). При этом мышьяковистые бронзы, содержащие 1–3% мышьяка меняют цвет с красного на золотистый [11, с. 90].

Величины отношений Ni/As, образующие тренд II, свидетельствуют о легировании исключительно мышьяк-никелевыми соединениями, а именно смесью хлоантита (Ni/As = 0,26) и аннабергита (Ni/As = 1,17) в разных сочетаниях. Кристаллики хлоантита после контакта с влагой покрываются оболочкой аннабергита, поэтому в поверхностных условиях эти минералы образуют естественную смесь. Соотношение хлоантита и аннабергита при этом зависит от величины зерна, чем оно больше, тем выше доля хлоантита, и наоборот, мелкие зёрна полностью замещаются аннабергитом.

Арсениды и арсенаты никеля в заметных количествах встречаются в трёх районах Сибири:

- в Горной Шории (Базасское месторождение) [6];
- на юго-западе Хакасии (Хараджульско-Бутрахтинский рудный узел) [23];
- в Туве (Хову-Аксы) [1].

В пределах Базасского месторождения не известны ни древние выработки, ни остатки плавильных печей [2]. Также отсутствуют повышенные концентрации никеля в изделиях из прилегающих западных предгорий Кузнецкого Алатау, например Елыкаево [29, с. 138–139] и Исток [12, с. 58]. Это явилось основанием для исключения нами данного объекта из числа потенциальных поставщиков.

Месторождения Хараджуль-Бутрахтинского рудного узла разрабатывались с бронзового века [20] и отсюда могли поставляться арсенаты никеля для металлургов Обь-Енисейского междуречья. Причём вряд ли основным объектом древней добычи на этих месторождениях была медь, как это считается, т.к. рудные тела здесь не имеют чётких границ, устанавливаются по результатам опробования, содержания меди небольшие и им не уступает концентрация мышьяка [23, с. 119–121]. Эти месторождения и сейчас не имеют ценности как медные объекты. По нашему мнению, основной интерес для древних горняков на Хараджуле и Бутрахте представляли мышьяк содержащие минералы, в частности распространённый здесь хлоантит.

Но тувинские месторождения безусловно превосходят объекты Хакасии по объёму запасов арсенидов и арсенатов никеля, а месторождение Хову-Аксы является единственным месторождением, в пределах которого зафиксированы древние выработки для добычи исключительно аннабергита [4].

Следует отметить также отдельную находку аннабергита на г. Баштак в Хакасии [26, с. 52], что не исключает тщательный сбор этого минерала в период до н.э.

Таким образом, источником используемого древними металлургами арсената никеля были по всей видимости объекты, расположенные на юге Хакасии и в Туве. Некоторое повышение средней концентрации никеля в изделиях Усть-Ербы (рис. 2) может быть связано с близостью Хараджуль-Бутрахтинского рудного узла, что также относится к данным, приводимым С.В. Хавриным [24] по бронзам Бейки и Луговой, точность которых хотя и препятствует проведению статистических вычислений, но, тем не менее, позволяет установить наличие значительных концентраций никеля, достигающих в отдельных изделиях 3%. При этом содержание NiO в рудах Бутрахты составляет всего 0,08% [20, с. 53], что свидетельствует о преднамеренном отборе никельсодержащих минералов из руд и последующем использовании в производстве бронзы.

Хлоантит-аннабергитовая смесь в силу незначительного распространения и, соответственно, дефицита, не могла быть основным источником мышьяка для изготовления бронз, поэтому чаще использовалась как дополнение (прямая I на рисунках 3–5).

По материалам диссертации А.С. Савельевой [13] можно выделить логистический маршрут аннабергита, проходивший с юга на север через пункты, в которых доля бронз с высокими концентрациями Ni превышает 35%: Луговое – Бейка – Топаново – Изыкчуль, Косоголь. Из окрестностей Изыкчуля и Косоголя аннабергит перемещался, по-видимому, также в западном и, возможно, восточном направлениях, становясь доступным в т.ч. для потребителей иных культур, например, кулайской и большереченской.

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что яблочно-зелёная хлоантит-аннабергитовая смесь, которую добывали в скифское время на месторождении Хову-Аксы (Тува), а также на объектах юга Хакасии (Хараджуль-Бутрахта), использовалась древними металлургами с целью ритуально-технологического легирования бронзы и, по-видимому, распространялась в виде товара в северо-западном направлении вплоть до окрестностей г. Кулайка Томской области. Эти минералы могли быть необходимы для удержания в расплаве мышьяка при производстве и переплавах бронз. Однако в силу дефицита использование в большинстве случаев сводилось к ритуальным действиям с незначительным количеством добавки, которая не оказывала влияние на прочность металла, но в некоторой степени препятствовала потере As и предположительно придавала изделию некие «магические» свойства. До Степановских поселений кулайцев на реке Васюган этот товар, судя по всему, не доходил.

Благодарности

Автор выражает благодарность проф. ТГУ Чиндиной Людмиле Александровне и н.с. лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН Савельевой Анне Сергеевне за консультации.

Список литературы

[1] *Александровский Ю.С., Алексеенко В.Д., Беляев Г.М., Блюман Б.А., Булычев А.В., Должковой Б.М., Кудрявцев В.Е., Кухаренко Е.А., Минаков А.Н., Минина Е.А., Мухин В.Н., Никитина Л.С., Попова Н.Н., Радюкевич Н.М., Сахибгареев Ю.З., Шор Г.М.* Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Сер. Алтае-Саянская. Лист М-46 (Кызыл). Объяснительная записка. СПб.: КФ ВСЕГЕИ, 2008. 349 с.

[2] *Баштанник С.В.* Археологические культуры на территории Горной Шории: палеосоциологический аспект исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 6/1. С. 78-83 (DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-78-83 http://www.hist-edu.ru)

[3] *Бобров В.В., Боброва Л.Ю., Савельева А.С.* Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. Т. 17. № 1. С. 104-122 (DOI: 10.14258 / tpai (2017) 1 (17). - 08. URL: http: // journal.asu.ru / tpai / article / view/%2817%29.-08)

[4] *Богомол А.А.* История открытия уникального кобальтового месторождения Хову-Аксы // Известия Уральской государственной горно-геологической академии. Сер. геология и геофизика. 1996. Вып. 5. С. 179-182.

[5] *Бородовский А.П., Тишкин А.А., Хаврин С.В.* Предварительные результаты исследований состава металла изделий Июсского клада (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. XVIII. С. 175-179.

[6] Геология СССР. Т. XIV. Западная Сибирь (Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край). Полезные ископаемые. / Под ред. Е.А. Козловского. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Недра, 1982. 319 с.

[7] *Годовиков А.А.* Минералогия. М.: Недра, 1975. 520 с.

[8] *Луньков В.Ю., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Рентгено-флуоресцентный анализ меди и бронз: серия 2009–2010 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М: Ин-т археологии РАН, 2011. С. 116-137.

[9] *Миняев С.С.* Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 26-44.

[10] *Пяткин Б.Н.* Результаты спектрального анализа бронз кургана Аржан // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1983. С. 84-96.

[11] *Равич И.Г., Рындина Н.В.* Мышьяково-никелевые бронзы майкопской культуры Северного Кавказа (особенности состава, способов получения, технологии) // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2013. Вып. 230. С. 84-98.

[12] *Савельева А.С.* Металл поселения Исток в Кузнецкой котловине: результаты рентгенофлюоресцентного анализа // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 56-63.

[13] *Савельева А.С.* Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 2018. 200 с.

[14] *Савельева А.С.* Об элементарном составе металла зеркал тагарской культуры // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». 2019. Вып. 9. С. 40-52.

[15] *Савельева* А.С. Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2021. Т. 23. № 2. С. 405-414 (DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-405-414)

[16] *Савельева* А.С., *Герман* П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 6 (38). С. 108-118.

[17] *Савельева* А.С., *Герман* П.В. Сарагашенский комплекс бронз из могильника Серебряково I // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Вып. 27. Кемерово, 2016. С. 115-123.

[18] *Савельева* А.С., *Герман* П.В., *Боброва* Л.Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. №1 (65). С. 39–48.

[19] *Сунчугашев* Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука, 1969. 140 с.

[20] *Сунчугашев* Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 174 с.

[21] *Троицкая* Т.Н., *Галибин* В.А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1983. С. 35-47.

[22] *Уткин* Н.И. Производство цветных металлов. 2-е изд. М.: Интермет Инжиниринг, 2004. 442 с.

[23] *Федотов* А.Н., *Перфилова* О.Ю., *Ладыгин* С.В. *Измайлова* С.А., *Наумкин* А.М., *Соболева* И.Н. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:200 000. Сер. Минусинская. Лист N-46-XXV (Аскиз). Объяснительная записка. М.: МФ ВСЕГЕИ. 2013. 240 с.

[24] *Хаврин* С.В. Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии. Приложение // Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001. С. 94-97.

[25] *Хаврин* С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: 2007, С. 115-123.

[26] *Херасков* Н.Н., *Анисимова* Н.Д. Геологическая карта СССР масштаба 1:200 000. Сер. Западно-Саянская. Лист N-46-XXVI. Объяснительная записка. М.: Государственное научно-техническое изд-во литературы по геологии и охране недр. 1963. 96 с.

[27] *Черников* С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с.

[28] *Черных* Е.Н. *Каргалы*, Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаённая (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

[29] *Чиндина* Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.

[30] *Boscher* L.C. Reconstructing the Arsenical Copper Production Process in Early Bronze Age Southwest Asia. For the degree of Doctor of Philosophy (PhD). UCL Qatar: 2016. 371 p.

УДК 902/904

Многофигурные зооморфные композиции в декоре тагарских изделий

Бобров Владимир Васильевич
Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом гуманитарных исследований Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, г.Кемерово, Россия;заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, г.Кемерово, Россия.
bobrov4545@mail.ru., https://orcid.org/ 0000-0002-3272-0390

Моор Наталья Николаевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музея-заповедника «Томская Писаница», г.Кемерово, Россия; старший преподаватель Кемеровского государственного университета, г.Кемерово, Россия.
natalyamoor.20@gmail.com., https://orcid.org/ 0000-0001-9957-9574

АННОТАЦИЯ В работе рассмотрены некоторые виды многофигурных композиций (многорядные (ярусные) и однорядные) в декоре тагарских ножей и кинжалов, связанные с раннескифской изобразительной традицией. Выявлена локализация этих изделий в южной части ареала тагарской культуры. Оригинальностью среди них отличается декор кинжала, обнаруженного у ст. Аскиз. На плоскостях его рукояти в своеобразной манере одновременно использованы два вида композиций – многорядные и однорядные. Идентичность изобразительной схеме, реализованной на некоторых оленных камнях, позволяет усматривать семантическое тождество кинжала монументальным памятникам скифского времени Монголии, Забайкалья и Саяно-Алтайского нагорья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА тагарская культура, искусство тагарской культуры, звериный стиль, многофигурные композиции.

Для декора изделий скифской эпохи Евразии характерны как одиночные, так и многофигурные композиции. Д.Г. Савинов убедительно доказал, что многофигурные композиции существовали уже на раннем этапе развития искусства звериного стиля [14, с. 35–55]. История изучения скифской проблематики Евразии позволяет сделать вывод о том, что специалисты неоднократно обращались к исследованию таких композиций в аспекте общего контекста искусства скифской эпохи или конкретных культур этого времени [18, с. 55–64; 11, с. 54–58; 17, с. 44– 60; 12, с. 287–319; 14, с. 35– 55 и др.].

В данном аспекте интерес вызывает небольшая серия тагарских изделий (ножи и кинжалы), декорированные как многорядными (ярусными), так и однорядными композициями. Они украшают плоскости рукоятей ножей из окрестностей с. Городок [МКМ ОФ А 3972], с. Усть-Абаканское [7, кат. 60], Южной Сибири, точное местонахождение неизвестно [ХНКМ КП-255/9]; с. Шошино [6, кат. 222], могильника Означенное, кургана 10 [16, рис. 1.4], кинжала из с. Новопятницкое [8, рис. I–1] (рис. 1). Для этих композиций характерна изолированность как бы не связанных между собой фигур, использование принципа повторения идентичных изображений зверей, помещенных друг над другом (ярусно) или по горизонтали. Обращает на себя внимание устойчивость зооморфных образов, используемых для декора этих изделий: козел, олень, кабан, хищная птица. В каждой композиции представлен один образ с фиксированным числом его фигур — от трех до шести. Примечательно использование для изображений копытных узнаваемой и характерной для раннего этапа звериного стиля позы «на цыпочках». Эти изделия в той или иной мере привлекали внимание исследователей для решения проблем раннескифского искусства Южной Сибири и Центральной Азии. В частности, было установлено, что по композиционному построению, иконографическим и

стилистическим особенностям изображения в целом характерны для раннескифского искусства, их хронология не вызывает сомнения, но более важно то, что они соответствуют аржано-майэмирской традиции [19, с. 189; 18, с. 55; 9, с. 87–88; 13, с. 132–136; 14, с. 39–41; 2, с. 70–76]. Раннюю дату подтверждает и тип декорированных изделий.

Рис. 1. Многофигурные композиции на рукояти тагарских ножей и кинжала:
1. с. Новопятницкое, Уярский район Красноярского края [8, рис. I–1];
2. с. Усть-Абаканское, Минусинский округ [7, кат. 60];
3. окрестности с. Городок, Минусинский район Красноярского края [МКМ ОФ А 3972];
4. Южная Сибирь [ХНКМ КП-255/9]; *5. могильник Означенное, курган 10* [16, рис. 1.4];
6. с. Шошино, Минусинский округ [6, кат. 222]. *1–6 – бронза. Без масштаба.*

На фоне многофигурного декора тагарских бронзовых предметов выделяются композиции, украшающие плоскости рукояти бронзового кинжал из ст. Аскиз, хранящегося в фондах Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова [АКМ КП 1309] (рис. 2). Изделие найдено жителем ст. Аскиз Александром Яковлевичем Барановым весной 2005 г. при распашке огорода на тракторе. Его внимание привлек нехарактерный скрежет металла, попавшего под плуг. При осмотре был обнаружен фрагмент бронзового кинжала скифского времени. Изделие передано А.Я. Барановым в дар Аскизскому краеведческому музею им. Н.Ф. Катанова. Кинжал сохранился не полностью, практически отсутствует его лезвие. Длина сохранившейся части – 12 см. Изделие отлито в двусторонней литейной форме. Навершие, перекрестие и рукоять украшены зооморфными изображениями.

Навершие кинжала декорировано объемным скульптурным изображением головы хищной птицы, переданной в профиль. Гарду формируют парные изображения голов хищных птиц, развернутые в противоположные друг к другу стороны. Небезынтересно то, что над их изображением нижняя часть плоскости рукояти имеет фигурную окантовку, которая включает два объемных выступа треугольной формы. Не исключено, что таким

образом была попытка передать реальный географический рельеф. Искушением является увидеть в них изображение курганов, составляющих неотъемлемую часть ландшафта Минусинских котловин в настоящее время.

Для декора каждой из сторон рукояти этого кинжала мастером одновременно использованы многорядная (ярусная) и однорядная композиции. По своему замыслу и воплощению они наиболее сложные среди композиций на указанных выше тагарских изделиях. Сторона А. Плоскость рукояти кинжала украшена многорядной (ярусной) композицией в виде трех изображений животных, расположенных по вертикали строго друг над другом в одинаковой позе – с подогнутыми под туловище, но не сомкнутыми ногами (рис. 2а). Все фигуры силуэтные, профильные, ориентированы в одну сторону. Нижний ярус представлен изображением оленя с ветвистыми рогами (пять отростков), расположенных вдоль туловища. Над ним помещены еще два изображения, видовую характеристику которым дать затруднительно. По внешнему облику (в соответствии с тагарской изобразительной традицией) они больше напоминают оленя, но рог изображен в виде дугообразного стержня, не соединенного с туловищем. Такая трактовка рогов типична для изображения козлов. Примем эту версию вида изображенных животных. Головы оленя и расположенного над ним козла обращены вверх. Ритм композиции несколько нарушает постановка головы верхней фигуры животного, у которого голова повернута назад. Такое ее расположение обеспечивало максимальное заполнение плоскости рукояти изображениями. Сторона Б. Плоскость рукояти кинжала украшает однорядная композиция, состоящая из расположенных в той же последовательности тех же персонажей животного мира, но уже друг за другом. Они изображены в аналогичной позе с подогнутыми под туловище, но не сомкнутыми ногами. Изображения профильные, ориентированы в одну сторону (рис. 2б). Моделировка тела животных в целом аналогична изображениям на противоположной плоскости рукояти кинжала. Начинается композиция также изображением оленя рядом с перекрестием. И также образ подчеркивают массивные рога с пятью отростками из которых передний расположен надо лбом, как на оленных бляшках с s-видными рогами. Далее следует фигурка козла с повернутой назад головой, как бы оглядывающаяся на оленя. Возможно, так было нужно для того, чтобы обеспечить больше свободного пространства, в которое следовало поместить третью фигуру. Но максимально его заполнить можно, только развернув фигуру животного вниз головой. Такое расположение находит аналогии в заполнении изображениями оленных камней, в частности из Уюк-Туран, где одно из изображений оленя находилось перпендикулярно другим и, таким образом замыкало композицию [5, рис. 1.13; 15, табл. V.4].

В целом композицию на аскизском кинжале характеризует сложность замысла, динамичность, отчасти отход от характерного ритма и монотонности. Это придает уникальность кинжалу. По художественным особенностям изображения животных на аскизском кинжале близки аржано-майэмирской группе изображений. Их отличает, в частности, подогнутые под туловище, но не сомкнутые ноги копытных, приподнятая голова, приоткрытая пасть, выраженный горбик у оленя и другие изобразительные элементы. Но более важно то, что композиционно они находят аналогии в оленных камнях саяно-алтайского типа. Только на оленных камнях известны, хотя и редко, сочетания заполнения плоскостей многорядными (ярусными) и однорядными композициями, например, изображения на плоскостях оленных камней из Уюк-Аржан, Орзак-Аксы [4, рис. 29.3, 29.13], на плоскостях оленного Сушинского камня [3, рис. 19, 20] и др. Но обе композиции на аскизском кинжале демонстрируют вертикаль изображений.

Примечательна концентрация группы тагарских ножей и кинжалов с однорядными и многорядными зооморфными композициями в южной части ареала тагарской культуры. Севернее пока известно местонахождение только одного кинжала, обнаруженного в составе раннетагарского Новопятницкого клада (Красноярский край). Обозначенная

связь, вероятно, неслучайная. В ареале тагарской культуры отсутствуют оленные камни [1, с. 30–37], но их изобразительные компоненты проникали в тагарскую среду, прежде всего в пограничье распространения оленных камней, в частности, с территории Саяно-Алтая. Кроме изобразительной традиции небезынтересно было бы рассмотреть вопрос о проникновении в тагарскую социокультурную среду семантического содержания монументального искусства скифского времени Центральной Азии. Оно может крыться в смысловом назначении кинжала (меча) в обрядовой практике народов скифского времени. Здесь уместно привести легенду Геродота о скифском мече в обряде, посвященном Аресу. Именно это – ритуальное значение меча/кинжала представил В.И. Молодин в соавторстве с Г.И. Медведевым, публикуя необычный бронзовый меч, найденный на северо-западном побережье оз. Байкал [10, с. 54–62], который сочетал в изготовлении и оформлении традиции ранних кочевников степных районов и таежных охотников Сибири.

Благодарности: Авторы выражают глубокую признательность ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова», МБУК «Аскизский краеведческий музей им. Н.Ф. Катанова», МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова», за предоставленную возможность ознакомления с предметами и их публикации.

Рис. 2. Многофигурные композиции скифской эпохи:
1. *бронзовый кинжал из ст. Аскиз* [АКМ КП 1309]; 2. *оленный Сушинский камень* [3, рис. 19, 20]; 3. *оленный камень Уюк-Аржан* [4, рис. 29.13]; 4. *оленный камень Орзак-Аксы* [4, рис. 29.10].
1 – бронза; 2–4 – камень. 2-4 – без масштаба.

Список литературы

[1] *Бобров* В.В. Версия об идее «оленного камня» в тагарском социокультурном пространстве // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 2016. Вып.27. С. 30–37

[2] *Бобров* В.В., *Моор* Н.Н. Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды САИПИ. Вып. VII. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С.70–76.

[3] *Вайнштейн* С.И. История народного искусства. М.: Наука, 1974. 224с.

[4] *Грязнов* М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.

[5] *Грязнов* М.П. Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля)// Проблемы археологии. Т. II. Л., 1978. С. 222–232.

[6] *Завитухина* М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

[7] Каталог выставки «Кочевники Евразии на пути к империи». Из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2012. 272 с.

[8] *Макаров* Н.П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: изд-во КемГУ, 2012. С.68–76.

[9] *Макаров* Н.П., *Пискорский* М.В. Новопятницкий клад // Проблемы археологии Северной Азии. Тезисы конференции. Чита, 1988. С. 87–88.

[10] *Молодин* В.И., *Медведев* Г.И. Уникальный бронзовый меч из Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43 (№ 4). С. 54–62.

[11] *Переводчикова* Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 203 с.

[12] *Рукавишникова* И.В. Возможности изучения композиций звериного стиля раннего железного века как археологического источника на примере звериного стиля Саяно-Алтая // Археологический альманах. № 21. Донецк, 2010. С. 287–319.

[13] *Савинов* Д.Г. Карасукская традиция и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт Петербург. СПб: Культ-информ-пресс, 1998. С. 132–136.

[14] *Савинов* Д.Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Тр. САИПИ. Вып. IX. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 35–55.

[15] *Савинов* Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПГУ, 1994. 208 с.

[16] *Трифонов* Ю.И. Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 225–226.

[17] *Тришина* И.В. Многофигурные композиции в искусстве пазырыкской культуры // Российская археология. 2003. №3. С. 44–60.

[18] *Хлобыстина* М.Д. Многофигурные изображения в зверином стиле из Восточной Сибири // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 55–64.

[19] *Членова* Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

УДК 903.26

Искусство гравировки на бронзовых предметах из кулайского святилища на горе Арчекас

Бобров Владимир Васильевич
Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом гуманитарных исследований Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, г.Кемерово, Россия; заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, г.Кемерово, Россия.
bobrov4545@mail.ru., https://orcid.org/ 0000-0002-3272-0390

Боброва Лариса Юрьевна
Главный хранитель музея «Археология, этнографии и экология Сибири» Кемеровский государственный университет, г.Кемерово, Россия
chaika.laraa@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье впервые введена в научный оборот информация о некоторых древних бронзовых предметах с гравировкой, обнаруженных случайно в урочище Арчекаса, правого берега реки Кия. Приведено описание артефактов, определены их аналогии и установлена культурная принадлежность. Обоснована принадлежность антропоморфной фигуры и блях с гравировками к позднекулайскому культовому литью, что еще раз подтверждает предположение о распространении на горе Арчекас культовых практик в раннем железном веке. Обозначено искусство гравировки, как одна из особенностей духовной культуры обитателей тайги Западной Сибири от позднего скифского до нового времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ранний железный век, кулайская культура, искусство гравировки, гора Арчекас

Кулайская культура сформировалась, по мнению большинства исследователей, в Среднем Приобье в середине I тыс. до н.э. К рубежу эр ее население значительно расширило ареал обитания в пределах Западной Сибири в разных направлениях. Территориальные устремления таежников были направлены не только на север в районы Нижнего Приобья, но и на юг в лесостепь. Но если на большей части этой западносибирской ландшафтной зоны они встретили сопротивление, в частности населения саргатской культуры, то население большереченской культуры уступило кулайцам свою территорию [5]. На юго-востоке, в северных предгорьях Кузнецкого Алатау обитатели тайги встретили не менее воинственное объединение племен носителей так называемой тагарской культуры. Несмотря на то, что Мариинская лесостепь и Назаровская котловина являлись северо-западной периферией тагарского ареала, кулайцы вступили с ее населением в отношения мирного характера [4,с. 33-42]. Но в целом проблема взаимоотношений тагарского и кулайского населения остается недостаточно исследованной. Особенно это касается западных районов обозначенной тагарской периферии. Основными водными артериями продвижение таежников являлись реки Томь, Яя и Кия. Если Нижнее Притомье достаточно хорошо исследовано археологами[12;19; 20], то районы, связанные с последними двумя реками (условно можно назвать Яйско-Кийское междуречье), изучены значительно слабее.

В последней трети XIX в. в Яйско-Кийском междуречье проводили изыскания такие ученые как Василий Васильевич Радлов, Степан Кирович Кузнецов и Сергей Михайлович Чугунов. В. В. Радлов в 1862 г. прошел от верховий Кии до её устья, исследовав средневековые курганы на Уколе и Чердате. Библиотекарь С. К. Кузнецов и антрополог С. М. Чугунов вместе проводили разведку и раскопки культового места Лысая гора и рядом стоящих курганов в 100км. выше устья р. Яи в Ишимской волости Томской губернии[7, с. 144].На Лысой горе исследователи обнаружили многочисленные находки, в том числе костяные и железные стрелы, «воткнутые» в землю, и пришли к выводу, что в древности это место могло быть культовым. Кузнецов и Чугунов предположили, что стрелы пускали с реки в скалу в честь божества. Таким образом, происходило почитание

духа, поселившегося в горах, откуда начиналось опасное плавание, а обилие находок указывало на то, как велика степень этого поклонения, «ибо каждый плывущий мимо, делал посильные приношения божеству»[13, л. 21–210б; 20, с. 3].Именно на Лысой горе среди прочего были встречены железные и костяные наконечники стрел, а также бронзовый наконечник кулайского типа. Представительный комплекс из бронзовых деталей содержал также элементы конской упряжи (обоймы, бляшки, подвески, пронизки, распределители ремней).

С шестидесятых годов XXв. начались археологические исследования в бассейне среднего течения р. Кия. Преимущественно они были связаны с раскопками поселений, городищ и курганных могильников у сел Михайловка, Дмитриевка, Алчедат Шестаково археологической экспедиции под руководством А.И. Мартынова. Основная часть этих памятников относилась к тагарской культуре и гунно-сарматскому времени. Среди них особое место занимали исследования на горе Арчекас, Здесь было сосредоточено несколько памятников от эпохи ранней бронзы до позднего средневековья[2, с. 49-53; 3, с. 5-41; 8, с. 87-99; 16, с. 68-86]. Гора Арчекас – одноименная кряжу – расположена на правом берегу реки Кии южнее г.Мариинска. Протяжённость возвышенности вдоль реки около 10 км, ширина массива около 3-4 км. Среди исследованных памятников на Арчекасе до настоящего времени кулайских художественных древностей не выявлено, за исключением отдельной случайной находки, которая была опубликована И. И. Баухником в 1970 г. Судя по черно-белой прорисовке это антропоморфная личина кулайского типа[2, с. 53]. Также был выявлен незначительный культурный слой на Арчекасском поселении/городище (Мариинское городище по А.В. Циркину), раскопки которого проводились в 1976 г. Конкретной интерпретации культурной принадлежности в полевом отчетеисследователя не представлено, а лишь упоминается о принадлежности памятника к раннему железному веку[16, с. 68-86]. Одним из авторов настоящей статьи было проведено исследование керамического комплекса городища, исследованного А.В. Циркиным. Комплекс характеризует крестово-штамповая и фигурно-штамповая орнаментация, что позволяет рассматривать его в рамках обширной общности культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку.

В начале XXI в. на протяжении нескольких лет в результате случайных сборов с территории Арчекасского комплекса сформировалась значительная коллекция кулайского оружия, доспехов и культового литья из антропоморфных личин и фигурок, круглых блях с гравировками, орнитоморфных и зооморфных фигурок и др. Не лишены древности горы Арчекас и материальных комплексов тагарской культуры, а также предметов скифского времени степных культур [8]. Это обстоятельство актуализирует проблему взаимодействия таежного и лесостепного населенияво второй половине Iтыс. до н.э.

В настоящая статья посвящена кулайским бронзовым предметам с гравировками. Распознать рисунки, выполненные в технике тончайшей поверхностной гравировки, оказалось сложно. В связи с этим приходилось под боковым освещением поверхности предмета просматривать и затем наносить на бумагу графическое воспроизведение композиции. В результате выявлены изображения, по стилистическим характеристикам сопоставимые с рисунками на зеркалах/бляхах, обнаруженные в составе кладов позднекулайского времени на территории Западной Сибири.

Место, с которого происходят представленные артефакты, находится на ровной площадке с изредка разросшимися березами на высоком правом берегу Кии, с двух сторон защищенное отвесными скальными выходами. Край площадки выходит к обрыву береговой террасы, служившей естественной защитой для совершения культовых или иных действий (рис. 1).

Один из комплексов в составе трех бронзовых предметовбыл обнаруженв небольшой ямке глубиной до10 см. К нему относятся два диска, рядом с которыми находилась

антропоморфная фигурка в полный рост. Возможно, это так называемое погребение-жертвенник, практикуемое в культовой обрядности кулайцев.

Диск с орнаментом и гравировкой. Нашивная круглая бляха (рис. 2-3)с тремя сквозными отверстиями для крепления. Часть диска в центральной ее части незначительно повреждена. Размеры диска: диаметр – 8,7 см, толщина – 0,1 см. С двух сторон диска орнамент и гравировка. Бляха слегка выпуклая, на внешней поверхности которой от центра к краям прочерченные линии. Таких линий шесть, сгруппированные по две в центре, с краю и между ними. На оборотной стороне выгравировано изображение существа с хорошо различимой головой, лапами и хвостом. Морда животного с открытой пастью, тонким штрихом обозначен глаз. Хвост широкий (вероятнее всего, хвост бобра), но незакончен, выходит за границы контура предмета. Ухо отведено назад. Штрихами также обозначены передние и задние лапы, на спине три косые насечки. Над животным удалось выявить два антропоморфных изображения. У одного возможно имелось туловище, но на диске в центре утрачен фрагмент изделия. Лики вытянутой полуовальной формы с усеченной верхней частью, от которой вверх отходят тонкие короткие насечки. Четко просматриваются брови в виде изогнутых линий и глаза в виде горизонтальных эллипсов. Нос обозначен вертикальной линией, которая проходит в центре. Рот у личин, как и глаза имеют форму эллипса.

Вместе с бляхой находился еще один выпуклый диск без орнаментации (рис. 2-2), с одним сквозным отверстием на краю. Диаметр его 5,5 см, толщина – 0,1 см.

Антропоморфная фигура с непропорционально большой головой яйцевидной формы (рис. 2-1). На лице обозначены овальные глаза, нос передан продольной гранью в центре. На щеках по три наклонных полосы. Туловище выполнено в технике ажурного литья, распространенного в Сибири в эпоху раннего железного века с характерной небрежностью в отливке. Руки полукругом, трехпалые ладони упираются в бедра. На предплечьях по две насечки. Ноги укорочены и разъединены. Размеры предмета: высота – 7,6 см, ширина головы и плеч – 2,0 см, высота ног – 1,6 см.

Остановимся еще на трехслучайно обнаруженных предметах, имеющиегравировки в виде личин и антропоморфных фигур в полный рост. Два из них представлены зеркалами/бляхами и одно пятиугольной нашивной тонкой пластиной.

Зеркало(рис. 3-1) круглой формы с небольшой ручкой, основание которой с закруглением. Поверхность гладкая с обеих сторон, на одной из которых в центре гравированное изображение человека с «косами», отходящими от головы в разные стороны. Голова круглая, на лице обозначены глаза (один глаз поврежден), рот, на щеках «квадраты». Выделена шея, туловище грушевидной формы, руки согнуты в локтях и опущены вниз под прямым углом. Ноги в виде прочерченных линий, ступни которых обращены в правую сторону. Ближайшая аналогия зеркалу с ручкой и гравировкой известна из находок кулайского облика в Айдашинской пещере(рис. 4-5) [9, с. 48-49; 10, с. 33, 151].

Пластина(рис. 3-2) из тонкого листа металла пятиугольной формы с круглым отверстием в основании для крепления. На одной из сторонудалось выявить прочерченные линии, создающие образ лица аналогичный антропоморфным личинам позднекулайского времени с выделенными эллипсовидными глазами и ртом, по четыре наклонных насечки на щеках и по три над глазами.

Третье изделие представлено ***бляхой/зеркалом***, края по всему диаметру значительно повреждены (рис. 3-3). Сохранилось одно сквозное отверстие для крепления. Бляха слегка выпуклая, поверхность гладкая, на лицевой стороне в центре гравированное изображение, скорее всего, женщины с «косами». Косы изображены в виде заштрихованных полос и расположены по абрису лица и спускаются вниз. Туловище в виде двух параллельных прочерченных вертикальных линий, которые переходят в ноги, ступни обращены вправо. Руки обозначены прочерченными линиями, согнуты

и опущены вниз параллельно туловищу. Аналогии такому изображению находим в той же коллекции с Арчекаса, где представлены антропоморфные личины и фигуры с «косами» (рис. 4-6).

Все вышеописанные предметы с горы Арчекас относятся к культурам позднекулайской исторической общности. В качестве аналогий мы рассматриваем те комплексы, где стилистическое сходство позволяет предполагать даже возможное их единое авторство, т.е. относительную синхронизацию [22, с. 38].Сравнивая гравировки на бронзовых дисках/зеркалах Арчекаса с металлическими изделиями всего ареала распространения кулайской культуры, можно заметить их стилистическую близость общей сюжетной изобразительной традиции искусства гравировок с территорий Нижнего и Среднего Приобья. Прослеживаются черты как томско-нарымского, сургутского и усть-полуйского вариантов кулайского литья[17, с. 140].

Рисунок животного (бобра?) наарчекасском бронзовом диске, стилистически идентичен прорисовке животного, изображенного вместе с антропоморфными фигурами, на бронзовых зеркалах (рис. 4-3) с городища Няксимволь[15, с. 83],Казымского клада (рис. 4-4)[1, с. 91].На железном шлеме из Истяцкого клада гравировка в виде животного выполнена в таком же стиле [18, с. 164]. Наиболее близкие аналогиарчекасской бляхи с гравировкой животного представлены в погребение-жертвеннике могильника Шеркалы IX на правом берегу Оби в Октябрьском районе ХМАО, который был сооружен кулайцами в I – IIIвв. н. э. [11, с. 205].

В связи с тем, что условия обнаружения, представленных в статье артефактов, являются случайными, мы не можем в полной мере раскрыть роль и назначение предметов применительно к обрядовым действиям. Арчекасская коллекция – не что иное, как инвентарь культовых практик на одной или нескольких площадках Арчекасского кряжа. Стоит заметить, что в километре от ритуальной площадки с кулайскими древностями, существовало культовое место тагарских племен, где также случайно были обнаружены бронзовые котлы скифского облика, кинжал, солярные знаки, «оленные» бляшки, наконечники стрел и др. [6, с. 78-86].Таким образом, предметы образуют несколько локальных скоплений, два из которых территориально расположены на значительном расстоянии и четко разграничены хронологически.

Немалое количество антропоморфных фигур и личин в сочетании с предметами вооружения и доспехов, сконцентрированных на незначительной площади, свидетельствуют о существовании на горе Арчекас одного или нескольких святилищкулайского облика.Приведенные материалы послужили поводом для еще одного немаловажного вывода, связанного с общей тенденцией развития искусства населения Западной и Южной Сибири в дописьменный период истории, начиная с позднескифского времени. На рубеже эр угасает искусство звериного стиля ранних кочевников степныхи лесостепных районов Сибири и Центральной Азии. Искусство гунно-сарматского времени не восполняет эту утрату. Одной из причин этого явления, по мнению Д.Г. Савинова, было широкое внедрение железа в материальную культуру, прежде всего степных народов, среди которых приоритет принадлежал Хунну [14, с. 65]. Однако это не повлияло на культуры таежной зоны Западной Сибири, которые не только сохранили, но и приумножили пластическое искусство из цветного металла. Именно с обитателями тайги в этот период связано развитие сюжетного искусства гравировки на предметах из бронзы.Несомненно, оно находило воплощение и на недолговечных материалах, в частности, на бересте. Особенностью большей части Западной Сибири является длительное сохранение искусства гравировки. В связи с обозначенной проблемой возникает вопрос - случайно или нет совпадение размеров изобразительного «полотна»? Гравировки таежных народов сделаны на маленьких предметах, а рисунки алтайцев и хакасов XVIII–XX веков - на небольших камнях или каменных плитках.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Нино Бессареновне Окруашвили, студентке 4 курса Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета за прорисовки изображений на бронзовых дисках и пластине.

Список литературы

[1] *Бауло А. В. Белогай О. И.* Казымский клад. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 248 с.

[2] *Баухник И.И.* Археологические находки с горы Арчекас // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 2. Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. пед. института, 1970. С. 49-53.

[3] *Баштанник С.В. Жаронкин В.Н., Симонов Д.А., СоколовП.Г., ШиринЮ.В., Фрибус А.В.* Результаты археологических разведок по мониторингу состояния, сохранности и использования объектов археологического наследия Кемеровской области // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово: Изд-во Кузбассвузиздат, 2011. С. 5-41.

[4] *Бобров В.В.* Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1978. С. 33-42

[5] *Бобров В.В.* Военное противостояние в скифское и гунно-сарматское время на территории Западной Сибири //В познании дописьменного периода истории. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО. 2021. С.122-144

[6] *Бобров В. В., Боброва Л. Ю.* Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. № 2. 2017. С. 78-86.

[7] *Боброва Л. Ю., Герман П. В.* Лысая гора на р. Яе: местонахождение памятника // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 139-147.

[8] *Кулемзин А.М.* Арчекасские курганы // Археология Южной Сибири (межвузовский сборник научных трудов). Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 1979. С. 87-99.

[9] *Молодин В. И., Равнушкин В. Н.* Новые находки кулайского облика из Айдашинской пещеры // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. С. 43-50.

[10] *Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск: «Наука», 1980. 208 с.

[11] *Панкратова Л. В.* Гравированное изображение на бляхе из могильника ШеркалыIX // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири: Сборник статей / Отв. ред. А. И. Боброва. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 204-208.

[12] *Панкратова Л.В., МарочкинА.Г., Юракова А.Ю.* Культовый комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (29). 2014. С.108-115.

[13] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1892, д. 132: О раскопках С. К. Кузнецова на курганном кладбище на р. Яи.

[14] *Савинов Д.Г.* Легенды и действительность о значении железа в социальной истории кочевых империй // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2016. С. 64-68

[15] *Труфанов А. Я., Труфанова Ж. Н.* Стилистика и иконография металопластикиНяксимволя // Няксимволь /отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2014. С. 67-90.

[16] *Циркин А. В.* Мариинское городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 68-86.

[17] *Чемякин Ю. П.* Культовая металлпластикаСургутского варианта кулайской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 137-141.

[18] *Чернецов В. Н.* Бронза Усть-Полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. М., 1953. С. 121-178

[19] *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: изд-во Томского университета, 1984. 256 с.

[20] *Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И.* Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск: Изд-во Томского университета, 1990. 340 с.

[21] *Чугунов С.М.* Экскурсия на реку Яю (из путевых заметок) // Сибирский вестник. № 85. Типография М. О. Картымышевой в Томске. 28 июля 1891 г.

[22] *Ширин Ю. В.* Хронология Няксимволя // Няксимволь /отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2014. С. 33-52.

УДК 902/904

Клады скифского времени Среднего Енисея

Бородовский Андрей Павлович
Доктор исторических наук, доцент , ведущий научный сотрудник Институт археологии и этнографии СО РАН, г.Новосибирск, Россия.
altaicenter2011@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

аннотация Клады металлических предметов Среднего Енисея, включая территории Республики Хакасия и юга Красноярского края, отличаются не только многочисленностью, различием вариантов, но и своей хронологией. Одна из самых групп кладов относится к скифскому времени. Выявление и изучение кладов металлических предметов в данном регионе открывает широкие перспективы для решения проблем относительного датирования, интерпретации таких собраний в рамках их функционального назначения, специализации, систематизации и возможностей ритуального использования. Данные параметры кладов могут быть установлены по наличию и повторяемости в них комплектов определенных изделий – котлов, предметов конского снаряжения, деталей поясной гарнитуры, оружия и металлопластики.

ключевые слова Южная Сибирь, Средний Енисей, клады, скифское время

Наличие вместилища является одной из характерных особенностей клада как археологического комплекса. В ряде случаев эту функцию выполняли металлические котлы. Для Сибири наибольшая концентрация таких комплексов отмечена для территории Среднего Енисея (рис. 1). Следует также подчеркнуть, что для этого региона типична и максимальная концентрация «случайных» находок металлических котлов, среди которых известно несколько фактов, когда они были помещены друг в друга. Эти комплексы вполне можно интерпретировать как клады (бытовые, ценностные или ритуальные). Среди них следует упомянуть ранее уже опубликованные Шалаболинский клад [1], Красноярский клад [2] и недавно обнаруженные клады – у поселка Летник, Аевский клад (у аалаАев), Второй Потрошиловский, клад. Другим вариантом местонахождения бронзовых котлов в кладах является их расположение рядом друг с другом (Косогольский клад, с. Терское Канского района) [3]. Особое значение имеют клады в котлах, поскольку вместилище клада является одним из главных атрибутов этой разновидности археологического источника. Среди таких предметных комплексов есть как уже в различной степени опубликованные (Июсский клад [4], клад с о. Гладкий, Сапоговский клад [5]), так и недавно обнаруженные Первый Баланкульский, Пригорский, Идринский клады.При этом для целого ряда кладов (Июсского, Пригорского, клада из аала Сапогов и кладов с о. Гладкий) Среднего Енисея эпохи раннего железа характерно наличие котлов одного типа, которые были использованы как вместилища.На территории Среднего Енисея и его бассейна, известна серия кладов, в состав которых входят миниатюрные бронзовые котлы. Среди них есть как ранее опубликованный Торгашенский клад [6], так и недавно обнаруженные Первый Терский, Третий Терский, Третий Уйбатский, Пятый Биджинский клады. В состав еще некоторых собраний (Первого Джиримского и Пригорского входили различные обломки (ручки, поддоны) от других котлов.

Не менее проблемным в рамках разработки абсолютной и относительной хронологии кладов эпохи железа Среднего Енисея являются возможности и особенности их датировки по вместилищам, в которых они находились. Учитывая, что для большинства кладов Среднего Енисея вместилища не выявлены, сосредоточимся на тех из них, где установлены факты наличия таковых предметов. Прежде всего, в данном отношении следует упомянуть клады Июсский, с острова Гладкий на Красноярском водохранилище, у аалаСапогов и Идринский клад, содержимое которых находилось в медных (бронзовых) котлах на поддонах. Типология и хронология большинства этих котлов с аркообразными ручками (Июсский клад, клады с о. Гладкий и аала Сапогов) позволяют отнести их по времени бытования к V– III вв. до н. э. Медный котел с грибовидными ручками из Идринского клада был изготовлен явно раньше (VI–V вв. до н. э.). Именно поэтому, если учесть позднюю общую хронологию предметного комплекса, входящего в Июсский клад и клады с о. Гладкий и аала Сапогов, становится очевидным, что медные тагарские котлы различных типов, использованные в качестве вместилищ, не могут быть датирующими предметами, поскольку

общая хронология их бытования, как правило, на несколько столетий древнее наиболее поздних предметов, входящих в клад. С другой стороны, именно эти предметы (котлы) как вместилища кладов можно достаточно результативно использовать для корреляции и установления относительной хронологии их вещевых комплексов (рис. 2). На основании такого «критерия», при учете общей хронологии содержимого, допустимо выделить более позднюю группу кладов (Июсский и клады с о. Гладкий и аала Сапогов) в сравнении с более ранним Идринским кладом. Более того, для поздней группы кладов в медных тагарских котлах можно с некоторой долей вероятности выдвигать предположения об их хронологии относительно друг друга. В частности, отсутствие железных инструментов в Июсском и кладе у аала Сапогов может быть основанием для относительно более ранней их датировки по сравнению с кладом с о. Гладкий.

Предметный комплекс «тагарских бронз» в кладах Среднего Енисея состоит из нескольких разновидностей бронзовых изделий (котлы, навершия, зеркала с кнопчатой рукоятью на четырех ножках, подквадратные поясные обоймы с прорезями, конические пронизи).

Наиболее часто встречаемой комбинацией таких предметов является сочетание зеркал с кнопчатыми рукоятями на четырех ножках, подквадратныхпоясных обойм с прорезями и конических пронизей (представлены в материалах Июсского, Саяногорского, Шарыповского и Первого Уйбатского кладов). Наряду с этим следует подчеркнуть, что по отдельности зеркала (Первый Джиримский и Лугавский клады) и конические пронизи (Аскыровский клад) встречаются еще в нескольких собраниях не только на Среднем Енисее, но и на сопредельных территориях, например, в таежном Притомье (Бурбинский клад).

Не менее интересны и детали металлического лома встречающиеся в кладах эпохи раннего железа. Обычно такие артефакты интерпретируют как собрания «литейщиков», в которых концентрировался металл ранее разрушенных изделий, предназначенных на переплавку. Однако, одна из категорий таких предметов – ручки котлов скифской эпохи может быть интерпретирована в другом контексте. Следует отметить, что ручки металлических котлов эпохи раннего железа с территории юга Западной Сибири классифицируются по сохранности изначального конструктивного сопряжения с краем тулова. Среди находок представлены стенки котлов с ручкой и отдельно ручки. В первом случае наблюдается вариативность степени разрушения всего сосуда. Имеются как достаточно значительные обломки, например, находка с берега р. Кан, Первого Джиримского клада. Только ручки котлов представлены находками из Вознесенки, Подсопок, а также экземпляром из фондов Минусинского краеведческого музея. При этом ручки с гвоздевидными выступами соответствуют характеруразрушения котла из окрестностей Канска. Интерпретация таких находок может иметь несколько вариантов. Поскольку предназначение предмета или его части нередко может быть связано с определенными ритуальными действиями. В этой связи следует обратить внимание на интерпретацию помещения в землю некоторых знаковых деталей (ручек) металлических котлов. В частности, существует точка зрения, что намеренное захоронение фрагментов гуннских котлов с ручками у водных источников является отражением определенных обрядов [7, с. 323]. Согласно гипотезе Ю.И. Спасской, древние кочевники, переходя весной на свои летники, совершали у воды ритуал «оставления инвентаря» (один котел или их серия), а вернувшись обратно осенью, использовали его снова [8, с. 114]. Анализ расположения местобнаружения котлов эпохи раннего железа как случайных находок в долине среднего Енисея и его притоков действительно демонстрирует их связь с водными источниками (реки, ручьи и озера). В свою очередь, случаи нахождения фрагментов металлических котлов интерпретируются как ритуальное «умерщвление» предметов в ходе обряда [9, с. 270]. Однако это противоречит прагматическому смыслу ритуала «оставления инвентаря». Тем не менее факты возможного ритуального разрушения металлических котлов зафиксированы и в погребальных комплексах скифо-сарматского времени [10, с. 22, рис. 3, 7]. В Верхнем Приобье эпохи раннего железа признаки такого ритуального разрушения котла, очевидно, представлены в могиле 1, кургана 5 Новотороицкого-2 [11, с. 80].

Картография ручек металлических котлов эпохи раннего железа на юге Западной Сибири позволяет выявить несколько особенностей локализации таких находок. Во-первых, они концентрируются преимущественно на периферии ареала основного производства металлических котлов тагарского времени и мест их случайного обнаружения в долине

среднего Енисея и сопредельных территорий (Подсопки, окрестности Канска). Во-вторых, только некоторые из этих находок (фрагмент стенки с ручкой с р. Кан) тяготеют к водным магистралям, где также найдены целые котлы (пять у с. Терского) и клады (Первый и Третий Терские клады) с ними. Возможно, ручки котлов, которые обнаружены в местах, связанных с водной средой, имеют ритуальное значение и символизируют целое изделие. В-третьих, ручки металлических котлов в составе производственных кладов эпохи раннего железа на среднем Енисее демонстрируют совершенно другую топографию. Эти комплексы (Первый Джиримский, Идринский клады) расположены, как правило, далеко от водных источников – на возвышенных участках местности. В-четвертых, рассматриваемые находки являются фрагментами импортных изделий с сопредельных или более удаленных территорий. Это характерно как для Барабинской (Туруновка-1) и Мариинско-Ачинской (Айдашенская пещера) лесостепи, так и для долины среднего Енисея. Морфология обломков металлических котлов с ручками отражает практически все типологическое и хронологическое разнообразие таких изделий за весь период их бытования в эпоху раннего железа. Следует также отметить, что среди рассматриваемы находок представлены и «тагарские» (Березняки, Подсопки, находка у Канска), и «хуннские» бронзы (Первый Джиримский клад). Этот факт может свидетельствовать как о длительности существования традиции ритуального захоронения ручек от металлических котлов, так и о более позднем использовании ранних металлических котлов до их повреждения вследствие естественного износа или преднамеренной поломки.

Подводя итоги отметим, что клады металлических предметов скифской эпохи на Среднем Енисее являются достаточно информативным источником, исследования которого являются актуальными для реконструкции целого ряда «моментов» относящийся как к ритуальной, так и практической деятельности древнего населения на протяжении достаточно продолжительного временного периода.

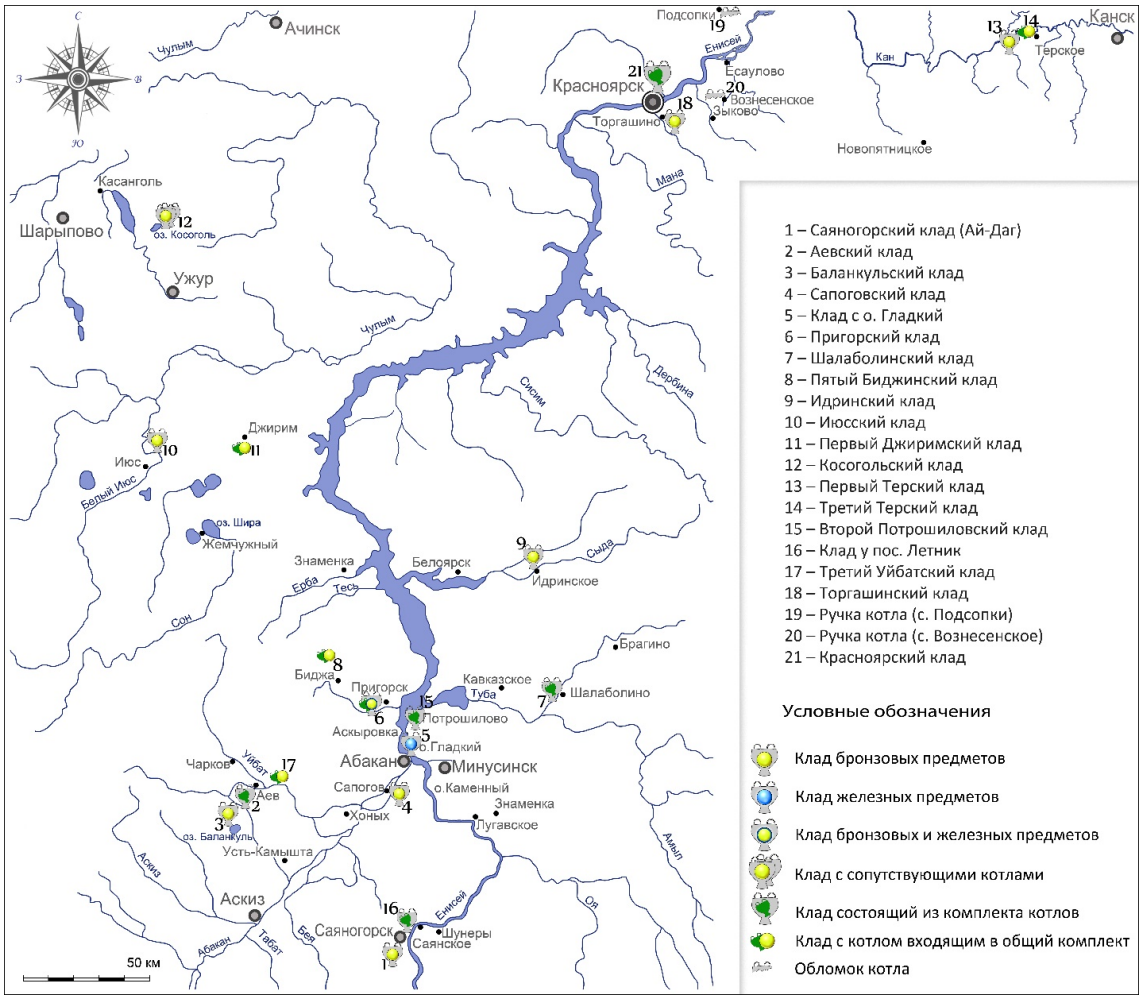

Рис. 1 Клады котлами скифского времени на территории Среднего Енисея.

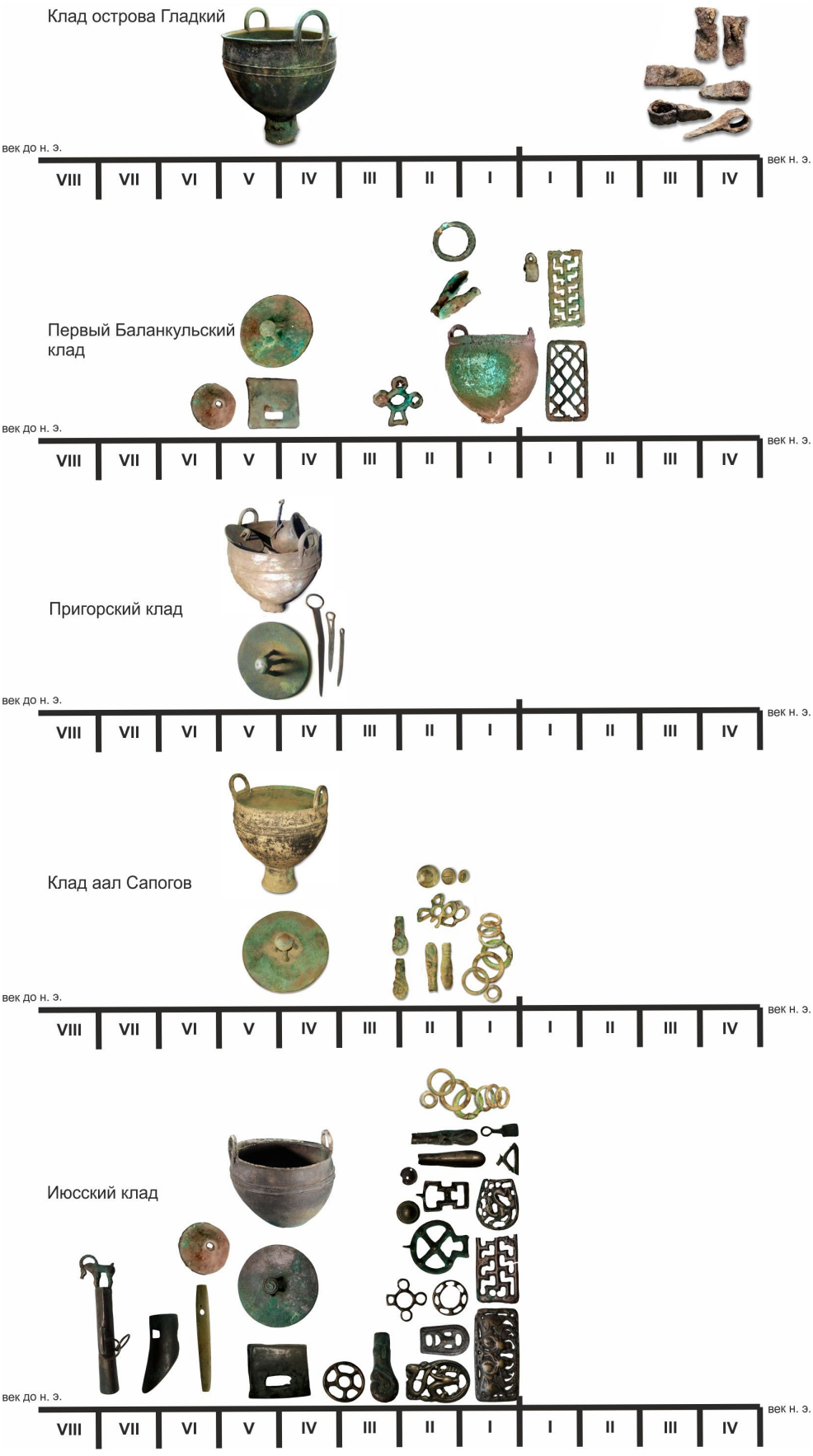

Рис. 2 Содержимое кладов в котлах скифского времени на Среднем Енисее.

Список литературы

[1] *Левашева* В. П., *Рыгдылон* Э. Р. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее // КСИА. 1952. Вып. 43. С. 132–137.

[2] *Макаров* Н. П. Археологические клады из фондов Красноярского музея как источник по мировоззрению древних и традиционных обществ // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 79–82.

[3] *Нащекин* Н. В. Косогольский клад // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 163–165.

[4] *Бородовский* А. П., *Ларичев* В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.

[5] *Бородовский* А. П., *Оборин* Ю. И. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени Среднего Енисея с железными предметами // Вестник НГУ Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 7: Археология и этнография. С. 86–98. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-86-98

[6] *Мартынов* А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово: Изд-во КГПИ, 1983. Вып. 6. С. 4–89.

[7] *Менхен-Хельфен* О. История и культура гуннов. – М: Центрполиграф, 2014. – 478 с

[8] *Джумабекова* Г.С., *Базарбаева* Г.А. О символике металлических котлов в эпоху ранних кочевников // Самар. науч. вестн. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 114–

[9] *Ермоленко* Л.Н. О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддоне) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М.: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 110–116.

[10] *Красильников* К.И. Закрытый сакральный гуннский комплекс Мечетное-2 на Донбассе (предварительный обзор) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском пространстве (новые данные и концепции). – СПб.: ИИМК РАН, 2019. – Т. 1. – С. 269–271.

[11] *Березуцкий* В.Д. Бронзовые котлы из сарматского погребения Новочигольского курганного могильника // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 2. – С. 21–25.

[12] *Шульга* П.И., *Уманский* А.П., *Могильников* В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

УДК 902/904

Скифское время горной долины Нижней Катуни

Бородовский Андрей Павлович
Доктор исторических наук, доцент , ведущий научный сотрудник Институт археологии и этнографии СО РАН, г.Новосибирск, Россия.
altaicenter2011@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

АННОТАЦИЯ Длительное время территория горной долины Нижней Катуни для скифского времени рассматривалась исключительно как буферная зона между лесостепными и степными районами Верхней Оби и Горным Алтая. Считалось, что здесь, за исключением узкой кромки предгорий археологические комплексы эпохи раннего железа простоотсутствовали, по причине транзитного характера этой территории. Однако исследования последних двадцати лет позволили выявить целый ряд крупных курганных некрополей (Барангол 1,2,4, Чултуков Лог-1,2, Манжерок-12), которые оказались не граблеными. Причинами этого во многом являлся влажный климат Северного Алтая, который способствовал интенсивности почвообразования на каменных погребальных конструкциях, которые в течении четверти века приводили к тому, что поверхность курганов с каменной наброской задерновывалась и теряла свои визуальные признаки. Высокая степень сохранности этих погребальных комплексов позволило проследить не только общую хронологическую динамику (от раннескифского до позднескифского периодов), но и особенности процессов культурогенеза. Это проявилось в поликультурности, когда в пределах одного некрополя встречались как погребения отдельных культурных носителей (северо-пазырыкская культура – Чултуков Лог-2, Барангол-1,2,4), так и историческую мозаичность такой принадлежности (быстрянская, северо-пазырыкская, кара-кобинская культуры – Чултуков Лог-1). Таким образом территория горной долины Нижней Катуни представляет собой один из эталонных районов Южной Сибири скифского времени, в котором представлен феномен поликультурности, характерный так же для Тувы и Среднего Енисея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Южная Сибирь, Нижняя Катунь, скифское время

В рамках феномена поликультурности эпохи раннего железа на территории Южной Сибири археолого-антропологическая характеристика однокомпонентных погребальных комплексов позволяет формировать наиболее объективное представление о характере происхождения и контактах различных этно-территориальных групп населения Горного Алтая во второй половине I тыс. до н.э.

Северный Алтай является естественной границей и контактной зоной целого ряда археологических культур скифского времени на юге Западной Сибири. Среди них: быстрянская, пазырыкская и каракобинская культуры. Предварительное радиоуглеродное датирование (рис. 1) ряда разнокультурных погребений некрополя Чултуков Лог-1, проведенное в Стокгольмском университете позволило определить общую хронологическую динамику скифского времени в горной долине Нижней Катуни от маймирского периода до хунно-сяньбийского времени (майминская культура).

Следует подчеркнуть, что раннескифское время (майэмирский период) на территории горной долины Нижней Катуни представлен пока эпизодическими без инвентарными погребениями (Чултуков Лог-1), а также захоронениями в каменных ящиках (Чемал-Карьер-1). При этом, автор, учитывая «пестроту» и немногочисленность таких памятников не разделяет точки зрения – выделения раннескифской бикенской культуры на Горном Алтае.

В отношении широко распространённой на территории Горного Алтая пазырыкской культуры сформировалось несколько точек зрения. Одна из них – существование единой пазырыкской культуры в пределах всего Большого Алтая. Другая точка зрения в отношении пазырыкской культуры предполагает существование её локальных вариантов или их территориальное своеобразие.

К настоящему времени в рамках пазырыкской культуры выделен её северный локальный вариант, под которым понимается вся совокупность памятников VI–III веков до н. э. в нижнем и среднем течении р. Катунь от Маймы до Урсула [1; 2, с. 134–136;3, с. 10].

На территории горной долины нижней Катуни к северному локальному варианту пазырыкской культуры относятся: верхние слои поселения Муны-1; курганные группы Майма IV, Чулуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4, Талда; каменные изваяния, балбалы, ритуально-поминальные конструкции, культовые комплексы [4 , с. 216, рис. 123].

Предложение присвоить название этой группе пазырыкских памятников наименование курганной группы Тыткескень IV (тыткескеньский вариант) [5, с. 166–168; 6, с. 136], с нашей точки зрения, не совсем оправдано. Во-первых, на территории горной долины Нижней Катуни имеется еще целый ряд некрополей (Барангольский, Чултуков Лог, Манжерок-12), которые не менее репрезентативны. Во-вторых, исходя из территориальной детерминированности локального варианта, более оправданно базировать его название на основе географического определения Северного Алтая как особой территории.

Более того, с археологической точки зрения Барангольский некрополь (Барангол-1,2,4), расположенный на территории горной долины Нижней Катуни, является однокомпонентным пазырыкским погребальным комплексом, не содержащим захоронения других археологических культур эпохи раннего железа. Основные отличия пазырыкских комплексов Северного Алтая проявляются на нескольких уровнях (погребальном, предметном, антропологическом). Особенностями погребальной обрядности представлены в незначительном количестве захоронений с конем; разнообразии внутримогильных конструкций; отклонении от традиционной восточной ориентации погребенных в южную сторону. Своеобразие сопроводительного предметного комплекса в основном характеризуется в присутствии достаточно значительно количества баночной посуды, относительно редкой встречаемости высокогорлых пазырыкских кувшинов и резной сетчатой орнаментацией горловины сосудов, а также наличии значительного количества массивных биметаллических заколок-триквестров(рис. 2).

В целом ряде женских захоронений эпохи раннего железа горной долины нижней Катуни (барангольский некрополь, Чултуков Лог-1) головные уборы-парики были украшены длинными заколками (триквестрами).Полиметаллические (железо, медь, золото) триквекстры встречаются в ряде погребений эпохи раннего железа на Северном Алтае (Суртайка-1, Покровский лог, Черный Ануй-3, Верх-Еланда-2) и в Туве. Однако, частота встречаемости и разнообразие триквестров в погребениях эпохи раннего железа горной долины нижней Катуни (Майма IV, Майма XIX, Чулутков Лог-1, Барангол-1,2) позволяют рассматривать это украшение как характерную палеоэтнографическую деталь северного варианта пазырыкской культуры.

При этом, аналогичные головные уборы-парики с заколками являются одним из наиболее типичных элементов пазырыкской культуры в целом.

Таким образом, материальные свидетельства адаптации в конечном итоге являются «наглядной иллюстрацией» процессов трансформации исходной культурной традиции в самостоятельную культуру, что и составляет основное содержание локального варианта.

Не менее показательны основные краниологические параметры антропологической выборки из Барангольского некрополя. Они имеют расоводиагностическое значение, но не выходят за пределы межгрупповой вариабельности краниотипа носителей пазырыкской культуры долины Юстыда, Барбугазы и Бугузуна, Уландрыка, плоскогорья Укок, урочища Кызыл-Джар и долины средней Катуни, что свидетельствует об общности происхождения населения этих районов. В связи с этим следует еще упомянуть, что по данным антропологических исследований С.С. Тур материалы из курганной группы Майма-IV по совокупности пазырыкских краниологических серий наиболее сближаются с черепами саков Синцзяна и населения тагарской культуры.Антропологическое своеобразие Барангольского некрополядостаточно наглядно представлено еще в краниотипе и значительном распространении кариеса. Это свидетельствует в пользу того, что население помимо скотоводства занималось земледелием[7].

В целом такие данные показывают, что эпицентром распространения зубного кариеса в Верхнеобском бассейне в эпоху раннего железа являлась горная долина нижней Катуни [8]. Сокращение в диете доли белкового компонента, по-видимому, приводило к уменьшению длины тела у мужчин. Такие особенности палеоэкономического потенциала населения, оставившего Барангольский некрополь явно были связаны с локальным своеобразием северного варианта пазырыкской культуры.

В целом, судя по традиционным археологическим датировкам курганных групп Северного Алтая (Майма IV, Чултуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4), носители пазырыкской культуры проживали на севере Горного Алтая с рубежа VI-V в. до н.э. до начала II в. до н.э. Эта хронология подтверждается радиоуглеродным датированием. В свою очередь, это соответствует общей продолжительности существования пазырыкской культуры на территории всего Горного Алтая, в рамках которого сформировался ее северный локальный вариант. Длительность существования здесь пазырыкского населения и плотная заселенность территории горной долины Нижней Катуни на протяжении всего скифского времени явно противоречат концепции по миграции пазырыкской культуры на позднем этапе ее существования с юга на север. Очевидно, что этот культурный феномен занимал практически всю территорию Горного Алтая на протяжении всего периода бытования.

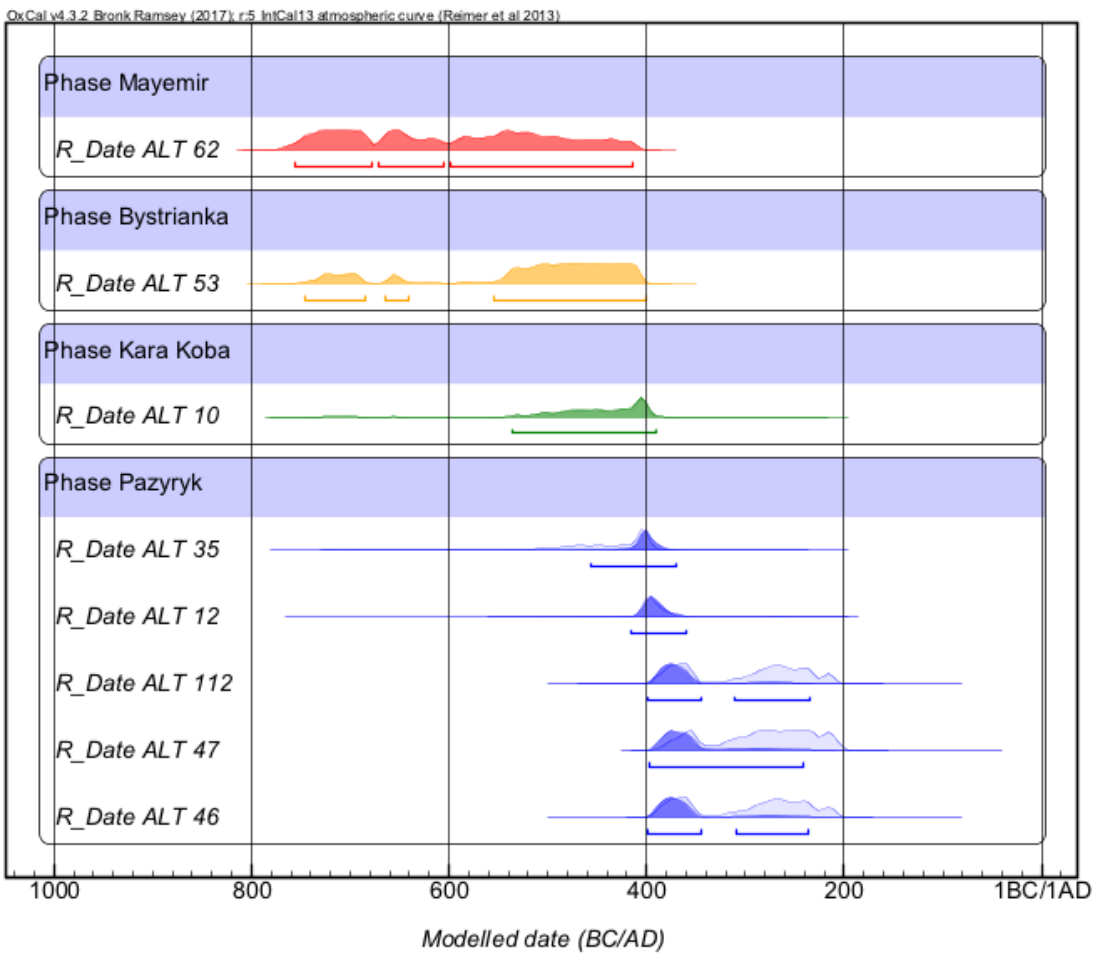

Рис. 1 Радиоуглеродное датирование погребений некрополя Чултуков Лог-1

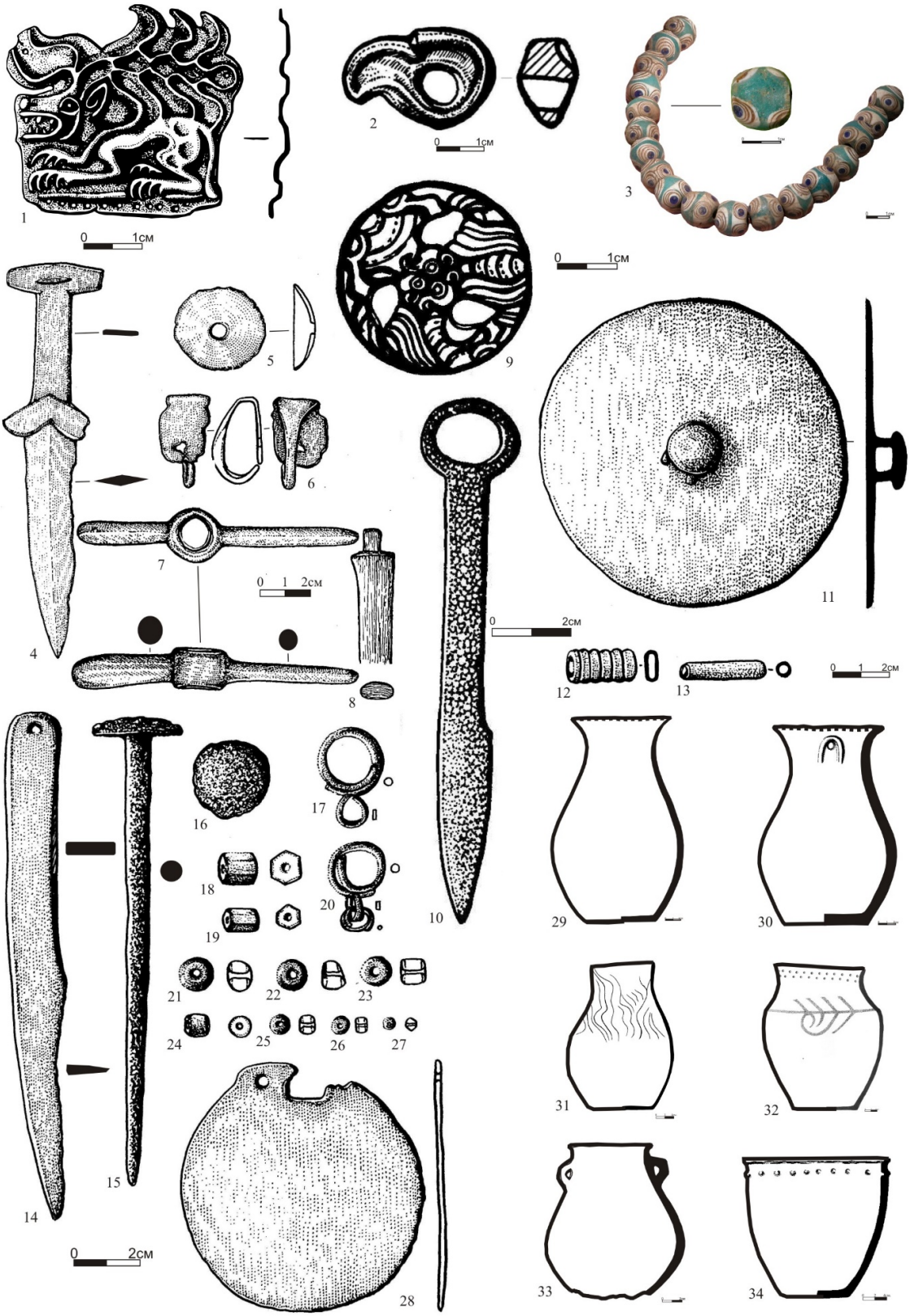

Рис. 2 Предметный комплекс некрополя Чултуков Лог-1.

Список литературы

[1] *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – 234 с.

[2] *Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – 292 с.

[3] *Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. – 282 с.

[4] *Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.* Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

[5] *Тишкин А.А., Дашковский П.К.* О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 166–168.

[6] *Тишкин А.А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических систем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.

[7] *Бородовский А.П., Тур С.С.* Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине нижней Катуни (антропологический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии Т.43, № 3. 2015 – С. 128-141

[8] *Тур С.С.* Антропологические материалы из барангольского некрополя скифского времени (долина Нижней Катуни) // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Вып. 1, Барнаул: Изд-воАлтайскогогос. Ун-та, 2014. – С. 102-104

УДК 069.4 (09)

Охрана памятников археологического наследия в Енисейской Сибири. История и современность

Вдовин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея г.Красноярск, Россия.
vdovin2002@bk.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-5983-2114

Дроздов Николай Иванович
Доктор исторических наук, профессор, директор Сибирского института ОЧУ ВО «Международный инновационный университет», руководитель Центра исторической регионалистики Енисейской Сибири ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.
kfurao@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4616-0758

Макаров Николай Поликарпович
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея, г.Красноярск, Россия.
mnp@kkkm.ru, https://orcid.org/ 0000-0003-3221-5359

Макулов Владимир Иванович
Научный сотрудник ОЧУ ВО «Международный инновационный университет», г.Красноярск, Россия.
kfurao@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье дан краткий исторический обзор состояния дел по охране памятников археологии с XVIII века по настоящее время на территории Енисейской Сибири. Рассмотрено законодательство страны и правоприменение законов в различные исторические периоды развития России на территории Приенисейского края. Отмечена деятельность археологов сибирских и центральных научных центров в деле выявления, спасения и изучения археологических памятников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Археология, Енисейская Сибирь, охрана памятников

2022 год является юбилейным для Сибирской, да и Российской археологии. Три столетия назад, 6 января 1722 у с. Абаканское (современного с. Краснотуранское) экспедицией Д.Г. Мессершмидта были проведены первые в России научные раскопки древнего кургана. В том же году у р. Караульной близ Красноярска была найдена скульптурка рыбы, выполненная из камня. Так рождалась отечественная археология, а вместе с ней и проблема сохранения археологических памятников.

Указ 1718 г. Петра 1 предписывал не только получать сведения о старинных предметах, но и прекратить хищническое разграбление курганов. По сути этот и последующие указы царя были первыми актами по охране имеющихся в Сибири древних археологических памятников.

Академическими экспедициями Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа и других ученых XVIII в. на территории Енисейской Сибири были выявлены сотни археологических памятников и отмечены многочисленные примеры их разграбления. Но потребовалось более столетия на формирование общественного мнения о необходимости их охраны на местах и формирования законодательной базы в этом направлении. Существенным шагом вперед стало создание в 1859 г. Императорской Археологической комиссии по разрешению и контролем которой в стране стали проводится археологические раскопки.

Значительную помощь и содействие ее работе в Енисейской губернии оказывали

местные отделения полиции. Можно сказать, что появилось даже целое направление в виде «полицейской археологии» [5, с. 54-60].

В 1904 г. в Министерстве Внутренних Дел (МВД) была создана специальная комиссия по пересмотру действующих постановлений по охране древних памятников и зданий. Но русско-японская война и революция 1905 г. прервали ее работу. Лишь в 1911 г. проект был передан в Государственную думу. Для разработки законопроекта были использованы предложения МАО и ряд положений принятых Археологическими съездами. В рамах проведения реформ П.А. Столыпина было подготовлено «Положение об охране древностей». Среди 15 округов России для Сибири предполагалось создание двух Археологических комитетов, Минусинский – для Южной Сибири и Сибирский – для Северной части Сибири. В каждом из них при МВД предполагалось наличие специалистов по доисторической археологии и памятникам искусства. Права и полномочия Археологической комиссии передавались центральному и окружным комитетам. В духе первых указов Петра 1 предполагалось наказание за «умышленное повреждение древностей». Так «виновные в истреблении или повреждении подвергаются заключению в тюрьме на время от 8-ми месяцев до одного года и 4-х месяцев, сверх того, денежному взысканию в размере стоимости истребленного или поврежденного предмета». Запрещалось порочная на тот период практика вывоза древностей за границу. В случае не возвращения в Россию вывезенных предметов, виновный мог быть наказан заключением от 4 до 8 месяцев, с последующим возмещением двойной стоимости предметов. В случае несанкционированных раскопок, виновный подвергается заключению сроком не более 3-х недель, а за сокрытие случайно найденных предметов до 4-8 месяцев.

К сожалению, российская бюрократия вновь затянула обсуждение в Думе до начала Первой мировой войны, когда вопрос об охране памятников стал второстепенным. Вместе с тем, именно массовое уничтожение памятников истории и культуры во время войны, заставило правительство вернуться к этому вопросу. В апреле 1916 г. МВД, обратилось в Государственную Думу о возвращении законопроекта для доработки

Таким образом, история сибирской археологии в дореволюционный период характеризуется противоречивой ситуацией. С одной стороны, в результате хозяйственного освоения региона бесследно исчезли тысячи курганов и древних поселений. В тоже время, благодаря энтузиазму исследователей местных научных центров, активистов отделений РГО были выявлены и раскопаны десятки памятников истории и культуры древних народов. В этом велика заслуга возникших во второй половине XIX века региональных музеев в Минусинске, Ачинске, Енисейске, Красноярске и сибирских отделов Российского Географического Общества (РГО). В конце XIX начале XX вв. многочисленные курганы в Минусинской котловине и в окрестностях Красноярска были раскопаны А.В. Адриановым и другими исследователями. Среди них раскопанный в 1903 г могильник Оглахты давший уникальные по степени сохранности сенсационные находки: мумии, куклы-манекены в различных одеждах, деревянная посуда, зерна проса и другие артефакты. Нередко в местные музеи предметы передавали полицейские чины. При помощи полицейских у населения были изъяты и спасены для науки несколько кладов содержащих серебряные и золотые вещи [5, с. 54-60]. При поддержке властей Енисейской губернии, Ачинского полицейского исправника в 1910 г. А.П. Ермолаев, выехавший на место находок Ишимского клада, собрал и передал в Красноярский городской музей коллекцию до 100 предметов: оружия, художественных изделий и фрагментов керамики [17].

Для регистрации выявленных памятников археологии на местах возникла острая необходимость их учета. Наиболее активные сибирские археологи-любители, отвечая на призыв председателя Московского Археологического общества (МАО)

П.С. Уваровой, собрали первую информацию об имеющихся памятниках. Этим, независимо друг от друга занимались археологи складывающихся тогда региональных научных центров. Одним из первых такая работа была проведена сотрудником Минусинского музея Д.И. Клеменцем. Любопытно, что по просьбе опального народовольца властями: губернатором, а также Минусинским, Ачинским и Канским окружным исправниками Д.А. Клеменцу было оказано всяческое содействие [ГАКК. Ф. 595, оп.1, д. 2419, л. 14]. В итоге, карта Д.А. Клеменца была опубликована в первом выпуске «Сибирских древностей» В.В. Радлова [30].

Наряду с Д.А. Клеменцем созданием археологических карт занимались И.Т. Савенков, А.В. Адрианов, И.П. Кузнецов–Красноярский, А.П. Ермолаев и другие археологи-любители, хотя им и не удалось довести свою работу до публикаций.

В фондах Красноярского краеведческого музея выявлена «Геолого-археологическая карта окрестностей г. Красноярска Енисейской губернии с показанием мест нахождения костей вымерших животных и вместе с ними палеолитических орудий». По указанию И.Т. Савенкова ее выполнил П.М. Рухлянин 23 декабря 1886 г. Особенность карты в том, что здесь указаны места, где были найдены И.Т. Савенковым первые на Енисее палеолитические орудия.

Другая более поздняя археологическая карта И.Т. Савенкова по центральным и южным районам Енисейской губернии включала не только памятники, выявленные автором, но и Д.А. Клеменцем, А.В. Адриановым, И.П. Кузнецовым-Красноярским. На карте И.Т. Савенкова были выделены памятники палеолита, неолита, медно-бронзового и железного веков, а также геологические, ботанические и метеорологические данные [11, с 34-36]. В архиве исследователя содержатся сведения о работе по составлению подобных карт в окрестностях д. Базаиха, урочища Бор, долины Енисея от р. Собакиной до Шиверской, окрестностей Красноярска. Но судьба всех этих карт неизвестна.

Не ясна и судьба археологической карты А.В. Адрианова над которой он работал в конце XIX – начале X вв.

Отдельные территории Енисейской губернии все же были исследованы подробно с инвентаризацией имеющихся на их территории всех археологических памятников. Так в 1913 г. А.П. Ермолаев описал 226 курганов в районе оз. Шира с присвоением каждому кургану отдельного номера [16, л. 4-8], что дает нам возможность более чем столетие спустя провести мониторинг этих памятников.

Усилению внимания к археологическим памятникам Приенисейского края способствовала социально-экономическая ситуация в России. Конец XIX – начало XX в. ознаменован для Сибири вовлечением в общероссийские экономические и культурные процессы, связанные с развитием капитализма. Экономическое освоение новых территорий привело к тому, что археологические памятники в огромном количестве попали в зону хозяйственного освоения. Особенно опасались, что реализация столыпинской аграрной реформы приведет к массовому уничтожению археологических памятников. В этих условиях И.Т. Савенков предлагает привлечь крестьянских начальников, которые могли бы сообщать о случайных находках в музей, а все полученные сведения наносить на археологическую карту [ОПИ ГИМ, ф.17, оп.1, д.568. л.48а]. Это диктовалось и условиями переселенческой политики. В конце XIX - начале XX в., по заданию Переселенческого управления составляются топографические карты, на которых отмечены «чудские» курганы и другие археологические памятники. Сотрудник переселенческого управления С.М. Сергеев в Красноярске открывает в 1912 г. палеолитическую стоянку «Переселенческий пункт», а позже проводит исследование в зоне Ачинско-Минусинской железной дороги и раскопки у дд. Сухая Ерба и Биря, а И.И. Берников в Канске раскапывает курганы на Долгом озере [7, с 168-174].

В охранной археологии наглядно проступает конфликт интересов с Министерствами земледелия и путей сообщения. Но все же здесь еще прослеживается обратная связь строителей и археологов. Наряду с принятием решения в 1891 г. о постройке Сибирской железной дороги последовал приказ об обязательности археологического надзора и охране археологических древностей [РА ИИМК, ф.1, д.26, л. 94]. Это позволило после получения соответствующего сообщения сотрудникам Красноярского музея выехать для исследования полосы отчуждения в зону строительства железной дороги Минусинск–Ачинск. А.Я. Тугаринову у д. Андроновой удалось раскопать несколько древних могил, частично нарушенных в ходе земляных работ. По счастливой случайности в них был найден оригинальный, не имеющих на тот период аналогов, археологический материал. Результатом этих охранно-спасательных работ Красноярского музея стало открытие самобытной андроновской культуры бронзового века [9, с . 62-64].

В целом, не смотря на то, что в зоне хозяйственного освоения Сибири были открыты и раскопаны ряд знаковых археологических памятников, охранная археология в довоенный период оставалась на низком уровне. В конце XIX - начале XX вв. правительство так и не смогло организовать деятельную охрану археологических памятников. Без материальной поддержки из центра, при острой нехватке специалистов-археологов эта работа оказалась малоэффективной. Главным ее недостатком было то, что органов отвечающих за охрану памятников просто не было.

Проблема сохранения культурного наследия еще более обострилась в первые десятилетия советской власти.

На местах, прежде всего силами археологов музеев, проводились небольшие по масштабам раскопки памятников, находящихся под явной угрозой разрушения. Среди них раскопки в Красноярске палеолитической стоянки и неолитического могильника на Афонтовой горе, средневекового могильника Часовенная гора и других памятников [12, с 339-348]. Значительным шагом вперед стало составление В.Г. Карцовым [1929] археологической карты окрестностей Красноярска. Инициатива сотрудников Красноярского, Минусинского и Ачинского музеев вылилась в 1928 г созданием в регионе Временной комиссия по охране и учету памятников доисторической археологии и старины. В масштабных разведочных работах В.Г. Карцовым, В.П. Левашевой, П.Е. Чернявским только в слабо изученных Ужурском, Березовском, Чебаковском и Боготольском районах Красноярского края, было описано и зарегистрировано 562 отдельных памятника, а 10 курганов раскопано [НА ККМ, 1671, оп. 1, д. 428, л. 54].

Справившись с разрухой военных лет, правительство взяло курс на индустриализацию страны. В первых пятилетних планах были намечены грандиозные новостройки. Но охранные археологические работы там не были в числе приоритетов. Тем не менее, закрыть глаза на масштабное разрушение археологических памятников при строительстве строек-гигантов власти не могли. Потребовалась разработка специальной «Инструкции по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках», которая в 1933–1935 гг. выдержала три редакции [2, с 16]. Соответствующим наркоматам и главкам дали разрешение заключить хозяйственные договора с ГАИМК на проведение охранных раскопок в зонах предполагаемых крупных строительств.

В архиве Красноярского музея сохранилось удостоверение, в котором обозначено, что В.Г. Карцову поручено ведение переговоров со Стройкрасмашем по вопросу охраны исторических памятников находящихся на территории строительства. Вероятно, с этим строительством и были связаны раскопки В.Г. Карцова на средневековых Ладейском и Ермолаевском городищах, территориально расположенных близко к

Стройкрасмашу [21, с 126-132].

Проведение археологических работ в зонах крупных новостроек в 1930-е гг. предлагалось также в совместном проекте Общества изучения Сибири и конторы «Новоэкспорт» по организации раскопок по сбору коллекций для продажи их за границу с целью получения валюты [6, с 171–182].

Наиболее масштабные археологические работы в Сибири все же проводились центральными научными учреждениями. Госплан СССР обратился с директивным письмом к организациям задействованных в проектировании и строительстве масштабных строек. Им предписывалось принять меры к охране исторических памятников и выделение средств для изучения тех из них, которые неизбежно будут уничтожены. С 1932 г. начинаются работы археологических экспедиций в Сибири – на Енисее, Ангаре, Бие, Иртыше и Амуре. Преодолевая различного рода сложности, на Ангаре работают экспедиции под руководством Г.П. Сосновского и А.П. Окладникова.

После вступления в силу постановления ВЦИК и СНК СССР от 10.02.1934 г. «Об охране археологических памятников» ГАИМК планировала активизировать свою работу в зонах крупных новостроек [26, с 24–28]. Удачной оказалась масштабная разведка А.П. Окладникова 1937 г. На протяжении 1200 км, от Братска до устья Ангары им были обнаружены десятки археологических памятников всех эпох от палеолита до средневековья и этнографического времени [29, с 181–189].

Активные археологические исследования на новостройках Сибири фактически были свернуты после 1937 г. Одной из причин явилось начало «большого террора». Среди репрессированных оказались такие исследователи Сибири как С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко и другие ученые. Особенно болезненно это отразилось на провинциальной науке, которая тогда была практически обескровлена.

В предвоенный 1940, а затем в 1945 и 1946 гг. ГИМ, Минусинский, Абаканский и Красноярский музеи совместно проводят охранно-спасательные раскопки найденного в Хакасии дворца наместника гуннов. Возрождение новостроечных экспедиций происходит в конце 1940-х – начале 1950-х гг. С одной стороны, в 1948 г. принят Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, с другой – сказалось послевоенное восстановление народного хозяйства. Вновь были организованы крупные новостроечные экспедиции: Ангарская (1951–1956) под руководством А.П. Окладникова, Верхнеобская (1946, 1947, 1949), Новосибирская (1952–1954) и Красноярская (1955) под руководством М.П. Грязнова, а вслед за ней в 1965-86 гг – Саяно-Тувинская под руководством А.Д. Грача. Берега Енисея были затоплены на протяжении до 800 км. В итоге Экспедициями ЛОИА СССР и их партнерами было раскопано несколько тысяч археологических памятников разных эпох, но еще больше их оказалось на дне образовавшихся водохранилищ. Работы этих экспедиций существенно пополнили фонд источников по сибирской археологии и во многом явились фундаментальной научной базой для создания ряда монографических и коллективных трудов, таких, к примеру, как том 1 «Истории Сибири».

Отдельный вклад в охранно-спасательные работы в этот период внесли Минусинский и Красноярский музеи. Их работы концентрировались на местных, менее масштабных, но не менее важных новостройках. Так Р.В. Николаев в сезонах 1955-1957 гг. организует охранно-спасательные работы в зоне строительства Красноярского алюминиевого комбината, на территории Красноярского острога и в зоне строительства коммунального моста через Енисей. В результате был изучен некрополь русского населения, раскопаны аринское погребение XVI-XVIII вв., курганы тагарской культуры и материалы каменного века [27, с 181–186].

В 1960-1962 гг. Красноярский, Минусинский, Абаканский и Ачинский краеведческие музеи проводят очередные охранно-спасательные археологические

работы на трассе строительства железной дороги Абакан – Тайшет. Под руководством Р.В. Николаева было раскопано 20 тагарских и 63 кыргызских кургана [28, с 198-205].

С 1963 по 1972 год археологические исследования в Хакасии и Причулымье и Чуно-Ангарье от Красноярского музея организует Н.В. Нащекин. Близ д. Соленоозерная, озера Косоголь, д. Хиндичет им получены материалы неолита, раскопаны курганы андроновской, карасукской и тагарской культур, собран уникальный Косогольский клад бронзовых изделий II-I вв. до н.э. В 1972 г. Н.В. Нащекин принимает участие в охранно-спасательных раскопках афанасьевских и окуневских курганов могильника Красный Яр экспедиции ЛОИА АН СССР в зоне затопления Красноярской ГЭС [22, с 17-31].

Вслед за Н.В. Нащокиным в охранно-спасательных работах археологической экспедиции ЛОИА, от Красноярского музея, вновь принимает участие Р.В. Николаев, раскопавший в 1976 г., в составе Минусинского отряда карасукские могилы у д. Комарково и таштыкские погребения в урочище Песчанка.

Масштабные охранно-спасательные работы на хозяйственных новостройках показали, что в основной своей массе памятники в зоне возможного их уничтожения, предварительно даже не были учтены. Большая их часть была открыта в ходе охранно-спасательных мероприятий. Объем проведенных экспедицией разведочных, раскопочных и иных работ на памятниках археологии был огромен. На многих памятниках в зоне водохранилищ они велись до момента затопления археологических раскопов. На Енисее самую многочисленную группу составляли памятники степных и лесостепных районов отмеченные на археологической карте Э.Б. Вадецкой [4]. Материалы по стоянкам каменного века были отражены в ряде публикаций и обобщены в коллективной монографии сотрудников ИИМК [1].

В конце XX в. масштабные охранно-спасательные раскопки были начаты Сибирской экспедицией ЛОИА АН СССР в зоне строительства объектов КАТЭК. Многолетние работы были подытожены серией статей и монографий, в которых, наряду с полученным материалом был так же представлен перечень выявленных и раскопанных археологических памятников, а также археологические карты исследованных районов [19; 20].

Накануне принятия нового закона № 73-ФЗ от 25. 06. 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». была разработана федеральная программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России» (2001-2005 гг.), куда были включены и предложения Красноярского краевого краеведческого музея. В первый год ее действия успешно были проведены раскопки уникальной многослойной стоянки Бобровка в Большемуртинском районе края, имеющей 13 культурных слоев от мезолита до эпохи средневековья. Но программа была неожиданно прервана в связи со сменой губернатора и его команды, а поступившие в Красноярск средства на продолжение работ были возвращены в Москву.

Принятый в 2002 г закон «Об объектах культурного наследия» значительно усилил возможности контроля государственных органов охраны памятников над плановыми строительно-хозяйственными работами. Накапливается и обобщается опыт в паспортизации археологических памятников [25, с 279-281]. Это позволило органам охраны памятников в 2006 г. организовать масштабные раскопки при строительстве очередного моста через Енисей под г. Красноярском. В изучении данного памятника объединили свои усилия ИИМК РАН, Кунсткамеры г. Санкт-Петербурга, ООО «Свод», Красноярский краевой и Хакасский республиканский краеведческие музеи. В результате была получена выразительная коллекция древних изделий эпохи бронзы, неолита и позднего палеолита [23, с . 77-80].

Осенью 2007 г. Служба по охране объектов культурного наследия администрации

Красноярского края инициировала приостановку земляных строительных работ при реконструкции Большого концертного зала (БКЗ) в Красноярске, разрушающих некрополь Красноярского острога. Несмотря на наступившее зимнее время, были проведены охранно-спасательные раскопки 156 захоронений XVII-XIX вв. [24, с 119].

Новый этап в истории охранно-спасательных археологических работ в современных условиях связан с работами Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, проведенными в зоне ложа водохранилища Богучанской ГЭС в 2007-2012 гг. На 375- километровом участке ангарской долины под общим руководством академика А.П. Деревянко в работах участвовали до 5000 человек. На 222 памятниках археологии широкомасштабными раскопками было исследовано 165 тыс. кв. м. площади, в результате которых было получено более одного миллиона артефактов от палеолита до средневековья и русского времени [3].

Эти работы вновь заострили застаревшие проблемы, о чем авторы неоднократно писали в своих публикациях и в официальных обращениях в различного рода инстанции [14, с 87-93; 15, с. 116-121].

В водохранилищах Богучанской и построенных ранее Красноярской, Саяно-Шушенской и других ГЭС происходит процесс абразии береговой линии, составляющий до 30-50 м в год. В результате были полностью или частично уничтожены многочисленные археологические объекты. В то же время абразия вскрыла десятки новых археологических объектов эпохи палеолита, расположенных на высоких гипсометрических отметках. В их числе открытый в 1986 г. отрядом Красноярского пединститута в окрестностях п. Куртак Новоселовского района Красноярского края один из древнейших палеолитических памятников Средней Сибири, относящиеся к раннему и среднему палеолиту [13, с 32- 41]. Материалы и результаты исследований получили широкую известность и неоднократно представлялись мировому научному сообществу на международных конференциях (1990,1992,2007,2012,2016 г.г.).

При всей масштабности охранно-спасательных археологических работ, проведенных новостроечными экспедициями, когда были раскопаны тысячи археологических памятников, необходимо отметить, что они все же носили ограниченный характер. Прежде всего, из-за ограниченности финансирования и отпущенного для раскопок времени и опережающего графика строительства плотины. Сотни объектов археологии ушли под воду не исследованными или изученными частично. В бюджете службы эксплуатации водохранилища, которая ранее существовала, финансирование на археологические мероприятия не предусматривались. Государственное финансирование так же не предусмотрено. В результате сотни стоянок, погребальных комплексов, наскальных рисунков размываются, разрушаются и бесследно исчезают для науки. Ситуацию усугубляет процветающая в последние два десятилетие так называемая «черная археология», а попросту — безнаказанное разграбление археологических памятников. Из разрушающихся стоянок и погребальных комплексов с целью наживы изымается археологический материал, древние наскальные рисунки покрываются новыми надписями. Все это происходит при полном отсутствии правоприменительной практики. Только за последние 5 лет сотрудниками Красноярского краевого краеведческого музея у «черных археологов» выявлено и передано в музей более тысячи выразительных артефактов.

Сегодня остро стоит проблема сохранения полученных материалов и коллекций, передачи их на постоянное хранение в государственный музейный фонд. Но сегодня ни один из музеев Красноярского края, имеющих право на хранение археологических коллекций, не может принять коллекции из-за отсутствия мест хранения. Достаточно сказать, что за 130 лет Красноярский музей принял на хранение до 100

тысяч археологических артефактов, а только при раскопках в зоне водохранилища Богучанской ГЭС получено до миллиона древних изделий. Поэтому общественность Красноярска поддерживает строительство специализированного археологического диапозитария в краевом центре. Вопрос актуален в связи с тем, что в Средней Сибири в настоящий момент осуществляется ряд крупных инвестиционных проектов, затрагивающих целостность многих сотен археологических памятников, ведется и предполагается организация масштабных охранно-спасательных раскопочных археологических работ.

Успешными можно считать масштабные охранно-спасательные археологически раскопки проводимые сегодня в Красноярске на Афонтовой горе в районе строительства Николаевского моста через Енисей и мостового обхода при строительстве объездной автодороги в г. Канске. Удачен опыт охранно-спасательных работ проведенных к 400-летнему юбилею Енисейска. При этом, не следует забывать и о приближающемся 400-летии Красноярска, что диктует охранно-спасательные раскопки на месте основания Красноярского острога.

Крупным реализуемым проектом, который затрагивает многие десятки археологических памятников, является строительство железнодорожной магистрали Курагино – Кызыл. Масштабные охранно-спасательные раскопочные археологические работы уже ведутся на протяжении последних лет, но оставшиеся объемы исследований поистине колоссальны. Возникает опасение, смогут ли археологи своевременно и в полном объеме осуществить весь необходимый комплекс работ.

Особо хотелось бы отметить, что в последние десятилетия остро стоит вопрос о сохранении и ускоренном изучении древних наскальных рисунков в районах Енисейской Сибири. В результате бесследно утеряны полностью или частично многие уникальные памятники древнего изобразительного искусства. Повсеместно отмечается современное вандальное воздействие на древние рисунки, особенно в местах общего доступа. Примером может служить всемирно известная Шалоболинская писаница на р. Тубе.

Представляется целесообразным осуществление корректировки существующего законодательства РФ в области финансирования охранно-спасательных мероприятий на памятниках археологии, дополнив существующие положения новыми, предусматривающие создание служб по археологическому мониторингу водохранилищ.

Кроме того, должна быть предусмотрена разработка долгосрочной программы археологического изучения территорий существующих и проектируемых новостроек отталкиваясь от перспективных планов строительства на территории Енисейской Сибири.

Список литературы

[1] Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицин Н.Ф. Палеолит Енисея. Л.: Наука. 1991.

[2] *Артамонов М.И., Латынин Б.А., Грязнов М.П.* Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках // ГАИМК. Комитет по новостройкам. Л., 1933. 16 с.

[3] Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007 – 2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко; Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. - 564 с. - (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

[4] *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука. 1986. 178 с.

[5] *Вдовин А.С., Колонцов С.В.* «Полицейская» археология (на сибирских материалах второй половины XIX – начала XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 54-60.

[6] *Вдовин А.С., Китова Л.Ю.* О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010. № 2. С. 171–182.

[7] *Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Сергей Михайлович Сергеев (1879-1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006. С. 168-174.

[8] *Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Железнодорожное строительство в Сибири и археология // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26-30 ноября 2008 г./ Отв. ред. Е.Н.Носов, И.Л. Тихонов. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2008. С. 232-235.

[9] *Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Археология и Ачинско-Минусинская дорога // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3-5 сентября 2009 г. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009а. 1 том. С. 62-64.

[10] *Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* МПС и археология (на материалах Сибири) // Российская археология. 2009б. №4. С. 24-37.

[11] *Вдовин А.С., Макаров Н. П.* Археологические карты И. Т. Савенкова. // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997. С. 34-36.

[12] *Вдовин А.С., Макаров Н.П.* Афонтова гора. Материалы эпохи неолита и ранней бронзы // Esse guam videri: к 80-летию Германа Ивановича Медведева / (отв. ред. И.М. Бердников, Е.А. Липнина). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 339-348.

[13] *Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н.* Куртакский геоархеологический район — выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири // Российская археология. № 4. 2007. С. 32- 41.

[14] *Дроздов Н.И., Дроздов Д.Н., Макулов В.И.* Изучение археологических объектов в акваториях водохранилищ Сибири (Ангаро-Енисейский бассейн) // Мартьяновские краеведческие чтения (2020-2021 гг.) Сборник докладов и статей. Вып. 14. Минусинск. 2021. С. 87-93.

[15] *Дроздов Н.И., Макулов В.И.* Вопросы сохранения археологических объектов на территории Средней Сибири в современных условиях // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири/Материалы V Международной научной конференция: в 2 ч./Тувинский гос.ун-т – Кызыл, 15-19 сентября 2014 года, Кызыл, 2014. Часть 2. С. 116–121.

[16] *Ермолаев А.П.* Краткий отчет о результатах экскурсии в окрестностях озера Шира летом 1913 года // НА КККМ. ПИ. Р. 7886/205. Л.4-8.

[17] *Ермолаев А.П.* Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск: 1914. Вып. 1. 27 с.

[18] *Карцов В.Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск: 1929. 62 с.

[19] *Красниенко С.В., Субботин А.В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1999. 108 с.

[20] *Красниенко С.В., Субботин А.В.* У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013. 200 с.

[21] *Макаров* Н.П. Охранные раскопки Красноярского краевого краеведческого музея. 125 лет истории // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: История, методы и проблемы охранных археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» посвященной 90-летию со дня рождения Г.Ф. Геннинга (Нефтеюганск, 14-16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Издательство Горбуновой. 2014 . С. 126-132.

[22] *Макаров* Н.П. Николай Владимирович Нащокин – археолог Красноярского краевого краеведческого музея // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. П.В. Мандрыка. Вып. IX. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 17-31.

[23] *Макаров* Н.П., *Баташев* М.С., *Грачев* И.А., *Паульс* Е.Д., *Тарасов* А.Ю., *Фокин* С.М. Исследования стоянки Мостовое // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования: Сборник научных трудов / под ред. А.В.Харинского. Иркутск: Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 77-80

[24] *Макаров* Н.П., *Фокин* С.М. Археология в Красноярском краевом музее. 1989-2009 // Второй век подвижничества: Сборник научных статей: Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск: 2011. С. 114-122.

[25] *Макулов* В.И., *Дроздов* Н.И., *Томилова* Е.А., *Стасюк* И.В., *Заика* А.Л., *Чеха* В.П. Итоги паспортизации археологических памятников Красноярского края // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-лею С.В. Киселева. Минусинск, 2005. С. 279-281.

[26] *Мещанинов* И.И. Археологическая работа на новостройках // ПИДО. 1934. № 5. С. 24–28.

[27] *Николаев* Р.В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: 1963. С. 93-103.

[28] *Николаев* Р.В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1972. С. 198-205.

[29] *Окладников* А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары: (К итогам работ 1937 г.) // ВДИ. 1939. № 4. С. 181–186.

[30] *Радлов* В.В. Сибирские древности. МАР. СПб, 1888. Т. 1. Вып. 1. 60

УДК 903.27

Вопросы изучения, сохранения и популяризации памятников наскального искусства Енисейской Сибири на примере Шалаболинской писаницы

Заика Александр Леонидович
Кандидат исторических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия.
zaika_al@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2704-0988

АННОТАЦИЯ Енисейская Сибирь богата своим древним историко-культурным наследием. С целью его изучения, сохранения и популяризации необходимо создание сети музеев-заповедников, которые включают наскальные рисунки и прилегающие другие объекты археологии (стоянки, могильники, жертвенники и др.). Стартовым объектом должна стать известная Шалаболинская писаница. В целом для решения данного комплекса задач необходима разработка Целевой программы по изучению, сохранению и музеефикации памятников наскального искусства Красноярского края, которая, учитывая пространственные масштабы, сложность объектов и специфику работы с ними, должна быть, рассчитана на 10 лет. Это создаст определенные условия для решения ряда задач социального, экономического и культурного развития нашего региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская Сибирь, историко-культурное наследие, объекты археологии, петроглифы, музеи-заповедники, культурный туризм, научно-познавательный интерес, гражданская ответственность.

Древнее искусство, а наскальная живопись в особенности, одно из самых загадочных явлений в истории человечества. В Енисейском регионе на обширной территории от Эвенкии до Тувы встречаются многочисленные памятники древней наскальной живописи, разнообразные как по форме, так и по своему внутреннему содержанию: скульптурные изваяния Хакасско-Минусинкой котловины и многофигурные панно речных утесов Енисея, Ангары, Тубы, Маны, росписи свода пещер и изображения на могильных плитах, поминальных камнях и прибрежных валунах.

Не смотря на почти 300-летнюю историю исследований, богатую феноменальными открытиями, на обширной территории региона от Ангары до Ледовитого океана не проводилось работ по поиску и изучению петроглифов. То же касается высокогорья Саян, внутренних районов Ангаро-Канского водораздела, бассейна р. Кан. Учитывая труднодоступность и природно-климатические условия ряда районов необходимо использование и дальнейшее развитие методики исследования наскальных рисунков в условиях низких температур.

Многие известные местонахождения требуют повторного исследования с использованием современных методов фиксации и изучения не только петроглифов, но и сопряженных с ними других видов археологических объектов (могильники, жертвенники). В этом отношении актуален вопрос поиска и фиксации разрушающихся петроглифов в акватории Красноярского и др. водохранилищ, что предполагает разработку и внедрение подводных методов исследования наскальных рисунков.

К сожалению, работы по исследованию памятников наскального искусства, как правило, проводятся в контексте решения других исследовательских задач (паспортизация, инвентаризация памятников, охранно-спасательные работы и др.). Соответственно, необходима целенаправленная работа по поиску, выявлению и полномасштабному исследованию петроглифов.

Актуальность проведения данного комплекса мероприятий определяется проблемой сохранения древнего наскального творчества. В отличие от других типов археологических объектов, петроглифы являются объектами «открытого» типа и со времени своего

возникновения подвергаются негативному воздействию, как со стороны человека, так и со стороны природы. Вследствие эрозийных процессов скальные породы разрушаются, по причине прямого или косвенного человеческого вмешательства плоскости с рисунками портятся (посетительские надписи) или полностью уничтожаются (ручная выемка камня, промышленные взрывы и др.). Необходимо отметить и изменения в природно-климатической среде, обусловленные хозяйственной деятельностью. Повышение уровня влажности и изменения климатических условий, сейсмическая активность после появления каскада водохранилищ, химические выбросы в атмосферу промышленных предприятий – данные факторы заметно отражаются на современном состоянии петроглифов [2].

Для решения этой проблемы необходимо проведение соответствующего комплекса консервационных и реставрационных работ. Данные работы предполагают удаление биообрастателей (лишайники, кустарники и др.), посетительских надписей; укрепление скальных блоков, подклейка отслаивающейся внешней поверхности камня, создание дренажной системы, ограждений и др. Как показывает практика реализации данных мер, только на реально охраняемых объектах продуктивны работы по развитию и применению методов реставрации и консервации петроглифов, перспективны многолетние комплексные их исследования.

Соответственно, насущной на сегодняшний день является задача организация полноценной охраны и проведения музеефикации памятников древнего наскального искусства. В данном случае следует обратиться к опыту организации музеев-заповедников и музеев под открытым небом, национальных парков, созданных на базе памятников наскального искусства в дальнем и ближнем зарубежье, на сопредельных территориях России (Кемеровская область, республики Хакасия, Алтай).

Наиболее актуальна данная проблема по отношению к памятникам наскального творчества в южных районах Красноярского края, где расположены крупные петроглифические комплексы, которые наиболее подвержены внешнему деструктивному воздействию природного и антропогенного характера [5]. В первую очередь это касается скальных массивов с петроглифами на правобережье Енисея в устье р. Тубы: писаницы Тепсей, Суханиха, Сосниха, Моисеиха и др., которые в последнее время разрушаются не только от непосредственной близости Красноярского водохранилища, но и активного включения территории памятников в зоны отдыха. Выше по течению р. Тубы нуждаются в музеефикации петроглифы Тесинско-Шалаболинского археологического района (писаницы Шалаболинская, Сосновая, Березовая, Ильинская, Енисейская, Тесинская и др.). Не менее актуальны вопросы сохранения наскальных рисунков в акватории Сыдинского залива и на прилегающей к нему территории (писаницы Бычиха, Уза , Туран и др.). Особо необходимо отметить петроглифы в окрестностях г. Минусинска (Майдашинская, Коровий лог, Шишка, Фунтикова гора и др.), которые находятся в сравнительно густонаселенных районах и попадают в круг хозяйственной деятельности. В частности, скальные массивы активно используются для добычи природного камня. Непосредственная близость шоссейных автодорог и населенных пунктов негативно отражается на современном состоянии древних рисунков на писаницах Кавказская (Минусинский район), Ленкова гора (Шушенский район). Последняя в настоящее время, практически, полностью покрыта современными красочными надписями посетителей.

Не менее благополучная ситуация складывается на севере Минусинской котловины. Под воздействием вод Красноярского водохранилища активно разрушаются петроглифы в Новоселовском районе (петроглифический комплекс Улазы, Городовая стена, Анашинская писаница, Маяк и др.). Скальные массивы Каратаг, Четы-Гыз, стелы и изваяния находятся на территории, прилегающей к зоне активного отдыха в акватории Большого и Малого

озёр (Шарыповский район) [6]. Местом паломничества туристов является и гора Кедровая, где представлен уникальный комплекс наскальных рисунков эпохи раннего железа. В последнее время выявлены наскальные рисунки на оз. Учум в Ужурском районе. Непосредственная близость оздоровительного комплекса и зон отдыха предполагает не только благоприятные условия для экскурсионной деятельности, популяризации древнего наскального творчества, но и создает определенные риски для сохранения петроглифов в первозданном виде.

Развитие водного туризма негативно отражается на состоянии писаниц на русловом участке р. Маны. Начиная от Большого Манского порога в верховьях реки и заканчивая приустьевыми участками (скала Глядунские высоты) живописные береговые утесы не только привлекали внимание древних художников, но и стали популярными для наших современников, которые оставляют многочисленные посетительские надписи. Таежные писаницы Нижнего Приангарья также покрыты современной краской, которой речники обильно покрывают скальные плоскости с древними рисунками. Особенно пострадали береговые утесы у с. Рыбное, рядом с д. Каменкой, напротив п. Манзя, в окрестностях п. Орджоникидзе и др.

Соответственно, необходимо принятие неотложных мер по музеефикации петроглифов. В зону предполагаемых музеев-заповедников должны включаться не только скалы с древними изображениями, но и прилегающая территория, где расположены могильники, стоянки, поселения, жертвенники и др. археологические, этнографические, исторические объекты. На юге края в заповедную зону должны быть включены целые археологические микрорайоны: Тесинско-Шалаболинский, Усть-Тубинский, Майдашинский, Усть-Сыдинский, Новоселовский, Каратаг и др. В таежной зоне береговые утесы могут составлять серийные номинации заповедных территорий, созданных по кластерной системе. Опорными заповедными/музейными центрами могут выступать на Ангаре: Заледеево, Богучаны, Каменка, Орджоникидзе, Рыбное, Первомайск; на Мане – Выезжий Лог, Кой, Нарва, Урман/Береть, Усть-Мана; на Базаихе – Верх-Базаиха. Контроль за состоянием отдельных местонахождений, организацию экскурсионно-туристической деятельности могут реализовать при государственной поддержке муниципальные музейные учреждения, общественные краеведческие организации. Это касается писаниц, расположенных на берегах Енисея (Атамановская, Лешкин камень, Островки и др.) на участке Красноярск-Лесосибирск.

В целом для решения данного комплекса задач необходима разработка Целевой программы по изучению, сохранению и музеефикации памятников наскального искусства Красноярского края, которая, учитывая пространственные масштабы, сложность объектов и специфику работы с ними, должна быть, рассчитана на 10 лет. За основу может быть принята целевая программа «Популяризация объектов культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009-2013 годы», основной задачей которой стало создание в регионе сети музеев под открытым небом [1].

В нашем случае предлагается следующий алгоритм действий: на предварительном этапе должны быть определены основные объекты и предполагаемые заповедные территории, разработан план мероприятий. Первый этап предполагает археологическое исследование территории, определение границ достопримечательного места и объектов на его площади, составление соответствующей учетной документации. После принятия решения о создании музея-заповедника разрабатывается его проект и начинается реализовываться второй этап, который предполагает создание инфраструктуры (визит-центр, коммуникации, пункты питания, смотровые площадки и др.). На этом этапе должна быть создана соответствующая музейная структура, набран штат, на плечи которого возлагаются обязанности научно-исследовательского, экскурсионного, организационного

и др. порядков. На третьем этапе осуществляется пробный запуск проекта. В течение порядка трех лет осуществляется апробация основных направлений деятельности новоиспеченного музея-заповедника.

Естественно, что в преддверии осуществления столь широкомасштабной программы необходима разработка и реализация «пилотного» варианта, на примере которого будет выработан и отточен алгоритм действий. В данном случае следует акцентировать внимание на вопросах создания музея-заповедника «Шалаболинская писаница». Шалаболинская писаница является одним из наиболее уникальных и значимых объектов древнего наскального творчества в Енисейском регионе. И это не случайно.

Во-первых, памятник поражает своей масштабностью. Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Тубы (правый приток р.Енисей) на высоком (до 200 м), крутом, береговом скальном массиве, сложенным девонскими песчаниками, который имеет протяженность в северо-восточном направлении около 3 км. Береговые утесы начинаются в 0,6 км к ЮВ от д. Ильинки и заканчиваются выше по течению р. Тубы в устье р. Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино Курагинского района.

Во-вторых – насыщенностью и пространственно-высотными характеристиками петроглифов. К настоящему времени насчитывается порядка 500 плоскостей с рисунками, которые встречаются на всем протяжении скального массива на различных высотах от 1,5 м до 150 м от августовского уреза воды.

В-третьих – высоким разнообразием древних технических приемов исполнения изображений: минеральными красителями (охрой), черным красящим пигментом (битумная тушь), путем выбивки, шлифовки, полировки, гравировки и др. Нередки случаи комбинированного сочетания различных техник при выполнении рисунка.

В-четвертых, Шалаболинские петроглифы, в отличие от других местонахождений охватывают широкий временной диапазон: от эпохи камня (6-8, возможно 9-12 тыс. л. назад) до этнографической и исторической современности (конец XIX - 1-ая пол. XX вв.). На примере сюжетов наскального творчества ярко прослеживаются основные вехи местной, отечественной и мировой истории: послеледниковый период, неолитическая революция, волны индоарийской миграции, возникновение скотоводства и освоение металла, скифская культура, гуннская экспансия, великое перенаселение народов, возникновение письменности, образование раннефеодального Хакасского государства, монгольское нашествие, миссионерская деятельность православной церкви среди местных сибирских народов, политическая ссылка XIX - XX вв и др.

В-пятых, а скорее – в первую очередь – поражает разнообразие сюжетов и живописность образов. Многофигурные панно с участием лосей, медведей, маралов, кабанов, диких быков и лошадей эпохи камня. Экзотичные личины фантастического облика и мифические чудовища эпохи ранней бронзы. Батальные сцены и скотоводческие сюжеты железного века. Резные рунические знаки и монгольские надписи эпохи средневековья. Тамговидные родовые автографы тубинцев и православные кресты нового времени и др.

В-шестых, привлекает содержательный аспект древних композиций. Иллюстрации древних мифологем каменного века с участием зооморфных объектов поклонения. Сложные мировоззренческие модели мироустройства зоо-антропоморфного вида эпохи ранней бронзы. Абстрагированная символика космических циклов, культ колеса в петроглифах эпохи металла. Культ коня и приоритеты военной идеологии в композициях эпохи железа. Культ гор и родовых предков в эпоху средневековья. Идеи шаманизма сибирских народов и др.

Вышеобозначенные факты свидетельствуют о том, что Шалаболинские петроглифы являются не просто древней художественной галереей, а древним культовым комплексом. Своего рода храмом под открытым небом – со своим алтарем и иконостасом в виде

мифических сюжетов и древних объектов поклонения. Более того, учитывая факты нахождения на территории памятника человеческих захоронений в скальных нишах, можно говорить как о человеческих жертвоприношениях, так и своего рода архаичных формах церковного погоста. Прилегающая к писанице территория, на которой зафиксированы как погребальные, так и поселенческие комплексы подтверждают культовый статус памятника, имевшего популярность в течение длительного времени.

Исследования последних лет показали, что петроглифы находятся в аварийном состоянии: под воздействием естественных эррозийных процессов плоскости растрескиваются и осыпаются (некоторые опубликованные рисунки уничтожены), нижние ярусы скалы с рисунками ежегодно разрушаются от паводковых вод, погребены под осыпями скальных пород или мощными напластованиями наносного грунта. Крайний, наиболее доступный юго-восточный участок писаницы сильно пострадал от котлованов и осыпей технического происхождения, появившихся с целью выемки природного камня для строительных работ. Более того, возросшая популярность объекта привлекает массу посетителей. Это замечательно, что древнее творчество наших далеких предшественников, их культурное наследие вызывает живой интерес среди наших современников. Но в результате неконтролируемого туризма в большом количестве появляются современные надписи, причем на плоскостях с древними композициями, поверх рисунков. В итоге нарушается не только эстетика древнего творчества – страдают сами рисунки, разрушаются их силуэты, контуры и детали изображений. Впоследствии даже специалисту не представляется возможным восстановить изначальную конфигурацию древних образов. Вследствие активного антропогенного воздействия на петроглифы применение современных методов абсолютного их датирования сводится к нулю.

Поэтому есть все основания для того, чтобы определить Шалаболинскую писаницу «стартовым» объектом в деле сохранения и популяризации древнего наскального искусства Енисея.

Более того, уже есть определенные разработки на уровне проекта музея-заповедника «Шалаболинская писаница» [3, 4]. В 2015-16 гг. проведены работы по выделению достопримечательного места «Шалаболинская писаница» и установлению границ археологических объектов на его территории. Положительное решение вопроса музеефикации Шалаболинской писаницы создаст благоприятную почву для реализации данного опыта на широких просторах нашего края в рамках предлагаемой программы по изучению, сохранению и музеефикации памятников наскального искусства Енисейской Сибири.

Также нельзя забывать, что ориентируясь на опыт работы хакасских коллег, в перспективе может обрисоваться ряд проблем. В первую очередь это касается подготовки кадров, квалифицированных специалистов в области экскурсионно-туристической и музейной деятельности, научно-исследовательской работы. Соответственно, для успешного решения задач по изучению и сохранению древнего историко-культурного наследия нашего региона необходимо активно взращивать местные квалифицированные кадры в деле археологии, этнографии, музееведения и охраны объектов культурного наследия, а также культурного туризма и экскурсионной деятельности.

Изучение, сохранение и популяризация древнего наскального искусства, результатов его исследования позволят решить задачи научного, образовательного, воспитательного и просветительского характера. Развитие научного, культурного и других видов туризма поможет не только решить ряд проблем социально-экономического порядка (развитие сибирской глубинки, занятость населения, возвращение молодежи в село и др.), но и поднимет престиж региона, как на отечественном, так и международном уровне.

Список литературы

[1] *Аланд* Е.Ю. Опыт музеефикации археологических объектов в Республике Хакасия // Мартьяновские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). Вып. VII. 2012. С. 193-195.

[2] *Заика* А.Л. Современное состояние и проблемы сохранения петроглифов Среднего Енисея // Материалы научно-практической конференции «Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии». Красноярск, 2001. С. 38-41.

[3] *Заика* А.Л. Шалаболинская писаница (проект музея-заповедника) // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования. 2011. Т. 2. С. 197-200.

[4] *Заика* А.Л. Шалаболинская писаница (вопросы музеефикации) // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ, проведенного 19-23 сентября 2011 года в городе Алматы (Казахстан). 2011. С. 109-120.

[5] *Заика* А.Л., *Вдовин* А.С. Современное состояние и проблема сохранения и музеефикации памятников наскального искусства на территории Красноярского края // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы XII Всероссийской с муждународным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию Музея геологии и землеведения КГПУ им. В.П. Астафьева, 110-летию со дня рождения Михаила Васильевича Кириллова, 110-летию Тунгусского феномена. Красноярск, 20 апреля 2018 г. / отв. ред. М.В. Прохорчук: ред. кол.: Краснояр. Гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2018. Вып. 13. С. 210- 213.

[6] *Заика* А.Л., *Лыкова* О.А., *Вдовин* А.С. Музеефикация памятников древнего наскального искусства на северо-западе Минусинской котловины // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016. № 1. С. 114-118.

УДК 902

Актуализация археологического наследия всовременном обществе: методы, проблемы и перспективы

Ключников Тимофей Александрович
Директор «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск, Россия.
pkv@ookn.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные вопросы и проблемы популяризации археологического наследия Енисейской Сибири на основе опыта работы в этой сфере Автономной некоммерческой организации «Археологическое исследование Сибири». Данная тема обладает большим потенциалом с точки зрения позиционирования территории. Развитие данного направления способствует повышению уровня ответственности жителей по отношению к памятникам древности, созданию новых образов территории и привлечению туристов в регион.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА актуализация археологического наследия, популяризация, археология, Афонтова гора, Шалаболинская писаница.

Актуализация – процесс становления важности какого-либо явления или группы явлений. Основой для актуализации является популяризация, т.е перевод информации с научного языка на язык понятный обществу.

Основные задачи популяризации археологического наследия:

- Выполнение фундаментальных задач: общий подъём уровня культуры и общегуманитарного знания;
- формирование брендов территорий;
- привлечение и формирование новых специалистов
- в перспективе - сохранение культурного наследия.

В настоящей статье я хотел бы кратко представить опыт нашей организации в обозначенной выше сфере.

Автономная некоммерческая организация «Археологическое исследование Сибири», была создана в июле 2019 г. Основной целью создания организации была популяризация археологического наследия Красноярского края и Енисейской Сибири.

Реализация этой цели решалась путём выполнения различных мероприятий в культурной среде нашего региона.

В 2020 г. организация получила грант Фонда Президентских грантов на реализацию проекта «Афонтовские древности и геология палеолита Северной Азии».

В рамках проекта был проведён ряд мероприятий неоправленных на популяризацию знаний о комплексе палеолитических стоянок на Афонтовой горе в Красноярске. Специалистами по каменному веку Енисея были записаны три видеоролика о находках на Афонтовой горе, которые были размещены в сети Интернет.

В ноябре 2020 г. был проведён симпозиум «Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина» в котором приняло участие более 30 специалистов по эпохе палеолита Сибири и Дальнего Востока (рис. 1).

В это же время на базе Музея-усадьбы Г.В. Юдина была подготовлена выставка «Среди афонтовских древностей» (рис. 2). На выставке были представлены находки, сделанные археологами на Афонтовой горе в разные годы. В ходе проведения выставки сотрудниками АНО «Археологическое исследование Сибири», были организованы мастер-классы по технологиям каменного века (обработка камня, кости, дерева) для детей, а также цикл лекций по древней истории нашего региона.

Рис 1. Путеводитель симпозиума «Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина». Ноябрь 2020 г.

Рис. 2. Выставка «Среди афонтовских древностей», в Музее-усадьбе Г.В. Юдина. Ноябрь 2020 г.

В этом же году наша организация получила субсидию Министерства культуры на реализацию социокультурного проекта «Древняя дорога к центру Азии». В рамках проекта была проведена экспедиция на таёжную писаницу Кундусук, в Каратузском районе, снят фильм и подготовлена брошюра с информацией об этом памятнике древнего искусства.

В сентябре 2020 – феврале 2021 гг. АНО принимала участие в работе над проектом «Каратузский район на языке культуры». Сотрудниками была подготовлена концепция развития культурного пространства района, в основу, которой была положена информация о памятниках археологии. Также была создана новая экспозиция краеведческого музея с. Каратузское, центральным образом которой стали рисунки Кундусукской писаницы (рис. 3).

Рис. 3. Фрагмент экспозиции Каратузского районного краеведческого музея, март 2021 г.

В 2021 г. АНО АИС, при поддержке Благотворительного фонда Михаила Прохорова был реализован проект «По дороге древних». В рамках проекта была проведена детская археологическая экспедиция (ДАРХЭ) на Шалаболинскую писаницу (рис. 4). Участие в экспедиции приняли два отряда школьников общей численностью 30 человек из с. Казанцево, Шушенского района и г. Железногорска. Ребята учились находить и копировать наскальные изображения, фиксировать древние сооружения и курганы, искали палеонтологические остатки.

В ноябре 2021 г., 16 ребят, подготовивших научные публикации по итогам работы ДАРХЭ, были приглашены в Красноярск, где была организована Детская археологическая научно-практическая конференция. Конференция прошла 26 ноября на базе исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева. Всего было прочитано 11 докладов. Тематика выступлений затрагивала такие важные темы как новые методы в исследовании наскального искусства, экспериментальная археология, изучение древних фортификационных и погребальных памятников.

Рис. 4. Детская археологическая экспедиция, июль 2021 г. (метание дротиков с помощью копьеметалки).

Для большинства участников эти работы стали продолжением их полевых исследований. Ребята подготовились очень серьёзно, в ходе конференции они задавали вопросы, вступали в дискуссии, предлагали различные варианты решения возникших проблем.

В настоящее время в разработке у нас находится несколько проектов касающихся популяризации отдельных аспектов археологического знания о Енисейской Сибири, в частности северных территорий, наследия старинного Енисейска, палеолитических объектов Красноярского края.

В то же время необходимо обратить внимание на ряд существующих проблем, мешающих осуществлению эффективной деятельности:

- Отсутствие концепции позиционирования археологического наследия в Красноярском крае;
- Отсутствие специализированных площадок для работы;
- Отсутствие системного финансирования программ и мероприятий по популяризации археологического наследия региона.

Решение эти проблем с большой долей вероятности сделает возможным проведение работы по актуализации и популяризации древней истории Енисейской Сибири на новом уровне, будет способствовать повышению уровня ответственности жителей по отношению к памятникам древности, созданию новых образов территории и привлечению туристов в регион.

УДК 574.3

Методологические аспекты изучения скифского мира Сибири

Кокоулин Владислав Геннадьевич
Доктор исторических наук, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский Архив», Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия.
kwladislaw@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6375-0173

АННОТАЦИЯ В статье анализируются основные результаты изучения скифо-сибирских археологических культур с точки зрения методологических подходов исследователей. Отмечается ограниченность методологических подходов, связанных с историей развития археологии в России как научной дисциплины. Предлагается интерпретация истории скифо-сибирских культур на базе методологических подходов современного направления, известного под названием «Глобальная история» (“World History”, “Global History”).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Южная Сибирь, скифо-сибирские археологические культуры, «Глобальная история», методология истории.

Постановка проблемы

К настоящему времени усилиями археологов раскопаны многочисленные курганы обитателей Южной Сибири и Центральной Азии, которые датируются в промежутке от IX до III вв. до н.э. Внешнее сходство с аналогичными археологическими находками из скифских курганов Причерноморских степей позволило назвать археологические культуры Южной Сибири скифо-сибирскими. Общность погребальных сооружений (курганов), предметов вооружения и быта, и, главное, ярко выраженый звериный стиль в искусстве убеждали исследователей в том, что скифский мир Сибири является составной частью скифского мира Евразии. К тому же, путешествовавшие в Центральную Азию в XIX в. Г.Е. Грум-Гржимайло и Ч.Ч. Валиханов отмечали наличие там населения, по своему внешнему виду и обычаям отличных от уйгуров и монголов, и находили их определённое сходство с индо-персидским типом [4, с. 206, 207; 1, с. 155]. Это заставляло задуматься об иранском происхождении скифского народа в разных частях Евразии.

В XX в. начались активные археологические исследования в Сибири, но в силу того, что научные исторические обобщения стали опасным политическим занятием в сталинском СССР, история скифов распалась на отдельные археологические культуры и районы, в которых данные археологические культуры раскапывались. Монографические работы постепенно сводились к описанию и классификации археологических находок, всё больше напоминая отчёты об археологических раскопках.

Одновременно с раскопкой всё новых и новых археологических памятников шло антропологическое описание получаемого материала, а с начала XXI в. начались генетические исследования. Но в силу ряда причин всё это богатство фактического материала оказалось вне поля зрения историков. Помимо организационных форм существования современной российской науки, унаследованных от СССР, разделившей археологов и историков по разным кафедрам, институтам и специальностям, труднопреодолимой преградой для историков стало овладение языком описания археологов с их всё более изощряющейся классификацией и спецификацией курганов, могил, глиняных сосудов, оружия и т.д. [8; 11].

В настоящее время сенсационных открытий ожидать не приходится: новые публикации либо уточняют детали, либо освещают частные проблемы, ранее остававшиеся в тени. Главной задачей, таким образом, становится не поиск нового материала, и даже не обобщение имеющихся фактов, а их научная интерпретация,

которая должна делаться на методологической основе, отличной от классового подхода, применявшегося для анализа и интерпретации археологического материала в советское время.

Целью данной статьи является рассмотрение методологических подходов к анализу скифского мира в Евразии и выявление возможных причин антропологического и культурного разнообразия его различных частей.

Методология исследования

Изучение истории бесписьменных обществ о которых практически нет внешних письменных свидетельств представляет определённые трудности. Однако это касается только политической истории. Другая история (экономическая, повседневная, культурная и т.п.) всё же доступна благодаря археологическим, антропологическим и генетическим материалам, этнографическим параллелям и т.д. Скифская Сибирь существовала не изолированно, она активно взаимодействовала как с великими державами своего времени – ахеменидским Ираном при посредстве Средней Азии (это был магистральный путь взаимодействия) и Китаем через Центральную Азию, так и со скифами Причерноморья через савроматов Южного Урала, а также с населением таёжной Сибири.

В этом случае методологической основой исследования могут стать наработки современного направления известного как «Глобальная история» (“Global History”, “World History”). К настоящему времени сторонники этого подхода описали практически всю Евразию и Северную Африку в контексте связей и взаимодействий, однако Сибирь по-прежнему остаётся «белым пятном» для зарубежных исследователей, поскольку большинство работ по археологии Сибири написано на русском языке, а историки и вовсе не создали никаких обобщающих работ по истории Сибири до прихода сюда дружины Ермака в конце XVI в.

В соответствии с методологией «Глобальной истории», описание истории строится на основе понятий связей и обмена. Отмечается, что связи могли быть разной интенсивности – от эпизодических столкновений до более или менее регулярной торговли. А обмен осуществлялся материальными ценностями, людьми, идеями и культурными достижениями, что прекрасно зафиксировано археологическим и антропологическим материалом. На основании этого конструкта, а также учитывая единство исторического процесса и выстраивается историческое описание конкретных территорий и обществ.

Результаты исследования. Лингвисты, изучая сибирскую топонимику, обратили внимание на тот факт, что в лесостепной зоне юга Сибири отчётливо выявляется группа топонимов, созданных предшественниками тюрков, самодийцев и кетов, которые имеют в своём составе компоненты -кем, -об, -ман, -дон и -тари.

Гидронимы с компонентом - кем (всего около 90 названий) занимают хорошо отграниченный и довольно плотный ареал, охватывающий территорию Тувы и прилегающую часть Алтая (Кем, Беккем, Лёккем, Каракем, Иедыгем, Буйлюгем).

Гидронимы с компонентом - об (всего около 35 названий) тоже составляют замкнутый ареал, хотя и не плотный, расположенный в Кемеровской области, Хакасии и соседней части Красноярского края, к востоку от Енисея (притоки Ии, Оки и Уды бассейна Ангары – Антроп, Аобь, Удобь, Чундобь, Яхошоп; реки Тараба, Хараба, Аба (приток Томи и приток Абакана), Абакан. Обь – название, которое исторические народы не употребляли, это название зырянское (Об-ва: об «снежная вода» + ва «река»); это название перешло к русским, узнавшим Обь сперва в нижнем течении.

Гидронимы с компонентом -дон и -дан встречаются в двух замкнутых ареалах – в Кемеровской области (-дан) и в районе расселения юкагиров (-дон): Арадан, Чадан, Худан, Тайдон, Ортон, Саратан. У юкагиров этот компонент был заимствован из языка соседей на месте их прежнего жительства в Писаянье, к юго-востоку от Красноярска.

Гидронимы на -ман (всего около 125 названий) (Симан, Туман, Угурманка, Куман и т.д.) являются субстратными как для кетов, так и для самодийцев, поскольку, например, к ним добавляется ещё слово кетское или южносамодийское со значением «река»: Туман+шет, Тумань+жа, Куман+дат. Связано с индоевропейской – мано-, мани- «влажный», «мокрый».

Гидроним на -тари в большом количестве встречается в месте поселения нганасанов. У нганасанов общим названием реки служит компонент бигай. Существуют параллельные названия нганасанских рек: Баруси-бигай – Баруси-тари. Топоэлемент -тари спорадически встречается на юге Томской области и в северо-западной части Новосибирской области. «Если предположение о том, что нганасанское -тари иранского происхождения является правильным, то наличие этого топоформанта у нганасанов можно рассматривать как одно из доказательств их прежнего проживания на юге Западной Сибири» [6, с. 17]. Кстати, два последних или особенно последний случай могут, объяснены и тем, что скифское население Южной Сибири ушло на север.

Итак, лингвистические данные однозначно свидетельствуют о том, что носители иранского языка в историческом прошлом населяли территорию Сибири. Но возможно ли однозначно соотносить их с носителями скифских культур Южной Сибири IX–III вв. до н.э.? Быть может, эти следы ираноязычного населения относятся к более раннему времени?

Действительно, одним из индоевропейских языков, который давно привлекает внимание лингвистов, является тохарский язык в Центральной Азии. Лингвисты, изучая лексические заимствования из тохарского языка в финно-угорские языки, пришли к выводу, что контакты финно-угорского с тохарским могли происходить не позднее начала II тыс. до н.э. в ареале распространения финно-угорских диалектов к югу от Урала и севернее Аральского моря, откуда тохары переселились в Восточный Туркестан. По этим же путям позднее переселялись носители раннеиранских диалектов [2, с. 938].

Отождествить тохаров с какой-либо археологической культурой невозможно, но можно предположить, что они прямо связаны с носителями карасукской культуры. Это косвенно подтверждают антропологические данные. Так, антрополог А.В. Громов, обследовав серии черепов карасукской культуры из Минусинской котловины, андроновской культуры из Верхнего Приобья, Алтая, Казахстана и Минусинской котловины, окуневской культуры Минусинской котловины и ирменской культуры Западной Сибири, пришёл к выводу о близости по краниоскопическим признакам южных карасукцев с андроновцами Казахстана и ирменцами, а северных карасукцев – с другими андроновскими группами. Никакой близости этих групп к носителям окуневской культуры А.В. Громов не обнаружил [3, с. 153].

Таким образом, носители индоевропейских языков расселялись в Южной Сибири ещё до прихода сюда ираноязычного населения, поскольку разница между тохарским и иранскими языками всё же достаточно существенная, чтобы предполагать иранский пласт в топонимике реликтом связей народов Сибири с тохарским языком.

Более того, лингвисты пришли к выводу, что ещё до иранских переселений по восточному пути на запад передвигались носители «древнеевропейских» диалектов – кельто-италийских, иллирийских, германских, балтийских, славянских. Они аргументируют свою позицию тем, что эти языки имеют ряд лексических изоглосс, общих с тохарским, но отличных от индо-иранских. Единственным объяснением этому они считают контакты между ними в процессе совместных миграций носителей этих языков вместе с носителями тохарских диалектов [2, с. 938]. Пути носителей этих древнееропейских и тохарских диалектов разошлись: первые двинулись через Среднюю Азию на запад, вторые – на восток.

К настоящему времени проделана большая исследовательская работа по изучению антропологического материала. Кратко суммируем результаты антропологических исследований.

Антрополог Г.Ф. Дебец отмечал, что в Средней Азии отсутствуют черепа, похожие на собственно скифские. Саки Приаралья и Тянь-Шаня явно смешаны с монголоидами. На Памире в сакское время жили «чистые» европеоиды, но отличаются от классических скифов как две краниологические серии, характеризующиеся признаками европеоидной расы и долихокранным типом мозговой коробки [5, с. 9].

Антрополог А.Г. Козинцев установил близость тагарцев к афанасьевцам, андроновцам, алайским сакам и атипичным карасукцам; отсутствие сходства с классическими карасукцами, саками Памира, жителями Верхнего Приобья эпохи бронзы и населения Горного Алтая скифской эпохи. Ближе всего к тагарскому населению находятся андроновцы из Восточного Казахстана, затем следуют андроновцы минусинские, центрально-казахстанские и северо-казахстанские. Тагарское население, таким образом, сформировалось путём механического смешения из остатков прежних антропологических групп [7, с. 37, 38].

Антрополог Н.Н. Мамонова пришла к выводу, что имеется антропологическое сходство населения скифского времени Западной Монголии, Алтая и Тувы. При этом она отмечала, что имеются и различия, связанные со степени выраженноси монголоидных особенностей в разных группах [9, с. 70].

Антрополог Т.А. Чикишева выявила близость пазырыкцев и саков-сакараваков VII–V вв. до н.э. из могильника Тагискен. Морфологически близкими оказались саки и ранние усуни Тянь-Шаня и Алая, саки Восточного и Северного Казахстана, усуни Восточного Казахстана, серия скифского времени из могильника Улангом в Западной Монголии. Они близки карасукцам и окуневцам. Другие племенные группы саков и усуней, а также носители тагарской культуры и объединяются в несколько групп, комбинируясь с сериями андроновской культуры. Саков нельзя рассматривать только как потомков местных андроновцев. Часть саков формировалась при участии окуневского-карасукского компонента. С ними сближается пазырыкское население и популяция Улангома [10, с. 319].

Стремительное развитие генетических исследований позволило дополнить арсенал исследовательских методов. При помощи анализа древней ДНК удалось сравнить популяции носителей разных культур, в том числе относящихся к скифскому миру. В итоге были получены два основных вывода.

Группа исследователей отмечает, что генетически ранние скифы Сибири и Причерноморья – разные, скифы Сибири имеют много азиатских элементов в генетике, оставшихся от носителей прежних культур. Они указывают также на патрилокальный характер ранних скифов Сибири. Их вывод базируется на том, что отсутствие линий R 1b у скифов Сибири и их присутствие у северо-причерноморских скифов является свидетельством того, что эти две группы скифов имели совершенно разный состав отцовской линии с почти полным отсутствием потока генов между ними от мужчин-носителей [12, p. 420, 421].

Однако, проанализировав ДНК скифов разных регионов другая группа учёных пришла к выводу о близости раннего тагарского населения со скифами Причерноморья, а также о непрерывности развития тагарского населения [13, p. 9]. Вторая группа исследователей отмечает, тем не менее, что генетический состав носителей тагарской культуры свидетельствует об их близости с носителями окуневской и андроновской культуры, а также более отдалённом родстве с носителями афанасьевской культуры [13, p. 10, 12].

Дискуссия

Проблема этнической и культурной истории Южной Сибири в IX–III вв. до н.э. имеет принципиальное значение для воссоздания общей картины исторических судеб скифского мира. Дело в том, что именно данный период – эпоха, когда впервые в мировой истории обширные пространства Евразии, в том числе и центральноазиатские области,

попадают в поле зрения носителей письменных цивилизаций – древнеперсидской, китайской и античной. Это обстоятельство обеспечивает существование хотя и малочисленных и фрагментарных, но всё же весьма существенных свидетельств об обитателях Евразии, о некоторых фактах их истории.

Не приходится, однако, переоценивать объём и историческую информативность подобных свидетельств ввиду их случайности и зачастую неясности. Поэтому любая историческая интерпретация этих свидетельств требует привлечения широкого спектра дополнительных данных, максимально возможного использования археологических материалов и порой ретроспективных построений. В частности, воссоздание этноисторической ситуации в Южной Сибири в IX–III вв. до н.э. должно осуществляться в тесной связи с анализом двух значительно более широких проблем – вопроса о происхождении и расселении народов индоиранской и ираноязычной групп и вопроса о скифо-сакско-савроматской этнокультурной общности.

Сам факт того, что в числе топонимов в Южной и Западной Сибири фиксируются топонимы по происхождению иранские, заставляет нас предполагать наличие групп ираноязычного населения в этом регионе в глубокой древности, ещё до того, когда господствующими на этих пространствах стали сперва тюрки, а затем монголы. Первостепенное значение приобретают вопросы о времени появления ираноязычных этносов в Южной Сибири и их дальнейшей судьбе.

Большинство археологов фиксируют факты того, что скифское население на этой территории не было автохтонным, оно пришло с других территорий. Дискуссионной остаётся проблема – когда и откуда они пришли? Очевидно, что из областей западнее Центральной Азии. А дальше мы вступаем в полосу гипотез и предположений, однако накопленный многими десятилетиями археологический материал позволяет нам сделать предположения, которые до тех пор, пока не появятся какие-либо новые археологические находки, опровергающие данную гипотезу, можно считать достоверными.

Памятники материальной культуры I тыс. до н.э. как из евразийских степей, так и с примыкающих к ним территорий, подтверждают определённую этнокультурную близость между населяющими этот макрорегион народами, то есть подтверждают тот факт, который отмечается на лингвистическом уровне. Но ни лингвистические данные, ни тем более письменные источники не позволяют нам даже приблизительно определить точные границы расселения тех или иных групп скифского населения и надёжно локализовать на географической карте отдельные их группы, то в известной мере восполнить этот пробел позволяет лишь археология.

В то же время нельзя не учитывать, что существует реальная опасность переоценить этноисторическую информативность археологических материалов скифо-сакского времени. Как известно, культурная близость различных народов этого ареала проявляется в археологическом материале по преимуществу лишь в бытовании сравнительно унифицированных форм некоторых категорий инвентаря. Чаще всего в этом смысле привлекается так называемая скифская триада – предметы вооружения, элементы конского убора и памятники искусства, выполненные в «зверином стиле». Можно при желании расширить этот круг, включив в него особенности погребальных сооружений в виде курганов. Но в любом случае приходится признать, что данный круг ограничен и включает по преимуществу те категории предметов, которые легко заимствуются из культуры в культуру вне зависимости от этнической принадлежности их носителей, особенно в условиях характерного для интересующих нас народов кочевого уклада. Эти-то культуры, занимавшие в совокупности весьма обширную территорию и характеризовавшиеся, в частности, указанными сходными элементами, первоначально получили в археологической литературе наименование скифских культур, или культур скифского типа. Позже различные исследователи обращали внимание на надэтническую природу этого культурного единства и на различный генезис народов, в него входящих. Однако тенденция к прямолинейному отождествлению этого единства с тем или иным

этносом в определённой мере проявляется в археологии и до настоящего времени. Полагая, что «скифо-сибирское культурное единство» имело этническую основу, относит большинство входивших в него племён и народов к «индоиранской языковой ветви». Разумеется, такая этноязыковая атрибуция евразийских степных народов I тыс. до н.э. отнюдь не исключена. Напротив, данные топонимики и сравнительная лингвистика подтверждают проживание носителей иранских языков на территории Южной Сибири. В данном случае речь идёт лишь о том, что крайне рискованно постулировать её лишь на основе указанных унифицирующих археологических признаков, без какой-либо дополнительной опоры на лингвистические или исторические данные (хотя бы и весьма скудные).

Генетические исследования позволили установить родство между населением таких далёких частей скифского мира, как Минусинская котловина и Северное Причерноморье, мы можем говорить о наличии у них единых предков. С другой стороны, антропологическое разнообразие типов населения даже близлежащих территорий не должно удивлять. Происходило смешение пришедшего в Южную Сибирь населения с остатками прежнего населения этой территории, среди которых были носители разных культур, но сходных антропологических типов.

По данным лингвистики можно предположить, что было как минимум две волны миграции индоевропейских народов в Центральную Азию и Южную Сибирь. Первая связана с тохарами и древнеевропейцами (которые разделились и разошлись в разных направлениях), вторая – с иранцами. Отсюда и вытекают сходства антропологических типов населения разных частей карасукской, андроновской и скифских культур.

Заключение

Переселение скифского населения в Центральную Азию и Сибирь нельзя представлять как переселение одной компактной группы, которая занявшей свободную территорию. Напротив, эти переселения, как и предшествующие им шли “волнами”, накладываясь на местный субстрат. Отсюда вытекает антропологическое разнообразие в пределах территории двух расположенных рядом археологических культур и даже в пределах одной археологической культуры.

В конце концов, никого не удивляет, например тот факт, что современные якуты и татары имеют различный расовый тип и совершенно непохожие культуры, однако никто не сомневается в их происхождении от древних тюрок, от которых они сохранили не только грамматический строй языка, но и отдельные элементы в культуре. Или никто не ставит под сомнение, что русские и украинцы являются потомками восточных славян и наследниками их культуры, хотя русская и украинская культуры имеют достаточно серьёзные различия.

Такая же картина наблюдается и у скифов. При всём сходстве исходных форм в искусстве «звериного» стиля (образ оленя, барана, свернувшегося кошачьего хищника, условная художественно-стилистическая манера изображения) можно выделить крупные районы, отличающиеся друг от друга как сюжетами, так и художественной манерой передачи образов. Это Северное Причерноморье и прилегающие районы (скифский стиль), Поволжье и Южное Приуралье (савроматский), Средняя Азия (сакский), Алтай и лесостепные районы Западной Сибири (алтайский), центральная часть Южной Сибири (тагарский), Забайкалье и Ордос (центральноазиатский). То же самое можно сказать об обряде погребения и приёмах устройства погребальных сооружений, особенностях их конструкций.

Если сравнить между собой культуры различных частей скифского мира, то мы видим их разнообразие. Однако если сравнить их с античной культурой и культурой Китая, то мы видим определённое сходство различных ареалов скифской культуры, отличающей её от античной или китайской. И, таким образом, можно утверждать, что скифский мир – это единство внутреннего многообразия.

Список литературы:

[1] *Валиханов* Ч.Ч. Страна шести городов: Дневник путешествия на Иссык-Куль. М., 2017.

[2] *Гамкрелидзе* Т.В., *Иванов* В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.

[3] *Громов* А.В. Палеоантропология населения Южной Сибири эпохи бронзы по данным краниоскопии // Вестник антропологии: Альманах. М., 1996. Вып. 2.

[4] *Грум-Гржимайло* Г.Е. По ступеням божьего трона. М., 2014.

[5] *Дебец* Г.Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

[6] *Дульзон* А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока: новые исследования. М., 1964.

[7] *Козинцев* А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.

[8] *Кокоулин* В.Г., *Лихоманов* И.В. Языки описания истории и археологии: трудности диалога // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного. Томск, 2019.

[9] *Мамонова* Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии XXXVI. Л., 1980.

[10] *Чикишева* Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения Пазырыкской культуры и сакской этно-культурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997.

[11] *Kokoulin* V., *Likhomanov* I. North-East Eurasia (Siberia) in the context of World History // Siberia: Ecology, Diversity and Environmental Impact, 1–20. New-York: Nova Publisher, 2016.

[12] *Mary* L., *Zvenigorsky* V., *Kovalev* A., *Gonzalez* A., *Fausser* J.-L., *Jagorel* F., *Kilunovskaya* M., *Semenov* V., *Crubezy* E., *Ludes* B., *Keyser* C. Genetic kinship and admixture in Iron Age Scytho-Siberians // Human Genetics. 2019. No. 138.

[13] *Pilipenko* A.S., *Trapezov* R.O., *Cherdantsev* S.V., *Babenko* V.N., *Nesterova* M.S., *Pozdnyakov* D.V., *Molodin* V.I., *Polosmak* N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millenium BC) // PLOS ONE. 2018. Vol. 13. Nr 9.

УДК 902/904

Молодёжь в археологии Красноярска: вчера, сегодня, завтра

Мандрыка Павел Владимирович
Доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией археологии Енисейской Сибири, заведующий сектором археологии «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.
pmandryka@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8647-3823

АННОТАЦИЯ Рассматриваются приемы привлечения молодежи к научным археологическим исследованиям на территории Красноярска в истории развития этого направления, в срезе сегодняшнего дня и в дне завтрашнем. Раскрываются проблемы и перспективы в развитии красноярской археологии, в деле сохранения и популяризации археологического наследия, в работе учебных, научных и коммерческих организаций, где учатся и работают молодые люди. Проговариваются вопросы о будущем археологического наследия, участию в его сохранении и использовании учащейся молодежи, а также необходимости внесения поправок в действующие нормативно-правовые документы и порядок их исполнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА археология, наследие, молодежь, сохранение, использование.

Введение

Археология как научное направление постоянно развивается совместно с другими дисциплинами, изучающими человека, экологию, экономику и др. Изучение прошлого необходимо для применения накопленных человечеством знаний в будущем. В связи с этим, опыт прошлых поколений необходимо в доступной форме доводить до людей сегодня, сохранять их и заботиться о передачи для будущего. Не последняя роль в ретрансляции информации отведена молодежи, как части общества, отвечающей за его будущее.

Вчера

В Красноярске молодежь привлекалась к археологическим исследованиям фактически сразу с момента первых раскопок древних стоянок. В кружке им. И.Т.Савенкова, в 1920-е годы, школьники участвовали не просто в процессе излечения древних артефактов из разбираемого культурного слоя, а работали с соблюдением методики полевого поиска, первичной обработки и реконструкции археологического материала. Фактически сразу включались в научную обработку и популяризацию добываемых знаний – делая доклады на заседаниях своего кружка, устраивая театральные миниатюры перед зрителями. На свои встречи они приглашали широкую публику, ученых, делились с ними результатами своих изысканий, обсуждали проблемы и т.д., т.е. активно участвовали в процессе научного исследования.

До 2013 г. в Красноярске сохранялась указанная тенденция привлечения учащейся молодежи к археологии через кружки внешкольного дополнительного образования. Они работали в Краевом Дворце пионеров и школьников, Домах пионеров, клубах по месту жительства, школах. Деятельность этих объединений давала плодотворный результат – устраивались научно-практические конференции краевого и всероссийского уровня, выпускались сборники научных разработок учащихся, создавались археологические выставки и музеи, организовывались профилированные археологические лагеря летнего отдыха. Создавались творческие коллективы, помогающие археологу-профессионалу

в обработке археологического материала. Из выпускников таких кружков выросли многие сегодняшние археологи-красноярцы, создавшие свои научные школы, общества и партнерства.

Основные причины успешной деятельности археологических кружков кроются в следующем: в личностной деятельности заинтересованных наставников педагогов-ученых; поддержке административных структур народного образования с выделением помещений, материальной базы и финансовых средств; поддержке научными организациями, через которые руководитель археологической секции получал открытый лист – государственный музей или институт.

Сегодня

Археологические кружки как форма привлечения школьной молодежи к археологии в Красноярске перестали существовать. Причин много и они связаны с изменениями в стране:

1. Завысились бюрократические требования к организации летнего палаточного лагеря - инструкции по технике безопасности в не стационарном лагере стали невыполнимы;

2. Для археолога (держателя открытого листа) открылись новые, более значительные, источники для заработка и организации работы своего отряда или экспедиции, начал действовать ФЗ-73;

3. С научным ростом, у одних красноярских ученых-археологов открылись возможности участия в научных грантах и масштабных проектах, у других археологов-полевиков – участие в охранно-спасательной археологии. Педагогическая археология осталась лишь как форма привлечения школьников к участию в работе летней научной экспедиции.

Сегодня к археологическим исследованиям привлекается в основном студенческая молодежь. Одна часть студентов, бакалавры и магистранты, проводят научные разработки в рамках учебных дисциплин. Здесь все идет по устоявшейся системе высшего профессионального образования: теория, практика, курсовые и дипломные работы, конференции, статьи и т.д. Другая часть молодежи, и не обязательно студенческой, примыкает к охранно-спасательной археологии и своим участием в раскопках зарабатывает себе на жизнь и учебу. Имея первоначальные навыки полевой археологии, они умеют хорошо копать, красиво фиксировать, в некоторых случаях, писать полевые отчеты. Участие этой группы молодых людей в научном познании археологического источника не происходит, им просто «некогда этим заниматься». Они втянуты в бесконечный производственный процесс землеотводов и физического спасения объектов археологического наследия. В подобных производственных объединениях сегодня работает значительная часть молодых, и не только молодых, археологов, т.к. заработная плата в них значительно превышает размер ставки заслуженного профессора в ВУЗе.

Популяризацией достижений археологической науки сегодня достойно занимаются те специалисты, которые уже апробировали результаты своих работ в научном сообществе. Стало модным широкой общественности предоставлять процесс и результат полевых археологических раскопок, подменяя популяризацию научных знаний новостной информацией. Отсюда в обществе складывается мнение, что археологи только что-то раскапывают и что-то находят. А вопросы зачем, для чего и какое значение эти открытия имеют для древней истории региона, остаются за кадром. На наш взгляд популяризировать следует знания, полученные научными исследованиями, а не только процесс раскопок и извлечение вещей из слоя.

Завтра

Как не печально, но без изменения действующего сегодня отношения к археологическому наследию в стране, научной археологией будут заниматься единицы, фанаты научного поиска. Они были, есть и будут всегда, работая за «идею», без достойных средств и продолжая традиции российской научной школы археологии. Привлекая новые технологии в получении знаний, завтрашние молодые специалисты будут создавать новые приемы и формы популяризации результатов археологических исследований, работать в музеях и научных центрах. За ними будущее.

Коммерческая охранно-спасательная археология может утонуть в бесконечном производственном процессе. Прикрываясь археологией, специалисты в обществах с ограниченной ответственностью, партнерствах и предпринимательствах будут продолжать зарабатывать деньги, пока это будет позволять действующее законодательство и коммерческие аппетиты их руководителей. Сотни и тысячи археологических предметов не будут научно обработаны. В лучшем случае, эти вещи передадутся в музеи, будучи подготовленными для длительного хранения, в худшем – просто спишутся как утраченные или якобы не имеющие ценности. Вкладывать средства, заработанные на сохранении объектов археологического наследия в поддержку государственных музеев, хранилищ и проектируемых депозитариев для должного хранения, реставрации и экспонирования археологического материала, коммерческие общества, конечно же, не намерены.

Продолжиться тенденция сегодняшнего дня по созданию «фирм-однодневок», которые поработав на археологическом памятнике и заработав немалые денежные средства, тихо уйдут из жизни, унеся с собой государственные археологические ценности.

Заключение

Привлечение молодежи в археологию также перспективно, как и в другие научные дисциплины. Знакомство с работой археологов следует проводить не только в рамках школьных уроков, но и через другие доступные источники, средства массовой информации, музеи, лектории, странички в интернете и т.д. Археология одна из немногих дисциплин, которая изучая прошлое человечества, прогнозирует его будущее. Используя сегодня достояние прошлого необходимо позаботиться и о его будущем через внесение поправок в действующие нормативно-правовые документы и порядок их исполнения.

Список литературы

[1] *Бородовская* Е.Л. Археолого-краеведческие экскурсии и экспедиции с учащимися Западной Сибири (конец XIX века - первая половина XX века). Новосибирск, 1999. - 96 с.

[2] *Буровский* А.М. Предмет и проблематика «педагогической археологии» // Вопросы методики работы школьных археологических кружков. Новосибирск, 1990.

[3] *Милованова* М. П. Педагогическая археология как форма популяризации археологической науки // Археология Евразийских степей. – № 6. 2021. – С. 148-155.

[4] *Макаров* Н.П., *Вдовин* А.С. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск, СФУ, 2018. – 207 с.

[5] *Макаров* Н.П., *Мандрыка* П.В. Организация и работа археологических клубов по месту жительства // Вопросы методики работы школьных археологических кружков. Методические указания. Новосибирск, 1990. С.46-49.

УДК 902

Территория Тувы – колыбель скифского и тюркского миров

Март-оол Вячеслав Данганович
Кандидат исторических наук, директор, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г.Кызыл, Россия

АННОТАЦИЯ Статья посвящена о роли территории современной Тувы в формировании и развитии древних кочевых культуры скифского (IX–IIIвв. до н.э.) и древнетюркского (VI – VIIIвв. н.э.), а также тому какое наследие эти культуры оставили для современных тувинцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Республика Тыва, скифский мир, тюркский мир, Аржаан 1, Аржаан 2, древнетюркская письменность

В древнерусском летописном своде «Повесть временных лет» начала XII века, авторство которого приписывают к монаху Нестору, звучит знаменитое выражение «Откуда есть пошла Русская земля…». Если перефразировать его как «Откуда есть пошла Тувинская земля…?», то в настоящее время, когда всему миру известны археологические находки из погребально-поминального комплекса Аржан-2 и расшифровка надписей древнетюркской орхоно-енисейской письменности, этот вопрос становится актуальным для нашего подрастающего поколения, да и для всех, кто интересуется историей Республики Тыва.

В этой краткой статье автор не претендует на истину в последней инстанции, но попытается озвучить научную гипотезу о том, что территория Тувы является колыбелью скифской культуры и тюркского мира.

Автор не будет углубляться в различные научные концепции о происхождении этноса, которые существуют в научной среде, а остановится на общепринятом определении в научном сообществе, что этнос (от греч.ἔθνος – народ) – это исторически сложившая устойчивая совокупность людей, объединенных общими объективными либо субъективными признаками: происхождение, единый язык, хозяйство, территория проживания, самосознание, внешний вид, культура, история, традиции и обычаи [4].

Происхождение и формирование тувинского этноса представляет собой сложный и длительный процесс, который охватывает многие века и даже тысячелетия и окончательно завершился во второй половине XVIII – начале XIX века. Это тема отдельного фундаментального научного труда. Поэтому в данной статье будет затронута тема истоков зарождения скифской культуры и тюркского мира на территории Центральной Азии.

Советская историческая литература в свое время характеризовала малые кочевые народы, в основном, как скотоводческие и занимающиеся охотой, рыбалкой, собирательством и в редких случаях земледелием. В настоящее время данные постулаты подвергаются сомнению, так как скифская культура и тюркский мир были достаточно развиты для того времени, о чем говорит как высокое мастерство скифских ювелиров, так и сложность древнетюркской рунической письменности.

Наиболее яркий след в зарождении общей культуры, хозяйства, традиций и обычаев на территории Тувы оставило скифское время (VIII – III вв. до н.э.). О кочевых народах, которые проживали в степях Причерноморья между Дунаем и Доном, одним из первых в своих исторических хрониках писал Геродот, при жизни которого эти народы называли скифами, сколотами или саками. Культура кочевников, которые

проживали на бескрайных просторах Великого Евразийского степного пояса (от причерноморских берегов до Дальнего Востока), в исторической литературе известна, как «скифская культура». На территории Южной Сибири эта культура называлась «скифо-сибирской». Ученые выявили сходство у этих кочевых народов в обрядах захоронения, оружии и снаряжении воина, элементах одежды, но самый общий элемент, которое который всех объединяет – это знаменитый во всем мире древний стиль искусства, так называемый «звериный стиль». Однако, нельзя говорить, что эти кочевые культуры были идентичны. У них имеются различные варианты, на которые наложили отпечаток местные особенности.

Исторические памятники, открытые на территории Центрально-Азиатской части нашей Родины, свидетельствуют о том, что здесь зарождалась скифская культура, и в последующем – все, что связано с тюркским миром.

Если обратить внимание на территорию современной Тувы, то здесь наблюдается интересная картина. Знаменитые на весь мир курганы Аржан-1 (IX-VIII века до н.э., исследован М.Х. Маннай-оолом и М.П. Грязновым) и Аржан-2 (вторая половина VII века до н.э., раскопки К.В. Чугунова, А. Наглегра и Г. Парцингера) свидетельствуют о том, что кочевые народы, соорудившие их, имели высочайшую ремесленную культуру, в частности, по изготовлению ювелирных изделий. Особенно знаменита коллекция золотых украшений из царского кургана Аржан-2, большая часть, которой хранится в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. В них отчетливо прослеживается знаменитый скифо-сибирский звериный стиль. Похожая техника и качество исполнения, орнаментация и декор прослеживаются в золотых украшениях, найденных на памятниках скифского времени (V-IV вв. до н.э.) на территории Северного Причерноморья. Они в настоящее время хранятся в «золотой кладовой» Эрмитажа в г. Санкт-Петербурге. Сходство этих находок говорит о том, что скифская культура была широко распространена от берегов Черного моря до Центральной Азии.

Если сравнивать хронологию обнаруженных археологических артефактов, можно уверенно сказать, что «аржаанское» золото бесспорно древнее на 3-4 столетия. То же самое можно сказать и по отношению к знаменитой «Алтайской принцессе Укока», время захоронения которой исследователи Н.В. Полосьмак, А.П. Деревянко датируют VI-III вв. до н.э. [8: с. 25], что опять же позже, чем Аржан-1 и Аржан-2. Изучение многочисленных памятников скифского времени позволило исследователям С.И. Вайшнштейну [1], Л.Р. Кызласову [6], А.Д. Грачу [2], М.П. Грязнову [3] М.Х. Маннай-оолу [7] и другим на одной лишь территории Тувы выделить несколько отличающихся между собой культур, некоторое время сосуществовавших друг с другом – саглынскую (алды-бельскую), уюкскую (аржанскую), а также ряд этапов их развития и формирования. И процесс изучения генезиса скифского этноса Тувы все еще не завершен, но уже доказано, что территория Тувы, в частности, Уюкская долина, становятся значимым сакральным местом для ранних кочевников Евразийского степного пояса уже с IX в. до н.э.

Следующий факт, который заслуживает внимания – расшифровка древнетюркской орхоно-енисейской письменности. Еще с XVIII в., с начала формирования Сибирской коллекции Петра I, исследователям были известны камни с руническими письменами, но никто не знал, какой народ их сделал, их не могли расшифровать. В 1889 и 1891 гг. состоялись экспедиции Императорской академии наук в Центральную Азию под руководством Н.М. Ядринцева и В.В. Радлова, в ходе которой в верховьях Енисея в Туве и р. Орхон в Монголии были открыты новые памятники рунической письменности.

В 1893 г. датскому ученому Вильгельму Томсену, искавшему истоки скандинавской рунической письменности, удалось благодаря находкам российских ученых расшифровать надписи, которые он идентифицировал в итоге как тюркские письмена. Это охладило его пыл, но российские ученые во главе с В.В. Радловым продолжили работу и перевели основную часть памятников орхоно-енисейской письменности.

Выяснилось, что они были созданы на 300 лет раньше, чем «Слово о полку Игореве», и на 400 лет – «Сокровенного сказания монголов».

Это было свидетельством того, что в то время кочевые тюркские народы имели высочайшую культуру и письменность. В раннем средневековье на огромных просторах Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Северной части Монголии существовали различные объединения кочевых тюркских племен, которые в VI веке сформировались в мировую империю – Тюркский каганат.

В настоящее время во всем мире имеются в наличии всегоизвестно более 150 памятников древнетюркского рунического письма и около 5 тыс. единичных надписей по всей Центральной Азии [5]. Крупные памятники были найдены в свое время на обширной территории современной Монголии, Тувы, Хакасии, Алтая и Киргизии. Особо хочется подчеркнуть, что 90 памятников из 150, т.е. 60% находятся на территории Республики Тыва. Это свидетельствует о том, что именно на этой территории берет начало и стала широко распространяться эта древнетюркская руническая письменность, а, как мы знаем, основу всего тюркского мира составляет язык.

Таким образом, современные тувинцы, и особенно подрастающее поколение, должны понимать, что они живут именно на той территории, которая являются колыбелью для таких обширных мировых культур, как скифская и тюркская, и гордиться этим.

Список литературы

[1] *Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы – М, 1974. – 224 с.

[2] *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии – М.: ГРВЛ, 1980. – 256 с.

[3] *Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени – Л.: Академия Наук СССР, Институт Археологии 1980. – 64 с.

[4] *Козлов В. И.* Этническая общность // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е. М. Жукова. – М.: Советская энциклопедия, 1973 –С. 1982.

[5] *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: 1997. – 303 с.

[6] *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: МГУ, 1979. – 208 с.

[7] *Маннай-оол М.Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). – М.: Наука, 1970. – 118 с.

[8] *Полосьмак Н.В., Деревянко А.П.* Стерегущие золото грифы (Ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.

III

Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней

Содержание

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И АДАПТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОПУЛЯЦИЯХ

МарфинаО.В.
Антропологическое наследие Инессы Ивановны Саливон (палеоантропологические исследования) 176-180

РыкунМ.П.
Некоторые аспекты палеоэкологии средневекового населения Нарымского Приобья (на примере южных селькупов) 181-186

Чуркин М.К.
Проекты инкорпорации коренного населения Сибири в российский социум в дискурсе сибирского областничества 187-162

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА КАК ПОТЕНЦИАЛ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

БурковаВ.Н., БутовскаяМ.Л.
Адаптируемся ли мы к covid-19? Динамика изменений агрессивного и тревожного поведения на фоне пандемии 194-197

Мезенцева А.А.
Спонтанная мимическая реакция на демонстрацию гнева у тувинцев-эрзинцев. 198-199

Ростовцева В.В., Бутовская М.Л.
Эмоциональная окраска нейтрального лица человека: базовые эмоции и половые различия 200-202

Семенова О.В., Бутовская М.Л.
Глобальные вызовы: влияние урбанизации на кратковременные сексуальные отношения и последующие социальные связи у мужчин . . 203-206

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПЕРЕД НОВЫМ ВЫЗОВАМИ

Баканова М.В.
Концептуальная схожесть лекарских практик в регионе Южная Сибирь – Кашмир 208-211

Кириленко Е.И.
Ковид и традиционные практики поддержания здоровья (по материалам опроса студентов тувинской диаспоры) 212-215

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СИБИРЕВЕДЕНИЕ В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

Батьянова Е.П.
Борис Осипович Долгих и развитие советской школы полевого этнографического сибиреведения в 1950–1970-е годы 217-221

Буркина Е.В.
Легенда в семейной истории рода 222-226

Глебова Е.В.
Вниз по Амуру. Роль Анны Васильевны Смоляк
в формировании дальневосточной этнографии 227-233

Пивнева Е.А.
«Большие проекты» и «малые народы»: советские
преобразования в дискурсе этнографического сибиреведения 234-239

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Бакшеев А.И.
Проблемы морского промысла на Дальнем Востоке
России в 1920-е годы 241-244

Белая Е.Г.
Этнические элементы воспитания в культуре нанайцев:
традиции и инновации 245-247

Латушко Ю.В.
Миноритарные этнокультуры в пространстве
Дальнего Востока России 248-254

Самар А.П.
Технологические и функциональные особенности долбленой
лодки бикинских удэгейцев 255-257

Старцев А.Ф.
Этническая специфика культурно-исторических традиций
в промысле пушных животных тунгусо-маньчжурскими
народами Приамурья и Приморья 258-262

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОВРЕМЕННОСТИ

АксеноваГ.В. Особенности миссионерского служения
Русской Православной Церкви на территории Сибири
в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина) 264-274

Задорин А.В.
Что объединяет жителей Красноярского края? 275-280

Мамкина И.Н.
Региональные особенности системы образования
Восточной Сибири в XIX в. 281-284

Орлов М.А.
Генерал-губернатор Евгений Оттович Шмит в борьбе
с сектантством степного края 285-290

Попков Ю.В.
Сибирь в горизонте цивилизационного будущего:
социокультурная перспектива 291-295

Смирнова И.Ю.
Первые миссионерские проекты России
в Приамурском крае (1850–1860-е гг.) 296-301

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ УРАЛА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: КОНЦЕПЦИИ, СТРАТЕГИИ, ПРАКТИКИ

Бакиева Г.Т.
Демонические существа у забалотных татар 303-308

Бибикова В.В.
Формирование органов местного самоуправления
в Илимпийской тундре в районе Подкаменной Тунгуски
в первой половине 20-х годов XX века 309-316

Квашнин Ю.Н.
Культовые практики антипаютинских ненцев 317-321

Шаповалова С.Н.
Семантика элементов узора таштыкских погребальных масок 322-330

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

Бурнаков В.А.
Культовые изделия хакасов и проблемы их восприятия
иноэтническим сознанием (конец XIX – середина XX в.) 332-337

Самдан А.А.
Введение волостной системы в русских населённых пунктах
Тувы в период российского протектората 338-341

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С.
Сложносоставные луки из объектов эпохи великого переселения
народов некрополя Карбан-i (Северный Алтай) 343-349

СИБИРЯКИ В ПОИСКАХ СИБИРСКОСТИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК И ФОРМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Бубликов В.В.
Место этничности в идентичности русско-украинских биэтноров 351-358

Коляскина Е.А.
Изучение русских старожилов Алтая сибирскими провинциальными
этнографами на рубеже XX–XXI вв. 359-365

Люля Н.В.
Причины появления русско-украинских биэтноров в России:
ассимиляция украинцев или следствие смешанных браков? 366-372

Майничева А.Ю.
Сибирские православные храмы XVII–XXI веков: образный
строй и архитектурная метрология как выражение идентичности 373-376

Мамонтова О.С.
Старожильческий компонент в обрабатывающих ремеслах и промыслах русских Алтая в конце XIX – первой четверти XX вв. 377-382

Рублева А.А.
Ясачные крестьяне Притомья в XX в.: культурные особенности и вопрос происхождения 383-387

Станиславских В.С.
Урало-сибирская роспись: условия и факторы появления на Алтае кистевой росписи по дереву 388-395

Федоров Р.Ю.
Чалдоны и самоходы: роль этнокультурных стереотипов в трансформациях идентичности восточнославянского населения Сибири 396-401

Фурсова Е.Ф.
Современные старообрядцы-федосеевцы Новосибирска: к вопросу о трансформации конфессиональной идентичности 402-406

Шитова Н.И.
Русские в природных ландшафтах Горного Алтая: освоение территории и этнокультурная идентичность 407-411

Чернышов В.В.
Народные обычаи и традиции населения Енисейской губернии. По документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края» . . . 412-416

Явнова Л.А.
Семейно-брачные отношения как отражение этничности во второй половине XX – начале XXI вв. 417-421

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ СИБИРИ

Гусев М.О.
Три века вместе. О тесных связях старообрядчества Урала и Сибири на примере скитов, монастырей и исторических личностей 423-426

Кобко В.В.
Легенда о Беловодье в контексте миграций старообрядцев из Восточной Европы на юг Дальнего Востока 427-433

Литвина Н.В.
Отражение истории дальневосточного белокриницкого старообрядчества кон. 1990-х гг. – нач. XXI в. в архиве Аввакумовского братства 434-436

Юхименко Е.М.
Сибирь и Выговское поморское общежительство 437-441

Бауман Д.А.
Становление немецких колоний в Акмолинской области в конце XIX – начале XX вв. 443-448

Смирнова Т.Б.
Результаты социологических опросов 2020–2022 гг. в изучении этнических процессов в регионах Сибири 449-454

Шайдуров В.Н.
Немцы в Сибири в 1920-е – 1991 гг.: к вопросу о национальной автономии 455-457

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ КАТАНОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ ВОСТОКОВЕД (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Валеев Р.М., Валеева Р.З. Наследие Н.Ф.
Катанова: итоги изучения, архивные центры, фонды и материалы . . . 459-461

Кужугет А.К. Труд Н.Ф.
Катанова «Очерки Урянхайской земли» как источник изучения взаимоотношений населения Тувы с другими народами в период господства Цинской империи 462-466

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.
Два синьцзянских путешествия Н.Ф. Катанова 467-470

Сазак Г., Иналджик Г.
Стамбульское научное наследие Николая Фёдоровича Катанова 471-477

Султанбаева К.И.
Просветительно-педагогическая деятельность Н.Ф. Катанова 478-482

Тугужекова В.Н. Вклад Н.В.
Катанова в изучение истории и культуры народов Южной Сибири 483-485

Шамина Л.А.
Тувинский язык на лингвистической карте Сибири: история и современность 486-490

Шапошников Г.М.
Динамика поселений, личных подворий и скота в хакасских населённых пунктах за 130-летний период) 491-494

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ И ПРАКТИКА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Асочакова В.Н.
Проблемы землевладения и землепользования в Сибири (XVIII–XIX вв.): региональный аспект 496-500

Ситнянский Г. Ю.
Экономика Джунгарского ханства и её влияние на экономику народов Южной Сибири 501-510

Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней

Дубровина М.Э.
Геокультурные особенности пратюркского этноса как причина возникновения некоторых языковых форм 512-517

Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В.
Региональная лингвистика в Восточной Забайкалье: содержание и направления развития 518-525

Казакевич О.А.
История локальных языковых сообществ Сибири: к вопросу об источниках информации и методах исследования 526-533

Казанцева Я.Н.
Перспективы сохранения татарского языка на территории Красноярского края 534-537

Ким И.Е.
Универсалии вербальной культуры как категориальная матрица: ценности и коды 538-542

Колмогорова А.В., Маликова А.В.
Эмоции, язык, культура: опыт исследования эмоционального восприятия текстов тувинско-русскими билингвами 543-548

Майоров А.П. О лингвистическом капитале языковой личности в Забайкалье XVIII в. 549-551

Самотик Л.Г.
Речевой портрет северной сибирской деревни 552-560

Щурина Ю.В., Толстокулакова Ю.В.
Актуализация концепта «Забайкалье» в дискурсе региональных и федеральных СМИ 561-567

Новая культурно-интеллектуальная история: теоретические позиции и методологический дискурс

Ванхоннакер М.
Концептуально-методологический анализ язкутских фигур холода в геофилософской перспективе 569-574

Шепелева В. Б.
Проблемы Будущего в фокусе постнеклассической интеллектуальной истории по материалам работы П. Бьюккенена «Смерть Запада» 575-582

Локальное и глобальное в национальном нарративе народов Сибири и Дальнего Востока

Алексеева С.А.
«Оленные люди» на вечной мерзлоте: практики ментального освоения Севера 584-588

Антонов Е.П.
Культурно-просветительные сообщества Якутии: формирование интеллектуальной культуры и коммуникаций 589-593

Данилова Н.К.
«Нарратив неволи» и мифопоэтика Вацлава Серошевского 594-597

Коробейников А.С.
«Наше будущее неразрывно связано с золотом»: интеллектуалы, ресурсное воображение и видение будущего в раннесоветской Якутии 598-602

Малых Д. С., Смоляк Е. А.
Кузнечное ремесло в устной памяти сибиряков 603-607

Миссонова Л. И.
Эпистолярное наследие – рассказ об ответственности за науку: научная этика российских востоковедов периода смены эпох 608-612

Моякунова А.А.
Биографическая история известных якутских родов: методология и новые исследования 613-618

Романова Л.Н.
Союз писателей ЯАССР в 1939 г. История в документах 619-622

Слепцов Ю.А.
Образовательный ландшафт Севера: традиционные современные стратегии 623-626

Филиппова В.В., Винокурова Л.И., Санникова Я.М.
Хатанго-Анабарский регион в XX – начале XXI веков: к вопросам формирования и развития культурного ландшафта 627-631

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРАЗДНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Гюль Э.Ф.
Культ красного цветка и его отражение в традиционной вышивке Узбекистана 633-638

Сураганова З.К.
«Шопан той»: адаптация традиционной обрядности в условиях советской реальности 639-644

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Антропологическое разнообразие и адаптивные возможности в человеческих популяциях

УДК 572

Антропологическое наследие Инессы Ивановны Саливон (палеоантропологические исследования)

Марфина Ольга Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом антропологии Института истории НАН Беларуси г. Минск, Республика Беларусь.
belantrop@tut.by
https://orcid.org/ 0000-0003-1259-2034

АННОТАЦИЯ Лауреат Государственной премии Республики Беларусь Инесса Ивановна Саливон является основателем и талантливым представителем белорусской школы антропологии. С ее участием проводились систематические комплексные исследования различных половозрастных и территориальных групп древнего и современного населения нашей страны. Многолетний труд Инессы Ивановны способствовал развитию таких научных направлений в науке о человеке, как возрастная антропология, ауксология, соматотипология, экологическая антропология и др. Начиная с 1965 г., ею активно разрабатывались проблемы исторической антропологии, в частности, рассматривающие вопросы формирования и изучения остеологических коллекций по населению II тыс. н. э. с территории нашей республики. Полученный И.И. Саливон в результате раскопок остеологический материал рассмотрен ею в качестве связующего звена между древним и ныне живущим населением, что позволило провести анализ региональных антропологических особенностей в аспекте формирования коренного населения Беларуси.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА палеоантропологические исследования, антропологическое наследие.

Многолетние исследования Инессы Ивановны способствовали развитию нескольких научных направлений в науке о человеке, таких как половозрастная территориальная и экологическая изменчивость физического типа взрослого населения Беларуси; формирование телосложения в процессе роста и созревания детского организма; конституциональные особенности морфогенеза. Но с момента поступления в аспирантуру в 1965 г., она стала развивать направление исторической антропологии, посвятив свою работу формированию и исследованию остеологических коллекций по населению, обитавшему на территории нашей республики на протяжении II тыс. н. э. Под ее руководством с 1966 по начало 1970-х гг. проводились раскопки белорусских сельских кладбищ XVIII–XIX вв. В дальнейшем остеологическая коллекция пополнялась новыми поступлениями средневековых материалов из археологических раскопок других исследователей.Полученный в результате проведенных раскопок остеологический материал послужил связующим звеном между древним и ныне живущим населением при исследовании формирования региональных антропологических особенностей коренного населения Беларуси. Ее научным руководителем был известный российский археолог и антрополог академик РАН Валерий Павлович Алексеев. В 1970 г. Инесса Ивановна успешно защитила диссертацию в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва) на тему «Палеоантропология Белоруссии и вопросы происхождения белорусского народа (по краниологическим материалам II тыс. н. э.)» и стала кандидатом исторических наук.

В этой работе проведено широкое сопоставление краниологических материалов конца II тыс. н. э. с территории Беларуси с данными различных авторов по хронологически одновременному восточнославянскому населению Восточной Европы, балтоязычному населению Прибалтийского региона, эстонцам и финно-угорскому населению Поволжья позволило И.И. Саливон определить место белорусов на антропологической карте населения Восточной Европы этого периода. Ею было определено некоторое своеобразие антропологических особенностей белорусов

данного периода и общие черты с хронологически одновременными сериями русских и украинцев, обитавших на соседних территориях. Она впервые выделила комплекс ослаблено европеоидных черт (сочетание некоторой уплощенности лица на уровне орбит с немного пониженным переносьем) среди ряда локальных групп на территории Беларуси в начале и в конце II тыс. н. э. и показала усиление этих черт в восточном и северо-восточном направлении. И.И. Саливон впервые выявила и подробно описала характер и направление эпохальной изменчивости структурных особенностей черепа, посткраниального скелета и зубочелюстной системы населения на территории Беларуси от X–XIII вв. до XVIII–XIX вв. [3-5; 7; 9-11; 13].

Накопление ископаемых костных материалов, представляющих разные территориальные группы и хронологические периоды, позволило в дальнейшем другим авторам не только подтвердить выявленный Инессой Ивановной процесс постепенной брахикефализации мозгового отдела черепа, общей грацилизации скелета и обусловленной уменьшением массивности верхней и нижней челюстей редукции зубной системы, но и более детально рассмотреть территориальные особенности такой морфологической перестройки скелета.

И.И. Саливон внесла существенный вклад в понимание некоторых закономерностей этого эпохального процесса благодаря осуществленному ею анализу межпоколенных изменений структурных показателей черепа и посткраниального скелета среди серий второй половины XIX вв., распределенных в младшую и старшую возрастные когорты. Сравнение характера эпохальных морфологических изменений среди разных территориальных и хронологически разновременных групп позволил ей также показать, что на территории Беларуси этот процесс начался примерно в XIII–XIV вв., но протекал в разных локальных группах неравномерно, так как интенсивность его темпов в разных группах была различной.

В течение 1990-х гг. по приглашению Института археологии и этнологии Польской Академии наук Инесса Ивановна изучала краниологические материалы X–XVII вв., с центральной и восточной территорий Польши, а также краниологическую коллекцию с северной территории из могильника Дудка в Мазурии Озерной, датированной периодом, пограничным между мезолитом и неолитом. Полученные результаты были сопоставлены с хронологически одновременными краниологическими сериями с территории Беларуси и обобщены в коллективной монографии «Антропология населения белорусско-польского пограничья в свете этнической истории славян» [2]. Типологически рассматриваемые польские и белорусские серии, особенно мужские, очень близки. Относительная грацильность брахикранного мозгового отдела у мужчин аналогична таковой у белорусских мужчин, а по структурным особенностям и относительной грацильности лицевого скелета более выражена близость к серии из юго-восточного региона Беларуси. Об этом свидетельствуют относительно более низкое (по верхнелицевому указателю) лицо у данных серий, более широкий нос (по носовому указателю), немного пониженное переносье (по дакриальному и симотическому указателям), менее выступающие носовые кости, небольшое уплощение лица на уровне орбит и скул. В изученных локальных сериях наблюдается сочетание сильной профилировки лица на уровне скул с несколько ослабленной профилировкой лица на уровне орбит, более низким переносьем и слабее выступающим носом. Распространение этого комплекса на довольно большой территории Восточной и отчасти Западной Европы может свидетельствовать в пользу древности его формирования и общих генетических истоках локальных вариантов европеоидного расового типа населения этого региона.

Начиная с 2010 г. при поддержке Белорусского Республиканского фонда

фундаментальных исследований сотрудники отдела антропологии Института истории НАН Беларуси работали над выполнением ряда проектов совместно с коллегами из лаборатории физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. И.И. Саливон была руководителем проекта «Комплексное изучение древнего населения Беларуси в свете этнической истории славян» (руководитель с российской стороны – С.В. Васильев), успешно завершен в 2012 г., а также участвовала в проектах «Антропология древнего и современного населения Полоцкой земли» (руководитель проекта с российской стороны – М.М. Герасимова), завершен в 2013 г., «Городское население Беларуси и Европейской части России XI–XVIII вв. по данным антропологии» (руководитель с российской стороны – С.В. Васильев), завершен в 2018 г. и «Историческая роль демографических процессов в формировании антропологического состава населения на территории Беларуси и России» (руководитель с российской стороны – С.В. Васильев), завершен в 2022 г.

Итогом работы по этим проектам явилось издание двух фундаментальных коллективных монографий: «Палеоантропология Беларуси» и «Антропологическая характеристика населения восточноевропейских городов XI–XIX веков», в которых Инесса Ивановна была соавтором и научным редактором [1; 6]. Антропологические данные по городскому населению свидетельствуют о том, что все серии, как в начале, так и во второй половине II тыс. н. э. характеризуются низкоорбитностью выраженно европеоидными чертами в строении переносья и носа, при небольшой уплощенности лицевого скелета в области орбит. Среди них встречаются как массивные, так и грацильные формы черепа и скелета в целом. Ранние серии мезодолихокранны, поздние – брахикранны. На костях встречаются следы от заживших травм, переломов, возрастных изменений. Сравнение с сельскими сериями с прилегающей к городам территории показало, что основной состав населения городов формировался за счет местного населения.

Несмотря на небольшие территориальные антропологические различия, хронологически одновременных городских серий все они относятся к одному и тому же расовому типу, основные черты которого сохранились в ряду поколений. Динамика физического типа городского населения, как и сельского, проявилась в постепенном изменении формы черепа от долихокранной до брахикранной и уменьшении массивности скелета по направлению к современности. На территории Беларуси, серии городского населения отличаются от хронологически одновременных сельских серий несколько бóльшими величинами черепного указателя и несколько бóльшей массивностью скелета.

Ряд публикаций Инессы Ивановны освещают методологические аспекты антропологических исследований, в которых обобновывается необходимость комплексного и дифференцированного подхода к интерпретации антропологических данных в этногенетических исследованиях. Особое внимание уделялось правильному пониманию роли и соотношения этноисторических и биологических закономерностей в процессе формирования антропологических особенностей населения как представителя определенного этноса. А именно, если с историческими процессами связаны направление и интенсивность миграционных процессов, характер взаимоотношений пришлого и зависящую от этих процессов степень изменения генофонда коренного населения, либо возникающая относительная стабильность населения в определенные исторические периоды обеспечивает также относительную стабильность генофонда и преемственнность антропологических особенностей в поколениях, очевидно влмянии исторических процессов на формирование социокультурных и биологических ососбенностей популяций человека. Однако

биологические особенности людей никак не влияют на исторические процессы. Кроме того существуют разные пути наследования биологических особенностей людей, которые осуществляется по биологическим каналам, культурные же достижения и традиции наследуются по социальным каналам.

Инесса Ивановна является автором теоретических исследований, вошедших в цикл монографий по антропологии, которые развивают новое научное направление – человек и его биокультурная адаптация.

В коллективной монографии «Экологические аспекты в антропологических исследованиях на территории БССР» на основании широкого анализа литературных источников Инессой Ивановной были определены основные закономерности взаимодействия человека со средой обитания на индивидуальном и популяционном уровнях в историческом аспекте и на современном этапе, подведен итог первых результатов исследования биологической изменчивости популяций человека на территории Беларуси [12].

В книге И.И. Саливон «Фізічны тып беларусаў: Узроставая, тыпалагічная і экалагічная зменлівасць» проведенное сопоставление в свете исторических процессов данных по современному населению с полученными Инессой Ивановной данными о древнем населении, которое проживало на нашей территории в XI–XIX вв., позволило проследить закономерности формирования локальных особенностей физического типа населения на протяжении ряда поколений, а также выявить направленные во времени изменения структурных особенностей – явления брахикефализации и грацилизации скелета [8].

В коллективной монографии «Экологические изменения и биокультурная адаптация человека», впервые Инессой Ивановной в экологическом плане анализируются структурные особенности скелета древнего населения. Написанный ею раздел содержит сведения о своеобразии изменчивости структурных особенностей головы и лица у населения XVIII–XIX вв. в различных геохимических провинциях Беларуси [14].

Заключение

Обобщения результатов целенаправленных многолетних исследований о закономерностях морфологической изменчивости скелета в историческом плане в меняющихся экологических условиях, позволили Инессе Ивановне Саливон внести значимый вклад в обоснование концепции биокультурной адаптации популяций человека в меняющихся экологических условиях. Сущность концепции заключается в том, что экологическая адаптация человека реализуется при непрерывном взаимодействии биологических и социальных факторов. Функционируя в природной и социальной среде, биологический вид Homosapiens адаптируется к сложному и весьма динамичному переплетению социальных и природных воздействий не только посредством изменения биологических показателей, но и через социокультурные изменения. Реализация биокультурной адаптации возможна только на популяционном уровне, что выражается в формировании культурных комплексов с определенными элементами материальной и духовной культуры, влияющих на биологические особенности адаптивных типов, соответствующих экологической нише. Сформулированная И.И. Саливон концепция биокультурной адаптации как фундаментальной проблемы антропологии, является значимым теоретическим вкладом в науку о человеке.

В представляемом списке монографических изданий И.И. Саливон приведены только труды, касающиеся проблем исторической антропологии.

Список литературы

[1] Антропологическая характеристика населения восточноевропейских городов XI–XIX веков / И.И. Саливон, С.В. Васильев, М.М. Герасимова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Рос.акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Минск: Беларуская навука, 2021. 267 с.

[2] Антропология населения белорусско-польского пограничья в свете этнической истории славян / Л.И. Тегако, И.И. Саливон, М. Пыжук и др. Минск: Беларуская навука, 2009. 264 с.

[3] Беларусы. Т. 9. Антрапалогія / Л.І. Цягака, І.І. Салівон, А.І. Мікуліч и др.; Нац. акад. наук Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2006. 575 с.

[4] Белорусы / М.Ф. Пилипенко, В.А. Тишков, ... И.И. Саливон и др.; отв. редакторы В.К. Бондарчик и др. М.: Наука, 1998. 502.

[5] Друцк. Древнейшие города Беларуси / О.Н. Левко, А.Б. Довнар, ... И.И. Саливон и др.; редкол. А.А. Каваленя и др. Минск: Беларуская навука, 2014. 618 с.

[6] Палеоантропология белорусов / И.И. Саливон, С.В. Васильев, М.М. Герасимова и др.; науч. ред. И.И. Саливон, С.В. Васильев. Минск: Беларуская навука, 2015. 369 с.

[7] *Саливон И.И.* Изменения физического типа населения Беларуси за последнее тысячелетие. Минск: Наука и техника, 2011. 171 с.

[8] *Салівон І.І.* Фізічны тып беларусаў: Узроставая, тыпалагічная экалагічная зменлівасць. Мінск: Навука и тэхніка, 1994. 239 с.

[9] *Саливон И.И., Марфина О.В.* Физический тип древнего населения Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2014. 136 с.

[10] *Саливон И.И., Тегако Л.И., Микулич А.И.* Очерки по антропологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976. 272 с.

[11] *Тегако Л.И., Саливон И.И.* Экологические аспекты в антропологических исследованиях на территории БССР. Минск: Наука и техника, 1982. 164 с.

[12] *Тегако Л.И., Саливон И.И., Микулич А.И.* Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981. 284 с.

[13] Экологические изменения и биокультурная адаптация человека / Л.И. Тегако,И.И. Саливон, О.В. Марфина и др. Минск: БОФФ, 1996. 275 с.

УДК 572/551.8

Некоторые аспекты палеоэкологии средневекового населения Нарымского Приобья (на примере южных селькупов)

Рыкун Марина Петровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора антропологии Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, заведующая кабинетом антропологии исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия.
m_rykun@mail.ru, https:// orcid.org/ 0000-0002-4262-8731

Жилина Татьяна Николаевна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия.
zhilinatn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0120-2961

АННОТАЦИЯ Палеоантропологические материалы, особенно краниологические коллекции, являются ценным источником для реконструкции социальной и биологической среды обитания древних социумов.В Кабинете антропологии ТГУ собран репрезентативный краниологический материал по народам Западной Сибири угорских, самодийских и тюркских этносов. На основе анализа маркёров физиологического стресса удалось выявить своеобразие локальных групп селькупов (Нарымское ПриобьеX–XX вв.) в зависимости от их расселения по р. Оби и её притокам: р. Кеть и р. Тым. Это могло быть связано с воздействием, как внутренних, так и внешних факторов, что определяет перспективность междисциплинарных исследований палеоэкологических изменений (особенности климата, растительности), не только по периодам археологических культур, но и в связи их территориальной приуроченности к бассейнам рек.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА палеоантропология, палеоэкология, маркеры стресса, южные (нарымские селькупы), средневековье.

В решении вопросов расо- и этногенеза коренного населения Сибири важную роль играют краниологические материалы, всесторонний анализ которых позволяет определить антропологический облик, оценить степень родственных связей и основные этапы расообразовательных процессов на территории Северной Евразии.

В фондах Кабинета антропологии ТГУ имеется репрезентативный краниологический материал по народам Западной Сибири [12, с. 246-251].Ранее, на основе этих материаловбыл проведен анализ расовых особенностей угорских, самодийских и тюркских этносов[10]. Это позволило выявить своеобразие морфотипа населения Западной Сибири и рассмотреть его как самостоятельную локальную уральскую расу, которую нельзя однозначно отнести к числу рас западного или восточного стола. По данным краниологии уральская или западносибирская локальная раса (в классификации А.Н. Багашёва, входящая в состав обь-иртышского типа) утратила связь с данными расовыми стволами еще до того, как сформировались черты европеоидного и монголоидного облика и её можно рассматривать в качестве древней протоазиатской формации. Однако, по современным антропологическим данным таксономически западносибирская локальная раса «ближе к расам восточного ствола и может быть включена в их число» [10, с. 330].

Палеоантропологические материалы, особенно краниологические коллекции, служат ценным источником для реконструкции социальной и биологической среды обитания древних социумов в междисциплинарных исследованиях [11, с. 109-114].

В последние годы развернуты экологические исследования палеоантропологических материалов, методологической основой которых служит концепция физиологического

стресса Г.Селье (1960) в отношении к археологическим популяциям. На основе анализа маркеров физиологического стресса, которые визуально фиксируются на палеоантропологических материалах и являются результатом длительного воздействия неблагоприятных условий среды можно говорить о состоянии здоровья и «качестве» жизни древних социумов [13; 15, p.13-44; 16, p. 169-202; 6, с. 12-53].

Результаты исследований показывают, что на основе анализа патологических признаков можно реконструировать некоторые особенности диеты и распространения инфекционных заболеваний в зависимости от природно-климатических условий и учесть локальную специфику социально-экономической ситуации в исследуемом регионе[9; 7; 14, с. 137-152].

Репрезентативные краниологические материалыиз археологических памятников развитого и позднего средневековья Нарымского Приобья позволили провести анализ маркеров физиологического стресса и охарактеризовать особенности жизнедеятельности южной группы селькупов, проживающих на указанной территории[4, с. 234-238; 5, с. 118-164].

Введение в научный оборот новых сравнительных данных по палеопатологическим признакам, зафиксированным у средневекового населения Западной Сибири (южных (нарымских) селькупов) актуально в связи с реконструкцией особенности диеты и распространения инфекционных заболеваний в зависимости от природно-климатических условий с учетом локальной специфики социально-экономической ситуации в исследуемом регионе.

Изучение краниологических материалов из средневековых и близких к современности могильников с территории Нарымского Приобья, показало, что, не смотря наширокое географическое распространение населения,фиксируется хронологическая стабильность антропологического типа южных самодийцев. То есть, все исследованные средневековые краниологические серии нарымских селькупов представляют собой выборки из единой совокупности [2, с.123]. Например, по краниологическим данным Тискинского могильника, в течение целого тысячелетия (II тыс. н.э.) физический тип населения Нарымского Приобья не претерпевает практически никаких изменений и находится в тесной родственной связи между поколениями [1, с. 248].В таком случае, зафиксированные на средневековых сериях различия по маркерам физиологического стресса в локальных группах южных селькупов, возможно, будут свидетельствовать о влиянии экологических условий той исторической эпохи.Нами проведен анализ краниологических серий средневекового населения нарымских селькупов в зависимости от локализации их по рекам бассейна р. Оби.

Фиксация маркеров физиологического стресса проводилась в рамках программы палеопатологического обследования [6, с. 42-53] визуально по краниологическим сериям могильников Нарымского Приобья X–XXвв. Материал был сгруппированы по месту проживанию населения по рекам:

Группа 1. Приобье (около 500 инд.) Тискинский могильник;

Группа 2. Прикетье (более 80 инд.). Курганные могильники: Ёлтыревский II, Карбинский II; Лукъяновский I, Пиринский Бор I, Путяка, Максимоярские (IV, III, II, одиночный курган);

Группа 3. Притымье (64 инд.). Могильники Бедеревский Бор (I, II, III), Пыль Карамо, кладбище Варгананджино[5, с. 125-127].

В программу исследования вошли патологическиеизменения зубочелюстной системы, таких как, эмалевая гипоплазия, кариес, зубной камень, пародонтоз, альвеолярный абсцесс, прижизненная утрата зубов, травматические повреждения зубов, остеопороз височно-нижнечелюстных суставов. Так же, учитывалось наличие

маркеров анемии (cribraorbitalia, поротический гиперостоз).

Данные анализировались по полу и возрасту, так как исходное функциональное состояние и реактивность организма имеют первостепенное значение в противодействии стрессу[5, с. 129-130].

Гипоплазия эмали проявляется в виде ямок, углублений, бороздок и располагается на различных участках коронки, чаще фиксируется чаще на резцах верхней челюсти. Неравномерное развитие толщины эмали в виде горизонтальных бороздок – результат воздействия неблагоприятных факторов, поражающих организм в детском возрасте в период формирования коронок постоянных зубов.

К неблагоприятным факторам относятся: белковая и витаминная недостаточность питания;инфекционные заболевания, связанные с высокой плотностью населения. Гипоплазия эмали, часто ассоциируется с пищевым стрессом и проявляется как результат задержки ростовых процессов.

В исследуемых группах локализация дефекта на зубах свидетельствует о перенесенном эпизодическом физиологическом стрессе у детей 4-5 лет и может быть связана с периодом продолжительного грудного вскармливания детей. **Приобье-37%; Прикетье-19,2%; Притымье-7,8%.**

Зубной камень раздражает мягкие ткани пародонта, вызывает воспалительные процессы, приводит к изменениям в альвеолярной части челюстей. В изученных выборках отложение зубного камня фиксируется, начиная с юношеского возраста, а во взрослом состоянии присутствует на многих зубах, вокруг коронки. Обычно встречается в популяциях со специфической диетой (преобладание мягкой, без абразивных частиц, и богатой белком пища). При этом возможно образование налёта на зубах, приводящего к формированию зубного камня (причина развития пародонтоза).Распределение по локальным группам нарымских селькупов: **Приобье -31,5%; Прикетье-40,4%; Притымье-29,7%.**

Альвеолярный абсцесс – воспаление костной ткани нижней челюсти, распространяющееся на компактное и губчатое вещество кости и надкостницу.В Тискинском могильнике (курган 4) отмечены 3 случая. Заболевание могло возникнуть в результате проникновения возбудителей гнойной инфекции из очага воспаления, локализующегося в тканях зуба или пародонта.Такой хронический очаг инфекции в организме снижает иммунитет и провоцирует инфицирование других систем организма, что может стать даже причиной смерти индивида.Причинами развития абсцесса могли быть: кариес, травма зубов, связанная с их использованием при отдельных видах практической и бытовой деятельности. Значения по локальным выборкам:
Приобье-5,6%; Прикетье-19,2%; Притымье-35,9%.

Травмы зубов. Травматические повреждения зубов свидетельствуют о влиянии механической нагрузки на зубочелюстной аппарат в течении жизни индивида.
Население рек Тым и Кеть вели традиционный образ жизни – занимались охотой и рыболовством, собирательством, промыслом кедровых шишек. В травматическом отношении условия проживания селькупов в этих районах были суровыми. Обе группы в хозяйственной деятельности использовали зубы, например, при изготовлении нитей, разжевывании сухожилий, что отражалось на состоянии зубочелюстного аппарата. Распределение полученных значений: **Приобье-5,6%; Прикетье-28,8%; Притымье-62,5%.**

Кариес – наиболее древняя и распространенная патология. Признак, маркирует нарушение иммунитета, общее состояние здоровья индивида и популяции. Появление его зависит от ряда факторов, из них ведущим является питание. Наибольший уровень распространения заболевания отмечен в популяциях, у которых преобладает растительная пища, богатая углеводами, особенно фруктозой и сахарозой. Чаще фиксируется в популяциях с развитым земледелием и некоторыми элементами собирательства. В исследуемых группах процентное соотношение данного признака: **Приобье-5,6%; Прикетье- 7,7%; Притымье-14,1%.**

Прижизненная утрата зубов. Фиксируется на молярах нижней челюсти и в области верхних резцов. Объясняется более ранней стадией появления постоянных зубов нижней челюсти и значительной механической нагрузкой на них в течение жизни. Отсутствие верхних резцов, могут быть связано с ихпотерей в результате бытовых травм и межличностных конфликтов (кулачный бой). Утрата зубов, так же связана с воспалительными процессами парадонта и общим состоянием организма, его резистентностью к патогенным факторам. По локальным группам данный показатель распределился следующим образом:***Приобье- 5,6%; Прикетье-21,2%; Притымье-21,9%.***

К признакам анемии относятся:поротические изменения в верхней стенке орбиты (cribraorbitalia), на небных костях, в мозговом отделе – на лобной, теменной и затылочных костях. Поротический гиперостоз глазниц, как правило, связывается с такими заболеваниями как малярия, анемия, цинга. Он может быть спровоцирован и пищевым стрессом, например, недостаткомжелеза, магния, цинка и хлора в продуктах. Данный дефицит формируется в детском возрасте и обычно ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хронических заболеваниях.

Распространение признака зависит от плотности населения и с особенностями природной среды. В северных районах он наблюдается реже, чем в южных; в горах реже, чем на равнинах, в сухом и прохладном климате реже, чем в теплом и влажном. В целом, маркеры анемии отражают не только дефицит железа в микроэлементном составе пищи, но и общее содержание болезнетворных организмов в окружающей среде и позволяют анализировать уровень патогенных нагрузок в исследуемой популяции. Низкий уровень показателей анемии в исследуемых группах, может косвенно указывать на то, что патогенные нагрузки у средневекового населения Нарымского Приобья, были не значительны[5, с. 142;148].

О***стеопороз височно-нижнечелюстных суставов.*** Признаки старения являются вторичными изменениями, возникающими в результате изнашивания суставных хрящей и других тканей костно-суставного аппарата. На начальном этапе заболевания возникает обызвествление, а затем и окостенение фиброзных и хрящевых элементов. Заболевание поражает преимущественно женщин и нередко связано с утратой моляров. Остеопороз височно-нижнечелюстных суставов сопутствует прижизненной утрате зубов. Распределение по локальным выборкам: ***Приобье-3,7%; Прикетье-25%; Притымье-14,1%.***

Признаки сифилиса обнаружены в серияхиз могильников Тискинского и Лукъяновского 1. О неблагоприятной эпидемиологической ситуации в Нарымском крае свидетельствуют источники: «От неблагоприятного климата происходит особенное развитие цинги: почти редкий житель не страдает от неё … к ней присоединяется ещё сифилис, ставший почти наследственным» [8, с. 253].

Основными причинами занесения эпидемий (оспа, тиф, холера, дифтерит, сифилис) в Томскую губернию были передвижения населения из центральной части России в Сибирь с XVII – XVIII вв., арестантов, крестьян, усилившиеся в последние годы XIX в. [5].

Заключение

Таким образом, в палеопатологическом профиле средневекового населения Нарымского Приобья были выявлены некоторые особенности, которые связаны с местными природно-климатическими условиями и отражают локальной специфику социально-экономической ситуации.

Выявлен высокий уровень эмалевой гипоплазии (меньше выражен в Притымье) и наличие зубного камня. Уровень прижизненной утраты зубов, травм, пародонтоза и альвеолярных абсцессов возрастает от Приобья к Притымью. Отмечен незначительный процент кариеса для Приобья и Прикетья и некоторое его увеличение в группе из Притымья. Анализ маркеров свидетельствует о том, что популяция испытывала некоторый пищевой стресс, связанный с динамикой изменения климата. Наличие зубного камня, в сочетании с небольшим процентом кариеса, позволяет предполагать

употребление для санации ротовой полости растительных антисептиков.

Воздействие неблагоприятных факторов фиксируется по высокому проценту эмалевой гипоплазии, что связано с периодом адаптации ребенка при переходе на взрослый пищевой рацион. Несмотря на то, что патогенные нагрузки на организм, в целом, были невелики, инфекционные заболевания в детском возрасте ослабляли общую сопротивляемость организма, приводили к снижению иммунитета.

Это могло быть обусловлено сезонным характером дефицита витаминов и микроэлементов в питании,источником которых служили ягоды, грибы, рыба, дичь.

Прижизненная утрата зубов связана с рядом причин, прежде всего, с воспалительными процессами парадонта, общим состоянием организма, его резистентностью к патогенным факторам. Кроме того, чрезмерные механические нагрузки на зубочелюстной аппарат могли стать причиной травм (62% у группы из Притымья), которые обычно возникают при использовании зубов в хозяйственной деятельности. Наблюдаемые изменения на резцах, молярах (высокая степень стертости) в сочетании сприжизненной их потерей, у мужской части средневекового населения Притымья, скорее всего, обусловлены нагрузкой на зубы во время разжевывания или разрезание твердых материалов (кожа, жилы, твердые плоды, орехи) [5, с. 163].

Таким образом, основные маркеры физиологического стресса позволяют выявить своеобразие локальных групп средневековой популяции южных селькупов Нарымского Приобья. Наиболее благополучными по палеопатологическому профилю выглядят группы, которые проживали по Оби (Тискино, курган 4) и в приустьевых районах Кети (Ёлтырево, Карбино-II), что могло быть связано с воздействием, как внутренних (наследственность, конституция, реактивность), так и внешних (экология, климат) факторов.

Исследование природно-климатической обстановки Прикетья (среднетаежная зона Западно-Сибирской равнины в пределах Верхнекетского района Томской области) V в. до н.э. – XVII в. зафиксировало влияние климата на образ жизни и хозяйство нарымских селькупов [3, с. 36-48].Используя метод сопряженного анализа археологических материалов и имеющейся палеоэкологической информации в виде спорово-пыльцевых данных из торфяного разреза на болоте, расположенного у с. Максимкин Яр с наибольшим скоплением археологических памятников исследователи отмечают, что образ жизни и хозяйственные занятия населения Прикетья определялись динамикой изменения климата, приводящей либо к увеличению кормовой базы всех обитателей ландшафтов изучаемой территории, что способствовало росту их числа, либо уменьшая эту базу, что вызывало голод и вымирание. Так, например, указывается, что в эпоху раннего железного века (VI–IV в. до н.э – V в.) климат в Прикетье был достаточно влажным с распространением на исследуемом болоте пушицевой топи и преобладающей роли пихты в лесах. В данной климато-экологической обстановке достигла расцвета кулайская культура охотников и рыболовов и хозяйственный уклад способствовал росту населения, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники этого времени. К началу эпохи позднего средневековья (XV–XVII вв.) ландшафты Прикетья характеризовались распространением темнохвойных лесов из ценного орехоплодного дерева – кедра сибирского (Pinus sibirica), сосновых боров с мохово-кустарничковым напочвенным покровом и олиготрофных сосново-кустарничково-сфагновых болот. Данные растительные формации богатые ягодниками, грибами и дичью могли служить хорошей кормовой базой для охоты и собирательства народов, живших в Прикетье, что возможно способствовало быстрому росту населения, которое практиковало полуосёдлый образ жизни с осенне-весенними промысловыми выездами в тайгу и оседлой жизнью в зимний и летний периоды [3, с. 30-40].

Подобные исследования необходимо продолжить, так как выявленное, по маркерам физиологического стресса, своеобразие локальных групп средневековой популяции южных селькупов Нарымского Приобья отчасти подтверждается и археологической спецификой погребального обряда на притоках р. Оби [5, с. 118-164].

Следует отметить, что, реконструкция природно-климатической обстановки и выявление динамики климата в археологических районах р. Оби и её притоков, в сочетании с данными археологии, палеоантропологии, возможно, позволитопределить некоторые аспекты локальной спецификисоциально-экономической ситуации в конкретные исторические периоды во взаимодействии человека/социума и природы.

Список литературы

[1] *Багашёв* А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408с.

[2] *Багашёв* А.Н. Краниологические источники к проблеме этногенеза Нарымских селькупов// Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4(55). С. 113-124.

[3] *Бляхарчук* Т.А., *Боброва* А.И., *Жилина* Т.Н. Природно-климатические условия на юго-востоке Западной Сибири и развитие этнокультур Прикетья (V в. до н.э. – XVII в.)//Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 36-48

[4] *Боброва* А.И., *Рыкун* М.П. Опыт использования археологических и антропологических источников в изучении коренного населения Западной Сибири// Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: Сб. материалов Всероссийской конференции / Под ред. Г.В. Майера. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2008. С. 234-238.

[5] *Боброва*А.И., *Рыкун* М.П., *Тучков* А.Г., *Чернова* И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.): монография. Томск: Изд-во Том.гос.пед. ун-та, 2016. 278с.

[6] *Бужилова* А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН-РГНФ, 1995. 189с.

[7] *Добровольская* М.В. Человек и его пища = Manandhisfood. М.: Науч. мир, 2005. 368с.

[8] *Костров* Н.А. Нарымский край 60 лет тому назад// Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск: Типография Губернского Управления, 1871. Отдел 4. Гл.5. С. 250-260.

[9] *Медникова* М.Б. Данные антропологии к вопросу о социальных особенностях и образе жизни населения восточного бассейна р. Маныч в эпоху бронзы (по материалам из раскопок могильника Чограй IX) // Вестник антропологии. 2006. Вып. 14. С. 41-51.

[10] Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 354 с.

[11] *Рыкун* М.П., *Боброва* А.И. Специфика антропологических источников и проблемы их сохранения и использования в комплексных исследованиях // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: Сб. материалов Всероссийской конференции / Под ред. Г.В. Майера. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2007. С. 109-114.

[12] *Рыкун* М.П., *Кравченко* Д.Г., *Кравченко* Г.Г. Антропологические источники и информационные технологии в изучении коренного населения Сибири // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: Сб. материалов Всероссийской конференции/ Под ред. Г.В. Майера. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2008. С. 246-251.

[13] *Селье* Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медгиз, 1960. 105с.

[14] *Тур* С.С., *Рыкун* М.П. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования//Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-воАлт.ун-та, 2006. С. 137-152.

[15] *Goodman*A.H., *Martin* D.L., *Armelagos* G.J. Indications of stress from bone and teeth//Paleopathology at the origins of agriculture. London: Orlando, 1984. P. 13-44.

[16] *Goodman*A.H., *Brook* R.T., *Swedlung* A.G., *Armelagos* G.J., Boicultural perspectives on stress in Prehistoric, Historical and Contemporary Population Research //Yearbook of Physical Anthropology. 1988. V.31. P. 169-202.

УДК 930

Проекты инкорпорации коренного населения Сибири в российский социум в дискурсе сибирского областничества*

Чуркин Михаил Константинович
Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, Россия.
proffchurkin@yandex.ru
https://orcid.org / 0000-0002-1122-0928

АННОТАЦИЯ В статье на материалах эпистолярного и научно-публицистического наследия лидеров сибирского областничества выявлены конструируемые авторами проекты инкорпорации коренного населения Сибири в российский социум во второй половине XIX – начале XX вв. В ходе исследования установлено, что представления областников о Сибири как колонии в составе России, актуализировали в их переписке, публицистике и научных трудах тему ограничения прав и экономического потенциала как коренного, так и русского населения в реализации имперского колонизационного проекта. По мнению сибирских либералов, преодоление такого положения вещей было возможно не только средствами распространения земледельческих практик, но, главным образом, при условии широкой просветительской и образовательной работы среди индигенных народов и русских переселенцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА сибирскоеобластничество, дискурс, коренное население, российский социум

Продвижение Российского государства к восточным окраинам, определяемым властью в качестве «своих территорий» и охватившее продолжительный исторический отрезок (конец XVI – начало XX вв.), сопровождалось выстраиванием сложной системы административных мероприятий и культуртрегерских действий, направленных на инкорпорацию территорий и населения периферийных регионов в общеимперское пространство. По утверждению исследователей, специфика отечественного варианта освоения и присвоения «собственного Востока России», во многом определялась тем, что в Сибири русская и аборигенная цивилизации развивались не параллельно и обособленно друг от друга, а находились в постоянном взаимодействии и коммуникации [6, с. 227].

В этой связи отметим, что имперский опыт и практики внутренней колонизации Сибири и прилегающих территорий во второй половине XIX – начале XX вв. стали предметной сферой общественно-политического дискурса, репрезентировавшего различные, зачастую противоположные представления о вариантах инкорпорации окраинных пространств и населявших их индигенных народов. Сторонники национал-консервативной (охранительной) позиции, отталкивались от идеи имперской безопасности, настаивая на том, что «только та земля является русской, где прошёл плуг её пахаря», а коренное население окраин, как западных, так и восточных, должно подвергнуться максимальной русификации. Адепты либерализма, напротив, были склонны воспринимать восточные окраины в качестве российской колонии в экономическом, политическом и культурном отношении, которая нуждается в патерналистском участии со стороны метрополии и, на основаниях опеки, постепенном и продуманном встраивании Сибири и её народов в социальную ткань России.

Данная позиция рельефно оказалась запечатлена в дискурсе сибирского областничества, площадками трансляции которого стали эпистолярные и научно-публицистические тексты лидеров движения – С.С. Шашкова, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Именно на страницах своих произведений сибирские областники репрезентировали проекты и сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в контексте колонизационного процесса второй половины XX – начала XX вв. В этой связи, обращение к трудам областников не только

открывает перспективы деконструкции дискурса колонизации и выявления спектра проектов, зафиксировавших представления сообщества о вариантах встраивания автохтонных групп населения в российский социум, но и демонстрирует вероятные пути сотрудничества власти и общества по политической организации имперского пространства в обстоятельствах этнокультурного многообразия.

Заявленная тема, именно в аспекте выявления проектов инкорпорации коренного населения в общественно-политическом дискурсе областничества, в отечественной историографии специально не рассматривалась. При этом, нельзя не признать наличие устойчивого интереса исследователей к проблеме организации политики населения в периферийных регионах России [1; 3; 10]. Принципиальное значение для работы имеют вывода А.М. Эткинда, основанные на тщательном изучении историографической традиции российской колонизации как внутреннего процесса, восходящей к трудам А. фон Гакстгаузена, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и Ф. Тёрнера. А. Эткинд, ссылаясь на выводы Ф. Тёрнера [7] и сопоставляя освоение американского фронтира и русскую колонизацию, пишет: «у американского фронтира и русской колонизации – разные топологии: первый непрерывен...; вторая оставляла разрывы, карманы и складки» [11, с. 95]. По логике А. Эткинда «...хотя на разных участках огромной границы внешней колонизации России возникало множество зон, где колонизаторы сотрудничали, соперничали и гибридизировались с колонизуемыми, эти смешанные культуры были локальными, сильно различались между собой и далеко отстояли друг от друга во времени и пространстве» [11, с. 95]. На наш взгляд, в этой «складчатой» системе, слабо восприимчивой к освоению, периодически возникали условия, определявшие логику власти и общества в инородческой политике, что фиксировалось в текстах эпохи, становясь до определенной степени руководством к действию для империи.

«Инородческий», наряду с сюжетами о колониальности Азиатской России, ссылке, строительстве сибирской железной дороги, открытии университета и переселенческом движении, являлся одним из функциональных и значимых в политической программе областничества как либеральной идеологии и интеллектуального движения.

Участие областников в обсуждении «инородческого» вопроса в Сибири, а также разработки проектов инкорпорации автохтонов опиралось на долгосрочную исследовательскую традицию отечественной этнографии, становление и развитие которой А.В. Головнёв определил как отклик на колониальную практику России начала XVIII в.[2, с. 7]. Очевидно, что накопление этнографического материала о народах Российской империи вообще и азиатского её сегмента, в частности, открывало широкие перспективы не только для серьёзной аналитической экспертизы этнокультурного и этноконфессионального своеобразия коренных народов Сибири, но и разработку моделей встраивания их в региональный социум, с опорой на сложившиеся практики государственного патернализма с одной стороны, и учётом аккультурационного потенциала индигенного населения, с другой.

Последний пункт, ориентированный в сферу решения национального вопроса, в представлениях сибирских областников, во многом актуализировался их непосредственной связью с Сибирью как местом рождения и общественно-политической деятельности в обстоятельствах полиэтничного состава населения, интенсивных межэтнических, межкультурных и межрелигиозных контактов, предполагавших разные исходы: метисацию,ассимиляцию, аккультурацию. Эскалация областнического дискурса инкорпорации коренного населения Западной Сибири, происходила в условиях благоприятного общественно-политического и социокультурного фона демократических реформ 1860-х – 1870-х гг. и влияния федералистской теории, активными разработчиками и популяризаторами которой являлись Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, сыгравшие значительную роль в формировании мировоззрения молодых сибирских патриотов.

К основным «площадкам» формулирования теоретических основ и репрезентации

«инородческого» вопроса в идеологии областников, а также потенциальных сценариев межкультурной коммуникации индигенного и русского населения Сибири в контексте колонизации, в исследуемый период принадлежали: периодические издания (газеты и журналы) либерального толка, личная переписка лидеров сибирского областничества, отчёты по результатам экспедиций под эгидой ЗСОИРГО, отдельные авторские труды монографического характера, запечатлевшие сформулированные областниками выводы по состоянию «инородческой» проблематики в продолжительной исторической ретроспективе и возможных вариантах решения вопроса в обозримом будущем.

Приоритет в исследовании «инородческого» вопроса как составляющего элемента идейно-политической программы сибирского областничества, воплотившийся в смещении акцентов от этнографического описания автохтонов Сибири к рефлексии сценариев их культурного сближения с русскими переселенцами, аккультурацией и инкорпорацией в российский социум принадлежал С.С. Шашкову, по убеждению которого переход к оседлому образу жизни индигенных народов империи, принятие конвенций земледельческой культуры, может рассматриваться как фактор их постепенной интеграции в российский социум и новую этническую конфигурацию – сибирско-инородческий тип русского народа. Самая значительная публикация С.С. Шашкова, в которой были озвучены представление автора о содержании «инородческого» вопроса и исходном сценарии его решения в Сибири, была размещена на страницах общественно-политического журнала либеральной направленности «Дело» в 1867 г. В центре исследовательской оптики С.С. Шашкова оказались вопросы, иллюстрирующие формы экономической эксплуатации коренного населения Сибири, организации быта и семейных отношений автохтонов, санитарное состояние жилищ, демографию, их нравы в связи с влиянием русского колониального элемента. Комментируя сложившиеся в XVIII – первой половине XIX вв. практики администрирования в отношении всех групп населения, Шашков приводит яркие примеры произвола региональной администрации, подчёркивая: «Если так поступали с русскими, даже со значительными чиновниками, то можно себе представить, каково было положение «инородцев», к которым относились как к покорённому и, следовательно, подневольному племени» [8, с. 266]. По мнению С.С. Шашкова, продуктивное решение «инородческого» вопроса в Сибири не может быть обеспечено мерами экономической и административно-политической поддержки коренных народов до тех пор, пока не произойдут качественные перемены в культурном облике русского сегмента сибирского общества и окажутся изжитыми нравственные его недостатки, «благодаря которым сибиряки всех сословий так энергично эксплуатируют «инородцев» [9, с. 27]. Резюмируя, С.С. Шашков полагал, что единственным сценарием, в рамках которого возможно относительно безболезненное включение коренных народов в сибирский социум, станет распространение образования и основ гуманной нравственности в среде сибиряков. Без этих благодетельных факторов, полагал С.С. Шашков, счастье народов останется безумной мечтой [9, с. 27].

Общий подход к состоянию «инородческой» проблемы как ситуации насилия и дискриминации, сформулированный С.С. Шашковым, был воспринят, творчески переосмыслен и существенно дополнен в эпистолярном, публицистическом и научном наследии Н.М. Ядринцева. Предметом пристального анализа Н.М. Ядринцева стали вопросы взаимодействия русского и «инородческого» населения, а также влияния культуры и просвещения на межэтническую коммуникацию. Накопленный в ходе экспедиций и переосмысленный на теоретическом уровне этнографический материал, позволил Н.М. Ядринцеву охарактеризовать этнокультурную ситуацию в Сибири, выведя её научную рефлексию за трафаретные рамки национал-консервативного и либерального дискурсов, постулировавших только крайности: культурную ассимиляцию «инородцев» как абсолютное благо для «охранителей» - русификаторов и физическое вымирание как этническую катастрофу для умеренной и радикальной

интеллигенции. Н.М. Ядринцев констатировал, что русское население, оказавшись в одном коммуникационном пространстве с «инородцами», «оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию» [12, с. 175]. Исследователь пришёл к заключению о существовании в Сибири двух тенденций метисации населения: обрусения части коренных народов, объясняемом их брачными связями с русскими женщинами и привнесением своих национальных признаков в русскую среду, а также обратного процесса «обынородчивания» русского населения, полагая, что данное явление позитивно, поскольку способствует установлению прочных коммуникационных связей в экономической и культурной жизни [12, с. 180].

Учитывая логику этнокультурной миксации в Сибири, Н.М. Ядринцев полагал, что продуктивность инкорпорации коренного населения может быть обеспечена только при активном участии в данном процессе государства и общества: просвещение и образование как индигенного, так и русского населения, лидер сибирских областников считал первостепенной задачей на восточных окраинах империи [12, с. 233]. При этом, Н.М. Ядринцев важное значение придавал не только просвещению и образованию в русской и «инородческой» среде как «площадкам» коммуникации и сотрудничества групп, но и равноправному включению представителей индигенного населения в интеллектуальную сферу деятельности – научную экспертизу территорий Азиатской России, изучение её этнографической карты, быта и повседневности народов [13, с. 157].

Тема формирования и аккультурации индигенной интеллигенции, в аспекте конструирования проектов инкорпорации автохтонов Сибири, получила развитие в литературно-публицистической и научной рецепции Г.Н. Потанина.

Солидаризируясь с Н.М. Ядринцевым в вопросе о разработке антиориенталистского понимания культуры автохтонов, основанном на передовых колониальных теориях, Г.Н. Потанин писал своему единомышленнику: «Не знаю, сделаю ли что-нибудь с инородческим вопросом. Очень, кажется, не хлебно. Я, однако ж, выписал Герланда о вымирании рас. В «Zeitschrift fiir Ethnologie» я нашел беглую заметку, что будто дикари северо-западного берега (Соединенных штатов Северной Америки), быстро усваивают европейскую культуру и вовсе не рассчитывают вымирать. Подобные случаи «невымирающих дикарей» наиболее важны. Я бы желал, чтобы можно было написать статью: «Невымирающие дикари», добавляя, что «при исследовании инородческой среды важнее, чем во всякой другой среде, проникнуть в дух народа, узнать его живую душу, изучить нравы, обычаи и миросозерцание этого народа, воспитанное веками. Необходимо в инородце видеть человека, полюбить его, а не видеть в нём одного варвара. На эту точку зрения не мог стать ни прежний завоеватель, ни торговец, ни бюрократ-чиновник, занятый внешними регламентаторско-административными проектами» [4, с. 63].

Выстраивая сценарную модель межкультурных контактов русских и индигенных народов, Г.Н. Потанин подчеркнул необходимость интеграции автохтонной аристократии в российский социум через систему «низшие школы – высшие школы – университет» [5, с. 66-67]. По убеждению Потанина, в недрах сибирского общества, формировавшегося в обстоятельствах этнокультурной мозаичности, изначально присутствовала тенденция к коммуникативному контакту русского и инородческого населения, их культурной близости, что, полагал Г.Н. Потанин, нуждается в постоянной репрезентации, с использованием таких площадок как публицистика и художественная литература. Обращаясь в свойственной ему шутливой манере к Н.М. Ядринцеву, Г.Н. Потанин вопрошал: «Не измыслим ли мы втроем, купно с Андреем Павловичем, рассказца из прииртышской жизни? Нужно гуманизировать наших пионеров; изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза, - факт, который у нас на Иртыше не редкость [4, с. 89].

Размышляя о перспективах Сибири как продукта совместных усилий русского и индигенного сегментов населения региона, Г.Н. Потанин особо подчёркивал изменения

в акцентах исследовательской работы, произошедшие во второй половине XIX в., что во многом было связано с деятельностью ЗСОИРГО. Областник констатировал, что этнографическое поле Сибири в этот период начинает осваиваться не столько в контексте описания обычаев и факторов бытового устройства коренного населения, сколько с целью выяснения экономических возможностей кочевого хозяйства, перспектив его переформатирования в оседлое производство и интеграции с русским крестьянским земледелием [4, с. 96].

Подводя общий итог, отметим, что представления лидеров областничества о проектах инкорпорации индигенного населения Сибири формировались в течение длительного исторического периода, отражая процесс эволюции политической и культурной программы сибирских либералов.

«Инородческий» вопрос в идеологии и дискурсе сибирского областничества был тесно связан с «русским» вопросом, а встраивание аборигенов в российский социум рассматривалось умеренными либералами как фактор продуктивной экономической и социально-политической колонизации восточных окраин империи. Для лидеров сибирского областничества, имперская политика населения в обстоятельствах фронтира, представлялась эффективной только при условии культурной инкорпорации и совместной деятельности этно-локальных сообществ. На этом основании, главным посылом, озвученным в эпистолярных и научно-публицистических текстах лидеров областничества, являлось культуртрегерство в отношении как индигенных народов, так и русского сегмента населения региона. При этом, в ранних трудах областников, очевидно превалировала «разоблачительная» риторика, иллюстрирующая бедственное положение в Сибири как русских переселенцев, так и автохтонов. Статус индигенных народов, повсеместно определялся ими в словесных формулах «обнищание» и «вымирание», преодоление которых виделось возможным только при переходе к оседлости и земледельческим практикам. В дальнейшем, представления областников о вариантах решения «инородческого» вопроса в Сибири значительно усложнилось. В проектах аккультурации и инкорпорации коренного населения, на первый план вышли задачи просветительского и образовательного характера, а также формирования национальной интеллигенции, которая позиционировалась областниками как актор трансляции европейской культуры и знания.

Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»; The work was supported in the framework of «Priority-2030» by the Altay State University

Список литературы

[1] *Айзикова И.А., Макарова Е.А.* Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860-1890-х гг.: проблема диалога. Томск, 2009. 266 с.

[2] *Головнёв А.В.* Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6-39.

[3] *Коваляшкина Е.П.* «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.

[4] *Письма Г.Н. Потанина*. Т.1. Иркутск, 1987. 280 с.

[5] *Потанин Г.Н.* Инородческий вопрос в Сибири // Избранное. Томск, 2014. С.62-69.

[6] Сибирь в составе Российской империи // Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М.: НЛО, 2007. 368 с.

[7] *Тёрнер* Ф. Фронтир в американской истории. М., 2009. 304 с.

[8] *Шашков* С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Дело. 1867. № 10, отд. 1. С. 232-266.

[9] *Шашков* С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Дело. 1867. № 10, отд. 2. С. 1-27.

[10] *Шиловский* М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004. 240 с.

[11] *Эткинд* А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. 448 с.

[12] *Ядринцев* Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. 336 с.

[13] *Ядринцев* Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Биосоциальная природа человека как потенциал адаптации в условиях глобальных вызовов

УДК 394.9, 613.87

Адаптируемся ли мы к covid-19? Динамика изменений агрессивного и тревожного поведения на фоне пандемии

БурковаВалентина Николаевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.
burkovav@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4777-0224

Бутовская Марина Львовна
Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.
marina.butovskaya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5528-0519

АННОТАЦИЯ В статье представлены результаты исследования, проведенного во время пандемии COVID-19 среди студентов г.Москвы. На выборке в 1344 чел., собранных в течение трех волн пандемии, представлена динамика изменений агрессивного и тревожного поведения на фоне COVID-19. Анализ полученных данных указывает на то, что студенты адаптируются к стрессу, возникшему на фоне пандемии: наблюдается постепенное снижение тревожности по мере привыкания к пандемии, от волны к волне уровень агрессии снижается.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА COVID-19, пандемия, агрессия, тревожность, студенты.

11 марта 2020 г. ВОЗ официально объявила пандемию COVID-19 (SARS-CoV-2). После этого заявления страны приступили к реализации государственной политики по сокращению распространения вируса, включая самые разнообразные ограничения – карантин, социальная дистанция, использование средств защиты, перевод обучающихся на онлайн-образование, закрытие культурных, досуговых и спортивных заведений, ограничения совместного пребывания по количеству людей и другие. В таких условиях людям приходилось принимать решения в новых условиях существования, обусловленных увеличением социальной дистанции общения и значительным уменьшением «живых» контактов между людьми в целом, переходом этих контактов в онлайн-пространство.

Проведенные за время пандемии исследования показывают, что уровень тревоги и стрессированности населения в разных странах увеличился на фоне эпидемии как вследствие самой болезни и страха инфицирования, так и по причине вынужденной социальной изоляции, карантина, одиночества, экономических и семейных проблем[1-11]. Исследования агрессивного поведения во время COVID-19 носят довольно противоречивый характер – в одних работах показано, что во время карантина и ограничения передвижений уровень агрессивности повышался, например, в США [12]и в России [13], а в других странах, напротив, снижался, например, в Китае [14]. Это может быть связано как с периодом проведения исследования, так и с культурными и социальными различиями в использовании самих стратегий агрессивного поведения, а также их ситуативного использования (см., например, [15]).

В данном исследовании были собраны данные среди студентов г. Москвы в течение трех волн пандемии COVID-19. Общая заболеваемость и смертность от COVID-19 была одна из самых максимальных в Москве, что позволило нам предположить, что уровень стресса будет также высок. Общая выборка исследования составила 1344 человек и была собрана в три этапа в течение трех волн пандемии COVID-19: 1 волна – основной

массив данных собран в мае 2020 г. (медиана – 5 мая 2020); 2 волна – основной массив данных собран в декабре 2020 г. (медиана – 7 декабря 2020); 3 волна – основной массив данных собран в мае-июне 2021 г. (медиана – 28 мая 2021). Сбор материала в целом соответствует датировкам волн, указанным Роспотребнадзором. Для проведения опроса была использована специально созданная Google-форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов, размещенная в сети Интернет. Для оценки уровня тревожности был использован опросник ситуативной тревожности Ч. Спилбергера в модификации и адаптации Ю. Л. Ханина, описывающих тревожность как эмоциональное состояние, возникающее в виде реакции на стресс [16]. Для оценки выраженности форм агрессивного поведения был применен опросник Басс-Перри, который включает четыре шкалы: физическая и вербальная агрессия, гнев, враждебность [17]. Цель работы – исследование динамики изменения уровня тревожности и агрессии во время пандемии COVID-19 среди студентов г. Москва.

Анализ полученных данных демонстрирует, что динамика изменения уровня тревожности в московской выборке на фоне COVID-19 имеет тенденцию к снижению тревожных состояний у респондентов от 1-ой к 3-ей волне, что говорит о том, что люди адаптируются к стрессовым условиям. При распределении уровня ситуативной тревожности по степени выраженности (высокий – умеренный – низкий) доля наиболее тревожных респондентов (высокий уровень СТ) была максимальной во время первой волны COVID-19 (19,83%), с каждой волной количество тревожных респондентов снижалось (15,34% во время второй волны и 11,32% во время третьей волны), хотя пока не достигло допандемийного уровня. Данные о снижении уровня тревожности во время пандемии в целом согласовались с теми работами, которые уже были проведены в мире [2, 18]. Таким образом, по имеющимся на настоящий момент данным, наблюдается повышение симптомов тревожности на фоне COVID-19 по сравнению с допандемийными данными, и постепенное их снижение по мере привыкания к пандемии.

Анализ динамики изменения агрессивного поведения во время COVID-19 показал, что за исключением гнева, уровень всех шкал агрессивного поведения (физическая и вербальная агрессия, враждебность) снизился за время пандемии COVID-19, более того, уровень агрессии до пандемии был наиболее высокий. Что касается гнева, у московских студентов допандемийный уровень и уровень первой волны значимо не отличались. Предыдущие исследования агрессивного поведения во время COVID-19 носят противоречивый характер и сделаны, в основном, во время первой изоляции. Наше исследование затрагивает более обширный временной период и показывает, что от волны к волне уровень агрессии снижается, таким образом неправильно экстраполировать выводы по первым периодам пандемии на весь период ее течения. Важно отметить, что в то же время в период пандемии, по нашим данным, и данным других авторов, наблюдается повышение альтруизма, эмпатии и кооперации, что в свою очередь может снижать уровень агрессии [15;19]. На уровень агрессии могут влиять самые разные факторы, связанные с COVID-19, например, жесткость вводимых ограничений, продолжительность пребывания дома, доступ к каким-либо ресурсам, доступность социальной поддержки, употребление алкоголя или наркотиков, просмотр СМИ, политическая ситуация в стране, снижение доходов, семейное положение и наличие детей, и другие. Например, исследование, проведенное в Германии с 1 октября 2020 г. по 28 февраля 2021 г. показало увеличение уровня агрессии на фоне пандемии, что ученые связывали с ужесточением ограничительных мер и снижением доходов населения [15; 20]. Изменения агрессивного поведения американцев на фоне пандемии с 9 апреля 2020г. по 11 сентября 2020 г. было связано не столько с влиянием самого COVID-19, как с социальными волнениями и политическими беспорядками [12].

Полученные данные вносят весомый вклад в изучение психологических и поведенческих последствий на здоровье человека вследствие стресса глобального

масштаба (пандемии COVID-19). Результаты работы могут иметь прикладной характер и быть использованы при разработке рекомендаций в области профилактического поведения в условиях COVID-19.

Благодарности:исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60186. Авторы выражают благодарность всем студентам, принявшим участие в данном исследовании.

Список литературы

[1] *Буркова В.Н., Каспарова Е.Н., Бутовская М.Л.* Тревожность и агрессия в условиях COVID-19: половые и культурные различия (на примере Минска и Москвы) // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2021. Т. 12. № 4. С. 580-596. doi:10.34883/PI.2021.12.4.001

[2] *Bendau A., Plag J., Kunas S., Wyka S., Stro'hle A., Petzold M.B.* Longitudinal changes in anxiety and psychological distress, and associated risk and protective factors in the COVID-19 pandemic in Germany // Brain and Behavior. 2020. Vol. 11. Is. 2. No e01964. doi: 10.1002/brb3.1964

[3] *Berta A., Ángel C.M., Clara G.S., Manuel M.* The psychological impact of six weeks of lockdown as a consequence of COVID-19 and the importance of social support: a cross-cultural study comparing Spanish and Russian populations // Psychology in Russia: State of the art. 2020. №13(4). P. 89-105. doi:10.11621/pir.2020.0406

[4] *Brailovskaia, J., Cosci, F., Mansueto, G., Miragall, M., Herrero, R., Baños, R. M., ... and Margraf, J.* The association between depression symptoms, psychological burden caused by Covid-19 and physical activity: An investigation in Germany, Italy, Russia, and Spain // Psychiatry Res. 2021. Vol. 295. N 113596. doi:10.1016/j.psychres.2020.113596

[5] *Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J.* The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. Pp. 912–920. doi:10.1016/S0140-6736(20)30460-8

[6] *Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., Fedenok J.N., Ahmadi K., Alghraibeh A.M.,* et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // Sustainability. 2021. Vol. 13: 4017. doi:10.3390/su13074017

[7] *Cao C., Li N., Liu L.* Do national cultures matter in the containment of COVID-19? // International Journal of Sociology and Social Policy. 2020. Vol. 1.

[8] *Kowal M., Coll-Martín T., Ikizer G., Rasmussen J., Eichel K., Studzińska A., ... & Ahmed O.* Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2020. Vol. 12(4). Pp. 946-966. doi:10.1111/aphw.12234

[9] *Mækelæ M.J., Reggev N., Dutra N., Tamayo R.M., Silva-Sobrinho R.A., Klevjer K., Pfuhl G.* Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries // R. Soc. open sci. 2020. Vol. 7(8). No 200644 doi:10.1098/rsos.200644

[10] *Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M.* Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective // Sustainability. 2021. Vol. 13(3): 1110. doi:10.3390/su13031110

[11] *Yang Y., Li W., Zhang Q., Zhang L., Cheung T., Xiang Y.T.* Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak // Lancet. Psychiatry. 2020. Vol. 20. No 30079-1. doi:10.1016/S2215-0366(20)30079-1

[12] *Killgore W.D.S., Cloonan S.A., Taylor E.C., Anlap I., Dailey N.S.* Increasing aggression during the CoViD-19 lockdowns // Journal of affective disorders reports. 2021. No 100163. doi:10.1016/j.jadr.2021.100163

[13] *Klimovich-Mickael A., Kubick N., Milanesi E., Dobre M., Łazarczyk M., Wijas B., Sacharczuk M., Mickael M-E.* Trends of Anger and Physical Aggression in Russian Women During COVID-19 Lockdown // Front. Glob. Womens Health. 2021. Vol. 2. No 698151. doi:10.3389/fgwh.2021.698151

[14] *Zhang Y., Zhang H., Ma X., Di Q.* Mental health problems during the COVID-19 pandemics and the mitigation effects of exercise: a longitudinal study of college students in China // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17(10). No. 3722. doi:10.3390/ijerph17103722

[15] *Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., Donato S. Fedenok J.N.* et al. Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 7431. doi:10.3390/su13137431

[16] *Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л.* Исследование тревожности // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. И.Б. Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 124-126.

[17] *Buss A.H., Perry M.* The Aggression Questionnaire // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 63 (3). P. 452-459. doi:10.1037/0022-3514.63.3.452

[18] *Twenge J.M., Joiner T.E.* U.S. Census Bureau-assessed prevalence of anxiety and depressive symptoms in 2019 and during the 2020 COVID-19 pandemic // Depression and Anxiety. 2020. Vol. 37. Is. 10. Pp. 954-956. doi: 10.1002/da.23077.

[19] *Capraro V., Boggio P., Böhm R., Perc M., Sjåstad H.* Cooperation and acting for the greater good during the COVID-19 pandemic // https://psyarxiv.com/65xmg 2021. doi: 10.31234/osf.io/65xmg

[20] *Abreu L., Koebach A., Díaz O., Carleial S., Hoeffler A., Stojetz W., Freudenreich H., Justino P., Brück T.* Life With Corona: Increased Gender Differences in Aggression and Depression Symptoms Due to the COVID-19 Pandemic Burden in Germany // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. No 689396. doi:10.3389/fpsyg.2021.689396.

УДК: 572.02, 572.08,572.7

Спонтанная мимическая реакция на демонстрацию гнева у тувинцев-эрзинцев

Мезенцева Анна Александровна
Стажёр-исследователь Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.
a.mezentseva@iea.ras.ru, ORCID ID: 0000-0001-6149-8971

Ростовцева Виктория Викторовна
Кандидат биологических наук, младший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.
victoria.v.rostovtseva@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-1846-9865

Бутовская Марина Львовна
Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.
marina.butovskaya@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-5528-0519

АННОТАЦИЯ В исследовании рассматриваются половые различия в эмоциональных реакциях тувинцев на гневное выражение лица представителей своей популяции. Результатами предыдущего исследования этой же популяции было показано, что мужчины превосходят женщин в способности распознавать гнев на мужском лице [5]. Это результат не соответствует литературным данным, по которым женщины чаще превосходят мужчин в эмоциональном распознавании, в особенности негативных эмоций. Для уточнения причин наблюдаемого эффекта, в этой работе мы проанализировали эмоциональные мимические реакции тувинцев на фотографии, демонстрирующие выражение гнева. Мимические реакции воспринимающих регистрировались видеозаписями, которые впоследствии декодировались и анализировались в системе распознавания эмоций «FaceReader». Настоящая работа является первым в мире исследованием по изучению спонтанных эмоциональных реакций у народов Южной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА распознавание эмоций, половые различия, гнев, мимика, тувинцы

В недавнем исследовании был обнаружен нехарактерный вариант половых различий в распознавании эмоциональных выражений лица. Женщины из эрзинской группы тувинцев хуже, по сравнению с мужчинами, распознавали выражения гнева на лице мужчин из совей популяции (тувинцев) [5]. Выявленный эффект не согласуется с литературными данными по другим популяциям, в соответствие с которыми женщины чаще превосходят мужчин в эмоциональном распознавании, в особенности негативных эмоций [7;9]. Целью настоящей работы было уточнить полученный эффект, проанализировав половые различия в спонтанных эмоциональных реакциях тувинцев на демонстрацию гнева.

Способность человека эмоционально реагировать на мимику других людей является адаптацией, направленной на установление социальных связей и успешной коммуникации между индивидами [1]. Считается, что эту способность обеспечивает нейронный механизм – система зеркальных нейронов. Реакция на эмоциональную мимику может выражаться в имитации, что позволяет лучше понять действия и намерения других [6], в том числе, повторяя выражения их лица. В литературе эта реакция известна как подражание мимике (facialmimicry) и обнаруживается как как у людей, так и у приматов [3]. Ранее, склонность воспринимающих воспроизводить эмоциональное выражение лица собеседника считалась автоматической [2], однако, в настоящее время накапливаются доказательства того, что эмоциональные реакции могут сдерживаться рядом контекстно-обусловленных факторов [4]. К примеру, эмоциональная

экспрессивность и подражание и более характерны для индивидов, склонных к эмпатии, соответственно для женщин, нежели мужчин, и чаще проявляется в коммуникации с более знакомыми людьми [8].

В настоящем исследовании мы фиксировали, декодировали и анализировали мимические реакции, возникающие у людей во время просмотра фотографий, демонстрирующих выражения гнева мужчинами тувинцами. Исследование проводилось среди представителей монгольской группы, тувинцев, постоянно проживающих на границе с Монголией в селе Эрзин и имеющих ограниченный контакт с европеоидным населением. В исследовании участвовали 67 человек: мужчины и женщины в возрасте от 18 до 45 лет. Стимульные фотографии, ввиду своей редкости, были созданы нами специально для настоящего проекта. По условиям эксперимента, участников просили догадаться о том, что испытывает человек на фотографии. Изображения предъявлялись по одному на экране компьютера, участники имели неограниченное время для просмотра. Все невербальные реакции оценивающих, возникшие при просмотре стимулов, фиксировались видеосъемкой с фронтальной камеры демонстрирующего компьютера. Так, для каждого человека было снято по 2 видео. Итоговый сет составил 134 видеодорожки. Далее, проявленные эмоции расшифровывались по мимическим движениям лица в системе распознавания эмоций «FaceReader», с использованием нейронной сети, обучавшейся на представителях азиатских популяций.

Анализ спонтанных реакций на выражения гнева позволил приблизиться к пониманию природы наблюдаемых половых различий в распознавании мимики гнева у тувинцев.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Списоклитературы

[1] *Chartrand T.L., Bargh J.A.* The chameleon effect: the perception–behavior link and social interaction //Journal of personality and social psychology. 1999. Vol. 76 (6). P. 893.

[2] *Dimberg U., Thunberg M., Elmehed K.* Unconscious facial reactions to emotional facial expressions //Psychological science. 2000. Vol. 11 (1). P. 86-89.

[3] *Ferrari P.F.* et al. Mirror neurons responding to the observation of ingestive and communicative mouth actions in the monkey ventral premotor cortex //European journal of neuroscience. 2003. Vol. 17 (8). P. 1703-1714.

[4] *Fischer A.H., Becker D., Veenstra L.* Emotional mimicry in social context: the case of disgust and pride //Frontiers in psychology. 2012. Vol. 3. P. 475.

[5] *Mezentseva, A. A., Rostovtseva, V. V., Ananyeva, K. I., Demidov, A. A., & Butovskaya, M. L.* Sex differences in emotional perception: evidence from population of Tuvans (Southern Siberia). URL: https://doi.org/10.31234/osf.io/bzad4 (датаобращения: 30.06.2022)

[6] *Gallese V., Keysers C., Rizzolatti G.* A unifying view of the basis of social cognition //Trends in cognitive sciences. 2004. Vol. 8 (9). P. 396-403.

[7] *Rahman Q., Wilson G. D., Abrahams S.* Sex, sexual orientation, and identification of positive and negative facial affect //Brain and cognition. 2004. Vol. 54 (3). P.179-185.

[8] *Seibt B.* et al. Facial mimicry in its social setting //Frontiers in psychology. 2015. Vol. 6. P. 1122.

[9] *Thompson A.E., Voyer D.* Sex differences in the ability to recognise non-verbal displays of emotion: A meta-analysis //Cognition and Emotion. 2014. Vol. 28 (7). P. 1164-1195.

УДК572.02, 572.08, 572.7

Эмоциональная окраска нейтрального лица человека: базовые эмоции и половые различия

Ростовцева Виктория Викторовна
Кандидат биологических наук, младший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.
victoria.v.rostovtseva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1846-9865

Бутовская Марина Львовна
Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.
marina.butovskaya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5528-0519

АННОТАЦИЯ В экспериментальном исследовании с применением анализа фото и видео материалов с помощью искусственной нейронной сети FaceReaderбыло установлено, что статичное нейтральное лицо человека несет следы его эмоциональной экспрессивности. Эмоциональная окраска нейтрального лица оказалась достоверно связанной с индивидуальной предрасположенностью демонстрировать те или иные эмоциональные выражения в ходе динамичной коммуникации, при этом мужчинам было свойственно запечатление следов гнева, грусти и удивления, а женщинам грусти, страха и отвращения. Исследование является первым в своем роде и вносит вклад в понимание механизмов невербальной коммуникации человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА лицо человека, мимика, невербальная коммуникация, распознавание эмоций, FaceReader, восприятие лица

Лицо человека является важным источником информации при визуальной коммуникации между людьми. Основная коммуникативная нагрузка приходится на динамичные мимические выражения, которые передают эмоциональное состояние человека[1]. Вместе с тем, статичное нейтральное лицо также задействовано в визуальной коммуникации, т.к. форма лица, цвет и качество кожи, цвет глаз несут информацию о происхождении, здоровье, гормональном статусе и даже поведенческих предрасположенностях человека[2-6; 8; 11; 12]. Нейтральное лицо человека способно вызывать у окружающих определенные ответные реакции. Одни лица воспринимаются как более агрессивные или доминантные, другие вызывают доверие и желание вступать в кооперацию[10; 11; 13]. Однако антропологическое исследование формы костных и мягких тканей не всегда способно описать морфологическую причину различий между такими лицами.

В настоящем исследовании была выдвинута гипотеза, что статичное нейтральное лицо человека может нести следы эмоциональных выражений, т.е. индивидуальной предрасположенности к определенной эмоциональной мимической экспрессивности. В докладе представлены результаты исследования связи формы нейтрального лица человека с его предрасположенностью демонстрировать те или иные базовые эмоции в ходе динамичной коммуникации.

В исследовании приняли участие 176 человек (89 мужчин, 87 женщин) европеоидного происхождения в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст 22 ± 2,5 года). Анализ мимических выражений шести базовых эмоций (радость, грусть, гнев, удивление, страх, отвращение)[7], запечатленных на видеозаписях, а также анализ следов этих эмоций на нейтральных фотографиях тех же людей проводился с помощью системы распознавания эмоций FaceReader (Noldus Information Technology), которая классифицировала и

оценивала интенсивность эмоциональных выражений лица на основе искусственной нейронной сети.

В нашем исследовании впервые было показано, что статичное нейтральное лицо несет следы эмоциональной мимики, которые отчасти определяются индивидуальной предрасположенностью человека демонстрировать те или иные эмоциональные выражения при динамичной коммуникации. Установлено, что мужские лица как на видеозаписях, так и на фотографиях были достоверно более эмоционально нейтральными, чем женские. Мужские и женские лица различались по степени запечатления эмоциональной мимики. Мужчинам было свойственно запечатление следов гнева, грусти и удивления, а женщинам грусти, страха и отвращения. Такие половые различия в запечатлении эмоций на статичном нейтральном лице отражают известные различия в особенностях мимической экспрессии между мужчинами и женщинами, наблюдаемые у представителей разных популяций по всему миру [см. мета-аналитический обзор: 9].

Таким образом, в результате исследования был описан дополнительный источник информации, присутствующей на нейтральном статичном лице человека в виде следов эмоциональных выражений, что вносит вклад в понимание механизмов восприятия внешности человека и визуальной коммуникации.

Благодарности

Доклад подготовлен в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, грант № 075-15-2022-328.

Список литературы

[1] *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004. 440 с.

[2] *Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Постникова Е.А.* Симметричность лица и выраженность полового диморфизма в его пропорциях у исанзу, традиционных земледельцев восточной Африки // Экспериментальная психология. 2015. №. 4 (8). С. 77-90.

[3] *Мезенцева А.А., Бутовская М.Л., Ананьева К.И., Демидов А.А.* Маскулинность лица: морфология и восприятие // Психологический журнал. 2021. №. 2 (42). С. 71-81.

[4] *Ростовцева В.В., Мезенцева А.А., Виндхагер С., Бутовская М.Л.* Лицо альтруиста: экспериментальное исследование просоциального поведения и морфологии лица бурят южной Сибири // Экспериментальная психология. 2021. №. 2 (14). С. 85-100.

[5] *Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А.* Лицо лидера: экспериментальное исследование среди бурят // Эволюция. 2022, в печати.

[6] *Butovskaya M.L., Mezentseva A., Mabulla A., Shackelford T.K., Schaefer K., Fink B., Windhager, S.* Facial Cues to Physical Strength Increase Attractiveness but Decrease Aggressiveness Assessments in Male Maasai of Northern Tanzania // Evolution and Human Behavior. 2022. Vol. 43 (2). P. 115-121.

[7] *Ekman P., Sorenson E.R., and Friesen W.V.* 1969. Pancultural Elements in Facial Displays of Emotion // Science. 1969. Vol. 164 (3875). P. 86-88.

[8] ***Kleisner K., Priplatova L., Frost P., Flegr J.*** Trustworthy-Looking Face Meets Brown Eyes // PloS One. 2013. Vol. 8 (1). P. e53285.

[9] *McDuff D., Kodra E., Kaliouby R. E., and LaFrance, M.* 2017. A Large-Scale Analysis of Sex Differences in Facial Expressions. PloS One 12 (4): e0173942.

[10] *Rezlescu C., Duchaine B., Olivola C.Y., Chater N.* Unfakeable Facial Configurations Affect Strategic Choices in Trust Games with or without Information about Past Behavior // PloS One. 2012. Vol. 7 (3). P. e34293.

[11] *Rostovtseva V.V., Mezentseva A.A., and Butovskaya M.L.* Perception of Emergent Leaders' Faces and Evolution of Social Cheating: Cross-Cultural Experiments //Evolutionary Psychology. 2022. Vol. 20 (1). P. 14747049221081733.

[12] *Stirrat M., Perrett D.I.* Valid Facial Cues to Cooperation and Trust: Male Facial Width and Trustworthiness // Psychological Science. 2010. Vol. 21 (3). P. 349-354.

[13] *Wilson R.K., and Eckel C.C.* 2006. Judging a Book by Its Cover: Beauty and Expectations in the Trust Game //Political Research Quarterly. 2006. Vol. 59 (2).

УДК 572.026

Глобальные вызовы: влияние урбанизации на кратковременные сексуальные отношения и последующие социальные связи у мужчи

Семенова Ольга Владимировна
Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.

Бутовская Марина Львовна
Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.

аннотация Теоретические модели адаптивного изменения стратегий в ответ на рост популяционной плотности прогнозируют усиление избирательности. С целью проверки данной гипотезы, в марте и январе 2019 и 2020 годах в российских социальных сетях был запущен анонимный онлайн-опрос, касающихся количественных аспектов сексуального общения современных россиян. Предполагалось, что с ростом численности населения в регионе проживания респондента, будет повышаться и индивидуальная половая избирательность. Выборка состояла из 799 взрослых россиян. Участники проживали в деревнях и городах с разной численностью населения. Обработка данных была проверена с помощью иерархических моделей в программной среде R. В результате было показано, что количество сексуальных партнёров у респондентов статистически значимо увеличились с ростом численности населения. Также было обнаружено, что число социальных контактов с представителями противоположного пола в праздники росло в наиболее густонаселённых местах проживания респондентов. При этом количество социальных контактов с половыми партнёршами, инициируемых мужчинами, оставалось почти постоянным во всех исследованных нами регионах. Это означает, что большая доля женщин в крупных городах не получают поздравлений от бывших половых партнёров, связь с которыми прерывается в течение года. Полученные данные указывают на то, что в более густонаселённых районах половые партнёры с течением непродолжительного времени с большей вероятностью прекращают общение. Исходя из дизайна нашего исследования, предсказанный более высокий уровень избирательности в наиболее урбанизированных районах у человека может обнаруживаться в посткоитальный период. Такая избирательность в полной мере провялятся и у мужчин.

ключевые слова половой отбор, выбор партнера, урбанизация, конфликт полов, родительски вклад

Введение

Встреча подходящего партнёра является залогом успешной репродукции индивида. Вероятность такой встречи, очевидным образом, тесно связана с параметрами популяционной плотности. Ведь общее число и доступность представителей противоположного пола оказывает непосредственное влияние на то, сколько времени будет затрачено на такой поиск, и состоится ли встреча вообще. Можно предположить, что при прочих равных условиях, когда среда изобилует потенциальными партнёрами и время поиска незначительное, индивид может располагать большим запасом времени на реализацию разноплановых задач, способствующих росту его приспособленности. Когда же, время, связанное с поиском, составляет значительный период, излишняя избирательность, а следовательно, и больший процент отвергнутых претендентов, могут иметь фатальные последствия для размножения и итоговой приспособленности индивида.

Так как основой параметр дарвиновского отбора – приспособленность может быть непосредственно связана с особенностями окружающей среды и временными запасами организма, предполагается, что индивид может адаптивно изменять свои репродуктивные стратегии, и, в частности, варьировать степень своей избирательности.

Теоретическое обоснование этого феномена, нашло отражение в теореме переключения стратегий – SPT концепция (англ. The SwitchPointTheorem; см. 1). Предполагается, что плотность популяции может становиться ключевым фактором, оказывающим существенное влияние на силу полового отбора. Согласно теоретическим прогнозам, основанным на теории SPT, ожидается, что с увеличением популяционной плотности происходит рост индивидуальной избирательности, так как тщательный выбор партнёра в такой среде сулит существенные выгоды, выраженные в терминах включённой приспособленности, а ожидаемые преимущества превосходят затраты, связанные с поиском достойного партнёра [1; 2]. С позиций классического понимания распределения половых ролей, рост такой избирательности ожидается, прежде всего, среди представителей женского пола.

С целью эмпирической проверки SPT теоремы в марте и январе 2019 и 2020 годах в российских социальных сетях был запущен анонимный онлайн-опрос о социосексуальном поведении современных россиян, включавший вопросы о том, сколько всего половых контактов было у респондента в течение последних 12 месяцев. Сколько всего поздравлений от мужчин, приуроченных к новогодним праздникам, а также к Международному женскому дню 8 Марта, было получено женщинами-респондентами, и сколько таких поздравлений было отправлено мужчинами-респондентами. При этом уточнялось, сколько из этих поздравлений было инициировано сексуальными партнёрами.

Предполагалось, что с ростом численности населения в регионе проживания респондента, будет повышаться и индивидуальная половая избирательность, то есть большее число социальных контактов с противоположным полом не будет завершаться сексуальным контактом.

Методы

Выборка состояла из 799 взрослых россиян. Участники проживали в деревнях и городах с разной численностью населения. Обработка данных была проверена с помощью программной среды R. Была применена смешанная логистическая регрессия с бинарным откликом, где исследовались сообщаемые респондентами 1343 сексуальных контакта на предмет дальнейшего установления длительной социально-эмоциональной связи между партнёрами. Для наглядной оценки итоговых изменений в количествах социосексуальных контактов населения в разных по численности жителей регионах также применялась обобщённая линейная модель с Пуассоновским распределением переменной отклика.

Результаты

Было показано, что количество сексуальных партнёров у респондентов статистически значимо увеличились с ростом численности населения. Количество социальных контактов с представителями противоположного пола в важные для межгендерной этики общения праздники росло в наиболее густонаселённых местах проживания респондентов. При этом статистически значимой разницы в темпах роста числа социальных и сексуальных контактов не было выявлено.

В то время как количество сексуальных контактов увеличилось пропорционально росту численности населения, социальные контакты с половыми партнёрами, инициируемые мужчинами в праздники, оставались почти постоянным в количественном выражении во всех изучаемых регионах, что указывает на некую константу, или даже предел, в количестве устанавливаемых мужчинами социоэмоциональных гетеросексуальных контактов. Пересекающиеся линии роста сексуальных связей и с трендом посткоитальных связей достоверно свидетельствуют о росте числа половых контактов, не завершающихся возникновением продолжительной эмоциональной связи в наиболее урбанизированных регионах (рис.1).

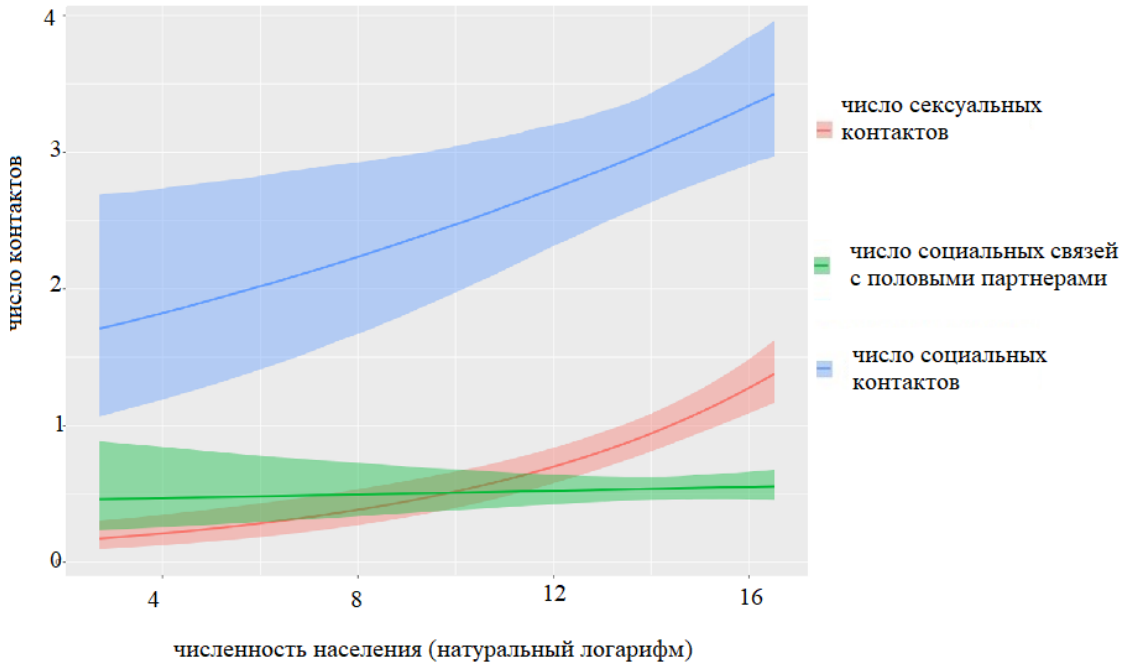

Рисунок 1. Динамическая модель численности индивидуальных социосексуальных связей в зависимости от численности населения в регионе проживания респондента

Мы также рассчитали вероятность возникновения продолжительных социоэмоциональных отношений в зависимости от возраста респондента и его места жительства, применив при расчётах методы смешанной логистической регрессии. Результаты показали, что шансы на создание пары с сексуальным партнёром снижаются по мере увеличения численности населения в регионе проживания респондента. Вероятность формирования продолжительной связи между половыми партнёрами снижается на 8% на единицу изменения численности населения (из-за особенности распределения популяционная плотность была логарифмирована; см. рис. 1 и рис. 2). В то же время с возрастом шансы на продолжительные отношения немного возрастают. При этом существенным фактором, оказывающим влияние на формирование посткоитальных связей, все же были индивидуальные особенности каждого респондента. Значимое влияние оказывали также пол респондента и время проведения опроса.

Выводы и обсуждения

Полученные данные указывают на то, что с большей долей вероятности половые партнёры с течением непродолжительного времени прекращают общение в наиболее крупных городах по сравнению с небольшими поселениями, так как именно в городах и мегаполисах существенный процент женщин констатировали разрыв связи с половым партнёром в течение 12 месяцев после сексуального контакта. Эта тенденция разрыва отношений наиболее характерна для молодого возраста. Очевидно, что в случае зачатия и при условии сохранения беременности женщиной, прекративший общение мужчина выбывает из участия в заботе о потенциальном потомстве. Здесь, посредством разрыва отношений или же, напротив, через формирование социально-эмоциональной связи с партнёршей, мы полагаем, и совершается репродуктивный выбор мужчины, выбор между заботой и отказом от заботы о потомстве. Принимая также во внимание факт того, что урбанизация сопровождается статистически значимым ростом числа сексуальных контактов, мы предполагаем, что у человека репродуктивный отбор может обнаруживаться не на стадии выбора потенциального полового партнёра, а уже в посткоитальный период. При этом избирательность в полной мере провялятся и у представителей сильной половины человечества.

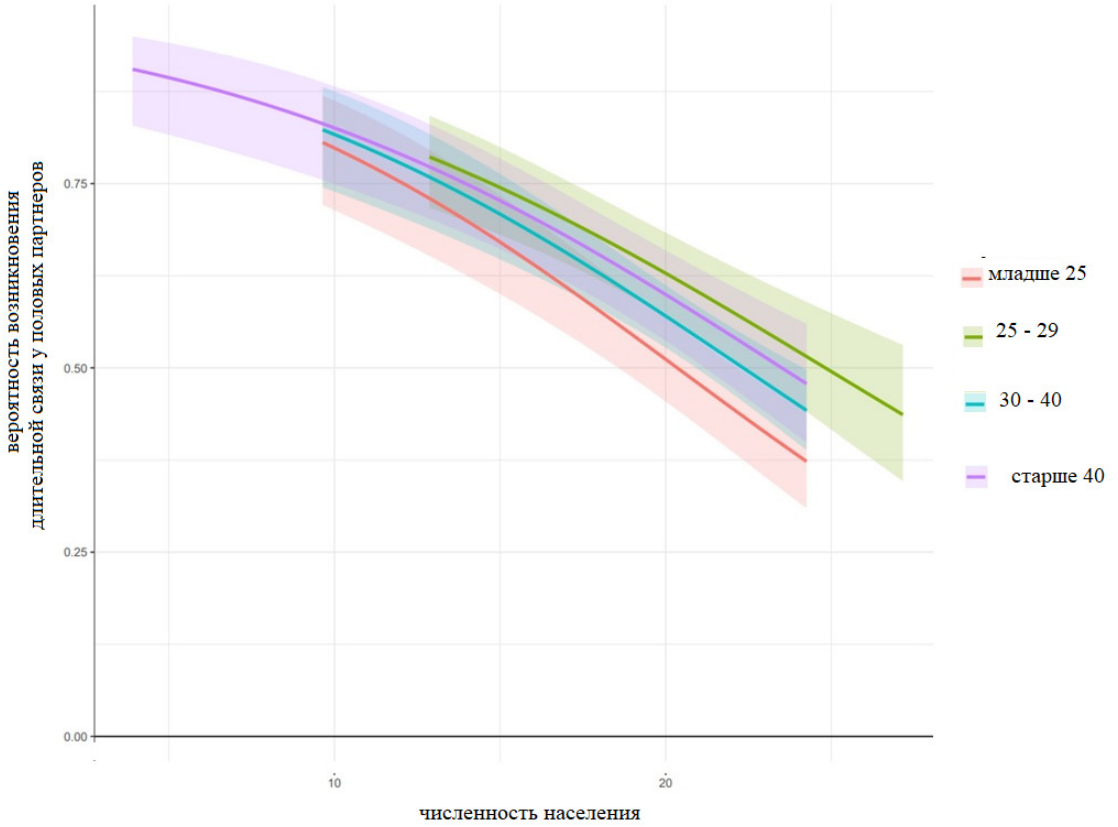

Рисунок 2. особенности формирования длительных отношений у сексуальных партнеров в четырех возрастных группах в зависимости от численности населения в месте проживания

Ограничения исследования

Дизайн предлагаемого исследования, направленный на количественный анализ общения россиян в праздники, во многом не учитывает особенности женского посткоитального выбора. Выраженность этого важного для полового отбора явления, безусловно, требует поиска альтернативных исследовательских подходов. Тем не менее на основе собранных в этом исследовании данных, можно с уверенностью констатировать факт снижения женской избирательности на стадии, предшествующей половой связи, в наиболее урбанизированных регионах.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Списоклитературы

[1] *Gowaty P.A., Hubbell S.P.* Reproductive decisions under ecological constraints: it's about time // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Т. 106. №. supplement_1. С. 10017-10024.

[2] *Kokko H., Rankin D.J.* Lonely hearts or sex in the city? Density-dependent effects in mating systems //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2006. Т. 361. №. 1466. С. 319-334.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Медицинская антропология перед новыми вызовами

УДК 614.2

Концептуальная схожесть лекарских практик в регионе Южная Сибирь – Кашмир

Баканова Марина Владимировна
International Care Medical Centre "Dua Hospital" Islamabad, Pakistan.
mari-ina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4389-8071

АННОТАЦИЯ С точки зрения истории, политики и экономики можно выделить самостийный и самодостаточный регион в рамках Южная Сибирь – Кашмир, который объединялся условиями высокогорного существования, родственными народами (как горными номадами, так и горными земледельцами), общностью культурного, религиозного и экономического развития. Это же может относится к общности лекарственных растений, животных и минеральных лекарственных средств региона, возможности их перемещения внутри него, общностью духовных подходов к врачеванию и в использовании сходных ритуальных практик. Соответственно регион Южная Сибирь – Кашмир не только представляет собой уникальный высокогорный регион, но и обладает общностью медицинских (лекарских) народных практик, зародившихся и развивающихся в условиях высокогорья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Высокогорная Азия, лекарские практики, духовно-мистические ритуалы, медицинская антропология, Центральная Азия.

Регион Азиатского высокогорья, иначе регион Южная Сибирь – Кашмир включает в себя такие территории, как Верховья Енисея, Алтай, Восточные регионы Казахстана и Кыргызстана, Вахан, Гилгит-Балтистан, Синьцзян, Кашмир. В принципе, по совокупности факторов в него можно также включить и Тибет, который несколько выделялся и стоял особняком на общем фоне. Его выделение стало возможным в связи с общностью географического положения, историко-культурного развития, социальным устройством, природных ресурсов, традиционной системой хозяйственной деятельности и др. В течение долгого времени данный регион не исследовался в целом. На это влияли такие факторы как: политический раздел между разными странами (СССР и потом постсоветское пространство, Китай, Пакистан, Индия), отсутствие доказанных фактов, подтверждающих политическое, экономическое и культурное взаимодействие населения в данном регионе и некоторые другие причины [8].

Формирование данного региона началось в далеком прошлом и во многом зависело от населяющих его высокогорных сельскохозяйственных общин, которые были связаны между собой системой горных перевалов и высокогорных кочевых племен, зачастую выполнявших роль объединяющего фактора и распространителя общих политических, экономических и культурных идей и циклично курсировавших внутри данного региона [18].

Выделение данного региона можно обосновать:

1. Единством территории: высокогорные системы Центральной Азии, условий проживания – высокогорье.

2. Единство этнокультурного своеобразия населения, которое диктуется как и естественными условиями проживания, так и во многом – общностью происхождения

3. Единство транспортных систем – по горным перевалам и долинам караванами или высокогорным кочевым образом жизни в направлениях Север-Юг, единство сырьевых связей – перемещением товаров в рамках транспортной системы, единство экологических связей.

4. Единство историческо-этнологического информационного поля, общность религиозных практик, культуры, наследия.

5. Единство социальных норм: общения, поведения и др.

Таким образом, можно заявить гипотезу о существовании единой системы традиционных лекарских практик (народной медицины) на территории Высокогорной Центральной Азии.

Как известно, развитие традиционных лекарских практик зависят от следующих факторов:

1. Доступность лекарственного сырья: растительного, животного и минерального происхождения
2. Совокупность природных условий
3. Уровня развития религиозно-магической составляющей, внутренней философской системы
4. Общего технологического уровня развития

Таким образом, говоря о глобальном высокогорном регионе Азии, мы можем выявить сходные черты традиционного лекарства в нем [9].

С учетом того, что народы данного региона проживали в зоне высотной поясности, логичным представляется выдвинуть гипотезу о том, что они имели сходные наборы лекарственного сырья и совокупность природных условий их жизни во многом совпадала, что дало толчок в однонаправленном развитии лечения болезней или их профилактики [6].

Распространенными лекарственными растениями Южной Сибири и Алтая являлись: можжевельник, полынь, конопля, подорожник, чабрец, боярышник. Средства животного происхождения: курут, медвежий жир, свежая овечья кровь. К природным факторам можно отнести лечение в особых водных источниках (аржан) совмещенный с ритуалом подвязывания ленточки на березу – кайран [3].

Переходя на территории восточных Казахстана, Кыргызстана и Вахана (Таджикистан-Афганистан-Пакистан) мы сталкиваемся с тем фактом, что набор лекарственных средств практически повторяет предыдущий субрегион: полынь, тмин, можжевельник, конопля, боярышник, мята, подорожник, боярышник [2].Животные источники также повторяются: курт, свежая кровь овцы/козла, барсучий жир. Среди природных факторов – лечение в термальных источниках [1].Традиция подвешивать ленточки при излечении – существует и тут тоже.

Обращаясь к опыту Синьцзяна, Гилгит-Балтистана и Кашмира можно отметить, что значительных сдвигов в использовании лекарственных средств [17] и природных источников также не случилось, они предельно точно повторяют предыдущие, не смотря на то, что например Кашмир лежит значительно южнее истоков Енисея, но условия горной высотной поясности дали эту возможность [12; 15].

Сходность условий проживания обуславливала и сходность приемов обработки лекарственного сырья: приготовление настоев, отваров, высушивание в порошок, приготовление мазей на жировой основе, в течение летнего времени многие лекарственные растения использовались в свежем виде или добавлялись в пищу. Но не все так просто – существовали разработанные за многие сотни лет рецепты приготовления, в которых учитывалось и местопроизрастания (тень/солнце, склоны гор южные/северные и др.), время сбора в том числе по солнечному и лунному календарю, сроки сбора весна/осень и многое другое. Эти нюансы также являются сходными для азиатского высокогорья. Природные лечебно-минеральные источники более применялись в весенне-осенний период, в периоды обострения хронических заболеваний и контагиозных инфекций. Часть горячих термальных источников использовалась и в зимние месяцы [13].

Но есть и иные объединяющие факторы. Дело в том, что данный регион периодически объединялся единой сильной властью: китайской, уйгурской, тюркской, кыргызской или тибетской, таким образом, как минимум наработки Традиционных медицин Китая и Тибета распространялись по нему весьма свободно. Также стоит отметить, что во времена раздробления региона на различные государственные образования, по нему не прекращали функционировать различные ветки Великого Шелкового пути, что сближало в числе прочего лекарские практики, увеличивало доступность ингредиентов,

приносило новые знания [4].Менее в данном транскультурном обмене была задействована Традиционная медицина Индии основанная на Аюрведе и Арабская традиционная медицина – Унани, получившая активное развитие в странах Средней Азии – обе они оказались более востребованы на равнинах Индостана, Ирана и т.п.

Общность духовных практик, в том числе и целительских, зачастую возникает в связи с общностью или сходностью культов и религий. Благодаря миссионерской деятельности императора Ашока (правитель империи Маурие в 273-232 до н.э.) буддизм из Индостана бурно распространился по всей Азии [19], включая высокогорные регионы (в принципе – через них он и шел на север и восток). Вполне понятно, что в разных регионах он столкнулся с местными религиозными культами, которые представляли собой в основном различные виды шаманизма, с которым зачастую уживался вполне мирно [14].Из остальных религий на данной территории были распространены параллельно буддизму, вместе с ним или в рамках конфронтации – манихейство, несторианство, тэнгрианство [5],которые впоследствии вошли в большинстве своем в распространившийся ислам в качестве местных культурных традиций. Имело место и обратное возвращение в буддизм части населения Южной Сибири в 17-18вв. Таким образом, в регионе высокогорной Азии имели место: длительные общности религий и синкретизм. Это обуславливало развитие определенных, концептуальных воззрений на природу болезни, возможности лечения, соотношение понятий «здоровый-больной», философию духовности и взгляды на смерть [10].

Соответственно, часть магических и духовных ритуалов населения данного региона оказались сходными. Нужно отметить, что большинство из них выполняется специальными людьми, способными общаться с «духами, выходить в астрал и вообще – контактировать с потусторонним миром). В Южной Сибири они получили название шаманов (хотя есть отдельные самоназвания у соответствующих народов), в Казахстане и Кыргызстане они фигурируют под названием баксы, в Вахане - девона, в горах Пакистана сохранились битаны, в Кашмире и Непале – джанкри. Есть и параллельная исламская ветвь духовных целителей – суфии/дервиши: в Южной Сибири – дервиш/ходжа, Центральной Азии – азоимхон/чогудар, Синцзянь – сабеи, Южной Азии – дарвиш/каландар [7].

Духовные целители как шаманистского, так и исламского толков на территории высокогорной Азии исполняют в принципе сходные ритуалы, связанные с рождением ребенка, болезнью и смертью человека. Более того, учитывая смешанность культур и религий – нередко задействуют друг от друга практики и ритуалы [11].Например, можно наблюдать сходство в ритуалах родов, обращения с роженицей, новорожденным, обращения с плацентой; в ритуальных практиках возвращения утраченного здоровья; в восстановлении психического здоровья - изгнании «духов, бесов, демонов» и др. [16]. Нередко и сами пациенты не просто прибегают к целителям или шаманам разных толков, но и совмещают из ритуалы, или в принципе совмещают ритуалы с принципами современной научной медицины.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Высокогорная Азия представляет собой отдельный регион континента, нуждающийся в пристальном внимании и изучении

2. В настоящее время практически не существует научных разработок по региону в целом, отдельные его части изучаются в отдельности по отношению к конкретным странам

3. Народы данного региона имеют историческую, культурную и религиозную общность, которая обуславливает в том числе и развитие сходных лекарских практик.

4. Сходность лекарских практик данного региона выражается в: использовании однотипного лекарственного сырья различного происхождения, использование сходных природных ресурсов, технологий, ритуально-мистических практик различной религиозной принадлежности.

5. Необходимо дальнейшее изучение как народных лекарских практик, так и в целом – региона Высокогорной Азии, поскольку он видится реальным воплощение перекрестком культур и цивилизаций в данном кусочке мира.

Список литературы

[1] *Аалиева* Г.К., *Тентигул кызы* Н. Эволюция народной медицины и ее место в социальной структуре кыргызов по эпосу «Манас», Бишкек. Интерактивная наука. 2017. №12 С. 177-179.

[2] *Арыкбаева* Н.М., *Турбатова* А.О. Традиционно используемые лекарственные и пряно-ароматические растения Кыргызстана. // Биологические особенности лекарственных и ароматических растений и их роль в медицине. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию ВИЛАР. 2016 С. 184-189.

[3] *Гончарова* О.А. Народная медицина в Горном Алтае. Традиционные представления алтайцев о здоровье человека и методах лечения. 2003. https://e-lib.gasu.ru/konf/MED/gl4.html

[4] *Дашиева* С.Б., *Ринчинова* О.С., *Цыренова* Н.Д. Формирование мировоззрения врачей традиционной медицины в Китае, Монголии и России // Genesis: исторические исследования. 2020. № 9. С. 79-86.

[5] Древнетюркское мировоззрение “Тэнгрианство” Учебное пособие.- Казань: РИЦ “Школа”, 2006. 164с.

[6] *Лисицын*, Ю. П. История медицины: учебник / Лисицын Ю. П. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 400 с.

[7] *Маслюженко* Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств. Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34) С. 5-9.

[8] *Михайлов* А.С. Границы территориальной общности. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2017. № 1. С. 5-20.

[9] *Непокойчицкий*, Г. А. Большая энциклопедия народной медицины / Г. А. Непокойчицкий, И. А. Губанов, Г. В. Балакирев ... [и др.]. М.: АНС, 2007. 1120 с.

[10] Религия в истории народов Южной Сибири и Центральной Азии: хрестоматия. Часть II. Эпоха Средневековья / сост. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 307.

[11] *Харитонова* В.И. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство // Статьи и материалы. М.: ИАЭ РАН. 1995, 204 с.

[12] *Bhattarai S*, et al. The use of medicinal plants in the trans-Himalayan arid zone of mustang district, Nepal. J Ethnobiol Ethnomed. 2010; 6(1):1.

[13] *Grundy C.*, et al., WHO global atlas of traditional, complementary and alternative medicine. 2005.

[14] *Kenneth Zysk*. Asceticism And Healing in Ancient India Medicine in the Buddhist Monastery. Oxford University Press, 1991, P. 206.

[15] *Neelam R.*, *Rodrigue C.G.*, etc Traditional knowledge on herbal drinks among indigenous communities in Azad Jammu and Kashmir, Pakistan // Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2018. Volume 14, Article number: 16.

[16] *Qureshi* RA, et al. Indigenous medicinal plants used by local women in southern Himalayan regions of Pakistan. Pak J Bot. 2009;41(1):19-25.

[17] Samant SS, Dhar U, Palni LMS. Medicinal Plants of Indian Himalaya. 1998: Gyanodaya Prakashan. Almora: Pant Inst. of Himalayan Environment and Development; 1998. P. 163.

[18] *SharmaVishal* (2020). Civilizational Colonialism and the Ongoing New Great Game in the Sensitive Areas of High Asia: Exploring Pan-High Asianism as the potential way forward for the Western Pahari, Greater Dardic, Trans-Himalayan, Badakhshan and Sogdiana Belts possibly leading to High Asian Approaches to International Law (HAAIL). Academia (Thesis). Cardiff: Cardiff University.

[19] *Strong John S.* (2002–2003). Faure, Bernard (ed.). "Aśoka's Wives and the Ambiguities of Buddhist Kingship". Cahiers d'Extrême-Asie. Paris: École française d'Extrême-Orient. 13: 35-54.

УДК 613

Ковид и традиционные практики поддержания здоровья (по материалам опроса студентов тувинской диаспоры)

КириленкоЕлена Ивановна
Доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Российский гуманитарный университет правосудия»,Западно-Сибирский филиал, г. Томск, Россия.
e.kirilenko@ngs.ru
https://orcid.org/0000-0001-5074-5068

АННОТАЦИЯ Работа посвящена изучению практик поддержания здоровья и противодействия болезни в условиях пандемии коронавируса среди тувинских студентов, сочетаемости традиционных и современных методов борьбы с пандемией как индикатора их отношения к традиционным и инновационным культурным ценностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тува; тувинцы; методология исследования жизненного мира; пандемия коронавируса; традиционная медицина.

Тува – самобытный этнический и культурный регион на карте России. Выбор поля определялся актуальностью проблемы межкультурных и межэтнических взаимодействий в современном мире, а также доступностью поля: в Томске существует значительная диаспора тувинских студентов [5]. Молодые тувинцы традиционно проходят обучение в качестве студентов РГУП (ЗСФ). Исследование проводилось в продолжение предпринятого ранее анализа сочетания традиционных и современных представлений в практиках поддержания здоровья среди тувинских студентов [2]. В данной работе акцент сделан на выявлении отношения информантов к здоровью и болезни в условиях коронавирусной пандемии.

Цель работы

Изучение практик поддержания здоровья и противодействия болезни в условиях пандемии коронавируса среди тувинских студентов.

Задача

Анализ сочетаемости традиционных и современных методов борьбы с пандемией в сознании молодых тувинцев как индикатора их отношения к традиционным и инновационным культурным ценностям.

Исследование опирается на методологию анализа структур сознания А.Щютца [8;9]. Жизненный мир – это личный опыт, вплетенный в сферу интерсубъективности, несущий «теплоту» личного биографического нарратива, но и эмпирически обогащающий общую панораму интерсубъективных типизаций. Медицинский опыт, сформировавшийся в традиционной тувинской культуре, сплетается с опытом современной научной медицины, образуя сложную амальгаму сосуществующих, согласующихся или расходящихся медицинских практик [1; 6; 7]. Используемая методология позволяет обозначить эти интерференции - в опыте соотнесения и различения.

В конечном итоге интеграция медицинских подходов, запечатленная в структурах сознания, формирует такую систему типизаций (представлений о значимом), на основании которой воспроизводится среда жизни, образующая консолидированный опыт, почву, корень, онтологию существования.

Эмпирической базой исследования явились результаты опроса 13 участников с

помощью полуформализованных интервью и анкетирования. Возраст информантов –от 17 до 35 лет, это студенты очного и заочного отделений РГУП ЗСФ (г. Томск). Среди опрошенных 9 женщин и 4 мужчин.

В ходе работы были получены следующие результаты.

Опыт отношения к пандемии, раскрывающийся в исследовании, релевантен, поскольку из 13 участников опроса 11 непосредственно столкнулись с этим заболеванием, перенесли болезнь лично или сообщили о заболевании членов семьи. Кроме того тувинские буддисты хорошо помнят: «от ковида первой волны скончался Верховный лидер тувинских буддистов - Камбы Лама» (О., 19 лет, тувинка), что сформировало у многих личную реакцию на болезнь и ее проявления.

Традиционная религиозность, своеобразный сплав шаманизма и буддизма [4] тем или иным образом воспроизводятся в сознании информантов. Б., 22 года, тувинка поддерживает идею о том, что болезнь может иметь духовный смысл. Д., 18 лет, тувинка отмечает, что люди «заслужили такое: не берегли землю, и она на нас рассердилась». А.,18 лет, тувинка говорит о необходимости выйти за рамки узко медицинского понимания смысла болезни: «Вирус короны предупредил человеческий род, как мы после материальных вещей забываем духовное существо» (стилистика сохранена – Е.К.). Она отмечает, что пережитый опыт болезни способен позитивно изменить сознание людей, может заставить «людей заглянуть внутрь (во внутренний мир)». Соответственно, информанты знают, признают допустимость или используют традиционные средства поддержания здоровья. А., 17 лет, тувинец в соответствии с восточной традицией созерцательности склонен воспринимать пандемию как самодостаточное и независимое от воли людей событие с собственной логикой развития: «Само пройдет. Со временем само пройдет».

Информанты дали положительный ответ на вопрос о возможном совместном использовании средств научной и традиционной медицины в противодействии болезни: М., 18 лет, тувинка оценивает успешность совместного применения этих средств по формуле «50 на 50». А., 35 лет, тувинка: «…Врачи рекомендовали травы, когда я лежала в больнице… Если традиционная и научная медицина будут работать вместе, можно будет победить эту болезнь. Это эффективнее, чем по-отдельности…».

При этом информанты вполне осведомлены о сложностях протекания заболевания: О., 18 лет, тувинка: «Инфекция очень коварна. Оказалось, что последствия коронавирусной инфекции не менее опасны, чем сама инфекция».

Информанты осознанно используют традиционные средства защиты от болезни (в том числе в местах временного проживания в Томске): артыш (Д., 18 лет, тувинка:«Артыш убивает микробов и очищает человека…, даже при обычном насморке – пропадает насморк»), аржааны, «посещение курортных зон, как Дус-Холь»[1] (А., 19 лет, тувинец), молитвы, различные обереги, в том числе браслеты, плетения из нитей; помогает «все перечисленное и еще целебные травы», - А.. 35 лет, тувинка), натуральные продукты, мясо-молочная диета. При этом практически все участники опроса отметили бОльшую эффективность средств научной медицины в борьбе с уже проявившейся болезнью. После смерти лидера тувинских буддистов стали активно применяться среди самих буддистов гигиенические рекомендации по предотвращению распространения заболевания: использование гигиенических масок в храмах, соблюдение дистанции, режима изоляции; в хюре «везде стоят антисептики» (Д., 18 лет, тувинка).При этом отмечены и достоинства традиционной медицины. А.. 35 лет, тувинка: «Полагаю, традиционная медицина также может помочь, поскольку после лечения традиционной

[1] Дус-Холь (Сватиково) (с тув.: солёное озеро) — озеро на 45 км южнее города Кызыл, в Тандинском кожууне республики Тыва. По своим бальнеологическим характеристикам сопоставимо с некоторыми курортами Крыма., а также лечебными эффектами вод Мертвого моря. https://ru.wikipedia.org/wiki/Дус-Холь_(озеро,_Тандинский_кожуун)

медициной меньше последствий для здоровья».

Информанты ясно отдают себе отчет в том, что рекомендации научной медицины и традиционные методы лечения принадлежат разным областям опыта, разным культурным традициям. На вопрос «Как возможно религиозное обоснование вакцинации?», - почти все единодушно ответили: « Никак», или затруднились с ответом.

Отношение к вакцинации оказалось неоднозначным: Н., 18 лет, тувинец, говорит о положительном отношении к ней, «так как я привит и переболел эту болезнь легко». А., 19 лет, тувинец согласен с тем, что «это является средством в борьбе с эпидемией, шагом к новым достижениям».А., 35 лет, тувинка ссылается на положительный опыт вакцинации при лечении других болезней. Однако присутствует и нейтральное или отрицательное – по разным, вполне рациональным, основаниям – отношение к вакцинации (медицинские противопоказания, малый период апробации препаратов).

Вопрос о поиске способов противостоять пандемии вызвал несколько реакций.

Подчеркивается важность традиционных способов профилактики болезни: опора на традиционную мясную диету (А.,18 лет, тувинка), использование традиционной природной фармакологии (О., 18 лет, тувинка): «целебные источники (аржааны [3]), окуривание помещений артышем (можжевельник), использование лекарственных растений, барсучий, сурковый жиры, струя кабарги, тувинское мумиё очень помогают во время лечения и при восстановлении организма после болезни. Есть много случаев излечения именно этими средствами».

Отмечены случаи использования технологически новаций. О., 18 лет, тувинка: «… Шаманы проводили камлания с помощью бубнов в социальной сети-Instagram».

Информанты отмечают активный поиск адекватных методов лечения в рамках традиционных для Тувы медицинских направлений: «В нашей республике есть буддийские ламы-учителя (Аян башкы и Шерчин башкы), изучившие тибетскую медицину, и врач-гомеопат, которые активно и успешно проводят профилактику вируса и лечат болезнь на начальных стадиях» (О., 18, тувинка).

Опрос обозначил несколько проблем, требующих осмысления, в частности, некоторые информанты отметили бОльшую активность старшего поколения в отношении процедур вакцинации по сравнению с молодежью (А.. тувинец, 19 лет: «старшее поколение трепетно относится к вакцинации в отличии от младшего поколения»),– с неясным обоснованием этой ситуации.

Заключение

Свободная интерференция различных по происхождению представлений о природе коронавируса, специфике болезни, способах лечения в условиях пандемии позволяет отметить, с одной стороны, проявление традиционного пласта верований с его базовыми установками: причастностью к традиции родовой жизни, сакральным характером жизненного мира, его природностью, ритуальной организацией жизни, отношением к здоровью как целостности, в которой соединяются религиозное, эстетическое, практическое начала [2]. Этот пласт представлений питает исторически сохраняющийся культурный опыт, присутствующий и закрепленный в сознании молодых тувинцев. С другой стороны, сознание тувинцев открыто новациям – научным, технологическим, Они соглашаются с продуктивными контаминациями смыслов, опираются на них и воспроизводит их.

Благодарности

Автор выражает благодарность обучающимся в Западно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия студентам-тувинцам, согласившимся поделиться информацией о сформировавшихся в тувинской культуре практиках поддержания здоровья и противодействия болезни в условиях пандемии коронавируса.

Список литературы

[1] *Вяткина* Н.А. Народная медицина тувинцев глазами врачей (по материалам опроса врачей и другого медицинского персонала в Республике Тыва и соседних регионах) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. https://nit.tuva.asia/nit/article/view/807 (дата обращения: 10.06.22).

[2] *Кириленко* Е.И. Нить на запястье: тувинский опыт здоровья (по материалам интервью со студентами тувин¬ской диаспоры Томска) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. https://nit.tuva.asia/nit/ article/view/902 (дата обращения: 10.06.22).

[3] *Копелиович* Г.Б. Аржааны как часть культурно-религиозного ландшафта Республики Тыва [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. https://nit.tuva.asia/nit/article/view/809 (дата обращения: 10.06.22).

[4] Монгуш М.В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX века). Новосибирск: Наука. 200 с.

[5] *Нам* И.В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №5 (37). С. 33-43.

[6] *Харитонова* В.И. Неконвенциональная медицина в современной России [Электронный ресурс] // Медицинская антропология и биоэтика. 2014. № 1 (7). http://www.medanthro.ru/?p=2017%C2%A0 (дата обращения: 10.06.22).

[7] *Харитонова* В.И. Народная и традиционная медицина: возможности интеграции медицинских систем, практик и методов в условиях современной Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. №4. https://nit.tuva.asia/nit/article/view/804 (дата обращения: 10.06.22).

[8] *Щютц* А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

[9] *Щютц* А. Структура повседневного мышления // Социологические

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Этнографическое Сибиреведение в лабиринтах истории и политики

УДК 394

Борис Осипович Долгих и развитие советской школы полевого этнографического сибиреведения в 1950–1970-е годы

Батьянова Елена Петровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.
elena-batyanova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье анализируется специфика полевого этнографического сибиреведения в СССР в 1950-1970 годы на примере научной, прикладной и просветительской деятельности Сектора по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера, созданного в Институте этнографии АН СССР в 1955 году, и организованной на его базе Северной экспедиции (1956-1991). Показана руководящая роль в развитии полевой этнографии Севера выдающегося ученого Бориса Осиповича Долгих. Анализируется взаимодействие этнографов с государственными учреждениями, ведающими развитием хозяйства и культуры у народов Севера. Обращено внимание на позитивную роль такого взаимодействия для сохранения и развития этнических культур Севера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Институт этнографии АН СССР. Сектор Севера, Б.О.Долгих, Северная экспедиция, инновации, «пережитки прошлого».

Выдающийся сибиревед, историк и этнограф Борис Осипович Долгих (1904–1971) по праву считается одним из выдающихся представителей советской школы сибирской полевой этнографии.

Начало его научной деятельности восходит к 1925 году, когда будущий ученый в возрасте 21 года после учебы в Самарском университете (который не успел окончить по причине его закрытия) приехал в столицу, где стал вольнослушателем Московского университета. Одновременно Долгих посещал научные собрания, проходившие в Институте антропологии при Московском университете и в Обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, созданном в 1924 году. Своим глубоким и активным интересом к этнографии Севера и Сибири Долгих обратил на себя внимание видных московских ученых, и по рекомендации директора Института антропологии Виктора Валерьяновича Бунака (1891–1979) ему предложили принять участие в Приполярной переписи 1926 –1927 гг. в должности статистика-регистратора.

Весной 1926 г. Долгих прибыл в Красноярск, где вместе с другими участниками переписи начал обстоятельно готовиться к предстоящему мероприятию, изучая, в том числе, материалы местного музея по этнографии населения, среди которого ему предстояло работать.

В июне 1926 г. переписчики (Долгих с товарищем) добрались по Енисею до устья Подкаменной Тунгуски и начали работать среди енисейских кетов. Затем, двигаясь по тайге вдоль берега Подкаменной Тунгуски вверх по ее течению и обследовав все кетские стойбища, добрались до Дудинки и продолжили перепись среди населения Таймыра.

В нелегких полевых условиях в полной мере проявились незаурядные черты характера Бориса Долгих: воля, целеустремленность, одержимость путешественника-первопроходца. Долгих не только переписывал население, но одновременно занимался исследованиями быта и культуры народов, фиксируя свои наблюдения в дневниках. Напряженная полевая работа продолжалась почти полтора года. Протяженность обследованного Б.О. Долгих региона составила свыше тысячи километров[2].

[2] Подробнее об участии Б.О.Долгих в Приполярной переписи 1926-1927 г. см.: [11]

В ходе проведения переписи Борисом Долгих было собрано много новых этнографических сведений о кетах, нганасанах, энцах, долганах, якутах, эвенках. Здесь, на Красноярском Севере, определились направления этнографии, которые на протяжении всего последующего периода научной деятельности Долгих привлекали его особое внимание. Это этногенез, этническая история, социальная организация, духовная культура, фольклор, современные этнические процессы.

Осенью 1927 г. Долгих возвратился в Москву, где на специальном заседании Института антропологии Московского университета выступил с докладом о результатах своей работы по участию в переписи и сбору этнографического материала. При обсуждении доклада маститые университетские ученые отметили достижения Долгих в изучении Красноярского Севера, и по инициативе дирекции Института молодой исследователь был зачислен без экзаменов на второй курс университета, где продолжил работу по систематизации собранных в период переписи материалов. По результатам этой работы в 1929 г. вышла первая научная публикация Бориса Долгих[3], где автор проявил себя как талантливый исследователь.

В том же 1929 году Б.О. Долгих по ложному политическому обвинению был исключен из университета и сослан на четыре года в Восточно-Сибирский край. Здесь Борис Осипович не оставлял своих занятий наукой и по завершении срока ссылки опубликовал в Иркутске свою первую монографию[4].

Последующее десятилетие жизни учёного на Севере было заполнено напряженной исследовательской работой. В 1934-37 гг. в составе землеустроительных экспедиций Долгих совершал поездки по Таймыру и Эвенкии, изучая культуру коренного населения. В 1937–1944 гг. он работал в Красноярском краеведческом музее заведующим этнографическим кабинетом, затем – зам директора Музея. В 1938 году организовал Северную экспедицию Красноярского музея, в составе которой занимался изучением процессов социалистического переустройства хозяйства, культуры и быта северных народов, а также сбором материалов по их социальной организации и фольклору. Профессиональный опыт Б.О. Долгих как этнографа-полевика всё более совершенствовался.

В 1944 г. Борис Осипович переехал в Москву и поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Читал лекции в Московском университете. Ездил со студентами в экспедиции. Самозабвенной увлеченностью этнографией заражал своих учеников. Одним из них был будущий известный исследователь Сибири – историк, этнограф, археолог Севьян Израилевич Вайнштейн (1926 – 2008), который впоследствии вспоминал, что именно Борис Осипович Долгих сыграл определяющую роль в выборе им этнографической специализации и в становлении его как ученого. Причем в первые годы учебы на историческом факультете МГУ Вайнштейн относился к этнографии несколько скептически, что подтверждает запись в его личном дневнике от 6 февраля 1948 года: «...Сказать, чтобы у меня проявился научный интерес к проблемам этнографии (есть ли такие?) нельзя»[1].Но участие Вайнштейна летом 1948 г. в руководимой Долгих экспедиции к кетам Подкаменной Тунгуски, совместная полевая работа и постоянное общение с ним коренным образом изменили отношение 22-летнего студента к науке этнографии, которая в результате стала его призванием и профессией. В кетских полевых дневниках и позднее – в статьях о Борисе Осиповиче Долгих Вайнштейн с восхищением пишет как о профессиональных, так и о личностных качествах своего наставника[5].

---

[3] См.: [6]
[4] См.: [7]
[5] См.: [3], [4], [5]

В 1948 г. Б.О. Долгих защитил кандидатскую диссертацию «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири» и стал сотрудником Института этнографии, в котором проработал до своей смерти в 1971 г. В 1958 г. он защитил докторскую диссертацию «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке».

С 1955-го по 1965 год Долгих возглавлял созданный по его инициативе Сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (в настоящее время Отдел Севера и Сибири). Основные направления и задачи исследований нового сектора были согласованы с дирекцией. На Всесоюзном этнографическом совещании 1956 г. директор Института этнографии С.П. Толстов особо отметил в своем докладе задачи, стоящие перед североведами: «Созданный в 1955 г. по решению Президиума АН СССР в Институте этнографии Сектор народов Крайнего Севера ставит своей задачей изучение современной культуры и хозяйства этих народов, выявление как новых прогрессивных черт, так и отрицательных явлений в их быту. В план сектора включены работы, имеющие непосредственное отношение к практике социалистического строительства на Севере, посвященные вопросам реконструкции хозяйства и быта малых народов, развития их культуры, организации управления и снабжения в национальных районах Севера» **[12, с 7]**.

В 1956 г. на базе Сектора Долгих организовал и возглавил Северную экспедицию Института этнографии, охватившую исследованиями всю Сибирь и Европейский Север России. Экспедиция функционировала до начала 1990-х годов. Богатый опыт полевой этнографии, приобретенный Борисом Осиповичем в годы пребывания в Сибири, помог ему успешно руководить работой экспедиции[6].

Специфику сибирской полевой этнографии в 1950–1970-е гг., как и в предыдущие десятилетия советского периода, во многом определяла ситуация в значительной степени экстремальная для этнических культур Севера. Государство, с одной стороны, интенсивно внедряло в традиционные культуры северян социалистические инновации, затрагивающие хозяйственную, социальную и духовную сферы их жизни, а с другой стороны, активно боролось с «пережитками прошлого», к которым относило многие глубинные, архаичные пласты их культур. В этой сложной ситуации забота о северных народах стала первоочередной задачей деятельности этнографов-североведов.

Ученых волновало сокращение численности этих народов, разрушение традиционной хозяйственной деятельности северян, вызванное, в том числе, непродуманным ускоренным переводом кочевников-оленеводов на оседлость, проблемы с медицинским обслуживанием населения и т.д. Ученые информировали об этом властные структуры, рассылая в партийные, правительственные и прочие учреждения «докладные записки».

Только за период с 1955 по 1959 год по результатам экспедиционных поездок сотрудников Сектора ими было подготовлено и направлено в различные организации, ведающие развитием Севера, более 30 докладных записок. О состоянии хозяйства и культуры северных народов были информированы Совет министров РСФСР, Экономическая комиссия Совета национальностей Верховного Совета СССР, Отдел партийных органов Восточной Сибири ЦК КПСС, Комиссия по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил при Президиуме АН СССР, Министерство здравоохранения и другие организации. Основная цель «докладных записок» состояла в том, чтобы обратить внимание на «крайне тревожное положение с малыми народами Крайнего Севера», которое сложилось к середине 1950- началу 1960-х годов[7].

Большую тревогу этнографов вызывало сокращение численности народов Севера. Так, за период между двумя переписями 1939 и 1959 г. она сократилась на 8,7%., причем

---

6 О работе Северной экспедиции см.: **[2]**

7 См.: **[9]**

«главным образом, за счёт превышения смертности над рождаемостью в результате эпидемий, дистрофии, алкоголизма, высокой детской смертности» [9, с. 157].

Б.О. Долгих в одной из докладных записок отмечал, что « «непосредственные причины, вызвавшие уменьшение народов Севера в численности, сводятся кследующим: неудовлетворительное материальное положение, тяжелые бытовые условия, возникшие в результате непродуманной ломки традиционного хозяйства и сложившегося веками быта этих народов, социальные болезни и алкоголизм» [9, с 164].

Прикладная направленность Северной экспедиции имела целью, помимо корректировки процесса социалистических преобразований в общественной организации, хозяйстве и культуре северных народов, защиту их традиционной культуры от разрушения. Этнографы заботились о том, чтобы инновационная революция, связанная с социалистическим строительством, не наносила ущерба северным народам.

Дирекция Института этнографии поддерживала такую установку учёных на охрану и поддержания хозяйства и культуры северных народов, о чем свидетельствует, например, приведенное в докладной записке Б.О.Долгих письмо директора Института С.П. Толстова секретарю ЦК КПСС Мухитдинову В.А., где обращалось внимание на следующие обстоятельства: «Положение народов Севера вызывает большую тревогу… , численность этих народов неуклонно уменьшается… речь идёт о процессе их физического вымирания. Хозяйство народов Севера– охота, оленеводство и рыболовство – приходит в упадок. Усилия малочисленных народов Севера нередко направляются на развитие нерентабельных в условиях Севера отраслей хозяйства. В результате непродуманной ломки традиционных форм хозяйств и сложившегося веками быта положение народов Севера находится в весьма неудовлетворительном положении»[9, с. 155-156].

Власти прислушивались к весьма обоснованным мнениям этнографов и часто следовали их рекомендациям.

Бережное отношение к традиционным культурам северных народов, утверждение их непреходящей ценности лежало в основе концепции Северной экспедиции. Суть этой концепции Б.О. Долгих изложил следующим образом: «Мы должны создать этим народам условия для полного, всестороннего развертывания их знаний, опыта и способностей исконных оленеводов, охотников и рыболовов, обладающих огромными положительными национальными традициями в этой сфере человеческой деятельности [8, с. 11].

Б.О. Долгих видел в этнографах не только ученых, исследующих культуру народов, но и активных просветителей, проводников знаний, прогресса. Он писал: «Желательно создание в центре и на местах специальных органов по содействию экономическому и культурному развитию малых народов Севера. К работе в этих органах можно широко привлечь этнографов в качестве консультантов, инструкторов и референтов. Практическая работа этнографов в этой области будет содействовать также дальнейшему прогрессу самой советской этнографической науки» [8,с.12] 2). Установки, заложенные Долгих, о бережном отношении к северным культурам, были продолжены его коллегами и учениками. Они прослеживаются в серии публикаций, регулярно выходивших в Институте этнологии РАН в серии «Неотложная этнология».

Конечно, в центре внимания сотрудников Сектора Севера была не только прикладная этнография. Большое внимание уделялось и различным аспектам традиционной этнографии: изучению материальной и духовной культуры, этногенеза, этнической истории и пр. Подтверждением этого является большое число монографий и статей, опубликованных сотрудниками Сектора и участниками Северной экспедиции.

Сам Борис Осипович написал, по современным аномально завышенным требованиям к количеству публикаций, немного. Всего пять книг и около 70 статей. Но его научную биографию и творческое наследие можно рассматривать как эталон безупречного, преданного служения науке.

В 2024 г. исполнится 120 лет со дня рождения Бориса Осиповича Долгих. Достойной данью его памяти было бы новое издание его книги «Родовой и племенной состав народов

Сибири в XVII веке (М., 1960), которая является, по мнению авторитетных историков, одним из наиболее выдающихся исследований по истории Сибири, выполненных в XX веке. Заслуживают издания и рукописи неопубликованных работ Б.О. Долгих (дневники, фольклорные записи и пр.), хранящиеся в сибирских и московских архивах.

Заключение. Специфику советской школы полевой этнографии в 1950- 1970-е годы во многом определяла научная, просветительская и прикладная деятельность Сектора по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера, созданного в Институте этнографии АН СССР в 1955 году по инициативе замечательного ученого Бориса Осиповича Долгих. В экстремальной для северных культур ситуации, когда государство, с одной стороны, активно внедряло в хозяйственную, социальную, духовную сферы жизни северных народов социалистические инновации, а с другой стороны, настойчиво боролась с «пережитками прошлого», этнографы корректировали политику государства, оберегая культуры северян от излишнего давления и разрушения, выявляя ошибки и просчеты чиновников, направляя в различные управленческие инстанции докладные записки со своими рекомендациями.

Эта прикладная направленность в сочетании с просветительской и собственно научной деятельностью этнографов позитивно влияла на судьбы этнических культур северных народов.

Список литературы

[1] Архив семьи С.И. Вайнштейна. Личный дневник С.И. Вайнштейна за 1948 год. Запись от 6 февраля 1948 года

[2] *Батьянова* Е.П. Северная экспедиция Института этнографии и её роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения// Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. Отв. ред и составитель Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 13-38.

[3] *Вайнштейн* С.И. Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни // ЭО, 1992. № 1. С. 119-129.

[4] *Вайнштейн* С.И. Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. Сост. и отв. ред. Д.Д.Тумаркин. М.: «Восточная литература» РАН. 1999. С.284-307.

[5] *Вайнштейн* С.И. Кеты Подкаменной Тунгуски (историко-этнографическое исследование по материалам экспедиций 1948-1949 гг. Красноярск. Издательский дом «Сибирские промыслы». 2015.

[6] *Долгих* Б.О. Население Таймыра и прилегающего к нему района // Северная Азия. 1929. № 2. С. 49-76.

[7] *Долгих* Б.О. Кеты. Иркутск; Москва: ОГИЗ, 1934.

[8] *Долгих* Б.О. Вопросы развития хозяйства, культуры и перестройки быта малых народов Севера // Тезисы докл. на сессии Ученого совета Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, посвященной итогам экспедиционных исследований 1957 г. М., 1958. С. 10-12.

[9] *Долгих* Б.О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъёму их хозяйства, культуры и улучшению быта // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959-1962 годы. Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М. 2005. С.155-180.

[10] *Долгих* Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1960

[11] *Савоскул* С.С. Впервые на Севере: Б.О.Долгих – регистратор Приполярной переписи// ЭО, 2004, № 4. С. 125-147.

[12] *Толстов* С.П. Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР // Советская этнография. 1956. № 3. С. 5-13.

УДК 39

Легенда в семейной истории рода

Буркина Елена Васильевна
Заслуженный учитель РФ, учитель Оракской ООШ филиал МБОУ Парнинской СОШ, с. Парная Красноярского края, Россия.
Lena4907@mail.ru

АННОТАЦИЯ Ценность семейных легенд и историй неоспорима, если они подтверждены документально. Проверка легенд и историй из семейного архива осложняется тем, что многие из них передаются из поколения в поколение устно. Очень трудно отделить зерна от плевел, исследователь должен обладать обширными познаниями и опытом не только в генеалогическом анализе, но и смежных областях науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА этнос, Сибирь, род, ясачные инородцы, казаки.

Более трехсот лет представители рода Тархановых живут на западе Красноярского края. До 1917 года Тархановы были ясачные инородцы и принадлежали к Шуйской волости Кызыльской степной думы.

В роду есть легенда, рассказанная в нескольких вариантах разными родственниками и даже записанная А. И. Тархановым в 1987 году:

«Встретились два противника кызылец Тархан и казачий атаман и решили в шатре силой мериться. Разделись до пояса и онемели, глаз не могли друг от друга оторвать. Под одеждой у обоих на груди абсолютно одинаковые обереги оказались.

– Почему ты носишь такой же оберег, как у меня. Где взял? – спрашивали они друг у друга.

Так и не начав борьбы, стали рассказывать свои семейные легенды. А легенда была одна:

Жил великий Тархан в давнем времени
Был богат он большими владениями
Да богатствами драгоценными-
Сыновьями своими любимыми!

Долго жил тот хан да состарился.
Пред богами своими раскаялся,
Да кончину свою он почувствовал
И тогда к себе – сыновей призвал.

Вот все семеро сыновей вошли,
На колено опустились пред отцом своим.
Хан велел им встать и поднялся сам:
«Вам, сыны мои, обереги дам,
И велю носить их с собой всегда,
Сила Рода в них и ваша судьба!
Ваше мужество и отвага в них,
И огонь души ваших всех родных!

Они – символы чести, доблести!
Свои корни вы крепко помните!
И помогут пусть наши Боги вам!
И такой в конце я совет вам дам:

Не жалей врага, но люби людей!
Не кради добра, будь всегда честней!
Не суди других, да не суденбудь!
Слово чести дал, так и не забудь!

Ну, а мне, сыны, помирать пора,
Вам скорее всю родню собрать.
И велю, как закончу жить,
В том кургане меня схоронить,
Что стоит за искристой рекой,
Там мне будет навечно покой.
Днём там Солнце, а ночью Луна.
И стоит там всегда тишина…»

До утра просидели атаман и Тархан, вспоминали, объяснялись и поняли, что они из одного рода - племени, что обереги достались им от предка – Великого Тархана и воевать им не пристало. С тех пор жили в мире и согласии и не нарушали родового напутствия».

Любая семейная легенда имеет право на жизнь, проверить факты не всегда представляется возможным. По легенде было семь сыновей у Великого (другой вариант – Золотого) Тархана, но не указан временной отрезок.Один из Тархановых – инородец, а второй служит у казаков. Как проверить этот факт? Раньше казаков в роду Тархановых не находилось. Нашлись случайно, искали другиз фамилии по церквям г. Красноярска, а нашли Тархановых. Архивные документы в ГАКК по церквям г. Красноярска, позволили сделать вывод: Тархановы в Енисейской губернии носили статус либо военных (служилые люди, т.е. казаки), либо «ясашные» (инородцы). Купцов, мещан, крестьян среди носителей фамилии Тарханов не нашлось. И первые крестьяне появились только в 1850 году в Ревизских сказках Кызыльской Степной Думы Шуйской управы кочующих инородцев»: Артемий Михайлович Тарханов из инородцев отчислен в крестьяне [6, с. 231].

Исповедные росписи - ценный источник информации о составе православной семьи и возрасте её членов. Однако, всякий, кто работал с подобными источниками, обратил внимание на то, что определить возраст нужного человека по ним бывает довольно затруднительно. Очень многое здесь зависит от везения. Предполагаемый промежуток времени, на который приходится дата рождения предка может составлять от 10 лет до 1 месяца. Только в редких случаях можно взять на себя смелость и назвать конкретную дату рождения предка.

Список служащих казаков Тархановых:

Первая казачья семья Тархановых найдена в исповедных росписях Красноярской Покровской церкви за **1771 г.** – предположительно, два брата: барабанщик ***Иван Петрович Тарханов*** 19-ти лет и солдат ***Трофим Петрович Тарханов*** 18-ти лет [1, с. 38]. Далее находим информацию из исповедных росписей Красноярской Покровской церкви за **1784 г**[2, с. 117].

> Барабанщик ***Иван Петров Тарханов*** – 35 лет, жена его Аксинья Иванова – 29 лет
> Дети их: Степан – 5 лет, Анисья – 7 лет, Ирина – 3 года, Анна – 1 год
>
> Далее, эта же семья, спустя 10 лет **(1794 г)** - Красноярской Покровской церкви, состоящие в Граде Красноярске Томского пограничного батальона третьей роты военные:
>
> Сержант ***Иван Петров Тарханов*** – 48 лет, жена его Ксения Иванова – 39 лет
> Дети их: Степан – 15 лет, Анисья – 17 лет, Ирина – 13 лет, Анна – 11 лет.

А ***Трофима Петровича Тарханова*** с семьей мы видим уже на другом месте службы при Краснореченском заводе Ачинского округа. (*предполагаю, что это Краснореченский винокуренный завод, открытый в середине 18 в. Продукция этого завода транспортировалась по всей Сибири и за Урал*)

В исповедных росписях Боготольской Богоявленской церкви за 1790 год имеется запись [3]:

> Сержант ***Трофим Петров Тарханов*** – 44 года, жена его Катерина Тимофеева – 34 года и дочь их Акилина 10-ти лет. На подворье у него живет отставной сержант Егор Андриев (так написано) Аршанин – 45 лет и жена его Марья Иванова 20-ти лет.

В исповедных росписях Краснореченской Михаило-Архангельской церкви за **1804** год [4, с. 320]читаем: отставные служилые

> Унтер-офицер ***Трофим Петров Тарханов*** – 55 лет (1749 г.р.), жена его Катерина Тимофеева – 52 года (1752 г.р.); вместе с ними записан племянник его ***Василий Емельянов Тарханов*** – 18 лет (1786 г.р.)

В 18 веке с представителями коренных народов Сибири принцип этнической идентификации, определившихся в казаки, работал четко и строго. Все они именовались «иноземцами», а если в документах фиксировалась этническая принадлежность служилого человека из среды аборигенов, то применялись известные в то время этнонимы: татары, остяки, тунгусы, якуты и т. д.

Первые Тархановы – инородцы найдены в документах Государственного архива г. Томска, а именно в исповедных росписях Кийской Николаевской церкви, так как интересующая нас Шуйская волость (а Тархановы являлись инородцами Шуйской волости) до 1800 года была приписана к Николаевской церкви с. Кийского Кузнецкого уезда Томской губернии (совр. Мариинск Кемеровской обл.), а затем в 1800 году волость была отчислена от Кийского прихода к Ужурскому и Боготольскому приходам Енисейской епархии [5, с. 128].

Из исповедных росписей Кийской Николаевской церкви за 1787 г. узнаем, что в дер. Усть-Урюпской проживают три семьи Тархановых – ясашных инородцев Шуйской волости. Живут одним двором.

Используем таблицы, куда занесем все имеющиеся у нас сведения об этих семьях в первом поколении:

Имя	Дата рождения	Дата смерти	Местожительство
Петр Тарханов (отец)	1718	После 1790	д. Усть-Урюпская, зачислен в казаки г. Красноярск
Дети	6-1 вв до н.э.	8	0,063
Иван Петрович	1749	?	д. Усть-Урюпская
Трофим Петрович	1747	?	д. Усть-Урюпская
Емельян Петрович	1750	?	д. Усть-Урюпская
Михаил Тарханов (отец)	1719	До 1787г	д. Усть-Урюпская
Маремьяна Ивановна Тарханова (мать)	1724-34г	После 1812г	д. Усть-Урюпская
Дети			
Дмитрий Михайлович	1750-54г	?	д. Усть-Урюпская
Прокопий Михайлович	1751-60г	?	д. Усть-Урюпская
Ларион Михайлович	1767-71г	?	д. Усть-Урюпская
Артемий Михайлович	1763-72г	?	д. Усть-Урюпская
Марина Михайловна	1774г	?	д. Усть-Урюпская

Имя	Дата рождения	Дата смерти	Местожительство
Козьма Михайлович Тарханов (отец) вдов	1722г	После 1796г	д. Усть-Урюпская
Дети			
Семен Козьмин	1755-57г	?	д. Усть-Урюпская
Данила Козьмин	1757-64г	?	д. Усть-Урюпская

Итак, установлены три брата Тархановых: Михаил, Козьма, Петр. Имеют ли отношение к Тархану из легенды? Ответить можно положительно, да, имеют, но документального подтверждения пока нет. На сегодняшний день из трех первых Тархановых только ветвь от Михаила изучена, собрано в архивах и из устных источников свыше трех тысяч персон. Составлено четыре родословных древа Тархановых.

Этническая особенность рода Тархановых: два брата остались ясачными, а третий брат и его сыновья стали казаками. Можно предположить, Тархановы– представители древних народов Сибири относились к пришедшим в Сибирь казакам, как к равным, даже пошли к ним служить. Чтобы сохранить свои семьи, они смирились, пошли к ним служить и продолжали строить свою жизнь, соблюдая новые порядки. Но сказать, что представители нашего рода не участвовали в войне с казаками 17 -18 века, затруднительно. У Еренака в команде были алтысарский князь Маши Тархан и алтырский Конгор Тархан Яйзан, возможно, три брата Михаил, Косьма и Петр Тархановы имеют к ним какое – то отношение.

Принадлежность семьи к сибирской этнической культуре в 21 веке формирует менталитет представителей рода Тархановых:

- Тархановы очень любят свою родную сибирскую землю, триста лет живут на одном месте. Очень привязаны друг к другу, легко общаются и роднятся. Хотят знать больше о своих предках.
- Они трудолюбивы, способны преодолевать трудности. Не падают духом, а ищут выход. Дружелюбные и добросердечные, с открытыми лицами, храбрые в бою, стойкие в дни невзгод.
- По внешности - высокие, русоволосые, белокожие, с васильковыми и карими глазами, крепкого телосложения.
- Их стало много. От двух братьев Тархановых (семья третьего потеряна) свыше трех тысяч потомков, воссоздано четыре родословных древа. В наши дни потомки трех братьев разъехались по всей России и за ее пределы.
- Им присуще трепетное отношение к своим детям, внукам во всех семьях. Семья на всех витках истории всегда для них была на первом месте.

Список литературы

[1] Исповедные росписи Красноярской Покровской церкви за 1771 г. ГАКК Ф.592 Оп.1 Д.26Б.

[2] Исповедные росписи Красноярской Покровской церкви за 1784 г. ГАКК Ф.592 Оп.1 Д.84А

[3] Исповедные росписи Боготольской Богоявленской церкви за 1790 год. ГАКК, Ф.592, Оп.1, Д.131Б

[4] Исповедные росписи Краснореченской Михаило-Архангельской церкви за 1804 год. ГАКК Ф.592 Оп.1 Д.320

[5] Исповедные росписи Кийской Николаевской церкви за 1787 год, ГАКК Ф.592 Оп.1 Д.119

[6] Ревизские сказки на кочующих инородцев Ачинского округа Кызыльской степной думы Шуйской управы // ГАКК. Ф.160 Оп.3 Д.438

[7] Устав об управлении инородцев 1822 // М.: Большая российская энциклопедия, 2017.

УДК 316.347 (571.6)

Вниз по Амуру. Роль Анны Васильевны Смоляк в формировании дальневосточной этнографии

Глебова Елена Викторовна
Редактор Центрального аппарата Союза театральных деятелей РФ,
г. Москва, Россия.
elena.glebova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0159-802X

АННОТАЦИЯ А.В. Смоляк – одна из заметных фигур в российском североведении. Ее многолетние исследования коренных народов Амуро-Сахалинского региона стали существенным вкладом в формирование дальневосточной этнографии и важной частью истории отечественной науки. А.В. Смоляк принадлежат фактологические находки, теоретические открытия в различных областях этнологического изучения тунгусо-маньчжурских народов, нивхов, айнов. Особое внимание исследователь уделяла решению проблемы этногенеза – ключевой для советской этнографии 1950–1980 гг., используя в качестве основного источника собранные за несколько десятилетий полевые материалы. Это позволяет проследить существенные трансформации в традиционном укладе жизни коренных сообществ в советский период и ставит труды Смоляк в ряд основных и наиболее цитируемых по этнографии народов российского Дальнего Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А.В. Смоляк, народы Амуро-Сахалинского региона, североведение, научное наследие.

Целенаправленные этнографические исследования на территории российского Дальнего Востока и формирование первоначальной научной базы начались лишь в середине XIX в., когда с подписанием Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров обширные территории современного Хабаровского края, северные районы Приморья, Сахалин и часть Амурской области вошли в состав Российской империи.

На первом этапе в этот процесс в основном были вовлечены энтузиасты – военные, миссионеры, учителя, путешественники, но уже во второй половине XX в. в дальневосточной этнографии наступил так называемый классический период. К изучению коренных народов Нижнего Амура обратились профессиональные этнографы, создавшие концептуальный фундамент, на который по-прежнему опирается современная наука. Комплексные этнографические исследования российского Дальнего Востока проводились в 1950–1980 гг. специалистами Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, в Дальневосточном отделении АН СССР, а также в ряде других научных и образовательных центров.

В ряду знаковых для дальневосточной этнографии имен, среди которых Л.Я. Штернберг, Б.О. Пилсудский, И.А. Лопатин, В.К. Арсеньев, И.Е. Крейнович, А.М. Золотарев, Ч.М. Таксасми, Ю.А. Сем и других исследователи, важное место принадлежит Анне Васильевне Смоляк – крупному ученому-североведу, доктору исторических наук, автору четырех монографий, двух фотоальбомов и более 150 статей. Ее научные труды, получившие мировую известность, относятся к фундаментальным и наиболее цитируемым. Исследования А.В. Смоляк по-прежнему актуальны, они используются для восстановления утраченных знаний и позволяют защитить традиционные способы рыбной ловли при рассмотрении вопросов о внесении изменений в Закон о рыболовстве (например, сетевой промысел рыбы), поднимаемых Ассоциацией КМНСС и ДВ РФ. Однако высшей оценкой научного наследия этого североведа можно считать то, что даже десятилетия спустя А.В. Смоляк помнят в дальневосточных регионах, а ее главные книги как большая ценность хранятся в личных библиотеках представителей коренных народов и являются для них авторитетными (ПМА: 2010. с. Булава, Ульчский район,

Хабаровский край, от И.П. Росугбу; с. Троицкое, Нанайский район, Хабаровский край, от Е.А. Киле).

Несмотря на заметное положение А.В. Смоляк в российской этнологии, о ней самой написано немного [2-6; 8]. Одна из причин, возможно, связана с характером Анны Васильевны – человека, по мнению ее коллег, скромного и непубличного. Кроме того, личный архив исследователя, хранящийся в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, не разобран и не изучен, что затрудняет доступ к дополнительным сведениям.

К числу важных публикаций относится очерк «Шестьдесят лет в российской науке», написанный кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником отдела Севера и Сибири ИАЭ РАН Е.П. Батьяновой к 80-летию ученого [2]. В его основе личные воспоминания и беседы автора с А.В. Смоляк, что позволяет не только узнать о характере этой неординарной женщины и ее профессиональных приоритетах, но и почувствовать время, в котором ей довелось жить и заниматься наукой.

Семью Смоляк (в девичестве Стрениной) коснулись сталинские репрессии: в 1935 г. отца приговорили к 10 годам заключения по 58 статье и отправили отбывать наказание на угольные копи в Караганду. Ее студенческие годы совпали с Великой Отечественной: она прервала обучение,но в эвакуацию не уехала, оставшись в осаждаемой Москве, работала на фабрике, шила обмундирование для бойцов, дежурила в госпитале, сдавала кровь для раненых (позднее Смоляк была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»). В 1945 г., уже продолжая обучение в МГУ, вместе с другими студентками-этнографами участвовала в специальных программах, разработанных М.Г. Левиным, Г.Ф. Дебенцем, Н.Н. Чебоксаровым, проводя антропологические измерения в лагерях для военнопленных немцев, итальянцев и японцев. Самый плодотворный период этнографических исследований А.В. Смоляк пришелся на 1950–1980-е гг.– эпоху «развитого социализма», когда отечественная наука развивалась под знаком «прикладных задач», а ее тематика и проблемы были неотделимы от государственной национальной политики [7, с. 781; 1, с. 4].

Цель доклада заключается в том, чтобы осветить основные этапы научной деятельности А.В. Смоляк, сделать краткий анализ ее основных работ и показать выдающуюся роль в формировании дальневосточной этнографии, выявить вклад в развитие таких важных тем, как этногенез, этническая история, традиционная материальная культура народов Амуро-Сахалинского региона. В разные годы Смоляк проводила этнографические исследования в Китае, на Чукотке, но в итоге ее главные научные интересы оказались связаны с Нижним Амуром и Сахалином.

А.В. Смоляк принадлежит к московской школе советского североведения. Профессиональное образование она получила на кафедре этнографии исторического факультета МГУ, где преподавали такие крупные советские этнографы, как М.О. Косвен, С.А. Токарев, М.Г. Левин, а также Н.Н. Чебоксаров – в дальнейшем руководитель ее дипломной работы «Женская национальная одежде дунган». С 1952 по 1956 г. в жизни Смоляк был короткий ленинградский период: она работала в секторе Сибири Ленинградского отделения Института этнографии, где в соавторстве с Б.А. Васильевым завершала подготовку разделов по нижнеамурским народам для академического справочника «Народы Сибири» (опубликован в 1956 г.) Когда в 1955 г. в Московском отделении Института этнографии был создан сектор по изучению социалистического строительства у малочисленных народов Крайнего Севера, Смоляк вернулась в родной город, и с августа 1956 г. это стало главным местом ее работы. Именно здесь, отмечает Е.П. Батьянова, в полную силу раскрылся исследовательский талант Анны Васильевны, она приобрела международную известность как один из крупнейших специалистов по этнографии народов Амуро-Сахалинского региона [2, с. 22].

Впервые на Нижнем Амуре А.В. Смоляк, в то время аспирантка Московского

института этнографии, побывала в 1947 г. в составе комплексной антропологоэтнографической экспедиции. Поездка заняла полгода и в итоге повлияла на дальнейший профессиональный путь исследователя. Начинающему этнографу удалось собрать обширные сведения по этнографии одного из восьми нижнеамурских народов – ульчей, послужившие основой ее кандидатской диссертации «Материальная культура ульчей и проблема их этногенеза» (защита состоялась в 1957 г.). Часть полевых материалов исследователь включила в статью «Этнографическое изучение ульчей в 1947 г.», опубликованную в 1949 г. в Кратких сообщениях Института этнографии [10], представив научному сообществу новые сведения по материальной культуре этого народа. Так, Смоляк впервые подробно описала охоту на нерп у ульчей; зафиксировала множество ранее не известных названий ульчской обуви и на основе этнографических материалов ульчей, нивхов и орочей сделала классификацию обуви народов Сибири, придя к выводу о бытовании двух ее типов – «тунгусского» и «амурского»; рассмотрела технологию строительства зимних жилищ на Амуре и ввела в научный оборот термин «пазовая техника» [2, с. 21].

С конца 1950-х до середины 1980-х гг. А.В. Смоляк практически каждый год приезжала на Нижний Амур, каждое ее «поле» длилось от трех до пяти месяцев, и этот период жизни исследователя можно назвать одной большой экспедицией. В 1957 г. она провела пять месяцев среди нивхов и ульчей, а в следующем году столько же времени среди ульчей и нанайцев. В общей сложности на счету Смоляк 20 полевых сезонов, во время которых она не единожды побывала почти во всех национальных селениях Амуро-Сахалинского региона, фиксируя подробные сведения по этнографии нивхов, ульчей, нанайцев, удэгейцев, негидальцев, орочей, эвенков, ороков (уйльта), параллельно делая зарисовки, аудио и фотофиксацию – важные методы полевой работы, усвоенные ею еще во время обучения в МГУ.

А.В. Смоляк сформировала уникальный архив экспедиционных фотографий 1940–1970-х гг., сделанных в нижнеамурских селах Дуди, Ухта, Кондон, Булава, Калиновка, на северо-западе Сахалина в с. Рыбное. В фотоальбом «Народы Нижнего Амура и Сахалина», вышедший в 1999 г. в Японии, а в 2001 г. в российском издательстве «Наука» и ставший последней книгой А.В. Смоляк и своего рода подведением итогов, исследователь включила 769 снимков, на которых зафиксированы многие утраченные элементы быта и традиционной культуры коренных народов Амуро-Сахалинского региона (например, вешала для рыбы, берестяные оморочки, виды удочек-махалок и сачков, орудия для вычерпывания льда из проруби; этапы выделки рыбьей кожи для изготовления обуви, которая еще в 1940–1950-е гг. широко использовалась во время зимней рыбалки, и др.), что делает их ценным историческим источником [15].

А.В. Смоляк не знала языков коренных народов, однако записывала большое количество терминов, связанных с обрядовыми практиками, религиозными верованиями, комплексом рыболовной культуры народов Нижнего Амура и Сахалина, а затем тщательно проверяла собранные материалы, чтобы в дальнейшем представить их с предельной точностью и достоверностью. По мнению коллег Анны Васильевны, ее главными качествами были тщательность и скрупулезность в сборе полевых материалов и работе с архивными источниками, бережное и уважительное отношение к трудам предшественников. По обширности базы этнографических источников научные труды Смоляк являются образцом для всех последующих поколений исследователей [17, с. 6].

В 1950–1980-е гг. в отечественной науке сложилось два основных направления этнографических исследований: традиционная культура и этногенез и изучение современности. Вопросы этногенеза и этнической истории составляли суть многих академических проектов советского периода и разрабатывались исследователями на протяжении десятилетий. [1, с. 243; 7, с. 783]. Работы А.В. Смоляк охватывают весь диапазон – от традиционного хозяйства до социалистических преобразований на Севере.

Ее монография «Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем», опубликованная в 1966 г., стала одним из первых научных трудов, где дана максимально полная этнографическая характеристика этого амурского народа, в новом ракурсе рассмотрены такие важные моменты, как происхождение и основные функции ульчские родов [11]. Исследователь впервые всесторонне представила послереволюционный период в жизни ульчей, рассмотрела трансформации в их традиционном хозяйственном укладе, социальных отношениях, сфере духовной культуры.

В 1975 г. в свет вышла вторая монография Смоляк «Этнические процессы народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в.», основанная на обширных архивных и полевых материалах, где впервые полно и скрупулезно даны сведения по этническому составу населения Амуро-Сахалинского региона и родовой структуре всех нижнеамурских народов [12]. Рецензент В.Р. Кабо отмечал, что это «заметная веха в этнографическом изучении Советского Дальнего Востока» [3, с. 168]. Впервые в отечественной научной литературе Смоляк представила полный перечень нивхских родов. Это стало возможным благодаря тому, что автор обнаружила в архиве г. Николаевска-на-Амуре списки родов нивхов Амура и лимана: в 1920-е гг. представители этого народа еще не имели фамилий и при регистрации брака указывали свою родовую принадлежность. Таким образом, брачные списки оказались единственным письменным свидетельством родового состава амурских и лиманских нивхов и были введены в научный оборот.

Анализируя соотношения общины и рода, автор убедительно доказала, что род у нижнеамурских коренных сообществ в XVIII–XXвв. не являлся экономической единицей, не имел территориального единства, а функции регулирования хозяйственной жизнью осуществлялись не родом, а территориальной общиной [2, с. 27; 3, с. 168]. Смоляк одной из первых обратилась к вопросам о характере этнического самосознания нижнеамурских этносов и сделала важный вывод: жившие очень разбросанно, мелкими группами, различавшимися по культуре, языку и происхождению, эти народы не осознавали своего этнического единства, оно существовало лишь в масштабах рода либо территориальной группы, состоявшей из нескольких родов [12, с. 52].

Рассматривая межэтнические и внутриэтнические связи в Амуро-Сахалинском регионе, исследователь показала значительные перемены, затронувшие во второй половине XIXв. главную отрасль хозяйства – рыболовство, которое все больше приобретало товарный характер [12, с. 177]. В монографии анализируются процессы культурной адаптации коренных народов в связи с наплывом пришлого населения, в результате которого условия рыболовного промысла кардинально менялись. Касаясь другой важной темы – распределения рыболовных угодий между коренными народами – Смоляк отмечает, что на Амуре они всегда находились в свободном пользовании, здесь не существовало «извечных», передаваемых по наследству рыболовных участков. Она приводит лишь отдельные примеры специфической «личной собственности» у нанайцев и ульчей, так называемых «зимовальных ям», где во время сильных морозов скапливалась рыба, и отмечает, что все местные народы придерживались принципа уважать право человека, промышляющего в данном месте [12, с. 160].

В 1984 г. в издательстве «Наука» опубликована монография А.В. Смоляк «Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект». Определяя этот регион как своеобразный перекресток путей, по которому издавна проходили небольшие группы народов различного происхождения, исследователь подчеркивала, что, несмотря на обширную литературу, история, этнография и этногенез коренного населения исследованы далеко не полностью, а состояние обозначенной проблемы осложняется тем, что процесс изучение начался достаточно поздно [13, с. 5].

Сопоставляя и анализируя элементы культуры коренных народов Амуро-Сахалинского региона, результаты археологических и лингвистических исследований, труды первых этнографов конца XIX – начала XX в., архивные материалы, словари,

коллекции этнографических музеев, автор монографии впервые показала процесс формирования и функционирования на этих территориях особой рыболовной культуры, оказавшей влияние на все сферы жизни коренных сообществ. Представляя тему рыболовства всесторонне, включая подробную терминологию, Смоляк выявила межэтнические и внутриэтнические связи на Нижнем Амуре и Сахалине. В работе содержится подробное описание рыболовных орудий и технологий их изготовления, способов лова у нанайцев, нивхов, ульчей, орочей, удэгейцев с обязательным указанием места сбора записей, что является отличительной чертой всех научных трудов А. В. Смоляк. Автор делает вывод, что рыболовные орудия на Нижнем Амуре составляют единый комплекс, высокая эффективность которого способствовала возникновению специфической рыболовной культуры, служившей населению не только источником пищи, но и материалов для одежды, обуви и других нужд [13, с. 66]. Кроме того, подробный анализ рыболовческих терминов, установление происхождения некоторых из них позволили ученому говорить о преобладании в рыболовстве всех тунгусоязычных народов «аборигенной» терминологии, что подтверждает древнее происхождение местного комплекса рыболовной культуры, его преемственность между современными нанайцами, ульчами и древним населением Нижнего Амура. [13, с. 67-68, 235].

Исследования А.В. Смоляк рыболовной культуры Амуро-Сахалинского региона позволили заполнить серьезные пробелы в этнографии отдельных народов. К примеру, до публикации монографии «Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект» в литературе практически не имелось сведений о рыболовстве низовых негидальцев. Отдельное внимание автор уделяет экологическим знаниям местных народов, позволявшим сделать промысел наиболее эффективным. [13, с. 34, 42].

В 1990 г. по совокупности трудов по проблемам этногенеза и этнической истории А. В. Смоляк защитила докторскую диссертацию в форме научного доклада, а через год в свет вышла монография «Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура)» – главная книга ученого [14]. В 1998 г. она была переведена на немецкий язык и издана в Германии, позднее в Венгрии вышла рецензия на нее, что окончательно определило место автора в ряду ведущих специалистов по религиям сибирских народов [3, с. 168; 6, 547]. Этот во многом уникальный научный труд – результат более чем 40-летних этнографических исследований на Нижнем Амуре, во время которых Смоляк собрала обширный материал по религиозным верованиям нанайцев и ульчей. Полевые работы проводились среди представителей среднего и старшего поколений (в 1950-е гг. это были в основном лица, родившиеся в конце XIXв.). «Мои информаторы, шаманы и не шаманы, большая часть жизни которых прошла в советское время, были вполне современными людьми, активными членами общества, не отвергавшими нового в разных сферах жизни, – пишет А.В. Смоляк. – Все они были прекрасными знатоками нанайской и ульчской религий; и те и другие сообщали сведения как по шаманизму, так и по верованиям вообще» [14, с. 7]. При работе над монографией исследователь опиралась на научные труды своих предшественников, использовала этнографические коллекции Ленинграда, Хабаровска, Николаевска-на-Амуре, формировала прочную источниковедческую базу из фактов, собранных в «поле». Смоляк делала магнитофонные записи шаманских камланий (в общей сложности более 20 пленок), расшифровывала их, дополняя подробными комментариями самого шамана, и именно такой метод позволил открыть новые стороны во взглядах и верованиях, которые при обычной беседе с информаторами не вскрываются [9, с. 186; 14, с. 8].

С точки зрения доктора исторических наук А. А. Сириной, книга А. В. Смоляк «Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура)» выстроена с опорой на традиции и логику советской науки 1950–1980-х гг., связанную с позитивизмом, типологизацией духовных явлений, их генезисом. Рецензент подчеркивает, что

Смоляк искала объяснение особенностей шаманства у народов Нижнего Амура не столько в индивидуальном шаманском опыте, сколько в традиционной культуре и истории этнических контактов, для чего обращалась к этногенетической проблематике отдельных родов нанайцев и ульчей, рассматривала фигуру шамана как характерного представителя своего рода, тесно с ним связанного [9, с. 186].

Привлекая материалы по шаманизму и духовной культуре других народов Сибири и Дальнего Востока, исследователь подробно анализирует представления нанайцев и ульчей о мире, дает развернутую картину мира духов, приводит важные сведения о таком понятии, как «душа человека». А.В. Смоляк стала первым североведом, подробно описавшим обряды посвящения шаманов, зафиксировавшим и проанализировавшим типы и образцы камланий. В ее монографии впервые приведена подробная шаманская терминология, классифицированы одежда, снаряжение и атрибуты шамана. Обобщая основные этнографические источники, автор приходит к выводу, что по своим основным признакам шаманизм нанайцев и ульчей близок к аналогичному явлению, распространенному у большинства других народов Севера, но при этом существуют особые элементы, делающие шаманизм нижнеамурских народов своеобразным явлением. Например, принципиальное отличие души шамана от души человека, отсутствие школы шамана, широкая практика хранения душ детей и взрослых в особых «потусторонних» хранилищах, специфическая форма экстаза, бубен особой формы, культ ритуальных стружек и др. [14, с. 256].

В монографии по шаманизму нижнеамурских народов с особой яркостью раскрылся талант Смоляк не только как этнографа-полевика, но и прекрасного рассказчика: на страницах книги оживают судьбы и характеры конкретных носителей традиционной культуры – шаманов, их родственников и помощников. Не случайно в опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» рецензии М. Д. Каракетова и Я. В. Чеснова сказано, что благодаря доскональности подхода А. В. Смоляк, ее работа заняла почетное место среди новых исследований проблемы шаманизма [2, с. 26].

Материалы своих полевых исследований А.В. Смоляк обобщала не только в статьях и монографиях, но и в документах особого назначения. В советский период этнографы, находясь в жестких идеологических рамках, не могли открыто писать о недостатках национальной политики, отрицательных сторонах социально-экономического и культурного развития коренных сообществ, нарушая тем самым принцип объективности. Главные акценты следовало делать на «успехах», «сближении», «преодолении различий», «однородности» и т. д [16, с. 5; 7, с. 784]. Тем не менее, в научном наследии советских североведов есть уникальный опыт практической деятельности, в котором, по мнению Е.А. Пивневой, нашла выражение гражданственность их позиции по отношению к проблемам коренных народов [7, с. 784]. Реальную ситуацию в национальных районах этнографы представляли в докладных записках и научных разработках, направлявшихся в директивные органы под грифом «для служебного пользования».

По итогам своих экспедиций на Нижний Амур А.В. Смоляк написала более 20 научных разработок по целому ряду экономических проблем, обращая внимание на трудности национальных рыболовецких колхозов, в которых работали нанайцы, нивхи, ульчи, негидальцы, на тяжелое положение пенсионеров в национальных поселениях, подчеркивала важность обеспечения коренных жителей рыбой, сообщала о недостатках в образовании, медицинском и культурном обслуживании населения и др. [2, с. 24]. Сегодня эти материалы также являются важными документальными источниками и свидетелями времени.

В монографии С. Алымова, посвященной П.И. Кушнеру и развитию советской этнографии в 1920–1950-е гг., автор приводит высказывание Л. Грэхэма о том, что политическое влияние на науку является в ее истории скорее правилом, чем исключением, и со временем ученые выходили в своих исследованиях за пределы

политических установок в действительно интеллектуальную сферу [1, с. 246].

Именно такую «траекторию», прослеживаемую С. Алымовым в научной деятельности П.И. Кушнера, можно наблюдать и в творческой биографии А.В. Смоляк, для которой наука более 60 лет являлась главным смыслом жизни, а научные труды заняли достойное место в истории отечественной и мировой этнографии, не потеряв актуальности и сегодня.

Список литературы

[1] *Алымов* С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950 годы. М.: ИЭА РАН, 2006. 257 с.

[2] *Батьянова* Е.П. Шестьдесят лет в российской науке: (к 80-летию Анны Васильевны Смоляк) / Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк: науч. сб. / Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам; отв. ред. В.И. Харитонова. М., 2000. С. 17-29.

[3] *Батьянова* Е.П. Анна Васильевна Смоляк // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 165-169.

[4] *Глебова* Е.В. Научные труды Анны Смоляк как важная часть этнографии коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Культура и наука Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 76-82.

[5] Глебова Е.В. Судьба связана с Амуром. К 100-летию Анны Васильевны Смоляк (1920–2003) // Словесница искусств. 2020. № 1 (45). С. 4-7.

[6] *Огрызко* В. Смоляк (до замужества Стренина) Анна Васильевна / Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: биобиблиогр. словарь. Москва, 2013. С. 545-548.

[7] *Пивнева* Е.А. Советское этнографическое североведение второй половины XX в. в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 780-788.

[8] Сибирь и Север: персоналии: Материалы к учебнику. / Ред., сост. Н.Б. Вахтин, А.М. Пиир. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 104

[9] *Сирина* А.А. Рец. на: Bulgakova T. Nanai Shamanic Culture in Indigenous Discourse.Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2013 // Этнографическоеобозрение. 2016. № 5. С. 186-188.

[10] *Смоляк* А.В. Этнографическое изучение ульчей в 1947 г. // Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Вып. V. С. 40-53.

[11] *Смоляк* А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.

[12] *Смоляк* А.В. Этнические процессы народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1975. 232 с.

[13] *Смоляк* А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 246 с.

[14] *Смоляк* А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 276 с.

[15] *Смоляк* А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: фотоальбом. М.: Наука, 2001. 318 с.

[16] *Старцев* А.Ф. История социально-экономического и культурного развития удэгейцев (середина XIXXX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 256 с.

[17] Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк: науч. сб. / Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам; отв. ред. В.И. Харитонова. М., 2000. Т. 6. 338 с.

УДК 39

«Большие проекты» и «малые народы»: советские преобразования в дискурсе этнографического сибиреведения

Пивнева Елена Анатольевна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия.
pivnel@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-8582-417X

АННОТАЦИЯ Основное внимание в докладе сфокусировано на идеологических и политических основах советской национальной политики в отношении «малых народов» Севера как факторе и контексте производства этнографических знаний. К обсуждению предлагается вопрос о том, как отозвались на этих народах, а также на научной деятельности изучающих их исследователей, «ошеломляющие повороты» советского политического курса. Рассмотрение предложенных сюжетов поможет приблизиться к ответу на ряд важных вопросов. Институализация исследовательских полей этнографа-сибиреведа – это реакция на внешние контекстуальные, или имманентные развитию этнографической традиции мотивы? Каковы были модели исследовательских стратегий в условиях тоталитарного режима? Насколько правдоподобно советская историография отражала реальную действительность?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА этнографическое сибиреведение, малые народы Севера, советская этнонациональная политика

В настоящем докладе основное внимание будет сфокусировано на идеологических и политических основах советской национальной политики в отношении «малых народов» Севера как факторе и контексте производства этнографических знаний. Интерес к этому сюжету связан со все более осознаваемой в научном сообществе необходимостью антропологического взгляда на этнографию / этнологию / социально-культурную антропологию как социально и культурно обусловленную практику [2].

Отдельные сюжеты из истории советского этнографического сибиреведения / североведения нашли свое отражение в ряде публикаций, существуют также попытки периодизацииэтой научной дисциплины, построенные главным образом на основе событийной истории [1, с. 62-64]. Вместе с тем, к ней (дисциплине) в полной мере можно отнести замечание С.В. Соколовского о том, что «история идей с присущим ей вниманием к механизмам смены доминирующих парадигм и дискуссионных фокусов остается ненаписанной» [18, с. 37]. При этом, считает ученый, «история дисциплины у нас практически всегда изображалась как история автономная, как развитие внутренних импульсов, в то время как следовало бы писать ее практически исключительно, хотя исключения все же были <...>, как развитие под воздействием внешних импульсов, как историю контекстуальную» [18, с. 34]. Другие исследователи обращают внимание на то, что абсолютизация внешних воздействий зачастую ведет к преуменьшению, а то и игнорированию внутренних факторов развития науки [19, с. 10]. Рассмотрение предложенных выше сюжетов поможет нам приблизиться к ответу на ряд важных вопросов. Институализация исследовательских полей этнографа-сибиреведа – это реакция на внешние контекстуальные, или имманентные развитию этнографической традиции мотивы? Каковы были модели исследовательских стратегий в условиях тоталитарного режима? Насколько правдоподобно советская историография отражала реальную действительность?

Понятие «малые народы» введено в оборот в 1920-е гг. специальными постановлениями ВЦИК и СНК. В 1926 г. «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» был сформирован «Список

– 26-ти», который закрепился в науке и общественной практике на долгие годы (алеуты, долганы, ительмены, кеты, коряки, манси, нанайцы, негидальцы, ненцы, нганасаны, нивхи, ороки, орочи, саамы, селькупы, тофалары, удэгейцы, ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены, энцы, эскимосы и юкагиры). Группу этих народов было принято рассматривать как единый специфический объект познания и социального управления, имеющий много общего: суровые природно-климатические условия, низкий исходный уровень экономического и социального развития к началу социалистического строительства, специфика национальных (этнических) традиций, быта, самосознания [16, с. 10].

Такое словоупотребление было созвучно проводимой советской властью политике патернализма по отношению к северным аборигенам: «малые народы» нуждались в опеке, всесторонней помощи в деле социалистического строительства. В основу северной этнонациональной политики на начальном этапе преобразований была положена ленинская концепция некапиталистического пути развития, призванная продемонстрировать преимущества социализма над капитализмом в решении проблем коренного населения. Выступая на II конгрессе Коминтерна (1920 г.) Ленин выдвинул теоретическое положение о том, что после победы социалистической революции капиталистическая стадия развития становится необязательной для отдельных стран и народов. «Отставшие» народы могут перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, в результате целенаправленных социалистических преобразований, которые будут реализованы у них под руководством Коммунистической партии и при активном участии российского пролетариата.

По одной из версий периодизации истории народов Севера некапиталистический путь их развития охватывал период с 1920 по 1930 год и был предварительной ступенью («долгие муки родов») социализма [20, с. 11]. По факту это означало кардинальную трансформацию практически всех сфер жизнедеятельности северных аборигенов. На интернациональной, общесоветской, основе у них создавались государственность, письменность, формировались новые социально-экономические отношения и связи [12; 20]. Наличие внутренних («национально-специфических») особенностей все же признавалось за народами Севера, не случайно они были выделены в отдельную социальную категорию советских граждан. Считалось, что эти особенности могли в той или иной мере содействовать или, наоборот, сдерживать процессы строительства социализма и достижения конечной цели – полной интернационализации общественной жизни. «Позитивные элементы», способные стать формой или носителем общего, а также культурные особенности, существование которых детерминировалось природно-климатическими условиями, следовало развивать и совершенствовать. Другие – изживать и/или ликвидировать.

Удельный вес общего и особенного в различных сферах жизни северных аборигенов был разным. Преимущественно на основе общего развивались быт, культура, образование, в меньшей степени традиционная хозяйственная деятельность, которая в значительной мере сохраняла свои особенные элементы (главным образом в оленеводстве). Сложность и противоречивость этих процессов делали необходимым поиск концептуальных решений, организационных форм и методов, обеспечивающих планомерный переход народов Севера «от патриархальщины к социализму». Для содействия этому переходу создавались специальные правительственные органы. Так, в марте 1922 г. в составе Наркомнаца был образован Полярный подотдел по охране и управлению туземными племенами Севера, а в июне 1924 г. – Комитет содействия народностям северных окраин при Президиума ВЦИК (Комитет Севера), который сыграл особенно большую роль в процессе приобщения народов Севера к новой жизни.

Задача этнографов на начальном этапе преобразований заключалась в исследовании особенностей формирования основ социализма в конкретных условиях. Среди

научных направлений значились: реализация ленинской национальной программы строительства социализма, предпосылки некапиталистического пути развития, общее и особенное в формировании основ социализма и пр. [1]. Этнографическая экспертиза призвана была, по образному выражению А.В. Головнева, «отделить злаки от плевел» и определить, с какими «пережитками» следует покончить, а какие традиции можно применить к социализму на Севере [5, с. 139]. Разработка этнографической проблематики в значительной степени определялась практическими задачами социалистического строительства. Сведения о состоянии экономики, о культуре и быте народов Севера и Сибири широко использовались при проведении национального районирования, школьном строительстве, организации культурно-просветительной работы, медицинского обслуживания, налаживании торговли, переустройстве быта и т.д.

В результате появилась обширная литература о народах Севера, в том числе и по вопросам национального строительства. В числе таких работ особое место занимает изданный в 1955 г. фундаментальный труд М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера», который стал первым обобщающим исследованием социалистических преобразований у северных народов [12]. Сюжет многих исторических трудов составляли различные инициативы партии и правительства и их успешное осуществление в ходе коллективизации, индустриализации и культурной революции (малые народы «получили политическую автономию», перешли «к социалистическому способу производства», «от поголовной неграмотности до своей письменности, литературы и искусства и собственных кадров национальной интеллигенции»). Как верно отметил Ю.Л. Слезкин, главным смыслом истории коренных народов Севера в советской историографии было то замечательное достижение, что в своем развитии они миновали большинство выделенных Марксом стадий общественного развития [14, с. 378]. Подобные работы стали особенно популярными в конце 1960-х – 1970-е годы, когда считалось, что опыт советских охотников, собирателей и оленеводов может пригодиться новым союзникам СССР из стран «третьего мира» (Увачан 1958, 1971; Мазуренко 1961; Таксами 1964; Бударин 1968; Клещенок 1968, 1972; Балицкий 1969; Зибарев 1972; Киселев 1974 и др.).

XXI съезд КПСС (1959 г.) провозгласил, что в СССР социализм одержал полную и окончательную победу, и Советский Союз вступил в новый исторический период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Зафиксированные в новой редакции Программы КПСС (1961 г.) объективные закономерности и тенденции развития социализма должны были привести «к углублению интернационализации всех сторон общественной жизни советских наций и народностей, становлению социальной однородности общества, развитию советского народа как целостной социальной и интернациональной общности, всеобъемлющему развитию личности» [11, с. 92].

Масштабные изменения в хозяйстве, культуре, семейных отношениях, бытовой сфере языковой ситуации различных народов Северной Сибири и Дальнего Востока нашли отражение в многочисленных трудах североведов, написанных главным образом по результатам экспедиционных исследований [3; 7]. Большая работа по обобщению и публикации этих материалов была проведена сотрудниками созданного в середине 1950-х годов в Москве сектора по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (см., например, сборник «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера», вышедший в Институте этнографии АН СССР под редакцией Б.О. Долгих и И.С. Гурвича) [10]. Однако писать о недостатках национальной политики в открытой печати этнографы тогда не могли по цензурным соображениям. В публикациях тех лет малые народы Севера «строят новое общество в одном ряду с другими народами, процессы их развития идут в общем русле интернационализации всей общественной жизни, формирования и развития одной общности – советского

народа. Общее в развитии является определяющим и целенаправляющим как в области формирования теоретических концепций, так и в области стратегии управления процессами дальнейшего прогрессивного развития народностей Севера» [11, с. 93].

Заключение

При характеристике советской этнонациональной политики в целом, авторитетные специалисты в этой области отмечают: «Фактически вопрос состоял в несовместимости классового подхода, истинно "коммунистического понимания" решения национального вопроса и сложных, многоуровневых процессов развития национальных отношений. Это обстоятельство накладывало отпечаток на все, что касалось изучения и практических действий в сфере межнациональных отношений. Одной из ошибок и просчетов в данном вопросе было то, что серьезных институтов научной, этнологической экспертизы состояния дел в национальной области создано не было. А если в данном направлении и принимались (особенно в первые годы) некоторые шаги, то идеологические приоритеты все равно господствовали в деятельности таких учреждений, ментальности их руководителей» [22, с. 52-53].

Что касается этнографического сибиреведения / североведения, очевидно, что их исследования находились в русле «больших проектов», в плену официальной марксистско-ленинской идеологии. Общий недостаток советской историографии преобразований – презентизм, т.е. изложение событий с идеологических и политических позиций текущей повестки дня, как реализация решений и постановлений партийных органов [18, с. 37]. Это относится, например, к теории «развитого социализма», на которую было потрачено много интеллектуальных сил и средств. Как верно заметил московский профессор В.В. Карлов, эта теория была призвана идеологически обосновать выдачу желаемого за действительное. «Отблеск такого социального заказа лег и на ее часть, касавшуюся судеб и перспектив исторических общностей. Конкретно это выразилось в преобладании простой подгонки фактов и обобщений исследований исторической действительности у народов страны под то, что теоретически должно было бы быть, над исследованиями реального развития интеграционных связей у социальных и национальных компонентов народонаселения СССР» [8, с. 457-458].

Исследователи обращают также внимание на то, что официальный марксизм, исповедуемый почти как религиозная догма, приводил «к девальвации всего субъективного, индивидуального, частного и подчеркиванию (вопреки реальности!) `объективного`, `независимого наблюдения`, `всеобщего`» [18, с. 35-36].

Среди минусов научных публикаций советского периода, если оценивать их с позиций сегодняшнего дня, – «лакировка действительности», «парадность изложения», «победные реляции» (неизбежное подчеркивание успехов). Действительно, в советском обществе, где власть была спаяна с идеологией, табуировано было или могло быть все, что в партийную идеологию не вписывалось. Люди просто боялись репрессий (еще живы были воспоминания о гонениях на религию, крестьян-единоличников, публичное клеймение «старого быта и т.п. [24, с. 123]. Рефлексию на сей счет находим у известного советского этнографа С.И. Вайнштейна: «Нельзя не признать, что в публикациях тех лет мы действительно не увидим реальной картины жизни северных народов со всеми их социально-бытовыми проблемами. Большинство сибиреведов, надо, увы, признать, писали в своих публикациях только о достижениях, нередко лишь мнимых. Но далеко не всегда эта была вина самих ученых, выполнявших суровый социальный заказ, нередко вопреки своей научной и гражданской совести» [4, с. 294].

Но было и другое интеллектуальное пространство, где регистр изложения этнографического материала менялся. Известно, например, что советские сибиреведы активно пробовали различные стили и формы письма, предлагая очерки, этюды, новеллы и даже историко-этнографические романы (Гурвич 1975; Итс 1976; Туголуков 1969;

Симченко 1975, 1993 и др.) [13; 23]. Представляется убедительным мнение российского этносоциолога М.Н. Губогло о том, что в общем русле гуманитарного знания «именно этнографам принадлежала приоритетная роль по созданию выпуклого и правдивого образа советской действительности без заказанного властями приукрашивания во всех аспектах повседневной жизни: в материальной и духовной культуре, в динамике численности населения, в психологическом восприятии времени, причинности и пространства» [6].

Преимущество этнографа в этих вопросах – в обладании особыми приемами неформальной коммуникации, которое является частью профессионализма [21; 24]. Социальный диагноз, основанный на личном общении с представителями малочисленных народов, позволял исследователям предложить рецепт по сбережению национальной культуры и, следовательно, сохранению самих народов. Элементы академической оценки в «докладных записках» североведов (они, правда, носили закрытый характер и предназначались для служебного пользования) содержали попытки корректировать политику советского государства по отношению к народам Севера. Этот жанр научных публикаций представляет собой уникальный опыт практической деятельности советских этнографов, в котором нашли выражение гражданственность позиций исследователей по отношению к изучаемым народам и продолжение гуманитарных традиций основателей советской этнографии В.Г. Богораз-Тана, Л.Я. Штернберга, В.И. Иохельсона.

Развитие гласности в период перестройки (1985–1991) позволило ученым в полный голос сказать о бедственном положении народов Севера и тех негативных явлениях, о которых ранее писалось лишь в закрытых научных разработках для чиновников высших органов власти [15; 17]. Знаковым событием стала вышедшая из под пера московских североведов в начале 1990-х гг. книга «Народы Севера России» [9], в которой содержится осмысление актуальных проблем социально-экономического развития этих народов в период с середины 1960-х до 1980-х годов. Дальнейшие исследования проводились уже с учетом новых веяний в теоретической области этнографии, связанных с общественно-политическими трансформациями постсоветского периода.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Список литературы

[1] *Антропова В.В.* Проблема некапиталистического пути развития народов Севера в советской историко-этнографической литературе // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1971. С. 50-65.

[2] Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с.

[3] *Батьянова Е.П.* Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17-34.

[4] *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. Вып. I. М.: Вост. лит., 2002. С. 284-307.

[5] *Головнев А.В., Данилова Е.Н.* Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1(52). С. 132-143.

[6] *Губогло М.Н.* Советскость: мечта о процветании и/или агония саморазрушения?// Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации РМ: Международная научно-практическая конференция, посвященная дню славянской письменности "Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации РМ", 11 мая 2016 г., 19 мая 2017 г. Комрат: КГУ, 2018. 282 с.

[7] *Гурвич И.С.* Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 198-204.

[8] *Карлов В.В.* Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв.: монография. М.: КДУ, 2010. 476 с.

[9] Народы Севера России. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII. М., 1992. Ч. I-III.

[10] Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич и Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. 280 с.

[11] Программа координации исследований «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса («Народности Севера»). Новосибирск, 1987. 297 с.

[12] *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. 569 с.

[13] *Сирина А.А., Давыдов В.Н.* Этнограф Борис Александрович Васильев и его очерк «Пять дней среди орочей»: стратегии письма в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 5-22.

[14] *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008. 512 с.

[15] *Соколова З.П.* Актуальные проблемы сибиреведения // Советская этнография. 1989. № 6. С. 36-46.

[16] *Соколова З.П.* Народы Севера в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера в условиях экономической реформы и демократических преобразований. М., 1994. С. 16-49.

[17] *Соколова З.П.* Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее // Советская этнография. 1990. № 6. С. 17-32.

[18] *Соколовский С.В.* Общественные трансформации и «кризис» науки // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 26-52.

[19] *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. Москва, 1998. 258 с.

[20] *Увачан В.Н.* Народы Севера в условиях развитого социализма. Красноярск, 1977. 128 с.

[21] *Четырова Л.Б.* Аористодицея или как оправдать социального теоретика эпохи позднего социализма // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 82-99.

[22] Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих / отв. ред. В.А. Михайлов: «Скрипторий», «Русский мир», М., 1999. 584 с.

[23] *Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 7-18.

[24] *Щепанская Т.Б.* Символические репрезентации знания в неформальном дискурсе «поля» // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 100-140.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Традиционная культура коренных малочисленных народов Дальнего Востока России в условиях изменяющегося мира

УДК 639.24(571.6)"1920/1929"

Проблемы морского промысла на Дальнем Востоке России в 1920-е годы

Бакшеев Андрей Иванович
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Красноярск, Россия.
baksh-ai@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-7607-731X

АННОТАЦИЯ Состояние дальневосточного китобойного промысла в начале 1920-х гг. вызывало необходимость нахождения разумных и устойчивых компромиссов между интересами коренных тихоокеанских китобоев, экономическим развитием Дальнего Востока и интересами советского государства. Принципы, на которых было необходимо строить китобойную промышленность, соответствовали долгосрочной советской экологической политике, которая должна была опираться на местный опыт и учитывала потребности коренного населения в получении средств к существованию. В данной статье рассматривается развитие советского китобойного промысла в начале 1920-х годов, политикасоветской власти в отношении граждан, которые хотели бы начать китобойный промысел. Рассмотрены меры, направленные на защиту коренного населения региона и морских млекопитающих при одновременном укреплении здесь суверенитета Советской России.Материал исследования поможет лучше понять экологическую историю Дальнего Востока и особенно то, как идеи Российской империи в области охраны природы сохранились в советский период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА китобойный промысел, Дальний Восток, советская эпоха, киты, охрана природы.

В годы, последовавшие сразу после революции 1917 года, природный мир российского Дальнего Востока приобрел повышенное экономическое и политическое значение. Слабость временных правительств и советской власти открыла океанские акватории региона для безудержного разбоя и иностранного грабежа. В то же время, приход и укрепление советской власти позволяло надеяться на возможность полностью развить экономический потенциал Дальнего Востока в интересах Российского государства.

Состояние дальневосточного рыболовства к началу 1920-хгг. было крайне неудовлетворительным. Оно впало, по мнению А.Т.Мандрика, в настоящую «анархию и хаос» [3, с. 18]. Доля России в добыче северотихоокеанского лосося постоянно сокращалась, поскольку все больше и больше японских рыбаков ловили рыбу недалеко от Камчатки и устья Амура - и все это на законных основаниях благодаря Российско-японскому договору о рыболовстве, заключенному после поражения Российской империи в 1905 году.

Из-за усиления японского влияния и необходимости немедленного привлечения капитала в 1920 году Дальневосточная Республика (временно независимое государство, находящееся под влиянием Советской России) рекомендовала предоставить японцам неограниченный доступ к природным ресурсам российского Дальнего Востока [2, с. 52].

Учитывая напряженные обстоятельства текущего периода, руководство Советской России согласилось с данной рекомендацией,высказавшись за продолжение концессий на рыболовство японцам и за их распространение на Соединенные Штаты, поскольку большая часть американской деятельности на Дальнем Востоке оставалась незаконной. Американские китобои занимались промысломнедалеко от побережья, а иногда и прямо на берегу Чукотки, хотя и не в таких огромных количествах, как в девятнадцатом веке.Что касается российского китобойного промысла в прибрежных водах, то он был незначительным[5, с. 198].

Чтобы стимулировать местную инициативу, созданное в январе 1923 г.Дальневосточное краевое управление рыболовства и охоты, а также государственной рыбной и пушной промышленности«Дальрыбохота» предложилосоветским гражданам

представить собственные планыпо китобойному промыслу. При этом, гражданам, которым было выдано разрешение на охоту, были предъявлены особые требования по охране животного мира. Так, заявителям было приказано не бросать якорь вблизи мест лежки морского котика (районы, где охота была временно запрещена), опасаясь, что это может отпугнуть животных. Таким образом, советский китобойный промысел с самого начала был нацелен на охрану природы, хотя и отдавал предпочтение ластоногим и другим более мелким морским млекопитающим[4, с. 42].

Советская власть беспокоилась не только о защите природы, но и о потенциальных последствиях коммерческого китобойного промысла для коренных малых народов Дальнего Востока. Совершенно справедливо предполагалось, что коммерческий китобойный промысел может нанести им вред, особенно в результате сокращения их источников питания[1, с. 54].

Но и сохранение существующего положения было неприемлемым, поскольку аборигены (чукчи), занимавшиеся китобойным промыслом, продавали большую часть китовой продукции, которую не использовали для пропитания (в основном, китовый ус) американским торговцам в северной части Тихого океана. Эта контрабандная торговля, осуществлявшаяся в основном на островах Диомида в Беринговом проливе, оказалась неподконтрольнойСоветской власти[9, с. 114].

Таким образом, советскому государству нужна была политика, которая одновременно охраняла бы морских млекопитающих, сохраняла доступ аборигенов к их запасам продовольствия и изгоняла иностранцев, которые успешно конкурировали с российскими заготовителями в торговле с аборигенами.

По политическим причинам казалось необходимым, чтобы местные жители приняли непосредственное участие в дальневосточном китобойном промысле. Спонсируемые государством китобойные предприятия вытеснили бы как американских китобоев, так и менее ответственных собственных промысловиков, которые, как предполагалось, использовали в своих интересах чукчей и другие коренные народы. Такое отношение полностью соответствовало более широкой модели, в которойсоветская администрация рассматривала коренных жителей как беспомощных жертв иностранной эксплуатации. Этот расчет основывался на допущении, что советские предприятия будут более экологически ответственными, чем американский, «капиталистический» китобойный промысел.

В такой ситуации поддержка и даже субсидии отечественным китобоям казались вполне разумными. Официальные лица были готовы предложить государственную поддержку китобойному промыслу в надежде, что это может обеспечить немедленное решение некоторых насущных проблем, связанных с благосостоянием коренных народов, которые остро встали перед молодым советским государством [6].

В качестве примера можно привести отчет Дальрыбохоты за 1926 год, в которомбыли затронуты проблемы, с которыми сталкивалось население Командорских островов, заселенных русскими вместе с жителями Алеутских островов в 1826 году для охоты на морских котиков и каланов. После предсказуемого сокращения популяции этих животных эффективные меры по их сохранению в девятнадцатом веке привели к восстановлению поголовья как котиков, так и каланов. Во время Гражданской войны от этих мер отказались, и количество животных снова значительно снизилось.

В отчете Дальрыбохоты за 1926 год также были затронутывопросы потенциального использования китов. В частности, там отмечалось, что китовый жир мог бы стать сырьем для мыловаренных заводов Владивостока, для производства экспортируемой продукции, приносящей твердую валюту, что в то время было главной заботой советского государства. Кроме того, китовый жир мог бы заменить дорогостоящий импорт свиных жиров, который в то время вызывал проблемы в советском торговом балансе. Экспорт был бы настолько прибыльным, что любое необходимое оборудование окупилось бы в течение года. В долгосрочной перспективе советских граждан вполне можно было бы приучить к китовому мясу[7, с. 11].

Таким образом, в определенном смысле промышленный китобойный промысел действительно мог стать решением проблем иностранного вторжения, экономического кризиса, сохранения природы и благосостояния коренных народов. При этом отдельными представителями советской власти на местах сотрудничество с камчадалами рассматривалось как единственное доступное средство развития собственного китобойногопромысла и вытеснения американских китобоев.Во время обсуждения планов развития рыбного хозяйства, в частности, было отмечено, что компании, которым было разрешено охотиться на китов, должны быть обязаны оставлять мясо, оставшееся на обработанной туше кита, вблизи мест обитания камчадалов для егодальнейшего использования ими.

Однако, вместо этого Дальрыбохота решила предоставить иностранную концессию для начала китобойного промысла, поскольку «в условиях текущего момента это может дать казне большие выгоды, как материальные, так и экономические», при условии, что концессии будут предоставлены солидным иностранным компаниям [8, с. 263].

В 1923 годуСССР подписал пятнадцатилетний концессионный договор с норвежской фирмой, базирующейся в столице норвежского китобойного промысла Сандефьорде. Соглашение позволяло норвежцам добывать и перерабатывать любые виды китов в пределах двенадцати миль территориальных вод между мысом Сердце-Камень и мысом Лопатка, которые Советская Россия считала своими. В обмен на концессию советское правительство должно было получать 5 % от любых продаж китовой продукции, добытой в советских водах. Сначала экипаж должен был полностью состоять из граждан Норвегии, но это предприятие было задумано отчасти как тренировочный полигон для будущих советских китобоев, и в течение пяти лет они должны были составлять четверть рабочей силы[10, с. 106].

Дальневосточные чиновники сразу же занервничали по поводу этой договоренности, жалуясь на длительный срок действия концессии, низкую требуемую оплату. Однако в 1925 году норвежцы воспользовались концессией и начали переброску плавучего перерабатывающего завода и четырех катеров-преследователей (вместе называемых флотом «Вега») на Дальний Восток.

Различные недоразумения преследовали концессию до 1927 года, когда она была аннулирована на тринадцать лет раньше срока. Историк А.Т. Мандрик утверждает, что это произошло потому, что «Вега» не приносила достаточной прибыли советскому правительству[3, с. 112].Однако, норвежцы, тем временем, заявили, что из-за постоянных преследований со стороны СССР они все равно хотели отказаться от концессии.

Интересно, что это были не те причины, которые советская власть приводила в рассматриваемый период времени для прекращения концессии. Вместо этого она ссылалась на множество экологических нарушений. Так, 20 августа 1926 года газета «Известия» сообщила, что советский торговый флот обнаружил в заливе Моржовый более сотни туш мертвых китов, которые даже ставили под угрозу судоходство в этом районе.

«Однако, - писали «Известия», - главное здесь заключается в том, что мертвых китов убивали совершенно бессмысленно, поскольку они были обнаружены неиспользованными». Секретные внутренние отчеты описывали «множество нарушений, совершенных концессионерами»- в первую очередь экологические нарушения, которые включали «убийство молодых китов, антисанитарные действия, выбрасывание неиспользованных частей китов за борт» и так далее[4, с. 61].

«Киты в зоне Берингова пролива на Чукотском полуострове, - писал Комитет защиты народов Севера, - за последние два года стали встречаться все реже. Во многом это объясняется тем, что концессионная фирма «Вега» начала китобойный промысел [в этих водах] в 1925 году». В чрезвычайном заявлении комитет рекомендовал полностью закрыть эти воды для любого современного китобойного промысла, как из-за сокращения численности китов, так и из-за того, что взрывающиеся гарпуны отпугивали моржей [7, с.15].

Наряду с опасениями по поводу воздействия китобойного промысла (и других видов

деятельности)на экологию океана, возникали противоречивые вопросы, касающиеся отношений с коренным населением, занимавшимся китовым промыслом. Данные вопросы отразили различные аспекты западного и советского понимания китобойного промысла и подчеркнули его геополитическое значение.

Так, у норвежцев-концессионеров вызывали недоумение отношения органов советской власти с аборигенным населением, когда они обнаружили, что камчадалы повсеместно требовали патронов для своего оружия, которых не получали от советской власти. Вследствие чего аборигены не могли эффективно охотиться на морских млекопитающих и голодали. В результате норвежцы охотно оплачивали труд аборигенов патронами [10, с. 228].

Однако, норвежцы не знали о долгой истории сопротивления чукчей российскому правлению, и бесконтрольная раздача патронов, по мнению представителей советской власти, могла стать еще одной проблемой во взаимоотношениях с местным населением.

Заключение

Таким образом, проблемы морского промысла в период 1920-х гг. включали осознание острой необходимости освоения морских ресурсов региона при одновременной защите их от иностранного хищничества и обеспечении благосостояния коренных народов.

Когда два десятилетия спустя Советский Союз присоединился к Международной китобойной комиссии (МКК) в 1948 году, их делегатам было поручено бороться за права коренных народов СССР на охоту на серых китов, обеспечить запрет всей коммерческой охоты вокруг Камчатки и Чукотки и настаивать на полном использовании китовых туш китобоями.

Список литературы

[1] *Бакшеев А.И., Рогачев А.Г., Андренко О.В.* К вопросу освоения Дальнего Востока в начале XX века // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 51-59.

[2] *Комацу М., Мисаки С.* Киты и история китобойного промысла: взгляд из Японии. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. 142 с.

[3] *Мандрик А.Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XVII в.-20-е гг. XXв.). Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.

[4] *Хисамутдинов А.А.* Китобойный промысел на Дальнем Востоке: Заметки на полях: повесть о китобоях и китах. Владивосток: Изд-во Дальневост-ун-та, 2018. 70 с.

[5] *Baksheev A.I., Novikov P.A., Musat R.P., Shtump S.P. and Rakhinsky D.V.* Far Eastern Republic (1920–1922): case of Bolsheviks' Maneuver // Revista Inclusiones. 2020. Vol. 7. № S3-5 num Especial. P. 192-204.

[6] *Baksheev A.I., Novikov P.A., Rakhinsky D.V., Safronov S.A., Burtasova N.S., Yatsenko M.P.* Economic Reconstruction in the Russian Far East after the Civil War (1923-1926) // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2021. № S1. P. 74.

[7] *Ivashchenko Y.V., Clapham P.J.* Too Much Is Never Enough: The Cautionary Tale of Soviet Illegal Whaling// Marine Fisheries Review.2014. Vol.76(1-2).P. 1-21.

[8] *Kaminaga E.* Maritime History and Imperiology: Japan's 'Northern Fisheries' and the Primar Governor-Generalship// Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire, ed. Matsuzato Kimitaka. Sapporo: Slavic Research Center, 2007. P. 259-273.

[9] *Stephan J.* The Russian Far East: A History. Stanford: Stanford University Press, 1996. 500 p.

[10] *Weiner D.* Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.336 p.

УДК 37.018.8

Этнические элементы воспитания в культуре нанайцев: традиции и инновации

Белая Евгения Григорьевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; доцент Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.
belaya25@mail.ru

АННОТАЦИЯ Самобытная нанайская культура является особым социальным феноменом, которая формировалась под влиянием многих факторов, трансформируясь на протяжении длительного времени. Именно семья в прошлом выступала в качестве главного института социализации, связь с которым человек ощущал на протяжении всей своей жизни. Традиционное воспитание, передача опыта из поколения в поколение, одно из условий стабильности повседневной жизни и залог успеха в рыболовстве и охоте. В советское время, не считаясь с национальными особенностями культуры, в результате проведённых реформ, произошли существенные изменения в быте, материальном производстве, семейно-брачных отношений, направленные на внедрение новых символов, ритуалов, поменяв ценности нанайского народа. Серьезные преобразования произошли и в школе, которые коснулись системы образования, воспитательной работы. Актуальной проблемой, таким образом, является анализ современного состояния и преемственности в системе традиционного воспитания, как важного элемента сохранения традиционной культуры нанайского народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА нанайцы, национальное воспитание, традиции, образование, культура.

В семье воспитание нанайских детей строго соответствовало полу и возрасту ребенка, где каждый с раннего детства знал свои обязанности. Передача ребенку традиционных знаний, умений, опыта проходило по женской линии до семилетнего возраста с распределением повседневного труда. Именно с этого момента отец начинает принимать участие в воспитании детей. В воспитании мальчиков главным было освоение традиционных промыслов, поэтому их приучали и к определенным обрядам, от которых зависел успех охоты, рыболовства и собирательства. Нанайцы стремились умилостивить, задобрить духа-хозяина мест, с обязательным жертвоприношением. Существовали так же строгие запреты, например, запрещалось разговаривать о предстоящей охоте или рыбалке. [2, с.11]

Необходимым условием адаптации детей была физическая и трудовая подготовка. Отсюда были развиты такие черты личности, как физическая выносливость, смелость, самостоятельность, внимательность. Вместе с трудовой деятельностью нанайские дети осваивали разнообразные игры, развлечения, которые были одним из главных средств физического и трудового воспитания. Через обучение детей промысловой деятельности, игра давала им возможность жить в условиях тайги. При подборе подвижных игр, состязаний учитывался уровень их физической подготовки.

Девочек постепенно обучали ведению хозяйства, художественной обработкой изделий из мягких материалов – рыбьей кожи, меха, шкур, тканей. Знакомились со способами, приемами нанесения орнамента, навыками получения ярких красителей. Так, например, синюю краску умели извлекать из лепестков синеглазки, которые собирали в лесу. Красную краску добывали из сосновой коры, вываренной в воде. Черный цвет на ткани давали ягоды черемухи. [3, с.17]

Современная открытая система обучения нанайцев рассматривается нами как целостный воспитательный, образовательный комплекс. Поэтому, с целью, выявления характерных этнических элементов в воспитании детей, нами были осуществлены

полевые исследования с проведением интервьюирования воспитателей, анкетирование родителей детских садов, опрос школьников и учителей в национальных поселениях. В 2019, 2021 году в селе Кондон (Солнечного р-на), селе Бельго, селе Верхняя Эконь (Комсомольского р-на), Хабаровского края было опрошено 100 учеников 8 учителей, 6 воспитателей, 38 родителей дошколят в 2019 году; и 58 учеников, 6 учителей, 2 воспитателя, 18 родителей в 2021году.

С рождения нанайских детей стремятся воспитывать комплексно. Развивая их физически, нравственно психологически, морально, таким образом, на сегодняшний день национальное воспитание предстает перед нами с прежними формами, которые в современном мире наполняются детьми новым содержанием, это связанно с модернизацией общества, с влиянием русской культуры, где взрослые предлагают детям продукты потребления через рекламу, мультики, компьютерные игры, интернет.

Проблема эффективности средств национального воспитания ребенка в период дошкольного детства относится к числу наиболее актуальных проблем. Главной причиной, по нашему мнению, является отсутствие согласованной воспитательной среды детского образовательного учреждения и семьи.

Важным аспектом в реализации современного этнокультурного воспитания является детский сад, который формирует общую культуру людей, и основные выводы исследований формирования основ нанайской культуры детей, уже опубликованные автором. В национальном селе Кондон, в детском саду «Березка», 40 детей приобщаются к национальной культуре через художественно – эстетическое развитие по программе « Возрождение национальных традиций», которую внедрили во все группы детского сада. Мы обратили внимание на то, что практически все элементы в детском саду связанны с нанайской культурой. Это и рисунки на стенах, узоры на окнах, где каждый завиток имеет смысл, свое генетическое начало [1, с.22]

Значение придают одежде на игрушках, с которыми играют дети, узоры на детской мебели, надписи в группах.

Татьяна Валерьевна Маркова, учитель нанайского языка в детском саду, рассказала, что воспитателями организовываются спортивные игры 1 раз в неделю с элементами национального спорта и обязательно в национальных костюмах.

В сельском национальном поселении Бельго и Верхняя Эконь в дошкольной группе обучаются по одной рабочей программе «Сиукэн» (солнышко) Программа рассчитана на 68 часов (т.е 2 часа в неделю). Где в игровой форме у детей формируют первоначальные умения и навыки владения родным языком в устной форме.

В Бельговском сельском поселении в детском саду обучение в группе по нанайскому языку посещают 22 ребенка, в возрасте с 5 до 7 лет. При повторном полевом исследовании в 2021 году появились Дополнительные занятия, которые проводят 2 раза в неделю по 25 минут Эльтун Марина Александровна – учитель родного языка.

Дети учатся обводить по шаблону, вырезать нанайские узоры, подбирать и знать цвета на родном языке. Мы наблюдали, как в игровой форме детей обучают считать на нанайском языке: Дети обводят свои пальчики красками разных цветов, чтобы получить рисунки «5 пальчиков» дети на нанайском языке считают их и называют каждый цвет, которым раскрасили пальчики.

В детском саду Верхняя Эконь 24 ребенка знакомятся с национальной культурой через все виды деятельности: игровую, учебную, изобразительную, музыкальную, речевую, танцевальную, через творчество и удивительный мир сказок.

Основные положения промыслового этикета осваиваются в процессе одной из форм традиционных знаний – устного народного творчества, которое подробно было изучено Ю.А. Сем, Н.Б. Киле, Е.А.Гаер через процесс воспитания подрастающего поколения. Именно в фольклорных текстах «телунгу» или «нимган» акцентировалась мораль, вытекающая из содержания повествования. По нашим наблюдениям, все всех

трех детских садах читая детям нанайские сказки, они разбирают каждый момент, что бы ребенок понимал ее смысл, усваивал уроки нравственности [4, с.255].

Для детей приглашают на мастер-класс по декоративно-прикладному искусству мастеров из жителей своих сел. Детям показывают, как сушить, обрабатывать рыбью кожу. В центре творчества дети регулярно организовывают выставки своих работ на национальную тему. Это и «Акоан» – плоская кукла из бумаги или рыбьей кожи, бумажные туеса, аппликации с простыми орнаментами. Национальная выставка дает наглядный пример для восприятия элементов нанайской культуры.

В спортивном зале дети занимаются физкультурой с элементами нанайских игр – «пакачи», игра в мяч, «амбакачи» – игра в тигра.

В музыкальном зале проходят торжественные мероприятия в национальных костюмах. Дети разучивают национальные танцы, ставят сценки по национальным сказкам и разучивают песни.

Проведенное исследование в трех селах показало, что использование на уроках физической культуры в школе национальных видов спорта, подвижных, самобытных игр и некоторых элементов северного многоборья, является уникальным элементом традиционного физического воспитания нанайского народа, уходящих своими корнями в историю. На сегодняшний день общероссийский стандарт образования для коренного населения не разработан, каждый регион сам реализует школьную программу. В национальных поселениях создаются условия для развития северного многоборья, воспитывая выносливого, закаленного человека. Процесс современного физического воспитания и обучения рассматривается как единый процесс формирования личности. По словам Любови Афанасьевны Хайтанин, – учителя II спортивной судейской категории по северному многоборью, в верхней Экони, существенной проблемой, является разработка современных образцов спортивного инвентаря. Так как оборудование и инвентарь для занятий северным многоборьем не продается в специализированных магазинах, его разработкой и изготовлением занимаются мастера традиционных ремесел.

При беседе с директором школы с. Бельго Ольгой Ивановной Кузюриной выяснилось, что существует еще одна проблема. Так как в школе неполное среднее образование, и по завершении ученики отправляются учиться в средние специальные учебные заведения в городе Комсомольск – на – Амуре, то у подростков нет возможности создавать национальные спортивные команды, в которых могли бы продолжать развивать свои навыки.

Так же, в селах осуществляется дополнительная внеурочная деятельность, средствами изобразительного, декоративно-прикладного искусства, музыки, хореографии. Например, танцевальнаясамодеятельностьколлективов, отражающие легенды и обычаи нанайского народа.

Список литературы

[1] *Баранова – Дигор* Р.Г. Назад – по Реке Памяти, вперед – в Потоке Времени. Хабаровское книжное издательство «Ковчег», 2010. 224 с.

[2] *Гаер* Е.А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX- начале XX в. Издательство «Мысль». М, 1991. 127 с.

[3] *Кочешков* Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX-XX в. Издательская фирма РАН, С.-Петербург 1995. 149с.

[4] *Чадаева* А.Я. "Вселенная нанайских сказителей". М. 2020. 284 с

УДК 39+911.3

Миноритарные этнокультуры в пространстве Дальнего Востока России

Латушко Юрий Викторович
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией антропологии Северной Пасифики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия.
latushko@ihaefe.ru, https://orcid.org/0000-0002-0036-5531

АННОТАЦИЯ Понятие (этно)культурного ландшафта тесно связано с проблемой идентичности. Обе категории размыты предметно (между географией, антропологией, социологией, психологией и др.) и девальвированы за счет массового употребления. Физический и культурный (символический) ландшафты часто противопоставляются. При глобалистском подходе в контексте развития «мирового города» и «смерти расстояний» физические ландшафты утрачивают былое место. Однако события последнего времени показывают, что «глобальный мир» может стремительно сегментироваться, а локальная (территориальная) идентичность приобретать большое значение. Тем более это справедливо для коренных малочисленных народов, для которых связь с землей и традиционными занятиями всегда оставалась решающей. Результаты наших полевых исследований последних пяти лет подтверждают данный тезис.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Дальний Восток, этнокультурные ландшафты, коренные народы

Время и пространство – базовые категории любой культуры. На переживании, осознании и интерпретации этих категорий строится любая культурная «грамматика». Протяженность, разнородность и связность пространств Дальнего Востока России давно стали его визитной картой. Значительную роль в формировании образа отдельных его районов играют локальные этнокультуры с уникальными практиками взаимодействия человека и природной среды. Понимание пространства культуры как физического ландшафта ее вмещающего и как «картины мира» в голове – основная, но не единственная оппозиция.

Дальний Восток – огромная территория с немногочисленным, но разнородным населением (коренные малочисленные народы, русские, этнические мигранты из соседних стран, государств Центральной Азии, Кавказского региона и др.) и контрастными ландшафтами – природными и антропогенными, с неравномерно урбанизированными районами в диапазоне от маленьких таёжных посёлков до крупных городов.

Термин «историко-культурный ландшафт» («культурный», «этнокультурный») пришёл в этнологию из географии и в целом наследует немецкой интеллектуальной традиции [15]. Его применяют, желая показать единство природных и культурных объектов, влияющих как на формирование тех или иных культур, так и на специфику антропогенного освоения конкретной территории.

Условно выделяются три подхода к пониманию ландшафта – информационно-аксиологический [8], этнокультурный [6] и феноменологический [5]. В первом делается акцент на ценностях, которые испытали влияние компонент физического ландшафта; во втором – на культурном комплексе как продукте взаимодействия этноса и среды, в третьем – на физическое пространство жизни большой группы людей, которые «интериоризировали» природу.

В этнологии данная категория имплицитно присутствует в подавляющем большинстве работ. Так, например, характеристика народов по хозяйственно-культурным типам или же историко-культурным областям начинается с очерчивания ареальных границ. Слово «ландшафт» может и не использоваться, но почти всегда подразумевается.

Ландшафт как физическая категория описывает генетически однородный природно-территориальный комплекс [2]. Здесь важно отметить его структурированность и внутреннюю связность всех компонент. Антропологов же привлекает образ территории, который напрямую или опосредованно отражён в культуре/субкультуре (этнической, профессиональной, конфессиональной и др.). Этот образ формирует и очерчивает границы пространства, занимаемого исследуемой культурной группой, влияет на деятельность людей, их стереотипные представления о поведении «своих» и «чужих», рождая символическое поле коммуникации.

Таким образом, «историко-культурный ландшафт» учитывает и существующие культурные реалии, и исторические особенности формирования культурного наследия на данной территории, и исторические объекты, которые не сохранились до наших дней. Он формирует этнокультурное поле, включающее в себя совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем народам, оставившим след в культуре определённого региона [7]. Это традиционные жилища, пища, одежда, фольклор, мифология места, восприятие сообществом собственных традиций и образа ближайших соседей, благодаря чему осуществляется демаркация своего и чужого пространств. В данном случае физико-географические (ареальные) границы могут многое рассказать не только о характере и модальности хозяйственного освоения территории, но и о структуре массового сознания той или иной группы населения, а также предоставить дополнительные сведения о культурной специфике и векторе её изменений.

На самом деле классификаций и типологий культурных ландшафтов множество. Мы ограничимся лишь одним аспектом. Важнейшей компонентой образа Дальневосточного региона являются его «жемчужины» - культуры двух десятков коренных малочисленных народов (таежных охотников и охотников на морского зверя, речных и морских рыболовов, оленеводов). Это преимущественно сельские сообщества тесно связанные с так называемым традиционным природопользованием. Мы покажем, что для анализа их функционирования ландшафтный подход имеет большее значение, нежели для городской культуры или мажоритарных этнокультур и диаспор.

На нескольких примерах мы рассмотрим сохраняющиеся сегодня значимые каналы этнокультурной идентичности и устойчивые паттерны их бытования на микроландшафтном уровне (условно можно выделить макро или региональный уровень, средний уровень большого района и локальный микроуровень поселения, хотя зачастую, с точки зрения конкретного человека, речь должна идти и об идиоландшафтном уровне, по аналогии с речевыми практиками и т.п.).

Согласно географическому определению, ландшафт представляет собой однородную по происхождению и развитию территорию, с присущими ей специфическими природными ресурсами. Сам термин landschaft пришел из немецкого, близок по смыслу к пейзажу или виду местности. Ванглийскоместьделениеnalandscape (the visible features of an area) iregion. Принципиальная разница в том, что последний термин производен от латинского regere - «править, управлять, направлять». Таким образом, регион можно понимать как управляемый политическим обществом природный ландшафт. Данная смысловая нюансировка позволяет точнее определять границы и контекст употребления терминов. Для коренных малочисленных народов использование термина «ландшафт» более правомерно, так как их идентичность непосредственно связана с территорией проживания, что признается и законодательством («Закон о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и др.) и они не являются самостоятельным политическим субъектом.

В пределах Дальнего Востока России – от Чукотки до Приморья – проживает около двадцати народов, отнесенных законодательством к категории коренных малочисленных

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (примерно половина всего Перечня). Для всех их места традиционного проживания являются базовым условием сохранения культуры и собственной идентичности.

Элементом символического «присвоения территории» является сакрализация пространства. Сакральные ландшафты коренных народов амуро-сахалинского (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) и чукотско-камчатского (коряки, чукчи, кереки, эскимосы, алеуты, ительмены и др.) регионов оказывают ментальное влияние на процесс возникновения этнокультурных проекций [4, с. 24]. Феномен «этнокультурной проекции» понимается как механизм перенесения качеств внешнего объекта, явления на субъект. Под внешним объектом подразумеваются сакральные ландшафты, комплексы петроглифов, этнографические экспонаты, а роль субъекта играют представители указанных этносов. Этнокультурные проекции проявляются в контексте мифологического восприятия сакральных ландшафтов, воссоздания коллективной памяти в результате осмысления этнографических материалов, различных видов материального и нематериального культурного наследия.

Свойства ландшафта закрепляются в этнической топонимике, которая имеет устойчивость во времени. Например, этимология традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских народов Приморья, сохранившаяся в памяти аборигенного населения, обнаруживает связь с племенами, которые обитали на этой же территории в средние века. Племена воцзи, уцзи, удаха и др. можно рассматривать в качестве предков современных удэгейцев, нанайцев, орочей и др. аборигенов края, для которых уже тогда была характерна дисперсная система расселения, связанная с особенностями хозяйствования. Районы от границ современной Кореи и вплоть до низовьев Амура, включая все побережье Японского моря, прилегающие территории оз. Ханка, бассейнов рек Сунгари, Уссури и других мест осваивались и назывались с учетом промысловых и природных особенностей. Данные топонимы сохранялись в памяти коренного населения. С изменением этнического состава менялись и географические названия, особенно это стало заметным с появлением в крае китайских отходников, которые оказали значительное влияние на изменение топонимов, что и было зафиксировано на географических картах и отражено в публикациях отечественных исследователей [14, с. 37].

В качестве примера рассмотрим пространство горно-таёжной реки Бикин (впадающей в р. Уссури) - родины одной из территориальных групп удэгейцев. Культура последних несёт в себе черты многих других: и близких тунгусо-манчжурских, и китайской, но в первую очередь — русской. Однако за общими чертами отчётливо проступает своеобразие локальной адаптации: характерными элементами культурного ландшафта здесь оказываются средства преодоления физического пространства — традиционные лодки — и символические результаты его осмысления — предметы декоративно-прикладного искусства. На Бикине сохраняются такие формы лодок, которые уже редко встречаются в других пределах бассейна р. Амур, сами же местные жители по конструктивным и дизайнерским особенностям лодки легко определяют как минимум место ее изготовления, а нередко и мастера, который ее делал. Современное использование речного транспорта традиционного типа «бат/ульмага» – во многом уникальное стечение обстоятельств, главными из которых являются физические характеристики самой реки и сохранившиеся традиционные промыслы. Кроме того, речной транспорт имеет и коммерческое значение, так как найм лодки с местным сопровождающим – зачастую единственный способ для туриста попасть в отдалённые таежные места [11, с. 47].

Новые арт-объекты, связанные с модернизированными образцами традиционной культуры удэгейцев, формируют культурно специфическое пространство села. Интегральным мотивом по-прежнему остаётся природа р. Бикин, которая играет

для локальной культуры смыслообразующую роль. Таким образом, предметы традиционного искусства и речной транспорт не только являются данью традиции, но и структурируют пространство удэгейской культуры, являются мощным каналом идентичности «локального человека», а также этнодифференцирующими чертами бикинской группы удэгейцев [11].

Знания о растениях и их свойствах можно рассматривать как еще один важный маркер территориальной и культурной идентичности. В принципе, информация о свойствах растений лежат в основе адаптации человеческих коллективов к природному окружению с древнейших времён, с растениями нередко связано символическое пространство культуры и её образы. Порой при знакомстве одного этноса с системой народных знаний соседей возникает реэкспорт культурных форм, когда заимствованные в ходе миграций и контактов сведения, в частности, о растениях и их свойствах, сферах применения и прочем, переходят от донора к реципиенту, вытесняя исходную форму и становясь неотъемлемой частью картины мира последнего. В 2019 г. нами проводились исследования в местах проживания нанайцев горинской группы. Район с. Кондон интересен своим выгодным географическим положением на рубеже Среднего и Нижнего Амура. Как известно, границы нескольких природно-территориальных комплексов чрезвычайно разнообразны с точки зрения растительного и животного мира и издревле привлекали охотников и собирателей. Кроме того, указанный населённый пункт лежит на историческом маршруте, соединяющем основной бассейн р. Амур с бассейном р. Амгунь, Тугур и далее с Тугурским заливом Охотского моря. С юга на север изменялись и традиционные системы жизнеобеспечения – от рыболовства к оленеводству. Часть топонимов несёт в себе следы контактов оленеводов и рыболовов. Так, например, гидроним Сироки (река, впадающая в оз. Эворон), восходит к эвенкийской лексике (северо-тунгусской), большая же часть топонимов – к нанайской (южной), что отражает не только естественную, но и культурную границу, пролегавшую в данной области [9, с. 109]. Этнолингвистические исследования позволяют говорить о двух пластах фитонимической лексики. По данным глоттохронологии, к наиболее древним в нанайском языке лексическим пластам относятся фитонимы алтайской группы (например, названия ряда деревьев и кустарников, таких как ива), а вот собственно нанайские фитонимы чаще всего относятся к наименованиям трав и кореньев. Кроме того, нанайскому языку свойственно большое число метонимий (замен одного слова другим на основе связи их значений по смежности, например перенос названия материала на предмет, который из него изготавливается: так, уржтэми – вид ивы и одновременно корзина). Во всех нанайских диалектах также велико число заимствованных фитонимов из монгольского, китайского и русского языков [10, с. 48]. Современная ситуация характеризуется вымыванием из речи не только нанайских фитонимов, но и значительной интродукцией названий растений, которые ранее не использовались и/или были не известны. Самый яркий пример — местная мода последних лет на иван-чай (Chamaenerion angustifolium). Тем не менее, многие интродуцированные растения через одно-два поколения начинают считаться исконными. Другие, наоборот, уходят. Так, например, случилось с названиями осенних блюд, приготовляемых на основе муки из желудей и сушёной красной икры. Наши опросы показали, что сегодня о них помнят только женщины старшего возраста. При этом временной границей использования жёлудя они указывают период непосредственно после окончания Великой Отечественной войны [10, с. 48-49]. Любопытно, что информации об употреблении желудей в пищу крайне мало и во многих этнографических источниках. Вот как, например, описано питание нанайцев второй половины XIX в.: «Гольды питаются преимущественно мясом диких зверей: козуль, изюбрей, лосей, медведей, диких кабанов, а также рыбой. Мучной пищи употребляют

очень мало. Соли употребляют также мало, зато овощей едят много. При каждой почти фанзе имеется огород, в котором разводят кукурузу, тыквы, китайскую капусту, редьку, лук, перец, чеснок и бобы. Летом собирают дикие яблоки, голубицу, клюкву, морошку, рябину» [цит. по 10, с. 49]. В этнографических источниках по российскому Дальнему Востоку в целом информации об использовании желудей почти не встречается. Хотя плоды дуба должны были играть важную роль в питании населения Уссурийского и Амурского краёв с древнейших времён, что согласуется с данными археологии. Жёлуди содержат вещество танин, обладающее дубильными, вяжущими, противодиарейными, кровоостанавливающими и противогеморроидальными свойствами, а также большое количество растительного белка и амидов, поэтому они могли становиться основой питания во время голода и при смене сезонов. Важную роль дубовые плоды играли и в детском рационе. Возможно, что причина подобного невнимания к желудям связана с тем, что они часто становились лишь добавкой к основному рациону.

При проведении опроса большая часть респондентов оказалась людьми в возрасте 50+. Вероятно, именно в этот период жизни старение организма начинает доставлять проблемы, которые многие пытаются решать, применяя знания народной медицины. Чаще всего респонденты рассуждали следующим образом: «До 40 лет мне эти травы не нужны были, потом всё стало болеть, вспомнил». На вопрос «Откуда вы получили знания?» стандартным был ответ: «Старшие родственники когда-то рассказывали, потом сам интересоваться стал» [10, с. 50]. Эти знания передаются из поколения в поколение, несмотря на развитие современной фармакологии и медицины. Важно и то, что данные знания тесно связаны с особенностями природы «своей земли» и «народной культуры». Они могут иметь разное, в том числе инокультурное происхождение, но прочно «приватизированы» массовым сознанием в качестве маркера культурной общности.

Природные объекты (реки, горы, озера) тесно связаны с комплексом промысловой обрядности, символическим осмыслением пространства в искусстве и сохраняющихся до сих пор представлениях, ритуально-типизированных действиях и праздниках.

К комплексу промысловой обрядности тунгусо-маньчжуров и нанайцев, в частности, относится культ почитания хозяев гор, скал и других природных объектов. Своим происхождением эти ритуалы уходят далеко в прошлое [3]. Считалось, что от хозяев гор и отдельных местностей зависела промысловая удача охотников. Оказавшиеся на маршруте культовые места, обязательно посещались охотниками, следовавшими на промысел. Артель останавливалась у таких объектов, совершались обряды, угощали ритуальной пищей священные скалы для получения промысловой удачи, просили помочь не заболеть во время промысла [9, с. 110].

В окрестностях села Кондон, вдоль реки Девятка, компактно расположен комплекс из трех основных мест поклонения культа священных скал. В этом комплексе главным считается **Кайласон** - спящий дракон («черепаходракон», от **кайлан** (нан.яз.) — амурская речная черепаха), части тела дракона так же наделены священным статусом. Через реку напротив стойбища Кондон располагается **Миава** - сердце дракона, чуть ниже по течению голова дракона **Кондо**, выше по течению реки на ее изгибе находится его живот (стойбище ***Ямихта***), на другом повороте реки заканчивается гряда сопки - это хвост дракона Ургули, его ноги **Чонги** (стойбище **Сарголь**) [12, с. 135].

Таким образом, все основные географические точки села, его исторические районы, объединяются общим телом мифического животного. Сердце Дракона расположено напротив центрального района, некогда главного стойбища одной из трех основных родовых групп, образовавших село. Численность жителей окраинных районов села могла колебаться в разное время, в центре же она оставалась сравнительно стабильной.

В нескольких километрах от села расположен другой не менее важный ритуальный комплекс – **Мория хурэн**. Недалеко от этого места, река расходится на три рукава и в точке схождения в одно русло разбивается о вертикально стоящую скалу. На склоне у места слияния располагаются фигуры мифических животных – Лошади **Морин** и двух жеребят, группа состоит из небольших скальных выступов. Ниже по течению, в месте, где сопка уходит в сторону от берега, есть осыпь скальной породы, лишенная растительности – это место падения и смерти птицы Кори – **Кори Ньяхони**. Согласно легенде, огромная как амбар птица, с когтями на лапах, словно огромные пешни, перьями из железа, охотилась на людей. Богатырь убил чудовище из лука, птица упала на сопку, скатилась к реке и там околела. Этому месту кондонцы и сегодня поклоняются и приносят жертвоприношения.

Место выше, где сопка как бы расколота ущельем, старики называют **Пудин пачилохани**. Оно связано с легендой о Пудин-богатырше, которая ударила по черту и от удара кроильной доской сопка раскололась на две части.

Вверх по реке находится озеро Эворон, в прошлом его называли Самагирским, здесь среди небольших скал на северо-западном побережье находится сопка **Када-Хачан**. Када – это каменные столбы на речных и морских мысах, такие природные объекты, как правило, становились местом поклонения. Немаловажно повторение еще одного видимого признака. Часть сопки здесь почти лишена растительности, как и в случае с Кори Ньяхони [1].

С данным местом связаны представления о хозяйке озера, которая живет в этих скалах. Охотники угощали табаком и водкой старую женщину – хозяйку сопки. Принося ритуальное угощение, охотники просили у неё благоприятной погоды на воде «…угощали медвежьим жиром, чтобы вода была гладкой как жир» [1]. Нередко после отправления ритуала, озеро успокаивалось. Охотники отправляли подобный обряд всякий раз по пути на промысловые участки. Когда времени совсем не было, промысловики ограничивались угощением хозяйки озера на воде, повернувшись в сторону Када-Хачан.

В культовой скульптуре отразились представления кондонских нанайцев о хозяине реки Хуин (р. Девятка), зооморфная фигура объединяет в себе черты мифического водного существа и медведя [3, с. 194].

Стойбище Кондон и его окрестности представляют собой единый комплекс мифо-ритуального пространства. Память о месте носит живой характер через придание значимости географическим объектам в бытовой культуре и сознании жителей села.

В заключении отметим, что русская колонизация Дальнего Востока опиралась на народные знания коренного населения, а часть ландшафтных представлений органично вошла в культуру русского старожильческого населения Дальнего Востока. Например, картографическая локализация древних «туземных ярмарок» на востоке России демонстрирует значительное соответствие с важнейшими современными транспортными артериями региона и населенными пунктами [13]. Места «туземных ярмарок» зачастую были территориями межплеменных обменов и очерчивали границы отдельных народностей. Они же нередко выступали в роли мест христианизации аборигенов, сдачи ясака и т.д. Торговые тропы, проложенные туземным населением, использовались для активного освоения огромных пространств исследуемого региона и послужили основой для путей русских землепроходцев и купцов. Многие закономерности выбора аборигенами торговых маршрутов, наиболее безопасных и удобных мест самих торгов легли в основу современной, привычной нам инфраструктуры Дальнего Востока России. Однако для большинства малочисленных коренных народов конкретные физические ландшафты сохраняют своё сакральное значение по сей день и являются мощнейшим каналом их этнокультурной идентичности.

Список литературы

[1] Архив ИИАЭ ДВО РАН. Д. 526. Л. 34-35.

[2] *Берг* Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. Ч. 1. 401 с.

[3] *Березницкий* С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 682 с.

[4] *Березницкий* С.В. Сакральные ландшафты и этнокультурные проекции коренных народов амуро-сахалинского региона // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. №3. С.24-29.

[5] *Веденин* Ю.А., *Кулешова* М.Е.(отв. ред.) Культурный ландшафт как объект наследия. Санкт-Петербург: Институт Наследия, 2004 г. 620 с.

[6] *Гумилев* Л.Н. Этнос и ландшафт: Историческая география как народоведение // Известия Всесоюзного географического общества. 1968. Т. 100. Вып. 3. С. 193-202.

[7] *Дахин* С.Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187-190.

[8] *Каганский* В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

[9] *Латушко* Ю.В., *Самар* А.П., *Белая* Е.Г., *Левченко* А.В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. 2019. №4. С.106-121.

[10] *Латушко* Ю.В., *Пантюхина* И.Е., *Демина* А.С. Лекарственные растения в жизни современных нанайцев (по материалам полевого исследования) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 28. С. 45-68.

[11] *Латушко* Ю.В., *Свистов* Н.Л., *Левченко* А.В. Этнодифференцирующие элементы современного культурного ландшафта р. Бикин // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 32. С.33-49.

[12] *Мальцева* О. В. Горинские нанайцы: система природопользования. Традиции и новации: XIX – начало XXI в. // Дисс. … канд. исторических наук: 07.00.07. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии РАН, 2008. 213 с.

[13] *Миссонова* Л.И. Проблемы и закономерности локализации пространства проведения ярмарок на северо-востоке и востоке России // Россия и АТР. 2018. №4. С. 109-127.

[14] *Старцев* А.Ф. Этимология китайских и традиционных топонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приморья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. №3. С. 30-37.

[15] *Стрелецкий* В.Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: МГУ, 2003. С. 42-54.

УДК 39(=941,135)

Технологические и функциональные особенности долбленой лодки бикинских удэгейцев

Самар Андрей Петрович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

АННОТАЦИЯ Разветвленная сеть водных артерий стала причиной развития сугубо региональных водных видов транспорта. Функционирование традиционных промыслов удэгейцев – рыболовства и охоты, не представляется возможным без древнейшей долбленой лодки. Сохранившиеся и развившиеся в последующем традиционные технологии, позволяют бикинским удэгейцам успешно использовать долбленки амурского типа в новейшее время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА удэгейцы, долбленка, оморочка, бат, конструкция, технологии, миграции, межэтнические контакты, водный транспорт.

Река Бикин, транспортная магистраль региона, представляет собой обширный бассейн с множеством притоков и преобладающим горным ландшафтом. Здесь процветают изюбрь, кабан, соболь, сосуществуют два вида медведя – гималайского и бурого, важным является сбор кедрового ореха, таежных ягод, женьшеня. Довольно разнообразна ихтиофауна промысловых видов – ловится хариус, ленок, сазан, налим, щука, таймень, сом и кета. Эти биоресурсы являются объектом традиционной охоты и рыбного промысла удэгейцев.

Разветвленная сеть водных артерий стала причиной развития сугубо региональных водных видов транспорта. Традиционные промыслы удэгейцев – рыболовство и охота, не представляются возможным без древнейшей долбленой лодки. Оморочки удэгейцев конструктивно не отличались, есть лишь диалектные особенности: утунгиэ (хор.), угда (бик., иман.), ничаугда (самарг.), улимагда (анюй.); грузовые лодки с лопатообразным носом – баты ана[4, картон 104]. Удэгейские лодки имели разные функции – оморочку использовали для добычи с лодки копытных животных и рыбалки с острогой на крупную рыбу; на бате, с лопатообразным носом перевозили грузы при перекочевках или в торговых поездках.

Остроконечная нос и корма долбленки угда максимально обтекаемые, днище и борта округлой формы. Лодка представляет собой выдолбленный ствол дерева и от 5 до 7 распорок уке (бик.) в виде коротких прямых жердей, служивших ограничителями рассыхания бортов во внутрь. В средней части лодки распорки уке, имели углубления для остроги, ружья и весел [5, л. 104].

Время изготовления лодки было связано с вегетационным периодом. Выбирали нужное дерево: для угда, утунгиэ, остроконечной оморочки – липу,тальник сокта мо; для бата ана – тополь амигда, выбирали древесный ствол без сучков до 8 метров. С этой частью работ связан ритуал возрождения жизни срубленого дерева. Срубивший ствол должен воткнуть в пень веточку дерева, символизировавшую его душу согини (хор.) [4, л. 17]. Такие обряды во время изготовления лодки сохранились у тунгусо-маньчжуров и нивхов Амура и Сахалина [3, с. 75-76]. Выброшенные на берег и поваленные бурей деревья не были пригодны для изготовления лодки. Удэгейцы считали, что души таких деревьев мертвы и находятся в загробном мире бунигэ.

Процесс изготовления долбленой лодки был сложным. Избавлялись от коры, бревну придавали формы с характерными носом, днищем и кормой, на черновую

выводили необходимые очертания будущей лодки. Следующим этапом становилась основная работа – рубка внутренней части лодки. Эта часть работы требовала от мастера высокой квалификации. Долбили древесину с помощью втульчатого топора с коленчатой рукоятью хэмэнку и специального тесла досинку с вогнутым острием [1, с. 36].Современные удэгейцы такие топоры изготовляют из металла, сохранив общий облик топорища с характерными линиями, архаичными остались особенности его изготовления.

При изготовлении лодки обязательно учитывали ориентацию дерева по сторонам света. Структура дерева с северной стороны имеет плотную структуру, а с южной разреженную. Поэтому такие особенности древесины мастера обязательно учитывали, лодку ориентировали по сторонам света – северная часть ствола – днище, южная – края бортов. Чтобы укрепить днище лодки его толщину доводили до 2.5 см. Измерения лодки осуществляли в традиционных антропометрических единицах измерения – ила да лодка размером в три маха, гада да – большая лодка в 7 махов. Для определения толщины борта простукивали древесину костяшками пальцев руки. Удэгейцы использовали меры на грузоподъемность. Лодку на одного изюбря соразмеряли с высотой уровня воды на внешней стороне лодки на высоту двух пальцев. Учитывались особенности древесины, при чрезмерной термической обработке и последующей сушке готовой лодки начинают деформироваться борта [6].

Название кормы у бикинских удэгейцев аи, нос называли нифуга. Нос ориентировали со стороны комля, переднюю часть утяжеляли за счет толщины днища, бортов и общей длины носа до 1.20 м., корму делали короче до 1 м. Высоту бортов поднимали от днища до 45–50 см., ширина от борта до борта 70 см., ширина днища до 15 см. Днище и борта оморочки делали округлыми, а корме и носу придавали остроконечные формы. Обычно размеры оморочки 5-6 метров, ширина – 60 см, а высота от днища до краев бортов – 25 см, толщина бортов – около двух сантиметров [5, л. 104].

После первичной обработке, незавершенную лодку переносили к реке, где ее устанавливали на катки и обжигали берестой. Под перевернутой лодкой разводили костер на всю ее длину. Распарив борта, их начинали отжимать, в проделанные отверстия вставляли распорки уке, Борта лодки стабилизировались таким образом, лишь после этого лодка приобретала законченный вид. На длину лодки в 4 маха – 5.5. м. делают 7 шт. распорок уке. Кроме того, осмаливая внутреннюю часть, удэгейцы просушивали лодку, избавляя её от оставшейся влаги.

Грузовая лодка отличается большими размерами и наличием кормы и лопатообразного носа. Корму грузовой лодки ана делали прямой, высоту бортов тактани – (бик.) доводили до 40 см., днище хэни – (бик.) делали зауженным и в два раза толще, чем борта лодки. Днище имело продолжение в виде полутораметровой, чуть закругленной прямоугольной лопаты, приподнятой над поверхностью воды. У основания лопатообразного носа просверливали сквозное отверстие, через которое выходила вода, попавшая на лопату.Долбленые лодки баты ана использовали разного размера. Малые имели длину 4-5 м. и предназначались для перевозки легкого груза. Длина большой лодки была около 7-8 м. и предназначалась для перевозки груза до 1 тонны. Груз равномерно располагали посредине, люди располагались на корме и в носу бата. На изготовление такой лодки двум удэгейцам было достаточно двух недель. В случае необходимости, могли срубить бат за 3-4 дня [1, с. 36].

В условиях горных рек коренным населением была разработана конструкция долбленой лодки, форма весел, длина и назначение шестов. Сформировался набор весел трех типов; по реке с тихим течением гребли двухлопастным веслом ванмисю (бик.); во время охоты скрадыванием зверя применяли пару коротких однолопастных весел; на быстром течении пользовались однолопастным веслом коктосю (бик.), сои; на мелководье использовали длинный шест и пару коротких. При подъеме вверх по

течению реки отталкивались трехметровым тальниковым шестом гау (хор., бик.) [1. с. 36; 1. с. 127]. При скрадывании кормящихся копытных использовали пару коротких весел мэгу (хор.), с короткой рукоятью и широкой лопастью длиной 50-60 см. Лепестковидная форма лопасти весла позволяла бесшумно грести. На мелководье, брали пару коротких шестов тю, гауга – (бик.) [1. с. 37].

Провожая в загробный мир бунига удэгейцы укладывали покойного в разрезанную пополам долбленую лодку, открывшуюся полость зашивали доской. Крышку гроба изготовляли в виде стилизованного изображения рыбы [1. с.112.].

На юге Дальнего Востока культурное и языковое родство, проявилось в разнообразных аспектах, одними из которых являются водные транспортные средства. Однажды столкнув лодку-однодревку древний человек стал более успешно добывать пищу, преодолевать большие расстояния. Амурский тип долбленок использовали южные тунгусо-маньчжуры, материковые и островные нивхи. Долбленая лодка амурского типа развивалась от грубых форм к современным линиям остроконечной лодки. Вместе с меняющимся человеком получила развитие и совершенствовалась лодка.

Список литературы

[1] История и культура удэгейцев. Ленинград. Наука. 1989. 186 с.

[2] Историко-этнографический атлас Сибири. Под редакцией М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М:Л., Наука. 1961. 469 с.

[3] *Крейнович* Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973. 233 с.

[4] Архив ПФГО, ф. В.К. Арсеньева, оп. 1. д. 11. Картон 17.

[5] Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 13. Оп.1. д.73. Картон 104.

[6] Полевые материалы автора апрель 2014 года. С. Красный Яр, Пожарский район, Приморский край.

УДК 39 (571.61./62+571.63)

Этническая специфика культурно-исторических традиций в промысле пушных животных тунгусо-маньчжурскими народами Приамурья и Приморья

Старцев Анатолий Фёдорович
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.
starcev.42@mail.ru
Orcid.org/ 0000-0002-1849-9554

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается этническая специфика в охотопромысловой деятельности тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина. Охота была основным занятием аборигенов Приморья, а у народов Сахалина и Приамурья она являлась подсобной отраслью. Для всех охотников региона традиционная добыча пушного зверя имела первостепенное значение. Все охотники имели особые орудия лова и владели разными методами добычи пушных животных. Перед охотой аборигены региона обращались к хозяевам природы и просили удачи в промысле. Охотники регионов выполняли заповеди опытных охотников и строго следовали этническим верованиям в местных духов и хозяев леса. Все это свидетельствует о сложных этнокультурных процессах, имевших место в истории народов южной части Дальнего Востока России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА аборигены, территория, охота, традиция, орудия лова, пушные звери, анимистические воззрения.

Охотопромысловая деятельность имела большое экономическое значение для всех народов Приамурья, Приморья и др. регионов южной части Дальнего Востока России. Охота являлась основным видом хозяйственной деятельности для удэгейцев, орочей и уилта (ороков), ряда территориальных групп нанайцев и ульчей, негидальцев, эвенов и эвенков.

К охоте аборигены готовились заранее: летом готовили охотничьи снасти, одежду и обувь, при необходимости обходили охотничьи угодья, сооружали ловушки давящего типа в местах, где обычно находился соболь, ремонтировали зимовье или строили новое жилище и т.д.

Успех охотника зависел не только от опыта и профессиональных особенностей промысловика, но и от природных условий, изменений миграционных путей зверя, природных явлений и многих других причин. К тому же каждый представитель малочисленных этносов региона не отделял себя от природы и усматривал в ее проявлениях своеобразный разум, влияющий на благополучие человека.

Отношение к природе вообще и ее явлениям в частности как к разумному существу особенно наглядно проявляется в многочисленных промысловых обрядах и обычаях, имеющих силу закона. По неписанным «законам» обычного права народов, находящихся на низком уровне социально-экономического развития общества, и зависящих от успешной охоты, рыболовства и собирательства, человеку предписывалось беречь природные ресурсы и проявлять щадящее отношение, как к флоре, так и к фауне. Контрольные функции этого права возлагались не на силовые, судебные

органы власти, а на нормы обычного права, многочисленных хозяев природы и духов, якобы обладающих сверхъестественной силой.

В связи с тем, что у орочей и удэгейцев охотничьи угодья находились преимущественно в местах их обитания, поэтому они охотились в одиночку на участке «доставшемуся ему в наследство от отца и деда» [1, с. 93-94]. Аналогичный подход при охоте на соболя наблюдался и среди уилта – ороков Сахалина. «Каждая локальная группа (этноса – А.С.), следуя сложившемуся традиционному неписаному закону, правилу – доро, имела свою определённую территорию, которую осваивала из года в год, из поколения в поколение» [9, с. 19].

Следует сказать, что у малочисленных этносов Приамурья и Приморья не существовало официально узаконенных охотопромысловых участков, закрепленных за тем или иным конкретным родом. Они могли охотиться на любой свободной территории края. Однако условное закрепление охотничьих участков за определенными охотниками все же существовало. Этот акт объясняется следующими причинами: «некоторые охотники из года в год охотились на пушного зверя в каком-либо одном районе, по верховому притоку магистральной реки, небольшому ключику. Здесь охотник строил жилище, служившее ему много лет, если надо – чистил участок. Привыкнув к этому месту, охотник приводил потом сюда своего сына или племянника, и они учились охотничьему искусству, а затем по привычке охотились здесь. Если в данный промысловый район приходил новый охотник, он обычно спрашивал у стариков, где есть свободные места для охоты и промышлял там, где ему указывали» [10, с. 58].

Конфликты из-за владения охотничьими участками возникали очень редко и лишь в том случае, если вновь пришедший промысловик, не слушая советов старожилов, начинал охотиться на участке, на котором уже были выставлены ловушки охотника – «хозяина» участка. «По убеждению ульчей человек, решившийся на такой конфликт, не мог рассчитывать на охотничью удачу» [10, с. 66].

Существует и другое объяснение, почему аборигенам региона запрещалось занимать «чужие» охотничьи территории. Смысл такого запрета, например, дальневосточные эвенки объясняли следующим образом: «чтобы кто другой не наткнулся на мои стрелы» [4, с. 156]. Иначе говоря, на всех охотничьих угодьях, обустроенных охотниками – «хозяевами» участков, имелось много самострелов, установленных на копытных животных. Незнающий человек, несмотря на установленные знаки предупреждения, мог попасть под самострел и погибнуть. Таким образом, запрет охоты на чужих участках связывался не только с этическими устоями первобытной морали, но и являлся отражением практической безопасности человека.

В отличие от удэгейцев и орочей, занимавшихся охотой на участках, расположенных в местах их постоянного обитания, нанайцы, ульчи, негидальцы и другие народы Приамурья на охотничий промысел ходили в очень отдаленные места: «нанайцы и ульчи – на побережье Татарского пролива, в верховья р. Горин; ульчи, негидальцы, а иногда и нанайцы бывали также и на Сахалине, негидальцы – в южной части Охотского побережья, нанайцы Амура – на р. Уссури и ее притоках, на Амурском лимане, жители р. Горин ходили на лиман, Уссури, на Охотское побережье» [11, с. 85-86]. Из этого следует, что у некоторых аборигенов охотничьи угодья находились за тысячи километров от жилища. Например, из материалов А.Ф. Миддендорфа известно, что негидальцы в поисках соболя и других пушных животных уходили от дома за 1000, а то и за 2000 верст [7, с. 85].

Ульчи во второй половине XIX столетия охотились в районе р. Горин и на Амурском лимане севернее Николаевска. «Охотники отправлялись за соболем также на правый берег Амурского лимана, южнее Де-Кастри, в р-н Советской Гавани и на Сахалин. Близ ульчских селений соболь больше всего встречался на правобережье Амура, в районе озер Кизи и Кади и их многочисленных протоков. Здесь охотились не только жители правобережья, но приходили сюда иногда и охотники с противоположного берега; бассейн рек, впадающих в одно лишь оз. Кизи, занимает не одну сотню квадратных

километров, и жители близлежащих селений (на р. Ай – главной водной артерии оз. Кизи – было лишь два крохотных селения), естественно, могли освоить лишь незначительную часть этого обширного водного бассейна» [10, с. 58].

В охотничьи угодья, удаленные от места постоянного проживания, аборигены всегда отправлялись небольшой группой от трех до пяти человек. У нанайцев и ульчей это могли быть охотники из одной или разных семей. Многие охотники до места соболиного промысла шли несколько дней, поэтому коллективное передвижение по глухой тайге требовало хорошей организации и дисциплины всех участников. «Непререкаем был авторитет старшего, выбиравшегося самими охотниками. Он определял обязанности каждого во время остановок в пути. Остановки были довольно частыми, ибо световой день был очень коротким, а путь тяжелым. Особенно строго соблюдались правила во время самого перехода: шли друг за другом, гуськом, каждый охотник тащил свою нарту, иногда с помощью двух-трех собак» [11, с. 93].

Амурские эвенки на пушную охоту уходили обычно на весь сезон без семьи. «Оседлые эвенки либо присоединялись к кочевым, либо арендовали у них оленей. Безоленные охотники все необходимое для промысла тащили на санях с помощью 1-2-х собак. У буреинских, амгуньских и удских эвенков с этой целью использовались также ручные волокуши из шкуры животных» [4, с. 156].

По прибытии на место охоты первым делом занимались кормлением духа – хозяина местности и обустройством жилища – установкой палатки или зимовья. Если в одном зимовье жило 2-3 охотника, что было характерным для нанайцев, то один из них – самый опытный, как правило, старший по возрасту, передавал свой опыт молодым. Он учил, как выслеживать зверя, как ставить ловушки, как вести себя в тайге, как обмануть хитрого соболя, чтобы зверек не почувствовал опасность от человека.

Во время отдыха старые охотники вспоминали разные случаи, которые происходили с ними или их знакомыми на охоте. Во время этих рассказов молодые охотники соприкасались не только с духовными основами знаний своего этноса, относящихся к охотопромысловой деятельности, но и постигали практическую сторону традиционной охоты. Вера в существование хозяев урочищ, гор, тайги и других примечательных географических объектов, напрямую связанных с удачной или неудачной охотой на копытных или пушных животных, позволяла молодым охотникам быстро вникать в азы промысловой деятельности и культуры этноса.

В этих рассказах особое внимание уделялось практическим советам, народным поверьям и приметам, связанным с охотничьим промыслом. Например, каждый охотник с малых лет знал, что кедровка при появлении охотника тут же начинала издавать резкие, отрывистые звуки, означающие появление человека. Считалось, что этим криком кедровка предупреждала зверей об опасности. Из-за этой особенности кедровка у аборигенов края считалась плохой птицей. Аналогичное мнение относилось и к сороке, которая сопровождала человека своим стрекотом, предупреждая, таким образом, зверей об опасности [8, с. 87]. В отличие от этих птиц, ворон гаи считался верным помощником охотника. Карканье этой птицы в тайге чаще всего означало, что ворон находится над раненым зверем [8, с. 90].

Существовало у охотников и такое поверье: «Если охотник на промысле слышал «лай» филина гогсига, то считалось, что собаки обнаружат крупного зверя; если филин будет кричать по соболиному, то будет хорошая добыча пушных зверей, а если он плачет, как человек, то умрет кто-то из родственников» [8, с. 87].

У разных народов существовали свои общие и специфические приемы охоты. К специфическим приемам относятся такие охотопромысловые нюансы, которые характерны только для конкретного народа. Например, удэгейцы при необходимости настроить ловушку или снять пойманного зверька, к ловушке не подходили, а подъезжали на специально приготовленном легком бревне, как на санках. «Так делалось для того, чтобы не оставить следы обуви. Настроив ловушку, охотник отъезжал с бревном обратно. Если добираться до ловушки пешком, то соболь к ней не подойдет. Нельзя

приближаться к ловушке и на лыжах, подбитых мехом, потому что при отходе назад мех лыж взъерошивает снег, и зверек этого тоже пугается. К бревну, находящемуся рядом с ловушкой, и полосе на снегу от бревна соболь привыкает и не боится» [12, с. 78].

Охота на пушного зверя требовала от охотника не только выдержки, но и умения правильно выбрать место установки давящей ловушки, петли или самострела. Когда в ловушки начинающего охотника не попадал зверь, то в этом случае молодой охотник обращался к опытному промысловику за советом. Опытный промысловик никогда не отказывал в помощи молодому охотнику, после чего они шли к священному дереву и просили духа местности оказать им помощь в добыче зверя. Молодой охотник клал под дерево жертвенную пищу, становился перед ним на колени, а старший находился рядом и громко обращался к духам: «Большие-большие горные речки, большие-большие горы, почему вы так обделяете? Хожу, а удачи нет. Пожалейте, не обделяйте!» [3, с. 14].

После этого старый охотник шел по тропе молодого промысловика, осматривал, как тот устанавливал ловушки, и тут же по ходу давал советы, в каких местах лучше ставить ловушки давящего типа, где настораживать самострелы и на каком расстоянии их ставить. «Когда спустя день или больше попадал соболь, молодой охотник, вернувшись в зимовье, с порога бросался на колени перед старшим, бил земной поклон ему. Затем кланялся порогу, очагу. Готовил из лучших продуктов пищу духам, ставил ее в священном углу. После жертвоприношения и ужина старший обдирал шкурку зверя, но оставлял не ободранным кончик его носа» [3, с. 15].

По верованиям всех народов Сибири, Приамурья и Приморья душа пушных животных находилась на кончике носа, поэтому если его срезать вместе со шкурой, то хозяин соболей лишит охотника удачи [2, с. 78-104]. Носик зверька срезался только после того, как снималась шкура. Нельзя было кончик носа срезать и постороннему человеку. Это должен сделать тот охотник, в чей капкан попадался зверек.

Добыв соболя, охотник снимал с него шкурку, пока зверек еще не успел закоченеть. «Если соболь, попав в ловушку, и замерз, то перед снятием с него шкурки, его отогревали. При этом голову соболя заворачивали тряпкой. По представлениям удэгейцев, если так не сделать, то хозяин соболей «нюхо(э) адзяни», в будущем больше никогда не пошлет соболей этому охотнику» [5, с. 134].

В отличие от пушных животных, аборигенам, занимавшимся добычей морских животных – ульчам, негидальцам, орочам и др., запрещалось при свежевании нерпы срезать нос вместе со шкурой.«Охотник, позволивший себе такую операцию, по убеждению орочей, лишал себя и своих родственников возможности в будущем убить хотя бы одну нерпу. «Хозяйка» нерп больше никогда не послала бы такому человеку своих «морских собак»» [6, с. 35].

Первый успех старались закрепить с помощью определенных магических действий. Так, обдирая шкурку со зверя, охотник произносил особые заклинания, с тем, чтобы умилостивить зверя: «Ну! Ты по лесу бродишь, какой в этом прок? Сейчас как хорошо! Тебя люди будут холить! Ты больше не отказывайся! И своих собратьев всех зови ко мне!» [3, с. 13]. Так охотник уговаривал зверя, чтобы тот в дальнейшем не отказывался попадаться в его самострелы.

По представлению всех аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина, зверь должен снова возродиться и вернуться в свою стихию, чтобы передать своим «собратьям» приглашение охотника. Иными словами, охотники верили, что им помогали в охоте не только духи – хозяева местности, но и сами убитые звери, добровольно шедшие в ловушки охотников.

Неудачи в охотничьем промысле нанайцы, ульчи, орочи и другие народы объясняли или нарушением запретов, или вмешательством злых духов. В злых духов, препятствовавших удачной охоте, по мнению аборигенов, могли превращаться души умерших сородичей и шаманов, по которым не совершались большие поминки после отправления души в загробный мир – каса таори. Охотники часто отпугивали злых духов дымом болотного багульника – сэнкурэди пунгичиури, бросали в огонь поминальную

пищу – добоча и при этом уговаривали их не мешать охоте [3, с. 20].

Чтобы обезопасить себя от разных злых духов, аборигены перед выходом на охоту, обращались к хозяевам местности с просьбой об оказании помощи в охоте, а если охотник считал, что его промыслу вредят болтливые языки или зависть недоброжелателей, то он совершал магический обряд расправы с мнимыми недругами. «Из сухой травы он делал фигурки наподобие ртов. Расставлял их вокруг очага, разговаривал с ними. Называл их именами подозреваемых в «сглазе» людей. Проявлял радость, угощал их табаком. Приглашал присаживаться ближе к огню, погреться. «Усыпив» таким образом, их бдительность, охотник резко вынимал свой нож из ножен и распарывал соломенные рты. Ругал их, приговаривая: «Ну вот! Сейчас-то будете наказаны! Находитесь дома, бродите по охотничьим тропам впереди охотника. Отпугиваете зверей. Болтливостью своей делаете «сглаз»! – Разрывает соломенные «рты», разбрасывает в разные стороны. – Ну вот! Теперь уже не будете болтать!» [3, с. 16-17], так расправлялся нанаец с теми духами, которые ему вредили в охотничьем промысле.

Анализ охотопромысловой деятельности коренного малочисленного населения южной части Дальнего Востока России показал, что в прошлом все этносы региона по своему воззрению на природу были анимистами и глубоко верили в существование потусторонних сил, от которых зависела жизнь и благополучие людей.

Список литературы

[1] *Арсеньев* В.К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901 – 1911 гг.) // Соч. - Владивосток: Примиздат, 1948. Т.5. С.3-110.

[2] *Васильев* Б.А. Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78-104.

[3] *Гаер* Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. 142 с.

[4] История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2010. 334.

[5] *Ларькин* В.Г. Хозяйство и средства передвижения удэгейцев до установления советской власти // Труды ДВФ СО АН СССР им В.Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т.1. С.126-153.

[6] *Ларькин* В.Г. Орочи: (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 176 с.

[7] *Миддендорф* А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: Коренные жители Сибири. СПб.: Тип. Имп. акад. Наук, 1878. Ч.2. Отд.6. 833 с.

[8] *Подмаскин* В.В. Народные знания удэгейцев: историо-этнографическое исследование по материалам XIX – XX вв.Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.

[9] Роон Т.П. Уйльта Саалина: историко-этногоафическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII - середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалинское обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.

[10] *Смоляк* А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.

[11] *Смоляк* А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Саалина: Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 248 с.

[12] *Старцев* А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с

Региональные особенности в историческом контексте имперской политики и перспективах современности

УДК 271.22-772(571)(091) | ББК 86.372.24-683.7(2Рос-16)

Особенности миссионерского служения Русской Православной Церкви на территории Сибири в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина)

Аксенова Галина Владимировна
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического университета, г. Москва, Россия.
galax23@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье показано значение как опубликованных, так и не опубликованных трудов историка-богослова архимандрита Иннокентия (Просвирнина), посвященных анализу особенностей миссионерского служения Русской Православной Церкви на территории от Урала до Тихого океана. Показано значение его трудов, посвященных деятелям Русской Православной Церкви, проповедовавших среди сибирских народов. Раскрыто значение его исследований по истории церковного краеведения, а также по истории Сибирского книгопечатания, являвшегося неотъемлемой составляющей миссионерско-просветительской деятельности православных миссионеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русская Православная Церковь, Сибирский регион, архимандрит Иннокентий (Просвирнин), история миссионерства в Сибири, архивы.

Идите, научите все народы,
Крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа
Мф. 28, 19

Заселение Сибири совершилось между прочим и в христианском разуме.
Общее было правило тогдашних русских:
где зимовье ясачное, там и крест, или впоследствии часовня;
где водворение крепостное, там церковь;
а где город, там кроме церкви и монастырь.
П.А. Словцов

Русские миссионеры в Сибири,
исполняя свое благовестническое служение,
действительно, имели одну цель – призвать людей в Царство Божие
и указать путь в это Царство тем, кто не знал имени Христа.
***Архимандрит Иннокентий* (А.И. Просвирнин)**

Особенности просветительского служения архимандрита Иннокентия (Просвирнина)

Архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (1940-1994) его ученики, соработники и единомышленники именовали не иначе как «монах-подвижник» [40, с. 1]. Он был педагогом, ученым-богословом, историком Церкви, источниковедом, историографом и археографом, книговедом и издателем, обладавшим «особой мировоззренческой концепцией, своим взглядом на историю» [40, с. 1]. Его деятельность была чрезвычайно разнообразной и многогранной: членство в Археографической комиссии РАН и в Правлении Международного фонда славянской письменности и культуры, инициирование создания Славянского фонда России, участие в Международных съездах славистов и Международном семинаре по «Проблемам изучения и издания памятников

славяно-русской письменности», участие в деятельности Фонда гуманитарных инициатив, членство в редакционной группе Комиссии Священного Синода по подготовке и проведению 1000-летия Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Он стал создателем Музея Библии и Международного Волоколамского краеведческого общества на базе Иосифо-Волоколамского монастыря.

Анатолий Иванович Просвирнин (будущий архимандрит Иннокентий) родился и учился в Омске, там же, в кафедральном соборе, начал свой путь церковного служения. Он окончил Московскую Духовную Семинарию, затем Московскую Духовную Академию, завершив обучение со степенью кандидата богословия; почти 20 лет преподавал в Московской Духовной семинарии и Московской Духовной Академии, читая курс по истории РПЦ и пробный курс по источниковедению [25, л. 1].

Еще в годы учебы митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев) зачислил его в штат редакции «Журнала Московской Патриархии». Церковно-издательскому и христианско-просветительскому делу было отдано 30 лет жизни. С его именем связаны подготовка и выпуск важнейших изданий Московского Патриархата: Библии (изд. 1969 г.), Нового Завета (изд. 1976 г.), «Настольной книги священнослужителя» (1977-1988), Триоди, Октоиха (изд. 1981 г.), Ирмология (изд. 1983 г.), богослужебных Миней (1978-1989).

Архимандрит Иннокентий уделял много внимания библиографическим и биобиблиографическим трудам. Он составил указатели «Афон и Русская Церковь», «Труды архимандрита Леонида Кавелина» и «Труды архиепископа Димитрия (Самбикина)», инициировал работу группы ученых-архивистов над многотомной справочной серией «История Русской Православной Церкви в документах архивов России и федеральных архивах» [33; 34] и биобиблиографическим указателем «Русские писатели-богословы» [45]. Вместе с протоиереем Борисом Пивоваровым разработал проект издания «Сибирский Церковный вестник» [32], а также план-проспект издания «Миссионерское служение Русской Православной Церкви» [31].

Архимандрит Иннокентий во время своих занятий в библиотеках, музеях, архивах формировал библиографическую и биобиблиографическую картотеку русских святых (более 4000 карточек). Работа с архивами, рукописями и научной литературой разных лет, создание картотеки давали ему возможность писать серьезные исследования, которые публиковались на страницах «Журнала Московской Патриархии» и «Богословских трудах» агиографические статьи [23], многие из которых посвящены выдающимся сибирским духовным подвижникам.

Так, например, на страницах периодических церковных изданий появились его статьи о «деятельных трудах» святителя Иоанна - митрополита Тобольского и всея России чудотворца [27], святителя Софрония - епископа Иркутского, всея Сибири чудотворца [28]. Впервые за весь советский исторический период ему удалось опубликовать текст «Илиотропиона» [26], созданный в начале XVIII в. святителем Иоанном (Максимовичем) и дающем ответ на «большой вопрос христианской сотериологии»: «Как сообразовать свою волю с волей Божией?» [27, с. 57]. Его стараниями в Советском Союзе увидел свет труд святителя Московского Иннокентия (Вениаминова) «Указание пути Царство Небесное» [16] и важнейшие исследования Вл. Фиалкина, посвященные служению святителя Иннокентия на всех его поприщах: от Анги до Уналашки и от Уналашки до Москвы [48-49].

Огромную роль архимандрит Иннокентий (Просвирнин) сыграл в подготовке юбилейных изданий, приуроченных к 1100-летию со дня кончины равноапостольного Мефодия (1985 г.), к 1000-летию Крещения Руси (1988 г.), к 400-летию установления Патриаршества в Русской Церкви (1989 г.), и в составлении специальных юбилейных служб и чинопоследований.

Архимандрит Иннокентий был одним из тех пастырей и церковных подвижников,

кто понимал, что в деле просвещения и сохранения национальных традиций и национальной культуры необходимы совместные усилия исследователей духовного сана и «светских» ученых [20; 30]. В 1993 г., выйдя на покой, он, принятый в Московском Новоспасском ставропигиальном монастыре, продолжил свой труд над новыми проектами, значимыми для изучения истории миссионерского служения РПЦ и истории церковного краеведения [1-11].

Изучение наследия архимандрита Иннокентия (Просвирнина)

Труды архимандрита Иннокентия (Просвирнина) высоко оценены как деятелями РПЦ, так и представителями светской науки. После его кончины на страницах авторитетных археографических научных («Археографический ежегодник» и «Отечественные архивы») и церковных («Московский церковный вестник», «Православная Москва», «Журнал Московской Патриархии») изданий разместили некрологи и статьи, в которых раскрывался смысл величайшего служения монашествующего ученого-подвижника и миссионера-просветителя [50; 46; 47; 30; 12; 13; 40; 36; 38; 10; 17]. В числе авторов памятных статей были такие авторитетные ученые как С.О. Шмидт, А.А. Турилов, Я.Н. Щапов, Э.Ф. Володин, И.С. Чичуров, Н.Н. Лисовой. Архив архимандрита из Новоспасского монастыря передали на хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (в настоящее время опубликованы его обзоры, а описание находится в читальном зале ОР [35; 37; 42]). В начале 2000-х гг. увидели свет сборники его трудов, размещенных в разные годы в «Журнале Московской Патриархии», «Богословских трудах» и в сборниках материалов конференций [18; 41].

Автор данной работы опубликовала несколько статей, раскрывающих смыслы и содержание церковной научно-просветительской, педагогической и общественной деятельности архимандрита Иннокентия, характеризующих его научный и практический интерес к миссионерскому служению представителей РПЦ на территории Сибири, Якутии, Дальнего Востока, Камчатки и Аляски.

На страницах научных и популярных журналов и сборников за последнее десятилетие XXI в. был опубликован большой блок материалов, находящихся в архиве архимандрита Иннокентия (Просвирнина) и связанных, в первую очередь, с жизнью и деятельностью митрополита Иннокентия (Вениаминова), имя которого принял Анатолий Иванович Просвирнин в монашеском постриге [9; 5]. Анализ творческих рукописей из архива отца Иннокентия, посвященных Сибирской миссии РПЦ и значению изучения истории церковного краеведения, был также представлен автором данной статьи в ходе работы региональных и международных конференций [4; 7; 8; 11]. Увидели свет материалы (официальные документы и документы личного происхождения), представляющие международную деятельность Издательского отдела Московского Патриархата и лично архимандрита Иннокентия, а также комплекс документов о его сотрудничестве с Императорским Православным Палестинском Обществом [6; 10].

Всё выше названное позволило глубже понять масштаб его ученой деятельности. Исследовательская работа с материалами архива и подготовка их к публикации поспособствовали пониманию и определению места Сибири и Сибирской духовной миссии в исследованиях видного представителя церковной науки последней трети XX в. и роли его трудов в осмыслении духовной истории России и стран Дальнего Востока, роли Церкви в освоении огромных российских территорий Зауралья, протянувшихся до берегов Тихого океана.

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) – исследователь Сибирской православной миссии

В 1970-е гг., в те годы, когда Русская Православная Церковь готовилась к прославлению митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) в лике святителя,

когда шла активная работа по подготовке к изданию и собственно состоялось издание Богослужебных Миней и «Настольной книги священнослужителя», а также готовились службы и издания к 1000-летию Крещения Руси, архимандрит Иннокентий, по благословению митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, во главе небольшого авторского коллектива начал работу над книгой «Русская Православная Церковь» (к сожалению целиком проект не был реализован, но увидели свет два небольших томика, рассказывающие об истории Русской Православной Церкви в России с 988 по 1988 гг. [43; 44]), одна из глав которой посвящена истории русских православных миссий в Сибирь [43, с. 77-83].

Подробный анализ этой главы дан в докладе, прозвучавшем в августе 2020 г. на II Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции, посвященной памяти кинорежиссёра, актёра, сценариста и писателя Василия Макаровича Шукшина (SHUKSHIN-2020), полный вариант опубликован в сборнике материалов конференции [4].

На какие основные положения как опубликованных, так и неопубликованных трудов архимандрита Иннокентия необходимо обратить внимание сегодня, когда РПЦ продолжает развивать такие важнейшие направления своей деятельности как миссионерско-просветительская и работа с молодежью.

Прежде всего необходимо остановиться на основных положениях исторического научного обзора, написанного архимандритом Иннокентием с привлечением огромного пласта неопубликованных источников, находящихся в Тобольском архиве, материалов, содержащихся в Сибирских летописях, публикаций епархиальной периодической печати. Он высоко оценил наработки таких ученых как Г.Ф. Миллер, Е. Голубинский, П.А. Словцов, А.И. Сулоцкого, С.Г. Рункевич, Т.А. Догуревич, П. Буцинский, Н.Н. Глубоковский, П.В. Остроухов, Гр. Новицкий, А.Н. Копылов, Н.А. Миненко, Е.С. Шишигин и др. По его мнению, Г.Ф. Миллер, П.А. Словцов и А.И. Сулоцкий были, бесспорно, не только известными краеведами, но и видными исследователями сибирской старины, блестяще изучившими архивные материалы и сибирское летописание. Их труды, как совершенно справедливо отмечено архимандритом, они заложили основы изучения миссионерского служения представителей Православной Церкви среди народов Западной и Восточной Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока и т.д.

Изложение «истории русских православных миссий в Сибирь» отец Иннокентий начал со следующей фразы: «Одной из главнейших забот христианской Церкви всегда являлась забота о распространении Евангельского учения среди нехристианских народов. "Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа" (Мф. 28,19), – завещал Иисус Христос Своим ученикам. И во исполнение этих слов Божественного Учителя апостолы Христовы, а затем их преемники, понесли благую весть о спасении во все концы земли» [19, Л. 1]. Из вышесказанного логично следует одна из важнейших характеристик Российского Православия: «готовность служить распространению христианства среди многочисленных сибирских язычников и магометан» [19, Л. 8].

В развитие этой важной идеи, после указания на важнейший факт восхождения русской православной миссионерской традиции к равноапостольскому служению Константина Философа и Мефодия, архимандрит Иннокентий предложил научно обоснованную периодизацию миссионерской деятельности РПЦ, зафиксировал и аргументированно охарактеризовал основные этапы христианского просвещения народов Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока и т.д. (в период до 1917 г.). Это, безусловно, является главным достоинством его кропотливого научного труда.

Выразив согласие с мнением академика Е.Е. Голубинского о том, что еще в первой половине XVI в. «монахи-отшельники отправлялись в разные области, лежащие к северу и востоку, терпя голод и подвергая опасности жизнь, и не ожидали и не искали

какой-либо выгоды, но единственно стремились к тому, чтобы сделать угодное Богу и чтобы души многих, увлеченных в заблуждение (утверждая иногда смертию учение Христово) возвратить на правый путь и приобрести их Христу» [19, л. 1-2], ученый-богослов переходит к собственно характеристике важнейших этапов православного проповедничества в Сибири.

По его мнению, практически все XVI столетие – это предыстория больших миссионерских трудов.

Начало первого этапа связано с походом Ермака в 1581 г., в котором приняли участие три священника и монах, и со строительством на месте первого зимовья часовни во имя святителя Николая чудотворца. К концу этого короткого, длившегося не более 50 лет, исторического периода на территории Западной Сибири «насчитывалось до десятка церквей» [19, л. 3]. Первые из них, в честь Рождества Богородицы и Святителя Николая, ознаменовали появление на карте старейшего города Западной Сибири – Тюмени в 1586 г. Именно в это время, в начале XVII в., к концу первого периода, по мнению архимандрита Иннокентия, приходит понимание необходимости учреждения архиерейской кафедры в Тобольске, что и произошло в 1620 г. От этой даты начинается отчет второго этапа миссионерского служения РПЦ за Уральским каменным поясом.

Что же отличает этот временной отрезок, длинной практически во все XVII столетие? «В истории Сибири XVII век явился подготовительным периодом для будущей великой проповеди Евангелия. Хотя и не было тогда еще достаточного числа подготовленных проповедников, не хватало церквей и монастырей, невелико было и число обращенных инородцев, однако уже всеяны были первые семена благодатного учения Христова», – написал о. Иннокентий [19, л. 5]. Следуя примеру Стефана Пермского и заветам митрополита Алексия, монахи и священники примером личной праведной жизни и проповедью просвещали языческие народы, крестили их представителей. «Рассадниками христианства» стали основанные монастыри, например, Кондский в Березовском крае, на Оби, Вознесенский в Иркутске, Троицко-Селенгинский и Спасо-Преображенский в Забайкалье. Представители таких народов как остяки, тунгусы, дауры были «призваны в православную христианскую веру и крещены» [19, л. 5]. Последняя треть XVII в. внесла свои коррективы в миссионерское служение: «сибирским архипастырям больше всего внимание пришлось уделить борьбе с раскольниками» [19, л. 4].

Новый, третий, этап занимает весь XVIII век и начинается, как считает архимандрит Иннокентий, «со вступления на Тобольскую кафедру митрополита Филофея (Лещинского)» [19, л. 6]. Стараниями владыки было положено начало деятельности Камчатской духовной миссии, учреждено викариатство в Иркутске, продолжилось «христианское просвещение аборигенов Севера Сибири» [19, л. 7], организована первая православная миссия в Пекин. Его преемники старательно следовали заложенным традициям, просвещая бурятов, якутов, миссионерствуя на Камчатке, возводили храмы и основывая монастыри, открывали школы для православных миссионеров. По мнению архимандрита Иннокентия, итоги третьего периода были следующие: «К концу XVIII века православные миссионеры прошли почти всю сибирскую землю и привели ко святому крещению десятки тысяч язычников, ламаитов и магометан. Но требовалось еще немало усилий, чтобы возрастить посеянные в них семтна учения Христова, чтобы искоренить двоеверие, и сделать новопросвещенных людей верными чадами Церкви. Все это предстояло совершить миссионерам XIX веха» [19, л. 20].

Для нового, четвертого, периода, охватывающего весь XIX в., характерно, согласно аргументированной точке зрения архимандрита Иннокентия, устройство постоянно действующих миссий (Алтайской, Обдорской, Кондинской, Туруханской, Сургутской, Минусинской, Забайкальской, Семиречинской, Киргизской), открытие миссионерских школ, перевод Священного Писания и богослужебных книг на языки народов Сибири (местные алтайские наречия, якутский, алеутский, бурятский и др.), открытие

Камчатской епархии [19, л. 21-27].

Итоги активной и плодотворной христианской проповеди и деятельному церковному строительству на огромных просторах Сибири, Якутии, Забайкалья, Дальнего Востока и Камчатки были подведены в 1910 г. на Миссионерском съезде в Иркутске. Этот съезд принял важнейший документ, указавший на основные направления работы учрежденных в течение XIX в. миссий. Архимандрит приводит следующую цитату из резолюции: «Проповедь, обучение, богослужение, одним словом, все виды миссионерского делания должны совершаться на языке, понятном для инородцев, причем миссия, как таковая, не должно задаваться посторонними целями, но должна стремиться к достижению своей собственной единой и высокой цели - приобрести инородцев для Церкви Христовой» [19, л. 32].

Рассказ об этапах миссионерского служения сопровожден яркими характеристиками основных «благовестников и подвижников» [19, л. 1] РПЦ, без которых не мыслится распространение христианского вероучения среди «сибирских язычников и магометан» на огромных территориях, раскинувшихся от Уральских гор до Тихого океана: в их числе Иоанн (Максимович), Иннокентий (Кульчицкий), Иннокентий II (Нерунович), Софроний (Кристалевский), иеромонах Иоасаф (Хотунцевский), священник Григорий Ноговицын, протоиерей Стефан Ландышев, Николай Нилов-Доржеев и др.

Подробно представлена деятельность митрополита Филофея (Лещинского), архимандрита Макария (Глухарева), епископа Макария (Невского) и митрополита Иннокентия (Вениаминова) [19, л. 6-31].

Митрополит Филофей (Лещинский), выходец из малороссийской дворянской семьи, эконом Киево-Печерской лавры, назначенный указом царя Петра I в Тобольск, назван «просветителем Сибири» [19, л. 6-15]. Основателю первой школы в Сибири для обучения детей священнослужителей, положившего начало сибирскому книгопечатанию, в исследовании уделено большое внимание. Представлен весь путь его служения на Тобольской кафедре. К числу главных заслуг «на ниве равноапостольского служения» «мужа не только благочестивого, но и ученого, способного находящихся в Китае и Сибири "в слепоте идолослужения закоснелых человек приводить к познанию Истинного Бога"» [19, л. 6] отнесены учреждение Иркутского викариатства, христианское просвещение «аборигенов Сибири», «попечение о язычниках Тобольского края» [19, л. 9], миссионерские путешествия по Иртышу, «большое путешествие на Восток Сибири» (Байкал, Иркутск, Туруханск, Енисейск) [19, л. 13]. Главной же заслугой названа «великая ревность в деле просвещения язычников Сибири и благовестнические труды» [19, л. 15].

Особо отмечено «апостольское служение» [19, л. 21] архимандрита Макария (Глухарева) – магистра богословия, знатока древних и новых языков, переводчика. Он в 1828 г. стал первым начальником Алтайской миссии. Приступив к своему служению, он изучил «разговорный язык алтайцев», составил особый словарь и перевел на алтайские наречия важнейшие молитвы. Раскрывая особенности деятельных трудов архимандрита, о. Иннокентий обратился к мнению Т.А. Догуревича, который в конце XIX в. писал: «... он (арх. Макарий – Г.А.) совершает богослужение в церкви, дома ведет беседы, изучает инородческий язык, переводит на него молитвы, обучает инородческих детей, грамоте, оказывает медицинскую помощь больным, помогает новокрещенным в устройстве новой христианской жизни» [19, л. 22].

«Судьей совести, пастырем и учителем» алтайцев назван епископ Макарий (Невский), «обогревавший» в течение 28 лет «ниву православного просвещения на Алтае» [19, л. 24]. По мнению архимандрита Иннокентия, именно при Макарии «Алтайская миссия достигла наивысшего расцвета» [19, л. 24].

Яркая характеристика дана трудам «самоотверженного миссионера» [19, л. 27] митрополита Иннокентия (Вениаминова), получившего образование в иркутской семинарии, проповедовавшего на Алеутских островах, «среди дикарей-индейцев

Северной Америки» [19, л. 27], возглавившего в 1852 г. огромную Камчатскую епархию, «просвещавшего якутов, открывавшего храмы, часовни и переводившего на якутский язык священные и богослужебные книги» [19, л. 28], составившего грамматику якутского языка и начавшего вести богослужение на якутском языке. Его «миссионерская деятельность простиралась, как пишет о. Иннокентий, на самые отдаленные народности Приамурья и даже на заграничные маньчжурские племена» [19, л. 29].

Жизнь и труды, служение на архиепископской кафедре, а также богословское наследие митрополита Иннокентия (Вениаминова) многие годы находились в центре исследовательского внимания архимандрита Иннокентия (Просвирнина). К 100-летию преставления святителя Иннокентия, Митрополита Московского он сделал доклад «Пастырей путевождь» [22], несколько позже опубликовал статью «Подворье Московских митрополитов в Черкизове» [24], подготовил к публикации «Слово на день кончины Высокопреосвященнейшего Иннокентия, Митрополита Московского», произнесенное Д. Голубинским 31 марта 1880 года [14] и поспособствовал переводу на русский язык статьи Д.Григорьева «Митрополит Иннокентий:Пророческий миссионер (1797-1879)», опубликованной на страницах журнала «St/ Vladimir'sTheologicalQuarterly» (1977. Т. 21. № 1) [15]. Также (выше уже было отмечено) он участвовал в составлении службы святителю в связи с его прославлением и в подготовке первой и единственной в советское время публикации на страницах «Журнал Московской Патриархии» сочинения «Указание пути в царствие небесное».

Своеобразным продолжением исследования истории русских православных миссий в Сибирь стал доклад «К 200-летию Сибирского книгопечатания» [21]. В нем представлена периодизация развития церковной печати на всей территории Сибири. Согласно изложенной точке зрения, начало этому великому делу положили инициатива митрополита Филофея (Лещинского) и Указ государя Петра I от 1703 г. И хотя формально, первая сибирская типография открылась в Тобольске только в 1784 г., но, как пишет архимандрит Иннокентий, именно с беспокойства Филофея о необходимости «заведения друкарни» при Тобольском архиерейском доме и с трудов святителя Иоанна (Максимовича) по организации богослужебных книг для Сибири на базе Черниговской типографии [21, л. 2] началась история сибирского книгопечатания. Важнейшими датами в развитии книгопечатного дела названы уже отмеченный 1784, а также 1804 (открытие типографии Корнильева) и 1857 гг. (начало истории периодических изданий).

В докладе ученого-богослова представлен и краткий историографический анализ работ, посвященных сибирскому книгопечатанию: это различные по объему, но имеющие огромное значение труды протоиерея Александра Сулоцкого, И.В. Щеглова, П.А. Словцова, А.И. Дмитриева-Мамонова и В.В. Баторова [21, л. 3-7].

Заслуживает особого внимания план-проспект издания «Миссионерское служение Русской Православной Церкви», разработанный совместно с протоиереем Борисом Пивоваровым [31]. Размышляя над содержанием монографии, соавторы в двух ее разделах планировали разместить объемный материал, посвященный миссионерской деятельности РПЦ на территории Сибири. Так, например, в «Разделе первом. Апостолам равные» были обозначены главы, повествующие о святителе Филофее Тобольском, архимандрите Макарии Алтайском, святителе Иннокентии Московском, епископе Николае Японском [31, л. 1]. В аннотации к первому разделу автору отметили следующие важные содержательные составляющие: «В четвертой главе содержатся сведения о начале христианства в Сибири и о сибирских миссиях до начала XIX века. В пятой главе содержатся наиболее интересные в историческом отношении сведения из истории Алтайской Духовной Миссии. В шестой главе раскрываются те страницы истории духовных миссий Русской Православной Церкви, которые связаны с апостольскими трудами Святителя Иннокентия Вениаминова. Седьмая глава посвящается истории Японской Православной Церкви» [31, л. 3].

Во втором разделе планировалась публикация «выдающихся памятников миссионерской письменности», таких как «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого, «Указание пути в Царство Небесное» святителя Иннокентия (Вениаминова), «Алфавит Библии» архимандрита Макария (Глухарева), «Письма из Посольского монастыря» архиепископа Вениамина (Благонравова), «Беседы к язычникам» митрополита Макария (Невского) и «Памятное завещание» протоиерея Михаила Чалкова [31, л. 4-5]. Т.е. вся вторая часть задуманного издания отводилась важнейшим церковным материалам, сочинениям и проповедям, раскрывающим особенности миссионерского служения РПЦ на огромных восточных территориях Российского государства.

Планировалось уделить особое внимание «патриотическому служению русских миссионеров при освоении Сибири» [31, л. 9] как важнейшей составляющей миссионерского служения: это раскрытие «патриотической деятельности Святителя Иннокентия как участника в освоении Амура и Приморья в 50-е годы XIX в.», «патриотическая деятельность алтайского миссионера протоиерея Михаила Чалкова, благодаря которому многие тысяч алтайцев-теленгитов вошли в состав Русского государства вместе с территорией, на которой они проживали» [31, л. 9].

Высоко оценивая труды одного из выдающихся церковных деятелей второй половины XIX в. архиепископа Димитрия (Самбикина), отец Иннокентий писал, что его «ученая деятельность, овеянная церковностью, изумляет многоплановостью и высочайшей плодотворностью» [2; 29]. Эта характеристика указывает также и на особенности ученой и издательской деятельности архимандрита в 1960-е – 1990-е гг.

Оставленное архимандритом Иннокентием (Просвирниным) научное наследие позволяет полно и ярко представить особенности и многообразие миссионерского служения РПЦ на территории Сибири. Раскрывая культурно-историческое значение духовных миссий РПЦ, подводя некоторые итоги своей исследовательской работы, связанной с изучением миссионерства, архимандрит Иннокентий написал: «Русские миссионеры не только крестили и учили, но и лечили, защищали новокрещенных от всякого насилия, помогали переходить кочевникам на оседлость, изучали их язык, историю, культуру, были лучшими этнографами своего времени; из туземного населения воспитывали писателей, ученых, учителей, художников и врачей, содействовали развитию сельского хозяйства и поднятию экономики, приводили в братское общение с русским народом многочисленные народы, которые и ныне входя в состав нашего государства» [21, л. 11].

Список литературы

[1] Аксенова Г.В. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) как исследователь наследия архиепископа Димитрия (Самбикина) // Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии. Материалы Пятнадцатой региональной научной конференции. Воронеж, 09 февраля 2021. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 129-136.

[2] Аксенова Г.В. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин). Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина. 1839–1908): О деятельности этого выдающегося церковного историка, археографа, просветителя / Публикация, предисловие и примечания // Московский журнал. 2015. № 6. С. 52-66.

[3] Аксенова Г.В. Издательская политика Московского патриархата: 1960-1980 гг. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга, 2017. С. 158-169.

[4] Аксенова Г.В. История духовно-просветительской миссии Русской Православной Церкви в Сибири в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина): по материалам Отдела рукописей РГБ // Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции, посвященной памяти кинорежиссёра, актёра, сценариста и писателя Василия Макаровича Шукшина (SHUKSHIN-2020), Бийск–Сростки, 24-25 августа 2020 г. / Отв. ред. М.С. Власов. Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2020. 133 с. 1 электрон.опт. диск (CD-R). С. 10-17. http://www2.bigpi.biysk.ru/wwwsite/doc/news/Proceedings_Siberian_Mentality-2020.pdf

[5] Аксенова Г.В. Материалы о святителе Иннокентии в собраниях Отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 16. С. 87-111.

[6] Аксенова Г.В. Международная деятельность архимандрита Иннокентия (Просвирнина) по сохранению христианского историко-культурного наследия // 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи. Материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эрмитаж. 3–4 октября 2019 г. / Под ред. С.Ю. Житенёва, К.А. Ваха. М.: Индрик, 2019. С. 209-260.

[7] Аксенова Г.В. О значении жизни и деятельности архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // XII Пасхальные чтения. Материалы Двенадцатой научно-методической конференции: «Гуманитарные науки и православная культура». М.: Учебно-научный филологический центр МПГУ, 2015. С. 19-31.

[8] Аксенова Г.В. Педагогическое наследие архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (1940-1994) // Православная школа как система культурного образования и духовного воспитания детей и молодежи: сборник материалов VIII всероссийской научно-практической образовательной конференции / под ред. Н.Ф. Злобиной, Н.И. Лукьяненко. Свято-Алексеевская Пустынь; М.: Перо, 2015. С. 97-105.

[9] Аксенова Г.В. «Ревнители православного просвещения»: Материалы о жизни и деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) в архиве архимандрита Иннокентия (Просвирнина). Статья и приложения // Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию учреждения Якутской епархии. Якутск, 23 марта 2015 г. / Под общей ред. епископа Якутского и Ленского Романа. Якутск: Издательский центр ЯкутскойиЛенскойепархии, 2015. С. 25-103.

[10] Аксенова Г.В. «Труженик русской богословской науки»: о научно-просветительском подвиге архимандрита Иннокентия (Просвирнина). К 80-летию со дня рождения // Православный Палестинский сборник Вып. 117. Памяти Николая Николаевича Лисового посвящается. / Отв. ред. С.Ю. Житенёв. М.: «ИНДРИК», 2019. С. 237-284.

[11] Аксенова Г.В. Церковное краеведение как значимая составляющая образовательного и воспитательного процессов // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы II Международной научно-практической конференции Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ» (15-16 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. Борисоглебск: Издательство «Перо», 2021. 713 с. С. 239-256.

[12] Алексий (Фролов А.С.), архиеп. «Все для Бога»: [Архимандрит Иннокентий - краевед и археограф] // Новая книга России. 2006. № 1. С. 39-41.

[13] Архимандрит Иннокентий в воспоминаниях духовных детей и учеников. / Сост. Л.В. Бурмистрова. Сергиев Посад: б.и., 1998. 115 с.

[14] Голубинский Дм. Слово на день кончины Высокопреосвященнейшего Иннокентия, Митрополита Московского // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К.16. Ед.хр. 13.

[15] *Григорьев Д., протоиерей. Митрополит Иннокентий*: Пророческий миссионер (1797-1879) // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 64. Ед.хр. 2.

[16] *Иннокентий (Вениамнов)*, митрополит. Указание пути в Царство Небесное // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 3. С. 66-79.

[17] *Иннокентий (Просвирнин)* // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXIII. С. 19-21.

[18] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Блаженны чистые сердцем: Сб. статей. / Вступ. ст. и сост. О.В. Курочкиной. М.: ИИПК «ИХТИОС», 2008. 458 с.

[19] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Из истории русских православных миссий в Сибирь. [1970-е гг., до 1976 г.], 37 лл. Машинопись // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 32. Ед.хр. 6.

[20] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Историография церковного краеведения. Доклад и Тезисы доклада [1988]. Машинопись с пометами чернилами рукой архим. Иннокентия // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий, архимандрит). К. 14. Ед.хр. 14.

[21] Иннокентий (Просвирнин), архим. К 200-летию Сибирского книгопечатания: Тезисы. [1980-е гг.] // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 14. Ед.хр. 16.

[22] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. «Пастырей путевождь» // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 4.

[23] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Печатные труды (в хронологическом порядке) // Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Блаженны чистые сердцем: Сб. статей. / Вступ. ст. и сост. О.В. Курочкиной. М.: ИИПК «ИХТИОС», 2008. С. 434-439.

[24] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Подворье Московских митрополитов в Черкизове // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 6. С. 12-13.

[25] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Послужной список. 1993 г., август 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 1. Ед.хр. 37.

[26] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и вся Сибири, чудотворец. Илиотропион // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 5. С. 58-69; № 6. С. 65-75.

[27] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и вся Сибири. К 250-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии. 1965. № 6. С. 57-58.

[28] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Святитель Софроний, епископ Иркутский, вся Сибири чудотворец // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 9. С. 67-78.

[29] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит. Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина) (1839–1908). // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 23.

[30] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Церковное краеведение в нравственном воспитании человека // Краеведение Москвы. Научно-методические материалы в помощь краеведам. / Под ред. Л.В. Ивановой и С.О. Шмидта. М.: б.и., 1990. С. 49-51.

[31] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим., Пивоваров Б., протоиерей. Миссионерское служение Русской Православной Церкви План-проспект издания. 1987. 16 лл. // ОР РГБ. Ф.862 (архимандрит Иннокентий (Просвирнин)). К. 42. Ед.хр. 5.

[32] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим., Пивоваров Б., протоиерей. Проект издания «Сибирский Церковный вестник». 1989. 93 лл. // ОР РГБ. Ф.862. К. 42. Ед.хр. 4.

[33] История русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель / Научный руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. М.: «Наука», 1993. 681 с.

[34] История русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель / Научный

руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. М.: Новоспасский монастырь, 1995. 400 с.

[35] *Курочкина* О.В. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): Педагогическая и издательская деятельность по документам личного архива // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 21-28.

[36] *Курочкина* О.В. Воин Христов: Последний год жизни архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Новая книга России. 2007. № 10. С. 42-47.

[37] *Курочкина* О.В., *Соломина* О.Л. Обзор архива архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (ОР РГБ.Ф. 862) // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2006. Т. 1.

[38] *Лисовой* Н.Н. «Ибо время близко». Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (5.5.1940 – 12.7.1994) // «Энтелехия». Кострома, 2003. № 6. С. 145-148.

[39] *Овсянников* В.П. Жизнь и просветительство. Слово памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Архимандрит Иннокентий в воспоминаниях духовных детей и учеников. Сергиев Посад, 1998. С. 8-24.

[40] *Платон (Игумнов), архим.* Надгробное слово архимандрита Платона (Игумнова), произнесенное 14 июля 1994 года в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря при отпевании архимандрита Иннокентия // Памяти архимандрита Иннокентия: К пятой годовщине со дня кончины. М.: б.и., 1999. 24 с.

[41] Православная культура России в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина): к 15-летию кончины архимандрита Иннокентия (12.07.1994 г.): сборник / Православ. Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского; предисл. О.А. Павловой. Новосибирск, 2008. 100 с.

[42] Ревнитель православного просвещения: Обзор архива архимандрита Иннокентия / Сост.: О.В. Курочкина. М.: Пашков дом, 2005. 56 с.

[43] Русская Православная Церковь: 988-1988. Выпуск 1. Очерки истории I-XIX вв. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. 112 с.

[44] Русская Православная Церковь: 988-1988. Выпуск 2. Очерки истории 1917-1988 гг. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. 112 с.

[45] Русские писатели-богословы: биобиблиографический указатель / сост. А.С. Чистякова. М.: Пашков дом, 2001. 459 с.

[46] Сергий (Данков С.В.), иером. Архим. Иннокентий (Просвирнин) // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 5. С. 58-60.

[47] *Турилов* А.А. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин, 1940-1994) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 372-373.

[48] Фиалкин Вл. Московский период миссионерской деятельности Высокопреосвященного Иннокентия (Вениаминова) // Странник. Духовный журнал. 1891. Т. I. Апрель. С. 659-675; 1891. Т. II. Май. С. 84-100.

[49] Фиалкин Вл. Святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и его миссионерская деятельность / Подготовка к печ. и коммент. арх. Иннокентия (Просвирнина) // Журнал Московской Патриархии. 1979. № 3. С. 70-75; № 4. С. 73-77; № 5. С. 73-77; № 6. С. 68-77.

[50] *Шмидт* С.О. Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 117-120.

УДК 303.621.35:316.75(571.51)

Что объединяет жителей Красноярского края? (По данным историко-социологического исследования 2021 г.)

Задорин Артём Викторович
Старший преподаватель Гуманитарного института Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.
a.zadorin2013@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-1702-1604

АННОТАЦИЯ В статье представлены некоторые результаты изучения общероссийской идентичности в Красноярском крае. Анкетные опросы проводились в сентябре-октябре 2021 г. и охватили 200 жителей края.В первом опросе участвовали 100 студентов Сибирского федерального университета(50 юношей и 50 девушек). Во втором (массовом) опросе также участвовали 100 человек (12 мужчин и 12 женщин в возрасте 18–29 лет, 26 мужчин и 28 женщинв возрасте 30–59 лет, 8 мужчин и 14 женщинв возрасте 60 лет и старше).Выяснилось, что жителей края больше всего объединяют общее государство, русский язык и историческое прошлое. Ценности западного общества, такие как успех и богатство, мало популярны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярский край, население, общероссийская идентичность, социологический опрос, анкетирование.

Красноярский край – второй по площади субъект Российской Федерации. Этот регион не просто занимает центральное положение, он во многом показателен для страны в целом. Существует мнение, что Красноярский край – это Россия в миниатюре [5-7].

Перепись населения 2010 г. выявила на территории края 159 национальностей, в том числе 9 аборигенных народов, при общем преобладании русских (88,1%) [9, с. 7]. Преобладание русских означает и преобладание русского языка и культуры. И не только по распространённости, но и по уровню развития. Как справедливо отмечает президент Института национальной стратегии М. Ремизов, «…другой высокой культуры мирового уровня, кроме русской, для интеграции разных народов федерации в нашем распоряжении нет и не будет» [8].

В то же времяраспространено мнение о том, что в российском обществе теряется общность людей. Мнение это вполне обосновано, ведь со времён горбачёвской «перестройки» в России во всю мощь развернулся процесс вестернизации. «Реформаторы» прилагали большие усилия к тому, чтобы изменить сознание русских, насадить им циничную западную мораль, в основу которой положен принцип: человек человеку волк. Разумеется, этот принцип облекался в красивые понятия вроде «личной свободы» и «успешности». Отсюда и опасения по поводу культурного раскола общества.

Такие же соображения циркулируют и в информационном пространстве Красноярского края. Один из недавних примеров – интервью с известным красноярским бизнесменом Ю. Подопригорой (1971 г.р.)[1]. Помимо основной работы он является организатором сразу четырёх сообществ города – Лиги Странников, Лиги знаний, Лиги делового чтения, Лиги личностного развития. Эти сообщества дарят людям нечастое сегодня живое интеллектуальное общение.

На вопрос «А что вам не нравится в современной жизни?» Подопригора ответил: «… Информация захлёстывает… Всего много, можно вращаться в своём информационном кластере и не выходить за его пределы.

Но при этом теряется общность. У людей должен быть какой-то общий культурный код, хотя бы одна книга, которую прочитали все. Сейчас такое ощущение, что не остаётся никакого единства»[1, с. 11].

Что же объединяет сегодня жителей Красноярского края? Ответить на этот вопрос отчасти помогло изучение общероссийской идентичности в этом регионе. В основу представленной статьи легли некоторые результаты проведённого исследования.

В 2021 г. в Красноярском крае проводились анкет¬ные опросы, связанные с изучением этнокультурного многообразия российского общества и общероссийской идентичности. Сложная эпидемиологическая обстановка в регионе (пандемия COVID-19) обусловила выбор разведывательного типа исследования. Он не претендует на репрезентативность, но позволяет углубить знания по определённой проблеме [4, с. 57, 58; 10, с. 111, 112]. Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора: отбор «первого встречного» и цепная выборка по методу «снежного кома» [4, с. 98, 100, 101]. В первом случае опрашиваются те, кто попадается исследователю на улице, в учреждении и т.д. (при этом исследователь руководствуется соображениями удобства проведения опроса). В другом случае у респондентов выясняют, кто, по их мнению, мог бы ещё принять участие в исследовании, как и где можно найти этих потенциальных респондентов. Таким образом «снежный ком» растёт (до тех пор, пока не перестаёт приносить новую информацию).

Методом сбора информации являлось анкетирование.Опросы проводились в сентябре-октябре 2021 г. и охватили 200 жителей края. В первом из них участвовали 100 студентов (50 юношей и 50 девушек)Сибирского федерального университета (СФУ). При этом одну половину респондентов составили студенты технических специальностей, а другую – гуманитарных и творческих. Во втором (массовом) опросе также участвовали 100 человек. Выборка была такая: 24 человека в возрасте 18–29 лет (12 мужчин и 12 женщин), 54 человека в возрасте 30–59 лет (26 мужчин, 28 женщин), 22 человека в возрасте 60 лет и старше (8 мужчин, 14 женщин). Помимо жителей г. Красноярска анкеты заполнили 11 жителей г. Енисейска(опрос этих респондентов проводился дистанционно).

Прежде чем перейти к результатам исследования, следует остановиться на понятии «гражданская идентичность». Под ней понимается: «1) осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл; 2) феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий её как коллективного субъекта»[2, с. 140]. При этом данные определения вовсе не исключают друг друга. Они акцентируют внимание на различных аспектах гражданской идентичности: со стороны индивида и со стороны общности.

В первом случае речь идёт о реализации базисных потребностей личности через принадлежность к группе. Чувство МЫ, объединяющее человека с большой общностью, позволяет ему чувствовать себя более уверенно перед сложной и не всегда понятной ему социальной реальностью.

Второе определение касается специфики существования и развития гражданской общности как целостности, как коллективного, совокупного субъекта. Гражданская общность представляет собой большую группу, объединяющую население страны, которая, как правило, обладает традициями, общностью исторической судьбы, языка и культурного контекста, своеобразными эмоциональными связями.

Что показало изучение общероссийской идентичности? Оказалось, она в основном проявляется как феномен надындивидуального сознания (когда отдельно взятый человек ощущает себя частью коллективного, совокупного субъекта). Задавался вопрос «Что Вас объединяет с гражданами России?» (допускалось от одного до трёх вариантов ответа). Оказалось, больше всего объединяет общее государство (студенты – 59%, взрослые респонденты, не студенты[8] – 62%). Далее – русский язык (студенты – 55%, взрослые – 51%). Затем – родная земля, территория, природа (студенты – 47%, взрослые – 43%). Всё это можно выразить как «среда обитания». Организация людей на конкретной территории,

[8] Далее будем называть их «взрослые»

общий язык, окружающая среда – это осязаемые понятия, которые непосредственно затрагивают каждого гражданина любой страны. Поэтому неудивительно, что они оказались на первых местах.

Следом шли по большей части абстрактные, неосязаемые понятия. На четвёртом месте в обеих группах был ответ «историческое прошлое» (студенты – 37%, взрослые – 41%). На пятом – «культура, обычаи, праздники» (студенты – 36%, взрослые – 39%). На шестом – «ответственность за судьбу страны»(студенты – 33%, взрослые – 23%). Анализ ответов говорит о единогласии обеих групп респондентов. Разрыва поколений здесь не наблюдается.

То же самое можно сказать про общие символы (флаг, герб). Респонденты и здесь были единогласны, но уже в том, что флаг и герб граждан России не объединяют. Только 7% студентов и 8% взрослых считают общие символы сплачивающим фактором.Это можно связать с относительно недолгой историей нынешней символики (современную версию флага и герба утвердили в 1993 г. накануне принятия конституции).

В то же время опрос выявил высокую степень общности исторической памяти у разных поколений. Респондентам предлагалось назвать важнейшие даты, события из истории своего народа. Конечно, в опросах участвовали не только русские, но их было большинство. Из ста опрошенных студентов 79 указали, что они русские, среди взрослых русских оказалось 88.

Взрослые респонденты чаще называли важнейшие даты, события из истории своего народа. Здесь всё логично: они больше пожили на этой земле, соответственно знаний и опыта у них больше. В то же время ответы студентов и взрослых в основном совпадали, обе группы респондентов часто называли одни и те же события. Это крещение Руси (988), Невская битва (1240), Ледовое побоище (1242), Куликовская битва (1380), Отечественная война 1812 г., Октябрьская социалистическая революция 1917 г., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., распад СССР (1991).

Остановимся немного на этих ответах. Все указанные даты являлись судьбоносными в истории Отечества и русского народа. В 988 г. князь Владимир выбрал православие, что задало определённый вектор развития Киевской Руси, и нынешняя России является такой, какая она есть. В Невской битве и Ледовом побоище наши предки под руководством Александра Невского отстояли самобытность, не дав Западу окатоличить себя. Куликовская битва имела огромное моральное значение, ещё больше сплотив разрозненные территории вокруг Москвы. Победа над Наполеоном в 1812 г. позволила сохранить независимость России и надолго отбила охоту у многочисленных врагов нападать на нас. Это была первая Отечественная война, когда на борьбу с агрессором поднялся весь народ, а не только регулярная армия.

Но чаще всего назывались события из новейшей истории. Прежде всего, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Далее: распад СССР и Октябрьская социалистическая революция 1917 г. Что касается Великой Отечественной войны, здесь всё понятно. Это самая масштабная и страшная война в истории. Ещё живы те, кто её помнит. И хотя фронтовиков почти не осталось, но живших в то время («дети войны») ещё немало. Кроме того, ежегодно вспоминаются две даты: 22 июня – День памяти и скорби, и 9 мая – День Победы. Кстати, респонденты часто указывали не годы войны, а именно 9 мая 1945 г. Людская память предпочитает хранить победы.

Распад СССР тоже для многих печальная дата. Не стало «общего дома» для многих народов, единое цивилизационное пространство оказалось разорвано. Негативная окраска этого события выразилась хотя бы в том, что респонденты часто указывали: «развал СССР». То есть придавали данному процессу рукотворный, умышленный характер.

Революция 1917 г. тоже знаковое событие – она положила начало новому периоду жизни не только нашей страны, но и всего мира. Впервые в истории человечества под

руководством партии Ленина была предпринята попытка построить справедливое общество. Сначала в России, а затем и в ряде других стран. Насколько это удалось – разговор отдельный. Отмечу только, что многие привычные сегодня вещи (8-часовой рабочий день, всеобщее образование и др.) появились благодаря приходу большевиков.

По поводу революции 1917 г. необходимо внести ясность. Как известно, в 1917 г. в России произошли две революции: Февральская буржуазная, в результате которой пала монархия, и Октябрьская социалистическая. Специально уточнял у респондентов: какую революцию они имеют в виду. Отвечали: «Октябрьскую». О Февральской многие даже не знают.

Насколько для респондентов важна их принадлежность к российскому народу? Оказалось, очень важна. Она оценивалась по 5-балльной шкале, где 1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая, и 41% взрослых респондентов поставили 5 баллов. Четыре балла поставили 28%, три – 25%, два и один – по 3%. Студенты чаще всего ставили 4 балла (33%) или 3 балла (32%). Пять баллов поставили 17% опрошенных, 2 балла – 14%, 1 балл – 4%.

Далее предлагалось назвать общие ценности (не более трёх), которые являются базовыми для российского общества. Чаще всего называли «патриотизм, любовь к Родине» (взрослые – 52%, студенты – 48%). Вариант «справедливость, правда» оказался на втором месте у взрослых (42%), а у студентов – на четвёртом (30%). Студенты же на второе место поставили традиционность и свободу (по 37%). У взрослых эти ценности на четвёртом месте (по 30%). Вариант «социальная ответственность, забота об окружающих» выбрали 32% взрослых и 31% студентов.

Как можно заметить, почти все перечисленные ценности (кроме свободы) присущи патерналистской модели отношений. Такая модель сложилась в советский период нашей истории. И, как ни странно, патернализм популярен не только у старших поколений, но и среди молодёжи, которая советское время не застала. Более того, патерналистские настроения (либералы называют их иждивенческими) не смогла подавить мощная пропаганда западных ценностей. Она обрушилась ещё на советских людей в конце 1980-х гг., и с тех пор не прекращалась (хотя в последние годы интенсивность её снизилась).

Опрос показал невысокую популярность западных ценностей, особенно среди взрослых респондентов. Меньше всего выбирали «успех» (в обеих группах 5%), «богатство, высокий уровень жизни» (взрослые – 12%,студенты – 14%). Вариант «власть, доминирование» выбрали так же 12% взрослых (и 19% студентов). Немного чаще выбирали вариант «творчество, самореализация» (взрослые – 16%, студенты – 25%). При этом следует иметь в виду, что творчество ценится не только западном мире, где развито предпринимательство. Творчество было в почёте и в нашем советском прошлом, когда доминировал патернализм.

Следует сказать, ответы на вопрос о базовых ценностях хорошо соотносятся с результатами исследований Института социологии РАН. Одно из них проводилось в 1998 г. и показало, что после семи лет радикальных реформ в сознании россиян доминировали прежние базовые ценности, мотивации и способы восприятия действительности. Некоторые отклонения наблюдались лишь у части молодёжи, готовой «драться за своё место под солнцем», не особенно стесняясь в выборе средств [3]. Идеалом подавляющего большинства россиян являлось тогда не общество «индивидуальной свободы» с его пропастью между богатыми и бедными, а общество, в котором соблюдается социальное равенство граждан [3]. Исследования 2004 и 2007 г. выявили те же тенденции [Там же].

Патриотизм предполагает уважительное отношение к своему народу, и наш опрос подтвердил эту взаимосвязь. Оказалось, принадлежность к российскому народу вызывает у большинства респондентов чувство гордости (взрослые – 43%, студенты – 32%). Но почти у такого же количества студентов (31%) никаких особых чувств она не вызывает. У взрослых этот ответ тоже второй по популярности (26%). На третьем месте в обеих

группах – «чувство защищённости» (студенты – 17%, взрослые – 14%). И меньше всего принадлежность к российскому народу вызывает чувство досады, обиды (студенты – 4%, взрослые – 3%). Назывались и свои ответы, например, «чувство, что не там родился», «смешанные чувства в связи с упадком былого величия и сплочённости». Но в целом прослеживается тенденция впадения в крайности: или гордятся, или равнодушны.

Как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России? Большинство респондентов считает: «россияне» (студенты – 62%, взрослые – 51%). Надо сказать, это название стало входить в обиход в начале 1990-х гг. Здесь можно вспомнить обращение первого президента России Б.Н. Ельцина: «Дорогие россияне…». Популярную песню О. Газманова «Офицеры» со словами «офицеры, россияне». И, похоже, название прижилось. Во всяком случае, другие варианты куда менее популярны: «российский народ» (студенты – 11%, взрослые – 17%), «русские» (студенты – 13%, взрослые – 15%).

Исследование показало умеренный уровень регионализма[9] среди респондентов. Большинство взрослых (44%) своей Родиной считают Россию. Свой город/своё село считает Родиной каждый пятый (20%), и почти столько же (19%) – географический регион (в данном случае – Сибирь). И только 8% считают Родиной свой регион (область, республику).

Ответы студентов отличались. Чаще всего своей Родиной называли свой город/своё село (29%), реже Россию (26%). Географический регион (Сибирь) либо свой регион (область, республику) называл в среднем каждый пятый в обоих случаях (18% и 19% соответственно).

Назывались и свои варианты. Чаще всего – «планета Земля». Сразу понятна идеологическая ориентация таких респондентов (космополитизм).

После того, как респонденты ответили на вопросы об общероссийской, региональной и этнической идентичности, им предлагалось поставить их в порядке важности лично для них. В обоих опросах мнения совпали: наиболее важна общероссийская, гражданская идентичность. Региональная (Сибирь или область/республика) находится на среднем уровне, и менее важна этническая идентичность (национальность).

Как показало исследование, наиболее важной является общероссийская, гражданская идентичность.В то же время чувство МЫ развито слабо, принадлежность к сообществу граждан России значит немного. Большинство респондентов ощущает общность/близость с согражданами лишь иногда (студенты – 50%, взрослые – 36%), реже – часто (31% и 32% соответственно). Всегда её ощущают 12% студентов и 24% взрослых респондентов, никогда не ощущают 7% и 8% соответственно.

Анализ ответов на данный вопрос позволяет сделать следующий вывод: взрослые чаще ощущают общность с согражданами. В этой группе респондентов в два раза чаще встречался вариант «всегда». Возможно, это связано с разными эпохами, в которых жили люди: более старшие поколения ещё помнят времена социализма. Тогда было принято общественные интересы ставить выше личных.

Итак, что же следует из результатов опросов? Прежде всего то, что для жителей Красноярского края наиболее важна общероссийская, гражданская идентичность. В первую очередь, они ощущают себя россиянами (а уже потом сибиряками, красноярцами и т.д.) Следующим по важности объединяющим фактором является государственный язык – русский. То есть для российских граждан имеет значение, прежде всего, целостность государства как единого пространства, а регионализм и национализм не очень распространены.

---

[9] Регионализм – различные формы социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ, проявляющих себя в идеях, настроениях, действиях, намерениях, направленных на сохранение самобытности региона или повышение его статуса в системе государственных.В отличие от сепаратизма не ставит целью отделение от страны

Ещё одной скрепой является историческая память. Опрос не выявил серьёзных разногласий и «разрывов» между мнениями «отцов», и детей» по поводу восприятия прошлого.

Большинство респондентов ощущает себя россиянами. Не русскими (как нация), не российским народом, а именно россиянами – частичками совокупного субъекта с общими традициями, исторической судьбой, языком и культурой. И вполне закономерно, что главной общей ценностью, являющейся базовой для российского общества, респонденты назвали патриотизм, любовь к Родине.Ценности западного общества, такие как успех и богатство, мало популярны.

Вместе с тем чувство МЫ слабо развито, принадлежность к сообществу граждан России значит немного. Большинство респондентов ощущает общность/близость с согражданами лишь иногда, реже – часто. Общие символы (флаг, герб) граждан России практически не объединяют.

Таким образом, общность людей действительно теряется, но только общность как граждан. Цивилизационная общность сохраняется.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

Список литературы

[1] *Алёшина* Т., Подопригора Ю. Юрий Подопригора: книга странствий // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2021. Окт. С. 10-11.

[2] *Водолажская* Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5-6 (43-44). С. 140-142.

[3] *Дектерёв* В. Русский дух не сломлен // Правда. 2008. 11 янв. С. 4.

[4] *Зборовский* Г.Е., *Шуклина* Е.А. Прикладная социология: учеб. пособие. М., 2004. 176 с.

[5] *Ковригина* Т., *Давыденко* Т. Потому что на десять девчонок... // Красноярский рабочий. XXI век. 2006. 6 окт. С. 1, 4.

[6] *Мирошникова* И. Женщина, ребёнок, семья // За Победу! 2019. 3 апр. С. 2.

[7] *Пестряков* Б.В. Красноярский край как микромодель Российской Федерации. Красноярск: ПОЛИКОМ, 2002. 132 с.

[8] *Ремизов* М. Русский фарш. Что за «нацию россиян» из нас лепят? // Аргументы и Факты. 2011. 4-25 окт. С. 4.

[9] Этноатлас Красноярского края. Изд. 3-е, перераб. и доп. Красноярск: Изд-во Поликор, 2018. 240 с.

[10] *Ядов* В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2000. 596 с.

УДК 93

Региональные особенности системы образования Восточной Сибири в XIX в.

Мамкина Инна Николаевна
Доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, профессор кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
inna-mamkina@yandex.ru
https://orcid.org0000-0002-5583-3072

АННОТАЦИЯ Автор обращает внимание на региональные особенности в организации системы управления образованием, отсутствие эффективных механизмов общественного представительства, своеобразие организации сельской школы. Отмечено, что разнородный социальный, этнический и конфессиональный состав способствовал относительной демократизации системы образования в Восточной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Восточная Сибирь, система образования, региональные особенности, управление, учебные заведения.

История формирования государственной системы общего образования в Российской империи имеет длительный период. Начальным этапом можно считать деятельность Екатерины Великой по созданию главных и малых народных училищ, контролируемых Главным училищным правительством и Комитетами общественного призрения. Дальнейшие преобразования связаны с Александром I. Учреждение университетов и учебных округов заложило основу российской системы общего образования на долгие десятилетия. Все учебные заведения Российской империи находились в ведении университетов и распределялись по шести учебным округам. Народные училища Восточной Сибири входили в состав Казанского учебного округа. Отметим, что в начале XIX столетия формируемая система образования носила общеимперский характер.

Первым проявлением региональных особенностей можно считать определение сибирских учебных заведений под контроль визитатора (1821–1828 гг.). Первым и единственным визитатором сибирских школ являлся П.А. Словцов. Региональные тенденции в организации управления образованием на восточной окраине усилились с передачей в 1828 г. полномочий попечителя учебных заведений гражданским губернаторам. Последующим шагом стало выведение в 1831 г. учебных заведений Сибири из состава Казанского учебного округа. В 1841 г. полномочия попечителя переходят к генерал-губернатору Восточной Сибири, при этом часть функций сохраняется за гражданскими губернаторами. В 1868 г. управление учебными заведениями окончательно закрепляется за генерал-губернаторами, при котором учреждается должность главного инспектора народных училищ [6, с.95]. С этого момента окончательно оформилась региональная, внеокружная система управления учебными заведениями Восточной Сибири, просуществовавшая фактически до революции 1917 г.

Дальнейшее проявление региональных особенностей связано с реформами Александра II. Учреждение земских органов власти создали механизмы взаимодействия государства и общества. Земские училищные советы становятся одним их факторов развития начальной школы в европейской части России. Благодаря их деятельности количество начальных училищ постепенно возрастало. Вместе с тем земства в Сибири учреждены не были. Соответственно в Сибири механизмы общественного представительства представляли попечительские советы, существовавшие ранее и

имевшие ограниченные полномочия.

Таким образом, региональные особенности управления системой просвещения выразились в отсутствии механизмов реализации общественного представительства, обособленной системой управления основанной на централизации власти в руках генерал-губернатора.

Региональные особенностипроявились и в формировании собственно системыучебных заведений. Учреждение учебных заведений началось, как и везде в крупных административных центрах, обеспечив возможность обучения детей из городских сословий. Учащихся из отдалённых селений вынуждены были жить у родственников или снимать комнаты у посторонних.

Во второй половинеXIXв. количество школ на селе увеличилось. Однако сибирские сельские школы отличались малочисленностью. В школе обучались дети в основном из одного села. Количество учащихся редко превышало двух десятков. Регулярное посещение занятий детьми из окрестных деревень было затруднено из-за значительных расстояний между селениями, ситуацию усугубляли суровые и продолжительные зимы. Инспектора народных училищ видели решение проблемы в организации пансионов (общежитий). Якутский инспектор В.О. Огородников писал: «Чтобы якутская школа более отвечала действительной потребности края необходимо, во-первых, хорошо устроить при ней пансионы …»[7, л. 8].

При школах организовывали ночлежные приюты или общежития. Ночлежные приюты представляли собой спальную комнату при школе. В некоторых приютах при содействии учителей создавались общие кухни, где из привезённых учениками продуктов готовили горячие обеды. Общежития, как правило, организовывали в арендуемых помещениях с кухней, баней, прачечной. Ежегодно из государственной казны на содержание 20 чел. тратилось более 1 500 р., т.е. по 75 р. в год на одного человека, в то время как средняя стоимость обучения в начальной школе без пансиона не превышала 26 р. в год. По сравнению с другими регионами России государство для развития учебного дела в Восточной Сибири выделяло значительно больше средств при небольшом количестве учебных заведений[7, л. 8].Обратим внимание, что наличие у сельских школ пансионов является своеобразной чертой начального образования в регионе.

В контексте региональных особенностей нельзя не обратить внимания на сложный этнический состав населения Восточной Сибири. Соглашаясь с позицией иркутских историков о мягком характере колонизации Восточной Сибири, отметим достаточно гибкую политику государства в области просвещения коренных народов [3, с. 78]. Для бурятских и якутских детей, с детства говоривших на национальном языке, обучение на русском в школе становилось сложной задачей. Незнание языка, отсутствие учителей, говоривших одинаково хорошо на национальном и русском языках, стали факторами значительного отсева учащихся в национальных школах.

Инспектор С.О. Огородников в 1904 г. по этому поводу писал: «Якутская школа просуществовала более 30 лет, а подъезжаешь к ней и не слышишь русской речи; даже дети казаков и местного духовенства говорят на якутском языке»[7, л. 7]. В 1905 г. на совещании инспектора и якутских учителей Аксиньина, Винокурова, Шастина, Сивцева, Сафронова, Бубякиной и Поповой была принята примерная учебная программа для одноклассного начального училища, увеличивающая срок обучения на год. Первый год отводился преимущественно на изучение русского языка, в последующие три изучали обычную программу. В связи с несоответствием срока обучения и количества отделений (4 года и 3 отделения) набор в первое отделение осуществлялся 3 раза в 4 года[8, лл. 9-10]. Программу утвердил главный инспектор, в дальнейшем она получила

широкое распространение в якутских школах.

В 1905 г. по инициативе инспектора В.В. Попова введено Положение об инородческих (бурятских) школах в Забайкальской области сроком на шесть лет. В положении увеличивалось на год обучение в одноклассном и двухклассных начальных училищах. В первый год обучения разрешалось преподавание дисциплин на национальном языке[10, с.94].

В рамках подготовки педагогических кадров для учебных заведений Восточной Сибири также существовал ряд отступлений от общего законодательства. В частности, в Читинской учительской семинарии принимали к обучению бурят-буддистов в качестве своекоштных воспитанников. В семинарии изучался бурятский язык, который преподавал принятый в семинарию буддист Цыден Сокияевич Сокияев[5, с. 167]. Отметим, что в Российской империи в начале XX в. национальный язык как учебный предмет изучался только в Закавказской семинарии[10, с.94]. С 1916 г. бурятский язык включён в программу Иркутской учительской семинарии.

Таким образом, национальный фактор в контексте политики русификации привнёс в развитие системы образования элементы демократичности.В целом, разнородный социальный, этнический и конфессиональный состав способствовал относительной демократизации системы образования в Восточной Сибири. Учет местной администрацией национального фактора позволил заложить основу для развития национальной школы в регионе.

Восточная Сибирь, являясь окраиной Российской империи, граничила с Китаем и Монголией. Нет нужды подробно расписывать необходимость обеспечения приграничноговзаимодействия не только грамотными специалистами, но и элементарно переводчиками. Приграничное положение Восточной Сибири сказалось на содержании учебных программ. Так, в губернской гимназии Иркутска учащиеся изучали китайский, японский языки, библиотека гимназии располагала изданиями на маньчжурском, китайском языках[4, с. 187]. Первые приходские училища, открытые в Балаганске (1804 г.) и Онинске (1806 г.), были ориентированы на изучение русского и монгольского языков[1, с. 17].В1832 г. в Троицкосавске учреждена русско-монгольская войсковая школа, где дети из бурятских казачьих полков изучали воинское дело, монгольский язык и основы ламаизма. В 1851 г. русско-монгольскую школу перевели в Селенгинск. В 1879 г. в школе обучались 10 бурят и 10 русских учащихся из казачьего сословия. В первом классе преподавал учитель ламаист Рабасов, во втором – Семенов[2, л.95]. Отметим, что в период существования дореволюционной системы образования в утвержденные и строго контролируемые МНП учебные программы, вносились изменения, отражавшие определенные региональные особенности. Изучение китайского, монгольского, маньчжурского языков в начальных училищах и гимназиях обусловлено геополитической особенностью Восточной Сибири.

Подводя итоги, отметим, что начальный этап формирования системы образования в Восточной Сибири проходил в соответствии с общеимперскими тенденциями в составе Казанского учебного округа. Первые проявления региональных особенностей наметились в организации управления. Учреждение обособленной должности визитатора, наделение губернаторов полномочиями попечителей, учреждение должности инспектора народных училищ постепенно сформировали региональную систему управления учебными заведениями Восточной Сибири. В дальнейшем региональные особенности проявились в особом локальном правотворчестве, организации сельских школ, учебных программах. Система образования в Восточной Сибири представляет собой в общих чертах образец дорогостоящей государственной системы образования с ограниченным представительством общественности, относительно демократичными учебными программами, допускающей отступление от общеимперского правового регулирования.

Список литературы

[1] *Андреев* В.И. Хоринская средняя школа. Иркутск, 1958. 43 с.

[2] ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

[3] *Дамешек* И.Л., *Дамешек* Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Сер. Азиатская Россия. Иркутск, 2009. 389 с.

[4] Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. Т. 2 / авт.- сост. А. К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. 464 с.

[5] *Мамкина* И.Н. Забайкальские учительские семинарии. 1900–1921 г. Чита: Поиск, 2008. 168 с.

[6] *Мамкина* И.Н., *Блинов* А.В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с.

[7] НАРС(Я). Ф. 288-и Оп.1. Д.27. Л.8

[8] НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 82. Л. 9-10.

[9] *Чарнолуский* В.И. Настольная книга по народному образованию. СПб.: тип. Вольфа, 1911. Т. 4, доп. 788 с.

[10] *Чарнолуский* В.И., *Фальборк* Г.А. Учительские семинарии и школы: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений. СПб.: тов-во «Знание», 1901. 237 с.

УДК 908

Генерал-губернатор Евгений Оттович Шмит в борьбе с сектантством степного края

Орлов Максим Александрович
Кандидат исторических наук, учитель истории АНОО Петербургский лицей, г. Киров, Россия.
orlov.m.a.87@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4663-9443

АННОТАЦИЯ В статье анализируется деятельность по борьбе с сектантским движением, которая организовывалась генерал-губернатором Степного края Е. О. Шмитом. В связи с переселенческим движением рубежа XIX–XX вв. отдельные районы Сибири, Дальнего Востока и Степного края стали заселяться представителями различных религиозных течений, в том числе и сектантами. Именно этот вопрос стал ключевым во время межведомственных совещаний, организованных Шмитом в 1910–1913 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА православие, миссия баптизм, Степной край, генерал-губернатор

В начале XX в. Российская империя представляла собой сложное общество, вобравшее в себя многообразие религиозных и культурных традиций. В современной российской историографии много внимания уделяется имперской проблематике. Кризисные явления российского общества выводятся из особенностей строя Российской империи, имперского самосознания, отношений центра и периферии. Весь этот, говоря модным ныне термином «дискурс», является важным достижением исторической науки. Игнорировать его, значит стать Дон Кихотом науки.

Исследование конфессионального строя Российской империи требует обращения не только к контексту имперского регионализма. Важно учитывать ментальность верующих, уровень богословской подготовленности православных миссионеров, ксендзов, пасторов, мулл и иных представителей духовного сословия. Глубина воцерковленности русского населения во многом определяла степень устойчивости православия в каждом многоконфессиональном регионе Российской империи. Чем глубже православные были проникнуты духом своей веры, тем сложнее было представителям иных конфессий склонять их к отступлению от «грекороссийского исповедания». Однако во многих регионах России наблюдались случаи отказа русских от своей веры. Этот процесс был отчасти связан с ростом революционных выступлений, а, в конечном счете, с падением монархии. Выдающийся русский богослов XX в. о. Георгий (Флоровский) одной из главных причин краха христианской российской империи видел в кризисе «русского византинизма». В массе русские слишком поверхностно усвоили драгоценный опыт святоотеческого духовного наследия, ибо «у многих верующих создавалась опасная привычка обходиться без всякого богословия вообще, заменяя его кто чем – Книгой правил, или Типиконом, или преданием старины, бытовым порядком, или лирикой души» [12. с. 637]. Далеко не всегда русские православные могли объяснить основы своей веры, уверенно вступить в полемику с «инославными» и «иноверными».

Примером того, каким образом просветительская деятельность может образовать устойчивое конфессиональное сообщество, может служить система казанского педагога и миссионера Н.И. Ильминского. Для нерусских народов Волго-Уральского региона ему удалось раскрыть глубину христианского учения, привить им любовь к церковной жизни. Лучшие представители новокрещенского мира к началу XX в. достаточно убедительно отстаивали свою веру перед мусульманскими и языческими проповедниками. На частном примере можно показать общую тенденцию. В одной из деревень Вятской губернии крещеные татары долгое время работали у татар-мусульман. До появления в деревне крещено-татарской школы крещеные татары, не задумываясь, выполняли

все требования своих работодателей-мусульман: нарушали посты, снимали с себя кресты, в воскресные дни работали, а в пятницу отдыхали. После появления в деревне крещено-татарской школы и миссионеров, действовавших в духе системы Ильминского, крещеные татары преобразились: они готовы были лишиться заработка от мусульман-подрядчиков, если те заставляли кряшен снимать с себя кресты, принуждали в постные дни есть скоромную пищу. Несмотря на недовольство мусульман, крещеные татары праздновали христианские праздники и открыто игнорировали исламские [3. л. 242]. П. Верт отмечал, что кряшены (крещеные татары), хорошо усвоившие христианство, даже в революционные годы позиционировали себя, прежде всего, как христиане [1. с. 107].

Перейдем к конфессиональной обстановке, сложившейся в Степном крае в начале XX в. Русские поселенцы не всегда были готовы к вызовам, которые они встретили в лице различных религиозных течений, часто с наивной доверчивостью интересовались религиозными практиками баптистов. В. Сандерланд для описания процесса аккультурации русских на Севере Сибири использовал термин «обинородчивание» [7. с. 199]. По аналогии с этим можно употребить термин «обиноверчивание» – процесс сознательного, или неосознанного отказа от православной веры и восприятие иных религиозных традиций.

Среди русских поселенцев Степного края выявилось неумение аргументировано отстаивать православный Символ веры, объяснить смысл иконопочитания перед пропагандой иконоборчества со стороны баптистов, доказать реальность причащения в ответ на доводы о символизме евхаристического таинства. Духовенство, особенно миссионеры могли аргументировано доказать истины православия, однако простой люд оставался нем перед вызовами баптистов. Это видно из отчета омского епархиального миссионера Д.А. Несмеянова. Он писал, что баптистские пропагандисты поколебали «умы нашего доверчивого, темного люда» [15 с. 46-50; 10. с. 51]. В других регионах России наблюдалась схожая история. В Воронежской губернии православный народ с любопытством собирался на баптистские собрания, и только с появлением духовенства начиналась полемика с баптистами [11, с. 953]. Вятский миссионер священник Иоанн Маракулин указывал на то, что баптисты, работавшие на Ижевском заводе «совращают немощных из Православия» [14, л. 19 об.]. Выходило, что масса русского народа не была готова дать весомый ответ на вопросы сектантов. Во время межведомственных совещаний, организованных генерал-губернатором Степного края Е.О. Шмитом, данный вопрос станет одним из центральных.

В должность генерал-губернатора Степного края Шмит вступил в 1908 г. Это был довольно активный чиновник. Он совершил несколько поездок по Степному краю, наблюдал за процессом переселения, изучал быт и культуру колонистов. В центре внимания генерал-губернатора оказался вопрос о религиозном влиянии колонистов на русских переселенцев.

Межведомственные совещания по вопросу о борьбе с сектантством были организованы Е.О. Шмитом в 1910–1913 гг. В них приняли участие государственные и церковные деятели. Главными темами совещаний стали следующие меры: укрепление православной веры среди русского населения Степного края, борьба с усилившимся сектантским, в первую очередь, баптистским движением. Это была не столько миссионерская программа, сколько попытка удержать позиции, не допустить «обиноверчивания» русских переселенцев. Совещания вскрывают проблемы, существовавшие в российском обществе накануне крушения империи. К таковым можно отнести: государственно-церковные отношения, переселенческую политику правительства, адаптация колонизаторов в новых условиях, межконфессиональные связи и проблемы миссионерской деятельности православного духовенства.

Генерал-губернатор Шмит представляется следующим образом. Это был чиновник-традиционалист, считавший государственность и православную веру главными ценностями России. Его идеал – христианская империя, тесный союз Церкви и государства, юстинианова «симфония». Гражданская и духовная власть должны

совместно противостать растущей роли сектантства, ибо это «интерес государственный, а не церковный только». Иллюстрацией к этому являются следующие фразы Шмита: «Помогает государство Церкви в этой борьбе (с сектанством – М. О.) – тем лучше для государства, не помогает – тем хуже для государства же» [4, л. 1.]; «отпади православие – конец Российскому государству» [4, л. 25 об.]. О русском народе Шмит говорит также в русле традиционного патриотизма: «русский народ есть народ воцерковленный и благословенный» [4, л. 1.].

Особое внимание Шмит уделял вопросу о распространении баптизма в Степном крае. Во время межведомственного совещания, состоявшегося 21 апреля 1910 г. во дворце генерал-губернатора указывалось, что со времени появления в Каинском уезде баптисты повели активную пропаганду среди православных. Они заходили в дома, внушая оставить «идольские капища» – так баптисты называли православные храмы. Двое сектантов, Григорий Прокудин и Степан Гуров «умоляли со слезами на глазах оставить идолопоклонство, веровать в живого Бога … становились даже на колена, упрашивая православных вступить в общество святых баптистов». По призыву баптистских проповедников некоторые православные стали сжигать иконы и различными способами глумиться над образами [4, л. 22-23.]. Подобные факты встречались в других регионах России. В Пермской епархии вс. Савинском Оханского уезда баптистка Пелагия Позднякова убеждала православных не поклоняться иконам [5, л. 28].

Для баптистов вопрос об иконах имел принципиальное значение. Последователи этого учения не признавали искусства, которое изображает духовный мир. Речь в данном случае шла не о бытовой стороне вопроса. Известно, что возможность эмпирического восприятия Бога (например, Троица А. Рублева), ангелов, святых является догматическим определением VIII Вселенского собора. Отцы собора поставили точку в длительном споре о Воплощении Иисуса Христа. Именно догмат о Воплощении определил пути развития христианского искусства в сторону его обогащения за счет зрительных образов. Таким образом, отказ от христианского искусства есть, в свою очередь, отказ от признания о Воплощении Иисуса Христа, новозаветного учения о богочеловечестве.

Генерал-губернатор не был сторонником новых принципов вероисповедной политики, основанных на Манифесте от 17 апреля 1905 г. В период т.н. «Думской монархии» выходили нормативные акты, разъяснявшие положения Манифеста. Разбор этих актов стал одним из пунктов доклада генерал-губернатора. Так, закон от 17 октября 1906 г. предоставил сектантам право регистрации своих общин. По мнению Шмита необходимо было вводить не право регистрации, а ее обязанность, что позволило бы вести более точный учет сектантов. В глазах Шмита законы, касавшиеся вероисповеданий, являлись «неясными» и даже «противоречивыми». В частности, это относилось к циркуляру Департамента Духовных дел от 10 марта 1910 г. Указанный нормативный акт не позволял четко разграничить православных от сектантов. Получалось, что по смыслу циркуляра, как писал генерал-губернатор, «можно быть сектантом и одновременно числиться православным» [4, л. 5.].

Коллизии в законодательстве – тема особая, требующая познаний в области права. Генерал-губернатор Шмит поделился своими наблюдениями в данном вопросе. Важно учитывать, что все правовые акты, дополнявшие положения Манифеста от 17 апреля 1905 г., издавались в связи с революционными потрясениями. К веротерпимости власть приходит не от теоретических принципов, а вынужденно, под воздействием событий революции. Принятие норм о веротерпимости внесло новые реалии в межконфессиональные отношения народов Российской империи. Поэтому неудивительно, что в законодательстве то и дело можно было встретить коллизии, т.е. противоречия одних норм другим по одному и тому же регулируемому вопросу. На это и обратил внимание Шмит. Так, циркуляр Министерства внутренних дел от 14 апреля 1910 г. осуждал присутствие православных на собраниях сектантов. Однако циркуляр того же Министерства, направленный атаману Войска Донского, гласил: «факт присутствия

православных на сектантских молитвословиях или богослужениях не может быть признан незакономерным, ибо с предоставлением православным свободы отпадения от православия, им, очевидно, принадлежит и право ознакомления с избранными ими вероучениями» [4, л. 14.].

Причины появления сектантства. В ходе заседаний Шмит обратился к причинам появления сектантства в Степном крае. Прежде всего, это немецкая колонизация края. Шмит считал грубой ошибкой генерал-губернатора барона Таубе допустить в Степном крае немецкую колонизацию, присовокупив, что в свое время епископ Омский Григорий (Полетаев) выступал против такого разрешения, «но голос его не был услышан» [4, л. 7]. Подобные взгляды на колонизацию не являлись чем-то новым. В конце XIX в. Комитет Министров подготовил особую записку, в которой отмечалось, что восточные окраины России нужно укреплять «русской народностью и гражданственностью», как противовес иностранному влиянию [8, с. 28].

Другой причиной распространения сектантства было предоставление права штундистам из Таврической губернии и с Северного Кавказа селиться в Степном крае. Штундисты были людьми зажиточными, что позволяло им нанимать русских на работы, а это приводило к смене религиозных взглядов русского населения от православия к сектантству [4, л. 7.].

Третья причина – переселенческое движение русских из центральных губерний России. По мнению Шмита, переселенец из центральной России был «фигурой озлобленной», прежде всего из-за малоземелья. Генерал-губернатор связывал социальную неудовлетворенность с духовной доминантой, ибо «озлобленный великоросс…падок на всякие отрицательные учения». Более того, в глазах Шмита переселенец это тип особый, либерал по существу, «элемент не консервативный», а потому склонный «к новшествам, к оппозиции, к самомнению и гордыне» [4, л. 7.].

По мнению Шмита в процессе переселения происходит ослабление традиций воцерковленности, присущие «коренной России». Прихожане-переселенцы из разных регионов России придерживались различных церковных обычаев. Генерал-губернатор с особым акцентом говорил, что даже священники не могли «спеть вместе всенощную, так как у них разнообразные напевы и даже обычаи службы» [4, л. 10.]. В этом случае можно привести следующий пример, показывающий, что социальные различия отходят на второй план, уступая духовному единству. В 1892 г. в Москве состоялось празднование 500-летия памяти преп. Сергия Радонежского. Крестный ход собрал верующих из разных уголков России. Современник так вспоминал эти события: «Одна мысль, одна молитва одушевляла эту неисчислимую толпу, придавала ей жизнь, сливала всех отдельных лиц в громадное целое, имя которому Русская земля». В этом торжестве рука об руку шли крестьянки с “элегантными дамами”, безграмотные с учеными профессорами и все «с одинаковыми благоговением к великому празднику» [6, с. 33].

Еще одной предпосылкой появления и распространения сектантства было, по мнению Шмита, развитие железных дорог, которые давали удобные средства для переселения баптистов и штундистов.

Кроме этого, генерал-губернатор выделил еще четыре причины, способствовавшие быстрому распространению сектантства в Степном крае. Отсутствие успеха православной миссии и, соответственно, быстрого распространения сектантства, были следствием разбросанности православных приходов на большие расстояния. По подсчетам Шмита на одного православного священника приходилось до 4 тыс. прихожан, в то время как у баптистов на одного пресвитера – 30-40 человек. Это приводило к тому, что православный священник становился «только исправным требоисправителем» [4, л. 9.]. Стоит заметить, что такая проблема не являлась специфичной для Степного края и Сибири. В Волжско-Уральском регионе большинство православных приходов также было разбросано на значительном расстоянии друг от друга, что давало возможность мусульманским проповедникам вести успешную пропаганду среди новокрещеных.

Распространение баптизма в Степном крае вызвано самой сущностью этой религии,

представители которой были «насквозь пропитаны духом прозелитизма» [4, л. 9]. Везде, где бы не появлялись баптисты, начиналась активная пропаганда их идей. Когда в середине XIX века в германских землях зародилось баптистское движение, то практически все последователи этого исповедания стали распространять свои религиозные взгляды. Нередко это были простые ремесленники, которые, получив права священства, проповедовали, крестили, причащали, распространяли Библию везде, где это было возможно [16, с. 25.]. Епархиальный миссионер по Пермскому краю отмечал, что со времени появления вОханском уезде «яростной штундо-баптистки Пелагии Поздняковой», начиналась пропаганда сектантства среди православных [5, л. 28.].

Затем Шмит указывал на то, что в баптизме духовенство не содержится своими прихожанами. Как выразился генерал-губернатор, сторонники этого религиозного движения, во время заключения браков и погребений свободны от «стеснительных формальностей» [4, л. 9]. С этим выводом нельзя согласиться полностью. Русский народ на тот момент имел почти тысячелетнюю церковную традицию и за века научился уважать и чтить священство. Содержание духовенства стало нормой жизни и, по словам одного из выпускников Казанской духовной академии, русский народ «привык дорожить своею приходскою церковью и своими приходскими священниками» [2, л. 4.].

Но главной причиной успеха сектантов, было слабое знание православными основ своей веры. Шмит с глубокой скорбью заявлял, что православные незнакомы со Словом Божиим (т.е. Библией – М. О.), имеют множество суеверий, даже самых простых молитв не знают [4, л. 9-10.]. Здесь мы подходим к тому, с чего начинали это исследование: подлинная причина уклонений, «отступничеств» никогда не лежит «на поверхности», ее нельзя выводить от усиленной пропаганды сторонников иных вероучений. Заинтересованность русских к сектантству и расколу есть, прежде всего, результат слабого усвоения православной святоотеческой традиции. Речь идет не об отсутствии интеллектуального компонента вероучения. Духовная неуравновешенность, отсутствие внутренней религиозной цельности или, как выразился о. Георгий Флоровский «стихийная безвольность» [12, с. 16] приводили к тому, что баптисты так легко овладевали русскими людьми в Степном крае. Миссионеры часто обвиняли баптистов в «самоуверенной дерзости» [10, с. 51], «лукавой ревности» [11, с. 952], как причине уклонений православно-русского населения в баптизм. Однако могут ли «уклониться» те, кто осознает истинность своего вероучения, держится его не в силу привязанности к обряду или национальной традиции? Выше мы уже приводили примеры того, как просветительская деятельность формировала устойчивый взгляд на инославный и иноверный мир, не позволяла отступать от православия даже под воздействием усиленной пропаганды.

Генерал-губернатор предложил программу по укреплению православия в Стенном крае. Она предусматривала: открытие новых православных приходов; разделение причтов с перераспределением средств между богатыми и бедными приходами; увеличение жалованья духовенству, занимающихся миссионерской деятельностью; учреждение крестных ходов, поддержка паломничеств, монастырей; проведение опросов для определения численности сектантов; развитие в православных прихожанах знаний о своей вере; открытие съездов, проведение публичных чтений, религиозных собраний с общенародным пением; раздача литературы в народе; усиление надзора гражданского начальства за баптистскими пресвитерами с отказом в выдаче им паспортов и видов на жительство; повышение роли полиции для отслеживания появлений новых сектантов. В заключении генерал-губернатор призывал «перейти из обороны в наступление» [4, л. 16-19.].

Деятельность полиции и губернской администрации по ослаблению баптизма могла основываться только на принципах законности и веротерпимости. Органы власти должны были обеспечить исполнение законов, не допуская произвольного применения административных мер. Бороться с баптизмом, по мнению Шмита нужно,

прежде всего, просветительскими средствами. Главным действующим лицом должен был стать приходской священник, которого необходимо обеспечить материально, освободить от унизительной зависимости от прихожан, в целом «поднять пастыря на высоту» [4, л. 30.].

В предложениях генерал-губернатора есть некоторая двойственность. С одной стороны, он предлагает, основываясь на идее христианского просвещения, укреплять православных путем воцерковления, поднятия монастырской жизни, распространения духовной литературы. С другой стороны, значительное место в борьбе с сектантством он отводил полиции. Видимо, это был эпилог в истории Российской христианской империи: два ее связующих начала – православие и государственность – руководствуются различными средствами, долженствующими утвердить истину на земле. Церковь действовала в рамках давней традиции просветительства, государство – гражданскими законами и запретами. Первый путь продолжил свое историческое шествие, второй остался на скрижалях истории[11].

Список литературы

[1] *Верт* П. Православие, инославие, иноверие: Очерк по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

[2] ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1383.

[3] ГАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 201.

[4] ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 46.

[5] ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 26.

[6] *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. Ин-т этнологии и антропологии Российской Академии наук. М.: Поломник, 2000. 541 с.

[7] *Сандерланд* В. Русские превращаются в якутов? «обинородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на севере Сибири. 1870 – 1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 199-227.

[8] Сибирь в составе Российской империи. Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

[9] Никольская Т. Русский протестантизм на этапе утверждения и легализации (1905 – 1917 гг.) // Богословські роздуми: Східноевропейський журнал богослов'я. 2004. № 4. С. 161-181.

[10] *Несмеянов* Д.А. Сектантство Атбасарского уезда // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 8-9. С. 51.

[11] Поражение баптизма // Воронежские епархиальные ведомости. 1914. № 35. С. 952–956.

[12] *Флоровский*. Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

[13] Хроника // Церковные ведомости. Прибавления к церковным ведомостям. 1913. № 30. С. 1384.

[14] ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604.Д. 132.

[15] Четвертое миссионерское пастырское собрание Омского городского духовенства // Омские епархиальные ведомости. 1908. № 8-9. С. 46-50.

[16] Энциклопедический словарь: в 82 т. / под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. Т. 3. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1891. 480 с.

[11] Или трансформировался в Советский тип государственности, как об этом модно говорить в рамках современного имперского национализма. Нам кажется, что Советское государство, при всех типажах и аналогиях с Российской империей Романовых, это совсем другой тип общества. Главным духовным стрежнем политической системы Российской империи являлось христианства, а для Советского государство оно всегда выступало перманентным врагом, поэтому ставить знак равенства в этом случае было бы тем же, что слагать плюс и минус.

УДК 008.2+316.2

Сибирь в горизонте цивилизационного будущего: социокультурная перспектива

Попков Юрий Владимирович
Кандидат исторических наук, учитель истории АНОО Петербургский лицей, г. Киров, Россия.
yuripopkov54@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1036-9253

АННОТАЦИЯ В статье анализируется вопрос о роли Сибири в условиях глобального цивилизационного кризиса, делающего актуальным поиск перспективной социокультурной модели будущего. В качестве таковой рассматривается духовно-экологическая стратегия развития как альтернатива доминирующему ныне типу социального устройства. Выделяются три группы научных наработок, значимых с точки зрения осмысления потенциала Сибири в интересах страны и мира: результаты комплексных исследований в рамках программы «Сибирь»; концепция устойчивого развития Сибири (социогуманитарный аспект) и обоснование цивилизационной миссии Сибири–ключевого локуса в процессе перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, цивилизация, устойчивое развитие, цивилизационный кризис, образ будущего.

Мировое сообщество переживает эпоху общецивилизационного кризиса. Становится все более очевидной бесперспективность доминирующей ныне неолиберальной (в основе своей – техногенно-потребительской) модели цивилизационного развития, которая показала свою несостоятельность в решении фундаментальных проблем современности. Наиболее свежее и яркое свидетельство этого – явная неспособность мирового сообщества солидарно справляться с возникшим фронтальным вызовом в виде пандемии коронавируса COVID-19. Наличие цивилизационного кризиса, как проявление очередного кризиса капитализма и одновременно кризиса глобализма, фиксируют известные представители как экспертного сообщества – от И. Валлерстайна до Римского клуба, так и бизнеса и политики – от К. Шваба до В. В. Путина. Так, президент России, выступая в октябре 2021 года на заседании клуба «Валдай», констатировал: «…существующая модель капитализма, а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя. В ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий»[12]. Стоит заметить при этом, что Россия является составной частью капиталистической мир-системы, правда, принадлежит не ее ядру а полупериферии или даже периферии.

Таким образом, для России, как и всего мирового сообщества, предельно актуальным становится вопрос о ее цивилизационном будущем. В последнее время опубликована серия монографических исследований, посвященных оценке текущего положения России, а также перспектив, проектов, стратегий ее развития и образа будущего (их содержательный обзор см.: **[12]**). При всем многообразии теоретико-методологических и идеологических позиций авторов данных монографий существует область согласия, консенсуса – будущее России большинством экспертов связывается с экологизацией, с экологической повесткой**[12, с. 251]**.

В этой связи положительной оценке и активной поддержке заслуживает осуществленное барнаульскими коллегами обоснование духовно-экологической

[12] Стенограмма заседания дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanija-diskussionnogo-kluba-valdai-21-10-2021.html (дата обращения 25.05.2022).

цивилизации как перспективной модели развития (см., например: [5]). Суть данной модели отражено в названии, четко указывающем на ее базовые доминанты. Она предполагает использование современных достижений научно-технического прогресса, но в качестве приоритетных провозглашаются не «покорение» природы, не экономика (с бизнес-интересами в пользу отдельных групп населения), не политика (в ее классовом выражении), а взаимодействие с природой в режиме коэволюции (устойчивое развитие), опора на науку и образование, на начала разума и справедливости. Экономика и политика должны выступать не целью, а средством формирования и развития ноосферного духовного человека –просвещенного и социально активного, ответственного за свое благополучие, благополучие общества и благополучие природы. Эта модель восходит к фундаментальным идеям В. И. Вернадского о взаимодействии биосферы и ноосферы [1], и развивает важные положения, отстаиваемые рядом исследователей [10; 11; 13].

Существующий общецивилизационный кризис, обремененный противоречивостью глобализации, которая все чаще оборачивается своей противоположностью – процессом деглобализации, и наблюдаемым закатом глобализма, одним из своих последствий имеет процесс регионализации и локализации, усиление роли отдельных регионов в общественном развитии. Это определяется не только необходимостью внутрирегиональной интеграции как важного условия борьбы с существующими и возможными грядущими вызовами и угрозами, связанными с распадом социального порядка в его многогранных проявлениях. Значимость регионов состоит еще и в том, что в них могут формироваться основы развития, судьбоносные для общего цивилизационного будущего.

Как представляется, к числу таких регионов принадлежит Сибирь, сибирский макрорегион. Известно, что Сибирь на протяжении нескольких столетий привлекает к себе пристальное внимание писателей, ученых, политиков. Пожалуй, наиболее известным, ярким и сбывшимся прогнозом о ее роли в развитии России является знаменитое положение М. В. Ломоносова о прирастании российского могущества Сибирью и Северным океаном.

К сожалению, в дискурсе и стратегических ориентирах государственной политики Российской Федерации Сибирь появляется все реже. Приоритетными здесь стали Дальний Восток и Арктика. В последнее время образовано специализированное Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики (2019), утверждены Основы и Стратегия государственной политики в Арктике на период до 2035 года (2020), принята Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (2021). К Сибири такого внимания со стороны органов власти сейчас не наблюдается.

Но надо иметь в виду, что преобладающая часть Арктики – это территория Сибири, а Дальний Восток в свое время считался составной частью Восточной Сибири. Поэтому, на мой взгляд, нельзя отказываться от бытовавшего в свое время представления о Сибири как всей территории России, лежащей восточнее Уральских гор. Именно в таком своем территориальном статусе Сибирь может стать узловым локусом формирования основ духовно-экологической стратегии цивилизационного развития.

Можно привести ряд серьезных научных наработок по осмыслению потенциала Сибири в интересах всей страны и мира. При этом не будем углубляться в далекую историю, а обратим внимание на последние полвека.

Во-первых, следует особо выделить активно действовавшую на протяжении более двух десятилетий «Программу научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (программа «Сибирь»). Она была принята после вышедшего в 1977 году специального

постановления ЦК КПСС «О деятельности Сибирского отделения Академии наук СССРпо развитию фундаментальных и прикладных научных исследований,повышению их эффективности, внедрению научных достиженийв народное хозяйство и подготовке кадров». Изначально программа объединяла 24 целевые региональные, отраслевые и межрегиональные подпрограммы. Ее исполнителями являлись 50 институтов и других научных подразделений СО АН СССР, а также около 200 научно-исследовательских, проектных и производственных организаций различной ведомственной принадлежности. В 1984 года Государственным комитетом по науке и технике при Совете министров СССР «Сибирь» была утверждена в качестве государственной научной программы. Через 10 лет действия программы в ее реализации участвовало уже 700 организаций-исполнителей из 90 всесоюзных и региональных министерств. По своему характеру она была комплексной, охватывавшей экономические, экологические, геологические, технические, медицинские, социальные, гуманитарные проблемы развития Сибири [2, с. 51-54].

К сожалению, после распада СССР, с наступлением «эпохи рыночных отношений» и ориентацией руководства России присоединиться к «цивилизованному Западу» программа «Сибирь» оказалась по сути невостребованной, несмотря на то что она доказала свою высокую эффективность для развития не только региона, но и всей страны.

Отметим принципиально важный момент: при принятии решения о разработке программы «Сибирь» учитывался обоснованный вывод сибирских экономистов о необходимости более высоких (в 1,2 – 1,4 раза) темпов развития производительных сил Сибири по сравнению с другими регионами, Только при таком условии, по их мнению, могло быть обеспечено эффективное функционирование всего народнохозяйственного комплекса страны [2, с. 51].

Как представляется, принцип опережающего комплексного развития Сибири является одним из базовых в перспективе возможного выполнения ей духовно-экологической цивилизационной миссии.

В последнее время по линии Сибирского отделения РАН, прежде всего со стороны его руководства и известных экономистов, предпринимаются попытки привлечь внимание к необходимости интенсификации сибирских исследований в рамках восточного вектора государственной политики, в том числе с целью укрепления позиций Сибири в российском и мировом пространстве[6; 7]. Но эти попытки пока не привели к серьезным подвижкам в данном вопросе.

Во-вторых, важными представляются результаты исследования, посвященного проблемам устойчивого развития Сибири [9]. Оно выполнялось в рамках интеграционного проекта Сибирского отделения Российской академии наук в начале 2000-х гг., объединив усилия представителей 8 институтов СО РАН, 4 университетов и органов власти Новосибирской области и города Новосибирска. Общим концептуальным ориентиром работы явились решения глобальной Конференция ООН в Рио-де-Жанейро 1992 года по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), которая известна как «Саммит Земли». Книга посвящена памяти академика В. А. Коптюга – активного сторонника и последовательного пропагандиста принципов, содержания и перспектив устойчивого развития.

Ценность данного исследования состоит в его целевом фокусировании на социогуманитарных аспектах проблемы устойчивого развития вообще и Сибири в частности. В свое время В. А. Коптюг особо подчеркивал роль гуманитарных и социально-экономических наук, без которых, по его убеждению, невозможно реализовать концепцию устойчивого развития.

На мой взгляд, концепция устойчивого развития с точки зрения ее

социогуманитарного содержания является сопоставимой с основополагающими принципами концепта духовно-экологической цивилизации, поскольку оба они предполагают необходимость обеспечения баланса не только между природой и обществом и между нынешним и будущим поколением, но и внутри общества. «Принципиальное значение приобретает не просто идея балансирования интересов различных социальных субъектов, но и сам характер балансирования, определяющий способ социальной гармонизациивсех интересов во имя возрастания жизнеспособности общества как целого» [9, с. 13]

В-третьих, собственно цивилизационной перспективе как проявлению социокультурной динамики общества посвящены обозначенные в начале статьи наработки барнаульских коллег по проблемам духовно-экологической цивилизации [5].В прошлом и в этом году вышли новые публикации на эту тему, в том числе коллективная монография с участием автора настоящей статьи, который отвечал за социологическую составляющую исследования [3; 4; 8; 14]. Эти работы прямо фокусируют внимание на ключевой роли, цивилизационной миссии Сибири в процессе перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. Такой вывод делается на основе не только теоретических изысканий, но и всестороннего анализа объективного и субъективного потенциала, которым обладает Сибирь и который позволяет рассматривать ее в качестве осевого локуса глобальнойцивилизационной трансформации. Важно, что авторы в ней «дают не только панорамноемеждисциплинарное видение исторической миссии Сибири, но ипредлагают конкретные геополитические, экономические, социальные икультурные меры, позволяющие актуализировать ее стратегическийцивилизационный потенциал» [14, с. 2].

Заключая, важно отметить, что вводя в XVIII веке в научный оборот термин «цивилизация», французские просветители имели в виду общество, основанное на началах разума и справедливости. Модель духовно-экологической цивилизации соответствует первоначальному глубинному смыслу цивилизационной форме организации жизни. Разумный и справедливый подход к развитию Сибири может стать одним из необходимых факторов выполнения ей потенциальных функций лидера современных цивилизационных трансформаций с учетом существующих здесь очевидных объективных предпосылок в виде особой природно-географической среды, богатейших естественных ресурсов, своеобразного человеческого и этнокультурного потенциала, сформировавшегося в особых, часто экстремальных, условиях.

Список литературы

[1] *Вернадский* В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.

[2] *Долголюк* А. А. Разработка и реализация программы «Сибирь» в 70-90-е гг. XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 51-55.

[3] *Иванов* А.В., *Попков* Ю.В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 1 (15). С. 8-19. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-8-19.

[4] *Иванов* А.В., *Фотиева* И.В., *Артамонова* Т.А., Журавлева С.М. Сибирь как стратегический регион цивилизационной трансформации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 2. С. 102-126.

[5] *Иванов* А.В., *Фотиева* И.В., *Шишин* М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 218 с.

[6] *Крюков* В.А., *Лавровский* Б.Л., *Селивёрстов* В.Е., *Суслов* В.И., *Суслов* Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (182). С. 46-59

[7] *Пармон* В.Н., *Крюков* В.А., *Селиверстов* В.Е. Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 2 (106). С. 226-258.

[8] *Попков* Ю.В. Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. 2021, № 1. С. 217-227. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.12.

[9] Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект) / Под ред. В.И. Бойко, В.А. Ламина, В.П. Фофанова. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006. 423 с.

[10] *Степин* В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.

[11] *Субетто* А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб.: Астерион, 2010. 542 с.

[12] *Тюгашев* Е.А. Где находится России и куда она движется? // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. Вып. 3-4 (№ 107-108). С. 251-261.

[13] *Урсул* А.Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: Ленанд, 2015. 336 с.

[14] Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: коллективная монография / под ред. А. В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

УДК 93/94

Первые миссионерские проекты России в Приамурском крае (1850-е – 1860-е гг.)

Смирнова Ирина Юрьевна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, г. Москва, Россия.
irinasmirnowa@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-4450-6885

АННОТАЦИЯ Статья посвящена первому десятилетию православного миссионерства Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке (1850-е – 1860-е гг.), созданию по инициативе святителя Иннокентия (Вениаминова), Н.Н. Муравьева-Амурского и Г.И. Невельского первых проектов миссионерской деятельности в Приамурье в контексте внешнеполитической конкуренции великих держав в середине XIX в. Особое внимание обращено на вклад выдающихся русских иерархов митрополитов Московских Филарета (Дроздова; 1782-1867) и Иннокентия (Вениаминова; 1797-1879) в расширение русского духовного присутствия на Дальнем Востоке. Прослежен переход от полуофициальной миссионерской работы к созданию епархиальной структуры миссионерского назначения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Миссионерство, Святейший Синод, Амурские экспедиции, святитель Филарет (Дроздов), святитель Иннокентий (Вениаминов).

В конце 1840-х — начале 1850-х гг., когда вектор российской политики был направлен на восточные рубежи империи, в качестве одной из основных задач освоения Дальнего Востока рассматривалось православное миссионерство, инициаторами которого являлись ключевые деятели церковно-политического присутствия России в Тихоокеанском регионе святители Иннокентий (Вениаминов), Н.Н. Муравьев и Г.И. Невельской. Обращение в православие местных народов Приморья и Приамурья понималось ими как существенный фактор укрепления Российской империи на Дальнем Востоке в условиях внешнеполитического противостояния великих держав (Великобритании, Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов), важной сферой политических и коммерческих интересов которых к середине XIX в. становится цинский Китай и русский Дальний Восток с неоформленным еще российско-китайским разграничением по Амуру.

Амурские экспедиции Г.И. Невельского (1849-1852) и Н.Н. Муравьева (1854 г.) актуализировали вопрос о развитии миссионерства среди местного населения Приморья и Приамурья, стимулом к чему послужили, с одной стороны, многократные случаи обращения гиляков к руководству экспедициями с просьбой о крещении, а с другой — участившиеся попытки западных миссионеров распространить свою деятельность на Восточную Сибирь — и не столько в религиозных, сколько в чисто политических целях. Из подобных случаев миссионерского проникновения иностранцев на Дальний Восток можно привести попытки британских «миссионеров» С. Хилла и Остинаисследовать сообщение между Сибирью и Камчаткой, Забайкальем и устьем Амура (1848) [1; 7; 8], а также появление в 1852 г. французских миссионеров в северной части острова Сахалин [5, л. 140]. В середине 1852 г. Невельской рапортовал генерал-губернатору Восточной Сибири, что «все внимание иностранцев направлено на пункты берегов Татарского пролива, к которым подходят или сама река Амур, или главные ее протоки, и этими путями спускаются и их миссионеры» .

Подобные инциденты, наряду с ростом военно-морского присутствия западных держав в Дальневосточном регионе, убеждали в необходимости укрепления России на восточных рубежах Евразии, и в качестве одной из мер рассматривалось

распространение российского влияния среди местного населения. Цели и усилия восточно-сибирской администрации, согласно донесению товарища министра иностранных дел Л.Г. Сенявина на имя великого князя Константина Николаевича от 17 сентября 1852 г., должны были «клониться к тому, чтобы посредством торговых связей привлекать к нам гиляков и постепенно распространять над ними наше влияние» [5, л. 184-184об.].

В этом отношении крайне своевременным и актуальным оказалось перенесение Камчатско-Курильско-Алеутской кафедры из Новоархангельска на Азиатский континент (в 1850 г. в Аян, а затем, указом Св. Синода от 26 июля 1852 г., в Якутск) [10]. В этой мере святитель Иннокентий, Апостол Аляски, видел не только новые возможности для православных миссий в Русской Америке, но и новые перспективы для миссионерской работы на Дальнем Востоке, расценивая успех экспедиции Г. И. Невельского к устью Амура и желание гиляков перейти под покровительство России как «светлые надежды в будущем» [3, с. 353-354]. Не встречая в действиях правительства решительности в «приамурском деле», преосвященный Иннокентий предупреждал о возможных последствиях такого отношения: «Со всей вероятностью можно сказать, что лишь только мы оставим Амур (а мы должны будем его оставить, если китайцы не дозволят нам селиться на нем и плавать с большими ограничениями), то или американцы, или англичане немедленно завладеют им, — и уже не будут так вежливы с соседями нашими» [2, с. 322].

Миссионерские проекты Н.Н. Муравьва-Амурского и преосвященного Иннокентия.

Большие надежды в отношении миссионерства среди гиляков Иннокентий возлагал на сына Гавриила, в феврале 1851 г. рукоположенного митрополитом Московским Филаретом во священника к собору Михаила Архангела на о. Ситха и назначенного преосвященным Иннокентием после испытательного срока в Амурскую экспедицию священником-миссионером, в обязанности которого, согласно указу Св. Синода, входило «исполнение духовных треб в морских командах, находившихся в приамурских зимовьях» [4].

Однако, несмотря на остро вставшие задачи христианизации населения Дальнего Востока, ходатайство Иннокентия об учреждении Амурской Духовной Миссии среди гиляков не получило Высочайшего позволения, а потому, согласно синодальному указу от 24 января 1852 г., преосвященный Иннокентий «не мог дозволить Гавриилу Вениаминову действовать в том краю как миссионеру» [6, л. 7-8об.].

Во всех случаях обращения в православие местных жителей, священник должен был обращаться за разрешением совершить таинство крещения к преосвященному Иннокентию. Понимание востребованности в православных миссионерах разделял и Невельской, который, как начальник Амурской экспедиции, подчеркивал необходимость «поддержать этот дух народа, а если пришлется сюда священник, отправить его туда на некоторое время, чтобы удовлетворил просьбу желающих принять нашу православную веру» [Там же].

Постоянное служение о. Гавриила Вениаминова в Петровском зимовье Российско-Американской компании началось в апреле 1853 г., когда члены экспедиции прибыли из Аяна в устье Амура, но в следующем году, 1854 г., о. Гавриил был переведен в Николаевск, ставший со временем, благодаря его миссионерским усилиям, «центром первой Амурской миссии среди нивхов (гиляков), нанайцев, эвенков-самогиров и негидальцев» [4].Несмотря на то, что в первый год пребывания о. Гавриила в Амурской экспедиции Невельского его миссионерская деятельность могла носить лишь неофициальный

характер, она заслужила высокую оценку генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, отмечавшего, что священник, «не щадя себя, с полным самоотречением» и невзирая на опасности, исполнял свои обязанности, обращая в православие «туземцев, на огромных пространствах обитающих» [4, л. 3-3об.].

Новые перспективы для миссионерства в Приамурском крае возникли в связи с первой экспедицией по Амуру, состоявшейся в мае 1854 г. под руководством Н.Н. Муравьева. При приходе русских судов в казацкие посты туземцы обращались к капелланам с просьбой о крещении. В частности, из рапорта капеллана фрегата «Диана» Василия Махова на имя начальника Амурской экспедиции капитана 1-го ранга Г.И. Невельского от 28 июля 1854 г. известно, что проживавшие в Александровском посту на берегу залива Де Кастри идолопоклонники из мангун, воспользовавшись кратковременным пребыванием там русского фрегата, выразили желание принять православную веру. И в течении следующих двух недель о. Василий ежедневно объяснял им Закон Божий, научил их молиться, а после того как они 22 июля уничтожили своих идолов, он окрестил 17 человек, снабдил всех иконами и свечами и, отслужив благодарственный молебен, исповедал и приобщил святых таин [4, л. 11]. Невельской незамедлительно переадресовал рапорт капеллана к генерал-губернатору Восточной Сибири, обозревавшему территории при устье Амура, где в связи с военным временем находилось «значительное число наших войск и возведенных укреплений» [Там же, л. 10].

Справедливо полагая, что дело не терпит отлагательства и «было бы неприлично не оказать этому направлению полное и скорое наше содействие» учитывая удобство сообщения между Приамурьем и Аяном, входившим в Камчатскую епархию, Муравьев, поставил вопрос о подчинении Приамурья в религиозном отношении камчатскому архиепископу и обратился к преосвященному Иннокентию с просьбой принять «места, занимаемые по Высочайшей воле Амурской экспедицией, под свое пастырское покровительство и назидание».

Принимая во внимание условия военного времени и затруднительность сообщения с Петербургом, Иннокентий обещал обратиться в Синод с ходатайством определить в Приамурский край особого священника с назначением ему приличного оклада, согласившись вместе с тем принять руководство над «новозанятыми местами на устье Амура» до получения синодального ответа и поручил о. Гавриилу взять на себя и миссионерские обязанности [Там же, л. 8об.-9].

Военный губернатор Восточной Сибири, не полагаясь на согласие Синода с учетом неопределенного статуса Приморского края, для подкрепления ходатайства Иннокентия и поощрения миссионерских трудов священников Гавриила Вениаминова и Василия Махова обратился с рапортом на имя великого князя Константина Николаевича, прося содействия в Святейшем Синоде [Там же, л. 1-1об.]. Расчет генерал-губернатора оказался верен: обер-прокурор Св. Синода граф Протасов не нашел препятствий дать ход делу «о духовных действиях в местах, занимаемых Амурской экспедицией», но предупредил, что надо дождаться Высочайшего разрешения [Там же, л. 12-12об.].

Высочайшее утверждение определения Св. Синода по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири и преосвященного Иннокентия последовало 9 декабря 1854 г., о чем великий князь сообщил Муравьеву в отношении от 5 января 1855 г. [Там же, л. 16].

Понимая, что двух священников-миссионеров недостаточно для осуществления масштабных государственно-конфессиональных задач в обширном Приамурском крае, архиепископ Камчатский видел выход из положения в привлечении к миссионерскому

делу капелланов, служивших на военных кораблях. В очередном ходатайстве в Синод Иннокентий просил дозволения «в видах духовной пользы туземцев» вменить в обязанность капелланам «при обращении туземцев в христианство сообразоваться с распоряжениями и наставлениями, какие даны им, преосвященным, находящемуся в Амурской экспедиции священнику Гавриилу Вениаминову» [Там же, л. 17]. В главную и непременную обязанность священникам вменялось: 1) «не крестить, но совершать крещение язычников не по первому их желанию, а только «по усвоению ими, по крайней мере первых начал веры» и 2) записывать в метрики и прежние, языческие, имена крестившихся [11, л. 20-33].

Поскольку дело касалось капелланов, приписанных к Морскому министерству, в мае 1855 г. и.д. обер-прокурора Св. Синода А.И. Карасевский обратился к великому князю Константину Николаевичу с просьбой сделать соответствующие распоряжения по восточной флотилии, о чем был уведомлен генерал-губернатор Восточной Сибири [11, л. 17, 20].

Принятые постановления, положившие начало христианизации и русификации приамурского населения до официального вхождения Приамурья в состав Российской империи, стали важной вехой в распространении православия не только на русском Дальнем Востоке, но и во всем Северо-Тихоокеанском регионе, где церковные требы и богослужения совершали капелланы русского флота. Они оказались в числе последних государственный деяний императора Николая I († 2 марта 1855 г.) и обер-прокурора Св. Синода графа Н.А. Протасова († 16 января 1855 г.).

Новые вызовы. Проект миссионерской епархии.

Новый масштаб миссионерская деятельность в Приморье и Приамурье приняла уже при новом императоре, чему способствовали заключенные с Китаем Тяньцзинский (1/13 июня 1858 г.) и Пекинский (2 ноября 1860 г.) трактаты, определявшие российско-китайские границы по Амуру и Уссури. Кроме того, по условиям трактатов позволялось пребывание в Китае христианских миссий как в важнейших портах, так и внутри империи [9, с. 64-69]. Важную роль в дальнейшем распространении миссионерской деятельности сыграл перенос архиерейской кафедры из Якутска в Благовещенск, что поставило перед Св. Синодом новые задачи.

В состав новой епархии, с викарными кафедрами в Якутске и Новоархангельске, помимо американских приходов должны были войти приходы, которые со временем должны были быть устроены на обширных территориях Приамурья и Приморского края. Главной миссией новосозданной епархии оставалось православное миссионерство, понимаемое как дело государственного масштаба. Наряду с христианизацией населения новых российских владений, Иннокентий Камчатский и Филарет Московский, учитывая политические интересы России, не исключали распространения миссионерства на народы цинского Китая и соседних с нами корейцев и маньчжуров. Для предотвращения распространения иностранного влияния в Приамурье, оба святителя — и Иннокентий, и Филарет — считали нужным действовать со стороны сухопутной границы с Китаем, где меньше вероятности столкновений с иностранными миссионерами, действовавшими «с морской границы Китая». По мнению Филарета, «Российское правительство, без сомнения, обратит внимание на то, чтобы не пришли действовать с нашей границы иностранные миссионеры, от которых наши могли бы ожидать не содействия, а столкновения» [14, с. 647-648].

Не менее решительно Филарет отстаивал свою позицию по вопросу о распространении христианства «около новоутвержденного на Востоке предела», подчеркивая важность православного присутствия в дальневосточном регионе:

«Неужели Россия откажется от участия в сем деле с своей стороны? Неужели допустить иностранных миссионеров проникнуть и сюда и распространить здесь свои действия, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных и государственных видов?» [12, с. 376].

Хорошо знакомый с методами и принципами инославного миссионерства, митрополит Филарет предостерегал российские власти от негативных последствий, связанных с деятельностью французских или британских миссионеров:

«Иезуиты, проникнув к нам под именем того или другого Римского ордена, расширят совращения посреди наших раскольников и даже посреди православных; а миссионеры Англии, с их терпением, с их твердостью, и особенно с их деньгами, в несколько лет обратят в христианство наших не христиан не только на Кавказе, а и в Сибири и в целой России: Татары, Калмыки, Киргизы и т. д. все станут англичанами*, усвоив себе с проповедью и язык и понятия и науку и нравы Англичан… Не пройдет 20, 30 лет — и от Кавказа до Крыма, от Амура и Каспия до границ Китая, Хивы, Бухары и т.д. в России образуется Англия, и богатейшие, лучшие во всех отношениях края отторгнутся от нее, без войны, без политических потрясений, естественной силою необходимых обстоятельств» [15, л. 64 об.].

Вскоре после установления новых границ Российской империи в Приамурском крае и перенесения Камчатско-Алеутской епархии в г. Благовещенск встал вопрос оустроении быта духовенства новой епархиальной структуры в обширном крае, где до этого речь шла лишь о миссионерстве. В синодальном ведомстве был разработан свод «правил обеспечения духовенства в Приамурском крае», получившие в 1859 г. Высочайшее утверждение. Разрабатывая проект «главнейших правил», в Синоде вполне отдавали отчет, что это «работа на перспективу», так как в отошедшем к России регионе предстояло не только отстроить селения и города, но и заселить их «по малолюдству края, который еще только заселяется» [13, с. 288].

Назначение этих «главнейших правил» состояло в создании таких условий для духовенства («городских и сельских причтов Приамурского края»), чтобы они имели возможность, «не озабочиваясь материальными нуждами, стать на высоту духовных учителей»; «поставление их в независимое положение от прихожан»; определение обязанностей в отношении причта со стороны прихожан и наоборот.

Вскоре выяснилось, что свод правил, составленный для Приамурского края, оказался актуальным и для других епархий в России, не имевших положений, которыми регулировалась бы церковная жизнь приходов и отношения между причтом и прихожанами. В мае 1862 г. обер-прокурор Св. Синода А.П. Ахматов обратился к митрополиту Московскому с просьбой высказать свое мнение относительно распространения «приамурских» правил на другие российские губернии, кроме западных [Там же, с. 286].

В отзыве Филарета Московского от 30 июня 1862 г. был представлен критический разбор целого ряда положений из свода правил, где главное внимание было уделено вопросам устройстваприходских советов и членства в них, финансовым вопросам поддержки приходов и причта, правилам исполнения причтами церковных треб и мн. др. Меры, предложенные Филаретом в отдельной записке [Там же, с. 291-298], оказали ценную поддержку преосвященному Иннокентию, чья епархия включала новые территории Российской империи.

Таким образом, в начале 1860-х гг. Св. Синод предусматривал меры по переходу от невполне развитой миссионерской структуры к созданию полноценной епархии с ее преимущественно миссионерскими функциями.

Список литературы

[1] Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: биогр. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печ. источникам. Кн. 1. М.: Синодальная Типография, 1891. 672 с.

[2] Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Алеся, 1997. 840 с.

[3] Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский, просветитель Америки. Т. 3: Жребий апостольский. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2012. 632 с.

[4] Иннокентий (Ерохин), игумен. Протоиерей Гавриил Вениаминов – первый начальник Амурской миссии // URL: http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?id=1121 (дата обращения: 10.05.2022).

[5] Материалы о снаряжении, отправке и работе экспедиций под командованием капитана 1 ранга Г.И Невельского в Приамурье и на о. Сахалин // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 206.

[6] О подчинении Приамурского края в религиозном отношении камчатскому архиепископу и распространении христианства среди местного населения // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 908.

[7] О путешествии англичанина Аткинсона в Сибирь // АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 44. Ед. хр. 1. 1849.

[8] О снабжении рекомендательными письмами английского подданного Хилла (Hill) в Сибирь // АВПРИ. Ф. 161. II-8. Оп. 44. Ед. хр. 15. 1847.

[9] Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916) / Под общ.ред. В. С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.

[10] Смирнова И.Ю. Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. Вып. 4 (812). С. 152-164.

[11] Управление портов Восточного океана // РГА ВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Ед. хр. 45.

[12] Филарет, митрополит Московский. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб.: Синод.тип. Т. 4. 1886. 614 с.

[13] Филарет, митрополит Московский. Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб.: Синод. тип., 1887. Т. 5. Ч. 1. 498 с.

[14] Филарет, митрополит Московский. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 2. СПб.: Синод. тип., 1888. Т. 5. Ч. 2. 499 с.

[15] Филарет, митрополит Московский. Проект записки, составленной Высокопреосвященным митрополитом Филаретом, от 30 сентября 1860 г. по поводу данным Кавказским комитетом разрешения инославным миссионерам обращать в свое исповедание язычников на Кавказе // РГИА. Ф. 832. Оп.1. Д. 88.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Историко-культурное наследие народов Урала, Сибири и Дальнего Востока: концепции, стратегии, практики

УДК 397

Демоническиесущества у заболотных татар (по материалам полевых исследований)

Бакиева Гульсифа Такиюлловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия.
gulsifa-bakieva@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9303-3394

АННОТАЦИЯ В докладе на основе полевых материалов, собранных в 2021-2022 годах в Тобольском Заболотье, рассматриваются представления сибирских татар о демонических существах. Общими терминами, обозначающимисверхъестественные существа, или злые силыявляются–пэре,йел/чин сәхмәт,чин пэре, чин ҡалығы. Среди них есть обитающие на определенной территории (в лесу – пицин) и внепространственные, появляющиеся как в поселениях, так и за их пределами (сәрхәбәт, ҡойон йел, үсҡынцылар). При встречах и общении сосверхъестественными силами заболотные татары выработали определенные правила поведения, помогающие им уберечься от бед и несчастий приносимых демоническими существами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА заболотные татары, демонические существа, общение.

Сибирские татары давно являются мусульманами. Несмотря на это в их мировоззрении до настоящего времени сохраняются элементы доисламских верований. Мифологические представления, культы и поверья продолжают играть особую роль в повседневной жизни сибирских татар, что свидетельствует о сложении у них мусульманско-языческого синкретизма.

Мифологическая система сибирских татар включает два рода образов – хозяев-духов пространств (ийә) и демонов-джинов (чин, пэре). Согласно их мировоззрению, духи-хозяева имеются у населенных пунктов, кладбищ, в том числе, исчезнувших (йорт ийә), домов (өй ийә), водоемов (сыу ийә, күл ийә), лесов (урман ийә) и др.

В настоящемдокладе мы рассмотрим представления сибирских татар о демонических существах на основе полевых материалов, собранных нами в 2021-2022 гг. у заболотных татар Тобольского и Нижне-Тавдинского районов Тюменской области. Заболотные татары являются обособленной этнотерриториальной группой сибирских татар. Они проживаютк северо-западу от г. Тобольска в труднодоступной, лесной, заболоченной местности. Особенностью Заболотья является географическая изолированность края, удаленность его от крупных административных и промышленных центров, отсутствие постоянных средств коммуникации.

На сегодняшний день заболотные татары проживают в 11 мононациональных селах и деревнях – Лайтамак, Ачиры, Тапкин, Тапкинбаш, Вармахли, Янгутум, Ишменево, Иземеть, Носки Тобольского р-на; Сеиты Ярковского р-на; Кускургуль Нижне-Тавдинского р-на. Кроме того, они живут в смешанных поселениях – селах Сетово, Овсянниково, Тренино. Общая численность заболотных татар во всех населенных пунктах насчитывает более 2 тыс. человек.Духовная культура заболотных татар имеет локальные особенности, не свойственные другим группам сибирских татар. Они говорят на особом диалекте сибирскотатарского языка.

В ходе сбора этнолингвистического материала, мы получили многочисленные данные о демонических существах. Информантами выступали, в основном, люди старшего возраста, как женщины, так и мужчины.

У заболотных татар наиболее общими терминами для обозначения демонических существ, или злых сил используются такие как –пэре,йел/чин сәхмәт,чин пэре, чин

ҡалығы. Среди них выделяются виды нечистой силы, которые обитают лишь на «своих» территориях: в бане –мунца пәре, в хлеву –ҡура пәре, в туалете –әцәтлек пәре, в мусорной яме– цуплек паш пәре. В лесу обитает дух пицин. Некоторые существа являются внепространственными, т.е. могут появляться, где угодно – как в поселениях, так и за их пределами – в лесу, в поле и др.К ним можно отнести таких духов каксөрхөбәт, ҡойон йел, үсҡынцылар.

Согласно преданиям, пәре или чин ҡалығы сосуществуют с людьми, у них могут быть жены и дети. Считалось, что они показываются в разном виде – могут быть невидимыми, но чаще в образе человека. Как и у людей, у них есть жилища, поселения. Информанты отмечали, что раньше было много нечистой силы, а в последние десятилетия из-за появления электричества и большого количества техники её стало намного меньше. Один из информантов из с. Ачиры утверждал, что в местечке Авышка, на озере Андреевском, где было 7-8 домов, еще в 1960-1980–х гг. нечистая сила «толпами там ходила, шумно с баянами».

Особенно много рассказов нам приходилось слышать о встречах людей со злыми силами в рыбацких и охотничьих избушках, которые расположены в таёжных угодьях. Как отмечают информанты, как в доме, так и в каждой лесной избушке есть свой дух-хозяин – ийә. Если рыбак или охотник входил в избушку, первое, что он делал – это здоровался с ним. Затем, если намеревался переночевать, просил разрешения – рөҡсәт. Перед тем как уйти, необходимо было прибраться в избушке, занести дрова, оставить что-либо для ийә – чай, спички, соль. В противном случае, ийә «обидится» (ауыр алаты) и будет преследовать человека, до тех пор пока не накажет. Однако иногда, даже при соблюдении всех необходимых правил поведения, в лесных избушках случались столкновения с нечистой силой.

Во время экспедиции нам удалось записать несколько историй, которые произошли с информантами в лесных избушках. Рыбак из с. Ачиры поведал следующее:

> «В прошлом году был в озере Камкуль, ночевал там в избушке. Просыпаюсь от того, что на мне сидит существо, в облике старухи с длинными волосами. Всю ночь боролся с ней. При этом я читал молитвы, иногда произносил бранные слова. Смог одолеть ее, схватив за волосы, вырвал у нее клок волос. Я слышал, что волосы нечистой силы нужно класть под стельку в сапог или другую обувь, впредь она не сможет беспокоить. Потом я лег спать. Когда утром проснулся, думал, что мне все это приснилось. Посмотрел под стельку, вспомнил, что ночью туда положил клок волос старухи. Наутро сильно болели руки. На второй или третий день приехал домой, пошел в баню. Увидел, что обе руки, от пальцев до плеч, покрыты синяками. Целый год не проходили эти синяки. После меня, в той же избушке, несколько человек также видели эту старуху».

О встрече с нечистой силой в лесной избушке на озере Андреевском рассказал еще один рыбак из с. Ачиры:

> «Поехал на рыбалку в Андреевское озеро. Планировал на три дня. Заночевал в избушке. Ночью просыпаюсь от шума, выхожу в сени, чувствую, что кто-то есть. Громко выругался. Вдруг вижу, что рядом стоит какое-то существо – ростом около метра, голова треугольная без шеи, на вид похож на женщину. Потом внезапно существо рассеялось как туман. Здесь я прихожу в себя, в руках ружье, даже не понял, как оно оказалось у меня».

По представлениям сибирских татар, нечистая силаможет проникать в жилищелюдей и в аулах. Как утверждают заболотные татары, в дом демонические существа обычно проникают в темное время суток, садясь на плечо к входящим с улицы людям, либо в открытую форточку. Тогда всю ночь будут беспокоить кошмары (йаман төшләр), удушье (паслығыу), либо будут какие-то шумы, передвижения предметов. Женщина из с. Лайтамак (61 год) рассказала о случае в её доме:

«Этот случай произошел когда мне было лет десять. Отца дома не было, бабушка, мама и я. Легли спать, вдруг послышался звук, как будто что-то капает: чып-чып-чып-чып. Бабушка насторожилась, услышав этот звук. Что это, или в дом что-то вошло? Встала. Взяв тряпку, обмакнула в деготь,затем посыпала солью и подожгла ее. Тряпка задымилась и бабушка стала водить ею по комнате. Снова легли спать, только уснули, как вдруг посреди комнаты с грохотом упали кочерга и совок. Затем бабушка встала и говорит: "Син ийә мә, мин ийә мә? Нимәгә пы шилек сытырнасын?" ("Я хозяйка, или ты хозяин? Что ты так разбросался?").Затем бабушка стала читать молитвы. Предметы, которые упали в середину комнаты, она взяла и положила рядом с печкой. Затем она спустилась в подполье. Потом, взяв штаны отца, стала ими бить по стенам, так прошлась по всему дому. При этом громко крикнула: "Цыхыф кит, нимә мынта эшләп торасың!"("Выходи вон, что тут стоишь!"). Дальше произошло невероятное: в доме изнутри дверь была закрыта на крючок, в сенках тоже; это невидимое существо, открыв эти крючки, выходит из дома. В сенках на полке стоял чугунок, он упал с грохотом, когда это существо выходило из дома".

Другая женщина из д. Янгутум, также поведала историю, которая случилась. С ее слов, она в детстве не раз видела в доме некое существо, которое летало по комнате, иногда останавливаясь и раскачиваясь. Существо, по её описаниям, состояло из одной головы, у которой был лишь один большой глаз. После того как ее бабушка вслух прочитала молитву, чин сәхмәт вылетел через форточку. По словам информанта, нечистая сила возникала в их доме из-за того, что он стоял рядом с колхозной скотобойней.

По представлениям заболотных татар, в лесу обитают существа, которых здесь называют пицин. Это лесное существо может приобретать различные облики – человека или животного, издавать различные звуки. В д. Янгутум, со слов информантов, пицин живут за деревенским кладбищем. Ночью люди слышат их голоса, они, то блеют как овцы, то лают как собаки, то мычат как коровы. Иногда пицин издает звук, похожий на человеческий голос, но более грудной. Одна из информантов сообщила, что раньше часто в деревне сама слышала голоса пицин. Приведем здесь ее рассказ:

«У нас были лошади, мы держали пять лошадей. Они, спасаясь от комаров-оводов, бегут в аул; мы их загоняем в сарай, ставим дымовушки. Целый день стоят в хлеву. Вечером часов в 10-11 отпускаем их, к этому времени оводы успокаиваются. Вот с этого времени пицины начинают лошадей зазывать. Пицин садится на самого лучшего коня, гоняет его. До самого утра гоняет, наш конь весь в пене приходит, загнанный. Всю ночь на нем сидит пицин – садится задом наперед, держась за хвост. Сейчас в деревне нет ни одной лошади и всего две коровы осталось».

В Заболотье распространено предание о том, что в д. Янгутум живут потомки рода, ведущего свое происхождение от связи с лесным духом-пицин. Этот род так и называют пицин-тугум. Здесь мы записали историю от женщины, которая относит себя к потомкампицин. Она рассказала нам следующее:

«Наш предок по имени Махмут был охотником. В лесу в избушке он встретился с девушкой, привел к себе в дом. У нее родился ребенок. Как-то мимо проходил старик сосед. Посмотрел в окно и увидел такую картину: сидит эта женщина возле печи, сняв волосы вместе с кожей, что-то собирает и бросает в котел. А в котле что-то варится. Приходит домой и все, что видел, рассказал своей старухе. А та и говорит, что женщина эта не человек, а нечистая сила, в волосах ищет вшей и готовит из них еду. Потом этот старик рассказал нашему деду, так и так. Если не веришь, проверь сам, сказал деду старик. Тогда вспомнились слова жены: "как придешь из лесу, не входи сразу, а прежде постучи, покряхти, чтобы я не испугалась". Наш дед внезапно открыв дверь, увидел сам, как его жена сняла волосы с головы вместе с кожей, собирала вшей и бросала их в кипящий котел. Увидев мужа, пицин испугавшись, вылетела в печную трубу. А в люльке лежала их дочь, не успела с собой забрать пицин. Наш дед после этого увез дочь в другое место. Пицин стала приходить к мужу каждый день, умоляла отдать дочь, плакала.

Тот не отдал. Пицин, видя, что не добьется своего, выкрикнула проклятья: “Раз ты не отдал мне дочь, так я с каждого поколения твоего рода буду забирать по одному человеку”. Вот с того времени, в нашем роду пицин забирает кого-то. Так и мою маму забрала, она заблудилась в лесу. Так ее и не нашли. С нашего рода многие пропадали – и наш дядя Савилла, и брат Мунип, и родственник Мансур. Все они заблудились в лесу, их забрала пицин».

В других аулах Заболотья нам также удалось записать истории, повествующие о брачных связях людей с нечистой силой. Например, в с. Ачиры один из информантов поведал нам предание, которое он услышал еще в детстве:

«Один человек из деревни Нэщщэ (Ишменево) на озере делал цал (дорожку из камыша, которую применяли для устройства запоров при ловле рыбы). Вдруг поднялся сильный ветер, унес цалы. Этот человек, для того, чтобы ветер успокоился, бросил нож. Искал-искал, не нашел. Рыбачил всю зиму. Как-то он пешком пошел в деревню. Вдруг поднялся буран. Сзади на коне догнал его какой-то незнакомый человек. “Куда идешь?”, – говорит. “Садись, довезу до аула”, – говорит. Рыбак обратил внимание, что у всадника нет одного глаза. Ладно, сел на коня. Немного проехали, тот мужик говорит, что нужно заскочить к нему. Зашли в дом. Тот своей жене: “Ставь чай”. Старуха налила чай, а когда резала хлеб, тот рыбак узнал свой нож, который не мог тогда найти на озере. Хозяин спрашивает: “Ну, узнал нож?”. Тот отвечает, что узнал. Понял рыбак, что перед ним не человек, а пэре (чин). “Мы ехали на свадьбу тогда. Ты мне своим ножом попал в глаз”, - сказал пэре. Рыбак испугался и говорит: “Ты теперь меня не отпустишь?”. Тот отвечает: “Отпущу. Но ты должен жениться на моей дочери, никто не берет ее. Возьмешь дочь замуж, отвезу тебя в Ишменево”. Ничего не поделаешь, пришлось взять дочь пэре в жены, хотя в деревне у рыбака была семья – и жена, и дети. Вот так было: когда нет дома семьи, жена-пэре по дому начинает убираться, моет полы, посуду. А когда кто входит, исчезает. Жена рыбака стала замечать, что в ее отсутствие кто-то выполняет все домашние работы. Решила она проверить, что происходит в доме в ее отсутствие. Вышла из дома, как будто пошла по своим делам, но никуда не ушла, внезапно вошла в дом. Смотрит, какая-то женщина моет пол в доме. Увидев женщину, пэре вскрикнула и исчезла. Рассказывали, что потом пэре понемногу истребила весь род-тугум рыбака. Сам рыбак похоронен в ауле Паиш (село Баишево Тобольского р-на)».

У сибирских татар повсеместно распространен сюжет, с некоторыми вариациями, о случаях приглашения повитухи на роды к нечистой силе – пэре. В одних деревнях нам приходилось слышать, что такое приглашение получала повитуха, которая помогла появиться на свет 39 младенцам, в других – 99, тем самым 40-й или 100-й ребенок – это ребенок пэре.

У заболотных татар нам удалось записать аналогичный рассказ от жительницы с. Лайтамак, 1942 г.р. Историю о приглашении к пэре она услышала от деревенской повитухи (инәлек) Асмы апай, которая помогла родиться ста младенцам, в том числе троим детям нашей информантки. Асма апай утверждала, что она была приглашена к женщине-пэре на роды. Вот как это было:

«Ночью заней на арбе приехал мужчина.“Жена, говорит, болеет – должна родить”. Повитуха не подозревала, что перед ней нечистая сила – пэре. Поехали, не долго ехали. Остановились возле ворот какого-то дома. Думала, что в деревне находится. Осмотрелась, но не смогла узнать к кому приехала. Войдя в дом, увидела, что за занавеской лежит женщина, болеет. В доме полумрак. Помогла, женщина благополучно родила мальчика. Потом младенца помыли, завернули в пеленку. Муж роженицы увез ее обратно домой. Перед тем как выйти из дома, повитуха обратила внимание на тарелку, стоявшую на столе, которая была накрыта белой тканью. Что в той тарелке, не известно. Но тот человек, кто заберет эту тарелку со стола пэре, никогда не будет испытывать нужду. Асма, увидев тарелку, тогда поняла, что принимала роды у нечистой силы. Когда-то об этом она слышала от старушек. Однако она испугалась взять тарелку, стоявшую

на столе".

Со слов информантки повитухой была и ее бабушка Алима из юрт Иземетских и за свою жизнь приняла роды у более, чем ста женщин.Наша информантка добавила, что в отличие от Асмы апай, бабушка Алима, когда была приглашена на роды к пэре, прихватила эту тарелку. Тем самым бабушка обеспечила своим потомкам безбедное существование. Информант свое повествование завершила такими словами: «И в войну, и в голодные годы в семье всегда была еда. И сейчас, слава Аллаху, достаток в доме. Бабушка говорила, что, благодаря той тарелке, которую она забрала из дома пэре, до седьмого колена наш род не будет ни в чем нуждаться».

По существующему среди заболотных татар поверью чин могут показываться людям в виде огня, смерча или вихря.

Демонический персонаж сөрхөбәт широко бытует в представлениях заболотных татар и не встречается в других локальных группах сибирских татар. Со слов информантов, в иерархии нечистой силы он является самым сильным. Сөрхөбәт часто представляется в виде огненного шара с хвостом, летающего невысоко в небе. Он может увеличиваться в размерах, менять цвет от красного до синего. Сөрхөбәт является как правило предвестником какого-то бедствия, а иногда наоборот – плодородного года. Особенноопасным считалось столкновение с сөрхөбәт, это могло привести к параличу, либо смерти, что передавалось такими фразами как «кешене йотоп китәте» («проглотит») или «чанын алып китәте» («душу заберет»).

Информант из с. Ачиры сообщил:

«Я видел сөрхөбәт не раз. Однажды во время заката солнца, в нашей деревне наблюдал, как в небе недалеко от кладбища летит шар. Тогда это многие видели. Старушки сказали тогда, "теперь надо проверить, какие события после этого произойдут – хорошие или плохие". В тот год ничего плохого не случилось, наоборот, плодородный год был, много рыбы, ягод было». С этим существом надо поздороваться, а провожая, попрощаться. Иначе оно может "обидеться" и тогда начнутся беды».

В д. Янгутум, по словам информантов, сөрхөбәт появлялся периодически в ауле в ночное время, возникая всегда со стороны леса. Описывая внешний облик существа, здесь также подчеркивали его округлую форму и огненный хвост. Он облетал всю деревню, затем исчезал под одним из домов в ауле, причем каждый раз на одном и том же месте. В это время весь дом, под который он уходил, освещался как днем, а через некоторое время становилось темно. Одна из женщин рассказывала, что наблюдала это не только она сама, но и ее дети.

В народе существует утверждение, что способностью видеть сверхъестественные существа обладают лишь отдельные люди, которым этот дар дается с рождения. Так, по словам информантов в д. Янгутум был указной мулла Хасан, который лечил людей, обладал даром предвидения, а также способностью видеть нечистую силу. Про него говорили, что он «находясь дома, видел через стену, как чин сәхмәт передвигались из одной деревни в другую; видел, чем они занимались».

Известны представления заболотных татар о том, что некоторые, наиболее «сильные» могли повелевать нечистой силой, заставляя их выполнять определенные работы. Например, рассказывают, что в деревне Топкинбашево жил Насир мулла, который сумел подчинить себе нечистую силу. Он садился в лодку без весел, заставляя пэре грести за него. Люди, стоявшие на берегу, видели, как лодка быстро плыла по реке и слышали, как мулла кому-то приказывает: «Иш, иш, иш!» («греби, греби, греби!»).

В других группах сибирских татар нам также приходилось слышать о случаях подчинения пэре человеку. По рассказам информантов, одно из самых распространенных занятий, которое по повелению человека выполняла нечистая сила – это ношение воды в сите. По представлениям сибирских татар, пэре, который попадал в подчинение

человеку, должен был постоянно, без отдыха, выполнять разную, работу, чтобы у него не было времени останавливаться. В противном случае, он мог погубить человека.

Некоторые люди, обладавшие способностью видеть сверъестественные существа, тяготились этим. Согласно народным преданиям, чтобы освободиться от дара видеть нечистую силу, обращались к муллам, которые с помощью молитвы өшкөрөү, заговаривали воду, а затем омывали ею глаза. После такого ритуала человек переставал «видеть» нечистую силу.

Таким образом, в традиционном мировоззрении заболотных татар сложились устойчивые представления о демонических существах. Для свурхъестественных сил у заболотных татар характерна достаточно высокая степень персонификации – у каждого имеется имя, функции, пространство обитания, внешний вид. Осознавая, что не могут предотвратить проявления сверхъестественного, люди со временем выработали определенные правила поведения, помогающие им уберечься от бед и несчастий приносимых демоническими существами.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ № 14.Y26/31/0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронном и диахронном взаимодействии языков и культур».

Информанты:

[1] Барсукова Кабира Мифтахитдиновна, 1928 г.р., с. Ачиры.

[2] Калбаева Клара Хатиповна, 1949г.р., д. Кускургуль

[3] Кульмаметьева Хатима Абубакировна, 1947 г.р., с. Лайтамак (родом из с. Иземеть)

[4] Маметгалеева Шагинур Акрамовна, 1961 г.р., с.Лайтамак

[5] Мурзаев Шигап Тухтасынович, 1948 г.р., с. Ачиры

[6] Назыров Сунгат Миллятуллович, 1965 г.р., д. Топкинбашево.

[7] Талипов Сайнитдин Салахетдинович. 1964 г.р., д.Вармахли.

[8] Хамраева (дев.Тимергалеева) Галия Азисовна, 1948 г.р. , д. Янгутум.

УДК394

Формирование органов местного самоуправления в Илимпийской тундре и в районе Подкаменной Тунгуски в первой половине 20-х годов XX века

Бибикова Валентина Васильевна
Краевед, Россия.
bibikovss@yandex.ru

аннотация В статье раскрываются мероприятия по организации родовых советов и районных инородческих исполкомов на территории современной Эвенкии, разработке региональных нормативных актов, регулирующих их деятельность.

ключевые слова тунгусы, якуты, родовые советы, РИКи (районные инородческие комитеты), «Положение об организации управления туруханских туземных племён».

Характеризуя общественно-политическое устройство северных народностей до революции, сибирский исследователь В.А.Зибарев писал: «Родовые связи переплетались с территориями, локальные объединения народов Севера представляли собой соседско-родовые или семейные общины. Общественные отношения, с одной стороны, были отношениями сотрудничества и взаимопомощи, унаследованными от первобытно-общинного, а с другой – отношениями подчинения и эксплуатации, свойственными классовому обществу. Отношения сотрудничества и взаимопомощи постепенно теряли силу, превращались в свою противоположность и служили средством эксплуатации. Существовало доклассовое общество с незначительной дифференциацией»[1, с. 28, 30]. Анализ документов, находящихся в Красноярском государственном архиве, подтверждает эти выводы. К началу установления советской власти на Енисейском Севере у коренных северных народов наряду с родовыми общинами существовали соседские, возникла имущественная дифференциация, что свидетельствовало о становлении раннеклассового общества.

2 (15) ноября 1917 года на 111 съезде Советов была принята «Декларация прав народов России», гарантировавшая «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Постановлением ЦК РКП (б) 17 декабря 1918 года было создано Сибирское бюро ЦК РКП (б), которое должно было заниматься руководством по социалистическому переустройствужизни народов Сибири. Для организации хозяйственного и советского строительства по Постановлению ВЦИК РСФСР 27 августа 1919 года был создан Сибревком. При Сиббюро ЦК ВКП (б) в мае 1920 года был сформирован подотдел национальных меньшинств, а при Сибревкоме в августе 1920 года – Сибирский национальный отдел. В Енисейской губернии губнацотдел был создан в конце 1920 года. Однако вопрос об организации работы с коренным населением Енисейского Севера был поднят с начала установления советской власти на Севере в январе 1920 года. На основании телеграммы отдела управления Енисейского губревкома от 7 февраля 1920 года, подписанной председателем губревкома А.П.Спундэ, был организован Туруханский краевой ревком [6, с. 16]. Ревком сразу занялся организацией органов советской власти. Первым важным мероприятием ревкома было проведение краевого съезда 22 февраля 1920 года. Одним из вопросов, обсуждаемым на съезде, был «инородческий»[9,с.74]. Решением Туруханского краевого съезда на территории Туруханского края были учреждены В-Инбатская, Монастырская, Дудинская, Карасинская волости [9, с. 76, 87].Как видим, территория

Илимпийской тундры и район Подкаменной Тунгуски с компактно проживающими тунгусскими и якутскими родами оказались вне зоны внимания съезда. На съезде была принята резолюция по «инородческому» вопросу: «Съезд считает себя неправомочным в отношении вопросов, касающихся инородческого населения. Несмотря на близкое соприкосновение русского населения с инородцами, внутренняя родовая жизнь инородцев всё ещё остаётся для русских непонятной и чуждой. Иначе и быть не может, ибо до сих пор взаимоотношения обоих групп населения исчерпывались вопросами купли-продажи и эксплуатацией дешёвого инородческого труда. Съезд ... считает своим долгом обратить на него внимание не только краевой и губернской, но и центральной власти. Инородческий вопрос должен быть разрешён коренным образом в общегосударственном масштабе, но решён не механическим распределением на инородческое население организационных форм быта, а приспособлением как к экономическому укладу, так и к культурному уровню инородцев. В области управления и судопроизводства крупную роль играет произвол князей и богачей, но вряд ли правильная реорганизация возможна формальным упразднением института князей. Чтобы в наших мероприятиях инородцы не усмотрели нарушения их исконных, хотя и призрачных прав, требуется большая осторожность. Здесь задача власти – изучить быт, и представить инородцам возможность самостоятельного творчества, оказывая помощь лишь там, где это необходимо. Советская Россия и в этой области должна разрушить до основания старые эксплуатационные формы и традиции и явить миру образец новых взаимоотношений между народами цивилизованными и нецивилизованными»[9,с.78-79]. В этом документе обращает на себя внимание не только обозначение комплекса проблем, существовавших у коренного населения, но и формулирование основных направлений по их разрешению.

Председатель Туруханского ревкома Н.А.Шошкин писал: «Инородческий вопрос – это серьёзный, большой и больной вопрос, стоявший всегда и у всех властей на очереди неразрешимых задач. Гигиенические условия жизни их ужасны и, как известно, некоторые орды прямо - таки вымирают. Темнота невероятная. А между тем, это самый полезный для страны народ, производящий и могущий производить для неё колоссальные реальные ценности. Впрочем, могу добавить, что инородцев обдирают все, кому не лень»[5,с.13].

25-28 декабря был проведён 1 краевой съезд советов в селе Монастырском. Среди 55 делегатов представителей коренного населения не было. На съезде с отчётным докладом выступил председатель ревкома Н.А. Шошкин. Николай Алексеевич представил делегатам своё видение работы в инородческой среде: «Не считая возможным в данное время механически изменить коренным образом бытовые условия инородцев до проведения этого вопроса в общегосударственном масштабе, ревком счёл необходимым за исключением писем и инструкций из Центра воздержаться от вторжения в область индивидуального инородческого управления, временно не нарушая исконных традиционных прав, требующих постоянного подхода к ним, дабы не подорвалось доверие инородческого населения к советской власти своим настороженным вмешательством в эту обособленную дикую кочующую жизнь»[9,с.14]. Таким образом, местная власть ждала указаний центральных органов власти по организации работы среди коренного национального населения и видела необходимость поиска кадров для этой работы среди постоянно проживающего на Севере населения. В отчёте ревкома о работе говорилось: «Самоуправление инородцев по-прежнему основывается на выборных началах представителей от племён так называемых старшин, князей, являющихся проводниками инородческих правопорядков. Реорганизация самоуправления инородцев ещё не задета и не может быть быстро проведена в силу особенных бытовых условий инородческого населения, к которым нужно подходить умело и с особенной предосторожностью»[9,с.113]. В течение последующих двух лет исполком Туруханского краевого совета пытался наладить связь с «тундрами», отправляя письма с торговцами

или самими инородцами, заезжавшими с оказией в Монастырское, но ответов не было. Тундра молчала.

В январе 1922 года в Туруханском крайисполкоме был назначен ответственный за связь с инородческими племенами тунгус Н.Е. Аркадьин [8,с.26; 11,с. 11;10,с.22]. До назначения на эту должность он возглавлял Мугумский родовой совет. К сожалению, сведений о его работе в архиве не найдено. Есть короткое распоряжение от 7 марта 1922 года, направленное заведующему факторией «Северный камень» Шарыгину: «Командированный в Олимпийскую тундру член крайисполкома Аркадьин крайне нуждается в тёплой одежде - сакуе. Просьба снабдить. После командировки вернём»[12,с.10]. Таким образом, Николай Егорович Аркадьин в 1922 году был в командировке в Илимпийской тундре, в районе речки Северной, на притоке Н.Тунгуски с целью «установления связи с инородцами»[10, с. 57; 11,с.11]. К сожалению, отчёта об этой командировке в архиве не найдено.

17 июня 1922 года на фактории Кузьмовка (по реке П.Тунгуска) было проведено собрание тунгусов. Организовал его председатель В-Инбатского волисполкома Иван Максимович Гавриленко. Был рассмотрен вопрос «О создании Кузьмовской управы и выборах». В решении собрания говорилось: «Прилегающие к Кузьмовке тунгусы, состоящие в других управах, постановили: от создания управы воздержаться и выборы князя не производить»[7,с.90].

В 1923 году председатель Туруханского УИК Филипп Яковлевич Бабкин писал: «Инородцы представлены различными племенами. По установлении советской власти в уезде работа по созданию органов управления совершенно не коснулась тундры. Последние в то время представляли какой-то иной неизвестный мир, отдалённый от прочего необозримыми пространствами тайги и лесов. Тундры ничего не знали о Советской власти, а Советская власть не знала о тундрах»[16,с.33].

В сводке о состоянии советской работы на Туруханском Севере сообщалось: «Несмотря на то, что советская власть в крае существует с 1920 года, ни существовавший тогда крайисполком не знал о жизни и местонахождении кочевий туземцев, ни туземцы не знали действительного лица советской власти. Такое примерно положение складывалось до 1922 года. Туземцы твёрдо решили не показываться на глаза представителям советской власти и совершенно не выходили из тундры. Крайисполком в свою очередь не мог связаться с туземцами и разбить их неправильное представление о власти вследствие незнания тундры и отсутствия работников. Наконец, в конце 1922 туземцы, одоленные голодом, командируют делегата в Туруханск «посмотреть, что за власть пришла». Этот делегат прибыл в исполком и заявил: «Меня послали люди посмотреть, какая власть пришла в Туруханск». Исполком, желая быстрее завязать связь с туземцами, использовал представителей торговых организаций, но всё это не давало нужного эффекта»[21,с.29].

26 ноября 1922 года по докладу юриста отдела управления губисполкома Д.Е.Лаппо специально созданная комиссия обсудила и одобрила «Положение об организации управления туруханских туземных племён». Первоначально этот документ имел другое название: «Положение о родовых советах как временных органах управления кочевыми племенами северных народностей». Уже сам факт восприятия родовых советов, как «временных органов управления», свидетельствует о том, что прежние формы управления приспосабливались к новым условиям. Было принято и «Положение о северных инспекторах Туруханского края». Оба Положения были утверждены в феврале 1923 года президиумом Енисейского губисполкома. 31 января 1923 года Туруханский край был выделен в самостоятельную административную единицу.

Целенаправленная работа по организации родовых советов началась в конце 1923 года. Заведующий общим отделом Туруханского исполкома А.В.Астраханцев писал: «Туруханский РИК в 1923 году начал работать по советизации туземного населения. Работа эта началась ощупью, вследствие полного отсутствия опыта и каких-либо

материалов по этому вопросу. До 1923 года туземное население управлялось князьями – институтом, установленным старым правительством - формально выборным; на практике князья зачастую оказывались несменяемыми до конца своей жизни»[18,с.5].

При этом председатель Туруханского исполкома Ф.Я.Бабкин признавал: «Построить советскую администрацию в тундрах в лице родовых советов и РИКов ещё недостаточно. Необходимо их закрепить и показать инородцам их необходимость, помочь в борьбе с болезнями, пробудить осознание их темноты и приобщить к культуре, т.е. необходима организация медицинской и ветеринарной служб, школ»[16,с.36]. 9 октября 1923 года Туруханский исполком своим постановлением создал институт северных инспекторов, которые должны были проводить работу среди коренного населения по приобщению его к советскому строительств, в том числе по проведению выборов в местные органы власти [16,с.34].

Туруханский РИК начал работу по советизации коренного населения именно с направления инспекторов в тундры. В их задачи входили: «организация родовых советов (взамен упразднённого института князей), туземных РИКов (вторая ячейка советской власти); инструктирование этих только что созданных советов»[18,с.5]. В октябре 1923 года в тундру впервые были направлены инспектора: И.Д.Потапов – по Н.Тунгуске на Байкит, Е.С.Савельев – в Илимпийскую тундру.

Долгое время инспектора кочевали по тундрам, ища места стоянок тунгусов. И.Д.Потапову удалось в течение четырёхмесячной командировки создать Полигусовский, Кузьмовский тунгусские и Черноостровский остяцкий советы [21, с. 29]. Командировка Елизара Сергеевича Савельева продолжалась 168 дней. Было пройдено 3,5 тысячи километров. Е.С. Савельеву удалось добраться до мест компактного проживания тунгусов, продвигаясь по маршруту Северная – Онёка – Агата – Чиринда – Мурукта – Ессей – Тембенчи – Тура – Виви – Большой порог. Он собирал собрания, разъяснял цели своей поездки, организовывал родовые советы. В каждый родовой совет выбирались по 3 члена и 2 кандидата. Характерно, что в выборах принимало участие всё взрослое мужское население и почётные старики, но не принимали участие молодые мужчиныдо 30 лет и женщины. Как отмечалось в отчёте, «в результате таких выборов во главе родовых советов были выбраны князья и шаманы». К примеру, председателем Чапогирского совета был избран старшина А.С.Чапогир (Мирошко), бывший «князёк». Но, как впоследствии сообщали, «наряду с ними были выбраны середняки и бедняки», однако, «они были под влиянием кулаков и шаманов»[3,с.229,206]. Е.С.Савельев после долгих мытарств смог организовать 2 родовых совета в Илимпийской тундре, но в дальнейшей своей работе он натолкнулся на противодействие представителей Якутской АССР. Весь спор был вокруг якутов, проживающих на озере Ессей. По свидетельству Е.С.Савельева, якутяне, «желая всеми силами подчинить себе ессейских якутов, дошли до того, что завозили вино и продавали туземцам. Те же, в свою очередь, в знак благодарности, категорически отказались войти в систему Туруханского края». Впоследствии в этом районе в течение 1924-26 года инспектора трижды собирали собрания, но все три раза население отказывалось от организации родового совета с подчинением Туруханску: «Не хотим быть вместе с тунгусами»[21,с.29].

Посланные в тундру инспектора вернулись в Туруханск только весной 1924 года. О трудностях работы инспекторов Ф.Я.Бабкин сообщал: «При объездах тундр инспекторам приходилось бороться с природой и препятствиями: передвигаться на лыжах или в грудах льда на лодке, иногда во время 60-градусного мороза погружаться в воду, предательски скрытую сугробами, рассеивать всевозможные ложные слухи, распространяемые в тундрах нашими противниками, и бороться с неправильными действиями приезжающих представителей ЯАССР и Обдорского района Тобольской губернии, тормозящих советизацию тундр. Несмотря на это, всё же удалось пробить дорогу в тундры, и провести там необходимые работы»[16,с.34].

Выборы сородичами прежних князей, возможно, озадачивали руководство края, но в этот период не воспринимались как отступление от «генеральной линии» на формирование органов диктатуры пролетариата. Сложившийся уклад жизни, взаимоотношений и управления не подвергался ломке. Секретарь Эвенкийского окружкома ВКП (б) М.И.Чернявский позже писал: «Выбирались и бедняки – в Чиринде – Елдагирь Матвей, в Чунском – Лапушкин Матвей, но по рассказам эвенков можно установить, что несмотря на то, что все они бедняки, председатели являлись почтенными по возрасту и опыту стариками, но всё же по части возникающих между туземцев споров последние подчас вместо обращения в родовой совет или к председателю, обращались к старому развенчанному князю»[4,с.15].

Для соблюдения единых условий в управлении созданными родовыми советами Туруханский УИК принял к выполнению и утвердил своим постановлением от 5 ноября 1924 гола предложенное Енисейским губисполкомом «Положение об организации управления туруханских туземных племён», которым закреплялось управление каждого рода своим родовым советом. Родовой совет являлся высшим органом власти в пределах кочевий избравшего его рода, и все постановления, распоряжения Совета были обязательны для каждого члена данного родового объединения. Высшим инородческим органом управления являлось объединение родовых советов в районный инородческий исполком, избираемый на районном съезде родовых Советов. Правом избирать и быть избранным в родовой совет и РИК пользовались все граждане, согласно Конституции РСФСР. Была также разработана утверждена Инструкцияо перевыборах родовых советов и РИК [16,с. 40-42].

В декабре 1924 года председатель Туруханского крайисполкома Ф.Я. Бабкин сообщил в губисполком о необходимости формирования инородческих РИКов, отдельных от русских: «В Туруханском уезде ... подобное построение административного аппарата вызвано территориальными особенностями Туруханского уезда и в силу этого совершенно неизбежно. Если допустить, что ВИК, помимо русского населения, должен обслуживать и инородцев, проживающих в районе их волости, то практически это неосуществимо». Эти особенности побуждали руководство края искать пути создания «специального инородческого аппарата»[13, с. 5]. Особого отдела по делам коренных народов в Туруханском УИКе в это время не было, руководством занимался непосредственно председатель УИК через инспекторов.

Советизация населения Илимпийской тундры была продолжена зимой 1924-25 года. Выборы членов родовых советов должны были проходить ежегодно. К концу 1924 года в Илимпийской тундре было выбрано 5 родовых советов: Кильмагирский, Чириндинский, Чапогирский, Панкагирский, Чумский [3,с.229,206]. Проблемой было то, что в силу больших расстояний родовые советы «были представлены сами себе»[3,с.229]. Действительно, руководители выбранных родовых советов испытывали трудности в выполнении решений собраний. Председатель Полигусовского совета Василий Тимофеевич Коченев обращался в Туруханский УИК в январе 1925 года: «У нас ежегодно к Петрову дню на фактории «Полигус» «Енсоюза» бывает съезд Полигусского и Байкитского района. Каждый раз – перевыборы в родовые советы. На прошлом съезде решили на имеющиеся средства купить оленей у богатых по установленной на съезде цене и таковыми снабдить бедных на льготных условиях. К сожалению нашему, богатые тунгусы нашего решения на съезде не признали, в продаже оленей по установленной на съезде цене отказали, мотивируя свой отказ тем, как будто наш съезд – выдумка наша, и все постановления на съезде – наши выдумки. Ввиду этого просим Туруханский УИК откомандировать на наш съезд инспектора для направления нас на истинный путь, как подобает в Советской России, дабы несознающий народного решения тунгус мог понять свою глубокую ошибку»[15,с.49]. Это обращение – свидетельство того, что часть зажиточных тунгусов не признавала итогов выборов и принятых родовыми советами

решений, несмотря на то, что в этот период никаких ограничений избирательных прав не осуществлялось, и богатые сородичи участвовали в выборах.

Председатель Туруханского УИК Ф.Я.Бабкин ориентировал инспекторов в ходе выборной кампании 1924-25 года на замену старых элит. Подводя итоги избирательной кампании, он писал: «При организации родовых советов туземцы, ещё не освоившись с их задачами, имели тенденцию проводить в родовые советы старых князей. Но скоро учли свою ошибку, и под руководством инспекторов в родовые советы проводили бедняков». Объяснял он это тем, что «инородцы почувствовали всю тяжесть гнёта князей, и они не в силах были переносить дальше розги, колодки, завязывание рук, ног и другие истязания, практиковавшиеся князьями, как способ управления» [16, с. 36]. Однако, это, по всей вероятности, был преждевременный вывод. Нужно признать роль инспекторов, которые разъясняли политику новой власти, статей Конституции РСФСР и «Положения о туземных советах», предусматривавших формирование органов власти преимущественно из бедноты. Организация родовых советов было первым шагом в советизации коренного населения. Однако, ломки устоявшихся порядков не происходило. Инспектора старались вводить новые положения постепенно, опираясь на имеющиеся традиции. Кстати, это было предусмотрено и принятым «Положением об организации управления туруханских туземных племён». В объяснительной записке одного из его разработчиков юрисконсульта Енисейского губисполкома Д.Е.Лаппо от 2 ноября 1924 года разъяснялось: «Советизация северных окраин облегчается тем, что распространённое на эти племена «Положение о сибирских инородцах» не подвергалось изменениям с 1822 года, а само это «Положение» явилось приспособлением «Правил об управлении сибирских крестьян» к бытовым условиям сибирских туземцев и совершенно не регламентировало многих сторон жизни северных племён, как род, мир, суглан и т.д. Поэтому в жизни северных племён продолжают и ныне доминировать нормы обычного права. Юридические институты «Положения о сибирских инородцах» не были освоены ими в достаточной мере. Посредниками между представителями царской власти и племенами были князьцы и старосты» [19,с.6].

И.М.Суслов видел закономерности в преемственности между структурами управления, предусмотренными «Положением о сибирских инородцах» 1822 года, с советским законодательством об управлении: «Такое административное устройство туземных советов является прямым продолжением старого деления их на «роды» и «управы». Туземцы проникнуты ещё в значительной степени началами старого родового строя; личность придавлена как авторитетом старших, так и начальства, вроде бывшего князьца. Начала и основы старого «Положения об инородцах», где родовой староста или князец принимался вместо отца с правом взыскания по обычаям племени, наложило сильную печать» [14,с.148]. Тем не менее, реализация «Положения об организации управления туруханских туземных племён» положила начало советизации коренного населения, вводя понятную иерархическую систему работы низовых управленческих структур, хотя границы расселения родов ещё не были определены, а были чисто условными. Зачастую родовые советы объединяли не сородичей, а соседей, проживающих рядом. Родовые органы управления обладали исполнительными и распорядительными функциями. Важной функцией родовых советов была их подотчётность сородичам. В Туруханском УИК видели прогресс в реализации «Положения» и оптимистично отмечали, что «терминология – «родовое управление» – заимствованное из «Устава об инородцах» 1822 года – «ныне изжито на Туруханском севере. Население, вовлечённое в советское строительство, освоилось с Советами»[20,с. 6]. Опять же, это было, скорее целью выборов, чем их результатом.

Работа по организации выборов и работе с родовыми советами постоянно анализировалась. 7 июля 1925 года Туруханский УИК поставил задачу организовать родовые советы у всех инородцев [16,с.9]. УИК разработал порядок выборов родовых

советов. После выборов он своим постановлением должен был утверждать их состав. Перевыборы членов родовых советов должны были проводить ежегодно.

По мнению инспектора Е.С. Савельева, в Илимпийской тундре необходимо было организовать дополнительно к имеющимся родовым советам тунгусские родовыесоветы на Мурухте, Агате и якутский – на Ессее. К этому времени кроме организованных родовых советов были выбраны председатели тунгусских станков Илимпийского рода: на Эконде и Курейке. Организация 9 родовых советов должна была подготовить условия для объединения всей Илимпийской тундры РИКом, «резиденция коего должна быть общей для всей тундры». Эти мероприятия планировалось осуществить в течение зимнего периода 1925-26 года. Для усиления работы родовых советов предполагалось установить определённое вознаграждение личному составу советов, для чего планировалось «изыскать средства» [16,с.17]. Таким образом, Туруханский УИК планировал создание Илимпийского РИКа, который должен был объединить все тунгусские роды Илимпийской тундры. Секретарь Туруханского РК ВКП (б) Виталий Иосифович Кренц указывал на преимущества такого объединения: «После суглана инородцы уходили в тундру, и мероприятия оставались до следующего суглана только на бумаге» [17,с.37].

Что же касалось района Подкаменной Тунгуски, то туда в 1925 году был командирован инструктор Туруханского УИК Иванов для организации перевыборов родовых советов [16,с.17].

31 октября 1925 года была утверждена избирательная комиссия Туруханского УИК. Председателем выбрали А.А.Морозова. Был утверждён план перевыборов родовых советов, выборов делегатов по Илимпийской тундре на Туруханский районный съезд 3 января 1926 года. На заседании избирательной комиссии рассмотрели вопрос «О списках лишённых избирательных прав». «В прошлое время избирательные комиссии допустили ряд ошибок, лишая избирательных прав граждан, кои по Конституции избирательными правами должны пользоваться. Нынешний год – лишать прав только лиц, поражённых по суду и вообще подпадающих под соответствие статей акона» [17,с.72].

В декабре 1925 года было принято «Положение об управлении и суде туземных северных племён Красноярского округа Сибирского края», по которому органами управления являлись: родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезды, районные исполнительные комитеты (РИКи), Туруханский общерайонный съезд соединённых племён, Туруханский общерайонный исполнительный комитет соединённых племён [14,с.194].

В 1925 году был создан Енисейский комитет Севера, председателем которого был назначен И.М. Суслов. Именно при нём было завершено оформление сети родовых советов на Енисейском Севере и создание РИКов. В начале 1926 года по инициативе Туруханского РИКа был создан Илимпийский РИК, объединивший советы Илимпийской тундры. В этом же году И.М. Суслов совершил поездку на Подкаменную Тунгуску, принял участие в перевыборах ряда родовых советов и поддержал туруханские власти в вопросе о создании Подкаменно-Тунгусского РИК. К этому времени на территории будущей Эвенкии функционировали 26 родовых советов. 11 съезд Красноярского окружного съезда советов (март 1926 года) рассмотрел вопрос об организации РИКа с центром в Байките, но принял решение «не спешить».

25 октября 1926 года в Москве было принято «Временное положение об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР», в котором законодательно была обозначена перспектива государственного строительства в северных территориях. Родовые советы признавались переходной формой власти и должны были подготовить условия для национально-государственного строительства.

17 июля 1927 года президиум Красноярского окрисполкома предложил Туруханскому РИКу организовать Подкаменно-Тунгусский РИК и через год (24-25 июля 1928 года)

на учредительном съезде делегатов родовых советов в Байките такое решение было принято. Работа советов была под постоянным контролем властей Туруханского РИК и Красноярского комитета Севера. Все протоколы заседаний родовых советов тщательно изучались и по ним делались замечания, которые направлялись на места. Большую работу по координации работы проводили инспектора.

Первые годы советизации – поиск новых форм и методов советского управления в соответствии с социальными и культурно-бытовыми особенностями этих народностей. Для полуоседлого населения эта задача решалась припиской к ближайшим сельсоветам. В отношении кочевого населения основным направлением работы было объединение туземцев не территорией, а персональное, которое устанавливало подчинённость определённому органу власти известной группы людей, работающих и живущих вместе на одной общей территории. По оценке инструктора ЦК ВКП (б) Д.Медведева, «эта несоветская форма управления, сохранявшая родовую основу и в известной мере влияние кулацко-феодальной верхушки, была установлена, как временная мера. На этом основании было принято «Временное Положение об управлении малыми народностями и племенами Крайнего Севера». Оно явилось основанием к образованию новых советов» [2,с. 17].

Список литературы

[1] *Зибарев* В.А. Юстиция у малых народов Севера, Томск, 1990.
[2] *Медведев* Д. Парторганизации Крайнего Севера к 17 съезду, Советский север, 1934, №1.
[3] КБУ ГАКК,Ф.П-35,О.2,Д.4.
[4] КБУ ГАКК,Ф.П-35,О.3, Д.10.
[5] КБУ ГАКК, Ф.Р-259, О.1, Д.7.
[6] КБУ ГАКК, Ф.Р-259, О.1, Д.30.
[7] КБУ ГАКК,Ф.Р-1303,О.1,Д.11.
[8] КБУ ГАКК, Ф.Р-1303,О.1,Д.12.
[9] КБУ ГАКК,Ф.Р-1303, О.1,Д.13а.
[10] КБУ ГАКК,Ф.Р-1303,О.1, Д.67.
[11] КБУ ГАКК,Ф.Р-1303,О.1,Д.89.
[12] КБУ ГАКК,Ф.Р-1303,О.1,Д.96.
[13] КБУ ГАКК,Ф.Р-1845,О.1,Д.6.
[14] КБУ ГАКК,Ф.Р-1845,О.1,Д.12.
[15] КБУ ГАКК, Ф.Р-1845,О.1,Д.23.
[16] КБУ ГАКК,Ф.Р-1845,О.1, Д.24.
[17] КБУ ГАКК,Ф.Р-1845,О.1,Д.34.
[18] КБУ ГАКК, Ф.Р-1845, О.1,Д.72.
[19] КБУ ГАКК, Ф.Р-1845,О.1,Д.109.
[20] КБУ ГАКК,Ф.Р-1845,О.1,Д.187.
[21] КБУ ГАКК, Ф. Р-1845,О.1, Д.226.

УДК 397

Культовые практики антипаютинских ненцев (по материалам полевых исследований 2017 г.)

Квашнин Юрий Николаевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра палеоэт нологических исследований, г. Москва, Россия.
ukwa@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-5213-1780

АННОТАЦИЯ В докладе представлены результаты этнографических исследований 2017 г. на территории Антипаютинского сельского поселения Тазовского района ЯНАО. Выявлено, что культовые места ненцев, представляют собой скопление рогов северного оленя, где они периодически приносят бескровные жертвоприношения, испрашивая благополучия себе, своим семьям и своим оленям. Осмотр «священных» нарт и анализ вещей, находящихся в них показало, что ненцы до сих пор придерживаются анимистических представлений, т.е. верят, что душа умершего человека может вселяться в деревянное изображение и охранять семью от бед и несчастий. Поклонение духам умерших предков и сегодня актуально для многих ненецких семей, даже проживающих в селе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ненцы, Антипаюта, культовые места, священные нарты, жертвоприношения, анимизм

В августе 2017 г. этнографический отряд комплексной научной экспедиции Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН под руководством автора проводил исследования в Антипаютинском сельском поселении Тазовского района ЯНАО. Целью работы являлось этнографическое изучение объектов культурного наследия коренного населения в с. Антипаюта и на прилегающей к нему территории. Конкретные задачи, которые стояли перед исследователями: 1) обследование погребальных комплексов и культовых (священных) мест, расположенных по берегам р. Антипаюта и её проток, а также «священных» нарт; 2) определение историко-культурной ценности объектов; 3) установка границ культовых мест; 4) фотофиксация внешнего вида «святилищ», предметов жертвоприношений, материала, из которого они изготовлены и степень его сохранности; 3) подготовка документов на уже известные и вновь выявленные объекты культурного наследия для их постановки на государственную охрану.

В ходе обследования территории в радиусе до 6 км было выявлено 7 групповых захоронений (кладбищ), 4 культовых (священных) места и более 10 «священных» нарт. Было уточнено и нанесено на карту месторасположение объектов, определены степень их сохранности и культурная ценность. Проведён этнографический опрос коренного населения.

Краткий очерк истории Антипаютинского сельского поселения.

Село Антипаюта расположено в 196 км от районного центра Тазовский, на правом берегу реки Антипаюта-Яха. Современные названия села и реки являются русифицированными искажениями. Некоторые исследователи и краеведы, не обращаясь к первоисточникам, пытались производить название Антипаюта от разных ненецких слов. Например, от прозвища якобы первого поселенца этих мест, ненца Аньця или Нгандеё или от слова нгани – «другой». На самом деле название реки происходит от ненецкого глагола янзь/янць – «сплести, соединить», с добавлением прилагательного паёта – «ольховая, заросшая ольхой» и существительного яха – «река». Янзяпаётаяха/ Янцяпаётаяха – «Сплетенная ольховая река». Только сплетение двух рукавов реки дало ей такое название и было позже перенесено на поселок.

Как и большинство посёлков Ямало-Ненецкого округа с. Антипаюта начиналось с небольшой фактории. Она была образована в 1934 г. в тундре в семи километрах от нынешнего местонахождения. Там построили жилой дом, магазин, баню, склад для

товаров. В 1935 г. здесь заработала культбаза. Самым первым «руководителем» Антипаюты коренные жители считают Ивана Евсеевича Дудинова. С 1936 г., когда здесь появилось потребительское общество, он начал принимать на фактории пушнину и доставлять в тундру на оленях товары для ненцев. Ненцы прозвали его «Ванька-лавка».

В 1936 г. Постановлением бюро Ямальского (Ненецкого) окружкома ВКП(б) «О новом районировании округа» был организован «Гыдоямский район из северной части Тазовского района в составе Гыдоямского, Ивайского и Мало-Ямальского советов с районным центром – фактория Анти-паюта». На нынешнее место факторию перенесли в 1942 г.

Основная группа коренного населения с. Антипаюта и прилегающей к нему тундры сформировалась к середине 1940-х гг. из оленеводов и рыбаков, кочевавших на севере п-ова Тазовский и на юго-западе Гыданского п-ова. В 1948 голодном году к ним прибавились переселенцы из Гыданской тундры, не добравшиеся до с. Находка.

Культовые (священные) места.

На окраине с. Антипаюта, примерно в 20 м к северу от сельского кладбища находится сопка высотой около 6 м. Местные ненцы называют её Тарка-Седа (раздвоенная сопка) и считают «священной». В настоящее время прямо на сопке стоит здание овощехранилища (Рис. 23, 23а), возведённое, вероятно, в середине XX в. По рассказам старожилов, Тарка-Седа является главным из семи «святилищ», расположенных как в районе с. Антипаюта, так и на противоположной стороне Тазовской губы, на р. Хальмер-Яха. В настоящее время культовых действий на сопке не проводится, однако некоторые местные жители верят в её магические свойства и поднимаются на её вершину в надежде получить благословение духа сопки.

Первое «священное» место – ***Антипаюта-1*** было выявлено нами на правом берегу р. Антипаюта-Яха, примерно в 1,5 км к юго-востоку по прямой линии от окраины микрорайона Глубокое. Оно располагается на вытянутом в направлении юго-восток – северо-запад холме, примерно 4 м высотой. С юго-восточной стороны холм полого спускается примерно на 45 м, с северо-западной – на 20 м. На самой вершине холма имеется небольшое скопление оленьих голов с рогами, в середину которого воткнут тонкий шест (возможно хорей), около 4 м высотой. К верхней части шеста привязан лоскут ткани. На конец шеста надет череп морского зайца (лахтака) с ещё не облезшей с него до конца кожей. Возле деревянного шеста из земли торчит железный стержень, 1 м высотой, с накрученными на него лоскутами ткани. Чуть поодаль лежит много стеклянных банок и бутылок, ржавая металлическая коробка, старые, развалившиеся «священные» нарты, куски ткани. Следов свежих жертвоприношений здесь не отмечено. На юго-восточной пологой стороне холма стоят нарты, выше к вершине «священные», ниже – хозяйственные. У подножия холма расположились два чума ненцев-рыбаков.

Второе «священное» место – ***Устье-1*** располагается с правой стороны устья протоки, впадающей в Тазовскую губу к северу от с. Антипаюта. Оно представляет собой относительно большое (1,5 м высотой) скопление оленьих голов с рогами, плотно окружённое с запада, севера и востока кустами тальника. Между рогами воткнуты три деревянных шеста и полоз от нарты. С северной стороны среди кустов видны обломки «священной» нарты. На деревянные шесты привязано несколько лоскутков ткани, на один из рогов надето колесо от детской коляски. На самом скоплении рогов и рядом на земле лежат несколько бутылок из-под разных спиртных напитков. Судя по черепам оленей, с которых ещё не успела облезть шкура, жертвоприношения здесь проводятся регулярно. Это подтвердили мне и мои проводники-ненцы.

Третье «священное» место – ***Устье-2*** находится недалеко от второго, с левой стороны протоки Антипаюта, примерно в 1,5 км от устья. Оно располагается на невысоком, около 4 м высотой, холме, частично провалившемся с западной стороны. По словам проживающих рядом ненцев-рыбаков, в 1930-40-е гг. внутри холма, силами спецпереселенцев (в большинстве своём евреев по национальности), попытались сделать мерзлотник, для хранения рыбы. Со временем почва оттаяла и часть холма провалилась.

Рис. 1. Проведение обряда на священном месте Недарма-1. Фото Ю.Н. Квашнина

На холме сложено в кучу несколько черепов оленей с рогами, рядом лежат останки «священных» нарт, обечайка шаманского бубна. В скоплении рогов и деревянных предметов воткнуты деревянный шест (хорей?) и тонкое сухое дерево с небольшими ветвями. На конец шеста надет череп оленя, привязанный для крепости верёвками и алюминиевой проволокой. На конце дерева намотаны разноцветные лоскутки ткани, подвешено металлическое кольцо от какого-то механизма и металлический ремешок от часов. На провалившейся западной стороне холма лежат останки двух «священных» нарт. Жертвоприношения здесь проводят периодически, но гораздо реже, чем на втором «священном» месте.

Четвёртое «священное» место – ***Недарма-1***, расположено в тундре примерно в 5 км по прямой линии к северу от метеостанции с. Антипаюта, в 400 м к северо-востоку от мелководного озера. Холм, на котором оно находится, полого поднимается от озера несколькими уступами. Северо-восточный склон холма довольно круто спускается вниз примерно на 5 м. Под холмом проходит зимник, который, по словам проводников, проложен по старой, годами наезженной ненцами дороге (нен. недарма).

Жертвенник представляет собой скопление оленьих голов с рогами, наваленных на переднюю часть «священной» нарты (создаётся впечатление, будто нарта въехала в скопление рогов). С правой стороны от нарты, на земле, лежат оленья шкура и средних размеров чемодан, в котором, возможно хранятся изображения «духов». По словам информантов, мимо этого холма постоянно каслают оленеводы, поэтому жертвоприношения здесь устраиваются регулярно. Это заметно по некоторым оленьим головам и рогам, с которых ещё не слезла шкура.

Ещё два небольших по размеру «священных» места обнаружить не удалось. Одно из них, по словам информантов находится на другом берегу р. Антипаюта, прямо напротив зданий метеостанции. Однако местность там сильно закустарена и определить точное местонахождение места невозможно. Другое место расположено за ёмкостями с топливом, снабжающими заправку на вертолётной площадке. Там видна наезженная дорога, местами валяются доски, брёвна, полиэтиленовые пакеты и бутылки. Поиски этого места также не увенчались успехом.

Рис. 2. Хранилища «духов-покровителей». Фото Ю.Н. Квашнина

На каждом из обследованных «священных» мест проводники-ненцы проводили ритуалы, чтобы выказать почтение духам. На «священном» месте ***Устье-1*** каждый из пришедших повязал на оленьи рога по лоскутку красной ткани. Кончики рогов были помазаны, за неимением оленьего жира, коровьим маслом. На скопление рогов и шестов было вылито некоторое количество спиртного. Сами пришедшие тоже его пригубили.

На «священном» месте ***Недарма-1*** проводник, а за ним и все пришедшие обошли три раза скопление рогов и нарты. При этом проводник говорил по-ненецки обращаясь к духу места, что он привёл сюда человека другой национальности с добрыми намерениями, и просил не нанести ему вреда.

«Священные» нарты и духи умерших предков.

Пеший обход территории с. Антипаюта позволил выяснить, что некоторые семьи ненцев, переселившись на постоянное жительство в село, продолжают сохранять некоторые элементы традиционной культуры. Например, в разных частях села нам удалось обнаружить «священные» нарты, в которых ненцы хранят изображения семейных «духов-покровителей» и различные приклады к ним.

Несколько нарт, стоящих на мерзлотнике недалеко от метеостанции, почти развалились, отдельные заросли травой и кустарником. Их хозяева давно умерли, а родственники не позаботились о том, чтобы увезти нарты на «священное» место. В одной из разграбленных нарт, среди месива из оленьего волоса удалось обнаружить стандартный набор предметов, оставленных в качестве приклада «духам-покровителям». Среди них были костяные фрагменты оленьей упряжи, металлические кольца и цепочки, металлические изображения оленя и человека, железное топорище, камень необычной формы, металлический колокольчик, бутылочка с остатками жидкости, две монеты 1916 г., одна 1936 г. и одна 1932 г. Исключительной историко-культурной ценности эти предметы не представляют, поэтому они были оставлены нами на месте.

На стойбище ненцев-рыбаков, расположенном к северо-западу от п. «Глубокое», нам довелось наблюдать, как в одном из чумов хозяева выставили на просушку семейных

«духов». Они открыли чемоданы и коробки, стоящие на «священных» нартах. В этих хранилищах были очень плотно одна к одной уложены антропоморфные фигурки, завёрнутые в куски сукна и опоясанные суконными же подвязками. Кроме фигурок там находились металлические предметы – изображение оленя и чеканный портрет, изображающий женское лицо. В отдельном маленьком ящичке лежал главных семейный покровитель, также закутанный в суконную тряпочку и опоясанный металлической цепочкой. Рядом с ним лежала маленькая бутылочка с остатками водки. В честь дня общения с духами хозяева накрыли небольшой столик и пригласили на трапезу жителей соседних чумов. Духов «угостили» водкой и коровьим маслом. Затем уже все пришедшие приступили к еде.

Несколько «духов-покровителей» имеется и в чуме у хозяина нарты. Как рассказал хозяин, «духи», хранящиеся в «священных» нартах, могут общаться непосредственно с верховным божеством – Нумом. В чуме же «живут» «духи», связанные с миром людей, даруя им благополучие и здоровье. Как правило изображения «духов» одеты в уменьшенное подобие национальной одежды. Если просьба, с которой хозяин обратился к покровителю, исполняется, то «духу» шьют новую одежду.

В другом чуме нам также показали изображения «духов» в одежде. Основой для одного из них послужил небольшой наперсный православный крест, а другого – палаш. Здесь же рассказали о приключениях этих семейных духов. Они передавались от старших родственников младшим строго по установленной иерархии. Когда иерархия была нарушена и духи попали к другому человеку, в его семье начались несчастья и болезни. Через несколько лет этот человек сам принёс эти изображения тому из родственников, кому полагалось их хранить и у него всё успокоилось.

В заключение можно сказать, что анимизм до сих пор оказывает определённое влияние на жизнь ненцев с. Антипаюта. На «священных» местах они периодически приносят бескровные жертвоприношения, испрашивая благополучия себе, своим семьям, а оленеводы и своим оленям. Без особой нужды туда никогда не ходят. Особое внимание ненцы оказывают «священным» нартам и культовым предметам, хранящимся в них. Они верят, что душа умершего человека может вселяться в деревянное или металлическое изображение и охранять семью от бед и несчастий.

Рис. 3. «Духи-покровители» семейного очага. Фото Ю.Н. Квашнина

УДК 7.032(315)

Семантика элементов узора таштыкских погребальных масок

Шаповалова Светлана Николаевна
Исследователь ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»,
г. Владивосток, Россия.
dasel-sv@mail.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-1999-0767

АННОТАЦИЯ Культ предков и связанный с ним оформительский почерк сопогребенных артефактов, имеет схожие элементы узора характерные для нескольких различных по периоду времени сибирских, восточных, китайских центральных, восточных и северовосточных культур. Части орнамента продемонстрированные в статье рассматриваются посредством мировоззренческих представлений некоторых народов вышеуказанного региона, с целью сопоставления и понимания семантики элементов узора таштыкских погребальных масок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА культ предков, таштыкские погребальные маски, культура айнов, культура ульчей, культура Нюхэлян, кульруры Яншао.

Возвращаясь к вопросу семантики таштыкских масок, хранящих сведения о древнем мировоззрении общности, необходимо указать на схожие элементы декоративного оформления в изделиях кочевников Алтая, Тувы, Монголии, Хакасии и предметах древнекитайского искусства (рис. 1-2).

«По внешнему виду они разнообразные, различна и связь их с погребёными. Следовательно, может быть различен и смысл, который в них вкладывали. Именно с этой позиции решается в литературе вопрос о семантике масок, поскольку одни из них сопоставляются с погребальными лицевыми покрытиями обских угров (Л.Р. Кызласов) или средневекового населения Волго-Камья (Е.П. Казаков), а другие – с ритуальными погребальными римскими масками (С.В. Киселёв)»[1] [2].

Традиция изготовления масок прослеживается с сарагашенского этапа тагарской культуры (IV – III вв. до н. э.), достигнув своего расцвета в таштыкское время[2], вплоть до III в., о чем свидетельствует численность масок, датируемая по китайским полихромным тканям и бусинам [4].

К видам масок относятся маски передней половины головы с шеей и маски-бюсты, выделенные С.В. Киселёвым, анализ которых показывает, что это не погрудное

---

[1] «В ходе реставрации обнаруживается разнообразие масок по внешнему виду. Пока же их разделяют на условные типы. А.В. Адрианов выделял маски и бюсты. С.А. Теплоухов считал, что все маски в склепах имели вид бюстов. С.В. Киселёв выделил четыре типа масок: 1) лица, 2) передней части головы с ушами, 3) передней части головы с ушами и шеей, 4) маска-бюст. Разделение произведено визуально, по чуть более 10 наполовину отреставрированным маскам. Уши не могут быть типологическим признаком. Их приклеивали отдельно. Уши быстрее других деталей отламывались, составляя часть фрагментов масок. Шея, как правило, — признак бюста, от которого не сохранилась подставка. Кроме того, известны бюсты, стоящие на шее-подставке. Поэтому количество типов масок, выделенных С.В. Киселёвым, можно ограничить двумя: отдельная голова и бюст. М.П. Грязнов все маски относил к одному типу — голове» [3].

[2] «Наличие масок установлено только в могилах со скелетами человека, чаще в грунтовых могильниках, реже в склепах. Маски лежат на лицевых костях черепа. Они несъёмные, их лепили по лицу трупа либо мумии. Для изготовления маски на всю переднюю половину головы накладывали гипс, смешанный с известняком и песком, затем его заглаживали и чистым гипсом моделировали черты лица, включая уши и подбородок. Специальный вырез оставляли на темени для косы. Гипсовое лицо раскрашивали. Изготовленные таким способом таштыкские мумии были очень схожи с более ранними тагарскими, для которых моделировали глиной всё лицо, всю голову, а затем лицо покрывали гипсом» [3].

изображение человека, а маска на подставках изготовленных из двух частей: маска лица с шеей и подставка, либо подставка с шеей и маска, скрепленные позже глиной[3].

Судя по данным А.В. Адрианова, маски не снимали с трупа создавая их на лице, нанося несколько 1мм. слоев гипса, некоторые из которых сохраняли белый (естественный) цвет, другие окрашивались красной краской, третьи расписывались декоративными элементами. Детским и мужским придавали красный цвет, дополняя в некоторых случаях черные, поперечные полосы, на женских, белых красным декорировали лоб, нос, губы, щеки, уши и выскабливали до отделочного слоя элементы спирального орнамента. Черным окрашивали закрытые, прорезанные глаза. «Кукол, как и трупы, обряжали в одежду, пришивали к их головам косичку покойника, надевали на них шапку и обувь. В отношении к ним применялись те же похоронные правила, что и к трупам: перед тем как лепить на лице маску, кукле закрывали или замазывали глаза и рот, сверху всё лицо закрывали куском материи или кожи» [3].

Рис. 1. Маска на черепе женщины. На лбу на висках и затылке выскоблены спирали.
Фото Н.Н. Николаева. **[1, с. 117]**.

Исследованиями семантики погребальных масок таштыкской культуры занимается Э.Б. Вадецкая, усматривая сходство с керамическими фигурами циньских, китайских воинов Шихуанди, в чем находит несогласие с точкой зрения Корнеевой Ю.С., которая считает данное сравнение не уместным из-за различий в назначении изделий. «Решая данный вопрос, она провела аналогию таштыкских масок с керамическими фигурами

---

[3] «Маски использовали и при шитье кожано-травяной куклы, в которую вкладывали пепел сожжённого покойника. Одним из вариантов изготовления головы куклы была лепка гипсовидного лица прямо поверх полусферической кожаной формы для головы. Достоверно маска лежала лишь однажды поверх такой головы. Обычно наложение маски на куклу определяется косвенными признаками: по отпечаткам кожи от формы-головы, имеющимся на внутренней поверхности масок, а также совпадению места маски с предполагаемым местом головы куклы. В этих случаях предварительно делается реконструкция размещения кукол в могиле. Установлено, что пепел человека помещали или в туловище куклы, или внутрь её головы. Последнее наблюдение позволяет расшифровать частый вариант сочетания маски с кучкой сожжённых костей; маска закрывает эту кучку, лежащую в витках травы, причём размещение целой куклы невозможно. Здесь мы имеем дело, видимо, с захоронением одной головы от куклы с пеплом внутри, а сверху облицованной гипсовой маской. Вывод обоснован реконструкцией таи называемых «бюстов», найденных в склепах поверх пепла и травы» [2].

воинов китайского императора Цинь Ши Хуанди, а также со среднеазиатской светской и религиозной скульптурой. Однако Э.Б. Вадецкая не учла различий в их назначении. В китайских погребениях скульптуры воинов играют роль вотивных предметов – замена живых людей терракотовыми макетами. Человеческие скульптуры в китайской погребальной обрядности следует рассматривать как инвентарь. Самая близкая аналогия в таштыкском обряде – это деревянные фигурки баранов. Что касается погребальных масок, то они символизируют умерших и отражают несколько иную идею. Вполне возможно, что древнекитайская скульптура оказала влияние на среднеазиатскую погребальную обрядность. Возможно, эти две традиции следует рассматривать как обрядность колонии, но предназначение погребальных скульптур и посмертных масок различно. Поэтому сравнение с китайской традицией в этом случае вряд ли уместно»[6].

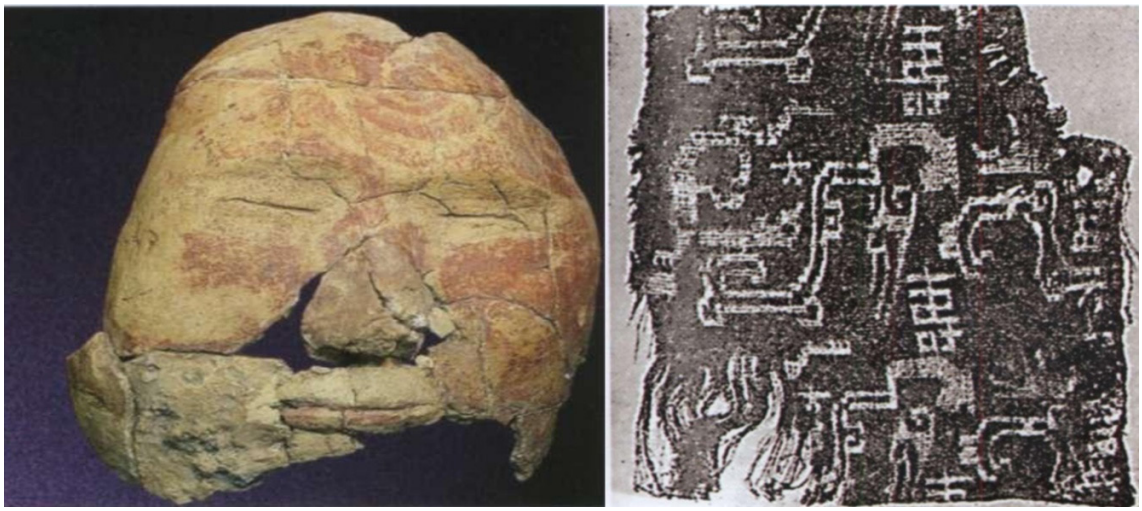

Рис. 2 . Маска с черепа женщины из могилы у д. Абакано-Перевоз. Раскопки А.И. Готлиба в 1993 году. Фото А.А. Кириленкова **[1, с. 120]**.

К дискуссионной теме относится и вопрос возникновения обряда кремации, от которого напрямую зависит решение проблемы возникновения таштыкской культуры, включающий в себя три точки зрения: автохтонную; миграционную; комплексную[4].

[4] «Сторонники автохтонной версии придерживаются мнения, что обряд кремации возник на Среднем Енисее в скифское время. Истоки его лежат в обычае сожжения погребальных камер на сарагшенском этапе таштыкской культуры с этих позиций происхождение таштыкской культуры рассматривали Г. П. Сосновский, Д. Г. Савинов, Ю. С. Худяков. В этом случае следует уточнить небольшую деталь: существует различие между сожжением склепа и трупосожжением на стороне. Это совершенно различные по своей природе традиции. Комплексная версия предлагает местное происхождение кремации среди населения, мигрировавшего из Восточного Туркестана (хуннов и ханьцев). Собственно говоря, китайские и хуннские погребения на территории Минусинской котловины в настоящий момент пока не обнаружены. Но отмечено мощное культурное влияние указанных этнических групп на местное население. Данная точка зрения встречается в работах Л. Р. Кызласова и Э. Б. Вадецкой. Случаи кремации известны с тесинского времени. В могильнике Тепсей VII присутствуют пять захороненных кукол, содержащих пепел сожженного человека, совершенные в срубах, помещенных в грунтовые ямы. Как отмечено Э. Б. Вадецкой, это погребения мужчин – воинов, относящиеся к числу наиболее богатых погребений могильника. Данный способ захоронения в дальнейшем получает развитие в таштыкской погребальной обрядности. Но известен еще один случай кремации из могильника у деревни Калы. Здесь пепел был помещен в грунтовую яму, и накрыт верху овечьей шкурой. В составе инвентаря присутствуют предметы конской сбруи. Следует отметить, что в один и тот же период обряд существует в двух вариантах. Исходя из этого можно сделать следующие выводы: 1) кремация возникла на территории Минусинской котловины в связи с какими-то чрезвычайными условиями; 2) кремация распространялась изначально среди пришлого населения, не связанного традициями с местным, тагарским; 3) обряд кремации долгое время оставался чуждым для основной массы населения, которое было вынуждено адаптировать новый погребальный обряд под нормы и традиции старого. Выше уже отмечалось, что Э. Б. Вадецкая происхождение масок и кукол таштыкцев связывает с китайской и Центрально – Азиатской традицией изготовления антропоморфной скульптуры» [6] .

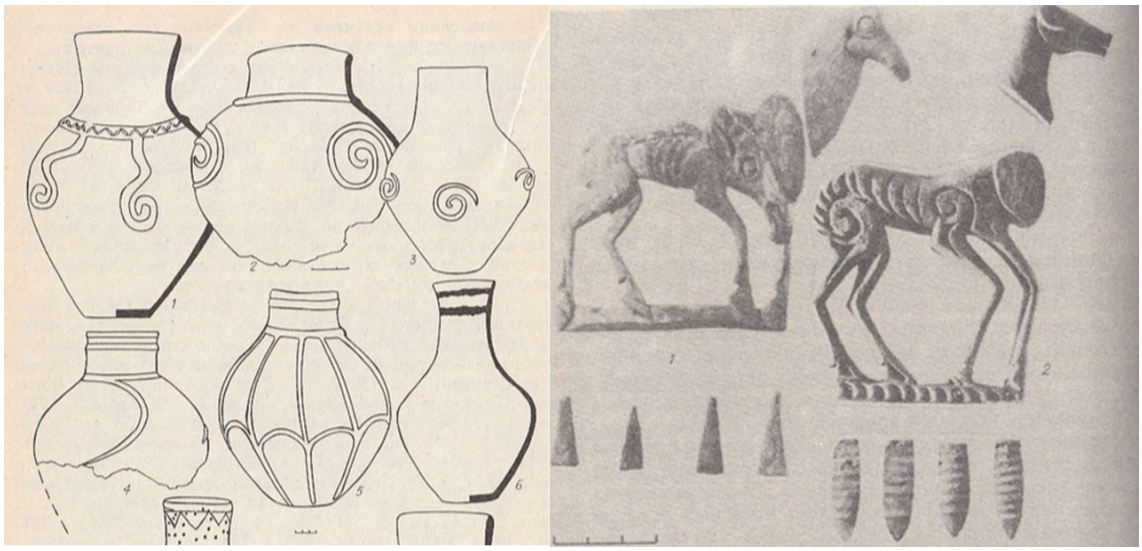

Рис. 3. (Рис. 1. Орнаментированные сайлюгемские сосуды. Декоративный элемент спираль [7, с. 44]. *Рис. 2. Деревянные изображения оленя - главного атрибута сакрального головного убора мужчины* [7, с. 96]).

В первую очередь, отвечая на вопрос о происхождении погребального обычая необходимо обратить внимание на само декоративное оформление таштыкских масок, сопоставляя элементы инкрустации с изобразительными традициями сопредельных областей: Алтая, Тувы, Монголии и Хакасии, при этом заметить, что сам обычай изготовления погребальных масок существовал на территории северного, северо-восточного и центрального Китая в эпоху неолита, в культурах Нюхэлян и Яншао, при этом имея аналогичные элементы орнамента[5-8] (рис. 6), к демонстрации которых вернемся после исследования декоративного оформления курганов Сайлюгема (рис. 3 - 4).

В свою очередь, подчеркнем, что существует проблематика происхождения и самой расписной керамики Алтая «Итак, расписная керамика Алтая не имеет видимых конкретных источников происхождения за его пределами. В пользу зарождения этого оригинального и нового для древних кочевников способа орнаментации сосудов именно

---

5 «Хуншань — культурная общность, занимавшая огром¬ную территорию. Ее северная граница простиралась по¬чти до Монгольского плато (за р. Шара-Мурзы), восточ¬ная — до середины провинции Ляонин. Южная часть аре¬ала Хуншань распадалась на две области — «восточную», которая тянулась до Бохайского залива, и «западную» — до района Пекина, где эта общность могла войти в сопри¬косновение с центрально-яншаоскими культурами. На ука¬занной территории выявлены следы существования несколь¬ких относительно самостоятельных культурных образова¬ний, которые считаются регионально-хронологическими вариантами Хуншань. Важнейшим из них признается куль¬тура Нюхэлян, область распространения которой тоже до¬ходила на севере до южной оконечности Внутренней Мон¬голии, на юге — до окрестностей Пекина» [8, с. 74]

6 «Следующий этап истории развития северо-восточного пластического искусства соотносится с культурой Нюхэлян. Именно здесь (1983 г.) была сделана самая, пожалуй, значительная для всего изобразительного искусства неолитического Китая и во многих отношениях поистине сенса¬ционная находка — остатки святилища с настоящей хра¬мовой скульптурой. Само святилище представляло собой относительно небольшую по размерам постройку (11,8 х 9,5 м), разделенную внутри на три помещения рядами ко¬лонн. Скульптуры, судя по сохранившимся фрагментам (бо¬ лее 20), были выполнены из глины в полный человеческий рост. Они, видимо, изображали сидящие со скрещенными ногами обнаженные фигуры, прислоненные спинами к сте¬не помещения. Некоторые фигуры имели удлиненные — в два раза больше натуральной величины — уши. О художе¬ственном уровне этих скульптур мы можем судить по одной чудом уцелевшей голове (высота 23 см). Перед нами — тща¬тельно вылепленное женское лицо с выражением суровой величественности. Своеобразие ему придают зрачки глаз, выложенные нефритами» [8, с. 75].

7 «Изделия Нюхэлян примечательны еще и тем, что они демонстрируют прочные семантические связи нефрита с анимистическими верованиями. Наиболее ярким свидетельством этого выступают две однотипные скальные (т. е. вы¬ рубленные в горной породе) гробницы (1987,1989 гг.). В них тела усопших покоились в саркофагах, составленных из ка¬менных плит, а погребальный инвентарь состоял исключи¬тельно из нефритовых изделий, включая фигурки черепах. Из нефритовых изделий, относящихся к другим райо¬нам стратиграфическим слоям «северо-восточной» зоны, отдельного упоминания заслуживают во-первых, гребень (12 х 4,7 х 0,5 см), украшенный легкорельефным орнамен¬том в виде зооморфно-фантазийной личины. И, во-вторых, маска (22,5 х 16,5 см), изображающая женское лицо и, судя по ее размерам, скорее посмертная» [8,с. 82].

на Алтае прежде всего свидетельствует тот факт, что подавляющее число расписной керамики найдено на памятниках Горного Алтая. Возможно, с Алтая подобная традиция распространилась на соседние территории, хотя следует отметить что формы алтайской керамики и роспись весьма близки к формам керамики из соседних областей»., там же «Казалось бы можно говорить об алтайской керамике как о стойком этническом определителе. Но на самом деле это не так. Керамические сосуды разны типов в курганах Сайлюгема соседствуют, невзирая на этническую принадлежность их владельца. И если в курганах Юстыда и Уландрыка еще чувствуется тесная связь с более древними традициями керамического производства пазырыкской культуры, то в сайлюгемских курганах керамика по технологии, форме и орнаментации не отличается от керамической посуды древних центрально-азиатских культур, погребенные памятники которых в большом числе оставлены в Туве и Монголии. Следует предположить, что сайлюгемские погребения с западной ориентацией умерших были прямо связаны с этносами этих древних культур» [7, с. 26], но в тоже время этот вопрос не совсем однозначен[9].

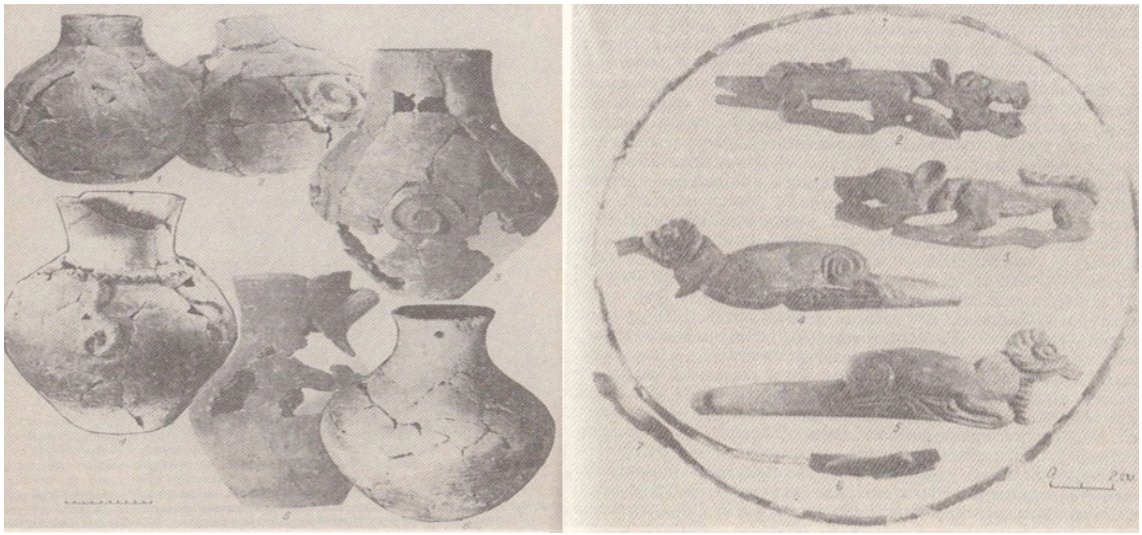

Рис. 4. (*Рис.1. Керамические, сайлюгемские сосуды со спиральным элементом декора.* [7, с. 40]. *Рис. 2. Бронзовая одновитковая гривна, обернутая листовым золотом и деревянные наконечники гривн в виде фигурок зверей или их голов* [7, с. 105]).

[8] «Дополнительными (хотя и косвенными) аргументами в пользу существования в центральном Яншао культа предков служат два класса артефактов (присущи только Баньпо): керамические сосуды (миски-яэнь) с «личинами» (стилизованные рисунки человеческого лица) и керамические маски. Выделяется три основных иконографических варианта «личин»: рисунок лица в сочетании со стилизованными изображениями фигур рыб; в сочетании с геометрическими фигурами (треугольниками, ломаными линиями и точками), которые все вместе похожи на изображение головного убора и деталей одеяния; лицо, вписанное в круг и без каких-либо дополнительных элементов. Все они выполнялись, как правило, на внутренней поверхности сосуда, образуя четырехчастные композиции: две «личины» и две геометрические фигуры (или рисунки рыб). Известно около десяти образцов таких сосудов, найденных в поселении Баньпо и других памятниках баньпоского круга. Следовательно, этот мотив пользовался особой популярностью в местном орнаментально-графическом искусстве. Сосуды с «личинами» не являются предметами исключительно культовой (погребальной) утвари. Тем не менее большинство ученых наделяют их религиозным смыслом, считая, что нанесенные на них рисунки есть изображения либо божественных персонажей (водной стихии), либо тотемного предка, либо священнослужителя (шамана). Наиболее примечательна трактовка «личин» как изображений усопших с маской на лице, что согласуется как с последующей китайской погребальной обрядностью (погребальные маски из цельного куска нефрита, из нефритовых пластин, бронзовые), так и с находками керамических масок в культурах баньпоского круга. Древнейшей является найденная в 1977 г. маска (7,349 см) из комплекса Бэй-шоулин (к западу от г. Сиань), датируемого серединой V — началом IV тыс. до н.э. Хотя семантика и предназначение баньпоских керамических масок остаются загадками для науки, не вызывает сомнения их морфологическое сходство с «личинами», т.е. принадлежность к единому по смыслу ряду изделий» [9, с. 83].

[9] .«На вопрос происхождения алтайской традиции нанесения красочной росписи на бытовую посуду нельзя ответить однозначно, если ее рассматривать изолированно, без привлечения аналогий из сопредельных областей. До недавнего времени и там подобные сосуды с росписью исчислялись единицами. Таким образом, вроде бы очерчен круг распространения расписной керамики. Это Алтай, Тува, Монголия и Восточный Казахстан» [7, с. 24]

Рис. 5. (Рис.1. Рис. 2. Рис. 3. Нефритовые пластины культуры Нюхэлян (4700 - 2900 г. до н.э.). Национальный музей Китая. Пекин. Китай. Рис. 4. Керамика. Элемент декора фасада здания. Музей г. Сиань. Китай.

Подчеркнем что, «Наиболее распространенным элементом декора сосудов из Сайлютема являются рельефные налипные спирали. Этот изобразительный мотив был известен кочевникам Юстыда И Катона и Кок-су, Семисарта и Катанды. Подобным образом оформляли сосуды древние кочевники Тувы, Монголии и Хакасии. Любопытно, что и на керамической посуде Средней Азии (раннекангдюйский период IV-IIвв до н.э.) в это же время доминирует идентичный декоративный элемент- спираль, нанесенная густой ангобной краской красно-коричневого цвета» [7, с. 23] (рис. 3-4).

Таким же ярким элементом декора представлены погребальные маски женщин таштыкской культуры и связывает их не предмет и его назначение, а сам погребальный обряд. В связи с этим вернемся к элементам древнекитайского декоративного оформления относящегося к тому же обычаю и культу мертвых.

При всем многообразии различных деталей декоративного оформления керамических и нефритовых изделий эпохи неолита Китая, можно выделить один часто используемый, особый элемент инкрустации имеющий название по разным источникам как облачный или «вращающийся узор» («сюаньвэнь») (рис. 5-6).

Речь идет о спиралевидно-закручивающемся, крючкообразном элементе орнамента, использующимся с эпохи неолита, как в самостоятельном виде, так и входящим в состав узора куйвэнь.

Рис. 8. (Рис. 1. Элемент бронзового сосуда, эпоха Шан (1554 - 1046 г. до н.э.).Рис. 2. Древнее пиктографическое изображение куй (hui)«возвращение» [5:468] из Словаря древнекитайских иероглифов (надписей на бронзе). Рис. 3. Древнее пиктографическое изображение «облако» [5, с. 468] из Словаря древнекитайских иероглифов (надписей на бронзе)).

К особо подчеркнутым элементам декоративной инкрустации бронзовых сосудов эпохи Шан-Инь, относится спиралевидно-закрученный хвост драконовКуй (рис. 7), мотив которого используется настолько часто, что присутствует на изделиях в виде фонового узора, указывая на особую важность данного символа. Этот элемент является основным в облачном, вращающемся узоре сюаньвэнь и схож с пиктографическим символом облако и пиктографическим символом возвращение (рис. 8).

В связи с этим необходимо указать, что определение духа умершего «гуй» употреблялось в древнекитайском значении, как «возвращающиеся». «С проникновением в Китай буддизма разгоревшаяся в IV - VI вв. полемика об уничтожимости или неуничтожимое духа (шэнь буме)формулировалась в оппозиционных терминах шэнь ((«дух») - син(«тело-фигура/форма»). Вместе с тем продолжал сохраняться древнейший религиозный смысл шэнькак обладающих самостоятельным бытием «небесных духов» (тянь-шэнь), противоположных «возвращающимся» (гуй— омоним, считавшийся этимоном гуй, например: Ван Чун, I в., «Лунь хэн» - «Весы теорий», гл. 62)» [9, с. 119].

Из чего следует, что древнекитайское название «духов предков» или «духов умерших» — «возвращающиеся» — гуй (дух), связанное в первую очередь с представлением о возвращении души предка.

Рис. 6. Неолитические артефакты с символом «возвращение»: (Рис. 1.Нефритовые пластины культуры Нюхэлян (4700 - 2900 г. до н.э.). Национальный музей Китая. Пекин. Китай. Рис. 2. Керамика эпоха неолита. Культура Яншао. Музей г. Сиань. Китай. Рис. 3. Нефритовые пластины культуры Нюхэлян (4700 - 2900 г. до н.э.). Национальный музей Китая. Пекин. Китай. Рис. 4. Керамика культура Яншао. Музей г. Сиань. Китай. Рис. 5. Нефрит. Культура Лянчжу (3200 - 2200 до н.э.). Музей Лянчжу. Китай. Рис. 6. Элемент керамики эпоха неолита. Музей г. Сиань. Китай.)

Рис. 7. Древнекитайские артефакты с символом «возвращение»: (Рис. 1. Топор с изображением тигра, называемый в китайском антиквариате «уие» (юэ), использовался в качестве инструмента для обезглавливания людей. Государство Шан (1554 - 1046 г. до н.э.) Шанхайский музей. Китай. Рис. 2. Бронзовый сосуд эпохи Шан (1554-1046 г. до н.э.) Национальный музей г. Шанхай. Китай. Рис. 3. Бронзовые изделия культуры Сансиндуй(2800 - 800 г. до н. э.). Музей Сансиндуй. Сычуань. Китай. Рис. 4. Бронзовое украшение V - III век до н.э. Национальный музей. Нара. Япония. Рис. 5. Сосуд с изображением птицы и тигра. Бронза. Государство Шан (1554 - 1046 г. до н.э.). Национальный музей. Пекин. Китай.)

Заключение.

Этот же, вышепоказанный древнекитайский, спиральный элемент декора присутствует на таштыкских, женских масках, на сопогребенных сайлюгемских сосудах, неолитических и бронзовых изделиях древнего Китая и он также связан с культом предков и погребальным обрядом.

Список литературы

[1] Вадецкая Э.Б. Древние маски Енисея: научно-популярное издание. - Санкт-Петербург: Красноярск: Версо. 2009. С. 248.

[2] Вадецкая Э.Б. К реконструкции древнего мировоззрения по таштыкским погребальным маскам. / Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.С. 116-118.

[3] Вадецкая Э.Б. Маски из таштыкских склепов. Некоторые аспекты технологии и семантики.// Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Том 1. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998. С. 98-106.

[4] Вадецкая Э.Б. К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: ТГУ, 1987. С. 40-5.

[5] Bronze Script Components (Словарь древнекитайских иероглифов (надписей на бронзе)). 2020. По материалам: http://humanum.arts.cuhk.edu.hk/Lexis/lexi mf/bronzePiece. php

[6] Корнеева Ю.С. О происхождении и самантике погребальных масок таштыкской культуры. Хакасский государственный университет.

[7] Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирс 1992. 224 с.

[8] Кравцова М.Е. История искусства Китая. СПб., М., Краснодар, 2004.

[9] Титаренко М.Л. Духовная культура Китая. Мифология. Религия /М.Л. Титаренко,Б.Л. Рифтин, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Д.Г. Главева, С.М. Аникеева. М., 2007.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

История и этнография народов Саяно-Алтая

УДК 392.3 395+397+ 398.4

Культовые изделия хакасов и проблемы их восприятия иноэтническим сознанием (конец XIX – середина XX в.)

Бурнаков Венарий Алексеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
venariy@ngs.ru
https://orcid.org/0000-0001-9636-3081

АННОТАЦИЯ В статье на основе лингвистических, исторических и этнографических сведений рассматривается феномен фетишизма у хакасов. В языке этого народа эти культовые предметы назывались тӧс'ами. В их культуре этот термин обладает широким семантическим полем. Среди встречающихся значений выделяются такие понятия, как основа, сущность, корень, начало и др. Смысловое содержание этого слова тесно связано с культом предков. Термин тӧс имеет древнетюркское происхождение и встречается у многих народов. В традиционной обрядовой практике хакасов тӧс'ы использовались в качестве семейно-родовых охранителей. В русской культуре эти сакральные для коренных жителей изделия обозначались словом шайтаны и связывались с «нечистой силой». В процессе этнокультурного взаимодействия русских и хакасов в лексический фонд последних вошел и термин шайтан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА хакасы, традиция, фетиши, тӧс, шайтан, обряды, предки.

В мировоззрении и традиционной обрядности хакасов особое место отводилось фетишизму. Культовые предметы именовались тӧс'ами. Следует заметить, что в языке этого народа термин тӧс не ограничивается лишь обозначением фетишей. Он обладает широким семантическим полем. Под этой лексемой еще принято понимать следующее: 1) грудь, грудинка; 2) основание, подножие, корень; 2) сверхъестественные существа – духи и др. [26, с. 236; 27, с. 665]. В.Я. Бутанаев в ходе многолетних полевых этнолингвистических изысканий у хакасов, дополнил семантику термина тӧс такими смысловыми категориями, как: 1) основные устои общества, 2) родительский кров, 3) духовная сила, дух народа, 4) ангел-хранитель и др. [7, с. 154].

Происхождение этого термина, очевидно, своими историческими корнями уходит в древнетюркскую эпоху (VI–X вв. н.э.). Так, например, слово töz в значении – «корень, основа, сущность» обнаруживается в «Древнетюркском словаре» [9, с. 582-583]. В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. Будагова эта лексема представлена в схожей трактовке – «основание, опора, начало» [5, с. 809]. Э.В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» термин töz также возводит к древним пластам тюркской лексики и интерпретирует его не иначе, как: «происхождение, основание, корень, начало» [23, с. 284].

Не подлежит сомнению тот факт, что именно с древнетюркского времени термин töz / тӧс получает широкое распространение и среди коренных народов Южной Сибири, имеющих друг с другом тесные генетические и культурные связи. Так, например, данная лексема с аналогичным смысловым наполнением встречается у шорцев [13, с. 55], алтайцев [17, с. 156], телеутов [21, с. 87], тувинцев [24, с. 249-251] и др. Итак, семантика слова тӧс в культуре хакасов и шире – сибирских тюрок недвусмысленно указывает на его мировоззренческую фундаментальность и тесную связь с идеей сакральности и некоего порождающего мифологического первоначала. Хакасы нередко видели в них своих духов-первопредков.

Термин тӧс, в том числе и в значении – фетиш, долгое время был малоизвестен русским, несмотря на то, что некоторые из них имели возможность их видеть в процессе коммуникации с хакасами. Известно, что начальный этап межкультурного взаимодействия русского и автохтонного населения Сибири проходил в условиях

обоюдного довольно слабого, поверхностного знания языков контактирующих сторон, а также разнящегося менталитета и существенно отличающихся религиозных ценностей. Это находило свое отражение в том факте, что восприятие духовной культуры коренных жителей Сибири русскими неизменно осуществлялось сквозь призму христианского миропонимания [6, с. 107-114; 22, с. 155-179]. Данное обстоятельство существенно затрудняло процесс точного и адекватного перевода на русский язык отдельных мировоззренческих категорий и понятий, а также названий культовых объектов сибирских народов. Многие явления традиционной культуры местного населения нередко выходили за рамки христианского мировосприятия и православных ценностей. В полной мере это относится к шаманизму и к атрибутам культа тӧс'ов. Так, например, еще в 30-х годах XVIII в. в описании служилого атамана Мугунчакова с товарищами о хакасах было сказано, что «оной народ состоит в вере своей: ни поста, ни молитв никаких не знает, а наипаче, что навыкают шайтаном, и веруют в него и шаманят по их закону» [Цит. по: 19, с. 114].

Сверхъестественные существа и олицетворяющие их фетиши сибирских народов обычно воспринимались русскими в качестве языческих идолов «нечистой силы» и обычно обозначались словом «шайтаны» [20, с. 84; 2, с. 685; 4, с. 1488]. В связи с чем, служителей культа – шаманов нередко именовали еще и «шайтанщиками» [3, с. 108]. Утверждению слова шайтан сначала в русскоязычной среде, а затем и в иноэтнических сообществах в немалой степени способствовало православное духовенство. Их представители в своих проповедях, в делопроизводственных документах, этнографических очерках, и, конечно же, в бытовой речи широко использовали термин шайтан. При этом он мог употребляться в различных вариациях, например, таких как, шайтанки, шайтанчики и др. Так, священник Усть-Фыркальской Николаевской церкви Иоанн Данилов в конце XIX в., описывая культовые изделия хакасов подведомственного ему прихода, сообщал о том, что «изображения духов-шайтанов бывают или в виде маленьких разных лоскутков холстинных, дабиных, ситцевых, шелковых, парчовых, плисовых и пр., привязанных к концу палочки толщиною в палец и длиною аршина в полтора или два в виде разных человекообразных и зверообразных фигур, нарисованных красною глиною на клочке холста, длиною четверти в полторы и шириною в четверть. Изображения эти хранятся или за чувалом, или в укромном уголке задней стены вдали от переднего угла, где стоят св. иконы». А в отчете Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1915 г. была представлена характеристика состояния духовной жизни прихожан из числа коренных жителей. Отмечалось, что «язычества в чистом виде в приходе нет. Все инородцы крещены, хотя некоторые языческие верования еще доселе сохраняются среди стариков, у которых иногда можно бывает встретить наряду со Св. Иконами, так называемые шайтанки, то есть изображения духов» [18, с. 20-21].

Между тем, несмотря на активную прозелитическую деятельность православных священнослужителей, слово шайтан долго приживалось среди хакасов. Так, и к концу XIX в. для многих местных жителей оно все еще оставалось новым и малоизвестным. Об этом, например, убедительно свидетельствуют полевые наблюдения Н.Ф. Катанова. Ученый констатировал факт того, что «миссионеры совершенно напрасно убеждают татар [хакасов. – Авт.], что не следует кланяться "шайтану", тогда как они не только не кланяются ему, но и не знают самого слова шайтан» [10, с. 27].

Надо полагать, что выбор термина шайтан в качестве ключевого маркера языческих духов и идолов хакасов, как собственно и других сибирских народов, по всей видимости, был неслучаен. Само слово было заимствовано русскими от тюркоязычных народов России и Центральной Азии, исповедовавших ислам – одной из авраамических религий, к числу которых, как известно, относится и само христианство. По справедливому замечанию Э.Л. Львовой, слово «шайтан» изначально было заимствовано русскими

из ислама и в дальнейшем использовалось ими для обозначения «нечистой силы» аборигенных этносов [14, с. 174]. При этом следует добавить, что непосредственно этимология этого термина восходит к арабскому šaitân и переводится как ‘сатана’, ‘дьявол’, ‘злой дух’, ‘черт’, ‘бес’ [2, с. 685; 4, с. 1488; 8, с. 637; 25, с. 395].

Данная лексема исторически и теологически была чрезвычайно близка библейскому образу Сатаны. В этой связи, заимствование и употребление слова шайтан легко и непротиворечиво вписывалось в христианское мировосприятие русских. В сознании православных верующих языческие идолы – шайтаны сибирских народов, как уже было отмечено выше, являлись материальным изображением и воплощением Вселенского Зла и его слуг. Миссионеры, следуя заветам Священного Писания, в своей прозелитической деятельности должны были не только повсеместно распространять христианское вероучение, но и при этом всемерно искоренять все проявления идолопоклонства у новообращенных. Еще вначале XVIII в. в Сибири яркий пример непримиримого и воинственного отношения к «поганому язычеству» автохтонного населения активно демонстрировал митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский. В связи с чем, он практиковал радикальные методы христианизации сибирских народов. Так, например, его личный помощник Григорий Новицкий описывает цель поездки священника к сибирским инородцам в 1712 г. следующим образом: «крепкия нечестия столпы и основание их, на чем утверждаху злочестие свое, низрынуть, разорити капища, опровергти и сокрушити вся идолы» [16, с. 71]. Миссионерская стратегия Русской Православной Церкви (РПЦ) все же не оставалась неизменной. Со временем она корректировалась. Применялись иные формы христианизации. Тем не менее, традиционные культовые предметы коренных жителей Сибири, при возможности всегда изымались и уничтожались. Несмотря на это, хакасы, прилагая всевозможные ухищрения, все же старались сохранить свои традиционные верования и культовую атрибутику. В этой связи, Д.А. Клеменц в конце XIX в. сообщал о том, что «собирать сведения о них [тӧс'ах. – Авт.] чрезвычайно трудно; благодаря энергичным преследованиям всяких остатков шаманства инородцы скрывают от глаз посторонних своих идолов и отрицают упорно всякую связь свою с шаманским культом» [11, с. 23]. Подобную же картину духовной жизни хакасов наблюдал и А.В. Адрианов. Он констатировал факт того, что «несмотря на полицейские мероприятия духовенства, господствующим среди инородцев остается культ шаманства. Они обоготворяют силы природы, отдельные предметы – горы, реки, камни, обоготворяют символические изображения в честь того или другого духа, от которого зависит личное благополучие» [1, с. 36].

Полную неприязнь по отношению к культовым объектам и традиционной обрядности коренных жителей Сибири демонстрировали не только представители духовенства, но и рядовые верующие. Более того, последние всегда испытывали суеверный страх перед магическими практиками, атрибутами культа и шаманами коренных народов Сибири [15, с. 127-128; 28, с. 459]. Следуя общепринятой логике, чтобы успешно бороться с врагом или полнее обезопасить себя от его негативного влияния, надо, по крайней мере, знать кто он такой и как его имя. Данный стереотип мышления нашел свое яркое отражение в известной поговорке «известный черт лучше неизвестного». Для русских же применительно к данной ситуации возникали определенные сложности. Они не имели возможностей, а зачастую из суеверных и иных соображений не испытывали желания углубляться в познание сложной инородческой демонологии. Немалые затруднения для русских, очевидно, вызывала еще и фонетическая специфика и обусловленная этим труднопроизносимость многих лексических единиц сибирских автохтонов [11, с. 25]. В связи с чем, наиболее удобным и емким обозначением всей когорты всевозможных духов и соответствующих их материальных изображений, оказался такой специфический «инородческий»

термин, как шайтан. Он не вызывал никаких фонетических затруднений у русских. Необходимо заметить, что не представляется возможным с точностью определить время заимствования этого слова. При этом абсолютно не вызывает сомнений тот факт что слово шайтан уже к XIX в. наряду с выражениями «идолы поганые», «особливые болванчики», «инородческие божки» получил довольно широкое распространение в обиходе русских.

Со временем лексема шайтан в его изначальном значении – 'сатана, дьявол, черт' утвердилась и в хакасском языке. Это слово бытует в адаптированной форме – сайтан [27, с. 434], «сайдан / сайден». Между тем, обращает на себя внимание то, что в традиционной культуре хакасов, как правило, это слово не использовалось для обозначения зловредных сверхъестественных существ, по отношению к которым заведомо употреблялось слово айна. Кроме того рассматриваемые культовые объекты устойчиво назывались тӧс'ами. Лексема сайтан / сайдан / сайден в народе обычно используется лишь в качестве бранного слова и ругательного возгласа. И при этом не имеет какого-либо ритуального значения.

Наряду с этим в прошлом употребление хакасами этого термина для обозначения сверхъестественных существ и своих фетишей при определенных обстоятельствах все же допускалось. Однако это происходило не внутри самого этноса, а лишь при коммуникации хакасов с русскоязычными представителями – исследователями, миссионерами и пр. Следует пояснить, что и к концу XIX в. подавляющее большинство коренных жителей, особенно проживающее в отдаленных подтаежных территориях, как правило, не располагало достаточным словарным запасом русского языка, а чаще и вовсе не владело им. В связи с чем, в процессе межэтнической коммуникации они не всегда имели возможность сделать точный и правильный перевод на русский язык многих явлений собственной культуры. Обычно для быстроты ответа и более адекватного понимания собеседниками специфики их верований, в том числе и назначения соответствующих ритуальных изделий, они порой вынужденно их всех называли шайтанами, как явления, связанного с их духовной жизнью и мировоззрением. При этом хакасы, конечно же, вкладывали в это наименование свое понимание, которое по своему глубинному смыслу могло полярно отличаться от привычного для русского слуха значения произнесённого ими слова. Об этом, например, убедительно свидетельствуют материалы Д.А. Клеменца. В 1883 г. во время экспедиции по Хакасии в своем полевом дневнике он записал диалог со своим проводником-хакасом, затрагивающий тему традиционных воззрений его народа. Ученый писал:

> «Речь как-то перешла на шаманство. – Есть в России хорошие шаманщики? – неожиданно спросил татарин [хакас. – Авт.]. Я отвечал отрицательно.
>
> – Значит у вас шайтанов нет? – последовал вопрос.
>
> – Не знаю, прежде, говорят, были, теперь что-то не слыхать.
>
> – Нет, и у вас есть шайтаны, только, должно быть смирные. Русский народ – хитрый народ, бойкий народ, сам хуже шайтана. Татары смирный народ, простой: оттого и шайтаны у нас сердитые, с убеждением заключил мой философ.
>
> – Нет, – продолжил он, помолчав, – нам никак нельзя без шаманщика – шайтанов много. В тайге шайтан, на горах опять другие шайтаны. Пришел шайтан в юрту, испортил человека, захворал человек, как быть без шаманщика?» [12, с.7].

Как видно из текста, информатор Д.А. Клеменца под обобщающим словом шайтан на самом деле подразумевал целый круг неравнозначных для коренных жителей сверхъестественных существ. Из их числа можно выделить духов-хозяев местности – ээлері и зловредных демонов – айналар, духов-помощников шамана – тӧстер и др.

Необходимо добавить, что широкое употребление слова шайтан в дальнейшем получило широкое распространение и среди обрусевших хакасов, утративших многие черты своей этнической культуры, в том числе и знание родного языка. В их религиозном сознании уже превалировали православные установки и ценности. Поэтому в их речи эта лексема точно также как и у русских использовалось для обозначения злых духов и традиционных атрибутов культа их предков.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов особое место отводилось культовым предметам – тӧс'ам и мифоритуальному комплексу с ними связанному. В мировоззрении народа понятие тӧс наделялось полисемантическим значением. При этом исторические корни этого слова и ее семантика уходят в древнетюркское время. Данный факт свидетельствует о широком распространении этого термина среди тюркоязычных народов. В прошлом многие из них имели тесные этнокультурные контакты и генетические связи. В традиционном сознании хакасов сакральные предметы – тӧс'ы чаще мыслились в качестве семейно-родовых охранителей. Помимо того с их образом устойчиво ассоциировалась идея мифического первоначала, связанная с культом предков.

В процессе этнокультурного взаимодействия автохтонов и русских в поле зрения последних нередко подпадали и хакасские фетиши. В религиозно-мифологическом восприятии русского населения, исповедующего православное христианство тӧс'ы воспринимались в качестве материальных изображений «нечистой силы» – шайтанов. Это находило свое отражение в соответствующем к ним отношении, особенно со стороны православных миссионеров. Результатом межкультурного взаимовлияния этих народов в духовной сфере явился факт того, что слово шайтан в его адаптированной форме со временем утвердилось в хакасском языке. При этом оно весьма своеобразно и избирательно использовалось в речи коренных жителей.

Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII-XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм»

Список литературы

[1] *Адрианов* А.В. Очерки Минусинского края. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1904. 62 с.

[2] *Аникин* А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.-Новосибирск: Наука, 2000. 778 с.

[3] *Бахрушин* С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 300 с.

[4] Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

[5] *Будагов* Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. I. СПб.: Тип. АН, 1869. 829 с.

[6] *Бурнаков* В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии, 2011. № 1 (45). С. 107-114.

[7] *Бутанаев* В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП Хакасия, 1999. 240 с.

[8] *Даль* В. Толковый словарь живого Великорусского языка. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882.

Т. IV. 714 с.

[9] Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.

[10] *Катанов* Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. 104 с.

[11] *Клеменц* Д.А. Заметка о тюсях // Известия Восточно-сибирского отдела ИРГО, 1892. Т. XXIII. № 4–5. С. 23-35

[12] *Клеменц* Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение, 1884. № 5. С. 7-9.

[13] *Курпешко-Таннагашева* Н.Н., *Апонькин* Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993. 152 с.

[14] *Львова* Э.Л. Материалы к изучению этнической истории чулымских тюрков по данным шаманистского культа // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы Всесоюзной конференции 14-16 июня 1973 года /Том. гос. пед. ин-т им. Ленинского комсомола; /редкол.: Э. Г. Беккер и др. Томск, 1973. С. 174-175.

[15] *Люцидарская* А.А. Колдовство и магия в жизни колонистов Сибири XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии, 2007. № 4. С. 124-129.

[16] *Новицкий* Гр. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941. 108 с.

[17] Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. 312 с.

[18] Отчет Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1915. Красноярск, 1916. С. 17-23.

[19] *Потапов* Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII – XIX вв.). Абакан: Хакоблиздат, 1952. 217 с.

[20] *Преображенский* А. Этимологический словарь русского языка. М.-Л.: Издание Академии наук, 1949. 142 с.

[21] *Рюмина-Сыркашева* Л.Т., *Кучигашева* Н.А. Телеутско-русский словарь. Кемерово: АО Кемеровское книжное изд-во , 1995. 120 с.

[22] *Сагалаев* А.М. О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция этнических культур Сибири: (сборник научных трудов) / Отв. Ред. И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев. Новосибирск: ИИФФ АН СССР, 1986. С. 155-179.

[23] *Севортян* Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». / Э.В. Севортян; Отв. ред. Н.З. Гаджиева; АН СССР. Институт языкознания. М. Наука, 1980. 392 с.

[24] *Татаринцев* Б.И. Этимологический словарь тувинского языка / Отв. ред. Д.А. Монгуш; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Т. II. Новосибирск: Наука, 2002. 389 с.

[25] *Фасмер* М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. Пер. с нем. и доп-я О.Н. Трубачёва М.: Прогресс, 1987. Т. IV. 864 с.

[26] Хакасско-русский словарь / Ред.-сост. Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. М.: ГИИНС, 1953. 358 с.

[27] Хакасско-русский словарь / Ред.-сост. О.В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

[28] *дринцев* М.Н. Сибирь как колония. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

УДК 94(470+571.52)

Введение волостной системы в русских населённых пунктах Тувы в период российского протектората

Самдан Аяна Анай-ооловна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия.
camayana@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7785-7497

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрен опыт организации волостной системы в Туве при отсутствии российских законодательных актов. Проведение административно-территориальной реформы было связано с необходимостью налогообложения русского населения, разрешения конфликтов как между русскими, так и между русскими и тувинцами. Введение волостной системы позволило бы организовать самостоятельное администрирование на местах, что во многом разрешили бы споры по земельным и другим вопросам. Местные русские чиновники вынуждены были заниматься и законотворческим процессом, поскольку разрабатывали различные инструкции и другие нормативно-правовые акты на основе законов других российских национальных регионов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА переселение, волостная система, реформа, сход жителей, местное самоуправление, реформирование, русские органы власти, нормативная база.

Вопросы административно-территориальной организации Урянхайского края в период российского протектората до сих пор остаются на периферии исторических исследований. Актуальность проблемы связанас необходимостью пополнения фактологической базы в историографии и осмысления процесса функционирования российских административно-судебных структур в регионе, не входящего в состав России.

В 1914 г. был установлен российский протекторат над Урянхайским краем. Местные русские власти должны были решать ряд очень сложных, неоднозначных проблем, в том числе порядок взаимодействия комиссариата и переселенческого управления края, взаимоотношения этих органов с местным населением и русскими засельщиками, администрирование последних и др.

Комиссар по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьев (1914-1917 гг.)поднял вопрос об учреждении волостей в крае перед иркутским генерал-губернатором и, соответственно, о выделении средств на строительство зданий волостных управлений.

В отличие от регионов России, где крестьяне образовали сельские общины, внутри которой саморегулировались вопросы землепользования, в Туве русские засельщики формировали поселения, поселки, заимки, фактории и др., отдаленные друг от друга и были малочисленными. Так, поселок Усть-Ээрбек состоял всего из 7 домохозяйств. Кроме того, крестьяне, продолжали быть причисленными к своим прежним местам проживания, там платили земельный налог и несли другие повинности. То же самое они вынуждены были делать и на новом месте.

В отсутствие волостного управления и волостного суда все конфликты по земельным спорам между русскими старожилами, новоселами и местным населением разбирал заведующий по устройству русского населения М.В. Шкунов.

После установления российского протектората над Урянхайским краем наблюдался наплыв русского населения. Зачастую переселенческое управление не справлялось с этим явлением, в большинстве случаев засельщики были предоставлены сами себе и расселялись разрозненно, вдалеке от населенных пунктов.

Русские власти озадачились необходимостью участия«населения в качестве самоуправляющихся отдельных волостных единиц, а, главным образом, более устроенного административно-судебного управления в крае»[НАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 52об.].

Как заметил иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц: «…Отсутствие в жизни русского населения общности интересов земельного хозяйства, являющегося главной основой в образовании земельной общины, создают значительные затруднения в деле образования в …крае волостей» [НАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 52об.].

Согласно ст. 43 главы I «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19.02.1861 г. волость должен включать от 300 до 2000 ревизского мужского пола душ, а «наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около 12 верст» [2]. И чтобы каким-то образом довести число людей до данных цифр, М. В. Шкунов предложил приравнять мещан, купцов и потомственных дворян к крестьянству «с обязательством исполнения повинностей и несения общественных выборных должностей»[НАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 53], что противоречило ст. 219 вышеуказанного закона.

Проекты В.М. Шкунова

Российское правительство выделяло финансовые средства через переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия на обустройство переселенцев на местах. В связи с ростом численности русских остро встал вопрос их обустройства.

В.М. Шкунов, переселенческий чиновник, разработал смету расходов на 1915 г. на обустройство русского населения в сумме 600 тыс. руб. Но по личному указанию главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, из-за войны, расходы были уменьшены до 250 тыс. руб., оставленных только на необходимые завершающиеся проекты. На следующий, 1916 год, несмотря на скудность бюджета, смета составляла уже миллион рублей.

Смета была обсуждена на усинском совещании под председательством иркутского генерал-губернатора. Переселенческий чиновник в своем выступлении акцентировал внимание на недостаточность школ, больниц, а также на отсутствие дорог. Л.М. Князев лишь ограничился замечанием иметь осторожность в межевании земель, связанным с наплывом новых засельщиков, и соответственно, возникающими земельными спорами.

Основные затраты должны были идти на строительство переселенческого барака, который сгорел в 1914 г., зданий почтово-телеграфной конторы, складов, кирпичного завода, кузницы, мастерских, а также домов для чиновников, учителей, служащих, врачей, фельдшеров и бараков для рабочих.

Кроме того, были заложены средства на строительство социальной инфраструктуры (школ, фельдшерских пунктов), а также церкви в Бояровке.

К этому времени в Туве были лишь 2 русских одноклассных школ – в Туране и Уюке, находящиеся недалеко друг от друга. Им требовался капитальный ремонт. Но поскольку после установления протектората переселенческое движение приняло активный характер, а расселение русских пошло в глубь территории Тувы, то необходимо было дополнительное строительство школ. Переселенческий чиновник запланировал открытие двухклассных школ сразу в пяти населенных пунктах: пос. Бояровке Мало-Енисейского района, пос. Верхне-Никольском Танну-Ольского района, пос. Атамановке, Чаа-Холе и в административном центре Белоцарске. Но, по утверждению В.И. Дулова, фактически по разным причинам не была построена ни одна школа [1, с. 416].

На постройку церкви в пос. Бояровке планировалось затратить 7500 руб., а на причту в пос. Бояровке, Белоцарске и Туране – 11.000 руб.

Медицинскую помощь оказывал 1 амбулаторный пункт в Туране и 3 фельдшерских

– в Белоцарске, Знаменке и на Хемчике. Этого было далеко недостаточно, поэтому предусматривалось расширить уже имеющиеся больницы, открыть новый пункт в Тодже или в пос. Верхне-Никольском. Ветеринарная амбулатория предполагалось организовать в Белоцарске, оборудование и содержание фельдшера и другие расходы составили 2.200 руб.

Из-за военного положения и разбазаривания казенных денег не все проекты были реализованы.

Сельские сходы

Осенью 1915 г. началась работа по организации сельских обществ и волостей в Туве. М. В. Шкунов отправил во все русские поселки предписания об их организации. Крестьяне на сходе должны были принять решение «за» или «против», а также определить место, где следует открыть волостное управление.

На сходе пос. Федоровки, который состоялся в октябре 1915 г., присутствовали 20 человек. Они единогласно согласились образовать сельское общество.

1 ноября 1915 г. на сходе крестьяне поселка Знаменское и старшие поселков Хлебниковского, Грязнухинского, Даниловского, Медведевского, Шанского – всего 220 человек также единогласно решили образовать сельские общества, а правление организовать в п. Знаменское, поскольку «вышеназванные поселки расположены все близ Знаменскаго поселка» [НА РТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 28].

Русские жители села Турана собирались два раза, в первый раз в ноябре 1915 г. Вопрос о волостной организации было решено отложить из-за военного положения в России, но по настоянию М. В. Шкунова вновь заседали 29 февраля 1916 г. Из 92 домохозяев, имеющих право голоса, явились на сход 63. На этот раз они положительно решили вопрос, а волостное управление было решено построить в с. Туран.

13 июня 1916 г. крестьяне поселка Бояровского в количестве 20 домохозяев подписались на приговоре об открытии волостного управления в Белоцарске.

Не все положительно приняли этот вопрос. Так, 22 ноября 1915 г. на сход жителей Тарлыкского района из 45 человек явились только 27. После того, как старший выборный Н. Ведерников зачитал предписание М.В. Шкунова от 19 октября 1915 г. за № 2985 об образовании сельских обществ и волости, то они все единогласно отказались, не объяснив причину. Прежде всего, их отпугивал перевод дворянского сословия на низкое, основное население крестьяне не могли содержать расходы на разные мероприятия, мотивируя слабостью хозяйства и тем, что «масса членов семьи оторваны на военные действия» [НА РТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 114. Л. 380б.]. Кроме того, не все крестьяне были согласны быть отчисленными от мест своих прежних приписок.

Одновременно на сходах выбирали волостных старшин.

А.И. Пильц поручил комиссару и заведующему по устройству русского населения выработать инструкцию по устройству сельских обществ, волостей и их общественных управлений, основываясь на ст. 391-471 главы III «О сельских обществах, об общественном управлении и повинностях в Закавказье» вышеуказанного закона, адаптируя данные нормы к местным условиям. Инструкцию нужно было согласовать с Енисейским губернским управлением, а затем утвердить у Иркутского генерал-губернатора.

На заседании Общего присутствия Енисейского губернского управления было решено разделить край на 12 волостных единиц.

1. Туранское – 241 муж.
2. Усинское – 285 муж.
3. Тарлыкское – 186 муж.
4. Тоджинское – 133 муж.
5. Бояровское – 233 муж.
6. Знаменское – 552 муж.
7. Баянгольское – 142 муж.
8. Атамановское – 249 муж.
9. Верхне-Никольское – 286 муж.
10. Владимирское – 137 муж.
11. Шагонарское – 306 муж.
12. Кемчикское– 256 муж.

Расходы на содержание волостного управления должны были нести сами жители. Оплачивалась лишь работа писаря в размере 400 руб. из казны Переселенческого управления.

Введение волостной системы в русских населенных пунктах в Туве в условиях протектората и всякого отсутствия законодательной базы, когда буквально адаптировали нормативные акты других российских национальных регионов, как структуры местного самоуправления, не получало своего логического завершения, поскольку началась революция в России.

Таким образом, незавершенная реформа по введению волостей среди русского населения Тувы остановила дальнейший процесс унификации системы управления традиционного самоуправления тувинцев, которое просуществовало с XVIII по нач. XX в.

Список литературы

[1] Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). М: Издательство Академии наук СССР, 1956. 609 с.

[1] Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // https://www.hist.msu.ru. (дата обращения: 14.06.2022).

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Великое переселение народов в древних культурах Евразии

УДК 902/904

Сложносоставные луки из объектов эпохи великого переселения народов некрополя Карбан-I (Северный Алтай)

Серегин Николай Николаевич
Доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.
nikolay-seregin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8051-7127

Демин Михаил Александрович
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.
mademin52@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0954-9297

Матренин Сергей Сергеевич
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.
matrenins@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7752-2470

АННОТАЦИЯ Представлены результаты изучения сложносоставных луков, обнаруженных в ходе раскопок серии погребений булан-кобинской культуры на памятнике Карбан-I. Данный комплекс, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, исследовался в 1989–1990 гг. экспедицией Алтайского государственного педагогического университета. Роговые накладки на кибить обнаружены в пяти объектах (курганы №9, 11, 14, 33, 39). Установлено, что большинство луков (тип 1а) воспроизводят хуннуские аналоги и датируются, исходя из типологии накладок, в рамках II в. до н.э. – III в. н.э. Лук типа 1б из объекта №11 относится к числу модификаций, применявшихся воинами Алтая во II–IV вв. н.э.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Алтай, сяньбийское время, сложносоставные луки, некрополь, вооружение.

Одной из наиболее распространенных групп предметов вооружения у кочевников булан-кобинской культуры Алтая конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. были сложносоставные луки. Они присутствовали в большинстве погребений полноценных мужчин, что демонстрирует значение данной категории изделий как в реальной жизни, так и в мировоззренческих представлениях кочевников [1, с. 46; 7, с. 37, 71-72]. В настоящей статье кратко представлены результаты изучения сложносоставных луков, обнаруженных в ходе раскопок захоронений некрополя Карбан-I.

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс, в Чемальском районе Республики Алтай. В 1989–1990 гг. на данном памятнике в рамках аварийных археологических работ экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина исследована серия погребений начала эпохи Великого переселения народов [6].

Роговые накладки на кибить лука обнаружены в пяти объектах (курганы №9, 11, 14, 33, 39). В расположении луков в захоронениях комплекса Карбан-I выявлены определенные нюансы. В кургане №9 данное изделие было уложено на умершего человека: верхние концевые накладки находились на правом плече (интересно, что они были перевернуты головкой с вырезом под тетиву вниз), срединные – на левом крыле таза, нижние концевые – на правой голени. В могиле объекта №11 лук был размещен поверх покойного, при этом верхние концевые накладки лежали на левом плече, срединные – на правом крыле таза, нижние концевые – на левой голени. В кургане №14 находился неполный, вероятно, сломанный лук, от которого сохранились срединные (возле правого крыла таза) и нижние концевые (у правой голени) накладки. В погребении №33 детали лука обнаружены с

левой стороны от умершего человека: верхние концевые накладки – у черепа, срединные – на предплечье, нижние концевые – около костей голени. В кургане №39 лук находился на погребенном, о чем свидетельствовало расположение верхних концевых накладок у правой руки, срединных боковых около левого колена, а нижних концевых в районе правой стопы. Можно сделать вывод, что рассматриваемые предметы вооружения помещались в могилу со снятой тетивой и укладывались на умершего человека вдоль правой (курганы №11, 14, 39) или левой (курганы №9, 33) половины туловища.

Большинство зафиксированных деталей имеют хорошую и удовлетворительную сохранность. Отмечено, что среди более разрушенных элементов преобладают пластины на нижнюю и центральную часть луков, соприкасавшиеся с телом умершего человека. Судя по зафиксированным в непотревоженном состоянии изделиям, лук из кургана №9 был разобран или сломан, а в могиле объекта №14 присутствовал неполный (вероятно, сломанный) лук с пластинами на рукоять и нижнюю часть.

В исследовании луков мы опирались на оружиеведческую практику двухуровневой классификации: сначала накладок, а затем – самих луков [3, с. 79-84; 1, с. 9; 9, с. 39-48]. Такой подход призван, во-первых, определить общие и особенные черты изделий, во-вторых, выделить их хронологически значимые признаки на основании датированных аналогий из археологических памятников других территорий и, в-третьих, проследить направления эволюции сложносоставных луков населения региона в обозначенный период.

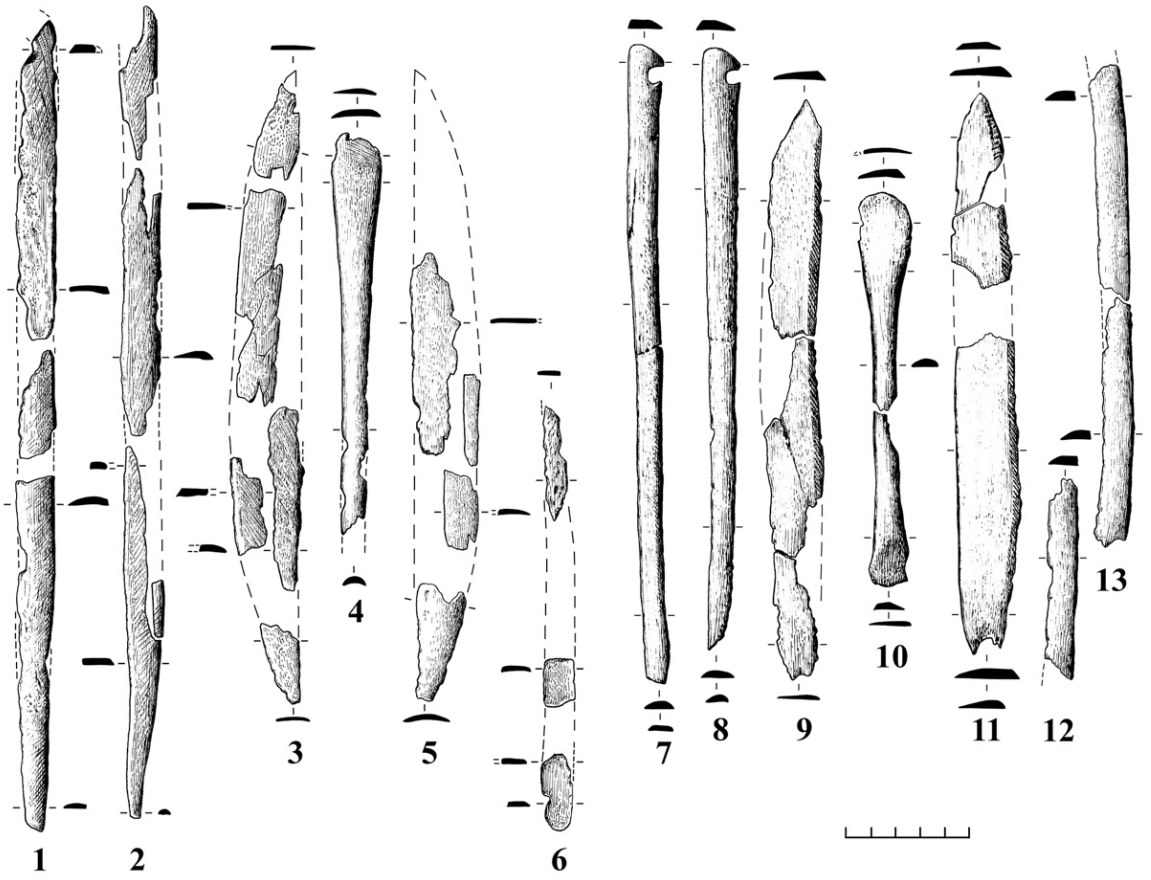

Рис. 1. Роговые накладки составных луков из комплекса Карбан-I: 1–6 – курган №9; 7–13 – курган №11.

При классификации накладок их признаки были распределены по следующим таксономическим уровням: группа – материал изготовления; разряд – расположение на кибити; раздел – конкретное место крепления; отдел – толщина накладки; тип – форма и пропорции пластин (длина, ширина); вариант – детали оформления концов [1, с. 9]. Анализируемую выборку составили хорошо сохранившиеся экземпляры, а также фрагменты, поддающиеся идентификации при сопоставлении с целыми изделиями. В описании указывались данные о размере предметов.

В результате выделены одна группа, два разряда, два раздела, один отдел, четыре типа накладок, дополненных пятью вариантами.

Группа I. Роговые (костяные). Накладки изготовлены из роговой (костяной) пластины с сегментовидным, реже с трапециевидным поперечным сечением.

Разряд I. Концевые. Накладки фиксируются на верхний и нижний концы (рога) кибити лука.

Раздел I. Боковые. Накладки крепятся на кибить с боковых сторон.

Отдел I. Тонкие. Толщина пластин в среднем составляет 0,2–0,4 см.

Тип 1. Дуговидные, длинные, узкие. Накладка представляет собой плавно изогнутую пластину, напоминающую дугу или запятую. Один ее конец расширен (головка), другой заужен, а в отдельных случаях приострен. Длина накладок варьирует у верхних в пределах от 29 до 37 см, у нижних – от 20 до 30 см, максимальная ширина в проекции головки – 1,5–1,8 см, в средней части – 1,2–1,5 см. Вариант а – головка накладки закруглена и снабжена вырезом для крепления тетивы полукруглой или арочной формы. Всего 16 экз. от луков из курганов №9, 11, 14, 33, 39 (рис. 1.-1–2, 6–8, 12–13; 2.-6–8; 3.-1-2, 6–7).

Разряд II. Срединные. Накладки расположены в средней части кибити лука, называемой рукоятью.

Раздел I. Боковые.

Отдел I. Тонкие.

Тип 2. Сегментовидные, длинные, широкие. Накладка имеет прямое основание (фронтальная сторона) и дуговидно изогнутую длинную (тыльную) сторону. Длина пластин – 25–29 см, максимальная ширина – 2,8–3,5 см. Вариант а– с приостренными концами. Всего 8 экз. от луков из курганов №9, 14, 33, 39 (рис. 1.-3, 5; 2.-1, 3, 9, 11; 3.-3, 5).

Тип 3. Дуговидные, длинные, широкие. Накладка изготовлена из пластины, стороны которой параллельны и плавно изогнуты. Длина – 25 см, максимальная ширина – 2,6 см. Вариант а– одно окончание слегка приострено, другое закруглено. Всего 2 экз. от лука из кургана №11 (рис. 1.-9, 11).

Раздел II. Тыльные.

Отдел I. Тонкие.

Тип 4. Весловидные, средние, узкие. Длина накладки – от 16 до 24 см, ширина у окончаний – в пределах от 2 до 2,8 см, в центральной части – от 0,6 до 1,2 см. Варианта– трапециевидные. Всего 4 экз. от луков из курганов №9, 11, 33, 39 (рис. 1.-4, 10; 2.-10; 3.-4). Вариант б– лопатковидные. Всего 1 экз. от лука из кургана №14 (рис. 2.-2).

На втором уровне системного рассмотрения данной категории ручного метательного

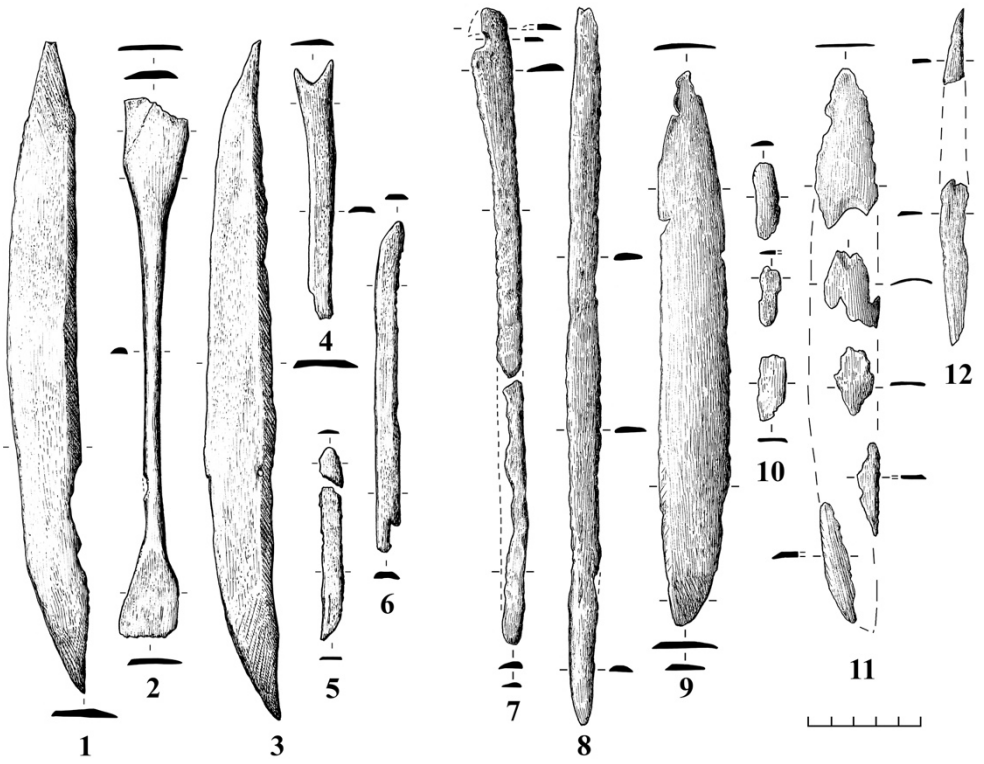

Рис. 2. Роговые накладки составных луков из комплекса Карбан-I: 1–6 – курган №14; 7–12 – курган №39.

оружия нами была выполнена классификация по таким основаниям, как конструкция лука (группа), форма со снятой или надетой тетивой (разряд), общая длина со снятой тетивой (раздел), количество накладок на кибити (отдел), состав набора роговых накладок (тип), принадлежность пластин к типам ранее выполненной классификации, а также соотношение длины плеч (вариант).

В результате проведенного сравнения выделены одна группа, один разряд, один раздел, один отдел, один тип луков, включающий два варианта.

***Группа* I.** Сложносоставные. Основу лука составляет деревянная кибить из двух или трех частей, на которую определенным образом фиксировались роговые накладки. Деревянный остов не сохранился ни в одном захоронении некрополя Карбан-I.

***Разряд* I.** С–М-образные. Форма лука со снятой тетивой напоминает букву «С». С надетой тетивой лук становится похож на букву «М».

***Раздел* I**.Длинные. Длина со снятой тетивой составляет около 150 см.

***Отдел* I**. Луки с семью накладками.

Тип 1. Четыре концевых и три срединные накладки: из концевых – четыре боковые, из срединных – две боковые, одна – тыльная.

Вариант а – концевые накладки – дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые – сегментовидные длинные с приостренными концами (тип 2а), срединная тыльная – весловидная средней длины с трапециевидными (тип 4а) или лопатковидными (тип 4б) окончаниями. Судя по сохранившимся более длинным роговым пластинам на верхнее плечо, кибить была асимметричной. Включает четыре лука из курганов №9,

14, 33, 39 (рис. 1.-1–6; 2.-1–12; 3.-1–7).

Вариант б – концевые накладки – дуговидные длинные (тип 1а), срединные боковые – дуговидные длинные с приостренным и закругленным концами (тип 3а), срединная тыльная – весловидная средней длины с трапециевидными окончаниями (тип 4а). Разные размеры концевых накладок свидетельствуют об асимметричности кибити. Включает лук из кургана №11 (рис. 1.-7–13).

Сложносоставные длинные луки из некрополя Карбан-I, оснащенные комплектом из семи роговых накладок (двух пар концевых боковых, двух срединных и одной тыльной), являлись ведущей модификацией у многих народов Восточной Евразии в последней четверти I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. На Алтае они получили распространение со II в. до н.э. под влиянием хуннуской военной традиции и активно применялись до V в. н.э. [1, с. 23]. Для датировки луков этого типа определяющее значение имеет изучение роговых накладок.

Все сохранившиеся концевые боковые накладки карбанских луков сделаны из длинных тонких и узких плавно изогнутых пластин, напоминающих дугу. Их головка с вырезом под тетиву закруглена, а противоположный конец заужен и срезан под углом, в отдельных случаях приострен. Такие концевые накладки являются производными от соответствующих хуннуских экземпляров конца III в. до н.э. – I в. н.э. На протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры в их облике не произошло существенных изменений. Судя по соотношению длины сохранившихся концевых пластин, карбанские луки имели асимметричные плечи.

Четыре из пяти луков, обнаруженных в могильнике Карбан-I, имели тонкие длинные срединные боковые накладки сегментовидной формы с приостренными окончаниями. Аналогичные детали широко применялись в конструкции луков хунну Монголии и Забайкалья конца III в. до н.э. – I в. н.э. [2, табл. III–V; 11, рис. 3.-1–7; и др.]. С хуннуским влиянием связаны находки похожих изделий в памятниках Тувы конца I в. до н.э. – начала III в. н.э. [4, табл. 82.-21; 5, с. 81–82, табл. 77.-1; 94.-2; 95.-1–2; 114.-3; 118.-10; 120.-6]. Позднее сегментовидные накладки известны в конструкции сяньбийских луков (конец I – начало III в. н.э.), правда, они имели значительно меньшую длину и закругленные окончания [12, рис. 66.-6–7]. В булан-кобинской культуре луки со срединными боковыми накладками сегментовидной формы, идентичными карбанским экземплярам, по-видимому, копировали хуннуские образцы. На сегодняшний день такие изделия зафиксированы на Алтае в погребальных комплексах, датирующихся преимущественно II в. до н.э. – I в. н.э. и реже II – первой половиной IV в. н.э. [3, рис. 80–81; 8, рис. 22; и др.].

Две срединные боковые накладки с дуговидным абрисом удлиненных пропорций от лука из кургана №11 имеют аналогии в сяньбийских погребениях Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э., в которых также обнаружены экземпляры «промежуточных» форм (от сегментовидных к дуговидным либо к трапециевидным) [12, рис. 61.-5–6; 62.-11–12, 65.-5–6]. Луки, армированные похожими пластинами, встречены в археологических материалах Средней Азии, относящихся ко второй половине II – III в. н.э., а также в комплексах кокэльской культуры Тувы второй половины III – IV в. н.э. [10, рис. 88; 89.-2; 5, табл. 106]. У населения булан-кобинской культуры срединные боковые накладки дуговидной формы появились в результате закругления окончаний сегментовидных пластин с прогнутым основанием [1, с. 16-17]. На Алтае луки с таким оформлением центральной части кибити датируются в рамках II–V вв. н.э. [9, с. 42], однако нельзя исключать возможность использования отдельных экземпляров до начала VI в. н.э.

У всех карбанских луков присутствовали тыльные накладки в виде тонкой пластины весловидной формы, имеющие меньшую длину в сравнении со срединными боковыми накладками. Среди них более ранними являются экземпляры с трапециевидными

окончаниями, которые воспроизводят соответствующие детали луков хунну [11, рис. 22.-9, 11, 15–16; 5, табл. 81.-5; 95.-1–2; 106, 107, 118; и др.]. Похожие пластины фиксируются также в конструкции сяньбийских луков конца I – III в. н.э. [12, рис. 66.-3; 67]. Населением Алтая срединные тыльные накладки с обозначенным оформлением использовались на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. [1, с. 18]. Единственная тыльная накладка средней длины с лопатковидными окончаниями, по-видимому, является местной разработкой, появившейся в сяньбийское время. Немногочисленные аналогии ей зафиксированы в булан-кобинских комплексах III–IV вв. н.э. [9, с. 41].

Принимая во внимание представленные наблюдения, можно сделать вывод, что большинство обнаруженных в погребениях некрополя Карбан-I луков типа 1а воспроизводят хуннуские аналоги и датируются, исходя из типологии накладок, в рамках II в. до н.э. – III в. н.э. Среди них более поздним, по-видимому, является лук из кургана №14, отличающийся редким сочетанием срединных накладок (сегментовидных

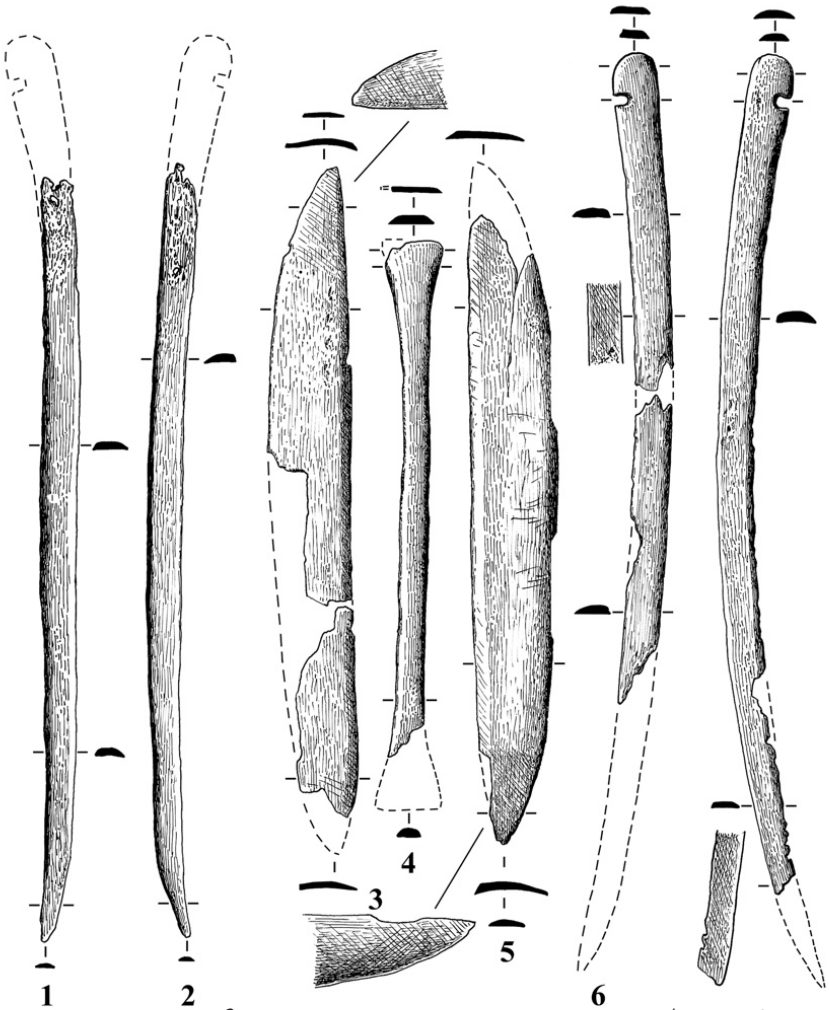

Рис. 2. Роговые накладки составных луков из комплекса Карбан-I: 1–6 – курган №14; 7–12 – курган №39.

боковых и тыльной с лопаточковидными окончаниями). Единственный лук типа 1б из объекта №11 относится к числу модификаций, применявшихся воинами Алтая во II–IV вв. н.э. Разница в оформлении роговых деталей луков из могильника Карбан-I демонстрирует сохранение хуннуской и формирование новой местной традиций производства таких изделий, что свидетельствует об активной разработке данного вида ручного метательного оружия населением Алтая в сяньбийское время.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

Список литературы

[1] Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

[1] Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

[1] Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

[1] Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196-205.

[1] Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.

[1] Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

[1] Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

[1] Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

[1] Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

[1] Топрак-Кала. Дворец. М.: Наука, 1984. 304 с.

[1] Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

[1] Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. … канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности

УДК 316.3

Место этничности в идентичности русско-украинских биэтноров (сравнительный анализ на материалах регионов Сибири, Дальнего Востока и Европейской части России)

Бубликов Василий Валерьевич
Кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.
v.bublikov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5899-1028

АННОТАЦИЯ В статье на основе данных социологического исследования рассматриваются идентичности, присутствующие в самосознании одной из крупнейших групп населения России с двойной этнической идентичностью – русско-украинской. Самой часто декларируемой идентичностью среди биэтноров является гражданская (житель/гражданин России), что примерно соответствует показателям, фиксируемым среди населения страны в целом.Этническая идентичность имеет важное значение лишь для 32% опрошенных и занимает третью позицию в ранжированном ряду идентичностей (уступая локальной, но превосходя региональную).Региональные различия в значении этничности ниже, чем межпоколенческие или территориальные (по типу населенного пункта). Тем не менее, в приграничных с Украиной регионах доля лиц, указывающих на важность национальной идентичности на 5-7% выше, чем в азиатской части страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА идентичность, этническая идентичность, биэтноры, русские, украинцы.

Одной из отличительных черт современного мира стало увеличение числа идентификационных оснований, размывание, гибридизация идентичности. Широко распространенными стали представления о ситуативности, изменчивости любой идентичности – от гендерной до этнической, не говоря уже о социальной, профессиональной, классовой, религиозной и т.д. Как пишет Е.В. Хлыщева: «Идентичность постмодерна претендует на всеобщность, но является характеристикой исключительно индивидуального уровня <…> идентичность формируется не через определенные правила и традиции, а через идентификацию, т.е. узнавание субъекта в определенном качестве» [1, с. 64].

Процессы глобализации, с одной стороны, приводят к размыванию традиционных оснований этнической идентичности (унификация повседневных жизненных практик, вымирание малых языков и ускорение трансформации языков крупных, распространение массовой культуры и пр.), а с другой – к геторогенезации этничности, как по объективным (смешанные браки, миграции, урбанизация и т.д.), так и субъективным (рутинизация экзотики) причинам.

Постепенный отход этнологов и этносоциологов от примордиалистских взглядов на природу и содержание этнической идентичности в пользу более «гибких» концепций (инструментализм, конструктивизм) актуализировал и исследования смешанных этнокультурных сообществ, возникших «на стыках» двух или даже более этногрупп.

Как пишет В.А. Тишков: «Антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает понятие группы как социальной и даже социологической целостности» [2, с. 7].

Культурная, идентичностная сложность еще больше возрастает среди групп населения смешанного этнического происхождения. Кем себя считать человеку, у которого родители разных национальностей (этничностей)? Еще сильнее усложняется ответ на этот вопрос в связи со все большим наделением этничностных маркеров (этнонимов), гражданским, этатистским смыслом. Ведь на постсоветском пространстве

такие этнонимы как русские, украинцы, белорусы – нередко воспринимаются именно в значении гражданской, а не этнической принадлежности.

Активное включение этнических терминов и этнической риторики в политический и даже геополитический лексикон («язык государствообразующего народа», концепция «русского мира») еще больше способствуют взаимопроникновению гражданской и этнической идентичности в России, снижает возможности поддержания идентичности этнических меньшинств, в той или иной степени вынужденных принимать идентичность этнического большинства, поскольку она все больше наделяется политическим значением. Именно поэтому несмотря на низкие показатели демографического воспроизводства, в последние два десятилетия в России доля этнически русского населения не снижается, а растет.

Целью данной статьи является рассмотрение места этничности (в традиционной терминологии «национальности») среди основных идентичностей русско-украинских биэтноров в России, которые вероятно являются крупнейшей группой жителей с двойной (множественной) этничностью, появившейся в связи с развитием ассимиляционных (естественных и вынужденных) процессов среди украинского населения на территории РФ в течение XX – начале XXI вв.

Статистические данные всех отечественных переписей показывают, что относительная численность украинцев на территории современной России в течение последнего столетия неуклонно снижалась (кроме периода 1970-1980 гг.). Так, если по данным переписи населения 1926 г. в России (в границах 2010 г.) проживало 6 871 тыс. украинцев, в 1939 г. – 3 205, в 1959 г. – 3 359, в 1989 г. – 4 363 тыс., то в 2002 г. уже только 2 943 тыс., а в 2010 г. – 1 928 тыс. [рассчитано по 3]. В целом доля украинского населения сократилась в 1926-2010 гг. в более чем пять раз (с 7,42% до 1,35%). По нашей оценке перепись 2021 г. зафиксирует численность этнических украинцев в России (в границах 2010 г.) в интервале 1 – 1,5 млн. человек, даже несмотря на значительный миграционный прирост из Украины вследствие событий 2014 и последующих годов.

Несмотря на численное сокращение украинского населения в России, количество жителей страны с частично украинской этничностью, как считают многие эксперты, многократно выше данных переписей, ведь как показывают этносоциологические исследования русско-украинский биэтнизм относительно широко распространен, особенно в регионах с ранее многочисленным украинским населением и районами количественного преобладания украинцев (прежде всего, это приграничные с Украиной области, Саратовская и Оренбургская области, регионы Западной Сибири и Дальнего Востока).

Например, по данным авторского исследования 2017 г. (n=1000) при возможности указания двойной русско-украинской этничности в анкете в Белгородской обл. так себя идентифицировали 16,2% жителей (еще 1,4% назвали себя «только украинцами»), хотя перепись 2010 г. зафиксировала в регионе всего 2,8% украинцев [4, с. 568].

О распространении двуэтничности среди потомков украинцев пишут авторы и в других регионах страны, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, например, Е.Ф. Фурсова объясняет количественные нестыковки в переписях населения в регионах Западной Сибири «существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции и “русификации”» [5, с. 748].Н.В. Люля отмечает: «данные официальной статистики по вопросу идентичности украинцев и их потомков не отражают реальное состояние. Наблюдается одновременное определение себя украинцами, “хохлами” и представителями русского этноса» [6, с. 105]. Аналогичную ситуацию фиксируют исследователи и на Дальнем Востоке, Г.Г. Ермак пишет: «Сегодня нередко в беседах и интервью приморцы

демонстрируют многоуровневое этническое самосознание, считая себя одновременно русскими, украинцами, россиянами» [7, с. 14].

Итак, какой набор идентичностей присутствует у русско-украинских биэтноров в России? Какое место среди них занимает этническая (национальная) идентичность? Какие идентичностные особенности существуют среди биэтноров в разных регионах, типах поселений и возрастных группах? Ответы на обозначенные вопросы позволяют дать результаты количественного исследования, выполненного в 2021 г. в рамках проекта РФФИ «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» исследовательским коллективом в пяти субъектах РФ[14], с традиционно высокой долей населения украинского происхождения и районами компактного проживания украинского населения, где ныне значительная часть жителей имеет двойственную русско-украинскую идентичность.

Опрос проводился методом анкетирования (n=800), с выборкой 160 респондентов в каждом регионе, а внутри регионов – половину опрошенных составили жители районов традиционного (компактного) проживания украинцев, другую половину – биэтноры из крупных городов, региональных столиц (дисперсное проживание). Респондентами стали совершеннолетние, постоянные жители регионов проведения исследования, которые в ходе предварительной беседы подтвердили наличие у себя и русской, и украинской компонент этничности, вне зависимости от места их рождения.

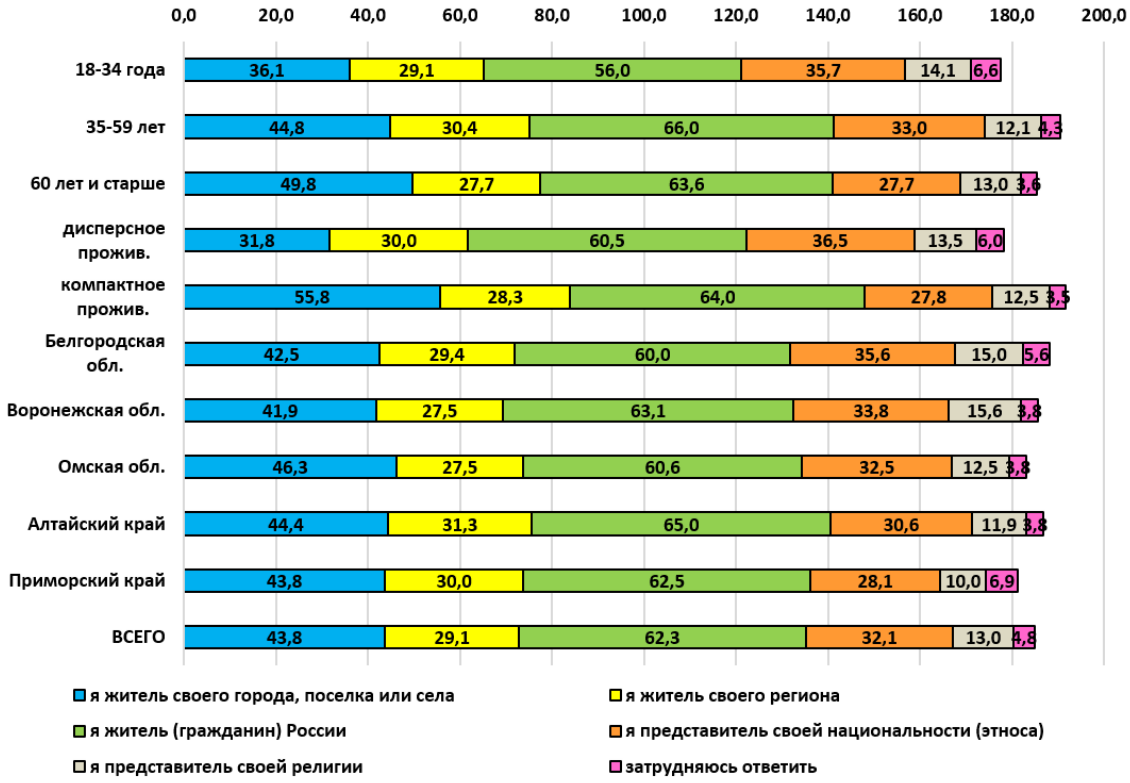

Рис. 1. Ответы биэтничных русско-украинских жителей России на вопрос:«Укажите какие из нижеперечисленных вариантов Вашего самоощущения, идентичности для Вас самые важные?», в разных территориальных и возрастных подгруппах (без ограничения количества ответов), %, опрос 2021 г.

[14] Белгородская (г. Белгород и Красноярский р-н), Воронежская (г. Воронеж и Россошанский р-н), Омская (г. Омск и Павлоградский р-н) области, Алтайский (г. Барнаул и Романовский р-н) и Приморский (г. Владивосток и Хорольский р-н) края.

Одним из вопросов анкеты стал вопрос: «Укажите какие из нижеперечисленных вариантов Вашего самоощущения, идентичности для Вас самые важные?». В качестве вариантов ответа на него нами были предложены виды наиболее часто встречающихся идентичностей: локальной («я житель своего города, поселка или села»), региональной («я житель своего региона»), общегражданской («я житель (гражданин) России»), этнической («я представитель своей национальности (этноса)») и религиозной («я представитель своей религии») – рис. 1. Респонденты также могли указать и свой вариант ответа, но этой возможностью воспользовались всего 0,5% опрошенных, поэтому в данном анализе мы их не рассматриваем. Респонденты не были ограничены количеством выбранных вариантов ответа, поэтому они отмечали все варианты идентичности, важные для них.

В целом подавляющее большинство опрошенных (80,3%) указали несколько вариантов важных для них идентичностей. Чаще остальных подгрупп биэтноров несколько идентичностей отмечали: представители среднего поколения (86,3%)[15], жители мест компактного проживания (сельской местности – 88,3%)[16], жители Алтайского края (83,1%), Белгородской (82,5%) и Воронежской (81,9%) областей[17]. Как видим межрегиональные различия в количестве названных идентичностей и в распределении доли выбравших те или иные идентичности, значительно ниже, чем межпоколенческие или территориальные различия (по типу местности проживания биэтноров: крупный город или сельская местность).

Лидирующим, основным типом идентичности, который преобладает во всех возрастных и территориальных подгруппах биэтноров является гражданская (российская) идентичность, которую указали 62,3% опрошенных. Интересно, что чаще остальных ее отмечают представители среднего (66,0%) и старшего (63,6%) поколений, и жители сельской местности (64,0%); реже – горожане (60,5%) и молодежь (56,0%). Такое распределение на наш взгляд закономерно, поскольку именно более старшие поколения и жители сельской местности более подвержены «патриотической мобилизации» последних лет, прежде всего связанными с событиями в Украине[18].

Необходимо отметить, что активный выбор гражданской идентичности большинством наших респондентов, безусловно отражает патриотический настрой этой группы населения (впрочем 37,7% опрошенных не назвали важным для себя ощущение «я – россиянин»), но наверняка какая-то часть опрошенных выбирала этот вариант с целью демонстрации лояльности российскому государству и проводимой им политике, что особенно актуально среди населения с украинской (пусть и частично) идентичностью.

Еще в 2014 г. Т.А. Листова, проведя исследования в южных, ранее преимущественно украинских по национальному составу районах Воронежской обл. отмечала: «Первое, с чем пришлось столкнуться в контактах с местными жителями, это некоторая настороженность в поведении и разговоре, тем более при возникновении в беседах темы национальной принадлежности <…>Такой настороженности не было при работе

---

[15] Соответственно: старшее поколение – 81,8%, молодежь – 71,0% (рис. 1).

[16] В местах дисперсного проживания (крупных городах) – 72,3%.

[17] Реже в Приморском крае – 74,4% и Омской области – 79,4%.

[18] Это предположение подтверждают данные и иных социологических исследований. Например, исследование Левада-Центра (АНО «Левада-Центр» принудительно внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), проведенное в мае 2022 г. показывает, что на вопрос: «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?» (после 23 февраля 2022 г.), наибольшую поддержку этим действиям выражают именно более старшие поколения: 55 лет и старше – 57% (ответ «определенно да»), 40-54 лет – 51%, 25-39 лет – 35%, 18-24 года – 33% [8]. К сожалению, социологи не приводят данных о распределении мнений по типам населенных пунктов, но наверняка поддержка «спецоперации» выше в меньших и более социально депрессивных населенных пунктах, нежели в крупных городах и мегаполисах.

в 2002 г., хотя известная сдержанность, особенно в высказываниях официальных лиц, присутствовала и тогда»[9, с. 119]. Она же приходит к выводу, что «идет явная мобилизация русско-российской идентичности. Остается впечатление, что усиленное декларирование себя русскими – это результат потребности дистанцироваться от украинцев Киева»[9, с. 138].

Аналогичные трудности испытывали при проведении исследований в 2020-2021 гг. и мы. Значительная часть респондентов отказывалась от участия в опросе (особенно в приграничных с Украиной регионов – Белгородской и Воронежской обл.), а те кто соглашался – явно настороженно отвечал на вопросы хоть как-то связанные с «политикой» (большинство воспринимало идентичностные вопросы не как культурологические, а как политические), да и нас, ученых-социологов респонденты как правило воспринимали как представителей властей, со всеми вытекающими последствиями (выражение государственно одобряемых ответов).

Таким образом, цифры поддержки респондентами гражданской идентичности, скорее всего, несколько завышенны, т.е. часть респондентов называли российскую идентичность в качестве важной для себя, дабы продемонстрировать лояльность российскому государству и нынешней политической системе. Как показывают наши более ранние исследования населения Белгородской обл. (вне зависимости от его этничности) разрыв между наличием реальной гражданской идентичностью (например, когда респондент называет своей Родиной всю Россию) и формальной (когда респондент декларирует наличие гражданской идентичности, но на уточняющие вопросы не подтверждает ее наличие) составляет примерно 30%. «Реальная гражданская (российская) идентичность присутствует всамосознании примерно 45% жителей Белгородской области, в то время как декларируютеё 75% опрошенных» [10, с. 630-631].

Вторая по распространенности идентичность русско-украинских биэтноров в России – локальная («я житель своего города, поселка или села»). В целом ее наличие указывают 43,8% респондентов, но значительно выше эта цифра в сельской местности – 55,8%[19], среди более пожилых – 49,8%, и респондентов среднего возраста – 44,8%[20]. По регионам проведения опроса различия не столь существенны: от 46,3% в Омской обл. до 41,9% в Воронежской (рис. 1). Декларирование и реальное наличие у жителей локальной и региональной идентичностей, которые по смыслу очень близки между собой, практически не имеет расхождений, т.к. в восприятии респондентов они не политизированы[21].

Этническая (национальная) идентичность занимает в самосознании русско-украинских биэтноров лишь третью по распространенности позицию, ее наличие отметили в своих анкетах 32,1% опрошенных. Чаще всего ее указывали жители крупных городов (36,5%[22]) и молодежь (35,7%[23]) – рис. 1. Бóльшая роль этничности в идентичности горожан в целом логична, т.к. национальный состав городов, как правило, более сложен, да и различия между «чисто» русским населением и русско-украинскими биэтнорами в городах также для последних более очевидны. Другими словами, проживая компактно в бывших украинских районах, в массе своей официально называя себя русскими по национальности, биэтноры меньше ощущают свою отличность от собственно русских, нежели те, кто переехал в крупные города.

Неожиданным для нас стал результат распределения важности этнической идентичности для биэтноров в региональном разрезе. До получения результатов

---

[19] В крупных городах всего 31,8%.
[20] Молодежь – 36,1%.
[21] Вероятнее всего эта ситуация отличается в «национальных» республиках и автономных округах, но они не являлись объектом нашего исследования.
[22] В сельской местности – 27,8%.
[23] Средний возраст – 33,0%, старший – 27,7%.

исследования мы предполагали, что чаще респонденты будут декларировать важность для них этничности в азиатских регионах страны, нежели в европейских, в связи с их большей этнической мозаичностью и наличием значительной доли «видимых меньшинств»2[4]. Однако в реальности оказалось, что важность национальной идентичности чаще отмечают респонденты в приграничных с Украиной регионах, где представителей иных национальностей (не русских и украинцев) существенно меньше, чем в азиатских регионах. Так, этническая идентичность занимает третью позицию в ранжированном ряду в Белгородской (35,6%), Воронежской (33,8%) и Омской (32,5%) областях, и четвертую (уступая региональной) в Алтайском (30,6%) и Приморском (28,1%) краях (таблица 1).

Таблица 1
Ранжированные ряды идентичностей среди русско-украинских биэтноров в некоторых субъектах РФ, %, опрос 2021 г.

РЕГИОН	Ранжированный ряд преобладающих идентичностей				
	I	II	III	IV	V
Белгородская обл.	Гражданская – 60,0%	Локальная – 42,5%	Этническая – 35,6%	Региональная – 29,4%	Религиозная – 15,0%
Воронежская обл.	Гражданская – 63,1%	Локальная – 41,9%	Этническая – 33,8%	Региональная – 27,5%	Религиозная – 15,6%
Омская обл.	Гражданская – 60,6%	Локальная – 46,3%	Этническая – 32,5%	Региональная – 27,5%	Религиозная – 12,5%
Алтайский край	Гражданская – 65,0%	Локальная – 44,4%	Региональная – 31,3%	Этническая – 30,6%	Религиозная – 11,9%
Приморский край	Гражданская – 62,5%	Локальная – 43,8%	Региональная – 30,0%	Этническая – 28,1%	Религиозная – 10,0%

По всей видимости,это объясняется прежде всего большим «сращиванием» в самосознании населения в европейской части страны понятий гражданская и национальная идентичности [подробнее 11]. То есть, в приграничных с Украиной регионах большая доля жителей понимает под «национальностью» гражданство, а не этничность, и в силу большей политизированности там вопросов русско-украинских взаимоотношений несколько чаще декларируют национальную идентичность в качестве важной для себя.

Впрочем подчеркнем, что межрегиональные различия в распределении этничности как важной идентичности для биэтноров в целом небольшое: межрегиональный разрыв составляет 7,5% (максимальное число в Белгородской обл. – 35,6%, минимально в Приморском крае – 28,1%). Для сравнения: межпоколенческий разрыв составляет 8,0% (молодежь – 35,7%, старший возраст – 27,7%); в поселениях разного типа – 8,7% (дисперстное – 36,5%, компактное – 27,8%) – рис. 1. Следовательно, среди русско-украинского населения России набор идентичностей в большей степени зависит от типа населенного пункта (город/село), от возраста, и в меньшей степени от региона проживания.

[24] Казахов и татар в Алтайском крае и Омской обл., корейцев и китайцев в Приморье.

Региональная идентичность наиболее «равномерно» присутствует во всех территориальных и возрастных подгруппах биэтноров, в среднем ее важной назвали 29,1%. Немного чаще ее указывают жители крупных городов – 30,0%[25] (что впрочем объясняется компенсацией за низкую долю выбирающих в городах локальную идентичность), представители среднего возраста – 30,4%[26]. Среди регионов проведения опроса наибольшая доля лиц, называющих важной региональную идентичность зафиксирована в Алтайском (31,3%) и Приморском (30,0%) краях.

Если суммировать региональную и локальную идентичности как два содержательно близких вида, то в регионах азиатской части их значение несколько выше, чем в европейской: в Алтайском крае – 75,7%, в Омской обл. и Приморском крае – по 73,8%, в Белгородской обл. – 71,9%, в Воронежской – 69,4% (рис. 1).

Таким образом, констатируем, что в сибирских и дальневосточных регионах очень сильны региональные, точнее субрегиональные идентичности – сибиряк и дальневосточник, о чем очень часто нам говорили респонденты в ходе проведения глубинных интервью в рамках исследований 2020 г. **[12, с. 107]**.

Пятое место в иерархии идентичностей исследуемой этнической группы занимает идентичность религиозная, ее указали 13,0% респондентов[27]. Как видим несмотря на массовое декларирование себя православными (свыше 2/3 опрошенных), лишь для малой их части данный факт является важным в жизни. Как ни странно несколько чаще наличие религиозной идентичности отмечают представители молодежи – 14,1% (среднее поколение – 12,1%, старшее – 13,0%[28]). Различия по типу поселения (город/село) здесь невелики: 13,5% и 12,5%, соответственно.

Региональные различия в распределении религиозной идентичности более существенны: в пограничных с Украиной регионах она выше (Белгородская обл. – 15,0%, Воронежская – 15,6%), в Сибири и на Дальнем Востоке ниже (Омская обл. – 12,5%, Алтайский край – 11,9%, Приморский – 10,0%) – рис. 1.

Подводя итоги рассмотрения данных этносоциологического исследования, выполненного среди русско-украинских биэтноров в пяти территориально удаленных друг от друга регионах России, можно сделать следующие выводы:

1. Преобладающей, наиболее часто декларируемой идентичностью среди исследуемой группы является гражданская (житель/гражданин России – 62%), что примерно соответствует показателям фиксируемым социологами среди населения страны в целом. Вместе с этим, для существенной части жителей, декларирующих наличие у себя гражданской идентичности, ее указание скорее является обозначением их государственно-политической лояльности, патриотизма, за которым отнюдь не всегда стоят чувства гражданского единства со всеми жителями страны вне зависимости от их национальности или религиозной принадлежности.

2. Этническая (национальная) идентичность имеет важное значение лишь для 32% опрошенных и занимает третью позицию в ранжированном ряду идентичностей (уступая локальной – 44%, но превосходя региональную – 29%). Вместе с этим, эта цифра может не совсем объективно отражать роль этничности в идентичности жителей, т.к. декларирование важности национальных чувств часто воспринимается как неполиткоректное, чуть ли не как проявление «национализма». Поэтому в реальности роль этничности скорее всего несколько выше в самосознании респондентов, особенно при взаимодействии в поликультурной среде (доля указывающих на важность национальности в городах выше, чем в сельской местности). Региональные различия в значении этнической идентичности ниже, чем межпоколенческие или

[25] В сельской местности – 28,3%.
[26] Среди молодежи – 29,1%, старшего возраста – 27,7%.
[27] При этом отвечая на вопрос анкеты «Верите ли Вы в Бога?» ответы биэтноров распределились следующим образом: «да, я православный христианин» – 68,5%, «да, но не отношу себя к конкретной религии» – 9,5%, «нет, я атеист» – 13,4%, затруднились ответить – 6,1%, указали иные варианты – 2,5%.
[28] Хотя при ответе на вопрос о вере в Бога, среди молодежи фиксируется наименьшая доля православных (53,5%) и наибольшая атеистов (22,4%), среди старшего поколения – 76,7% и 9,1% соответственно.

территориальные (по типу населенного пункта). Тем не менее, в приграничных с Украиной регионах доля лиц, указывающих на важность национальной идентичности на 5-7% выше, чем в азиатских регионах. Как мы предполагаем, такое не совсем логичное распределение обусловлено более частым наделением термина «национальность» гражданским, а не этническим смыслом, и вообще большей политизацией украинской идентичности в российско-украинском пограничье, в сравнении с регионами Сибири и Дальнего Востока.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

Список литературы

[1] Хлыщева Е.В. Фронтир идентичностей: проблема культурных границ // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 2. С. 61-66.

[2] Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5-22.

[3] Демоскоп Weekly: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

[4] Бубликов В.В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 4. С. 562-573.

[5] Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748-753.

[6] Люля Н.В. Этническая идентичность украинцев и потомков украинских переселенцев Сибири в работах исследователей в 1990-2010-е годы // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 103-108.

[7] Ермак Г.Г. Этнокультурная история украинцев Приморского края // У карты Тихого океана. 2015. № 35 (233). С. 10-14.

[8] Левада-Центр: https://www.levada.ru/2022/06/02/konflikt-s-ukrainoj-2/

[9] Листова Т.А. Воронежские украинцы – русские хохлы // Вестник антропологии. 2014. № 2. С. 116-139.

[10] БубликовВ.В. Идентичность жителей Белгородской области в новых геополитических условиях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 4. С. 617-632.

[11] Бубликов В.В., Бойко И.А. Восприятие «национальности» биэтничным русско-украинским населением России: гражданское vs. этнокультурное // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР. Под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. 2020. С. 26-30.

[12] Люля Н.В. Система идентичности русско-украинского населения России // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (49). С. 104-109.

УДК 394(908)+303.436.3

Изучение русских старожилов Алтая сибирскими провинциальными этнографами на рубеже XX-XXI вв. (на материалах г. Бийска)

Коляскина Елена Александровна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.
г. Барнаул, Россия.
istorik8881@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию процесса изучения этнографических/этнокультурных/этноконфессиональных групп русских, причисляемых к общности старожилов Алтая, с позиции социальной антропологии. Уделяется внимание стратегиям организации полевых исследований, их трансформации и саморефлексии провинциальными этнографами, в настоящее время их трансформацию и саморефлексию проживающими в г. Бийске Алтайского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнография, экспедиция, русские, старожилы, Алтай, Бийск.

Историография вопроса является традиционным разделом исследования, в котором анализируется, как проблема изучалась этнографами ранее, т.е. как формулировался предмет, какие использовались методы и какие изучены источники. Проблематика «научной кухни» раздвинула рамки своих интересов и появилось направление антропологии академической жизни, которое обращает внимание: кто, как и почему выбирает тему, собирает полевой материал, коммуницирует с респондентами, организует научную повседневность [1; 3]. Данное направление вдохновило автора на написание статьи в духе автоэтнографии, на попытку рассмотреть изучение русских старожилов Алтая не столько с позиции традиционной историографии этнографических изысканий, сколько с позиции социальной антропологии, обращая внимание на стратегии организации полевых исследований провинциальными этнографами, их трансформацию и саморефлексию. Работа основана на интервью исследователей – к.и.н., доц. Ларисы Александровны Явновой [5], Светланы Анатольевны Соловьевой [4] и автоинтервью автора - к.и.н. Елены Александровны Коляскиной [9], записанных на основе вопросника, разработанного в рамках работы по грантуРФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

Этнографический центр.

Центр изучения русского старожильческого населения сложился в г. Бийске на базе краеведческого музея им. В.В. Бианки (БКМ) еще в советские годы, когда этнография фокусировалась на изучении коренного населения Алтая и русского старообрядчества региона. В 1960-1970-е гг. БКМ сотрудничал при сборе полевого материала со студентами и преподавателями Бийского педагогического государственного института им. В.М. Шукшина [2]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. данное сотрудничество продолжилось, только центр тяжести этнографических исследований переместился в сторону института (за исследуемый период побывшего Бийским педагогическим государственным университетом и Алтайской государственной академией образования, на сегодняшний день – Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет (АГГПУ)). Изучением культуры русских старожилов Алтая в это время в г. Бийске занимались выпускницы АГГПУ, две из которых продолжили обучение в аспирантуре вуза и

занимались в нем преподавательской деятельностью – Л.А. Явнова и Е.А. Коляскина. С.А. Соловьева работала хранителем в БКМ и обучалась в аспирантуре Института археологии и этнографии СО РАН.

Л.А. Явнова и С.А. Соловьева начали изучение старожильческой культуры русских Алтая в 1998 г., первая в рамках подготовки кандидатской диссертации по семейно-бытовым традициям [11], вторая с началом работы в музее стала собирать материал по декоративно-прикладному искусству. На становление этнографов оказал влияние новосибирский научный центр – сектор этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, поскольку они являлись ученицами д.и.н., проф. И.Н. Гемуева. Первый опыт сбора полевого материала Л.А. Явнова получила в совместной экспедицией с д.и.н., проф. Е.Ф. Фурсовой в Солонешенском районе Алтайского края: «Меня нужно было... к кому-то пристроить, я так понимаю, Измаил Нуховичу, т.е. показать мне какие-то азы полевой работы. А Елена Федоровна, она же со студентами не первый год уже ездила... она была в этом отношении самая опытная, как я поняла... Список был дан мне... Там была Липинская, там была Сафьянова, там была конечно были ее книжки, там были статьи... Мне же Елена Федоровна дала домашнее задание... составить вопросник по календарной обрядности... Мне было сказано: «Вот ты поедешь, слушайся во всем Елену Федоровну и делай так, как она тебе говорит, делай так, как она делает!» Т.е. это было буквально: делай как я!... В экспедиции я просто тупо смотрела, как она спрашивает, как она ведет беседу» [5]. Консультировалась Лариса Александровна об особенностях работы в старообрядческой среде с д.и.н., проф. Ф.Ф. Болоневым: «Как вообще войти, куда подойти, как обратиться» [5].

Не обошлось без влияния старого этнографического центра – БКМ, его старший научный сотрудник Борис Хатмиевич Кадиков являлся «проводником» многих выдающихся этнографов, исследовавших Алтай. При подготовке самостоятельных выездов и полевой этнографической практики студентов АГГПУ Л.А. Явнова консультировалась у него по поводу выбора районов края для поездки и методики организации экспедиции. С.А. Соловьева периодически обсуждала со своим старшим коллегой результаты самостоятельных выездов, а 2004 г. участвовала в этнографической экспедиции БКМ в Бийский район.

Е.А. Коляскина во время обучения на факультете Истории и права АГГПУ проходила полевую этнографическую практику (2000) под руководством Л.А. Явновой в Петропавловском и Солонешенском районах Алтайского края. Студенты проходили теоретическую подготовку в области методики полевых исследований: «Методички Громова со способами построения маршрута, монографию В. А. Липинской "Старожилы и переселенцы: русские на Алтае"... Уяснила разделение на старожилов и переселенцев, группы староверов... Когда приехали в с. Петропавловское..., Лариса Александровна вечером вывела нас прогуляться по деревне, провела мастер-класс по интервьюированию местного населения... Распределяли темы опроса, основные темы – семья, традиционный быт, обряды жизненного цикла... Еще одна экспедиция с Ларисой Александровной была в 2002 г. в Алтайский и Целинный районы Алтайского края» [9].

На становление методики полевых исследований автора оказал влияние центр этнографии и устной истории Барнаульского государственного педагогического университета (далее Алтайский государственный педагогический университет – АлтГПУ) под руководством Т.К. Щегловой. С 2001 по 2006 гг. Е.А. Коляскина участвовала в историко-этнографических экспедициях в составе отряда данного вуза.

Таким образом, можно говорить о научно-методическом влиянии регионального и сибирского этнографических центров на развитие бийского центра этнографических исследований на рубеже XX – XXIвв. и сохранении значения его традиционной основы – БКМ.

Тема.

Выбор темы каждым исследователем происходил с учетом нескольких факторов: личного интереса, личностных особенностей, базового образования, накопленного опыта и влияния значимых личностей.

Л.А. Явнова с детства увлекалась рассказами о путешествиях Миклуха-Маклая, в 12 лет прочитала Мельникова-Печерского «На горах и в лесах». В студенчестве благодаря своему научному руководителю к.и.н., доц. С.А. Гущиной прониклась идеями школы «Анналов». При написании курсовой работы по реформации Лютера пришла к сравнению идей реформации и старообрядчества. В ходе подготовки диплома о преемственности традиций старообрядчества консультировалась с Кадиковым, который направил ее в старообрядческую общину г. Бийска для сбора полевого материала. Получение историко-филологического образования предусматривало изучение основ журналистики, фольклористики, диалектологии. Диалектологическую практику, Л.А. Явнова проходила в с. Сростки, на родине своей бабушки. Когда определялась тема кандидатской диссертации решающее слово принадлежало научному руководителю: «Измаил Нухович спросил: «Какая была тема диплома?» Я говорю: «Ну, вот по старообрядца, там есть проблема самосознания... «Ну вот куда ее? К тюркам – украдут, к моим селькупам – не поймут, русских бери, бери семью»[5]. В результате был собран материал и в 2002 г. защищена диссертация по теме «Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв.». В дальнейших исследованиях углублялось изучение различных аспектов данной темы.

С.А. Соловьева закончила Художественно-графический факультет АГГПУ, поэтому приоритет отдавался исследованию тем связанных с искусством: «Ну, знаний было ноль, очень мало, но знала, что надо выбирать изобразительный какой-то ряд, ну мне говорили, если хочешь какой-то изобразительный ряд, иди тогда в этнографию или в историю искусств, но этнография лучше как-то по содержанию» [4]. На выбор профессиональной деятельности оказали влияние также психологические и физиологические особенности исследовательницы: «Да, это было до музея. А у нас в семье была бабушка главная, она сказала: «Света с твоими ногами, с твоими руками, с твоей головой, только в музее работать. Ты – девочка умная, слабо двигающаяся иди работать в музей, любишь сидячую работу». Я говорю: «Ладно». И пошла» [4].

Со временем работы исследовательницы пересматривали темы, корректировали. Первоначально Светлана Анатольевна планировала в рамках работы над диссертацией заниматься изучением кустарных промыслов в русских селах Алтая, но решила, что они были слабо развиты у старожильческого населения, которое имело возможность заниматься земледелием и скотоводством, поэтому остановилась на «декаротивке». В процессе работы расширила тематику сбора полевого материала, например, стала обращать внимание на структуру дома [4].

В студенческие годы Е.А. Коляскина также была привита любовь к идеям школы «Анналов», интерес к ментальности благодаря лекциям С.А. Гущиной. Первоначально собирался полевой материал по семейным традициям и обрядам русских старожилов Алтая, постепенно расширялась тематика, поскольку проблематика ментальности оказалась очень обширна, а обрядовая семантика лишь одной ее стороной. После экспедиции в составе отряда АлтГПУ (2001) произошло знакомство с устной историей, стал интересовать слом традиционного жизненного уклада в период раскулачивания, колхозной жизни, тыловой повседневности. Руководитель курсовой работы – Л.А. Явнова предложила «женскую тему» и дала прочитать монографию Г.А. Кабаковой [6]. Для дипломной работы была сформулирована тема, в дальнейшем давшая название диссертации: «Образ женщины в картине мира русских Алтая во второй половине XIX – первой трети XX в.» Она получила продолжение в исследовательском проекте РГНФ«Женщина и мужчина в русской деревне: гендерные стереотипы старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.» (2011-2013),по результатам которого была опубликована монография [7].

География исследований.

Территория Алтая рассматривалась исследователями в исторических рамках, приближенных к границам Алтайского горного округа Томской губернии. В современных границах это Алтайский край, Республика Алтай и прилегающая часть Восточно-Казахстанской области. Первоначально при сборе материала приоритет отдавался предгорным или юго-восточным районам Алтайского края, считавшимся «старожильческими», с хорошей сохранностью традиционной культуры: Солонешенский, Красногорский, Петропавловский, Чарышский, Алтайский. В Республике Алтай исследователей интересовали села Усть-Коксинского района, в которых проживают «уймонские сторообрядцы». Е.А. Коляскина собирала полевой материал и в г. Шемонаиха и селах Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Население этих территорий традиционно относилось этнографами к русским старожилам Алтая. Затем территория расширялась – восточная часть края рядом с г. Бийском – Кытмановский, Целинный, Троицкий, Бийский, Усть-Калманский районы, приграничные с Кемеровской областью – Тогульский, Солтонский, Ельцовский районы.

География экспедиций определялась чаще всего исходя из того, что исследовательницы ранее не собирали полевой материал в районе, что называется, «мне нужно было расширять географию исследований» [5, 9]. Поскольку большая часть полевых исследований проводилась на собственные средства этнографов, не маловажным фактором являлась возможность «бюджетно» и безопасно добраться, и проживать, поэтому наличие родственников, друзей или знакомых в районе было большим плюсом. Искали есть ли студенты или знакомые в селах, в которые собирались ехать или пользовались поступавшими приглашениями. Автор пользовалась возможность участия в экспедиционном отряде АлтГПУ.

Вход в поле.

Проблема принятия сельским старожильческим обществом, особенно старообрядческим стояла острее, чем у других этно-конфессиональных групп. Здесь значимыми являлись точки сопряжения – опять же наличие родственников, друзей или знакомых в селах. Так С.А. Соловьева в с. Топольное проживала по приглашению в семье подруги: «Мы с ней с института дружим... и она мне говорила, Наталья: «Света если ты будешь заниматься этнографией тебе мимо нас не пройти, езжай к нам в Топольное, мы тебе всем поможем... Я у неё жила, она сказала куда к кому нужно обратиться» [4]. Этнографы отмечают, что в этом случае было проще наладить общение с сельскими жителями и получить желаемый материал: «Мы когда в 13 году (в Верх-Уймон) ездили с Грибановой и Куприяновой... он учился в Барнаульском педе у Натальи Святославовны... мать вот этого вот ребёнка, ну или тётка она ему... она нас принимала, и она нас там поселила... Ну это уже понятно другой разговор, да, но хотя мы в Мульте то мы тоже были, там как-то так вот, ну да особняком они, вот стоят» [9].

Не маловажным являлось проявление уважения к нормам жизни респондентов, что должны был демонстрировать визуальный образ и способствовать успешной коммуникации, поэтому этнографы старались учитывать этот фактор в полевой работе: «Елена Федоровна (Фурсова), она вот этот момент четко... К старообрядцам – платок, юбка, все! У нее это было с первой секунды, т.е. как нужно одеться» [5]. В ходе подготовки к экспедиции руководитель отряда Л.А. Явнова инструктировала студенток, впервые принимавших участие, что платок и юбка являются обязательными для ношения женщинами-этнографами при работе в старожильческих, особенно старообрядческих селах Алтая. Были куплены или сшиты «рабочие» юбки макси или миди длинны. Опыт показал, что в «мирских» селах также необходимо соблюдать дресс-код и не отправляться на интервью в коротких шортах или сарафане. С.А. Соловьева считает неудачной поездку в 2001 г. в старообрядческое с. Верх-Уймон, в том числе из-за своего внешнего вида: «Я им внешне, наверное, не очень приятна была... Я в брюках хожу, не могу в юбке» [4].

Респонденты отмечали этнографов, которые оставили благоприятное впечатление о себе: «У нас тут была женщина, она в платочке приходила

В начале 2010-х гг. «рабочий» образ – молодая женщина в платке и длинной юбке – стал настораживать сельских жителей, ассоциироваться с сектантками, докучавшими сельчанам в этот период. Сменилось и поколение респондентов, для них стало обыденным ношение женщинами юбок выше колена и штанов, а выпадение исследовательницы из привычного им визуального образа вызывало недоверие и мешало коммуникации.

В этнографических экспедициях считалось нежелательным публичное курение женщиной и распитие спиртных напитков, о чем инструктировали студенток. Поскольку старообрядцы избегали общения с «табашниками», запрещалось курить перед интервью. По воспоминаниям автора, девушки просили парней купить сигареты в сельском магазине, чтобы не нарушать нормы поведения сельского социума, а руководитель экспедиции долго раздумывала, прежде чем приобрети бутылку водки для лечения простуды [9].

Методы сбора.

Первоначальная тема опросов, отражалась в словесной формуле, которую исследователи сообщали респонденту, объясняя цель разговора: «Как раньше жили, как свадьбы играли», а отбор респондентов соответствовал правилу: «чем старше, тем лучше». В первых экспедициях в качестве потенциальных респондентов рассматривались прежде всего старожилы, рожденных до 1917 г., преимущественно, это были женщины: «Упор делали на опрос респондентов, рожденных в досоветский период, т.е. самых старых, благо 1900 – 1910-х гг. рождения было достаточно. Темы наших исследований ограничивались первой третью XX в... Упор в первой экспедиции делался на строжилов, старообрядцев (Соолонешенский район)... Переселенцы вызывали меньший восторг, но в Петропавловском районе их было больше» [9].

Постепенно перешли на смесь биографического интервью и полуформализованного тематического опроса, такой подход позволял получать информацию о быте советской семьи и деревни до середины XX в. Изменились и критерии отбора респондентов, возраст уступил место «знаткости», осведомленности в исследуемой теме, опыту, репутации (повитухи, знахарки, бабушки «погружавшие» детей, столяры, строители и их потомки). Опыт показал, что существует разница в восприятии исследователя респондентом и, наоборот, в зависимости от пола, возраста, брачного состояния, наличия детей. С возрастом степень откровенности респонденток в интервью росла, порой делились интимными подробностями, на которые не претендовали. Выявилась разница материала, получаемого женщиной и мужчиной. Так, в одном из сел мужчина поделился со студентами эротическим фольклором, подобные тексты встречаются только в архивных записях этнографов мужчин.

Все исследовательницы начинали фиксацию интервью в полевом дневнике авторучкой, кассетные диктофоны появлялись не сразу: «Л.А. Явнова как руководитель экспедиции брала диктофон с кассетами, фотоаппарат мыльницу, пленку. Если у кого-то из студентов были мыльницы, тоже брали. Я брала только тетрадку и ручку с карандашом» [9]. Цифровые диктофоны вошли в обиход после 2010 г.

Одежду, утварь. интерьер, архитектуру и прочее фотографировали и писали кадры с кратким описанием предмета в полевой дневник. делали небольшие карандашные зарисовки, когда не было фотоаппарата или пленочные «мыльницы» не давали гарантии фотографий хорошего качества. Писали и видеоинтервью.

С 2004-2005 гг. с появлением цифровых фотоаппаратов стали активнее работать с семейными архивами, делать фотокопии документов (семейные фотографии, грамоты, письма), записывать воспоминания о них: «Фотографии, грамоты перефотографировала и записывала интервью о них» [4; 5; 9].

Полевой материал дополнялся источниками, хранящимися в сельских архивах, музеях и районных органах ЗАГС. Среди них были воспоминания, протоколы собраний

колхозов, МТС, похозяйственные книги, актовые записи о браках и разводах и др. [9].

Коллаборация.

Необходимость организации бытовых вопросов экспедиционной жизни, небезопасность «единоличных» поездок и преимущественное финансирование из личных средств порождали необходимость совместных полевых исследований.

В 2003-2009 гг. Л.А. Явнова и С.А. Соловьева проводили совместные полевые исследования в районах Алтайского края: «Мы с Ларисой Алксандровной, пошли по Чумышью, вот несколько деревень проехали, несколько районов прошли пешком, а потом мы ездили с ней в Смоленский район... В основном она выбирала районы» [4].

Как уже было сказано с 2001 по 2006 гг. Е.А. Коляскина участвовала в историко-этнографических экспедициях в составе отряда АлтГПУ под руководством Т.К. Щегловой. В 2005 г. была совместная поездка в Солтонский район с к.и.н. М.А. Овчаровой. В 2012-2013 гг. на средства гранта арендовалась машина с водителем для доставки в район экспедиции, что позволило совершить три поездки совместно с коллегами и заинтересованными студентами: в Усть-Коксинский район Республики Алтай с д.и.н. И.В. Куприяновой и к.и.н. Н.С. Грибановой, с Л.А. Явновой в Чарышский район, с П.А. Бочаровой в Есльцовский район., А.С. Гановичевой, С.Н. Жигачевым и В.П. Костроминым в Усть-Калманский район [9].

Сотрудничество автора с Л.А. Явновой продолжается на уровне доступа к полевым материалам, собранным в совместных экспедициях, обмена технологиями обработки цифровых документов. Так, Л.А. Явновой и Е.А. Коляскиной был создан общий электронный архивов экспедиционных материалов, куда входили электронные копии дневников экспедиций, фотографий, отчетов, аудио файлы и транскрипты части интервью.

Старожилы.

Исследователями впубликациях определено понятие старожилы как категория населения русских Алтая, которая была противопоставлена общности переселенцев во второй половине XIX – первой трети XX вв., исходя из классификации, считавшейся на тот момент устоявшейся. Эта категории являлись рабочим инструментом при сборе и анализе материала. Так в диссертации Л.А. Явновой старожилами считаются сельские жители (православные и старообрядцы, которые называли себя сибиряками), поселившиеся на Алтае в дореформенное время, переселенцами («российские» или «новоселы»), прибывшие в регион после реформы 1861 г. и в начале XX в. после реформ П.А. Столыпина [11, с. 6]. Е.А. Коляскиной старожилы описаны как потомки русского населения, поселившегося на Алтае до 1860-х гг., а переселенцы – крестьяне, прибывавшие в регион из губерний европейской части страны во второй половине XIX – первой трети XX вв. В одной из статей С.А. Соловьева использует термин старожилы в отношении этнографической группы русских, чьи предки переселились в Западную Сибирь, в отличии от переселенцев из различных губерний Европейской России, прибывавших на рубеже XIX–XX вв.[10, с. 236]. При этом сами респонденты чаще всего старожилами себя не называли, они использовали название конкретной этнографической/этнокультурной/этноконфессиональной группы, включаемой исследователями в общность старожилов – сибиряки, казаки, кержаки, челдоны и т.д. При этом самоидентификация респондентов – «тутошние», «здешние», «из старожилов» не всегда могло означать, что человек являлся потомком старожильческой группы, он мог просто утратить информацию о месте выхода своих предков, поскольку существовал уже большой временной разрыв между первыми волнами переселенцев и жизнью респондента.

Встречались сведения, ломавшие стереотипы, сложившиеся в этнографической литературе, так С.А. Соловьева зафиксировала пример, разрушавший устоявшееся мнение о распространении интерьерной росписи преимущественно в домах зажиточных

старожилов южного Алтая: «Где-то в июле двинула в Троицкий район... в Горюшино было очень много расписанных домов. Я говорю: «Вы хорошо жили?» Она говорит: «Нет, у нас был красильник и он расписывал всем дома». А деревня то была бедненькая, я говорю: «Деревня была богатая?» Она – нет, богатых там совсем не было, вот так с бабушкой и поговорили» [4].

Заключение.

На рубеже XX – XXIвв. г. Бийск сохранил свое положение как центра изучения русских старожилов Алтая, только базой этнографических исследований в большей степени стал АГГПУ. Бийские этнографы испытали научно-методическое влияние исследовательских центров ИАЭт СО РАН и АлтГПУ. Изучение старожильческой культуры происходило в контексте культуры русских Алтая в целом, поэтому переселенческим группам стало уделяться больше внимания при сборе полевого материала, чем это было в советские годы в экспедициях БКМ.

Благодарности

Работавыполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX — начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края»; автор выражает благодарность Ларисе Александровне Явновой и Светлане Анатольевне Соловьевой за сотрудничество и интервью.

Список литературы

[1] Антропология академической жизни: традиции и инновации. М. : ИЭА РАН, 2013.

[2] Грибанова Н.С., Коляскина Е.А. Формирование регионального центра по изучению народов Алтая на базе Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (1920-1980-е гг.) // Вестник АлтГПУ. № 50. 2022. С. 88-94.

[3] За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой. М. : ИЭА РАН, 2022.

[4] Интервью Соловьевой С.А. // Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Запись от 20.09.2021.

[5] Интервью Явновой Л.А. // Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Запись от 21.09.2021.

[6] Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001.

[7] Коляскина Е.А. Мужчина и женщина в русской деревне Алтая. Бийск : АГАО, 2015. 294 с.

[8] Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Томск, 2010. 23 с.

[9] Полевые материалы автора. Бийск. 2022.

[10] Соловьева С.А. Севернорусские традиции строительства жилища на Алтае // Рябининские чтения – 2015 : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 236-239.

[11] Явнова Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.07. Новосибирск, 2002. 31 с.

УДК 316.35:39

Причины появления русско-украинских биэтноров в России: ассимиляция украинцев или следствие смешанных браков?

Люля Наталья Викторовна
Ведущий специалист по учебно-методической работе УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.
natalyalyulya@mail.ru

АННОТАЦИЯ Согласно официальным статистическим данным, в России наблюдается процесс сокращения численности украинского населения, который исследователи связывают, прежде всего, с процессами формирования двойной этнической идентичности.Вданной статье рассматриваются причины формирования в регионах России русско-украинских биэтноров.Анализируя результаты полевых исследований 2020, 2021 г. автор приходит к выводу, что появление биэтноров в регионах России для представителей старшего поколения объясняется процессом общественно-политической ассимиляции, а появление русско-украинских биэтноров среди среднего и молодого поколения связаны уже, главным образом, со смешанными браками и влиянием ряда внешних факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА этническая идентичность, множественная этническая идентичность, биэтноры, русско-украинское население, Россия.

Многонациональный состав России обусловлен спецификой формирования населения на протяжении длительного времени. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее – ВПН) в России насчитывается 193 народа, самые многочисленные из которых русские – 80,9 %, татары – 3,87%, украинцы – 1,41 %, башкиры – 1,15%, чуваши – 1,05% [1]. Численность и иерархия этносов в XX–XXI вв. изменяется под влиянием ряда внутренних и внешних процессов, происходящих в стране (особенно 1920-е, 1930-е, 1950-е, 1990-е гг.), при этом преобладающим этносом являются русские.

Один из многочисленных народов, проживающих в России – украинцы, численность которых, согласно данным переписям населения (1897, 1926, 1939, 1959, 1989, 2002, 2010 гг.) изменяется. Анализ переписей населения за разные годы позволяет сделать вывод о сокращении представителей данной национальности. Так, с 1959 г. по 2010 г. численность украинцев в стране уменьшилась на 2,43 млн чел., по данным переписи населения 1959 г. в РСФСР украинцев насчитывалось 3,35 млн чел. (второе место) [2], ВПН 1989 г. – 4,36 млн чел. (второе место) [3], ВПН 2002 г. – 2,94 млн чел. (третье место) [4], ВПН 2010 г. – 1,93 млн чел. (третье место) [5].

Резкое сокращение численности украинцев в регионах России ставит перед исследователями вопрос о выявлении причин этого процесса. Как отмечает В.В. Бубликов: «причинысокращения украинской общины в постсоветский период не стольоднозначны … Основную роль вэтом процессе сыграл распад СССР и вызванные этим изменения вощущении украинцами России своего статуса: если в позднесоветскийпериод украинцы воспринимали себя как один из “титульных” народовСССР и сохранение своей этничности при проживании в другойреспублике казалось им естественным, то после возрожденияянезависимой Украины “легитимность” своей национальности сталавызывать сомнения (по принципу “живем в России, значит лучшезаписаться русскими”)» [6, с. 217-218]. Отмечается динамика изменения этнической идентичности среди украинцев в сторону русской. Однако, как показывают исследования, вопрос

этнической идентичности украинцев, проживающих в России многогранен и говорить только о том, что происходит резкий отказ от своей украинской идентичности и идентификации себя, как «только русских», нельзя.

В последнее время процессы изменения этнической идентичности ряда народов, проживающих в России, исследователи объясняют «множественной природой идентичности» как многомерного явления этничности [7]. Однако исследования по изучению формирования множественной идентичности только разрабатываются в России. В. Тишков отмечает, что «в современных государствах признается множественная, не взаимоисключающая идентичность на уровне коллективных общностей и на уровне отдельной личности» [8].

Проблемой множественной русско-украинской идентичности в регионах России активно занимается В.В. Бубликов, в рамках реализации ряда проектов в приграничных с Украиной регионах – Воронежской и Белгородской областях [9]. С 2020 по 2021 гг. под его руководством проводилось комплексное этносоциологическое исследование по теме «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» в пяти регионах России (Воронежская, Белгородская, Омская области, Алтайский и Приморский края). Список респондентов включал в себя 800 человек (анкетирование) и 100 человек (глубинное интервью) с множественной русско-украинской идентичностью.

Охваченная группа русско-украинского населения была стратифицирована по этнической принадлежности респондентов не на основании официальных документов, а по ощущению своей идентичности, которая могла в том числе и изменятся на протяжении жизни под воздействием ряда внутренних и внешних факторов [10]. Полученные результаты исследования отличаются от официальных статистических данных, где предлагается выбрать только одну национальность. «Ну, наверное, так сказать, смешанный микс ... Что-то среднее между украинцами и русскими, вот что-то такое, так сказать и то и то» [11]; «Ну я и русская, и украинка»[12].

Опросный лист включал в себя вопросы, анализ которых позволяет рассмотреть причины, оказывающие влияние на формирование множественной этнической идентичности.

Полевые исследования фиксируют в регионах России лиц с двойной русско-украинской этнической идентичностью, которая проявляется в разной степени и формах. Так, согласно полученным нами данным среди русско-украинских биэтноров 41,9% опрошенных считают себя в большей степени русскими, в меньшей – украинцами, 27,6% – и русскими, и украинцами одновременно, 12,5% – «хохлами», 10,1% – русскими украинцами, 7,9% – в большей степени украинцами, в меньшей – русскими. Механизмы формирования двойной этнической идентичности и появления биэтноров в России требуют комплексного изучения и могут быть рассмотрены в рамках существования разных процессов, оказывающих влияние на идентичность этнического меньшинства [13, с. 22-23].

Как отмечают исследователи, фактором появления лиц с двойной этнической идентичностью можно считать процессы ассимиляции украинского населения, проживающего в России. «Ассимиляция – предполагает растворение этнокультурных различий в некоей доминирующей культуре, которая в данномслучае позиционируется как образцовая и эталонная. В любом случае искомым результатом ассимиляции является создание гомогенногов культурном отношении общества» [13, с. 22].

Некоторые процессы ассимиляции украинцев в России имеют место быть, но несмотря на это, «трактовать “переход” большинства российских украинцев в состав русскихупрощенно, как некий линейный процесс естественной ассимиляции, нельзя.

Вряд ли один и тотже человек, указывающий разные “национальности” при переписях населения, может так быстроизменить свою реальную этническую идентичность. Большую роль здесь играют и процессы отождествления терминов российский и русский после распада СССР, особенно в приграничных регионах и за пределами национальных республик РФ», – пишет В.В. Бубликов [14, с. 213].

В тоже время в регионах России отмечается высокая степень сохранности различных элементов украинской культуры [15], несмотря на то, что «потомки украинскихпереселенцев во втором-третьем поколении сами считают себя русскими,но с определенными особенностями в языке и культуре» [16, с. 79]. Как отвечают многие респонденты, например о сохранности традиций приготовления украинских блюд в семьях и своих предпочтениях в выборе именно украинской кухни: «Очень люблю украинскую кухню, просто обожаю «..»» [17], «Вареники мы любим со сметаной»[18], «Еда вот больше украинская. Борщ, ну как все. Я же вырос еще ж с такого, а щас куда ж денешься!»[19].

Сохранение отдельных элементов украинской культуры, так как и их воспроизводство посредством семейной памяти, являются по мнению респондентов ключевыми в определении национальности. На вопрос «Что определяет национальность человека? Не Вас лично, а вообще. По каким критериям определяется национальность?», 35% респондентов определяют национальность по воспитанию, 47% – по культуре, 43% – по языку, 61% – по происхождению (родителям).Несмотря на доминирующую русскую культуру в России наблюдается национальное многообразие, которое влияет на формирование русской компоненты, сохранение своей культуры этническими меньшинствам позволяет говорить о формировании части украинской компоненты среди биэтноров. В своих ответах молодежь значительно больше отводит внимания культуре, как компоненту, который определяет национальность человека – 59% (18–34 лет), 49% (35–59 лет), 33% (60 лет и старше).

Несмотря на «доминирование» русской части этничности у большинства русско-украинских биэтноров в России, в культурном смысле они чаще демонстрируют «паритет» культур. Так, на вопрос «Культура какого народа Вам ближе, русского или украинского?» 34% ответили, что обоих народов в равной степени, 28% они смешаны, не могу выделить, 25% русского и 9% украинского.

Однако преобладающий процент опрошенных (61%) несмотря на значимость культуры, как определяющего критерия национальности не менее значимым считают происхождение и национальность предков. Принято считать, что этническая идентичность в первую очередь передается ребенку от родителей (так и считает большинство наших респондентов).

Если более подробно рассмотреть этничность предков русско-украинского населения России, то преобладающее большинство имеют смешанное происхождение – 49% (русские + украинцы) и 10% (русские + украинцы + другие), 29% только украинцев, 4% украинцы + другие, 4% только смешанная и русский, и украинец, 3% только русские и 0,4% русские и другие.

Соответственно можно сделать выводы об устойчивости рассматриваемой группы и сохранении обеих идентичностей своих предков. Если бы основная часть опрошенных респондентов являлась только украинцами по происхождению, то группа биэтноров характеризовалась как временная, с переходной формой этнической идентичности (от украинцев к русским) [14, с. 217].

Если рассмотреть подробно этническую идентичность предков респондентов, то можно говорить о том, что этничность предков коррелирует с национальной (этнической) принадлежностью респондентов (табл. 1).

Таблица 1.
Этническая идентичность респондентов и этническая идентичность их предков

Этническая принадлеж-ность респон-дента	**Только украин-цы**	**Русские + укра-инцы**	**Русские + укра-инцы + другие**	**Украин-цы + другие**	**Не знаю**	**Только смешан-ная и русский, и украи-нец**	**Только русские**	**Рус-ские + другие**	**Ввсего**
и русский(ая), и украинец(ка) одновременно	31%	48%	10%	4%	1%	3%	2%	0%	100%
русский укра-инец / русская украинка	32%	48%	9%	5%	2%	2%	1%	-	100%
«хохол» / «хохлушка»	57%	21%	4%	1%	1%	13%	3%	-	100%
в большей степени украинец(ка), в меньшей – русский(ая)	56%	29%	11%	5%	-	-	-	-	100%
в большей степени русский(ая), в меньшей – украинец(ка	14%	62%	12%	4%	2%	2%	4%	1%	100%
Всего	**29%**	**49%**	**10%**	**4%**	**2%**	**3%**	**3%**	**0%**	**100%**

Большинство респондентов с преобладающими ответами о своей этнической идентичности как «в большей степени русский(ая), в меньшей степени – украинец(ка)» (79%[29]); «русский украинец/русская украинка» (62%); «русский(ая), и украинец(ка) одновременно» (62%) этнически смешанного происхождения. Из группы респондентов у которых предки «русские + украинцы» 44% представители среднего возраста, 34% молодежи и только 22% старшего поколения. При этом чуть больше 50% биэтноров, предки которых русские + украинцы проживают в городе. Специфика рассматриваемой группы характеризуется именно возрастными особенностями.

В регионах азиатской части России длительность времени пребывания на отдаленной от исторической родины, культурная и языковая близость украинцев с русским населением приводила к прямым контактам, украинцы не являлись закрытым этносом ни в культурном отношении, ни в вопросах заключения браков, особенно начиная с послевоенного времени. Хотя, еще в 1930-е гг., национальность играла роль при выборе супругов и большей степени приоритет отдавали представителю своей национальности (т.е. украинцам).

Более высокий процент биэтноров, произошедших от смешанных браков русских и украинцев зафиксирован в Приморском крае – 55%, в Алтайском крае – 52%. Возможно, это связано с тем, что на территории Приморского края украинцы долгое время проживали обособлено и контактировали в основном с представителями коренных народов [16], браков с которыми не заключали и только массовые миграции русских в регион и процессы урбанизации оказали на данный процесс особое влияние, браки стали заключаться между русскими и украинцами. В Алтайском же крае украинское население было расселено в районах, где параллельно активно обустраивались русские

[29] Здесь и далее совокупно национальность предков: «русские + украинцы», «русские + украинцы + другие», «украинцы + другие», «русские + другие» (табл. 1).

переселенцы, а заключение браков с представителями других национальностей не приветствовалось (с казахами, немцами). Именно этим объясняется такой высокий процент в рассматриваемых регионах и возрастной группе (родители, бабушки и дедушки опрошенных примерно 50–60 г.р. XX вв.).

Полученные результаты исследования позволяют говорить о формировании двойной идентичности, даже если в роду были представители другой национальности («русские + украинцы + другие национальности») – 10%. При этом он значительно выше, чем если предки респондента «украинцы + другие национальности» – 4%. Первый вариант приводит к формированию «в большей степени русский(ая), в меньшей украинец(ка)» – 49%, и «русский(ая), и украинец(ка) одновременно» – 28%, «русский украинец/русская украинка» – 9%, «в большей степени украинец(ка), в меньшей русский(ая)» – 9%, «хохол/хохлушка» – 5%. Смешение национальностей в роду русско-украинского населения России характерно для молодого поколения – 54%, в меньшей для среднего (32,5%) и старшего возраста (13,5%). Связано это с тем, что в 1990 – 2000-е гг. заключение межнациональных браков массово распространяется, но несмотря на предков разной национальности в роду сохраняется как русская, так и украинская компонента этнической идентичности. В ответах респондентов зафиксированы следующие национальности: евреи, немцы, цыгане, китайцы, казахи, поляки, марийцы, мордва, эстонцы, татары, литовцы и др. Как мы видим, это национальности, культура которых не является родственной для украинцев и русских, что объясняет полученные результаты. Низкий процент биэтноров при предках украинцы + другие национальности связан с тем, что брак был заключен с представителем белорусской, польской, румынской национальности среди представителей старшего поколения – 6%. Что опять же позволяет сделать выводы о влиянии внешних факторов на обрусение и сохранение украинской компоненты при наличии в роду предков украинцев.

Биэтноров, предки которых являются только украинцами насчитывается 29%. Такие респонденты считают себя: «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» – 29%, «хохол» / «хохлушка» – 24%, «в большей степени русский(ая), в меньшей степени – украинец(ка)» – 20 % и только 15% «в большей степени украинец(ка), в меньшей – русский(ая)». Биэтноры с потомками только украинцами в основном проживают компактно – в селах или малых городах – 64% и представляют старшую и среднюю возрастную группу – 52% и 32% соответственно, на молодое поколение приходится всего 16%.

Полученные результаты исследования позволяют говорить о процессе ассимиляции, формировании русскости у прямых потомков украинцев, проживающих в регионах России. Влияние на формирование двойной идентичности опрошенной категории респондентов, точнее появлении русской компоненты можно определить с позиции влияния общественно-политических факторов, среди которых длительность проживания в России, влияние русскоязычной среды, обучение на русском языке и вызванное этим ощущение большей социальной престижности русскости, а также влияние русской культуры [6, с. 182].

Отдельно следует обратить внимание на процесс изменения идентичности прямых потомков украинцев и существовании в регионах России пограничной этнической идентичности – «хохлы». Исследователи отмечают, что самоназвание «хохлы» – это промежуточная этническая идентичность междурусской и украинской[21, с. 427]. Как пишет Е.Ф. Фурсова, наряду с одновременным сохранением самоопределения «хахлы», наблюдается свободное причисление себя как к русским, таки к украинцам, что обусловленоименно существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции или «русификации»[22, с. 752]. При этом термин «хохлы» воспринимается респондентами как объединяющее самоназвание(это что-то среднее между украинцами и русскими), а не самостоятельного этнонима. Так, 38% опрошенных назвали себя «хохлом» / «хохлушкой»

(да, для меня это близкое название), 18% считают себя «хохлом» / «хохлушкой» только отчасти. Из количества респондентов первого варианта ответа 40% являются представителями старшей возрастной группы, 38% средней и 22% молодого поколения. Среди опрошенных, которые относят себя к «хохлу» / «хохлушке» преобладает процент предков «только украинцы» – 57%, «русские + украинцы» – 21%, «только смешанная и русский, и украинец» – 13%, «русские + украинцы + другие» – 4%, «только русские» – 3%, «украинцы + другие, не знаю» по 1%. Соответственно, формирование идентичности «хохол» / «хохлушка» также можно объяснить влиянием внешних факторов на украинцев, проживающих в регионах России.

Интересным является факт фиксации двойной этнической идентичности у респондентов, предки которых только русские (3%) или русские + другие национальности (0,4%), проживающих в сельской местности и преимущественно в приграничных с Украиной российских регионах – Белгородская область – 6% и 0,6%, Воронежская – 3% и 0,6%. Возможно, это связано с тесными контактами с жителями Украины.

Таким образом, формирование биэтноров в регионах России объясняется для представителей старшего поколения с точки зрения процесса ассимиляции, скорее даже вынужденной для устойчивого существования группы в социальном пространстве российского общества и культуры, в целом страны. Двойная русско-украинская идентичность включает в себя по результатам исследования два основных компонента: территорию проживания (гражданство) – 66%, что влияет на русскую компоненту; происхождение, родители – 76%, что влияет на украинскую компоненту.

Причины появления русско-украинских биэтноров среди среднего и молодого поколения чаще связаны уже со смешанными браками и все также влиянием внешних факторов, которые для представителей данной возрастной группы объясняются еще и престижностью этнической группы в обществе, что оказывает влияние на проявление интереса к украинской компоненте, ее сохранении и дальнейшей трансляции.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

Список литературы

[1] Всероссийская перепись населения 2010 года // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php (дата обращения: 22.06.2022).

[2] Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=0 (дата обращения: 22.06.2022).

[3] Всесоюзная перепись населения 1989 года.Национальный состав населения по регионам Россииhttp://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=0

[4] Всероссийская перепись населения 2002 года.Национальный состав населения по регионам Россииhttp://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=0

[5] Всероссийская перепись населения 2010 года.Национальный состав, владение языками, гражданство // http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php

[6] Бубликов В.В. Украинцы в России: динамика численности и трансформация самосознания // Этнические меньшинства в истории России. Материалы Второй международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 215-223.

[7] Тишков В. Конструирование этнической идентичности. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html (дата обращения: 23.06.2022).

[8] Тишков В. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждении. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html (дата обращения: 23.06.2022).

[9] Бубликов В.В. Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 138–157.

[10] Бубликов В.В. Между русскими и украинцами: трансформация этнической идентичности лиц с русско-украинской этничностью в России // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 168-187.

[11] К.Е.В., 1989 г.р. (жен.). г. Воронеж, Воронежская область.

[12] Р.Д.С., 1981 г.р., (жен). Красноярский район, Белгородская область.

[13] Аксюмов Б.В., Хачатрян Л.В. Формирование российской цивилизационной идентичности в контексте этнокультурного многообразия // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 22-26.

[14] Бубликов В.В. Русско-украинское населениеприграничных с Украиной территорий России:этнокультурная или переходная группа? // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 212-223.

[15] Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке // Грибанова Н.С., Чернова И.В., Люля Н.В., Свидовская А.С.Барнаул, 2017. 306 с.

[16] Трансформации этнического самосознания украинцев Омской области как результат адаптации к проживанию в полиэтничной среде / Волохина И.В., Коровушкин Д.Г., Крих А.А. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. 12. № 2. С. 76–79.

[17] В.Г.В., 1955 г.р. (жен.). Хорольский район, Приморский край.

[18] К.В.М., 1981 г.р. (жен.). Романовский район, Алтайский край.

[19] А.М.И., 1950 г.р. (муж.). Павлоградский район, Омская область.

[20] Темергалеев Р. Украинцы Приморского края в 1897–2010 гг. в демографическом разрезе: от ядра «зеленого клина» до ассимиляции // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. №4. С. 150-169.

[21] Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке,государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки. Колл. монография.М.: Институт славяноведения РАН, 2018. 528 с.

[22] Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населенияЗападной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748-753

УДК39+993+72.03

Сибирские православные храмы XVII–XXI веков: образный строй и архитектурная метрология как выражение идентичности

Майничева Анна Юрьевна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
annmaini@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-0784-4252

АННОТАЦИЯ В статье впервые прослежено влияние на сибирские православные храмы XVII–XXI вв. идентичности создателей в ракурсе образного строя и архитектурной метрологии церквей. Рассмотрены примеры Софийского собора в Тобольске, церкви Владимирской Богоматери в Братске, Киренской Никольской церкви Свято-Троицкого монастыря, типовых проектов церковных зданий в конце XIX – начале XX в., церквей Новосибирской области, построенных на рубеже XX-XXI в. Сделан вывод о том, сибирские церкви отразили сложный процесс взаимодействия идентичностей их создателей на разных уровнях, включая личностный, локальный/региональный, государственный.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА православные храмы, образный строй, архитектурная метрология, идентичность, XVII–XXI века, Сибирь.

В научном дискурсе существуют термины «национальная архитектура» и «национальный стиль в архитектуре», которые имеют многозначное содержание, от полной самобытности и традиционности до новаторских, благодаря заимствованиям, произведениям, но относящихся к созданию в рамках существования какой-либо нации. Очевидно, что подходов к изучению особенностей произведений национальной архитектуры огромное множество, поэтому имеет смысл обратиться к одному из аспектов проблемы: как в архитектуре выражается идентичность ее создателей. Еще более сужая тематику, предлагается рассмотреть влияние на сибирские православные храмы XVII–XXI веков идентичности создателей в ракурсе образного строя и архитектурной метрологии церквей, что будет сделано впервые. Пришлось также ограничить себя «официальным» православием, оставив в стороне широкий пласт, например, старообрядчества. Автор отдает себе отчет, что даже в такой формулировке тема слишком обширна и многоаспектна, поэтому в статье предлагается наметить некоторые основные черты и характерные особенности трансформаций образного строя и архитектурной метрологии, присущие сибирским православным храмам на протяжении нескольких столетий от начала активного освоения русскими сибирских территорий в XVII в. до современности.

Общепризнано, что архитектура выражает идейную сторону жизни общества формами, материалами, размерами и пропорциями, что создает основу образного строя зданий и сооружений православного храмового зодчества. Обозревая историю изменений в архитектуре сибирских церквей, можно выделить несколько уровней воплощения образного строя: личностный, локальный или, несколько шире, региональный, и общероссийский, что коррелирует в определенной степени с уровнями самоидентификации в иерархии идентичностей. В качестве примеров будут взяты как отдельные церкви и их создатели, так и массовое строительство при преимущественном использовании подходов case-study.

В истории сибирского православного храмового зодчества известны примеры возведения храмов по «образцам», которыми выступали, как правило, столичные церкви. Одним из первых примеров является собор Софии Премудрости Слова Божия

в Тобольске (в дереве построен в 1621 г., освящен 21 октября 1622 г., после пожара в 1677 г. перестроен, выполнен в камне в 1683–1686 гг.), который был выполнен пятиглавым. Предшественником его образа и архитектурной метрологии («мерою кругом и в вышину» [5, с. 20], выступает церковь Вознесения в Московском Кремле (начало XVI в.) [15]. Заказчиком и ктитором храма стал митрополит Киприан, служивший в Новгороде и присланный в 1620е гг. возглавить Тобольскую епархию. Он хотел видеть Тобольскую Софию с пятью главами, как рекомендованный аналог и Софийский собор в Великом Новгороде, что явственно говорит о проявлении его культурной идентичности в выборе образа новой церкви на личностном и общегосударственном уровне. Личностный уровень идентичности ставит вопрос о степени личной свободы в творчестве создателя храма в позднем средневековье. А.С. Преображенский доказательно высказал тезис о существовании авторской свободы иконописцев в эпоху средневековья на основе профессиональной ответственности и самосознания [7, с. 61], что можно распространить при некоторых допущениях и на зодчих. Государственный уровень как нельзя лучше соответствует феномену существования суперэтноса в период Московского царства. Начальный этап освоения сибирских территорий не только характерен отсутствием собственных школ зодчества, но и стремлением манифестировать принадлежность культуре всей страны, население которой можно определить понятием «суперэтнос», и использовать уже имеющиеся лучшие разработанные образцы зданий.

Церковь Владимирской Богоматери существовала на рубеже XVII–XVIII в. в Братске, одном из первых русских городов Среднего Приангарья. Рассмотрение этнокультурного контекста ее создания выявило выражение локального (регионального) варианта этнокультурной идентичности ее создателей [14]. Сибирская архитектура XVII в. была связана с архитектурой Русского Севера вследствие того, что на ранних этапах Сибирь осваивалась выходцами из северорусских территорий, приносивших свою культуру на новые земли, что подтверждает анализ сохранившихся памятников архитектуры, письменных, изобразительных и прочих источников (см., например, [10]). Известно, что в деревянной архитектуре Русского Севера на рубеже XVII–XVIII вв. одним из распространившихся типов церквей были клетские храмы, имевшие бочечные покрытия центральной части [11]. Образный строй и метрология Братской церкви совпадает с их особенностями и характерными чертами построенных в тот же период и располагавшихся в том же регионе илимских церквей – Введенской (1673 г., по другим данным 1693 г.) и Казанской иконы Божией Матери (1679 г.), что свидетельствует о работе конкретного мастера или его «ватаги». Этнокультурная идентичность в этом случае проявляет свою многоуровневость, наряду с локальным/региональным уровнем существует и личностный, что можно усмотреть в предпочтениях заказчиков, енисейских служилых людей, и главы епархии, выходца с Русского Севера [12, с. 63], без разрешения которого церковь не была бы построена, а также общероссийский, совпадающий с принципами христианской культуры. План церкви построен с учетом «схемы Троицы», характерной для деревянных церквей раннего и позднего средневековья, включая XVII в. [13], что определило основные размеры церкви, формы ее частей, расположение и размер глав, окон, дверных проемов, крыльца.

Еще один пример касается Киренской церкви свт. Николая Чудотворца Свято-Троицкого монастыря Иркутской епархии (начало строительства 1758 г., освящена в 1785 г., сгорела в 1930-х гг., даты даны по[4, с. 287-288]. Время ее создания, XVIII век, характеризуется сложными социальными процессами, связанными с возрастанием западного влияния, распространением европеизации и секуляризации, введением разнообразных реформ. Д.А. Сдвижков пишет: «Вера перестает быть данностью и становится предметом рефлексии, она требует самоопределения. Глубокие перемены в религиозной культуре XVIII века затушеваны тем, что религия как таковая олицетворяет традицию в противовес центральной идее века, просвещению и прогрессу» [9, с. 33].

Архитектура Киренской церкви не имеет прямых аналогов, но в литературе было высказано предположение о том, что на образный строй церкви повлиял ее строитель игумен Вениамин Юзефович, выходец Малороссии, где можно найти подобные силуэтные церкви [3, с. 40]. Дальнейшие исследования показали [6], что, действительно, ряд признаков позволяет допустить ее некоторое единство с барочной украинской архитектурой XVIII в., а также было установлено, что зодчий церкви обратился к стилистике псевдоготики, которая появилась в 1770 гг. в связи с желанием увековечить победы России в Турецкой войне 1768–1774 гг. В 1785 г. после переключения внимания Екатерины II на византийскую тему «готика» стала одной из стандартных методик проектирования иодобрялась московским митрополитом Платоном (см. [8]). Идентичность создателей Киренской церкви проявилась в сочетании традиционности и исключительности в архитектуре, первая была тесно связана с сакральными и базовыми строительными приемами, а вторая с визуальной составляющей архитектуры – пропорциям, метрологией, трактовкой форм и конструкций. В образном строе храма усматриваются противоречивые тенденции в культуры эпохи, поиски новых путей развития. Показательно, что образный строй церкви более не встречался в сибирском церковном зодчестве.

В конце XIX – начале XX вв. строительство по образцам и благословенным храмозданным грамотам получило развитие в типовых проектах для сибирских церквей, которые были разработаны в связи с расширяющимися миграционными процессами в Сибирь. Строительство большого количества новых храмов поддерживалось Фондом им. Александра III. Потребность в возведении церквей в самых разных по величине и географическому положению поселениях, основанных на переселенческих территориях, удовлетворялась простотой выбора по имеющимся шаблонам и вело к унификации застройки, регулируемой из единого центра, показывая общегосударственный уровень идентичности. В образном строе преобладало обращение к русскому и византийскому стилям [2]. Таковы, например, церковь св. Серафима Саровского в с. Турнаево Болотнинского р-на Новосибирской обл., храм Алекандра Невского в Новосибирске.

В конце XX – начале XXI в. в общественную и культурную жизнь России вернулось возведение православных культовых сооружений. На примере Новосибирской области установлено, что в новых деревянных культовых постройках превалируют клетские и шатровые формы, ставшими традиционными для русской архитектуры. Архитектура каменных церквей тяготеет к подражанию «русскому стилю» с элементами эклектики. В образном строе многих церквей воспроизводится историческое здание в качестве образца. В целом, архитектура церквей характеризуется чертами, известными по предыдущим периодам, что отличает ее от примеров построек церквей в Белоруссии, где наблюдаются наряду с традиционными, новаторские для культовых зданий приемы современной архитектуры [для сравнения см. 1].

Православие как христианская конфессия характеризуется надэтничностью, что коррелирует с существовавшим в период позднего средневековья в Московском царстве суперэтносом и сопутствующей ему и не исчезнувшей в дальнейшем идентичностью общегосударственного уровня. В Сибири на протяжении XVII–XXI вв. актуальность приверженности к православию и осознание ценности государства и причастности к его жизни вызвала непрекращающийся интерес к созданным в прошлом образцам храмовых зданий, показывая связь идентичности их создателей с коллективной памятью и мемориальностью. Сибирские православные церкви в своем развитии отразили сложный процесс взаимодействия идентичностей их создателей на разных уровнях, включая личностный, локальный/региональный, государственный.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

[1] Балуненко И.И. Архитектура современных православных храмов Беларуси: традиции и мировой контекст: автореф. дис. ... канд. искусств. Минск, 2015. 26 с.

[2] Журин Н.П. Фонд Императора Александра III: церкви и школы на Великой Сибирской железной дороге // VIII Баландинские чтения. Новосибирск, 18-20 апреля 2014 г. Новосибирск: НАРХИ. С. 239-246.

[3] Калинина И. Церковь Киренского монастыря // Земля Иркутская: Науч.-попул. илл. журн. 1999. № 11. С. 36-40.

[4] Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начало XX века: Научно-справочное издание. М.: Галарт, 2000. 496 с.

[5] Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII–XVIII веков. Новосибирск: Наука, 1979. 256 с.

[6] Майничева А.Ю. Загадка Киренской церкви: традиционность vs исключительность. образно-символический строй в архитектуре православных церквей // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 1 (31). С. 153-170.

[7] Преображенский А.С. О некоторых формах самосознания византийских и русских иконописцев // Художник в Византии и Древней Руси. Проблема авторства. Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М., 2014. С. 59-119.

[8] Путятин И.Е. К хронологии и идеологии русской «готики» XVIII века // Academia. 2009. №3. С. 54–56.

[9] Сдвижков Д. Новая личность и новая религиозность в русской автобиографике XVIII – первой половины XIX века// Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 408 с. С. 29-60.

[10] Фурсова Е.Ф., Пермиловская А.Б., Черных А.В., Зуев А.С., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Голомянов А.И. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. 296 с.

[11] Шаповалова Л.Г. Каргопольские храмы с бочечным завершением // Материалы IX научной конференции в Каргополе Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь, 2006.С. 204-213.

[12] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северныйдом, 1993. 463 с.

[13] Mainicheva A.Y. «As the measure and beauty suggest»: traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches, Anthropology, ethnology and anthropology of Eurasia, 2015, Vol. 43, Iss.1, pp. 135-143.

[14] Mainicheva A.Y. Ethno-confessional markers of Russian identity in the 17th-18th century Siberia: churches with barrel roofing, Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia, 2015, Vol. 43, Iss.3, pp. 100-106.

[15] Mainicheva A.Y. The Consecration of altars in 17th–21st century Siberian Orthodox churches: the neurosymbolic aspect. Archaeology, ethnology and anthropology ofEurasia, Vol. 49, Iss. 1, 2021, pp.126-132. DOI:10.17746/1563-0102.2021.49.1.126-132.

УДК 39

Старожильческий компонент в обрабатывающих ремеслах и промыслах русских Алтая в конце XIX – первой четверти XX вв.

Мамонтова Оксана Сергеевна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
slon7980@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9231-3164

АННОТАЦИЯ В публикации поднимается дискуссионный вопрос использования севернорусских традиций как маркера старожильческого компонента в обрабатывающих ремеслах и промыслах русских Алтая конце XIX – первой четверти XX в. На примере женского гончарства алтайских старожилов предпринята попытка выявить параллели с технико-технологическими традициями Русского Севера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Алтай, старожилы, обрабатывающие промыслы и ремесла, традиция, гончарство

Тема истории развития художественных и обрабатывающих промыслов и ремесел на протяжении последнего десятилетия не теряет своей актуальности, что связано с действиями Правительства Российской Федерации по сохранению материального и нематериального наследия народов России и тенденциями в туристическом бизнесе. В настоящее время одним из модных направленийв сфере туризма является создание развлекательно-познавательного продукта, включающего в себя разнообразные мастер-классы народных мастеров с привязкой к территориальным особенностям, так называемого ремесленного туризма. Последствия глобализации привели к возрождению интереса туристов к этнокультурной самобытности. В результате растет спрос на аутентичные ремесла и промыслы, чей потенциал огромен. Регионы стремятся представить наиболее архаичные и уникальные производства, обращаясь к традиционной культуре народов, проживающих на территории того или иного субъекта Российской Федерации [4; 14]. На государственном уровне ведется работа по поддержке центров традиционных народных художественных промыслов и мастеров. Подобные меры принимаются и на территории Алтайского края. Так, в 2009 г. Постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания был принят закон «О почетном звании Алтайского края «Народный мастер Алтайского края» в целях сохранения и развития народных художественных промыслов и ремесел, поддержки творческой индивидуальности и самобытности мастеров, обеспечения преемственности традиций и привлечения населения Алтайского края к их освоению [18, с. 185]. В апреле 2022 г. с внесением редакции в предыдущий документ был издан указ Губернатора Алтайского края об учреждении звания «Народный мастер Алтайского края» [15]. В туристической сфере деятельность мастеров становится одной из визитных карточек региона. Их творчество демонстрируется на международных и всероссийских выставках-ярмарках. На площадках тур-кластеровкрая одной из востребованных услуг становятся мастер-классы гончаров, ткачей, кузнецов, обработчиков бересты, дерева, шерсти, мастеров по росписи и т.д. Одним из главных брендов, который активно позиционируется туристической отраслью края, является бренд, связанный с культурным наследием русских старожилов. Туристам предлагается, познакомится со старожильческими населенными пунктами, костюмом, кухней, обрядовой и песенной культурой, а также промыслами и ремеслами[2; 12]. Но, зачастую, мастера, позиционируя свое занятие как «исконное» для русского старожильческого населения Алтая, не обладают знаниями

о различиях между этнографическими группами русских, о распространении тех или иных ремесел и промыслов, технико-технологических традициях, ассортименте, декоре. Лишь небольшая группа мастеров в ходе своей работы обращается к традициям региона, создает на их основе оригинальные изделия или воспроизводит реплики. Большинство предпочитает следовать образцам областей центральной России, об истории художественных промыслов и ремесел которых, опубликовано достаточно научно-популярных работ. Также активно развиваются новые виды ремесел и промыслов, которые не имеют под собой какой либо традиционной составляющей: изготовление предметов из стекла, украшения из кожи, витражная роспись и т.п.

Между тем в отечественной историографии понятие «старожил» определено, очерчен круг этнографических групп, которые оно включает в себя. Так, классификация групп русских Алтая подробно изложена в работах алтайского историка, этнографа, доктора исторических наук Т.К. Щегловой[19; 20].

Основная же проблема, которая встает в процессе исследования старожильческого компонента в обрабатывающих ремеслах и промыслах русских Алтая, заключается в том, что в настоящее время достаточно сложно выделить их конкретные виды или отличительные черты в технико-технологических традициях, ассортименте, декоре и т.п.

На рубеже XIX–XX вв. обрабатывающие ремесла и промыслы русского населения Алтая входили в круг интересов многих исследователей, которые занимались вопросами массового крестьянского переселения, землеустройства, обустройства новоселов, их бытом. В их работах нашли отражение география распространения промыслов на территории Алтайского (горного) округа, их виды, численность мастеров, объем производимой ими продукции, способы реализации, доходность и т.д. Исследования данного периода объединяет общий тезис, в котором отмечается, что зарождение и развитие ремесел и промыслов на территории округа связано исключительно с переселенцами из Европейской части России и Урала. «Переселенцы положили здесь начало пимокатному и кузнечному промыслам, выделке кож и войлочных шляп; из них явились экипажники, токари и мебельщики» [13, с. 326-327]. «Оживление кустарных промыслов и ремесел является делом рук опять тех же новоселов. Шубники, пимокаты, столяры, слесаря, штукатуры, даже плотники – в большинстве своем новоселы» [13, с. 236].

Безусловно, старожилы для удовлетворения собственных потребностей занимались обработкой природных материалов. Благодаря природно-географическому и экономическому факторам, в некоторых уездах ряд производств вышел из рамок домашнего и приобрел черты ремесла, а порой и промысла. Но, по мнению исследователей, изделия старожилов, в связи с невысокими эстетическими запросами потребителей, отличались «грубой первобытностью, а производство является застывшим на первой же ступени развития». Лишь с появлением мастеров-переселенцев, которые «лучше нежели старожилы знают технику производства и оказываются более искусными чем вторые»,изделия, производимые крестьянами стали иметь товарный вид и, как следствие, спрос [1,с. 89, 355; 3, с. 163; 9, с. 29].

К сожалению, при описании состояния ремесел и промыслов, за редким исключением, можно встретить лишь замечания о том, что какое-либо производство бытовало в среде старожилов. Основной акцент был сделан на хозяйственно-экономическое положение переселенцев, что объясняется целью данных исследований Статистическим отделом Главного Управления Алтайского округа в конце XIX–начале XX вв. Так, в «Материалахпо исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе)» в д. Моховой указывалось, что старожилы умеют делать колеса, но производят их лишь для личного потребления [11, с. 240]. Старожилы с. Савинский Станец Барнаульской волости для собственных нужд, на заказ и «вольной продажи» делают колеса и телеги [11, с. 254].

В опросных листах некоторых статистических материалов содержался вопрос о времени существования промысла. В качестве ответа интервьюеры указывали год начала работы или сколько лет существует промысел. В частности, присутствовал вариант ответа «изстари», который, к сожалению, не дает представления о длительности существования промысла и занятости в нем старожилов. Так, например, о гончарном и пимокатном производстве в с. Колыванском и Змеиногорском сказано, что данные промыслы велись «изстари» [7,с. 21, 24]. В бондарном промысле, который существовал «изстари» в с. Загайновском Бийской волости 35 человек из соснового леса вырабатывали бочки, кадки и мелкую посуду для продажи в соседние села [7,с. 27].В с. Таурак Куяганской волости «изстари» одним мастером круглогодично выделывалось до 200 крашенных и некрашенных столов, стульев, диванов, шкафов [7, с. 27]. К «наиболее древним и прочно установившимся из кустарных промыслом» исследователи относили и кожевенный промысел. [13, с. 328]. Несмотря на то, что вышеперечисленные населенные пункты относились к старожильческим, в период проведения исследования в них проживал уже большой процент переселенцев, поэтому не ясно – зародились ли эти промыслы с среде старожилов или же были завезены. Данные по времени возникновения обрабатывающих промыслов в Алтайском (горном) округе были чрезвычайно скудны, по отношению же к овчинному производству, например, вообще отсутствовали [10, с. 184]. Все это затрудняет выявление наличия в них старожильческого компонента.

В связи с этим, в качестве маркера старожильческого компонента в обрабатывающих ремеслах и промыслах русских Алтая в конце XIX–начале XX вв. можно предложить выявление в них северорусских традиций, так как «у старожильческого населения преобладала сдержанная северорусская культура»[20, с. 128]. Так, новосибирским этнографом, доктором исторических наук Е.Ф. Фурсовой севернорусский компонент был выявлен во многих составляющих традиционной культуры старожилов юга Западной Сибири: хозяйственно-бытовых занятиях, костюме, культуре питания, фольклоре, обрядах [16; 17]. Северорусский компонент был выделен Т.К. Щегловой в архитектуре русских Алтая [6].

По нашему мнению, из всех видов обрабатывающих промыслов и ремесел русских Алтая, севернорусский компонент наиболее просматривается в гончарстве, точнее в одной из его форм – женском гончарстве. Выделение северорусских традиций в гончарстве в качестве указателя на старожильческий компонент видится нам приемлемым, так как он находит свой подтверждение на материалах Иркутской области [5].

Для женского гончарства русских Алтая характерна технология изготовления лепной керамики, как и для Русского Севера, где оно, например, былозафиксированов Архангельской и Вологодской областях. Несмотря на влияние межэтнических коммуникаций и адаптацию к природно-климатическим и этнокультурным условиям, производство лепной керамики вплоть до 1930-х гг. продолжало устойчиво сохраняться в среде алтайских старожилов и было зафиксировано в Алтайском, Солонешенском, Чарышском, Краснощековском, Усть-Пристанском, Каменском районах Алтайского края.В первой трети XX в. под давлением различных хозяйственно-экономических факторов женское домашнее гончарство постепенно начало приобретать черты ремесленного производства. Например, в с. Рассказиха Шадринской волости в начале XX в. выделывалась лепная посуда женщинами в жилой избе. Производство составляло до 10000 корчаг, горшков и крынок, которые, в основном сбывали в соседние селения и г. Барнаул. Но из-за «первобытного способа» данная продукция не могла конкурировать со специальными гончарными заведениями [7, с. 16].

На Алтае женщины занимались изготовлением посуды в теплое время года (весна-лето-осень). Как правило, процесс производства проходил на территории усадьбы, в бане, избе. На Русском Севере гончары также в качестве мастерской могли использовать жилое помещение, но работали они в осенне-зимний период в свободное

от сельскохозяйственных работ время. Ассортимент инструментов алтайских и севернорусских гончаров был схож: ручной круг, деревянные ножи для правки стенок сосуда, тряпки для заглаживания поверхностей, нить (леска, струна, проволока) для снятия сосуда с круга. Женщины на Алтае могли лепить посуду, не используя круг. Это является исключительной особенностью алтайского женского гончарства. Для лепки сосуда подходила любая плоская поверхность: стол, доска и т.п.

Способы подготовки глины к работе на Алтае и на Русском Севере были практически идентичны. Как правило, глину топтали ногами, добавляя по мере необходимости песок, дресву, воду.

Как было сказано выше, для женского домашнего гончарства Алтая и Севера России характерны архаичные технико-технологические традиции изготовления посуды. Основным способом формовки сосуда был метод кольцевого (ленточного, жгутового) налепа. На подготовленное донышко выкладывали ярусами глиняные ленты (жгуты) тщательно примазывая их друг к другу. Затем жгуты затирались руками или ножами, трепалами, щепками и заглаживались водой. Например, в Верхнем Уймоне для сосуда высотой около 35 см использовали пять жгутов. На Бухтарме для изготовления кринки или горшка использовали три «каралички», для корчаги – пять. «Караличками» здесь называли круглые длинные куски глины (ленты, жгуты), которые напоминали по форме местное печенье «каралики». В Вологодской области такие глиняные жгуты назывались «скалы», «скалки». Интересно, что на Алтае при описании процесса изготовления посуды информаторы говорили, что мастер «скёт» горшок из глиняных лент.

Дальнейшие действия по обработке посуды были идентичны. Вылепленную посуду ставили на несколько дней для просушки на скамейки, полки, полати в доме, сенях, бане, кладовке. Затем производился обжиг. На Алтае в качестве горна использовали русскую печь, «камины» сложенные на территории усадьбы. Для гончаров Русского Севера также было характерно использование русской печи для обжига посуды. На Алтае в качестве топлива старались использовать березовые дрова, так как они позволяли достичь нужной температуры, необходимой для образования плотного черепка. За их неимением использовали любую древесину. Кроме дров в печь иногда закладывали бересту для задымления. На Севере предпочтение отдавали осиновым дровам. Способы обжига были различны. Во-первых, посуду могли укладывать на дрова отдельно друг от друга. Во-вторых, закладка производилась уже на угли. Время обжига колебалось от трех часов до одних суток. Когда дрова прогорали, раскаленную докрасна посуду вынимали лопатой, палкой, ухватом и производили защитно-декоративную обработку.

В алтайском женском гончарстве самым распространенным видом защитно-декоративной обработки сосуда являлось обваривание. В результате обваривания посуда приобретала большую прочность, пористость, «звонкость». Обваривание – распространенный у восточнославянских народов прием закаливания посуды. В первой половине XX в. на территории Европейской России обваривание проводилось преимущественно в северно-русских областях. Обычно обварой служил теплый раствор ржаной муки, реже – овсяной или ячменной. Иногда муку заменяли отрубями. В отдельных областях употребляли отходы от производства льняного масла (головки или жмых), картофельную болтушку. На Алтае бытовало несколько рецептур обвар. В большинстве своем они имели молочную основу, что было связано с хозяйственной деятельностью населения – животноводством. Это могли быть молочная сыворотка, пахта – жидкость, оставшаяся после взбивания масла, молоко, смесь сыворотки с постным маслом или хлебным квасом. В качестве обвары использовали квас или конопляное масло, которое придавало изделиям блеск.

Севернорусские черты проявились в формах некоторых видов посуды. Прежде всего, это касается корчаг и горшков-рыльников (роговиков). Корчаги на Алтае, как и на Русском Севере, использовались для приготовления напитков и хранения жидкости

и сыпучих продуктов. В обоих регионах бытовали два вида корчаг: корчаги-дыроватки и корчаги с носиком-рыльцем. В горшках-рыльниках топили масло.

Сопоставление имеющихся данных показывает наличие севернорусских черт в алтайском женском гончарстве. Это касается технико-технологических процессов (метод кольцевого налепа), защитно-декоративного покрытия изделий (обварка), форм посуды. Под влиянием различных факторов женское гончарство Алтая адаптировалось к новым условиям, трансформируя некоторые свои севернорусские компоненты, например состав обвары[8].

Тема севернорусских традиций как маркера старожильческого компонента в обрабатывающих ремеслах и промыслах русских Алтая лежит в широком дискуссионном поле и вызывает ряд вопросов. Привлечение широкого спектра источников (устноисторических, архивных, археологических, этнографических), их анализ и применение сравнительного метода, вероятно, смогут выявить дополнительные точки соприкосновения старожильческих традиций русских Алтая в обрабатывающих ремеслах и промыслах с исходными моделями Русского Севера.

Список литературы

[1] Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского Горного округа / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. 436 с.

[2] Беспалова Н.Н., Зимирева Е.А. Перспективы и проблемы организации этнического туризма в Алтайском крае // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Научный журнал. №3. 2018. С. 38-42.

[3] Волости и населенные места 1893 года. Томская губерния. Выпуск 12. Санкт-Петербург, 1894. 376 с.

[4] Ганьшина Г.В., Чаус Н.В. Народные художественные промыслы как средство активизации событийного туризма в России // Российский сувенир. Современные проблемы сервиса и туризма. № 2. 2012. С. 76-86.

[5] Голендеев А.Н. Гончарный промысел в Иркутской губернии // Тальцы. 2008. URL: http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/2201.html. (датаобращения: 15.06.2022)

[6] Григоричев К.А., О.А. Федоренко, Т.К. Щеглова. Очерки по архитектуре сельских поселений Алтайского района, по полевым исследованиям 1994 г. // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Барнаул-Алтайское. 1998. С. 203-245.

[7] Кустарные промыслы Томской губернии. Труды статистико-экономического отделения Юридического кабинета при Императорском Томском университете. Вып. 5. СПб., 1909. 50 с.

[8] Мамонтова О.С. Севернорусские традиции в гончарстве русского населения Алтая // Рябининские чтения–2011: материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 106-108.

[9] Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии. Томск, 1915. 193с.

[10] Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. Том I. Барнаул, 1896. 202 с.

[11] Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе). Вып. 1: Барнаульская волость. Барнаул, 1898. 463 с.

[12] Михова Е. На берегу Ануя вновь собирают «Алтайские узоры». Народную культуру покажут на экскурсиях по Солонешенскому району // Визит Алтай. 28.06.2022. URL: https://visitaltai.info/news/32041/?ysclid=l5290eptcz480887690. (дата обращения: 28.06.2022).

[13] Россия. полное географическое описание нашего отечества. Том XVI. Западная Сибирь: (Тобольская и Томская губернии / сост. И. П. Толмачев (и др.). СПб. 1907. 591 с.

[14] Самостроенко Г.М. Развитие туризма в регионе на основе использования потенциала народных промыслов // Региональная экономика: теория и практика. №1. 2012. С. 19-23.

[15] О звании «Народный мастер Алтайского края»: Указ Губернатора Алтайского края от 19 апреля 2022 г. №61. URL: // http://www.culture22.ru/upload/iblock/a4e/vnu2ulo9hok1cjfhrm-nxz2pp2gc2dep3/Ukaz-o-Narodnom-mastere-AK.pdf. (дата обращения: 18.06.2022).

[16] Фурсова Е.Ф. Крестьяне-старожилы и переселенцы юга Западной Сибири: Севернорусский компонент в традиционной культуре (конец XIX–первая четверть XX века) // Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII–начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, А.Б. Пермиловская, А.В. Черных и др. Новосибирск, 2014. С. 98-201.

[17] Фурсова Е.Ф. Северорусские компоненты в традиционной культуре крестьян-старожилов Западной Сибири конца XIX–начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. №3. 2013. С. 310-313.

[18] Царева Н.С. Традиции и новаторство в современном народном творчестве Алтайского края // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Научный журнал. №3. 2018. С. 185-191.

[19] Щеглова Т.К. Русские Алтая во второй половине XIX–XX столетиях: культурное многообразие и история формирования научных представлений о локальных группах (к проблеме создания классификации) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы С. 175-185.

[20] Щеглова Т.К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки: Вып. 8. Барнаул, 2009. С. 119-134.

УДК 39

Ясачные крестьяне Притомья в XX в.: культурные особенности и вопрос происхождения

Рублева Анастасия Анатольевна
Младший научный сотрудник отдела Этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
Anastasia.folk98@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-4967-6311

АННОТАЦИЯ В статье поднимается проблема происхождения ясачных Притомья и сохранения ими культурных особенностей в XXв. Главным источником исследования выступили полевые материалы автора, собранные в ходе этнографических экспедиций по Чебулинскому и Мариинскому р-нам Кемеровской обл. В отечественной историографии ясачные Притомья были определены, как чулымские тюрки, что не удалось зафиксировать на уровне полевых материалов. В XXв. ясачные переняли основные черты культурной и бытовой жизни от пришлого восточнославянского населения, сохранив при этом высокий уровень идентичности. Причиной этого были воспоминания о «нерусском» происхождении ясачных; монголоидные черты внешнего облика; сохранившиеся фрагменты «ясачного» языка и устного фольклора; и само название группы, устойчиво закрепившееся среди автохтонного и восточнославянского населения Притомья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Притомье, XXвек, ясачные

Притомье (Тяжинский, Чебулинский, Мариинский р-ны Кемеровской обл.), как показывают материалы полевых исследований – территория с поликультурным составом населения. Так, на одной территории в XX в. проживали потомки украинских, белорусский, российских переселенцев; мордва, депортированные немцы и представители старожильческого населения Сибири, среди которых выделяется такая группа, как ясачные, в озвучении информантов «ясашные» [4]. В данной статье поднимается проблема происхождения ясачных Притомья и сохранения ими культурных особенностей в XX в. Главным источником исследования выступили этнографические материалы, собранные в ходе экспедиций по селам и деревням Чебулинского и Мариинского р-нов Кемеровской области в 2018-2019 гг.

Основными населенными пунктами, где проживали ясачные на исследуемой территории Притомья стали д. Колеул Мариинского р-на и д. Кураково Чебулинского р-на Кемеровской обл. Также сведениями об ясачных делились жители соседней деревень (с. Чумай, д. Шестаково Чебулинского р-на). Ясачными или ясачным населением в отечественной историографии обозначалось автохтонное население в данном случае Сибири, облагаемое специальным налогом «ясак», который ранее взимался пушниной, а затем был переведен в денежный эквивалент[1, с. 160-161]. Информанты в ходе интервью также отмечали, что свое название ясачные получили от налога «ясак». Сохранились воспоминания, что ясак ранее платили пушниной. Так, согласно полевым материалам, ясачные д. Колеул отправили в дар Екатерине II пушнину, за что та освободила жителей деревни от налогов. Среди информантов сохранились воспоминания, что ранее ясачные были освобождены от военной службы.

Согласно «Статистическим данным, показывающим племенной состав населения Сибири» деревни Кураково и Колеул во второй половине XIX – начале XX века относились к Курчуковской и Корюковской инородным управам. На момент 1897 г. в д. Кураково из общей численности населения 206 человек 175 числилось, как коренные тюрки. В д. Колеул из населения деревни в 619 человек, 347 числилось, как коренные тюрки [6, с. 305]. В первом томе «Статистических данный» приводится более подробная классификация тюрского населения Сибири, где тюрки Курчуковской и Корюковской инородных управ были отнесены к группе Чулымо-Томских татар. [7, с. 58-62]. Позднее,

в отечественной историографии автохтонное население данного региона также было отнесено к чулымским тюркам или чулымцам. Так, Львова Э.Л. отмечала, что чулымские тюрки являются одной из немногочисленных групп коренного населения Западной Сибири и определила ореол их обитания по берегам р.Чулым. Но тюрки притоков р. Чулым (Кия, Яя, Урюп и др.) были отнесены исследовательницей к близким в языковом и этническом отношении к чулымцам. [2, с. 3]. На берегах одной из этих рек (Кия) и проживали ясачные д. Колеул и д. Кураково. На основе анализа исторических источников к чулымским тюркам относит население, проживающиее по рекам Чулым, Кия, Яя и др. такой исследователь, как Томилов Н.А. [9, с. 74]. Чулымские тюрки говорили на бесписьменном языке, представляющий из себя язык смешанного типа, в котором преобладают черты восточнотюркских и кыпчатских языков. Исследователи относят язык чулымцев к уйгуро-огузской группе восточно-хуннской ветви тюрских языков [2, с. 125]. Сформировались чулымские тюрки, согласно данным ЛьвовойЭ.Л., в результате ассимиляции таежного аборигенного населения Западной Сибири и пришедшего позднее тюрского населения [2, с. 225]. Традиционными занятиями чулымцев были рыболовство, охота и собирательство. Было также распространено ручное земледелие, скотоводство и промыслы [3,с. 196-198]. По внешнему виду в исследованиях XX в. чулымцев характеризовали, как людей, имеющих низколиций монголоидный тип [3, с. 128]. Помимо чулымских тюрков в составе коренного тюрского населения в «Статистических данных, показывающих племенной состав населения Сибири» было указано, что в Почитатской и Боготольской волостях Мариинского округа Томской губернии, к которому также принадлежала д. Колеул, проживают «пришлые татары», пришедшие с Приволжья и Приуралья [7, с.50-52].

В правовом плане ясачные Корюковской и Курчуковской инородных управ относились к категории «оседлых инородцев» и приравнивались к русским тягловым сословиям - мещанам и государственным крестьянам, но в отличие от последних освобождались от воинской повинности [5, с. 114]. Но оседлые чулымцы платили не ясак, как полукочевые инородцы, а оброчную подать, которая являлась платой за пользование казенной землей. Взималась оброчная подать не по количеству занимаемой земли, а по количеству душ [5, с. 115]. Но несмотря на это, как показывают этнографические материалы, оседлые тюрки д. Кураково и д. Колеул продолжали именоваться ясачными, несмотря на то, что ясак они не платили.

Сами информанты в ходе интервью не могли идентифицировать себя с определенной автохтонной группой Западной Сибири и высказывали различные версии относительно происхождения и этнической принадлежности ясачных. Так, рассказывая о заселении деревни Колеул, Алексей Никонович Торгунаков (1933 г.р.) называл три фамилии основателей деревни – Торгунаковы, Кузнецовы и Баженовы. И по сведениям информанта, Торгунаковы были выходцами из Горной Шории. Представители фамилии Кузнецовых также называли себя ясачными, но в ходе интервью отмечали, что являются чалдонами (чалдоны – одна из групп старожильческого населения Сибири). Потомки ясачных д. Кураково также не высказали единой версии о происхождении ясачных. В ходе интервью одна из информантов сообщила, что местный краевед пыталась проследить историю ясачных и пришла к выводу, что ясачные д. Кураково были остяками (старое название хантов и манси). Представители ясачной фамилии Буланаковых рассказали следующую историю о происхождении своей семьи. Согласно этим данным, три брата Буланаковых появились в Сибири, спасаясь от наказания после восстания Пугачева. Братья остановились в Кураково, затем поднялись выше по течению Кии, где обосновали заимку. У каждого из братьев родилось по 8-9 детей, что стало причиной широкого распространения этой фамилии на данной территории. Позднее Буланаковы вновь вернулись в д. Кураково.

Говоря об ясачных, информанты отмечали отличие их внешнего вида. Ясачные

обладали монголоидным разрезом глаз и темными волосами: «Ясачные были узкоглазые, мордатые» (В.А. Никитина). «Они были темные и скуластые» (Надежда Алексеевна Романова). В другом варианте ясачные могли иметь рыжие волосы: «Шапка рыжих кучерявых волос, узкие глаза, плюсное лицо, широкоплечий. Ноги были колесом, плотного телосложения». Отличия внешнего вида ясачных от остального восточнославянского населения Притомья сформировали особый вид взаимных поддразниваний между чалдонами с. Чумай и ясачными д. Кураково Чебулинского р-на. Так, при встрече с ясачными чалдоны с. Чумай выкрикивали придуманную дразнилку: «Вы кураковски, вы ясашные! / Вы зачем пришли, черти страшные?». Сами потомки ясачных до сих пор в своей среде выделяют «чистокровных» и «нечистокровных». «Чистокровными» ясачными считаются те, у кого родители с обеих сторон принадлежали к описываемой группе. «Чистокровные» ясачные по сей день во внешнем облике сохраняют черты монголоидной внешности. Информанты также отмечали, что у ясачных были особые фамилии, среди которых были перечисленные, такие как Торгунаковы, Утанаковы, Уркины, Сандаевы, Тачиначевы. Балагачевы и Буланаковы.

От информантов 1930-40-х гг. рождения, удалось зафиксировать наличие своего языка у ясачных. Еще их бабушки разговаривали на другом «нерусском» языке, тогда как родители информантов знали лишь отдельные «ясачные» слова. Среди «ясачных» слов информанты перечисляли такие, как «кубарба» (махорка), «ёгл» (нет), «пуцак» (нож). Также отмечая особенность речи, информанты указывали на то, что ясачные не выговаривали букву «х», заменяя ее на «к»: «Кто кодит? (ходит)». Валентина Федоровна Лазарева, чья бабушка была «чистокровной» ясачной говорила, что ясачные «щекают» и «хекают», и на протяжении интервью показывала этот говор в своей речи. Валентина Федоровна отмечала, что в школах детей переучивали говорить «правильно», но возвращаясь в свою среду ученики продолжали говорить по «ясачному».

По воспоминаниям информантов, в XX в. культурная жизнь ясачных не сильно отличалась от жизни русского населения Притомья.В основном ясачные д. Колеул и Кураково в XX в. транслировали культуру пришлого восточнославянского населения Притомья. Известно, что ясачные д. Кураково и д. Колуел были православными, праздновали праздники восточнославянского народного календаря, такие как Пасха, Троица, Новый год и др. Также во второй половине XX в. семейная обрядность ясачного населения была также воспринята от русского населения Притомья. Традиционная свадьба в д. Кураково и в д. Колеул включала в себя традиционные элементы русской свадьбы, такие сватовство, выкуп, праздничные застолья в доме жениха и невесты и др.

Бытовая жизнь ясачных также была воспринята от восточнославянского населения Притомья. Но в ходе полевых работ в д. Колеул Мариинского района, был найден письменный источник - история семьи Кузнецовых, описывающий быт этой семьи в XIX- XX вв. Согласно этому источнику, Кузнецовы были зажиточным семейством – гнули дуги и продавали их в Мариинске, пахали землю, держали работников. Но на протяжении всего текста повествования автор воспоминаний на первое место хозяйственной жизни своей семьи ставит охоту и рыбалку:

> «У этой семьи (дед информанта, Кузнецов Василий Степанович 1873-1969 гг.)на первом плане была охота, рыбалка… Рыбак (дед) был отменный, всей душой любил он это ремесло, причем не из легких. В половодье по крутым берегам Кии по особо понятным ему местам ставил вентеря… (Рыбу) чистили от шелухи и потрошили. Внутренности варили в кастрюлях и сливали рыбий жир. А рыбу сушили на противенях в русской печи. В сухом виде эту рыбу, так называемая – УРАК. Ее ели в сухом виде».

В тексте перечислено большое количество рыболовных орудий – морды из прутьев ивы, содки, вентеля, тюнеки. Согласно источнику, ловили в Колеуле рыбу зимой и летом. Зимой рыбу складывали в короба, везли домой, где закапывали в снег возле дома. А летом хранили рыбу в погребе на снегу. Эти описания бытовой жизни ярко переплетаются с характеристикой бытовой жизни чулымских тюрок, представленных в работах Томилова Н.А. и ЛьвовойЭ.Л. Так, в работах этих исследователей также описываются способы заготовки рыбы у чулымцев, упомянутые в воспоминаниях информанта - урак, замороженная рыба в сугробах. Описываются аналогичные рыболовные орудия – берестяные короба, тюнеки, морды и др. [10, с.139-142]. Как можно видеть, несмотря на распространение других типов хозяйства, в конце XIX – начале XX вв. ясачные д. Колеул продолжали сохранять традиционные для чулымцев способы рыболовства.

Сохранились в среде потомков ясачных предания. Отвечая на вопрос, кто такие ясачные д. Кураково, Валентина Андреевна Никитина (Уркина) вспомнила, что, будучи ребенком, слышала от своей матери историю о ямах на берегах реки Кии. По легенде, эти ямы остались от юрт, в которых жили ясачные. И когда ясачные увидели выросшую белую березу, то стали подрубать столбы юрт и захоронили себя под ними, так как белая береза означала скорый приход «белых» людей. Такие легенды были распространены среди автохтонного населения Сибири [8, с. 94]. В ходе интервью удалось записать единичные свидетельства об обрядовой жизни ясачных Притомья. Надежда Алексеевна Романова рассказала об обрядовых действиях на новый дом, бытовавших ранее у ясачных д. Кураково. Перед тем, как начать жить в новом доме, один кум (хозяин дома) садился в избе у окна, а второй надевал новую шубу, шапку и валенки и ходил вокруг дома. И между кумовьями разыгрывался следующий диалог:

« - Кто к(х)одит?

- Бог к(х)одит! Новом шубом, новом шапком, новом валенком носит». Такой обряд совершали, чтобы хозяева в новом доме жили богато.

Заключение

Как показало исследование, ясачных д. Колеул Мариинского р-на и д. Кураково Чебулинского р-на Кемеровской обл. в отечественной историографии относят к чулымским тюркам. В XX в. бытовая и культурная жизнь данной группы Притомья уже не имела явных отличий и была ассимилирована с культурой пришлого восточнославянского населения, что нашло отражение в восприятии ясачными семейной и календарной обрядности восточных славян. Кроме того, потомки ясачных уже не могли четко идентифицировать себя с конкретной этнокультурной группой коренного населения Западной Сибири, высказывая различные предположения своем происхождении. Но несмотря на это, потомки ясачного населения до сих пор выделяют себя в отдельную группу на общем фоне населения Притомья. Причиной этого, по-видимому, стали отличия внешнего облика, сохраняющего черты монголоидной внешности; коллективная память о «нерусском» происхождении, нашедшем отражение в местном фольклоре, языке, фамилиях ясачных; сохранявшиеся в XIX–XXвв. особенности бытовой жизни (рыболовство) и само название группы. По сей день в сельской среде Притомья потомков чулымских тюрков называют ясачными.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Список литературы

[1] Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : ИГУ, 2014. 303 с.

[2] Львова Э.Л. Тюрки таежного Причулымья : Популяция и этнос. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 244 с.

[3] Львова Э.Л. Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья // Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири. 2001. С. 196-202.

[4] Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. С. 708-713.

[5] Орлова Е.А. Налогообложение коренных народов Сибири в Российской империи конца XIX века по документам из фондов Государственного архива Кемеровской области // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. С.113-119

[6] Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2 : Тобольская, Томская и Енисейская губ. // Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики; Вып. 2. 1911. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/11185-t-2-tobolskaya-tomskaya-i-eniseyskaya-gub-1911#mode/inspect/page/319/zoom/5 (дата обращения 28.05.2022)

[7] Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 1 : Сводные таблицы и краткие выводы // Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики; Вып. 1. 1912. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/11184-t-1-svodnye-tablitsy-i-kratkie-vyvody-1912#mode/grid/page/73/zoom/1 (дата обращения 29. 05. 2022)

[8] Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: ЮКЭА, 1992. 177 с.

[9] Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 270 с.

[10] Тюркские народы Сибири / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН; под ред. Д.А. Функа, Н.А. Томилова. М.: Наука, 2006. 678 с.

УДК 39

Урало-сибирская роспись: условия и факторы появления на Алтае кистевой росписи по дереву

Станиславских Виктория Сергеевна
Научный сотрудник Алтайского государственного краеведческого музея; Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия.
viktoria.stanislawsckih@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются условия и факторы появления на Алтае домовой и интерьерной росписи как одного из вариантов урало-сибирской росписи. Поднимается вопрос о времени создания дошедших до наших дней предметов с данным видом росписи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА урало-сибирская роспись, Алтай, сибиряки, северорусский компонент, старообрядцы.

Большое значение в жизни каждого человека имеет определенная и осознаваемая им самим идентичность самого разного вида: общемировая, видовая, расовая, этническая, национальная, конфессиональная, профессиональная, региональная и другие. Любая идентичность заметно влияет на человека: формирует его личность и, во многом, задает вектор развития жизни этой личности.

Если мы говорим о территории Сибири, в частности Алтая, то для каждого уроженца и жителя этой территории, кроме прочих, важна сибирская региональная идентичность. Она включает в себя несколько аспектов: территориальный, собственно региональный, этнический, психологический, культурно-исторический.

Важным элементом материальной и духовной культуры, способным помочь охарактеризовать какую-либо этническую общность, а также субэтническую группу, является декоративно-прикладное искусство.

Рассказать много интересного о сибиряках и сибирской идентичности может урало-сибирская роспись – уникальное явление русской народной культуры. Само ее название уже говорит о тесной связи с Сибирью. Появившись, укоренившись и достигнув расцвета на этой территории, она, как и любой сибиряк, впитала в себя особенности этого региона.

Алтайская домовая и интерьерная роспись как один из вариантов урало-сибирской в разные годы в трудах исследователей чаще была представлена с точки зрения искусствоведческого анализа. Пример тому – работы кандидата искусствоведческих наук, Нины Ильиничны Каплан. Нина Ильинична занималась изучением народных художественных промыслов, в том числе, декоративной росписи по дереву на территории Алтайского края. В ее трудах ("Очерки по народному искусству Алтая" [11], "Русская народная декоративная роспись по дереву" [12]) приведено описание встречающихся образцов урало-сибирской росписи в разных районах нашего региона.

Оценка прялочной росписи с позиций искусствоведения содержится в трудах старших научных сотрудников Государственного художественного музея Алтайского края - Лилии Васильевны Живовой ("Терема расписные" [10], "Домовая и прялочная роспись русских Алтая (по материалам экспедиций ОРРТК)" [9], «Домовая и прялочная роспись в Заринском районе Алтайского края. Находки домовой росписи на территории района»[8]) и Нины Прокопьевны Гончарик ("Коллекция прялок в государственном художественном музее Алтайского края (ГХМАК). Некоторые вопросы изучения" [5], "Народные росписи Алтая в Государственном художественном музее Алтайского края" [6]).

Большой вклад в изучение урало-сибирской росписи вносят народные мастера. Так, очень интересна книга "Урало-сибирская роспись на Алтае" [15] Тамары Ефимовны Наговицыной, народного мастера Алтайского края, мастера росписи по дереву. В ней автор подробно рассказывает о технике исполнения росписи, о написании ее элементов, мотивов, правилах и вариантах построения композиций.

Тема росписи по дереву, в том числе урало-сибирской, частично раскрыта в комплексных исследованиях этнографов. Например, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН, Виктория Анатольевна Липинская, занимаясь изучением этнокультурной истории русского народа, в частности народов Сибири, касается в своих работах вопроса росписи по дереву в контексте материальной и духовной культуры в целом (значение и место в декоре жилища) - "Домовая роспись у русского населения Западной Сибири" [13] и другие.

Одним словом, в перечисленных трудах приведено описание урало-сибирской росписи, в том числе встречающейся на Алтае, представлена классификации накопленного материала. Однако мало освещены вопросы, касающиеся условий и факторов появления и распространения росписи в культуре русского населения Алтая. Данная статья посвящена раскрытию этого вопроса.

Алтайский край сегодня – многонациональный субъект Российской Федерации. По официальным данным, на 2010 год здесь насчитывалось более 140 национальностей [16]. Кроме того, территория юго-востока современной Западной Сибири имеет многотысячную историю. Долгое время, до 1991 года, под словом «Алтай» понимали два современных региона: Алтайский край и Республику Алтай. Здешние места, с лесами, степями, речными долинами, горами и предгорьями, с давних пор привлекали людей для проживания. В итоге Алтай стал местом пересечения цивилизаций, народов и их культур.

На месте такого пересечения появилась и достигла расцвета урало-сибирская роспись. Исходя из уже имеющихся исторических данных и исследований, можно выделить ряд условий и факторов появления на Алтае свободной кистевой росписи по дереву масляными красками: природно-географические, политические, социально-экономические, этнокультурные. При этом сложно выделить ведущий фактор или определяющее условие, они пересекаются и взаимодополняют друг друга.

По результатам этнографических исследований, проводившихся учеными на территории Сибири, доказано и не единожды подтверждено, что урало-сибирская роспись изначально зародилась не на Урале и в Западной Сибири, а была перенесена на эти земли первыми русскими переселенцами – выходцами из центральных и северных районов европейской части России. Их переселение было продиктовано политическими и социально-экономическими факторами. Данные факторы уместно считать также предпосылками появления на Урале и в Сибири свободной кистевой росписи по дереву.

Активное движение русских на восток, за Уральские горы, начавшееся еще в XVI веке, к концу XVII века привело к вхождению в состав Русского государства большей части Сибири и Дальнего Востока. Однако процесс присоединения южной части Сибири, в том числе территории Верхнего Приобья, к которой относится современный Алтайский край, а также Горного Алтая и Прииртышья был длительным и сложным из-за сопротивления местных кочевников и завершился лишь в конце XVIII века. Подробно о правительственной и «самодеятельной», т.е. самовольной, крестьянской колонизации Верхнего Приобья в своей работе «Первые крестьяне на Алтае»[3] рассказывает известный барнаульский ученый и краевед, автор историко-архивных исследований Юрий Сергеевич Булыгин.

Правительственное заселение русскими Верхнего Приобья было обусловлено стратегическими и экономическими интересами государства. Поощряли прибытие русского народа из европейской части страны на эти земли или же переселяли против

воли для строительства и охраны военных опорных пунктов, для сельскохозяйственного освоения новых территорий и промышленности (с момента начала формирования горнозаводского производства). Самовольное заселение по масштабам не уступало промышленному. Сюда приходили крестьяне, раскольники, беглые мастеровые, солдаты и посадские, промысловики. На эти земли он шли в поисках лучшей жизни, чтобы спастись от феодальной эксплуатации, от заводских работ, от рекрутчины, от нищеты, от голода, старообрядцы – от религиозных гонений, для сохранения своей веры и традиций. Так на какое-то время им удавалось не попадать в поле зрения властей. Большинство первых переселенцев были выходцами из разных мест севера европейской части России[3, с. 27-28].

Исследователями выявлена также логика передвижения русских в Сибирь и далее по ее территории. Они старались передвигаться в пределах одного природно-географического пояса – лесотаежной полосы. Сначала добирались до Урала, оттуда продолжали движение на сибирские земли в рамках той же, таежной, природной зоны. После подавления основного сопротивления степных кочевников стало возможным продвижение на юг Западной Сибири. Постепенно русские заселили плодородные лесостепные земли Верхнего Приобья и таежно-предгорные и горные области, особенно актуальные в связи с развитием горнозаводского производства на Алтае[25, с. 9-102].

В целях поиска удобного, безопасного, экономически благополучного места проживания долгое время проходила внутренняя миграция прибывшего населения в пределах Верхнего Приобья. Только к концу XVIII века население здесь стабилизировалось и стало пополняться за счет естественного прироста[3, с. 81-91].

Так постепенно появлялись сибиряки на Алтае – старожильческое местное население, с формировавшимися внутри него этнографическими группами и этнографическими зонами их расселения[24, с. 97-107].

О северорусском происхождении большинства старожилов Верхнего Приобья свидетельствуют многочисленные элементы материальной и духовной культуры сибиряков. В науке даже появился термин «северорусский компонент» в традиционной культуре крестьян. Подробно о северорусских компонентах в своих работах рассказывают многие сибирские этнографы. Обнаружить данное явление может любой желающий, изучив и сравнив особенности культуры и быта крестьян европейского севера страны и сибиряков. Возвращаясь к исследованиям профессиональных этнографов, в качестве примера можно привести работы новосибирских исследователей. Так, Фурсова Елена Федоровна выделяет такие северорусские компоненты на территории Западной Сибири как фамилии старожилов, имеющие северорусское происхождение, элементы костюма, а также термины их обозначающие, некоторые обычаи и обряды, сопутствующие календарным праздникам, и особенности их проведения[21, с. 310-313]. Майничева Анна Юрьевна акцент делает на сходстве жилой архитектуры центральных и северных районов европейской части страны и Верхнего Приобья: наличие холодных сеней в планировке жилища или тенденция к их устройству, преобладание в середине XIX века избы на высоком подклете в Приобье как черты северовеликорусской избы, способ рубки сруба, особенности конструкции крыши, соответствие внутренней планировки жилищ старожилов Сибири северосреднерусской, наличие основных элементов интерьера избы, занесенных из Европейской России и т.д.[14, с. 106-138].

При этом не стоит исключать (и исследователи пишут об этом) влияния на культуру и быт сибиряков выходцев из южнорусских губерний и наличия уникальных местных, региональных компонентов.

Урало-сибирская роспись, также занесенная на Алтай из европейской части страны, имеет черты декоративно-прикладного искусства мест выхода. Сходство между свободной кистевой росписью Русского Севера, Урала, Сибири и Забайкалья выражается в используемых мотивах, технике нанесения, месторасположения в интерьере, иногда

– в цветовой гамме, готовых композициях. Росписью на указанных территориях чаще покрывали отдельные деревянные предметы быта и детали интерьера (опечки, голбцы, двери, потолки, прялки, сундуки). В данном контексте выделяется Алтай, где часто встречались «крашеные» дома, в которых расписаны были почти все внутренние поверхности в помещении. Снаружи, наоборот, на Алтае дома украшали росписью мало – отдельные элементы фасада: двери, окна, карнизы, калитки, ворота[22, с.108].

Самыми распространенными мотивами росписи на всех вышеуказанных территориях являются: растительные мотивы (отдельные цветочные бутоны, видоизменяющиеся со временем, цветочные розетки, гирлянды, деревья или букеты в вазонах), зооморфные (птицы, львы, кони). При этом редко встречаются изображения людей и сюжетные росписи, особенно на Алтае. К тому же, на Алтае, в отличие от Севера, зооморфные изображения довольно схематичны[2, с. 106-107]. Также объединяют свободную кистевую роспись в указанных регионахтехнические приемы ее нанесения, такие как свободный кистевой мазок, белильные оживки (линии), появление разбела, свобода композиции (без строгой симметричности).

Схожие черты росписи в разных регионах обусловлены, прежде всего, единством ее происхождения. Сегодня историки сходятся во мнении, что свои истоки живописная роспись по дереву берет еще во времена Древней Руси. Об этом мы можем судить, ссылаясь на результаты археологических раскопок, письменные (летописи) и устные (былины) источники. По ним известно о настенных росписях, раскрашенных княжеских и боярских теремах, живописи храмов, раскрашенной бытовой утвари[18, с. 67]. Считается, что роспись по дереву, возникла в Древнерусском государстве, где еще в X – XII вв. высочайшего развития достигли городские и деревенские художественные ремесла. Дальнейшее становление росписи, как и всей художественной культуры Киевской Руси, после татаро-монгольских завоеваний продолжилось уже на северных землях, откуда она распространилась в центральные районы страны, затем, как было сказано выше, с переселенцами переместилась на Урал и в Сибирь. Об этом, к примеру, пишет в своих исследованиях сотрудник Научно-исследовательского института художественной промышленности Вероника Михайловна Вишневская[4, с. 7-18].

На единство происхождения и преемственность росписи в разных частях государства явно указывают как внешний вид отдельных ее мотивов, так и их семантическое значение. Так, в алтайской росписи самым распространенным является растительный орнамент. Ключевые композиции из растительных мотивов: розетка и дерево (куст) в вазоне. Розетка как мотив росписи, кроме Алтайского края, встречается во многих регионах России: в Ярославской, Вологодской, Архангельской областях, в Забайкалье и других. Большинство исследователей называют розетку «солярной», связывая ее с культом Солнца в славянских верованиях. Образ Мирового Древа, или Древа Жизни, был распространен не только у славян, но и у других народов индоевропейской языковой семьи. Не случайно домовая роспись, встречающаяся на севере Европы, в частности в странах Скандинавии, а также в странах Восточной Европы, имеет некоторое сходство с росписью, представленной на российской территории, в том числе с алтайской. Данное явление можно объяснить близким географическим расположением стран друг к другу, их историко-культурными и торговыми контактами[19, с. 73]. Мотив Мирового Древа имел особое значение – его изображение иллюстрировало представление народа о строении мира и месте отдельного человека в жизни.

Из зооморфных изображений, которые менее популярны, чем растительные мотивы, но также характерны для урало-сибирской росписи, стоит упомянуть образ льва. Для территории Урала и Сибири лев – животное экзотическое. История появления этого мотива в росписи уходит своими корнями во времена Древней Руси и эпохи Средневековья. Так, изображения льва размещались на барельефах древнерусских художников, на Русском Севере образ этого животного широко применялся в архитектуре,

а в русских сказках лев выступал как символ мужества, бесстрашия, помощник и защитник героев. Позже, образ льва как мотив росписи также выполнял охранительные функции. Если продолжать углубляться в изучение истории появления мотивов урало-сибирской росписи, можно найти еще больше доказательств ее генетического родства с культурой европейской части России.

Среди социально-экономических факторов появления на Алтае урало-сибирской росписи стоит отдельно упомянуть некоторые виды ремесел и промыслов, связанных с деревообработкой. Снова важную роль сыграли природно-географические условия. Природа Алтая богата и разнообразна. Здесь представлены почти все природные зоны России. Если крестьян, занимающихся земледелием, юг Западной Сибири привлекал плодородными землями лесостепной зоны, то промысловиков и ремесленников – местными лесами. Черневая тайга, смешанный сибирский лес и сосновые ленточные боры богаты разнообразными хвойными и лиственными деревьями, пригодными и для строительства, и для изготовления столярных изделий, и для бондарства, и для художественной обработки древесины.

Древесина как один из самых дешевых и доступных материалов, наряду с берестой, глиной, металлами (что характерно для Урала и Алтая, где было развито горнозаводское производство), костью и некоторыми другими материалами, позволяла сельским жителям создавать функциональные и красивые изделия как для своего хозяйства, так и на продажу для заработка. Роспись сначала стала логичным дополнением деревообработки, придавая изделиям большую прочность, долговечность и эстетическую притягательность, позже – самостоятельным промыслом.

Среди многочисленных видов художественной обработки дерева довольно близкими между собой по происхождению и мотивам, а иногда и дополняющими друг друга, явились резьба и роспись по дереву. Резьба была известна населению нашей страны еще сотни и тысячи лет назад. Например, еще советскими археологами на Алтае были найдены деревянные зооморфные скульптуры, датируемые V в. н.э., а на севере европейской части страны – новгородская деревянная утварь IX-XV вв. с орнаментальной резьбой[18, с. 27]. Очередного расцвета резьба, подобно другим виды декоративно-прикладного искусства, достигла, начиная с XVI-XVII вв. Резьба по дереву, как и роспись, по назначению делилась на домовую (для украшения жилища снаружи) и интерьерную (для украшения внутреннего пространства – мебели, утвари, посуды), а по типу орнамента – на геометрическую, растительную, зооморфную, сюжетную[1, с. 105]. Поначалу роспись часто усиливала резьбу цветом, с течением времени обрела самостоятельность.

Широкому распространению росписи на той или иной территории способствовали мастера, создававшие ее, – профессионалы и народные художники. Поначалу многочисленные центры росписи по дереву складывались на Русском Севере и в граничащих с ним районах центральной полосы. Для заработка мастера периодически в виде отходничества посещали Урал и Сибирь, где их называли «прохожими красильщиками», «крашильщиками» и т.д. Еще мастеров называли «травниками», как иконописцев, потому что истоки северной росписи связаны не только со стенной росписью предыдущих эпох, книжной миниатюрой, но и с традициями иконописания[20, с. 16].

Со временем на Урале и в Сибири сложились свои центры росписи по дереву. Так, на Урале в последней четверти XVIII – начале XIX вв. существовала живописная школа Нижнего Тагила[1, с. 158], известными были кармацкие (тюменские) красильщики – выходцы с Русского Севера, проживавшие по реке Кармак[7. с. 185]. На Алтай также переселялись и работали живописцы с севера. Пример тому – село Каргопольское с выходцами из северного города Каргополя[17, с. 413].

В семьях и артелях красильщиков знания, умения и навыки передавались от мастера

к ученику, от старших к младшим, как правило, в устной форме. Обучение рисованию заложено было и в государственной системе образования. Например, на Алтае рисование преподавали в школах при рудниках и заводах, в Барнаульском горном училище, в «рисовальном классе» частного училища при Колыванской шлифовальной фабрике. Позже, в 1919 году, появилась Алтайская губернская художественная школа, которая должна была подготовить кадры для организации художественного образования в регионе[23, с. 1062-1063].

Выполняя роспись, мастера опирались на полученные ранее знания и опыт. Однако каждая работа в определенной степени является уникальной, т.к. красильщики варьировали композиционные решения, цветовую гамму и даже технологию нанесения. Руководствовались они при этом собственным талантом, а также запросом населения той территории, на которой в данный момент работали.

В сходстве и различии образцов урало-сибирской росписи в разных регионах нашей страны выражается этнокультурный фактор ее оформления. В итоге, внешний вид росписи являлся вариантом проекции внутреннего мира ее владельцев: их мировоззрения, обычаев, представлений о прекрасном. В частности, на внешний вид алтайской домовой и интерьерной росписи повлияла культура местных первопоселенцев – выходцев с Русского Севера (мотивы и технология). Большой вклад внесла природа. Она не только давала сырье, но и вдохновляла местных жителей. Поэтому алтайская роспись богата растительным орнаментом. На яркость цветовых решений росписи могла повлиять культура переселенцев из южнорусских губерний, а также местного тюркоязычного населения (данное утверждение требует дальнейшего исследования).

Размышляя об условиях и факторах появления урало-сибирской росписи на Алтае, возникает вопрос о времени возникновения первых предметов, покрытых данным видом росписи. Все известные на сегодняшний день в крае старинные предметы, расписанные в стиле урало-сибирской росписи, в частности составляющие коллекции местных музеев, датированы второй половиной XIX – началом XX вв. Наверняка существовали образцы XVIII века, но они не дошли до наших дней по ряду причин.

Во-первых, их было меньше в сравнении с более поздним периодом. Расцвет этого вида художественного творчества во многом связан с экономической ситуацией в регионе. Во второй половине XIX века Алтай переходит на капиталистический путь развития. В это время активно развивается торговля, повышается материальный уровень благосостояния населения, спрос повышает предложения, и большее количество местных жителей могут позволить себе украсить росписью быт. Чем больше образцов было изготовлено, тем большее их количество сохранилось до сегодняшнего дня.

Во-вторых, большинство предметов интерьера, покрытых росписью, имели утилитарное значение. Их активно использовали в быту, поэтому они быстро приходили в негодность и долго существовать не могли. В связи с этим, большинство примеров урало-сибирской росписи сохранилось до наших дней на поверхности прялок. Прялка являлась особым предметом в жизни девушек и женщин, их старались сберечь как можно дольше. Что касается домовой росписи – она также плохо сохранилась, т.к. в первой половине XX века стены и потолок внутри жилища штукатурили, белили известью или красили однотонной краской (как и двери), а некоторые дома и вовсе разбирали на стройматериалы. Так роспись могла быть утрачена.

К тому же, сама древесина как материал, с одной стороны, обладает высокими физико-механическими свойствами, поэтому ее можно обрабатывать различными способами. С другой стороны, она подвержена разбуханию, усыханию, загниванию, может коробиться, растрескиваться и легко сгореть [18. с. 36], что сокращает срок жизни деревянных изделий.

Сохранить на долгое время роспись на деревянных изделиях также непросто. Для сохранения красочного слоя необходимо создавать подходящие условия внешней

среды: определенный уровень влажности, температуры, исключение контакта с химическими веществами, в том числе в процессе влажной уборки. Все эти условия часто не соблюдались.

Кроме того, нарушение технологического процесса во время нанесения росписи на поверхность изделия (такое иногда случалось) негативно отражалось на ее сохранности в дальнейшем[20, с. 51-52].

При этом не исключено, что некоторые предметы, датированные XIX веком, могут быть более ранними. Дело в том, что подробная информация о происхождении предметов с урало-сибирской росписью часто отсутствует. В силу вариативности композиций, единых технологических приемов, одинаковых материалов трудно установить точное время создания росписи.

Учитывая вышеуказанные доводы, стоит отметить, что часто урало-сибирская роспись и на Урале, и в Сибири связывается с культурой старожилов-старообрядцев. Вероятно, данной группе населения удалось сберечь значительное количество изделий с росписью благодаря их образу жизни и менталитету, а именно – зажиточности, бережливости, приверженности традициям.

Таким образом, урало-сибирская роспись как часть народной художественной культуры появилась на Алтае не случайно. Она была перенесена на эту территорию и достигла здесь расцвета в силу пересечения ряда условий и факторов: политических, социально-экономических, природно-географических и этнокультурных. Это и правительственное заселение юга Западной Сибири, и самовольное переселение крестьян, беглых раскольников-старообрядцев, промысловиков из европейской части страны в поисках лучшей жизни, и разнообразная природа здешних мест, вдохновляющая на творчество и предоставляющая ресурсы, в том числе для декоративно-прикладного творчества, и сложный, полиэтничный, состав населения Алтая, как следствие – заимствование элементов культуры у других этнографических групп, но привнесение в них неповторимых региональных особенностей. Благодаря этим обстоятельствам на свет появилась домовая и интерьерная роспись Алтая. Изучая местную роспись в контексте перечисленных доводов, мы сможем понять суть этого явления культуры и таким путем еще немного приблизиться к разгадке таинственной души русского сибиряка.

Список литературы

[1] Барадулин В.А. Художественная обработка дерева. М.: Легпромбытиздат, 1986. 251 с.

[2] Батюк Г.М. О некоторых вариантах композиции Алтайских домовых росписей // Искусство Евразии. 2019. № 2(13). С. 97-110.

[3] Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт.кн.изд-во, 1974. 144 с.

[4] Вишневская В.М. Свободные кистевые росписи // Русское народное искусство Севера: сб. статей. Л.: Советский художник, 1968. С. 7-8.

[5] Гончарик Н.П. Коллекция прялок в Государственном художественном музее Алтайского края (ГХМАК). Некоторые вопросы изучения // Этнография Алтая. Материалы II научно-практической конференции / отв.ред. Т.К. Щеглова. Барнаул. 1996. С. 188-192.

[6] Гончарик Н.П. Народные росписи Алтая в государственном художественном музее Алтайского края // Народное искусство Южного Урала: сб. материалов науч.-практ. конф. Челябинск, 1998. С. 80-87.

[7] Гордиевских И.А. Особенности развития урало-сибирской росписи в Зауралье // Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XVI Зыряновские чтения». 2018. С. 185-188.

[8] Живова Л.В. Домовая и прялочная роспись в Заринском районе Алтайского края. Находки домовой росписи на территории района // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции / под.ред. Т.К. Щегловой. Барнаул. 2011. С. 199-208.

[9] Живова Л.В. Домовая и прялочная роспись русских Алтая (по материалам экспедиции ОРРТРК) / под.ред. Г.И. Витовтовой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. 10 с.

[10] Живова Л.В. Терема расписные // Алтайский благодатный край. М.: НИИЦентр, 2007. С. 102-105.

[11] Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. М.: Госместпромиздат, 1961. 96 с.

[12] Каплан Н.И. Русская народная декоративная роспись по дереву (Алтайский край). М.: Изд-во Московского университета, 1964. 16 с.

[13] Липинская В.А. Домовая роспись у русского населения Западной Сибири // Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала и Сибири / отв.ред. Н.В. Черкасова. М.: НИИХП, 1985. 151 с.

[14] Майничева А.Ю. Крестьянское жилище Северной части верхнего Приобья в конце XIX – начале XX вв. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях: сборник статей / отв. ред.: Ф. Ф. Болонев, Е. Ф. Фурсова. Новосибирск. 2002. С. 106-144.

[15] Наговицына Т.Е. Урало-сибирская роспись на Алтае. Новосибирск: Россазия, 2016. 64 с.

[16] Народы Алтайского края // Официальный сайт Алтайского края. URL:https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/narodi-altaiskogo-kraia/narodi-altaiskogo-kraia.php(дата обращения: 14.06.2022).

[17] Опарин Н.А. Урало-сибирская роспись в искусстве старообрядцев Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 413-415.

[18] Основы художественного ремесла: пособие для учителя: в 2 ч. / под.ред. В.А. Барадулина. Изд. 2-е, дораб. М.: Просвещение, 1986. 255 с.

[19] Севан О.Г. Крестьянские росписи Русского Севера: Архангельская область // Обсерватория культуры. 2007. № 4. С. 72-76.

[20] Урюпина М.Д. Исследование и реставрация интерьерных росписей крестьянских домов Русского Севера // Народное искусство: материалы и исследования: сб. статей. Спб., 2004. Вып. 2. С. 49-57.

[21] Фурсова Е.Ф. Северорусские компоненты в традиционной культуре крестьян-старожилов Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3(23). С. 310-313.

[22] Шокорова Л.В. Алтайская декоративная роспись как вид народной традиционной культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. №7-4(14). С. 108-109.

[23] Шокорова Л.В. Развитие художественного образования в области народного декоративно-прикладного искусства в Алтайском крае в XVIII – XX вв. // Молодой ученый. 2016. № 8(112). С. 1062-1067.

[24] Щеглова Т.К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. Сер.: Непрерывное педагогическое образование в трансграничном пространстве. 2015. Вып. 23. С. 97-107.

[25] Этнография русского крестьянства Сибири. XVII - середина XIX вв. / отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1981. 273 с.

УДК 39

Чалдоны и самоходы: роль этнокультурных стереотипов в трансформациях идентичности восточнославянского населения Сибири

Федоров Роман Юрьевич
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень, Россия.
r_fedorov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3658-746X

АННОТАЦИЯ Опираясь на анализ этнографических материалов и литературных источников, рассмотрены причины возникновения, особенности бытования и территориальные рамки распространения названий «чалдоны» и «самоходы», с которыми у сибирского крестьянства было принято отождествлять русское старожильческое населениеи переселенцев второй половины XIX – начала XX вв. Сделан вывод о том, что первоначально оба названия имели свои узкие значения. Впоследствии они превратились в своеобразные этнокультурные стереотипы, сложившиеся в ходе контактов старожилов и переселенцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА этнокультурная идентичность, этнокультурные стереотипы, Сибирь, чалдоны, самоходы.

Одним из последствий крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. стало существенное усложнение этнокультурной структуры ее населения. Процесс переселений крестьян и их обживания на новом месте способствовал трансформациям прежних и возникновению новых форм этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири. К одному из их ярких примеров можно отнести отождествление русского старожильческого населения и переселенцев с чалдонами и самоходами.

На сегодняшний день, опираясь на этнографические материалы, собранные на территории ряда регионов Западной Сибири, этимология и локальные особенности использования слова «чалдон» были исследованы Е.Ф. Фурсовой, М.Л. Бережновой, М.А. Жигуновой, Г.В. Любимовой и рядом других сибирских этнологов [3; 11; 12; 18; 25; 26]. Значительно менее изученными остаются этнокультурные аспекты бытования слова «самоход» [6; 13; 21; 24].

В период с 2009 по 2021 гг. нашими полевыми исследованиями была охвачена значительная часть регионов Сибири, на территории которых имели распространение названия “чалдон” и “самоход”. При этом в собранных нами этнографических материалах периодически фигурировали взаимные характеристики чалдонов и самоходов, а также бытовые ситуации, раскрывающие отношения между ними. Помимо этого, в ходе исследования нами был выявлен ряд литературных и историко-краеведческих источников конца XIX – начала XXI в., в которых встречались упоминания и интерпретации этих названий.

Первое известное исследователям толкование слова «чалдон» встречается в словаре А.А. Бобровникова, который был опубликован в 1853 году. В немавтор связывал его происхождение с монгольским ругательством “шолдон” [4, с. 195–197]. В 1866 г. в Словаре В.И. Даля было дано одно из первых широко известных толкований слова «чалдон»– «бродяга, беглый, варнак» [10, с 605]. В соответствии с еще одной распространенной версией, зафиксированной в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири» А.Е. Аникина, чалдон – «потомок русских поселенцев Сибири, вступивший в брак с аборигеном (аборигенкой)» [1, с. 639].

В устных историях, зафиксированных в первые десятилетия XXIв. на территории

Сибири часто встречались упоминания о том, что предки чалдонов были выходцами с Чала и Дона. Исходя из этого, чалдоны нередко ассоциировались с потомками донских казаков, которые принимали участие в ранних этапах освоения Сибири. Однако, изучение происхождения людей, относящих себя к чалдонам, указывает на то, что их предками являлись выходцы из разных регионов европейской части России. В традиционной культуре чалдонов часто можно проследить севернорусские влияния, однако, в некоторой местности в их традициях также заметны среднерусские и южнорусские черты [3; 14; 19; 25]. При этом, как отмечает Е.Ф. Фурсова, «старожилы-чалдоны точно не знали европейского "прошлого" своих прадедов (конкретных губерний, уездов) чем коренным образом отличались от российских переселенцев второй половины XIX – начала XX в.» [25, с. 34]. Также в рассказах жителей Сибири можно встретить повторяющиеся упоминания о том, что название «чалдон» возникло из-за того, что основатели первых русских поселений приплыли в Сибирь на челнах. Некоторые люди связывали возникновение слова с любовью чалдонов к чаю [11, с. 68; 25, с. 38]. Нередко можно встретить утверждения, что чалдоны являются метисами русских и коренных народов Сибири. Как можно увидеть, во всех этим объяснениях присутствуют определенные элементы мифологизации происхождения этой группы. В связи с этим возникает вопрос о том, какой ключевой фактор способствовал выделению среди русского старожильческого населения Сибири чалдонов в этнографической реальности? Ключом к разгадке этого вопроса могут послужить этнокультурные взаимодействия старожилов и переселенцев, имевшие место во второй половине XIX– начале XX в. Обобщение собранных нами этнографических совпадает с выводом М.Л. Бережновой о том, что первоначально словом «чалдон» поздние переселенцы дразнили русских старожилов, однако со временем значение этого слова превратилось в самоназвание старожилов, которое перестало носить свой изначальный негативный смысловой оттенок [3, с. 46]. При этом, в ряде современных этнографических исследований выделяются различия в традиционной культуре отдельных локальных групп русского старожильческого населения и чалдонов [8; 9; 14; 18; 20; 25; 27]. Анализируя причину возникновения этих различий на примере календарной обрядности Г.В. Любимова, отмечая высокую степень ее типологического сходства у старожилов и чалдонов, сделала вывод о том, что «сохранив известную консервативность старожильческого календаря <...>, чалдонский календарь оказался более восприимчивым к инновациям российских переселенцев» [18, с. 208].

В отношении крестьян-переселенцев второй половины XIX– начала XX в. в ряде регионов Сибири использовалось название «самоходы». Потомки переселенцев чаще всего объясняют возникновение этого названия тем, что их предки пришли в Сибирь по собственной воле, передвигаясь пешком или на обозах «своим ходом». В Словаре Даля само слово «самоход» отождествляется лишь с транспортными средствами, однако рядом с ним приводятся слова «самохотие», «самохотность», «самохотство», которые означают – «своя охота к чему, готовность, желание и хотение» [10, с. 138]. В белорусском языке слово «самохаць» означает «добровольно, по своему желанию» [7, с. 218]. Также как и в случае со словом «чалдон», установить точную этимологию названия «самоход» в настоящее время невозможно. Однако можно сделать следующее предположение. Учитывая получивший во второй половине XIX в. массовый характер самовольных переселений в Сибирь, в стихийном возникновении этого названия могли скреститься два созвучных смысла: «самовольное» переселение, которое осуществлялось «своим ходом». В конце XIX в. слово «самоходы» уже прочно вошло в литературный русский язык применительно к крестьянам-переселенцам. Ярким примером этого служит одноименный рассказ писателя Николая Телешова, который был написан в 1894 г. в рамках цикла «Переселенцы» [22]. В «Словаре русских народных говоров» приводятся следующие объяснения слова «самоход», собранные в разных регионах

Сибири в период с 1905 по 1989 гг.: «добровольный переселенец, поселенец в Зауралье и Сибири», «приезжий, чужой человек в деревне», «люди, ходившие в лаптях» [17, с. 110]. В том же словаре зафиксировано слово «самоходня», которому дается определение «переселенцы в Сибирь из различных районов России» [17, с. 111]. Жители некоторых деревень, расположенных на территории Западной Сибири, относили к самоходам лишь крестьян, самовольно переселившихся сюда во второй половине XIX в., считая при этом, что столыпинские переселенцы не являлись самоходами. Подобное объяснение зафиксировано и в «Словаре русских народных говоров»:

> «Самоходы – они сам приходили, а переселенцы – это как-то их переселяли, им здесь отрезали землю»[17, с. 110].

Однако позднее, в ряде регионов Сибири название «самоходы» стало широко применяться и к столыпинским переселенцам. К примеру, герои повести красноярского писателя Николая Устиновича «Самоходы. Семейная хроника» переселились в д. Горелый Борок Устьянской волости Канского уезда Енисейской губернии в 1907 г. из Витебской губернии [23, с. 39].

В письменных источниках, относящихся к концу XIX – началу XX вв., самоходы, как правило, отождествлялись с «российскими переселенцами», проживавшими в Сибири. Проведенные нами полевые исследования позволили уточнить места выхода и этнический состав самоходов, а также современную географию бытования этого названия. Широкое употребление названия «самоходы» фиксировалось нами в отдельных районах Зауралья (Таборинский и Тавдинский районы Свердловской обл.), на территории Тюменской, Омской областей, а также Красноярского края. В то же время, в исследованных нами районах Новосибирской, Томской, Иркутской областей и некоторых других регионов Сибири употребление названия «самоходы» в настоящее времяне было зафиксировано. Вместо него переселенцев здесь чаще называли «российскими».

Примечательно, что в ряде обследованных районов самоходами называли лишь белорусских переселенцев. Частое отождествление выходцев из Белоруссии с «самоходами» можно объяснить тем, что в конце XIX – начале XX вв. их этническое самосознание еще не было окончательно сформировано. В этнографических описаниях тех лет, белорусские крестьяне часто называли себя «тутэйшими», т.е. здешними [5, с. 15]. В связи с этим можно сделать предположение о том, что получив статус переселенцев, часть выходцев из Белоруссии вместо тутэйших (здешних) начала отождествлять себя на новом месте с самоходами (пришлыми). Помимо белорусов, самоходами могли называть выходцев из ряда регионов центральной и южной России. В этих случаях, как отмечала А.А. Крих, чаще всего название «самоходы» употреблялось, когда небольшие локальные группы переселенцев сливались в более крупную этническую общность, для идентификации которой у старожилов не использовалась какая-либо национальная терминология [16, с.126].

На рубеже XIX и XX вв. чалдонынепредставляли собой группу русских, которая прошла через процесс этнокультурной адаптации в Сибири и приобрела здесь ряд новых черт социальной организации, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры. В отличие от них, самоходам, которые привнесли в Сибирь типичные для мест их выхода прототипы традиционной культуры, еще предстояло адаптироваться к новым условиям. В этой ситуации, несмотря на общую для восточных славян типологическую основу традиционной культуры, чалдоны и самоходы обладали рядом социально-экономических и этнокультурных различий.

В социально-экономических различиях чалдонов и самоходов можно выделить следующую типичную ситуацию. Среди русского старожильческого населения Сибири часто практиковался вольный захват земель, который сопровождался использованием

экстенсивных методов земледелия. Границы земельных наделов переселенцев, как правило, были изначально регламентированы государством, при этом, на них преобладали трехпольная или другие системы интенсивного земледелия. Нередко при заселении переселенческих участков между чалдонами и самоходами возникали хозяйственно-бытовые конфликты. Чалдоны, считавшие себя полноправными хозяевами мест, где они проживали, противились экспансии самоходов.

В идентификации друг другом представителей обеих групп на первый план чаще всего выходили те отличительные этнокультурные особенности, которые имели выраженное символическое значение. К примеру,чалдоны носили кожаную обувь, тогда как самоходы долгое время продолжали использовать в Сибири традиционные для их родины лапти. Часто отмечалось, что чалдоны были искусными охотникам и рыбаками, тогда как навыки промыслового хозяйствования у самоходов были значительно слабее развиты. В то же время, по сравнению с чалдонами, у самоходов были гораздо лучше развиты навыки земледелия. В рационе русского старожильческого населения чаще преобладала говядина, тогда как самоходы из Белоруссии и южной России больше предпочитали свинину. Чалдоны любили пить чай, который в то время, не всегда имел широкого распространения у переселенцев. По мнению ряда наблюдателей, для самоходов были типичными такие особенности речи, как ее быстрый темп и мелодичность, растягивание гласных, аканье. Речь чалдонов чаще называют монотонной, с преобладанием «оканья» и проглатывания последних гласных, что указывает на ее близость к севернорусским диалектам [19]. Однако фиксируемые этнографами локальные чалдонские говоры имеют от места к месту существенные различия. В них можно встретить элементы, характерные для целого ряда регионов европейской России, что указывает на многообразие мест выхода их предков [2; 19;25, с. 39].

Как можно увидеть из приведенных выше характеристик, наиболее типичные стереотипы, которые приписывались чалдонам и самоходам, являлись своеобразными символическими маркерами существовавших между ними ментальных границ. Несмотря на тесные хозяйственные контакты, для чалдонов и самоходов нередко была свойственна взаимная социокультурная отчужденность:

> «Различие между чалдонами и самоходами чувствовалось. Гулянка какая-нибудь – самоходы к самоходам, чалдоны к чалдонам. Они своим коллективом, а самоходы своим»

(Полевые материалы автора, 2019. Экспедиция в д. Скрипкино Викуловского р-на Тюменской обл. (информант: Е.И. Леончикова, 1932 г.р.). При этом, во многих деревнях вплоть до середины XX в. между представителями двух групп не одобрялись совместные браки. Приведем один из примеров этой ситуации, относящийся к 1950-м годам:

> «Вот моя сестра пошла за чалдона, а его матка – "не надо за самоходку-лапотонку". Его родители не пустили в дом невесту, и он як примак жил. Я тоже вышла в 18 лет, приняла примача себе»

(Полевые материалы автора, 2018. Экспедиция в деревни Ермаки и Еловка Викуловского р-на Тюменской обл. (информант: И.С. Морозова, 1938 г.р.).

Подвергая анализу исследованные этнографические материалы можно сделать вывод о том, что чалдоны и самоходы являются специфическими формами этнокультурной идентичности восточнославянского населения Сибири, которые возникли в результате контактов между старожилами и переселенцами во второй половине XIX – начале XX вв. Первоначально эти названия имели свои узкие значения, которые опирались на дифференцирующие символы, присущие народно-бытовой культуре отдельных групп восточнославянского населения Сибири.Однако позднее

семантическое поле этих названийсущественно расширилось, и они превратились в своеобразные этнокультурные стереотипы, которые стали активно применяться по отношению к старожилам и переселенцам.Как правило, эти названия являлись лишь одной из граней идентичности жителей Азиатской России, наряду с параллельным использованием ряда других названий, характеризующих этническую, региональную или локальную идентичность.

Результаты полевых исследований указывают на то, что в народной жизни разделение на чалдонов и самоходов в большинстве случаев продолжало играть заметную роль до середины XX в. В настоящее время эти названия сохранили свое значение преимущественно среди представителей старшего поколения восточнославянского населения Сибири.

Список литературы

[1] Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. – Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

[2] Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. Иркутск, 2007. Т. 1. 576 с.

[3] Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М.: Форум, 2012. 280 с.

[4] Бобровников А.А. Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. 1. СПб.: 2-е Отд-ние Имп. Акад. наук, 1853. С. 195-197.

[5] Богданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: этнографический очерк. М.: ИЦ «Слава!»; ООО «Форт-Профи», 2009. 160 с.

[6] Богордаева А.А., Федоров Р.Ю. Самоходы и вогулы Северного Урала (по материалам полевых исследований в Таборинском районе Свердловской области в 2002–2003 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. 2(13). С. 210-218.

[7] Булыка А.М. (ред.). Беларуска-Рускі слоўник. Мінск: Аверсэв, 2003. 372 с.

[8] Верник А.А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX – начало XX вв.). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. 228 с.

[9] Гавриленко М.В. Культура питания русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая в конце XIX–XX вв.: локальные варианты и их трансформация. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2012. 136 с.

[10] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. P-V. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1882. 683 с.

[11] Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2004. 228 с.

[12] Жигунова М.А. Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3(9). С. 136-145.

[13] Зверев В.А. Самоходы из Расеи: крестьяне в эпоху массовых переселений // Родина. 2000. № 5. С. 127-129.

[14] Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 249 с.

[15] Крих А.А. Грани этнической идентичности белорусов: панцирные бояре – литва – сибиряки // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2005. С. 234-240.

[16] Крих А.А. Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 124-128.

[17] Кузнецова О.Д. (ред.) Словарь русских народных говоров. Вып. 36. С – святковать. СПб.: Наука, 2002. 344 с.

[18] Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX – начало XX века. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004. 240 с.

[19] Пиманова Л.А. Чалдоны и самоходы // Коркина Слобода. 1999. №2. С. 31-37.

[20] Прищепа Е.В. Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, Хакас. фил., 2011. 200 с.

[21] Разгон В.Н., Пожарская К.А. «Самоходы» против чалдонов // Родина. 2012. №4. С. 44-48.

[22] Телешов Н.Д. Самоходы // Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. М.: Советская Россия, 1983. С. 105-115.

[23] Устинович Н.С. «Самоходы»: Семейная хроника // Енисей. 1963. №4 (40). С. 39-52.

[24] Федоров Р.Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102-115.

[25] Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). Ч. 1. Обряды и обычаи зимне-весеннего периода. Новосибирск: «Агро», 2002. 286 с.

[26] Фурсова Е.Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 2. С. 100-104.

[27] Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 296 с.

УДК 271, 930.85, 763

Современные старообрядцы-федосеевцы Новосибирска: к вопросу о трансформации конфессиональной идентичности

Фурсова Елена Федоровна
Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
mf11@mail.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-9459-7033

АННОТАЦИЯ В настоящее время, когдавсе большее значение в общественной жизни людей приобретает религиозная принадлежность, одной из важнейших проблем отечественной истории является изучение конфессиональных групп. Актуальность видится не в изучении старообрядчества в целом, как явления (по этой теме написано уже много работ), но в виде этнокультурных и локальных групп. Это связано с тем, что все крупные старообрядческие согласия существуют во множестве конкретных групп и этнокультурных вариантов, которые, в основе своей, мало изучены и представляют обширное поле для исследователя. Объектом исследования в данной статье стала группа старообрядцев федосеевского согласия, члены которой в XX в. разными путями попали в Новосибирск. В 2011-2012 гг. в связи со строительством в городе Бугринского моста и сносом моленного дома группа старообрядцев-федосеевцев прекратила свое существование. Связи и общение новосибирских федосеевцев еще продолжались лет десять после разорения моленного дома, однако с уходом из жизни пожилых людей, прекратилось и это. Пережившие годы атеизма, несмотря на разные степени обмирщения, современные старообрядцы, как и столетия назад, помнили воспринятое от старшего поколения истину о конечном итоге жизни и предназначении человека – спасении души, почему более столетия хранили в общине лубок о Страшном суде. После того, как федосеевцы лишились моленного дома и община распалась, люди стали искать возможность примкнуть к другим старообрядцам-беспоповцам, главным образом, поморцам, или перейти к поповским старообрядческим общинам, в Русскую православную церковь. Не актуальна, по нашим наблюдениям, для старообрядцев оказалась региональная идентичность («сибиряк»), она следует после «приверженца старой веры», этнической принадлежности и даже локальной (привязки к конкретному селу, деревни).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА старообрядцы-федосеевцы, Новосибирск, история общины, культурное наследие, историческая память

Исследование этнокультурных и региональных вариантов русской культуры предоставляет возможность увидеть не только всеобщие процессы в малом, но и раскрыть новые грани такого феномена как старообрядчество. В годы «воинствующего атеизма» старообрядческая община (федосеевского согласия) г. Новосибирска была для ее членов своеобразным «целостным микрокосмом» с тайной религиозной жизнью, островком «истинной веры». К сожалению, в поле этнографических исследований автора община попала только в последние три года своего существования (1996-1998-е гг.).

Приведем краткие данные об истории происхождения федосеевского согласия. Старопоморское согласие как одно из сообществ беспоповцев, не приемлющих брака, зародилось в конце XVII в. в Псковской и Новгородской губ. и было названо «федосеевским» по имени своего основателя Феодосия Васильева [4, с. 552]. Значительное количество сторонников древнего благочестия, как называли себя сами старообрядцы, было вынуждено бежать от религиозных преследований и скрываться в ближнем зарубежье Российского государства и глухих местах Сибири. В начале XX в. раскиданные по деревням Томской губ. и другим населенным пунктам Западной Сибири старообрядцы активно переезжали на местожительство в Новониколаевск (с 1926 г. – Новосибирск). Полевые экспедиционные исследования показывают, что старообрядцы-федосеевцы и их потомки проживают также в сельских районах Новосибирской области, однако имеют ряд отличительных особенностей традиционно-бытовой культуры [8]. В отличие

от сельских жителей, соседи городских старообрядцев не называли их кержаками, анонимность городской жизни большого миллионного города не способствовала выявлению и бытованию групповых названий (прозвищ). Не актуальна, по нашим наблюдениям, для старообрядцев и региональная идентичность, во всяком случае, она следует после «приверженца старой веры», этнической принадлежности и даже локальной (привязки к конкретному селу, деревни).

Согласно данным интервью с наиболее пожилыми старообрядцами, до конца 1950-х гг. федосеевскую общину христиан Древлеправославного кафолического исповедания и Благочестия Старопоморского согласия (безбрачников) возглавляла наставница Анна Ивановна Оскарева, верными помощниками были ее братья Африкан Иванович и Иван Иванович Плюхины (ПМА1998). С конца 1950-х гг. руководство моленной по ул. Овражной перешло к Петру Сидоровичу Квашнину, родственники которого до сих пор проживают в Новосибирске (ПМА1999). Как и многие сторонники старой веры, Петр Сидорович вел дневники и делал различные записи, в том числе сохранилась рукопись, в которой он изложил историю нескольких поколений семьи Квашниных – выходцев «с Ишима». Незадолго до смерти, в октябре 1978 г. наставник составил завещание, в котором, в частности, распределил обязанности членов общины во время его похорон. Он указал кому читать 40 Псалтирей, какую могилу копать, как вести себя присутствующим при погребении, сделал эскиз креста и пр.

После смерти П.С. Квашнина руководителем федосеевской общины христиан стал Федор Васильевич Губарев. Федор Васильевич родился в 1908 году в деревне Коровка Сапожковского района Рязанской губернии в семье благочестивого христианина. В начале тридцатых годов, спасаясь от репрессий за отказ вступить в колхоз, Федор Васильевич был вынужден вместе с семьей уехать в Сибирь. Долго ему пришлось скитаться, переезжая с места на место. В конце концов он обосновался в Новосибирске. В 1941 году Федор был призван в ряды Красной Армии, воевал, был ранен, попал в плен. По его словам, он перенес все ужасы войны, чудом остался жив, после войны вернулся в Новосибирск. Федору Васильевичу довелось встречаться со знаменитым старцем Иваном Никифоровичем Заволоко во время его приездов в Новосибирск.

По воспоминаниям, Ф.В. Губарева, в общине были и другие переселенцы, выходцы из разных районов Центральной России, в т.ч. с территорий Рязанской, Тульской и Липецкой обл. Примерно в середине 1970-х гг. федосеевцы приобрели небольшой дом в Октябрьском районе г. Новосибирска, где устроили моленную. На момент нашего общения с этими старообрядцами в 1996–1998 гг., в службах по субботам и воскресеньям участвовали не более пяти-шести пожилых женщин, старше 80 лет, две из них жили постоянно в моленном доме. По праздничным и поминальным (родительским) дням на службе присутствовали до 15–20 чел., в т.ч. люди среднего возраста, они стояли позади группы молящихся как «живущие в блуде», т.е. в браке (ПМА 1996, 1997 гг.).

Несмотря на отдаленность от малой родины, новосибирские старообрядцы поддерживали связи с европейскими старообрядческими центрами, прежде всего, Преображенским богоделенным домом в Москве (его еще называют Преображенским кладбищем, так как здесь имеется старообрядческое кладбище). Часть общинников этого духовного центра сегодня составляют потомки выходцев из д. Коровка Рязанской области (ПМА2002). В память о своем духовном центре переселенцы привезли в Сибирь акварельное изображение этого места - церкви и кладбища. Одним из основателей этого духовного комплекса в бывшем селе Преображенском был знаменитый старообрядец Илья Алексеевич Ковылин (Кавылин), похороны которого, видимо, и изображены на акварели [3, с. 12; 13]. В центре картины видна процессия, которую составляют конные повозки и возглавляют люди, несущие на руках гроб. Кони, люди, повозки, а также храмы выписаны умелой рукой и с большой любовью к деталям. Действие разворачивается на фоне окружающей природы – лугов, небольшой березовой рощи, взлетающих стаями

птиц. Картина получилась насыщенной по колориту и настолько точно отображающей обстановку в районе Преображенского вала 1770-х – начала XIX в., что по ней можно и сегодня определить местоположение сохранившихся построек (рис. 1, презентация). По ряду признаков московский искусствовед Татьяна Игнатова отнесла дату написания акварели к первой половине XIX в. и связала сюжет с похоронами Ильи Алексеевича Ковылина (интервью, ПМА 2021).

Объясним, почему похороны старообрядца (кстати, перекрещенного из сторонников РПЦ в 1768 г.) Ковылина были столь пышно организованы и даже стали темой для живописной работы. Выходец из крепостных крестьян Костромской губ., И.А. Ковылин, благодаря природным дарованиям, сумел купить вольную и стать владельцем нескольких кирпичных заводов в Москве [2, с. 6-8]. В страшный для столицы «чумной» 1771 год, когда ежедневно умирали сотни людей, а городские власти были не в силах даже убирать умерших, он вместе с другими старообрядцами федосеевского согласия предложил свою помощь. Получив разрешение на постройку карантина и больницы, Ковылин арендовал у крестьян села Черкизова землю, поставил на ней заставу и палатки для приема больных, а с наступлением холодов и первые постройки. Впоследствии община стремительно росла, стараниями Ильи Ковылина были основаны северный (мужской) и южный (женский) монастыри. В 1809 г. Илья Алексеевич добился независимости обители от духовных властей, но в этом же году умер, простудившись по дороге в Санкт-Петербург. Логично предположить, что похороны именно такого уважаемого деятеля общины Преображенского богоделенного дома в Москве изображены на бережно хранимой старообрядцами акварели.

Кроме описанной акварели, федосеевские старообрядцы Новосибирской общины сохранили несколько лубочных картинок на духовно-религиозные темы . Их хранили в виде свернутых рулоном листов бумаги, о которых на какое-то время забыли и нашли только при разборке моленного дома. Темы лубков: «О втором пришествии Христове и о Страшном Суде», «Слово Святаго отца нашего Нифонта, како подобает православным християнам на трапезе ясти с молчанием», «Месяца апреля, в первый день, жити и жизнь, преподобная матере нашея Марии Египетская» (сцены жития Марии Египетской) и др. По мнению русского книгоиздателя и просветителя И.Д. Сытина, известные еще до второй половины XVII в. картины приносили русским деревенским людям, среди которых было немало неграмотных, даже больше пользы, чем книги [6, с. 34]. В народе такие картины, издаваемые миллионными тиражами, были любимы и встречались почти в каждой крестьянской избе, в мещанских или купеческих домах, где они составляли первое после икон украшение [6, с. 44; 1, с. 38].

Рассмотрим подробнее лубок «О втором пришествии Христове и о Страшном Суде» из новосибирской старообрядческой общины (рис. 2 презентации). Внизу картины указано, что выполнена «литоолеграфия» в старообрядческой типографии Г.К. Горбунова в Москве. Лубочные картинки духовно-религиозного содержания оказались особенно близки старообрядцам, они были призваны духовно пробудить христианина, привести к покаянию. Считается, что отдельные детали картины Страшного Суда были известны уже в IV-VI вв. [5, с. 14], а сложение иконографии Страшного Суда считают полностью сложившейся к XV в.

Лубок состоит из рисунка и текста, расположенного рядом, цель которого объяснить изображение. Указано, что текст взят из Большого сборника в неделю мясопустную «Слово преподобного Палладия Мниха»: «Егда убо хотяи приити судити праведный Судия Господь наш Исус Христос и воздати комуждо по делам его, тогда убо прежде после ангелы своя с трубами страшными и грозными и вострубят ужасно и страшно зело. Тогда море возмутится, и земля потрясется, и преисподняя вострепещут, и небеса убоятся. Тогда по апостольску слову, мертвии востанут в мегновении ока. Праведницы воскреснут радующеся, чающе воспрятия блага. Грешницы же зело ужасни, чающе мучения и

грозного пламене. Тогда изыдет по Господню повелению река огнена от востока и зело люта...Тогда небеса погибнут со всею лепотою...» В самом верху рассматриваемой лубочной композиции в середине на ярусах облаков и в окружении Воинства небесного сидит на престоле – Бог Саваоф. По сторонам изображены херувимы и серафимы, ангелы и архангелы, трубящие об этом великом событии в жизни людей. Слева можно видеть святых, преподобных отцов, у них за спиной Царство небесное (надпись «В дому Отца Моего обители мнози суть») с причудливыми деревьями, цветами и плодами.

В центральной части лубка – сидящий на престоле Судия Христос, который был послан Богом Отцом на жертвенный подвиг для спасения рода человеческого. У него в руках книга, на которой написано «Приидите ко Мне вси труждающиися и обременении и аз покою вы». Вокруг Христа изображены сонм крылатых ангелов и символы Евангелистов – ангел, орел, лев и бык. Ему предстоят Богоматерь, а ниже ее Иоанн Креститель. Слева изображены святые, апостолы, цари, стоящие на облаках, в руках одного из апостолов книга Евангелие (Нового Завета). Ниже справа изображены шествующие на Суд народы: праведники идут в исходящих лучах истинного евангельского света, ниже их к Судии подходят язычники и иные иноплеменники, до которых лучи евангельского света не дошли. Между праведниками и грешниками расположен сюжет «Земля и море отдают мертвецов». Воскресающие из мертвых люди встают из гробов и всплывают из морей и рек, протягивая руки к Христу. Здесь нет аллегорических изображений земли и моря, которые встречаются на других иконах [7, с. 414; 415]. В самом центре композиции изображен восьмиконечный крест, который держат четыре ангела и внизу два ангела держат в руках копье и губку как символы страстей Христовых. Под крестом на столике лежит раскрытая книга с надписью: «О елико вас, веровавших в мя и елико вас крестистеся во имя мое и елико вас пастуси бысте овцам моим, и елико вас расплодисте талант мой, явите дела ваша и приимите мзу по достоянию вашему кождо вас».

В нижней части лубка изображен ад, один архангел с огненным мечом в руке, видимо, Михаил, указывает на текст из Псалома 9 стиха 18: «Да возвратятся грешницы во ад и вси языцы забывающии Бога», другой архангел сталкивает в геенну огненную грешников копьем. Рядом с ним надпись: «Грешники и мет опаляя жещи неугасающая река огненная, не имат до конца сожещи». Огненная река истекает из пасти змия и пересекает всю картину поперек. Еще ниже под огненной рекой изображена скала с мрачными пещерами и сидящими в них грешниками, над ними написаны содеянные при жизни грехи («Пияницы отидут в смолу горящую», «Оубиицы человечестии отидут в скрежет», «Сребролюбцы отидут в червь неоусыпающии», «Плясцы и свирельницы и гусленицы и смычницы и смехотворцы и глумословцы отидут в плач неутешимый никогдаже» и т.д.). В композиции отсутствует характерная для поздней русской иконописи деталь в виде змия с нанизанными на нем двадцатью кольцами с аллегорическими изображениями мытарств.

Старообрядцы Новосибирской общины, таким образом, были наследниками яркой и насыщенной истории, сохранившие целый ряд архаичных элементов культуры, составляющих, без сомнения огромный интерес не только для этнографов, но и для искусствоведов, историков. Очевидная склонность к сохранению русского культурного наследия сочетается у старообрядцев со стремлением получить хорошее образование, поступить учиться в престижные ВУЗы. Среди общинников встречались люди, которые имели высокое социальное и имущественное положение в обществе. Выйдя на пенсию, многие начинали серьезно интересоваться религией предков, вести поиски общин своего согласия, доставать оставшиеся от старшего поколения книги, моленные костюмы, вспоминать религиозные практики, которым учили их в детстве. После того, как федосеевцы лишились моленного дома и община распалась, люди стали искать возможность примкнуть к другим старообрядцам-беспоповцам, главным образом, поморцам, или перейти в Русскую православную церковь. Как показывает наблюдения,

переход в поморское согласие оказался более органичным и безболезненным (прием осуществлялся без повторного крещения, т.н. «перекрещивания»). В том случае, если человек переходил из федосеевского согласия, которое относилось к беспоповским, в т.н. поповское согласие, главным образом, белокриничное, ему приходилось заново принять крещение. Связи и общение новосибирских федосеевцев еще продолжались лет десять после разорения моленного дома, однако с уходом из жизни пожилых людей, прекратилось и это.

Пережившие годы атеизма, несмотря на разные степени обмирщения, современные старообрядцы, как и столетия назад помнили о конечном итоге жизни и предназначении человека – спасении души, почему более столетия хранился в общине лубок о Страшном суде. Сегодня потомки русских старообрядцев также противятся подражательным обычаям, прежде всего, засилью западной идеологии и образа жизни, в очередной раз вводимым правящими классами, а также СМИ, работниками культуры.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00865.

Список литературы

[1] Балдина О. Русские народные картинки. М.: «Молодая гвардия», 1972. 208 с.

[2] Козлов В.Ф. Московский Преображенский монастырь – духовный центр старообрядцев-беспоповцев. Путеводитель. М.: Старообрядческое издательство «Третий Рим», 2020. 51 с.

[3] Культурное наследие староверов Преображенского монастыря. М.: Культурно-паломнический центр имени протопопа Аввакума, 2019. 256 с.

[4] Миссионерский спутник. СПб.: (Тип. Э.Л. Пороховщиковой), 1902. 738 с.

[5] Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.

[6] Сытин И.Д. Жизнь для книги. М.: Госполитиздат, 1960. 279 с.

[7] Трубецкой Е. Русская иконопись. М.: Белый город, 2006. 501 с.

[8] Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск: Изд-во АГРО-СИБИРЬ, 2003. 190 с.

УДК 39

Русские в природных ландшафтах Горного Алтая: освоение территории и этнокультурная идентичность

Шитова Наталья Ивановна
Кандидат исторических наук, ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
natalja.sni2011@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-1325-255X

АННОТАЦИЯ Автор рассматривает проблему взаимосвязи процессов освоения русским этносом новых территорий и особенностей этнокультурной идентичности. Этнокультурная адаптация русских старожилов и столыпинских переселенцев к ландшафтам Горного Алтая включала в себя не только хозяйственное освоение территорий, но и процессы мировоззренческого освоения пространства. Возникла русская топонимика, у уймонских старообрядцев бытуют представления, свидетельствующее о сакрализации территории проживания. Освоение русским этносом различных природных ландшафтов Горного Алтая могло способствовать как формированию и длительному сохранению локальной этнокультурной идентичности, как это произошло в случае с группой уймонских старообрядцев, так и нивелированию культурных различий, что мы наблюдаем на примере столыпинских переселенцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА русские, старожилы, переселенцы, старообрядцы, Беловодье, Горный Алтай, Уймонская долина.

Вопросы взаимосвязи природно-ландшафтных характеристик и особенностей этнокультурной идентичности представляют особый интерес как явление отражения природы в культуре. Некоторые исследователи рассматривают священные места как маркеры идентичности [1, 6]. По отношению к восточнославянскому населению Сибири изучение подобных взаимосвязей позволило бы соотнести влияние адаптации этноса к новым, отличным от мест первоначального проживания, условиям на состояние базовой составляющей культуры - этнокультурной идентичности. На примере изучения белорусских переселенцев в Сибири Р.Ю. Федоров и А.А. Богордаева выявляют основные модели корреляции принципов расселения и этнокультурной идентичности [7]. Как отмечает Е.Ф. Фурсова, одной из форм выражения этнокультурной идентичности русских в Сибири явилась система предпочтительности расселений групп. Одним из решающих факторов, на базе которого формируется идентичность на уровне группы, стал культурно-ландшафтный, то есть духовная связь с природой, ландшафтом [8]. В настоящей работе взаимосвязь хозяйственного и мировоззренческого освоения территории и этнокультурной идентичности рассмотрена на примере старожиловГорного Алтая (старообрядцев Уймонской долины) и православных переселенцев, осваивавших территорию в ходе столыпинских переселений. Работа основана на полевыхэтногр афическихматериалах автора, собранных в 2000-2010-е гг., архивных материалах, неопубликованных фольклорных материалах.

Горный Алтай заселялся русскими значительно позже, чем равнинные территории соседнего Алтайского края. И процесс этот начинался не с территорий, находящихся ближе к уже освоенным, а, наоборот, с отдаленных горно-долинных ландшафтов высокогорной зоны (конец XVIII в.). Затем заселялось русскими среднегорье, и, в более поздние сроки – низкогорье. Во всех ландшафтных зонах региона старообрядцы являлись первыми представителями русского этноса, адаптирующимися к новым условиям. И вплоть до середины-конца XX в. различные старообрядческие группы бытовали на территории современной Республики Алтай [13].

Хозяйственная адаптация старообрядцев-старожилов происходила в условиях малонаселенности, при которой существовала возможность расположить сельхозугодья на значительных расстояниях от населенного пункта, основывать заимки. Но появлявшиеся в среднегорной и низкогорной зонах православные переселенцы постепенно оттесняли старообрядческое население. В высокогорной зоне уймонская старообрядческая группа

пополнялась старообрядческими переселенцами и продолжала развиваться до потрясений 1920-1930-х годов.

Столыпинские аграрные переселения в Сибири стали источником для образования целого ряда переселенческих групп, сохраняющих и развивающих традиции своих метрополий. Так, на территории Алтайского края исследователями выделяется переселенческая историко-этнографическая область [16]. Переселенческий поток в Горный Алтай не вписывается в закономерности, выявляемые для территории рудного (степного) Алтая [См. например: 4]. Он является лишь малой долей общего потока переселенцев на Алтай. Районы, предназначенные для заселения столыпинскими переселенцами в Горном Алтае - это территории Лебедской, Озеро-Куреевской и Успенской волостей Бийского уезда Томской губернии (позже Успенский и Лебедский аймаки Ойратской автономной области) [2]. Здесь преобладающее большинство населенных пунктов, как свидетельствуют результаты с/х переписи 1917 г. (материалы 233 фонда Государственного архива Алтайского края), были основаны в 1911-1913 гг. В этих районах условия были максимально неблагоприятны не только для земледелия, но часто и для скотоводства, поэтому население стало заниматься в основном лесными промыслами, где позволяли локальные условия – скотоводством, при этом земледелие стало играть вспомогательную роль [11].

На всей территории Горного Алтая в результате адаптации к новым природно-географическим условиям произошло изменение традиционного для русских Европейской части России соотношения хозяйственных занятий (земледелие – основное, скотоводство, лесные промыслы – вспомогательное). Особенность территории – залесенность и горный ландшафт - обусловила изменения в традиционной системе жизнеобеспечения. Основой хозяйства в высокогорной и среднегорной зонах стало скотоводство, земледелие отошло на второе место. При этом наибольших успехов в земледелии добились жители Уймонской (высокогорье) и Чарышской (среднегорье) долин.

Угол наклона, экспозиция склона, степень залесенности влияли на возможности использования природных ландшафтов в хозяйственной деятельности. Спецификой землепользования в регионе являлась дробность угодий различного назначения, хозяйственная деятельность развивалась на различных микроучастках. Все эти особенности отразились в топонимике, в том числе в народных названиях различных сельхозугодий. Создание русскими своей топонимической системы является свидетельством мировоззренческого освоения природного пространства [14].

Материалы по группе уймонских старообрядцев дают возможность проанализировать адаптацию к природно-ландшафтным условиям Горного Алтая с позиций хозяйственного и мировоззренческого освоения территории и отражения этого процесса в особенностях этнокультурной идентичности представителей группы.

Природно-ландшафтные условия оказали существенное влияние на формирование группы уймонцев. Как отмечает Д. Н. Лухманов, рельеф Уймонской долины способствовал почти полной изолированности населения, поскольку расселение в этих местах следовало направлению и рельефу практически замкнутых горных рек. Этими особенностями объясняется хорошо выраженная анклавность местного населения и сама система расселения [3, с. 135].Поселенцы Уймонской долины адаптировались к непривычным для русского земледельца условиям высокогорной долины, здесь сформировался животноводческий тип хозяйства с подсобным земледелием. Хозяйственную деятельность уймонцы вписывали в окружающий ландшафт: рассредоточивали угодья на значительные расстояния от населенных пунктов; рационально использовали окружающие земли в соответствии с их природными особенностями. Пространство осваивалось и путем основания заимок (первоначально как места сезонного проживания), многие из которых переросли в села [12].

Уймонские старообрядцы знамениты своим религиозно-мифологическим наследием, связанным с Беловодьем, широко известно внимание Н.К. Рериха к этим представлениям [5]. Как свидетельствуют наши полевые материалы, «Беловодье» понималось уймонцами

по-разному: как район Белухи и Катуни, Уймонская долина, как удаленная за пределы Российского государства территория, но также и как духовная реальность, существующая, но недоступная для обычных, грешных людей. Эти представления вплоть до конца XX в., а отчасти вплоть до настоящего времени, в Уймонской долине сосуществовали одновременно.

На основе анализа старообрядческих нарративов (рукописей Т.Ф. Бочкарева) нами установлено, что переселению старообрядцев-первопоселенцев Уймонской долины Бочкаревых, Атамановых и др. с Европейской части России предшествовало некое религиозно-мифологическое обоснование, легенда, географической привязкой которой, исходя из текста нарратива, являлись Катунь и Белуха[10]. В конце XX – начале XXI веков местные старожилы все еще рассказывали нам о том, что, если подняться высоко в горы, вода там течет белая, а потому Уймонская долина и есть Беловодье.

В начале XX в. в Горном Алтае складывалась сеть многочисленных небольших поселений, основанных столыпинскими переселенцами. Существенное отличие от условий рудного Алтая определяется особенностями алтайской черни или черневой тайги, в которой возможно основать лишь небольшие поселения вдоль узких речных долин, или заимки, хутора в отдельных, зачастую «глухих» логах в условиях непривычных, трудных для земледельца. Наибольшее количество поселений в регионе в первой четверти XX в. фиксируется в переселенческих районах: 104 – в Лебедском (население 9195 чел.), 121 – в Успенском аймаке (население 11709 чел.). При этом в более развитых в отношении земледелия Майминской и Уймонском аймаках – соответственно 61 и 60 населенных пункта (население соответственно 11770 и 10135 чел.) [9].

Большинство переселенцев в Горный Алтай направлялось не непосредственно из Европейской России, а прожив некоторое время на территории Томской губернии. При этом состав населения переселенческих поселков, основанных столыпинскими переселенцами, по признаку губернии выхода был разнообразным. Также была характерна пестрота фамильного состава. Это свидетельствует преимущественно об отсутствии фамильных гнезд во многих переселенческих поселках Горного Алтая.

В Горный Алтай наряду с русскими переселялись также украинцы (например, Курская, Харьковская, Киевская, Полтавская как первая губерния выходы, вторая – Томская), белорусы (например, Курская, Минская губернии), представители других народов. В результате анализа архивных материалов (анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) на изучаемой территории выявлены поселения с отчетливой локализацией украинских переселенцев, при этом они не были однонациональными[15, с. 280]. По архивным и полевым материалам прослеживается установка на смену украинскими и белорусскими переселенцами своей идентичности на русскую в период первых десятилетий XX в.[15, с. 280].

Трансформация идентичности происходила и у русских переселенцев, выходцев из различных губерний Европейской России. Так, например, выявляемая по архивным документам локализация воронежских переселенцев в отдельных селах, крупнейшим из которых вплоть да настоящего времени является с. Майма, в настоящее время не оставила о себе каких-либо ощутимых культурных следов. Выходцы из Воронежской губернии подверглись ассимиляции, сглаживанию региональных особенностей культуры губернии выхода. По нашим материалам пока не удалось проследить наличие групповой самоидентификации переселенцев по губернии выхода, память о последней осознается исключительно в контексте истории отдельной семьи.

На предмет выражения идентичности в фольклоре нами просмотрен большой массив текстовых фольклорных записей из архива собирательницы русского фольклора в Горном Алтае И.П. Федотовой. По материалам, собранным в 1960-1980 гг. на территории Горного Алтая, наблюдается отсутствие прозвищ, дразнилок, указывающих на этнокультурные различия жителей различных населенных пунктов или их концов. Напротив, по отношению к территории Алтайского края такие записи есть, они отражают классическую картину формирования этнокультурных локальных групп. В текстах частушек преобладает

регионально-локальная идентичность, указывающая на конкретное место жительства («манжерокские», «турочакские», «улаганские» и т.д.) и регион проживания (Алтай, Сибирь). Данные анализа фольклорных материалов соотносятся, таким образом, с выводами, полученными на основе анализа архивных и полевых источниках об активных процессах ассимиляции и интеграции переселенческого населения.

Заключение

Сакрализация территории проживания в алтайских горах фактически совпала с выбором оптимального места для проживания старообрядческой группы с точки зрения природопользования и налаживания системы жизнеобеспечения. По нашему мнению, мистические поиски и духовные потребности уймонские старообрядцы умело соотнесли с практической целесообразностью. Если сопоставить сакрализацию территории проживания, обусловленную горным ландшафтом, изолированность поселений и возможности природопользования – можно сказать, что в горах Алтая старообрядцы в каком-то смысле нашли, создали или построили некое свое Беловодье. Ведь они основали свой, достаточно успешный и развивающийся как духовно, так и материально старообрядческий социум, естественное развитие которого было пресечено репрессиями и государственной политикой 1930-х гг.

В бытовании беловодской легенды у уймонцев проявляется выражение присущего старообрядцам духовного стремления к сохранению основ веры и идеалов святости, изначальной сакрализации уймонцами территории своего проживания, также интерпретации некоторых локальных историко-культурных событий. Все перечисленные аспекты являются важнейшими основами этнокультурной идентичности уймонских старообрядцев.

В природно-ландшафтных условиях переселенческих районов Горного Алтая основать поселения, или «концы» в поселениях, в которых были бы сгруппированы русские переселенцы по признаку губернии выхода, также украинские или белорусские переселенцы, оказалось невозможно. По нашему мнению, специфические особенности освоения территории низкогорья Горного Алтая столыпинскими переселенцами, также преобладание переселенцев с Томской губернии (то есть, уже поживших некоторое время в других районах Сибири), неоднородность населения переселенческих поселков по признаку губернии выхода, преобладание отсутствия семейных гнезд, особенность расположения небольших переселенческих поселков в условиях горно-таежной местности и необходимость хозяйственной адаптации к новым условиям способствовала тому, что Горный Алтай стал территорией сглаживания региональных отличий русских и ассимиляции украинских и белорусских столыпинских переселенцев.

Среди восточнославянского переселенческого населения Горного Алтая в первые десятилетия XX в. происходит процесс складывания некой единой гражданской общности. Нивелирование региональных особенностей русских, украинских и белорусских переселенцев происходит, судя по нашим материалам, сознательно, предположительно, с целью интеграции пестрой массы переселенцев в единый социум, который воспринимается как русский.

В целом, можно говорить о том, что освоение русским этносом территорий в условиях различных ландшафтных зон Горного Алтая могло способствовать как формированию и длительному сохранению локальной этнокультурной идентичности, как это произошло в случае с группой уймонских старообрядцев, так и отказу от региональных особенностей и формированию новых локальных региональных общностей на фоне складывающейся общерусской идентичности, что мы наблюдаем на примере столыпинских переселенцев.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.»

Список литературы

[1] Винокурова У.А. Священные места Сибири как маркеры этнической идентичности // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2А. С. 533-545.

[2] Карта Томской губернии // Азиатская Россия: атлас / изд. Переселенческого управления главного Упр-я землеустройства и земледелия/СПб.: Т-во «А. Ф. Маркс», 1914.№ 29 // URL: http//akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/pereselencheskoe-dvizhenie-na-altae (дата обращения: 02.02.19).

[3] Лухманов Д.Н. Географическое положение ареала расселения и социальные проблемы его населения (на примере Усть-Коксинского района ГААО) // Проблемы горного хозяйства и расселения. М.: Госкомстат СССР, 1990. С. 131-153.

[4] Пожарская К.А. Солыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация. Афтореферат дис... Барнаул, 2009. 23 с.

[5] РерихН.К. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Рига: Виеда, 1994. 336 с.

[6] Теребихин Н.М., Мелютина М.Н. Священные места Лекшмозерья как маркеры региональной и локальной идентичности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 132-140.

[7] Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А.Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 3 (30). С. 67-80.

[8] Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX – XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. С. 30-34.

[9] Хозяйство и население по аймакам на 1 ноября 1924 г. / по данным статбюро // Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. 42. Оп. 1. Д. 168. Л. 42.

[10] Шитова Н.И. Рукописи старообрядца Т.Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII-XXI вв.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. 360 с.

[11] Шитова Н.И. Русские в Горном Алтае: этнокультурная адаптация к условиям региона // Алтай-Россия: Через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 309-313.

[12] Шитова Н.И. ЭтнокультурныеаспектыземлепользованиявУймонскойдолинеГорногоАлтая (конецXIX - началоXXIвв.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. №1 (15). С. 101-107.

[13] Шитова Н.И. Старообрядческие группы в горах Алтая (по полевым материалам) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. РИО-318.

[14] ШитоваН.И. ТопонимыитрадиционноеприродопользованиерусскихвГорномАлтае) // Вестник ТГПУ. 2018. №2 (191). С. 34-40.

[15] Шитова Н.И. Этнокультурная идентичность столыпинских переселенцев в условиях Горного Алтая // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Чебоксары: Среда, 2020. С. 278-283.

[16] ЩегловаТ.К. Русские, украинцы, немцы, казахистепногозападаАлтайскогокрая: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й международной конференции. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 72-83.

УДК 398.3:930.253 (571.51)

Народные обычаи и традиции населения Енисейской губернии. По документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»

Чернышов Виктор Владимирович
Ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск, Россия.
vikchern73@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье на основании документальных материалов, находящихся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края» рассматриваются народные обычаи и традиции населения Енисейской губернии и их трансформация под влиянием культурных и экономических факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, традиционный уклад жизни, мещане, обряды, праздники

В 1822 году указом императора Александра I была образована Енисейская губерния. На её громадной территории жили, создавали материальные и духовные ценности представители самых разных народов.

Формирование сложившегося национального состава Енисейской губернии стало следствием сложных этнических процессов, что нашло свое отражение, наряду с причинами социального и экономического характера, в сохранении у населения достаточно долгое время богатых самобытных народных обычаев и традиций. Об этих обычаях и традициях можно узнать из разных источников – научных публикаций, литературных произведений, опубликованного фольклорного материала. Но важнейшими источниками для изучения народных обычаев и традиций, их влияния на жизнь населения, их трансформации в разные исторические периоды были и остаются архивные документы. В КГКУ «Государственный архив Красноярского края» такие документы содержатся в разных досоветских и советских фондах – органов власти и управления, научных учреждений, хозяйственных организаций, фондах личного происхождения.

Из документов видно, что до начала XX века население Енисейской губернии в основной своей массе придерживалось традиционного уклада жизни. Причем это было характерно не только для сельских, но и городских жителей. Ведь большинство жителей городов губернии составляли мещане, происходившие, как правило из русского старожильческого населения, крестьян из ссыльнопоселенцев, приписанных к мещанскому сословию и казаков [2, л. 7].

По воспоминаниям Елизаветы Александровны Красноженовой, матери известного красноярского фольклориста Марии Васильевны Красноженовой, даже в губернском Красноярске в середине XIX века мещане жили своей обособленной, размеренной жизнью, отличной от жизни других социальных групп – чиновников, купцов, духовенства [1, л. 1]. Главой мещанской семьи был старший мужчина в роду дед или отец. Ни дети, ни даже жена, не могли не только, что-либо сделать без его разрешения, но даже не смели возразить ему. Бывали даже случаи, когда чем-либо взбешенный отец бил своего взрослого женатого сына и тот покорно сносил это [1, л. 9]. Сама Елизавета Андреевна по словам дочери – «отличалась хорошей памятью и способностью живого и образного рассказа», побывала во многих местах, объехав вместе с мужем практически всю Сибирь, однако была неграмотной, так как её отец на все просьбы «отдать в ученье» отвечал отказом, считая лишним давать образование девушке [2, л. 1]. При этом мещане отличались

определенным гостеприимством. «У моего деда был сад с кедрами, черемухой и рябиной» - писала М.В. Красноженова – «куда запросто приходили после обеда летом знакомые чиновники и выпивая стакан холодного квасу, занимались мирными разговорами о событиях своей обывательской жизни» [2, л. 2].

В будни мужчины и женщины из мещанской среды были всегда заняты работой. Мужчины днем занимались своими ремеслами или домашним хозяйством, работой на сенокосе и на пашне в летний период, сбором грибов, рыбалкой, охотой [2, л. 6]. Женщины с утра занимались домашним хозяйством – готовили обед, пекли хлеб, стирали и гладили белье. На них лежали также обязанности по присмотру за скотом и птицей [2, л. 6]. Так как практически все мещане держали коров, птиц, свиней, лошадей [2, л. 4]. Только вечером для женщин наступали более свободные часы, но и тогда они занимались починкой одежды и шитьем, которое требовало много времени [2, л. 6]. Молодые девушки, кроме шитья, по вечерам вязали кружева и салфетки, вышивали в «гладь» и «прорезь», а пожилые женщины – вязали чулки и варежки. Во время работы пели мелодичные старинные песни [2, л. 6].

Отдыхом от повседневной работы служили воскресения и праздничные дни, когда молодежь развлекалась играми, а люди пожилые занимались хождением по гостям или сидели у ворот на лавочках [2, л. 6]. Праздники, сопровождались традиционными обрядами, переходившими из поколения в поколение. Так дни перед Рождеством надо было все вымыть, везде прибрать, все вычистить, заготовить всяких кушаний и всевозможных печеней, а в Рождественский сочельник истопить пораньше баню, что бы все могли в ней вымыться до «звезды» [2, л. 6].

Иногда в сочельник устраивали «кутью» - приносили солому или сено, стлали её на стол и покрывали поверх скатертью в память яслей, в который родился Христос [2, л. 6]. При этом на стол ставился рыбный пирог, соленые овощи, соленая рыба и собственно «кутья» – рис с киселем или с медом и изюмом. На «кутью» собирались не только свои домашние, но и близки, знакомые и соседи и всякий «проходящий» человек. Однако обычай устраивать «кутью» был распространен только среди мещан, происходивших из ссыльных, высланных их Западного края. Старожилы этого обычая не придерживались [2, л. 7].

Первые дни после Рождества были днями старшего поколения – их проводили во взаимных поздравлениях и угощениях друг у друга, а с четвертого дня начинался праздник молодежи, которой теперь разрешалось веселиться во всю [2, л. 7]. В эти дни парни и девушки маскировалась – переодевались в старинные костюмы. Девушки наряжались или старухами, или мужчинами; парни – девушками, старухами или стариками, а также надевали шубы на изнанку изображая медведей. В таком виде с балалайками и гармониками компании отправлялись по знакомым. Везде их принимали ласково, угощали и предлагали повеселится. Тогда начинались танцы и игры [2, л. 7]. Но как правило эти игры были приняты в тех мещанских семьях, которые, были тесно были связаны с деревней и придерживались в городе деревенских обычаев [2, л. 8].

Кроме маскирования на Рождество молодежь, в основном девушки, занимались гаданием – «пололи» снег, то есть захватив полные горсти снега слушали прозвенит ли колокольчик или раздастся песня; слушали под окнами разговоры – если разговор идет о свадьбе гадающая в этом же году выйдет замуж, о поездки – значит предстоит дорога, о похоронах или покойниках гадающая или кто-нибудь из семьи умрет [2, л. 8]. Иногда гадания носили не совсем безобидный характер – воровали поленья из поленец тех семей в которых не было вдов и сирот, а потом гадали красивый или нет будет муж, а также выходили «слушать на перекресток» в 12 часов ночи. Последнее гадание было очень опасно для психики, так как реальные явления принимались за наваждение нечистой силы и у слабонервных или начиналась истерика или наступал обморок. Поэтому при гадании на перекрестке по близости находился кто-либо из своих [2, л. 8].

Строгое соблюдение тех или иных обрядов было характерно и для других религиозных праздников. Так Великоденную субботу перед Пасхой встречали заутреней. Затем все помещения в доме приводили в порядок и украшали пихтами. Столы накрывали чистыми скатертями и сами одевались во все чистое, а если была возможность и во все новое [2, л. 13]. Пожилые шли в церковь вечером, остальные подтягивались к полуночи. Всю ночь перед Пасхой никто не спал, так как спать считалось грехом, а кто засыпал, того ждало несчастье [2, л. 13]. На Пасху даже у бедных мещан обязательно устраивался «стол» - то есть на покрытый белой скатертью обеденный стол ставили вино в бутылках и графинах, окорока свиные, бараньи, телячьи, жареную птицу – курицу, утку, индейку или гуся, язык, колбасы домашнего изготовления, крашенные яйца, сыр, булки и этот стол не разбирался три дня [2, л. 5].

На Аграфену купальницу (23 июня) женщины ходили на гору собирать «богородскую траву» и принеся ее домой раскладывали по крыше «под Иванову росу». На следующий день утром 24 июня её собирали в мешочки и хранили. Трава была необходима для мытья крынок – «чтобы бог хранил коровушек и сливки были погуще» [2, л. 13]. А Ильин день сильно почитался, и никто в это день не работал, ни в поле ни дома, так как были убеждены, что Илья накажет за работ. Об этом ходило множество рассказов [2, л. 13].

Некоторые обряды у красноярских мещан были связаны и с земледельческим календарем. Осенью, например, устраивались «капуски» на которые приглашали знакомую молодежь. Первоначально собравшиеся рубили капусту, а вечером после окончания работы устраивались игры, танцы, ужин [2, л. 13].

Традиционный образ жизни был характерен не только для городского мещанского и тесно связанного с ним русского крестьянского населения, но и для представителей других национальностей, проживавших на территории губернии. Так в 1880-е годы на территории Минусинского округа губернии появляются основанные переселенцами мордовские села. И даже через 40 лет после основания этих сел, уже в советские годы, обычаи и традиции, привезенные с родины, широко использовались жителями этих сел в повседневной жизни [5, л. 102]. Вот как описывал это явление сотрудникмордовской газеты «Од эрямо» в 1928 году – «полностью сохранен старый национальный быт - женщины ходят в национальных костюмах... В селе Алексеевка более 500 душ мордовского населения. В селе Красноселье около 50 человек мордвы. В селе Шалоболино Курагинского района 50% мордовского населения. Сохраняются разные бытовые предрассудки, религия, знахарство, колдовство» [5, л. 102].

Сохранялись старые обычаи и в других переселенческих деревнях. Одна из таких деревень – деревня Николаевка была основана в Абаканском уезде в 1908 году. Её основали немцы, приехавшие из Саратовской, Самарской губерний и Кубани [6, л. 38]. Несмотря на то, что на своей родине они были людьми небогатыми, в основном батраками, николаевские немцы быстро разбогатели и зарекомендовали себя как прекрасные скотоводы, выращивающие хорошие породы молочного скота и являющиеся лучшими производителями сливочного масла в уезде [6, л. 38]. Даже через 22 года, в 1930 году, все население Николаевки, в которой числилось свыше 800 жителей, состояло из немцев. Правда, за исключением одной эстонской семьи. «Национальная грань здесь не стирается» - писал очевидец – «с 1908 года немцы в никакие родственные связи с окружающим русским населением не вошли. В результате вся деревня в буквальном смысле переродилась, переплелась плотной сетью родственных и бытовых отношений. Немецкие крестьяне сильно сплочены. Бедняк и середняк немец не выдает немца кулака, считает его своим близким и действительно сплошь является его родственником. Районные работники о николаевских немцах говорят «народ этот упрямый, организованный, но если что возьмется сделать, так сделает обязательно». При этом николаевские немцы и на новом месте скрупулезно следовали обычаям своих предков. Так на молитвенном доме, по случаю богослужения или смерти какого-либо

из жителей, на протяжении десятилетий вывешивался флаг [6, л. 38].

Однако время вносило свои коррективы и в жизнь наиболее сильных приверженцев старых обычаев. Так по воспоминаниям той же Е.А. Красноженовой мещанская свадьба в Красноярске в конце XIX века уже сильно отличалась от прежних свадеб. И хотя, как и прежде главную роль в выборе невесты играли родители, уже во многих случаев это право предоставлялось жениху, и родители следили лишь за тем что бы девушка была из хорошей семьи, хорошего скромного поведения и перед свадьбой зарекомендовала себя как хозяйка. Часто невесты выбирались из знакомых деревенских семей. Перед свадьбой родители жениха приглашали сваху, с которой и шли в дом невесты». Если предложение принималось, то назначался «сговор» и определялся день свадьбы [2, л. 9].

Свадьба в этот период уже носила следы и сильного имущественного расслоения. Так невесты из богатых домов, где придание для невесты готовилось чуть ли не с её дня рождения, венчались в шелковых и шерстяных платьях, тогда, как менее состоятельные невесты обходились кисейными платьями. Дорого стоили фата и цветы, украшающие голову. Поэтому бедные мещане брали венчальные уборы напрокат в магазине или вообще обходились без них. После венчание все ехали в дом жениха или, если жених был одинокий в дом невесты. На свадебный вечер приглашали музыкантов, что опять же многим было не по карману. Поэтому чаще танцевали и плясали под песни [2, л. 9].

Интересно, что те или иные нововведения иногда затрагивали даже укоренившиеся национальные обычаи. Так в программе праздника «Сабантуй», направленном на одобрение енисейскому губернатору представителями Красноярского мусульманского общества 26 августа 1914 года кроме традиционных состязаний – национальной борьбы, бега в мешках, влезания на столб, бега на дистанцию в 1 версту, конных скачек, бега лошадей был внесен и современный на то время, но очень популярный вид соревнований – состязание на велосипедах на дистанции в 3 версты [4, л. 1].

Проживание на территории Енисейской губернии разных народов, их личное общение, переплетение экономических интересов не могло не вести к взаимному культурному обогащению, что также постепенно влияло на изменение старых обычаев и традиций. «Влияние инородческого населения на язык и нравы русских сибиряков сказывается и теперь» – писал в 1911 году член Красноярского подотдела Русского географического общества Михаил Николаевич Богданов – «на севере, в далеком Якутске, даже русские чиновники за карточным столом ведут беседу на якутском языке. Во многих местах Иркутской губернии и Забайкалья русское население сплошь умеет говорить по бурятски. В Тункинском краю выработался особый говор русских крестьян с большой примесью бурятских слов. На юге Енисейской губернии, в Минусинском уезде, многие крестьяне и особенно казаки свободно говорят на татарском языке и находят даже, что говорить на татарском «ловчее», чем по-русски. Такое усвоение чужого языка, с чуждыми и непривычными оборотами речи и понятиями, выработанными чуждой культурой, обогащает круг представлений русского населения, налагает особый отпечаток на весь душевный склад русского сибиряка, вырабатывает в нем особую умственную гибкость и эластичность мысли» [1, л. 2].

И такие изменения в начале XX века затрагивали все более и более обширные группы населения. В документах Енисейского губернского управления отмечается, например, что быт некоторых кочевых инородцев Минусинского округа настолько изменился, что они по образу жизни и культуре в своем большинстве ничем не отличаются от крестьянского населения округа. Многие из них занимаются хлебопашеством, сенокошением, пчеловодством, доставкой хлеба и овощей своего производства на золотые прииски и заводы. Все они говорят на русском языке, есть среди них и грамотные. В селах Абаканском, Аскизском и некоторых других часть инородцев живет совершенно оседло, дома их представляют собой обычные крестьянские постройки, и сами они по своим привычкам и обычаям больше походят на крестьян, чем на инородцев [3, л. 79]. Из

древних обычаев у них сохранились до настоящего времени умыкание или похищение невесты и погребение умерших без соблюдения установленных обрядов. Но обычаи эти далеко не пользуются симпатиями среди самих инородцев и иногда служат даже поводом к жалобам властям с их стороны [3, л. 79об.].

Обычаи и традиции играют важную роль в жизни любого народа, влияют на его бытовое поведение, культурные особенности в разные периоды его истории. Это становится понятно изучая архивные документы и приведенные выше сведения являются лишь малой частью того богатого документального материала, который находится на хранении в КГКУ «Государственном архив Красноярского края».

Список использованных источников

[1] КГКУ ГАКК (КГКУ «Государственный архив Красноярского края») Ф.217. Оп.2. Д.44.

[2] КГКУ ГАКК. Ф.217. Оп.2. Д.77.

[3] КГКУ ГАКК. Ф.595. Оп.30. Д.1204.

[4] КГКУ ГАКК. Ф.595. Оп.35. Д.575.

[5] КГКУ ГАКК. Ф.П-60. Оп.1. Д.779.

[6] КГКУ ГАКК. Ф.П-60. Оп.1. Д.832.

УДК 392.3+392.5

Семейно-брачные отношения как отражение этничности во второй половине XX – начале XXI вв.

Явнова Лариса Александровна
Кандидат исторических наук, ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
lar.javnova@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-2477-4759

АННОТАЦИЯ Исследования семейно-брачных отношений большое значение имеет при характеристике этнических процессов. Статья посвящена отражению семейно-брачных отношений в зеркале этничности во второй половине XX – начале XXI в. Предметом изучения является проявлению этничности в межнациональных браках и этнически смешанных семьях на примере г. Бийска Алтайского края. Источниками изучения послужили данные архива ЗАГСа администрации г. Бийска за период 1950-1990 г., интервью горожан и материалы анкетирования. Прослеживаются изменения брачных отношений в условиях малого города под воздействием исторических условий, таких как миграционные процессы, динамика «брачности» и современные модернизационные процессы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА семейно-брачные отношения, этничность, миграции

Разработка проблем современной семьи в свете ее укрепления и совершенствования, остро вставших в настоящее время перед нашим обществом, весьма актуальна. В семейно-родственной среде коренятся причины сравнительной устойчивости многих традиций, поддерживаются территориальное и временное единство людей в пределах их этнической принадлежности, и таким образом способствующих стабилизации этноса [6, с. 25].

Город как объект исследования представляет собой сложный феномен, характеризующийся значительной социальной, этнической и культурной неоднородностью. Этнографический анализ брачно-семейных отношений городского населения можно рассматривать как весьма перспективный. Полиэтничный состав населения г. Бийска с преобладанием русских дает возможность анализа проблемымежэтнических взаимоотношений на уровне семейно-брачных отношений, сохраняющих свою значимость. Осваивали и заселялиБийск люди разных чинов, сословий, национальностей. Начиная с XVIII века, в Бийской крепостиселились служивые люди с Кузнецка, Тобольска, крестьяне северных губерний России. После1865 г. в Бийск хлынул большой поток переселенцев с центральной и южной России, Поволжья,Урала. Среди переселенцев были не только русские, но и татары, украинцы, мордва. В годыпервой мировой и гражданской войн в Бийске проживали эвакуированные латыши, поляки и эстонцы. Процесс освоения и заселения города Бийска можно проследить на архивных материалах, полученных в ЗАГСе городской администрации. В 1928 г. согласно статистическим данным в городе было зарегистрировано 605 браков, развелось 193 пары. Подавляющее большинство однонациональных браков были зарегистрированы между русскими (89%), татарами (4,5%), прочими национальностями (1,5%), на межнациональные браки приходится 5% [1]. В целом интернационализация брачного выбора весьма характерное явление для советского периода. Всороковые годы (1940-1942) население города пополнили немцы.

В начале 1950-х годов в связи со строительством предприятий оборонного комплекса Бийск пережил новую волну миграции. Этому способствовали рост миграционной подвижности населения, учеба в различных учебных заведениях, и система распределения выпускников вузов на работу в разные регионы без учета их места рождения. В результате стали обычными браки русских женщин не только с уроженцами

разных районов Сибири, но и других республик СССР. Особенно этот процесс активно развивался в послевоенные годы 1945-1955 гг. Поэтому в 1950-е г. география брачных связей значительно расширилась. Численность браков в 1950 году составила - 1175, из них 97% приходится на гетерогенные браки[1]. Материалы брачных книг ЗАГСа г. Бийска показали разнообразные комбинации межэтнических браков: украинец-русская, белорус-русская, татарин-русская, кореец-русская, китаец-русская, эстонец-русская, болгарин-русская, казах-еврейка, латыш-русская, узбек-русская, украинка-удмурт [1]. Данные комбинации в большей степени отражают стереотипы воспитательных практик в этнически смешанных семьях и формирование этничности.

В целом анализ структуры межнациональных браков демонстрирует, что наиболее распространены были браки, в которых – муж, представитель разных национальностей, а жена – русская. При этом у старообрядцев г. Бийска сохраняется устойчивость эндогамных брачных связей. «Это было уже после войны, женились по любви. Единственное, что мама Уля –мамина мама, была старообрядческой веры. Их считали австрийцами. А мама Аганя - папина мама была церковной веры. И поэтому немного негодование было мамы Ули, что ни того жениха выбрала, а остальное все нормально» (ПМА, 2007-2008 гг.). Таким образом, можно говорить о предпочтительности брачного партнера у разных национальных групп, в зависимости от социальных, культурных и конфессиональных аспектов.

По данным архива ЗАГСа администрации г. Бийска, средний возраст вступления в брак мужчин, вступивших в брак в период 1950-1990-х гг. XX в. был равен 23,5 годам. Средний возраст женщин, вышедших замуж в этот же период, соответствовал 22,8 годам. Таким образом, брачный возраст в среднем приблизился к 20-25 годам. Разница в возрасте между брачными партнерами не превышала пяти лет, хотя в послевоенные годы доходила до десяти лет [1].

Приведены данные, составленные по бракосочетаниям за 1940, 1955, 1975 гг., говорят о динамикебрачных кругов по городу. На протяжении всего периода исследования в этническом составе населения города преобладали русские.В 1955 г. в бланке регистрации брака фиксируется место рождения, и эти данные позволяют проанализировать происхождение жителей города. Город, как культурное явление, возник и прошел многовековой путь развития в тесном взаимодействии с сельским населением. Поэтому каждую сторону городской жизни в прошлом и настоящем следует изучать в сравнении с аналогичной жизни сельской. Особенно это относится к ближайшему окружению города и вообще к тем районам, выходцами из которых пополняется городское население [3, с.24; 5, с. 39]. В брак в 1955 г. вступили выходцы из 26 районов Алтайского края, приезжие из различных регионов Советского Союза. Среди них преобладали жители г. Бийска, родившиеся в нем, а также переселенцы из ближайших к городу районов: Зонального, Марушенского, Смоленского. По материалам 1975 г. (приложение 1) в брак вступили выходцы из 38 районов Алтайского края,что значительно расширило этнокультурный состав города. Среди приехавших в Бийск преобладали жители Бийского, Смоленского, Советского, Алтайского и Красногорского районов Алтайского края. Миграция из различных регионов Советского Союза составила значительную часть брачующихся, однако очевидно преобладание групп выходцев из регионов Западной Сибири: Новосибирской, Кемеровской, Томской областей и ближайших к городу районов края: Бийского, Советского, Смоленского, а также отмечен рост количества эндогамных браков среди жителей г. Бийска, родившихся в нем.

В 1960-1970-е г. отток жителей из села в город был связан с укрупнением сельской поселенческой структуры, вызванной дальнейшим развитием промышленного производства. Миграция из различных регионов СССР в 1980-е г. составила значительную часть брачующихся города. В 1990-е г. в связи с распадом Советского Союза наблюдался значительный приток населения из республик бывшего СССР, особенно из республик

Закавказья. Все вышеперечисленные процессы повлияли на формирование этничности и социоэтнической среды. Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым связаны люди или с которым они идентифицируются другими как члены определенной этнической группы [4, с. 233].

Семейно-брачные отношения в 1970-1980-е гг. приобрели все больше экзогамный характер. Динамические тенденции в развитии межэтнической брачности свидетельствуют, что наряду с сохранением особенностей многовариантности по этническому признаку с заметным преобладанием русских, при этом появились и качественно новые явления - резкое возрастание образовательного уровня, изменение социально-профессионального состава. К 1980 г данные показализависимость увеличения числа браков и расширения границ городской среды в рамках исследуемого периода, динамику формирования городской среды, названий улиц, районов города, дисперсность расселения представителей различных этнических групп, отсутствие их локализации. Однако в этом случае чаще всего расселение не является этнически абсолютно нейтральным: представители одной национальности, хотя и живут в инонациональном, иноэтнокультурном окружении, составляют в определенных районах значительно большую, чем во всем городе, долю. Создается ситуация этнического предпочтения «селиться ближе к своим» [7, с. 14].

Доля этнически смешанных семей росла довольно быстро в концеXX – начале XXI вв. Известно, что смешанные браки являются механизмом естественной ассимиляции этнических меньшинств. Дети от смешанных браков, как правило, выбирают национальную принадлежность того из родителей, кто принадлежит к этническому большинству. При проведении опроса, респондентам был задан вопрос: «Что, по Вашему мнению, должно быть главным при определении национальности ребенка в национально-смешенной семье?». Практически половина респондентов считают, что определяющей должна быть национальность отца, небольшая часть (около 10%) – национальность матери. Примерно треть респондентов считают, что ребенок сам должен выбрать национальность одного из родителей, определяющим при этом является желание подростка. Подавляющее большинство опрошенных считают, что национальность должна определяться родным языком, а незначительная часть – местом проживания(ПМА 2015 г.).Примечательны в данном случае примеры проявления этничности в немецких семьях или, в семьях смешанных, где один из родителей относится к немецкой национальности. Если раньше (особенно до 1956 г.) национальность детей в смешанных семьях указывалась почти исключительно не немецкая, то сегодня ситуация прямо противоположная. Практически все дети в смешанных семьях, независимо от того, кто является по национальности немцем, отец или мать, записаны немцами. На наш взгляд, это связано не только с эмиграционными настроениями части немцев Алтайского края, но и возросшим этническим самосознанием немцев. Так, если ребенок рожден в русско-немецкой семье, проживает в городе, где население преимущественно русское, то внешний социальный фактор может стать определяющим. Но многочисленные исследования в сфере межэтнических взаимодействий также показывают, что потомки смешанных браков раньше или позже переходят на язык окружающего большинства, или язык межэтнического общения. Одни исследователи объясняют сохранение этнической идентичности у представителей этнических меньшинств психологической привязанностью к группе своих предков, другие - возможностями манипулированием этой идентичностью с целью удовлетворения каких-то групповых интересов, третьи говорят о том, что идентичности этнических групп находятся в процессе постоянного конструирования идеологами этих групп[2].Ребенок, рожденный в смешанной семье, имеет возможность соотнести себя с любой из этнических групп родителей, причислять себя сразу к двум группам или полностью отрицать этническое самоопределение. Срабатывает механизмтак называемой «множественной идентичности», когда человек,

выходец из этнически смешанной семьи может себя причислять одновременно к нескольким этносам.

Таким образом, межэтнические браки являются индикатором межэтнических отношений в целом. В разный период времени с разной скоростью в процессе смешения втягивались различные этнические группы, что зависело от многих и разных экономических, политических условий, от конкретных культурных контактов. Так крупные стройки, сопровождались концепцией представителей разных национальностей, увеличивали вероятность проявления большего числа межэтнических браков. Межэтничекие браки отражают многие этносоциальные процессы, семейно-брачные отношения в сою очередь являются отражением этничности.

Список литературы

[1] Архив ЗАГСа администрации г. Бийска Алтайского края. Брачные книги за период 1928, 1940, 1955, 1975, 1980, 1995 гг. (подсчитано Явновой Л.А., Соловьевой С.А.).

[2] Носенко Е.Э. Этническая идентичность в смешанных браках// http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/5030-2.shtml (дата обращения 13.06.2022).

[3] Рабинович М.Г. К этнографическому изучению города. // Советская этнография. 1981. №3.С. 23-34.

[4] Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука.2001. 240 с.

[5] Фурсова Е.Ф. Брачные связи сибирских крестьян как механизм сохранения их этнокультурной обособленности // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 37-41.

[6] Шмелева М.Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современной семьи русских (методологические аспекты) // Проблемы и методы исследований современной семьи. М.:Б/и, 1997.176 с.

[7] Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга второй половиныXIX – начала XX вв. Статистический анализ. Ленинград:Наука: Ленинградское отделение, 1984. 224 с.

Приложение 1.
Место рождения. По данным ЗАГСа кн №6 1975 г. (267 браков)

Место рождения	Кол-во
г. Бийск Алтайского края	154
Бийский район	54
Смоленский	19
Советский	17
Алтайский	12
Красногорский	11
Целинный	8
Б-Истокский	7
Турочаксикй	6
Майминский	5
Зональный	4
Сорокинский	2
Кемеровская область	16
Новосибирская область	13
Томская область	10
Омская	5
Другие регионы	138

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

История и культура старообрядцев Сибири

УДК 255

Три века вместе. О тесных связях старообрядчества Урала и Сибири на примере скитов, монастырей и исторических личностей

Гусев Максим Олегович
Редактор и издатель старообрядческой газеты «Община»; журналист, краевед, г. Екатеринбург, Россия.
rpsc-ural@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье сообщается о тесных старообрядческих связях регионов Урала и Сибири с XVI-II до XXI веков на примере Шамарского и Миасского монастырей, в годы советской власти вынужденно «переехавших» в Томскую область, а также о том, как идеолог старообрядчества, протопоп Аввакум, и отшельник-старовер Мирон Галанин стали нитями, соединившими каждый в свой период жизни Урал (в том числе Зауралье) и Сибирь. Также в тексте названы обители и древлеправославные личности, в разные века привлекающие на Урал паломников со всей России

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Старообрядцы, Урал, Сибирь, древлеправославие, протопоп Аввакум, иноки

Пустыри, подернутые не молодой уже порослью, памятные кресты или информационные таблички с краткими данными об исторической значимости того или иного места, замшелые постройки для молитв паломников — дело рук уже наших современников — зачастую это все, что осталось от старообрядческих скитов, которыми «процветал» Урал, имевший тесные духовные связи с несколькими регионами Сибири.

Пожалуй, главное наследие «вечно гонимого, вечного ссыльного» (так в своем «Архипелаге ГУЛАГ» писал Александр Солженицын) старообрядчества в регионах Урала — прежде всего, Свердловской и Челябинской областей — это места, где скрывались верующие, исповедовавшие дораскольное православие. Скиты и монастыри в окрестностях города Невьянска, скит на Бахметских болотах на границе Свердловской и Тюменской областей, мужской и женский монастыри в поселке Шамары Свердловской области и женский в городе Миассе Челябинской области, а также легендарные и широко известные Веселые горы (Средний Урал) с могилами иноков-скитников, имели важнейшее значение для всего российского древлеправославия. Сибирь и Урал, исторически развивающиеся параллельно, были тесно связаны и со старообрядческой точки зрения. Эти связи наблюдались с начала XVIII века. Известный историк-старообрядец Дмитрий Урушев подтверждает их, уточняя, что иначе и быть не могло: «Десятки тысяч христиан бежали с Волги на Урал, на Алтай и в Сибирь. Здесь они смешивались с местными староверами. Так появилось своеобразное зауральское старообрядчество» [4, с. 211].

Связи эти с годами лишь укреплялись и наблюдаются, к слову, и по сей день практически во всем — в создании семей и взаимопомощи, духовной поддержке и конфессиональной экономике (старообрядцы из разных регионов взаимно поддерживают друг друга, заказывая у мастеров «из своих» церковную богослужебную продукцию, иконы и не только). Нас же в рамках этого исследования интересуют связи между регионами Урала и Сибири на примере жизни скитов и монастырей, как наиболее яркие и трагические.

Часто обители, о которых пойдет речь, возникали стихийно по решению одного или нескольких людей — населяющие их иноки или инокини вели, как полагалось, замкнутый образ жизни, стараясь никак не соприкасаться с «пагубным» миром, кроме молитвы занимались бытовыми трудами — кто-то сельским хозяйством, другие — кожевенным, швейным, гончарным производством. Однако со временем, когда слава об их обителях выходила далеко за пределы оград, начинали принимать приходящих для

духовного окормления людей, а равно и покупателей из числа своих же старообрядцев, часто приезжающих за интересующим их товаром из соседних регионов. Но даже если в том или ином скиту не было никакого производства, способного заинтересовать кого-то «из-за ограды», людей привлекала сила молитвы насельников, их мудрость, кротость, способность горячо проповедовать.

Так, шамарские иноки Константин и Аркадий, принявшие мученическую смерть от завистников, были настолько любимы живущим окрест старообрядцами, что не могли не принимать паломников, которые обращались к ним за молитвенной помощью. В их «Житии» — показательная история их убийства, к которому привела ненависть и жажда наживы одного из местных жителей.

«Боголюбивые отцы сподобились мученического венца 18 января (по старому стилю, по новому — 31 января) 1857 года, то есть за полгода до того, как были обретены их нетленные тела. Преступник рассказал, что возбужденный злобой и завистью, он, зная о частом посещении христианами скита священноиноков, надеялся найти там золото и иные различные ценности. Во время допросов убийца рассказал, что пока он расправлялся с одним иноком, другой нисколько не испугавшись и не сопротивляясь, молился ко Господу, говоря: "Господи, вот брата моего убивают, сейчас меня убьют. Прости нас, Господи"» [7].

Именно эта открытость и готовность помочь духовно страждущим привела Константина и Аркадия к гибели. Впрочем, так было и в случае с большинством других известных обителей, которые однажды прекращали свое существование после влияния извне. И если информации о межрегиональном почитании шамарских иноков при их жизни нет, то посмертно, а особенно в конце XX и начале XXI веков, стремление поклониться их мощам, совершить крестный ход к месту их мученической гибели и облиться водой из святого источника вблизи от могилы, изъявляют старообрядцы со всей России. В числе паломником часто можно встретить и сибиряков.

В отличие от шамарских иноков, собственную физическую гибель на время удалось отсрочить насельницам двух монастырей — в поселке Шамары (том же, где получили известность и мученики Константин и Аркадий) и городе Миассе. Значительная часть монашек из обеих обителей, познав о готовности местных властей уничтожить монастыри, сумела перебраться отсюда в Томскую область, на берега реки Шуделька — левого притока Оби. Автор фильма «Мельница» Юлия Корнева в своем расследовании уточняет, что Шамарский монастырь (речь идет о женской обители) в свое время полностью переехал в Томскую область. «Именно к 1918 году относится разорение красными шамарских монастырей, которые уже никогда более не восстановились. Инокини шамарского Успенского монастыря переселились сначала в Миасс и присоединились к сестрам Никольского монастыря, а затем они все переселились в томскую тайгу» [3, с. 19].

Скорее всего, переселение проходило по договоренности между поддерживающими крепкие связи обителями, которые заранее готовили пути «к отступлению». Уральские инокини и в Сибири продолжали заниматься тем, что хорошо умели: изготовляли облачение для духовенства, церковное убранство и другие богослужебные вещи, причем часто работали на заказ — к примеру, пермские родственники шамарской монахини Валентины, уже перебравшейся в томские леса, обращались к ней за нательными крестиками, без которых православный и истово верующий человек обходиться не может: «Просим Вас, Христа ради, ежели у вас там можно достать кресты, то, пожалуйста, потрудитесь для нас, грешных, и пошлите нам по почте. Мы совсем без крестов, только сами мало-мало делаем деревянные и так не освещенные и носим» [8].

На новом месте в глухих сибирских лесах старообрядцы жили неплохо, как, впрочем, и везде, где обосновывались и не ленились трудиться. По данным журналиста Александра Шестакова, «к 1933 году здесь проживало более 40 монахинь и послушниц трех общин:

шамарской (27 человек), миасской (9 человек), томской (5 человек)» [5]. За высокими заборами скитов содержалась живность, в том числе дойные лоси, что говорит об успешности внутримонастырской бытовой жизни.

Но продолжалось это недолго — неизбежное случилось в 1933 году.

Большинство староверов на Шудельке арестовали — часть погибла в ходе «следствия», другие по обвинению в контрреволюционной деятельности получили сроки и в основной своей массе не пережили их, а берега реки, на которых появилось 12 деревень, в скором времени стали частым местом ссылки жителей Алтая, Новосибирской области и Забайкальского края. Впрочем, известно, что несколько матушек сумели избежать ареста — они бежали обратно в родной Миасс. «Группами по два-три человека они возвращались на Южный Урал через всю Сибирь, по дороге кормясь подработками и подаяниями» [Там же].

Но, если Шамары и Миасс «сроднились» с Томском вынужденно, то отшельник-старообрядец Мирон Галанин (1726-1806 годы) самим фактом своей непростой жизни объединил Урал с Сибирью. Стоит отметить, что духовные лидеры, подобные ему — крепкие духом, активно выражающие свою позицию даже под страхом ареста и смерти — традиционно в среде старообрядцев привлекали к себе внимание единоверных братьев, а после смерти таких подвижников почитали, как местночтимых святых.

Галанин происходил из крестьянского рода деревни Вохмина Тобольской губернии и со временем стал известным среди зауральских старообрядцев писателем-проповедником. В 1754 году пытался устроить самосожжение, протестуя против все более укореняющейся в российской глубинке церковной реформы патриарха Никона, но неудачно, поэтому вскоре скрылся с группой староверов в Бахметских болотах. Здесь его арестовали, как мятежника, после чего какое-то время он пребывал в сибирских монастырях, а в 1758 году его перевезли в Заречный тын — это был острог жестокого режима в молодом, только начинающем развиваться тогда городе Екатеринбурге. Со времени царствования Екатерины II, когда политика государства в отношении сторонников дореформенного православия изменилась (Екатерина, как известно, «сочувствовала» старообрядцам), Мирон Галанин был освобожден и вернулся с Урала в Сибирь, где продолжил совершать антиниконианские выступления, вовлекая в свою деятельность и других братьев по вере, пользуясь среди них большим авторитетом. Он скончался в 1806 году, со временем его могила была утрачена. И только в начале XXI века при содействии краеведов место его упокоения было определено, могила найдена в селе Кирсаново, жители которого «совместно с Исетским краеведческим музеем установили здесь часовню, а само место обозначили крестом» [6].

В наши дни Бахметские болота административно находятся в Тугулымском районе Свердловской области на самой границе с Тюменской, являясь своего рода связующим звеном завершающегося Урала и начинающейся Сибири.

Родство двух территорий прослеживается и в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном» — идеолог древлеправославия, отправленный царем Алексеем Михайловичем в сибирскую ссылку (она пролегала по уральским Верхотурью и Туринску через Тюмень) и уже фактически отбывающий ее в «попутном» Тобольске, получил вдруг неожиданные полномочия и фактически полную свободу своим действиям от местного архиерея Симеона. И не преминул воспользоваться ими — отсюда он съездил в скит Далмата Исетского на южные границы Урала, чтобы, в числе прочих дел, порученных ему епископом Семионом, побеседовать с отказавшимся принимать церковные новшества и придерживающегося старого обряда скитником, и его сыном Исааком [2, с. 294-295]. Однако историки Сергей Белобородов и Юлия Боровик в своей книге утверждают, что поездка Аввакума на Исеть лишь гипотеза, «пока не подкрепленная документально» [1, с. 308].

Но даже не смотря на это, Урал, уже будучи густо заселен старообрядцами, которые активно обживались в таежных лесах, становился важной самостоятельной территорией, которая заметно подпитывалась из соседней Сибири. Сибиряки-староверы становились

позже и паломниками на так называемые Веселые горы — территорию, где локально проживали множество иноков, из которых нам известно лишь о четырех — Павле, Григории, Максиме и Германе. У каждого из них был свой скит и, возможно, своя братия — те же старообрядцы, избравшие отшельнический образ жизни и ушедшие из мира.

По мере того, как иноки, имевшие почтение среди своих одноверцев, умирали, места их пребывания и смерти становились сакральными. С годами отношение к могилам становилось все более серьезным и знаковым, поэтому летом на Веселые горы начиналось организованное массовое паломничество — старообрядцы со всей России считали своим долгом собраться там на совместные моления, поэтому отправлялись в многодневные шествия. «С 1850-х годов паломничества сюда становятся регулярными, а само место приобретает характер общеуральской святыни, известной далеко за пределами края» [Там же]. Здесь, на горах и в лесах, люди не только молились, поминая почтенных иноков, но и какое-то время жили и общались, проводили массовые трапезы, переходя, таким образом, от места упокоения одного инока к другому.

Духовные связи старообрядцев Сибири и Урала не прекратились ни в XX, ни в XXI веке. Эти периоды характеризуются как печальными, так и оптимистичными событиями. К примеру, в Красноярск в годы советской власти был сослан южноуральский (пос. Бердяуш Саткинского района Челябинской области) священник Федор Иванович Балашов — там он и окончил свою жизнь. Но это, пожалуй, последний негативный пример из тех, о которых хотелось бы рассказать в рамках данного исследования, поскольку позитивных значительно больше.

Так, в дни памяти шамарских иноков Константина и Аркадия в Шамары на богослужение и крестный ход собирается немало сибиряков, а уральский священник из села Пристань Артинского района Свердловской области, протоиерей Иоанн Устинов вот уже пять лет духовно окормляет (обслуживает) приход во имя Рожества Иоанна Предотечи в городе Тюмени. В Тюменском Государственном Университете в начале 2000-х годов укоренилась ставшая ежегодной конференция «Галанинские чтения» в честь Мирона Галанина — ее, в частности, помимо местных старообрядцев, неоднократно посещал и правящий епископ Новосибирской и всея Сибири епархии РПСЦ, преосвященный Силуян (Килин), а в научных сборниках по ее итогам публиковались статьи в том числе и уральских старообрядцев.

Список литературы

[1] Белобородов С.А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенныхXVIII – начала XX в.: монография/ С.А. Белобородов, Ю.В. Боровик. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2017, 382 с.

[2] Паскаль Пьер. Протопоп Аввакум и начало Раскола/пер. с фр. С. С. Толстого; Науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. М.: Знак, 2011, 680 с.

[3] Писаревский А.Ю. Очерки по истории старообрядцев-поповцев долины реки Сылва. М.: Археодоксіа, 2021, 114 с.

[4] Урушев Д.А. Русское старообрядчество: традиции, история, культура. Москва: Эксмо, 2016, 352 с.

[5] Шестаков А.М. Людмила спрятала меня под сарафан // Новая газета, № 69, 3 июля, 2020 г.

[6] «Соединив Урал с Сибирью» // Община, № 4, июль 2011 г.

[7] Житие святых преподобномучеников Константина и Аркадия Шамарских, сайт «Семейские – староверы Забайкалья» http://www.semeyskie.narod.ru

[8] Корнева Ю. Фильм «Мельница: Экспедиция ТВ2 в затерянное среди тайги место ссылки, где раньше скрывались старообрядцы», www.youtube.com/watch?v=WSlvmjPBcJk&t=1491s

УДК39+314.74

Легенда о Беловодье в контексте миграций старообрядцев из Восточной Европы на юг Дальнего Востока

Кобко Вера Васильевна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия
kobkov@gmail/com

АННОТАЦИЯ Старообрядческое население Приморского края сформировалось в период 1860-1930 гг путем прямых переселений из разных российских регионов: Забайкалья, Алтая, Поволжья, Томской, Волынской и т.д. Однако, в ходе 25-летних полевых и архивных разысканий нам удалось установить, что эти старожильческие семьи, имели общее историческое прошлое: длительный опыт проживания в Восточной Европе, родственные связи. Более того, оказалось, что все записанные нами рассказы о поисках Беловодья, принадлежали этим старообрядцам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА старообрядцы, миграции, легенда о Беловодье, полевые исследования

Введение

С тех пор, как К.В. Чистовым было опубликовано исследование о русской народной утопии, о «далеких землях», в том числе и о Беловодской легенде[9], ни одна работа по теме старообрядческих миграций не обходится без обязательного упоминания Беловодья как одного из важных факторов крестьянских переселений. «Путешественники», листки с указанием маршрутов, в Опоньское царство (Японию), где на многих островах и находилась легендарная страна Беловодье, тайно распространялись среди крестьян. С тех пор, как были присоединены территории Приамурья и Приморья (1858-1860 гг) и позднее появилось стабильное морское сообщение с Японией, у искателей появился новый совершенно реальный путь достижения своей мечты: через Приморье. Слухи о «земном рае» были популярны особенно среди старообрядцев. Особое географическое положение края, его близость к Японии позволяли надеяться на неплохие результаты [6, с. 312-320.], ведь именно с Опоньским царством был связан «тихоокеанско-японский», островной этап развития Беловодской легенды. Да и период наиболее активной жизни легенды (1850–1880-е гг.) тоже совпал с периодом присоединения и началом колонизации Приамурья и Приморья.

За долгие годы полевой работы среди старообрядцев Приморья, Хабаровского краев, Северной Америки, Австралии, где проживают потомки поисковиков Беловодья, нам удалось собрать очень значимый материал в старообрядческих группах, пришедших в Приморье в 1860–1930-х гг. Спецификой этих групп было длительное совместное пребывание их на территориях Ветки, Подвинья, Придунавья. Память о родственных и земляческих связях поддерживалась и после их насильственного или добровольного возвращения в Российскую империю и переселения на Дальний Восток. Их конфессиональные особенности определялись общим поповским, беглопоповским прошлым, которое длительное время удавалось сохранить старообрядцам, обосновавшимся на территории Среднего Поволжья – Приуралья. Значительная удаленность от поповских/беглопоповских центров (Ветки, Иргиза), отсутствие священства, длительная территориальная разделенность двух других восточноевропейских старообрядческих сообществ («поляков» и семейских) привели часть бывших ветковцев к осознанному выбору – переходу на позиции беспоповства. Эти же факторы были определяющими при формировании и расселении старожильческих локальных этноконфессиональных групп по Приморью.

Открывшаяся картина пространственно-временных передвижений приморских старообрядцев, позволяла нам на собранном материале (полевом, архивном, литературном) - реконструировать маршруты миграционных передвижений старожильческих старообрядческих групп Приморья и проследить на этом фоне жизнь и метаморфозы сохранившихся в этой группах «легенд о далеких землях», в том числе легенды о Беловодье.

Средневолжский и Приуральский контексты поисков Беловодья

Одним из направлений для бежавших от преследований после церковного раскола старообрядцев стало западное пограничье России. Обосновались они на р. Сож о. Ветка. Со временем старообрядческая Ветка стала главным, по преимуществу, беглопоповским центром за рубежом. С ревностью наблюдая за успехами бывших беглецов, российское правительство предприняло несколько отчаянных попыток возвращения богатого населения назад из Речи Посполитой в Россию За время двух «выгонок», произошедших в 1735 и 1764 гг. старообрядческая Ветка была разрушена почти до основания. Старообрядческие семьи были насильно разделены и переселены в районы Среднего Поволжья (рр. Большой и Малый Иргиз), Алтая и Забайкалья. Разорённая Ветка возродилась в России. Вместо одного утраченного старообрядческого духовного центра за рубежом на российских просторах появилось несколько крупных старообрядческих островов, генетически связанных между собой единой верой, традицией: Иргиз, Среднее Поволжье, Алтай, Забайкалье. Иргиз, превратившийся в крупный российский центр старообрядцев – беглопоповцев также подвергся в 1840-х гг разорению, разгрому или переведу монастырей в единоверие, оттоку старообрядческого населения на соседние приуральские земли Бузулукского и Бугурусланского уездов Оренбургской губернии (с 1850 г. Самарская губерния).

Период распространения легенды о Беловодье в России совпадал с периодом расцвета и разорения Иргиза, с новыми тяжелейшими испытаниями, постигшими старообрядчество. О широкой распространенности легенды в этом регионе говорит тот факт, что в текстах известных на сегодняшний день 14 списках «Путешественника» наиболее точные реальные административно-территориальные привязки (помимо Алтая) о распространении списков имеются именно по отношению к волжско-приуральскому региону (г. Хвалынск Саратовской губернии, Уфимский уезд Оренбургской губернии) [9, С.218-232]. Известно также, что именно из Среднего Поволжья и Приуралья были организованы старообрядцами две экспедиции в поисках Беловодья. С этими местами связана деятельность авантюриста Аркадия Беловодского [11; 2].

На основании воспоминаний старообрядческих семей, переселившихся из Среднего Поволжья и Приуралья в Приморье нам удалось выявить две группы, особенно активно занимавшихся поисками «далеких земель». ***«Средневолжская группа»*** выходцев из Самаро-Саратовских земель и ***«Оренбургскаягруппа»***, выходцы с приуральских территорий. В середине 19 в. экономическая ситуация (малоземелье, аграрное перенаселение) и бурные перемены в конфессиональной жизни старообрядческих общин способствовали появлению и распространению социально-утопических легенд. Старообрядческое сообщество, в постоянной тревоге за чистоту веры и внутренне готовое к переменам, ожидало лишь особого благоприятного знака, чтобы предпринять какие-то решительные действия. Таким толчком могли стать распространявшиеся слухи о богатых и свободных землях. Направления поиска легендарных земель зачастую совпадало с географическими открытиями и колонизационными процессами пустынных территорий. Успехи внешнеполитической деятельности России 1840–1860 гг. дали возможность отправиться на поиски Беловодья сначала по двум новым направлениям, среднеазиатскому и дальневосточному. Выгодное положение Приморья и более или менее стабильным морское сообщение между островными территориями позволило поисковикам в 1910-х г. проверить слухи о Беловодье сразу в нескольких направлениях - Камчатка, Сахалин, Япония и также Австралия, Филиппины. Уже в 1930–1950 гг. попытали удачу в Китае,

Северной и Южной Америке.

Реконструированные нами по воспоминаниям старообрядцев реальные маршруты поисков Беловодья средневолжской и оренбуржской старообрядческими группами позволили увидеть связанность мотивов и целей миграций (религиозных, социальных, экономических), явных и скрытых, с беловодскими образами. Изменение целей, направлений вызывали смену этих образов - Дарья, Беловодье, Мура, Белый Свет, Офир. По достижении желаемой территории виртуальный беловодский образ превращался в реальный, начинал врастать в новую географическую и социальную среду, включая адаптационные ресурсы старообрядцев. Однако, уже обретенное «святое место» могло со временем изменить свой статус и превратиться в очередную транзитную территорию. Изначально сильные поповские/беглопоповские традиции Ветки, сохраняемые в течение длительного времени на Иргизе и Оренбуржье и напрямую перенесенные на Дальний Восток, во многом определяли миграционные цели средневолжского и оренбургского старообрядческих сообществ – поиск праведного древлеправославного священства, создание своей благочестивой общины, своего Беловодья. Социальные потрясения 20 века заставили старообрядцев покинуть Россию и эмигрировать за рубеж. Им, как и эмигрантам первой волны, сохранившим и пронесшим образ России по странам и континентам, также удалось пронести мечту о Беловодье по всему миру. Еще совсем недавно старшее поколение приморцев, живущее на разных континентах мира, говорило нам о возвращении на родину как о несбыточной мечте. Они мечтали, чтобы их «кругосветное блужение» завершилось именно в Приморье. Сегодня у их сыновей и внуков такая возможность появилась. Россия вновь нуждается в их помощи. Благодаря поддержке государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, десятки семей старообрядцев с 2009 г. начали возвращаться из Южной Америки на Дальний Восток, в Приморье.

Забайкальский контекст поиска Беловодья

Забайкалье – район наиболее раннего массового переселения старообрядцев в Сибирь. Основная часть ветковских старообрядцев была переселена сюда во времена первой и второй выгонок в 1735 г., 1764 г. На территории Забайкалья ветковцы получили название «семейских». Большая часть переселенцев была выведенных из Стародубья и Ветки и принадлежала к поповскому направлению. К 1850 гг. произошли перемены (малоземелье, усиление миссионерского давления), повлекшие за собой миграции забайкальских старообрядцев в северо-восточном и восточном направлениях. Одним из миграционных этапов для части семейских стало переселение в Якутию. Поводом для этого послужило строительство и заселение Аянского тракта. Слухи о богатых и вольных землях на северном побережье Сибири также могли быть среди причин, побудивших забайкальцев на переселение в Якутию. Через Алданский округ, где расселены были забайкальцы, проходили торговые пути на Зашиверск и Русское Устье, богатые торговые центры. Существование старинных русских поселений за полярным кругом, вероятно, могло стать основанием для появления в текстах «Путешественников» сведений о том, что русские, бежавшие из Соловецкого монастыря, достигли Беловодья морским путем через Ледовитый океан Включению этих мест в круг легенд о далеких землях способствовали также различные предания, сказания, слухи о проживании там русских: «Сказание о человецех незнаемых в восточной стороне», легенды о «Земле бородатых людей» и др. Иногда, как пишет К.В. Чистов, «слухи о существовании за пределами освоенных земель (Сибирь, Дальний Восток. – В.К.) чудесно богатых и вместе с тем вольных, далеких от "начальства" мест» оформлялись в легенды: «легенда о Мангазее, реке Нероге, Анадыре, "Земле Андреева", "Серебряных и Золотых островах".

Выживать крестьянским трудом в условиях вечной мерзлоты удавалось с большим трудом. С открытием пролива между Сахалином и материковой частью России перспективы на дальнейшее развитие Аянского тракта резко уменьшились, скорый

конец его был предрешен. С заключением Тяньцзинского, а затем Айгуньского договоров открылись новые грандиозные возможности. Огромные богатейшие и безлюдные территории Приамурья и Приморья были открыты для переселенцев.

На Дальний Восток забайкальцами был привезен один из древнейших общеславянских беловодских образов – Ирий. По мнению лингвистов этимология слова «ирий» связана не только с общими восточнославянскими корнями, но и восточнопольскими (семейские-выходцы из польской Ветки), именно в в в.-польской традиции – ирей имеет значение мифическая страна»[5, с. 422-423.]. Одномоментное переселение ветковцев в Забайкалье, видимо, способствовало консервации этого слова в народной памяти. Имя образа оказалось очень созвучными местными топонимами дальневосточного происхождения (Даурия, Уссури) снискавшими славу мест богатых и изобильных.

Каждая из групп забайкальских старообрядцев, принявших Белокриницкую иерархию и продолжавших осознавать себя часовенными, образовавшихся в результате конфессионального раскола, произошедшего уже на приморской земле в нач. 1900-х гг., стремилась создать свою обетованную землю. Одна из этих групп, принявшая Белокриницкую иерархию, сыграла выдающуюся роль в отстраивании старообрядческого церковного мира на Дальнем Востоке. Другая часть забайкальцев, так и неприсоединившаяся к поповскому направлению, нашла свое Беловодье на самом краю тихоокеанского побережья. Пространство, где они обосновались и намеревались создать свой мир, они оградили от остального мира топонимами, символика которых так легко читалась своими, посвященными людьми.(Духово, Иерусалимовка, Благодатное) Топонимы озера Благодати и села Благодатного обещали спасение души, веру в этом чистом пространстве; другой – Иерусалимовка – заявлял о пришедших сюда старообрядцах как истинных хранителях древлеправославного священства и их намерениях сохранять эти традиции.

Алтайский контекст поисков Беловодья

История заселения ветковскими старообрядцами обширных территорий Тобольской (затем Томской) губернии связана как с манифестами и Сенатским указом Екатерины II 1762, 1763 гг., специально обращенных к старообрядцам, живущим за рубежами России с призывом о возвращении, так и с выгонками старообрядцев из Восточной Европы. Барабинские степи по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой приняли крупные партии крестьян после второй выгонки. Здесь ветковских старообрядцев стали называть «поляками». Основная масса старообрядческих поселений Томской губернии, откуда происходили наиболее частые и многочисленные миграции в Приморье, была расположена на большой территории, охватывающей районы Среднего и Верхнего Приобья. Район Верхнего Приобья – зона активных контактов сразу трех этноконфессиональных групп: «поляков», бухтарминских и уймонских каменщиков. В Приморье алтайские старообрядцы расселились на обширных территориях по долинам рек Улахе, Кхуцин, Тахобе, Кузнецовой, Самарги, Бикин. Районом их первичного расселения была долина реки Улахе, где было образовано множество сел и хуторов: Каменка, Архиповка, Варпаховка, Кокшаровка и др.

С Алтаем была связана большая часть жизни легенды о Беловодье. Все дороги по известным текстам «Путешественников», где бы они ни начинались, вели в легендарную страну через Алтай. Не случайно и в старообрядческих группах, переселившихся в Приморье из Томской губернии, нами зафиксировано наибольшее количество беловодских сюжетов, бытовавших вплоть до 1930-х гг. На небольшой территории в верховьях р. Улахэ (Уссури) в сс. Архиповка, Ян Муть Хоуза, позднее Ясное, переселялись в разное время семьи из Горного Алтая семьи Красиловых, Пятковых, Огневых, Атамановых, Бердюгиных, Бочкаревых[1, л. 253-255]. Эти известнейшие семейные кланы длительное время были связаны с поисками Беловодья на Алтае. Так, в семье Бочкаревых-Семенихиных нами записаны были редкие воспоминания о путешествии алтайских старообрядцев к Л.Н. Толстому, который по слухам сам посетил Беловодье, присоединился к старообрядчеству

и принял даже сан.

Впервые в среде алтайских переселенцев помимо легенд о далеких землях, нами зафиксировано бытование легенд о скрывающемся избавителе (в нашем варианте о Марии Милославской). Необходимо отметить, что эти поздние варианты легендимеют тесную связь с дальневосточными территориями.

В период переселения старообрядческих сообществ на новые территории, в период «обретения места», происходил отбор «адаптационных стратегий». По прошествии времени оценка упешности/неуспешности переселения отражалась в местных топонимах. Улахинские земли, на которых поселились старообрядцы, по всем статьям подходили под то, чтобы назвать их беловодскими: здесь не ступала нога иноверцев, еретиков (коренные народности не в счет), море уссурийской тайги ограждало и защищало эти территории от остального грешного мира. Более того, по рассказам староверов, именно в этих местах появились первые старообрядческие скиты, и сакральность места уже не вызывала у старообрядцев никакого сомнения. Переименование хутора Новокаменского в Рай стало для «своих» символом обретенного земного рая. Местный топоним «Рай» стал ярким отражением успешности переселения в Приморье алтайских крестьян-старообрядцев.

Другой очень значимой особенностью, символизирующей обретение духовного пространства «восточных пределов», было переселение в Приморье урало-сибирских пустынников, основание дальневосточного пустынножительства и передача ему благодати истинной веры.

История дальневосточного пустынножительства, как и история приморского старообрядчества в целом, теснейшим образом связана с урало-сибирским регионом. Улахинские часовенные стали важным звеном, соединившим эти ветви воедино, активно участвуя в миграциях одной из ветвей урало-сибирских скитов на Дальний Восток. Старообрядческие скиты часовенного согласия на уральской земле появились еще в первой четверти XVIII в., а во второй половине XVIII в. их обители возникли в Зауралье, Алтае – самом переднем крае колонизации того периода времени. К началу 1930-х гг. на северном побережье Приморья существовало три монастыря. Вокруг этих монастырей и объединялось старообрядческое население Приморья (часовенное согласие). Перемещение в Приморье части урало-сибирских пустынников во главе с о. Силуяном и о. Гурием сыграло огромную роль в объединении местных старообрядческих общин часовенных, в том числе и иргизских часовенных. Авторитет старцев и их мудрая политика обеспечивали мир в среде приморского старообрядчества, позволяя иргизским часовенным соблюдать традиции предков, в частности водосвятные традиции[8, л. 35-37].

Волынский контекст поисков Беловодья

Вместе с ветковскими старообрядцами насильственному переселению на Алтай, в Забайкалье подверглась и часть соседствующих с Веткой федосеевских общин Восточной Европы. Другой их части уже в более поздние времена в конце XVIII— начале XIX в. удалось переселиться из Европы в Волынскую губернию. Волынь — пограничный район между Польшей и Россией, район вечного беспокойства и раздоров на протяжении всей их политической истории. Исторически район включал современные Волынскую, Ровенскую, части Львовской, Тернопольской, Житомирской областей Украины и северо-восточные регионы современной Республики Польши. Через эти территории проходили важные торговые пути, связующие Запад и Восток[4]. В Волынской губернии появились села Мамедь (Мамеч), Пятидуб, Малина (Малинка – по нашим источникам), Бродник, Должик, Филипповка, Нитино, Рафаловка (Рахваловка – по нашим источникам). Именно оттуда начнется их переселение в Россию, а затем в Приморье. В первой половине XVIII в. беспоповцы так же, как и поповцы, усиленно искали священство древнего поставления, поскольку не отрицали церковной иерархии как таковой. Факт популярности у беспоповского сообщества легенды о Беловодье, призывающей к поиску истинной древлеправославной Церкви, может быть объяснен, по мнению К.В.

Чистова, социально-психологическими обстоятельствами: обходясь без священства, они продолжали помнить о своей церкви с ее нормальной иерархией[9, с.450].

В 1907–1910 гг. на Дальний Восток, в Приморье переселилась большая группа старообрядцев-федосеевцев из Волынской губернии. Они пришли сюда в поисках … Сирии! В среде старообрядцев –федосеевцев из Волынской губернии нами зафиксирована одна из не известных легенд о далеких землях. « Так старики называли Дальний Восток, Приморье, когда собирались переселяться сюда. Поедем, говорят, в Сирищино. Жизнь тут свободная была, спастись можно»[7, с.54].

Концепт «Беловодье» полисемантичен: в этом символе, образе заложены многие смыслы. Тем не менее, нам известны примеры, когда сообщество выбирало для предстоящих миграций иной символ, наиболее точно отражающий их мотивацию к переселениям. Более того, на каких-то этапах миграций могли меняться цели конфессионального сообщества, вместе с этим менялся и символ: Дарья, Ирий на Беловодье, Сион, Иерусалим. По всей видимости, несмотря на полисемантичность и некую нейтральность беловодского символа, сообщество выбрало для этого переселения символ, который наиболее точно отобразил цель их переселений. Символ, ярко демонстрировавший религиозное значение миссии.

В ходе исследования нам удалось установить, что беспоповское сообщество, так же как и поповцы, оказавшись в вынужденной эмиграции на территории Восточной Европы, пыталось найти выход из ситуации прерванной благодати священства. Сначала их совместные с беглопоповским сообществом реальные поиски праведного священства в европейском пространстве были ориентированы в южном и юго-западном направлении, ближе к святым землям Иерусалима, Палестины. Возможно, в это время в жизни старообрядцев-федосеевцев появилось и новое имя «далекой земли» – Сирия. В отличие от символики Иерусалима, имевшего статус места, максимально близкого к Богу, признаваемого последним оплотом веры перед нашествием Антихриста и столицей грядущего мира праведников, образ Сирии более связан с созиданием христианской Церкви древнейшей христианской Церковью (Антиохийской), с подвигом монашеской аскезы, пустынножительством. Так же, как и Иерусалим, Сирия имела два плана выражения – физический и мистический. Один можно посетить, другой можно попытаться создать самому[3, с.56-58].

Реальным содержанием, наполнившим пространство Дальнего Востока надеждой на обретение Сирии, могли быть слухи о существовании далеко на востоке христианского царства. Перенесенный на российскую территорию в конце XVIII – начале XIX в., сохранявшийся в памяти образ Сирии вновь оказался востребованным..

Заключение

Проведенное нами исследование, основанное, главным образом, на экспедиционных материалах (1986–2014 гг.), позволило впервые на основе микроисторических сюжетов выявить основные пути, факторы старообрядческих миграций из Восточной Европы на Дальний Восток России, отразившиеся в свою очередь в бытовании в их среде разных образах главного пространственного мифа –легенды о Беловодье. В образах этих нашел отражение весь длинный путь, пройденный ими от границ Восточной Европы до Дальнего Востока и далее вокруг света: Сирия, Ирий, Белый Свет –память о пребывании в восточно-европейском пространстве и наиболее ранних периодах поисков; легенда о реке Дарье –память о среднеазиатских миграциях; рассказы о р. Муре (Амуре, земле Даурии, легенде о Мамуре) в память об амурском периоде жизни старообрядцев; с. Благодатное, Иерусалимовка, село Рай, хх. Сион, Новый Сион, Вифлеем, Офир – местные приморские и зарубежные (североамериканские) топонимы связанные с беловодской тематикой.

На Дальнем Востоке бытовало оба типа легенд – легенды о избавителях и о далеких землях.

Мечта об обретении Беловодья по-разному воплотилась у каждой из групп,

пришедших из Восточной Европы на Дальний Восток. Одним, не мыслившим сохранение веры во всей ее полноте без Церкви, удалось воссоздать ее на берегах Тихого океана, приняв Белокриницкую иерархию. Другие видели спасение чистоты старой веры через традицию иночества: передачи от инока к его постриженникам, от подвижника к его ученику и преемнику. Эта традиция была принесена на Дальний Восток из Сибири урало-сибирскими часовенными, немалую часть которых составляли старообрядческие семьи ветковского корня, насильно переселенные на Алтай во времена выгонок. Дальневосточное пустынножительство было вплоть до начала 1930-х гг. одной из сильных ветвей урало-сибирского старообрядчества.

И все же большая часть зафиксированных нами рассказов – дочерние, принадлежит к позднему периоду бытования, имеющих дальневосточные привязки: упоминания сплавов по Амуру, о. Сахалина, упоминания исхода Белой армии из Владивостока.

Старообрядцы вынесли миф, образ Беловодья за пределы страны, разнесли его по разным континентам, где он благополучно жил в течение долгих лет, проявляясь иногда в местных топонимах, например в названиях новых зарубежных старообрядческих деревень (Вифлеем, Офир). Вероятно, образ Беловодья будет жить до тех пор, пока живы носители этого мифа, и, стало быть, тема бытования утопических легенд в среде старообрядческих диаспор по-прежнему актуальна и востребована.

Список литературы

[1] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 253-255.) .

[2] Данилко Е.С. «Аркадий Беловодский» и «беловодское согласие» на Урале (по материалам одного следственного дела). [Электронный ресурс] // Сайт «Старый Боровск».– Режим доступа: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=86 (дата обращения 30.08.2018).

[3] Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье». Адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000240327/SOURCE1?viewPdfInternal=1 (дата обращения 19.03.2022). С. 56-58.

[4] Златогорский А. Чужеземцы на Волыни в XVIIIвеке глазами современников (по маргинальным записям на старопечатных книгах) // Культура и стереотипы: материалы международного симпозиума. Алмату, 2007. URL: https://vf-ndc-oasu.ucoz.ru/publ/10-1-0-55 (дата обращения 12.08.2019).

[5] Левкиевская Е.Е. Вырей – Ирей – Рай // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2 / под общ.ред. Н.И. Толстого. М., 1995-2012. С. 422-423. URL: https://sbitnevsv.livejournal.com/894374.html (дата обращения 19.09.2018).

[6] Мальцев А.И. Беловодье // Православная энциклопедия: сайт. URL: http://www.pravenc.ru/text/77924.html (дата обращения 27.03.2017). С. 534-535.

[7] ПД ПГОМ. 1998. С. 54.

[8] Соборное уложение христиан часовенного согласия. 20-22 июня 1927 г. // ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7948. Т. 1. Л. 35-37.

[9] Чистов, К.В. Русская народная утопия. СПб., 2003. С. 450.

[10] Чувьюров А.А. «Путешественник Марка Топозерского»: география бытования рукописных сборников // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова : сб. науч. ст. СПб., 2011. С. 218-232.

[11] Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Г.Т. Хохлов; предисл. В.Г. Короленко. - Санкт-Петербург: Герольд, 1903. - 112 с. (Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. 28. Вып. 1).

УДК 930.25

Отражение истории дальневосточного белокриницкого старообрядчества кон. 1990-х гг. – нач. XXI в. в архиве Аввакумовского братства

Литвина Наталья Викторовна
Заведующая межкафедральной археографической лабораторией исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Архива РАН, г. Москва, Россия.
tartalja@mail.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-2109-2528

АННОТАЦИЯ Архив Аввакумовского братства был создан и в настоящее время активно систематизируется благодаря инициативе протоиерея Елисея Елисеева, крестившегося в старообрядчество в середине 1990-х гг. и сыгравшего заметную и неоднозначную роль в истории белокриницкого согласия. Содержательную основу старообрядческого архива Аввакумовского братства в с. Суходол Большекаменского г.о. Приморского края составляет история попыток возрождения Дальневосточной епархии, раздоров 2000-х гг. и разнообразных инициатив Суходольской общины, наиболее значимой из которых являлось издание старообрядческой газеты «Русь православная».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА старообрядческие архивы, дальневосточное старообрядчество.

Архивирование современной истории старообрядчества – задача, которую ставят перед собой не только исследователи, но и сами старообрядцы. Помимо необходимой для общения с разного рода государственными органами номенклатуры документов, общины разных согласий зачастую собирают фотографические коллекции, письма, разного рода протоколы, документы хозяйственного характера и т.д. Объем архивных коллекций в старообрядческих общинах как правило небольшой, часто материалы не систематизированы и могут храниться разрозненно.

За последние тридцать лет, когда государственная система перестала требовать от старообрядцев отчетности и сопутствующей информации, архивирование текущих событий стало занятием инициативным, прямо связанным с личностью конкретного историка или старообрядца – фондо- или даже архивообразователя. Примером такой личной инициативы руководителя общины старообрядцев белокриницкого согласия прот. Елисея Елисеева является Архив Аввакумовского братства, расположенный на сегодняшний день в с. Суходол неподалеку от г. Большой Камень (Приморский край).

Несмотря на то, что в создании этого архива принимало участие не менее десяти человек, архив следует считать личным, отражающим не только текущие события, но и жизнь, деятельность, интересы отца Елисея, а при работе с документами необходимо учитывать специфику позиции и интересов инициатора.

Елисей (до крещения Эдуард) Елисеев родился в 1965 г. в г. Большой Камень (Приморского края)[31]. После окончания института культуры вместе с женой он вернулся в родной город. В 1995 г. их крестил старообрядческий священник Валерий Новицкий, перешедший из РПЦ в РПСЦ незадолго до этого. В 1990-е гг. на Дальнем Востоке появился

[31] Город Большой Камень (Приморский край) расположен на берегу Уссурийского залива, с 1996 до 2014 г. – ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование), т.к. на территории города располагается завод «Звезда» по ремонту, переоборудованию и модернизации кораблей, в т.ч. подводных лодок с ядерными энергетическими установками.

ряд общин Русской Православной старообрядческой Церкви, основу которых составили христиане, пришедшие к вере взрослыми из иной духовной или светской среды. Благодаря отцу Валерию появилось несколько старообрядческих общин: в 1994 г. во Владивостоке и Уссурийске, в 1995 г. – в п. Вольно-Надеждинском и в г. Большой Камень (Суходольская община)[2, 3]. В архиве братства существуют материалы, с разной степенью подробности свидетельствующие об истории фактически каждой общины, наиболее полно – о Суходольской.

Отдельный фонд архива посвящен истории съездов мирян [5]. I съезд мирян древлеправославных общин Приморского края состоялся в 1996 г. в Суходоле по инициативе прихожани по благословению епископа Силуяна (Килина). По решению съезда был создан постоянно действующий орган – Совет съезда мирян. Затем прошли еще два съезда в 1997 и 1998 гг. III съезд мирян направил в митрополию обращение о восстановлении Дальневосточной епархии, которое было поддержанов границах: Приморский, Хабаровский края, Амурская область, Еврейская АО, Читинская область, Бурятия, Камчатская, Магаданская области, о. Сахалин, Курилы, Чукотка.В связи с официальным воссозданием епархии в 1999 г. в с. Суходол прошел уже не очередной съезд мирян, а I Дальневосточный епархиальный съезд. Центром епархии был определен г. Уссурийск.

С января 1996 года по благословению владыки Силуяна начался выпуск газеты «Русь православная», масштабный по объему фонд которой включает интереснейшую переписку со старообрядцами без преувеличения всего мира.На IIсъезде мирян по благословению владыки принято решение о начале формирования Дальневосточного Архива РПСЦ. В том же году стала издаваться газета «Дальневосточный старообрядец», подшивка которой также хранится в архиве.

В 1997 г. на суходольский приход был рукоположен Александр Шестаков, а храм освящен во имя святого преподобного Сергия Радонежского. По ходатайству епархиального съезда в 1999 г. благочинным епархии до поставления правящего архиерея был определен о. Александр. С 2004 г. на служение в Большекаменский (Суходольский) приход был переведен создатель архива о. Елисей Елисеев, которого в 2005 г. епископ Герман (Савельев) возвел в протоиереи. На каждого служившего в епархии священника в архиве есть личное дело.

С 2002–2003 гг. начинается серия раздоров в РПСЦ, происходивших при непосредственном участии отца Елисея[1]. Наиболее драматичным стал раздор 2007 г., когда Дальневосточная часть священства покинула Освященный собор, прекратив молитвенное общение с последователями митрополита Корнилия. Причины и следствия этих разрушительных действий были подробно изложены и прокомментированы обеими сторонами, о чем свидетельствуют документы архива.

В настоящее время, после идейного размежевания внутри покинувших Собор 2007 года дальневосточников, о. Елисей продолжает окормлять Суходольский приход, общину в Вольно-Надеждинском и множество разрозненных прихожан на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Центральной России. Он остается непоминающим митрополита Корнилия, на службах и домашних молитвах о. Елисей поминает митрополита Белокриницкого Леонтия (Изотова). В архиве хранится распечатанная подборка информационной рассылки, содержащей дискуссии на самые злободневные темы, которую готовил и распространял по электронной почте о. Елисей уже после закрытия серийных газетных изданий. Кроме того, о. Елисей вел и продолжает вести активную переписку, передавая в архив рукописные подлинники, копии и распечатки электронных писем.

В 2014 г. архивисты совместно с отцом Елисеем начали систематизацию 32 фондов архива, более половины из которых являются источниками для изучения дальневосточного старообрядчества [4].

В 2016 г. одна их келий в суходольском общежительстве была выделена,

отремонтирована и оборудована под архив. Архив перемещен в новое хранилище, систематизирован по фондам и описям и продолжает комплектоваться.

Список литературы

[1] Беседа с о. Елисеем Елисеевым // Современное Древлеправославие.2008. URL: https://staroobrad.ru/modules.php?name=News2&file=article&sid=308 (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Ванчев А.И. История Дальневосточной епархии // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 35-43.

[3] Елисеев Елисей, иерей. Этапы восстановления дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви в конце 90-х годов XX в. К 90-летию Дальневосточной епархии РПСЦ // Современное Древлеправославие. 2004. URL: https://staroobrad.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=7 (дата обращения: 10.06.2022).

[4] Литвина Н.В.Старообрядческие архивы Молдавской и Дальневосточной епархий// Религиоведческие исследования. № 1(17). 2018. С. 8-32.

[5] Шишкин А.В. Всероссийский съезд старообрядцев 2000 года// Русская вера. 2020. URL: https://ruvera.ru/articles/sezd_staroobrjadcev_2000_goda (дата обращения: 01.06.2022).

УДК 93/94

Сибирь и Выговское поморское общежительство

Юхименко Елена Михайловна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, г. Москва, Россия.
em_yukhim@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2577-2141

АННОТАЦИЯ Статья посвящена значительному влиянию, которое оказало Выговское общежительство, основанное в 1694 г. в Обонежье и ставшее центром поморского беспоповского согласия, на становление староверия в Сибири в первой половине XVIII в. В работе приведены факты духовного влияния Выга на поморские общины на Урале и в Сибири (что сохранила и историческая память староверов, зафиксированная в «Родословии поморской веры на Урале и в Сибири», составленным в 1860-е гг. в Златоусте), показаны тесные связи выговских старообрядцев с горнозаводчиками Демидовыми, вклад выговских рудознатцев в открытие новых месторождений на Алтае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА старообрядчество Сибирь Выговское общежительство металлургическая промышленность Демидовы

Обширные просторы Сибири были наиболее привлекательным местом прибежища для гонимых старообрядцев. Первые «ростки» старой веры на сибирской земле возникли не в дальнем расстоянии от административных центров (пустынь тюменского попа Доментиана в Тобольском уезде на реке Березовка), но со временем старообрядцам приходилось все дальше и дальше уходить на восток. Не случайно, такое же направление предлагалось для поисков легендарной вольной страны – Беловодья, куда на протяжении всего XIX и начала XX в. стремились крестьяне (преимущественно старообрядцы), представители городских низов и казаки. Получившие письменную фиксацию в так называемом «Путеводителе» (или «Путешественнике») маршруты обычно начинались от Москвы, Казани и Екатеринбурга, шли по Восточной Сибири до Горного Алтая и оканчивались вблизи «Опоньских» (т.е. японских) островов на море [7, с. 251]. Особо следует подчеркнуть, что эта старообрядческая миграция носила созидательный характер, была тесно связано с хозяйственным освоением новых земель.

Тесные связи с Сибирью уже с конца XVII – начала XVIII в. наладило Выговское общежительство. Выговские посланцы не только окормляли приверженцев древнего благочестия, но и способствовали развитию горнодобывающей и металлургической промышленности Урала и Алтая.

Связующим звеном в этих отношениях вплоть до середины XVIII в. являлась семья кижских крестьян Семеновых, происходившая из деревни Гивес-наволок Кижского погоста Обонежской пятины. В конце XVII в. на Выг переселился глава семьи Семен Митрофанов, его сыновья Гавриил, Иван и Никифор и дочери Стефанида и Феврония. Во второй половине 1700-х гг. в Сибирь отправился Гавриил Семенов. На Невьянских заводах А.Н.Демидова он организовал поморскую общину, настоятелем которой пробыл до самой смерти; отсюда проповедь древнего благочестия стала распространяться еще далее на восток [9, с. 215-217; 10, с. 491-500].

В конце 1700-х гг. к старшему брату приезжал Иван Семенов, затем он ненадолго вернулся на Выг и снова выехал на восток после 1715 г. [8, с. 189-196]. Местом его проповеди в Сибири были Спасская Кошутская пустынь, находившаяся недалеко от с. Кошутского на р. Тавде, близ Тюмени, Ишимская пустынь по реке Ишим, притоку Иртыша, томские пределы и старообрядческие поселения на реке Убе, правому притоку Верхнего Иртыша, в Рудном Алтае. В Спасской Кошутской общежительной пустыни, крупном центре поморского староверия, настоятельствовал Иван Брадатый. 13 декабря 1715 г., при приближении воинской команды, посланной митрополитом

Тобольским и Сибирским Филофеем (Лещинским), в Кошутской пустыни произошло самосожжение; в нем погибли 149 человек [4, с. 64-65].

В пустыни в окрестностях Томска Иван Семенов исполнял обязанности настоятеля, затем по настоянию томских старообрядцев, желавших еще более удалиться от мира, основал поселение на острове на реке Чюмышы, близ деревни Езовой Белоярской слободы Кузнецкого уезда. Под его руководством тут было устроено общежительство, возведены храмы, стала собираться братия [11, с. 227]. В Томских пределах Иван Семенов провел два с половиной года. В 1722 г., в связи с усилением гонений на старообрядцев, он ушел дальше на восток и поселился близ д. Елунино на Алтае; здесь собралось около 1100 старообрядцев.

Непосредственным поводом для гонений на старообрядчество в Западной Сибири послужило восстание в городе Таре и окрестностях, когда в 1722 г. население отказалось принести присягу наследнику престола. В этой связи по приказанию Сената была образована особая Тайная канцелярия тарских розыскных дел для проведения широкого следствия, руководителем которого был назначен тобольский вице-губернатор А.К.Петрово-Соловово. В ходе следствия выяснились большая роль старообрядческих эсхатологических взглядов в формировании идеологии восстания и прямое участие некоторых старообрядцев в возмущении народа, в частности старца Сергия, наставника поповского скита близ Ояшевских вершин на Ишиме (скит разгромлен воинской командой 9 ноября 1722 г.). За три года тарского розыска (1722–1725 гг.) были уничтожены многие старообрядческие скиты, в некоторых из них происходили самосожжения [4, с. 55-58, 68-69]. С тарскими событиями были связаны и уход Ивана Семенова на Алтай, и Елунская «гарь».

Воинская команда майора Альбера буквально шла по следам Ивана Семенова: сначала вела розыск в общежительстве на острове на реке Чюмышы, близ деревни Езовой Белоярской слободы Кузнецкого уезда, поселение было разорено, в находившемся в двух верстах от него скиту на Иру произошло самосожжение. К этой крайней мере вынуждены были прибегнуть и жители Елунского поселения во главе с Иоанном Семеновым 24 или 26 марта 1723 г. [11, с. 223-245]. Интенсивные поиски причастных к Тарскому «бунту» продолжались вплоть до 1727 г. [3; 4, с. 46-70].

В 1723 г. на Алтае выговскими посланцами-рудознатцами, хорошо зарекомендовавшими себя на олонецких Петровских заводах, было открыто богатейшее меднорудное Колывано-Воскресенское месторождение. 16 февраля 1726 г. А.Н. Демидов получил берг-привилегию на добычу и плавку алтайских медных руд «для государственной славы и всенародной прибыли». Весной 1726 г. демидовские мастера во главе с Дмитрием Семеновым, на берегу реки Колыванки (в настоящее время – река Локтевка) построили первую печь и под руководством Никифора Клеопина провели пробную плавку медных руд. В октябре 1727 г. на этом месте был построен Колыванский ручной завод, первое металлургическое предприятие А.Н Демидова на Алтае. 21 сентября 1729 г. в пяти километрах от первого завода на реке Белой начал работать новый металлургический завод, получивший название Колывано-Воскресенского – крупнейшее алтайское предприятие А.Н. Демидова. В 1735–1737 гг. Колывано-Воскресенский завод и алтайские рудники А.Н Демидова были взяты в казну.

По всей видимости, в 1723 г. в Сибирь ездил младший брат Гавриила и Иоанна Семенова – Никифор. Он не только посетил место Елунской гари [11, с. 227–229], но и был причастен к открытию Колыванского месторождения. Во второй раз он отправился в это далекое путешествие весной 1729 г. Основная цель его поездки, уже в качестве приказчика А.Н.Демидова, была изложена в прочетном указе, выданном ему в Тобольской губернской канцелярии 16 июня 1729 г. на проезд к Колыванским

заводам. Указ, подписанный полковником вице-губернатором Иваном Болтиным и скрепленный красной сургучной печатью, гласил: «В прошлом 726 году по данному блаженныя и вечно достойныя ея императорского величества из государственной Берг-калегии указу велено дворянину Акинфею Демидову в Томском и Кузнецком уезде, где приисканы медныя руды, строить заводы и производить оныя силною рукою, и в том во всем Сибирской губернии велено спомоществовать, которыя заводы у Колыванской горы уже строить зачаты. А ныне на оныя Колыванския заводы для управления посылается оного дворянина Демидова прикащик Никифор Семенов и с ним на строение и размножение тех заводов немалая сумма денежной казны» [6, л. 1].

«Для опасения от неприятелских людей» предписывалось давать демидовскому приказчику «конвой от десяти до дватцати человек», определялся и путь следования («написать велеть Вышимском дистрикт до Тары, а от Тары до вышеозначенных Колыванских медных заводов»). Выговский наставник Андрей Денисов направил в Сибирь Никофору Семенову и другим выговским рудознатцам, посланным в помощь А.Н.Демидову и трудящимся на пользу выговского братства, специальное послание со словами поддержки и благодарности [12, с. 140-141]. Киновиарх просил сообщить ему о характере недавно открытого Колыванского меднорудного месторождения и приложить все силы к скорейшей постройке заводов. В другом аналогичном послании Андрей Денисов также наставлял показать «вседоброе тщание и всеусердныя труды о взыскании получений всяких всеизряднейших материй минерных» [12, с. 141-142]. Еще одно сочинение, содержащее упоминает об «окоптелых одеждах» трудников, позволяет предположить, что оно адресовано выговцам, работавшим непосредственно в металлургическом производстве Демидовых [12, с. 143-144].

Один из видных представителей знаменитой Демидовской династии, старший сын ее родоначальника – владельца кузнечной мастерской в Туле Никиты Демидовича Антуфьева, Акинфий Никитич Демидов (1678–1745), был тесным образом связан с Выговской обителью, основанием к чему, безусловно, служило его сочувственное отношение к старообрядчеству и родственные связи в среде тульского старообрядчества. Помимо конфессиональных, Демидова с Выгом связывали и чисто деловые отношения. Всесильный заводчик выступал покровителем общежителей во время работы следственной комиссии по доносу Ивана Круглого в 1738–1744 гг.

Из числа демидовских благодеяний Выговскому общежительству известны щедрая помощь в строительстве женского монастыря на Лексе и Коровьего двора после пожаров 15 и 27 мая 1727 г. и пожертвование на украшение обителей шести колоколов (один из которых был 30-пудовым) в 1733 г. и нескольких колоколов (один снова был 30-пудовым, другие маленье) в 1738 г. Как отмечается в Дополнении к «Истории Выговской пустыни», за свои (точнее – всего общежительства) заслуги в отыскании рудных месторождений, основании заводов и обеспечении их рабочей силой Гавриил Семенов «от господина Демидова много всеми вещьми опрезентован и чрез онаго прошение общежителное братство от Демидова по премногу одолжено бысть. Ово даянием пенязей, а ово медию и железом, ово же хлебом приволских промыслах» [1, с. 235].

Совершенно очевидно существование переписки между выговскими настоятелями и А.Н. Демидовым, которая иногда могла носит весьма частный характер. Так, к своему письму от 24 августа 1742 г. о хлопотах в Москве по «выговскому делу», заводовладелец приписал «на собной бумашке»: «Ежели вам нетрудно, прошу промыслить на мой счет морских двух или одново сухих раков, которыя б были поболше, такожде бы и от других морских же куриозных рыб. Мне оные потребны для домовой моей кунстъкамеры» [12, с. 412].

Выговский писатель и наставник Даниил Матвеев написал слово на день

тезоименитства А.Н. Демидова 18 июля (память св. мученика Иакинфа Амастридского), которое было произнесено в соборной часовне Лексинского общежительства после заочного молебна за здравие именинника. В этом сочинении представитель знаменитой династии прославляется не только как благодетель поморского старовериа, но и как основатель металлургических заводов; особо подчеркивается, что его деятельность способствует славе Российского государства [12, с. 148-153].

Гавриил Семенов дважды навещал Выговское общежительство: в 1733 и 1738 гг., откуда привез сибирским поморцам, как свидетельствуют письменные источники, подарки: по всей видимости, это были культовые предметы – иконы, медные образа, лестовки или рукописи, которые в большом количестве производились на Выгу и рассылались в поморские общины по всей России. Возглавляемая самим Гавриилом большая община находилась на окраине Невьянского завода и представляла собой настоящий старообрядческий монастырь, где проживали старообрядцы не только из Невьянска и округи, но и из различных удаленных мест, из тобольских и ишимских деревень. Этот центр поморского старовериа на Урале существовал исключительно благодаря покровительству А.Н. Демидова. Чувствуя себя в безопасности, Гавриил Семенов мог даже вступать в открытую полемику по вопросам веры, по материалам которой им было составлено полемическое сочинение «Вопросоответное разглагольство верою латынянина брегадира Беэра з завоцким жителем Украинцовым» (1745).

Смерть Акинфия Демидова в том же 1745 г. лишила невьянских поморцев сильного покровителя. Гавриил Семенов 6 марта 1750 г. и был похоронен на берегу оз. Таватуй (могила сохранилась до настоящего времени). Невьянский монастырь был разгромлен в сентябре 1750 г., что нанесло большой урон уральским поморцам.

Ценный материал по истории поморского согласия Урала и Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. дает «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» («Историческое древлеправославное родоприимное християнское последование»), составленное в 1860-егг. в Златоусте. «Родословие» включило в себя ряд устных преданий и, возможно, письменных сочинений, относящихся к истории поморского согласия на Урале [2, с. 328-413]. Памятник обосновывает духовную преемственность уральских поморцев от выговских посланников, которая выразилась в факте крещения Гавриилом Семеновым крестьянина с. Гагарье Челябинского уезда Оренбургской губернии Стефана Кузьмича Тельминова (1727–1840), от которого пошла череда поморских наставников.

Разгром общины Гавриила Семенова на Невьянском заводе нанес поморскому согласию на Урале и в Сибири невосполнимый урон: оно уже не смогло вернуть себе то влияние, которое имело на уральских заводах в первой половине XVIII в. С середины XVIII в. на заводах начинает преобладать старообрядчество беглопоповского согласия, в конце XVIII – начале XIX в. перешедшие к беспоповской практике и оформившиеся в часовенное согласие [5].

Список литературы

[1] Гурьянова Н.С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И.Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 221-245.

[2] Мангилев П.И. «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 328-413.

[3] Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1974. 394 с.

[4] Покровский Н.Н. Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46-70.

[5] Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 466 с.

[6] Прочетный указ, данный из Тобольской губернской приказчику Акинфия Демидова Никифору Семенову на проезд к Колыванским заводам с конвоем «для опасения от неприятелских людей» 1729 г. июня 16 // РГБ. Собр. Барсова (ф. 17). № 432.

[7] Чистов К.В., Чувьюров А.А. Список «Путешественника» из Рязанской губернии // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.) / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки русской культуры, 2004. Вып. 3. С. 251-256.

[8] Юхименко Е.М. «...Но не разлучаемся душами вашея браторевностныя любве» (о духовных корнях сибирского старообрядчества // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 189-196.

[9] Юхименко Е.М. «О чем не дает солгать град Тоболеск...» (новонайденные сочинения о семье старообрядцев Семеновых) // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г.). Тобольск–Омск, 2000. С. 215-217.

[10] Юхименко Е.М. «Таковых братов сестра единоутробная...» (новые сведения о семье Семеновых) // Традиция и литературный процесс: К 60-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 1999. С. 491-500.

[11] Юхименко Е.М. К вопросу о связях Сибири с Выгом и роли братьев Семеновых (новонайденное «Слово о житии Иоанна Выгорецкого») // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1991. С. 223-245. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 15]).

[12] Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства / Науч. ред. Н.В. Понырко. В 2-х т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2: 568 с.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Европейские диаспоры в Сибири

УДК 908

Становление немецких колоний в Акмолинской области в конце XIX – начале XX вв.

Бауман Даниил Александрович
Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия
bauman-2001@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4190-1123

АННОТАЦИЯ В данной статье автором был рассмотрен процесс немецкой колонизации и формирования первый немецких колоний, основанный в конце XIX – начале XX вв. в первом очаге немецкой колонизации в Западной Сибири.На основе статистических и делопроизводственных источниках были проанализированные различные социально-экономические и демографические аспекты процесса колонизации в Акмолинской области, становление немецких колоний, их описание. Автором были выявлены особенности немецкой колонизации на исследуемой территории, проанализированы состав и численность немецкого населения, уровень его грамотности и образования, профессиональная, религиозная и сословная принадлежность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА немецкая колонизация, Западная Сибирь, Акмолинская область, немцы-колонисты, немецкие колонии.

Основными районами немецкой колонизации в конце XIX века становится юго-запад Сибири, в частности: юг Тобольской и Томской губерний, Акмолинская область (Степной край). Самым первым, наиболее заселенным и самым крупным очагом немецкой колонизации Сибири становится Омский уезд Акмолинской области. В 1893-1896 годах здесь появляется целый ряд поселений, основанных немцами-колонистами, основная часть которых переселялась из Саратовской и Самарской губерний.

Так, в 1893 году был основан посёлок Александровское колонистами из Саратовской губернии, которые прибыли группой из 37 семей. Переселенцы получили пособие в размере 7776 рублей. На следующий год в поселок прибыло еще 40 новых семей из Саратовской и Самарской губерний. В поселке на 1896 год насчитывалось 107 дворов и 284 человека. Изначально эти переселенцы отправились в Барнаульский округ Томской губернии, однако, не получив там хороший урожай (всего 40 пуд. урожая на десятину), они решили водвориться в Омском уезде, где с десятины получали уже по 70-100 пудов урожая [3,с.147-148]. Землю распахивали при помощи привезенных с собой двухлемешных плугов, в которые впрягалось по 4-6 лошадей. В посёлке насчитывалось 250 лошадей и 185 коров, в нем жили столяры, плотник, кузнецы, колесники и колбасник.В 1900 году была открыта министерская школа, здание которой также служило молитвенным домом [4,с.7-11]. В ходе работы экспедиции по исследованию Степных областей было выявлено, что переселенцы были недовольны своим положением и территорией, с 1896 по 1899 годы из поселка ушло 30 семей.

В сентябре 1894 года 24 семьи колонистов основали поселок Привальное. На 1896 год поселок состоял из 45 дворов и насчитывал 120 мужчин, в нем не было изб, переселенцы жили в землянках, у них насчитывалось 97 лошадей, 70 коров, 10 жеребят и 45 телят. Урожай составлял по 40-45 пудов с десятины. На 1902 год в поселке имелась церковная школа, в которой обучалось 30 детей, преподавание велось на немецком языке учителем, который окончил земскую школу в Самарской губернии. Строилось новое здание для школы на 100 человек и молитвенный дом [5,с. 3-5]. Колонисты этого поселка также были крайне недовольны своим положением, главной причиной недовольства отмечали необеспеченность участков земли водой.

Весной 1896 года был образован поселок Сосновка. Отличительной чертой данного поселка является то, что его основание носило уже целенаправленный характер,

немецкие колонисты из писем своих земляков с поселков Привальное и Александровское узнавали о данных территориях и переселялись на новые места благодаря этому. На 1896 год в поселке насчитывалось 62 двора и 162 мужчин. Причинами ухода переселенцев с Европейской России стали малоземелье и несколько неурожайных годов подряд. На поселок было выдано 5220 рублей пособия. В поселке было 105 лошадей, 110 коров и 25 телят. Данной территорией поселенцы были довольны, так как здесь не было проблем с водой, было вырыто 6 колодцев, вода в которых была пригодна и для употребления [6, с. 146-147]. В 1901 году был открыт хлебозапасный магазин, на 1902 год в поселке имелась общественная школа, в которой на немецком языке обучалось 42 мальчика и 32 девочки [7, с. 15-17].

28 апреля 1896 года 13 семей колонистов основали поселок Поповка. Об этом месте, так же как и переселенцы с п. Сосновки узнали благодаря письмам земляков. Заранее послав двух ходоков, они, летом 1895 года выехали сюда по железной дороге. Уже в 1899 году был построен хлебозапасный магазин. Имелась общественная школа, в которой обучалось около 60 детей на русском и немецком языках. Здание школы служило и молитвенным домом. Поселенцы в целом были довольны своим положением, единственным недостатком считали отсутствие хороших источников воды[8, с. 11-13]. Благодаря близости с г. Омском в свободное от посевных работ время крестьяне уходили на заработки.

В июне 1896 года был основан поселок Новинка. Колонисты, основавшие поселок, покинули материнские колонии Самарской губернии еще в 1891 году по причине малоземелья и неурожая в течение 7 лет подряд. Группа из 6 семей поселилась изначально в Оренбургской губернии, арендуя помещичью землю. В 1895 году другая группа колонистов из 24 семей благодаря письмам земляков перебралась в Омский уезд и в сам г. Омск. В мае 1896 года обеим группам были нарезаны участки будущего поселка. В 1902 году был построен хлебозапасный магазин, с основания поселка и до 1902 года в съемном помещении действовала общественная школа на 30-50 детей, образование в которой велось на немецком языке, в этом же здании находился и молитвенный дом [9, с. 13-15]. В 1902 году открылась министерская школа, рассчитанная на 50-60 учащихся. Поселенцы отмечали, что у них достаточно сложные отношения с местными русскими крестьянами. Кроме этого, отмечали, что на данной земле трудно вести сельское хозяйство, однако здесь все же лучше обстоят дела, чем в Европейской России.

Осенью 1896 года был основан поселок Красноярка. Основной причиной переселения сюда колонистов также стало малоземелье в материнских колониях. Изначально поселенцы планировали водвориться в п. Александровском, однако по причине того, что там уже не было свободной земли, им нарезали участки на территории Красноярки. С момента основания в 1896 году насчитывалось 115 человек, поселенцы жили в землянках. В 1899 году поселок покинуло 9 семей, из которых 3 вновь вернулись обратно. С одной десятины получали приблизительно 40 пудов урожая. В 1901 году был построен хлебозапасный магазин. Школа находилась в самой избе учителя, у которого в среднем было до 30 учеников. Образование велось на немецком языке 6 месяцев в году, отмечалось, что к 3-4 годам дети уже умели читать и писать[10, с. 5-7].

В общей сложности на момент проведения Всеобщей переписи 1897 года в Акмолиснкой области проживало 682 608 человек, что делает эту территорию менее заселенной, чем остальные западносибирские губернии. Однако, именно на ней в конце XIX века проживало большее количество немцев-колонистов – 4791 человек (0,7% от общей численности населения области), из которых в Омском уезде – 3 315 человек (69%). В городах проживало всего 700 человек (14,6%), что является самым низким уровнем урбанизации немецкого населения среди остальных западносибирских губерний[11, с. 50].

Таблица 1. Половой состав и возраст немецкого населения Акмолинской области на 1897 год (чел.)

Пол	Возраст						
	Менее 1 года	1-9 лет	10-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50 лет и старше
Мужской	117	675	543	362	358	231	175
Женский	111	649	494	375	337	179	185
Всего	**228**	**1324**	**1037**	**737**	**695**	**410**	**360**

Исходя из данных о половом и возрастном составе немцев Акмолинской области, можно сделать вывод о том, что доля мужского и женского населения приблизительно равна (2461 чел. и 2330 чел. соответственно). При этом также отмечается достаточно высокая доля молодого населения от 1 года до 29 лет – 3098 человек (64,6% от всего немецкого населения) [11, с. 62-65].

Таблица 2. Уровень грамотности среди немецкого населения Акмолинской области на 1897 год

Пол	Уровень		
	Грамотных на русском языке	Грамотных на других языках	Образование выше начального
Мужской	205 чел.	1201 чел.	47 чел.
Женский	114 чел.	1117 чел.	39 чел.
Всего	**319 чел.**	**2318 чел.**	**86 чел.**

Исходя из данных уровня грамотности немцев Акмолинской области[11, с. 65], можно сделать вывод о том, что 2723 человека указали себя в анкетах как грамотных, что составляет 57% от общей численности немцев. При этом уровень грамотности всего населения области составлял всего 10,4%. Стоит отметить, что из них большинство указало себя как грамотных на другом языке, которым является немецкий. Данный факт является результатом того, что переселенцы осели здесь недавно, перенеся с собой прежнюю культуру из материнских колоний в Европейской части России.

Кроме того, образование в немецких колониях велось в большей части исключительно на немецком языке, что также вызывало опасения у местной администрации. Из донесения крестьянского начальника было выявлено, что дети, обучающиеся в школах Александровской волости, «не знают ни одного слова по-русски и не могли назвать, даже по-немецки, ныне царствующего монарха, где они живут и кто управляет краем» [1, с. 26-28]. Исключение составляли школы в поселках Александровском и Новинка,

где начали обустраивать русские школы, которые были хорошо оснащены мебелью, учебными принадлежностями, пособиями и книгами, в отличие от школ в других поселках, в которых не было учебников и имелось лишь несколько книг для чтения на немецком языке.

Исходя из данных религиозной принадлежности, можно сделать вывод, что большинство немцев Акмолинской области причисляли себя к лютеранской церкви – 4556 человек, что составляло 96% от немецкого населения области[11, с. 52-53].

Наиболее распространенным видом деятельности немецкого населения области было земледелие, которым занимались 4001 человек (83,5% всего немецкого населения), далее идут: обрабатывающая отрасль – 179 человек, работа частной прислугой – 174 человека. В сословной структуре слой крестьян занимал большинство – 4542 человека, затем мещане – 134 человека, личные дворяне, чиновники и члены их семей – 50 человек, потомственные дворяне и члены их семей – 26 человек. Иностранными подданными были 17 человек [11, с. 80]. Таким образом, исходя из этих данных можно сделать вывод, что в Акмолинской области доминировало крестьянское немецкое население, главным занятием которого было сельское хозяйство.

Таблица 3. Статистические данные о немецких поселениях, основанных в Омском уезде Акмолинской области на 1909 год

№ п/п	Название по-селка	Год основания	Число семей	Население		
				Муж.	Жен.	Всего
1.	Александров-ское	1893	115	293	283	576
2.	Привальное	1894	74	196	190	386
3.	Сосновка	1896	96	190	176	366
4.	Красноярка	1896	52	115	102	217
5.	Побочинское	1904	90	300	290	590
6.	Цветнополье	1905	95	268	260	528
7.	Н.-Алексеевское	1905	40	129	124	253
8.	Князя Тру-бецкого	1906	40	114	110	224
9.	Кузнецовка	-	97	248	250	498
10.	Розовка	-	79	234	230	464
11.	Пришиб	-	45	145	142	287
12.	Зеленополье	-	87	219	216	435
13.	Н.-Красновское	-	128	338	334	672
14.	Сладковское	-	51	147	164	311
15.	Звонарев Кут	-	56	156	145	301
16.	Прирезок к Побочинско-му	1909	31	96	92	188

Исходя из данных статистических данных о немецких поселениях, можно сделать вывод, что на 1909 год в Омском уезде проживало 6 296 немцев[13]. На1910 год в Александровской волости Омского уезда насчитывалось уже 759 немцев, из которых 354 человек прибыло из Самарской губернии, 343 из Саратовской, 29 из Воронежской, 20 из Таврической и 13 из Ставропольской [12]. К 1915 году на землях всего Омского уезда было образовано уже 20 немецких поселков с наделом около 65 тыс. десятин. В них проживало 1455 семей (3799 мужчин) [2, с. 78].

Заключение

Таким образом, в течение 1890-х годов в Омском уезде Акмолинской области появился первый крупный очаг немецкой колонизации в Западной Сибири – Омский уезд (Александровская волость), состоявший из 6 поселков. Основное немецкое населения переселялось из Самарской и Саратовской губерний. Главные причины переселения немец с материнских колоний Европейской России являлось малоземелье и частый голод.

Первые поселения – Александровка и Привальное - были основаны колонистами стихийно, затем процесс основания новых поселений имел уже целенаправленный характер. Уже в 1893 году в Омском уезде создается Александровская волость, которая полностью состояла из немецких поселений. В начале XX века этот очаг начинает привлекать новые волны немецких колонистов и на этой территории возникнет еще целый ряд колоний, таких как: Звонарев Кут, Князе-Трубецкое, Пришиб, Ново-Скатовка, Цветнополье, Побочное, Ново-Алексеевское и др. Таким образом, несмотря на сопротивление местных и центральных властей и указ от 15 апреля 1896 года, в Западной Сибири все-таки возникает обособленный очаг немецкой колонизации. Данный факт свершился, скорее всего, из-за того, что эти территории были непопулярными у русских переселенцев ввиду их плохого сельскохозяйственного потенциала.

Следует отметить, что немцы-колонисты были в основной своей массе недовольны этими территориями, нередки были случаи ухода переселенцев оттуда, основной причиной этого было отсутствие удобных и хороших источников воды. Кроме этого немецкие колонисты отмечали, что процесс обоснования затруднялся и бытовыми конфликтами с местным русским населением. Однако, несмотря на все трудности, освоение степных участков Омского уезда Акмолинской области все же продолжалось.

Список литературы

[1] Донесение крестьянского начальника 2-го участка о состоянии школ в немецких поселках Омского уезда. 19 декабря 1902 г. // Немцы в Сибири: Сб. док. и материалов по истории немцев в Сибири. Омск: Изд-во ОГИК музея, 1999. С. 26-28.

[2] История и этнография немцев в Сибири / Омский гос. историко-краеведческий музей, Сибирский фил. Российского ин-та культурологии, Науч.-информ. агентство "Наследие Сибири"; сост. и науч. ред.: П. П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. 751 с.

[3] Описание поселка Александровка Омского уезда Акмолинской области. 1896 г. // Приложения к Всеподданнейшему отчету статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: 1896. С. 147-148.

[4] Описание поселка Александровка Омского уезда Акмолинской области. 1902 г. // Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том. V. СПб.: 1907. С. 7-11.

[5] Описание поселка Привальное Омского уезда Акмолинской области. 1902 г. // Материалы по

переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том. V. СПб.: 1907. С. 3-5.

[6] Описание поселка Сосновка Омского уезда Акмолинской области. 1896 г. // Приложения к Всеподданнейшему отчету статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: 1896. С. 146-147.

[7] Описание поселка Сосновка Омского уезда Акмолинской области. 1902 г. // Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том. V. СПб.: 1907. С. 15-17.

[8] Описание поселка Поповка Омского уезда Акмолинской области. 1902 г. // Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том. V. СПб.: 1907. С. 11-13.

[9] Описание поселка Новинка Омского уезда Акмолинской области. 1902 г. // Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том. V. СПб.: 1907. С. 13-15.

[10] Описание поселка Красноярка Омского уезда Акмолинской области. 1902 г. // Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. Том. V. СПб.: 1907. С. 5-7.

[11] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под редакцией Н. А. Тройницкого. Том. 81. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905. 135 с.

[12] Список немцев-колонистов, проживающих в Александровской волости Омского уезда Акмолинской области // РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 235. Л. 155-157 об.

[13] Статистические сведения о немцах-колонистах, водворенных в Омский уезд Акмолинской области с 1892 по 1909 гг. 1909 г. // РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 235. Л. 22.

УДК 316

Результаты социологических опросов 2020-2022 гг. в изучении этнических процессов в регионах Сибири

Смирнова Татьяна Борисовна
Доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной работе, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; Сибирский филиал Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Омск, Россия.
smirnovatb@omsu.ru
https://orcid.org/0000-0001-7533-5364

АННОТАЦИЯ В статье публикуются результаты социологических опросов, проведенных в 4 регионах Сибирского федерального округа, посвященных общероссийской, региональной и этнической идентичности населения этих регионов. Социологические опросы были проведены в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022. Темой исследования являются этнодемографические процессы в регионах азиатской части России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА идентичность, этнические процессы, социологический опрос, Сибирский федеральный округ

Культурное многообразие российского общества является его исторической особенностью, частью духовного наследия России, ее преимуществом и ресурсом развития. В то же время, сложный этнический и религиозный состав населения государства может представлять собой определенный риск и угрозу стабильности. Для того, чтобы культурное и языковое многообразие страны из ресурса развития не превратилось в причину разрушения, необходимо системное и качественное управление сложным обществом, постоянное изучение этнокультурного многообразия.

В 2020 г. началась реализация Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 (поручение Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. (Пр71, п. 6)). Эта Программа была разработана и реализуется под руководством Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, координируется Советом программы и контролируется Минобрнауки России. Руководителем программы является академик РАН В.А. Тишков. В программу на конкурсной основе были включены 23 проекта, в том числе проект «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски».

Изучение этнодемографических процессов проводится в 12 регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. В исследовательский коллектив вошли эксперты из Свердловской, Тюменской и Челябинской областей (Уральский ФО), Красноярского края, Республики Алтай, Омской и Новосибирской областей (Сибирский ФО), Приморского края, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Хабаровского края, Чукотского автономного округа (Дальневосточный ФО). Все эксперты имеют многолетний опыт работы по проектам Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ) и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Методы работы этих сетевых сообществ послужили примером при реализации проекта по изучению этнодемографических процессов в регионах Азиатской России.

Изучение этнодемографической ситуации во всех регионах проводилось по единому плану: характеристика этнического состава населения региона, его динамика, особенности и состояние накануне переписи 2020 (2021) года; характеристика

миграционных процессов в регионе; анализ общественного мнения и мнения учащейся молодежи по вопросам миграций в регионе; анализ общественного мнения и мнения учащейся молодежи по вопросам идентичности (общероссийской, региональной и этнической).

Источниками послужили данные федеральной и региональной статистики, научные публикации, материалы СМИ, результаты социологических опросов. Социологические опросы были проведены во всех регионах, по единой программе, с использованием специально разработанного инструментария, что позволяет провести сравнительные исследования. Большое значение в реализации проекта имеет экспертное мнение, аналитические навыки и компетентность региональных экспертов.

Важной частью исследования этнодемографических процессов в регионах азиатской части России являются социологические опросы. Темами этих опросов стали основные факторы, которые оказывают влияние на этнодемографические процессы: это миграции и этническая идентичность. Безусловно, ведущими факторами в демографии является естественное движение населения (рождаемость и смертность). Эти факторы изучались на основе статистических источников. Но механическое движение (миграции), также оказывает на этнический состав населения в последние десятилетия огромное влияние, это видно невооруженным глазом, особенно на примере больших городов. Также очевидным является влияние на этнодемографическую ситуацию этнической идентичности. Например, если в регионе не было всплесков рождаемости или смертности, не было значительных миграционных потоков, а этнический состав населения на определенной территории изменился. Причина может быть в смене какой-то частью населения этнической идентичности, так как хорошо известны такие свойства идентичности, как подвижность, ситуативность, мотивированность. Поэтому меняющаяся в зависимости от ситуации идентичность, оказывает влияние на этнический состав населения, на этнодемографические процессы. Измерить влияние миграций и идентичности можно с помощью социологических и антропологических методов, в частности, социологических опросов и интервью.

Были разработаны программы двух социологических опросов, первый опрос был посвящен проблемам внутренних и международных миграций. Опрос был проведен в октябре-ноябре 2020 г. во всех 12 регионах по единой программе. Программа предусматривала 2 вида опроса: массовый опрос населения крупных городов и пригородов, с разбивкой по полу и возрасту и опрос учащейся молодежи, студентов местных университетов. Соответственно, были разработаны две анкеты: анкета для изучения общественного мнения и анкета для изучения мнения учащейся молодежи, вторая анкета являлась расширенным вариантом первой анкеты, в нее были добавлены вопросы, которые касались миграционных настроений молодых жителей регионов. В каждом регионе было опрошено 200 человек по программе массового опроса и 200 человек по программе опроса учащейся молодежи (всего – по 400 человек в каждом регионе). Таким образом, выборка составила 4800 человек.

Описание результатов проведенного исследования содержатся в коллективной монографии «Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски»[1].

Второй социологический опрос был посвящен проблемам идентичности. Он также проходил во всех 12 регионах УФО, СФО и ДФО по единой программе. Был разработан инструментарий для проведения социологического опроса – анкета с вопросами по этнической, региональной и общероссийской идентичности. В связи с поздним поступлением финансирования, возможность начать опрос появилась в конце сентября 2021 г. В это время началась новая волна COVID-19, были усилены эпидемиологические ограничения, университеты ушли на дистанционную форму обучения. В этих условиях, учитывая тяжелый опыт 2020 года, было принято решение опросить 2400 чел.: по 200

чел. (100 – всего населения и 100 – студентов) в каждом из 12 регионов, участвующих в проекте. Выборка «взрослого» населения была организована по полу и возрасту (18-29 лет, 30-59 лет, 60 лет и старше), месту жительства (город – село) по данным ВПН-2010. Этнический состав респондентов определялся каждым экспертом в своем регионе, пропорционально данным ВПН-2010. Были опрошены студенты 25 университетов. Выборка – по полу (50% мужчины и 50% женщины) и по направлениям подготовки (50% - естественные и технические, 50% - общественные и гуманитарные). Результаты опроса были внесены в специальную форму ввода по каждому региону, по каждому федеральному округу и вместе по трем федеральным округам. Эти формы по регионам и федеральным округам доступны всем экспертам - исполнителям по проекту, и служат источником для публикации результатов исследования.

Анкета 2021 года включала в себя вопросы по общероссийской, гражданской и этнической идентичности, она включала в себя вопросы о том, что объединяет граждан России, какие общие ценности являются базовыми для российского общества, насколько важна для респондентов принадлежность к российскому народу, какие чувства эта принадлежность вызывает, как соотносятся между собой общероссийская и региональная идентичности, как определяется этническая идентичность, вопросы о множественной этнической идентичности, о чувствах, которые она вызывает и влиянии, которую этническая идентичность оказывает на различные стороны жизни человека, о символах, героях, национальных языках и вероисповедании. Результаты опросов в настоящее время анализируются.

Приведем результаты массового опроса по регионам Сибирского федерального округа (опрошено 400 чел. в Красноярском крае, Республике Алтай, Новосибирской, Омской областях). В первом блоке, посвященном общероссийской, гражданской идентичности, первый вопрос звучал так: «Скажите, пожалуйста, насколько часто Вы ощущаете близость с гражданами России?». Наиболее часто встречающийся ответ «иногда» - так ответили 38,8% респондентов. Второй по частоте ответ – «часто», 36,7% респондентов, на третьем месте – «всегда» - 17,5%, и на последнем месте – «никогда», 7,0% респондентов. Можно сказать, что подавляющее большинство опрошенных – более 90%, ощущают свою близость с другими гражданами России, причем более половины из них – «всегда» и «часто».

На вопрос «Что Вас объединяет с жителями России», ответы следующие (в сумме не равно 100%, так как можно было выбрать несколько ответов, но не более трех): общее государство – 64,8%, ответственность за судьбу страны – 25,5%, историческое прошлое – 41,0%, родная земля, территория, природа – 51,0%, русский язык – 47,5%, культура, обычаи, праздники – 39,7%, общие символы (флаг, герб) – 11,0%. Почти все опрошенные назвали консолидирующие признаки, варианты ответов «ничего не объединяет», «другое» и «затрудняюсь ответить», набрали 2,0% ответов. Можно сделать вывод о том, что на первом месте среди консолидирующих признаков находится общее государство, на втором – родная земля, территория, на третьем – историческое прошлое.

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, насколько для них важна принадлежность к российскому народу, по пятибалльной шкале. Наибольшее количество ответов – 5 баллов – 43,0%. На втором месте – оценка в 4 балла – 28,5%, на третьем месте – оценка в 3 балла – 19,3%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для 90% респондентов принадлежность к российскому народу важна и очень важна, что свидетельствует о достаточной степени выраженности гражданской идентичности.

Далее респонденты называли общие ценности, которые, как они считают, являются базовыми для российского общества (можно было выбрать не более трех вариантов ответа). Наибольшее количество ответов набрал вариант «патриотизм, любовь к Родине» – 56,8%. На втором месте – «справедливость, правда» – 36,5%. На третьем месте – «социальная ответственность, забота об окружающих» – 33,5%. Остальные варианты

общих ценностей набрали гораздо меньше сторонников: «власть, доминирование» – 11,3%, «богатство, высокий уровень жизни» – 12,5%, «успех» – 9,0%, «творчество, самореализация» – 16,7%, «свобода» – 23,8%, «другое» – 2,2%, затруднились ответить – 9,5%.

Также можно констатировать, что название «россияне» для жителей нашей страны вполне прижилось. На вопрос, как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России, вариант «россияне» отметили 55,0% респондентов. На втором месте, с большим отрывом «российский народ» – 23,0%. Далее следуют варианты «русские» - 8,3%, 6,8% считают, что не существует общего названия, 4,2% - затруднились ответить. Еще 2,3% предложили свой вариант.

На вопрос «Что Вы считаете своей Родиной?» были получены следующие варианты ответов: Россию – 49,0%, географический регион (Урал, Сибирь, Дальний Восток) – 14,5%, свой регион (область, республику) – 15,3%, свой город/свое село – 17,5%, другое – 3,7%. Таким образом, респонденты поставили на первое место в качестве своей Родины Россию, на второе место – родной город или село, на третье место – свой регион, на четвертое, с небольшим отрывом – географический регион или макрорегион (уральцы, сибиряки, дальневосточники).

Из результатов опроса следует, что региональная идентичность имеет довольно большое значение для респондентов. По пятибалльной шкале большинство респондентов поставили оценку 5 баллов важности «малой Родины» в своей жизни – 48,8%. На втором месте оценка в 4 балла – 24,0%. На третьем месте – оценка в 3 балла – 16,0%. Оценка в 2 балла – 5,0%. И для 7,2% региональная идентичность ничего не значит, они поставили оценку в 1 балл.

Исследований региональной идентичности у нас проводилось не так уж и много. Поэтому мы задавали вопрос о том, что именно, по мнению респондентов, объединяет жителей больших регионов, исторически сложившихся в азиатской части России – уральцев, сибиряков, дальневосточников. Ответы были получены следующие: место проживания, территория – 71,5%, специфическая культура – 34,5%, историческая судьба, прошлое – 45,8%, экономика, занятия, образ жизни – 40,2%, черты характера – 17,5%, особое отношение к жизни, «состояние души» - 23,8%, другое – 2,0%, ничего не объединяет – 2,5%. Таким образом, мы, как и в случае с общероссийской идентичностью, получаем на первом месте общую территорию в качестве консолидирующего признака идентичности региональной.

Далее следовали вопросы, посвященные этнической (национальной) идентичности. Первым в этом блоке был вопрос о том, как следует определять этническую принадлежность человека, что является главным при определении этнической принадлежности (можно было назвать не более трех вариантов). Ответы следующие: национальность отца – 55,5%, национальность матери – 38,5%, родной язык – 51,8%, культура – 43,0%, религия – 16,5%, место проживания (например, республика, национальный округ, национальный район) – 19,0%, обстоятельства (жизнь может сложиться по-разному) – 7,5%, желание человека – 11,3%, воспитание – 16,7%, другое – 1,5%, затруднились ответить – 1,8%. В случае с этнической идентичностью территория проживания, «родина», в отличие от гражданской и региональной идентичности находится далеко не в первых рядах. А на первом месте – происхождение, национальность родителей, в первую очередь – отца. Но втором месте – язык, а на третьем – культура.

При оценке по пятибалльной шкале, этническая идентичность оценивается в основном на пятерку, пять баллов поставили 40,8% респондентов. Для 10,2% респондентов этническая идентичность не важна вовсе, они поставили 1 балл. Двойку поставили столько же респондентов. На 4 балла оценили важность для себя этнической идентичности 18,5% респондентов, на 5 баллов – 40,8% опрошенных. Если сравнивать с оценками общероссийской или региональной идентичности, то этническая им несколько проигрывает.

Далее, также, как и в случае с гражданской и региональной идентичностью, следовал вопрос об этноконсолидирующих признаках. На вопрос «Что, по-Вашему, объединяет представителей Вашей этнической принадлежности (национальности), были получены следующие ответы: национальный язык – 70,0%, национальная культура – 57,8%, историческая судьба, прошлое – 34,5%, религия – 11,0%, черты характера, менталитет, психология – 34,7%, место проживания, территория – 21,0%, обычаи, обряды, традиции – 24,5%, внешность – 6,5%, родственные связи – 7,5%, занятия и образ жизни – 7,2%, национально-культурные общественные организации – 2,0%, другое – 0,2%, ничего не объединяет – 1,0%. Таким образом, наиболее выраженным консолидирующим признаком, по мнению респондентов, является национальный язык. На втором месте – этническая культура, на третьем – менталитет, на четвертом – история. Все остальные признаки признаны респондентами второстепенными, причем, с большим отставанием.

88,5% респондентов считают родным русский язык, 7,8% назвали другой язык, 3,5% назвали два родных языка и один человек назвал другой вариант. Далее следовал вопрос о степени владения разными языками. Русским языком свободно владеют 99,0% респондентов.

Затем следовал вопрос о вероисповедании респондентов. Ответы были получены следующие: православный – 51,5%, мусульманин – 2,5%, буддист – 2,5%, протестант – 0,0%, являюсь верующим, но не принадлежу к конкретной конфессии – 10,2%, неверующий (атеист) – 20,0%, затрудняюсь ответить – 9,8%, другое – 3,5% респондентов. В заключение следовали вопросы о межнациональных отношениях и о том, какие меры со стороны государства важны для сохранения национальной культуры и самобытности народов.

Этнодемографические процессы напрямую связаны с вопросами о национальности (этнической принадлежности). Среди респондентов большинство составляли русские (332 из 400 человек, участвовавших в массовом опросе в СФО, что составляет 83,0%). 68 человек назвали другую национальность: алтайцы, казахи, немцы, татары, тувинцы, буряты, якуты, теленгиты, армяне, азербайджанцы, украинцы, белорусы, болгары, киргизы. Два человека назвали себя славянами, а 6 человек – сибиряками (русскими сибиряками). Они говорили, что их предками были люди самых разных национальностей.

54 респондента (13,5%) назвали свою вторую национальность, большинство из них назвали украинскую национальность – 19 человек. В целом, наиболее распространенные смешанные браки в Сибири – это русско-украинские браки. 2 человека сказали, что не знают, не могут определиться. Одна девушка не смогла выбрать между казахской и татарской национальностью, поставить какую-то из них на первое место, поэтому сказала, что «наполовину» татарка и казашка. В дальнейшем, когда будут проанализированы все результаты социологических опросов, проведенных в рамках Программы «Этнокультурное многообразие», появится возможность дать полную характеристику этнодемографических процессов в регионах Азиатской России и определить тенденции этих процессов.

Пока можно сказать, что при проведении сравнения важности для респондентов гражданской, региональной и этнической идентичности, большинство респондентов поставили на первое место общероссийскую, гражданскую идентичность – 51,8%. На второе место ее поставили 24,5% опрошенных, на третье место – 23,7% респондентов. При оценке региональной идентичности (уральцы, сибиряки, дальневосточники), на первое место в иерархии своих идентичностей ее поставили 23,7%, на второе – 48,5%, на третье – 27,8%. Наконец, при ранжировании, в отношении этнической идентичности, на первое место ее поставили 22,7%, на второе – 30,5%, на третье – 46,8% респондентов. Таким образом, для большинства респондентов на первом место стоит общероссийская, гражданская идентичность, на втором – региональная (в нашем случае это сибиряки), на третьем месте – этническая идентичность.

Заключение

Регионы азиатской части Российской Федерации имеют сложный этнический состав, нерешенные демографические, социальные и экологические проблемы. В то же время, восточные регионы страны, Сибирь, имеют огромный промышленный потенциал, здесь сосредоточены основные природные богатства России, но социальная сфера развита слабо, качество жизни населения низкое, а климат и условия жизни тяжелые. Огромные расстояния и холод всегда определяли жизнь местных народов. Этнодемографические и, шире – этнические процессы в Сибири, имеют значительную специфику. Изучение этих процессов должно носить комплексный характер: наряду с историческими источниками и статистическими материалами, важную роль играют социологические опросы, интервью, экспертные оценки. Именно с помощью социологических опросов можно изучить один из факторов, оказывающих влияние на этнодемографические процессы, а именно – фактор этнической идентичности. В статье представлены предварительные итоги социологических опросов, посвященных проблемам идентичности в регионах Сибири.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022.

Список литературы

[1] Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски. / Отв. ред. Т.Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН, 2021. 272 с.

УДК 93

Немцы Сибири в 1920-е – 1991 гг.: к вопросу о национальной автономии

Шайдуров Владимир Николаевич
Доктор исторических наук, доцент, заведующий НОЦ исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия.
s-w-n@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1431-1163

АННОТАЦИЯ На рубеже XIX – XX вв. немецкие переселенцы компактно расселились в некоторых районах юга Западной Сибири. В середине 1920-х гг. на разных уровнях обсуждался вопрос образования немецких национальных районов вне Поволжья на территории РСФСР, в том числе в Сибирском крае. Результатом стало образование Октябрьского (Немецкого) района с центром в с. Гальбштадт в 1927 г. Однако нежелание немецкого населения вступать в колхозы и попытка массовой эмиграции на рубеже 1920-1930-х гг. подтолкнуло центральные власти в 1938 г. к его ликвидации. Лишь в 1991 г. на волне растущего автономистского движения и выстраивания новой российской государственностью отношений с ФРГ было принято решение о восстановлении Немецкого национального района.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА советские немцы, национальная автономия, национальный район, Сибирь, автономистское движение, Алтайский край.

Под влиянием экономических причин и благодаря государственной поддержке переселенческому движению на рубеже XIX – XX вв. оформилась новая этнодисперсная общность, которая в дальнейшем получила название «сибирские немцы». Они являлись потомками колонистов, основавших свои поселения в Среднем Поволжье, Причерноморье, на Волыни. По разным подсчетам, к 1917 г. в Сибири проживало от 30 до 50 тыс. Подавляющая масса была сконцентрирована в переселенческих поселках недалеко от Омска, Славгорода и Рубцовска. Накануне Первой мировой войны в Барнаульском уезде Томской губернии преимущественно немецкие поселения были включены в состав Орловской волости, руководство которой было из числа немцев-меннонитов. По сути, это был первый неформальный опыт существования немецкой автономии в Сибири на низовом уровне.

В период Гражданской войны сибирские немцы в силу слабой политизированности и владения русским языком, преобладания клерикально-консервативных настроений старались держаться в стороне от всех противоборствующих сил. Не поддержали они и Колчака, выступив вместе с другими крестьянами Славгородского уезда Алтайской губернии против призыва в Белую армию. В результате подавления атаманом Б.В. Анненковым Славгородско-Чернодольского восстания (28 августа – 11 сентября 1918 г.) погибли и местные немцы [5, с. 166].

Победа в Гражданской войне большевиков предоставила им возможность реализовать свое видение национального строительства и предложить собственный вариант решения пресловутого национального вопроса, который на протяжении длительного времени был камнем преткновения во внутренней политике Российской империи. Вплоть до 1923 г. эта работа была возложена на Наркомнац во главе с И.В. Сталиным. Кроме того, были образованы немецкие секции при ЦК РКП, ЦК РЛКСМ, Наркомпросе. В своей деятельности они ориентировались на решения XII и XIII партийных съездов. Основная деятельность была ориентирована на «укрепление смычки беднейшего и середняцкого немецкого крестьянства с советской властью и партией путем проведения последовательной национальной политики и экономической работы» [1, л. 15]. При этом Центральное бюро немецких секций в 1925 г. признавало многочисленные

недостатки и слабость проводимой работы на местах. Главные причины, например, в Сибири виделись как в нехватке партработников, так и тяжелом экономическом положении края вследствие неурожая [1, л. 16].

В современной литературе присутствует мнение, что «интерес кремлевского руководства к "текущим национальным группам"» был обусловлен массовыми антисоветскими выступлениями, ставшими ответной реакцией на политику коллективизации [4, с. 118]. Однако применительно к советским немцам это утверждение будет не вполне верным. Так, в 1924 г. в разных округах Сибирского края насчитывалось несколько десятков немецких сельских советов. Лишь в Славгородском округе был образован 21 немецкий сельсовет [2 л. 26].

Уже в августе 1925 г. на уровне сельских сходов немцы Славгородского района Омской губернии стали выдвигать предложения об образовании немецкого района. Одними из первых о подобном желании заявили жители пос. Кусак, поддержавшие эту инициативу большинством голосов [6, с. 212]. В течение 1926 г. этот вопрос неоднократно поднимался на собраниях жителей немецких поселков. По их мнению, главную роль в образовании национальной автономии должна была сыграть немецкая секция. Жителями пос. Александровка 9 января 1926 г. было выдвинуто предложение центром новой административно-территориальной единицы сделать пос. Гальбштадт [6, с. 212]. В ходе обсуждения неоднократно звучали высказывания о культурной и экономической пользе национальной автономии.

Инициативу поддержали и местные партийные функционеры. В значительной степени это было связано со стремлением укрепить свои позиции среди немецких крестьян и попытками вытеснить из экономической жизни подавляющего большинства поселков Всесоюзный меннонитский сельскохозяйственный союз в лице его местного отделения. Потребовалось несколько месяцев кропотливой работы советской номенклатуры. Результатом стало принятое 4 июля 1927 г. решение Отдела национальностей ВЦИК об образовании в составе Славгородского округа Сибирского края Немецкого района, который уже в 1928 г. был переименован в Октябрьский [3, л. 7].

Однако национальная автономия районного уровня не сгладила многочисленные противоречия, в том числе и латентные, во взаимоотношениях партноменклатуры и немецкого населения. Попытка массовой эмиграции стала ответной реакцией на начавшуюся коллективизацию советской деревни. Свертывание политики коренизации после 1936 г. вылилось не только в ликвидацию национальных школ, но автономий на уровне сельсоветов и районов. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1938 г. Октябрьский район был ликвидирован, а 21 сентября 1949 г. бывший районный центр с. Гальбштадт его же указом было переименовано в с. Некрасово [6, с. 227].

В конце 1980-х гг. изменившаяся общественно-политическая ситуация способствовала возникновению и развитию немецкого автономистского движения. Активисты «Возрождения» («Wiedergeburt») выступали, в первую очередь, за восстановление немецкой автономии в Поволжье, ликвидированной в августе 1941 г. Однако достичь эту цель они так и не смогли. С 1989 г. на сельских сходах в немецких селах Алтайского края стали звучать призывы к восстановлению Немецкого района. Эта инициатива была поддержана краевыми властями. Правда, для рядовых немцев и номенклатуры национальная автономия имела разное значение. Для первых она должна была способствовать созданию условий для сохранения национальной самобытности, языка, восстановления образования. Чиновники же преследовали в большей степени меркантильные интересы, заявляя об экономической выгоде для региона, рассчитывая на денежный поток из ФРГ.

Надо сказать, что обсуждались разные варианты немецкой автономии в Алтайском крае. Один из них предполагал образование национального автономного округа с центром в г. Славгороде взамен выведенной из его состава в 1990 г. Горно-Алтайской

АО. Это должно было стать компромиссом между властью и лидерами «Возрождения». Но немецкие активисты не стали рассматривать эту альтернативу восстановления Республики немцев Поволжья. Уже 1 июля 1991 г. Указом Верховного Совета РСФСР был восстановлен Немецкий национальный район с административным центром в с. Гальбштадт.

Восстановление национальной административно-территориальной единицы, к сожалению, не привело к снижению эмиграционных настроений у местного населения. По данным отчетов администрации Немецкого национального района, ежегодно около 20 млн марок ФРГ поступало в качестве инвестиций в разные сферы. Основной упор был сделан на развитие жилищно-коммунального сектора, медицины, переработки сельскохозяйственной продукции. Экономический коллапс в российской экономике стал мощным катализатором эмиграционного движения. Подавляющее большинство немцев, проживавших в районе в начале 1990-х гг. выехали в Германию, а их место заняли немецкие переселенцы из Казахстана и других центральноазиатских республик. При этом последние рассматривали Немецкий национальный район исключительно в качестве «трамплина» в Германию. Несмотря на подобное замещение, в демографическом отношении Немецкий национальный район к настоящему моменту выглядит крайне плачевно: с 1991 г. численность населения сократилась почти с 21 тыс. чел. до 15 тыс.

Таким образом, районная национально-территориальная автономия в 1920-1930-х и 1990-е гг. не оправдала надежды сибирских немцев. В оба исторических периода немцы и власть поддерживали идею образования района, но видели по-разному основную цель его существования.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 "Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19-20 вв.".

Список использованных источников и литературы

[1] Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. П-38. Оп. 2. Д. 178.

[2] ГААК. Ф. П-38. Оп. 2. Д. 180.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 1070.

[4] Дённингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.). Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г., 115–125. Москва: Политическая энциклопедия, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

[5] Шайдуров В.Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 155-178. DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339.

[6] Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX – XX вв. Выпуск I: Сборник документов и материалов / Отв. ред. В.Н. Шайдуров, Т.А. Новогродский. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. 272 с.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Николай Фёдорович Катанов – выдающийся российский востоковед (к 160-летию со дня рождения)

УДК94 (5) (093)

Наследие Н.Ф. Катанова: итоги изучения, архивные центры, фонды и материалы

Валеев Рамиль Миргасимович
Доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
valeev200655@mail.ru, https://orsid.org/0000-0002-5316-8187

Валеева Роза Закариевна
Главный библиотекарь, Научная библиотека Томского государственного университета, г. Томск, Россия
valroz@mail.ru, https://orsid.org/0000-0001-6347-0710

АННОТАЦИЯ Изучение историко-культурного и научного наследия российских тюркологов, в том числе профессора Н. Ф. Катанова, является актуальным направлением современных гуманитарных исследований. В 2022 г. отмечается 160-летие со дня рождения известного хакасского ученого-тюрколога, педагога, путешественника и просветителя Н. Ф. Катанова (1862–1922). Его научное и просветительское наследие на современном этапе развития российского государства и общества (особенно тюркского мира) остается востребованным и актуальным. Биография и наследие Катанова позволяют изучать истоки и настоящее развития гуманитарных наук, в частности востоковедения и тюркологии в России и Европе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Россия, Восток, Востоковедение, Тюркология, Центры востоковедения и тюркологии России и Европы, Н. Ф. Катанов.

Российские университеты (Санкт-Петербургский, Казанский и другие) во второй половине XIX – начале XX в. стали ведущими центрами науки и культуры, в частности востоковедения и тюркологии, а также средоточием формирования прогрессивных идей и ценностей парадигмы «Восток – Россия – Запад».

Профессор Н.Ф. Катанов – один из выдающихся национальных ученых, представителей российской науки, образования и культуры XIX–XX вв. Его жизненный путь и наследие отразили важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения и тюркологии. Этапы жизненной биографии и огромное творческое наследие ученого представляются нам интересными, яркими, поучительными и трагическими. Он стал олицетворением единения двух миров в России – европейского и азиатского.

Прошло 100 лет после ухода из жизни крупного хакасского ученого-тюрколога, педагога, путешественника и просветителя Н.Ф. Катанова (1862–1922), а его научное и просветительское наследие остается востребованным и актуальным. Биография и наследие Катанова позволяют изучать истоки и настоящее развития гуманитарных наук, в частности современной тюркологии.

Научные заслуги Н.Ф.Катанова со студенческих лет в Петербурге (1884–1888 гг.), периодов экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892 гг.) и преподавательской работы в Казани (1894–1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья и в целом Евразии. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологической этнографии и фольклористики и тюркского языкознания.

Эти основные жизненные этапы научно-исследовательской деятельности Н.Ф.Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его

вклада в тюркское языкознание и историко-этнографическую мысль России последней четверти XIX – начала XX вв. На протяжении этих лет ученый накапливал огромный обобщающий исторический, этнографический и фольклористический материал, имеющий теоретическое и методическое значение. С первых полевых экспедиций в Сибири (с 1889 г.) началось накопление им достоверных фактических историко-этнографических и культурологических материалов и формирование научно-методических принципов исследования духовного наследия тюркоязычных народов евразийского пространства.

Научная, педагогическая и просветительская деятельность Н. Ф. Катанова – неоспоримое свидетельство академических и научно-просветительских достижений и проблем в отечественной тюркологической науке, развития национальных гуманитарных исследований и научных школ XIX – начала XX в. Феномен его личности и наследия в истории отечественного и зарубежного востоковедения и тюркологии, истории науки и культуры народов России, к великому сожалению, пока недостаточно изучен и мало известен широким кругам научной общественности, особенно молодежи.

Биография и наследие Н.Ф. Катанова представляют академический и особенно научно-просветительский интерес. Его жизнь и труды не следует воспринимать лишь в системе координат истории отечественного и европейского востоковедения. Необходимо принять во внимание широкий общественно-политический и социокультурный контекст развития востоковедения (тюркологии) и российского общества и государства во второй половине XIX – первой четверти XX в.

Фундаментальной историко-научной проблемой современной отечественной истории, и особенно истории тюркологии России, остается неполнота представлений о вкладе ученого, путешественника и просветителя Н.Ф. Катанова в российскую тюркологию, его прогрессивных взглядах на изучение тюркских языков, фольклора и в целом историко-культурного наследия тюркоязычных народов Евразии. История, фольклор, языки тюркских народов Евразии стали призванием и научной судьбой первого хакасского университетского профессора и ученого Николая Федоровича Катанова.

Реализация проекта, посвященного поиску в российских архивных и музейных центрах фондов, собраний и материалов хакасского востоковеда-просветителя, тюрколога, профессора, заведующего кафедрой турецко-татарского языка Казанского университета Н.Ф. Катанова, а также их анализ и систематизация, представляется значимой и актуальной.

К сожалению, даже на современном этапе не сформировался целостный «академический» образ тюрколога, путешественника и просветителя Н.Ф. Катанова. Известный тюрколог В.А. Гордлевский в статье «Памяти Н.Ф. Катанова», напечатанной в журнале «Новый Восток», отмечал, что «русское востоковедение потеряло в нем хорошего знатока современных тюркских языков, который тщательно транскрибировал и интерпретировал тексты. Неотшлифованные камни клал он для здания тюркологии…». Выдающийся тюрколог А.Н. Самойлович в небольшом некрологе «Памяти Н.Ф. Катанова», напечатанном в журнале «Восток», писал: «Хотелось бы надеяться, что давно ожидаемое ученым миром опубликование неизданных лингвистических и этнографических собраний Н.Ф. Катанова будет осуществлено после его смерти, а до издания материалы эти будут сохранены в надежном месте». К сожалению, много ценного в научном плане из наследия востоковеда-тюрколога не было напечатано в 1920-е и последующие десятилетия XX в. Существующие публикации, отдающие дань памяти крупного российского востоковеда, не смогли отразить наиболее существенные результаты его научной деятельности как лингвиста, этнографа, исследователя народного творчества, нумизмата и путешественника.

Продолжающийся проект на основе разнообразной историографической

литературы и оригинальных архивных материалов авторов позволит изучить формирование и развитие личности Н.Ф. Катанова как тюрколога, просветителя и путешественника и крупнейшего представителя университетского востоковедения на рубеже XIX–XX вв. На базе системного поиска и анализа архивных центров, собраний и материалов основное внимание будет уделено научному и просветительскому вкладу ученого в развитие отечественных и европейских тюркологических исследований в сфере языкознания, фольклористики, этнографии, музейного дела в России в 80-е гг. XIX в. – первые два десятилетия XX в.

Исследование представляется авторским коллективом как продолжение академической традиции изучения научной биографии и наследия российского тюрколога, заложенной известными учеными С.Е. Маловым (1880–1957), С. Н. Ивановым (1922–1999) и др. Также позволит системно осветить феномен личности и наследия Н.Ф. Катанова как одного из выдающихся основоположников, стоявших у истоков современных национальных тюркологических школ России XX– нач. XXI вв.

Будет систематизирована современная оценка исследовательской, педагогической, общественной деятельности Н.Ф. Катанова в истории отечественного востоковедения и культуры народов России. На современном этапе планируется издание научной биографии востоковеда-тюрколога, путешественника и просветителя на основе изучения его богатейшего опубликованного и рукописного наследия. В целях восполнения имеющегося в отечественной и зарубежной историографии и биографистике пробела в изучении наследия Н. Ф. Катанова. Авторы в дальнейшем планируют на основе данной работы подготовить издание на английском и турецком языках.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20-09-00385а), РНФ (проект № 22-68-00090) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Список литературы

[1] Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань-Абакан, 2008-2009. 354 с.

[2] Валеев Р.М. Вклад профессора Н.Ф. Катанова в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии//Научный Татарстан. – 2009. № 1. С. 15-36.

[3] Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). Lambert, 2019. 303 с.

[4] Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н.Ф.Катановым» / отв. и науч. ред.: Р.М.Валеев, В.Н.Тугужекова, Д.Е.Мартынов. Введение Р.М.Валеева, Д.Е.Мартынова, Ю.А.Мартыновой и В.Н.Тугужековой. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д.А.Данькиной, Р.М.Валеева, Р.З.Валеевой, Д.Е.Мартынова, Ю.А.Мартыновой, Ф.Г.Миниханова, М.С.Минеевой, В.Н.Тугужековой. Вступ. статьи А.М.Сибагатуллина, И.Г.Смолиной, И.Р.Гафурова. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 734 с.

[5] Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова (К 155-летию со дня рождения) / Сост. Валеев Р.М., Тугужекова В.Н., Чочиева А.С., Ермилова В.В., Рябцева А.М. 2-е изд., доп. Абакан: ООО "Книжное издательство "Бригантина", 2016. 84 с.

УДК 394.9

Труд Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» как источник изучения взаимоотношений населения Тувы с другими народами в период господства Цинской империи

Кужугет Айлана Калиновна
Доктор культурологии, кандидат искусствоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл, Россия.
akumin@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6092-661X

АННОТАЦИЯ Доклад посвящен вопросу взаимоотношений тувинцев с русскими и китайскими торговцами, а также с представителями власти Цинской империи по материалам книги Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» – дневника путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского русского географического общества. Приведены примеры способов обмена товарами, характера конфликтов, высказывания тувинцев о способах обмана торговцами и поведением чиновников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА товарообмен, система налогообложения, отношение к русским и китайским торговцам.

Труд «Очерки Урянхайской земли» Николая Федоровича Катанова – это дневник, написанный в 1889 году во время экспедиции, раскрывающий исследовательский дар великого ученого как замечательного этнографа и историка, искусствоведа. Он собрал чрезвычайно интересную информацию о жизни тувинцев конца XIX века, их духовной и материальной культуре, а также о русских переселенцах в Туве [1].

Основная часть «Очерков» – это этнографические материалы, значительную часть книги составляют тексты песен, сказок, загадок и шаманских текстов, записанных у информантов с сообщениями об их имени, возрасте, принадлежности к роду, в некоторых случаях он указывал и конкретное место постоянного проживания своего собеседника. И третью часть книги, также, крайне существенную, представляют рисунки, скопированные Н.Ф. Катановым с седел, сумок, шапок, орнаменты, схемы проведения богослужения [4].

Целью настоящего доклада является изучение характера взаимоотношений тувинского населения с русскими и китайцами торговцами, а также с представителями власти.

В «Истории Тувы» в томе I, написано: «пребывание Тувы в составе Цинской империи отрицательно сказалось на развитии ее экономики. По существу, был законсервирован сложившийся веками хозяйственный уклад» [2, с. 231]. Важно также отметить, что цинские правители планировали сделать из Тувы своеобразный «Охотничий заповедник» с целью получения пушнины, взимаемой путем налога (албана – прямого налога в виде пушнины)» [Там же], поэтому на территорию допускались исключительно торговцы и представители власти, отслеживавшие порядок сбора дани. Господство Цинской империи заключалось преимущественно в ежегодном сборе дани с местного населения в виде пушнины, по три соболя с семьи.

«Сдача налога регулировалась законами Маньчжурской империи, и за несвоевременную и недостаточную уплату налога следовали суровые наказания и

штрафы» [5, с. 61-62]. Далее А. Самдан отмечает: «Позднее, после проникновения в Туву русского и китайского торгового капитала, уменьшения лова зверей, помимо замены соболя на другие виды пушнины, прямой пушной налог можно было заменить домашним скотом. Но здесь не было принято единой системы мер, что давало возможность сборщикам завышать размеры самих налогов и надбавок к ним, обращая поборы с населения в свою личную пользу» [5, с. 62-63].

За фактологическими текстами историков неизвестными остаются чувства и эмоции местного населения. Трудно представить себе, насколько была тяжела жизнь тувинцев конца XIX века под гнетом маньчжуров, местных феодалов, а также вынужденная финансовая кабала от русских и китайских купцов, дававших товар в кредит под огромный процент.

Как этот процесс происходил в реальности можно проследить по дневниковым записям Н.Ф. Катанова, очевидца этих событий и в этом смысле, кроме уже упомянутых достоинств «Очерков Урянхайской земли», его труд бесценен тем, что никто больше из более, чем пятидесяти путешественников, так скрупулезно не фиксировал характер взаимоотношений тувинцев с торговцами, поскольку этим вопросом они не интересовались, а, возможно, и не могли его изучить из-за незнания в совершенстве тувинского языка.

Н.Ф. Катанов, пробыв в Туве более пяти месяцев, останавливался на 14 факториях русских купцов, их список приведен в одном из писем В.В. Радлову [3, с. 8-9].

Проблемы взаимоотношений тувинцев с русскими и китайскими купцами интересовали Н.Ф. Катанова на протяжении всей экспедиции, сведения по этому вопросу им были записаны в период с 5 апреля по 9 августа (около 10 записей), большей частью от русских купцов, однако, судя по репликам его информантов – тувинцев, информация достаточно достоверная. Не исключено, ввиду постоянного обращения автора к данному вопросу, что это могло быть заданием российских властей члену-сотруднику Императорского Русского Географического Общества. Поскольку лучше всего о жизни населения в то время рассказал Н.Ф. Катанов, позволим далее привести довольно обширные цитаты из его дневника.

Итак, уже в селе Усинском у содержателя дворянской квартиры Г.В. Воробьева, у которого он остановился вместе со своим секретарем И.К. Реполовским, Николай Федорович узнал, что «сойоты [тувинцы – А.К.] вообще стали очень бедны, с одной стороны благодаря русским купцам, которые вместо одной коровы брали 2, вместо одного барана 2 или 3, а с другой стороны – благодаря китайским чиновникам, которые на содержание свое брали у сойотов ежедневно даже до 100 баранов, в счет кормовой платы и в уплату за товары, привозимые ими с собою и распродаваемые сойотам за высокую плату. Так как у сойотов за бедных платят постоянно богатые или все общество, то не мудрено, что богатым сойотам не выгодно стало иметь свой скот, так как рано или поздно у них отнимут скот в уплату русским за товар, взятый бедными. У сойотов 100 бедных приходится на одного богатого. Бедные живут большой частью за счет богатых, так что богатые имеют, например, всегда чай наготове: один сорт - лучший для себя и почетных гостей, а другой - худший (выварки) – для народу. Скот колется чаще ночью, чтобы не собрались бедные и не поели всего мяса; потом, когда заколется животное, мясо его прячется по многим ящикам, но, если придет кто во время закалывания животного, то ему хоть что-либо достанется при общем дележе, так как сойоты весьма гостеприимны и без угощения не отпустят никого». Г. Воробьев далее сообщил о сойотах, что «вследствие бедности, соглашаются единственно за пищу пасти русский скот. Теперь они пасут без строгой ответственности за пропавший скот. Прежде они отвечали за всякую скотину, павшую от болезни, съеденную волками или украденную сойотами, так, что за годового животного платили таким же. Так как сойоты часто не имели скота для уплаты, то по необходимости они оплату откладывали

на год, два или три, обещаясь уплатить соответственно: годовалым, двухгодовалым и прочим. Вследствие отсрочки уплаты соответственным (по мере отсрочки) животным, платеж затруднялся и часто сопровождался отниманием скота у родственников пастуха или у общества. Теперь китайские власти распорядились: пасти русский скот только с условием платежа за кражу или за съедение волками; в случае болезни животного предъявлять его немедленно хозяину. За пасение скота сойоты получают печеного хлеба или молока, которыми прокармливают и себя, и свои семьи» [4, с. 33-35].

Далее информант рассказал, что тувинцы нанимались и на русские прииски только за пропитание и одежду и были благодарны за это, поскольку представители господствующей власти не давали и этого, мало того, они жестоко наказывали за общение с русскими.

П.К. Шишмарев сообщил Н. Катанову, что монгольские начальники «при разъездах по Урянхайской земле берут с собою побольше товаров (так поступают чаще нойон и джурганы [чургаан – китайский чиновник – А.К.] и сдает их кундам (старшинам). Сбор скота осенью делается потому, что скот к этому времени потучнеет и вырастет. Товары сдаются кундам насильно и часто по высокой цене. Так как нойон и джурган во время отправления службы имеют право пользоваться взамен столовых денег баранами, собранными у сойотов, то они набирают баранов несметное количество. Часто вместо баранов они берут уплату за товар коровами и лошадями. Один джурган в 1888 году угнал с собою домой 100 лошадей. Вместо скота, назначаемого нойону или джургану, взамен кормовых денег уплачивается нередко товар, сданный для продажи нойонам или джурганам; так что они всегда получают: 1) двойную плату за товар; 2) двойные кормовые деньги; 3) подарки от богатых. В результате оказывается обогащение представителей государственной власти в Урянхайской земле с одной стороны и обеднение не в меру обираемых сойотов с другой. Не мудрено, что сойоты более питают симпатию к русским, чем к китайцам, так как русский возьмет только вдвое, а китаец гораздо больше: втрое или вчетверо». [4, с. 42-43].

Следующий информант А.П. Сафьянов высказал свое мнение: сойот – народ гостеприимный, несмотря ни на то, что обобран китайскими властями и обирается доныне. Сойоты, несмотря на свою бедность, делятся с гостем всем, что у него есть. Китайские власти города Улясутая рассылают нередко по Урянхайской земле своих подчиненных, которые за ничтожное количество чаю и табаку собирают обильную жатву, состоящую в самых крупных скотинах и лучших лошадях. [4, с. 65-66].

Н.Ф. Катанов записал и мнение тувинцев, что «под властью русских им было-бы гораздо лучше, чем под игом китайцев, которые рано или поздно обчистят их совсем до гола, а потом бросят на произвол судьбы. Сойоты говорят: «Если китайцы считают нас своим народом, то зачем-же им было строить линию монгольских караулов, переезд через которую, нам сойотам, воспрещается под страхом смертной казни?» Стало быть, сойоты спокойно могут переходить через русскую границу, а через караульную линию не могут вовсе. Андрей Павлович рассказывает, что несколько лет тому назад выискался из среды сойотов один смелый старик, который пожелал узнать у Улясутайского военного губернатора поподробнее о сойотах, кому они принадлежат: русским или китайцам, и зачем, если они китайские поданные, им запрещается разъезжать по Китаю? Но этот сойот до Улясутая не добрался, так как на дороге был связан, закован в длинные деревянные колодки и в таком виде препровожден к Дзян-дзюну, который и казнил его согласно китайским правилам, относящимся до неспокойных урянхайцев-тюрков». [4, с. 71].

Николай Федорович писал в дневнике, что власти как тувинские, так и маньчжурские крайне осторожно относились в нему и его общению с тувинцами. В качестве примера он рассказал о случае, когда к нему приехал чалан – старший чиновник сумона Кыргыз и потребовал прочитать ему свои записи, рассказать о цели приезда и сообщить имена

информантов, однако Н. Катанов отказался и сказал, что он татарин с реки Абакан и интересуется тувинскими песнями и сдклал заключение: «Вот как недоверчиво относится китайское начальство ко всяким записям и разъездам по Урянхайской земле русских путешественников! [4, с. 89].

По сообщению И.Е. Маковкина сойоты, живущие близ притоков по Серлику, услышав о китайских чиновниках, едущих для осмотра приисков, находящихся в пределах урянхайских и для осмотра русских торговых заведений, все удалились, и близ приисков не осталось никого, боясь быть застигнутыми врасплох и боясь ударов палками. Сойоты вообще опасаются своего начальства, запрещающего им всякие сношения с русскими. В своем нахальстве урянхайские чиновники доходят до того, что даже собственные русские владения они считают своими, например, местность по реке Юргуни, правому притоку Енисея, и пытаются выжить оттуда русские прииски, принадлежащие Гусеву и Ко.

Китайские товары, раздаваемые чиновниками из Улясутая, продаются по двойной цене, но даже по четверной, с прибавкой в виде премии ударов палками за несвоевременный платеж долгу. [4, с. 130-132].

По рассказам русских торговцев приезд чиновников из Улясутая для урянхайцев равносилен чуме и моровой язве, ибо в том и другом случае нечистые урянхайцы лишаются своих овец и лошадей. Нахальство этих командированных свыше лиц не знает пределов. Это подтверждают все урянхайцы.

Случилось раз, что урянхайцы Ойнарского хошуна подмочили немного товар джургана при переправе через Улу-Кого. Тогда джурган в наказание заставил заплатить за подмочку товара всю его стоимость. Получив уплату, он стал навязывать уже самый товар. Так как товар продается обыкновенно по двойной цене против русской, то джурган получил барыш 400 %. Урянхайцы говорили мне не раз, что китайцы поступят с ними также, как поступили они раньше и с телéками, то есть телеутами, которых они обирали несколько столетий и потом прогнали, когда не стало что брать.

Накануне приезда джургана на заведение русского торговца съезжаются обыкновенно пошко (нарядчики) и зайсаны [чайзан-феодал –А.К.]. и забирают всю пушнину – меха рысьи, лисьи, выдровые, бобровые, беличьи и другие, которые идут на уплату податей. И во время голода, и во время приезда джургана русские торговцы являются настоящими благодетелями для урянхайцев, потому что в первом случае урянхайцы за небольшую (легкую) работу получают пищу и питье, а во втором случае получают в изобилии необходимые для уплаты албана (подати) меха. Если нет мехов, то сборщики податей (тарга) и начальники хошунов, и зайсаны – все собирают подати скотом, но в значительно большем количестве, так что вместо настоящей подати урянхайцы платят четверную и даже шестерную...Надо только удивляться, как урянхайцы, нещадно обираемые, не падают еще духом! [4, с. 152-153].

Судя по высказываниям Н.Ф. Катанова, тувинцы тепло относились к русским торговцам, во всяком случае, они намного человечнее относились к беднейшему населению Тувы по сравнению с китайскими купцами. Однако это мнение сформировалось не сразу и в сравнении с поведением китайцев. От известного торговца Леонтия Ивановича Бякова он записал, что, «когда русские лет 20-25 тому назад приехали сюда впервые, урянхайцы являлись толпами и вооруженные каждый палкою или стягом, нападали на приезжих и били их». [4, с. 155].

Таким образом, книга Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» является по сути единственной, достаточно полной энциклопедией жизни тувинцев в период господства Цинской империи. Она раскрывает сложный характер взаимоотношений их с русскими и китайскими торговцами, представителями власти, а также суть

системы налогообложения в то время и мнения о ней самого местного населения. Трудно представить историю Тувы в период господства Цинской империи без этого замечательного труда выдающегося ученого Н.Ф. Катанова, его вклад бесценен!

Список литературы

[1] Вайнштейн С.И. Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып.IV. М.,1968. С.31-44.

[2] История Тувы. Кызыл: ОАО «ТЫВАПОЛИГРАФ», Том I. 2014. 368 с.

[3] Катанов Н.Ф. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана: Прилож. К 73-му т. Записок Имп. Академии наук, № 8. СПб., 1893.

[4] Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли. Кызыл, 2011. 383 с.

[5] Самдан А.А. Тувинские монголоязычные летописи. Абакан, 2016. 185 с.

УДК 94(510.4)

Два синьцзянских путешествия Н.Ф. Катанова (по материалам неопубликованных дневников)

Мартынов Дмитрий Евгеньевич
Доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.
dmitrymartynov80@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-5385-1915

Мартынова Юлия Александровна
Кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия
juliemartynova82@gmail.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию дневников первого хакасского ученого Н.Ф. Катанова (1862–1922). Важнейшим научным предприятием Катанова являлась комплексная тюркологическая экспедиция «для исследования остатков тюркских племён» на территории Южной Сибири, Тувы, Семиречья и Восточного Туркестана в 1889–1892 гг. Экспедиция совершалась Катановым в одиночку на минимальные средства под патронатом Императорского Русского географического общества и Санкт-Петербургского университета. Результаты её были двойственными: если огромный массив данных фольклорного и лингвистического характера был оперативно опубликован и превратил Катанова в тюрколога-универсала мирового уровня, то событийная сторона путешествия и собранные в Синьцзяне материалы очень неравномерно представлены в историографии. При жизни Н. Катанова был опубликован дневник поездки к карагасам (тофаларам) в Минусинской тайге зимой 1889 г. Полностью подготовленные к публикации дневники путешествия в Туву и Синьцзян были опубликованы только в XXI в. (в 2010 и 2017 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА тюркология, востоковедение, Н.Ф. Катанов, Русское Географическое общество, Восточный Туркестан, Синьцзян.

Введение в научный оборот именно дневникового наследия Н.Ф. Катанова представляется значимым по ряду факторов [4]. В 1907 г. В.В. Радловым в серии «Образцы народной литературы тюркских племён» были опубликованы в комплексе хакасские и тувинские фольклорные материалы, объём которых кажется невероятным: 1122 песни, 160 загадок, 15 сказок, 35 мифов. Эти материалы в извлечениях и разных комбинациях неоднократно издавались и переиздавались, начиная с 1963 г., причем А.В. Преловский в 2003 г. даже выпустил ряд поэтических переложений подстрочников, зафиксированных Н.Ф. Катановым [5]. Однако непреходящей ценностью должен считаться именно первоисточник – фиксация фольклора и языка в контексте и живой среде. Дневники Н.Ф. Катанова являются огромной комплексной энциклопедией многих тюркских народов – в первую очередь хакасов, тувинцев, уйгуров, казахов, киргизах, и проч.

Экспедиция, вероятно, имела и политический подтекст. Почти одновременно на территории Синьцзяна действовали М.В. Певцов и братья Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, причем маршруты последних проходили почти по тому же пути, что и у Катанова. О значимости миссии Катанова для властей свидетельствует и история с получением разрешения на проезд до оазисов Турфана и Хами. Когда начальник округа Тарбагатай не пропустил ученого далее Урумчи и потребовал специальный паспорт из Пекина, в его получении и доставке участвовали генеральные консулы Российской империи в Чугучаке и Урге – братья М.П. и Я.П. Шишмаревы, а позднее и российский МИД.

Не исключено, что выпускник Санкт-Петербургского университета Н.Ф. Катанов исполнял определенные разведывательные поручения, связанные с оценкой настроений местных жителей и их отношения к российским и цинским властям, выяснением

численности российских подданных в Китае, определением проездных путей и экономической конъюнктуры в регионе.

Первая часть научной командировки Н.Ф. Катанова выглядела следующим образом: 19 января 1889 г., отправившись из Петербурга, учёный прибыл в Красноярск, откуда последовал в Минусинск и своё родное село Аскиз. 7 марта 1889 г. из Минусинска он отправился в Туву, бывшую тогда частью Цинской империи, где пробыл до 27 августа. Подытоживая результаты своего путешествия, он с гордостью писал В.В. Радлову, что проделал более 700 вёрст пути, совершив 14 станций для сбора материалов. До декабря 1889 г. он обрабатывал тувинские материалы, параллельно занимаясь сбором фольклорной информации у соотечественников [6, с. 7-8, 18]. 28 января 1890 г. Н.Ф. Катанов отправился из Минусинска в Восточные Саяны: основной его путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении Нижнеудинска [6, с. 26]. Уже 18 февраля он сообщал В.В. Радлову, что успел выяснить названия карагасских кланов («костей»-сеоков), названия рек и речек, предания, зафиксировал ритуалы рождения, свадьбы и похорон, обряды посвящения коней и оленей духам воды и гор, шаманские практики [Там же]. Работа Н.Ф. Катанова чрезвычайно облегчалась его полиглотством: владея в совершенстве множеством тюркских языков, он легко осваивался в новых местах и не вызывал подозрений ни у местных жителей, ни у представителей властей.

Сводная хроника путешествия Катанова, суммирующая маршруты его передвижения, тематику исследований, окружение и состав информантов, позволяет также оценить методы работы, применявшиеся в этнографических экспедициях XIX в.

Разработку научной программы и инструкции для Катанова осуществлял известный тюрколог профессор И.Н. Березин. Программа была утверждена на заседании Факультета восточных языков 28 января 1889 г. [3, с. 730], а ее машинописный текст, сохранившийся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, датирован 16 января (в это время Катанов уже находился в пути).

В «Инструкции кандидату Катанову» на первое место выносится исследование уйгурских наречий и предписано продолжать научное направление, начатое Чоканом Валихановым. Важнейшим рекомендованным методом признается сравнительно-исторический, поэтому в инструкции предписано изучать древние памятники и сопоставлять их язык с современными разговорными формами, и особое внимание уделять фонетике [3, с. 732].

Следующим по важности пунктом следует «народная литература: сказания, песни, пословицы, и пр.» Европейская наука того времени не располагала сведениями об уйгурском фольклоре, поэтому в инструкции проводятся аналогии с азербайджанским и киргизским эпосом, и утверждается, что и в отношении Восточного Туркестана «не следует терять надежды» [3, с. 731].

Весьма примечательна следующая сентенция: «Мусульманское миросозерцание едва ли успело развиться у восточных турок, но, тем не менее, следует отличать верования и предания языческие от новых мусульманских» [3, с. 732].

Наконец, «при посещении малоизвестных стран» рекомендовалось «обратить внимание на торговые пути и предметы торговли» [Там же].

Фактические результаты путешествия вышли далеко за указанные в инструкции пределы, поскольку включали огромный объем исследований в области языка и культуры тувинцев, сойотов и хакасских племен.

Дневник поездки к карагасам (тофаларам) имеет обычную для Н.Ф. Катанова форму, совмещающую собственно ежедневные записи, научный отчёт и расходную книжку. Сообщаемая информация всякий раз сопровождается ссылками на информантов, которые имели самый разный статус («писарь Уярской почтовой станции» или «поляк Чопковский, сосланный из Седлецкой губернии за восстание») [2, с. 3]. Отсутствие языкового барьера было особо отмечено автором: «благодаря… знанию урянхайского наречия, я в два дня настолько освоился с особенностями карагасского наречия, что на третий день уже вести точные лингвистические записи на карагасском наречии без

переводчика» [2, с. I]. Со своими информантами, как обычно, Н.Ф. Катанов расплачивался. В частности, для работы в среде карагасов были закуплены кирпичный чай, махорка, и проч. [Там же].

Одной из важнейших целей, поставленных перед Н.Ф. Катановым, было выяснение динамики рождаемости и смертности тюркских народов Восточной Сибири. В этой связи примечательно, что при редактировании дневника (он датирован 1 мая) Н.Ф. Катанов не стал убирать из предисловия данные, которые он опроверг в полевых условиях: «По собранным нами частным и официальным сведения, оба племени, к которым мы совершили поездку, надо отнести к вымирающим племенам Сибири» [2, с. I]. По результатам поездки в Саяны, были получены весьма подробные и многообразные сведения. 26 марта 1890 г. в дневнике был записан категорический вывод: «… цифры не показывают вымирания, так как татары (т.е. хакасы – Д.М., Ю.М.) перечисляются часто в крестьянское сословие. Из таких перечислившихся инородцев образовалось много деревень по всей губернии» [2, с. 95].

Последующие дневниковые записи оформлялись автором как непосредственное продолжение предыдущих: «окончив переписку и отправку в С.-Петербург материалов, собранных во время путешествия к тюркскому племени карагасов, я отправился… вверх по реке Абакану, чтобы продолжить исследования качинского, сагайского и бельтирского начерий» [3, с. 35]. Уже в письме Радлову от 18 февраля Катанов сообщал, что успел выяснить названия карагасских кланов («костей»-сеоков), названия рек и речек, предания, зафиксировал ритуалы рождения, свадьбы и похорон, обряды посвящения коней и оленей духам воды и гор, некоторые шаманские практики [6, с. 26]. Отсутствие языкового барьера было особо отмечено ученым: «Благодаря… знанию урянхайского наречия, я в два дня настолько освоился с особенностями карагасского наречия, что на третий день уже мог вести точные лингвистические записи на карагасском наречии без переводчика» [2, с. I].

Дневниковые записи Катанова, сделанные весной 1890 г., непосредственно продолжают тувинскую и карагасскую рукописи: «окончив переписку и отправку в С.-Петербург материалов, собранных во время путешествия к тюркскому племени карагасов, я отправился… вверх по реке Абакану, чтобы продолжить исследования качинского, сагайского и бельтирского наречий» [3, с. 35].

Период между 5 ноября 1890 г., которым датирован дневник первой поездки в Урумчи, и 22 декабря 1892 г., когда Катанов вернулся в Санкт- Петербург, документирован крайне неравномерно. В Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) сохранилось два объемных архивных дела. Первое из них содержит обработанный дневник пребывания в Чугучаке между 15 мая и 21 августа 1891 г. (окончательно датирован 23 сентября 1892 г.)/ Дневник путешествия в Хамийский и Турфанский оазисы по ряду жизненных обстоятельств Катанова никогда не был обработан, и представляет собой набор самодельных тетрадок, исписанных в полевых условиях, преимущественно карандашом (очень редко – чернилами). Часть материалов утрачена: каждая тетрадка обозначена как «дневник №», причем нумерация начинается с 15-го, событийно – это путь из Хами в Турфан.

1891 г. можно условно обозначить как «стационарный»: проживая в Бахтах и Чугучаке в ожидании паспорта для проезда по Синьцзяну, Катанов сосредоточился на работе с информантами, «собирал фольклор киргизов, узбеков, сартов и окиргизившихся сартов». Результаты были не менее значительны, чем во время поездки в Урянхайский край: «Сказок китайских сартов – 24, толкований снов китайских сартов – 33; поверий киргизских (т.е. казахских) – 6, пословиц – 387, песен в четверостишиях – киргизских 158, узбекских – 35, китайских сартов – 134», и т.д. [4, с. 1504].

Несмотря на трудность расшифровки текста полевых дневников Катанова (карандашные записи расплылись, некоторые стёрлись), они позволяют существенно дополнить информацию, помещенную в «Письмах из Сибири и Восточного Туркестана». Например, в опубликованных книгах и статьях ни словом не упоминается о том,

что исследователь фиксировал погодные явления, но в 1890 г. наблюдения были сугубо визуальными, поскольку у Катанова не было ни термометра, ни барометра, ни анемометра. В дневнике № 17, в записи от 13 марта 1892 г., впервые упоминается термометр Реомюра, показания которого неукоснительно записывались. Записи температуры интересны в связи с переездами по пустыне и в Турфанскую впадину: они зафиксировали сильнейшие перепады дневных температур, которые зависели также от состояния облачности и высоты местности над уровнем моря.В Хамийский оазис Катанов прибыл только 1 января 1892 г. После Урумчи исследователь двигался через Гучэн, горные хребты и урочище Янцзи. В пути его сопровождал проверенный проводник Юнус и нанятый в Урумчи дунганин Дауд[6, с. 68-70]. В письмах Радлову Катанов отмечал, что его работе в Хами не мешал языковый барьер, поскольку за полгода жизни в Чугучаке он овладел местным (логучэнским) диалектом уйгурского языка, который был близок хамийскому [6, с. 73].

Закончив исследования в Хамийском и Турфанском оазисах, Катанов 3 мая перебрался в Кульджу (Или) к российскому консулу В.М. Успенским. Любезность консула была так велика, что исследователя поселили непосредственно в дипломатической миссии[6, с. 76].

Научное путешествие Н.Ф. Катановане сло черты классических академических экспедиций XVIII – XIXвв. Непосредственный исполнитель научной программы не участвовал в её разработке. Стандартной для эпохи была и основная цель: проверка утверждения о вымирании «отсталых» народов на периферии империи. Вместе с тем эта экспедиция стала глубоко новаторской: фактически она осуществлялась силами энтузиаста-одиночки, который, происходя из коренных народов, имел уникальные для европейской науки того времени возможности проникновения через этнокультурные барьеры. Результаты экспедиции не были своевременно опубликованы, и осознание важности пласта традиционной культуры, зафиксированного Н.Ф. Катановым, наступило более чем столетие спустя после совершенного им беспримерного научного подвига.

Список литературы

[1] Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии / Науч. и отв. ред.: Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. Казань-Абакан: Алма-Лит, 2009. 354 с.

[2] Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. 1891. Т. XVI, Вып.2.: Отд. оттиск. 96 с.

[3] Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н. Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Введение Р.М. Валеева, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой и В.Н. Тугужековой. Подг. к изд., сост., комментарии, указатели Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Вступ. статьи А.М. Сибагатуллина, И.Г. Смолиной, И.Р. Гафурова. Казань: Артефакт, 2017. 734 с.

[4] Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Методы полевой работы в дневниковом наследии востоковедов последней трети XIX в. (на материале Н.Н. Миклухо-Маклая и Н.Ф. Катанова) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 6. С. 1495-1509.

[5] Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н. Ф. Катанова / Сост., переводы, стихотв. перелож, лит. обраб., заключит статья и коммент. А.В. Преловского. В 2 т. М., 2003. 576, 624 с.

[6] Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Пред. Радлова В.В. // Записки Имп. Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII. С. 1-114.

УДК 930.253

Стамбульское научное наследие Николая Фёдоровича Катанова

Сазак Гёзде
Институт Тюркологических Исследований Стамбульского университета, г. Стамбул, Турция.
https://orcid.org/0000-0002-4845-2300, gozde.sazak@istanbul.edu.tr

Иналджик Гульджан
Доктор, лектор, Институт Иностранных Языков Университет «Бейкент», г. Стамбул, Турция.
inalcikgulcan@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3577-6338

АННОТАЦИЯ Николай Фёдорович Катанов (1862-1922), выдающийся тюрколог, занимавшийся многочисленными исследованиями в различных областях, связанных с географией распространения тюркских языков и тюркских народов Сибири. Катанов занял важное место в русской тюркологии, благодаря своей целеустремлённости, владению русскими и иностранными источниками и умению распознавать их ценность. Педагогические деятельности и музейное дело – это важнейшие аспекты его научной деятельности. Его величайшей заслугой перед тюркологией и тюркским миром стала подаренная им Турции уникальная библиотека, состоящая из тысяч томов книг. Коллекция Катанова, которая какое-то время хранилась в библиотеке Сулеймание, в настоящее время доступна исследователям Института Тюркологических Исследований Стамбульского Университета. В нашем исследовании будет описан процесс приобретения библиотеки Катанова и её текущее состояние.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Николай Фёдорович Катанов, библиотека Катанова, Стамбульский Университет, тюркология, тюркский мир.

Николай Фёдорович Катанов, специалист по сбору фольклорного материала и классификации различных тюркских диалектов, оставил после себя великое научное наследие в виде огромного количества рукописей, печатных работ и этнографических материалов. Еще при жизни он передал свою коллекцию, состоящую из важных этнографических материалов, добытых им во время экспедиций в различные регионы, поездок по местным музеям и учреждениям России и Сибири. Письменное наследие Н.Ф. Катанова объёмом порядка 15 000 страниц в настоящее время хранится в различных архивах Российской Федерации [8, с. 29]. Часть рукописных материалов Катанова была продана в различные учреждения и частным лицам его женой Александрой Катановой, которая после смерти учёного испытывала финансовые трудности [4, с. 144]. Важная часть наследия Катанова, состоящая из печатных работ, в настоящее время также хранится в Институте Тюркологических Исследований Стамбульского Университета (İÜ TAE) в Турции.

После провозглашения Турецкой республики İÜ TAE был создан под названием «Институт Тюркологии» 12 ноября 1924 года по приказу Мустафы Кемаля Ататюрка как центр науки и культуры, входящий в состав филологического факультета Дарюльфюнуна в Стамбуле. Это первый институт, созданный в Турции [19]. Целью института является проведение исследований и создание научных работ во всех областях, связанных с тюркологией (язык, история, культура, литература, этнография, археология). В соответствии со статьёй 7 Приказа «Об учреждении института» от 12 ноября 1924 г., в институте была создана специальная библиотека тюркологии, и было решено собирать издания, связанные с турецкой культурой [14, с. 3]. Под руководством ординарного профессора Мехмета Фуата Кёпрюлю (1890-1966) была заложена основа для библиотеки Института тюркологии посредством покупки библиотеки Катанова.

Катанов начал создавать свою библиотеку ещё во время учёбы в Красноярской Классической Гимназии (1876-1884). Во времена обучения в Петербургском университете (1884-1888) и преподавания в Императорском Казанском университете (1894-1914) он продолжал её пополнять. В особенности в период с 1889 по 1892 год он обогатил свою книжную коллекцию редкими и уникальными произведениями, которые он обнаружил во время своей первой научной экспедиции в Сибирь, Северную Монголию, Джунгарию и Восточный Туркестан [12, с. 77]. Но политические и социальные события, происходившие в России в начале XX века, экономические проблемы, голоди нищета в стране, глубоко затронули Катанова и его семью. Кроме того, хоть он и приехал в Казань с большими надеждами, многие ученые Императорского Казанского университета отвергли Катанова как «инородца» и не оценили его работу. Все эти события ослабили дух ученого [15, с. 376-379]. Именно в этот период Катанову пришлось продать свою библиотеку. Историк Зеки Велиди Тоган, близкий друг Катанова, объяснил ещё одну причину продажи книг Катанова в своей книге «Воспоминания»:

Жена профессора Катанова была врагом книг и библиотек. Она сказала мужу: «Либо я, либо твоя библиотека». В то время не было пылесосов, поэтому уборка пыли для женщин, особенно протирание книг, была очень утомительным занятием. По этой и другим причинам они не могли прийти к компромиссу. Из-за этой дамы, матери его ребёнка, профессор Катанов решил продать библиотеку [18, с. 121].

В проводимых литературоведческих исследованиях высказываются различные точки зрения о том, кто купил библиотеку Катанова, когда она была привезена в Турцию, и сколько книг было привезено. Как правило, приводится версия, что библиотека могла быть продана Турции по одному или по два экземпляра в разные годы, например, в 1912, 1914, 1920 и 1922 годах. Среди людей, купивших библиотеку, упоминаются имена Хусейна Хильми-паши, Тевфик-паши и Саида Халим-паши, занимавших высокие государственные посты в последний период существования Османской империи. По нашему мнению, помимо Хусейна Хильми-паши, многие другие османские государственные деятели и турецкие учёные так или иначе способствовали приобретению библиотеки Катанова и привозу её в Турцию.

Близкий друг Катанова, профессор Н. В. Никольский, подробно описал процесс продажи библиотеки в своих воспоминаниях. По словам учёного, Катанов сначала сделал предложение Российской Академии Наук о покупке его библиотеки, но получил отрицательный ответ. Позже он обратился в Иркутское генерал-губернаторство, на факультет восточных языков Иркутского университета, и снова предложение было встречено отрицательным ответом. В этой связи он сделал предложение Ташкентскому университету Туркестанского генерал-губернаторства, где также получил отказ. Таким образом, понимая, что он не может продать свои книги в официальные учреждения, Катанов вышел на известных книгоиздателей в Лейпциге. Однако книготорговцы тоже не захотели покупать книги. В это время великий визирь того времени Хусейн Хильми-паша, приехавший в Казань со своими помощниками, узнал, что библиотека выставлена на продажу. Когда Паша понял, что они очень ценны, он купил некоторые книги от имени османского правительства [13, см. с. 17-18].

Слова российского писателя-исследователя Ирины Коковой также совпадают со словами Никольского. Но И. Кокова утверждала, что Катанов продал свою богатую библиотеку книг о Востоке и рукописей на 22 языках, а это около 9000 томов, Хусейну Хильми-паше в 1912 году:

В 1912 году Катанов продаёт свою богатейшую библиотеку из восточных книг и рукописей на 22 языках, насчитывающую около 9 тысяч томов, турецкому премьер-министру Хильми-паше.Обстоятельства продажи подробно описаны в воспоминаниях профессора Н. В. Никольского [9, с. 111].

Кандидат педагогических наук Зоя Матпыылаевна Монгуш, с другой стороны,

сообщила, что библиотека была куплена великим визирем Османской империи Хусейном Хильми-пашой в 1914 году. По словам Монгуш, Хусейн Хильми-паша увидел, что библиотека выставлена на продажу в одной из частных газет Казани в 1914 году. Паша, не раздумывая, купил эту библиотеку за 3000 золотых лир и отправил в Стамбул в пяти больших кожаных сундуках. Помимо этой информации, во второй сноске, данной Севимом Хаджиоглу, переводчиком статьи, было указано, что под именем Хусейна Хильми-паша, вероятно, упоминается (египтянин) Саид Халим-паша [11, с. 446]. На наш взгляд, это утверждение переводчика верно, потому что Хусейн Хильми-паша не был великим визирем на момент покупки библиотеки (май 1914 г.). Паша был великим визирем дважды в разные периоды в 1908 и 1909 годах. В 1912 году он был назначен послом Османской империи в Вене. Он работал в Вене до конца жизни и скончался там же[3, с. 550-551]. Монгуш также писала, что годом продажи, указанным И. Коковой, был 1912, но отметила, что, поскольку в библиотеке имелись подарочные книги, подписанные на имя Катанова в 1913-1914 годах, то в 1912 году владельцем книг всё ещё оставался он сам [11, с. 447].

Академик Исмаил Гюлеч, в свою очередь, заявил, что первая часть книг Катанова могла быть куплена в 1912 году, а вторая часть – в 1922 году. Он писал, что Катанов собирал эти книги для создаваемой в Азербайджанской Турецкой Республике Академии наук. Кроме того, Гюлеч заявил, что человеком, который был великим визирем в 1914 году, был Саид Халим-паша и что имя Хусейна Хильми-паша в книге Коковой необходимо исправить. Позже он утверждал, что человеком, купившим библиотеку, мог быть Тевфик-паша[6, см. с. 4-5].

Осман Фикри Серткайя, который какое-то время был директором IÜ TAE, заявил, что библиотека Катанова была куплена Тевфиком-пашой, последним великим визирем Османской Империи:

7356 книг Николая Федоровича Катанова, составляющих основу библиотеки Института тюркологии, были куплены Тевфик-пашой, последним великим визирем Османской империи, за три месяца до начала Первой мировой войны за 3000 золотых монет и отправлены в Турцию [16, с. VII-VIII].

В то же время тюрколог Хасан Эрен заявил, что библиотека Катанова была куплена в 1920 году [5, с. 187].

Очевидно, что в упомянутых исследованиях сведения о том, когда и кем была куплена и привезена в Турцию библиотека Катанова, весьма расплывчаты.

В начале XX века Османская империя отправила в Россию видных турецких государственных деятелей для пристального наблюдения за жизнью мусульман, проживающих в Российской империи. Эти поездки во многом связаны со стремлением Османской империи понаблюдать за жизнью мусульман, проживающих в России, и внимательно изучить общественную жизнь народа. С этой целью в Россию и центральные регионы были отправлены видные государственные деятели, бывший великий визирь Хусейн Хильми-паша в 1910 году, писатель и журналист Джелал Нури Илери в 1912 году и глава Кадастрового управления Махмут Эсад Эфенди в 1913 году [17, см. с. 151].

Мы полагаем, что поездки Хусейна Хильми-паши и Махмута Эсада Эфенди в Россию сыграли важную роль в привозе библиотеки Катанова в Турцию. По нашему мнению, Хусейн Хильми-паша — не один из тех, кто купил библиотеку Катанова, а один из тех, кто инициировал эту покупку.

Хусейн Хильми-паша отправился с неофициальным визитом в Россию в 1910 году. Подробности поездки в Россию Хусейна Хильми-паши, побывавшего после Петербурга и Москвы также и в Казани, были опубликованы под названием «Турецкий след в архиве Татарстана». Ответственными за сопровождение Хусейна Хильми-паши во время его визита в Казань были член Временного комитета по делам печати в Казани Н.И. Ашмарин и Катанов. Ашмарин и Катанов были рядом с Хусейном Хильми-пашой в

течение трёх дней, куда бы он ни желал направиться. Ашмарину и Катанову поручили сопровождать Пашу и объяснять археологические, культурные и этнографические особенности города. В частности, Катанову поручили внимательно следить за пашой в качестве жандармского административного переводчика. Во время трёхдневной поездки Катанов всегда был с Хусейном Хильми-пашой и вел его. Таким образом, знакомство Хусейна Хильми-паши и Катанова датируется 1910 годом [17, см. с. 152-161].

Профессор Института востоковедения РАН доктор филологических наук Альфина Сибгатуллина, с другой стороны, заявила, что юрист и писатель Махмуд Эсад Эфенди (1857-1917) также способствовал покупке библиотеки Катанова и привез ее в Стамбул, и что Зеки Велиди Тоган сыграл важную роль:

Махмуд Эсад-эфенди был одним из инициаторов приобретения Турцией известной библиотеки Н. Ф. Катанова из Казани. В целях пополнения научной библиотеки вновь организованного археологического общества в Стамбуле русскими книгами Министерство вакуфов командировало в мае 1914 г. в Россию своих чиновников. Сначала а Казани они оформили покупку библиотеки недавно умершего профессора Катанова, затем поехали в Москву и Петербург, где также приобрели много книг, большей частью со склада Императорской академии. Посредником комиссии при покупке книг являлся известный историк повольских мусульман А.З. Валидов [17, с. 186-187].

Историк Халил Иналджик также заявил, что Тоган сыграл важную роль в продаже библиотеки Стамбулу:

Зеки Велиди выступил посредником при продаже библиотеки Катанова в Стамбуле. Эта ценная библиотека, приобретенная Управлением фондов, станет основой Института Тюркологии Ф. Кёпрюлю (основан в 1924 г.) [7, с. 21].

Процесс приобретения библиотеки Тоган подробно описал в своих мемуарах. По воспоминаниям Тогана, Катанов попросил его купить библиотеку. Тоган также писал в газете «Вакыт», что библиотека Катанова выставлена на продажу, и рекомендовал приобрести эту библиотеку в таких городах, как Казань и Оренбург, для создания научного центра, ориентированного на мусульман. Однако Тоган, который не смог добиться этого, обратился в Стамбул к Юсуфу Акчуру, автору журнала «Тюрк Юрду». Юсуф Акчура передал эту информацию Министерству фондов Турции. После этого служащий министерства Наиль Решит-бей и инженер-полковник Омер Теригюль отправились в Казань, чтобы встретиться с Тоганом. Эту библиотеку Тоган, в свою очередь, купил для Турции за 8000 российских рублей. Кроме того, для восполнения недостающих экземпляров библиотеки Катанова Тоган собрал в Петербурге книги о Востоке из различных академий и институтов, купил ещё книг на 7000 российских рублей и перед началом Первой мировой войны отправил библиотеку в Стамбул в сундуках [18, с. 121].

Имеются также некоторые сведения о том, где впервые была размещена библиотека, когда её привезли в Турцию. Относительно места первоначального местонахождения, сообщается: «Библиотека Катанова, некогда купленная и размещённая в отдаленном уголке Стамбула Султан Селим [1, с. 289]» и «библиотеку разместили в специально построенном здании на набережной Золотого Рога»[10, с. 134]. Это место является зданием Медресетю'л-Мутехассисин(Medresetü'l-mütehassisin) в Султане Селиме [2, с. 302]. В нём в 1914-1918 годах также находилась библиотека Катанова. В 1918 году библиотека была передана Публичной библиотеке Сулеймание. Муса Акъегетзаде (1864-1923), один из крымских эмигрантов, был директором Публичной библиотеки Сулеймание в 1918-1923 гг. М. Акъегетзаде — брат жены инженера-полковника Омер Бея, который привёз библиотеку в Турцию. Акъегетзаде начал подготовку каталога Катановской библиотеки, сформировав в Стамбуле в 1918-1923 годах команду из татарских студентов. Но он умер в 1923 году, не успев завершить эту работу [10, с. 134].

Подводя итог, можно сказать, что покупка библиотеки Катанова и её привоз в Турцию

произошли в 1914 году во время правления османского великого визиря Саид Халим-паши, благодаря усилиям Хусейна Хильми-паши и Махмуда Эсада Эфенди с помощью Зеки Велиди Тогана и Юсуфа Акчуры. Большая часть библиотеки была отправлена в 1914 году. По словам Кемаля Явуза, который некоторое время был директором İÜ TAE, в 1922 году жена Катанова продала институту ещё три тысячи пятьсот томов книг:

В 1914 году, в связи с тяжелым материальным положением, ученый продал турецкой стороне часть своих книг в количестве 3500 экземпляров, которые по крупицам собирал всю жизнь. Затем в 1922 году жена Н.Ф. Катанова продала институту еще 3500 экземпляров [20].

Библиотека Катанова много раз переезжала с тех пор, как ее привезли в Турцию. Библиотека в основном располагалась в Медресетю'л-Мутехассисин(1914-1918), затем она хранилась в Публичной Библиотеке Сулеймание (1918-1924). В 1924 г., с учреждением İÜ TAE, библиотека была передана институту. Затем, когда в 1948 году институт переехал в медресе Сейид Хасан-паши за хамамом Беязит, библиотека была перемещена. С 1989 года хранится в отдельном выделенном институту большом помещении на втором этаже пятиэтажного дома напротив парка Фатих на проспекте Хорхор. С 2021 года, с переездом института, библиотека Катанова снова была передана медресе Сейид Хасан-паши.

Библиотека Катанова и сегодня продолжает называться по имени её владельца. В неё вошли рукописи, редкие, возможно, единственные экземпляры с точки зрения тюркского языка, религии, истории, этнографии, литературы, культуры и общественной жизни, а также печатные книги ведущих востоковедов и тюркологов того периода, периодические издания и журнальные сборники различных научных обществ. Сотрудники библиотеки подготовили письменный и электронный каталог библиотеки. Большинство книг были изданы на русском языке различными издательствами России и Казани. Кроме того, в библиотеке имеются произведения, написанные и изданные Катановым, статьи и книги, подписанные от имени самого Катанова. Некоторые из путевых отчётов и работ Катанова в области истории, этнографии, культуры и биографии в библиотеке следуют в порядке номеров по каталогу:

K 744	Гадания у Жителей Восточного Туркестана, Говорящий на Та-тарском Языке, СПБ., Тип. Импер. Акад. Наук, 1893. 8 с.
K 1965	Императорского Казанского Университета Почетный Член, Профессор и Библиотекарь Иосиф Феодорович Готвальд, Ка-зань, Типо-лит. Импер. Унив., 1900. 240 с.
K 2031	Предания Присаянских Племен о Прежних Делах и Людях, За-писки Импер. Русс. Геог. Общ., Том XXXIV, СПБ., Тип. В.Ф. Киршбаума, 1909. с. 265-288.
K 2042	О Погребальных Обрядах у Тюркских Племен Центральной и Восточной Азии, Казань, Типо-лит. Импер. Унив., 1894. 34 с.
K 2382	Отчёт О Поездке, Совершенной Летом 1898-го Года по Поруче-нию Историко-Филологического Факультета Императорского Казанского Университета в Уфимскую Губернию, Казань, Типо-лит. Импер. Унив., 1900. 121 с.
K 2447	Поездка к Карагасам в 1890 году, СПБ, 1891. 96 с.

K 2447	Среди Тюркских Племен, Известия Русс. Геог. Общ., Том XXIX, СПБ., Тип. А. С. Суворина, 1893. 23 с. (s. 519-541.)
K 2902	Отчёт о Поездке, Совершенной с 1 Июня 1897 Года по 20 Авгу-ста Того-же Года в Белебеевский и Мензелинский Уезды Уфим-ской Губернии, Казань, Типо-лит. Импер. Унив., 1898. 39 с.
K 3749	Библиография. Souvenirs d'une actrice. Memoires de Louise Fusil (1774-1848) avec une preface et des notes par Paul Ginisty. Paris, 1904, Казань, Типо-лит. Импер. Унив., 1905. 8 с.
K 3800	Татарские Сказания О Семи Спящих Отроках, СПБ., Тип. Имп. Акад. Наук, 1894. с. 223-245.
K 3935	И. Н. Смирнов (Некролог), Журнал Министерства Народного Просвещения, No 9. Отд. 4., СПБ, 1904. 8 с.
K 3938	Хроника. Памяти Сергея Михайловича Шпилевского, Казань, Типо-лит. Импер. Казан. Унив., 1907. 5. с.
K 4058	Сказания Иностранцев о Казани, I. Thomas – II. Legrelle, Казань, Типо-лит. Импер. Казан. Унив., 1903. 9 с.
K 4275	Известия Лоренца Лянге 1716 Года о Сибири и Сибирских Ино-родцах, Тоболск, Ежегодник Тобольского Губернского Музея, Вып. XIV, 1905. 10 с.
K 4294	Сказания и Легенды Минусинских Татар, СПБ., Сибирский Сборник, 1887, 17 с. (с. 218–234.)
K 4374	Золотая Кукушка, Богатырская Поэма Минисунских Тюрков, Вып. I, СПБ., Тип. И. С. Леви, 1885. 11 с.
K 4459	Киргизская и Казанско-Татарская Версии Христианского Сказа-ния о Семи Спящих Отроках, Казань, Типо-лит. Импер. Унив., 1905. 7 с.
K 5287	Отчёт о Поездке в Минусинский Уезд Енисейской Губернии, Со-вершенной по Поручению Историко-Филологического Казан-ского Университета Летом 1899 Года, Казань, Типо-лит. Импер. Унив., 1900. 59 с.

Руководство института очень щепетильно относится к исследователям, работающим над изучением биографии Катанова и его библиотекой. Исследователям свободный вход в библиотеку закрыт. Книги предоставляются в пользование читателям только по предварительной заявке библиотекаря.

Списоклитературы

[1] Akbayrak H. Milletin Tarihinden Ulusun Tarihine. İstanbul: Kitabevi Yayınları, 2009, 522 s.

[2] Anameriç H. Osmanlı Devleti'nde Satın Alınan Özel Kütüphaneler/Koleksiyonlar: Belgesel-Metodolojik Bir İnceleme // TAD. 2021. C.40/S.70. S. 276-341.

[3] Aydın M. Hüseyin Hilmi Paşa (1855-1923) // TDV İslam Ansiklopedisi. İstanbul, 1998. CXVIII. S. 550-551.

[4] Валеев Р. «Он нужен для Казани» (О научном наследии Н. Ф. Катанова) // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2011. № ¾. С. 141-147. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/on-nuzhen-dlya-kazani-o-nauchnom-nasledii-n-f-katanova/viewer (дата обращения: 22.05.2022).

[5] Eren H. Türklük Bilimi Sözlüğü, I. Yabancı Türkologlar. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2018. 349 s.

[6] Güleç İ. Kuruluşunun Yetmiş Beşinci Yılında İ.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. // Müteferrika Dört Aylık Kitabiyat Dergisi, 13, (Kış 2000/2), S. 1-9.

[7] İnalcık H. Türkiye'de Modern Tarihçiliğin Kurucuları. Muhafazakâr Düşünce. // Yıl: 2, Sayı 7, Kış 2006, S. 1-44.

[8] Kaçalin M.S.; Türkoğlu, İ. Katanov, Nikolay Fyodoroviç (1862-1922). TDV İslam Ansiklopedisi, Ankara, C. XXV, 2002, S. 28-29.

[9] Кокова И. Николай Фёдорович Катанов. // Абакан: Хакасское Книжное Издательство, 2012. 172 с.

[10] Mehdiyev M. Rus Şarkiyatçılarının Faaliyetleri ve Tatar Basını. // Türk Dünyası, Dil ve Edebiyat Dergisi. (Bahar 2018), Akt. Nazan Yapıcı, S 45. Ankara. S. 127-135.

[11] Monguş Zoya M. N. F. Katanov'un İstanbul'daki Kütüphanesi. // Türkiyat Mecmuası. (Güz 2011), Çev. Sevim Hacıoğlu, C. 21, S. 446-451.

[12] Mongush Z.M. Buddhist Book Collection in Turkish Library // Himalayan and Central Asian Studies. January-June 2019, Vol. 23, No. 1-2. P. 74-78.

[13] Nikolskiy N.V. Nikolay Fyodorovic Hakkında Anılar. // N. F. Katanov, Türk Kabileleri Arasında. Çev. Atilla Bağcı. Konya: Kömen Yayınları, 2004, S. 17-18.

[14] Özkan M. Kuruluşunun 70. Yılında Türkiyat Enstitüsü. // Türkiyat Mecmuası, C. XX, İstanbul, 1997. S. 1-11.

[15] Рыкин П.О. Николай Федорович Катанов (1862-1922): вехи жизни и творчества, Н.Ф. Катанов, Очерки Урянхайской Земли. Дневник Путешествия Исполненного в 1889 Году По Поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества, Кызыл: Музей Ант. И Этн. Имен. Петра Великого (Кунсткамера), Тувинский Институт Гуман. Исслед., 2011, С. 359-383.

[16] Sertkaya O.F. Sunuş. Balkanlar'da Türk Mührü, Yay. haz.; Osman Fikri Sertkaya, Yıldız Kocasavaş, Erol Çetin, Yavuz Tiryaki. // İstanbul Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Yayın No: 1, İstanbul, 1998, S. VII-VIII.

[17] 17.Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX-XX в. Монография. Москва, ИВ РАН, 2010. 264 с.

[18] Togan Z.V. Hatıralar (Воспоминания). İstanbul: TAN Matbaası, 1969. 643 s.

[19] (Электронный ресурс), URL: https://turkiyat.istanbul.edu.tr/tr/content/enstitumuz/tarihce (Дата обращения: 21.05.2022).

[20] (Электронный ресурс), URL: https://www.tuva.asia/news/ruregions/5146-knigi-katanova.html (Дата обращения: 21.05.2022).

УДК 37.(091) + 39

Просветительно-педагогическая деятельность Н.Ф. Катанова

Султанбаева Клавдия Ивановна
Доктор педагогических наук, доцент, кафедра дошкольного и специального образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия.
ski57@ya.ru
https://orcid.org/0000-0001-8279-7225

АННОТАЦИЯ В статье дано описание просветительно-педагогической деятельности первого хакасского ученого Н.Ф. Катанова, выдающегося отечественного ученого-востоковеда рубежа XIX-XXвеков в связи с 160-летним юбилеем в этом году. Раскрыта многосторонняя деятельность ученого в Казани и Поволжье в период работы профессором Казанского университета и Казанской духовной академии, создавшего педагогическую систему обучения будущих тюркологов и внесшего неоценимый вклад в развитие научной тюркологии и национальное просвещение нерусских народов России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА выдающийся востоковед Н.Ф. Катанов, тюрколог, просветительная и педагогическая деятельность, Казанский край.

Яркую страницу в истории отечественного востоковедения, в частности, тюркологии, оставил выдающийся ученый Николай Федорович Катанов (06.(18) 05.1862 – 10.03. 1922), 160-летний юбилей которого отмечает в этом году вся научно-педагогическая и культурная общественность тюркского мира. Это первый хакасский ученый, просветитель, педагог, исследователь языков и культур коренных тюркоязычных народов России, внесший огромный вклад в изучение тюркских языков и культур, истории и этнографии, фольклора на рубеже XIX-XXвеков. Образно выражаясь, он «прорубил окно на восток» для российских исследователей, показав специфику тюркской культуры. Его наследие, насчитывающее 382 научных работ и еще не до конца опубликованных статей, рецензий, предисловий, посвящено различным аспектам жизни предков современных тюркских народов: татар, хакасов, тувинцев, тофаларов, казахов, башкир, чувашей и др.

Исследователи жизни и деятельности ученого (Р.М. Валеев, С.Н. Иванов, И.Н. Кокова, А.А. Кужугет, В.Е. Майногашева, С.П. Ултургашев, Д.Г. Тумашева, В.Н. Тугужекова, О. Сёрткая, Р. Джераси и др.) отмечают многогранность и широту научных интересов Н.Ф. Катанова [1; 2; 3]. Автор данной работы исследовала просветительно-педагогическую деятельность первого хакасского ученого, о которой изначально было известно еще в советский период, но необходимость замалчивания заслуг ученого по политическим мотивам не давала объективной картины. С открытием архивных материалов в 1990-х гг. появилась возможность относительно полного изучения биографии, личности ученого и его общественно-просветительской, педагогической деятельности в учебных заведениях г. Казани и Казанского края.

Как показали архивные материалы (Фонды 969, 10, 977 Национального архива Республики Татарстан), а также библиографические источники, педагогические навыки Катанов начал приобретать еще в гимназические годы в качестве репетитора по подготовке детей своих знакомых к поступлению в Красноярскую гимназию (А.А. Ярилов, к примеру). Сам, являясь представителем малочисленного, почти сплошь неграмотного хакасского народа, молодой Катанов жаждал знаний, по мере возможности приобщался к идеям миссионерской педагогики Н.И. Ильинского. Очевидно, знакомство с сибирскими просветителями и православными общественными деятелями, передовой интеллигенцией, общение с ними (В.И. Вербицкий, Н.М. Мартьянов, И. Д. Каратанов) мотивировали к получению высшего светского образования. Окончив Красноярскую

гимназию в 1884 г. с золотой медалью, он в этом же году поступил на востоковедческое отделение С-Петербургского университета для изучения восточных языков.

После окончания востоковедческого факультета С-Петербургского университета в 1888 г. Н.Ф. Катанов был командирован в длительную научную экспедицию для изучения восточных языков и этнографии народов Сибири, Восточного Туркестана и западного Китая. Эта трудная экспедиция принесла ему всеобщую известность, благодаря огромному массиву собранных материалов.

Успешно сдав магистерские испытания в С-Петербургском университете в 1893 г., Николай Федорович уехал в Казань преподавателемимператорского Казанского университета с января 1894 г. Первая самостоятельно прочитанная лекция на тему «Этнографический обзор турецко-татарских племен» состоялась 29.01.1894 г. и продемонстрировала серьезные намерения молодого ученого в области тюркологии [3; 4].

К приезду Н.Ф. Катанова Казань была уже довольно крупнымцентром пограничных территорий между востоком и западом, сочетавшим в себе разные типы культур, становился особенным многонациональным культурно-промышленным центром Поволжья. Культурно-просветительная деятельность Казанского университета с учеными-востоковедами стимулировала развитие науки, печати, учебников, татарского книгопечатания, просвещения среди инородцев – мусульман. Активная общественная деятельность ученых, преподавателей, учительства, священнослужителей и культурных органов способствовала росту политического и национального самосознания татар, зарождению национальной интеллигенции Поволжского края. К тому же, город являлся признанным центром миссионерского движения, где до 1891 г. трудился авторитетный «апостол поволжских народов» Н.И. Ильминский [4].

По мере включения в образовательный процесс Казанского университета и знакомства с системой народного образования Казанского округа у молодого ученого зарождается идея о возрождении турецко-татарской кафедры как основного источника воспроизводства национальных кадров для просвещения и начального образования инородцев России. Он был хорошо знаком с разными типами учебных заведений в Поволжском учебном округе: миссионерскими инородческими училищами, русско-татарскими (русско-чувашскими), министерскими, приходскими, земскими и т. п. В 1905 г. он был командирован в Петербург для участия в «особом совещании по образованию инородцев» [2, с. 69], из которого он вынес убеждение о необходимости реформирования существующих татарских (мусульманских) учебных заведений, широком включении самих инородцев в обсуждение вопросов организации их начального обучения.

Казанский период жизни Катанова охарактеризован исследователями (С.Н. Иванов, И.Ф. Кокова, Р.М. Валеев) как самый плодотворный и содержательно многосторонний. В одном из писем Э.К. Пекарскому (1858–1934), с которым его связывала многолетняя дружба, Николай Федорович писал в 1901 г.: «Мне в качестве преподавателя приходится вести упорную борьбу с общепринятым здесь мнением, что «инородцы обречены на вымирание, а потому (!) не следует ими заниматься» [2, с. 63].

Удивительно кипучая и плодотворная деятельность ученого в смутное революционное время объясняется желанием поднять тюркологическую науку до европейского уровня, донести до самих инородцев мысль о всеобщем просвещении и образовании. Желая компенсировать отсутствие научно-профессионального сообщества тюркологов в Казанском университете, Н.Ф. Катанов ищет способы самореализации в общественно-просветительской деятельности: он исполняет обязанности редактора журнала «Деятель» с приложением «Восточное обозрение», секретаря (впоследствии председателя и редактора «Известий ОАИЭ») Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, является членом разных международных обществ и организаций [3].

В учебных заведениях Казани ученый приобрел большой авторитет как компетентный и доброжелательный педагог, терпеливый наставник молодежи, проявил себя высокопрофессиональным и объективным переводчиком в Казанском комитете по делам печати, на долгое время он стал незаменимым редактором «Известий Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, работал редактором «Инородческого обозрения» – приложения к журналу «Православный собеседник» Казанской духовной академии, также сотрудничал в других изданиях.

Следуя педагогическим традициям своих предшественников, Н.Ф. Катанов заботился о научно-справочной, учебной литературе для студентов Казанского университета, для учащихся Духовной академии, где параллельно трудился с 1912 г. в качестве преподавателя татарского отделения. Примечателен текст любопытного документа «Представление в Совет Императорской Казанской духовной академии» от 12 июня 1915 г. [5, Л. 268-280], в котором коллегами ученого дана относительно полная характеристика как педагогической деятельности, так и личности Н.Ф. Катанова в связи с рекомендацией его на вакантную должность ординарного профессора миссионерского отделения. Приводим выдержки из данного документа: «Как преподаватель миссионерского отделения Н. Ф-ич при своем религиозно нравственном облике в Академии оказался в самой близкой и прямо таки родной ему сфере…» [5, Л. 271]. «Многие лучшие студенты миссионерского отделения Академии для завершения своего образования в области турецко-татарских наречий слушали (негласно) лекции профессора Катанова в университете. Таковы, например, бывшие студенты: ныне о. Инспектор и э-орд. профессор Академии архимандрит Гурий, сын профессора Академии прот. Е.А. Малова – Сергей Малов, ныне окончивший курс на факультете восточных языков Петроградского университета, Н. Никольский – ныне магистр Богословия, преподаватель Казанской духовной семинарии и миссионерских курсов в Казани, Аркадий Емельянов, иеромонах Феодорит, М. Иванов, ныне магистр Богословия и доцент Академии по кафедре арабского языка и нек. др.» [5, Л. 272]. Все перечисленные лица впоследствии стали известными учеными, просветителями и оставили свой глубокий след в истории поволжского края.

Подробное описание в данном документе методики преподавания в духовной академии Н.Ф. Катановым показывает его профессионализм, обширность кругозора, сложившуюся систему взглядов на просвещение и образование нерусских народов.

Архивные материалы доказывают о создании Н.Ф. Катановым собственной системы обучения студентов татарского отделения Духовной академии: татарскому языку, истории распространения христианства, этнографии тюркских племен, арабскому языку и др. Как единственный классически образованный специалист духовной академии он строил весь процесс обучения на научной основе, за что неоднократно подвергался критике со стороны ортодоксальных педагогов-миссионеров[3].

В просветительно-педагогической деятельности Н.Ф. Катанова наблюдается единство методологических подходов к распространению научно обоснованных знаний среди обучающихся, студентов, а также начинающих исследователей, любителей краеведения, выходцев из различных слоев населения и этнических групп. Прежде всего, это принципы доброжелательности и уважения к человеку, уважение его вероисповедания, научности в оценке этнокультурных явлений.

В области дидактики высшей школы он создал и издал такие объемные пособия, как «Краткий татарско-русский словарь в транскрипциях арабской и русской в объеме I части учебника М.Ф. Каримова «Тарихи анбия (История пророков)», Оренбург, 1911; Казань, 1912, XXIV+ 265стр.»; «Транскрипция и глоссарий к пословицам и рассказам I части букваря Г.Н. Ахмарова «Тюркская азбука» (Казань, 1911), Казань, 1913, 64 стр. (литография)»; «Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Часть I. Образцы книжной и устной литературы казанских татар» (Казань, 1898) и др. [3; 4]. Эти и другие учебные

пособия в непосредственном сопровождении автора служили студентам не только как путеводители, но и оживляли сухой лингвистический материал сравнительно-сопоставительными примерами из народной жизни, порой шуточными комментариями самого Николая Федоровича. Несомненно, в его передаче раскрывались культурный контекст народного слова, национальная психология, общая картина тюркского мира.

В Казанском крае Н.Ф. Катанов стал одной из значимых фигур как знаток древностей, нумизматики, как превосходный редактор и переводчик тюркских рукописей и один из организаторов курсов восточных языков в Казани в 1912 г. В годы первой мировой войны был привлечен как единственный в Казани специалист – полиглот с энциклопедическими знаниями в области тюркско-мусульманского мира к участию в работе Казанского губернского жандармского управления, в 1916 г. произведен в чин Действительного статского советника по православному ведомству. При этом он не прерывал музееведческую, просветительно-педагогическую деятельность в Казанском университете и Казанской духовной академии [5].

Отметим, что данный период жизнедеятельности ученого не принес востоковедческой науке таких ощутимых результатов, как в предыдущие годы.

На начальном этапе становления советской власти (1917–1922 гг.)в профессиональной деятельности ученого произошли существенные изменения. Несмотря на то, что Н.Ф. Катанов не принимал революционные преобразования существующего строя, он остался в Казании продолжил активную работу как профессор вновь созданного Северо-Восточного этнографического и археологического института с восточным отделением (1921 г. преобразован в Восточную академию).

Во взглядах на национальное образование и просвещение тюркских народов России ученый исходил из идеи возрождения, прежде всего, востоковедческого отделения при Казанском университете для подготовки научно подготовленных специалистов, способных в полной мере и в системе заниматься обучением «инородцев». Отметим, что Н.Ф. Катанов активно развивал мысль о ведущей роли тюркологии в национальном образовании российских народов в связи слингвистическими и этнографическими открытиями В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского и его собственными вначале XX века, а также на фоне эффективной педагогической практики Н.И. Ильминского, чувашских просветителей: Н.И. Ашмарина, Н.А. Бобровникова, Н.В. Никольского, И.Я. Яковлева.

Катанов как универсальный тюрколог осознавал необходимость приобщения к грамоте большинства бесписьменных сибирских народов через постижение русского языка, поэтому он близко принял миссионерские идеи сближения «инородцев» с русским языком, русской культурой на основе переводной литературы. Вместе с тем, он приложил огромные усилия, убеждая других ученых в научном исследовании и необходимости сохранения уникальных языков тюркских племен, включая бесписьменных. Для утверждения идеи самоценности национальных языков и культур малочисленных народов Николай Федорович занимался обширной переводческой деятельностью фольклорных произведений сибирских племен для русскоязычного представителя, выступая «посредником» в межэтническом взаимодействии. Постепенно среди российской интеллигенции стала складываться теория ценности тюркских языков и их культур как части общечеловеческой, развивалась идея о равных природных способностях тюркских народов к грамоте и образованию. При этом идеи христианизации народов понимались как более высокий уровень цивилизационного развития этноса и общества в целом [4].

Особенно ярко проявился организаторский талант Н.Ф. Катанова во время работы председателем Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете (1896-1914). Он же являлся редактором «Известий» Общества. Н. Ф. Катанов в руководстве деятельностью Общества ориентировался на издание текстов фольклорных произведений народов Поволжья, убеждая других членов в их просветительской

необходимости. В протоколах «Известий ОАИЭ» зафиксировано множество фактов о плодотворной деятельности Катанова в качестве секретаря, казначея, затем председателя. Как секретарь он часто представлял на заседаниях и общих собраниях статьи членов этого общества: Н.Н. Пантусова, М.Е. Евсевьева, П.А. Полякова, Г. Ахмарова и т.д. Вклад Н.Ф. Катанова в распространение востоковедческих знаний через данное Общество заключается не только в систематизации всех сочинений разных жанров в логике научной концепции журнала, нои постепенном превращении этого журнала в серьезное научно-популярное издание, доступного простым труженикам. За пределами данной работы остаются еще не менее интересные аспекты научно-творческой деятельности выдающегося российского ученого-тюрколога Н.Ф. Катанова [3].

Заключение

Подводя итоги, отметим громадный вклад Н.Ф. Катанова в развитие национального образования, этнической культуры коренных тюркоязычных народов нашей многонациональной страны, в сохранение бесценных фольклорных материалов народов востока, служащих сегодня богатым источником изучения истории, культуры, этнографии, межэтнических отношений народов евразийского пространства. Новое прочтение собранных востоковедом фольклорных произведений тюркских народов и его богатого научно-творческого наследия в новом тысячелетии, вероятно, позволит современникам совершить открытия в этнографии, истории языков, этнокультурологии и этнопсихолингвистике.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-013- 00661.

Список литературы

[1] Валеев Р.М. Профессор Н.Ф. Катанов – классик российской тюркологии (1862–1922)//Наследи Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня-1 июля 2005 г. Казань: Алма Лит, 2006. С. 4-12.

[2] Кокова И.Ф. Н.Ф. Катанов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993. 128с.

[3] Султанбаева К.И. Педагогическая система Николая Федоровича Катанова. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова – Ленина, 2006. 118 с.

[4] 4Султанбаева К.И. Использование наследия Н.Ф. Катанова в образовательном процессе: учебно-методический комплекспо дисциплине: конспект лекций. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. 76 с.

[5] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Фонд 10. Оп.1. Д.11352. Л. 485. «Журналы Совета за 1915г.».

УДК 929

Вклад Н.Ф. Катанова в изучение истории и культуры народов Южной Сибири

Тугужекова Валентина Николаевна
Доктор исторических наук, профессор, Южно-Сибирский филиал ИИМК РАН, г. Абакан, Россия.
vtuguzhekova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена экспедиции Н.Ф. Катанова в Сибирь. Автор акцентирует внимание на изучении истории и культуры тувинцев, хакасов, карагасов (тофаларов).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Н.Ф. Катанов, востоковедение, экспедиция, хакасы, тувинцы, карагасы.

В востоковедении Н. Ф. Катанов известен как ученый энциклопедист. Широк диапазон интересов ученого — язык, литература, фольклор, история, археология, этнография, нумизматика, музееведение… Область его научных интересов соприкасалась не только с историей и культурой тюркоязычных народов, но и славянских, угро-финских, китайского, японского, арабского, персидского, индийского народов. Он владел почти всеми европейскими языками, многими восточными языками, зная также древние и мертвые классические языки, свободно читал тюркские руны, шумерскую клинопись, египетские и китайские иероглифы, санскритское письмо, арабскую вязь, древнеуйгурскую и арамейскую графику [4]. Биографы Н.Ф. Катанова сообщают, что он в своих трудах использовал данные 114 языков народов мира [2, с. 21].

Н.Ф. Катанов яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к великому сожалению, пока недостаточно изучен [1, с. 1]. Предстоит большая работа, чтобы научное наследие Н.Ф. Катанова, материалы его экспедиций были опубликованы. В 2011 г. тувинский ученый А. К. Кужугет издал дневник путешествия 1889 г. Н. Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли» [5].

Следует отметить, что учеба на факультете восточных языков Петербургского университета сыграла важную роль в научных интересах будущего ученого. В университете Н.Ф. Катанов вместе с другими студентами разряда арабо-персидско-турецко-татарской словесности изучал широкий комплекс востоковедных и общегуманитарных дисциплин, в числе которых следует назвать арабский, персидский и «турецкие» (тюркские) языки – живые (татарский, башкирский, казахский, османский) и мертвые (чагатайский), историю и литературу тюркских народов, русскую историю и словесность, историю Востока, мусульманское право[3, с. 15].

Н.Ф. Катанов уже в студенческие годы отличался трудолюбием и настойчивостью. Учась в университете, кроме посещения учебных занятий, самостоятельно занимался у академика В.В. Радлова по турецко-татарским наречиям, у профессора В.П. Васильева – по истории народов Востока. Особо следует отметить роль В.В. Радлова в формировании Катанова, как исследователя тюркских языков.

Не случайно его молодого ученого Академия Наук направляет в сложную и длительную экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан (1889-1892 гг.).

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, позднее – в Минусинск и Аскиз.

Первая его экспедиция была совершена в Урянхайский край. Из г. Минусинска он

выехал 7 марта 1889 г. Подробный маршрут своего путешествия «с целью исследования быта и языка Урянхайцев» Н.Ф. Катанов описал в своем письме В.В. Радлову. Основными пунктами своих экспедиционных разъездов он избрал 14 торговых заведений русских купцов, расположенных в бассейне рек Турана, Улуг-кема и Бом-кемчика. Всего во время путешествия было пройдено около 700 верст. В этот период были собраны тувинские песни, загадки, сказки, поверья и шаманские молитвы.

Из этой поездки по территории Тувы он вернулся в Аскиз 27 августа 1889 г. В своем письме от 15 сентября 1889 г. Н.Ф. Катанов написал В.В. Радлову: «Дневник путешествия, со включением в него сказок, песен, загадок и шаманских молитв, со включением также описания обычаев Урянхайского народа и рисунков клейм родовых (тамги) и рисунков на предметах домашнего обихода имею представить в скором времени для напечатания Императорскому Русскому Географическому обществу» [1, с. 11].

Основным итогом комплексных исследований Тувы стала рукопись Н.Ф. Катанова «Очерки Урянхайской земли», которая имеет неоценимое значение в истории и этнографии Тувы.

После этой экспедиции, находясь в Аскизе и Минусинске в сентябре – декабре 1889 г., Н.Ф. Катанов занимался перепиской и переводами собранных тувинских текстов. Кроме того, он записывал сказки (нымах), песни (тахпах) и загадки (тапча нымах) «минусинских татар» – хакасов.

Определяя итоги и новые задачи дальнейшей работы, Н. Ф. Катанов писал своему наставнику В.В. Радлову 26 декабря 1889 г. из Аскиза: «Недели через три я выеду для исследования карагасов, обитающих в Канской и Нижнеудинской тайгах; в настоящее время я собрал богатый материал по части наречий и обычаев абаканских татар (сагайцев, качинцев и бельтиров)».

Следующая этнографическая экспедиция в Восточные Саяны была предпринята в январе – феврале 1890 г. и посвящена полевому лингвистическому и этнографическому исследованию карагасов (тофаларов). Основной путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении г. Нижнеудинска.

Из Верховьев р. Бирюсы, Нижнеудинского округа в письме В.В. Радлову от 18 февраля 1890 г. Н.Ф. Катанов сообщал о проделанной работе: «Записал уже многое; между прочим: название костей карагасских; названия 12 месяцев года; названия рек и речек; названия деревьев; предания о происхождении 5 карагасских костей; обычаи племени: при рождении, женитьбе и похоронах, обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей; о жизни шаманов; о количестве племени Карагасов и количестве содержимых ими оленей и проч.» [1, с. 11].

Итоги этого периода экспедиции были опубликованы в статье Н.Ф. Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году».

Весна 1890 г. – февраль 1891 г. связаны с проживанием в Аскизе и Минусинске и с интенсивной работой по обработкеразнообразных материалов, собранных Катановым в предшествующие периоды экспедиций.

Здесь Н. Ф. Катанов совершал поездки в Минусинском округе Енисейской губернии, изучая языки и этнографию тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян – бельтиров, сагайцев, койбалов и качинцев. В основном он записал «шаманские рассказы и молитвы бельтиров, каларов, сагайцев и качинцев».

Следует особо отметить, что в целом во время путешествия 1889-1892 гг. в центре комплексного исследования Н.Ф. Катанова были хакасы. По подсчетам К.М. Патачакова Катанов около 10 месяцев (с 5 сентября 1889 по 26 января 1890 года, с 11 апреля по 15 июня 1890 года и с 1 июля по 13 октября 1892 года) был в Хакасии, где изучал язык и быт хакасов [6, с. 126]. Он посетил основные географические зоны кочевьев сагайцев, качинцев, бельтиров, каргинцев – бассейны речек Таштыпу, Еси, Аскизу, Камышту, Уйбату, Ташебе, Бее и реки Абакан и составил уникальные записи об их расселении,

верованиях, хозяйстве, административном управлении, этногенезе, миссионерской деятельности, памятников народной литературы и т.д.

К сожалению, до сегодняшнего дня большая часть материалов первой экспедиции Н.Ф. Катанова не опубликована.

Позднее после первой экспедиции в Сибирь, Н.Ф. Катанов еще дважды совершал поездки в Минусинский уезд (1896, 1899 гг.). Последнюю поездку в родные места Н.Ф. Катанов совершил летом 1909 г., однако, до конца своей жизни сохранил любовь и преданность к изучению истории и культуры своего народа. Научный вклад Н.Ф. Катанова неоценим, он связан с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Сибири.

Список литературы

[1] Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 1. (Электронный журнал).

[2] Доможаков Н.Г. Николай Федорович Катанов. Абакан, 1958. С. 21.

[3] Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерки жизни и деятельности). Изд. 2-е. М., 1973. 114 с.

[4] Каримуллин А.Г. Н.Ф. Катанов – библиограф и книговед // Книги и люди. Исследование. Казань, 1985. С. 220.

[5] Кужугет А.К. Очерки Урянхайской земли.Кызыл, 2012. 384 с.

[6] Патачаков К.М. Катанов как хакасовед // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. X. Серия филологическая. Абакан, 1964.

УДК81'37(571.52)

Тувинский язык на лингвистической карте Сибири:история и современность

Тугужекова Валентина Николаевна
Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
Shamina_la@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0539-7732

АННОТАЦИЯ На территории Сибири в постоянном взаимодействии находятся многочисленные языки, которые входят в различные языковые семьи и макросемьи. Результат этого взаимодействия и характеризует лингвистическую ситуацию региона в каждый конкретный период времени.Все языки Сибири, помимо внутренней организации, имеют этнический, социальный, исторический фон, который влияет на языковую структуру в целом[10, с. 375]. Структура клаузы продолжает оставаться одним из основных и привлекающихзначительное внимание исследователей разделов синтаксиса как в отечественной,так и в зарубежной лингвистике. В тюркских языках имеется богатая система бипредикативных конструкций (БПК) разных функциональных классов (таксисные и каузальные), актантные и определительные). В каждом функциональном типе выделяются три структурных типа конструкций: синтетические, с зависимым предикатом в инфинитной форме, аналитические, с зависимым предикатом в финитной форме и аналитическим средством связи союзного типа, аналитико-синтетические, с инфинитной формой зависимого предиката и аналитическим средством связи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА тувинский язык, клауза, аналитизм, синтетизм, грамматика.

На территории Сибири в постоянном взаимодействии находятся многочисленные языки, которые входят в различные языковые семьи и макросемьи. Результат этого взаимодействия и характеризует лингвистическую ситуацию региона в каждый конкретный период времени.

Тувинский народ или тувинцы – малочисленный народ, проживающий в Республике Тыва, расположенной на территории Южной Сибири (бассейн Верхнего Енисея). Кроме территории Российской Федерации тувинцы проживают в Монголии и Синь-Цзянь Уйгурском автономном округе КНР. По переписи населения России в 2010 г. численность тувинцев в России составляет 210 000 человек; по данным ученых, исследующих язык, фольклор и культуру этнических групп в Монголии и Китае: в Монголии – не более 8 000 человек, вКитае – около 2 500 человек [1,с.21]. По общей генеалогической классификации тувинский язык относится к сибирской группе тюркской семьи алтайской макросемьи языков [2, с.180].

Актуальность. Систематическое исследование типологических закономерностей фонетического, грамматического и семантического изменения – назревшая задача развития исторического языкознания в целом. Актуальным является изучение названных изменений «статистически на максимально широком материале разных семей языков и сопоставления различных документированных периодов в истории и/или различных ареалов в пространственной лингвистике)» [3, с. 2]. На необходимость совмещения описательного и исторического подходов к языковым явлениям указывал выдающийся компаративист и типолог Е. А. Хелимский, который считал необходимым «по возможности более тщательный учет диахронической перспективы, определение динамики конкурирующих явлений (а не просто констатация их статического сосуществования)» [12, с. 2].

Структура клаузы продолжает оставаться одним из основных и привлекающих значительное внимание исследователей разделов синтаксиса как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

1. Исследования тувинского синтаксиса.

Начало научному изучению тувинского языка было положено в 1861 г. выдающимися востоковедами Н.Ф. Катановым и В.В. Радловым. Н.Ф. Катанов на основе собранного большого фактического материала и непосредственного наблюдения над живой тувинской речью написал первую научную грамматику тувинского языка [5]. Собранный им языковой материал опубликовал В.В. Радлов [7].

Новый период в изучении тувинского языка начинается с середины 20х годов XX в. в связи с подготовкой и созданием тувинской письменности. С конца 20х годов и до настоящего времени исследователи в разных аспектах изучали и изучают фонетику и грамматику тувинского языка. Результаты этих работ нашли отражение в монографических исследованиях Ш. Ч. Сата [8; 9]; в «Грамматике тувинского языка (фонетика и морфология)» Ф.Г. Исхакова, А.А. Пальмбаха [4] и других исследователей.

Новые знания о тувинском синтаксисе рассеяны по разным изданиям и доступны только узкому кругу специалистов. Каждое специальное исследование в области языка направлено вглубь какого-то избранного автором «предмета», в то время как общий уровень знания в более широкой области практически почти не повышается. Это повышение происходит постепенно, появляются новые теоретические концепции, позволяющие под единым углом зрения рассмотреть относительно независимые, на первый взгляд «пестрые», факты.

В данной статье мы даем очень краткий обзор синтаксических исследований в период 80-х–2000-х годов 20 в. и начала 21 в. На уровне бипредикативных конструкций учеными-сибиреведами рассматривались синтаксические структуры разных семантических типов [6; 11; 13].

В тюркских языках имеется богатая система бипредикативных конструкций (БПК) разных функциональных классов (таксисные и каузальные), актантные и определительные). В каждом функциональном типе выделяются три структурных типа конструкций: синтетические, с зависимым предикатом в инфинитной форме, аналитические, с зависимым предикатом в финитной форме и аналитическим средством связи союзного типа, аналитико-синтетические, с инфинитной формой зависимого предиката и аналитическим средством связи.

Значительную роль играет аналитическое конструирование и в бипредикативных конструкциях, многие из которых строятся при помощи союзов и других аналитических скреп.Знаменательный компонент аналитических конструкций сказуемого зависимой предикативной единицы в БПК, как правило, представляет собой неизменяемую форму (константу): причастие или деепричастие.

В материалах по тюркским языкам Сибири представлены первичные причастия, зафиксированные в самых древних памятниках письменности. Они отличаются полифункциональностью и полисемантичностью, могут выступать во всех функциях (главного и зависимого предиката и главного члена атрибутивной конструкции) и имеют сложную семантику, включающую временное и модальное значения.

По классификации структурных типов БПК, принятой в Новосибирской синтаксической школе [11], обстоятельственные БПК с инфинитными зависимыми предикативными единицами (ЗПЕ) относятся к двум типам: синтетическому или аналитико-синтетическому.

В синтетических инфинитных БПК отношения зависимости между событиями выражаются только показателем инфинитной формы, в аналитико-синтетических – показателем инфинитной формы и аналитическим средством связи.

Аналитические средства связи для присоединения инфинитной ЗПЕ к ГПЕ используются во всех типах БПК, кроме определительных.

1.1. *Аналитические структуры сказуемого ЗПЕ* такие, в которых инфинитные формы выполняют функцию члена предложения – сказуемого– в сфере зависимой

предикации. Эти структуры содержат одну или несколько инфинитных форм и не содержат финитного компонента. В БПК тувинского языка выделяется пять структурных типов аналитических структур, существенно отличающихся друг от друга.

(1) Черле ындыг, кандыг–даа херек болган соонда, үр болган тудум, ону кылган кижилерниң серемчилели кошкап, бир–ле черден чугаа үнүп кээр (КБ, с. 94).

‘Всегда так, после всякого дела, с течением времени, сделавшие это люди, теряют осторожность, и откуда–нибудь слух пойдет. ’

1.2. *Аналитические структуры финитного сказуемого* – в простом предложении (ПП) представлены двумя типами АК: глагольными и именными.

По структуре глагольные АК, различаясь типом грамматической формы первого компонента, могут быть двухкомпонентными, или бивербальными (БВК), и многокомпонентными. Многокомпонентные АК в тувинском языке представлены трех– четырех– и пятикомпонентными структурам. Они предстают как структурные и семантические усложнения БВК, выражают более сложные отношения. БВК являются структурной основой для многокомпонентных конструкций, выступая в их составе в качестве бивербальной конструкции основы (БКО). БКО, сочетаясь со свободным компонентом, который может предшествовать ей или следовать за ней, принимает определенную инфинитную форму по требованию финального вспомогательного компонента.

Первый компонент БВК может быть выражен деепричастием или причастием. Второй компонент представляют вспомогательные глаголы.

(2) Балдырым ырбаңайнып турар(ССА, с. 12):

‘Икры мои дрожали. ’

Процесс нарастания количества компонентов может осуществляться также за счет вхождения в состав АК модальных частиц иргин, ийин, эвеспеоң, эвеспе аан, по одной и в комбинациях. Частицы могут присоединяться как к двух-, так и к многокомпонентным АК, внося дополнительные оттенки смысла (экспрессивную модальность, степень уверенности говорящего в реальности происходящего действия и др.).

(3) Кижи боду-ла анаа олурза, кижи кижини канчаарыл?(Бюрбю, с. 461).

‘Если человек сам не напрашивается, что человек сделает человеку? ’

Разного рода аналитические конструкции составляют весомую часть общего фонда «форм» тувинского языка. Найти ответ на вопрос: какие сферы языка обслуживаются синтетическими формами и когда, в связи с чем говорящие используют формы аналитические? Количественное соотношение простых и аналитических глагольных сказуемых в современных тувинских текстах и другие вопросы еще нуждаются в ответах. Получение объективной информации о рассматриваемой проблеме языка на современном этапе, внесение ясности и четкости в классификацию этих форм – структурную и функциональную – задача новой академической грамматики. В ней найдут отражение итоги развития знаний о тувинском языке за последние более чем полстолетия. Создание такой грамматики является важным событием не только для специалистов-языковедов, но и для народа, носителя этого языка. Подведя итог работам исследователей тувинского языка, грамматика станет важным этапом в развитии самого языка.

Главное назначение новой грамматики – показать язык, осветить новым теоретическим пониманием все языковые факторы, т.е. представить современное знание о языке. Но в ней должныбыть также осознаны и оценены тенденции развития языка, т.е. показаны, что в нем возникает и укрепляется в общем употреблении, а также и то, что уходит, вступает в конкуренцию с новыми формами, с новыми способами передачи некоторого содержания и отступает, сужая сферу употребления и, возможно, приобретая статус стилистического средства языка.

Новая грамматика откроет возможность увидеть картину в целом и отразить ее

в грамматическом описании языка. Вот именно эта задача – осознать то новое, что накоплено учеными за эти годы, и показать язык таким, каким он не мог быть увиден и показан более 60 лет назад, но уже может быть показан теперь, в 20-х годах 21 в. – и стоит перед новой грамматикой тувинского языка.

Конечно, новая современная грамматика – это корпусно-ориентированная грамматика. Возможность полного описания синтаксиса тувинского языка, верификации полученных выводов, в настоящее время дает работа с корпусами текстов, использование количественных методов анализа.

Традиционные лингвистические методы анализа текста в сочетании с методами корпусной лингвистики не только значительно ускоряют процесс обработки материала, но и повышают качество анализа, объективность и достоверность получаемых результатов. В настоящее время электронный корпус текстов тувинского языка (http://www.tuvancorpus.ru/?q=node/25), созданный силами группы исследователей центра Тюркология ТувГУ, руководимого, до недавнего времени, д. филол. н. Бавуу-Сюрюн М.В., позволяет основывать исследования на точных эмпирических данных, широко используется молодыми учеными в диссертационных разработках по тувинскому языку и литературе.

Заключение

На материале алтайских языков в 90-е годы XX столетия наблюдалась активизация интереса к синтаксису. В последние годы появился ряд работ по всем аспектам алтайских языков, в т.ч. и тувинскому: работы по фонетике, лексике, грамматике и диалектам тувинского языка. Однако, несмотря на большой интерес и значительное количество исследований, многие аспекты структуры предложения вообще и структуры сложного (бипредикативного) предложения в частности продолжают оставаться неясными и дискуссионными на сегодняшний день.

При наличии общей закономерности широкого употребления БПК в текстах тувинской прозы наблюдается определенная зависимость от особенностей индивидуального стиля автора. Языковые средства направлены на выполнение функционального задания, и частота употребления является строго мотивированной. Качественная сторона (комплекс средств и характер их функционирования) и количественная (частотность употребления этих единиц) находятся в тесной взаимосвязи, составляя единство, и определяются целью общения, зависят от конкретных экстралингвистических факторов.

Для художественных текстов тувинской литературы разных периодов характерна тенденция к сохранению использования БПК. Однако следует указать, что в прозе молодых писателей 2000-х годов наблюдается сокращение употребления усложненных сложных предложений и сложных периодов, что отличает ее от прозы предшественников.

Список литературы

[1] Бавуу-Сюрюн М.В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка. Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. Новосибирск. 2018. 50 с.

[2] Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику: Учебник. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.

[3] Иванов Вяч.Вс. К исследованию отношений между языками // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. С. 1-12.

[4] Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во восточной литературы. 1961. 471 с.

[5] Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань:Типо-литография Императорского университета, 1903. 1524 с.

[6] Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука. 1984. 192 с.

[7] Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Санкт-Петербург: типография Академии наук. 1866-1907. I т. Алтайские наречия. 1866. 562 с.

[8] Сат Ш.Ч. Тувинский язык. Грамматический очерк // Тувинско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1955. С. 615-722.

[9] Сат Ш.Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 1960. 56 с.

[10] Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе/ коллективная монография. Отв. ред. А.А. Мальцева. Новосибирск: Академическое изд-во «ГЕО», 2018. 429 с.

[11] Структурныетипы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 420 с.

[12] Хелимский Е.А. Историческая и описательная диа-лектология самодийских языков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. / Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1988. 47 с.

[13] Шамина Л.А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001. 250 с.

УДК81'37(571.52)

Динамика поселений, личных подворий и скота в хакасских населенных пунктах за 130-летний период (на материалах Н.Ф. Катанова)

Шапошников Георгий Михайлович
Доктор исторических наук, профессор, Южно-Сибирский филиал ИИМК РАН, г. Абакан, Россия.
khaltar1947@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье раскрывается динамика поселений, личных подворий, скота в хакасских населенных пунктах на основе данных, приведенных Н.Ф. Катановым и современной статистической информации. Делается вывод о сокращении всех рассматриваемых единиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА хакасские поселения, личные подворья, скот, Н.Ф. Катанов, Хакасия.

Численность хакасских поселений, подворий и количество скота за 130-летний период сократилось. Это связано с миграцией населения в городскую местность, механизацией труда, доступностью товаров.

Поселения хакасов по материалам Н.Ф. Катанова. Н.Ф. Катанов в работе «Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии», опубликованной в 1893 г. в журнале «Живая старина», описал социально-экономическое положение 43 поселений, в том числе 2 села, 34 улуса, 5 деревень и 2 заимки [2, с. 95]. Из этих 43 поселений сегодня осталось только 25 [3, с. 22]. Среди этих поселений – Аскиз , Усть-Есь, Усть-Чуль, Большая Сея, Матур, аалы Илиморов, Сыры, Усть-Сос, Сафронов, Бырганов, Усть-Таштып, Верх-Кандырла, деревни Усть-Кандирла, Уты, Большие Арбаты, Усть-Табат, Малая Сея, Бутрахты. А улусы Летник и Большелугский вошли в состав городов Саяногорск и Абаза. Данные Н.Ф. Катанова и современные оперативные цифры о сельских поселений мы свели в таблицу № 1. Из таблицы видно, что за почти 130 лет со дня, проведенного анализа Н.Ф Катановым произошли значительные изменения. Если поселения в конце XIX в. были в основном небольшие, число дворов в этих поселениях варьировалось в пределах от 6 до 30 домов, то поселения, которые до сего времени существуют, число дворов в большей своей части это 40 и более дворов. Надо заметить, что в конце XIX в. поселения, описанные Н.Ф. Катановым, были с хакасским населением. Сейчас из тех, поселений, что упоминается в работе Н.Ф. Катанова, только в поселениях Сафронов, Бырганов, Усть-Киндырла, Усть-Таштып, Усть-Чуль живут компактно хакасы.

Таблица 1
Поселения и количество дворов и животных в этих поселениях*

Наименование поселений		Число дворов (шт.)		Количество животных(гол.)					
По данным Н.Ф. Катанова (1989 г.)	В настоящее время	По Н.Ф. Катанову (1889г.)	2020	коров		овец		лошадей	
				1889	2020	1889	2020	1889	2020
с. Аскиз	с.Аскиз	40	2668	76	-	194	-	126	-
с. Усть-Есь	Усть-Есь	35	313	270	841	815	1022	250	95
д. Уты	д.Уты	40	81	173	237	911	1240	255	15
д.Большесейская	с.Большая Сея	11	129	183	97	123	-	184	130
д. Малосейская	д.Малая Сея	6	73	60	57	52	66	66	87
д.Усть-Чульская	с. Усть-Чуль	48	299	350	420	1000	870	200	95
у.Кендырлинский	а. Верх – Киндырла	50	85	106	85	585	148	134	28
у.Усть -Кендырлинский	д. Усть -Киндирла	27	90	46	132	978	343	110	21
у. Усть-Табатский	д.Усть- Та-бат	16	5	33	105	653	68	40	38
у. Усть-Сосский	а. Усть-Сос	74	27	375	114	1907	1016	285	16
у. Больше-арбатский	д.Большие Арбаты	32	67	124	159	179	13	115	-
у. Бутрахтинский	д.Бутрахты	41	138	74	441	254	289	105	69
у. Чиланский	с. Чиланы	16	43	86	322	347	141	95	133
у. Усть-Таштыпский	а. Усть-Таштып	6	95	40	204	126	447	39	48
у.Илеморов	А.Илеморов	20	42	300	190	400	300	280	120
у.Сафронов	а.Сафронов	18	85	270	557	570	1151	170	92
у. Бырганов	а.Бырганов	14	12	92	205	395	81	52	40
у.Подсиненский	с.Подсинее	6	1327	21	28	52	--	28	--

**Уточнение: а. – аал; д. – деревня; с.- село; у.- улус.*

Динамика дворового и животного состава ряда хакасских поселений.

Из таблицы, таким образом, видно, что количество животных, приходящихся на один двор, значительно изменился. Если в конце XIX в. на один двор приходилось по семь голов скота, и почти по 20 голов овец, то в настоящее время на одно подворье приходится по 3 головы скота и по 4 головы овец. Причин сокращения поголовья животных, приходящихся на один двор, много. Во-первых, сокращение выпасов, так как земли вокруг поселения в основном на находятся в собственности фермеров. Также, в поселениях появились рабочие местах школы, дома культуры, детские садики, магазины. Это снимает проблему с ведением домашнего хозяйства, потому что есть заработная плата. Правда не во всех поселениях есть все социальные объекты. Так, этих социальных учреждений нет (за исключением торговых точек) в аалах Сафронов, Бырганов, Усть-Сос, Илиморов, деревнях Уты, Усть-Табат. Но в то же время в этих поселениях население содержит больше скота, чем в других поселениях. Так в аале Сафронов на один двор приходится 7 коров, в аале Бырганов 17 коров. В то же время в аале Сафронов на одно подворье приходится 16 голов овец, в то время как в аале Бырганов в их на один двор приходится 6 голов. Надо отметить, что на селе стали меньше содержать лошадей. Лошадь ранее была необходимым средством в жизни сельского жителя. Это был гужевой транспорт и необходимый рабочий инструмент для работы в хозяйстве. Сейчас же смену лошадям пришли технические средства (автомобиль, трактор). Так, в деревне Усть-Киндирла на 90 дворов приходится 20 тракторов, около 40 автомобилей. Кроме того в поселение заходит рейсовый автобус. В некоторые поселения заходит маршрутный микроавтобус (аалы Бырганов, Илиморово, Усть-Сос).

Надо отметить, что по данным Н.Ф. Катанова во многих поселениях, а именно в 43 из 46 занимались как написано «хлебопашеством».

В настоящее время хлебопашеством занимаются только фермеры. Жители сельского поселения в настоящее время занимаются выращиванием картофеля и овощей. Но есть подворья, где не занимаются огородом. Но таковых немного. Да и в XIX в. были семьи, которые не держали животных и не занимались хлебопашеством. Так, автор [1, с. 69] пишет, что на 1890 г. 11,1 % всех хакасских дворов не имели дойных коров, без рабочих лошадей соответственно было 6 %.

В настоящее время без дойных коров, а тем более рабочих лошадей насчитывается от 10 % до 50 % частных подворий (табл. 2).

Из таблицы № 2 видно, что многие жители этих поселений не держат скот. Вместе с тем, количество скота, содержащих в личных хозяйствах, не сильно отличается от того количества, что содержалось в конце XIX в. Но в те времена количество подворий, не содержащих животных было значительно меньше.

Таким образом, население в конце XIX в. занималось личным подсобным хозяйством, чтобы как-то содержать семью. В настоящее у многих нет в этом необходимости в связи с появлением рабочих мест, это как-то снимает проблему занятости. Численность поселений, личных подворий, скота в хакасских населенных пунктах за 130-летний период значительно сократилось, что обусловлено механизацией труда, доступностью товаров первой необходимости, миграцией населения в городскую местность. Изменить ситуацию в современный период можно предоставляя в долг населению КРС и МНС, выплачивая сельчанам пенсию по результатам содержания единиц скота, улучшению качества покрытия автомобильных дорог (асфальтирование), ведущих к ряду хакасских населенных пунктов, организовывая на местах сельскохозяйственные кооперативы.

Таблица 2
Поселения и количество подворий, содержащих скот

№	Наименование поселений	Количество дворов (шт.)		%
		Всего	В т.ч.содержащих скот	
1.	д. Уты	67	34	51
2.	с. Большая Сея	129	67	52
3.	д.Усть-Киндирла	73	51	70
4.	а. Усть-Сос	27	22	82
5.	с. Чиланы	43	20	47
6.	а. Сафронов	85	68	80
7.	а. Илиморов	42	27	65
8.	с. Усть-Чуль	299	146	49

Список литературы

[1] Бутанаев В. Я. Социально – экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX века). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1987. 175 с.

[2] Катанов Н.Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. Угдыжеков С.А. Абакан. Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. 260 с.

[3] Список сельских населенных пунктов, постоянных хозяйств и численность населения по муниципальным районам Республики Хакасия на 1 января 2014 года. Абакан. 22 с.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Традиционное право коренных народов и практика землевладения

УДК 94(57):349.4

Проблемы землевладения и землепользования в Сибири (XVIII–XIX вв.): региональный аспект

Асочакова Валентина Нестеровна
Доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия.
asocvn@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5714-3729

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения землевладения и землепользования в Сибири. Государство, формально признавая право аборигенов на землю, проводило политику постепенного захвата их земель и усиления налогового гнета. Землепользование автохтонов Сибири подверглось трансформации, ясачные имели право распахивать земли в пределах своих кочевий. Развитию земледелия мешала неопределенность статуса землеустройства ясачных.Во второй половине XIX в. политика была направлена на ликвидацию особого правового положения сибирских «инородцев», унификацию их хозяйственного строя и податного обложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, хакасы, вотчина, ясачные, землевладение, землепользование.

В современной историографии проявились такие черты как плюрализм методологии исследования, попытки уточнить и разработать методический аппарат и терминологический инструментарий, междисциплинарность подходов. Особенно много вопросов у историков вызывают проблемы феодализма и, связанная с ними терминология. Среди них проблема интерпретации социальных категорий «князец», «улусные люди», «ясашный из крестьян», «лутшие люди» и др. Не менее остро стоит проблема землевладения, формы собственности в России, и особенно, у коренных народов Поволжья, Урала и Сибири. В целом, нужно согласиться с утверждением о целесообразности «новой интерпретации таких классических парадигм науки как феодализм, служилое государство, вотчинное государство, гражданское общество и правовое государство» [10, с. 11]. Изучение проблем социально-экономического развития пестрого конгломерата народов Сибири не укладывается в «прокрустово ложе» социально-классовых параметров.

Вмарксисткой формационной теории общественные структуры народов Саяно-Алтая зачастую упрощались и стратифицировались: рабы (данники), общинники, родоплеменная знать и племенной вождь (царь), князец и др. Проблемы вариативности, условный характер, иерархическая структура феодальной собственности, ее соединение с политической властью и др. [6, 87-101].

Показала практика в гуманитарных и общественных науках сформировалось два основных подхода к использованию терминов. Первый подход заключается в том, что историки используют современные термины и определения для обозначения явлений прошлого. Второй подход, также нередко используемый в исторической науке, отражает представления людей настоящего о прошлом: введение специальных терминов для обозначения определенных фрагментов исторической действительности. В первом случае, происходит модернизация исторических процессов, во втором – нарушается преемственность. Таким образом, история терминов – это история общественного сознания.

При изучении проблемы землевладения на территориях, вошедших в состав Российского государства XVI–XVIII вв. современные историки явно испытывают

трудности применения устоявшихся дефиниций и стереотипов.

Формирование эмпирической базы формирования землевладения и развития землепользования у разных народов Российской империи позволит выявить общее и особенное в развитии социально-экономического строя. Что будет способствовать уточнению концепций, терминологического аппарата, выработке общих принципов исследования.

С завоеванием Сибири становится актуальным вопрос о правовом закреплении земельных наделов и угодий. До этого в Сибири, где плотность населения была невелика, и в земельных ресурсах не было недостатка, поэтому вопрос о закреплении угодий не стоял так остро. В XVII в. происходят кардинальные изменения в хозяйственном укладе сибирских татар. Эти изменения были связаны, прежде всего, с русской колонизацией Сибири и государственной ориентацией на развитие хозяйства юга Сибири в целом как земледельческого.

В XVII в. начинает формироваться система инородческого земледержания, при которой верховным собственником земли выступает государство, дающее земли татарам либо «за службу», либо «за уплату ясака». Служилые татары землей владели на праве собственности «за службу». З.А. Тычинских на примере мурз Кульмаметевых и Кутумовых доказывает существование в Сибири крупных земельных владений, пожалованных за службу. В отличие от служилых татар, владений подобного рода у ясачных татар не было [15, с. 167]. Особенности решение земельного вопроса у башкир заключалось в том, что территории, занимаемые ими, были закреплены за племенами на правах вотчин [17]. Однако уже в первой половине XIX в. земельная политика русского правительства в Сибири меняется, в том числе и по отношению к верхушке аборигенного населения. Достаточно окрепнув на новых территориях, чтобы не поощрять татарскую знать земельными дачами, центральная власть проводит политику измельчения земельных наделов, стремясь не создавать в Сибири крупного землевладения. Таким образом, наличие крупных земельных владений, формировавшихся как путем «дачи» за службу, так и путем покупок, захватов и «поступных», можем отнести к особенностям хозяйственной организации служилых татар. В целом служилое землевладение формировалось из земель, жалованных за несение службы, и носило условный характер. В определенной степени характер владения землей татар-казаков напоминает систему несения службы татарской феодальной знати на сойюргальном праве. Землепользование же ясачных татар было общинным [15, с. 170].

В XVII – начале XVIII вв. российское государство, формально признавая право аборигенов на землю, проводило политику постепенного захвата их земель и усиления налогового гнета. На территории, населенной хакасами, с присоединением к России верховное право собственности на землю, как и во всей Сибири, перешло к российскому государству. Аборигены сохранили права владения и пользования. Юридически эти изменения были оформлены после ясачной реформы 1764 г. [11, с. 322-325]. После чего казна и Кабинет выступали совместным собственником земли в Сибири, последний как совладелец земли, взимал в свою пользу ясак. Крестьяне и «инородцы» выступали как арендаторы кабинетских земель и выплачивали государственные повинности [4, с. 259; 3].

Русские крестьяне заселяли земли, наиболее пригодные для земледелия, – правый берег реки Енисей, правобережье Абакана и восточные районы Енисейско-Чулымской котловины, то есть древние земледельческие районы. Хакасы в демографическом плане испытали, пожалуй, наиболее ощутимые последствия событий присоединения Южной Сибири [1, с. 30-37]. Запрет селиться на ясачных землях часто нарушался, а разрешение занимать только «излишние» угодья фактически привели к тому, что русские и хакасы проживали бок о бок [7, с. 22]. Юридически определенные участки земли были закреплены за ясачным еще с XVII в. Русские не имели право земли покупать, менять,

закладывать земли ясачных. Ясачные имели право кочевать в «породных» землях без каких-либо ограничений.

Ущемление прав землевладения коренных народов Сибири началось в конце XVII в. – служилым людям и иного чина русским людям стали выделять десятинную пашню. Начавшиеся волнения заставили правительство в начале XVIII в. (1703, 1706) отводить земли служилым только «из порозжих» земель, которая бы была «неясачная и не в ясачных землях и чтобы ясачным иноземцам в том земляном владении никакого утеснения и спору не было» [16, с. 72-74]. Вместе с тем, земельные владения коренных народов Сибири с точки зрения феодальной земельной собственности относились к фондам царского домена.

Землепользование автохтонов Сибири также подверглось трансформации, ясачные имели право распахивать земли в пределах своих кочевий. В ходе ясачной реформы земельные угодья ясачных были юридически закреплены по административным родам, ведомствам, улусам, что приводило к искусственному сдерживанию социального расслоения, сохранению пережитков общинно-родового землепользования. Препятствовало развитию земледелия расплывчатость статуса землеустройства ясачных.

По Уставу 1822 г. сибирские аборигенные народы делились на три разряда, и в зависимости от разряда за ними закреплялись те или иные права. Оседлые инородцы занимались хлебопашеством, жили деревнями или в городах, занимаясь торговлей и промыслами городских обывателей. Они приравнивались в правах и обязанностях к россиянам того сословия, куда вступали (в том числе в отношении земли). Кочевые инородцы, имеющие «оседлость, хотя постоянную, но по временам года перемещаемую и не жившие деревнями» [9, с. 124-130], приравнивались к крестьянам. Им во владение назначались земли, где они могли заниматься земледелием, скотоводством, местными промыслами, а могли разделить земли на участки по своим обыкновениям. Им гарантировалась возможность перейти в оседлость с выделением во владение земель для хозяйственной деятельности. Бродячие (или ловцы) инородцы, которые, «не имея никакой оседлости, переходили с одного места на другое по лесам и рекам или урочищам для звероловного и рыболовного промысла отдельными родами и семействами» [8, с. 335], приравнивались в правах к кочующим. Инородцы на основе своих обычаев решали вопросы владения и распоряжения этими землями. Уставом было закреплено право беспрепятственного перемещения инородцев до 500 верст от места проживания, а государственным служащим рекомендовалось сократить количество посещений их стойбищ и стоянок, устанавливались случаи, по которым «казаки и чиновники допускались в стойбища инородцев». Русским не дозволялось самовольно селиться на инородческих землях; юридически они могли только взять у инородцев места в оброчное пользование, причем по согласованию с обществом [5, с. 153-163].

В соответствие с «Уставом» качинцы, сагайцы были отнесены к разряду «кочевых». Российское правительство в фискальных целях придерживалось охранительной политики в отношении ясачных угодий, запрещая их хозяйственное использование русским населением, но распространение земледелия и скотоводства заметно деформировало традиционные правила землепользования. В.Я. Бутанаев отмечает, что посторонним запрещалось на территории ведомств пасти скот, возводить заимки, пахать землю, рубить дрова, довить рыбу и т.д. За пользование землей или угодьями они должны были платить оброк, который теоретически шел на нужды ведомств [2, с. 62-63]. Фактическое владение и распоряжение землей находилось в неразрывной связи с владением скота.

По подсчетам К.М. Патачакова, в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. пастбища в Минусинском округе занимали 565 873 дес., а пашни, включая озимые и яровые, – 13 663. Он подсчитал, что в 1824 г. кызыльцами было вспахано 68 десятин земли, но в течение

века посевы были незначительны, и хакасы покупали хлеб у русских крестьян [12, с. 12-13]. У коренного населения по-прежнему преобладало скотоводство, хлебопашеством занимались для собственного продовольствия [13, с. 60-83]. Самые большие табуны были у бельтыров. Статский советник И.С. Пестов отмечал, что к 30-м гг. XIX в. койбалы разводили не только лошадей, овец и верблюдов, но домашнюю птицу. В Ачинском округе под посевами было занято 18 605 десятин, а пастбищами – 390 108. Жители Кызыльской степной думы, по его мнению в «благоприятном дружестве» с русскими, перешли к постоянным жилищам и во многом заимствовали у них «хозяйственные заведения». Они сеют рожь, пшеницу, овес и коноплю и, хотя рыбный и охотничий промысел, по-прежнему играют главную роль, кызыльские мужчины ходят в «платье как русские крестьяне» [13, с. 126-151].

Г.С. Батеньков (ближайший помощник М.М. Сперанского в подготовке реформы) отмечал, что в средней зоне Приенисейского края более 30 % ясачного населения было полностью земледельческим или частично сочетало земледелие со скотоводством и звероловством. А в южной зоне почти треть населения коренного населения жила земледелием, до 60 % его была связана с хлебопашеством в большей или меньшей степени. Чисто кочевнические хозяйства составляли около 6 %, занимающиеся рыбным и охотничьим промыслом – 20 %. Всего хозяйств смешанного типа было, по подсчетам Г.С. Батенькова 43 %. В 1827 г. по всем хакасским ведомствам насчитывалось 37 806 голов лошадей и 40 638 крупного рогатого скота [7, с. 14, 96-99].

Общение с русскими земледельцами способствовало возрождению земледелия у хакасов еще во второй четверти XVIII в. Большинство исследователей сходится в том, что традиционное хозяйство сибирских татар было комплексным и базировалось на скотоводстве, земледелии, охоте, рыболовстве и собирательстве (14).

Вариации хозяйственного комплекса зависели прежде всего от среды обитания, ландшафта, климатических факторов и были традиционными в той или иной местности. Первая треть XIX в. характеризовалась целым рядом мероприятий, направленных на организацию управления Сибирью. Во второй половине XIX в. политика характеризуется направленностью на ликвидацию особого правового положения сибирских «инородцев», в том числе на унификацию их хозяйственного строя и податного обложения.

Список литературы

[1] Борисов А.А. Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной и Южной Сибири в XVII–XIX вв. // Историческая демография. 2013. № 1. С. 30-37.

[2] Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан : Хакас. отд. Краснояр. книж. изд-ва, 1987. 175 с.

[3] Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 207 с.

[4] Дамешек Л.М. Сибирские "инородцы" в имперской стратегии власти: XVIII – начале XX в. Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.

[5] Жукова Е.В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов как объект правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 5/201. С. 153-163.

[6] Ивонин А.Р. Тупики «русского феодализма» // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 87-101.

[7] Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII– первая четверть XIX вв. Абакан: Хакас. обл. типограф., 1970. 199 с.

[8] Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 354 с.

[9] Кряжков В.А. Правовые основы развития народов Севера и Сибири // Современное положение и перспективы развития малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2004. 168 с.

[10] Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации: курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2013. 680 с.

[11] Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. 551 с.

[12] Патачаков К.М. Культура и быт хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Книжное изд-во, 1957. 104 с.

[13] Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М.: Унив. тип., 1833. 298 с.

[14] Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Изд. дом. «Наука», 2006. 260 с.

[15] Тычинских З.А. Служилые татары: генезис и трансформация этносословной страты (на материале Западной Сибири) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 240-247.

[16] Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII – начало XIX в.) / Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та,1991. 192 с.

[17] Чернова Т.А. Русско-башкирские отношения (XVI – XVIII вв.): историографический анализ // Проблемы развития приграничных территорий: Сб. мат-лов общерос. конф. / Под ред. Ермолиной Н.А. Троицк: ООО Еманжелинский Дом печати, 2009. С. 246-254.

УДК 94, 39 (397), 332.3

Экономика Джунгарского ханства и её влияние на экономику народов Южной Сибири

Ситнянский Георгий Юрьевич
Доктор исторических наук, профессор, Южно-Сибирский филиал ИИМК РАН, г. Абакан, Россия.
sitnyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается социально-экономическое развитие кочевых народов Евразийской Степи XIII-XVIII вв. на примере монгольских этносов (в первую очередь джунгар) в аспекте перехода в эпоху Чингизидов от традиционной степной демократии к деспотическому государству и обратно, в том числе в хозяйственно-экономическом аспекте, а также взаимосвязь указанных процессов в Степи с социальными, экономическими и политическими изменениями в России. Кроме того, анализируется степень влияния указанных процессов в Джунгарском ханстве и в России на социально-экономическую ситуацию у народов Южной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Чингизиды, Джунгария, степная демократия, Россия, народы Южной Сибири, экономика

Автор много писал о так называемой традиционной степной демократии у народов Великой Степи, о том, как эта степная демократия была уничтожена Чигизидами, о том, как в течение XIII-XVI вв. постепенно происходил процесс восстановления традиционной степной демократии (я называю этот процесс «расчингисханиванием»), а также о том, что в монгольских степях после потери Чингизидами Китая продолжала с 1368 по 1634 гг. править династия Северная Юань, формально считавшаяся сюзереном всех Чингизидских государств. В 1634 г. последний Великий хан Северной Юань передал свои регалии и полномочия джунгарскому хану (согласно официальной китайской истории – маньчжурскому правителю Абахаю, сын которого в 1644 г. стал первым цинским императором Китая; однако есть основания считать, что история была переписана после разгрома Джунгарского ханства Империей Цин в 1755-1759 гг., для чего Абахаю было задним числом приписано имя, созвучное с титулом джунгарских ханов – Хунтайджи). Номинальный суверенитет Северной Юань над всеми государствами Чингизидов и обширная (в период наибольшего могущества – от Нижней Волги до Большого Хингана и от Южной Сибири до Средней Азии) протяжённость Джунгарского ханства послужила поводом к изображению на европейских картах «Великой Тартарии» вплоть до третьей четверти XVIII в. [25-27 и др.].

При этом замена степной демократии чингизидской деспотией и последовавший обратный процесс «расчингисханивания» сказывались, естественно, и на социально-экономическом развитии степных государств и подвластных им народов, в том числе народов Южной Сибири. В рамках настоящей работы представляется необходимым:

рассмотреть социальный строй Джунгарского ханства и ответить на вопрос: было ли оно в социально-экономическом плане «очингисханенным» или традиционным степным, евразийским;

разобрать то, какое влияние оказали социально-экономические процессы в Джунгарском ханстве на таковые у подвластных ему народов Южной Сибири;

поскольку Южная Сибирь в XVII-XVIII вв. постепенно вошла в состав России, то нельзя не проанализировать и изменения в российском социально-экономическом устройстве указанного времени.

Начать, однако, представляется целесообразным с анализа процесса формирования «степной деспотии» вместо «степной демократии» в эпоху Чингизидов.

Чингис-хан и его полководцы не могли допустить существования организованных

на прежних («степной демократии») принципах кочевых племён, тем более крупных. Современный казахский автор С. Акимбеков пишет, что Чингизиды в принципе не могли мириться с существованием где-либо в Великой Степи независимых от них образований кочевников [2, с. 209-212, 220]. Представляется необходимым спросить: почему?

Может быть, потому, что «степная демократия» – соблазн для своих подданных? И Чингис-хан стремится уничтожить эту «другую жизнь», чтобы «свои» не соблазнились и не вспомнили, что и они раньше такими были? «Оборонительная агрессия» – так назвал подобную политику М. Восленский применительно к тоталитарным режимам XX в. [6, с. 453-456]. Лишь позже, после разрушения племенной структуры кипчаков, Чингизиды стали и их использовать для комплектования своей армии, как ранее, например, татар, меркитов, найманов.... [2, с. 224-225]. Однако, например, в Восточной Европе ещё и в 1238-1239, уже во время завоевания Руси, главной задачей Чингизидов оставалось истребление тех кипчаков, которые продолжали придерживаться принципа степной демократии (такие к тому времени оставались на Волге и в Причерноморье). Судя по тому, какие силы были брошены Батыем против кипчакского кочевого объединения Бачмана на Волге, и по тому, какое значение придавалось победе над ним, это объединение было достаточно опасной альтернативой «чингисхановской» организации степного государства [2, с. 252-253]. В то же время на захваченных Чингизидами китайских территориях традиционные государственные институты функционировали практически без изменений, добавляет С. Акимбеков [2, с. 238-239], а я скажу больше: империя Чингизидов была образованием, которое Л.Н. Гумилёв называл «этнической химерой». Правда, этот автор категорически бы не согласился с такой интерпретацией сущности державы Чингизидов, которую он вообще всячески старался «реабилитировать», но применительно к созданным тюркскими и монгольскими кочевниками в Северном Китае IV-VI вв. он применяет именно определение «химера», то есть евразийско-восточный суперэтнический гибрид, по жестокости превосходивший обоих «родителей» [8, с. 85 и др.]. Но разве нельзя сказанное им применить и к империи Чингизидов? Как бы то ни было, степная демократия последними выкорчёвывалась, а восточная деспотия переносилась на евразийскую степную почву, сохранялась и приумножалась.

Однако по мере распада империи Чингизидов степное общество постепенно возвращалось к традиционной древнетюркской социальной системе: так, уже во второй половине 1340-х гг. временно отпало «левое крыло улуса Джучи» (нынешний Казахстан» (возможно, именно на почве противостояния начавших «расчингисханиваться» степняков ордынскому центру); тогда это движение было подавлено [28, с. 130], но ненадолго. В принадлежавшем Чагатайскому улусу Могулистане (Семиречье) шли те же процессы – уже в XIV в. монгольские «тысячи» постепенно эволюционировали в племена [2, с. 343]. Шёл этот процесс и у будущего государствообразующего этноса Джунгарского ханства – ойратов: если в конце XIV – первой половине XV вв. они, как и все монголы, делились на тумены, тысячи, сотни и десятки, причём каждое такое образование было не только воинской единицей, но его командир был также экономическим (советский автор пишет – «феодальным») сюзереном, от которого непосредственные производители зависели экономически, неся вего пользу ряд поборов и повинностей, то во второй половине XV в. такие образования сменились родами и племенами [10, с. 70-71].

При ослаблении, а особенно после распада чингизидских государств процесс возврата к традиционной племенной системе ускорился [2, с. 455-456, 472]. Киргизы, например, уже в XVI в. вновь воспроизвели её [1, с. 38-41]. Казахи – тоже. Те же процессы шли и у ойратов: к началу XVII в. (а не раньше? – см. выше – Г.С.) омоки (роды) полностью вытеснили тумены, тысячи и сотни. При этом в XVII в. омок – это уже не род, а семья или группа семей, связанных узами родства и ведущих обособленное хозяйство. А затем место омока занял оток, в котором родственные связи окончательно уступили место территориально-экономическим [10, с. 73-79]. Но всё же – когда эта смена произошла? Для сравнения проанализируем хронологию процесса «расчингисханивания» у других степных этносов.

Казахское ханство к началу XVI в. – ещё вполне «чингисхановского» типа. Смена форм, по мнению С. Акимбекова, могла произойти во второй половине XVI в. и закрепиться на рубеже XVI-XVII вв. [2, с. 511, 549]. Здесь снова время задать тот же вопрос: а не раньше? Но, как бы то ни было, процесс явно шёл неравномерно, созданная Чингис-ханом система оказалась достаточно живучей [2, с. 232-233], хотя бы потому, что Золотая Орда из подвластных ей оседлых стран опиралась не только на экономические ресурсы Руси (отчасти – и других восточноевропейских стран) [подр. см.: 2, с. 267, 283-286, 307; 23, с. 328;26, с. 16-17], но и на ресурсы ряда восточных территорий (в первую очередь Хорезма).

При этом интересно, что уже в 1530-х гг. ойраты, в тот момент (вторая половина XV и почти весь XVI века) после первого периода могущества (при Эсен-хане) переживавшие упадок и превратившиеся в вассалов «восточномонгольских» Чингизидов из Северной Юань, начали новую конфронтацию с казахами после почти столетия мирных отношений [10, с. 67]. Почему? Не потому ли, что Чингизиды стремились вернуть в прежнее состояние расчингисханившихся или как минимум вступивших на этот путь степняков? И, может быть, подчинив ойратов, они провели их повторное «очингисханивание»?

К этому я вернусь чуть ниже, а пока отмечу, что на социально-экономическую систему у народов Южной Сибири оказала влияние также и Россия, поэтому обратимся к тому, что происходило в это время в нашей стране. Есть основания считать, что попытка реставрации «золотоордынских» порядков имела место в эпоху Опричнины, которая, как показывает анализ разрядных книг того времени, первоначально по большей части была укомплектована выходцами из бывшей Золотой Орды [см.: 15]. Мне приходилось подробно писать об «ордынском синдроме» в России в опричный период её истории (и в течение нескольких десятилетий после него) [25, с. 91-168]. Однако на народы Южной Сибири Опричнина влияния не оказала и оказать не могла: завоевание Западной Сибири началось, как известно, лишь в последние годы царствования Ивана Грозного, а в Южную Сибирь русские пришли уже при Романовых. А вот Джунгарское ханство уже в конце XVI – первой четверти XVII вв. многие народы Южной Сибири себе подчинило (более ранними данными не располагаю, но не исключено, что и раньше).

И.Я. Златкин называет началом возрождения Джунгарского ханства 1587 год, когда ойраты сумели нанести поражение восточным монголам [10, с. 113]. И уже в 1591 г. джунгары появляются в верховьях р. Оши (нынешняя Омская область) [24, с. 352]. В 1598 г. калмыки прикочёвывают с юга к. р. Оби [13, с. 57]; из текста, правда, неясно, в каком именно месте это происходит, но, судя по тому, что эта откочёвка заинтересовала тарского воеводу, едва ли речь идёт о верховьях реки. В 1604 г. джунгары осаждают Тару [9, с. 82], в 1609-1614 гг. покоряют барабинских татар [10, с. 86]. В преданиях последних до сих пор сохранился образ жестокого калмыцкого Кара-хана [34, с. 90].

В 1608 г. джунгары кочуют в трёх днях пути от Тары, а в следующем году извещают русских о том, что они «с белых колмаков (телеутов – Г.С.) ясак емлют» [17, с. 25-27, 38-39]. В 1621 г. джунгары строят укреплённый лагерь на Оби, близ устья р. Чумыш, и собираются кочевать «между Томском и Кузнецком», а в следующем году уже подчиняют себе население Кузнецкого уезда [17, с. 113-116]. Одним словом, народы Южной Сибири в большинстве своём явно оказываются под их властью. Добавлю ещё, что почти полвека спустя, в 1667 г., джунгары осаждают Красноярск, желая, помимо всего прочего, восстановить свою власть над своими бывшими «кыштымами» (данниками), в том числе над «киргизскими и тубинскими людьми» [10, с. 218], т.е. над хакасами и тофаларами.

Между тем, к началу XVIII в. Россия подвинулась достаточно далеко в Южную Сибирь, действительно переподчинив себя ряд бывших джунгарских вассалов, что не раз приводило к серьёзным конфликтам с Джунгарией. Уже в 1609 г. телеутский князь Абак добровольно принял российское подданство [33, с. 12]. С 1640-х гг. покорённые ранее джунгарами барабинские татары превратились в двоеданцев, плативших и ясак России, и алман Джунгарии [10, с. 120]. Телеуты, которые на протяжении десятилетий то ссорились, то мирились с Россией, постепенно, однако, переходили на русскую службу

в индивидуальном порядке, невзирая на все усилия джунгар вернуть их в подданство как дипломатическим путем [31; 32], так и военным. В 1661 г. их нападению (правда, неудачному) подверглись томские татары [10, с. 138]. В 1664-1665 гг. в Томск прибыло джунгарское посольство, потребовавшее выдачи беглых телеутов; дело едва не кончилось войной [10, с. 214-215]. Наконец, в 1673 г. телеуты перешли окончательно в российское подданство [30, с. 239-241].

В началеXVIII в. (1717-1718 гг.) телеуты Северного Алтая вновь ненадолго были окончательно вовлечены в орбиту влияния Джунгарского ханства, причём речь шла не о территории, а о населении: по некоторым сведениям, джунгарский хан Цеван Рабдан насильно увёл их в Алтайские горы [3, с. 15]. Но это произошло уже на излёте могущества Джунгарии, вскоре ханство начало уже переживать упадок, соответственно его влияние (в том числе экономическое) на телеутов было меньшим, чем если бы оно длилось непрерывно на протяжении XVII-XVIII веков.

В 1716 г. был основан Омск, и вскоре, по преданиям барабинских татар, их предки, уставшие от набегов джунгар, обратились к российским властям с просьбой прислать воинские команды для защиты. Примерно в 1720-х гг. в Барабе появились и первые русские поселенцы [18, с. 14-15]. Наконец, в 1756 г., с ликвидацией Джунгарского ханства, к России был присоединён Южный Алтай, принадлежавший им до того непрерывно в течение минимум 200 лет [19, с. 37]. Есть основания считать поэтому, что у южных алтайцев экономические порядки поэтому были ближе к джунгарским.

Поэтому о социальном строе России этого времени надо сказать более подробно. И начать представляется целесообразным с опровержения расхожего мифа о Петре I как о европеизаторе России; в плане реальной, а не показной европеизации он делал прямые шаги назад.

В самом деле, собственность при нём оказалась менее защищённой, чем при первых Романовых, хотя конфискации не достигли такого размаха, как при Иване Грозном. Выборное начало на всероссийском уровне (Земские Соборы) Петром было попросту уничтожено, а на местном превращено в фикцию. Крепостное право, до того ничем не отличавшееся от такового в Германии, Польше или Венгрии, превратилось в форменное рабство с продажей крестьян как скотины. Более того, закрепощены были и дворяне: послабления по обязательной военной службе, достигнутые дворянством при тех же первых Романовых, были сведены на нет.

Про Церковь и говорить нечего – она лишилась самостоятельности, восстановленной первыми Романовыми после «оприч-но-смутного кошмара», и была превращена в полностью государственный институт, этакое «министерство по делам религии», возглавляемое мирским чиновником – обер-прокурором Синода.

При этом насаждение новых порядков проходило методами, сопоставимыми с террором опричников Ивана Грозного; Я. Гордин, например, прямо сравнивает учреждённую Петром Гвардию, которая к концу его царствования контролировала действия самых разных государственных институтов, с Опричниной [7].

Но всё же и в петровские времена влияние Джунгарского ханства на большинство интересующих нас народов Южной Сибири явно превышало российское. Поэтому необходимо рассмотреть социальный строй Джунгарского ханства и ответить ещё на один вопрос: было ли оно в социально-экономическом плане «очингисханенным» или традиционным степным, евразийским?

И.Я. Златкин много пишет о социальном строе Джунгаро-ойратского ханства, например, о верховном праве хана распоряжаться землёй, что не мешало фактически делать это местным владетельным князьям. Однако, во-первых, он сам признаёт, что малочисленность прямых источников вынуждает исследователей решать вопрос о социальном строе Джунгарии по источникам косвенным, касающимся других регионов Великой Степи, в первую очередь Халха-Монголии, и сам он тоже руководствуется косвенными источниками, например, данными о восточных монголах или о приволжских калмыках, при этом сам же отмечает, со ссылкой на ряд источников, что и

у халха-монголов закрепление участков земли в частную собственность началось только в XIX в. [10, с. 397], имея в виду, впрочем, только её куплю-продажу и аренду; в другом месте этот же автор констатирует, что уже в XVII (отчасти и в XVI) в. у монголов понятие «хуби» (пожалование земли в условное пожизненное владение за службу) исчезает, заменившись наследственным владением «умчи» (наследственная собственность данного омока), и предполагает, что в Центральной и Западной Монголии этот процесс завершился в связи с распадом империи Чингизидов на рубеже XV-XVI вв. [10, с. 86-87, 392]. Возможно, во втором случае речь идёт о «феодальной» (насколько применимо это слово к Центральной Азии) собственности, а в первом – о начавшей проникать через Россию «буржуазной». Добавлю, что и в России при первых Романовых шло восстановление дворянской частной собственности на землю (при условии военной службы хотя бы одного из членов семьи) вместо временного пожалования земли за службу, ставшего нормой в период Опричнины.

Во-вторых, продолжая анализ социального строя Джунгарии, по данным о кочевниках далеко не всегда можно установить, где проходит грань между властью удельного князька над землёй и подданными как «восточного деспота» и его же властью над ними же как собственника земли. Опять-таки, это зависит и от степени «очингисханивания» кочевого общества, у Златкина же речь идёт о косвенных данных о калмыках и восточных монголах, власть ханов у которых, в-третьих и в главных, в XVII-XVIII вв. явно была менее централизованной, чем в милитаризованном Джунгаро-Ойратском ханстве, почти постоянно конфликтовавшем чуть ли не со всеми соседями. Так что судить о социальном строе Джунгарского ханства по восточным монголам или приволжским калмыкам – это примерно то же самое, что судить о социальном строе Московского царства времён Опричнины по хозяйственным документам Великого Княжества Литовского.

И в-четвёртых, не забудем: поскольку советская историческая наука категорически отрицала наличие такой социально-экономической формации, как азиатский способ производства, то Златкин старается представить социальный строй Джунгарии как «феодальный».

В Джунгарском ханстве, как и в Монголии и в Калмыкии, ни один арат не мог самовольно покинуть владение своего князя или зайсана, ойратские законы 1640 г. предусматривали суровое наказание не только для самих беглых (за это, как, вероятно, и за некоторые другие проступки, их разрешалось наказывать телесно и даже увечить – «носы и уши обрезать и другие члены обрубать») [20, с. 299], но и для князей, которые принимали и укрывали чужих беглых: за это полагался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей – больше, чем за убийство. Князья имели право продавать, покупать и дарить аратов, телесно наказывать, вплоть нанесения увечий, но не убивать их (очень напоминает российское крепостное право после Петра, за исключением разве что права отрезать уши и носы – Г.С.). Интересно, что в 1755 г. Сенат Российской Империи обсуждал вопрос о разрешении русским покупать калмыков у их владельцев в качестве крепостных [10, с. 406, 414-416]. Интересно и то, что ойраты в 1727 г. в общении с членами русского посольства выражали опасения, «что нас по рукам разберут и в чужие страны развезут» [4, с. 149], причём, поскольку Джунгарское ханство в этот период было ещё достаточно сильным и практически на равных вело войну с Китаем (1711-1739 гг.), речь идёт явно не о внешних силах, которые могут это проделать.

В Наробачинском владении (Халха) население разделялось на «тайджи» (аристократию, «белую кость») и на «чернокостных» аратов; последние разделялись на группы «хамжилга» (американский автор приводит термин «supportingfamily», т.е. буквально «поддерживающая семья», можно перевести также как «обеспечивающая» или «вспомогательная» семья) «албату» («havingduty», т.е. буквально «имеющие обязанности», по смыслу – скорее «несущие повинность», очевидно, несвободные) и «дарханов» («having-freedom» – свободные) [40, p. 11-12]. Последние представляли собой привилегированную аратскую верхушку, освобождённую от налогов и даже от уголовной ответственности

до девятого преступления включительно [11, с. 53]. Для сравнения, сто лет спустя после распада Джунгарского ханства, основную массу ранее подвластных джунгарам алтайцев составляли лично свободные, ведущие своё хозяйство скотоводы [5, с. 167], хотя не совсем понятно, как было в период их нахождения под властью джунгар.

Интересно, что у калмыков, как свидетельствовал весной 1724 г. в беседе с представителем русского посольства один из влиятельных представителей калмыцкой знати, «кому не быть ханом, всё равно, и токмо что прибыток ему будет один титул и место первое; а пожиток его с одних только с его собственных улусов, а прочие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоваться не повинен, и слушать его в том никто не будет». И.Я. Златкин на основании этого документа приходит к выводу, что прочность ханской власти и её авторитет были прямо пропорциональны размерам ханского домена, чем и объясняется яростная борьба, которую и вели ханы и претенденты на ханский трон за расширение своих доменов [10, с. 408]. Примерно то же самое было у алтайских зайсанов, в функции которых входила регуляция пастбищ (распоряжение выпасами) в пределах региона, и которые закрепляли за собой часть общинных пастбищ (понятно, как правило, старались закрепить получше) и с них кормились [21, с. 275-277], но при этом никаких повинностей барщинного типа (т.е. бесплатных) в отношении зайсанов остальное общество не несло – зайсану «помогали», как «занятому общественной работой», но эта периодическая работа на зайсана оплачивалась обществом [21, с. 291; 29, с. 54], напоминая таким образом скорее налог на содержание чиновника, чем феодальную обязанность. Добавим, что П.А. Чихачёв отмечает отсутствие большой разницы между зайсанами и прочими алтайцами [36, с. 86].

Очень похоже на Западную Европу периода феодальной раздробленности, вплоть до принципа «король – первый среди равных», похоже и на дочингисхановские евразийские степные государства. Но всё это относится к тем регионам Великой Степи, которые к моменту составления этого описания явно уже успели «расчингисханиться» и вернуться к традиционным степным порядкам, и совсем не похоже на империю Чингизидов.

А вот в Джунгарии хан, лично владея лучшим и обширнейшим улусом, меньшие раздавал в управление и в кормление своим сыновьям и братьям [14, с. 30-31]; и вот это как раз на чингизидские порядки очень похоже. И.Я. Златкин также соглашается с тем, что в Джунгарском ханстве централизация власти была гораздо более прочной, чем в Калмыкии. «Несомненно, что со времён Батур-хунтайджи и до конца правления Галдан Церена, т.е. более столетия, в Джунгарском ханстве не было серьёзных и длительных усобиц, которых было так много в Калмыкии. Ханская власть в Джунгарии сравнительно легко справлялась с сепаратистскими стремлениями великих и малых князей, сурово карая всякого, кто пытался оказать сопротивление воле хана» [10, с. 411-412].

В Джунгарском ханстве арат, кому бы он ни принадлежал и какие бы повинности в отношении своего хозяина ни нёс, не свободен был и от государственной барщины – он должен был, например, шить обмундирование, работать в ханских мастерских, нести подводную повинность. Как отмечали, например, участники того же русского посольства в 1722 г., «300 баб и более за свой кошт шьют куяки и платье для войска» [4, с. 149].

Не объясняется ли откочёвка калмыков на Нижнюю Волгу и последующие отказы вернуться в Джунгарию тем, что калмыки к XVII в. «расчингисханились», а джунгары – ещё нет, что и привело к желанию «разойтись»? Как похоже и на то, что халха-монголы по этой же причине предпочли китайское подданство – Китай, хотя и был типично восточным государством, но во внутренние дела монголов, во всяком случае, в их социально-экономические порядки, особо не вмешивался, если не считать, конечно, чрезвычайных поборов в военное время.

Только крепостные высших лам «шабинары», буквально «послушники») были свободны от государственной барщины, зато сами высшие ламы могли, например, безвозмездно выпасать скот во владениях светских князей [10, с. 417]. Такая ситуация

напоминает положение Церкви в империи Чингизидов и в зависимых от неё государствах; разберём это на примере России.

К середине XVI в. Русская Церковь имела такие привилегии и иммунитеты, как никакая другая церковь в Европе. И обязана она была этим не Константинополю и не Москве, а Золотой Орде. Недаром в XVI в., выступая против планировавшейся Иваном III секуляризации церковной собственности, именно на ордынские ярлыки ссылались московские церковные иерархи, защищая свои феодальные права и привилегии. Церковь не только была освобождена от дани и вообще от каких-либо повинностей сама, но от налогов были освобождены и те, кто на неё работал, а сверх того она имела право самостоятельного управления своими владениями вплоть до права вершить суд «и в разбое, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах» [37, с. 170-171]. Вполне возможно, что имела Церковь и право сбора налогов [35, с. 22]. С. Акимбеков, оценивая роль Церкви в становлении «ордынских» порядков на Руси, отмечает и её роль в становлении «самодержавия византийского образца» [2, с. 385-386].

Вернёмся к джунгарскому влиянию на экономические порядки у южносибирских народов. Тот факт, что до середины XIX в. источники ничего не сообщают о частном землевладении у южных алтайцев, на основании чего В.Н. Владимировым делается вывод об отсутствии у них феодальной частной собственности [5, с. 150-155], а у шорцев и к концу XIX в. отсутствовало право владения землёй при сохранении права пользования и распоряжения (при том, что шорцы, в отличие от алтайцев, были оседлыми и земледелие у них играло не подсобную роль, а было важной составляющей, без которой хозяйство не могло бы функционировать) [22, с. 47-48], ещё не говорит о влиянии у последних именно джунгарском (у первых в силу куда более продолжительного и непрерывного джунгарского господства это влияние почти несомненно). К тому же у шорцев, как и у южных алтайцев, земледелие было орошаемым, что требовало кооперирования труда [5, с. 134; 22, с. 48].

Но ещё интереснее – положение трудящихся в тех отраслях промышленности, которые заводили или пытались завести джунгаро-ойратские ханы. В Джунгарском ханстве, например, добывалась железная руда, налаживалось производство артиллерии, в том числе с помощью русско-шведских пленников (т.е. взятых в плен в ходе Северной войны и уже у русских повторно захваченных в плен джунгарами). Самый знаменитый из последних – Юхан Густав Ренат, офицер-артиллерист, взятый в плен под Полтавой, участвовавший в экспедиции И.Д. Бухгольца и в 1716 г. вторично взятый в плен – уже джунгарами. Но он отнюдь не был единственным… Работали там и другие шведы, и русские пленные – солдаты и казаки, но главное – собственные подневольные работники. Развивалось также текстильное дело, производство украшений и некоторых предметов быта, и там тоже без этого не обходилось.

Так вот, И.Я. Златкин описывает организацию труда на этих предприятиях: «Все известные нам «предприятия» (кавычки Златкина – Г.С.) работали на ханскую казну… В основе этой промысловой деятельности лежал принудительный труд аратов, отбывавших своеобразную государственную барщину». О принудительном шитье джунгарскими женщинами амуниции для армии уже говорилось, но здесь явно что-то более серьёзное. Например, десятками изготавливались артиллерийские орудия, в окрестностях оз. Зайсан плавили железную руду и делали стальные латы, сабли и т.д. [10, с. 365-366]. Если говорить о том, кто этим занимался, то фактически речь идёт о приписанных к заводам крепостных рабочих, что очень напоминает Россию того же времени. В нашей стране число вольнонаёмных заводских рабочих превысило число крепостных (численность которых стала уменьшаться только при Елизавете Петровне, когда принудительное приписывание крестьян к заводам было ограничено, а затем и вовсе запрещено) лишь к концу царствования Екатерины II [подсчёты автора по: 16, с. 404-408].

А с телеутов ещё ранее, в первой половине XVII в., джунгары брали ясак железными изделиями, в том числе (и в первую очередь) военными, такими, как «пансыри, бехтерцы,

шеломы, копьи, рогатины и сабли, и всякие железные, опричь пищалей» [17, с. 115-116]. То обстоятельство, что среди алтайцев К.-Ф. Ледебур отмечал умение изготавливать порох, «хотя и весьма низкого качества» [39, s. 172], тоже говорит скорее о джунгарском влиянии, чем о самостоятельном развитии промышленности.

В 1748 г. командированный в Тарбагатай русский сержант Котовщиков отмечает упадок плавильного завода «серебряной и медной руды», принадлежавшего племяннику Галдан Церена (к тому времени уже покойного), князя Даваци, из-за того, что «прежде, при Галдан-Чирине, к тем заводам ис команды ноёна Дебачи давано было людей в работу по тысячи, по пятисот, а ныне де при владельце Цебек-Доржи-Намжи людей ничего не даётца, понеже он, ноён, с ним, владельцем, имеет несогласие...» В итоге, как сообщает в том же году купец Айбек Бахмуратов, «заводы медные и серебряные, которые де были при Галдан-Чирине, ныне де брошены, ибо де прибыли нет...» (в обоих случаях орфография оригинала – Г.С.) [10, с. 365-366].

Сто лет спустя, к 1840-м гг., и у подвластных в прошлом джунгарам горных алтайцев налицо был полный упадок металлургического производства, сохранившегося лишь «в наиболее глухих местах», и плавкой железной руды среди встреченных П.А. Чихачёвым алтайцев занимался «лишь один старик, живший в юрте». Чихачёв видит причину этого «доставку российских металлургических произведений» [36, с. 139], однако, возможно, причина тут вдругом – во влиянии Джунгарии, где имел место крепостной труд на заводах, которые без дармовой принудительной «рабсилы» быстро приходят в упадок. Что касается упадка у подвластных джунгаром народов Южной Сибири, то, например, в том же Кузнецком уезде Москва стремилась защитить местное население и не допустить продажи ойратам оружия и мехов [10, с. 143]. Вероятно, стимулов к добровольному производству у этих народов не было, потому с концом джунгарской «принудиловки» кузнечное ремесло в упадок и пришло. Хотя трудно сказать, что стало бы с кузнечным ремеслом у этих народов, не будь ни джунгарского (принудительные поставки металлических изделий), ни русского (конкуренция таковых из России) влияния.

Отметим, что и в России уральские крепостные заводы постепенно приходили в упадок, в отличие от вольнонаёмных предприятий, которые при той же Екатерине II и после неё бурно и динамично развивались.

Ещё один интересный факт: в начале царствования Екатерины II (1763 г.) часть частных уральских заводов была передана в казну; эта «национализация» (если говорить современным языком), отметим, совершенно не вписывается в общую либеральную политику Екатерины (поощрение именно частной экономики, ликвидация всех и всяческих монополий и т.д.), и есть основания думать, что она была ошибкой, поскольку у государства не было средств на развитие горного дела. В итоге это огосударствление наряду с использованием крепостного труда привело к отставанию отечественной горной и металлургической промышленности [12, с. 241]. Правда, в России упадок, в отличие от Джунгарии, затянулся на 100 лет с лишним, и отставание по-настоящему сказалось уже позже, в первой половине XIX в. Ещё в 1820 г., например, Россия по выплавке чугуна всего в 2,5 раза уступала Британии и в полтора раза превосходила Францию, а в 1850 г. она уже отставала почти в десять раз от первой и почти вдвое от второй [38, с. 190].

Итак, мы видим, что Джунгарское ханство по факту представляло собой попытку возрождения империи Чингизидов, как в плане завоеваний, так и в плане реставрации чингисхановских социально-экономических порядков («повторное очингисханивание»). При этом, вполне возможно, «повторное очингисханивание» произошло у джунгар после того, как в XV-XVI вв. они на время вернулись под власть Чингизидов из Северной Юань; в итоге же «чингисхановские» порядки задержались в Джунгарии дольше, чем у халха-монголов.

Добавим, что при Иване Грозном, а затем и при Петре I нечто подобное имело место и на другом конце Евразийского пространства – в России. В России, правда, и после Грозного, и после Петра сравнительно быстро произошёл возврат к нормальной экономике, но в

некоторых отраслях промышленности (например, в горно-металлургической), а также в сельском хозяйстве использование принудительного труда сохранилось надолго, что и привело к отставанию России в этих областях вплоть до 1861 года, а в сельском хозяйстве – до Столыпинской реформы.

С другой стороны, на сельское хозяйство народов Южной Сибири джунгарское господство, в силу его прерывистости и сравнительной непродолжительности (в общей сложности – едва ли сто лет), оказало сравнительно небольшое влияние, за исключением южных алтайцев, где оно было значительно более продолжительным (вероятно, с XVI, а возможно, и с XV века). Несколько больше было влияние джунгар на ремесло у этих народов, в основном кузнечное, в силу принудительных поставок металлического оружия и снаряжения для джунгарской армии; с прекращением этих поставок кузнечное ремесло в Южной Сибири пришло в упадок.

И.Я. Златкин считает, что упадок промышленного производства в Джунгарии вызван был тем, что со смертью в 1745 г. Галдан Церена в Джунгарии резко обострилась внутриполитическая обстановка [10, с. 366], и он, вероятно, прав, но только в том плане, что политическая нестабильность ускорила этот процесс, однако при нормальной внутренней ситуации в стране упадок растянулся бы ещё на несколько десятилетий (как это было в упомянутых мною отраслях промышленности в политически стабильной, если не считать краткого царствования не вполне психически нормального Павла I, России 1762-1861 гг.), но он всё равно бы наступил.

Но вот ещё один вопрос, возможно, самый интересный: кто у кого учился в вопросе использования крепостного труда на промышленных предприятиях? Не у «Великой Тартарии» ли позаимствовал Пётр I идею крепостного труда на заводах? А идею тотального государственного контроля над промышленностью? Если Иван Грозный, как есть основания предполагать, явно учился организации государственного устройства у бывшей Золотой Орды, то не делал ли этого и Пётр, только у джунгар, сменивших Чингизидов в качестве гегемонов Степи? Но это тема отдельного исследования…

Список литературы

[1] Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 478 с.

[2] Акимбеков С.М. История степей. Феномен государства Чингизидов в истории Евразии. Алматы: Изд-во «Центр Азии», 2011. 640 с.

[3] Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.

[4] Веселовский Н.И. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 277 с.

[5] Владимиров В.Н. Социально-экономическое развитие южных алтайцев в составе России. Дисс… к.и.н. Барнаул, 1984. 224 с.

[6] Восленский М.С. Номенклатура. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. 624 с.

[7] Гордин Я. Власть и Гвардия// Знание – сила. 1991. № 11. С. 80-87.

[8] Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае. СПб.: Абрис, 1994. 272 с.

[9] Евсеев В.Н. Тара в свои первые два столетия// Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1981. С. 78-108.

[10] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964. 482 с.

[11] История Абуль-Гази// Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Ч.1. Казань: Тип.губ. правл., 1854. 130 с.

[12] Каменский А.Б. Российская Империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое лит.обозрение, 1999. 326 с.

[13] Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // ЗСОИРГО. 1890. Кн.XIV. Вып.1. 72 с.

[14] Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Мин. Гос. имуществ, 1817. 171 с.

[15] Куковенко В. Инородцы у трона// Московский вестник. 1996. № 7-8. С. 191-231.

[16] Мавродин В.В. (ред.). История СССР. Ч.1. С древнейших времён до 1861 г. М.: Просвещение, 1979. 607 с.

[17] Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. М.: Изд. вост. лит-ры, 1959. 352 с.

[18] Миненко Н.А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. С. 3-33.

[19] Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. 118 с.

[20] Паллас П.С.Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб., 1776. 277 с.

[21] Потапов Л.П. Очерк по истории алтайцев. Новосибирск: Новосибгиз, 1948. 506 с.

[22] Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. 198 с.

[23] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: ИНСАН, 1996. С. 277-526.

[24] Сибирские летописи. СПб.: Имп. Археогр. комис., 1907. 397 с.

[25] Ситнянский Г.Ю. «Великая Тартария»: правда и вымыслы «от Фоменко». Саарбрюккен: LAP, 2018. 240 с.

[26] Ситнянский Г.Ю. Золотая Орда и европейская политика (1241-1359) // The scientific heritage. 2021. № 81. Vol.4. P. 12-19.

[27] Ситнянский Г.Ю. Мировой демократический процесс и степная традиция // Азия и Африка сегодня. 1996. № 3. С. 14-19.

[28] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

[29] Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.: Соцэкгиз, Лен.отд-ние, 1936. 153 с.

[30] Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1981. 275 с.

[31] Уманский А.П. Борьба джунгарской и русской дипломатии в XVII веке по вопросу о «выезжих белых калмыках» – телеутах // Научные труды НГПИ. Вып.64. Новосибирск, 1972. С. 3-30.

[32] Уманский А.П. Выезжие белые калмыки на службе у Российского государства // Научные труды НГПИ. Вып.62. Новосибирск, 1971. С. 3-21.

[33] Уманский А.П. К истории появления «выезжих белых калмыков» (телеутов) в сибирских уездах в XVII веке// Научные труды НГПИ. Вып.45. Новосибирск, 1970. С. 3-21.

[34] Урманчеев Ф.И. Эпические сказания татарского народа. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1980. 120 с.

[35] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304 гг. М.: Прогресс, 1989. 291 с.

[36] Чихачёв П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, 1974. 358 с.

[37] Янов А.Л. Европейское столетие России. М.: Новый хронограф, 2009. 696 с.

[38] Янов А.Л. Загадка николаевской России. М.: НовыйХронограф, 2009. 504 с.

[39] Ledebour C.-F. Reise durch des Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe. Berlin: G. Reimer, 1830. 526 s.

[40] Vreeland H.H. Mongol community and kinship structure. New-Haven: Hraf Press, 1954. 321 p.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней

УДК 930-85

Геокультурные особенности пратюркского этноса как причина возникновения некоторых языковых форм

Дубровина Маргарита Эмильевна
Кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.
maggydu@rambler.ru
https://orcid.org/0000-0002-7170-6217

аннотация В статье автор пытается апробировать неоднократно высказываемую в специальной литературе идею о том, что внешние факторы жизни этнического коллектива могут находить отражение в языковых фактах. Новым в исследовании являются два момента. Во-первых, автор определяет собственно те факторы, которые, на самом деле, могут влиять на те или иные языковые процессы, во-вторых, автор проводит анализ не лексического материала, как это чаще всего делают, а морфологического, автор исследует категорию множественности и причины ее особого функционирования в тюркских языках. В результате, решающими факторами, обусловившими избирательность употребления формы -лар, признаны: размер коллектива, способ хозяйственной деятельности, географический ландшафт.

ключевые слова тюркский этнос, этнолингвистика,категория множественности, категория числа в тюркских языках, грамматика тюркских языков, тюркский праязык.

В последнее время специалисты в области языкознания для лингвистических исследований все чаще привлекают факты, относящиеся к различным аспектам жизнедеятельности языкового коллектива. Согласно основоположнику системной лингвистики Г.П. Мельникову (1928-2000) язык представляет собой систему, внутри которой имеются различные подсистемы (фонология, морфология, синтаксис и т.д.), при этом сам язык входит в некую надсистему и также является ее частью [4, с. 59-62]. Очевидно, в качестве такой надсистемы языка можно обозначить весь спектр человеческой жизнедеятельности: уровень цивилизации, размер общества, религия, хозяйственный уклад, практическая деятельность и т.д. Подтверждением этого предположения могут стать примеры того, что в последнее время некоторые языки малых народов севера России начали выходить из активного употребления в том числе и потому, что сокращается исконно присущая этим народам практическая деятельность (оленеводство, рыболовство).

Признавая язык частью некой общей системы, в настоящей работе также признается правомерным тезис о том, что язык — это адаптивная (т.е. приспосабливающаяся, самонастраивающаяся) система, имеющая вполне определенную функцию — быть средством обмена мыслями между людьми [5, с. 46-47]. Будучи адаптивной системой, любой язык подстраивается под некоторые внешние требования (т.е. запросы надсистемы, в которую входит язык как его часть) для того, чтобы наиболее эффективно передавать необходимые для коммуникантов смыслы. Под влиянием этих внешних требований в языке возникает стимул во-первых, для образования конкретных языковых форм и категорий, а, во-вторых, для образования форм именно в том виде, который определяется этими внешними требованиями. Внешние условия жизни, материальная действительность определяют сознание людей и их поведение, что находит отражение в грамматических формах и лексике языка [6, с. 118-119].

Исследования, при которых языковые факты анализируются в соответствие с различными сторонами жизни этноса, использующего данный язык, можно отнести к области этнолингвистики. Всестороннее изучение этносов в современной науке приобретает все большую популярность. Это связано прежде всего со стремлением самих этнических коллективов показать современному миру свою уникальность,

самобытность, непохожесть на другие народы, в суровых условиях глобализации доказать миру важность своей национальной культуры и языка.

Осознавая надвигающуюся угрозу ассимиляции посредством которой происходит обезличивание.и, конечно же, сохранить свою идентичность, Все чаще представители различных национальностей сами приходят к осознанию того, что их собственный язык, обычаи, традиционный образ жизни, фольклор и национальные песни - это не атрибуты культуры, связанные только с прошлым, ушедшей жизнью их предков, а обязательные условия сегодняшнего процветания и успеха всего национального сообщества. Уже на реальном опыте люди видят, как с потерей национальной идентичности происходит утрата основы всей жизнедеятельности, что влечет за собой материальные потери в сфере снижения благосостояния и уверенности в завтрашнем дне. Таким образом, изучение языка не как изолированной системы, а как одного из составных компонентов жизни конкретной этнической группы представляется одним из перспективных направлений лингвистических научных исследований.

В настоящем исследовании предпринимается попытка показать, каким образом внешние факторы могли бы оказывать влияние на языковые процессы. В качестве объекта исследования взяты тюркские языки, среди которых наибольший интерес представляют языки Сибири, а именно языки Саяно-алтайского региона и Хакасско-Минусинской котловины, к которым тяготеет во многих отношениях и якутский язык. Согласно наиболее признанной классификации эти языки относятся к восточно-хуннской ветви и классификационно входят в две разные группы: уйгуро-огузскую и киргизско-кыпчакскую[7, с. 219]. По мнению В. И. Рассадина, хотя эти тюркские языки и входят классификационно в разные группы и подгруппы, они в то же время сохраняют в себе следы былой общности, что проявляется во многих фактах фонетики, грамматики и лексики этих языков[7, с. 231]. Эти языки интересны еще и тем, что в одной с ними подгруппе находится и древний тюркский язык, который можно называть мертвым языком, - язык древнетюркских рунических памятников (далее язык ДТРП). Проводя исследования по обнаружению связи между событиями древней истории и становлением языковых систем перспективным можно полагать обращение к самому первому в хронологическом отношении тюркскому языку как источнику для иллюстраций функционирования различных фактов грамматики и лексики. Язык ДТРП может быть признан показательным и своего рода «образцовым» среди всех тюркских языков, и в частности среди языков Сибири, и те закономерности, которые в нем наблюдаются могут быть отнесены и к остальным языкам этой группы.

В основном,этнолингвистические исследования проводятся на лексическом материале языка. Автор настоящего сообщения же полагает, что и морфология может стать основой для выявления связи языка с особенностями жизни, территорией расселения, менталитета и мировоззрения конкретного народа. Определенные этнические особенности отражаются в специфике языковой системы. Эти особенности могут выступать в качестве внешнего запроса на появление определенной языковой единицы или определенной категории, как в области лексики, так и в области грамматики. Как часто, сравнивая языки, исследователи убеждаются в том, насколько по-разному может быть выражен один и тот же смысл. При этом разница проявляется не только в лексике, но и в морфологии. В настоящем исследовании автор решил коснуться категории числа, которая, бесспорно, вызывает интерес среди тюркологов особенностями своего функционирования.

Использование тюркских форм множественного числа в сравнении с европейскими языками вызывает некоторые трудности у носителей других, нетюркских языков. Так, например, носители турецкого языка отмечают, что когда иностранцы, особенно русскоязычные, говорят по-турецки, они используют формы множественного числа, то есть сам аффикс -lar, во много раз чаще, чем это сделали бы сами турки. В связи

с этим прагматика конкретных языков занимает все более значительное место в лингвистической науке. Здесь можно сказать, что тюркская речь, в том числе и в языках Сибири, демонстрирует особое функционирования форм с аффиксами -лар. Автор предполагает, что причина такого особого употребления в речи слов, передающих информацию о множестве, коренится в определенных условиях жизни пратюрок и связанных с ними особенностях их восприятия окружающего мира.

Во всех современных и древних тюркских языках зафиксирована форма мн.ч. с показателем -лар, в чувашском языке – с аффиксом -сем. Тем не менее, наличие определенной формы в языковой системе не означает, что словоформы с этим показателем будут употребляться в речи так же, как и в других языках, с той же частотой и теми же значениями.

Категория количества является одной из основных ментальных категорий [9, с. 263] и имеет свое проявление во всех языках мира. Поэтому, на наш взгляд, именно в этой теме мы можем попытаться найти параллели между языком и культурой этого народа и попытаться описать те особенности восприятия мира турками, которые легли в основу формирования категории чисел. На наш взгляд, именно использование или неиспользование аффикса множественного числа в тюркских письменных и устных текстах может быть напрямую связано с неязыковыми представлениями, с некоторыми особенностями мировосприятия или с определенной практической деятельностью.

Но в этом отношении древние языки могут стать более показательными, чем современные языки, поскольку, на наш взгляд, исторический контекст, окружающий древние этнические группы, более зафиксирован в структуре древнетюркских языков, что могло быть отражено в различных языковых формах.

Форма с показателем -lar уже зафиксирована в первых тюркских памятниках, написанных руническим письмом, датируемых VII-VIII веками. Рассмотрим примеры употребления слов с аффиксом -lar в рунических текстах:

1. Ol sabyg asidip bäglär kopyn janalym... tidi. (Tk, 36). ‘Услышав такие слова: «беки давайте вернемся», — он сказал’. Возможна и несколько иная интерпретация этого высказывания: ‘Услышав такие слова, все беки вместе сказали: « давайте вернемся»’.

2. ...ögim katun ulaju öglärim äkälärim keliŋünim kunčujlarym ... küŋ boltačy ärti. (Ktb, 49). ‘... моя мать-катун, следующие (за ней) мои (сводные) матери, мои старшие сестры, мои невестки, мои ханши-девицы ...стали бы рабынями’.

3. är küdägülärim kyz kelinlärim bökmädim. (E 3, 1). ‘Я не насладился (жизнью) с моими зятьями и с моими невестками’.

Необходимо обратить внимание на то, что слова с аффиксом -lar используются крайне редко в текстах рунических памятников. Кроме того, в употреблении этого аффикса присутствует некоторая семантическая избирательность, некоторая лексическая специализация: в основном аффикс -lar сочетается со словами, обозначающими, во-первых, одушевленные предметы, т.е. людей; во-вторых, не обычных людей, а тех, кто важен с точки зрения носителя языка лица: государственные деятели и родственники.

Рассмотрим те утверждения, в которых, по нашему мнению, также идет речь о множестве объектов, но соответствующий аффикс множественности не используется.

4. ... türk bodun üläsikig anta añyg kisi anča bošgurur ärmis. (Ktm, 7). ‘Тогда злые люди так наставляли часть тюркского народа’.

5. Kejik(1) jiju, tabyšgan(2) jiju olurur ärtimiz. (Tk, 7). ‘Мы жили, поедая оленей(1), поедая зайцев(2)’.

6. Atyg(1) yka(2) bajur ärtimiz. (Tk, 27). ‘Мы привязали лошадей(1) к деревьям(2)’ .

С высокой степенью вероятности можно предположить, что в большинстве современных тюркских языков аффикс множественного числа также не будет использоваться в этих или подобных произнесениях соответствующих слов. Тем не менее, как видно из переводов на русский язык, носители европейских или славянских языков в таких случаях используют форму множественного числа.

Можно отметить такую закономерность, что чем старше тюркский язык, тем реже в текстах встречается аффикс множественного числа. В этой связи вполне обоснованным выглядит предположение К. Гренбека, согласно которому "древнейший тюркский язык" не мог иметь никаких форм множественного числа [11, с. 23]. Не раз ученые обращали внимание на то, что основа самого тюркского слова либо вообще не передает информации о числе, либо способна выражать как уникальность, так и множественность объектов: киши ‘человек‘, 'народ'. По словам А. фон Габен, даже местоимение bän вместе со значением ‘я’ иногда можно интерпретировать как ‘мы’ [10, с. 147]. Полагаясь на эти мнения, можно предположить, что в тюркском праязыке специального показателя для выражения множества объектов могло и не быть. Это не означало, что тюрки не различали количество предметов, но ответ, несомненно, следует искать вне языка. Отсутствие у древних тюрков потребности в грамматическом указании количества предметов, на наш взгляд, кроется в образе жизни древнетюркского племени. Решающими здесь, по мнению Г.П. Мельникова, полностью разделяемого автором, следует признать несколько факторов: размер древнего коллектива, степень сплоченности членов коллектива между собой, тип экономической деятельности и окружающий географический ландшафт [3, с. 110].

Анализ культурной лексики тюркских языков позволил ученым реконструировать картину духовной и материальной жизни пратюрков, в результате чего удалось установить, что древнейший тюркский этнос представлял собой народ скотоводов кочевого типа, с преобладающим коневодством, с двумя типами поселений – стационарными зимними и переносными летними [8, с. 470-471].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, полученными в результате исторических и археологических исследований. В начале первого тысячелетия до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в состав которых входили представители тюркских этносов, создали культуру, основой хозяйственной деятельности которой было кочевое и полукочевое скотоводство в сочетании с примитивным земледелием и охотой. Вот описание образа жизни племенного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII по VI века до нашей эры. они встречаются в китайских источниках: "... они перемещаются со скотом с места на место, в зависимости от обилия травы и воды. Они не знают своего постоянного места жительства. Они живут в круглых юртах, выход из которых обращен на восток... От ста до тысячи юрт составляют общину..." [2, с. 50].

Как видно из описаний китайского историка, численность древнетюркского племени была относительно невелика, племя могло насчитывать "от ста до тысячи юрт". Если предположить, что тысяча юрт – это максимум, который был достигнут в период объединения разных племен в племенной союз (иль) в течение некоторого времени, то в среднем самое маленькое племя состояло из 500 человек (пять человек в семье в одной юрте). Сезонный кочевой образ жизни предполагал, что в определенные периоды времени племя делилось на небольшие группы, которые кочевали отдельно друг от друга. Таким образом, как в периоды объединения, так и в периоды отхода на отдельные пастбища, кочевое общество было относительно небольшим по размерам, кроме того, внутри такого племени естественно предположить, что его члены были достаточно хорошо знакомы друг с другом и, следовательно, достаточно хорошо осведомлены о жизни друг друга. По словам Г.П. Мельникова, [3, с. 120-123] в условиях описываемой жизни большая часть информации проходит перед всей командой или отдельными

представителями семьи (родственниками, близкими людьми), многое известно всем членам племенной группы и поэтому не требует передачи по вербальным каналам. Именно к такой информации, по нашему мнению, можно отнести информацию о количестве предметов.

Ученые предполагают, что районом первичного расселения древних тюрков были территории Ордоса и Саяно-Алтайского края [8, с. 435]. С ландшафтной точки зрения эти места представляют собой в основном пустынное плато, то есть равнинную зону с плоской или волнистой, слегка расчлененной поверхностью, ограниченную отчетливыми уступами от соседних равнинных пространств, характеризующуюся особой слабо выраженной флорой и специфической фауной. В таких условиях окружающая природа и ландшафт были как на ладони, "перед глазами" коммуникантов. Говорящие люди могли видеть количество деревьев, гор, юрт, домашнего скота, то есть всего, что составляло основу повседневной жизни. В то же время можно предположить, что вступающие в разговор люди чаще всего видели объекты, о которых идет речь.

Заключение

Таким образом, в языке, обслуживающем коммуникативное общество, живущее в описанных природных и экономических условиях, не было необходимости в появлении специального грамматического средства – маркера количественной информации. Всю количественную информацию, то есть информацию о том, что объектов больше, чем один, коммуниканты извлекали из визуальных данных, фоновых знаний, а также полагались на естественную логику вещей. Кроме того, в языке сформировались модели словосочетаний, в которых были задействованы числительные, указывающие при необходимости на определенное количество предметов. До сих пор во всех тюркских языках с числительными сочетаются существительные без аффикса множественного числа. Рассмотрим примеры [1, с. 115] из хакасского языка:

1. Пис тағ пӧзиинде пис кізі турған (фольк)‘На вершинах пяти гор стояли пять человек’. В этом высказывании в словосочетании пис кізі ‘пять человек’ у слова ‘человек’ аффикс множественности не употребляется.

2. Ам пулар сигіз пӱӱрні сӱр сыхтылар ‘Теперь эти (люди) начали погоню за восьми волками’.

То же самое, можно наблюдать и в словосочетании сигіз пӱӱр ‘восемь волков’, в котором слово ‘волков’ употреблено без аффикса -лар.

Примеры такого использования чисел также встречаются и в памятниках рунической письменности. Во всех словосочетаниях с числительными имена существительные стоят без показателя мн. числа:

1. Kaŋym qaγan jiti jägirmi erin tašyqmys ... jatmiš er bolmys. (Ktb, 12). ‘Кангым каган выступил с семнадцатью воинами... получилось семьдесят воинов’.

2. Men toquz jegirmi jyl šad olurtym. (Mgh, 9). ‘Девятнадцать лет я сидел шадом’.

Также, в хакасском языке со значением собирательной множественности могут употребляться сочетания парных существительных:

Пала-парха ‘дети’, кирек-чарах ‘дела’, іче-паба ‘родители’, аях-хамыс ‘посуда’.

В тюркских языках категория числа строится не на тех же основаниях, что в европейских. В основе тюркского представления о множественности лежит противопоставление делимого (членимом на отдельные единицы) и неделимого множества. Видимо, именно представление о делимоммножестве подверглось грамматикализации и стало содержанием морфемы –lar. При этом, при передаче

информации о множестве предметов, являющих собой множество однородных предметов, носителями языка форма –lar, как правило, не употребляется. В индоевропейских же языках, как представляется, в основе форм единственного и множественного числа лежит противопоставление один и не один.

Список литературы

[1] Грамматика хакасского языка / Под ред. проф. Н.А. Баскакова. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1975. 420 с.

[2] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.

[3] Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

[4] Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: «Советское радио», 1978. 368 с.

[5] Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 45-73.

[6] Мечковская Н.Б. Язык и общество // Общее языкознание. Под ред. А.Е. Супруна. Минск: Вышэйшая школа, 1983. 456 с.

[7] Рассадин В.И. Проблемы общности в тюркских языках Саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник 1977. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 219-231.

[8] Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.

[9] Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

[10] A. von Gabain, Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. XVII. 357 s.

[11] Grönbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen: Levin und Munksgaad, 1936. 182 s.

УДК 81.282.2

Региональная лингвистика в Восточном Забайкалье: содержание и направления развития

Игнатович Татьяна Юрьевна
Доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
ignatovich_chita@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2521-0579

Биктимирова Ю. В.
Кандидат филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
pravo_chita@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2043-9665

АННОТАЦИЯ .Статья посвящена анализу результатов исследования современного состояния регионального варианта русского национального языка в Восточном Забайкалье и перспективам его изучения коллективом научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическое краеведение Забайкалья» Забайкальского государственного университета. Рассматриваются история лингвистических исследований в Забайкальском крае, работа ученых лаборатории по сбору и классификации регионального языкового материала. Определяется вклад в становление и развитие забайкальской лингвистической школы ученых-исследователей. Представлены результаты исследовательской деятельности последних пятидесяти лет. В статье обозначены основные магистральные направления исследовательской работы лаборатории, намечены перспективы их развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА региональный вариант русского национального языка,лингвистическое краеведение, лингвистические региональные исследования, языковая ситуация в Восточном Забайкалье, научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическое краеведение Забайкалья»

Изучение региональных особенностей русского языка на протяжении нескольких десятков лет остается весьма актуальным в современном языкознании, а региональная лингвистика находится сейчас в стадии активного становления – расширяется понятийный аппарат, выявляется круг проблем, требующих научного описания и решения, аккумулируется языковой материал, систематизируются и анализируются языковые факты. Локальные особенности языка того или иного региона отмечались отечественными исследователями прошлого, но в середине XX в. приоритетным было составление общей языковой картины, которая должна была свести воедино всё многообразие языковых фактов и особенностей говоров разных регионов. Между тем состояние региональных вариантов русского национального языка как в синхроническом, так и в диахроническом плане исследованы далеко не во всех регионах страны.

Изучение диалектных особенностей говоров Забайкалья в конце прошлого века и накопление интересного диалектного материала в 1995 г. привело к созданию НИЛ «Лингвистическое краеведение Забайкалья» при кафедре русского языка Читинского педагогического университета, (сейчас это кафедра русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета).

Первый руководитель НИЛ – канд. филол. наук, доцент Г.А. Христосенко, в 1997-2003 гг. – канд. филол. наук, доцент (ныне – профессор) Л.М. Любимова. С 2003. г. руководителем НИЛ является доктор филол. наук, профессор Т.Ю. Игнатович.

В конце XX в., первое десятилетие XXI в. в работе НИЛ принимали активное участие основатели диалектологической школы в Забайкальском крае – канд. филол. наук, доценты Г.А. Христосенко, Э.А. Колобова, В.А. Пащенко, исследователь топонимической системы Восточного Забайкалья доктор филол. наук, проф. Т.В. Федотова.

Исследование проходит по нескольким векторам с решением разнонаправленных задач. В соответствии с поставленной целью и задачами лаборатории по следующим направлениям проведены исследования и получены определённые результаты.

1. Направление «Исследование языка рукописных памятников Восточного Забайкалья XVII – XVIII вв. с реконструкцией отразившейся в них речи первопроходцев и первопоселенцев».

Среди региональных памятников научный интерес представляют памятники деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – XVIII вв. С 70-х годов прошлого века забайкальскими учеными осуществляется всестороннее изучение этих документов по уровням языковой системы. Реконструкция фонетической системы и описание палеографических особенностей памятников периода конца XVII – первой половины XVIII вв. была осуществлена исследователем Г.А. Христосенко сначала в кандидатской диссертации (1975), а затем в многочисленных научных публикациях. Ученый исследовала орфографические особенности, провела лексическую типологизацию, жанровую классификацию древних документов. Исследование морфологической системы именных форм языка забайкальских памятников деловой письменности концаXVII – XVIII веков нашло отражение в кандидатской диссертации Ю.В. Биктимировой (2012) и научных монографиях и статьях [2-5]. В настоящее время ученым исследуется глагольная система языка памятников Восточного Забайкалья.

На сегодняшний день исследование забайкальского речевого узуса XVII–XVIII вв. не исчерпало себя – остаётся актуальным сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций прошлого и настоящего Забайкалья и состояний русского языка на разных синхронных срезах (XVII – начало XXI в.). Этот анализ в дальнейшем позволит выявить механизмы формирования забайкальского регионолекта и динамику трансформаций русского национального языка в Забайкалье.

Забайкальские историки языка транслитерировали и подготовили к научной публикации значительный объём скорописных документов, тем самым сделав доступными лингвистические источники для широкого круга ученых. Издание и введение в научный оборот ранее не рассматриваемых историками языка архивных рукописных текстов забайкальских памятников письменности, безусловно, является новым научным достижением и основой формирующегося электронного корпуса текстов забайкальских русских памятников письменности [1, с. 27]. Исследователи провели жанровую систематизацию рукописей корпуса документов Нерчинского воеводства с описанием типичных и самобытных черт.

2. Направление «Сравнительно-сопоставительное исследование состояний регионального варианта русского национального языка в Забайкалье на разных синхронных срезах (XVII – начало XXI в.)».

Диахронический аспект предыдущего направления сделал возможным сравнительный анализ современного состояния народно-разговорной речи Восточного Забайкалья и реконструированную речь первопроходцев, которая отразилась в скорописных документах Забайкалья, что позволило исследователю забайкальской народно-разговорной речи Т.Ю. Игнатович выявить диахронические трансформации русского народно-речевого узуса в Забайкалье. Исследователь определила среди реликтовых диалектных различий неустойчивые и относительно устойчивые явления, синхроническая устойчивость которых поддерживается внутренними языковыми законами. По мнению Т.Ю. Игнатович, в силу различных экстралингвистических и интралингвистических факторов, а также в силу удаленности Забайкалья от центра митрополии более чем за трехсотлетнюю историю региональный вариант русского языка значительно трансформировался как в устном, так и в письменном формате.

Исследование также выявило современные языковые процессы и их причины, тенденции изменений в забайкальской русской народно-разговорной речи, рассмотрены проявления формирующегося забайкальского регионолекта [9-12].

3. Направление «Лексикографическое описание фонда забайкальской региональной лексики».

Лексикографическое писание локальной лексики также проходит в диахроническом и синхроническом аспектах. Региональная лексика деловых документов Нерчинского делопроизводства неоднократно становилась объектом лексикографического описания. На протяжении нескольких десятилетий исторический словарь Восточного Забайкалья трижды инициировался забайкальскими учеными. В настоящее время ведется работа по созданию полной версии регионального словаря Забайкалья на материале текстов XVII – XVIII вв.

За несколько десятилетий накоплен значительный диалектный лексический материал из разных районов Забайкальского края, весьма дополняющий опубликованный в 70-е годы «Словарь русских говоров» Л.Е. Элиасова, который на сегодняшний день является спорным в научной среде. В связи с этим возможна подготовка и издание современного «Словаря русской народно-разговорной речи Забайкальского края».

В настоящее время Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскиной разработана концепция структуры и содержания диалектного словаря Забайкальского края. На протяжении пятидесяти лет учеными и их учениками анализировался диалектный материал – корпус аудиозаписей звучащей диалектной речи, транскрибированные тексты устной речи забайкальцев. Этот материал собирался ни одно десятилетие студентами, магистрантами и преподавателями в ходе полевых диалектологических практик, экспедиций. Учеными была систематизирована диалектная лексика, проведено лексикографическое описание в формате словарных статей с уточнением толкования семантики и подбором контекстного иллюстративного материала с указанием территории его фиксации.

В 2019 году сделан первый шаг к подготовке «Словаря русской народно-разговорной речи Забайкальского края»: авторами Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскиной подготовлены и изданы «Материалы к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья» [18]. Вторым шагом можно назвать создание электронной картотеки «Материалов к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья», что было сделано впервые с применением современных компьютерных технологий. Включённый в картотеку современный диалектный материал, собранный за последние 50 лет, обновляет и расширяет научные представления о забайкальской диалектной лексике, позволяет отследить её степень сохранности и кардинальные изменения [20; 21].

Одно из актуальных и оригинальных направлений региональной лексикографии – этнолингвистические исследования региональной лексики. Так, исследователем Н.А. Лихановой была разработана методология построения и лексикографического описания этнолингвистической модели региональной народной культуры в полиэтнической среде на примере Забайкалья. Ученым выявляются языковые репрезентации ключевых региональных культурных концептов [15; 16]. Поскольку в полиэтническом Забайкалье проявляются межкультурные коммуникативные связи, в этнолингвистической характеристике диалектных слов определяются проявления автохтонного влияния. Подобное этнолингвистическое моделирование забайкальской народной культуры и её описание осуществляется впервые [17].

Разработанная в рамках проекта этнолингвистическая модель региональной народной культуры Забайкалья, которая описывается посредством выявления ключевых региональных культурных концептов и характеристики их вербальной репрезентации, разработки системных сегментов, выраженных логико-понятийными группами диалектных слов, показывает самобытность региональной народной культуры в

Забайкалье, выявляет её этнические особенности, отражающие посредством языка историческое межкультурное взаимодействие разных этносов, проживающих на одной территории.

Проведён компонентный анализ семантики забайкальских лексических и фразеологических диалектизмов с выявлением сегментов, репрезентирующих региональную народную культуру, который позволил реконструировать происхождение диалектного слова, выявить фольклорные, этнографические особенности и «обрядовую функциональность» регионального языкового материала, определить значимость семиотической составляющей, репрезентирующей общенациональные и региональные культурные ценности, особенности мировосприятия забайкальцев. Все это можно провести опираясь на фундаментальный труд известного забайкальского исследователя В.А. Пащенко «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» (2014 г.) [19].

4. Направление «Исследование современных разновидностей русского языка в Забайкалье».

Язык самобытных забайкальских писателей рубежа XX–XXI вв. с выявлением отраженных в художественных произведениях региональных особенностей и общерусских языковых новаций исследует А.В. Иванова. Ею был произведен анализ языка произведений современных забайкальских писателей и поэтов (Н. Ганьшиной, А.Н. Гордеева, О.А. Димова, М.Е. Вишнякова и др.) на основе функционального подхода в аспекте теории языковой композиции, которая является одной из ведущих в рамках стилистики текста, с позиций модификации повествования и активных языковых процессов, характерных для современной художественной прозы в целом. Автор приходит к выводу, что использование забайкальской диалектной лексики в произведениях забайкальских писателей направлено на достижение большей реалистичности в изображении героев и трансляцию региональной картины мира [6-8].

Городское языковое пространство (эргонимикон, транспортная эпиграфика г. Читы, городское просторечие) – стало объектом регионального научного сообщества сравнительно недавно. По результатам исследований Ю.В. Щуриной и Е.О. Филинковой, языковое пространство столицы Забайкальского края – города Читы представляет собой сложное, многокомпонентное явление, которое в целом реализуется по тем же законам и направлениям, которые характерны для всех регионов России, однако при этом очевидным является наличие региональных и собственно-городских, а также этнически обусловленных языковых наименований [24;25; 31; 32].

5. Направление «Исследование динамики проникновения автохтонных заимствований в региональный вариант русского языка и их функционирования».

Забайкальскими учёными произведена выборка автохтонных заимствований из забайкальских исторических словарей и памятников деловой письменности XVII – XVIII вв., современных региональных словарей и современной региональной русской народно-разговорной речи, осуществлена их проверка происхождения по данным этимологических словарей и монгольского языка, описана судьба и особенности функционирования на современном этапе в региональном варианте русского языка на территории Забайкалья.

Исследование выявило, что в настоящее время в русском народно-речевом узусе Восточного Забайкалья происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами. Следы заимствований из языков исчезнувших племен и кочевых народов Забайкалья сохраняются в забайкальской топонимии.

Русский язык же оказал и оказывает ещё большее воздействие на автохтонные языки региона, он обогатил лексику этих идиомов, русизмы в большинстве случаев были адаптированы принимающими языковыми системами. Буряты и эвенки двуязычны, динамика развития двуязычия в настоящее время приводит к трансформациям в автохтонном языке (бурятский язык), о чём свидетельствуют исследования Ц.Р. Цыдендамбаевой, или даже к отказу от его употребления (эвенкийский язык) [22; 23; 29; 30].

История воздействия автохтонных языков на забайкальский русский речевой узус позволяет проследить историческое изменение языковой ситуации в Восточном Забайкалье, начиная со второй половины XVII в. и до наших дней, от равновесной до неравновесной с доминирующим русским языком при современном полиэтническом составе жителей края.

6. Направление «Лингвокраеведение в школах Забайкалья»:

Т.Ю. Игнатович и Ю.В. Биктимировой были разработаны теоретико-методологические основы и содержание модуля «Живое слово Забайкалья», отраженные в «Программе интегрированного учебного курса для 5-9 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края «Забайкаловедение»» (Чита, издательство Института образования Забайкальского края, 2018 г.) и статьях авторов. Авторы разработали инновационную концепцию содержания лингворегионоведческого модуля, которая базируется на лингвокультурологическом подходе. В методике преподавания рассматриваемой дисциплины избраны актуальные и широко применяемые в отечественной образовательной практике системно-деятельностный, коммуникативный и социокультурный подходы с опорой на базовые объяснительно-иллюстративный, исследовательский и проблемный методы в организации учебного процесса, которые способствуют активизации познавательного интереса у учащихся и обеспечивают формирование и развитие культурологической, коммуникативной и лингвистической компетенций деятельной личности.

Т.Ю. Игнатович и Ю.В. Биктимировой написаны и опубликованы учебные пособия для 6 и 7 классов общеобразовательных учреждений «Забайкаловедение. Живое слово «Забайкалья» (Москва, издательство «Русское слово», 2019 г., 2020 г.), на основе которых данная лингворегионоведческая дисциплина при поддержке Министерства образования и молодёжной политики Забайкальского края внедряется во все общеобразовательные заведения региона.

Все направления региональных исследований сконцентрированы на достижении единой цели – описание динамики языковой ситуации в полиэтническом приграничном российском регионе, каким является Забайкалье, и комплексное сравнительно-сопоставительное описание состояния русского языка в Забайкалье на разных синхронных срезах.

Наиболее значимые научные результаты работы НИЛ «Лингвистическое краеведение Забайкалья»: разработана и верифицирована концепция современных говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья, представляющая их как результат исторической эволюции материнских говоров под воздействием экстралингвистических и лингвистических факторов. В забайкальских говорах в русле законов развития русского языка выявлены неустойчивые и относительно устойчивые диалектные, что способствуют пониманию механизма изменений частных языковых систем, а на их основе – эволюции общерусского языка. Проведено системно-структурное описание фонетики, морфологии и лексики забайкальских говоров севернорусского происхождения. Выявлена дифференциация русских говоров центральной части Забайкальского края на основе разной степени сохранения / нивелирования диалектных различий, осуществлено картографирование ряда диалектных различий на основе

разной степени их сохранения / нивелирования. Описана топонимическая система Восточного Забайкалья в аспекте теории номинации. Реконструированы фонетическая система и морфология именных частей речи региональной разновидности русского языка XVII–XVIII вв. по данным памятников Нерчинской деловой письменности. Осуществлено фразеографическое описание забайкальских фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний, разработана этнолингвистическая модель региональной народной культуры [19]. Разработаны теоретико-методологические основы, частности инновационная концепция содержания лингворегионоведческого модуля «Живое слово Забайкалья», которая базируется на лингвокультурологическом подходе, которые отражены в «Программе интегрированного учебного курса для 5-9 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края «Забайкаловедение» и статьях авторов.

Результаты исследований учёных НИЛ за последние 15 лет представлены в коллективной монографии «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект» (2019 г.) [22].

Исследования ученых лаборатории неоднократно поддерживали крупнейшие российские грантодатели – Российский гуманитарный научный фонд (2010 г.), Российский фонд фундаментальных исследований (2018-2019 гг.) и др.

Научные результаты исследований по данному направлению могут быть использованы в дальнейших исследованиях забайкальских русских говоров при разработке тем кандидатских и магистерских диссертаций, а также при разработке лингвогеографической модели диалектного пространства забайкальского региона и создании Диалектологического атласа Восточного Забайкалья.

В рамках данного направления большое внимание уделяется просветительской деятельности по распространению знаний о региональной разновидности национального русского языка, региональной топонимике (лекции в школах, радио и телепередачи, публикации в СМИ и т.д.).

Исследование региональной разновидности русского национального языка на территории Восточного Забайкалья в синхроническом и диахроническом аспектах даёт возможность наблюдать изменения в естественной, саморазвивающейся системе языка, являющейся частью языкового национального наследия. В условиях глобализации и поглощения диалектов литературными языками в мировой науке сохраняется устойчивый интерес к исследованию древнейших форм существования языка.

Список литературы

[1] Биктимирова Ю.В. Деловая письменность Забайкалья XVII–XVIII веков. Чита: ЗабГУ, 2018. 155 с.

[2] Биктимирова Ю.В. Морфология памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв.: именные формы. Чита: ЗабГУ, 2016. 165 с.

[3] Биктимирова Ю.В. Памятники Нерчинской деловой письменности XVII–XVIII вв. как источник исторической морфологии (проблемы и перспективы изучения) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы I-й Международной научной конференции / сост. Г.Д. Ахметова, Т.Ю. Игнатович. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2007. С. 275-278.

[4] Биктимирова Ю.В. Региональные маркёры лингвистической идентичности забайкальцев // «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред.

Е.В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2019 г. С. 184-189.

[5] Биктимирова Ю.В. Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII – XVIII вв. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Филология, история, востоковедение». № 2 (61) 2015. С. 12-18.

[6] Иванова А.В. Активные языковые процессы в области словообразования в текстах забайкальской прозы (на материале рассказов М.Е. Вишнякова) // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы III Международной научной конференции. 2019. С. 180-183.

[7] Иванова А.В. Активные языковые процессы и модификации повествования в языке современной региональной прозы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 1. С. 70-78.

[8] Иванова А.В., Иванова А.В. Традиции и модификации в языке современной региональной прозы // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 181-183.

[9] Игнатович Т.Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.312 с.

[10] Игнатович Т.Ю. История изучения русских говоров Восточного Забайкалья // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 99-113.

[11] Игнатович Т.Ю. К вопросу о функционально-грамматическом описании говоров Забайкалья / Т. Ю. Игнатович // Материалы международного съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). Красноярск, 1997. Т. 1.С. 88-90.

[12] Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Забайкальского края: фонетические особенности: монография / Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 240 с.

[13] Игнатович Т.Ю. Языковые трансформации в русской региональной языковой картине мира // Ценности культуры и творчество (вербализация культурных смыслов в тексте): коллективная монография / отв. ред. И.В. Ерофеева. Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 205 231.

[14] Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкалье устами первопроходцев и старожилов. Чита, ЗабГУ, 2016. 245 с.

[15] Лиханова Н.А. «Этнолингвистическая модель» описания диалектной культуры (по данным региональных словарей Восточного Забайкалья) // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук. Материалы международного круглого стола / Науч. ред. Г.С. Доржиева. Отв. ред. А.В. Жарникова. Улан-Удэ, 2021. С. 72-77.

[16] Лиханова Н.А. Региональная народная культура в полиэтническом Забайкалье: разработка этнолингвистической модели, лексикографическое описание // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Ю. Игнатович. Казань, 2019. С. 197-240.

[17] Лиханова Н.А. Репрезентация "регионально маркированного концепта" по данным лексикографических источников // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы III Международной научной конференции. 2019. С. 132-136.

[18] Материалы к словарю русской народно-разговорной речи Забайкалья / Сост. Е.И.Пляскина, Т.Ю.Игнатович. Казань: Издательство: ООО «Бук», 2019. 182 с.

[19] Пащенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 483 с.

[20] Пляскина Е.И. Диалектная лексика в говоре // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 290-292.

[21] Пляскина Е.И. Забайкальская диалектная лексика: общая характеристика // Русский язык

в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект: коллективная монография / Под общ.ред. Т.Ю. Игнатович. Казань, 2019. С. 116-165.

[22] Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект : коллективная монография / под общ.ред. Т.Ю. Игнатович. Казань: Бук, 2019. 394 с.

[23] Станичникова О.А., Игнатович Т.Ю. Ранние русские заимствования в бурятском языке: особенности адаптации и употребления // Филологическое образование и современный мир: Материалы XVII Международной научно-практической конференции (9 апреля 2021 г.). В 2-х частях. Чита, 2021. С. 137-140

[24] Филинкова Е.О. Транспортная эпиграфика г. Читы // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект: коллективная монография / Под общ.ред. Т.Ю. Игнатович. Казань, 2019. С. 344-356.

[25] Филинкова Е.О. Языковой портрет города Читы в зеркале транспортной эпиграфики // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы III Международной научной конференции. 2019. С. 160-163.

[26] Христосенко Г.А. Материалы Нерчинской воеводской канцелярии как лингвистический источник // Слово Забайкалья.№1. 2007. С. 192-197.

[27] Христосенко, Г.А.Палеографический альбом (учеб.сб. снимков с рукописей Нерчинских документов делового письма конца XVII–перв. пол. XVIII вв.) / Г.А. Христосенко; под ред. Н.А. Цомакион. Чита, 1973. 112 с.

[28] Христосенко, Г.А. Фонетическая система Нерчинского делового письма второй половины XVII – первой половины XVIII в.: дисс. ... канд. филол. наук.Красноярск, 1975.288 с.

[29] Цыдендамбаева Ц.Р. Место бурятизмов в "Словаре фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края" В.А. Пащенко // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы III Международной научной конференции. 2019. С. 164-167.

[30] Цыдендамбаева Ц.Р. Современное русско-бурятское языковое взаимодействие // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект / под общ.ред. Т.Ю. Игнатович. Казань, 2019. С. 356-374.

[31] Щурина Ю.В. Эргонимикон современного приграничного города (на материале языкового пространства г. Читы) // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 155-159.

[32] Щурина Ю.В., Гончарова Д.Д. Языковая игра в эргонимических номинациях города Читы // Русский язык в современном Китае. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Чита, 2021. С. 195-197.

УДК 811.511; 811.512

История локальных языковых сообществ Сибири: к вопросу об источниках информации и методах исследования

Казакевич Ольга Анатольевна
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, заведующая Лабораторией исследований и сохранения малых языков Института языкознания РАН; Институт лингвистики РГГУ, г. Москва, Россия.
kazakevich.olga@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-0597-2979

АННОТАЦИЯ В докладе рассматриваются источники информации об истории развития языковой ситуации в локальных сообществах автохтонного населения Сибири на протяжении XX века, методы определения времени начала языкового сдвига в сообществах, расположенных в зонах языковых контактов, и выделения общих и локальных факторов, инициирующих процесс языкового сдвига и способствующих его ускорению или напротив, замедлению. Использование разных источников информации, дополняющих и уточняющих друг друга, демонстрируются на примере реконструкции истории трех языковых сообществ Сибири, расположенных в верховьях Таза (селькупско-эвенкийско-русская контактная зона), в Туруханском Заполярье (кетско-селькупско-русская контактная зона) и в устье реки Хомолхо (эвенкийско-якутско-русская контактная зона)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА автохтонное население Сибири, локальные языковые сообщества, языковая ситуация, языковые контакты, языковой сдвиг, социолингвистическое обследование, языковая биография

1. Информация о современной языковой ситуации

Используемый материал о современной языковой ситуации был собран мною и моими коллегами из лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова, Института лингвистики РГГУ и Института языкознания РАН в период с 1993 по 2021 год в ходе более трех десятков лингвистических экспедиций, организованных и проведенных в рамках серии проектов по документации и исследованию малых языков Сибири, прежде всего селькупского, эвенкийского и кетского. Все наши экспедиции помимо сбора языкового материала включали социолингвистическое обследование групп автохтонного населения, в которых мы работали.

Первичная информация о языковой ситуации собиралась посредством выборочного анкетирования населения. Анкета, использовавшаяся нами в ходе обследования, включала 46 вопросов, направленных на выяснение основных социальных параметров респондента (возраст, образование, род занятий), его/ее этнической самоидентификации и лингвистической биографии (языкового репертуара, времени и способа освоения каждого из языков, ситуаций и объема использования языков в разные периоды жизни), а также на получение информации о репертуаре и использовании языков членами семьи респондента (родителями, дедушками и бабушками, братьями и сестрами, супругами, детьми), о сферах и объеме использования респондентом языков из его репертуара в настоящее время, о самооценке уровня владения этническим языком и другими языками, в том числе русским; анкета содержала также вопросы, дающие возможность определить отношение респондента к своему этническому языку (степень языковой лояльности) и к преподаванию этого языка в школе; были в ней и вопросы о знании фольклора своего этноса и о языке и способе передачи фольклора детям или внукам. Мы старались проанкетировать представителей разных поколений, причем так, чтобы получить информацию обо всех семьях каждой группы. Анкеты обычно заполнялись участниками экспедиций в ходе беседы с респондентами. В качестве дополнения к данным анкет мы использовали интервью с жителями поселков, записанные в ходе

экспедиций, и собранные нами языковые материалы (истории жизни, истории семьи, рассказы о родителях, дедушках и бабушках, далеких предках).

В настоящее время все собранные анкеты объединены в базу данных и размещены на интернет-сайте «Малые языки Сибири: динамика языковой ситуации», URL: https://socio-siberian-lang.iling-ran.ru/ (подробнее см. [6]).

2. Источники информации о функционировании автохтонных языков в прошлом

Сегодня в большинстве локальных групп автохтонного населения Сибири идет процесс языкового сдвига – переход с этнического языка на русский. В разных группах мы застаем разные стадии развития этого процесса. О функционировании говоров автохтонных сибирских языков в отдельных локальных группах в прошлом и о примерном времени начала языкового сдвига в каждой из групп мы можем узнать из разного рода источников. Их можно разделить на три типа.

1) Хранящиеся в архивах или опубликованные «документы эпохи», в которых содержатся сведения о ситуации в отдельных группах: данные переписей населения – особенно ценны данные Приполярной переписи 1926–1927 гг., публикация которых продолжается до наших дней (см., напр., [12]) – или иные статистические данные; работы лингвистов, этнографов, социологов, экономистов; описания, сделанные непрофессионалами (чиновниками, путешественниками и пр.); дневники, письма, отчеты и т.д. Эти документы объединяет то, что все они написаны (составлены) «по свежим следам», вскоре после посещения очевидцами той или иной группы. В документах первой половины прошлого века сведения об использовании языков, как правило, довольно лаконичны. К концу 1960-х – середине 1970-х гг. относится несколько публикаций с подробным описанием языковой ситуации в ряде групп [1; 10]. Эти публикации подготовлены по материалам широкомасштабного социолингвистического обследования проведенного на территории СССР во второй половине 1960-х годов под руководством В. А. Аврорина. К сожалению, большая часть собранного во время этого обследования ценнейшего материала так и осталась неопубликованной и на сегодняшний день, по-видимому, утрачена.

2) Ретроспективные описания ситуации в локальных группах, сделанные с существенным временным отрывом по «документам эпохи»: статьи и монографии, в которых рассматривается история отдельных этно-локальных групп или всех малочисленных народов Севера (напр., [8]). Поскольку в основном это исторические или этнографические описания, язык и здесь обычно бывает далеко не в центре внимания.

3) Современные полевые материалы.

Как уже отмечалось, проводя анкетирование, беря у респондента интервью или записывая от него рассказы о жизни, можно собрать информацию о его лингвистической биографии – выяснить, какими языками он владеет, когда и как освоил каждый из своих языков, в каких ситуациях в разные периоды жизни использовал тот или иной язык. При этом мы можем получить данные не только о лингвистической биографии самого респондента, но и о лингвистической биографии его родителей, дедушек и бабушек, а если повезет, то и более далеких предков, а это позволяет нам заглянуть в прошлое всей группы, понять, какие языки использовались в группе для повседневного общения 20, 50, 70 или даже 100 лет назад. Тогда нам проще будет понять, почему в одних группах есть семьи, где этнический язык еще передается от родителей к детям, в других таких семей уже нет, но этнический язык еще используется, причем не только пожилыми, но и относительно молодыми людьми, в третьих на языке говорят только несколько очень пожилых людей, а в четвертых этнический язык продолжает существовать лишь как воспоминание.

Стоит отметить, что если в последние 30-40 лет языковой сдвиг происходит исключительно с этнического языка на русский, то до этого в некоторых группах с этнического языка переходили и на другие контактирующие языки.

3. Реконструкция развития языкового сдвига

Очевидно, что наиболее достоверными оказываются реконструкции развития языковой ситуации в локальных сообществах при наличии и использовании данных из разных источников. Приведем несколько примеров.

3.1. Языки автохтонного населения бассейна Верхнего Таза: селькупы и эвенки

В настоящее время большая часть бассейна Верхнего Таза входит в территорию Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) (см. Карту в Приложении).

В 1929 г. в бассейне Верхнего Таза работал этнограф и экономист В.М. Скалон. Целью его экспедиции было выявление классового расслоения среди тамошнего автохтонного населения. Однако в статье, опубликованной вскоре после экспедиции [9], наряду с информацией об экономическом состоянии жителей, содержатся на редкость ценные сведения о языковой ситуации тех мест. Основное автохтонное население этой территории составляли селькупы, пришедшие туда из бассейна Средней Оби в XVII. Но они не оставались там в одиночестве. Считается, что эвенки заходили в верховья Таза еще в XVII в. как до появления там селькупов, так и сразу после их появления [11, с. 240, 264]. Современные эвенки Верхнего Таза – это в основном представители рода Бай (все они носят фамилию Боякин). Их предки, сымские эвенки, пришли на Таз с юга через Тым и Елогуй в начале XIX в. и стали жить там бок о бок с селькупами [11, с. 263]. Время от времени к ним присоединялись сородичи с правобережья Енисея, однако, по-видимому, группа оставалась небольшой – порядка трех десятков семей. Окружавшие эвенков верхнетазовские селькупы по численности существенно превосходили пришельцев. По-видимому, процесс ассимиляции эвенков селькупами начался не позднее 1910-х гг. Благодаря работе В.Н. Скалона мы можем наблюдать постепенное развитие этого процесса. Вот что пишет В.Н. Скалон:

«Национальный вопрос, как таковой, т.е. в смысле национальных противоречий и вражды, по моим наблюдениям, в районе (Верхнего Таза – О. К.) не чувствуется. Наблюдающиеся споры и недовольства между отдельными чумами не выходят из рамок внутриродовых, даже скорее семейных взаимоотношений. Несмотря на значительное количество (почти 1/3) тунгусов (эвенков – О.К.), они почти в полной мере слились с остякосамоедами (селькупами – О.К.). Семейные связи, имеющие многолетнюю давность (несколько поколений), охватывают почти все чумы кровным родством. Тунгусский язык, сохранившийся в некоторых случаях в семье, во внешнем общении, даже между собой, заменен у тунгусов остякосамоедским. Тунгусская молодежь, и в особенности дети, забывают родной язык, в нескольких чумах он почти забыт и взрослыми. На родовых съездах, голосованиях и т.п. национальные группировки также не наблюдаются» [11, с. 130]. Итак, в конце 1920-х годов эвенкийский язык у верхнетазовских эвенков еще сохранялся, но молодежь предпочитала говорить по-селькупски, а среди детей знание эвенкийского языка стало уже редкостью. Процесс смены языка был, таким образом, в самом разгаре.

Центром Верхнего Таза в 1930-е годы стало село Ратта. Именно там в послевоенные годы произошло «оседание» местного населения.

В 1962 г. в Ратте работала Е. А. Алексеенко. В небольшой заметке, опубликованной ею более чем 30 лет спустя [2] и посвященной в основном селькупско-кетским контактам, отмечается, что в начале 1960-х гг. практически все жители поселка говорили по-селькупски, а кроме того среди раттовских эвенков были носители эвенкийского языка.

Следующие по времени данные о ситуации в верховьях Таза относятся к 1972 году. Это уже мои собственные наблюдения, сделанные во время селькупской экспедиции отделения структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ под руководством А.И. Кузнецовой. Основным местом работы экспедиции был Красноселькуп, а нас с Женей (Е.А.) Хелимским отправили в Ратту на разведку. В то время в Ратте жило 299 человек, из них 180 селькупов, 27 русских (куда входила польско-немецкая семья с большим количеством детей), несколько кетов и более 80 эвенков. По-селькупски там говорили все селькупы, эвенки и некоторые русские, по-эвенкийски – представители среднего и старшего поколений эвенков. Детей, говоривших по-эвенкийски, я в Ратте не видела. Впрочем, специального социолингвистического обследования мы тогда не проводили.

Социолингвистическое обследование коренного населения Красноселькупского района, в том числе и села Ратты, было проведено почти четверть века спустя, летом 1996 г. На тот момент в Ратте жило 198 человек, в том числе 127 селькупов и 36 эвенков. Обследование показало, что переход верхнетазовских эвенков на селькупский язык был полностью завершен, практически завершена была и их культурная ассимиляция. Впрочем, культурное влияние было взаимным. Ассимиляцию облегчили регулярные браки между селькупами и эвенками. У 50 % опрошенных раттовских селькупов среди предков имелись эвенки. Селькупские предки имелись у 25 % опрошенных эвенков. Все эвенки Ратты владели селькупским языком. Лишь одна женщина назвала родным языком эвенкийский, однако добавила, что вообще-то по-эвенкийски она говорит редко и плохо, обычно говорит по-селькупски или по-русски. Еще одна старая эвенкийка назвала родными два языка – эвенкийский и селькупский. Все остальные назвали родным языком селькупский. Поскольку многие жители Ратты имели одного родителя эвенка, а другого – селькупа, этническая самоидентификация часто зависела от случая, при этом наблюдалась следующая закономерность: представители старших поколений чаще называли себя эвенками, представители более молодых поколений – селькупами; нередко в одной и той же семье старший из братьев называл себя эвенком, а младший – селькупом. Большинство эвенков старшего поколения понимали, но не говорили по-эвенкийски, в среднем поколении по-эвенкийски не понимал никто. Только один эвенк Ратты сообщил нам, что знает эвенкийский фольклор. Он осознавал свое в этом отношении одиночество, говоря: «Я последний, кто это помнит». От него был записан фрагмент эпического сказания сымских эвенков . Рассказчик к тому времени уже много лет был глух, не исключено, что именно это способствовало сохранению у него активного владения эвенкийским языком: он не слышал селькупской и русской речи, постоянно звучавших вокруг. Безусловно, утрате верхнетазовскими эвенками своего этнического языка способствовало почти полное отсутствие у них контактов с эвенкийскими сородичами с юга и востока. Что касается селькупско-русских языковых контактов, то многие из раттовских детей дошкольного возраста в то время уже говорили только по-русски. Иными словами, в начале 1970-х у верхнетазовских эвенков почти завершился процесс перехода на селькупский язык и одновременно с этим у всего автохтонного населения Верхнего Таза начался процесс перехода с селькупского языка на русский .

Мы работали в Ратте еще дважды: в 2002 и в 2012 гг. Если в 2002 г. там еще оставалось несколько пожилых людей, в какой-то степени помнивших эвенкийский, то к 2012 году большинство из них ушли из жизни, а те, кто оставался, по-эвенкийски уже ничего сказать не могли. А вот сдвиг в сторону русского языка продолжал ускоренно развиваться.

Тем не менее, наряду с немногочисленными стойбищами Верхнего Таза и его притоков, село Ратта сегодня – это один из последних оплотов селькупского языка, где в нескольких семьях до сих пор сохраняется его естественная передача, среди этих семей есть и эвенкийско-селькупские. Интересно отметить, что среди представителей среднего возраста – выходцев из раттовских эвенкийско-селькупских семей – степень владения селькупским языком несколько выше, чем у выходцев из семей чисто селькупских. В настоящее время некоторые из раттовских селькупов и эвенков переехали в Тольку, большой поселок с населением около 2000 человек. В семьях Тольки, постоянно

живущих в поселке и не выезжающих с детьми на стойбища, единственным языком детей становится русский.

3.2. *Селькупский и кетский языки за Полярным кругом*

Изданные в 2005 г. материалы Приполярной переписи 1926-1927 гг. по Красноярскому краю [5] позволяют составить представление об этническом составе жителей заполярной территории вблизи от устья реки Курейки, правого притока Енисея. Перепись фиксирует стойбища кетов (они названы там береговыми енисейцами) в нижнем течении Курейки и на Мундуйском озере, а неподалеку от них, на берегу Енисея, стойбища баишенских селькупов (остяко-самоедов). В некоторых местах зафиксировано совместное проживание кетов и селькупов [5, с. 376-378]. О языках в опубликованных материалах не говорится, но можно предположить, что на общих стойбищах использовались оба языка: и кетский, и селькупский; по-видимому, было распространено и кетско-селькупское двуязычие. Поскольку поблизости были поселки с преимущественно русским населением (Карасино на севере, Горошиха и село Монастырское (современный Туруханск) на юге), знание русского языка среди здешних селькупов и кетов тоже, видимо, не было редкостью.

Социолингвистическое обследование, проведенное нами в 2006 г. в поселке Мадуйка, расположенном на берегу Мундуйского озера в 80 км от устья Курейки, показало, что стало с многоязычием этих мест спустя 80 лет. За четверть века до нашей работы в Мадуйке, в 1980 г., был закрыт располагавшийся неподалеку на Курейке поселок Серково, а его жители частично переехали в Мадуйку, частично в село Горошиху с преимущественно русским населением. Таким образом, Мадуйка стала единственным местом компактного проживания носителей севернокетского диалекта. По данным поселковой похозяйственной книги, в 2006 г. в Мадуйке было 79 человек, среди которых подавляющее большинство составляли кеты (65 человек, или 82 %). Кроме того, в поселке жили трое эвенков и 11 человек, не относящихся к малым автохтонным народам Сибири (русские, немцы, латыш, украинка). Почти все «пришлые» состояли в родстве или свойстве с местными кетами. Более половины жителей поселка составляли дети и молодежь, пожилых людей старше 60-и лет было всего двое (80-летняя женщина и мужчина 65-и лет). К особенностям демографической ситуации в поселке можно отнести преобладание женского населения над мужским, что в принципе не характерно для малых национальных поселков Сибири. История семей жителей Мадуйки отражает историю этнических контактов, имевших место на этой территории в течение последнего столетия. Тесные кетско-селькупские контакты и частые межэтнические браки привели к ассимиляции местных селькупов кетами. Большинство кетских жителей поселка имели в роду селькупских предков. Рассказывают, что еще в начале 1990-х здесь можно было услышать селькупскую речь. В 2006 г. селькупский помнила только самая старая жительница 80-и лет, она считала себя селькупкой, но основным языком общения у нее был кетский. Кроме нее селькупского в поселке не знал никто, в том числе и ее дочери, и никто не идентифицировал себя с селькупами. Все мадуйские потомки кетско-селькупских семей называли себя кетами. Трое мадуйских эвенков – это три брата, отец которых – эвенк, а мать — мадуйская кетка (во времена Приполярной переписи эвенки кочевали на берегах Мундуйского озера).

Таким образом, процесс перехода селькупов устья Курейки с селькупского языка на кетский, начавшийся, судя по лингвистическим биографиям жителей Мадуйки, в 1940-1950-е годы, к 2006 году полностью завершился. Однако в это время основным языком общения в поселке был уже не кетский, а русский. В 2006 г. кетским языком здесь в разной степени владело не более 20 человек, из них свободно говорили по-кетски четверо (двое мужчин 65-и и 58-и лет и две женщины 80-и и 57-и лет); еще 5-6 человек хорошо понимали кетскую речь, но говорили с трудом и только на бытовые темы (самой младшей в этой группе было 38 лет).

Использование кетского языка ограничивалось семьей, друзьями и промыслом, особенно если в доме или на промысле были люди постарше. Одной из основных функций, выполнявшихся кетским языком (помимо символической функции этнической

самоидентификации), являлось сокрытие содержания ведущихся на нем разговоров от нежелательных слушателей. Некоторые родители говорили, что иногда используют кетский язык, пусть даже в сильно редуцированной форме, чтобы скрыть содержание разговора от детей. Большинство семей в Мадуйке были смешанными, но и в условно кетских семьях дети по-кетски не говорили, а знали только по нескольку кетских слов, среди которых обязательно были нянь ‘хлеб’ и донь ‘нож’.

По материалам 2006 г. можно заключить, что передача кетского языка от родителей детям в Мадуйке была прервана в начале 1980-х, что примерно соответствует по времени ликвидации села Серкова, переводу жителей этого села в Мадуйку и отказу местных жителей от оленеводства. Ситуация усугубляется отсутствием в Мадуйке школы. Открытая после ликвидации Серкова начальная школа была закрыта в начале 2000-х, а сам поселок объявлен неперспективным. Первоклассников приходилось отправлять в школу-интернат в Старотуруханск. Чтобы не отрывать малышей от дома, некоторые мадуйские семьи на время учебы детей старались переехать в расположенный в 50 км к востоку от Мундуйского озера поселок Светлогорск, построенный для обслуживания Курейской ГЭС.

По информации, полученной недавно из Туруханска от бывших жителей Мадуйки, сейчас там осталось чуть больше 30 человек, среди них всего четверо носителей севернокетского диалекта разного уровня компетентности. Все семьи с детьми школьного возраста выехали в Светлогорск или в Туруханск. Переход с кетского языка на русский в этой группе вступил в последнюю стадию.

3.3. *Эвенки реки Хомолхо*

В 2018 г. мы работали в поселке Перевоз Бодайбинского района Иркутской области на реке Хомолхо с группой тамошних эвенков. Население Перевоза на тот момент было 842 человека и среди них 30 эвенков (данные поселковой администрации). Доминирующий язык в Перевозе русский.

В 1926-1927-е годы в устье реки Хомолхо при впадении ее в реку Жую, там, где сейчас расположен поселок Перевоз, было стойбище. По данным Приполярной переписи, на этом стойбище было 24 эвенкийских хозяйства (всего 114 человек – 63 мужчины и 51 женщина) и 8 якутских (всего 19 человек - 10 мужчин и 9 женщин) [7]. По поводу языка эвенков устья Хомолхо сообщается следующее: тунгусы (эвенки) говорят «на тунгусском наречии, общем для всех бодайбинских тунгусов. Многие тунгусы легко изъясняются на якутском языке. Есть даже случаи, когда тунгусы считают своим родным якутский язык». Что касается знания русского языка, то в то время из 114 эвенков стойбища по-русски говорили 63 человека – 40 мужчин и 23 женщины. Таким образом, в 1920-е гг. эвенки Хомолхо тесно контактировали с якутами, нередкими были межэтнические браки, в группе было распространено эвенкийско-якутское двуязычие. Хотя якуты на стойбище были в меньшинстве, в эвенкийско-якутских семьях, по-видимому, преобладало использование якутского языка, именно он становился родным для детей из таких семей, эвенкийский язык дети в смешанных семьях не усваивали. Это создавало предпосылки для начала в группе языкового сдвига с эвенкийского на якутский.

Сегодня, спустя 90 лет с начала процесса, мы можем не только констатировать полное его завершение, но и начало развития нового процесса – перехода с якутского языка на русский. Практически все взрослое эвенкийское население Перевоза сегодня говорит по-якутски, молодежь в основном владеет якутским пассивно – понимает своих старших родственников, – а вот детям якутский язык уже не передается. Что касается эвенкийского языка, то от него здесь остались только воспоминания («Мать, отец, бабушка, дед говорили на этом языке, я помню...») и небольшое количество эвенкийских слов у нескольких представителей старшего поколения эвенков [3].

Следует отметить, что в последнее десятилетие среди эвенков Перевоза наблюдается повышение интереса к своей эвенкийской самоидентификации, эвенкийскому прошлому, эвенкийской традиционной культуре и к утраченному эвенкийскому языку: создаются кружки эвенкийского традиционного шитья, фольклорные ансамбли,

исполняющие эвенкийские песни на литературном варианте языка, обсуждается возможность пригласить со стороны преподавателя, владеющего эвенкийским (какой это будет диалект, жителям не важно) и организовать курсы эвенкийского языка при поселковом досуговом центре.

Заключение

История изменения языковой ситуации в трех локальных группах автохтонного населения демонстрирует широкий разброс временной точки начала языкового сдвига и скорости развития процесса. Стоит обратить внимание на то, что во всех трех рассмотренных языковых сообществах мы имеем дело не с одним, а с двумя различающимися по времени процессами. На первом этапе контактируют две автохтонные этнические группы и, соответственно, два автохтонных языка. Постепенно члены одной из групп начинают переходить на язык другой, зачастую более многочисленной. Этому способствуют сходная хозяйственная деятельность и тесные контакты между членами групп, в том числе межэтнические браки. Как показывает история рассмотренных сообществ, в смешанных браках дети редко осваивают языки обоих родителей. Даже после того, как в обязательный репертуар членов языкового сообщества входит русский язык, процесс перехода на автохтонный язык соседей по инерции продолжается и во всех рассмотренных случаях завершается исчезновением одного из языков из языкового репертуара сообщества. Параллельно с завершающей стадией языкового сдвига в пользу контактирующего автохтонного языка начинается процесс постепенной замены победившего языка на русский. Пусковым механизмом начала перехода на русский язык оказывается переселение членов группы со стойбища в поселок или из небольшого поселка в более крупный населенный пункт. Начало сдвига может быть также вызвано травматичным для традиционного хозяйства социальным и/или экономическим изменением (коллективизация, потеря оленей). Ускорению процесса сдвига в направлении языка обучения способствуют также «добрые советы» родителям не использовать этнический язык в разговоре с детьми, чтобы те скорее усвоили русский.

Благодарности

Работа над докладом велась в рамках проекта РФФИ № 20-012-00520 «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий».

Список литературы

[1] Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград: Наука, 1975.

[2] АлексеенкоЕ.А. КоренноенаселениеВерхнегоТазав 1960-егг. // CongressusOctavusInternationalisFenno-Ugristarum. Jyväskylä, 10 – 15.8.1995.ParsVI: Ethnologia&Folkloristica. Jyväskylä, 1996.P. 13-15

[3] Казакевич О.А. Эвенкийские говоры Иркутской области: современное состояние // Казакевич О.А., Клячко Е.Л., Мищенкова К.О., Егорова М.А. Эвенкийские рассказы.Сборник рассказов эвенков Иркутской области 1927–2018 гг. Карта: Ю.Б. Коряков. Вступительная статья и фотографии: О.А. Казакевич / Под общей редакцией О.А. Казакевич. Иркутск: Издательский Дом «Приус», 2019. С. 9-17.

[4] Казакевич, Парфенова 2000 – Казакевич О.А.,Парфенова О.С. Языковая и этнокультурная ситуация в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. Москва, 2000. С. 270-303.

[5] Каталог первичных источников // Туруханская экспедиция Приполярной переписи. Этнография и демография малочисленных народов Севера. Сборник научных трудов /

отв. ред. Д.Дж. Андерсон. Красноярск: Поликор, 2005. С. 296-447.

[6] Поливанов К.К., Казакевич О.А., Клячко Е.Л., Будянская Е.М., Воронцова М.И., Галямина Ю.Е., Егорова М.А., Рудницкая Е.Л., Шейфер К.О. Интернет-ресурс «Малые языки Сибири: динамика языковой ситуации» // Малые языки в большой лингвистике 2021, 23-24 апреля 2021 года, МГУ имени М.В. Ломоносова. Тезисы. М., 2021. http://tipl.philol.msu.ru/~otipl/index.php/science/conferences/fieldworks2021/programme

[7] Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района. Статистико-экономический очерк // Сибирь. Живая старина. 1929. № 8-9.

[8] Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XXVII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

[9] Скалон В.Н. В тундре Верхнего Таза (фактические данные к вопросу о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3.

[10] Строкач Ю.Б. К методике изучения современных этнолингвистических процессов (по материалам социолого-лингвистического обследования народов Обь-Енисейского севера // Советская этнография. 1969. № 4.С. 3-13.

[11] Туголуков В.А. Тунгусы: эвенки и эвены Средней и Западной Сибири. Наука, 1985. 282 с.

[12] Туруханская экспедиция Приполярной переписи. Этнография и демография малочисленных народов Севера. Сборник научных трудов / отв. ред. Д.Дж. Андерсон. Красноярск: Поликор, 2005.

Приложение

Карта. От Верхнего Таза до устья Хомолхо. Составитель Ю.Б. Коряков.

УДК 81.272

Перспективы сохранения татарского языка на территории Красноярского края

Казанцева Яна Николаевна
Старший преподаватель кафедры филологии и языковой коммуникации Лесосибирского педагогического института–филиала Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск, Россия.
Yanakazantseva820@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-7908-6983

АННОТАЦИЯ В статье дается оценка возможности сохранения татарского языка в местах компактного проживания татар Красноярского края. Результаты исследования основываются на данных, полученных в ходе социопсихолингвистического исследования татарского населения названного региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА татарский язык, языковойсдвиг, мажоритарный язык, миноритарный язык, престиж языка, витальность языка

Красноярский край – многонациональный и многоязычный регион. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь проживает 159 национальностей, в т.ч. 9 аборигенных народов, при общем преобладании русского этноса (88,1%) [3, с. 7]. Татары – третья по численности группа, удельный вес которой составляет 1,23 % (34828 чел.) от общей численности населения края.Татары проживают во всех без исключения городах и районах Красноярского края, но наиболее компактно в г. Красноярске (9,5 тыс. чел.; 1,0 % всех жителей), г. Лесосибирске (4,6; 7,2 %), г. Норильске – (3,0; 1,7 %), г. Назарово (1,0; 2,0%), Пировском (2,0; 26,3 %), Казачинском (1,0; 8,6 %), Большемуртинском (0,8; 4,3 %) районах. Всего в крае имеется 40 деревень, где татары составляют четверть населения и выше, а в 26 селениях (в т.ч. 17 – в Пировском районе) – свыше половины[3, с. 50]. Большая часть татарского населения проживает в городской среде (25993 чел., 74,6 % от общей численности татар в крае). В сельской местности насчитывается 8835 татар.

Большинство татар в Красноярском крае владеют русским языком. Так, например, в г. Лесосибирскечисло татар, ответивших «да» на вопрос «Владеете ли вы русским языком» составило 4584 чел. (99,4 %), в Пировском районе - 1948 чел. (97,7 %), в Казачинском районе - 950 (96,9 %). Численность татар, владеющих татарским языком, составляет 18026 чел. (51,76 %). В сравнении с данными Всероссийской переписи населения 2002 г., доля говорящих снизилась на 14 %. В 2002 г. 29282 чел. отметили факт владения татарским языком, что составило 65,98 % от общего числа татар Красноярского края.

В Красноярском крае, в частности, на исследуемой территории русский язык представлен во всех без исключения сферах деятельности и выполняет все социально значимые функции. Татарский язык – это язык диаспоры, функционирует он как средство общения между представителями татарской национальности. Наиболее активно коммуникация происходит в сфере семейно-бытового общения. Однако здесь можно наблюдать процесс, который является характерным для многих миноритарных языков в России, а именно вытеснение татарского языка русским. Кроме того, в городской среде языковой сдвиг происходит значительно быстрее. Как известно, тип расселения является существенным фактором, детерминирующим образовательный, культурный уровень населения. Это важный этнодемографический параметр, который оказывает влияние на языковую компетенцию жителей, функциональное распределение языков в различных коммуникативных сферах и на языковую ситуацию в целом [1, с. 112].

Городские респонденты используют русский язык в большинстве ситуаций общения. В качестве исключения можно назвать общение на татарском языке с родителями, однако традиция эта прерывается с поколением. Представители городской молодежи говорят на русском языке, в редких случаях используют татарский язык при условии, что собеседник его понимает. Причиной тому является недостаточный уровень владения языком, чтобы осуществлять свободную коммуникацию. В основном с родителями общаются или общались татары старшего возраста (старше 60 лет), а также среднего (от 30 до 60 лет). Однако и в этом случае респонденты склонны переходить на русский язык. В остальных ситуациях выбор осуществляется в пользу русского языка или же респонденты в своей речи употребляют оба языка. Общение между родственниками-татарами преимущественно двуязычное.

Результаты исследования показывают, что сельские татары используют татарский язык как средство общения с родителями, родственниками, односельчанами чаще, чем городские. Особый интерес вызывает речевое поведение людей среднего возраста. В общении с татарами старшего возрастаони используютпреимущественно татарский язык, в общении с детьми переходят на русский язык, ослабляя, таким образом, передачу языковых навыков. Русский язык занимает значительную часть в семейно-бытовом общении (чаще с супругами, детьми). Сельские татары младшего возраста, несмотря на достаточно хороший уровень владения татарским языком, используют русский язык в ситуациях общения с супругом или супругой, детьми, друзьями.

На употребление татарского языка в бытовой сфере отрицательное влияние оказывает то обстоятельство, что некоторые семьи являются национально-смешанными. Как показывают результаты опроса, муж и жена, являясь представителями разных народов, преимущественно татарского и русского, общаются на русском языке, поскольку татарским языком владеет только один из супругов. Среди опрошенных нами респондентов процент смешанных семей составил 17%, следовательно, продолжение традиции общения на татарском языке находится под угрозой, если не прервется вообще, поскольку дети в этих семьях родным языком чаще называют русский и нередко причисляют себя к русскому этносу. В редких случаях дети от смешанных браков проявляют интерес к изучению татарского языка. В таких условиях при доминирующей роли русского языка возникает проблема сохранения татарского языка.

Таким образом, функциональное использование татарского языка в семейно-бытовой сфере имеет свои градации: в целом среди горожан татарский язык является транслятором в межпоколенном общении (с родителями), однако имеет тенденцию к снижению в общении с детьми. Русский язык преобладает во внутрипоколенном общении (с мужем или женой), с родственниками, проживающими в той же местности. В сельской местности общение на родном языке поддерживается в большей степени, чем в городе, во всех коммуникативных ситуациях. Несмотря на высокий уровень языковой компетенции, компактность проживания татар, русский язык проникает в семейно-бытовую сферу, выступая языком общения с детьми, с мужем или женой, с друзьями.

В сфере образования татарский язык функционирует ограниченно. Татарский язык преподается как предмет в школах с. Отношка (Казачинский р-н), д. Елга (Большеулуйский р-н) и д. Березовый Лог (Ужурский р-н), факультативно – в 3 школах [3, с. 50].В г. Красноярске с 2007 г. работают три воскресные школы по изучению татарского языка, в т.ч. одна - в помещении соборной мечети, а в 2008 г. была открыта воскресная школа в г. Лесосибирске. С 2021 г. в ЦГБ г. Лесосибирска на регулярной основе проводятся занятия по татарскому языку.

Для сохраненияи развития культуры, традиций, обычаеви языка татарского народа, развития сотрудничества между народами Красноярского края была созданататарская национально-культурная автономия «Яр». Также целью создания автономии является содействие духовному возрождению ислама на территории Красноярского края.

Автономия «Яр» активно участвует в культурной и образовательной жизни края, организует концерты и выступления артистов из Татарстана в городах и селах края, дней татарской литературы, театра, кинои музыки, является постоянным организатором татарского народного праздника Сабантуй в Красноярске, а также помогает устраивать праздник в районах Красноярского края. Автономия «Яр» является организатором учебно-методических семинаров для преподавателей татарского языка и занимается пополнением книжных фондов в библиотеках и школах татарских сел [4].Кроме того,в крае зарегистрировано 11 местных татарских общественных организаций: ТНКА – «Янарыш» в Красноярске, председателем которой с 1997 г. является В.И. Файзуллин, «Дуслык» в Лесосибирске, «Яна Гасыр» в гг. Шарыпово и в Норильске. Успешно работает региональная татарская молодежная общественная организация «Кызыл Яр»[2].

На фоне этих и других обстоятельств попробуем оценить возможные перспективы сохранения татарского языка в Красноярском крае.

Демографическая база носителей татарского языка, вероятнее всего, в ближайшие 20 лет уменьшится, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция миграции татар на свою историческую родину в Республику Татарстан. Увеличение числа смешанных браков приведет, во-первых, к тому, что дети, вероятнее всего, будут с рождения говорить по-русски; во-вторых, у них возникнет проблема этнической самоидентификации, что окажет значительное влияние на выбор языка общения.

Интерес татар к татарской культуре будет расти, о чем свидетельствует активная деятельность автономии, направленная на сплочение татароязычного населения,активизацию национального самосознания, сохранение и развитие традиций, культуры и языка татарского народа.

В повседневной коммуникации роль татарского языка постепенно будет сокращаться, при этомтемп зависит от способа расселения: в городской среде он будет быстрее, чем в сельской. Во-первых, это следует из того, что общение по-татарски происходит в основном между людьми среднего и старшего возраста, в гораздо меньшей степени между молодыми людьми или старшими при обращении к младшим. В условиях городского проживания постепенно разрушается естественная передача языка от старшего поколения к младшему: родители, желая создать для детей наилучшие условия, делают выбор в пользу русского языка, более подходящего для повседневного общения как с друзьями, так и с родственниками, а также для получения образования и возможности иметь престижную работу и карьерный рост. Во-вторых, согласно данным, полученным в результате свободного ассоциативного эксперимента,средством общения в языковом сознании опрошенных татар является русский язык, он же необходим им для жизнедеятельности, что подтверждает наши прогнозы относительно высокого престижа русского языка по сравнению с татарским. Татарский язык в языковом сознании его носителей обладает следующими константами: татарский язык – родной язык; средство общения с людьми татарской национальности; символ татарской культуры.

Большое значение для сохранения языка имеет школьное образование. Считаем маловероятным, что татарский язык будет массово изучаться в городских школах по нескольким причинам: во-первых, из-за низкого удельного веса татар в классах; во-вторых, из-за недостатка учителей татарского языка в крае. В сельских школах, возможно, вторая причина будет первостепенной. Тем не менее, желание изучать татарский язык у респондентов имеется.

Сфера средств массовой информации также является важным и эффективным источником распространения, развития татарской языковой традиции на территории Красноярского края. Отметим, что большую поддержку оказывает Республика Татарстан, поскольку является наиболее заинтересованной в сохранении самобытной татарской культуры, татарского языка за своими пределами. Преобладающее большинство СМИ располагается в Татарстане, освещает жизнь татар не только в республике, но и компактно

проживающих по всему миру. В 2001 г. была зарегистрирована телерадиокомпания «Новый Век» («Яна гасыр телерадиокомпаниясе»), включающая телеканал ТНВ, еженедельную газету «На волне Татарстана», радио «Новый век». Посредством спутника сигнал распространяется на регионы России, включая территорию Красноярского края. На территории Красноярского края функционирует национальная татарская радиостанция «Tatarradiosi», телеканал «ТНВ». В настоящее время быстрыми темпами развиваются электронные средства массовой информации. В глобальной сети можно найти множество татарских сайтов: официальный сайт исполкома Всемирного конгресса татар (www.tatar-congress.org), информационные агентства «Татар-информ» (www.tat.tatar-inform.ru) и «Интертат» (www.intertat.ru), Национальный музей Республики Татарстан (www.tatar.museum.ru/tatar.htm), свободная энциклопедия Википедия на татарском языке (http://tt.wikipedia.org/). Информация на страницах представлена на татарском языке, причем как на кириллице, так и на латинице. Свои сайты есть и у газет на татарском языке: «Шахри Казан» (http://shahrikazan.com/), «Азатлык» (http://azatlyk.com/), «Безнен юл» (http://beznen-yul.narod.ru/), «Сабантуй» (http://sabantuy.net/). Таким образом, функционирование татарского языка в сфере СМИ является благоприятным фактором для витальности татарского языка на территории Красноярского края.

Тем не менее, несмотря на широкий доступ татарского населения к получению информации из разных ресурсов на татарском языке, результаты опроса свидетельствуют о низкой потребности как городского, так и сельского населения получать информацию на татарском языке, что обусловлено широкой распространенностью и доступностью русскоязычных источников. Несмотря на имеющуюся возможность смотреть телепередачи на татарском языке, читать книги, журналы, газеты, хранящиеся в библиотеках г. Лесосибирска, интерес информантов к радиопередачам, книгам, газетам, изданным на русском языке, гораздо выше, чем на татарском.

Итак, процесс языкового сдвига в местах компактного проживания татар Красноярского края можно охарактеризовать как медленный: происходит постепенный переход татарского населения на мажоритарный русский язык; татарский язык сохраняется преимущественно в сфере семейно-бытового общения.

Список литературы

[1] Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дисс. … д-ра филол. наук. М., 2002. 327 с.

[2] Дом дружбы народов Красноярского края.URL: https://ddn24.ru/activity/article/yanarysh (дата обращения: 25.06.2022).

[3] Этноатлас Красноярского края. Издание третье, переработанное и дополненное. Красноярск: «Издательство Поликор», 2018. 240 с.

[4] Энциклопедия Красноярского края. URL: http://my.krskstate.ru/docs/national_culture_groups/tatarskaya-avtonomiya-yar/(дата обращения: 25.06.2022).

УДК 80; 81-16

Универсалии вербальной культуры как категориальная матрица: ценности и коды

Ким Игорь Ефимович
Доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
kimkim27601@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-5571-4719

АННОТАЦИЯ Данная статья посвящена проблеме универсалий вербальных культур. Система культурных универсалий, выработанная в рамках культурной антропологии, не отражает специфики вербальных форм культуры, а лингвистические универсалии не носят культурный характер. Имеющиеся претенденты на роль универсалий, сформированные в разных филологических предметностях, не покрывают разнообразия и специфики всех видов словесности. В статье предлагается система универсалий, образующая матрицу, одно из измерений которой задается набором общечеловеческих понятий и ценностей, сгруппированных в бинарные или многочленные ряды, а другое – системой репрезентирующих эти ценности реалий, которые удобно описывать с помощью понятия культурного кода, сформированного в рамках описания обрядового фольклора. Соединение понятийно-ценностного ряда с репрезентирующей реалией создает привычные для тех или иных разновидностей вербальных практик вербально-культурные феномены: концепты, мифологемы, мотивы, символы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Универсалии вербальных культур, культурные коды, ценности

Сопоставление вербальных культур разных типов и разных этносов ставит проблему «точки отсчета», системы понятий, в которой феномены разных видов словесности и разных этнических вербальных культур имели бы сопоставимый вес и соотносимые характеристики.

Речь идет об универсалиях вербальной культуры, которые имели бы по возможности параметрический характер. Последнее важно потому, что универсалии другого рода, например, сформированные в культурной антропологии, носят по большей части эмпирический и индуктивный характер по принципу «а вот что еще может быть».

В лингвистике, которая до сих пор остается самой «точной» и формальной из филологических наук, Дж. Гринбергом было предложено использовать в качестве универсалий количественные (квантитативные) показатели, охватывающие широкий круг фонетических, морфологических и синтаксических параметров [5]. Однако не все филологические науки могут быть описаны с точностью до единицы, поэтому для формирования универсальных величин для всей их совокупности необходима парадигма другого рода.

Если рассматривать языковые универсалии, принятые в типологической лингвистике, с одной стороны, и культурные универсалии, принятые в культурной антропологии – с другой, то можно заметить очевидное несходство их содержания и организации.

Языковые универсалии представляют собой обобщенные лингвистические характеристики широкого спектра: от фонетических до семантических. Характеристики акустико-артикуляционной (внешней, по В. фон Гумбольдту) и грамматической (внутренней) формы поддаются измерению и могут быть описаны количественными параметрами (индексами, по Дж. Гринбергу). Культурные универсалии представляют собой список эмпирически выявленных институтов и феноменов, характерных для всех известных этнических культур.

Парадокс заключается в том, что языковые универсалии не охватывают культуру как таковую. Они могут быть проинтерпретированы в терминах культурных доминант этноса, но с большой долей произвола и идеологических «добавок», как это было сделано по отношению к безличности в русском языке, проинтерпретированной иностранным исследователем как свидетельство безответственности как черты русского менталитета [3], а русскими исследователями как особой метафизической природе русского миросозерцания[3].

С другой стороны, и культурные универсалии, сформированные в антропологической традиции, не годятся для систематизации фактов вербальных культур. Дело здесь в том, что вербальные культуры связаны с коммуникативной практикой и вербальными объектами, которые носят знаковый характер, то есть имеют план выражения и план содержания, форму и смысл. Таким образом, для вербальной культуры должна быть сформирована система универсалий, отражающая ее смысловую сторону, которая для разных типов вербальной культуры, а именно языка, художественной литературы, фольклора и паремийной составляющей, бытовой и ораторской речи, а также многих других разновидностей, включая эпиграфику, геральдику (в текстовой части), сфрагистику и т.п., оказывается разной и в существенной мере для каждой разновидности вербальной культуры специфичной.

Таким образом, универсалии вербальной культуры должны отражать смысловую сторону ее разновидностей, не совпадая с ней, но создавая свою систему смыслов. Основой такой системы может стать совокупность значимых для культуры понятий и ценностей.

Список ценностей, как и список феноменов материальной и акциональной составляющих культуры, осмысленных как универсалии в культурной антропологии, открыт, но не бесконечен и включает в себя категории, в пространстве которых протекает социальная жизнь человека.

Наиболее удобная форма представления ценностей – пара, бинарная оппозиция, поскольку ценности связаны с оценкой, которая задает два полюса. При этом возможно наличие среднего члена – мезонима, по терминологии Н.Д. Андреева, А.А. Уфимцевой и др. [17. с. 3, 7 и далее], который задает возможности нейтрализации в оппозиции. С другой стороны, ценность может образовывать и более сложный, чем бинарная оппозиция, ряд по типу многочленной эквиполентной оппозиции.

Рассмотрим для примера одну из базовых ценностей, связанную с оппозицией сопричастности / чуждости. По данным большого исследования вербальных культур Сибири и Дальнего Востока[4], именно этот ценностный ряд оказался наиболее широко представлен в этнических культурах этого региона. Понятно, что послужило причиной такого распространения ценностной категории: сопричастность, или, по Л. Леви-Брюлю [10, с. 65], партиципация, – это отношение, организующее жизнь традиционной этнической общности, а согласно Ф. Бартлету [цит. по Коул, Скрибнер, 1977. С. 33-34] – базового компонента культуры любой этнической общности, включая этничесие

---

[3] В.В. Виноградов приводит мнение В. Классоюского: «Предложения вроде Мне не спится, мне лень, мне жаль, у меня нет друзей, можно, нельзя и им подобные, называемые «безличными», — «более чем стилистическая роскошь, более чем идиоматические обороты того или другого языка: они — целое отражение целой системы космологического объективизма, т. е. системы мировоззрений, по которым природа не раздваивается на производителя и произведение» [Виноградов, 1958.С. 287].

[4] Проект Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884), см. сайт Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока https://www.philology.nsc.ru/departments/lvc/index.php.

образования цивилизационного типа. Аналогично, и чуждость [13], противопоставленная сопричастности, активно воспроизводится в вербальной культуре, устанавливая, в частности, межэтнические границы.

Можно выделить около 30 понятийно-ценностных рядов[5], из которых часть будет актуальна для многих вербальных культур, а другая часть будет актуальна для ограниченного круга культур:

- Активность / неактивность
- Богатство / (достаток) / бедность
- Вера / (сомнение) / неверие
- Власть / подчинение (исполнение)
- Добро / зло
- Душевные и социальные качества человека
- ум / глупость,
- сила / слабость,
- смелость / трусость,
- трудолюбие / лень
- и др.)
- Жизнь / смерть (бытие / небытие)
- Закономерное / случайное
- Запрет / разрешение
- Здоровье / болезнь
- Знание / незнание
- Красота / уродство
- Любовь / равнодушие / ненависть
- Мужское / женское
- Порядок / беспорядок
- Правда (истина) /ложь
- Правильное / неправильное
- Право / обязанность
- Простое / сложное
- Радость / горе
- Сакральное / профанное (высокое / низкое)
- Свобода / несвобода
- Слава / позор
- Сопричастность / чуждость (свое / чужое)
- Стыд (совесть) / бесстыдство
- Счастье / несчастье
- Удача / неудача
- Удовольствие / страдание
- Хорошо / плохо
- Чистота / грязь

Этот список изначально априорен, базируется на здравом смысле и некотором нестрогом анализе волшебных сказок, паремий, литературных произведений, и каждый ряд в нем требует проверки на предмет универсальности и даже наличия в конкретных вербальных культурах. Часть рядов может быть даже взаимоисключающими или носить иерархический характер, например, ряд удача / неудача явно подчинен паре закономерное / случайное, поскольку идея закономерности противоречит интерпретации события как удачного или неудачного.

Интересно, что понятийно-ценностные ряды и их члены сами по себе могут порождать культурные феномены, относящиеся к языку, паремиям, фольклору или художественной литературе, см., например, пословицы: Не было бы счастья, да несчастье помогло (счастье / несчастье), или Сытый голодного не разумеет (богатство / бедность); концепты воля (свобода / несвобода); тоска (удовольствие / страдание) и т.п.

Однако чаще в вербальных культурах ценности «закодированы» в реалиях вещного мира. Характер этого кодирования разный в разных вербальных практиках. В обрядовом фольклоре кодирование носит прямой характер. Носителями кодов являются элементы обряда, для которых в фольклористике используется понятие культурного кода [12; 15; 16; 19]. Это понятие используется и в других филологических направлениях, например, в лингвокультурологии, см. например, [9; 11].

[5] Первый вариант этого списка опубликован в приложении 1 статьи [Дампилова и др., 2020].

Традиционным для обрядового фольклора является выделение пространственного, темпорального, космонимического, природного, минералогического, фитонимического, зоонимического, персонажного, акционального, вербального, психосоматического, звукового, социального, пищевого, артефактного, цветового, числового кодов [6, с. 25-26]. Явления, относящиеся к каждому из культурных кодов, символизируют, отражают элементы тех или иных ценностных рядов.

В других вербальных практиках кодирующими элементами выступают не реалии непосредственной жизни, а явления, обозначаемые вербальными единицами этих культур: лексемами, морфологическими формами и категориями, синтаксическими конструкциями в языках, девизами в геральдике, текстами пословиц и афоризмов в паремике, типическими местами фольклорных произведений, мотивами и сюжетными функциями художественной литературы. Таким образом, обрядовый фольклор обладает спецификой в ряду других форм словесности. Однако схожей спецификой обладает и драматический род художественной литературы, поскольку полноценное воспроизведение драматического текста реализуется через особого рода игру, в которой можно обнаружить реальные (реквизит) или имитирующие реальность (бутафория, декорации) объекты.

Соединение реалий, относящихся к одному из культурных кодов, с понятием, принадлежащим одному из ценностных рядов, порождает в той или иной вербальной практике культурный феномен. Так, очевидна символика цвета, в частности, кодирование идеи смерти в черном для европейской культуры и белом для китайской и японской [1, с. 21] культуры (жизнь / смерть)[6]. Эти цвета играют важную роль в похоронном ритуале, но цветовая символика реализуется и в художественной литературе, и в фольклоре, и в языке, пронизывая всю этническую вербальную культуру.

Более сложным примером является сочетание пространственного культурного кода и ценностного ряда «сопричастность / чуждость» в русской сибирской художественной литературе и/или литературе сибирской тематики [4; 7; 14; 18]. Так называемый «сибирский текст» характеризуется двойственностью позиции автора – сибирского русскоязычного писателя. Как представитель русского этноса, такой писатель воспринимает Сибирь как «чужое пространство», а европейскую часть России – как «свое пространство». Чужое пространство Сибири может быть враждебным, полным мистики и непредсказуемости [18], но может представляться и земным раем (ср. постмодернистское развитие сюжета Беловодья [14]). С другой стороны, будучи жителем Сибири, такой писатель воспринимает ее как «свое пространство», а метрополию как «чужое пространство», что реализуется, например, в творчестве Г.Д. Гребенщикова и Н.М. Ядринцева [4; 7].

Таким образом, можно говорить о системе универсалий вербальной культуры, устроенной как бинарная матрица, в которой одно измерение образуют понятийно-ценностные ряды, а другое – культурные коды. Универсальна сама матрица, но характер заполнения ее полей уникален для каждой этнической вербальной культуры.

Список литературы

[1] Белова Д.Н. Мистерия символики смерти в европейской и японской живописи // Культура и искусство. 2019. №4. С. 9-26.

[2] Бузин В.С. Белый и черный цвета в атрибутике традиционной погребальной обрядности русского народа // Современная научная мысль. 2017. №5. С. 6-15.

[3] Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Рус. словари, 1997. С. 33-88.

[6] Ср. амбивалентность русской траурной цветовой символики [Бузин, 2017]

[4] Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 180–192. DOI: 10.17223/19986645/65/11

[5] Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 60-94.

[6] Дампилова Л С., Силантьев И.В., Ким И.Е., Кузьмина Е.Н., Шатин Ю.В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9-28. DOI 10.17223/18137083/73/1

[7] Козлов А.Е. «Сибирские литературные воспоминания» Н.М. Ядринцева: память жанра и конструирование идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 46-51. DOI: 10.17223/15617793/459/5

[8] Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк / Пер. с англ. Под ред. и с пред. А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 261 с.

[9] Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5-19.

[10] Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

[11] Морозова С.В., Оржековская Л.В., Якушкина Н.В. и др. Культурология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей / Под ред. С.М. Прокопьева; Моск. гос. ун-т печати. М., 2010. Ч. 1. 248 с.

[12] Ойноткинова Н.Р. Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 5-18.

[13] Пеньковский А.Б. О семантической категории чуждости в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1989. С. 54 – 83.

[14] Силантьев И.В., Шатин Ю.В. «Якутия» А.Е. Строганова. Художественная деконструкция мифологической идиллии // Сибирский филологический журнал. 2021. Вып. 2. С. 137-147. DOI: 10.17223/18137083/75/10

[15] Толстая С.М. О семантическом единстве обряда // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. М., 1988. С. 146-148.

[16] Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.

[17] Фомина И.Н. Мезонимия как лексическая категория и её стилистические ресурсы / 10.02.01 - русский язык. Автореф. дис. канд. филол. наук. Днепропетровск, I991. 16 с.

[18] Шатин Ю.В., Силантьев И.В. Драма Г. Чулкова «Тайга»: рецепция сибирского текста в контексте русского символизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 298-307. DOI: 10.17223/19986645/66/16.

[19] Юша Ж.М. Культурные коды в ритуальной традиции тюркских народов // Материалы международного IV Форума гуманитарных наук «Великая степь. Тюркская цивилизация: от истоков к современности». Нур-Султан, 2019. С. 794-800.

УДК 81’33

Эмоции, язык, культура: опыт исследования эмоционального восприятия текстов тувинско-русскими билингвами

Колмогорова Анастасия Владимировна
Доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия.
nastiakol@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6425-2050

Маликова Алина Вячеславовна
Старший преподаватель, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия
malikovaav1304@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3438-1839

АННОТАЦИЯ Данное исследование направлено на изучение специфики эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами. В психолингвистическом эксперименте по недискретной оценке эмоции в тексте приняли участие 174 русскоязычных монолингва и 65 тувинско-русских билингва. Материалом исследования стали 48 текстов постов социальной сети ВКонтакте, отобранные по тематическим хештегам в соответствии с эмоциональной моделью Куб Лёвхейма. В результате сравнительно-статистического анализа была обнаружена значимая роль билингвального профиля респондента в характере когнитивной обработки эмоций; выявлена специфика восприятия тувинско-русскими билингвами эмоций Удивление и Гнев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА билингвизм, интернет-текст, русский язык, тувинский язык, эмоциональный анализ текста.

В целях сохранения языкового многообразия и обеспечения устойчивого развития Арктики и приравненных к ним территорий на сегодняшний день осуществляется ряд программ и исследований, направленных на поддержку коренных малочисленных народов Севера. Одним из таких исследований является наш проект, направленный на моделирование специфики эмоционального восприятия текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами.

Отправной точкой для формирования гипотезы нашего исследования стало утверждение о том, что эмоциональная тональность текстов воспринимается монолингвальными и билингвальными носителями по-разному. В настоящий момент в научном сообществе сформировался интерес к изучению специфики функционирования русского языка в билингвальном пространстве: о влиянии статуса языка в психолингвистической реальности индивида на характер когнитивной обработки эмотивной лексики свидетельствуют экспериментальные исследования с применением методов измерения электрической активности кожи [1], электроэнцефалографии [2], фМРТ и потенциалов, связанных с событием [3], а также результаты, полученные в ходе психолингвистических экспериментов [4].В том числе осуществляется ряд проектов, направленных на изучение вопросов функционирования в билингвальной перспективе языков Южной Сибири[5; 6].

В контексте многонационального государства проблема эмоционального восприятия текстовых данных билингвами стоит особенно остро, поскольку ряд субъектов федерации наряду с русским языком в качестве государственного имеют второй – автохтонный язык представителей лингвокультурного сообщества данной территориальной единицы. Эмоциональный эффект от текстов на русском языкедля

двуязычного населения этих субъектов может отличаться от эффекта, производимого на читателей-монолингвов. Такой контактный национально-русский билингвизм и динамика языковой ситуации в республиках требуют детального изучения для обеспечения недискриминации коренных народов РФ, а именно – ориентации на их нужды и особенности восприятия текстов при планировании языковой политики и информировании по общественно-политическим вопросам.

Одним из субъектов РФ с языковой ситуацией, требующей подробного изучения, является Республика Тыва. Исследователи описывают языковую ситуацию этого субъекта как экзоглоссную несбалансированную [7], так как тувинский и русский языки сосуществуют в нем независимо друг от друга и распределены по сферам общения и социальным группам.

И тувинский, и русский языки являются государственными на территории республики.В сравнении с другими тюркскими языками (например, алтайским, хакасским), тувинский язык определяется как язык с «достаточно высокой степенью витальности» и перспективами функционального развития в сфере образования, культуры и массовой коммуникации [8, с. 67], что объясняется относительно поздним вхождением республики в состав СССР (1944 г.), а также закрытостью и труднодоступностью ее территории. Эти факторы способствовали, в том числе, сохранению культурной и этнической самобытности республики – значительная доля населения ревностно относится к своей родине и составляющим ее культуры.

Однако социолингвистические исследования отмечают нахождение тувинского языка «в положении функциональной дополнительности» [9, с. 194]по отношению к русскому языку – начиная с 70 гг. XX века его коммуникативная мощность ослабла, в частности в сфере образования [10].В то же время русский язык занимает лидирующие позиции в сфере управления и делопроизводства, что приводит к необходимости всякого совершеннолетнего жителя владеть письменными формами русского языка.

Несмотря на относительную сбалансированность формального равноправия двух государственных языков, в субъекте продолжаются негативные процессы языкового сдвига, что обусловлено ускорением процессов перехода кмонолингвальной практике общения на русском языке среди городской молодежи и, напротив, недостаточным владением русским языкомсельским населением Республики Тыва [11].

Проанализировав данные о языковой ситуации в этом регионе, мы определили целью нашего исследования изучить эмоциональный аспект восприятия текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами, поскольку за успешностью прогнозирования этого восприятия стоит эффективность коммуникации между властными институтами и билингвальным населением.

В исследовании психолингвистических и когнитивных аспектов обработки эмоциональной лексики приняли участие 174 русскоязычных монолингва, мужчины и женщины, средний возраст которых составил 21 год, и 65 тувинско-русских билингвов, мужчины и женщины, средний возраст которых выпадает на категорию 18–25 лет. Выборки информантов были сформированы с учетом параметров возраста из волонтеров, откликнувшихся на наши объявления в социальных сетях.

Поскольку интернет-пространство на данный момент является не только информационной площадкой, но и формирует платформу для социального взаимодействия, материалом нашего исследования стали 48 текстов постов социальной сети ВКонтакте. Эти тексты являются частью корпуса интернет-текстов (общей численностью 3920 текстов), сформированного и размеченного в рамках проекта по созданию классификатора интернет-текстов на русском языке по критерию эмоциональной тональности [12]. В корпус текстов сравнительного

психолингвистического эксперимента по их эмоциональной оценке с билингвами вошли тексты из паблика «Подслушано», отобранные по тематическим эмоциональным хештегам – по 6 текстов на каждую эмоцию. Тексты постов данного паблика были выбраны по причине небольшого объема(80-100 слов) иразнообразной эмоциональной окраски. Тематические хештеги были валидированы дополнительно группой независимых экспертов.

Базовой классификацией эмоций для формирования корпуса текстов и обработки результатов исследования стала модель Г. Лёвхейма, включающая 8 эмоциональных классов: Грусть, Радость, Отвращение, Удивление, Воодушевление, Гнев, Стыд, Страх[13]. Шведский нейрофизиолог расположил базовые эмоции в вершины куба с осями-нейромедиаторами (дофамин, серотонин, норадреналин) на основе данныхо функционировании лимбической системы людей и животных.

На основе Куба Лёвхейма был разработан интерфейс для недискретной эмоциональной разметки[14], который мы использовали для психолингвистического эксперимента с монолингвами и тувинско-русскими билингвами. 4 диагонали куба, проходящие через его центр, представлены в интерфейсе в виде 4 шкал: радость – грусть, страх – удивление, стыд – воодушевление, отвращение – гнев. Посередине шкалы располагается нейтральное эмоциональное положение, а на полюсах расположено наиболее сильное выражение названных эмоций. Передвигая ползунок по шкале ближе к полюсу, информант указывает на большую интенсивность эмоции, которая, по его мнению, выражена в тексте. Благодаря такой визуализации мы имеем возможность как учитывать интенсивность эмоции, так и указывать сразу несколько эмоций в одном текстовом фрагменте.

Разметка русскими монолингвами осуществлялась онлайн на краудсорсинговой платформе Яндекс.Толока. Приглашенные билингвы размечали тексты в специально разработанном для этого веб-приложении с тем же интерфейсом. В обоих случаях после небольшой инструкции информанту подавался текст и 4 шкалы.

Ввиду эмоциональной ситуации в Республике Тыва исследовательский интерес также имеет своим фокусом зависимость эмоционального восприятия билингвами текстов на русском языке от факторов возраста, пола, уровня образования и статуса языка в билингвальном сознании. В связи с этим дополнительным шагом дизайна исследования для респондентов-билингвов стал опросник, сформированный на базе опросника Bilingual Language Profile и служащий для определения билингвального профиля – доминирующего языка респондента[15].Опросник включал 4 модуля: 1) языковая история (вопросы о возрасте овладения языком, возрасте комфортного использования каждого языка); 2) использование языка (доля использования в неделю каждого языкапри общении с друзьями / с семьей / в школе или на работе / при внутренней речи / при счете); 3) языковая компетентность (самооценка информантом языковых компетенций в речевой деятельности); 4) отношение к языкам (самоидентификация информанта через языки). Определив билингвальный профиль респондентов, мы разделили их на три группы – русско-тувинские билингвы (с доминирующим русским языком), тувинско-русские билингвы (с доминирующим тувинским языком) и группа с языками в сбалансированномсоотношении.

В результате эмоциональной оценкимонолингвальными и билингвальными информантамиинтернет-текстов на русском языке были получены данные оценки в виде четырех значений на эмоциональных диагоналях куба. Сравнительно-сопоставительный анализ с применением статистических методов обработки данных позволил сделать некоторые выводы о специфике восприятия текстов тувинско-русскими билингвами.

Таблица 1. P-значения по t-тесту при сравнении средних значений оценокпо эмоциональным шкалам монолингвами и билингвами

Эмоциональная шкала	P-значение
Радость – Грусть	> 0.05
Стыд – Воодушевление	0.015909
Отвращение – Гнев	0.000446
Страх – Удивление	0.000047

При сопоставлении среднихзначений для монолингвальных и билингвальных выборок с применением t-критерия Стьюдента была обнаружена статистическая значимость по 3 эмоциональным шкалам из 4 предложенных (см. таблица 1): среднее значение распределения выборки монолингвов больше по шкале Стыд – Воодушевление (p=0.015909);среднее значениевыборки билингвов больше по шкалам Отвращение – Гнев (p=0.000446) и Страх – Удивление (p=0.000047).

Подтвердив таким образом гипотезу о различном восприятии эмоциональной тональности текстов на русском языке монолингвальной и билингвальной группами информантов, мы решили подробнее рассмотреть зависимость эмоционального восприятия билингвами текстов на русском языке от вышеописанных факторов. Для этого была применена другая статистическая метрика – коэффициент Спирмана – с целью обнаружения значений корреляции оценок билингвов и факторов возраста, пола, образования и билингвального профиля по BPL. В результате анализа p-значений, соответствующих значениям корреляции, не выявлено созависимости между значениями оценок по эмоциональным шкалам и параметром возраста – показатели близки к Но (некоррелированные данные). По параметру пола отмечается зависимость оценок, расположенных на шкалах Отвращение – Гнев (p=0.6) и Радость – Грусть (p=1). Оценки по шкале Радость – Грусть также продемонстрировали относительную зависимость от параметра образования (p=0.6).Однако наиболее стойкая корреляция прослеживается между оценками билингвов и их доминирующим языком – по всем эмоциональным шкалам p= [0.6; 0.9].

Таким образом, можно сделать вывод, что, по-видимому, именно параметр доминирующего языка в билингвальном сознании носителя тувинского языка играет определяющую роль в характере его эмоционального восприятия текстов на русском языке.

При сравнении средних оценок в разных группах билингвов с помощью выстраивания доверительных интервалов было обнаружено, что средние оценки в группе тувинско-русских билингвов и русско-тувинских билингвов имеют наибольшие статистически значимые различия по шкалам Отвращение – Гнев и Страх – Удивление.

Для подтверждения тенденций, которые мы наблюдали в оценках по эмоциональным шкалам, мы применили к данным монолингвов и тувинско-русских билингвов (доминирующий тувинский) метод агрегации векторов, позволяющий преобразовать оценки текста в точки в пространстве куба.

Если посмотреть на гистограммы (см. рисунок 1), отражающие относительную плотность распределения (в процентном отношении) «координатных» данных в кубе

на диагоналях Страх – Удивление и Отвращение – Гнев, то можно отметить: 1) более радикальные оценки билингвов на полюсе эмоции Удивление; 2) большую плотность эмоции Гнев на всех степенях интенсивности в восприятии билингвов. Таким образом, тувинско-русские билингвы оказываются более чувствительными к названным эмоциям, чем русские монолингвы.

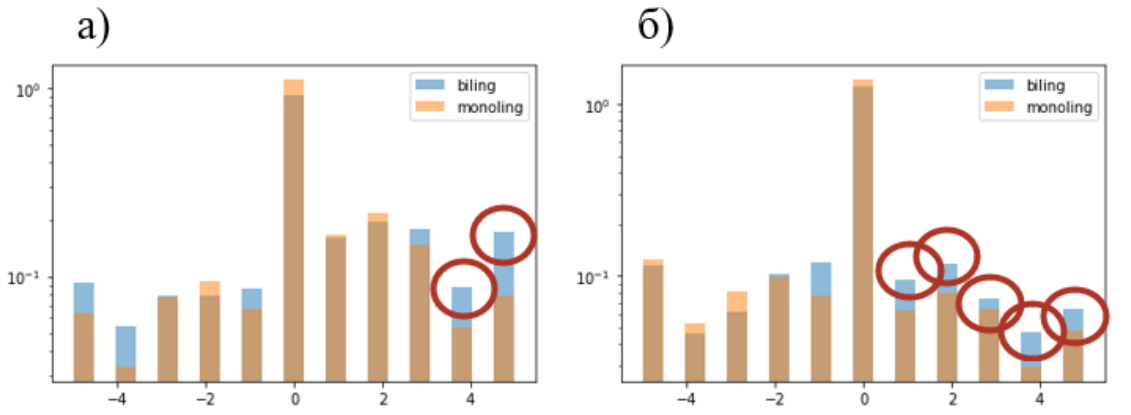

Рисунок 1. Относительная плотность распределенияэмоциональных оценок монолингвов (monoling)и тувинско-русских билингвов (biling)по эмоциональным диагоналям (а) Страх – Удивление и (б) Отвращение – Гнев

В результате сравнительно-сопоставительного анализа данных психологического эксперимента сделаны следующие выводы:

1. Русские монолингвы и тувинско-русские билингвы считывают эмоциональную тональность текстов на русском языке по-разному.

2. Когнитивная обработка эмоции в тексте у билингвов обнаруживает чувствительность к тому, какой язык в сознании билингва играет роль доминирующего.

3. Наиболее явные различия между тувинско-русскими билингвами и русско-тувинскими билингвами, а также тувинско-русскими билингвами и русскими монолингвами наблюдаются по эмоциональным шкалам Отвращение – Гнев и Страх – Удивление.

4. Тувинско-русские билингвы демонстрируют большую чувствительность к эмоциям Удивление и Гнев, чем русские монолингвы.

Понимание специфики восприятия эмоций в текстах на русском языке тувинско-русскими билингвами вносит вклад в исследования контактных билингвизмов Южной Сибири. Подробное лингвистическое описание эмоциональных маркеров Удивления и Гнева для тувинско-русских билингвов может стать основой для внесения корректировок в рекомендации для работников медиасферы с целью создания текстов с прогнозируемым эмоциональным откликом.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Краевого фонда науки Красноярского края, проект № 629 «Компьютерное моделирование эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами».

Список литературы

[1] Caldwell-Harris C.L., Ayçiçeği-Dinn A. Emotion and lying in a non-native language // International Journal of Psychophysiology. 2009. 71. P. 193-204.

[2] Vélez-Uribe I., Rosselli M.Electrophysiological correlates of emotion word processing in Spanish–English bilinguals // Bilingualism: Language and Cognition. 2021. № 24. P. 31-55. DOI: 10.1017/S136672892000036X

[3] Chen P., Lin J., Chen B., Lu C., Guo T. Processing emotional words in two languages with one brain: ERP and fMRI evidence from Chinese–English bilinguals // Cortex. 2015. № 71. P. 34-48. DOI: 10.1016/j.cortex.2015.06.002

[4] Kazanas S.A., Altarriba J. Emotion word processing: Effects of word type and valence in Spanish–English bilinguals // Journal of Psycholinguistic Research. 2016. № 45 (2). P. 395–406. DOI: 10.1007/s10936-015-9357-3

[5] Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105-118. DOI: 10.17223/22274200/11/7

[6] Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 49-57. DOI: 10.17223/15617793/450/6

[7] Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2013. 24 с.

[8] Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2002. 327 с.

[9] Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в Республиках Южной Сибири: Монография. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2002. 264 с.

[10] Донгак Ч.Б. Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 4 (68). С. 63-73.

[11] Донгак Ч.Б. Тувинско-русский билингвизм в дискурсивном аспекте // Казанская наука. 2021. №11. С. 168-171.

[12] Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В., Кушко Л.А. Методы компьютерной и корпусной лингвистики для решения задач эмоционального анализа интернет-текстов: монография. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 215 с.

[13] Lövheim H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters // Medical Hypotheses. 2012. Vol. 78. P. 341-348. DOI: 10.1016/j.mehy.2011.11.016

[14] Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V.Non-discrete sentiment dataset annotation: Case study for Lövheim Cube emotional model // Communications in Computer and Information Science.2020. Vol. 1242. P. 154-164. DOI: 10.1007/978-3- 030-65218-0_12

[15] Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. Bilingual Language Profile: an easy-to-use instrument to assess bilingualism. COERLL, University of Texas at Austin. 2012. URL: https://sites.la.utexas.edu/bilingual/ (дата обращения:30.06.2022).

УДК 811.161.1(091)

О лингвистическом капитале языковой личности в Забайкалье XVIII в.

Майоров Александр Петрович
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»,г. Улан-Удэ, Россия.
map1955@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9453-8212

АННОТАЦИЯ В статье предлагается разработка принципов исследования языковой личности в свете социолингвистической концепции французского ученого П. Бурдьё, введшего в научный оборот такие понятия, как«легитимный язык», «лингвистический капитал», «лингвистический рынок», «социальное пространство», и обозначающие их терминологические наименования. Использование данных понятий выступает методологически эффективным при изучении социолингвистической картины в российских регионах, в частности в Забайкалье XVIII в., и дает любопытные результаты по реконструкции речевых портретов региональной языковой личности разных социальных статусов.Благодаря концепции П.Бурдьё получает новое объяснение складывающаяся в Забайкалье восемнадцатого столетия ситуация диглоссии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА языковая личность, ситуация диглоссии, Забайкалье XVIII в., лингвистический капитал.

1. *Развернувшийся с начала XVIII в.в условиях европеизации и секуляризации русского общества* процесс синтезирования языковых средств книжно-письменных регистров с элементами делового (приказного) и разговорно-бытового регистров повлек за собой формирование нового статуса легитимного языка.

Вслед за реформой Петром I административно-государственного аппарата, судо- и делопроизводства коренным образом стал меняться деловой язык, выступающий в роли легитимного идиома: подвергались существенному преобразованию словесная организация делового текста, судо- и делопроизводственная терминология, система наименований документов; появились, согласно Табели о рангах, принципиально иные наименования должностей и званий. Пришедшие на смену приказной терминологии номинации в судо- и делопроизводственной сфере используются как новые формы инструмента власти, поскольку здесь, как и раньше, реализуется свойственная языку способность к структурированию ивоздействию.

2. *Особую теоретическую и практическую значимость в анализе российской языковой ситуации*, языковой личности исследуемого периода демонстрирует подход с применением понятий, разработанных французским социологом П. Бурдьё, – «легитимный язык», «лингвистический капитал», «лингвистический рынок», «социальное пространство», и обозначающих их терминологических наименований.

Использование данных понятий выступает методологически эффективным при изучении социолингвистической картины в российских регионах, в частности в Забайкалье XVIII в., и дает любопытные результаты по реконструкции речевых портретов региональной языковой личности разных социальных статусов.

3. *Социальное пространство забайкальского региона* как систематизированное пересечение связей, объединяющих субъектов с общими признаками, составляли крайне разноречивые статусные группы, характеризующиеся различным стилем жизни, – чиновники разных рангов, военнослужащие, духовные лица, мещане, купцы, крестьяне, представители автохтонного населения. Вместе с тем структура социальных связей данных групп через посредство языка позволяет организовывать опыт тех или иных лицкак фактическое осуществление (социальной) власти над ними [1, с.3].

Инструментом такой власти в XVIII в. становится книжно-славянский язык, распространивший свое влияние практически на все функциональные сферы литературного языка и прошедший все этапы секуляризации через синтез с определенными элементами разных социальных форм разговорного узуса. В частности, нормой канцелярского слога, игравшего роль неотъемлемого компонента указанного инструмента, становятся ориентация на применение книжно-славянских элементов самых различных языковых уровней – лексических славянизмов, грамматических форм славянизмов, конструкций номинализаций, сложных предложений, оформляемых с помощью союзов понеже, егда, дабы, поелику, графико-орфографических средств, а также тенденция использовать западноевропейские новозаимствованиякак социально обусловленные номинации новых званий, должностей, новых жанров документации и пр.

Именно принцип отбора книжных средств, но не самих средств, которые в процессе нормализации делового стиля могли еще не закрепиться в качестве стилеобразующих, ориентирован на демонстрацию того лингвистического капитала, который способствовалэффективной реализации коммуникативного намерения в официально-деловой сфере общения, где книжно-славянские средства и новозаимствования были наделены более высокой стоимостью. П.Бурдьё в этом отношении подчеркивал, что «различия в акцентах, грамматике, вокабуляре, как правило, не учитываемые формальной лингвистикой, – это, в сущности, своего рода индикаторы социальных позиций говорящих и отражение количества «лингвистического капитала», которым они обладают.»[5, с. 1]. Таким образом, владеющий в XVIII в.относительно полным объемом разноуровневыхкнижно-славянских средствиз западноевропейских новозаимствований был обладателем лингвистического капитала, позволяющего лучше и оперативнее адаптироваться на лингвистическом рынке, успешнее продвигаться виерархической вертикали государственных структур.

4. Считаясь с чрезвычайно разнородным этническим, социальным и социокультурным характером забайкальского населения того времени, из всего его многообразия следует выделить категорию высших должностных лиц и категорию лиц низкого социального положения как маркеров особой языковой ситуации, сложившейся в забайкальском регионе XVIII в.,– ситуации диглоссии.

Ситуация диглоссии в ЗабайкальеXVIII в. заключалась в том, что функциональное распределение, в котором литературный язык обслуживал книжные сферы, в том числе деловую сферу общения, а забайкальский регионолект – бытовую, участвовало в формировании противопоставленных друг другу лингвокультурных типажей. Языковая личность высших должностных лицобладалабогатым лингвистическим капиталом:наряду со знанием забайкальского регионолекта чиновники отличались совершенным знаниемсистемы социально маркированных формул делового языка, формул речевого этикета, стилистически уместных и отвечающих коммуникативному заданию адресанта, официально-деловой и юридической терминологии книжно-славянскогопроисхождения. Лицам низкого социального положениябыла присуща ориентация на устную форму общения, в частности – на забайкальский регионолект того времени, поскольку слабо развитые речевые компетенции адресанта, бедный лингвистический капитал не позволяли разграничивать и соответствующим образом использовать устную и письменную формы общения.

Удивительна аналогия описанной ситуации языковой ситуации во Франции того времени, которую П.Бурдьё характеризовал следующим образом: «Складывается нечто вроде билингвизма: если низшие слои населения, и особенно крестьяне, принуждены говорить на местных наречиях, то представители аристократии, торговой и деловой буржуазии, а в особенности образованные мелкие буржуа <…> гораздо чаще прибегают к официальному языку, как письменному, так и устному, но при этом владеют и

диалектом (который по-прежнему широко используется в частной жизни, а нередко и в общественной), что готовит их к роли посредников.» [3].

5. *Активная динамика языковой ситуации на протяжении столетия вносит некоторые коррективы* в характеристики лингвистического капитала жителей Забайкалья и, соответственно, сущности легитимного языка. Условиями легитимного статуса языка являются единый языковой рыноки сравнительная оценка в речевой практике диалектных различий с формирующимся легитимным языком или узусом. В Забайкалье эти условия еще не были актуальными. Если в Москве и Санкт-Петербурге2-й половиныXVIII в. единый языковой рынокуже сформировалсяи рефлексия по поводу ненормированностисредств крестьянских диалектов, просторечия очевидна (ср. пометы в Словаре Академии Российской 1784-1794), то в Забайкалье этого периода ситуация диглоссии не прерывала своего существования.Региональный узус там преобладал над нормой, так как круг носителей литературного языка был невелик, а критерий престижа и влияние манеры речи тех, кто обладает культурным превосходством на выбор (принятие или отвержение) речевых новообразований, т.е. на установление новых норм, отмечаемый в [4, с. 229], в забайкальском регионе в отличие от центра был крайне невысок.

Иначе говоря, легитимизации официально-делового языка на базе книжно-славянского идиома в далекой провинции Российской империи препятствовала ситуация диглоссии, что сказывалось в конечном счете на процессе инкорпорации забайкальского региона в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство.

Список литературы

[1] Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и егоиспользования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88-125.

[2] Бурдьё П. Социальное пространство как символическая система // Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко / М.: Socio-Logos, 1993: http://bourdieu.narod.ru/sp/PB_SP_espace_physique.htm. Дата обращения: 10.06.2022.

[3] Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. М., 2005, № 2(23) // https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html. Дата обращения: 28.11.2021.

[4] Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963.

[5] Телегин Д.В.Лингвистический капитал как способ реализации символической власти: П. Бурдье //http://www.rusnauka.com/3._KAND_2007/Philologia/18530.doc.htm. Дата обращения: 18.12.2021.

УДК 81.27

Речевой портрет северной сибирской деревни

Самотик Людмила Григорьевна
Доктор филологических наук, профессор, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия.
samotiklg@mail.ru

АННОТАЦИЯ Русский язык д. Ярцево на Среднем Енисее представляет архаический тип языковой среды, включающий в себя разные формы существования. В полевых условиях были собраны образцы русской речи на уровне её производства (не восприятия). Это устная речь: локально окрашенная литературная, фольклорные устные тексты, русский старожильческий говор Сибири, русские переселенческие говоры, русский говор старообрядцев, русская речь нерусских, «феня», «матерную речь» с указанием среды использования каждой формы. Письменная (фиксированная) речь: эпистолярная, художественная (поэзия и проза самодеятельных авторов), конфессиональная, газетная, деловая с указанием основных жанров. В результате сделан вывод о ведущей роли русского старожильческого говора в формировании языковой среды и ряд частных заключений, выявлены примарные речевые черты и доминантные факторы. В заключение утверждается, что изучаться должна реальная речевая (языковая) ситуация отдельных регионов как специфическая социальная коммуникативная система.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА социолингвистика, социолекты сибирской деревни, антропоцентрическая парадигма в языкознании, субэтнос, региональное самосознание.

В ряде стран создаются долговременные проекты культурного развития нации, в которых обязательной составляющей является национальный язык и как его генетический код – язык деревни. Так, проект «Казахстанский путь-2050» направлен на подъём традиций и культуры. Определены семь слагаемых культурного кода: наследие, традиции, обычаи, язык, семья, жизненный уклад, праздники [11].В Интернет есть публикация: «Молдавский язык – генетический код молдавского народа, это главная духовная составляющая молдаван, позволяющая им познавать смысл и величие предков» [10] и т.д. В.Е. Гольдин генетическим кодом русского языка называл язык села [2].

Село Ярцево находится в среднем течении Енисея между двумя крупными левыми притоками — реками Касом и Сымом. Отнесение села к Среднему Енисею условно (Н.А. Цомакион, И.И. Литвиненко, Л.Г. Самотик, Википедия и др.), географы считают, что от впадения Ангары – Нижний Енисей. Это север Красноярского края, Енисейского района (координаты: 60°14′42″ с. ш.и 90°12' в.д.), село расположено в 293 километрах на север от г. Енисейска. Ярцевский сельсовет: с. Ярцево и расположенные вблизи: д. Нижнешадрино, д. Фомка, д. Напарино и близлежащие заимки; в деревнях проживало в 2000 г. до10 семей, в заимках – по 1-3 семьи – это общая коммуникативная система [15].

В с. Ярцево в 2000 году работала «Ярцевская гуманитарная экспедиция», в состав которой входили преподаватели и студенты трёх красноярских вузов: Красноярского педагогического университета, Красноярского государственного университета, Института искусств. Экспедиция финансировалась РГНФ-2000, грант № 00-04-1846-е. Она была организована в память о первом, трагически погибшем декане филологического факультета КГУ И.И. Литвиненко, кандидатская диссертация которого посвящена русскому старожильческому говору междуречья Сыма и Каса.В результате была публикация [8].Многого за одну экспедиционную поездку сделать не удалось. Были записаны тексты русского старожильческого говора, нескольких немцев и украинцев, кетов; составлен полный список жителей села, записаны фрагменты «Летописи села Ярцево», собраны некоторые рассказы и стихи писателей-примитивистов. Материалы добирались в архивах и библиотеках г. Красноярска, в общении с представителями

Ярцевской диаспоры краевого центра. В Красноярске собраны материалы об истории села, образцы карт, фрагменты текстов XVIII в. и др. Эти материалы остались не опубликованными.

Актуальность работы заключается в необходимости изучения реальной коммуникативной среды в северных сёлах Сибири. Язык является основной формой выражения социума. Выявление специфики языка отдельной деревни во всех формах его существования позволит представить социальную структуру деревни, преодолеть представление о языке села только как о русском старожильческом говоре. ***Изучаться должна речевая (языковая) ситуация отдельных регионовкак специфическая социальная коммуникативная система.*** В.Е. Гольдин в своё время писал: «Попытки выделения доминантных факторов, оказывающих существенное влияние на развитие и сохранение народно-речевой культуры, имеют смысл в связи с рассмотрением не только чисто теоретических, но и весьма актуальных практических проблем языковой ситуации в нашем обществе и прежде всего — проблемы дальнейшей судьбы русских говоров. <…> Процент сельского населения в стране неуклонно уменьшается, увеличивается число городских жителей. <…> Если даже ограничиться только собственно демографической стороной дела, то нужно признать, что фактор самодостаточности ограниченных сельских коллективов уходит в прошлое» [2]. Язык деревни не умирает, а эволюционирует, трансформируется (развивается?). Изучаться должна реальная ***речевая (языковая) ситуация отдельных регионов как специфическая социальная коммуникативная система.*** В качестве регионального варианта национального языка выступает ***языковая среда.***

Ю.М. Лотманэту мысль выразил образно:«Можно рассматривать семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых относительно друг друга языков. Тогда всё здание будет выглядеть как составленное из отдельных кирпичиков. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: всё семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (если не организм). Тогда первичным окажется не тот или иной кирпичик, а "большая система"... Склеивая отдельные бифштексы, мы не получим телёнка, но, разрезая телёнка, можем получить бифштексы» [7,с.16].

Объектом исследования является народно-разговорная речь Среднего Енисея. В центре микрорегиона находится с. Ярцево – старинное русское село на Енисее, где используются местными жителями разные формы существования языка.

Предметом является специфика регионально-сибирской речи типичного старожильческого сибирского села.

Цель и задачи. Цель материала - создание динамической модели региональной речевой ситуации одной сибирской деревни через лингвистическое портретирование как относительно самостоятельной автономной коммуникативной единицы, изменяющейся во времени.

Задачи:

1. Установить основные формы существования русского языка в селе.

2. Зафиксировать с помощью современной аудио- и видеоаппаратуры устные русские тексты, отражающие современную региональную речевую ситуацию в основных формах существования языка (ориентировочно: русских старожилов – чалдонов, переселенцев, старообрядцев, бывших заключённых, местной интеллигенции, русской речи нерусских: эвенков, кетов, югов, украинцев, немцев др. национальностей, использующих русский язык с выраженными явлениями интерференции).

3. Собрать письменные (фиксированные) тексты: письма, деловые документы: заявления, протоколы, объяснительные записки и т.п., а также произведения писателей-примитивистов и духовные стихи старообрядцев.

4. Собрать ономастический материал региона.

5. В Красноярском краевом архиве и ЦГАДА (получить тексты прошлого, относящиеся к обследуемому региону). В архиве Красноярской краевой библиотеки ознакомиться с текстами районной газеты «Знамя победы» (издавалась с 1944 по 1957 гг. во время существования Ярцевского района). Сделать выборки контекстов местной речи из произведений писателей В.П. Астафьева (с. Чуш – Ярцево), М.С. Перевозчикова и др., опубликованного мартиролога Афанасия Никитина..

6. Собрать сборник текстов.

7. Описать формы существования русского языка в с. Ярцево, создать динамическую модель региональной языковой ситуации через речевой портрет села.

Основной задачей данной работы является подбор текстов для моделирования. Под языковым моделированием мы понимаем такую форму описания, при которой 1) выделяются отдельные ФСЯ, 2) описывается относительно замкнутая система каждой ФСЯ, 3).. анализируются особенности функционирования языковой среды через 3.1. определение функций каждой ФСЯ, 3.2. описание взаимодействия ФСЯ и определение функций языковой среды в целом.Образец такого языкового моделирования дан Л.П. Крысиным на примере национального языка.

Русский язык на Среднем Енисее является ведущей коммуникативной системой, всё население региона практически русскоязычно. При малой численности населения, небольшом количестве населённых пунктов, разбросанных по обширной территории, практически все общаются со всем, общение (между охотоучастками — на рациях) осуществляется на фоне стабильного состава населения региона, сохранения традиционных способов производства, нахождения в стороне от основных путей сообщения, давних семейных и соседских связей.

Язык деревни на Среднем Енисее, как любой естественный живой язык, имеет внутреннюю дифференциацию:

1) территориальную (в междуречье это генетически и функционально соотносимые с говорами европейской части страны народные говоры Сибири);

2) собственно социальную (речь крестьян, интеллигенции, рабочих, «бомжей»);

3) функциональную (разграничение сфер использования разных ФСЯ);

4) возрастную (старшее поколение, среднее, молодежь и дети);

5) половую (речь мужчин и женщин);

6) национальную (русский язык нерусских);

7)конфессиональную (некоторые особенности речи старообрядцев);

8) профессиональную (речь охотников, рыбаков, занимающихся домашним ткачеством, бортников, пимокатов и т.д.).

Нами представлены не все формы дифференциации.

Подходы и методы исследования

Ю.В. Рождественский, представляя перспективные темы в лингвистике, замечает: «Надо бы, прежде всего, увидеть и описать этимологические и культурные истоки языка. Поэтому необходимы новые методы описания устной речевой практики, основанные не только на методах диалектологии, но и на анализе словотворчества и употребления

в устной речи, ***неофициальном языке различных социальных групп***, возникающих как попытки становления особого стиля жизни этих групп…, как попытки образовать свой стиль мысли и жизни» [12, с. 128].

Социолингвистика использует ряд методов социологии и лингвистики [1]. Из социологических методов нами выбран ***исторический***, который предполагает пополнение имеющихся у коллектива данных по истории заселения села и истории жителей с. Ярцево. С другой стороны – это работа в архивах с целью отбора образцов текстов прошлого, относящихся к данному региону.

Используются и собственно лингвистические методы и подходы.

Сегодня наиболее востребованными методами описания языка отдельной социальной группы и даже личности (в лингвистической персоналогии, см. [4]) являются лексикографический, ассоциативный и лингвистического портретирования. Нами используется речевое портретирование.

1. Речевой портрет связан с тенденцией к антропоцентричности в языкознании. «Использование термина «портрет» закреплено в парадигме современных гуманитарных наук (психология, социология, литературоведение, лингвистика, история, ряд смежных дисциплин). Как правило, этот термин используется в двух значениях: 1) жанр, 2) исследовательская методика, прием обобщения» [13].

2. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова выделяют типы речевых портретов современников: «Описание языковой личности допускает разные подходы»: 1. Исследуются особенности речевого поведения в разных коммуникативных ситуациях, речевое переключение индивидуума; 2. Отражаются черты «неповторимой языковой индивидуальности»; **3. *Выделяются групповые речевые признаки (наряду с индивидуальными), «характеризующие данную языковую личность как представителя определённой социальной группы»***; 4. Основное внимание может быть сосредоточено на произносительных особенностях, характеризующих разные поколения носителей языка, тогда акцент ставится на динамике нормы» и т.д. [5, с. 3-5].

3. В науке представлены разные виды речевого портрета: это может быть описание речи (единиц языка, их функционирования) и речевого поведения индивида [14]. Это может быть речевой портрет индивидуума, совмещающего социальную и региональную характеристику [9] – бизнесмены г. Саратова и др.

4. Портрет может представлять в обобщённом виде речевую характеристику социальной группы людей (в том числе и национальной), и тогда говорится о неоднородности объекта [6]. «Понятие ***речевого портрета группы носителей языка*** не ново в лингвистике. Подобие социально-речевых портретов можно найти в диалектологии в особенности, когда речь идёт об описании не данного диалекта в целом, (в этом случае границы социума более или менее размыты), а, например, говора группы деревень или ***одной деревни***» [6, с.90].

5. Нами выбрана форма речевого портрета одной сибирской деревни, т.е. речевого взаимодействия (коммуникации) ***разных социальных и национальных групп населения одного села***. Образцом послужила указанная работа Л.П. Крысина. Вслед за ним мы принимаем позицию Т.М. Николаевой, «отрицательно отвечающей на вопрос: “Используя социолингвистический портрет как метод описания речевых характеристик, нужно ли представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы?”… Важно фиксировать я***ркие диагносцирующие пятна***» [6, с.91]. Особенности речевого поведения нами исключаются из описания.

Выделены примарные признаки речи и секундарные [3,с. 389]. В заключение строится ***модель региональной речевой ситуации***. Таким образом, проверяется рабочая гипотеза: социальное варьирование языка гораздо сложнее, чем социальная структура общества.

Вначале создаётся сборник образцов текстов, приводятся устные транскрибированные тексты и комментарии к ним. В планируемом пособии выбрана традиционная форма комментария к текстам с акцентом на групповых речевых признаках (тип 3 по Розановой и Китайгородской).

Нами подготовлен сборник текстов следующего содержания (машинопись сборника представляется в ходе доклада):

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ТЕКСТЫ

1. **УСТНЫЕ ТЕКСТЫ**

1.1. Образцы речи старожилов

1.2. Переселенческий говор

1.3. Локально окрашенная литературная речь

1.4. Арго и «матерная» речь

1.5. Образцы речи староверов

1.6. Русская речь нерусских

1.7. Устные фольклорные тексты

1.8. Комментарий.

2. **ПИСЬМЕННЫЕ (ФИКСИРОВАННЫЕ) ТЕКСТЫ**

2.1. Эпистолярная речь (письма).

2.2. Тексты самодеятельных писателей

2.3 . Опись архива самодеятельного писателя – примитивиста Н.Г. Шадрина

2.4. Образец современной летописи

2.4. Образцы деловых текстов

2.5. Газетная речь

2.6. Духовные стихи

2.7. Выдержки из книги Н. Г. Сидоркиной (Головко) «О Титовском согласии на среднем Енисее.

2.8. Тексты в ретроспекции

3. КОММЕНТАРИЙ.

ЧАСТЬ II. ОНОМАСТИКОН

1. АНТРОМОНИМЫ (имена людей)

1.1.Выдержки из списка жителей с. Ярцево и д. Фомка (Ярцевского сельсовета).

1.2.Антропонимы в метрических книгах Ярцевской Благовещенской церкви (1831-1861 гг.)

1.3.Основные фамильные гнезда региона

2. ТОПОНИМЫ (имена земли).

2.1. Список гидронимов Среднего Енисея (используются в речи жителей с. Ярцево).

2.2. Словник ойконимов – названий населённых пунктов бассейна Среднего Енисея (используются в речи жителей с. Ярцево).

2.3.Краткий топонимический словарик с данными народной этимологии.

2.4.Микротопонимы (названия улиц, магазинов).

3. КОММЕНТАРИЙ.

ЧАСТЬ III. ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ОБРАЗЦЫ РЕЧИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В ПЕЧАТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

1.1.Выдержки из документальной повести М.С. Перевозчикова «Староверы»

1.2. Выдержки из романа В.П. Астафьева «Царь-рыба».

1.3. Мартиролог как образец конфессиональной речи (старообрядец Афанасий Герасимов) .

II. ИЗ ИСТОРИИ РЕГИОНА

1. Литвиненко И.И. К истории носителей говора междуречья Сыма и Каса. Взаимоотношения русского и коренного населения в период освоения территории междуречья

2. Чаган В.И. История Объ-Енисейского канала (фрагменты).

III. КАРТЫ РЕГИОНА

1. Переселенческая карта без Туруханского края, 1853 г.

2. Карта Енисейского уезда с указанием населенных пунктов, 1893 г.

3. Карта Вороговского лесничества, 1932 г.

4. Индивидуальная карта охотника А. Кудымова, 1993 г.

5. Лоция Обь-Енисейского канала. Карта-схема реки Енисей (Средней части) В. Чагана, 1976 г.

IV. ИЗ ФОТОАЛЬБОМА.

Основной формой существования коммуникативной среды являются тексты (ономастикон, очевидно, может существовать в культуре и вне текстов, в отдельных словах). Тексты всегда значимы в лингвистике, они не теряют своей актуальности с течением времени. Предполагаемые образцы текстов должны достаточно полно отражать социальную структуру современного сибирского села через устную и письменную речь.

Заключение. Уровень значимости исследования обусловлен комплексом задач, заявленных в проекте, и значимостью результатов по выявлению специфики региональной речевой (языковой) ситуации в сибирском селе. Наблюдения позволяют заключить следующее:

- Формы существования русского языка в северном сибирском селе определяются социальной и национальной структурой общества. Обычно они изучаются и представляются автономно. Условная их изоляция необходима для научного описания, но часто не отражает реальной картины существования национального языка в географической проекции.

- В условиях сосуществования разных ФСЯ в отдельном регионе может возникать единое койне, но возможно и существование особой коммуникативной среды с известными пределами варьирования. Последняя, очевидно, и складывается в регионе. Разные формы существования языка, взаимодействуя в отдельных коммуникативных актах, приходят в определённое соответствие друг с другом. Таким образом, выделяются примарные речевые особенности, которые способны быть помехой в общении, и стабильное положение других (секундарных) черт ФСЯ. Таким образом, определяются пределы варьирования.

При сохранении общерусских тенденций развития, фонологическая система региона значительно архаизована: устойчивостью обладает оканье (РСГС, РГС, русский язык немцев и украинцев, где артикуляторно отличающиеся звуки акустически его поддерживают; поддерживается оканье, несомненно, и графическими образами слов письменного варианта языка); еканье (РСГС, РГС, графические образы слов, церковно-славянское произношение в конфессиональной речи староверов), стяжения, L европейский (РСГС, РГС, русский язык немцев и украинцев), совпадение форм дательного и творительного падежей и т.д. Примарными в системе становятся: шепелявость, яканье, Т мягкий на конце глаголов третьего лица и т.д. Кодификация языка — это особый способ самопознания материи. Отсутствие кодификации в народно-разговорном языке компенсируется традиционностью, наличием особой «памяти», некоторой заторможенностью развития.

- Коммуникативная среда в регионе располагает значительным числом вариантов языковых единиц на уровне восприятия речи, превышающим варьирование на уровне её производства в рамках каждой отдельной ФСЯ.(тексты «на входе», и тексты «на выходе»). Первые влияют на коммуникативную среду, вторые её представляют.

- Обеспечение понимания является функцией языковой среды и осуществляется вследствие асимметрии языкового знака: фонологическая система обладает большими возможностями при распознавании фонем, нежели при их производстве. Кроме того, понимание происходит на уровне слова и текста, ему способствует и экстралингвистическая обстановка. Языковая среда служит установлению центральных и периферийных единиц системы. Ведущей ФСЯ на Среднем Енисее при этом выступает не литературный язык, а русский старожильческий говор в Сибири.

- Русский старожильческий говор Сибири, поскольку представляет собой определённое

единство, – парадоксальное явление действительности. В Сибири из-за больших расстояний, отсутствия дорог, низкой плотности населения, в силу существования русских в разноязычном окружении не должно было быть единой системы (ср. с одноаульными языками Кавказа). Вопреки условиям существования русские в Сибири сохранили свои соматические черты, свою материальную и духовную культуру и свой язык.

- Определяющей чертой народно-разговорной речи является её локальная окрашенность, которую нужно рассматривать не как приобретённую в процессе деформации ЛЯ в определённых условиях его существования, а как исконную для Сибири черту.

- Эффективным является привлечение в качестве объектов научного исследования современного репертуара не только устных, но и письменных (фиксированных) текстов, отражающих особенности мировидения, культуры жителей. Устная речь и письменная (фиксированная) в известной мере противопоставлены.

- В регионе складывается особая языковая среда, в которой разные формы существования языка, взаимодействуя в отдельных коммуникативных актах, приходят в определённое соответствие друг с другом. Таким образом, языковая среда выступает не в рамках диалектного языка, а в качестве регионального варианта национального языка. Такая характеристика языковой (речевой) среды позволяет отнести её к социальным институтам: социальный институт в социологии определяется как устойчивый комплекс норм, правил и символов, регулирующий какую-либо сторону человеческой жизнедеятельности и организующий их в систему ролей и статусов (одно из самых распространённых определений).

- Исследования подобного типа дают возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук.

- Потенциальные возможности использования результатов

- исследования при решении научных и прикладных задач.

- Опыт представления в текстах и описание региональной речевой ситуации отдельного села как относительно автономной самостоятельной коммуникативной единицы позволит продвинуть теорию структурной организации национального языка, раздвинет рамки социолингвистических исследований (сочетание социального и территориального параметров),стимулирует полевые работы в сёлах Сибири, позволит развить проблему языковой систематики.

- Из сравнения данных с разрывом в 20 лет (используется приём сравнения) возможно определение динамики изменения (развития?) речевой среды. Таким образом, на частном примере должна решиться проблема социальной обусловленности развития языка.

- Планируемый проект лингвокультурологического музея местной традиционной культуры в ярцевском доме культуры опирается на заготовки, разработанные для аналогичного музея в Ачинском педагогическом колледже, который существует уже 15 лет. Предметы связаны с их именованием (лексикой) и средой существования – принадлежностью семьям, лицам; они имеют свою «социальную историю». Музей будет значим для туристов пароходных туров по Енисею (у них запланирована остановка на пристани с. Ярцево).

- Для жителей региона работа представляет значительную культурную ценность. Речь разных этносов и субэтносов обсуждается в местном клубе. Также работа значима для Ярцевской диаспоры города Красноярска.
- В школе работа позволит воспитанию любви к Малой родине, уважения к жителям села.
- Тексты послужат ценным учебным пособием в преподавании русской диалектологии в вузе

Список литературы

[1] Беликов В.И., Крысин Л.П. Глава 5. Методы социолингвистики // Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с. URL: https://lms.kgeu.ru/mod/book/view.php?id=58679(дата обращения: 29.09.2020).

[2] Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения ч.-кор. Р.И. Аванесова. М., 2002. URL: http://sarteorlingv.narod.ru/communication/dominanty.htm (дата обращения: 3.3.2022)

[3] Жирмунский В.М. Диалектология и диалектография // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. 593 с.

[4] Иванцова Е.В. Лингвоперсоналогия: Основы теории языковой личности: учеб. Пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.

[5] Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия М., 1995. С. 3-5

[6] Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.90-106.

[7] Лотман Ю.Н. О семиосфере // Избранные статьи. Т. 1.: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. 704 с.

[8] Материалы комплексной гуманитарной экспедиции на Средний Енисей / Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск, 2001. 116 с.

[9] Милёхина Т.А. Речевой портрет бизнесмена // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки Славянской культуры, 2003. С. 515-527.

[10] Молдавский язык – генетический код молдавского народа,URL: http://indigolotos.info/743/moldavskij-yazy-k-geneticheskij-kod-mo.htm(дата обращения: 11.8.2021).

[11] Назарбаев Н.А. URL: https://www.kazpravda.kz/articles/view/slagaemie-geneticheskogo-koda-natsii/(дата обращения: 11.8..2021)

[12] Рождественский Ю.В. О современном понимании русского язык // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. № 3. 1995. С. 120-151.

[13] Угрюмова М.М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья. Дисс. .... канд. филол. наук, Томск, 2014. 19 с.

[14] Черняк В.Д.. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки Славянской культуры, 2003. С.497-515

[15] Ярцево. Красноярский край URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/(дата обращения: 4.05.2020).

УДК 81-23

Актуализация концепта «Забайкалье» в дискурсе региональных и федеральных СМИ

Щурина Юлия Васильевна
Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
shchurina@inbox.ru

Толстокулакова Юлия Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия.
u-gazinskaya@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются особенности объективации концепта «Забайкалье» в медиапространстве федеральных и региональных СМИ. Представлена семантическая характеристика образа-концепта «Забайкалье», выявлены когнитивные компоненты, репрезентирующие образ Забайкалья в современной медиасфере: «регион», «культура», «природа», «житель региона» («забайкалец»). Они описываются посредством концептуального анализа, включающего изучение семантики вербальных репрезентаций компонентов, и контекстуального анализа, актуализирующего элементы смысла концептов при вхождении лексем-репрезентантов в определенные контексты. Делаются выводы о значимости повестки дня в процессе формирования представлений о регионе, а также условий трансляции регионального контента на федеральном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА концепт, Забайкалье, картина мира, медиадискурс, СМИ.

Введение.

В последнее десятилетие в исследовании ключевых объектов современной лингвистической науки – дискурса и концепта – произошли существенные изменения, связанные с общим переходом от системно-структурного рассмотрения языковых явлений к функционально-коммуникативному изучению [8]. Интерес ученых к выявлению отраженных в языковой системе когнитивных процессов подтверждается наличием значительного количества исследований, посвященных концептосфере языка, вербализации отдельных концептов, проблемам изучения языковой картины мира. Кроме того, в последние годы усиливается научный интерес к проблемам регионалистики, в том числе и в лингвокогнитивном аспекте: рассматриваются проблемы репрезентации этнокультурных реалий, анализ их структуры и содержания, осуществляется сопоставление концептосфер разных этноязыковых стилей, оценивается влияние экстралингвистических факторов на формирование картины мира [8; 9; 2; 3; 13 и др.]. Тем самым актуальным становится исследование регионального варианта языковой картины мира, что оказывается невозможным без выявления и научного описания его компонентов. Актуальность настоящей работы определяется тем, что, несмотря на большое число исследований, посвященных концептуальной сфере медиадискурса, гиперконцепт «Забайкалье» в региональных и федеральных СМИ не был предметом специального изучения.

При этом наблюдается увеличение информационных потоков о Забайкалье во внешних СМИ, поскольку многие федеральные редакции имеют представительства в регионах, собственных корреспондентов и информационных партнеров. Региональная повестка занимает существенное место в информационном поле государства.

Так, на 22 июня 2022 г. только на сайте РИА Новостис тегом «Забайкалье» отмечено 7383[7] материалов, на сайте «Газета.ru» – 2101[8], на сайте «МК.ru» – 1129[9]. На сайте Коммерсант с обозначенным тегом можно найти медиатексты по релевантности и заданной дате. Таким образом, значимость изучаемой проблематики несомненна.

Методология и методы исследования.

В процессе исследования был использованконцептуальный и контекстуальный анализ дляописания составляющих гиперконцепта «Забайкалье», а также идентификации смыслов, выстраивающих понятие воедино: как известно, центральной проблемой семантико-когнитивного исследований является изучение зависимостей и соотношений сознания и языка[4]Также в работе был применен контент-анализ СМИ для рассмотрения содержания регионального и федерального медиапотока, условий актуализации изучаемого концепта.

Источником фактического материала послужили русскоязычные медиатексты, опубликованные в период 2022гг. в федеральных (РИА Новости, Российская газета, МК.ru, Коммерсант) и региональных СМИ(Чита.ру, Заб.ру, Zabnews.ru, МК в Чите)., объем источников составил 700 единиц. Для некоторых выводов были использованы результаты исследования, нацеленного на изучение содержания и особенностей объективации концепта «Забайкалье» на материале новейших текстов интернет-СМИ Забайкальского края[16], а также исследованияо повестке дня региональных СМИ [1].

Результаты исследования.

В процессе анализа репрезентации концепта «Забайкалье» в медиадискурсе мы выявили следующие актуализированные (и тесно взаимосвязанные) компоненты: регион, жители региона (забайкальцы), культура,природа.Как многомерное смысловое образование, концепт вербализует следующие значимые категории: власть и общество; наука и образование; здравоохранение; история; международные связи; экономика; этнография, религия и др. Образ-концепт воспроизводит социально-экономическое, природно-географическое и историко-культурное своеобразие изучаемого явления [12]. Рассмотрим некоторые из обозначенных компонентов.

Объемным в смысловом плане является компонент ***«регион»***. С момента вхождения Забайкалья в ДФО, в СМИ субъект РФ нередко транслируется в контексте его преобразований в экономической, политической, социальной и других сферах жизни, включенности в общероссийские тенденции. Особое внимание в медиатекстах уделяется укреплению региональной экономики, доходам населения и безработице, потребности в инвестиционных проектах, туризму, региональным особенностям приграничного положения.

Так, с позиции геополитических преимуществ и взаимодействия с соседними странами (Китаем и Монголией) в СМИ обсуждается идеястроительства нового погранперехода в КНР, что истолковывает идею защиты, охраны и обороны Государственной границы:

> Ранее Трутнев во время визита вЧитуподдержал идею строительства нового железнодорожного погранперехода в Китай в Забайкалье, подзаголовок: Минвостокразвития рассматривает возможность открытия новых пунктов пропуска с Китаем в ДФО (https://ria.ru/20220610/granitsa-1794448033.html (дата обращения: 12.06.2022).

---

[7] РИА Новости. – https://ria.ru/search/?query=забайкалье (дата обращения: 22.06.2022). – Текст: электронный
[8] Газета.ru. – https://www.gazeta.ru/search.shtml?text=забайкалье&p=main&input=utf8 (дата обращения: 22.06.2022). – Текст: электронный.
[9] МК.ru. – https://www.mk.ru/search/?q=забайкалье (дата обращения: 22.06.2022). – Текст: электронный

В контексте улучшения качества жизнизабайкальцев представлен в СМИ злободневный вопрос газификации региона.С помощью комплексного замещения печного отопления сетевым газоснабжением планируется решить и проблему загрязнения воздуха:

> Губернатор Забайкальского края Александр Осипов во время Петербургского международного экономического форума подписал четырёхстороннее соглашение о газификации частного сектора Читы до 2024 года, сообщили в пресс-службе правительства региона (https://ria.ru/20220617/gazifikatsiya-1795963322.html (дата обращения: 17.06.2020).

Так, соотнесенные с изучаемым концептом реалии в федеральных СМИ воспроизводят ряд актуальных смыслов: принимаемые в Забайкалье меры против бродячих собак; сезонные ЧС (подтопления и пожары); принимаемые меры в борьбе с коронавирусной инфекцией. Кроме того, актуальны такие темы, как реализация проекта строительства солнечной генерации; ввод в эксплуатацию «Силы Сибири – 2», проектируемого газопровода в Китай;реконструкция аэропортов в трех регионах, включая Забайкалье; участие забайкальских военных в Спецоперации и гуманитарная помощь от жителей краяи многие другие темы. Все эти текстовые единицыформируют смысл «регион» как динамичное социокультурное образование (край, включенный в жизнь страны).

Семантика компонента«культура»,актуализированного в медиадискурсе, тесно связана с понятием «регион».. Особенности устройства региональной языковой картины мира Забайкальского края во многом определяются сложившейся своеобразной этнической ситуацией: на территории проживали и проживают различные этносы: эвенки, буряты, русские, в т. ч. этнокультурные группы казачества, представляющие первых русских поселенцев в регионе, и группы старообрядцев, переселившихся в своё время из различных районов России [10]. Уникальная этническая ситуация способствовала формированию определенного типа местного населения, осознающего свою региональную идентичность [7]. Осмысление региональной идентичности оказывается важным аксиологическим признаком регионального медиадискурса [11].

Так, в медиадискурсе региона актуализируется компонент «житель региона» – ***«забайкалец»***–какпредставитель региона, житель края. Это не только спортсмен, учитель, ветеринар, врач, но и представитель определенного национального сообщества (Забайкалье как полиэтничный край с богатым культурным наследием оказывается «домом» для разных этносов).

Своеобразной (и при этом ключевой) характеристикой забайкальского сообщества является социальное и культурное единство:

> Два фестиваля – национальных культур и национальных кухонь – состоялись 28 мая, перед Днем города, на площади Ленина в Чите. Они объединили представителей более 100 этносов, проживающих в Забайкалье. Жители многонациональной забайкальской столицы в этот день смогли не только познакомиться с культурой народов и попробовать разные традиционные блюда, но и послушать песни, посмотреть танцевальные представления, принять участие в играх (https://www.mkchita.ru/photo/gallery/28693-552502.html, дата обращения 24.06.2022).

Ценности той или иной культуры с их символическим значением объективируются в медиатекстах о национальных праздниках и обрядах:

> 1. Традиционный национальный праздник «Обоо тахилган» состоится 25 июня на западном склоне Титовской сопки в Чите. Об этом 24 июня «МК в Чите» сообщили в пресс-службе Читинского дацана. Из текста: «Обоо тахилга» – это специальный обряд подношения белой пищи хозяевам местности, чтобы они покровительствовали и помогали каждому читинцу во всех его благих делах»(https://www.mkchita.ru/social/2022/06/24/

prazdnik-oboo-takhilgan-sostoitsya-25-iyunya-na-titovskoy-sopke-v-chite.html, дата обращения: 24.06.2022).

2. ***Заголовок:*** Первый гром раздался над Читой. С эвенкийским Новым годом! ***Подзаголовок:*** По эвенкийскому календарю Новый год наступает, когда звучит первый гром (https://www.chita.ru/text/summer/2022/06/07/71391239/, дата обращения: 20.06.2022).

«Культура триедина как традиция, как система ценностей, как модель общественного поведения» **[колесов культ]**, а житель региона, забайкалец, – носитель этой уникальной культуры. Ее сущностьинтерпретирована в медиатекстахуютным сосуществованием разных этносов(при всём разнообразии традиций и ценностей): Заголовок: Дни инклюзии в Забайкалье: знакомство народов, мастер-классы, туризм и национальные игры. Из текста: Дни инклюзии посвятили социальным инновациям.

Забайкалец – это человек, стойкий к обстоятельствам и сильный духом, это житель определенного муниципального образования (нерчане, борзинцы,шилкинцы), а такжепредставитель определенной социальной группы (спортсмен, школьник, лицеист, студент)илипрофессии (горняк, железнодорожник, учёный, аграрий, политик):

3. Ювелир-кочегар из Забайкалья привез на выставку в Приангарье украшения, сделанные для жены. Ювелирное дело – это его хобби, а работает он кочегаром (https://www.chita.ru/text/society/2022/06/19/71421326/, дата обращения: 20.06.2022);

4. Забайкальское околополитическое пространство богато на дам, которые искрят профессионализмом, уверенностью, решают вопросы на благо края и города. Но при этом остаются женщинами, сохраняют в себе не только деловой стержень, но и глубокую эмпатию, пленительность и эмоциональность. Мы собрали топ прекрасных наших чиновниц, наиболее проявившихся в медийном пространстве, – в этом списке нет первых и последних мест, а только восхищение и любование. Давайте посмотрим на красавиц и умниц Забайкалья вместе. (https://www.chita.ru/text/society/2022/06/26/71432813/, дата обращения: 26.06.2022);

5. Стобалльников по ЕГЭ в Забайкалье уже восемь. Окончательные результаты будут после 15 июля (https://www.chita.ru/text/gorod/2022/06/24/71435954/, дата обращения: 24.06.2022).

Следует отметить, что в контенте СМИ как регионального, так и федерального уровня наблюдается значительное число материалов криминального характера, в которых вербализировано поведение отдельных забайкальцев вне общепринятых норм в обществе:

6. В Забайкалье осудят подростков, испортивших арт-инсталляцию «Победа» (https://www.kommersant.ru/doc/5296029?query=забайкалье, дата обращения 22.06.2022);

7. Пьяный забайкалец зарезал двух женщин, их тела нашли через несколько дней (https://zabnews.ru/novost/2022/06/17/pyyaniy_zabaykalets_zarezal_dvuh_zhenshtin_ih_tela_nashli_cherez_neskolyko_dney, дата обращения: 20.06.2022).

Осмысление природно-географическогосвоеобразия Забайкалья в федеральных и региональных СМИосуществляется с позиций экологической внешнеконтактности территории, а также неустойчивого забайкальского климата, наличия и ликвидации природных катастроф, недропользования, что определяет объективацию компонента «природа».

Так, информация об уникальных природных явлениях, экологических катастрофах мгновенно оказывается в повестке дня:

8. В Забайкалье школьник выжил после удара молнии. Из текста:Инцидент произошел в Балейском районе Забайкальского края, школьник ехал на коне во время грозы, когда в него ударила молния, сообщает«Чита.ру» (https://www.gazeta.ru/family/news/2022/06/16/17941646.shtml, дата обращения: 16.06.2022);

9. Забайкалье вошло в тройку лидеров по количеству лесных пожаров в России (https://zab.ru/news/151786, дата обращения: 16.06.2022).

В контенте СМИ уделеновнимание деятельности компаний, занимающихсядобычей благородных металлов, угля, меди, цветных металлов, железной руды, что формирует смысл «Забайкалье – территория, богатая полезными ископаемыми»:

10. Заголовок: Les Echos: медь из самого сердца Сибири обещает стать «новой русской нефтью». Из текста: Напомним, в своей статье, опубликованной в январе на сайте Всемирного экономического форума, основной владелец «Удоканской меди» Алишер Усманов рассказал, что запасы этого металла на месторождении в Забайкальском крае составляют около 26,7 миллиона тонн. Удокан начали осваивать в 2008 году с использованием уникальной технологии переработки, которая делает извлечение меди более экологичным по сравнению с пирометаллургическим методом. Бизнесмен отметил, что компания имела возможность ссамого начала использовать передовую международную практику в области охраны окружающей среды и устойчивого недропользования. (https://www.gazeta.ru/business/news/2022/02/16/17299537.shtml?updated, дата обращения: 20.02.2022)

Природно-ресурсный образ на региональном уровне формируется контентом о сельском хозяйстве и возможностях местного производства:

11. ***Заголовок:*** Посевная зерновых полностью закончена в Забайкалье. ***Из текста:*** «Зерновые культуры посеяны на площади 124,4 тысячи гектаров, что на 8% выше уровня прошлого года. Пшеницей занято 55,6 тысячи гектаров, овсом – 54,4 тысячи гектаров, гречихой – 11,7 тысячи гектаров, ячменем – 2,1 тысячи гектаров», – уточнил глава министерства Денис Бочкарев.(https://www.mkchita.ru/economics/2022/06/23/posevnaya-zernovykh-polnostyu-zakonchena-v-zabaykale.html, дата обращения: 23.06.2022);

12. Заголовок: В Чите состоится выставка баранов. Из текста: Забайкалье на выставке представят 11 племенных хозяйств из Агинского, Дульдургинского и Могойтуйского районов. Все сельхозорганизации уже отобрали для участия в мероприятии лучших овец и баранов забайкальской тонкорунной и агинской пород, отмечается в сообщении (https://zab.ru/news/151626, дата обращения: 20.06.2022). Таким образом, в СМИ фиксируется смысловое образование «общность хозяйственных структур Забайкалья».

Отдельное место в СМИ уделено уникальности природы региона: наличию редчайших видов растений (краснокнижные лилии (краснодев малый), тюльпан одноцветковый) и диких животных (манул, тарбаган, косуля, изюбр, дзерен):

13. Сотрудники Сохондинского заповедника во время работы на альпийских полях Забайкальского края, которые находятся между тайгой и горами, засняли несколько бурых медведей. У них во второй половине мая начался брачный период, который продлится до середины июля (https://zabnews.ru/novost/2022/06/23/brachniy_period_burih_medvedey_zasnyali_na_alypiyskih_lugah_v_zabaykalye, дата обращения: 23.06.2022).

Культивируемые растения и животные, туристические объекты региона формируют туристический образ территории с соответствующей символикой. Не случайно Колесов В.В. отмечает, что «природа – то, что обеспечивает существование рода и является естественной средой его обитания[5].

Так, одним из символов территории, символом Забайкалья, является багульник. По мнению исследователей как символ экологического благополучия, процветания,

концепт «багульник» выражает еще и символ детства, Родины[15].

Таким образом, федеральный и региональный контент взаимосвязаны, поскольку местная проблематика звучит с проекцией на общефедеральные темы, а общеполитические тенденции РФ выстраиваются из социально-экономического и политического положения того или иного региона.

Если для федеральных СМИ характерен интерес к более глобальным явлениям, внешним характеристикам края (рейтинги, происшествия, кадровые изменения в исполнительной, законодательной и судебной власти, эффективное использование бюджетных средств,коррупция), то региональные СМИ (помимо детального рассмотрения вышеобозначенных проблем) в повестке дня преимущественно отражают местный колорит (от деятельности первых лиц края до истории конкретной семьи). В условиях конкуренции СМИ и быстро меняющегося мира невозможно отразить весь мир в виртуальном пространстве, здесь работают иные профессиональные алгоритмы. Мы обозначили лишь те, которые связаны с приоритетностью сообщений в медиадискурсе.

Отметим, что это общие тенденции, которые не исключают частных ситуаций в вопросе актуализации реальности, поскольку повестку дня в равной степени определяют как СМИ, так и текущие события.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о представленности в дискурсе региональных и федеральных СМИ концепта «Забайкалье», обладающего повышенной смысловой, культурно-исторической и символической значимостью и объединяющего в качестве компонентов когнитивные образования «регион», «культура», «природа» и «забайкальцы». Концепт «Забайкалье» не имеет как таковой жесткой структуры, актуализация составляющих его смысловых компонентов в медиадискурсе напрямую зависит от повестки дня. Тот или иной смысл воспроизводится в языке через значение слова, контекст определенной публикации, тематическую соотнесенность множества медиатекстов. Следует признать, что частотность появления в федеральныхСМИ региональномаркированных концептов связана с более «резонансной» / «громкой» тематикой (уникальным контентом о специфике края, о его преобразованиях или проблемах, чрезвычайных ситуациях, криминале). Региональные СМИ воспроизводят «местный колорит», но не изолированно, а более детально. Приоритетность тематики в медиаповестке определяет набор знаний/ сведений, которые формируют представления о регионе.

Список литературы

[1] Актуальные проблемы современности и СМИ / Ю.В. Толстокулакова, Ц.Ц. Мясникова, В.А. Тихомиров. Чита, ЗабГУ, 2020. 144 с.

[2] Бакирова Г.А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках (на примерах благожеланий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 27 с.

[3] Биктимирова Ю.В. Региональные лексические маркеры лингвистической идентичности забайкальцев по материалам региональной деловой письменности Нерчинского воеводства XVII-XVIII вв. // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект / коллективная монография под общ.ред. Т.Ю. Игнатович. Казань: Издательство «Бук», 2019. С. 31-37.

[4] Калашникова К.Р. Смысловая структура концепта и его вербализация // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №2. С 427-430.

[5] Колесов В.В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании. Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 12-23.

[6] Колесов В.В. Концепты русского сознания: культура и цивилизация. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-russkogo-soznaniya-kultura-i-tsivilizatsiya (дата обращения: 25.06.2022).

[7] Лиханова Н.А. Репрезентация «регионально маркированного концепта» по данным лексикографических источников // Язык в различных сферах коммуникации: матер. III Международной научной конференции / сост. Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова Чита: ЗабГУ, 2019.С. 132-136.

[8] Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт «нефть» в томскоймедиасфере // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4/12. С. 33-41.

[9] Осыка М.В. Способы вербализации концепта «пространство» (на материале русской и французской топонимической фразеологии) Иркутск: Вестник ИГЛУ, 2009. № 3. С. 129-134.

[10] Пляскина Е.И. Историко-этнографический очерк диалектного слова «гуран». Язык в различных сферах коммуникации: матер. III Международной научной конференции / сост. Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова Чита: ЗабГУ, 2019. 145-154.

[11] Пушкарева И.А. Специфика регионального медиадискурса: лингвоаксиологический аспект // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 90–98. URL: https://medialing.ru/specifika-regionalnogo-mediadiskursa-lingvoaksiologicheskij-aspekt/ (дата обращения: 30.06.2022).

[12] Терских М.В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинации.URL: https://www.mk.ru/search/?q=забайкалье (дата обращения: 15.06.2022).

[13] Толстокулакова Ю.В. Формирование повестки дня региональных СМИ (на примере Забайкалья) // Региональные СМИ: пути взаимодействия с аудиторией: материалы региональной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 14-20.

[14] Щурина Ю.В., Вырупаева М.В. Концепт «Родная земля» в регинальном языковом сознании в контексте забайкальского приграничья // Сибирский филологический форум. 2021. с. 72-81.

[15] Щурина Ю.В., Вырупаева М.В. Репрезентация концепта «Багульник» в региональном медиадискурсе: от образа к символу // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. №6(31). URL:https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1656889 (дата обращения: 23.06.2022).

[16] Щурина Ю.В., Толстокулакова Ю.В. Репрезентация концепта «Забайкалье» в региональном медиадискурсе // Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Е. Гольдина. Издательство: «ИЦ «Наука». Саратов, 2020. С.117-125.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Новая культурно – интеллектуальная история: теоретические позиции и методологический дискурс

УДК 140,8

Концептуально-методологический анализ якутских фигур холода в геофилософской перспективе

Ванхоннакер Матью
Руководитель Центаисследованийкультурной мамонтологии (CeRMaC), г. Брюссель, Бельгия.
https://orcid.org/0000-0002-4350-8651

АННОТАЦИЯ В европейском дискурсе, Север и Арктика всегда воспринимались как «ледяная пустыня», холодный и безжизненный мир. В этом аспекте привлекает актуальная философская проблема, посвященная онтологии Холода в проекциях традиционных представлений коренных народов Севера. У якутов понятие холода в символической рамке мобилизирует в своей онтологии неразделимые с ним связанные фигуры, включая водяного быка и Быка зимы, каждый из которых связан с фигурой мамонта. Мы предлагаем методологический подход, основанный на понятии фигурирования, чтобы проанализировать эти репрезентации. Наш анализ развивается в геофилософской перспективе, то есть ретерриториализация философии в контексте Севера, где понятие холода должно быть осмыслено в терминах его конкретной территории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА якуты, традиционные представления, геофилософия, территория, холод, фигура, мамонт.

1. Фигура и фигурирование

Наше развитие концепции фигуры в том смысле, в котором мы используем ее, основано на понятии Делеза и Гваттари о ризоматической структуре, то есть структура, которая постоянно развивается, во всех горизонтальных направлениях, без иерархических уровней,и понятии фигуры, разработанное Ж.-Ф. Лиотаром, как находящееся одновременно «снаружи и внутри» [18, с. 13. Перевод – М.В.], в языке и вне его. Как подчеркивает Лиотар,

К фигуре можно перейти, показав, что каждый дискурс имеет свой «напротив», объект, о котором он говорит, который находится вон там, как его обозначение в горизонте: вид, граничащий с речью. И можно перейти в фигуру, не покидая языка, потому что она находится там [18, с. 13.Перевод – М.В.].

Понятие фигуры следует понимать как форму созвездия, которое имеет смысл в расположении всех элементов. Это сравнение принадлежит Даниэлю Вайанкуру, профессору Университета Западной Канады, который отмечает: «То, что поддается фигурированию, то, что можно фигурировать, означает то, что дает горизонт, подобно пальцу, который, направленный в небо, рисует созвездие, соединяя точки-звезды Большой Медведицы» [19, с. 241. Перевод – М.В.].

Фигура имеет смысл в своем многообразии, с системной точки зрения и фигурирование само по себе представляет эвристическую методологию. Действительно, это позволяет организовать набор прерывистых информаций, сгруппировав их по определенным значимым линиям. Таким образом, как подчеркнул Дескола, в связи с областью искусства, «фигурировать - это не только удерживать в привычной среде то, что заслуживает стать видимым, но и предпочитать технику, чтобы придать телесность этой видимости» [15, с. 63. Перевод – М.В.]. Это подразумевает выборы, которые всегда связаны с контекстами появления и эволюции информационных материалов. Действительно, процессы фигурирования всегда происходят в определенных семиосферах.

Как подчеркивает Ю.М. Лотман, семиосфера – это «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющемуся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [5, с. 4]. Более

того, в семиотическом пространстве, воспринимаемом как синхронное, фигуры, фигурирующие общее созвездие, находятся в постоянном процессе эволюции и трансформации. Именно это подчеркивает О.А. Лавренова, когда пишет, что «семиосфера - это открытая и комплексная система, развитие которой не является линейным» [17, с. 95. Перевод – М.В.]. Это именно различия внутри фигур (а иногда и между фигурами, входящими в общую образную констелляцию), позволяющую им существовать.

Фигура характеризуется значительной мобильностью, она всегда «кинефигура», где каждый компонент не является более или менее важным, между ними нет качественной иерархии. В этом смысле фигура никогда не бывает фиксированной и стабильной; она развивается во времени и вполне может содержать противоречия, которые появляются по мере ее развития. Фигура - это постоянное движение фигурирования. Это постоянный глагол действия, сопряженный с появлением фигуры» [15, с. 30. Перевод – М.В.], о котором говорит Дескола в своем определении глагола «фигурировать».

В рамке работы нашего исследовательского центра Культурной Мамонтологии, мы занимаемся выявлением мамонтового созвездия, особенно на обширной территории Сибири. Точнее, в якутской культуре сам мамонт рисует созвездие, которое неразрывно связывает его с холодом. В этом подходе мы предлагаем продвигаться вперед с помощью двух концепций, связанных с этимфигурированием, т.е. ***геофилософия*** и ***криоонтология***. Они особенно важны в якутском культурном контексте.

2. Геофилософия и криоонтология

Понятие геофилософии - в действительности является плеоназмом, поскольку вся философия, как подчеркивали Делез и Гватарри, является геофилософией [2, с. 124] в своей привязанности к территории. Мы располагаемся в философском контексте, подчеркнутом этими мыслителями, где надо перейти от исторической модели к пространственной. Другими словами, мы предлагаем осуществить ретерриториализацию философии в контексте Севера и Арктики, где понятие холода должно быть осмыслено в терминах этих конкретных территорий. Как видно, понятие ***территории*** имеет решающее значение и неразрывно связано с концептом. Действительно, как отмечали Делез и Гваттари, «Концепт – это не объект, а территория. И вместо Объекта у него – некоторая территория» [2, с. 131]. Последнее является не только пространственным существом - например, Крайний Север - но и социальным, бессознательным, политическим, экзистенциальным или психологическим пространством. Таким образом, территория трансцендирует географические границы исключительно вне материальных пределов.

Именно в этом контексте понятие ***криоонтологии*** приобретает все свое значение. Действительно, нам кажется, что этот термин интересно разработать в процессе ретерриториализации понятия онтологии, означающей «бытие сущего» или сущих.

Таким образом, мы помещаем наши размышления в контекст геофилософского переноса понятия ***холода*** - его ретерриториализации - как объекта знания, который распространяется через процессы фигурирования, частью которых является мамонт. Тем самым мы включаем себя в преемственность геокультурных исследований Арктики, геокультура являясь «и процесс, и результат развития географических образов культуры» [14, с. 12. Перевод – М.В.].

3. Две криоонтологические фигуры, связанные с якутской фигурой мамонта

Чтобы проиллюстрировать наш методологический подход, мы предлагаем представить, как развивается якутская фигура мамонта, чья собственная констелляция состоитиз двух криоонтологических фигур : водной бык и Бык зимы.

3.1. Якутская фигура водяного быка

В якутском языке уу (ӯ) означает вода, а оӆус – бык. Выражение ӯ оӆуһа, таким образом, означает водяной бык. Это название, как указывает Э.К. Пекарский, напрямую связано с мамонтом, оно является его синонимом [9, стлб. 2156]. В нескольких источниках упоминается это существо, проявление которого связано исключительно с холодом. Действительно, якутские проводникиА.Ф. Миддендорфа сообщали ему во время экспедиции в северо-восточную Сибирь в 1840-х годах, что

Когда зимою лед с шумом трескается на большом протяжении, что случается нередко и притом в ночное время, то это приписывается проделкам огромного животного, водяного быка (U-og/hus'), от которого происходят мамонтовые клыки [7, с. 821, орфография первоисточника модернизирована, М.В.].

Затем эта фигура усложняется по мере упоминания другими авторами, каждый из которых представляет точку созвездия фигурирования водяного быка. Например, в статье, опубликованной в 1949 году, А.А. Попов указывает, что в Вилюйском округе «Водяной бык пропадает, когда озеро покрывается слишком толстым слоем льда или усыхает, причем в некоторых случаях заблаговременно переходит на другое озеро» [10, с. 284]. А А.Е. Кулаковский утверждает, что «случается, что переполнившееся озеро стекает в ближайший водяной бассейн без помощи человека, а понятно, получается громадная промоина. И вот, якуты думают, что это след ушедшего Быка - хозяина озер» [4, с. 44].

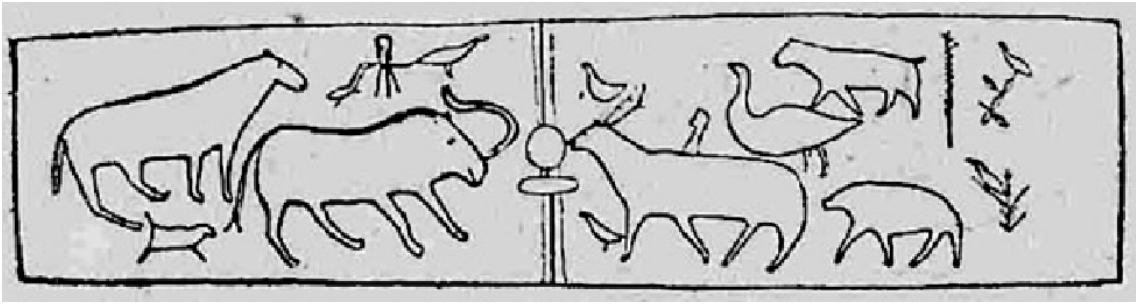
Его звуковые и визуальные проявления однозначно связаны с замерзанием озер (между поздней осенью и зимой), напрямую связывая данную фигуру с холодом. Как и любая фигура, она развиваться, обогащается или даже может постепенно исчезает в семиосфере, которая ее поддерживает. Именно так и произошло с этой фигурой. Так, А.Е. Кулаковский отмечает, что уже в его время водяного быка путали с неким женским антропоморфным водяным хозяином (як.: иччи) [4, с. 43], прикрепленным к каждому озеру или реке, которого якуты называют бабушкой (як.: эбэ). Эта путаница, по-видимому, углубилась, поскольку сегодня фигура водяного быка вытеснена фигурой этих женских хозяинов. Похоже, что это вытеснение не было резким, а скорее стало результатом процесса, в котором фигура быка и фигура женского хозяина оказались рядом. Действительно, в обращении (як.: алгыс), зафиксированном в 1945 году и адресованном Кюбей Баай Хотун, т.е. женскому образу хозяйки озера, она описывается как сопровождаемая «пестро-голубым быком» [8, с. 187] (як.: Күөх эбириэн оӆустаах[8, с. 186]), таким образом, происходит синтез этих двух фигур до исчезновения быка.

В дополнение к этому динамическому характеру, мы уже подчеркивали выше, что процессы фигурирования происходят в определенных семиосферах. Фактически, фигура мамонта в якутской семиосфере не ограничивается этническими границами, отсюда важность понятия территории разработанное Делезом и Гватарри, которая не ограничивается географической областью. Это также социальное, бессознательное, политическое, экзистенциальное или психологическое пространство, находящееся в постоянном диалогическом обмене, как внутри себя, так и с внешним миром, открытое к другим, но сохраняя свою собственную консистенцию. Чтобы проиллюстрировать эти сообщающиеся потоки, можно привести пример, связанный с фигурой якутского водяного быка.

В.Г. Богораз сообщает, что в 1897 году он обнаружил недалеко от села Пятистенное, на берегу реки Большой Анюй, «березовая дощечка, покрытая рисунками, выгравированными острием ножа» [1, с. 38]. На дощечке находится изображение мамонта описан Богоразом в следующих терминах :

У мамонта, [...], — короткая шея, изборожденная рядом коротких штрихов, длинный хвост, раздвоенный на конце, длинные круто загнутые клыки, которые, однако, по мнению туземцев, вообще являются рогами, выступающими из пасти. Хобот на рисунке отсутствует [1, с. 38].

Вот рисунок, воспроизведенный Богоразом, изображающий эту дощечку :

Юкагирская дощечка с мамонтом [1, с. 38]

Богораз сообщает, что дощечку использовали юкагирские шаманы «для призыва духов» [1, с. 38]. Дощечка двухцветная, мамонт находится на черной стороне, которая ассоциируется с черным шаманизмом и использована шаманом «для наведения злых чар» [1, с. 38]. Таким образом, он является в высшей степени хтонической фигурой. Далее мы узнаем, что в районесела Пятистенное,«было редкое население, помесь юкагиров с якутами, к тому времени сильно обруселое» [1, с. 38]. Анализируя это представление, В.И. Иохельсон подчеркивает, что это смешение и тот факт, что мамонт не является - по его мнению - хтоническим духом у юкагиров, подтверждает, что анюйские юкагиры заимствовали, это представление мамонта «у якутов, с которыми они начали смешиваться» [3, с. 269]. Следовательно, если эта фигура действительно навеяна якутской концепцией , то мы имеем здесь уникальное и исключительное представление водяного быка в юкагорской семиосфере, подчеркивающее в высшей степени декомпартментализированный и декомпартментализирующий аспект фигуры в ее констеллирующем принципе.

Мы увидели, что, в процессе ее развития, фигура может постепенно исчезать. Наоборот, фигура в ее констеллярном развитии также может со временем приобрести значимость. Именно, это касается криоонтологической фигуры Быка зимы, которая сама является частью якутской фигуры мамонта.

3.2. Якутская фигура Быка зимы

Фигура мамонта ассоциируется у якутов с другой фигурой, тесно связанной с водной средой и холодом, но имеющей более космическое измерение. В литературе встречается несколько его названий: Бык года (як.: Дьыл оҕуһа), Бык холода (як.: Тымныы оҕуһа) или Бык зимы. Эта фигура «олицетворяет зиму в образе белого быка с голубыми пятнами» [11, с. 300], который «ежегодно осенью выходит из Северного Ледовитого океана и несет с собою холод, голод, нужду и т.д.» [4, с. 45-46]. Постепенно, по мере смягчения зимы, Бык зимы теряет сначала один рог, затем второй, и, наконец, голову и спину и возвращается на Лену в сторону Северного Ледовитого океана. Эта фигура, о которой сообщают несколько авторов, обогащена различными точками зрения. Так, например, А.А. Попов сообщает о другой версии, когда-то популярной среди якутов Вилюйского округа, где эта фигурапоявляется осенью в виде птицы ; когда проходит первая четверть года, то отваливаются крылья ; по мере приближения весны, постепенно отваливаются и все другие части. При таянии снега птица окончательно принимает вид длинношерстого быка тигровой масти и уходит до осени за море [10, с. 278].

По своей сущности, связанный с холодом, Бык зимы, по-видимому, был соотнесен с мамонтом в довольно позднее время. Насколько нам известно, первый источник, упоминающий эту связь, датируется 1974 годом, и находится у Г.У. Эргиса, который

предполагает, что «образ этот мог возникнуть под впечатлением от ископаемого мамонта» [13, с. 123]. Л.Г. Романова также поддерживает эту точку зрения, утверждая, что « вероятно, легенда о Дьыл оҕуһа возникла у древних якутов с нахождением останков и бивней мамонта в мерзлой земле, которых они принимали за останки гигантского быка » [12, с. 150].

Хотя фигура Быка зимы и сегодня очень популярна, она получила современное развитие - точнее, в девяностые годы - в образе якутского Деда Мороза (як.: Чысхаан). Этот персонаж, настоящая антропоморфная фигура холода, сегодня является «одним из наиболее узнаваемых региональных образов» [6, с. 17]. Действительно, «образ [...] Чысхаана в Якутии тесно связан с Быком зимы» [12, с. 150], особенно через два рога (-бивня), которые у него находятся на голове. Однако, в отличие от Быка зимы, в фигуре Чысхаана происходит качественное изменение, поскольку он является положительным персонажем, как Дед Мороз, наделенный добротой, благостью и щедростью по отношению к детям. Вероятно, под влиянием изменения климата и современного потепления Сибири, фигура Быка зимы получит дальнейшее развитие в этой проекции. Примечательно, что, С.А. Крейт, анализируя перемены в символических представлениях вилюйских якутов под влиянием изменения климата, приводит \ слова одного информанта : «Кажется, что теперь с потеплением, возможно, Быка зимы больше не будет» [16, с. 570. Перевод - М.В.].

Заключение

Фигура всегда множественна, подвижна и выходит за пределы определенных семиосфер. Якутская фигура мамонта включает несколько фигур, которые обогащают и развивают динамику расширения. Мы упомянули здесь водяного быка и Быка зимы, каждый из которых по-своему онтологически связан неразрывно с холодом, поэтому мы утверждаем, что они развивают криоонтологию, связывая следовательно якутскую фигуру мамонта с этим элементом. Здесь мы ощущаем богатство, которое северные территории открывают для геофилософской концептуализации. Ведь, как отмечает О.А Лавренова,

Онтология Севера раскрывает новые смыслы для западного мира, которые заключаются в геокультурном дискурсе циркумполярных широт, позволяя переосмыслить основную ценность и семантические категории взаимодействия человека с земным пространством [17, с. 98. Перевод – М.В.].

Как мы заметим, то, что позволяет развитие геофилософии и тем самым расширяет поле исследования, - это именно обмен между людьми и, шире, между территориями, во взаимном обогащении.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке бельгийской некоммерческой ассоциации Lieux-dits, проект No 22-06-0002; автор выражает благодарность Руководящему комитету за поддержку.

Список литературы

[1] Богораз В.Г. Чукчи. Часть 2. Религия. Л.: Издательство Главсевморпути, 1939. 211 с.

[2] Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. 288 с.

[3] Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.

[4] Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск : Якутское Книжное изд-во, 1979. 494 с.

[5] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

[6] Макаров С.С., Хозяин холода и и дух озер: водяные быки в якутской мифологии // Фолклористика. 2017. 2/2. С.11-25.

[7] Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб.: Изд-во Имп. акад. Наук, 1878. Ч. 2. 833 с.

[8] Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск: Наука, 2003. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т.24. 512 с.

[9] Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М.: Изд-во Академия Наук СССР, 1959. Т. 2. Вып. 5–9. Стлб. 1281-2508.

[10] Попов А.А. Материалы по религиозным представлениям якутов бывшего Вилюйского округа. М.–Л.: Сборник музея антропологии и этнографии, 1949. Т. XI. С. 255-323.

[11] Романова Е.Н., Данилова. Н.К. Мифология периферийных этносов и субэтносов тюркско-монгольского мира : реконструкция охотничьих и воинских культов // Этногенези культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2010. С. 292-330.

[12] Романова Л.Г. «Чысхаан» – от топонима к туристическому образу. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : журнал. Институт стратегических исследований, 2016. Декабрь (№ 12-2). С. 149-151.

[13] Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 408 с.

[14] Chartier D. Introduction Une méthodologie arctique intégrée venue du froid : l'apport de la Yakoutie // Géocultures : méthodologies russes sur l'Arctique. Montréal: Université du Québec à Montréal. Imaginaire/Nord. 2020. P. 11-35.

[15] Descola Ph. Les formes du visible. Paris: Seuil, 2021. 757 p.

[16] Crate S.A. Gone the Bull of Winter?: Grappling with the Cultural Implications of and Anthropology's Role(s) in Global Climate Change // Current Anthropology. 2008. 49(4). P. 569–595.

[17] Lavrenova O.A. Paysages culturels de l'Arctique. Inversion de l'axe axiologique du monde occidental // Géocultures : méthodologies russes sur l'Arctique. Montréal: Université du Québec à Montréal. Imaginaire/Nord. 2020. P. 85-100.

[18] Lyotard J.-F. Discours, Figure [1969]. Paris: Klincksieck, 2002. 512 p.

[19] Vaillancourt D. La figure et ses fabriques // Perspectives croisées sur la figure. Québec: Presses de l'Université du Québec. 2012. P. 235-251.

УДК 1.18 + 8.2 +93 (1+2+85) + 572.9

Проблемы Будущего в фокусе постнеклассической интеллектуальной истории по материалам работы П. Бьюккенена «Смерть Запада»

Шепелева Валентина Борисовна
Доктор исторических наук, доцент, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.
vshepel@rambler.ru

АННОТАЦИЯ Рассматриваются с позиций постнеклассической познавательной парадигмы толкования П. Бьюккененом в авторской монографии «Смерть Запада» главных для политика и исследователя причин («культурная революция», деятельность франкфуртской школы) и связанных с ними (демография, иммиграция, национальные государства, нации и глобализация) детерминирующих факторов деструкции Западной цивилизации, конкретно США и предложений по предупреждению катастрофы. Выявляются неочевидные для автора, но существенные основания для пессимистических прогнозов относительно судеб Западного мира, обозначены потенциальные познавательные возможности постнеклассического типа рациональности по теме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА П. Бьюккенен, «культурная революция», франкфуртцы, Западная цивилизация, контркультура, постмодерн, постнеклассика

«Все категории истории… способны служить инструментом
для объяснения реальности… когда они помещаются внутрь…
глобального контекста совокупной целостности,
где они только и имеют смысл».
К.А. Агирре Рохас

«Культурная революция овладела умами миллионов,
уже не во власти политиков обратить ее вспять»
П. Бьюккенен

Провозглашенное Фр. Фукуямой к исходу советской эпохи: «конец истории» – ныне обнаруживает некий неожиданно-пророческий смысл. «Неожиданно-пророческий» относительно прямой семантики фукуямовской формулы. Вместо «остановись мгновение, ты прекрасно» - обращённое Фукуямой к либерализму/либеральному бытию, всё более отчётливо проступает ныне бытийственное «после-либерализма» (Им. Валлерстайн), как минимум – призрак «смерти Запада» (П. Бьюккенен) [2; 3; 4]. Причём последнее – это ощущение твёрдого американского консерватора республиканца, природного выразителя вроде бы «протестантского капитализма», политика высокого ранга, убеждённого, что «Запад – самая развитая цивилизация в истории человечества», ибо «Запад подарил миру лучшее из того, что было когда-либо сформулировано и придумано» и потому, несомненно, «Западная цивилизация и западная культура превосходят все остальные», а «Америка – самое развитое государство этой цивилизации». Бьюккенен начала нулевых подчеркивает, вторя президенту Бушу: «Разве сегодня, у нас остались соперники в военном могуществе, экономической мощи или культурном влиянии? Мы выиграли “холодную войну”. Наши идеи – американские идеи – и идеалы распространяются по всему миру» [2, с. 2, 175, 186].

Но в таком случае «откуда же грусть и печаль?» и признаки «смерти Запада», откуда “идеология западного самоубийства”, зафиксированная «стратегом холодной войны» Дж. Вернемом ещё к середине 60-х гг. и эпидемически «распространившаяся сегодня на весь Запад»? «Европейские государства и нации, похоже, смирились с тем фактом, что их пребывание на планете подходит к концу» - пишет сегодня П. Бьюккенен. В

лучшем случае, «европейц/ы в состояни/и замешательства и … паники» [2, с. 12, 160]. И предварительное резюме бывшего главного советника двух американских президентов: «Что ожидает Европу в 2050 и 2100 годах? - Скажем честно – прогноз не слишком оптимистичен [зато, добавим, глобален]. ***Вполне вероятно***, - по его словам, что, - ***человечество переживает последний акт трагедии, начавшейся пять столетий назад»*** [2, с. 198].

Любопытно, но и антагонистБьюккенена в теоретико-методологическом измерении, мир-системщик, причастный марксизму Им. Валлерстайн предвидел тогда же тектонические /по таящейся в них сути/ подвижки в мире в этих же масштабах времени. Но в таком случае (отметим, забегая вперёд) речь должна бы идти о трагедии капитализма и, видимо, западного христианства (рождение первого и раскол второго, если приблизительно, как раз ***«пять столетий назад»***) [3; 4; 5].

Как видит причины трагедии Западного мира сам П. Бьюккенен? Да, он вычленяет, и неоднократно, четыре (вообще-то до 8-ми) вида опасностей для Западной цивилизации, главные:

1. Вымираниекоренного белого населения западных стран, «принявшее форму “демографического пике»;

2. Массовую иммиграцию, способную «изменить не только этнический состав населения, но… исторически сложившийся облик Запада, его характер и устои»;

3. Явственную «тенденцию к подрыву суверенитетов независимых государств» в пользу мировых управляющих структур, при том что «отказ от национальных границ» ведёт к «смерти западных наций»;

4. Культурную революцию, охватившую Запад в последней трети XX в. и «подготовленную, /а/ во многом реализованную теоретиками “критического (культурного) марксизма”, группирующимися вокруг Франкфуртской школы» (которая с 1930 г. «принялась“переводить” марксистскую теорию в культурные термины», поскольку для франкфуртцев врагом стала прежде всего западная культура) [2, с. 57, 127].

Во всяком случае их «критическая теория»требовала, как подчёркивает П. Бьюккенен, “обоснованной критики …не прибегая к насилию… всех без исключения элементов западной культуры», а именно: «христианства, капитализма, авторитета семьи, патриархата, иерархической структуры, традиции, сексуальных ограничений, верности, патриотизма, национализма, этноцентризма, конформизма и консерватизма» посредством постепенного овладения «всеми средствами массовой информации и общественными институтами» и в расчёте на «десятилетия кропотливого труда» [2, с. 57-58]. В итоге усилиями франкфуртцев был, по словам П. Бьюккенена, вынесен “бескомпромиссный приговор буржуазной цивилизации» как «“скопища” расизма, шовинизма, национализма, ксенофобии, гомофобии, антисемитизма, нацизма и фашизма», и «воззрения, ранее считавшиеся не более чем старомодными», стали признаваться «недостойными психически здорового человека».В 1960 е годы, - свидетельствует П. Бьюккенен, «кличкой “фашист” наделяли всех, кто смел возражать или хотя бы осторожно высказывался против университетской революции»; среди молодёжи массово распространялись «ощущение чужеродности, безнадежность и отчаяние», поскольку своя страна стала восприниматься как Зло [2, с. 59-60].

Из сказанного вполне определённо, как представляется, вытекает, что 1-3-я «опасности»/ «причины трагедии Западного мира» у Бьюккенена существенно детерминированы четвёртой – «культурной революцией», прямо – франкфуртцами:Т. Адорно, Э. Фроммом, В. Райхом, Г. Маркузе (ну ещё бы, если Адорно «обнаружил зародыш фашизма в патриархальной семье, а затем отыскал и место обитания этого зародыша – традиционную культуру», если Маркузе и не скрывал:«Мы должны совершить размонтирование существующей системы” и т.д.). В конце концов советник американских президентов прямо настаивает: «Рассуждая о смерти Запада, мы должны

рассматривать Франкфуртскую школу как главного обвиняемого в этом преступлении. …горстка марксистов-ревизионистов сумела "исказить" американскую культуру и содействовала началу деконструкции нашего общества» [2, с. 59; 62; 63].

Здесь, конечно, возникает множество вопросов. Как «марксисты», социалисты-теоретики фактически «во вражеском стане» диктовали – успешно диктовали свои установки? Завладели основными СМИ и иными средствами воздействия на сознание, психику, поведение молодёжи, вообще – масс?

Франкфуртская школа, по признанию Бьюккенена, «остается почти неизвестной большинству американцев», но, оказывается, «ее идеи широко распространялись по педагогическим колледжам /уже/ в 1940 х и 1950 х годах». Как? – ведьэто, не забудем, в условиях «маккартизма», разгара «холодной войны». Более того, автор утверждает, что в итоге "индустрия развлечений… полностью поглотила идеологию марксистской культуры и проповедует ее… впрямую… и иносказаниями». И потому «масс-медиа Америки превратились в осадные орудия в войне культур и в самое надежное средство оболванивания молодых», где работают и знаменитый маркузевский"принцип удовольствия", и его же "великое отрицание", и «образовательная диктатура», и "угнетающая толерантность", и "либеральная терпимость" с устремлением к миру "полиморфной перверсии" [2, с. 60-62]. Но «индустрия развлечений», масс-медиа (серьёзный бизнес, капитал) и – «горстка марксистов-ревизионистов»: не слишком ли это разноуровневые начала и несопоставимые «весовые категории» для того, чтобы последние сами могли выступать субъектами относительно первых?

В текстах автора обнаруживаются, на наш взгляд, существенные коррективы относительно места и роли этой «горстки» теоретиков (здесь учитываются уже и Д. Лукач, и труды А. Грамши) в реальной «культурной революции» на Западе, где утверждается «общество, в котором процветает порнография, в котором церковники /и жена президента/ благословляют клубы гомосексуалистов, а христианские символы и праздники отменены за ненадобностью», где торжествует «масс-культура с ее культом животного секса и гедонистических ценностей» и «низвергаются …унаследованные от поколений предков моральные ценности», где людям велят бросить попытки жить по библейским законам, ибо это сегодня запрещеноконституцией» [2, с. 5, 187] и т.д.Фактически официальная церковь и политические лидеры, правовые решения, нормы и сама Конституция здесь зафиксированы как субъекты, акторы этой революции. И прямо П. Бьюкенен проговаривает: «…сегодня федеральное правительство – казначей культурной революции». И с начала 1970-х гг. "секулярный гуманизм" – некая квинтэссенция этой «революции» - «сама по себе религия, религия американской элиты», «насаждается» взамен христианства в американском «обществе Верховным судом», как свидетельствует автор, подчёркивая, что «в Америке правит не большинство, а кучка меньшинств, представление которых о будущем нашего государства и нашей нации поддерживается пятью членами [узурпировавшего власть] Верховного суда», («при том, что их имена вспомнит» хорошо если один из десяти американцев)[2,с.141-142, 195]. И изощрённая антигуманная идея контроля за рождаемостью, как выясняется, была внедрена в общественное мнение Америки «в результате …пропагандистской кампании, организованной американской научной и политической элитой», как, впрочем, и антиэтнический и антиконфессиональный мультикультурализм и т.д. Именно эта политическая элита, чьей идеологией стал Второй "Гуманистический манифест" (речь прежде всего о Демократической партии) «исподволь создает новую нацию». И «уже не только этнически и расово, но и культурно и этически мы более не "люди одной нации под Богом"», - с горечью пишет П. Бьюккенен про американцев. «За треть столетия, - по его словам, - контркультура стала доминирующей культурой, а доминирующая, превратилась в "диссидентскую ", противостоящую «инквизиторам от масс-культуры» [2, с. 5, 29, 180].

Заметим в этой связи, казалось бы, невозможное - недопустимое соединение автором контркультуры и масс-культуры. Но анализ результатов революции 1968 года Ж. Эллюлем с выводами об эффективнейших способностях Системы обращать себе на пользу всякий протест, умение ассимилировать всякую оппозицию, затем реальная судьба постмодернизма эту «невозможность», пожалуй, снимают. Как пишет А. Лапшин, – «не оказалась ли репрессивная система, которую "левые" принимали за мировое зло, лишь переходным этапом к чистому социал-дарвинизму? И не оказалось ли тогда разрушение [контркультурой] сдерживающих механизмов невольной помощью самой Системе?» [10-14]. И не прав ли А.С. Панарин, доказывающий, что обнажившийся «пиетет Деррида и множества бывших "новых левых", к глобалистскому миропорядку вряд ли объясняется простым коллаборационизмом. По-видимому, – добавляет А. Лапшин, – глубинные причины этой позиции всё же содержатся в их давних философских установках» (см. связь: позитивизм – неклассика - постмодернизм) [24;25]

«Избавление от буржуазного псевдоаскетизма в мыслях и действиях привело не к свободе, а к кристаллизации уже ничем не скрываемого принципа «господство – подчинение»... всё это ставит, – по словам Лапшина, – под вопрос адекватность [постмодернистской] трактовки Свободы», их «интеллектуальный инструментарий... вряд ли позволяет определить критерии отличения Свободы от хорошо управляемого Хаоса» [10, с. 3;11, с. 4]. Ещё более определённо это звучит у А.С. Панарина: «Новоевропейский феномен свободы... кончает тем, что предпочитает погружение в виртуальный мир признанию законных прав... а чтобы... первичная бытийственная реальность... не тревожила совесть, нынешние постмодернисты предпочитают объявить этот феномен химерой». А в целом, «перед нами проявление самооткровения глобалистов: их свобода перемещаться по миру без границ, рвать с любой местной средой и культурой» [15, с. 68-69].

У П. Бьюккенена есть некоторые отсылки к постмодернизму, но без вникания в связь франкфуртцев, упоминаемых им «левых» и - постмодернистской эпистемы, все «левые» для него однозначно негатив и только. Зато постмодерн бытийственный самым активным образом «работает» в текстах автора. В фокус его фиксаций попадает, в частности, процесс глобализации: «...новая культура, - пишет он, - отвергает Бога Ветхого завета и возжигает благовония на алтаряхглобальной экономики», при том что МВФ и другие наднациональные структуры «вынуждают... страны... подчиняться диктату мировой элиты», настойчиво работают на формирование транснационального - мирового федерального правительства [2, с. 5, 180]. И это не удивительно: "Все страны есть не более чем социальная условность , - утверждает бывший замгоссекретаря США Строуб Тэлботт ... Как бы к ним не относились их граждане, сколь священными они бы ни казались, на деле все они – образования искусственные и временные... национальная принадлежность станет рудиментом; все нации и все государства признают единый, глобальный авторитет». Относительно недавно (2001 г.) на заседании Европарламентапрезидент Евросоюза уточнял: "Все ли понимают, что мы строим нечто, открывающее дорогу к мировому господству...? Все ли сознают, что национальным государствам, каждому по отдельности, придется доказывать свое право на существование в новом мире?" [2, с. 181].

Во имя наций, национальных государств, человека, по мнению П. Бьюккенена, «именно здоровый консерватизм должен стать идеологическим мотивом двадцать первого столетия», ибо «независимость важнее могущества, и за нее стоит сражаться». И только так «решится, останутся ли государства Европы свободными и независимыми или превратятся в провинции европейского сверхгосударства, в котором будет запрещено ... сохранение национальной идентичности». Но «именно здесь, - убеждён автор, - пролегает линия фронта двадцать первого столетия. Патриотизм или глобализм (при том что в XX веке «патриотизм спас Россию», тогда как «американский патриотизм подорван саперами

культурной революции»). Национальное государство или новый мировой порядок». При этом ТНК «есть антитеза традиции. С ее /ТНК/…аморальностью» она «не имеет и не может иметь корней, она готова пожертвовать всем во имя получения прибыли». И потому "глобальный капиталист" и истинный консерватор – это Каин и Авель нашего времени», - утверждает американский политик, фактически существенно корректируя однозначные первоначально обвинения франкфуртцев в подрыве национальных государств [2, с. 175, 181, 186].

Он откровенный изоляционист, традиционалист, консерватор, американоцентрист, сторонник доглобалистского капитализма, но не homoekonomicus и потому согласен: «разве наша страна не есть нечто большее, чем просто экономика?» и «неужели на свете нет ничего важнее экономики?»; убеждён: «… сегодня решается вопрос, куда более важный, нежели тот, прирастет экономика за год на 3 или на 4 процента. Речь о выживании нашей цивилизации, культуры и страны». И он не вполне стандартно для своего класса и не без противоречий для себя возмущён, что «секс, слава, деньги, власть – вот новые боги новой Америки» взамен христианских святынь. Впрочем, относительно последних: говорит исключительно о Боге Ветхого Завета, об иудеохристианских ценностях (кстати, сам отмечает, что вообще-то ещё в XIX столетии "маммонизм стал религией англосаксонского мира, а о Боге… просто-напросто позабыли… утратили …веру в благородное, прекрасное и справедливое"), пытается противопоставить либерализм/негатив и консерватизм-спасение [2, с. 6, 28, 128, 179, 182].

Но так или иначе, а П. Бьюккенен уверен: « Мы встретили врага, и он в нас самих», в итоге в стране «идет религиозная война, война за душу Америки», при том что «Запад /уже/ задыхается в хватке "культуры смерти"» с её «иной верой, иным взглядом на Бога и человечество», что эта «культурная война завершится лишь тогда, когда … покончит с нашим обществом – или мы покончим с ней», причём «это будет схватка между Западом и "Пост-Западом", сложившимся в рамках западной цивилизации» и «столкновение уже началось» [2, с. 6, 7, 184]. Однако вопрос: «достигли мы …того поворотного момента в развитии демократии, когда сознательные граждане уже не желают выражать свою поддержку правящему режиму", начиная от "словесного выражения несогласия до акций гражданского неповиновения» и наконец «вплоть до справедливой и этически оправданной революции»? В любом случае, по Бьюккенену: «Если мы хотим сохранить культуру, мы должны избавиться от угрожающей ей власти» и в сложившихся условиях "борьба человека с властью есть борьба памяти против забвения».Но, как известно: "Кто управляет прошлым, управляет будущим», однако одновременно: «Кто управляет настоящим, управляет прошлым».И при этом "Первый шаг в ликвидации народа – это стирание памяти» [2, с. 114, 115, 164, 191].

«Такова, – по убеждению политика республиканца, – война – наследница войны холодной [позитивной для автора], война, которой суждено определить будущее планеты», и которая «затрагивает основы человеческого бытия», при том что, – как пишет он, – победа неминуемо будет на нашей стороне» [2, с. 176].

Однако каково содержание этой «нашей стороны»? Позитивно, казалось бы, выглядит опытный – проистекающий из опыта вывод автора («сила традиции победила силу денег») о том, что «в вопросах культуры и морали традиционалисты должны передавать решение народу», поскольку «последняя надежда на сохранение и возрождение иудео-христианской культуры – граждане США, безразличные к власти денег и ничуть не встревоженные неодобрением прессы» [2, с. 195]. Контекстно у автора речь о «молчаливом большинстве» страны. Однако заметим, это не может не вызывать сомнений при наличии известных формул о как раз «буржуазности» народа Америки (см. Ф. Фюре, М. Вебера, А. Тойнби) и приведенных выше положениях об американских ценностях самого автора [16-19;21] В частности, его категорическое неприятие критической части контркультуры относительно США, буржуазного общества, однозначная уверенность в

полном превосходстве во всех сферах над всеми Соединенных Штатов, категорическое отрицание принципа равенства цивилизаций, народов, культур (см.: «Мы привыкли, что мексиканцы работают на нас. И жить здесь всегда было весело и приятно. А теперь ад ») [2, с. 46, 107, 117].

При этом спасти Запад, Америку « может только возрождение веры», настаивает П. Бьюккенен. Но если речь – вернуть бывшее до глобализации или до развертывания «культурной революции», то разве это не консервативная утопия, а кроме того – всё-таки веры какой?

Относительно протестантизма, на наш взгляд, очень говорящи высказывания А.Дж. Тойнби о фактическом тождестве доминанты протестантизма и Ветхого завета, а римо-католичество, в свою очередь, слишком зримо, чтобы этого не замечать, шаг за шагом отступает от догматов и ценностей первохристианства, а отступая, приближается к тому, отрицанием-сня¬тием чего христианство и является.

Кроме того, подчеркнём, Карл Поппер настаивает: цель гражданского законодательства (в открытом обществе) – личная свобода и сосуществование без насилия, что заложено, по его словам, со времен Древнего Рима (и что, заметим, конечно же, весьма и весьма условно, если брать реальность человеческих взаимоотношений Древнего Рима, устанавливаемых вовне и внутри него самого [16, Т. 1, с. 7-8, 25, 221-222, 230 ,299]. Кстати, не отсюда ли некоторые истоки столь очевидной ныне в мире системы «двойного счёта» – есть люди и «не-люди», «люди не вполне» (и это неявно проступает как должное в текстах П. Бьюккенена).

И насколько точно сформулировал более полувека назад свой диагноз «европо-западноцентризму» вообще А.Дж. Тойнби, говоря о «поразительном сужении исторического кругозора» в этом случае, а особенно применительно к европейским переселенцам в Америку, «культурные основания которых коренились в англопротестантской версии западной цивилизации… [и чей] темперамент, установки и поведение относительно других… в основном вдохновляются Ветхим заветом». То есть существуют «избранники Господни», а всё остальное, в общем, – «флора и фауна»: действительно, «в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики» [18, с. 81, 96, 354, 589].

И если и К. Поппер, и Ф. Фюре , и Дж. Сорос, и Ф. Фу¬ку¬яма настаивают на «универсализме» западной цивилизации [16-17; 19; 21], то А. Тойнби (как и русские религиозные философы, писатели, марксисты разных оттенков, а отчасти и Фюре) солидарно отмечают, что «самовозвышение… выливаясь в унижение других, приводит к отрицанию равенства человеческих душ» и что «совершив грех отрицания человека в другом… невозможно… не дегуманизировать тем самым самого себя» [18, с. 587; 15; 20; 21, с.22-25, 27- 31].

Но формула, с одной стороны (неважно как это обозначено), «избранные», «британский Израиль», «высшая раса», «золотой миллиард» или «платиновые миллионы», а с другой – в пределе «флора и фауна», – это абсолютно антихристианская формула.И как знак – подтверждение тому: скажем, будучи гораздо последовательнее, нежели К. Поппер, Дж. Сорос признаёт, что для Запада «очень трудно возводить систему ценностей на фундаменте личности», ибо «человек – самая слабая единица из всех составляющих [открытое] общество» [17, с. 95]. Но если следовать логике сказанного, то получается, что без этой «самой слабой составляющей» на выходе почти совершенное «открытое общество». Правда, очень уж «оригинальным» выходит такое общество. Впрочем, «оригинальность» в кавычках, если речь о человеке и обществе, а не о постсоциальности, не о постчеловеке…

Вместе с тем П. Бьюккенен очень остро и сильно обозначил негативные тренды фактически постмодернистских наработок и практик своих «оппонентов», эффективность их негативно-трансформирующего воздействия на общество, на людей.

Однако не обнаруживается или не акцентируется им, что это отражение постмодерна бытийственного. И что пока сама бытийственность/реальность постмодерная, будет и культурный, теоретический постмодерн (хотя бы по формуле Ж. Бодрийяра). Да, автор говорит о возможности справедливой революции/контрреволюции, о желательности низложении деструктивной власти, но, похоже, если речь и о революции, то исключительно политической, консервативной по поводу смены глобалистов на консерваторов без посягательства на основы – социально-экономические, прежде всего. Зато проблема наций, этнических образований, национальных государств поставлена в работе так, что сразу привлекла внимание широкого круга заинтересованных исследователей и политиков, особенно консерваторов (в частности российских).

Представляется, что опора на освоенные постнеклассические познавательные требования и установки: учёт современного Вызова времени или требований Мегасистемы (что в переложении на историческое познание означает обращение к историософским построениям) могла бы достаточно позитивно сработать и в данной ситуации как относительно судеб Западной цивилизации, так и Российской [7; 10-11; 24-25]. Вместе с тем национально-этнический срез темы объективно оказался сопряженным с синергетическим подходом к социумам как сложноорганизованным нелинейным системам с их внутренними тенденциями развития – ментальностью или культурными кодами, отчасти – и с должным соотношением последних и «управляющих воздействий» относительно них. Особенности нынешней «эпохи осознанной необходимости» (или «эпохи проектов делания истории», «эпохи совершеннолетия человечества») обнаруживают острую актуальность национально-этнической проблематики в соотношении её с историософскими и философско-, религиозно-, историко-антропологическими сюжетами. И это предмет отдельного разговора, целого спектра изысканий при удивительной продуктивности обращения при этом к материалам отечественной бытийственной и познавательной исторической практики [8; 9; 13; 15; 22; 23].

Список литературы

[1] Агирре Рохас К.А. Критический подход к истории французских «Анналов». М.: Кругъ, 2006. 336 с.

[2] Бьюккенен П.Дж. Смерть Запада: чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации. Б.м.: Азбука веры. Художественная литература, 2022. 205 с. - https://azbyka.ru/fiction/wp-content/uploads/bg_forreaders/smert-zapada_1762.pdf // дата обращения: 19.04.2022

[3] Валлерстайн Им. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.

[4] Валлерстайн Им. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: "Логос", 2003. 368 с.

[5] Валлерстайн Им. Ленин и ленинизм завтра и послезавтра // http: //expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra /дата обращения: 11.02.2013

[6] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 804, [1] с.

[7] Вербицкий М. Оживить Вселенную // Завтра. 2005. № 43(623). С. 8.

[8] Князева М. Кризис. Черная культура. Светлый человек. М., Норма, 1999. 32 с.

[9] Кожинов В. О русском самосознании: в какой стране мы живем? // Наш современник. 2007. № 7. С. 230-257.

[10] Лапшин А. Исчерпанный дискурс // Завтра. 2004. № 3(530). С. 3.

[11] Лапшин А. Пирамида и круг // Завтра. 2004. № 15(542). С. 4.

[12] Лимнатис Н. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия: филос. и соц.-полит. анализ. М.: Экономическая демократия, 2000. 216 с.

[13] Макдональд Д. Масскульт и мидкульт: пер. с англ. // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. М.: Советская Россия, 1990. С. 243-275.

[14] Назаретян А. П. «Столкновение цивилизаций» и «конец истории» // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 140-146.

[15] Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.

[16] Поппер К. Открытое общество и его враги: пер. с англ.: В 2 т. М., 1992.

[17] Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу: пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 220 с.

[18] 18.Тойнби А. Постижение истории: сб.: пер. с англ. М.: Прогресс, [1990]. 730 с.

[19] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-147

[20] Фурсов А.И. На пороге нового мира - есть ли субъект стратегического действия? или Железные требования исторического процесса http://andreyfursov.ru/news/na_poroge_novogo_mira_est_li_subekt_strategicheskogo_dejstvija_ili_zheleznye_trebovanija_istorichesko-go_processa/2011-03-13-8- (дата обращения 13.03.2012)

[21] Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. / [пер. с фр. В. И. Божович]. М.: Ad Marginem, 1998. 640 с.

[22] Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. А. Башкирова]. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 635 с.

[23] Шабатура Л. Н. Онтогенез традиции. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та. 2002. 263 с.

[24] Шепелева В.Б. 1917-й год в контексте постнеклас¬сических поисков. Вопросытеориииметодологии. Кн 1. Saarbrucken: LAP: Lambert Academic Publishing,2012. 230 с.

[25] Шепелева В.Б.Неклассика, постмодернизм, постнеклассика и отечественная познавательная практика // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 32. М.: ЛЕНАНД, 2010. С.355-372.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Локальное и глобальное в национальном нарративе народов Сибири и Дальнего Востока

УДК 39(397.4)

«Оленные люди» на вечной мерзлоте: практики ментального освоения Севера

Алексеева Сардаана Анатольевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ФИЦ «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН, г. Якутск, Россия.
alexeeva_sar@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4184-8086

АННОТАЦИЯ Впервые в рамках антропологического дискурса по новой для отечественной гуманитарной мысли проблематике антропологии холода проводятся исследования ментальной «северности»\ северной этнической ментальности Человека на вечной мерзлоте на примере региональных этнических традиций локальных групп коренных малочисленных народов Севера Якутии и сопредельных территорий. Прослежено ментальное освоение территории Севера на всем протяжении так называемого «русского присутствия» на Северо-Востоке РФ (особенности преобразования ментального пространства в контексте имперского дискурса); показано, что территории Северо-Востока России в целом представляли собой единый текст «воображаемого пространства» Севера, наложенного на карту административных границ Российского и Советского государства. На основе использования методов когнитивной антропологии выделены особенности ментального пространства в разных этноландшафтных зонах Якутии как подвижной знаковой системы, по разному функционирующей в зависимости от контекста высказывания и рецепции» (по Д. Шартье).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ментальность, коренные малочисленные народы Севера, картина мира.

В рамках коллективной Институтской НИР по новой культурно-интеллектуальной история нами изучена методология совокупности традиционной картины мира индигенных этнических сообществ, обоснованная Л.П. Репиной, которая рассматривает «ментальную программу», включающую в себя аутентичное наследие Севера, в режиме длительной временной протяженности, с учетом процесса и эффекта кросстемпоральных взаимодействий, ярко проявленную в едином культурно-интеллектуальном пространстве в форме продолжающейся серии коммуникаций между автором и последующими поколениями читателей и интерпретаторов [7, с. 9]. Речь идет об исследовании исторически определенной общекультурной «почвы» (базовых идей, представлений, ценностей, стереотипов, символов, мифов, различных элементов «ментальной программы»).

Изучена концепция ментального освоения Севера, на основе междисциплинарной методологии новой культурно-интеллектуальной истории проведен анализ формирования и изменения ментального комплекса жителей «холодного мира» в разных этноландшафтных зонах Северо-Востока РФ, рассмотрены изменения ментального ландшафта Севера как совокупности традиционной геокультурной «картины мира» этнических сообществ, прослежено ментальное освоение территории Севера на всем протяжении так называемого «русского присутствия» на Северо-Востоке РФ. Как отметил Д.Н. Замятин, на уровне ментальности геокультуры циркумполярной зоны можно характеризоватькак “гибридные”, именно в этих районах интенсивно шли связанные с освоением минеральных богатств процессы глобализации [7, с. 2].

Освоенное ментально пространство формирует соответствующие представления о человеке, его месте и роли, поведения, ценности, транслируемых из поколения в поколение. В этом свете логично исследование адаптивных ресурсов человека не только в физическом, но и ментальном ракурсе, формировавших особую модель адаптации.

Выявлено, что территории Северо-Востока России в целом представляли собой единый текст «воображаемого пространства» Севера, наложенного на карту

административных границ Российского и Советского государства. «Совокупность дискурсов о Севере, зиме и Арктике, которые мы можем проследить как в плане синхронном (для данного периода), так и диахронном (для конкретной культуры), дискурсов, созданных разными культурами и в разных формах, накопленных на протяжении веков согласно двойному принципу синтеза и конкуренции2, образуют то, что можно назвать воображением Севера. Речь идет о множественной и подвижной знаковой системе, по-разному функционирующей в зависимости от контекста высказывания и рецепции» [9, с. 14].

Выделен культурный код ментальной «северности», отличающийся особым видением и пониманием мира, трепетным отношением к Природе, к окружающей среде, что обусловлено как региональными особенностями традиционного мировоззрения коренных малочисленных народов Севера Якутии (эвенов, эвенков, юкагиров, долган, чукчей), представлений об устройстве мира и роли человека в окружающем его пространстве, так и экстремальными условиями проживания на Севере в условиях вечной мерзлоты.

Необходимо отметить, что для жителей холодных территорий фактором объединения и отличия от других является понятие «северность» (nordcite), впервые предложенный канадским географом Луи Эдмоном Амлером. Он утверждает, что «северность» - это особый образ жизни, характеризующийся следующими определенными признаками: 1) понимание северных условий, 2) способность приспособиться к ним, 3) понимание того, что каждый действует в соответствии с этими условиями [10]. В нашем случае фактор «северности» является неотъемлемой частью идентичности КМНС м важной деталью в построении представлений о севере. «Чувство национальной или региональной идентичности тесно связано с коллективной памятью, взглядом нации на физические свойства пейзажа, особенно на картинные, картографические и текстовые репрезентации родной страны [11]. Превращение пространства в место, выработка чувства места – это универсальная человеческая потребность и неизбежный результат различных (взаимо) действий, включающих в себя манипулирование «природой» через развитие сельского хозяйства, архитектуры и ланшдшафтных работ, а символически – через такие действия, как изображение, рассказ и память. Таким образом, места становятся известные одновременно чувственно и интеллектуально [12]. Территория идентичности – Север определяет не только периферийную область освоенного пространства, но и становится консолидирующим элементом местных сообществ КМНС.

Концепт «Север» в картине мира КМНС позволяет увидеть отражение ментальных представлений эвенов и эвенков, в смысловой контекст слова «север» проецированы концепты, связанные с холодом. «Концепт мы определяем как содержательную сторону словесного знака (значение), за которой стоит идея, понятие, определяющее существенные свойства реалий и явлений, включающее его исходную форму (этимологию), историю, эволюцию содержания и современные коннотации» [13]. Так, в эвенском языке холод – инэнь, инэньси; холодный – 1) (о воде) гилси; 2) (о погоде) инэньси [14, с. 226-227]. Названия севера и юга, судя по языковым данным, были связан с направлением ветром: юг – ниямгида (от ням – тпело) и север – ингэньгидэ (от иньгэнь – стужа, холод, мороз) [15, с. 126]. В представлениях тунгусов север – это холод, темнота (север – дурная сторона). Северная сторона – долбони ассоциировалась с темнотой, ночной порой, смертью, не случайно именно на северную сторону родственники умершего вывешивали личные принадлежности усопшего, потусторонний мир воспринимали как страну мертвых, находившуюся где-то далеко на севере.

Хотя пространство Севера всегда воспринималось как холодный, далекий, нежилой, замороженный, как край вечного безмолвия и «снежная пустыня», мифы, предания и легенды жителей холодных территорий разрушают эти стереотипы, демонстрируя

«наполнение» и «жизненность» пространств. «Языковая картина мира жителей арктического региона не имеет обозначения «пустота» для описания северной Земли, архаичная мифология народов Севера содержит синкретические образы, в которых сливаются природный объект и его «дух», где мир реальный и мир сакральный есть одно протяженное пространство [16].

Север – пограничье человеческого и сверхчеловеческого, «этого» и «иного» мира и не может восприниматься только как географическое местоположение. Николай Теребихин специально подчеркивает, что Север: «никогда не являлся чисто географической категорией, ориентирующей человека в физическом пространстве Земли. Север – это метафизическое явление, существующее в «ином» плане бытия, в ином измерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхождения через себя, достигаемом в мистическом озарении [...] Стихия Севера открывается человеку лишь в состоянии особого синергийного настроя его души, в экстатическом устремлении, в мифопоэтическом творчестве. Поэтому неслучайно, что Север – это край Поэтом и Шаманов, творцов и хранителей его заповедей, сокровенной тайны [17].

Север как воображаемое место предстает отдельным произведением искусства в творчестве талантливого современного эвенского поэта-оленевода Михаила Колесова, который в 2014 г. буквально ворвался в литературный мир России. В его произведениях рефлексируются авторские образы ментального ландшафта, показано восприятие коренными этническими сообществами географической среды проживания (восприятие Севера и культурные представления о Севере), отношение человека к природе и его место в ней, которые формируют способы представления и комплекс мировидения, «северную» ментальность в целом. Мифопоэтические традиции коренных малочисленных народов Севера всецело отражают гибкость и восприимчивость «северной» ментальности.

Мне снилось - я был снег
Мне снилось - я был снег...
пушистый, невесомый,
я осыпался с утренних небес
сквозь эхо чистоты на лик Земли,
в предзимье одиночества, у гор.
Скрывая в сердце радостный простор
Мне снилось - я был снег...
холодный, равнодушный
я не поднялся к Млечному пути
с тяжелых холодов, и вой пурги
срывал с моих ладоней словно дым,
негромкое тепло твоих следов,
под злобный смех безжалостных богов
Мне снилось - я был снег...
Усталый и веселый, я улыбался
солнечным ветрам,
весенней вышине шептал стихи
искрился и мечтал у ног любви,
и верил в красоту и мир, я жил
и девушкам подснежники дарил.
Мне снилось - я был снег...
я таял, навсегда.

М. Колесов

Таким образом, в исследовании на основе использования междисциплинарной методологии новой культурно-интеллектуальной истории реконструировано формирование и изменения ментального ландшафта Севера как совокупности

традиционной геокультурной «картины мира» этнических сообществ, прослежено ментальное освоение территории Севера на всем протяжении так называемого «русского присутствия» на Северо-Востоке РФ (особенности преобразования ментального пространства в контексте имперского дискурса); выявлено, что территории Северо-Востока России в целом представляли собой единый текст «воображаемого пространства» Севера, наложенного на карту административных границ Российского и Советского государства. Отмечается наличие устойчивых историко-культурных связей между коренными народами (якуты, эвенки, эвены, чукчи, юкагиры, долганы, русские арктические старожилы), проживающими издревле на этих холодных территориях. «Воображение Севера» в данной работе рассматривается в рамках концепции Д. Шартье в свете различных дискурсов («извне») и, прежде всего, опыта, созданного северными культурами в разных формах и проявлениях («изнутри»).

Проанализированы особенности ментального пространства в разных этноландшафтных зонах Севера как «множественной и подвижной знаковой системы, по разному функционирующей в зависимости от контекста высказывания и рецепции» (по Д. Шартье) на основе использования методов когнитивной антропологии, в результате выделен культурный код ментальной «северности», отличающийся особым видением и пониманием мира, трепетным отношением к Природе, к окружающей среде, что обусловлено как региональными особенностями традиционного мировоззрения коренных малочисленных народов Севера Якутии (эвенов, эвенков, юкагиров, долган, чукчей), представлений об устройстве мира и роли человека в окружающем его пространстве, так и экстремальными условиями проживания на Севере в условиях вечной мерзлоты.

Историческое осмысление интеллектуальной истории на Северо-Востоке России диктует изучение ментальных практик и бытийного кода Севера как коллективного опыта взаимодействия человека с окружающей средой, аутентичной картины мира в местных сообществах, восприятия Севера коренными (индигенными) народами как особого текста «переживания» холодной земли.

Список литературы

[1] История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. 255 с.

[2] Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискурсы, новые подходы. М., 1989. С. 75-89.

[3] Лотман Ю.М. 154. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Академ.проект, 2002. 544 с.

[4] Романова Е.Н. Гуманитарное измерение холодного мира: интеграция науки и культуры [Электронный ресурс] URL: https://www.svfu.ru/universitet/ rukovodstvo-i-struktura/ vspomogatelnye-podrazdeleniya/ obshchestvennye-organizatsii/ presidium (дата обращения: 05.10.2021).

[5] Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Конец XIX – начало XXI вв. // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2018. № 3. С. 28-34; Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Былые годы. 2018. № 4. С. 1601-1611.

[6] Shirokogoroff S. Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935. 268 p.

[7] Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2008. 800 с.

[8] Лавренова О.А. Книга о геокультурах Арктики \\ ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ. 2018. № 6. С. 128-132.

[9] Шартье Д. Что такое воображение Севера? Этическиепринципы. Harstad, ArcticArtsSummit\ Montreal, Imaginare\Nord, “Isbers”, 2018. 163 с.

[10] Canada's Ethnocultural Mosaic, 2006 Census: National picture. More than 200 different ethnic origins [Электронныйресурс]. – Режим доступа: http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2006/as-sa/97–562/p2-eng.cfm

[11] A. Jaworski & C. Thurlow (eds). Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. L.: Continuum, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gefter.ru/archive/5322

[12] Entrikin J.N. The Betweenness of Place: Towards a Geography of Modernity. Baltimore: John Hopkins University Press, 1991. 96 p.

[13] Словарь эвенско-русский и русско-эвенский\В.А. Роббек, Х.И. Дуткин, А.А. Бурыкин. СПб: отд-ние изд-ва “Прсовещение”, 1999. 271 с.

[14] Романова Е.Н., Добжанская О.Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 6-12.

[15] История и культура эвенов. СПб: Наука, 1997. 179 с.

[16] Шведова Н. Русский язык: Избранные работы. Москва, 2005. С. 603; Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Москва, 1997. С. 40-76.

[17] Теребихин Н. Лукоморский миф и Бьярмийская сага // Теребихин Н. МЕтафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 140.

УДК 374.7(571.56)(091)

Культурно-просветительные сообщества Якутии: формирование интеллектуальной культуры и коммуникаций (вторая половина XIX–1917 г.)

Антонов Егор Петрович
Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических исследований ФИЦ «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН, г. Якутск, Россия.
Antegor@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-8366-7836

АННОТАЦИЯ В статье речь идет о деятельности кружка любителей музыки и литературы, созданного чиновниками Ленского края во второй половине XIX в., в котором сформировались представители якутской интеллигенции, как композитор М.Н. Жирков. Рассмотрены также история Благородного собрания, представлявшего собой культурное сообщество губернской элиты губернии, где проводились театральные постановки, лекции, работала библиотека, а также Клуб приказчиков, объединявший представителей местных служащих, интеллигенции, политссыльных и учащихся, где ставились постановки не только классической, но и революционной направленности. Как результат I русской революции показан процесс формирования и развития национальных просветительных сообществ «Сырдык» и «Саха аймах», акцентировавших внимание на национально-культурном возрождении — литературной деятельности, постановки спектаклей, издательстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА интеллектуальные сообщества, кружки, интеллектуалы, политссыльные, уставы, цензура

На рубеже XIX–XX в. при отсутствии земских учреждений центрами духовно-интеллектуальной жизни в Якутской области являлись культурно-просветительные объединения, где происходила самоорганизация активной и образованной части населения. Структуру интеллектуального сообщества определяли различные формы коммуникации, интеллектуального взаимодействия, информационного взаимообмена идеями, символами, идеологиями, текстами, программами, мыслями. Архетипы интеллектуального взаимодействия возникали в семейном кругу, окружении родственников, соседей, друзей, объединенных общими интересами, предпочтениями и занятиями. Интеллектуальные коммуникации — это не только создание и обмен текстами, мыслями, идеями, а также круг чтения, дискуссии, лекции, издательская деятельность, журналы [5, с. 59, 63].

В 1863 г. в г. Якутске был организован кружок любителей музыки и литературы. Вице-губернатор Якутской области П.П. Осташкина, прокурор Н.С. Макарова, статский советник К.Е. Финистов и др. на основе уставов Иркутского театра и Нерчинского кружка любителей музыки и литературы составили якутский проект устава. После согласований министр внутренних дел Российской империи утвердил 10 мая 1891 г. устав Якутского кружка любителей музыки и литературы [6, с. 178-180]. В начале XX в. членами правления состояли: Н.Н. Москвин (председатель), Н.А. Ожигов (заместитель председателя), Л.П. Широкова, М.М. Виленская, И.А. Рогожин, И.М. Рукавишников, Н.Е. Олейников и А.Д. Широких. В 1908 г. насчитывалось 48 членов кружка [3, с. 81-82].

Свою культурно-просветительную деятельность кружок начал распространять по округам Якутской области. Так, в г. Вилюйске устав кружка любителей драматического искусства был внесен в реестр обществ и союзов 7 марта 1915 г. Его учредителями выступили дворянин Б.В. Сивицкий, исполняющий должность инспектора Вилюйского высшего начального училища И.В. Попов, хорунжий Д.Н. Жирков и др. Событием в культурной жизни г. Вилюйска стало создание в 1909 г. М.Н. Жирковым из горожан

струнного ансамбля [12, с. 83-85]. Как видим, культурная среда возникла не только в г. Якутске, но и в округах, что благотворно способствовало приобщению жителей к литературе музыкальному искусству и театру.

Салонно-кружковая жизнь остается «невспаханным» полем микроисторического анализа культурно-интеллектуальной истории, изучения «литературного быта», стиля жизни интеллектуалов, их окружения, борьбы литературных партий, а также интеллектуальных движений [5, с. 75]. В 1879 г. в Якутске было открыто Благородное собрание, членами которого состояли представители зажиточных слоев горожан из числа чиновников, купцов, домовладельцев, учителей, численность которых к 1907 г. составляло 70 чел. Учащимся, рабочим, солдатам и политссыльным вход разрешали только на благотворительные акции или специально организованные мероприятия. В Благородном собрании по выходным устраивались танцы, игры, лотереи, благотворительные мероприятия, изредка лекции, спектакли, каждый день — игры в карты, бильярд, горячие обеды, летом — пикники и т. п. Выступали там же гастролеры из других городов России. С 1898 г. в Благородном собрании работала бесплатная библиотека с читальным залом [10, с. 93-95].

Интеллектуальные сообщества возникали из социально-однородных элементов — просвещенного дворянства, чиновничества и др. [5, с. 65]. В бурные месяцы революции 1905 г., в г. Якутске под влиянием политссыльных возник клуб Общества взаимопомощи приказчиков (Клуб приказчиков). Объединение сформировали служащие торговой фирмы «Коковин и Басов», среди которых стоит отметить А.А. Семенова. Среди членов были не только чиновники и учителя, но даже политссыльные. В 1908 г. клуб располагался в здании, где могло вместиться до 500 чел. В двух комнатах имелась библиотека с читальным залом, которая не работала, хотя получила лично от М. Горького пять ящиков книг [11, с. 49, 50; 4, с. 108, 112]. В целом клуб приказчиков был настроен оппозиционно в отношении местной администрации и крупному купечеству, которые, в свою очередь, не посещали клубных мероприятий. В отличие от элитарного Благородного собрания численность Клуба приказчиков быстро возрастала [11, с. 50; 4, с. 110].

В клубе сформировался сильный коллектив любителей драматического искусства в составе: М.А. Бушуевой, С.И. Ковынина, В.С. Панкратьева, М.В. Сабунаева, И.В. Эверстова и др. На сцене общества ставились традиционные спектакли А.Н. Островского, А.П. Чехова, а также революционного характера М. Горького, Л.Н. Андреева, А.А. Вермишева. На сцене ставились пьесы на идиш, посвященные повседневной жизни еврейского народа, пользовавшиеся огромным успехом среди евреев. Тогда же начались постановки спектаклей на украинском языке. В еврейских пьесах и украинских с еврейскими ролями часто выступал ссыльный М.В. Сабунаев, знавший древний и современный идиш [11, с. 50-51; 4, с. 116-117].

Культура Российской империи до установления власти большевиков была «литературной насквозь», что предполагало активность обществ и кружков в культурной, общественной жизни и литературном процессе не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и провинции. С имперского периода кружки проводили свои мероприятия в виде «четвергов» Н.И. Греча, «пятниц» В.А. Жуковского, «суббот» С.Т. Аксакова и др. [5, с. 68, 69, 71].

Также и в Якутии на «субботках» клуба приказчиков организовывались семейные вечера с разнообразной программой: танцами, играми, лекциями, спектаклями, маскарадами. Успехом пользовались якутские маскарады, где национальные костюмы участников отражали историю, мифологию и быт народа — это «Древняя могила якутов», «Бог охоты у якутов», «Женщина, приготовляющая кумыс» и др. В клубе приказчиков устраивались такие публичные лекции [11, с. 50, 51].

В феврале 1903 г. группа преподавателей светских и духовных учебных заведений г. Якутска обратилась к якутскому губернатору с просьбой об организации в г. Якутске

народных чтений. С целью образования Общества по устройству народных чтений возникла комиссия, которая взяла за основу своей устав аналогичного объединения г. Иркутска. В 1904 г. членами общества состояло 40 чел. Чтения проводили в помещениях городской думы и Благородного собрания. Вслух читали произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Д.В. Григоровича и др. Активно работало музыкальное отделение: играл оркестр, граммофон, действовал «волшебный фонарь» (деревянный или металлический аппарат для проекции изображений, этап в развитии кинематографа), выступал хор и др. С началом революционных событий 1905 г. чтения приобрели политическую окраску и поэтому в 1907 г. Общество по устройству народных чтений было закрыто [9, с. 98-100].

Механизм создания интеллектуального сообщества связан с появлением лидера или организационного ядра, которое кристаллизуется из семейного или дружеского окружения, кружка друзей. В культурном сознании на протяжении длительного времени создавался и культивировался миф об интеллектуале как носителе национальной идеи, историческая и моральная миссия которого заключалась в пробуждении самосознания народа. У истоков национально-культурного движения находились такие харизматические лидеры, как общественный деятель, издатель, публицист, писатель В.В. Никифоров. Носителями культурно-национальных ценностей и традиций, активной гражданской позиции выступали известные роды Оросиных, Афанасьевых, Ксенофонтовых, Тимофеевых-Терешкиных и др. [5, с. 62, 65, 59].

Царская администрация стремилась согласовать направление и содержание работы культурно-просветительных обществ с основными принципами государственной политики в области просвещения и культуры, а также не допустить превращения просветительных обществ в арену деятельности революционных сил [7, с. 175, 215].

В.В. Никифоров активно инициировал с 1905 г. открытие «Общества распространения просвещения среди якутов», или «Общество просвещения» (Сырдык). Здесь следует заметить, что впервые якутские интеллектуалы использовали в названии своего объединения национальный якутский термин, что свидетельствовало о стремлении их формировать национальную идентичность. Проект устава общества составили политссыльный В.М. Ионов, В.В. Никифоров и Н.Е. Афанасьев [1, с. 28]. Главным содержанием своей деятельности общество провозгласило выявление и публикацию образцов устного фольклора, письменных и произведений якутских авторов, переводной литературы, организацию музея, библиотеки, открытие Инородческого клуба [1, с. 28].

С трудом удалось зарегистрировать это якутское объединение, так как чиновники опасались, что «просвещение приносит лишь вред инородцу, способствуя к возникновению непочтения к начальству». Председателем правления избрали И.С. Говорова, его заместителем В.В. Никифорова, членами И.А. Попова, В.Ф. Артамонова и казначеем И.Г. Васильева [1, с. 28; 8, л. 4]. В клубе действовала труппа актеров-любителей, работавших на общественных началах. Осенью 1906 г. состоялась поставка драмы В.В. Никифорова «Манчаары түөкүн», посвященная излюбленному герою преданий, бунтарю, выразителю интересов бедноты, якутскому «Робин Гуду», олонхосуту (певцу-сказителю древнего эпического искусства якутов олонхо). Роли в «Манчаары» исполнили члены Общества распространения просвещения: А.Е. Кулаковский, М.Н. Андросова-Ионова, Н.Ф. Афанасьев, Е.Н. Аверинская, Т.В. Слепцов [1, с. 29]. Радостная весть о спектакле широко разнеслась по улусам, где ее стали охотно репетировать и показывать. Драма В.В. Никифорова «Манчаары» была опубликована в 1907–1908 гг. в газетах «Якутская жизнь» и «Якутский край». В 1908 г. она была издана на якутском языке в типографии В.В. Жарова. Театральные постановки на якутском языке оказали существенное влияние на пробуждение общественного и национального сознания и стали первым этапом становления национального театрального искусства [1, с. 30].

Если в условиях несвободы духовная энергия российских интеллектуалов была

сконцентрирована на создании религиозно-философских и социально-политических утопий, то культурные усилия интеллектуалов национальных окраин были направлены на поиски национально-политической идентичности. В условиях идеологизации и политизации духовно-интеллектуального бытия происходил процесс трансформации национальной культуры в национальную идею. В культурном сознании на протяжении длительного времени создавался и культивировался миф об интеллектуале как носителе национальной идеи, историческая и моральная миссия которого заключалась в пробуждении самосознания народа [5, с. 60, 62].

«В целях всестороннего изучения Якутской области и пробуждения в аборигенах ее культурного самосознания» в июне 1917 г. было создано культурно-просветительное общество «Саха аймах» (Якутское племя). Активными деятелями общества являлись: С.А. Новгородова (председатель), В.В. Никифоров, А.И. Софронов, Р.И. Оросин, П.А. Ойунский, В.Н. Леонтьев, Т.А. Слепцов, П.Д. Яковлев и др., всего 52 члена. Общество имело филиалы во всех округах, почти во всех улусах и даже за пределами Якутии — в г. Иркутске, где в состав филиала вошли студенты-якутяне [2, с. 49]. Общество состояло из секций театральной, литературной, лекционной, переводческой и секции по собиранию памятников старины и фольклора [8, л. 12].

Как писал инициатор введения массовой письменности на латинице, автор якутского букваря С.А. Новгородов это общество «положило почин» в 1917 г. в создании национальной типографии [2, с. 53]. Помимо харизматических и творческих личностей важной формой письменной и устной коммуникации являлись журналы, переписка и литературные образцы [5, с. 78]. Учащиеся под руководством С.А. Новгородова выпускали рукописный научно-литературный журнал «Сахалыы саҥарыах, ураанҕахайдыы оҥолуйуох" (Поговорим на родном языке). Общество было ликвидировано в августе 1920 г. органами Якутгубчека по обвинению в участии в «оросинском контрреволюционном заговоре». Руководителей «Саха аймах» В.В. Никифоров, Р.И. Оросин и 12 других членов арестовали [2, с. 53].

Таким образом, созданный во второй половине XIX столетия кружок любителей музыки и литературы предназначался для удовлетворения культурных и духовных запросов самих членов из числа чиновничества и интеллигенции Ленского края. Из недр кружка профессионально выросли первые представители якутской интеллигенции, и одним из них был первый профессиональный композитор Якутии М.Н. Жирков. Благородное собрание представляло собой культурное сообществе элиты губернии, где помимо досуга проводились благотворительные акции, театральные постановки, работала библиотека. Для обслуживания культурных потребностей все более расширявшегося круга образованных служащих торговых фирм, политссыльных, учащихся и др. возникает демократический по своему составу Клуб приказчиков, где ставились постановки не только классической, но и революционной направленности. Просветительские сообщества, как «Сырдык», возникшие как прямой результат I русской революции акцентируют свое внимание на национально-культурное возрождение – публичные чтения якутских книг, постановки спектаклей на якутском языке, что вызывало противодействие со стороны имперской администрации, которая пытается регламентировать и запрещать их деятельность, цензоры снимали со сцен произведения «инородцев», усматривая в них антиколониальный подтекст.

Благодарности

Работа выполнена в рамках НИР «Наследие Севера: ментальные, культурные и интеллектуальные практики освоения. Опыт столетий (междисциплинарные исследования)» (рук. Е.Н. Романова). Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании центра, приобретенном по гранту №13.ЦКП.21.0016.

Список литературы

[1] АнтологияСаха театра в трех книгах. Книга 1. Отв. ред. А.Н. Жирков. Якутск: Бичик, 2013. 272 с.

[2] Антонов Е.П.«Устав культурно-просветительного общества «Саха аймах» (Публикация документа)» // Якутский архив. 2001. № 3. С. 49-54.

[3] Антонов Е.П. 125 лет со дня основания кружка любителей музыки и литературы // Календарь знаменательных и памятных дат. Сост. Л.Т. Ядреева, ред. А.Н. Иванова. Якутск: Бичик, 2016. 184 с.

[4] Афанасьев Николай Егорович. Отв. ред. П.П. Петров, сост. Д.Ф. Наумов, Н.Н. Ефремов. Якутск: Бичик, 2011. 336 с.

[5] Колесник И.И. Интеллектуальное сообщество»: сетевой анализ // Диалог со временем. 2008. Вып. №25-1. С. 55-86.

[6] Крылова В.К. «Кружок любителей музыки и литературы может улучшить общественную нравственность и объединить творческие личности» // Исторический архив. 2018. №2. С. 178-188.

[7] Попов Д.И.Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 512 с.

[8] Рукописный фонд ИГИиПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 100.

[9] Сергеенко Е.А. Общество по устройству народных чтений в городе Якутске и Якутской области // Якутский архив. 2004. № 1. С. 98-100.

[10] Сергеенко Е.А.Благородное собрание и культурная жизнь Якутска (конец XIX – начало XX века) // Якутский архив. 2004. №2. С. 93-95.

[11] Сергеенко Е.А.Клуб Общества взаимопомощи приказчиков (1905—1917 гг.) // Якутский архив. 2004. №4. С. 49-52.

[12] Сергеенко Е.А.Некоторые аспекты культурной жизни городов Якутской области в конце XIX – начале XX века (на примере Вилюйска и Олекминска) // Якутский архив. 2006. №1. С. 81-86.

УДК 39.394(908)

«Нарратив неволи» и мифопоэтика Вацлава Серошевского

Данилова Наталия Ксенофонтовна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ФИЦ «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН, г. Якутск, Россия.
dan_nataliksen@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3728-5738

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются мифопоэтические образы в творчестве В.Л. Серошевского, транслирующие восприятие «проживания и переживания» пространства.В.Л. Серошевский отражает северную действительность в качестве художественного стиля, который включает разные элементы мрачного романтизма, исторической информации, этнографических описаний и политических сведений. Изучены особенности хронотопа в текстах В.Л.Серошевского, написанных в ссылке как рефлексия «нарратива неволи».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА польские ссыльные, Якутия, воображение пространства, художественные образы, нарратив неволи, мифопоэтика.

Присоединение Сибири к России и появление в имперской географии азиатской ее части является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Г.Н. Потанин трактовал новую историю Сибири как колонизацию Северной Азии: «В Сибири одновременно развивались две колонизации: вольнонародная, шедшая впереди, и правительственная, руководимая воеводами» [8]. Таким образом, колонизационное движение расширяло границы Сибири, открывались и присоединялись одновременно новые территории к Российскому государству, а образ северных территорий terraincognito стал наделяться разнообразными качественными характеристиками.

В геокультурной панораме Сибири образ Ленского края/Якутии как северной периферии с его суровыми климатическими особенностями и широким спектром ландшафтных зон, с момента его вхождения в состав Российского государства транслировал как положительные, так и отрицательные коннотации, при котором важными параметрами конструирования геокультурного образа являлись географические и природно-климатические условия, пестрая этническая мозаика, сложные исторические судьбы, самобытные культуры и языки.

Для изменения общего статуса Сибири в составе империи, ее места в системе экономических, хозяйственных и социокультурных связей государства, в XIX в. началась планомерная разработка программ освоения Сибири, согласно которым «из географического места Сибирь превращается в понятие нравственное, сулящее… желанное обновление» [2,с.213]. Правительственная публицистика XIX в. усиленно развивала «поэтическую формулу Сибири», воспевающую красоту и экзотичность северных территорий. Так, визуальные образы природных и культурных ландшафтов при конструировании позитивного образа становились «репрезентационным экраном окружающего мира»[6, с.14]. Следует отметить, что параллельно шло формирование мифопоэтического образа Сибири как «края земли и страданий», «страны метелей и снегов», где «однообразно дни ведет Якутска житель одичалый», в большей степени благодаря мемуарной и художественной литературе политических ссыльных. К серединеXIX века образ Якутии как «тюрьмы без решеток» и топоса «нецивилизационной

Азии» становится доминирующим мотивом в индивидуально-авторском восприятии пространства в творческом наследии политических ссыльных. Тем не менее, Сибирь и Северный край в том числе, для многих стали плацдармом развития научного и творческого потенциала, а не «проклятой землей». Достаточно назвать имена Н.В. Чернышевского, В.Г. Короленко, В. Богораз-Тан, Н. Виташевского и других. Достойным представителем этой плеяды был и Вацлав Леопольдович Серошевский, написавший вдохновенные слова о северной земле:«Я нашел здесь своеобразную поэзию и много полезных научных сведений»[9].

Действительно, подлинное начало творческой деятельности Вацлава Серошевского было связано с Севером. Народ саха, в силу неизвестных обстоятельств, оказавшийся в далеком северном крае, изумил Серошевского. О них в своем труде «Якуты» Серошевский писал,как о закаленном, легко приспосабливающемся племени, обещающем превратиться в сильный народ[9].

С первых же дней пребывания в верхоянской ссылке, он начинает изучать язык, собирать этнографический и фольклорный материал, которые затем станут основой его фундаментального труда. Конечно же, для молодого Серошевского первоначальная цель была связана с обретениемскорой свободыи неприятием неволи и смирения, и только два неудачных побега вынудили его смириться с реальностью. И здесь, в самом настоящем краю земли, за которым находился Северный Ледовитый океан, где север в силу природно-географических причин являлся местом борьбы за выживание, который требует от человека каждодневного преодоления самого себя на границе мира природы и мира людей, Серошевский принял для себя решения стать «бытописателем Сибири»[10, с.496].

В 1895 г. в Санкт Петербурге вышел его сборник «Якутские рассказы», познакомивший широкого читателя в России с Якутией и образом северного края. Затем, долгое время его якутская проза и научный труд были в недосягаемости. В творчестве Серошевского критики находили проявления шовинизма и национализма, считали, что в них «излишне мрачными красками рисовались картины жизни инородцев, а якуты изображались односторонне, описывались крайне субъективно» [4, с. 127]. Но в 1993 году как «Якуты», так и полный сборник «Якутских рассказов» были переизданы и по-новому переосмыслены. Сейчас, как отметил польский исследователь Витольд Арман, «достаточно только то, что на труд Серошевского ссылаются во всех якутологических работах..., нельзя начать ни одной работы по истории и этнографии якутов, не отталкиваясь от Серошевского» [1, с. 98].

Произведения якутских ссыльных, в том числе В. Серошевского, богаты образами, рождающимися в «вынужденном» путешествии, движущегося из столицы в глубь российской провинции, на «край земли». При этом ссыльный ощущает себя изгнанником, скитальцем, так рождается восприятие путешествия как духовного странничества и страдания[3, с. 58], а «воображаемые» топосы как, например шайтан-тумул (лес дьявола), мыс мертвых, царство застывших озер и лесов, царство зимы, край лесов, полярный лес - кладбище леса, поле битвы, умирающий лес, столица мрачных пустынь (Джурджуй) показывают, что особая чувствительность писателя к месту выливалось в рефлексию на тему «почему я здесь?».

Описание северного ландшафта и отдаленного места выступают в качестве неких проекций внутреннего мира самого Серошевского. Они могут переплетаться с реальными перемещениями, но сопровождаются также мистическими озарениями, символическими знаками, опытом переживания измененных состояний сознания.

Поиски смысла существования, внутренней сущности личности у его героев «мрачных» произведений («Край земли», «В жертву богам», «Предел скорби» и др.)

ярко демонстрируют «ментальное состояние» самого Серошевского. Метафизическое путешествие в «чужой мир» и вживание в их реальности показывают внутренние трансформации «переживаемого пространства» как трансляция «нарратива неволи».

В произведениях В. Серошевского, северная земля подвергается осмыслению в основном через понятие «чужбины» и обретает характеристики и свойства мифологической страны мертвых. Так, в рассказах Серошевского «Осень», «Украденный парень», «Хайлак», «В жертву богам», повестях «На краю лесов», «Предел скорби», «Побег», особую смысловую нагрузку несет образ «края земли», который может интерпретироваться как чужбина, окраина жизни, крайность, конец. Данный ассоциативный ряд порождает отрицательные смысловые параллели: холод, смерть, жизнь, борьба. В свою очередь, из этого смыслового ряда возникают следующие ассоциации: чужой, мрачный, непонятный, застывший, забытый, неподвижный – характеризующие состояние истосковавшегося по родине одинокого героя. Реальное географическое пространство при этом наделяется фантастическими признаками мистического, живущего своей жизнью, ужасающего, призрачного иномирья. Здесь, через страшные условия быта бедняков, медленной смерти больных проказой, картине разложения, тления, полного распада жизни, наблюдается его восприятие Севера в качестве т.н. минус-пространства, как сферы смерти, увядания, конца. Кажется, что само пространство полностью поглощает чужого, постороннего в этом краю, а чувство обреченности и отрицание автором окружающего его пространства выстраивается в «нарратив неволи». Неслучайно здесь красной нитью проходит модус рубежа, транслирующий через сквозные мотивы и образы пограничья в «переживаемом» пространстве, ментальное состояние самого Серошевского. Лейтмотив одиночества, тоска и разлука по своим родным, потерянной родине выражается и через его псевдоним: Вацлав Сирко. Сирко – в переводе с польского означает «серый» - пограничный цвет между белым и черным.

Заключение

Итак, в художественном наследии В. Серошевского «нарратив неволи» связан прежде всего с его личными переживаниями и трансформируется в зависимости от их состояния. От этого зависит и пространственная экзистенция его художественного наследия.

Первые рассказы, написанные во время ссылки на Колыме, показывают противоборство двух оппозиций в мировоззрении Серошевского (цивилизованный – дикий; ссыльный – местный; город – провинция; дом – дорога; побег – обустройство жизни и т.д.). Второй период, начавшийся после ссылки и возвращением на родину, ярко прослеживается в его эпистолярном и художественном наследии, где негативный образ Северного края постепенно меняется. Так, в письмах Г.Н. Потанину, Серошевский часто пишет о своем сожалении, что больше не может посетить Сибирь и об отсутствии возможности показать своим сыновьям сибирские просторы [7, л.1168]. В его «Воспоминаниях»[10]авторский ландшафт уже не обогащен мрачными сравнениями с инфернальными местами, а описывается уже в позитивно-положительном ключеи наблюдается уже другого уровня геопоэтическая рефлексия, в проекции «своего», «родного» мира.Выстраивая ментальную карту своих воспоминаний, Серошевский писал:

> «Интересно, каким образом перелетные птицы узнавали о состоянии снежного покрова и возможности покормиться на севере».

Так, «нарратив неволи» уже моделируется посредством контрастных пространственных характеристик: ее красоты и суровой правды, на пересечении мифа и реальности, бинарных оппозиций свобода/несвобода, добро/зло, далекое/близкое.

Список литературы

[1] Армон В. Польские исследователи культуры якутов. М.:Наука/Интерпериодика, 2001. 172 с.

[2] Головнева Е.В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. №4. С. 211-220.

[3] Десяткова О.В., Городилова Т.С. Культурный ландшафт Вятки в метагеографическом измерении. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 169 с.

[4] ЕмельяновИ.С. Якутские произведения В.Л.Серошевского в контексте творчества писателей-ссыльных конца XIX в. // Ссыльные поляки в Якутии: итоги, задачи, исследование пребывания : сборник научных трудов. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. С. 128-132.

[5] Замятин Д.Н. Географический образ // Гуманитарная география. Вып.4. М.: РНИИКиПН, 2007. С. 273-275.

[6] Калуцков В.Н. Ландшафт в культурно-географических исследованиях // Известия РАН. Серия географическая. 2008. №4. С.11-19.

[7] Письма В.Л. Серошевского (Архив Г.Н. Потанина) // Архив НБ ТГУ. №77/3927-3976.

[8] Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Земля Томская. URL: kraeved.lib.tomsk.ru/page/41/

[9] Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

[10] Серошевский В.Л. Якутские рассказы. М.: Кудук, 1997. 592 с.

УДК 93/94+323.172

«Наше будущее неразрывно связано с золотом»: интеллектуалы, ресурсное воображение и видение будущего в раннесоветской Якутии

Коробейников Александр Сергеевич
Стажёр-исследователь Департамента истории
Центрально-Европейского университета, г. Вена, Австрия.
aleksandrkorobeinikov.spb@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-3191-1187

АННОТАЦИЯ Статья рассматривает логики социально-экономического воображения в раннесоветской Якутии. Открытие Алданских золотоносных месторождений в 1924 году способствовало формированию дискурса «будущего» среди якутских интеллектуалов, которые разрабатывали различные видения будущего развития республики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Якутская автономия, интеллектуалы, золото, ресурсное воображение, будущее.

Прогнозирование или воображение потенциальных событий – это жанр, в котором можно представить себе будущее развитие государства в целом или региона в частности и найти способы его реализации. В то время как утопические и ориентированные на будущее видения были чрезвычайно популярны во время имперской революции 1917 года, в 1920-е годы – время активного строительства социализма на постимперском пространстве – было не меньше идей о том, как лучше организовать различные аспекты жизни в раннем СССР [16]. Вместо традиционного определения утопии как бесплодных фантазий о совершенстве, этот утопизм появился как радикальное переосмысление возможностей – так называемый раннесоветский "период возможностей" [15] – как пространство революционного переосмысления прошлого и как творческая (как физическая, так и интеллектуальная) деятельность не только среди центральных, но и также среди местных акторов. Хотя в своих попытках реконструировать историю раннего советского строительства нации и автономии современная историография не обращала особого внимания на региональные вариации государственных проектов, это не означает, что не существовало альтернативных реакций на проекты центра в местном измерении.

В этой статье я рассматриваю, как якутские интеллектуалы использовали знания о Якутии и ее природных ресурсах, чтобы представить будущее (социальное, экономическое и промышленное) развитие республики. Как интеллектуалы применили свои знания о Якутии и какие меры они предприняли, чтобы приблизить Якутскую АССР к ее воображаемому промышленному будущему? Чем видение и проекты центра отличались от локальных? Какую роль сыграло золото в эволюции якутской субъектности (региональной идентичности) в 1920-е годы? Каковы были причины, по которым Якутия не стала промышленно развитой республикой в раннесоветский период? Я настаиваю на том, что конъюнктура раннесоветского "периода возможностей" позволила якутским местным деятелям представить будущее развитие региона, а также попытаться привлечь внимание Москвы к Якутии и реализовать свои идеи в контексте советской национальной политики [14. p. 988]. Несмотря на то, что существовали местные оппозиционные группы, которые критиковали официальную советскую политику в Якутском регионе и даже восстали против нее в 1920-е годы [6], предложенная ресурсная модель будущего казалась почти безальтернативной, поскольку якутские деятели была единственной влиятельной группой в регионе, способной предлагать

проекты будущего развития, инициировать и организовать научные исследования в регионе, использовать знания для индустриализации и экономического роста. В то же время, оставаясь по-прежнему "страной изгнания" в массовом постимперском восприятии, Якутская АССР и ее интеллектуалы могли рассчитывать на богатство природных ресурсов, чтобы подтвердить свою значимость в качестве равноправного участника советского проекта.

Якутский "период возможностей" начался в 1925 году, сразу после открытия Алданских месторождений золота и запуска Комплексной экспедиции по изучению производительных сил Якутской АССР [8. с. 21-30]. Он завершился к 1929 году, когда политика массивной индустриализации привела к централизованному подходу к управлению государством, в котором все меньше оставалось пространства для местной инициативы. Якутский "период возможностей" характеризовался высоким уровнем региональной интеллектуальной активности в отношении будущего Якутии, переговорами о государственном планировании между якутскими и центральными властями, а также интенсивными межрегиональными дискуссиями о границах Якутии между московскими, сибирскими, дальневосточными и якутскими акторами.

1925 год стал поворотным моментом для якутской автономии и ее ведущих представителей интеллектуалов. В первом номере социально-экономического и краеведческого журнала "Хозяйство Якутии" с гордостью говорилось, что "хронологию экономического возрождения Якутии придется начинать с 1925 года" [5. с. 3]. Редакция отметила ровно три причины для этого. Во-первых, ожидалось, что создание мощного золотодобывающего предприятия на Алдане сыграет огромную роль в "возрождении основ" якутской экономики. Во-вторых, строительство грунтовой магистрали, соединяющей Якутию с Дальним Востоком и Амурской железной дорогой, наряду с прокладкой новой телеграфной линии в том же направлении, предоставило ЯАССР пространство для межрегионального экономического и социального сотрудничества. В-третьих, начало Комплексной экспедиции предоставило якутским акторам возможность в течение нескольких лет получать знания о производительных силах природы Якутии. Маским Аммосов и другие якутские акторы, несомненно, верили, что все эти факторы подразумевают безоблачное будущее для Якутии и ее экономической и социальной жизни [3].

Поскольку к 1925 году язык и риторика о якутском золоте уже существовали, Аммосову и другим интеллектуалам было нетрудно использовать знания о золотодобыче для формирования дискурса будущего. Дискурс как способ упорядочивания реальности, зафиксированный в языке, и как способ видения мира, выраженный в широком разнообразии не только вербальных практик, был важным инструментом для якутских акторов не только для отражения их социально-экономических видений, но и для выработки социально приемлемых способов видения и интерпретации "новой реальности" якутского региона [13]. Они надеялись убедить не только жителей Якутской АССР, но и прежде всего центр в необходимости экономического и социального развития Якутии. Местные газеты, журналы и отчеты о встречах были переполнены информацией о добыче золота и ближайшем будущем Якутской республики. Из-за больших ожиданий от золотодобычи интеллектуалы даже назвали этот период "предысторией промышленного развития Якутии" [1. с. 34]. В серии публикаций, посвященных Алдану и Якутии, Аммосов намеренно представил историю золотодобычи как местное якутское и общесоюзное явление, которое могло бы "заполнить пробелы в неисследованной Якутии" и "обеспечить Советский Союз новыми источниками огромных богатств" [2. с. 105].

Опора на науку и производство знаний была отличительной чертой модели будущего якутских интеллектуалов. Основываясь на геологических отчетах Комплексной экспедиции (в частности, отчетах геолога и инженера В. Зверева) [9], якутские

акторы объявили, что "впервые научно-технические исследования утверждают, что перспективы промышленности региона идеальны и что Алданский золотоносный район имеет большие будущее" [1]. Для самих интеллектуалов якутские ресурсы не были проклятием, они были благословением для индустриализации, экономического богатства, культурного и научного развития региона [7, с. 124]. Видение будущего, которое они связывали с Якутской АССР, было основано на новых знаниях о ресурсах (в первую очередь о золоте), развитии горнодобывающей промышленности (в первую очередь о добыче золота), развитии сельского хозяйства, создании собственного бюджета Якутии и возможности самостоятельно решать социальные и культурные вопросы, находясь одновременно в тесном контакте с центром. Они представляли себе Якутию важным экономическим игроком в советской или даже международной золотодобыче, поэтому "индустриализация" и "будущее" были ключевыми словами для интеллектуалов:

...главным достижением является развитие золотодобывающей промышленности, прокладывающей путь к индустриализации Якутии. У советской Якутии есть все основания радостно смотреть в будущее. Братская помощь всех народов СССР, внутренние силы самого возрождающегося населения и, самое главное, природные ресурсы региона, эксплуатация которых уже началась и будет развиваться более интенсивно, дают уверенность в том, что на международной арене советская Якутия добьется еще больших успехов в будущем [4].

Работа Комплексной экспедиции значительно расширила знания о количестве природных ресурсов Якутии. Алданский регион со временем превратился в зону промышленной добычи золота. В целом, получение знаний о природных ресурсах Якутии помогло якутским деятелям выработать новые идеи и видения экономического и промышленного развития региона. В то же время 1920-е годы были периодом, когда амурские золотодобывающие участки начали постепенно истощаться, что побудило дальневосточных акторов искать новые месторождения для добычи золота. Слухи об открытии золотых залежей на Алдане быстро дошли до старателей амурских приисков, которые немедленно отправились на юг Якутии за новыми возможностями заработка. Движение старателей рассматривалось Дальним Востоком как способ "уточнения границ" и как возможность формирования нового золотодобывающего района – Алдан-Зейского – в составе Дальневосточной области в рамках раннесоветской политики районирования [7. с. 122]. Дальневосточные деятели опубликовали ряд исследований, проведенных геологами и экономистами, чтобы доказать, что Алданский золотодобывающий район "естественным образом" принадлежит Дальнему Востоку. Их главным аргументом было то, что как географически, так и экономически Алданский район тяготел к амурским месторождениям золота, якутские акторы, по мнению дальневосточных авторов, не могли обладать достаточными знаниями и опытом, чтобы самостоятельно заниматься этой отраслью. Дальневосточные эксперты в основном опирались на этнографическую информацию о якутах, полученную в позднеимперской России. В связи с этим они подумали, что для центра было бы очевидно считать Якутию неподходящим местом для добычи золота.

Реакция якутских акторов была незамедлительной. Основываясь на принципах советской национальной политики и исторических сведениях о географии якутского региона, интеллектуалы подали множество прошений с требованием разъяснить территориальные претензии Дальневосточной области к Алданским рудникам, а также заявления о невозможности нарушения границ стратегической промышленной зоны для Якутии. В серии публикаций, посвященных алданской проблеме, якутские авторы в значительной степени опирались на знания, полученные в ходе Комплексной экспедиции. Для них это был также способ выразить свою политическую субъектность и свой голос, чтобы избавиться от имперских стереотипов о якутах и представить Советскому Союзу новую, современную, промышленно развитую Якутскую республику.

Обе стороны конфликта представили свои аргументы, основанные на знаниях об этом районе. Центральные органы, в частности Госплан, внимательно изучили доклады обеих сторон и решили не идти против советской национальной политики. Более того, Госплан к этому времени уже подготовил проект экономического районирования, согласно которому Алдан и его золотоносные оставались в составе Якутской АССР. Согласно проекту Госплана об экономическом районировании, Якутская АССР была единственной республикой, получившей национальный (якутский) экономический план [12]. Это означает, что для Госплана все еще было неясно, какая логика (национальная или экономическая) должна быть приоритетной в политике районирования. Пример Якутии демонстрирует сложность этой политики и то, что раннее советское установление границ зависело от знаний о регионе. В то же время ситуация с территориальными спорами из-за стратегических природных ресурсов свидетельствует не только о важности экспертных знаний о регионе, которые использовались при принятии решений, но и о субъективности якутов и их готовности отстаивать интересы республики.

Знания, получаемые якутскими интеллектуалами от экспертов, участвовавших в Комплексной экспедиции, применялись также в контексте социальных проектов – строительство дорог, развитие сельского хозяйства, привлечение внимания к проблеме так называемых “малых народов Севера”. Удаленное (от центров принятия решений) географическое расположение Якутии становилось одной из главных причин для быстрой реализации социально-экономических видений якутских интеллектуалов. Несмотря на то, что золото являлось одним из ключевых ресурсов для раннесоветского государства, инфраструктурные проблемы, связанные с климатическими и географическими особенностями региона, стали основными причинами невозможности быстрой индустриализации Якутии в 1920-е годы [12]. В отличие от европейского Севера СССР, Северо-Восток Сибири не обладал не только широкой железнодорожной сетью, но даже и хорошим магистральным сообщением, что в итоге привело к пересмотру центром политики индустриализации северных регионов [11]. Якутия продолжала играть важную роль в ресурсной политике Советского Союза, однако, недостаточное количество знаний о регионе вкупе с описанными выше инфраструктурными и климатическими проблемами не позволяли якутским акторам привлечь достаточно внимания центра для планомерной и широкомасштабной индустриализации и экономической трансформации раннесоветской республики.

Деятельность якутских интеллектуалов привела к значительным изменениям в регионе. Открытие Аладнскского золотоносного района через два года после учреждения якутской автономии вселяло большой оптимизм и надежды в активность местных руководителей. Сформированные в раннесоветский “период возможностей” социальные и экономические видения ближайшего будущего рисовали безоблачные перспективы для развития республики. В то же время данные перспективы являлись отражением революционного утопического мышления, которое по умолчанию предполагало намеренную гиперболизацию политических, социальных и экономических ожиданий, что, в свою очередь, способствовало появлению идей и проектов будущего развития региона. Якутские интеллектуалы проделали большую интеллектуальную работу по разработке видений будущего Якутии. Дискурс будущего, основанный на перспективной информации о добыче золота в Алданском районе, сыграл важную роль в привлечении внимания центра к региону, а также стал решающим элементом в борьбе за отстаивание территории Алдана в составе Якутской республики. Для самих интеллектуалов раннесоветский “период возможностей” стал не только временем активной работы по строительству якутской автономии, но также и пространством заявить о себе на всесоюзной политической арене, репрезентируя самую большую автономную республику СССР. Даже несмотря на то, что в 1920-е годы Якутия не смогла получить значительного экономического и индустриального развития (о котором мечтали интеллектуалы),

"период возможностей" предоставил якутским новый язык самоописания, а также способ говорения о регионе и его будущем, что до 1917 года не представлялось возможным. Таким образом, ресурсное воображение, связанное с алданским золотом, являлось для интеллектуалов ключевым для разработки видений и описания будущего республики в раннесоветский "период возможностей".

Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта "Наследие Севера: ментальные, культурные и интеллектуальные практики освоения. Опыт веков (Междисциплинарное исследование)."

Список литературы

[1] Аммосов М.К. Алдан и Якутия // Хозяйство Якутии: двухмесячный общественно-экономический и краеведческий журнал 1925. №1.

[2] Аммосов М.К. Алданский золотопромышленный район // Экономическое обозрение 1925. № 2.

[3] Аммосов М.К. На путях к социализму // Автономная Якутия 1925. 7 ноября.

[4] Аммосов М.К. Пятилетие советской Якутии // Правда 1927. 30 апреля.

[5] Аммосов М.К., Захаренко Н.Н., Колесов Г.Г. Предисловие // Хозяйство Якутии: двухмесячный общественно-экономический и краеведческий журнал 1925. №1.

[6] Антонов Е.П. Движение конфедералистов в Якутии (1927-1928 гг.) // Сибирская Заимка: История Сибири в научных публикациях. URL: http://zaimka.ru/antonov-rebel/ (дата обращения: 24.02.2022).

[7] Антонов Е.П., Антонова В. Разногласия Якутии, Дальнего Востока и центра по вопросу административно-территориального разграничения в контексте национальной политики // AbImperio 2019. №4. С. 97-139.

[8] Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925-1930 гг.: Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001.

[9] Зверев Н. Условия золотоносности Вилюйского района // Известия геологического комитета 1925. №5.

[10] Кротов М. 5-й Всеякутский Съезд Советов (18 февраля – 2 марта 1927 года) // Хозяйство Якутии: двухмесячный общественно-экономический и краеведческий журнал 1927. №4.

[11] Bruno A. The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

[12] Chu P.-Y. The Life of Permafrost. A History of Frozen Earth in Russian and Soviet Science. Toronto: University of Toronto Press, 2021.

[13] Foucault M. Archaeology of Knowledge. New York: Pantheon Books, 1972.

[14] Smith J. Was There a Soviet Nationality Policy? // Europe-Asia Studies 2019. №1. Vol. 71. P. 972-993.

[15] Steinberg M.D. Russian Utopia: A Century of Revolutionary Possibilities. London: Bloomsbury Academic, 2021.

[16] Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989.

УДК 398:682(571.53)

Кузнечное ремесло в устной памяти сибиряков

Малых Дарья Сергеевна
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
darmalykh2002@gmail.com

Смоляк Елизавета Алексеевна
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
Smolsmolyak@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Сохранение памяти о культурно-историческом прошлом сибирского села, стремительно меняющегося в реалиях современной жизни, является насущной задачей современных историков. Данная статья выполнена на материалах историко-этнографической экспедиции в сельские поселения Верхнего Приленья, хранящихся в фондах цифрового архива устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики педагогического института Иркутского государственного университета. Большую ценность имеют рассказы сибиряков, раскрывающие отношение к кузнецу в поселении. Особое место занимает детальное этнографическое описание колхозной кузницы, обнаруженной в деревне Шейно Качугского района Иркутской области. В описании указаны названия и размеры всех элементов, восстановлены утраченные и определено их функциональное предназначение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА кузница; кузнечное ремесло; устные воспоминания; Байкальская Сибирь.

При кафедре истории и методики Педагогического института ИГУ с 2006 г. ведется работа по созданию цифрового архива устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири, в рамках которой проводятся комплексные и точечные историко-этнографические экспедиции в сельские и городские поселения Прибайкалья [11]. В процессе работы историко-этнографической экспедиции (июнь, 2021 г.) в д. Шейна Качугского р-на Иркутской области на ул. Школьной по левой стороне от дороги (по направлению из Бутаково) нами была обнаружена разрушающаяся кузница. Работа по фотофиксации и описанию этого уникального объекта подтолкнула нас к созданию коллекции воспоминаний о кузнечном ремесле и других промыслах, которые были частью жизнеобеспечения сельского населения.

Кузнечное ремесло развивается с начала проникновения русских первопроходцев в Сибирь. Большое число кузнецов проживало в сельской местности, так как главными потребителями кузнечного производства были крестьяне. С началом коллективизации единоличный кузнечный промысел постепенно затух. Ему на смену пришли кузнечные мастерские. По мере развития техники и технологии обработки металла ценность профессии кузнеца постоянно снижалась. Политика укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных деревень привели к закрытию кузниц во многих деревнях. Менее чем за полвека бывшее востребованным кузнечное ремесло практически угасло.

Со слов жителей деревни, обнаруженная кузница сохранилась с колхозных времен. Она, вопреки обыкновению, находится почти в центре деревни.

> «У нас как-то, всё, это, как в школе учился, там кузница была. В середине деревни. Машинный двор был, потом это, в начале, как это, 80-х же? Ну в конце 80-х там это клуб, убрали машинный двор, в другое место перенесли и получилось, что, она все равно как-то там, это в центре деревни» [3].

Можно только предполагать, что такое размещение мастерской было связано с производственной необходимостью. Тем более что жилые постройки и производственные помещения разместились на значительном расстоянии от кузницы.

Саму кузницу построили, вероятно, в 1950-х годах. *Так, вроде я с 56-го года. Ну она где-то чуть… ну наверно с тех и лет… с тех лет её (построили, авт.)* [3].

Кузница представляет собой одноэтажное здание, сруб, сложенный из гладко обтесанных лиственничных бревен, прямоугольной формы, размером 6,38 м на 4,97 м, в высоту 2,46 м.

Углы сложены рубкой в обло. Рубка «в обло», «в чашу» «с остатком» — соединение бревен полукруглой чашей «в полдерева», вырубленной в нижнем бревне, при этом концы бревен выпускались наружу [6, с. 310]. Глубина отступа бревна от стены – 0,1 м. Сами бревна в сечении составляют: в ширину – 0,09 м, в высоту – 0,17 м.

Перед кузницей слева находится пространство для подковки лошадей. Частично сохранились два из четырех столбов, к которым привязывали лошадь и таким образом можно было безопасно подковать ее. Вот что писал о данной конструкции Д. Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка»: «Бедная лошадь подвешивается на четырех ремнях, так что ее ноги вовсе не прикасаются к земле; три ноги привязываются к столбам, так что от кузнеца не требуется большого мужества, чтобы подковать четвертую, свободную ногу» [8, с. 209]. Вот что рассказывала о данной конструкции местная жительница:

> «А там кресло, там специально клетка загороженная. Их привязывали, их заводили, коней и там.... Под животом удве этих каких-то таких... Их потом лебедки поднимали, коней, чтоб они не дергались. А там ногу, спокойно куют её, к верху поднимут её, а там что, раскалённая подкова, это как? Жгёт же. А там как он? Бьётся-бьётся, а оторваться-то не может, там такие ремни широкие, я специально смотрела ходила» [2].

Около правого края передней стены расположен столб для привязи лошадей, заостренный сверху.

В фасаде прорублен четырехколодный дверной проем (1,61 м в высоту и 1,42 м в ширину), толщина дверного косяка 0,1 м. Косяки, колоды — брусья для обрамления дверных и оконных проемов в срубных стенах. Сама дверь одностворчатая, составная, скрепленная косыми шпонками. Шпонка — брусок трапециевидного сечения для сплачивания досок, плах или бревен, которые образуют единую конструкцию (дверные полотна, щиты, срубы «в реж» и пр.) [6, с. 310]. Дверь закреплена в проеме коваными петлями. По диагонали дверь скрепляет металлическая деталь, предположительно прикрепленная позже, для предотвращения разрушения дверного полотна.

На этой же стороне здания вырублены два оконных проема. Слева от двери – большое окно (0,88 м в высоту и 1,21 м в ширину) без ставней, с кованой решеткой (небольшой фрагмент решетки утрачен), четырехкосящатое с толщиной косяка 0,11 м. Справа от двери находится маленькое окно (0,31 м в высоту и 0,54 м в ширину), у которого есть вырубка под оконную раму, но сама рама отсутствует.

На левой стене расположено фигурно вырубленное волоковое окно для выхода дыма (0,66 в ширину и 0,12 м в высоту). Окно волоковое — небольшой проем, вырубленный в двух смежных бревнах, закрываемый (заволакиваемый) изнутри задвижкой [6, с. 308]. Как правило задвижка делалась из дерева, но в данном случае она утрачена.

Правая стена кузницы почти полностью утрачена. По словам местных жителей в 1970-80-е гг. к ней был пристроен гараж, который впоследствии был разобран. Раньше в этой стене находилась дверь, так как остался порог шириной 1,12 м. В высоту боковые стены составляют 2,64 м.

Крыша кузницы двускатная, дощатая, безгвоздевая или самцово-слеговая — срубная конструкция крыши, где не требуется применение гвоздей. Кровля (тесовая, дощатая, драничная) укладывается на слеги, которые, в свою очередь, врубаются в поперечные стены сруба — самцы. Верхние концы тесин прижимаются охлупнем [6, с. 307]. Охлупень — выдолбленное снизу бревно, закрывающее конек крыши и прижимающее кровельное покрытие [6, с. 308]. Справа со стороны фасада в крыше прорублено круглое отверстие - проходка для дымохода.

Потолочная (материнская) балка, удерживающая потолочное перекрытие, в длину

составляет 4,62 м, в ширину – 0,16 м, в высоту – 0,22 м, в диаметре – 0,19. Данная балка врублена в фасад и заднюю стену.

Внутри здания, прямо напротив входа, располагался горн 2,3 м в высоту, 2,11 м в длину, 1,52 м. в глубину. В настоящее время от горна остались фундамент, зонт и вытяжная труба. Боковые стенки, которые были выполнены из камня, утрачены. Горн – кузнечный очаг с мехами и поддувалом для накаливания металла.

Перед горном располагается подставка для наковальни, сделанная из цельного бревна. В поверхность бревна вбиты 4 железные скобы для закрепления наковальни, рядом вбит гвоздь, предназначение которого неизвестно. Кузнечная наковальня служит стальной опорой для заготовки, по которой наносятся удары кувалдой или кузнечным молотком.

На левой стене висит сколоченный их досок шкаф (1,2 м в высоту. 1,11 м в длину), имеющий три полки глубиной 0,38 м. У шкафа была дверь, что можно понять по сохранившимся кованым петлям и замочной скважине. Возможно, в нем хранились инструменты кузнеца или готовые изделия. Под шкафом у передней стены расположена рабочая поверхность, которая была сложена из двух досок, в настоящее время одна из досок повреждена.

На потолке прибиты деревянными планками остатки кожи. По словам местных жителей, они могли быть частью кузнечных мехов. В таком случае верхняя часть мех отсутствовала, ее заменяли потолочные доски. Также, данный кусок кожи мог служить защитой потолка от искр.

Несомненно, кузница играла важную роль в жизни деревни Шейна в период колхозной кооперации, но с отменой системы коллективных хозяйств и образованием совхозов (в т.ч. совхоза Ангинского в 1962 г.) изменилась система материального вознаграждения за труд. Работники сельскохозяйственных предприятий теперь получали заработную плату деньгами вместо натуральных продуктов за трудодни. В этих условиях кузнечное ремесло начало утрачивать свое значение, так как появилась возможность приобретать фабричные металлические изделия (гвозди, молотки и т.д.). Несмотря на это, работа кузнеца продолжала пользоваться спросом для менее масштабных работ: подковка лошадей, ремонт хозяйственного оборудования и техники. Об этом свидетельствует факт о том, что к кузнице был пристроен гараж.

Кроме того, известно, что в кузнице широко использовалась так называемая «кузнечная сварка». Кованые изделия ценились всегда, а кузнечную сварку считали очень надежной.

> «Раньше же кузнец был и на сварке был. Он так спаят её без сварки, без всего сделает. Это надо навык, металл шобы, металл с металлом сошелся. Шоб спаять-то. Нету у нас тут в деревне совсем никого. У нас щас вон – сварку купили, легче закурить, да и всё» [1].

> «Да, кованое оно лучше. Даже если взять печню, лёд долбить. Или кованую возьмешь, или которую на ножаке заточена. Которая кованая она хорошо колет лед. А которая на ножаке, та, по такому же принципу делаешь, режешь, всё, уже не так колет. А кованое железо есть кованое. Это все так, все мужики так говорят. Кованое есть. А вот на ножаке такое же делаешь, просто вырезаш, болгарка, всё там. Подравниваешь, всё. А которое выковано, уже другое дело» [1].

По словам местных жителей кузница работала вплоть до 1990-х гг. Известно и имя последнего кузнеца в деревне – Подкамнев Игнатий. Кузнец был важной персоной на селе.

Так, респондент из Жигаловского района Иркутской области вспоминает:

> «А раньше же всё это через кузло (кузница, авт.) да через мастерскую: сани, дровни вот это, телеги — всё это. Счас-то уже народ-то потерял навык (...). Кузло — это центр!

> Всё там. Уборочная началась — всё на там. Сенокосилка, косы эти точить надо такими уголками — всё на кузле. Что сломалось, какая тяга, какая что — всё на кузле. Ну и сразу прибежал кузнец сюда: если нельзя принести часть, на поле подделывать. Кузло покою не знало» [5, с. 269].

О том, что работа кузнеца была очень востребована, свидетельствует рассказ жителя пос. Теличеть (Красноярский край):

> «Свёкр мой, он и кузнец был. О-о-о, сколько он пробУхал руками! Тяпки вот эти самодельные делал, кастрюли, у кого испортились, да всё-всё-всё. Кузнечна работа была. Раньше не было посуды. Где у кого какая кастрюля была дыроватая, потом эти чугунки были эти, и вот продыроватятся — все идут к нему. И он её отделает всё. И она ешшо, хотя старуха, может, ешшо десять — двадцать лет варит. Вот эта пила, дак вот с этой пилы и ножи делал, и тяпки. Что он только не делал?! Всё-всё переплавляли. Такие тяпочки были: лёгонькая, и в землю лезет хорошо. Такой был человек!» [5, с. 271].

Жители Качугского р-на Иркутской обл. также отмечали значимость работы кузнеца для крестьян:

> «Никифор Кырсанович Шеметов, он жил в Толмачёво. Мастер-кузнец, кузлом занимался, кузнечным делом: коней ковал, серпы зубил, литовки которы сломаются, пятки делал, дровни обковывал, сошники (раньше ешшо сохами пахали). К нему ездили с заказам. Очереди-то каки были по осеням-то! Большие!» [5, с.273].

Приведенные выше устные свидетельства указывают на то, что кузнец на селе был незаменимым человеком. Традиционно в кузнице изготавливали многие орудия труда для сельских работ, подковывали лошадей и восстанавливали сельскохозяйственные инструменты. Вместе с этим «кузня» выполняла функции починочной мастерской, в которую жители села несли треснувшие чугунки, прохудившиеся кастрюли и другие металлические предметы быта.

Бывали случаи, что к кузнецам обращались даже за стоматологической помощью:

> «Кузнец был Жарков Дмитрий Васильевич. Во-о-о! Тот всё мог делать. Зякин был, но тот не так. Вот Иван был Тепловодский, тот тоже. Тот зубы дёргать — у него свои кованые клешши. Отделал, отковал всё как надо» [3, с. 159].

Ремесло кузнеца казалось жителям таинственным, и от этого еще более значительным, что *«у каждого кузнеца свои секреты были. Шибко никогда не распространялось. Сам эт, по-своему делал. Могли у кузнеца и свои секреты быть, одного, другого. Они может между собой-то и общались, а вот так чтоб на сторону – никогда*, – рассказывал наш респондент из д. Бутаково Качугского района [1].

В настоящее время кузнечное ремесло в деревне практически утрачено, а здание кузницы сохранилось лишь частично. Мы полагаем, что следует озаботиться проблемой сохранения описания подобных архитектурных объектов, их фотофиксации и воспоминаний сельских жителей о них. Суть не только в архитектурной ценности постройки. Кузнечная мастерская была неотъемлемой частью повседневного сельского бытования на протяжении не одного столетия [7]. Она является частью традиционной культуры сибирской деревни, элементы которой еще присутствуют в стремительно меняющемся социокультурном ландшафте современного села. Она является частью традиционной культуры сибирской деревни, элементы которой еще присутствуют в стремительно меняющемся социокультурном ландшафте современного села и являются нашим наследием. А культурное наследие может выступать в качестве инновационного потенциала развития территорий, который раскрывается путем включения провинциальных культурных ценностей в современные культурные индустрии.

Список литературы

[1] Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье». Материалы историко-этнографической экспедиции 2021, с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Интервью Зуева Александра Дмитриевича, 1948 г.р., аудиозапись.

[2] Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье». Материалы историко-этнографической экспедиции 2021, с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Интервью Зуевой Елизаветы Михайловны, 1948 г.р., аудиозапись.

[3] Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье». Материалы историко-этнографической экспедиции 2021, с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Интервью Щапова Сергея Васильевича, 1956 г.р., аудиозапись.

[4] Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 4. Иркутск, 2008. 480 с.

[5] Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 23. Иркутск, 2020. 480 с.

[6] Бодэ А.Б. [и др.]. Традиционное строительство из дерева и плотницкое мастерство / А. Б. Бодэ, О. А. Зинина, А. Ю. Косенков, В. А. Попов. М: Институт Наследия, 2019. 316 с.

[7] Занданова Л.В., Салахова Л.М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы//Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул (25 – 30 октября 2015 г.). Вып.9 /Под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 338-341.

[8] Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб: Издание В. Врублевского, 1906.

[9] Николюкина Т. Кузница – сердце деревни // газета «Кижи». Петрозаводск, 2008. №6. С. 6

[10] Салахова Л.М. Из опыта работы по сохранению исторической памяти жителей Байкальской Сибири // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской науч.-теоретич. конференции с международным участием, посвященной 105-й годовщине со дня рожд. дин. В.Г.Дулова и 90-летию его ученика, д.и.н. профессора В.Г. Тюкавкина (Иркутск, 25 апреля 2018 г.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. С. 517-521.

[11] Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8-22.

УДК 397.481

Эпистолярное наследие – рассказ об ответственности за науку: научная этика российских востоковедов периода смены эпох (первая четверть XXв.)

Миссонова Людмила Ивановна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири и СевераИнститута этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия.
missmila@iea.ras.ru
http://orcid.org/0000-0002-7376-3434

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается эпистолярное наследие С.М. Широкогорова и других российских востоковедов как показательный источник научного творчества в среде и со средой русской эмиграции. Акцентируется внимание на пересечение путей интеллектуальных биографий русских ученых, чьиизыскания проводились в России и вынужденной миграции после 1917 года. Эго-документы Архивов Польши и Японии позволяют выявить характерные вопросы междисциплинарных исследований коренных народов в период смены исторических эпох.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА архивные письма, Сергей Михайлович Широкогоров, Василий Михайлович Алексеев, Николай Иосифович Конрад, Николай Александрович Невский, тунгусы, российское востоковедение; русская эмиграция

Среди бессмертного наследия С.М. Широкогорова и Н.А. Невского, волею социально-политических обстоятельств попавшего в архивы разных стран, достойное место занимают эпистолярные документы. Жанр научной переписки позволяет увидеть атмосферу раздумий о судьбе востоковедческой науки в целом и ситуацию изучения коренных народов в эпоху перемен в первой четверти XX столетия. В данном контексте обращают на себя внимание послания (хранящиеся в архиве Университета Тенри, в Японии) крупнейших востоковедов: Николая Александровича Невского и Николая Иосифовича Конрада, их учителя Василия Михайловича Алексеева, а также Сергея Михайловича Широкогорова. Обширной и многосторонней (сохранившейся в рукописном фонде Научной Библиотеки Польской Академии наук и Польской Академии знаний в Кракове, в Польше) оказалась переписка Сергея Михайловича Широкогорова и Владислава Людвиговича Котвича в период творчества ученых с 1924 по 1939 год. Переписка учёных отражает тяжелые искренние переживания о состоянии российской науки вообще и о многих конкретных вопросах научного дискурса того времени. Пред нами предстает как бы целый круг общения крупных личностей: Котвич – Широкогоров, Широкогоров – Невский, Невский – Конрад, Невский – Алексеев.

После революции 1917 г. Широкогоров жил во Владивостоке (1918-1922 гг.), сотрудничая с Северо-Восточным антропологическим отделом Дальневосточного университета. Известно, что с 1922 г. он оказался вынужденно мигрированным в Китай, до 1930 г. преподавал в университетах Шанхая, Амоя, Кантона, далее – в Пекине – в университетах Фуйен и Циньхуа; вёл научные изыскания в провинциях Южного и Северо-Восточного Китая, умер в Пекине 19 октября 1939 г. [2, Т. 6-7; 4, с. 134;7; 5]. В.Э. Мюльман (ФРГ) в некрологе , посвященном Сергею Михайловичу особо отметил: «Его работы базируются на собственных полевых исследованиях и наблюдениях чрезвычайной важности, и все они свидетельствуют об интенсивной интеллектуальной обработке материала…» [7, с. 144-145]. С.М. Широкогоров пытался держать руку на пульсе советской науки: «Выписал из Совдепии журналы: Антропологич., Эвгенический, Землеведение и Этнография. Я

не могу сказать чтобы они производили сильное впечатление... Чувствуется что они идут в далеком хвосте немцев. Масса рабского подражания...второстепенным немецким sterialisten» [2, Т. 6. Л.77. Из письма в январе 1928 г.].

Как пишет Улла Йохансен (ФРГ), В.Э. Мюльман «рассматривал как наиболее убедительное и перспективное направление» в современной (1939 г.) этнологии «собственную школу «функционалистов с особым акцентированием исторических и психологических вопросов», величайшими представителями которой он видел Турнвальда и Широкогорова». По признанию Йохансен, методика Широкогорова для большинства ученых ФРГ стала особенно авторитетной, а создателя ее Мюльман называет «самым последовательным функционалистом». Широкогоров, в отличие от еще «антиисторичных» на тот момент британских функционалистов, проводит изыскания в области истории, рассматривает функциональные связи и приспособляемость тунгусов к иным этническим группам. «При этом он подчеркивает как особое достижение Широкогорова то, что ученый оценивает поведение эвенков на основе их ментальности, а не европейских представлений о поведении, и характеризует такую научную позицию как необходимый постулат этнологии. Только ради этого мы были бы «должны ждать Широкогорова», - пишет Мюльман...» Отмечается, что Широкогоров сам не желал оказаться в одном ряду с западноевропейскими социологическими функционалистами (такими как Рэдклифф-Браун, Малиновский и др.). Точку зрения Турнвальда (как и Мюльмана) Широкогоров определял как "интегрированный функционализм" [6, с. 147]. Улла Йохансен заключает, что радикализм размышлений привел ученого к результатам, опережавшим этнологию того времени на добрые 50 лет, к таким, как «культурно-экологический образ мышления или же постулат восприятия исследуемых народов в соответствии с их собственными психоментальными представлениями, а не сообразно «комплексу исследователя», в результате чего ученый представляет на суд читателям именно свой собственный «комплекс»». [6, с. 141-142] Подход С.М. Широкогорова выявляется в его анализе тунгусского шаманизма: он доказывает, как «северные тунгусы, столетиями подвергавшиеся "этническому давлению" со стороны маньчжуров и русских, трансформируют эту ситуацию в представления о духах, играющих некую роль в их шаманистическом комплексе. Это и есть "этнология" в широкогоровском смысле, определенно оставляющая позади противоречия "исторического" и "психологического" метода.» [7, с. 147, 152; см. также 11]

Разнопоколенные дискуссии разворачиваются на страницах посланий ученых мужей при обсуждении синологии. В письме Николаю Невскому в Японию Николай Конрад из России писал: «Конкорданс – это смысл и суть Алексеевского существования, это alfa и omega его ретивой энергичности» (3, № 088-12-С5(1) (В700). Письмо 16 июля 1917 г. Л.2). «...вечером в 6 часов к нему сходятся (вернее сходились) молодые "ученые". Обед, а после обеда чай, - чай до 12 ночи. И все время разговоры... Разговоры – само собой разумеется – только научные...он очень внимателен и мило относится к моим "словесным исторжениям" по части китайской философии... Вообще В.М. убежден, что я китаист-конфуционист...А...конфуцианство для меня лишь только частность, этап, деталь в том миропониманиии, которое стало моей целью (вернее востокопонимание)». И далее излагает свои воззрения на синологию Алексеева (Там же. 16 июля 1917.Л. 3-4.).

Безусловно, судьба российской/советской науки находится в центре обсуждения на страницах научной переписки. В своих письменных размышлениях Сергей Михайлович с болью приходит к выводу: «Вообще у них видимо нет ни одного этнографа который бы их должен был удержать от слишком легкого обращения с этнограф.теориями. Еще конечно хуже когда они притягивают антропологию...» [2, Т.7.Л. 21]. А в январе 1935 г. Широкогоров сделал тяжелый вывод: «О новых потерях русских ориенталистов я читал. По немногу они кончаются, а нового приходит очень мало... Видимо и Поппе и Поливанов не из числа честных людей». [Там же, Л. 64]. С горечью Сергей Михайлович

заключает: «Трудов нового Института Востоковедения я не видел и боюсь, что и видеть-то их не хочу! Уж очень большая потеря времени на чтение всякой пропаганды! Видимо, энергия "приспособления к подлости" у Поливанова иссякла, а Поппе по молодости и естественному невежеству не догадывается, что это ему не выгодно à la longue! [Там же, Л. 58об.]. «Видимо, действительно востоковедение в России по-просту и физически вымирает. Ведь теперь у них осталось ...только несколько тюркологов (да и то мало!).» [Там же, Л. 41 об.].

Из переписки узнаем о творческих планах изучения и публикации «манджуро-тунгусских материалов». Так, в 1929 году Сергей Широкогоров пишет в Японию Николаю Невскому [см.: 3, № 088-12-С5(4) (В700).Л.1-2.] о том, что он в ближайшем будущем собирается «приготовить к печати... вторую большую работу о тунгусах и манджурах, в которой будет трактоваться о шаманстве» (судьба Николая Невского в тот период была схожа с судьбой Широкогорова; см.: 1, с. 74-81). По материалам 1912-1913 гг. он писал «Официально орочены считаются православными, но в действи¬тельности они — настоящие шаманисты и о христианстве не имеют никакого понятия» [8, с. 134]. А в январе 1934 года сетует в письме Котвичу: «Читал я о том, что коммунистические этнографы истребляют шаманство как "мелко-буржуазную" ересь...просто надувательство коммунистических заправил, которые держат деньги и их нужно еще убедить в том, что эти никому ненужные "лингвисты и этнографы" могут пригодиться на социалистическое строительство... Трагедия, по мысли Сергея Михайловича, в том, что в России "старые" ориенталисты не передали по традиции своего научного комплекса молодому поколению, а это характерно не только для ориенталистов: «Я не представляю себе, например, что будет с русскими историками, социологами и др. Перерыв в два-три десятилетия может совершенно прервать традицию. Особенно при том условии, что многие историки и социологи уничтожены физически.». При этом учёный отмечает, что «это только особые формы одного и того же процесса культурного сжимания, совершенно неизбежного в существующей мировой обстановке. Русский случай это только частный и жестокий случай...» [2, Т.7.Л.61-61об.]. Ситуация книгопечатания вообще в мире его очень беспокоит: «Дело в том, что в Китае печатается большое количество изданий на немецком и английском языках, которые даже не помечаются, что они печатались в Китае, - торжественно ставятся: Лондон, Нью Йорк, Берлин, и т.д....» [Там же, Л.52. 14 декабря 1932 г.].

В переписке с В. Котвичем Сергей Михайлович ставит актуальный и сегодня вопрос: в какой степени возможно доверять академическим трудам того времени, к примеру, изданным картам? Так, в апреле 1932 года он разбирает «Этнографическую карту», «изданную Комиссией Академии наук», описывает полную неразбериху («поистине поразительно рутинерство!»), отмечая массу географических и исторических ошибок, некорректность в отношении обозначения расселения и наименования народов, без привязки к конкретному времени, и многое другое, в итоге с болью характеризует это как «появление в свет... нового опозоривания Академии ..!». (Там же. Л. 47-49).

Именно переписка ученых позволила узнать впервые(!), что С.М. Широкогоров имел намерения осуществить изучение языка "ороков" (совр. – уильта) Сахалина, что стало бы возможным в 1925 году, если бы удалось найти «хотя бы небольшие средства» на поездку; за год до этого он писал, что у них с Елизаветой Николаевной (супругой) есть на Сахалине друзья – тунгусы, к которым она ездила на месяц в 1924 году, чтобы избежать тропическую жару в Китае, соединив «отдых с небольшим делом» [2, Т. 6.Л.12 об.-13]. Скорее всего, Елизавета Николаевна была на Южном Сахалине (относящемся в 1905-1945 гг. к Японскому губернаторству Карафуто), вероятнее всего, она могла посетить Корсаков и «тунгусов» (т.е. оленеводческие совместные селения эвенков и уильта/ороков) вПоронайском районе (на острове Южный, бывшее японское название – Сачи). При этом заранее Сергей Михайлович пытается изучить этнонимию народа

Сахалина: «А нет ли в словаре Пилсудского (это ведь ороки Сахалина?) указаний как себя называют ороки и перечень их родов?» [Там же, Т. 6, Л.79]. К большому сожалению, такая экспедиция не состоялась.

Жизненно важное место в представлении тунгусов об окружающем мире занимают представления о небесном своде и светилах, о трех мирах (Верхний, Средний и Нижний). Это не могло не найти своего отражения/воплощения в сакральных орнаментах, сохранившихся на вещах, представленных, к примеру, в этнографической коллекции, собранной С.М. Широкогоровым для МАЭ РАН. В переписке с В. Котвичем поднимаются важнейшие конкретные и концептуальные вопросы, которые дискуссионно обсуждаются и через 100 лет в научной литературе. В рассуждениях о тунгусской лексике и лингвистике Сергей Михайлович пишет, что «к "логике" тунгусского анализа "отношений во времени и пространстве" я себе хорошо набил руку. Посему…вспомню, что "здешний" как самоназвание народов все больше и больше уступает место другим названиям при более детальном изучении языков и оно /это идея/ было скорее вызвано обще-теоретическими соображениями о "примитивности" всех народов кроме европейцев, - психология либеральствующих эволюционистов 19 века». [2, Т. 7, Л.580б.]. Постоянно проводит параллели, делает сравнения тунгусских диалектов с манджурским, монгольским, якутским языками и др. [Там же, Т. 6, Л.70]: пишет, что «Наконец получил … Серошевского Якуты. Жаль что книга пришла когда уже часть работы о Тунгусах напечатана» [Там же, Т. 6, Л.680б.]. «Конечно, мне сейчас чрезвычайно трудно без монгольского, турецкого (Радлова), Якутского (Пекарского) словарей» [Там же, Т. 6, Л. 71]. Благодарит за присланные книги, в первую очередь - «Пекарского в двух посылках» [Там же, Т. 6, Л.81].

Характерно, по свидетельству архивных эго-документов, как в среде ученых-эмигрантов и тех, кто остался в России после 1917 года пересекаются интеллектуальные пути. Китаист и японист Николай Иосифович Конрад из России писал в Японию Николаю Александровичу Невскому о том, как сужается интеллектуальный круг общения в российской научно-профессиональной среде: «Сейчас (через ½ часа) иду к Василию Михайловичу. Мы с ним встречаемся аккуратно каждый день и проводим вместе 5-6 часов. Говорим, говорим… Вначале говорили четверо: он, Владимирцев, Широкогоров и я. Потом Владимирцев (доцент) уехал читать калмыкам их грамматику; через неделю уехал Широкогоров (антрополог из А.Н. [Академии Наук - ЛМ]) и остались мы двое.» (3, № 088-12-С5(1) (В700). 16 июля 1917 г. Л. 2). Интересно, что первая публикация рукописного словаря тунгусского С. Широкогорова опубликована была в 1944 г. (т.е. уже после ухода ученого) в Японии [10]. Всё активное научное обсуждение переходило именно в жанр многостраничных писем. Показательно прослеживается процесс накаливания душевных эмоций, ответственности и боли за изучение коренных народов, которые вплетены в жизнь российской востоковедческой науки 100-летие назад и как бы посланы в XXI век:

«Писать много и обо всём …: 1) нельзя (объективно); 2) нельзя (субъективно); 3) не могу; 4) некогда; 5) не к чему, пока…» - так начинает своё письмо Николай Конрад Николаю Невскому 1 апреля (по ст. ст.) 1917 г. из России в Японию. (3, № 088-12-С5(1) (В700). 1 апреля 1917. Л. 1).

«…если Вы волнуетесь еще не только одними индивидуальными процессами, а процессами надъиндивидуальными, - верьте в Россию. Я всегда верил в чудо, верю и теперь – и оно спасет нас. Слушайте: я уже успокоился, за месяц своего пребывания в столице, в этом пекле и котле всего, что делается в мире, я сумел отделаться от той психологии "испуганных интеллигентов", которые наполняют у нас улицы, трамваи etc., и которые являются самым пакостным, самым ужасным, самым печальным из всего того, что имеется у нас сейчас в России…» (10 июля 1917 г. из ПетроградаКонрад Невскому) [Там же, Л. 1-2].

«…счастливы Вы, оставшийся в Японии, счастливы по многим причинам. Но одно отнято у Вас, одного у Вас там нет и быть не может: это широты и полета оценочной

способности разума. Не Вы – лично, конечно, виноват, - этим страдают все живущие в наше время вне России и очень многие в самой России; виновата отдаленность от тех проблем, которые перед нами стали, отдаленность и территориальная, и духовная.» (Там же.16 июля 1917 г. Л. 1.Из Орла…).

«Россия – страна парадоксов и в ней всё возможно.» (Там же. 11 сентября 1917 г. Л.3.Из Орла, из имения отца «папеньки»).

«Хотел было засесть за очередную порцию ежедневного печения “статей”…» (Там же. 19 сентября 1917 г. Л. 1.Н. Конрад собирается возвращаться из Орла в Петроград через несколько дней после написания письма Невскому).

Приношу искреннюю благодарность руководству и сотрудникам Научной Библиотеки Польской Академии наук и Польской Академии знаний (Рукописного фонда, г. Краков, 2015, 2018, 2019 гг.), Отдела Редкой книги и Рукописей Центральной Библиотеки Университета Тенри (префектура Нара, Япония, 2018 г.).

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Список источников и литературы

[1] Алпатов Е.М. Николай Александрович Невский – японист // Николай Невский: жизнь и наследие: сб. статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев, В.В. Щепкин. Ин-т восточных рукописей РАН. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 292 с., ил.

[2] Архив Владислава Котвича. № 4600, т. 6 (1924-1928), л. 1-90 (с об.); т. 7 (1929-1939), л. 1-88 (с об.) / Библиотека Польской Академии наук и Польской Академии знания (г. Краков, Польша).

[3] Архив Н.А. Невского. № 088-12-C5(4) (B700). Л. 1-

[4] № 088-12-C5(1) (B700). Л. 7-8 / Библиотека Университета Тенри (префектура Нара, Япония).

[5] Вступительная статья Иноуэ Коити (Широкогоров С.М. Тунгусский литературный язык) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 134-139.

[6] Гуревич Б.Б. Светлой памяти проф. С.М. Широкогорова. К первой годовщине его смерти // Заря. Харбин, 1940. 19 ноября.

[7] Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию [Пер. с немецкого Д.А. Функа] // ЭО. 2002. № 1. С. 139-143.

[8] Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии). [Пер. с немецкого Д.А. Функа] // ЭО. 2002. № 1. С. 144-155.

[9] Отчет о поездках к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Серия 2. № 3. Петроград, 1914. С. 129-146.

[10] Этнографические коллекции С.М. и Е.Н. Широкогоровых/ Фонды Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. ПетраВеликогоРАН (МАЭРАН).

[11] A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts By The Late Prof. S.M. Shirokogoroff. Tokyo (Nippon): The Minzokugaku Kyōkai, 1944. 258 p.

[12] Shirokogorov M. Psychomental complex of the Tungus. – London: Kegan Paui, trench, Trubner & Co, 1935. 469 p.

УДК 930.2:929.5(571.56)

Биографическая история известных якутских родов: методология и новые исследования

Моякунова Анна Альбертовна
Кандидат исторических наук, Колледж инфраструктурных технологий СВФУ, г. Якутск, Россия
aanchyk82@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-6006-5138

АННОТАЦИЯ В статье раскрываются новые исследовательские ресурсы биографической истории древнего и известного дюпсинского рода Афанасьевых (вторая половинаXVIII в. до первой трети XX в.,), биографический опыт исследования семейно-родовой памяти народа саха впервые был представлен в изданной в 2021 г. авторской монографии. В результате многолетних научных изысканий в республиканских и российских архивах исследователь вводит в научный оборот уникальные эго-документы, предлагает авторскую презентацию генеалогической программы исследования, раскрывает информационно-коммуникативный механизм "семейного" нарратива, как трансляцииижизненных миров каждого члена семьи/рода, автобиографической памяти как "переживание" прошлого и конструирование культурных кодов коллективной семейно-родовой памяти в формировании и развитии национальной элиты якутской интеллигенции. Пространственно-временной континуум семейной истории народа саха включает и биографическую историю представителей династии и Павловых–Поповых.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА семья, род, биография, семейная история, семейно- родовая память, наследие, историческая антропология, дореволюционная якутская интеллигенция.

Методологическая территория исследования охватывает междисциплинарные стратегии исторической антропологии: история ментальностей (Жак Ле Гоффа, Ж. Дюби, А. Я. Гуревич), историческая повседневность (Н.Л. Пушкарева, М. Дингенс), микроистория (К. Гинзбург, Дж. Леви, Э. Гренди, Е.В. Банникова, Д.В. Куликов), «Новая культурная история» (Р. Дарнтон, Н. Земон Дэвис, Жак Ле Гофф, К. Томас, П. Бёрк), семейная история (Луиза А. Тилли и Джоан В. Скотт, Филипп Арьес), персональная и биографическая история и др., которые значительно расширяют понятие культуры как главный творческий преобразующий процесс и конечный продукт человеческой деятельности. Особый акцент сделан на концепте памяти (П. Нора, Я.Ассман, П. Рикер и др.) как протяженного пространства в формате Большого исторического времени. Важно отметить, что персональные истории, анализируемые в этой статье, сопряжены с политикой памяти. Жизненные миры известных людей рода, были преданы в советское время забвению.

Наш личный опыт исследования связан с реконструкцией биографии Михаила Алексеевича Афанасьева, первого дипломированного юриста из народа саха. Данная тема ввела нас в научный дискурс, связанный с историей древнего дюпсинского рода Афанасьевых.

Результатом многолетней работы стало издание в 2021 г. монографии "Дюпсинский род Афанасьевых в истории Якутии", которая посвящена одной из актуальных проблем современной исторической науки – изучению семейной истории, на примере знаменитого Дюпсинского рода Афанасьевых. Настоящее исследование написано в русле "антропологического" поворота и связано с новой методологией исторического исследования. В книге предложен биографический метод реконструкции жизненных историй рода Афанасьевых.

Как нам известно биографический метод подробно описывается в работах Л.П. Репиной [5], также стоит отметить статью Т.Н. Ивановой, Г.П. Мягкова "Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях" (2012 г.), где авторы отметили: "новые аспекты биографического метода в современных историографических

исследованиях можно обозначить как реализацию трансдисциплинарного потенциала биографистики…" [1, с. 176].

И.Б. Орлов в статье «Семейная история: от истории домохозяйства к вопросам внутрисемейных отношений» подчеркнул сложность исследования семейной истории: «Сложность сложившейся исследовательской практики состоит в том, что семья в силу своей универсальности и многоаспектности выступает объектом изучения многих наук: философии и истории, богословия и социологии, филологии и экономики, антропологии и этнографии2, демографии и права, психологии и педагогики, медицины и др. При этом каждая научная дисциплина выделила собственный предмет исследования и, в ряде случаев, свою методологию. Если философы разрабатывали общие принципы и способы изучения семьи и самореализации человека в ней, то экономисты анализировали хозяйственную сторону жизни семьи, а для юристов на первый план вышли правовые основы семьи и брака. Для психологов семья предстала в качестве социально-психологической группы, тогда как в круг научных интересов медиков вошли проблемы здорового образа жизни. В то время как социальную педагогику интересовали, в первую очередь, воспитательные функции семьи, историки исследовали эволюцию семьи как социального института» [4, с. 69].

Формирование и передача исторической памяти поколений в рамках описания, реконструкции и интерпретации социальной микрогруппы (род Афанасьевых) на протяжении нескольких столетий, позволяет в широком контексте раскрыть культурно-историческую специфику не только эпохи, но и общества, отразить ценностный мир якутской интеллигенции на уровне национальной и социальной самоидентификации.

Новизна исследования состоит в том, что опираясь на обширный корпус архивных источников, изучая на протяжении трех поколений род Афанасьевых, реконструируются персональные тексты, автобиографические миры семейной истории, концентрирующей вокруг себя события прошлого и настоящего, жизненный опыт и личные переживания. Впервые на якутском материале анализируется многомерный исторический феномен семейной идентичности как структурирующего концепта семейной поколенческой культуры, как важной составляющей коммуникативного пространства якутской интеллигенции. .

В данной статье предлагаем ознакомиться с основными результатами исследования, которые получены благодаря изучению персональной истории вышеупомянутого М.А. Афанасьева.

В XIX веке – первой половине XX столетия географическое положение Усть-Алданского улуса стало одним из факторов активной интеграции территории в систему торговых путей Российской империи на Севере. Выступая своеобразными«вратами» Якутско-Аянского и Верхояно-Колымского трактов, сыгравших огромную роль в освоении арктической части Северо-Востока России, Усть-Алданский улус стал средоточием оживленных коммуникаций, экономического, культурного и интеллектуального обмена. Все это, безусловно, повлияло на создание особой среды, на специфику социально-экономических отношений, благоприятствующих как развитию улуса в частности, так и якутского края в целом [2].

По контракту с областной администрацией родовая знать (князцы, старосты) в качестве подрядчиков обслуживала вышеуказанные тракты, занималась доставкой казенных тяжеловесных грузов из Якутска в отдаленные населенные пункты Якутской области, получая за это определенные льготы и денежное вознаграждение. Очевидно, что такое сотрудничество было выгодно для обеих сторон: областная администрация получала содержащиеся на должном уровне тракты, а местная знать – рост благосостояния и авторитета среди своих сородичей.

Так, одним из первых, кто начал обслуживать тракты и заниматься перевозкой тяжеловесных грузов, был Петр Павлович Афанасьев из известного дюпсинского рода

Афанасьевых, а после его смерти дело продолжили супруга Варвара Васильевна и сын Алексей Петрович Афанасьевы. В свою очередь, сын Алексея Петровича, Петр Алексеевич Афанасьев, содержал обывательские станции Верхоянского тракта.

Будучи современным историком, изучающим роль родовой знати в истории Якутии, отмечаешь, что в советский период родовая знать была представлена в роли эксплуататора и господствующего класса, но современный гуманитарный дискурс переосмысления российской имперской истории, локальных и персональных нарративов, конструирования модерной идентичности в имперской окраине задает новые исследовательские параметры в социальной экспозиции якутского общества. Однаков якутской историографии до сих пор отсутствует объективный критический подход к институту тойонатства.

Односторонней является трактовка, что накопление материального благосостояния и повышение авторитета родовой знати в Дюпсинском и Борогонском улусах зависели только от владения лучшими плодородными землями и ведения торговой деятельности. Новые методологические интерпретации, ранее неизвестные архивные источники позволяют представить якутских родоначальников как первых акторов национального нарратива северной окраины России.

Антропологическое измерение имперского опыта раскрывает взаимодействия людей с обществом и государством. В этом плане обращение к биографиям рода Афанасьевых и других знаменитых родов Якутской области рельефно отражает процесс пересотворения имперской идентичности в «национальную», что выражалось в желании местной знати защищать интересы свои и сородичей.

Анализ архивных документов выявляет определенную стратегическую деятельность родовой элиты по улучшению жизни сельского социума: из-за нехватки земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, многие состоятельные родовичи вкладывали огромные личные средства и силы в осушение озер, расчистку лесов, строительство плотин. Благодаря создаваемым условиям, население не испытывало крайне бедственного положения.

Коммуникативное поведение родовой знати было социально ориентированным: они общались и сотрудничали со сборщиками ясака, с областной администрацией по организации инфраструктуры и быта вдоль трактов, с передовой частью политических ссыльных, которых, по нашему предположению, голова просил оставить в улусе для того, чтобы воспользоваться их услугами – в качестве письмоводителя, переводчика, педагога для своих детей, тем самым спасая сосланных от тягот жизни в отдаленных от центра суровых и малолюдных северных улусах.

Одной из созидательных культурных практик знатных родовичей было перечисление значительных средств на строительство и содержание церквей, приходских школ и т. д. Все это способствовало формированию национальной элиты, взявшей на себя ответственность за будущее своего народа и выступившей своеобразным проводником межкультурного взаимодействия и интеграции в российское цивилизационное пространство.

Личный опыт родоначальников по переустройству жизни односельчан, разные инициативы в социально-экономических, политических и культурных преобразованиях в якутском обществе формировали групповую идентичность и региональную самоидентификацию родовой элиты, которая выражалась в участии в мероприятиях, презентующих Якутскую область в европейском и российском обществах, в создании организаций, призванных защищать интересы местного населения, и руководстве ими.

Например, в 1896 г. в Нижнем Новгороде состоялась XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка. Представителем Якутской области был отправлен В.В. Никифоров. Находясь в центральной России, к нему присоединились П.А. и М.А. Афанасьевы, а также П.Н. Сокольников. Участие в выставке для всейЯкутской

области и для молодых людей стало знаменательным событием. Можно предположить, что последние, вдохновленные масштабами увиденного, приобретен- ными знаниями, еще больше утвердились в идее улучшения условий жизни населения Якутии и бескорыстного служения своему народу.

Так, в 1899 г. в Якутске В.В. Никифоровым, С.Я. Дмитриевым, первым дипломированным юристом из якутов М. А. Афанасьевым, политссыльным С. Ф. Михалевичем и другими было основано сельскохозяйственное общество, целью которого стало распространение знаний об обработке земли, сельскохозяйственной продукции, проведение различных опытов.

События Первой русской революции 1905–1907 гг. взволновали якутян и побудили передовую, прогрессивную часть населения к активным действиям. Так, в 1905–1906 гг. В.В. Никифоровым и его ближайшими соратниками И.С. Говоровым, П.А. Афанасьевым, И.Ф. Афанасьевым, П.В. Слепцовым и другими был создан «Союз якутов», деятельность которого ознаменовала переход передовой части якутской прединтеллигенции на путь открытой оппозиции существующему режиму и начало политической деятельности за национально-демократические права и свободы народа саха.

С 25 августа по 1 сентября 1912 г. проходил первый областной инородческий съезд, где были учреждены 24 стипендии для бедных якутов, учащихся в низших, средних и высших учебных заведениях, а также выбрана депутация из пяти человек для участия в юбилейных торжествах, посвященных трехсотлетию царствования дома Романовых.

В том же году В.В. Никифоров начал издавать ежемесячный журнал на якутском языке «Саха сањата» («Голос якута»). Он являлся также издателем-редактором газеты либерально-демократического направления «Якутские вопросы», на полосах которой«говорили» об актуальных проблемах крайней северной провинции Российского государства [3].

В 1917 г. был организован Якутский трудовой союз федералистов, предшественником которого был союз «Свобода», объединивший либерально-демократическую часть якутской интеллигенции, лидерами которого были Г.В. Ксенофонтов и В.В. Никифоров.

В настоящее время в якутской историографии имеются работы, которые описывают жизнь и деятельность отдельных личностей. Однако исследований целого рода, фамилии почти нет. Данная работа посвящена новому биографическому анализу семейной истории дюпсинского рода Афанасьевых (1-й Оспетский наслег) со второй половины XVIII в. до советского периода. Особое внимание уделено реконструкции биографий Алексея Петровича Афанасьева, его детей и внуков. В контексте данной работы также упоминаются такие известные фамилии, как Неустроевы и Белолюбские (2-й Оспетский наслег), Давыдовы, Николаевы, Слепцовы (Таттинский улус), Никифоровы (Тэбиковский наслег), Слепцовы, Поповы (Мегино-Кангаласский улус),Поповы (Сунтарский улус), Покатиловы (Верхоянский улус).

В ходе исследования впервые в научный оборот были введены документы из российских архивов – Национального архива Республики Саха (Якутия), Государственного архива Томской области, Государственного архива Пензенской области, Государственного архива Рязанской области, Петербургского филиала архива Российской Академии наук.

Проведенный нами просопографический анализ уникальных эгодокументов из вышеназванных архивов, связанных с деятельностью первой национальной интеллигенции, позволил сформировать собственное видение на эти процессы. Речь идет о выделении разных критериев «антропологического» (человеческие ресурсы) в историческом пространстве Якутии – родовая преемственность, ценностные ориентиры, семейные традиции, энергичность, предприимчивость, дальновидность и т. д. в формировании и становлении культурной и интеллектуальной среды в Якутской области.

В рамках исследования предложены опыт биографической рефлексивной истории

и интерпретация персональных историй членов семьи Афанасьевых, который позволил воссоздать полный портрет семьи XIX в. – первой трети XX в. как модель воспитания интеллигента и интеллектуала. Биографический нарратив семьи Афанасьевых раскрывает главные семейные ценности: достойное образование, просветительская позиция, служение своему народу, патриотизм. Все эти культурные коды передавались на протяжении многих поколений и продуцировали общую коллективную семейно-родовую память, формирующую модель семейной культуры и культурно-интеллектуальную традицию народа саха.

Таким образом, анализ персональной истории, а также попытки восстановления «потерянной» биографии многих представителей данного рода инициировали возвращение исторической памяти народа саха о первых интеллигентах-реформаторах, оказавших огромное влияние на следующее поколение якутской интеллигенции.

Продолжая исследовательские ресурсы в области биографической истории, обратимся к другому научному проекту. Речь идет о книге "По следам Трофима Васильевича Павлова (Попова)", в которой через призму семейной хроники и социально-политических трансформаций Якутии конца XIX – первой половины XX вв. реконструирована биографическая история представителей нескольких поколений династии Павловых-Поповых, основателем которой является купец II гильдии, меценат, почетный инородец Хочинского (ныне Сунтарского) улуса. На основе архивных документов восстановлены биографии двух младших сыновей Т.В. Павлова – Георгия Трофимовича и Матвея Трофимовича Павловых, внука Льва Михайловича Попова, а также Татьяны Трофимовны и Луки Егоровича Крюковых. Для исследования жизненного пути каждого члена семьи Павловых-Поповых проведена большая работа по сбору, изучению, анализу и описанию архивных источников, доступных в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), ГКУ «Центральный государственный исторический архив Иркутской области», ГКУ «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга», рассекреченных и частично рассекреченных уголовных дел в архивах УФСБ России по Республике Саха (Якутия) и Забайкальскому краю, привлечена якутская периодика XX века.

Волнительным моментом в ходе исследовательского проекта стало личное общение с прямыми потомками Т. В. Павлова. Так, осенью 2021 г. состоялась долгожданная встреча с дочерью Льва Михайловича Попова, Зоей Львовной Поповой, которая поделилась своими воспоминаниями и бесценными семейными фотографиями. Итогом проделанной работы стало выделение в истории семьи Павловых-Поповых двух условных периодов: дореволюционного (до 1917 г.) и советского. На основе биографий представителей семейной династии рассматриваются процессы формирования национальной интеллигенции в Вилюйском округе. Как известно, представители деловых кругов данного ареала развивали сотрудничество с Ленскими приисками и другими торгово-экономическими центрами Дальнего Востока, представляя собой яркий пример инкорпорации элементов российской и западноевропейской деловой культуры в традиционное якутское общество с целью формирования инструментов социального и экономического саморазвития на этих территориях.

Заметим, что именно существующая тогда интеллектуальная среда и сложившаяся инфраструктура Вилюйского округа стали одними из главных факторов возникновения эпицентра столкновения противоборствующих сторон в период Гражданской войны в Якутии. На примере семьи Т.В. Павлова можно проследить формирование условий для интеллектуальной среды в Меитском наслеге (ныне Вилючанский наслег) Хочинского (Сунтарского) улуса. Во многом благодаря титаническим усилиям Трофима Васильевича Павлова была проложена дорога Вилючан-Мухтуя (Ленск), оказавшая огромное социально-экономическое и культурное влияние в установлении логистики с Ленскими приисками, Туруханским краем, а также с Иркутской губернией.

Формирование торгово-экономических связей и установление кросс-культурной коммуникации периферии с цивилизованным миром требовали высоких компетенций не только в сфере торговли и предпринимательства, но и соответствующего образования. Возможно, поэтому Трофим Васильевич нанял в качестве личного помощника отставного почтальона Григория Елизаровича Канаева, который был его писарем и делопроизводителем. Супруги Канаевы состояли частными педагогами для детей Т.В. Павлова. Впоследствии сыновья Трофима Васильевича, Михаил и Георгий, продолжили образование в Иркутской гимназии.

Итак, методологическая новация исследования и введение в научный оборот новых источников по генеалогии якутской семьи/рода в формате Большого исторического времени позволяет сделать важный вывод о семейно-родовой памяти, как многослойном феномене историко-культурного наследия народа саха.

Надеемся, что важными итогами проведенных нами изысканий станет «сшивание» оборванной связи поколений, пробуждение самосознания молодежи, укрепление их духа и сплоченности. Мы уверены, что подобные работы вернут историческую память народа и будут способствовать восстановлению преемственности поколений.

Сегодня, как никогда становится актуальным знание истории своей страны, семьи, рода.

Семейные ценности и традиции, культ знания и просвещение, бескорыстное служение народу, патриотизм, глубокая вера в процветание своей родной земли - все эти формообразующие принципы жизненной стратегии якутской интеллигенции востребованы в новых условиях развития нашей республики.

Список литературы

[1] Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. Ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. 406 с.

[2] Моякунова А.А. Моякунова А.А. Дюпсинский род Афанасьевых в истории Якутии: монография /А.А. Моякунова. Якутск: Чопчу, 2021. 304 с., тираж 500 экз.

[3] Моякунова А.А. Из истории общественной мысли на рубеже XIX – XX вв.: к вопросу об авторстве псевдонима «Якут» / А. А. Моякунова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4 (33). С. 58-64.

[4] Орлов И.Б. Семейная история: от истории домохозяйства к вопросам внутрисемейных отношений // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2009. Вып. 2. С. 68-77.

[5] Репина Л.П. Историографическая наука на рубеже XX-XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. Гл. 7. «Персональная история»: биография как средство исторического познания. С. 287-324.

УДК 930.85

Союз писателей ЯАССР в 1939 г. История в документах

Романова Лидия Николаевна
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы ФИЦ «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН, г. Якутск, Россия.
Romanova_lida@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-4690-0907

АННОТАЦИЯ В статье освещен период истории Союза писателей Якутской АССР, ознаменовавший новый этап в развитии якутской литературы. Об одном из самых трагичных этапов истории якутской литературы свидетельствуют архивные документы – переписка между Союзом писателей ЯАССР и Союзом писателей СССР. На основе анализа текстов писем и записей В.М. Новикова и И.Ф. Жиги 1939 г., направленных в Союз писателей СССР, хранящихся в фондах РГАЛИ, воссоздается историческая реальность этого времени. В статье доказывается, что несмотря идеологические целевые установки писем и заметок, документы дают достаточно объективную картину эпохи Большого террора

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА якутская литература, Союз писателей ЯАССР, РГАЛИ.

В интелектуальной истории есть мнение, что “не существует исторической реальности вне текста” (вербального, невербального), обладающего “своими специфическими формальными признаками при сравнении его с историческим нарративом”. При таком подходе текст как историческое свидетельство и исторический нарратив имеют общее свойство – являются выражением образа реальности [4].

Таким выражением исторической реальности становятся архивные документы, в частности письма и личные записи очевидцев, участников значимых исторических событий.

В данной статье объектом исследования стали отдельные письма из переписки между Союзом писателей СССР и Союзом писателей Якутской АССР в самый тяжелый для Союза якутских писателей год, когда были арестованы его председатель П.А. Ойунский и его соратники. Письма хранятся в фондах РГАЛИ. Из многочисленных писем отобраны письмо В.М. Новикова, занявшего тогда должность председателя Оргбюро Союза советских писателей, и письма, заметки И.Ф. Жиги, отправленного Союзом писателей СССР в помощь “парализованному” якутскому Союзу. Эти письма и заметки показывают атмосферу, царившую в Союзе писателей в 1939 г. Тексты, несмотря на идеологические догмы того времени, на самом деле передают реальную, и достаточно объективную картину того времени. В них предстает вся трагедия национальной творческой интеллигенции, оказавшейся без своих духовных лидеров и потерявших ценностные ориентиры. Эти тексты еще не становились объектом отдельного исследования, между тем, в них таится много неизведанного из истории якутской литературы.

Предыстория событий 1939 г. Союз якутских советских писателей Якутской АССР был создан в 1934 г. после Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Об историческом значении этого съезда писали много. Несмотря на политизированность сего мероприятия, были и положительные моменты, в том числе и особый интерес, проявленный к национальным литературам, определение основных направлений его развития и т.д. Делегатами съезда были П.А. Ойунский, Н.Е. Мординов. После съезда в Якутии была проведена Первая Всеякутская конференция советских писателей, на котором единогласно председателем правления Союза писателей ЯАССР был избран П.А. Ойунский.

Платон Ойунский был арестован 3 февраля 1938 года в городе Иркутске. Скончался

в тюрьме 31 октября 1939 года в Якутске. Трагический факт – треть участников съезда (182 человека) погибла в течение нескольких следующих лет в тюрьмах и ГУЛАГе. В национальныхлитературах, в которых литература находилась на стадии самоопределения и формирования, репрессии в отношении литераторов были страшными, и билет члена Союза писателей не служил защитой.

После расстрела П.А. Ойунского – лидера якутской литературы, на которого равнялась вся начинающая плеяда писателей, общественность и творческая интеллигенция находились в полной растерянности. Только что налаженная работа Союза писателей оказалась на грани развала, половина членов Союза были арестованы.

В исторической науке пытаются не пользоваться понятиями "духовная атмосфера", "умонастроения", "эмоциональный накал" и т.д., но на основе архивных документов воспроизводится царившая тогда духовная атмосфера в писательской среде. Конкретная историческая ситуация влияет, прежде всего, на настроение общества, и эти настроения, эмоции, чувства проявляются в соответствующих поступках,и более достоверно в исторических документах, исторических текстах.

1939 год в письмах и заметках. 1-го апреля 1939 г. В. Новиков (Кюннюк Урастыров), пишет обширное письмо ответственному секретарю Бюро нацкомиссий Союза советских писателей СССР Чертовой Надежде Васильевне, где говоря о "больных вопросах" Союза, как то: отсутствие хороших переводов, слабость местной русскозычной литературы, неналаженность работы с молодыми авторами, отсутствие литературной критики, – обращается с просьбой: «Все эти «больные» вопросы должны решаться на республиканском собрании писателей Якутии (вместо II Всеякутской конференции писателей), которое будет созвано в июне 1939 г. Мы просим Союзное правление ССП, в частности бюро нацкомиссий оказать максимум практической помощи в нашей работе. В частности во что бы то ни стало откомандировать на республиканское собрание Вашего представителя. /.../Нужна Ваша помощь поддержка, практическая помощь и ясное руководство. Пред. Оргбюро ССПЯ В. Новиков. 1/04-39 г.»[5, л. 43-46].

Это письмо – крик о помощи. Текст почти весь состоит из отрицательных выражений (*недостаточно, отсутствует, нет (романов, поэм, драм), не хватает* и т.д.). При этом, ставя «больные» вопросы как творческие, так и хозяйственные, Новикову удалось избежать обвинительных выпадов в отношении предыдущего руководства Союза. Есть лишь одна фраза «после разоблачения врагов народа в Союз приняты...».

В то время Союз насчитывал 16 человек (из них 3 кандидата): 7 человек (4 члена и 3 кандидата) приняты в Союз после ареста руководства Союза.

Из этого письма становится очевидным, что готовившуюся под руководством Ойунского Вторую всякутскую конференцию, оказалась, невозможно провести. Нужны были прямые указания сверху, на местном уровне решить проблемы Союза, оказавшегося в крайне тяжелом состоянии, не смогли из-за раскола внутри писателей.

После этого письма в Якутию прибыл писатель-публицист Иван Федорович Жига, и прожил несколько месяцев в Якутске. Что был за человек Иван Жига? Жига Иван Федорович (1895-1949) – писатель, очеркист. Участник Февральской и Октябрьской революций, в Гражданскую войну работал в ЧК. Есть свидетельство, что его, как и многих других писателей, использовал в своих целях Генрих Ягода [1]. Жига пришел в литературу из рабкоров, в исследуемый нами период сотрудничал в газете «Правде». Автор многих книг очерков, писатель средней руки, но, видимо, занимал определенное положение в Союзе советских писателей СССР, где, как известно, обязательным требованием было присутствие среди членов человека, сотрудничающего с НКВД.

Об И.Ф. Жиге сохранилось очень мало данных, но в РГАЛИ есть отдельная папка, где хранятся несколько его записных книжек и общая тетрадь в 130 л., полностью посвященные его пребыванию в Якутии. В Союзе советских писателей СССР в 1938-1939 гг. Жига выполнял определенные задания, связанные с восстановлением деятельности

региональных Союзов писателей после чисток в их рядах. Так. известно, что он в 1938 г. довольно продолжительное время пребывал в Оренбурге, где из 22 членов Союза писателей 17 были арестованы и расстреляны.

Судя по тому, как возобновляли свои работы Союзы, в местах, куда был делегирован Иван Федорович, он был человеком деятельным,жесткой рукой налаживающим работу Союзов. Якутский период у него запечатлен в записных книжках и рукописи очерка о Якутске под рабочим названием «То, чего нигде нет», которое впоследствии было отредактировано и опубликовано в 1941 г. под названием «Якутия, как она есть». Его фигура в истории национальных литератур неоднозначна, несмотря на то, что его деятельность конкретно была направлена на, так называемое, "устранение последствий вредительства врагов народа" (что он добросовестно и делал), но его участие в Первом съезде якутских писателей оказало в некоторой степени и положительное воздействие.

Из письма И.Ф. Жиги в Бюро нацкомиссии Союза советских писателей СССР отчетливо вырисовывается ситуация перед Первым съездом советских писателей Якутии. В своем отчете для Союза писателей СССР он пишет: «Не избежала якутская литература и вражеской деятельности в ней буржуазных националистов. Были тут свои «зачинатели якутской литературы», «отцы», «создатели». После их разоблачения и ликвидации осталось горькое похмелье: и прямое и политическое. Нашлись, разумеется перестраховщики, которые задним числом начали обвинять во вредительстве людей, совершивших ошибки, но оставшихся честными советскими писателями. Были – склока, подсиживание, зазнайство. Все было!»[2, л. 48-49]. Политическая риторика этого письма направлена на то, чтобы определить "место в истории национальной литературы" якутских писателей: основоположников литературы, как буржуазных националистов; писателей, не захотевших приединиться к обвинителям основоположников и П.А. Ойунского (причисленных к перестраховщикам); писателей, "честно признавших ошибки", и конкретно "вредителей", "врагов народа".

Приезд Жиги определил формат писательского собрания. Жига по этому поводу пишет: «В начале было настолько не установлено, будет ли это съезд, конференция или собрание, что даже в одном и том же номере местной газеты было сразу 3 объявления. В одном говорилось о том, что открывается собрание писателей, в другом – конференция, в третьем – съезд писателей» [Там же]. Под наставничеством приезжего куратора было решено провести Первый всеякутский съезд советских писателей.

Жига в своем отчете обрисовывает картину всеобщего страха и подозрительности, овладевшую Союзом писателей ЯАССР: «Дело в том, что после ликвидации врагов народа, имевшихся среди якутских писателей да и среди других организаций, люди как-то стали перестраховываться, начали друг друга обвинять во вражеских действиях, в прислужничестве врагам народа. Настроение там было ужасное.

> Люди боялись друг друга, не разговаривали и каждый жил и ждал – а что будет завтра, а вдруг в газете появится статья, что я враг народа. Обстановка была страшно тяжкая (выделено мной - Л.Р.)»[3, л. 18].

И хотя Жига эту атмосферу пытается показать как результат действий врагов народа, на самом деле он представил реальную историческую обстановку того времени, в котором каждый боялся стать обвиняемым без всяких на то оснований. Здесь предстает некое противоречие между целевой установкой автора текста (авторской позицией) и объективной исторической реальностью, проступающей сквозь текстовую ткань.

Естественно для того времени, что все беды писательской организации Иван Федорович приписывает вражеским проискам (например отсутствие заботы о молодых писателя, недостаточное внимание к олонхо и сказителям, "вражеская традиция" создавать культ личности, родоначальников литературы и т.д.), но при этом сквозь строки прорывается умонастроения того периода: "Дело в том, что люди просто **парализованыобщей тяжкой обстановкой».** [3, л. 19].

Его выступление на Первом съезде писателей Якутии, если подходить объективно, носило двоякий характер. С одной стороны, в нем и "разоблачение" врагов народа, обвинение основоположников в буржуазном национализме и т.д., с другой – осуждение попыток провозгласить Элляя основателем якутской поэзии (хотя в Отчете Бюро нацкомиссий, он утверждает, что именно Элляй начал первым печататься), указывая на то, что до него были писатели, технике и языку, которых должны учиться молодые. Также большое внимание Жиги было направлено на пропаганду олонхо, в результате которого в члены Союза писателей были приняты 10 сказителей-олонхосутов. Выступил он также против групповщины среди писателей, против комплементарной и двусмысленной критики. После его участия в съезде по сути литературная жизнь относительно наладилась, возобновилась издательская деятельность.

Несомненно, письмо и отчет И.Ф. Жиги изобилует нападками и обвинениями в отношении основоположников якутской литературы, П.А. Ойунского и его соратников, а также пафосными речами о роли партии в развитии национальной литературы. Эти документы – порождение своей эпохи, но и в них неосознанно автор передает истинный дух своего времени.

1939 год стал для якутской культуры переломным, когда были низвергнуты духовные лидеры народа, идеи и дела которых служили ориентиром для дальнейшего развития и процветания нации. С этого периода усилился раскол творческой интеллигенции, в особенности по отношению к наследию основоположников якутской литературы. О трагичности судеб национальной интеллигенции свидетельствуют исторические документы и факты, открытые в постсоветский период. Но и документы того времени, источники прошлого дают яркое представление об эпохе. Сквозь политическую риторику источников тоталитарного режима проступает живая правда времени.

Приведенные для анализа тексты свидетельствуют о неоднозначности и многослойности текстов прошлых эпох. В историографии и литературоведении (во всяком случае, якутском) стало принято несколько однозначно судить о документах советского периода (особенно периода Большого террора, репрессий). Между тем, эти тексты нужно рассматривать с разных точек зрения. Несмотря на идеологические тиски тоталитарного режима, сквозь тексты этих эпох все же воссоздается (вольно или невольно) и историческая реальность во всех его деталях.

Список литературы

[1] Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. Репрессии. Мифы и факты. М.: Вече, 2017. 384 с.

[2] Жига И.Ф. Письмо из Якутска // РГАЛИ. Ф.631. Оп. 6. Ед. хран. 286. Лл. 48-52

[3] Жига И.Ф. Отчет о поездке в Якутию. Союз писателей СССР. Стенограмма заседания Бюро национальной комиссии. 14 ноября 1939 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед.хран. 323. 43 л.

[4] Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М.: Наука, 1996. http://krotov.info/libr_min/15_o/di/ssey_1996b.htm

[5] Новиков В.В бюро нац. комиссий Союза советских писателей СССР т. Чертовой. 1.04.1939 г.. // РГАЛИ. Ф.631 оп. 6 ед. хран. 286. Лл. 43-46.

УДК 376.744

Образовательный ландшафт Севера: традиционные современные стратегии

Слепцов Юрий Алексеевич
Кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ФИЦ «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН, г. Якутск, Россия
seva_may@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6820-4216.

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается деятельность кочевого лагеря в период летних каникул для детей коренных малочисленных народов Севера – эвенов – в Республике Саха (Якутия) по изучению родного языка и традиционных видов хозяйствования. Опыт работы кочевого лагеря за период с 2000 по 2021 гг. можно будет использовать представителями малочисленных народов, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни. Кочевой лагерь – инновационная конфигурация временного детского коллектива. В работе лагеря руководствовались способами и методикой этнопедагогики, с помощьюкоторых дети обучались родному языку и культуре, погружались в аутентичные формы жизнедеятельности: оленеводство, охотничий промысел и рыболовство, а также изучили обычаи и ритуалы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА образование, коренные малочисленные народы Севера, эвены, кочевые школы, кочевой лагерь, традиционное воспитание.

Эвены – коренные малочисленные народы Севера, проживающие в Республике Саха (Якутия), Чукотском АО, Камчатском и Хабаровском краях, Магаданской области. Эвены, согласно классификации В.А. Алексеева, относятся к сибирско-маньчжурской этногенетической ветви [1, с. 91]. Ранее эвены были известны под этнонимом «ламут». Многие исследователи считают, что эвены – это особая ветвь тунгусов, чьи антропологические, лингвистические и этнографические особенности обусловлены их развитием на северо-востоке Сибири [14, с. 175].

Начало изучения тунгусо-манчжурских языков, в том числе эвенского, относится к середине XVII в., однако на протяжении двух столетий оно было малоэффективным [3, с. 6].

Первый словарь «Сравнительные словари всех народов и наречий» был составлен в 1787 г. академиком П.С. Палласом (1741-1811) на основе различных материалов экспедиций и специально разосланных анкет [10]. В словарь вошли два эвенских диалекта: «охотский и ламутский».

Необходимо отметить труд Я.И. Линденау «Описание народов Сибири (первая половина XVIIIвека)»[5], где автором приводится словарь диалектов охотских ламутов.

Автором первых исследований, касающихся сведений о языке эвенов, проживающих на территории Якутии, по праву считается В.Г. Богораз. Собранный им в 1895 г. материал был опубликован в 1931 г. Ценную помощь в сборе материалов ему оказали В.И. Цинциус и студенты Института народностей Севера (ныне РГПУ им. Герцена). В их составе был основатель эвенской литературы Н.С. Тарабукин (1910-1950) [2, с.3].

Преподавание эвенского языка в школах и вузах интенсивно велось во времена Советского Союза. Процесс школьного образования в северных регионах можно разделить на 4 периода (по системе Лярской Е.В.):

1. С 1920 г. до начала 30-х годовXX в. Создание отдельных национальных школ;

2. С середины 30-х до конца 50-х годов XX в. Начало формирования школьного образования. Унификация школьных программ. Создание сети начальных школ для

детей коренных народов Севера;

3. С 1950 г. до середины 80-х годов. Введение всеобщего обязательного среднего образования, максимальное применение систем школ-интернатов;

4. С начала 90-х г. до настоящего времени. Появление новых программ и новых форм обучения [6, с. 60].

После развала Советского Союза в 1991 г., государство перестало требовать обязательное среднее образование. Во многих регионах начались закрываться интернаты. Основной причиной в то время стал экономический кризис, отсутствие полноценного финансирования. Отделы образования перестали производить централизованный сбор в интернаты, повсеместно закрывались интернаты.

Проблема сельской школы в системе отечественного образования для Якутии была одной из актуальных проблем, что явилось предпосылкой создания сети сельских малокомплектых школ [8, с. 32].

В настоящее время в Республике Саха (Якутия) функционируют различные типы кочевых школ: кочевая школа – детский сад; общинная школа в местах компактного проживания коренных народов Севера; тундровая, лесотундровая, таежная кочевые школы – филиалы базовых средних школ; стационарно-кочевая школа (учащиеся в определенный срок выезжают в оленеводческое стадо); сетевая кочевая школа (передвигается между несколькими стадами, проводит очно-заочное обучение).

В целом, целью кочевого лагеря является создание мобильной системы кочевого образования с целью обеспечения доступности и всеобуча для детей коренных малочисленных народов Севера в условиях кочевого и полукочевого образа жизни и ведения традиционных видов хозяйствования [11, с.16].

Первый кочевой лагерь «Нелтэнкэ» был организован летом 2000 г. на базе оленеводческой бригады «Чолой» Момского района Республики Саха (Якутия) и профункционировал в данном месте 2 года. В 2001 году был открыт кочевой экологический лагерь «Маранга».

В 2002 г. был организован кочевой лагерь «Гарпанга» при Улахан-Чистайской средней общеобразовательной школе. Кочевые лагеряфункционируют по настоящее время в родовых общинах и различных сельскохозяйственных предприятиях Момского района.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации проживают 22383 эвенов (ламутов), из них владеют родным языком 5538 чел., т.е. 25% [13, с.89]. Подобная динамика наблюдается и у других коренных малочисленных народов Севера Якутии: долган, эвенков, чукчей, юкагиров. Эта статистика становится мотивацией к организации кочевых лагерей.

В процессе культурно-образовательного хода педагогическим коллективом педагогов и наставников применялись, с одной стороны, аспекты для характеристики общего индивидуального развития детей (мотивы присутствия в кочевом лагере, функциональная и сознательная деятельность, увлечения, достижения), с другой стороны, велось постоянное наблюдение, фиксирование, приспосабливание наставниками тех или некоторых прецедентов фактов и явлений в ходе деятельности воспитанников, характеризующих их классическую этническую идентичность (усвоение знаний, умений и навыков по языку, культуре, подготовленность приспосабливать их на практике; сохранение и восстановление этнических традиций предков: морально-этических принципов, норм, правил и заповедей, признание и уважение старших, родителей и т.д.) [9, с.32].

Возникли организационно-педагогические обстоятельства с народной тенденцией

содержания, форм и способов, обусловленные специфичностью работы кочевого лагеря в условиях Севера, как новой формы организации народного воспитания детей малочисленных народов Севера:

- составление разновозрастного объединения школьников из коренных народов Севера;
- практическая работа ребят в природно-климатических условиях Якутии, в целом Севера;
- создание атмосферы непосредственного общения школьников в процессе работы лагеря по всем направленностям всеохватывающей программы по народному воспитанию при педагогическом сопровождении педагогов и наставников – искусных оленеводов, мастеров этнического творчества, т.е. носителей эвенского языка и культуры;
- во время летних каникул ребятам предоставляется уникальная возможность окунуться в самобытную кочевую жизнь, языковую среду, что гарантирует результативность и действенность образовательно-воспитательного процесса.

Нужно отметить роль национальных игр. Многообразие этнических игр у эвенов описаны первыми русскими землепроходцами. К примеру, Я.И. Линденау в собственном труде описывает игры с использованием мяча, всевозможные гонки, борьбу и т. п. [5, с. 63]. Почти все игры из данных источников современные ребята не знают. В кочевом лагере применяется целый арсенал игр, где дети в первый раз знакомятся с премудростями этнических игр. Как верно заметила в свое время Маргарет Мид, детские игры напоминают игры взрослых по собственному нраву, вниманию, ими вызываемому, и по их взаимоотношению с трудом [7, с.169].

Особенную роль в исследовании родного языка играет топонимика родного края. Топонимика мест в Улахан-Чистайском наслеге кроме якутского наименования, содержит и эвенское название. Каждая из них имеетсвою легенду или же мифологическую базу. К примеру, проходя мимо речки Киникич (с эвенского: вода, выходящая из-под земли,), ребятам объясняется, что на данной территории поспорили 2 шамана, и что речка выходит из-под земли, и временами, несмотря на ясную погоду, неожиданно может нагрянуть гроза с молнией [4, с. 9].Ребята просто запоминают название тех территорий, где протекает маршрут передвижения лагеря. Они не только усваивают значение топонимов, но и выясняют критические для жизни людей и оленей пространства.

Опыт работы кочевого лагеря можно использовать в любых условиях. Для этогоежедневное передвижение становится необязательным условием лагеря, можно организоватьи стационарный лагерь, где школьники будут иметь возможность изучать родной язык и культуру своего народа. Главное условие работы лагеря – это удаленность от населенного пункта. Дети должны быть отдалены от цивилизации,это гарантирует концентрацию ребенка на процессе ежедневной учебы. Воспитанники лагеря «Гарпанга» сезона 2002 года при встрече с благодарностью говорят, что в лагере они научились труду, навыкам ведения кочевого образа жизни, а это было не так легко, но очень помогло им в будущем.

Работа кочевого лагеря в 2022 г. была профинансирована Грантом Главы Республики Саха (Якутия). Лагерь функционировал на базе оленеводческой бригады родовой общины им. С.Г. Слепцова.Ребятас помощью опытных наставников обучались верховой езде, приобретали навыки ведения хозяйства в области оленеводства. Часть ребят-старшеклассников изъявили желание работать в бригаде и остались до начала учебы в школе.

Социальная проблема неполных семей в Арктике стоит остро, основная причина – алкоголизм. Поэтому в лагере упор делается на здоровый образ жизни. Как и в предыдущие годы, в кочевом лагере в основном участвуют дети из социально-неблагополучных семей (алкоголики), из неполных (один родитель) и многодетных семей. В сезон в 2022 г. все

дети были из многодетных семей, 30% из неполных.

Опыт работы кочевого лагеря и его дальнейшая деятельность должны быть применены многими этносами, что даст импульс в возрождении и сохранения самобытной культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Заключение

В последние годы со стороны руководства республики и страны в целом внимание к проблемам Арктики возрастает. В настоящее время поставлены актуальные задачи сохранить самобытную национальную культуру коренных народов Севера, родной язык, обычаи, традиционные виды хозяйствования. Одним из эффективных путейвыполнения поставленных задач считается организация временного образовательного объединения - кочевого лагеря.

Благодарности

Работа статья подготовлена при поддержке гранта Главы Республики Саха (Якутия) № 2449

Список литературы

[1] Алексеев В.П. Этногенез / В.П. Алексеев. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.

[2] Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку / В.Г. Богораз. Л.: издательство Академии наук СССР, 1931. 106 с.

[3] Горцевская В.А. Очерк изучения тунгусо-манчжурских языков / В.А. Горцевская. Л.: Учпедгиз, 1959. 80 с.

[4] Дегтярев А.М. По родным местам...(Топонимика Момского улуса) / А.М. Дегтярев, Р.Г. Дегтярева, Ю.А. Слепцов. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. 32 с.

[5] Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнограф. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. / Я.И. Линденау. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

[6] Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры [Электронный ресурс]: На примере ненцев Ямала: Дис. канд. ист. наук: 07.00.07 / Лярская Елена Владимировна; РГБ, 2003. 309 с.

[7] Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. М.: Наука, 1988. 429 с.

[8] Неустроев Н.Д. Сельская малокомплектная школа Якутии в условиях инновационного развития / Н.Д. Неустроев. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 241 с.

[9] Неустроев Н.Д. Традиционное воспитание детей малочисленных народов Севера – эвенов в условиях кочевого лагеря // Н.Д. Неустроев, Ю.А. Слепцов / Педагогика и просвещение. 2018. № 2. С. 31-37.

[10] Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы Екатерины II. СПб.: Типография у Шнора, 1787. 493 с.

[11] Слепцов Ю.А. Педагогические особенности организации традиционного воспитания детей коренных малочисленных народов Севера в кочевом лагере. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. педаг. наук: 13.00.01 / Слепцов Юрий Алексеевич; Якутск, ЦНТИ ИГИиПМНС СО РАН, 2018. 26.

[12] Слепцов Ю.А. Этнопедагогические традиции воспитания детей эвенов // Наука и образование. 2010. №4. С. 27-29.

[13] Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.

[14] Этногенез народов Севера. Отв. ред. и авт. предисл. Гурвич И.С. М.: Наука, 1980. 277 с.

УДК 9 908 93/994 572.026

Хатанго-Анабарский регион в XX – начале XXI веков: к вопросам формирования и развития культурного ландшафта

Филиппова Виктория Викторовна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия.
filippovav@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3900-918X

Винокурова Лилия Иннокентьевна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических исследованийИнститута гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия
lilivin@mail.ru, orcid.org/0000-0002-5779-6893

Санникова Яна Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия.
sannikowa@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7430-8783

АННОТАЦИЯ Представлены некоторые результаты исследования культурного ландшафта Хатанго-Анабарского региона в XX - начале XXI вв. в разрезе изучения объектов историко-культурного наследия и традиционной хозяйственной деятельности коренного населения. В обзорной статье использованы как ранее опубликованные итоги изысканий авторов, так и новые предварительные выводы анализа полевых материалов экспедиций в Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус Республики Саха (Якутия) и Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район Красноярского края. Основное внимание обращено на то, что углубленное изучение локальных культурных ландшафтов позволило получить новые сведения о территории, более детально охарактеризовать ее потенциал в контексте культурного наследия; подчеркнуто, что коренное население Хатанго-Анабара обладает ценным историческим опытом освоения Севера и Арктики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хатанго-Анабар, Якутия, Таймыр, культурный ландшафт, коренное население

Хатанго-Анабарский регион, включающий земли двух субъектов Федерации, как целостное пространство с уникальным опытом межэтнического взаимодействия, хозяйственных и культурных адаптивных практик, одним из проявлений которых следует считать феномен долганского этноса, ранее не выступал объектом комплексного междисциплинарного исследования. Между тем освоение коренными народами территории Средне-Сибирского плоскогорья с ее разнообразием природных ландшафтов происходило в разных координатах в различных исторических условиях. В длительных процессах адаптации к окружающей среде каждый этнос занимал определенную нишу, создавая собственный этнокультурный ландшафт. В этом свете актуализировано предпринятое в рамках проекта РФФИ № 20-09-00257А комплексное исследование, включающее как историко-географическое изучение региона с анализом хозяйственной деятельности населения в исторической ретроспективе и на современном этапе, так и характеристику этносоциальных процессов в регионе, включая языковые [11].

Выявление ведущих параметров развития и состояния локальных ареалов вносит вклад в реконструкцию и понимание общего культурного ландшафта Хатанго-Анабарского региона. С учетом территориального расположения обширного края, его относительной малоизученности результаты исследования представляются важными

для формирования эффективного ответа российского общества на большие вызовы в сфере взаимодействия человека и природы, человека и технологий, развития социальных институтов на современном этапе.

В данной статье внимание обращено на основные результаты изучения объектов историко-культурного наследия и традиционной хозяйственной деятельности Хатанго-Анабара в его локальных культурных ареалах.

Первичным показателем исторической освоенности любой территории являются объекты культурно-исторического наследия. На основе анализа материалов, собранных в ходе полевых работ в 2020–2022 гг. в селах Саскылах и Юрюнг-Хая Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района) и в поселках Попигай и Сындасско сельского поселения Хатанга Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края и формируемой базы данных геоинформационной системы (ГИС) нами впервые разработана структура и содержание ГИС «Этнокультурные ландшафты Хатанго-Анабарского региона», где объекты природного и историко-культурного наследия представлены в отдельном тематическом блоке.

В ГИС отдельно выделены топонимические комплексы - группы названий, характеризующих освоенность исследуемой территории; интерпретация топонимов как объектов культурного наследия народов, населявших данный регион и живущих в нем в качестве акторов взаимодействия с природными ландшафтами. Проведена систематизация результатов по пространственной локализации топонимов Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального и Анабарского районов с применением ГИС-технологий. Топонимия в определённой степени отражает историко-географическую специфику региона. Исследованные районы Хатанго-Анабарского региона, весьма сложного в этнокультурном отношении как территория сосуществования топонимов разных эпох, что обусловлено динамикой этнического состава населения на протяжении тысячелетий. Так, нами выделено несколько топонимических слоёв: ненецкий, нганасанский, долганский, эвенкийский, якутский и русский.

С использованием ГИС-технологий осуществлена реконструкция расселения отдельных территориальных групп, проживавших на территории Анабарского района [7]. Их границы в значительной степени имели естественный характер: в целом соответствовали бассейнам рек. Установлено, что границы ареалов расселения родов выходили за пределы современной территории Анабарского района. В результате анализа опубликованных и неопубликованных источников, их верификации с проведенными интервью, выяснилось, что среди населявших Анабар были роды хангалас, хатыгын, галаа, арыйаат, барах, сэдэмэ и т.п. Установлено, что топоним может выступать названием для группы хозяйств, имеющих смешанное происхождение (куладинцы, омолдот) [10]. Сопоставление реконструированного ареала расселения родов с отображением этнонимов на карте Анабарского района показало недостаточное их присутствие в топонимах, свидетельствуя низкую сохранность этнонимов [9].

Топонимы – это маркеры, оставленные человеком для обозначения освоенных им территорий: большинство географических названий переходит из поколения к поколению на протяжении веков, при этом часто меняя изначальный смысл и значение [8]. Анализ топонимов восточного Таймыра и топонимов Анабара выявил наличие давних контактов разных этносов на данных территориях, долганами освоена большая территория между реками Анабар и Хатанга – относительно молодой этнос сформировался на этих землях. При этом в регионе обнаружены топонимы на русском, долганском, эвенкийском, нганасанском языках. Установлено, что все географические объекты, выделяющиеся на фоне тундры, имеют наименования и являются главными ориентирами арктических просторов. Географические термины приобрели самобытную окраску и функционируют в таком виде в языковом сознании современного носителя языка Хатанго-Анабарского региона.

Материалы, собранные в ходе экспедиций в сентябре 2020 г. и апреле 2022 г. в Анабарском улусе Республики Саха (Якутия) и в сентябре – октябре 2021 г. и апреле 2022 г. в Хатангском районе Красноярского края, позволили выявить изменения в пространственной организации, хозяйственной деятельности и культурной жизни населения данного региона во второй половине XX в. Историческая реконструкция данных преобразований раскрывает своеобразие локального культурного ландшафта Хатанго-Анабсркого региона, вобравшего в себя географические, природные и социально-экономические особенности в ходе трансформаций традиционного образа жизни коренного населения в советский и первый постсоветский период. При этом существенными факторами, определившими в целом уклад жизни местных жителей, выступили исконно сложившиеся родственные/родовые связи, хозяйственные взаимоотношения и объединяющее этническое самосознание по всей территории Хатанго-Анабарского региона на основе кочевого образа жизни и общей этнической/языковой принадлежности. Впервые на основе анализа материалов, собранных с использованием методики и методов устной истории выявлены схемы сосуществования виртуального и реального пространства в Хатангском культурном ландшафте на примере компонентов этнического и советского/современного; выделены как архаичный, так и меморатный пласты устной истории региона, установлено, что у хатангцев преобладает территориальный фактор восприятия окружающего ландшафта, тогда как у анабарцев характерен этнический

На основе выявленных новых архивных документов и статистических данных осуществлена реконструкция основных характеристик традиционного хозяйства Хатанго-Анабарского региона за длительный исторический период с начала до конца XX столетия [1;и5]. С использованием историко-сравнительного метода и вовлечения дополнительных локальных источников выявлены традиционные хозяйственные занятия коренных жителей, рассмотрены экономические показатели комплексного хозяйства региона в канун советизации. Обнаружены малоизвестные факты о предпринятых советскими структурами Якутии шагах по изучению хозяйственных и культурных реалий Хатанго-Анабарского края в 1920-е гг.; наряду с анализом данных Приполярной переписи выявлены отдельные архивные источники начального советского периода, представляющие ценность для целостного восприятия хозяйственного ландшафта региона. Так, обнаружены схемы отчетов наслежных Советов и запросы местных представителей исполнительной власти о рыболовных участках с указанием особенностей угодий и анализом их ресурсов.

Аккумулированные сведения позволили осуществить компаративный анализ ситуации кризисных 1990-х, когда традиционные отрасли хозяйства Анабара прошли через большие вызовы, под прессом которых охотничий и рыболовный промыслы выжили на уровнях личного потребления и бартерного обмена [3]. В рамках исследования установлено, что компоненты комплексного хозяйства Хатанго-Анабарского региона по-разному ощутили воздействие шокового перехода к рыночной экономике. Так, высветились важные факты и явления истории развития традиционного оленеводства в регионе на этапе позднего социализма и в канун крушения социалистической экономики.

Результаты полевых исследований в ходе трех экспедиций, включая мобилизованные из текущих архивов МУП им. Ильи Спиридонова в Юрюнг-Хая и администраций поселков Попигай и Сындасско сельского поселения Хатанга документы, стали основой реконструкции хозяйственного развития региона на примерах совхозов «Северный», «Попигайский», «Арктический» в период 1980-х – 1990-х гг. Необходимо подчеркнуть ценность сохранившихся локальных источников: документы совхоза «Северный» оценены как полноценные сюжеты по экономической истории советского и постсоветского Анабара; архив совхоза «Попигайский» является богатым источником для историко-антропологических зарисовок совхозной жизни на Хатанге – это договоры с

хозяйствующими субъектами и работниками, журналы исходящих документов, заявки и докладные записки от работников или руководства совхоза различного характера.

Состояние хозяйственной деятельности совхоза «Северный» за 1987-1991 гг. раскрывает проект организации территории оленьих пастбищ совхоза: производственное направление и организационную структуру; земельные фонды и их использование; количественные характеристики оленеводства; пожелания работников хозяйства по организации территории оленьих пастбища. Проект внутрихозяйственного охотустройства совхоза «Северный» за 1985-1989 гг. показывает состояние охотничьего хозяйства: роль охотпромысла в экономике совхоза и организацию охотничьего промысла, показатели продукции охотничьего промысла и кадровый состав охотников. В ходе исследования особое внимание было уделено историческому анализу организации оленеводства как ведущей отрасли региона на примере арктического совхоза «Северный». На базе специфических документов, подготовленных землеустроительной организацией, удалось восстановить картину использования хозяйством земельных ресурсов. Также прослежено использование оленьих пастбищ в цикле годовой оленеводческой деятельности; фактические сведения открывают картину хозяйственной деятельности данного арктического совхоза, специализирующегося в оленеводстве в заданных природных условиях. Предпринят анализ натуральных и денежных доходов, показателей экономической эффективности ведущей отрасли совхоза в рамках советской экономической системы [6].

Выявлен исторический феномен достаточно высокой устойчивости оленеводства в Анабарском районе Якутии в течение изученного периода, включая период кризиса 1990-х, когда в ряде арктических районов республики оленеводство практически «обвалилось». Ретроспективный метод позволил выявить в данном явлении присутствие «человеческого фактора» – как политической воли руководителей отдельных хозяйств в критических социально-экономических ситуациях, так и принципиального организационного подхода к отрасли оленеводства как к исторически сложившемуся этнообразующему образу жизни, представляющему базовую культурную ценность. В целом, на исследованных материалах XX – начала XXI вв. прослеживается наличие отдельных устойчивых элементов локального и регионального уровней самоидентификации в качестве именно людей, ведущих традиционное хозяйство и намеренных сохранять уклад жизни предков в исторических пределах Хатанго-Анабарского края [2; 4].

В последнее время активно обсуждаются региональные проблемы выявления, сохранения и использования культурного наследия через выделение локальных культурных ландшафтов. В этой связи нами предпринята попытка исследования культурных ландшафтов на микроуровне. Углубленное изучение локальных культурных ландшафтов позволяет получить новые сведения о территории, более детально охарактеризовать ее потенциал в контексте культурного наследия. Проживающее на территории Хатанго-Анабарского региона коренное население обладает ценным историческим опытом освоения Севера и Арктики, сформировало специфические культурные ландшафты, вследствие целого ряда причин отличающиеся по характеристикам развития и выраженности от культурных ландшафтов Центральной и Европейской части России. В связи с этим одним из важнейших результатов исследования видится выделение культурно-ландшафтных микрорегионов внутри существующих Тунгусо-Таймырского и Якутского мезорегионов Восточного-Сибирского макрорегиона на культурно-ландшафтной карте России.

Благодарности: работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 20-09-00257А «Хатанго – Анабарский регион в XX – начале XXI вв.: антропология культурного ландшафта»; авторы выражают благодарность жителям сел Юрюнг-Хая, Саскылах Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района) и поселков Попигай, Сындасско, Хатанга сельского поселения Хатанга Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края.

Список литературы

[1] Винокурова Л.И. Хатанго-Анабарский регион в 1920-е гг.: к истории научного изучения // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич (24-24 сентября 2020 г., г. Якутск). Якутск: ИГИиПМНС, 2020. С.49-50.

[2] Винокурова Л.И. Совхозы арктической Якутии: политика и люди //Общество: философия, история, культура. 2021. №12. С.103-107.

[3] Санникова Я.М. Традиционное хозяйство в условиях постсоветских трансформаций (на примере Анабарского национального района)// Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.). М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 2254-2263. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/426302432.pdf

[4] Санникова Я.М. Современное развитие традиционного хозяйства Анабара (по материалам полевых исследований в Якутии) //Московский экономический журнал. 2020. №11. С. 238-246.

[5] Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Анабара Якутии через призму времени: из характеристики экономического положения в начале и в конце XX века //Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 7. С. 1336-1341.

[6] Санникова Я.М. Организация оленеводства совхоза «Северный» Анабарского района Якутии на рубеже 1980-х – 1990-х годов по материалам полевых исследований //Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 128-133.

[7] Филиппова В.В. Динамика расселения и численности населения Анабарского района: пространственный анализ с применением ГИС-технологий //Историческая информатика. 2020. №4. С.1-10.

[8] Филиппова В.В., Лавренова О.А. Картина мира анабарских долган: отражение в диалектах и топонимии //Этнопсихолингвистика. 2020. №3 С.119-134.

[9] Филиппова В.В. Этнолокальные группы Анабарского района: картографирование этнонимов в целях сохранения историко-культурного наследия //ИнтерКарто/ИнтерГИС. 2021. №4 С.474-481.

[10] Филиппова В.В. Локальные культурные ландшафты полиэтничного пространства Анабара// Северные архивы и экспедиции. 2021. Т.5. №3. С.96-103.

[11] Филиппова В.В., Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Захарова Н.Е. Местникова А.Е. Анабарский регион Якутии: особенности локального культурного ландшафта // Научный диалог. 2020. №11. С. 495-508.

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Диалог культур: праздничное пространство степной Евразии

УДК 5527; 7.046; 37

Культ красного цветка и его отражение в традиционной вышивке Узбекистана

Гюль Эльмира Фатхлбаяновна
Доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изобразительного и декоративно прикладного искусства Института искусствознания АН Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан.
egyul@yahoo.com
https://orcid.org/0000-0001-9445-5601

АННОТАЦИЯ Культ красного цветка – один из любимых в народе – выражался в календарном празднике кизил гул сайли – гуляниях в честь появления в предгорных районах и степных просторах первых весенних цветов – тюльпанов и маков. Это природное событие совпадало по времени с днями, следующими за Наврузом – Новым годом по восточному календарю (21 марта). Появление красных цветов рассматривалось как знак природы – наступление времени, когда земледельцы могли приступать к вспашке земли. Красные цветы стали популярны и в интерьерной вышивке крупных форм, которая была непременной частью приданого невесты. Если реальные полевые цветы сигнализировали о пробуждении природы и наступлении пахотного сезона, то красные цветы в «свадебных» вышивках также можно рассматривать как знаки, символизирующие достижение девушкой фертильного возраста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА сузани, лола, кизил гул сайли.

Традиционный текстиль Узбекистана – это множество различных видов, самым ярким из которых является крупноформатные интерьерные вышивки, известные как *сузани*[14] (от тадж. *сузан* – игла, то есть игольное, сделанное иглой). Эти изделия слово вобрали в себя краски и образы плодородных долин с цветущими полями и садами, которыми славится земля Узбекистана.

Сузани были непременной частью приданого невесты, и потому искусству их создания каждая девочка училась с детства. По количеству *сузани* судили о достатке семьи, мастерстве и трудолюбии невесты. Традиции вышивания заботливо передавались от матери к дочери. Удивительно, с каким чувством внутренней свободы женщины проявляли свой творческий потенциал в условиях закрытого образа жизни. Ныне классическую узбекскую вышивку высоко ценят во всём мире за её художественное своеобразие, ювелирную тонкость шитья, гармоничные цвета.

При знакомстве с *сузани* в первую очередь обращает на себя внимание на богатство узоров, которые, словно в калейдоскопе, рассыпаются по ткани, завораживая своей прихотливостью и контрастными цветовыми сочетниями. Вышивки использовались не только как предметы функциональные, украшающие жилые помещения. Было у них еще одно важное значение – обрядово-ритуальное, и потому узоры, которые мы видим на этих творениях, несли в себе магические заговоры и охранные знаки.

> Узоры сузани наделялись магической силой, несли в себе зашифрованные знания и поверья, связанные с продолжением рода, пожеланиями благоденствия молодой семье.

Считалось, что сузани способны сберечь от дурного сглаза, обеспечить благополучие и благосостояние семьи. Важнейшая роль вышитых покрывал и стенных панно заключалась в их магических свойствах, способствующих продолжению рода, во время обрядов бракосочетания. Сватовство – зовчилик, помолвка – фотиха, обручение – никох, свадьба – туй, переезд невесты в дом жениха, обряды юз курар (смотрение лица

[25] Под сузани можно понимать как все крупноформатные вышивки, так и один определенный вид – покрывало, либо настенное панно.

на второй день свадьбы), келин салом (поклон невесты – первый прием гостей в доме мужа), первые 40 дней после свадьбы (чилля), роды и даже похороны – все важнейшие события в жизни женщины не обходились без этих красочных текстильных шедевров народного искусства.

Самая архаичная часть декора вышивок – наследие древних оседло-земледельческих оседлых и кочевых культур – была связана с доисламскими культами и религиями (зороастризм, связанный с ним культ огня, астральный культ, культ умирающей и воскресающей природы, тотемизм, шаманизм, магия и проч.). Определенная часть – отражение пусть и не столь значительного, но заметного влияния исламской эстетики, с ее главенствующей темой райского сада, прекрасного мира, созданного Богом. Как ни странно, но образный мир вышивки, как народного домашнего рукоделия, созданного женщинами-мусульманками, своими корнями был в большей степени связан с еще доисламскими поверьями. Эти поверья органично вошли в духовный мир ислама, сформировав такое оригинальное явление, как народный ислам – синтез язычества и классического мусульманского мировоззрения.

При всем разнообразии мотивов лидирующие позиции в декоре вышивок занимали две группы – цветы и звезды. Господство растительно-цветочных узоров в вышивке не случайно. Это одна из важнейших тем, издавна присущих оседло-земледельческим культурам. Образ расцветающей природы прекрасно соотносилась с атмосферой свадебных торжеств. Мир природы, растения, цветы и плоды – вот тот основной круг, к которому бесконечно обращались в поисках новых форм народные мастерицы. Цветочно-растительные узоры демонстрировали богатство местной флоры, воссоздавали атмосферу весеннего пробуждения природы, вечного обновления жизни. Вместе с тем главное их назначение было связано с символическим обеспечением женской плодовитости. На приоритет растительно-цветочного декора повлиял укорененный в широкой народной среде культ умирающей и воскресающей природы, древние празднества, связываемые с теми или иными цветами. Композиции сузани с цветами в целом представляют собой поэтическую метафору – так представляется народным мастерам идеальный мир, гармоничная Вселенная, в которой «существуют» их семья, род, община. Этот мир защищен различными оберегами и как бы запрограммирован на благополучное развитие.

Особая популярность была у красных цветов – тюльпанов и маков. В народе и тот, и другой назывались одним словом – лола. В этих цветах нашел свое отражение любимейший в народе культ красного цветка, празднование которого приходилось на дни, наступающие после встречи Навруза – дня весеннего равноденствия (нового года по восточному календарю, 21 марта). В это время начинались гулянья – сайли гули сурх (тадж.), кизил гул сайли,лола сайли (узб.) – праздник маков, славящий пробуждающуюся природу. Этнографы фиксировали вариации этого праздника, связанного с культом весенней расцветающей природы, повсеместно – в ташкентской, самаркандской, бухарской областях, Хорезме, Байсуне (Сурхандарья), Северном Таджикистане [2, с. 31-41]. «Появление весной цветов было знаком, который подавала природа, извещая, что настало время приступать к очередному этапу возделывания земли», – писала известный этнограф, пионер изучения самаркандской вышивки Ольга Сухарева [2, с. 31]; в этой связи цветочный декор на готовящихся к свадьбе вышивках также можно рассматривать как знак, символизирующий достижение девушкой фертильного возраста, символ предвестия благополучной брачной ночи, нового этапа в жизни молодожёнов. Позже, с приходом ислама, растительно-цветочная орнаментальная группа была поддержана и развита главенствующей в этой религии темой райского сада.

Красный цветок – это не только мак и тюльпан. Столь же часто встречается изображение гвоздики – чин, чинни гул (китайский цветок). Гвоздика, изображаемая в виде пальметты либо розетки, с тоненькими отростками-язычками (забонча) между лепестками, придающими цветку более детализированную, сложную форму, известна как чинда хиол забонча. Судя по местному названию, этот цветок попал на территорию

Узбекистана из Китая или региона Юго-Восточной Азии в целом. Декоративные, а также лекарственные свойства этого растения позволяют видеть в нём и прекрасный символ цветения, и оберег.

Петушиный гребешок (целозия гребенчатая) – ещё один весьма популярный красный цветок, характерный для вышивки сельских районов Шахрисабза. «Гребень» напоминает по силуэту завитки бараньих рогов, и потому не случайно мы встречаем этот цветок и в изделиях той части населения, которая занималась скотоводством.

Можно перечислить ещё несколько видов цветов, без которых трудно представить вышитые сузани, – васильки, астры, розы… Они изображались по отдельности, целыми кустами или букетами, как, например, в нуратинских вышивках с композицией «чор шох як мох» – «четыре ветки и одна луна». Цветочные букеты, изображённые на ташкентских покрывалах-гулькурпа (букв. цветочное или вышитое одеяло), были прямой иллюстрацией присказки – гулга гул кушилсин (да присоединится к цветку цветок), с которой украшали постель молодожёнов. Учитывая культовую функцию гулькурпы как свадебного одеяла, значение его декора, как и сузани других центров с цветочными кустами, читается легко: по закону парциальной магии цветущие кусты должны были передать молодожёнам силу своего цветения, обеспечить плодовитость невесты. Иногда цветы на одном из кустов вышивались зеленым цветом, а листья – красным. Такая «путаница» создавалась специально, для отвода «дурного» глаза.

Изображения красных цветов доминируют в вышивке Бухарской школы (Бухара, Шахрисабз, Нурата), Сурхандарье, отчасти – в Ташкенте (мотивы каймы).

Помимо емкой символики, одним из интереснейших аспектов темы красного цветка является стиль изображения. Часть цветов, которые мы видим в вышивках – это весьма условные формы, но, тем не менее, сохраняющие в народе свое название – лола. Условная манера изображения явно была заимствована мастерицами-чизмакаш или каламкаш (они были ответственны за создание эскиза вышивки) из творчества профессиональных художников-орнаменталистов, «подсматривались» со стенных майолик и мозаик, привозных «дворцовых» ковров. «Сложносочинённые», не связанные с реальным миром природы пальметты, розетки, мотивы ислими, характерные для профессионального рисунка, отличались богатством формы, символизировали красоту райского сада, шире – отражали характерную для эстетики ислама идею о красоте божественного творения. Условный мак или тюльпан выглядел в вышивке как круглая розетка либо пальметта, с прочерченными «лепестками».

Медальоны-розетки ой или лола в сурхандарьинских вышивках, условные по рисунку, очевидно, были одновременно связаны и с культом красного цветка, и с астральным культом. Как отмечала Балкис Кармышева, в самом Байсуне имелся мазар гули сурх (красный цветок) и жила родовая группа ходжей гули сурх (в переводе Кармышевой – ходжи красной розы). Шейхи мазара – ходжи гули сурх – устанавливали на мазаре шест с бунчуком, и в течение трех месяцев происходило паломничество к мазару местных жителей окрестных селений [1, с. 150]. По мнению О. Сухаревой, «приведенное описание не оставляет сомнений, что под красным цветком подразумевалась не роза, а ранний весенний цветок, вероятно, тюльпан или мак» [2, с. 36].

С другой стороны, встречаются цветы почти натуралистичные, хоть и с нотой условности. Вышивки с такого рода изображениями характерны, скорее всего, для Кашкадарьи (о точном происхождении говорить сложно, так как традиция изготовления этих вышивок прервана). В таких случаях у тюльпана тщательно «прорисовываются» лепестки, стебель, листья, иногда даже корешок. Манера изображения свидетельствует о большой наблюдательности рисовальщиц, хорошем знании натуры. Именно природа была источником вдохновения женщин. Впрочем, на мусульманском Востоке не принято было рисовать с натуры – и потому каждое изображение показывает нам, с какой потрясающей фантазией рисовальщицы передавали форму цветка, растения либо плода, с долей оригинальной стилизации.

Мак в вышивке Шафиркана, Бухарская область.

Тюльпан в вышивке Кашкадарьи.

Тюльпан в вышивке Кашкадарьи.

Тюльпан в вышивке Бухарской области.

Помимо реалистичных тюльпанов и маков, в вышивке встречаются вполне узнаваемые астры, ирисы – гулсаусар, гвоздики – чинни гул, лилии, петушиный гребешок – тоджи-хуроз, васильки, цветы яблони – алма-гул, сливы – олхури, мальва – гулхайри. Также к этому кругу относятся листья – барг, плоды граната – анор, яблони – алма, ветви – шох, цветущие кусты и букеты в вазах – гулдаста (особенно характерны для Нураты, Самарканда, Ферганы), деревья – дарахт и многое другое.

Астры в вышивке Ташкента.

Гвоздики в вышивке Бухары.

Два стиля в изображении красных цветов наталкивают на интересные выводы: для горожанок, вдохновлявшихся майоликовыми узорами архитектурного декора, ближе была условная манера изображения цветов, называемых лола, в то время как сельчанки зачастую прямо следовали образам, наблюденным ими в природе.

Довольно редкие сузани с реалистичными изображениями тюльпанов часто на аукционах атрибутируют как лакайские . Однако такая атрибуция сомнительна – лакаи вряд ли изготавливали крупноформатную вышивку. Приписывание к лакаям преследует одну цель – повышение стоимости изделия. Тем не менее, сама идея, что натуралистичные тюльпаны характерны для вышивок племенных групп, сохранявших тесную связь с миром степи, выглядит вполне разумно. В этой связи степная Кашкадарья выглядит как вполне явный район производства сузани с реалистичными красными цветами.

Заключение

Мир природы – вот тот неиссякаемый источник, к которому обращались народные мастерицы в поисках новых идей для творчества. Сегодня, благодаря вышивкам столетней давности, мы можем представить, какие именно цветы высаживались тогда на приусадебных участках. Но любимы были и дикоросы – тюльпаны и маки, которые в народном искусстве стали классическими символами плодородия, олицетворением весенних сил природы, цикличности жизни. Мак широко использовался также в народной медицине, и потому с ним были также связаны идеи здоровья и благополучия.

При всём богатстве и многообразии растительно-цветочных мотивов они преследовали общую цель – обеспечить счастливый брак и многочисленное потомство, обезопасить молодожёнов от разных вредоносных сил, якобы подстерегающих их на каждом шагу. Но, даже не зная символической подоплёки узоров, мы не перестаём любоваться фантазией мастериц, творчески переосмысливавших формы, созданные самой природой.

Список литературы

[1] Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М.: Наука, 1976. С. 322.

[2] Сухарева О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 31-46.

УДК 316.733

«Шопан той»: адаптация традиционной обрядности в условиях советской реальности

Сураганова Зубайда Кабиевна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан.
suraganova_zk@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9893-6461

АННОТАЦИЯ В статье на основе архивных источников, полевых материалов представляется опыт адаптации традиционной обрядности казахов Сары-Арки в рамках формирования новой советской праздничной культуры на примере праздника казахстанских колхозников «Шопан той» – «Праздник пастуха». В советский период из праздничной культуры сельского населения исчезают традиционные представления, религиозные элементы. Им на смену приходят восславление людей труда, политизация праздника, идеология интернационализма. Традиционная обрядность казахов в рассматриваемое время утрачивает основные символические аспекты степной, коневодческой культуры. Ее обрядовый комплекс, связанный с почитанием природы, магическими манипуляциями наряду с некоторыми конными играми, исчезает из общественного пространства. Он сохраняют свою устойчивость лишь в рамках семейной календарной обрядности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сары-Арка, казахи, «Шопан той», советский праздник, народная культура.

Настоящая работа представляет краткий обзор архивных источников и полевых материалов, дающих представление о трансформации календарной обрядности казахов, значительной утрате традиционных, возникновении новых праздничных форм и их синтезе.

Сары-Арка – часть степного пояса Евразии. В книге «Таварих-и хамса-ийшарки» («Очерки истории пяти восточных народов») историка и этнографа Курбангали Халиди (1848–1913) даются четкие очертания границ Сары-Арки. По протяженности с востока на запад степь Сары-Арки простирается от Алтая до Уральских гор. По ширине – от истоков Черного Иртыша до верховьев Оби на востоке и до реки Орь – на западе [16, с. 175]. Особенностью Сары-Арки является ее устойчивый хозяйственно-культурный тип – мобильное скотоводство. У казахов этого региона занятие коневодством рассматривалось как престижное. Сары-Арка славилась своими коневодческими традициями, включая праздники календарного цикла и инициатические ритуалы.

Архивные документы свидетельствуют о том, что новая советская обрядность начинает актуализироваться на территории Казахстана уже в 1920–1930-е гг. Как отмечают исследователи, в этот период «в СССР сложился «Красный календарь». Массовые праздники активно пропагандировали коммунистические идеалы, демонстрировали устремленность советского народа к социальному прогрессу» [14, с. 436]. Так, в Павлодарском Прииртышье в рамках развития колхозного движения организованы мероприятия, получившие название «Неделя крестьянина» [10]. Среди них «13 мая 1928 года был проведен весенний праздник первой борозды». Праздник начался митингом, затем участники, «встав за плуги, с пением «Интернационала» проложили первую борозду» и завершили вновь пением той же песни [10, с. 150]. Описываемый пример – яркое свидетельство адаптации традиционной календарной славянской обрядности старожильческого славянского населения Казахстана, в том числе обряда шествия с плугом, к нуждам революционного праздника. Только вместо традиционного «кликания», «заклинания» плуга – пение «Интернационала» [13, с. 59]. Если заклинание плуга основывалось на традиционном представлении о силе

«заклинания, заставляющего орудие действовать согласно воле человека», то исполнение революционной песни подвергает десакрализации древний земледельческий обряд и выступает манифестацией новых смыслов и ценностей, воспевающих человека труда, человека, преобразовывающего природную среду [13, с. 59].

Указанная тенденция наблюдается и в традиционной обрядности казахского населения. В программу революционных праздников включают традиционные конные скачки и игры казахов. Так, Губернской комиссией Актюбинской области в программу празднования 13 апреля 1926 года 1 Мая в г. Актюбинске в целях привлечения местного населения к новому празднику включены традиционные для казахских праздников конная скачка – бәйге (байга), борьба, джигитовка (по всей видимости, конная борьба – аударыспақ), «пешая байга – бега» [5, лл. 12 об, 18]. В документе под названием «Порядок устройства байги 2-мая» от 12 апреля 1926 года байгу устраивали на расстоянии 25 и 10 верст. При этом призовой фонд составляли отрезы ситца. За первое место в скачке на 25 верст – 120 м ситца, 2-е место – 60 м, 3-е место – 30 м. В скачке на 10 верст призы распределялись следующим образом: 1-е место – 35 м, ситца, 2-е место – 15 м. Вместо приза за 3-е место значится «топ таркагар» – 5 м. Словосочетание «топ таркагар» в машинописном тексте написано с ошибкой. По всей видимости, его правильное написание «топ тарқатар» (букв.:группа + раздача) предполагало раздачу 5 м на некое количество людей. Среди участников бега призами стали – отрез сукна на рубашку, 8 м ситца, 4 м. Тем, кто принял участие в борьбе, джигитовке и других играх, выделены 50 рублей на призы [5, лл. 12 об, 18].

Борьба, наряду со скачками, являлась неотъемлемым элементом традиционной обрядности казахов. Она также включается в орбиту новой советской праздничной культуры. Борьба, согласно полевым материалам, присутствовала в праздниках Шопан той(букв.: Пир / праздник пастуха) или Қойшылар күні(букв.: День пастуха / овчара) – Дня пастуха, которые приурочивались к Дню работника сельского хозяйства.

В советский период на сельских праздниках в Казахстане, согласно воспоминаниям информаторов и источникам, присутствовала гендерно различимая борьба – боролись мальчики, юноши, мужчины и женщины.

Традиционно у казахов в рамках весенних кумысных праздников устраивались женские борцовские состязания. Женщины первыми пробовали кумыс и затем состязались в қатын күрес (букв.: женская борьба). Как подчеркивает этнограф А. Токтабай, к соревнованиям допускались исключительно женщины. Девушки не участвовали в борьбе [15, с. 27]. Этот факт замечательно подтверждается этнографическими источниками. В книге «Russian and Nomad: Tales of the Kirghiz Steppes» британца Н. Фелла (раздел «Kirghiz Women Wrestling») описывается борцовский поединок женщин. В подтверждение описанию приводится фотоснимок автора книги [17, p. 150-151]. Время проведения состязания – начало мая 1907 года [17, p. 42].

Известно, что қатын күрес, помимо сельских праздников, проводилась также на юбилейных праздниках, связанных с датами установления советской власти [9, с. 61; 2, с. 60-64]. Так, в 1936 году на празднике, посвященном 15-летию Казахской ССР, дочь знаменитого казахского борца Балуана (букв.: борца) Шолака выиграла главный приз. Ей в то время было 48 лет [9, с. 60].

В разделе «Әйелдер күресі» (букв.: «Женская борьба») книги, посвященной искусству казахской борьбы, Е. Алимханов называет несколько имен выдающихся непрофессиональных женщин-борцов, которые участвовали в борцовских состязаниях в первой половине XX в., где их противниками были мужчины. Как он утверждает, женщины не уступали по силе и искусству в рукопашной схватке «белдесуге шығып күрескендіктері» мужчинам. Среди них – матери и дочери выдающихся казахских балуанов – борцов: Айсары, Бәтен, Ханымгуль, Майшекер апа. Так, Айсары – бабушка Хаджимукана Мунайтпасова (Қажымұқан), известного в мире казахского борца и

циркового артиста XX в., обладателя престижных зарубежных наград. Если верить сведениям, приводимым в книге Е. Алимханова, Ханымгуль (в народе ее называли Дәусары апа от: дәу – великан, исполин, сары – светлая (здесь: светлокожая), апа – уважительное обращение к старшей по возрасту женщине; старшая сестра) в 1944 году победила самого Х. Мунайтпасова во время его турне по югу Казахстана, которое он проводил для сбора средств фронту [2, с. 60]. В итоге он собрал средства на боевой самолет и подарил его советским летчикам. Восхищенный силой и мастерством Ханымгуль-Дәусары, выдающийся борец подарил ей свои кебіс – кожаные галоши, которые надевали на мягкие кожаные сапоги [2, с. 62].

В структуру советского праздника Шопан той включались официальная часть и концерт. Официальная часть праздника требовала сооружения некоего подобия трибуны для руководства района, области, с которой они обращались к народу, поздравляли, награждали отличившихся работников. Концерт ставили самодеятельные коллективы и исполнители – труженики сельского производства, учителя, трудящаяся молодежь и школьники.

Обязательным элементом Шопан той были конные скачки. Поскольку скот в значительной мере был обобществлен, владельцами коней выступали не частные лица, а колхозы, совхозы, племзаводы и фермы.

Об этом празднике хорошо помнят люди старше 80 лет. При этом они, за редким исключением, с большим трудом вспоминают обрядовые традиции. Их память достаточно хорошо актуализирует сведения по советскому периоду. По-видимому, это связано с тем, что в это время они были интегрированы в хозяйственные практики коллективных и советских хозяйств (колхозы, совхозы). В их памяти сохранились праздничные мероприятия, устраиваемые советскими органами для передовиков сельскохозяйственного производства [12].

В архивных документах мы не обнаружили название Шопан той, по-видимому, это название широко использовалось в просторечии казахов. Среди архивных документовчаще встречается День животновода – профессиональный праздник работников, занятых в овцеводстве, коневодстве, верблюдоводстве и т. п. [4, лл. 64, 25; 7, лл. 45, 52]. Сами названия праздников Шопан той и День животновода акцентируют внимание на овцеводстве и животноводстве в целом. Коневодство находит свое выражение лишь опосредованно в конных скачках и некоторых играх: бәйге,жорға жарыс (букв.: «состязание иноходцев») и т. д. Конная игра қыз қуу (букв.: догнать девушку) часто упоминается в архивных документах. Игра представляла собой яркое зрелище. В ней принимали участие молодые люди в казахской традиционной одежде – юноши и девушки. Юный наездник должен был догнать и обнять наездницу. В случае если ему это не удавалось, по окончании гонки девушка разворачивала коня и наказывала незадачливого наездника плетью. Не случайно зрелищность игры позволяла дать ей характеристику как кульминации праздника [6, л. 44].

Праздники организовывались на открытой местности, сопровождались установкой юрт, алтыбақан – традиционных качелей,оформлением досок показателей, вывешиванием социалистических обязательств, фотографий «маяков» – передовиков сельского производства[6, л. 44]. Помимо этого, на месте праздника устанавливали лозунги, звучала оркестровая музыка, исполняли песни и другие художественные номера артисты самодеятельности районных и областных домов культуры.

К слову сказать, в архивных документах встречается указание на «казахские народные праздники», но нет ни их названий, ни сведений об их содержании и структуре [6, л. 48].

Судя по архивным документам, традиционная календарная обрядность казахов была интегрирована, как, впрочем, и других народов СССР, в два праздничных мероприятия: летнее Шопан (Чабан) той – День пастуха [6, л. 14] и осенний – Сабантой [ПМА].

Из всего многообразия календарной обрядности казахов, определяемой насущными практическими задачами животноводства, ни один из традиционных праздников не сохранился в общественном пространстве. Среди них – коневодческие обрядовые комплексы: көтен беру,бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық, сірге жияр, соғым басы; овцеводческие: тұлақ шашу, шашыратқы и т. п.

Согласно архивным данным, ситуация к 1970–1980-м гг. еще более изменяется. В целом традиционная народная обрядность, привязанная к сменам сезонов года, была заменена на мероприятия под унифицированными названиями: «Проводы зимы», «Проводы русской зимы», «Праздник русской зимы», «Праздник лета красного», «Праздник урожая», «День урожая», «Золотая осень», «Золотая жатва». Так, всборнике «Советские традиции, обряды и праздники», выпущенном в 1979 году павлодарским обкомом Компартии Казахстана, отмечается, что «праздники и обряды – это особая сфера жизнедеятельности людей, которая охватывает широкий круг явлений и находится во взаимосвязи со всей экономической и духовной жизнью нашего общества. Светлые волнующие праздники и обряды воплощают строй мыслей и чувств, устремления и нравственные идеалы нового коммунистического общества» [8, л. 3]. Указанный документ – красноречивое свидетельство понимания праздничной культуры в советский период, где всецело уделялось внимание новым советским праздникам, в то время как традиционная праздничная обрядность автохтонного и старожильческого славянского населения из-за стереотипного представления о том, что последние представляют собой «пережиток» прошлого или, того хуже, имеют религиозную природу, практически исчезли из общественного пространства. Налицо тенденция к унификации, к трансформации и синтезу элементов традиционной обрядности, к формированию единой советской гражданственности. Документы свидетельствуют о становлении новых обрядов с новыми политическими лозунгами, оторванными от традиционных представлений народа о празднике. «Советская власть стремилась продемонстрировать свой контроль над социальным порядком и природным временем. Это выражалось в смене календаря, который подчеркивал наступление «новой эпохи», и в замене праздников, которые являлись важным фактором структурирования социальных отношений» [11, с. 607].

Таким образом, очевидно, что социалистическая обрядность регламентировалась советскими органами. Календарная обрядность сельского населения Казахстана отчасти инкорпорируется в советскую праздничную культуру, которая синтезировала наиболее «безобидные» элементы прошлого. Этот факт подчеркивается исследователями: «Общеизвестно, что традиционная культура в советский период разрушалась не сама по себе. Государство вело сознательную политику искоренения «пережитков прошлого» и активно боролось с церковью. Соответственно, в первую очередь власть стремилась уничтожать обряды и традиции, несущие религиозную символику. Поскольку за короткий срок заставить людей отказаться от традиций, являвшихся основой их жизненного уклада, было сложно, государство не всегда решалось искоренить «старые обряды», а скорее, пыталось вытеснить их так называемой «социалистической обрядностью» [1].

«Новый этап в развитии советской праздничной культуры наступил в 1950–1960-е гг., когда к уже устоявшимся моделям празднования основных событий были добавлены новые праздники и обряды. К таким торжествам относят чествования представителей различных профессий, людей труда» [14, с. 436]. В 1966 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1966 года был установлен ежегодный праздник «Всесоюзный день работников сельского хозяйства» [3, с. 817].

Праздник Шопан (Чабан) той исчезает из общественного дискурса к началу нового тысячелетия. Сегодня в Казахстане вследствие развития коневодства возрождаются кумысные праздники весеннего (бие байлау, биемұрындық, қымызмұрындық) и осеннего

(сірге жияр, сірге мөлдіретер) календарного циклов.

Праздничная культура сельского и городского населения была подчинена в советский период главной цели – размыванию и нивелированию традиционной обрядности и замене ее новыми обрядами. Но так или иначе нововведения не могли не использовать потенциал традиционной обрядности. Поскольку он сложился и существовал долгое время, органично сплетен с хозяйственной деятельностью, окружающей средой. Возможно, поэтому он обретал некоторую легитимацию в глазах советских администраторов.

Итак, привлеченные архивные документы и полевые материалы дают основание говорить о качественных и системных изменениях в праздничной культуре советского Казахстана,об адаптации традиционной обрядности к новой реальности и новым потребностям. В документах не обнаружены события и мероприятия, которые свидетельствовали бы о праздновании на территории Казахстана традиционных праздников, включая кумысные. Кумысные традиции (праздники и церемонии) исчезают из общественного пространства и сохраняются лишь в рамках семейных обрядов. Обрядность казахов частично интегрируется в новую социалистическую реальность, отчасти сохраняя свои традиционные элементы (борьбу, женскую борьбу, конные скачки, бега и игры) в рамках новых праздничных мероприятий, посвященных 1 Мая, Дню работника сельского хозяйства Шопан (Чабан) той – День пастуха.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, программа «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии», ИРН № BR10164218.

Список литературы

[1] Алексеевский М.Д. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: материалы VI Междунар. шк. молодого фольклориста. Архангельск, 2004. № 2. С. 162-169 https://narfu.ru/upload/iblock/293/alekseevskiy-m.d.-sovetskie-prazdniki-v-russkoy-derevne_-k-postanovke-problemy.pdf (дата обращения: 11.09.2021).

[2] Әлімханов Е. Қазақтың балуандық өнері. Алматы: Атамұра, 2008. 152 б.

[3] Ведомости Верховного Совета СССР 1966. № 35

[4] Государственный архив Актюбинской области. Сводный годовой отчет о работе клубных учреждений за 1976 год. Фонд 1253. Опись 2. Дело 51.

[5] Государственный архив Актюбинской области. С материалами по проведению общегосударственных и профессиональных компаний. Фонд 65. Опись 1. Дело 35.

[6] Государственный архив Карагандинской области. Карагандинский областной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы. Справки, информации о работе за 1989 год. Фонд 1011. Опись 1. Дело 190.

[7] Государственный архив Костанайской области. Отчет о работе клубных учреждений Кустанайской области за 1975 год. Фонд 116. Опись 1 пр. Связка 8. Дело 124.

[8] Государственный архив Павлодарской области. Методические разработки. Советские традиции, обряды и праздники. «Так рождаются традиции и обряды», выпущенные в 1979 году. Фонд 400. Опись 3. Дело 616.

[9] Казакбаев А.Д. К этнографическим параллелям в традиционных видах борьбы некоторых тюркских народов // Вестник Кыргызской государственной академии физической культуры и спорта (КГАФКиС). 2017. № 4. С. 60-64.

[10] О проведении «Недели крестьянина» по решению Укома партии. 14 сентября 1920 г. Павлодарский уезд // Государственный архив Павлодарской области. Коммунистическая партия Казахстана. Летопись событий. Ч. 2. 1917-1927. Алма-Ата: Казахстан, 1985. 365 с.

[11] Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. День пастуха на Алтае. История праздника (исследования и материалы) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/den-pastuha-na-altae-istoriya-prazdnika-issledovaniya-i-materialy (дата обращения: 04.07.2022).

[12] Полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция по Сары-Арке. 2021 г.

[13] Пропп В.Я. Собрание трудов. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2000. 186 с.

[14] Самушкина Е.В. Праздник День Пастуха в контексте советской этнонациональной политики // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 24. 2018. С. 435-438

[15] Токтабай А. Культ коня у казахов. Алматы: КазИздат-КТ, 2004. 124 с.

[16] Халид Қ. Тауарих хамса: (Бес тарих) / Ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов. Алматы: Қазақстан, 1992. 304 с.

[17] Fell E. Nelson. Russian and Nomad: Tales of the Kirghiz Steppes. Front Cover. Duckworth, 1916. 201 p.

IV
История Сибири

Содержание

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ

Бондарь Л. Д.
О судьбе коллекции сибирских растений участника Второй Камчатской экспедиции Георга Вильгельма Стеллера (1709–1746) 656-659

Есипова В. А., Балаганова Д. Ю., Светличная Н. Н.
Возможности платформы ProСибирь для репрезентации рукописного наследия 660-663

Зенкевич С. И., Басаргина Е. Ю.
Походная библиотека Д.Г. Мессершмидта в сибирском путешествии 664-667

Мангилева А. В.
Православное духовенство Екатеринбурга в первой половине XIX в. по материалам клировых ведомостей 668-674

Орешкова Ю. А.
К истории православия на территории Хакасии в архивных документах приходов Русской православной церкви 1812-1917 гг. 675-678

Татарникова А. И.
Численность и величина сельских поселений Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. 679-683

АРХИТЕКТУРНО ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ)

Бахарева Е. А.
Минусинск: возрождение старинного сибирского города 685-691

Бодэ А. Б., Ермакова А. А.
Церковь Параскевы Пятницы в деревне Барабаново Красноярского края 692-700

Иванова А. С.
Комплекс Успенского мужского монастыря в г. Красноярске 701-710

Шумилкин А. С., Грачева Е.Е., Ткачева М. Л.
Научные основы и практические примеры кластерного принципа развития объектов центральной части России 711-718

Язев А. Д., Потылицина К. В., Осташева Е. В.
Опыт позиционирования территории через наследие на примере церкви Параскевы Пятницы в с. Барабаново 719-724

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ:ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Заика А. Л., Кузнецов А. Л.
Палеоспорт в сюжетах Шалаболинской писаницы 726-730

Кушхов Б. Х.
Политика Русского царства в Южной Сибири в середине 17 века: трёхсторонняя система взаимоотношений «Россия - Дербен Ойрат - Государство Алтан-ханов» 731-734

Ситнянский Г. Ю.
Экономика Джунгарского ханства и ее влияние на экономику народов Южной Сибири 735-745

Уткин М. В., Ткачев А. А., Ткачев А. А., Гюрджоян К.Г., Филатова М.О.
Дендроархеология селькупских захоронений Тазовского Заполярья . . . 746-749

ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ СИБИРИ

Ахремчик О. Г.
Н.Ф.Катанов и Мартьяновский музей. Общий обзор 751-757

Менщиков И. С., Швачко Б. Е.
Деятельность Н. Л. Скалозубова по изучению Западной Сибири 758-761

ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Белов А. В.
Формирование структуры управления физической культурой и спортом Енисейской губернии в 1920-1921 гг. 763-767

Выборнова В.А.
Ричард Курант о Новосибирском государственном университете: интерпретация концепта математической науки 768-772

Карпухина Д.В.
Повседневная жизнь первых пионеров Енисейской губернии в воспоминаниях пионервожатых. 773-780

Кукеев Д. Г.
О некоторых особенностях джунгарского регионализма в Сибири 781-786

Куперштох Н. А.
Научное наследие академика Л.В. Киренского 787-792

Лукиева Е. Б.
Некоторые вопросы создания системы подготовки национальных педагогических кадров в Сибири в 20-е гг. XX в 793-798

Романова Е.А.
Кинематограф в Красноярском крае накануне Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Красноярский рабочий» (1941) 799-802

Синегуб В. Е.
Практика наставничества на примере Красноярской учительской семинарии в конце XIX в. 803-807

Харунов Р. Ш., Харунова Марианна Монге-Байыровна
Урянхайско-тувинская энциклопедия
к 100-летию Тувинской Народной Республики 808-811

Худышкина С. П.
Особенности школьного образования
в Енисейском районе: 1920-е годы XX века 812-817

МОЛОДЫЕ ПЕДАГОГИ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Малых Д.С., Смоляк Е. А.
Кузнечное ремесло в устной памяти сибиряков 819-823

Низамутинова Т.М.
Ассоциативные, эмотивно–чувственные значения
семиотической оппозиции «хорошо–плохо», как базовый
ценностный аспект языкового сознания школьников Красноярска . . . 824-831

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XVII НАЧАЛЕ XX ВВ.

Булатов А.А.
Крымские степняки – потомки насельников древнего Дешт-и Кипчака:
исторические трансформационные процессы, практики землевладения,
животноводства, языковые и культурно-бытовые особенности 833-838

Голдин В. И.
Северный морской путь в постсоветский период:
исторический опыт, проблемы, перспективы 839-844

Дамдынчап В. М.
Развитие устной истории в США: от метода до цифровой реализации . . 845-848

Дементьев А. П., Ульверт А. В.
«Я не останавливался ни пред какой личной опасностью»:
штрихи к биографии Иннокентия Ивановича Покровского 849-852

Джафаров Джавид Агалар оглы
Наукометрия исследований и публикационной активности в области
азербайджанской палеографии 853-864

Карабулатова И. С.
Цифровая топономастика как методология определения
возраста имен собственных 865-870

Красовицкая Т.Ю.
Языки описания этнокультурного дискурса Российской империи
академическими,миссионерскими и советскими востоковедами в контексте
сибирского евразийства конец XIX – ранний сталинизм 1920-х годов . . . 871-874

Кузнецов М. И., Трихина Н. И.
Предпосылки и основные исторические вехи становления и развития
воспитательной работы пенитенциарной системы России 875-881

Кузнецова О.Н.
Социальная техника и технологии ресурсной безопасности
в наследии профессора Н.А. Шевалева 882-885

Кузьменко А.С.
Реквизиция и недобровольная миграция:нормативно-правовые аспекты
реквизиционного механизма как инструмента политического
воздействия в Российской империи в 1914–1918 гг. 886-893

Кущенко С.В.
Некоторые проблемы исторического знания 894-899

Макарова Н. Н.
Школьный учитель на Магнитострое: характеристика
эмоционального репертуара и повседневной жизни 900-907

Месяц С. А.
Красноярское историко-родословное общество 908-912

Македонская В. А.
Проблемы сохранения культурно-исторического наследия
в национально-исследовательском ядерном университете «МИФИ» . . . 913-918

Прищепа А. С.
Цифровые технологии в образовании 919-921

Сибиряков И.В.
Методология изучения миграционных процессов в XX-XXI веках 922-927

Сулейменов А. Р.
Исторические мифы и доктринальное оформление
северокавказского исламизма 928-935

Фроленкова И. Ю.
Культурное наследие как идентификационный ресурс
современного общества: возможности системы образования 936-940

Ахтамов Е. А.
История развития пассажирского сообщения на
Красноярской железной дороге 942-945

Карпухин К. В.
Евгений Кнорре – инженер, покоривший Енисей 946-949

Леонтьев Е. В.
Стационарные торговые заведения в Минусинском уезде в конце XIX в.:
количество, размещение, коммуникации 950-955

Почеревин Е. В.
Участие административных институтов Восточной Сибири
и Дальнего Востока в финансировании дорожной инфраструктуры
в конце XIX – начале XX вв 956-960

Сердюк В. А
Использование женского труда на Сибирской железной дороге:
нормативно-правовое регулирование и практика 961-968

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Вдовин А. С., Баташев М. С., Макар ов Н. П., Майзи к Е. И.
Красноярский подотдел Русского географического общества в условиях кризиса (1914 – 1919 гг.) 970-973

СЕМИНАР «АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В РАЗВИТИИ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА

Ашихина Д. С.
Индустриальное завоевание Севера во второй половине XX в.: общее и особенное в освоении севера Канады и Западной Сибири 975-977

Дворецкая А. П., Терскова А. А.
Время Борисова … 978-981

Емелина М. А.
Изучение района р. Енисей в Арктическом научно-исследовательском институте в довоенный период 982-989

Замятин В. Ю., Емелина М. А.
Экспедиционные исследования Арктического и антарктического научно-исследовательского института в Енисейской устьевой области в послевоенный период 990-997

Красникова О. А.
О «Карте открытия морских путей в устья Енисея и Оби, сделанных при участии и на средства М.К. Сидорова»[1877]. 998-1004

Макаров А. А.
Великий Сибирский ледяной поход 1919-1920: анализ проблематики . . 1005-1008

Мариловцев Д. В.
Енисейский уезд XVII века: первые упоминания о поселениях на реке Кемьи формирование старожильческого населения 1009-1013

Петров А. Ю.
Значение пути через Сибирь к Тихому океану во время Первой Камчатской экспедиции В. Беринга 1014-1017

Селецкая Н. В.
Енисейск в воспоминаниях, письмах и художественном творчестве Р.А. Штильмарка 1018-1023

Селиванова А. А.
Творческие отчеты как фактор развития самодеятельного искусства в северных районах Красноярского края в 60-70-е гг. XX в. 1024-1028

Филиппов В.В.
Человеческий фактор обеспечения строительства и успешной работы Красноярской воздушной трассы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 1029-1035

Шулинин С. В.
История и характеристики парохода «Марина Раскова» 1036-1062

СИБИРСКИЙ ФАКТОР ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (XVIII–XX ВВ.)

Бородина Е. В.
Судебная реформа Петра Великого в Сибири в 1725–1730-е гг. 1064-1068

Демчик Е. В., Мамзин М. В.
Концессии в Сибири в первой трети XX века: к вопросу об иностранном факторе российской модернизации 1069-1074

Зверев В. А.
Воспроизводство населения Енисейской губернии на заре демографической модернизации (конец XIX – начало XX в.) 1075-1084

Исаев В. И.
Модерн и традиция в повседневной жизни сибирских рабочих (вторая половина 1920--х – 1930-е гг.) 1085-1090

Кожаева А. А.
Феномен трудовой миграции в Сибири в конце 1920-х–начале 1930-х гг.: оргнабор и стихийная миграция 1091-1096

Рогачев А. Г.
Российская имперская модернизация и особенности её реализации в Енисейской губернии в XIX в –начале XX в.. 1097-1102

Шекшеев А. П.
Продразверстки и протестное поведение крестьян Енисейской Сибири в начале 1920-х гг. 1103-1110

СИБИРСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.М. СПЕРАНСКОГО: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСОЗНАНИЕ ТЕРРИТОРИИ. 200-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.М. СПЕРАНСКОГО

Белгородская Л. В.
Специфика визуализации образа М.М. Сперанского в Сибири (XIX - нач. XXI в.) 1112-1115

Зиновьев В. П.
Межнациональное разделение труда в Восточной Сибири по данным переписи 1897 г. 1116-1121

Кучерова И. В.
Роль писаря в сельской и волостной администрации Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. 1122-1125

Нагорных В. В.
К вопросу об истории местного самоуправления в Минусинске (кон. XVIII в. - нач. XX в.) 1126-1129

Новоселов М. Ю.
Русская реэмиграция из Китая на территорию Красноярского края в 1950-е гг. 1130-1133

Терскова А. А., Дворецкая А. П.
Иудейская община г. Енисейска во второй половине XIX – начале XX вв. . 1134-1140

Толочко А. П., Коновалов И. А.
Административная и законотворческая деятельность М.М. Сперанского в Сибири 1141-1144

СИБИРЬ В ВОЙНАХ: ФРОНТ И ТЫЛ

Бесчастных Е. В.
Трудовой подвиг женщин-железнодорожниц в годы Великой Отечественной войны 1146-1150

Воробьева Э. А.
Цена войны: добровольный и вынужденный вклад Сибири в Русско-японскую войну 1904-1905 годов 1151-1156

Клюев Н. В,
Влияние Великой Отечественной войны на социально-экономическую жизнь малых городов Сибири на примере г. Ишима. 1157-1163

Королева Т. В., Котлова Т. Б., Будник Г. А.
Электроэнергетика Сибири в годы Великой Отечественной войны 1164-1169

Филиппов В. В., Нигаматзянова Л. Д.
Трасса неизвестных героев. Перегон самолетов на фронт с авиазаводов Сибири и Дальнего Востока. 1170-1172

Паршуков В. А.
Участие енисейских казаков в боевых действиях в Карпатах во время Первой мировой войны 1173-1179

Топчеев В. В.
Методы борьбы противоборствующих сил на территории Минусинского уезда в годы гражданской войны. 1180-1184

Тяпкин М. О.
Форменное обмундирование и вооружение лесной стражи Алтайского округа в 1910-х гг. 1185-1190

Леопа В.П.
119-я стрелковая дивизия в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции. 1191-1195

СИБИРЬ ПОСТСОВЕТСКАЯ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В 1957 – 1991 ГГ.

Ангадаева Ю. Ю.
Становление и развитие деятельности Кабанского рыбозавода в 1930-1999-е гг. 1197-120

Гряникова Г. А.
Роль внешних товарных поставок в экономическом развитии Алтайского края в 1960-е – 1991 гг. 1203-1207

Залесская О. В., Янь Мэйвэй
Российско-китайские гуманитарные контакты в дальневосточном приграничье в 1950-1980-е гг. 1208-1214

Павлюкевич Р. В.
Особенности управления в рамках системы СНХ на материалах Красноярского экономического района 1215-1222

Прищепа А.И.
Азербайджанцы в Западной Сибири в годы ее нефтегазового освоения . . 1223-1227

Сентябова М. В.
Реализация государственной политики в области охраны женского здоровья в Приенисейской Сибири 1950-х – 1970-х гг. 1228-1233

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ: КОНЕЦ XIX-XX ВВ.

Бурматов А. А.
Сельское население Западной Сибири в 1950–1960 гг. 1235-1242

Волосов Е. Н.
Стратегия региональной власти по вопросам планирования экономического развития Красноярского края в 1960-1980-х годах 1243-1250

Колыньяк К. А.
Правовой статус женщины в Сибири в конце XIX - начале XX вв. 1251-1253

Кудряшов В. В., Максимова В. Н.
Дискуссии о развитии сети железных дорог в Сибири в начале XX в. . . . 1254-1259

Кухта С. В.
«Много интересного и полезного готовит нам нынешнее лето…»: организация летнего отдыхапионеров Красноярского края в 1945-1953 гг. 1260-1265

Литвинова О. А.
Образ левой оппозиции в сознании жителей Барнаульского округа (1926–1927 гг.) 1266-1272

Маадыр М. С.
Журналы Тувинской Народной Республики в контексте историко-культурного наследия современности 1273-1277

Михалев А. В.
Чайный путь и контрабанда опиума в позднеимперский период 1278-1283

Скляренко Н. С.
Представление о советской Сибири и Дальнем Востоке в Японии в межвоенный период (1918-1939 гг.) 1284-1287

Скляренко Н. С.
Положение попечительства о слепых в Енисейской губернии в дореволюционный период 1288-1293

Хоменко Д. Ю.
Красноярский медицинский техникум: исторический путь от основания до начала XXI века 1294-1299

Ширапов А. А.
От контрабанды к легальному бизнесу: история экспорта драгоценных металлов из России в Китай через Кяхту 1300-1303

ЭНВАЙРО - МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Барабанова К. С.
Проблемы санитарного загрязнения городских рек и водопользования в условиях эпидемии холеры в Омске в 1892 году 1305-1310

Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.
История чрезмерного воздействия на промысловые угодья Енисейского Севера в XIX – XX вв. 1311-1318

Гололобов Е. И.
Борьба с промышленными загрязнениями вод Арктического бассейна в Сибири в позднесоветский период (1981-1991 гг.) 1319-1323

Зыкин И. В.
Концепции и проекты советских ученых по освоению лесных ресурсов Сибири во второй половине 1920-х – 1930-х гг. 1324-1329

Комгорт М. В.
Сибирская нефть против «Сибирского моря» 1330-1336

Красовитова Э. С.
Влияние промышленного развития Севера Западной Сибири на природную среду региона в середине 1960-х – конце 1980-х гг. 1337-1340

Кузнецова М. В.
Современные тенденции в экскурсионной деятельности. Экскурсионная деятельность как технология сохранения историко-культурного наследия 1341-1345

Мостовенко М. С.
Деятельность постоянных комиссий по охране природы по защите водных ресурсов в 1960-е-1970-е годы 1346-1349

Рябов Ю. В .
Проблемы экологии и природопользования в период строительства Ангарского каскада ГЭС в советский период (1950 – 1970-е гг.) 1350-357

Хорина В. В.
Изучение традиционного природопользования и хозяйственного быта коренных народов Приенисейской Сибири как часть этнографических исследований сотрудников местных научных обществ и музеев в последней четверти XIX – начале XX вв. 1358-1364

Южакова Т. Л.
Интересы и приоритеты переселенческого крестьянства в промыслах в Степном крае во второй половине XIX – начале XX веков 1365-1368

ИСТОРИЯ СИБИРИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ

О судьбе коллекции сибирских растений участника Второй Камчатской экспедиции Георга Вильгельма Стеллера (1709–1746)

Бондарь Лариса Дмитриевна
Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
L007@list.ru
https://orcid.org/0000-0001-6745-841X

АННОТАЦИЯ Возвращаясь в Петербург, Г. В. Стеллер вез с собой зимой 1746 г. ботанические коллекции, включавшие гербарии, семена и растения в «спящем» состоянии. Доехав до Соликамска весной 1746 г., Г. В. Стеллер был отозван в Иркутск, растения же, он предварительно высадил в частном ботаническом саду, принадлежавшем Г. А. Демидову. В 1747 г. Г. А. Демидов отправился из Соликамска в Санкт-Петербург и в 1748 г. передал в Академию наук коллекцию трав (гербарий) Г. В. Стеллера. Шли переговоры о перевозе в Петербург высаженных в Соликамске растений, однако сведений об их окончательной судьбе не обнаружено.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Георг Вильгельм Стеллер, коллекция сибирских растений, Вторая Камчатская экспедиция, Соликамск, Г. А. Демидов

Научная биография немецкого натуралиста, участника академического отряда Второй Камчатской экспедиции, адъюнкта Императорской академии наук Георга Вильгельма Стеллера (Georg Wilhelm Steller (Stöller); 1709–1746) хорошо изучена; исследования, посвященные этому естествоиспытателю, настолько обширны, что обусловили появление в историографии термина «стеллериана» [8; 9]. Вместе с тем, в научной литературе встречаются ошибочные сообщения о судьбе коллекции растений, которые Г. В. Стеллер вез с собой из Сибири в Санкт-Петербург.

Как известно, в конце лета 1745 г. Г. В. Стеллер был отозван с Камчатки и отправился в Петербург, однако ему удалось доехать только до Соликамска, где он получил распоряжение вернуться в Иркутск. Однако, пройдя часть пути (до Тары), он узнал об отмене приказа и вновь отравился в столицу, однако так и не прибыл туда, заболев по дороге и скончавшись в Тюмени.

В Соликамск же Г. В. Стеллер приехал в начале апреля 1746 г. [3, л. 582 об.], там он познакомился с известной для того времени личностью, представителем знаменитой семьи уральских промышленников Демидовых, правнуком основателя династии – Григорием Акинфиевичем Демидовым (1715–1761)[1]. Будучи наследником семейных промышленных предприятий, получив также приданое за своей супругой Анастасией (1713–1764), дочерью соликамского промышленника Павла Ивановича Суровцева (?–1728), Г. А. Демидов все же главные свои интересы видел в науке, в ботанике. В соликамском поместье своей жены, в селе Красное, Г. А. Демидов стал целенаправленно заниматься разведением растений, создав в результате на его территории ботанический сад, признанный первым частным ботаническим садом в России[2].

---

[1] Соликамский исследователь В. К. Штибен предположил, что Г. А. Демидов и Г. В. Стеллер были знакомы раньше, основываясь на свидетельстве письма И. Г. Гмелина Г. В. Стеллеру из Томска от 20 ноября 1740 г. [3, л. 29-30] – упоминании о некоем магните, который Г. В. Стеллер передал персонально Г. А. Демидову [10, с. 49]. Это сообщение можно трактовать различно; между тем встреча весной 1746 г. – достоверна.

[2] Датой основания сада условно считают 1731 г. – год женитьбы Г. А. Демидова и его поселения в селе Красном.

Еще раньше гостями в доме Г. А. Демидова были руководитель академического отряда Второй Камчатской экспедиции Герхард Фридрих Миллер (Gerhard Friedrich Müller; 1705–1783) вместе со своим коллегой и спутником Иоганном Георгом Гмелиным (Johann Georg Gmelin; 1709–1755). Они посетили Соликамск в декабре 1742 г. и имели возможность познакомиться с ботаническим садом. Именно в работе И. Г. Гмелина «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743» сохранилось одно из первых упоминаний о саде Г. А. Демидова: «Господин Демидов <…> большой любитель естественных наук, особенно науки о растениях, большое количество которых он не только сушит в бумагах, но и содержит изящный сад, который стоит ему немалых расходов; и в котором для этой страны есть поистине королевская оранжерея. Многим местным жителям это не понятно. Но он сумел вырваться из предрассудков, и его не беспокоит мнение ни единого человека, кто бы сказал ему: к чему такие расходы? Какой от этого получается доход? Он знает, что ему позволено иметь это невинное удовольствие от божьих созданий» [11, S. 519–520].

Г. В. Стеллер прибыл в Соликамск с коллекцией сибирских растений и семян и должен был воспользоваться весенним временем и высадить образцы. Для этого сад Г. А. Демидова оказался исключительно подходящим. Об этом сообщает последний рапорт Г. В. Стеллера в Академию наук от 18 августа 1746 г., составленный в Соликамске, но не отправленный и обнаруженный после его смерти в бумагах путешественника в Тюмени [4, л. 179–181 об.][3]. Г. В. Стеллер писал в своем рапорте: «Великое множество редких моих растущих вещей и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал, на дороге растаяли, и я весною принужден был их либо все бросить, либо в Сликамске остаться, к чему мне сад г. Демидова и прилежное надзирание сего саду способными казались. И таким образом выбрал я сие последнее, яко полезное для сада Академического» [4, л. 182 об.]. В саду Г. А. Демидова осталось в общей сложности около 80-ти редких растений, «но которые без меня с трудом возрасти могут, особливо, что некоторые от езды прошлогодней в болезненном состоянии находятся; но ежели оные там еще зиму простоят, то без всякого сумнения возрастут» [4, л. 184][4]. Из сообщения о том, что растения были доставлены в «замороженном» состоянии, ясно, что из Иркутска были привезены кустарники и деревья.

В этом же рапорте Г. В. Стеллер сообщает о своей плодотворной поездке по Пермскому краю для исследования всех трех царств природы. К рапорту был приложен реестр передаваемых в академию рукописей, две из которых считаются утерянными. Одна из утерянных рукописей – «Флора Пермии со многими описаниями новых трав»[5]. Очевидно, она была написана как раз на основе материалов, собранных весной–летом 1746 г. в Прикамье[6].

Второй документ, рассказывающий об этих событиях, – это записка Г. В. Стеллера, переданная им участнику Второй Камчатской экспедиции Иоганну Эбергарду Фишеру (Johann Eberhard Fischer; 1697–1771) в последний день пребывания Г. В. Стеллера в Соликамске. В этой записке, получившей в историографии наименование «завещания Стеллера»[7], Г. В. Стеллер просит И. Э. Фишера добиться от академии разрешения не трогать растения, посаженые в саду Г. А. Демидова, до его возвращения и не высказывать

---

[3] Здесь же хранится русский перевод документа [4, л. 182–184 об.], который и будет использован далее при цитировании

[4] Рапорт опубликован, но не полностью [6, с. 602–604].

[5] Вторая утерянная рукопись – «Дополнение к флоре р. Лены доктора Гмелина» [4, Л. 184].

[6] Г. А. Демидов сопровождал Г. В. Стеллера в этой поездке, о чем уральский заводчик и ботаник сообщил в своем письме 26 февраля 1748 г. Карлу Линнею (Carl von Linné; 1707–1778), с которым он состоял в переписке; в этом же письме Г. А. Демидов подтвердил тот факт, что в его саду были высажены растения, привезенные Г. В. Стеллером «издалека» [Цит. по: 1, с. 269].

[7] Копия записки сохранилась в письмах Петра Симона Палласа (Peter Simon Pallas; 1741–1811) к Г. Ф. Миллеру [7]; оригинал находится в Геттингене [1, с. 272]. Опубликована по копии П. С. Палласа [12, с. 461–463].

Г. А. Демидову претензий за то, что предназначавшиеся для академии коллекции оказались в его саду. На этом настоял сам Г. В. Стеллер, а владелец соликамского сада оказал тем самым услугу для академии. В этом же документе Г. В. Стеллер сообщает об оставленном в Соликамске гербарии (а также коллекции минералов), собранном им летом 1746 г. в «Пермии», а также о происхождении растений, высаженных в саду Г. А. Демидова: «Свежие растения у господина Демидова собраны на Лене, в окрестностях Иркутска, Байкала, Чусовой и Верхотурских гор» [12, с. 463]. Так, видим, что привезенная из Иркутска коллекция пополнилась прикамскими образцами; упоминаемое в рапорте количество (около 80-ти растений) включало, очевидно, и местные образцы.

Как известно, вернуться за своими коллекциями в Соликамск Г. В. Стеллеру не было суждено. В феврале 1747 г. сибирский лекарь Теодор Лау привез в Петербург вещи Г. В. Стеллера, оставшиеся после его смерти в Тюмени, в том числе и упомянутый выше рапорт от 18 августа 1746 г. с реестром дел [4, л. 211]. 10 апреля этого же года Академия вынесла решение о необходимости возврата остальных дел и вещей Г. В. Стеллера в академию. Для этого Академия решила просить содействия соликамской провинциальной канцелярии прислать в Петербург растения и гербарии Г. В. Стеллера и собранные им минералы [4, л. 206–206 об.]. Письмо в канцелярию было отправлено 12 мая 1747 г. [4, л. 210]. Посредником в поиске перечисленных рукописей, оставленных в Тюмени, вызвалась выступить Медицинская канцелярия и действовать через Теодора Лау[8]. Было решено написать и самому Г. А. Демидову в отношении 80-ти растений и сундуков Г. В. Стеллера, которые оставались в Соликамске.

13 мая 1747 г. президент Академии наук Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803) послал Г. А. Демидову соответствующее письмо[9]. В тот год Г. А. Демидов покинул Соликамск, решив переехать в Петербург. Письмо К. Г. Разумовского застало его в Москве, и 28 мая 1747 г. Г. А. Демидов составил ответ, в котором сообщал: «...Обретаюся я ныне в Москве, а оные вещи имеютца у меня у Соликамской, ис которых ящики за печатью оного Штеллера уповаю привезены будут нынешнею осенью; которые я при отъезде моем велел отправить на соляных судах[10], а планты во ожидании повеления Вашего высокографского сиятельства о чем я и предлагал остались у Соликамской в саду моем, а сколко и какие я неизвестен» [4, л. 212–212 об.]. Относительно растений Г. А. Демидов «возъимел смелости предложить, понеже за упущением времянии ныне переслать их никоим образом невозможно, ибо стоят уже в полном соку и росте; то не соизволите ли Ваше сиятельство приказать по первому зимнему пути таким же манером привезть, как покойной Штеллер их до Соликамской из Сибир привез» [4, л. 212–212 об.]. О том, каким «манером» были привезены растения в Соликамск, сообщал упомянутый рапорт Г. В. Стеллера от 18 августа 1746 г.: в замороженном виде.

В ответ на это К. Г. Разумовский заверил Г. А. Демидова[11] , что «Академия наук такова намерения не имела, дабы собственныя из ево сада травы и кусты сюда привесть да только бы адъюнктом Стеллером оставленныя у него за печатью сундуки и вещи при удобном случае сюда прислать а помянутые бы травы до дальнаго академии определения у себя в саду хранить [4, л. 213, 214]. В письме от 2 июля 1747 г. Г. А. Демидов сообщил: «... Понеже я оных сундуков вскоре сюда в Москву ожидаю и уповаю что конечно в первых числех августа месяца привезутца» [4, л. 215].

Много позднее появилось еще одно сообщение на эту тему: в протоколе заседания академической Конференции 11 марта 1748 г. записано, что Г. А. Демидов передал в Академию наук «собранные после умершего адъюнкта Штеллера у Соликамской травы, до ботаники касающиеся. Того ради определено: оные травы отдать, для учинения им описи, адъюнкту Крашенинникову, которую сочиня, подать в канцелярию, а те травы

---

[8] Промемория из медицинской канцелярии от 19 мая 1747 г. [4, л. 211].

[9] В бумагах Канцелярии самого письма нет, но сохранилось упоминание о нем [4, л. 209; ср. л. 212].

[10] В конце письма Г. А. Демидов объясняет свой выбор способа пересылки: «а через Канцелярию Соликамской к пересылке оных случаю быть не уповаю» [4, л. 212 об.].

[11] Решение об ответном письме записано 16 июня 1747 г. [4, л. 213, 214]; само письмо, судя по упоминанию в преамбуле ответного письма Г. А. Демидова [4, л. 215], было отправлено, по-видимому, 22 июня 1747 г.

хранить с прочими» [5, с. 107]. Очевидно, что речь здесь идет только о гербарии Г. В. Стеллера, собранном им летом 1746 г., который он сам, как явствует из «завещания» путешественника, не успел привести в надлежащий порядок[12]. О судьбе же растений Г. В. Стеллера, остававшихся в соликамском саду, как и о передаче их в Академию наук, в СПбФ АРАН сведений не найдено. Таким образом, сегодня не обнаружено подтверждений бытующего в специальной литературе мнения о том, что стеллеровские растения из соликамского сада были переданы в Академию наук.

Соликамский сад Г. А. Демидова продолжил свое существование и после переезда его хозяина в Москву, и после его смерти и наследовании соликамских владений сыном Александром, и после продажи в 1772 г. имения под Соликамском промышленнику Алексею Федоровичу Турчанинову (1704/05—1787). Соликамский сад упоминали еще ученые путешественники – участники физических экспедиций Академии наук 1770-х гг. [2, с. 1031]. Дальнейшая судьба его растений не ясна. В 1980-е гг. началась работа по возрождению в Соликамске ботанического сада. С 2008 г. сад носит официальное название «Мемориальный ботанический сад Г. А. Демидова», однако он разбит в другом месте и с коллекцией Г. А. Демидова (и включенной в нее коллекцией Г. В. Стеллера) связан только номинально.

Список литературы

[1] Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй. XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. 364 с.

[2] Бондарь Л. Д. Экспедиция И. И. Лепехина. 1768 – 1771 гг. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2-х кн. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2018. Кн. 2. С. 1024 – 1032.

[3] Дела после покойного адъюнкта Штеллера // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 800 а.

[4] Камчатские дела. 1746–1753 // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 813.

[5] Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 9. 1748–1749 (январь–май). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1897. 826 с.

[6] Пекарский П. П. Наука и культура в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: Издательство товарищества «Общественная польза», 1862. 578 с.

[7] Письма П. С. Палласа к Г. Ф. Миллеру // СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 222а.

[8] Рыкова В. В. Библиография трудов Г. В. Стеллера и работы о нем в БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: Материалы X международной научной конференции, посвященной 300-летию со дня рождения Г.В. Стеллера. 2009. Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН, 2009. С. 117–120.

[9] Стеллериана в России. 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. И. Колчинский; сост. Э. И. Колчинский, Д. А. Гоголев, О. О. Кох, В. В. Рыкова. СПб.: Нестор-История, 2009. 78 с.

[10] Штибен В. К. Григорий Демидов. Демидовская энциклопедия. XVIII век. 2-е изд. Соликамск: Трудолюбивая пчела, 2015. 244 с.

[11] Gmelin J. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Tl. 4. Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoeck, 1752.

[12] Zuverlässige Nachrichten von den letzten Schichsalen des Herrn Georg Wilhelm Steller // Physikalisch-ökonomische Bibliothek. Bd. 8. Göttingen: Im Verlag der Wittwe Vandenhoeck, 1777. S. 453–464.

[12] Известно, что дубликаты стеллеровых гербариев Г. А. Демидов отправил в Упсалу Карлу Линнею, с которым установил переписку после переезда в Петербург. Письма Г. А. Демидова К. Линнею сохранились в архиве Линнеевского общества в Лондоне и хорошо известны специалистам.

УДК 009+004.9

Возможности платформы ProСибирь для репрезентации рукописного наследия

Есипова Валерия Анатольевна
Доктор исторических наук, заведующая сектором, Научная библиотека Томского государственного университета, г. Томск, Россия
esipova_val@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9642-8578

Балаганова Дарья Юрьевна
Главный библиотекарь, Научная библиотека Томского государственного университета, г. Томск, Россия
darya_drozhzhina@lib.tsu.ru

Светличная Наталья Николаевна
Заведующий отделом, Научная библиотека Томского государственного университета, г. Томск, Россия
nn26svet@gmail.com

АННОТАЦИЯ В данной статье рассмотрены возможности платформы ProСибирь для репрезентации в электронном виде рукописного наследия. Приведены примеры традиционных электронных библиотек и электронных коллекций полнотекстовых документов, составляемых другими держателями книжного наследия. Указаны отличия платформы ProСибирь от электронных библиотек. Перечислены основные данные, которые вносятся на платформу при описании вновь загружаемого документа. Описан опыт добавления дополнительных данных, необходимых для исследователя рукописного наследия: изображения филиграней, образцы почерков, примеры текстов определенного типа. Выдвинуты предположения о потенциальном использовании подобных данных для дальнейших исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА рукописное наследие, палеография, цифровая гуманитаристика, инфраструктура исследований, Сибирь, цифровая платформа

Вопрос репрезентации культурного наследия в электронном пространстве постоянно привлекает внимание как специалистов, так и всех, интересующихся отечественной историей [1, 2 и др.]. Не является исключением и письменное наследие Древней Руси, в том числе и бытовавшее в старообрядческой среде.

В рамках проекта РНФ «Древнерусские тексты в старообрядческой среде: репертуар и особенности функционирования» (проект №22-28-00742), который в настоящее время выполняется силами сотрудников Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ) и Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук (ГПНТБ СО РАН), предполагается выполнение ряда работ. В их числе выявление памятников письменности, содержащих тексты древнерусской литературной традиции, в старообрядческих рукописях XVIII-XX в., изучение их палеографических особенностей и условий создания списков. Имеется в планах и создание электронной коллекции выявленных списков на платформе ProСибирь [3].

Создание электронных коллекций рукописных памятников осуществляется уже довольно давно всеми крупными держателями памятников такого рода – библиотеками, например, Российской государственной библиотекой [4], Российской национальной библиотекой [5], НБ ТГУ [6]. Подобные коллекции имеются также в музеях и архивах, хотя в их задачи не входит создание электронных библиотек как таковых [7 – 9].

Все эти электронные коллекции выполняют основную функцию – обеспечение доступа читателя к полным текстам уникальных документов, поэтому основным их содержанием является электронный каталог (перечень, таблица), куда включены

описания памятников и по которым может производиться поиск и собственно полнотекстовые электронные копии указанных памятников, доступ к которым осуществляется из электронного перечня или каталога. Иные функции в электронных коллекциях такого рода обычно не предусмотрены, да они там и не нужны, поскольку целевое назначение таких коллекций вполне определено.

Рассмотрим, какого рода дополнительные возможности предоставляет пользователям платформа ProСибирь. Отметим, что платформа была создана на базе электронной библиотеки ТГУ в 2021 г. и в настоящее время ведется ее активное наполнение. Сейчас на платформе представлены коллекции периодических изданий, книг, рукописей и архивных документов, изобразительных материалов и карт. Каждый пользователь платформы имеет возможность создавать собственные коллекции, а затем открывать к ним доступ. В рамках работы по проекту РНФ была создана коллекция «Древнерусские тексты в составе поздних старообрядческих рукописей» [10].

Рассмотрим структуру описания рукописи на платформе ProСибирь. В самом начале указывается, в каком хранилище находится документ, а также его инвентарный номер, что важно для оформления корректных библиографических ссылок. Далее следует традиционное палеографическое описание, включающее размеры, количество листов, характеристику навигации (пагинации и сигнатур). Отдельно дается описание бумаги, в том числе – обнаруженных филиграней и штемпелей. По возможности при этом дается ссылка на имеющиеся в цифровой форме справочники филиграней, например, работу С.А. Клепикова [11], оцифрованную и выложенную в сеть библиотекой МГУ. Также описывается почерк, орнаментика, переплет, дается подробная характеристика записей на книге и источник ее поступления в текущее хранилище. В случае наличия опубликованных описаний или полного текста рукописи дается ссылка на них. Как видно, эти разделы описания вполне традиционны.

Из нетрадиционных пунктов отметим карту, на которой можно при внесении документа на платформу указать места создания, бытования и хранения рукописи. Кроме того, в конце страницы, посвященной отдельному источнику, имеется большая кнопка «Полезные инструменты для работы с этим документом». При нажатии на нее пользователь попадает на страницу, где собраны ссылки на различные справочные и идентификационные сервисы, которые могут помочь в работе с документом [12].

Также заслуживает отдельного упоминания ридер, предназначением которого является не только предоставление доступа к полному тексту документа. Этот сервис работает по принципу Google Docs: к тексту документа можно добавить стикер, текстовый комментарий, можно рисовать на нем и стирать рисунки. Кроме того, предусмотрена возможность коллективной работы с документом: можно создать рабочую группу, пригласить туда коллег или студентов и совместно работать с текстом документа. В этом случае члены группы будут видеть комментарии, которые оставили к тексту их коллеги. В настоящее время таким образом описывается большинство рукописей, размещаемых на платформе. Однако при работе по проекту РНФ коллективу понадобились дополнительные данные, и была предпринята попытка их разместить.

Обычно в традиционных электронных библиотеках и электронных коллекциях рукописей исследователям недостает возможности визуально ознакомиться с филиграними и штемпелями исследуемого документа, что дало бы хорошую возможность проверить датировку памятника. Существуют специализированные базы данных филиграней, в том числе международные [13], однако в связи с конкретными рукописными памятниками филиграни почти никогда не показываются. Можно назвать единичные примеры попыток такого рода, в частности, опыты ПНТБ СО РАН [14].

В связи с этим, в рамках проекта была предпринята попытка на примере одной из рукописей выполнить это требование. В силу особенностей, филигрань невозможно качественно передать в цифровой копии без использования специальных устройств.

Фотофиксация филиграней производилась с помощью электрической люминесцентной пленки Slimlight формата А3. Данное устройство представляет собой переносной подсвет, который, благодаря своей эластичности и минимальной толщине (1 мм), позволяет создать эффектное освещение и качественно запечатлеть водяные знаки.

Техника съемки состоит в следующем: подсвечивающее устройство размещается под листом с филигранью, на лист рядом с филигранью кладется линейка, после чего производится фотофиксация с обязательным учетом листа. Исследуемая нами рукопись имеет формат «кварта», в связи с чем филиграни зачастую размещены в корешковом сгибе. Поэтому создается два изображения, которые презентуются в виде коллажа. Таким образом, удалось получить четкие качественные изображения водяных знаков, после чего они были размещены на сервере библиотеки, а из описания рукописи на платформе ProСибирь дана ссылка на эти изображения.

Еще одним вопросом, который часто волнует исследователей, является вопрос о сопоставлении почерков. В настоящее время существует ряд электронных инструментов, позволяющих проводить сопоставление почерков. Однако для выполнения сопоставления нужен материал. Поэтому было предложено отдельно разместить образцы почерков, представленных в данной рукописи.

Наконец, вопрос содержания. В проекте РНФ исследуются вполне конкретные тексты, относящиеся к древнерусской традиции. Поэтому для описания рукописи в рамках данного проекта были предложены дополнения, касающиеся указания на тексты древнерусской традиции в составе того или иного сборника. Эти тексты также размещены отдельно, что позволяет, не листая рукопись, обратиться сразу же к интересующим исследователя частям. Также в этом разделе представлены ссылки на публикацию текстов в каком-либо авторитетном издании (например, «Библиотека литературы Древней Руси»).

Предложенный формат размещения дополнительных материалов позволяет более полно представить данные об оцифрованной рукописи. Однако представляет интерес также перспектива дальнейшего использования такого рода данных. Например, материалы по сибирской бумаге до настоящего времени очень слабо введены в научный оборот, что делает актуальным вопрос о точности датировок рукописей сибирского происхождения. В числе прочего, это вопрос залежности бумаги (т.е., промежутка времени с момента производства бумаги до момента создания документа). Для Сибири этот промежуток времени был больше, чем для европейской части России [15]. Поэтому сбор и публикация массового материала в этой области может повлиять на точность датировки рукописей сибирского происхождения.

В качестве возможного варианта решения этой проблемы можно предложить создание коллекции изображений филиграней на платформе ProСибирь, где сейчас формируется функционал для работы с изображениями. Однако это требует большой дополнительной работы: так, последующее размещение коллекции филиграней бумаги сибирских по происхождению рукописей, например, в международной базе «Memory of Paper» требует внесения дополнительных сведений, которые в настоящее время на ProСибирь не представлены.

Имеются и перспективы в исследовании почерков, однако для полноценной работы также необходимо набрать массив данных – то есть собрать и систематизировать достаточно большое количество образцов, желательно датированных.

Таким образом, платформа ProСибирь дает целый ряд возможностей как для репрезентации рукописного наследия региона, так и для дальнейшего его изучения с привлечением различных цифровых инструментов.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда № 22-28-00742, https://rscf.ru/project/22-28-00742/

Список литературы

[1] Горлова И.И., Зорин А.Л., Гуцалов А.А. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы. М.: Институт Наследия, 2021. 383 с.

[1] Гук Д. Ю. Культурное наследие в цифровом пространстве Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. 94 с.

[1] ProСибирь. URL: https://prosiberia.tsu.ru/ (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Российская государственная библиотека. Рукописные материалы в открытом доступе. URL: https://search.rsl.ru/#ef=1&af=1&c=dlruk (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Российская национальная библиотека. Электронная библиотека рукописей. URL: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?digital=1 (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Научная библиотека Томского государственного университета. Электронная библиотека (репозиторий). Рукописные книги. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847 (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Государственный исторический музей. Коллекция рукописей и старопечатных книг. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT?fund_ier=647760263 (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Томский областной краеведческий музей. Рукописные книги XVI-XX веков. URL: https://tomskmuseum.ru/fond/fondnxo/fondnxopi/fnxopikf/fnxopikfrk/ (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Российский государственный архив древних актов. Коллекция уникальных единиц хранения. URL: http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&B1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Древнерусские тексты в составе поздних старообрядческих рукописей // ProСибирь. URL: https://prosiberia.tsu.ru/collections/74 (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. М.: изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Wmark/index.html (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Полезные инструменты для работы с документом // ProСибирь. URL: https://prosiberia.tsu.ru/instructions/1 (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Bernstein. Memory of paper. URL: https://www.memoryofpaper.eu/BernsteinPortal/appl_start.disp (дата обращения: 10.06.2022).

[1] ГПНТБ СО РАН. Красноярское собрание. F VI.11. Евангелие учительное. Рукопись 1430-х гг. URL: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5/%D0%A3%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%95%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B5/index.html (дата обращения: 10.06.2022).

[1] Есипова В.А. Бумага как исторический источник: (По материалам Западной Сибири XVII – XVIII вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 196-212.

УДК 027.1(571)

Походная библиотека Д.Г. Мессершмидта в сибирском путешествии

Зенкевич Светлана Игоревна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Библиотека Российской академии наук (БАН), г. Санкт-Петербург, Россия.
s.zenkevich@gmail.com

Басаргина Екатерина Юрьевна
Доктор исторических наук, заведующий отделом, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
spbaran-publications@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Немецкий ученый-энциклопедист Д.Г. Мессершмидт, совершивший первую научную экспедицию в Сибирь (1719–1727), взял с собой в путь походную библиотеку, о существовании которой мы знаем по единственному документу — составленной самим ученым в 1725 г. описи книг, ныне хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Этими книгами он активно пользовался в Сибири в ходе выполнения своей научной программы: многочисленные ссылки на них мы видим в его рукописях. Чтение также позволяло ученому сохранять бодрость духа в тяжелом путешествии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Д.Г. Мессершмидт, Сибирь, научная экспедиция, походная библиотека.

Объект исследования предлагаемой работы — уникальная книжная коллекция из полутора сотен наименований, которую немецкий ученый-энциклопедист Д.Г. Мессершмидт (1685–1735), приглашенный Петром I в Россию и в 1719–1727 гг. совершивший первую в истории научную экспедицию в Сибирь, взял с собой в путь и возил по городам и весям в нескольких сундуках. Это не та или не совсем та библиотека Мессершмидта, которую, в составе 170 позиций, осенью 1741 г. его вдова продала Академии наук, и которая пополнила первоначальный книжный фонд Библиотеки Академии наук (БАН). (Основываясь на опубликованной описи проданных книг [7], ученые уже не первый год ведут работу по выявлению книг немецкого ученого, хранящихся в фондах БАН и других книгохранилищах [2–4]. В общей сложности обнаружено более 20 изданий с владельческими надписями Мессершмидта, но это несколько другой сюжет.)

Походную коллекцию в виде корпуса книг никто из нас никогда не видел и едва ли когда-нибудь увидит: она в какой-то момент была утрачена, но у нас есть документальное подтверждение ее существования — сделанная рукой Мессершмидта ее иркутская опись 1725 г., уже глубоко второй половины экспедиционного срока, которую можно с полным основанием считать владельческим каталогом. Опись хранится в фонде Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) [8]. Она лишь по некоторым позициям совпадает со списком проданных вдовой ученого книг, то есть мы, таким образом, располагаем данными о двух личных библиотеках нашего героя и сейчас обратимся именно к библиотеке походной.

Особой систематизации в интересующей нас описи, как правило, нет, хотя следы предметного принципа заметны. Для удобства книги в сундуках разложены по формату (формат указан в каждой строчке описи). Никакого намека на подробные библиографические описания, разумеется, тоже нет — только очень краткие записи, чтобы знать, какая книга в каком сундуке находится. Из-за этого, кстати, то, что было понятно владельцу, не всегда очевидно нам. Тем не менее, реконструировать эту библиотеку необходимо для того, чтобы уяснить тот научный и культурный контекст, в котором в Сибири, вдали от университетов и библиотек, жил и работал немецкий ученый. Хотя сказать, что он все это время находился в культурном вакууме, мы не

можем: так, в Тобольске Мессершмидт попал в изысканное общество пленных шведских офицеров, имевших, кстати, прочные контакты с центром пиетизма — немецким городом Галле (а университет Галле — alma mater нашего героя). Это, например, К.Ф. фон Вреех, основатель тобольской школы, в которой преподавание велось на немецком языке, корреспондент ректора университета Галле и одного из ключевых представителей пиетизма, богослова и педагога А.Г. Франке [6]; также это Ф.И. Табберт (впоследствии фон Страленберг), ставший близким другом и коллегой нашего героя.

Походная библиотека — редкое явление в такой популярной области исследования как личные библиотеки. В нашем случае это книжное собрание ученого путешественника начала XVIII в., который покинул родину и отправился на новое место службы (а в пределе — вообще в неведомые края), взяв с собой часть домашней библиотеки, пополнив ее в Петербурге, а затем и в Тобольске от шведских офицеров; получил он несколько книг и от Витуса Беринга — начальника Первой камчатской экспедиции. Если стационарная библиотека вполне допускает тематический разброс, то от походной требуется, прежде всего, портативность и функциональность. Это те книги, без которых владелец не мыслит грядущее путешествие, но которые чрезмерно не утяжелят его багаж. Именно поэтому книги в походной библиотеке Мессершмидта в основном самого удобного формата — in octavo. Что же касается их репертуара, то эту коллекцию можно условно разделить на три части: теоретический фундамент, практические пособия и книги для души.

В соответствии со своей «базовой» специальностью выпускник медицинского факультета университета Галле Мессершмидт взял с собой, прежде всего, книги по естествознанию и медицине. Медицинская литература пригодилась ему сполна: как человек с европейским образованием он уже в Петербурге, а затем и в Сибири как доктор оказался на самой вершине иерархической лестницы, беспрестанно занимаясь медицинской практикой, в том числе освидетельствованием рекрутов в условиях продолжающейся Северной войны. В некоторых сибирских городах он, возможно, был вообще единственным квалифицированным доктором. Итак, медицинская литература — это основная, так сказать, функциональная часть его коллекции. В составе походной библиотеки с Мессершмидтом в Сибири, прежде всего, находились труды его учителей — профессоров университетов Йены и Галле, оказавших влияние на формирование естественнонаучных взглядов нашего героя. Это, например, несколько книг одного из апологетов ятрохимии Г.В. Веделя: «De medicamentorum compositione extemporanea» (Йена, 1679), «Specimen experimenti chimici novi. De sale volatili plantarum» (Йена, 1682), «Pharmacia acroamatica» (Йена, 1686) и «Syllabus materiae medicae selectoris» (Йена, 1701). С другой стороны, с Мессершмидтом в пути были сочинения знаменитого врача, первого профессора медицины в университете Галле с момента его основания (1693), представителя ятромеханики, одного из основоположников теории нервизма Ф. Гофмана: «De cinnabari antimonii, excertatio medico chymica» (Йена, 1681) и «Fundamenta medicinae ex principiis naturae mechanicis in usum Philiatrorum succincte proposita» (Галле; Магдебург, 1695), и ряд других. Медицина в походной библиотеке Мессершмидта, таким образом, представлена трудами ведущих врачей и естествоиспытателей XVII — начала XVIII в. То есть походная библиотека Мессершмидта не только служила ему подспорьем в медицинской практике, но и в известной степени отражала теоретические споры его эпохи. Корпус этих работ позволяет предположить, что Мессершмидт хорошо представлял себе ход основных научных дискуссий и даже на поприще медицинской практики, находясь в Сибири, работал как вдумчивый исследователь.

Состав книг по зоологии — не менее значимой части походной коллекции Мессершмидта — во многом предопределил направление естественнонаучных исследований нашего героя. Ученый сосредоточил свое внимание на пернатых Сибири, являвшихся легкой добычей и едва ли не самым доступным материалом для изучения. Подспорьем в работе ему служили научные пособия из его походной библиотеки. В его распоряжении были «Орнитология» Ф. Уиллоби (1676) и «Фармакология» С. Дейла (1693 или 1705). Обнаружив в имевшейся у него литературе отсутствие анатомических

описаний птиц, он взялся восполнить этот пробел и сделал орнитологические исследования центром своих работ.

Другая часть походной библиотеки Мессершмидта — это разнообразные лингвистические пособия, то есть несколько словарей и грамматик, в том числе по древнееврейскому языку. Интерес Мессершмидта к гебраистике уходит корнями в его студенческие годы. И.Г. Михаэлис, сподвижник Франке, профессор теологии в университете Галле, организовал специальный кружок — Collegium orientale theologicum, где вместе с учениками, среди которых практически наверняка был и Мессершмидт, штудировал Священное Писание в оригинале. Мессершмидт взял с собой в дорогу три труда Михаэлиса по грамматике — «Erleichterte Hebräische Grammatica» (1702), «Erleichterte Chaldäische Grammatica», «Gründlicher Unterricht von den accentibus prosaicis und metricis, oder Hebräischen Distinctionibus der H. Schrifft A.T.» (1711), а также неоднократно переиздававшийся словарь древнееврейского языка немецкого теолога и гебраиста, профессора Базельского университета И. Буксторфа — «Lexicon hebraicum et chaldaicum». Эти книги во время экспедиции со всей очевидностью были у него настольными: он стремился к составлению максимально полной в лингвистическом отношении зоологической и ботанической номенклатуры и наряду с русским языком и языками коренных народов Сибири ввел в нее в качестве обязательного элемента иврит.

Отправляясь в Сибирь, Мессершмидт запасся и учебниками по русскому языку, который, кстати, за годы экспедиции, судя по всему, так и не выучил. Назовем один, атрибуция которого не вызывает больших трудностей. В описи он представлен как латинско-русская грамматика Копиевича [8]. Имеется в виду изданное в предместье родного города Мессершмидта Гданьска (Данцига) «Руководение в грамматику славянороссийскую или московскую» (Штольценберг, 1706) просветителя, переводчика, литератора И.Ф. Копиевского (он же Элиаш Копиевич или, в латинизированной форме, Hasta Hastenius), который работал в издававшей русские книги типографии Я. Тессинга в Амстердаме, а затем основал свою типографию [1]. Эту книгу в основном использовали русские, обучавшиеся латинскому языку, но иностранцу, который, как Мессершмидт, владел латинским языком, она могла служить и для изучения русского языка как иностранного, что, кстати, вообще было очень актуально для множества приглашенных в Россию иностранцев. Возможно, научный багаж Мессершмидта составляли и другие книги Копиевича. Также у нашего героя наверняка были с собой «Лексикон треязычный» (1704) Ф.П. Поликарпова-Орлова (скорее всего, именно он обозначен в описи как “Anon. Lexicon Slavonicum” [8, л. 132 об.]) и «Грамматика» Мелетия Смотрицкого.

Примерно десятую часть походной библиотеки, согласно описи, составляет духовная литература — богословские и церковно-исторические сочинения. Укажем в качестве примера одно — знаменитую книгу предтечи пиетизма И. Арндта «Vier Bücher von wahren Christientum» (Магдебург, 1610). Мессершмидт, к слову сказать, записал в иркутском дневнике, недавно опубликованном в русском переводе, как зимой 1723–1724 гг. читал сочинение Арндта «Об истинном христианстве» — и в одиночестве, и вслух своему денщику [5, с. 67–68, 74]. Читал для души он также Вергилия, Овидия, Марциала, афоризмы Гиппократа — они представлены в его походной библиотеке.

Мессершмидт был активным читателем. Доказательства этому — с одной стороны, пометы на принадлежавших ему книгах, выявленных в Отделе БАН при Зоологическом институте [3], а другой — многочисленные ссылки на представленные в походной библиотеке книги в его дневнике и научных отчетах, отправленных им в Петербург, а также в его масштабном рукописном труде «Sibiria Perlustrata» [9], собранном им воедино по возвращении из Сибири в Петербург. Так, например, большинство записей в описании Мессершмидтом биоразнообразия и полезных ископаемых Сибири сопровождает ссылка: Dale. Здесь имеется в виду уже упоминавшийся выше знаменитый труд английского естествоиспытателя и врача С. Дейла «Pharmacologia seu Manuductio ad materiam medicam», представленный в описи походной библиотеки. Неоднократно Мессершмидт приводит ссылку: Buxtorf, адресуясь к также уже упомянутому нами

словарю древнееврейского языка.

Заключение. Структура личной библиотеки дает представление об общественном престиже и социальной роли ученого в то или иное время и всегда является убедительным штрихом к портрету ее владельца. Особое место среди частных книжных собраний занимает временная (Zeit), походная, библиотека, состав которой в целом определяется конкретными практическими задачами. Яркий пример такой библиотеки — известная нам по рукописной владельческой описи при отсутствии самого корпуса книг походная библиотека немецкого естествоиспытателя Д.Г. Мессершмидта, совершившего первое путешествие в Сибирь с научной целью. Книжная коллекция Мессершмидта представляет собой профессионально составленную личную библиотеку ученого-естествоиспытателя начала XVIII в. Функционально, по своей, так сказать, прагматике она является тематической, специализированной, и тем рельефнее наличие в ней тех книг, которые напрямую с исследовательскими и практическими задачами владельца не связаны. Ведь именно книги давали находившемуся вне привычных центров европейской культуры Мессершмидту силы продолжать свое дело. Что же касается практического вывода из проделанной работы, то реконструкция походной библиотеки Мессершмидта расширяет наше представление о круге чтения немецкого энциклопедиста и о том фоне, на котором развивалась в Сибири его разносторонняя деятельность, и дает комментарий к его трудам, в том числе к его opus magnum «Sibiria Perlustrata».

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-42006.

Список литературы

[1] Бегунов Ю.К. Копиевский Илья Федорович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). М.: Наука, 1999. С. 122–123.

[2] Беляева И.М. Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д.Г. Мессершмидта // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 22–26.

[3] Дунаева Ю.А. Книги из библиотеки Д.Г. Мессершмидта (1685–1735) в Отделе БАН при Зоологическом институте РАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4 (69). С. 106–116.

[4] Книги из ранних поступлений Академической библиотеки в отделе БАН при Зоологическом институте РАН: Каталог / Сост. Ю.А. Дунаева; отв. ред. И.М. Беляева. СПб.: БАН, 2020. 208 с.

[5] Мессершмидт Д.Г. «В Иркутском на реке Ангаре» (дневник: декабрь 1723 — февраль 1724) / Пер. с нем. О.Д. Лазуткиной, под ред. В.А. Абашника, Л.Д. Бондарь; сост. Ю.И. Чивтаев, под общей ред. Ю.И. Чивтаева, Л.Д. Бондарь. Иркутск: На Чехова, 2021. 216 с.

[6] Черказьянова И.В. Школа пленных шведов в Тобольске: опыт культурных контактов России и Германии начала XVIII в. // Немцы в России: Российско-немецкий диалог / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 155–168.

[7] Consignation und Taxa derer Bücher, so aus der Messerschmiedtschen Bibliotheque zur Academie genommen worden // Материалы для истории Императорской академии наук. Т. IV (1739–1741). СПб.: Тип. ИАН, 1887. С. 729–734.

[8] [Messerschmidt D.G. Lista der Zeit-Bibliothec] // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 132 об. –136.

[9] Messerschmidt D.G. Sibiria perlustrata // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Факсимильное издание рукописи. СПб.: Коло, 2020. 394 л.

УДК 27-725+395.3+329.3

Православное духовенство Екатеринбурга в первой половине XIX в. по материалам клировых ведомостей

Мангилева Анна Владимировна
Доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории и филологии, Екатеринбургская духовная семинария Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви, г. Екатеринбург, Россия
mangileva-anna@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-6548-9247

АННОТАЦИЯ В статье на основании клировых ведомостей г. Екатеринбурга первой половины XIX в. исследуются социальные стратегии городского духовенства: использование для продвижения по службе родственных связей и образования. В отношении традиционной стратегии использования родственных связей делается вывод о том, что для духовенства Екатеринбурга этот способ поддержки уже отходил на задний план в отличие от клириков другого уездного города - Ирбита. Уровень образования учитывался при назначении на священнослужительские места, но невозможность поступления в семинарию большинства сыновей духовенства в предшествующий период продолжала оказывать влияние на общий уровень образования городского духовенства и в первой половине XIX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Екатеринбург, духовное образование, клировые ведомости

Настоящая статья является продолжением исследования социокультурного облика городского духовенства Среднего Урала в XIX в. [1; 2]. В качестве основного источника используются данные клировых ведомостей, хранящихся в фонде Екатеринбургского духовного правления (Ф. 6) Государственного архива Свердловской области. Ведомости сохранились не за все годы, но составление на их основе базы данных помогает в некоторой степени сократить лакуны. В клировых ведомостях по Екатеринбургу за первую половину XIX в. содержатся сведения о 123 клириках.

Формально Екатеринбург в это время был всего лишь уездным городом Пермской губернии. Но с 1807 г. он имел также статус горного города. В 1826 г. вводится должность Главного начальника горных заводов хребта Уральского, резиденция его находилась в Екатеринбурге. В 1833 г. город также стал резиденцией викарного епископа, назначенного в помощь Пермскому архиерею для борьбы со старообрядчеством. Все это выделяло Екатеринбург из числа обычных уездных центров. Насколько серьезными могли быть амбиции местных церковных и горных властей свидетельствует письмо епископа Екатеринбургского Мелхиседека архиепископу Пермскому Аркадию от 3 ноября 1844г.: ««Само собой разумеется, что Екатеринбургская кафедра ничего преимущественного пред Пермскою не имеет. Эта мысль Вашего Высокопреосвященства так верна, что никто и не подумает прекословить ей. Но и в Екатеринбурге Генералитет с подчиненными оскорбляются, если в высокоторжественные дни отправляется Архиерейское служение не торжественно»[13].

Особый статус Екатеринбурга не мог не сказаться и на его духовенстве, служившем при храмах города: Богоявленском[14] и Екатерининском соборах, храмах Вознесения, Сошествия Святого Духа, Успенской церкви Ново-Тихвинского женского монастыря.

[13] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 205. Д. 894. Л. 61. Письмо было написано по случаю запрета архиепископом назначить сверхштатного священника к Екатеринбургскому Богоявленскому собору.

[14] В начале столетия Богоявленская церковь была рядовым храмом, а в качестве главного городского храма выступал Екатерининский горный собор, но после создания викариатства было решено, что Богоявленский храм более подходит для архиерейского служения.

Богатый город должен был казаться привлекательным местом службы, кроме того, с открытием викариатства появилась возможность получать административные поручения и тем самым повышать свои доходы. С другой стороны, к служащим здесь клирикам должны были предъявляться более высокие требования. Каким образом такая ситуация сказывалась на составе городского духовенства будет рассмотрено ниже.

В статье будут рассмотрены два пути продвижения по службе, характерные для уральского духовенства. Традиционно оно весьма широко пользовалось своими родственными связями для продвижения на доходные места. Со временем эта стратегия начинает вытесняться другой, когда на лучшие места начинают претендовать лица с высоким уровнем образования. Именно об уровне образования екатеринбургского духовенства прежде всего и пойдет речь.

Среди 123 екатеринбургских клириков имеют в ведомостях отметку «не обучался» (то есть, получил только домашнее, а не школьное образование) 44 человека (36% от общего числа). Показателен статус необучавшихся на момент составления ведомости. Среди них 6 священников[15] (14% от числа необучавшихся), 12 диаконов[16] (27 %), 26 (59%) церковнослужителей[17]. При этом из числа церковнослужителей только троим в дальнейшем удалось получить священнослужительский сан, но не в городе, а при заводских и одном сельском храмах[18].

Почти все священники из числа «необучавшихся» относились к тому поколению, которое вступило на путь церковного служения еще до создания Пермской епархии в 1799 г., а потому не могли получить образование и по объективным причинам (единственная семинария в огромной Тобольской митрополии не могла обеспечить обучение всех сыновей местного духовенства). Трое из них, несмотря на отсутствие образования, занимали различные административные должности. Священник Александр Михайлович Флоровский нес должность благочинного[19], Александр Афанасьевич Воинственский был присутствующим духовного правления до 1803 г., когда сам попросил об увольнении[20], Максим Иванович Переберин был депутатом[21]. Его сын, священник Евгений Переберин «исполнял должность причетника» при Екатеринбургском Богоявленском соборе[22]. В чем была причина такого наказания – в деле не указано.

Особый интерес представляет послужной список священника Успенской церкви Ново-Тихвинского женского монастыря Павла Петровича Попова. Начинал он свою службу пономарем в Нижне-Язвинском селе Соликамского уезда, затем был переведен на Дедюхинские золотые промыслы дьячком и в1808 г. был назначен учителем. После этого начался его «карьерный рост». В 1809 г. он был рукоположен в диакона, в 1819 г. переведен на диаконское место в Пермский кафедральный собор и назначен певчим архиерейского хора и учителем (!) уездного духовного училища. Уже в 1820 г. он совершает довольно распространенный в будущем шаг для тех, кто не имел должного образовательного ценза для рукоположения, – соглашается на священническое место при единоверческой церкви. На тот момент на Урале единоверие еще не получило распространения, одним из первых единоверческих храмов стала Спасская («Толстиковская») церковь в

---

15 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 423. Л. 1 об., 10 об., 14 об.; Д. 445. Л 23 об., 24 об.; Д. 472. Л. 50 об. – 51.

16 Там же. Д. 423. Л. 20об., 7 об., 11 об., 20 об.; Д. 431. Л. 24 об. – 25; Д. 438. Л. 2 об. – 3; Д. 445. Л. 25 об.; Д. 451. Л. 14 об. – 15; Д. 456. Л. 3 об. – 4; Д. 483. Л. 49 об. – 50; Д. 490. Л. 35 об. – 36; Д. 509. Л. 57 об. – 58.

17 Там же. Д. 423. Л. 3 об. (2 человека), 4 об., 7 об., 8 об. (2 человека), 11 об., 12 об., 16 об. (2 человека); Д. 431. Л. 13 об.; Д. 438. Л. 2 об. – 3, 5 об. – 6, 6 об. – 7, 7 об. – 8, 8 об. – 9; Д. 445. Л. 11 об. (3 человека), 16 об. – 17, 25 об. – 26, 36 об. – 37; Д. 451. Л. 20 об.; Д. 465. Л. 37 об. – 38; Д. 469. Л. 41 об. – 42; Д. 472. Л. 48 об. – 49.

18 Там же. Д. 438. Л. 61 об. – 62, 75 об. – 76; Д. 488. Л. 93 об. – 94.

19 Там же. Д. 423. Л. 15.

20 Там же. Д. 431. Л. 1 об. – 2

21 Там же. Д. 438. Л. 6 об. – 7.

22 Там же. Д. 472. Л. 50 об. – 51.

Екатеринбурге, куда и был направлен о. Павел. Спустя два года, уже в иерейском сане, он перевелся к монастырскому храму. В феврале 1824 г. он был назначен духовником монастыря, а еще в декабре этого же года ему была «предоставлена протоиерейская вакансия впредь до употребления»[23]. Реально он занял протоиерейское место в 1830 г.[24]

Также при Успенском храме Ново-Тихвинского монастыря служил священником Александр Иванович Ляпустин. Интересно, что он стал пономарем уже в 1806 г., в возрасте 12 лет. Ранний возраст посвящения в стихарь и отсутствие отметок об обучении наводят на мысль, что у него имелась влиятельная родня. Но на самом деле он был сыном дьячка, и в год своего вступления в должность получил такой отзыв благочинного: «Чтению и пению натверживается, Катихизис знает нетвердо, должность по настоянию отца и паче по наблюдению священника исправляет порядочно»[25]. Так что более правдоподобной выглядит версия, что подростка назначили на штатное место для того, чтобы помочь семье небогатого отца. Дьячковский сын оказался человеком оборотистым: неоднократно переводился с прихода на приход (в условиях дефицита кадров так можно было улучшить свое положение, в частности, Александр Ляпустин таким образом получил-таки сан диакона), и, наконец, оказался в Екатеринбурге, где был рукоположен во иерея. Даже в 1824 г. о. Александр не спешит менять хорошо зарекомендовавшую себя практику: два его сына – одиннадцати и тринадцати лет – были посвящены в стихарь «для поощрения к учению»[26], хотя по возрасту их уже следовало бы отправить в училище.

Обращает на себя внимание большое количество диаконов без духовного образования. Тем более, что в целом численность диаконов всегда была ниже, чем священников. Объяснить это явление можно тем, что диакона всегда ценились за голос, а в городских храмах на это должны были обращать особое внимание. Характерно, что 7 из 12 диаконов были посвящены в сан именно в Екатеринбурге[27], еще один был рукоположен к Пермскому кафедральному собору[28]. Лишь 4 человека получили диаконский сан до перевода к городским храмам[29].

Таким образом, на первый взгляд ситуация с образованием городского духовенства выглядит достаточно благополучно. Большинство священно- церковнослужителей на приходах Екатеринбурга в первой половине XIX в. имели образование того или иного уровня (79 человек – 64 % от общего числа), а получившие только домашнее попали на городские приходы в основном неслучайно. В то же время более подробное исследование уровня образования тех, кто посещал учебные заведения, позволит представить реальное положение вещей.

Два протоиерея Екатерининского горного собора (главного храма города до создания Екатеринбургского викариатства) окончили Московскую духовную академию. Один из них – Михаил Афанасьевич Бенедиктов был сыном священника из Костромской епархии (о том, что он был выходцем из Центральной России можно догадаться по фамилии, явно полученной в семинарии: уральское духовенство имело фамилии иного происхождения [4. С. 373–384]). По окончании академии в 1818 г. он был назначен в Пермскую духовную семинарию преподавателем еврейского и греческого языков. Занимал в дальнейшем в семинарии различные должности, в 1830 г. был рукоположен во священника, в 1831 г. получил место присутствующего в Пермской духовной консистории и был назначен экзаменатором ставленников. После перевода в Екатеринбург в 1832 г. был определен

---

[23] Там же. Д. 445. Л. 24.
[24] Там же. Д. 490. Л. 44 об. – 45.
[25] ТТам же. Д. 423. Л. 50 об.
[26] Там же. Д. 445. Л. 24 об. – 25.
[27] Там же. Д. 423. Л. 3, 8, 12; Д. 438. Л. 2 об. – 3; Д. 451. Л. 14 об. – 15; Д. 456. Л. 3 об. – 4; Д. 490. Л. 35 об. – 36.
[28] Там же. Д. 445. Л. 26.
[29] Там же. Д. Д. 431. Л. 2 об. – 3, 24 об. – 25; Д. 483. Л. 49 об. – 50; Д. 509. Л. 57 об. – 58.

присутствующим в Екатеринбургском духовном правлении и благочинным городских церквей и некоторых храмов Екатеринбургского уезда[30].

Неизвестно, что с ним произошло, но в 1833 г. на протоиерейском и благочинническом местах его сменил Сергей Михайлович Дьяконов, прошедший перед тем примерно такой же путь преподавателя Пермской духовной семинарии, а затем рукоположенный к Екатерининскому собору. Помимо должности благочинного, исполнял обязанности цензора проповедей и миссионера[31].

23 человека окончили курс семинарии либо «обучались по богословие», из них 18 человек были рукоположены во иерея[32], но остальные 5 почему-то такого сана не удостоились. Четверо служили диаконами[33], причем только об одном из них имеются сведения о том, что он все-таки стал священником после перевода из Екатеринбурга[34].

Самый загадочный персонаж из этой группы – псаломщик Авксентий Семенович Боголепов. Несмотря на высокий уровень образования, он так всю жизнь и оставался церковнослужителем. Он был женат первым браком, так что это не могло препятствовать рукоположению (разве что он был женат на вдове или разведенной, но таких сведений в ведомости нет). Помимо церковного служения, он постоянно исполнял должность писца сначала при правлении семинарии, затем при домовой канцелярии Екатеринбургского викарного епископа, затем – при Екатеринбургском духовном правлении[35].

9 человек «обучались по философию», из них 5 – иереи[36], 2 – диакона[37] и 2 дьячка[38]. Диакона и дьячки были еще очень молодыми людьми, но пример священников из этой группы показывает, что и они были рукоположены до достижения канонического возраста: главным был уровень образования. Таким образом, всего к группе с достаточно высоким уровнем образования принадлежат 34 человека (43% от всех, получивших образование, и 35% от общего числа клириков).

Определенная сложность возникает с теми, кто окончил обучение в первые два десятилетия XIX в. В этот период проходит реформа духовной школы, во время проведения которой младшие классы старой семинарии были преобразованы в уездные духовные училища. Клировые ведомости первой половины XIX в. не указывают время окончания обучения, то есть по отметке «обучался по второй класс» сложно определить, идет ли речь о дореформенной семинарии или об уездном духовном училище. Реформа 1808–1818 г. предполагала, что учеба в семинариях и уездных училищах будет разбита не на классы, а на отделения, поэтому можно предположить, что отметка об обучении в каком-либо классе предполагает, что речь идет о дореформенной семинарии. Поскольку в дальнейшем программу первых четырех классов семинарии частично перенесли в духовные уездные училища, можно приравнять обучение в этих классах дореформенной семинарии к обучению в училище.

В таком случае складывается следующая картина: не окончили курс обучения в семинарии 17 человек (22% от числа обучавшихся), из них 7[39]диаконов и 10 церковнослужителей[40]. Обучались в младших классах дореформенной семинарии 13 человек. Из них 1 священник[41], 5 диаконов[42] и 7 церковнослужителей[43]. Четверо диаконов

---

30 ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 465. Л. 12 об. – 13.
31 Там же. Д.490. Л. 14 об. – 15 об.
32 Там же. Д. 423. Л. 1 об. (протоиерей), 6 об. (2 человека), 10 об.; Д. 431. Л. 5 об. (протоиерей); Д. 438. Л. 1 об. – 2; Д. 445. Л. 14 об.,19 об.; Д. 451. Л. 2 об.; Д. 465. Л. 25 об. – 26, 37 об. - 38
33 Там же. Д. 445. Л. 16; Д. 509. Л. 7 об. – 8, 28 об. – 29, 36 об. – 37.
34 Там же. Д. 451. Л. 118. Причем в ведомости за 1826 г. указано, что он обучался по философию, а не по богословие.
35 Там же. Д. 606. Л. 83 об. – 84.
36 Там же. Д. 423. Л. 15; Д. 438. Л. 4 об – 5, 5 об. – 6, 7 об. – 8; Д. 490. Л. 4 об. – 5.
37 Там же. Д. 438. Л. 2 об. – 3 (по переводу из Екатеринбурга стал священником); Д. 469. Л. 40 об. – 41.
38 Там же. Д. 451. Л. 16; Д. 456. Л. 13 об. – 14.
39 Там же. Д. 431. Л. 2 об.; Д. 438. Л. 4 об. – 5; Д. 472. Л. 47 об. – 48, 64 об. – 65, 67 об. – 68; Д. 490. Л. 25 об. – 26; Д. 509. Л. 19 об. – 20.
40 Там же. Д. 423. Л. 12 об.; Д. 438. Л. 2 об. – 3; Д. 465. Л. 311 об. – 312; Д. 466. Л. 12 об. – 13; Д. 469. Л. 42 об. – 43; Д. 472. Л. 75 об. – 76; Д. 483. Л. 10 об. – 11; Д. 490. Л. 19 об. – 20, 26 об. – 27; .Д. 509. Л. 7 об. – 8.
41 Там же. Д. 438. Л. 1 об. 2.
42 Там же. Д. 423. Л. 15 об.; Д. 445. Л. 11 об. – 12, 20 об. – 21; Д. 451. Л. 27 об. – 28; Д. 466. Л. 24 об. – 25.
43 Там же. Д. 423. Л. 16 об.; Д. 431. Л. 7 об.; Д. 438. Л. 2 об. – 3, 4 об. – 5, 7 об. – 8, 8 об. – 9; Д. 445. Л. 12 об.

получили сан при переводе их в Екатеринбург, так что здесь может наблюдаться та же ситуация, что и с «необучавшимися» – решающую роль сыграл не уровень образования, а голос. Обучались в уездных духовных училищах 4 диакона[44], 5 церковнослужителей[45] и 2 звонаря[46]. Еще 4 человека получили только минимальное образование: в их послужных списках стоят отметки «обучался по первый класс»[47], «начинал только обучаться»[48], «по болезни исключен из второго класса Далматовского приходского училища»[49] и, наконец, «обучался в горной школе по второй класс»[50]. Это, впрочем, не помешало первому из них дослужиться до сана священника на заводском приходе[51], последнему – до сана диакона, также при переводе на заводской приход[52], третий получил сан диакона на городском приходе, причем он также служил учителем в Екатеринбургской горной школе[53]. В целом получили только начальное и неполное среднее образование 45 человек (57% от всех, получивших образование, 37% от общего числа клириков).

Таким образом, в первой половине XIX в. в храмах Екатеринбурга количество клириков, обучавшихся в учебных заведениях разного уровня, превышало число тех, кто получил только домашнюю подготовку, хотя последние представляли еще достаточно значительную группу, вполне сопоставимую по численности с первой. Разумеется, больше всего лиц с низким уровнем образования было среди церковнослужителей, но и состав городского священства свидетельствовал о том, что до выполнения синодальной рекомендации 1799 г. о назначении на священнические места выпускников семинарий было еще далеко: из 32 священников выпускниками семинарии и духовной академии были только 20 человек.

Помимо образования, был еще один путь улучшения своего социального положения для духовенства – использование родственных связей. Пример Ирбита и его уезда [3. С. 192–228] показывает, что духовенство охотно пользовалось этой традиционной социальной стратегией. Для Екатеринбурга она, как оказалась, тоже была достаточно характерна, хотя здесь не видно разросшихся кланов, контролирующих назначения на штатные места на значительном числе приходов. В первой половине XIX в. здесь чаще всего можно видеть служащих вместе братьев[54] либо отцов с сыновьями[55].

Наиболее типичной представляется случай с семьей Флоровских. При церкви Сошествия Святого Духа служил священник Александр Флоровский. К нему были пристроены племянники дьячок Семен и диакон Иван, причем Иван проживал в отцовском доме, то есть, когда-то в Екатеринбурге служил и их отец[56]. Закрепилось в Екатеринбурге и семейство Переберины. Священник Максим Иванович служил в Вознесенском храме, к которому поступил на дьячковское место его сын Евгений. После многочисленных перемещений, получения и потери священнического места, Евгений снова оказался в Екатеринбурге, где служил при Ново-Тихвинском монастыре, а затем – при Богоявленском соборе, а к Вознесенской церкви поступил рукоположенный во диакона его сын Иван[57]. Неизвестно, когда появились в Екатеринбурге Переберины, а вот семья Киселевых перебралась сюда из Камышловского уезда только в начале

---

44 Там же. Д. 466. Л. 33 об. – 34; Д. 490. Л. 6 об. – 7; Д. 509. Л. 48 об. – 49, 49 об. – 50.
45 Там же. Д. 445. Л. 21 об.; Д. 488. Л. 50 об. – 51; Д. 490. Л. 39 об. – 40; Д. 509. Л. 8 об. – 9, 39 об. – 40.
46 Там же. Д. 483. Л. 13 об. – 14; Д. 509. Л. 9 об. – 10.
47 Там же. Д. 436. Л. 15 об.
48 Там же. Д. 423. Л. 24 об.
49 Там же. Д. 577. Л. 31 об. – 32.
50 Там же. Д. 445. Л. 5 об. - 6
51 Там же. Д. 509. Л. 62 об. - 63
52 Там же. Д. 472. Л. 165 об – 166.
53 Там же. Д. 451. Л. 4 об. – 5; Д. 577. Л. 31 об. - 32
54 ГАСО. Ф. 6. Оп. 2.Д. 445. Л. 6 об. – 7, 21 об – 22, 25 об. – 26; Д. 456. Л. 13 об. – 14.
55 Там же. Д. 423. Л. 2 об.- 3 и Д. 438. Л. 2 об. – 3; Д. 423. Л. 4 об. – 5 и Д. 438. Л. 7 об. – 8; Д. 423. Л. 10 об. – 11 и Д. 438. Л. 7 об. – 8; Д. 423. Л. 14 об. – 15 и Д. 438. Л. 7 об. – 8; Д. 431. Л. 5 об. – 6 и Д. 438. Л. 4 об. – 5; Д. 445. Л. 24 об. – 25 и Д. 465. Л. 36 об. – 37. Другие случаи рассмотрены ниже.
56 Там же. Д. 423. Л. 16 об. – 17, 20 об. – 21.
57 Там же. Д. 423. Л. 10 об. – 11; Д. 472. Л. 50 об. – 51; Д. 509. Л. 36 об. – 37.

рассматриваемого периода. Первым обосновался при Вознесенской церкви дослужившийся до диаконов Андрей Афанасьевич. Затем перебрался из соседнего Верх-Исетского завода на пономарское место при Екатерининском соборе его брат Филипп. Позднее при отце начнет свое служение также пономарем сын Филиппа Иван. Но Иван ради диаконского места поменяет Екатеринбург на Сысертский завод. Как видим, Киселевы особо не держались за городские места[58].

На самом деле клировые ведомости не всегда могут дать исчерпывающую информацию о родственных связях духовенства. Об этом можно судить по данным о екатеринбургской ветви семьи Капустиных. В ведомостях имеются сведения об отце и сыне Капустиных. Андрей Иванович был рукоположен в диакона в 1809 г. к Успенской церкви Верх-Исетского завода, а затем перевелся к Ново-Тихвинскому монастырю. Сын его Иван по окончании семинарии также поступает священником к монастырскому храму. О родне Андрея в ведомости сообщается, что она проживает в Тобольской епархии.[59] При Сошествиевской церкви служил также священник Стефан Леонтьевич Капустин, но в качестве его родственника указан только священник Иван в Батуринской слободе Шадринского уезда[60].

Кажется, что между этими Капустиными близких родственных связей нет. Но сыном о. Иоанна из Батуринского села был знаменитый архимандрит Антонин, из дневника которого можно узнать подробности посещения им Екатеринбурга по пути в Пермскую семинарию. Из этого рассказа можно также сделать выводы об уровне доходов верхушки екатеринбургского духовенства. «Мы направились к южному краю города и остановились вблизи величавого Ново-тихвинского девичьего монастыря у двухэтажного каменного дома... Нас увидели и через минуту мы были уже в кругу родных. Круг этот состоял из дядюшки Николая Николаевича Зуева, священника, упомянутого монастыря, жены его, моей тетки, Марьи Леонтьевны Капустиной, сына Василия, дочери Афанасии, двух сестер жениных — Анны и Параскевы и матери их Ирины Ивановны, моей бабушки.

Не помню, сколько дней прожил я в Екатеринбурге. Вероятно, на следующий день мы были у дядюшки Стефана Леонтьевича, Златоустовского священника и благочинного, который по этому случаю жил весьма пышно и весело. Жена его, Настасья Николаевна (Арефьева) была героиня, не в пример прочим женам сего света — женщина высокого тона и слога, образованная и не незанятая собою. Семейство их состояло из дочери Евгении, с которою я был знаком еще в Камышлове, и двух сыновей Василия и Николая. Чай у них мы пили всегда в накладку, с кренделями и серебряными ложечками. Сладкие пироги из пряничного теста нипочем... Я вообразил, что попал в Рай. — Ходили также в гости к Ивану Андреевичу Капустину, тоже дяде, у которого мать просто Семирамида, доселе таскает его за волосы, несмотря на его священство»[61]. Но в 1863 г. из всей екатеринбургской родни в дневнике упоминается только Н. Н. Зуев; впрочем, в соседнем Верх-Исетском заводе теперь проживает с мужем сестра о. Антонина[62].

Вероятно, ситуация, когда город являлся центром викариатства, препятствовала широкому использованию родственных связей. Провинившиеся клирики здесь надолго не задерживались, на получение священнического места без соответствующего образования рассчитывать особо не приходилось. Менее заметные начальственному взору приходы представлялись, по-видимому, более перспективными для приверженцев традиционных путей продвижения по службе. Но стоит также иметь в виду, что

---

58 Там же. Д. 423. Л. 11 об. – 12; Д. 431. Л. 3 об. – 4; Д. 445. Л. 5 об. -6; Д. 577. Л. 31 об. – 32. Начинал свое служение при Сошествиевской церкви сын Андрея дьячок Феодосий, но он рано скончался – Там же. Д. 438. Л. 5 об. – 6.

59 Там же. Д. 438. Л. 8 об. – 9; Д. 465. Л. 25 об. – 26.

60 Там же. Д. 456. Л. 12 об. – 13.

61 Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1830 – 1836. М., Индрик, 2020. С. 51 – 52.

62 Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1861 – 1865. М., Индрик, 2020. С. 321 – 322.

близкая родня екатеринбургского духовенства могла служить и на ближайших к городу заводах – Верх-Исетском, Уктусском, поселения которых сегодня являются районами Екатеринбурга. Тем не менее, городское духовенство и в этом случае представляется более мобильным, легко меняющим приходы хотя бы в пределах уезда. Екатеринбург первой половины XIX в. выглядит как город, в котором оседали немногие: он предъявлял слишком высокие требования, хотя и привлекал широкими возможностями.

Список литературы

[1] Мангилева А. В. Городское духовенство Среднего Урала в первой четверти XIX в. по данным клировых ведомостей: Верхотурье // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 172–186. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10209

[2] Мангилева А. В. Православное духовенство города Ирбита в первой трети XIX века (на основе данных клировых ведомостей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 114–123.

[3] Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX - начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. - 480 с.

[4] Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург: Изд-во «Гощицкий», 2008. – 792 с.

УДК 271.2(571.5)

К истории православия на территории Хакасии в архивных документах приходов Русской православной церкви 1812-1917 гг.

Орешкова Юлия Александровна
Начальник отдела использования документов, организационной и методической работы, ГКУ РХ «Национальный архив», г. Абакан, Россия
oreshkova81@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье автор на основе архивных документов дореволюционных фондов церквей XIX – первой четверти XIX вв. рассматривает важные аспекты истории Русской православной церкви на территории Хакасии. Особое внимание уделено вопросам распространения православия, миссионерской и просветительской деятельности среди коренного населения региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА архивный фонд, Русская православная церковь, приход, миссионерская деятельность, христианизация, метрическая книга.

История Хакасии 1812-1917 гг. в архивных документах Национального архива Республики Хакасия просматривается достаточно фрагментарно, поскольку состав и содержание фондов дореволюционного периода является неоднородным. Для полноты охвата вопросов истории Русской православной церкви на территории Хакасии необходимо исследовать разные архивы России, в том числе в городах Минусинск, Красноярск, Тобольск, Иркутск, Томск, Новосибирск и др. При этом, важно отметить, что некоторые важные аспекты истории распространения православия на территории Хакасии можно рассматривать на примере фондов церквей и инородческого церковного управления по документам регионального архива Хакасии.

Среди исследователей, занимающихся вопросами Русской православной церкви дореволюционного периода в Сибири, выделяется доктор исторических наук Валентина Нестеровна Асочакова[63], ею подготовлено более 80 статей и монографий по данной проблеме. В своих работах В.Н. Асочакова описывает процесс христианизации на территории Хакасско-Минусинского края в XVIII – XIX вв.

В целом, история распространения православия на территории Хакасии сложна, противоречива, но при этом чрезвычайно интересна. В средние века здесь формировались ранние дошаманистские культы, затем шаманизм. Первые приходы здесь были открыты в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Согласно архивным документам, к концу XIX в. на территории Хакасии уже проживало значительное количество православного населения. По словам В.Н. Асочаковой, «христианизация коренных народов Сибири на протяжении

[63] Асочакова В.Н. Русская православная церковь в истории Хакасско-Минусинского края в XVIII - первой четверти XIX вв. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2005. 204 с.; Асочакова В.Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии): [монография]. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. 248 с.; Асочакова В.Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII-XIX вв.): спец. 07.00.02 – Отечественная история: автореферат дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. н. / науч. конс. Г. Ф. Быконя; ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Томск, 2011. 42 с.– (На правах рукописи); Асочакова В.Н. Очерки социально-демографического и культурного развития Хакасско-Минусинского края (XVIII-XX вв.): [монография] / Н.Я. Артамонова, В.Н. Асочакова, Н.А. Баранцева [и др.]; отв. ред. Н.Я. Артамонова. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2012. 228 с.; Асочакова В.Н. Миссионерская деятельность РПЦ в Хакасско- Минусинском крае.: [монография]. – Изд-во LAP LAMBERT Akademik Publishsing & Co. KG Dudweiler Landstr / Saarbrucker, 2012. 240 с

двух столетий оставалась в центре российского государства и использовалась им как средство интеграции, обрусения»[64].

В Национальном архиве Республики Хакасия хранятся уникальные документы шести приходов Русской православной церкви: Аскизской Петропавловской, Усть-Абаканской Николаевской, Усть-Есинской Петропавловской, Синявинской, Сабинской, Усть-Ербинской церквей, а также Инородческого церковного управления. Кроме того, в архивном фонде имеются метрические книги церквей, начиная с 1812 по 1917 гг.

Среди документов Церкви имеются клировые ведомости, которые являются основными первоисточниками, дающими краткие, точные сведения о строительстве зданий церквей, составе священнослужителей, церковном имуществе. В «Ведомости о церкви Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, состоящей Енисейской Епархии, Минусинскаго Округа в селе Аксизском за 1893 год» записано: «Церковь построена в 1851 году тщанием прихожан, вместо деревянной сгоревшей в 1831 году[65]. Известно, что первый инородческий приход образовался самостоятельно в Аскизе в 1770 г.

О Синявинской церкви говорится: «Церковь построена на средства, выделенные Священным Синодом; постройкою начато 9 июня 1894 года, окончена в сентябре месяце 1895 года; освящена 26 сентября 1896 года. Зданием деревянная, с таковою же колокольнею, на каменном фундаменте…»[66]. Согласно документам, такие ведомости заполнялись церковнослужителями ежегодно.

В фонде Аскизской Петропавловской церкви также сохранился «Доклад Святейшего Синода об учреждении Енисейской Епархии» от 25 мая 1861 г.[67].

Миссионерская деятельность церкви на территории дореволюционной Хакасии была тесно связана с христианизацией коренного населения. В архивном фонде Степной Думы соединенных разнородных племен сохранился важный документ «О награждении Ефима Катанова за привлечение инородцев в христианскую религию»[68] от 19 июля 1876 г. В нем указано: «Среди инородческого населения…существовала секта шеманов и идолопоклонников…Учитель Аскизской сельской школы и письмоводитель Степной Думы из инородцев Ефим Семенов Катанов, проникнутый любовью к вере в истинного бога…принял на себя заботу и неусыпными стараниями и внушениями своими, успел убедить инородцев к принятию св. крещения…приготовил их креститься в нынешний приезд Преосвященного Антония Енископа Енисейского и Красноярского…на берегу реки Аскиза учитель Катанов устроил Иордан и приготовил все необходимое при исполнении обряда св. крещения…15 числа в день Св. равноапостольного Великого князя Владимира, после литургии прибыл на Иордан Преосвященный, где по прочтении молитвы, совершил крещение 3003 душ инородцев, в числе коих крестились и шеманствующие 612 человек. Таинство св. крещения совершал сам Преосвященный Антоний…»[69].

В миссионерских целях православная церковь занималась пропагандой «религиозного чувства» среди населения, при этом строго следила за исполнением христианских обрядов. Среди указов Енисейской Духовной Консистории сохранились такие документы, как «О предании церковному покаянию невыполняющих христианских обрядов», «Список инородцев, не бывших у исповеди и Святого Причастия»[70].

---

64 Асочакова В.Н. Эволюция миссионерской деятельности РПЦ в 80-90 е гг. XIX в. (на примере Хакасско-Минусинского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11(49): В 2-х ч. Ч II. С 32-35

65 ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. И-15 «Аскизская Петропавловская церковь». Оп.1. Д.81. Л.1

66 Там же. Ф. И-19 «Синявинская церковь». Оп.1. Д.54. Л.1

67 Там же. Ф. И-15. Оп.1. Д.32. Л.141

68 Там же. Ф. И-2 «Степная дума соединенных разнородных племен». Оп.1. Д.1135. Л.2

69 ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И-2 «Степная Дума соединенных разнородных племен». Оп.1. Д.1135. Л.2

70 Там же. Ф. И-15 «Аскизская Петропавловская церковь». Оп.1. Д.47. Л.15

Кроме шаманистов на территории Хакасии в XIX веке проживали инакомыслящие, сведения об этом можно найти в деле «Об иудействующих и молоканах, живущих в деревне Иудиной», сохранились «ведомости о раскольниках и сектантах, живущих в приходах Аскизской Петропавловской церкви»[71].

Благодаря активной миссионерской деятельности православной церкви на территории Хакасии к концу XIX в., к 1898 г., почти все коренное население Хакасии приняло христианство.

Архивные документы позволяют делать вывод о том, что церковь уделяла много внимания просветительской деятельности. На это указывают «Указы Императора по учету церквей и открытию церковноприходских школ»[72], «Каталоги книг для употребления в начальных народных училищах»[73], сведения по оплате за обучение детей в церковно-приходских школах. В документе «Аттестация об успехах и поведении ученика 1 класса Красноярской учительской семинарии Иннокентия Аланова»[74] перечислены следующие предметы преподавания: Закон Божий, педагогика, русский язык с церковнославянским, арифметика, геометрия, естествоведение, пение и музыка, линейное черчение и другие. Среди ремесел значатся: переплетное, столярное, слесарное.

Очень важна была деятельность церкви по регистрации актов гражданского состояния. В Национальном архиве Республики Хакасия хранятся метрические книги – важный исторический источник, который содержит информацию об основных этапах жизни человека. Метрическая книга делилась на три части: «О родившихся», «О бракосочетавшихся», «Об умерших».

Во всех разделах метрической книги можно найти точные сведения биографического содержания. Например, в части «О родившихся» можно получить следующую информацию: дату, место рождения, крещения младенца; имя новорожденного; национальная принадлежность; сведения о родителях: имена, фамилия, социальный статус (крестьянин, мещанин и т.д.), религиозная приверженность (христианского, шаманского вероисповедания и т.д.). В каждом разделе метрической книги после внесения записи ставилась подпись священника, совершившего таинство. В конце каждого раздела метрической книги велся общий подсчет количества родившихся, бракосочетавшися и умерших. Также в фондах церквей сохранились многочисленные выписки из метрических книг, удостоверения, свидетельства о браке.

В свидетельстве о браке Окулины Орешковой и Петра Чибехчанова записано: «1899го года февраля 11 дня Мы нижеподписавшиеся Енисейской Губернии Минусинскаго Округа абаканской Инородной управы Тинскаго рода инородец Александр Ефимов Орешков, дочь моя Окулина девица совершеннолетия. Выдаем доброй Воли замуж за Петра Петрова Чибехчанова инородца сагайской степной думы который переводится в абаканскую инородную управу в тинский род, и все мы согласны — мать Александра Захарова Орешкова, восприемной отец Михаил Андреев Калягин, Восприемная мать Марфа Андреева Калягина, и все мы согласны. В том подписуемся по личной прозьбе их росписался инородец Федор Арчинеков, Александр Орешков. При том находица улусной старшына Семен Арчинеков» (так в документе)[75] .

В «Арестантском (весьма экстренном)» письме, направленном в Аскизскую церковь, Прокурор Красноярского окружного суда просит «прислать метрическую выпись о рождении инородца Аскызской волости Алексея Адаяхова-Григорьева Чочиева»[76].

---

[71] Там же. Ф. И-15. Оп.1. Д.76. Л.1
[72] Там же. Ф.И-15. Оп.1. Д.42
[73] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И-2 «Степная Дума соединенных разнородных племен». Оп.1. Д.982
[74] Там же. Ф. И-15 «Аскизская Петропавловская церковь». Оп.1. Д.91. Л.3
[75] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И-15 «Аскизская Петропавловская церковь». Оп.1. Д.27. Л.7
[76] Там же. Ф. И-15. Оп.1. Д.94. Л.15

В архивных документах по истории православия на территории Хакасии сохранилось много ценных сведений, раскрывающих отношения между церковью и прихожанами, церковью и государством в XIX–первой четверти XX вв. К таким документам можно причислить книги записи церковных служб, указы Императора об исполнении христианского долга, листы для записи пожертвований, книги записи прихода и расхода денежных средств.

Согласно Указу Императора от 17 июня 1890 г. в селе Усть-Абаканское было открыто Церковно-приходское попечительство. Цель Попечительства – это забота о благоустройстве и благосостоянии церкви и причѐта в хозяйственном отношении, а также об организации начального обучения детей, и о благотворительных действиях в приходе. Попечительство состояло из местных священнослужителей, церковного старосты и избранных общим собранием приходской общины его членов, отличающихся благочестием и преданностью православной вере. В «Уставе Усть-Абаканского Инородческого общества трезвости во имя святителя Николая» от 1 января 1845 г. говорится: «…имели целью вывести из употребления среди своих членов обычай угощаться вином, водкою и другими опьяняющими напитками»[77].

После Октябрьской революции положение церкви изменилось. 23 января 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял «Декрет об отделении церкви от государства и государства от церкви». Этот нормативно-правовой акт лишал церковь права юридического лица. В архивном фонде «Исполнительный комитет Минусинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» сохранились документы о деятельности ликвидационных комиссий, отделов уездного исполнительного комитета о строгом выполнении «Декрета», протоколы общих собраний о пользовании общиной молитвенных домов, учетные листы религиозных обществ, сведения о состоянии церкви после 1918 г.

В соответствии с «Декретом» во всех учебных заведениях запрещалось проведение какого бы то ни было вероучения и исполнения обрядов религиозного культа. Церковные здания объявлялись государственной собственностью и только передавались в бесплатное пользование общинам верующих. В таких условиях верующие могли создавать свои небольшие общины, на собраниях которых решались вопросы самостоятельного содержания церкви.

Таким образом, документальное наследие Русской православной церкви на территории Хакасии составляет небольшую, но важную и ценную часть архивного фонда ГКУ РХ «Национальный архив». Документы церквей являются не только главными первоисточниками по истории распространения и развития православия, но и достоверно отражают историю Хакасии с XIX до первой четверти XX вв.: статистические сведения о крещении хакасов, о наличии разных конфессий, быт, нравы, мировоззрение, социальные взаимоотношения населения, проживающего на территории Хакасии.

[77] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.И-22 «Усть-Абаканское церковно-приходское училище». Оп.1. Д.1. Л.11

УДК 911.373(571.16):314.8(091)

Численность и величина сельских поселений Томской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Татарникова Анна Ивановна
Кандидат исторических наук, начальник отдела гуманитарных исследований, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, г. Тобольск, Россия,
tatob777@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-0854-4956

АННОТАЦИЯ В работе представлена характеристика типической структуры, численности и величины сельской поселенческой сети Томской губернии в позднеимперский период. Прослежено влияние модернизационных процессов и массового переселенческого движения на развитие сети поселений губернии, появление населенных пунктов новых типов, изменение их величины по количеству дворов и числу жителей. Сделан вывод о положительной динамике в развитии поселенческой сети, увеличении численности поселений в период с 1893 по 1911 гг. в 1,5 раза – с 3207 до 4965 соответственно. Показано изменение доли населенных пунктов некоторых типов в структуре поселенческой сети губернии, определена средняя величина томских селений в рассматриваемый период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА сеть поселений, Томская губерния, величина поселений, дворность, людность, модернизация, переселениехристианизация, метрическая книга.

Рубеж XIX – XX вв. вошел в историю Российской империи как период интенсивной аграрной колонизации ее периферийных территорий. Решая проблему малоземелья центральных губерний страны, правительство сконцентрировало свое внимание на пресечении неконтролируемого вольного переселения на слабо освоенные окраинные земли, разработке официальных правил для лиц, желающих водвориться на новые места.

В 1880–1910-е гг. в результате перехода государства от ограничительной политики в отношении переселения к разрешению и поощрению колонизации слабоосвоенных территорий, усилились аграрные миграции за Урал. При этом основной поток переселенцев, массово прибывавших в Сибирь, устремился в Томскую губернию, отличавшуюся наличием большего колонизационного фонда удобных для обработки земель по сравнению с Тобольской губернией, а также транспортной доступностью (благодаря Транссибирской железной дороге). Так, с 1885 по 1893 гг. из общего числа прибывших в сибирский край переселенцев, в Томской губернии поселилось 75 %, в Тобольской – 8, Енисейской – 7,6, Иркутской – 0,2 [1].

В рассматриваемый период активизировалось социально-экономическое развитие Томской губернии. Это было вызвано строительством и вводом в эксплуатацию знаменитой сибирской «чугунки», интенсификацией проникновения капиталистических отношений в промышленность, сельское хозяйство и торговлю, массовым переселенческим движением. Начавшиеся под воздействием модернизации изменения не могли не отразиться на состоянии поселенческой сети губернии.

Целью настоящего исследования является конкретно-историческая характеристика процесса развития численности и величины сельской поселенческой сети Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. – на начальном этапе модернизации традиционной российской деревни.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1890 по 1910-е гг., что обусловлено влиянием начинающейся в это время модернизации на развитие населенных пунктов региона, а также спецификой источниковой базы, использованной для изучения сети сельских поселений Томской губернии. В исследовании были использованы «Списки населенных мест» – массовый статистический источник, содержащий сведения о

численности и величине томских селений за 1893, 1904 и 1911 гг. [2; 4–5]. Это определило верхнюю и нижнюю временные границы работы.

Территориальные рамки исследования включают в себя Томскую губернию, которая в рассматриваемый период включала территорию таких современных субъектов РФ, как: Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области.

Большая часть Томской губернии занимала лесостепную полосу региона. В лесостепье были расположены Каинский, Змеиногорский, Бийский, Барнаульский округа-уезды, отличающиеся относительно плодородными землями, выгодными для земледелия. В лесной (таежной) зоне размещались Томский, Кузнецкий и Мариинский округа-уезды. Зональные различия оказывали влияние не только на климат, но и на качество земельных угодий, формы расселения населения, выбор местоположения населенных пунктов, их внешний вид, численность и величину.

Преобладающая часть томских поселений располагалась при реках, протоках (72,8 %). Остальные населенные пункты размещались у озер (10,4 %), ключей или болот (по 1,4 %), прудов (0,5). Некоторые поселения не имели естественного источника водоснабжения, пользуясь водой из колодцев (5,9 %).

Природно-климатический фактор сказывался на количественных и качественных характеристиках сельский поселенческой сети Томской губернии. Например, в расположенном на севере Томского округа-уезда Нарымском крае сеть населенных пунктов отличалась разреженностью, малодворностью, неразвитостью инфраструктуры. В то же время в Барнаульском и Бийском округах-уездах, занимающих южную часть губернии, доминировали селения средней и крупной величины, а поселенческая сеть характеризовалась плотностью размещения структурных элементов, развитыми торгово-экономическими и культурными взаимосвязями.

Аграрная колонизация томских территорий, усилившаяся в период массовых переселений, повлияла на основные характеристики сельской поселенческой сети рассматриваемого региона. Это находит подтверждение в полученных в результате произведенных подсчетов данных о численности населенных пунктов губернии (табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности сельских поселений Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. (по округам-уездам)

Округ-уезд	Число населенных пунктов		
	1893 г.	1904 г.	1911 г.
Барнаульский	681	737	1060
Бийский	672	409	435
Змеиногорский*	-	212	371
Каинский	398	541	740
Кузнецкий	671	583	570
Мариинский	200	233	422
Томский	585	921	1367
Итого	**3207**	**3636**	**4965**

* *Змеиногорский округ был образован в 1894 г. из юго-западной части Бийского округа.*
Подсчитано по: [2; 4–5].

Из таблицы 1 видно, что в период с 1893 по 1911 гг. количество населенных пунктов Томской губернии увеличилось в 1,5 раза (на 1758 селений). Столь быстрый рост численности поселений произошел во многом благодаря крестьянам-переселенцам, образующим на местах нового водворения отдельные поселения, либо приселяющимся к старожильческим селениям и, вследствие земельной тесноты, провоцирующим выселение отдельных крестьянских семей на отдаленные от основных угодий земли. В результате таких выселений возникали заимки и выселки – малодворные населенные пункты с неразвитой инфраструктурой.

В рассматриваемый период интенсивное образование новых селений происходило в Барнаульском, Каинском, Томском округах-уездах. Мариинский и Змеиногорский уезды отличались «плавным» ростом численности поселенческой сети, Кузнецкий – сокращением числа населенных пунктов. Причиной уменьшения количества кузнецких селений стало сокращение числа улусов – поселений томско-кузнецких татар (преимущественно шорцев), многие из которых были укрупнены или расселены путем приселения их жителей к другим населенным пунктам.

Одновременно с ростом численности сети поселений Томской губернии происходили изменения в ее типической структуре. В «Списках населенных мест» за 1893 г. в губернии зафиксировано пятнадцать типов населенных пунктов: села, деревни, станицы, выселки, заселки, заимки, хутора, поселки, станы, прииски, селения, улусы, аилы, юрты, аулы.

В 1904 г. структура поселенческой сети была представлена двадцатью одним типом населенных пунктов. К этому времени из предыдущего перечня исчезли прииски, но появились новые типы поселений: зимовья, переселенческие участки, железнодорожные станции и бараки, мельницы, пристани, рубежи.

К 1911 г. структура сети поселений насчитывала девятнадцать типов населенных пунктов (исчезли рубежи и пристани). Произошло значительное увеличение доли переселенческих поселков и участков (табл. 2).

Таблица 2
Доля некоторых типов населенных пунктов Томской губернии в общем числе сельских поселений, в %. Подсчитано по: [2; 4–5]

Годы	Село	Деревня	Выселок	Заимка	Участок, поселок
1893	12,3	59,6	1,1	2,1	1,4
1904	16,4	50,7	1,0	2,0	9,1
1911	14,4	37,7	0,9	1,9	30,1

Представленные в таблице 2 данные отражают изменения в соотношении населенных пунктов наиболее распространенных типов. На протяжении рассматриваемого периода заметно уменьшается доля деревень и растет доля селений, образованных переселенцами. При этом если в соседней Тобольской губернии к 1912 г. переселенческие поселки и участки занимали 13,7 % всей сети поселений, то в томской сети их доля составила свыше 30 %.

В 1893 г. в Томской губернии насчитывалось всего 45 переселенческих селений, в 1911 г. их было уже 1494. Таким образом, численность населенных пунктов со статусом «переселенческий поселок», «переселенческий участок» за восемнадцать лет выросла в 33 раза (!).

Влияние Транссиба на сеть поселений региона выразилось в появлении

железнодорожных станций, бараков. В «Списках» 1911 г. зафиксировано 5 подобных селений. В дальнейшем их число значительно увеличится. К примеру, в 1928 г. только на территории Томского округа одноименной губернии будет насчитываться 40 населенных пунктов, возникших в результате ввода в эксплуатацию железной дороги [3].

Анализ статистических данных, полученных в ходе изучения «Списков населенных мест» по трем временным срезам показал изменения в численности селений аборигенных типов. Если в 1893 г. в губернии существовало 607 населенных пунктов, имевших «инородческий» статус, то к 1911 г. их осталось 464. Часть улусов, расположенных на территории Кузнецкого уезда, получили статус юрт. Также в губернии имелись аулы и аилы. Аулами называли татарские селения, аилами – поселения коренных алтайцев.

Помимо численности поселений, одним из показателей развития поселенческой сети губернии является величина входящих в нее населенных пунктов. Она определяется количеством дворов (дворностью) и числом жителей (людностью).

Нами была определена средняя величина поселений Томской губернии по их дворности и людности по двум временным срезам: за 1893 и 1911 гг. (табл. 3).

Таблица 3
Средняя величина населенных пунктов в округах-уездах Томской губернии по количеству дворов и числу жителей (1893–1911 гг.)

Округ-уезд	1893 г.		1911 г.	
	дворов	жителей	дворов	жителей
Барнаульский	91	447	189	1117
Бийский	95	552	123	837
Змеиногорский	-	-	156	1094
Каинский	61	305	71	448
Кузнецкий	36	179	64	372
Мариинский	77	463	78	537
Томский	44	229	47	282
Итого	**67**	**363**	**100**	**626**

По данным на 1893 г. среднее поселение в Томской губернии состояло из 67 дворов и 363 жителей. Наиболее крупными из всех типов поселений были села. В среднем, томское село насчитывало 172 хозяйства и 942 жителя, деревня – 68 хозяйств и 362 жителя. В Бийском округе среднее село имело 236 дворов и 1383 жителя, что было самым высоким показателем в губернии.

В период с 1893 по 1911 гг. средняя величина томских населенных пунктов выросла в 1,5 раза, составив 100 дворов и 626 человек. По сравнению с томскими поселениями, тобольские были гораздо меньше. Средняя величина последних составляла 52 двора и 317 жителей. Село в Томской губернии насчитывало в среднем 302 двора и 1968 жителей, деревня – 107 дворов и 637 жителей.

Величина заимок и выселков к 1911 г. в среднем составляла 23 и 25 дворов соответственно. Переселенческие поселки насчитывали 46 дворов и 293 обитателя.

В целом, положительная динамика в численности и величине населенных пунктов

была характерна преимущественно для южных округов-уездов губернии, в то время как поселения северных территорий оставались мелкими, малодворными.

По-прежнему незначительные показатели величины были присущи селениям «инородческого» типа. Так, в 1893 г. средняя величина населенных пунктов аборигенного населения составляла 13 дворов и 68 жителей, в 1911 г. – 18 и 99 соответственно.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. под влиянием начавшейся экономической и социокультурной модернизации, массового переселенческого движения, развития транспортной инфраструктуры сельская поселенческая сеть Томской губернии претерпела существенные количественные и качественные изменения. Характерными чертами томской сети поселений стало увеличение типического разнообразия составляющих ее структурных единиц, а также рост численности и величины населенных пунктов. Данная тенденция сохранялась до начала 1920-х гг. В период нэпа сеть сельских поселений Томской губернии, несмотря на увеличение численности населенных пунктов, показала отрицательную динамику своей величины по количеству дворов и числу жителей, вызванную причинами политического и социально-экономического характера.

Список литературы

[1] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма: колл. монография / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. URL: http://bsk.nios.ru/content/krestyanstvo-sibiri-v-epohu-kapitalizma-glavy-ii-iv (дата обращения: 22.06.2022)

[2] Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1904. 268 с.

[3] Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Сиб. краевой исп. ком., 1929. 952 с.

[4] Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск: Тип. губ. правления, 1893. 381 с.

[5] Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1911. 576 с.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Архитектурно-историческое наследие: история и современность (взаимодействие современного города и исторической среды)

УДК 304.44:711.4-168(571.51)

Минусинск: возрождение старинного сибирского города

Бахарева Елена Александровна
Заместитель руководителя, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск, Россия.
bahareva@ookn.ru

Савченко Алексей Александрович
Консультант отдела, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ Статья посвящена практике восстановления уникального историко-культурного наследия, а также его гармоничной интеграции в современную городскую среду. Данная практика реализуется на примере масштабной реставрации в г. Минусинске, которая проходит в рамках подготовки к 200-летнему юбилею города и предусматривает проведение реставрационных работ более чем на 30 объектах культурного наследия, находящихся по периметру двух площадей исторического центра города. Рассматривается подход, при котором бережное отношение к исторической среде вместе с развитием новых территорий дает импульс к развитию всего города.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинск, культурное наследие, проект, возрождение, реставрация.

В Красноярском крае уделяется большое внимание сохранению культурного наследия, которое очень многообразно и уникально, что обусловлено, в том числе особенностями нашего региона: второй по площади субъект Российской Федерации, имеющий протяженность с севера на юг почти 3000 километров, наличие территорий Крайнего Севера.

В южной части края расположился старинный сибирский город удивительной природной и архитектурной красоты – город Минусинск. Это южная столица Красноярского края, крупнейший культурный центр юга Енисейской Сибири. Город расположен в Минусинской котловине, именуемой Сибирская Италия, и поделен протокой могучей реки Енисей на две части: старую, сохранившую черты сибирского города XIX века и новую.

К слову, Минусинская котловина – это еще и «царство археологии». Именно здесь 300 лет назад, в январе 1722 года, экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта, организованная по Указу Петра I, провела первые в России научные археологические раскопки кургана на Енисее. Это стало началом становления сибирской, а по большому счёту, российской археологии. Земля переполнена следами пребывания человека со времен палеолита.

Как поселение Минусинск был основан в 1739 году (статус города получил в 1823 году), целый век был административным, торговым и культурным центром Минусинского округа обширной Енисейской губернии, в который входила вся территория Минусинской котловины.

Существенное развитие город получил с 40-х годов XIX в. в связи с открытием золотых приисков. Заметное влияние на торгово-промышленную жизнь города оказали постройка Сибирской железной дороги и открытие пароходного движения по Енисею. Первый пароход пришел из Красноярска в Минусинск в 1882 г., а с 1883 г. открылось постоянное судоходное движение.

Значительно удаленный от центра России Минусинск стал удобным для водворения политических ссыльных. В городе находились на поселении декабристы (участники восстания 1825г.) — С. Г. Краснокутский, С. И. Кривцов, братья А. П. и П. П. Беляевы, А. А. и Н. А. Крюковы, Н. О. Мозгалевский, И. В. Киреев. Также в Минусинске отбывали ссылку народники, социал-демократы, марксисты: А.А. Кропоткин, Д.А. Клеменц, Н.С. Тютчев и др. В период Шушенской ссылки В.И. Ульянов (Ленин) не раз бывал в Минусинске. Политические ссыльные оставили заметный след в общественной и культурной жизни города.

Минусинск сейчас – это город с населением 67 тысяч человек, по критериям деления городов по численности населения относится к средним городам. В 2023 году город отметит свой двухвековой юбилей.

В старой части Минусинска сохранились уникальные памятники архитектуры, построенные в XIX – нач. XX вв. В настоящее время на государственную охрану в городе поставлено 86 объектов культурного наследия.

В рамках подготовки к юбилею города Правительством Красноярского края принято решение о проведении масштабных реставрационных работ на более 30 объектов культурного наследия, находящихся по периметру двух знаковых площадей исторического центра города, а также отдельно стоящих особо знаковых объектов культурного наследия.

Основная задача – сохранить удивительно гармоничный исторический и архитектурный ансамбль, основанный на целостности и соразмерности всех элементов застройки и отражающий вкус и чувство меры его исполнения.

Соборная площадь – место рождения города. Площадь представляет собой целый музей архитектуры: Спасский собор, музей им. Н.М. Мартьянова, Библиотека, Городской отдел культуры, Художественная школа, Типография, Театр, Медицинское училище – миниатюрное отражение культурно-просветительской жизни города.

Среди объектов реставрации на Соборной площади:

СПАССКИЙ СОБОР – объект культурного наследия федерального значения «Спасская церковь», 1801–1813 г. Собор, с которого начинался город Минусинск. Является его украшением, символом и центром духовной жизни, входит в число старейших и крупнейших храмов Красноярского края. Спасская церковь помнит Отечественную войну 1812 г., декабристов, которые посещали ее в 1827-1861 гг. В настоящее время на этом объекте завершено проектирование и начинаются производственные работы.

ДОМ КУПЧИХИ БЕЛОВОЙ – объект культурного наследия регионального значения «Дом Беловой», сер. XIX в. Первый каменный городской дом города Минусинска. Построен на средства купчихи первой гильдии, занимавшейся торговлей и золотодобычей. Дом с лаконичными, но выразительными деталями. С 1983 года и по сегодняшний день располагается медицинский техникум, в котором открыт музей и существует обширная медицинская библиотека. В настоящее время также завершено проектирование, ведутся производственные работы.

ДОМ ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ – объект культурного наследия регионального значения «Дом жилой», посл. четв. XIX в. Построен в характерном кирпичном стиле в начале XX в. на средства купца И.Ф. Занина. Хронологически завершил застройку старейшей (Соборной) площади города. С 90-х годов XX и по настоящее время здесь размещается художественная школа. Производственные работы будут завершены в 2022 году.

Объект культурного наследия федерального значения
«Спасская церковь», 1801–1813 г. (г. Минусинск, ул. Комсомольская, 10)

Объект культурного наследия регионального значения
«Дом Беловой», сер. XIX в. (г. Минусинск, ул. Ленина, 75)

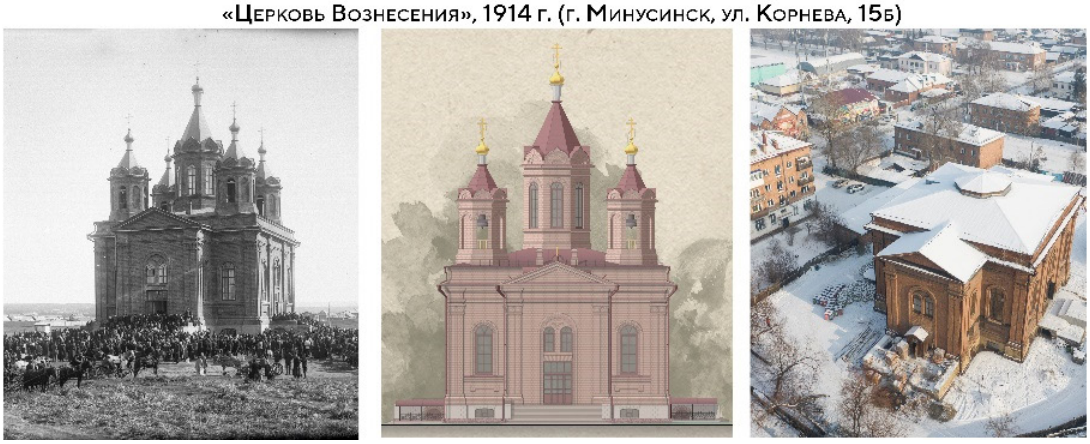
Объект культурного наследия регионального значения
«Корпус театра», рубеж XIX вв. (г. Минусинск, ул. Подсинская, 75)

Объект культурного наследия регионального значения
«Административное здание», кон. XIX в. (г. Минусинск, ул. Гоголя, 68)

Объект культурного наследия регионального значения
«Церковь Вознесения», 1914 г. (г. Минусинск, ул. Корнева, 15б)

ЗДАНИЕ КАЗНАЧЕЙСТВА – объект культурного наследия регионального значения «Здание Казначейства», сер. XIX в. Дом интересен своей архитектурой. Именно с этого здания минусинское зодчество приобрело своеобразие форм, присущих городу. Работы по сохранению объекта культурного наследия завершены.

МУЗЕЙ МАРТЬЯНОВА – объект культурного наследия федерального значения «Здание музея и общественной библиотеки, в котором в 1897–1900 гг. Ленин Владимир Ильич неоднократно бывал и брал книги для работы», 1897–1900 гг. Один из старейших краеведческих музеев в Сибири и первый музей в Енисейской губернии. Музей основан Николаем Михайловичем Мартьяновым - основоположником сибирской музейной школы и стал научным центром Сибири. По его образу создавались краеведческие музеи от Урала до Байкала. По задумке архитектора по «фасаду под окнами 2-го этажа» было решено оставить места для табличек с фамилиями путешественников, ученых, меценатов, чьи имена были неразрывно связаны с изучением края. На момент постройки указаны три фамилии – имена первых исследователей Сибири: Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа. В конце XIX – нач. XX вв. музей приобрел широкую известность в России и за ее пределами. Коллекции музея были отмечены наградами на российских и зарубежных выставках — самая знаковая из них - Всемирная выставка в Париже 1900, серебряная медаль.

ЗДАНИЕ КАЗНАЧЕЙСТВА – объект культурного наследия регионального значения «Здание Казначейства», сер. XIX в. Дом интересен своей архитектурой. Именно с этого здания минусинское зодчество приобрело своеобразие форм, присущих городу. Работы по сохранению объекта культурного наследия завершены.

ТИПОГРАФИЯ МЕТЁЛКИНА – объект культурного наследия регионального значения «Дом, в котором с 23 сентября 1919 года по 18 февраля 1920 года размещалась редакция и типография газеты «Соха и Молот» – орган армейского Совета партизанской армии Кравченко–Щетинкина», сентябрь 1919 г.– февраль 1920 г. Здание построено в 1910 году». История здания – история развития издательского дела в городе. Крупнейшие книжные издания типографии Метелкина - историко – краеведческие книги о Минусинском крае. В дальнейшем в разное время здесь печатались газеты «Труд», «Свобода и труд», «Земля и воля», «Соха и Молот» и др. В настоящее время завершено проектирование, ведутся производственные работы.

ЗДАНИЕ ТЕАТРА – объект культурного наследия регионального значения «Корпус театра», рубеж XIX – XX вв., входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс пожарного депо», рубеж XIX–XX вв. Театр располагался в одном здании с пожарной командой 17 лет и носил название «Театр Минусинского добровольного пожарного общества».

Интересный факт. По совету ссыльного Ф.Я. Кона ввиду отсутствия свободных средств в городе на постройку здания для театра, купцы вместо строительства защитных стен между домами (брандмауэров) собрали средства на строительство двухэтажного депо пожарной команды, где второй этаж было предложено отдать театру.

На объекте также ведутся работы по его сохранению в установленном порядке.

Вторая историческая площадь, на которой находятся объекты реставрации, - Базарная площадь была заложена в городском плане 1844 г. именно как Торговая площадь. Начала формироваться с 1860-х годов, после того, как сюда был перенесен базар от Спасского собора.

На реставрации на этой площади находятся, в том числе:

ДОМ КАЛНИНА – объект культурного наследия регионального значения «Административное здание», кон. XIX в. Ценный образец крупного торгового здания в формах эклектичного модерна рубежа XIX-XX в. с оригинальным декоративным убранством фасадов. Работы по реставрации будут завершены к концу 2022 года.

ДОМ ВИЛЬНЕРА – объект культурного наследия регионального значения «Дом, в котором с 25 по 29 сентября 1919 года проходил I-ый чрезвычайный съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избравший объединённый уездный Совет.

Здесь же находился с 13 сентября 1919 года (после освобождения города от колчаковцев) партизанский армейский Совет».

«Жемчужина сибирского барокко», именуемый за красоту и схожесть архитектурного стиля Сибирским Эрмитажем. Это одна из главных достопримечательностей города.

Купец 2-ой гильдии Герш Мордухович Вильнер - выходец из многодетной крестьянской семьи, потомок еврея, сосланного на поселение в Сибирь. Он сделал капитал на торговле пушниной, был известен в Нижнем Новгороде, Лейпциге и Лондоне и считался одним из самых богатых купцов своего времени. Построенный им дом был самым дорогим объектом недвижимости дореволюционного Минусинска.

Здание построено в стиле сибирского барокко с элементами эклектики и является центром архитектурной застройки исторической части Минусинска, связывает ее в единый архитектурный ансамбль.

Реставрация завершается в конце августа и здесь будет колледж культуры. Первого сентября в него уже пойдут учащиеся.

В процессе реставрации также **ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ** (объект культурного наследия регионального значения «Церковь Вознесения», начало XX века), построенная на пожертвования минусинцев по образцовому проекту из Синодального альбома, разработанному Константином Тоном и доработанному енисейский губернский архитектором Александром Фольбаумом. Работы на объекте ведутся и будут завершены к юбилею города.

Финансирование всех реставрационный работ осуществляется программным методом.

Государственные программы Красноярского края:

«Развитие культуры и туризма» - финансирование работ по сохранению объектов культурного наследия, в том числе путем предоставления субсидии органу местного самоуправления;

«Создание условий для обеспечения доступным и комфортным жильем граждан» - осуществляется финансирование работ по сохранению многоквартирных домов, имеющих статус ОКН путем предоставления субсидии Региональному фонду капитального ремонта многоквартирных домов на территории Красноярского края на реализацию мероприятий по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах, имеющих статус объектов культурного наследия;

«Содействие органам местного самоуправления в формировании современной городской среды» финансирование работ по благоустройству – субсидия органу местного самоуправления;

«Развитие транспортной системы» финансирование дорожных работ – субсидия органу местного самоуправления.

На благоустройство, дорожные работы и работы по сохранению ОКН предусмотрено финансирование в размере 4,5 млрд рублей, из которых почти 3 млрд – на объекты культурного наследия, выделяемые в рамках государственной программы Красноярского края «Развитие культуры и туризма».

Следует отметить, что активное строительство объектов социальной инфраструктуры в новой части города с проведением работ по сохранению зданий в исторической части – пример подхода, при котором бережное отношение к исторической среде (без нового строительства здесь) вместе с развитием новых территорий дает импульс к развитию всего города, его активной жизни и желанию в нем жить и оставаться.

Обеспечивается комплексный подход и взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления. В вопросах реализации таких масштабных проектов очень важна правильная организация всех процессов.

Осуществляется активное взаимодействие с АНО «Институт города» - созданной в 2019 году некоммерческой организации, как центра компетенций, где с участием экспертом рассматриваются комплексные проекты (в том числе по благоустройству территорий), и в помощь территориям профессиональным сообществом разрабатываются предложения по их развитию.

Также активно ведется работа с АО «Исторический квартал», в том числе в вопросах сохранения ОКН за счет внебюджетных источников и профессионального сопровождения процессов реставрации.

Следует также отметить, что большое внимание уделяется интеграции объектов в среду, определению пользователя, поскольку последующая эксплуатация объектов, после проведенных реставрационных работ – один из важнейших вопросов.

Природное и культурное наследие – традиционные точки туристического

притяжения. Уникальность местности, его природная красота и историзм, определяют большой туристический потенциал территории. Сразу несколько туристических направлений открывается гостям города и его жителям:

- культурно-познавательный туризм,
- путешествие по древним местам (множество объектов археологического наследия, в том числе Шалаболинская писаница - одна из крупнейших писаниц в мире. Всемирную известность также имеет Большой Салбыкский курган – крупнейший мегалитический курган бассейна Среднего Енисея, сибирский «Стоунхэндж» (находится в Хакасии, которая рядом расположена),
- музейный туризм (Музей Мартьянова Н.М., музеи Хакасии и Шушенского района Красноярского края),
- по ленинским местам (всемирно известный музей – заповедник «Шушенское», в этих местах Ленин В.И. отбывал ссылку),
- промышленный туризм (Саяно-Шушенская ГЭС – крупнейшая электространция России и мира),
- экологический и природный туризм (озера, национальный парк «Ергаки»),
- рекреационный туризм (международный фестиваль этнической музыки и ремёсел «МИР Сибири»).

Следует отметить, что уже сейчас уделяется большое внимание популяризации наследия города Минусинска. Изданы книги, проводятся конкурсы, в том числе конкурс детского рисунка.

Необходимо также отметить активную роль органа местного самоуправления. Благодаря работе администрации города Минусинска, понимаю важности наследия, особое внимание уделяется его роли в социально-экономическом развитии города. В основном стратегическом документе - проекте стратегии социально-экономического развития муниципального образования - главная миссия города определена как - историко-культурный центр юга Сибири!

По заказу подведомственного службе по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края государственного учреждения – КГКУ «Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края» также разработан проект предмет охраны и требования к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения с целью придания городу Минусинску данного статуса.

Сохранение удивительно гармоничного исторического и архитектурного ансамбля, раскрытие туристического потенциала территории, интеграция наследия в современную среду, использования наследия для воспитания и образования – это основные стоящие перед Минусинском задачи, на решение которых направлены все усилия!

Список литературы

[1] Николай Фёдоров: Фотолетопись старинного Минусинска / Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова; руководитель проекта С.А. Борисова; под ред. В.Г. Чернышёвой; сост. В.Г. Чернышёва, Е.Ю. Сидорина, В.В. Ермилова, Н.А. Голованенко. – Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2021. – 240 с.: ил. – (Серия «История в кадре»)

[2] Плехов В.С. Неоконченная экскурсия / Валерий Сергеевич Плехов. – Минусинск : Агентство «НиМ», 2019. – 284 с., : ил

УДК 271.2:726.71(571.51)

Церковь Параскевы Пятницы в деревне Барабаново Красноярского края

Бодэ Андрей Борисович
Кандидат архитектуры, директор, АНО Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества "Традиция", г. Москва, Россия.
bode-niitag@yandex.ru

Ермакова Анна Андреевна
Архитектор-реставратор, АНО Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества "Традиция", г. Москва, Россия.

АННОТАЦИЯ В нашей публикации представлено развернутое комплексное описание исторического памятника середины XIX века деревянного зодчества Енисейской Сибири церкви Параскевы пятницы в дер. Барабаново Красноярского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, д. Барабаново, церковь Параскевы Пятницы, памятник архитектуры (деревянного зодчества) 1856 – 1858 гг.

На берегу Енисея километров пятьдесят ниже по течению от Красноярска стоит деревня Барабаново, в которой находится известная и почитаемая деревянная церковь Параскевы Пятницы. Памятник давно привлекает к себе внимание[78]. История строительства церкви хорошо изучена и представлена в книге Е.А. Шушкановой, на материалы которой мы в значительной степени и опираемся[79]. После основания Ново-Качинского острога (будущего Красноярска) в 1628 г. левый берег Енисея стал заселялся русскими. Большинство поселений располагалось на левом берегу Енисея ниже Красного Яра. Это направление было наиболее безопасным от набегов кочевых сибирских народов. В исторических документах XVII в. отмечено существование деревень Куваршино и Шиверская, которые позже стали относиться к барабановскому приходу[80]. Деревня Барабановская впервые упоминается в 1722 г. в данных первой ревизской сказки по Красноярску и Красноярскому уезду. Позднее деревня стала называться Барабаново. Название, скорее всего, произошло от фамилии одного из поселенцев. По мнению сибирского историка П.Н. Павлова, в XVII в. в Приенисейский край шли переселенцы преимущественно с Русского Севера, из Поморья. Известно, что в деревне Барабановской так же, как и в других ближайших деревнях Шиверской, Карымской, Додоново были часовни, построенные предположительно в первой четверти XIX в[81].

Строительство церкви в Барабаново началось в 1852 г. с крестьянского схода и обращения с просьбой о постройке новой деревянной церкви Святой мученицы Параскевы с образованием там отдельного прихода, объединявшего четыре деревни. Обращение было отправлено в Томскую духовную консисторию, к которой административно относилась территория Приенисейской Сибири. В епархиальных документах указывалось, что церковь планируется деревянная на каменном фундаменте.

---

78 Смирнова О. Енисейские Кижи. Церковь Параскевы Пятницы в селе Барабаново // Проект Байкал. 2012/34-35. с. 144-145.

79 Шушканова Е.А. Церковь святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX вв). Красноярск, 2019. 140 с.

80 Быконя Г.Ф. Красноярский уезд в начале XVIII столетия // Перепись города Красноярска и его уезда 1719 – 1722 гг. Подготовил и издал И.А. Сиротинин. М., 2014.

81 Шушканова Е.А. Указ. соч. С. 10

Инициатива строительства церкви исходила от благочинного священника Александра Иноземцева при ходатайстве местных жителей[82].

Подготовка к строительству храма шла не быстро. Ответственным за строительство и все связанные с этим дела был выбран местный житель Николай Стефанович Черкашин. Средства собирались самими жителями деревень, большой вклад сделал купец Иван Иванович Токарев, возможно часть денег была выделена Синодом. Пришлось уточнить место будущей постройки, расположив ее чуть выше по рельефу и дальше от жилых домов. В качестве образца для строительства церкви Параскевы Пятницы был избран проект деревянной церкви на 700 человек №12, опубликованный в Атласе проектов церквей 1853 г. (рис. 1). Для реализации проекта архитектором был назначен Яков Михайлович Набалов. Известно, что в Енисейской губернии он построил по собственным проектам несколько общественных зданий и церквей[83].

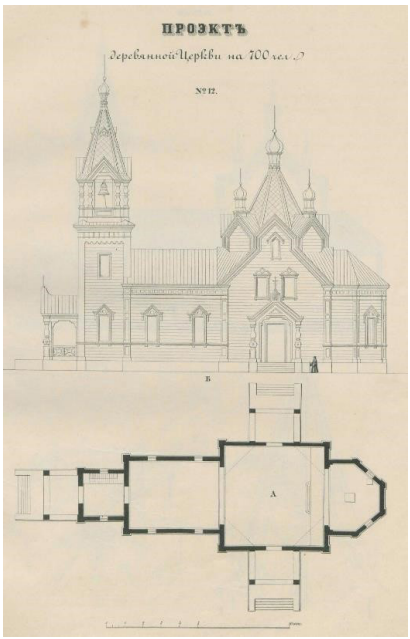

Рис. 1. Образцовый проект 1853 г., по которому была построена церковь Параскевы Пятницы

Епархиальное разрешение на строительство было получено 30 июля 1856 г. Достаточно скоро – 15 августа состоялась и закладка храма. До начала строительства церкви в ней были назначены священнослужители священник Евфимий Ситников и диакон Дмитрий Мухачев. Подрядчиком строительства был Матвей Кузьмич Сажин. В строительстве храма принимали участие местные плотники: Черкашины, Минеевы, Айкановы, Черных и другие. Церковь была построена к середине 1857 г., а в октябре того же года завершены кровли, о чём и было доложено в рапорте епископу: «Выкрашена кровля церкви, вместо краской по условию, водянкою». Скорее всего сначала в церкви был временно установлен старый иконостас, перенесенный из часовни. Освидетельствование храма на предмет его готовности было проведено 8 мая 1858 г. и документально зафиксировано. После этого из Томска был получен антиминс и 16 августа состоялось освещение церкви Параскевы Пятницы. Новый иконостас был сделан несколько позже, его золочением занимался мастер Гаврила Захарьевич Коротков. Обустройство церкви продолжалось до 1860 г.[84]

Ограда вокруг церкви была возведена в 1890 г. Известно, что в начале XX в. храм ремонтировался, крыша в 1901 г. была покрыта железом и окрашена масляною краской. Видимо в это же время была сделана обшивка стен. В 1907 г. перекладывались печи. Данные 1909 г. свидетельствуют, что крыша была снаружи палевая, а изнутри светло-голубая[85]. Скорее всего, палевый цвет – это был выцветший зеленый, а крыша изнутри имелся ввиду потолок.

Церковь была закрыта в 1935 г. После этого здание использовалась для разных хозяйственных целей, не поддерживалось и пришло в аварийное состояние.

[82] Шушканова Е.А. Указ. соч. С. 11.
[83] Шушканова Е.А. Указ. соч. С. 13-14.
[84] Шушканова Е.А. Указ. соч. С. 15-17.
[85] Шушканова Е.А. Указ. соч. С. 20.

В настоящее время храм вновь действует, в нем проведены противоаварийные работы, что позволяет совершать богослужения.

Церковь Параскевы Пятницы представляет собой здание, состоящее из разновеликих объемов – четверика молитвенного помещения, пятистенного алтаря, трапезной и колокольни. Композиция построена строго симметрично относительно продольной оси. Четверик в верхней части переходит в восьмерик и имеет сложное завершение в виде шатра с восемью щипцами и пятиглавием. Алтарь и трапезная покрыты простыми невысокими скатными крышами. Стройная четырёхъярусная колокольня завершается шатром с главкой. Стены здания бревенчатые срубные, крыши и завершения – каркасные. Снаружи стены имеют дощатую обшивку, кровли – металлические.

Церковь стоит на ленточном фундаменте из природного камня-известняка, сложенного на известковом растворе, глубиной заложения около 1 м. Цокольная часть – кирпичная, снаружи покрытая известковой обмазкой. Сруб сложен из сосновых бревен, углы церкви, трапезной и основания колокольни срублены с остатком и с прямыми углами внутри[86], углы алтаря и верхнего яруса колокольни рублены в лапу.

Здание прошло два строительных этапа. Первоначально стены были без обшивки, а кровля – деревянная. В начале XX в. была сделана горизонтальная дощатая обшивка стен и металлическая кровля.

Реконструкция первоначального облика вырисовывается вполне убедительно (рис. 2). На стенах алтаря под позднейшей обшивкой обнаруживаются неокрашенные доски, вертикально прибитые на углы сруба, относящаяся к первому строительному этапу. Конструкции обрамления окон, сделанные из массивных широких брусков, и наличники также первоначальны. Похоже, что обшивка в начале XX в. была подведена под наличники. Сохранившиеся следы свидетельствуют о том, что обшивка стен была окрашена охрой, а карнизы, наличники и детали – белой краской.

Рис. 2. Реконструкция первоначального облика без обшивки стен и с деревянной тесовой кровлей. Северный фасад. Рис. А.А. Ермаковой

Первоначальная тесовая кровля имела окраску в зеленый цвет. Старые кровельные доски были вторично использованы в обрешетке под железную кровлю. Следов покраски на старом кровельном железе не обнаружено. Также на одном из крестов, который возможно было обследовать, не обнаружено следов отделки. Поначалу мы предположили, что кровля была луженая. Возможно лужеными были главы, но относительно лужения всей кровли нет уверенности. Наверное, кровля была окрашена ярь-медянкой – наиболее распространенной краской для церквей в конце XIX – начале XX в.[87]

Внутри храм очень просторен. Основной четверик соединен широким проемом с трапезной и по сути они вместе образуют единое большое помещение. Четверик на высоте 9 м перекрыт плоским потолком с четырьмя треугольными парусами. Стены в интерьерах гладко отесаны и первоначально были окрашены в голубой цвет, швы затерты известковой штукатуркой. Так же были окрашены подшивные потолки и паруса. Сейчас окрашенные бревна стен и доски потолков сильно потемнели и приобрели темный коричнево-зеленоватый цвет.

Подшивка на потолках основного молитвенного помещения и алтаря подбита к балкам из неотесанных круглых бревен. Эта подшивка явно первоначальная. В трапезной на плоском потолке тоже была подшивка, но под ней открывается тщательно отесанный потолок из плах, уложенных на поперечные балки. Первоначально потолок в трапезной не имел дощатой подшивки и не был окрашен. Полы в церкви состоят из толстых досок и половин бревен, уложенных на поперечные балки. На полу остались следы от двух печей в западной части трапезной, еще одна печь была в северо-западном углу алтаря.

На стенах и потолке четверика сохранилась живопись. На обшивке парусов изображены четыре Евангелиста, в середине подшивного потолка – Господь Саваоф, и на бревенчатой восточной стене над иконостасом – фигуры апостолов Петра и Павла. Роспись выполнена масляными красками. Основа состоит из льняной поволоки, приклеенной на деревянную основу. Сверху нанесен известковый грунт с красноватой шпатлевкой, пропитанной костным клеем. Живопись сильно потемнела.

Западные входные двери утрачены, остались только подставы под жиковины и железный накладной запор. Судя по старой фотографии, входные двери были двухстворчатые дощатые, скрепленные шпонками. Единственная историческая дверь в церкви сохранилась в проеме, ведущем из притвора в трапезную. Она тоже дощатая на шпонках, но обита железом. Боковые двери также утрачены, и, если их воссоздавать, надо ориентироваться на историческое упоминание, что они тоже были обиты железом, видимо для защиты входов в церковь.

Оконные рамы нижнего ряда полностью утрачены, но сохранились частично разрушенные рамы верхних окон. По аналогии с ними можно воссоздать все оконные рамы. На каждом окне сохранились следы, свидетельствующие о том, что одно окно открывалось, другое было глухим, на окнах в притворе и на восточном окне алтаря были ставни. Одна из ставен сохранилась, и может быть использована как образец для воссоздания.

Крыльца в настоящее время полностью утрачены, но их формы и даже конструкции хорошо прочитываются по следам на стенах. Общий вид южного бокового крыльца можно разглядеть на одной из старых фотографий.

Если давать архитектурно-стилистическую и художественную оценку рассматриваемому храму, то он несомненно представляет собой достаточно уникальный памятник деревянного зодчества. Архитектура и конструкции здания сочетают

---

[86] Подобный прием рубки называется «в крюк». См. подробнее: Бодэ А.Б., Зинина О.А., Косенков А.Ю., Попов В.А. Традиционное строительство из дерева и плотницкое мастерство. М., 2019. С. 102.

[87] Бодэ А.Б. Покраски фасадов деревянных церквей XIX – начала XX веков // Рябининские чтения – 2019. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Музей-заповедник «Кижи» - Петрозаводск, 2019. С. 216-218.

традиционные для деревянного зодчества приемы и влияния Нового времени, что характерно для второй половины XIX в.[88]

В основе плана церкви лежит традиционная продольно-осевая композиция так называемая «кораблём» (рис. 3). Форма пятигранного алтаря с пятискатной крышей, обширная трапезная, покрытая на два ската и шатровая колокольня типа «восьмерик на четверике» вполне соответствуют привычным для деревянного зодчества приемам. Композиция основного сруба в виде восьмерика на четверике также имеет массу исторических аналогов, но церковь в Барабаново отличается невысокими пропорциями и необычным переходом от четверика к восьмерику, выполненным в виде треугольных парусов.

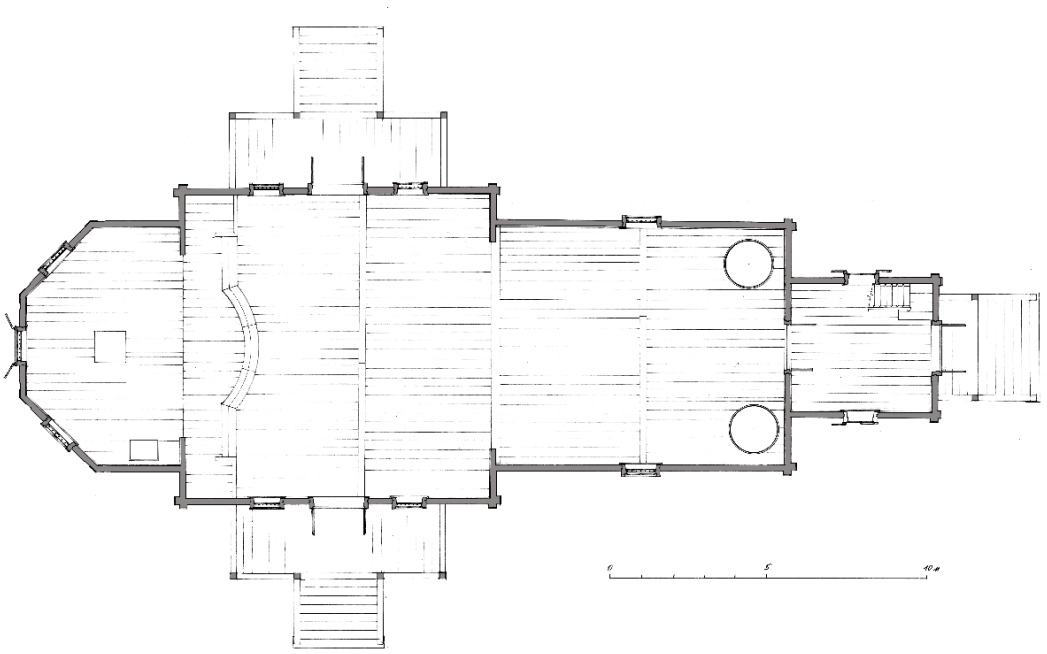

Рис. 3. Реконструкция первоначального облика без обшивки стен. План. Рис. А.А. Ермаковой

Правда, обилие складок крыш на шатре и непривычные паруса породили и проблему невозможности нормального естественного стока воды и необходимости организованного водостока по желобам и трубам. Существенным отличием деревянных церквей XIX в. от традиционных построек XVII – XVIII вв. были высокие оконные и дверные проемы. На больших срубах это создавало проблему надежности конструкции стен. В барабановской церкви размер основного сруба составляет примерно 10 х 10 м, и большие проемы, перерезающие его бревна, повлекли за собой необходимость установки сжимов сразу после строительства. Перекрытие трапезной, утяжеленное за счет плах потолка, имеет сложную и недостаточно надежную конструкцию. Это повлекло за собой прогиб бревен арки проема между трапезной и храмом. Подобные конструктивные несовершенства характерны для деревянной архитектуры XIX в., тогда как конструкции традиционных церквей более раннего времени отличаются рациональностью[89].

---

[88] Нащокина М.В. Дерево в русской архитектуре второй половины XIX - начала XX века. К постановке проблемы // Деревянное зодчество. Вып. V. М. – СПб., 2016. С. 256-270.

[89] Ходаковский Е.В. Деревянная храмовая архитектура Русского Севера конца XVIII – начала XX века: основные задачи изучения и историко-художественной оценки // Архитектурное наследство. Вып. 68. / Под ред. И.А. Бондаренко. СПб., 2018. С. 109-122.

В архитектуре Пятницкой церкви влияния своего времени внешне выразились в обработке фасадов. Гладкая обшивка сочетается с классицистическими карнизами, дверные проемы и окна под крышами крылец обрамлены простыми профилированными наличниками. И словно на контрасте с классической простотой остальные окна украшены резными наличниками, формы которых повторяют наличники старых жилых домов, сохранившихся в Барабаново и окрестных деревнях. Подобные детали определяют историко-культурную и художественную целостность всего исторического поселения.

Деревянные храмы нередко внутри украшались живописью. Примерами того служат потолки-«небо» в храмах Русского Севера XVIII – XIX вв.[90] В интерьере Пятницкой церкви монументальная живопись иная (рис. 4). Она расположена фрагментами, напоминая оформление интерьеров каменных храмов. К тому же и сама живопись выполнена в реалистической манере. Живопись церкви в Барабаново в том виде как она сделана и в таком типе интерьера представляет собой редкость и значительную историческую и художественную ценность.

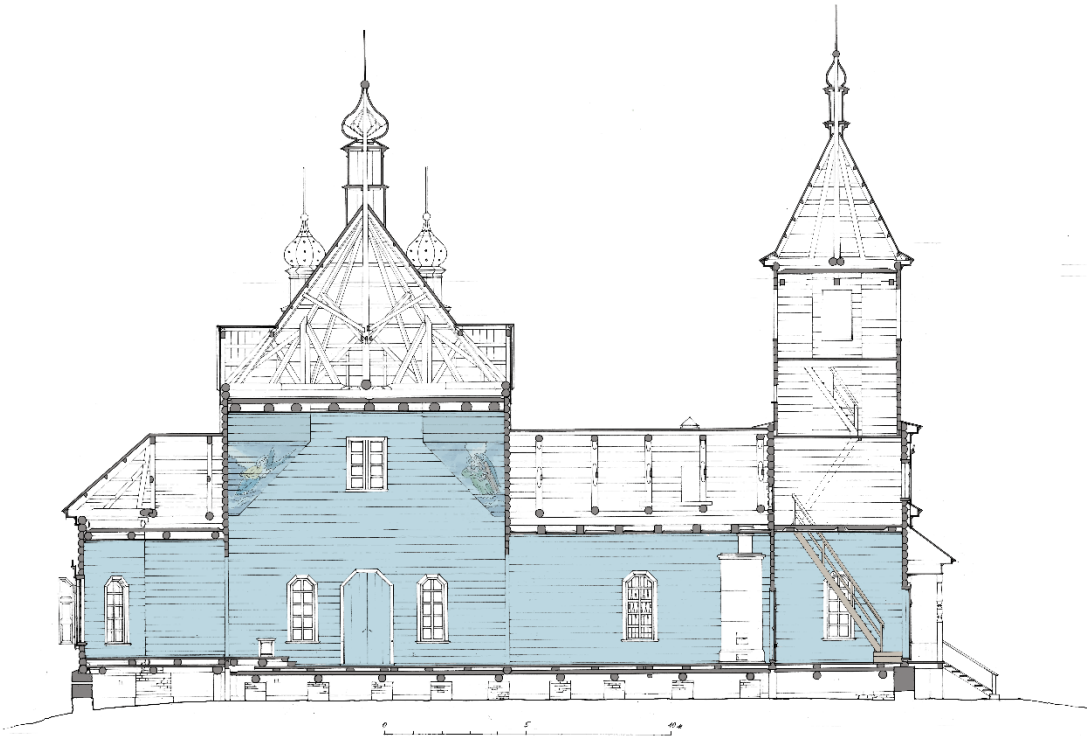

Рис. 4. Реконструкция первоначального облика. Продольный разрез. Рис. А.А. Ермаковой

Таким образом, несмотря на новации XIX в., церковь Параскевы Пятницы сохраняет прочную преемственную связь с традициями деревянного строительства, обладает красивой архитектурой и выразительным силуэтом.

Проведенные после открытия церкви первоочередные противоаварийные работы включали сжимы ослабленных стен, стяжки, подпорки и консервационную кровлю. Однако состояние здания таково, что ему конечно нужна полноценная реставрация.

В 2019 г. был разработан проект реставрации церкви Параскевы Пятницы. Здание имеет несложную строительную историю, состоящую из двух этапов. Соответственно,

[90] Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. 112 с.; Кольцова Т.М. Иконы северного Поонежья. М., 2005. 352 с.

как варианты, рассматривались два принципиальных проектных решения.

Как выяснилось, на первом этапе стены сруба не имели обшивки, кровля была деревянная, окрашенная зеленой краской. На фоне бревенчатой стены изящно выделялись наличники окон. Крыльца, от которых остались следы на стенах, и одно из которых мы видим на старой фотографии, скорее всего, были в том же виде изначально. На втором строительном этапе после ремонта в начале XX в. стены церкви получили обшивку, были сделаны металлические кровли с организованным водостоком. Стены были окрашены охрой, наличники, карнизы и детали – белой краской.

Облик первого строительного этапа интересен открытым срубом и деревянными кровлями. Это делает объект в полном смысле памятником деревянного зодчества. Однако деревянная кровля, если ее восстановить с таким количеством складок на шатре, неизбежно будет протекать, что наверняка и послужило главной причиной ее замены. Обшивку, сохранившуюся на стенах достаточно большими плоскостями, невозможно просто так снять и выбросить, так как она уже неотъемлемая часть истории памятника. Поэтому вариант реставрации на первоначальный облик нецелесообразен.

Облик второго строительного этапа нам понятен практически полностью. Недостающие фрагменты обработки фасадов и детали достоверно реконструируются по образцам, имеющимся на самом памятнике. Металлическая кровля с организованным водоотводом для такого здания логична, она обеспечит его надежную сохранность и долговечность. Облик второго строительного этапа реконструируется с высокой степенью достоверности и с большим количеством подлинных элементов (рис. 5). На основании этого в проекте реставрации церкви Параскевы Пятницы мы ориентируемся в целом на сохранение облика второго строительного этапа, то есть на начало XX в. Однако, как показывает практика реставрации, очень редко удается воссоздать облик какого-либо этапа в полной целостности, и неизбежно получаются отступления.

Рис. 5. Облик церкви на позднейшем строительном этапе с обшивкой стен. Из материалов исследований 2019 г.

В проекте реставрации церкви в Барабаново таким отступлением от облика начала XX в. является решение потолка трапезной в первоначальном виде, то есть без подшивки доской. Первоначальный потолок из тесаных балок и плах сохранился примерно на половину. Это красивый традиционный для деревянных зданий потолок. От позднейшего подшивного потолка ни одной доски не сохранилось, и его воссоздание полностью в новом материале будет неудачным внедрением в интерьеры, где много подлинного. Поэтому в проекте предложена реставрация первоначального потолка трапезной и сохранение его в открытом виде.

Очень важный аспект реставрации памятников деревянного зодчества – это сохранение старины. Можно восстановить исторические формы, но без старых подлинных поверхностей здание будет новоделом. За истекшее столетие материал памятника приобрел патину времени, которая указывает на возраст, подлинность и ценность объекта. Воссоздание покраски стен уничтожает патину времени и даст эффект современной отделки. В реставрационной практике недавних лет есть примеры воссоздания покрасок (церкви Ильинская в Ципино, Георгиевская в Порженском, Богоявленская в Лядинах). Они неудачны именно потому, что производят неприятное впечатление своей новизной. Исторический облик памятника от этого страдает. К тому же покраска достаточно быстро облезает, придает стенам неряшливый вид, и требует постоянного возобновления.

Поэтому в проекте реставрации церкви Параскевы Пятницы предлагается не воссоздавать наружную покраску стен, а старые подлинные доски обшивки и детали оставить в том состоянии, как они дошли до нас – со следами покраски под карнизами и свесами крыш и обветренной поверхностью дерева. Новые добавляемые доски и декор можно ничем не обрабатывать, через два-три года они сами приобретут цвет старой древесины.

Такое же решение предусмотрено и по кровле. Ее поверхность дошла до нашего времени потемневшей от ржавчины. Воссоздание покраски будет блистать своей новизной, к тому же мы достоверно так и не знаем цвет. Поэтому при возобновлении кровли мы ориентируемся на темный цвет старого железа. В новом материале подобную поверхность можно наиболее приближенно воспроизвести из оксидированной меди. Медная кровля, кроме того, обеспечит очень надежное и долговечное покрытие для памятника.

К сохранению интерьеров предлагается принципиально такой же подход. Стены и потолки, окрашенные голубой краской и сейчас сильно потемневшие остаются в существующем виде, то есть с патиной времени. Новые бревна и вычинки тонируются. Реставрация живописи заключается в деликатной не полной расчистке и в укреплении без восполнения утрат. Доски, подлежащие замене, вставки и места утраты красочного слоя должны быть тонированы.

Воссоздание иконостаса требует разработки отдельного проекта. Поскольку иконостас утрачен полностью, наверное, он может быть воссоздан в разном стиле, может быть даже в авторской манере, но важно, чтобы он вписался в свое историческое пятно, следы от которого прочитываются на стене. Утраченные клиросы можно воссоздать по аналогу клиросов Петропавловской церкви в Новоалександровке Уярского района Красноярского края с некоторым упрощением форм и уточнением элементов конструкций в соответствии с имеющимися следами на стенах.

Таким образом, проектное реставрационное решение церкви Параскевы Пятницы с сохранением патины времени, подчеркивающее подлинность материалов и возраст постройки, отражает новый подход к реставрации деревянного памятника, полностью еще не апробированный ни на одном объекте. Мы воспроизводим формы вековой давности, но в характере поверхностей мы показываем эту вековую давность. Объект, полученный после реставрации, должен быть минимально обновленный.

Нечто подобное было сделано на Сретено-Михайловской церкви в бывшей деревне Красная Ляга Архангельской области во время работ 2011 – 2019 гг.[91] Обшивка стен была оставлена в естественном потемневшем состоянии, а замены из нового материала тонированы лессирующим антисептиком Tikkurila под цвет старой древесины. Металлическая глава, прежде окрашенная в зеленый цвет, при замене металла получила серо-коричневый цвет под старое ржавое железо. Все эти меры были нацелены на сохранение облика памятника с патиной времени.

Территорию церкви Параскевы Пятницы хотелось бы сохранить в историческом состоянии с естественной поверхностью земли, дорожками и тропами. Ее можно обнести простой деревянной оградой с воротами и калитками для въезда и входа. Вокруг церкви ведет круговой обход с подходами к южному и северному крыльцам. Покрытие дорожек и троп можно выполнить из утрамбованной каменной крошки без бордюров. Вокруг здания в проекте предусмотрена отмостка, вымощенная булыжником.

Вокруг церкви располагается кладбище, которое сейчас внешне уже никак не выражено. На местах захоронений, даже примерно выявленных, желательна постановка крестов. Кресты должны быть деревянными (для долговечности – из лиственницы) в формах, традиционных для сельских поселений Красноярского края.

Церковь в Барабаново была построена по образцовому проекту, но аналогов на сегодняшний день имеется крайне мало. По такому же проекту в конце XIX – начале XX в. были построены церкви Серафима Саровского в деревне Турнаево Новосибирской области, Покрова Пресвятой Богородицы в селе Глубокое Алтайского края, Тихвинской иконы Божией Матери в селе Шкотово Приморского края, Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Миляновичи Волынской области Украины и другие. Некоторые из них отличаются от Пятницкой церкви более эклектичными формами и деталями, соответствующими более позднему времени. Наибольшие вариации образцового проекта выражены в архитектуре колоколен.

Подавляющее большинство церквей Красноярского края относится к концу XIX – началу XX в. Церковь в Барабаново среди них едва ли не самая ранняя. В любом случае церковь Параскевы Пятницы является самым известным и значительным памятником деревянного зодчества Красноярского края.

[91] Бодэ А.Б. Сретено-Михайловская церковь в Красной Ляге. Брошюра. Научно-популярное издание. М., 2012. 16 с.; Бодэ А.Б. Красная Ляга. Опыт инициативных работ по сохранению памятника // Церковь Преображения Господня: 300 лет на Заонежской земле. Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2015. С. 63-69.

УДК 271.2:726.71(571.51)

Комплекс Успенского мужского монастыря в г. Красноярске

Иванова Алиса Сергеевна
Главный специалист, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск, Россия.
ivanova@ookn.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена возрождению комплекса Успенского мужского монастыря в п. Удачном, расположенном недалеко от г. Красноярска. В ней повествуется о поэтапном восстановлении таких элементов комплекса как объект культурного наследия «Келейный корпус» и «Летний дом архиерея», о создании на основе проекта Л.А. Чернышёва храма в честь иконы Божьей матери «Всецарица», о культурно-историческом центре «Успенский» и других элементах православной обители.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Успенский монастырь в г. Красноярске, Здание келий в г. Красноярске, Летний дом Архиерея, КИЦ «Успенский», Храм «Всецарица», Сибирский мужской хор, Фестиваль Искусств «Колокола», набережная реки Енисей

В Красноярском крае уделяется большое внимание комплексному подходу к сохранению исторической среды и развитию территории в целом. Одним из успешных примеров реализации такого подхода и бережного отношения к культовой архитектуре, является реализуемый проект Успенского мужского монастыря в г. Красноярске.

Начав свою историю в 1879 году, Успенский монастырь, расположенный в п. Удачный, является одной из основных достопримечательностей г. Красноярска и его окрестностей. Монастырь находится в живописном месте, на одной из террас реки Енисей, в окружении гор и включает в себя целую группу уникальных объектов – келейный корпус и Летний дом архиерея, поставленные на государственную охрану как объекты культурного наследия, а также Храм в честь иконы Божьей матери «Всецарица», культурно-исторический центр «Успенский», монастырский сад, дом приёмов Митрополита, недавно возведенная водосвятная часовня, звонница и облагороженная набережная реки Енисей. Сегодня это излюбленное место горожан и гостей г. Красноярска.

Рис. 1.
Панорама Успенского монастыря.
Фото Осташевой Е.В., 2020 г.

История освоения этого места под Красноярском началась во второй половине XIX века. В декабре 1873 года епископ Красноярский и Енисейский Антоний обратился с письмом к красноярскому городскому голове П.И. Кузнецову с предложением об уступке части городской территории для устройства «иноческой обители». Городская Дума на своем заседании 17 декабря того же года нашла вполне возможным «уступить из свободной земли под плотбище местность под устройство Святой Обители».

План местности в районе Плотбища с нанесенной на нем территорией, свободной от арендования, был составлен к маю 1874 года.

Из письма, посланного из монастыря в августе 1874 года, архитектору Главного Управления Восточной Сибири П.Г. Севастьянову, становится известно, что проект всех зданий монастырского комплекса был составлен иеромонахом Зосимой, который сам руководил строительством и выполнял физическую работу.

Указом его императорского величества самодержца всероссийского из Правительствующего сената от 28.12.1878 дано согласие на устройство мужского общежительского монастыря и выделение в «вечное» владение Красноярской обители 4000 десятин земли из казенных дач [10].

28 августа 1879 года архитекторы С.В. Нюхалов и А.А. Лассовский осматривали постройку келейного корпуса «и нашли: что фундамент здания устроен достаточно прочно, кладка кирпича для цоколя произведена правильно и что употребляемые в постройку материалы хорошего качества» [1].

Одноэтажный каменный келейный корпус П-образной формы в плане, расположился в западной части комплекса. Одной из особенностей здания является его видовое раскрытие со стороны фарватера реки Енисей. Ритмику членений протяжных фасадов объекта создают широкие пилястры, перемежающие метрический строй оконных проёмов. Декоративные элементы сосредоточены на вертикальных архитектурных линиях и вокруг дверных и оконных проёмов.

К 1887 году в составе монастыря значатся: главный деревянный дом с церковью, летним помещением для архипастыря, братскими кельями, Святые врата и хозяйственные постройки. Строительство обители велось на средства, пожертвованные как светскими, так и духовными лицами.

За почти полутора вековую историю существования монастыря его архитектурный облик неоднократно претерпевал изменения, вызванные периодами процветания, отмеченного щедрыми пожертвованиями «доброхотных дателей», и упадка, связанного с разрушительными последствиями стихийных бедствий и жесточайших гонений на Православную Церковь.

Рис. 2. Успенский мужской монастырь, 1910-е годы. Фото из фондов Государственного архива Красноярского края (КККМ)

Решительными инициаторами полномасштабного возрождения и развития комплекса Успенского монастыря стали губернатор Красноярского края А.В. Усс и митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеймон.

Началом нового витка в истории православной обители стала комплексная реставрация объекта культурного наследия регионального значения «Красноярский Успенский мужской монастырь. Келейный корпус» (г. Красноярск, ул. Лесная, 55а). Проектная документатация разработана ОАО «СИ «Сибспецпроектреставрация» под руководством П.П. Зыбайло. В рамках государственной программы Красноярского края «Развитие культуры» в 2014 году выполнены работы по перекрытиям, дверным и оконным заполнениям, усилению стропильной системы, устройству кровли из листовой меди, крылец; работы по помещениям, инженерным системам; ограждению территории.

Еще во время проектирования в Архиерейском доме было решено разместить домовую церковь Великомученика и Целителя Пантелеймона. По свидетельству наместника Красноярского Успенского монастыря иеромонаха Сергия, «в марте месяце 1874 года совершенно неожиданно Его Преосвященство Преосвященнейший Антоний получил от 75-летнего старца Преосвященного Иеремии, находившегося на покое в Н. Новгороде икону Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона, писанную на Св. Афонской горе. В икону вложена частица мощей Св. великомученика и целителя Пантелеймона, присланная от Наместника Патриарха Иерусалимского Митрополита Мелетия». Именно Владыка Иеремия (Соловьёв) постриг в монашество Владыку Антония [3].

Летний дом архиерея, расположенный в восточной части монастырского комплекса, является редким для Сибирского региона бревенчатым зданием в формах «русского стиля». В 2017 году поставлен на государственную охрану как объект культурного наследия регионального значения. Дом архиерея выполнял функцию резиденции для встреч, приемов и размещения гостей, прибывающих в монастырь по Енисею или по прибрежной дороге.

Рис. 3. Фото начала XX века из фондов Государственного архива Красноярского края (КККМ)

Деревянный бревенчатый сруб на высоком цоколе вместе с каменным зданием и оградой на фоне высоких береговых холмов Енисея, - этот характерный силуэт издалека просматривается на довольно большом протяжении и образует западные речные ворота города вот уже 140 лет Архитектурное своеобразие архиерейского дома с домовой церковью выражено в примыкающих на уровне второго этажа мезонинов, образующих в плане крест; балконе над парадным входом; шатровой крышей с завершением в виде главки-луковицы на восьмигранном барабане.

С 2017 по 2020 год по проекту КГКУ «Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края» (научный руководитель: А.С. Изотова и автора проекта: Н.А. Егорова), проведена комплексная реставрация объекта культурного наследия регионального значения «Красноярский Успенский мужской монастырь. Летний дом архиерея» (г. Красноярск, ул. Лесная, 51). В настоящее время задние приспособлено под функции духовно-просветительского центра, где среди прочего размещается информационная экспозиция «Православие в Сибири».

Все работы на объектах культурного наследия и в их границах

их территорий осуществлялись при непрерывном контроле Службы по государственной охраны объектов культурного наследия Красноярского края, которой также были разработаны необходимые памятникоохранительные документы, позволяющие сохранить историческую среду. Осуществлялось постоянное взаимодействие со всеми органами власти и организациями – участниками процесса по возрождению былого величия Успенского мужского монастыря.

Рис. 4. Летний дом архиерея. Фото Шкуропатской А.Ю., 2020 г.

В 1914 году крупнейшим красноярским архитектором первой трети XX века Л.А. Чернышевым была спроектирована каменная церковь для монастыря. Проект при жизни архитектора реализован не был.

Вот что писал К.Ю. Шумов – один из исследователей творческого наследия Л.А. Чернышёва: «Твердо придерживаясь тезиса о «свободе творчества в религиозной архитектуре», Л.А. Чернышёв за короткий отрезок времени в результате собственного переосмысления национальных архитектурных прототипов, преодолев неуверенность

авторской манеры и влияния конкретных произведений лидеров неорусского стиля, создал самобытный образ храма, совершенно лишенный искусственной архаизации форм и привлекающий своей сказочной одухотворенностью и романтичным лиризмом». Являя собой, пожалуй, единственный в творческой практике Л.А. Чернышёва пример полноценной работы в жанре церковного искусства, проект храма для Успенского монастыря с уверенностью может быть назван уникальным для всего храмостроительства Енисейской губернии предреволюционного времени. А его автор поставлен в ряд наиболее значительных представителей «неорусского стиля» в сибирской архитектуре начала XX века» [4].

Впервые интерес к выполненному А.Л. Чернышёвым проекту церкви для Успенского монастыря возник в 1995 году, когда на его основе красноярскими архитекторами А.Ф. Блохиным, К.Ю. Шумовым и В.В. Медиевским были разработаны чертежи, позволяющие приступить к реальному строительству храма. По целому ряду причин намеченные планы не были осуществлены. Лишь в 2012 году с началом нового этапа возрождения этой православной обители, после творческих дискуссий и рассмотрения альтернативных проектных предложений, идея строительства храма по проекту Л.А. Чернышёва обрела реальную перспективу. К началу 2013 года на основе чертежей Л.А. Чернышёва красноярскими архитекторами К.Ю. Шумовым, Е.О. Разваляевым, А.В. Курициным был разработан новый проект храма. В него внесены изменения, связанные с устройством под зданием специального помещения – крипты. Закладка монастырской церкви, получившей название в честь иконы Божией Матери «Всецарица», состоялась первого июня 2013 года. Возведение здания было завершено в 2015 году [4].

Значительный объем работ был выполнен по украшению интерьера монастырской церкви. Следуя древним традициям христианского искусства, настенные изображения в интерьере храма расположены в четком соответствии с их иерархией. В росписи стен, наиболее сакрально значимых зон храма – купола и свода алтаря, символизирующих духовное небо, изображена фигура Спасителя, с находящимися ниже пророками, и Богородицей (Оранты) с

Рис. 5. Эскиз храма для Успенского монастыря.
Архитектор Л.А. Чернышёв. 1910-е гг. Государственный архив Красноярского края (КККМ)

Рис. 9. Звонница Успенского монастыря.
Фото Шумова К.Ю., 2020 г

предстоящими ангелами. Фигуры четырех евангелистов, традиционно расположенных на плоскости подкупольных парусов, представлены за работой над составлением повествования о жизненном пути Христа. Поверхности арок главного объема здания расписаны событиями евангельской истории, а нижние зоны интерьера храма, олицетворяющие земной мир, отведены для изображения сцен из жизни святых, пребывающих среди пришедших в храм людей. Особое место в настенных росписях здесь занимают изображения святого и праведного Василия Мангазейского, ложно обвиняемого в воровстве, находящегося в непрестанных молитвах праведного Даниила Ачинского, святителя Луки со сценой исцеления недужных, пребывания в заточении священномученика Амфилохия Красноярского. Настенная живопись в интерьере храма выполнена артелью художников в составе: Д.М. Лабутина, А.В. Гонцова, А.В. Кольцова, И.П. Хороброва, А.Н. Постниковой, Д.А. Молчановой, О.Г. Пилипович, К.В. Раемгуловой, Н.А. Морозовой.

Рис. 6. Вид Успенского монастыря. Фото 2019 г.
https://www.gornovosti.ru/ (дата обращения 26.10.21)

Смысловой и художественной доминантой интерьера монастырской церкви является невысокий двухъярусный иконостас, вырезанный группой красноярских специалистов ООО СК «Георг» под руководством В.Я. Цургана и Д.Г. Сидоренко, по проекту, разработанному архитекторами А.А. Савченко и К.Ю. Шумовым. В его нарядных формах нашли отражение мотивы «русского стиля» второй половины XIX века. Центральную часть иконостаса с царскими вратами, храмовой иконой Богоматери «Всецарица» и образом Спаса Вседержителя венчает шатровая сень, являющаяся условным воспроизведением куполообразной конструкции над гробницей Христа в иерусалимском храме Гроба Господня (церкви Воскресения). В иконах второго яруса алтарной преграды присутствуют сюжеты, тематически связанные с житием Спасителя, а также Богородичные житийные образы. При виде этого иконостаса, изобилующего покрытым золотом растительным орнаментом, с дивным сиянием отражений различных источников света, в воображении зрителя возникает волнующий образ райского града с видениями небесных свидетелей, прежде всего Богоматери и Самого Христа.

Воздвигнутый в удивительно короткие сроки храм в честь иконы Божией

Матери «Всецарица» приобрел роль основной архитектурной и духовной доминанты комплекса красноярского Свято-Успенского монастыря, по достоинству став одной из главных достопримечательностей обители [4].

По эскизам К.Ю. Шумова в центре монастырского ансамбля в 2014-2015 годах построена звонница, закрепившая местоположение некогда существовавшего деревянного храма Успения Богоматери.

По проекту архитекторов А.В. Власова и К.Ю. Шумова в 2020 году возведена открытая водосвятная часовня. В центре часовни находится чаша с освящённым крестом, откуда «истекает вода» [8].

В юго-западной части обители построен Дом приемов Митрополита с домовой церковью в честь преподобного Сергия Радонежского. Деревянное здание по замыслу архитекторов А.В. Власова и К.Ю. Шумова выполнено в 2018 году с применением цитирования элементов древнерусской архитектуры.

Благоустройство набережной реки Енисей, начатое в 2019 году по проекту архитектора А.В. Банникова и продолжающееся по сей день, также является крупной вехой развития, окружающей монастырь территории. Здесь располагается ставшая особо популярной среди горожан зона прогулок и спокойного отдыха.

В 2016 году с целью развития на территории края традиционной российской культуры, создания условий для формирования у жителей духовных, нравственных и эстетических идеалов было принято решение о строительстве в составе комплекса Успенского монастыря государственного учреждения – культурно-исторического центра «Успенский».

Учреждение является структурным подразделением Государственного центра народного творчества Красноярского края. Размещается в задании, построенном в мотивах неорусского стиля по эскизам архитектора К.Ю. Шумова в 2013-2016 гг.

В культурно-историческом центре «Успенский» организовываются познавательные программы «История Успенского мужского монастыря г. Красноярска, мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству (мастер-классы по флористике, гончарному мастерству, шитью, вышивке и ткачеству), семинары, выставки, экспозиции, реализуется

Рис. 10. Водосвятная часовня, 2020 г. https://kerpc.ru/ (дата обращения 26.10.21

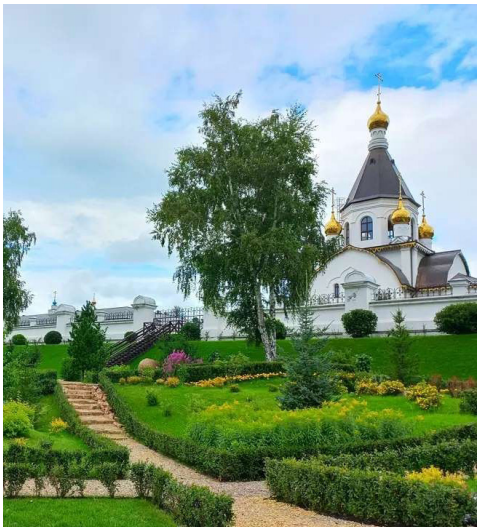

Рис. 11. Набережная реки Енисей, 2021 г. Фотография из архива структурного подразделения ГЦНТ — Культурно-исторический центр «Успенский»

гуманитарный проект «Лекторий в Успенском», фестиваль народного творчества «Успенская ярмарка», на набережной Енисея проходят ежегодные выставки творческих работ народных мастеров «Времена года».

Рис. 12. Культурно-исторический центр «Успенский», 2018 г.
Фотография из архива структурного подразделения
ГЦНТ — Культурно-исторический центр «Успенский»

Одним из значимых событий в духовной и культурной жизни Красноярского края является проведение здесь Международного Фестиваля Искусств «Колокола». Это открытый фестиваль звонарей Красноярской митрополии «Колокола Сибири», с 2019 года проводимый ежегодно.

Рис. 13. Международный Фестиваль Искусств «Колокола», 2018 г.
Фотография из архива структурного подразделения
ГЦНТ — Культурно-исторический центр «Успенский»

Вместе с этим на территории Успенского монастыря в летний период проводится праздник цветов «Сибирский первоцвет». В рамках праздника гости принимают участие в мастер-классах по декоративно-прикладному творчеству и флористике, посещают фотолокации, инсталляции, художественные, книжно-иллюстративные выставки, а также выступления лучших фольклорных и хоровых ансамблей Красноярского края.

Важным событием является создание в 2018 году при Культурно-историческом центре Сибирского мужского хора. Коллектив основан по инициативе Губернатора Красноярского края А.В. Усса. Художественный руководитель хора – А. Терещенко. В составе коллектива 23 профессиональных артиста, в репертуаре которых более 250 музыкальных произведений, в том числе духовные песнопения выдающихся русских композиторов и обиходные песнопения Русской Православной Церкви, русские народные и патриотические песни.

Рис. 14. Открытый фестиваль звонарей Красноярской митрополии «Колокола Сибири», 2021 г. Фотография из архива структурного подразделения ГЦНТ — Культурно-исторический центр «Успенский»

В 2021 году Культурно-историческому центру «Успенский» исполнилось 5 лет. За эти годы комплекс посетило более 300 000 человек из 75 стран, 50 субъектов Российской Федерации и 60 муниципальных образования Красноярского края; проведено более 7600 разноплановых культурно-досуговых и информационно-просветительских мероприятия.

Красноярский Успенский мужской монастырь, органично включенный в природный ландшафт и расположенный на берегу могучей реки Енисей, демонстрирует уникальный опыт создания градостроительного комплекса с культурно-исторической и просветительской направленностью. Сегодня мужской монастырь посещают паломники с духовными потребностями, красноярцы и гости города, люди разных возрастов, молодёжь и дети, что безусловно, способствует укреплению духовной культуры сибиряков, россиян.

Список литературы

[1] Можайцева Н.В. Летний дом архиерея в комплексе Красноярского Успенского мужского монастыря, 1874 г. // Историко-публицистический альманах «Сибирский крест». Выпуск 1: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. – С. 300-309.

[2] Официальный сайт Государственного центра народного творчества Красноярского края – URL: https://krasfolk.ru// (дата обращения 26.10.2021).

[3] Официальный сайт Красноярской епархии Русской Православной Церкви – URL: https://kerpc.ru/news/sobytiya/88855 (дата обращения 26.10.2021).

[4] Приказ службы по охране объектов культурного наследия Красноярского края от 27.04.2018 № 194.

[5] Приказ службы по охране объектов культурного наследия Красноярского края от 14.04.2017 № 204

[6] Приказ службы по охране объектов культурного наследия Красноярского края от 14.04.2017 № 204

[7] Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Правительствующего сената от 28.12.1878 № 5251. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 160, оп. 1, д. 1 (Дело о строительстве монастыря. 1874-1879 гг.)

[8] Хожаев А.С. Акт от 07.03.2019 № 19/1 государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «КомплексУспенского монастыря: дом; келейный корпус; церковный сад», расположенного по адресу: Красноярский край, г. Красноярск, п. Удачный (современный адрес: Красноярский край, г. Красноярск, ул. Лесная, 51 (лит. А), ул. Лесная, 55а (лит. Б, Б1), в целях обоснования целесообразности его включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации – URL: https://www.ookn.ru/docs/?ELEMENT_ID=63041&sphrase_id=115833.

[9] Шумов К.Ю. Чернышёв Л.А. Проект храма Успенского монастыря в Красноярске – URL: http://naov.ru/articles/69_chernishiev-la-proekt-hrama-uspenskogo-monastirya-v-krasnoyarske.html (дата обращения 26.10.2021).

[10] Шумов К.Ю. Краткая историческая справка об Успенском монастыре в г. Красноярске // Проект реставрации Успенского монастыря в г. Красноярске. ООО ТАПМ «КРАСНОЯРСКСРХПРОЕКТ», 1994.

УДК 72.035(470.341-25)

Научные основы и практические примеры кластерного принципа развития объектов центральной части России

Шумилкин Александр Сергеевич
Кандидат архитектуры, главный архитектор,
«Архитектурное бюро АСГАРД», г. Нижний Новгород, Россия
info@asgard-arch.ru

Грачева Елена Евгеньевна
Научный сотрудник, специалист,
«Архитектурного бюро АСГАРД», г. Нижний Новгород, Россия

Ткачева Марина Леонидовна
Научный сотрудник, ГИП Руководитель АПМ 1,
«Архитектурного бюро АСГАРД», г. Нижний Новгород, Россия

АННОТАЦИЯ Рассматриваются научные основы, подходы и тенденции в сфере сохранения историко-культурного наследия. Формулируются стратегии актуализации объектов культурного наследия центров исторических городов (кластерно-территориальный подход, точечный подход). Анализируется современная практика восстановления уникального историко-культурного потенциала городского пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА историко-градостроительная среда, кластерно-территориальный подход, комплексная реставрация, приспособление для современного использования.

Современная стратегия сохранения наследия рассматривает его как фундаментальную категорию, лежащую в основе поддержания национальной культуры и самобытности страны, а также формирования устойчивого культурно-ландшафтного пространства.

Выявленной особенностью современной практики стало расширение типологии объектов реставрации. В настоящем исследовании введена категория кластеров – групп объектов культурного наследия различной типологии, объединяемых общими задачами современного использования. Кластер (англ. cluster – скопление, кисть, рой) — объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами. Сохранение памятников архитектуры в виде кластеров сегодня составляет одно из наиболее актуальных направлений, осуществляемых в разных регионах страны (историко-культурные кластеры Тулы, Плеса, Самары, Казани и др.).

Научная реставрация в начале XXI в. опирается на комплексный подход к сохранению наследия, характеризующийся признанием ценности позднейших наслоений и безусловным стремлением к научному обоснованию форм восстанавливаемых элементов. Приоритетная направленность сохранения памятников связана с приспособлением объектов культурного наследия для современного использования. Наряду с задачей сохранения стилевых и типологических особенностей архитектуры, обусловленных подлинным материалом памятника, ключевым условием продления жизни исторического здания является его включение в развивающееся городское пространство.

Одной из актуальных задач является сохранение городских культурных

ландшафтов, которые требуют особых подходов к их актуализации в условиях развития исторических центров мегаполисов. Важным направлением является развитие кластерно-территориального подхода к сохранению историко-культурного наследия на базе концепции культурного ландшафта (сохранение наследия на уровне структурно-типологических образований: крепостных и монастырских архитектурных ансамблей, усадебно-промышленных комплексов, градостроительных образований и т.д.). Данный подход предполагает комплексные работы по реорганизации масштабного фрагмента городского пространства с актуализацией современного «прочтения» его объектов и образно-художественным обогащением архитектурной среды. Важной задачей кластерно-территориального подхода является усиление градоформирующей роли, выявление и сохранение исторического каркаса градостроительного образования.

Изменение идеологической направленности, а также влияние западноевропейских представлений о роли культурного наследия, на рубеже XX – XXI вв. обусловили новый взгляд на национальные ценности. Возникло понимание необходимости сохранения, защиты и популяризации культурного достояния как базового ресурса и, одновременно, драйвера экономики. Памятник стал рассматриваться не обособленно, но как элемент культурного контекста, условием существования которого является включение его в современную жизнь.

Особые задачи в сфере наследия связаны с сохранением городских культурных ландшафтов и разработкой подходов к их актуализации в условиях изменения и развития среды городов в первые десятилетия XXI в. Кластерно-территориальный подход к сохранению историко-культурного наследия предполагает работу с масштабными фрагментами культурного ландшафта с целью актуализации современного «прочтения» его объектов и образно-художественного обогащения архитектурной среды и, одновременно, формирует комплексный подход, совмещая проблемы экономики, урбанистики, туризма и культурных особенностей определенной территории.

Эта тенденция коррелируется с программой устойчивого развития, которая направлена на будущие поколения и смену парадигмы в изменении подхода к историческому наследию. Данная стратегия становится главной в понимании проблем идентичности и, в частности, в вопросах стратегического планирования среды и сохранения исторического наследия.

Подтверждением положительной динамики стали государственные долгосрочные программы бюджетного финансирования реставрационных работ, предусматривающие поддержку объектов культурного наследия на федеральном уровне (Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002 – 2010 гг.)»,Федеральная целевая программа «Культура России (2012 – 2018 гг.)», Государственная программа города Москвы «Культура Москвы на 2012 – 2018 гг.») и региональном уровнях(Государственная программа Красноярского края «Развитие культуры и туризма» (2013 – 2018 гг.), Государственная программа «Культура Новосибирской области» (2015 – 2020 гг.), Государственная программа по сохранению ОКН «Наследие Вологодчины» (2018 – 2025 гг.), «Формирование системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музейно-туристических комплексов в Новосибирской области» (2012 – 2017 гг.) и др.).

Масштабные восстановительные работы, приуроченные к юбилейным датам, включили в свою программу реставрацию объектов культурного наследия по нескольким кластерами (300-летие Санкт-Петербурга, 2003 г.; 800-летие Нижнего Новгорода, 2021 г.; 400-летие Енисейска, 2019 г.; 500-летие Тульского кремля, 2021; 1100-летие крещения Алании, 2022 г. и др.).

Одним из ярких примеров реализации данного направления стали масштабные мероприятия 2020 – 2021 гг. по восстановлению архитектурно-исторического облика Нижнего Новгорода, осуществленные нижегородскими архитектурно-реставрационными

организациями в рамках подготовки к 800-летию древнего города. Крупные работы были проведены на объектах Нижегородского Кремля – памятника федерального значения. Градоформирующая роль кремля как древнейшего оборонного сооружения в сочетании с уникальным природным ландшафтом обеспечила приоритет сохранения памятника в единстве культурного, архитектурного, природно-ландшафтного каркаса (Рис. 1).

Значительные работы были связаны с реставрацией и приспособлением для современного использования крупных архитектурных объектов Кремля. Дом военного губернатора (Нижегородский Кремль, корпус 3) – представительное трехэтажное здание, расположенное в северо-восточной части кремля на бровке холма. Его возведение в 1836 г. (по проекту архитектора И.И. Шарлеманя) было связано с обширными градостроительными преобразованиями первой половины XIX в., осуществленными в Н. Новгороде по указанию императора Николая I. В период ремонтов и приспособления здания в стиле позднего классицизма под художественный музей в конце XX в. были проведены перепланировки, заложены отдельные проемы, частично утрачен внутренний художественный декор.

Проектное решение по приспособлению здания для современного использования под функции музея предусматривало ремонтно-реставрационные работы по инженерным сетям, по отдельным помещениям и художественным интерьерам, восстановительные работы по крыше здания (реставрационные решения: ООО «АСГАРД») (рис. 3).

В контексте развития современного культурного пространства Н. Новгорода значимым стал комплексный проект реставрации и приспособления Здания Присутственных мест (Нижегородский Кремль, корпус 2).

Строительство памятника относится к периоду важнейших градостроительных изменений конца XVIII в. – перепланировки Нижнего Новгорода на основе первого регулярного плана. Построенное в 1782 – 1785 гг. по проекту нижегородского губернского архитектора Я.А. Ананьина, здание заняло ответственное положение, организовав западную сторону плац-парадной площади и речную панораму кремля. В начале XIX в., а затем в советский период корпус получил значительные перестройки и перепланировки. В настоящее время протяженное трехэтажное здание, расположенное в западной части территории Нижегородского Кремля, является крупной архитектурно-пространственной доминантой в структуре кремлевского ансамбля. Часть здания занимает Нижегородская государственная академическая филармония им. М. Ростроповича.

В рамках работ по сохранению объекта культурного наследия был разработан проект реставрации памятника и дизайн-проект интерьеров здания филармонии (реставрационные решения: ООО «АСГАРД»; дизайн-проект: АБ «ГОРА»). Проект реставрационных работ предполагал раскрытие частично заложенных исторических проемов, воссоздание по историческим аналогам деревянных дверных заполнений. Сохранение памятника предусматривало реставрацию части художественных интерьеров, восстановление декоративной отделки помещений, замену поздних перегородок (Рис. 4).

Крупные реставрационно-восстановительные работы были проведены на Казармах гарнизонного батальона (Нижегородский Кремль, корпус 10). Здание, выстроенное на рубеже XVIII – XIX вв. как составная часть комплекса административных сооружений, заняло ответственное градостроительное положение в центральной части кремлевского ансамбля. В 1830-х гг. здание казарм было перестроено в связи с масштабной реконструкцией территории «крепости» и размещением в нем военных частей. Во второй половине XIX в. и в советское время здание казарм неоднократно ремонтировалось, что привело к изменению планировки и архитектурного облика фасадов. В настоящее время здание является выразительным образцом архитектуры классицизма в Нижнем Новгороде и имеет большую историко-градостроительную ценность в ансамбле Кремля.

Основными задачами проекта являлось выявление художественной и исторической ценности памятника, сохранение и реставрация его архитектурного облика (Рис. 1). Важным условием стало приспособление здания под современную функцию административно-выставочного центра с максимальным приближением объемно-планировочной структуры к исторической. Реставрационные работы предусматривали восстановление композиции и реставрацию архитектурных элементов фасадов. В рамках работ по сохранению объекта культурного наследия разработан дизайн-проект интерьеров помещений (реставрационные решения: ООО «АСГАРД»; дизайн-проект: АК "MISH studio"). Приведенные примеры сохранения объектов культурного наследия характеризовались изменением преобладающей функциональной направленности с административной на выставочную, что соответствовало задачам современного развития территории Кремля.

Другое направление актуализации наследия связано с точечным восстановлением памятников, приобретающих роль новых градоформирующих и смысловых доминант в структуре городского пространства «Парк Баташов». Одним из знаковых примеров является уникальный памятник индустриального наследия – водонапорная башня В.Г. Шухова, расположенная в городе Выксе Нижегородской области на территории ОАО «Выксунский металлургический завод» (рис. 5). Башня относится к числу шести сооружений на территории области, связанных с именем выдающегося инженера-конструктора. Являясь частью исторического усадебно-промышленного комплекса Выксы, водонапорная башня принадлежит к главным достопримечательностям индустриального наследия области XX в.

Цель реставрации и приспособления заключалась в музеефикации памятника – выдающегося достижения инженерной мысли с уникальной историко-культурной, научной и художественной значимостью (проект реставрации: ООО «Асгард»). Расположенная на отдалении от исторического городского центра, восстановленная башня формирует новую точку развития историко-культурного потенциала региона (рис. 6).

Исторические промышленные здания и комплексы составляют обширный пласт архитектурного наследия России второй половины XIX – начала XX вв. Значителен их потенциал в формировании современного городского пространства. Примером из актуальной практики восстановления памятников промышленной архитектуры стала комплексная реставрация Здания водочного завода в исторической части города Рязани (ул. Павлова, д. 5). Здание входило в состав архитектурного комплекса, выполненного в формах эклектики конца XX в.

К моменту проведения реставрационных работ памятник утратил крышу и перекрытие верхнего этажа одного из ризалитов. Кладка стен и декор фасадов были частично разрушены. Внутренние конструкции находились в аварийном состоянии (рис. 7).

Проектом реставрации памятника был предусмотрен полный комплекс ремонтно-реставрационных работ: демонтаж аварийных перекрытий, укрепление кладки стен, устройство новых перекрытий и путей междуэтажного сообщения, реставрация открытой кирпичной лицевой кладки, элементов фасадного декора, ковки, восстановление кровли здания в ее первоначальных геометрических параметрах, воссоздание светового фонаря и исторических вентиляционных шахт на крышах ризалитов, комплексное приспособление инженерных систем здания под офисную функцию (проект реставрации: ООО «Асгард»). Важно отметить сохранение принципиальной структуры и масштаба внутреннего пространства, разделенного поперечными стенами, с возможностью свободной планировки при помощи временных перегородок. Реставрационно-восстановительные работы позволили раскрыть новые возможности исторических форм здания, находившегося в заброшенном состоянии. Это не только дало импульс

развитию его социокультурного, эстетического и экономического потенциала, но и послужило преобразованию многолетней лакуны на карте исторического центра в градоформирующий элемент городского пространства (рис. 8).

Аналогичные задачи актуальны во многих регионах страны. Выход из проблемного периода рубежа XX – XXI вв. характеризуется положительными тенденциями в деятельности по сохранению объектов культурного наследия. Развиваются различные стратегии восстановления и актуализации памятников в исторической городской ткани: кластерно-территориальный подход, точечный подход. При существующей вариативности подходов современная научная архитектурная реставрация опирается на комплексный метод, обеспечивающий продление жизни памятника при минимальном вмешательстве в его историческую ткань. Проведение комплексных реставрационных работ позволяет восстановить градоформирующее и историко-культурное значение памятников в структуре центров городов, дает импульс развитию уникального исторического потенциала городских пространств.

Таким образом, реставрация в стратегии «устойчивого» развития посредством кластеров, представляет собой комплекс задач по раскрытию потенциала объектов культурного наследия как части историко-архитектурной среды, предусматривающий возможность развития этой среды во времени.

Список литературы

[1] Баталов А. Путь эволюции категорий. Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в отечественной реставрации XIX – начала XX века / А. Баталов. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 140–145.

[2] Душкина Н.О. Реконструкция архитектурных сооружений: метаморфозы теории и перспективы сохранения наследия / Н.О. Душкина. – Текст : непосредственный // Поиски идентичности. Реставрация, восстановление, воссоздание. Материалы XIV Чтений, посвященных памяти Л.А. Лелекова (1934 – 1988). – М., 2002. – С. 39, 40.

[3] Кульчинская Е. Д. Новые роли памятников архитектуры / Е. Д. Кульчинская. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков. Проблемы реставрации и охраны наследия : сборник / Российская академия архитектуры и строительных наук, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства ; под редакцией А. С. Щенкова. – Изд. 2-е. – Москва, 2014. – 144 с.

[4] Матвеев Б.М. Деконструкция архитектурного наследия / Б.М. Матвеев. – СПб.: Политехника-сервис, 2012. – 423 с.: ил. – Текст : непосредственный.

[5] Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А.С. Щенкова. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с: ил. – Текст : непосредственный.

[6] Швидковский, Д.О. Пространство мирового зодчества / Д.О. Швидковский. Научное издание. - М.: «Архитектура-С», 2017. - 560 с., ил. – Текст : непосредственный.

[7] Щенков А.С. Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века: Историко-культурные проблемы / А.С. Щенков. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 280 с. – Текст : непосредственный.

[8] Шумилкин А.С. Шуховская башня в г. Выксе Нижегородской области. Реставрация памятника федерального значения / А.С. Шумилкин – Текст : непосредственный // Приволжский научный журнал / Нижегородский государствен¬ный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2018. – № 3. – С. 151 – 156.

Приложения

Рис. 1. Казармы гарнизонного батальона (Нижегородский Кремль, корпус 10).
Фото 2021 г.

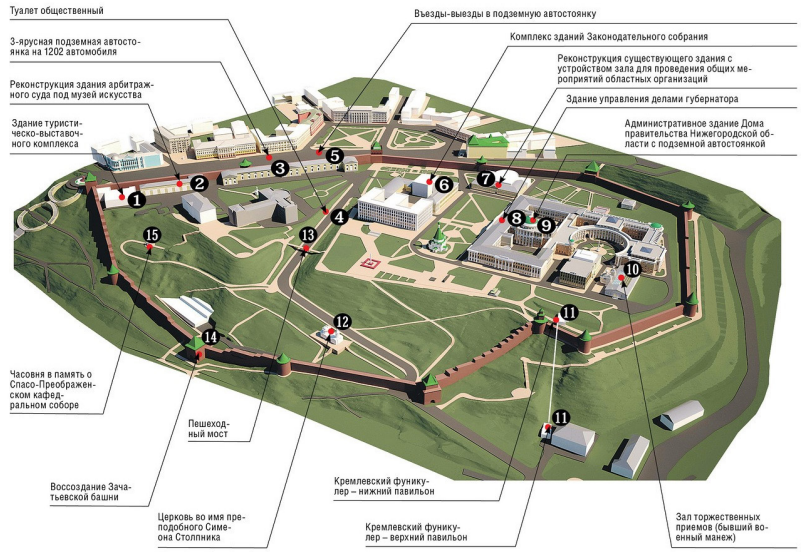

Рис. 2. Концепция развития «Нижегородский Кремль». Проект 2020 г

Рис. 3. Реставрация и приспособление для современного использования Дома военного губернатора (Нижегородский Кремль, корпус 3). Фото 2021 г.

Рис. 4. Реставрация и приспособление для современного использования Здания Присутственных мест (Нижегородский Кремль, корпус 2).

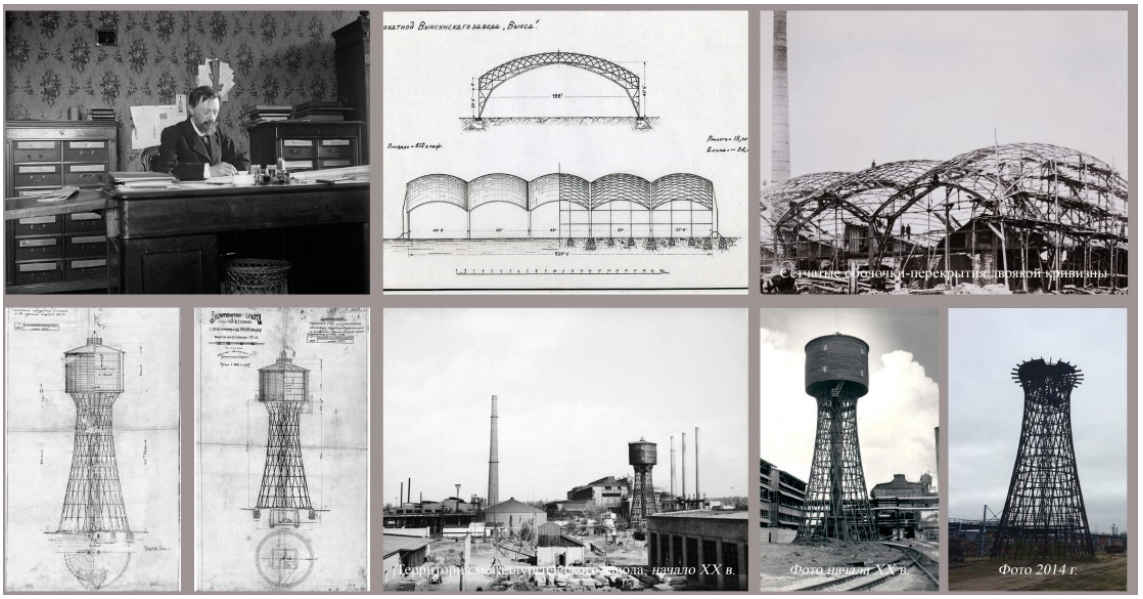

Рис. 5. Усадебно-промышленный комплекс Баташовых (Нижегородская обл., г. Выкса). Водонапорная башня и Листопрокатный цех В.Г. Шухова. Фото начала XX в.

Рис. 6. Усадебно-промышленный комплекс Баташовых (Нижегородская обл., г. Выкса)

Концепция развития «Парка Баташев». Проект 2020 г.

Рис. 7. Здание водочного завода в г. Рязани (ул. Павлова,д. 5) до проведения реставрационных работ. Фото 2015 г.

Рис. 8. Здание водочного завода в г. Рязани (ул. Павлова, д. 5) после проведения реставрационных работ. Фото 2020 г.

УДК 379.83:2-523.45

Опыт позиционирования территории через наследие на примере церкви Параскевы Пятницы в с. Барабаново

Язев Алексей Дмитриевич
Епархиальный древлехранитель Красноярская Епархия Русской Православной Церкви, г. Красноярск, Россия

Потылицина Ксения Владимировна
Главный специалист, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск, Россия

Осташева Екатерина Викторовна
Начальник отдела мониторинга, Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается сохранение историко-культурного наследия, формирование и укрепление культурной и духовной идентичности через знание о своем историческом и культурном наследии. Исследуется практика раскрытия уникальности территории через культурное наследие, формирование её уникального культурного кода, через который она становится узнаваема, что позволяет найти дополнительные ресурсы для сохранения, развития, популяризации уникальных памятников и территории, на которых они расположены.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА культурный код, развитие, территория, позиционирование.

Красноярский край, занимая 13,7 % территории Российской Федерации и 45,7 % территории Сибирского федерального округа и являясь географическим центром России, славится своим богатым архитектурным и историческим наследием. Среди памятников истории и архитектуры достойное место занимают объекты деревянного зодчества разных эпох и стилей, выполненные в традициях древнерусского зодчества, классицизма, сибирского барокко, конструктивизма и модерна.

Особое место среди объектов деревянного зодчества занимают памятники культовой архитектуры. Церковь Параскевы Пятницы в Барабаново по праву называют Сибирскими Кижами. Это шедевр деревянного зодчества и единственный во всей Сибири деревянный храм с сохранившимися росписями, выполненными местными мастерами.

Барабаново – это старинное казацкое поселение, возникшее в середине

XVII в. Необходимость строительства храма, была вызвана ростом населения и значительной отдаленностью от действующих храмов.

По легенде, строительству церкви Святой Параскевы предшествовала чудесная история: возвращаясь со службы, некий солдат выловил в Енисее дощечку, на которой, после того как ее потерли песком, проступил лик святой Параскевы. Когда сельчане понесли икону на гору, чтобы получше рассмотреть, она засветилась яркими красками. Именно на этом месте барабановцы и жители окрестных деревень решили построить церковь.

По легенде, строительству церкви Святой Параскевы предшествовала чудесная история: возвращаясь со службы, некий солдат выловил в Енисее дощечку, на которой, после того как ее потерли песком, проступил лик святой Параскевы. Когда сельчане

Рис.1. Презентация Церкви Параскевы Пятницы на IV Всероссийском фестивале «Архитектурное наследие»

Рис. 2. Церковь Параскевы Пятницы. Рисунок А.Б. Бодэ., 2018 г

понесли икону на гору, чтобы получше рассмотреть, она засветилась яркими красками. Именно на этом месте барабановцы и жители окрестных деревень решили построить церковь.

Согласно официальным документам, в начале 1850-х годов жители четырех деревень: Карымской, Шивера, Додоново и Барабаново принимают решение

о строительстве церкви и основании прихода. В архивных делах Барабановского прихода указан день, 20 марта 1852 года, как день схода жителей четырех деревень, население которых составляло более 2000 человек. Комиссионное решение о выборе нового участка для церкви было подписано 13 июля 1853 года архитектором Яковом Набаповым, известным как автор часовни Параскевы Пятницы в Красноярске. Строительство церкви осуществлялось артелью местных плотников: Черкашиных из Барабаново, Айкановых из Шиверов, Черных из Карымской, Минеевых.

В европейской части России рубленое деревянное храмостроительство к тому времени изживало себя: предпочтение отдавалось каменным храма. Однако в Сибири по-прежнему преобладало деревянное церковное зодчество.

На строительство было собрано 7.200 руб. Часть средств была собрано прихожанами, часть – по всей вероятности, выделялась из синодального бюджета. Не обошлось и без крупных благотворителей: 1.500 руб. внёс для Барабановского прихода купец Иван Иванович Токарев, жизнь которого была связана с этими местами.

Церковь Параскевы Пятницы построена в 1855 – 1857 гг. В 1852 г. в Томской духовной консистории, к которой административно относилась территория Приенисейской Сибири, появилось дело о постройке новой деревянной церкви Святой мученицы Параскевы в деревне Барабановской с образованием там отдельного прихода. Из материалов этого дела известно, что инициатива строительства исходила от священника Александра Иноземцева при ходатайстве местных жителей. Проект строительства в марте 1852 г. поддержал епископ Томский и Енисейский Афанасий (Соколов). Губернским строительным комитетом был одобрен и утвержден план и фасад постройки. Образцом для строительства церкви послужил проект № 12 из Атласа проектов церквей сельских построек, изданного в Санкт-Петербурге в 1853 г. Архитектором для Барабановской церкви был определен Яков Михайлович Набалов, который состоял в знакомстве со

знаменитым церковным зодчим К. А, Тоном. Я. М. Набаловым в процессе строительства церкви проектные решения по колокольне, крыльцам, интерьерам были значительно изменены. Подряд на строительство получил мещанин города Ардатова Нижегородской губернии Анатолий Касьянович Саянивич. Иконостас выполнен местным мастером Гаврилой Захарьевичем Коротковым. Церковь была построена к середине 1857 г., а в октябре того же года покраской кровли храма работа была окончена.

Рис. 3. Церковь Параскевы Пятницы.
Историческое фото.

Здание церкви Параскевы отличается большими размерами, что нетипично для отдаленных сельских храмов того времени. Вероятнее всего, это объясняется необходимостью вмещать большое количество прихожан. Храм просторен, особенно велика трапезная, в которой могла собираться вся община. Во внутреннем устройстве здания церкви имеются некоторые несоответствия. Изнутри кажется, что завершение церкви выполнено в виде купола, символизирующего «Небесный свод», но на самом деле снаружи находится восьмигранный шатер.

На потолке храма в парусах размещены изображения четырех евангелистов с их символами: Матфей с ангелом, Марк со львом, Лука с волом, Иоанн с орлом. На восточной бревенчатой стене над иконостасом в прямоугольных рамах находятся изображения избранных святых апостолов Петра и Павла, в центре потолка храма изображение Бога Саваофа в облаках. Стенопись выполнена местным сибирским иконописцем. Роспись – масляными красками. В храме сохранились подлинные иконы XIX века: икона Параскевы Пятницы, выносная двухсторонняя икона с изображением Казанской Божьей Матери и Николая Чудотворца.

По словам жителей Барабаново, службы в церкви окончательно прекратились в конце 1950-х гг. Она использовалась под склад зерна, а в дальнейшем была вовсе заброшена. От полного разрушения храм охраняли местные жители-энтузиасты,

а в 1986 г. состоялась первая Барабановская экспедиция краевой летней школы (КЛШ) с целью реставрации памятника. Ученые и школьники перекрыли крышу, перестелили пол, очищали стены от надписей.

За счет средств благотворительных организаций в 2015-2016 гг. проведены первоочередные противоаварийные мероприятия, в результате которых было предотвращено быстрое разрушение конструкций памятника.

Проект реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Церковь Параскевы Пятницы», 1855-1857 гг. разработан коллективом специалистов ФГУП «Центральные научно-реставрационные проектные мастерские» под руководством Андрея Борисовича Бодэ, ведущего научного сотрудника, заведующего Сектором деревянного зодчества, кандидата архитектуры, советника Российской академии архитектуры и строительных наук. Авторский коллектив: И.В. Воеводин (ГАП), В.И. Линьков (ГИП), О.А. Зинина, А.А. Ермакова.

Проект получил диплом союза архитекторов России и вызвал широкий интерес и одобрение со стороны ведущих профессиональных реставраторов страны на IV Всероссийском фестивале «Архитектурное наследие», проходившем в июне 2021 года.

В рамках подготовки к празднованию 200-летия Енисейской губернии, Губернатором Красноярского края, Александром Викторовичем Уссом, в октябре 2021 года были озвучены планы по реставрации церкви. Реставрационные работы планируется выполнить за два года. Началу реставрационных работ предшествовала большая работа, проведенная совместными усилиями настоятеля церкви Алексея Язева, благотворителей, службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

Церковь Параскевы Пятницы является самым известным сельским храмом Красноярско-Енисейской епархии, который ежедневно посещают до двухсот человек, а в дни церковных праздников это число возрастает до тысячи человек.

Благодаря активной поддержке со стороны средств массовой информации

и социальных сетей, интерес к церкви Параскевы Пятницы стремительно возрастает как среди ценителей древней сибирской архитектуры, так и среди православных паломников.

Рис. 4. Внутренняя роспись стен. Изображение евангелиста Луки с волом

Рис. 5. Внутренняя роспись стен. Изображение Бога Саваофа.

Рис. 6. Церковь Параскевы Пятницы. Южный фасад.

Рис. 7. Вид на церковь Параскевы Пятницы. Фото Осташевой Е.В., 2021 г.

Барабаново сейчас проходит активный путь возрождения и экономического развития территории, что являет собой прекрасный пример успешной, живой практики раскрытия уникальности территории через культурное наследие, формирование её уникального культурного кода, через который она становится узнаваема далеко за её пределами.

Привлечение туристов, добровольцев, исследователей позволяет найти дополнительные ресурсы для сохранения, развития, популяризации как самих уникальных памятников, несущих историко-культурную ценность, так и территории, на которых они расположены. И Барабаново является тому отличным наглядным примером, как территория, которая уже сформировала свою «визитную карточку» и успешно её развивает.

На данный момент многие сертифицированные экскурсоводы и туроператоры проводят экскурсии, туристический маршрут которых пролегает из Красноярска до церкви Параскевы Пятницы, и уже имеет народное название «поездка за чудом». Кроме того, недавно был запущен еще один вид экскурсии – речной круиз на теплоходе «Максим Горький», который проходит с остановкой в Барабаново.

Привлекают не дорогие убранства, а сила данного места, сохранившиеся до наших дней уникальные реликвии, а также интересные факты, самобытность и душевные рассказы, которыми наполняются решившие посетить Барабаново туристы.

Рис. 8. Внутренняя роспись стен. Изображение святого апостола Павла

Несомненно, Барабаново – это пример очень ценного и интересного проекта, который поднимает вопросы не только экономического развития, но что более важно, вопросы сохранения нашего наследия, бережного к нему отношения, укрепления культурной и духовной идентичности.

Список литературы

[1] Барабаново – история строительства // Сайт История архитектуры Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: http://naov.ru/articles/63_cerkov-paraskevi-pyatnici-v-sele-barabanovo.html

[2] Васильев, А. В. Церковь Параскевы Пятницы в селе Барабаново — памятник архитектуры XIX века / А. В. Васильев, К. А. Наумова, И. В. Купрякова // Церковь Параскевы Пятницы в селе Барабаново. Ч. 1: Архитектура Красноярского края. Памятники архитектуры.

[3] История села Барабановское и Барабановского Параскевиевского прихода // История и описание поселений и приходов Красноярского края. Краткое описание приходов Енисейской епархии. — Красноярск: Енис. церк.-ист.-археол. о-во, 1916.

[4] Косяков, Д. История храма в Барабаново // День и ночь. — 2011. — № 2. — С. 109.

[5] Церковь Параскевы Пятницы, Барабаново // Сайт Энциклопедия Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: http://my.krskstate.ru/docs/churches/tserkov-paraskevy-pyatnitsy-v-barabanovo/

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Древние культуры Евразии: история и археология

УДК. 902/904

Палеоспорт в сюжетах Шалаболинской писаницы

Заика Александр Леонидович
Кандидат исторических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия
zaika_al@mail.ru
orcid.org/0000-0003-2704-0988

Кузнецов Александр Леонидович
Старший преподаватель, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия
tibet58@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Многие сюжеты в наскальном искусстве Енисейской Сибири отражают архаичные формы современных спортивных состязаний. На примере шалаболинских петроглифов можно проследить зарождение командных видов спорта. На центральном участке писаницы отражены игровые моменты, характерные для различных видов игры в мяч. Позы игроков, их сочетание с «мячом» соответствуют современному волейболу. Датируются петроглифы эпохой ранней бронзы (более 4 тыс. л. н.). Соответственно, есть основания полагать, что не в Америке, а на берегах Енисея впервые появились командные игры с мячом. Спортивное соперничество было обусловлено ритуальной практикой, связанной с культом солнца, идеей возрождения и, возможно, сопровождалась человеческими жертвоприношениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Шалаболинская писаница, петроглифы, палеоспорт, волейбол, игра в мяч, окуневская культура

Традиционно принято считать, что современные международные виды спорта сформировались сравнительно недавно (XIX – нач. XX вв.), сам принцип спортивных состязаний привнесен в нашу культуру из далекой античности. Какие-либо архаичные корни того или иного спортивного соперничества, которые прослеживаются в местных, национальных традициях, в большей степени становятся предметом этнографических исследований, объектом внимания культурологов.

Если обратиться к археологическим источникам, то на примере сюжетов наскального искусства можно полагать, что существовали, видимо, в далекой древности определенные состязания в силе и ловкости: бег, стрельба из лука, метание копья, поднятие тяжестей, состязания в гребле, конные соревнования и др.

Судя по сюжетам петроглифов Шалаболинской писаницы, которая находится в Курагинском районе Красноярского края на правом берегу р. Тубы (правый приток Енисея), надо полагать, что подобные состязания были популярны и у древних сибиряков начиная с каменного века. Для петроглифов эпохи неолита и более поздних периодов характерны изображения лодок с многочисленными гребцами, сцены, связанные со стрельбой из лука, поднятием тяжестей, передвижением бегом и на лыжах и др. Даже присутствует сюжет, напоминающий современную скандинавскую ходьбу. Но если и возникают определенные и вполне правомерные сомнения в трактовке данных сюжетов, как иллюстраций не, собственно, спортивных мероприятий, а сцен из хозяйственной жизни, баталий, культовых обрядов, то новые открытия дают основания судить, что в далекой древности существовали групповые состязания спортивного характера.

В данном случае следует обратить внимание на одну многофигурную композицию, выявленную сравнительно недавно (2004-2005 гг.) в результате расчистки каменных осыпей на центральном участке писаницы [1].

Каменная грань (плоскость 10) густо покрыта многочисленными рисунками,

выполненными в технике выбивки, реже – гравировки. Представлены изображения животных (лоси, маралы, быки, медведь), людей, лодок. Фигуры часто перекрывают друг друга, выполнены в различное время разными авторами. Судя по сюжетам, стилистическим характеристикам и привлекая датированные аналогии, можно прийти к выводам, что петроглифы были выполнены в период позднего неолита, эпоху ранней бронзы. Ранний пласт рисунков представлен изображениями оленей, выполненных в «минусинском» стиле, характерном для неолита Хакасско-Минусинской котловины. Для следующего переходного периода от эпохи камня к эпохе палеометалла характерны антропоморфные образы, которые перекрыты динамичными образами лосей, выполненными в «ангарских» изобразительных традициях. К наиболее поздним рисункам относятся изображения быка и копытного животного, показанного в «скелетном» стиле. В отличие от остальных фигур, ориентированных вправо, вверх по течению реки, они обращены в противоположную сторону, находятся на периферии композиции, перекрывают ранние изображения и датируются поздними этапами развития окуневской культуры эпохи ранней бронзы.

В данном случае следует обратить внимание на антропоморфные фигуры, расположенные в левой половине композиции (плоскость 10а), которая отделена вертикальной трещиной. Если «освободиться» от хитросплетений контуров других изображений, то предстает интересная картина, моделирующая групповое состязание спортивного характера, в контексте рассматриваемой темы – игру с мячом.

Центральную позицию занимает доминирующая по размерам динамичная фигура «игрока», расположенная в правой части композиции. «Игрок» показан реалистично в позе «высокого» старта. Его подтреугольное вытянутое туловище наклонено вперед (в правую сторону), ноги согнуты в коленях: правая вынесена далеко назад, левая – более круто – выставлена вперед. Верхние конечности, согнутые в локтях, вынесены вперед, показаны одной линией с разветвлением кисти на конце. Круглый силуэт головы находится на короткой шее, обрамлен радиально расходящимися прямыми гравированными линиями. Перед кистями рук, чуть выше и правее изображен соразмерный голове округлый предмет, напоминающий мяч.

Экстерьер фигуры, сочетание ее с «мячом» моделирует различные игровые моменты из современных видов спорта: игра в защите (прием мяча) в волейболе, низкий прием и подача в баскетболе, гандболе, регби, зашита вратаря в футболе.

За спиной доминирующего «игрока» изображена фигура другого персонажа, показанная в более статичной позе и в более стилизованном виде. Туловище и конечности у него переданы одной линией. Минимизированная голова на длинной шее увенчана высоким вертикальным головным убором. Обращена фигура также в правую сторону. Правая рука у него опущена вниз и отведена назад; левая, согнутая в локте, поднята вверх и держит округлый предмет, соразмерный вышеописанному. Подобное сочетание «игрока» с мячом в большей степени соответствует подаче в современно волейболе.

Другая фигура расположена выше центрального «игрока». Она показана также реалистично, обращена в правую сторону, но имеет меньшие размеры и отличается невысоким уровнем динамизма. Туловище прямое подпрямоугольной формы, ноги, параллельно согнутые в коленях, опущены вниз. Круглая голова на короткой шее в верхней части имеет короткий вертикальный линейный выступ. Руки вынесены вперед, согнуты в локтях, подняты вверх, держат соразмерный голове округлый предмет, который в нашем случае также следует трактовать как «мяч». Поза «игрока» и положение «мяча» позволяет соотнести данный сюжет как следующие игровые моменты в современном спорте: верхний прием мяча, позиция перед подачей в волейболе; прием, бросок мяча в баскетболе, гандболе; подача мяча за штрафной линией в футболе, регби.

В левой части композиции изображены две дублирующие друг друга динамичные фигуры, показанные в динамике бега в правую сторону. В отличие от предыдущих

антропоморфных образов, у них минимизирована головная часть, верхние конечности короткие, расположены ниже уровня покатых плеч, за спинами показаны горизонтально приострённые овалы, соединенные с туловищами короткими линейными перемычками. Подобные персонажи с вышеописанными чертами характерны для архаичных антропоморфных образов в наскальном искусстве Среднего Енисея [2, с. 192-194]. В данном случае привлекает внимание правая фигура человека, дополненная позже вынесенной вперед верхней конечностью с округлым навершием. Следуя нашей тематике, здесь мы наблюдаем игровой сюжет, характерный в большей степени для гандбола и регби, и в меньшей – для баскетбола. Во всех случаях он в современном спорте иллюстрирует атакующий момент, связанный с проносом мяча.

Кроме рассмотренных изображений, в композиции присутствуют статичные и динамичные фигуры других персонажей, которые сюжетно не связаны с «мячами», но их присутствие не исключает семантическую связь с «игроками». Т.е. надо полагать, что на скальной плоскости показаны сцены из групповых видов соревнований, связанных с игрой в мяч.

По общепризнанному мнению игра в мяч зародилась на американском континенте и связана с ритуальной практикой в культуре майя, зафиксированная первыми европейцами в начале XVI века. Мезоамериканская игра в мяч, или тлачтли — совмещённая с ритуалами спортивная игра, распространённая среди народов доколумбовской Центральной Америки. Правила игры неизвестны, однако, если судить по производным играм (улама), то они были похожи на правила волейбола, где целью является удержание мяча в игре. Современная версия — улама — напоминает волейбол без сетки, где каждая команда располагается в своей половине поля. В уламе мяч перекидывается между игроками до его выхода за пределы площадки или до его падения на землю [3].

Не исключено, что в многофигурной композиции на Шалаболинской писанице также отражены игровые моменты (судя по позам «игроков»), в большей степени связанные с современным волейболом. Более того, в петроглифах не зафиксировано положение мяча на уровне ступней, что также подтверждает данную версию.

Считается, что игру «тлачтли» на языке ацтеков или «пок-та-пок» на языке майя придумали ольмеки – создатели самой древней цивилизации, следы которой обнаружены в Мексике. Две площадки для игры могли располагаться в ольмекском ритуальном центре Ла-Вента, существовавшем в 1000-400 гг. до н.э. А от ольмеков игру в мяч узнали во всей Центральной и Южной Мексике, а также в северных районах Центральной Америки [4]. Учитывая стратиграфию петроглифов в рассматриваемой композиции Шалаболинской писаницы, иконографию антропоморфных образов, изображения «игроков» появились не позднее 2 тыс. до н.э. и связаны с развитием окуневской культуры эпохи ранней бронзы [5], т.е. задолго до появления игры в мяч на территории Мезоамерики.

Американская игра в мяч не была игрой в нашем понимании, хотя и зрители, и болельщики на ней присутствовали, она носила ритуальный характер и была тесно связана с богами подземного царства, которые, согласно индейским сказаниям, сами были заядлыми игроками [6, 7]. По другой версии индейцы рассматривали её как метафору Космоса – движение мяча по полю напоминало им перемещение планет во Вселенной. Последней версии в большей степени соответствует смысл, заложенный в шалаболинских петроглифах. Если обратить внимание на центрального «игрока», то мы заметим, что его головная часть увенчана «солнечным» головным убором. Подобные «солнцеголовые» персонажи были характерны для тас-хазинской изобразительной традиции окуневской культуры и были связаны с культом солнца [8]. Соответственно, есть основания полагать, что шалаболинская композиция отражает ритуальные игровые действия, сопряженные с солярными культами. Сам «мяч» в данном случае ассоциировался с дневным светилом и во время игры символизировал его движение по небосклону.

С другой стороны, если обратиться к менее распространенным сюжетам тас-хазинских петроглифов, то зафиксируем изображения круглых контуров на уровне живота и паха ряженых антропоморфов, а также под лапами дневных пернатых хищников [9, табл. XVII]. В последнем случае трактовка «кругов» вписывается в изображение яйца, а на примере антропоморфов – в более широкий символ зародыша, отражающего как таковое зарождение Жизни, всего сущего на Земле. При определенном ракурсе семантическая связь солнца, как источника жизни на земной поверхности и Мирового яйца, как первичной субстанции начала Жизни синономичны и в синкретическом виде могли найти свое отражение в шалаболинском игровом сюжете. Более того, связь представителей орнитофауны с дневным светилом ярко прослеживается как в древнем, так и традиционном искусстве Сибири и Америки на примере «солнечных» головных уборов из перьев орла, ястреба и других хищных птиц [10].

Таким образом, многофигурный сюжет на центральном участке Шалаболинской писаницы мог отражать командный вид спортивной игры в мяч, связанный с солярными ритуалами и культом возрождения.

Остается вопрос – что выступало в роли «мяча», из каких материалов он был сделан? В Мезоамерике, например, мяч был сделан из цельного куска резины (каучук). Базируясь на параметрах современных мячей для игры и археологических свидетельствах, можно утверждать, что древние мячи были примерно 20 см в диаметре (размер волейбольного мяча) и весили 3-4 кг [3]. В нашем случае, видимо, в роли мяча мог использоваться кожаный мешок, набитый травой или, что более вероятно, — шерстью. Вместе с тем, если обратить внимание на шалаболинские петроглифы, размеры «мяча» соразмерны головной части «игроков», что рождает версию об использовании вместо «мяча» головы человека или его черепа. Во всяком случае, именно в окуневской культуре встречаются захоронения черепов (без нижних челюстей), которые сопровождали усопших. Судя по расположению черепов (в количестве от трех до восьми) их не хоронили, а подкладывали вместе с сосудами одному из погребенных как реликвию, лично принадлежавшую ему еще при жизни. Известны также единичные случаи захоронения обезглавленных людей [11, с. 29]. Данные факты не исключают жертвоприношений, которые сопровождали ритуальные игры в эпоху ранней бронзы и использования во время игры голов жертв.

Если обратиться к американским аналогам, то связь мезоамериканской игры в мяч с человеческими жертвоприношениями появилась сравнительно поздно: не раньше классического периода (200-900 гг. н. э.). С этой игрой наиболее сильно ассоциируется обезглавливание. Отрезанные головы можно часто встретить в искусстве позднего классического периода, а также в эпическом сказании «Пополь-Вухе». Предполагается также, что головы и черепа использовались в игре в качестве мяча [3]. Приведенные параллели являются отдаленными по времени и в пространстве, но не исключают подобной практики в культуре окуневцев на Среднем Енисее.

Подводя итоги, следует отметить, что многие сюжеты в наскальном искусстве Енисейской Сибири отражают архаичные формы современных спортивных состязаний. На примере шалаболинских петроглифов можно проследить зарождение командных видов спорта. На центральном участке писаницы отражены игровые моменты, характерные для различных видов игры в мяч. Позы игроков, их сочетание с «мячом», в большей степени, соответствуют современному волейболу. Датируются петроглифы ранними этапами эпохи ранней бронзы (более 4 тыс. л. н.). Соответственно, есть основания полагать, что не в Америке, а на берегах Енисея впервые появились командные игры с мячом. Спортивное соперничество было обусловлено ритуальной практикой, связанной с культом солнца, идеей возрождения и, возможно, сопровождалась человеческими жертвоприношениями. Предлагаемая работа не претендует на законченность и исследования по данной тематике будут продолжены.

Список литературы

[1] Заика А.Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 3; КГПУ. Красноярск, 2007. С. 24-38.

[2] Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

[3] https://ru.wikipedia.org/wiki/Мезоамериканская_игра_в_мяч (дата обращения 10.06.2022).

[4] https://licey.net/free/3-mify_narodov_mira/8-mify_narodov_evropy_i_ameriki/stages/185-104_igra_v_myach_pok_ta_pok_i_ee_ritualnye_korni.html (дата обращения 11.06.2022).

[5] Заика А.Л., Зоткина Л.В. Относительная хронология шалаболинских петроглифов (результаты анализа палимпсестов на центральном участке писаницы) // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Вып. 8. Кемерово, 2018. С. 45-55.

[6] Бородатова А. Игра в мяч как путь в пещеру предков (К вопросу о семиотике ритуальной игры в мяч в древней Мезоамерике) // История и семиотика индейских культур Америки. М., 2002, с. 129-175.

[7] https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/56492/ (дата обращения 12.06.2022).

[8] Заика А.Л. Солнцеголовые образы в древнем искусстве Северной Азии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Труды съезда. В 3-х томах. Самара, Т. II, 2020. С. 77-79.

[9] Липский А.И., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазаа // Окуневский сборник. Культура и ее окружение: Сб. науч. Тр. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. С. 9-52.

[10] Заика А.Л., Басова Н.В., Постнов А.В. Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М., Кемерово, 2018. С. 123–130. (Труды САИПИ. Т. XII).

[11] Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.

УДК 94(5)

Политика Русского царства в Южной Сибири в середине 17 века: трёхсторонняя система взаимоотношений «Россия - Дербен Ойрат - Государство Алтан-ханов»

Кушхов Борис Хабижевич
Лаборант-исследователь, Институт Востоковедения РАН,
г. Москва, Россия.
boris.kushkhov@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-5976-7749

АННОТАЦИЯ Статья посвящена особенностям политики Русского царства в Южной Сибири в средине 17-го века. При разработке исследования использовались такие источники как письма сибирских воевод русскому царю, распоряжения царя по вопросам освоения Сибири, а также письма русских послов и купцов. В статье делаются выводы об образовании к 1630-м годам трёхсторонней системы взаимоотношений между Россией, ойратами и государством Алтан-ханов. Данный вывод позволит расширить возможности интерпретации учёными отдельных региональных процессов и событий, а также улучшить понимание мотиваций Русского царства в его отношениях с юго-восточными соседями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русское царство, Государство Алтан-Ханов, Дербен Ойрат, кочевники, Сибирь, торговля

Первым народом монгольского происхождения, с которым у Русского царства были установлены официальные отношения, были ойраты (колмаки, как их в то время называли русские) [5, с. 49]. Начало им было положено договором о дружбе с ханом Хо-Урлюком Торгоутским, заключенным в 1607 году [6, с. 21]. Тем не менее, из-за вступления ойратов в фазу политического кризиса в 1620-х годах, сопровождавшегося постоянными междоусобицами в их среде, отношения двух народов подверглись большому испытанию: Договоры с многочисленными тайши могли распространяться только на их подчинённых, круг которых мог стремительно сужаться, [5, с. 72], а взятые ими обязательства почти никогда не принимались в качестве политического наследства их преемниками - в силу отсутствия фиксированных правил престолонаследия у западных монголов [6, с. 37]. Эти обстоятельства существенно навредили российским интересам в регионе: торговля с кочевниками, а также со странами Средней Азии и Китаем пришла в упадок на фоне постоянных войн, русские остроги целое десятилетие подвергались бесчисленным набегам ойратов из всех четырёх улусов [4, с. 67], а местных данников России ойраты заставляли силой отказаться от такого статуса в свою пользу. Таким образом, к началу 1620-х годов России, за неимением значительных людских и материальных ресурсов, пришлось искать новых региональных партнёров с целью обеспечить свои интересы в Южной Сибири. Одним из таких потенциальных партнёров стало государство Алтан-Ханов, возникшее на территориях к Востоку от ойратов на рубеже 16-17 веков [1, с. 11].

Политика России в адрес Алтан-хана претерпела два основных этапа, в ходе которых менялись её ключевые приоритеты. Первый этап (до 1630х годов) являлся временем стремительного развития отношений с целью обеспечения «замены» ойратам в «Южносибирской стратегии». Второй этап (с 1630-х годов и до третьей четверти 17 века) представлял собой не столько двусторонние отношения русского царя и Алтан-хана, сколько трёхстороннюю систему взаимоотношений между ойратами, Россией и Алтан-ханами. «Водоразделом» двух стадий российской политики в адрес государства Алтан-ханов стало восстановление политического порядка у ойратов, связанное с

возвышением Батура-Хунтайджи из семьи Чорос. Этот процесс и завершил образование трёхсторонней системы взаимоотношений, в рамках которой Россия стремилась максимизировать свои позиции в регионе.

В первой части данного исследования будут рассмотрены две изложенные выше модели-ситуации во взаимоотношениях России с государством Алтан-ханов с учётом влияния на них ойратского фактора. Подобный анализ необходим для формирования информационной базы для обнаружения системности в отношениях трёх сторон посредством дальнейшего применения к этим моделям-ситуациям метода системного анализа, который будет произведён во второй части исследования. Тем не менее, некоторые заключения, сделанные на основе применения системного подхода к данной проблеме будут прописаны в первой части, для наглядности его потенциала для расширения возможностей интерпретации исторических фактов.

Часть первая.

Первая ситуация: до возвышения Батура-Хунтайджи у ойратов.

В данный период отношения России с Алтан-ханом практически повторяли ранние сношения Москвы с ойратами. Первое время предпринимались попытки склонить Алтан-хана «к шерти»- то есть признать зависимость от русского царя [2, №20]. Исторические документы говорят о том, что Алтан-хан не ответил отказом, однако старался максимально затягивать принятие конечного решения [2, №24]. При дальнейшем анализе источников с использованием системного подхода представляется очевидным и то, что он хорошо понимал причину ускоренного сближения России с ним: первой миссии русских послов он представил роскошные китайские товары и сообщил о том, что его страна лежит на пути в Китай и, следовательно, готова предоставить русской администрации транзитные услуги [2, №22]. Это действие Алтан-хана логически накладывается на упадок транзитной торговли через земли ойратов в силу их постоянных междоусобиц в тот самый период. В ответ он просил у Русского царства поддержки в нападении на ойратов. И здесь, более глубокий, системный анализ ситуации покажет, что России не было выгодно предоставлять Алтан-хану подобные гарантии: Москва не обладала достаточным военным потенциалом, осознавала временный характер междоусобицы ойратов и неизбежное восстановление у них политического порядка, а также важность сохранения обоих кочевых образований для своих интересов: в частности, для сохранения у них мотивации к «дружбе» с Москвой с целью достигнуть преимущества над соперником. Таким образом, на первом этапе прослеживаются следующие тенденции:

-Русское царство обращается к Алтан-хану с целью вернуть себе часть преимуществ, утраченных по причине междоусобицы в среде ойратов (в частности, транзитную и прямую торговлю)

-Русское царство полностью проецирует свой опыт установления отношений с ойратами на государство Алтан-ханов.

-Алтан-хан демонстрирует своё понимание сложившейся ситуации и не спешит присягать на верность русскому царю, при этом предлагая ему торговые и транзитные услуги, в которых тот определённо нуждался.

-Россия не стремится полностью переориентироваться на Алтан-хана в своей политике в адрес кочевников, учитывая свои потенциальные выгоды от сохранения отношений с двумя кочевыми государствами.

Вторая ситуация: Россия и Алтан-хан в условиях возвышения Батура-Хунтайджи.

Во время консолидации ойратов Россия оказывает всестороннюю поддержку

лидеру данного процесса - Батуру-Хунтайджи. Он раньше других ойратских тайши получил от России право на беспошлинную торговлю [6, с. 45] , а его ставка вскоре стала главным пунктом назначения русских посольств и миссий в ойратские земли. Также, в вопросе о «двоеданцах» Россия уступила ему «данничество» над киргизами [6, с. 53] и барабинскими татарами [3, №9].

Тем не менее, отношения с Алтан-ханом поддерживаются на существовавшем до Батура-Хунтайджи уровне и в них сохраняются все существовавшие до этого признаки. Россия по-прежнему, пусть и без предоставления гарантий, обещает ему помощь в планируемом походе на ойратов, однако ставит в качестве обязательного её условия его «приведение к шерти»- то есть становление вассалом русского царя [3, №25]. Точно такую же позицию Россия занимает и по отношению к новому правителю ойратов.

Таким образом, можно выделить следующие черты второго этапа взаимоотношений России и Алтан-хана:

-В своих отношениях с Алтан-ханом Россия всё больше стремится использовать угрозу от Батура-Хунтайджи в качестве инструмента улучшения переговорных позиций.

-Несмотря на возвышение Батура-Хунтайджи и консолидацию ойратов, способную вернуть России потерянные в ходе междоусобиц политические и торговые преимущества, она не отказывается от сближения с Алтан-ханом, выбирая стратегию «равноудалённости» в своей южносибирской политике.

Часть вторая.

Почему отношения между Россией, ойратами и Алтан-ханами можно назвать системой?

Согласно теории систем, главным критерием, позволяющим сделать вывод о существовании той или иной системы, является наличие взаимосвязей, которые оказывают влияние на всех её составных частях.

Эти взаимосвязи отчётливо прослеживаются в региональных взаимодействиях, рассмотренных и обобщённых в первой части исследования: к примеру, упадок политической организации ойратов повлиял на Россию, заставив её искать альтернативу деградировавшим русско-ойратским отношениям. Россия обратилась к Алтан-хану, для которого период временного упадка ойратов представлялся возможностью отвоевать у них новые территории, а также «перетянуть на себя» транзитную торговлю России. Таким образом, импульс, заданный одним элементом системы, повлиял на два остальных и привёл к образованию новых связей. Круг связей успешно замыкается.

Вторым примером является балансирование России между двумя образованиями уже после возвышения Батура-Хунтайджи: стране необходимо заполучить рычаг влияния над двумя соседями, и она обещает обеим сторонам некоторую поддержку в их планах организовать поход друг на друга, взаимен требуя от них политические и торговые уступки. В результате, и Батур-Хунтайджи и Алтан-хан, даже понимая некоторую «двуличность» позиции Москвы, охотно шли на ограниченные уступки и не стремились портить отношения с ней, понимая, что их расторжение даст вероятному противнику преимущество. Более того, этот импульс-сигнал, исходивший от Русского царства, автоматически влиял и на отношения между ойратами и Государством Алтан-ханов – догадываясь о симметричном характере московской политики в их адрес, ни одна из сторон не спешила нападать первой, осознавая как отсутствие перевеса в свою пользу (так как Русское царство могло оказаться на любой из сторон или отказаться от их поддержки), так и потенциальную склонность России поддержать обороняющуюся сторону (так как России было важно сохранить статус-кво в регионе- то есть существование двух кочевых образований в состоянии соперничества). Таким образом, очевидно наличие

главного признака системы -влияние импульсов одного актора на всех остальных, или же, ближе к конкретному историческому контексту- неизбежное влияние явлений в двусторонних отношениях на третью сторону.

Подводя итоги, можно говорить о существовании глубоко интегрированной системы взаимоотношений между Россией, Дербен-Ойратами и Государством Алтан-хана, в рамках которой любая мотивация или любое действие одной из сторон неизбежно оказывало влияние на две остальные, а двусторонние процессы автоматически влияли на отношения их участников с третьей стороной. Подобное понимание системности региональных взаимоотношений того времени позволяет более комплексно рассматривать отдельные шаги сторон и их мотивации, что открывает перед исследователями ряд возможностей по углублению их понимания процессов, имевших место на юго-восточных рубежах Русского царства в средние 17-го века.

Список литературы

[1] Габун-Шарап. Сказание об ойратах. Калмыцкая летопись. Перевод с калмыцкого языка. СПб.: 1737. 42 с. Рукопись.

[2] Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русско-монгольские отношения 1607-1636. Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 351 с.

[3] Златкин И.Я., Устюгов Н.В., Гатауллина Л.М., Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сборник документов. М.: Наука, 1974. 469 с.

[4] Пузанов В.Д. Русско-ойратские отношения на Юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского Государственного Университета. 2010. №2(76). С. 64-76.

[5] Тепкеев В.Т. Ойраты в начале XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с.

[6] Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 216 с.

УДК 94, 39 (397), 332.3

Экономика Джунгарского ханства и ее влияние на экономику народов Южной Сибири

Ситнянский Георгий Юрьевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия
sitnyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается социально-экономическое развитие кочевых народов Евразийской Степи XIII-XVIII вв. на примере монгольских этносов (в первую очередь джунгар) в аспекте перехода в эпоху Чингизидов от традиционной степной демократии к деспотическому государству и обратно, в том числе в хозяйственно-экономическом аспекте, а также взаимосвязь указанных процессов в Степи с социальными, экономическими и политическими изменениями в России. Кроме того, анализируется степень влияния указанных процессов в Джунгарском ханстве и в России на социально-экономическую ситуацию у народов Южной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Чингизиды, Джунгария, степная демократия, Россия, народы Южной Сибири, экономика.

Автор много писал о так называемой традиционной степной демократии у народов Великой Степи, о том, как эта степная демократия была уничтожена Чигизидами, о том, как в течение XIII-XVI вв. постепенно происходил процесс восстановления традиционной степной демократии (я называю этот процесс «расчингисханиванием»), а также о том, что в монгольских степях после потери Чингизидами Китая продолжала с 1368 по 1634 гг. править династия Северная Юань, формально считавшаяся сюзереном всех Чингизидских государств. В 1634 г. последний Великий хан Северной Юань передал свои регалии и полномочия джунгарскому хану (согласно официальной китайской истории – маньчжурскому правителю Абахаю, сын которого в 1644 г. стал первым цинским императором Китая; однако есть основания считать, что история была переписана после разгрома Джунгарского ханства Империей Цин в 1755-1759 гг., для чего Абахаю было задним числом приписано имя, созвучное с титулом джунгарских ханов – Хунтайджи). Номинальный суверенитет Северной Юань над всеми государствами Чингизидов и обширная (в период наибольшего могущества – от Нижней Волги до Большого Хингана и от Южной Сибири до Средней Азии) протяжённость Джунгарского ханства послужила поводом к изображению на европейских картах «Великой Тартарии» вплоть до третьей четверти XVIII в. [25-27 и др.].

При этом замена степной демократии чингизидской деспотией и последовавший обратный процесс «расчингисханивания» сказывались, естественно, и на социально-экономическом развитии степных государств и подвластных им народов, в том числе народов Южной Сибири. В рамках настоящей работы представляется необходимым:

рассмотреть социальный строй Джунгарского ханства и ответить на вопрос: было ли оно в социально-экономическом плане «очингисханенным» или традиционным степным, евразийским;

разобрать то, какое влияние оказали социально-экономические процессы в Джунгарском ханстве на таковые у подвластных ему народов Южной Сибири;

поскольку Южная Сибирь в XVII-XVIII вв. постепенно вошла в состав России, то нельзя не проанализировать и изменения в российском социально-экономическом устройстве указанного времени.

Начать, однако, представляется целесообразным с анализа процесса формирования «степной деспотии» вместо «степной демократии» в эпоху Чингизидов.

Чингис-хан и его полководцы не могли допустить существования организованных на прежних («степной демократии») принципах кочевых племён, тем более крупных. Современный казахский автор С. Акимбеков пишет, что Чингизиды в принципе не могли мириться с существованием где-либо в Великой Степи независимых от них образований кочевников [2, с.209-212, 220]. Представляется необходимым спросить: почему?

Может быть, потому, что «степная демократия» – соблазн для своих подданных? И Чингис-хан стремится уничтожить эту «другую жизнь», чтобы «свои» не соблазнились и не вспомнили, что и они раньше такими были? «Оборонительная агрессия» – так назвал подобную политику М. Восленский применительно к тоталитарным режимам XX в. [6, с.453-456]. Лишь позже, после разрушения племенной структуры кипчаков, Чингизиды стали и их использовать для комплектования своей армии, как ранее, например, татар, меркитов, найманов.... [2, с.224-225]. Однако, например, в Восточной Европе ещё и в 1238-1239, уже во время завоевания Руси, главной задачей Чингизидов оставалось истребление тех кипчаков, которые продолжали придерживаться принципа степной демократии (такие к тому времени оставались на Волге и в Причерноморье). Судя по тому, какие силы были брошены Батыем против кипчакского кочевого объединения Бачмана на Волге, и по тому, какое значение придавалось победе над ним, это объединение было достаточно опасной альтернативой «чингисхановской» организации степного государства [2, с.252-253]. В то же время на захваченных Чингизидами китайских территориях традиционные государственные институты функционировали практически без изменений, добавляет С. Акимбеков [2, с.238-239], а я скажу больше: империя Чингизидов была образованием, которое Л.Н. Гумилёв называл «этнической химерой». Правда, этот автор категорически бы не согласился с такой интерпретацией сущности державы Чингизидов, которую он вообще всячески старался «реабилитировать», но применительно к созданным тюркскими и монгольскими кочевниками в Северном Китае IV-VI вв. он применяет именно определение «химера», то есть евразийско-восточный суперэтнический гибрид, по жестокости превосходивший обоих «родителей» [8, с.85 и др.]. Но разве нельзя сказанное им применить и к империи Чингизидов? Как бы то ни было, степная демократия последними выкорчёвывалась, а восточная деспотия переносилась на евразийскую степную почву, сохранялась и приумножалась.

Однако по мере распада империи Чингизидов степное общество постепенно возвращалось к традиционной древнетюркской социальной системе: так, уже во второй половине 1340-х гг. временно отпало «левое крыло улуса Джучи» (нынешний Казахстан» (возможно, именно на почве противостояния начавших «расчингисханиваться» степняков ордынскому центру); тогда это движение было подавлено [28, с.130], но ненадолго. В принадлежавшем Чагатайскому улусу Могулистане (Семиречье) шли те же процессы – уже в XIV в. монгольские «тысячи» постепенно эволюционировали в племена [2, с.343]. Шёл этот процесс и у будущего государствообразующего этноса Джунгарского ханства – ойратов: если в конце XIV – первой половине XV вв. они, как и все монголы, делились на тумены, тысячи, сотни и десятки, причём каждое такое образование было не только воинской единицей, но его командир был также экономическим (советский автор пишет – «феодальным») сюзереном, от которого непосредственные производители зависели экономически, неся в его пользу ряд поборов и повинностей, то во второй половине XV в. такие образования сменились родами и племенами [10, с.70-71].

При ослаблении, а особенно после распада чингизидских государств процесс возврата к традиционной племенной системе ускорился [2, 455-456, 472]. Киргизы, например, уже в XVI в. вновь воспроизвели её [1, с.38-41]. Казахи – тоже. Те же процессы шли и у ойратов: к началу XVII в. (а не раньше? – см. выше – Г.С.) омоки (роды) полностью вытеснили тумены, тысячи и сотни. При этом в XVII в. омок – это уже не род, а семья или группа семей, связанных узами родства и ведущих обособленное хозяйство. А затем место омока занял оток, в котором родственные связи окончательно уступили место

территориально-экономическим [10, с.73-79]. Но всё же – когда эта смена произошла? Для сравнения проанализируем хронологию процесса «расчингисханивания» у других степных этносов.

Казахское ханство к началу XVI в. – ещё вполне «чингисхановского» типа. Смена форм, по мнению С. Акимбекова, могла произойти во второй половине XVI в. и закрепиться на рубеже XVI-XVII вв. [2, с.511, 549]. Здесь снова время задать тот же вопрос: а не раньше? Но, как бы то ни было, процесс явно шёл неравномерно, созданная Чингис-ханом система оказалась достаточно живучей [2, с.232-233], хотя бы потому, что Золотая Орда из подвластных ей оседлых стран опиралась не только на экономические ресурсы Руси (отчасти – и других восточноевропейских стран) [подр. см.: 2, с.267, 283-286, 307; 23, с.328; 26, с.16-17], но и на ресурсы ряда восточных территорий (в первую очередь Хорезма).

При этом интересно, что уже в 1530-х гг. ойраты, в тот момент (вторая половина XV и почти весь XVI века) после первого периода могущества (при Эсен-хане) переживавшие упадок и превратившиеся в вассалов «восточномонгольских» Чингизидов из Северной Юань, начали новую конфронтацию с казахами после почти столетия мирных отношений [10, с.67]. Почему? Не потому ли, что Чингизиды стремились вернуть в прежнее состояние расчингисханившихся или как минимум вступивших на этот путь степняков? И, может быть, подчинив ойратов, они провели их повторное «очингисханивание»?

К этому я вернусь чуть ниже, а пока отмечу, что на социально-экономическую систему у народов Южной Сибири оказала влияние также и Россия, поэтому обратимся к тому, что происходило в это время в нашей стране. Есть основания считать, что попытка реставрации «золотоордынских» порядков имела место в эпоху Опричнины, которая, как показывает анализ разрядных книг того времени, первоначально по большей части была укомплектована выходцами из бывшей Золотой Орды [см.: 15]. Мне приходилось подробно писать об «ордынском синдроме» в России в опричный период её истории (и в течение нескольких десятилетий после него) [25, с.91-168]. Однако на народы Южной Сибири Опричнина влияния не оказала и оказать не могла: завоевание Западной Сибири началось, как известно, лишь в последние годы царствования Ивана Грозного, а в Южную Сибирь русские пришли уже при Романовых. А вот Джунгарское ханство уже в конце XVI – первой четверти XVII вв. многие народы Южной Сибири себе подчинило (более ранними данными не располагаю, но не исключено, что и раньше).

И.Я. Златкин называет началом возрождения Джунгарского ханства 1587 год, когда ойраты сумели нанести поражение восточным монголам [10, с.113]. И уже в 1591 г. джунгары появляются в верховьях р. Оши (нынешняя Омская область) [24, с.352]. В 1598 г. калмыки прикочёвывают с юга к. р. Оби [13, с.57]; из текста, правда, неясно, в каком именно месте это происходит, но, судя по тому, что эта откочёвка заинтересовала тарского воеводу, едва ли речь идёт о верховьях реки. В 1604 г. джунгары осаждают Тару [9, с.82], в 1609-1614 гг. покоряют барабинских татар [10, с.86]. В преданиях последних до сих пор сохранился образ жестокого калмыцкого Кара-хана [34, с.90].

В 1608 г. джунгары кочуют в трёх днях пути от Тары, а в следующем году извещают русских о том, что они «с белых колмаков (телеутов – Г.С.) ясак емлют» [17, с.25-27, 38-39]. В 1621 г. джунгары строят укреплённый лагерь на Оби, близ устья р. Чумыш, и собираются кочевать «между Томском и Кузнецком», а в следующем году уже подчиняют себе население Кузнецкого уезда [17, с.113-116]. Одним словом, народы Южной Сибири в большинстве своём явно оказываются под их властью. Добавлю ещё, что почти полвека спустя, в 1667 г., джунгары осаждают Красноярск, желая, помимо всего прочего, восстановить свою власть над своими бывшими «кыштымами» (данниками), в том числе над «киргизскими и тубинскими людьми» [10, с.218], т.е. над хакасами и тофаларами.

Между тем, к началу XVIII в. Россия подвинулась достаточно далеко в Южную Сибирь, действительно переподчинив себя ряд бывших джунгарских вассалов, что не

раз приводило к серьёзным конфликтам с Джунгарией. Уже в 1609 г. телеутский князь Абак добровольно принял российское подданство [33, с.12]. С 1640-х гг. покорённые ранее джунгарами барабинские татары превратились в двоеданцев, плативших и ясак России, и алман Джунгарии [10, с.120]. Телеуты, которые на протяжении десятилетий то ссорились, то мирились с Россией, постепенно, однако, переходили на русскую службу в индивидуальном порядке, невзирая на все усилия джунгар вернуть их в подданство как дипломатическим путем [31; 32], так и военным. В 1661 г. их нападению (правда, неудачному) подверглись томские татары [10, с.138]. В 1664-1665 гг. в Томск прибыло джунгарское посольство, потребовавшее выдачи беглых телеутов; дело едва не кончилось войной [10, с.214-215]. Наконец, в 1673 г. телеуты перешли окончательно в российское подданство [30, с.239-241].

В начале XVIII в. (1717-1718 гг.) телеуты Северного Алтая вновь ненадолго были окончательно вовлечены в орбиту влияния Джунгарского ханства, причём речь шла не о территории, а о населении: по некоторым сведениям, джунгарский хан Цеван Рабдан насильно увёл их в Алтайские горы [3, с.15]. Но это произошло уже на излёте могущества Джунгарии, вскоре ханство начало уже переживать упадок, соответственно его влияние (в том числе экономическое) на телеутов было меньшим, чем если бы оно длилось непрерывно на протяжении XVII-XVIII веков.

В 1716 г. был основан Омск, и вскоре, по преданиям барабинских татар, их предки, уставшие от набегов джунгар, обратились к российским властям с просьбой прислать воинские команды для защиты. Примерно в 1720-х гг. в Барабе появились и первые русские поселенцы [18, с.14-15]. Наконец, в 1756 г., с ликвидацией Джунгарского ханства, к России был присоединён Южный Алтай, принадлежавший им до того непрерывно в течение минимум 200 лет [19, с.37]. Есть основания считать поэтому, что у южных алтайцев экономические порядки поэтому были ближе к джунгарским.

Поэтому о социальном строе России этого времени надо сказать более подробно. И начать представляется целесообразным с опровержения расхожего мифа о Петре I как о европеизаторе России; в плане реальной, а не показной европеизации он делал прямые шаги назад.

В самом деле, собственность при нём оказалась менее защищённой, чем при первых Романовых, хотя конфискации не достигли такого размаха, как при Иване Грозном. Выборное начало на всероссийском уровне (Земские Соборы) Петром было попросту уничтожено, а на местном превращено в фикцию. Крепостное право, до того ничем не отличавшееся от такового в Германии, Польше или Венгрии, превратилось в форменное рабство с продажей крестьян как скотины. Более того, закрепощены были и дворяне: послабления по обязательной военной службе, достигнутые дворянством при тех же первых Романовых, были сведены на нет.

Про Церковь и говорить нечего – она лишилась самостоятельности, восстановленной первыми Романовыми после «оприч-но-смутного кошмара», и была превращена в полностью государственный институт, этакое «министерство по делам религии», возглавляемое мирским чиновником – обер-прокурором Синода.

При этом насаждение новых порядков проходило методами, сопоставимыми с террором опричников Ивана Грозного; Я. Гордин, например, прямо сравнивает учреждённую Петром Гвардию, которая к концу его царствования контролировала действия самых разных государственных институтов, с Опричниной [7].

Но всё же и в петровские времена влияние Джунгарского ханства на большинство интересующих нас народов Южной Сибири явно превышало российское. Поэтому необходимо рассмотреть социальный строй Джунгарского ханства и ответить ещё на один вопрос: было ли оно в социально-экономическом плане «очингисханенным» или традиционным степным, евразийским?

И.Я. Златкин много пишет о социальном строе Джунгаро-ойратского ханства,

например, о верховном праве хана распоряжаться землёй, что не мешало фактически делать это местным владетельным князьям. Однако, во-первых, он сам признаёт, что малочисленность прямых источников вынуждает исследователей решать вопрос о социальном строе Джунгарии по источникам косвенным, касающимся других регионов Великой Степи, в первую очередь Халха-Монголии, и сам он тоже руководствуется косвенными источниками, например, данными о восточных монголах или о приволжских калмыках, при этом сам же отмечает, со ссылкой на ряд источников, что и у халха-монголов закрепление участков земли в частную собственность началось только в XIX в. [10, с.397], имея в виду, впрочем, только её куплю-продажу и аренду; в другом месте этот же автор констатирует, что уже в XVII (отчасти и в XVI) в. у монголов понятие «хуби» (пожалование земли в условное пожизненное владение за службу) исчезает, заменившись наследственным владением «умчи» (наследственная собственность данного омока), и предполагает, что в Центральной и Западной Монголии этот процесс завершился в связи с распадом империи Чингизидов на рубеже XV-XVI вв. [10, с.86-87, 392]. Возможно, во втором случае речь идёт о «феодальной» (насколько применимо это слово к Центральной Азии) собственности, а в первом – о начавшей проникать через Россию «буржуазной». Добавлю, что и в России при первых Романовых шло восстановление дворянской частной собственности на землю (при условии военной службы хотя бы одного из членов семьи) вместо временного пожалования земли за службу, ставшего нормой в период Опричнины.

Во-вторых, продолжая анализ социального строя Джунгарии, по данным о кочевниках далеко не всегда можно установить, где проходит грань между властью удельного князька над землёй и подданными как «восточного деспота» и его же властью над ними же как собственника земли. Опять-таки, это зависит и от степени «очингисханивания» кочевого общества, у Златкина же речь идёт о косвенных данных о калмыках и восточных монголах, власть ханов у которых, в-третьих и в главных, в XVII-XVIII вв. явно была менее централизованной, чем в милитаризованном Джунгаро-Ойратском ханстве, почти постоянно конфликтовавшем чуть ли не со всеми соседями. Так что судить о социальном строе Джунгарского ханства по восточным монголам или приволжским калмыкам – это примерно то же самое, что судить о социальном строе Московского царства времён Опричнины по хозяйственным документам Великого Княжества Литовского.

И в-четвёртых, не забудем: поскольку советская историческая наука категорически отрицала наличие такой социально-экономической формации, как азиатский способ производства, то Златкин старается представить социальный строй Джунгарии как «феодальный».

В Джунгарском ханстве, как и в Монголии и в Калмыкии, ни один арат не мог самовольно покинуть владение своего князя или зайсана, ойратские законы 1640 г. предусматривали суровое наказание не только для самих беглых (за это, как, вероятно, и за некоторые другие проступки, их разрешалось наказывать телесно и даже увечить – «носы и уши обрезать и другие члены обрубать») [20, с.299], но и для князей, которые принимали и укрывали чужих беглых: за это полагался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей – больше, чем за убийство. Князья имели право продавать, покупать и дарить аратов, телесно наказывать, вплоть нанесения увечий, но не убивать их (очень напоминает российское крепостное право после Петра, за исключением разве что права отрезать уши и носы – Г.С.). Интересно, что в 1755 г. Сенат Российской Империи обсуждал вопрос о разрешении русским покупать калмыков у их владельцев в качестве крепостных [10, с.406, 414-416]. Интересно и то, что ойраты в 1727 г. в общении с членами русского посольства выражали опасения, «что нас по рукам разберут и в чужие страны развезут» [4, с.149], причём, поскольку Джунгарское ханство в этот период было ещё достаточно сильным и практически на равных вело войну с Китаем (1711-1739 гг.), речь

идёт явно не о внешних силах, которые могут это проделать.

В Наробачинском владении (Халха) население разделялось на «тайджи» (аристократию, «белую кость») и на «чернокостных» аратов; последние разделялись на группы «хамжилга» (американский автор приводит термин «supporting family», т.е. буквально «поддерживающая семья», можно перевести также как «обеспечивающая» или «вспомогательная» семья) «албату» («having duty», т.е. буквально «имеющие обязанности», по смыслу – скорее «несущие повинность», очевидно, несвободные) и «дарханов» («having freedom» – свободные) [40, p.11-12]. Последние представляли собой привилегированную аратскую верхушку, освобождённую от налогов и даже от уголовной ответственности до девятого преступления включительно [11, с.53]. Для сравнения, сто лет спустя после распада Джунгарского ханства, основную массу ранее подвластных джунгарам алтайцев составляли лично свободные, ведущие своё хозяйство скотоводы [5, с.167], хотя не совсем понятно, как было в период их нахождения под властью джунгар.

Интересно, что у калмыков, как свидетельствовал весной 1724 г. в беседе с представителем русского посольства один из влиятельных представителей калмыцкой знати, «кому не быть ханом, всё равно, и токмо что прибыток ему будет один титул и место первое; а пожиток его с одних только с его собственных улусов, а прочие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоваться не повинен, и слушать его в том никто не будет». И.Я. Златкин на основании этого документа приходит к выводу, что прочность ханской власти и её авторитет были прямо пропорциональны размерам ханского домена, чем и объясняется яростная борьба, которую и вели ханы и претенденты на ханский трон за расширение своих доменов [10, с.408]. Примерно то же самое было у алтайских зайсанов, в функции которых входила регуляция пастбищ (распоряжение выпасами) в пределах региона, и которые закрепляли за собой часть общинных пастбищ (понятно, как правило, старались закрепить получше) и с них кормились [21, с.275-277], но при этом никаких повинностей барщинного типа (т.е. бесплатных) в отношении зайсанов остальное общество не несло – зайсану «помогали», как «занятому общественной работой», но эта периодическая работа на зайсана оплачивалась обществом [21, с.291; 29, с.54], напоминая таким образом скорее налог на содержание чиновника, чем феодальную обязанность. Добавим, что П.А. Чихачёв отмечает отсутствие большой разницы между зайсанами и прочими алтайцами [36, с.86].

Очень похоже на Западную Европу периода феодальной раздробленности, вплоть до принципа «король – первый среди равных», похоже и на дочингисхановские евразийские степные государства. Но всё это относится к тем регионам Великой Степи, которые к моменту составления этого описания явно уже успели «расчингисханиться» и вернуться к традиционным степным порядкам, и совсем не похоже на империю Чингизидов.

А вот в Джунгарии хан, лично владея лучшим и обширнейшим улусом, меньшие раздавал в управление и в кормление своим сыновьям и братьям [14, с.30-31]; и вот это как раз на чингизидские порядки очень похоже. И.Я. Златкин также соглашается с тем, что в Джунгарском ханстве централизация власти была гораздо более прочной, чем в Калмыкии. «Несомненно, что со времён Батур-хунтайджи и до конца правления Галдан Церена, т.е. более столетия, в Джунгарском ханстве не было серьёзных и длительных усобиц, которых было так много в Калмыкии. Ханская власть в Джунгарии сравнительно легко справлялась с сепаратистскими стремлениями великих и малых князей, сурово карая всякого, кто пытался оказать сопротивление воле хана» [10, с.411-412].

В Джунгарском ханстве арат, кому бы он ни принадлежал и какие бы повинности в отношении своего хозяина ни нёс, не свободен был и от государственной барщины – он должен был, например, шить обмундирование, работать в ханских мастерских, нести подводную повинность. Как отмечали, например, участники того же русского посольства в 1722 г., «300 баб и более за свой кошт шьют куяки и платье для войска» [4,

с.149].

Не объясняется ли откочёвка калмыков на Нижнюю Волгу и последующие отказы вернуться в Джунгарию тем, что калмыки к XVII в. «расчингисханились», а джунгары – ещё нет, что и привело к желанию «разойтись»? Как похоже и на то, что халха-монголы по этой же причине предпочли китайское подданство – Китай, хотя и был типично восточным государством, но во внутренние дела монголов, во всяком случае, в их социально-экономические порядки, особо не вмешивался, если не считать, конечно, чрезвычайных поборов в военное время.

Только крепостные высших лам «шабинары», буквально «послушники») были свободны от государственной барщины, зато сами высшие ламы могли, например, безвозмездно выпасать скот во владениях светских князей **[10, с.417]**. Такая ситуация напоминает положение Церкви в империи Чингизидов и в зависимых от неё государствах; разберём это на примере России.

К середине XVI в. Русская Церковь имела такие привилегии и иммунитеты, как никакая другая церковь в Европе. И обязана она была этим не Константинополю и не Москве, а Золотой Орде. Недаром в XVI в., выступая против планировавшейся Иваном III секуляризации церковной собственности, именно на ордынские ярлыки ссылались московские церковные иерархи, защищая свои феодальные права и привилегии. Церковь не только была освобождена от дани и вообще от каких-либо повинностей сама, но от налогов были освобождены и те, кто на неё работал, а сверх того она имела право самостоятельного управления своими владениями вплоть до права вершить суд «и в разбое, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах» **[37, с.170-171]**. Вполне возможно, что имела Церковь и право сбора налогов **[35, с.22]**. С. Акимбеков, оценивая роль Церкви в становлении «ордынских» порядков на Руси, отмечает и её роль в становлении «самодержавия византийского образца» **[2, с.385-386]**.

Вернёмся к джунгарскому влиянию на экономические порядки у южносибирских народов. Тот факт, что до середины XIX в. источники ничего не сообщают о частном землевладении у южных алтайцев, на основании чего В.Н. Владимировым делается вывод об отсутствии у них феодальной частной собственности **[5, с.150-155]**, а у шорцев и к концу XIX в. отсутствовало право владения землёй при сохранении права пользования и распоряжения (при том, что шорцы, в отличие от алтайцев, были оседлыми и земледелие у них играло не подсобную роль, а было важной составляющей, без которой хозяйство не могло бы функционировать) **[22, с.47-48]**, ещё не говорит о влиянии у последних именно джунгарском (у первых в силу куда более продолжительного и непрерывного джунгарского господства это влияние почти несомненно). К тому же у шорцев, как и у южных алтайцев, земледелие было орошаемым, что требовало кооперирования труда 5, с.134; 22, с.48].

Но ещё интереснее – положение трудящихся в тех отраслях промышленности, которые заводили или пытались завести джунгаро-ойратские ханы. В Джунгарском ханстве, например, добывалась железная руда, налаживалось производство артиллерии, в том числе с помощью русско-шведских пленников (т.е. взятых в плен в ходе Северной войны и уже у русских повторно захваченных в плен джунгарами). Самый знаменитый из последних – Юхан Густав Ренат, офицер-артиллерист, взятый в плен под Полтавой, участвовавший в экспедиции И.Д. Бухгольца и в 1716 г. вторично взятый в плен – уже джунгарами. Но он отнюдь не был единственным… Работали там и другие шведы, и русские пленные – солдаты и казаки, но главное – собственные подневольные работники. Развивалось также текстильное дело, производство украшений и некоторых предметов быта, и там тоже без этого не обходилось.

Так вот, И.Я. Златкин описывает организацию труда на этих предприятиях: «Все известные нам «предприятия» (кавычки Златкина – Г.С.) работали на ханскую казну… В основе этой промысловой деятельности лежал принудительный труд аратов,

отбывавших своеобразную государственную барщину». О принудительном шитье джунгарскими женщинами амуниции для армии уже говорилось, но здесь явно что-то более серьёзное. Например, десятками изготавливались артиллерийские орудия, в окрестностях оз. Зайсан плавили железную руду и делали стальные латы, сабли и т.д. [10, с.365-366]. Если говорить о том, кто этим занимался, то фактически речь идёт о приписанных к заводам крепостных рабочих, что очень напоминает Россию того же времени. В нашей стране число вольнонаёмных заводских рабочих превысило число крепостных (численность которых стала уменьшаться только при Елизавете Петровне, когда принудительное приписывание крестьян к заводам было ограничено, а затем и вовсе запрещено) лишь к концу царствования Екатерины II [подсчёты автора по: 16, с.404-408].

А с телеутов ещё ранее, в первой половине XVII в., джунгары брали ясак железными изделиями, в том числе (и в первую очередь) военными, такими, как «пансыри, бехтерцы, шеломы, копьи, рогатины и сабли, и всякие железные, опричь пищалей» [17, с.115-116]. То обстоятельство, что среди алтайцев К.-Ф. Ледебур отмечал умение изготавливать порох, «хотя и весьма низкого качества» [39, s.172], тоже говорит скорее о джунгарском влиянии, чем о самостоятельном развитии промышленности.

В 1748 г. командированный в Тарбагатай русский сержант Котовщиков отмечает упадок плавильного завода «серебряной и медной руды», принадлежавшего племяннику Галдан Церена (к тому времени уже покойного), князя Даваци, из-за того, что «прежде, при Галдан-Чирине, к тем заводам ис команды ноёна Дебачи давано было людей в работу по тысячи, по пятисот, а ныне де при владельце Цебек-Доржи-Намжи людей ничего не даётца, понеже он, ноён, с ним, владельцем, имеет несогласие...» В итоге, как сообщает в том же году купец Айбек Бахмуратов, «заводы медные и серебряные, которые де были при Галдан-Чирине, ныне де брошены, ибо де прибыли нет...» (в обоих случаях орфография оригинала – Г.С.) [10, с.365-366].

Сто лет спустя, к 1840-м гг., и у подвластных в прошлом джунгарам горных алтайцев налицо был полный упадок металлургического производства, сохранившегося лишь «в наиболее глухих местах», и плавкой железной руды среди встреченных П.А. Чихачёвым алтайцев занимался «лишь один старик, живший в юрте». Чихачёв видит причину этого «доставку российских металлургических произведений» [36, с.139], однако, возможно, причина тут в другом – во влиянии Джунгарии, где имел место крепостной труд на заводах, которые без дармовой принудительной «рабсилы» быстро приходят в упадок. Что касается упадка у подвластных джунгаром народов Южной Сибири, то, например, в том же Кузнецком уезде Москва стремилась защитить местное население и не допустить продажи ойратам оружия и мехов [10, с.143]. Вероятно, стимулов к добровольному производству у этих народов не было, потому с концом джунгарской «принудиловки» кузнечное ремесло в упадок и пришло. Хотя трудно сказать, что стало бы с кузнечным ремеслом у этих народов, не будь ни джунгарского (принудительные поставки металлических изделий), ни русского (конкуренция таковых из России) влияния.

Отметим, что и в России уральские крепостные заводы постепенно приходили в упадок, в отличие от вольнонаёмных предприятий, которые при той же Екатерине II и после неё бурно и динамично развивались.

Ещё один интересный факт: в начале царствования Екатерины II (1763 г.) часть частных уральских заводов была передана в казну; эта «национализация» (если говорить современным языком), отметим, совершенно не вписывается в общую либеральную политику Екатерины (поощрение именно частной экономики, ликвидация всех и всяческих монополий и т.д.), и есть основания думать, что она была ошибкой, поскольку у государства не было средств на развитие горного дела. В итоге это огосударствление наряду с использованием крепостного труда привело к отставанию отечественной

горной и металлургической промышленности [12, с.241]. Правда, в России упадок, в отличие от Джунгарии, затянулся на 100 лет с лишним, и отставание по-настоящему сказалось уже позже, в первой половине XIX в. Ещё в 1820 г., например, Россия по выплавке чугуна всего в 2,5 раза уступала Британии и в полтора раза превосходила Францию, а в 1850 г. она уже отставала почти в десять раз от первой и почти вдвое от второй [38, с.190].

Итак, мы видим, что Джунгарское ханство по факту представляло собой попытку возрождения империи Чингизидов, как в плане завоеваний, так и в плане реставрации чингисхановских социально-экономических порядков («повторное очингисханивание»). При этом, вполне возможно, «повторное очингисханивание» произошло у джунгар после того, как в XV-XVI вв. они на время вернулись под власть Чингизидов из Северной Юань; в итоге же «чингисхановские» порядки задержались в Джунгарии дольше, чем у халха-монголов.

Добавим, что при Иване Грозном, а затем и при Петре I нечто подобное имело место и на другом конце Евразийского пространства – в России. В России, правда, и после Грозного, и после Петра сравнительно быстро произошёл возврат к нормальной экономике, но в некоторых отраслях промышленности (например, в горно-металлургической), а также в сельском хозяйстве использование принудительного труда сохранилось надолго, что и привело к отставанию России в этих областях вплоть до 1861 года, а в сельском хозяйстве – до Столыпинской реформы.

С другой стороны, на сельское хозяйство народов Южной Сибири джунгарское господство, в силу его прерывистости и сравнительной непродолжительности (в общей сложности – едва ли сто лет), оказало сравнительно небольшое влияние, за исключением южных алтайцев, где оно было значительно более продолжительным (вероятно, с XVI, а возможно, и с XV века). Несколько больше было влияние джунгар на ремесло у этих народов, в основном кузнечное, в силу принудительных поставок металлического оружия и снаряжения для джунгарской армии; с прекращением этих поставок кузнечное ремесло в Южной Сибири пришло в упадок.

И.Я. Златкин считает, что упадок промышленного производства в Джунгарии вызван был тем, что со смертью в 1745 г. Галдан Церена в Джунгарии резко обострилась внутриполитическая обстановка [10, с.366], и он, вероятно, прав, но только в том плане, что политическая нестабильность ускорила этот процесс, однако при нормальной внутренней ситуации в стране упадок растянулся бы ещё на несколько десятилетий (как это было в упомянутых мною отраслях промышленности в политически стабильной России 1762-1861 гг.), но он всё равно бы наступил.

Но вот ещё один вопрос, возможно, самый интересный: кто у кого учился в вопросе использования крепостного труда на промышленных предприятиях? Не у «Великой Тартарии» ли позаимствовал Пётр I идею крепостного труда на заводах? А идею тотального государственного контроля над промышленностью? Если Иван Грозный, как есть основания предполагать, явно учился организации государственного устройства у бывшей Золотой Орды, то не делал ли этого и Пётр, только у джунгар, сменивших Чингизидов в качестве гегемонов Степи? Но это тема отдельного исследования…

Список литературы

[1] Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 478 с.

[2] Акимбеков С.М. История степей. Феномен государства Чингизидов в истории Евразии. – Алматы: Изд-во «Центр Азии», 2011. – 640 с.

[3] Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. – 144 с.

[4] Веселовский Н.И. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. – 277 с.

[5] Владимиров В.Н. Социально-экономическое развитие южных алтайцев в составе России. Дисс... к.и.н. – Барнаул, 1984. – 224 с.

[6] Восленский М.С. Номенклатура. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.

[7] Гордин Я. Власть и Гвардия// Знание – сила. – 1991. – № 11. – с.80-87.

[8] Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае. – СПб.: Абрис, 1994. – 272 с.

[9] Евсеев В.Н. Тара в свои первые два столетия// Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1981. – с.78-108.

[10] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. – М.: Наука, 1964. – 482 с.

[11] История Абуль-Гази// Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. – Ч.1. – Казань: Тип. губ. правл., 1854. – 130 с.

[12] Каменский А.Б. Российская Империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 326 с.

[13] Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях// ЗСОИРГО. – 1890. – Кн.XIV. – Вып.1. – 72 с.

[14] Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. – СПб.: Мин. Гос. имуществ, 1817. – 171 с.

[15] Куковенко В. Инородцы у трона// Московский вестник. – 1996. – № 7-8. – с.191-231.

[16] Мавродин В.В. (ред.). История СССР. – Ч.1. С древнейших времён до 1861 г. – М.: Просвещение, 1979. – 607 с.

[17] Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. – М.: Изд. вост. литры, 1959. – 352 с.

[18] Миненко Н.А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья// Город и деревня Сибири в досоветский период. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. – с.3-33.

[19] Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. – 118 с.

[20] Паллас П.С. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб., 1776. – 277 с.

[21] Потапов Л.П. Очерк по истории алтайцев. – Новосибирск: Новосибгиз, 1948. – 506 с.

[22] Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX вв.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – 198 с.

[23] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды// На стыке континентов и цивилизаций. – М.: ИНСАН, 1996. с.277-526.

[24] Сибирские летописи. – СПб.: Имп. Археогр. комис., 1907. – 397 с.

[25] Ситнянский Г.Ю. «Великая Тартария»: правда и вымыслы «от Фоменко». – Саарбрюккен: LAP, 2018. – 240 с.

[26] Ситнянский Г.Ю. Золотая Орда и европейская политика (1241-1359)// The scientific heritage. – 2021. – № 81. – Vol.4. – p.12-19

[27] Ситнянский Г.Ю. Мировой демократический процесс и степная традиция// Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 3. – с.14-19.

[28] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.

[29] Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – Л.: Соцэкгиз, Лен. отд-ние, 1936. – 153 с.

[30] Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. – 275 с.

[31] Уманский А.П. Борьба джунгарской и русской дипломатии в XVII веке по вопросу о «выезжих белых калмыках» – телеутах// Научные труды НГПИ. – Вып.64. – Новосибирск, 1972. – с.3-30.

[32] Уманский А.П. Выезжие белые калмыки на службе у Российского государства// Научные труды НГПИ. – Вып.62. – Новосибирск, 1971. – с.3-21.

[33] Уманский А.П. К истории появления «выезжих белых калмыков» (телеутов) в сибирских уездах в XVII веке// Научные труды НГПИ. – Вып.45. – Новосибирск, 1970. – с.3-21.

[34] Урманчеев Ф.И. Эпические сказания татарского народа. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 120 с.

[35] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304 гг. – М.: Прогресс, 1989. – 291 с.

[36] Чихачёв П.А. Путешествие в Восточный Алтай. – М.: Наука, 1974. – 358 с.

[37] Янов А.Л. Европейское столетие России. – М.: Новый хронограф, 2009. – 696 с.

[38] Янов А.Л. Загадка николаевской России. – М.: Новый Хронограф, 2009. – 504 с.

[39] Ledebour C.-F. Reise durch des Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe. – Berlin: G. Reimer, 1830. – 526 s.

[40] Vreeland H.H. Mongol community and kinship structure. – New-Haven: Hraf Press, 1954. – 321 p.

УДК 902.674

Дендроархеология селькупских захоронений Тазовского Заполярья

Уткин Михаил Владимирович
Лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
fftrrls@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2603-7728

Ткачев Александр Александрович
Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия.
sever626@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4072-2724

Ткачев Александр Александрович
Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия.
al.al.tkachev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8797-0648

Гюрджоян Катя Гнеловна
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.
gyurdzhoyankatya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2662-727X

Филатова Майя Олеговна
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.
mayasidorova12@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

АННОТАЦИЯ В рамках исследования был проведен дендрохронологический анализ коллекции археологической древесины с памятника Нум-Хибя-Сихэри VIa – могильного комплекса, принадлежащего к северноселькупской культурной традиции и расположенного на территории Тазовского района ЯНАО. Полученные в рамках древесно-кольцевого анализа даты существования памятника ложатся во временной интервал со второй четверти XIX – по начало XX вв., что в свою очередь подтверждает и существенно дополняет ранее обнаруженные архивно-зафиксированные свидетельства появления селькупских рыболовецких хозяйств в низовьях Таза (которые приходятся на верхнюю границу дат комплекса). Полученная же нижняя дата функционирования комплекса является самой ранней доказанной границей пребывания северных селькупов на территории Тазовского Заполярья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА дендрохронология, археологическая древесина, северные селькупы, Тазовский р-н ЯНАО

В ходе проведенных в 2016 г. поисково-разведочных работ на территории Мамеевского археологического микрорайона было открыто поселение Нум-Хибя-Сихэри VI, расположенное в 12.5 км юго-восточнее пос. Тазовский Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. В 2017 г. в центральной части мысовидной площадки был заложен раскоп, в котором были частично изучена позднесредневековая наземная постройка и 3 погребальных конструкции, выделенные в отдельный археологический объект – могильник Нум-Хибя-Сихэри VIa.

В полевом сезоне 2018 г. исследования памятника были продолжены, на территории комплекса было заложена еще 2 раскопа, общая площадь вскрытого участка за два полевых сезона (2017-2018 гг.) составила 286 м2. В пределах исследованного участка было обнаружено в общей сложности 9 могильных сооружений.

Проведенный анализ погребальной традиции и вещевого инвентаря могильных конструкций позволил предположить, что памятник является кладбищем северных (тазовско-туруханских) селькупов, периодически приплывавшим (по данным этнографии региона) на территорию Нижнего Таза с мест своего привычного обитания в поиске мест, пригодных для рыбного промысла [2, с. 242].

Особенности погребального обряда и вещевого инвентаря могильного комплекса свидетельствуют, с одной стороны, о знакомстве людей, оставивших данные захоронения,

с христианской символикой и обрядностью. Однако, проанализировав погребальное пространство можно сделать вывод о том, что к размещению христианской атрибутики в его пределах не было какого-либо канонического подхода [Там же].

Тем не менее, вопрос о времени существования и функционирования данного могильного комплекса все еще оставался дискуссионным. Для подтверждения имеющейся гипотезы и более точной датировки памятника было необходимо привлечь естественнонаучные методы исследования и сделать календарные датировки могильника.

Благодаря наличию большого количества археологической древесины высокой степени сохранности, выявленной при раскопках могильного комплекса, стало возможно провести древесно-кольцевой анализ образцов – самый точный из существующих абсолютных методов датирования археологических памятников.

Всего с памятника Нум-Хибя-Сихэри VIa было отобрано в общей сложности 38 образцов древесины из 7 захоронений. Образцы представлены спилами бревен и плах (полубревен) со средним радиусом 7.6 см (29 образцов), а также досками со средним радиусом 8.6 см (9 образцов). Все они отбирались с продольных и поперечных балок, накрывающих гроб, с бревен, забивавшихся по краям могил, поминальных столбов, а также с торцевой части самих гробов.

Проведенный ксилотомический анализ показал, что практически все образцы археологической древесины могильного комплекса представлены породой лиственницы сибирской (Larix sibirica Ledeb.). Два образца (nhs03 и nhs05) не были с точностью идентифицированы и в дальнейшем, при прохождении процедуры перекрестной датировки показали недостаточно значимые коэффициенты корреляции, из-за чего были исключены из дальнейшего анализа.

Древесно-кольцевой анализ образцов был проведен по стандартной методике [1, с. 112-117]. В лабораторных условиях все древесные спилы были отшлифованы и зачищены, а также обработаны специальным составом для повышения контрастности границы колец. Измерение ширины древесных колец производилось на полуавтоматической установке «Lintab VI», с точностью 0.01 мм. Для сравнения полученных древесно-кольцевых рядов был применен метод перекрестной датировки с помощью визуального сопоставления кривых изменчивости радиального прироста в программном пакете «TSAP system V3.5», а также кросс-корреляционного анализа в специализированном программном пакете DPL [4, p. 69-78].

До процедуры измерения ширины годичных колец на полуавтоматической установке Lintab 6, из коллекции были удалены образцы с очень плохой сохранностью (8 образцов), а также образцы, содержащие менее 10 колец (3 образца). Оставшиеся 24 образца были измерены.

На этапе построения «плавающей» древесно-кольцевой хронологии (хронологии, которая еще не привязана к календарным датам), из коллекции археологической древесины были исключены образцы, показывающие низкие коэффициенты корреляции и отсутствие графической связи при перекрестной датировке (иными словами, не датировались). Было исключено еще 7 образцов, из-за чего только 17 из изначальных 38 образцов были в конечном итоге использованы для построения плавающей древесно-кольцевой хронологии по археологическому памятнику.

Оставшиеся образцы перекрестно датировались между собой, среднее значение их межсериального коэффициента корреляции (R) составило 0.66.

Длина образцов итоговой хронологии варьировалась от 47 до 236 лет, средняя длина одного образца составляет 89 лет. Всего в создании хронологии были задействованы данные с 1524 измеренных годичных колец древесины. Итоговая длина созданной в рамках проделанной работы плавающей древесно-кольцевой хронологии составила 271 год.

Для удаления возрастного тренда и получения обобщенной древесно-кольцевой хронологии по памятнику, была проведена стандартизация хронологий в программе ARSTAN [5].

Следующий этап работы заключался в календарной привязке полученной хронологии путем ее перекрестной датировки с уже созданной 8768-летней древесно-кольцевой хронологией «Yamal» [3], построенной по лиственнице сибирской (Larix sibirica Ledeb.).

Коэффициент корреляции между созданной в рамках данной работы стандартизованной усредненной древесно-кольцевой хронологией и хронологией «Yamal» составил 0.61.

По результатам проведенного дендрохронологического анализа, из семи могильных конструкций (№ 2, 3, 4, 5, 7, 8 и 9) комплекса Нум-Хибя-Сихэри VIa были успешно датированы пять (№ 2, 3, 4, 5, 9):

Могила 2. Их 6 образцов успешно датировано 4. Среднее значение межсериального коэффициента корреляции для данной могилы составило 0.81. Время формирования самой поздней даты периферийных колец на образце приходится на 1839 г (образец nhs29). Ни на одном из образцов не было найдено подкоровое кольцо, из-за чего полученную дату нельзя считать окончательной. Судя по анализу радиуса периферийного кольца образца nhs29, на нем отсутствует менее 10 внешних колец. И если принять во внимание этот факт, согласно стандартной методике, можно предположить, что древесина для изготовления гроба была заготовлена не ранее 1840-х гг.

Могила 3. Из 3 образцов успешно датирован один. Среднее значение межсериального коэффициента корреляции для могилы – 0.56. Судя по анализу радиуса периферийных колец, на образце nhs14 отсутствует более 10 периферийных колец. Исходя из времени формирования даты самого последнего на образце (которое указывает на 1874 г.), можно предположить, что древесина для гроба была изготовлена не ранее последней четверти XIX в.

Могила 4. Из 13 образцов успешно датировалось 6. Среднее значение межсериального коэффициента корреляции составило 0.58. Время формирования поздних дат периферийных колец приходится на 1908 и 1909 гг. (образцы nhs50 и nhs51). Кроме того, на образце nhs50, показавшем дату в 1909 г. было обнаружено подкоровое кольцо. Согласно стандартной методике, наличие подкорового кольца на образце указывает на то, что дата последнего кольца и является датой рубки данного дерева. Учитывая это, можно предположить, что древесина для изготовления гроба была изготовлена не ранее 1909 г.

Могила 5. Из 3 образцов успешно датировался один. Значение межсериального коэффициента корреляции образца nhs06 составляет 0.76. Время формирования последнего периферийного кольца приходится на 1893 год, однако анализ радиуса периферийных колец показал, что на образце отсутствует несколько внешних колец (не более 10), из чего можно предположить, что древесина для изготовления гроба была заготовлена не ранее последнего десятилетия XIX – первого десятилетия XX вв.

Могила 7. Успешно датирован 1 образец, коэффициент корреляции которого составил 0.79. Время формирования периферийного кольца приходится на 1740 год. Учитывая, что на периферийной части образца отсутствует более 10 годичных колец, это не позволяет датировать его с точностью до года. Из-за небольшого числа образцов, отобранных с могилы (всего 1), а также его сильной деформации в процессе заготовки (образец был отобран с доски гроба, которая в свою очередь при изготовлении была очень сильно стёсана, из-за чего на ней отсутствует большое число колец, не поддающиеся даже примерному подсчету), полученная в результате дендрохронологического анализа дата не является хоть сколько-нибудь репрезентативной, из-за чего её нельзя учитывать в дальнейшем анализе. Исходя из данного факта, единственное, что можно предположить,

это что древесина для изготовления гроба была изготовлена не ранее второй половины XVIII в.

Могила 8. Из 4 образцов, отобранных с могилы, не датировался ни один. Дата заготовки древесины для могилы остается неизвестной.

Могила 9. Успешно датирован 1 образец (nhs34), коэффициент корреляции которого составил 0.44. Время формирования последнего периферийного кольца приходится на 1815 год, однако анализ радиусов внешних колец показал, что на образце отсутствует более 10 периферийных колец, из чего можно предположить, что древесина для изготовления гроба была заготовлена не ранее второй четверти XIX в.

Несмотря на то, что у могил 3, 5, 7 и 9 датировано всего по одному образцу, тот факт, что они принадлежат к одному локальному региону, временному промежутку, а также общему археологическому памятнику с одной культурной традицией, относящейся ко всем могилам, полученные даты можно считать значимыми для дальнейших интерпретаций.

Заключение

Полученные в рамках древесно-кольцевого анализа даты функционирования памятника Нум-Хибя-Сихэри VIa ложатся во временной интервал со второй четверти XIX – по начало XX вв., что в свою очередь не противоречит и даже наоборот, дополняет ранее обнаруженные архивно-зафиксированные свидетельства появления селькупских рыболовецких хозяйств в низовьях Таза (которые приходятся на верхнюю границу дат комплекса Нум-Хибя-Сихэри). Нижняя же дата функционирования комплекса, полученная в рамках проделанной работы, является самой ранней (из доказанных) границ пребывания северных (тазовско-туруханских) селькупов на территории Тазовского Заполярья.

Благодарности

М.В. Уткин и М.О. Филатова работали в рамках темы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0010.

Список литературы

[1] Мыглан В.С., Жарников З.Ю. Датирование исторических памятников Сибири дендрохронологическим методом. Методический аспект // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 112–117.

[1] Ткачев А.А. К вопросу о культурной принадлежности детских захоронений могильника Нум-хибя-сихэри VIA // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. науч. конф. – 2018. – С. 239–242.

[1] Хантемиров Р.М., Шиятов С.Г., Горланова Л.А., Кукарских В.В., Сурков А.Ю., Хамзин И.Р., Фонти П., Вакер Л. 8768-летняя Ямальская древесно-кольцевая хронология как инструмент для палеоэкологических реконструкций // Экология. Екатеринбург, 2021 (5). С. 388-397.

[1] Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // TreeRing bulletin. – 1983. – Vol. 44. – P. 69–78.

[1] Cook R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) [Электронный ресурс] // URL: http://www.ldeo

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Исследователи Сибири и Дальнего Востока: Великие люди Сибири

УДК 069.51(571):001.32

Н.Ф.Катанов и Мартьяновский музей. Общий обзор

Ахремчик Ольга Геннадьевна
Заместитель директора по научной работе, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова», г. Минусинск, Россия

АННОТАЦИЯ Предметом рассмотрения является наследие Н.Ф.Катанова, которое хранится в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М.Мартьянова. В частности, письма Н.Ф.Катанова к Н.М.Мартьянову, книги и предметы, переданные ученым в дар музею. В последние годы в результате сверок архива были выявлены новые письма, которые позволяют проследить дружеские и деловые отношения между учеными с большей детализацией. На основе рассмотренных документов выявляются подробности совместных проектов, помощи в написании трудов и издательской деятельности. Делается вывод о том, что, создавая свою «Жемчужину Сибири» Мартьянов старался максимально «использовать» каждого человека, который мог принести пользу музею и в свою очередь старался быть полезным каждому из них. Н.Ф.Катанов, как следует из переписки, был очень нужен музею и сделал немало для комплектования, исследования и популяризации его коллекций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинский музей им. Н.М.Мартьянова, музейная коллекция, письма Н.ФКатанова, научная библиотека, авторские экземпляры, дарственная надпись Катанова, деятельность Н.М.Мартьянова, Н.Ф.Катанов и Минусинский музей, исследователи Минусинского края, Енисейская губерния.

Первый на Енисее, «Жемчужина Сибири – эпитеты, которыми награждали Мартьяновский музей замечательные ученые и исследователи Сибири. Самым выдающимся из них музей оказал честь и выгравировал их имена на медных табличках, которые украшают фасад первого корпуса Минусинского краеведческого музея им. Н.М.Мартьянова. Всего 20 имен. На главном фасаде их только 9: Мессершмидт, Паллас, Гмелин, Клеменц, Крылов, Кастрен, Миллер Аспелин, Катанов.

Николай Михайлович Мартьянов – исследователь, коллекционер, общественный деятель, наибольшую известность получил, будучи в Минусинске. Деятельность, основанного им публичного музея требовала обширной переписки и обмена коллекциями с исследователями Сибири: географами, геологами, историками, археологами, этнографами, с русскими и зарубежными музеями, с отечественными и не только научными обществами и университетами. Его имя было уважаемо и авторитетно. Потому лучшие умы Сибири считали своим долгом посетить музей и познакомиться с его основателем. Николай Катанов, который был младше Н.М.Мартьянова на 18 лет с почтением относился к уже известному в научных кругах ученому и гордился, что на его родине есть музей, занимающийся исследованием, собиранием, хранением и публикацией материалов по археологии и истории региона. Он даже некоторые письма подписывал «минусинец Катанов». Возможно их первая встреча произошла в доме Сатика Окунева, где по воспоминаниям его дочери известной хакасской сказительницы Е.Н.Кулагашевой собирались любознательные люди послушать сказительские импровизации хайджи Таркопа Троякова, пообщаться. По ее словам, в доме бывали Майногашев, Мартьянов, Ярилов, Катанов, Теплоухов[92].

Самое раннее письмо Катанова к Мартьянову, которое хранится в фондах Мартьяновского музея датируется 20 января 1886 года. Отправлено из Санкт – Петербурга. Обращение подчеркнуто уважительное: Многочтимый Николай Михайлович.

[92] Майногашева В.Е.Хакасские сказители и певцы. Абакан, 2000. С.35.

Впоследствии в письмах появится больше сердечности и обращение будет: Дорогой Николай Михайлович или Многоуважаемый. То же относится и к заключительной формуле вежливости. В первом письме мы видим подпись: В.П.С. Катанов, (Ваш покорный слуга Катанов). А в дальнейшем, когда уважение к достижениям друг друга вызвали крепкую дружбу, продолжавшуюся около 20 лет, будет просто: Ваш Катанов или: Почитатель Ваш Н. Катанов. С этого первого письма началась многолетняя переписка двух светлых умов эпохи. Эпистолярное наследие Катанова в фондах Мартьяновского музея насчитывает 80 ед. хранения. В 2021 году в фонде И. Т. Савенкова были обнаружены в ходе сверки еще три неопубликованных письма Н.Ф. Катанова к Ивану Тимофеевичу и на этой конференции они будут представлены старшим научным сотрудником отдела фондов В.В.Ермиловой. Валентина Васильевна много сделала для того, чтобы ввести в научный оборот катановские письма как бесценный источник информации о жизни и деятельности этого выдающегося исследователя. К этой теме так же обращались: В.Е.Майногашева, к.ф.н., зав.сектором фольклора ХакНИИЯЛИ, Г.С.Муханов к.ф.н., директор Национального музея республики Татарстан, А.Н.Гладышевский, к.и.н., ХГУ им. Н.Ф.Катанова, Л.Н.Ермолаева, В.Н.Тугужекова, д.и.н., профессор, директор ХакНИИЯЛИ, С. П. Ултургашев д.и.н. профессор ХГУ, А.Л.Кошелева д.и.н., профессор ХГУ, В.И. Федорова, д.и.н., профессор КГПУ им. В.П.Астафьева и др.

Отчего же именно Н.Ф.Катанов удостоился права быть увековеченным памятным знаком на главном фасаде музея? Очень показательно в этом деле наследие Николая Федоровича, которое вот уже 136 лет хранит Минусинский музей. Письма, книги, предметы.

Николай Михайлович Мартьянов уделял огромное внимание изучению коренного населения южной Сибири и огромную помощь ему в этом оказал Н.Ф.Катанов. В письме своем из Санкт - Петербурга от 20.01.1886 г. он пишет: «Многочтимый Николай Михайлович Г.Ядринцев говорил, что скоро выйдет в свет каталог (Вашего) музея. Так как я еще не забыл своего края и продолжаю интересоваться им, то не будете ли настолько добры, Многоуважаемый Николай Михайлович, прислать мне по одному экземпляру как прежнего издания, так и предстоящего, как скоро то выйдет в свет. Если пересылка будет сопряжена с расходами, то расходы я принимаю на себя, тотчас по получению каталога. Присылкою их премного обяжете меня, Вашего старого знакомого. Если Вы не забыли его, и интересуетесь его судьбою, то он так изложит ее здесь вкратце: «Я приехал сюда, вскоре получил стипендию и урок. Поступил на Восточн. факул. и занялся изучением языков Араб., персид., турецкого и его наречий. Экзамены сдал, благодаря Бога, отлично, за что получил прибавку к стипендии. Кроме универс. предметов, я изучаю еще другие языки из Урало – алтайских языков под руководством одного Академика. В наст. время я изучил из них уже 6 языков. В перспективе лежит ученая карьера». Вот все, что могу сказать о себе. Кроме сего я изучаю наши былины, и составляю библиографию сведений о наших инородцах. Оказывается, что писано о них очень много, но все эти сведения разбросаны по книгам, газетам и журналам. Теперь я и занят приведением в порядок этих сведений и уже довел дело почти до половины. В. П. С. Катанов». (МКМ ОФ 10676/3. Ф1.оп.1. д. 87). 16.09.1887 г. он присылает письмо с благодарностью за присланный ему атлас и каталог «Древности Минусинского музея» и уведомляет об отправке своих статей. (МКМ ОФ 10722/5. Ф1.оп.1. д. 114). Через год в 1888 году Катанов окончит университет. И будет направлен Академией наук и РГО в четырехлетнее путешествие изучать быт и языки тюркских племен в Восточной и Западной Сибири, Северной Монголии, Джунгарии, Китайском Туркестане. Следующее письмо из Томска, датировано 12.01 1889 г. где сообщается, что он вскоре будет в Минусинске. (МКМ ОФ 10722/5 Ф1.оп.1а. д.148). С 1888-1892 годы письма приходят Мартьянову с прииска Гусева и К, из с. Аскизское, из Чунгучак (Китай). В письме от 1.07.1889 Катанов сообщает Мартьянову, что записал много урянхайских сказок и песен, сделал зарисовки. (МКМ ОФ 10790/2 Ф1.оп.1а. д.148). В

другом письме от 21.10.1889 г. просит выслать из библиотеки музея рукопись Сафьянова об урянхайском народе. (МКМ ОФ 10790/4 Ф1.оп.1а. д.148). Из путешествия Николай Федорович отправляет в музей материалы, которые, по его мнению, могут принести пользу Минусинскому публичному музею: образец диорита (МКМ ОФ 10790/3 Ф1.оп.1а. д.148), китайские монеты (в нескольких экземплярах для лучшего прочтения надписи) и другие предметы (45 ед.), собранные во время путешествия по Китаю (МКМ ОФ 10842/3 ад.200). А 9.10.1892 г. на имя Н.М.Мартьянова приходит приглашение на церемонию бракосочетания Н.Ф.Катанова с А.И.Тихоновой. прекрасным каллиграфическим почерком на листе плотной белой бумаги с тиснением написано: «Многоуважаемый Николай Михайлович! Сим честь имею всепочтительнейше просить Вас пожаловать с супругою в среду 14 ч. сего Октября ко мне на празднество, по случаю бракосочетания моего с девицею – Александрой Ивановной Тихоновой. Кандидат Императорского С.П.Б.Университета Н.Катанов». (МКМ ОФ 10842/4 а.д.200).

За 1893-1894 годы в музее имеются четыре письма, в которых Николай Федорович сообщает об отправке своих статей «О карагасах», «Среди тюркских племен» в библиотеку музея и благодарит Николая Михайловича за отправку ему книг и отчетов музея. 24.01.1894 года Мартьянов получает письмо, в котором Катанов сообщает о сдаче экзаменов на степень магистра турецко – татарской словесности и о том, что «9 ноября Государь Император по докладу г. Министра Н.Пр.. назначил меня в Казань преподавателем турецко – татарских (т.е. тюркских) наречий в звании экстраординарного профессора при историко – филологич. факультете. Жалованья 2000 рублей. Должность VI класса. Я от души рад, что так устроилась моя судьба». И далее: «Радуйтесь и пусть радуется вся Сибирь: датский ученый W. Thomsen и наш ученый В.В.Радлов нашли в декаб. 93 г. самый верный ключ к чтению рунических надписей. Радлов помолодел лет на 30. Письмо настоящее фонетическое. Радлов прежде (1/2 года тому назад) только догадывался, а теперь, по указанию Томсена и по своим новым соображениям, научился читать совершенно свободно». (МКМ ОФ 10904/2 д.226). За 1895-1898 годы в архиве хранятся семь писем, все они отправлены из Казани, в них Николай Федорович благодарит Мартьянова о присланных ему отчетах Минусинского музея и иной литературы, уведомляет об отправке в дар музею своих произведений и фотографий. За 1899 год в архиве хранятся 9 писем. Эти письма относятся к так называемому «казанскому периоду» жизни и деятельности Н.Ф. Катанова. С 1896 -1899 гг. в летние месяцы этого периода Катанов совершил четыре экспедиции в Минусинский округ для исследования быта и языка койбал и бельтир. Им был собран материал, который впоследствии помог ему в создании труда «Опыт исследования урянхайского языка». Письма датированы июнем- августом 1899 г., на штемпеле местом отправления числится с. Аскиз. В них он сообщает Мартьянову о своем путешествии по окружным деревням (МКМ ОФ 10988/5 д.280), о своем присутствии на жертвоприношении (МКМ ОФ 10988/2 д.280), поздравляет Николая Михайловича с получением почетного звания от французской Академии (МКМ ОФ 10988/6 д.280). От 27 августа 1899 года приходит письмо с извинениями о внезапном отъезде из Минусинска и с просьбой прислать арабское зеркало для изготовления оттиска (МКМ ОФ 10988/7 д.280). В последующих письмах уже из Казани Николай Федорович благодарит за присланное ему зеркало, сообщает о том, что им было сделан доклад о зеркале на собрании общества археологии (МКМ ОФ 10988/8, д.280) и затем письмо о возвращении зеркала с арабской надписью и двух снимков (МКМ ОФ 11029/25, д.291), кроме того, сообщает об отправке 15 экземпляров своей работы «Описание металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего публичному музею г. Минусинска». Письмо датировано 26.02.1900 г. (МКМ ОФ 11032/2 д.294). А 30 апреля того же года Николай Федорович пишет Мартьянову письмо с просьбой выслать фотографии металлических зеркал из фондов музея в натуральную величину (МКМ ОФ 11036/2 д.298). В сентябре того же года в письме он благодарит Николая Михайловича за присланные ему II и IV

выпуски «Описание Минусинского музея» и за 19 фотографий Китайских зеркал (МКМ ОФ 11032/4 д.294).

В 1900 году в Париже состоялась Всемирная выставка, она проходила с 15 апреля по 12 ноября ее посетили более 50 миллионов человек. Свои экспозиции в 18 тематических отделах представили 35 стран. Особенно значительно было участие Российской империи — ближайшего в тот момент союзника Франции. Были представлены на выставке и коллекции Мартьяновского музея. Н.Ф.Катанов посетил эту выставку, так как летом 1900 года он находился в своей первой заграничной поездке, чтобы осмотреть собрания восточных рукописей и редких книг на арабском, персидском, турецком и татарском языках[93]. Вот что он пишет Мартьянову об этом: «В г. Минусинск, Енис. Губ. ЕВР. Н.М.Мартьянову. Дорогой Николай Михайлович! Сейчас я был в сибир. отделе выставки и с удовольствием осмотрел Ваши экспонаты: шамана, наших инородцев и пр. Все вышло чудесно, жаль только, что при них нет ярлыков с названиями. Н.Катанов» (МКМ ОФ 11032/3, д.294). Открытка отправлена 23.06.1900 года из Парижа, на открытке изображен один из павильонов Pavillon Ottoman выставки Exposition Universelle de Paris 1900. За три года до этой выставки Музей начал работу над подготовкой этнографической коллекции к экспонированию в Париже. Самое сложное – это было отобрать предметы из огромного количества, собранного на тот момент материала. Яковлев пишет, что на 1900 год в Минусинском Музее более 3000 этнографических предметов; из них 2440- местного происхождения и составляют этнографический отдел, остальные – по этнографии китайцев, японцев, остяков тунгусов и т.д. большая часть местного этнографического материала была приобретена за деньги, но немало предметов поступило и в дар[94]. В Отчете музея за 1900 год в разделе «Издание работ Музея» находим: «К числу предстоящих в ближайшем будущем значительных денежных расходов Музея принадлежат расходы по печатанию составляемаго сотрудником музея Ф.Я.Коном «Исторического очерка двадцатипятилетия Музея (1877-1902)», который предполагается иллюстрировать видами Музея»[95]. Издавать, по рекомендации Н.Ф.Катанова решили в Казани и Николай Федорович взял на себя все необходимые в этом случае организационные хлопоты, а так же редактуру и цензурировние. 7 августа 1901 года из Казани приходит письмо, в котором Катанов пишет Мартьянову, что типография университета может быстро напечатать рукопись (МКМ ОФ 11043/13). И с августа 1901 года по 24 мая 1902 года идет активная переписка, пошагово раскрывающая нам процесс издания «Очерка». 28.09.1901 – О получении Н.Ф.Катановым рукописи Ф.Я.Кона и о том, что она отдана в печать (МКМ ОФ 11043/14). 20.10.1901 – О получении 100 руб. для оплаты печати Ф.Я.Кона (МКМ ОФ 11043/15). 29.10.1901 – Письмо и расписка начальника типографии о получении денег на издание «История Минусинского музея» (МКМ ОФ 11032/3, д. 294). Очень интересно в плане понимания отношений между Мартьяновым и Катановым письмо, датированное 13 ноября 1901 года. «Глубокоуважаемый Николай Михайлович! Сердечнейше благодаря вас за оба письма (от 18 и 29 октября с.г.) и поздравляя вас со вступлением в законный брак с Еленой Константиновной, о которой самые приятные воспоминания сохраняются до сих пор в особенности у моей жены, учившейся в Минусинске во время ея незабвенного попечительства, желаю Вам обоим крепкого здоровья ин нерушимого счастья» и далее в письме: «Засим перехожу на сторону. Посланные Вам листы «Истории музея» нигде не терялись, а преспокойно лежали Типографии Унив. Теперь я их взял себе и посылаю

---

93 Кокова И.Ф. Николай Федорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. Второе издание, дополненное. - Абакан: хакасское книжное издательство, 2012. -172 с. С.59-60

94 Яковлев Е.К. Описание Минусинского музея. Выпуск. IV. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск. Типография В.И.Корнакова 1900 с. 65.

95 Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1900 год. Минусинск. Типография В.И.Корнакова 1901. С. 6.

их Ваше имя в отдельной заказной бандероли: листы 1,2,3,4,5 и 6 (стр.1-96) в 2-х экз. – на тонкой (полуалександрийской) бумаге и толстой (атласной), прося о получении их уведомить...» (МКМ ОФ 11043/16). Затем, Николай Федорович очень деловито и по обычаю весьма скурпулезно поясняет как он будет высылать следующие листы, согласовывает правки в тексте и просит внимательно проверять имена собственные и в заключении просит извинить его «если в Вашей «Истории» окажется масса опечаток, к-ыя объясняются тем, что мне приходится держать очень много разной корректуры» (МКМ ОФ 11043/16). Это письмо показывает, что несмотря на вполне дружеские отношения между учеными, служение делу и исполнение обязательств было на первом месте. Этим письмом от 13 ноября завершается переписка за 1901 год. В 1902 году Музей отмечал 25 летие со дня основания. И в январе 1902 года Катанов направляет поздравительное письмо в Комитет музея по случаю юбилея. «В комитет Минусинского Публичного Музея. Высоко ценя заслуги основателя Музея, многоуважаемого Н.М.Мартьянова, и незабвенные услуги, оказываемые им и его Музеем как русским ученым, так и иностранным (напр. Финским, шведским, немецким, австрийским, итальянским и др.), интересовавшимся и интересующимся Южною Сибирью, и сопредельными странами в отношениях археологическом, историческом, этнографическом и др. Для себя считаю приятным долгом – принести дорогому для всех ученых людей и по богатству и устройству, составляющему истинную гордость сибиряков Минусинскому музею горячее приветствие в честь ¼ векового его существования и от души пожелать ему процветания еще на многие – многие годы, а основателю его крепкого здоровья и долгой счастливой жизни на славу отечества и на радость почитателей его, к числу коих относит себя и нижеподписавшийся, Председатель Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете, сибиряк Николай Катанов» (МКМ ОФ 11090/1) . Вся первая половина 1902 года проходит в деловой переписке по поводу издания «Исторических очерков». За этот период в фондах музея хранятся 8 писем. Это было удивительное время, в своих воспоминаниях дочь Н.М.Мартьянова Нина пишет: «Может быть, 1900-1902 годы были одними из наиболее счастливых в личной жизни отца, но уже в конце 1902 года он начал болеть и у него появились сильные боли в спине, головные боли и усилились боли в руке»[96]. Юбилей прошел замечательно,

Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902)» Ф.Я. Кона был издан и в этом была немалая заслуга Н.Ф.Катанова.

30 ноября 1904 г. в 5 часов утра в Минусинске после продолжительной и тяжелой болезни скончался Н.М.Мартьянов. Переписка прекратилась. В фондах есть еще два письма в Комитет Музея от 13 февраля 1907 года с просьбой выслать снимки с. Аскиз (МКМ ОФ 11137/6) и от 7 ноября 1909 года письмо Минусинской публичной библиотеке, в котором был список книг, передаваемых в дар (МКМ ОФ 11138/16). Оба письма отправлены из Казани.

На сегодняшний день, фонд Н.Ф.Катанова в научной библиотеке Мартьяновского музея составляет 87 единиц хранения. Е.Ю. Сидорина зав.научной библиотекой Минусинского регионального краеведческого музея готовила сообщения на конференции с анализом указанного фонда. При желании, можно обратиться к сборникам докладов и сообщений «Мартьяновские краеведческие чтения»[97] и получить интересующую информацию, мы же ограничимся общим обзором прижизненных и современных изданий. В научной библиотеке Мартьяновского музея хранятся 82 ед. прижизненных

---

[96] Николай Михайлович Мартьянов. Жизнь и призвание/Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова». – Минусинск: ООО «Знак», 2020. -Т.1. – 148 с.: ил. С.52.

[97] Сидорина Е.Ю., Кудельская Л.А. Научные труды Н.Ф.Катанова в собрании научной библиотеки Минусинского музея // Мартьяновские краеведческие чтения: сборник докладов и сообщений. Вып.8 (2012-2013). – Минусинск. – С.79-85.

изданий, подаренных Н.Ф.Катановым музею. Некоторые с дарственными надписями. Все издания разделены на 5 категорий:

1 категория «Отдельные издания» 11 ед. Самое раннее – 1885 года – «Замечания о богатырских поэмах Минусинских тюрков (Енисейской губернии)». Самое позднее – 1916 года – «Речь, предназначенная для произнесения на торжественном годичном собрании Императорской Казанской Духовной Академии 8-го ноября 1916 года ординарным профессором Н.Ф. Катановым «Несколько слов о распространении христианства в Персии, Месопотамии, Средней Азии, Монголии и Китае».

2 категория «Статьи/оттиски, опубликованные в изданиях научных обществ» – 55 ед. Самое раннее - Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes, von N. Katanoff // Melanges Asiatiques. – СПб., 1885. - Т. IX, Кн.3. - с. 277-312. Самое позднее - Катанов Н.Ф. О сабле с греческою надписью // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Императорском университете. – Казань: Типолитография Императорского Университета, 1910. - Т. XXVI, Вып. 1-2. - с. 55-59.

3 категория «Статьи/оттиски (в сборниках, журналах)» - 11 ед. Самое раннее – 1897 г. Катанов Н.Ф. Приметы и поверья тюрков китайского Туркестана, касающиеся явлений природы // Сборник статей учеников профессора Бар. В.Р. Розена. - СПБ.: Типография Императорской Академии Наук, 1897. -с. 29-44. Самое позднее - Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте ваисовцев //Православный собеседник. – Казань: Центральная типография, 1909. – с. 1-16.

4 категория «Труды, к которым Н.Ф. Катанов написал предисловие и примечания» - 5 ед. Самое раннее – 1904 г. Материалы к изучению киргизского народного эпоса / М.-Н. Бекимов; предисловие Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. – Т. XX, Вып. 4 и 5. – с. 218-232. Самое позднее – 1907 г. Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа / Предисловие и примечание Н.Ф. Катанова // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. – Казань: Типолитография Императорского Университета, 1907. – Т. XXIII, Вып. 3. - с. 238-244.

5 категория «Современные издания трудов Н.Ф. Катанова» - 5 ед. Самое раннее – 1963 г. Катанов Н.Ф. Хакасский фольклор (из книги «Образцы народной литературы тюркских племён», т.IX, СПб., 1907 г.) / ХакНИИЯЛИ. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963. Самое позднее – 2017 г. Наследие российской тюркологии XIXв.:»Путешествие по Сибири. Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического общества в 1890 г. членом – сотрудником оного Н.Ф.Катановым»/отв. И науч. Ред.: Р.М.Валеев, В.Н.Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Казань: Изд-во «Артефакт», 2017. – 734 с.

Что же касается предметов, переданных Н.Ф.Катановым при жизни в музей, то о них мы можем судить по письмам, приведенным выше и по отчетам, публикуемыми музеем ежегодно по разделам: естественно – исторический отдел, антропологический, археологический, горно-промышленный, промышленный, сельскохозяйственный, нумизматический, образовательный, педагогический, лаборатория и рабочий кабинет[98]. В отчетах указано лишь количество поступивших предметов, но не указано от кого они поступили. Потому, доподлинно установить количество предметов, переданных в дар музею именно Николаем Федоровичем Катановым не представляется возможным.

В чем же секрет Минусинского музея и деятельности Мартьянова? Этим вопросом задавался друг и сподвижник Николая Михайловича Д.А.Клеменц. И сам отвечал на этот

[98] Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1896 год. Минусинск Типография В.В.Федорова.1897. С.1 – 4.

вопрос: «Первое правило, за которое Мартьянов нес иногда несправедливыя нарекания, - пользоваться всяким человеком, обнаруживающим склонность быть полезным музею. Ни различия в образовании, ни в общественном положении не мешали Мартьянову пользоваться человеком, раз он, по его мнению, мог что-нибудь сделать для музея… Второе правило – пользуясь всеми, Мартьянов старался быть полезным всем. Нужно-ли кому выписать книгу, узнать, есть ли в этом камне серебро или золото, определить растение- он не отказывался. Чего не мог сделать сам, обращался к другим, посылал в Петербург, Москву – музей старался быть справочной конторой для всех»[99].

Н.М.Мартьянов, Н.Ф.Катанов, другие ученые и исследователи, простые горожане и крестьяне – патриоты своего любимого края, собирая, изучая и публикуя и коллекции- формировали культурный ландшафт маленького сибирского городка Минусинска, которого не наблюдалось и в более крупных городах. Опыт и знания Н.Ф.Катанова были бесценны. И Николай Михайлович Мартьянов прекрасно это понимал. Носитель традиционной культуры, получивший прекрасное европейское образование, полиглот, внимательный к мелочам и глубоко порядочный в каждом своем действии, Николай Федорович был сокровищем для Минусинского музея. Его коллекция бережно сохраняется музейщиками уже 145 лет. Изучение ее может доставить немало радостных открытий как академическим исследователям, так и краеведам.

[99] Сибирский сборник:научно – литературное периодическое издание: приложение к «Восточному обозрению».- Санкт – Петербург, 1886-1904 [Г.7], вып.2/под ред. А.Н.Ушакова. – 1893. С 27-29.

УДК 908(270.58)

Деятельность Н. Л. Скалозубова по изучению Западной Сибири

Менщиков Игорь Самуилович
Кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет, г. Курган, Россия
ygor@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5037-9563

Швачко Богдан Евгеньевич
Курганский государственный университет, г. Курган, Россия
shvachko_bogdan27@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается жизнь и деятельность выдающегося сибирского ученого и организатора научных исследований Николая Лукича Скалозубова. Авторы останавливаются на основных этапах его жизни и творчества и выделяют аспекты его деятельности на постах тобольского губернского агронома и хранителя Тобольского губернского музея. Особое внимание уделяется мерам, предпринятым Н.Л. Скалозубовым по изучению и систематизации знаний в сфере природы и этнографии Тобольской губернии конца XIX – начала XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Н.Л. Скалозубов, Западная Сибирь, Зауралье, этнографические исследования.

Николай Лукич Скалозубов (1861–1915) является одним выдающихся деятелей Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Сфера его интересов была весьма широка и разнообразна. Он относится к числу тех замечательных людей, которые стремились изучить и освоить сибирский регион, улучшить условия жизни в нем, популяризировать знания о Сибири и изменить представление о ней как мрачном месте ссылки и каторги.

Среди аспектов деятельности Н. Л. Скалозубова можно выделить несколько основных. Прежде всего, стоит упомянуть его научную деятельность. Будучи губернским агрономом, он сделал немало для изучения и улучшения сельского хозяйства Тобольской губернии, в особенности её южных уездов, содействовал распространению новых для региона культур, разработал и внедрил меры по борьбе с сельхоз вредителями. Далее, следует назвать действия просветительского характера. Посредством печатного слова, а также через общественные организации (Тобольский губернский музей, филиалы Московского общества сельского хозяйства и др.) он стремился донести до местного населения информацию о новых и прогрессивных методах ведения хозяйства, способствовавших повышению его производительности. В этой связи весьма продуктивным оказалось его сотрудничество с Союзом сибирских маслодельных артелей. Кроме того, он был консерватором (хранителем) тобольского губернского музея и в этом качестве он поддерживал интенсивные научные связи со своими коллегами в России и Западной Сибири [4, с. 290]. Следует отметить его незаурядные организаторские способности, которые позволили объединить усилия энтузиастов-сибиряков, способствовать созданию общественных объединений и проведению знаменитой Сельскохозяйственной и кустарной выставки 1895 г. в Кургане. Наконец, нужно сказать, что Н. Л. Скалозубов в 1907–1912 гг. был депутатом Государственной думы от Тобольской губернии, где был близок к левым кадетам и стремился привлечь внимание общественности к проблемам Сибири, как с думской трибуны, так и на страницах общественно-политических изданий, таких как журнал «Сибирские вопросы».

Н. Л. Скалозубов родился в 1861 г. в Костроме. В 18 лет он потерял отца и был вынужден заботиться о младших членах своей семьи, что не помешало окончить реальное училище,

а затем лесную и сельскохозяйственную академию в Москве. Некоторое время работал агрономом и статистиком в г. Красноуфимске Пермской губернии. В 1894 г. он был приглашен на должность тобольского губернского агронома, которую занимал до избрания депутатом Второй Государственной думы в 1906 г. По завершении своей политической карьеры в 1912 году Николай Лукич вернулся к общественной и научной деятельности и большую часть времени проводил в г. Кургане, где был избран гласным городской думы, и где скончался в 1915 г. от тифа [2].

В деятельности Н. Л. Скалозубова по изучению Сибири можно выделить два основных направления: естественно-научное и гуманитарное.

Будучи губернским агрономом, Николай Лукич достаточно много времени посветил осмотру вверенной его попечению территории. В большей мере его интересовали южные уезды Тобольской губернии, в которых он видел большие перспективы для развития сельского хозяйства в Западной Сибири. Результатом стали его доклады и печатные труды [6, 9]

Анализируя состояние почв и климата, а также местную дикую и культурную растительность, Н.Л. Скалозубов пришел к выводу, что в условиях повторяющихся засух, необходимо разводить растения с глубокой корневой системой. Кроме того, он предлагал местным земледельцам перейти от использования на лугах дикорастущих растений и перейти к культурным посевам, что даст не только хороший урожай, но и улучшит кормовую базу, повысит надои и жирность молока. Это оказалось особенно актуально в условиях начала бурного развития сибирского маслоделия [9, с. 45].

Не оставил своим вниманием губернский агроном и состояние хлебного поля. Он собрал и проанализировал более пятисот образцов пшеницы, собранных в разных частях юга Тобольской губернии. При поддержке курганских энтузиастов была создана селекционная станция по созданию районированных сортов пшеницы, а затем и плодово-ягодных культур. Созданный на основе станции плодопитомник успешно функционирует и сегодня, а сама станция находится в ведении Курганской сельхозакадемии [2, с. 41–42].

На основе собранных Н. Л. Скалозубовым материалов им была развернута большая агитационная и просветительская работа. При Тобольском губернском музее была собрана коллекция брошюр и популярных изданий по сельскому хозяйству, которая постоянно пополнялась, а затем стали приниматься заказы на пересылку такой литературы в различные места Тобольской губернии. Созданный в 1890 г. Тобольский губернский музей вел, по словам биографа Н. Л. Скалозубова В. Н. Пигнатти, вел «жизнь тихую и незаметную» [5, с. 49].

Кроме того, в 1895 г. в городе Кургане была проведена большая Сельскохозяйственная и кустарная выставка, которую постели представители высшего чиновничества России, в том числе и министра земледелия. В павильонах выставки были наглядно представлены образцы сельхоз культур, средства обработки почв, новейший, по тем временам, инвентарь. Выставку посетило несколько тысяч человек. Она имела общественный резонанс, но самое главное, что в южных уездах Тобольской губернии сельское хозяйство стало интенсивно развиваться и перешло на новый уровень. Проведение в Курган Транссибирской железной дороги сделало возможным развитие товарного животноводства и земледелия. Собранные Скалозубовым материалы оказались востребованными курганскими предпринимателями, в частности А. Н. Балакшиным в годы возникновения и расцвета сибирского товарного маслоделия [3, с. 10].

В качестве консерватора и члена правления Тобольского губернского музея Н.Л. Скалозубов делал все возможное для поощрения и финансирования экспедиций, направленных на исследование обширной территории Западной Сибири, в особенности слабоизученных северных земель. В начале своей деятельности губернского агронома,

он совершил длительную поездку в Обдорск (ныне Салехард) и другие северные районы Тобольской губернии. Вскоре он познакомился с А. А. Дуниным-Горкавичем, который активно интересовался природой и населением русского Севера, помог начинающему исследованию в организации его работы и публикации его работ. А. А. Дунин-Горкавич стал активным участником руководства Тобольского музея, предоставлял в его распоряжение собранные им материалы относительно природы и населения Среднего и Северного Приобья, составленные им подробные карты севера Тобольской губернии [1, с. 2].

В этой связи необходимо упомянуть деятельность Н. Л. Скалозубова в деле изучения культуры, истории и этнографии Западной Сибири. Еще во время своего путешествия в Обдорск в 1896 г. он интересовался не только проблемами естествознания и демографии (экспедиция была направлена для подготовки и организации Первой всероссийской переписи населения), но и бытом и культурой местного населения, что нашло отражение в его отчете [12]. По его предложению А. А. Дунин-Горкавич представил собранные им этнографические материалы и артефакты на упомянутой курганской выставке 1895 г., а затем и на других выставках. Большая их часть стала основой коллекций тобольского губернского музея [1].

Как член руководства Тобольского губернского музея, Н. Л. Скалозубов считал необходимым пополнять этнографические коллекции музея этнографическими артефактами. Однако наряду с этим он полагал весьма важным делом собирать и распространять знания о культуре и быте русского населения и «инородцев», этнографические публикации регулярно появлялись в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». В частности, он сам собрал и обобщил сведения о состоянии крестьянских промыслов в Тобольской губернии. Опубликованный им в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» обзор является ценнейшим источником при изучении материальной культуры и быта русского населения Западной Сибири [9]. Следует отметить, что Тобольский губернский музей был одним из немногих провинциальных музеев России, который мог похвастаться регулярным научным изданием, причем весьма высокого уровня. Сам Н.Л. Скалозубов был научным редактором и корректором «Ежегодника» и активно привлекал энтузиастов–краеведов к публикации в этом сборнике. Сам он за все время руководства и редактирования «Ежегодника» опубликовал 17 содержательных и достаточно крупных по объему статей [4, с. 291].

Не менее ценными являются собранные и обобщенные фольклорные и этнографические материалы. Большую наблюдательность и профессионализм Н. Л. Скалозубов проявил при сборе и анализе народных знаний в области погоды и народных примет, связанных с ней. Он приводит некоторые крестьянские обряды и обычаи, связанные с началом полевых работ, летней страды, видов на урожай. Эта довольно большая статья не только показывает глубокое знание предмета и замечательные исследовательские способности, но и является ценным источником, который, к сожалению, еще достаточно редко используется в работах по истории крестьянства и этнографии русского народа Западной Сибири [7].

Другим ценным источником в области этнографии русских крестьян Зауралья являются «Материалы к вопросу о народной медицине», которые включают многочисленные и разнообразные сведения в этой области собранные в основном в южных и центральных уездах Тобольской губернии. Комментируя присланные с разных мест данные, Н. Л. Скалозубов неоднократно обращает внимание на то, что к ним надо относиться не только как к сообщениям о суевериях русских крестьян, но и ценному источнику по народным знаниям и поверьям, в которых соединены опыт и магия [8].

Своего рода продолжением этой тематики стала публикация «Ботанического словаря», в котором он систематизировал знания о произраставших в Тобольской губернии растениях и в то же время их народные названия, которые порой сильно

отличаются в зависимости от той или иной местности. Этот труд заметно облегчает работу исследователей народной медицины и народных знаний, поскольку позволяет соотнести местные названия растений, которые нередко встречаются в этнографических материалах с общепринятыми [12].

К сожалению, в рамках данной статьи не удалось затронуть другие аспекты творческого наследия такого выдающегося сибирского деятеля как Николай Лукич Скалозубов, да и меры направленные на изучение западносибирского региона изложены нами лишь в общих чертах. Мы надеемся, что исследование жизни и творческого наследия Н.Л. Скалозубова будет продолжено.

Список литературы

[1] Загороднюк Н.И., Юнина Е.А. Исследователь севера А. А. Дунин-Горкавич и тобольский музей: опыт сотрудничества // Studia Humanitatis. 2017. № 4. С. 2.

[2] Менщиков И. С. Краеведческая деятельность Н. Л. Скалозубова // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII-XX вв. Сборник материалов межрегиональной научной конференции. Курганский государственный университет. 2004. С. 39–42.

[3] Менщиков И.С., Швачко Б.Е Курганская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1895 г. и её влияние на становление курганской промышленности // 120 лет машиностроению Зауралья. Материалы Всероссийской научно-технической конференции, посвященной празднованию 120-летия машиностроения Курганской области. Курган, 2021. С.9–10.

[4] Пахомчик С. А. Вклад Н. Л. Скалозубова в становление и развитие Тобольского губернского музея // Пятые Ядринцевские чтения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2019. С. 287–292.

[5] Пигнатти В. Н. Николай Лукич Скалозубов и его деятельность в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1916. Вып. 27. С. 1–108.

[6] Скалозубов Н. Л. Краткий обзор о поездке, совершённой летом 1895 года по Тобольской губернии. Тобольск, 1895. 16 с.

[7] Скалозубов Н. Л. Народный календарь. Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1898. Вып. IX. С. 69–80.

[8] Скалозубов Н. Л. Материалы к вопросу о народной медицине. Народная медицина в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV. С. 1–30.

[9] Скалозубов Н. Л. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии С алфавитным указателем промыслов и селений, упоминаемых в обзорах за 1895 и 1902 годов. 1902. Вып. XIII. С. 1–162.

[10] Скалозубов Н. Л. Материалы к изучению почв и растительности Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1906. Вып. XV. С. 1–45.

[11] Скалозубов Н. Л. От Тобольска до Обдорска (Из путевого журнала) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1907. Вып. XVI. С. 1–18.

[12] Скалозубов Н. Л. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913. Вып. XXI. С. 1–87.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

История науки и образования в Сибири

УДК 796.062(571.51)

Формирование структуры управления физической культурой и спортом Енисейской губернии в 1920-1921 гг.

Белов Александр Владимирович
Старший преподаватель, Институт физической культуры, спорта и туризма, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
alexanbe@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9419-4333

АННОТАЦИЯ Статья посвящена аспектам создания управленческих структур физической культуры и спорта Енисейской губернии в первые годы советской власти. Несмотря на действующее военное положение, в пролетарских центрах общими усилиями красноармейцев, инструкторов Всеобуча, партийных и комсомольских органов, профсоюзов и гражданских учреждений ускоренно приступили к военно-физическому обучению допризывников для пополнения формирований Восточной Армии и воспитания сознательного отношения к классовой борьбе среди неорганизованной молодежи и крестьянского слоя населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА военно-физическая подготовка, допризывники, всеобщее военное обучение, Енисейская губерния.

На территории Сибири формирование управленческих структур для сферы физической культуры, включая военно-физическое обучение граждан, началось с момента установления советской власти. Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) РСФСР от 27 августа 1919 г. Сибирский революционный комитет (Сибревком) стал высшим органом государственной власти в восточных районах РСФСР [1]. В целом, система партийно-государственной власти и управления в Сибири сложилась в период с 1919 по 1925 гг. [2, с. 104]. Ключевая роль была отведена губкому Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) и губисполкомам Советов. Благодаря партийным ячейкам, созданным в Советах и нижестоящих органах управления, губком РКП(б) проводил свои решения и постановления во всех организационных структурах губерний. Первое время физкультура и спорт представляли государственный интерес для комитетов только в контексте военно-физической подготовки населения. Позже, учитывая важность этой сферы жизнедеятельности граждан нового государства, структура управления физической культурой и спортом естественным образом была включена в число задач органов управления губерниями.

Декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» перед органами Всеобуча была поставлена задача по массовому привлечению допризывников и военнослужащих к физической культуре в рамках военного обучения. Создание в августе 1920 г. Высшего совета физической культуры при Главном управлении Всевобуча свидетельствовало о значимости физкультурного направления наряду с призывной подготовкой. Задача военно-спортивной подготовки рабочей молодежи была поставлена перед комсомолом на III съезде Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), состоявшемся в октябре 1920 г. [2, с. 107].

С отступлением остатков частей белой армии на восток в сторону Иркутска и восстановлением советской власти в Красноярске 8 января 1920 г. был создан Енисейский губернский революционный военный комитет (ЕнГубРВК). Спустя несколько дней, 11 января группой рабочей молодежи был образован Красноярский оргкомитет РКСМ [3, с. 15; 4, с. 62]. 5 марта 1920 г. командованием 5-й армии на территории губернии формируется 1-ый Енисейский территориальный кадровый полк для военного обучения

населения [4, с. 64].

В течение полугода советской власти муниципальные предприятия и земля были национализированы и перешли в собственность губернских органов управления. 13 июня 1920 г. постановлением ЕнГубРВК было принято решение о переходе от Сибревкома к созданию исполкомов Советов, а в июле состоялась 1-я губернская конференция РКСМ [4, с. 65]. Губернским советом рабочих и солдатских депутатов на РКСМ были возложены контрольные функции над губернским комитетом по развитию физкультуры и спорта для создания совместных с Всеобучем спортивно-гимнастических клубов, проведением политико-просветительной работы, формированием при клубах ячеек РКСМ и военным обучением комсомольцев.

В октябре 1920 году в Красноярске был создан аппарат Губвсеобуча при территориальном полковом округе. В приказе окружного военного комиссара по Восточно-Сибирскому военному округу и начальника окружного управления Всеобуча сформулирована первоочередная задача по формированию территориальных кадров для работы с допризывниками, включая учет допризывников 1903, 1904 гг. рождения в г. Красноярске, Канске, Енисейске, Минусинске [5]. В этих населенных пунктах предписывалось незамедлительно приступить к оборудованию спортивных площадок, центров и клубов для обучения допризывников, основным элементом которых должны были являться комсомольцы. С целью пропаганды занятий физической культурой предусматривалось формирование показательных отрядов из лучших допризывников. Во всех существующих спортивных организациях требовалось проведение реорганизации в политическом и административном отношениях, отнюдь не разрушая их, закрепляя право действовать по уставам центра по собственному усмотрению с условием принимать на службу пролетариат. Подлежали точному учету спортивный инвентарь, инструкторский состав и школьные педагоги, знакомые с гимнастикой и спортом. С членами комсомола, уже частично проходившими допризывную подготовку проводились углубленные инструкторские занятия для подготовки из них младших инструкторов спорта и допризыва.

В рамках поставленной Всеобучем задачи по допризывной подготовке и культурно-просветительской деятельности на местах приказом была объявлена реорганизация существующих междуведомственных Комиссий в Советы физической культуры, которым надлежало установить тесные деловые связи с партийными организациями и другими органами советской власти. Особое внимание было обращено на укомплектование открываемых в Красноярске курсов инструкторов спорта членами Губпарткома, профсоюзов, комсомола и другими советскими учреждениями, тем самым создавая прочную управленческую вертикаль в сфере политического просвещения. Отдельными пунктами приказа предусматривалось обучение военнослужащих. В открытой с 15 ноября 1920 г. в Красноярске бригадной школе низшего комсостава военнослужащие проходили двухмесячное обучение по подготовке военных специалистов, включая спортивные дисциплины. Школа была укомплектована переменным кадровым составом из комчастей, намеченным к последующему занятию инструкторских должностей. Инфраструктурные, этнографические и политические условия не позволяли одновременно приступить к проведению всеобщего военного обучения на всей территории Восточно-Сибирского округа, поэтому директивы приказа распространялись на пролетарские центры в городах Красноярск, Ачинск, Канск. Директивы осуществлялись в следующей последовательности:

1) учет граждан от 18 до 40 лет, подлежащих Всеобучу;
2) подготовка и оборудование помещений для занятий в сильные морозы;
3) сосредоточение в центрах командно-инструкторского состава;
4) руководство низшим командно-инструкторским составом осуществлялось старшими начальниками под наблюдением начальников полковых округов;
5) срок обучения трудящихся по 96-ти часовой программе в течение 2 месяцев.

Дополнительно для формирования лыжчастей было предусмотрено 6-ти недельное обучение трудящихся лыжному делу.

Аппаратом Восточного Всеобуча отмечался «громадный недокомплект спортивно-гимнастического инвентаря» [6]. В связи с этим было принято решение открыть в Красноярске при полковом территориальном округе мастерскую ВСЕОБУЧ со слесарно-механическим, дерево-отделочным и гребно-парусным отделениями для изготовления спортивных предметов.

В целях обеспечения спешности проведения Всеобуча допризывников приказом по войскам 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа от 1 декабря 1920 г. № 1812 было принято решение изъять из воинских частей и гражданских учреждений специалистов – спортсменов и спортивный инвентарь. Реализация поставленной задачи приказа осуществлялась отделом спорта I-го Енисейского территориального полкового округа совместно с Енисейским Губисполкомом [7]. 9 декабря циркуляр выписки из приказа был разослан всем учреждениям г. Красноярска, Енисейского и Канского Уисполкомов и включал требование о предоставлении сведений об имеющихся в их распоряжении гимнастических снарядов и спортивных принадлежностей с целью передачи указанного имущества в распоряжение Терполкокруга. 18 января 1921 г. Отдел управления Енисейского Губисполкома объявил об учете всех лиц, имеющих специальное спортивное образование, для их дальнейшего откомандирования по проведению Всеобуча. Регистрации подлежали категории лиц, окончивших офицерские фехтовальные курсы, спортивные курсы за границей, лиц, имеющих десятилетний практический опыт по летним и зимним видам спорта и прочих лиц, получивших практическое специальное образование как в России, так и за границей.

Двухнедельный срок, выделенный гражданским учреждениям на сбор сведений о наличии спортинвентаря и на регистрацию специалистов – спортсменов, исполнялся не всегда вовремя из-за сложностей действующего военного положения. Письмо народного судьи 39 участка Енисейского Судебного Округа Н.К.Ю РСФСР об отсутствии спортсменов, гимнастических снарядов и спортивных принадлежностей направлено в Отдел Юстиции Енисейского Губисполкома 10 февраля 1921 г., отрицательный ответ народного судьи 5 участка Канского уезда датировано 26 февраля 1921 г. [8].

Сведения, полученные при исполнении приказа, поступали в отдел Всеобщего обучения при Красноярском Военном Комиссариате для дальнейшей подготовки смет расходов на спортивное оборудование и инвентарь. В письме инструктора Всеобуча г. Красноярска от 4 февраля 1920 г. № 11 указывалось, что большинство городских начальных училищ в былые времена военным строем и гимнастикой не занимались. Занятия физкультурой проводились в среднеучебных заведениях: мужской гимназии; землемерном училище и учительской духовной семинарии. Спортивный инвентарь для занятий предоставлялся городским спортивным обществом «Сокол», хотя у гимназии и семинарии были трапеции, только их «столбы были подъедены лошадьми» [9]. В письме подотдела «Красный Сокол» Красноярского уездного военного комиссариата дополнительно сообщалось о наличии гимнастических снарядов на красноярском Артиллерийском складе, в Военном городке и Николаевском поселке Общества «Олимпия» [10]. Перечень наличного инвентаря по военному обучению и спорту красноярского железнодорожного технического училища был разделен на три площадки: непосредственно самого училища; детской площадки общества «Самодеятельность» и Дома рабочей молодежи. Список образовательного заведения включал гимнастический городок, трамплин, параллельные брусья, турники, деревянных лошадей, лестницы и ружья, кегли, кожаные мячи, несколько комплектов крокетов [11].

В объяснительной записке к смете расходов, составленной отделением Всеобуча при Красноярском Уездном Военном Комиссариате, были приведены общие положения систематического и планомерного подхода к развитию из подростков воинов и его

свойств. Население было поделено на возрастные группы от 8 до 15 лет, от 15 до 21 года и от 21 до 43 лет. В задачи военно-спортивного обучения детей и подростков до 18 лет входило укрепление организма, развитие дисциплины и воли для преодоления препятствий, закрепление чувства взаимоподдержки. Отдельно упоминался подход к крестьянству, большинство которого характеризовалось как крайне вялое и подозрительное к новизне. Подготовительный процесс при обучении крестьянского слоя населения был построен на народных играх взрослых и подростков, способствующих внести оживление в скучающую деревню, пробудить спортивный интерес и, тем самым, сблизить с инструктором. Устройство народных праздников на основе состязательных игр, соревнований, олимпиад по самым легким видам спорта привносило «много живой пищи для старого и малого, возбуждая бодрость» [12].

В целях популяризации и агитации идей допризывного обучения среди населения приказом Начальника Всеобуч, допризывной подготовки, территориальных кадров и коммунистических коминструкторских частей 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа от 18 апреля 1921 г. № 63/т на начальников 1 и 2 Енисейского терполокругов возлагались полномочия по повсеместному проведению «Недели допризывника» в начале мая [13]. Помимо красноармейцев в организации и подготовке недели допризывника были задействованы представители исполкомов, комитетов коммунистической партии и комсосмола, профсоюзов, женотделов, работников городских и сельских администраций. Агитационно-пропагандистская программа была рассчитана на дневное и вечернее время суток, заранее публиковалась в местных газетах с разъяснительными лозунгами о значении предстоящей недели. Днем были организованы показательные игры, спортивные состязания и военные упражнения допризывников, в вечернее время проводились просмотры спортивных картин в кино и театрах, вечера физической культуры, на которых инструкторы выступали с краткой речью о целях, преследуемых Всеобучем. До населения доводили значение допризывной подготовки как основание будущего формирования милиционной армии и ее преимущество перед прежней системой военного обучения.

Неделе допризывника предшествовало празднование Международного интернационального дня первого мая, официально объявленного в газете Правда № 76 символом коллективного пролетарского труда и ознаменованного воскресником, как выразителем свободного творчества [14]. Губвоенкоматы совместно с органами Всеобуча проводили праздничные программы с привлечением спортивных курсантов, допризывников, местных спортивных организаций, дружин скаутов и проходящих воинских частей. Популяризация идей Всеобуча среди населения проводилась путем участия в концертах, лекциях, митингах, спектаклях. Отдельно привлекались лица, способные в краткой поздравительной речи разъяснить задачи и характер работ Всеобуча по физическому воспитанию.

Для привлечения к допризывному обучению неорганизованной молодежи формировались и отправлялись на места показательные группы из числа призывников под руководством проверенных опытных инструкторов – красноармейцев. Партийная, культурно-просветительная деятельность Всеобуча, агитация и пропаганда военно-физической подготовки среди населения успешно выполняли задачи пополнения военных формирований Восточной Армии и воспитания сознательного отношения к классовой борьбе в рабоче-крестьянской среде.

Благодарности

автор выражает благодарность заведующей читальным залом Государственного архива Красноярского края Шестаковой Ксении Игоревне за оказанную помощь с подбором архивных документов.

Список литературы

[1] Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны [Текст]: (Авг. 1919 - март 1921 г.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 333 с.

[2] Сарычева Т. В. Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.): диссертация… доктора исторических наук: 07.00.02 / Сарычева Татьяна Валерьевна; [Место защиты: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Томский государственный университет"]. – Томск, 2017. – 1000 с.

[3] История Красноярского края. – Красноярск: Буква С, 2008. Т. 4: Спорт / Т. В. Кузнецова [и др.]. – 2009. – 397 с.

[4] Ульянов Г.В. Красноярск. Справочник краеведа. Красноярск: Офсет, 2018. – 448 с.

[5] Приказ окружного военного комиссара по ВСВ округу и начальника окружного управления Всеобуча, октябрь 1920 г. ГАКК. Ф. Р. 252. Оп. 1. Д. 243. Л. 10.

[6] Там же. Л. 11.

[7] Приказ по войскам 5-й армии и ВСВ округа от 1 декабря 1920 г. № 1812. ГАКК. Ф.Р. 188. Оп. 1. Д. 16.

[8] Циркуляры НКЮ Губисполкомов. ГАКК. Ф. Р. 188. Оп. 1. Д. 17.

[9] Письмо инструктора Всеобуча г. Красноярска от 4 февраля 1920 г. № 11. ГАКК. Ф. Р. 51. Оп. 1. Д. 65. Л. 20.

[10] Письмо подотдела «Красный Сокол» Красноярского уездного военного комиссариата от 1 февраля 1920 г. ГАКК. Ф. Р. 51. Оп. 1. Д. 65. Л. 16.

[11] Список наличного инвентаря по военному обучению и спорту технического училища. ГАКК. Ф. Р. 51. Оп. 1. Д. 65. Л. 5.

[12] Объяснительная записка отделения Всеобуча при Красноярском Уездном Военном Комиссариате к смете расходов, необходимых для оборудования приспособлений и принадлежностей по Всеобучу и по постановкам телесного развития и спорта крестьян Красноярского уезда. ГАКК. Ф. Р. 51. Оп. 1. Д. 65. Л. 12.

[13] Приказ Начальника Всеобуч, допризывной подготовки, территориальных кадров и коммунистических коминструкторских частей 5-й армии и ВСВ округа от 18 апреля 1921 г. № 63/т. ГАКК. Ф. Р. 252. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

[14] Приказ Начальника Всеобуч, допризывной подготовки, территориальных кадров и коммунистических коминструкторских частей 5-й армии и ВСВ округа от 19 апреля 1921 г. № 64/т. ГАКК. Ф. Р. 252. Оп. 1. Д. 24. Л. 25.

УДК 94(571.14)

Ричард Курант о Новосибирском государственном университете: интерпретация концепта математической науки

Выборнова Виктория Александровна
Преподаватель-исследователь, Хранитель музея, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия
vybornovavik4@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-1514-2322

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается становление математической дисциплины в Новосибирском государственном университете как определенный этап развития истории математических сообществ. Программа Советского Союза по актуализации науки была в полной мере реализована в Новосибирском Академгородке, где вуз стал частью Сибирского отделения Академии наук СССР, а ведущая роль в организации учебного процесса была отдана ученым с мировым именем, таким как М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович, С.Л. Соболев и др. Новый университет был показан американской делегации, которую возглавлял Р. Курант, известный математик и научный дипломат. Интерпретируя организацию научно-образовательного пространства в Академгородке сквозь призму своего опыта, он дал ему свою оригинальную оценку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Новосибирский государственный университет, наука, холодная война, научная дипломатия, математика.

Конец 1950-х годов ознаменовал собой новый виток реформирования системы образования – за гонкой вооружения последовала и гонка научных кадров. «Советским Союзом нам брошен вызов, безопасность и дальнейшее процветание США зависят теперь, как никогда от совершенствования научных знаний». С таким заявлением выступил перед нацией в январе 1958 года президент США Д. Эйзенхауэр» [4]. Реорганизация высшего образования как следствие развязавшейся холодной войны между СССР и США – сложнейшая и многогранная тема. Для того, чтобы понять причины перестановки акцентов, необходимо принять во внимание совокупность факторов экономического, политического и социального характера. Актуальность выбранной темы заключается в том, что высшее образование занимает важное место в современной жизни, ведь, оно является тем двигателем, который направляет развитие общества, и при выборе дальнейшего пути преобразования важно учитывать его успешный опыт. Цель данной работы - анализ взглядов американского дипломата и математика Ричарда Куранта на формирование концепта высшего образования в Новосибирском государственном университете.

Среди работ, отразивших некоторые аспекты данной темы, необходимо назвать публикацию «Холодная война и длительный мир» Дж. Гэддиса [1], одного из ведущих американских историков холодной войны, и более частную работу по теме научной дипломатии в изучаемый период: «Математика, мир и холодная война: научная дипломатия и научная идентичность Ричарда Куранта» Б. Шилдс [2]. Информация об истории элитного высшего образования была подчерпнута из работ Д.Л. Сапрыкина «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования» [6], Н.В. Карлова, Н.Н. Кудрявцева «К истории элитного инженерного образования»[5]; в более частном порядке – о работе Новосибирского государственного университета из юбилейного издания к 60-тию университета авторов Н.Н. Аблажей, Е.Г. Водичева, С.А. Красильникова [3]; об американском образовании – из диссертационной работы П.В. Данилина «Реформирование системы высшего образования США в 1958 году»[4].

В указанный период СССР опережал США по некоторым принципиальным

показателям: создание первой атомной станции в г. Обнинск (1954 г.), запуск первого искусственного спутника Земли (1957 г.), создание ракетного оружия и т.д. Также можно с уверенностью говорить о более высоком уровне научно-образовательной системы. В американской научной среде был ощутим вклад иммигрантов из Европейских стран при довольно продолжительном игнорировании проблем, назревавших в сфере образования «Заметить неуклонно понижающийся уровень национальной высшей школы было в то время довольно сложно - приток иммигрантов из Германии в 1930-х, дал Америке многочисленных ученых самого высокого уровня. За их счет и осуществлялись многие научные достижения. Но осознание этого факта пришло лишь потом, в то время, когда поколение иммигрантов начало сходить с научной арены» [4]. В Советском Союзе с одной стороны была реализована преемственность научной элиты из Российской Империи, как пишет Д.С. Сапрыкин, определяя «Золотой век» отечественной науки и техники периодом 1869-1961 гг. «Именно неформальный и прежде всего семейный фактор русской образовательной традиции во многом определял ее устойчивость и преемственность на протяжении длительного времени» [6, с. 4]; с другой – наметилась тенденция к демократизации образования, в частности, отмена платного образования в средней школе в 1956 году.

1958 год стал знаковым в сфере образования и науки для обеих Сверхдержав. В Советском Союзе был принят закон «Об укреплении школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», благодаря которому было введено всеобщее обязательное 8-летнее образование. В США – «закон об образовании в целях национальной обороны», его назначением выступало усиление национальной обороны путем федеральной финансовой поддержки образовательных программ, что соответствовало главным национальным требованиям. Особое внимание в принятом законе было уделено государственной поддержке студентов, выдаче кредитов на обучение в вузах, назначению стипендий аспирантам, закупке оборудования для преподавания естественно-научных дисциплин и иностранных языков в учреждениях среднего и высшего образования, работе с одаренными детьми, обучению иностранным языкам и др. Лейтмотивом реформирования научно-образовательной системы стала такая общая черта для двух конкурирующих стран как демократизация через финансирование, поскольку именно этот путь вел к формированию новой (обновлению) академической элиты. Также был сделан шаг к сближению двух мировых держав – подписано соглашение об обменах между СССР и США в области науки и культуры, известно под названием «Соглашение Зарубина-Лейси». Естественно, отдельные представители уже посещали научные центры другой стороны, обменивались опытом на конференциях, и система приглашения и обмена была сформирована, но требовалось обеспечить равную взаимность, и подробно прописать области исследований, которые должны стать приоритетными. Поскольку к этому времени стала очевидна важность научного взаимодействия между двумя странами, находящимися на передовой линии научно-технического прогресса.

Итак, середина XX в. была отмечена во всем мире повышенным вниманием к научному потенциалу двух стран и его роли в дипломатии. Несмотря на различные пути, выбранные в этом направлении странами, обе стремились к взаимовыгодному общению. Одним из делегатов США, добивающийся дипломатического научного мира с СССР был математик Р. Курант. В своих докладах для Совета Безопасности ООН и письмах Академии наук СССР, он делал акцент на важности международного математического сообщества и его возможностях, которые могли бы внести свой вклад в международный мир. В письме М. Келдышу, одному из идеологов советской космической программы, в сентябре 1963 года Р. Курант писал: "Мы ученые, можем внести реальный вклад в решение первостепенной задачи – достижения мира путем поощрения научного сотрудничества и научного, а также человеческое общения в духе, который преобладал в нашем недавнем визите в Новосибирский Академгородок"[2, p. 557].

Р. Курант был выдающимся ученым, эмигрировавшим из Германии в США в

1930-е годы, и к моменту, когда он стал официальным представителем Национальной Академии Наук, ему было 72 года, и он уже около 30-ти лет являлся жителем США. Но именно благодаря своему межнациональному опыту он смог в полной мере оценить советский академический мир. Он несколько раз пересекал «Железный занавес» с научными и дипломатическими визитами, вел переписку с рядом выдающихся советских ученых, таких как П. Александров, А. Комогоров, О. Ладыженская. Но, следует отметить, что именно посещение Академгородка в 1963 г. произвело на него самое благоприятное впечатление, а Новосибирский государственный университет (НГУ) стал примером современного математического образования, вобравшим в себя традиции и инновации, присущие своему времени. В его стенах Р. Курант увидел традицию, которая перекликалась с его собственной идеологией научного познания в математической дисциплине. Риторика Р. Куранта о работе НГУ, как научно-образовательного учреждения, где преподаватели успешно вводят новые авторские курсы и создают собственные научные школы, успешно соединяя граничащие между собой дисциплины в математической науке, вполне соответствовала его устоявшимся взглядам на математику, сформировавшимся не только на протяжении всей его работы в Нью-Йоркском университете, но и в его жизни в Геттингене.

В данном вопросе актуально его немецкое происхождение - во время формирования его научных взглядов, в студенческие годы он был помещен в элитное европейское академическое общество, благодаря чему в дальнейшем культивировал особый взгляд на математику и математическое образование, которое отражалось на протяжении всей его научной карьеры, и которое он нашел в системе образования НГУ. Вслед за своими учителями немецкими математиками Ф. Кляйном и Д. Гилбертом, Р. Курант подчеркивал важность математики для дальнейшего развития науки и формирования смежных областей на пересечении математики и прикладных технических, инженерных, естественных наук, а также ценность интеграции преподавания и научных исследований. Он сознательно воспроизводил эту научно-образовательную систему в США в процессе организации Математического института и в работе в Нью-Йоркском университете.

Также будучи официальным научным делегатом США он особое внимание уделял выстраиванию научных связей с Советским Союзом, будучи глубоко убежденным, что это поможет наладить мирные отношения на внешнеполитической арене. За описанием Р. Куранта советского математического общества с точки зрения научной жизни, ведения обучения и взглядов на прикладную математику просматривается некая не проговорённая, однако вполне читаемая культурно-историческая концепция, его видение идеальной математической жизни, находящей корни в немецком академическом образовании. Естественно, проводимые Р. Курантом аналогии - это в первую очередь его интерпретация, основанная на личном опыте. Обращаясь к научной жизни в советском пространстве, ученый описывает ее как «энергичная, высокопродуктивная» [2, p. 582], сравнивая с жизнью Западной Европы, описывает «первоклассных, вдохновляющих лидеров, которые собирают вокруг себя группы учеников и научные школы растут органично, во многом также, как они существовали в старину в довоенной Германии и других странах Европы» [там же] а также добавляет он: «как мы собираемся развиваться в США» [там же]. Р. Курант также отмечает, что в Советском Союзе сложилось тесное сотрудничество среди математиков, физиков, механиков и инженеров. Далее сравнивая Советский Союз со старой Германией, Р. Курант описывает семинары: часто посещаемые членами различных институтов и длящиеся «по несколько часов, три или больше», добавляя «А по крайней мере, многие из этих ведущих ученых получили свое оригинальное вдохновение частично в старых немецких университетах, таких как Геттинген и Мюнхен, и специально стараются сохранить часть духа, который преобладал, например, в круге А. Зоммерфельда и Д. Гильберта» [2, p. 583].

Естественно, комплексный многопрофильный университет, названный «вузом нового типа», который увидел Р. Курант в Сибири имел фундаментальные предпосылки

в истории советской высшей школы. Строить новый академический научный центр в Сибири в соединении моделью элитного университетского образования приехали выдающиеся в этом вопросе ученые – за их плечами стояло участие в атомном проекте (М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович, С. Л. Соболев), а также создание уникальной концепции подготовки нового поколения научно – технических кадров, реализованной в Московском физико-техническом институте в послевоенные годы. Первая команда преподавателей НГУ имела опыт работы в передовых московских ВУЗах, где была успешно введена практика совмещения научной и образовательной деятельности, вытекающей из следования идеи о неразрывной связи образования и науки. Благодаря целенаправленному следованию разработанной концепции, включавшей в себя использование кадрового потенциала академических институтов Сибирского отделения Академии наук (СО АН) [7, с. 56], совместительство преподавания и научной деятельности, основательная математическая подготовка для всех специальностей, ранняя специализация, акцент на авторские программы обучения, подготовка научных кадров, НГУ в короткие сроки получил мировую известность. Новаторской нестандартностью подходов к организации учебного процесса заинтересовалась и Национальная Академия Наук (НАН) США, в 1960 г. Р. Курант, планируя поездку в СССР как официальный представитель, писал Уоллесу У. Этвуду-младшему, директору Управления международных отношений в НАН, добавив в список важных городов для посещения к Москве, Ленинграду, Тифлису и Новосибирск, аргументируя это желанием «получить более достоверные впечатления о работе по сближению математики с другими науками, в частности с физикой» [2, p. 579]. В письме от 8 февраля 1960 года математику С.Л. Соболеву, одному из создателей НГУ, Р. Курант повторил, что его основной интерес в посещении Новосибирска был «получить некоторое более близкое впечатление о взаимодействии прикладной математики и других сфер науки» и «обменяться мнениями и опытом по вопросам наращивания научного потенциала в области пограничных знаний» [2, p. 580]. Однако, по ряду обстоятельств посетить Новосибирский Академгородок делегаты из США смогли лишь в 1963 г. благодаря активной работе по сближению и со стороны советских ученых, в первую очередь – С.Л. Соболева и И. Н. Векуа, организовавшими научный симпозиум, который дал официальный повод для встречи.

Когда американские математики, приехали на симпозиум в Академгородок, НГУ уже работал 4 года и имел отлаженную систему работы кадров, апробированные авторские курсы, выстроенное взаимодействие с НИИ СО АН. «Успешное и быстрое развитие базовых факультетов НГУ (механико-математического, физического, естественных наук, геолого-геофизического) обеспечивалось в решающей степени участием и научно-педагогическим руководством ими со стороны ученых с мировым уровнем — академиками С.Л. Соболевым, В.В. Воеводским, В.С. Соболевым и др.» [3, с. 38] Ведущие ученые академических институтов, совмещая свою научную деятельность с преподаванием, создавали научные школы. Уже с первого курса студентам предлагалось прослушать авторский курс по математическому анализу И.И. Данилюка, часть которого в 1964 г. была опубликована как учебное пособие. Предметы для студентов читались учеными с мировым именем: физику для первокурсников – Г. И. Будкер (совместно с Б.В. Чириковым), геологию - Ю.А. Косыгин (совместно с А.М. Дымкиным), химию - А.В. Николаев. Согласно идеи о математизации нового университета Высшую математику для химиков и геологов второго курса преподавал первый декан Б.О. Солоноуц. «Зачастую курсы носили альтернативный характер. Так, например, А.А. Ляпунов и Ю.Г. Решетняк совершенно по-разному читали математический анализ для студентов различных специальностей» [3, с. 38]. В последствии Ю.Г. Решетняк также издал учебник «Курс математического анализа» в двух частях, основанный на своем опыте чтения лекций. Публиковать свои оригинальные курсы стало обычной практикой в НГУ, в частности, из-под станка РИЦ НГУ вышли учебные пособия академиков В. С. Соболева по основам метаморфизма (совместно с Н.Л. Добрецовым), Л.В. Овсянникова по основам газовой

динамики и др.

Аналогичную стратегию Р. Курант выстраивал в Нью-Йорке, объединяя работу в математическом институте и Нью-Йоркском университете, он организовал свою математическую школу, последователями которой стали такие выдающиеся ученые как П. Лакс, К. Фридрихс, Л. Ниренберг. Придерживаясь взглядов Р. Куранта на развитие математики, каждый из них не только внес вклад в науку, но и имел свою индивидуальную программу лекций в университете, притягивая к себе учеников и создавая уже собственные научные школы. Вслед за Р. Курантом, издавшим свой курс дифференциального и интегрального исчисления, Л. Ниренберг записал «лекции по нелинейному функциональному анализу», К. Фридрихс выпустил монографию «возмущение спектра операторов в гильбертовом пространстве» написанную на основе курса лекций. Важным принципом организации учебного процесса в НГУ, который отметил Р. Курант была очевидная математизация в учебных программах, т.е. «значительно большее, чем в других вузах, количество учебных часов, выделявшееся на предметы физико-математического цикла» [3, с. 38]. Курс высшей математики читался как общий на биологических, геологических и химических специальностях, ряд математических дисциплин по единой программе читались на механико-математическом и физическом факультетах.

Таким образом, сближение математических сообществ двух противоборствующих стран стало возможным благодаря общим чертам, которые отметил Р. Курант во время посещения СССР с научно-дипломатической миссией, - быстрое реагирование на нужды общества, высокий академический уровень, растущая специализация, акцент на смежные области наук и научно-технический прогресс. Р. Курант вывел американскую научную дипломатию с СССР на новый виток развития, показав в своих докладах и письмах действительные возможности для мирного взаимодействия в общих интересах.

Список литературы

[1] Gaddis J. L. The Cold War the Long Peace and the Future // The End of the Cold War: Its Meaning and Implications. Cambridge University Press. 1992. r. 21-39.

[2] Shields B. Mathematics, Peace, and the Cold War: Scientific Diplomacy and Richard Courant's Scientific Identity / / Historical Studies in the Natural Sciences / Vol. 46, No. 5, 2016. P. 556-591

[3] Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959-2019) // Новосибирск, 2019. 403 с.

[4] Данилин П.В. Реформирование системы высшего образования США в 1958 году // http://lit.lib.ru/d/danilin_p_w/reformirovanie_systemy_obrazovaniya_v_usa.shtml (дата обращения: 2.06.2022).

[5] Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. К истории элитного инженерного образования // Вестник Российской Академии наук / Т. 70, № 7, 2000. с. 579-588

[6] Сапрыкин Д.Л. «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования // Вопросы истории естествознания и техники / Т. 34, №1, 2013. С. 28-66

[7] Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957 – 1961 годы). Сборник документов / Сост. Е. Г. Водичев, И. С. Кузнецов, Л. И. Пыстина. Новосибирск, 2007. 376 с.

УДК 329.78

Повседневная жизнь первых пионеров Енисейской губернии в воспоминаниях пионервожатых

Карпухина Дина Ванцетовна
Ведущий архивист, Государственный архив Красноярского края, г. Красноярск, Россия.
dina_museum@mail.ru

АННОТАЦИЯ В 2022 году исполняется 100 лет со дня создания первых пионерских отрядов. Пионерская организация Енисейской губернии – Красноярского края прошла долгий путь, отразившийся в архивных документах. Особое значение среди них имеют воспоминания комсомольцев – организаторов первых отрядов пионерии. В подобных документах описаны такие подробности повседневной жизни, которые невозможно встретить в официальных протоколах и отчетах. Именно благодаря таким записям мы можем получаем наиболее живой образ пионеров начала двадцатых годов двадцатого века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА пионеры, пионерские отряды, вожатые, Енисейская губерния.

Среди источников по истории пионерии, сохранившихся в КГКУ «Государственный архив Красноярского края», особое место занимают воспоминания пионерских вожатых. Эти документы буквально оживляют историю появления и повседневную жизнь первых пионеров…

Иван Филимонович Ливурдов – один из организаторов первых пионерских отрядов писал, что сначала пионеры напоминали скаутов: «отряды разделялись на патрули, на вымпелах которых были изображены различные звери и птицы. Форма одежды - зеленая рубашка, панама и шорты. На «вооружение» были приняты посохи, т.е. толстые деревянные палки. В работе патрулей и отряда основное внимание уделялось спортивным играм и походам» [4, л.1]. Об этом же писала и одна из первых пионерок, Акимова Галина: «У нас, видимо, некоторые навыки были перенесены от бойскаутов, т.к. первый вожатый - Симбуховский был раньше членом организации бойскаутов. А именно - мы на сбор всегда приходили с посохами. Это древко длиной немного больше метра, изготовленные в железнодорожных мастерских» [3, л.10об.]. Звеньям присваивались названия «Пчелка», «Смена», «Муравейник» и т.д.

Но скаутские формы работы уже не отвечали потребностям тех дней.

В мае 1922 г. на II–й Всероссийской конференции комсомола было принято постановление о создании пионерской организации. Осень 1922 г. - начало создания детского коммунистического движения Енисейской губернии (Красноярского края). Под руководством губкома партии практическую работу по созданию пионерских отрядов осуществляли комсомольские ячейки. Первые три пионерских отряда были организованы при Красноярских главных железнодорожных мастерских.

Следует отметить, что работа по организации пионерских отрядов была весьма непростой. Про пионеров обыватели в то время распространяли самые нелепые слухи – говорили, что коммунисты забирают детей в коммуны в общую, так сказать, собственность. Пугали отцов и матерей ребят карой Господней. Вожатые обходили дома и рассказывали о работе пионерской организации – как она воспитывает ребят сознательными, трудолюбивыми и смелыми. Видя, что пионеры заняты полезным делом, многие родители стали отпускать детей в отряды.

Римма Симбуховская, одна из первых пионерских вожатых так описала первый сбор: «Помню первый сбор пионерского отряда проходил в красном уголке кузнечного цеха ж.д. мастерских. Красный уголок украсили плакатами, в центре – портрет Владимира

Ильича Ленина. Приготовили для ребят угощение – бутерброды. Это было для них большой радостью. Страна в те годы переживала трудности с продовольствием… Ребята были довольны таким угощением на первом пионерском сборе. На сбор пришли комсомольцы, делегатки, родителя, коммунисты. Все они поздравляли ребят. Закрылся сбор пением «Интернационала» [2, л.21]».

С первых дней основной формой работы пионерских отрядов стали сборы. Акимова Галина так писала об этом: «Нам было лет по 15. Сборы проводились почти ежедневно. Занимались не только играми и маршировкой, но у нас было немало забот в отношении оборудования пионерской комнаты. Делали все сами, особенно перед праздниками 1 Мая и 7 Ноября. Делали разные фонарики, флажки, т.е. все, чем могли украсить наши две комнаты. А на это уходило много времени, ведь прежде нужно было достать, из чего все сделать, а именно - бумагу, краску, клей – в то время купить негде было» [3, л. 10б.].

В зимний период сборы отряда проводились один-два раза в неделю, их темами зачастую были материалы журнала «Пионер». Также ребята разучивали революционные песни, занимались физкультурой и готовились к выступлениям на сцене перед своими родителями. В летний период пионерские сборы проводились почти ежедневно, организованно, при участии всех пионеров. Пионервожатым не приходилось ходить по квартирам и собирать ребят, достаточно было увидеть одного из них и сказать, что в такой-то час должны все собраться, и в указанное время все были на месте. Разучивали пионеры азбуку Морзе и дорожные знаки. На пионерских сборах читали книги – биографии вождей революции: Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ленина, Клары Цеткин и др. На пионерских звеньевых сборах пионеры занимались также починкой своей одежды: пришивали пуговицы, ставили заплатки. Помогали престарелым одиноким жителям района: приносили воду, кололи дрова, мыли пол, писали письма. Пионеры шефствовали над октябрятами, проводили с ними игры, пели песни.

Жизнь пионеров подчинялась определенному порядку. В дневниках пионерских отрядов тех лет были записаны «Законы и обычаи юных пионеров». «Законы..» же занимали центральное место на пионерском столике или уголке дома у каждого пионера.

Законы и обычаи юных пионеров 20-30-х гг.:

1. Пионер верен делу рабочего класса, всегда готов защищать его интересы.
2. Пионер честен, скромен и правдив.
3. Пионер друг и брат каждому другому пионеру и комсомольцу.
4. Пионер исполнителен.
5. Пионер трудолюбив, весел и никогда не падает духом.
6. Пионер бережлив и уважает общеполезный труд.
7. А 7-ой закон юных пионеров назывался «железным законом» - пионер всегда и везде стремится получать знания, познавать науку, чтобы употребить их на пользу трудящимся.

И действительно, когда вожатый посещал школы, в которых учились пионеры отряда, жалоб со стороны учителей не поступало, а пионер в школе был примером для учащихся. Комсомольцы же помогали пионерам в учебе.

Обычаи юных пионеров:

1. Пионер не валяется утром в постели. Проснулся – вставай!
2. Пионер моется тщательно. Занимается гимнастикой. По утрам чистит зубы.
3. Пионер точен и аккуратен.
4. Пионер сидит и стоит прямо, не горбясь – наши дети в СССР должны быть здоровы, хорошо развиты, красивы и стройны.
5. Пионер не стесняется и не боится предлагать свою помощь рабочим, женщинам, престарелым, детям и дома в семье старшим.

6. Пионер не курит. Курящий – уже не пионер.

7. Пионер не держит руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах – не всегда готов.

8. Пионер охраняет полезных животных, птиц, деревья – является их другом.

9. Пионер помнит всегда свои законы и обычаи и выполняет их в своей жизни, в быту, везде [2,л.50-51].

Работу в пионерских отрядах начинали с изучения законов и обычаев юных пионеров. Пионерский отряд составляли звенья от 8 до 12 человек в звене. Вожатые звеньев являлись членами совета отряда. В совет отряда входили: вожатый отряда, его помощник, редактор отрядной газеты, вожатые звеньев, которые избирались на звеньевых сборах. На звеньевых сборах объясняли пионерам значение каждого закона и обычая пионеров. Рассказывали о значении пионерского приветствия – салюта: «пять пальцев правой руки по центру лица выше головы. Пять пальцев обязательно сжаты – это символ того, что рабочие и крестьяне земного шара – пяти частей мира объединены между собой. Выше головы салют - что интересы партии, рабочего класса для пионера выше его личных интересов. Пионерский значок – пять поленьев – пять частей света, серп и молот – рабочие и крестьяне – что из искры маленькой группы пионерии разгорелось пламя – пионерская организация стала многомиллионной. На серпе – будь готов – что всякий пионер всегда готов на выполнение любого поручения старших – комсомола и партии» [6, л.10б.]. У отряда было свое знамя с изображением пионерского значка, пионерским девизом «Будь готов!».

Отрядам присваивали имена: Розы Люксембург, Ленина, Крупской, Калинина и т.д. «На школьном собрании был выбран совет отряда и принято название отряда – имени сибирского партизана Кравченко. Разработан и принят план работы отряда. Утверждена редколлегия школьной стенгазеты. Отряд разбит на звенья по 8 человек в каждом, во главе каждого звена, вожатый звена. Вожатый отряда еженедельно проводил по плану семинарские занятия с вожатыми звеньев, обучал их методике и практическому показу порядка проведения очередных сборов с пионерами. Вначале каждого занятия проводилась беседа на воспитательную тему. После беседы проводились гимнастические занятия и игры. Работали кружки авиамодельный, художественной вышивки, художественной самодеятельности и т.д. Зимой во дворе устраивали школьный каток, делали лыжные вылазки в пригородную рощу. Заготавливали дрова для отопления школы, пилили, кололи их. В школе по вечерам работали кружки по самоподготовке с отстающими, которыми руководили пионеры-отличники учебы под наблюдением классного руководителя, что значительно повышало успеваемость. В каникулы, силами пионеров школы организованно проводились школьные вечера, на которые приглашались учителя и родители» [5, л.3].

Петров С.Г., организатор пионерского отряда в железнодорожной школе № 27 в Слободе III Интернационала, писал: «Пионерская организация призывала организовывать досуг школьников, сделать его приятным и разнообразным по содержанию, веселым и интересным, таким, чтобы он воспитывал и развивал волю, характер и сообразительность и инициативу, твердость и решительность. Закалял физически и воспитывал идеологически» [5, л.3].

Популярны были туристические походы в окрестности Красноярска, особенно на Столбы: «В предпраздничные дни большие группы юношей и девушек с самодельными рюкзаками переправлялись через Енисей и р. Лалетину или Коштаком шли к «Столбам». Первое время ночевали в углублениях и под козырьками скал. Здесь же разводили костер. Огонь согревал, а дым спасал от «гнуса», т.е. от комаров, мошки и других кровососущих насекомых. Нетрудно представить, почему нашу компанию столбистов стали называть «Копчеными». По традиции восход солнца встречали на вершине самого высокого II Столба. С его вершины открываются чудесные виды сибирской горной тайги, а в ясные дни видно вдали Красноярск» [4, л.3].

Один из первых отрядов, организованных в начале 1923 г. при комсомольской ячейке водников, носил имя Ленина. Его пионервожатым был Сергей Семёнов. Второй пионерский отряд – кожевников, носил имя Розы Люксембург, его пионервожатым был С.Э. Шепс. Этот отряд летом «выходил в походы по окрестностям Красноярска, где собирали редкие камни и другие ископаемые. В 1923 г. отряд устроил выставку этих находок, для этого была выделена специальная комната на втором этаже по улице Мира и Вейнбаума, где позже находился «Гастроном». Организованная пионерами выставка пользовалась большим успехом, и посещали эту выставку пионеры других отрядов, родители пионеров, а также граждане города» [7, л.5].

Сергей Григорьевич Петров – организатор пионерского отряда в железнодорожной школе № 27, вспоминал: «В летнее время пионерская организация школы проводила двух-трёхдневные походы на Столбы, Собакину речку, в устье р. Маны, Гремячий лог и т.д. Маршруты походов разрабатывались райкомом комсомола, который обеспечивал поход материально (выделял палатки, хозтовары, помогал продовольственными продуктами). Такие массовые походы всем отрядом и даже всем районом выглядели грандиозно и оставляли о себе неизгладимые в памяти прекрасные впечатления о дружбе и товариществе, о силе и сплоченности коллектива. Во всех походах вечерами зажигался пионерский костер, вокруг которого плотным кольцом собирались ребята… На пионерском костре вожатые рассказывали о легендарных полководцах Красной Армии, о Щорсе, Чапаеве, Фрунзе…» [5, л. 30об.].

Над некоторыми отрядами шефствовали воинские части. Красноармейцы части посещали пионерские сборы. Пионеры выезжали в воинскую часть с выступлениями: пели частушки, плясали, делали пирамиду, а также ходили в поход в военные лагеря: «В субботний день, утром собрались в поход в военный лагерь. Каждый из пионеров захватил, что имелось покушать, весь этот день провели в поле за городом и только к вечеру прибыли в военный летний лагерь (где сейчас построен алюминиевый завод) не доходя до лагеря одного километра, красноармейцы подшефной части в строю с оркестром встретили пионеров. На ночлег пионеры расположились в палатках вместе с красноармейцами. Утром их хорошо покормили, и начался военно-пионерский парад, который проводился весь день и к вечеру пионеров проводили с оркестром в город» [7, л. 5].

За городом организовывали пионерские лагеря, что было совершенно новым делом. Одним из первых стал лагерь на месте Скита: «очень живописном и хорошем для отдыха месте. Поселились в двухэтажном здании. Здесь раньше помещался мужской монастырь. Пионервожатыми в отрядах были в основном молодые рабочие парни и девушки. Опыта работы среди детей у них не было никакого, но зато страстное желание интересно и разумно построить жизнь пионеров в лагере. Устраивали пионерские костры с конкурсами на лучшего чтеца, плясуна, певца; экскурсии, походы, встречи с участниками гражданской войны, увлекательные венные игры» [1, л. 1].

Акимова Галина так вспоминала о пионерском лагере: «Сами устанавливали палатки. И те доставались с трудом… Палатки благодаря нашей неопытности падали, да и хватало воды во время дождя. Но все равно не падали духом, жили дружно. В отношении питания в то время было очень трудно. Вожатая Стельмахова Тося брала несколько ребят и уходили в город за продуктами. Возвращались, конечно, не слишком богатые, кое-чем разживались, но ничего, что принесут и тому рады. Собирались у костра, варили картошку и вот тут-то она нам действительно казалась идеалом. Недаром в песне поется: «А картошка объеденье, пионеров идеал» [3, л. 2].

«Например, мы сами недалеко от города организовали пионерский отдых. Нам военные ставили 4 палатки, мы матрацы набивали сами скошенной нами травой, вот и была наша постель. Сами себе готовили еду, доставленную из дома, также бегали за грибами, жарили их, варили суп, бегали за ягодами, варили кисель и так ели. В то время кусочек черствого хлеба слаще пряника был. Вечером у костра пели пионерские песни, играли на струнных инструментах. К нам вечерами приходили… послушать и провести

беседы комсомольцы из депо, дежурили в лагерях ночью тоже старшие» [8, л. 2].

Лагеря находились также в районе Базаихи, Лалетиной, за Собакиной речкой, в районе Гремячего ключа и др. В лагерях было самообслуживание, дежурство по лагерю. Утром после купания шли на гимнастику, потом завтрак. После завтрака ребята прибирали помещения и территорию лагеря, собирали топливо для лагеря, ягоды, грибы. В ближайших от пионерлагеря селах организовывали пионеротряды, вечера самодеятельности. Также пионеры выходили помогать беднейшим крестьянам в прополке овощей. Потом работали по звеньям до обеда. После сончаса было свободное время до ужина. После ужина, у костра проходили беседы о жизни рабочих и крестьян до революции, о Великой Октябрьской социалистической революции, о 1905 годе. После костра весь отряд исполнял пионерский гимн «Вставайте дети-пионеры под знамя красное труда».

С ростом пионерской организации, пионеры все активнее участвовали в общественных делах - помогали комсомолу в культурно-массовой работе на селе. Ливурдов описывал, как работал первый отряд в Балахте: «В течение нескольких вечеров пионеры с помощью комсомольцев оборудовали сцену, сшили занавес и украсили помещение плакатами и лозунгами. Выбрали пьесу и начали готовиться к спектаклю. У всех участников спектакля было очень мало опыта, но зато большое желание донести до зрителей идеи и переживание героев пьесы. Присутствующие бурно реагировали на развивающиеся на сцене события и добродушно посмеивались над ошибками и промахами юных актеров. От спектакля к спектаклю исполнители приобретали опыт и держались на сцене все более уверенно. Если по ходу постановки происходили выстрелы и взрывы, то производилось это с применением такого количества пиротехнических средств, что нужно было делать перерыв для проветривания сцены и зрительного зала» [4, л. 5].

Есть у Ливурдова и любопытные описания антирелигиозных мероприятий: «В пасхальную ночь организовали молодежный вечер с антирелигиозными инсценировками, играми и танцами. К большому неудовольствию верующих значительная часть молодежи веселилась вместе с комсомольцами и пионерами до самого утра. Дело прошлое, но кое-кто и организаторов этого пасхального вечера, придя домой, с удовольствие позавтракал куличом, творожной пасхой с изюмом и крашеными в луке яйцами с изображением Х.В.» [4, л. 6]. Также, пионеры дежурили у дверей церквей и агитировали ребят в школу.

Комсомольцы и пионеры устраивали живую (инсценированную) газету: собирали материалы и готовили их для выступлений, а потом в сценках и частушках разоблачали происки внешних и внутренних врагов, любителей поживиться за счет государства или кооперации.

Проходили сборы, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции. В 1923 г. прошел сбор под девизом: «Слава трем поколениям грядущего Коммунизма! - Слава коммунистам! Слава комсомольцам! Слава пионерам!».

За несколько дней до сбора пионеры и комсомольцы ячейки стрелочного завода в своём подшефном детском доме-яслях №1 имени Розы Люксембург рассказали ребятам о том, кто такие пионеры и чем они занимаются. Комсомольцы Сережа Жданкин и Костя Сычев со старшими детдомовскими ребятами разучивали песню: «Смело, товарищи, в ногу!». Помогли детдомовцам сделать уголок: «Великий Октябрь и дети», а пионерский сбор был проведен накануне 7 ноября, в красном уголке, в небольшом каменном сооружении, называемом «Каменушка». На сборе были и комсомольцы, и коммунисты завода, и женщины-делегатки. От имени всего отряда пионер Федя Коркин рапортовал о работе: «Мы изучаем азбуку Морзе, учимся в школе хорошо, девочек не обижаем, шефствуем над детским домом №1, провели на Афонтовой горе военную игру, обучаем двух рабочих грамоте, дома помогаем в работе старшим, подметаем и держим в чистоте двор завода». Затем был концерт, физкультурные номера, которые подготовил с пионерами Коля Духонин. Пионер Вася Семенов рассказал стихотворение

Некрасова «Железная дорога». Затем исполнили революционные песни хором «Мы – кузнецы!..» и «Вихри враждебные веют над нами..». Женщины-делегатки повязали всем пионерам новые сатиновые алые галстуки. Закончился сбор пением «Интернационала». А на второй день после сбора пионеры пришли на воскресник и вместе со взрослыми очищали железнодорожные пути, пели, особенно «Будь готов на смену пролетариям..» [2, л. 29-30].

Пионеры вели дневник отряда. Записывали в него дела ребят и на сборах его дополняли - причем, записи проводились особо отличившимися пионерами под руководством пионервожатой.

Масштабным мероприятием с участием пионеров в Красноярске стала I-я Международная детская неделя (МДН), которая проводилась с 5 по 12 августа 1923 г. под лозунгом дальнейшего роста пионерской организации. Одновременно готовились и принимали участие в проведении Международного юношеского дня (МЮДа) 2 сентября 1923 г.

Для пионеров проводились экскурсии на производства: в железнодорожные мастерские, депо, стрелочный завод, к кожевникам. Проходили детские гулянья в Центральном парке города и в садике клуба Карла Либкнехта, а также за городом у сопок (слобода III Интернационала).

С августа по сентябрь в городе Красноярске прошло более сотни сборов пионерских звеньев и 28 сборов пионеротрядов. Для детей прошли в клубах города четыре вечера с революционными постановками, детскими играми, викторинами. По городу было организовано восемь демонстраций с участием шефских частей военного гарнизона г. Красноярска днем и вечерами, с факелами, знаменами, духовыми оркестрами.

Тогда же губкомом комсомола был поставлен вопрос о выпуске «Уголка» пионеров в газете «Красноярский рабочий» дважды в месяц.

Второй раз МДН проводилась с 31 августа по 6 сентября 1924 г. Все клубы, кино, театры в течение «недели» предоставлялись в пользование пионерских организаций. Прошла массовая экскурсия пионеров и делегатов на Столбы, с чтением лекции о революционном прошлом этих заповедных мест.

Пионерские отряды г. Красноярска имени Спартака, Ленина (водники), Клары Цеткин (материальный склад), Луначарского (депо), Ады Лебедевой (школа коммуны), Буденного (железнодорожная школа №1), Крупской (механический завод), Розы Люксембург (кожевники), Карла Либкнехта (партшкола), Семашко (губздрав), Калинина (губзем) и другие провели пионерские воскресники. Заработанные деньги через Коминтерн направили МОПРу (Международная организация помощи революционерам), членами которой стали все пионеры этих отрядов.

Много времени и сил пионеры отдавали борьбе с беспризорностью под лозунгом: «Ни одного беспризорного в городе Красноярске!». С улиц приводили в отряд беспризорных мальчишек и девчонок и беседовали с ними. Кто-либо из пионеров по одному беспризорнику уводил домой: обмоет, накормит, иногда даст что-либо из своей одежды и определит в детский дом, в школу коммуны или в семьи рабочих. Тогда более сотни беспризорников устроили в детдома и вовлекли в пионерские отряды.

В это же время в 35-40 км от города вверх по Енисею, на правом его берегу, был создан трудовой пионерский городок - трудовая база по воспитанию детей, в основном, беспризорников, где к концу 1924 г. было пять пионерских отрядов.

Пионеры активно работали и в области ликвидации неграмотности среди взрослого населения и детей. Каждый пионер должен был научать читать и писать хотя бы одного человека. Ребята дежурили в красных уголках, читали для взрослых газеты, журналы, рассказывали стихи Некрасова, Пушкина, Тургенева, Гончарова, Льва Толстого, Некрасова, Войнич. У себя на заводе пионеры помогали ликвидировать неграмотность среди взрослых рабочих, за что те очень уважали пионеров. Отряды принимали участие в заводских, фабричных мероприятиях: украшали помещения, писали лозунги, ходили на демонстрацию.

Перед каждым пионером ставилась задача охватить ребят в школе по месту жительства. В 1923 г. в отрядах было по два-три человека из одной семьи. Хотя и трудно жилось в эти годы, но все ребята имели красный галстук и пионерский значок, пионерскую форму, часто перешитую, но чистенькую. У девочек - белая кофточка и темная юбка, у мальчиков - белая рубашка и темные брюки. Вожатые вместе со старшими коммунистами учили пионеров песням, которые до 1917 г. звучали только на маевках. В мае 1925 г. губбюро юных пионеров провело конкурс на лучшую песню. Каждый пионер знал четыре-пять революционных, комсомольских и пионерских песен. Самыми популярными были: «Смело, товарищи, в ногу!», «Будь готов на смену пролетариям», «Варшавянка», «Коммунистическая Марсельеза», «Кузнецы», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Коминтерн», «Смело мы в бой пойдем», «Юный барабанщик», «Молодая гвардия» и, конечно, «Взвейтесь, кострами, синие ночи», а «Интернационал» исполняли на каждом пионерском сборе. И в последующие годы пионеры не расставались с песней.

Часто песни прибывали из города в село, когда пионеры с комсомольцами приезжали в подшефные деревни для проведения массовых мероприятий.

Так, пионеры отряда Крупской стрелочного и механического заводов выезжали в деревню: «Обычно 25 км до подшефной деревни Селиверстки все шли пешком, а на подводе (на старой коняшке и такой же телеге) везли реквизит для постановки пьесы, литературу, плакаты, пищу суточного запаса, верхнюю одежду и обувь. Всю дорогу три-четыре часа шли босиком и с песнями. Два раза бывал привал на отдых. И никогда ни один мальчишка или девчонка из пионеров не жаловался на усталость» [2,л.57].

В марте 1925 г. прошел Праздник деревенских пионеров, причем, активнее всего - в районах Красноярского уезда. Ведущими темами праздника были: связь семьи с пионерами, обучение неграмотных женщин, встреча весенних сельских работ и помощь в работе крестьянам, укрепление связи с городскими пионерами. В ходе праздника прошли беседы с пионерами, детьми и женщинами села на научные, политические и медицинские темы.

В городах губернии в ноябре 1925 г. проходили общегородские собрания пионеров всех отрядов, где говорили о том, как живут и борются дети в странах капитала, об охране революционных памятников в стране. После собраний были проведены шествия пионеров по городу.

В Красноярске такое собрание состоялось 13 декабря 1925 г. в помещении губкома комсомола. Там же пионерские отряды разместили свои стенгазеты: «Внуки Ильича» Манского района, «На смену комсомолу», «Первый шаг», «Детская неделя» Стеклозавода, «Ленинцы» Большемуртинского района, «Рассвет», «Красная звезда», «Юный борец», «Смена смене идет», «Красная гвоздика», «Вперед!».

18 марта проведением сборов пионерские отряды отмечали День Парижской коммуны. Читали о коммуне художественные произведения, выпускали стенные газеты, проводили беседы, исполняли революционные песни: «Честь Карлу Марксу, Марату слава!», «Все вперед!», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Смело, товарищи, в ногу!». Сборы начинали пением Интернационала и заканчивали им же - все пионеры знали слова и имя автора - французского коммунара - поэта Эжена Потье.

Одним из важнейших для пионеров являлся день Октябрьской революции. Задолго до 7 ноября начиналась подготовка к годовщине Октября в пионерских отрядах. Зарабатывали деньги на субботниках и воскресниках для проведения культмассовых мероприятий в подшефном селе, для помощи пионерам, которые жили в школе-коммуне и были, в основном, сиротами.

Вот как проводился этот праздник в подшефных деревнях: «Комсомольцы, пионеры, делегатки и рабочие Стрелочного завода приехали утром в воскресенье в Уяр. Нас направили в Ново-Александровку. Там в небольшом на 100-150 человек помещении мы провели собрание с крестьянами деревни. Пионеры познакомились и ходили в гости по домам в пионерские семьи. Встречали их везде хорошо. Вечером в том же помещении была поставлена силами комсомольцев пьеса «Наш Октябрь». Затем выступали с

физкультурными номерами пионеры. Одеты были пионеры: белый верх и черный низ, красные пионерские галстуки. Выступали дружно, интересно, а вначале спели хором: «Взвейтесь кострами, синие ночи!». И вдруг погас свет в клубе, и группа хулиганов стала бросать на сцену комья грязного снега, палки, камни. Комсомольцы выпроводили хулиганов и вечер продолжился. Подобные случаи не были редкостью» [2,л.70].

В сентябре 1923 г. было 14 пионерских отрядов, а в них 470 пионеров, а в результате проведения массовой работы с детьми, на 1-е января 1925 г. в губернии было уже 170 пионерских отрядов, охватывающих 8500 пионеров.

Работа с пионерами приносила свои плоды. Постепенно росли авторитет и влияние комсомольской и пионерской организаций в Красноярске и за его пределами, что проявлялось в поведении и во внешности подростков. Значительно меньше стало драк, которые затевались подростками, а продолжались взрослыми, и были обычным явлением среди жителей Качинской, Николаевской и Алексеевской слободок.

Многие отмечают, что пионеры часто шли в свой отряд и райком комсомола, чтобы поделиться радостями и печалями: «Трудные это были годы, но мы были счастливы и горды: мы были молоды, полны энтузиазма и дерзаний, мы работали, учились, строили социализм» [8, л. 2].

Заключение

В автобиографиях, вступавших в комсомол и партию в 20-30-х, часто указывалось начало их трудовой деятельности в 9 лет – когда, например, девочек устраивали на работу в няньки к богатым соседям. Знакомясь с такими фактами, приходит понимание о кардинальных изменениях в вопросах охраны детства в годы становления Советской власти. Дети росли с формирующимися представлениями о своей роли в обществе и окружающем их мире.

Невозможно, конечно же, перечислить всего, что делали пионеры, описать всю их повседневную жизнь в рамках одной статьи. Остается только благодарить людей, оставивших нам свои воспоминания о бурных двадцатых годах, о которых еще долго будут спорить историки.

Список литературы

[1] Белин В.В. Воспоминания одного из первых пионерских работников города Красноярска. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.29.

[2] Кот Г.И. Воспоминания о работе с детьми и пионерами. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.176.

[3] Курилович Г., Стельмахова З., Павенко, Ливурдов. Воспоминания о пионерском движении. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.446.

[4] Ливурдов И.Ф. Воспоминание о первых отрядах юных пионеров в городе Красноярске и о первых пионервожатых // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.184.

[5] Петров С.Г. Воспоминания об организации пионерских отрядов и работе с ними в городе Красноярске. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.249.

[6] Рудницкая Г.И. Воспоминания по истории пионерской организации г. Красноярска. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.315.

[7] Шепс С.Э. Воспоминания о комсомольской и пионерской работе в двадцатых годах. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.404.

[8] Чернова О.Г. О работе краевой пионерской организации в 1920-1945 годы. // КГКУ ГАКК Ф.П-42 Оп.8 Д.598.

УДК 303. 446.4

О некоторых особенностях джунгарского регионализма в Сибири

Кукеев Дорджи Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия.
kukeevd@list.ru
https://orcid.org/0000-0001-5072-6094

АННОТАЦИЯ Доклад посвящен некоторым особенностям джунгарского регионализма в пограничных регионах Сибири в XVII–XVIII вв. на примере пограничных гарнизонов шивээ, являющихся составной частью джунгарской караульной системы харул, и деятельности представителей неойратских этнических групп как бедерге, действовавших от имени джунгарского правителя в Сибири, а также буучин. Автор описывает различные точки зрения на предмет происхождения ойратской караульной системы с применением фортификационных сооружений на пограничных с Сибирью территориях, которые также имели распространение и в других буферных зонах джунгарского пограничья в Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА караулы, ойраты, Урянхай, шивээ, пограничье.

Джунгарское наследие стало заметной чертой цинского регионализма на своих западных пограничных землях [24, с. 231–258], распространяясь, в том числе и на пограничные с российской Сибирью территории. В этой связи, вызывает интерес собственно сам джунгарский регионализм доцинского времени в Сибири, поскольку различные части Сибири являлись границей между Российским государством, Цинской империей и Джунгарским ханством [5, с. 47].

Одним из таких проявлений регионализма является возникновение пограничных гарнизонов в кочевых или полукочевых этнополитических образованиях. Вероятно, в числе первых номадов, использующих стационарные караульные пункты, стали применять кидани в XI в. на территории Или [3, с. 153] и Монголии [4, с. 188–199]. Спустя пять веков после киданей, ойратские источники отмечают, что ойраты в 60-х гг. XVII в. активно используют систему пограничной стражи в Джунгарии, где фортификационные оседлые сооружения именуются ими «шивээ», а вся система «харул». Джунгарские шивээ оказали прямое влияние на цинские каруны (по-маньчжурски «карун», что по-китайски передавалось как «калунь»卡倫) на своих северо-западных рубежах, ввиду своего раннего появления. Происхождение ойратской караульной системы до конца не выяснено и имеется несколько предположений, что этот опыт был частично перенят от южносибирских вассалов и соседей [6, с. 393][100], или от увиденных ойратами построек русских острогов в Сибири, либо джунгары как и кидани в свое время могли сами прийти к изобретению данной системы с применением оседлых пунктов. Ойраты активно реализовывали распространение фортификационных сооружений, которые нашли свое выражение в горных крепостях у енисейских киргизов, именуемые у хакасов как «све» [17, с. 170].

Джунгарские харулы, пополнялись воинами из отога «захчин»[101], который, как и всякий отог являлся скорее административно-хозяйственной единицей Джунгарского ханства [7, с. 274], нежели «единицей территориального деления» [20, с. 60], поскольку захчинов мы обнаруживаем на различных границах ханства, и они не привязаны лишь к одной местности. Также важно отметить, что захчины, общей численностью

[100] К примеру, на юге Приенисейского края, хотогойтские Алтын-ханы строили шивээ в 1652 г., а в 1670-е гг. туда переводит свою ставку джунгарский правитель Галдан.

в две тыс. семей, управлялись тремя зайсангами, и к ним были приписаны буучины[102], состоящие из одной тыс. семей, под управлением трёх зайсангов[103]. Это говорит о наличии огнестрельного оружия в шивээ, что подтверждается русскоязычным материалом о шивээ в Алтае [18, с. 6]. Как часто сменялся персонал шивээ в харулах – неизвестно, но набирался видимо из числа тех, кто кочевал с семьями на пограничных территориях. Говоря о пограничной службе жителей Урянхая во времена Джунгарского ханства, то необходимо отметить, что именно местные жители были обязаны нести охрану джунгарских пограничных владений [9, с. 25]. Возможно, система пополнения харулов на джунгарском пограничье в Сибири была схожа с явлением «гэр харуул» («семейные караулы») уже в цинской Халхе [12, с. 33].

В.А. Моисеев, ссылаясь на данные русских исторических материалов, полагал, что отряды пограничной службы Джунгарии подразделялись на два вида: главные и малые отъезжие караулы [10, с. 74], где в первых, по мнению И.В. Ерофеевой насчитывалось от 500 до 5000 человек, в то время как последние насчитывали не более 100–300 человек, являясь временными постами [1, с. 34].

Интересным является наличие этого явления также у алтайцев, в связи с чем археологи Горного Алтая уже предпринимали попытки исследовать этот феномен, поскольку, по их мнению, ранее XVII в. на территории Алтая не имелось искусственно созданных укрепленных поселений [18, с. 6].

Отмечу, что шивээ имелись не только на северной границе ханства на границе с Сибирью, но и на западной – на границе с казахскими кочевниками. В первой половине XVIII в. на границах с казахами джунгары разместили не менее 19 караулов-шивээ. Таким образом, вероятно обнаруженные И.В. Ерофеевой в Казахстане следы оседлых «камалов» – это остатки ойратских сооружений, которые соотносятся с шивээ, и фиксируются с XVII в., когда русские власти строили такого же рода остроги в Сибири.

Начало строительства караульных сооружений на западных рубежах ойратов исторические материалы связывают с именем ойратского героя Галдамбы (1653–1657) [1, с. 5]. Как правило, ответственным за эффективное управление сети оборонительных сооружений-шивээ являлись самые доверенные джунгарскому правителю родственники. Источники нам не сообщают кто был главным ответственным лицом за систему гарнизонов после смерти Галдамбы до начала XVIII в. Но в 1720-е г. ответственным за сеть караулов являлся сын джунгарского правителя Лоузан-Шоно. После него был Лацзан-Цэрен, приходившийся зятем новому джунгарскому хану. С 1735 г. командовал этой сетью на западных границах Шары Манджи, в течение 9 лет и к началу 1744 г. был сменен сыном хана Ламой-Дорджи. В XVIII в. на границах Джунгарского ханства располагалась уже сеть фортификационных сооружений, которые разделялись на большие и малые. Русские архивные материалы сообщают, что они менялись каждые два года: «Имеются при границах от них, зенгорцев, караулы, на персидской триста с нойоном Амыза Госямача, да на китайской пятьсот с двумя нойонами…переменяютца каждые два года». По другим сведениям, большие караулы превышали 1 тысячу человек, и от них в разные стороны направлялись временные, или т.н. «подзорщики». Возможно

---

[101] В 29-м цзюане географического справочника «Циньдин Хуан-юй Сиюй Тучжи» 欽定皇輿西域圖誌 («Августейшим правителем утвержденное географическое описание Западного края с картами») в небольшом разделе «Старая джунгарская система управления» 準噶爾部舊管制при описании захчин, отмечается следующее: 紮哈沁系防守邊界坐卡倫巡查訪察一切事務 («Чжа-ха-цинь [Захчин] охраняя границы, расквартированы в харуле, [и проводят] все мероприятия , связанные с патрулированием и расследованиями». [16, с. 414]

[102] Вышеупомянутый географический справочник характеризует «баочин» следующим образом: 包沁。專司炮者 («Буучин – те, кто специально ведает пушками») [16, с. 415].

[103] «Циньдин Хуан-юй Сиюй Тучжи» сводит воедино отогзахчин и буучин: 紮哈沁三宰桑人二千戶； 包沁三宰桑人一千戶為一鄂托克. («У захчинтризайсанга [и] людей 2 тысячи дворов; у буучин (оружейников) – три зайсанга [и] людей одна тысяча дворов, что составляет один отог») [16, с. 416].

появление оседлых фортификационных ойратских караулов, связано с историческим прецедентом начала XVII в., когда ойратские и хотогойтские правители заметили практическую пользу от русских деревянных острогов, которые служили полевыми укреплениями русским поселенцам Сибири. Бобров Л.А. и Худяков Ю.С. со ссылкой на сообщения томских воевод И. Шеховского и М. Радилова к тобольскому воеводе М. Годунову, пишут о том, что ойраты «Тойла и Курагала и Мергет-тайши» осенью 1621 г. уже прибыли на Обь и сделали городок» [2, с. 539].

Сведения о т.н. урянхайских шивээ впервые становятся известны из сообщения сборщика ясака из Кузнецкой крепости Алексея Бутримова. Он сообщает, что телесцы и саянцы построили для защиты от цинских войск две «крепости». В начале нашего века алтайские археологии сообщают о таких укреплениях как: объекты Булухты-Кообы, Уйтту-Кая и пять стен: Бичикту-Кая, Шибе, Курее-Таш, Тоолок и Артал [18, с. 34]. Одним из самых крупных оборонительных сооружений алтайцев для обороны от цинских войск на территории республики Горный Алтай является «крепость» около Уйтту-Каи, где общая протяженность оборонительного вала составляет 422 м [15, с. 78–87]. Эта крепость была построена для круговой обороны: с трех сторон оно было защищено каменными стенами, а с четвертой – скалой. Размер же другой крепости Булухты-Кообы: 90*70 м. [18, с. 37]. Характерная черта шивээ на Алтае состоит в том, что они располагаются на традиционных путях сообщений. Они расположены в местах сужения речных долин (Бичикту-Кая, Шибе, Уйтту-Кая, Булухты-Кообы), на проходах вдоль берега Телецкого озера (Тоолок, Артал) и на высокогорном проходе на вершине горы (Курее-Таш) [18, с. 69].

Другой особенностью является сходство конструктивных особенностей алтайских сооружений с ойратским сооружением «Аблаин-кит»: оба сооружения построены без применения связующего раствора [18, с. 74]. Зафиксированная ширина основания стен 1–2 метра, что защитит не только от пуль, но и летящих гранат.

Таким образом, ойратские харулы оказали прямое влияние на цинские каруны на своих северо-западных рубежах, ввиду своего раннего появления. Происхождение ойратской караульной системы до конца не выяснено и предполагается, что ойраты как и кидани в свое время могли сами прийти к изобретению данной системы с применением оседлых пунктов, либо этот опыт был частично перенят от увиденных ими построек русских острогов в Сибири. Благодаря сохранившимся остаткам укреплений, историческая наука располагает сведениями о развитой джунгарской системе пограничных сооружений на своих северных и западных рубежах, однако пока еще остается неизвестным – каково было их состояние на цинско-джунгарской границе.

Джунгары вели торговлю на севере с русскими в Западной Сибири, на востоке с китайцами, на юге – с тибетцами; кроме того, многие купцы обычно отправлялись в Индию, Ладакх и Среднюю Азию. При джунгарском регионализме в Сибири огромный вклад в торгово-экономические отношения ойратского государства вносили жители т.н. Алтышара[104]. Группа людей, специализирующихся на торговых операциях от имени джунгарских властей за пределами ханства именовались «бедергэ»[105].

Современные исследования знакомят нас с тем, что прослойка бедергэ была отнесена к одной из административно-хозяйственных единиц Джунгарского ханства[106], то же самое сообщается и в китайском «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ»[107]. Что касается

[104] Местность к югу от Тянь-Шаня именуется также «Кашгария», «Малая Бухария» и «Восточный Туркестан». В докладе мы используем «Алтышар» и «алтышарцы».

[105] В ойратских и маньчжурских источниках именуются как «Бедергэ», считается, что изначально они именовались как «bāzargān», что отмечено в персоязычном «Tadhkira-I khwājagān». [8, с. 109]

[106] Специалист по истории Цин Кэчингэ, со ссылкой на рапорт высокопоставленного цинского генерала Баньди на маньчжурском языке в 1755 г. отмечает о словосочетании «отог бедергэ». [23, с. 153].

[107] Надо отметить, что «Циньдин Хуан-юй Сиюй тучжи» 欽定皇禦西域圖誌 (Августейшим правителем утвержденное географическое описание Западного края с картами) не упоминает о таком отоге в составе Джунгарского ханства.

места их пребывания, то авторский коллектив «Чжуньгаэр шилюэ» 准噶尔史略 (Очерки по истории джунгаров) привязывает бедергэ лишь к одной территории – Или [21, с. 145], и нами делается утверждение, что они по образу жизни являлись номадами, ибо кочевали вместе с ойратами, о чем сообщал русским властям в Сибири «бухарец Адам Хози-Кельды», который ранее жил в кочевье бедергэ, коих в Или кочует 1100 юрт [12, с. 7]. Этот отог принадлежал непосредственно джунгарскому правителю.

Бедергэ также внесли немалый вклад в поставку современного для того времени огнестрельного оружия в кочевое государство. Так, 14 марта 1675 г. была составлена тайная царская грамота, адресованная верхотурскому воеводе Федору Хрущеву, в которой в категоричной форме запрещалось продавать кочевникам предметы вооружения и амуниции. Однако, несмотря на запреты, джунгарам удавалось при посредничестве бедергэ регулярно вывозить по «30 и больше возов» с огнестрельным оружием из Сибири [14, с. 357]. Одним из ходовых товаров, продаваемых бедергэ в России был ревень [22, с. 109–127]. Бедергэ по сведениям русских источников, от имени джунгарского правителя торговали в 40-е гг. XVIII в. с турецким султаном, куда на продажу отправлялся товар в виде «каборгиной струи, рысей, ирбизей» [13, с. 129], не говоря о том, что являлись главами т.н. «даннических миссий»[108] в Китай и возглавляли т.н. караваны «манча»1[09] в Тибет.

После того, как регион Алтышар стал новой северо-западной границей Цин, караванные торговцы Алтышара со временем исчезли с международной торговой сцены из-за торговых ограничений, наложенных Цинами. Их уход из международных торговых маршрутов открыл путь кокандским купцам в их успешной торговле в Средней Азии в начале XIX века, а право назначать глав караванов, первоначально установленное хаким-беком Кашгара, окончательно перешло к правителю Кокандского ханства [25, p. 57].

Говоря о военной роли алтышарцев в Джунгарии, что повлияло на джунгарский регионализм в Сибири, нельзя не упомянуть о том, что они пополняли специальные роты буучин. По мнению С. Тору, джунгарские буучин не были этническими ойратами, а являлись либо этническими тюрками из оазисов Алтышара, которые в российской историографии того времени назывались «бухарцами» (поскольку одним из принятых названий Алтышара было «Малая Бухария»), либо «бурутами» 布魯特, т.е. киргизами. Японский исследователь обнаружил, что одним из мест расположений буучин являлось верховье реки Иртыш, где они обязаны были предотвращать возможные набеги казахов, по приказу выступать в военный поход, а также выплачивать налог дичью [19, с. 223]. Эти сведения вызывают интерес в нескольких аспектах. Во-первых, тем, что алтышарцы, ранее известные как оседлая этническая группа, и по хозяйственно-культурному типу и роду деятельности были вовлечены либо в занятия землепашеством (т.н. «таранчи»), либо в ведение торговли (бедергэ). Однако в Джунгарском ханстве, из этой этнической группы образуются общины, которые меняют свойственный им хозяйственно-культурный тип и становятся кочевниками, с узкоспециализированным родом деятельности – артиллеристами. Вторым интересным моментом является налогообложение, которое буучин вносили дикими зверями, которых, по всей видимости, добывали охотой.

---

[101] Часто приезд иностранных купцов в Китай, заинтересованных в дипломатических привилегиях при торговле фиксировались в китайских материалах как послы с «данью». Следуя этой доктрине, цинские чиновники постоянно описывали торговлю с джунгарами как «дань» («гун» 貢). Под формулировку «даннических миссий» в Китае подпадали и торговые караваны из России. Торговое соглашение Цин с Россией стабилизировало пограничные вопросы и создало регулярную караванную торговлю под маской «даннических миссий».

[101] «Манча» или “manja” (по кит. «ао ча» 熬茶) – дословно с тибетского языка переводится как «заваривать чай», но на деле означало паломничество к крупным тибетским монастырям и совершение пожертвований тибетским ламам, сопровождавшееся торговлей вдоль маршрута из Джунгарии через Синин в Тибет. В цинских архивах этот термин используется для обозначения паломничества джунгаров в Тибет в XVIII веке [26, p. 134]. Практика манча с исчезновением Джунгарского ханства практически пресеклась.

Заключение

При джунгарах сибирское пограничье имело сходство с центральноазиатским – наличием харула, который управлялся местной властью, но имелись отличия: там не было своей денежной единицы (в Алтышаре такой монетой был «Пул»). Исчезнувшее Джунгарское ханство с вассальными территориями в Сибири затем сменилось регионом Танну-Урянхай в составе Цинской империи. При этом, цинская администрация нередко использовала джунгарские прецеденты в построении некоторых аспектов имперского регионализма в Центральной Азии. Китайские источники, написанные сразу после уничтожения Джунгарского ханства отмечают, что здесь ранее имела распространение особая административно-хозяйственная единица захчин, отвечающая за контрольно-оборонительную функцию в харулах. Вероятно, для джунгаров система харул маркировала пограничную зону, что подтверждается сибирским участком и представляет одно из проявлений джунгарского регионализма в Сибири.

Список литературы

[1] Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. [авт.: И.В. Ерофеева, Б.Ж. Аубекеров, А.Е. Рогожинский и др. Отв. ред. И.В. Ерофеева]. Алматы: Дайк-Пресс, 2008 – 276 с.

[2] Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV - первая половина XVIII в.) СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 776 с.

[3] Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. – 224 с.

[4] Города средневековых империй Дальнего Востока. / Отв. ред. Крадин. М.: ИВЛ, 2018. – 336 с.

[5] Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616 – 1911 гг. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 309 с.

[6] Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. /отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Вост. лит.,2019. – 502 с.

[7] Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 364 с.

[8] Ли Баовэнь (李保文). «Бодээргэ» каои“伯德尔格”考释 (Исследование о «бедергэ») // Сиюй яньцзю西域研究 (Исследования о Западном крае). 2009. С. 109–113.

[9] Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. – 149 с.

[10] Моисеев В.А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 67–82.

[11] Попов А.В. Цинское законодательство XVIII – первой половины XIX в. об административном режиме халхаского участка русско-монгольской границы // Mongolica – XV, 2015. С. 27–38

[12] Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. II. М.: Университетская типография (Катков и Ко),1868. С. 21–113.

[13] Русско-джунгарские отношения (конец XVII–60-е гг. XVIII вв.): документы и извлечения / Алтайский гос. ун-т, Каф. востоковедения, Томский гос. ун-т, Каф. отечественной истории, Алтайский центр востоковедных исслед. - Барнаул: Азбука, 2006. – 359 с.

[14] Русско-монгольские отношения: Сб. док. / Отв. ред. Н.Ф. Демидова. - М.: Вост. лит. РАН, 1996. – 559 с.

[15] Самаев Г.П. Укрепления Уйтту-Каи, Тоолока и Артала // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Выпуск 7 / Под ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – 160 с.

[16] Сиюй тучжи сяочжу西域图志效注 (Комментарии к Географическому справочнику Западного края с картами). Урумчи: Синьцзян жэньмин чубаньшэ, 2002. – 611 с.

[17] Скобелев С.Г, Рюмшин М.А. Искусственные каменные платформы в горных крпостях «Све» на севере Хакасии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. 2014. № 5. СС. 169 – 176.

[18] Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые каменные фортификационные сооружения Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – 104 с.

[19] Цзо Коутоу (佐口透Тору Сагути). 新疆民族史研究Синьцзян миньцзу ши яньцзю (Исследования по истории национальностей Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньмин чубаньшэ, 1994. – 203 с.

[20] Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. / А. И. Чернышев; АН СССР, Ин-т востоковедения. - М. : Наука, 1990. – 135

[21] Чжуньгаэр шилюэ准葛尔史略。(Очерки по истории джунгаров). Гуйлинь: гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2007. – 305 с.

[22] Чимитдоржиев Ш.Б., Чимитдоржиева Л.Ш. Материалы Омского архива по русско-джунгарским отношениям в XVIII в. // Российское монголоведение. Бюллетень VI. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 109–127.

[23] Чэн Чжи. 承志 (Kicengge). Шиба шицзи Чжуньгаэр шилюй да э-то-кэ и и-цзянь маньвэнь цзоучжэ вэй чжунсин十八世纪准噶尔十六大鄂拓克-以一件满文奏折为中心 (Шестнадцать больших отогов Джунгарии в XVIIIвеке) - в фокусе изучения один документ «цзоучжэ» на маньчжурском языке // Мань-мэн данъань юй мэнгу ши яньцзю 满蒙档案与蒙古史研究 (Маньчжурские и монгольские архивы и изучение истории монголов). Шанхай, 2014. С. 137–204

[24] Brophy, D. The Junghar Mongol Legacy and the Language of Loyalty in Qing Xinjiang // Harvard Journal of Asiatic Studies, Vol. 73. No 2, 2013. pp. 231–258

[25] Onuma T. Political Powers and Caravan Merchants at the Oasis Towns in Central Asia: The Case of Altishahr in the 17th and 18th Centuries // Xinjiang in the Context of Central Eurasian Transformations. Ed.by Onuma Takahiro, David Brophy, Shinmen Yasushi. Tokyo: Toyo Bunko, 2018. pp. 33–57.

[26] Petech L., China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: E.J. Brill, 1950 – 310 p

УДК 53(092)

Научное наследие академика Л.В. Киренского

Куперштох Наталья Александровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия.
nataly.kuper@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1522-1837

АННОТАЦИЯ В докладе анализируется многообразие форм научного наследия, выдающегося ученого – академика Л.В. Киренского (1909–1969). Именно в Красноярске ему удалось в наибольшей степени реализовать свой научно-образовательный потенциал и оставить о себе неизгладимую память. Научное наследие представлено в виде успешно действующего института, названного именем Л.В. Киренского; в виде мультидисциплинарного научного центра, решающего самые актуальные научные задачи; в виде крупнейшего в регионе Сибирского федерального университета, кующего кадры для науки, образования, инновационной экономики. Феномен научного наследия изучался в следующих аспектах: формирование личности ученого; фундаментальный вклад в науку; основные черты научной школы; подходы Л.В. Киренского к организации научно-образовательных институций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА академик Л.В. Киренский, наука и образование, научное наследие.

В год 65-летия Сибирского отделения РАН и приближающегося 300-летия Российской академии наук особую актуальность приобретает проблема изучения многообразия научного наследия основателей научных центров и академических институтов. В Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске, Якутске существуют институты СО РАН, в названиях которых запечатлены имена выдающихся ученых. В Красноярске действуют два таких института: это Институт физики им. Л.В. Киренского и Институт леса им. В.Н. Сукачева. То обстоятельство, что именем ученого назван институт, означает, что идеи основателя института о путях его развития оказались прозорливыми и определили вектор научных направлений на десятилетия вперед. Однако научное наследие выдающихся ученых – это не только основанные ими институты.

В современной историографии общепризнанным является тезис о том, что научное наследие является составной частью культурного наследия социума. Профессор Т.С. Шола сформулировал основополагающий постулат: «Наследие – это всегда система общих ценностей, сформированных на основе отбора и оценки того, что необходимо и достойно памяти, которую следует хранить» [10, с. 32–33]. Наследие ученых-лидеров исследуется как науковедческий феномен сквозь призму общенаучных понятий дисциплина в поле науки и научная школа. Наиболее общее определение научной школы дано М.Г. Ярошевским, который говорил о ней, как об институте «производства идей и людей», демонстрирующем вариативность социально-творческих связей [11, с. 7–8]. С данной парадигмой тесно связан феномен лидерства, актуальный для научных школ. Все чаще объектом научной рефлексии становится духовный мир ученого, его личностные ценности и представления о смысле жизни [1].

Научной и научно-организационной деятельности Леонида Васильевича Киренского, признанного лидера академической науки Красноярска, посвящено немало работ, назовем лишь некоторые. Это справочные статьи [7, с. 108–109]; публикации коллег, близко знавших ученого [2]; исследования историков науки [4–5]; монографии [6–9]. Однако феномен научного наследия академика Киренского настолько многогранен, что оставляет простор для новых изысканий и выводов. В данном докладе мы проанализировали научное наследие Л.В. Киренского в следующих аспектах: формирование личности ученого; фундаментальный вклад в науку; основные черты научной школы; подходы Л.В. Киренского к организации научно-образовательных

институций. Источниками для подготовки исследования явились архивные документы, воспоминания современников (особую ценность представляет книга [3]), материалы периодической печати.

Формирование личности ученого. Леонид Васильевич Киренский (1909–1969) прожил яркую и удивительную жизнь. Родившись в с. Амга далекой Якутии, он стараниями отца был приучен к чтению, в семье имелась неплохая для того времени библиотека. Во время учебы в школе г. Якутска у Леонида Киренского возник интерес к точным наукам благодаря преподавателю математики И.Г. Закржевскому и преподавателю физики А.П. Ермолаеву. В Московский государственный университет на физический факультет юноша поступил не сразу, а поработав какое-то время учителем в якутских школах. После зачисления в МГУ (1931) проявил недюжинный интерес к учебе.

В университете наибольший интерес Леонида Киренского вызвали лекции профессора Н.С. Акулова по проблемам магнетизма. Юноша выразил желание специализироваться на кафедре магнетизма и тем самым включился в сообщество московской школы магнитологов. Он выполнил дипломную работу «Температурная зависимость кривой намагничивания», подготовив на ее основе первую публикацию в «Журнал экспериментальной и теоретической физики» (1937).

После окончания МГУ Леонид получил рекомендацию в аспирантуру при кафедре физики магнетизма. На этот период приходится создание молодой семьи Киренских, верной спутницей Леонида стала выпускница химического факультета МГУ Зинаида, которая разделяла его стремление стать ученым. Будучи аспирантом, Л. Киренский опубликовал еще несколько работ, в том числе в соавторстве с Н.Л. Брюхатовым, доцентом кафедры магнетизма МГУ. Аспирантуру молодой ученый окончил в срок и вскоре защитил кандидатскую диссертацию на тему «Магнитокалорический эффект при вращении ферромагнитного кристалла в магнитном поле» (1939).

Научную работу Леонид Киренский сочетал с преподавательской деятельностью в ряде московских вузов. Профессор А.А. Петровский из Московского геологоразведочного института в своем отзыве отмечал, что лекции Леонида Киренского «были систематичны и содержательны, излагались ясно и сопровождались большим числом умело подобранных опытов» [3. С. 81]. Молодого перспективного ученого и преподавателя Киренского могли оставить в МГУ, где он блестяще проявил себя как ассистент кафедры магнетизма. Однако Леонид мечтал вернуться в родную Якутию. Когда выяснилось, что по ряду причин это невозможно, он выбрал Красноярск.

Фундаментальный вклад в науку.

Именно в Красноярске научно-педагогический талант Л.В. Киренского реализовался в полную силу. С осени 1940 г. он стал преподавать физику в Красноярском государственном педагогическом институте (КГПИ, ныне Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева). Киренский поставил задачу не только обучать студентов передовым достижениям физической науки, но и организовать теоретические исследования при кафедре физики. Наилучшей формой для этого стала Магнитная лаборатория как ячейка будущего академического института. Коллегами Киренского в КГПИ были декан физико-математического факультета С.Л. Эдельман, заведующий кафедрой физики В.Ф. Ивлев, преподаватели И.И. Денисов, А.Я. Власов, П.С. Сарапкин и др.

В годы войны лаборатория получила известность благодаря разработке приборов, необходимых для оборонной промышленности. Оснащение Магнитной лаборатории минимальным оборудованием позволило еще до начала войны провести первые эксперименты. Обстоятельства военного времени потребовали от сотрудников лаборатории оперативного решения оборонных задач. Л.В. Киренский и П.С. Сарапкин разработали портативный прибор для рассортировки сталей, а в октябре 1942 г. изготовили несколько таких приборов для авиазавода, эвакуированного в Красноярск

из Подмосковья. В отзыве специалистов на приборы впервые появилось название «Магнитная лаборатория КГПИ», что означало официальное признание лаборатории (1943). Наряду с местными учеными, в лаборатории работали прибывшие в Красноярск эвакуированные специалисты. Научные задачи для сотрудников лаборатории порождались условиями военного времени. Их усилиями были созданы приборы, в которых нуждалась оборонная промышленность Новосибирска, Красноярска, Иркутска. В этот экстремальный период результаты фундаментальной и прикладной науки в кратчайшие сроки находили применение в практике.

После войны Л.В. Киренский и сотрудники Магнитной лаборатории стали публиковаться в центральных научных журналах, выступать с докладами на различных конференциях. Накопленные знания и обобщения в изучении новой области науки позволили Л.В. Киренскому защитить в МГУ докторскую диссертацию (1950). Темой диссертации была выбрана такая важная проблема в области физики магнитных явлений как «Исследование энергетической анизотропии ферромагнетиков».

Научная деятельность Л.В. Киренского была связана с исследованием структуры ферромагнетиков, проблем физики магнитных пленок, многослойных пленочных систем, магнитоакустики. Он получил фундаментальные результаты по физике магнетизма, которые стали неотъемлемой частью мирового научного наследия. Под руководством Леонида Васильевича было развито также оригинальное направление в биофизике сложных систем – параметрическое управление биосинтезом, получены наиболее существенные результаты по созданию биолого-технических систем жизнеобеспечения, признанные во всем мире.

Результаты научных изысканий отражены в ряде монографий, цикле научных статей, серии докладов на конференциях. Фундаментальный вклад в науку стал основанием для избрания Л.В. Киренского членом-корреспондентом (1964), а затем действительным членом (академиком, 1968) АН СССР. Свидетельством научного авторитета красноярского ученого было участие в работе комиссии по магнетизму Международного союза чистой и прикладной физики, руководство секцией по тонким магнитным пленкам Научного совета АН СССР по физике магнитных явлений, деятельность в других научных советах и комиссиях [7, с. 108–109].

Основные черты научной школы

Академик Л.В. Киренский известен как основатель и руководитель Сибирской научной школы физиков-магнитологов. Свою деятельность в Красноярском государственном педагогическом институте доцент Киренский начал с чтения курсов лекций по общей и теоретической физике, в которых он увлекательно рассказывал не только о физических законах, но приводил также данные из научных трудов известных ученых о последних достижениях изучения тех или иных физических проблем.

Уровень этих лекций был настолько высок, что на них стали приходить ассистенты, молодые преподаватели других факультетов и просто слушатели. Тогда Киренский поставил задачу повышения уровня преподавания физики не только в педагогическом вузе, но и в других образовательных заведениях города и периодический читал обзорные лекции для повышения квалификации молодых преподавателей физики школ и вузов Красноярска. Чтобы привлечь талантливую молодежь на физико-математический факультет Педагогического института, Киренский организовал лекторий для учащихся выпускных классов.

Став заведующим кафедрой физики, а затем и деканом физико-математического факультета КГПИ (1941), Киренский получил новые возможности для организации мероприятий, значимых для научного роста молодежи. Одной из форм такого роста стали научные конференции вуза. Одновременно Киренский пытался сформировать исследовательский потенциал на кафедре физики КГПИ, привлекая к работе Магнитной лаборатории преподавателей кафедры. В учебный план кафедры физики

по инициативе Киренского был включен факультативный курс по магнетизму. Еще до войны усилиями Киренского был организован первый семинар по ферромагнетизму, ставший впоследствии общегородским физическим семинаром, работа которого продолжалась около трех десятилетий. Деятельность семинара создавала условия для открытия в КГПУ аспирантуры по физике магнитных явлений, однако это стало возможным только в послевоенный период.

Одной из значимых признаков складывающейся научной школы является признание ее результатов научным сообществом. В 1951 г. на Всесоюзную конференцию по магнетизму в Свердловске красноярские магнитологи во главе с Киренским представили доклады с результатами исследований, которые были особо отмечены в резолюции конференции, а ее участники признали Красноярск третьим по значимости (после Москвы и Свердловска) центром по магнетизму. В 1956 г. этот же успех сопровождал красноярских ученых на Международной конференции по магнетизму в Москве.

Научная школа академика Л.В. Киренского стала базисом для организации Института физики АН СССР в Красноярске (1956). Ближайшими сподвижниками Леонида Васильевича в становлении нового учреждения являлись И.А. Терсков, И.И. Гительзон, А.В. Коршунов. В числе первых сотрудников – непосредственные ученики и бывшие аспиранты Киренского А.Я. Власов, А.И. Дрокин, А.М. Родичев, М.К Савченко, И.Ф. Дегтярев, В.С. Черкашин, Д.А. Лаптей и др. Коллектив академического института формировался в основном из выпускников красноярских вузов, но также с участием выпускников вузов Томска, Ростова-на-Дону, Москвы и Ленинграда. В их числе был, например, К.С. Александров, выпускник Ленинградского электротехнического института, будущий академик и основатель собственной научной школы [4, с. 92].

Успехи научной школы академика Л.В. Киренского в области физики твердого тела, физики магнитных явлений, в частности, тонких магнитных пленок и новых магнитных материалов – ферритов, широко известны научному сообществу. Исследования самого Киренского и его учеников положили начало изучению наноматериалов и нанотехнологий, которые так широко представлены в научных исследованиях в настоящее время.

Большой резонанс получили также открытия в области биофизики, актуальные для решения задач освоения космоса. Именно под влиянием харизматичного лидера-ученого многие молодые люди связали свой путь с наукой или выбрали преподавательскую деятельность. И это не случайно. По наблюдению современников, главными чертами Л.В. Киренского как ученого-лидера являлся «постоянный творческий поиск, самоотверженность, одержимость в научном творчестве. Он был неутомимым тружеником, что в сочетании с талантом позволило создать в Сибири научную школу физиков-магнитологов» [3, с. 3]. Многолетняя успешная деятельность этой научной школы – также элемент научного наследия Киренского [5]. Традиции школы воспроизводят и наполняют новым содержанием его многочисленные ученики в Красноярске, научных центрах и вузах России, а также ближнего зарубежья.

Подходы Л.В. Киренского к организации научно-образовательных институций. Леонид Васильевич Киренский обладал выдающимися качествами ученого-организатора и большой научной прозорливостью. За период жизни в Красноярске он выступил инициатором создания первой исследовательской ячейки в области физики – Магнитной лаборатории КГПИ. Постепенному продвижению к институционализации исследований способствовали организованные им семинары, конференции, участие в научных форумах страны, открытие аспирантуры и подготовка кадров по определенным научным направлениям.

В послевоенный период СССР вступил в позднеиндустриальную фазу модернизации, которая предполагала существенное усиление науки в жизни общества. Ученые выступали за расширение научного поиска и создание новых институтов, в том числе в регионах. Формами присутствия Академии наук СССР в регионах в этот период были научные базы и филиалы. В начале 50-х годов XX в. в Сибири действовали три филиала

– Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Якутский. Их основной задачей являлась своеобразная инвентаризации природных ресурсов регионов. Фундаментальные исследования носили точечный характер.

Институт физики в Красноярске открылся в октябре 1956 г., став единственным островком фундаментальной физической науки в Восточной Сибири. Еще один институт физического профиля – Институт радиофизики и электроники АН СССР – появился в Новосибирске в январе 1957 г., его директором был утвержден профессор Ю.Б. Румер. Необходимо подчеркнуть, что эти два института были созданы до организации Сибирского отделения АН СССР в мае 1957 г., а, следовательно, потребовали неимоверного напряжения сил их основателей.

Отметим, что организаторы Сибирского отделения АН СССР академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и С.А. Христианович в качестве приоритетной поставили задачу развития сети прежде всего физико-математических институтов, так как ситуация с кадрами этого профиля в регионе была просто катастрофической. Целенаправленная деятельность по развитию институтов дала ощутимые результаты. В настоящее время в Сибирском макрорегионе действуют 13 академических институтов физического профиля, в том числе: пять – в Новосибирске; по два – в Томске и Красноярске; по одному – в Омске, Иркутске, Улан-Удэ и Якутске.

Но вернемся к истории Института физики в Красноярске. Для реализации замысла Л.В. Киренский обратился в Академию наук СССР, в профильное отделение, сначала с просьбой официально оформить статус Магнитной лаборатории как научно-исследовательского подразделения АН СССР в Красноярске. Однако после доклада Л.В. Киренского на бюро Отделения физико-математических наук его члены приняли решение о создании самостоятельного Института физики. При поддержке академика М.А. Лаврентьева проект Л.В. Киренского о создании академического института начал воплощаться в жизнь.

Другим проектом Л.В. Киренского еще с начала 50-х гг. XX в. была идея создания в Красноярском крае, крае больших возможностей, научного центра Академии наук. Он задавался вопросом: если филиалы Академии созданы в Новосибирске, Иркутске и Якутске, то почему подобный филиал нельзя создать в Красноярске? Накануне принятия постановления Совета министров СССР об организации Сибирского отделения АН СССР в ЦК КПСС состоялось совещание с участием представителей краев и областей Сибири и Дальнего Востока, а также ученых, работавших в этих регионах. 4 мая 1957 г. Л.В. Киренский представил концепцию научного центра в Красноярске в составе нескольких институтов и университета. «Иногда говорят так: что же вам в Красноярске университет открывать, когда рядом в Иркутске университет. А ведь это «рядом» как от Москвы до Крыма», – отметил он в своем выступлении [8, с. 47–48, 155].

Спустя десятилетия можно констатировать, что проект академика Киренского по организации комплексного академического центра воплотился в жизнь, хотя и в несколько усеченном варианте по сравнению с тем, каким себе представлял этот центр красноярский ученый. В настоящее время в составе Красноярского федерального исследовательского центра (ФИЦ) действуют Институт физики им. Л.В. Киренского, Институт биофизики, Институт вычислительного моделирования, Институт леса им. В.Н. Сукачева, Институт химии и химической технологии, СКТБ «Наука», а также четыре НИИ бывших Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук. Совокупный научный потенциал ФИЦ позволяет сотрудникам участвовать в выполнении междисциплинарных проектов и осуществлять фундаментальные и прикладные исследования по целому ряду актуальных научных проблем.

Академик Киренский мечтал о появлении классического университета в Красноярске, который бы готовил кадры в соответствии с общей концепцией подготовки молодых специалистов в Сибирском отделении АН СССР. По его инициативе в 1963 г. в Красноярске был открыт филиал Новосибирского университета, который стал готовить

кадры по физике твердого тела, биофизике, вычислительной технике и вычислительной математике. В дальнейшем на базе филиала НГУ и филиала юридического факультета ТГУ организован Красноярский государственный университет (1969), в нем открылись новые кафедры и факультеты, наладившие подготовку специалистов по теоретической физике, химии, биологии, другим специальностям. В 2006 г. на основе потенциала Красноярского государственного университета и других вузов Красноярска создан и функционирует один из крупнейших вузов региона – Сибирский федеральный университет.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, сделаем краткие выводы. Изучение научного наследия академика Л.В. Киренского во всем его многообразии по-прежнему является актуальной задачей историков науки. Его деятельность служит примером для молодых исследователей и показывает, какими качествами должен обладать ученый, чтобы ставить значимые научные и социальные цели и добиваться их воплощения в жизнь. Академик Киренский как основатель Сибирской научной школы физиков-магнитологов транслировал своим ученикам не только методологию научного познания, но также этические принципы взаимоотношения с социумом. Л.В. Киренский – великий гражданин и патриот своей страны – последовательно осуществлял стратегию по развитию научно-образовательного потенциала Красноярского края. Итогом этой стратегии стала организация Института физики, Красноярского научного центра Сибирского отделения АН СССР/РАН, Красноярского государственного университета, ныне являющегося ядром Сибирского федерального университета.

Список литературы

[1] Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества и его эволюция в 1960-е гг. (на примере Новосибирского научного центра) // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 85–124.

[2] Гительзон И. К 90-летию со дня рождения академика Леонида Васильевича Киренского // Наука в Сибири. 1999. 30 апр.

[3] Киренская З.Я. Академик из Якутии (1909–1969): Документальная повесть. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1993. 112 с.

[4] Куперштох Н.А. Академик Л.В. Киренский – организатор Института физики и Красноярского научно-образовательного комплекса // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 90–95.

[5] Куперштох Н.А. Академические научные школы Красноярска в области физических и биофизических исследований // История науки, образования и культуры в Сибири. Сборник материалов II Всероссийской конф. с междунар. участием / под ред. Я.М. Кофмана. Красноярск, 2008. С. 54–60.

[6] Леонид Васильевич Киренский / отв. ред. В.Ф. Шабанов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 368 с.

[7] Российская академии наук. Сибирское отделение. Персональный состав / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.

[8] Сибирское отделение Российской Академии наук: создание (1957–1961 годы). Сб. документов / отв. ред. Е.Г. Водичев. Новосибирск: «Нонпарель», 2007. 376 с.

[9] Чистяков Н.С., Смолин Р.П. Леонид Васильевич Киренский. 1909–1969. М.: Наука, 1981. 169 с.

[10] Шола Т.С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России; Ростовский кремль, 2017. 320 с.

[11] Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского и др. М., 1977. С. 7–97.

УДК 53(092) УДК 378.126.1-377.8-054.57-054.73:94(071.1/.5) «20»

Некоторые вопросы создания системы подготовки национальных педагогических кадров в Сибири в 20-е гг. XX в. (на примере Томской губернии)

Лукиева Елена Борисовна
Кандидат исторических наук, доцент,
Томский политехнический университет, г. Томск, Россия..
llukielena@tpu.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-6699-6459

АННОТАЦИЯ Общеобразовательной школе в системе народного образования отводилась одна из ключевых позиций. Она должна была стать главным средством реализации прав нерусских народов, в том числе национальных меньшинств, на получение образования на родном языке. Для решения этой проблемы требовались педагоги, знавшие национальный язык, особенности работы среди нерусского населения и имевшие педагогическое образование. В начале XX в. учебных заведений, выпускавших учителей для национальных школ, в Сибири не существовало, поэтому возникла необходимость создать систему подготовки специалистов для их обеспечения. В первой половине 20-х годов началось ее формирование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА национальные школы, национальные меньшинства, образование, подготовка кадров.

Общеобразовательной школе в системе народного образования отводилась одна из ключевых позиций. Она должна была стать главным средством реализации прав нерусских народов, в том числе национальных меньшинств, на получение образования на родном языке. Для решения этой проблемы требовались педагоги, знавшие национальный язык, особенности работы среди нерусского населения и имевшие педагогическое образование.

В начале XX в. учебных заведений, выпускавших учителей для национальных школ, в Сибири не существовало, поэтому возникла необходимость создать систему подготовки специалистов для их обеспечения. В первой половине 20-х годов началось ее формирование. Наркомпрос РСФСР установил три формы обучения специалистов: краткосрочные курсы, постоянные учреждения среднего уровня (педагогические техникумы), постоянные учреждения высшего типа (пединституты и факультеты) [5, с. 37]. Предложенная система была применена и для подготовки учителей школ национальных меньшинств. Однако они, помимо общих знаний и знакомства с новыми педагогическими приемами и методами преподавания, получали и специальную подготовку по родному языку, истории, литературе.

О необходимости создания системы подготовки работников просвещения национальных меньшинств, свидетельствовал уровень образования уже работавших педагогов в Сибири. Около 50-60% учителей школ национальных меньшинств не имели общей и педагогической подготовки. Они окончили высшие начальные училища или русские школы первой ступени или краткосрочные педагогические курсы [1, Ф. Р – 1053. Оп.1. Д.553. Л.99]. Другая группа (по численности она составляла 20-30%) имела общую и специальную подготовку, так как преподаватели, входившие в нее, окончили русские или национальные учительские семинарии либо мусульманские медресе. Третья группа учителей была самой подготовленной. Она состояла из выпускников высших учебных заведений, но эта группа не превышала 15% от общего числа работников просвещения национальных меньшинств.

Наиболее массовой и оперативной формой подготовки и переподготовки национальных учителей в Томской губернии и в Сибири были краткосрочные

курсы. Работа по организации курсов на местах строилась самостоятельно. Сроки их проведения, продолжительность, программа определялись губернскими отделами народного образования. Учебный план курсов обычно содержал общеобразовательные и специальные предметы: национальный язык, историю, литературу. Также читались лекции о политической ситуации в мире и стране, политике Советского правительства и на антирелигиозные темы. Продолжительность занятий была различной от 2-3 недель до 1-3 лет. Они носили преимущественно практический характер и проводились, как правило, во время школьных каникул. Краткосрочные курсы разделялись по своему значению на уездные, губернские, общесибирские и центральные (проводившиеся в Москве, Петрограда или в городах европейской России).

Работа по организации краткосрочных курсов в Томской губернии началась в 1920 г. Так, в августе 1920 г. на заседании инструкторов национальных меньшинств Сибирского отдела народного образования решили организовать в Омске четырехмесячные интернациональные курсы «для подготовки работников культуры нерусского языка» [1, Ф. Р – 62. Оп.1. Д.78. Л.6]. Учитывая острую необходимость в учителях татарской национальности и слабую подготовленность уже работавших, впервые в июне 1920 г. прошли двухмесячные тюрко-татарские курсы для учителей сельских школ. На курсах присутствовало 60 слушателей [4, Ф. 1. Оп.1. Д.1454. Л.355].

В следующем 1921 г. в Томской губернии действовали краткосрочные летние курсы для подготовки учителей татаро-киргизских школ первой ступени. Подобные курсы прошли в Омске, Семипалатинске и Иркутске. В Томске также были открыты татаро-киргизские трехгодичные педагогические курсы, ликвидированные губнаробразом в первой половине 1922 г. из-за отсутствия средств [1, Ф. Р – 1053. Оп.1. Д.228. Л.28; Д.365. Л.25].

Переход к НЭП и сокращение бюджетных средств на народное образование повлекло за собой закрытие в 1922 – 1924 гг. многих национальных педагогических курсов. Но понимая важность проблемы подготовки специалистов коллегия Наркомпроса РСФСР рекомендовала в 1924 г. привлекать учителей национальных меньшинств на общие педагогические курсы. И уже в этом году в г. Томске при общих губернских учительских курсах организовали секцию, работавшую на татарском языке по следующим предметам: новая орфография татарского языка, правописание, математика, тюрко-татарская история, научное освещение развития ислама [1, Ф. Р – 1053. Оп.1. Д.773. Л.33; 2, Ф. Р – 28. Оп.1. Д.1282. Л.44]. 25 июля 1924 г. в Томске открылись общесибирские курсы по переподготовке учителей-татар для пяти губерний (Томской губернии предоставили 10 мест). Курсы были рассчитаны на пять недель и проводились на татарском языке. В целом, обучение на общегубернских курсах в 1924 г. из учителей национальных меньшинств Томской губернии прошли 9 человек (кроме татар): 2 чуваша, 4 украинца, 2 еврея и один поляк.

Организация и работа курсов для национальных учителей были сопряжены с большими трудностями, обусловленными отсутствием денежных средств для их финансирования, нехваткой квалифицированных лекторов, знавших национальные языки, национальных учебников и пособий и по другим причинам. Сложность ситуации была в том, что перед Томским губернским отделом народного образования (губнаробразом) стояла задача переподготовки учителей различных национальностей: эстонских, украинских, чувашских, польских, татарских и др. В Томске же имелась возможность организовать только татарские курсы при татарском педтехникуме. Для других национальностей подобные курсы не могли быть открыты, так как не было квалифицированных преподавателей. Переподготовка педагогов других национальностей осуществлялась на курсах в Москве, Петрограде или других сибирских городах (например: Новониколаевске, Омске). Однако Томский губнаробраз не всегда располагал необходимыми денежными средствами для таких командировок.

Ежегодно проводимые курсы по переподготовке учителей школ национальных меньшинств охватывали, к сожалению, сравнительно небольшой слой работников и не давали необходимого эффекта. Они были не в силах ликвидировать недостаток национальных учительских кадров и дать им необходимые знания. Так, в 1924 г. в Томской губернии (округе) смогли повысить свою квалификацию 47 учителей (из них 33 татарских, 8 эстонских, 3 чувашских), в 1925 г. – 48 (из них 25 татарских, 10 чувашских, 5 латгальских, 4 эстонских), 1926 г. – 22 (из них 8 татарских, 4 эстонских, 3 латгальских), 1927 г. – 10 (из них 9 татарских, 1 белорусский) [1, Ф. Р – 1053. Оп.1. Д.773. Л.33; 2, Ф. Р – 28. Оп.1. Д.1282. Л.44]. Таким образом, количество учителей, прошедших переподготовку в 20-е гг., было незначительным. Основная масса педагогов, работавших в школах национальных меньшинств, не имела возможности получить новые знания, методические рекомендации, пособия, консультации и повысить свой уровень образования. Существовавшими в этот период формами самообразования (заочные курсы, кружки) работники просвещения практически были не охвачены. Конечно, имелись учителя, которые занимались повышением квалификации самостоятельно, но это единицы.

Параллельно с деятельностью краткосрочных курсов была развернута работа по созданию средних специальных учебных заведений национальных меньшинств в Сибири. Педагогические техникумы имели больше возможностей для подготовки учителей начальной школы, чем высшие учебные заведения, так как требовали меньших материальных затрат и педагогического персонала. В отличие от курсов они давали своим выпускникам достаточные теоретические и методические знания. Педтехникумы открывались, как правило, на базе бывших учительских институтов, семинарий или долгосрочных курсов. Основные этапы строительства национального среднего учебного заведения в Сибири нашли достаточно полное отражение в истории создания Сибирского татаро-киргизского педагогического техникума в г. Томске.

В 1917 г. в г. Томске начала свою деятельность тюрко-татарская учительская семинария с пятилетним сроком обучения для татарского населения Сибири [3, с. 2.]. Однако, несмотря на налаженность ее работы, удачный подбор педагогического персонала, она в 1921 г. была закрыта, не успев выпустить ни одного специалиста. Причины ликвидации объяснялись отсутствием средств на содержание учебного заведения, работавшего в масштабе Сибири, и необходимостью реорганизации семинарии по новому типу, более соответствующему новым педагогическим требованиям [1, Ф. Р – 28. Оп.1. Д.1282.44].

Придавая огромное значение работе татарской семинарии, Томский губернский совет по делам национальностей при Советах (губсовнацмен) принял ряд энергичных мер (направлял протесты, докладные записки, ходатайства) и добился, восстановления этого учебного заведения, но под названием “Сибирский татаро-киргизский педагогический техникум (СТКПТ)”. С 1 сентября 1922 г. была начата работа по его организации.

Техникум планировали открыть с 1 января 1923 г. в составе двух подготовительных отделений, принять 120 студентов и содержать для них общежитие. Занятия необходимо было провести ускоренными темпами (за годичный курс) и подготовить группу учащихся для первого курса к началу 1923/1924 учебного года. Однако в апреле 1923 г. Томский губнаробраз сообщил в Сибирский отдел народного образования (Сибнаробраз) и Наркомпрос РСФСР о том, что до сих пор не получены кредиты на содержание СТКПТ, хотя он включен в государственную сеть еще в сентябре 1922 г.

Необходимость существования этого учебного заведения в Сибири признали Сибнаробраз, съезд заведующих губнаробразов Сибири (состоявшийся в мае 1923 г.) и Сибревком. Однако, выделенная для его организационных расходов сумма покрывала только их часть и не позволяла развернуть работу в полном объеме. В итоге, в ноябре 1923 г. Сибнаробраз, исходя из своих ограниченных финансовых возможностей, постановил в виде временной меры, разместить организуемое учебное заведение в одном здании с

Томским русским педтехникумом уменьшив, таким образом, расходы на его организацию и содержание. В постановке учебного плана СТКПТ сохранял за собой самостоятельность.

Сибирский татаро-киргизский педагогический техникум в Томске открылся 15 января 1924 г. в составе двух подготовительных отделений и готовил учителей для школ первой ступени. На первое отделение принимались юноши и девушки 12 – 14 лет, окончившие национальную школу первой ступени сельского типа, не владевшие русским языком. На второе - юноши и девушки от 13 до 15 лет, окончившие четырехлетнюю школу в полном объеме, умевшие читать и писать по-русски. Эти отделения были рассчитаны на 60 мест. Первоначально было принято 27 мужчин и 9 женщин, из них 34 имели низшее образование, двое – самоучки. По национальности: 5 киргиз, остальные – татары. Для преподавания в техникуме были приглашены бывшие работники татарской семинарии и преподаватели из русского педтехникума. Весь руководящий и педагогический персонал составлял 7 человек, из которых с высшим образованием был только один. В 1924/25 уч. г. СТКПТ работал в составе двух подготовительных групп и одной основной с 78 учащимися (76 татар и 2 киргиза), из них 25 женщин **[2, Ф. Р – 1053. Оп.1. Д.782. Л.48; 4, Ф. 1. Оп.1. Д.1418. Л.126.]**. В техникуме обучались представители Томской, Омской, Новониколаевской, Алтайской, Иркутской и Енисейской губерний.

В материальном отношении, ввиду неаккуратного и неполного получения кредитов от губнаробразов, направивших студентов, СТКПТ испытывал перебои со снабжением учащихся обувью и одеждой. Не хватало средств на питание. И вообще техникум с момента организации и до конца 20-х годов находился в материально неустойчивом положении, потому что Наркомпрос РСФСР и Сибнаробраз не решили вопрос о централизованном финансировании, и его бюджет зависел от целого ряда губернских бюджетов.

Другую сложность в работе техникума, особенно в 1924 – 1926 гг., создал неудачный подбор учащихся. Большинство из первого набора поступили случайно, а не по призванию или собственному желанию. Подбор кандидатов являлся скорее результатом экономических соображений сибирских губнаробразов, стремившихся освободиться от татарских детей, прибывших из голодных губерний России.

Летом 1925 г. в Москве на совещании работников национальных меньшинств было принято решение о необходимости сохранения самостоятельности СТКПТ в Томске, как единственного учебного заведения для татаро-киргизского населения Сибири, и оказания содействия ему с материальной и методической стороны. С осени 1925 г. техникум стал называться Сибирский татарский педагогический техникум (СТПТ), так как большинство его учащихся были татарами по национальности.

Осенью 1925 г. встал вопрос о получении Сибирским татарским педтехникумом полной самостоятельности. По мнению, его администрации сложное экономическое и хозяйственное состояние техникума было связано с тем, что окружной педтехникум неравномерно распределял имевшие средства (поэтому ниже зарплата преподавателей и стипендия учащихся), а административно-хозяйственные вопросы СТПТ рассматривались во вторую очередь или игнорировались. В июне 1927 г. был положительно решен вопрос о самостоятельности СТПТ и обеспечении его необходимым помещением, в которое техникум переехал в конце 1928 г.

В 1927/28 уч. г. в СТПТ на двух подготовительных и трех основных отделениях обучалось 179 человек из 13 сибирских округов. В 1928/29 уч. г. техникум имел 6 курсов (4 основных и 2 подготовительных), обслуживающих 16 округов Сибири. Увеличилось число студентов. Например, в 1924 г. обучалось 36 чел., в 1924/25 уч. г. – 78 чел., в 1926/27 уч. г. – 132 чел., в 1927/28 уч. г. – 179 чел., 1928/29 уч. г. – 185 чел. **[2, Ф. Р – 939. Оп.1. Д.6. Л.10; Д.7. Л.18; 4, Ф.1. Оп.1. Д.1418. Л.126. Д.1467. Л.21]**.

Первый выпуск учителей СТПТ осуществил в 1928 г. в количестве 10 чел., затем в 1929 г. – 9 чел., распределенных по нескольким округам Сибири. Техникум пользовался

авторитетом в Сибири и за ее пределами. С каждым годом возрастало количество желавших учиться в нем. Все будущие выпускники как старших, так и младших групп, заранее были распределены по округам, которые обеспечивали их стипендией в течении четырех – пяти лет в надежде получить необходимого специалиста.

Обучение в СТПТ проходило в виде лекций, лабораторных занятий, бесед. Студенты техникума проходили практику. После получения самостоятельности были организованы ячейки РЛКСМ и профсоюза, общество союза безбожников, ОСО, МОПР, ОДН. В техникуме работали кружки: драматический, спортивный, военных знаний и по подготовке в партию.

Татарский педтехникум принимал активное участие в организации и проведении краевых курсов по подготовке и переподготовке татарских учителей, окружных курсов по ликвидации неграмотности. СТПТ сотрудничал с газетой «Азад Себер», осуществлял шефскую помощь культурным учреждениям татарских деревень и городскому татарскому детскому саду, участвовал в работе клуба национальных меньшинств и городской библиотеки г. Томска, во всех мероприятиях, проводимых среди татарского населения города и округа (различные татарские праздники, антирелигиозные компании, лекционная пропаганда и др.). Он играл заметную роль в общественно-политической жизни города и губернии, округа на протяжении многих последующих лет.

В Томской губернии, затем в округе, как и в Сибири в 20-е годы, не существовало специальных высших национальных учебных заведений. Для подготовки квалифицированных педагогов были открыты национальные отделения при пединститутах, рабфаки для национальных меньшинств и предоставлена возможность поступления в любые вузы страны и Сибири.

Однако молодежи из национальных меньшинств было очень сложно стать студентами высших заведений, так как большинство из них не имело необходимого образования для сдачи вступительных экзаменов и не владело хорошо русским языком. Учитывая эти трудности, предусматривались льготы для поступления, организовывались подготовительные курсы. Начиная с 1922 г., ежегодно «бронировались» места в вузах не только в Сибири, но и в Москве и Петрограде. Так, в июне 1922 г. в Томский губнаробраз поступило сообщение о том, что Сибири предоставлено 20 мест в Петроградский эстонский рабфак, из них 4 места для Томской губернии. В июле 1922 г. Центральное бюро по просвещению тюркских народов известило, что в томской татарской молодежи выделено 3 места: в Петрограде – в институте народного образования им. Герцена, институте социального воспитания нормальных и дефективных детей и в первом Московском университете на литературно-художественном отделении. В июне 1924 г. Приуральский чувашский педтехникум выделил для Томской губернии 5 мест. Однако по условиям приема требовалась чувашская молодежь, окончившая национальную семилетку или восьмилетку. Этим требованиям кандидаты не отвечали, так как в губернии не было чувашских школ второй ступени и места остались не занятыми.

В 1926 г. Томскому округу предоставили 11 мест в вузах и на рабфаках, которые полностью удалось использовать. В следующем году из 21 вакансии только 11 удалось использовать, так как не имелось необходимых средств для оплаты командировочных расходов. В 1927 г. были места в Киевском институте народного хозяйства и Ленинградском институте народного образования.

При предоставлении мест в вузах, на рабфаках или подготовительных отделениях обязательно оговаривались условия приема (образование, возраст и др.), не последнюю роль при этом играло социальное положение. В первую очередь принимали рабочих, крестьян, красноармейцев, членов партии, комсомола и профсоюза. Эти требования тоже в какой-то мере затрудняли доступ молодежи из национальных меньшинств в вузы.

В 1924 г. в Омске открылось татаро-киргизское отделение рабфака, дававшее возможность после окончания поступить в вуз. Ежегодно отделение предоставляло

татарской молодежи Томской губернии и округа свои места. Осенью 1926 г. при Томском рабфаке была организована подготовительная группа для национальных меньшинств. В 1927 г. ее реорганизовали, разделив учащихся по языковым и национальным особенностям на две группы. В 1926 г. на рабфаке обучалось 23 чел., в 1927 г. – уже 85 чел.

Приведенные факты дают право сделать вывод о том, что несмотря на все трудности и сложности, недоработки и подчас серьезные недостатки в работе государственных и партийных структур в 20-е годы в Томской губернии(округе), и в Сибири в целом, были заложены основы системы подготовки и переподготовки национальных учительских кадров, что создавало одну из важнейших предпосылок для обеспечения квалифицированными педагогами школ национальных меньшинств и осуществления в них образовательной и воспитательной работы.

Список литературы

[1] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).

[2] Государственный архив Томской области (ГАТО).

[3] Иванов П.Г. К истории татарской школы в Сибири в связи с подготовкой культурных работников среди сибирского туземного населения. Томск, 1928. 37 с.

[4] Томский областной центр документации новейшей истории (ТО ЦДНИ).

[5] Шамахов Ф.Ф., Трофимов П.Я. Из истории сибирской школы 1917 – 1930 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 187 с.

УДК 791.43.03

Кинематограф в Красноярском крае накануне Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Красноярский рабочий» (1941)

Романова Елена Аркадьевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и истории искусств, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, г. Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ Статья посвящена изучению развития кинематографа в Красноярском крае накануне Великой Отечественной войны (1941). В это время организовывались кинофестивали колхозно-совхозные и железнодорожников, снимались документальные фильмы, строились кинотеатры, создавались киномастерские, организовывалось повышение квалификации киноработников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА кинематограф, кинокартины, киноустановки, кинопередвижки, кинотеатры, кинофабрики, кинофестиваль железнодорожников, колхозно-совхозный кинофестиваль.

Кинематограф является важным условием развития культуры, формирования мировоззрения, исторической памяти народа, индикатором политических и социокультурных процессов. Он захватывает зрительные и слуховые ощущения человека, заставляет отождествляться с героями кинофильмов, влияет на бессознательно - архетипный слой. Не меньшую роль он играл накануне и в период Великой Отечественной войны.

Целью статьи является изучение состояния кинематографа в Красноярском крае в начале 1941 г. Это позволяет выявить его потенциал для патриотической и пропагандистской работы накануне и в начале Великой Отечественной войны.

В январе 1941 г. в крае насчитывалось 424 киноустановки [1]. В Игарском и Туруханском районах, Эвенкийском и Таймырском (Долгано-Ненецком) национальных округах была установлена 50% скидка на прокат картин для всех киноустановок. В это время в кинофикации, являющейся частью работы политпросвет учреждений, существовало много проблем. План кинообслуживания населения по селу за 1940 г. был выполнен всего на 79% [12]. Во многие крупные сельские населенные пункты редко приезжали кинопередвижки (село Есаулово Советского района и другие). Систематически срывались маршруты и графики обслуживания населения. Некоторые киносеансы были низкого качества, с перерывами из-за поломки техники длились до 7 часов. Необходимо было обратить особое внимание на подготовку киномехаников, строить работу кинопередвижек строго по графику, улучшать работу с кинозрителем.

По инициативе краевого комитета ВЛКСМ, Управления кинофикации и Главкинопроката с 1 февраля 1941 г. в крае началось проведение колхозно-совхозного кинофестиваля. Он охватывал 25 районов, в том числе 23 районных центра, две МТС и 1 колхоз. Цель кинофестиваля – показать колхозникам, рабочим совхозов, МТС и сельской интеллигенции лучшие произведения советской кинематографии. Трудящиеся села увидели историко-революционные, исторические, приключенческие фильмы и драмы: «Человек с ружьем» режиссера С. Юткевича (1938), «Партийный билет» - И. Пырьева (1936), «Яков Свердлов» – С. Юткевича (1940), «Сибиряки» (1940) –Л. Кулешова, «Цена жизни» – Н. Тихонова (1940), «Пятый океан» –И. Анненского (1940). Среди документальных фильмов были: «На Дунае» режиссера монтажа и оператора А. Кричевского (1940) о присоединении Бессарабии к СССР, «День нового мира» режиссеров Р. Кармена, М. Слуцкого (1940), «Линия Маннергейма» - Л. Варламова, В. Беляева, Н. Комаревцева, В.

Соловцова (1940), от которого повеяло войной, и другие [17].

В колхозах Таштыпского района колхозно-совхозный кинофестиваль начался 5 февраля. В дни кинофестиваля в Таштыпе за 12 дней дано 66 киносеансов, 28 из них – для детей [19]. В Боготоле колхозно-совхозный кинофестиваль начался в середине февраля. Кинофестиваль проводился в кинотеатре «Совкино». Перед началом каждого киносеанса зрителям объяснялось краткое содержание и значение кинокартины. В день открытия колхозного кинофестиваля присутствовало около 200 колхозников [5].

Из колхоза «Клич Сталина» в районный центр Курагино на просмотр фильма даже пришла команда лыжников из 16 человек (прошли 35 км за 3,5 часа). За 12 дней колхозно-совхозного кинофестиваля в Курагинском клубе побывало более 10 тысяч жителей и проведено 19 бесед, прочитано 2 доклада и 9 лекций [11]. Молодые сельские жители по-своему преодолевали транспортные трудности для того, чтобы побывать на кинофестивале.

В феврале закончился краевой колхозно-совхозный кинофестиваль в первой группе районов Минусинского и Ачинского кустов. По данным 8 районов (Краснотуранск, Идра, Каратуз, Курагино, Тюхтет, Назарово, Боготол, Ачинск), фестиваль посетило 55200 человек, в том числе 11 тысяч человек, приехавших в кинотеатры из близлежащих колхозов. Большой популярностью пользовались фильмы «Яков Свердлов» и «Человек с ружьем» [11]. Это говорило о том, что «пропагандистская машина» накануне войны работала хорошо.

В марте 1941 г. закончился колхозно-совхозный кинофестиваль в Ширинском районе. Около 7 тысяч зрителей посетило 49 киносеансов [19]. Запланированные для просмотра фильмы практически не отличались в разных районах.

Первый колхозно-совхозный кинофестиваль прошел как кампания большого культурного и политического значения. Его сопровождали беседы, лекции, доклады, громкие читки, увеселительные мероприятия, выставки и фотомонтажи. Помещения сельских кинотеатров и клубов оформлялись лозунгами, плакатами и портретами. Лучшие агитаторы, массовики и пропагандисты райкомов партии и комсомола помогали им ярче и полнее воспринимать содержание кинокартин. Передовики сельского хозяйства, промышленности и транспорта, участники боев с белофиннами, орденоносцы и депутаты Советов рассказывали зрителям о своей деятельности.

Кинофестиваль являлся праздником советского киноискусства, могучим средством оживления самодеятельности и культурной жизни. Всего кинофестивалем было охвачено 130 тысяч зрителей, в том числе 21 тысяча колхозников, приезжавших в районные центры из отдаленных сел и колхозов, и 50 тысяч школьников. Особенно показательна хорошая работа в Каратузском, Курагинском, Тюхтетском, Ширинском районах в отличие от Емельяновского.

К недостаткам кинофестиваля следует отнести не совсем удачно составленный репертуар (в него попали ранее демонстрировавшиеся фильмы), в большинстве районов сеансы проводились только в районных центрах, поэтому жители отдаленных сел не всегда могли приехать. В Назарово из-за плохого состояния киноаппаратуры сорвалось 7 сеансов.

Учитывая культурные запросы сельского населения, Управление кинофикации совместно с Главкинопрокатом решило провести с 1 июня по 1 августа 2-й краевой колхозно-совхозный кинофестиваль по западной и восточной группам районов. Фильмы должны демонстрироваться не в районных центрах, а в других крупных населенных пунктах районов. Зрители должны увидеть новые звуковые художественные фильмы – «Суворов», «Богдан Хмельницкий», «Салават Юлаев», «Дружба» и другие [4].

Краевое управление кинофикации при исполкоме крайсовета для обслуживания колхозников во время сева запланировало направить 10 мая две культбригады с автозвуковыми кинопередвижками по маршрутам Красноярск-Енисейск, Красноярск-Уяр. Культбригады должны были обслужить 62 населенных пункта [2]. Колхозники Емельяновского, Сухобузимского, Большемуртинского, Казачинского и Енисейского

районов посмотрели новые фильмы «Салават Юлаев» и «Суворов». В Советском, Манском и Уярском районах продемонстрировали кинокартины «Яков Свердлов» и «Гибель орла».

В кинотеатре «Железнодорожник» с 17 февраля по 2 марта Политотдел Красноярской дороги «Главкинопрокат» и Управление кинофикации запланировали провести в рамках Всесоюзного кинофестиваля железнодорожников в Красноярском крае в начале 1941 г. показ приключенческих, историко-биографических фильмов, драм: «Гибель орла» (1940) режиссера В. Журавлева, «Суворов» режиссеров В. Пудовкина и М. Доллера (1940), которому посвящена большая статья в краевой газете [6], «Яков Свердлов» С. Юткевича (1940). Перед началом сеансов проводились лекции, беседы и концерты [9]. Зрителям предложено написать отзывы о просмотренных фильмах и перечислить желаемые для дальнейшего показа [20]. Часть фильмов в колхозно-совхозном и железнодорожном фестивалях была одинаковой («Яков Свердлов», «Гибель орла» и другие).

В начале 1941 г. в Красноярске не было специального детского кинотеатра, где, кроме просмотра кинокартин, можно было бы организовывать игры, выступление детской художественной самодеятельности, детского хора и джаза. Детские фильмы юные зрители смотрели после взрослых. 420 школьников Красноярска считали, что в городе можно найти здание для детского кинотеатра. В ответ ребята пообещали в нём хорошо организовать работу кружков [13].

По распоряжению начальника Главного управления массовой печати и проката кинофильмов с 1 марта новые кинокартины должны были отправляться в Игарку непосредственно с кинофабрик. В начале марта в неё выслали из Красноярска самолетом новые фильмы: «Ветер с Востока» и «Весенний поток» [10]. Первому фильму была посвящена большая статья [7].

В Красноярском крае работала экспедиция Новосибирской студии «Кинохроника» в составе кинооператоров С. Хмелева и В. Андриенко, которые засняли работу стахановца механического цеха депо Красноярск Пестерникова, выполнившего норму на 1.400%, Сибирский лесотехнический институт и Красноярскую обувную фабрику «Спартак» [8]. С.В. Хмелев и ассистент оператора Г.Н. Заречный снимали горно-лыжные соревнования для всесоюзного киножурнала и для журнала «Сибирь на экране» [21].

Часть демонстрировавшихся документальных фильмов имела военно-оборонительный и спортивный характер. В их числе: «О лыжной подготовке бойца», «Использование лыж в бою». К спортивным кинолентам относились: «Техника и приемы лыжного спорта», «Футбол» с советскими футболистами Ильиным, Семичасным, Федотовым, Фроловым. Чемпионов и рекордсменов СССР по легкой атлетике Демина, Мицис, Турову, Головкина, Пугачевского, Степанченко можно было увидеть в фильме «Легкая атлетика» [14]. Не все фильмы готовили молодежь к обороне.

Главное управление кинофикации организовало в Красноярске централизованные постоянно действующие курсы киномехаников звукового кино на 300 учащихся. Это давало возможность иметь для нашего края достаточное количество квалифицированных работников звуковых стационарных и передвижных киноустановок. В 1941 г. намечено организовать по краю 5 киноремонтных мастерских. Одновременно планировалось озвучить в 20 районных центрах нашего края стационарные сельские кинотеатры [22]. Кроме этого, Красноярское управление кинофикации в 1941 г. должно получить большую партию звуковой киноаппаратуры для сельских и колхозных клубов: 26 звуковых узкопленочных и 40 широкопленочных гужеустановок [16].

В 1941 г. в Красноярском крае уделялось большое внимание развитию киносети. Было намечено строительство кинотеатров в селе Уяр – на 300 мест и в селе Таштып Хакасской автономной области – на 150 мест. Планировалось закончить строительство кинотеатра в Абакане на 500 мест, который должен быть одним из красивейших в Сибири. Стоимость строительства всех кинотеатров – 1.750.000 рублей. В поселке Клюквенном Уярского района уже строился типовой кинотеатр на 200 мест с большим фойе, буфетом, читальным залом и эстрадой для выступлений джаз - оркестра. [3]. Районы края в 1941 г. должны были получить около 100 новых звуковых кинопередвижек и киноустановок

клубного типа. К концу года их должно быть – 521 [15].

Накануне Великой Отечественной войны кинематограф развивался по разным направлениям. Проводились кинофестивали в городе и сельской местности, охватывающие детей, снимались документальные кинофильмы, строились кинотеатры, обновлялась звуковая киноаппаратура, организовывались постоянно действующие курсы киномехаников звукового кино и киноремонтные мастерские. Усиливался охват новыми кинофильмами северных районов. Не был решен вопрос о детских кинотеатрах.

Список литературы

[1] Больше внимания политпросветучреждениям // Красноярский рабочий. 1941. 25 января. № 20 (6750). С.4.

[2] Бригады для кинообслуживания колхозников. Р. Любутский // Красноярский рабочий. 1941. 27 апреля. № 99 (6829). С.3.

[3] В поселке Клюквенном строится кинотеатр. Н. Псурцев. // Красноярский рабочий. 1941. 11 апреля. № 85 (6815). С.4

[4] Итоги краевого кинофестиваля. Ив. Гер // Красноярский рабочий. 1941. 26 апреля. № 98 (6828). С.3.

[5] Кинофестиваль в Боготольском районе // Красноярский рабочий. 1941. 13 февраля. № 36 (6766). С.4.

[6] Кино. Фильм о гениальном полководце. И. Цвейтов. А. Нижегородов // Красноярский рабочий. 1941. 23 февраля. № 45 (6775). С.4.

[7] Кино. «Ветер с Востока» // Красноярский рабочий. 1941. 7 марта. № 55 (6785). С.4.

[8] Киносъемки в крае // Красноярский рабочий. 1941. 12 января. № 10 (6740). С.4.

[9] Кинотеатр «Железнодорожник» // Красноярский рабочий. 1941. 11 февраля. № 34 (6764). С.4.

[10] Кинообслуживание Игарки // Красноярский рабочий. 1941. 12 марта. № 59 (6789). С.4.

[11] Колхозный фестиваль. В. Олеярник. Начальник эксплуатационного отдела управления кинофикации // Красноярский рабочий. 1941. 11 марта. № 58 (6788). С.4.

[12] Лучшая изба-читальня. И. Маурин. Инспектор-методист Красноярского методического кабинета политпросветработы // 1941. 26 февраля. № 47 (6777). С.2.

[13] Нам нужен детский кинотеатр. По поручению 420 школьников письмо подписали 66 человек // Красноярский рабочий. 1941. 26 марта. № 71 (6801). С.4.

[14] Новые оборонные фильмы // Красноярский рабочий. 1941. 12 февраля. № 35 (6765). С.1.

[15] Новые кинотеатры, кинопередвижки И.Светин // Красноярский рабочий. 1941. 16 января. № 13 (6743). С.1.

[16] Новая киноаппаратура. К. Варыгин // Красноярский рабочий. 1941. 7 марта. № 55 (6785). С.4.

[17] Организованно провести кинофестиваль в селах нашего края. В. Любутский // Красноярский рабочий. 1941. 28 января. № 22 (6752). С.1.

[18] По страницам газет края. Кинофестиваль // Красноярский рабочий. 1941. 11 февраля. № 34 (6764). С.4.

[19] По Хакассии. // Красноярский рабочий. 1941. 7 мая. № 105 (6835). С.4.

[20] По Хакассии // Красноярский рабочий. 1941. 30 марта. № 75 (6805). С.4.

[21] Политотдел Красноярской дороги «Главкинопрокат» и Управление кинофикации // Красноярский рабочий. 1941. 19 февраля. № 41 (6771). С.4.

[22] Съемка горно-лыжного праздника для киножурналов // Красноярский рабочий. 1941. 13 марта. № 60 (6790). С.4.

[23] Хроника кино // Красноярский рабочий. 1941. 1 февраля. № 26 (6756). С.4.

УДК 377.8

Практика наставничества на примере Красноярской учительской семинарии в конце XIX в.

Синегуб Виктория Евгеньевна
Аспирант, научный сотрудник отдела истории, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.
pretty.pestova@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0002-6446-3392

АННОТАЦИЯ В статье производится историческая реконструкция образовательно-воспитательного процесса в Красноярской учительской семинарии в конце XIX в. Автор на примере конкретных фактов описывает педагогический опыт института наставничества, применяемый для кадровой подготовки учителей сельской школы. Характеризует формы наставничества (классное, дежурное и групповое), раскрывает должностные обязанности преподавателей. На основании анализа исторических исследований и архивных источников государственного архива Красноярского края автор делает вывод о том, что наставники подходили целенаправленно к нравственному воспитанию воспитанников, учитывали условия труда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярская учительская семинария, педагогическое образование, наставничество

Сегодня в век инноваций в современном педагогическом образовании немалое место отводится развитию наставничества. Многие отечественные исследователи изучали и продолжают изучать явление наставничества. Одним из первых современных ученых, кто выделил наставничество как важный элемент входа в профессию, был С.Г. Вершловский. По его мнению, наставничество – это такой способ подготовки к осуществлению образовательной деятельности, обеспечивающий работоспособность педагога с опорой на опытного наставника, что способствует изучению работы как изнутри, так и на практике [1, с. 76].

И.В. Круглова отмечает, что система наставничества способна «интенсифицировать процесс профессионального становления молодого учителя и формирования у него мотивации к самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации» [2, с. 3].

Е.Ю. Илалтдинова, И.Ф. Фильченкова и С.В. Фролова в своем исследовании рассматривают наставничество как неотъемлемый элемент разработанной в Мининском университете новой модели целевой подготовки педагогов, который позволит адаптировать выпускников педагогических вузов и удержать их в профессии. Наставничество включает психолого-педагогическое, информационно-методическое сопровождение молодого учителя, а также способствует его профессиональной социализации [2, с. 4].

Н.М. Полетаева и Л.Е. Лукина называют наставничество одной из самых древних и эффективных технологий формирования педагогических кадров на основе субъект-субъектных отношений. В своей научной статье исследователи ссылаются на древнего мыслителя Платона, который говорил о важности роли наставника в процессе постижения мира идей подопечным [Там же].

Итак, обзор литературы показал, что отечественные исследователи выделяют наставничество как один из важнейших элементов входа молодого специалиста в профессию. Оно способствует интеграции молодого педагога в профессиональную среду и социализации в ней [2, с. 5].

В этих условиях становится актуальным изучение опыта наставничества на примере отдельных регионов.

Территория Енисейской губернии была существенно отделена от европейской части России, но этот факт не затруднял становления педагогического образования.

В Красноярской учительской семинарии, открытой одной из первых в Восточной Сибири (1873 г.), применялись передовые практики в образовании и воспитании.

Анализ образовательной системы учебного заведения показал, что в течении всего срока обучения, а именно трех лет, проходила подготовка юношей к активной трудовой деятельности. Она осуществлялась посредством прямого наставничества т.е. постоянного взаимодействия с учащимися. Под этим термином (от английского слова «mentor») понимался способ передачи знаний, умений, навыков юному студенту от опытного, мудрого, обладающего уникальными знаниями наставника (преподавателя), который характеризовался помощью, поддержкой и сопровождением в профессиональном пути.

В семинарии понимали, что только высококлафицированные специалисты способны помочь студентам реализовать их потенциал. Подбор педагогического состава проходил с особой филигранностью. Безусловно ключевым требованием был соответствующий образовательный ценз, но также учитывались морально-нравственные личностные качества, религиозные и политические взгляды потенциальных кандидатов.

В 1894 г. в штат служащих семинарии входили: директор, законоучитель и наставники (русского языка; истории и географии; арифметики и геометрии; учитель начального училища при семинарии и преподаватель музыки и пения, учитель гимнастики) [4, л. 11]. Они были активно задействованы в следующих формах наставничества: классном, дежурном и групповом.

В рамках классной, или коллективной, формы наставничества один взрослый работал с целым классом, наставник контролировал образовательный процесс (расписание, учебную нагрузку и др.). В этой связи каждую четверть он сдавал отчеты о пропусках, дисциплине и успеваемости. Классный наставник заполнял штрафной журнал (кондуит), в котором фиксировал проступки, причины неблагополучного поведения учащихся и форму взыскания. Он учитывал количество пропусков и выставлял оценку за поведение, ее утверждал или опровергал педагогический совет (свидетельство об окончании семинарии также содержало оценку за поведение). Замечания в журнал могли внести все члены педагогического состава. Также наставник назначал дежурных учеников по классу и следил за подержанием ими порядка.

Кроме классного наставничества имелось и дежурное. В данном случае из членов педагогического совета учебного заведения в порядке очереди назначался дежурный наставник. В его обязанности входил надзор за поведением, учебными занятиями воспитанников и общим порядком в помещении классов семинарии. Он вел особый «дневник», куда ежедневно записывалась внутренняя и внешняя жизнь учебного заведения [5, л. 9].

Групповое наставничество подразумевало работу одного наставника-наблюдателя с ограниченным количеством студентов. В его должностные обязанности входило регулярное руководство группой наставляемых на протяжении длительного периода времени, он должен был знать все о своих подопечных (психологические особенности, жилищно-бытовые условия и др.). Наставник не только вел надзор за дисциплиной, но и в случае проступков, неуспеваемости студентов выходил на связь с родителями и родственниками воспитанников. При пропуске занятий наставник посещал учеников и лично убеждался в причинах неявки. Также в обязательном порядке наставник просматривал письменные работы, тетради, учебные принадлежности учащихся, и проводил беседы, которые содержали указания и советы.

Такую работу проводили четыре наставника-наблюдателя, включая директора. Не входили в их число законоучитель, так как он вел общее за всеми учениками наблюдение, и учитель начального училища, которому поручались учащиеся начальной (образцовой) школы при семинарии [8, с. 27-30].

По окончанию трехгодичного курса обучения наставник подготавливал

педагогическому совету характеристику на каждого его учащегося, в которой описывалась кратко биография, недостатки, сильные стороны, а также расположенность к педагогической профессии. Эту характеристику предоставляли потенциальным работодателям.

Приведем одну из таких характеристик, датируемую 1900 г.

Кутихин Алексей Васильевич, сын крестьянина села Ирбейского Канского уезда. Матери лишился в 9 лет, отец же пьет и совершенно бедного состояния. Первоначально образование Кутихин получил в Рыбинском трехклассном училище на средства дяди; когда же дядя помер, то Кутихин остался без всяких средств к жизни окончил курс в Рыбинском училище, только благодаря участию учителя, изыскавшего для этого средств. На благотворительные же средства, собранные учителем, Кутихин поступил в учительскую семинарию. Во время прохождения семинарского курса Кутихин выказал очень хорошие способности; шел по наукам все время в числе первых учеников, отличается примерным трудолюбием и исполнительностью. Характер у Кутихина самостоятельный по отношению к товарищам держал себя независимо за, что не пользовался поведенным их расположением. К воспитателям-наставникам Кутихин относился с доверием. Практические занятия в школе Кутихин вел с усердием и разумным применением методических правил. Ведение преподавания отличалось распорядительностью и внимательным отношением к детям. Кутихин отличался большой любознательностью и любовью к серьезному чтению для пополнения своих знаний. Можно высказаться, что Кутихин не остановится в своем развитии и из него выработается деятельный сельский учитель [5, л. 38].

Данная характеристика свидетельствует о том, что главной целью педагогического процесса было не только обучение, но и нравственное воспитание студентов.

Директор Красноярской учительской семинарии с 1873 по 1893 гг. Иван Тимофеевич Савенков ключевое место в педагогической работе отводил личности сельского учителя. В разработанном им труде – «Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий и народным учителям», он писал: «Внимательно следите за каждым своим словом и поступком, учить примером столько же, сколько и наставлением» [6, с. 9]. Эта работа была основана на трудах педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Он выступал за то, что наставник должен обладать как теоретическим, так и профессиональным опытом – такие качества позволяли успешно осуществлять профессиональную адаптацию личности.

Педагогический персонал семинарии стремился создать благоприятную нравственно-гигиеническую обстановку, предотвращающую проступки. Учащихся приучали к самостоятельности, дисциплине, и ответственности. Формированию данных навыков способствовали действующие организационные правила семинарии. Они были тщательно и подробно прописаны. Наставники и директор определяли наказание для провинившихся учащихся.

Приведем несколько мер взысканий из списка учебного заведения:

1. порицание, выговор без дальнейших последствий, выговор с предварением дальнейших последствий;
2. выговор преподавателя наедине, выговор перед классом, выговор с предварением дальнейших взысканий;
3. стояние воспитанника на месте отдельно от воспитанников или при них более или менее продолжительное время;
4. сообщение о проступке классному наставнику, что влекло или выговор наставника, или внесение в штрафной журнал;
5. оставление в семинарии не более как на один час по окончании уроков;

6. за неоднократное нарушение в виде невыученных уроков ученики оставались на более продолжительное время после уроков, и даже в течение нескольких дней;

7. в случае продолжающейся лености воспитанник приглашался в семинарию по выходных дням и в праздники.

Если же приведенные выше меры были безуспешны, то использовались следующие:

- выговор директора наедине;
- выговор перед классом с внесением в штрафной журнал;
- выговор, несущий за собой понижение отметки по поведению;
- удаление из семинарии.

К коллективным проступкам применяли:

– выговор директора с внесением в штрафной журнал;

– выговор от лица педагогического совета с уменьшением отметки за поведение;

– выговор от имени педагогического совета с немедленным сниманием с виновных стипендиатов права на получении стипендии и удалением из семинарии своекоштных (своекоштными называли студентов, которые обучались за собственный счет и жили на вольной квартире) [3, л. 264–266].

Из приведенного перечня видно, что суровость наказания напрямую зависела от серьезности проступков. Все меры взысканий применялись для того, чтобы исправить воспитанника. Само наказание как таковое побуждало учеников пересмотреть свое поведение.

Помимо системы дисциплинарных взысканий преподаватели занимались воспитательной работой, в ходе которой развивали эстетические чувства, формировали систему убеждений, воспитывали навыки и привычки поведения. Особая роль отводилась физическому труду. Поскольку сельскому учителю предстояла тесная связь с социальной средой, крестьянской массой, основным контингентом населения Енисейской губернии. Учебная программа семинарии включала практические ремесла: столярное, переплетное, которыми занимались жители тех мест, где планировали работать учителя. Они способствовали развитию волевых качеств (целеустремленности, настойчивости, упорства и др.). Навык владения ремеслами сближал будущих сельских учителей с крестьянским сословием.

Уровень грамотности сельского населения в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно. К началу 1890-х гг. по четырем округам (Красноярскому, Канскому, Минусинскому и Ачинскому) он составлял 6,5% [7, с. 211]. Согласно, материалам Первой всероссийской переписи 1897 г., грамотность во всей Енисейской губернии составляла 13,6 % [9, с. 205]. Такие показатели демонстрируют низкий образовательный уровень. К тому же большая часть грамотных имела только начальное образование, их навыки ограничивались письмом и чтением. В целом крестьянство по самосознанию стояло неизмеримо ниже учителя.

В обязательном порядке в сельскую местность отправлялись работать казеннокоштные учащиеся, получавшие казенную стипендию. Они были обязаны отработать в течении 4-х лет после окончания семинарии в школе или возместить средства, затраченные на их обучение. Требование не распространялось на своекоштных.

В этих условиях на сельском учителе лежала ответственная миссия «проводника знаний». Поэтому он должен был всегда быть носителем высоких моральных и гражданских достоинств.

Приведенные выше факты убеждают в том, что наставники при организации образовательно-воспитательного процесса в Красноярской учительской семинарии, исходили из условий труда выпускников, будущих учителей народного училища. Применяемые комбинированные формы наставничества способствовали усвоению образовательной программы учебного заведения, а также формированию профессиональных компетенций.

Список литературы

[1] Вершловский С.Г. Особенности профессионального становления молодого учителя // Сов. Педагогика. 2014. № 1. С. 76-84.

[2] Игнатьева Е.В., Базарнова Н.Д. Наставничество в современной школе: миф или реальность? // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, №2. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-v-sovremennoy-shkole-mif-ili-realnost/viewer (дата обращения: 29.06.2022).

[3] Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ ГАКК). Фонд 349. Оп. 1. Д. 7. Л. 264-266.

[4] КГКУ ГАКК. Фонд 349. Оп. 1. Д. 213. Л. 11.

[5] КГКУ ГАКК. Фонд 349. Оп. 1. Д. 266. Л. 9, 38.

[6] Савенков И.Т. Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий и народным учителям. О главнейших обязанностях сельского учителя. Красноярск : тип. А.Д. Жилина, 1892. 51 с.

[7] Федорова В.И. Школа-учитель-общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2015. 244 с.

[8] Шилов А.И., Пестова В.Е. Развитие профессионального образования в Восточной Сибири в конце XIX – первые годы XX вв. Красноярск : Краснояр. Гос. Пед. Ун-т им. В.П. Астафьева, 2020. 310 с.

[9] Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск : Сибирское областное гос. из-во, 1923. 246 с.

УДК 377.8 УДК 821.512

Урянхайско-тувинская энциклопедия к 100-летию Тувинской Народной Республики

Харунов Рамиль Шатмуратович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл, Республики Тыва

Харунова Марианна Монге-Байыровна
Кандидат исторических наук, заведующий Отделом аспирантуры, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

аннотация В статье рассматривается работа тувинских ученых с коллегами тувиноведами других научных учреждений России по созданию «Урянхайско-тувинской энциклопедии» в 2-х томах. Представлены особенности организации коллективной работы научного сообщества Тувы в условиях отсутствия в республике специализированного научного учреждения по подготовке энциклопедических изданий. Отмечено сотрудничество с энциклопедистами Республик Татарстан и Башкортостан, оказавшим научно-методическую, консультационную и моральную поддержку в работе над «УТЭ». Указаны особенности содержания «Словника», определенные исторического и культурного развития народов Тувы. А также показаны источники финансирования издания, которыми явились Фонд Президентских грантов и Правительство Республики Тыва.

ключевые слова Тува, энциклопедия, тувиноведы, ООО «Мир тувинцев», «Татарская энциклопедия», «Башкирская энциклопедия», «Словник», Фонд президентских грантов, «Урянхайско-тувинская энциклопедия».

В Туве работа над региональной энциклопедией началась не так давно, в 2016 г., хотя идея ее создания обсуждалась за несколько лет до этого. У данного обстоятельства, на наш взгляд, есть несколько объективных причин. Дело в том, что в республике, как и во многих субъектах, нет специализированного научного учреждения, в задачи которого бы входила подготовка энциклопедических изданий универсального и специального содержания. Нет специально-подготовленных кадров специалистов – энциклопедистов. Также общеизвестно, что подготовка энциклопедий требует значительных финансовых затрат, которые не под силу республике с дотационным бюджетом.

Несмотря на все выше названные обстоятельства, научные и другие учреждения республики под руководством Тувинского республиканского общественного объединения «Мир тувинцев», руководителем которого является Бичелдей К.А., д.ф.н., директор Национального музея им. Алдан-Маадыр, включились в подготовку «УТЭ» в 2-х томах, решив приурочить ее издание к 100-летию Тувинской Народной Республики, которое праздновалось в 2021 году.

Можно выделить три основных вопроса, решение которых позволило реализовать данный проект. Это научно-методический, организационный и финансовый.

Одним из ключевых является конечно же научно-методический аспект. С самых первых дней работы над энциклопедией неоценимую поддержку по вопросам ее концепции, структуры, методики, порядка работы, научной организации и, в том числе по подготовке «Генерального словника» оказал Гумер Салихович Сабирзянов, к.и.н., заслуженный работник культуры Татарской АССР, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая. Имея бесценный опыт разработчика и автора многотомной «Татарской энциклопедии», он является научным консультантом и строгим редактором и для участников данного проекта. Знание тувинского материала, так сказать, изнутри

(Гумер Салихович жил и работал в Туве, защитил кандидатскую диссертацию и написал монографию по вопросам партийного руководства образованием в республике), позволяет ему объективно оценивать состояние дел и качество работ по энциклопедии.

26 апреля 2016 г. подписано Соглашение о научном сотрудничестве между обособленным подразделением «Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан» и «Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований». Ответственным научно-методическим редактором со стороны ИТЭ АН РТ назначен Сабирзянов Гумера Салихович.

В рамках конференции «Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России», состоявшейся 29–30 сентября 2016 г. в г. Уфе, подписано рамочное соглашение между ТИГИ и Научно-издательским комплексом «Башкирская энциклопедия» о взаимодействии и сотрудничестве. Клара Ишбулдиновна Аглиуллина, заместитель директора оказывает научно-методическую помощь в работе над «Урянхайско-тувинской энциклопедией». Необходимо отметить, что подобные конференции являются поддержкой для малоопытных коллективов, позволяющих посредством обмена опытом и общения углубить научно-методическое содержание работы над энциклопедическими изданиями.

Профессиональная поддержка опытных энциклопедистов России, любезно предоставленные ими методические материалы, а также «Татарской энциклопедический словарь. Словник», позволили нам провести научно-методические семинары для отраслевых редколлегий, а также издать методические рекомендации для авторов энциклопедии.

Поскольку перед создателями энциклопедии стояла задача создать систематизированный свод научной знаний об истории и современном состоянии Республики Тыва, о природе и природных ресурсах, населении, экономике, государственном и общественном устройстве, культуре во всей широте этого понятия (образование, наука, религии, искусство, средства массовой информации, книгоиздательское дело), спорте, здравоохранении, связях РТ с другими регионами Российской Федерации и зарубежными странами, ознакомить широкий круг читателей с выдающимися историческими личностями, видными государственными, общественными деятелями, учеными, писателями, деятелями искусства, новаторами производства и т.д., связанными своей жизнью и творчеством с Тувой, а также известными деятелями из Тувы, проживающими за ее пределами, то в качестве авторов статей выступили коллективы всех научных и других учреждений республики. Это: Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Тувинский государственный университет, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Тувинский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления РТ, Убсунурский международный центр биосферных исследований, Институт развития национальной школы Министерства образования и науки РТ, Национальный музей им. Алдан-Маадыр РТ, Государственный архив РТ , Национальная библиотека им. А.С. Пушкина РТ, Центр развития народных традиций и ремесел РТ.

Организационный аспект подразумевал выработку механизма взаимодействия ученых республики в отраслевых редколлегиях и координацию их работы. При этом необходимо отметить, что первые два года работа велась исключительно на общественных началах. Были созданы отраслевые редколлегии по основным научным направлениям с ответственными редакторами и секретарями, был составлен список авторов, в число которых вошли не только ученые республики, но коллеги-тувиноведы других научных центров России: из Новосибирска, Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, а также из институтов Академии наук Монголии. Были определены

научные консультанты. Всего над энциклопедией работали более 200 человек.

Для удобства и повышения качества работы над энциклопедией усилиями научных учреждений республики в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва была создана временная специальная библиотека, в которой собрали справочные издания, словари, фундаментальные труды по Туве, различные энциклопедии, прежде всего региональные, такие как «Башкирская энциклопедия», «Татарская энциклопедия» и др.

Инициатива научной общественности республики получила поддержку Правительства Тувы и лично Главы Республики Ш. Кара-оола. В 2018 г. был издан Указ Главы «О подготовке и издании «Урянхайско-тувинской энциклопедии» и утвержден состав научно-редакционного совета.

В 2018 г. общественное объединение «Мир тувинцев» подало заявку и получило поддержку Фонда президентских грантов на 2,5 млн. руб., республиканское софинансирование составило 462 480 руб. В марте 2019 г. издан «Словник Урянхайско-тувинской энциклопедии» в кол-ве 3000 экз., который прошел общественное обсуждение. 1000 экз. были подарены в 184 школьные библиотеки, 1000 экз. в 173 городские и сельские библиотеки, остальной тираж был распределен между др. образовательным и научными учреждениями республики.

Словник стал основой для создания энциклопедии. Это единый сводный список слов и понятий, так называемых «черных слов», которые рекомендованы для включения в «Урянхайско-тувинскую энциклопедию». Словник послужил основой для формирования отраслевых словников. В «Словник УТЭ» вошли более 12 тыс. черных слов. Он состоит из 2-х равнозначных частей: а) отраслевой словник – для удобства работы составителей словника; б) алфавитный словник – для удобства широкого круга читателей.

Своеобразие исторического и культурного развития Тувы и ее народов получило отражение в содержании «Генерального словника». Например, в словник включен раздел «Аржааны. Аржаанология» (аржаан – целебная вода, целебный источник).

Определенную дискуссию среди ученых вызвал вопрос использования терминов на тувинском языке, широко вошедших в речевой оборот и используемых в русском языке. Например, хоомей – горловое пение или хоомейжи – исполнитель горлового пения. Было решено включить их на тувинском языке.

Важным для коллектива, работающего над тувинской энциклопедией, явилось осознание того, что ее содержание должно отражать общемировые исторические процессы применительно к развитию Тувы и ее народов, а не дублировать содержание других энциклопедических изданий.

Летом 2020 г. «Мир тувинцев» получил поддержку от Фонда президентских грантов на подготовку и издание «I тома Урянхайско-тувинской энциклопедии» - 3 млн. руб., республиканское софинансирование составило 1 913 000 руб.

В 2021 г. также была получена поддержка от Фонда президентских грантов на «II том Урянхайско-тувинской энциклопедии» – 3 055 975 руб., софинансирование республики – 1 525 000 руб.

10 июня 2022 г. в Доме Правительства Республики Тыва состоялась торжественная презентация 2-томной «Урянхайско-тувинской энциклопедии», в которой приняли участие авторы статей, редакторы, организаторы работы над энциклопедией, государственные и общественные деятели республики.

В перспективе хотелось бы увидеть результаты труда по «УТЭ» в создаваемом интернет-ресурсе «Вся Россия: электронная энциклопедия российских регионов», в которой будет представлена информация обо всех 85 регионах страны. С марта 2015 г. в разделе сайта РНБ «Региональные энциклопедии России» с официального письменного разрешения правообладателей публикуются электронные копии (в формате PDF) и электронные версии региональных энциклопедий. По ссылке https://nlr.ru/res/epubl/rue/tuva.html размещено описание 2 томов «Урянхайско-тувинской энциклопедии».

Список литературы

[1] Методические рекомендации по подготовке генерального словника Тувинской энциклопедии / Тув. ин-т гуманитар. и приклад. соц.-экон. исслед. – Кызыл, 2017. – 20 с.

[2] Словник «Урянхайско-тувинской энциклопедии» // ТРОО «Мир тувинцев». – Кызыл, 2019. – 388 с.

[3] Методические рекомендации по подготовке статей «Урянхайско-тувинской энциклопедии» // ТРОО «Мир тувинцев» / – Кызыл, 2019. – 52 с.

[4] Концепция многотомной «Башкирской энциклопедии» и дополнения к методическим указаниям по её подготовке // Научно-издательский комплекс «Башкирская энциклопедия» / – Уфа, 2015. – 59 с.

[5] Татарская энциклопедия: Методические указания. – Казань, 2002.

УДК 908.304

Особенности школьного образования в Енисейском районе: 1920-е годы XX века

Худышкина Светлана Петровна
Заместитель директора по основной деятельности, Енисейский историко-архитектурный музей заповедник им. А.И. Кытманова, г. Енисейск, Россия.
svetlana_petrovna_ok@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье раскрываются специфические особенности становления школьного образования в Енисейском районе в 1920-е годы и его проблематике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА образование, антирелигиозное воспитание, учитель, школа, село.

В XIX и начале XX века в селах обучение детей осуществлялось через систему церковно-приходского обучения. После революции 1917 года, гражданской войны, голода и разрухи школу отделили от церкви. В Сибири с начала 1920-х годов школы преобразовались в единые трудовые первой и второй ступени. Школа делилась на две ступени: первая – дети с 8 до 13 лет и вторая с 13 до 17 лет. Обучение являлось бесплатным и обязательным для всех детей школьного возраста. Нуждающиеся учащиеся получали материальную помощь от государства. Девочки и мальчики стали обучатся совместно.

У школьных реформ 20-х годов были сторонники и противники. Многие исследователи считали, что хорошо, когда школа связана с жизнью, внимание к труду, организация самоуправления через пионерскую и комсомольскую организацию. Но противники такого подхода, критиковали единую трудовую школ за то, что она не давала систематических и полных знаний.

Для того, чтобы иметь более полное представление о функционировании школ в указанный период мной были проанализированы материалы МКУ «Енисейского районного архива» по учебно-воспитательной работе и годовые отчеты школ первой ступени за 1927-1928 и 1928-1929 учебный год сел Енисейского района. В этих отчетах можно увидеть не только процесс обучения в сельской школе со всеми деталями и подробностями, но и черты сельской жизни этого периода, социальные слои деревенского сообщества и материальное положение жителей.

Первый отчет, с которым я начала свою работу это отчет Яланской школы, Ялань издавна являлась центральным волостным селом Яланской волости. Расстояние от центра 362 версты и от районного города 31 верста. В район входило 3 поселения: Ялань - 138 хозяйств, д. Мордовская - 35 хозяйств, д. Подъяланная - 23 хозяйства, а всего 196 хозяйств с населением 848 человек. В Ялани - 614 человек, Мордовской - 125 человек и Подъяланной - 109 человек. Больше 40% населения составляли бедняки, остальные середняки и 1% кулаков. В 1928 году с. Ялань являлось центральным селом, где были сосредоточены все учреждения: сельский совет, изба-читальня, ликвидационный пункт, общество потребителей, а так же Яланская школа.

Школа носила наименование единой трудовой школы первой ступени. Существовала школа с 1830 года. До 1906 года занятия вели в частной квартире, после 1906 г. в собственном школьном здании. В 1920-х гг. материальное обеспечение школы складывалось из следующих показателей: три комнаты (большая – 62,34 кв. м; прихожая 22,75 кв. м; кухня 20,77 кв.м.). Обеспечение книгами: по чтению -50%, задачниками на 75%, грамматикой 45%, старая учебная литература 30-50%, пособиями – 30-40%, современной литературой 26 экземпляров, методической литературы 1 экземпляр. Таким образом,

можно сделать вывод о том, что в частности учебниками учащиеся были обеспечены, что нельзя было сказать о письменных принадлежностях, которыми обеспечивали по мере надобности. Существовала школа на бюджете сельского совета. Бюджет школы составлял - 174 руб. 38 коп. Работником школы являлась учительница Круглихина В., работающая первый год. Работала она с тремя группами. Всего школу посещали 50 человек. Из отчетных документов видно, что посещаемость школы учащимися начинает постепенно уменьшаться и к 15 мая она составила 45%. Причиной не посещаемости школы в основном сельскохозяйственные работы, отрывающие учащихся от школы и домашние обстоятельства. Пионеров в школе не было, т.к. в селе отсутствовали партийные организации. Перерывов в занятиях у учеников не было, за исключением каникул с 1 по 10 января 1928г.

В школе проводилось антирелигиозное воспитание, которое проявлялось в антирелигиозных беседах, чтении и отвлечении детей от празднования церковных праздников, проводя в эти дни школьные занятия.

Мало внимания уделялось физическому воспитанию детей. Для гимнастики и спортивных выступлений не было места при школе. Проводить занятия на улице во дворе в большинстве случаев не позволяли климатические условия, поэтому занятия проводились только в ясные теплые дни. В весенний период усилилась работа по физическому труду - это чистка колодцев и берегов рек от загрязнений, а так же загрязненных за много лет пришкольного участка и двора.

Занятия по художественному и изобразительному искусству состояли из свободных творческих работ детей. Эта работа выявлялась в рисунках и моделировании, в иллюстрированном рисовании по памяти. Так же в школе проводилось хоровое пение - это были сезонные, трудовые, шуточные, хороводные песни.

Общественно-полезная работа проявлялась в помощи сельскому совету, избе-читальне, в проведении революционных праздников, в распространении газет и литературы. Что касается детского самоуправления, то были избраны учебный комитет и санитарная комиссия. В состав учебного комитета входило 4 человека, которые поддерживали порядок в школе. В санитарную комиссию входило 3 человека, которые отвечали за санитарно-гигиенические работы.

Яланская школа занимала не последнее место в жизни села, она поддерживала связь с избой-читальней и сельским советом, как, например, совместное проведение праздников, сбор пожертвований в пользу Красного Креста. Со стороны сельского совета, а так же со стороны общественных организаций Яланской школе были оказаны содействие и помощь.

Примерно такие же отчеты присутствуют в архиве и от других школ Енисейского района. Это такие школы как: Плотбище, Малобелая, Усть-Кемь и др. Разница состояла в количестве детей охваченных обучением, техническим состоянием зданий, оснащенностью школ наглядными пособиями и учебной литературой, квалификацией учителей.

Для того, чтобы выявить типичные черты в функционировании школ мной были проанализировала и другие школьные отчеты этого периода, которые хранятся в Енисейском районном архиве. Это отчеты Верхнепашинской, Городищенской, Стрелковской, Шадринской и других школ Енисейского района. Все отчеты построены по одной отчетной схеме, в которую входили следующие пункты.

1) Общие вопросы: количество жителей на селе, их социальное положение и основные виды занятий, количество грамотных и безграмотных в населенном пункте. В целом количество населения в селах колеблется от 112 до 634 человек, грамотных жителей от 30% до 70%, причем чем ближе к городу Енисейску, тем больше грамотных в селе, например, в с. Верхнепашино из 132 человек грамотных от 14 до 40 лет – 70%, а в с. Стрелка и с. Коновщина (вместе) из 518 жителей грамотных всего 30% взрослых. Интересно, что

по отчету школы можно посмотреть хозяйственный уклад жителей села их основные занятия. Например, в с. Стрелка, с. Шадрино занимались: хлебопашеством, рыбным промыслом, охотой, извозом, а с. Верхнепашино характеризуется как село бедное, с низким уровнем экономического развития, жители которого занимались в основном дроворубом и сбытом своих продуктов в город Енисейск, в социальном положении это только крестьяне из них 35% бедняков и 65% середняков.

2) Материально-хозяйственное состояние школы: количество квадратных метров, освещение, количество воздуха, обеспечение инвентарем и т.п. В основном к концу 1920-х годов почти во всех селах это были специально выстроенные здания, в которых преимущественно была одна классная комната, комната учителя и кухня. Обеспечение инвентарем очень скудное, в основном это: глобус, метр, градусник, географические карты, счеты, лупа, встретился арифметический ящик и компас. Наличие книг в основном оставляет желать лучшего. Книги старые, не по темам обучения. Выписываются журналы: «Пионер», «Пионерская правда», «Знание сила», «Дружные ребята».

3) Работники школы: образование учителя, принадлежность к партии, обучение на курсах повышения квалификации, то выписывает педагог из газет и журналов и что читает, его заработная плата. В основном учителя сельских школ не имели специального образования. Чаще встречаются незаконченное высшее образование, педагогические курсы, классы образовательной школы с педагогическим уклоном. В заявлениях о приеме на работу встречаются такие мотивировки взять учителем в школу как опыт в воспитании малолетних детей. Квалифицированных педагогических кадров на селе не хватает, несмотря на то, что созданы долгосрочные курсы, инициаторами этих курсов стал Институт Народного Образования в г. Красноярске, поэтому открываются краткосрочные педагогические курсы в основном 2-х месячные включавшие в себя:1) общеобразовательный цикл с изучением: родной язык и литература – 36 часов, математика – 40 часов, естествознание -48 часов, экономическая география – 30 часов, обществоведение – 40 часов. Всего 194 часа; 2) методико-педагогический цикл с изучением: комплексная система и программа ГУСа (Сибирский вариант) – 22 часа, организация и методы работы по программе ГУСа (в том числе вопросы самоуправления и учета педагогической работы) – 38 часов, методика: обществоведение - 14 часов, естествознание – 14 часов, математика – 18 часов, родной язык – 18 часов. Всего: 124 часа. Весь учебный план двух месячных курсов был рассчитан на 318 часов в 53 учебных дня с 8 выходными.

Внимание уделялось и самообразованию учителя, какие журналы и газеты он выписывает и читает. Например, учитель В. Стефановский в своем отчете пишет, что ничего не выписывает «…за неимением средств». Учитель Шадринской школы выписывает «Учительскую газету», «Крокодил», «Красноярская звезда». Заработная плата составляла в этот период - 42 рубля.

4) Характеристика учащихся: по возрасту, социальному положению, количеству пропущенных уроков и их причины, состояние здоровья детей. В отчетах отмечается систематическое посещение школы учениками с ноября по февраль, с приближением весны начинается выбытие учащихся по семейным обстоятельствам, в основном это дети из семей середняков, которые начинали помогать семье готовиться к весеннему севу. Бывали случаи исключения учеников за хулиганство. Большинство детей посещающих школу это дети 8-10 лет. При медосмотре большинство детей признавались здоровыми встречались случаи анемии. Большинство обучающихся из бедняцких семей, практически нет детей зажиточных крестьян.

5) **Организационная работа:** количество учебных дней в среднем по разным отчетам составляло 157.

6) Содержание работы школы. Методы, применяемые на урокахв основном словестный и иллюстративный. Виды занятий: экскурсии – в основном 1% от общего времени, игры от 5% до 24% в разных школах, общественная жизнь 15%-20%. В отчете Верхнепашинской школы учитель пишет об этом критерии следующие данные в расчете часов в неделю: беседы – 4 часа, экскурсии -1 час, рисование – 3 часа, письмо – 5 часов, дежурство, собрания – ½ часа, учет и планирование – ½ часа, физкультура – ½ часа, пение -1/2 часа, ручной

труд – 1 час, счет, задачи, измерение – 5 часов. В стречаются сведения об организации исследовательской работы, например: изучение местной почвы и растительного мира, опыты со снегом и превращение его в пар. Трудовое воспитание включало в себя уборку школьного двора, пилку дров, изготовление потивопожарных табличек и т.п. Систематическая постановка спектаклей платных и бесплатных, проведение клубных вечеров. Зимой проведение игр на свежем воздухе: катание на льду, катание с горы на санках и лыжах, осенью и весной зарядка на свежем воздухе.

Особое внимание школы уделяли антирелигиозному воспитанию, по которому сдавались отдельные отчеты. Учителя проводили беседы на темы, например: «О происхождении земли», «Происхождение человека», «Земля как шар, понятие о климате» и др. причем по отчетам видно, что сначала темы давалась с точки зрения религии, затем с точки зрения науки и сравнивались две точки зрения. В отчете антирелигиозного воспитания школы д. Горская за 1929 год нашли информацию о том, что школу окружает религиозная деревня, присутствует вера в суеверия. В некоторых школах выписывался журнал «Безбожник в школе», проводились беседы по темам: «Домовой», «Шаман» и др. отмечалось, что посещение школы детьми в религиозные праздники значительно снижается. В отчете Енисейского района за 1929 год по религиозному воспитанию имеется следующая анкета, которая была проведена в конце учебного года в одной из школ района анонимно.

Вопрос	да	нет
Веришь ли ты в существование бога?	6	38
Молишься ли ты богу?	8	36
Посещаешь ли ты церковь?	6	38
Молишься ли ты по своему желанию?	5 (по принуж-дению 3)	

В отчете отмечается слабая подготовка учителей в антирелигиозном вопросе, так как они мало читают антирелигиозной литературы.

7) Организация детской среды. В каждой школе организуется учебная, санитарная и библиотечная комиссия, поводятся клубные вечера один - два раза в месяц, выпуск стенгазет. Организовывалась переписка с городскими школами среди учеников и поездки одного – двух ребят поездкой в город Енисейск с посещением Районной избирательной комиссии, музея, детского дома.

8) Учет работы. В этом пункте есть разные сведения о работе выставок, вечеров, родительских собраний и заседаний школьного совета.

В отчете Усть-Питской школы мне встретился «Бюджет времени дня учителя» выглядел он так:

Работа с ребятами	5 часов
Подготовка к урокам и канцелярская работа	4 часа
Самообслуживание	2 часа
Повышение квалификации	2 часа

9) Связь с райисполкомом и Окроно. В основном по отчетам связь с вышестоящими организациями только письменная. Бывает в школах инспектор Окроно, но этого очень мало для организации деятельности школы и методических консультаций.

10) Связь с населением. Школа проводит на селе революционные праздники на которых ученики выступают с приветствиями, спектаклями, докладами. Учителя проводят агитацию среди населения об оказании помощи школе (дровами, привозом воды, посудой и пр.). Описан в отчете случай о снабжении школы самоваром, что дало возможность горячего завтрака в школе из жаренной картошки которую дети приносят с собой. Также школа проводила обследование общественных организаций села, собирала родительские собрания.

11) Общественная работа учителя. Учитель был обязан участвовать во всех общественных работах на селе: выборы, праздники, займы и т.п. Например, компания по реализации займа обязала педагога с. Стрелка распространить займа на 100 рублей, но ему назначили распространение в количестве 182 рубля, что составило больше половины на весь сельский совет. Большое количество документов за 1929 год дают информацию об участии заведующего школой (учителя) в предвыборной компании. Это участие в: предвыборных собраниях, составление списка лишенцев, составление наказа, ознакомление с предвыборной компанией населения (беседы, доклады…) и учеников которых привлекали к разноске повесток, написанию лозунгов, составление списков избирателей по сельским советам. Учителя пишут, что общественная работа важна, но она наносит значительный ущерб школьной работе.

Изучив отчеты школ Енисейского района можно сказать, что документы являются важнейшим источником о жизни сельского населения в частности и образования в целом. Многие отчеты составлены очень подробно, снабжены таблицами и схемами учебной и общественной работы. Все отчеты составлялись по одному алгоритму и этот момент позволяет сравнивать школы по одинаковым параметрам. В целом в 1920-е годы образование Енисейского района испытывало большие трудности: нехватка школьного оборудования, библиотечного фонда, нехватка квалифицированных педагогических кадров. Географическая специфика района, удаленность сельских поселений от районного центра – города Енисейска затрудняло сообщения между школами и районным управлением образования. Сложности были в привлечении населения к образованию, просвещению и антирелигиозной пропаганде. Учитель имел высокую учебную и общественную нагрузку, не имел возможности пользоваться методическими пособиями и рекомендациями. Можно сказать, что школьное обучение в конкретной силе зависело от личности педагога, его образованности и морально-нравственных качеств.

Ученики занимались в не только обучением, но и пробовали себя в драмкружке, петли в школьном хоре, танцевали, ответственно относились к общественным поручениям, школьным собраниям, помогали отстающим, помогали односельчанам. Сами готовили все вечера, выпускали стенгазеты.

Тем не менее, роль школы в общественной жизни села увеличивалась, учителя вели разъяснительную работу среди населения, школа постепенно становилась культурным центром ее образовательное и воспитательное влияние распространялось не только на детское, но и на взрослое население.

Все мероприятия советской школы способствовали формированию чувства принадлежности к стране, не похожей на остальные страны мира – огромную роль играла политика, направленная на социализацию детей посредством обучения, вовлечение в политические организации, такие как пионерское движение, комсомольская организация и пропаганды включающей в себя школьные учебники, детскую литературу и плакаты.

Список литературы

[1] Беликова А.П. Основные тенденции развития содержания школьного образования в Сибири в период 20-х годов (1920-1931). - М., 1992.

[2] Бибикова В.В. Становление единой трудовой школы в 20-е годы XX века в Приенисесйкой Сибири. – Красноярск: Издательский дом «ВВВ», 2008.

[3] Колокольникова З. У., Казанкова О. А. Национальная школа в системе социального воспитания Приенисейской Сибири в 20-е годы XX века.

[4] МУ ЕГА, Ф. Р-26. Оп. 1, Д. 1.

[5] МУ ЕГА, Ф. Р-26. Оп. 1, Д. 2.

[6] Народное образование в СССР (1917-1974), сборник документов. - М., 1974.

[7] Школа Западной Сибири за 50 лет советской власти / под ред. Ф.Ф.Шамахова. – Новосибирск, 1970.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Молодые педагоги о перспективах исторического образования

УДК 398:682(571.53)

Кузнечное ремесло в устной памяти сибиряков

Малых Дарья Сергеевна
Студентка, ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
darmalykh2002@gmail.com

Смоляк Елизавета Алексеевна
Студентка, ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
Smolsmolyak@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Сохранение памяти о культурно-историческом прошлом сибирского села, стремительно меняющегося в реалиях современной жизни, является насущной задачей современных историков. Данная статья выполнена на материалах историко-этнографической экспедиции в сельские поселения Верхнего Приленья, хранящихся в фондах цифрового архива устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики педагогического института Иркутского государственного университета. Большую ценность имеют рассказы сибиряков, раскрывающие отношение к кузнецу в поселении. Особое место занимает детальное этнографическое описание колхозной кузницы, обнаруженной в деревне Шейно Качугского района Иркутской области. В описании указаны названия и размеры всех элементов, восстановлены утраченные и определено их функциональное предназначение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА кузница; кузнечное ремесло; устные воспоминания; Байкальская Сибирь.

При кафедре истории и методики Педагогического института ИГУ с 2006 г. ведется работа по созданию цифрового архива устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири, в рамках которой проводятся комплексные и точечные историко-этнографические экспедиции в сельские и городские поселения Прибайкалья [11]. В процессе работы историко-этнографической экспедиции (июнь, 2021 г.) в д. Шейна Качугского р-на Иркутской области на ул. Школьной по левой стороне от дороги (по направлению из Бутаково) нами была обнаружена разрушающаяся кузница. Работа по фотофиксации и описанию этого уникального объекта подтолкнула нас к созданию коллекции воспоминаний о кузнечном ремесле и других промыслах, которые были частью жизнеобеспечения сельского населения.

Кузнечное ремесло развивается с начала проникновения русских первопроходцев в Сибирь. Большое число кузнецов проживало в сельской местности, так как главными потребителями кузнечного производства были крестьяне. С началом коллективизации единоличный кузнечный промысел постепенно затух. Ему на смену пришли кузнечные мастерские. По мере развития техники и технологии обработки металла ценность профессии кузнеца постоянно снижалась. Политика укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных деревень привели к закрытию кузниц во многих деревнях. Менее чем за полвека бывшее востребованным кузнечное ремесло практически угасло.

Со слов жителей деревни, обнаруженная кузница сохранилась с колхозных времен. Она, вопреки обыкновению, находится почти в центре деревни.

> «У нас как-то, всё, это, как в школе учился, там кузница была. В середине деревни. Машинный двор был, потом это, в начале, как это, 80-х же? Ну в конце 80-х там это клуб, убрали машинный двор, в другое место перенесли и получилось, что, она все равно как-то там, это в центре деревни» [3].

Можно только предполагать, что такое размещение мастерской было связано с производственной необходимостью. Тем более что жилые постройки и производственные

помещения разместились на значительном расстоянии от кузницы.

Саму кузницу построили, вероятно, в 1950-х годах. *Так, вроде я с 56-го года. Ну она где-то чуть… ну наверно с тех и лет… с тех лет её (построили, авт.)* [3].

Кузница представляет собой одноэтажное здание, сруб, сложенный из гладко обтесанных лиственничных бревен, прямоугольной формы, размером 6,38 м на 4,97 м, в высоту 2,46 м.

Углы сложены рубкой в обло. Рубка «в обло», «в чашу» «с остатком» — соединение бревен полукруглой чашей «в полдерева», вырубленной в нижнем бревне, при этом концы бревен выпускались наружу [6, с. 310]. Глубина отступа бревна от стены – 0,1 м. Сами бревна в сечении составляют: в ширину – 0,09 м, в высоту – 0,17 м.

Перед кузницей слева находится пространство для подковки лошадей. Частично сохранились два из четырех столбов, к которым привязывали лошадь и таким образом можно было безопасно подковать ее. Вот что писал о данной конструкции Д. Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка»: «Бедная лошадь подвешивается на четырех ремнях, так что ее ноги вовсе не прикасаются к земле; три ноги привязываются к столбам, так что от кузнеца не требуется большого мужества, чтобы подковать четвертую, свободную ногу» [8, с. 209]. Вот что рассказывала о данной конструкции местная жительница:

> «А там кресло, там специально клетка загороженная. Их привязывали, их заводили, коней и там…. Под животом у две этих каких-то таких… Их потом лебедки поднимали, коней, чтоб они не дергались. А там ногу, спокойно куют её, к верху поднимут её, а там что, раскалённая подкова, это как? Жгёт же. А там как он? Бьётся-бьётся, а оторваться-то не может, там такие ремни широкие, я специально смотрела ходила» [2].

Около правого края передней стены расположен столб для привязи лошадей, заостренный сверху.

В фасаде прорублен четырехколодный дверной проем (1,61 м в высоту и 1,42 м в ширину), толщина дверного косяка 0,1 м. Косяки, колоды — брусья для обрамления дверных и оконных проемов в срубных стенах. Сама дверь одностворчатая, составная, скрепленная косыми шпонками. Шпонка — брусок трапециевидного сечения для сплачивания досок, плах или бревен, которые образуют единую конструкцию (дверные полотна, щиты, срубы «в реж» и пр.) [6, с. 310]. Дверь закреплена в проеме коваными петлями. По диагонали дверь скрепляет металлическая деталь, предположительно прикрепленная позже, для предотвращения разрушения дверного полотна.

На этой же стороне здания вырублены два оконных проема. Слева от двери – большое окно (0,88 м в высоту и 1,21 м в ширину) без ставней, с кованой решеткой (небольшой фрагмент решетки утрачен), четырехкосящатое с толщиной косяка 0,11 м. Справа от двери находится маленькое окно (0,31 м в высоту и 0,54 м в ширину), у которого есть вырубка под оконную раму, но сама рама отсутствует.

На левой стене расположено фигурно вырубленное волоковое окно для выхода дыма (0,66 в ширину и 0,12 м в высоту). Окно волоковое — небольшой проем, вырубленный в двух смежных бревнах, закрываемый (заволакиваемый) изнутри задвижкой [6, с. 308]. Как правило задвижка делалась из дерева, но в данном случае она утрачена.

Правая стена кузницы почти полностью утрачена. По словам местных жителей в 1970-80-е гг. к ней был пристроен гараж, который впоследствии был разобран. Раньше в этой стене находилась дверь, так как остался порог шириной 1,12 м. В высоту боковые стены составляют 2,64 м.

Крыша кузницы двускатная, дощатая, безгвоздевая или самцово-слеговая — срубная конструкция крыши, где не требуется применение гвоздей. Кровля (тесовая, дощатая, драничная) укладывается на слеги, которые, в свою очередь, врубаются в поперечные стены сруба — самцы. Верхние концы тесин прижимаются охлупнем [6, с. 307]. Охлупень — выдолбленное снизу бревно, закрывающее конек крыши и прижимающее кровельное

покрытие [6, с. 308]. Справа со стороны фасада в крыше прорублено круглое отверстие - проходка для дымохода.

Потолочная (материнская) балка, удерживающая потолочное перекрытие, в длину составляет 4,62 м, в ширину – 0,16 м, в высоту – 0,22 м, в диаметре – 0,19. Данная балка врублена в фасад и заднюю стену.

Внутри здания, прямо напротив входа, располагался горн 2,3 м в высоту, 2,11 м в длину, 1,52 м. в глубину. В настоящее время от горна остались фундамент, зонт и вытяжная труба. Боковые стенки, которые были выполнены из камня, утрачены. Горн - кузнечный очаг с мехами и поддувалом для накаливания металла.

Перед горном располагается подставка для наковальни, сделанная из цельного бревна. В поверхность бревна вбиты 4 железные скобы для закрепления наковальни, рядом вбит гвоздь, предназначение которого неизвестно. Кузнечная наковальня служит стальной опорой для заготовки, по которой наносятся удары кувалдой или кузнечным молотком.

На левой стене висит сколоченный их досок шкаф (1,2 м в высоту. 1,11 м в длину), имеющий три полки глубиной 0,38 м. У шкафа была дверь, что можно понять по сохранившимся кованым петлям и замочной скважине. Возможно, в нем хранились инструменты кузнеца или готовые изделия. Под шкафом у передней стены расположена рабочая поверхность, которая была сложена из двух досок, в настоящее время одна из досок повреждена.

На потолке прибиты деревянными планками остатки кожи. По словам местных жителей, они могли быть частью кузнечных мехов. В таком случае верхняя часть мех отсутствовала, ее заменяли потолочные доски. Также, данный кусок кожи мог служить защитой потолка от искр.

Несомненно, кузница играла важную роль в жизни деревни Шейна в период колхозной кооперации, но с отменой системы коллективных хозяйств и образованием совхозов (в т.ч. совхоза Ангинского в 1962 г.) изменилась система материального вознаграждения за труд. Работники сельскохозяйственных предприятий теперь получали заработную плату деньгами вместо натуральных продуктов за трудодни. В этих условиях кузнечное ремесло начало утрачивать свое значение, так как появилась возможность приобретать фабричные металлические изделия (гвозди, молотки и т.д.). Несмотря на это, работа кузнеца продолжала пользоваться спросом для менее масштабных работ: подковка лошадей, ремонт хозяйственного оборудования и техники. Об этом свидетельствует факт о том, что к кузнице был пристроен гараж.

Кроме того, известно, что в кузнице широко использовалась так называемая «кузнечная сварка». Кованые изделия ценились всегда, а кузнечную сварку считали очень надежной.

> «Раньше же кузнец был и на сварке был. Он так спаят её без сварки, без всего сделает. Это надо навык, металл шобы, металл с металлом сошелся. Шоб спаять-то. Нету у нас тут в деревне совсем никого. У нас щас вон – сварку купили, легче закурить, да и всё» [1].

> «Да, кованое оно лучше. Даже если взять печню, лёд долбить. Или кованую возьмешь, или которую на ножаке заточена. Которая кованая она хорошо колет лед. А которая на ножаке, та, по такому же принципу делаешь, режешь, всё, уже не так колет. А кованое железо есть кованое. Это все так, все мужики так говорят. Кованое есть. А вот на ножаке такое же делаешь, просто вырезаш, болгарка, всё там. Подравниваешь, всё. А которое выковано, уже другое дело» [1].

По словам местных жителей кузница работала вплоть до 1990-х гг. Известно и имя последнего кузнеца в деревне – Подкамнев Игнатий. Кузнец был важной персоной на селе.

Так, респондент из Жигаловского района Иркутской области вспоминает: «А раньше же всё это через кузло (кузница, авт.) да через мастерскую: сани, дровни вот это, телеги — всё это. Счас-то уже народ-то потерял навык (...). Кузло — это центр! Всё там. Уборочная началась — всё на там. Сенокосилка, косы эти точить надо такими уголками — всё на кузле. Что сломалось, какая тяга, какая что — всё на кузле. Ну и сразу прибежал кузнец сюда: если нельзя принести часть, на поле подделывать. Кузло покою не знало» [5, с. 269].

О том, что работа кузнеца была очень востребована, свидетельствует рассказ жителя пос. Теличеть (Красноярский край):

«Свёкр мой, он и кузнец был. О-о-о, сколько он пробУхал руками! Тяпки вот эти самодельные делал, кастрюли, у кого испортились, да всё-всё-всё. Кузнечна работа была. Раньше не было посуды. Где у кого какая кастрюля была дыроватая, потом эти чугунки были эти, и вот продыроватятся — все идут к нему. И он её отделает всё. И она ешшо, хотя старуха, может, ешшо десять — двадцать лет варит. Вот эта пила, дак вот с этой пилы и ножи делал, и тяпки. Что он только не делал?! Всё-всё переплавляли. Такие тяпочки были: лёгонькая, и в землю лезет хорошо. Такой был человек!» [5, с. 271].

Жители Качугского р-на Иркутской обл. также отмечали значимость работы кузнеца для крестьян:

«Никифор Кырсанович Шеметов, он жил в Толмачёво. Мастер-кузнец, кузлом занимался, кузнечным делом: коней ковал, серпы зубил, литовки которы сломаются, пятки делал, дровни обковывал, сошники (раньше ешшо сохами пахали). К нему ездили с заказам. Очереди-то каки были по осеням-то! Большие!» [5, с.273].

Приведенные выше устные свидетельства указывают на то, что кузнец на селе был незаменимым человеком. Традиционно в кузнице изготавливали многие орудия труда для сельских работ, подковывали лошадей и восстанавливали сельскохозяйственные инструменты. Вместе с этим «кузня» выполняла функции починочной мастерской, в которую жители села несли треснувшие чугунки, прохудившиеся кастрюли и другие металлические предметы быта.

Бывали случаи, что к кузнецам обращались даже за стоматологической помощью:

«Кузнец был Жарков Дмитрий Васильевич. Во-о-о! Тот всё мог делать. Зякин был, но тот не так. Вот Иван был Тепловодский, тот тоже. Тот зубы дёргать — у него свои кованые клешши. Отделал, отковал всё как надо» [3, с. 159].

Ремесло кузнеца казалось жителям таинственным, и от этого еще более значительным, что *«у каждого кузнеца свои секреты были. Шибко никогда не распространялось. Сам эт, по-своему делал. Могли у кузнеца и свои секреты быть, одного, другого. Они может между собой-то и общались, а вот так чтоб на сторону – никогда*, – рассказывал наш респондент из д. Бутаково Качугского района [1].

В настоящее время кузнечное ремесло в деревне практически утрачено, а здание кузницы сохранилось лишь частично. Мы полагаем, что следует озаботиться проблемой сохранения описания подобных архитектурных объектов, их фотофиксации и воспоминаний сельских жителей о них. Суть не только в архитектурной ценности постройки. Кузнечная мастерская была неотъемлемой частью повседневного сельского бытования на протяжении не одного столетия [7]. Она является частью традиционной культуры сибирской деревни, элементы которой еще присутствуют в стремительно меняющемся социокультурном ландшафте современного села. Она является частью традиционной культуры сибирской деревни, элементы которой еще присутствуют в стремительно меняющемся социокультурном ландшафте современного села и являются нашим наследием. А культурное наследие может выступать в качестве инновационного потенциала развития территорий, который раскрывается путем включения провинциальных культурных ценностей в современные культурные индустрии.

Список литературы

[1] Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье». Материалы историко-этнографической экспедиции 2021, с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Интервью Зуева Александра Дмитриевича, 1948 г.р., аудиозапись.

[2] Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье». Материалы историко-этнографической экспедиции 2021, с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Интервью Зуевой Елизаветы Михайловны, 1948 г.р., аудиозапись.

[3] Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье». Материалы историко-этнографической экспедиции 2021, с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Интервью Щапова Сергея Васильевича, 1956 г.р., аудиозапись.

[4] Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 4. Иркутск, 2008. 480 с.

[5] Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 23. Иркутск, 2020. 480 с.

[6] Бодэ, А. Б. [и др.]. Традиционное строительство из дерева и плотницкое мастерство / А. Б. Бодэ, О. А. Зинина, А. Ю. Косенков, В. А. Попов. М: Институт Наследия, 2019. 316 с.

[7] Занданова Л.В., Салахова Л.М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы//Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул (25 – 30 октября 2015 г.). Вып.9 /Под ред. Т.К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2015.- С. 338-341

[8] Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб: Издание В. Врублевского, 1906.

[9] Николюкина, Т. Кузница – сердце деревни // газета «Кижи». Петрозаводск, 2008. №6. С. 6

[10] Салахова Л.М. Из опыта работы по сохранению исторической памяти жителей Байкальской Сибири. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской науч.-теоретич. конференции с международным участием, посвященной 105-й годовщине со дня рожд. дин. В.Г.Дулова и 90-летию его ученика, д.и.н. профессора В.Г. Тюкавкина (Иркутск, 25 апреля 2018 г.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. С. 517-521.

[11] Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8-22.

УДК 81

Ассоциативные, эмотивно-чувственные значения семиотической оппозиции «хорошо-плохо», как базовый ценностный аспект языкового сознания школьников Красноярска (на материале психолингвистического эксперимента)

Низамутинова Татьяна Магесумовна
Педагог-исследователь, филологический факультет, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г.Красноярск, Россия;

учитель русского языка и литературы, МАОУ "Средней школы № 156 имени Героя Советского Союза Е.П. Ерофеева", г. Красноярск, Россия.

АННОТАЦИЯ СИсследование посвящено анализу семиотической, ментальной оппозиции «хорошо – плохо» с целью выявления особенностей психолингвистического восприятия образов хорошо и плохо школьниками г. Красноярска на материале ассоциативных полей «от стимула к реакции», зафиксированных в «ассоциативном словаре школьников Красноярска» (АСШК) и «от реакции к стимулу», зафиксированных в «Обратном ассоциативном словаре школьников Красноярска» (ОАСШК). В процессе анализа выявляются различия в смысловой структуре поля и основные черты коллективного языкового сознания. В результате выявлены особенности ментальной оппозиции «хорошо – плохо» как ценностного аспекта в языковом сознании школьников, проведён анализ формально-грамматической структуры единиц ядра, выявлены семантические зоны данных ассоциативных полей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА психолингвистика, базовый ценностный аспект, языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативный словарь школьника, ядро языкового сознания, оппозиция хорошо–плохо

Ценность – это продукт человеческого сознания, сформированный на основе опыта. Любая социальная наука, философия, психология, языкознание, задается целью определить и измерить систему ценностей индивида и общества» [Васильев, Васильева, Мамаева, Устьянцева, 2017, с. 9-10].

Вопрос о взаимоотношении языка, мышления, культуры является одним из актуальных, достижения психолингвистики в рамках языкознания признаны наиболее плодотворными. Так, Е. Ф. Тарасов, определяя программу исследования ценностей современного сознания особо подчеркивает следующее: «Материалом для вскрытия содержания ОЦ в конкретной этнической культуре служат: тексты, овнешняющие этические прескрипции от имени социума (статьи в научных энциклопедиях и трудах аксиологов); экспериментальные данные, в которых в ходе психолингвистических экспериментов овнешняется общественное обыденное сознание профанных носителей культуры (ассоциативные поля, семантические пространства, семантические категории-факторы, различные графики и профили, представляющие результаты психосемантического эксперимента и т. п.).Этот вывод опирается на известную идею Л.С. Выготского о том, что мысль не только оформляется, но и совершается в слове» [Тарасов, 2012, с.13].

Проблема ценностей в обществе является определяющей в оценке здоровья социума. Ценности определяют мотивацию, норму и цель поведения. Они реализуются в том числе на уровне сознания и языка [Васильева, 2015, с. 214].

Методология. «Признавая, как факт, что любое слово представляет собой

неразрывную связь означаемого и означающего и что семантика экспрессивного слова специфична по сравнению с семантикой собственно номинативного слова, мы полагаем, что существует корреляция между означаемым и означающим ЭЛЕ (экспрессивной лексической единицы. – Л. Б.), позволяющая обычным носителям языка адекватно использовать ЭЛЕ в своей речи и понимать экспрессивные словоформы при их употреблении в речи собеседников или в тексте» [Лукьянова, 1986. С. 11].

На специфичность экспрессивных словоформ указывает Л. О. Бутакова, которая отмечает определённую сложность семантического, лексикографического описания экспрессивных слов: «Разные в семантическом, лексико- грамматическом отношении лексемы имеют разный состав понятийного ядра, количество и качество коннотаций, типы связей между ними» [Бутакова, 2012. С. 56].

Исследователи считают возможным изучать внутренний лексикон человека «методикой реконструкции структур сознания носителей языка» [Бутакова, 2012, с.57], вариантом которой является ассоциативный эксперимент, при котором «Структуры когнитивного бессознательного проявляются в ассоциативных связях между лексическими единицами, которые при определённом воздействии на сознание (например, с помощью слова-стимула) активируются»[Васильева,2020,с.29].Результатом ассоциативного эксперимента являются ассоциативные словари, «представляющие собой совокупность ассоциативных полей, составленных из реакций на данные стимулы» [Васильева, Низамутинова, 2020, с. 203–209].

Наше исследование посвящено анализу фрагмента модели языкового сознания школьников семиотической оппозиции «хорошо–плохо» в языковом сознании школьников на материале «Ассоциативного словаря школьников 5–11 классов Красноярска» (АСШК), который был создан в результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Ассоциативный эксперимент был проведён в 2019–2020 гг. в школах № 18 и 156 города Красноярска, в нем приняли участие 478 школьников 5–11-х классов, носители русского языка в возрасте 11–18 лет, из них 258 респондентов женского пола и 220–мужского. Эксперимент проводился в устно-письменной форме. Во время САЭ обучающимся был предложен список стимулов, одинаковых для всех участников эксперимента, который был представлен 95 общелитературными словами (именами существительными, прилагательными, глаголами, наречиями), содержащими базовые эстетические, этические ценностные концепты: авторитет, власть, добро, уважение, хорошо, плохо, учитель, врач, деловой, чемпион, тактичный, дети, рисовать, грамотный и т. п. Школьникам необходимо было заполнить анкеты, содержащие стимулы(устное предъявление), на которые они должны были ответить первым пришедшим в голову словом(письменно зафиксировать реакцию), следуя инструкции для испытуемых[Васильева, Низамутинова, 2020].

Цель данной статьи– выявить особенности психолингвистического восприятия экспрессивных словоформ хорошо–плохо учащимися трех возрастных групп средних общеобразовательных школ Красноярска на материале ассоциативных полей «от стимула к реакции», зафиксированных в «Ассоциативном словаре школьника Красноярска», и на материале ассоциативных полей «от реакции к стимулу», зафиксированных в «Обратном ассоциативном словаре школьника Красноярска» (ОАСШК). Путем анализа ассоциативного поля (АП) «от реакции к стимулу» выявить основные черты коллективного (усредненного) языкового сознания личности.

Результаты исследования. Исследователи считают возможным изучать внутренний лексикон человека «методикой реконструкции структур сознания носителей языка» [Бутакова, 2012, с. 57], которой является ассоциативный эксперимент.

Результатом ассоциативного эксперимента являются ассоциативные словари, «представляющие собой совокупность ассоциативных полей, составленных из реакций на данные стимулы» [Васильева, Низамутинова, 2020, с. 203–209]. За основу

модели языкового сознания мы принимаем набор понятийно-тематических блоков, отражающих миросозерцание и мировосприятие школьника.

Анализ ассоциативных полей в «Ассоциативном словаре школьников г. Красноярска» (АСШК) проводится с использованием методики «семантического гештальта», предложенной Ю. Н. Карауловым. Обращение к семантическому гештальту исследователь объясняет так: «... большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною «семантическим гештальтом» и характеризующую поле как единицу знания о мире» [Караулов, 2000, с. 192].

Рассмотрим алгоритм анализа одного фрагмента модели языкового сознания школьников.

Ценностный аспект языкового сознания представлен ассоциативными полями: ХОРОШО – ПЛОХО.

С точки зрения семантики и аксиологии ментальная оппозиция «хорошо–плохо» является аксиологическим центром любой культуры, любой личности. Ответ на вопрос, что такое «хорошо» и что такое «плохо», определяет набор ценностей [Васильев, Васильева и др., 2017, с. 89].

Первую позицию в ассоциативном поле ХОРОШО занимает реакция плохо, она характерна для учащихся трёх возрастных групп, причём больше

ассоциаций парадигматических координаторных, представленных антонимами наблюдаем у учащихся 5–6 классов: идентифицирующая реакция «Что такое хорошо?» – плохо (5–6-е классы – 28,3 %; 7–8-е классы – 21,32%; 9 – 11-е классы – 16,7%).

Во всех возрастных группах испытуемых отмечается примерно одинаковый качественный и количественный состав парадигматических связей между стимулами ПЛОХО–ХОРОШО и представленными реакциями. В основном это антонимы: хорошо, плохо, зло, добро; внутренние качества, чувства: ХОРОШО–добро, ПЛОХО–зло, ДОБРО–хорошо, ПЛОХО–зло. Что свидетельствует, по мнению философов, об антонимичности структуры человеческого разума [Карпицкий URL: https://karpitsky.livejournal.com/47791.html].

В средней группе испытуемых отмечаются позитивные реакции: отлично, добро, хорошо и, наоборот, резко негативные – ужасно, ненависть. В младшей и средней группах испытуемых личное местоимение: я – как бы отождествление себя с добром: Я – добро (младшая группа), отождествление себя со злом: Я – зло (средняя группа).

Третью и пятую позиции в ассоциативном поле ХОРОШО занимают реакции–глаголы: учиться, жить.

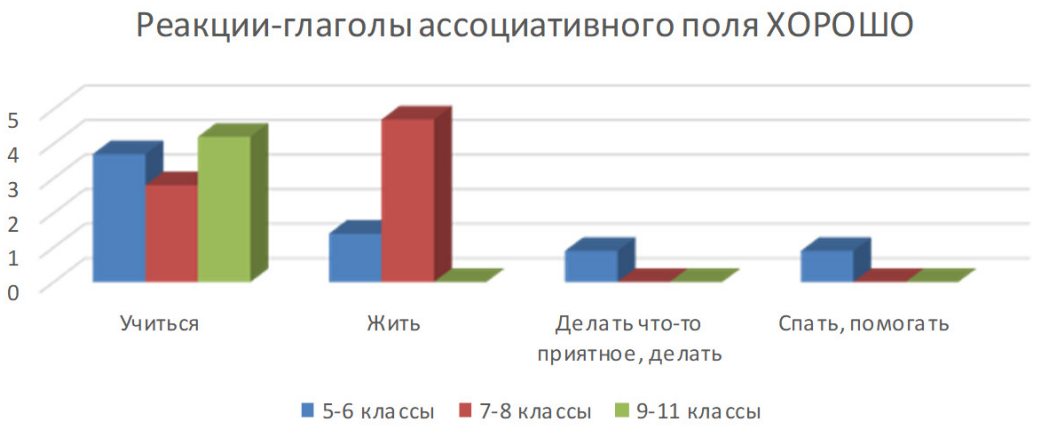
Старшая и младшая группа испытуемых отвечают на стимул хорошо реакцией: учиться, а у учащихся средней группы преобладает реакция жить (4,7%).

Интересно, что больше всего реакций учиться у учащихся старшей (4,2%) и младшей (3,7%) групп, у учащихся 7–8 классов их число меньше–2,8%.

Школьники младшей группы более охотно готовы помогать старшим (учителям, родителям) об этом свидетельствуют реакции: делать что-то приятное, делать, помогать.

Синтагматические связи реализуются похожим образом у испытуемых младшей и средней групп, включают процессуальные отношения: учиться, жить, делать что-то приятное, делать, спать, помогать, жить, учиться, победит, побеждает, пожаловать; дескриптивные отношения: добрый, хороший, плохой, злой, плохое; у средней группы испытуемых дескриптивные отношения не представлены. В старшей группе испытуемых синтагматика представлена только процессуальными отношениями: хорошо учиться.

Школьники считают, что хорошо – это добро, то, что противопоставлено злу и ассоциируется в их сознании с чем-то положительным. Данная реакция полностью соответствует первому значению толкового словаря. О том, что хорошо – добро, такую реакцию дают школьники всех возрастов, однако данная положительная оценка средней группы на 3,04% выше, чем у учащихся младшей группы и на 3,86% больше, чем у старшей (5 – 6-е классы – 5,02%, 7– 8-е классы – 8,06%, 9 –11-е классы –4,2%).

Высшая положительная оценка-реакция отлично занимает четвёртую позицию в ассоциативном поле ХОРОШО, и такую уверенность мы наблюдаем у учащихся 7–8 (4,3%), 9–11 классов (4,2%), учащиеся 5–6 классов не так уверены в себе, поэтому оценок-реакций отлично–всего 1,4%, реакций плохо на стимул ХОРОШО, напротив, больше – 28,3% (7–8-е классы–21,3; 9–11-е классы–16,7%).

Преобладают идентифицирующие реакции «что такое хорошо». Синтагматические связи реализуются похожим образом у испытуемых младшей и средней групп, включают процессуальные отношения: хорошо учиться, жить, делать, спать, помогать, отдыхать, быть на концерте BTS, поступать, играть. В старшей группе испытуемых представлена также только процессуальными отношениями: хорошо учиться. Все они позитивны.

По методу на семантического гештальта в ассоциативном поле ХОРОШО выявлено 5 семантических зон.

1. Негативная оценка (антоним) 117: плохо 115; плохой 2.
2. Действия, направленные на достижение положительного результата, положительную коннотацию 41: учиться 16; жить 13; делать что-то приятное 2; делать 2; помогать 2; поступок 2; учёба 2; спать 2.
3. Внутренние качества 36: добро 30; добрый 3; хороший 3.
4. Положительная оценка 19: отлично 14; хорошо 3; хорош 2.
5. Чувства 6: счастье 2; согласие 2; настроение 2.

В ассоциативном поле ХОРОШО на первом месте по количеству ассоциатов находится семантическая зона негативная оценка (антоним) (53,4%), при этом самыми частотными в ней являются реакции: плохо, плохой. На втором месте семантическая зона действия, направленные на достижение положительного результата (18,7%), в которой ведущими реакциями являются слова: учиться, жить. На третьем месте – семантическая зона внутренние качества (16,4%), в которой первую позицию занимают реакции добро, добрый, хороший.

Из 478 реакций, полученных на слово-стимул ХОРОШО 24,5% (из 219 реакций 5–6 классов–23,3%; из 211 реакций 7–8 классов–28,4%; из 48 реакций 9–11 классов–10,4%) выражены вторым компонентом антонимической пары – ПЛОХО – и составляют ядерную зону поля.

Отвлечённые понятия зло, ужасно занимают вторые и четвёртые позиции ассоциативного поля ПЛОХО у учащихся 5–6 классов– зло (вторая–5,5%), ужасно (четвёртая–2,7%), у учащихся 7–8 классов–ужасно (вторая–4,7%), зло (четвёртая). У учащихся 9–11 классов нет отвлечённых понятий в ядре ассоциативного поля ПЛОХО, но она отличается тем, что детализирует опосредованные тематические отношения между стимулом и реакцией с учётом возраста: плохо употребление чего-либо – курить (вторая позиция), наркотики, нельзя (третья позиция), плохо не нести ответственность

за свои действия, слова–врать (вторая позиция) .

В ассоциативном поле ПЛОХО выявлено 6 семантических зон.

1. Положительная оценка (антоним) 116: хорошо 116.
2. Отвлечённые понятия негативного характера18: зло 18.
3. Негативная оценка (синонимы) 23: нехорошо 19, ужасно 16, плохой 4.
4. Действия негативного характера 12: курить 9, врать 3.
5. Отрицание 6: нельзя 6.
6. Вредные вещества 2: наркотики 2.

На первом месте в ассоциативном поле ПЛОХО представлена семантическая зона положительная оценка (антоним), самой частотной является реакция хорошо. Это свидетельствует об антиномичности восприятия мира школьниками. На втором месте – семантическая зона отвлечённые понятия негативного характера с реакцией зло. На третьем месте–семантическая зона негативная оценка (синонимы), в которой самой частотной является реакция нехорошо. На четвертом – действия негативного характера 12: курить 9, врать 3.

Наибольший интерес представляет вид связей между стимулом и реакцией, которые можно наблюдать в околоядерной зоне и единичных реакциях. Младшая группа испытуемых демонстрирует следующие различные чувства и эмоции у человека – ай-ай-ай; слёзы; самочувствие. В средней группе подростки 7–8 класса отождествляют себя со словом плохо – личное местоимение я. Старшая группа выдает реакции: грабёж, вредные привычки, убивать, оценивая не только негативные явления (вредные привычки), но и преступные действия (грабеж, убивать).

Ядром языкового сознания принято называть ограниченное количество слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в сознании носителей языка, то есть «обладающих максимальной ассоциативной силой в ассоциативно-вербальной сети» [Золотова, 2005, с.4]. Ядро «хорошо–плохо» языкового сознания (ЯС) школьников выделено нами по методике А. А. Залевской [Залевская, 1981] на базе обратных статей АСШК.

«Обратный ассоциативный словарь школьников г. Красноярска» дает в рассматриваемых нами словарных статьях следующее, довольно значительное количество стимулов, вызвавших реакцию хорошо у большинства респондентов– 425 (5–6-х кл. – 225; 7–8-х классов – 172; 9–11-х классов – 28), и чуть меньше, а именно 338 человек (5–6-х кл. – 130; 7–8-х кл. – 160; 9–11-х кл. – 48) ответили реакцией плохо. Проанализировав различия по формально-грамматической характеристике состава ассоциативных полей ХОРОШО – ПЛОХО, мы обратили внимание, что большую часть стимулов данных ассоциативного поля ХОРОШО составляют имена существительные, а ассоциативного поля ПЛОХО – наречия, затем имена существительные. Наречия, выраженные вторым компонентом антонимической пары представляют первые позиции ядерной зоны ассоциативного поля ПЛОХО у трех возрастных групп респондентов, также первые позиции ядерной зоны ассоциативного поля ХОРОШО у двух возрастных групп: 5–6-х, 7–8-х кл. Результаты формально-грамматической характеристики представим в табл. 1.

Преобладание наречий в семантических зонах ассоциативных полей ХОРОШО – ПЛОХО можно объяснить антонимичностью данной пары, зеркальным отражением оценок положительного и отрицательного, также это может говорить об антиномичности восприятия мира. Ментальная оппозиция «хорошо–плохо», являясь аксиологическим (ценностным) центром любой личности, любой культуры в сознании красноярского школьника представлена архилексемами.

Имя существительное передаёт предметность, поэтому можно говорить о том, что

Таблица 1 Формально-грамматическая характеристика ассоциативных полей ХОРОШО-ПЛОХО

Части речи	АП ХОРОШО				АП ПЛОХО			
	5-6 кл	7-8 кл	9-11 кл	Общее количество учащихся	5-6 кл	7-8 кл	9-11 кл	Общее количество учащихся
Имя существительное	109 (48,4%)	67 (38,95%)	18 (64,3%)	194 (45,64%)	42 (32,3%)	74 (46,3%)	23 (47,9%)	139 (41,12%)
Имя прилагательне	40 (17,7%	30 (17,4%	0 (0%)	70 (16,5%)	10 (7,7%)	18 (11,3%)	18 (11,3%)	35 (10,4%
Глагол	11 (4,9%)	5 (2,9%)	5 (2,9%)	19 (4,5%)	5 (3,8%)	5 (3,1%)	7 (14,6%)	17 (5,03%
Наречие	65 (28,9%)	70 (40,7%)	7 (25%)	142 (33,4%)	73 (56,2%) принуждению 3)	63 (39,4%)	11 (22,9%)	147 (43,5%)

в языковом сознании школьников образ оппозиции «хорошо-плохо» репрезентирован как неизменное, статичное представление, которое обладает постоянными качествами. Отметим, что словарная статья с заголовочным словом «хорошо» включает в себя третью часть входящих в нее единичных стимулов (20,5%), при этом единичные стимулы-прилагательные составляют 31 % (5-6 кл. - 42,2%; 7-8 кл. - 28,6%; 9-11 кл. - 7,14%) от общего числа разных стимулов, представленных в статье. Из этого можно заключить, что в настоящее время у учащихся, особенно 5-6-х классов происходит установка представлений о данном образе, переоценка: «Что такое хорошо?»

Представим ядерные зоны ассоциативного поля ХОРОШО и ассоциативного поля ПЛОХО обратного ассоциативного словаря школьников Красноярска «от реакции к стимулу», рассмотрев первые пять позиций (табл. 2)

ХОРОШО-плохо, отвечают учащиеся трех возрастных групп. Из 425 респондентов, на слово-стимул ПЛОХО 113 школьников (26,6%) отвечают вторым компонентом антонимической пары-ХОРОШО.

Вторую позицию в ассоциативном поле ХОРОШО занимает стимул добро.

ДОБРО 1, -а, ср.1. Нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; добрый поступок. Желать добра кому-н.2. Имущество, вещи (разг.). Чужое д. 3. О ком-чем-н. плохом, негодном (разг. пренебр.) Такого добра и даром не надо.

ДОБРО 2, частица (прост.). Ладно, хорошо.

ДОБРО 3: добро бы (б)(разг.) 1. союз, пускай бы еще; допустим, что...но(с оттенком неодобрения). 2. Частица, выражает неодобрение, ироническую оценку при допущении чего-н. как возможного в другой ситуации, при других обстоятельствах. (Ожегов, 2010, с.169) Школьники трех возрастных групп понимают, что добро, добрые поступки-это хорошо, что соответствует первым значениям словаря. О добре детям говорят с детства, воспитывают дома, в детском саду и школе.

«Подростки мечтают, чтобы сверстники считали их классными, крутыми, пантовыми. Вероятно, их привлекает романтика неформальных групп» [Низамутинова, 2020, с.50]. Таким образом, наличие слова-стимула круто на третьей околоядерной позиции, можем объяснить желанием школьников быть крутыми, пантовыми и

хорошо–это, когда круто. Круто– синонимическая лексема, которая объясняет понятие по степени его проявления.

В лексико-грамматическом отношении природа слова-стимула выразилась в обилии разнообразных по семантике стимулов-глаголов: сделай-ка, молиться, рисовать, не хочу, пахать, бороться, бездельничать (5–6-е классы); молиться, рисовать, бороться, бездельничать (7–8-е классы); рисовать, бездельничать, бороться (9–11-е классы).

На слово-стимул ХОРОШО 115 школьников (34,02%) отвечают вторым компонентом антонимической пары–ПЛОХО.

Околоядерная зона ассоциативного поля ПЛОХО представлена отвлеченными понятиями: зло, унижение; глаголом, называющим вид деятельности, который оценивается данным стимулом: бездельничать; устойчивым выражением: нельзя.

Наблюдения, полученные в результате анализа оппозиции «хорошо–плохо» «от стимула к реакции», зафиксированных в «ассоциативном словаре школьников Красноярска» (АСШК), позволяют сделать следующие выводы.

Выводы. Таким образом, анализируя семантические зоны ассоциативных полей ХОРОШО – ПЛОХО, приходим к выводу о зеркальном отражении оценок положительного и отрицательного характера.

Возрастная динамика ценностных представлений в языковом сознании школьников отражена следующим образом:

Школьники младшей группы более охотно готовы помогать старшим (учителям, родителям) об этом свидетельствуют реакции: делать что-то приятное, делать, помогать.

У школьников средней группы отмечаются резкие колебания в оценках, представленные реакциями: отлично, добро, хорошо и, наоборот, резко негативные – ужасно, ненависть.

В младшей группе наблюдается как бы отождествление себя с добром: Я – добро, у школьников средней группы – отождествление себя со злом: Я – зло.

Старшая и младшая группа испытуемых отвечают на стимул хорошо реакцией: учиться, а у учащихся средней группы преобладает реакция жить.

На стимул ХОРОШО школьники всех возрастов дают реакцию добро, у школьников средней группы эта реакция на 3,04% встречается чаще, чем у учащихся младшей группы, и на 3,86% чаще, чем у старшей.

В результате анализа ассоциативных полей оппозиции хорошо–плохо в «Обратном ассоциативном словаре школьников Красноярска» (ОАСШК) «от реакции к стимулу» с целью выявления особенностей психолингвистического восприятия данных образов отмечаем следующее.

1. Формально-грамматическая характеристика ассоциативных полей ХОРОШО–ПЛОХО различна: большую часть стимулов ассоциативных полей ХОРОШО–ПЛОХО составляют наречия, что говорит о зеркальным отражением оценки положительного и отрицательного, об антиномичности восприятия мира. Первую позицию ядерной зоны ассоциативного поля ПЛОХО у учащихся 9–11-х классов и вторую у учащихся трех возрастных групп ассоциативного поля ХОРОШО, двух возрастных групп ассоциативного поля ПЛОХО представляют имена существительные, что передаёт предметность, поэтому можно говорить о том, что в языковом сознании школьников образ оппозиции «хорошо–плохо» имеет предметное значение.

Третью часть входящих стимулов ассоциативного поля ХОРОШО составляют единичные стимулы, что указывает на установку представлений о данном образе, переоценку: «Что такое хорошо?»

2. В ядерных зонах ассоциативных полей ХОРОШО–ПЛОХО проявляется, как и в прямом «Ассоциативном словаре школьников Красноярска», зеркальный характер стимулов. 26,6% : 34,02% реакций-ассоциаций выражены вторым компонентом антонимической пары «плохо–хорошо», «хорошо–плохо».

Околоядерная группа реакций-ассоциаций ассоциативных полей представлена понятиями соотносимыми понятиями. Это говорит о том, что архилексемы располагаются в одной оценочной шкале. ПЛОХО представлена отвлеченными понятиями: зло, унижение; глаголом, называющим вид деятельности, который оценивается данным стимулом: бездельничать; устойчивым выражением: нельзя. ХОРОШО– добро, наличие слова-стимула круто на третьей околоядерной позиции, бъяснимо желанием школьников быть крутыми, пантовыми.Круто– синонимическая лексема, которая объясняет понятие по степени его проявления.

Список литературы

[1] ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

[2] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.

[3] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https // slovarozhegova.ru / word.php?wordid=34233 (дата обращения: 29.01.2021).

[4] Библиографический список

[5] Бутакова Л. О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: ВАРИАНТ-ОМСК, 2012. С. 57.

[6] Васильева С. П. «ВЕРА», «НАДЕЖДА», «ЛЮБОВЬ» в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева . 2015 № 2(32). С. 214–220.

[7] Васильева С. П., Васильев А.Д., Мамаева Т. В., Устьянцева Е. В. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / Под ред. С. П. Васильевой; КГПУ им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – 180 с.

[8] Васильева С. П., Низамутинова Т. М. Изучение динамических процессов внутреннего лексикона школьника методом свободного ассоциативного эксперимента // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 3 [53]. С. 203–209.

[9] Залевская А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.

[10] Залевская А. А. Введение психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 349 с.

[11] Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь. 2005. С. 4.

[12] Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. / под ред.Н. В. Уфимцевой. М.,2000. С. 192.

[13] Карпицкий Н. URL: https://karpitsky.livejournal.com/47791.html

[14] Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. Психолого-социальн. Ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001а. 448 с.

[15] Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 229 с.

[16] Низамутинова Т. М. Семиотическая оппозиция «Я–НЕ Я» в языковом сознании школьников» г. Красноярска (на материале психолингвистического эксперимента) // Сибирский филологический форум: научное периодическое электронное сетевое издание. 2020. № 4 (12). С. 45–55. URL: www. sibfil.ru

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Проблемы исторического знания

УДК 93

Крымские степняки – потомки насельников древнего Дешт-и Кипчака: исторические трансформационные процессы, практики землевладения, животноводства, языковые и культурно-бытовые особенности

Булатов Айдер Аметович
Кандидат философских наук, религиовед, крымовед, директор, Крымский научный центр этносоциальных и этноконфессиональных исследований исследований, г. Симферополь, Россия.
bulatov-07@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящается значимой и не до конца изученной теме в современной историографии – истории этносоциальных процессов народов степного Крыма, начиная с периода могущественного государственного образования скотоводов-кочевников – Тюркский каганат, возникшего в середине VI в. на бескрайних территориях, простирающихся от северо-восточных границ Китайской империи до юго-западных границ, включающих Центральную Азию, Северный Кавказ и Крым. Речь идёт о кочевых племенных объединениях, которые в русских средневековых летописях именовались «кипчаки, крымцы и ногаи». Даны описания практики земледелия, животноводства, языковых особенностей, народных обычаев, религии, послуживших трансформации кочевых народов Дешт-и Кипчака в единый крымский степной субэтнос, сыгравших важную роль в формировании современного крымскототатарского народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА проблемы исторических исследований, этническая история, кипчаки, ногаи, крымские татары.

Несмотря на масштабы современной глобализации и связанные с этим мощные межнациональные ассимиляционные процессы, с конца XX-го столетия в обществе наблюдается возросший интерес различных этносов и народов к своим далеким историческим корням. Проблемы исторических исследований, заключаются, прежде всего, в перекосах в национальной политике, допущенных в республиках бывшего Союза ССР: создание искусственных административных границ, переселения и насильственные депортации целых народов, запреты обучения на национальных языках и т.д. – привели к постепенному вырождению целых этнических групп и потере целого пласта самобытной этнической культуры некогда многочисленных племён и народов.

Современный период можно назвать временем национально-этнического ренессанса, когда каждый этнос активно включается в процессы осознания своей национальной идентичности, исторических аспектов своего происхождения и своего места в многонациональных сообществах. Исследование этногенеза и проблемы исторических исследований крымских татар, являющихся автотохтонным народом Крыма, всегда представляло определенные трудности. Начавшиеся в 30-е гг. XX-го столетия процессы формирования исторических источников вскоре были свернуты периодом большевистских репрессий 1936-1938 гг., в результате которых были, практически, полностью физически уничтожены научная и политическая элита крымских татар. Затем в 1944 году, последовала поголовная депортация крымскотатарского народа из Крыма, которая сопровождалась ограничениями во многих гражданских правах. Особенно болезненные последствия имели негласные табу на изучение гуманитарных наук, особенно исследования, касающиеся этнополитической истории народа. С 90-х годов XX-го в. стали доступны многие материалы, касающиеся истории крымских татар, но до настоящего времени ощущается острая нехватка академических научных работ по истории одной из самой многочисленной субэтнической группы крымских татар

– крымских степных татар и крымских ногаев (ногайлар), сыгравших значительную роль в этногенезе коренного народа полуострова.

Судя по дискуссиям в современном крымскотатарском социуме, на сегодняшний лень присутствует живой интерес к данной теме и желание разобраться в сути происхождения этнонимов «крымские степные татары» и «крымские ногаи». Нередко приходится встречаться с такими фактами, когда одни крымские татары относят себя к потомкам ногаев, другие, отвергая это название, считают себя просто потомками «степных крымских татар», отвергая общеизвестный этноним «крымские ногаи».

Тюркский каганат. Могущественное государственное образование скотоводов-кочевников – Тюркский каганат – возник в середине VI в. на бескрайних территориях, простирающихся от северо-восточных границ Китайской империи до юго-западных границ, включающих Центральную Азию, Северный Кавказ и Крым.

В государстве существовал раннефеодальный строй с широко развитым скотоводством, земледелием и различными ремеслами, включая металлообработку. В связи с внутренними противоречиями, с начала VII в. государство разделилось на Западно-Тюркский и Восточно-Тюркский каганаты. Восточная граница каганата упиралась в северные границы Китайской империи. Западный каганат занимал среднеазиатские и более западные земли, включая степные территории Крымского полуострова. К X в. была поставлена окончательная точка в существовании некогда единого великого и могущественного государства – Тюркского каганата, который, несмотря на сравнительно недолгий исторический отрезок своего существования, сыграл очень важную роль в этнической истории человечества. На ее языковой и культурной базе из родственных племен сформировался ряд этносов, от которых произошли современные тюркские народы, а на основе общего для каганата древнетюркского языка сложились последующие, в том числе современные, языки тюркской группы1 [3].

Кипчаки. Возникновение кипчакских племен тесно связано с распадом Тюркского каганата, который сопровождался возникновением на его остатках новых разных по значению племенных союзов. В средневековой арабо-персидской историографии кипчаками именовали не только собственно кипчаков, но и все кочевые племена Кипчакской степи (Дешт-и Кипчак). В XI в., когда власть каганата ослабла, храбрые и искусные воины-кипчаки овладели обширными степными территориями всего бывшего Тюркского каганата2 [4, с. 99]. Эпоха кипчаков оставила глубокий след на территории всего Крымского полуострова. После изгнания печенегов из Крыма, как отмечают крымские исследователи А.Г. Герцен и Э.И. Сейдалиев, кипчаки более удобным для столицы признали Судак-Сурож, как более приближенный к основным степным маршрутам. Этот город становится главным контрагентом древнерусских городов и, прежде всего, Новгорода. В эту торговлю активно включились и половцы, часть которых, вероятно, даже осела в Судаке3 [1].

В степном Крыму кочевые племена кипчаков постепенно переходили к полуоседлому образу жизни, занимаясь земледелием, разведением овец, крупнорогатого скота, лошадей и верблюдов. Кипчаки освоили искусство обработки металлов, изготовления военной амуниции (мечей, седел, луков и т.д.), а также одежды из меха и кожи. В районе современного Новофедоровского сельского поселения Сакского района на берегу Сакского озера было выявлено довольно крупное поселение в XII-XIV вв., население которого занималось добычей соли. Здесь же находился порт, в котором грузили соль,

---

[1] 1 Дешт-и-Кипчак – территория степной вольности // History tema URL: https://history-thema.com/desht-i-kipchak-territoriya-stepnoy-volnosti/ (дата обращения: 20.05.2022).

[1] 2 **Евстигнеев Ю.А. Кыпчаки: этнос и его имя //Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3 (24). С. 97-102.**

[1] 3 Герцен А.Г., Сейдталиев Э.И. **Половцы (кипчаки):** Из истории народа // Природа Земли URL: https://zooeco.com/0-kr/0-kr31-16.html (дата обращения: 06.06.2022).

добывавшуюся в озерах Саки, Кизил-Яр, Кичик-бель. На восточной окраине поселения Къара Тобе (ныне с. Прибрежное Сакского района) выявлены строительные остатки X-XIII вв., а также женское захоронение, датировкой которого может служить женская бронзовая пуговица, какие были распространены у степных кочевников в VIII-XIV вв. Также важно отметить, что каменным закладом этого погребения служил обломок половецкого изваяния. В бывшем поселении Мамай (ныне Желтокаменка) Сакского района на берегу Сасык-Сивашского озера обнаружен кочевнический некрополь из 9 погребений (из них четыре полностью разграблены). Ориентировка – головой на север, с некоторым отклонением к востоку, что может свидетельствовать об этнокультурном взаимодействии с ордынцами. Инвентарь состоит из шлемов с остатками кольчуг, небольших нашивных пластин от нагрудного панциря из наконечников стрел, ножей, наконечников копий, пряжек с язычками, нашивных бляшек, украшений (бусы, серьги), браслета, покрытого растительным орнаментом, ножниц, кресал, костяных цилиндриков, бронзового зеркала и предметов конской сбруи. Все комплексы вещей датируются концом XIII-XIV вв. В районе Мамайских каменоломен был найден также обломок половецкой статуи из местного камня4 [6, с. 59].

В бывшем поселении Ак-Мечет (ныне пгт. Черноморское) Сакского района в краеведческом музее выставлены две половецкие каменные бабы. Статуя мужчины, стоящего на постаменте с сосудом в руках. На голове статуи четко виден конический шлем. Второе изваяние представляет собой только нижнюю часть статуи.

Таким образом, на основе археологических материалов можно с уверенностью сказать, что Северо-Западный Крым в XI-XIII вв. являлся одним из районов, в котором проходили половецкие кочевья. На рубеже XII-XIII вв. начался очередной период в увлажненности материков, во времена которого происходит переход от экстенсивного кочевого хозяйства к оседлому земледелию и животноводству. К тому же, данная местность, приближенная к Евпатории и соленым озерам, привлекала наличием удобной гавани, которая способствовала расширению торговых отношений между половцами, средиземноморскими и русскими купцами. По мнению путешественника Э. Челеби, этими факторами можно объяснить и само возникновение древнего большого поселения Гезлю-Эв – Евпатория5 [7, с. 60].

Особое место в верованиях кипчакских племен занимал культ предков. Он выражался в установке каменных антропоморфных фигур (т.н. «каменных баб») вблизи погребений знатных, почитаемых мужчин и женщин. Статуи ставились на возвышенных местах лицом на восток. В XI в. среди кипчаков распространяется ислам. Прежде всего, ислам принимают аристократия и воины. Изначально, исповедуя тенгрианство и другие верования, кипчаки постепенно приняли религию ислам и способствовали его расширению на территории полуострова6 [2, с. 27].

Замечательным памятником половецкого языка является словарь XIV в. «Кодекс Куманикус» (Codex Cumanicus), обнаруженный в архиве знаменитого итальянского поэта и гуманиста Петрарки. Этот словарь предназначался для торговцев, дипломатов и миссионеров, то есть тех европейцев, кто, отправляясь в далекое Северное Причерноморье, радели об успехе своих миссий. Залогом этого было знание местных языков, или еще лучше того языка, которым пользовалось большинство местного населения. Таким языком межэтнического общения, своеобразным койнэ степей, был язык кипчаков. Его хорошо понимали и в кочевых таборах, и в приморских торговых городах7 [8].

[1] 4 Кутайсов С. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI-XV веков. // Историческое наследие Крыма. Научный, научно-популярный журнал. 2005. №9. С. 59.

[1] 5 Кутайсов С. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI-XV веков. // Историческое наследие Крыма. Научный, научно-популярный журнал. 2005. № 9. С. 60.

[1] 6 Григорьянц В. Е. Следами Пророка // Крым. 2001. № 1. С. 27.

[1] 7 Степные культуры Причерноморья // Музей древностей URL: https://old-museum.org/halls/history_hall_16.htm (дата обращения: 16.06.2022).

Такие тюркологи, как А. Самойлович, Ж. Дени, утверждают, что «Кодекс Куманикус» является письменным памятником крымскотатарского языка. Примечательно, что один из исследователей рукописи, О. Блау, еще в 1876 году указывал на то, что язык Кодекса весьма близок с диалектами крымских татар. Так из 212 слов тематического словаря первой части Кодекса 174 слова по сей день сохранились в крымскотатарском языке8 [5]. Значительно превосходя остатки крымских племен по численности и развитию, кипчаки смогли объединить и ассимилировать их в единую тюркскую этническую общность.

Резюмируя кипчакский период в истории Крыма, можно сделать вывод, что в степной части полуострова, в результате смешения потомков древнейших тюркских племен с укоренившимися здесь кипчаками, сформировалась отдельная, уникальная местная народность, которая до монгольского нашествия так и не успела принять собственное название (эндоэтноним). Скорее всего, вследствие многочисленности местных племен, этноним «кипчак» также не стал эндоэтнонимом населения степного Крыма. Хотя, по воспоминаниям старожилов, население г. Евпатория и евпаторийского региона вплоть до 30-х гг. XX-го столетия сохраняло неофициальное самоназвание «кипчак» или Степные крымские татары. Что касается современных потомков кипчакского периода Крыма, то некоторые из них предпочитают называть себя именно Степными крымскими татарами.

Монгольский период. В 1223 году Крым подвергся первому нашествию разноплеменных тюрко-монгольских орд Чингисхана, а к середине XIII в. был окончательно завоеван ими и стал Крымским улусом в составе Золотой Орды. Как пишет известный ногаевед В.В. Трепавлов: «…кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах (юртах) которых им довелось оказаться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, в зоне хонкиратов – кунгратами, найманов – найманами, киреитов – кереитами, или кереями9 [9, с. 382]».

Крымское ханство. Ногаи. На начало XVI века пришелся период распада Большой Орды, активно претендовавшей на роль правопреемницы некогда могучей Золотоордынской империи. Окончательный конец существованию некогда могущественной империи Чингисхана положил крымский Хан Менгли-Герай I, который в мае 1502 года двинул против остатков Большой Орды свои войска и одержал окончательную победу над ордынцами. По воле крымского Хана в Крым были переселены части господствующего рода Ногайской Орды – мангытов и ногайских племен, отошедших от Большой Орды. Масштабное привлечение в Крым переселенцев из ногайских орд являлось стратегической политикой набирающего мощь Крымского ханства, преследовавшей цель не только увеличения податного населения, но, что особенно важно, – возможности использования многочисленной, высокомобильной и отважной ногайской конницы. С конца XVI в. массовый характер приняли переселения в материковые владения Крымского ханства и прикаспийских ногайцев.

Языковые особенности ногаев. Язык потомков кипчаков – степных крымских татар, как и язык ногаев, относится к кипчакско-ногайской подгруппе северо-западной группы тюркских языков. Их объединяет общий характерный звук «дж», но при этом в диалектах крымских степняков отсутствуют характерные для кипчакско-ногайских языков изменения согласных «ш» на «с», «ч» на «ш». Например: бош (пустой) – бос; агач (дерево) – агашь, и т.д. В степной части Крыма выделяются несколько говоров: тарханкутско-кезлевский (западный), джанкойско-чонгарский (северный), центральный и керченский (восточный), которые, вероятно, связаны с географией расселения ногаев и

[1] 8 **Куманикус – дань уважения тюркам Крыма // Avdet.org URL:** https://avdet.org/ru/2014/05/05/kodeks-kumanikus-dan-uvazheniya-tyurkam-kryma/ **(дата обращения: 18.06.2022).**

[1] 9 **Трепавлов** В.В. **История Ногайской Орды М:** Издательская фирма «**Восточная литература**» РАН, 2002. 752 с.

сглаживались по мере углубления ассимиляционных процессов. Самобытные ногайские говоры и наречия до сих пор сохраняются в языке степных крымских татар как память об их предках, многие века проживавших на просторах древнего Дешт-и Кипчака. Кроме языковой общности, между крымскими степными татарами и переселившимися в Крым ногайскими племенами было много общего, хотя существовали и определенные различия, исходящие, в основном, из ментальных особенностей оседлой и кочевой культуры. Но одним из важных факторов в нивелировании имеющихся различий стала общая религия ислам. Как и степное население Крыма, так и поселившиеся на полуострове ногаи исповедовали ислам суннитского толка, ханафитского мазхаба. Совместные религиозные обряды, проводимые в условиях стационарных мечетей (непривычных для кочевников), а также совместное празднование мусульманских праздников, традиционные в степи обычаи хождения в гости и взаимное гостеприимство, веселые народные гуляния, с непременной джигитовкой, сыграли большую роль в интеграции ногаев в общественное устройство оседлых крымских степняков.

Подавляющая часть поселившихся в степном Крыму ногайских родоплеменных объединений, перешедших к оседлому образу жизни, по примеру аборигенного населения стала заниматься традиционными для степного Крыма промыслами: хлебопашеством и выращиванием сельхозкультур: пшеницы, овса, ячменя, проса. Излишки зерна служили предметом обмена на овощи, фрукты и другие товары с жителями предгорных и горных районов Крыма. В степи процветало животноводство (особенно овцеводство и коневодство) и, естественно, развивались кожевенные промыслы: выделывались всевозможные сорта сафьянов, юфти и шагрени разных цветов. Большой славой пользовались ногайские ковры (кийиз), изготовленные из декоративного войлока, пояса (кушаки).

Расселённые в степном Крыму пришлые ногайские родоплеменные объединения за сравнительно короткий срок адаптировались в крымском степном социуме. Единая со степными крымскими татарами кипчакская общность и близкая с ними схожесть способствовали ассимиляционным процессам. В течение почти трех столетий существовавшие в этих местах названия кипчакских, мангытских и других племенных объединений были постепенно утрачены, и практически все степное население Крыма повсеместно стало называться НОГАЯМИ, ставшими одной из самых влиятельных субэтнических групп, сформировавших крымскотатарский народ. Заключение. Крымские степное население Крыма имеет сложную историю своего формирования, неразрывно связанную с историей развития тюркоязычных племен, кочевавших в западной части Тюркского каганата, являющего частью территории Дешт-и Кипчака (Половецкого поля). Тюркоязычные кочевые племена печенегов, хазар, кипчаков, тюрко-монголов, ногаев, на протяжении многих столетий, переживали ассимиляционные процессы. Они сыграли определяющее значение в зарождении единого субэтноса, известного под названием Крымских степняков-ногаев, занявших важную роль в формировании крымскотатарского народа.

Заключение.

Крымские степное население Крыма имеет сложную историю своего формирования, неразрывно связанную с историей развития тюркоязычных племен, кочевавших в западной части Тюркского каганата, являющего частью территории Дешт-и Кипчака (Половецкого поля). Тюркоязычные кочевые племена печенегов, хазар, кипчаков, тюрко-монголов, ногаев, на протяжении многих столетий, переживали ассимиляционные процессы. Они сыграли определяющее значение в зарождении единого субэтноса, известного под названием Крымских степняков-ногаев, занявших важную роль в формировании крымскотатарского народа.

Список литературы

[1] Герцен А.Г., Сейдталиев Э.И. Половцы (кипчаки): Из истории народа // Природа Земли URL: https://zooeco.com/0-kr/0-kr31-16.html (дата обращения: 06.06.2022).

[2] Григорьянц В.Е. Следами Пророка // Крым. 2001. № 1. С. 27.

[3] Дешт-и Кипчак – территория степной вольности // History tema URL: https://history-thema.com/desht-i-kipchak-territoriya-stepnoy-volnosti/ (дата обращения: 20.05.2022).

[4] Евстигнеев Ю.А. Кыпчаки: этнос и его имя //Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3 (24). С. 97-102.

[5] Куманикус – дань уважения тюркам Крыма // Avdet.org URL: https://avdet.org/ru/2014/05/05/kodeks-kumanikus-dan-uvazheniya-tyurkam-kryma/ (дата обращения: 18.06.2022).

[6] Кутайсов С. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI-XV веков. // Историческое наследие Крыма. Научный, научно-популярный журнал. 2005. №9. С. 59

[7] Кутайсов С. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI-XV веков. // Историческое наследие Крыма. Научный, научно-популярный журнал. 2005. № 9. С. 60.

[8] Степные культуры Причерноморья // Музей древностей URL: https://old-museum.org/halls/history_hall_16.htm (дата обращения: 16.06.2022).

[9] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

УДК94(985)“19/20”

Северный морской путь в постсоветский период: исторический опыт, проблемы, перспективы

Голдин Владислав Иванович
Доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия.
v.i.goldin@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-1439-6267

АННОТАЦИЯ В статье анализируются основные итоги и тенденции развития Северного морского пути (СМП) в постсоветскую эпоху с выделением ее внутренней периодизации и характеристикой каждого из периодов. Раскрывается роль и значение СМП для развития страны и мира, характеризуется его современное состояние, система управления, объемы перевозок и комплекс существующих проблем, вызовов и рисков. Оцениваются перспективы развития СМП сквозь призму принятых основополагающих российских государственных документов об Арктике до 2035 г. и возможности их реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Северный морской путь, Арктика, исторический опыт, современность, будущее.

Северный морской путь, его история, современное состояние и перспективы развития вызывают живой интерес и активные дискуссии в России и в мире. Это вызвано комплексом причин. Во-первых, СМП неразрывно связан с Арктикой, которая превратилась в важный международный регион в конце XX – начале XXI в., когда зазвучали прогнозы, что наступившее столетие будет «веком Арктики». А ее новое и великое освоение во многом зависит от коммуникаций, важнейшей из которых является Севморпуть. Во-вторых, климатический фактор, потепление, происходящее в последние годы и десятилетия в Арктике. «Таящая Арктика» оказывает мощное влияние на мир, мировую экономику и геополитику, ибо открывает широкие возможности для использования морских коммуникаций, и прежде всего для развития СМП. В-третьих, развитие Арктической зоны Российской Федерации и освоение ее огромных минерально-сырьевых ресурсов во многом зависит от СМП.

Истории СМП в конце XX – начале XXI в., его современному состоянию и оценке перспектив развития посвящено значительное число публикаций, в том числе ряд изданий книжного формата [1–7]. Планируется выход в свет в Нидерландах летом 2022 г. фундаментального англоязычного международного издания, посвященного истории, современности и перспективам развития Северо-Восточного прохода / СМП, одним из участников которого является автор.

Целью статьи является анализ итогов и различных тенденций развития Севморпути в постсоветский период, характеристика его современного состояния и существующих проблем, а также оценка его будущего.

В рамках постсоветской эпохи можно выделить три основных периода в истории СМП. Первый из них охватил 1990-е и начало 2000-х гг. и характеризовался крайней противоречивостью. С одной стороны, в результате утверждения новых Правил плавания по Севморпути в 1990 г. появилась возможность использования его как международной транспортной магистрали. Был реализован ряд международных проектов, связанных с оценкой таких возможностей. В 1993–1998 гг. была осуществлена международная исследовательская программа развития СМП (INSROP), убеждавшая в целесообразности развития СМП как международной магистрали и в ее конкурентоспособности в сравнении с южными маршрутами, что создавало предпосылки для привлечения иностранных инвестиций в СМП и реализации совместных проектов перевозок [2, с.

26-32]. В 1997–1998 гг. был реализован международный проект Европейской комиссии по транспорту ARCDEV – «Арктический демонстрационный рейс», доказавший возможность круглогодичной навигации и транзита в западной части СМП [2, с. 33-35]. Севморпуть стал в 90-е гг. доступен для плавания иностранных судов при условии соответствия требованиям, предъявляемым Администрацией СМП.

С другой стороны, распад СССР, резкое ослабление государственности, ломка прежней системы управления и экономических отношений поставила под угрозу само функционирование Севморпути. В результате отказа от прежней системы государственного управления в 90-е гг. происходила быстрая деградация СМП и его инфраструктуры, шел отток работавших здесь людей. Объем перевозок сократился до 1,6 млн. т. в 2000 г. или более чем в 4 раза по сравнению с пиком 1986 г.[119].

Лишь в начале XXI в. возрождается интерес государства к Арктике и СМП, что было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Принципиальные позиции в отношении сохранения национальной юрисдикции и обеспечения национальных интересов России на Севморпути были закреплены в «Концепции судоходной политики Российском Федерации» (одобрена Правительством РФ 22 июня 2000 г.) и в «Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 г.» (утверждена Указом Президента РФ 27 июня 2001 г.). Начался некоторый рост объема перевозок по СМП.

Новый период в жизни Севморпути с 2008/2009 по 2013 г. характеризовался принятием целого комплекса государственных документов по Арктике и СМП, стимулировавших его развитие. В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденных президентом РФ 18 сентября 2008 г. и опубликованных в марте 2009 г., значилось «использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации», а в числе стратегических приоритетов государственной политики было названо «использование Северного морского пути для международного судоходства в рамках юрисдикции Российской Федерации и в соответствии с международными договорами Российской Федерации»[120].

В июле 2012 г. был принят Закон о Северном морском пути (полное наименование – Закон № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути»). Он вступил в силу в январе 2013 г. и внес ряд изменений в действующее законодательство.

Была принята новая редакция ст. 14 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», касавшаяся плавания в акватории СМП как «исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации Российской Федерации». В Кодекс торгового мореплавания была включена новая статья (5.1), определявшая границы акватории СМП, в соответствии с которой протяженность СМП составляла около 5600 км. В Законе о СМП содержались указания на Правила плавания в его акватории, которые применялись в целях обеспечения безопасности мореплавания, а также предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды с судов[121].

17 января 2013 г. Министерство транспорта РФ во исполнение Закона № 132-ФЗ утвердило Правила плавания в акватории СМП взамен ранее принятых в 1990

---

[119] https://ruxpert.ru/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (дата обращения: 15.12.2021).
[120] Российская газета. 2009. 27 марта.
[121] URL: www.nsra.ru (дата обращения: 21.04.2022).

г. Организация плавания судов должна была осуществляться учреждаемой Администрацией СМП. 15 марта 2013 г. распоряжением Правительства России была создана Администрация Северного морского пути, с определением ее целей и функций [122]. Но анализ их породил вопросы и критику. Отмечалось, что создана организация, призванная лишь собирать заявки и давать разрешения на проход по акватории СМП, без полномочий решать все остальные вопросы, связанные с деятельностью флота в Арктике, проведения спасательных работ в случае необходимости и др. Ставился вопрос о важности создания единого центра управления СМП, с полномочиями, утверждаемыми правительством и подчиняющегося ему.

20 февраля 2013 г. президентом России В.В. Путиным была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». СМП характеризовалась в ней как «единая национальная транспортная магистраль России в Арктике». Предусматривались ее модернизация, развитие инфраструктуры и использование для международного судоходства[123].

Если в 2009 г. немецкой судоходной компанией Beluga Group был совершен первый транзитный переход по СМП судна с грузом из южнокорейского порта Ульсан груз в сибирский Новый Порт, а затем в Амстердам, то в 2013 году транзитом по СМП прошло уже 71 судно, в том числе 25 – под иностранным флагом, а объем транзита составил 1355897 т. Общий же объем грузоперевозок по СМП в 2013 г. был 3950 тыс. т. или примерно в 2 раза больше объема 2006 г. [8, с. 105-106].

Вместе с тем, уже в 2014 г. произошло значительное падение объема транзита по СМП и еще большее падение объемов международных транзитных перевозок имело место в 2015 г. Это было обусловлено прежде всего усилением международной напряженности в связи с событиями на Украине, санкциями против России со стороны стран Запада и ее ответными санкциями. Произошло свертывание целого ряда международных проектов, в т.ч. нефте- и газодобычи в Арктике, под санкции попали и банки, финансировавшие развитие инфраструктуры СМП. Все это привело к снижению активности зарубежных грузоотправителей и судоходных компаний в отношении использования СМП.

Период с 2014 г. и по настоящее время можно характеризовать как новый в развитии Севморпути. Для него характерно принятие ряда новых государственных документов, подводящих итоги и определяющих перспективы развития СМП прежде всего как национальной транспортной магистрали, изменение системы его управления, быстрый рост объемов перевозок при серьезных проблемах международного транзита.

20 декабря 2017 г. Госдума приняла Кодекс торгового мореплавания, согласно которому суда под российским флагом получают исключительное право на перевозку по СМП нефти, газа, газоконденсата и угля, добытых на территории России.

1 марта 2018 г., выступая с посланием Федеральному собранию РФ, президент В.В. Путин заявил, что Северный морской путь станет «ключом к развитию русской Арктики, регионов Дальнего Востока». Он подчеркнул, что перед Россией стоит задача сделать его «по-настоящему глобальной, конкурентной транспортной артерией» и увеличить к 2025 г. грузопоток по СМП до 80 млн. т. в год[124]. Реализация этой задачи была поставлена и в Указе президента от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», первом после инаугурации В.В. Путина[125].

Современное состояние дел на СМП и перспективы его развития характеризуются в Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности

---

[123] URL: government.ru (дата обращения: 22.04.2022).
[124] URL: http://tass.ru/info/4999806 (дата обращения: 22.04.2022).
[125] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 22.04.2022)

на период до 2035 года (далее – Стратегия до 2035 г.)[126].

В 2018 г. были внесены принципиальные изменения в систему управления СМП. В соответствии с ней на госкорпорацию «Росатом» были возложены функции единого инфраструктурного оператора Севморпути, а заместитель генерального директора Росатома В.В. Рукша является руководителем дирекции СМП. В компетенцию Росатома входит: управление государственным арктическим ледокольным флотом; подготовка предложений по формированию государственной политики по СМП, по созданию морских портов СМП и объектов его инфраструктуры; управление госимуществом; организация плавания; обеспечение безопасности в части организации морского движения. Ряд вопросов находится в компетенции Минтранса России или утверждается им по согласованию с Росатомом. Правила плавания в акватории СМП и план развития его инфраструктуры утверждаются Правительством.

С 2014 по 2021 г. объем грузопоток в акватории СМП вырос почти в 9 раз, составив по итогам 2021 г. 34,85 млн т[227] . За 11 месяцев 2021 г. по СМП транзитом прошло 86 судов, из них 11 под российским флагом и 75 — под иностранными. Транзитный грузопоток по СМП составил более 2 млн т, что на 59% выше аналогичного показателя 2020 г.

На перспективу установлена высокая динамика роста объема перевозок в акватории СМП: 80 млн т – в 2024 ., 90 млн т. – в 2030 г. и 130 млн. т. в 2035 г., в т.ч. объем транзитных перевозок должен составить, соответственно, 1, 2, 10 млн т . Общий объем перевозок предполагается выполнить в 2024 г. в основном за счет перевозок в западном направлении. При этом, по одним источникам Росатома, 35,5 млн т приходится на продукцию «Новотэк», 30 млн т – на «Роснефть», 6,7 млн – на Газпром нефть, 1,7 млн – на ГМК «Норильский никель», а остальное – на каботажные перевозки и транзит [9, с. 7]. Согласно другому прогнозу Росатома, на «Новатэк» и «Роснефть» приходится тот же объем, на «Норникель» – 1,9 млн т, на Газпром нефть – 6,2 млн т, на «АЕОН» – 7,5 млн т, а транзитные и каботажные перевозки составят порядка 4 млн т. Таким образом, грузопоток по СМП на 2024 г. должен составить 85,1 млн т .

С 2024 по 2030 г. предполагается начать круглогодичную навигацию на всей акватории СМП, в т.ч. подобной транспортировки грузов и в восточном направлении за счет постройки нового мощного атомного ледокола проекта 10510 «Россия» Более того, по прогнозу Росатома показатель грузоперевозок по СМП на 2030 г. должен достичь 150 млн т, из которых 30 млн составит транзит . После 2030 г. предполагается наращивать не только внутренние перевозки, но и международные транзитные грузопотоки [9, с. 7].

Но размышляя о перспективах развития СМП, сталкиваемся с целым комплексом проблем. Уже само понятие «транзит» вызывает разные толкования. Если ранее под этим подразумевался международный транзит, перевозки из Европы в Азию и наоборот, то сегодня – главным образом перевозки по России за пределы СМП в его современном толковании, т.е. до Архангельска или Мурманска в западном направлении и в Приморский край – в восточном .

В связи с этим возникает еще одна и более фундаментальная проблема. Дело в том, что возникшее несколько веков назад понятие Северо-Восточный проход, означало морской путь из Европы в Азию (Индию). Это толкование было перенесено и на сменивший его в XX веке термин Северный морской путь, и его эксплуатация предполагала движение от Архангельска (а с возникновением Мурманска от него) до Владивостока. СМП как международная транспортная артерия означала и последующее продление его до российских границ (с последующим движением в зарубежные порты Европы и Азии). Но в соответствии с действующим российским законодательством протяженность СМП ограничивается «с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля,

[126] URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 26.04.2022).
[227] neftegaz.ru (дата обращения: 25.04.2022)

восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар» .

Таким образом, в СМП не включается основная акватория европейской части российской Арктики с ее портами, Печорское, Баренцево и Белое моря, не говоря уже о Дальнем Востоке. И пока в российское законодательство об СМП не внесены эти необходимые изменения на практике для обозначения всей акватории морей Европейского Севера и Дальнего Востока и соответствующей транспортировки грузов и транзита используются понятия: Северный морской транспортный коридор, Евро-Азиатский морской транспортный путь или Большой СМП.

Размышляя о перспективах СМП, следует иметь в виду широкий комплекс проблем и факторов: природно-климатических, политических, финансово-экономических, технических и др. Начнем с одного из самых непредсказуемых факторов – климатического. При наличии обилия прогнозов однозначно предсказать будущее трудно. Большинство исследователей полагает, что основополагающим будет воздействие антропогенного фактора и сохранится тенденция к потеплению и таянию льдов, что будет создавать хорошие условия для развития СМП, увеличения возможностей и сроков плавания судов без ледокольного сопровождения и, соответственно, возрастания объемов грузоперевозок. Вместе с тем, эту точку зрения разделяют не все ученые, ибо, согласно природно-климатическим циклам, заканчивается период глобального потепления и в 2020-е гг. начнется новый цикл оледенения, что крайне осложнит и судоходство по Севморпути. При проводке атомных ледоколов навигация осуществляется круглогодично в западном, но не в восточном секторе. Важнейшим принципом современной транспортировки грузов является их своевременная доставка. Сегодня СМП нередко не выполняет его. Это обусловлено климатическими условиями, капризами погоды, потерей времени при ожидании караванной проводки атомными ледоколами и др.

Сегодня в Арктике и на СМП работает 5 атомных ледоколов, но при быстром росте перевозок ощущается их дефицит, который будет обостряться в дальнейшем. В соответствии со Стратегией до 2035 г. предполагается строительство не менее 5 атомных ледоколов проекта 22220 проекта (4 – до 2024 г. и 1 – до 2030 г.) и 3 атомных ледоколов проекта 10510 «Лидер» (или «Россия»), способных раскалывать лед толщиной до 4 м (2 – до 2030 г. и 1 – до 2035 г.) и обеспечивать круглогодичную навигацию по СМП . Рассматривается вариант строительства 4 СПГ-ледоколов.

Развитие судоходства по СМП требует и строительства различных типов судов ледового класса, способных самостоятельно работать здесь, что делается в рамках государственной судостроительной программы до 2030 г. и программ компаний, работающих на Севморпути («Новатэк», «Норникель», «Роснефть» и «Газпром нефть»).

Тем не менее, в рамках Стратегии до 2035 г. в качестве опасностей, вызовов и рисков названо отставание сроков развития инфраструктуры СМП, строительства судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов от сроков реализации экономических проектов в Арктической зоне .

Нуждается в модернизации и развитии вся инфраструктура СМП: порты, техническое, навигационное, коммуникационное, поисково-спасательное, медицинское обеспечение и др. Недостатком СМП является его неприспособленность к контейнерным перевозкам. Последние годы характеризовались экспериментами с проходами российских и зарубежных контейнеровозов по СМП, ибо контейнерные перевозки на порядок увеличили бы грузопоток. Существуют замыслы организации контейнерной судоходной линии на основе государственно-частного партнерства между Мурманском и Петропавловском-Камчатским со строительством серии контейнеровозов. Но и здесь, в свою очередь, существует комплекс проблем, требующих решения. В Стратегии до 2035 г. в качестве задачи поставлено строительство портов-хабов и создание российского контейнерного оператора в целях обеспечения международных и каботажных перевозок по акватории СМП .

На трассе СМП существуют более 50 портов, все из них, за исключением Сабетты,

требуют модернизации. Строятся или существуют планы строительства и целого ряда новых портов.

Развитие логистики грузоперевозок по СМП требует включения в нее крупнейших северных и сибирских рек, что призвано создать принципиально новые возможности для развития обширных арктических и приарктических территорий России, но требует, в свою очередь, проведения дноуглубительных работ, обустройства портов, портопунктов и др. На повестке дня стоит задача соединения материковой и портовой инфраструктуры в единую логистическую систему, соединения СМП с системой железных и автодорог посредством реализации таких проектов, как Северный широтный ход, Белкомур, Баренцкомур, Карскомур и др. Важной инфраструктурной задачей, над которой работает руководство СМП, является создание единой системы для всех грузоотправителей и судовладельцев, планирующих или осуществляющих рейсы по СМП.

В Стратегии до 2035 г. поставлена задача создания и развития на основе отечественного оборудования спутниковой группировки на высокоэллиптических орбитах, обеспечивающих спутниковую связь для пользователей в акватории СМП . С помощью искусственного интеллекта предполагается автоматически обрабатывать снимки со спутников и на их основе анализировать состояние льдов, течения, скорость ветра, температуру и выстраивать оптимальные маршруты движения судов по СМП.

Развитие СМП и его инфраструктуры, их широкомасштабная реконструкция, реализация обширного комплекса задач требуют колоссальных капиталовложений, которые Д.А. Рогозин, в бытность заместителя премьера и руководителя Морской коллегии, оценил в свое время в триллионы рублей. Предполагалось, что это будут средства государства и частного бизнеса, как российского, так и зарубежного, за счет расширения международных транзитных перевозок и реализации крупных арктических проектов. Но в современной ситуации растущей международной конфронтации возможности зарубежных капиталовложений в развитие СМП и его инфраструктуры сведены к минимуму, за исключением лишь возможных перспектив сотрудничества с КНР.

Так или иначе, на повестке дня стоят амбициозные задачи развития СМП, но результаты будут зависеть от успеха разрешения обширного комплекса существующих проблем.

Список литературы

[1] Селин В.С., Истомин А.В. Экономика Северного морского пути: исторические тенденции, современная ситуация, перспективы. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2003. 201 с.

[2] Проблемы Северного морского пути. М.: Наука, 2006. 581 с.

[3] Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 336 с.

[4] Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск: САФУ, 2013. 281 с.

[5] Тулупов Д.С. Арктическая геополитика России, Норвегии и Дании в конец XX – начале XXI века. СПБ: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. 164 с.

[6] Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015». Мурманск: МГТУ, 2015. 261 с.

[7] Østreng, W., Eger, K.M., Fløistad, B.; Jørgensen-Dahl, A., Lothe, L., Mejlænder-Larsen, M. Wergeland, T. Shipping in Arctic Waters: A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages. Springer, 2013. 414 p.

[8] Рукша В.В., Белкин М.С., Смирнов А.А., Арутюнян В.Г. Структура и динамика грузоперевозок по Северному морскому пути: история, настоящее и перспективы // Арктика: экология и экономика. 2015. № 4 (20). 2015. С.104-110.

[9] Рукша В. Стратегия будущего СМП // Созвездие. 2021. №37. С.6-11.

УДК 9 (57) + 93|99 (093) + 323 (57)

Развитие устной истории в США: от метода до цифровой реализации

Дамдынчап Вера Монгушевна
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и документоведения Тувинского государственного университета, г. Кызыл, Россия.
damdvera@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-8477-7578

АННОТАЦИЯ Статья посвящена развитию устной истории в США. В условиях кризиса позитивизма в середине XX в. начался поиск новых методов в исторических исследованиях. Перспективным методом стала устная история, которая развилась до научного направления. Пионерами в данном аспекте стали исследователи США, которые накопили огромный опыт в устно-исторических проектах. В начале XXI в. В США активно развивается цифровая устная история

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА устная история, стенограмма, опрос, oral history

Методологические поиски в исторической науке после Второй мировой войны повлияли теоретические и практические основы устной истории. Становление и развитие устной истории в разных частях мира происходило под влиянием разных факторов, но общим является стремление к изучению исторического прошлого с позиции антропологического видения. Раньше всех, устная история начала развиваться в США.

Появление термина «устная история» связано с деятельностью Алана Невинса, профессора Колумбийского университета. Работая журналистом, он обратил внимание на некрологи, которые печатались в газетах. Все эти люди, унесли с собой свою историю, переживания, воспоминания о событиях жизни, и с ними безвозвратно потеряна эта уникальная информация. В своем произведении «Gateway on history» он отметил важность сбора биографических материалов в исторических работах и решил начать сбор воспоминаний известных американцев об их опыте участиях в общественной, экономической, культурной сферах общества [7].

Первый организованный проект по устной истории был им инициирован в 1948 году – большой проект по сбору устных воспоминаний известных американцев. В Колумбийском университете был создан Офис устной истории, который начал записывать первые интервью. Его студенты брали интервью у известных политических деятелей и затем составляли стенограмму записей [7, p. 9]. На начальном этапе не было тематики и исследовательских задач. Смысл работы они определяли в фиксировании и сохранении устных воспоминаний для дальнейших исследований. И только потом начали определяться специальные проекты по сбору воспоминаний по определенным темам, событиям. Например, он описывал проект «Пионеры радиовещания», зафиксировавшим интервью с дикторами, редакторами, радиожурналистами, техническими работниками американских радиокомпаний [7]. А затем был проект по сбору интервью с учеными-сейсмографами, геофизиками.

Первые такие исследования требовали больших финансовых затрат на приобретение пленок для записи, оплату труда стенографистов и др. А. Невинс нашел средства, которые завещал Колумбийскому университету Фр. Бэнкрофт и это позволила осуществить последующие проекты. На финансирование Офиса уходила в год до 400 000 долларов и денег хватило бы до 1952 г. А затем все его проекты стали выполняться по заказу. Так он охарактеризовал как коммерческий большой проект по Г. Форду. Компания оплачивала

все расходы, результаты были внушительными: 434 воспоминаний, стенограмма которых составила 26 000 страниц [7, p. 291].

В своей работе по сбору информации А. Невинс не придавал большого значения звуковым записям интервью. Более того он считал, что нужно создавать письменные источники для будущих исследователей. К сожалению, небольшие коллекции звукозаписей из-за недолжного хранения были безвозвратно испорчены.

С 1958 года Офис устной истории возглавил ученик Невинса С. Бенисон. Под его руководством были осуществлены крупномасштабные проекты и стали издаваться сборники записей устной истории [2, с. 64]. Эти сборники рассылались по всем крупнейшим американским библиотекам. В каталоге 1971 года в Офисе уже было 2500 записанных интервью, а стенограммы составили более 342 000 страниц [1, с. 18].

Под влиянием Офиса по все стране стали создавать центры устной истории и в 1966 году была создана Ассоциация устной истории США, члены которой ежегодно собирались и представляли практические результаты своей работы. Ассоциация разработала методические рекомендации по сбору и хранению интервью. И эта деятельность в США становится поистине массовой.

В 1970 году был опубликован справочник «Устная история в США» в котором было зафиксировано 30 реализуемых проектов. А уже в 1972 году отмечены 122 действующих проекта, и в Ассоциацию входило 456 индивидуальных членов [3, p. 20]. В США разработана была методика устной истории:

а) исследование и предварительное планирование тем интервью интервьюером и интервьюируемым;

б) запись на магнитную ленту – от одного до нескольких сеансов;

в) расшифровка интервью;

г) исправление стенограммы интервьюером и интервьюируемым, для получения разрешения интервьюируемого;

е) депонирование исправленной стенограммы или ее перепечатанной версии в сопровождении дополнительных документов от интервьюируемого, при условии соблюдения любых ограничений, которые интервьюируемый может захотеть наложить на ее использование.

На собраниях Ассоциации поднимались постоянно вопросы о финансировании проектов устной истории. Чаще всего сбором интервью занимались архивариусы и библиотекари, которым дополнительно определялась такая работа. Процесс создания сборника по устной истории аналогичен процессу большинства проектов в США. Конечным результатом является переплетенный, полностью проиндексированный, иллюстрированный том объемом от 30 до 800 страниц, копии которого рассылались в американские библиотеки.

Долгое время в США ученые исследователи устной истории занимались сбором материалов и обсуждали вопросы сохранения источников: в виде звукозаписи или письменной расшифровки. Развитие научно-технического прогресса привело к тому, что исследователи стали использовать магнитофонные записи как обязательный атрибут своей работы. Создание транскрибированного текста является важным результатом проектов.

Ассоциация устной истории в США крупнейшая организация, которая курирует проекты по устной истории на современном этапе. Ассоциация издает журнал «The Oral History Review», который аккумулирует практический опыт исследователей устной истории. В 2010 году вышла статья американских ученых о развитии устной истории в условиях цифровой революции [8]. Авторы отмечают, что задача категоризации устной истории стала еще более сложной в эпоху цифровых технологий. Онлайн-ресурсы устной

истории можно определить в широком смысле, поскольку они связанны со сбором, каталогизацией, сохранением и обменом материалами интервью. Онлайн-ресурсы по устной истории служат многим целям, в зависимости от своего содержания, формата и представления [Там же].

В качестве примера в статье приводится опыт Мемориальный музея Холокоста в США. Он предоставляет доступ к международной базе данных воспоминаний, с разработанным инструментарием для поиска коллекций устных свидетельств, связанных с Холокостом, которые размещены в музеях, университетах, и других организациях по всему миру. Объединяя информацию об основных репозиториях, а также о небольших коллекциях, не представленных в Интернете, эта база данных представляет основную информацию о средствах поиска, общем объеме доступных интервью и др. [Там же]. Создание таких коллекций и баз данных существенно облегчают работу исследователей. Более традиционные письменные расшифровки, видео и аудиофайлы также представлены на сайтах центров, ведущих проекты по устной истории в США. Анализируя различные онлайн проекты авторы солидарны в том, что в условиях цифровых технологий, необходимо развивать и использовать цифровые технологии для продвижения устной истории.

Озабоченность технологическими изменениями и опасностью их использования в устной истории делиться своей статье канадский ученый С. Хай [4, p. 102]. Будучи руководителем Центра устной истории и цифрового сторителлинга и проекта «Life Stories of Montrealers Displaced by War, Genocide and Other Human Rights Violation» он поделился опытом организации онлайн ресурса. Для работы 4 рабочих групп была создана интерактивная платформа Base Camp, на которой размещался весь план работы групп и результаты выполнения, и осуществлялась рефлексия после записи интервью. В своем проекте авторы использовали метод цифрового сторителлинга для привлечения интереса к проекту. Цифровое повествование находится на стыке творческого и аналитического подходов, расширяя возможности студентов и сообществ участия в создании источников [4, p. 105]. Продуманное использование онлайн технологий является кака считает автор залогом успеха любого цифрового проекта устной истории [4, p. 106].

В 2013 году вышел специальный выпуск журнала Ассоциации, посвященный цифровой устной истории «Устная история в эпоху цифровых технологий». Американские устные историки размышляют над сменой технологий и проблемами применения цифровых технологий в проектах по устной истории. Вопросы о новых возможностях видео устной истории, особенно доступность, вовлеченность аудитории в создание источников ставит в своей статье П. Кауфман [5]. О считает, что эти возможности требуют новых форм взаимодействия с представителями академического сообщества, с огромной и многочисленной аудиторией интернет пользователей. Анализируя готовые продукты, позволяющие упростить и облегчить работу устных историков с аудиторией, автор приходит к выводу цифровая устная история открывает широкие возможности для исследователей.

В статье М. Тибо «Listening to the City: Oral History and Place in the Digital Era» раскрывается особенности проекта Cleveland Historical (http://www.clevelandhistorical.org/), размещенный на сайте и доступный для любых мобильных устройств. Благодаря инновационному внедрению мобильных технологий в сочетании с лучшими практиками устной истории проект привлекал к записи своих истории жителей города [9].

Вопросы этики и конфиденциальности устных воспоминаний поднимаются в статье М. Ларсон. Распространие цифрового контента представляет собой большую проблему, автор отмечает, что единых подходов в этом вопросе пока у специалистов нет, но Ассоциация устных историков предлагает частичное решение на уровне договорных обязательств между исследователем и интервьюируемым [6]. Цифровой век способствует

быстрому и глобальному распространению устных исторических интервью, которые часто содержат глубоко личные и интимные подробности, что повышает необходимость тщательного рассмотрения этических последствий цифрового доступа.

Ассоциация устной истории США разработала проект «Устная история в цифровую эпоху» (OHDA), целью которого является аккумулирование лучших практик цифровой устной истории. Авторы уделяют особое внимание этапам сбора, хранения и распространения устной истории, акцентируя внимание на технологиях, интеллектуальной собственности и цифровых видео. Информационный ресурс OHDA представляет собой портал с более чем двумя сотнями документов передовой практики, глоссарий из более чем двухсот терминов, относящихся к цифровому аудио, видео и архивам; типовые рекомендации для выбора цифровых инструментов; а также серия видеороликов, в которой представлены видеоинтервью с многочисленными лидерами в этой области. Центральное место в проекте занимают статьи, написанные экспертами устной истории. Проекты устной истории в цифровую эпоху должны разрабатываться с учетом устойчивости, совместимости и удобства использования. В рамках данного параграфа мы не будем рассматривать данный проект, но он представляет собой еще и историографический интерес.

Таким образом, американская устная история прошла долгий путь развития и стремилась всегда соответствовать духу времени. Ведь одним из важных стимулов развития устной истории стала техническая составляющая. Американские исследователи имеют богатый опыт сбора информации и ее использования в научно-исследовательских целях, особенно в условиях цифровой эпохи.

Список литературы

[1] Виноградов В.М., Гармаш В.Н. Устная история в зарубежных архивах. Обзор. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД ОЦНТИ, 1988. 52 с.

[2] Доел Р. Вопросы истории естествознания и техники // «Устная история» в историографии современной науки: опыт и проблемы. 2000. № 4. С. 60–88.

[3] Baum W. Oral History // Oral History in the United States. 1972. Т. 1. № 3. С. 15–29.

[4] High S. Oral History // TELLING STORIES: A REFLECTION ON ORAL HISTORY AND NEW MEDIA. 2010. Т. 38. № 1. С. 101–112.

[5] Kaufman P. The Oral History Review // Oral History in the Video Age. 2013. Т. 40. № 1. С. 1-7.

[6] Larson M. Steering Clear of the Rocks: A Look at the Current State of Oral History Ethics in the Digital Age // The Oral History Review. 2013. Т. 40. № 1. С. 36–49.

[7] Nevins A. The gateway on history. N.Y.: Comp&introduced by Rey Allen Billingston, 1975. 420 с.

[8] Schrum K., Brennan S., Halabuk J. The Oxford Handbook of Oral History // Oral History in the Digital Age. 2010

[9] Tebeau M. Listening to the City: Oral History and Place in the Digital Era // The Oral History Review. 2013. Т. 40. № 1. С. 25-35.

УДК 94 (571.51)

«Я не останавливался ни пред какой личной опасностью»: штрихи к биографии Иннокентия Ивановича Покровского

Дементьев Александр Петрович
Кандидат исторических наук, доцент, Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, г. Красноярск, Россия.
dementjev.ap@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7841-5201

Ульверт Александр Викторович
Кандидат исторических наук, доцент, Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, г. Красноярск, Россия.
ulvert1978@gmail.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена биографии Иннокентия Ивановича Покровского, который до 1917 г. работал податным инспектором, а после революции был избран председателем городской думы г. Енисейска. Выявлены важнейшие события его политической биографии и направления научной деятельности. Представлена характеристика важного исторического источника, созданного Покровским, о Енисейском восстании 1919 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Покровский, революция, гражданская война, г. Енисейск.

Имя, вынесенное в название настоящей публикации, малоизвестно историкам и краеведам. Между тем его насыщенная общественная и научная деятельность достойна того, чтобы стать объектом исследования.

Иннокентий Иванович Покровский, родился 16 февраля (ст. ст.) 1870 года на золотом прииске Северо-Енисейского горного округа в семье священника. Обучался в Томской мужской гимназии, высшее образование получил на юридическом факультете Московского университета, служил по судебной и финансовой части в Москве и Ревеле. В 1899 г. получил должность податного инспектора Енисейского участка Енисейской губернии и работал в этой должности вплоть до 1917 г. [2. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 4 об].

Можно утверждать, что в дореволюционный период он симпатизировал социалистам. Так, В 1909 г. он был арестован по подозрению в предоставлении убежища видным политическим ссыльным, бежавшим из Туруханского края: Онипко, Парвусу, Б. И. Гольдману. Покровский в своей автобиографии писал, что факт помощи имел место. [2. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 5 об].

Работая в должности податного инспектора, Покровский видел положение северных народов и защищал их. В 1912 г. в своем докладе губернским властям он указывал на преступления, которые совершали «тунгусники» - предприниматели, занимавшиеся торговлей и заготовкой пушнины на Севере: «Изнасилование тунгусских девушек, кражи, утайки ясака и даров в церкви, мошенничества, эксплуатация невежества и доверчивости, побои, истязания, убийства, опаивания спиртными напитками…» [7, с. 134-135].

Основные положения своего доклада Покровский повторил на уездном съезде крестьянских начальников, который состоялся в августе 1915 г. Съезд запретил русским крестьянам селиться по рекам Подкаменной и Нижней Тунгускам, а также решил выселить в административно порядке всех купцов, поселившихся по этим рекам [6, с. 186-188].

После падения самодержавия в 1917 г. у Покровского появилась легальная возможность проявить себя на политическом поприще. Летом 1917 г. по объединенному

социалистическому списку Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, группы профессиональных рабочих и солдат местного гарнизона он был избран в городскую думу Енисейска. 9 июля 1917 г. его избрали председателем думы. Кандидатуру Покровского поддержали 23 человека, только один человек проголосовал против.

За него единодушно проголосовали: представители социалистического списка (14 гласных); 9 гласных, избранных по списку народных республиканцев, служащих в правительственных учреждениях; группы еврейской и магометанской национальности [2, Ф.Р-1813. Оп. 2. Д. 10. Л. 34]. Это доказывает высокий авторитет Покровского среди различных политических сил. В июне 1919 г. он вновь будет избран в состав думы, но уже по списку либеральной «Группы трудовой интеллигенции». Пост председателя думы он будет занимать вплоть до 1920 г. Кроме председательства он участвовал в работе финансовой и оценочной комиссий [3, 25 июля].

Покровский не был активным политиком: он не выступал на митингах, не печатался в газетах. В период напряженной борьбы за власть он был незаметен на политическом поле. Вероятно, его внимание в большей степени занимала работа по обустройству городского хозяйства, но восстановить эту сторону деятельность Покровского еще предстоит по сохранившимся материалам местной периодической печати и архивным документам.

Настоящим испытанием для Покровского как председателя городской думы стало антиколчаковское восстание в Енисейске в феврале 1919 г. Описание его действий изложены им самим 12 мая 1919 г. в докладной записке, адресованной управляющему Енисейской губернией [4].

Данный текст отличается от других воспоминаний Гражданской войны искренностью и эмоциональностью. Докладная записка погружает нас в размышления человека который, будучи противником Советской власти, был вынужден контактировать с восставшими ради спасения мирных граждан.

«К утру я пришел к твердому решению... отправиться в революционный штаб для переговоров. Должен сказать, что такое решение явилось у меня в результате столкновения мучительно противоположных чувств. Дело в том, что я – убежденнейший противник выступлений не только явно разбойных, каким было пережитое Енисейском в минувшем феврале, но и более, скажу, деликатного выступления большевиков, действия которых я открыто называл преступными, как в личных переговорах, так и в официальной служебной почтовой и телеграфной переписках. Однако тогда положение было гораздо проще, а потому и легче. В качестве податного инспектора я нес чрезвычайно серьезную ответственность за свой способ действий единолично. Теперь за мои действия как председателя думы могли подвергнуться тяжелым и даже прямо страшным последствиям беззащитные избиратели-горожане», - так рассказывает Покровский о своем решении отправиться в революционный штаб сразу после известия, что солдаты енисейского гарнизона арестовали офицеров в ночь на 6 февраля 1919 г. [4, Л. 20об].

7 февраля И.И. Покровскому удалось созвать частное совещание гласных городской думы и членов уездной земской управы, которое озаботилось «охранением в городе порядка, личной и имущественной безопасность граждан», выработало резолюцию в которой признало свершившееся выступление нецелесообразным, призвало депутатов «оставаться на своих местах и продолжать порученную им избирателями работу». Совещание призывало штаб восставших не производить ночных обысков и арестов; усилить охрану винного склада; немедленно освободить из-под стражи и.о. городского головы Миндаровского и гласного думы Обмоина; освободить из-под ареста всех политических противников; изъять у лиц, замеченных ранее в уголовных преступлениях, все огнестрельное оружие и др. [4, Л. 4-4 об].

В этот же день по инициативе Покровского состоялось совместное совещание

военно-революционного штаба и общественных организаций города для «обсуждения вопроса о приемлемом выходе из создавшегося исключительно трудного положения». К конструктивному решению стороны не пришли ввиду отказа общественных организаций признать свершившийся переворот [4, Л. 5-5 об].

На следующий день заседание городской думы и уездной земской управы под руководством Покровского поручило представителям от городского самоуправления «потребовать от революционного штаба часть имеющегося у последнего оружия для организации самоохраны города». [4, Л. 6 об]. Закономерно, что штаб не принял это предложение, но члены органов местного самоуправления арестованы не были и продолжили контакты с членами штаба стремясь предотвратить расправу.

Тем не менее, Покровский стал главным переговорщиком от местного самоуправления с лидерами восставших. Своими действиями он стремился предотвратить расправу над заключенными в тюрьме и смягчить действия восставших по изъятию контрибуции с местных предпринимателей. Вступая в контакты с членами штаба Покровский рисковал как авторитетом, так и жизнью. Так, в докладной записке он описывал ситуацию, как лидер восставших Кузнецов, будучи пьяным, «сидя рядом со мною, все время держал в руке направленный на меня браунинг, стараясь, по-видимому, делать это незаметно» [4, Л. 13].

При подавлении восстания колчаковскими войсками Покровскому пришлось уже действовать в защиту «гуманности и законности», чтобы избежать жертв среди мирного населения. В результате от командного состава правительственного отряда ему пришлось выслушать заявление: «В других местах представители городского самоуправления встречали нас с цветами, а в Енисейске Председатель Думы делает нам выговоры, выпороть его». Как писал сам Покровский: «Немало различных угроз и устрашающих предупреждений пришлось слышать в период колчаковской власти и в дальнейшем» [2, Ф.Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л.5].

Вероятно, при создании своей «Докладной записки» автор выполнял, в числе прочих, и такую прагматическую задачу, как объяснение губернскому руководству причин, по которым он был вынужден взаимодействовать с революционным штабом. В результате этого возник значимый исторический источник, со страниц которого И.И. Покровский предстает перед нами честным и искренним человеком, который с риском для своей жизни, стремился минимизировать угрозы для мирных граждан, несмотря на то, что при этом ему приходилось поступаться политическими принципами. Ввод данного источника в научный оборот и его использование вместе с комплексом уже известных воспоминаний, несомненно, позволит расширить и уточнить историческую картину событий.

В первые годы советской власти Покровский недолгое время находился под арестом по обвинению в участии в колчаковской контрразведке. Информации о дальнейших репрессиях не обнаружено. Вероятно, у Советской власти не было претензий к действиям Покровского в период Гражданской войны. В феврале 1920 г. он занял должность заведующего налоговым подотделом Енисейского уфинотдела, а в августе того же года перешел на службу в Енисейское губстатбюро, в качестве статистика-инструктора.

Помимо общественной работы внимание Покровского занимала также наука. С 1923 г. он состоял членом красноярского отделения РГО. Но долгое время Покровский не имел возможности оформить свои научные изыскания. В своей автобиографии от 1923 г. он признавался, что «ни напечатанных, ни приготовленных к изданию моих трудов у меня нет». «То, что мне удалось написать, я до сих пор не облек в пригодную для печатания форму по той причине, что до последнего времени был загружен выполнением служебных и общественных обязанностей, а теперь, когда эта загруженность сократилась, отдаться с необходимой энергией делу литературной обработки имеющихся у меня материалов мешает состояние моего здоровья». [2, Ф.Р-1380. Оп. 1. Д. 80.Л. 4].

Автор упоминал о наличии у него материалов, посвященных обследованию 9 тунгусских родов, приписанных к Ангарским волостям (1910 г.); проекта мер по сохранению инородцев Севера от вымирания (1912 г.); рукописных очерков золотопромышленности в Енисейском горном округе (1922 г.). В 1920 г. им была составлена докладная записка о необходимости подробного исследования Туруханского края. [2. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 4].

Известно, что в 1928 г. Покровский был начальником ихтиологической экспедиции на р. Ангаре, проводил обследование рыбацких районов. Покровский изучал не только работу рыбаков, но и другие стороны жизни ангарского населения. В частности, он провел перепись населения пяти районов, подсчитал валовый доход приангарских селений от различных видов деятельности, вел статистику начисления и уплаты налогов, описал орудия лова. Покровский первым собрал статистику вылова рыб по отдельным административным районам. В результате этой работы в 1929 г. была опубликована его книга «Рыбный промысел реки Ангары и его роль в экономике края», которая до сих пор не потеряла научной значимости [1, с.5].

Время пребывания Покровского на Ангаре совпало с одной из экспедиций Л. А. Кулика на место падения Тунгусского метеорита. Неизвестно, оказывал ли Покровской помощь экспедиции, но в газете «Красноярский рабочий» были размещены несколько его заметок, посвященных экспедиции. В одной из них он сообщал о семи опасных административно-ссыльных, которые направились к месту расположения экспедиции с целью грабежа [5, 28 сентября]. Но уже в следующей заметке он указывал, что слухи об угрозе утратили силу, а информация о бедственном положении экспедиции не подтверждается данными Покровского [5, 4 октября].

Дальнейшая судьба Покровского в настоящий момент неизвестна. Надеемся, что дальнейшие изыскания авторов публикации позволят больше узнать о деятельности и жизненном пути этого интересного человека.

Список литературы

[1] Аргунова А.Ю. История рыбного хозяйства байкальского региона (1900–1980-е гг.): автореферат дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2016.

[2] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80; Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 10.

[3] Голос момента (Енисейск). 1917.

[4] Красноярский краевой краеведческий музей. КПД 3869/32.

[5] Красноярский рабочий (Красноярск). 1928.

[6] Межэтнические связи Приенисейского региона: сборник документов / под ред. Р. Г. Рафикова. Ч. 1.: 1609–1916 гг. Красноярск, 2007. 215 с.

[7] Хоменко Д.Ю. Проникновение капиталистических отношений на Енисейский Север в начале XX века: влияние на межэтнические отношения // Россия и мир в конце XIX - начале XX века (IX): материалы Девятой всероссийской конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Пермь, 2016. С.128-137.

УДК: 001 + 930.272

Наукометрия исследований и публикационной активности в области азербайджанской палеографии (на основе публикаций 1950-1990-х годов)

Джафаров Джавид Агалар оглы
Доктор философии по истории, доцент, заведующий отделом Института рукописей им. Мухаммеда Физули, Национальная Академия Наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан.
E-mail: cavid@manuscript.az
https://orcid.org/0000-0003-4350-704X

АННОТАЦИЯ В статье анализируется публикационная активность (1950-1990-х годов) сотрудников Института рукописей им. Мухаммеда Физули Национальной Академии Наук Азербайджана, обобщаются полученные статистические и библиометрические данные. В результате исследования были определены объем и динамика издания научной продукции по палеографии / рукописоведению (книги, монографии, диссертационные работы, статьи, тезисы, доклады); тематический и языковой состав исследований; H-index авторов, показатели распространения произведений по странам и изданиям; статистика ссылок и самоцитирований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА наукометрия, история публикационной активности, публикации в области рукописоведения, Институт Рукописей АН Азербайджана

Результаты изучения работ по методологии комплексного статистического и наукометрического анализа произведений, отражающих исследования в области рукописоведения, проведенные в Азербайджане в 1950-1990-х годах, показывают, что на произведения того периода ссылаются и по сей день, что, в свою очередь, повышает актуальность исследования. Полученные результаты в ходе исследования также имеют большое значение для оценки научной продуктивности и труда действующих авторов этих работ.

Было бы, кстати, отметить, что 1950-1990-е годы стали периодом становления и развития научно-теоретического, научно-практического и методологического отношения к сбору, изучению и пропаганде древних рукописей и старопечатных книг в Азербайджане. В этот период на базе Отдела рукописей Института литературы им. Низами Академии Наук Азербайджана сначала был создан Республиканский фонд рукописей (РФР) (1950), который 1986 году был преобразован в нынешний Институт рукописей. Очевидно, что каждое научно-исследовательское учреждение выражает свои научные достижения, результаты исследовательской и методологической деятельности научного коллектива через статьи, монографии, учебники, патенты и другие материалы. Институт рукописей в этом смысле не является исключением. Но также отметим, что научная деятельность ученых – палеографистов и специалистов носит как теоретический (на уровне палеографических, кодикологических, филологических, текстологических и др. исследований), так и прикладной (на уровне реставрации-консервации-оцифровки рукописей, применения-обучения приобретенному опыту) характер. Тем не менее, институт в основном считается научно-исследовательским учреждением гуманитарного направления. Поскольку здесь не появляются какие-либо технологические изобретения, запатентованные решения, результаты научной деятельности выражаются в основном в 3-х формах: в первом случае Институт регулярно осуществляет локальный и международный поиск древних рукописей и соответствующих материалов, связанных с Азербайджаном, в результате чего обновляет свои фонды, проводит работы по научной реставрации-консервации-электронизации.

Однако научные успехи Института трудно донести до общественности напрямую через все результаты, достигнутые в этом направлении. Например, пользователю, который заказывает какую-либо рукописную книгу из фонда, не интересно, откуда этот материал был получен, где он хранится, как он восстанавливается-консервируется, каким способом он был оцифрован. Однако всего этого Институт добивается за счет сложных научных исследований, научных коммуникаций, научных подходов и это считается одним из главных научных достижений. Во втором случае институт распространяет свое научное достижение в научно-популярной форме в отечественных и зарубежных средствах массовой информации (ТВ, радио, газеты, интернет). В третьем и самом основном случае, ученые Института осуществляют редакционно-издательскую деятельность: издают книги и научные статьи в стране и за рубежом. Это позволяет не только распространять научные результаты, но и обсуждать и анализировать их на академическом уровне [1, с. 71]

В свою очередь аналитико-статистический анализ публикаций дает материал для ревизии основных направлений научной деятельности того или иного института. Аналитико-статистический анализ публикаций дает материал для ревизии основных направлений научной деятельности того или иного института. Основной целью такого анализа является не только количественное определение положительной или отрицательной динамики публикационной активности. Другими словами, знание того, сколько книг и статей, в каком году, на каком языке, сотрудниками какого института было опубликовано, и сколько на них ссылок, является лишь начальным этапом наукометрического анализа. Первоначальная цель состоит в выявлении на основе этих показателей степени научного воздействия (импакт фактора) института в целом на отечественную науку. Следует иметь в виду, что повышение эффективности научного управления в современный период, целевая направленность государственных средств, выделяемых на науку, во многом зависят от правильного определения научных приоритетов, направлений и тем исследований.

Ретроспекция научных исследований и публикационной активности в области рукописоведения сотрудников Института рукописей позволяет в первую очередь изучать редакционно-издательскую историю данного Института. Косвенно, это также изучение истории трансфонелитерации, перевода, создания и издания научно-критических текстов древних письменных памятников Азербайджана. С другой стороны, такая наукометрическая ретроспекция позволяет определить долю рукописных исследований в азербайджанской науке. Известно, что, увеличение коэффициента влияния публикаций на науку в области гуманитарных и общественных наук, в том числе и в рукописоведении достигается кумулятивным воздействием. Не существует срочных механизмов для того, чтобы понять роль какой-либо книги или статьи в этой области в научном развитии [2, с. 83]. Чтобы понять полную картину, требуется 10-30 лет с момента публикации произведения, а иногда и больше. Если при проведении исследований в области точных и естественных наук ссылаться на литературу, опубликованную в ближайшие 7-15 лет считается допустимым, то хронологический период ссылок, особенно в гуманитарных исследованиях, может охватывать и 100 лет. Например, если опубликованная в 2021 году статья, посвященная медицине или аэрокосмическим исследованиям, содержит ссылки на литературу 50-х годов, то это характеризуется как отрицательная черта, а в гуманитарной сфере ссылка на такие древние источники свидетельствует о глубине изучения. Чтобы более наглядно обосновать нашу точку зрения, добавим, что наибольшее количество ссылок на исследования, проведенные учеными Института рукописей в 70-е годы, например, в связи с творчеством великих азербайджанских поэтов как Хагани Ширвани (1126-1199), Низами Гянджеви (1141-1209), Имадеддина Насими (1369-1417), было сделано после 2000-х годов.

В этом смысле анализ рукописных исследований 1950-1990-х годов в наукометрическом

аспекте хотя и носит, по существу, ретроспективный характер, но в то же время имеет и перспективное значение.

Ретроспекция исследований в области рукописоведения 1950-1990-х годов актуальна, поскольку, исходя из наукометрического анализа публицистической активности, в том числе редакционно-издательской практики предшествующих периодов, можно уточнить перспективы исследования. Полученные результаты позволяют определить, какие области и темы по-прежнему актуальны, а какие-нет, выявить, исследования по каким темам привлекают или не привлекают больше внимания научного сообщества. Например, есть такие ученые-палеографисты, чьи работы были наиболее цитируемыми, а до 2021 года некоторые из их книг или статей либо совсем не цитировались, либо количество цитат было очень низким. В любом случае, ссылки на их работы, которые мы смогли обнаружить, дают нам основания говорить об этом.

Согласно нашим подсчетам в 1950-1990-х годах сотрудники Института рукописей были авторами в общей сложности 1469 произведений, в том числе 91 книги, 784 журнальных статей, 562 газетных статей и 32 диссертационных работ. В этот период в Институте вышло в свет 15 выпусков различных материалов конференций, научных журналов. Так, в 1961 году был издан первый научный журнал Института – «Произведения Республиканского рукописного фонда» (с 1972 года переименован в “Сокровищницу рукописей”), наряду с этим журналом в последующие 30 лет были опубликованы выпуски сборника статей «Голоса из прошлого» и материалы 4-х научных конференций, организованных в учреждении. 64 произведения, а также 11 книг и 53 статьи вышли в соавторстве (сосоставлении). Около 22,5 процента всех работ (328 работ) создано авторами-женщинами.

Типология 91 книги, изданной в этот период, не обширна. Все книги в основном имели статус научных изданий (их издание осуществлялось в основном согласно решениям ученого совета). Что касается деления книг по видам, то здесь наблюдается разнообразие: среди них есть переводные произведения, монографии, каталоги и т.д. Если еще немного уточнить эту классификацию, то станет ясно, что книги 50-90-х годов по характеру отражаемой информации и по уровню аналитико-синтетической обработки делятся на 3 группы: 1) Переводно-трансфонелитерационные произведения (издания, состоящие из научно-критического текста рукописных произведений выдающихся личностей, находящихся в фонде Института, а также из их трансфонелитерации и перевода на азербайджанский язык (в исключительных случаях на русский язык)); 2) Книги, авторами которых являются сотрудники Института (монографии и книги по связанным темам, в том числе представительные издания, книги-альбомы, отражающие деятельность Института); 3) Библиографические издания (рукописные каталоги).

28 книг, изданных в Институте в указанный период, относились к первой, 60 ко второй и 3 к третьей группе. Что касается тематического деления этих книг, то 74 посвящены филологии, 3-описанию личных архивов выдающихся лиц в Институте, 1-истории, историографии и источниковедению, 1-теоретическим и практическим вопросам каллиграфии, 1-книговедению, 3-истории медицины, отраженной в древних рукописях, 2-биологии, 2-теологии, 1-деятельности Института. Остальные 3 книги, как уже упоминалось, являются каталогами.

Этот период ознаменован многими новшествами в редакционно- издательской истории института: в эти годы опубликована первая научно-публицистическая статья (1950 г.), первая книга (1953 г.), первая научная статья (1954 г.) и первая диссертационная работа (1964 г.). Первые исследования в области рукописоведения, первые архивные описания и первые каталоги рукописей, изданные на иностранных языках и за рубежом, также являются печатной продукцией этого периода. В 50-90-х годах сотрудниками Института рукописей был детально исследован и монографизирован текст эпоса “Китаби-Деде Горгуд”, изучены жизнь и творчество таких выдающихся личностей,

как Хагани Ширвани, Низами Гянджеви, Шейх Махмуд Шабустари, Ассар Тебризи, Имадеддин Насими, Джаханшах Хагиги, Кишвери, Алишер Навои, Шах Исмаил Хатаи, Хабиби, Мухаммед Физули, Юсиф Меддах, Мухаммед Юсиф Ширвани, Хейран Дюнбули, Аббасгулу ага Бакиханов, Мирза Исмаил Гасир, Хуршидбану Натаван, Мир Мохсун Навваб, Фагир Ордубади, Мирза Алескер Новрас, Фатма Камина, Мирза Хасан Гарабаги, Алескер Музниб, варианты трансфонелитерации или перевода их произведений, научно-критические тексты и другие были изданы в виде книг и включены в научный оборот.

Период, в течение которого мы проводим ретроспекцию, также является периодом становления и развития научно-описательной работы личных архивов, хранящихся в фонде Института. Начиная с 50-х годов, в учреждении были подготовлены и изданы описания архивов Мирзы Фатали Ахундова, Джалила Мамедкулузаде, Джафара Джаббарлы, Сулеймана Сани Ахундова. Одной из памятных научно-исследовательских и издательских деятельностей этого периода является начало в 1970-х годах исследований национальных письменных памятников с точки зрения источниковедения. Так, в 1970 году Дж. Гахраманов своим научно-исследовательским трудом «Лексика «Диван»а Насими» заложил основы азербайджанского лингво-источниковедения.

Из 1346 научных и научно-публицистических статей, опубликованных сотрудниками института в 1950-1990-х годах, 898 посвящены филологии, в том числе литературоведению, литературному переводу, текстоведению и лингвистике, 81-древним рукописям в области медицины, фармацевтики и медицинской ботаники, 77-научной деятельности Института, 39-истории и источниковедению, 66-жизни и творчеству выдающихся личностей Азербайджана, 54-исследованию личных архивных материалов Института, 3-педагогике, 21-международному сотрудничеству в области рукописоведения и древним азербайджанским рукописям, существующим в зарубежных странах, 32-теоретическим вопросам рукописоведения, палеографии, 30-книговедению, 5-философии, 3-праву, 4-астрономии, 9-биологии, 10-культуре, 7-истории науки и естествознания, 5-теологии, 1-социологии, а 1-алгебре.

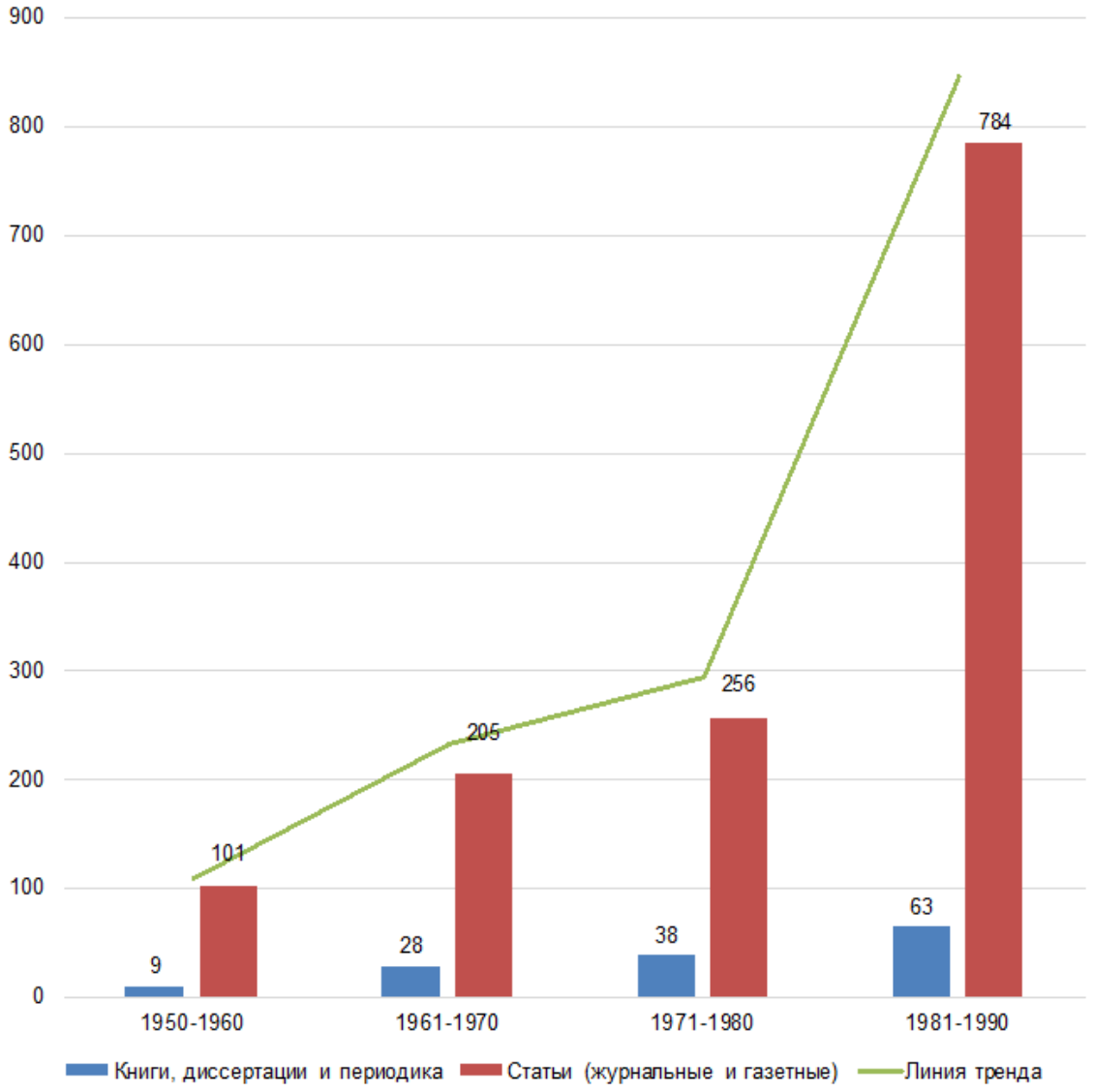
В указанный период в институте успешно осуществлялась работа по подготовке высококвалифицированных научных кадров. Процесс начался в 1964 году с диссертационной работы кандидата филологических наук Ф.Сеидова на тему «Стихотворный размер азербайджанской поэзии», в последующие годы были защищены 32 диссертационные работы в области филологии и истории. Из них 5 были диссертациями доктора наук, а оставшиеся 27 – кандидата наук. Согласно тематической классификации, 21 диссертационная работа была посвящена филологии, а 1-историческим наукам.

На 1468 работ, опубликованных сотрудниками института в период с 1950 по 1990 год, за последние 70 лет (до 2020 года) ссылались 9948 раз. Исходя из принципа равномерного распределения, можно сделать вывод, что в течение указанного периода на каждое произведение было сделано в среднем по 10 ссылок. На самом деле, если бы ссылки распределялись именно таким образом, можно было бы говорить о 100-процентном интересе к рукописным исследованиям того времени. Но в результате наших исследований было установлено, что паритета в распределении ссылок не существует. Так, если на некоторые работы было обнаружено более 50 или 100 ссылок, то на некоторые работы вообще не было сделано каких-либо ссылок (не исключено, что такие ссылки имеются в источниках, которые мне не смогли определить). 408 из ссылок это самоцитирования (ссылки авторов на свои произведения).

Из общего числа ссылок на произведения 4543 были адресованы книгам, диссертациям и авторефератам, а 5405-статьям, в том числе 4735-журналам, 670-газетам. 330 ссылок было сделано на произведения, изданные за рубежом. 254 из них сделаны азербайджанскими исследователями. 36 ссылок на рукописные исследования этого периода были обнаружены в журналах, индексируемых в международных

наукометрических базах, таких как Web of Science (9 ссылок) и SCOPUS (27 ссылок). По нашим расчетам H-index 6 авторов находится в интервале 10-15.

Инфографика 1.
Статистика изданий по десятилетиям

Как видно из инфографики (см. Инфографика 1.), за 4 исследованных десятилетия в уровне читаемости произведений наблюдалась только положительная динамика. Если в 1950-1960-х годах в активе института было 110 единиц издания (9 книг, 101 статья), то в 1961-1970 годах этот показатель составил 233 (28 книг, диссертаций, периодических изданий и 205 статей), в 1971-1980 годах-294 (38 книг, диссертаций, периодических изданий и 256 статей), а в 1981-1990 годах-847 (63 книги, диссертации, периодические издания и 784 статьи).

В Таблице 1. показан подход к статусу публикационной активности исследований в области рукописоведения по принципу дедукции. Приведена статистика разброса / распределения публикаций по видам и по отдельным годам. По-видимому, больше всего книг (10 наименований) было издано в 1973 году, больше всего журналов (74 статей) и печатных статей (66 статей) опубликовано в 1987 году. Логично, что с точки зрения общей издательской активности этот год также был самым продуктивным.

Таблица 1.
Статистика изданий по видам и годам

Годы	Книги	Журнальные статьи	Газетные стати (научные, и научно-популярные	Диссертационные работы	Научная периодика Института рукописей	Общее количество работ
1950			1			1
1951						
1952			2			2
1953	1		1			2
1954	1	7				8
1955	1	6	3			10
1956	1	6	4			11
1957		6	11			17
1958	1	3	18			22
1959	2	3	12			17
1960	2	2	16			20
1961	4	17	16		1	38
1962	3	11	10			24
1963	1	23	4		1	29
1964	2	9	4	1		16
1965	2	5	8	1		16
1966	1	5	4			10
1967		14	13			27
1968		10	12	2		24
1969	2	8	12	2		24

Годы	Книги	Журнальные статьи	Газетные стати (научные, и научно-популярные	Диссертационные работы	Научная периодика Институтa рукописей	Общее количество работ
1970	2	9	11	3		25
1971	1	4	3	1		9
1972	2	23	6		1	32
1973	10	14	21	1		46
1974		9	5	1		15
1975	1	6	5			12
1976	1	20	1	2	1	25
1977	4	21	6		1	32
1978	1	22	4	3		30
1979	3	36	6			45
1980	2	27	17	2		48
1981	1	38	19		1	59
1982	3	39	25	1	1	69
1983	3	49	11	2	2	67
1984	4	39	16	2	1	62
1985	3	25	25	3		56
1986	4	58	44	3		109
1987	4	74	66	1	2	147
1988	5	52	45		1	103
1989	7	60	38		1	106
1990	6	24	37	1	1	69
Всего	**91**	**784**	**562**	**32**	**15**	**1484**

За 40 лет проведения наукометрических исследований книги института по рукописям и смежным темам были изданы не только на азербайджанском языке и не только в нашей стране. Основная часть изданий была издана на азербайджанском языке, определенная часть, в том числе 15 книг (1 книга на турецком, 11 книг на русском, 1 книга на русском и английском, 2 книги на персидском) и 205 статей (202 статьи на русском, 3 статьи на узбекском) на других языках. 5 книг и 34 научные, научно-публицистические и публицистические статьи (28 журнальных статей и 6 газетных статей) были опубликованы за пределами Азербайджана – в Стамбуле, Москве, Санкт-Петербурге, Тель-Авиве, Багдаде, Тбилиси, Ташкенте, Душанбе, Махачкале, Ереване. В тот период статьи публиковались в таких научных журналах как «Нева», «Советский Союз», «Узбек тили ва адабиети» (Узбекский язык и литература) (Ташкент), «Адабий мерос» (Литературное наследие) (Ташкент), «Советская тюркология» (совместное издание Академии наук Азербайджана и Академии наук России), «Новости систематики низших растений», и в материалах конференций союзного уровня, газетах «Известия», «Московские новости», «Коммунистический Таджикистан», «Аль-Иттихат» (Тель-Авив), «Юрд» (Багдад). Из диссертационных работ, написанных сотрудниками института в этот период, 4 были на русском языке, и все они были защищены в Тбилиси.

Также является полезным с точки зрения наукометрического анализа изучение уровня распространения публикаций в стране 86 книг (ввиду того, что 5 книг изданы за пределами Азербайджана, они сюда не добавлены) и 1312 статей (без учета 34 статей, изданных за рубежом) отражающих исследования 50-х и 90-х годов в области рукописоведения (будь то монография, перевод или трансфонелитерация, также академическое, научно-критическое издание или библиографическое издание). Для этого, основываясь на принципе, близком к принципу распределения/ распространения Брэдфорда, можно определить показатели продуктивности публикаций (периодических и продолжающихся), в которых отражаются исследования в области рукописоведения, охватывающие 40 лет.

В 1950-1990 годах доля книг, созданных и составленных сотрудниками Института рукописей, в общем объеме книжной продукции, издаваемой в Азербайджане, каждый год в среднем составляла ≤ 1%. Это можно понять, сравнив статистику книг, изданных в Азербайджане в разные годы того периода (см. Таблица 2) [3-4].

В общем объеме выпускаемой в 1950-1990-х годах в Азербайджане периодической и печатной продукции доля журналов и газет, публиковавших статьи сотрудников Института рукописей, составляла в среднем ежегодно ≤ 25 % (по журналам) и ≤ 15%. Степень условного распределения можно выявить, взглянув на статистические показатели журналов и газет, вышедших в свет в Азербайджане в разные годы того периода (см. Таблица 3) и список конкретных изданий, в которых были опубликованы статьи (см. Таблица 4 и Таблица 5) [3-4]. Как видно из списков (см. Таблица 4 и таблица 5), сотрудники Института рукописей опубликовали 756 статей в местных журналах 27 наименований и 556 статей в местных газетах 23 наименований. В соответствии с законом Брэдфорда о распределении/распространении, около 35% журнальных статей публикуются в первых 3 журналах в списке (Таблица 4) («Доклады Академии наук Азербайджана», «Новости Академии наук Азербайджана», «Наука и жизнь»), другие 35% процентов были опубликованы в журналах, занимающих 4-12 позиции, а остальные 30%-в журналах, занимающих 13-27 позиции в списке.

Таблица 2.
Выборочная статистика книгоиздания в Азербайджане по годам (1950-1990-е годы)

Годы	Количество книг, брошюр и публикаций	Тираж. (Тыс. копий)
1950	1030	7967
960	1327	9872
1970	1300	11590
1975	1180	11290
1979	1301	13746
1980	1226	11778
1986	1400	16500
1987	1627	18100
1988	1349	16100
1989	1264	17891
1990	829	12528

Таблица 3.
Выборочная статистика журнальных и газетных изданий в Азербайджане по годам (1950-1990-е годы)

Годы	Журналы, сборники и информационные бюллетени	Газеты
1950	24	94
1960	94	107
1970	116	118
1975	106	117
1979	110	123
1980	92	132
1986	108	146
1987	104	150
1988	102	154
1989	95	158
1990	91	168

Таблица 4.

Список научных и научно-публицистических журналов, в которых публиковались исследования в области азербайджанского рукописоведения в 1950-1990-х годах (начиная с журналов, в которых опубликовано наибольшее статей, до журналов в которых опубликовано наименьшее число статей)

№	Журналы
1	Доклады АН Азербайджана
2	Известия АН Азербайджана
3	Наука и жизнь
4	В сокровищнице рукописей
5	Голоса из прошлого
6	В мире книг
7	Научные труды Института литературы АН Азербайджана
8	Научные труды Азербайджанского Государственного Университета
9	Азербайджан
10	Литературный журнал «Улдуз» (*Звезда)
11	Гобустан
12	Азербайджанская школа
13	Научные труды Института востоковедения АН Азербайджана
14	Страна огней
15	Агитатор
16	Советская тюркология
17	Проблемы археологии и этнографии Азербайджана
18	Сельская жизнь
19	Литературный Азербайджан
20	Коммунистический Азербайджан
21	Диалог
22	Караван
23	Альманах «Искусство»
24	Азербайджанские женщины
25	Азербайджанский медицинский журнал
26	Азербайджанский коммунист
27	Материалы различных конференций, проведенных в Азербайджане

Аналогичная картина складывается и в распределении газетных статей: 35% статей исследователей, занимающихся рукописоведением, находятся в списке (см. Таблица 5.) в первых 4-х газетах («Литература и искусство», «Баку», «Бакинский рабочий», «Наука»), остальные 35%-в печатных органах, занимающих 5-12-е места в, а остальные 30%-в газетах, занимающих 13-23-е места списке.

Таблица 5.

Список газет, в которых в 1950-1990-х годах были опубликованы рукописные исследования, интервью и представительные материалы о деятельности Института (начиная с газеты, в которой опубликовано наибольшее статей, до газеты в которой опубликовано наименьшее число статей)

№	Газеты
1	Литература и искусство
2	Баку
3	Бакинский рабочий
4	Коммунист
5	Наука
6	Азербайджан
7	Азербайджанская молодежь
8	Литература
9	Учитель азербайджанского
10	Шуша
11	Новый Ордубад
12	Журналистика
13	Календарь сельских тружеников
14	Советская деревня
15	Голос Родины
16	Волна
17	История
18	Шекинский рабочий
19	Восточные ворота
20	Советская Астара
21	Новая жизнь
22	Вышка
23	Молодой учитель

Таким образом, путем анализа количественных показателей произве¬дений, включающих исследования в области рукописоведения 1950-1990-х годов статистическим методом и методом подсчета публикаций и ссылок установлено следующее:

- Объем и динамика издания научного продукта (книги, монографии, диссертационные работы, статьи, тезисы, доклады) в области рукописо-ведения;

- Тематический и языковой состав исследований;

- Показатели распространения исследований по годам, видам изданий;

- Статистика цитирований и самоцитирований.

Как уже отмечалось, полученные результаты носят ретроспективный характер и имеют исключительно библиографическое значение для научного творчества авторов, которых нет в живых. Однако эти результаты также важны для оценки научной продуктивности Института рукописей до независимости, а также научно-исследовательской и публикационной активности действующих ученых. Потому что в современном обществе знаний деятельность как образовательных, так и научно-исследовательских учреждений оценивается с учетом именно таких наукометрических показателей.

Список литературы

[1] Jafarov J., Babakhanova N. Scientometric analysis of the activity of the Institute of Manuscripts of Azerbaijan: preliminary study // Scientific proceedings of the Institute of Manuscripts of ANAS, 2019. Vol. 2, №9. P. 67-75.

[2] Арефьев П.Г. Публикационная активность: возможности роста научного продукта за счет деятельности авторов // Университетская книга. 2013, №4. С. 80-86

[3] Печать в СССР в 1980 году: Стат. сб. / Всесоюзная книжная палата. М.: Финансы и статистика, 1981. 256 с.

[4] Печать в СССР в 1990 году: Стат. сб. / Всесоюзная книжная палата. М.: Финансы и статистика, 1991. 284 с.

УДК 81–139, 81-115

Цифровая топономастика как методология определения возраста имен собственных

Карабулатова Ирина Советовна
Доктор филологических наук, профессор, заместитель руководителя лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института искусственного интеллекта МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;
эксперт кафедры машинного обучения и цифровой гуманитаристики, МФТИ (НУ), г. Долгопрудный, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-4228-3235,
radogost2000@mail.ru

АННОТАЦИЯ Автор рассматривает возможности использования цифровых методов для анализа проблемы сменяемости топонимикона на примере юга Западной Сибири. Для этой цели используется методология компьютерной психолингвистики для моделирования топонимического эволюционизма с опорой на нейропсихолингвистические процессы. Уникальность топонима задействует эмотивный социостереотип именования, апеллируя к процессам кодирования/ декодирования информации в мозге. Этнопсихолингвистический характер перцепции на информацию фиксирует поведенческие реакции, вырабатывая конкретный эмотивный стиль. Топоним выступает как нейропсихолингвистический регулятор контроля эмотивного стиля вербально-паравербального поведения жителя региона в определенных физико-географических условиях местности. Вводится понятие цифровой топонимики как цифровой методологии оценки эмотивности имен, их витальности и эволюции топонимикона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА цифровая топономастика, компьютерная нейропсихолингвистика, топоним, эмотивность, кодирование/ декодирование Институт Рукописей АН Азербайджана

Современное развитие ономастики все больше идет в исследование нейропсихолингвистических механизмов понимания природы имени собственного [9; 7], при этом онтогенез топонимической системы региона тесно связан с психосоциальным развитием этносов, демонстрируя адаптационный потенциал языка и речи в осмысление человеческой деятельности в условиях скудных внешних раздражителей перцепции в условиях степи, лесотундры и тундры [2; 8]. Так, суровые условия Сибири совершенствовали языки коренных сибирских народов, выстраивая определенным образом как биохимические, так и нейропсихофизиологические процессы в человеческом мозге. Исследователи указывают, что каждый коренной народ Севера различает более 50 обозначений снега с акцентом на качественно-количественные и временные показатели [12]. В лексическое значение топонима эмоциональная оценка включена опосредованно под влиянием ассоциативного восприятия топоназвания, актуализируя эмотикему как эмотивную часть значения слова [1]. Частотные топонимические ассоциаты становятся ключевыми словами топонимического мифа в контексте ментальной топонимической карты носителя языка [7] при поддержке процессами кодирования/ декодирования информации, что позволяет сохранять схематичное представление о местности [6].

Цифровая гуманитаристика открывает новые возможности в исследовательском поле, позволяя открыть новые грани в изучении механизма кодирования/ декодирования информации человеческим мозгом о мире, что позволяет нам заявить о цифровой топонимике, использующей технологии искусственного интеллекта и нейросетей, направленные на моделирование принципов работы мозга при процессах номинации, реагировании на номинативы, расчете возраста топонима и топообъекта. На сегодняшний день существует проблема понимания выбора способа реагирования на одни и те же

эмоциональные раздражители [4]. Для понимания нейропсихолингвистического базиса витальности топонима необходимо понять типичные шаблоны активности длин-волн мозга, благодаря которым формируется тот или иной эмотивный стиля поведения [13]. Мышление аккумулирует работу нескольких анализаторов, расширяя зоны обработки в мозгу, для принятия единственно верного решения [4, с. 18]. В этой ситуации восприятие обостряется за счет необходимости воссоздавать недостающие «пазлы» зрительного анализатора дополнительными характеристиками звука, что также тренирует систему перцепции человека [14]. Однако любая «нервная система декодирует последовательность токенов, преобразуя ее в последовательность следующего языкового уровня. Получаемые таким образом «алфавиты» усложняются с каждым этапом, а токены в них соответствуют более крупным единицам речи» [5, с. 5], что позволило исследователям говорить о существовании генетического алгоритма, как «вероятностной процедуры оптимизации, созданной на основе эволюции в природе» [10, с. 39]. Предпочтительный эмотивный стиль реагирования обусловлен принятыми нормами социокультурной дистанции в том или ином этносе, которые обусловлены экологичностью сферы бессознательного [11; 13; 14].

Нами были рассмотрено свыше 1000 топонимов юга Западной Сибири, относящиеся к субстрату, перстрату и адстрату. Репрезентативные выборки топонимов были обработаны программой диагностики нагрузок речи по версии 6.0-2006 г., созданной нами совместно с А, А. Биркиным для решения следующих задач: 1) минимальные нагрузки декодирования, как и наименьшие отклонения от эволюционной модели обнаруживают более древние топонимы в сравнении с более молодыми географическими названиями; 2) нагрузка декодирования топонима может служить объективной числовой сравнимой величиной, свидетельствующей о его возрасте. Объем исследуемого материала приведен нами на рис. 1.

Группа топонимов	**Абс. количество**
Древние (индоевропейский пласт)	9
Старые (тюркские)	87
Старые (угорские)	12
Новые русские	774
Поздние топонимы	138
Итого	1020

Рис. 1. Таблица. Кластеризация анализируемых топонимов по объему единиц

Оценка степени отклонения топонима от эволюционной модели определялась по параметру - средняя динамическая нагрузка первого этапа декодирования (СДН1, баллы). Для доказательства получаемых в процессе исследования закономерностей наши данные обосновывались статистическими расчетами, для этого строго по показаниям использовался метод статистического анализа для дискретных величин: U-критерий Фишера с применением ф (фи) функции Фишера с поправками по Йетесу и Ван дер Вардену. Принятым в биологических исследованиях критическим (достоверным, значимым, доказательным) значением U - критерия Фишера является величина, равная или большая 1,960, что соответствует вероятности ошибки 5% ($p<=0,05$) и менее. Большее

значение критерия соответствует меньшему значению ошибки.

Важно отметить, что история письменности не вполне соотносится с процессом становления говорения и его осознания. Эволюционная вероятностная модель встречаемости звукобукв, разработанная психофизиологом А.А. Биркиным [3], включает в себя 1,5 млн кодов, иллюстрируя стереотип генотипических возможностей обработки речи мозгом человека, позволяя измерить пользовательские программы диагностики нагрузок кода речи.

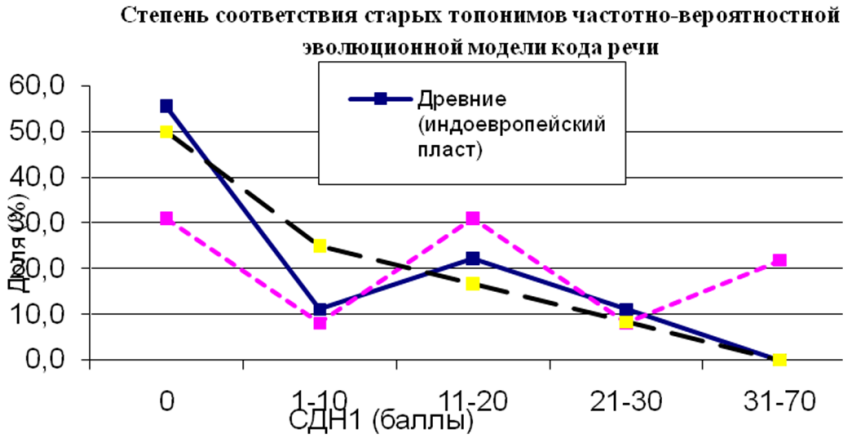

Рис.2. Степень соответствия групп старых топонимов эволюционной вероятностной модели

На рис. 2 мы можем видеть свидетельства приведенных данных, что древние (индоевропейский пласт) и старые угорские топонимы юга Западной Сибири (Тюменская область, Омская область) обладают меньшими нагрузками декодирования в сравнении со старыми тюркскими топонимами. Доля (%) первых достоверно (p<=0,05) превышает последние в числе топонимов, не обнаруживающих нагрузки (СДН1- 0) и, наоборот, доля индоевропейских и угорских топонимов достоверно (p<=0,05) меньше доли тюркских топонимов в числе нагрузочных (СДН1от 30 до 70).

Найденные закономерности могут свидетельствовать о старшем возрасте индоевропейских и угорских топонимов в сравнении с тюркскими топонимами. Объединив индоевропейские, угорские и тюркские топонимы в группу старых топонимов (108 названий) сравним их нагрузки декодирования с аналогичными нагрузками группы новых русских топонимов (774 названия).

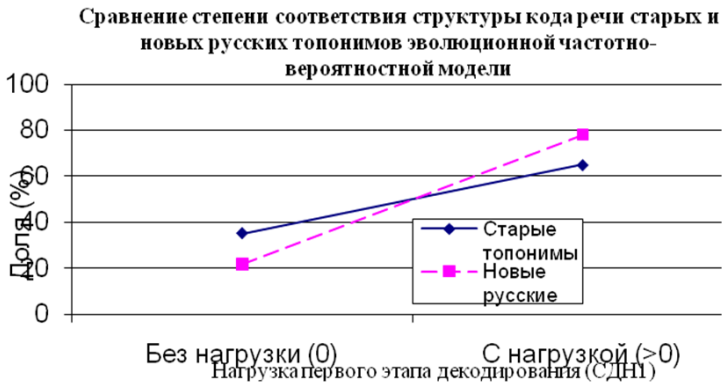

Рис. 3. Степень соответствия групп старых топонимов и новых русских топонимов эволюционной вероятностной модели.

Как свидетельствуют приведенные на рис. 3 данные, старые топонимы обладают меньшими нагрузками декодирования в сравнении с новыми русскими топонимами. Доля (%) первых достоверно (p<=0,05) превышает последние в числе топонимов, не обнаруживающих нагрузки (СДН1- 0) и, наоборот, доля новых русских топонимов достоверно (p<=0,05) больше доли старых топонимов в числе обнаруживающих нагрузки. Найденные закономерности могут свидетельствовать о младшем возрасте новых русских топонимов в сравнении со старыми топонимами.

Аналогичные достоверные закономерности, свидетельствующие о более молодом возрасте поздних топонимов (138 названий) в сравнении с новыми русскими топонимами (774 названия), обнаруживаются в результате сравнения нагрузок декодирования этих групп, что иллюстрируетрис. 4.

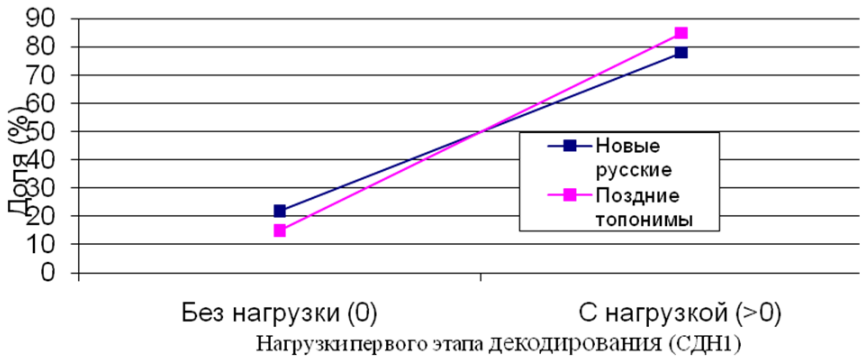

Рис. 4. Степень соответствия групп новых русских топонимов и поздних топонимов эволюционной вероятностной модели.

В результате регрессионного анализа полученных данных, нами были найдены функциональные зависимости, с достоверной степенью вероятности (более 95%) подтверждающие зависимость нагрузок декодирования от возраста топонима, что иллюстрируют рис. 4, 5, 6.

Рис. 5. Динамика уменьшения долей ненагрузочных топонимов в режиме реального времени

Информативность генетического алгоритма показывает динамику развития долей ненагрузочных и нагрузочных топонимов, поскольку имеет своей целью поиск максимально оптимального решения в мультимодальной и поливариативной внешней среде без необходимости использования специализированных знаний о топосе, в котором находится индивид.

Рис. 6. Динамика увеличения долей нагрузочных топонимов в режиме реального времени

Цифровая топономастика позволяет рассчитать витальность имени собственного на основе анализа нагрузок декодирования, поскольку, например, наименьшие отклонения от эволюционной модели обнаруживают более древние топонимы в сравнении с более молодыми географическими названиями. В то же время нагрузка декодирования топонима может служить объективной числовой сравнимой величиной, свидетельствующей о его возрасте как топонима, так и топообъекта. Использование цифровых нейропсихолингвистических методов также может помочь в определении витальности других имен собственных, что важно как для лингвистики, так и исторической науки.

Благодарность.
Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ и Красноярского научного фонда №22–18–20109.

Список литературы

[1] Анумян К.С., Карабулатова И.С. Эмотикема «УДИВЛЕНИЕ» в аспекте проективно и прагматической построенной информации// Вестник РосНОУ, Серия «Человек в современном мире», 2022, №2. С. 85-91, DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.02.P.085

[2] Бакшеева М.Г., Исламова Ю.В., Карабулатова И.С. Вербальные топонимические ассоциации (особенности восприятия гидронима Манья русским и коренным населением Югры) // Вестник финно-угроведения, 2019, №9 (4). С. 607-613.

[3] Биркин А.А. Код речи. СПб: Гиппократ, 2007, 407 с.

[4] Дэвидсон Р., Бегли Ш. Эмоциональная жизнь мозга. СПб: Питер, 2017, 256 с.

[5] Еремеев М.А. Ранжирование текстовых документов на основе оценок когнитивной сложности текста. ВМК. М.: МГУ, 2020, 41 с.

[6] Исламова Ю.В. Географические названия-ориентиры хантыйского происхождения в топонимии Нижне-Среднего Приобья// Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 2011. №3. С. 93-96

[7] Карабулатова И.С. Прогностическая топонимика: трансформация топонимического пространства в языковом сознании носителей русского языка. Тюмень: Печатник, 2008, 357 с.

[8] Копцева Н. П., Пашова Э. В. Социальные последствия изменения климата? Мировые практики изучения и прогнозирования. Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, 2022. № 15(2). С. 280–293.

[9] Рудакова А.В. Специфика психолингвистического описания семантики топонимов// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2019, №1. С. 66-70.

[10] Сандерс, Д. Искусственный интеллект в сенсорных системах// Control Engineering Россия, 2014, №1 (49). С. 34–39.

[11] Шехи Э., Карабулатова И.С. Проблемы фиксации иноязычного онима в русском и албанском языках// Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной 90-летию Воронежского государственного педагогического университета. Под редакцией Г.А. Заварзиной. Воронеж, 2022. С. 502-506.

[12] Eira Inger Marie Gaup, Oscar Anders, Hanssen-Bauer, Mathiesen Svein Disch. Snow cover and the loss of traditional indigenous knowledge. Nature Climate Change, 2018, № 8. Pp.: 928-931.

[13] Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2021, №14(10). Pp. 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836

[14] Rogozhnikova T. Psycholinguistic tools for decoding suggestive potential of verbal models// Advances in Social Science, Education and Humanities Research. France: Atlantis Press SARL, 2017. Pp. 258-263. URL: https://doi.org./10.2991/cildiah-17.2017.4

УДК 81.1

Языки описания этнокультурного дискурса Российской империи академическими, миссионерскими и советскими востоковедами в контексте сибирского евразийства конец XIX – ранний сталинизм 1920-х годов

Красовицкая Тамара Юсуфовна
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия.
tkrasovitskaya@mail.ru

АННОТАЦИЯ Под языком описания этнокультурного дискурса понимается механизм его социализации и аккультурации. Познание действительности человеком имеет две особо значимые особенности: первая – закрепление в языке результатов познающей деятельности человека и вторая – осуществление этой деятельности в коммуникации. Важны и основные субъекты действия. От постановки ими задач и путей их решения зависит многое. Картина мира получает квалификацию когнитивной категории в целом ряде наук, изучающих организацию человеческого знания (философии, логике, психологии, теории и практике искусственного интеллекта и др. Картина мира как совокупность знаний существует в памяти человека на определенном этапе его развития, отражая взаимодействие человека с окружающим миром. Со времен Петра I российская школа востоковедного языкознания признавалась одной из сильнейших мировых научных школ. Но этнокультурному дискурсу в указанный период в российском политическом пространстве необходимо было иметь адекватный язык, учитывая географические и культурно-исторические масштабы страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА культурная сложность России, исторический опыт познающей деятельности человека, этнокультурный дискурс, востоковеды и евразийцы, специфика сибирского евразийства

Многое в решении проблем формирования картины мира и языков ее описания помогли осмыслить интеллектуалы, которых можно отнести к сибирским евразийцам [5, с. 102-111]. Первым вывод о складывании сибирской народности, как ветви славянского племени, сделал А.П. Щапов [4, с. 250, 253, 261]. Н.М. Ядринцев всю сознательную жизнь посвятил комплексному изучению Сибири и сопредельных территорий. Летом 1889 г. возглавляемая им экспедиция из на основе данных Г.Н. Потанина [6, с. 9] обнаружила в Монголии развалины столицы государства Чингизидов Каракорум. Но не только это обстоятельство произвело сенсацию в ученых кругах. Ядринцев и его спутники открыли каменные стелы Бильгэ-кагана и его брата Кюльтегина с надписями на китайском и древнетюркском (более известном под названием орхонского рунического письма) языках. Орхоно-енисейские надписи, впервые открытые на Енисее С. Ремизовым, Ф. Страленбергом и Д. Мессершмидтом в 1696–1722 гг., выполненные руническим письмом, служили многим тюрко-язычным народам раннего средневековья от Забайкалья до Киргизии. Их дешифровка датским лингвистом В. Томсеном (1893) и прочтение текстов, выбитых на стелах Каракорума, тюркологом В.В. Радловым (1894) позволили, по авторитетному мнению С.В. Киселева, Л.Р. Кызласова, Л.А. Евтюховой, Н.Я. Мернерта и В.П. Левашова, «вывести на арену истории многие племена и народы, о которых до этого историки знали только из кратких сообщений официальных хроник китайского двора»[2, с. 125]. В 1891 г. в Женеве издан памфлет Ядринцева «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» — работа, близкая по духу «Философическим письмам» Чаадаева и представляющая апокалипсическое прорицание краха императорской России. Он анализировал геополитическое положение и внутреннее развитие государства в XIX в., акцентируя внимание на правлении

Александров II и III, давших импульс бурному развитию рыночных отношений. «Было время, — начинает памфлет автор, — когда Россия казалась Европе каким-то колоссом, который ее удивлял и устрашал. Что-то грозное, загадочное казалось ей на Востоке европейского мира и на границе азиатского. Это нечто все более и более разрасталось, и, казалось, конца не было расширению его владений. Точно также для Европы был загадочен и своеобразен склад этого народа, начавшего формироваться в большое политическое тело… Ее развитие казалось оригинальным и настолько своеобразным, что можно было допустить предположение, что цивилизация здесь получает особое проявление и европейский идеал, слившись с этими формами, даст неожиданные плоды» [7, с. 210]. Будучи хорошо информированным о положении дел у аборигенов Сибири и центральной Азии, Ядринцев связывал их будущее с приобщением к достижениям западной цивилизации. Надежды на историческое призвание России подпитывались общинным поземельным бытом, который «как бы осуществлял уже формы европейского социализма», и молодостью российского суперэтноса, «обнаружившего западные симпатии» [7, с. 209-226].

В стремлении к описанию этнокультурной структуры России, упорядочению материала виделось решение ряда проблем. Но высокого уровня специализации и инструментализации не достигнуто.

Культурная сложность России оставалось проблемой бывшего имперского центра и этнокультурного контента. Значительная часть нерусского населения сохраняла в границах России этническую родину, институты и ресурсы своей культуры. Многие претендовали на разную степень политической и правовой самодеятельности. Пришлось соотносить и по возможности совмещать требования этнических коллективов об организации их жизни в новых условиях, для чего политика стала полем конкуренции и борьбы, не стесняясь апеллировать к этническому чувству, подпитывая комплекс неурегулированных перспектив этнических культур.

В 1917 г. государственная власть оказалась в руках большевиков. Напомним, первые обращения СНК к трудящимся мусульманам и Декларация народов России осенью 1917 г. проблематизировали факт этноязыкового разнообразия и наличие в нем разных пространственно-временных хронотопов, определяемых как современность (модерность) и архаика (традиционное общество), а этнические культуры как природный ресурс государственного строительства. Языки народов России стали участвовать в осмыслении политического ландшафта, использоваться как силовой фактор и ускоренным темпом вбирать в себя политические и социальные термины. Здесь отмечу: мы представляем себе модерное знание в России по опыту раннесоветского режима, но важно понимать, что советская модель 1920-х годов лишь транслировала с существенными идеологическими купюрами образцы научных практик позднеимперского периода, опираясь на новое социальное воображение.

Состав осмысляющих проблему описания этнокультурного дискурса увеличился и стал разнообразнее. На ряде участников этого состава я сосредоточусь в контексте формирования нового советского государства. Тех, кто не по своему желанию оказались или окажутся за пределами России

В активной стадии образования СССР важен интерес к изданиям эмигрантов, в них находим смысловые контакты с, например, с П.Н.Савицким и Н.С.Трубецким, их интерес к культурам народов, активизации, лингвистических исследований.

Очевиден всплеск интереса евразийцев к «внутреннему Востоку», к «туранским народам», к дискуссиям о них в ходе образования СССР. Евразийцы восприняли СССР продуктом синтетической культуры, включающей в себя наряду со славянами азиатские народы.

Но как часто бывает со знаковыми изданиями, на них часто ссылаясь, порой приписывают авторам мысли, которых они либо не исповедовали, ибо затрагивали как не интересные большевикам. Конечно, большая часть размышлений евразийцев – это культурология в духе Н.Я. Данилевского. Они верно определяли: время строительства

СССР: «поворотное, а не только переходное». Особенно важно использование ими политических дефиниций, восприятие их у известных востоковедов (у Бартольда, например). Это помогало «выводить» этнические общества из исторического небытия. Евразийцы интересовались языковым разнообразием потому что искали ресурсы для их масштабной рационализации с помощью институтов и практик социального дисциплинирования. Ранний СССР представлял им уникальный материал для метаязыка описания. В языковой теории Н.Я. Марра они усматривали «лингвистический поворот» в господствующей идеологии, причину его искали именно в «новом учении» Марра. «Лингвистический поворот» действительно являлся поиском нового языка описания общественного устройства, его характера в более широком контексте метаязыка описания сложного общества. Марризм мог быть сколь угодно паранаучной лингвистической теорией, но его официальная поддержка в довоенном СССР свидетельствовала не только о политических талантах марристов, но и о проникновении в советскую идеологию метаязыка, которым описывались конкретные «яфетические» постулаты. Утопическая идея Марра о грядущем смешении всех языков в единый язык будущего перекликалась с коммунистической утопией (об этом, так поняв теорию Марра, говорил А.В. Луначарский на сессии ВЦИК в своем докладе, который пришел слушать В.И. Ленин). В ее основе была не столько политическая конъюнктура, сколько очевидна логика гибридности - смешение идеологических порядков в обыденном политическом сознании как фундаментальное качество. П.Н. Савицкий утверждал в письме к Р. Якобсону, занимавшемуся в том числе языками «от самоедского, бытующего на берегах Северного Ледовитого Океана, до кара-киргизского, занимающего горные степи Памира, ... до монгольских диалектов Ордоса (область великой китайской стены)»: «По-видимому, есть тесный параллелизм между задачами евразийской фонологии и задачами общей евразийской истории (политической, культурной, социальной). Как история России должна расшириться до истории Евразии, приобрести евразийские горизонты и создать евразийские перспективы, так русское языковедение — отрасль славянского — должна превратиться в главу языковеденья евразийского» [3, с. 8].

Интересовался языками этнокультурного дискурса и русский авангард со своим взглядом на архитектонику и задачи создаваемого государства. Если партийные дискуссии касались больше формальной стороны его устройства, подходы евразийцев – цивилизационно-культурного бэкграунда, то в революционном Петрограде, полном модернистов разного толка, ницшеанцев-психоаналитиков, богоискателей, приверженцев новых религиозных течений и пр. призывающих разрушить цивилизацию и вернуться к первобытной жизни, других предсказывающих нашествие азиатской культуры включали поиски новых модерных образов и символов. Сплоченным отрядом модернисты перешагнули пороги советских кабинетов власти. Революция означала их торжество. Настал их звездный час. С апломбом они призывали использовать передовые и передовейшие «революционные течения». А.Луначарский, увлекая их в структуры власти в Наркомпросе, считал: в том, какому быть новому человеку и новому обществу они разберутся.

Луначарский формулировал и социальный заказ описания новой действительности: дополнить его сюжетами — их разрабатывали А.Г. Габричевский, Г.Г. Шпет, В. Кандинский. Луначарский с Кандинским искали общий язык соединения их с социальным заказом.

В 1921 г. появился ГАХН (РАХН) – претендент на роль главного научного учреждения экспертизы культурной и научно-художественной жизни страны, элемент советской культурной политики, институция общеевропейская, но советского типа, подчиненная Наркомпросу. ГАХН в 1923—1929 гг. организовала 191 выставку на территории СССР. Физико-психологическое отделение ГАХН возглавил В.В.Кандинский, философское отделение - Г.Г.Шпет, социологическое отделение В.М.Фриче, литературную секцию М.О.Гершензон, театральную секцию Н.Е.Эфрос, музыкальную секцию Л.Л.Сабанеев и др. По мысли создателей ГАХН, их задача заключалась в использовании языков в формировании пути, которые привели бы к созданию синтеза искусств, отражавшего

социалистическое мышление. Обогащая свое творческое уникальное интеллектуальное пространство, побывал еще до 1917 г. в Сибири Казимир Малевич, его «Дама и рояль» бережно хранится в Красноярском музее.

К 1925 г. сложится организационная структура советской этнологической науки, ее «марксизация», включение Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС) в подготовку и проведение Всесоюзной переписи населения в советском стиле (было утверждено свыше 190 языковых обществ), перечень сформирован и утвержден Совнаркомом СССР как матрица для идеологического диктата над этим составом и его языковым ресурсом [1, с. 54]. В 1927 г. при ГАХН создан отдел по изучению искусства национальностей СССР. Гегемонистский настрой практики дискурса начнет разбивать старые «сущности» и прежние авторитеты, в научной сфере это позволит реализоваться экстравагантным проектам осмысления выше поминаемой языковой теории Марра или иных фантазий.

Довольно скоро для плетения своих политических полотен у Луначарского стали «перехватывать» модернистов другие советские бонзы. Увидел их пользу Л. Троцкий, Н. Бухарин и др. И. Эренбургу Бухарин помог уехать в Париж, там Эренбург занялся пропагандой русского авангарда в раннесоветском изводе.

Большевики «монтировали» эти мысли в свою мечту о новом государстве - всемирной республике Советов. В сотворении новой страны авангардистам из наркомпросовских кабинетов поручалось особое направление регулируемой государством деятельности: стимулировать социально приемлемые духовно-ценностные и социально-нормативные проявления человека в новом государстве на базе ориентированных на новую картину мира языковых ресурсов.

В итоге к концу 1920-х годов сложилось довольно сложное научно-интеллектуальное «сообщество», котором предстояло выработать новые языки описания этнокультурного состава нового государства. Сибирские евразийцы в нем оставались важным направлением отечественной социальной философии, пытающимся осмыслить не только историю России, ее настоящее и будущее в пространственно-цивилизационной системе координат «Европа-Азия», но и участвуя в языках описания этнокультурного дискурса нового российского советского государства как нового этапа исторического развития страны, ориентированного на Евразию, а не на романо-германскую Европу, которая эгоцентрически грабила все остальное человечество во имя придуманной ее идеологами общечеловеческой цивилизации с идеями «ступеней развития», «прогресса» и пр.

Список литературы

[1] Азадовский М. Пути этнографического изучения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск: Изд. Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества,1926. 54 с.

[2] Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. 371 с.

[3] Евразия в свете языкознания. Париж, 1931. Издание евразийцев. С.31.

[4] Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. Сиб. отдела РГО. Иркутск. 1873. Т.3. № 5. С. 243-274.

[5] Шиловский М.В. Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1999. С. 102-111.

[6] Шиловский М.В. Кем был открыт Каракорум? // Наука в Сибири. 1994. № 5. С.9-15.

[7] Ядринцев Н.М. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1979, Т.4. С. 209-226.

УДК 343.825,,311”

Предпосылки и основные исторические вехи становления и развития воспитательной работы пенитенциарной системы России

Кузнецов Михаил Иванович
Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань, Россия.
mikhail_kuznetsov_1962@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-1589-4214

Трихина Наталья Николаевна
Специалист по методической работе психологического факультета, Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань, Россия
Natalya.trik@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье на основе анализа различных источников рассматриваются основные исторические этапы зарождения и становления основ воспитательной работы в местах лишения свободы нашей страны (вторая половина XIX века - до конца 50-х годов XX века). Приурочено к 65-летию создания воспитательной службы уголовно-исполнительной системы России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА воспитательная работа, исправительные учреждения, заключенные, осужденные, день работника воспитательной службы уголовно-исполнительной системы.

Важной вехой, характеризующей гуманистическую, педагогическую составляющие развития уголовно - исполнительной системы, является приказ директора Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) об объявлении 14 июня Днем работника воспитательной службы уголовно-исполнительной системы [15]. Выбор даты связан с введением в действие 14 июня 1957 года приказа Министра внутренних дел Союза ССР "О состоянии и мерах улучшения трудового использования, размещения и режима содержания заключенных в исправительно-трудовых учреждениях", которым было утверждено Временное положение о правах и обязанностях начальника отряда подразделения, ставшее нормативной основой функционирования воспитательной службы в местах лишения свободы. Создание в 1957 году отрядной системы - довольно удачная попытка в новых исторических условиях воспроизвести идеи А. С. Макаренко о формировании коллектива как наиболее высокоразвитой формы общности, направленной на достижение цели исправления правонарушителей. В отряде создавались хорошие организационные условия для конкретной индивидуальной работы с личностью осужденного и ее проблемами. Уже первые годы применения отрядной системы показали, что при соблюдении организационно-педагогических принципов развитый здоровый коллектив в форме отряда способен защищать, поддерживать, формировать навыки правопослушного поведения, жизни в гражданском обществе.

Однако тенденции использования возможностей воспитания осужденных в российской уголовно-исполнительной практике отмечаются на протяжении достаточно долгого исторического периода. Наиболее выраженное проявление они находили во времена, характеризующиеся радикальными изменениями в правоохранительной политике государства.

В екатерининскую эпоху отмечено усиление предупредительного начала в государственной социальной политике. Следуя за западной мыслью, Екатерина

II поднимает вопрос об ответственности общества за совершенное человеком преступление. В изданном в 1767 году «Наказе» она говорит о необходимости сострадания к заключенным, призывая «принести в темницы жалость и человеколюбие» [1, с. 39]. Тем самым впервые светская власть обратила внимание на вопросы нравственного исправления преступников [17].

Осужденных, в частности малолетних правонарушителей, не только пытались спасать от нужды и порока, но и целенаправленно воспитывать, создавать из них совершенно «новых людей», свободных граждан, готовых служить Отечеству «делами рук своих в различных искусствах и ремеслах» [7]. Речь шла о грандиозном социально-педагогическом эксперименте, в процессе которого путем целенаправленного воспитания следовало подготовить так называемое «третье сословие» – отсутствующее в то время звено российской социаль¬ной стратификации.

С 1762 года в России вводится институт официальных увещевателей, которые назначались и к осужденным. По определению Святейшего Правительствующего Синода, увещевание необходимо было рассматривать как средство воспитания всех граждан России. В качестве рекомендации Синодом было предложено «ежедневно собирать арестантов в церковь для слушания божественной литургии... и раздавать для чтения книги, изданные Библейским обществом». Чтение религиозной литературы немыслимо было без наставления. Рекомендовалось также при тюрьмах организовывать библиотеки. К числу исправительных мер, применявшихся к преступникам в местах заключения, относилось и совершение молитвы. Особый акцент делался на понимании искусства как «небесного восхождения» души человека. Приближая к Богу, разные виды искусства тем самым облагораживали и морально воздействовали на личность («греху узда, похотей уставление, ума возвышение») [21].

Таким образом, государство и церковь пытались сформулировать задачи духовно-нравственного исправления осужденных. К концу екатерининского правления государственный протекционизм в сфере призрения отверженных принял более гибкие и результативные формы, значительно расширяя методы воспитательного воздействия и используя потенциал религиозного искусства в качестве вспомогательного средства просвещения.

Гуманистические и демократические настроения отечественной педагогики оказали значительное влияние на воспитательную систему исправительных заведений. В качестве средств исправления в них стали применяться религиозно-нравственные чтения и церковное пение. Посещение церкви рассматривалось как непременная обязанность арестантов. В качестве средства организации полезного досуга осужденных в пенитенциарной практике начали использоваться элементы общекультурной эстетической деятельности (хоровое пение, чтение, клубная работа и др. Почти во всех заведениях воспитанники осваивали народные промыслы [6].

В 70–90-е годы XIX века целой плеядой отечественных педагогов, психологов, физиологов, психиатров были заложены основы научной отрасли – педагогической патологии, предметом которой становится трудновоспитуемый ребенок. В научной разработке юридических аспектов поведения несовершеннолетних в этот период ведущая роль принадлежит Д. А. Дрилю, выдающемуся отечественному ученому, который внес много позитивного и в психолого-педагогический аспект работы с правонарушителями. Например, он не уставал доказывать, что отклонения в поведении могут не закрепиться при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки. Это положение можно отнести и к эстетическому окружению, и к организации полезной деятельности, в том числе художественной [6]. В период с 1871 по 1881 год было открыто шесть приютов и пять земледельческих колоний.

Главным нормативно-правовым документом по применению основных средств и методов воспитательного воздействия несовершеннолетних являлся Закон об

исправительных приютах, принятый в 1866 году. В данном законе указывалось, что воспитанники обязаны обучаться Закону Божьему, чтению, правописанию, арифметике и другим наукам, а также в ряд обязанностей обучающихся входила практика по земледельческим или ремесленным работам [1].

В 1878 году был учрежден Московский исправительный приют. Главные цели этого заведения – перевоспитать малолетних преступников и приучить их к самостоятельности. Тем самым разрабатывалась определенная система. Впервые поступивший несовершеннолетний осужденный, честно заработавший доверие в течение месяца, получал знак – специальный отличительный погон, разрешалось одному отправиться за какими-либо покупками, или по другим делам.

По высочайшему повелению, малолетних преступников, исключая тюрьмы, направляли в приют. В процессе учебной деятельности студенты юридического факультета Московского университета посещали данные приюты. За год в приют поступало более ста человек, в основном это выходцы из крестьянских слоев общества, половина малолетних правонарушителей отдавалась в обучение мастерам, другая часть обучалась работам в местных мастерских, которые выручали в год около двух тысяч рублей. При этом дети обучались грамоте, занимались музыкой. Кроме того, в приюте существовали хор, оркестр и библиотека. Исходя из сравнительного анализа, было отмечено, что у воспитанников приюта процент рецидива составлял 6–9 %, а у несовершеннолетних правонарушителей, отбывших наказание в тюрьме, – 96 % [10].

Интересен опыт Лисинской воспитательно-исправительной колонии, где система воспитания малолетних преступников строилась на ежедневном экономическом стимуле. За примерное поведение несовершеннолетние правонарушители получали марку-отметку. Каждые три месяца в году по количеству марок проводилось распределение воспитанников по разрядам: наблюдательный, штрафной и три общих. Воспитанник, набравший определенное количество марок, досрочно переходил в лучший разряд [10].

Важное значение придавалось развитию навыков сельскохозяйственного труда воспитанников приютов и земледельческих колоний, так как большинство правонарушителей из этих учреждений после освобождения отправлялись на прежнее место жительства в села и деревни. Кроме того, данные учреждения преимущественно были расположены в провинциальных зонах городов и сел. Согласно информации из архивов, в 1914 году из двадцати двух воспитанников Рязанского исправительного приюта для несовершеннолетних сельских жителей было тринадцать, семь из них занимались земледельческими работами. Каждому воспитаннику приюта также выделялись отдельные грядки, где он по желанию мог выращивать любые культуры для личных потребностей. Как полагало руководство приюта, сельскохозяйственные работы имели большое воспитательное воздействие [16].

Исправительные заведения для несовершеннолетних, достигшие высоких успехов в освоении ремесел, участвовали в различных выставках и удостаивались наград. Участие в выставках оказывало на воспитанников положительное влияние, оно воспитывало в них чувство принадлежности к общей жизни, они как бы перемещались в общественную жизнь местности, где находилось заведение.Нельзя не отметить навыки самообслуживания малолетних правонарушителей. Они умели шить и ремонтировать одежду, тщательно убирались, занимались заготовкой топлива и продуктов, принимали участие в приготовлении пищи. Чтобы дать детям понятие разумной жизни, много внимания уделялось чтению, которое могло пробудить стремление к ее самосовершенствованию [1].

С 1881 года при Главном тюремном управлении регулярно организовывались съезды представителей воспитательно-исправительных заведений, на которых обсуждались вопросы, связанные с практикой исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, вносились законодательные предложения. В съездах участвовали

психологи, педагоги и медики. Проведение таких форумов способствовало выработке психологических и педагогических методов воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях [9].

Постепенно основные средства воспитания стали применяться и в работе со взрослыми заключенными. В стенах тюрем вводились занятия по правописанию и чтению, стал развиваться арестантский труд. Однако на первых порах эти средства имелись далеко не везде, воспринимались с трудом и в практику мест заключения входили медленно.

Изменения, происходящие в общественной жизни, сказались на отношении общества не только к заключенным, но и к лицам, вышедшим из мест заключения. Общие идеи гуманизма, человеколюбия способствовали зарождению и формированию в России института патронажа (90-е годы XIX века). Задачи, которые ставили перед собой общества патронажа, носили ярко выраженный педагогический характер [9].

Провозглашение в октябре 1917 года Советского государства, декларирование социалистических принципов построения общества требовало проведения новой пенитенциарной политики, отличной от старой, буржуазной. Первые организационно-правовые мероприятия советской власти, предпринятые в этом направлении, хотя и базировались на утопических представлениях о всесильности коммунистического мировоззрения в изменении поведения и сознания личности в целом и осужденных в частности, тем не менее имели четко выраженный гуманистический характер [11].

В апреле – июле 1918 года были проведены губернские и республиканские съезды работников юстиции и администрации тюрем, на которых ставился вопрос о необходимости сделать тюрьму местом исправления, а не только учреждением по исполнению наказаний [12].

Основным содержанием реформы системы исполнения уголовных наказаний в 1920-е годы Главное управление местами заключения (далее – ГУМЗ) РСФСР считало максимальное приближение условий быта заключенных к условиям жизни на свободе и требовало от местных подведомственных органов, чтобы они предоставляли возможность заключенным повышать уровень общеобразовательных и профессиональных знаний, развивать индивидуальные способности в интересующих их сферах деятельности [2].

Вся культурно-просветительная работа в тюремных учреждениях возлагалась на Народный комиссариат просвещения РСФСР (далее – Наркомпрос РСФСР). Детализация этой работы содержалась также в Положении об общих местах заключения РСФСР, утвержденном Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – Наркомюст РСФСР) от 15 ноября того же года. Вместе с тем названный документ регламентиро¬вал условия содержания лишь тех лиц, которые состояли под следствием или судом. Важно, что в перечень персонала пенитенциарных учреждений была введена должность заведующего учебно-воспитательной частью.

Как основной элемент воспитательного воздействия расценивалось при-влечение к труду, освоение какой-либо востребованной профессии из числа тех, которые были предусмотрены для мест заключения. Другим элементом воспитательного воздействия была образовательная программа. Поскольку основную массу заключенных составляли малограмотные граждане, для них четыре раза в неделю проводили занятия в школе. В обязательном порядке каждое пенитенциарное учреждение комплектовалось библиотекой. Развитию просветительной деятельности в местах лишения свободы в значительной мере способствовала реализация общегосударственного курса на борьбу с неграмотностью [4;14].

Положением об общих местах заключения РСФСР, утвержденным постановлением Наркомюста РСФСР от 15 ноября 1920 года, было введено понятие нового средства воспитательного воздействия – «учебно-воспитательное дело», составной частью которого объявлялась культурно-просветительная работа, а реализация его целиком возлагалась на администрацию мест лишения свободы [20].

16 октября 1924 года на второй сессии Всероссийского центрального исполнительного

комитета (ВЦИК) одиннадцатого созыва был утвержден Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК РСФСР). Важным элементом работы с осужденными выступало исправительно-воспитательное воздействие. Массовое и повсеместное развитие стенной печати в местах лишения свободы РСФСР в значительной мере связано с развитием социалистического соревнования среди заключенных. К числу новых агитационно-¬пропагандистских форм можно отнести введение особого раздела: «красная доска» содержала информацию о передовиках, а «черная доска» – о тех, кто тянул общие показатели вниз. В тех же целях на видном месте располагались рисованные от руки и типографские плакаты [8].

В отличие от стенных и многотиражных газет периодические издания требовали наличия грамотного, профессионально подготовленного персонала. Таких людей в местах заключения было немало, по политическим статьям в основном осуждали представителей интеллигенции. К концу ноября 1925 года в местах лишения свободы при непосредственном участии заключенных под присмотром сотрудников Народного комиссариата внутренних дел, выпускалось 18 газет и журналов, на которые была организована региональная и всероссийская подписка [3;5].

ИТК РСФСР от 1 августа 1933 года требовал заменить культурно-просветительную работу обязательной политико-воспитательной работой, которая наряду с физическим трудом становилась важнейшим средством перевоспитания заключенных. Таким образом, из всех многообразных форм культурно-массовой и политико-воспитательной работы в 1920-е – начале 1930-х годов только мероприятия по ликвидации безграмотности дали массовый и повсеместный положительный эффект. Большинство остальных форм просветительного воздействия на заключенных лишь в отдельных учреждениях достигали ожидаемого результата.

Педагогические начинания в деятельности администрации мест лишения свободы в период с 1940-х и вплоть до 1950-х заметно ослабли. Период войны, затем хозяйственное возрождение многих областей и районов страны потребовали определенных изменений в работе по исправлению и перевоспитанию осужденных, в какой-то степени отодвинули в сторону поиск новых средств и форм в области педагогики [19].

В годы войны советского народа против фашистской Германии проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях СССР были крайне обострены. В приказе НКВД СССР от 5 мая 1943 года «О состоянии воспитательной работы среди заключенных в лагерях и колониях НКВД СССР и о мерах по ее улучшению». Отмечался крайне низкий уровень общей и профессиональной подготовки воспитателей, их некомплект. В целом укомплектованность аппаратов культурно-воспитательных отделов (КВО) и культурно-воспитательных частей (КВЧ) в системе Главного управления лагерей (ГУЛАГ) составляла 40–50 %, в подразделениях УИТЛК Горьковской области – 47, в Богословлаге – 40, в Воркуте – 34, в Унжлаге – 23 % [19].

Проведенная в 1943 году проверка состояния культурно-воспитательной работы показала, что в отдельных ИТЛ и колониях она не осуществлялась. Это было обусловлено общим физическим состоянием заключенных, ослабленных вследствие недостаточного питания, болезней, и большой смертностью в местах лишения свободы в период с конца 1941 года и до весны 1943 года. Вместе с тем ГУЛАГ должен был продолжать давать необходимую стране продукцию, поэтому проводившаяся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР культурно-воспитательная работа среди заключенных была направлена на дальнейшее повышение трудовой дисциплины и производительности труда [13].

Большое внимание уделялось организации политического просвещения заключенных ИТЛ и колоний, систематически организовывались политбеседы, регулярное чтение газет, докладов и лекций. Для участия в этой работе было привлечено, помимо культурно-воспитательных работников, свыше 6 тыс. других сотрудников лагерей и колоний. Активно выпускались печатные издания ГУЛАГа: «Лес – стройкам» (Устьвымлаг), «Гидроэнергию – Уралу» (строительство Понышской ГЭС), «Сталинская

новостройка» (Нижнеамурское строительство) и др. [3].

Культурно-массовая работа с заключенными проводилось в более чем 1500 клубах и культурных уголках. К активной общественной работе было привлечено 77 тыс. заключенных. В лагерях и колониях насчитывалось 2600 кружков художественного творчества, которые за три года поставили и провели более 100 тыс. спектаклей, концертов и вечеров художественной самодеятельности. За это же время в клубах и культурных уголках состоялось свыше 110 тыс. киносеансов. Заключенные могли пользоваться также 950 стационарными и передвижными библиотеками с книжным фондом в 400 тыс. экземпляров [12].

В самое трудное время для страны многие заключенные добровольно выражали желание пойти на фронт и после освобождения из ИТУ направлялись в действующую армию. Большинство из них мужественно и стойко сражались. Из 1250 человек, с которыми администрация ИТУ установила письменную связь, 14 бывших заключенных были удостоены звания Героя Советского Союза, 312 – награждены орденами и медалями, 91 освобожденному из мест лишения свободы было присвоено офицерское звание, 36 – приняты в ряды ВКП (б) [13].

В сентябре 1945 года ГУЛАГ принимает решение возвратиться к прежнему порядку руководства культурно-воспитательными отделами и подчиняет их заместителям начальников политотделов [19].

Воспитательная работа руководства ГУЛАГ МВД СССР проводилась в контексте идеологии социалистического государства. Следует отметить организацию библиотек, культурно-массовых мероприятий, спектаклей, способствующие поддержанию положительных психологических характеристик личности, возможности реализации художественных наклонностей, общего повышению культурного уровня под влиянием наиболее образованной части заключенных.

Зарождение основ воспитательной работы с заключенными царской России во второй половине XIX – начале XX веков, внедрение основ всеобщей грамотности в советский период способствовали становление воспитательной работы в исправительных учреждениях России в контексте исторических основ состояния общества данных периодов. Следует признать, что идеологическая работа, проводимая в учреждениях исправительной системы, всегда имела прямое влияние на нравственное состояние общества, так как являлась мерилом отношения к людям, оступившимся, попавшим в сложные жизненные обстоятельства.

Хотя день работников воспитательной службы закреплен ведомственным нормативным документом, позволим себе высказать несогласие по установлению даты. Очевидно, более исторически оправданным было бы введение упомянутого профессионального праздника 15 ноября в связи с тем, что именно в этот день в 1920 году Положением об общих местах заключения РСФСР было закреплено новое средство воздействия на отбывающих наказание – «учебно-воспитательное дело» [20]. Именно с этого времени, хотя и не без недостатков и трудностей, начала осуществляться на системной основе воспитательная работа по исправлению правонарушителей в местах отбывания ими уголовного наказания в виде лишения свободы.

Список литературы

[1] Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних (середина XIX – нач. XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

[2] Гербеев Ю.В. Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными: учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1985.

[3] Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа. Списки Е. П. Пешковой. (1918–1955). М., 2009.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4042. Оп. 4. Д. 79. Л. 182.

[5] Действующие распоряжения по местам заключения: систематический сборник с пояснениями. М.,1929.

[6] Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999.

[7] Дриль Д.А. Малолетние преступники. Вып. 2. Ч. 1. Психология преступности. М. : Тип. Мамонтова, 1888.

[8] Зауторова Э. Ретроспектива форм и методов воспитательного воздействия на осужденных в уголовно-исполнительной системе (до 30-х годов XX века) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 7. С. 31-35.

[9] Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика к. XIX – н. XXI века : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006.

[10] Исторический опыт социальной работы в России. М., 1994.

[11] Киселев М.В., Ивашко Н.Н. Пенитенциарная педагогика: учеб. пособие. Новокузнецк, 2013.

[12] Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917–1960. М., 2000. С. 314.

[13] Кузнецов М.И. Основные направления социальной работы в местах лишения свободы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2012. № 2 (10). С. 5-6.

[14] Кузьмина О.С. Становление и развитие воспитательной системы исправительных учреждений Советского госу¬дарства (20–30-е годы): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1993.

[15] 15. Об объявлении 14 июня Днем работника воспитательной службы уголовно-исполнительной системы: приказ директора ФСИН России от 24 мая 2012 г. № 286.Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[16] Отчет правления Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, состоящего под Высочайшим покровительством Государя Императора за 1914 год (XIX отчетный год). Рязань, 1915.

[17] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 18. № 12949.

[18] Реент Ю.А., Жигалев А. В. Педагогика политико-воспитательной и культурно-массовой работы с заключенными в 20-е годы прошлого века // Пенитенциарный вестник. 2006 . № 2. С. 110-112.

[19] Самарин В. Организация воспитательной работы с осужденными в 40-е годы XX века // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 8. С. 40 - 44.

[20] Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 15. Ст. 283.

[21] Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб.: Гос. тип., 1901.

УДК 93/94

Социальная техника и технологии ресурсной безопасности в наследии профессора Н.А. Шевалева

Кузнецова Ольга Николаевна
Кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, г. Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: bon-box@mail.ru
ORCID 0000-0002-6915-0344

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные тенденции становления и развития такой отрасли научного знания, как социальная техника или техника безопасности. Изучен опыт одного из основоположников данного направления в научной организации труда проф. Н.А. Шевалева, анализ наследия которого не предпринимался в отечественной науке. Вводятся в научный оборот этапы биографии Н.А. Шевалева, а также его курс лекций «Техника ограждения машин», читаемый в Санкт-Петербургском Политехническом институте в период 1906-1926 гг. Затронута экспертная работа Н.А. Шевалева в проектах ГИПРОМЕЗа, дана оценка его роли в развитии научно-технической политики, охраны труда и ресурсной безопасности. В целом, в статье решена задача возвращения имени проф. Н.А. Шевалева широкой читательской аудитории, а изученное наследие является примером междисциплинарности исторической науки и истории науки и техники.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА социальная техника, Шевалев Н.А., охрана труда, техника безопасности

Проблемы промышленной модернизации страны, широкое освещение вопросов науки и техники с точки зрения задач, стоящих перед обществом, являются одной из ключевых проблем в истории знания. Те, идеи, что лежали в основе решения вопросов безопасности труда и создания такого направления исследований, как социальная техника или техника безопасности находятся в центре внимания автора настоящего исследования. Создание первого в России систематического курса по технике безопасности и охране труда, прочитанного в Технологическом и Политехническом институтах было связано с именем Н.А. Шевалева. Николай Александрович Шевалев (1864 -1929) – профессор, инженер, являлся крупнейшим специалистом по охране труда в СССР. Он родился 18 ноября 1864 года в Одессе, в 1889 г окончил Санкт-Петербургский технологический институт [1]. В период существования Временного правительства России работал в министерстве торговли и промышленности, где был создан специальный отдел охраны труда. В течении 20 лет с 1906 по 1926 гг. он преподавал в Политехническом институте Петра Великого в Санкт-Петербурге. В 1910 году Совет Политехнического института определил пособие в 600 руб. Н.А. Шевалеву на издание работы «Техника ограждения машин». Эта книга увидела свет в 1910 году и послужила первым пособием по одноименному курсу [4]. Как писал сам проф. Н.А. Шевалев: «Выделение в отдельный предмет этой отрасли техники имеет бесспорное значение и должно быть реализовано через чтение специальных курсов для инженеров и конструкторов машин в технических институтах страны» [6, с.5]. В своей работе он обращал внимание на статистику несчастных случаев, разработку законодательства по компенсации увечий, меры безопасности при работе с двигателями, паровыми котлами, приводами, подъемными механизмами, а также вентиляция помещений, например, при производстве химических или взрывоопасных веществ. Впоследствии книга была переработана в 1925 г и выпущена под названием «Техника безопасности» [5], именно она стала основой принятой в СССР техники безопасности на промышленном производстве, а Н.А. Шевалева по праву можно считать основоположником целого направления исследований, имеющих прямое практическое применение.

Говоря о степени изученности темы и наследия Н.А. Шевалева, следует отметить, что сведения о нем содержатся в основном в архивных фондах ГАРФ, РГАЭ и ЦГИА СПб. Он известен, как создатель ряда работ по технике безопасности, а также фрагментарно деятельность Н.А. Шевалева была затронута в пособии Е.А. Климова и О.Г Носковой [2]. Авторы обратили внимание на термин «социальная техника» применительно к общественному характеру борьбы с травматизмом на производстве, когда инженеры видели перед собой не только технику, но и работающего на ней человека и выступали за комплексный подход к вопросам техники безопасности. Говоря об изучении и преподавании предмета «Техника безопасности», отметим, что первые кафедры были открыты в Берлине и Вене в 1884 году. Само понятие «социальная техника» было заимствовано из немецкого языка и немецкой традиции безопасности на производстве. В России этим вопросом занимались проф. В.Л. Кирпичев, инженер-технолог А. Пресс, В.И. Михайловский и др. Также существовал небольшой ряд переводных работ, однако, литература по данному вопросу была бедна и касалась в основном противопожарной безопасности. Специальных журналов и руководств не издавалось, поэтому именно с курса по «Технике безопасности» в России началось систематическое изучение и распространение данного направления в научной организации труда.

Изначально в период завершения промышленного переворота в России в эпоху Александра III были разработаны первые основы законодательства о труде, которые напрямую были связаны с проблемой несчастных случаев на производстве. В целом, в России технические специалисты и предприниматели мало внимания уделяли этому вопросу. Так, Н.А. Шевалев отмечая важность устранения причин, которые порождают увечья рабочих на фабриках и заводах, обращал внимание на вопросы благоустройства промышленного труда, которые должны получить широкое общественное обсуждение. Он выступал разработчиком идеи улучшения благоустройства фабрик и заводов в России для уменьшения жертв промышленности. Он отмечал, что в большинстве европейских стран вместе с появлением фабрично-заводского законодательства в высших технических школах открыты специальные курсы по «профессиональной гигиене и технике предохранения», что благотворно сказывалось на работе. Рассматривая технику в социальном контексте, он утверждал, что перед техническими специалистами и инженерами, как представителями элемента промышленности, теперь стоят и общественные задачи, в частности, сочетания интересов промышленности и интересы труда для улучшения обстановки труда на предприятиях.

О личной жизни Н.А. известно немного, он был женат на Шевалевой Надежде Ивановне 1870 года рождения, уроженке г. Вологда. В политических воззрениях он придерживался умеренных социалистических взглядов, о чем свидетельствуют данные о его аресте в ходе первой русской революции, когда он принимал участие в забастовке рабочих, выступая за удовлетворение их требований в г. Ревель, где он работал инспектором промышленных предприятий. Известно, что Н.А. Шевалев вел активную научную и практическую деятельность - публиковал статьи и практические руководства (инструкции по технике безопасности), редактировал специальные разделы журналах. Печатался также в иностранных журналах, сотрудничал с музеями труда в Мюнхене и Шарлоттенбурге. Отметим, что подобные музеи отображают социальные, культурные и экономические последствия индустриализации, а также несут в себе просветительскую функцию. В частности, Н.А. Шевалев сотрудничал с музеем в Шарлоттенбурге, который был открыт в 1903 году и являлся опытной станцией для исследования промышленных приспособлений, где машины и механизмы были представлены в натуральную величину, приводились в движение, что позволяло понять основы социальной техники на практике. Следует отметить, что Н.А. Шевалев был одним из первых, кто обратил внимание на качество искусственного освещения при строительстве заводов и предприятий, он входил в состав комиссии ЛОЦЭС

(Центральный электротехнический совет. Ленинградское отделение), где возглавлял ряд направлений работы и подкомиссий. Можно с уверенностью утверждать, что именно он являлся создателем русской традиции охраны труда, а его влияние отмечалось во всех проектах, которые были реализованы в период начала XX века в сфере промышленного строительства в связи с охраной труда. В последние годы жизни с 1926 по 1929 гг. Н.А. Шевалев работал в Государственном институте по проектированию металлургических заводов (ГИПРОМЕЗ) - известном центре, который занимался конструированием предприятий чёрной металлургии. Изначально институт был основан в Ленинграде в 1926 г., а в 1943 году по решению Правительства страны был переведён в Москву, где стал фактически главным проектным институтом в чёрной металлургии СССР. В частности, Гипромезом были спроектированы такие металлургические предприятия, как Магнитогорский, Новолипецкий, Череповецкий, Челябинский, Западно-Сибирский, Кузнецкий, «Криворожсталь», «Запорожсталь», «Азовсталь» и другие заводы, а при непосредственном участии Н.А. Шевалева, как отмечалось в некрологе института, были разработаны мероприятия по безопасности труда во всех проектах Гипромеза конца 1920-х- начала 1930-х годов. Кроме того, заложенная им традиция охраны труда на предприятиях была продолжена и в дальнейшем. Вместе с тем, поскольку в вопросах ресурсной безопасности речь шла прежде всего о защите такого экономического ресурса, как труд, впоследствии эти наработки оказались весьма востребованы Советской властью, что позволило многим специалистам, таким Н.А. Шевалев и дальше продолжать свою профессиональную деятельность.

В целом, к началу XX века зародились новые задачи государства, а инженеры и техники оказались вовлечены в них, если техника предшествующих периодов ставила своей целью увеличение производительности механизмов, то новая техника эпохи завершения промышленного переворота должна заботиться и об улучшении условий труда и его безопасности. Необходимо изучать не только экономику и технику в области экономии материалов, энергии, времени и здоровья, но и на необходимые действия в момент опасности для защиты человека труда. Призванием русских научных изысканий в этом направлении, по мнению Н.А. Шевалева, должно было стать изучение условий труда и разработка мер для его улучшения, поэтому социальная техника являлась составной частью научной организации труда и была напрямую связана с безопасностью ресурсов - труда и капитала. Основными принципами на которых строилась такая отрасль как техника безопасности или социальная техника стали, во-первых, благополучие места работы и изучение явлений, вызывающих опасность, например, на химическом производстве, во-вторых, проведение испытаний и разработка доступных инструкций. Поскольку Н.А. Шевалев сам хорошо знал многие сферы промышленного труда, он полагал, что задачей конструкторов является снабжение машин и механизмов приспособлениями по безопасности для работающих на них, например, закрывать опасные части станков, использовать остановку механизмов и т.д.

Таким образом, несомненная заслуга Н.А. Шевалева в том, что он не только обратил внимание на безопасность в сфере промышленного труда и обозначил его социальную суть, но и задал новое направление изучения и обучения российских инженеров. В России к. XIX-н.XX вв. он заложил основы нового исследовательского направления, которое получило широкую реализацию на практике в дальнейшем. Его авторитет во многом проявился в проектах крупных промышленных предприятий Гипромеза и его можно по праву назвать создателем русской традиции охраны труда. Он выступал за максимальную механизацию ручного труда и предлагал по возможности свести работу человека к наблюдательной функции, что является актуальным и сегодня в период трансформации современной экономики в цифровую. Большое значение имела деятельность Н.А. Шевалева с точки зрения ресурсной безопасности, выработке методик и непосредственных мер по защите человека на производстве. Имя профессора Н.А. Шевалева, его наследие, как крупного специалиста по охране безопасности труда должно быть вписано в контекст истории знания и современной науки.

Список литературы

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А539. Оп.3. Д. 8665

[2] Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России – www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/klim/03.php - дата обращения декабрь 2021

[3] Организация средств производства / Сборник статей. М.; Л.: Гос. изд., 1926. 231 с.

[4] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 478. Оп.14. Д.267. Л.53

[5] Шевалев Н.А. Техника безопасности: Краткие основы социальной техники. М., Вопросы труда, 1925. 222с.

[6] Шевалев Н.А. Техника ограждения машин и безопасности фабрично-заводских работ / Н. Шевалев, инж.-техн., преп. С.-Петерб. политехн. ин-та. Вильна : скл. изд. у авт., 1910. 222 с.

УДК 327.8:341.324.5(47+57)"1914/1921"

Реквизиция и недобровольная миграция: нормативно-правовые аспекты реквизиционного механизма как инструмента политического воздействия в Российской империи в 1914–1918 гг.

Кузьменко Александра Сергеевна
Кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, г. Красноярск, Россия.
askuzmenko@sfu-kras.ru
https://orcid.org/0000-0002-0362-2126

АННОТАЦИЯ Реквизиция в военный период всегда рассматривалась исследователями через призму экономического фактора. Ее применение виделось, в первую очередь, в контексте поиска государством, реже оппозиционными силами, материального ресурса для развертывания каких-либо политических проектов. При этом вне поля зрения оказывалось применение реквизиции сугубо в политических целях, особенно в контексте недобровольных перемещений населения. Изучению трансформации феномена реквизиции в данном направлении и посвящена данная статья. На базе анализа нормативно-правовых актов Российской империи в период Первой мировой войны в работе выявляется становление реквизиции как политического механизма

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА реквизиция, недобровольная миграция, Российская империя, Первая мировая война

Механизмы политического воздействия, используемые различными государствами в военный период, имеют свои характерные черты. Реквизиция, как один из таких механизмов, не является исключением. Как правило, политические силы, пытающиеся применять этот инструмент в иное время, оказываются менее успешными, как в социально-экономическом, так и в коммеморативном плане, даже если происходят из государственных кругов. Но в начале XX столетия применение реквизиции вышло на новый уровень – из довольно узко специализированного инструмента ведения военных действий, она переродилась в полноценный политический инструмент, используемый властью предержащими в чисто политических и социально-экономических целях. Чем объяснить такую мутацию? Какие тенденции и события повлияли на данный процесс? Есть ли здесь связь с миграционными процессами, вызванными войной? Ведь неслучайно законы о реквизициях печатались в сборниках нормативных актов, посвященных исключительно беженству.

Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, в первую очередь, следует искать в сфере нормотворчества, так как нормативно-правовая деятельность и юридическая практика являлись базисом, материальной основой разворачивания механизма реквизиции в Российской империи и на территории ее приемника.

Феномен реквизиции исследователи касались в основном с точки зрения экономических особенностей и последствия реализации механизма (А.А. Асташов, Т.В. Алексеев, М.В. Оськин, П. Алешкин [5, 3, 13, 4,]). Нередко подчеркивался силовой характер изъятия, но определение причин, как правило, разделяло авторов. Когда одни подчеркивали системность проводившейся имперскими военными и гражданскими чинами работы (М.П. Белинская, М.В. Оськин), другие показывали возраставшую хаотизацию, возлагая ответственность на дробление полномочий среди различных органов (Т.В. Алексеев). При этом исследователи сосредотачивались на практике

применения реквизиции. Юридическая сторона вопроса рассматривалась со стороны институциональных изменений – создания административных органов, эволюции их полномочий.

Исследователи не обращались к политологическому анализу феномена реквизиции, так как хозяйственная (и иногда социальная) сторона затмевала применение данного инструмента. Между тем, именно нормативное-правовое описание данного инструмента очерчивало его границы и таким образом формировало восприятие реквизиционного механизма в общественном сознании.

Поэтому целью данной статьи является анализ нормативно-правовой основы реквизиции в России в 1914–1921 гг.

При этом вести такой анализ, на наш взгляд, следует с позиций интеллектуальной истории. Это обуславливает применение акторно-сетевого подхода как основного для решения поставленной задачи. Его применение позволяет взглянуть на всю совокупность нормативно-правовых актов как единое поле зарождения и эволюции идеи «реквизиции».

Реквизиция как феномен, предполагающий «принудительное возмездное изъятие государством имущества у собственника» [8], была известна правовому полю российского государства и до начала Первой мировой войны. Основной сферой ее применения являлись преступления против фигуры правителя (князя, царя, императора) и государства как институциональной основы устройства общества. В неспокойные времена военных конфликтов применение данного инструмента усиливалось, особенно с приближением неприятельских войск и вынужденным оставлением территорий. Однако, полноценного (с изданием отдельного специализированного акта) нормативного закрепления при этом не происходило, хотя традиция делала эту процедуру до некоторой степени «знакомой» как населению, так и административным институтам.

Именно поэтому не стоит удивляться, что к началу крупномасштабного военного столкновения в Российской империи уже существовали нормативные акты, посвященные реквизиции. Приложение к статье 23 «Общего учреждения губернского» II тома Свода законов Российской империи от 1912 г. Постановляла, что при нахождении крепости в осадном положении «Командующему армиею предоставляются в местностях, объявленных на военном положении... назначать общия и частныя реквизиции» [12, с. 12]. При этом в предыдущей статье 22 оговаривалось право коменданту крепости, находящейся на военном положении, «в случае надобности» «брать от них [жителей крепости] необходимыя для работ орудия и материалы, перевозочныя средства и припасы довольствия», но «производя за работы и за все взятое уплату по утвержденным в установленном порядке ценам, или выдавая квитанции» [12, с. 11]. Как видим о полноценной реквизиции речи не шло.

Но уже 3 августа 1914 г. было издано Высочайше утвержденное положение Военного Совета, которое утверждало положение о порядке производства реквизиции не только во время войны, но и в период мобилизации [12, с. 14-21]. Фактически это был инновационный правовой акт для российского законодательства. Впервые феномен реквизиции получил статус регулярного политического инструмента и обрел собственное содержание, отличное от конфискаций и судебных процедур.

Ранее в статье 139 главы шестой книги XVIII Свода военных постановлений 1869 г. реквизиция определялась как «принудительное приобретение предметов довольствия от жителей, с производством платы или же с выдачею квитанции, по утвержденным тарифам или установленным ценам» [2, с. 179]. В новой редакции понятие реквизиции было расширено вплоть до изъятия «всякого рода местных средств, необходимых для удовлетворения потребностей армии», а также «обязательного наряда местных жителей для производства всякого рода работ, вызываемых военными обстоятельствами» [2, с. 179]. При этом ушла обязательность возмещения понесенных затрат: в новой статье 1391

предусматривалось существование бесплатных изъятий не только в неприятельских областях, занятых в период военных кампаний, но и на территориях нейтральных государств. Интересно, что в таком случае они назначались «в виде меры воздействия на местное население» [2, с. 180]. Это является своего рода индикатором наличия планов государственного института по возможному применению реквизиции в политических целях.

Кроме специального назначения лиц, ответственных и имеющих право производить реквизиции, Положение законодательно очерчивало границы данного инструмента. Начальник, вводивший реквизицию, должен был четко закрепить район проведения мероприятий, количество и тип реквизируемых ресурсов, время и порядок проведения реквизиций [12, с. 17]. Данный шаг косвенно свидетельствовал сразу о нескольких общественно-политических тенденциях российской действительности 1910-х гг. Во-первых, реквизиция рассматривалась государственным институтом как мера регулярная, вполне естественная во время любой не только военной, но, и что важно, мобилизационной ситуации. Это существенно расширяло права и полномочия государства – фактически под предлогом мобилизационных кампаний оно могло конфисковать имущество у любого жителя. Во-вторых, введение института безвозмездной реквизиции также позволяло государственному институту вторгаться в область частной собственности, несмотря на ее закрепление на законодательном уровне.

Данные нормативные расширения перемещали исследуемый феномен из узко специализированной военной сферы, в область обычного правоприменения, а соответственно создавали предпосылки по превращению реквизиции в политический механизм. Этот тезис подтверждается статье 5 указанного положения: «Если власти (гражданские или общественные скрываются) – производящий реквизицию обращается к пользующимся уважением зажиточным местным гражданам..., причем часть этих граждан может быть задержана на время реквизиции в качестве заложников» [12, с. 18]. Далее в статье 6 следует не менее жесткие меры, предписывающие в случае враждебного настроения со стороны населения (критерии для его определения полностью отсутствуют!) приступать к сбору силами войск в присутствии насильственно сделанных свидетелями местных жителей [12, с. 18].

Указанное отсутствие критериев по определению степени враждебности местного населения вкупе с правом применения реквизиции как инструмента не только в военное время давали возможность использовать этот механизм в качестве политических актов усмирения и/или профилактических мер противодействия, в том числе антигосударственным настроениям.

В результате размывался признак чрезвычайности ситуации, в которой должна была осуществляться реквизиция. Фактически в данном нормативном акте была заложена основа для дальнейшего применения этого механизма вне условий военного времени или же без обязательного их подтверждения общегосударственными актами. Неслучайно, позднее реквизиция станет синонимом экспроприации, более того – данные феномены вскоре сольются в юридической практике.

Усугубляла ситуацию и значительная хаотичность в применении этого нормативного акта. Положение предоставило право реквизировать довольно широкому кругу лиц (от ведомств до отдельных командиров дивизий). Это хаотизировало процесс изъятия, росло число конфликтов на данной почве [15, с. 205]. Е.А. Соловьева и Т.А. Кобзева описывают, как отсутствие выработанной системы возмещения убытков беженцам по реквизиционным карточкам ухудшало их положение и тем самым усиливало давление на государственные структуры. Утеря или отсутствие реквизиционной квитанции требовали дополнительных документальных подтверждений, что фактически невозможно было сделать в условиях приближающейся линии фронта. В результате «по мере продвижения неприятеля с запада на восток и оккупации все большего числа

губерний возникали проблемы по быстрому удовлетворению ходатайств беженцев по реквизиционным квитанциям» [15, с. 205]. Положение этой категории недобровольных мигрантов стремительно ухудшалось, с одной стороны маргинализируя их, а с другой усиливая давление на благотворительные организации и государственные органы, занимавшиеся призрением пострадавшего от войны населения.

Практика применения реквизиции в отношении недобровольного миграционного потока не только способствовала дестабилизации обстановки как в местах исхода, так и в регионах-реципиентах, но также приводила к стиранию различий между ней и механизмом конфискации, существуя в пограничной нормативной области. На практике фактически невозможно было отделить реквизицию от изъятия имущества в рамках принудительного выселения или депортации. Статус беженца давал возможность получения реквизиционных карточек, признавая его носителя жертвой военных обстоятельств. В то же время выдворенные по приказам военных начальников «выселенцы» рождали сомнения со стороны как государственных чиновников, так и общественности, и тем самым ставили вопрос о благонадежности «не сбежавших» от неприятеля. Возникала неуверенность, не является ли произведенное отчуждение актом наказания, к примеру, за пособничество врагу. Это переводило реквизиционные действия в совершенно иной статус.

Дополнительной причиной смешения реквизиции с другими государственными мерами стала еще одна интересная особенность реализации Положения. Реквизиция начала осознаваться в терминах прекращения права собственности. Как результат возникли новые законодательные пробелы в регулировании, что подмечает Е.Н. Афанасьева [6, с. 9].

Заметим, такое прерывание – вещь довольно опасная. Суть собственности – это принадлежность кому-либо или чему-либо. Соответственно для того, чтобы существовать, объект собственности (продукт, ресурс, право) должен переходить от одного владельца к другому. Но нормы Положения не закрепляли прерывание прав частного лица возникновением прав государства. В результате ответственность за состояние, использование, судьбу собственности, имманентно связанная с феноменом права владения и распоряжения, не появлялась; она словно растворялась в нормативном пространстве. Статья 15 закрепляла только ответственность начальника прикрытия и только «во время производства реквизиции, так и при следовании в район, назначенный для реквизиции, и обратно» [12, с. 19].

Несмотря на выше описанное ряд исследователей полагают, что в период существования империи применение реквизиции не выходило за формальные рамки и реализовывалось совместно с закупкой и поставкой продукции. М.П. Белинская утверждает, что изъятия не являлись «актом произвола и беззакония»; по ее мнению они осуществлялись «в порядке и на условиях, строго определенных законодательством» [7, с. 151].

Действительно, данную позицию можно косвенно подтвердить довольно осторожными действиями Особого Совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения, созданного в том числе в целях систематизации реквизиций. При анализе его журналов заседаний в глаза бросается сдержанная и нередко дипломатическая позиция Совещания в отношении мероприятий изъятия. Так, при обсуждении проекта Правил о мобилизации промышленных предприятий, разработанное министерством торговли и промышленности Российской империи, «некоторые члены Совещания указывали, что, ввиду существующего ныне весьма тревожного состояния рабочих масс проведение этого проекта в настоящее время следует признать неблагоприятным; в случае же признания необходимости такого проведения его надлежало бы исполнить с особой осторожностью» [11, с. 217-218].

Назревающее противоречие может быть разрешено с точки зрения теорий практик, и, в частности, возможных способов их изменения Ч. Спинозы, Ф. Флорес и Х. Дрейфуса. Изменить практику, в рамках данной теории, значит поменять способ координации жизненного пространства человека, его привычного обихода, предметов материального мира, идентичностей, появляющихся во время взаимодействия с привычными предметами материального мира [1, с. 17-21].

Применение это теории показывает, что введенная Положением норма запустила процесс артикуляции, когда новая, девиантная, неявная или специфическая практика была замечена, сформулирована/проговорена (в том числе действием) и таким образом стала видимой и очевидной для всего общества. После артикуляции она стала активно насаждаться и распространяться.

В результате такого «переоткрытия» практика реквизиций фактически получила новое «имя», была перенесена в новый контекст обыденной жизни. Закономерным стал следующий шаг – применение данной практики для решения новых задач. Так, перевод на мобилизационное положение отдельных предприятий, дававший возможность проводить реквизиционные процедуры, стал использоваться Особым совещанием в том числе как способ усмирения волнений рабочих.

Подтверждающим высказанную идею – дальнейшее расширение зон использования механизма реквизиции – назовем и факт разработки Правил ликвидации бездокументных эвакуированных с театра военных действий грузов. Они были утверждены постановлением министра путей сообщения 26 сентября 1915 г. Кроме прочего в них кратко (в статьях 6 и 7) отмечался порядок вывоза и оплаты таких грузов, подлежащих реквизиции [12, с. 46-47]. При этом условия, при которых бездокументный груз мог быть подвергнут данной процедуре, ни в правилах, ни в иных документах обнаружить не удалось. Вывод напрашивается сам собой – реквизиция к осени 1915 г. воспринимается как совершенно регулярный, обыденный механизм, уже частично выведенный за пределы феномена чрезвычайности.

Примечательно, что практически в это же время, 11 ноября 1915 г., Особому совещанию для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу приходится установить критерии, при которых оказывается возможным реквизиция в отношении невостребованных получателем на станции грузов. Можем предположить, что причина здесь кроется не в исключительности меры изъятия, а полномочиях и регулярности самого совещания – оно не относилось к обычному исполнительному аппарату (в отличие от министра путей сообщения). На наш взгляд, этот документ лишь подчеркивает выведенную позицию – реквизиции подлежали любого вида продовольственные (в силу направленности организации!) невостребованные грузы «в коих названными Уполномоченными [Петроградский и Московский уполномоченный Председателя Особого совещания] будет признана нужда для населения» [12, с. 48]. Собственно, именно в их распоряжение и поступали данные грузы, как видим, крайне широкого определения [12, с. 49].

Смена формы государственного устройства, как равно и смена политических институтов не оборвали, а напротив продолжили и развили опыт применения реквизиции.

Временное Правительство, провозгласив свои властные полномочия, с необходимостью должно было выразить свое отношение, в том числе и по столь острому вопросу как обеспечение продовольствием армии, а соответственно и вопросу реквизиции. В феврале 1917 г. в приказе об образовании местных продовольственных комитетов отмечалась «необходимость принять самые решительные меры к усилению скорейшей поставки хлеба для нужд армии и населения» [14, с. 20]. Продовольственная комиссия предлагала, не прекращая обычных закупок и разверстки «немедленно... приступить к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов

всех сословий... а также к реквизиции запаса хлеба у торговых предприятий и банков» [14, с. 20].

Здесь становится хорошо заметно, что к 1917 г. реквизиция перестала зависеть от вида и идеологической направленности политических структур. Она воспринималась органами управления как один из имеющихся в их руках, нормативно установленных политических механизмов. Из возможности обеспечения армии на линии фронта, реквизиция превратилась в инструмент обеспечения уже населения продуктами первой необходимости.

25 марта 1917 г. вышло Положение о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах, продолжающее данную тенденцию [14, с. 83]. Акт устанавливал, что все количество хлеба (под которыми понимался целый список зерновых и бобовых культур, а также их производных), продовольственного и кормового урожая должно было поступать в распоряжение государства . Передача строго закреплялась за государственными продовольственными органами [14, с. 84].

Документ предусматривал обязательства государства по оплате всего подлежащего отчуждению хлеба [14, с. 87]. Но при этом возлагал ответственность (вплоть до уголовной) по сохранности запасов, подлежащих реквизиции, непосредственно на владельца продукта [14, с. 87].

В случае отказа от добровольной реквизиции последняя производилась принудительно (инструкция о принудительном отчуждении хлеба в порядке статей 8 и 21 постановления Временного Правительства о передаче хлеба в распоряжение государства [14, с. 433-435]).

Идентичная ситуация сложилась с кожевенными товарами. По положению о передаче кож в распоряжение государства, вышедшему 21 апреля 1917 г., лица, виновные в нарушении реквизиции установленных объемов сырых и выделанных кож крупного рогатого скота, конских и верблюжьих подвергались тюремному заключению на срок до 1 года и 4 месяцев [14, с. 211-214].

Фактически постановления Временного Правительства зафиксировали ситуацию перехода феномена реквизиции к становлению чисто политическим механизмом.

Данная тенденция сохраняется на первых этапах становления новой советской власти. К примеру, постановление правительства от 27 октября 1917 г. закрепило право органов городского самоуправления «реквизировать труд учащихся высших учебных заведений и старшего класса средних учебных заведений для работы в продовольственной организации» [9, с. 28]. Здесь же было введено право реквизиции в отношении всех частных продовольственных запасов, превышающих установленные городом размеры [9, с. 28].

Декретом Петроградского Совета 8 ноября 1917 г. вводилась реквизиция теплых вещей для солдат на фронте у богатых классов – каждая квартира, месячная плата за которую составляла более 150 рублей, должна была доставлять по одному одеялу и одной теплой вещи (полушубок, теплое белье, валенки и т.п.) [9, с. 65-66]. Впоследствии было опубликовано дополнение к этому декрету, согласно которому устанавливалось подобное единовременное денежное обложение владельцев частных фабрик, заводов и других предприятий. Неуплата в срок влекла за собой штраф, а невнесение штрафа – конфискацию части или всего имущества. Для реализации декрета была даже создана специальная комиссия, обратившаяся к Советам других городов с призывом распространить их практику на подвластные районы.

В декрете СНК об организации снабжения от 21 ноября 1918 г. реквизиция строго закрепляется за комитетами продовольствия или уполномоченными ими органами [10, с. 42]. Эти институции, по сути заимствованные у свергнутого правительства, субстанционально были проводниками власти новой. Заметим, что реквизиция в данном документе была равноположена с такими инструментами политики как конфискация,

муниципализация и национализация. Таким образом, в статье 5 этого декрета молодая власть закрепила реквизицию как один из политических инструментов, естественных и соответствующих провозглашаемой идеологии нового государственного образования.

Этот тезис можно подтвердить серией законодательных актов СНК, выпушенных за короткий период в конце ноября 1918 г. По декрету от 26 ноября процедура реквизиции распространяется на библиотеки, книжные склады и книги вообще, товары и организации ни коем образом не относящиеся ни к товарам первой необходимости, ни способным оказать влияние на обороноспособность политического образования [10, с. 71]. В этот же день вышло новое положение о реквизиции на железнодорожных станциях [10, с. 76]. Оно распространялось на максимально широкий список товаров – фактически ограничения по видам реквизируемых материалов отсутствовало.

В это время реквизиция окончательно смешалась с другими формами изъятия различных предметов у населения. Термин растворился в нормативном поле – дальнейшие нормы отчетливо повторяли весь реквизиционный механизм, либо употребляя данное обозначение синонимично «сдаче», «национализации», «изъятию» и т.д., либо не используя вовсе. Так, 10 декабря 1918 г. вышел декрет СНК о сдаче население оружия вместе с прилагаемой к нему инструкцией [10, с. 196]. 12 декабря 1918 г. были изданы постановление СНК о сдаче и реквизиции всех повозок военного образца и относящихся к ним принадлежностей и запасных частей и инструкция к нему [10, с. 214].

В процесс становления политическим механизмом реквизиция потеряла связь с чисто экономической базой, основывавшейся ранее как на служебном, так и на недобровольном перемещении большим масс населения. Именно на законодательном уровне оказался ярко выделен переход от экономико-демографического фактора к политико-демографическому. И несмотря на то, что и в первом, и во втором случаях население рассматривалось в качестве ресурса, трансформация базы феномена реквизиции надолго переместила его в иное поле не только для всех субъектов политики российского/советского общества.

Список литературы

[1] Spinosa Ch., Flores F. & Dreyfus H. Disclosing New Worlds: Entrepreneurship, Democratic Action, and the Cultivation of Solidarity. Massachussets. 1997. P.17-21.

[2] Авербах Е.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: Законы, манифесты, рескрипты, указы Правительствующему сенату, распоряжения и постановления министров и др. - Неофициальное издание. Вильна. 1915. 686 с.

[3] Алексеев Т.В. Реквизиционная деятельность Особого Совещания по обороне государства в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11(1). С. 81-84

[4] Алешкин П. Трагичный финал политики военного коммунизма в Советской России // Власть. 2007. № 8. С. 92-97.

[5] Асташов А.А. Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия // Материалы ежегодной международной научно-практической конференции «Первая мировая война. Взгляд спустя столетие». 2016. Т.2. С. 298-309.

[6] Афанасьева Е.Н. Реквизиция: гражданско-правовой аспект: автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юр. н. 2009. 26 с.

[7] Белинская М.П. Реквизиция как способ обеспечения казенных нужд в годы первой мировой войны (по материалам центрального архива Нижегородской области) // Философия права. 2018. № 3. С. 148-151.

[8] Большая российская энциклопедия, режим доступа: https://bigenc.ru/law/text/3504498

[9] Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт истории СССР Академии наук СССР; [Редакционная комиссия: Г. Д. Обичкин и др.]. Москва: Издательство политической литературы. Т. 1: 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г.1957. 625 с.

[10] Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт истории СССР Академии наук СССР; [Редакционная комиссия: Г. Д. Обичкин и др.]. Москва: Издательство политической литературы. Т. 4: 10 ноября 1918 г. –31 марта 1919 г. 1968. 731 с.

[11] Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918: в 3 т. Т. 1. 1915. М. 2013. 559 с.

[12] Законы и распоряжения о беженцах. М.: Городская типография. 1916. 104 с.

[13] Оськин М.В. Продовольственная политика Министерства земледелия в период Первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917) // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации : Материалы международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, почетного профессора МПГУ и РГУ им. С.А. Есенина, заслуженного деятеля науки РФ Э.М. Щагина. Под общей научной редакцией А.Б. Ананченко. 2018. С. 71-82.

[14] Россия (1917, февраль-октябрь). Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства: Вып. 1: 27 февраля - 5 мая 1917. 555 с.

[15] Соловьева Е.А., Кобзева Т.А. Возмещение убытков беженца в годы Первой мировой войны // Власть. 2017. №5. С. 204-209.

УДК 930.1

Некоторые проблемы исторического знания

Кущенко Сергей Владимирович
Доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.
kushhenko@corp.nstu.ru
https://orcid.org/0000-0002-4934-7393

АННОТАЦИЯ Анализируются три проблемы исторического знания: определение истории как науки; методологическое разнообразие подходов к изучению истории; периодизация русской истории. Предлагаются авторские варианты решения этих проблем, основанные на использовании диалектико-материалистической методологии и не противречащих ей методологических оснований, разрабатываемых в современных условиях массовой информатизации и перехода к многополярному миру: диатропики, когнитивистики, синергетики, а также традиционных исторических исследований, основанных на приципе историзма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА история, методология, философия, социальная информация.

Из множества проблем исторического знания коротко остановимся на трех из них.

1. Проблема определения истории как науки.

Часто используемое определение истории как науки о прошлом, настоящем и будущем человеческогоо сообщества не позволяет раскрыть содержание истории во всем ее многообразии и сложности. По мнению автора данной статьи, в качестве базового методологического принципа, необходимого для определения истории как науки, можно использовать подход к анализу истории, выраженный в новейшем энциклопедическом издании «Российская историческая энциклопедия» [4]. В этом фундаментальном издании история рассматривается как единство исторического сознания и исторического познания, которые, в свою очередь, выступают как подсистемы более широкого целого - общественного сознания. Авторы указанного подхода к анализу истории рассматривают историческое сознание и историческое познание следующим образом. Б.Г. Могильницкий определяет историческое сознание как «совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его сегментам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Историческое сознание находится в близкой связи с историческим познанием» [4, с. 433]. А.В. Лубский определяет историческое познание как «специализированную подсистему исторического сознания, рефлексию над исторической жизнью, как процесс поиска, установления и интерпретации существенных исторических фактов» [4, с. 432]. Б.Г. Могильницкий подчеркивает важное отличие исторического сознания от исторического познания: «Историческому сознанию присуще активное начало, направленное на преобразование исторической действительности. В этом его отличие от исторического познания, акцентирующего относительность исторической истины» [4, с. 434]. Для нашего исследования указанное отличие исторического сознания от исторического познания имеет принципиально важное значение. Субъект социальной деятельности, сознательно творящий историю, в нашем варианте активен и самодостаточен. Также принципиально важно для нас то, что Б.Г. Могильницкий и А.В. Лубский рассматривают историческое сознание и историческое познание как подсистемы общественного сознания, т.е. «человеческой способности идеального воспроизведения действительности в мышлении,

высшего уровня психической активности человека как социального существа» [4, с. 433]. Вместе с тем, Б.Г.Могильницкий отмечает одну из особенностей исторического сознания, которое «всегда конкретно, оно существует как конкретная историческая закономерность, изучающая мир ментальных и духовных реальностей» [4, с. 433]. Еще одной особенностью исторического сознания выступает то, что оно не является неизменным, а меняется в соответствии с изменяющимися историческими условиями. Б.Г. Могильницкий отмечает, что «в историческом сознании выражается значение истории как важнейшего аргумента в идейно-политической борьбе различных классов и сословий, религиозных, этнических, профессиональных и иных социальных общностей. Поэтому во все времена изучение и, в особенности, преподавание истории» ... имело и имеет важное значение [4, с. 433-434].

Указанные базовые методологические принципы с необходимостью предполагают обозначение авторской позиции по отношению к общественному сознанию как большой системе, элементами которой выступают историческое сознание и историческое познание. Рассматривая общественное сознание в рамках деятельностного подхода, мы исходим из методологии, предложенной Э.В. Ильенковым, В.Н. Сагатовским, В.П. Фофановым и некоторыми другими исследователями [2, 5, 6]. Согласно этой методологии, сознание есть лишь момент более широкого целого - системы социальной деятельности - и определяется этим целым. Двум способам социальной деятельности - живой и опредмеченной - соответствуют два способа существования общественного сознания: в составе живой социальной деятельности и в составе опредмеченной социальной деятельности, т.е. в знаковой форме. Два разных способа существования общественного сознания составляют единый процесс, единое противоречивое целое. Эти две диалектические противоположности в своем единстве и составляют единый процесс существования общественного сознания, ибо реально существуют не то и не другое само по себе, а лишь это единство. Сознание ни в составе живой деятельности субъекта, ни в знаковой форме не является сознанием как таковым: оно существует лишь как названное единство противоположностей. Лишь это двуединство является самодостаточным и саморазвивающимся целым, которое вместе с тем есть не что иное, как момент соответствующей социальной деятельности [6, с. 91]. Деятельностный подход к сознанию позволяет рассматривать историю как диалектически противоречивый процесс, а не как нечто статичное, лишенное противоречий. Кроме этого, деятельностный подход к сознанию позволяет вести поиск причинно-следственных связей в истории, основанный на расширении круга источников, что делает историю собственно наукой, а не собранием разрозненных фактов.

Диалектическая методология предполагает свои общенаучные познавательные средства: системный подход, структурно-функциональный подход; методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, логического и исторического. В рамках диалектической методологии предмет исследования рассматривается сквозь призму диалектически противоречивого единства субъективной и объективной диалектики, в котором явление субъективной диалектики есть образ действительности, предполагающий прообраз - объективную диалектику, имеющую место вне и независимо от сознания.

Деятельность рассматривается как «способ существования человека», как «человеческий способ отношения к миру»; деятельность характеризует всю систему проявления сущностных сил человека. Субъект через свою деятельность воплощает свои ценности, жизненные смыслы. Деятельность рассматривается как целостность, бо'льшая, чем сумма ее частей, предполагающая необходимость учета объективной диалектики части и целого человеческой деятельности, диалектики стихийного и сознательного.

В качестве возможного варианта решения указанной проблемы – определения истории как науки – можно считать выбор материалистической диалектики как

методологического основания для ее определения. Материалистическая диалектика рассматривается как учение о всеобщей взаимосвязи, осуществляемой людьми в процессе своего взаимодействия друг с другом, с обществом и природой. В рамках этой методологии история рассматривается как единство исторического сознания и исторического познания, которые, в свою очередь, выступают как подсистемы более широкого целого - общественного сознания. Деятельность рассматривается как «способ существования человека», как «человеческий способ отношения к миру». В рамках деятельностного подхода к изучению истории возникает возможность использовать теорию информационной рациональности в её социально-информационном аспекте [8].

2.Проблема методологического разнообразия подходов к изучению истории

Одной из проблем исторического знания в современных условиях можно считать методологическое разнообразие подходов к изучению истории. Проблема заключается, кроме прочего, в том, что разные методологии приводят к разным результатам изучения истории, иногда прямо противоположным друг другу.

Из множества сложившихся к настоящему времени методологических подходов к изучению истории, в том числе истории России, можно выделить следующие, не противоречащие избранной нами диалектико-материалистической традиции.

В диатропике как учении о разнообразии и его закономерностях для нас важно подчеркнуть значение основного приема диатропики - сопоставление рядов, учитывая, что диатропика оперирует понятием «ряд» так же, как история - понятием «факт». В нашем исследовании процесс сопоставления социальной информации по её свойствам имеет важное методологическое значение, близкое к ответу на основной вопрос диатропики: «У кого как?» При этом мы не разделяем ответ на этот вопрос с ответами на другие методологически важные вопросы истории как науки: «Почему?», «Зачем?» и «Каким образом?». В этом можно увидеть определенное отличие нашего подхода от собственно диатропического подхода. По нашему мнению, материалистическая диалектика как учение о всеобщей взаимосвязи может включать в себя диатропику как учение о разнообразии и его закономерностях при условии непротиворечивости исходных понятий [1].

В современной когнитивистике для нас важно подчеркнуть значение «гибкой и мягкой рациональности» в мышлении, значение констатации того, что «чисто рациональное мышление не может стать интеллектуальным «мотором» современной информационно-знаниевой цивилизации. ... В когнитивистике понятия гибкой и мягкой рациональности рассматриваются как альтернатива классической жесткой рациональности, признающей доминирование дискурсивного логического мышления, наиболее полным коррелятом которого является математика» [3]. В нашем исследовании тоже рассматривается альтернатива жесткой рациональности, однако эта альтернатива анализируется с использованием других исходных понятий. Вместо понятия «рациональность» в нашем исследовании используются два диалектически взаимосвязанных понятия «рациональное» и «иррациональное», которые представлены как два свойства социальной информации - атрибутивно-предикативное (определяющее) и ретрибутивное (напоминающее) соответственно. Еще одним отличием нашего подхода выступает то, что мы не рассматриваем физиологические, нейрофизиологические аспекты работы человеческого мозга. В нашем исследовании анализируются два социально¬-информационных поля (рациональное и иррациональное), в которых субъект социальной деятельности сочетает логическое и нелогическое путем сопоставления социальной информации по её свойствам и сам создает свой собственный мотив к своей социальной деятельности. В этот мотив субъект включает и свою оценку исторических событий.

В синергетике для нас важно подчеркнуть необходимость системного подхода к

анализу социальных и когнитивных процессов. В частности, для нас важно то, что в синергетической системе организация возникает без управляющих команд, за счет локальных взаимодействий между элементами, которые «запускают» внутренний механизм самоорганизации. Также возможно применение (в адаптированном к гуманитарному исследованию виде) таких синергетических понятий, как «точка бифуркации» (многовариантность оценок исторических событий), «аттрактор» (как область притяжения различных социальных групп в процессе борьбы за доминирование «своих» оценок исторических событий). Синергетический подход не противоречит избранной нами методологии и в определенной степени конкретизирует диалектически противоречивый процесс борьбы за доминирование в оценке исторических событий различных социальных групп, имеющих различные социальные интересы. В рамках синергетического подхода, как известно, различают следующие типы систем: материальные и идеальные; статические и динамические; закрытые и открытые. В рамках этой классификации автор данной статьи присоединяется к мнению тех исследователей, которые придают России как системе такие характеристики:

1. Россия - это большая система, отличная от малых систем;
2. Россия - это социальная система;
3. Россия - это динамическая система
4. Россия - это неравновесная система;
5. Россия - это открытая система;

Совокупность этих характеристик делает Россию самодостаточной и самоорганизующейся системой, устойчивой к любым дезорганизующим воздействиям как изнутри, так и извне. Этот вывод общеизвестен и многократно подтвержден в ходе тысячелетней истории России.

В синергетическом подходе к анализу исторических процессов ряд исследователей отмечает такое явление, как синкретизм, т.е. смешение, неорганичное слияние разнородных элементов системы, не исключающее и смещение друг в друга этих элементов. В методологическом синкретизме можно увидеть одну из причин неравновесности и динамичности системы, потенциально опасную для её целостности. В синергетике как нелинейной науке, кроме синкретизма, видят основу нового фундаментального направления философии - философии нестабильности. Если предположить, что в синергетике зарождается философия нестабильности как своеобразная синкретическая философия, то тогда применительно к истории можно предположить следующее. В условиях методологического многообразия изучения истории можно увидеть начала своеобразной синкретической истории как истории эпохи нестабильности, эпохи перехода от однополярного мира к многополярному миру. По аналогии с эпохой поздней античности (период эллинизма) в современном мире можно увидеть процесс синкретического смешения, слияния разнородных социальных систем, усиление борьбы за доминирование одной или нескольких социальных систем. Это означает, что современная эпоха (конец XX -первая четверть XXI вв.) есть эпоха перехода от старой доминанты - однополярного мира, к новой доминанте - многополярному миру. В синкретизме философии и истории можно увидеть разновидность эклектизма, неизбежного в переходную эпоху, в период отсутствия доминанты. В нашем варианте синкретизм в методологии - это не хаос конкурирующих систем, а процесс постепенного объединения близких по смыслу методологий. Этот процесс может привести к появлению новой доминанты, которая, в свою очередь, может способствовать развитию системы либо прогрессивному (в будущее), либо регрессивному (в прошлое), либо стагнации системы («бегу на месте»). Синкретическая история, как и синкретическая философия, по нашему мнению, характеризуются

процессом уменьшения количества точек бифуркации («развилок»), и появлением в итоге новой доминанты.

Наряду с частично перечисленными различными методологическими подходами к изучению истории сохраняют свое значение и традиционные исторические исследования, основанные на углубленном анализе большого количества источников, на принципе историзма. К числу таких фундаментальных исследований можно отнести труды И.Я Фроянова, ряда других ученых, а также коллективные работы фундаментального характера. Для раскрытия нашей темы принцип историзма имеет принципиально важное методологическое значение. Особенно важна для нас точка зрения И.Я. Фроянова, который считает, что принцип историзма требует анализа «контекста общественного развития Древней Руси» [8, с. 222]. В частности, И.Я. Фроянов делит смердов на «внешних» и «внутренних», выделяя разряды населения, а не его совокупность, анализируя контекст социально-экономического развития Древней Руси, т.е. взаимопереплетение разных социальных групп, разных социальных процессов. Контекст как размытость социальных границ, как выражение переходного социального процесса можно ставить в центр исторического исследования, особенно если изучается переходный период развития той или иной страны.

3. Проблема периодизации русской истории

Проблема заключается в том, что в значительном количестве учебников по истории России рассматривается лишь Древняя Русь, начинающаяся с Повести Временных лет, а период Древнейшей Руси, долетописный, либо не рассматривается совсем, либо рассматривается лишь фрагментарно. В настоящее время эту проблему начинают рассматривать все более подробно, в частности, с использованием понятия «Русский мир». Понятие Русский Мир включает в себя всю русскую историю с древнейших времен до настоящего времени и бесконечную перспективу своего развития в будущем. Принципиально важен тот бесспорный факт, что первые люди - homo sapiens - появились на Великой Русской равнине (в современной Воронежской области) еще в эпоху позднего палеолита - 45 тысяч лет назад, на самом краю ледника, еще покрывавшего всю Северо-Западную Русь и Скандинавию. Об этом убедительно свидетельствуют археологические раскопки в районе сел Костенки, Сунгирь и других. Первые люди - homo sapiens - в Костенках появились примерно на 10 тысяч лет раньше, чем первые homo sapiens - кроманьонцы - появились на юго-западе современной Франции (возраст пяти человеческих останков, найденных в пещере Кро-Маньон, археологи оценивают в 35 тысяч лет). Для русских людей, живущих на своей земле с древнейших времен, с самого начала русской истории, земля имеет первостепенное значение. Своя земля для русских людей - это «мать - сыра земля», защищать её, относиться к ней нужно как к родной матери. Каждая пядь родной земли священна для русских людей. Этот феномен – органичное, естественное, исконное объединение русских людей с родной землей, выступает важнейшей характеристикой Русского Мира. Этот же феномен выступает и одним из оснований русского патриотизма. Русский человек с полным основанием считает себя хозяином, живущим на своей земле с древнейших времен и с древнейших времен осваивает, обустраивает свою землю, свой дом, свою страну, объединяющую множество наций и народностей. Одним из вариантов решения указанной проблемы – периодизации русской истории – можно считать увеличение исследований, посвященных Древнейшей Руси.

Заключение

Проделанный краткий анализ некоторых проблем исторического знания показывает, что история как наука имеет важное значение в человеческом сообществе,

в значительной мере способствует формированию мировоззрения и самоопределения людей в процессе их жизнедеятельности. В то же время остаются нерешенными некоторые проблемы, частично перечисленные в данной статье, которые можно объединить в рамках междисциплинарного, историко-философского подхода к истории, предполагающего использование диалектико-материалистической традиции и не противоречащих ей методологических оснований, разрабатываемых в современных условиях массовой информатизации и перехода к многополярному миру.

Список литературы

[1] Диатропика. Режим доступа: https://epistemology of science. Academic.ru/167/диатропика).

[2] Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 320 с.

[3] Т.П. Матяш. Когнитивистика: историко-философский контекст. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n7kognitivistika-istoriko-filosofsky-kontekst/viewer

[4] Российская историческая энциклопедия. Т.7 / под ред.акад. А.О. Чубарьяна. Москва: Абрис, 2018. 616 с.

[5] Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? / В. Н. Сагатовский. СПб.: Петрополис, 1994. 217 с.

[6] Фофанов В.П. Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов. - Новосибирск : Наука, 1981. 304 с.

[7] 7.И.Я. Фроянов. Начала русской истории. Избранное. Издательский Дом «Парад», Москва, 2001. 974 с.

[8] Чуринов Н.М. Информационная рациональность / Н. М. Чуринов. Красноярск: Сибирская аэрокосмическая академия, 1993. 171 с.

УДК 94 (470.55)

Школьный учитель на Магнитострое: характеристика эмоционального репертуара и повседневной жизни

Макарова Надежда Николаевна
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.
makarovanadia@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1662-0338

АННОТАЦИЯ Проблематика истории повседневности и истории эмоций анализируют разнообразные исторические эпохи и территории. Однако в настоящее время отсутствует опыт изучения локального сообщества в контексте проблем повседневного существования и эмоционального репертуара в XX столетии. Данная статья представляет попытку рассмотреть учительство города Магнитогорска в период форсированной индустриализации как уникальное эмоциональное сообщество с особым типом повседневного существования. Исследование опирается на широкую источниковую базу, в том числе на ранее не опубликованные материалы. Преобладающим типом исторических источников стали воспоминания учителей города Магнитогорска, написанные в разные годы по отношению ко времени изучаемых событий. Статья опирается на методологический инструментарий, предложенный Ю. Бессмертным, Х.Р. Яусом, Я. Плампером, У. Редди. Педагогическое сообщество Магнитостроя представляло собой сложный эмоциональный микромир, в котором сосуществовали разнообразные эмоциональные репертуары, а сами учителя одновременно принадлежали к различным эмоциональным сообществам, демонстрировавшим порой нетипичные эмоциональные реакции. Особенности социально-бытовых условий, общий уровень благоустройства жизни и труда учителей определяли ландшафты повседневности и черты господствовавшего эмоционального режима

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА слова: история, история повседневности, история эмоций, эмоциональное сообщество, эмоциональный репертуар, Магнитогорск.

Введение

В 2022 году педагогическое образование города Магнитогорска отмечает свой 90-летний юбилей. Строительство крупнейшего металлургического предприятия в период форсированной индустриализации нуждалось в квалифицированных кадрах, подготовку которых организовали в городе в годы первых пятилеток. В вопросах реализации амбициозной задачи строительства нового города, в котором живет и трудится новый советский человек, особая роль отводилась профессии учителя. Именно педагогам выпала миссия каждодневно воспитывать поколение подрастающих советских людей, а также вести пропагандистскую работу среди взрослого малограмотного и неграмотного населения города. Учитель должен был быть примером для учеников и их родителей во всем. Именно поэтому советская пропаганда формировала особый образ учителя, а учителя стремились ему соответствовать в большей или меньшей степени. В этой связи крайне актуально выглядит проблема изучения повседневной жизни учительства нового промышленного центра в один из сложнейших периодов советской истории, анализа условий их жизни и труда, возможностей повышения квалификации, реализации учебных задач и т.д.

В данной статье речь пойдет о создании сложного комплекса, включающего базовые понятия: повседневность и эмоции с точки зрения исторической рефлексии. Каждое из названных понятий является перспективным и самодостаточным исследовательским полем, что, однако, не дает повода для отказа от их интегрированного изучения.

Инструментом преодоления дифференцированного изучения «повседневности» и «эмоциональности» может выступать анализ конкретных эмоциональных сообществ, в определенных хронологических и территориальных границах. Следовательно, целью данной статьи является изучение эмоционального сообщества учителей города Магнитогорска в 1930-е гг. как некой модели взаимодействия «истории повседневности» и «истории эмоций».

В историографии комплекс указанных проблем, несомненно, рассматривался, но вне тесной взаимосвязи элементов. История повседневности в целом, а также жизнь отдельных категорий населения или даже целых городов и регионов советской эпохи становилась объектом внимания историков. Вопросы быта, культуры, образования, досуга, повседневных практик рассмотрены в многочисленных работах российских и зарубежных исследователей. Менее изученным в России полем остается эмоциональная сторона жизни населения Советского Союза. Несмотря на то, что в последние годы внимание к истории эмоций возрастает [9–11; 13–21], данная проблематика требует особого внимания историков и разработки методологического инструментария. Наконец, учительство как особая социальная группа эпохи сталинизма не выступала специальным объектом исследования среди историков. Исключением является монография Е. Томаса Юинга «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг.», в которой с позиций истории повседневности анализируется жизнь педагогов 1930-х гг. Автор обратил внимание на широкий спектр проблем учительского сообщества: от бытовых неурядиц до методик преподавания и дисциплинарных практик, но ключевой вопрос, поставленный Е. Томасом Юингом, касался роли учительства в политических процессах эпохи и как учителя эту роль исполняли. В общем виде выводы автора таковы: школьный педагог становится отчасти агентом власти, отчасти - жертвой, но главное - беззаветным просветителем [8].

Основу источниковой базы исследования составили эго-источники. Воспоминания учителей, оказавшиеся в нашем распоряжении, представляют собой мемуары, написанные по просьбе городского отдела народного образования в 1970-е гг., отредактированные идеологически, но так и не изданные. Это обстоятельство позволяет выдвинуть предположение о наличии цензуры (правки цензора видны) и самоцензуры в итоговых текстах воспоминаний. Следует обратить внимание на то, что составлены воспоминания спустя практически 20 – 30 лет от описываемых событий, что также могло повлиять на содержание текстов. Также в исследовании использовались воспоминания Н.Г. Кондратковской, известной уральской поэтессы, в 1930-е гг., работавшей в школе в городе Магнитогорск. Несмотря на указанные сложности нарративы предлагают богатейший материал для анализа, а герменевтика чтения между строк и обращение к так называемым «случайным проговоркам» (Ю. Бессмертный) или «случайным деталям» (Х.Р. Яус) может быть полезной и способствовать выявлению реакций конкретных людей в категориях конкретной эпохи и определенного локального сообщества. Так, анализ воспоминаний педагогов города Магнитогорска позволяет сделать интересные выводы об особенностях повседневности в городе и эмоциональных проявлениях.

Повседневный ландшафт жизни учителей Магнитостроя на первый взгляд не отличался от жизни иных сообществ города. Эта тенденция легко прослеживается в источниках личного происхождения, периодической печати и делопроизводственной документации. Общая неустроенность быта, латентный голод, антисанитария первых лет пребывания на Магнитострое коснулись каждого. Во второй половине 1930-х гг. условия жизни в городе стали лучше, что проявилось в нормализации снабжения горожан товарами первой необходимости, преодолении эпидемических заболеваний и разрешении острого жилищного кризиса.

Педагоги Магнитогорска как и другие горожане испытывали существенные трудности в решении жилищного вопроса. Большинство учителей проживали в

бараках комнатного типа. Одна из первых учителей Магнитогорска А.С. Терехова вспоминала: «В июле 1931 г. мы переехали жить в барак Доменного городка. Здесь барак был разгорожен горбылем на комнаты, в одной из которых нас поселили. Обстановку составляли топчаны на козлах, стол из грубых досок, табуретки. В углу стояла печь, которую топили сами. Воду брали из водоколонки и кипятилки, работавших круглые сутки. Постепенно обзаводились имуществом: достали железную кровать, крашеный стол. Таково начало, такова первая поступь на Магнитке» [7, с. 12]. Даже учителя, приезжавшие по контракту в Магнитогорск и имеющие основания на получение жилплощади в соответствии с трудовым договором, оказывались в бараках. Одна из учителей Магнитогорска О.П. Эбулдина отметила: «Барак – новое для меня слово. Где и когда и кем выдумано это слово?! Входишь в барак… длинный, неширокий коридор, в начале и в конце которого входные двери, а по бокам двери в жилые комнаты. В каждой комнате живет семья в три-пять человек. Общая для всех кухня… Зимой по коридору гуляет ветер, холодно…» [12, с. 53]. Очень часто педагоги проживали прямо в школах. Это явление было не единичным, а носило скорее массовый характер. Для решения жилищного вопроса учителя своими силами строили для себя бараки на пятом участке. Нехватка учителей в Магнитогорске была настолько велика, что педагогические кадры пытались сохранить, расширяя льготы в сфере жилищного строительства. Кроме постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1931 г. «О жилищных льготах работникам просвещения в городах», магнитогорские учителя получили исключительное право обустраивать свое жилье при финансовой поддержке города.

Магнитогорск остро нуждался в работниках интеллектуального труда: техническая интеллигенция, учителя и преподаватели ВУЗов, артисты, художники, музыканты. В соответствии с постановлением Наркомснаба1931 г. эта категория населения снабжалась наравне с лицами, принадлежавшими к промышленному производству. Кадры, обслуживавшие непосредственно рабочих металлургического завода или выполнявшие не физический труд на заводе, относились к списку «А»; люди, непосредственно не работавшие с кадровыми рабочими и не связанные с заводом, принадлежали к списку «Б». Остальные относились к третьей категории. Так, отдел народного образования города Магнитогорска заключил договор с учителями музыки Фелициант и Ванштейном, в соответствии с которым специалистов прикрепляли к первой категории снабжения, закрытому распределителю и столовой. Вообще отраслевой принцип снабжения товарами первой необходимости, как и в решении жилищного вопроса, в Магнитогорске практиковался довольно часто. Каждая организация города, заинтересованная в сохранении кадров, разрабатывала систему дополнительных поощрений. Так, вопрос снабжения сотрудников системы образования интересовал прежде всего самих работников системы.

Особое внимание президиум горсовета сосредоточил на улучшении материального и культурно-бытового положения учителей. Первоочередной задачей стало повышение заработной платы. План роста заработной платы предусматривал следующее изменения: от 75 рублей в 1931 - 1932 гг. до 163 рублей в 1932 - 1933 г. В действительности минимальная зарплата возросла с 75 рублей в 1931 г. до 180 рублей в 1934 г. Кроме того, учителя наряду с кадровыми рабочими, участвующими в строительстве основных объектов комбината, получали, начиная с 1934 г., внеочередное курортное лечение. По данным за 1934 г., премиальный фонд для учителей города составил 37 000 рублей, расходы на бесплатное посещение гортеатра составили 4500 рублей, на оборудование квартир учителей было затрачено 20 000 рублей. Учителей также обеспечивали бесплатными коммунальными услугами. Для того чтобы оценить реальный размер заработной платы педагогов, стоит указать цены на некоторые товары. Так, в 1931 – 1932 гг. ведро картошки стоило порядка 12 рублей, а в 1934 г. годовая подписка на ежедневную городскую газету «Магнитогорский рабочий» стоила 14 рублей 40 копеек, что составляло 8 % от зарплаты за месяц учителя.

В сравнении с другими специальностями, зарплата учителей выглядела не лучшим образом. Так, в 1931 г. зарплата бухгалтера составляла 200-250 рублей, уборщик получал 70 рублей, а учитель 75 рублей. В 1935 г. зарплаты этих же профессиональных групп составили 375, 150 и 180 рублей соответственно.

Воспоминания первых учителей города Магнитогорска свидетельствуют о трудностях, с которыми столкнулась школа в 1930 г. Так, учителя Турюнеева и Котов рассказывали о том, что не хватало школ и учителей, не было парт и учебников и т.п. Подобные свидетельства описывают типичные условия повседневной учебы и работы в образовательных учреждениях Магнитогорска.

В текстах воспоминаний в большом количестве используются разнообразные пояснительные эпитеты, характеризующие учителя как человека и профессионала в своем деле. Весь массив подобных пояснений можно сгруппировать в три блока. Во-первых, это характеристики профессиональных качеств учителя; во-вторых, описание общечеловеческих колляций; в-третьих, типизация внешнего облика учителя. Ключевые профессиональные характеристики в воспоминаниях были сугубо положительными. Каждый учитель, ставший героем воспоминаний, обладал «глубокими прочными знаниями», «хорошей теоретической и практической подготовкой», «богатым профессиональным опытом», а в учебном процессе царила исключительно «деловая рабочая атмосфера», жизнь была очень активной, насыщенной различными общественными нагрузками. Учитель Е.А. Акулина писала о том, что свободного времени у учителей было очень мало, но при этом они «были делегатами женотдела, артистами, ликвидаторами неграмотности, ходили по переписи скота, распространяли заем...» [1, с. 16]. Ее коллега П.И. Ильяшенко отмечала: «Жизнь в учительской среде била ключом. Вечерами проверяли ученические тетради, готовили наглядные пособия... Я была активным участником всех дел: озеленяла город, ездила на лесозаготовки, занималась ликбезом, была руководителем методического объединения начальных классов, внештатным инспектором горОНО» [4, с. 13].

Несомненно, учебная, воспитательная и общественная нагрузка педагогических работников была чрезвычайно высокой, но жизнь в городе была намного сложнее, чем патетическое ее описание в мемуарах. В значительной степени профессиональные характеристики учителей города, упомянутые в источнике были идеалистическими, к котором скорее стремились, нежели имели на практике в 1930-е гг. Так, по данным архивов учительство в городе стало преимущественно женской профессией. В отчетах школ и городского отдела образования описаны случаи, когда в школе работали исключительно одни женщины, а директором был мужчина. Возраст учителей в городе в течение 1930 - 1932 гг. колебался от 15 до 20 лет. ГорОНО отмечал, что процесс комплектования кадров шел в значительной степени самотеком. В первые годы на Магнитострое проблема кадров стояла настолько остро, что директорами школ назначали вчерашних студентов, выпускников институтов. Число учителей росло. Быстрый количественный рост сопровождался некоторыми качественными изменениями.

Однако рост уровня образования среди педагогов города не являлся свидетельством улучшения образовательного процесса и наличия «деловой атмосферы» в школах. Бытовые трудности приводили к тому, что учителя практически не готовились к урокам. Чаще всего на подготовку у педагогов не хватало времени и сил. Отношение к своим прямым обязанностям у учителей формировалось под воздействием многих обстоятельств (уровень квалификации, возраст и, естественно, индивидуальные черты человека). В Магнитогорске неоднократно были зафиксированы случаи срыва занятий из-за неявки учителя на работу без уважительных причин. «Рабочая атмосфера», о которой регулярно упоминалось в воспоминаниях как о типичном явлении в магнитогорских школах и о профессионализме педагогов, также не была тотальной. Отчеты городского отдела народного образования и воспоминания учеников эпохи

1930-х гг. свидетельствуют о наличии проблем в сфере дисциплины. Переростки, которых заставляли учиться, всевозможными способами пытались срывать уроки. Учителя оказывались в сложной ситуации. Многие применяли силу. Респондент Л.Г. Чернопятова рассказывает: «Запомнился мне особенно наш классный руководитель Иван Сергеевич. Не потому что знания какие-то особые давал, а просто мужчина в школе – редкость, и еще потому что про него рассказывали, что он детей бьет…» [3]. Проблемы социально-бытового плана также не всегда позволяли осуществлять учебный процесс в нормальном режиме. Вместо уроков часто практиковалось решение хозяйственных проблем, связанных с утеплением школьных помещений, уходом за пришкольным огородом и т.п. . Естественно, что подобное проведение уроков было обусловлено объективными обстоятельствами.

Общечеловеческие качества педагогов города локализовались вокруг понятий «трудолюбие», «дисциплинированность», «требовательность», «скромность», «честность». Весь массив воспоминаний об учителях 1930-х гг. переполнен однокоренными словами и синонимами из указанного ряда. «Трудолюбие» преподносилось как важнейшая ценность в учительской среде и всегда сопровождалось упоминаниями об энергичности, нежелании сидеть на одном месте, участие в общественных мероприятиях различной направленности. «Дисциплинированность» в эмоционально-чувственной сфере восходила к воспитанию самоконтроля, умению контролировать свои эмоции и проявлять их согласно действующему «эмоциональному режиму». Среди волевых качеств личности педагога, одним из важнейших была «требовательность», выражавшаяся в способности учителей побудить себя и своих учеников к социально-одобряемым действиям, поступкам, эмоциям, а также в возможности запретить асоциальные деяния. «Скромность» трактовалась не только как черта характера, проявляющаяся в умеренности требований, но и отсутствие стремления к достатку, роскоши, соблюдение рамок приличия. В целом скромность тесно была связана с дисциплинированностью и также должна была формировать самоконтроль. Наконец, «честность» как человеческая добродетель и моральное качество предполагала правдивость, принципиальность и верность принятым обязательствам. Учителю было стыдно не выполнить взятые на себя обязательства, отказаться от воспитания трудных учеников. Напротив, приветствовались действия педагогов, направленные на реализацию самых сложных задач в деле обучения и воспитания подрастающего поколения.

Внешний облик учителей согласно воспоминаниям имел строго заданные стандарты. Все педагоги обладали «строгими умными глазами» и «стройной, статной фигурой». Даже речевая и двигательная активность, присущая учителю, была особой: «Размеренная походка», «негромкая спокойная внушительная речь». В целом облик учителя был привлекательным и достойным подражания.

Официальный дискурс и границы эмоционального сообщества предписывали педагогам использование определенного эмоционального репертуара. Вслед за психологами Полом и Анн Клейнгинна, Питер Стернс предложил изучать эмоционологию как систему ценностей, относящихся к эмоциям и их восприятию. Педагогическое сообщество бесспорно выполняло функцию социализации детей и молодежи, формируя определенные стандарты поведения в обществе. Согласно мнению Е. Томаса Юинга, учитель был своего рода агентом власти. Чтобы реализовывать данную функцию, педагог сам должен был демонстрировать должное общественное поведение. Учитель публичный человек, поэтому его поведение оценивается в первую очередь окружающими его людьми. Так, Г.А. Озерова вспоминала: «Наконец в 1932 г. и мы с мужем переехали работать в Магнитку. Муж Мелентий Алексеевич Озеров был назначен зав. школой № 22 на Центральном поселке, а я учительницей в типовом трехкрылом одноэтажном здании. Поместили нас в учительском бараке. Трудно было приживаться, когда нигде ни дерева, ни кустика. Летом стояла жара, ночи не приносили прохлады.

Но вскоре сама обстановка заставила зажить по-новому, по-магнитогорски. Здесь в бараках жизнь каждого была на виду у всех. Комнаты, выходящие в общий коридор, общая кухня, общий умывальник, неизбежно вводили людей в соприкосновение, сближали. То же делали столовая, клуб, кипятилка, водозаборная колонка. А с началом учебного года закипела школьная трудовая жизнь – из барака в школу, из школы в барак, совместная подготовка к урокам, совместное изготовление пособий к урокам, коллективные походы в кино, субботники и другие коллективные дела» [6, с.19-20]. Подобная обстановка неизбежна вела и к коллективизации чувств и к соответствию заданному эмоциональному репертуару педагогического сообщества.

Неприемлемыми для педагогического сообщества выступали эмоции страха, паники, усталости, нетерпеливости, вспыльчивости и т.п. Такие эмоциональные проявления не приветствовались, о негативных эмоциях не упоминалось в мемуарах, предназначенных к опубликованию. А вот в материалах устной истории можно обнаружить указания на подобные «нетипичные» для педагогов эмоции. Так, в воспоминаниях О.В. Быстровой о детстве в Магнитогорске отмечалось, что «уроки были скучные… все голодные были – и дети и учителя… Наш классный руководитель была всегда уставшая и раздраженная» [2]. В рассказах магнитогорки Чернопятовой о своих школьных годах наряду с приятными воспоминаниями и радостными эмоциями соседствовали сюжеты о «ругани учителей на учеников» и подзатыльниках и оскорблениях в адрес детей [3] Одна из первых учителей Магнитогорска, поэтесса Н.Г. Кондратковскя в своих мемуарах отметила, что работать приходилось на две ставки до изнеможения [5, с. 102]. Социально-одобряемые эмоции в среде учителей были крайне разнообразными, но, в целом, сводились к следующим эмоциям: гордость, патриотизм, тревога, возмущение, радость, энтузиазм. В перечисленном ряду эмоций «тревога» и «возмущение» стоят обособленно, так как вне определенного контекста могут оцениваться как отрицательные. Однако подобные эмоциональные реакции возникали в результате негативного, а порой асоциального, поведения учеников, низкой успеваемости, прогулов, неблагополучной обстановки в семьях учащихся, отказа родителей участвовать в воспитании своих детей и т.п. Так, Е.К. Яворская с тревогой вошла в класс с неблагополучной репутацией в школе, а возмущение учителя вызвала выходка ребят, севших на столы [15, с. 9-12]. Напротив, достижения учащихся формировали чувство гордости и удовлетворения от проделанной работы. Чувство гордости, а точнее эмотив «гордость» стоял на службе официальной пропаганды в Магнитогорске. В газетах 1930-х гг., а также в воспоминаниях магнитогорцев, опубликованных в советский период, «гордость» использовалась часто и на протяжении всего советского периода. В школе «гордость» играла важную роль в процессе воспитания. Не случайно на стендах в рекреациях школ вывешивали портреты лучших учеников под заголовком «Гордость школы». Примеры индивидуальных достижений в учебе или труде формировали должное поведение и даже необходимые эмоций среди населения: «Я горжусь тем, что частица моего труда пошла на пользу коммунистического воспитания нового поколения Магнитогорска, горжусь причастностью к становлению столицы горной металлургии страны» [6, с. 20]. Смысл эмоции «энтузиазм» по мнению М. Рольфа и А. фон Климо состоял в достижении конкретной цели (Плампер 2010: 30). Энтузиазм, судя по официальному дискурсу, сопровождал магнитогорцев постоянно: в труде и отдыхе, дома и на субботниках, в учебе и в соцсоревнованиях и т.д. Власти взяли на вооружение данную положительно окрашенную эмоцию, которая являет собой состояние воодушевления и стремление к совершению активных действий. Использовалась данная эмоция и в педагогическом сообществе. Воспоминания педагогов города пестрят упоминаниями о «работе с энтузиазмом, с задором» [1, с. 16]. Ключевым результатом энтузиазма учителей, согласно официальному дискурсу, становились успехи учащихся. В свидетельствах учителей, не предназначенных к опубликованию, либо изданных после распада Советского Союза, подчеркивалось, что радость состояла

в простом: «… стало полегче. Зарплату добавили… учение закончено, диплом вот-вот будет на руках, работа по душе, дитя подрастает» [5, с . 102].

Заключение. История слишком сложна, чтобы какое-либо «эмоциональное сообщество» могло быть охарактеризовано каким-то однородным «ландшафтом чувств». Педагогическое сообщество города Магнитогорска не было исключением. Социально-одобряемые и маркируемые эмоции заданного эмоционального режима не были единственными в репертуаре магнитогорских педагогов. Каждый конкретный педагог принадлежал как минимум еще к одному эмоциональному сообществу, в котором можно было наблюдать противоположные профессиональному эмоциональному режиму эмоции. Последние представляли собой комплекс физических и психологических переживаний, возникающих как реакция на окружающую действительность. Любая эмоция представляет собой результат ресурсного состояния человека, которое основано на совокупности физических и душевных сил. Социально-бытовые проблемы, несомненно, порождали «нетипичные» для сообщества педагогов эмоции. Обитатели бараков, среди которых было много учителей, представляли собой уникальное эмоциональное сообщество, в рамках которого уместными были эмоции неприязни, ненависти, зависти, злобы, отчаяния, апатии, безразличия и т.п. Даже так называемые «учительские бараки» не стали исключением. В бараках среди представителей городской интеллигенции широкое распространение имели классические негативные эмоции, которые в некоторых случаях перерастали во взаимные оскорбления, драки и воровство. Поводом к подобным эмоциональным проявлениям могли выступать проблемы социально-бытового плана. В воспоминаниях зафиксированы случаи краж вязанок хвороста в учительских бараках, карандашей и тетрадей, споров из-за общей жилой площади, дежурств в общей кухни и коридоре и т.п.

Таким образом, повседневная жизнь учителей города Магнитогорска была насыщена комплексом социально-бытовых, личностных и профессиональных проблем. Ключевой особенностью функционирования эмоционального сообщества педагогов стало особое внимание государства к профессии учителя, который играет одну из важнейших ролей в процессе социализации. Комплекс эмоций, характерный для педагогического сообщества, был гораздо объемнее и разнообразнее, чем набор эмоций, задаваемый эмоциональным режимом эпохи. Способы выражения эмоций, ожидаемые от учительства, были регламентированы и ориентировались, прежде всего, на сдержанность, дисциплинированность. Сам внешний образ учителя нес ощущение уверенности и спокойствия. Не поощрялась активная моторика, жестикуляция. Подобные характеристики были типичными для эмоционального сообщества учителей города в рамках официального дискурса. В реальной жизни наряду с активным присутствием вышеназванных признаков эмоционального сообщества педагогов, стоит отметить наличие иных терминов, передающих чувства (эмотивов), в жизни учительства. Учителя одновременно принадлежали к многим эмоциональным сообществам и, естественно, должны были проявлять присущие этим сообществам эмоции. Эмоциональные состояния педагогов были разнообразны, впрочем, как и иных социальных группах, эмоциональные репертуары определялись комплексом объективных и субъективных факторов, а эмоциональные переживания были как коллективистские, так и индивидуальные.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43032.

Список литературы

[1] Акулина Е.А. Мои воспоминания о Магнитке // Сборник воспоминаний ветеранов народного образовании. Магнитогорск, 1982. С. 16-18.

[2] Воспоминания Быстровой О.В. Записано Н.Н. Макаровой в 2009 г. Личный архив автора.

[3] Воспоминаний Чернопятовой Л.Г. Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г. Личный архив автора.

[4] Ильяшенко П.И. Среди сильных, мужественных, добрых людей // Сборник воспоминаний ветеранов народного образовании. Магнитогорск, 1982. С. 13.

[5] Кондратковская Н.Г. «Ах, если бы еще одну мне жизнь». Белорецк: ОНИКС, 2006. 352 с.

[6] Озерова Г.А. Свою судьбу связала я с Магниткой // Сборник воспоминаний ветеранов народного образовании. Магнитогорск, 1982. С. 19-20.

[7] Терехова А.С. И работали и учились// Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. С. 12-13.

[8] Томас Юинг Е. Учителя эпохи сталинизма власть политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 257 с.

[9] Февр Л. Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 109-125.

[10] Хлынина Т.П. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 295-307.

[11] Шахадат Ш. Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М.: НЛО. С. 227-258.

[12] Эбулдина О.П. Хочется оглянуться на пройденный путь // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования. Магнитогорск, 1982. С. 46-56.

[13] Юзефович Н.Г. Идеологизированный субстрат номинаций счастье и тоска в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик // Политическая лингвистика. 2014 №1(47). С. 279-283. URL: http://politlinguist.ru/materials/pl/47.pdf (Дата обращения 12.03.2017)

[14] Юханнисон К. История меланхолии: О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М.: НЛО, 2011. 320 с.

[15] Яворская Е.К. Памятный год // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования. Магнитогорск, 1982. С. 9-11.

[16] Alexopoulos G. Soviet Citizenship, More or Less: Righte, Emotions and States of Civic Belonging // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. №3. P. 487-528.

[17] Plamper J. The history of Emotion: An Interview with William Reddy, Barbara Rozenwein, and Peter Stern // History and Theory. 2010.№ 49.P. 237-265.

[18] Reddy W. Sentementalism and Its Erasure: The Role of Emotions in the Era of the French Revolution // Journal of Modern history. 2000. № 1. P. 109-152.

[19] Reddy W. The Invisible Code: Honor and Santiment in Postrevolutionary France. Berkley: Univ. Of California press, 1997. 258 с.

[20] Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001.396 p.

[21] Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813-836.

УДК 929.5

Красноярское историко-родословное общество

Месяц Сергей Александрович
Заместитель председателя по научной работе, Красноярское историко-родословное общество, г. Красноярск, Россия.
sergejmesyac@yandex.ru

АННОТАЦИЯ О 30-летней деятельности Красноярского историко-родословного общества – одного из первых отделений Историко-родословного общества в Москве, о важности изучения родословных. Приложена библиография трудов членов общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА генеалогия, родословные, историко-родословное общество.

В 1993 году было образовано Красноярское краевое историко-родословное общество (ИРО). В марте следующего года оно будет отмечать свое 30-летие. Общество основано известным красноярским краеведом, писателем, журналистом, инженером-связистом, ныне покойным Иваном Николаевичем Бывших. Своим энтузиазмом он собрал вокруг себя увлеченных людей и смог сделать невозможное – в городе, не имевшем родословных традиций, создать успешно работающее генеалогическое общество. Красноярское ИРО является одним из первых отделений Историко-родословного общества в Москве, основанного еще в 1904 г. выдающимся русским ученым Л.М. Савеловым и воссозданного в 1990 г.

Знать корни своего рода – естественная потребность человека. Разыскивая сведения о предках, узнавая, как они жили и чем занимались сто, двести, триста лет назад, мы можем увидеть свое место и место своего рода в истории России. Это помогает возродить чувство собственного достоинства, ощутить себя личностями. Поэтому изучение родословных приобретает огромное насущное значение. Любовь к Родине начинается с любви к своей семье и своему роду.

Главными задачами своей деятельности ИРО считает продолжение традиций историко-родословных исследований, научную разработку проблем отечественной генеалогии, пропаганду генеалогических знаний. Работа общества устремлена в трех направлениях: в прошлое (индивидуальное изучение членами ИРО собственных родословных, истории своего рода), в настоящее (поиск ныне проживающих близких и дальних родственников) и в будущее (забота о сохранении семейных документов и реликвий, составление жизнеописаний, чтобы наши потомки имели возможность составить свои родословные).

Члены ИРО исследуют не только собственные родословные, но и родословные великих людей России (Рюриковичей, Романовых, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и др.), знаменитых красноярцев (В.И. Сурикова, Ивановых-Радкевичей), изучают даже генеалогию библейских персонажей. Общество заботится о памяти земляков, оставивших след в истории и культуре края. Так, в 1995 г. оно организовало Дни памяти Д.И. Каратанова; в 2000 г. по инициативе ИРО открыта мемориальная доска М.В. Красноженовой на старом здании педагогического университета – бывшей женской гимназии.

Общество занимается и другими смежными вспомогательными историческим дисциплинами – геральдикой (наукой о гербах дворянских родов и городов, здесь нам помогает председатель Красноярского отделения Всероссийского геральдического общества В.Б. Дюков), хронологией (наукой о календаре и эрах), исторической ономастикой (наукой о происхождении имен и фамилий). С.А. Месяц в 2004 г. издал

статистическое исследование «Красноярские имена и фамилии», подготовленное на основе полной базы данных жителей города на рубеже тысячелетий. Среди исследований, проводимых членами ИРО: «История Руси до Рюрика», «Образы Рюриковичей в русской опере», «Родословная учеников Римского-Корсакова». Действительный член общества Л.В. Безъязыков (известный горожанам как автор книги «Красноярск изначальный») составил список первых жителей нашего города, исследовал родословную Андрея Дубенского. Делаются первые шаги по созданию новой научной дисциплины – математической генеалогии. Родословные изыскания тесно связаны с краеведческими: среди членов общества было немало опытных краеведов, накопивших богатейший материал по истории края и биографиям знаменитых земляков (И.Т. Лалетин, Л.С. Еремеева, С.Э. Бакулин и др.).

В процессе работы члены общества неожиданно находят общих членов в своих родословных и понимают, что они – дальние родственники. Автор данных строк математически доказал, что все жители России в среднем являются четырнадцатиюродными братьями и сестрами, а коренные красноярцы – даже десятиюродными. Другими словами, если мы возьмем любых двух россиян, то у них есть общий предок в среднем в 14-м поколении, то есть 400 лет назад. В историческом масштабе это не так уж и много – эпоха Ивана Грозного и Бориса Годунова. Каждый из нас почти со стопроцентной вероятностью может считать своим прямым предком любого знаменитого человека, жившего тысячу или более лет назад (например, Рюрика), если, конечно, тот имел потомство, дожившее до наших дней. Выражаясь языком математики, вероятность того, что мы не являемся его потомками, гораздо меньше вероятности того, что мы являемся потомками. Это не голословно: данные вероятности подсчитаны. Все мы в конечном итоге оказываемся веточками одного огромного родословного дерева.

Совершенно удивительные связи, и не только родственные, обнаруживаются в процессе работы ИРО. В начале 60-х годов Л.С. Еремеева организовала драмкружок в школе села Подтесово (где работала главным врачом поликлиники) и обратилась к классику детской литературы С.Я. Маршаку с просьбой выслать текст его пьесы. В собрании сочинений Маршака опубликовано доброжелательное письмо, адресованное Еремеевой. Можно сказать, что Людмила Сергеевна всего через одного человека была знакома с В.В. Стасовым, Н.А. Римским-Корсаковым и другими великими деятелями русской культуры XIX века, с которым общался Маршак в годы юности.

Год от года деятельность ИРО становится все интереснее и разнообразнее. Общество организует семейные встречи и праздники, где родственники находят друг друга (встреча родов Еремеевых – Николаевых), проводит консультации для горожан, делает первые шаги по основанию филиалов в городах Красноярского края (Ачинск, Бородино). В 1994 г. общество организовало выставку семейных реликвий, на которой были представлены документы, письма, фотографии, вещи, бережно хранимые в семьях и передаваемые из поколения в поколение. Показанные на выставке письма из сталинского лагеря Д.З. Будницкого, соавтора Курчатова по научным работам, стали темой дипломной работы студентки педагогического института. Профессор Г.М. Шленская написала в книге отзывов: «Подвижническая работа организаторов выставки дает надежду, что мы не только будем повторять громкие слова о возрождении России, но и, как участники этой выставки, сделаем что-либо, чтобы дети наши не превратились в беспамятных манкуртов, чтобы пробудить в них память о нашем историческом и культурном прошлом и научить уважать его и дорожить им». Родословы публикуют статьи в местной прессе, выступают по радио, телевидению,

В обществе появилась интересная традиция: не только исследовать корни рода, но и писать книги о предках, о жизни, о работе. Увлекательную книгу «Сказочные годы» о школьной юности, о благородных людях, которые на всю жизнь дали заряд духовности, выпустила действительный член общества Л.С. Еремеева. Она же издала

книгу «Мой род в истории отечества». Читая ее работы, трудно отделаться от мысли: почему Людмила Сергеевна стала врачом, а не писательницей? Воспоминания о работе напечатал ее муж, почетный речник России Б.Н. Еремеев. Многотомные мемуары набрал на компьютере «духовный отец» нашей организации И.Н. Бывших. Появилась книга действительного члена общества опытного геолога Б.П. Зубкус «Моя семья в истории Красноярска, Сибири и России». Вышла небольшая книжка действительного члена общества Е.Ф. Бессоновой «История морского рода старшего матроса корабля «Кореец» Федора Владимировича Бессонова». Она рассказывает о своем прадедушке, дедушке, отце, который служил на знаменитой канонерской лодке и за отличную службу получил подарок из рук цесаревича, будущего императора Николая II. Очень трогательна глава, где Евдокия Федоровна говорит, как она 44 года искала могилу брата, погибшего в годы Великой Отечественной войны и нашла ее на другом конце страны. Книга А.П. Борисовой «Родословная Стукаловых» была высоко оценена председателем Историко-родословного общества в Москве С.В. Думиным. Две богато иллюстрированные книги по истории своего рода выпустила Н.Г. Орехова. Заслуженный педагог В.А. Аференко издал монографию «Из XVII века в XXI. Красноярские родословные Тюменцевых, Еремеевых, Матониных. Формирование в XVII-XX вв. суперэтноса сибиряков-красноярцев, родовые корни жителей города к началу XXI века». Вышло несколько сборников трудов членов ИРО.

Неважно, что книги эти пока выходят пока крошечными тиражами – от десяти до ста экземпляров. Главное, что останется память о нас, о наших исследованиях и потомки будут знать, чем жили их прабабушки и прадедушки, какую роль сыграли в истории края и Родины.

Уникальный труд «Забытый полк» подготовила действительный член Красноярского ИРО А.П. Борисова. По архивным документам, подшивкам старых газет и другим источникам она собрала сведения о 20 тысячах земляках – участников войны 1914-1918 гг. Мы много знаем о героях и участниках Великой Отечественной войны, но первая мировая война фактически прошла мимо внимания историков, ее герои оказались забытыми. Любая база данных, содержащая сведения о большом количестве конкретных людей – это ценнейший и незаменимый источник для составления родословных, даже если она создана с другой целью. Удивительно, что этот фундаментальный труд подготовил человек, не имеющий исторического образования. Алла Павловна всю жизнь проработала медицинской сестрой. Многолетняя исследовательская работа в Красноярском ИРО и в архивах превращает людей, на первый взгляд далеких от научной работы, в компетентных историков.

Члены общества проводят уроки по генеалогии в школах № 16, 22, 47, 145, конкурсы сочинений на родословную тему, делятся наглядными пособиями и т.п. Диплом действительного члена ИРО неофициально стал цениться в городе как диплом о втором высшем образовании: некоторые члены общества, не имеющие педагогического или исторического образования, становятся руководителями школьных кружков и факультативов. Член общества Н.А. Гудошникова (ныне покойная) заведовала школьным музеем, подчас проводила уроки истории вместо заболевших учителей. Член общества Ф.Я. Никишева, экономист по специальности, была принята в школу № 47 учителем истории.

Напряженной работе членов общества не препятствует даже возраст (70-90 лет). Можно сказать, что члены общества изобрели новый «рецепт долголетия»: активная творческая и общественная деятельность. Основатель общества И.Н. Бывших непрерывно работал до 88-летнего возраста, его выступления на заседаниях общества до самого конца поражали глубиной и мудростью. Л.С. Еремеева в этом году отмечает 90-летие. А.П. Борисова выполнила свое исследование, требующее многолетней работы в архивах, на пороге 80-летия.

Красноярское историко-родословное общество контактирует с генеалогическими организациями других регионов России – в частности, с Курганским, Курским, Царицынским историко-родословными обществами, обменивается результатами генеалогических поисков и публикациями. Члены общества принимают участие во всероссийских научных конференциях. В 1994 г. на Савеловских чтениях в Историческом музее Москвы прозвучал доклад о деятельности Красноярского ИРО. В декабре 2002 г. на этих чтениях рассказали о своей архивной работе И.Н. Бывших и Б.П. Зубкус. Очевидцы говорят, что выступления красноярцев были гораздо интереснее, чем сухие доклады московских ученых. Основатель нашего общества И.Н. Бывших стал почетным членом ИРО в Москве. До сих пор по всей стране это звание получили всего несколько человек – известные ученые, князья-Рюриковичи и т.п. Автор данных строк избран членом правления ИРО в Москве и членом Центрального совета Российской генеалогической федерации, участвовал среди руководителей общественных организаций в Гражданском форуме в Москве. Его работа «История высших органов КПСС» заняла 3-е место во всероссийском конкурсе «История России. XX век. Электронные публикации», получила грант Института «Открытое общество» Дж. Сороса и несколько раз упоминается в 4-томной энциклопедии «Революция и гражданская война в России» (М.: Терра, 2008), а также в некоторых монографиях на данную тему.

Уместно выразить безграничную признательность Центральной городской библиотеке, где Историко-родословное общество десять лет назад нашло свой родной дом и с тех пор не знало проблем с помещением. Ее директор Л.П. Бердников (жаль, уже бывший), сам первоклассный краевед, всегда поддерживал работу подобных объединений. Дело не только в уютном библиотечном зале. Большую помощь мы получали от методистов библиотеки, которые оформляли наши выставки, предоставляли ценнейшие издания из библиотечных фондов, вместе с нами переживали о проблемах ИРО. В последние годы с обществом стала сотрудничать и краевая библиотека, предоставляя свои помещения для его занятий. И не только в Красноярске, но и во многих городах историко-родословные общества нашли приют не в музеях или архивах, а именно в библиотеках.

Конечная цель нашей работы – довести до каждого красноярца осознание того, что наша жизнь неотрывна от истории нашего рода и от истории Родины, и мы не должны быть «Иванами, не помнящими родства».

Список литературы

[1] Аференко В.А. Из XVII века в XXI-й: Красноярские родословные Тюменцевых, Еремеевых, Матониных. Формирование в XVII-XX вв. суперэтноса сибиряков-красноярцев, родовые корни жителей города к началу XXI века. Атаманово-Красноярск, Железногорск, 2004. 113 с.

[2] Бессонова Е.Ф. История морского рода старшего матроса корабля «Кореец» Федора Владимировича Бессонова. Красноярск, 2003. 60 с.

[3] Борисова А.П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в первой мировой войне 1914-1918 гг. Красноярск: Офсет, 2019. 607 с.

[4] Борисова А.П. Родословная Стукаловых. Красноярск, 2010. 288 с.

[5] Генеалогия в истории человека и общества: Материалы региональной научно-практической конференции. 26 ноября 2005 г. Ч. I. Красноярск, 2005. 99 с.

[6] Генеалогия в истории человека и общества: Материалы региональной научно-практической конференции. 26 ноября 2005 г. Ч. II. Красноярск, 2005. 68 с.

[7] Еремеева Л.С. Мой род в истории Отечества. Красноярск, 2010. 176 с.

[8] Еремеева Л.С. Подтесово – родной причал: История и современность. Красноярск, 2005. 511 с.

[9] Еремеева Л.С. Сказочные годы. Красноярск: Гротеск, 2000. 255 с.

[10] Зубкус Б.П. Моя семья в истории Красноярска, Сибири и России. Красноярск: Гротеск, 2002. 111 с.

[11] Красноярский родослов: Информационный бюллетень Красноярского краевого историко-родословного общества. Вып. 2. Красноярск, 2004. 165 с.

[12] Красноярский родослов: Сборник посвящен десятилетию Красноярского ИРО. Красноярск: БИНИАЛ, 2003. 104 с.

[13] Месяц С.А. Использование фондов библиотеки Г. В. Юдина в генеалогических поисках // IV Юдинские чтения / Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Красноярск, 2005.

[14] Месяц С.А. Красноярские имена и фамилии: Справочник. Красноярск, 2004. 160 с.

[15] Месяц С.А. Красноярский филиал Историко-родословного общества в Москве // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. М., 1994

[16] Месяц С.А. Хронология кремлевской власти // Электронная библиотека «Наука права». URL: https://www.naukaprava.ru/news/khronologiya_kremlevskoj_vlasti_personalnyj_sostav_vysshikh_organov_sssr_rsfsr_kpss_vlksm_profsoyuzov_1898_1993_gg

[17] Род Титовых (1884-2014 гг.) / Сост. Н.Г. Орехова. Красноярск, 2014. 137 с.

[18] Рукопожатие: Переселение как фактор укрепления российской государственности. Красноярск, 2006. 87 с.

УДК 93/94

Проблемы сохранения культурно-исторического наследия в национально-исследовательском ядерном университете «МИФИ»

Македонская Вера Александровна
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, начальник Культурно-исторического центра «Наше наследие», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва, Россия.
VAMakedonskaya@mephi.ru
https://orcid.org/0000-0002-0253-4407

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные формы развития гуманитарного образования в техническом университете, деятельность Культурно-исторического центра «Наше наследие» по организации просветительской, научно-исследовательской и инновационной работы со студентами, приобщение их к историческому прошлому страны и достижениям культуры. Анализируются новые формы работы с молодежью в условиях вызовов современности и необходимости сохранения традиционных ценностей в российском обществе

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА духовно-нравственное воспитание, культура, культурно-просветительская деятельность, Культурно-исторический центр «Наше наследие», патриотизм, межрелигиозные отношения, традиционные ценности, духовность.

Технологические вызовы начала XXI века требуют высокообразованных специалистов, инженеров, способных интегрировать традиционные производственные и информационные технологии. Компетентностный подход к образованию претендует на роль концептуальной основы образовательной политики. Современному обществу нужны конкурентоспособные, творческие, адаптированные личности, имеющие высокий профессиональный и общекультурный уровень, мотивированные к самообразованию в течение всей жизни. Важнейшей составляющей этого процесса является социально-гуманитарное знание. Социально-гуманитарная подготовка в техническом вузе призвана формировать научное мировоззрение, качество патриотизма и гражданственности, толерантности, социальные нормы поведения, а также совершенствовать общекультурный уровень.

В современных условиях в связи с проблемами воспитательного процесса среди студенческой молодежи возрастает потребность сохранения преемственности национальной духовной традиции. Одним из важных факторов возрождения России является сотрудничество государства и Русской Православной церкви.

В настоящее время требуется более фундаментальное изучение религиозного опыта во всех его проявлениях: и в историческом плане, и относительно жизни современного общества и культуры. Это необходимо для выхода России из духовного кризиса, в котором она очутилась.

Проблема подготовки будущих специалистов исключительно ответственна. Она касается всего российского общества. Имеются примеры доброго, уважительного сотрудничества Церкви и вузовского сообщества. Это кафедры теологии в вузах, домовые университетские храмы, междисциплинарные центры, студенческие добровольческие инициативы. Все эти начинания следует развивать и поддерживать.

Сегодня мы часто говорим о духовно-нравственном возрождении нашего общества. Одним из важных факторов возрождения России является сотрудничество государства и Русской Православной церкви. Чтобы актуализировать это единство цели, необходим свободный и ответственный диалог. Необоснованно противопоставление науки и религии, разума и веры.

Комплексная задача формирования личности выпускника НИЯУ МИФИ решается принципиальной новой подачей содержания и преподаванием социально-гуманитарных дисциплин, программой духовно-нравственного просвещения, организацией системной воспитательной и культурно-массовой работой в НИЯУ МИФИ и состоит в обеспечении подготовки востребованного профессионала в сфере фундаментальных и инженерно-технических наук как личности с ценностным мировоззрением и активной осознанной социальной позицией.

Следует отметить, что главными характеристиками выпускника высшего учебного заведения являются его общая и профессиональная компетентность, а также способность к саморазвитию. Это выдвигает новые требования к методике проведения лекций и практических занятий по гуманитарным дисциплинам, к организации самостоятельной работы студентов, методике проведения текущего, рубежного и итогового контроля знаний. В конечном счете, ставится вопрос об эффективности управления учебной деятельностью студентов.

Миссия университета состоит в подготовке всесторонне развитой личности, для этого необходима определенная среда, воспитывающая студентов. Это должна быть атмосфера, в которой будут гармонично сочетаться высокие технологии передачи знаний и высокая нравственность, культура, духовность, гражданственность.

В настоящее время требуется более фундаментальное изучение религиозного опыта во всех его проявлениях: и в историческом плане, и относительно жизни современного общества и культуры. Это необходимо для выхода России из духовного кризиса, в котором она очутилась.

Преподавание теологии в государственном образовательном учреждении зависит от исторических традиций. Россия, как бы мы к этому не относились – страна с богатейшей православной традицией. Именно православие было тем стержнем, вкруг которого строилось многое в нашей жизни. Сегодня весь ученый мир изучает научное наследие представителей русской православной богословской науки. В цивилизованных странах существует большое количество государственных и конфессиональных институтов, специализирующихся по христианской культуре, истории церкви, имеются знаменитые библиотеки, архивы, огромная христианская энциклопедическая литература. Ведь именно учения церкви в значительной степени определяли ход истории, формировали духовный облик народов, тип государственности [2, с. 564-573].

Теология как компонента социально-гуманитарного образования содержит ядро абсолютных ценностей, отказ от которых ведет к ослаблению критического мышления, утрате исторической памяти, нравственной и интеллектуальной деградации человека.

Инновационный подход в техническом вузе состоит во включении теологической компоненты в процесс образования и воспитания: Теологическая составляющая в предметах социально-гуманитарного цикла подход раскрывает имеющую универсальный характер христианскую идею образования, представляет просвещение, обучение, воспитание как единый путь интеллектуального и духовного развития человека, а теологию – как мощный ресурс проектирования новой образовательной парадигмы для стремительно меняющегося мира.

Теология имеет не только научно-историческое, но и мировоззренческое нравственно-воспитательное значение, минимизирует риски воздействия различных нетрадиционных религиозных движений, деструктивных культов, опасных для государства.

Теология предполагает подготовку к следующим видам профессиональной деятельности:

– научно-исследовательская;

– учебно-воспитательная и просветительская;

– социально-практическая;

– консультативная и организационно-управленческая

Студент должен иметь базовые знания в области социально-гуманитарных наук, в том числе обладать способностью критически переосмыслить накопленный опыт.

Никакие законы Российской Федерации сегодня не препятствуют заниматься христианской наукой и не ограничивают областей научного знания. Более того, даже только «светский» характер образования, допускаемый законом, вполне позволяет уже сейчас широко преподавать «Основы православной культуры» и «Историю религий».

Знание о христианской традиции, о религиозном способе мышления необходимо для полноценного приобщения к культуре вообще, к европейскому культурному наследию.

История остается одним из базовых, обязательных для изучения предметов, так как именно она способствует формированию ряда общекультурных компетенций, которыми должны обладать студенты, получающие диплом бакалавра.

Сложности в преподавании истории обусловлены тем, что для большинства студентов сегодня характерны неудовлетворительные базовые знания по истории (незнание событий, фактов, персоналий и т.д.).

В свою очередь, содержание стандарта высшего профессионального образования по истории изменилось, так как произошел переход от изучения отечественной истории к истории всемирной.

Таким образом, соотношение возросшего содержания дисциплины с выделяемым учебным временем ставит задачу пересмотра сложившейся системы изучения истории в вузе.

В основе учебно-методического комплекса (УМК) лежит системный подход, который рассматривает как единое для всего человечества, так и особенное в общественных процессах, формирует целостное видение истории, отражает смену форм социальных отношений, закономерности перехода традиционного общества к индустриальному, затем - к информационному, акцентируя внимание на проблеме цивилизационной идентичности России. В зависимости от распределения учебной нагрузки каждого конкретного направления лектор варьирует тематику лекций, семинарских занятий и заданий для самостоятельной работы.

На наш взгляд, наиболее эффективными в подобных условиях являются следующие методы обучения: проблемные лекции и семинары-дискуссии. Поскольку событийную историю студенты изучали в школьном курсе, акцент делается на последовательном анализе исторического процесса. Сегодня наиболее адекватном решением проблемы эффективного обучения представляется электронное обучение. Данная система позволяет преподавателю выкладывать основной и дополнительный материал (в том числе, презентации, видеоматериалы) на учебный портал для самостоятельного изучения студентами, проводить промежуточные и итоговые тестирования, а также принимать дополнительные задания.

Проектно-исследовательская деятельность студентов также является фактором совершенствования учебного процесса, углубления понимания и формирования целостного видения истории. В НИЯУ МИФИ студенты технических направлений активно включаются в деятельность Культурно-исторического центра «Наше наследие» [3, с. 3]. Основной целью деятельности центра является активизация и популяризация научно-исследовательской работы, участие в научно-практических конференциях, семинарах и круглых столах. Студенты - бакалавры обучаются навыком написания научно-исследовательских работ, вырабатывают умения аргументировано излагать и отстаивать собственное мнение, знакомиться с новейшими достижениями в области истории и историографии. Лучшее научно-исследовательские и творческие работы студентов направляются на межвузовские конференции, конкурсы (например, участие во Всероссийском конкурсе работ «Моя страна - моя Россия», московская научно-практическая конференция «Студенческая наука»). Процесс перехода системы вузовского

исторического образования в условиях стандартов третьего поколения идет непросто. Существуют сложности с адаптацией лекционного курса к изменившимся учебным планам.

В информационном пространстве учебник истории в его традиционной форме может и должен сохранять свою образовательную миссию. Тем не менее, роль учебника приобретает новые черты и особенности. Учебник должен не только давать информацию и предлагать интерпретации, но и побуждать студентов самостоятельно рассуждать, анализировать исторические тексты, делать выводы и т.д. Современный учебник должен стимулировать студентов к получению исторических знаний из других источников, а преподаватель – способствовать овладению студентами исследовательскими приемами, развитию их критического мышления обучая анализу текстов способом поиска и отбора информации, сопоставлению разных точек зрения, фактов и их интерпретаций. Необходимы рекомендации для работы с Интернет-ресурсами, поэтому новый учебно-методический комплекс должен служить «навигатором» в стремительно растущем информационном пространстве.

Тенденция повышенного внимания к вопросам развития общего исторического образования имеет общемировой характер и обусловлена, в первую очередь, функциями исторического образования, связанными с формированием национально-гражданской идентичности молодежи, ролью исторического образования в формировании исторической памяти. Осмысление взаимосвязи политики, коллективной исторической памяти и содержания исторического образования является актуальной проблемой.

Современный подход в преподавании истории предполагает единство знаний, ценностных отношений и познавательной деятельности студентов. Курс истории обладает особым потенциалом для достижения важнейших педагогических результатов, речь идет об образовательных и воспитательных приоритетах.

Политический процесс оказывает влияние на переосмысление методологической основы истории как учебной дисциплины. До настоящего времени продолжаются дискуссии о том, какие приоритеты наиболее значимы для исторического образования. Предлагаются два концептуальных ценностно-целевых подхода.

Первый – сфокусировать систему образования на методах исторического исследования, на приобретении навыков работы с источниками и на формировании критического мышления. Этот подход в определенной степени применяется в отечественной высшей школе. Этот подход мы называем академическим, научно-историческим, с элементами развивающего обучения.

Второй подход – рассматривать исторические события с точки зрения их ценности для формирования образа России формирования национально-гражданской идентичности обучающихся. Этот подход условно можно назвать идейно-политическим, историко-воспитательным, историко-педагогическим.

Анализ опыта развития исторического образования в России и мире позволяет нам сделать вывод, что перспективной стратегией развития исторического образования в России будет сочетание двух названных ценностно-целевых подходов [5, с. 81-89].

В качестве перспективной модели общества каждый вуз призван воспроизводить в своем устройстве и положениях гуманистические принципы правового общества, культивировать свободу мнений и уважение человеческого достоинства, формировать гуманистически ориентированное научное мировоззрение.

Для достижения этих целей современное образование должно трансформироваться в направлении решения следующих задач: выполнять помимо традиционной обучающей роли духовную, гуманистическую и просветительскую миссию, формируя ответственных и самостоятельных личностей; способствовать распространению современных технологий и знаний.

К сожалению, нынешнее поколение молодежи, не зная истории, не испытав

воздействия православных традиций, часто не осознает и не ощущает себя частью своего народа и своей великой страны. Поэтому перед историческим сообществом России стоит задача воспитать новое поколение творческой научно-технической интеллигенции, осознающее цивилизационную самобытность России, гордящееся ею и готовое посвятить свою жизнь обеспечению технологического суверенитета России [4, с. 195].

Создание в техническом вузе гуманитарной среды – это важное условие повышения качества подготовки специалистов. Гуманитарная образовательная среда – это сочетание учебного процесса по гуманитарным наукам и вспомогательные средства: культурные, научные и массовые воспитательные мероприятия. В образовательном процессе в техническом вузе активно внедряются гуманитарные технологии. Это и обучение в сотрудничестве, и разноуровневое обучение, и метод проектов и проблематизации, а также игровое проектирование и др. Можно предположить модель конкурентоспособного специалиста, который включает мировоззренческий, профессиональный, личностный, социальный блок и блок творческих качеств личности.

Вузы в большой степени сейчас выполняют социальные функции. И в этих условиях мы должны готовить инженерные кадры для трансформирующейся России, помогать студенческой молодежи формировать систему ценностей, жизненные планы.

Гуманитарные кафедры технических вузов перешли на ФГОСы третьего поколения, отвечающие задачам многоуровневой системы подготовки специалистов, достижения нового качества гуманитарного образования. Процесс этот сложный и противоречивый, так как отраслевые УМО по-разному представляют роль социально-гуманитарных наук в подготовке инженерных кадров, да и сами продолжают дискутировать по вопросам компетентностного подхода и путей его реализации [1, с. 77].

Сегодня речь идёт о необходимости формирования новой системы образования, которая должна соответствовать современной социально-экономической реальности. В нашей стране на протяжении двух десятилетий вместе с трансформацией всего общества происходит и трансформация высшей школы, прошедшая несколько стадий от реформирования 1990-х годов через процесс модернизации рубежа веков к современным инновационным особенностям. Цель этих трансформаций – сформировать систему образования нового уровня, которая должна помочь России ответить на вызовы, стоящие перед ней в социальной и экономических сферах, обеспечить национальную безопасность, укрепить государственные институты власти, способствовать их адаптации к глобальным информационным социокультурным процессам.

Знание становится всё более важным для создания конкурентоспособной экономики, производства и улучшения качества жизни, но одного знания оказывается недостаточно. Важнейшей составляющей процветания современно общества всё чаще выступает инновационность, которая интегрирует в себе не только высокий уровень знаний, но и способность креативно решать проблемы.

Воспитательное пространство каждого учебного заведения является уникальным, при его создании и развитии используются педагогический опыт, традиции и инновации, соединяются прошлое и будущее учебного заведения, его история, традиции и перспективы. По своей сути воспитательное пространство высшего учебного заведения является авторским. При создании авторских систем воспитания особое значение уделяется микроклимату учебного заведения, как элементу воспитательного пространства. К.Д. Ушинский, говоря о фактах воспитания, утверждал: «Многое, конечно, значит дух заведения; но этот дух живет не в стенах, не на бумаге, но в характере большинства воспитателей и оттуда уже переходит в характер воспитанников» [4, с. 76]

В настоящее время реформирование гуманитарного образования в технической

школе России осуществляется по следующим направлениям:

1. определение места каждой из гуманитарных и социально-экономических дисциплин в инженерном образовании;

2. профессиональная ориентация гуманитарного образования;

3. совершенствование методологии и методики преподавания гуманитарных и социально-экономических наук, активизация воспитательной работы.

Таким образом, образование в настоящее время впервые рассматривается как движущая сила, способная существенно изменить не только его субъектов, но и современное общество в целом. Молодые кадры наукоемких отраслей инновационной России – это именно тот авангард, который способен вывести отечественную экономику на новые рубежи, создать все необходимые условия для процветания нашей страны.

Миссия России в XXI веке – подать миру пример солидарного общества, в котором многие народы и религии могут сосуществовать бесконфликтно.

Только такое общество способно сдержать «управляемый хаос» озлобленной и разрушенной в результате серии «антитеррористических акций» периферии экономически развитого мира, и непомерные амбиции сверхдержав, потерявших чувство меры в своем неуемном стремлении к глобальному доминированию при абсолютной уверенности в собственной непогрешимости. Кроме России, другой, способной на такой сдерживающий порыв, силы в современном мире нет.

Список литературы

[1] Год российской истории в технических вузах страны / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 13-15 ноября 2012 г. // Под общей редакцией В.С. Порохни. М.: МАИ, 2012. 154 с.

[2] Македонская В.А. Духовно-нравственное воспитание студентов в Национальном исследовательском ядерном университете "МИФИ" // Теология и образование 2018. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации., М.: Издательский дом "Познание", 2018- 628 с., 2018 г. Вып. 1.

[3] Македонская В.А. Духовно-нравственное воспитание студентов в техническом университете (на примере деятельности культурно-исторического центра "Наше наследие" Национального исследовательского ядерного университета "МИФИ") // Теология традиционных религий в научно-образовательном пространстве современной России. Сборник материалов международной конференции. Казань: Издательство "Бриг", 2020. 192 с., 2020 г.

[4] Македонская В.А. Организация социально-культурной деятельности в НИЯУ МИФИ // Философия в системе "НТПО": наука, технология, производство, образование, Казань, Изд-во КНИТУ, 2020, 217 с. +9 с., 2020 г. Т. 1, Вып. 1.

[5] Материалы Второй Всероссийской научно-методической конференции, Москва 2-3 декабря 2010 г. // Современные образовательные технологии и их использование в системе гуманитарной подготовки инженеров. М.: МГТУ им. Н.Э.Баумана, 2010. 487 с.

УДК 378.1

Цифровые технологии в образовании (на примере преподавания дисциплины «История»)

Прищепа Александр Сергеевич
Доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры кафедра истории России, г. Сургут, Россия
a.prischepa@list.ru
https://orcid.org/0000-0001-7063-8067

АННОТАЦИЯ В настоящее время, когда речь заходит о понятии «революция», то большинство исследователей и обывателей обращают внимание на факт совершения кардинальных, быстрых качественных изменений и преобразований. Прежде всего эти действия могут иметь отношение с точки зрения рассмотрения совершения событий в какой-то определённой области, а иногда и к появлению новых элементов или явлений, не существовавших ранее в природе. Вследствие этого в мире начиная с XX в. стали происходить события, которые побудили к действиям, связанным с вынужденной трансформацией социальных и экономических изменений, а система подготовки кадров высшей квалификации в наши дни подвержена таким преобразованиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА цифровые технологии, цифровизация, история, трансформация, образование, социальная среда.

Сегодня социальная среда быстро трансформируется и адаптируется под новые задачи, а соответственно и динамичными должными остальные сферы человеческой деятельности. Не секрет, что в настоящей действительности на высшем государственном уровне стоят задачи, которые необходимо решать, начиная с изменений в образовательном процессе. В высших учебных заведениях меняется отношение к преподаваемым дисциплинам. Предмет «история» в данном отношении не исключение.

Стоит отметить, что на сегодняшний день имеется большое количество научных публикаций, посвященных применению и использованию цифровых технологий в образовании. Например, работа «Цифровые технологии на уроках истории», М.Ю. Ефремовой [1]. Автор сконцентрировался на изучении и рассмотрении подходов к информационной коммуникации, передаваемой через аудио и видео визуализацию исторических источников опираясь на широкое применение информационно-компьютерных технологий (ИКТ). Следующая статья, которая заслужила внимание, «Использование инновационных технологий на уроках истории» М.А. Расуловой [4, с. 14-16]. В научной публикации Мафтуна Абдували кизи рассмотрела важность использования ИКТ на уроках истории. Дополнительно она раскрыла и объяснила почему необходимо использовать интерактивные методы при изучении дисциплины, а также дополнила имеющиеся технологии, своими с точки зрения расширения информации по изучаемому материалу.

Отдельно стоит выделить работу Е.А. Широкова «Использование цифровой трансформации в преподавании истории и обществознания», который не остановился на предмете история, но и расширил, включив обществознание. Также необходимо сказать, что автор постарался рассмотреть начавшийся ранее процесс трансформации в использовании и применении ИКТ в научной среде, а именно об использовании цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе, в аспекте актуализации умственной деятельности учащихся и модернизации средств обучения [5, с. 49-52].

В результате выше сказанного, автор настоящей публикации ставит перед собой цель, продемонстрировать комплекс цифровых технологий, которые можно использовать при изучении дисциплины «История».

Актуальность данной проблематики не вызывает сомнений, т.к. в настоящее время

образовательная среда находится на особом контроле со стороны правительственных органов власти.

Одним из главных элементов современной системы образования является широкое внедрение и применение ИКТ. Не секрет, что информатизация и компьютеризация служит главным источником получения информации у студентов. В связи с этим задача преподавателя, постараться не только проводить «сухие» лекции и практические занятия, которые могут быть не интересны с позиции подачи материала, а для этого необходимо совершенствовать применяемые инструменты. В данном случае примером могут выступать применение мультимедийных интерактивных презентаций, включающих наборы слайдов, содержащих данные о разных временных процессах, с использованием анимационных эффектов для активизации всех видов памяти. Вторым вспомогательным элементом выступают видео лекции. При этом занятия проходят более динамично, интересно и убедительно с точки зрения подачи информации не вызывает сомнений. Следует подчеркнуть, что при использовании видео контента, сами обучающиеся смогут подготовить небольшой видеоролик о своей семье или родственниках, принимавших участие в Великой Отечественной войне.

Широкое распространение цифровых технологий, включая технологию передачи и обработки информации, позволили применять такие виды образовательных маршрутов как технологии виртуальной и дополненной реальности [3, с. 146-150].

Для расширения знаний и формировании представлений об исторических экспонатах и артефактах, можно использовать так называемые виртуальные туры (прогулки) по музеям. Например, Музей космонавтики, Московский политехнический музей и многие другие площадки активно используют подобные практики. Необходимо отметить, что с помощью современных программ можно моделировать и проводить цифровые эксперименты, с так называемой дополненной или смешанной реальностью (речь идет об имитации создания объектов, наложение фото и видео материалов, оцифровка – А.П.). Это поможет студентам прикоснуться к реальной, прошлой истории, не выходя из академических рамок, а благодаря онлайн-выставкам можно ознакомиться с предмета быта в выбранный хронологический промежуток времени. Данный тип визуализации будет полезен на стадии подачи документов в учебное заведение, если абитуриент еще не определился или сомневается с выбором образовательного учреждения, совершив виртуальную прогулку по аудиториям предполагаемого учебного заведения.

Представленные выше инструменты профессионалами могут рассматриваться как некий элемент развлекательного контента, но это далеко не всегда так. Благодаря умелым действиям научно-педагогического состава, наглядность, иллюстративность, поможет студентам пробудить интерес к предмету история, приблизить прошлое и понять настоящее. При этом обучающиеся будут находиться в состоянии психологического комфорта, т.к. визуализация для них в настоящее время более приемлема.

Дополнительно хотелось бы остановиться на онлайновых сервисах, помогающих оценить вклад каждого члена учебной группы. Преподаватель может использовать не только индивидуальный вид заданий, но и применять групповые формы контроля. Например, выполнение проектов в команде с помощью доски Trello, Asana и Yandex Tracker. Данные инструменты могут быть использованы для совместной работы, внося обучающимися изменения онлайн, а преподавателю это поможет в определении вклада и оценке каждого студента при выполнении группового задания.

При этом не стоит забывать, что в настоящее время для всех пользователей сети интернет доступна цифровая система оценивания для проведения зачетов и экзаменов. В данный момент на рынке цифровых услуг можно встретить продукты таких компаний как Mercer Mettl и Littlemore Innovation. Благодаря их решениям преподаватели и студенты

смогут в любое удобное время встретиться и поучаствовать в онлайн консультации, накануне экзамена, а в дальнейшем и провести сам цифровой экзамен с использованием искусственного интеллекта и машинного обучения. Представленный вид формата обучения очень удобен для определения индивидуального вклада в режиме онлайн-оценивания. Отдельно необходимо сказать об успешной отечественной разработке сотрудниками Центра EDCrunch University НИТУ «МИСИС» в сфере автоматизации процессов связанных с оценкой знаний, обучающихся [2]. Речь идет о применении производного искусственного интеллекта в высшей школе для определения степени успеваемости студентов, активности и инициативности на лекционных и практических занятиях, включая участие в жизни вуза. Все показатели будут учитываться и накапливаться в единую базу данных, а каждый сотрудник образовательного учреждения сможет ознакомиться с индивидуальными показателями студентов.

Заключение

Стоит отметить, что в данной публикации рассмотрены не все цифровые технологии, а представленные в работе проекты могут быть спорными, дискуссионными и не совсем удачными с точки зрения реализации. Но через несколько десятилетий обозначенные цифровые инструменты станут привычными, понятными и доступными для каждого члена общества.

Список литературы

[1] Ефремова М.Ю. Цифровые технологии на уроках истории

[2] Искусственный интеллект внедрят в российские вузы для контроля за успеваемостью студентов // Хабр. URL: https://habr.com/ru/news/t/463339/ (дата обращения: 03.06.2022).

[3] Китайгородский, М. Д. Сквозные цифровые технологии - от индустрии к образованию / М. Д. Китайгородский // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2021. № 2. С. 146-150. DOI 10.24412/2308-717X-2021-2-146-150.

[4] Расулова, М.А. к. Использование инновационных технологий на уроках истории / М.А. к. Расулова // Достижения науки и образования. 2019. № 4(45). С. 14-16.

[5] Широков, Е.А. Использование информационных технологий в преподавании истории и обществознания / Е.А. Широков. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 6.3 (65.3). С. 49-52. URL: https://moluch.ru/archive/65/10926/ (дата обращения: 04.06.2022).

УДК 303.01

Методология изучения миграционных процессов в XX-XXI веках (на примере Челябинской области)

Сибиряков Игорь Вячеславович
Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.
sibirjkovig1@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0984-4333

АННОТАЦИЯ В статье проанализированы некоторые факторы, которые вызвали в научном сообществе дискуссию об эффективности той методологической модели, что использовалась для изучения миграционных процессов в СССР; отмечены серьезные проблемы в изучении феномена миграции на локальном (региональном) уровне, которые обострились после распада Советского Союза в условиях заметного роста интенсивности миграционных потоков на всем постсоветском пространстве, а так же основные направления модернизации так называемых частнонаучных методов исследования феномена миграции, которые уже зафиксированы, как на уровне региональных, так и общероссийских исследований. В статье кратко охарактеризованы первые результаты, полученные в ходе реализации проекта «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)», в котором участвуют преподаватели и сотрудники Южно-Уральского государственного университета, сделан вывод о том, что часть результатов этого проекта подтверждают возможность и эффективность использования новых методов исследования при изучении феномена миграции на локальном уровне (метод визуализации данных, метод интернет-коммуникации, метод кросс-темпорального анализа различных данных). Ставится вопрос о необходимости проверки эффективности таких методов при проведении исследований на общероссийском материале.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА миграция, междисциплинарный подход, методология, рубеж веков, цифровые технологии

Миграционный фактор в силу различных объективных и субъективных причин оказал заметное влияние на процесс создания Челябинской области, ее становление и развитие в XX веке. Миграционные потоки разной степени интенсивности и направленности воздействовали на экономическое, социальное, культурное развитие региона на протяжении почти целого столетия. В начале XXI в. уже после распада СССР последствия такого воздействия стали намного более очевидными и для управленческих структур, и для различных групп населения. Это заметно обострило интерес к миграционной проблематике, как со стороны государства, так и со стороны общества, что в свою очередь усилило внимание к миграционным проблемам в среде профессиональных ученых, деятелей культуры, журналистов. При этом повышенное внимание ученных вызвала международная миграция, различные алгоритмы изучения которой были разработаны и успешно апробированы многими зарубежными исследователями еще в XX в. [1]. Не случайно в короткий срок в отечественной гуманитаристике стало формироваться целое научное направление, представители которого исследовали именно межгосударственную миграцию населения постсоветской России [10]. Однако помимо этой миграции после распада СССР возникли «новые» и активизировались «старые» мощные внутригосударственные миграционные потоки на территории Российской Федерации, (что прекрасно показано в работах Ж.А. Зайончковской и ее учеников) [6]. При этом в приграничных районах России, к которым относится и Челябинская область, произошло совмещение внешней и внутренней миграции, что создало много дополнительных социально-экономических проблем.

Не случайно, в первую очередь миграционные сюжеты, связанные с Челябинской областью, заинтересовали местных социологов, экономистов, культурологов. Но вскоре к ним подключились и историки, уже давно обнаружившие заметное влияние миграционного фактора на развитие Южного Урала не только в эпохи модерна и постмодерна, но и в более отдаленные исторические периоды. Примечательно, что в

ситуации стремительно растущего научного интереса к проблемам миграции, остро встал вопрос об эффективной методологии изучения этих проблем. Его особая острота, на наш взгляд, была связана со следующими обстоятельствами:

Во-первых, ослабление эффективности старой «советской» модели исследования миграционных процессов, когда изучение этих процессов осуществлялось в первую очередь на т.н. «макроуровне», через призму крупных социальных групп, на основе данных представленных государственными органами [5]. Марксистская концепция развития социума, которая декларировалась в советской науке, как базовая и долгое время единственно возможная, не позволяла активно использовать иные исследовательские модели даже, если они на локальном уровне позволяли получать интересные научные результаты. К тому же «советская» миграция, исследовалась в определенном политическом и историческом контексте, который очень часто предопределял итоговые результаты исследования уже в самом его начале.

Распад СССР привел к гибели или к серьезной трансформации многих научных институтов, в рамках которых осуществлялось изучение миграционных сюжетов в советское время, а интенсивные научные контакты между российскими и зарубежными учеными-гуманитариями создали ситуацию сосуществования в стране различных научных школ, построенных на совершенно разных методологических основах. Не случайно часть ученых в конце XX в. «заговорила» об острейшем методологическом кризисе гуманитарного знания, а часть об удивительной с исторической точки зрения возможности нового «методологического прорыва» [8]. Одним из направлений такого «прорыва» был провозглашен междисциплинарный подход, на который возлагали особые надежды не только социологи, но и экономисты, демографы, историки, в том числе и те, кто занимался историей миграции.

Во-вторых, для специалистов, изучавших миграционные потоки на рубеже веков, стали очевидны реальные изменения, происходившие при формировании источниковой базы исследования. Так, например, для историков стали более доступны материалы социологических исследований, которые проводились по миграционной проблематике теперь уже не только государственными структурами, но и так называемыми общественными, независимыми фондами и т.д. Эти исследования изменились не только формально, но и содержательно. В тех случаях, когда речь шла о международной миграции, ученые получили возможность для работы со средствами массовой информации, представлявшими для своих зрителей и читателей уже другой, постсоветский контент. Впервые постсоветские историки, а не только социологи, этнографы или антропологи получили возможность использовать в своих исследованиях «глубинные» интервью с непосредственными участниками миграционных процессов. Обновленная источниковая база для изучения миграционных процессов требовала не только модернизации исследовательского инструментария ученых, но и всей методологической конструкции в целом.

В-третьих, серьезным потрясением для отечественной гуманитаристики стало стремительное проникновение в эту область научного знания в начале XXI в. цифровых технологий, которые первоначально воспринимались многими лишь как механизм сохранения и передачи информации, но постепенно превратились в важнейший фактор трансформации всего научного сообщества, придав этому процессу глобальный и ускоренный характер. При этом для части специалистов, которые занимались проблемами внутренней миграции (а именно она была долгое время главным видом миграции на территории Челябинской области, как впрочем и в других регионах страны), стало очевидно, что исследовательские модели, которые широко применялись зарубежными специалистами для изучения международной и межгосударственной миграции работают при изучении внутренней миграции лишь частично.

Все это поставило в повестку дня вопрос о необходимости методологического

обновления всей программы исследований по миграционной проблематике, которое уже началось и во многом происходит в рамках общего методологического обновления отечественной гуманитаристики. Наиболее серьезные изменения, фиксируются в том разделе методологии исследований по миграционной проблематике, который включает в себя частнонаучные методы.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на две тенденции уже проявившиеся в этом направлении, и, возможно, определяющие стратегический вектор развития миграционных исследований в ближайшим будущем.

С одной стороны, речь идет о практической реализации того, что много лет декларировалось, как междисциплинарный подход к изучению феномена миграции. Этот подход может быть наиболее эффективно реализован в случае создания таких научных коллективов, где будут представлены ученые, которые специализируются в различных научных направлениях: антропология, демография, история, социология, демография, экономика и т.д. Дело в том, что современный уровень развития научного знания не позволяет большинству ученых одинаково хорошо овладеть специальными методами научного исследования даже в двух-трех научных областях. Однако создание такого научного коллектива требует высокого уровня научного взаимодействия внутри сообщества, без которого получение серьезных результатов представляется маловероятным. Это, например, показал опыт научного коллектива, созданного в Южно-Уральском государственном университете в рамках реализации проекта «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)». Естественно, что такие коллективы не могут быть созданы в рамках реализации только одного проекта и на короткий исторический срок.

С другой стороны, совершенно очевидно, что все участники такового научного коллектива должны на достаточно близком уровне владеть, т.н. новыми информационными или цифровыми технологиями, которые теперь в начале XXI века во многом и определяют методологическую специфику локальных (и не только локальных) исследований миграционных процессов. Наиболее интересные результаты в плане применения цифровых технологий на методологическом уровне добились: антропологи, этнографы, лингвисты. Им удалось приступить к реальному изучению цифрового пространства, которое является теперь важнейшей сферой развития многих процессов, напрямую связанных с различными типами миграций. Они сделали очень важные первые шаги к выработке особого инструментария для анализа этих процессов, придав им не столько источниковедческий, сколько методологический характер. Например, цифровые антропологи, работающие в первую очередь над сюжетами, связанными с городским пространством, где в начале XXI в. проходят очень важные миграционные потоки, доказали эффективность концепции «цифровых следов».

Для изучения этих следов, активно использовались и используются самые разные методы (описательная и индуктивная статистика, глубинный анализ данных, машинное обучение, моделирование, анализ социальных сетей, сетевой анализ и анализ сложных динамических систем и т.д.), совокупность которых Л.З. Манович удачно назвал «культурной аналитикой» (Cultural Analytics) [9]. Одними из главных в этом наборе методов являются методы визуализации различных данных. Примечательно, что признавая, ключевое значение этих методов для изучения глобальной цифровой культуры (в первую очередь из-за е масштабов), Л.З. Манович подчеркивал, что эти методы «могут применяться и для анализа исторических культурных артефактов и источников…» [9]. Именно универсальность сфер применения методов визуализации различных данных в условиях, когда миграционные процессы оставляют все более заметные виртуальные и не виртуальные «следы», стала одной из главных причин

выбора этих методов, в качестве базовых челябинскими археологами при анализе миграционных потоков, проходивших через территорию Южного Урала в глубокой древности. Используя эти методы, профессор А.В. Епимахов и его коллеги, сумели осуществить мультидисциплинарные археологические исследования, посвященные миграциям и мобильности населения в эпоху бронзового века на Южном Урале [7].

Универсальный характер и высокая степень научной эффективности методов визуализации различных данных позволяет отнести эти методы к группе наиболее перспективных методов, использование которых становится крайне важным при изучении миграционных процессов в начале XXI в.

В рамках той же концепции «цифровых следов» в последнее время реализуются несколько очень интересных проектов специалистами в области киберэтнографии [3]. Обращает на себя внимание сочетание в этих проектах традиционных полевых исследований, с их традиционными этнографическими методами (включенное наблюдение и интервьюирование) с находящимися в стадии пилотной апробации приемами киберэтнографии, к которым С.Ю. Белоруссова и А.В. Головнев отнесли «интернет-коммуникации, тесты, анкетирование, контент-анализ сетевого дискурса» необходимые для сопоставительного исследования реальных и виртуальных проявлений этничности [4, с. 37]. Если воспринимать метод интернет-коммуникации не только с технологической точки зрения (как один из инструментов сбора необходимой исследователю информации), но и как способ работы с этой информацией, то следует признать его эффективность для изучения миграционных процессов на территории Челябинской области, что и доказал А.А. Авдашкин, изучавший некоторые особенности кыргизской кибердиаспоры.

Первый опыт, накопленный отечественными историками по работе с базами данных, был использован участниками проекта «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)», для изучения процессов интеллектуальной миграции в регионе в конце XIX в начале XX веков (для этого И.В. Сибиряковым были созданы две базы данных под условными названиями «Врачи города Челябинска XIX – начала XX вв.» и «Учителя города Челябинска XIX - начала XX вв.). Эти базы данных позволили не только провести систематизацию персональных данных представителей интеллектуальной элиты, проживавших в Челябинске на рубеже веков, но и предпринять попытку кросс-темпорального анализа этих данных [11, с. 213-216]. На наш взгляд, именно кросс-темпоральный анализ позволяет зафиксировать важные тенденции в возникновении миграционных потоков начала XX в. Примечательно высокий исследовательский потенциал метода кросс-темпорального анализа при изучении феномена миграции продемонстрировали исследования Н.А. Антипина, при активном участии которого в Объединенном государственном архиве Челябинской области была создана база данных «Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны» [2, с. 244-258].

При этом первые результаты, полученные при реализации проекта «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)» позволяют согласится с предположением высказанным С.В. Соколовским «…не всякое использование цифровых технологий автоматически подразумевает появление особого «цифрового» качества такой методологии…». На наш взгляд, он абсолютно прав, когда утверждает, что «метод становится цифровым лишь тогда, когда «цифра» превращается в действительного посредника, т.е. влияет на сущностную сторону этой методологии и сказывается на анализе полученных результатов» [12, с.202].

Заключение.

Таким образом, опыт работы участников проекта «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)» позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, процесс модернизации методологических конструкций, которые используются при изучении миграционных процессов в истории нашей страны, заметно ускорился в последнее время, что связано с целым комплексом объективных причин.

Во-вторых, этот процесс не означает обязательного полного уничтожения прежних исследовательских практик и создания совершенно новых методов изучения феномена миграции. Напротив, на сегодняшний день речь должна идти о корректном совмещении традиционных методов, которые использовались в гуманитарных науках предшествующего столетия, с теми, что возникли сравнительно недавно, сформировались и были апробированы в других сегментах научного знания на разных этапах его существования.

В-третьих, к числу наиболее перспективных новых методов изучения истории миграционных процессов на локальном уровне можно отнести: методы визуализации различных данных, метод интернет-коммуникации, метод кросс-темпорального анализа разнообразных данных.

В-четвертых, возможность эффективного использования таких методов для проведения исследования миграционных процессов на общероссийском уровне требует дальнейшего теоретического осмысления и практической апробации.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Государственного задания № FENU-2020-0021 (2020070ГЗ)

Список литературы

[1] Адедиран А. М. Ключевые вехи становления современной теории миграции в работах западных ученых XX в. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. №1. С. 30-41; Замараева Ю. С. Историографический обзор подходов и концепций по проблеме миграции в зарубежных и российских исследованиях XX века. URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/1680 (дата обращения: 08.06.2022).

[2] Антипин Н.А. Эвакуация населения в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны: социально-демографическая характеристика вынужденной миграции // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. С. 244-258

[3] Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб: МАЭ РАН, 2021. 280 с.; Киссер Т.С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. №2. С. 64-84; Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Том 6. № 7. С. 22-43. и др.

[4] Головнев А. В., Белоруссова С. Ю. Виртуальная этничность – новация на фоне традиций? // Сибирские исторические исследования. 2019. №2. С. 36-40.

[5] Долгов А. А. Основные направления и этапы исследования миграции населения в отечественной науке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. №2. С. 29-35; Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // СОЦИС. 1978. № 1. С. 56-66; Корель Л. В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982. 190 с.; Моисеенко В. М. Территориальное движение населения: Характеристика и проблемы управления. М.: Мысль, 1985.120 с. и др.

[6] Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в ссср в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 1999. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-migratsiya-v-rossii-i-v-sssr-v-xx-veke-kak-otrazhenie-sotsialnoy-modernizatsii (дата обращения: 09.06.2022); Зайончковская Ж.А. Миграция населения в СССР и России в XX веке; эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. №. С. 3-15 и др.

[7] Епимахов А. В. Мультидисциплинарные археологические исследования в изучении миграций и мобильности (бронзовый век Южного Урала) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 3 (73). С. 5-17 и др.

[8] Кирсанова Е. С. Современные методологические поиски в исторической науке и исторический опыт национальных историографий // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2009. №2 (6). С. 60-62 и др.

[9] Манович Л. Что такое культурная аналитика? URL: https://shagi.ranepa.ru/files/shagi17_2/shagi17_2_01.pdf (дата обращения: 08.06.2022).

[10] Рыбаковский О.Л. Миграция населения постсоветской России // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2016. №1. С. 30-37; Шустов А.В. Россия и «новое зарубежье»: структура и динамика миграционного обмена (1991-2015гг.) // Социальные и гуманитарные знания. 2017. №2. С. 169-182 и др.

[11] Сибиряков И.В. Дореволюционная «интеллектуальная миграция» на Южном Урале (челябинские медики в XIX – начале XX века) // Архив в социуме – социум в архиве: материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции/ сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 213-216.

[12] Соколовский С.В. Методология и принципы цифровой антропологии // Сибирские исторические исследования. 2021. №1. С. 200-214.

УДК 930.1

Исторические мифы и доктринальное оформление северокавказского исламизма

Сулейменов Андрей Русланович
Младший научный сотрудник кафедры истории и политики России;
преподаватель каф. восточных языков и лингвокультурологии,
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

АННОТАЦИЯ В рамках статьи проводится анализ одного из доктринальных текстов северокавказского исламизма книги Зелимхана Яндарбиева «Чечения — битва за свободу». На текстовом материале раскрываются основные черты этапа доктринального оформления северокавказского исламизма, анализируются механизмы политического использования прошлого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Джихадизм, Зелимхан Яндарбиев, Чеченская республика Ичкерия, исламизм.

Эксплуатация прошлого является одним из важнейших компонентов легитимации политического режима. Используя конкурирующие интерпретации исторических событий, политические структуры оправдывают свои идеи и действия, ведут борьбу за привлечение сторонников, выстраивают свое видение будущего. Для любой общественной силы, позиционирующей себя как альтернативный проект текущему социальному устройству, умелое использование событий прошлого становится залогом выживания и развития.

Сложение основных компонентов инфраструктуры коллективной памяти Северного Кавказа пришлось на позднесоветскую эпоху, когда национальная интеллигенция взялась за переосмысление ключевых событий национальной истории [10]. В рамках данного исследования проведен анализ формирования исторических мифов, взятых на вооружение современным северокавказским исламизмом. Необходимо учитывать и значительную эволюцию, которую претерпел исламизм на Северном Кавказе, пройдя путь от сепаратистского проекта светского государства к нынешнему состоянию джихадистского подполья: современные идеологи «Имарат Кавказ»[1]не создают сколь-нибудь объемных концепций видения прошлого, лишь развивая идеи предыдущего этапа выстраивания исторического нарратива. Созданное усилиями позднесоветской светской и религиозной интеллигенции Северного Кавказа и деятелями «Чеченской республики Ичкерия»[2] историческое повествование легло в основу исторических нарративов и темпоральной картины современного северокавказского джихадизма.

Наиболее очевидным направлением исследовательского поиска является помещение проблематики политической эксплуатации прошлого в культурный контекст и анализ взаимодействия исторических событий с политической сферой. В рамках данного исследования представляется разумным сужение проблемного поля до концепций ключевых мемориальных акторов политического использования прошлого в дискурсе северокавказского исламизма. Наиболее влиятельным идеологом исламизма на Северном Кавказе был Зелимхан Яндарбиев, автор книги «Чечения — битва за свободу». Книга Яндарбиева представляет собой своеобразный манифест северокавказского исламизма, нацеленный на распространение популяризацию сепаратистского проекта среди не-кавказской аудитории.

[1] Организация запрещена на территории Российской Федерации
[2] Организация запрещена на территории Российской Федерации

Прежде всего необходимо концептуализировать понятие коллективной памяти и режима памяти. Подходящим для целей данной работы нам представляется определение О.Ю. Малиновой, понимающей коллективную память как репертуар идей, образов, символов и мифов о прошлом, разделяемых группой [4] (в данном случае – сторонниками северокавказского сепаратистско-религиозного проекта на раннем этапе его функционирования).

Инфраструктуру коллективной памяти составляют тексты (основной объект нашего внимания), праздники, ритуалы, символы и названия социально значимых объектов. Несмотря на то, что формирование коллективной памяти происходит благодаря усилиям профессиональных групп, сам успех предложенных моделей зависит от степени их резонанса с памятью на массовом уровне. При анализе коллективных представлений о прошлом необходимо учитывать и мифы, сюжетные линии, исторические события, между которыми выстраиваются связи и за интерпретацию которых ведут борьбу различные мнемонические группы и уроки, извлекаемые из данных событий (и разнящиеся в зависимости от проведенных интерпретаций). Борьба различных мнемонических сообществ за различные представления и интерпретации одних и тех же событий и создает режим памяти, отражающий мнемонический ландшафт конкретного сообщества.

В ходе противостояния с центральной властью и задолго до образования «Имарата Кавказ» произошло оформление основных концепций джихадистского дискурса: важнейшую роль в этом процессе, как нам представляется, сыграли взгляды Зелимхана Яндарбиева.

В соответствии с классификацией источников, приведенной Н.Г. Георгиевой [1, с. 222], текст З. Яндарбиева можно обозначить как публицистический источник: несмотря на значительную долю мемуарного компонента, основная функция книги состоит в формировании общественного сознания в соответствии с социально-политическими основами сепаратистского проекта.

Современная методология исторической науки выделяет несколько этапов источниковедческого исследования [3, с. 127]. В соответствии с предложенной схемой обозначим исторический контекст создания книги Яндарбиева.

Исторический контекст

Имеющаяся в нашем распоряжении книга З. Яндарбиева представляет собой ряд политических очерков, собранных воедино под редакцией украинской журналистки Марии Базелюк; львовское издание книги датируется 1996 годом.

Одним из знаковых моментов противостояния в 1996 году стал рейд Ш. Басаева на Будённовск, в равной степени сопровождавшийся беспрецедентной жестокостью и строгим расчетом. Захват заложников и последовавшие переговоры Ш. Басаева и В. Черномырдина предоставили ичкерийским отрядам жизненно необходимую передышку – несмотря на крайне тяжелый «новогодний» штурм Грозного, к лету 1996 года сепаратистский проект переживал тяжелый военный кризис, а отряды боевиков несли все новые невосполнимые потери. Август 1996 года ознаменовался «операцией Джихад» (вторичное занятие Грозного отрядами боевиков), а вслед за тем – соглашениями в Хасавюрте, формально оформившими завершение Первой чеченской войны.

Несмотря на во многом успешное для боевиков завершение лета 1996 года, проект «Ичкерии» переживал стадию острого политического кризиса – после уничтожения Джохара Дудаева военно-политическое руководство ЧРИ утратило единство и фактически распалось. Уже после завершения первого штурма Грозного полевые командиры приобретают все большую самостоятельность, а потеря лидера в еще большей степени ослабила централизованное руководство военными операциями. Президентские выборы января 1997 года принесли победу наиболее «умеренному»

кандидату – Аслану Масхадову, набравшему 59,3% голосов. Автор исследуемой книги, З. Янадрбиев, вышел на третье место с 10,1% голосов. Промежуточное второе место занял Ш. Басаев с 23,5 % голосов.

Книга Яндарбиева нацелена на оформление и широкое распространение идеологии сепаратистского проекта, который к описываемому времени хоть и находился в состоянии всестороннего кризиса, однако имел потенциал к экспансии за счет воспринимаемых в качестве поражения России соглашений в Хасавюрте. Истощение экономической базы самой Чечни также служило стимулом к распространению боевых действий за пределы республики, подталкивая восстановивших силы боевиков к эскалации конфликта.

Обстоятельства создания текста

При ответе на вопрос об обстоятельствах создания текста и влиянии внешних факторов на его достоверность очевидна попытка З. Янадрбиева создать и распространить нарратив освободительной борьбы Чечни за независимость от «имперского центра». Не останавливаясь на степени достоверности изложенных автором событий позднесоветского периода, отметим чрезвычайно избирательность автора в выборке фактологии для своего повествования. Так, З. Яндарбиевым фактически игнорируется военная обстановка в Чечне после «новогоднего штурма» и постепенного вытеснения боевиков из города, из фокуса внимания Янадрбиева полностью выпадают и детали теракта в Будённовске. Сам рейд Ш. Басаева обозначается как военно-политическое поражение России; при этом уничтожение Дж. Дудаева подается как «акт международного терроризма». Полагаем, что приведенные факты однозначно закрывают вопрос о степени объективности текста книги, выполняющего прежде всего пропагандистскую функцию и нацеленного на легитимацию сепаратистского проекта в общественном сознании.

Помимо самого текста изучаемого источника, важен общественный аспект его восприятия. Для полномасштабного исследования эволюции анализируемой идеи (к примеру, центральной идеей текста Янадрбиева может считаться концепция «кавказскости» и «освободительной борьбы чеченского народа») необходимо рассмотрение книги в рамках более общего контекста времени, формируемого множеством более мелких политических текстов. Сочинение Янадрбиева остается едва ли не единственным доступным нам крупным и значимым идеологическим обоснованием северокавказского исламизма – важную роль в этом обстоятельстве, как нам представляется, сыграло и достаточно высокое социальное положение автора к началу описываемых в книге событий, и полученное Янадрбиевым университетское филологическое образование. Тем не менее, некоторое представление о социальной роли и задачах книги дает объемное предисловие редактора, украинской журналистке Марии Базелюк.

Предисловие выдержано в рамках общего повествования о неравной национально-освободительной борьбе против превосходящих имперских сил, воплощаемых Россией. Так, Базелюк приводит слова Дудаева о «русизме-сатанизме», обозначая этим понятием угрозу чеченской независимости. Само обозначение Чечни заменено на «Чечения» – как утверждает редактор книги, «феномен Чечении, не устрашившейся во стократ более сильного врага, притом вооруженного средствами массового уничтожения, применяемыми на всю катушку, будут изучать и исследовать историки, философы, политологи будущего тысячелетия».

Особое внимание автор предисловия обращает на связь чеченского и украинского народов, обозначая поддержку, оказанную ЧРИ со стороны украинских парламентариев (в частности, упоминается инициированного украинской стороной создание межпарламентского комитета по защите Ичкерии). Также предисловие Базелюк артикулирует внимание на образе украинского и чеченского народов в качестве жертвы советской политики, направленной на геноцид всей этнической общности.

Таким образом, тексту Яндарбиева отводится роль политического памфлета, обличающего имперские устремления России. В таком же характере выдержан и непосредственно текст самой книги.

Содержание текста

Наиболее яркой характеристикой текста является его выдержанность в духе советских политических текстов. Данное обстоятельство также отмечается Д. Гараевым как в значительной мере присущее корпусу текстов русскоязычного джихадизма [2]. Дискурс антиколониальной борьбы ярко проявляется на всем протяжении книги Яндарбиева – отличие от советского канона политических текстов проявляется лишь в замене заокеанского империализма на российский. Мессианские ожидания, свойственные советскому политическому дискурсу, переносятся с передовой роли пролетариата на историческое призвание чеченского народа, который «разорвал политический занавес последней из империй». Сепаратистскому проекту отведена роль движущей силы истории, в то время как находящейся к моменту создания части текста на стадии разрушения советской системе – реакционной силы, пытающейся «развернуть историю вспять» (фрагмент книги, повествующий о провозглашении Декларации независимости и реакции на это событие союзного центра). Разрушение советской империи (а вместе с ней – и российского государства) в представлении Яндарбиева носит неотвратимый, исторический характер: «… империя просчиталась, потому что не учла законы общественного развития. Все было предрешено судьбой».

Таким образом, роль ЧРИ в изложении Яндарбиева приобретает отчетливо мессианский, всемирно-исторический характер – падение «последней империи» и освобождение порабощенных народов, которые за годы нахождения в составе российского/советского государства подвергались непрестанной идеологической обработке с целью вымывания национального компонента. Знаковые моменты этапов государственного строительства ЧРИ носят характер сакральных актов очищения, возврата к национальным истокам и возрождения нации. К таким моментам Яндарбиев относит учреждение Шариатского суда (первое заседание Шариатского суда состоялось в Ведено – «столице» ЧРИ после утраты контроля над Грозным), декларация государственного суверенитета, президентские выборы в Чечне в октябре 1991 года и после уничтожения Джохара Дудаева, а также «Операция Джихад» (повторное занятие боевиками Грозного в августе 1996 года). Период 1991-1994 гг. обозначается как «излечение чеченского самосознания от наследия колониального прошлого», а эволюция проекта Ичкерии – как «путь национального освобождения колониальных народов Российской Империи».

События, прошедшие с момента распада советского государства, помещены Яндарбиевым в широкий контекст «общечеловеческой борьбы и развития». При этом имперская система в представлении Яндарбиева не ограничивается территорией лишь России – так, «в войне против Чечении на стороне России участвуют все страны СНГ». При этом Яндарбиев, в отличие от своих более поздних последователей, подчеркивает отсутствие враждебности по отношению к русскому народу, обозначая оборонительный и освободительный характер войны. Данный идеологический прием был полностью утрачен позднее – в текстах северокавказского исламизма более позднего времени русофобия и подчеркнуто пренебрежительное отношение к русской нации являются одним из центральных компонентов.

«Места памяти» северокавказского исламизма

Одним из элементов инфраструктуры режима памяти являются названия общественных пространств. В ходе реализации сепаратистского проекта логичным образом произошло переименование множества знаковых мест. Наиболее яркой иллюстрацией является смена названия города Грозный на Джохар в честь первого

президента ЧРИ Джохара Дудаева (в тексте Яндарбиева столица республики все еще именуется Грозным). Изменения коснулись и других мест и символов. Наиболее интересную трансформацию пережила площадь Ленина, ныне носящая имя Ахмата Кадырова. В тексте Яндарбиева площадь фигурирует как под старым именем, так и в качестве площади шейха Мансура. Во время политических трансформаций Чечни и оформления нового режима площадь Ленина была занята оппозиционным митингом. Довольно много места Яндарбиев отводит перипетиям противостояния «двух площадей» – занятой оппозицией пл. Ленина и продудаевским митингом на площади Свободы. Знаковым моментом является эксплуатация Яндарбиевым сюжета из истории России XIX века: повествуя об идеологическом противостоянии двух митингов, Яндарбиев уподобляет площадь Свободы Сенатской площади, а самих митингующих – декабристам. Не избежала переименования и другая площадь довоенного Грозного – Дружбы народов, которой было присвоено имя Лечи Хултыгова – главы службы национальной безопасности ЧРИ. Наконец, сама территория Чечни в книге Яндарбиева фигурирует исключительно под названием Чечении. Переименования пространств Грозного и трансформация городского пейзажа принимает характер сакрального обновления – так, снос памятника Ленину 23 августа 1991 года обозначен как момент «очищения насквозь пропитанного коммунистическим духом сознания чеченского народа».

Еще одно дихотомическое противопоставление связано с другим знаковым местом – Домом политического просвещения КПСС. В то время как митинг на площади Свободы приобретает черты религиозного действа (периодический зикр, сменяющий политические речи), Дом политпросвещения, место заседания Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики (захвачен толпой 6 сентября 1991 года), именуется «главным штабом атеизма республики». Сакральное очищение происходит и с этим пространством – по просьбе духовенства здание было передано под нужды Исламского института.

На протяжении всей книги заметны усилия автора по приданию легитимности новообразованному государству. Заметно изменение модальности данных усилий: если в объемном предисловии, посвященном в основном оформлению политических сил в ЧИ АССР, легитимация строится на моральных аргументах национально-мессианского характера, с обращением к мудрости народа в лице старейшин, то начиная с изложения событий 1992 года все в большей степени в фокус внимания Яндарбиева попадает религиозный компонент. При этом выдержанная вполне в советском духе риторика всемирной антиимпериалистической и антиколониальной борьбы по-прежнему занимает значимое место в обосновании легитимности нового правительства Чечни. Присутствует и обращение к международным правовым нормам: неоднократно Яндарбиев указывает на полное соответствие президентских выборов 1991 года международному праву. Последнее утверждение, учитывая социально-политическую обстановку в республике, закономерно вызывает значительные сомнения. В поисках легитимности и морального оправдания Яндарбиев вновь обращается к историческим аллюзиям, утверждая, что «... Лидице, Орадур, Хатынь, Сонгми, перед которыми цепенеет в скорби человечество, методично и с ужасной неотвратимостью повторяет в Чечении Российское государство».

Религиозная составляющая в легитимации ЧРИ

Представляется, что концепции национально-освободительной борьбы и мессианского предназначения чеченского народа – «разрушение последней империи», были постепенно заменены на религиозные положения. Момент трансформации усматривается нами в апреле 1996 года, когда в селе Гехи-Чу после вступления в должность Президента Зелимханом Яндарбиевым был провозглашен джихад против России. Религиозная война видится новому руководству ЧРИ «благоприятной перспективой для возрождения чеченского народа и Кавказа». Джихад в представлении

Яндарбиева порожден «… идеологией русизма, великодержавно-шовинистическим, имперским характером России, являющейся сегодня […] угрозой не только любым народам и государствам, но и принципам, даже намекам на гуманизм, свободу, честь и достоинство личности […]». Таким образом, к моменту 1996 года руководство ЧРИ в лице наиболее образованной его части сделало ставку на усиление религиозного компонента противостояния. Отметим, что еще в августе 1992 года Дж. Дудаев не отвергал возможности построения светского государства: «Место ислама в Чечне будет зависеть от политической ситуации в республике… Будут усиливаться негативные внешние факторы – будет усиливаться ислам. Будет возможность самостоятельного выбора, самостоятельного развития – будет развиваться конституционное светское государство» [8, с. 115]. Период между 1991-1996 гг. можно обозначить как укрепление идеи религиозного насилия в сознании элит ЧРИ.

Полагаем, что объяснение этому явлению носит комплексный характер. В первую очередь, религия виделась мощным средством воздействия, допустимом для использования в моменты наиболее серьёзных угроз новому режиму. Так, одним из наиболее важных испытаний для оформляющихся структур ЧРИ стало введение режима чрезвычайного положения российскими властями на территории республики в ноябре 1991 года. Тогда Дудаев призвал мусульман Москвы превратить столицу в «зону бедствия во имя нашей общей свободы от куфра» [7, с. 4]. Несмотря на отсутствие терминологии религиозной войны, очевидна эксплуатация чувства веры, стремления к избавлению от греха неверия (куфра). Постепенная деградация государственных и военных институтов ЧРИ (несмотря на обилие формально создаваемых постов и структур) привела к возрастанию важности полунезависимых от центральной власти отрядов полевых командиров, в том числе – и иностранного, религиозно мотивированного элемента. В.А. Тишков также отмечает всеобъемлющую исламизацию общества как признак 1996 года, а слабая религиозность значительной части населения и наличие в Чечне конфликтующих групп «старого» (суфийского) и «нового» (пришлого салафитско-ваххабитского) ислама стала залогом успеха упрощенного, редуцированного понимания ислама [9, с. 339]. В период остановки экономической жизни республики, отсутствия выполнения социальных обязательств государства перед населением, разрушения привычной картины мира именно упрощенный ваххабитский ислам давал простое и понятное объяснение обстановки. На материалах значительного полевого исследования В.А. Тишков разворачивает картину постепенного проникновения ваххабитского ислама в прежде относительно секуляризованную Чечню: «… к нам стали приезжать арабы. Они нам открыли глаза. Оказывается, нашу религию засорили муллы […] Мне нравилось, чтоб арабы хотят воевать, пока не освободят весь мир от гяуров. Из-за этого некоторые спорили. Но арабы говорили, что газават должен продолжаться до тех пор, пока все христиане не перейдут в ислам. Это большой газават. Малый газават – это когда мы победим гяуров. Большой газават – это когда умы всех мусульман повернутся в сторону учения Абд аль-Ваххаба. Тогда исламские страны станут общей родиной всех мусульман» [9, с. 342].

Религиозное чувство стало удобным инструментом в мобилизации уставшего от войны и разрухи населения: к тому моменту, когда утопические призывы к «разрушению последней империи» и построения независимого национального государства утратили действенность, религия затронула иные, менее чувствительные ко внешним неудобствам механизмы человеческой психики, направленные на достижение личного духовного спасения. Зелимхан Яндарбиев, в отличие от первого президента ЧРИ, твердо избрал путь эскалации религиозно мотивированного насилия. После прихода к власти Яндарбиев подписал указ о шариатских судах, пришедших на смену расформированным светским органам правосудия. К формированию судебной системы на основе шариата был привлечен видный деятель дагестанского исламизма Багаудин Кебедов; одновременно

был введен так называемый Уголовный кодекс-шариат, фактически являвшийся переводом Уголовного кодекса Судана. В Грозном открылся Исламский молодежный центр. В 1997 г. парламент внес изменения в Конституцию ЧРИ, провозгласившие ислам государственной религией [5]. Таким образом, ислам ваххабитского толка, несмотря на противодействие как со стороны духовенства тарикатов, так и частичное неприятие населением региона, органично вписался в цели руководства ЧРИ постдудаевского периода. Решение парламента ЧРИ являлось лишь логичным завершением дрейфа чеченского руководства к использованию религиозных концепций, а также все возрастающей ролью иностранных отрядов наряду со все меньшим контролем над ними со стороны центрального правительства.

Концепция «кавказскости» З. Яндарбиева

Значимым сюжетом книги Яндарбиева, нуждающимся в анализе, является активно продвигаемая автором концепция кавказскости. Суть этого явления наиболее четко сформулирована автором в приложении к книге, состоящем из нескольких статей. Статья «Кавказскость» датирована 1990 годом – временем активного оформления и борьбы различных политических сил ЧИ АССР.

Начало статьи выдержано в духе полемики с идеей исчезновения национальных противоречий по мере продвижения к коммунизму. Оппонируя этому утверждению, Яндарбиев выводит тезис о единой, цельной сущности гетерогенного пространства Кавказа, находящегося на периферии как Запада, так и Востока. В качестве отличительного признака кавказскости как имманентного свойства населяющих регион народов Яндарбиев довольно абстрактно отмечает свободолюбие и нетерпимость к притеснению. Кавказ в представлении Яндарбиева является уникальным в географическом и социальном отношении регионом, население которого, будучи под влиянием коммунистической идеологии, не в силах осознать свою принадлежность к единому кавказскому социуму. В историческом плане Кавказу также отведена особая, уникальная роль в эволюции человеческого духа – данное утверждение подтверждается приводимой Яндарбиевым цитатой Гегеля: «Лишь в кавказской расе достигает дух абсолютной идентичности с самим собой [...]. Прогресс мировой истории начинается с пути кавказской расы».

В контексте данной работы особо важен взгляд Яндарбиева на религиозную обстановку в регионе Кавказа. В представлении Яндарбиева, опасность для осознания «кавказскости» несет умелое манипулирование религией со стороны имперского центра. Предлагаемое автором текста решение видится в экуменизме, объединении христианства и ислама – так как и населяющие регион христиане, и мусульмане в равной степени являются носителями «кавказскости». Как видно из времени написания статьи, за несколько лет взгляды Яндарбиева на религию претерпели значительную эволюцию – объявляя джихад России в 1996 году, Яндарбиев, осознанно или нет, уподобился «имперскому центру», обвиняемого им в политическом использовании религиозного чувства.

Очевидна эволюция дискурса северокавказского сепаратистского проекта. Так, в начале 1990-х годов наиболее явно выражены идеи национального освобождения и борьбы против «империи». Еще в 1994 году, до начала столкновений с антидудаевской оппозицией в Грозном, Яндарбиев допускает возможность союза русского народа и народов Кавказа в борьбе против «империи Кремля»: «... народ дагестанский был с нами. С нами были и другие народы, и не только кавказские. Все народы мира, в том числе и русский». По мере роста ожесточенности боевых действий и прогрессирующего распада государственных институтов ЧРИ светская идея национального освобождения, объединения всех кавказских народов и строительства независимого государства все в большей степени замещалась идеей религиозной войны, джихада против «куфра

и неверия». Современные нам тексты сторонники «Имарата Кавказ» в значительной мере утратили способность Зелимхана Яндарбиева к оперированию политическими идеями, сведя свою риторику к русофобии и постулированию религиозного долга вооруженного джихада. Государственность ЧРИ отошла на второй план и в настоящее время видится исключительно как препятствие к осуществлению джихада, нечестивое порождение западных политических конструкций, бездумное заимствование которых в значительной мере и ответственно за конечное поражение сепаратистского проекта [6].

Крайне важное место в идеологических конструкциях севрокавказского исламизма занимает идея мессианства, исторической цели чеченского народа. Применительно к текстам конца XX века идеи мессианства нашли свое выражение в убеждении призвания Чечни в уничтожении «последней империи». На начальном этапе вооруженной борьбы Яндарбиев допускает консолидацию в достижении этой цели чеченского и русского народов, однако по мере накала противостояния понятия «Россия» и «Империя» в восприятии главного идеолога ЧРИ сливаются воедино.

Список литературы

[1] Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник. М., 2016. С. 222.

[2] Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-russkoyazychnogo-dzhihadizma-do-igil-retseptsiya-sovetskogo-kak-rozhdenie-postsovetskogo-radikalizma.

[3] Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т «Открытое общество», 2004 . 707 с.

[4] Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты и нарративы: коллективная монография / под редакцией А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 26-39.

[5] Осмаев А.Д. Роль религиозного фактора в чеченском кризисе конца XX-начала XXI вв. // Via in tempore. История. Политология. 2008. №5 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznogo-faktora-v-chechenskom-krizise-kontsahh-nachalahh1-vv.

[6] Провозглашение Имарата Кавказ - отречение от Тагута // Кавказ.Центр, 07.10.2021. URL: https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2020/10/07/119352/znaj-svoyu-istoriyu--provozglashenie-imarata-kavkaz-otrechenie-ot-taguta--.shtml

[7] Сборник указов и распоряжений президента Чеченской республики с 1 ноября 1991 г. по 26 мая 1993 г. Грозный, 1993.

[8] Тернистый путь к свободе. Правительственные документы Чеченской Республики, статьи, интервью. Вильнюс, 1993.

[9] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 533 с.

[10] Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. М., изд-во Европейского университета, 2020. С. 250-269

Культурное наследие как идентификационный ресурс современного общества: возможности системы образования

Фроленкова Ирина Юрьевна
Руководитель центра воспитания и развития личности Российской академии образования г. Москва, Россия.
iuklimova@mail.ru

АННОТАЦИЯ Дается определение культурного наследия, рассматривается ресурс объектов культурного наследия в аспекте обучения и воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА воспитание, образование, национальная идентичность, культурное наследие, историческая память.

В настоящее время перед обществом и системой образования, в частности, стоит ряд задач, одной из которых является воспитание человека, формирование нового типа его мышления таким образом, чтобы он имел возможность ориентироваться в быстроменяющемся современном мире. В условиях трансформационных изменений человеку, особенно детям и подросткам, важно осознавать свое место в обществе. В связи с этим культурное наследие выступает в качестве основы культуры.

Под культурным наследием понимается многообразие культурных достижений общества, а также исторический опыт, хранящийся в общественной памяти. Особое место в сегменте памяти занимает культурное наследие - часть памяти, которая от¬деляется от практики, но сохраняется как наследие предков, имеющее не¬преходящее значение для всех последующих поколений[139].

Следует отметить, что современное образование видит своей опорой достижения культуры, в качестве важной части приоритетных образовательных стратегий. Вместе с тем, в сегодняшних условиях перед системой образования встают серьезные вызовы. Среди них можно выделить «информационные войны», проникновение информационных технологий во все сферы человеческой жизни, погружение детей и молодежи в виртуальную реальность, подмену реального общения на общение в сети. Эти факторы, в том числе, усложняют вхождение наследия мировой культуры в ценностный мир человека.

Крайне актуальной в этой связи становится потребность в осмыслении изменений, нововведений, происходящих в системе образования как системообразующей отрасли в социальной сфере общества.

Актуальность темы исследования определяется местом и ролью культурного наследия в воспроизводстве культуры и в воспитательной работе как неотъемлемой составляющей образовательного процесса в современной системе российского образования.

При этом важно учитывать соотношение обучения и воспитания, ведь воспитание нельзя отложить, как например, поступление в высшее учебное заведение, и в этой связи, актуальным видится тезис о том, что «чем больше общество, семья уделяют внимание именно воспитанию, тем лучше будет для самого общества»[140].

---

[139] См.: Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политиче¬ская идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Со¬кольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004.

[140] См.: Делокаров К.Х., Жог В.И. Образование и кризис ценностных оснований современной цивилизации. //Наука и школа. – 2014. - № 1. – С. 9-14.

То внимание, которое проявляют общественные организации, гражданское общество, государственные структуры к воспитательной работе с детьми и молодежью, в том числе, в образовательных организациях, обусловлено осознанием важности формирования национальной идентичности на основе российского цивилизационного социокультурного кода и, в том числе, изучения проблемы использования культурного наследия в воспитательной работе.

В этой связи, согласимся с точкой зрения О.Н. Астафьевой утверждающей, что национальная идентичность складывается путем преодоления сопротивления, а в ряде случаев и конфликта традиций и инновационных явлений, в силу чего национальная идентичность понимается как сложный интегративный и интегрирующий феномен[141].

Во внесенных по инициативе Президента России В. В. Путина поправках в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон), отмечается, что «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению». Согласно закону, в учащихся также необходимо воспитывать «бережное отношение к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»[142]. Также отмечается, что общеобразовательные организации имеют право сами разрабатывать и утверждать рабочую программу воспитания и календарный план воспитательной работы.

В этой связи следует отметить, что под руководством Н.Л. Селивановой, доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО разработана и апробирована в регионах Российской Федерации примерная программа воспитания, выступающая научно-методической основой для разработки рабочих программ воспитания в организациях основного общего образования. Программа содержит новый подход к воспитанию, нацеленный на описание системы эффективных современных форм работы с детьми и молодежью. В настоящее время осуществляется деятельность по разработке теоретических и методологических основ организации и осуществления воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования.

В развитии данного контекста отметим, что Президент России В.В. Путин поручил подготовить документ о проведении в 2023 году в России Года педагога и наставника, а также разработать и утвердить план мероприятий по празднованию в 2023 году 200-летия со дня рождения русского педагога, основоположника отечественной научной педагогики Константина Ушинского. Работа по данному направлению в условиях кризиса культуры, переживаемого обществом в настоящее время, может стать опорой для формирования личности и объединения людей на основе общей истории и культуры, институтом социальной трансляции/ретрансляции ценностного ядра и устойчивости системы. Ведь в сущностных характеристиках наставничества учитываются современные геополитические, в том числе, информационные технологические процессы. Учитываются их последствия – соответствующие универсальные смыслы, видоизмененные познавательные процессы, определяющие особенности структуры сознания современных российских детей и молодежи – с одной стороны, угрозы

---

[141] Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник МГУКИ. 2016. 5(73) – с. 32-41.

[142] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся" [Электронный ресурс] –https://rg.ru/documents/2020/08/07/ob-obrazovanii-dok.html.

сохранения российской социокультурной и гражданской идентичности, национальной безопасности российского государства – с другой стороны.

Более того, мы разделяем позицию, О.Н. Астафьевой утверждающей, что «национально-культурная идентичность, питаемая внутренними токами культуры и конструируемая с использованием политических и идеологических механизмов, образует «культурную скрепу» проживающей на одной территории коллективной общности и подвержена серьезным изменениям. Однако именно культура, образующая ее сложное ядро, выступает мощным интегрирующим символическим (духовным) ресурсом, удерживающим тождество, несмотря на глубину происходящих трансформаций[143].

Продолжая контекст аксиологической неустойчивости, стоит отметить, что сегодняшние дети, школьники, молодежь, во многом отличаются от предыдущих поколений в первую очередь за счет существования в совершенно других условиях развития и социализации. Учитывая данные реалии важно понять, как информационная вовлеченность влияет на ценностные ориентиры, образ жизни, социализацию детей и молодежи. Также необходимо учитывать тот факт, что подростки наиболее чувствительны к нестабильности, кризис индивидуальной идентичности приводит к порождению нового широкого спектра убеждений, отличающихся от общезначимых ориентиров[144].

Следует отметить, что в работе с детьми и молодежью необходимо учитывать индивидуальные, возрастные особенности. Возрастная периодизация – это систематизация этапов развития личности человека от момента рождения до момента смерти. Эриксон утверждал, что существуют психологические ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде. Для каждой возрастной периодизации характерно описание унифицированных для всего человечества этапов развития, их универсальность, а также наличие общих признаков и критериев для объективной оценки.

Так, в возрасте 6-11 лет обостряется интерес ребенка к миру вещей, обучаясь в школе, ребенок постигает технологию своей культуры. Если взрослые поощряют отношение ребенка к миру, коммуникативным и познавательным навыкам, то формируется успешность. Если взрослые чрезмерно строги, то формируется чувство собственной неполноценности. Оно переносится на негативное отношение к учению, формируется конформизм.

В возрасте 12-19 лет при нормальном развитии возникает активный поиск себя и экспериментирование в разных социальных ролях. Задача периода заключается в том, чтобы собрать все знания о самом себе в единое целое, определить свой жизненный путь: «Каким я буду?», «Кем я буду?»[145].

Развивая тему смысложизненных ориентаций, обратимся к позиции Л.С. Выготского отмечающего, что «ключом ко всей проблеме психологического развития подростка является проблема интересов в переходном возрасте»[146]. В данный период по мнению ученого происходит отмирание старых убеждений, интересов, кризисная ситуация с разнообразием новых увлечений и занятий.

То есть мы понимаем, что в настоящее время требуются усилия по выработке

---

[143] Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: Динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. Автономная некоммерческая организация «Независимый институт гражданского общества» (Москва). – 2011. – Т. 5. – С. 225.

[144] См.: Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 344 с.

[145] См.: Эриксон Э. Г. Детство и общество [Текст]: пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

[146] См.: Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с, ил. – (Акад. пед. наук СССР).

механизмов передачи и усвоения детьми и молодежью ценностных смыслов, являющихся опорой для формирования российской идентичности. Это обусловлено в первую очередь тем, что в современном мире трансляция исторического и культурного потенциала и опыта помогает закреплять в сознании подрастающего поколения определенные ориентиры ввиду того, что ядро идентичности, которое воспроизводилось в XX веке утрачено, а новое еще не сформировалось.

Реализация социальной политики, в первую очередь, в отношении детей и молодежи, в рамках которой бы задавались понятные ориентиры для подрастающего поколения в мировоззренческих вопросах и самоидентификации, является задачей первостепенной важности, ведь как утверждает Э. Эриксон склонность молодежи идентифицировать себя с героями, образование банд, отвержение всех «иных» и следование за лидером, который предлагает простые и понятные идеи приводит к потере индивидуальности и идентичности.[147]

Обратимся к теории Дж. Мида, считающего, что совокупность «Я - сознающее» и «Я – как субъект» дает возможность человеку предсказывать поведение людей, так же, как и они предсказывают его поведение; происходит усвоение моральных норма и правил.[148] В этой связи важно усвоение индивидом той культуры, которая наполнена ценностями и смыслами, ведь в настоящее время формируется новое ядро идентичности для наших будущих поколений.

Следует отметить, что наследие становится, в том числе, ресурсом для реализации обновленных федеральных государственных образовательных стандартов, утвержденным приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования», в которых изучение предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (далее – ОДНКРН) является обязательным на уровне основного общего образования. ОДНКРН, в том числе, должны обеспечивать: поддержку интереса к традициям собственного народа и народов, проживающих в Российской Федерации; формирование представлений об образцах и примерах традиционного духовного наследия народов Российской Федерации; осознание ценности межнационального и межрелигиозного согласия[149].

Целесообразно отметить, что использование в процессе обучения объектов культурного наследия, является перспективным местом для внеурочной деятельности, позволяющим, в том числе, внедрить игровой принцип обучения, найти варианты для реализации проектной деятельности и тем самым реализовать задачу воспитания, как управления процессом развития личности через создание благоприятных для этого условий, ввиду того, что важной особенностью детского коллектива как сложной социально-психологической системы, характеризующейся единством организации и общности, является гармоничное соотношение деловых и неформальных отношений внутри коллектива, баланса между идентификацией, отождествлением себя с коллективом и индивидуализацией, обособлением от него.

Подводя итоги, резюмируем, что важность и значение изучения места и роли культурного наследия как воспитательного фактора в современном школьном образовании не вызывает сомнения, тем более что процесс воспитания современных школьников реализуется в качественно новых условиях, порождаемых социодинамикой развития современной культуры.

---

[147] См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – С. 367–368
[148] См.: Мид, Дж. Г. Избранное / Дж. Г. Мид; пер. В.Г. Николаева. – М., 2009. – 290 с.
[149] Приказ Минпросвещения России от 31 мая 2021 года № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». - [Электронный ресурс] –<https://sadki.rostovschool.ru/file/card?id=1191>.

Существование единого культурно-образовательного пространства в современном мире позволяет говорить о необходимости реализации образовательного потенциала культурного наследия. Образование и культуру следует рассматривать как две составляющие единого процесса социализации и инкультурации, то есть приспособления человека к жизни в обществе и приобщения его к ценностям общечеловеческой культуры.

Список литературы

[1] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политиче¬ская идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Со-кольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

[2] Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: Динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. Автономная некоммерческая организация «Независимый институт гражданского общества» (Москва). 2011. Т. 5. С. 225.

[3] Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник МГУКИ. 2016. 5(73). С. 32-41.

[4] Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с, ил. (Акад. пед. наук СССР).

[5] Делокаров К.Х., Жог В.И. Образование и кризис ценностных оснований современной цивилизации. //Наука и школа. 2014. № 1. С. 9-14.

[6] Мид Дж.Г. Избранное / Дж.Г. Мид; пер. В.Г. Николаева. М., 2009. 290 с.

[7] Приказ Минпросвещения России от 31 мая 2021 года № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». [Электронный ресурс] <https://sadki.rostovschool.ru/file/card?id=1191>.

[8] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся" [Электронный ресурс] https://rg.ru/documents/2020/08/07/ob-obrazovanii-dok.html.

[9] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 344 с.

[10] Эриксон Э.Г. Детство и общество [Текст]: пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

РАЗВИТИЕ КОММУНИКА-ЦИОННОЙ СЕТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

УДК 94(470)

История развития пассажирского сообщения на Красноярской железной дороге

Ахтамов Евгений Александрович
Кандидат исторических наук, доцент Гумнитарного института, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
eakhtamov@sfu-kras.ru
ORCID: 0000-0002-1522-220X

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные этапы развития пассажирского сообщения на Красноярской железной дороге. Автором рассмотрены предпосылки и исторические условия, обуславливавшие темпы развития пассажирских перевозок, показана значимость отдельных лиц, оказавших существенное влияние на развитие железной дороги в енисейском регионе. Автором приведены статистические сведения, свидетельствующие о высоком уровне востребованности железнодорожного сообщения у местного населения, в связи с чем возникала необходимость в развитии пассажирского сообщения, показаны основные этапы развития инфраструктуры пассажирского комплекса Красноярской железной дороги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярская железная дорога, пассажирское сообщение, Енисейская губерния, Красноярский край.

Прибытие первого поезда в Красноярск стало важнейшим событием в жизни города. В телеграмме инженера по производству работ Меженинова из Томска в управление по сооружению Сибирской железной дороги от 8 декабря 1895 года сообщалось: «Сегодня, в два часа дня, прибыл первый поезд в Красноярск при торжественной встрече городских властей» [4, с. 297]. Поезд состоял из паровоза и двадцати вагонов.

Началом регулярного движения между Новониколаевском (Новосибирском) и Красноярском стало 1 января 1898 года. Эта дата подтверждается телеграммой № 279 от 4 января 1898 года, отправленной из Томска в редакцию «Сборника тарифов Российских железных дорог». В телеграмме сообщалось: «Участок Обь-Красноярск с Томской ветвью Средне-Сибирской железной дороги, открыт для правильной эксплуатации с 1 января наступившего года с применением при перевозках пассажиров, багажа и грузов как в местном, так и прямом сообщениях, общих пассажирского, багажного и товарного тарифов, установленных для сети русских железных дорог» [4, с. 297]. Сообщение между Красноярском и Иркутском было открыто в следующем 1899 году.

С вводом в эксплуатацию Великого Сибирского пути пассажирское движение приобрело огромное значение в жизни населения страны и Сибири. Промышленное развитие Сибири потребовало притока рабочей силы, и в Сибирь хлынули потоки переселенцев, крестьян, которые отправлялись в Сибирь в поисках работы на золотых приисках, служащих, коммерсантов. Перевозили по железной дороге и политических ссыльных.

О масштабах пассажирских перевозок того времени можно судить по следующим данным: первый поезд перевез всего десять пассажиров; в 1900 году было перевезено 1250 тысяч пассажиров; в 1912 году – 3 миллиона человек [3, с. 64].

В целом, пассажирское движение в начале века находилось на низком уровне, что было связано с общей хозяйственно-культурной отсталостью страны и тяжелым материальным положением всего населения.

В первые годы по Сибирской железной дороге в сутки проходили один-два пассажирских поезда. Пассажирские перевозки осуществлялись и оформлялись в пределах одной дороги. На конечных или узловых пунктах пассажиры высаживались. Вагоны были первого, второго, третьего и четвертого классов, которые соответственно были окрашены в синий, золотисто-жёлтый, зелёный и серый цвета.

Перевозка переселенцев из Центральной России на Дальний Восток производилась специальными поездами, составленными из жестких двухосных вагонов четвёртого класса, а иногда и «теплушек» - крытых товарных вагонов. Местные поезда для перевозки рабочих составлялись из двухосных вагонов третьего и четвертого классов.

Поезда дальнего следования состояли из мягких вагонов первого и второго классов, а также жёстких – третьего класса. В состав дальних поездов включались почтовые, багажные, служебные вагоны.

Скорость пассажирских поездов была невысокой и составляла около 27 вёрст в час. Поездка от Москвы до Красноярска занимала около 11 суток.

Формирование пассажирских поездов происходило на станционных путях, а ремонт – в главных железнодорожных мастерских, которые состояли из вагонного, сборочного, кузнечного, электромеханического, токарного цехов.

В период первой мировой и гражданской войн произошло резкое падение пассажирских перевозок. Большинство пассажирских вагонов были разрушены или повреждены. Пассажирских паровозов также не хватало. В эти годы проводилась неоднократная перепись классных вагонов. Одно из постановлений Народного комиссариата путей сообщения гласило: «Для сокращения предоставления отдельных протекционных вагонов проезжающим по делам службы сотрудникам разных ведомств и учреждений во все составы, обслуживающие поезда № 3 и № 4между Челябинском и Верхнеудинском (Улан-Удэ), включено по одному классному мягкому вагону, которые и предоставляются исключительно для проезда указанных выше лиц» [4, с. 298].

Только к 1926 году Сибирская железная дорога в числе других достигла довоенного уровня перевозок. Развитие железнодорожного транспорта в последующие годы потребовало реструктуризации управления основными процессами. В мае 1936 года приказом Народного комиссариата путей сообщения № 77/Ц было проведено разделение Центрального управления эксплуатации Народного комиссариата путей сообщения на три самостоятельных управления: службу движения, грузовую и пассажирскую. В приказе говорилось: «Подчинить непосредственно пассажирским службам городские билетные кассы, проводников пассажирских вагонов, пассажирских поездных контролёров, раздатчиков багажа, бюро обслуживания пассажиров» [1, с. 152].

Основной труд по формированию и обслуживанию пассажирских поездов, подготовке их в рейс, деповскому ремонту вагонов – лежит на пассажирских вагонных депо. Красноярское вагонное депо начало свою деятельность в 1935 году, когда по приказу Народного комиссариата путей сообщения № 171/Ц от 8 июля 1935 года, предписывалось до 1 января 1936 года для укрепления ремонтной базы вагонов построить двести вагонных ремонтных пунктов. Строительство такого пункта было предусмотрено и в Красноярске.

Красноярский вагоноремонтный пункт был построен в рекордно короткие сроки. Первым его начальником стал выпускник Томского железнодорожного института П.И. Иванов. Общая площадь для ремонта вагонов составляла 1300 квадратных метров. На этой площади выполнялся капитальный, средний и годовой ремонты грузовых вагонов. Здесь же был выделен участок для ремонта пассажирских вагонов [4, с. 306].

В это же время в Красноярске для повышения слаженности работы транспорта внедряется общесетевой график движения поездов. На транспорте разворачивается стахановское движение. Поездные бригады пассажирских поездов активно участвуют в развёртывании ударничества. Повышается культура обслуживания пассажиров на вокзалах и в поездах.

В период Великой Отечественной войны на транспорте было введено военное положение, что повлияло на организацию всех видов работ на железной дороге. Основной задачей железнодорожного транспорта стало обеспечение перевозок грузов для фронта, а также принятие грузов, подлежащих эвакуации и санитарных поездов с фронта.

В послевоенный период началось восстановление хозяйства. Пассажирские поезда возобновили регулярное движение. В этот период парк пассажирских вагонов стал пополняться цельнометаллическими вагонами для дальнего сообщения, рабочий парк стал переводиться на автосцепку. В 1951-1955 годах началось оборудование подвижного состава роликовыми подшипниками. В 1957-1967 годах условия, которые железная дорога предоставляла пассажирам, стали более комфортными.

В 1957 году весь парк пассажирских вагонов был переоборудован с винтовой упряжи на автосцепку. Встал вопрос о реорганизации ремонтной базы для пассажирских вагонов. С 1957 года ремонт грузовых вагонов был прекращен и образовано вагонное депо по ремонту пассажирских вагонов. В 1959 году началась пристройка вспомогательных отделений к основному зданию депо. Были пристроены деревообделочный цех, малярное, хромировочное, вентиляционное отделения, колесно-роликовый цех.

С расширением цехов появилась потребность в большом количестве тепла. В 1960 году была построена котельная. Проводилось переоборудование депо. Так, в речном порту был приобретён мостовой кран грузоподъёмностью 10 тонн.

В 1963 году начальником депо был назначен О.П. Постников, который руководил предприятием до своего ухода на пенсию в 1977 году [4, с. 308]. О.П. Постников продолжил реконструкцию цехов, которая проводилась силами работников цехов. Командный состав был разделён на пять бригад, каждая из которых один раз в неделю работала на реконструкции цехов. В 1965 году были построены гараж и кладовая, были разобраны ветхие стены вспомогательных цехов, стены цехов были подняты выше прежнего в два раза, оконные проёмы были увеличены, уложены подкрановые пути, были установлены кран-балки. Внутри ремонтно-заготовительный и сборочный цеха были облицованы керамической плиткой.

В 1968 году был пристроен малярный цех, площадью 126 квадратных метров. В 1972 году был построен вагономоечный цех для обмывки составов перед отправлением в рейс, в 1976 году – трехэтажное здание электроцеха с полезной площадью 270 квадратных метров [4, с. 308].

В 1957-1959 годах было построено здание резерва проводников. Для обеспечения необходимых бытовых условий для проводников вагонов, в здании резерва были оборудованы душевые, гостиница для отдыха проводников, проживающих вне Красноярска, парикмахерская, спортивный зал. Для обучения профессии проводника были оборудованы класс и вагон-тренажёр.

После выделения Красноярской железной дороги из состава Восточно-Сибирской железной дороги в 1979 году, начальником пассажирской службы движения был назначен Б.А. Евлампиев, который работал в этой должности до ухода на пенсию в 1988 году.

В 1970-1980-е годы на железной дороге существенно вырос пассажиропоток. Так, по данным статистического управления Красноярского края, услугами железной дороги воспользовались: в 1975 году – 23 110 тысяч пассажиров, из них пригородными сообщениями – 17 137 тысяч; в 1980 году – 25 099 и 19329 тысяч пассажиров; в 1985 году – 35 873 и 28 867 тысяч пассажиров [2, с. 156].

Продолжалось строительство новых вокзалов. Были сданы в эксплуатацию вокзалы в Канске-Енисейском в 1980 году (на 400 пассажиров), в Ачинске –I в 1972 году (на 600 пассажиров), в Боготоле в 1987 году (на 400 пассажиров). В 1991 году на станции Кемчуг был построен вокзал на 50 человек, Малая Кеть в 1994 году (на 25 пассажиров), Предметкино в 1995 году (на 50 пассажиров), Итат в 1997 году (на 25 пассажиров) [4, с. 306].

Велось строительство вокзалов Суслово, Чайда. Был проведен капитальный ремонт и реконструкция вокзалов на станиях Назарово в 1995 году, Ужур в 1995 году, Шира в 1995 году, Лесосибирск-I в 1996 году.

Одновременно проводилось реформы административного аппарата. В 1986 году была проведена реорганизация служб, в соответствии с которой из вагонной службы

были вычленены пассажирские вагонные депо и переданы в управление пассажирской службе.

С 1988 года по 1998 год пассажирскую службу возглавлял В.В. Гордиенко. В апреле 1998 года он был избран председателем дорпрофсожа. За свою работу В.В. Гордиенко был награждён знаком «Почётный железнодорожник» [4, с. 305]. В конце 1980-х годов были достигнуты высокие показатели деятельности. Так, в 1990 году дорогой было перевезено 38 073 тысячи пассажиров, из них в пригородном сообщении – 30 850 тысяч пассажиров [4, с. 306]. Основной поток пассажиров приходился на пригородные перевозки. В связи с этим были проведены дополнительные работы по организации пригородных перевозок. Так, с двухсот до четырехсот метров были удлинены посадочные платформы, прилегающие к черте города Красноярска. Делалось это для организации движения сдвоенных поездов. Красноярская железная дорога стала третьей дорогой, организовавшей подобное движение. Первый сдвоенный поезд Красноярск-Бадаложная пошел в 1985 году. Одним из инициаторов и организаторов движения сдвоенных поездов был заместитель начальника Красноярского отделения железной дороги Ю.К. Мокров.

Снижение показателей пассажирских перевозок началось в связи с ухудшением благосостояния населения и общим спадом в экономике страны. В 1995 году было отправлено 23 323 тысячи пассажиров, что соответствовало уровню 1975 года [4, с. 306]. Только на рубеже XX-XXI вв., в связи с оживлением экономической активности в стране и регионе, показатели пассажирских перевозок вновь начинают расти.

На протяжении всей истории работы Красноярской железной дороги, несмотря на изменения социально-экономического и политического устройства страны, перевозки пассажиров были одной из её важнейших задач. В этот период Красноярская железная дорога претерпела значительные изменения: как в административном устройстве, так и в техническом оснащении. Однако неизменная ориентация железной дороги на удовлетворение потребностей народного хозяйства в перевозках, в том числе и в пассажирском сообщении, способствовала обеспечению быстрого экономического развития региона.

Список литературы

[1] Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2-х т. / Под общей ред. В.Г. Третьякова. Иркутск: Изд-во Облмашинформ, 2001. Т. 2. 480 с.

[2] Народное хозяйство Красноярского края. Статистическое управление Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1985. 325 с.

[3] Настоящее и будущее Западной Сибири // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. Ноябрь, 1915. С. 64-81.

[4] Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге 1899–1999 / сост. В.В. Чагин, В.Г. Саклаков. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1998. 464 с.

УДК 929 | 63.3(2Рос-4Крн-2)

Евгений Кнорре – инженер, покоривший Енисей

Карпухин Константин Владимирович
Старший научный сотрудник, Подразделение по сохранению исторического наследия Красноярской железной дороги, г. Красноярск, Россия,
kappa67@mail.ru

АННОТАЦИЯ В научно-вспомогательном фонде Музея истории Красноярской железной дороги представлены две биографии выдающегося русского инженера-мостостроителя Евгения Карловича Кнорре, написанные его родными – представителями древнего и очень разветвлённого рода Кнорре, выехавшего в Московское царство, согласно семейным преданиям, ещё в 1600 г.Представляем одну из биографий Кнорре, составленную его правнуком Евгением Фёдоровичем Лашем. Она раскрывает качества Евгения Карловича именно как инженера и учёного, которому в следующем году исполнится 175 лет со дня рождения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Евгений Карлович Кнорре, царский мост через Енисей, постройка Великого Сибирского пути, Всемирная выставка в Париже 1900 г., мостостроение.

Инженер-механиком Е.К. Кнорре взнесено в Красноярское губернское казначейство 3701 руб. на содержание, обмундировку и снаряжение пяти городовых с 1 декабря 1896 г. по 1 января 1899 г., что делает честь отзывчивости частного лица на дело благосостояния города, обязанность охранения которого должна бы всецело лежать на городском управлении» [2]. Такую заметку красноярцы прочли в газете «Енисей» в уходящем 1896 году.

В сентябрьском номере газеты «Енисей» за 1897 г. другая заметка – маленькая, но любопытная: «Находившаяся довольно долго на горе, где дача г. Юдина, часовня господина Кнорре перенесена на луг против лагерей местного батальона, которому господин Кнорре и подарил её» [3].

Что же это за инженер-механик, пожертвовавший для блага Красноярска свои средства?

На свет Евгений Карлович Кнорре появился в причерноморском городе Николаеве 12 (24) октября 1848 г. в семье выдающегося астронома Карла Христофоровича Кнорре – основателя и бессменного директора Николаевской обсерватории. Семья Кнорре была большой – 14 детей (10 сыновей и четыре дочери). Евгений был тринадцатым.

Карл Христофорович приучал своих сыновей с ранних лет к самостоятельной жизни - среднее образование Евгений получил в Берлинской ремесленной школе, а высшее в 1870 г. – в Цюрихском политехникуме, где преподавали одни из лучших профессоров второй половины XIX в. (Рело, Цейнер, Кульман и др.).

Окончив курс со званием инженера-строителя, Евгений Карлович поступил техником по кессонным работам на постройку моста через Днепр у Кременчуга, а затем через Западную Двину в Риге. С 1874 г. он переходит на постройку Волжского моста в Самарской губернии, где самостоятельно опускает половину кессонов. Кнорре трудится одним из руководителей сборки и установки металлических пролётных строений этого моста, названного в честь императора – Александровским. Эта работа была в то время новой для русских инженеров и представляла большой интерес, как по огромности масштаба, так и постановки её. Здесь Кнорре спроектирован трёхкамерный кессонный шлюз, получивший в русской практике исключительное распространение как техническая новинка. Евгений Карлович разработал оригинальный метод подъёма и шлюзования грунта, прослуживший русской технике почти полвека. Здесь же были им придуманы и выполнены остроумные детали и устройства при наводке ферм на плаву и при установке их на место.

Никогда не занимая сколько-нибудь заметных служебных должностей и не будучи по складу характера склонным к чиновничьей службе, Евгений Карлович, вместе с тем, отдавал технике строительного дела все свои недюжинные способности, знания и опыт и свою исключительную энергию, чем создал себе в инженерном мире выдающуюся известность.

На постройке в начале 1880-х гг. Амурского моста через Днепр в Екатеринославе Евгений Карлович опустил половину кессонов, в то время как другая их половина выполнялась столичным металлическим заводом. Огромная разница между приёмами работ солидной фирмы, носившими установленный старой практикой рутинный характер и новаторскими приёмами молодого инженера, создала Кнорре славу выдающегося специалиста мостового дела. Здесь он впервые выполнил по предложению профессора Белелюбского заложение мостового быка с помощью съёмного ящика. Пережив две мировые и гражданскую войну, мост служит до сих пор.

По окончании работ на Днепре Евгений Карлович занялся сборкой и установкой мостовых ферм на Полесских железных дорогах и резервуаров у Ярославля. Затем около двух лет он прослужил директором Мальцовского завода в Людинове.

Во второй половине 1880-х гг. Кнорре с двумя молодыми талантливыми инженерами В.Г. Шуховым и К.Э. Лембке работал над составлением проекта водоснабжения Москвы мытищинскими подземными водами. Евгений Карлович дал ясное и бесспорное представление о режиме грунтовых вод в качественном и количественном отношениях и обосновал задания для проекта водосбора (количество возможного изъятия воды из слоя, места заложения водосборов, типы инженерных сооружений).

Проект этот, вызвавший сперва ожесточённую критику со стороны представителей официальной науки, благодаря его логичности создал молодым талантливым авторам широкую известность и был положен в основу рабочего проекта, составлявшегося Московским городским управлением.

Творческая работа Евгения Карловича этого периода оставила в нём незабываемый след и во всей последующей его жизни вопросы изучения подземно-водного режима составили его вторую специальность и любимое дело. Ведя впоследствии большие инженерные постройки в качестве строителя-подрядчика, он всё же отдавал своё время предпочтительно любимой работе по подземным источникам пусть даже в порядке подачи совета или технической дискуссии.

В 1890 г., создав себе в Москве прочное имя, Евгений Карлович получил от Московского Высшего Технического Училища звание инженера-механика.

1894-1899 гг. Кнорре провёл на постройке Великого Сибирского пути. Здесь он построил ряд больших мостов на кессонных основаниях через реки Обь, Томь, Чулым, Енисей, Ока, Белая, Китой. На берегу реки Томь, на ст. Поломошная, Евгением Карловичем был выстроен мостостроительный завод, на котором были изготовлены пролётные строения как для некоторых из названных мостов, так и для других, опоры которых строились без кессонов.

В Сибири Евгений Карлович применил ряд блестящих новинок. Во-первых, он придумал и применил свои деревянные кессоны, совершенно отличный от американских. Опытное применение его на енисейском береговом быке, а потом и на других мостах восточнее Енисея, намного сократило срок постройки мостов, так как железо для кессонов, поставлявшееся уральскими заводами обычно сильно запаздывало.

Во-вторых, опасность ледоходов и стремление выиграть время для монтажных работ, привело Евгения Карловича к мысли собирать металлические строения на берегах реки. Длинный же зимний период он решил использовать на устройство подмостей на реке из заготовленных заранее по берегам стандартных рам, которые для скорости можно было собирать на реке сразу же после забивки свайного основания для подмостей. По мере готовности подмостей, собранные на берегах и подготовленные для передвижки

пролётные строения, могли быть с берега всего за несколько часов каждое сдвинуты на место установки и посажены на постоянные опоры.

В-третьих, Евгений Карлович разработал оригинальные конструктивные детали своего метода «перекатки» мостов, вошедшие после во всеобщую практику. Он решил осуществить передвижку на простых цилиндрических точёных роликах с ребордами, заложенных между рельсовыми путями и такими же рельсовыми пакетами, обращёнными головками книзу и подошвами кверху и несущими на себе передвигаемое мостовое строение. Впервые передвижка была применена для единичных пролётов на Томском мосту и, благодаря продуманности метода во всех деталях, блестяще удалась. Затем, уже полностью, для всех пролётов моста – на Енисее.

Как деревянный кессон, так и метод сборки и передвижки, были премированы на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

Эти работы Кнорре оказали благотворное влияние на развитие отечественного мостостроения.

Мостовые работы первого десятилетия XX в. ограничились постройкой в столице, на Неве, гранитных подъездных арок к Троицкому мосту.

В 1907 г. изыскивая подходящую методику для предстоящего глубокого погружения речных кессонов на Бузанском мосту у Астрахани, Евгений Карлович предложил способ совмещения кессонных работ с методом искусственного понижения уровня подземных вод путём откачки из сети буровых колодцев, окружающих кессон. Это предложение преследовало цель уменьшения давления воздуха в кессоне, опасного для здоровья кессонных рабочих.

Этот метод, запатентованный Кнорре в России и за границей, был им опробован только в 1914 г. при опускании кессона №5 на Обском мосту в Барнауле.

Применение метода понижения уровня грунтовых вод откачкой при строительных работах было проведено Евгением Карловичем в Москве на ситценабивной фабрике Эмиля Цинделя на берегу Москва-реки и при закладке водоприёмника из Москва-реки на Раушской набережной для электрической станции.

В конце первого десятилетия XX в. Евгений Карлович принял предложение по проведению изысканий для водоснабжения Западно-Амурской железной дороги. Здесь 60-летнему инженеру, непривычному к верховой езде, пришлось в течение двух зимних месяцев при сильных морозах вести таёжную жизнь и ночевать в парусиновой палатке.

В последние десять лет своей жизни Евгений Карлович был избран преподавателем Московского Высшего Технического Училища, где вёл курс «Оснований сооружений и подземно-водных изысканий».

В это же время инженер Кнорре возобновил свою мостостроительную деятельность и выстроил целый ряд опор больших мостов на кессонных основаниях через реки Пышма, Тобол и Ишим на Тюмень-Омской железной дороге, через реки Обь у Барнаула и Чумыш на Алтайской железной дороге, через Березину на Подольской железной дороге, через Днепр у Дарницы на Киево-Воронежской железной дороге, через Волхов у Новгорода и Мсту на Петроградско-Орловской железной дороге.

По его инициативе был поднят вопрос об устройстве в Москве метрополитена. Совместно с инженером Белинским Кнорре представил доклад Московскому городскому управлению, не получивший одобрения у властей.

В 1912 г. основательно проработав сложную задачу устройства метрополитена в Москве, при участии ряда сотрудников, близко знакомых с городским хозяйством Москвы, Евгений Карлович выступил вторично и представил городским властям схематический проект метрополитена с финансовой и технической записками и сметой. Война остановила это дело…

Во время Первой мировой войны Кнорре выстроил много деревянных мостов на базах и в прифронтовой полосе, в т.ч. мосты через Вислу у Ивангородской крепости,

через Днепр в Киеве, через Припять у Мозыря на Подольской железной дороге.

Не будучи сотрудником московских городских организаций, Евгений Карлович близко интересовался инженерными вопросами Москвы и постоянно привлекался Городским управлением как эксперт и консультант в комиссии по строительству городских сооружений. Например, Московское управление водного транспорта обратилось к нему с просьбой составить проект переустройства с применением кессонов основания прорванной плотины на реке Оке у Белоомута. Старый инженер по своему обыкновению увлёкся научной стороной дела и, одновременно с запрошенным проектом, представил обстоятельную записку с объяснением причины разрушения плотины прорывом напорных вод в нижнем бьефе плотины. В качестве мероприятия, отвечающего природным условиям, вместо кессонов он рекомендовал устройство глубокого дренажа, перехватывающего напорные воды. Это своё предложение он считал принципиально отвечающим вопросам надлежащего устройства оснований плотин во многих случаях и поэтому запатентовал его как в России, так и в Германии и США.

Современное развитие применения на плотинах дренажных конструкций всякого вида, поверхностных и глубинных, показывает, насколько Кнорре предугадал дальнейшее направление развития техники.

Из-за недостатка времени Евгений Карлович зачастую не облекал свои работы, мысли и изобретения в форму печатных научных трудов. Тем не менее, то обстоятельство, что память о нём в инженерных кругах сохранилась до сих пор, показывает, что его знания, опыт и методы решения инженерных задач, всё же распространялись его многочисленными коллегами.

Инженер Евгений Карлович Кнорре был во всех отношениях большим человеком и, как часто бывает у значительных людей, простым, добрым и благожелательным по отношению ко всем, кто к нему обращался. Никому он не отказывал в совете и помощи.

Перед Февральской революцией 1917 г., помогая сойти с трамвая раненому воину, старый инженер был вытолкнут с площадки на мостовую нетерпеливым пассажиром. Получив толчок сзади, и зацепившись ногой за костыль раненого, Евгений Карлович получил несколько переломов и ушиб головы. Организм инженера Кнорре уже не смог справиться с этими ранами…

По другой версии биографии инженер Кнорре вступился за хорошо одетую барышню, которую пытались ограбить революционные матросы, за что и был сброшен на ходу из трамвая. От удара грудью о бордюр у Евгения Карловича развился рак и он скончался 29 октября (11 ноября) 1917 года на 70 году – в день самых страшных боёв между большевиками и юнкерами, оборонявшимися в московском Кремле. Похоронили инженера на Даниловском кладбище в Москве.

Список литературы

[1] Биография Евгения Кнорре // МИКЖД. НВФ. 314. О. 6. Л. 1-18.

[2] Газета «Енисей», №145 от 04.12.1896 г.

[3] Газета «Енисей», №112 от 24.09.1897 г.

УДК 94 (571)

Стационарные торговые заведения в Минусинском уезде в конце XIX в.: количество, размещение, коммуникации

Леонтьев Евгений Викторович
Старший научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск, Россия
snaut.leontiev@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье по материалам податной инспекции рассматривается сеть стационарных торговых заведений Минусинского уезда на 1899 г. Представлены данные о размещении и торговом обороте предприятий, занимавшихся сбытом привозных промышленных товаров и закупом сельскохозяйственной продукции. Выясняется насколько варьировало их распространение в зависимости от местных, локальных условий, таких как состав населения, отраслевые особенности хозяйства, направление основных путей сообщения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА торговля, торговые заведения, годовой оборот, сеть, деревни

Развитие стационарной торговли являлось важным фактором, оказывавшим влияние на повседневный быт сибирской деревни пореформенного времени. Распространение торговых лавок, обеспечивавших сбыт привозных фабричных товаров и закуп сельскохозяйственной продукции, способствовало росту товарности крестьянского хозяйства. Ускорились изменения в материальной культуре населения, стали складываться новые стандарты потребления. Все это сказывалось на содержании и уровне экономической деятельности крестьян.

К концу XIX в. фигура сельского лавочника прочно заняла свое место в социальной структуре сибирского села. Стационарные торговые предприятия, - хлебные, мануфактурные, мелочные лавки имелись к этому времени практически в каждом крупном селении. Вместе они образовывали густую, хотя и не везде однородную, сеть торговых пунктов, охватывающую лежащие вокруг городов территории. В рамках настоящего сообщения мы рассмотрим ее на материале Минусинского уезда Енисейской губернии. Нас преимущественно будет интересовать как размещались в пределах данной территории предприятия стационарной торговли; насколько варьировали частота их местоположения и показатели товарного оборота в зависимости от местных, локальных условий, таких как состав населения, отраслевые особенности хозяйства, направление основных путей сообщения.

Главными источниками предпринятого исследования являются Книга торговых и промысловых предприятий, подлежащих обложению дополнительным промысловым налогом по Минусинскому уезду за 1899 г. и списки населенных мест за 1893 и 1901 гг.

Всего без учета питейных заведений, в книге минусинского податного инспектора содержаться данные о 428 торговых пунктах, среди которых присутствуют 181 мануфактурная, 148 мелочных, 81 хлебная лавки и 18 складов для закупа животного сырья [Подсчитано по: 1]. В каждом конкретном случае показаны их местонахождение, специализация, имя владельца, примерные размеры годового оборота и прибыли. Кроме того, еще 100 лавок записаны без указания сведений об их торговой деятельности; при проведении подсчетов они не фиксировались.

Как правило, внесенные в книгу предприятия являлись мелкими лавками с годовым оборотом от одной до десяти тысячи рублей. Совокупный объем продаж их в 1899 г. простирался на сумму 1375.23 тыс., что почти в 1.5 раза превышало аналогичную сумму сбыта товаров в городе Минусинске (891.20 тыс.). В целом показанные пункты охватывали 148 сел и деревень Минусинского уезда из 242 существовавших на 1901 г.

На долю жителей этих селений приходилось 83.83 % населения данной территории [Подсчитано по: 1, 5]. То есть подавляющее большинство местных крестьян жили в деревнях, где розничная продажа основных потребительских товаров, таких как чай, керосин, ситец, бакалея присутствовала в виде постоянного явления. В этом отношении, согласно статистике, Минусинский уезд занимал довольно выигрышное положение в ряду других территорий: в девяти его волостях в 1899 г. (без учета мест преимущественного расселения хакасов) одна торговая лавка приходилась в среднем на 340 чел. об.п., против 400 чел. во всей Енисейской губернии; для сравнения на юге России в Тамбовской и Воронежской губерниях тот же показатель равнялся в это время соответственно 988 и 911 чел. [7, с. 107].

Если все торговые предприятия Минусинского уезда разделить на те, что преимущественно продавали промышленную продукцию (мелочные и мануфактурные лавки) и закупали сельскохозяйственное сырье, то их количественное соотношение будет выглядеть как 3.3 к 1 (329 и 99). Таким же примерно окажется соотношение величин годового оборота товаров, в общем объеме которого на долю мануфактурных и мелочных лавок приходилось 77.17 % [Подсчитано по: 1]. Это означает, что сеть стационарной торговли обслуживала здесь, главным образом, сбыт ввозимых в губернию товаров. Крестьяне выступали в ней в основном как покупатели; для продажи собственного скота и хлеба они либо посещали базары, либо прибегали к услугам разъездных скупщиков [4, с. 108]. В конце XIX в. в Минусинском уезде действовали семь ярмарок (городе Минусинске, селах Абаканском, Новоселовском, Идринском, Ермаковском, станицах Каратузской и Соленоозерской) и десять базаров. Продаваемый на них хлеб сплавлялся большей частью в Енисейский уезд или доставлялся на местные прииски по Амылу, Кизиру, Усу и др. рекам [2, с. 50].

Таблица 1
Наличие торговых заведений в селах и деревнях Минусинского уезда с разным числом жителей. 1899 г.

Селения по числу жителей	Селений с торговыми лавками	В них торговых заведений	Селений без торговых лавок
До 500 человек	39	51	89
500 – 999	68	128	5
1000 – 1499	25	112	0
1500 человек и более	16	137	0
Всего	**148**	**428**	**94**

* *Посчитано по данным: Памятная книжка Енисейской губернии на 1900. Красноярск, 1901. Архив г. Минусинска Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 914. ЛЛ. 12 (об.) – 24, 27 (об.) – 39 (об.) – 52 (об.) – 59, 62 (об.) – 70, 95 (об.) –114, 119 (об.) - 180.*

Подсчеты показывают, что местоположение торговых предприятий в деревнях существенно зависело от их людности (См. таблицу 1). По вполне понятным причинам сравнительно крупные и оживленные села служили своего рода «экономическими центрами» для жителей, лежащих вокруг мелких селений. Около 70 % деревень людностью менее 500 чел. не имели собственных торговых заведений; в селениях с количеством жителей от 1000 до 1500 чел. их было по четыре – пять на каждое, а в селах, превышающих этот показатель, – восемь – девять.

Таблица 2
Показатели стационарной торговли в селах Минусинского уезда, имевших базары

Виды товаров	Сумма годового оборота (руб.)	Доля в годовом обороте по уезду (%)	Сумма годового оборота в среднем на двор (руб.)	
			В базарных селах	Во всех других населенных пунктах
Промышленные	413630	38.98	161	30
Сельскохозяйственные	18851	60.03	73	6

* *Посчитано по те же данным, что и предыдущая таблица.*

Чаще всего торговые заведения встречались в селах, где действовали еженедельные базары [2, с. 50]. В среднем на каждое такое селение приходилось 13 стационарных предприятий. Лидировали в этом отношении расположенные на главных речных дорогах село Абаканское (30 торговых заведений), Курагинское (22) и станица Каратузская (21). Открытие торговых лавок в местах базарно-ярмарочной торговли подчинялось одной закономерности. При взгляде на следующую таблицу мы видим, что базарные села больше сосредотачивали лавки сельскохозяйственного, чем промышленного назначения. Оборот первых в пересчете на один двор в этих селениях в 12.2 раза превышал продажу сельскохозяйственных продуктов во всех других деревнях; а вот доходы от продажи промышленных товаров только в 5.4 раза. То есть очевидно, что если привозная мануфактура растекалась и доходила до деревенского потребителя мелкими партиями, то закуп хлеба и животного сырья на месте осуществлялся сразу в сравнительно крупных размерах и потому был возможен не повсюду. Купить керосин, мыло, кусок ситца крестьянин мог обычно в своей деревне, но для того чтобы продать выращенный хлеб ему приходилось ехать в волостное село, особенно если там был базар.

Теперь рассмотрим, как располагались на территории Минусинского уезда учтенные в книге податного инспектора торговые заведения. Для этого вновь разделим, как и в предыдущем случае, лавки, торговавшие преимущественно привозными предметами и закупавшие местное сырье.

И те, и другие, как свидетельствуют нанесенные на карту подсчеты, образовывали весьма неоднородную сеть. Что касается мануфактурных лавок, то они были крупнее и чаще находились в Новоселовской, Абаканской, Сагайской, Шушенской и особенно Бейской волостях. Для того, чтобы объяснить данное обстоятельство стоит обратить внимание на следующие условия: 1. Почти все указанные территории, за исключением Сагайской волости, были расположены по Енисею, являвшимся главной транспортной магистралью в губернии. Это, вероятно, отражалось на стоимости привозимых товаров и позволяло рассчитывать на некую дополнительную прибыль; 2. Новоселовская, Абаканская и Бейская волости граничили с инородческими улусами, где устройство торговых заведений не дозволялось. Поэтому тамошние лавки, скорее всего, обслуживали не только местных крестьян, но и соседей – хакасов, что увеличивало сбыт и привлекало сюда предпринимателей; 3. Для Сагайской волости была характерна та же ситуация с той только разницей, что сторонними покупателями здесь для лавочников являлись не хакасские скотоводы, а возвращавшие из тайги рабочие приисков. Принимая во внимание многолюдство и психологию приискателей, можно полагать, что удачное завершение промыслового сезона приносило в этих местах торговцам иногда существенные барыши [6, с. 24].

Таблица 3
Распределение по волостям Минусинского уезда торговых лавок, торговавших мануфактурой и мелочными товарами. 1899 г. *

Волости	Количество торговых лавок	Общая сумма годового оборота (руб.)	В среднем на один двор (руб.)
Новоселовская	24	156450	54
Абаканская	32	128640	54
Идринская	33	65330	28
Тесинская	53	106230	25
Курагинская	30	83510	35
Сагайская	47	157210	53
Ермаковская	22	48990	25
Шушенская	47	138080	45
Бейская	39	176780	84
Всего:	**327**	**1061220**	**44**

* *Посчитано по те же данным, что и предыдущая таблица.*

Прочие территории уезда, Идринская, Тесинская (северо-восточная подтаежная ее часть), Курагинская и Ермаковская волости, не имели указанных преимуществ. Расположенные там деревни находились в более отдаленных местах, были сравнительно невелики и населены в основном отнюдь небогатыми переселенцами. Все это затрудняло развитие розничной торговли, относительные размеры которой были в этих районах в 2 – 2.5 раза меньше, чем в центральной части уезда.

Закуп сельскохозяйственной продукции в Минусинском уезде осуществляли, главным образом, хлебные лавки (81 из 99). Соответственно их сеть складывалась в пределах рассматриваемой территории, повторяя пространственные перепады в плотности населения и развитии местного полевого хозяйства. Еще одним значимым фактором являлось состояние дорог и наличие речных путей сообщения, игравших главную роль в вывозе зерна. Обеим названным условиям в уезде наиболее удовлетворяли судоходные и относительно плодородные волости, Новоселовская, Шушенская, Тесинская и Курагинская. По сведениям П.А. Аргунова, последние две включали в себя в 1880-е гг. районы, выделившиеся среди прочих величиной и качеством возделываемых крестьянами участков [3, с. 34]. Избытки выращенного хлеба практически целиком уходили отсюда «на сплав» по Тубе и Енисею на север губернии [4, с. 8]. Наиболее активно скупка зерна происходила в Курагинском, Шалоболино и Шошиной, где в 1899 г. действовали 25 хлебных лавок с общим годовым оборотом в 73.5 тыс. руб. Это составляло примерно 1/3 зерна, проданного сельским лавочникам в Минусинском уезде. Абаканская волость, тоже отличавшаяся закупом крестьянской продукции, привлекала в основном торговцев, приобретавших кожи, шерсть и другое животноводческое сырье.

Таблица 4
Распределение по волостям Минусинского уезда торговых лавок, производивших закуп сельскохозяйственных продуктов. 1899 г. *

Волости	Количество торговых лавок	Общая сумма годового оборота (руб.)	В среднем на один двор (руб.)
Новоселовская	16	61780	21
Абаканская	17	59700	25
Идринская	0	0	0
Тесинская	20	56860	14
Курагинская	18	41450	17
Сагайская	3	12200	4
Ермаковская	4	9300	5
Шушенская	17	47020	15
Бейская	4	25700	12
Всего:	**99**	**314010**	**13**

* *Посчитано по те же данным, что и предыдущая таблица.*

Обобщая изложенное можно сказать, что к концу XIX в. на территории Минусинского уезда сложилась достаточно плотная сеть стационарных предприятий розничной торговли. Подавляющая часть местного населения состояла из жителей деревень, в которых были торговые заведения - мелочные, мануфактурные, хлебные лавки. Главной функцией этих предприятий являлась продажа привозной фабрично-кустарной продукции. Сбыт крестьянами продуктов своего хозяйства осуществлялся еще в основном на ярмарках, базарах или через разъездных скупщиков. Размещение торговых лавок в пределах рассмотренной территории было весьма неравномерным. Основное значение в этом имели направление путей сообщения (преимущественно речного) и плотность населения, - людность деревень. Местами наиболее оживленного торга в уезде, главным образом, являлись крупные базарные села, пути следования приисковых рабочих на промыслы и деревни, расположенные по соседству с улусами коренных жителей - хакасов.

Список литературы

[1] Архив г. Минусинска Ф. 15. Оп. 1. Ед.хр. 914. ЛЛ. 12 (об.) – 24, 27 (об.) – 39 (об.) – 52 (об.) – 59, 62 (об.) – 70, 95 (об.) –114, 119 (об.) – 180.

[2] Адрианов А.В. Очерки Минусинского края// Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 год. Томск, 1904.

[3] Аргунов П.А. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Минусинского музея. Казань, 1892.

[4] Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта

[5] сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. IV. Вып. 5. Иркутск, 1893.
[6] Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 год. Красноярск, 1900.
[7] Уманский А.А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888.
[8] Федорова В.И. Енисейская губерния 1861 – 1917 гг.: Экономика, общество, культура. Красноярск, КГПИ им. В.П. Астафьева, 2016.

УДК 94(571)

Участие административных институтов Восточной Сибири и Дальнего Востока в финансировании дорожной инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв

Почеревин Евгений Владимирович
Кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина (АГГПУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Россия
pev2@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0837-216X

АННОТАЦИЯ В статье анализируется деятельность местных органов власти Восточной Сибири и Дальнего Востока по финансированию строительства и содержания транспортной инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв. Основу исследования составили делопроизводственные материалы общеимперского и губернского (областного) уровней. Из средств местных бюджетов сибирских и дальневосточных областей и губерний финансировались изыскательские и строительные работы. Однако основные ресурсы затрачивались на поддержание дорог в приемлемом состоянии. Управленческие органы стремились оптимизировать затраты губернских средств. Планы и предложения местных администраций сталкивались с противодействием столичных органов власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА дорожная инфраструктура, местный бюджет, Восточная Сибирь, Дальний Восток, конец XIX – начало XX вв.

Создание и поддержание транспортных коммуникаций являются важнейшими задачами в деле освоения территорий российского Зауралья. Отечественными исследователями хорошо изучена история отдельных транспортных магистралей Сибири и Дальнего Востока. Здесь следует отметить работы О. Н. Катионова о Сибирском [11] и П. Л. Казаряна о Якутском трактах [9]. История Чуйского тракта освещена в диссертации М. В. Подрезова [14]. Значительное внимание строительству Амурской колёсной дороги («колесухи») уделено в монографии М. А. Ковальчука [13]. Развитию транспортной инфраструктуры в отдельных регионах Сибири также посвящено ряд исследований [8; 12; 7; 17; 25]. Современными исследователями написано несколько специальных статей о деятельности Переселенческого управления по созданию гужевых дорог [1; 10; 20]. Однако дорожное дело, как сфера интересов местного хозяйства, редко попадало в фокус научного внимания [15; 16]. Данная статья призвана показать участие местных административных институтов в финансировании дорожной инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.

Строительство и содержание транспортных коммуникаций в губерниях и областях Зауралья входило в круг обязанностей местной администрации. Каждое трёхлетие, на основе данных о насущных потребностях, составлялись земские сметы. В силу сложившихся правил, эти проекты рассматривались особым совещанием при Департаменте окладных сборов министерства финансов (далее – Совещание). Затем обсуждались Государственным советом (после 1906 г. и Государственной думой), после чего утверждались императором. Делопроизводственная документация, связанная с разработкой и принятием губернских земских смет, позволяет изучить причастность губернских/областных администраций и населения Сибири к процессу транспортного освоения края.

Местные бюджеты сибирских губерний были вовлечены в дорожно-изыскательскую деятельность, хотя это и не являлось общей практикой. Крупные строительные проекты осуществлялись, как правило, за государственный счёт. Тем не менее, можно наблюдать

устойчивую тенденцию на привлечение к этому губернских финансов. Так, в 1895 г. иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин возбудил ходатайство о предоставлении ему права производить за счёт местного бюджета изыскательские работы и сооружение дорог в пределах вверенной ему территории. Речь шла о подъездных путях к Сибирской железной дороге и некоторым наиболее важным торговым пунктам. Подобное право было предоставлено киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернаторам. Свою просьбу чиновник представил во Всеподданнейшем отчёте за 1893-1895 гг. и получил одобрение императора. При утверждении сметы по генерал-губернаторству на 1897-1899 гг., Госсовет указал, что ежегодно выделяемые на это 20000 руб. должны употребляться на строительство таких объектов, которые не потребуют «впоследствии значительных средств для своего окончания» [4, л. 371–371 об.]. В трёхлетние сметы генерал-губернаторства с 1900 г. по 1908 г. также были включены аналогичные ассигнования [5, л. 373; 6, л. 31 об., 236 об., 183]. В смету на 1909-1911 гг. были внесены расходы объёмом уже 25000 руб. в год. Та же сумма вносилась в сметы последующих двух трёхлетий до 1917 г. [23, с. С. 2–3; 24, с. 5]. Финансовая комиссия Государственной думы исключила из проекта забайкальской областной сметы на 1912-1914 г. расходы в размере 5000 руб. в год, посчитав более целесообразным проведение ремонта существующих дорог, а не проведение новых. По той же причине в смете на 1915-1917 гг. Совещание оставило ассигнования в размере 4000 руб., вместо запланированных 13900 руб. в год [22, с. 4].

О характере проводимых изыскательских и строительных работ говорят отчётные сведения Иркутского генерал-губернаторства за период 1909-1910 гг. На выделенные земские средства было проведено обследование местности на о. Ольхоне в целях строительства дороги. Был проведён осмотр Приленского тракта с организацией взрывных работ «в наиболее опасных участках». В Забайкальской области велась строительная деятельность для обеспечения транспортной доступности казачьих станиц и повышающая мобилизационные возможности. В Якутской области обследовалась местность с целью проведения зимнего почтового тракта от железной дороги до Якутска. Кроме того проводились изыскания для устранения «изолированности Колымского края» [3, л. 219-220]. В последний год трёхлетия проводились работы по подготовке трассы между с. Нельканом и портом Аян, на которые было ассигновано 15000 руб. [3, л. 274].

Самой крупной статьей расходов явилось выделение средств на опытно-изыскательские работы при проектировании Усинского тракта в Енисейской губернии. На это было затрачено около 30000 руб. [3, л. 220]. Устройство этой дороги стало одним из самых затратных проектов, в которых участвовал местный бюджет Иркутского генерал-губернаторства. В 1895 г. по представлению генерал-губернатора было разрешено использовать из земских средств 3000 руб. на производство изыскательских работ по прокладке тракта. Наладить транспортное сообщение с отдалённым Усинским пограничным округом было необходимо не только с коммерческой целью, но и с военной. В случае «неприязненных действий» край мог быть отрезан от остальной империи [4, л. 260]. Дорога строилась на средства государственной казны, но земские средства также привлекались к её созданию. Даже на последнем этапе строительства, в смету Енисейской губернии закладывались соответствующие ассигнования. Так в период 1912-1914 гг. предполагалось на улучшение отрезка г. Минусинск – с. Григорьевка затратить около 5300 руб. На участке имелись подъемы, требовавшие обходов и возведения дорожных сооружений [21, с. 4].

В конце XIX – начале XX в. территория Приамурского генерал-губернаторства находилась на пике колонизационного движения и освоения новых территорий. При составлении проекта сметы генерал-губернаторства на 1900-1902 гг. на строительство новых дорог испрашивалось по 3500 руб. в год [5, л. 3147]. В следующем трёхлетии 1903-1905 гг. планировалось ассигновывать по 10000 руб. для Приморской и по 11000 руб. в

год для Амурской областей. Средства предполагалось использовать на устройство «по мере надобности, дорог для соединения возникающих поселений». Генерал-губернатор пояснял, что близкие к железной дороге участки уже заселены, но переселенческое движение не прекращалось, поэтому нужно расселять крестьян в более отдаленных местах. Глава края желал иметь в своем распоряжении средства на самые неотложные дорожно-строительные нужды. Члены Совещания, при рассмотрении проекта сметы, указали на использование в Иркутском генерал-губернаторстве земских средств на подобные цели, в основном, на изыскательские работы. Не отвергая данных ассигнований, Совещание отметило, что колонизационное освоение является делом государственным и должно финансироваться из казны. Земские средства, по мнению столичных чиновников, должны были использоваться на сооружение и поддержание дорог, «вызываемых надобностями уже существующих поселков». Кроме того, было указано, что нужно составлять финансовые запросы точно по техническим сметам, а не на «основании примерных норм» [6, л. 114]. Государственный совет также одобрил выделение просимых средств, с условием предоставления отчета об их расходовании [6, л. 93 об.]. В последующем, администрация генерал-губернаторства сохранило право использовать ассигнования на дорожное строительство. Так, в смете Приморской области на 1906-1908 гг. выделялась аналогичная сумма. На трёхлетие 1909-1911 гг. на устройство в области «новых тележных дорог для соединения возникающих поселений с железной дорогой» планировалось уже 19000 руб. в год. По объяснениям местного начальства, сумма была увеличена ввиду усиления прилива переселенцев. Совещание с оговорками, но одобрило увеличение ассигнований [18, л. 248]. В Амурской области в 1912-1914 гг. отпускалось на «устройство мостов, гатей, насыпей и боковых канав» по 14460 руб. в год. В проект сметы на 1915-1917 гг. областная администрация заложила на эти цели 26000 руб. в год [19, л. 7 об.].

Основной деятельностью губернских и областных управлений Зауралья в дорожной сфере было содержание существующих почтовых и земских трактов. Дорожная инфраструктура финансировалась из средств земских бюджетов. Ресурсы были крайне ограничены, поэтому местные административные органы стремились оптимизировать расходы.

Так, Забайкальское областное управление планировало внести в смету на 1897-1899 гг. расходы в размере 1000 руб. в год на работы по поддержанию мостов в «городских дачах» области. В предшествующем трёхлетии эти затраты составляли по 3450 руб. в год. Снижение затрат объяснялось тем, что многие мосты были отремонтированы, а устройства новых не требовалось. Исключение составлял читинский мост, на переустройство которого была составлена техническая смета. Однако областное начальство полагало, что строительство за счёт государственных средств железнодорожного моста через р. Читу сделает земский мост неактуальным [2, л. 77-92]. На ремонт остальных мостов и гатей в области было запланировано отпускать по 6660 руб. в год. Эта сумма была рассчитана на основании среднегодовых затрат по данным за прошлые сметные периоды. В 1887-1889 гг. было произведено работ на 28463 руб., в 1890-1892 гг. на 11488 руб. [2, л. 77-92].

В Приморской области на период 1909-1911 гг. были запланированы расходы по обслуживанию моста через р. Суйфун, сооружённого военным ведомством во время войны 1904 г. Капитальный свайный мост обошёлся казне в 200000 руб. и был передан областной администрации. На его содержание и организацию охраны из земского бюджета выделялось 750 руб. в год. Военные проложили тележный путь от г. Никольска-Уссурийского до г. Хабаровска, содержание которого требовало 450 руб. в год. На поддержание в исправном состоянии тракта от с. Владимиро-Александровки до поста Св. Ольги, как и в прошедшем трёхлетии, отпускалось по 1913 руб. в год [18, л. 248]. В Амурской области при планировании бюджета 1915-1917 гг. на содержание и ремонт

сооружений, расположенных на земских трактах, отводилось 6000 руб. в год. Отдельной строкой были обозначены расходы на содержание «новой дороги» (Амурской «колесухи»), которые составляли 5666 руб. в год [19, л. 7 об.]. На рассмотренных примерах можно увидеть, что содержание крупных трактов и дорожных сооружений в Приамурском генерал-губернаторстве лежало на земских бюджетах.

Таким образом, земские бюджеты сибирских и дальневосточных губерний и областей активно финансировали изыскательские работы и прокладку новых транспортных магистралей. Особенно напряжённо этот процесс развивался в Приамурском генерал-губернаторстве. Несмотря на активную строительную деятельность, местные бюджеты главным образом были нацелены на поддержание в исправности земских и почтовых трактов. Средства губернского земского сбора затрачивались на содержание не только «обычных» дорог, но и тех, которые являлись важными в колонизационном отношении. Местные администрации стремились оптимизировать расходы, сообразуясь с податными возможностями населения.

Список литературы

[1] Александрова Е. А. Строительство переселенческих дорог в Томской губернии начала XX в. // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 75-летию НГПУ. Новосибирск, 2010. С. 193–195.

[2] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 184.

[3] ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 1012.

[4] Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 52. Д. 2.

[5] ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 178.

[6] ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 224.

[7] Завьялов А. А., Модоров Н. С. Почтовые тракты Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв. // Гео-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 63–73.

[8] История дорожного дела в Томской области / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1999. 284 с.

[9] Казарян П. Л. Иркутско-Якутский почтовый тракт: история становления // Управление мегаполисом. 2008. №6. С. 53–63.

[10] Карпинец А. Ю. Дорожное строительство в Тобольском переселенческом районе в 1909 г.: проблемы и особенности реализации и финансирования // Перспективы науки. 2012. № 9(36). С. 60–62.

[11] Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII - XX вв. Новосибирск, 2008. 372 с.

[12] Кискидосова Т. А. Транспортная инфраструктура Енисейской губернии и ее влияние на развитие торговли конца XIX – начала XX вв. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов II регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 112–119.

[13] Ковальчук М. А. Грунтовые дороги Дальнего Востока России: (середина XVII – начало XX вв.). Хабаровск, 2005.

[14] Подрезов М. В. История Чуйского тракта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 21 с.

[15] Почеревин Е. В. Расходы на транспортную инфраструктуру в земской смете Тобольской губернии на трехлетие 1915-1917 гг. // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. 2019. №1 (41). С. 183–188.

[16] Почеревин Е. В. Содержание местной дорожной сети в Томской губернии в начале XX в. // Известия Алт. гос. ун-та. 2016. №4 (92). С. 123–127.

[17] Пустогачева Т. С. История развития путей сообщения в Горном Алтае в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алт. гос. ун-та. 2010. № 4–2(68). С.182–189.

[18] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 15. Д. 20345.

[19] РГИА. Ф. 1288. Оп. 23. Д. 37.

[20] Сакович А. В. Дорожное строительство в Иркутском переселенческом районе (на примере Око-Тагнинского переселенческого подрайона) // История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы: материалы науч.-практ. конф. 2008 г., пос. Залари Иркут. обл. Иркутск, 2011. С. 101–107.

[21] Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Енисейской губернии на 1915-1917 гг. Петроград, 1915. 120 с.

[22] Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей Забайкальской области на 1915-1917 гг. Петроград, 1915. 114 с.

[23] Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1909-1911 гг. СПб, 1908. 89 с.

[24] Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1915-1917 гг. Петроград, 1915. 92 с.

[25] Федорова В. И. Развитие транспортной сети в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Экономическое развитие Сибири: материалы Сибирского историч. форума. Красноярск, 2016. С. 39–43.

УДК 94(57):396.5"1900/1913"

Использование женского труда на Сибирской железной дороге:нормативно-правовое регулирование и практика

Сердюк Владимир Александрович
Кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Россия.
a.serdyuk@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9914-4394

АННОТАЦИЯ В статье осуществлен анализ нормативно-правового регулирования женского труда и реальной практики его использования на Сибирской железной дороге в период с 1900 по 1913 гг. В работе приведены статистические данные о количестве, процентном соотношении и должностях, которые занимали женщины на железнодорожной службе. Продемонстрировано постепенное увеличение абсолютной численности женщин на Сибирской железной дороге, что обусловливалось потребностями железнодорожной отрасли. Основываясь на архивных данных, автор делает вывод о расхождении между требованиями железнодорожного законодательства и действительным положением вещей в части использования женского труда на железных дорогах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, железнодорожный транспорт, Сибирская железная дорога, труд женщин.

История железнодорожного транспорта в глазах широкой общественности нередко предстает как история андрогенная, а сама железнодорожная отрасль – как «маскулинная среда», в которой на протяжении многих лет либо совсем не находилось места женщинам, либо их вклад в эксплуатацию железных дорог по сей день видится слишком незначительным, чтобы можно было рассматривать данную проблематику в качестве поля для академических штудий.

В научной среде сложилась иная ситуация. «Антропологический поворот» в гуманитарных исследованиях, произошедший во второй половине XX века, многое изменил. Пришло понимание, что история не ограничивается только масштабными событиями, идеями и поступками видных деятелей, и что, к примеру, процессы модернизации и индустриализации проходили при активном участии масс – «многих» в терминологии зародившейся на Западе исторической антропологии. Целое поколение историков еще в 1960 – 1970-е гг. задалось вопросом: «Не должны ли мы подойти к этим («многим») людям поближе, чтобы они обрели в истории собственные голоса и лица?» [5, с. 58]. Приближение ученых к историческим субъектам ознаменовало появление новых направлений и подходов, не уводивших исследователей от изучения ставших привычными макроструктур и глобальных процессов, но позволивших рассмотреть эти процессы и структуры под иным углом зрения. Хотя «антропологический поворот» и не изменил обыденные представления о железнодорожной отрасли как мужской сферы деятельности, однако возникновение гендерных исследований позволило взглянуть на прошлое железных дорог шире, «заметив» в нем женщин. Правда, даже беглого ознакомления с литературой достаточно, чтобы признать – железнодорожницы, ничем в традиционном смысле не знаменитые, и сегодня нечасто оказываются в фокусе внимания исторической науки.

В настоящей статье осуществлен анализ нормативно-правового регулирования женского труда и реальной практики его использования на крупнейшей к востоку от Урала казенной магистрали начала XX века – Сибирской железной дороге. Под термином «женский труд» подразумевается любая трудовая деятельность, которую выполняет женщина с учетом специфики ее рабочей силы, обусловленной физическими

и психофизиологическими особенностями организма [19, с. 15]. Последние вплоть до Первой мировой войны во многом предопределяли допуск женщин только к относительно легким (в физическом отношении) работам на железных дорогах. В этом отличие данного термина от более широкого понятия «труд женщин», то есть трудовой деятельности, выполняющейся женщинами фактически, без акцента на физические и психофизиологические особенности их организмов. Игнорирование указанных ограничительных факторов стало вынужденным явлением на отечественных железных дорогах с 1915 г., на фоне массовых призывов мужчин (в том числе железнодорожников) к несению воинской службы.

Сибирская железная дорога возникла 1 января 1900 г. за счет слияния двух дорог: Западно-Сибирской (от Челябинска до р. Оби) и Средне-Сибирской (от р. Оби до Иркутска). В прямое сообщение с сетью дорог Европейской России Западно-Сибирская была включена с 15 октября 1896 г., а Средне-Сибирская на участке Обь – Красноярск и Тайга – Черемошники с 1 января 1898 г., а на участке Красноярск – Иркутск с 1 января 1899 г. [10, с. 3].

Являясь западной частью Великого Сибирского пути (в зарубежной терминологии – Транссибирской магистрали), Сибирская железная дорога пролегала от Челябинска до Иннокентьевской (ныне ст. Иркутск-Сортировочный). Управление дороги располагалось в г. Томске. В 1910 г. общая протяженность путей магистрали достигла 4871 версты [9, с. 3]. В статье рассмотрен период эксплуатации Сибирской железной дороги вплоть до 1 октября 1913 г., когда из ее состава выделилась Омская железная дорога. Юридически же магистраль просуществовала до 1 января 1915 г.

Хотя к началу XX века женский труд в железнодорожной отрасли уже перестал быть неординарным явлением (как это было 40 годами ранее – в самом начале эпохи Великих реформ Александра II), однако на этапе осуществления строительных работ женский труд на сибирских линиях практически не применялся. В дальнейшем, при сдаче железных дорог в эксплуатацию, ситуация стала меняться. По данным, собранным Управлением делами Железнодорожного Пенсионного Комитета, в 1899 г. на Западно-Сибирской и Средне-Сибирской дорогах в совокупности числилось 9306 участников пенсионных касс. Количество железнодорожниц среди них было небольшим – 215 чел. на Западно-Сибирской (4,7 %) и 331 чел. на Средне-Сибирской (7 %). Всего 546 женщин (5,9 %) [13, с. 64]. Для сравнения: средняя относительная численность женщин-служащих на 35 казенных и частных железных дорогах Российской империи (включая Управление железных дорог МПС) в 1899 г. равнялась 9,5 %.

Подобное положение дел в Сибири обусловливалось первостепенной потребностью в физически крепких работниках (рабочих) на этапе возведения Транссибирской магистрали, отдаленностью края от культурных центров, его малонаселенностью, суровым климатом, высокими ценами на предметы первой необходимости и бытовой неустроенностью. Все это отпугивало потенциальных служащих Европейской России от перехода на службу в Сибирь, включая квалифицированный женский персонал, ведь на первых порах собственные железнодорожные кадры в регионе отсутствовали.

Впрочем, это не единственные лимитирующие факторы. Использование труда женщин нормативно ограничивалось списком конкретных должностей, на которые местные управления дорог могли принимать женщин, а также «процентными нормами» – своеобразными квотами, ограничивавшими количество «лиц женского пола» на железнодорожной службе.

Согласно правилам, утвержденным министром путей сообщения А.Я. Гюббенетом 17 ноября 1890 г., женщины допускались к отправлению службы во Временном управлении казенных железных дорог Министерства путей сообщения (МПС), в

местные управления и на линии казенных железных дорог по вольному найму на следующие должности:

– журналистов, конторщиков и переписчиков (по канцеляриям управлений дорог и юрисконсультской части);

– младших счетоводов, журналистов, конторщиков и переписчиков (по главной бухгалтерии и счетоводству материальной службы, служб пути, движения, тяги и телеграфа);

– младших агентов и конторщиков (по статистике пробега подвижного состава);

– акушерок и фельдшериц (по врачебной части);

– переписчиков и конторщиков в управлении (по материальной службе);

– чертежников, журналисток и конторщиков в управлении и переездных сторожих на линии (по службе пути);

– конторщиков и переписчиков (по службе движения в отделах:

а) статистики грузов; б) коммерческом; в) тарифном; г) столе претензий);

– билетных кассиров и горничных при дамских комнатах (на больших станциях по службе движения);

– конторщиков, переписчиков и младших счетоводов, телеграфистов в пределах телеграфных правил (по службе телеграфа);

– младших счетоводов, конторщиков и чертежников при управлении (по службе тяги) [12, л. 24 – 24 об].

Указанными правилами, изложенными Временным управлением казенных железных дорог МПС в циркуляре № 29397 от 1 декабря 1890 г., оговаривалось, что доля женщин не может превышать 20 % от общего числа служащих по тем же должностям в каждом из вышеперечисленных отделений служб [6, с. 11]. 7 октября 1892 г. Управление казенных железных дорог МПС выпустило циркуляр № 24876, сделав исключение для отделений статистики местных управлений железных дорог, куда женщин разрешили принимать до 30 % от общей численности персонала. Процентные нормы касались всех железнодорожных профессий, на которых могли быть задействованы женщины, кроме фельдшериц, акушерок и переездных сторожих, – их прием местные управления дорог осуществляли в соответствии с количеством имевшихся по штату мест.

Таким образом, на российских железных дорогах к моменту возведения Великого Сибирского пути помимо стандартного требования к определённому уровню образования, в отношении женщин действовали также гендерные барьеры, основанные на патриархальных общественных установках.

Несмотря на законодательные ограничения, в период руководства Сибирской дорогой В.М. Павловским (1900 – 1905 гг.) абсолютное количество служащих на ней женщин возрастало вслед за увеличением численности всего служебного персонала. К 1 января 1901 г. в штате дороги числилось 10 362 служащего-участника пенсионных касс, из них 568 женщин (5,5 %) [14, с. 64]. К 1 января 1905 г. численность штатных служащих возросла до 17 561 чел., из которых 910 были женщинами (5,2 %) [15, с. 66]. Между тем, относительная доля женщин оставалась невысокой, составляя чуть более 5 % от численности всего штатного персонала.

Усредненный «портрет» железнодорожницы начала XX века, занятой типичной канцелярской работой, можно обрисовать, воспользовавшись сохранившимися данными о 132 «лицах женского пола», трудившихся в Управлении Сибирской дороги в 1903 г. Большинство являлись незамужними в возрасте от 19 до 45 лет (в соответствии с правилами, при выходе замуж девушка была вынуждена оставить службу в

управлениях дорог), за ними следовали замужние (жены служащих Управления) и вдовы. Минимальный возраст поступления на службу в Управление дороги равнялся 19 годам, максимальный – 51 году, средний равнялся 32 годам. Уровень образования женщин в Управлении дороги был выше, чем у их коллег-мужчин: 75 % получили образование в средних и низших учебных заведениях, 25% – домашнее образование. Женщины переписывали бумаги (переписчицы), вели бухгалтерский учет (счетоводы), печатали документы на пишущей машине «Remington No. 1» (машинистки) и вели журналы регистрации входящей и исходящей корреспонденции (журналистки). Подобная «интеллигентная» служба женщин чаще всего была устойчивее мужской. Как правило, единственными причинами, заставлявшими их по собственной воле покинуть занимаемые должности являлись замужество или тяжелая болезнь, в противном случае женщины редко оставляли службу в управлениях дорог. Из 132 женщин, трудившихся в Управлении Сибирской дороги в 1903 г., обладали стажем службы на железных дорогах: 23 года – 1 чел., 14 лет – 1 чел., 11 лет – 1 чел., 9 лет – 3 чел., 8 лет – 3 чел., 7 лет – 3 чел., 6 лет – 22 чел., 5 лет – 18 чел. [7, с. 7 – 8].

В июне 1905 г. на всей магистрали трудилось уже 1150 женщин-служащих, что составляло 5,5 % от общей численности штатного персонала, хотя по отдельным службам и конторам эта цифра разнилась. Так, в Управлении дороги количество женщин достигло 21 % от общего числа служащих.

В соответствии с принятыми нормами окладного содержания 1150 женщин-служащих делили на три группы:

1) Занимавших низшие должности – 619 чел. (сиделки, сторожихи, баньщицы и т.д.) с окладами от 5 до 20 руб. в мес.

2) Занимавших средние должности – 528 чел. (конторщицы, переписчицы, машинистки, чертежницы и т.д.) с окладами от 25 до 70 руб. в мес.

3) Занимавших высшие должности – 3 чел. (старшие счетоводы и делопроизводители) с окладами от 75 до 100 руб. в мес. [18, с. 14].

Таким образом, 54 % женщин-служащих дороги занимали низшие должности с минимальными окладами. Находясь на аналогичных с мужчинами низших должностях, эти женщины (в отличие от тех, кто занимал средние и высшие должности) получали за свой труд меньшую оплату. Для сравнения: в 1905 г. окладное жалование сибирских переездных сторожих, несших 12-часовое посменное дежурство, равнялось 5 руб. в мес. При этом вместе с ними дежурство несли переездные сторожа (которые чаще всего были мужьями этих сторожих), получавшие за ту же самую работу 25 руб. в мес. [20, с. 10].

События Первой русской революции 1905 – 1907 гг. негативным образом отразились на условиях службы железнодорожниц. Судя по сохранившимся сводкам жандармских полицейских управлений, женщины практически не принимали участия в забастовках 1905 г. [См.: 2]. Во всяком случае, в сравнении с мужчинами их численность среди бастующих была минимальной. Тем не менее, стремясь навести порядок в железнодорожной отрасли, дисциплинировать подведомственный персонал на линиях по военному образцу, МПС пошло по пути ущемления прав женщин-служащих.

15 апреля 1906 г. Управление железных дорог МПС опубликовало одобренный генерал-майором, министром путей сообщения Н.К. Шауфусом циркуляр № 16127/87/2042, отменивший действие прежних циркуляров от 7 декабря 1890 г. и 7 октября 1892 г. По новым правилам, количество женщин, принимаемых в конторы Управлений дорог, служб и отделов и в конторы отдельных частей на линиях, не должно было превышать 10 % от общей численности служащих в каждом из указанных подразделений. Исключение делалось только для Службы сборов и отделений статистики, где количество женщин могло доходить до 15 %. МПС настаивало, чтобы предпочтение при приеме на службу отдавалось вдовам и сиротам бывших служащих, а также дочерям лиц, состоящих на железнодорожной службе, при обязательном наличии у всех кандидаток среднего

образования. Только во вторую очередь рекомендовалось принимать кандидаток, не имевших родственных связей с железнодорожными служащими, при наличии у них среднего образования [4, л. 3 об]. Таким образом, с весны 1906 г. принимать женщин с низшим и домашним образованием на средние и высшие должности запрещалось, а количество железнодорожниц должно было сократиться в два раза во всех отделах, службах и т.д.

Руководители железных дорог осознавали, что немедленное увольнение «лишних» женщин грозит перерасходом денежных средств (поскольку труд женщин на низших должностях «стоил» меньше мужского) вплоть до сбоев в эксплуатации линий, поэтому растягивали исполнение министерского циркуляра по времени. В частности, исполнявший обязанности начальника Сибирской железной дороги И. К. Ивановский 29 апреля 1906 г. издал по линии приказ № 126, в котором предписывал начальникам служб и отделов: «Там, где % служащих женщин превышает... норму, женщины вновь на службу приниматься не должны, а освобождающиеся должности должны замещаться мужчинами, чтобы таким путем постепенно число служащих женщин было доведено до указанных пределов» [4, л. 3]. С этой целью летом 1906 г. был осуществлен статистический учет штатного персонала, выявивший гендерное соотношение служащих (Табл. 1).

Табл. 1.
Сведения о штатном персонале служб и отделов Управления Сибирской железной дороги в г. Томске (к 1 июня 1906 г.)
Подсчитано по: 1, л. 3

№	Наименование служб и отделов	Численность		% женщин
		мужчин	женщин	
1	Канцелярия Управления	46	18	39,1
2	Главная Бухгалтерия	105	6	5,7
3	Врачебная служба	37	11	29,7
4	Материальная служба	86	19	22
5	Коммерческая часть	61	4	6,6
6	Служба Сборов	153	61	39,9
7	Юридическая часть	11	4	36,4
8	Пенсионная касса	12	21	175
9	Служба Пути	171	32	18,7
10	Служба Движения	182	56	30,8
11	Телеграф	156	26	16,7
12	Служба Тяги	174	68	39
13	Библиотека	7	3	42,9
14	Литография	30	0	0
15	Школьный отдел	7	3	42,9
	ИТОГО	**1238**	**332**	**26,8**

Как видно по данным Табл. 1, в 12 из 15 служб и отделов Управления Сибирской железной дороги численность «лиц женского пола» значительно превышала процентные нормы, указанные в новых правилах. Осуществленный учет персонала позволил местному начальству в годы руководства дорогой И.К. Ивановским (1906 – 1909 гг.) медленно снижать численность женщин до требуемых МПС показателей.

Впрочем, еще до выхода указанного выше циркуляра Управления железных дорог МПС, И.К. Ивановский обратил внимание на труд железнодорожниц. 6 марта 1906 г. И.К. Ивановским был разослал секретный приказ на имя начальников служб и отделов Сибирской дороги, в котором содержалось требование немедленного предоставления ему списка всех женщин-служащих, родственники которых трудились на магистрали и получали окладное содержание свыше 100 руб. в мес. И. К. Ивановский смотрел на службу ближайших родственниц подчиненных как на «вспомоществование сим служащим в смысле материального их облегчения» [4, л. 1 об], тогда как мужчины, получавшие оклады свыше 100 руб. в мес., по его мнению, в помощи не нуждались и вполне могли содержать своих родственниц на иждивении. Особое возмущение у руководителя дороги вызвал обнаружившийся факт приема на службу жен, сестер и дочерей ревизоров движения, окладное содержание которых превышало 250 руб. в мес. По имевшейся у И.К. Ивановского информации, некоторые из жен старших служащих занимали места конторщиц в местах службы своих мужей, братьев или отцов, не исполняя при этом своих должностных обязанностей [4, л. 1]. Практически всех оказавшихся в списке женщин ждало увольнение. Исключение сделали только для тех женщин, кто был давно принят на службу и при этом не трудился под непосредственным руководством родственника-мужчины [4, л. 2].

Итак, тенденция к росту абсолютной численности женщин-служащих на Сибирской дороге была прервана Первой русской революцией (точнее – выходом министерского циркуляра от 15 апреля 1906 г., приведшим к постепенному сокращению женского служебного персонала). Однако вскоре, в годы руководства дорогой Н.П. Осиповым (1909 – 1913 гг.), количество железнодорожниц на ней восстановилось, а затем превзошло дореволюционные показатели, что следует из статистических материалов.

Так, по данным на 1 апреля 1908 г. в штате магистрали числилась 661 женщина (что на 489 чел. меньше, чем в июне 1905 г.), из которых 295 служили в Управлении дороги, а 366 трудились на линии. «Интеллигентным трудом» были заняты 534 женщины (конторщицы, акушерки, учительницы, телеграфистки и т.д.), оставшиеся 127 – «черным трудом» (сиделки, сторожихи при водогрейках, поварихи, поломойки и т.д., не считая переездных сторожих и чистильщиц вагонов) [3, л. 115 об – 116; 8, с. 4].

Буквально через три года, к 1 января 1911 г., по данным пенсионной кассы (учитывающей только штатных служащих), на Сибирской дороге трудилась уже 951 женщина из 20 365 участников пенсионных касс (4,7 %) [16, с. 68]. К 1 января 1912 г. количество женщин – участниц пенсионной кассы Сибирской железной дороги возросло до 1263 чел. (5,6 %) из 22 550 чел., зафиксированных статистикой [17, с. 68].

Рост абсолютной численности сибирских железнодорожниц очевидно шел вразрез с требованиями Управления железных дорог МПС, изложенным в циркуляре от 15 апреля 1906 г., что не могло остаться незамеченным как самим начальником дороги [4, л. 9], так и в Санкт-Петербурге. 9 декабря 1911 г. начальник дороги Н.П. Осипов призвал начальников служб и частей Управления дороги «наблюсти, чтобы % служащих женщин не превышал установленной нормы» [4, л. 6]. В ответ начальники пытались обосновать свои действия перед вышестоящим руководством.

К примеру, в докладе от 2/3 декабря 1911 г., составленном начальником Службы сборов И.В. Рольке, содержалась просьба к Управлению железных дорог МПС и лично к министру путей сообщения С.В. Рухлову увеличить квоту для женщин дополнительно на 5 – 10 % к уже имевшимся 15 % для выполнения сдельных и премированных работ в

Службе сборов. Оговаривалось, что суммарное увеличение численности женщин до 20 – 25 % от общего числа служащих в Службе сборов будет осуществлено только в виде опыта и при обязательном наличии у кандидаток аттестата о среднем образовании.

Свою просьбу И.В. Рольке мотивировал множеством проблем с комплектованием кадров из мужчин (в особенности при отборе на должности низших агентов): студенты местных высших учебных заведений к работам не допускались, а каждый кандидат, ради повышения оклада согласившийся на переезд из Европейской России в Сибирь по приглашению Управления дороги, сталкивался на этом пути с рядом формальностей. По прибытии на место предполагаемой службы кандидат в обязательном порядке должен был получить разрешение на несение службы от местного отделения жандармской железнодорожной полиции, пройти врачебную комиссию. Если по каким-либо причинам он не проходил врачебную или полицейскую проверку, то Управление Сибирской железной дороги оказывалось в затруднительном положении в отношении вызванного кандидата, поскольку было необходимо тратить средства на финансирование его возврата домой. По словам И.В. Рольке, многие кандидаты, неуверенные в благополучных перспективах предпринимаемой дальней поездки в Сибирь, сразу отказывались от данных им предложений. В итоге Управление Сибирской дороги вынуждено было набирать персонал «из контингента местных жителей [мужчин], в большинстве случаев деморализованных и малограмотных, с цензом городских училищ и сельских школ» [4, л. 7]. И.В. Рольке считал, что для замещения вакансий низших служащих предпочтительнее принимать именно женщин со средним образованием.

16 декабря 1911 г. И.В. Рольке был уведомлен начальником дороги Н.П. Осиповым, что «особым разрешением» Управление железных дорог МПС удовлетворило его просьбу [4, л. 8]. А поскольку аналогичные ходатайства выдвигали и другие начальники служб, то 14 июля 1912 г. Управление Сибирской дороги от лица самого начальника дороги предложило Управлению железных дорог МПС увеличить норму приема женщин до 25 % не только в конторах служб и отделов Управления дороги, но и на линиях. Речь шла о следующих должностях: делопроизводители и старшие счетоводы, помощники начальника отделения службы сборов, чертежники, счетоводы и инженеры для технических работ по службе Тяги [4, л. 12]. При этом занятие женщинами иных должностей, связанных с движением поездов и тяжелым физическим трудом, Н.П. Осиповым было признано «неудобным» [4, л. 12]. Реализация подобных предложений стала возможной уже в годы Первой мировой войны.

К ноябрю 1913 г. на Сибирской железной дороге (ко времени выделения из ее состава Омской железной дороги) насчитывалось 23 846 чел. штатных служащих, из них 1353 женщин (5,7 %) [11, с. 329]. По отдельным подразделениям они распределялись следующим образом: в Управлении дороги состояло 490 чел. (21,9 %), в Службе пути и сооружений – 648 чел. (9,2 %), в Службе движения и телеграфа – 126 чел. (1,4 %), в Службе подвижного состава и тяги – 52 чел. (1,3 %), на вспомогательных предприятиях хозяйственного характера – 19 чел. (5 %), в Пенсионной кассе – 15 чел. (31,25 %), по остальным частям Управления дороги – 3 чел. (0,3 %) [11, с. 270 – 329].

Таким образом, с 1900 по 1913 гг., даже несмотря на сохранявшиеся относительно невысокие годовые показатели доли женщин среди служебного персонала Сибирской железной дороги (около 5 %), в абсолютном исчислении численность женщин возросла в полтора раза. За сухими цифрами скрывался выполняемый ими усердный и кропотливый труд, отмечавшийся большинством местных железнодорожных руководителей. Совершенно неудивительно поэтому, что еще до Первой мировой войны женский труд на железных дорогах был признан полезным в МПС и на линиях дорог, и сфера его приложения постепенно расширялась.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-78-10036).

Список литературы

[1] ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 8.

[2] ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 361.

[3] ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 427.

[4] ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 62.

[5] Дубина В.С. «Будничные» проблемы повседневной истории: о ее дефицитах и положении среди других направлений. Беседа с проф. Альфом Людтке о развитии Alltagsgeschichte // Социальная история. Ежегодник, 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 55 – 66.

[6] Женский труд на железных дорогах // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1911. № 9. С. 11 – 12.

[7] Женщина на железнодорожной службе (окончание) // Вестник Сибирской железной дороги. 1903. № 9. С. 7 – 8.

[8] Женщины на службе Сибирской жел. дороги // Сибирская жизнь. 1908. 23 апреля. С. 4.

[9] Материалы по обследованию железных дорог. Вып. 69: Сибирская жел. дор. СПб. Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. Разд. паг., 8 л. ил.

[10] Орлов М.Н. Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1910 гг. по данным, изготовленным для Омской выставки 1911 г. Томск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 167 с.

[11] Пути сообщения России. 1914. № III. С. 270 – 329.

[12] РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127.

[13] Статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс на 1 января 1900. Отчет за 1899 г. Ч. 2. СПб., 1902. 103 с.

[14] Статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс на 1 января 1901. Отчет за 1900 г. Ч. 2. СПб, 1903. 103 с.

[15] Статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс на 1 января 1905. Отчет за 1904 г. Ч. 2. СПб, 1907. 105 с.

[16] Статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс на 1 января 1911. Отчет за 1910 г. Ч. 2. СПб, 1913. 107 с.

[17] Статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс на 1 января 1913. Отчет за 1912 г. Ч. 2. СПб, 1915. 107 с.

[18] Хроника // Вестник Сибирской железной дороги. 1905. № 23. С. 14.

[19] Шишкан Н.М. Социально-экономические проблемы женского труда. М.: «Экономика», 1980. 144 с.

[20] Щеголев Н. Родные дети и пасынки // Вестник Сибирской железной дороги. 1905. № 32. С. 10.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Русское географическое общество: деятельность В Сибири и на Дальнем Востоке

УДК 908

Красноярский подотдел Русского географического общества в условиях кризиса (1914 – 1919 гг.)

Вдовин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.

Баташев Михаил Семенович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.

Макаров Николай Поликарпович
Кандидат исторических наук, заведующий отдела археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.

Майзик Елена Игоревна
Заведующая сектором отдела истории, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.

аннотация Архивные материалы и музейные коллекции раскрывают страницы истории подотдела РГО и краеведческого музея в Красноярске в критические для России годы Первой мировой и Гражданской войн. В этот период организация экспедиций от крайнего севера до пограничного Урянхайского края характеризуется накоплением уникальных коллекций естественнонаучного и археолого-этнографического направлений. Раскрывается ведущая роль Красноярского музея в изучении Приенисейского края в 1914 – 1919 гг.

ключевые слова Красноярский подотдел РГО, городской музей, археолого-этнографические и естественнонаучные коллекции, Красноярский музей.

Первая мировая война, революция и Гражданская война, в условиях кризиса 1914 – 1919 гг., изменив многое в жизни Сибири, наложили особый отпечаток на деятельность Красноярского подотдела РГО (далее - КОРГО).

Еще до начала Первой мировой войны КОРГО добивался решения вопроса о строительстве специального здания для музея, где хранились бы коллекции, привезенные из многочисленных экспедиций подотдела. Неоднократно отмечалось, что музей последний перерос свое помещение, и его теснота сделалась роковою: «Если музей останется еще при своем настоящем помещении, – он обратится в простую музейную кладовую и даже утратит возможность к дальнейшему развитию» [6, л. 92об.]. В результате пожертвований, с весны 1914 г. стало возможным начать постройку здания по проекту архитектора Л.А. Чернышева в «египетском» стиле.

В это время должность консерватора Красноярского музея занимал орнитолог А.Я. Тугаринов, который в отчете описал строительство: «С первых теплых дней весны началась постройка здания Музея, т.е. прокладка фундаментов, а 17 мая происходила официальная закладка. В течение лета работы успешно подвигались вперед, и к концу строительного сезона здание было выведено под крышу. Начавшаяся война сейчас же вызвала у строителей опасения в невозможности скорой достройки здания <...>. Теперь, когда все внимание общества было обращено на войну, ожидать этих пожертвований было трудно. Так прошла зима 1914 – 1915 г., не подвинувшая нисколько дело постройки, увлекшая близко стоявших к делу постройки людей на работу, связанную с благотворительностью, обороной и т.д.» [17, л. 2]. В итоге, в годы войны недостроенное

здание превратилось в солдатские казармы.

Деятельность Красноярского подотдела и музея продолжилась в новых условиях. Пополнение коллекций проводилось в ходе экспедиционной деятельности в различных районах губернии и поездок по окрестностям Красноярска.

Важное значение имели археологические раскопки в районе строящейся Ачинско-Минусинской железной дороги, где отмечалась высокая концентрация археологических памятников, особенно могильников бронзового и раннего железного веков. Консерватор А.Я. Тугаринов и члены КОРГО С.М. Сергеев и А.П. Ермолаев, были командированы летом 1914 г. в Ачинский уезд для осмотра курганов и приобретения археологических предметов. На основе этой поездки КОРГО удалось собрать значительную коллекцию древностей и выработать ряд мер для сохранения памятников старины в районе строящейся дороги [4, с. 24 – 27].

1915 г. был примечателен для КОРГО особым вниманием к Урянхайскому краю, находившимся под протекторатом Российской империи с 1914 г. Новый регион, граничащий с Енисейской губернией, своей малой изученностью привлекал исследователей. На общих собраниях КОРГО были заслушаны доклады Н.Н. Козьмина: «Урянхайский край и его колонизационное значение», сообщение А.Я. Тугаринова и А.П. Ермолаева: «О задачах снаряжаемой в лето 1915 года экспедиции в Урянхайский край» [12, с. 45].

5 февраля 1915 г. на заседании Распорядительного Комитета, А.Я. Тугаринов представил проект экспедиции в Урянхайский край. Он отметил, что этот край привлекает внимание таких исследователей как Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, В.В. Сапожников и другие, но до сих пор его значительные пространства остаются неизученными, добавил, что неполнота сведений относится также к данным естественноисторического, этнографического и археологического характера. По расчетам на экспедицию требовалось 1500 рублей [9, л. 96]. При этом, в ходе переговоров с комиссаром по делам Урянхайского края, В.Ю. Григорьевым, рассчитывали на помощь в 1200 рублей [10, л. 990б]. В свою очередь, исследователи должны были собирать коллекции в таком количестве, чтобы предоставить дублеты для организации музея в Белоцарске. Это вызывало опасения, что средств не хватит для пополнения ни одного из музеев. Дополнительно А.П. Ермолаеву обещали предоставить на приобретение этнографических коллекций специально для Белоцарского музея особые средства [8, л. 103]. На этих условиях договорились провести экспедицию.

Экспедиция с целью комплексного изучения Урянхайского края началась 13 мая 1915 г. В ее состав вошли А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова, А.П. Ермолаев, Г.П. Миклашевская [9, л. 96], М.Г. Робустов, Б.П. Сибирцев [16, л. 105 – 112], которые почти четыре месяца провели в полевых исследованиях. Поездка проходила по маршруту Красноярск – Минусинск – Григорьевка – река Ус – село Верхнеусинское – река Уюк – Белоцарск. В последнем пункте экспедиция разделилась. А.П. Ермолаев и Г.П. Миклашевская остались, а А.Я. и В.И. Тугариновы, М.Г. Робустов двинулись на юг, где, кроме естественноисторических сборов, велись наблюдения за обычаями местных монголов, были проведены раскопки могил и куплена для музея небольшая урянхайская юрта со всем скарбом и утварью [16, л. 105 –112; 13].

Работа экспедиции А.П. Ермолаева была направлена преимущественно на этнографические исследования. С 15 июня в течение трех недель Александр Петрович жил в верхнем течении р. Баингол (Баян-Кол), в районе кочевий сумонов Оюн, Салчак, Маады, Чооду, где занимался подбором основных коллекций по быту сойотов. Затем поехал вверх по течению малого Енисея (Каа-Хем), познакомился с нижним течением реки. Вернувшись, проехал из Белоцарска в систему р. Элегес, побывал во всех селениях так называемого подхребтинского района, затем выехал в местность Оттых-ташь [12]. Во время этих поездок Ермолаев собирал материал по этнографии, а также знакомился с бытом местного населения.

В начале сентября совместная экспедиция была успешно завершена, и ее участники вернулись в Красноярск. Но А.П. Ермолаев остался и с 1 сентября 1915 г. перешел на службу в урянхайскую переселенческую организацию, где на средства казны продолжил

работу по исследованию края. Возможно, этот переход на другую работу был связан с его желанием быть ближе к объекту своих научных интересов [2, с. 387 – 389].

Экспедиции А.П. Ермолаева в Урянхайский край в 1915 – 1917 гг., а также исследования в 1918 г. дали значительные поступления в отдел этнографии Красноярского музея [2]. В результате экспедиции было проведено физико-географическое описание посещенных районов, по археологии и этнографии собрано громадное количество ценного коллекционного материала для Красноярского музея, а также составлены отчеты. Естественно-исторические коллекции сразу прибыли в Красноярский музей [11, л. 99]. Но не все собранные коллекции были доставлены в музей, «в виду возникших недоразумений по вопросу принадлежности сборов с заведующим русским населением в Урянхайском крае» [7, л. 10806].

Большая и планомерно собранная коллекция по быту сойотов, более чем в 300 предметов, а также более 30 предметов по этнографии тех же сойот и хакасов, переданные от А.Я. Тугаринова и А.П. Ермолаева [16, л. 105 – 112] поступили значительно позже.

В 1916 г. КОРГО организовал экспедицию в Туруханский край и на о. Диксон для пополнения коллекций, изучения горного барана и сбора коллекций по фауне Енисейского побережья Ледовитого океана. В ее составе работали А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова и П.Я. Володин. На станке Гольчиха произведены сборы предметов 8 энецких погребений. Всего было собрано 83 предмета, в том числе 2 черепа с погребальными венцами и мумифицированный женский труп в старинном костюме. Кроме того, еще более 40 предметов приобретено среди ненцев, энцев и долган. Об этих и других итогах поездки А.Я. Тугаринов в докладе доложил на общем собрании «О результатах экспедиции в Туруханский край летом 1916 года» [3, с. 39].

Исторические события 1917 г. повлияли на деятельность общества. Общих собраний не проводилось, но многие исследователи продолжали свои изыскания.

После Февральской революции Временное правительство командировало А.Я. Тугаринова в качестве комиссара продовольствия в Туруханский край. Более года ученый провел на Севере, решая исследовательские задачи и занимаясь одновременно административной работой по организации доставки продуктов местному населению [15, с. 35].

В этой командировке, затянувшейся более чем на год, А.Я.Тугаринов и присоединившиеся к нему В.И. Тугаринова и З.В. Евсеева провели немало этнографических наблюдений. Они поселились в Новотуруханске (Монастырском). В течение года они собирали сведения о населении, знакомились с бытом северян, выезжали в Старый Туруханск, записывали легенды и воспоминания старожилов о первом форпосте русских на Енисее, фотографировали остатки церкви и других наиболее старинных зданий [15, с. 37].

В 1918 г. А.Я. Тугаринов провел раскопки могилы у с. Монастырское, расположенной за пороховыми погребами, в яру Енисея. Как предположил автор раскопок, погребение принадлежало селькупу. В захоронении были обнаружены 2 медных кольца от пояса [3, с. 75 – 76].

Несмотря на загруженность служебными обязанностями, Аркадий Яковлевич выполнял поручение КОРГО. Он сумел собрать этнографическую коллекцию, всего 69 предметов, которые передал Красноярскому музею в 1918 г. [1, с. 19]. Коллекция включала предметы из окрестностей с. Монастырское и с р. Таз. Большая часть коллекции была собрана, в основном, среди селькупов. Четверть экспонатов принадлежит эвенкам, ненцам, нганасанам, энцам и долганам [3, с. 75 – 76].

Итоги поездки на Туруханский Север были подведены уже после возвращения исследователей в Красноярск в 1918 г. На общем собрании А.Я. Тугаринов сделал доклад «О туруханских остяко-самоедах». Результаты своей деятельности как комиссара продовольствия и соответствующих наблюдений по данному вопросу А.Я. Тугаринов опубликовал в работе «Туруханские инородцы и кооперация». На общем собрании близкая тема по управлению северными территориями была затронута и в докладе активного члена подотдела Д.Е.Лаппо «Управление Сибирским Севером».

В этом же году по поручению КОРГО в Туруханском районе собрал этнографическую

коллекцию И.И. Горбовец. В коллекцию входили до 140 предметов шаманского культа, быта, охоты, рыболовства, украшения, одежда, характеризующие культуру эвенков и селькупов [3, с. 40].

1919 г. характеризуется подъемом археологических исследований в Красноярске. В окрестностях города успешные разведочные работы провели Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский. Сотрудником музея и иностранным членом РГО стал Г.К. Мергарт, освобожденный из лагеря военнопленных. В итоге в Красноярском археологическом районе были получены материалы всех эпох от палеолита до железного века. Другой активный член КОРГО С.М. Сергеев провел раскопки тагарских погребений на Переселенческом пункте. Кроме того, он передает в музей коллекцию из 161 предмета, накопившуюся в ходе его многолетних экспедиций при поддержке РГО, в Минусинской котловине, Забайкалье и окрестностях Красноярска [5].

Таким образом, КОРГО в сложных условиях Первой мировой и Гражданской войн смог продолжить свою деятельность, обогатив сибирскую науку новыми открытиями и значительно пополним коллекции Красноярского музея.

Список литературы

[1] Баташев М.С. К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея. // Второй век подвижничества. Сборник научных статей: Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск. 2011.

[2] Баташев М.С., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археолого-этнографические исследования А.П. Ермолаева // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 387 – 389.

[3] Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901-1937). Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 120 с.

[4] Вдовин А.С., Кузьминых С.В. МПС и археология (на материалах Сибири) // Российская археология. 2009. №4. С. 24 – 37.

[5] Вдовин А.С., Макаров Н.П. Красноярский период археологической деятельности С.М. Сергеева // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. Красноярск: Гуманитарный институт, Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 18 – 26

[6] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 65. Л. 92об

[7] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 66. Л. 108об.

[8] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 68. Л. 103.

[9] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 68. Л. 96.

[10] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 68. Л. 99об.

[11] ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 68. Л. 99.

[12] Ермолаев А.П. Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915-1918 гг. // Сибирские записки. 1919. № 4 – 5.

[13] КККМ о/ф колл. № 1551; 1553; 1554.

[14] Краткий отчет о деятельности Красноярского отдела РГО за 1911 – 1922 гг. // Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Красноярск. 1924. Т. 3. Вып. 2. 58 с.

[15] Макаров Н.П., Яворский А.Л. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск: Книжное издательство, 1989.

[16] НА КККМ, в/ф № 6575/40. Л. 105 – 112.

[17] НА КККМ. Ф. 1597-а. Оп. 1. Д. 355. Л. 2.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Семинар «арктический вектор в развитии Енисейского Севера»

УДК 908

Индустриальное завоевание Севера во второй половине XX в.: общее и особенное в освоении севера Канады и Западной Сибири

Ашихина Дарья Сергеевна
Экономист планово-экономического отдела, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия
dashihina@inbox.ru

АННОТАЦИЯ В данной статье представлен сравнительный анализ подходов к освоению северных территорий в XX веке на примере СССР и Канады. Несмотря на то, что северные территории этих стран в целом похожи, противостояние капитализма и социализма отражалось и на освоении Севера. Как СССР, так и Канада стремились осваивать северные территории, но использовали для этого различные методы в соответствии с господствующей в стране идеологией. Но исследователи полагают, что, несмотря на существенные различия в методах освоения северных территорий, обе страны, в целом, использовали достаточно похожие стратегии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирский север, Канадский север, подходы к освоению севера, индустриализация

XX век – период форсированного освоения северных территорий не только в СССР, но и за рубежом, например в Канаде. Несмотря на противостояние капитализма и социализма, траектории развития северных территорий в капиталистических странах и в СССР в целом имели множество сходств при небольшом количестве различий [11, с. 2]. Представляется интересным проследить, каким образом в XX в. происходило развитие северных территорий в странах с противоборствующими экономическими системами, так как северные территории разных стран в целом похожи: экстремально низкие температуры, слабая заселенность территорий, удаленность от центра страны, неразвитая инфраструктура, точечное размещение производства [9, с. 242]. Отметим, что Сибирский север и Канадский Север развивались относительно синхронно, и это позволяет говорить о возможной схожести стратегий освоения северных территорий у этих стран [13]. Рассмотрим данный тезис на примере развития Канадского севера.

Согласно «теории сырьевых ресурсов», предложенной канадским экономистом Г. Иннисом, ключевые факторы развития экономики страны – это сырье: пушнина, древесина, рыба, полезные ископаемые и др., производство и добыча которых стимулирует государство развивать соответствующие отрасли промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры и транспорта [5, с. 7]. Эта теория применима и к Канаде, и к СССР, где большое внимание уделялось добыче полезных ископаемых.

Освоение Канадского севера началось с 1950-х гг., так как в стране наметилась растущая потребность в ресурсах, а также необходимость политического самоутверждения [7, с. 638-647]. По оценкам некоторых исследователей, Канадский север на тот отставал в развитии «даже по сравнению с Аляской и Сибирью» [11, с. 4].

В СССР же полагали, что к 1980 г. «в целях выигрыша времени в первую очередь будут использоваться природные ресурсы, доступные для быстрого освоения и дающие наибольший народнохозяйственный эффект» [14], и ресурсы эти также планировалось добывать на севере.

Правительство Канады для облегчения задачи освоения северных территорий приступило к разработке транспортной инфраструктуры, целью которой была связь южных и северных территорий. Канада также решала вопросы «социальной модернизации коренных народов», называя проводимую политику «Northern vision» («Северное видение») [11, с. 4]. Противопоставление «севера» и «юга» (или «севера» и «материка») являлось синонимичным отношениям «центра» и «периферии», что не могло не сказаться на

отношении к «отсталым» территориям [8, с. 109-116]. Канада отчуждала Север от Юга, и это способствовало оправданию эксплуатации малоразвитых территорий [1, с. 385].С точки зрения западных исследователей, освоение Канадского севера происходило по пути колониального завоевания: правительство полагало, что большинство людей, которые проживают на севере, хотят жить так же, как и люди на «материке» [2, с. 11].

Похожего мнения придерживалось и руководство СССР, национальная политика которого в Западной Сибири была направлена, в том числе, и на создание колхозов для интеграции коренного населения в социально-экономическую среду.

Стоит отметить, что, несмотря на рыночную экономику, освоение севера в Канаде проводилось с использованием централизованного планирования в рамках государственного финансирования [11, с. 5]. В СССР для целей распределения ресурсов существовал Госплан СССР и созданный при нем в начале 1970-х гг. Главный вычислительный центр, позволяющий оптимизировать процесс планирования. При этом, как в Канаде, так и в СССР (что подтвердилось расчетами ГВЦ при Госплане СССР) наблюдалось несбалансированное планирование.

Форсированное индустриальное развитие продолжалось в Канаде до 1970-х гг.: Канадский совет по развитию сельских районов (1974 г.) и Научный совет (1977 г.) настоятельно рекомендовали правительству обратиться к точечному развитию, уделяя внимание не только промышленности, но и традиционным отраслям северной экономики, сочетание которых не наносило бы природе существенного антропогенного вреда [6, с. 97].

Тенденции энвайронментализма в 1970-х гг. нарастали и в СССР, находя отражение не только в деятельности общественных организаций, но и в постановке соответствующих политических вопросов [4, с. 90-91]. На IV сессии Верховного Совета СССР были раскритикованы за недостаточную озабоченность вопросами охраны природы министерства и ведомства, а также впервые давалась оценка экологических проблем и их роли в жизни человека с точки зрения социологии и экономики [12, с. 271-276].

Таким образом, при освоении севера Канада и СССР шли похожими путями. Обе страны активно использовали северную природу для собственных нужд, финансируя разработку месторождений за счет бюджетных ассигнований. Централизованное планирование у обеих стран было недостаточно эффективным, что подтверждает использование таких методов, как, например, межотраслевой баланс В.В. Леонтьева. Северные регионы в обеих странах оставались зависимыми от южных: государства не торопились развивать инфраструктуру, не связанную с транспортировкой сырья и ресурсов, а также техники и работников. Все это в итоге привело к негативным последствиям. Во-первых, от форсированной экстенсивной разработки месторождений деградировали экосистемы. Во-вторых, происходило вмешательство в привычный уклад жизни коренных малочисленных народов севера посредством проводимой национальной политики. В-третьих, сама по себе зависимость «севера» от «юга» не способствовала развитию северных территорий, отражая тенденцию к «завоеванию», а не к «ассимиляции». Подобная колонизация не позволяла переходить от экстенсивных методов освоения к интенсивным, так как правительство не видело смысла в дополнительных затратах на НИОКР [13]. В-четвертых, разветвленная сеть государственных учреждений, планирующих и контролирующих процесс развития севера, привела к излишней бюрократизации этого процесса.

Несмотря на то, что основные положения проводимой политики по отношению к северу совпадали, процессы освоения северных регионов в СССР и Канаде имели несколько значимых нюансов [11, с. 9].

В СССР освоение Севера на протяжении всего периода развития происходило форсированными темпами. Так, начавшаяся в 1960-х добыча нефти и газа на севере Западной Сибири быстро набирала обороты, тогда как для Канадского Севера были характерны замедляющиеся темпы развития.

Канада выбрала путь принятия севера как отдельной, самостоятельной территории, стараясь интегрировать традиционное хозяйство региона в экономику, тогда как СССР в течение практически всего периода своего существования придерживался политики экспроприации и освоения. В результате территория Советского севера заселялась,

развивалась ее инфраструктура, в том числе и социальная, что в конечном итоге позволило северу стать полноценной территорией в составе государства.

Притоку населения на Советский север и созданию впоследствии достаточно больших городов также способствовали форсированное развитие промышленности, экстенсивные методы добычи минерального сырья, относительно дешевая энергия для его переработки, тогда как в Канаде разработка носила, скорее точечный характер.

Таким образом, и Канада, и СССР в XX в. прилагали серьезные усилия для освоения своих территорий, выбирая схожие стратегии развития, но делая акценты на разных значимых нюансах. Сложные природно-климатические условия, большие незаселенные территории, острая потребность в минеральных ресурсах – вызовы, с которыми столкнулись обе страны. И СССР, и Канада, несмотря на высказывания некоторых исследователей о том, что развитие Севера в принципе невозможно по причине «сверхзатратности» [10, с. 64], добились успехов в освоении северных территорий.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917-1991» (http://rscf.ru/project/22-28-20115/).

Список литературы

[1] Innis H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. University of Toronto Press, Toronto, 1956. 469 p.

[2] Orvik N. Northern development, northern security, Queens University Press, Kingston, Canada, 1983.

[3] Rea K. J. The Political Economy of the Canadian North. An Interpretation of the Course of Development. 1968. 468 p.

[4] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. 320 с.

[5] Проблемы историографии Канады / под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1981.

[6] Barre de la K. Strategies in Northern development in Canada since the late 1960s. Acta Borealia. 1987. Vol. 4. Issue 1-2.

[7] Pearson L. B. Canada looks down north // Foreign Affairs. 1946. № 24. С. 638-647.

[8] Pretes M. Underdevelopment in two Norths: Brazilian Amazon and Canadian Arctic. Arctic. 1988. №41(2). P. 109-116.

[9] Ефимова Е.Г. Роль добывающей промышленности в развитии периферийных арктических регионов России и Канады // Вестник СПбГУ. Экономика. 2021. Т. 37. Выпуск 2. С. 241-271.

[10] Пивоваров, Ю.Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. 1996. № 2. С. 63-75.

[11] Petrov A. Re-Tracing Development Paths: Exploring the Origins and Nature of the 20th Century's Northern Development Paradigms in Russia and Canada. Section II: Thinking About Arctic Development. Arctic Yearbook 2018. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2018/Scholarly_Papers/1_AY2018_Petrov.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

[12] О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов. Постановление Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=-doc&base=ESU&n=750#9Whhf7TiamanTU9F1 (дата обращения: 02.06.2022).

[13] Побережников И.В. Освоение северо-западной Сибири и Канадского Севера в сравнительной перспективе (XVI-начало XX в.) // Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/POberezhnikovPutnaSever.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

[14] Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. Ч.2, раздел I, п. 1 // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: http://museumreforms.ru/node/13891 (дата обращения: 02.06.2022).

УДК 94

Время Борисова …

Дворецкая Анна Павловна
Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института,
Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск, Россия
advoreckaya@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-0140-3704

Терскова Аида Александровна
Кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института,
Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск, Россия
teraida@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4557-7957

АННОТАЦИЯ Статья посвящена жизненному пути первого ректора Красноярского политехнического института В.Н. Борисову. Благодаря его творческому потенциалу был сформирован один из крупнейших центров технического образования за Уралом, успешно действующий и сейчас. В настоящее время в политехническом институте активно идет увековечение память о первом ректоре, что позволяет поддерживать репутацию СФУ в профессиональном сообществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярский политехнический институт, увековечение памяти, деятели науки, В.Н. Борисов

Красноярский государственный технический университет (КГТУ), основанный в 1956 г., считался и заслуженно считается в настоящее время одним из лучших технических вузов Сибири. Становление вуза пришлось на время ректора Василия Николаевича Борисова. Именно при нем вуз становится флагманов подготовки инженерных кадров для промышленности края.

Окончив в 1946 г. Ленинградскую лесотехническую академию, он на многие годы связал свою жизнь с Красноярским краем и г. Красноярском. Авторами статьи уже отмечалось, что высшее образование в Красноярске от первых шагов и на каждом новом этапе развития в советский период было тесно связано с вузами центра страны [4, с. 116–121]. Благодаря центру формировался кадровый потенциал вузов на местах, складывались научно-методические школы. Особую роль для красноярской науки всегда играли преподаватели и ученые Ленинграда. Они были в составе всех вузов города и стояли у основания многих из них [6, с. 367].

В 1950 г. направлен на работу в Красноярск в Сибирский лесотехнический институт. С 1956 г. – ректор Красноярского политехнического института, с 1983 г. – руководитель кафедры института. Профессор. Автор более 100 научных трудов, руководитель научной школы «Трение и износ в машинах».

В течение 27 лет Василий Николаевич был ректором политехнического института, самого крупного в крае; институт готовил инженеров по 25 специальностям, в разное время имел два филиала и завод-втуз. При нем был создано 180 учебных кабинетов и научных лабораторий; построено три учебных корпуса, пять студенческих общежитий, три жилых дома, комплекс спортивно-оздоровительных сооружений. Почетный гражданин города Красноярска [Почетные, с. 86].

Вот только некоторые факты его биографии. Василий Николаевич родился 4 января 1917 г. в д. Нижний Казнак Башкирской АССР. Участник Великой Отечественной войны – воевал на Ленинградском фронте, награжден за ратный подвиг 3 медалями и орденом Отечественной войны III степени. Он был в числе первых, кто отправился на строительство оборонительных сооружений под Ленинградом. Ежедневный труд от рассвета и до заката для него продолжался с 24 июня по 23 августа 1941 г. Во время коротких перерывов ходил в военкомат, но его по разным причинам не призывали на защиту священных рубежей Родины. Только 24 августа 1941 г. его добровольцем

отправили на Ленинградский фронт, где он попал в артиллерийскую часть. С 25 августа его назначили наводчиком орудия в 113-ю отдельную артиллерийско-пулеметную батарею 22-го укрепрайона Ленинградского фронта. Учитывая, что он окончил 4 курса ЛЛТА, после месяца службы ему присваивают сержантское звание и назначают командиром орудия в 246-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон 17-го укрепрайона Ленинградского фронта, где он прослужил с октября 1941 по март 1942 гг.

Командование батальона, убедившись в его организационных и командирских навыках, присвоило ему звание младшего лейтенанта и утвердило в должности командира взвода 246-го отдельного артиллерийского пулеметного батальона. Его уволили в запас 6 апреля 1946 г. в звании лейтенанта. За участие в Великой Отечественной войне лейтенант Борисов В.Н. Президиумом Верховного Совета СССР был награжден медалями: «За оборону Ленинграда» (1943 г.); «За Победу над Германией» (1945 г.) [2, с. 14, 15].

В трудные послевоенные годы молодая семья бывших фронтовиков Борисовых – Василия Николаевича и Александры Викторовны приехала в Красноярск. Василий Николаевич после окончания в Ленинграде аспирантуры получил назначение в Сибирский технологический (тогда – лесотехнический) институт, хотя мог остаться в городе на Неве. Приступив к обязанностям заведующего кафедрой, Борисов быстро обратил на себя внимание руководства института, а также руководства города и края. Вскоре он стал деканом лесомеханического факультета, затем проректором по учебной работе.

С 1956 г. жизнью и судьбой Василия Николаевича стал Красноярский политехнический. Невозможно перечислить все сложности и трудности первых лет становления. И в том, что за 26 лет существования институт превратился в крупнейший вуз Сибири, безусловно, огромная заслуга Василия Николаевича Борисова. Его неисчерпаемая энергия вдохновляла коллектив на решение задач, которые ставились перед институтом.

Василий Николаевич – человек, личные качества которого всегда вызывают чувства уважения и признательности у всех, кто с ним общается. Его справедливость, порядочность, доброта, скромность, неподдельное участие в людских судьбах способствовали созданию в огромном коллективе института благоприятного психологического климата. Поэтому все, кому довелось работать с ним, испытывают к нему чувство уважения и благодарности за то, что он такой, какой есть [2, с. 67].

Из воспоминаний В.Н. Борисова:

Вся жизнь института проходила тогда в единственном здании на улице Ленина, бывшей колхозной школе, а еще раньше - гимназии. Здесь у нас поселилась и администрация, и студенты со своими нехитрыми пожитками, здесь же были и аудитории, и лаборатории, - одним словом, весь институт. И стал я ректором без стола и стула...

– Шутите, Василий Николаевич?

– Да разве это шутка по сравнению с тем, что у нас даже силовой подводки электроэнергии не было, только верхний свет? А лаборатории нужно открывать немедленно, без них учебный процесс, все программы и курсы... Понимаете? И поэтому без сметы и разрешения Минвуза мы на свой страх и риск быстренько построили свою трансформаторную. За работу, материалы и оборудование надо расплачиваться, а денег нет. За это «инициативное» дело меня вызвали в Министерство, где за такие «дела» дали нахлобучку, пообещали и в личное дело внести соответствующую запись за самодеятельность. Но обошлось. Так мы начали строиться. Только материальная база, вернее, её отсутствие, было не единственной трудностью. Кадры – этот вопрос для нас был, пожалуй, самым трудным. Ведь начинали с нуля. Несколько преподавателей пришли к нам из технологического, а больше – с производства. Но этого было мало, а брать негде. А надо. Помучились мы с этой проблемой немало. А вот приезжие

специалисты, как и студенты – на одно лицо. Покрутились, пыль в глаза пустили, и – «до свидания». Со студентами, помню, получилась занятная история. В 1956-м мы по плану должны были принять 200 человек. Приезжаю в Министерство, а там двор забит жалобщиками – родителями не поступивших в столичные вузы. Мне говорят: «У тебя новый институт, едва ли наберёшь из местных план. Мы к тебе направим тех, у которых получилось недоразумение с зачислением». Я попытался было возразить, что, дескать, не будет из таких толку, мне в ответ: надо. Поддержал меня, никогда не забуду, Александр Акимович Кокарев, тогдашний первый секретарь крайкома партии: «Если не увеличат план набора, направленных Минвузом не брать. Нам свои специалисты, местные нужны». Об этом я сообщил в министерство. План набора был увеличен до 250 человек. Тогда мы и взяли 50 приезжих, что в вузы запада не поступили. Из них институт закончила одна-единственная девушка, и то потому, что здесь замуж вышла [2, с. 72].

С 21 августа 1956 г., даты официального открытия Красноярского политехнического института, В.Н. Борисов приступил к исполнению обязанностей ректора. За плечами был уже 7-летний опыт преподавательской и административной работы в Сибирском технологическом институте — сначала старший преподаватель кафедры теоретической механики и теории механизмов и машин, затем заведующий этой кафедры, декан лесоинженерного факультета и заместитель директора института по учебной работе. Теперь же ему предстояло начинать с нуля строить учебные и жилищные корпуса, открывать новые факультеты, комплектовать квалифицированными кадрами, решать тысячи текущих хозяйственных, учебных, научных вопросов.

Если в первый год существования института было два факультета – дневной и вечерний, на которых готовились инженеры всего по трем специальностям, и 25 преподавателей! занимались с 350 студентами, принятыми на 1 курс, то сейчас на 6 дневных факультетах, вечернем и заочном по 24 специальностям учится более 13 тысяч студентов. Профессорско-преподавательский коллектив состоит из 783 человек.

В 1971 г. страна получила 1 508 высококвалифицированных инженеров с дипломами КПИ. Можно много еще говорить об успехах и достижения института, о том, как учатся и живут красноярские политехники, о замечательных спортсменах, самодеятельных артистах, о славных делах бойцов студенческих строительных отрядов. Институт растет, крепнет – и в этом немалая заслуга Василия Николаевича. При активной помощи и поддержке городских и краевых партийных организаций, институтского партийного комитета, всего коллектива института и студентов, принимавших непосредственное участие в строительстве учебных и жилищных зданий, наш вуз превратился в крупнейший учебный и научный центр Сибири и Дальнего Востока. С большим удовольствием всегда говорит В.Н. Борисов о будущем института. К концу этого пятилетия институт передаст народному хозяйству 2 045 молодых специалистов, значительно улучшится качественный и количественный состав педагогических кадров, более чем в два раза увеличится объем научно-исследовательских работ, будет введено вновь 15,5 тыс. квадратных метров учебно-лабораторных зданий. Уже начато строительство корпусов для электротехнического и теплоэнергетического факультетов, ведется проектирование 13-этажного здания для радиотехнического факультета [5].

Студенты-инженеры были крайне востребованы в крае в условиях роста крупных промышленных предприятий. Учащиеся политехнического института принимали активное участие в строительстве моста через Енисей, в строительстве целлюлозно-бумажного комбината в г. Красноярске и завода холодильников. Стало прекрасной традицией с первых дней существования вуза организовывать и отправлять работать по всей стране студенческие строительные отряды. В 1961 г. была сформирована первая строительная бригада студентов, которая проводила электрификацию сел и деревень в Партизанском районе Красноярского края. Руководителем стройотрядов был студент Павлюченко. Студенческие строительные бригады «Рубин», «Заполярный», «Алмаз»

принесли славу Политехническому институту [Архипов].

Как писал В. Борисов: «У нас идет обучение по 25 специальностям машиностроительной, строительной, энергетической, автомобильной и радиотехнической промышленности. За прошедшую пятилетку дипломы инженеров вручены 8 тыс. человек. В числе питомцев института — начальники и заместители начальников главных управлений министерств, директора, заместители и главные конструкторы крупных заводов, научные работники и преподаватели вузов. Институт имеет в своем составе 10 факультетов и 3 филиала – в Красноярске, Абакане и Кызыле. В общей сложности у нас обучается более 15 тыс. студентов, в том числе на дневном отделении – более 9 тыс. Институт располагает всем необходимым для успешной учебы и научной работы студентов. В 4-х корпусах размещаются 190 учебных и научных лабораторий и учебных кабинетов. Большинство из них оснащено новейшим оборудованием и уникальными установками. Есть вычислительный зал с цифровыми и аналоговыми машинами.

В 1975 г. институтом было получено 24 авторских свидетельства, а экономический эффект, полученный от внедрения в производство результатов исследований, составил 6,4 млн руб. В исследованиях принимали участие более 6 400 студентов. Они являлись постоянными участниками краевых, зональных Всероссийских и Всесоюзных конкурсов и выставок» [2].

Таким образом, роль В.Н. Борисова в становлении и развитии КПИ значима и существенна. В настоящее время в Политехническом институте увековечена память о первом ректоре: одна из улиц в красноярском Студгородке названа в честь него, на мемориальной доске на здании института увековечено его имя. В политехе открыта именная аудитория, в которой широкой аудитории предоставляется доступ к информации о жизненном пути, научной и трудовой деятельности первого ректора. Благодаря этому СФУ, в том числе через свой музей, активно формирует представление студентов и преподавателей об истоках своего вуза, транслирует знание о развитии науки и образования в городе и крае.

Список литературы

[1] Архипов С. К десятилетию института. Эстафета продолжается // Политехник. 1966. 29 октября. № 26 (75). С. 2.

[2] Борисов В.Н. Кузница инженерных кадров // Политехник. 1976. 11 февраля. № 5–6. С. 1–2.

[3] Борисов В.Н. / А.Г. Лапкаев. Красноярск: ПИ СФУ, 2017. С. 14, 15.

[4] Дворецкая А.П., Суржко А.В. Формирование кадрового потенциала исторического факультета Красноярского государственного университета на примере жизненного пути Э.Г. Колесника // Гришаевские чтения. Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2022. С. 116–121.

[5] Иванова Э. Наш ректор // Политехник. 1977. 12 января

[6] Петроград, Ленинград в истории Красноярья (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»/ Издание дополненное и переработанное / сост. Дворецкая А.П., Кухта С.В., Липатова К.Ю. и др. [Электронный ресурс] – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2015. – 860 с.

[7] Почетные граждане города Красноярска. 1967–2003 гг. Красноярск: Комитет по делам архивов Красноярского края, 2004.

УДК 910.4(985)

Изучение района р. Енисей в Арктическом научно-исследовательском институте в довоенный период

Емелина Маргарита Александровна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Военно-исторического центра Северо-Западного федерального округа, ГНЦ РФ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт», г. Санкт-Петербург, Россия.
mritaemelina@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-8280-3901

аннотация Арктический научно-исследовательский институт сформировался как центр полярной науки уже в 1930-е гг. Спектр научных направлений и география экспедиций института расширялись, в том числе состоялись и первые экспедиции на Енисей – гидрологические, геологические промыслово-биологические. В статье рассказывается о характере и целях этих исследований, о создании опытной Усть-Енисейской ледотехнической станции, о первых результатах, достигнутых учеными. Постоянное реформирование системы Главсевморпути, в которую с 1932 г. входил институт, приводило к передаче ряда направлений в другие ведомства. К началу 1940-х гг. в ведении института остались гидрологические исследования Енисейского залива и устьевой области Енисея, а также гидрометеорологическое обеспечение операций по трассе Севморпути до низовьев реки.

ключевые слова Арктический научно-исследовательский институт, экспедиционные исследования, Енисей.

В марте 1920 г. была создана Северная научно-промысловая экспедиция (с 1930 г. – Всесоюзный арктический институт, ВАИ, с 1938 г. – Арктический научно-исследовательский институт, АНИИ). В начальный период ее истории исследования велись только на Европейском Севере. Хотя на лето 1921 г. запланировали работу Обско-Енисейского этнографического отряда, она была выполнена лишь отчасти. Этнограф и художник Г.Н. Прокофьев выехал в Омск и прожил месяц в селении Ныда среди ненцев, выполнив около 70 акварельных и карандашных пейзажей и этнографических зарисовок. Не добравшись до устья Енисея (пароход, направлявшийся туда, не смог преодолеть льды), он вернулся в Мурманск [34, с. 82-85; 35, л. 3-4]. Далее в 1920-е гг. и вплоть до середины 1930-х гг. специалисты института на Енисее исследования не вели.

Следует только упомянуть, что в конце июля 1931 г. состоялась первая воздушная экспедиция в Арктику на дирижабле «Граф Цеппелин». В ее ходе воздушное судно, пролетев над оз. Таймыр, достигло устья Енисея. Сбросив над о. Диксон привезенные из Ленинграда провиант и прессу, оно пролетело до северной оконечности Новой Земли. Затем дирижабль направился в сторону Ленинграда. Ученые ВАИ в ходе полета вели визуальные наблюдения – в том числе и над низовьями Енисея.

С вхождением института в систему учреждений Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) в 1932 г. спектр направлений его деятельности расширился, районы работ стали охватывать не только Европейский Север, но и Сибирь, Дальний Восток, Якутию и Чукотку. В рамках ряда научных направлений организовывались и работы на Енисее.

Так, в промыслово-биологическом секторе ВАИ К.И. Счастнев, Г.П. Радченко, Мирейко и Васильев изучали рыбное хозяйство низовьев Енисея. Наблюдения и сбор данных выполнялись на Игарской зональной станции (с опорными пунктами Карга и Усть-Порт). В 1937 г. в связи с передачей биологических исследований из ВАИ в Институт полярного земледелия станцию также передали в его ведение. Исследователи также перешли на работу в новую организацию. Они опубликовали результаты своих

исследований в отдельном томе «Трудов» вновь созданного института [10]. Подчеркнем, что выполнялись они впервые в ВАИ.

Краткосрочным было и существование в ведении ВАИ станции в Игарке по изучению мерзлоты – 1934 г. [19] По сути она не успела развернуть свои работы. В целом для 1930-х гг. характерна частая смена структур учреждений Главсевморпути, что связано с конкретизацией задач ведомства и, соответственно, организаций его системы. Гидрологическое и геологическое направления деятельности ВАИ продолжали оставаться главными для института на протяжении 1930-х гг. В рамках этих направлений велось и исследование района бассейна р. Енисей.

Для изучения трассы Севморпути в план работ ВАИ на 2-ю пятилетку было включено создание трех гидрографических экспедиций (Карской, моря Лаптевых и Восточно-Северной) и трех отрядов: Обского, Баренцева моря и Енисейского (для работ в Енисейском заливе). К работам Обского и Енисейского отрядов привлекались бывшие суда Убекосибири, чьи задачи и материальные ресурсы передали в ГУСМП. В составе экспедиций и отрядов действовали партии шлюпочного и судового промера, береговые топографические отряды [28, л. 18-20]. Но уже в 1934 г. из ведения ВАИ эти работы передали в Гидрографическое управление (ГУ) ГУСМП. При проведении гидрографических работ гидрологическое изучение устьевых участков арктических рек имело второстепенное значение.

Если гидрография перешла из ВАИ в ведение ГУ ГУСМП, то гидрологическое изучение арктических морей осуществлялось как в институте, так и в ГУ, и в Полярном управлении Главсевморпути. В «Плане гидрографических и гидрологических работ в зоне ГУСМП на 1937, 1938–1942 гг.», подготовленном гидрологом и гидротехником, профессором Ленинградского политехнического института В.М. Родевичем, рассматривалось взаимодействие управлений ГУСМП, ВАИ и Центрального управления единой гидрометеослужбы в 1934–1937 гг. и на следующие шесть лет. Экспедиции и стационарные работы ВАИ увязывались, прежде всего, с деятельностью ГУ Главсевморпути. В рамках освоения трассы Севморпути планировалось охватить исследованиями в форме экспедиций около 100 рек и 10 озер (со сплошной съемкой), обратив внимание на исследование главных течений рек как судоходных магистралей. Планировались также работы с целью гидроэнергетического использования рек для изучения «возможных водных соединений» в будущем (в т.ч. назывались следующие пути: Енисейско-Тазовский, Енисейско-Пясинский, Енисейско-Ленский) [28, л. 7-12, 14]. Необходимо отметить, что в 1-й половине – середине 1930-х гг. зона деятельности ГУСМП охватывала не высокоширотную Арктику и побережья арктических морей, а довольно большие территории страны, включая Сибирь и Дальний Восток.

На заседании Гидрологической секции сессии Ученого совета ВАИ 9 января 1937 г. В.М. Родевич поднял вопрос о разграничении сферы работ с Полярным управлением и об участии гидрологов ВАИ в изучении судоходности устьевых участков арктических рек. Он отмечал, что при составлении планов дальнейшей работы (на 3-ю пятилетку) важно учесть необходимость хозяйственного освоения речных систем и комплексность экспедиционных работ. Всего намечалось 16 направлений гидрологических исследований: год за годом гидрологам ГУ ГУСМП предстояло включать в зону своих исследований устьевые области разных арктических рек, в том числе – Енисей [28, л. 19-22; 40, л. 27 и об.]. План гидрологических экспедиций ВАИ на 1937–1942 гг. предстояло увязывать с ними. Так в ВАИ сотрудники речного сектора гидрологического отдела начали изучение устьевых участков арктических рек (от Енисея и далее на восток). Были подготовлены сборник статей «Исследованность рек Арктической зоны» (1936) и цикл публикаций «Гидрология рек Советской Арктики» (под общ. ред. В.М. Родевича) [4, 15, 16].

В 1938 г. при реформировании ГУСМП его задачи сосредоточили, прежде всего, на изучении и освоении трассы Севморпути и обеспечении ее энергоресурсами.

Перед исследователями института, переименованного в Арктический научно-исследовательский (АНИИ), поставили более практические задачи. Поэтому гидрологическое изучение было направлено на обеспечение навигации и судоходства, геологическое – на выявление и освоение запасов полезных ископаемых, которые необходимы для бункеровок пароходов и обеспечения работы авиаотрядов.

Изучение теплового стока арктических рек было напрямую связано с освоением трассы СМП. Для уточнения водного и теплового стока Енисея как одной из основных речных артерий в 1938 г. АНИИ организовал экспедицию во главе с В.С. Антоновым (период работы: 2 августа 1938 – 1 сентября 1939 г.). В ее программу также входили ледоисследовательские и экспериментальные работы, целью которых было получение расчетных данных для портостроительства, а также метеорологические наблюдения. Т.к. экспедиции предстояло работать больше года, то ее участникам предстояло собрать данные о зимнем режиме реки и выполнить наблюдения по термике грунта. Центром исследований стало устье р. Курейка, правого притока Енисея, так как здесь на режим реки не влияло море. В данном месте организовали ледоисследовательскую станцию. Ее штат состоял из восьми человек. Для работ экспедиция располагала плавсредствами – катером, моторной лодкой и тремя шлюпками с двумя подвесными моторами.

На Усть-Курейской станции выполнялись береговые наблюдения за уровнем воды (трехсрочные) и метеорологическими элементами (четырехсрочные), стационарные систематические ледовые наблюдения и серийные определения физико-механических свойств льда устьевых участков рек; годовой цикл определений расходов воды на рр. Енисей и Курейка. Участники экспедиции производили маршрутные площадные съемки по определению глубин оттаивания, топографические, ледомерные и снегомерные съемки, выполнили годовой цикл наблюдений за термикой грунта, обследовали состояние поверхности снежного и ледяного покровов. Приобретался опыт работы комплексной устьевой станции при изучении элементов атмосферы и гидросферы, влияющих на режим устьевых участков рек, а также на русловые процессы [3, 5, 6, 13]. Изучение термического режима реки дало возможность вывести определенные закономерности и прогнозировать замерзание Енисея. Наблюдениями была выявлена особенность вскрытия низовых участков реки, и позволило уже для весеннего сезона 1940 г. с достаточной точностью предсказать вскрытие Енисея от Красноярска до устья по всем пунктам [3, с. 28].

Т.к. в 1939 г. работы по гидрологии рек передали в ГУ ГУСМП, то в АНИИ организация подобных станций не была продолжена. Но было решено сохранить в составе морского отдела речной сектор. Группа научных сотрудников под руководством В.С. Антонова на основе полученного в ходе экспедиции опыта разрабатывала методику прогнозирования ледовых процессов арктических рек. Как указывал А.Ф. Лактионов, выработанная методика прочно вошла в практику прогнозирования, и постепенно прогнозами охватили другие реки (Обь, Лена, Колыма) [14, л. 36, 38]. Ее развитие на некоторое время приостановила война.

В послевоенное время обсуждались вопросы создания подобных станций на крупных реках Сибири – Оби, Лене, Колыме и снова на Енисее. В.С. Антонов писал о возможности организации целой системы станций, когда в верховьях рек данные получают сотрудники станций и постов Гидрометслужбы, а затем на устьевых и на прибрежных морских станциях – работники АНИИ. Он предлагал дополнять стационарную работу попутными наблюдениями на судах и специальными авиаразведками состояния льдов [1, с. 245]. Забегая вперед, отметим, что частые структурные изменения в ГУСМП и АНИИ, корректировка задач деятельности института не позволила развернуть сеть стационаров. Наблюдения велись в ходе годичных экспедиций, предусматривавших также создание водомерных постов (например, в 1950 г. организовали Усть-Ленскую гидрологическую экспедицию) [12, с. 520-524, 582-583].

Следует упомянуть о работах гидрологов АНИИ в Енисейском заливе (как указывалось выше, это была зона деятельности ГУ ГУСМП – Енисейского гидроотдела управления). В 1938 г. на моторном боте «Полярник» партия под руководством гидролога АНИИ С.Ф. Лаврентьева планировала исследовать воды Карского моря в районе о-вов Скотт-Гансена, но ее перебросили в Енисейский залив. Здесь она выполняла наблюдения за течениями, измерения температуры, отбирала пробы воды на соленость; в целом результаты ее работ характеризовались как незначительные [26, л. 46].

Во 2-й половине 1938 г. Енисейский гидроотдел ГУ планировали передать в АНИИ [25, л. 27]. Но передача затянулась, и в итоге гидрологи (С.К. Добронравов, Г.П. Смирнов) в конце 1939 г. перешли на работу в институт, а материальные средства передали в ведение Наркомата речного флота. В его составе теперь также был Енисейский гидроотдел. В 1940 г. он организовал, как и прежде гидроотдел ГУ, экспедицию на мотоботе «Минин». В ее состав включили гидролога АНИИ Г.П. Смирнова. Он выполнил в Енисейском заливе ряд термических разрезов, 74 глубоководные гидрологические станции и одну суточную, осуществил поверхностные сборы (51) и ледовые наблюдения [30].

В 1930-е гг. Енисейские товарообменные операции стали важной составляющей работы трассы Севморпути. В 1935 г. появились штабы морских операций, координировавшие все действия судов западного и восточного районов СМП. В 1939 г. в АНИИ организовали ледовую службу, а также создали несколько оперативных групп в Арктике. Одна из них начала работать на о. Диксон. Сюда направили гидрологов АНИИ И.Г. Овчинникова, Б.И. Иванова, М.М. Сомова. Они отправляли данные по ледовой обстановке в Москву и в штабы.

Отдельно была организована служба погоды. Ее бюро на о. Диксон четыре раза в сутки составляло синоптические карты. На их основе ежедневно в 16 ч по московскому времени бюро давало прогноз погоды на следующие сутки (по Карскому морю); отдельные прогнозы составлялись для судов и самолетов, работавших в районе. Работу выполняли три синоптика. В 1940 г. все северные бюро передали в АНИИ, где возникла единая служба льда и погоды. На о. Диксон по-прежнему находился важный оперативный центр. С 1941 г. штаб морских операций западного района Арктики перешел с морского (на ледоколах) на береговое базирование на о. Диксон [12, с. 455-459]. Т.о. именно здесь сформировался важный центр, позволявший грамотно осуществлять перевозки по Севморпути и, прежде всего, Енисейские операции.

Геология являлась в 1930-е гг. одним из главных направлений работы ВАИ. При этом если первоначально в зону исследований входил только Европейский Север, то с созданием ГУСМП маршруты геологов института уходили все далее на восток (вплоть до Чукотки). Уже в 1933 г. Н.Н. Урванцев исследовал вопрос о месторождениях угля в районе предполагаемого места строительства порта в устье Енисея [41]. В 1935 г. он отмечал необходимость постановки широких геологических исследований в центральной области Енисейско-Ленской платформы, которые в дальнейшем позволят планомерно развернуть разведку полезных ископаемых. Первый маршрут, по его мнению, должен был начаться в бассейне р. Нижняя Тунгуска, второй – охватить изысканиями бассейны рр. Кочечумо и Курейка [42]. Этот план начал выполняться с 1937 г. А в 1935–1936 гг. геолого-поисковая Усть-Пясинская экспедиция под руководством Г. Кочеткова и Н.Н. Мутафи детально обследовала север Красноярского края – низовья Пясины в районе работ гидрографических отрядов ГУ ГУСМП, выполнила астрономические пункты, произвела топографическую съемку, составила геологическую карту района в масштабе 1:50 000 и, самое главное, обнаружила уголь. Результаты исследований опубликовали в «Трудах» института в 1939 г. [21, 23]

В 1936 г. в устье Енисея отправилась Сейсмическая экспедиция под начальством П.М. Каратыгина (14 чел.). Были выполнены сейсмические и геологические наблюдения, маршрут по рр. Большая и Малая Хета. Уже первые опытные профили, сделанные в

районе Усть-Порта, показали, что на глубине 10–15 м залегают породы, обладающие большой скоростью упругих колебаний. Результатами работ была доказана «полная применимость сейсмического метода в условиях Арктики», что позволило к 1937 г. выработать методику работ по выявлению выходов нефтяных и сопутствующих им газов [31, л. 7; 33].

При подготовке плана ВАИ на 3-ю пятилетку (1936 г.) директор института Р.Л. Самойлович определил задачи в деле «научного освоения огромной арктической территории», и главную из них – геологическое изучение Арктики. Исследованиями следовало охватить Таймырско-Енисейский, Верхне-Саянский, Чукотско-Анадырский районы, Нижнюю Тунгуску, Полярный Урал и хребет Пай-Хой [36, с. 28-29].

В 1936 г. ВАИ впервые была составлена геологическая карта Советской Арктики (в масштабе 1:2 500 000), на которой отражены данные геологических съемок, выполненных к этому времени (в том числе и в бассейне Енисея). Научной общественности карту представили в ходе работы XVII Международного геологического конгресса, проходившем в СССР летом 1937 г. Также на этом форуме ведущие геологи ВАИ Н.Н. Урванцев и С.В. Обручев озвучили данные о тектонике Енисейско-Ленского и Восточного секторов Арктики [7, 24].

В 1937 г. была организована Усть-Енисейская геологическая экспедиция ВАИ под руководством Е.М. Люткевича в составе восьми отрядов. Топографические отряды выполнили топографическую съемку местности, сотрудники астрономического отряда – определения астропунктов. Три геологических отряда обследовали побережье Енисейского залива от села Гольчиха до о. Диксон (с продвижением в тундру до 40 км), открыли несколько мощных пластов угля по р. Убойная. Это были запасы, которые были так необходимы для развития мореплавания по Севморпути [17].

Приказом начальника Главсевморпути О.Ю. Шмидта от 7 июля 1938 г. в АНИИ передали из Горно-геологического управления (ГГУ) ГУСМП все геолого-разведочные работы и некоторые экспедиции (работавшие в тех же районах, что и партии института). Это позволило объединить геолого-разведочные, геофизические и геолого-съемочные работы в устье Енисея и на Западном Таймыре [31, л. 14, 16, 61].

Так, в мае 1938 г. стартовала Енисейско-Пясинская экспедиция ВАИ (начальник – Е.М. Люткевич), а также Диксоновская экспедиция ГГУ) ГУСМП. Летом они были объединены в Западно-Таймырскую геологоразведочную экспедицию. Она выполняла следующие задачи: детальная разведка Пясинского, Убойнинского, Лемберовского и Слободского месторождений, площадная геологическая съёмка масштаба 1:200 000 между Енисеем и Пясиной. Работы экспедиции были рассчитаны на 1938–1939 гг. (два летних и один зимний сезоны). Е.М. Люткевич обобщил свои исследования по тектонике и угленосности Карского побережья Енисейско-Пясинского района [18], на посту начальника его сменил Н.А. Меньшиков.

Западно-Таймырская экспедиция исследовала участок Енисейского залива и порта Диксон. В АНИИ располагали данными разведок геологов ГГУ в предыдущие сезоны и настаивали на продолжении геолого-разведочной работы по диксоновским углям. Решение о рентабельности разработок пластов угля требовало экономического исследования, нужно было выявить границы угленосного района, тем более что месторождения находились недалеко от береговой полосы [32, л. 5-7]. Работы ГГУ в 1938 г. в районе р. Ленивая на Западном Таймыре (начальник – П.В. Виттенбург) признали не вполне удовлетворительными, несмотря на обнаружение месторождений слюды, граната и ставролита и составление детальных геологических карт отдельных участков [26, л. 74], и в следующем году не продолжали. В 1939 г. экспедиция АНИИ сосредоточилась на геологической разведке о. Диксон, выявила три месторождения каменного угля (неподалеку от бухты и на расстоянии в 15 км) и составила геологическую карту. Отдельный отряд под начальством геолога Т.П. Кочеткова обследовал берега

рр. Угольная и Лемберовая. К сожалению, исследования образцов показали, что угли оказались малопригодными для использования в качестве топлива для судов [2, 19, 22].

Также единой экспедицией АНИИ стала отправленная в 1936 г. Усть-Енисейская партия ГГУ и Енисейская геофизическая экспедиция ВАИ (начальник – Е.Б. Гольцберг). Объединенная экспедиция получила название «Усть-Енисейская». Согласно отчету за 1938 г., АНИИ принял экспедицию от ГГУ в неудовлетворительном состоянии (плохо обеспечена кадрами, техникой, спецодеждой и оборудованием, обработка полученных данных отставала от производства работ) [26, л. 67-68]. Институту предстояло не только провести исследования в 1938 г., но и организовать работы в зимнее время и на следующий сезон, что было выполнено. Камеральная обработка материалов партий 1937–1938 гг. в Ленинграде в АНИИ позволила прийти к выводу о наличии признаков нефти на левом берегу устьевого участка Енисея, поэтому дальнейшие работы в этом районе признали весьма перспективными [26, л. 69-70].

Усть-Енисейскую экспедицию в 1939 г. возглавил Л.В. Аптекман. Она состояла из пяти геологических и пяти топографических отрядов, а также геофизической группы, сотрудники которой осуществляли гравиметрические, магнитометрические, сейсмические исследования и электроразведку. На левом берегу Енисея скважинами вскрыли песчано-глинистая угленосная толща мощностью свыше 300 м, методом бурения выявлено интенсивное газирование на площади около 150 кв. м, зафиксировано 22 участка с газопроявлениями, а также обнаружены признаки нефтяного месторождения [27]. При разведке нефти в Усть-Порту установлено, что эта местность также богата горючими полезными ископаемыми (природный газ, бурый уголь), а в целом является новым перспективным промышленным нефтеносным районом [8, 9, 11, 37, 38, 39]. План работ составили и на 1940 г., но Усть-Енисейскую нефтеразведочную экспедицию снова передали в ГГУ ГУСМП. Вблизи Усть-Порта на правом и левом берегу Енисея пробурили две глубокие скважины (до 1700 и 1000 м), обнаружили выходы горючих газов в устье р. Малая Хетта (1940). В годы Великой Отечественной войны И.Д. Папанин отдал распоряжение об организации подразделения для поисков нефти в нижнем течении рр. Пур и Таз (с 1943 г.), подготовив работы геологов АНИИ в последующие годы по промышленному освоению месторождений в устье Енисея.

Таким образом, к началу 1940-х гг. в ведении АНИИ остались гидрологические исследования Енисейского залива и устьевой области Енисея, а также гидрометеорологическое обеспечение операций по трассе Севморпути до низовьев реки. Первые работы геологов, гидрологов, биологов института были важными, заложили основы последующих исследований.

Список литературы

[1] XXV лет научной деятельности Арктического института. М., Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945. 401 с.

[2] Аникеев Н.П. О кристаллических породах и слюдоносных пегматитах таймырской складчатой зоны // Проблемы Арктики. 1940. № 3. С. 136–148.

[3] Антонов В.С. В низовьях Енисея (Опыт Усть-Курейской ледоисследовательской станции). М., Л.: Изд-во Главсевморпути, 1940. 40 с.

[4] Антонов В.С. [и др.] Материалы по гидрологии рек: Лены, Эбетем, Индигирки, Хатанги, Енисея и Колымы. Л., 1938. 241 с. (Труды АНИИ; т. 105).

[5] Антонов В.С. Усть-Курейская ледоисследовательская станция 1938 года // Проблемы Арктики. 1938. № 4. С. 145–146.

[6] Антонов В.С. Усть-Курейская ледоисследовательская станция // Проблемы Арктики. 1939. № 10/11. С. 96–99.

[7] Вакар В.А. Геологи Арктического института на XVII Международном геологическом конгрессе // Проблемы Арктики. 1937. № 5. С. 102–108.

[8] Гедройц Н.А. О возрасте угленосной толщи и некоторых других вопросах геологии Усть-Енисейского порта // Проблемы Арктики. 1939. № 4. С. 38–47.

[9] Гедройц Н.А. Усть-Енисейский порт и перспективы его нефтеносности // Проблемы Арктики. 1940. № 3. С. 110–123.

[10] Гордиенко Н.А., Радченко Г.П., Счастнев К.И. Рыбное хозяйство низовьев реки Енисея: сиг, муксун и омуль, их биология и промысел / Под ред. проф. Е.К. Суворова. Л., 1938. 103 с. (Труды НИИ полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Сер. промыслового хозяйства; Вып. 3).

[11] Деменицкая Р.М. Перспективы сейсморазведки методом преломленных волн в районе Усть-Енисейского порта // Проблемы Арктики. 1939. № 5. С. 81–92.

[12] Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А. Летопись Арктического института: от Сэвэкспедиции до ГНЦ РФ ААНИИ 1920–2020 гг.: история полярных исследований. М.: Паулсен, 2020. Т. 1. 822 с.

[13] Кошкин В.Н. Научная работа Усть-Курейской ледоисследовательской станции // Проблемы Арктики. 1939. № 4. С. 60–61.

[14] Лактионов А.Ф. Научно-исследовательская деятельность института за период 1932–1947 гг. // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 621. 67 л.

[15] Лебедев В.В. Материалы по гидрологии реки Пясины. Л., 1936. 46 с. (Труды АИ; т. 75).

[16] Лебедев Вл.В., Антонов Н.Д. Гидрология рек Советской Арктики: [сб. ст.], вып. 4 / Под ред. Л.К. Давыдова. Л., 1939. 79 с. (Труды АНИИ; т. 128).

[17] Люткевич Е.М. Работы Усть-Енисейской геологической экспедиции 1937 года // Проблемы Арктики. 1938. № 1. С. 112–116.

[18] Материалы по геологии и угленосности Западного Таймыра / Под общ. ред. И.И. Горского // Труды Арктического института. Л., 1939. Т. 121. 100 с.

[19] Меньшиков Н.А. Западно-Таймырская угольная экспедиция 1939 года // Проблемы Арктики. 1939. № 4. С. 64–66.

[20] Меньшиков Н. Мерзлотная станция в устье р. Игарки // Бюллетень Арктического института СССР. 1934. № 8/9. С. 307.

[21] Мутафи Н.Н. [и др.] Геология и полезные ископаемые Енисейско-Ленской области: [сб. ст.], вып. 1 / Под ред. А.А. Петренко. Л., 1939. 276 с. (Труды АНИИ; т. 126).

[22] Мутафи Н.Н. К геологии и угленосности Западного Таймыра по материалам двух пересечений 1938 и 1939 гг. // Проблемы Арктики. 1940. № 5. С. 35–55.

[23] Мутафи Н.Н. Предварительный отчет о работе Пясинской геолого-поисковой экспедиции за 1935/36 год // Проблемы Арктики. 1937. № 2. С. 111–127.

[24] Обручев С.В. Арктическая секция Международного геологического конгресса // Бюллетень Арктического института СССР. 1936. № 12. С. 534–535.

[25] Отчет о морских гидрологических работах Гидрографической экспедиции Енисейского Гидроотдела в навигацию 1938 года // Фонды ААНИИ. Д. О-518. 242 л.

[26] Отчет о научно-исследовательской и экспедиционной деятельности института за 1938 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 239. 168 л.

[27] Паспорт Усть-Енисейской нефтяной экспедиции // Фонды ААНИИ. Д. 102593. Л. 48–50 об.

[28] План гидрографических и гидрологических экспедиционных исследований на 1937–1943

гг. // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 217. 66 л.

[29] План экспедиционных научно-исследовательских работ ВАИ на 1933 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 83. 130 л.

[30] Предварительный отчет о гидрологических работах, произведенных в Енисейском заливе, в навигацию 1940 года // Фонды ААНИИ. Д. О-690. 179 л.

[31] Протокол совещания по организации и отчет о работе Таймырской комплексной экспедиции // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 168. 32 л.

[32] Протоколы митингов сотрудников Арктического института за 1939 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-2017. Оп. 1. Д. 493. 22 л.

[33] Работы Енисейской сейсмической экспедиции в 1936 году // Бюллетень Арктического института СССР. 1936. № 10/11. С. 466–469.

[34] Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: Предварит. отчет // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. 1922. Вып. 14. 94 с.

[35] Различные материалы Северной научно-промысловой экспедиции // Фонды ААНИИ. Д. Р-2185. № 5/48. Б/п.

[36] Р.К. Готовим план третьей пятилетки // Советская Арктика. 1936. № 5. С. 27–34.

[37] Рябухин Г.Е. О проектном разрезе и нефтеносности района Усть-Енисейского порта // Проблемы Арктики. 1939. № 6. С. 91–94.

[38] Рябухин Г.Е. Усть-Енисейская нефтяная экспедиция 1939 года // Проблемы Арктики. 1939. № 4. С. 61–63.

[39] Сакс В.Н. Новые данные о геологическом строении района Усть-Енисейского порта // Проблемы Арктики. 1939. № 10/11. С. 41–51.

[40] Стенографические отчеты заседаний гидрологической секции Ученого совета института. 1937 г. // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 206. 294 л.

[41] Урванцев Н.Н. К вопросу о постройке угольного порта в устье реки Енисея // Arctica. 1933. Кн. 1. С. 189–190.

[42] Урванцев Н.Н. К вопросу об организации геологических исследований в центральной области Енисейско-Ленской платформы // Бюллетень Арктического института СССР. 1935. № 5–6. С. 125–126.

Экспедиционные исследования Арктического и антарктического научно-исследовательского института в Енисейской устьевой области в послевоенный период

Замятин Владимир Юрьевич
Кандидат технических наук, начальник отдела фонда данных и научно-технической информации, Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, г. Санкт-Петербург, Россия.
vz@aari.ru, https://orcid.org/0000-0003-0700-8198

Емелина Маргарита Александровна
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Военно-исторического центра, Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, г. Санкт-Петербург, Россия.
mritaemelina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8280-3901

АННОТАЦИЯ В Арктическом научно-исследовательском институте в послевоенное время были продолжены экспедиционные исследования Енисейского залива и устьевой области р. Енисей. Работы велись по нескольким направлениям и включали в себя изучение гидрологического и ледового режима, научно-оперативное обслуживание навигаций, а затем и сверхпоздних ледокольных проводок судов в этих районах, применение методов воздействия для разрушения ледяного покрова, изучение ледовых качеств судов, исследование уровня загрязненности вод. В результате этих исследований были получены значимые научные и практические результаты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ААНИИ, экспедиции, Енисей, Енисейский залив.

Уже через год после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 г., Арктический научно-исследовательский институт (АНИИ) организовал первую экспедицию, в ходе которой изучались водные объекты суши – Таймырскую комплексную экспедицию. Ее целью было «всестороннее географическое и геологическое исследование центральной и восточной частей Таймырского полуострова, включая озеро Таймыр». Экспедиция работала в 1947–1949 гг. Планировалась организация комплексных экспедиций в другие районы Арктики, но в связи с сокращением средств, выделяемых на экспедиционные исследования, и структурными изменениями в институте новая экспедиция, подобная Таймырской, так и не состоялась [1, с. 584-587].

В дальнейшем исследования рек и их устьевых областей в АНИИ/ААНИИ (с 1958 г. институт стал именоваться Арктическим и антарктическим научно-исследовательским) велось по нескольким направлениям и осуществлялось разными подразделениями.

Изучение низовьев и устьев сибирских рек в институте было возложено на отдел устьевых участков рек (с 1979 г. – отдел гидрологии устьев рек и водных ресурсов, ОГУРиВР). В первой половине 1950-х гг. экспедиционные работы, организуемые этим подразделением, были сосредоточены на изучении гидрологического и ледового режима дельты р. Лена.

В 1958 г. начался качественно новый этап в исследованиях устьевых областей – сотрудники отдела приступили к выполнению ежегодных весенних (А-113) и осенних (А-114) воздушных экспедиций по изучению вскрытия и замерзания крупных арктических рек и выявлению закономерностей развития этих явлений. Экспедиция А-113 в 1958 г. продолжалась с 28 мая по 27 июня. В ее состав входили В.С. Антонов (начальник экспедиции), Ю.В. Налимов и Р.И. Щербакова. Обследование было проведено по устьям всех крупных рек от Байдарацкой губы на западе до Чаунской губы на востоке, а также

в прибрежной зоне арктических морей. Длина маршрутов ледовой разведки составила более 40000 км. Полученные данные направлялись путем донесений ряду организаций, после каждого полета составлялись обзорные ледовые карты по объектам. По отдельным объектам, по просьбе оперативных работников, составлялись краткосрочные прогнозы и проводились уточнения долгосрочных прогнозов вскрытия. Для работ был арендован самолет Ли-2. Во время этой экспедиции ледовые авиаразведки по р. Енисей и Енисейскому заливу выполнялись дважды – 29 июня и 16 июля [8].

Экспедиция А-114 в 1958 г. продолжалась с 21 сентября по 27 октября. В ней участвовали В.С. Антонов и Ю.В. Налимов. Были обследованы водные объекты от Байдарацкой губы до р. Колымы.

С 1961 г. и весенняя, и осенняя воздушные экспедиции имели обозначение А-113. С конца 1960-х гг. помимо визуальных ледовых наблюдений стали выполняться авиатермосъемки, а с конца 1970-х гг. – ледомерные съемки с помощью радиолокационных толщиномеров. Работа этой экспедиции продолжалась до 1990 г., при этом в 1980-х гг. основными районами ее работы стали устьевые области рек бассейнов морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Ледовые авиаразведки в устьевых областях рек бассейна Карского моря в этот период выполняла, главным образом, Обь-Енисейская устьевая гидрологическая экспедиция (ОЕУГЭ).

Весной 1961 г. с целью выявления ледового режима р. Енисей и Енисейского залива на период вскрытия для определения возможности более раннего начала проводки морских судов до порта Игарка организовали специальную летную экспедицию А-117. В ее состав экспедиции: В.В. Иванов (руководитель группы), Н.И. Комов и Ю.В. Налимов. Полеты выполнялись на самолетах Ли-2 и Ил-14, базировавшихся в аэропорту Диксон. Полеты на разведку начались 12 мая и продолжались по 17 июля. За этот период по Енисею, Енисейскому заливу, а также Обской и Тазовской губам по программе экспедиции было выполнено 26 ледовых разведок и получено 60 полетных карт. Во время экспедиции материалы ее разведок использовались в оперативной работе по планированию и проведению навигации, результаты в виде донесений рассылались по радио в различные организации. В период форсирования л/к «Москва» Енисейской ледовой перемычки на этот ледокол сбрасывались вымпелы с картами ледовой обстановки [5]. Несколько ледовых разведок по программе экспедиции А-117 было сделано осенью 1961 г.

В начале 1970-х гг. исследования Енисея существенно расширились, что было связано, прежде всего, с планами значительного увеличения судоходства по этой крупной транспортной артерии (в т. ч. продления периода навигации), строительства крупных гидроэлектростанций, и проектными предложениями о целесообразности поворота некоторых сибирских рек «вспять» для орошения приаральских и прикаспийских земель. Предстояло изучить влияние зарегулированности стока и возможного частичного его изъятия, ожидаемые значительные отрицательные последствия этих факторов, как для рек, так и морей Северного Ледовитого океана.

Отделом устьевых участков рек были проведены несколько экспедиций, целью которых являлся сбор недостающих гидрометрических и гидрологических данных на устьевом участке р. Енисей для обоснования и проверки методов моделирования, расчетов и прогнозов элементов водного режима. Первая из них – А-68(7) – состоялась в июле-августе 1971 г. Ввиду малочисленности состава экспедиционной группы (3 чел.) и отсутствия собственных плавсредств, работы предусматривались как рекогносцировочные. Группа ознакомилась с архивными гидрологическими материалами Игарской гидробазы, посетила ряд других организаций, имеющих архивы по гидрологии и гидрографии Енисея, провела инспекцию Игарского поста и гидроствора, выполнила полевые работы на Липатниковском и Турушинском перекатах. Несмотря на кратковременность серий наблюдений над течениями, они позволили выявить некоторые особенности скоростного режима реки в межень на двух важных для судоходства участках [6].

В навигацию 1972 г. работы экспедиционной группы А-68(4) на устьевом участке

Енисея продолжились. Численность группы возросла до 10 человек. Как и в 1971 г., ее возглавлял Е.П. Котрехов. Временную базу экспедиции организовали в пос. Байкаловск. Работы включали наблюдения над течениями, уровнем и температурой, прозрачностью и цветом воды, метеорологические наблюдения и взятие проб воды на химанализ. На участке от Дудинки до Байкаловска в намеченных створах были поставлены автономные буйковые станции с измерителями течений. Наблюдения выполнялись с катера типа «Ярославец», вельбота и шлюпки [16].

Работы экспедиции А-68/3 (9 чел., начальник А.П. Граевский) в августе-сентябре 1973 г. охватили район от Игарки до м. Сопочная Карга. Основные исследования проводились в дельте реки. Состав наблюдений в целом не изменился. В Енисейском заливе и губе по совместной программе работала морская экспедиция А-63. В 1974 г. работы А-68/3 продолжились.

В период 1971–1974 гг. экспедиционные исследования на устьевом участке Енисея проводились в навигационный период. В 1975 г. отделом устьевых участков рек была организована гидрологическая экспедиция А-118(1), целью которой являлось изучение характеристик ледово-гидрологического режима устьевого участка Енисея и Енисейского залива, а также динамики течений в зоне взаимодействия реки и моря. Это было необходимо для разработки методов прогнозов и расчета ледообразования и разрушения льда, максимальных толщин льда для обеспечения зимней навигации, а также для прогноза уровней и течений в пределах судоходной трассы, учитывая возможные перевозки в Дудинку (продленная навигация) и в связи с проектируемым регулированием стока. Кроме того, исследовалась динамика гидрофронта. Основные задачи экспедиции: сбор натурных данных по течениям, уровенному режиму, химизму вод, ледово-снегомерной съемке, актинометрические и метеорологические наблюдения. Выполнялись методические наблюдения, а также сбор гидрометеорологической информации на постах. В состав экспедиции вошли 10 человек (начальник А.П. Граевский). Полевые исследования велись в апреле-мае со льда. Для длительных наблюдений над элементами водного режима были выставлены пять автономных подледных станций. Наблюдения за физико-механическими свойствами льда включали в себя наблюдения за структурой и текстурой льда, определение плотности и прочностных характеристик льда. Испытывалось оборудование для проходки скважин во льду разного диаметра [2].

Работы экспедиций А-118 продолжались до 1990 г. В разные годы ею изучались устьевые области рек Обь, Таз, Енисей и Пясина.

В 1976 г. на Енисее работал отдельный отряд экспедиции А-118 в составе трех человек. С борта г/с «Лот» попутно навигационным работам провели две гидролого-гидрохимические съемки устья р. Енисей и одну съемку Енисейского залива. В 1979 г. на Енисее работал гидрохимический отряд экспедиции А-118, задача которого заключалась в сборе натурных данных по распределению элементов гидрохимического режима устьевой области. В отряд входили четыре человека. Для выполнения работ в Байкаловске была развернута стационарная гидрохимическая лаборатория.

В следующем году работы А-118 на Енисее были более значительными. Экспедиция проводилась в летне-осенний период (июль-октябрь). Район полевых работ включал нижнее течение и дельту Енисея. Экспедиция (10 чел., начальник А.В. Уфимцев) была сформирована из сотрудников института, а также курсантов – практикантов из Ленинградского арктического училища (ЛАУ). С целью получения пространственно-временной изменчивости гидрологических элементов, как по длине, так и по ширине устьевой области Енисея, выполнили шесть гидрологических разрезов с измерением на горизонтах скоростей и направлений течений, температуры воды, а также характеристик метеорежима. На гидростворах измерялись расходы воды и выполнялись терморазрезы. Были оборудованы два временных водомерных поста. Совместно с ОЕУГЭ в четырех районах была осуществлена постановка автономных станций притопленного типа с

самописцами течений и фототермографами [19].

Для обеспечения работ, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР (переброска стока сибирских рек в Аральское море) от 15 июля 1976 г., в ААНИИ организовали самостоятельное подразделение – Обь-Енисейскую устьевую гидрологическую экспедицию. Приказ о создании ОЕУГЭ был подписан 31 мая 1977 г. В ее штат вошли 12 человек, начальником был назначен А.П. Граевский. Основная цель работ подразделения – всестороннее изучение основных закономерностей гидрологического режима устьевых областей рек Обь и Енисей для определения возможного влияния и изменения режимов за счет переброски части стока рек в Среднюю Азию и Казахстан, улучшения гидрометобеспечения морского и речного флота, деятельности хозяйственных организаций в этих районах [15, л. 13-16].

Для решения задач предусматривалось производство по скоординированным программам комплексных гидрологических и авиационных исследований совместно с арктическими и сибирскими управлениями Гидрометслужбы (УГКС) и организациями других ведомств, осуществляющих исследования в Обско-Тазовском и Енисейском районах; исследования и получение сведений по водному, русловому, ледовому, термическому режиму и процессам. Планировалось, что изучение гидрологических процессов в устьевых областях рек, слабо охваченных сетью стационарных постов и станций, должно производиться с помощью автоматизированной сети наблюдений и с применением аэрометодов.

В конце 1977 г. разработали проект координационной программы (работ ОЕУГЭ, территориальных УГКС и заинтересованных организаций) и план экспедиционных исследований на 1978 и 1979–1980 гг. В 1978 г. основные работы ОЕУГЭ проводила в Обско-Тазовской устьевой области. В дельте Енисея были выполнены аэрогидрометрические наблюдения за перераспределением стока.

В следующем году в зимний период (март-апрель) работы осуществлялись одновременно двумя отрядами в устьевых областях Оби и Енисея. Исследования на Енисее велись в марте-июне пятью сотрудниками (при этом длина участка составляла около 400 км). В июне-сентябре численность группы, по мере уменьшения объема работ, сократилась. По согласованной программе совместно с Диксонским УГКС (экспедиция К-79) были установлены три автономных станции с самописцами течений в Енисейском заливе и три станции на устьевом участке; произведены наблюдения на суточных станциях и гидрологических разрезах и т.д. Летом выполнили три съемки поля скоростей на Липатниковском перекате, с судна Игарской гидробазы провели попутные гидрологические наблюдения в Енисейской губе. Авиационные виды работ осуществлялись самостоятельно (аэрогидрометрические наблюдения), а также в экспедиции А-113 (визуальные ледовые и термосъемки). Выполнили плановую аэрофотосъемку части дельты и, совместно со специалистами Государственного гидрологического института – плановую съемку зоны затопления в устье Енисея [17].

Состав исследований в последующие годы в целом был аналогичен. В зимне-весенний период сотрудники ОЕУГЭ участвовали в санно-тракторных поездах Диксонского УГКС для постановки автономных приборов в Енисейском заливе и дельте Енисея, в летний период выполняли гидрологические разрезы, промеры и измерение расходов воды, водомерные наблюдения, аэрогидрометрические наблюдения. Велась ледовая авиаразведка с применением самолетов Ил-14 и Ан-2 (с 1981 г. уже не в составе экспедиции А-113, а самостоятельно). Особенностью работ 1982 г. являлось широкое применение автономных станций: совместно с экспедицией К-82 Диксонского УГКС в зимне-весенний период в Енисейском заливе и в южной части Карского моря были поставлены три долговременных подводных буйковых станции, на участке от водпоста Липатниково до м. Брагеникого со льда – 12 автономных станций; в летний период в Енисейском заливе – три, а на участке от водпоста Липатниково до водпоста Байкалово – пять станций [18].

Наземные наблюдения на Енисее ОЕУГЭ/АУГЭ (в 1983 г. ОЕУГЭ переименовали в Арктическую устьевую гидрологическую экспедицию) продолжала до 1985 г. В дальнейшем они велись в устьевых областях Пясины и Хатанги. Авиационные наблюдения осуществлялись АУГЭ до 1990 г.

Самостоятельным направлением экспедиционных исследований устьевых взморий являлась многолетняя работа экспедиций ледово-гидрологического патруля. Патруль Карского моря (экспедиция получила обозначение А-63) в течение ряда лет работал в открытой части моря. В 1952 г. А-63 на г/с «Торос» выполнила в Енисейском заливе две суточные станции наблюдений за течениями. В 1953 г. работы повторили, а в 1955 г. впервые осуществили гидрологическую съемку Енисейского залива. В последующие годы гидрологическая съемка залива выполнялась регулярно, она могла дополняться отбором проб грунта и планктона, проб воды на загрязнение. Для осуществления длительных наблюдений выставлялись буйковые станции. В 1973 г. А-63, впервые в практике работы океанографических экспедиций ААНИИ, было выполнено 20 определений нефтепродуктов в донных отложениях Обской губы, Енисейского залива и примыкающей к ним прибрежной части Карского моря [3, с. 12]. С 1960 г. работы велись на г/с «Шторм». Последняя экспедиция А-63 состоялась в 1980 г. (программа включала в себя и работы в Енисейском заливе), после чего, вследствие списания судна, не возобновлялась.

В 1953 г. в системе Главного управления Севморпути при районных управлениях полярных станций создали Арктические научно-исследовательские обсерватории (АНИО) – в том числе на Диксоне. Так на практике реализовали идею формирования системы научных центров, находившихся непосредственно в Арктике, которые вели в своем районе научные исследования и научно-оперативную работу, осуществляли руководство полярными станциями. В декабре 1954 г. приказом министра морского флота СССР АНИО передали в ведение АНИИ. В феврале 1955 г. АНИО Диксон отправила в Енисейских залив зимнюю гидрологическую экспедицию (4 чел.). Наблюдения в ходе Е-2 велись с 6 марта по 14 апреля в районе Сопочная Карга – м. Песчаный с неподвижного льда. В состав наблюдений на станциях входило измерение температуры воды на различных горизонтах, определение направления и скорости течения, метеорологические наблюдения, измерение толщины льда и взятие проб по гидробиологии [7]. Весной следующего года в Енисейском заливе работала организованная АНИО гидрологическая экспедиция Д-2. Наблюдения велись с 13 по 27 мая. В качестве транспортного средства использовался самолет Ан-2.

В навигационный период 1958 и 1959 гг. АНИО Диксон проводил экспедиции Д-2 с использованием принадлежавшего обсерватории лоцбота «Айсберг». Были получены материалы, необходимые для расчетов сроков ледообразования на основе составляющих теплового баланса. Велись наблюдения за температурой воды, взятие проб на соленость и хлорный коэффициент, определение цветности и прозрачности воды, измерения течений, градиентные метеорологические и актинометрические наблюдения.

В перспективах развития Севморпути на период 1959–1965 гг. перед Министерством морского флота (ММФ) была поставлена задача в семь раз увеличить вывоз леса из порта Игарка. Для ее решения наметили ряд мероприятий, среди которых важное место отводилось улучшению гидрографического обслуживания трассы и увеличению продолжительности навигационного периода. Одним из участков трассы, задерживающих плавание, являлась 40–50 км ледовая перемычка припая в Восточном проливе Енисейского залива. В мае-июне 1959 г. ледоисследовательской лабораторией ААНИИ совместно с АНИО Диксон была организована экспедиция Д-2 по исследованию перемычки и возможности ее искусственного разрушения. В ее состав вошли начальник экспедиции И.Г. Петров (ААНИИ), четыре сотрудника АНИО, два представителя ГУСМП, группа специалистов из АН СССР, в задачу которой входила апробация метода по разрушению льда взрывом с помощью специальных шнуровых зарядов.

Программа включала широкий комплекс исследований (искусственное разрушение льда, гидрологические, актинометрические градиентные и ледоисследовательские работы) [10].

Стоит отметить, что перемычка в Восточном проливе давно привлекала внимание специалистов в ГУСМП. В 1949 г. ледоисследовательская лаборатория АНИИ организовала опытные работы по разрушению льда в бухте Диксон (экспедиция А-73, 20 чел. под руководством Г.Н. Яковлева). Обращалось внимание на то, что целью практического применения разрабатываемых методов может явиться разрушение перемычки между о. Сибирякова и материком. В ходе экспедиции отработали методы разрушения ледяного покрова с использованием различных зарядов взрывчатых веществ и с помощью солнечной энергии (создание радиационных каналов) методом окрашивания льда (вручную и с использованием техники – трактора или самолета По-2) в целях ускорения таяния ледяного покрова, выполнили работы по пробивке канала для освобождения замерзших г/с «Циркуль», «Исследователь» и «Лоцмейстерский». Взрывной метод признали перспективным для искусственного вскрытия припайного льда, он позволил осуществить вскрытие на 1,5 мес. раньше среднемноголетнего срока. Использование метода окрашивания льда для пробивки канала во льду привело к вскрытию на 15 суток раньше срока [12, л. 72-84].

Для всестороннего изучения режима северной части Енисейского залива было решено провести в 1960 г. одновременные работы в Восточном проливе и в прол. Овцына. Экспедицию ААНИИ А-168, в состав которой вошли сотрудники института, АНИО Диксон, Диксонского радиометцентра, ЛАУ и студенты ЛГУ, возглавил Ю.А. Тарбеев. Предусматривалось создание на льду залива двух полевых опорных баз; проведение регулярной авиационной разведки с целью наблюдения за разрушением перемычки; выполнение снегомерной съемки и съемки толщины льда; гидрологические исследования; ледоисследовательские работы; актинометрические, метеорологические и градиентные наблюдения; окрашивание льда с целью создания радиационных каналов; взрывные работы. Результаты подтвердили возможность разрушения Енисейской перемычки припая путем взрыва и радиационной посыпки [9].

С целью определения технических возможностей и природных условий для продления навигации в юго-западной части Карского моря, Енисейском заливе и р. Енисей до порта Дудинка, а также перевозки медно-никелевой руды в условиях полярной ночи, низких отрицательных температур воздуха, после установления припайных льдов в низовье Енисея и Енисейском заливе, в соответствии с решением Коллегии ММФ от 19 мая 1970 г. Главным Управлением мореплавания и Мурманским морским пароходством было осуществлено экспериментальное плавание транспортного судна и ледоколов с запада в порт Дудинка в 1970 г. в осенне-зимнее время (ноябрь-декабрь). В эксперименте приняли участие Гидрографическое предприятие ММФ, ААНИИ, Диксонский радиометцентр ГУГМС, Центральный научно-исследовательский институт морского флота ММФ, Норильский горнометаллургический комбинат им. А.П. Завенягина и Полярное управление Министерства гражданской авиации. Были задействованы д/э «Гижига», а/л «Ленин», л/к «Мурманск», «Капитан Белоусов» и «Капитан Воронин». Экспедиция ААНИИ А-62/70 выполняла научно-оперативное обслуживание эксперимента и научные наблюдения. В ее состав вошли 28 человек (начальник Г.Н. Сергеев). В экспедиции приняли участие сотрудники семи отделов института. Координацию работ возложили на отдел изучения ледового плавания. Были организованы четыре отряда, которые вели работу при Штабе морских операций на о. Диксон (научно-оперативная группа), на л/к «Капитан Белоусов», д/э «Гижига» и а/л «Ленин». Основными задачами являлись изучение условий проводки судов в низовье Енисея (до порта Дудинка), в Енисейском заливе, а также в юго-западной части Карского моря; отработка системы научно-оперативного обслуживания сверхпоздних ледокольных проводок в этих районах; сбор данных для обоснования предложений

об организационных и технических мероприятиях, направленных на осуществление массовых плановых ледокольных проводок судов в осенне-зимние месяцы. Выполнялся комплекс исследований, включавший ледовые наблюдения, изучение проходимости судов во льдах, определение ледовых качеств судов, гидрологические наблюдения, обеспечение навигации в осенне-зимний период научно-оперативной службой и ледовой авиаразведкой.

Экспериментальное плавание в Дудинку закончилось 8 декабря, на 33 суток позже среднемноголетних сроков. Был собран ценный материал по ледовым условиям плавания; ледопроходимости ледоколов в молодых быстрорастущих льдах; выполнены серии натурных испытаний л/к «Капитан Белоусов» и д/э «Гижига», в результате которых получили данные по ледовой ходкости, прочности бортового набора, обшивки корпуса и другим характеристикам. Несмотря на то, что плавание ледоколов не удалось завершить в предельных ледовых условиях, на основании материалов, собранных экспедицией, анализа многолетних данных по ледовому и гидрометеорологическому режиму района плавания, удалось предварительно определить критерии и сроки окончания осенне-зимней навигации на трассе Карские Ворота – Дудинка и дать ряд практических рекомендаций по научно-оперативному обеспечению подобных операций в будущем [11].

Материалы экспедиции легли в основу подготовки и обеспечения плавания группы судов в Дудинку, предпринятом в ноябре-декабре 1971 г. В выполнении программы экспедиции участвовало 17 человек, размещавшихся на а/л «Ленин», л/к «Мурманск» и «Капитан Мелихов», т/х «Парголотово» и д/э «Гижига». Была выполнена обширная программа визуальных авиационных ледовых наблюдений, которая кроме обеспечения плавания судов, преследовала цель расширить знания о возможностях ведения ледовой авиаразведки в период сумерек и полярной ночью, с последующей подготовкой инструкции по производству наблюдений. Экспериментальное плавание закончилось на 57 суток позже по сравнению со средними многолетними сроками навигации и на 22 дня позже по сравнению с 1970 г. [14].

Экспедиции института по научно-оперативному обеспечению и изучению условий плавания транспортных судов в порт Дудинку работали в осенне-зимний период навигации 1972–1973 гг. (А-66/70) и в ноябре-декабре 1973 г. В ноябре 1972 – январе 1973 г. в аномально тяжелых ледовых условиях была обеспечена проводка восьми судов, навигация закончилась на 84 суток позже средних сроков [13, л. 5].

С первой половины 1970-х гг. большое внимание стало уделяться проблеме загрязнения вод арктических морей и устьевых областей рек, в т. ч. поверхностного пленочного загрязнения нефтепродуктами. Осенью 1975 г. ААНИИ впервые провел авиационную разведку состояния загрязненности вод Обской губы, Енисейского залива и верховьев рр. Обь, Енисей, Пур и Таз пленочной нефтью. Визуальные наблюдения выполнялись с борта самолета Ил-14, попутно с термосъемкой и ледовой разведкой [4, с. 3]. В 1976 г. авиационные наблюдения за состоянием загрязненности поверхностных вод арктических морей, Обской губы, Енисейского залива и верховьев крупнейших сибирских рек пленочной нефтью, были продолжены. Воздушная экспедиция получила обозначение А-164. Эти работы выполнялись до конца 1980-х гг.

Помимо экспедиционных исследований на Енисее и в Енисейском заливе ААНИИ в течение многих лет организовывал работу научно-оперативной группы Западного района Арктики (А-67), в рамках которой для обеспечения мореплавания выполнялись авиационные ледовые разведки, а также морские экспедиции по изучению ледовых качеств судов А-62 и А-62(Д) применительно к различным типам ледоколов и транспортных судов, экспедиции по изучению тактики ледового плавания А-70.

В результате всех этих исследований были получены значимые научные и практические результаты. Ухудшение экономической ситуации и распад Советского Союза привели к практически полному свертыванию экспедиционной деятельности института в Енисейской устьевой области. В российский период систематические

работы в этом районе не осуществлялись.

Список литературы

[1] Емелина М.А., Савинов М.А., Филин П.А. Летопись Арктического института: от Севэкспедиции до ГНЦ РФ ААНИИ, 1920–2020 гг. М.: Паулсен, 2020. Т. 1. 824 с.

[2] Научно-технический отчет о работе экспедиции А-118(1) на устьевом участке Енисея в 1975 г. // Архив ОГУРиВР. Д. 147. 26 л.

[3] Обзор состояния химического загрязнения арктических морей СССР в 1973 году. Л.: ААНИИ, 1974. 112 с.

[4] Обзор состояния химического загрязнения арктических морей СССР за 1975 год. Л.: [б. и.], 1976. 94 с.

[5] Отчет о работе воздушной экспедиции А-117 по обследованию режима вскрытия ледяного покрова на р. Енисее, Енисейском заливе, Обской и Тазовской губе в весенний период 1961 года // Фонды ААНИИ. Д. О-330. 43 л.

[6] Отчет о работе гидрологической экспедиционной группы в устьевой области Енисея в навигацию 1971 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-1984. 26 л.

[7] Отчет о работе с неподвижного льда по производству гидрологических наблюдений в районе Сопочная Карга – м. Песчаный за время с 6 марта по 14 апреля 1955 года // Фонды ААНИИ. Д. О-641. 19 л.

[8] Отчет о работе экспедиции А-113 в навигацию 1958 г. по обследованию режима вскрытия ледяного покрова устьев Арктических рек и припая в прибрежной зоне Арктических морей // Фонды ААНИИ. Д. О-404. 106 л.

[9] Отчет о работе экспедиции А-168 в Енисейском заливе весной 1960 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-194. 117 л.

[10] Отчет о работе экспедиции Д-2 в Енисейский залив весной 1959 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-196. 126 л.

[11] Отчет о работе экспедиции по продлению навигации в порт Дудинка в осенне-зимний сезон 1970 г. // Фонды ААНИИ. Д. ДСП-149. 263 л.

[12] Отчет по специальной ледоисследовательской экспедиции А-73, 1949 г. // Фонды ААНИИ. Д. Р-5482. 231 л.

[13] Отчет экспедиции по обеспечению осенне-зимней навигации в западном районе Арктики (ноябрь-декабрь 1973 г.) // Фонды ААНИИ. Д. ДСП-189. 173 л.

[14] Отчет экспедиции по экспериментальному плаванию группы судов в порт Дудинка в ноябре - декабре 1971 г. // Фонды ААНИИ. Д. ДСП-169. 195 л.

[15] Приказы вышестоящих организаций, 1977 г. // Архив Отдела кадров ААНИИ. Д. Б/н. Т. 1. 70 л.

[16] Технический отчет о работе гидрологической экспедиционной группы в устьевой области Енисея в навигацию 1972 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-2069. 11 л.

[17] Технический отчет о работе ОЕУГЭ в устьевых областях рек бассейна Карского моря в 1979 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-2587. 23 л.

[18] Технический отчет о работе ОЕУГЭ в устьевых областях рек бассейна Карского моря в 1982 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-2723. 21 л.

[19] Технический отчет о работе экспедиции А-118 в летне-осенний период в устьевой области р. Енисей в 1980 г. // Фонды ААНИИ. Д. О-2628. 23 л.

УДК 94(571.17)“18”

О «Карте открытия морских путей в устья Енисея и Оби, сделанных при участии и на средства М.К. Сидорова»[1877]

Красникова Ольга Алексеевна
Кандидат исторических наук, Библиотека Российской академии наук, г.Санкт-Петербург, Россия
okras05@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2396-2793

АННОТАЦИЯ В СПбФ АРАН хранится личный фонд М.К. Сидорова (1823-1887), российского золотопромышленника, исследователя Русского Севера и Сибири, крупного мецената. Среди картографических материалов фонда – уникальная карта, демонстрирующая его вклад в развитие Севера и арктическое мореплавание. На тиражную «Карту Северного Ледовитого океана и Карского моря с Новою Землей» (издание ГДММ, 1872) нанесены 7 морских и 2 сухопутных маршрута 1859-1877гг. движения шхуны «Таз», пароходов «Провен», «Диана», «Имер», «Темза», яхты «Заря» и др., и проекты Сидорова - колесный путь с Оби на Печору и два канала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сидоров М.К., арктическое мореплавание, морские и сухопутные пути, каналы.

В начале 1990-х гг. в Сектор картографии ОРРКК[150] БАН была передана библиотека Полярной комиссии Академии наук, хранившаяся до этого в фонде Сектора редкой книги ОРРКК, а перед этим входившая в состав Основного фонда БАН. Полярная комиссия (далее - ПК), созданная в 1914 г. при Академии наук как межведомственное учреждение, работала до 1936 г. [3], когда была упразднена по совокупности многих причин, отчасти в рамках мероприятий по очередному совершенствованию структуры Академии наук, когда было принято решение о сокращении числа комиссий, частично - путем слияния их с профильными институтами, а частично - путем прямого упразднения, признав их работы неактуальными. Ликвидация Полярной комиссии, которую постигла участь многих других академических комиссий, связана с существованием Главного управления Северного морского пути (далее - ГУСМП) и активной работой Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, возглавившего работы в Арктике, а также с переходом к стационарным исследованиям. Большую роль сыграло и отсутствие авторитетного и яркого лидера, который смог бы отстоять комиссию (А.П. Карпинский, бывший ее председателем на протяжении почти всего времени ее существования, скончался в 1936 г.). За право обладать библиотекой Полярной комиссии спорили несколько учреждений: Институт географии АН СССР в Москве, Комитет по вечной мерзлоте, Северная база Академии наук и несколько научно-исследовательских институтов в Ленинграде. Поскольку библиотека ПК была необходима широкому кругу лиц, занимающихся проблемами Севера и Арктики, было решено в 1936 г. передать ее как специальную книжную коллекцию в состав Библиотеки Академии наук в Ленинграде. Затем рукописи и рукописные карты поступили на хранение в Архив Академии наук СССР, а карты и отдельные книги и атласы – в картографический фонд БАН. Наконец, когда печатные библиотечные документы соединились в фонде Сектора картографии, было начато их систематическое описание.

[150] ОРРКК БАН – Отдел редкой, рукописной книги и картографии Библиотеки Российской академии наук – административное образование, существовавшее в Библиотеке Российской академии наук в начале 1990-х гг., затем из состава отдела был выделен Сектор картографии и присоединен к Отделу фондов и обслуживания, в структуре которого находится и ныне.

Для уточнения истории создания библиотеки, выяснения происхождения дарственных и владельческих записей на книгах, необходимо было обратиться к архивным документам, касающимся истории и деятельности Полярной комиссии. Основным источником стал Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее - СПбФ АРАН)[151], куда поступили документы делопроизводства, научной и экспедиционной деятельности ПК, составившие фонд 75.В научно-исследовательской и научно-организационной деятельности ПК было выделено несколько направлений, среди которых, помимо первоначально интересующего нас создания библиотеки по полярным вопросам, было спасение оказавшихся под угрозой уничтожения после событий октября 1917 года научных и личных архивов учреждений и лиц, связанных с деятельностью в арктических районах. Выяснилось, что благодаря ученым, входившим в состав ПК, удалось сохранить архивы российских исследователей и специалистов. Так, в 1923 г. рукописи геолога К.А. Воллосовича с результатами работы Русской полярной экспедиции вывез из его дома, отданного под детскую трудколонию, А.А. Бялыницкий-Бируля. Благодаря сведениям, полученным в 1934 г. А.И. Толмачевым от бывшего губернатора Архангельска А.И. Шидловского,удалось сохранить немалую часть архива Российско-Американской компании.Кроме того, ПК принимала самое непосредственное участие в спасении архива известного сибирского золотопромышленника, мецената М.К. Сидорова.

В деле обнаружения и спасения архива большую роль сыграл А. Ф. Шидловский. Подробности этого стали известны из книги «Записки старого книжника», написанной Ф.Г. Шиловым, известным петербургским-ленинградским антикваром и букинистом. Вкратце эта интереснейшая история звучит так. В 1907 г. Шилову удалось приобрести архив Сидорова. Разбогатевший золотопромышленник, Сидоров на свои средства в Сибири открыл множество школ и подготовил проект об образовании университета, предоставлял РГО средства для организации экспедиции для поисков пути в океан через сибирские реки, будучи почитателем Петра I, собирал документы, касающиеся его деятельности, принимал участие в торгово-промышленных выставках в России и за ее пределами, вкладывал собственные деньги в развитие арктического мореплавания: организовал ряд экспедиций английского капитана И. Виггинса, который несколько раз достигал устьев Оби и Енисея. Совместно с А.М. Сибиряковым Сидоров финансировал снаряжении плавания Н.А.Э. Норденшельда в 1878-1879 гг. – первом сквозном плавании через Северо-восточный проход. Сидоров был почетным членом множества отечественных и зарубежных научных обществ. В архиве находились все его материалы и проекты. По свидетельству Шилова, от этого архива внуки Сидорова освободили сарай на даче в Озерках, а дворник продал его тряпичникам. Шилов купил у них архив, разобрал его и предложил Императорской Публичной библиотеке. Д.Ф. Кобеко, бывший в то время ее директором, согласился приобрести архив, но, поскольку финансовые возможности библиотеки были ограничены, попросил установить не очень высокую цену. Договорились на цене в 500 рублей. Однако, П.Б. Струве, известный тогда экономист и публицист (впоследствии эмигрировавший), увидев у Шилова бумаги Сидорова, которому приходился родственником, удивился, что потомки Сидорова, люди вполне состоятельные, так небрежно отнеслись к этому архиву. Вероятно, Струве сообщил об архиве родным Сидорова, потому что уже через несколько дней к Шилову зашла дама, попросившая продать семейный архив, утраченный ими по недоразумению. Однако Шилов, полагая, что среди бумаг есть множество полезных и важных документов, проектов и материалов, отказался перепродавать его, но согласился на то, чтобы

[150] 1922—1963 -Архив Академии наук СССР (Ленинград) с Московским отделением (1935—1963), 1963—1991 - Архив Академии наук СССР (Москва) с Ленинградским отделением (1963—1991) , с 1991 г. – с Санкт-Петербургским филиалом АРАН.

родственница Сидорова просмотрела архив, изъяла чисто семейные документы, а остальное передала в государственное учреждение по указанию Шилова. Молва о злоключениях бумаг М.К. Сидорова, вероятно, распространилась уже довольно широко, потому что через год после описываемых событий к Шилову зашел Шидловский. Он интересовался местонахождением этого архива. Поскольку за Шиловым оставалось право им распоряжаться, он направил Шидловского к владелице архива с письмом, «в котором просил передать архив в Академию наук»[9, С. 129-133].

Архив, переданный в Академию наук и поступивший в КЕПС, в 1928 г. был передан в Историко-археографический институт в неразобранном виде, в составе двухсот пачек, где были: переписка с разными лицами и госучреждениями, доклады, записки, судебные дела, карты и планы, на которых указаны месторождения золота, бериллия, никеля, барита, молибдена, вольфрама, олова, тантала, ниобия, и пр.В конце 1935 г. ГУСМП, в связи с запросами хозяйственных организаций (тогда – Главзолото, Главцветмет, Главредмет, Главникельолово, и др.), обратилось с предложением к Полярной комиссии принять на себя руководство разработкой архива М.К. Сидорова. На состоявшемся при Полярной комиссии 28 декабря 1935 г. межведомственном совещании представителей Историко-архивного института РАН, ГУСМП и Института народов Севера, представитель ГУСМП К. Егоров сообщил, что акад. О.Ю. Шмидт поручил ему организовать разборку, приведение в порядок, обработку и научное изучение архива Сидорова. Финансирование работы собирались осуществить заинтересованные организации, а руководство и исполнение работ возлагалось на Полярную комиссию.

Почти сразу – на совещании 30 декабря 1935 г. - была определена смета на разработку архива М.К. Сидорова, и образована бригада консультантов из восьми научных работников (действительных членов Полярной комиссии), которые должны были курировать различные направления деятельности по систематизации архива. Картография и общая география были поручены А.Н. Смесову. В Бюро, созданное для координации работ, вошли Е.К. Суворов, А.Н. Смесов, Н.Н. Урванцев (Полярная комиссия) и В.С. Чаев (Историко-архивный институт). Подготовленные «Списки приисков и месторождений полезных ископаемых на Севере России и в Сибири, составленные по материалам архива М.К. Сидорова» были отправлены в Москву в январе 1936 г.

Работы по систематизации документов архива Сидорова ПК не смогла продолжить потому, что вскоре прекратила свое существование. Однако,впервые о хранящихся там документах исследователи и заинтересованные учреждения обязаны ее организационной работе[152]. В то же время есть сведения, что, пока велась организационная работа по подписанию договоров для систематизации документов, разбором архиваМ.К. Сидорова, находящегося еще в Историко-археографическом институте по своей инициативе, занимался 60-летний зоолог Виктор Иванович Пирогов, который также выявил немало интересных документов и сообщал о них в Главзолото и непосредственно разведочным партиям [1].

Обратившись еще на рубеже 1990-2000 гг. к интересующей нас в первую очередь описи «Карты, планы и другие графические материалы» (Ф. 270.Оп. 5. 300 ед., 1826-1890-е гг.) удалось сделать удивительную находку. Согласно описи, в фонде М.К Сидорова числится рукописная карта, озаглавленная так: «Карта открытия морских путей в устья Енисея и Оби, сделанных при участии и на средства М. Сидорова»[2.Л. 1].При визуальном осмотре карты[153] выяснилось, что ее основой является тиражная карта, изданная в ГДММ (первоначально в 1872 г., с исправлениями и корректурой более поздних лет), и

[152] В настоящее время значительная часть личного фонда М.К.Сидорова хранится в СПФ АРАН (Ф.270, до 5088 ед.хр.), куда была передана в 1936 г. из ЛО ИИ АН. Часть фонда Сидорова – в РГИА, отдельные документы – в РГАЭ.

[153] Первая запись в листе использования карты принадлежит автору настоящей статьи.

уже на эту основу нанесено основное содержание, касающееся истории попыток М.К. Сидорова наладить регулярное сообщение между Европейской частью России, а также Европой и Сибирью, которое бы позволило осуществлять вывоз сибирских товаров в западномнаправлении и торговые операции. На карте показаны морские, сухопутные пути, места зимовки и гибели клипера М. Сидорова «Северное Сияние» и парохода «Темза»,а также проектируемые колесный путь с р. Обь на р. Печору,и каналы с Оби в Байдарацкую губу и из Тазовской губы на Енисей (перечень путей и локаций приведенв современной орфографии, подзаголовки подчеркнуты автором статьи): «1.В 1863 г. Путь шкуны М. Сидорова «Таз» из Тобольска с р. Иртыша в Обскую губу до 72° сев. шир. для обозрения границы льдов и обратно в Тазовскую губу и затем в р. Таз к древнему городу Мангазейску, где ныне часовня Св. Василия. 2.В 1864 г. Путь той же шхуны «Таз» с реки Таза в Обдорск. 3. В 1874 г. Оба пути парохода «Диана» капитан Виггинс по Обскому и Енисейскому заливам на премию М. Сидорова в 2000 фунтов стерлинг. 4. В 1875 г. Оба пути шкуны «Провен» под руководством профессора Норденшельда к каменным островам пред входом в Енисейский залив. 5. В 1876 г. Оба пути парохода «Имер» под распоряжением профессора Норденшельда в Енисейский залив до первых в оном островов. 6. В 1877 г. Путь парохода «Темза» капитан Виггинс в Енисейский залив и дальше вверх по р. Енисею на 1000 верст к р. Курейке где получен Виггинсом на Сидорова в премию графит. 7. В 1877 г. Место зимовки и гибели клипера М. Сидорова «Северное Сияние». 8. В 1877 г. Путь яхты М. Сидорова «Заря» капитан Шваненберг.Сухопутные пути. 1. В 1862 г. Открыт сухопутный путь М. Сидоровым из р. Курейки на Таз, Пур, Надым, Обь и Печору, под командою Кушелевскаго. По этому пути перевозим был на оленях графит из Енисея на Печору более 3000 верст и оттуда судами в Лондон. 2. В 1859 г. Проектируемый М. Сидоровым колесный путь с Оби на Печору 150 верст, который он исследовал в августе 1864 года и чрез который в зиму 1876/7 года перевезено 50/т пуд хлеба и сплавлено на 10 судах в село Ижму.Каналы: 1. Проектируемые М. Сидоровым с Оби в Байдаратскую губу и из Тазовской губы на Енисей, описанные в особой брошюре 1877 года.[Без подзаголовка]. 1. Место зимовки парохода «Темза» в 1876/7 году. 2. В 1877 году место гибели парохода "Темза"»[2.Л. 1].Маршруты, каналы и места стоянок и гибели судов нанесены красным и синим карандашами, надписи выполнены черными чернилами.Стоит отметить, что маршруты нанесены на карту, по-возможности, точно, с соблюдением навигационных правил прокладки курса, которые непросто соблюдать на такой карте, имеющей слишком мелкий масштаб для этих целей. Дополнительно пунктиром, черной тушью отмечена условно, волнистой линией, проходящая вдоль нижней рамки карты «дорога Кушелевск[ихъ], соединяющая реки Обь и Енисей с рекою Печорой». Кроме того, желтым карандашом отмечен еще один канал, описание которого отсутствует в пояснениях на карте, о нем будет сказано ниже. В фонде М.К. Сидорова сохранились две подобные карты, одна из которых является предварительным, черновым вариантом, и вторая – чистовым. Содержание их в основных чертах идентично, различается немного лишь оформление. Вероятно, карта готовилась для демонстрации на какой-либо выставке или для одного из докладов Сидорова, где он рассказывал о богатствах Сибири, призывая правительство России и крупный капитал обратить на это внимание и заняться проблемами их транспортировки. На это указывают отверстия в углах карты, оставшиеся, скорее всего, от кнопок или гвоздиков, удерживавших карту на стене или доске.

Известно, что Сидоров был постоянным и активным участником отечественных и международных мануфактурных и промышленных выставок, представляя свои северные коллекции, отличающиеся невероятным разнообразием, здесь были костюмы самоедов, тунгусов и зырян, графит из Туруханского края и Финландии, каменный уголь с р. Усы, горючий сланец с р. Ухты, корабельныйлес из Печерского края, брусья кедровые и лиственные, доски и шпалы, образцы мелкого леса, клей из оленьих рогов

и осетровый, китовый жир, масло, кости и китовый ус, парафин из горной смолы, оленьикожи из Печерского края и с Новой земли, оленьи жилы, употребляемые самоедами вместо ниток, шкуры белого медведя, волка, чернобурой лисицы, горностая, белки и морского зайца, овощи и ягоды из Усть-Цыльма и с Печоры, огурцы, картофель, морошка, брусника, грицы, малина, черника, смородина, оленьиокорока и языки, копченые в печорской гавани, сыр из оленьего молока, мясо китовое и акулье, семга, осетрина и ерши, коллекция руд, горных пород, окаменелостей, раковин, растений и т.п. с Новой Земли, Печорского края, Северного Урала, Кандалакской й Обской губ и др. М.К. Сидоров удостоился многочисленных наград от Российского правительства, оргкомитетов международных выставок и зарубежных научных обществ, не ставя при этом целью личную выгоду: «Меня побуждало… одно только желание обратить внимание на естественные богатства нашего Севера и тем самым принести пользу своему отечеству»[7.С. 201-202; 4].

В выставочной деятельности Сидоров широко использовал географические карты с обозначением месторождений и путей вывоза полезных ископаемых. Так, на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. коллекция Сидорова занимала отдельное помещение, где также было несколько карт: «При входе в палатку висит карта Архангельской губернии; - затем общая карта Севера с заливами: Печорским, Обским и Енисейским и реками их; на этой карте изображен весь Печорский край и Новая Земля. В конце палатки, около громадного Ново-Земельского белого медведя, с одной стороны карта острова Новой Земли в большом виде, с показанием морских прибрежий материка от Енисея до Нордкапа; а с другой карта Печорского залива и его гаваней также в большом виде (на ней показана лоция всего громадного Печорского залива) карта дорог между Печорою и Обью, по изысканиям Сидорова, произведенным с 1860 по 1867 год – путей Войкарского и Березовского и местности канала чрез Уральский хребет, которая была в 1810 году нивелирована полковником Поповым, с соизволения императора Александра Благословенного. … По середине палатки … висит карта графитного прииска на р. Нижней Тунгуске, с планом его, утвержденным в 1861 году, и профилем Алексеевской горы. На ней показаны залежи графита и местности, окружающей это месторождение, На противоположной стороне – карта путей, проложенных Сидоровым для перевозки графита с приисков Тунгусского и Курейского, от р. Енисея, чрез реки: Таз, Пур, Надым, Обь, чрез Уральский хребет ра р. Печору. По этим путям кочующие инородцы перевозили на оленях по тундрам графит с р. Енисея на р. Печору, расстоянием более 3000 верст; на исследование и проведение этих путей употреблен Сидоровым громадный капитал. Этот путь познакомил отдаленных северных инородцев между собою. Затем на этой же карте помещен путь Сидоровской экспедиции на шхуне «Таз» из Обского залива в Тазовский, где существовал в древности город Мангазея, и обратно с грузом графита в Обдорск. Путь шхуны «Таз» означен пунктиром»[6.С. 548-550].

Представленные экспонаты были результатом изыскательских работ, организованных Сидоровым. Так, в 1859–1861 гг. в Туруханском крае были выявлены запасы железных и медных руд, каменного угля, графита, каменной соли, золота, атакже уникальное по своей мощности месторождение графита на р. Нижняя Тунгуска. Однако, разработку полезных ископаемых невозможно было вести без налаженных подъездных путей. Поэтому Сидоров сам и через своих доверенных около 11 лет занимался поисками дорог из Европы в Сибирь.[7.С. 201].С 1860-х гг. Сидоров сосредоточился на исследовании Северного морского пути. В 1867 г. принадлежащий Сидорову корабль «Ломоносов» стал первым, доставившим из Печоры в Кронштадт груз в 10000 куб. фут. лиственичного леса, впервые пройдя морем между Печорой и Невой. Сам Сидоров в 1969 г. пытался пройти вдоль северного берега Россииниз Петербурга в устье Енисея на пароходе «Георгий», однако, дошел лишь до Печоры.

Тогда же Сидоров обосновал свою идею соединить каналами р. Обь с Байдарацкой губой, чтобы не приходилось огибать полуостров Ямал и с Енисеем через Тазовскую губу, чтобы миновать Гыданский полуостров. Подробности этой яркой идеи были доложены им в докладе, прочитанном в заседании правления Санкт-петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству 6 декабря 1877 г. [5].Вероятно, именно к этому докладу[154] была выполнена итоговая карта, отразившая все мореплавания и события предыдущих лет, а также проекты Сидорова, способные, по его мысли, существенно упростить доставку товаров из Сибири.

Об истории плаваний шхуны «Таз», пароходов «Провен», «Диана», «Имер», «Темза», яхты «Заря» и судьбе клипера «Северное Сияние» достаточно хорошо известно, а что касается каналов, проектированных К. М. Сидоровым – они так и остались лишь в проектах и, возможно, лишь на этой карте можно увидеть их предполагаемое расположение, описанное в брошюре с его докладом. Обосновывая свои проекты, Сидоров прежде всего подробно рассмотрел два предыдущих - проект канала сибирского купца П.Е.Фунтусовамежду Енисеем и Обью, который по подсчетам исследовавшего его капитан-лейтенанта Сиденснера потребует вложений не менее миллиона рублей и значительных работ даже по спрямлению отдельных русел рек[155] и проект канала исследователя Печорского края П. И. Крузенштерна[8] – между Обью и Печорой, с проведением, в дополнение к нему, по возвышенности Уральского хребта железной дороги. Второй проект также требовал огромных затрат, укладки железнодорожных путей, а навигация по нему могла осуществляться только в течение 50 суток. Именно этот проект обозначен на карте желтым цветом[157].

Что касается проектов самого Сидорова – это два канала в низовьях Енисея и Оби, которые охватывают гораздо больше водных сообщений, чем оба вместе взятые каналы Фунтусова и Крузенштерна. Общая длина составляла 250 верст, а сами каналы – меньше 100 верст и строительство их обошлось бы намного дешевле. Их система проходит за Полярным кругом, под 70° северной широты. Один из каналов предполагается из Обского залива к западу, от устья р. Зеленой (Ойи) к устью р. Мутной (Юрюбея) к Байдарацкой губе, по древнему пути из г. Мангазея к р. Таз. Второй – на восток из Тазовской губы от устья р. Алеи к вершинам рек Талаты и Яры, впадающих в Енисей против Толстоносского селения [5.С. 3]. Далее Сидоров описывает систему морских гаваней, к которым могут подходить суда разного класса и куда могут стекаться товары из Сибири. Первая гавань предполагалась в Байдарацкой губе, при устье реки Мутной, куда могли подойти суда, осадкой до 35 футов глубины, в том числе величайший пароход того времени «ГридИстерн», а от этой гавани по каналу должны были ходить пароходы с баржами, перевочереззя товары. Поэтому вторая гавань для речных пароходов должна быть в Обском заливе у устья р. Зеленой, третья гавань – в Тазовском заливе, при устье р. Алие и четвертая – на Енисее, при устье р. Талаты, куда будут приходить все речные пароходы. Поступающие товары могут быть из Киргизской степи, Бийска, озер Зайсана и Балхаша, Байкала, а также из Троицкосавска, Минусинска, Иркутска и водных систем Оби и Енисея. К Юрюбею могут доставляться товары из Печоры, Северной Двины, Вычегды, Сухоны и Юга, а также из внутренних губерний через Вологду по железной дороге, и, возможно, Санкт-Петербург, а также и Онега, Кемь, Кола и Новая Земля смогут принять участие в этом. [5. С. 4-5]. Сидоров рассмотрел и климат в этих широтах, и

---

[154] Возможно, что ее предполагалось использовать на Всемирной выставке в Париже в 1878 г., подготовка к которой уже шла в России.

[155] В дальнейшем, действительно, канал начали строить, но смета оказалась в 8 раз больше, работы продолжались с 1883 г. до 1981 г., когда канал открыли для плавания небольших судов, но так и не закончили, планы по его расширению в 1911 г. не были реализованы, а часть шлюзов в 1918 г. были взорваны, лишь в 1942 г. по нему прошли несколько судов секретной экспедиции НКВД

[156] О судьбе этого проекта достоверных сведений пока выявить не удалось.

безопасность плавания по каналам, и стоимость строительства. Свои предложения он докладывал несколько раз в течение 1877 г.: в августе в г. Енисейске, в собрании в доме городского головы Баландина, под председательством епископа Енисейского и Красноярского Антония, тогда же в Томске в собрании в доме гласного Томской городской думы Набалова, под председательством ректора семинарии архимандрита Моисея и в октябре в Омске, у генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова,при участии местных специалистов, которые, так же как и рассматривавшие его проект сибирские промышленники сочли, что от реализации его «скорее всего можно ожидать морской торговли Сибири с Европой» [5. С. 11].

Карта, выявленная в СПбФ АРАН, является итоговой в работе М.К. Сидорова над поисками и созданием морских и сухопутных торговых путей, связывающих Европу и Сибирь. Она позволяет увидеть не только маршруты северных плаваний, которые были осуществлены на его средства и при его участии, но также и его проекты сухопутных дорог и уникальных каналов, которые должны были способствовать торговым операциям Европы с Сибирью и послужили бы развитию Сибири.

Список литературы

[1] Дроков С. Дар купца Сидорова // Вокруг света. № 4 (2679) 1997.URL: https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/943/ (дата обращения 1.07.2022).

[2] Карта открытия морских путей в устья Енисея и Оби, сделанных при участии и на средства М.К. Сидорова // СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 5. Д. 302.

[3] Красникова О.А. Полярная комиссия Академии наук (1914-1936 гг.) кова // Комиссии Академии наук в XVIII-XX веках: Исторические очерки – СПб.: Нестор-История, 2013. С. 383-449

[4] Макеев А.В. М.К. Сидоров и выставочная деятельность // Русская экономическая мысль. URL: https://reosh.ru/m-k-sidorov-i-vystavochnaya-deyatelnost.html(дата обращения 1.07.2022).

[5] О проектах каналов в Сибири. Из трудов Санкт-петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству» (СПб.: Тип. И литогр. Д.И. Шеметккина, 1878. – 11 с.).- (Доклад М.К. Сидорова, читанный в заседании Правления 6 декабря).

[6] Сидоров М. К. Каталог предметов из Печорского края и Новой Земли, собранных и доставленных на Всероссийскую мануфактурную выставку 1870 г. М.К. Сидоровым. СПб.:Тип.Почтового Д-та, С. 519-550.

[7] Терюков А. И. В. М. Флоринский и М. К. Сидоров // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 3 (22). С. 199-202.

[8] Шидловский А. Ф. М.К. Сидоров и П.И. Крузенштерн (к истории открытия Северного морского пути) // Известия Государственного Географического общества. – СПб., 1939. Т. 71.Вып. 6. С. 946-948.

[9] Шилов Ф.Г.Записки старого книжника. М.: Книга, 1990. 559 с.

УДК 908.36

Великий Сибирский ледяной поход 1919-1920: анализ проблематики

Макаров Александр Адольфович
Кандидат исторических наук, учитель истории, г. Красноярск, Россия.
e-mail:jhdc@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются проблемы, связанные с отступлением колчаковской армии в 1919-1920гг., на фоне общего распада институтов белой государственности в Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА колчаковщина, Великий Сибирский Ледяной поход, «каппелевцы», Красноярская операция 1920.

Исследование отступления армии Колчака 1919-1920гг. началось еще белоэмигрантскими авторами [12]. На сегодняшний день имеется обширная исследовательская литература [1],7], [14], рассматриваются региональные аспекты [5], [6], появляется краеведческая литература [2]. Опубликован большой комплекс мемуаров.

Логика событий Сибирского Ледяного похода состоит в выделении из состава дезорганизованной и деморализованной колчаковской армии устойчивого антибольшевистского ядра («каппелевцев»), которое вело вооруженную борьбу в Забайкалье и Приморье 1920-1922 гг. Указанное происходило на фоне распада институтов белой государственности и армейского механизма.

После падения Омска началась агония колчаковской власти. В поисках «поддержки авторитета правительства» и «доверия широких кругов населения» А.В. Колчак предпринял меры по социальному и политическому маневрированию. В ноябре был издан указ о выборах в «Государственное земское совещание», упразднен «Совет Верховного правителя» с заменой его «Верховным совещанием». Новый премьер В.Н. Пепеляев провозгласил отказ от системы военного управления, расширения функций «Государственного земского совещания» с целью «приближения власти к народу».

Колчаковская Ставка встретила новые веянье негативно. Так, бывший главком Восточного фронта К.В. Сахаров в своих мемуарах поражение колчаковской армии сводил к подрывной деятельности эсеров и социалистов, предательской политики союзников. В рамках указанного готовился секретный приказ по массовым арестам «заговорщиков» и эсеров. В декабре планировалось генеральное наступление из района Томска-Тайги- Новониколаевска [11, с. 9]. Однако общее состояние армии не позволило белому командованию осуществить свой замысел. 6-7 декабря в Новониколаевске произошло восстание полковника А.В. Ивакина, 9 декабря братья Пепеляевы самоуправно арестовали К.В. Сахарова и вынудили Колчака заменить его В.О. Каппелем. На декабрь пришлось восстание частей 1 армии, выведенной перед этим в тыл.

В подобных условиях произошел отказ от наступления. В самих фронтовых частях произошел надлом. Из донесений из 8 Камской стрелковой дивизии во второй половине ноября следует, что «все сибирское пополнение в первых же боях осталось у красных, обстреливая при сдаче своих», «артиллерия оказалась в положении ценного, но бесполезного груза», «создавалось впечатление, что лучшие добровольческие дивизии и наиболее крепкие казачьи части были умышленно оставлены на фронте на избиения», «начался ропот, появилась трещина между офицерами и стрелками, чего не было за все время существования дивизии». Тем не менее, «держались по-прежнему упорно, доходя иногда до рукопашного боя». Однако, когда появился снежный покров, «все оказались на санях, и отход пошел значительно быстрей». Если от Тобола до Иртыша

фронт отходил со средней скоростью 10 верст в сутки, от Иртыша до Оби 12-13 вест, а от Оби до Томи 25-28 верст, причем отдельные суточные переходы доходили до 45 верст [9, с. 249-250]. Таким образом, после Омска началось безостановочное отступление белой армии на восток. Бывший главком белого Восточного фронт К.В. Сахаров в своих воспоминаниях отмечает, что армия отступала «ускоренным маршем… через тайгу Сибири… оставляя ежедневно часть обозов и артиллерии» [11, с. 27]. Начдив 8 Камской стрелковой генерал Ф.А. Пучков отмечает: «2 и 3 армии безостановочно отходили на восток, задерживаясь лишь для коротких, изнурительных арьергардных боёв» [9, с. 247]. При всем этом, бывший начальник снабжения Восточного фронта генерал Д.Г. Филатьев впоследствии признал, со слов фронтовых офицеров, что и арьергардных боёв не было, а отступающих «отнюдь нельзя была назвать солдатами. Мужики, ехавшие на санях по два-три человека, хотя и имели винтовки, но пользоваться ими готовы были, не вылезая из саней» [13, с. 448].

«Красноярская катастрофа» воспринимается историками как прорыв стойких белых частей, на фоне хаоса и массовой сдачи в плен неустойчивых. Как замечает Г.Л. Ахметова, на основе анализа многочисленных источников, «от Тобола до Енисея поход отступающих белых армий был только Сибирский Ледяной, а после Красноярска (при тех же «климатических признаках»), он стал героическим, беспримерным, легендарным-Великим» и время начала похода она определяет 5-7 января 1920г., а территориально-районом Красноярска» [1].

Однако часть бывших участников событий в своих воспоминаниях не характеризуют прорвавшиеся белые части как полностью организованные и боеспособные единицы. Так, сотрудник ОСВАГа полковник Г. Клерже будучи свидетелем выгрузку из вагонов в сани офицеров штаба В.О. Каппеля на станции Минино, впоследствии сокрушался, что «напрасно генерал В.О. Капель предпринял тяжелое обходное движение всеми силами своей армии вокруг Красноярска с севера, тогда как последний можно было взять без особого сопротивления, простой лобовой атакой». Также он отметил: «Если бы Белая армия сохранила боеспособность сделать хотя бы самый несложный обходной контрманевр, то зарвавшиеся слишком вперед преследующие части Красной армии, действительно могли бы попасть в мешок и быть сравнительно легко разбиты» [4, с. 478-479]. Генерал Д.Г. Филатьев наблюдал в обходном колоне у Красноярска факты неподчинения со стороны солдат приказу, отданному лично главкомом В.О. Каппелем [13, с. 449]. Рядовой офицер артиллерийского дивизиона, в селе Частоостровком, стал свидетелем митинга солдат, на предмет сдачи в плен красным [10, с. 208]. Да и сама идея совершить марш по льду Кану или Ангары появилась у белых генералов и офицеров по причине неверия в способность своих частей пройти удобном маршрутом по Сибирскому тракту, при потенциальной возможности появления на нем красных заслонов [9, с. 272-273].

Исследователи в своих работах много внимания уделяют освящению марша остатков 2 и 3 армий по Кану и северному маршруту по Ангаре и Лене, отрядов генералов Г.А. Вержбицкого и К.В. Сахарова. [5, 6]. Однако на восток, в обход Красноярска прорвалось много, не связанных друг с другом и с командованием больших и малых групп солдат и офицеров. Так в Голупопове скопились остатки 13 добровольческого полка, подразделения Морской стрелковой дивизии, остатки Тобольского отряда особого назначения и 1 кавалерийской дивизии [5, с. 34-35]. Всем им преградил дальнейший путь на восток рубеж обороны созданный канскими партизанами, и который они не могли прорвать. По свидетельству прибывшего в Голупопово К.В. Сахарова совещание командиров характеризовалось как «какой-то Совдеп», на котором растерянные командиры спорили: либо идти сдаваться в Канск, либо прорываться в Монголию. Прорыв, организованный Сахаровым, организационно сплотил разрозненные отряды белых в единую боевую единицу [11, с. 37-42].

Генерал Ф.А. Пучков анализирует изменения в своей дивизии. На этапе между Красноярском и Канском «удалось добиться некоторой видимости порядка; дивизия шла по приказу, не перемешиваясь ни на проходе, ни на ночлеге». На этапе Канск-Байкал «разъяснилась обстановка, установлен в общих чертах план действий и конечная цель движения. От сортировались огромные обозы, неспособные части и учреждения, и состав армии свелся к немногим строевым соединениям… управление армейскими колонами упростилось, и явилась возможность установить строжайший порядок на походах и на ночлегах… порядок движения и ночлегов был определен рядом приказаний генерала Войцеховского, игравшего доминирующую роль во всем походе [9, с. 288-292]. Через три дня после прорыва у Кана произошло соединения белых колон. После захвата Нижнеудинска, в нем 23 января 1920 г. было проведено совещание в ходе которого был выработан план двигаться к Иркутску двумя колонами.

В итоге произошло переформирование остатков колчаковской армии в организованное и боеспособное соединение, которое в последствии получило название «каппелевцы». Таким образом, момент рождения «каппелевцев» можно считать не время обхода колчаковских войск Красноярска, а временной промежуток от прорыва партизанского рубежа южнее Канска до боев за Нижнеудинск. Если у Красноярска имелась дезорганизованная и надломленная масса, готовая бороться с природными условиями, вынести тяжелый переход по льду Кана, но не с красными войсками, то с указанного момента она была в состоянии бороться с сильным противником.

Успеху прорыва белых способствовало несколько факторов. К началу перехода произошла трансформация внутренних взаимоотношений в белых частях, что привело к сплачиванию офицерского и рядового состав. Офицер колчаковской армии свидетельствует: «Уклад жизни воинских частей был весьма своеобразный: сознательная дисциплина при исполнении служебных обязанностей и приятельские отношения вне службы. Нижние чины называли своих начальников не по чину, а по должности» [5, с.11].

Маршрут большинства белых колон (исключая Северную колону А.Т. Сукина) пролегал вне партизанских зон. Белые поражались контрастным настроением населения западносибирской и енисейской с забайкальскими деревнями. Участники похода признавались: «сочувствие мы видели за Красноярском, хотя там населению наш приход обходился дороже», войдя в Енисейскую губернию, «наши солдаты иногда говорили: «Если бы знали, что здесь к нам так относятся, ушли бы с фронта раньше» [8, с. 87,100]. Генерал К.В. Сахаров свидетельствовал: «Отношение сибиряков-староселов к нашим отступающим отрядам дружественное; всё население настроено очень патриархально, привыкли веками, от поколения к поколению, к своему укладу жизни, к прочно сложившимся порядку. Понятиям и традициям. Они религиозны, умели уважать и слушаться начальство, свято чтили Царя. И теперь ещё во многих избах остались на стенах портреты покойного Государя Николая Александровича, императора Александра III и Александра II. Революция, как зловонный ветер ворвалась в чистое место, чуждая, непонятная и враждебная им. В нас они видели своих, таких же противников революции, контрреволюционеров. И относились как к своим» [11, с. 37].

Также маршруты белых пролегали по местности, менее всего затронутых Гражданской войной. Богатство деревень во многом смягчило тягости постоя и реквизиции для крестьянских дворов. Вот описание села Рыбного, где ночевали колонны К.В. Сахарова и Г.А. Вержбицкого: «Село Рыбное поразило нас богатством…В каждой избе Рыбного были огромные, неисчерпаемые запасы всякой провизии… сердобольные хозяйки пекли нашим офицерам и егерям хлебы, жарили, варили и продавали нам запасы на дорогу. В каждом дворе было по несколько десятков гусей, индеек, кур, всюду коровы и телята. Была даже такая роскошь, как варенье» [11, с. 36-37].

В мемуарах и исторических исследованиях называется различное количество прорвавшихся за Енисей белых. По чешским данным, белых отходило 6 тыс.

боеспособных и 10 тыс. небоеспособных. По другим данным в Иркутскую губернию прорывалось до 30 тыс. чел. [7, с. 190]. Существенным фактом для дальнейшего хода гражданской войны на Востоке остается то, что в составе сформированной в 1920 Дальневосточной армии из трех корпусов, 2 корпус составляли из частей бывшей 2 армии, а 3 корпус- из 3 армии. Первым командующим армии стал бывший командарм 2 армии С.Н. Войцеховский. В последних боях гражданской войны в Приморье в составе земской рати М.К Дитерикса находились войсковые группы, состоящие из участников Ледяного похода. Таким образом, Сибирский Ледяной поход являлся важной вехой вооруженного противостояния на востоке России.

Таким образом, успешный прорыв белых формирований на восток от Енисея, а в дальнейшем их переформирование, как устойчивого антибольшевисткого ядра, являлось важным условием завязки вооруженного противостояния ещё на два года.

Список литературы

[1] Ахметова Г.А. Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: «А-Литера», 2011.

[2] Аференко В.А. Эхо гражданской войны (Красноярская операция и обход каппелевцев г. Красноярска в январе 1920г.). – Железногорск: Диамант, 2009. 139 с.

[3] Варженский В. Великий сибирский ледяной поход// Каппель и каппелевцы. – М.: Посев, 2007.

[4] Клерже Г. Ледяной поход//Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрополиграф, 2004.

[5] Листвин Г.В. Следуя долгу чести. Хроника Великого Сибирского Ледяного похода белой армии адмирала Колчака в Красноярском и Канском уездах Енисейской губернии (январь 1920). – Зеленогорск, 2010.

[6] Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. – Красноярск, 2008

[7] Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.,2005.

[8] Петров П. Зима 1919-1920гг. // Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрополиграф, 2004.

[9] Пучков Ф. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе// Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрополиграф, 2004.

[10] Решетников Д. Красноуфимский стрелковый артиллерийский дивизион во время Сибирского Ледяного похода// Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрополиграф, 2004

[11] Сахаров К. Ледяной Сибирский поход// Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрополиграф, 2004.

[12] Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. – М.: АСТ, 2003.

[13] Филатьев Д. Катастрофа белого движения в Сибири// Великий Сибирский Ледяной поход. – М.: Центрополиграф, 2004.

[14] Шульдяков В.А. Великий Сибирский поход колчаковской армии// Известия Омского государственного историко-краевед. музея. – Омск, 1994. – № 3

УДК 94.571

Енисейский уезд XVII века: первые упоминания о поселениях на реке Кемьи формирование старожильческого населения

Мариловцев Дмитрий Владимирович
Заведующий научно-просветительским отделом, Краевое государственное автономное учреждения культуры «Енисейский историко-архитектурный музей заповедник им. А.И. Кытманова», г. Енисейск, Россия.
dima.marilovtzev@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья рассматривает заселения русскими бассейна притока Енисея - реки Кемь в XVII веке, особенности формирования в этих территориях старожильческих фамильных гнезд, уточняются датировки первых упоминаний поселений на р Кемь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейск, Енисейский уезд, река Кемь, тягло, служилые и посадские люди, постоянное русское население, «гулящие» люди, пашенные крестьяне, Поморье, переписные книги, фамильные гнезда, ссыльные.

Присоединение к России территории бассейна среднего и отчасти верхнего течения Енисея (от устья Подкаменной Тунгуски до Красноярска) и его основных притоков Кеми, Ангары (до Мурского порога) и Кана имеет интересную и длительную историю, охватывающую весь XVII в.

В XVII в. здесь был образован Енисейский уезд. Как ни странно, но истории собственно образования поселений по р. Кемь Енисейского уезда дореволюционные исследователи касались только в общих работах по истории Сибири. Так, в путевых описаниях Сибири Герарда Миллера в описании Енисейского уезда Енисейской провинции о реке Кемь сказано следующее: «В 11 верстах ниже города Енисейска, с западной стороны — в Енисей впадает река Кемь». Советские исследователи более подробно в разных аспектах касались истории поселений на реке Кемь, которые появились здесь в XVII веке. Все началось с того, что убедившись в слабости своих опорных пунктов, царское правительство решило обезопасить путь с Кети на Енисей и создать на нем сильно укрепленный острог. В результате в 1618 г. был основан на Кети Маковский острог, а в 1619 г. официально учрежден в качестве административного центра нового уезда Енисейский острог.

Хронологически процесс присоединения к России районов по Кеми и процесс первоначального ознакомления с этой территорией представителей народно-промыслового потока проходили по-разному. Пионерами первоначального ознакомления с территорией выступали представители народно-промыслового движения, т. е. промышленники. Объединявшаяся с Россией Сибирь становилась «государевой вотчиной» и в ней почти не было помещиков и вотчинников, за исключением сравнительно немногочисленных монастырей. Поэтому образующееся в Сибири постоянное русское население состояло из тяглых слоев — крестьянства, посадских людей и близких к ним по происхождению и социальной природе (в Сибири — особенно во второй половине XVII в.) приборных служилых людей. Крестьянское население здесь возникло как одна из категорий постоянного русского населения почти одновременно с появлением постоянных гарнизонов, но своим появлением оно преимущественно обязано было принудительной мере — ссылке, которая тогда была существенным правительственным источником по комплектованию сибирского населения. Несколько позднее, приблизительно с 40-х годов XVII века, сюда в значительном количестве стали приходить вольные переселенцы, главным образом русские крестьяне. Так, при воеводе О. Г. Оничкове в Енисейск в 1641 г. была доставлена

группа ссыльных «черкас». Их отправили далее, на Ленский волок, но местные власти их там не приняли. Они «приволоклись» назад в Енисейск и несколько лет жили там без определенных занятий в найме «у всяких людей». В 1648 г. воевода Ф. П. Полибин часть из них посадил на пашню на р. Кеми[1].

Постепенно оседавшие в бассейне реки Кемь «гулящие» и промышленные люди были столь же постоянным источником комплектования крестьянского и посадского населения с той только разницей, что местные власти «призывали» их «полнить» крестьянское население и «пашни строить» без каких-либо ограничений. Особенно интенсивное «строительство» енисейской пашни проходило в 40-х—50-х годах XVII в., когда десятки «гулящих» и промышленных людей ежегодно пополняли местное крестьянство.

Воеводскпе отчеты о «строении» пашенных крестьян дают отнюдь не исчерпывающие данные о складывавшемся местном населения на р. Кемь. Многие вольные переселенцы старались избежать какого бы то ни было тягла, другие, не имевшие возможности завести самостоятельное хозяйство, поступали в половники и захребетники. И те и другие продолжали себя считать временными сибирскими жителями, не связанными какими-либо тягловыми обязательствами. Эта категория населения к середине XVII в. была, по всей вероятности, многочисленной и имела значение в местной хозяйственной жизни. В середине XVII в. многие приезжие и «гулящие» люди жили в этих землях лет по 5—8 на подворьях, а иные своими дворами, обзаводились семьями и занимались торгами и «многими промыслами».

Широкое народное переселение в Сибирь в 40-х годах власти стремились использовать в целях расширения сибирской пашни. В момент общего по всему государству сыска закладчиков в Сибири была сделана попытка учесть всех ушедших туда из Поморья крестьян с целью посадить их на местную пашню. В 1648 г. правительство разослало в сибирские города грамоты, разъяснявшие недоумевавшим воеводам положение в Сибири «приезжих людей». В пашню «строить» и в посад записывать согласно прежнему указу предписывалось лишь тех, кто давно с семьями живет в Енисейске, а «на Руси», на посадах и в уездах дворов не имеет и никаких податей в поморских городах не платит. По смыслу этого указа легко понять, что правительство в канун принятия Соборного уложения (1649 г.) подтверждало право поселения в Сибири поморского населения, порвавшего всякие тяглые обязательства со своими сельскими мирами, т. е, короче говоря, бежавшего[2].

К середине XVII в., крестьянское население поселений на р. Кемь Енисейского уезда в своем развитии численно обогнало служилых людей и вольно переселенческий элемент занял ведущую роль в его образовании.

Сохранившиеся материалы второй половины XVII в. позволяют не только установить абсолютный рост русского населения поселений на р. Кемь Енисейского уезда, но и проследить динамику развития отдельных социальных групп и их расселения на рассматриваемой территории, миграции населения в определенные периоды и направление этих переселений, наконец, значение внутреннего прироста в общем процессе развития постоянного населения. Это можно проследить по переписной книге уезда 1669 г.[3] и крестоприводной книге 1676 г., составленной в связи с воцарением Федора Алексеевича[4].

О крестьянском населении поселений на р. Кемь Енисейского уезда можно судить по так называемым «именным» крестьянским книгам, в которых приведены по деревням поименные списки всех крестьян-тяглецов и указаны размеры обрабатываемой ими «государевой» пашни. Эти книги представляются одним из основных источников по истории сибирского крестьянства. По Енисейскому уезду это именные крестьянские книги за 1654,1664,1668,1669,1676, 1691, 1698 годы, а также дозорная крестьянская книга 1680 г., содержащая данные о составе крестьянских семей [5].

Крестьянское население поселений на р. Кемь Енисейского уезда даже наиболее старых, возникших в 30-х—40-х годах деревень, долгое время было весьма подвижным и его количественный рост проходил одновременно с восполнением постоянной убыли. На протяжении 22 лет периодически (за 6—10 лет) не менее четвертой части местных крестьян уходили, а на их место приходили новые поселенцы, которые при поселении или снимали часть тягла с оставшихся крестьян, или занимали брошенные участки, или, в меньшей части, поднимали целину. К 1669 г. оседание переселенцев значительно сократилось и их приток не покрыл даже убыли. В последующие 7 лет оно усилилось вновь. К 1676 г. на месте осталась лишь половина старых крестьянских семей, проживавших в деревнях до 1654 г. Разделы крестьянских семей были редки, так как в это время семьи только еще слагались. В результате население той или иной деревни образовывалось разновременно. Этот факт имеет существенное значение для понимания складывавшегося в деревнях порядка землепользования. Основной поток переселенцев в бассейн р. Кемь шел из Поморья. Переселение оттуда свидетельствует о глубоких социально-экономических явлениях, порождавших миграционные потоки. Одной из причин ухода населения на окраины было, по всей вероятности, резкое усиление прямых налогов и, в частности, удвоение так называемых «стрелецких денег» в 1663 г., что для Поморья оказалось непосильным.

Между 1676 и 1703 гг. рост крестьянского населения в поселениях в бассейне р. Кемь шел главным образом за счет выделения из разраставшихся больших семей новых тяглецов. В 1669 г. в этих селениях почти не было тяглецов-однофамильцев. В 1676 г. в тех же деревнях фамильные гнезда занимают заметное место. За 1676—1703 гг. появляются новые крестьянские тягла, из них более половина своим происхождением обязаны местному населению. В отдельных деревнях такие гнезда уже к 1703 г. были довольно обширные.

В редкой енисейской деревне на Кеми было по два фамильных гнезда. Обычно их было по четыре-пять и более. Деревня Красноярское плотбище (ныне – Плотбище) в основном состояла из представителей образовавшихся фамильных гнезд — из 28 дворов 21 двор принадлежал пяти фамилиям (Марковых — семь, Чурускаевых — четыре, Грудининых — три, Дураковых — четыре, Скурихиным – три). В ходе последовательного внутреннего развития населения количество крестьянских семей, входивших в фамильные гнезда поселений бассейна р. Кемь Енисейского уезда к началу XVIII века достигло почти половины от общего крестьянского населения этих территорий. Это говорит о том, что заселение новопоселенцами рассматриваемого района «шло в течение века в усиливающихся темпах»[6].

Переписные книги уездов и отчасти «именные» крестьянские книги дают достаточный материал для того, чтобы судить о расселении подавляющей части русских поселенцев и о приблизительной дате возникновения почти всех населенных пунктов бассейна р. Кемь (сел, слобод и деревень). В Енисейском уезде одним из векторов освоения поселенцами стали «еланные» и луговые места в низовьях р. Кеми. В нижнем течении Кеми и на дороге к Маковскому острогу еще до середины XVII в. образовалось несколько поселений. На речке Бобровке, притоке Кеми, к началу 40-х годов существовало селение, превратившееся к середине века в село Большая Елань (иначе Сретенское). В нескольких верстах от него к 1645 г. посадские люди А. Савин и К. Щетинин основали Подъяланную заимку, вскоре превратившуюся в деревню. Там же в 1643 г. воеводские власти посадили на пашню несколько ссыльных мордовских семей, а в 1648 г. выше по Кеми — 12 семей ссыльных «черкас». В результате этих поселений возникли деревни Мордовская и Черкасская. В то ж е время на нижнем течении Кеми были основаны заимки некоторых служилых и посадских людей, в частности, так было положено начало деревне Жаренниковой (или Жарковой). В том же районе владели с 40-х годов землей посадские люди В. Ортемьев и Аф. Кочень, имя которого сохранилось в названии

деревни Кочневой [7].

Из-за опасности набегов киргизских князцов выше этих селений по р. Кеми русское население в это время не селилось. По-видимому, верховья Кеми были вообще плохо разведаны, т. к. на соболиные промыслы туда уходило мало промышленников. В середине XVII века русских поселений по среднему и верхнему течению Кеми и по ее притоку Белой еще не было. Но уже к концу 60-х и в 70-х годах XVII века русские поселения начали охватывать новые районы. Наиболее населенным становится весь бассейн Кеми и Белой. В значительной степени этому способствовало создание оборонительных сооружений (Вельский и Кемский остроги и «засечные» черты), возведенных в 1669 г. и ставших серьезной преградой для киргизских князцов. Тобольский сын боярский К. Хворов, в 1666 г. обследовавший Енисейский уезд с целью расширения десятинной пашни, писал в Тобольск о «великих и хлебородных» полях и дубравах, об обилии покосов и строевых «красных лесов» в этом тогда еще пустынном районе, не посещаемом даже ясачными людьми [8].

Первым большим селением там была Новомангазейская слобода (П ировщина), построенная на р. Белой выше Кемского острога в 90 верстах от Енисейска. Первоначальное ее население составили 30 семей ссыльных людей. К началу XVIII века наиболее старые районы русского заселения между Енисейском и устьем Ангары и от Енисейска вниз по Енисею по численности сельского населения уже значительно уступали району Кеми и Белой.

На основании сведений переписной книги пашенных крестьян Енисейского уезда 1669 года можно отследить численность не только крестьянских дворов в поселениях на Кеми, но и имена и фамилии «тяглецов» и их братьев и детей.

Так, в Красноярском Плотбище пахали пашню крестьяне: «Марчка Родионов с детьми, Коземка Ильин - бездетен, Филатка Скурихин с сыном Матюшкой, Семейка Ермолин с пасынками, Стенька Семенов Скурихин с детьми, Матюшка Ивлев с сыном Федькой, Петрушка Грудинин, Ивашка Дураков с детьми, Пронка Грудинин с детьми, крестьянина Сысойка Ларионов с сыном Стенькой. В деревне Мордовская (5 дворов крестьянских): Афонька Алексеев с сыном Филькой, Гришка Петров с детьми, Васька Черепан с детьми, Ивашка Семенов-Хабаров с детьми. В деревни Большая Елань (11 дворов крестьянских): Ивашка Новокрещенный с детьми, Тимошка Степанов-Зырян с сыном Додонко, Митька Ивсеев с сыном Алешкой, Васька Трофимов, Стенька Семенов-Щепет, Васьки Иванов, Тренька Марков с детьми, Меншик Макаров с детьми, Гришка Сутырев, Зиновейка Анфилоев с братьями, Афонька Кучин с детьми. В Черкасской деревне: Ивашка Гарасимов с сыном Тимошкой, Сидорка Маслеников с сыном Петрушкой, Ивашка Титов с пасынками, Ефремка Федоров с детьми, Ивашка Радилов с сыном Мишкой, Фочка Андронов, Мишка Алексеев-Белошапкин с детьми, Мишки Иванов с братом Тихоном, Стенька Тимофеев, Кирюшка Ярасимов, Карпунка Ондреев, Петрушки Козмин, Онкудинка Иванов, Ивашка Савин с сыном Онашкой, Васька Маслеников, Якунка Васильев, Васька Харитонов с братом Ивашко, Захарка Иванов Голыханских, Петрушка Назаров, Петрушка Константинов, с сыном Спиркой, Ивашка Дмитреев с детьми» [9]. Особенностью землевладения в этих пунктах была так называемая «земля в повал», что на деле означало общее или коллективное возделывание.

Итак, упоминания о первых поселениях на реке Кемь Енисейского уезда хронологически можно разделить на два периода. Населенные пункты, о которых упоминается до 1650 года. Это – Яланское (Ялань) и Черкасская. И поселения, которые появляются в источниках с 1650 по 1700 гг. Это – Жарково, Плотбищенское, Борчанская, Мордовское, Кочнево, Подъяланская, Мариловская, Масленникова, Подгорная, Посадская, Чалбышевское, Селиванова, Бельское, Троицкая, Пировское.

Население поселений бассейна р. Кемь по своему составу не было однородно. Помимо пашенных крестьян в нем очень заметное место занимали посадские и служилые люди.

Сложность и неоднородность состава населения — наиболее характерная особенность деревень и слобод этой территории. С течением времени население деревень не только росло, но и усложнялось по своему социальному составу. Это явление зависело не только от подселения служилых и посадских людей в крестьянские деревни на свободные земли или крестьян в деревни, основанные посадскими или служилыми людьми, но и имевшимися возможностями перехода енисейских жителей из одной социальной группы в другую. Например, сын посадского или служилого человека при разделе с отцом мог войти в состав пашенных крестьян и при наличии свободной земли в родной деревне поселиться там же. Пашенный крестьянин и посадский человек могли сдать свое тягло и соответственно перейти в состав посадских людей или крестьян. Сложнее было войти в состав служилого населения, но и это случалось.

В фамильных гнездах в отдельных деревнях по переписным книгам конца XVII - нач. XVIII вв. можно нередко увидеть представителей разных социальных групп. В Мордовской деревне среди представителей фамилии Шарыповых было двое крестьян и один посадский человек. В Плотбищенской деревне среди Чурускаевых и Марковых были и крестьяне и посадские люди. Принципиальное значение имел вопрос и о территориальном размещении русского и местного населения и их численном соотношении. На Кеми и Белой, русское население тесно соприкасалось с крайне малочисленными родовыми или локальными группами остяков (кетов).

К началу XVIII века русское население в бассейне р. Кемь стала преобладающим. Переселение шло главным образом из северных и центральных районов Поморья. В начале XVIII в. уже была изжита диспропорция между мужским и женским составом местного населения и по своему составу семьи, как переселенцев, так и первого поколения старожилов, родившегося в этих местах, не отличались от семей населения Европейской части России.

В целом, образование в бассейне реки Кемь старожильческого русского населения было органическим процессом, в ходе которого массы переселенцев превращались в постоянных оседлых жителей.

Список литературы

[1] РГАДА, Сибирский приказ, стб. 113, ч. I, л. 119; стб. 303, лл. 72—74; стб. 307, лл. 26—27.

[2] РГАДА. Сибирский приказ, стб. 292, лл. 6—23; стб. 303, лл. 50—54, 6—83: стб. 307. лл. 1—6. 22—25. 473—474, 485—490

[3] РГАДА, Сибирский приказ, кн. 527, лл. 273—481.

[4] РГАДА, Сибирский приказ, кн. 605, лл. 31—156.

[5] РГАДА, Сибирский приказ, кн. 605, кн. 317, лл. 1—22; кн. 481, лл. 44а—70; кн. 527, лл. 103—132, 414—482; кн. 619, лл. 333—397, 139—605; кн. 999, лл. 91—126.

[6] Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири, М., 1956, С. 107.

[7] РГАДА, Сибирский приказ, стб. 126, лл. 45, 46; стб. 146, лл. 104—108, 202; стб. 227, лл. 56—66; стб. 307, лл. 26—28; кн. 527, лл. 407,409, 412.

[8] РГАДА. Сибирский приказ, кн. 367, лл. 683—688.

[9] РГАДА. Сибирский приказ, кн. 527, лл. 471 – 781

УДК 94(57); 94(571.6)

Значение пути через Сибирь к Тихому океану во время Первой Камчатской экспедиции В. Беринга

Петров Александр Юрьевич
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия.
e-mail: alaska13@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-4096

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются вопросы, связанные с прохождением экспедиции В. Беринга через Сибирь к Тихому океану. Автор обращает внимание на особенности прохождения Сибири и выделяет ключевые населенные пункты в ее снабжении. Исследуется значение сухопутного пути в формировании представления России о колониальных владениях в северной части Тихого океана. В статье, подготовленной на основе междисциплинарного подхода, используются редкие и впервые привлекаемые архивные источники.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Беринг, экспедиция, колонии, Русская Православная церковь, Тихий океан.

В 2022 г. исполнилось 350-лет со дня рождения Петра Первого. Многие события его эпохи подвергаются ныне дополнительному анализу. Петровское время видится нами особенно актуальным. Восточное направление представляется наименее изученным в политике Петра I. Это направление можно считать как частью внешней, так и внутренней политики, так как оно касалось малоосвоенных окраин Российской империи. Это направление было сопряжено с освоением Сибири и выходом к Тихому океану. Активизация сибирского пути была связана с осторожной дипломатией. Его развитие проходило мирным путем, а его результаты имели далеко идущие последствия для России с точки зрения осознания ее дальневосточных окраин и идентичности.

Шестого января 1725 г. Петр Первый выдал инструкцию В. Берингу, в которой были сформулированы цели и задачи Первой Камчатской экспедиции. Документ очень важный, поэтому приводим текст инструкции полностью:

> 1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.
>
> 2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.
>
> 3. И для того искать, где оная сошлася с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной … называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды» [13, с. 35–36; 14, 10, 11, 12].

Анализ взглядов Петра Первого и текст инструкции показывает, что российский император уже за много лет интересовался прохождением через Сибирь к окраинами Российского государства. Его занимал вопрос, соединяется ли Азия с Америкой, который был обусловлен стремлением нанести на карту точные границы Российской империи на Востоке. Важными были и торговые отношения с Китаем и Японией. Российский император знал о частной торговле сибирских купцов с этими странами, но задумывал взять ее под государственный контроль.

«Император дал поручение подготовить экспедицию членам Адмиралтейств-коллегии: вице-адмиралам П.И. Сиверсу и Н.А. Синявину, которые, в свою очередь, по указанию императора привлекли Беринга в качестве капитана:

> «А не худо бы», – говорится далее в документе, – чтоб де был над ними командир из капитанов, Беринг или фон Верд (фон Верден), понеже де Беринг во Ост-Индии был и обхождение знает, а фон Верд был штурманом" [4, Л. 110–111; 13, с. 33].

Эта инструкция была объявлена секретной и была вручена Берингу только в день его отъезда в Сибирь. Власти явно не хотели, чтобы ее текст стал известен иностранцам, причем засекреченной являлась как морская, так и сухопутная часть экспедиции через Сибирь. Особенно опасались власти получения данных испанцами и голландцами, собиравшими сведения об экспедиции Беринга[157].

В начале января 1725 г. началась работа по набору личного состава и комплектованию материальной части, чем в основном занимался А.И. Чириков, так как Беринг в это время находился в Выборге со своей женой Анной Кристине Пюльзе и детьми [5, с. 152; 16; 6, л. 28–29; 1, л. 12 об.].

Сложность всего предприятия заключалась в том, что требовалось решить как минимум три задачи. Во-первых, впервые построить качественное и современное океанское судно на Дальнем Востоке, способное выдержать плавание на севре Тихого океана. Такого опыта у России еще не было. Во-вторых, доставить часть такелажа инструменты для строительства и важнейшие припасы, в том числе комплекты парусов, артиллерию, штурманские приборы, инструменты, оружие, якоря, флаги, фонари, медикаменты через всю Сибирь до Дальнего Востока. В-третьих, получить нужные материалы для строительства (пеньку, смолу, гвозди) от местных властей в Сибири и на Дальнем Востоке. Для решения каждой из этих задач отсутствовали точные сведения для решения.

3 февраля 1725 г. Адмиралтейств-коллегия подтвердили полномочия Беринга как руководителя экспедиции. Ему было велено следовать указу Петра I и экспедиция отправилась в путь, который пролегал через Вологду на восток. В составе экспедиции было 34 человека, в числе которых присутствовали морские и адмиралтейские служители, рядовые, унтер-офицеры и обер-офицеры [7, л. 107 об.].

Участники экспедиции, пройдя Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, прибыли 16 марта 1725 г. в Тобольск, где провели почти два месяца. Тобольск в то время был воротами, через которые пролегали дороги на север, северо-восток и юго-восток, связывавшими регионы России и приграничные области. Кроме того, через него проходили почтовые пути. Поэтому, Беринг ожидал, с одной стороны, дополнительные сведения о Восточной Сибири и Дальнем Востоке, а с, другой – дополнительные указания из Санкт-Петербурга. Ему требовалось пополнить запасы и дополнительно привлечь людей для экспедиции. Это была весьма сложная задача. Беринг предоставил сибирскому губернатору М.В. Долгорукову указ Сената об оказании помощи Первой Камчатской экспедиции [13, с. 36–40].

Далее путь экспедиции пролегал через Енисейск, где он встретился с немецким ученым Д.Г. Мессершмидтом, который ознакомил Беринга с картами северо-восточной части Азиатского материка. По всей видимости, им удалось обсудить карту Н. Витсена.

В августе 1725 г. экспедиция по Сибири вступает в завершающий этап. Путь проходил по Енисею до Тунгуски 40 верст, а далее до устья Илима 804 версты. Это был очень сложный участок пути. Грузы участники экспедиции переносили через пороги, а затем на вьючных лошадях доставляли до Илимска. Далее путь пролегал до Якутска, откуда требовалось добраться до Охотска.

---

[157] Данный факт подтверждается выявленными автором документами в испанских архивах. Данные материалы находятся в стадии обработки, и планируется их введение в научный оборот. См., например: Письмо 27 июля 1773 г. Букарели (Вице-король Мексики) Арильяге (испанскому губернатору Верхней Калифорнии) // Estado 20 (1) Sevilla A.G.I., переписка испанских властей о русских экспедициях на север Тихого океана: Estado 4289 Exp.1 Madrid A.H.N.

В это время экспедиция Беринга состояла из 140 человек. Они перевозили до 10 тысяч пудов грузов. Впервые из Якутска к Тихому океану отправлялся столь внушительный отряд. Был определен следующий путь: из Якутска водным путем до Алдана, затем до Юдомского Креста, а потом волоком к реке Урак, а затем вновь сухим путем до Охотска. Фактически на выбор пути повлиял отчет Большого Камчатского наряда (1716–1719), который получил Беринг от сибирского губернатора М.П. Гагарина. Путь был обозначен, но дорога отсутствовала. Кроме того, на всем его протяжении отсутствовали амбары для хранения груза, кроме того, Беринг осознавал, что будут трудности с кормом для лошадей. Освоение этого пути стало задачей Первой Камчатской экспедиции. Это стало сложной логистической задачей. Требовалось решить вопрос с переправами через быстрые реки, организовать перевалы через горы и далее сплавляться по рекам [13, с. 28–30, 46, 283–286; 15; 9, л. 374; 2].

1 октября 1726 г., преодолев расстояние в 800 верст, Беринг прибыл в Охотский острог, который насчитывал всего 11 дворов. Из 203 человек служителей в Охотск здоровыми пришло 59, обмороженных и больных – 26, остальные бежали или умерли в дороге. Такую цену заплатили члены экспедиции и жители Сибири за путь до Охотска. Поэтому В. Беринг направил письма в Якутск и Иркутск, в которых просил местные канцелярии обустроить дорогу от Якутска до Охотска (заготовить сено, поставить зимовья или юрты и т.п.) [1, л. 115, 118, 119 об.; 13, с. 56–59.]. Беринг, понимая, что Охотск может стать важным портом, распорядился произвести строительство новых домов, амбаров, укрепить пристань [1, л. 112; 8, л. 14; 13, с. 55].

Потребовалось еще почти два года подготовки к плаванию. 8 июня 1727 г. на воду было спущено построенное в Охотске судно, которое назвали "Фортуна". 4 апреля в "9-м часу пополуночи, собрав всех служителей и мастеровых людей, учиня молитву, и заложили бот, а потом г-н капитан жаловал всех вином довольно", – записал П. Чаплин. Подробно зафиксировал он и весь ход строительства судна, которое назвали "Святой Гавриил" [3, с. 84–90].

Русская Православная Церковь принимала активное участие в экспедиции. На всем протяжение от Петербурга до Охотска члены экспедиции взаимодействовали со священнослужителями. 12 мая 1725 г. во время сплава по реке Иртыш “в команду прибыл иеромонах” [3, с. 25]. Из журнала А.И. Чирикова мы узнаем, что это был иеромонах Илларион из Тобольска. В дальнейшем он постоянно находился в составе сухопутной части экспедиции, сопровождал Беринга и его ближайшее окружение во время наиболее ответственных поездок.

Таким образом, Сибирский участок Первой Камчатской экспедиции стал важнейшим этапом в освоении Сибири и Дальнего Востока, с дальнейшим выходом к северу Тихого океана. Подготовка и организация путешествия через Сибирь показали, что оборудование, продовольствие могут быть доставлены из Санкт-Петербурга, Томска, Якутска и других мест. Экспедиция Беринга внесла значительный вклад в объединение Сибирских территорий и Санкт-Петербурга для выполнения государственных задач. Появился алгоритм движения через Сибирь к Тихому океану и перемещения грузов и людей на огромные расстояния. В общей сложности было перевезено более 10000 пудов различных грузов. Берингу удалось доставить через всю Сибирь детали и материалы для экспедиции, не потеряв по дороге и через крайне сложные водные переправы важные компоненты и детали для судов, без которых вряд ли было возможно плавание в Тихом океане. Путь из Якутска до Охотска удалось обустроить так хорошо, как это было возможно для первой половины XVIII в. Участники экспедиции получили бесценный опыт исследования флоры и фауны, географии в едином культурно-историческом пространстве. Трехлетнее преодоление участка сухого пути до Охотска и опыт сборки сложного в техническом отношении океанского судна продемонстрировали возможности России как мировой морской державы. Охотск из отдаленного острога стал важнейшим

транспортным портом, связывавшим Россию и Америку. В культурно-этнографическом смысле Беринг привнес с экспедицией российскую идентичность, которая в дальнейшем будет перенесена в Америку. Отношение к "инородцам" после рапортов Беринга стало меняться. Коренные народы начали включаться в общую российскую идентичность. Эта идентичность прошла испытание в сложнейших условиях и показала возможность существования в экстремальных условиях освоения русскими людьми Америки.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043 в Институте всеобщей истории РАН, https://rscf.ru/project/22-18-00043/

Список литературы

[1] «Протокол» рапортам, поданным кап. - ком. Берингом в Адмиралтейств. - коллегию и в канцелярии Тобольскую Губернию и Сибирской Губернии // РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 88.

[2] Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке: XVII–XVIII вв. / под ред. А. В. Ефимова. М.: Наука, 1964. № 56.

[3] Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. СПб., 2012. 319 с.

[4] Инструкция за подписанием государя Петра Великого, собственноручные резолюции Его Величества и другие документы… // РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29.

[5] Кушнарев Е.Г. В поисках пролива: Первая Камчат. экспедиция. 1725-1730 . Л.: Гидрометеоиздат, 1976. 167 с.

[6] О выдаче сыновьям и вдове капитан-командора В. Беринга жалованья и пособия // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 667.

[7] О назначении докторов, лекарей, лекарских учеников в госпитали, на суда на время кампании, выплате им жалованья, отправке медикаментов в Тавров и Павловск; сборе сведений о числе командированных в Камчатскую экспедицию и Тавровское адмиралтейство // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 212.

[8] Путевой журнал участника Сибирской экспедиции мичмана П. Чаплина // РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 2.

[9] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 43..

[10] Российско-Американская компания и изучение тихоокеанского Севера, 1799–1815: Сб. документов. Т. 3 / Сост. А. Е. Иоффе, Л. И. Спиридонова. М.: Наука, 1994. 275 с.

[11] Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841: Сб. документов. Т. 4 / [редкол.: Н.Н. Болховитинов (отв. ред.) и др. М.: Наука, 2005. 456 с.

[12] Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: Сб. документов. Т. 5 / сост. Т. С. Федорова (отв. сост.), А. Ю. Петров, А. В. Гринёв. М.: Наука, 2010. 480 с.

[13] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : Сб документов. Т. 1 / Сост. Т. С. Федорова и др. М.: Наука, 1984. 320 с.

[14] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. : Сб. документов. Т. 2 / Сост. Т. С. Федорова и др. М.: Наука, 1989. 397 с.

[15] Сгибнев А. С. Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина) // Морской сборник. 1868. № 12. С. 131 – 139.

[16] National Archives of Finland. Svenska Forsamlingen i Wiborg. Vigde 1713.

УДК 94 (571.51)

Енисейск в воспоминаниях, письмах и художественном творчестве Р.А. Штильмарка

Селецкая Наталья Владиславна
Научный сотрудник, МБУК «Лесосибирский краеведческий музей», г. Лесосибирск, Россия
seleckaya78@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена изучению вопроса исторической памяти, её основных характеристик, преемственности поколений, формированию исторического образа переломной эпохи в истории Советского союза. В статье приводится сопоставительный анализ романа Роберта Александровича Штильмарка «Горсть света», писем из ссылки, воспоминаний писателя и статей из газеты «Енисейская правда» за 1953 год, а так же рассмотрению фигуры писателя в контексте литературы репрессированных российских писателей XX века. Литературный процесс в эпоху сталинизма представляется одним из самых драматичных периодов в истории отечественной литературы, а зафиксированные в письмах представления о событиях, людях и местах дают нам всем возможность иначе увидеть прошлое нашей Родины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Штильмарк Р.А., историческая память, Енисейск, Маклаково, репрессии, литература Сибири.

На новом витке своей истории мы глубже всматриваемся в минувшее, заново оцениваем прожитое и пройденное, стараемся его осмыслить. Но в суете повседневности сплошь и рядом упускаем простые и, вместе с тем, трудноуловимые моменты повседневности» [25, с. 6]. Как соотносятся история и жизнь конкретного человека? Ральф Уолдо Эмерсон высказал мысль, что на самом деле никакой истории нет, а есть только биографии. Такой экзистенциальный подход очень близок и Марку Блоку [4, с. 9]. По мнению Марка Блока, история – это наука о человеке, о людях во времени, о том, как человек проживает свою неповторимую жизнь в отведённый ему свыше период времени. Подлинное время — по природе своей некий континуум, соответствующий человеческой жизни и той памяти, которая после него остаётся у потомков. Пётр Демьянович Успенский, русский эзотерик-исследователь, математик и философ, высказывается определённо: для человека нет и не может быть иного времени, кроме времени его жизни [11, с. 53]. Это время, и эта история живы и значимы так долго, пока о них есть народная память, которая является отличительным качеством именно человека. Память – это не абстрактные знания каких-либо событий [10, с. 34]. Память – это жизненный опыт, знание событий, пережитых и прочувствованных, отражающихся эмоционально [2, с. 119].

Французский философ и социолог Морис Хальбвакс [15, с. 26] предположил, что история начинается именно тогда, когда заканчивается социальная память и традиция [7, с. 69]. Память народа к прошедшим событиям выражается в различных формах. В старину это была устная передача информации в сказках, легендах и преданиях [3; с. 27]. Позже это были книги, а в настоящее время основными источниками освещения исторических фактов стали СМИ, и особенно - интернет.

Историческая память эмоциональна в оценках прошлого, которое во многом прямолинейна и разделяет исторические явления на «хорошие» и «плохие» [9; с.253]. Кроме того, память избирательна. Она делает акценты на отдельных исторических событиях, игнорируя другие. Память всегда актуализирована, она обращает внимание только на такие явления, которые значимы для современности: здесь-и-сейчас [1, с.19].

В данной статье мы предлагаем вам окунуться в историю, на первый взгляд, не столь давнюю, но уже достаточно ушедшую от нас, чтоб подвергнуться и забыванию, и мифологизации.

Предметом исследования явились для нас письма и воспоминания Роберта Александровича Штильмарка об одном годе его жизни (1953 г.) в Енисейске, когда из з/к, он стал ссыльным поселенцем по национальному признаку, а также его

автобиографический роман-хроника «Горсть света», по сути — беллетризованные мемуары писателя. Это не мемуары в традиционном смысле слова, а скорее исповедь писателя, роман-покаяние. Вместе с тем, это цикл увлекательных и романтических новелл, зачастую детективного даже криминального толка. Кроме того, мы сравнили эти личные, очень эмоциональные и живые впечатления писателя, с официальной информацией о том же 1953 годе, публиковавшейся в средствах массовой информации города и района – газете «Енисейская правда» – в это время.

Как писал сын писателя, советский и российский учёный-биолог, эколог, охотовед, один из основных создателей системы заповедников в СССР, писатель Феликс Робертович Штильмарк: «И в тягостные дни ссылки, поселения в дальнем и чуждом ему, коренному москвичу, человеку далёкому от тех специальностей, какими пришлось заниматься, например, нормировщик на стройке и лесозаводе, отец отводил душу в письмах к старшему сыну и другим близким. Порой наивных, порой, казалось бы, даже излишне подробных. Эти письма сейчас дают нам всем возможность заново увидеть недавнее прошлое. Зафиксированное им на бумаге. И как знать, быть может спустя еще несколько десятков лет эти записи будут цениться не меньше, чем к примеру, воспоминания декабристов сегодня. Слова уходят – написанное остаётся» [26, с.6].

Роберт Александрович Штильмарк родился 3 апреля 1909 года в Москве в семье инженера Александра Александровича Штильмарка. Роберт Штильмарк в 1924 году окончил Петропавловское мужское училище — негосударственное учебное заведение для мальчиков при евангелическо-лютеранском кафедральном соборе святых апостолов Петра и Павла в Москве [5, с.21]. На выпускном экзамене по литературе, где Роберт Штильмарк читал стихи собственного сочинения, и присутствовавший на экзамене Валерий Яковлевич Брюсов пригласил пятнадцатилетнего Штильмарка поступить в Высший литературно-художественный институт без вступительных испытаний [5, с.30]. В 1929 году Роберт Александрович окончил языковедческое и редакционно-издательское отделение Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова. После получения высшего образования работал референтом и заведующим отделом скандинавских стран во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей, преподавал всемирную литературу в том числе в Высшей школе НКВД специального назначения. Впоследствии был журналистом в газете «Известия», в ТАСС, работал редактором в журналах «Иностранная литература», «Молодая гвардия» [17, с.25].

В 1941 году добровольцем ушёл на фронт. В составе Гатчинской дивизии участвовал в боях под Ленинградом на ленинградском пятачке, был помощником командира разведроты. После тяжёлого ранения в 1942 году он был направлен преподавателем в Ташкентское пехотное училище, затем переведён в Москву, где преподавал на Высших командных курсах РККА. В 1943 году он окончил Ленинградское Краснознаменное военно-топографическое училище, был старшим преподавателем военной топографии. В звании капитана служил в Военном топографическом управлении Генштаба [17, с.154]. 5 апреля 1945 года Роберт Штильмарк был арестован «за клеветнические высказывания о советской действительности» и приговорён к десяти годам лагерей по стать 58 - 10 УК РСФСР: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений» [16, с.93]. В лагере системы ГУЛАГ, в 1950-1951 годах, он создал роман «Наследник из Калькутты». Идею его подал лагерный «авторитет» Василий Павлович Василевский, пытавшийся использовать «политического» Штильмарка в качестве литературного раба [15, с.7]. После неудачной попытки со стороны Василевского организовать заказное убийство Штильмарка, последний по ложному доносу нарядчика Василевского был направлен в штрафную колонну № 25, где работал в топографической группе зимой 1951 — 1952 года [15, с.9]. Весной 1952 года был назначен самостоятельным топографом-геодезистом на дальний участок строящейся трассы 22-километровой длины. Его поселили на лагпункте № 10, по соседству с урочищем Янов Стан, на берегу таежной реки Турухан [24, с.11]. В начале лета 1952 года Штильмарк получил еще одно топографическое поручение: разбивку нескольких жилых кварталов среди таежной целины и привязку этих жилых комплексов к местным ориентирам и топознакам

(будущий Туруханск) [15, с.10]. 14 октября 1952 года был этапирован в Ермаково, откуда на барже доставлен в Красноярск, где был направлен на строительство речного причала базы Норильскстроя на правом берегу Енисея [29, с.317]. В начале февраля 1953 года, Штильмарка вызвали в УРЧ (учётно-распределительную часть), и письменно уведомили о том, что с учетом заработанных отличным трудом зачетов рабочих дней, он, з/к Штильмарк, вместо 4 апреля 55-го будет освобождён из колонии 21 февраля 1953 года [29, с.317]. Однако в связи с немецкой национальностью он должен проследовать по этапу в место назначенной ссылки — в Енисейский район Красноярского края (Приказ НКВД СССР № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»).

Так жизнь Роберта Александровича Штильмарка приобрела несколько иное качество: в Енисейске, ссыльные были вроде как свободны, но в то же время ограничены пространством, самим Енисейском, из которого не могли выехать. Вроде бы и заперты в ссылке, но в то же время уже видели мир, и мир видел их: через письма, через фотографии.

Прибыл Роберт Штильмарк в Енисейск в начале мата 1953 года, когда весь Советский союз с замиранием сердца, кто-то от горя, кто-то от страха, а кто-то и с надеждой, отслеживал бюллетени о состоянии здоровья Вождя народов. В газете «Енисейская правда» информация о смерти И.Ф. Сталина появилась только 7 марта 1953 года, хотя по всесоюзному радио об этом объявили в 6.00 часов утра по московскому времени ещё 6 марта [13, с.1]. Осуждённым и поселенцам эту информацию сообщать не торопились: «Глубинный, символический смысл мирового события — внезапной кончины Сталина, чье бессмертье казалось абсолютом, — постигался умами и сердцами заключенных людей — лагерников, камерников, этапников — не сразу и не прямо! Вести шли не от начальства — оно, видимо, прямых инструкций не получило и просто воздерживалось от каких-либо суждений и объяснений» [29, С.321 - 323]. В прессе старинного города эти новости были опубликованы 8 марта 1953 года, и заняли весь выпуск газеты» [8, с.1].

Первое письмо Роберта Штильмарка к сыну Феликсу из Енисейска датировано 10-м марта 1953 года. В этом письме напрямую нет никаких отсылок к политическим событиям внутри страны или за её пределами. Оно включило в себя описание города-памятника, сибирского Иерусалима: «Город когда-то был в желто-белых колерах, имеет сохранившийся ещё Александровский ампир, но преимущественно деревянный. Старинные деревянные дома интересны, новых нет (...) Есть в городе любительский драмтеатр, жиденький горсад и местный пивзавод» (от этих слов у меня всегда начинает сосать под ложечкой...)» [17, с.1]. Однако, уже в этом письме есть сведения о достаточно бедственном положении ссыльных в городе: «Тут много интеллигенции, но к сожалению труд им таковой недоступен, хотя есть и педучилище, и учительский институт. Там читают те, которым, некогда, читал и я сам, а я буду рубить брёвна, пока не преступлю к новой технической специальности» [17, с.2]. Долгое время Штильмарк не мог себе найти достойную работу и был близок к отчаянью: Штильмарк готовился к началу геодезических работ на трассе автодороги Красноярск-Абалаково – Енисейск, а пока что перебивался случайными заработками и поддержкой родных. Первоначально пришлось очень трудно, и он едва не замёрз в первую же ночь, оставшись без крова: «Я дошёл уже до отчаянья, слоняясь по адской пурге, сбился в сугробах на улице Рабоче-Крестьянской, но судьбе угодно было прийти ему на помощь. Я узнал в проходившем мимо водоноше профессора Сергея Митрофановича Дубровского, бывшего директора Международного аграрного института, в котором твоя мама работала с 1929 года и в котором я бывал регулярно два раза в день, очень часто с тобой на руках вплоть до 1933 года» [18, с.1]. Тем не менее, своё самое первое, очень сильное и шокирующие впечатление от Енисейска, которое контрастировало с красотой города, Роберт Штильмарк изложил уже в конце своей жизни в автобиографическом романе: «В городе Енисейске памятник товарищу Сталину был весь в венках и цветах. Их явно освежали и обновляли — прошло-то с официального дня смерти более двух недель, и траурные венки из еловой хвои, перевитой лентами, теряли бы свою свежесть... Енисейский Сталин царил над площадью на фоне краеведческого музея» [29, с.323].

Не менее интересны впечатления от городского фотосалона в Енисейске. Причём, в

письме к сыну Штильмарк больше концентрируется на художественных и философских моментах, высказываясь очень едко и саркастически, а в книге – на фактологических, на соприкосновении с судьбами других ссыльных представителей русской интеллигенции.

«На днях на местном бродвее я увидел заведение фотографа, в витрине которого ималось объявление о том, что «наше фото сохранит вашу молодость и красоту». Сама витрина могла смело соперничать со Свифтом или Вольтером, или с лучшими карикатуристами мира в изображении человеческой пошлости. Так как мне для юридического оформления в качестве законного гражданина Енисейграда требуются законсервированные образцы моей молодости и красоты, я заказал себе таковые. Долго я убеждал фотомефистофелей не украшать моего чела росчерками ракетопланного газа, коим они заменяют упраздненные нимбы на ликах своих жертв; я не сел также за руль картонного автомобиля, не облокотился на растральную колонну в полотняном саду Семирамиды, и даже не продел головы в овальное отверстие над стройной фигурой в черкеске с газырями – словом, нарушил все этические нормы фотоискусства (...) Мои друзья - москвичи, два хорошо знакомых мне профессора, нашли снимок пригодным для енисейской брачной газеты, если бы таковая существовала. Так что енисейские фотобесы не столько сохранили, сколько возвратили мне молодость, как и полагается исчадиям ада - мефистофелям...» [19, с.2].

В романе эти события выглядят так: «Сунулся он, в частности, в фотографию, ибо имел кое-какой опыт в этой профессии, но заведующий крохотной лабораторией сразу дал понять, что на столь «чистый» вид труда нечего ссыльному и надеяться. У героя поэмы появились в городе знакомые — здешние друзья Степана Мироновича и Беллы Борисовны: скрипачка Левия, дочь расстрелянного еврейского писателя-антифашиста, члена разогнанного Сталиным известного комитета... Ее тетка, советская дипломатическая работница, сосланная на Север после долгой работы в Нью-Йорке. Пианист-харбинец, преподаватель музыки и пения в педучилище и руководитель хора в пединституте и Дворце Культуры» [29, с.328]. О выступлениях замечательного хора и первых постановках драматического кружка так же есть заметки и в «Енисейской правде» - на последних страницах, тех самых, где можно узнать о реалиях жизни в городе того времени [6, с.7].

Енисейск не был бы тем городом, каким является сейчас, если бы не ссыльные. Швацбургу и Швейнику удалось собрать из енисейцев хор в количестве 400 человек. Весной на площадь выкатывали концертный рояль и устраивали песенные фестивали. Шварцбург и Швейник даже оперы ставили – «Снегурочку», «Майскую ночь», «Морозко» [6, с.7]. В Енисейске до сих пор живы люди, которые участвовали в этих постановках, будучи учениками начальной школы №13 [27, с.2]. «Дом культуры в Енисейске невелик, но в нём есть признанные знаменитости. Например, жена Буденного Ольга Буденная и гражданская жена Колчака Анна Тимирёва. Местные жители вспоминают, как Буденная впервые появилась в городе: «Она шла по тротуару в белой шляпе, белых пиджаке и юбке, белых туфлях, вся какая-то субтильная и невесомая, а все оглядывались ей вслед. На театральные постановки она всегда приходила в вечернем платье и туфлях, хотя в помещении было очень холодно. И не только мужчины, но и женщины смотрели не на сцену, а на нее» [20, с.4]. Водителем грузовика на крохотном местном аэродроме Енисейска работал Константин Шарапов, спроектировавший невероятное количество технических объектов, но в историю техники он вошел как конструктор первого советского легкового автомобиля НАМИ-1, на котором в 1927 году был совершен автопробег Москва – Севастополь – Москва. И с ним также был знаком и общался Роберт Штильмарк. «Константин Шарапов был арестован и осужден к ссылке на поселение в Красноярский край. Ссылку начал отбывать в Туруханском районе. С февраля 1950 года он - в Енисейске, работает на аэродроме шофером на грузовике. Музыкант-любитель, играет на трубе в енисейском оркестре Дома культуры» [21, с.3]. В целом, жизнь как-то обустроилась.

Роберт Штильмарк уже приглашал в Енисейск старшего сына Феликса, но... Жизненный путь ссыльного поселенца сделала новый вираж, зайдя на очередной виток изменений. Он познакомился с молодой преподавательницей учительского

института Маргаритой Савёловой, которая с престарелой матерью и маленькой дочерью приехала в сибирский город после окончания педагогического ВУЗа Москвы. Но их любовь была порицаема в городе: Маргарите предложили выбрать между связью со ссыльным и карьерой педагога, а Роберт Штильмарк из-за анонимки лишился своей интересной и перспективной работы на строительстве трассы «Енисейск-Красноярск» [12, с.2]. «В конце мая он уехал со своей партией на трассу и ночами потихоньку, с попутным автобусом, мчался в город, чтобы в самый глухой час ночи прокрасться к ней на второй этаж казенного дома, а перед восходом солнца рвануть обратно, на трассу, к нивелиру, речникам и товарищам по партии. А иногда поездку совершала она, доезжала до речки Шадрихи, приветствовала его ссыльных коллег, занимала на дневные часы шалаш или избушку [29; с.333]. Кончился этот дорожный роман, как оно и положено в стране победившего социализма. Бдительная кондукторша автобуса написала донос на «учителку» из Пединститута, которая «ездить в шалаш к зассыльному немьцю». Донос поступил в деканат, комсомольскую организацию и партком [29, с.334]. Рональд в точности не узнал, как был сформулирован телефонный сигнал «сверху», но благоволивший к нему инженер Воллес дал ему понять, что держать его в штате более не может, так как, мол, сверху получен «сигнал»... [29, с.335].

На следующий день Роберт Штильмарк так описывал свои переживания и новый перелом в судьбе в письме к старшему сыну: «Буря самая чёрная, так и бушует над нашими головами Дивлюсь я женской душе - чего она только не вынесет! (...). А практически сидим на узлах и собираемся на попутной машине в Маклаково. Там пойдем устраиваться на завод. Потеряли всё: её заработок, её квартиру, приходиться отказываться от моей интересной, хоть и малооплачиваемой работы, отказываться от удобной жизни в городе. Что впереди – Бог знает, но будем вместе» [23, с. 1].

Письмо от 12 октября 1953 года написано уже из Маклаково. «Последнее моё письмо к тебе было из маритиной квартиры – с озабоченным лицом и деланной весёлостью. На улице шёл слякотный дождь, наше настроение было не очень радужное: неизвестность полная, погода плохая, дела неясные (...) Когда уже все сидели в машине, нагруженной почти цыганским скарбом, мы с Маритой одни остались в пустых комнатах. Я держал её руки, мы присели перед отъездом. Очень ясно я понимал всю ответственность, которую принял на свои плечи» [24, с.2].

Даже такой сопоставительный анализ живых свидетельств и творчества, уже даёт нам возможность констатировать тот факт, что историческая память - это совокупность ценностных ориентаций и действий, предпринимаемых человеком и обществом, по символической реконструкции прошлого в настоящем [9, с.262]. Эти представления о прошлом подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически утверждают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории [2, с.138]. История реальна и значима ровно настолько, насколько отражается в сознании её участников, творцов и свидетелей. Читая и изучая живые свидетельства истории, мы получаем возможность сохранять объективность и собственную идентичность как народ, желающий помнить свою историю, иметь лучшее будущее [3, с.309].

Список литературы

[1] Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007; 612 с.

[2] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.:Языки славян, культуры, 2004; 355 с.

[3] Бергер П., Лукман І. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, 1995; 322 с.

[4] Блок М. Апология истории или ремесло историка - издание второе, дополненное, М.:

Наука, 1986. 174 с.

[5] Дружников Ю. Наследник из Туруханска : Из историй, которые всплывают у нас на кухне // Русская Америка. 2005. № 323. С. 21-23.

[6] Малютина А. Опера-сказка на сцене Дома Культуры// ОФ 10146-8 «Енисейская Правда» № 28 (2161) от 26.03.1953. С. 7

[7] Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюнмех Ж., Винок М. Франция -память. СПб., 1999; 325 с.

[8] Постановление совместного заседания пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР, Пленума Верховного Совета СССР//ОФ 10146-8 «Енисейская Правда» № 23 (2156) от 07.03.1953. С. 1

[9] Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. С. 254-262;

[10] Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004; 728 с.

[11] Ровнер Аркадий Формирование концепции П. Д. Успенского // Россия и гнозис. М., 1996, с.52-58.

[12] Сегодня на строительстве трассы «Енисейск-Абалаково-Красноярск»// ОФ 10146-8 «Енисейская Правда» № 66 (2199) от 20.08.1953. С. 2

[13] Сообщение о смерти И.В. Сталина // ОФ 10146-8 «Енисейская Правда» № 22 (2155) от 07.03.1953. С. 1

[14] Трудовые подарки Родине// ОФ 10146-8 «Енисейская Правда» № 87 (2220) от 01.11.1953. С. 1

[15] Халъбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007, 348 с.

[16] Штильмарк Р. А. Горсть света. Роман-хроника в двух частях. М. : Терра-книжный клуб, 2001. С. 236.

[17] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 10.03.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей». Штильмарк Р.А. № 15

[18] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 20.03.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей». Штильмарк Р.А. № 17

[19] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 27.03.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей» Штильмарк Р.А. № 19

[20] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 10.04.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей» Штильмарк Р.А. № 23

[21] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 05.05.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей» Штильмарк Р.А. № 27

[22] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 01.10.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей» Штильмарк Р.А. № 43

[23] Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 12.10.1953//Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей» Штильмарк Р.А. № 44

[24] Штильмарк Р.А. Повесть о страннике Российском / [Послесл. акад. Н. И. Конрада]. М. : Географгиз, 1962. С. 154.

[25] Штильмарк Ф. Небольшой детектив о большом романе // Штильмарк Р. Наследник из Калькутты. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1993. 11 с.

[26] Штильмарк Ф.Р. Приостановленные мгновения//Заря Енисея. 1989. 31.08.1989 (№ 35) С. 6

[27] https://istpamyat.ru/2021/10/11/5235/ Евгения Проскурина. Источник: www.sibreal.org (дата обращения: 09.06.2022).

[28] https://www.litmir.me/bd/?b=242404 Враги народа за полярным кругом (дата обращения: 09.06.2022).

[29] file:///C:/Users/PC-vist/AppData/Local/Temp/Rar$DIa3040.7216/Shtilmark_GORST-SVETA-Roman-hronika-Chasti-tretya-chetvertaya.MVK1qw.363076.fb2 (дата обращения: 13.06.2022).

УДК-07

Творческие отчеты как фактор развития самодеятельного искусства в северных районах Красноярского края в 60-70-е гг. XX в.

Селиванова Анастасия Алексеевна
Кандидат исторических наук, преподаватель, КГБПОУ «Енисейский педагогический колледж», г. Енисейск, Россия.
jasan20@mail.ru

АННОТАЦИЯ . В статье исследуется процесс влияния всесоюзных фестивалей, смотров, конкурсов народного творчества на рост активности самодеятельных художественных коллективов. Цель исследования – выявление особенностей процесса становления и развития самодеятельного искусства в северных районах Красноярского края в эпоху развитого социализма. Автор концентрирует внимание на историю развития народных коллективов, работающих в разных жанрах художественной самодеятельности: народные театры, агитбригады, хоры, ансамбли песни и пляски. Дает характеристику системе государственного и общественного руководства самодеятельностью и культурно-массовой работе, опираясь на архивные документы. Определены итоги и последствия исследуемого процесса для развития самодеятельного искусства Красноярского края. Сделан вывод об увеличении количественного состава творческих коллективов и возрастании качественного уровня исполнительского мастерства. Выявлены условия развития самодеятельности в рамках культурной политики на примере северных районах края

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА художественная самодеятельность, культурно-массовая работа, народные коллективы, всесоюзные фестивали и смотры народного творчества; народный коллективов, художественная самодеятельность, Красноярский край.

Самодеятельное искусство – необходимая составная часть культуры советского общества, раскрывающая духовное богатство народных масс, способствует подъёму культурного уровня. Культурная пятилетка края (1966–1970), красноярские десятилетки (1971–1981, 1981–1991), общественное движение «Превратим Сибирь в край высокой культуры» (1981–1991) в целом способствовали развитию культуры районов края. Культурные мероприятия, проводившиеся в этот период, отразились на работе всех творческих коллективов края. Ключевую роль в становлении и развитии художественной самодеятельности, повышении мастерства участников, развитии различных жанров творчества именно в северных районах края сыграли творческие отчеты, к которым в 1960–1980-х гг. относились фестивали, смотры, конкурсы, проводившиеся на республиканском и всесоюзном уровнях. В изучаемый хронологический период знаменательные даты советской истории, такие как 50-летие советской власти, 100-летие со дня рождения В.И. Ленина, 50- и 60-летие образования СССР, 60-летие ВКСМ, 30-летие Победы в Великой Отечественной войне (1975) и пр., становились поводом для регулярного проведения всесоюзных и всероссийских фестивалей, смотров, конкурсов самодеятельного творчества. Это отразилось на процессе развития самодеятельного искусства. Цель работы исследовать влияние фестивалей, смотров, конкурсов народного творчества на становление и развитие художественной самодеятельности в 60-70-е гг. XX века в северных районах Красноярского края.

В условиях проводимой культурной политики руководству края необходимо было создавать условия для организации конкурсов, смотров и фестивалей на разном уровне, чтобы соответствовать общесоюзной тенденции развития самодеятельного искусства. Таким образом, деятельность самодеятельных коллективов практически полностью была подчинена графику сменяющих друг друга мероприятий, посвященных политическим датам, постановлениям партии и правительства. Большое значение для развития народного творчества имел Всероссийский смотр художественной самодеятельности, который проходил в 1963-1965 гг. во всех республиках СССР. В смотре

активно участвовали агитбригады, народные театры, хоровые коллективы, оркестры, танцевальные ансамбли. Столь масштабные мероприятия послужили поводом для создания самодеятельных коллективов в отдаленных территориях, таких, например, как северные районы Красноярского края.

7 января 1966 г. было принято постановление Президиума ВЦСПС, коллегии Министерства культуры СССР о проведении Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства (в 1967 г.), посвященного 50-летию Советской власти и подготовке к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина [9,с.120]. Для участия во Всесоюзном фестивале самодеятельные коллективы края должны были представить свои достижения на зональном конкурсе в г. Новосибирске. С целью отбора были проведены смотры художественной самодеятельности на местах. Впервые в городах севера края: Енисейске, Норильске, Игарке, Дудинке прошли кустовые смотры и концерты художественной самодеятельности как праздники народной культуры. Так в январе 1966 г. исполком Енисейского райсовета г. Енисейска принял постановление «О проведении районного смотра художественной самодеятельности». К участию приглашались коллективы сельских и профсоюзных клубов, предприятий, организаций, колхозов и учебных заведений [13]. Победителей выявляла смотровая комиссия. Итоги подводились на районном смотре. Из отчета смотровой комиссии от 10 октября 1966г.: «В смотре на местах приняло участие 1900 человек, рост участников по сравнению с 1965г. составил 30%, из них 13 самодеятельных коллективов с общим количеством 700 человек [14]. Народными театрами и агит¬бригадами ставились театрализованные представления из цикла «Клубная Лениниана» [15].

Подобные смотры шли и в районах крайнего севера. В г. Игарка с марта 1966 года по ноябрь 1967 года проходил смотр на сцене ДК «Строитель», выступило 300 человек [5]. В Таймырском национальном округе был проведен окружной фестиваль, посвященный юбилею Октября. В смотре приняло участия 33 самодеятельных коллектива, в них 1207 участников, в том числе из местного национального населения 206 человек [3]. Представители художественной самодеятельности округа в составе 37 человек стали участниками зонального смотра в г. Новосибирске [3]. Среди учреждений культуры Эвенкии в период подготовки к 50-летию Великого Октября была отмечена работа Тунгусско-Чунского районного Дома культуры, где были организованы вечера и мероприятия «Нам песня строить и жить помогает», «Край, в котором я живу», «Путешествие в мир прекрасного» [2]. Именно подготовка к празднованию юбилейных дат способствовала созданию первого самобытного вокально-хореографический ансамбля «Осиктакан» - 1966 г. в Эвенкии. Дебют ансамбля состоялся 9 января 1967г. во время проведения окружного смотра художественной самодеятельности. Лучшим номером была признана песенно-танцевальная сюита «Солнце Октября землю обогрело» [7].

Ансамбль «Осиктакан» принимал участие в заключитель¬ном концерте краевого смотра на сцене драматического театра им. А. С. Пушкина, где участвовало больше тысячи само¬деятельных артистов. Звание Лауреата Всесоюзного смотра также получил коллектив актеров-любителей из села Подтёсово Енисейского района с театральной постановкой «Иван – да – Марья» [6, с.38]. Высокая оценка жюри смотра вдохновила актеров на дальнейшую деятельность. Из воспоминаний участников смотра: «Газеты «Речник Енисея» и «Красноярский рабочий» только о нас и пишут, помещая на своих страницах фотографии артистов, среди которых есть и речники, учителя, медики, работники почты, учащиеся старших классов» [6, с.40]. На зональном смотре в Новосибирске в апреле 1967 г. уровень подготовки самодеятельных коллективов превзошёл все ожидания. По количеству дипломов делегация Красноярского края заняла первое место, четыре коллектива из Красноярского края получили звания лау¬реатов [20, с.102].

Подготовка к празднованию юбилея В. И. Ленина продолжалась вплоть до 1970 г. Еще 23 июля 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС о подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, в котором Министерству культуры СССР было поручено провести конкурсы-смотры под ленинским девизом «Искусство - народу», фестивали искусств, связанных с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, организацию выставок изобразительного искусства [19].

31 июля 1969 г. принято постановление «О проведении Всесоюзного концерта - творческого рапорта художественной самодеятельности ленинскому юбилею», в котором было признано провести в апреле 1970 г. в Москве, в Кремлевском Дворце съездов Всесоюзный концерт. Подготовка к Всесоюзному концерту охватила все районы края. Так 16 января 1970 г. в Енисейском районе проходит фестиваль искусств [17]. По итогам фестиваля 37 самодеятельных коллективов приняли в нем участие, 15 сельских клубов, 16 сельских советов рапортовали о проделанной работе к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина [18]. Активно участвовали в подобных фестивалях самодеятельные коллективы Казачинского, Северо - Енисейского районов. В Таймырском национальном округе была организована перекличка сельских клубов через окружную газету «Советский Таймыр» [10].

В результате Всесоюзные смотры, посвященные 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, стали крупными культурными событиями в жизни Красноярского края и всей страны. По сути, именно в этот период в крае стали формироваться самодеятельные коллективы. Модель организации подобных мероприятий прочно укрепилась в работе отделов культуры и на местах и успешно действовала в праздновании других юбилейных дат.

Смотры, фестивали, конкурсы, организованные в честь достойной встречи 50-летия образования СССР, стали хорошей возможностью для создания творческих коллективов на производстве. Активно к процессу развития самодеятельного искусства стали подключаться профсоюзы трудовых коллективов. В постановлении ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. говорилось о подготовке нового всесоюзного смотра, посвященного 50-летию образования СССР [20, с.107]. В Енисейском районе по инициативе профсоюзов было решено провести смотр, посвященный этой дате. Из протокола жюри районного смотра: «На 17 центральных усадьбах колхозов и совхозов, лесоучастков и леспромхозах состоялись кустовые смотры. 23 коллектива в количестве 600 человек и 6 сельских клубов приняли участие в смотре, среди них медицинские работники, доярки, механизаторы, учителя и др. Просмотрено 450 номеров, лучшие из них отобраны на районный смотр. По итогам смотра были награждены 17 работников культуры, 21 народный коллектив [4].

На Всесоюзном смотре, посвященном 50-летию образования СССР, в г. Москве (1972) выступали и стали лауреатами ансамбли песни и танца: «Осиктакан» (руководитель А. В. Гурьев, Эвенкия), «Хейро» (руководитель В. П. Целищев. Таймыр), ан¬самбль барганистов (Таймыр), частушечница Н. И. Корягина (Казачинский район) [8].

В 1975-1977 гг. проводился первый Всесоюзный фестиваль самодеятельного художественного творчества, посвященный 60-летию Советской власти. Для подготовки к фестивалю были выделены и использованы огромные материальные средства. За два года в Красноярском крае на эти цели израсходо¬вали более двадцати миллионов рублей. [7] Творческая отдача трудящихся края оказалась вы¬дающейся. Блестяще выступили красноярцы в Иркутске — в центре Восточно-Сибирской зоны Всесо¬юзного фестиваля. В нем приняли участие 28 кол-лективов и 600 участников клубных объединений края. Итог участия в фестивале – 40 Всесоюзных лауреатских дипломов и 77 Всероссийских [20, с.107]. На всесоюзном фестивале Северные районы края представляли коллектив Енисейского народного театра с поэмой «Вей, ветерок!», ансамбли «Хейро» с песенно-танцевальной композицией «Хейро» (Таймыр) и «Осиктакан» с музыкально-драматической пьесой «Алтанэй» (Эвенкия) [8].

Успехи творческих коллективов оказали влияние на вовлечение трудящейся молодежи в самодеятельное творчество, как в городских, так и в сельских населенных пунктах, благодаря работе профсоюзов были созданы постоянно действующие коллективы при производстве. За активное участие красноярцев во всесоюзных смотрах и фестивалях, край получил поддержку творческих Союзов страны [1]. Все это создавало благоприятные организационные условия для развития самодеятельного искусства края.

Поддержка профессионалов вдохновляла молодежь края на творческие инициативы. Большую помощь в развитии самодеятельного искусства и его материальной базы оказывали комсомольские организации.

В 1978 г. праздновалось несколько юбилейных дат. В северных районах городские дома культуры, сельские клубы готовили программу мероприятий, посвященную 60-летию ВЛКСМ и 60-летию Советской армии. Главными участниками и организаторами патриотических мероприятий, таких как «Уходила молодость в сабельный поход», «Пионер, комсомолец, потом коммунист», «Комсомольцы герои - воины», стали комсомольцы. [11]

Вследствие работы горкомов комсомола по вопросам культурного воспитания молодежи создавались условия для самодеятельного творчества, молодежные коллективы отличала массовость, инициативность, уверенность, энтузиазм. Комсомольские коллективы художественной самодеятельности Красноярского края выступили с отчетами на ВДНХ, приняли участие в работе агитпоезда ЦК ВЛКСМ по обслуживанию ударных комсомольских строек [12, с.155].

Таким образом, в исследуемый период существовала традиция проведения творческих отчетов в формате ежегодных фестивалей, смотров художественной самодеятельности на разном уровне, праздников песни и танца, конкурсов агитбригад, чтецов, народных театров, проведение торжественных концертов, посвященных съездам партии. Всё это способствовало созданию условий для развития самодеятельного искусства в Красноярском крае, росту творческой активности самодеятельных коллективов. Со стороны краевого отдела культуры была организована методическая помощь по сопровождению работы с самодеятельными коллективами руководителям клубов разных ведомств. Дом народного творчества края курировал работу с клубными учреждениями по организации отборочных смотров и выявления талантливой молодежи. Увеличивался количественный состав коллективов и возрастал качественный уровень исполнительского мастерства. Более требовательной и ответственной стала работа руководителей художественной самодеятельности по подбору репертуара. Процесс развития художественной самодеятельности края находился под контролем общественных и государственных органов. Самодеятельность в этот период отличалась массовостью, стремлением к самовыражению, развитием творческого потенциала актеров-любителей.

Список литературы

[1] Веретенова А. Праздник песни и танца// Енисейская правда 1980. №10

[2] ГАКК. Ф. П. – 26 Оп. 16. Д 451. Л.75

[3] ГАКК. Ф. П. – 1386 Оп. 16. Д 3998. Л.37

[4] ЕГА Ф Р. 328. Оп.1, Д.64. Л.6

[5] Евкулов А. «Оживлять культурную жизнь села» // Коммунист Заполярья 1966 г. № 42

[6] Еремеева Л. С. Подтёсово - родной причал. История и современность. Красноярск: ООО Издательство «Красноярский писатель», 2005. 511 с.

[7] Замышляев В. Народное творчество в культуре Красноярского края. //Народное творчество в культуре развитого социалистического общества. М.: Наука, 1979

[8] История эвенкийской культуры // Эвенкийская жизнь. . 2010. № 46.

[9] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) В 15-ти т. / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. - 9-е доп. и испр. М.: издательство политической литературы Т-11. 1986. С. 120

[10] Кудашкин В. А. Социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов во второй половине XX века (на материалах Иркутской области и Красноярского края). Братск: Изд-во ГОУ ВПО «БРГУ», 2009. С.24

[11] Кузнецов П. «Смотр талантов продолжается» //Коммунист Заполярья, 1978. № 37

[12] Михайлова Л. И. Народное художественное творчество как социокультурное явление. Пермь, 1996. С. 155.

[13] МКУ «Енисейский районный архив» Ф. Р 2/162 Оп. 1. Д. 767. Л.103

[14] Там же. Л.107

[15] Там же. Л.108.

[16] МКУ «Енисейский районный архив» Ф. Р. 275. Оп. 1. Л. 7.

[17] МКУ «Енисейский районный архив» Ф. Р.2751. Оп. 1. Д.88. Л.2

[18] Там же. Д.88. Л.5

[19] Постановление ЦК КПСС о подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. В 15-ти т. / Под общ. ред. А. Г. Егорова. - 9-е доп. и испр. М.издательство политической литературы т-11 1986. С.333

[20] Статейнов А.П. История культуры в фактах, цифрах, комментариях. Красноярск: Издательство «Буква», 2008.с. 402

УДК 629.73

Человеческий фактор обеспечения строительства и успешной работы Красноярской воздушной трассы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Филиппов Вячеслав Викторович
Специалист отдела маркетинга и внешних связей, ФГУП «Администрация гражданских аэропортов (аэродромов)», г. Москва, Россия
akira.62@mail.ru.

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается об истории организации и строительства Красноярской воздушной трассы – воздушного пути перегона боевых и транспортных самолетов, поступающих из США в СССР по программе ленд-лиз во время Великой Отечественной войны в 1942-1945 гг., трудовом героизме и самопожертвовании рядовых тружеников трассы – изыскателей, строителей, радистов, метеорологов, работников аэропортов, летчиков-перегонщиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярская воздушная трасса, перегон самолетов, ленд-лиз.

Государственный Комитет Обороны СССР принимал все меры для обеспечения доставки военной техники, поступающей в Советский Союз из США по программе ленд-лиз. И, учитывая крайнюю опасность северной и длительность южной трассы, уже работающих по поставкам военной техники союзников в СССР, было принято решение о создании воздушной трассы через Аляску и Сибирь для перегона импортных самолетов своим ходом через мирную территорию. Уже 9 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны постановлением № ГКО-793с «О воздушной линии Красноярск-Уэллен» поручил строительство воздушной трассы Главному Управлению Гражданского Воздушного Флота и его начальнику, прославленному полярному летчику Герою Советского Союза генерал-майору авиации В.С.Молокову. Василий Сергеевич Молоков лично в статусе Уполномоченного Государственного Комитета Обороны во главе группы видных авиационных специалистов вылетел в Сибирь, Якутию и на Чукотку для рекогносцировки будущей трассы, принятия решения по наилучшему направлению перегона и проведения подготовительных работ по организации строительства аэродромов.

Первыми пошли изыскательские экспедиции, наземные и воздушные. Специалисты на самолетах ГВФ произвели облет предполагаемой трассы, изучая различные направления, учитывая возможности строительства аэродромов, подвоза материалов, состояние метеорологической обстановки и т.д.

Большую и важную роль в самом начале сыграли летчики гражданской авиации. Пилоты авиаотрядов Восточно-Сибирского и Дальневосточного Управлений ГВФ привлекались для облетов районов возможного маршрута трассы и аэрофотосъемки местности. После проведения аэрофотосъемки с самолетов и анализа снимков принималось решение, где высаживать изыскательские экспедиции.

Экспедиции из 4-6 человек высаживались с самолетов порой в абсолютно неисследованных до этого времени районах. Летчикам приходилось применять все свое мастерство и даже больше, чтобы ухитриться посадить самолет на выбранный «пятачок», без всяких гарантий благополучной посадки, при этом сохранить самолет и жизни, свои и пассажиров.

Зима 1941-1942 года на северо-востоке была очень морозной и ветреной. Изыскательским группам приходилось действовать абсолютно автономно. На лыжах

со значительным грузом оборудования и продовольствия изыскатели проходили сотни километров тяжелейшего пути по лесам и болотам, пересекая множество речушек и горных перевалов. Но этот труд не был бесполезным.

Предложено было три варианта трассы:

1.Вдоль Северного морского пути (относительно освоенный маршрут летчиками полярной авиации).

2.С Аляски через Камчатку и Комсомольск-на-Амуре (с июня 1941 года из Комсомольска уже активно шел перегон бомбардировщиков ДБ-3Ф (Ил-4) с местного авиазавода).

3.Через Чукотку и Якутию на Красноярск (с целью использования уже имеющихся аэродромов ГВФ и треста «Дальстрой» НКВД).

Государственным Комитетом Обороны был утвержден третий вариант. Маршрут был выбран через Чукотку, Колыму, Якутию до Красноярска. Намеченная к строительству трасса проходила по территории Красноярского края, Иркутской области, Якутской АССР, Хабаровского края, Чукотского национального округа. Примерная протяженность трассы (без обходных вариантов) составляла 5000 километров.

Первый год после создания Воздушная линия Красноярск-Уэллен была исключительно строительной организацией, поэтому и начальником Управления Воздушной линии Красноярск-Уэллен с местом базирования в г.Иркутске был назначен опытный специалист аэродромного строительства – заместитель начальника Восточно-Сибирского управления ГВФ Дмитрий Евдокимович Чусов (руководил строительством трассы с октября 1941 по октябрь 1943). Началось строительство. Работа велась круглосуточно, без всяких скидок на сезонные передряги: весенние распутицы, зимние морозы.

Управлению Воздушной линии Красноярск-Уэллен (позднее - Управлению строительства трассы) был придан летный отряд на самолетах Г-2 и ПР-5 (из Восточно-Сибирского управления ГВФ) под руководством Ивана Николаевича Шарова. Это было абсолютно верным решением – кто как не местные пилоты знал все особенности полетов на этой почти безлюдной территории. Летчики отряда доставляли на строящиеся объекты снаряжение, оборудование, стройматериалы, рабочих.

Авиатрассу создавали практически с нуля. К началу октября 1942 года на трассе были введены в строй 10 аэродромов – 8 новых: Уэлькаль, Марково, Сеймчан, Берелех, Оймякон, Олекминск, Алдан, Киренск, и дооборудованы два, ранее действовавших - в Якутске и Красноярске. Кроме того, готовились запасные аэродромы с грунтовыми взлетно-посадочными полосами (Нижне-Илимск, Бодайбо, Витим, Усть-Мая, Теплый Ключ (Хандыга), Омолон (Кегали), Зырянка, Анадырь). При необходимости использовался и аэродром Канск в Красноярском крае на участке между Нижне-Илимском и Красноярском. Аэродромы строились на пересечениях трассы с большими реками, чтобы проще было по воде организовать подвоз различных грузов. В кратчайшие сроки были построены взлетно-посадочные полосы, служебные и жилые помещения, организованы метеообеспечение, радиосвязь, техническое обслуживание, завезены запасы горюче-смазочных материалов, продовольствия, обмундирования, сформирован и обучен обслуживающий персонал.

Строительством занимались Главвоенпромстрой, специальные Управления аэродромного строительства ВВС и ГВФ, привлекались организации НКВД, особенно трест Дальстрой НКВД на Дальнем Востоке. Основной рабочий персонал – вольнонаемные из местного населения, Дальстрой НКВД широко использовал труд заключенных.

Недостаток строительных материалов, трудность их транспортировки, нехватка самолетов для обслуживания строительства, несвоевременное предоставление, а часто и полное отсутствие фондов на питание и строго дефицитные материалы – ГСМ, стекло, гвозди, железо; недостаток средств механизации и квалифицированных рабочих,

большой объем земляных работ, корчевка леса и сложные погодные условия – полярная ночь, низкие температуры, сильно затрудняли ход строительства. В кабинетах никто не сидел. В том числе и благодаря постоянному присутствию и личному руководству на местах строительства начальника управления Д.Е.Чусова и главного инженера строительства В.С.Иванова (они за 1942 год из 365 дней на участках трассы провели около 300 дней) было обеспечено выполнение сроков и объемов строительства.

В чукотском поселке Уэлькаль взлетную полосу было строить негде, а надо. Было принято решение использовать галечную косу в заливе Креста. За неимением лучшего на снего-ледяную импровизированную полосу (благодаря зиме достаточно крепкую) уже в октябре 1942 года произвели посадку первые перегоночные самолеты. Полоса выдержала. Но все понимали, что при начале таяния снега и льда проблемы будут неизбежны. Поэтому проектировщиками и строителями аэродрома было принято абсолютно новаторское нестандартное решение. Летом 1943 года единственным трактором разравняли косу, из Владивостока морем привезли деревянные рейки и гвозди, сколотили из реек решетку, уложили ее на гальку, заполнили и плотно утрамбовали глинистым раствором, сделанным на месте из речной глины и гравия. И эта решетчатая деревянно-глинистая полоса размером 1000х40 метров прослужила исправно несколько лет.

Любое действие было максимально трудоемким. Так за словами «морем привезли рейки и гвозди» скрывается следующее: подойти к берегу в шторм в морозную глубокую осень суда не могли. С большим трудом на берег переправили на лодках несколько тонн гвоздей, а деревянные рейки сбросили в море с расчетом на то, что их в прилив прибьет к берегу. Их прибило, но раскидало по берегу на десяток километров. Собирать и таскать их на себе пришлось рабочим-строителям, транспорта не было.

В Марково (на берегу реки Анадырь) первую осень-зиму перегона тоже выдержала срочно построенная взлетная полоса из утрамбованной речной глины. Значительно позднее, в 1944 году, на аэродроме Марково была уложена и введена в строй ВПП из импортных металлических гофрированных аэродромных плит. В период работ на строительстве аэродрома и укладке металлической полосы бригады рабочих из местного населения под руководством техников аэропорта выполняли нормы на 450-500%, чем обеспечили досрочное выполнение задания ГКО по строительству аэродрома. Металлическая взлетно-посадочная полоса 80х1000м была уложена за 37 рабочих часов. Мало того, что такая работа выполнялась впервые, она еще и была выполнена за рекордно короткий срок. 2500 тонн гофрированных плит были завезены по реке баржами. Вся механизация и транспорт – бульдозер, импортный скрепер, грузовая автомашина «Студебеккер» и собачья упряжка.

За период строительства аэродрома Марково было заготовлено и сплавлено по Анадырю около 6000 кубометров леса. Кирпич изготавливался в кустарных условиях прямо в тундре.

Огромная помощь в строительстве аэродромов была оказана местными партийными, советскими и комсомольскими организациями. Массово мобилизовывалось местное население, максимально использовались местные ресурсы. Так Секретарь Марковского РК ВКП (б) Хабаровского крайкома Максим Абрамович Нестерюк оказывал большую помощь в строительстве трассы. Партийный работник сумел мобилизовать все трудоспособное население для работы на строительстве аэродрома Марково, благодаря чему было досрочно выполнено задание ГКО по укладке металлической полосы. Из 130 человек трудоспособного населения на строительстве аэродрома Марково ежедневно работали 78-80 человек. Даже школьники участвовали в строительстве.

Иногда поставленная задача местному исполкому была непосильной, у них просто не было запрошенного количества квалифицированных рабочих, лошадей и автомашин. Порой доходило до того, что в малонаселенных районах Якутии и

Чукотки в строительстве аэродромов и посадочных площадок были задействованы практически ВСЕ жители базового поселка, в том числе старики и дети. А строительство аэродрома Омолон велось в совершенно необитаемом и малодоступном районе Колымы исключительно силами Дальстроя НКВД.

С августа по октябрь 1942 года исключительно силами мобилизованного местного населения из 280 рабочих был построен и сдан в эксплуатацию аэродром Олекминск. Весь транспорт – 110 лошадей.

Очень четко работал административный аппарат всех уровней – от Государственного Комитета Обороны до районных и поселковых советов депутатов трудящихся. Тексты постановлений ГКО и документов советских и партийных органов Сибири и Дальнего Востока показывают, что учитывалось буквально все, все расписано по пунктам, какое ведомство или организация, что, какими силами и в какие сроки должно сделать. Мелочей не было, важным было предусмотреть все – от юридически правильного выделения и оформления земельного участка под аэродром до «…скупки пера у населения и изготовления подушек и пошива постельного белья» для прибывших на строительство рабочих. За текстом каждой странички любого документа, касающегося организации строительства и обеспечения трассы видна грандиознейшая работа специалистов различных отраслей. Все на выполнение государственной задачи – фронт ждет самолеты.

Председатель Чукотского Окружного исполкома Тевлянто своей практической работой оказал большую помощь строительству трассы. Представитель коренной национальности, Тевлянто, прекрасно зная север и его специфические условия, в 1942-1943 годах лично руководил разгрузкой прибывающих в Уэлькаль пароходов с импортными грузами для трассы. Являясь инициатором строительства сухопутного аэродрома в Анадыре, Тевлянто организовал строительство и ввод в эксплуатацию этого аэродрома в 1943 году в основном силами местного населения, оказывая повседневную практическую помощь строительству. Лично руководил привлеченным для строительства местным населением.

Строительство воздушной трассы по решению ГОКО рассчитанное на три очереди было выполнено в срок с перевыполнением строительного плана с оценкой «хорошо» и «отлично». Всего по трассе было изыскано, построено и сдано в эксплуатацию 13 аэродромов, всякого рода зданий и сооружений свыше 120 единиц с кубатурой в 73 800 кубометров. Кроме того, построено временных сооружений кубатурой более 4 000 кубометров.

Одновременно с реконструкцией и строительством аэродромов велось их оснащение средствами связи и радионавигации, готовились кадры связистов и радиоспециалистов. Значительную помощь частям и подразделениям ГВФ по обеспечению работы службы связи на трассе в 1942 году оказал Научно-исследовательский институт ГВФ (НИИ ГВФ). Институтом была разработана методика вождения самолетов по пеленгаторам в условиях войны. Сконструирован новый пеленгатор ВАП. Изготовлены 34 таких пеленгатора, 20 из них сотрудниками НИИ ГВФ были установлены по Красноярской Воздушной трассе и вдоль линии фронта от Архангельска до Краснодара. Разработан, смонтирован и пущен в эксплуатацию пеленгаторный пункт дальнего действия, обслуживший в 1942 году 1450 рейсов самолетов ГВФ, ВВС Красной Армии и Авиации Дальнего Действия.

Радиоцентр Восточно-Сибирского управления ГВФ в Иркутске срочно готовил радиопеленгаторщиков и других радиоспециалистов для работы на трассе. Сразу же после окончания курсов 70 радиоспециалистов были направлены на трассу и с первого дня включились в ритм боевой работы. Так по окончании курсов радиопеленгаторщиков в Иркутске в начале 1942 года Вячеслав Валерьянович Буйневич вместе с радистом Николаем Ивановичем Никешкиным были выброшены в устье реки Олой, где был организован пеленгаторный пункт Усть-Олой (смонтирована радиостанция МРКМ-5 и пеленгатор ГБ-1). Они бессменно находились на этой радиометеостанции, и в

труднейших условиях Колымы в условиях зимовки обеспечивали бесперебойную работу своей радиостанции, снабжающей АМСГ трассы ценной информацией, необходимой для безопасной перегонки боевых самолетов. Николай Никешкин, овладев помимо специальности радиопеленгаторщика специальностью метеонаблюдателя, отлично справлялся и с этой работой.

За два года непрерывной работы в условиях зимовки на реке Олой ни Буйневич, ни Никешкин ни разу не обращались к руководству с просьбой вывезти их оттуда, понимая всю важность порученного им дела и честно выполняли его.

Клавдия Иннокентьевна Малых работала на трассе с конца 1941 года непрерывно в должности радиопеленгаторщика аэропорта Якутск, а затем аэропорта Сеймчан. Отлично освоила пеленгатор ВАП и обеспечивала перегонку самолетов на высокогорном и трудном участке Оймякон-Сеймчан-Марково. В отдельные периоды времени, когда полеты производились круглосуточно, она круглосуточно находилась на своем посту и четко обслуживала связью полеты.

Большим уважением у летчиков-перегонщиков пользовались начальник пеленгаторного пункта Уэлькальского аэропорта Елена Федоровна Лобова и радиопеленгаторщик аэропорта Сеймчан Евгения Гавриловна Шилкина. Елена Лобова, работая на трассе с августа 1942 года в должности радиопеленгаторщика аэропорта Уэлькаль, отлично освоила пеленгатор ВАП и радиостанцию МРКМ-5. Обеспечила бесперебойной связью до 300 групповых и 1000 одиночных полетов. Беспрерывно находилась на своем посту и была готова по первому вызову самолета ответить и обеспечить связью и метеоинформацией. Сохраняла спокойствие и выдержку при работе с самолетами, попавшими в трудные условия полета, и обеспечивала их успешный выход на пеленгатор, сохраняя жизнь экипажам и вверенную им матчасть.

Одна из лучших пеленгаторщиков трассы Евгения Шилкина обеспечивала перегонку самолетов на высокогорном и трудном участке Оймякон-Сеймчан-Марково. Неоднократно помогала экипажам самолетов выйти из бедственного положения путем вывода их по точным пеленгам на аэродром.

Мария Семеновна Колесникова работала вольнонаемной вместе с мужем-радиопеленгаторщиком на аэродроме в Оймяконе, на «полюсе холода». Работать приходилось в очень сложных условиях: сами заготавливали дрова для отопления жилья и пеленгатора, воды не было – топили снег. Мария ходила на боевое дежурство вместе с сыном, родившимся в августе 1943 года. Людей не хватало, и они с мужем работали и за метеорологов, и за техников, и за мотористов.

Благодаря труду проектировщиков и конструкторов, инженеров и техников, пеленгаторщиков и радистов, в итоге была создана мощная и разветвленная система радиосвязного и навигационного обеспечения полетов, не имевшая аналогов в СССР.

Кроме того, была создана сеть аэрологических и метеорологических станций для метеорологического обеспечения перелетов. А это тоже оказалось далеко не простым делом. Учитывая протяженность трассы, требовалось создать немалое количество АМСГ и метеопостов, причем порой в таких местах, где вокруг нет людей на многие не то что десятки-сотни километров. Да и необходимого количества специалистов-метеорологов высшей квалификации для укомплектования метеослужбы попросту не было. В этих местах работал очень немногочисленный штат метеоспециалистов, обслуживавших в основном самолеты полярной авиации.

Начальник Сеймчанской авиаметеостанции Екатерина Тимофеевна Анисимова начала работу в весьма трудных условиях при отсутствии специалистов высшей квалификации, знающих местные условия погоды. Техники и радисты были наскоро обученными людьми. Женщина взялась за работу. Никто не видел, когда она спала, она день и ночь была на станции, в свободное от перелетов время учила подчиненных. Учила долго, упорно, настойчиво. В итоге коллектив АМСГ из 26 человек был весь до

одного обучен и воспитан ею в процессе работы. Сама лично, не считаясь со временем, днем и ночью стояла на вахте и поправляла прогнозы менее опытных работников.

Начальник Киренской авиаметеостанции Владимир Михайлович Васильев сумел так организовать работу, что за два с лишним года деятельности Киренской АМСГ не было ни единого случая аварии или возврата самолетов из-за неверного прогноза погоды. Сутками без сна и отдыха не выходил со станции, когда этого требовала работа. Огромную настойчивость, выносливость и упорство проявил при организации пункта зондирования атмосферы. Жестокие морозы не давали возможности организовать добычу водорода на открытом воздухе, так он сам лично в течение нескольких месяцев выходил на работу в 4 часа утра, добывал водород, часто обмораживаясь, и шел на свою непосредственную работу, где и проводил оставшуюся часть суток.

Синоптик Уэлькальской авиаметеостанции Галина Львовна Еремеева с августа по ноябрь 1942 года работала в должности начальника Уэлькальской АМСГ, организованной ею лично. Глубокой осенью, в пургу, стужу, в штормовую погоду метеообслуживание перелетов велось из легкой парусиновой палатки, в которой и жил весь штат АМСГ весьма продолжительное время. Зимой 1942-1943 годов не было дров, негде было жить, помещение станции абсолютно не было приспособлено для работы. В Уэлькале погода в течение часа меняется несколько раз на противоположную. За два с лишним года деятельности ее синоптиком был всего один случай возврата самолетов из-за неверного прогноза погоды. Для условий Уэлькаля это колоссальное достижение. Блестящие результаты ее работы объясняются нечеловеческими усилиями в деле преодоления трудностей и изучения местных особенностей погоды.

Метеорологи понимали свою огромную ответственность за правильно составленный прогноз погоды, от которого зависела целая цепь командирских решений, и в итоге жизнь летчиков, поэтому постоянно находились в сильнейшем нервном напряжении и сутками без сна и отдыха не выходили со станции, когда этого требовала работа.

Теперь, по прошествии многих лет, мы понимаем, что изыскатели, строители, монтажники оборудования, радисты и метеорологи выполнили сумасшедший объем работы для того, чтобы быстрее могла начаться перегонка боевых самолетов из США на фронт. Причем выполнили в небывало короткие сроки и с высочайшим качеством. В последующие годы оборудование трассы только улучшалось в качественном отношении – поставлялось и монтировалось новое оборудование, строились дополнительные запасные аэродромы и посадочные площадки. Но то, что было сдано к началу перегонки – октябрю 1942 года, достойно работало и служило делу до конца войны.

Протяженность построенной Красноярской воздушной трассы (КВТ) по прямым маршрутам от Фербенкса (США) до Красноярска составляла около 6500 километров. В общей же сложности самолетам предстояло преодолеть расстояние примерно 14 000 километров (3000 км от заводов США через Канаду и Аляску в Фербенкс, около 6500 км от Фербенкса до Красноярска и около 4500 км от Красноярска до фронта).

Из воспоминаний М.И.Мякишева, бывшего парторга 2 ПАП и заместителя начальника Уэлькальского аэропорта по политчасти: «...В июне 1943 я прибыл в Уэлькаль. К тому времени там были подготовлены так называемые «яранги» из фанеры где жили летчики и обслуживающий персонал. Позднее построили два деревянных дома и штаб. Строили сами из бревен, которые доставлялись баржами из Анадыря. Бревна сбрасывались в море после чего их разбросанные по берегу на десятки километров приходилось собирать тракторами и вручную. Полеты не прекращались ни днем ни ночью.Особенно тяжело было зимой. Взлетная полоса, выложенная из деревянных реек прямо на морской косе залива Креста Берингова пролива, чистилась каждый час. (записано Н.Ф Шкаревым)».

За три года по Красноярской воздушной трассе (Воздушной трассе Красноярск – Уэлькаль) было перегнано 8094 самолета. В Красноярске было сдано 7079 самолетов.

Остальные машины сдавались в Москве, Владивостоке, в других городах Сибири и Дальнего Востока. За этот же период транспортными самолетами было перевезено пассажиров 124 966 человек, перевезено грузов и почты 14 226,8 тонны при налете 23 037 290 километров. К концу войны на воздушной трассе действовал 21 аэродром на основном направлении и 5 аэродромов на обходных трассах, причем восточные аэродромы Якутск, Оймякон, Берелех были построены в районах вечной мерзлоты, Уэлькаль и Анадырь в районе постоянных древних льдов, Теплый Ключ – на мерзлотном болоте и Танюрер – в тундре. По своему радиооснащению и использованию средств связи и радионавигации Воздушная трасса Красноярск-Уэлькаль стала одной из лучших воздушных линий в СССР [1].

Список литературы

[1] Орлов Д., Орлов К., Филиппов В. От Сибири до Победы. Красноярская воздушная трасса Аляска-Сибирь. Красноярск - ООО «Издательство Поликор», 2015. 240 с.

УДК 94+629.541

История и характеристики парохода «Марина Раскова»

Шулинин Сергей Владимирович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, Россия
obdor@rambler.ru

аннотация Актуальность темы вызвана установлением места гибели и идентификация парохода (транспорта) «Марина Раскова» во время проведения научно-мемориального похода «Карская экспедиция – 2015». Цель исследования – выявление основных событий истории парохода «Марина Раскова» с акцентом на его участие в конвойных операциях и подготовки к ним. При проведении исследовании использовались общенаучные методы, источниковедческий анализ исторических источников, историко-генетический хронологический метод. В ходе исследования выявлены факты об участии парохода (транспорта) «Марина Раскова» в 8 конвоях (HX 178, PQ-14, QP-10, PQ-17, QP-14, QP-15, БА-27, БД-5) с разной степенью прохождения маршрутов конвойных операций. Выявлены количественный и качественный состав людей и состав груза, находившихся на борту парохода (транспорта) «Марина Раскова» во время проведения конвоя БД-5. Также определено количество представителей женского пола и группы несовершеннолетних (до 18 лет), находившихся на борту транспорта, и соответствующее количество погибших из данного контингента. Гибель конвоя БД-5 не является рядовым военным событием в Арктике в 1941–1945 гг. События, связанные с конвоем БД-5, стали самой массовой трагедией по количеству человеческих жертв среди арктических и союзных конвоев в годы Великой Отечественной войны. В статье установлены по различным историческим источникам тактико-технические и технические характеристики парохода «Марина Раскова» и вооружение, установленные на нем во время участия парохода в конвойных операциях.

ключевые слова «Марина Раскова», Mystic, Munmystic, Iberville, Ironclad, арктический конвой, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, арктический конвой.

Введение.

В мои обязанности научного руководителя научно-мемориального похода «Карская экспедиция – 2015» входила функция по организации дальнейшего сбора информации по истории арктического конвоя БД-5. Данные по этой теме собирались еще в 2009–2014 годы группой исследователей и добровольных помощников, часть из них потом вошла в исследовательскую группу «Арктика». В течение 2009–2015 годов был собран разнообразный информационный массив данных о конвое БД-5. Одной из целей проведений «Карской экспедиции – 2015» было обнаружение места гибели и идентификации судов, входивших в состав конвоя БД-5. Пароход (транспорт) «Марина Раскова» был частью конвоя БД-5. Поставленная цель перед экспедицией была выполнена. Научно-мемориальный поход «Карская экспедиция – 2015» являлся составной частью регионального проекта «Карские экспедиции». Ход реализации, результаты проекта «Карские экспедиции» были описаны в двухтомном издании «Ямальский мемориал арктических летописей». События, связанные с конвоем БД-5, стали самой массовой трагедией по количеству погибших людей среди арктических конвоев в годы Второй мировой войны.

Материалы аккумулировались для выполнения двух узконаправленных задач: поиск места гибели судов и идентификации обнаруженного подводного объекта. Некоторая часть исторических материалов не использовалась при проведении «Карской экспедиции – 2015».

В дальнейшем, сведения об истории конвоя БД-5 и парохода «Марина Раскова» выявлялись в архивных учреждениях, публикациях, книгах автором и добровольными помощниками, участвующими в международной поисково-информационной операции «Конвой БД-5». Эта операция проводится с 2009 года по настоящее время. Сведения аккумулировались у автора и в дальнейшем обрабатывались.

Среди исторических источников – 31 документ из архивных учреждений АВМФ, АО ЦВМА, ГААО, ГАРФ, РГАЭ, ЦАМО, BA-MA, NARA (расшифровка аббревиатур дана ниже по тексту). Об истории парохода «Марина Раскова» развернуто писали: Ф. Романенко (2009); И. Паролов, Ю. Трифонов (2015); автора статьи (2019). В остальных публикациях описывались отдельные события из истории этого парохода.

Автор при написании статьи использовал результаты обработки, анализа имеющихся у него различных исторических источников российского, немецкого, английского происхождения.

Целью текущего исследования было выявление основных событий истории парохода «Марина Раскова» с акцентом на его участие в конвойных операциях и подготовки к ним.

Направления дальнейшего исследования зависят от выявления исторических англоязычных источников по различным аспектам истории парохода «Марина Раскова».

Используемые термины:

Арктический конвой – специальное формирование из транспортных и вспомогательных судов и кораблей охранения, создававшиеся в СССР в Великую Отечественную войну с целью обеспечить проводку судов с грузами в Белом, Баренцевом и Карском морях.

Ахтерпик – крайний кормовой отсек судна, заканчивающийся ахтерштевнем и используемый обычно как балластная цистерна.

Ахтерштевень – элемент набора судна, открытая или замкнутая стальная рама в кормовой оконечности, являющаяся продолжением киля.

Баллер – кованый или литой монолитный вал для вращения пера руля или барабана шпиля.

Конвой – временное формирование из охраняемых судов и обеспечивающих безопасность их перехода морем боевых кораблей.

Пластырь – судовой аварийный инвентарь, используемый для временной заделки пробоин в корпусе.

Рудерпост – вертикальная ветвь ахтерштевня, служащая для навешивания руля.

Старнпост – передняя (внутренняя) часть ахтерштевня одновинтового корабля, через яблоко (втулку) которой проходит гребной вал.

Субститут – право перевозчика заменить указанное в договоре судно тождественным или схожим.

ТОК-1 – тип трала, принятого на вооружение 15 июля 1941 г. без проведения государственных испытаний.

Транспорт – транспортное судно, входящее в состав конвоя (арктического конвоя).

Шпирон – таран у броненосных кораблей XIX и начала XX века.

Расшифровка аббревиатур:

АВМФ – филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина).

АО ЦВМА – архивный отдел ЦВМА (все материалы ныне находятся в АВМФ).

БВФ – Беломорская военная флотилия.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

п/х – пароход.

ОВР ГБ – Охрана водного района Главной базы.

Помполит – помощник по политической части (должность).

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

СГМП – Северное государственное морское Пароходство.

СФ – Северный флот.

ТОК – тихоходный охранитель кораблей.

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ.

ЭМ – эскадренный миноносец.

BA-MA – Bundesarchiv – Militärarchiv (Федеральный архив Германии – Военный архив, ФРГ, г. Фрайбург).

NARA – National Archives and Records Administration, USA, Национальное (государственное) управление архивов и документации, США, округ Колумбия, г. Вашингтон.

Материалы и методы.

При подготовке исследования выявлялись исторические источники. При их выявлении проводился источниковедческий анализ, который состоял из проведений двух видов работ: внешняя критика и внутренняя критика. В дальнейшем проводился синтез информации из различных исторических источников по теме исследования. В случае разночтений данных учитывались результаты источниковедческого анализа. Если невозможно точно установить сведения, то в исследовании перечислялись вся полученная информация. Если выявлялось истинное значение, то оно приводилось первым в тексте как основная версия, а за ним как дополнительный (факультативный) вариант сведений из исторического источника в парных скобках. Для реконструкций цепи исторических событий парохода «Марина Раскова» в исследовании использовался хронологический метод. В случае описания событий конвоя БД-5 использовался также историко-генетический метод. При проведении исследования использовались общенаучные методы не эмпирического характера: анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, гипотетический метод, исторический метод.

Определение показателей в процентном отношении, указанных в таблице 1, проводился стандартными математическими способами вычисления процентного отношение двух чисел.

При написании единиц измерения тех или иных физических, технических параметров использовались единицы измерения, употребляемых в историческом источнике. Сокращённые наименования единиц измерения приводилось на основании употребления их в историческом источнике.

Обзор литературы.

Среди исторических источников – 31 документ из архивных учреждений АВМФ, АО ЦВМА, ГААО, ГАРФ, РГАЭ, ЦАМО, BA-MA, NARA. Страны их нахождения: Россия, Федеративная Республика Германии, Соединенные Штаты Америки. В числе архивных документов имеются рапорта, донесения участников конвоя БД-5, написанные ими в сентябре, октябре 1944 года.

Об истории парохода «Марина Раскова» развернуто писали: Ф. Романенко (2009); И. Паролов, Ю. Трифонов (2015); автора статьи (2019). В остальных публикациях описывались отдельные события из истории этого парохода. На основе архивных материалов были написаны сборники «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре», использованы как исторические источники выпуски 3 и 7. Информацию о технических характеристиках, место постройки судна, их владельцах и портах приписки взяты из регистров Ллойда 1930–1943 годов.

В 1960-е годы начали появляться статьи и книги, в которых зачастую конспективно описывается история парохода «Марина Раскова», в большей мере касающейся его участия в конвое БД-5. Среди них есть научные и научно-популярные публикации, основанные на архивных материалах, и художественные, публицистические произведения, в которых изложение деталей не подтверждаются документально, хотя это не означает, что они не могли на них основываться. Есть и произведения, в основу

которых легли как архивные сведения, так и свидетельства очевидцев послевоенного периода. Особо хотелось бы выделить публикации известного историка, автора фундаментальных трудов об исследованиях в Арктике, доктора исторических наук Михаила Белова (1969); Юрия Капралова (1974, 1985), готовившего книгу об истории конвоя БД-5; архангелогородца Александра Сомкина, автора книги «Мы помним вас...» (1995); Владимира Щедролосева, автора книги о Беломорской военной флотилии (2006); исследователя и историка Арктики Фёдора Романенко, автора публикаций об истории конвоя БД-5 (2009). Ю. Капралов встречался с участниками операции по спасению участников конвоя БД-5 лётчиками М. Козловым; С. Соколом; пассажиром транспорта «Марина Раскова» медсестрой А. Галстуховой; комендором тральщика Т-114 Ф. Зима; А. Сомкин – с врачом парохода «Марина Раскова» К. Некрасовой и командиром отделения химистов тральщика Т-116 Д. Ивановым. В книге А. Сомкина (1995) приведены новые сведения, которые были полезны для исследования, но с некоторыми погрешностями и ошибками.

В распоряжении автора книги имеется рукопись Ю. Капралова «Страницы истории обороны Советской Арктики», датируемой маем 1973 г. Полностью она не была опубликована, но часть материалов с определёнными изменениями были автором рукописи размещены в печати. В рукописи Ю.Д. Капралова есть ряд интересных фактов, ранее не обнародованных. Интересна история её появления у автора статьи. Ранее я разыскивал родственников Ю. Капралова, установив с ними контакт я узнал, что у них ничего не сохранилось из материалов о конвое БД-5. Не надеясь на результат дальнейших поисков документов из личного архива Ю. Капралова, продолжал вести розыск. В преддверии дня трагедии конвоя БД-5 в 2018 г. мне пришло сообщение в социальной сети, что найдены рукописи Ю. Капралова и несколько фотоальбомов. Если они мне нужны, то я могу их забрать. Оксана Фадеева, так зовут нашего автора сообщения и героя, рассказала вкратце историю. Увидела, как выбрасывают старые фотоальбомы, заинтересовалась ими, хотя она далека от темы истории Арктики, но подумала, что, может быть, они кому-то понадобятся. Благодаря моему помощнику и коллеге по проекту «Карские экспедиции» Ирине Плетяновой эти уникальные документы находились через некоторое время автора статьи.

В книге «Суда Министерства Морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (1989) приводятся краткие сведения о п/х «Марина Раскова» и короткая библиография.

В публикациях после 1991 г. до 2009 г. в основной массе были обнародованы материалы, имеющиеся и в других работах. Интересным источником стала книга С. Бережного «Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза» (1994), но там нет ссылок на архивный шифр источников информации. В таком же стиле, но в более расширенном варианте с указанием источниковой базы вышла работа А. Голубева «Потери корабельного состава Северного флота и гражданских ведомств на северном морском театре в период Великой отечественной войны» (1999).

Особо стоит выделить работы М. Супруна как автора, редактора или составителя (1997, 2000, 2001). Его подвижническая работа по увековечиванию памяти союзных конвоев вызывает уважение. Деятельность исследователя помогла осветить историю арктических конвоев, запечатлённых в серии книг «Северные конвои».

В книге «Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1944 г.» (2006) изложены основные факты о трагедии с конвоем БД-5 и участвующем в нем транспорте «Марина Раскова».

В книге В. Щедролосева (2006) на основе данных Центрального военного морского архива (ранее ЦВМА, г. Гатчина) изложены в лаконичной форме основные сведения истории конвоя БД-5, судьбы судов в них входивших. Был сделан частичный анализ некоторых ситуаций.

Интересны публикации Татьяны Санакиной, родственницы третьего

штурмана парохода «Марина Раскова» Ивана Демьяновича Вондрухова и работницы государственного архива Архангельской области. Она ввела в научный оборот рапорт И.Д. Вондрухова, хранящийся в ГААО, о событиях, происходивших на транспорте «Марина Раскова» во время проводки конвоя БД-5 и спасении людей.

В 2008–2009 гг. автор настоящей публикации написал статьи на основе доступных ему источников в то время, в журналистской форме рассказал ямальской аудитории о трагедии в Карском море, публикуя воспоминания очевидцев трагедии. В библиографию вошли только две статьи по теме исследования.

Особо выделяется работа Ф. Романенко (2009). В ней он при помощи архивных данных из разных источников, привлекая новые сведения из РГАЭ (г. Москва), собственных воспоминаний от встреч с участниками конвоя, подробно изложил не только события истории конвоя БД-5, провёл анализ источников информации, но и описал некоторые события истории парохода «Марина Раскова», ранее не опубликованные в советских и российских публикациях. Заслуга Ф. Романенко также в том, что он ввёл в научный оборот документ, в котором описано перезахоронение участников конвоя БД-5 на о. Белом. На тот момент это было единственный документ, указывающий на место гибели и перезахоронения. Работы по идентификации тел останков участников конвоя БД-5, обнаруженных в ходе проведения научно-мемориального похода «Карская экспедиция – 2015», продолжаются до настоящего времени. Предполагается, что найденные останки могут принадлежать членам экипажа или пассажирам транспорта «Марина Раскова». Ф. Романенко отметил нестыковки данных в различных публикациях.

После 2009 г. было много публикаций об истории конвоя БД-5 в российском сегменте Интернета, средствах массовой информации, в основном воспроизводивших ранее известные факты и события.

Приметны книги Г. Буркова (2011, 2014). Автор разместил краткие сведения о п/х «Марина Раскова» и тральщиках, отметил также нестыковки в данных по истории конвоя БД-5. Но в связи с тем, что в текстах двух изданий Г. Буркова (2014) было обнаружено приличное количество ошибок (возможно, опечаток), эти источники были использованы после дополнительной проверки.

В 2017 г. вышла книга «Ямальский мемориал арктических летописей» (2017), в которой автор книги и настоящей работы впервые подробно, вплоть до минут, описал историю конвоя БД-5. Используя различные исторические источники, включающие как архивные документы, так и материалы из семейных (частных) архивов, было описаны события, происходившие на борту транспорта «Марина Раскова».

В 2019 вышла научная монография автора статьи «История конвоя БД-5», в которой на основе обновленной источниковой базы (после выхода книги в 2017 г., указанной выше, автора статьи) были описаны основные события истории парохода «Марина Раскова». Но по мере накопления исторических источников некоторые ранее опубликованные факты, события должны быть уточнены и по-иному интерпретированы.

В монографии «История конвоя БД-5» было впервые документально подтвержден факт гибели 376 человек участников конвоя БД-5. Также впервые был опубликован тезис о том, что «события, связанные с конвоем БД-5, стали самой массовой трагедией по количеству погибших людей среди арктических конвоев в годы Второй мировой войны». (Шулинин, 2019, с. 3). Для выдвижения подобного тезиса относительно союзных конвоев необходимо провести сбор дополнительной информации и провести анализ полученных данных.

В англоязычной и немецкоязычной литературе приводятся краткие сведения о гибели парохода «Марина Раскова», в основном в разрезе действий немецкой подводной лодки U-365.

Сложно было собрать из исторических источников сводные данные о тактико-технических и технических характеристиках, вооружении парохода «Марина Раскова»,

зафиксированных на период 1942–1944 годы. До сих пор не найдены технические документы на пароход «Марина Раскова», в том числе чертежи, конструкторская документация, подготовленные судостроительным заводом или их копии. Не установлен список вооружения, который находился на пароходе в момент гибели судна.

Результаты. В ходе исследования выявлены факты об участии парохода (транспорта) «Марина Раскова» в 8 конвоях (HX 178, PQ-14, QP-10, PQ-17, QP-14, QP-15, БА-27, БД-5) с разной степенью прохождения маршрутов конвойных операций. Маршрутом от места отправления до пункта назначения транспорт «Марина Раскова» прошел в составе конвоев HX 178, PQ-17, БА-27. Не полноценное участие в 4 других конвоях произошло из-за неправильных действий командного состава парохода Ironclad, в последнем конвое – БД-5 – пароход погиб.

Находившиеся на борту транспорта «Марина Раскова» во время проводки конвоя БД-5 разделяются на три группы: экипаж (49 человек), военная команда (6 человек) и пассажиры (357 человек). Состав пассажиров можно назвать смешанным гражданско-военным, гражданских лиц было 53,82% от общего числа пассажиров, а военнослужащих – 43,14%. Также определено количество представителей женского пола и группы несовершеннолетних (до 18 лет), находившихся на борту транспорта. Из 104 представительниц женского пола 77 женщины до 1926 года рождения включительно (предполагается, что двоим, родившимся в 1926 г., на момент трагедии исполнилось 18 лет), 22 – 1927 г. р. или последующих годов (самая юная 1944 г.р.), у одной неизвестна точная датировка сведений – 1923 или 1933 года рождения, у четверых неизвестна дата рождения. Трое из последних числились в вольнонаёмном составе 37 вспомогательной авиабазы ВВС БВФ, предположительно они были старше 18 лет. К группе несовершеннолетних (до 18 лет) пассажиров можно отнести: 3 человека 1927 г.р., 2 – 1928 г.р., 2 – 1929 г.р., 3 – 1930 г.р., 1 – 1931 г.р., 1 – 1932 г.р., 1 – 1934 г.р., 1 – 1935 г.р., 3 – 1937 г.р., 3 – 1938 г.р., 2 – 1939 г.р., 1 – 1940 г.р., 1 – 1941 г.р., 1 – 1942 г.р., 1 – 1943 г.р., 1 – 1944 г.р. Всего 27 человек. Из них 5 юношей и мальчиков 1927 г.р., 1930 г.р., 1937 г.р. (двое), 1940 г.р. Из группы несовершеннолетних выжило в трагедии конвоя БД-5 только двое: девушка и юноша 1927 г.р., из числа женщин – 18 человек. Погибли из числа несовершеннолетних 25 человек, из числа женщин – 58 человек (судьба одной точно не установлена, по одним данным – спасена, по другим – погибла). Погибли также все четыре представительницы женского полка, у которых была неизвестна дата рождения, и одна с неустановленным годом рождения.

Из находившихся на борту парохода «Марина Раскова» членов экипажа (49 человек), военной команды (6 человек) и пассажиров (357 человек) погибло в ходе развернувшихся событий после потопления транспорта 220 человек. Эти потери составляют 58,51% от общего числа погибших 376 человек в конвое БД-5. Из числа женщин спаслось 18 человек.

Это данные актуальны на данный момент, но в будущем могут появиться дополнительные данные о пятерых человеках, которые неизвестно на каком судне или корабле находились во время перехода (предположительно трое – пассажиры транспорта «Марина Раскова», двое находились на одном из тральщиков).

Выявлен состав груза, находившихся на борту парохода (транспорта) «Марина Раскова» во время проведения конвоя БД-5.

Обсуждение. В 1917 г. заложен стальной одновинтовой грузовой пароход на верфях «Chester Shipbuilding. Co, Ltd» (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 26) (в будущем «Merchant Shipbuilding Corp»), Chester PA (г. Честер, ближайший пригород Филадельфии, штат Пенсильвания, США, правый берег р. Делавэр) (Lloyd's, 1930; Lloyd's, 1931; Lloyd's, 1932; Lloyd's, 1933; Lloyd's, 1934; Lloyd's, 1935; Lloyd's, 1936; Lloyd's, 1937; Lloyd's, 1938; Lloyd's, 1939; Lloyd's, 1940; Lloyd's, 1941; Lloyd's, 1942; Lloyd's, 1943; Сомкин, 1995, с. 151) под названием Mystic (строительный № 347 (Паролов, 2015, с. 120)). (Бережной, 1994, с. 285; Паролов, 2015, с. 120) Ещё на стапелях судно поменяло название и хозяина (Романенко, 2009, № 8, с. 45) – на Salisbury и компания «Shawmut SS Co», Бостон (штата Массачусетс, США)

(Database «Miramar Ship Index»). Вступил в строй в апреле 1919 года и принят «US Shipping Board» (USSB, Государственной комиссией по судоходству США) под названием Mystic. (Романенко, 2009, № 8, с. 47) Находился у компании «Shawmut SS Co» в эксплуатации до 1924 г., когда был продан судовладельческой компании «United Ship & Commerce» (Романенко, 2009, № 8, с. 47). В 1925 г. в составе судоходной компании «American Ship & Commerce Navigation Corp» (Паролов, 2015, с. 121). (Database «Miramar Ship Index») В 1927 г. в составе судоходных компаний «Mystic SS. Corp», Нью-Йорк, и «Beaverson Corp», Нью-Йорк (Munson Steamship Lines). (Паролов, 2015, с. 121; Database «Miramar Ship Index») С 1930 г. под именем Munmystic принадлежал судовладельческой фирме «Munson Steamship Lines Inc», Нью-Йорк, (Lloyd's, 1930; Lloyd's, 1931; Lloyd's, 1932; Lloyd's, 1933; Lloyd's, 1934; Lloyd's, 1935; Lloyd's, 1936; Database «Miramar Ship Index»; Паролов, 2015, с. 121; Романенко, 2009, № 8, с. 47) с 1937 г. как Iberville – «Waterman Steamship Co.», Мобил (штат Алабама, США). (Lloyd's, 1937; Database «Miramar Ship Index»; Паролов, 2015, с. 121; Романенко, 2009, № 8, с. 47) В 1941 г. принят от неё US War Shipping Administration, WSA (Государственной военной судоходной администрацией США) и переименован в Ironclad («Айронклайд») (Lloyd's, 1941). (Спирихин, 2010, с. 72; Романенко, 2009, № 8, с. 47, Шулинин, 2019, с. 14–15)

Ironclad участвовал в конвое HX 178 (03.03–12.03.1942 г.), вышедший из Галифакса (Новая Шотландия, Канада). (The National Archives) (Шулинин, 2019, с. 15)

04.04.1942 г. Ironclad находился в Хвалфьорде (Hvalfjörður, Исландия) в ожидании формирования конвоя. Был включён в состав конвоя PQ-14 (Woodman, 2007, с. 104), но 12.04.1942 г. был вынужден вернуться в Исландию из-за повреждения корпуса, нанесённого льдиной. Ironclad вместе с пятью другими присоединился к конвою QP-10. (Convoy QP-10; Convoy PQ-14) Он прибыл в Рейкьявик 21 апреля (Супрун М.Н., 1997, с. 96). После возвращения Ironclad в Хвалфьорд часть команды устроила пьянку, в том числе и военная команда парохода употребила спиртное, украденное из трюма. После допросов в Рейкьявике четверо моряков парохода признаны зачинщиками и отправлены под конвоем в США, два члена военной команды были понижены в звании, один переведён на другой корабль. Из-за этого случая, считавшегося бунтом, Ironclad не убыл с конвоем PQ-16. (Братство Полярных конвоев, с. 103–106; Шулинин, 2019, с. 15)

В 16.00 27.06.1942 г. вышел в море из Исландии в составе конвоя PQ-17, перевозил 4972 т груза (Христофоров, 2014, с. 354), занимал место № 13, (Братство Полярных конвоев, с. 104; Романенко, 2009, № 8, с. 47) 4-й в крайней левой колонне (Скрицкий, 2012, с. 112), в команде – американцы и скандинавы. (Романенко, 2009, № 8, с. 47) Лейтенант Гредуэлл, командир военизированного английского транспорта (НМТ) Ayrshire Айршир»), спас три транспорта – Silver Sword («Сильвер Сворд»), Troubadour («Трубадур») и Ironclad (Woodman, 2007, с. 248), уведя их в ледяные поля. Там они были перекрашены в белый цвет (Два конвоя, 2004, с. 225) и продолжили движение после рассеивания конвоя к Новой Земле. (Скофилд, 2003, с. 109–110; Schofield, 1971, с. 89–91; Арктические союзные конвои, 2000, с. 53; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Шулинин, 2019, с. 15)

07.07.1942 г. рано утром они выходят из паковых льдов и идут на юг. 09.07.1942 г. суда встают на якорь в проливе Маточкин Шар, где постепенно собираются остатки разбитого конвоя. (Романенко, 2009, № 8, с. 47) Пароход Ironclad в числе уцелевших 11 транспортов из 36, вышедших из Исландии, благополучно прибыл в Архангельск 24 июля (Бережной, 1994, с. 285; Романенко, 2009, № 8, с. 47; Бурков, 2011, с. 137; Бурков, 2014, с. 175; Бурков, 2014-2, с. 275; Два конвоя, 2004, с. 228; Woodman, 2007, с. 253). (Rohwer, с. 231–232) (26–30 июля (Христофоров, 2014, с. 354)) 1942 года. (Шулинин, 2019, с. 15)

17.07.1942 г. в 21.40 при налёте германского самолёта на стоявшие в проливе Маточкин Шар суда каравана PQ-17 команда Ironclad спустила шлюпки, набрала продукты и покинула судно, попаданий в него не было, и оно находилось у берега под охраной нашего, английского кораблей и береговой охраны. (Христофоров, 2014, с. 355–356; Шулинин, 2019, с. 15)

По прибытии в Молотовск заводом № 402 на Ironclad не были выполнены ремонтные работы в отличие от других пяти участников конвоя PQ-17, находившихся в этом порту.

(Шмигельский, 2001, с. 222; Шулинин, 2019, с. 15)

В 09.38 13.09.1942 г. Ironclad, находясь в составе конвоя QP-14, сел на песчаную отмель на Северодвинском рейде (В 09.38 корабли союзного конвоя QP-14 начали движение для выхода из Архангельска на Северодвинский рейд (Хроника, 1946, с. 114; Хроника, 2000, с. 66–67)), пробил днище, повредил руль, затоплено 2 трюма, с помощью буксира возвратился в Архангельск (Бурков, 2011, с. 137; Бурков, 2014, с. 175; Бурков, 2014-2, с. 275). (Бережной, 1994, с. 285; Романенко, 2009, № 8, с. 47; Шулинин, 2019, с. 15)

Ironclad вследствие заклинения руля закупорил фарватер и задержал движение транспортов на два часа. (Хроника, 1946, с. 114; Хроника, 2000, с. 67; Супрун М.Н., 1997, с. 171; Шулинин, 2019, с. 16)

21.11.1942 г. Ironclad вышел в составе QP-15, замыкая две крайние правые колонны в ордере конвоя. (Романенко, 2009, № 8, с. 47; Супрун М.Н., 1997, с. 177) 24.11.1942 г. (в 22.45 (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 52)) в Белом море, к северу от острова Горяинов (Супрун М.Н., 1997, с. 214) в 3 милях к северо-северо-востоку от устья реки р. Поной (Романенко, 2009, № 8, с. 47) вторично за этот год сел на мель, опять пробил днище. 11.12.1942 г. снят с мели (Супрун М.Н., 1997, с. 214) аварийно-спасательным отрядом БВФ СФ и отбуксирован в Молотовск (ныне – Северодвинск) на завод № 402, (Бережной, 1994, с. 285–286; Спирихин, 2010, с. 72; Паролов, 2015, с. 121–122) (по другой версии – 28.11.1942 г. был взят на буксир тральщиком № 60 и приведён в порт Молотовск 08.12.1942 г. с осадкой кормы 32 фута и носа 20 футов (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 52)), где стоял некоторое время в полузатопленном состоянии без руля с полным водой ахтерпиком, затопленными трюмами № 4, 5 и тоннелем гребного винта (РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363. Л. 118–119; Шулинин, 2019, с. 16).

11.12.1942 г. командиром спасательного судна 110 лейтенантом А.К. Федотовым, старшиной 1 статьи Монченко, краснофлотцем Мартынюком был составлен акт № 3 об обследовании подводной части п/х Ironclad. Водолазами обнаружено, что отсутствует руль, рудерпост с башмаком ахтерштевня, сломан фланец баллера, обшивка от киля по старнпосту оторвана с обоих бортов на высоту 1 м. На днище килевой лист с листа сорван на расстоянии от ахтерштевня к носу на 3 м и задёрнут со шпунтовым поясом на правый борт примерно 120–150 градусов. Ахтерпик залит водой и на откачку мотопомпой производительностью 120 т/с не поддаётся. В трюм № 5 вода прибывает в сутки 125–175 т, в трюм № 4 – 600–700 т. Туннель коридора вала залит водой. Осадка кормой парохода 28 футов. Были выявлены и другие дефекты. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 44, 58; Шулинин, 2019, с. 16). После последней аварии часть экспортных грузов: магнезит, руда, пушнина, была перегружена с парохода Ironclad на другие суда. (Шмигельский, 2001, с. 230; Шулинин, 2019, с. 16)

Заседания аварийной комиссии при конторе капитана Архангельского морского торгового порта, назначенной приказом начальника Архангельского морского торгового порта от 16.12.1942 г. № 377, по делу разбора аварии, посадки на рифы в горле Белого моря о. Горяинов американского парохода Ironclad проходили 02.01, 04.01.1943 г. Комиссия опросила комсостав п/х Ironclad: капитана Филиппа Мура, старшего штурмана Томас Джозефа Кофлена, 2-го штурмана Освальда Лоренца Спенса, 3-го штурмана Данила Джозефа Карни, старшего механика Филиппа Айзена Андерсона, а также рулевого Фрейстера Гендерсона Дефилиса и сигнальщика Бруммера. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 51, 52; Шулинин, 2019, с. 16)

Комиссия пришла к выводу, что причинами аварии являются:

1. Невыполнение капитаном парохода Ironclad Филиппом Муром указаний конвоя, игнорирование конвоя и ничем не обоснованный поворот на обратный курс без согласования с конвоем.

2. Грубое нарушение основных элементарных правил судовождения: навигации, морской практики и лоции.

3. Капитаном Филиппом Муром не принято никаких мер предотвращения аварии и спасения судна при угрожаемой опасности после первых повреждений, когда судно находилось на плаву и руль был на месте. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 57; Шулинин, 2019, с. 16)

Комиссией был признан единственным прямым виновником по аварии п/х Ironclad 24.11.1942 г. капитан п/х Ironclad Филипп Мур. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 57; Шулинин, 2019, с. 16)

25.01.1943 г. по акту № 1 (№ 2) в г. Молотовске от представителя Военно-морской миссии США был передан пароход Ironclad комиссии от ГСМП в собственность СССР в соответствии с советско-американским соглашением «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» от 11.06.1942 и законом о ленд-лизе от 11.03.1941 года. Был принят с установленным вооружением и боезапасом, годным к использованию, имуществом, инструментом и запчастями. Пароход имел дефекты и повреждения. Круглосуточно работали водоотливные средства. На борту находилось 5482 т груза в полузатопленном состоянии. Трюмы № 4 и 5, тоннель гребного вала, форпик залиты водой и заморожены. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 17–43; Шулинин, 2019, с. 16–17)

30.01.1943 г. зачислен в списки судов НКМФ. (Бережной, 1994, с. 286; Шулинин, 2019, с. 17)

Приказом Начальника Северного государственного морского сухогрузного и пассажирского пароходства от 3 февраля 1943 г. № 25 принятый от американского правительства пароход «Айронклад» (Ironclad) был зачислен в состав флота СГМП с 25.01.1943 года и с 3 февраля 1943 года он стал именоваться в память Героя Советского Союза майора М.М. Расковой. (Паролов, 2015, с. 121–122; Романенко, 2009, № 8, с. 47) Командир женского бомбардировочного полка майор Марина Михайловна Раскова, участница знаменитого перелёта Москва – Дальний Восток на самолёте «Родина» в 1938 г., погибла 04.01.1943 г. в авиакатастрофе при исполнении служебных обязанностей. (Романенко, 2009, № 8, с. 46; Шулинин, 2019, с. 17)

С 25.03.1943 г. принят в состав СГМП. (РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363. Л. 91; Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46, 47; Санакина, 2004, с. 171; Шулинин, 2019, с. 17)

В начале 1943 года ЦК ВЛКСМ направил на Север группу молодёжи из числа бывших партизан. Некоторые из них стали членами экипажа «Марины Расковой», состоящего из 55 человек. (Паролов, 2015, с. 122–123; Шулинин, 2019, с. 17)

В 1943 г. начальник политотдела СГМП Н. Кольтяков обратился с письмом ко всем капитанам и помполитам. В письме отмечались экипажи, которые правильно, с чувством высокой ответственности подошли к воспитанию и обучению молодых специалистов. Приводился в пример пароход «Марина Раскова», где новичков окружили вниманием и заботой. Ребята, пятеро из которых были сиротами, нашли на судне вторую семью. К каждому прикрепили опытных моряков. Руководил их обучением старший механик Б. Архангельский. (Конталев, 2012, с. 400; Шулинин, 2019, с. 17)

Согласно распоряжению СНК СССР № 9755-рс от 15.05.1943 Народный комиссариат судостроительной промышленности (НКСП) СССР был обязан выполнить до 15.06.1943 г. на заводе № 402 следующие работы по ремонту парохода «Марина Раскова»: изготовить новый руль, рудерпост, отражательную гарнитуру котлов, отлить крышку цилиндра среднего давления главной паровой машины и сменить пожарный трубопровод длиной 150 метров. Также на основании данного распоряжения Народный комиссариат морского флота (НКМФ) СССР обязан произвести в доке завода «Красная Кузница» в г. Архангельске ремонт подводной части корпуса парохода «Марина Раскова» и сдать его в эксплуатацию не позднее 25.07.1943 года. (ГАРФ. Ф. 5446. О.44а. Д. 832. Л. 11; Шулинин, 2019, с. 17)

В конце июня на заводе № 402 изготовлены временные руль и рама ахтерштевня. (РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363. Л. 118–119; Романенко, 2009, № 8, с. 47; Шулинин, 2019, с. 17)

На заводе № 402 были спроектированы временные сварные конструкции,

изготовленные и установленные в доке с таким расчётом, чтобы судно могло дойти до места проведения полноценного ремонта за границей (заказ 2629, стоимость работ 162 тыс. руб.). (Паролов, 2015, с. 123; Шмигельский, 2000, с. 95: Шулинин, 2019, с. 17)

07.08.1943 г. «Марина Раскова» переведена в Архангельск, встала в док на ремонт, которым на заводе «Красная Кузница» руководил начальник механико-судовой службы СГМП Н.К. Кайля. (Романенко, 2009, № 8, с. 47; Шулинин, 2019, с. 17)

09.10.1943 г. в 11.00 из Молотовска в губу Белушья (с заходом в Иоканьгу) направился конвой БА-27 в составе транспорта «Марина Раскова» (с годовым запасом продовольствия, тёплой одеждой, топливом, тракторами, самолётами, оборудованием для аэродрома и другой техникой и 200 пассажирами, следовавшими в Новоземельскую Военно-морскую базу (Романенко, 2009, № 8, с. 46)) и кораблей охранения: эскадренных миноносцев (ЭМ) «Гремящий» и «Громкий» (Романенко, 2009, № 8, с. 47). 11.10.1943 в 18.00 конвой БА-27 вышел из Иоканьги. 13 октября 1943 года ЭМ «Гремящий» в условиях 11–12-бального шторма и боевой обстановки при угрозе столкновения и смыва личного состава за борт был заведён с эсминца на транспорт буксирный трос. «Марина Раскова», потеряла на переходе руль в длительный шторм, его отбило волной, ремонт в таких условиях сделать было невозможно. Ранее попытки управлять транспортом в такой шторм ни к чему не привели, транспорт без руля стал огромной металлической коробкой, ведомой ветром и морем. Буксир два раза лопался. На ЭМ «Гремящий» больше не оказалось подходящих тросов. Запросили капитана транспорта. В ответ он сообщил, что на пароходе тросы имеются, но находятся в трюме. Капитану предложили мобилизовать для авральных работ не только членов команды, но и пассажиров независимо от пола. Для того, чтобы достать трос, команде «Марины Расковой» пришлось вручную, с помощью пассажиров, переместить стоявший на люке трюма трактор. Был заведён буксир – стальной шестидюймовый трос. В 12.00 корабли начали движение, но транспорт всё время рыскал из стороны в сторону. Так прошли около сорока миль. Командир конвоя капитан 2 ранга Гурин Антон Иосифович, видя бесполезность буксировки транспорта в таких условиях, приказал сдерживать его корму ЭМ «Громкий», подав буксир с его носа. В 15.45 того же дня ЭМ «Громкий» подал на корму транспорта четырёхдюймовый стальной трос длиной 200 м, закреплённый за правый якорь, и стравил 80 м якорной цепи, после чего начал постепенно развивать ход, конвой продолжил путь. ЭМ «Громкий» стал в своём роде рулём для транспорта. В 02.10 14 октября буксир, ранее поданный на корму транспорта с носа ЭМ «Громкий», оборвался и был снова заведён в 03.21. Ветер – 7 баллов, море – 6 баллов, скорость буксировки не превышала 2–3 узла. В 09.00 того же дня опять буксир лопнул. Стальной трос, якорь и 80 м якорной цепи, находившиеся на транспорте после обрыва буксира тянулись по грунту и удерживали корму транспорта; поэтому было решено буксировать его одним ЭМ «Гремящий». 15 октября в 01.30 к месту якорной стоянки транспорта и ЭМ вышли из губы Белушья тральщики № 33, 35 и 38. В 05.30 тральщик № 35 начал буксировать транспорт, и к 08.45 все эти корабли стали на якорь в бухте Самоед (в губе Белушья). (Паролов, 2015, с. 123–124; Николаев, 1961, с. 19–23; Головко, 1984, с. 179–183; Шулинин, 2019, с. 17–18)

Там на транспорте «Марина Раскова» под руководством старшего механика Б.В. Архангельского силами 3-го механика Н.В. Гуляева, 4-го механика Е.В. Семёнова, машинистов Семёнова и Сумникова руль был отремонтирован. На палубе организовали кузницу, бригадой кочегаров-кузнецов руководил комсорг машинист Перминов. (РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363; Романенко, 2009, № 8, с. 46) Были изготовлены тросы, пропущены через клюзы в надстройке рулевой машины и скобой закреплены на пере руля. (Семёнов, 1991, с. 112; Шулинин, 2019, с. 18)

Приказами командующего СФ № от 20 октября 1943 года № 082 за успешную операцию по проводке транспорта «Марина Раскова» в Арктику орденами и медалями были награждены командный и личный состав эскадренных миноносцев «Гремящий»

и «Громкий». (АВМФ. Ф. 3. О. 1. Д. 592. Л. 200–205; Шулинин, 2019, с. 18)

31 октября из губы Белушья в Архангельск вышел конвой АБ-9 в следующем составе: транспорт «Марина Раскова» с установленным временным рулевым устройством, тральщики № 33 и 38, сторожевые корабли (СКР) № 75 и 83. 4 ноября вышло из строя рулевое устройство на «Марине Расковой». (Паролов, 2015, с. 123–124) Тросы, крепящие перо руля, лопнули. (Семёнов, 1991, с. 112) В 19.45 того же дня конвой стал на якорь у мыса Инцы для исправления повреждений. (Паролов, 2015, с. 123–124) Основную работу по смене тросов и креплению пера руля выполнял 2-й штурман п/х «Марина Раскова» Владимир Николаевич Бойков. При переходе лопались тросы и обрывало соединительную скобу на пере руля, устранял повреждения В.Н. Бойков, ему помогали боцман и матросы. (Семёнов, 1991, с. 112). 6 ноября конвой АБ-9 (за исключением ранее отпущенных тральщика № 33 и СКР № 75 в Архангельск из-за отсутствия на них запасов топлива) стал на якорь на Северодвинском рейде. (Паролов, 2015, с. 123–124; Шулинин, 2019, с. 18–19)

Некоторые элементы судна проходили проверку Регистра СССР 07.10.1943 г., 07.12.1943 г., 20.07.1944 г. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 109об, 110)

Пароход «Марина Раскова» зимой, 01.12.1943–01.44 г., использовался как плавсредство без руля, перевозя на буксире за ледоколом (в том числе за л/к «Ленин») экспортные грузы из Экономии (правый берег Северной Двины) в Бакарицу (левый берег), на железную дорогу. (РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363. Л. 59–62; Романенко, 2009, № 8, с. 46, 47) Железнодорожного моста через Северную Двину тогда не было. (Шулинин, 2019, с. 19)

Для подготовки к очередной навигации судно вновь встало на ремонт в Молотовский завод № 402 НКСП для производства восстановительных работ по рулевому устройству с изготовлением на пароходе руля для постоянной эксплуатации (письмо НКСП № 24/427 от 23 декабря 1943 г.). Так как кузнечнопрессовое оборудование на заводе не было введено в эксплуатацию, заводским кузнецам пришлось отковать молотами, вручную, элементы рудерписа и составные части поковок руля. (Паролов, 2015, с. 124–125; Шмигельский, 2001, с. 243; Шмигельский, 2000, с. 95–96; Шулинин, 2019, с. 19)

23.04.1944 г. передан СГМП в аренду ГУСМП. (Романенко, 2009, № 8, с. 47; Шулинин, 2019, с. 19)

В мае 1944 г. рассматривался вариант установки на п/х «Марина Раскова» шпирона и тихоходного охранителя кораблей «ТОК-1». (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 87. Л. 47, 85; Шулинин, 2019, с. 19)

В конце июня изготовлен новый постоянный руль, но завод отказывался его навешивать в доке, пришлось это делать в море. За 40 часов силами судовой команды с помощью водолазов руль был установлен. (РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363. Л. 118–119; Романенко, 2009, № 8, с. 47; Шулинин, 2019, с. 19)

12 июня «Марина Раскова» стояла в доке завода «Красная Кузница» для проведения ремонта. (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 171)

С 15 июня 1944 года пароход числился транспортом СФ. (Паролов, 2015, с. 125; Шулинин, 2019, с. 19)

Согласно циркулярам начальника Штаба Северного флота от 15.06.1944 г. № 0120 и начальника Штаба Беломорской флотилии от 26.06.1944 г. № 077 в состав военизированных судов СГМП включён транспорт «Марина Раскова» с содержанием на нём кадра военнослужащих по штату № 026/278 – А. (АВМФ. Ф. 767. О. 190. Д. 38. Л. 98; АВМФ. Ф. 982. О. 1. Д. 337. Л. 143; Шулинин, 2019, с. 19)

В начале июля п/х «Марина Раскова» имела трюмы, которые не были приспособлены для перевозки муки и других продовольственных грузов. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 147, 148; Шулинин, 2019, с. 19)

Для устранения прочих неисправностей и предрейсового ремонта 12 июля 1944 г. пароход «Марина Раскова» встал в док архангельского завода «Красная Кузница», где

стоял 9 дней. (Романенко, 2009, № 8, с. 46, 47; Шулинин, 2019, с. 19)

21.07.1944 г. передан СГМП в чартер Архангельскому Арктическому морскому пароходству ГУСМП (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 171) в рабочем и удовлетворительном состоянии узлов, механизмов и агрегатов. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 109; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 1, 5, 5об, 6, 6об, 7, 7об) В тот же день в 21.40 «Марина Раскова» встала под загрузку у причала на Левом берегу (погрузо-разгрузочный район Архангельского порта) (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 111, 132; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 171), 22.07 в 00.00 был подан на 123 причал левого берега для погрузки 700 т муки из базы № 2 Архангельской областной конторы «Заготзерно», (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 145) 24.07 после погрузки 688 т муки (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 171–172) перешёл в Бакарицу, причал № 2 в 13.30, для погрузки горючего, муки и генеральных грузов в количестве 4440 т (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 119), где в течение 24.07–04.08.1944 г. на судно было погружено 4992 т различных грузов (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172) При погрузке выявились следующие проблемы:

лебёдки, установленные на п/х «Марина Раскова», требовали ремонта или замены;

мука заняла больше на 15 % кубатуры от запланированного, рассчитанного на основе официальных справочников;

часть грузов прибывала позднее от запланированного или появились грузы, которые ранее не планировались, что приводило к задержке в загрузке. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 109, 109об; Шулинин, 2019, с. 19–20)

В июле было решено отказаться от погрузки 85875 кг овса, так как выяснилось, что он заражён клещом. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 125; Шулинин, 2019, с. 20)

В 20.20 05.08.1944 г. пароход пришвартовался в Молотовске, готовясь к участию в конвое БД-5. (Романенко, 2009, № 8, с. 47; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172; Шулинин, 2019, с. 20)

Предстоящий рейс парохода «Марина Раскова» находился на контроле у заместителя председателя СНК СССР Анастаса Ивановича Микояна. В соответствии с постановлением СНК СССР от 18.04.1944 г. № 430-137с «О плане арктических перевозок Главсевморпути в навигацию 1944 года» и последующим распоряжением СНК СССР от 03.06.1944 г. № 11983-рс Главсевморпуть обязан был перевезти из арктических портов в бухту Тикси 10400 тонн муки для снабжения населения Якутской СССР. (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Ф. 301. Л. 13) Планировалось, что п/х «Марина Раскова» примет 4600 тонн муки, остальное количество мучной продукции предполагалось доставить другими судами, прибывшими с зимовки на Диксоне в Архангельск после выгрузки с них арктических грузов. (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Ф. 301. Л. 14–15) В соответствии с приказом народного комиссара Морского флота СССР от 23.04.1944 г. № 154-с п/х «Марина Раскова» должен выполнить следующее задание:

1. погрузить импорт в бухту Тикси из Архангельска;

2. после выгрузки в Тикси принять соль в Норвике для Дудинки;

3. после сдачи соли в Дудинке погрузить уголь на Архангельск. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 119. Л. 84, 84об; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 171)

Согласно отчёту Штаба морских операций Западного сектора Арктики о проведении навигации 1944 года п/х «Марина Раскова» должен был быть принят в чартер в Архангельске между 15.06.1944 г. и 20.06.1944 г., и уже 02.07.1944 г. должен выйти с грузом в Диксон, бухты Кожевникова и Тикси. Также на пароход должны были быть погружены грузы, предназначенные для дальнейшего завоза на полярные станции на ледокольных пароходах «Таймыр», «Монткальм», «Георгий Седов». После выгрузки грузов в Диксоне п/х «Марина Раскова» должен был идти в Игарку, где принял бы 2800 тон леса и др. грузов ГУСМП и Наркомрыбпрома в бухту Кожевникова. После выгрузки

в Тикси планировалось, что пароход примет 3200 тонн лесоматериала назначением в бухту Провидения и 01.09.1944 г. пройдёт 140 меридиан (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 7–9; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 7–9). Подведя итог планам использования п/х «Марина Раскова», можно сказать словами из вышеуказанного отчёта Штаба морских операций: «К сожалению, эти прогнозы оказались в основном несостоятельными». Эти слова относились к ледовой обстановке, но и вполне могут характеризовать планы работы п/х «Марина Раскова» (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 4; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 4). Перевозки, осуществляемые п/х «Марина Раскова», занимали существенное место в планах навигации в Арктике в 1944 году. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 84; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 84) От работы п/х «Марина Раскова» зависели перевозки, осуществляемые другими судами. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 84; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 84). Исходя из знаний результатов плавания и причин трагедии, п/х «Марина Раскова» был не самым лучшим вариантом для осуществления этого рейса.

В первых числах июля руководству ГУСМП «было ещё раз указано на то, что ремонт парохода протекает явно неудовлетворительно. Необходимо было срочно ставить вопрос о замене парохода каким-либо субститутом». (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 84–85; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 84–85) Возможность заместить п/х «Марина Раскова» на аналогичный была. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 85; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 85) 10 июля заместитель начальника ГУСМП А.Е. Каминов сообщил, что «ставить вопрос о замене п/х «Марина Раскова» преждевременно». (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 85; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 85)

Погрузка п/х «Марина Раскова» шла медленно, с перебоями, с задержкой подачи груза. 6610 т были загружены за 16 суток, т.е. в среднем 413 т в сутки (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 85; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 85).

С 24 июля по 4 августа на пароход было погружено 4992 тонны различных грузов. (Романенко, 2009, № 8, с. 47; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172; Шулинин, 2017, с. 21) В 20.20 [время действия судов и кораблей, в том числе и подводной лодки U-365, указано московское] 5 августа 1944 года пароход «Марина Раскова» пришвартовался в Молотовске (ныне Северодвинск) (Романенко, 2009, № 8, с. 47; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172). (Шулинин, 2017, с. 20)

К 24.00 7 августа было погружено ещё 836 тонн муки, (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172) принято снабжение и топливо. (Романенко, 2009, № 8, с. 47) По другим данным, в Молотовске было принято 1100 т бункера, 600 т муки, 150 т горючего и 560 т генгруза. (Бурков, 2011, с. 138; Бурков, 2014, с. 176; Бурков, 2014-2, с. 275) В архивных документах и публикациях приводятся разные версии загрузки парохода «Марина Раскова»: 6300 т (Вайнер, 1989, с. 186), 6310 т (Белов, 1969, с. 508), 6500 т (Боевая летопись, 2006, с. 46), 6503 т (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 1; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 77. Л. 90б; РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363. Л. 36; Сомкин, 1995, с. 134; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172), 6508,3 т (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 10, 11, 12; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 77. Л. 50б), 6598,3 т (АВМФ. Ф. 2941. О. 2. Д. 87. Л. 113), 6600 т (АВМФ. Ф. 14. О. 47. Д. 110. Л. 39; Капралов, 1974, с. 94; Капралов, 1985, с. 117; Корякин, 2018, с. 272; Хроника, 1950, с. 125; Частное собрание, 1973, л. 8), 6610 т (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 85; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 85; Бурков, 2011, с. 138; Бурков, 2014, с. 176; Бурков, 2014-2, с. 275), 6623 т (6600 т грузов ГУСМП и 23 т грузов для Карской военно-морской базы) (АВМФ. Ф. 14. О. 47. Д. 110. Л. 39; Шулинин, 2017, с. 91), более 6000 т (Щедролосев, 2006, с. 92). Согласно предварительному грузовому плану должно было быть загружено 7000,6 тонны. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 133) Груз направлялся в Диксон, Игарку, Кожевниково, Нордвик, Тикси, Провидение. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 133) Согласно грузовому плану от 23.07.1944 г. планировалось погрузить 7000,6 т, в том числе в трюм № 1 – 1210,8 т, трюм № 2 – 1450,2 т, трюм № 3 – 1350 т, трюм № 4 – 1491,7 т, трюм № 5 – 1118,8 т, на палубе – 370,8 т. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 133) В расчётах допущена ошибка. Если суммировать указанный тоннаж, то получится 6992,3

т, разница от 7000,6 т – 8,3 т. (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 133; Шулинин, 2017, с. 21)

Примерный состав груза (с учётом занижения итоговой суммы на 10 т, результат записан как 6598,3 т, должно быть 6608,3 т, возможно, арифметическая ошибка, может быть, описка в массе грузов на 10 т):

Продовольствие 4 682,069 тонны;

Промышленные грузы 4,790 тонны;

Технические грузы 456,803 тонны;

Строительный материал 1020,830 тонны;

Фураж 343,808 тонны;

Скот и его питание 60 тонн;

Груз БВФ 22 тонны;

Плавсредства 18 тонн. (АВМФ. Ф. 2941. О. 2. Д. 87. Л. 113; Шулинин, 2017, с. 21)

В справке, подписанной начальником СГМП Н.В. Новиковым, указано следующее количество грузов:

Продовольственные 4682 т;

Промышленные 4,7 т;

Техника 456,8 т;

Стройматериалы 120,8 т;

Фураж 343,8 т;

Всего 6508,3 т. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 12)

В этой справке не указан скот и его питание, груз БВФ, плавсредства. В стройматериалах, вероятно, допущена ошибка в записи: вместо 1020,8 написано 120,8 т, отсюда арифметическая ошибка в итоговой сумме. Если к общей массе, указанной в этой справке, прибавить недописанные массы других грузов, то получится 6608,3, эта цифра указана выше в других расчётах.

Перевозились: мука, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 23) строительные материалы (кирпич, пиломатериалы, пакля, стекло), (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172) горючее (бензин, мазут) (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172), скот (12 коров и 2 свиньи), (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 114об; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172) фураж (жмых, сено), (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 23; Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172) зимняя одежда для БВФ, (Санакина, 2008, с. 43; Санакина, 2004, с. 172) обувь (кожаная, резиновая, валенки), (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) мыло (хозяйственное, туалетное), (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) мясо, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) масло и жиры животные, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) сахар, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) кондитерские изделия, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) соль поваренная, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 23) крупяные изделия, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 23) консервы, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) другие продовольственные товары, спирт, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 23) табак (папиросы, махорка), (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 22) радиомачты, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 27) комплект жилого дома, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 27) силовые аккумуляторы, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 27) железная бочкотара, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 28) автомобиль ЗИС, (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 114об, 119, 133) плавсредства 5,6 т (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 119, 133) хозинвентарь, (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 28) фото и охотпринадлежности (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 28) (в т.ч. охотбоеприпасы (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 114об)), научное оборудование (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 28) (в том числе аэрологические павильоны А и В (РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445. Л. 27)). (Шулинин, 2017,

с. 21–22) Сводного списка всех грузов, перевозимых на транспорте «Марина Раскова», с указанием массы и итоговой загрузкой судна не выявлено.

Экипаж «Марины Расковой», который возглавлял опытный полярный капитан Виктор Александрович Демидов, состоял из 49 человек. Формально в их число не включалась военная команда судна из шести военнослужащих (помощник капитана по военной части, 3 пулемётчика, 2 комендора). Но по общим задачам и целям своей работы экипаж и военная команда судна их функционал был схож. В то же время военная команда судна не являлась пассажирами парохода. Военная команда относилась к личному составу Северного флота, а члены экипажа – к личному составу Северного государственного морского пароходства. Подчиненность была разная. В Молотовске на борт парохода поднялись пассажиры – 357 человек. (Шулинин, 2017, с. 20) Данные по ним указаны в таблице 1.

Таблица 1. Данные по пассажирам на транспорте «Марина Раскова

Общее количество участников конвоя БД-5, чел.	740
Общее количество, чел.	357
Показатель от общего количества участников конвоя БД-5	48,24%
Пассажиры из числа гражданских лиц, чел.	182
Показатель от общего количества участников конвоя БД-5	24,59%
Показатель от общего числа пассажиров	50,98%
Пассажиры из числа вольнонаёмного состава воинской части, чел.	21
Показатель от общего количества участников конвоя БД-5	2,84%
Показатель от общего числа пассажиров	5,88%
Пассажиры из числа военнослужащих, чел.	154
Показатель от общего количества участни-ков конвоя БД-	20,81%
Показатель от общего числа пассажиров	43,14%

Среди гражданских пассажиров была смена на 16 полярных станций, члены семьи (22 чел.) служащих и работающих в Арктике, в том числе дети военнослужащих и полярников. Также среди пассажиров были и направлявшиеся в порт Нордвик (Красноярский край, море Лаптевых) строители и рабочие Нордвикской нефтеразведочной экспедиции, «Нордвикстроя» и треста «Нордвиксоль», подчинявшихся Горно-геологическому управлению Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). (Шулинин, 2017, с. 20)

15 специалистов направлялись для пополнения экипажей судов ГУСМП, средняя арифметическая дата их рождения – 1923 г., в большинстве им было 16–17 лет. Ехали также на о. Диксон на место работы, среди них капитан дальнего плавания заместитель начальника Штаба морских операций Константин Денисович Кухарев. Среди военных пассажиров были военнообязанные нестроевики в/ч 12205, которые по распоряжению Главупраформа Красной Армии (наряд № М/4/8388) были направлены для работы в арктические предприятия ГУСМП. (ЦАМО. Ф. 58. О. 18003. Д. 604. Л. 93) Из них 57 человек в дальнейшем погибли, (ЦАМО. Ф. 58. О. 18003. Д. 604. Л. 93) возможно, что из данной воинской части на судне были ещё 21 военнослужащий. Для пополнения 37-й ВАБ ВВС БВФ СФ были направлены 96 человек, в том числе семеро и в передвижную

авиаремонтную мастерскую 86-й авиаремонтных мастерских. 21 человек командировался для пополнения Карской военно-морской базы. Количество направленных по другим адресатам невозможно точно установить в связи с многовариантностью данных. (Шулинин, 2017, с. 20)

Среди пассажиров на транспорте «Марина Раскова» находились 104 представительницы женского пола. Из них 77 женщины до 1926 года рождения включительно (предполагается, что двоим, родившимся в 1926 г., на момент трагедии исполнилось 18 лет), 22 – 1927 г. р. или последующих годов (самая юная 1944 г.р.), у одной неизвестна точная датировка сведений – 1923 или 1933 года рождения, у четверых неизвестна дата рождения. Трое из последних числились в вольнонаёмном составе 37 вспомогательной авиабазы ВВС БВФ, предположительно они были старше 18 лет.

К группе несовершеннолетних (до 18 лет) пассажиров можно отнести: 3 человека 1927 г.р., 2 – 1928 г.р., 2 – 1929 г.р., 3 – 1930 г.р., 1 – 1931 г.р., 1 – 1932 г.р., 1 – 1934 г.р., 1 – 1935 г.р., 3 – 1937 г.р., 3 – 1938 г.р., 2 – 1939 г.р., 1 – 1940 г.р., 1 – 1941 г.р., 1 – 1942 г.р., 1 – 1943 г.р., 1 – 1944 г.р. Всего 27 человек. Из них 5 юношей и мальчиков 1927 г.р., 1930 г.р., 1937 г.р. (двое), 1940 г.р.

Выжило из группы несовершеннолетних в трагедии конвоя БД-5 только двое: девушка и юноша 1927 г.р., из числа женщин – 18 человек. Погибли из числа несовершеннолетних 25 человек, из числа женщин – 58 человек (судьба одной точно не установлена, по одним данным – спасена, по другим – погибла). Погибли также все четыре представительницы женского полка, у которых была неизвестна дата рождения, и одна с неустановленным годом рождения.

Состав пассажиров можно назвать смешанным – гражданско-военным. Гражданских лиц было 53,82% от общего числа пассажиров, а военнослужащих – 43,14%.

Сведения по количеству пассажиров и членов экипажа п/х «Марина Раскова» основаны на результатах архивно-исследовательской работы, направленной на составление сводного списка участников конвоя БД-5 и проведённой в рамках реализации международной поисково-информационной операции «Конвой БД-5». Список участников конвоя БД-5 впервые опубликован в монографии «История конвоя БД-5» (Шулинин, 2019, с. 154–309). Указанные выше данные не окончательные, в дальнейшем они будут уточнятся, судьба троих участников неизвестна (сведения из архивных документов по одному участнику конвоя БД-5 противоречивы – указывается и среди погибших и среди спасённых, по двум другим нет точных данных), пятеро неизвестно на каком судне или корабле находились во время перехода (предположительно трое – пассажиры транспорта «Марина Раскова», двое находились на одном из тральщиков). Среди пассажиров нет данных по дате (году) рождения у 53 человек, в том числе у четырёх представительниц женского пола, остальные представители мужского пола (двое гражданских, 47 военнослужащих, можно предположить, что военнослужащим было более 18 лет).

Начальник Архангельской инспекции Морского Регистра СССР А.А. Дворкин согласно письму от июля 1944 года № 213 (входящий № 1882 от 22.07.1944), направленному начальнику Архангельского Арктического морского пароходства тов. Широких с копией на имя начальника Северного государственного морского пароходства Николая Васильевича Новикова (будущий министр морского флота СССР), поставил в известность руководителей пароходств, что плавание парохода «Марина Раскова» в ледовых условиях Регистром СССР разрешено быть не может «по причине не соответствия прочности нижней части старнпоста, подошвы ахтерштевня, рудерпоста и рудерписа, требуемой для плавания во льду. Выполненный ремонт по ликвидации аварийного повреждения перечисленных частей судна и рулевого устройства, исходивший из возможностей местных судоремонтных заводов, является недостаточно полноценным, так как осуществлён с рядом отступлений от норм Морского регистра для плавания судна по

чистой воде. Требовалось проведение капитального ремонта за границей». (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 134) Несмотря на это, «Марина Раскова» вышла в рейс. (Шулинин, 2017, с. 21)

В 07.00 (08.00, (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 119. Л. 246об) 13.00 (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 1)) 8 августа 1944 года пароход «Марина Раскова» вышел в море из Молотовска, чтобы войти в состав конвоя БД-5. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 1; Романенко, 2009, № 8, с. 47; Шулинин, 2019, с. 20)

8 августа в 09.35 тральщик Т-116 отошёл (АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 9. Л. 20) (09.20 тральщики Т-114, Т-116 и Т-118 отошли (АО ЦВМА. Ф. 12. Ед. хр. № 16762. Л. 81–89)) от причала Воскресенского ковша Архангельского порта. (АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 9. Л. 20; АО ЦВМА. Ф. 12. Ед. хр. № 16762. Л. 81–89) Согласно докладу оперативного дежурного ОВР ГБ БВФ в 12.50 в Штаб БВФ тральщики и транспорт «Марина Раскова» соединились в районе острова Мудьюг (АО ЦВМА. Ф. 12. Ед. хр. № 16762. Л. 81).

Транспорт «Марина Раскова» сопровождали три тральщика 6-го Дивизиона тральщиков Бригады траления Охраны водного района Главной базы Северного флота – Т-114 (командир – капитан-лейтенант Иван Осипович Панасюк), Т-116 (командир – капитан-лейтенант Василий Александрович Бабанов) и Т-118 (командир – капитан-лейтенант Семён Михайлович Купцов). Конвоем командовал командир БТ капитан 1-го ранга Александр Захарович Шмелёв. (Шулинин, 2019, с. 20)

12 августа 1944 года в 18.05 (мск. времени) немецкая подводная лодка U-365 заметила верхушки мачт с полотнищем дыма. В 18.21 субмарина погрузилась для атаки. (BA-MA, RM 98/870, p. 8; NARA, T-1022, roll 3045; Шулинин, 2017, с. 25)

В КТВ ПЛ U-365 приведена следующая информация по состоянию на 18.53 (19.53 мск.) 12.08.1944 года (BA-MA, RM 98/870, p. 8; NARA, T-1022, roll 3045): «AT 6434. 3-торпедный залп торпедами FAT по пароходу, попадание в середину через 47 сек., пароход остановился, машины вышли из строя (оценка неприятеля: скорость 10 уз., упреждение справа от носа 76, дистанция 1000 м, глубина хода 4, длина неприятеля 110, петля вправо длинная, шедшие впереди в 1500 эскортные корабли развернулись, перемигиваются морзянкой, подходят близко». (BA-MA, RM 98/870, p. 8; NARA, T-1022, roll 3045) Закрывающая скобка отсутствует в тексте оригинала, не указаны единицы измерения при цифрах 4, 110, 1500, предположительно – метры. (Шулинин, 2017, с. 28)

Были также и другие версии начало торпедной атаки, но данные КТВ U-365 приняты за основу.

Торпеда попала в район переборки между трюмами № 2 и № 3, с правого борта. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 85; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 85) Сила взрыва была настолько велика, что мешки с мукой, находившиеся в трюме № 3, выбросило через пробоину в борту на палубу парохода (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 280об). (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 10об; ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 86; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 86; РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 3; Белов, 1969, с. 509; Шулинин, 2008, с. 54) Взрыв полностью разрушил по правому борту шлюпку № 1 и пробил борт шлюпки № 3. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 10об, 41об, 48, 49, 50; Санакина, 2008, с. 179) От взрыва в твиндеке № 3, где находилось большое количество пассажиров (во время взрыва был ужин), были повреждены трапы, выходящие на палубу. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 86; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 86; Шулинин, 2008, с. 54) Лопнула обшивка в ряде мест по шву главной палубы и против трюма № 1 (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 48об). (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 10об) Поднялся столб воды, часть которой попала в трюмы, где находились пассажиры. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 49, 50) В трюме № 3 разорвало мешки с мукой. (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 20) У котла № 1 лопнули водогрейные трубки, а у котла № 2 вырвало прокладки у горловин водогрейных трубок передней части котла. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 38) Водой, выброшенной силой взрыва, залиты спардечная палуба, шлюпки, часть жилых помещений и коридоров. Вода проникла через капы (люк с задвигающейся крышкой)

в машинное и котельное отделение. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 10об) Вместе с этим сила взрыва была поглощена по мнению специалистов мешками с мукой (АВМФ. Ф. 767. О. 2. Д. 83. Л. 212). (Шулинин, 2017, с. 28)

Глухой грохот подводного взрыва (Вайнер, 1989, с. 186), невысокий всплеск были типичны для неконтактной мины. (Капралов, 1974, с. 96; Капралов, 1985, с. 119) Так оценил причину взрыва командир конвоя капитан 1-го ранга Александр Захарович Шмелёв. (Капралов, 1974, с. 96; Капралов, 1985, с. 119; Частное собрание, 1973, л. 19) «Взрыв.., был глухой – не характерный для взрыва торпеды» (АВМФ. Ф. 767. О. 2. Д. 83. Л. 210). Все дальнейшие решения командование конвоя принимало исходя из этого ложного вывода (АВМФ. Ф. 767. О. 2. Д. 83. Л. 212). (Шулинин, 2017, с. 28)

Когда произошёл взрыв, то, возможно, капитан транспорта решил, что взорвалась магнитная мина. Судно несколько осело… Мгновенно поступавшая в трюм вода превратила часть муки в тесто, которое несколько ограничило дальнейшее поступление забортной воды из пробоины, а также создало своеобразное второе дно в трюме (Частное собрание, 1944–1945, с. 103; Шулинин, 2009, с. 59). (Шулинин, 2017, с. 28)

Командный состав парохода предпринял меры для определения характера полученных повреждений. Среди пассажиров началась паника, которая вскоре была остановлена, разъяснили, что взорвался котёл, но опасности для судна нет.

Капитан дал распоряжение старшему штурману Павлу Меньшуткину подвести пластырь, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 42, 50об; РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 9; Санакина, 2008, с. 179) а IV штурману Николаю Баганову (по другой версии – старшему штурману (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 50об; РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 9)) «приготовить буксир с носу» (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 42, 49; Санакина, 2008, с. 179). (Шулинин, 2017, с. 32)

Постепенно прибывала забортная вода в трюм № 2, № 3 и котельную. Капитан и командный состав №Марины Расковой» организовали работу по борьбе за живучесть судна. Машинная команда устраняла повреждения и неисправности, работала над откачкой воды из котельного отделения и затапливаемых помещений. В районе 21.30 машинной команде поступил приказ с мостика: «Оставить всем машину, выходить наверх» (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 70об).

В 20.03 (мск. времени) немецкая подводная лодка U-365 атаковала флагманский тральщик Т-118. (BA-MA, RM 98/870, p. 8; NARA, T-1022, roll 3045) В 20.31 тральщик Т-118 быстро скрылся под водой. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 41об; АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 9. Л. 26об; АВМФ. Ф. 767. О. 190. Д. 36. Л. 174; Романенко, 2009, № 9, с. 43; Санакина, 2008, с. 179) Остались только на его месте мусор, обломки, маслянистые пятна да отдельные люди (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 28об; Белов, 1969, с. 509). (Шулинин, 2017, с. 37)

Видя гибнущих людей, пассажир парохода Фёдор Митрофанович Куц просил командование организовать спасательные работы, но безрезультатно. (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 28об) С транспорта отошли две маленькие шлюпки и направились к месту гибели тральщика. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 83) На одной был Куц, на другой пассажир Владимир Алексеевич Аграфенин. (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 28об) Вернулись они с 6 (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 83; Сомкин, 1995, с. 140; Романенко, 2009, № 9, с. 43; Санакина, 2008, с. 44; Санакина, 2004, с. 173) (по другим версиям 3–4 (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 28об), 5 или 7 человеками (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 22, 18)) краснофлотцами, подобранными из воды. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 83)

Примерно в 21.30 (по другой версии в 22.00 (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 49)) было получено распоряжение по светофору от командира Т-116 начать снимать людей всеми имеющимися у транспорта плавсредствами и переправить их на Т-114 и Т-116. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 49, 51; Шулинин, 2017, с. 43) Капитан и командный состав «Марины Расковой» организовали эвакуацию пассажиров и членов экипажа с транспорта. Капитан примерно в 21.30 (по другой версии около 22.00 (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 49об)) отдал приказ: «Все плавсредства на воду. Начать снимать людей». (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76.

Л. 490б)

В первую очередь эвакуировали женщин с детьми. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 46, 47, 49, 54, 760б) Спускали на воду все имеющиеся плавсредства, в том числе находящиеся в грузу.

Высадка пассажиров с парохода была закончена около 24 часов. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 87; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 87; Частное собрание, 1973, л. 23; Шулинин, 2008, с. 55) До полуночи только на тральщик Т-114 было перевезено 144 человека (Капралов, 1974, с. 96; Капралов, 1985, с. 121; Корякин, 2018, с. 275; Сомкин, 1995, с. 144; Частное собрание, 1973, л. 23) (200 человек, в том числе 29 моряков с Т-118 (Капралов, 1985, с. 121; Щедролосев, 2006, с. 95)), в том числе 136 женщин и детей (Капралов, 1974, с. 96; Капралов, 1985, с. 121; Сомкин, 1995, с. 144; Частное собрание, 1973, л. 23). (Шулинин, 2017, с. 49)

Когда пассажиры и бóльшая часть экипажа были посажены на плавсредства, на борту парохода оставалось одиннадцать моряков, в том числе и комсостав (Сомкин, 1995, с. 143) (по другим данным к 24.00 на пароходе остался только комсостав из 7 человек – капитан, военный помощник, 1 старпом, 3 помощника капитана и старший механик (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 2, 53–530б; РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 9); оставался капитан, военный помощник, 4 штурмана, старший и III механик, несколько пассажиров (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 460б, 480б, 490б, 710б); 8 человек начальства (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 540б), 8 человек комсостава: капитан, военный помощник, старпом, 3 помощника капитана, старший и III механик (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 420б–43; Санакина, 2008, с. 44; Санакина, 2004, с. 174, 180), капитан, семь человек комсостава и пассажир (Капралов, 1985, с. 121; Частное собрание, 1973, л. 23)). Они готовились к эвакуации. Исходя из анализа архивных документов, можно сделать предположение о составе оставшихся: капитан, военный помощник капитана, четыре штурмана, старший и III механик, судовой доктор Клавдия Михайловна Некрасова, стюард Александр Гаврилович Карельский (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 47), пассажир транспорта младший лейтенант Василий Васильевич Полещук (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 84). (Шулинин, 2017, с. 49)

Подошедшую шлюпку с тральщика Т-116 специально держал капитан транспорта для высадки комсостава. В эту «шестёрку» сели ещё восемь человек: капитан, военный помощник капитана В.И. Веников (Венников), старший штурман П.И. Меньшуткин, старший механик А.Н. Волочков, II штурман А.А. Казимир, III штурман И.Д. Вондрухов, III механик Ф.А. Родионов, IV штурман Н.А. Баганов. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 39; ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 87; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 87) Есть другая версия, что в шлюпку село только шестеро из комсостава. (Сомкин, 1995, с. 143) Капитан В.А. Демидов последним покинул судно. (Сомкин, 1995, с. 143) Было решено идти к Т-116 (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 87; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 87), чтобы договориться об отбуксировке парохода к берегу, такая возможность имелась, так как судно погружалось медленно. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 43; Санакина, 2004, с. 180) Транспорт погрузился носовой частью на 25–26 футов (7,62–7,92 м), но держался на плаву, его можно было спасти (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 43; Санакина, 2004, с. 180). (Шулинин, 2017, с. 50)

Отходя от борта парохода на шлюпке, находившиеся в шлюпке услышали сильный взрыв и увидали большой столб дыма на месте Т-114. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 43; Санакина, 2004, с. 180; Шулинин, 2017, с. 50)

Согласно вахтенному и навигационному журналу Т-116 взрыв на Т-114 произошёл в середине корпуса в 00.45 13 августа 1944 года. (АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 9. Л. 270б; АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 15. Л. 65) Согласно КТВ U-365, был произведён одиночный выстрел в 00.45 торпедой TIII из торпедного аппарата № 2 по стоящему на якоре кораблю охранения, который находился на дистанции 1000 м, не имея скорости. (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) Через 44 секунды было зафиксировано попадание в машинное отделение, корабль лёг плашмя и утонул через 5 минут вертикально кормой (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045). (Шулинин, 2017, с. 51)

Согласно вахтенному и навигационному журналу Т-116 тральщик Т-114 затонул в 00.49. (АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 9. Л. 270б; АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 15. Л. 65) Это время указано в других архивных документах и публикациях (АВМФ. Ф. 767. О. 2. Д. 83. Л. 212; АВМФ. Ф. 767. О. 190. Д. 36. Л. 174; Хроника, 1950, с. 123; Широкорад, 2017, с. 42; Широкорад, 2015, с. 197). (Шулинин, 2017, с. 51)

Разница в показаниях немецких и советских кораблей о начале торпедной атаки и потоплением тральщика Т-114 небольшая – 1 минута.

В 02.04 из квадрата AT 6426 U-365 произвела пуск торпеды из аппарата № 1 по стоящему пароходу на дистанции 800 м. (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) Через 30 с. было зафиксировано попадание в середину с правого надветренного борта парохода. (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) Фонтан от взрыва был выше мачт, судно стало крениться на правый борт (РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 9). Находившиеся на шлюпке с Т-116 в 2–3 каб. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 430б; Санакина, 2004, с. 180((около 500 м (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 390б)) от парохода «Марина Раскова» услышали пулемётную очередь в воздух на мостике транспорта, а вслед за ней взрыв с правого борта и увидели бегущих в шлюпку людей. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 390б, 430б; Санакина, 2004, с. 180) Это были капитан парохода и часть комсостава. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 87; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 87; РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 9) Шлюпка № 4 с капитаном отошла от борта «Марины Расковой», находилась правее шлюпки с Т-116 около 02.20 на 2–3 каб. (по другим данным на 500–600 м (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 390б)) и на расстоянии 1,5–2 каб. от борта транспорта (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 25; РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297. Л. 9). Дальнейшая судьба находившихся в шлюпке № 4 транспорта «Марина Раскова» неизвестна (Вайнер, 1989, с. 187). (Шулинин, 2017, с. 54–55)

В 01.18 (02.18 мск.) появилась запись в КТВ U-365: «AT 6426. Пароход осел глубже, шкоты порвались. Чтобы побыстрее всплыть, я решил на ещё один выстрел для добивания. Сначала всплыть было невозможно, так как пароход имел на корме орудие и около 5 зениток, кроме того, экипаж частично оставался на борту». (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) В 02.23 U-365 произвела одиночный выстрел из торпедного аппарата № 3 торпедой TV в качестве добивающего. (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) Через 1 м 3 с попадание в середину транспорта, (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) пароход переломился пополам и начал быстро тонуть (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 390б, 44; ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132. Л. 87; РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129. Л. 87). (Шулинин, 2017, с. 55)

По данным КТВ U-365, транспорт затонул в 02.53. (BA-MA, RM 98/870, p. 9; NARA, T-1022, roll 3045) Пароход держался на плаву после первой торпедной атаки около семи часов. (Шулинин, 2017, с. 55)

Из находившихся на борту парохода «Марина Раскова» членов экипажа (49 человек), военной команды (6 человек) и пассажиров (357 человек) погибло в ходе развернувшихся событий после потопления транспорта 220 человек. Эти потери составляют 58,51% от общего числа погибших 376 человек в конвое БД-5.

Согласно приказу народного комиссара морского флота СССР от 03.10.1944 года № 428с грузовой пароход «Марина Раскова» был исключён из состава транспортных судов Наркомморфлота СССР. (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 119. Л. 250; Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 9, с. 43)

Согласно распоряжению начальника Северного ордена Ленина морского пароходства С.И. Кузнецова № 08-20/9 от 05.03.1983 года «в целях увековечения памяти погибших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. моряков и судов Северного морского пароходства предлагаю при прохождении нижеуказанных мест гибели судов совершать ритуал отдания почестей погибшим членам экипажей путём приспускания Государственного флага СССР и подачей одного продолжительного гудка». (Сомкин, 1995, с. 151)

По основной версии ранее считалось, что он затонул в точке с координатами 73°21’с.ш., 67°20’ в.д. (Голубев, 1999, с. 35; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 77. Л. 90б; Суда Министерства, 1989, с. 21; Шулинин, 2017, с. 87), примерно в 60 милях западнее о-ва Белый. Согласно результатам проведения научно-мемориального похода «Карская экспедиция – 2015» координаты места гибели транспорта «Марина Раскова»: 73°18’55.52"N, 66°38’54.58"E (носовая часть судна). (Шулинин, 2019, с. 20)

Тактико-технические и технические характеристики парохода: (указан диапазон по различным источникам): водоизмещение – 1100 т (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46), дедвейт – 9083 т (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 77. Л. 90б; Книга памяти, 2001, с. 113; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Спирихин, 2010, с. 72; Суда Министерства, 1989, с. 21; Шулинин, 2017, с. 87; Щедролосев, 2006, с. 92) (8940 т, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 26, 41) 9940 т (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Паролов, 2015, с. 121)), полная грузовместимость – 7345 (Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46) – 7540 брт, (Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46) полная грузоподъёмность – 7540 т, (Бурков, 2011, с. 137, 187; Бурков, 2014, с. 175, 272; Бурков, 2014-2, с. 275, 388) брутто-регистровый тоннаж – 5685 рт, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 26, 41) (3414 рт (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 77. Л. 90б; Шулинин, 2017, с. 87)) нетто – 3413 рт, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 26, 41) длина – 122,2 м (Романенко, 2009, № 8, с. 46; Паролов, 2015, с. 121) (122,22 м, (Сомкин, 1995, с. 151) 417 ft 4 1/4 in (≈127,21 м), (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 26) 128,63 м (Бурков, 2011, с. 137, 187; Бурков, 2014, с. 175, 272; Бурков, 2014-2, с. 275, 388), 138,63 м (Романенко, 2009, № 8, с. 46; Спирихин, 2010, с. 72)), ширина – 16,5 м (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Паролов, 2015, с. 121) (17,37 м (Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Спирихин, 2010, с. 72; Бурков, 2011, с. 137, 187; Бурков, 2014, с. 175, 272; Бурков, 2014-2, с. 275, 388)), высота борта – 10 м (Сомкин, 1995, с. 151), осадка (в грузу (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46)) – 7,82 м (Романенко, 2009, № 8, с. 46; Паролов, 2015, с. 121) (10,61 м (Бережной, 1994, с. 286; Бурков, 2011, с. 137, 187; Бурков, 2014, с. 175, 272; Бурков, 2014-2, с. 275, 388; Спирихин, 2010, с. 72) и балласте такая же (Романенко, 2009, № 8, с. 46)), осадка в балласте – 3,35 м (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46), мощность паровой машины – 2500 л.с. (Сомкин, 1995, с. 151; Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Спирихин, 2010, с. 72; Паролов, 2015, с. 121; Бурков, 2011, с. 187; Бурков, 2014, с. 272; Бурков, 2014-2, с. 388) (3000 л.с. (Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46)), скорость хода – 9,5 (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46) – 13 узлов (Сомкин, 1995, с. 151; Романенко, 2009, № 8, с. 46) (12 узлов (Бережной, 1994, с. 286; Спирихин, 2010, с. 72)), максимальная скорость – 12 узлов, (Бурков, 2011, с. 187; Бурков, 2014, с. 272; Бурков, 2014-2, с. 388) 10 узлов, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 87. Л. 47, 85) экономическая около 12 узлов (Романенко, 2009, № 8, с. 46). Штатная численность команды – 55 человек. Судно имело 10 грузовых стрел: 1 – 15 т, 1 – 4,5 т, 8 – 2 т (ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108. Л. 132). (Шулинин, 2019, с. 20 – 21)

Согласно судовому регистру Ллойда (Lloyd’s, 1930; Lloyd’s, 1931; Lloyd’s, 1932; Lloyd’s, 1933; Lloyd’s, 1934; Lloyd’s, 1935; Lloyd’s, 1936; Lloyd’s, 1937; Lloyd’s, 1938; Lloyd’s, 1939; Lloyd’s, 1940; Lloyd’s, 1941; Lloyd’s, 1942; Lloyd’s, 1943) неизменными на протяжении 1930–1943 гг. оставались следующие данные:

Валовая вместимость – 5685 т; подпалубная вместимость – 5062 т, вместимость нетто (нетто тоннаж) – 3413 т. Построен в 1919 г. в Честере компанией Chester S.B. Co. Ld, Chester, PA. Измерения судна: длина – 400,7 фута (≈122,13 м), ширина – 54,2 фута (≈16,52 м), высота борта – 30,1 фута (≈9,17 м), bridge deck – 36 футов (≈10,97 м), ют – 123 фута (≈37,49 м), бак – 43 фута (≈13,11 м), горизонтальный киль – 338 футов (≈103,02 м), общая вместимость балластного отсека – 1387 тонн, форпиковая цистерна – 147 тонн, ахтерпиковая цистерна – 180 тонн. Паровая машина тройного расширения, 3 цилиндра: 27 … [нечитаемая дробь] дюймов, 46 ¼ дюйма и 78 ½ дюйма, длина хода – 51 дюйм; 3 водотрубных котла. Глубина трюма – 39 ft 2 in (≈11,94 м). (Шулинин, 2019, с. 21)

В регистре Ллойда за 1943 г. приводятся самые последние сведения по этому пароходу, в том числе такие: порядковый номер – 26366, официальный номер – 317725 [или 317726], позывной – WBCP. 3 водотрубных котла (WaterTubeBoilers) Maryland Steel Co Sparrow´s Point (порт Спарроус-Пойнт, штат Мериленд, США), площадь колосниковой решётки – 272 квадратных фута, поверхность нагрева – 8703 квадратных фута. Судовладелец – United States Maritime Commission. Порт приписки – Нью-Йорк. (Lloyd's, 1943; Шулинин, 2019, с. 21)

В судовом регистре Ллойда 1944 г.в. имеются данные на «Марину Раскову», но это другое судно, построенное в 1944 г. (Lloyd's, 1944; Шулинин, 2019, с. 21)

Устанавливаемое вооружение: одна 3'50 калибра универсальная полуавтоматическая пушка с телескопическим прицелом, изготовлена в 1911 г. в США, б/н, марка станка – марка II модель 9, № станка – 2121, марка прицела – XVI, модель 5 (РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198. Л. 13; РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 137. Л. 70, 114) (1 полуавтоматическая пушка калибра 3'50 (76,2-мм) (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 63. Л. 42; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 44об, 91об., 95об; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 65. Л. 64; Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Паролов, 2015, с. 121; Бурков, 2011, с. 187; Бурков, 2014, с. 271; Бурков, 2014-2, с. 388)), 4 пулемёта системы «Браунинг» 50 калибра (12,7 мм) с водяным охлаждением (№ 36481, 36482, 36483, 36509) (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 63. Л. 42; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 44об, 91об, 95об; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 65. Л. 64; РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 137. Л. 70, 114) (четыре 12,7-мм пулемёта (Бережной, 1994, с. 286; Паролов, 2015, с. 121), четыре 12,7-мм орудия (Романенко, 2009, № 8, с. 46; Бурков, 2011, с. 187; Бурков, 2014, с. 271; Бурков, 2014-2, с. 388)), 4 пулемёта системы «Браунинг» 30 калибра (7,62 мм) (№ 144890, 136274, 141254, 139207) (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 63. Л. 42; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 44об, 91об; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 65. Л. 64) с водяным охлаждением (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 65. Л. 53, 53об; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 17, 43; РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 137. Л. 70) (четыре пулемёта системы «Браунинг» калибра 7,92 мм (№ 144890, 136274, 141254, 139207), (РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198. Л. 13об; РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 137. Л. 114) четыре 7,71-мм пулемёта (Бережной, 1994, с. 286; Романенко, 2009, № 8, с. 46; Паролов, 2015, с. 121; Бурков, 2011, с. 187; Бурков, 2014, с. 271; Бурков, 2014-2, с. 388)). Был установлен противомагнитный пояс «Дегауссинг». (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 44об, 91об, 95об; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 63. Л. 42; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52. Л. 17, 43; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 65. Л. 64; РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198. Л. 14; РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 137. Л. 70об) На борту размещалось: 10 глубинных бомб, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 95об) марки М-I (требует уточнения информация) (РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198. Л. 14)) змей, (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 44об, 91об, 95об) 2 ракетницы II (р). (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64. Л. 95об; ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 63. Л. 42) (2 ракетницы «2-Р» (РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198. Л. 14)). Был бронирован ходовой мостик, штурманская рубка и площадка для пулемётов из стали, железа (РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198. Л. 14). (Шулинин, 2019, с. 21–22)

Согласно письму начальника пароходства [предположительно Северного государственного морского пароходства] на начальника военно-транспортной службы БВФ от 02.08.1944 г. № 190/с вооружение парохода «Марина Раскова» указано следующее: «2 Орлекона [Эрликона], 4 Браунинга, 2 ракетницы, 1 – 76 мм пушка». (ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 119. Л. 1) Пулемёт «Эрликон» упоминается в объяснительной записке пулемётчика краснофлотца З.Ф. Красавцева, находившегося на боевом посту у этого пулемёта 12.08.1944 г. (ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76. Л. 46; Шулинин, 2019, с. 22)

Благодарность. Выражаю искреннюю благодарность руководству и работникам Российского государственного архива экономики, филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота), Государственного архива Архангельской области за оказание помощи в поиске нужных материалов. Особо признателен Сергею Дёгтеву (РГАЭ), Татьяне Санакиной (ГААО), Алле Лучко (АВМФ).

Значительную научно-архивную работу провёл председатель правления

московского клуба истории флота Константин Стрельбицкий. Благодаря его усилиям и целеустремлённости, стали известны некоторые подробности истории конвоя БД-5. Он изучал документы в Архивном отделе ЦВМА и в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, г. Москва). В дальнейшем копии архивных документов были переданы автору статьи.

Выражаю искреннюю благодарность добровольным помощникам и участникам международной поисково-информационной операции «Конвой БД-5», участникам исследовательской группы «Арктика» за оказание содействия в поиске и выявлении информации о конвое БД-5, транспорте «Марина Раскова».

Список литературы

[1] АВМФ. Ф. 3. О. 1. Д. 592.
[2] АВМФ. Ф. 14. О. 47. Д. 110.
[3] АВМФ. Ф. 767. О. 2. Д. 83.
[4] АВМФ. Ф. 767. О. 190. Д. 36.
[5] АВМФ. Ф. 767. О. 190. Д. 38.
[6] АВМФ. Ф. 982. О. 1. Д. 337.
[7] АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 9.
[8] АВМФ. Ф. 1146. О. 355. Д. 15.
[9] АВМФ. Ф. 2941. О. 2. Д. 87.
[10] АО ЦВМА. Ф. 12. Ед. хр. № 16762.
[11] Арктические союзные конвои (1941-1945): Отчёт о Первой Международной конференции Братства Северных конвоев / ред. совет В.В. Гришанов (председатель) и др. – СПб.: Галея Принт, 2000. – 148 с.
[12] Белов, М.И. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. Т. 4. Научное и хозяйственное освоение Советского Севера 1933-1945. – Л.: Гидрометеоиздат, 1969. – 616 с. [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/explo/0/pdf/sevmorput4.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).
[13] Бережной, С.С. Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза: справочник. – СПб.: Велень, 1994. – 400 с. Электронный ресурс] // URL: http://prussia.online/Data/Book/fl/flot-sssr-korabli-i-suda-lendliza/Флот%20СССР.%20Корабли%20и%20суда%20ленд-лиза.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).
[14] Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1944 г. / Авт. коллектив: Е.Г. Мачикин и др. – М.: Воениздат, 2006. – 640 с.
[15] Братство Полярных конвоев: сборник статей и докладов / общая ред. С. В. Апрелев – СПб.: Географ, 2018. – 224 с.
[16] Бурков, Г.Д. Война в Арктике. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. – Спб.: ГНЦ РФ ААНИИ, 2011 (Полярная библиотека).
[17] Бурков, Г.Д. Война в Арктике. 2-е изд. перераб. и доп. – Архангельск: САФУ, 2014. – 276 с.
[18] Бурков, Г.Д. Война в Арктике. – 2-е изд. перераб. и доп. – М: Изд. Дом «Сказочная дорога», 2014. – 400 с.
[19] Вайнер, Б.А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1989. – 303 с. [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/h/vayner_ba/index.html (дата обращения: 21.09.2021 г.).
[20] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 52.
[21] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 63.
[22] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 64.
[23] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 65.

[24] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 76.

[25] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 77.

[26] ГААО. Ф. 367. О. 11. Д. 87.

[27] ГААО. Ф. 2323. О. 3. Д. 108.

[28] ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 119.

[29] ГААО. Ф. 2323. О. 9. Д. 132.

[30] ГАРФ. Ф. 5446. О.44а. Д. 832.

[31] Головко, А.Г. Вместе с флотом. – 3-е изд. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 287 с. (Военные мемуары). [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/golovko_ag/index.html (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[32] Голубев, А. Потери корабельного состава Северного флота и гражданских ведомств на северном морском театре в период Великой отечественной войны. – СПб.: Частный военно-исторический архив, 1999. – 65 с. [Электронный ресурс] // URL: https://www.google.ru/books/edition/Потери_корабельного_с/Ued8AAAAIAAJ?hl=ru&gbpv=1&bsq=inauthor:%22A.%20Golubev%22&kptab=overview (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[33] Два конвоя: PQ-17 и PQ-18: Сб. / Пер. с англ. А. Г. Больных. – М: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 797 с. (Военно-историческая библиотека). [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/memo/usa/lund_ludlam/index.html (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[34] Капралов, Ю. Конвой на Диксон // Север. – 1974. – № 7. – С. 93–103.

[35] Капралов, Ю.Д. Трагедия в Карском море // В конвоях и одиночных плаваниях: сборник. – Архангельск, 1985. – С. 116–134.

[36] Книга памяти. Подвиги работников транспорта навеки в наших сердцах. – М.: РосКонсульт, 2001. – 160 с.

[37] Конталев, В.А. Морской торговый флот СССР во Второй мировой войне. – М.: Транслит, 2012. – 512 с.

[38] Корякин, В.С. Советский гражданский флот в годы Великой Отечественной войны. – М.: Вече, 2018. – 320 с. (Военные тайны XX века).

[39] Николаев Б.Д., Петрухин П.А. Мы с «Гремящего» – М.: Воениздат, 1961. – 192 с. (Военные мемуары). [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/nikolaev_petruhin/index.html (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[40] Паролов И.В., Трифонов Ю.Н. Флот Северного морского пароходства (1870–2015). Ч. 2. – Архангельск: КИРА, 2015. – 302 с.

[41] РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 137.

[42] РГАЭ. Ф. 8045. О. 1. Д. 198.

[43] РГАЭ. Ф. 8045. О. 3. Д. 1363.

[44] РГАЭ. Ф. 9570. О. 2. Д. 1445.

[45] РГАЭ. Ф. 9570. О. 4. Д. 129.

[46] РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Д. 297.

[47] РГАЭ. Ф. 9570. О. 5. Ф. 301.

[48] Романенко, Ф.А. Ушедшие в вечность // Ямальский меридиан. – 2009. – №№ 8, 9, 10.

[49] Санакина, Т.А. Настоящим сообщаю. // Ямальский меридиан. – 2008. – № 12. – С. 42–46.

[50] Санакина, Т.А. Свидетель гибели парохода «Марина Раскова» // Защитники Отечества: материалы XV областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике / Архангельский областной краеведческий музей [и др.]; ред. кол.: В. В. Брызгалов [и др.]. – Архангельск, 2004. – С. 171–181.

[51] Семёнов, А.Н. Мои арктические рейсы // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. – Архангельск, 1991. – С. 111–112.

[52] Скофилд, Б. Русские конвои / Пер. с англ. А. Г. Больных. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 288 с. (Военно-историческая библиотека). [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/h/schofield/index.html (дата обращения: 21.09.2021 г.)

[53] Скрицкий, Н. В. Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 – М.: «Центрполиграф», 2012 – 575 с. (На линии фронта. Правда о войне).

[54] Сомкин, А. Гибель «Марины Расковой» / А. Сомкин // Мы помним вас... / А. Сомкин. – Архангельск, 1995. – С. 131–154. [Электронный ресурс] // URL: http://www.polarpost.ru/forum/download/file.php?id=4849 (дата обращения: 21.09.2021 г.)

[55] Спирихин, С.А. Марина Раскова / авт.-сост. Спирихин С.А. // Суда Северного морского пароходства: альбом-справочник. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Архангельск [Сев. морское пароходство], Северодвинск ОАО «Северодвинская типография», 2010. – С. 72.

[56] Суда Министерства Морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: ГПИНИИМТ «Союзморниипроект», 1989. – Печ. л. 7,0. [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/h/mmf/index.html (дата обращения: 21.09.2021 г.)

[57] Супрун, М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945. – М.: Андреевский флаг, 1997. – 364 с. [Электронный ресурс] // URL: http://arcticwar.pomorsu.ru/sea/ll/lendl002.htm (дата обращения: 21.09.2021 г.)

[58] Христофоров, В.С. Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ / В.С. Христофоров, А.П. Черепков. – М.: Вече, 2014. – 448 с. (Военные тайны XX века).

[59] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. Выпуск 3. С 1 июля по 31 декабря 1942 г. – Л.: Воениздат, 1946.

[60] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре с 1.07.42 по 31.12. 42 гг. Выпуск 3. – Спб.: Галерея Принт, 2000 – 156 с.

[61] Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. Выпуск 7 (с 1 июля по 30 декабря 1944 г.). / сост. капитан 1 ранга Д.В. Соколов, подполковник К.М. Муратханов, капитан-лейтенант Н.Н. Денисов: под ред. капитана 1 ранга Д.В. Соколова – М.: Воениздат, 1950. – 571 с.

[62] ЦАМО. Ф. 58. О. 18003. Д. 604.

[63] Частное собрание С.В. Шулинина. Рукопись Ю.Д. Капралова, полковник-инженер в отставке «Страницы истории обороны Советской Арктики» – 1973.

[64] Частное собрание С.В. Шулинина. Дневник Д.С. Иванова (копия). – 1944–1945.

[65] Широкорад, А.Б. Арктика и Северный морской путь. Безопасность и богатство России – М.: Вече, 2017 – 416 с. (Мифы и правда истории).

[66] Широкорад, А.Б. Битва за Русскую Арктику – М.: Вече, 2015. – 384 с. (Выбор России).

[67] Шмигельский, Л.Г. Молотовск и война в Арктике // Война в Арктике (1939-1945 гг.) / сост. и науч. ред. М.Н. Супрун. – Архангельск: Поморский университет, 2001. – С. 204–257.

[68] Шмигельский, Л.Г. Молотовский завод № 402 и северные конвои // Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Выпуск 3. / составитель Супрун М.Н. – М.: Андреевский флаг, 2000. – С. 68–102. [Электронный ресурс] // URL: http://arcticwar.pomorsu.ru/sea/nc3/research/ship_repair_factory_402_1.htm (дата обращения: 21.09.2021 г.)

[69] Шулинин, С.В. История конвоя БД-5. – Ижевск: Принт, 2019. – 331 с.

[70] Шулинин, С.В. Карское море, обагрённое горем // Ямальский меридиан. – 2008. – № 5. – С. 53–58.

[71] Шулинин, С.В. Конвой памяти. Карская экспедиция – 2009 // Ямальский меридиан. –2009. – № 1. – С. 58– 61.

[72] Шулинин, С.В. [и др.]. Ямальский мемориал арктических летописей: в 2-х томах. Т. 1. / сост., автор С.В. Шулинин [и др.]. – СПб.: ГеоГраф, 2017. – 348 с.

[73] Щедролосев, В.В. Три сестры Беломорской флотилии: военно-исторические очерки. – СПб: ЛеКо, 2006. – 200 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.polarpost.ru/forum/download/file.php?id=9980 (дата обращения: 21.09.2021 г.)

[74] BA-MA, RM 98/870, KTB U-365.

[75] Convoy QP-10. Received from Tony Cooper, England – His source: Public Records Office, Kew. [Электронный ресурс] // URL: https://warsailors.com/convoys/qp10.html (дата обращения: 07.07.2019 г.).

[76] Convoy PQ-14 – Page 2. Captain W. H. Lawrence's Narrative of Voyage (Captain of Briarwood – Vice Commodore Ship) Received from Roger Griffiths – His source: Public Records Office, Kew. [Электронный ресурс] // URL: https://warsailors.com/convoys/pq14narrative.html (дата обращения: 07.07.2019 г.).

[77] Database «Miramar Ship Index» [Электронный ресурс] // URL: https://www.miramarshipindex.nz/ship?name=Marina%20Raskova (дата обращ.: 21.09.2021 г.).

[78] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1930. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/30/30a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/30/30a0878.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/30/30b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/30/30b1449.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/30/30b0826.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[79] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1931. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/31/31a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/31/31a0874.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/31/31b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/31/31b1474.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/31/31b0843.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[80] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1932. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/32/32a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/32/32a1176.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/32/32b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/32/32b1089.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/32/32b0630.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[81] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1933. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/33/33a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/33/33a1168.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/33/33b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/33/33b1062.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/33/33b0621.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[82] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1934. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/34/34a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/34/34a1024.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/34/34b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/34/34b1011.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/34/34b0588.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[83] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1935. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/35/35a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/35/35a1056.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/35/35b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/35/35b1003.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/35/35b0578.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[84] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1936. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/36/36a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/36/36a1119.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/36/36b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/36/36b1019.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/36/36b0586.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[85] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1937. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/37/37a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/37/37a1131.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/37/37b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/37/37b1066.pdf Основные ссылки – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/37/37b0612.pdf, https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/37/37b1009.

pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[86] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1938. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/38/38a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/38/38a1128.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/38/38b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/38/38b1066.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/38/38b0416.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[87] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1939. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/39/39a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/39/39a1142.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/39/39b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/39/39b1089.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/39/39b0416.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[88] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1940. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/40/40a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/40/40a1124.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/40/40b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/40/40b1067.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/40/40a0450.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[89] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1941. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/41/41a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/41/41a1077.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/41/41b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/41/41b1047.pdf Основные ссылки – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/41/41b0405.pdf, https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/41/41b1008.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[90] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1942. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/42/42a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/42/42a1053.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/42/42b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/42/42b1103.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/42/42b0433.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[91] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1943. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/43/43a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/43/43a1063.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/43/43b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/43/43b1246.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/43/43b0481.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[92] Lloyd's register of shipping – London: Lloyd's Register of Shipping, 1944. URL 1-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/44/44a0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/44/44a1067.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.), URL 2-ой части: https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/44/44b0001.pdf до https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/44/44b1326.pdf Основная ссылка – https://plimsoll.southampton.gov.uk/shipdata/pdfs/44/44b0693.pdf (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[93] NARA, T-1022, roll 3045.

[94] Rohwer J., Hummelchen G. Chronology of the War at sea, 1939–1945: volume one, 1939-1942 – Military Book Society, [б.г.]. – 288 p.

[95] Schofield, B.B. The Russian Convoys. – London: Pan Books Ltd, 1971 – 237 p.

[96] The National Archives official website (United Kingdom) / Catalogue description [Электронный ресурс] // URL: https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C10136229 (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[97] Woodman, R. Arctic Convoys 1941–1945. – Pen & Sword Maritime, 2007 – 532

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Сибирский фактор Имперской и Советской модернизации (XVIII–XX вв.)

УДК 94.17

Судебная реформа Петра Великого в Сибири в 1725–1730-е гг.

Бородина Елена Васильевна
Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социальной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия
sosnovi-bor@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8128-5698

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию судебных преобразований Петра Великого в Сибири в 1725–1730-е гг. Изучение историографии вопроса показало, что, как правило, характер, органы суда и основные этапы проведения судебной реформы петровского времени изучены достаточно хорошо. В меньшей степени ученые обращают внимание на период после смерти первого российского императора. Вопрос о том, сохранились ли какие-то нововведения после «контрреформ» 1727 г., рассмотрен в неполно. В результате анализа документальных источников автор пришел к выводу, что в Сибирской губернии судебная реформа и «контрреформа» 1727 г. проходили медленнее в сравнении с другими регионами Российской империи. Ликвидация органов суда не означала упразднения новшеств судопроизводства, судебного делопроизводства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Российская империя, история России, XVIII в., история Сибири, история государства и права, судебная система.

Время правления Петра Великого отмечается активными преобразованиями во всех сферах жизни общества. Среди них – проведение первой в истории России судебной реформы, результатом которой стало создание органов суда, отдельных от административных структур в конце 1710-х – начале 1720-х гг. [2, с. 4; 20, с. 15]. В настоящее время судебная реформа первого российского императора хорошо изучена как на уровне анализа ее законодательных основ, так и на примере функционирования судов в отдельных регионах страны [3; 8; 12; 15; 19; 20; 21; 22; 23]. В частности, рассмотрены создание и функционирование судов в западных уездах Сибирской губернии, основание которой приходится на начало 1710-х гг. [1; 6].

В меньшей степени изучено, что стало с новыми судебными структурами после смерти монарха, каким образом происходило отступление от заданного курса. Как правило, исследователи отмечают, что кончина монарха повлекла за собой постепенную ликвидацию новых органов власти на местах. Одной из основных причин этого называют дефицит государственного бюджета, который исключал любую возможность выплат жалования служащих многочисленных органов власти на местах [9, с. 10; 10, с. 95].

В соответствии с указом от 19 декабря 1718 г. на территории России начинают учреждаться органы суда. В регионах следовало создать надворные и подчинявшиеся им «нижние суды», представленные единоличными городовыми и коллегиальными провинциальными судами [16, с. 603–604]. 8 января 1719 г. в «знатных губерниях» были организованы надворные суды [16, с. 607]. В Сибирской губернии предполагалось создать один надворный суд в Тобольске, который начал свою работу в конце декабря 1720 г. [6, с. 68]. В течение 1720–1721 гг. здесь также появляются «нижние суды», представленные городовыми судами, возглавляемыми городовыми судьями. В 1722 г. часть из них была упразднена, а другая часть преобразована в судебные канцелярии под руководством судебных комиссаров [6, с. 95–98]. Кроме того, в 1722 г. территория губернии была поделена на два судебных округа, второй надворный суд был создан в Енисейске [6, с. 91].

Особенностью сибирского региона являлось создание городовых судов и последующее размещение судебных комиссаров в населенных пунктах, которые не имели статуса города. В частности, они были направлены в уральские горнозаводские

дистрикты. Первоначально – на Каменских и Уктусских заводах (1721–1722 гг.), затем – на Екатеринбургском заводе-крепости (1723–1726 гг.).

Еще одной отличительной чертой региона стало назначение городовых судей и судебных комиссаров из числа местных служилых людей, без специального согласования с Юстиц-коллегией (до 1722 г.) и Правительствующим Сенатом (после введения генеральных смотров дворянства в 1721–1722 гг.) [6, с. 71, 98–99]. На протяжении всего периода проведения судебной реформы этим вопросом в Сибирской губернии занимались Тобольская губернская канцелярия и Тобольский надворный суд, являвшийся в 1720–1722 гг. главным судебным органом административно-территориальной единицы. Вероятно, что подобные полномочия получил и Енисейский надворный суд, начавший функционировать в конце 1722 – начале 1723 г.

Как и в других регионах страны, введение новой системы судов в Сибири сталкивалось с трудностями. В первую очередь они были вызваны непониманием региональными администраторами смысла создания новых должностных лиц. Суд рассматривался как одна из функций управления. По этой причине в новоназначенных судьях воеводы и другие представители власти на местах видели конкурентов, посягавших на их полномочия в уезде. Анализ документов делопроизводства центральных и региональных органов власти западных уездов Сибирской губернии показал, что в 1720–1721 гг. встречались конфликтные ситуации при вступлении в должность городовых судей [6, с. 74].

Во многих случаях сами судьи рассматривали свое назначение как поощрение по службе, которое могло способствовать дальнейшему получению прибыли [6, с. 75]. Это хорошо видно на примере дела судебного комиссара Краснослободского дистрикта Матвея Головкова, занимавшего судейский пост в течение нескольких месяцев 1723 г. Судебный комиссар был определен на должность в апреле 1723 г., но уже в сентябре этого же года он оказался обвинен во взяточничестве. М. Головков попытался сохранить место и задобрить рассматривавших его дело членов присутствия Тобольского надворного суда, послав каждому из них по быку. Однако все попытки М. Головкова были тщетными: в декабре 1723 г. он был арестован и ждал окончания следствия. В ходе допросов бывший судебный комиссар показал, что для получения должности он дал сорок рублей президенту Тобольского надворного суда Родиону Тимофеевичу Ушакову и пять рублей секретарю суда Семену Прасолову [6, с. 99, 224]. В злоупотреблениях своим должностным положением обвинялись и другие городовые судьи и судебные комиссары Сибири. 9 из 25 известных нам «нижних судей» Западной Сибири были уличены во взяточничестве [6, с. 222, 224–226].

В 1722–1723 гг. в Сибирской губернии, как и по всей стране в целом, произошла частичная ликвидация судебных органов власти, учрежденных в результате судебных преобразований конца 1710-х – начала 1720-х гг. Вследствие частых межведомственных конфликтов и отсутствия достаточного количества кадров для замещения должностей судебных комиссаров Петр I и его соратники приняли решение упразднить провинциальные суды, полномочия которых были переданы воеводам с помощниками-асессорами, и городовые суды, находившиеся в непосредственной близости от провинциальных центров. Сами городовые суды были трансформированы в канцелярии судебных комиссаров [17, с. 515, 524–525]. Таким образом, в некоторых населенных пунктах вся полнота власти была возвращена воеводам.

Региональная администрация получила возможность больше контролировать деятельность надворных судов и судебных комиссаров. Тем не менее, стоит отметить, что надзорные функции воевод и губернаторов в вопросах суда были прописаны еще в Инструкции, или наказе воеводе от 26 января 1719 г.: «хотя воеводе не надлежит ссор тяжебнаго дела между подданными судить, и судьям и расправе их помешательство чинить; однако ж ему крепко смотреть, чтобы земские судьи по данной инструкции

уездный суд управляли, и подданных продолжением и волокитами не утесняли» [11, с. 430]. Кроме того, воеводам следовало обнародовать указы, касавшиеся отправления правосудия, а также следить за сбором пошлин и надзирать, чтобы «смертныя дела» передавались в соответствующие органы суда [11, с. 430].

Протяженность территории Сибирской губернии и отдаленность одного населенного пункта от другого способствовали сохранению большинства судебных канцелярий. Исключение составляли территории Предуралья, где часть судебных канцелярий была уничтожена. Например, в Кунгур вместо судебного комиссара ежегодно присылались асессоры воевод Вятки (до 1724 г.) и Соликамска [6, с. 96].

Таким образом, с 1722 г. монарх и его соратники начинают постепенно отказываться от введенных в 1719–1721 гг. судебных органов. После ликвидации провинциальных судов с 1725 г. начинается процесс уничтожения канцелярий судебных комиссаров. Одной из первых была упразднена должность судебного комиссара в Екатеринбурге. В конце 1725 г. Сибирский обер-бергамт получил указ из Берг-коллегии о ликвидации Екатеринбургской судебной канцелярии. Все судные дела в горнозаводских дистриктах перешли в руки земских комиссаров [6, с.110–111].

15 июля 1726 г. должность судебных комиссаров была ликвидирована на всей территории Российской империи [18, с. 677–678]. Для Сибирской губернии это решение было повторено еще раз в сенатском указе от 21 февраля 1727 г. [6, с. 114]. Тем не менее, даже после этого повеления в некоторых уездах Сибирской губернии судебные канцелярии просуществовали до конца 1727 г. В частности, в Тюмени судебная канцелярия была упразднена лишь в декабре 1727 г., а ее дела были переданы воеводе Тюменского уезда [6, с. 116].

Деятельность надворных судов была прекращена указом от 24 февраля 1727 г. [18, с. 744–751]. Несмотря на это, Тобольский надворный суд также просуществовал еще несколько месяцев после публикации законодательного акта – до конца лета 1727 г. [6, с. 117]. Данную ситуацию можно объяснить как удаленностью Сибирской губернии от столичного центра, так и временем, требовавшимся для передачи дел из одного ведомства в другое.

Как можно заметить, в Сибирской губернии нововведения в судоустройстве вводились с опозданием по сравнению с некоторыми губерниями европейской части страны. Большинство исследователей отмечают, что 1727 г. стал временем окончания судебной реформы Петра Великого. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, в 1727 г. в Российской империи произошло упразднение региональных судов, но, несмотря на это, была сохранена Юстиц-коллегия, в обязанности которой продолжал входить надзор за осуществлением правосудия на местах. Губернаторы и воеводы, вернувшие себе всю полноту власти в регионах, продолжали отчитываться по некоторым вопросам суда и следствия перед Юстиц-коллегией. Под ее формальным контролем находились отчеты о содержавшихся в провинциальных тюрьмах подследственных колодниках и заключенных. Кроме того, продолжается введенная в 1721 г. указом Юстиц-коллегии практика ревизионно-решающего порядка дел, приговором по которым являлись политическая смерть или смертная казнь [5, с. 409].

При проведении судебной «контрреформы» наиболее заметными оказались институциональные изменения. Тем не менее, в области судопроизводства судебная реформа сохранила свои позиции. При проведении суда и следствия воеводы и губернаторы опирались не только на Соборное уложение 1649 г., но и на новые законодательные акты, созданные в годы правления Петра I. В частности, ведение процесса по гражданским делам опиралось на указ «О форме суда» 1723 г. Это видно, например, при анализе судебных документов Тюменской воеводской канцелярии второй половины 1720-х – 1730-х гг. Каждое дело формировалось в тетрадь, в которую

поочередно записывались допросные речи истца и ответчика [13; 14]. Изучение формуляров челобитных – документов, инициировавших судебное разбирательство, – также показывает, что они соответствовали требованиям, сформулированным в нормативных правовых актах первой четверти XVIII в. [7; 24; 25].

Таким образом, нововведения судебной реформы Петра I не были уничтожены полностью. Как и по всей стране, в Сибирской губернии они сохранились на уровне практик судопроизводства и документального оформления судебного процесса. Смерть первого российского императора привела лишь к упразднению региональных судов, что во многих случаях подтвердило главенство местных администраторов в губерниях и уездах. Удаленность сибирских территорий не способствовала как быстроте проведения реформы, так и ликвидации созданных в ее результате судебных структур. Тем не менее, в Сибири они сохранялись дольше, чем где бы то ни было.

Список литературы

[1] Акишин М. О. О проведении судебной реформы Петра Великого в Сибири // Власть в Сибири: XVI – начало XX в. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 522–525.

[2] Акишин М. О. Судебная реформа Петра I: диссертация ... кандидата юридических наук. СПб., 2005. 231 с.

[3] Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: Учебное пособие. Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. 352 с.

[4] Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. XVI, 521, [1], 44, [1] с.

[5] Бородина Е. В. «Случайные жертвы» суда и следствия: к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Росс ийской империи в 1725—1741 годы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 397—418. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418.

[6] Бородина Е. В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 308 с.

[7] Бородина Е. В. Челобитная как источник для изучения истории российского общества XVII–XVIII вв.: структура и эволюция формуляра // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 28–33.

[8] Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 454 с.

[9] Готье Ю. В. История областного управления России от Петра I до Екатерины II. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. Т. 1. 472 с.

[10] Демкин А. В. Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М.: ИРИ РАН, 2011. 259 с.

[11] Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. 880 с.

[12] Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях: рассуждение, пис. для получения степ. магистра гражд. законодательства канд. прав Константином Кавелиным. М.: тип. А. Семена, при Имп. Мед.-хирург. акад., 1844. 197 с.

[13] Книга розыскных судных дел. 1726–1727 гг. // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1656. 7 л.

[14] Книга розыскных судных дел. 1729 г. // ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1658. 8 л.

[15] Комолов Н. А. Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: на материалах Белгородской и Воронежской губерний: [монография]. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. 185 с.

[16] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ): в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. 782 с.

[17] ПСЗРИ с 1649 года: в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. 818 с.

[18] ПСЗРИ с 1649 года: в 33-х т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. 925 с

[19] Поселеннов А.В. Губернская и провинциальная реформы в России в первой четверти XVIII в.: механизм проведения и результаты: На материалах Нижегородского края. Дисс. ... к.и.н. Арзамас, 2005. 201 с.

[20] Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 487 с.

[21] Стешенко Л. А. Образование коллегии Юстиции (1719–1725 гг.) // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1966. № 6. С. 63–79.

[22] Троцина К. Е. Историческое развитие судоустройства в России от времен великого князя Иоанна III до наших дней: Рассуждение студента Лицея кн. Безбородко Константина Троцины, написанная на тему, предложенную Советом того Лицея. Киев: Университетская типография, 1847. 354 с.

[23] Феноменов М. Я. Углицкая провинция при Петре Великом: Бытовые очерки. Москва; Петроград: Государственное издательство, 1923. 112, [2] с.

[24] Челобитная солдата Енисейского полка Федора Шестово на посадского человека Афонасия Стукалова за избиение его во время исполнения служебных обязанностей. 1737 г. // ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5522. 1 л.

[25] Челобитные разных лиц о добровольном примирении тяжущихся сторон и о прекращении исков. 1733–1735 гг. // ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4572. 8 л.

УДК 93/94

Концессии в Сибири в первой трети XX века: к вопросу об иностранном факторе российской модернизации

Демчик Евгения Валентиновна
Доктор истоорических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.
demtchikev@mail.ru, orcid.org/0000-0002-6218-447X

Мамзин Михаил Владимирович
Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социальной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия
mamzin2000@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье анализируется практика привлечения концессионного капитала в отечественную экономику в первой трети XX века. Выявляются ключевые факторы деятельности концессионеров в периферийных районах России имперского и советского периодов. Определяется роль иностранного капитала в процессе экономической модернизации Сибири

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, концессии, иностранные инвестиции.

В процессе поиска источников модернизации российской экономики и ее регионов в начале XX века вектор поиска оказался направленным на государственно-частное партнерство в форме концессий, а именно передачу подконтрольных государству предприятий во временное пользование частного капитала. Недостаток крупных промышленников среди соотечественников привел властные органы Российской империи к идее призыва иностранных инвестиционных средств. Наиболее крупные предприниматели, желающие заключить концессионные соглашения, обнаружились в среде промышленных элит Германии, Великобритании и США.

Историография темы концессий в региональной экономике России и СССР весьма обширна. Изучение влияния концессий на российскую экономику в дореволюционный период осуществляли А.А. Штофа, В.И. Семевского и Ф.А. Львова. От революции 1917 года вплоть до перестроечного периода советская историография следовала единой парадигме использования концессионного капитала как вынужденной меры (работы В.П. Бутковского, Б.М. Яковлева, Л.Г. Ляндау, А.Г. Сеид-Гусейнова). Среди иностранных исследователей экономической истории России необходимо выделить Э. Саттона, Дж. Мюррэя, П. Малоземова. Новейшая отечественная историография в изучении вопросов реализации концессионной политики ориентируется большей частью именно на зарубежную парадигму восприятия концессионных отношений. Высоко оценивают иностранные инвестиции в ходе модернизации российской экономики Т.В. Юдина, В.А. Шкерин, С.А. Сосна, М.С. Немцов. В целом, проблема концессий на современном этапе развития исторической науки активно разрабатывается.

Обеспеченность Сибири полезными ископаемыми не могла идти в сравнение ни с одним регионом Российской империи. Однако заключение концессионных отношений к началу XX века все еще оставалось на прецедентном уровне. Основная масса соглашений приходилась на центральную часть России, где в приоритете было создание высокотехнологичных отраслей промышленности. От концессионеров, в особенности иностранных, ожидали крупных денежных инвестиций в железнодорожную [1, с. 229] и нефтеперерабатывающую сферу. В Сибири Кабинет предпочёл избрать для частных

предпринимателей более традиционную сферу, а именно золотодобычу [7, с. 194] и горную промышленность по добыче ценных ресурсов (асбеста, угля, марганца, свинца).

Судьбоносным решением к переориентации местной экономики на концессионную основу становится царское предписание о закрытии алтайских рудников и заводов и их переоборудовании. У кабинетского управления сформировалась идея передачи сибирских рудников и заводов частному капиталу – российскому или иностранному. Будущие концессионеры вели деятельность одновременно по двум направлениям: готовили необходимые документы, завозили оборудование, набирали рабочих для проведения геологоразведочных работ и параллельно подготавливали предварительный проект соглашения с государственными органами.

В ходе геологических разведок государственными агентами и представителями концессионера производилась экспертиза горной породы. Начальник экспедиции обладал многочисленными полномочиями для проведения важной и дорогостоящей операции. В перечень входили следующие возможности: по управлению приисками, распоряжением покупок, заготовлением и доставок до приисков продовольствия, заключением договоров, найма сотрудников. [2, Л. 13]. Перед началом работ с государственными органами оговаривался бюджет, выделяемый на геологическую разведку. В отдельных случаях его объем достигал колоссальных сумм в размере вплоть до 70 000 рублей. Предоставленное государством право разведки в то же время запрещало кому-либо еще производить золотодобычу в рассматриваемом под концессию районе [6, Л. 39].

В качестве основы использовалась руда, изымаемая из земли в количестве нескольких десятков тонн. Из этого сырья выделялось золото и серебро, его состав анализировался. На основе полученной информации делался вывод: есть ли возможность начинать разработку ресурсов на данном участке [4, Л. 37]. Отчеты направлялись на имя курирующей организации в виде вкладыша шлихового золота в бланковую или шнуровую тетрадь [8, Л. 18], в которой содержались сведения по результатам анализа рудников. Полученные данные использовались для начала формирования договорной составляющей концессии.

Отдельного внимания заслуживают окончательные сроки, до которых Кабинет готов был передать концессию в руки предпринимателей. Например, Риддерская концессия могла расширять свои полномочия вплоть до 1950 года [11, л. 18], а Горнопромышленная корпорация в Змеиногорске – до 1967 [11, л. 4]. Всего к 1914 г. только на территории Кабинета такого рода возможностью воспользовалось свыше 15 инвесторов [11, л. 5].

Уже в 1903 г. по просьбе представителей Австрии князя Александра Турн-и-Таксиса и Иосифа Жанне-Эгон Риддеровский рудник был впервые за долгое время отлит. В первую очередь кабинет позволил провести геологоразведочные работы в верховьях Оби, Чумыша, Алея, Кондомы, а также на территории заброшенных серебряно-свинцовых рудников вблизи Змеиногорска [5, с. 370]. В 1911 г. составляется смета, и начинаются разведочно-добычные работы, которые закончились с мизерным результатом, но обустройство рудника продолжалось [12, с.136]. В целом, в период работы компания добывала от 13 до 14 пудов золота, занимала по этому показателю первое место на Алтае.

Одной из наиболее известных фигур в концессионной практике стал шотландский концессионер Лесли Уркварт. До начала общения с Кабинетом по поводу Риддерских рудников предприниматель уже имел опыт взаимодействия с российским правительством во время строительства нефтедобывающих предприятий на Бакинских месторождениях. Еще до вступления Российской империи в войну, в феврале 1914 г. его компанией выдвигается предложение использования «кабинетских земель» на концессионных условиях [8, л. 91]. Под успешным курированием бывшего министра торговли и промышленности М. М. Федорова договор в ускоренном темпе проходит стадию подписания и уже к октябрю того же года иностранное акционерное общество

начинает работать на базе алтайских рудников. Положение нового руководства укрепляет присланный из департамента промышленности России Н.К. Лессиг. Поэтому уже с января 1915 г. стагнирующее состояние производственных комплексов и шахт Риддерска начинает постепенно преодолеваться [8, л. 30].

В течение нескольких месяцев отстраивается дробильное отделение обогатительной фабрики. Основным применяемым инструментом на ней выступает дробилка Блэка [9, л. 45], привезенная акционерным обществом из Европы. Недостаточное количество электроэнергии было решено через дополнительную закупку локомобилей системы Вольфа. Ключевой проблемой на 1915 г. оставалась только доставка добытых материалов. Основная тяжесть перевозки грузов ложилась на конно-гужевой транспорт, который слабо справлялся с подвозом постоянно возрастающих заказов. На этом фоне было принято решение о продолжении строительства заложенной еще при прошлых владельцах рудников железной дороги. Н.К. Лессиг начинает активную переписку с кабинетскими министрами для согласования отдельных аспектов строительства. Горный инженер апеллирует к фактам активизации военных действий, в векторе которых необходимо производить модернизацию важных оборонных предприятий. Проблему отсутствия надежных средств связи с внешним миром предлагается решить при помощи строительства железнодорожных путей вдоль реки Ульбы. Правительство дает разрешение на закупку рельс от рязано-уральской железной дороги, а сам проект признает «необходимым для нужд Государственной обороны» [9, л. 5].

Совокупность акционерного капитала и поддержка государства позволила риддерской концессии усилить производственные мощности. Признание важности организации приводит к заключению торгового договора с Ижорским заводом, который заказывает с алтайских рудников тридцать тысяч пудов цинка с содержанием шестисот пудов свинца. Заказ утверждался на год с указанием того, что в случае опоздания будет высказана неустойка в 2% от суммы стоимости в срок неотправленного количества. Отчетные документы демонстрируют рост производственных мощностей на фоне сделки. К началу 1916 г. количество добытого и обработанного цинкового концентрата достигает показателя в 28 547 пудов за месяц [8, л. 94].

Однако ухудшение положения российской армии на фронтах первой мировой войны начинает отрицательно сказываться на деятельности промышленных предприятий, в первую очередь за счет процесса мобилизации. Нередко изъятые с производства мужские кадры заменялись достаточным числом военнопленных. Так, из 2184 человек, представленных на рудниках, свыше семисот человек являлось выходцами из армий враждебных государств, то есть свыше трети от общего числа рабочих. В отчетах руководства часто подчеркивается их безынициативность, а также то, что военнопленные не отрабатывали даже свое содержание и оставались у предприятия в долгу. Выход из этой ситуации был найден через отмену указа о запрете выдачи свыше 20 копеек на одни руки. После отмены пункта производительность, как отмечало руководство концессии, резко возросла [8, л. 76]. Военные действия коснулись, однако, не только рабочего персонала, но и непосредственно специализированных кадров. Массовый отток специалистов вынуждал концессионеров подавать прошение на имя генералитета для освобождения необходимых кадров от военной службы. В письме Н.К. Лессига говорится о британском инженере Роберте Макфи, который был призван в английскую армию [8, л. 46] – его уход связывался руководством с остановкой производства всей концессии, что воспрепятствовало исполнению военного заказа.

Поводом для гордости становится достроенная железная дорога, протяженностью 96 верст. Вдоль путей были выстроены четыре станции: Усть-Каменогорск, Тарханка, Черемшанка и Риддерск, которые связывались между собой телефонной линией. Основную перевозку грузов совершали паровозы системы Компаунд. Полноценный запуск железной дороги осложнился единственной аварией состава и гибелью одного

кочегара. Подобные обстоятельства руководство связывало с тяжестями военного времени и в целом оценивало новую дорогу как «хорошую» [9, л. 5]. События февральской революции ликвидировали намеченные концессионерами планы. Образованный в марте 1917 года Совет союза рабочих выдвинул руководству ряд требований, среди которых введение шестичасового рабочего дня, образование кассы союза риддерских рудников и обоюдно вежливое обращение администрации и рабочих. В ходе переговоров руководство пришло к следующему решению: смена закрепляется в восьмичасовой норме, штрафование отменяется, недоразумения между персоналом разбираются особой комиссией в составе двух представителей от рабочих, двух от администрации [8, л. 27].

После событий октября 1917 года сибирские концессионные предприятия, уже переписавшие свои соглашения в пользу временного правительства, оказались перед «ударом» национализации. Однако периферийное расположение организаций отчасти позволило им сохранить временную независимость, а в отдельных случаях даже автономии [3, л. 14]. Как сообщается в отчетах периода Гражданской войны: «Работами руководствуют управляющий Концессиями и буровой мастер – американец. Никакого вмешательства со стороны советских учреждений или рабочих организаций не было» [3, л. 15]. Даже в бесконтрольных обстоятельствах правление Змеиногорской концессии в 1918 г. продолжило развитие Лазурьевского рудника для расширения алмазной добычи [10, л. 1]. Но встреча с новыми общественными тенденциями не позволила активно продолжать работу. В конечном итоге к концу года деятельность концессий была окончательно остановлена [9, л. 40].

Возвращение концессионных предприятий в Сибирь происходит с расширением зоны действия новой экономической политики. Изначально советское правительство стало частично перенимать тактику дробления сибирского ресурсного капитала в сторону «мелких» концессий, но мизерное количество заявок и сомнительность отдельных инвестиционных компаний изменило первоначальную тактику. В конечном счете на долю сибирского региона концессионных соглашений было заключено пропорционально меньше, чем в центральной части Советской России, а сами концессии по размерам варьировались от гигантской Lena Goldfields, Ltd. до небольших золотодобывающих предприятий или телеграфных фирм [14, с. 94].

Одной из первых стала концессия «Винт», предоставленная в декабре 1921 г. сроком на 20 лет. Она охватывала 1600 десятин земли, и давала право на эксплуатацию в Благовещенском, Петровском, Захарьевском, Новопоктовском, Сереговом, Евдокиевском и Кодачном рудниках. Формально, в 1923 г. эта концессия представляла собой практически единственное организованное предприятие в Сибири по добыче золота. Для покрытия расходов «Винт» в ходе своей деятельности привлекал как британских, так и американских партнеров, чем обеспечивал свою деятельность вплоть до 1927 г. [14, с. 101].

Параллельно в Сибири происходило расширение американской автономной индустриальной колонии на Кузбассе. Ее своеобразие состояло в том, что советское правительство вносило в производство свою часть в размере 300 тыс. долларов и 60 тыс. пудов муки. Американская же сторона предоставляла оборудование, инструменты, продовольствие, одежду на сумму по 200 долларов на каждого человека [13, с. 145]. Подводя итоги этих и других изменений за два года, прошедших с тех пор, как американцы взяли под свой контроль кузбасские месторождения, руководитель предприятия Пирсон сообщал о повышении производительности до одной тонны на одного рабочего [13, с. 152]. Параллельно весной 1923 г. из Нью-Йорка была отправлена крупная партия сельскохозяйственного оборудования и расходных материалов на сумму около 25 000 долларов: тракторы и плуги, бороны, зерноуборочные машины, 1500 бушелей пшеницы для посева и семена овощей для 100 акров огорода. К зиме того же года был собран первый урожай ржи, и еще 800 акров были засеяны пшеницей, рожью, просом и чечевицей [13, 169].

Концессия «The Lena Goldfields» становится наиболее крупным иностранным предприятием в Сибири. Для облегчения начального этапа производственной деятельности советское правительств» передало «Lena Goldfields» в пользование все фабрики, конторы и все подсобные устройства. Концессия охватывала медные рудники Сысерта, Николо-Павдинские платиновые рудники, месторождения меди, свинца и цинка на реке Иртыш, Северо-Кузнецкие (Киселевские) угольные шахты, антрацитовые рудники в Егошине, золотые прииски на реке Витим, бодайбинскую железную дорогу в районе Лена-Вятка и судоходную систему на реке Лена [14, с. 159].

На начальном этапе концессионеры показали себя добросовестными и эффективными партнерами. За 1925-1926 гг. корпорацией «Лена Голдфилдс» на территории СССР было добыто 920 000 пудов меди. Одной из главных строек стало сооружение большого металлургического завода в поселке Глубоком, где арендаторы сосредоточили основные силы. В немалой степени этому способствовало внедрение новейших технологий: за первые годы эксплуатации концессия сумела поставить и разместить 17-футовую земснарядную установку на Бодайбинском участке Витимских месторождений. Её перевезли из Южного Милуоки до Бодайбо. Это было масштабное мероприятие, поскольку большое и сложное оборудование должно было быть перевезено из Соединенных Штатов в глубь Сибири, установлено и введено в эксплуатацию. Для этих целей были построены специальные дороги и оборудование, которое было готово к использованию в июле 1928 г. Этот аппарат стал одним из четырех россыпных земснарядов, построенных для России компанией Bucyrus Co [14, с. 97].

В целом, можно признать эффективной российскую концессионную политику первой трети XX века. Чётко выверенная схема ведения бизнеса позволила концессионерам в кратчайшие сроки достигать высоких производственных результатов. Поиск ответа на вопрос об успешности работы концессионных предприятий лежит на поверхности: достижению успеха способствовала отличающаяся от местных аналогов модель предприятий, колоссальный капитал и новейшие технологии. Иностранные концессии имели в составе своего персонала достаточное число высокообразованных специалистов, работавших преимущественно на американском оборудовании. Достигнутые во втором десятилетии результаты разработки сибирских месторождений активно продолжали использоваться и Советской властью, и пришедшим в годы нэп акционерным обществом «Lena Goldfields, Ltd». В дальнейшем эффективная деятельности концессионного капитала оказалась невозможной в силу целого ряда причин и обстоятельств.

Список литературы

[1] Голубев А. А. Концессионирование в железнодорожном строительстве России (середина XIX – начало XX в.) // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2011. №4. С. 234 – 236.

[2] Дело о действии Змеиногорской концессии // ГААК. Ф. 160. О. 4. Д.15. 75 л.

[3] Дело о предоставлении отчетных сведений за 1918г. по программе ведомственного совещания при министерстве торговли и промышленности 42 л. // ГААК. Ф. 160. О.5. Д. 130. 42 л.

[4] Договоры, заключенные Кабинетом с арендаторами и концессионерами // ГААК. Ф. 4. О. 1. Д. 1746. 207 л.

[5] Дьяченко Ю.С. Сравнительный анализ условий концессиональных соглашений кампаний Александра фон Турн-и-Таксиса и доктора Жаннэ и Лена Гольдфильдс Лимитед в первой трети XX века // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2013. №18. С. 368 – 380.

[6] Копии договоров, заключенных Главным Алтайским горным управлением на сдачу в аренду золотых промыслов и рудников частным предприятиям и концессионерам // ГААК. Ф. 160. О. 4. Д. 105. 91 л.

[7] Мукаева Л.Н. Горнопромышленное освоение Горного Алтая в конце XIX - начале XX в / Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 194 – 195.

[8] О действии Риддерской концессии Риддерского горнопромышленного общества // ГААК. Ф. 160. О. 4. Д. 739. 204 л.

[9] Отчет о работе по разведкам Змеиногорской концессии // ГААК. Ф. 160. О. 4. Д. 145. 150 л.

[10] Сообщения управляющего концессией о временном прекращении работ на Березовском и о начале работ на Лазуровском руднике // ГААК. Ф. 160. О.5. Д. 65. 4 л.

[11] Списки концессий, действующих в округе в 1916 г. // ГААК. Ф. 4. О.1. Д. 2089. 120 л.

[12] Старостенко Г.В. Зри в корень // Алтай. 2009. №1. С. 112 – 142.

[13] Morray J.P. Project Kuzbas: Amer. workers in Siberia (1921-1926). New York, 1983. 191 p.

[14] Sutton A.C. Western technology and Soviet economic development, 1917 to 1930. Hoover Institution, 1968. 399 p.

УДК 94(47)“1884–1914”+314.18

Воспроизводство населения Енисейской губернии на заре демографической модернизации (конец XIX – начало XX в.)

Зверев Владимир Александрович
Доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия.
sosna232@yandex.ru , https://orcid.org/0000-0003-0108-4499

АННОТАЦИЯ Отмечается, что в исследованиях населения Приенисейского края, как и всей Сибири, сложилась коллизия «оптимистического» и «пессимистического» мнений об уровне социально-демографического развития региона на рубеже XIX–XX вв. Автором построены и проанализированы динамические ряды показателей физического воспроизводства населения во всей Енисейской губернии и отдельно в городах. Показано, что присущий аграрному обществу баланс высоких показателей смертности и рождаемости, приводящий к низким темпам естественного прироста населения, с течением времени, с некоторым отставанием от центра страны, на берегах Енисея рушился. Смертность определенно сокращалась, рождаемость оставалась пока высокой, и поэтому последовательно увеличивался естественный прирост. Такая ситуация характерна для начального этапа демографической модернизации общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА естественное движение населения, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, демографический переход.

Задачи настоящей публикации – прояснить степень научной изученности темы, обозначенной в названии статьи; раскрыть и интерпретировать с позиций теории демографического перехода основные параметры естественного движения населения Приенисейского края на рубеже XIX–XX вв. В исторической демографии естественное движение населения («физическое воспроизводство населения», «возобновление поколений») трактуют главным образом как изменение под влиянием меняющихся обстоятельств количества родившихся и умерших людей, что с течением времени изменяет число и состав жителей изучаемой территории, так сказать, «естественным» путем [4, с. 127, 279].

Уже в 1920-е гг. А.Р. Шнейдер, пользуясь материалами Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и текущими данными губернской административной статистики, высчитал общие коэффициенты естественного движения сельского населения Приенисейского края на пятилетних этапах периода 1880–1910-х гг. До сих пор не потеряли своего значения его выводы: 1) о сочетании негативных и благоприятных сторон в той природной и социальной обстановке, в которой происходило возобновление поколений здешних жителей на рубеже веков; 2) о существенных различиях в режиме естественного движения населения в городах и селениях, при его типологическом единстве, об активном влиянии на воспроизводство населения в регионе переселенческого движения; 3) об очень высоком тогда уровне рождаемости и смертности на берегах Енисея; 4) о господстве, по крайней мере в сельском населении, которое составляло абсолютное большинство, тенденции к дальнейшему повышению рождаемости и естественного прироста населения, ее сочетании с «понижательной тенденцией» в динамике уровня смертности [22, с. 19–21].

В 1930-х гг. А.И. Чураев под влиянием утвердившихся тогда идеологических установок выдвинул применительно к населению Восточной Сибири «капиталистического» периода безосновательное положение: «В результате чрезвычайно высокой смертности городское население имеет отрицательный “естественный” прирост, а в сельской местности население имеет незначительный “естественный” прирост...». И далее:

«Высокая смертность населения представляла устойчивое явление, вызываемое социально-бытовыми условиями дореволюционной России» [21, с. 31–34].

В 1960–1980-х гг., когда в сибиреведении возобновился интерес к историко-демографической проблематике, зазвучало эхо двух подходов к оценке режима возобновления поколений на рубеже XIX–XX вв., заложенных еще в 1920–1930-х гг. Наследуя А.И. Чураеву, некоторые ученые отрицали применительно к Сибири, в том числе к ее восточному сегменту, факты снижения смертности и достижения высокого естественного прироста населения [14, с. 103; 20, с. 17; и др.]. Абсолютизировали данные о «страшной антисанитарии», царившей в городах и селениях, очень низком уровне медико-санитарного обслуживания их жителей, «пагубной колониальной политике», «беспощадной эксплуатации, болезнях и голоде», якобы обусловивших «низкий, а иногда и отрицательный» прирост населения при царизме. Сторонники более реалистичного подхода учитывали не только «темные» стороны социальной обстановки, затруднявшие в конце XIX – начале XX в. процесс воспроизводства населения, но и происходившие прогрессивные подвижки в этой сфере. Сделанные ранее А.Р. Шнейдером выводы о возобновлении поколений в Енисейской губернии, по существу, получили распространение на Восточную Сибирь и весь Сибирский регион [2, с. 158–160; 3, с. 78–80; 11, с. 29; 15, с. 61–64; и др.].

Автор настоящей статьи в 1990-х гг. инициировал использование в исследованиях по исторической демографии Сибири теории демографического перехода, имевшей к тому времени опыт применения на общероссийском материале. Произведены погодовые и поэтапные расчеты общих коэффициентов естественного движения населения в регионах Азиатской России и, в частности, в Восточной Сибири 1880–1910-х гг. С их учетом сделаны выводы о господстве здесь, как и в центре страны, традиционного типа воспроизводства населения с высоким уровнем рождаемости и смертности, при наличии начальных признаков перехода к современному типу (и в городах, и в селениях они выразились, в частности, в некотором сокращении смертности и последовательном повышении естественного прироста) [5; 6; и др.]. В ряде работ эти выводы учитывают и расчеты по Енисейской губернии, не имеющие, впрочем, исчерпывающего характера [7, с. 135–138; 8, с. 113–122; и др.].

В трудах В.А. Исупова излагается иное мнение о времени и обстоятельствах начала демографического перехода в Сибири. Первые модернизационные импульсы, приходившиеся на рубеж XIX–XX вв., вторую половину 1920-х гг. и рубеж 1930–1940-х гг., историк называет безрезультативными, а момент вступления демографической системы Сибири «в качественно новую стадию своей истории» связывает с Великой Отечественной войной [10]. Утверждает, что «никакого заметного снижения коэффициента смертности в Сибири в конце XIX – начале XX в. не обнаруживается». И главное – что «общие коэффициенты смертности как свидетельство инициации процесса демографической модернизации использованы быть не могут. Это слишком грубый инструмент, сильно зависимый от искажающего воздействия структурных факторов» (10, с. 34).

Однако наши расчеты показывают, между прочим, что в Восточной Сибири в период с 1884–1887 до 1911–1914 гг. общий коэффициент смертности понизился заметно – с 40,3 до 28,9 ‰ , т. е. в 1,4 раза; а в городах между 1887–1890 и 1911–1914 гг. произошел спад с 45,9 до 26,3 ‰ – более чем в 1,7 раза (подсчитано по: [7, с. 135; 8, с. 117]). Авторитетные схемы развития демографического перехода, выделяющие в этом эпохальном событии четыре фазы (демографические прогнозы ООН) или пять этапов (всемирно известная схема А. Кулишера и К. Блейкера), основаны как раз на сопоставлении динамики общих коэффициентов смертности, рождаемости и естественного прироста [1, с. 316–317; 4, с. 241–242; 9, с. 116; и др.].

В современных трудах по истории Приенисейского края при оценке демографической обстановки, сложившейся в конце имперского периода, воссоздается коллизия

«оптимистов» и «пессимистов». Т.А. Кискидосова учитывает данные и выводы А.Р. Шнейдера, исчисляет общие коэффициенты мортальности в Красноярске за 1881 и 1902 гг. (они сократились в 2,6 раза) и делает вывод: «…В конце XIX – начале XX в. в Енисейской губернии происходило сокращение смертности городского населения. К концу рассматриваемого периода качество жизни горожан несколько улучшилось по сравнению с пореформенным периодом, стали проявляться признаки демографического перехода…» [13, с. 540]. Но В.И. Фёдорова подвижки в масштабах смертности и естественного прироста енисейского населения едва замечает и выносит суровый вердикт: «Стремление ряда современных исследователей усмотреть признаки демографического перехода в Сибири в начале XX в. можно квалифицировать как попытку выдать желаемое за действительное» [19, с. 490]. К сожалению, в процитированных работах, как и во всей наличной литературе по нашей теме, не построены и не проанализированы погодовые динамические ряды показателей возобновления поколений жителей Енисейской губернии за весь изучаемый период, и потому сделанные выводы могут оспариваться.

В таком историографическом контексте возникла необходимость в настоящей статье. Сосредоточимся здесь на количественной характеристике естественного движения населения Енисейской губернии в период 1880–1910-х гг. Конкретные хронологические границы в данном случае определены временем публикации главным медицинским ведомством Российской империи ежегодных, без перерывов, достаточно достоверных данных о численности населения, количестве родившихся и умерших жителей во всех губерниях и областях Сибири, в том числе в Енисейской губернии. По этим данным мною впервые в историографии в полном виде исчислены и сведены в динамические ряды абсолютные величины и общие коэффициенты физического воспроизводства населения за каждый год (табл. 1)[160].

Таблица 1 – Погодовые параметры естественного движения населения Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв.*

Год	Среднее население, чел.	Умерло		Умерло		Прирост	
		абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1884	434 371	17 943	41,3	21 195	48,8	3252	7,5
1885	443 113	16 474	37,2	23 086	52,1	6612	14,9
1886	450 866	19 375	43	22 809	50,6	3434	7,6
1887	456 614	19 052	41,7	22 968	50,3	3916	8,6
1888	465 692	16 764	36	23 617	50,7	6853	14,7
1889	473 848	16 944	35,8	23 315	49,2	6371	13,4
1890	477 715	17 185	36	22 847	47,8	5662	11,8
1891	469 826	19 733	42	23 946	51	4213	9

[160] Показатели, помещенные в настоящей статье в таблицах, на рисунках и далее в тексте, если их происхождение не оговорено особо, исчислены по: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за… [1883–1895 гг.]. СПб., 1886–1898; Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за… [1896–1914 гг.]. СПб., 1905–1916. Среднегодовая численность жителей (среднее население), необходимая для правильного вычисления погодовых коэффициентов, определялась делением пополам суммы численности населения в начале и конце текущего года.

Год	Среднее население, чел.	Умерло		Умерло		Прирост	
		абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1892	468 946	18 922	40,4	25 524	54,4	6602	14
1893	480 978	17 272	35,9	25 914	53,9	8642	18
1894	493 789	19 213	38,9	27 070	54,8	7857	15,9
1895	526 021	22 551	42,9	28 171	53,6	5620	10,7
1896	547 720	23 639	43,2	27 402	50	3763	6,8
1897	553 855	20 701	37,4	30 146	54,4	9445	17
1898	563 320	21 435	38,1	29 746	52,8	8311	14,7
1899	572 295	20 563	35,9	30 525	53,3	9962	17,4
1900	582 851	26 083	44,8	34 448	59,1	8365	14,3
1901	594 159	24 222	40,8	36 344	61,2	12 122	20,4
1902	635 467	23 016	36,2	35 876	56,5	12 860	20,3
1903	695 843	24 509	35,2	36 712	52,8	12 203	17,6
1904	720 167	24 416	33,9	36 794	51,1	12 378	17,2
1905	722 716	26 616	36,8	32 760	45,3	6144	8,5
1906	746 583	26 857	36	38 537	51,6	11 680	15,6
1907	777 314	30 830	39,7	43 920	56,5	13 090	16,8
1908	802 877	33 584	41,8	49 203	61,3	15 619	19,5
1909	868 974	34 376	39,6	53 381	61,4	19 005	21,8
1910	943 191	35 706	37,9	56 348	59,7	20 642	21,8
1911	966 409	28 173	29,2	51 981	53,8	23 808	24,6
1912	1 021 295	36 451	35,7	58 440	57,2	21 989	21,5
1913	1 097 695	38 520	35,1	59 165	53,9	20 645	18,8
1914	1 126 708	35 696	31,7	60 741	53,9	25 045	22,2

Первый важный вывод, который мы делаем, просматривая данные таблицы, заключается в том, что в Приенисейском крае в изучаемый период последовательно осуществлялось расширенное воспроизводство населения. Его численность увеличивалась со среднегодовым темпом на этапе 1884–1890 гг. в 101,6 %, а в 1893–1914 гг. – в 104,1 %. Во всей Сибири на этапе 1893–1914 гг. среднегодовой темп прироста был меньше – только 103,7 %. В 1891–1892 гг. в Енисейской губернии произошел небольшой, единственный за весь изучаемый период спад количества жителей. Во второй половине 90-х гг. и затем особенно в годы Столыпинской аграрной реформы на берегах Енисея поселилось большое количество аграрных мигрантов, что немало способствовало ускорению здесь роста численности населения. Одновременно в толще населения происходило, правда, далеко не столь последовательно, увеличение абсолютного количества смертей и рождений.

Показатели, помещенные в таблице 1, свидетельствуют, что для Енисейской губернии был характерен очень высокий уровень рождаемости и смертности жителей. Коэффициент мортальности в 1884–1914 гг. имел среднеарифметическую годовую величину, равную 38,1 ‰, коэффициент прокреации – 53,6. Эти показатели были больше, чем в целом по Сибири за те же годы, соответственно, на 4,8 и 4,4 ‰, и намного больше, чем в Европейской России за 1887–1914 гг. (соответственно, на 10,6 и 12,4 ‰).

Коэффициенты и смертности, и рождаемости изрядно колебались от года к году. Мортальность испытывала зависимость от событий конкретного года или конъюнктуры микроэтапа. Частые неурожаи, эпидемии, военные события (Китайский поход 1900–1901 гг.) обусловили ее всплески в 1884, 1886–1887, 1891–1892, 1895–1896, 1900–1901, 1908 гг. Прокреация в большей степени определялась брачной и половозрастной структурами населения, ментальностью людей и традициями. Однако между двумя рядами показателей существовала некоторая связь. Всплеск смертности мог в скором времени повлечь компенсаторный подъем рождаемости. В свою очередь, детородная активность была чревата увеличением числа смертей, ведь младенцы, не прожившие на свете и одного месяца, составляли в Приенисейском крае, по данным 1902–1903 гг., почти 12 % среди покойников, а скончавшихся в возрасте до года было среди них 47,4 % (подсчитано по: [16, с. 276–277; 17, с. 276–277]).

Высокие уровни рождаемости и смертности – яркий признак традиционного типа воспроизводства населения. Этот тип предполагает также, что разница между конкретными значениями этих уровней невелика: стихийная рождаемость более или менее успешно компенсирует неконтролируемую смертность, обеспечивая нулевой, слабо отрицательный или (чаще) слабо положительный прирост населения. Однако в Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. между уровнями прокреации и мортальности мы видим солидный разрыв. В 1884–1914 гг. коэффициент естественного прироста имел положительную среднегодовую величину, равную 15,6 ‰. Это близко к показателям всей Сибири за те же годы (16,1 ‰) и Европейской России за 1887–1914 гг. (13,7 ‰). Столь сильное рассогласование уровней смертности и рождаемости – явный признак кризиса традиционного типа возобновления поколений.

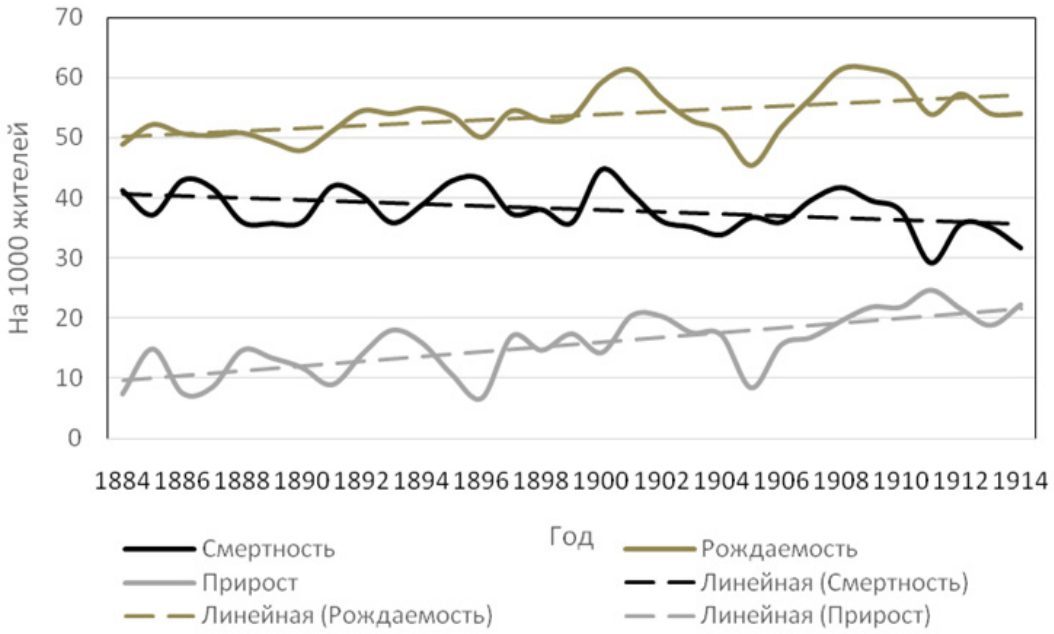

Рис. 1. Естественное движение всего населения Енисейской губернии: динамика ежегодных показателей на рубеже XIX–XX вв.

Естественный прирост населения в Приенисейском крае тоже испытывал колебания. Годы его спада, как правило, соответствовали моментам всплеска смертности. Исключением является 1905-й, год поражения России в Русско-японской войне и начала Первой русской революции. Смертность тогда не поднялась, но рождаемость упала до значения, минимального во всем динамическом ряду из-за отсутствия в семьях изрядного количества мужчин-резервистов, призванных в армию, спада брачной активности населения в предшествующем и текущем году.

Разнобой относительных показателей, представленных в табличной форме, не позволяет понять, в каком направлении менялись масштабы естественного движения населения Енисейской губернии в изучаемый период. Чтобы решить это проблему, представим динамику рождаемости, смертности и естественного прироста населения в виде линейчатой диаграммы с добавленными траекториями линейных трендов (рис. 1).

Диаграмма вполне определенно показывает, что изначально очень высокая смертность в Приенисейском крае со временем снижалась, рождаемость же, напротив, шла по восходящей. Рассогласование двух динамических рядов становилось фатальным для судьбы демографической традиции. Противоположная направленность трендов мортальности и прокреации генерировала яркую выраженность восходящего тренда естественного прироста населения. К концу изучаемого периода естественный прирост населения в Енисейской губернии приобрел масштабы демографического «взрыва». В целом картина соответствовала параметрам начальной фазы демографического перехода в ее «английском» варианте, предполагающем сохранение на заре демографической модернизации длительного временного лага между моментами начала сокращения смертности и рождаемости (последняя может даже некоторое время повышаться) [4, с. 237].

Описанная выше динамика, характерная для всего населения Приенисейского края, в общих чертах относится и непосредственно к сельскому населению, поскольку оно в начале изучаемого периода составляло более 90 %, а в конце – более 80 % жителей губернии. Но ситуация в городах в ряде конкретных черт отличалась от общей картины. Постараемся далее выяснить общие и особенные черты процесса возобновления поколений в среде городского населения Енисейской губернии. Имперское медицинское ведомство предоставило нам для этого ежегодные сведения о количестве постоянных жителей, числе родившихся и умерших людей в городах за 1887–1895 и 1902–1914 гг. Результаты расчетов, произведенных на основе этих данных, помещены в таблице 2.

Таблица 2 – Погодовые параметры естественного движения городского населения Енисейской губернии в начале XX в.*

Год	Среднее население, чел.	Умерло		Умерло		Прирост	
		абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1887	38 846	2446	63	1795	46,2	-651	-16,8
1888	39 354	2002	50,9	1960	49,8	-42	-1,1
1889	38 837	1772	45,6	1919	49,4	147	3,8
1890	38 902	1960	50,4	1923	49,4	-37	-1
1891	39 825	2302	57,8	1997	50,1	-305	-7,7
1892	42 076	2323	55,2	2041	48,5	-282	-6,7

Год	Среднее население, чел.	Умерло		Умерло		Прирост	
		абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1893	44 556	2035	45,7	2024	45,4	-11	-0,3
1894	46 567	2313	49,7	2280	49	-33	-0,7
1895	51 717	2625	50,8	2194	42,4	-431	-8,4
1902	96 765	2684	27,7	3213	33,2	529	5,5
1903	74 797	2711	36,2	3320	44,4	609	8,2
1904	78 404	2777	35,4	3092	39,4	315	4
1905	78 132	3434	44	3076	39,4	-358	-4,6
1906	85 027	3320	39	3724	43,8	404	4,8
1907	94 621	3840	40,6	4888	51,7	1048	11,1
1908	105 005	4151	39,5	5223	49,7	1072	10,2
1909	117 294	4525	38,6	5384	45,9	859	7,3
1910	123 363	4080	33,1	5495	44,5	1415	11,4
1911	123 490	3577	29	4588	37,2	1011	8,2
1912	129 043	3919	30,4	5138	39,8	1219	9,4
1913	140 955	3875	27,5	5209	37	1334	9,5
1914	150 327	3715	24,7	5050	33,6	1335	8,9

Данные таблицы о динамике среднего населения показывают, что количество городских жителей в губернии в 1887–1895 гг. прибывало быстрее, чем число сельчан и чем общая численность жителей. Среднегодовой темп прироста числа горожан составил тогда 103,6 %. Но в начале XX в., когда прирост в городах почти не ускорился (в 1902–1914 гг. он составлял 103,7 %), сельское народонаселение и все население губернии вышли вперед по темпам прироста. Причины – массовый приток аграрных переселенцев, оседавших чаще всего в сельской местности, а также, как это будет показано ниже, более скромный уровень естественного прироста населения в городах. Кстати, в начале XX в. численность городского населения в целом по Сибири множилась со средним ежегодным приходом в 105,9 %, т. е. быстрее, чем в Енисейской губернии.

Очень большие в целом относительные показатели смертности в городах Приенисейского края менялись год от года с вариационным размахом, вдвое превышающим размах колебания уровня рождаемости. В начале изучаемого периода были частыми экстремальные приливы мортальности, их даты обычно коррелируют с всплесками смертности во всем населении губернии. Среднегодовой уровень смертности в 1887–1895 гг. составлял 52,1 ‰, но в 1902–1914 гг. сократился до 34,3 ‰. Уровень рождаемости в 1887–1895 гг. равнялся 47,8 ‰, а в 1902–1914 гг. – 41,5 ‰. Вначале ежегодные показатели мортальности и прокреации мало отличались друг от друга, но всё же смертность перевешивала. Города в 1887–1895 гг. «естественным» путем потеряли 1793 жителя, и весь прирост их людности обеспечивался тогда иммиграцией сельского населения. Затем положение принципиально изменилось – во все годы начала XX в.,

кроме крайне неблагоприятного 1905-го, рождаемость в городах доминировала над смертностью. Сравнительная динамика коэффициентов физического воспроизводства населения в городах наглядно представлена на рисунке 2

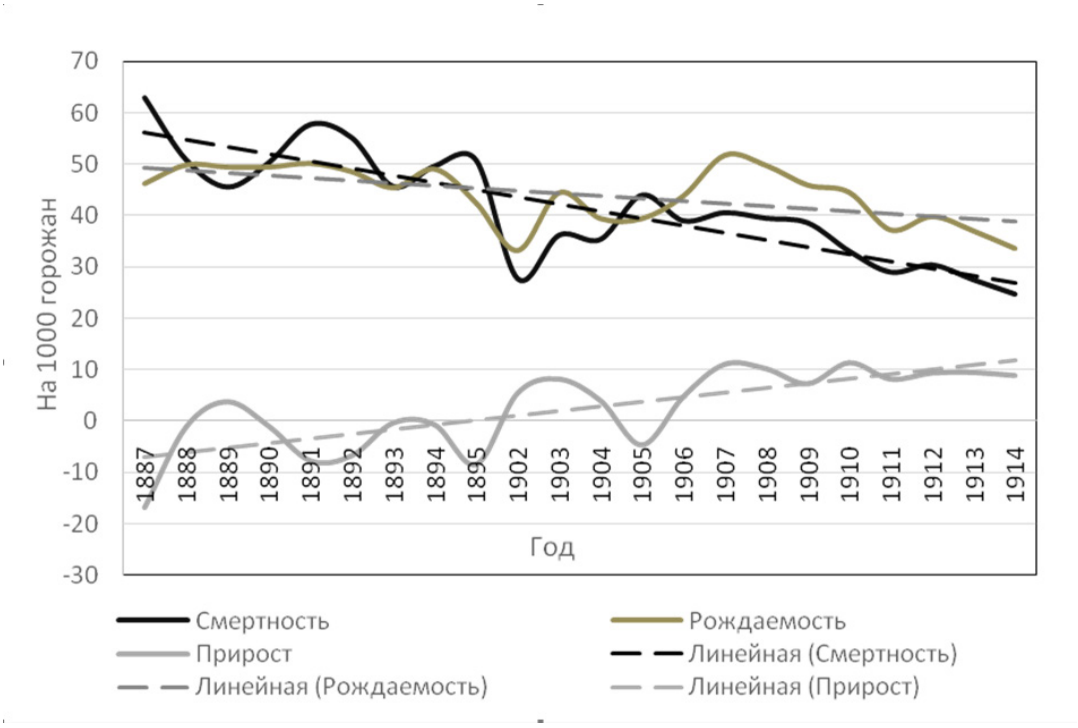

Рис. 2. Естественное движение городского населения Енисейской губернии: динамика ежегодных показателей на рубеже XIX–XX вв.

Диаграмма показывает, что в первой половине изучаемого периода вибрирующие ряды смертности и рождаемости были тесно сплетены, но в начале XX в. произошло их расхождение в пользу прокреации. Линии трендов фиксируют совершенно определенную, ясно выраженную тенденцию к сокращению со временем масштабов смертности. Рождаемость тоже сокращалась, но в меньшей степени. Эти тенденции были бы изъявлены гораздо рельефнее, если бы не временный подъем и рождаемости, и смертности в 1906–1910 гг. Такой же всплеск происходил тогда и во всем населении Енисейской губернии (см. рис. 1). Он объясняется большим механическим приростом количества жителей в период Столыпинской аграрной реформы: в среде переселенцев были высоки уровни прокреации и мортальности. Конечно, в связи с этим «можно говорить об определенной архаизации социально-демографических трендов» [19, с. 490], и не только в деревнях, но и в городах Приенисейского края. Однако «архаизация» стала явлением преходящим (см. рис. 2), она не могла быть абсолютной, ведь само добровольное и индивидуальное движение переселенцев в Сибирь делало их участниками миграционной революции, являвшейся частью демографической модернизации [1, с. 319–321].

Яркая черта социально-демографического процесса в городах Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. – восходящий тренд в динамике естественного прироста населения. Переход от «естественной» убыли количества горожан к устойчивому ежегодному прирастанию на уровне около 10 ‰ произошел в достаточно короткий срок. Первые успехи в демографическом развитии городов, как и губернии в целом, появились в результате усилий государственной власти и регионального сообщества по решению

многочисленных проблем экономической жизни, благоустройства, медико-санитарного состояния и образования, существовавших на заре перехода от аграрной модели общественного развития к индустриальной (подробнее см.: [12; 18]).

Итак, демографическая ситуация рубежа XIX–XX столетий в Енисейской губернии, как и во всем Сибирском регионе, в целом по Российской империи, характеризуется присущим аграрному обществу балансом высоких показателей смертности и рождаемости, приводящим к низким, а то и отрицательным темпам естественного прироста населения. Однако с течением времени, с некоторым отставанием от центра страны, на берегах Енисея проявляются модернизационные процессы. Уровни рождаемости и смертности отклоняются друг от друга. Мортальность определенно сокращается, прокреация остается пока высокой, и поэтому последовательно увеличивается естественный прирост. В сельской местности и в целом по Енисейской губернии прирост достигает размеров демографического «взрыва». Такая ситуация в четырехфазной схеме развития демографического перехода может быть описана как стартовый момент первой фазы, в пятиэтапной схеме – как завершение первого этапа «значительных колебаний» и продвижение на этап «раннего периода роста». В городах некоторые начальные проявления демографической транзиции фиксируются надежнее, чем в сельской местности.

Список литературы

[1] Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 368 с.

[2] Воробьёв В.В. Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 259 с.

[3] Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР: Новосиб. отд. Геогр. о-ва СССР, 1975. С. 75–89.

[4] Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. 944 с.

[5] Зверев В.А. Воспроизводство населения в Азиатской России: историческая динамика конца XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 63–68.

[6] Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...». Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. С. 130–153.

[7] Зверев В.А. Городское население Сибири: естественное движение на заре демографической модернизации (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография. Омск: Наука, 2010. С. 134–138.

[8] Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 107–124.

[9] Иванов С.Ф. Демографический переход // Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1985. С. 115–117.

[10] Исупов В.А. Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 34–36.

[11] Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.

[12] Кискидосова Т.А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Абакан: Бригантина, 2020. 362 с.

[13] Кискидосова Т. А. Смертность городского населения Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУЭиП, 2010. С. 537–540.

[14] Ноздрин Г.А. Демографические аспекты внутренней политики самодержавия в Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989. Вып. 1. С. 100–103.

[15] Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.

[16] Статистика Российской империи. СПб.: МВД. Центр. стат. ком., 1907. Вып. 66. 277, 4 с.

[17] Статистика Российской империи. СПб.: МВД. Центр. стат. ком., 1909. Вып. 70. XXIII, 277 с.

[18] Фёдорова В.И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016. 344 с.

[19] Фёдорова В.И. Сельское население Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв.: социально-демографическая динамика // Научный диалог. 2020. № 11. С. 477–494.

[20] Федотов Н.П., Мендрина Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. 280 с.

[21] Чураев А.И. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск: Огиз, 1933. 76 с.

[22] Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск: Бюро краевед. при Сред.-Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва, 1928. 22 с.

УДК 94(47) “192/193”

Модерн и традиция в повседневной жизни сибирских рабочих (вторая половина 1920--х – 1930-е гг.)

Исаев Виктор Иванович
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: history49@mail.ru
ORCID: 0000–0000–0003–1737–575x

АННОТАЦИЯ Рассмотрены проблемы трансформации повседневной жизни рабочих в период форсированной индустриализации Сибири в годы первых пятилеток. На основе материалов социологических исследований, проводившихся в исследуемый период, и данных архивных документов показан процесс вытеснения элементов традиционного сельского образа жизни более современными формами жизнедеятельности, соответствующими индустриально-урбанистическому обществу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА рабочие Сибири, повседневная жизнедеятельность, домашний труд, досуг, формы восприятия культуры.

Советская эпоха останется в истории России как героическое и одновременно трагическое время. Но при всей противоречивости она, несомненно, коренным образом изменила и продвинула страну по дороге прогресса. В современной историографии утвердился подход к рассмотрению советского периода с позиций теории модернизации, хотя результаты этой модернизации оцениваются различными исследователями очень по-разному. В самом общем виде модернизацию можно определить как процесс становления индустриально-урбанистической цивилизации.

Социально-экономические преобразования, в результате которых в течение первых пятилеток произошло превращение Сибири из аграрной окраины страны в индустриально развитый регион, в исторической литературе рассматривались в основном в плане количественных изменений: строительство промышленных предприятий, рост объемов производства, повышение удельного веса городского населения и т.п. В настоящее время накопленная историография этих количественных изменений выступает хорошей основой для дальнейшего более объемного изучения процесса модернизации Сибири.

Очевидно, что модернизация – это процесс не только количественных, но и качественных изменений. В том числе, большое значение имеют изменения в качественных характеристиках повседневной жизни человека. В 1920-е -1930-е гг. в городах Сибири произошли значительные изменения в социально-бытовой сфере, в формах жизнедеятельности населения. В настоящей статье мы попробуем проследить взаимодействие модерна и традиции в повседневной жизни сибирских рабочих в первые десятилетия советской власти.

Повседневная жизнедеятельность рабочих распределяется на рабочее и внерабочее время. Включение в процесс промышленного производства формировало структуру форм жизнедеятельности и распределение бюджета времени рабочих. Продолжительность рабочего дня у сибирских рабочих в середине 1920-х гг. составляла в среднем 7,47 часа. Это было серьезным улучшением по сравнению с дореволюционным положением: перед первой мировой войной средняя продолжительность рабочего дня в Сибири составляла 9,87 часа[161].

Следует отметить, что в исследуемый период в СССР был введен самый короткий

[161] Жизнь Сибири. 1925. № 6. С.38

рабочий день в мире – семь часов. Переход от восьми- к семичасовому рабочему дню был провозглашен в «Манифесте к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».[162] Переход на семичасовой рабочий день в Сибири, как и по всей стране, совершался постепенно. Некоторые предприятия Сибири ввели семичасовой рабочий день в начале 1928 г., массовый переход на семичасовой рабочий день развернулся в конце 1920-х гг.[163] В целом по промышленности СССР на 1 июля 1931 г. на семичасовой рабочий день перешло около 70% рабочих.[164] Семичасовой рабочий день действовал до конца 30-х годов, в 1940 г. в связи с предвоенной обстановкой вновь был установлен 8-часовой рабочий день.

По данным обследований бюджетов времени, проводившихся ВЦСПС, типичное распределение времени суток у рабочих в начале 1930-х гг. выглядело следующим образом.

Таблица 1. Бюджет времени рабочих за сутки (в часах, данные на 1931 г.) *

Затраты времени	Бюджет времени мужчин-рабочих	Бюджет времени женщин-работниц
Труд на производстве (при 7-часовом рабочем дне)	6,92	7,07
Домашний труд	1,42	4,7
Передвижение и покупки	1,4	1,67
Свободное время и общественная работа	2,86	1,29
Отдых и досуг	3,93	2,33
Сон	7,47	6,94
Итого:	**24**	**24**

* *Составлено по данным: Труд в СССР. Стат. Справочник. М., 1932. С.169.*

Данные о бюджетах времени рабочих показывают, что в рабочей семье сохранялась традиция возложения на женщин основной нагрузки по обслуживанию семьи, даже если они, как и мужчины, заняты в общественном производстве. Чрезмерную нагрузку на женщин при распределении домашнего труда выявляли проводившиеся в 1920-е гг. социологические обследования. По данным опросов и самонаблюдений женщин в Томске, Красноярске, Новосибирске и других городах Сибири, проведенных в конце 1920-х гг., работница была занята в домашнем хозяйстве ежедневно от 4 до 6 часов, т.е. практически для работавшей женщины после трудового дня на производстве предстоял еще один рабочий день в домашнем хозяйстве[165]. Чрезмерная загруженность женщин домашним трудом, недостаток у них свободного времени служили одной из основных причин сохранявшегося отставания женщин от мужчин в политическом и культурном отношении. Необходимо было изживать эту традицию, на это была направлена работа как среди мужчин, так и среди женщин.

Одной из форм борьбы за равноправие женщин с мужчинами стала работа делегатских собраний. В делегатских собраниях Сибири большинство участниц – около

[162] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. 1917-1928. М., 1967. С.763.
[163] ГАНО. Ф. р-627. Оп.1. Д.605. Л.97; ЦХАФАК. Ф. р-78. Оп.2. Д.175. Л.6..
[164] Труд в СССР. М., 1932. С.44;
[165] ГАНО. Ф. п-2. Оп.1. Д.2453. Л.26; Оп.2-1. Д.1672. Л.12-13; Ф. р-627. Оп.1. Д.140. Л.25; Д.248. Л.57.

60% - составляли работницы, около 10% - домработницы. В работу делегатских собраний активно вовлекались и домохозяйки, на долю которых приходилась примерно четвертая часть общей их численности, 5% составляли женщины из служащих[166]. В 1926 г. в городах и рабочих поселках Сибири насчитывалось 115 делегатских собраний, а в 1929 г. – уже 199 собраний, в которых участвовало около 8,4 тыс.женщин[167]. В 1930 г. число делегатских собраний возросло до 286, в них работало более 10,9 тыс.женщин[168]. Делегатские собрания организовывали культурные бригады, бригады быта работниц, производственные, рабочего снабжения и общественного питания. Деятельность делегатских собраний помогала улучшать быт рабочих и способствовала утверждению равноправных товарищеских отношений между женщинами и мужчинами.

Наряду с проводившейся просветительской работой среди женщин и мужчин по изменению традиции неравенства в распределении домашнего труда, принципиальное значение имело создание и развитие сети коммунально-бытовых учреждений по обслуживанию быта, способных взять на себя часть домашних забот и нагрузок. Одним из направлений сокращения труда и времени рабочих на приготовление пищи в домашнем хозяйстве стала организация системы общественного питания. К середине двадцатых годов в городах Сибири общественные столовые были немногочисленны. С началом первой пятилетки развернулась большая работа по расширению сети общепита. В 1931 г. в городах Западной Сибири насчитывалось 498 столовых, отпускавших 900 тыс. блюд в сутки. В крупных городах Сибири охват населения общественным питанием был довольно высок. Так, на 1 января 1931 г. в Томске он составлял 34,6%, в Новосибирске - 31,2%, в Омске - 21,2% (охват населения рассчитывался по отношению возможного разового предоставления блюд к общему количеству населения). В Восточной Сибири только в системе крайпотребсоюза насчитывалось 453 столовых. Общественным питанием было охвачено 18% населения[169].

За годы второй пятилетки денежный оборот сети общественного питания в Новосибирской области увеличился в 1,5 раза, в Омской области - в 2,7 раза, в Красноярском крае - в 5,5 раза. Вырос и охват населения сетью общественного питания. Так, по данным на 1934 г. в Кузбассе он составил 64,8%.

Специальное обследование, проведенное в июне 1934 г. среди рабочих Кузнецкого металлургического комбината, показало, что 87,7% работавших членов семьи, 20,6% взрослых-иждивенцев и 43,3% детей пользовались предприятиями общественного питания. При этом работавшие члены семей обращались к услугам столовых почти ежедневно: в среднем 25 дней в месяц завтракали, обедали, либо ужинали; из них 11 составляли дни, когда рабочие питались только в столовых. Дети питались в столовой хотя бы один раз в день в течение 18 дней месяца, взрослые, не работавшие члены семьи - 14,6[170]. Таким образом, учреждения общественного питания постепенно брали на себя часть домашнего труда по приготовлению пищи и организации питания.

Ведение домашнего хозяйства сибирских рабочих в рассматриваемый период осуществлялось в социально-предметной среде, носившей переходный характер. Транзитный характер социальной и предметно-вещной среды проявлялся, в частности, в жилищных условиях. Дома индивидуальной застройки оставались основным типом жилых строений в сибирских городах. Так, в Барнауле в 1931 г. они составляли 75%, в Новосибирске - 67,7%, в целом по городам Сибири - 72,8 всего жилого фонда. Добротные каменные здания в городах Сибири в это время были довольно редки. Так, к концу второй пятилетки в городах Новосибирской области только 2,8% жилого фонда

---

166 ГАНО. Ф. п-2. Оп.1. Д.1687. Л.136.
167 Агитатор. 1929.№ 1-2. С.94.
168 Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1930. № 1-2. С.9.
169 ГАИО. Ф. 600. Оп.1. Д.177. Л.63.
170 НФ ГАКО. Ф.12. Оп.11. Д.32. Л.10

составляли каменные строения, в Ленинске-Кузнецком из общего жилого фонда их было 7%.[171] Поэтому сибирские города, даже крупные, оставались еще большими деревнями, сохраняя во многом предметно-вещную и социальную среду, построенную по крестьянским образцам.

Более 70% рабочих Сибири на рубеже 1920-х - 1930-х гг. проживало в домах индивидуального сектора. Только к концу 1930-х гг. в связи с возрастанием объемов государственного строительства доля индивидуального сектора в городах Сибири сократилась примерно до половины.[172] Проживание в собственном доме часто сопровождалось и организацией подсобного хозяйства: огорода, содержанием домашних животных и т.п. Таким образом, многие рабочие Сибири сохраняли значительные элементы прежнего крестьянского образа жизни уже в новых городских условиях.

Среди условий быта рабочей семьи важное место занимала обеспеченность жилищ коммунальными удобствами, благоустройство дворов и улиц. Эта сторона быта была тесно связана с развитием городского коммунального хозяйства. Суммарная мощность городских водопроводов Западной Сибири за 1928 - 1936 гг. выросла в 3,5 раза (с 17,8 тыс. куб. м до 64 тыс. куб. м воды в сутки). Средняя подача воды в расчете на одного жителя составила в Новосибирске 24 л в сутки, Новокузнецке - 48,4 л, Томске - 25,1 л, Омске - 12,7 л (при санитарной норме - 40 л).

Установка коллективных водопроводных колонок также позволяла населению сибирских городов сократить затраты времени и сил на доставку воды для домашних нужд. Значительная часть населения могла таким образом пользоваться водопроводной сетью: в 1936 г. - 70% населения Новокузнецка, 50% - Кемерово, 45% - Ленинска-Кузнецкого, 40% - Прокопьевска[173].

В целом за исследуемый период наметились определенные изменения в ведении домашнего хозяйства, в формах и затратах домашнего труда рабочей семьи. В результате постепенно менялась в сторону создания цивилизованного урбанистического быта жилищно-бытовая среда. Сокращение домашнего труда являлось одним из прогрессивных изменений в образе жизни рабочих. Высвобождение все большей части внепроизводственного времени от домашних и бытовых забот, использование свободного времени для активного отдыха и развития личности было обусловлено потребностями индустриального производства, требовавшего развитого и грамотного работника, обладавшего определенным уровнем культуры.

Для перестройки форм повседневной жизнедеятельности рабочих необходимо было иметь в виду, что для вытеснения старых традиций проведения свободного времени, среди которых наиболее негативными были пьянство, хулиганство и карточные игры, должны быть разработаны и использованы действенные механизмы приобщения людей к культуре, позволяющие сделать новые нормы и ценности частью их духовного мира, повседневного существования. Такими механизмами стали, прежде всего, внедрение в повседневную жизнь людей форм потребления массовой культуры: посещение культурно-зрелищных учреждений, занятия в различных любительских кружках и т.п.

Во внедрении в повседневную жизнедеятельность рабочих таких форм проведения свободного времени, которые соответствовали современному образу жизни, важное место занимало посещение зрелищных учреждений. Просмотры кинофильма, театрального спектакля, других представлений создавали хорошие возможности для целенаправленного воздействия на сознание людей через эмоционально-художественное

---

[171] Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. Новосибирск,1939. С.15-16.

[172] Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С.14-15; Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за пять лет. Омск,1939. С.107.

[173] ГАНО. Ф. р-1353. Оп.1. Д.177. Л.3.

восприятие мира. С другой стороны это обеспечивало возможности для полноценного отдыха, восстановления физических и духовных сил, необходимых для дальнейшего процесса производства. Формирование привычки к посещению зрелищных учреждений являлось также эффективным средством вытеснения негативных форм проведения свободного времени.

По данным ВЦСПС на 1932 г., рабочие и члены их семей в сред¬нем посещали кинотеатры около 33 раз в год[174]. Близкая к этим данным частота посещения кинотеатров наблюдалась и в Сибири. По данным обследования в 1936 г. рабочих завода № 104 в Иркутске, рабочие бывают в кинотеатрах 2-3 раза в месяц [175]. Еще чаще смотрела кинофильмы молодежь. Так, по данным обследования рабочей молодежи, проведенного ЦУНХУ совместно с ЦК ВЛКСМ в конце 1935 г., юноши посещали кино около 41,6 раз в год, девушки - 29,6[176] . Таким образом, можно сделать вывод, что в Сибири за годы первых пятилеток посещение кино стало типичным видом культурного отдыха рабочих.

В организации культурного досуга рабочих Сибири большую роль призваны были сыграть рабочие клубы. По данным Сибирского краевого совета профессиональных союзов в 1928 г. по 1607 профсоюзным организациям (без Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих), в которых насчитывалось 220 тыс.чел., клубами обслуживалось более 120 тыс. человек, красными уголками - более 165,8 тыс.чел.[177]

Одним из направлений приобщения рабочих к новым формам проведения досуга являлось вовлечение их в занятия в кружках при клубах. В них был широкий выбор любительских занятий. В 1928 году в клубах Сибири действовало более 26 видов различных кружков. [178] Из 1607 профсоюзных организаций Сибири в 1025 были соз¬даны и работали различные кружки, их число достигало 4920, а ко¬личество занимающихся - 72850 чел. [179] Таким образом, в среднем каждый третий член профсоюза принимал участие в работе какого-ли¬бо кружка (расчет автора).

Примерно такой же уровень охвата рабочих кружковой работой сохранялся и в годы второй пятилетки. Так, в 1936 г., по данным профсоюзов Восточно-Сибирского края, в круж¬ковую работу при клубах было вовлечено от 35 до 50% рабочих.[180] Посещение клубов в исследуемый период становилось ти¬пичным видом отдыха рабочих.

В целом процесс развития сферы досуга у рабочих Сибири являлся прогрессивным и закономерным следствием индустриального роста, свидетельствующем о становлении общества массового потребления. Специфика индустриального труда с его монотонностью и выполнением работником узких односложных операций заставляет общество уделять внимание развитию физических и духовных способностей людей в свободное время.

Изменения в структуре занятий рабочих в свободное время, создание инфраструктуры обслуживания людей, проводящих свой досуг дома или вне стен жилища, играют важную роль в становлении городского образа жизни. Кардинальные перемены в сфере свободного времени городского населения происходили во всех странах, совершающих переход к индустриальному обществу. Подобные процессы интенсивно развивались и в ходе модернизации Сибири.

Само свободное время, его наполненность интересными занятиями становилось социальной ценностью. У рабочих Сибири формировалась своеобразная городская

---

174 ГАРФ. Ф. 5451. Оп.16. Д.745. Л. 4-5.
175 ГАИО. Ф. 2280. Оп.2 Д.519. Л. 109.
176 Молодежь СССР. Стат.сборник. М., 1936. С.270.
177 ГАРФ. Ф. 5451. Оп.12. Д.773. Л. 55..
178 ГАРФ. Ф. 5451. Оп.12. Д.785. Л. 26.
179 ГАРФ. Ф. 5451. Оп.12. Д.549. Л. 74.
180 ГАИО. Ф. 2280. Оп.2. Д.411. Л. 8.

культура проведения свободного времени, для которой характерны позитивные, развива¬ющие личность способы досуга: чтение книг и газет, посещение культурно-развлекательных учреждений для восприятия духовной культуры, любительское творчество, спорт и т.п.

Таким образом, в процессе модернизации Сибири повседневная жизнь рабочих кардинально преображалась, становясь все более многофункциональной, включающей в себя разнообразные виды деятельности, возрастало ее значение для развития личности и для общества в целом. Рассмотренные тенденции изменений повседневной жизнедеятельности рабочих Сибири позволяют определить их как постепенное вытеснение элементов традиционного сельского образа жизни и утверждение современных форм жизнедеятельности, присущих ннндустриально-урбанистическому обществу.

УДК 94(47).084.6

Феномен трудовой миграции в Сибири в конце 1920-х–начале 1930-х гг.: оргнабор и стихийная миграция

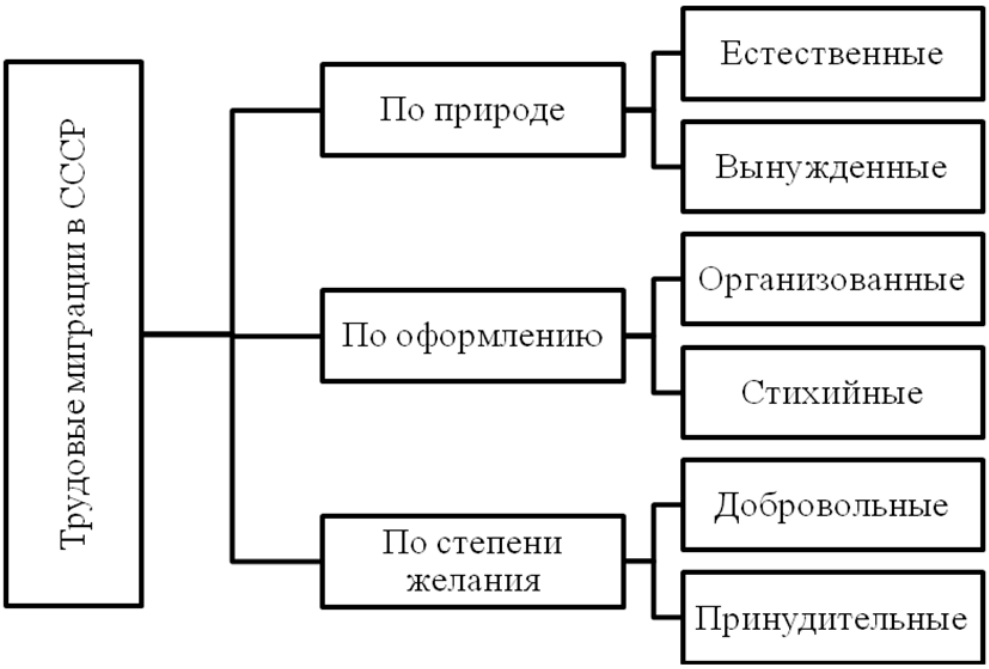
Кожаева Альбина Алексеевна
Магистрант, Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия.
a.kozhaeva18@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-2745-1365

АННОТАЦИЯ В работе предпринята пытка анализа оргнабора и стихийной миграции как особых видов трудовой миграции в СССР. Выявлены основные причины указанных миграций в конце 1920–1930-х годах. Отмечена диспропорция между масштабами крестьянского «самотека» и вербовкой. Выявлена причина неудовлетворительных итогов организованного набора в Сибири в указанный период. Предполагается, что усилия государства в борьбе со стихийной миграцией сельского населения не повлияли на ее распространенность по причине индивидуальных и групповых политических и экономических мотиваций (беженство от принудительной коллективизации, прежде всего), а также из-за множественных недостатков в осуществлении вербовки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА трудовая миграция, организованный набор, стихийная миграция, Сибирь, СССРкультуры.

Процессы трудовой миграции начала 1930-х не являются однородным явлением, поскольку включают в себя различные формы миграции, вызванные множеством причин и обстоятельств. На составленной нами схеме отображены категории и виды трудовой миграции в СССР.

Схема
Классификация трудовых миграций в СССР

Важно отметить, что каждая индивидуальная миграция может быть отнесена к нескольким видам миграций, которые представлены на схеме. Последнее объясняется одновременным пересечением различных тенденций, когда интересы и мотивы власти входили в противоречие с мотивами и интересами тех или иных групп крестьянства

В данной работе рассматриваются организованный и стихийный виды миграций, связанные прежде всего с вовлечением в форсированное развитие экономики страны трудового потенциала деревни. Предполагается, что предпринятая властью попытка восполнения рабочей силы путем организованного набора не привела к положительному результату в довоенные годы, тогда как стихийный набор, или «самотек», представлявшейся крестьянам лучшим способом отхода в город, получил широкое распространение. Исходной точкой в деле планирования государственными органами трудовой миграции считалось априорное положение о том, что производство необходимо было обеспечить не только массовой, но подготовленной рабочей силой.

Первоначально ведомственные органы рассчитывали на подготовку качественной рабочей силы традиционным путем через форсированное наращивание сети краткосрочных курсов, особенно для строительной сферы, как ключевой для развертывания всех других отраслей экономики.

В спецсводке ПП ОГПУ от 26 января 1930 г. фиксировалось начало крупномасштабного промышленного и транспортного строительства в Западной Сибири на сумму в 228 млн. рублей при увеличении темпа в 2–3 раза «по сравнению с предыдущим годом». Для реализации указанной цели предполагалось привлечение «свыше 107.000 чел [овек]». Отмечалась проблема нехватки квалифицированной рабочей силы для строительной отрасли, пополнение которой предусматривало осуществить с помощью различных 3-4-х месячных краткосрочных курсов, однако «медленный темп развертывания этих курсов» лишь тормозил данный процесс. «Курсовая» подготовка специалистов, по мнению чекистского ведомства, смягчила бы дефицит рабочей силы, но не решала проблему полностью, поскольку помимо проблемы с организацией самих курсов и наборов преподавателей и необходимой ресурсной базы обозначилась и другая, не менее важная проблема, а именно – отсутствие необходимого количества завербованных курсантов с их исходным профессионально – трудовым потенциалом. При плановой загрузке курсов, начало которых предусматривалось с января 1930 г. в количестве около 20 тыс чел, удалось укомплектовать состав менее чем наполовину. [15, с. 152 - 160].

Для привлечения необходимой рабочей силы власть прибегла к особому административному методу – организованному набору (или вербовке). Прежние попытки привлечения советской властью рабочей силы путем организованного набора в Сибири не принесли значительных результатов. Причина последнего заключалась в низкой заинтересованности не только центральных, но и местных властей в реализации вербовки. Фактически вербовка была ограничена сетью корреспондентских пунктов, информирующих крестьян о наличии рабочих мест и помогающих в заключении договоров. Крестьяне, не желающие проходить через указанную бюрократическую процедуру, выбирали путь самостоятельного поиска работы и отхода на заработки. В. А. Исупов отмечает [5], что в 1926–1927 гг. только 7% рабочих и служащих Сибири прошли через систему вербовки, тогда как 90% новых рабочих являлись неорганизованными мигрантами.

Диспропорция спроса и предложения в сфере труда в начале первой пятилетки вновь актуализировала практику организованного набора. Первостепенная задача вербовки состояла в удовлетворении потребности в кадрах, в т.ч. и квалифицированных. Не менее важной, однако, являлась контролирующая (или запрещающая) функция оргнабора. Конкуренция за рабочую силу – явление, не характерное для советской административной системы. Власть не желала делить контролирующие рычаги с кем-либо, поэтому создавалась система, при которой потенциальная угроза со стороны

стихийного самотека должна была быть устранена централизованной системой, созданной организованным набором, в которой именно государство являлось основным работодателем. Неудача в реализации на практике указанных целей, однако, показала неспособность власти подчинить сферу труда собственным директивам и казенным механизмам их реализации. Одни из причин лежали в изъянах самой практики вербовки.

Новая попытка вербовки выявила ряд проблем, вызванных, прежде всего, причиной неудач прошлых ее версий, а именно – отсутствие понимания ответственности за нее у какого-либо органа. Из-за этой причины вытекали и другие проблемы, не позволившие восполнить трудовой дефицит в промышленности, строительстве, транспорте и других важнейших отраслях экономики. В связи с этим особый интерес представляют информационные письма вербовщиков, в которых фиксировалось состояние их работы. В частности, И. М. Мамонов, осуществлявший весной 1930 г. вербовочную работу в Чумышском районе Барнаульского округа, информировал Сибтруд [4] о следующих проблемах в осуществлении оргнабора: отсутствие содействия при вербовке со стороны местных властей, а также трудности с отправкой рабочих на предприятия. Однако лейтмотивом его письма является недоумение, кому он, являясь вербовщиком, должен отчитываться – районному исполнительному комитету, райкому ВКП (б) или Сибтруду, уполномоченным которого он являлся. Далее, однако, разворачивается настоящая информационная война со стороны органов, которые ранее Мамонов уличал в бездействии. 11 марта 1930 г. Чумышский РИК обвинил [1] вербовщика в указании неверной информации по вопросу содействия в наборе рабочих, указывая при этом, что сам Мамонов проводил вербовку лиц, «укрывавшихся от коллективизации». 20 марта 1930 г. Сибтруд потребовал [17] от Мамонова соблюдать правила вербовки: исключить длительные перевозки завербованных рабочих из-за большого расхода средств, прислушаться к замечаниям Чумышского РИКА и проводить вербовку квалифицированных рабочих прежде всего среди колхозников. В указаниях также отмечается слабая связь Мамонова с Сибтрудом, хотя сам вербовщик сетовал именно на то, что краевой орган не обеспечивал его оперативной реакцией на посланные им запросы.

Пример с Мамоновым оказывался не единичным. В отчетной документации Сибтруда в 1930 г. фиксировались десятки недостатков и сбоев в организации вербовки и приеме прибывшей на производство рабочей силы:

1. отсутствие содействия со стороны колхозов и коммун в выделении рабочих;
2. отсутствие продовольственного пайка;
3. отказ крестьян оставлять собственные посевы;
4. отсутствие спецодежды;
5. грубое отношение к прибывшим рабочим;
6. низкий уровень подготовки предприятий к приему рабочих (отсутствие жилых помещений, столовых и пр.);
7. задержка или низкий уровень заработной платы из-за отсутствия средств для ее выплаты;
8. ошибки в работе вербовщиков и др.

В информационных сообщениях вербовщиков в Сибтруд фиксировалось скептическое отношение к организованному набору со стороны потенциальных рабочих: «кр[есть]яне рассуждают совершенно против всякой вербовки и говорят лучше пусть мобилизуют чем мне пихать себя добровольно и говорят, что мол будет пообманывал нас Сиблестрест хватит» [14, с. 388]; «чем мне у них работать только за найму, то я на охоте или рыбалки гораздо больше буду зарабатывать» [14, с. 388]. Из-за указанных выше

и ряда других причин, носивших в значительной степени поведенческий характер, и отчасти традиционное недоверие крестьянства к представителям власти, вербовщикам не удавалось привлечь требуемое количество людей.

Сибтруд, а со второй половины 1930 г. Запсибкрайтруд, предпринимал попытки улучшить статус вербовки различными способами, среди которых приобрело распространение заключение договоров с различными предприятиями: «Транстрой» [2], «Запсибстрой»[12], «Союзкокс»[10], Сибсельмаш[11], Кузнецкстрой [13] и др. В указанных соглашениях фиксировалась обязанность со стороны Сибтруда (Запсибкрайтруда) предоставить необходимое количество рабочих, а также обеспечение последних необходимыми условиями труда со стороны предприятий. Принципиальным пунктом в договорах являлось предоставление предприятиям права проводить самостоятельный оргнабор рабочей силы. Таким образом, Сибтруд (Запсибкрайтруд) передавал монопольные права на осуществление вербовки, тем самым децентрализуя процесс и пытаясь тем самым привлечь необходимое количество рабочих рук на промышленные предприятия вербовщиками от них самих.

Вывод, однако, оказывался не столь оптимистичным, как ожидалось: по состоянию оргнабора в Западной Сибири Запсибкрайтруд в конце марте 1931 г. вынужден был констатировать: «Несмотря на ряд принятых мер вербовка проходит неудовлетворительно. План вербовки на 1 кварт[ал] [1931 г.] выполнен менее [чем] на 25 %» [16, с. 444].

В то же время государство, стремившееся к полной монополизации сферы труда, не могло не отмечать громадный рост стихийной миграции. Экономические причины, являвшиеся основным фактором отхода крестьян в города в 1920-е гг., были не просто дополнены, а в значительной мере вызывались социально – политическими причинами - бегством крестьян от дискриминаций и репрессий в 1930-е гг. Однако даже острая необходимость в рабочей силе не повлияла на изменение административного курса, а привело к обратному – борьбе с «самотеком».

С целью борьбы со стихийной трудовой миграцией 17 марта 1933 г. СНК СССР принимает специальное постановление, которое, с одной стороны, подтверждало льготы для отходников, принятые 30 июня 1931 г. [8] (освобождение от денежных отчислений в фонд колхозов, льготы по здравоохранению, выделение продовольственных пайков и пр.), но, с другой стороны, акцентировало внимание на том, что данными льготами могут пользоваться только те отходники, которые «ушли в отход на основе специального, зарегистрированного в правлении колхоза, договора с хозорганами» [9]. Колхозники, самовольно уходившие на заработки без указанного договора, исключались из колхозов и теряли все привилегии.

Более того, еще ранее, в начале 1930 г. в рамках развернувшейся кампании «ликвидации кулачества» власть приняла несколько важных постановлений, которые потенциально должны были стать преградой для устройства дискриминированного крестьянства на предприятия в городах. Политбюро ЦК ВКП (б) 30 января 1930 г. приняло известное постановление [7, с. 75], установившее основные принципы проведения кампании по «ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором отдельно прописывались особые меры «по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов». В нем также акцентировалось внимание на то, что чистка на предприятиях должна носить скорее выборочный характер, «не допуская какой-либо общей кампании чистки на предприятиях и транспорте». Вероятно, такой ограниченный характер чистки предприятий являлся вынужденным в связи с нехваткой рабочих рук на предприятиях, при этом отдельно указывались рекомендации о разработке «жестких мер к дальнейшему недопущению таких элементов на производство».

В последующие годы жестко ограниченные возможности получения паспортов

сельским населением, по мнению правительства, должны были затормозить т.н. неорганизованный отход из деревни в связи с потерей возможности не только устроиться на работу в городе, но и из-за затрудненного доступа к образованию, получению жилья и пр. 21 июля 1938 г. колхозники, заключившие договор о работе с предприятиями, получили право на получение паспортов. Однако указанные меры не привели к снижению крестьянского «самотека». Бывшие сельские жители находили способы обхода «паспортной дискриминации». В результате в 1930-е гг. произошло не только увеличение численности городов (согласно переписи населения 1939 г. численность городского населения Западной Сибири достигла 2,6 млн. чел. [6]), но и их массовое окрестьянивание.

Директивный призыв о том, что «социалистическая стройка требует людей и эти люди должны быть даны» [3, с. 419] не мог быть исполнен по множеству причин. Однако традиционное в литературе представление, что главным недостатком являлось отсутствие в 1920–1930-е гг. централизованной системы организованного набора с ответственностью за его реализацию, требует определенной корректировки. Государство действовало в сфере труда методами, фактически разнонаправленного характера: создавая определенные преференции для оргнабора, но при этом не подтверждая его ресурсным обеспечением, привлекательным для завербованных, оно одновременно своей жесткой политикой радикального огосударствления аграрного сектора, вызывало стихийное беженство крестьянства из деревни в города и на стройки первых пятилеток. Административному рынку власти, олицетворением которого выступал оргнабор, противостоял многоликий поведенческий и неподконтрольный государству стихийный «серый» рынок труда под названием «самотек». Их сосуществование продлилось еще на несколько десятилетий советского периода.

Список литературы

[1] Выписка из протокола № 30 заседания Чумышского райисполкома Барнаульского округа по вопросу о методах вербовки рабочей силы вербовщиком Мамоновым // Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Вып. 2 (1929–1931 гг.): Сб. док. и мат. / сост: О.В. Выдрина, С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, А.А. Рассказимов, И.В. Самарин, О.В. Серегин. Новосибирск, 2019. С. 376–378.

[2] Договор Запсибкрайтруда с Управлением Уполномоченного «Трансторя» по Сибири об условиях вербовки рабочей силы // Там же. С. 419–424.

[3] Доклад заведующего Запсибкрайтруда Соловьева в президиум Запсибкрайисполкома о ходе подготовки квалифицированных рабочих для сферы строительства // Там же. С. 411–419.

[4] Информация вербовщика И.М. Мамонова в Сибтруд о проблемах осуществления оргнабора в Чумышском районе Барнаульского округа // Там же. С. 374–376.

[5] Исупов В. А. Организованный набор рабочей силы / В. А. Исупов. — Текст : электронный // Библиотека сибирского краеведения : [сайт]. — URL: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/organizovannyy-nabor-rabochey-sily (дата обращения: 13.06.2022).

[6] Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. №7 (529). С. 7–22.

[7] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М, 2005. Кн. 1. С. 70-76.

[8] Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» // Библиотека нормативно правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http:// www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3738.htm (дата обращения: 19.04.2021).

[9] СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 116.

[10] Соглашение между Запсибкрайтрудом и Кемеровским Управлением «Союзкокс» о разрешении самостоятельной вербовки рабочей силы // Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Вып. 2 (1929–1931 гг.): Сб. док. и мат. / сост: О.В. Выдрина, С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, А.А. Рассказимов, И.В. Самарин, О.В. Серегин. Новосибирск, 2019. С. 446–448.

[11] Соглашение между Запсибтрудом и Сибкомбайнсельмашстроем о разрешении производить самостоятельную вербовку рабочей силы в районах Западно-Сибирского края // Там же. С. 450–453.

[12] Соглашение Управления «Запсибстрой» с Запсибкрайтрудом о разрешении Управлению производить самостоятельную вербовку рабочей силы в крае // Там же. С. 428–430.

[13] Соглашение между Запсибкрайтрудом и Управлением «Кузнецкстроя» о праве Управления производить самостоятельную вербовку рабочей силы // Там же. С. 453–456.

[14] Сообщение инспектора Заварзина заведующему Запсибкрайтруда Соловьеву о ходе вербовки рабочей силы в Нарымском крае // Там же. С. 388–389.

[15] Спецсводка ПП ОГПУ «О ходе подготовки строительной рабочей силы по Сибирскому краю» по состоянию на 15 января 1930 г. // Там же. С. 152–160.

[16] Справка Запсибкрайтруда «О состоянии подготовки строительства Западно-Сибирского Края по удовлетворению стройрабсилой в 1931 г.» // Там же. С. 438–445.

[17] Указание Сибтруда вербовщику рабочей силы в Баксинском районе И.М. Мамонову о соблюдении требований при вербовке // Там же. С. 378–379.

УДК 94 (571)

Российская имперская модернизация и особенности её реализации в Енисейской губернии в XIX в –начале XX в.

Рогачев Александр Георгиевич
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия.
kaf.history@mail.ru

АННОТАЦИЯ Петр 1 и его окружение резко поменяли ход российского исторического развития, повернув страну на путь имперской модернизации. Просвещённый абсолютизм Екатерины II и её внука императора Александра I добавили этому процессу новые яркие краски и черты. Самодержец Александр Павлович, воспитанный подлинным республиканцем, попал в настоящую ловушку политического противоречия между и демократизмом и авторитаризмом. Помощником царя на пути реформ стал выдающийся российский политический деятель Михаил Михайлович Сперанский. Но его проект оказался несвоевременным и чуждым для российского общества. Позднее М.М. Сперанский осуществил по указу Александра I реформирование Сибири, где в 1822 г. появится Енисейская губерния. Она пойдет со всеми достижениями и противоречиями по пути российской модернизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Петр I, Александр I, М.М. Сперанский, имперская модернизация, Енисейская губерния, Приенисейский край.

Наш IX Международный исторический форум посвящен историко-культурному наследию народов Сибири и Дальнего Востока и 200-летию основания Енисейской губернии.

Россия, великая мировая держава, с древнейших времен своего возникновения и развития постоянно находится в состоянии общественной и государственной модернизации, которая в совокупности включает в себя великие цивилизационные достижения и Востока, и Запада.

Наша отечественная модернизация также обладает традиционной базой, сочетающей одновременно сильные революционные и консервативные тенденции.

Автор данного доклада посвятил проблемам российской модернизации целый ряд монографий, научных статей и учебных пособий. В них рассматривается, в том числе и в виде докторской диссертации, вся совокупность реформ Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II и других российских государей. Детально изучен в этих работах такой важнейший фактор государственной и общественной модернизации как сибирский регион и Приенисейский край. Значительное внимание уделяется теме «М.М. Сперанский и Сибирь». [4, с. 172], [3, с. 204], [7, с. 108].

В предлагаемом докладе автор рассматривает особенности применения российской имперской модернизации в Енисейской губернии в период ее существования.

Мощное ускорение российской модернизации придал Петр I. Однако она, как и в целом, история России, развивалась не линейно, а в причудливом переплетении настоящего, прошлого и будущего.

Экстенсивный характер российского народного хозяйства породил тесную взаимозависимость царской власти и феодального класса, условность частной собственности, а также фактор постоянного «бессмысленного и беспощадного» бунта в XVII-XVIII веках как регулятора властного беспредела. Казалось бы, петровская империя должна была принести необходимый гражданский механизм упорядоченности соблюдения передачи власти от одного монарха к другому. Но сплошная крутая неразбериха начинается сразу после Петра I. До марта 1801 года трех монархов просто убили: Петра III, Ивана VI (не сразу, но убили), Павла I. «Самодержавие, ограниченное цареубийством» - ехидно замечал Крал Маркс. К цареубийству дело шло и в 1825 г., но

духа и решительности у декабристов не хватило.

Почему направленность реформ и контрреформ, стрелка модернизации постоянно меняла положение? Дело в том, что только Павел I определил четко порядок наследования престола. Но и он не сумел гарантировать в дальнейшем в XIX веке случайный выбор государя. Так Николая Павловича не готовили и не воспитывали к «царской работе», а императором он все же стал. Артиллерийский командир, честный и простодушный, ненавидящий конституции и парламенты, вообще все гражданское, обладающий огромной силой воли вдруг становится императором Николаем I.

Он уподоблялся (в внешне схожий огромный рост и рукоприкладскими замашками – выкидывал «гоголевских» чиновников «за грудки» из учреждений) Петру I. Но время последнего ушло уже 100 лет назад – и модернизация опять пошла, какими-то извилистыми путями. Ясно было, что крепостное право следовало отменить – но как к этому подступиться?

Однако вернемся к старшему брату Александру I, который царствовал до младшего Николая почти четверть века. Вот кого уж их общая бабушка Екатерина II готовила к престолу интенсивно. Но и здесь не обошлось без изъянов. Прежде всего бабушка испортила Сашеньке личную жизнь, женив его в 16 лет на нелюбимой девушке. Поэтому произвести любимых детей в достаточном количестве у Александра I и его жены не получилось, возник дефицит наследников.

Юношеское образование и воспитание Александра Павловича оказалось своеобразным: его одновременно практически сформировали швейцарский республиканец по убеждениям Фредерик Сезан де Лагарп (1754-1853 гг.) а с другой стороны будущий автор военных крестьянских поселений Алексей Андреевич Аракчеев (1769-1834 гг.).

Правление папаши в 1796-1801 гг. (Павла Петровича) вызвало у сына дикое отвращение к самодержавному произволу (как и у многих других). В конечном итоге он оказался втянут в заговор против отца и на сына падает фактически «грех отцеубийства». Отсюда постоянное желание у Александра I удалится от власти царской: сделать великолепное общероссийское самоуправление народа и наблюдать за этим со стороны из райской крымской Ливадии, например.

В начале царствования Александр I прекраснодушен, готов к самым решительным реформам, но они не очень выстраиваются. Но вот в 1806 г. он достаточно случайно резко сближается с М.М. Сперанским. Михаил Михайлович, незнатного происхождения, (сын священника, «попович») на 5 лет старше государя, (годы жизни 1772-1839), уже с 1802 г. успешно редактирует все законы России, будучи секретарем у министра внутренних дел В.П. Кочубей. И вот вдруг Кочубей приболел и послал на доклад вместо себя Сперанского. Последний буквально очаровал молодого императора.

В течение 1808-1809 гг. М.М. Сперанский став уже практически государственным секретарем российской империи, фактически вторым лицом в государстве, подготовил «Введение в уложение государственных законов». Этот проект выстраивает законодательную вертикаль в виде волостных, уездных, губернских дум. Всю эту конструкцию завершает Государственная дума. Судебную власть венчает Правительствующий Сенат. Система судопроизводства становилась всесословной, гласной с судом присяжных. Мужчины с 25 лет согласно имущественному цензу вплоть до государственных крестьян получали избирательные права. [9, с. 216]

Следует отметить, что уже с начала царствования Александра Павловича общественный либерализм как говорится сквозил из всех щелей. Александр I решительно и торжественно запретил применение пыток при приведении следствия «навсегда в России!» (что на это решение сказал бы сам Лаврентий Павлович Берия – Попытка еще не пытка?!).

А.С. Пушкин в последствии называл царское правительство в России «самым главным европейцем», т.е. вполне образованным и цивилизованным. Но даже гениальный поэт всячески обзывает доброго самодержца: «плешивый щеголь, враг

труда», «властитель слабый и лукавый», «ядовитое дерево, анчар» «воспитанный под барабаном, наш царь лихим был капитаном» и т.д.

Эти эпитеты барские (а Пушкин, несмотря на талант, оставался дворянином и барином) отражали общественную жгучую неприязнь к реформам Александра 1, который своими действиями в 1801-1825 гг. одновременно расшевелил настоящее осиное гнездо Троекуровых и Дубровских, Онегиных и Ленских.

А как проект реформ М.М. Сперанского соотносился с Сибирью, и Приенисейским краем? Если ответить прямо – то в сибирской земле в эти годы царили настоящая общественная дикость и беспредельный чиновничьей произвол. Это все как раз и покажет сибирская ревизия самого М.М. Сперанского через десятилетие в 1819-1821 гг.

Но грядущие возможные преобразования явно могли иметь положительный эффект для большинства сибиряков.

Они получали бы избирательные права (купцы, мещане, государственные крестьяне), справедливый суд, законодательные думы. Это был путь подлинной эволюции в сторону конституционализма и демократии. Путь более перспективный и реальный, чем у декабристов в 1825 г. [2, с. 80-81] (Хотя декабристы мечтали затем в период междуцарствия 1825 г. сделать М.М. Сперанского главой правительства России).

Целый ряд прогрессивных преобразований Сперанского дворянское общество действительно воспринимает в штыки. С 1809 г. обладатели придворных званий обязываются к труду гражданскому или военному. Чиновник теперь должен иметь образование. Домашний курс наук потребовал подтверждения экзаменом на чин. Увеличились прямые налоги с крестьян и мещан. И вот в первые в 1812 г. вводится налог на дворянские помещичьи имения. Общество видит теперь в Сперанском врага более опасного, чем Наполеон Бонапарт [12, с. 19] (А последний уже стоял у границ российского отечества).

17 марта 1812 г. после двухчасовой беседы со своим Государственным секретарем Александр I фактически отправляет М.М. Сперанского в ссылку, они расстались на 9 лет [12, с. 20].

Продолжительное время М.М. Сперанский губернаторствует в тихой Пензе, набираясь опыта рутинной управленческой деятельности. Но все вдруг все резко переменилось.

В ноябре 1818 г. Комитет министров представил императору доклад о делах Сибири, которой управлял Иван Борисович Пестель, практически не выезжая в регион из Петербурга. Выяснилось, что Пестель все дела сибирские завалил окончательно. В этой драматической ситуации А.А. Аракчеев «подбрасывает» Александру Павловичу идею назначения генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанского. Император в итоге согласился, а сам Сперанский оказался в настоящем шоке. И тем не менее наш герой через две недели пришел в себя и взялся за дело с присущим для него рвением, старанием и трудолюбием [12, с. 20].

Можно отметить, что Сибири и Красноярску, Приенисейкому краю крепко повезло. М.М. Сперанский до весны 1821 г. проводит сибирскую инспекцию. Только 22 марта 1821 г. он приезжает в Петербург. 22 июля 1822 г. Александр I утверждает с подачи Сперанского «Учреждение для управления Сибирских губерний».

За губернской властью устанавливаются гласность и надзор, они превращают её конкретно из личной в публичную. Сперанский подготовил целый ряд важнейших документов для Сибири. Для Приенисейского края важнейшим стал указ об образовании в 1822 г. Енисейской губернии [12, с.22-23].

Вся дальнейшая модернизация края на Енисее теперь осуществлялась через губернское управление из Красноярска. Официальное провозглашение новой губернской единицы состоялось 12 декабря 1822 г. В её состав вошли Красноярский, Ачинский, Канский, Енисейский (с Туруханским уездом совместно) округа.

Огромная власть принадлежала губернатору. он являлся фактически хозяином территории. Первым губернатором стал прибывший в январе 1823 г. в Красноярск

статский советник Александр Петрович Степанов. Здесь Красноярску и Енисейской губернии опять сильно повезло.

Александр Петрович прославился как офицер еще во время Итальянского похода А.В. Суворова, он являлся героем Отечественной войны 1812 г. А.П. Степанов оказался весьма образованным человеком, ученым – писателем.

В 1835 г. вышел его труд «Енисейская губерния» в 2-х томах, за который автор удостоился Демидовской премии. Император Николай I лично наградил А.П. Степанова бриллиантовым перстнем [7, с. 99-100].

Собственно, в книге А.П. Степанова определялись основные направления модернизации экономики губернии, ее народного хозяйства, образования, культуры и быта!

За девять лет своего губернаторства Александр Петрович очень много сделал для своей можно сказать второй родины.

Он уделял огромное внимание правильному структурированию жизни различных народов, населявших берега Енисея от Крайнего Севера до бескрайних степей Хакасии. И если иногда его смелые решения и проекты царское правительство притормаживало, то в целом в регионе спокойно осуществлялось мирное социальное сожительство енисейских сибиряков.

Губернатор активно поощрял развитие самых различных полезных ремесел, для культивирования которых создавались специальные дома. Эта тенденция оказалась весьма устойчивой. В результате модернизации ремесла и торговли в городах к 1861 г. только в одном Красноярске оформилось около 50 видов ремесел, в Енисейске – не менее 40, Ачинске -28 и даже в Туруханске -16 [7, с. 100].

Флагманом промышленности в 30-50 – е гг. XIX века в губернии стала добыча золота. В 1840-е гг. Приенисейский край оказался не только общероссийским, но и мировым центром золотодобычи. В этой губернской промышленной отрасли трудилось до 30 тыс. человек. На мануфактурах труд преобладал ручной. Золотопромышленники получали огромную прибыль: на каждый вложенный рубль капитала -800-850 рублей. [7, с.100-101]

К началу 60-х годов XIX века всё что лежало на поверхности богатых россыпей отработали. С 1851 по 1900 гг. в губернии наблюдался период резкого упадка добычи золота. А в начале XX века произошла мощная модернизация в этой сфере. В 1901 г. в связи с введением механических методов добычи и использованием специальных драг (первые две приобрели в Новой Зеландии) начался мощный промышленный подъем. В 1915 г. в губернии работало уже 29 драг. Всего с 1834 г. по 1916 г. здесь добыли 560 тонн золота, в среднем по 7 тонн в год [7, с. 101].

В губернский период развития региона постоянно модернизировались торговые отношения. Частная торговля постепенно вытесняла казенные монополии снабжения. Ясачные жители беспошлинно сбывали теперь свою добычу в русских поселениях. А золотодобыча обеспечила массовый внешний приток самых разнообразных товаров и припасов.

Товарное снабжение во второй трети XIX в. сосредоточилось на 17 ярмарках с самой крупной Ачинской во главе. Но все же, как отмечал А.П. Степанов, основной поток товаров к потребителю в конечном итоге попадал через лавки, разносную, развозную торговлю и базары [7, с. 102].

Постепенно, хотя и очень медленно модернизировался в XIX в. Транспорт. В 1863 г. стал функционировать самый первый пароход «Енисей». Казачинские пороги ограничивали движение нижним течением Енисея. Но с 1881 г. более мощные пароходы Н.Г. Гадалова впервые дошли до Красноярска.

В Сибири давно и долго мечтали о собственной железной дороге. Даже скандальную продажу Аляски США связывали с приобретением американских паровозов и рельсов. Но все это оставалось в области слухов и пересудов, пока за дело не взялось в стратегических целях само российское правительство. Огромное значение имело строительство железнодорожного моста в Красноярске через Енисей. В 1900 г. автор этого проекта Л.Д.

Проскуряков получил золотую медаль на международной выставке в Париже. [7, с.105]

Важное значение в модернизации региона в XIX в. Имел рост населения. В 30-40-е гг. в южные районы Енисейской губернии прибыли около 30 тыс. государственных крестьян, спасающихся от малоземелья в европейской части страны. В XIX в. В губернии оказалось более 40 тыс. ссыльных по различным причинам и обстоятельствам. Но главным источником роста населения оставался естественный прирост. Всего в губернии в 1861 г. насчитывалось примерно 323 тыс. человек [1, с. 81].

Социальный состав населения губернии оказался весьма пестрым. Первенство политическое принадлежало дворянам. Но часто даже они стремились попасть в золотодобытчики.

Купцы на Енисее являлись привилегированным слоем населения податного. В промышленности формировался рабочий класс, условия труда которого со «старательскими» сверхурочными в золотопромышленности были ужасными. Болезни «косили» народ тысячами.

В деревне активно развивалось мелкобуржуазное хозяйство с различными промыслами. Быстро шло расслоение крестьянства имущественное.

После 1825 г. в губернию прибыл в общей сложности 31 декабрист. Явление этих людей во многом всколыхнуло медвежий край. Декабристы придерживались в основном своих идеалов и занимались просветительской деятельностью. Они часто обучали детей, в силу образования давали правовые советы и консультации, пропагандировали передовую агрономию и агротехнику, оказывали медицинскую помощь, занимались литературной и научной деятельностью [1, с. 89-91].

Резко выделялись богатством и роскошью нувориши-золотопромышленники. Они быстро возводили не только престижные деревянные, но и каменные особняки, с многочисленной прислугой. Они старались приобрести самые дорогие предметы европейской роскоши. Их обеденные столы буквально ломились от горы цитрусовых и самых престижных вин. Воздух гостиных наполнялся дымом гаванских сигар.

Но не только посетители и обладатели этих апартаментов двигали модернизационный прогресс на Енисее. Постепенно в губернии формировалась и собственная интеллектуальная элита. Уже в 1823 г. к 200-летию Красноярска в Москве выходит в свет один из первых литературных журналов Сибири. «Енисейский альманах». В нем приняли непосредственное участие местные чиновники и учителя. Губернатор А.П. Степанов поместил в журнале свой очерк «Путешествие в Кяхту из Красноярска». Настоящим литературным очагом стал дом декабриста Василия Львовича Давыдова, который получил почетное прозвище «короб просвещения». Здесь появилась детская школа и публичная городская библиотека.

По переписи 1897 г. в губернии уже проживало 570 тыс. человек, в городах – 63 тыс., из них в Красноярске около половины. Жизнь заметно оживилась после прибытия 6 декабря 1895 г. в Красноярск первого пробного поезда. Переселение в Сибирь крестьян стало быстро ускорятся.

За предыдущую историю Приенисейского края в него к 1900 г. переехало примерно 150 тыс. крестьян-переселенцев. Они набирались опыта у старожилов. Губерния производила много товарного зерна, очень успешно и эффективно возделывала картофель [1, с. 92-93].

В конце XIX – начале XX вв. в енисейской губернии сложилась мощная политическая ссылка. Её роль в местной модернизации можно определить, как противоречивую. В.И. Ульянову местная Сибирь казалась не то родными горами Жигулями, не то видами далекой европейской Швейцарии. В «сибирской Швейцарии» Ильич и завершил работу над книгой «Развитие капитализма в России». Сегодня ссылка Ульянова описывается в менее восторженных тонах, но свою определенную роль она сыграла. Хотя перевес все же оказался на время на стороне народников и эсеров, которые много работали с местным крестьянством. Последние проголосовали за эсеров в 1918 г. на выборах в Учредительное собрание.

Если в России в 1897 г. насчитывалось около 21 процента грамотного населения, то в Енисейской губернии чуть менее 15 процентов [1, с. 119].

В 1900 г. в Красноярске появилась новая библиотека.

Выдающимся просветителем стал минусинец Николай Михайлович Мартьянов, который в 1877 г. основал в своем городе краеведческий музей. Музей так же появился в 1883 г. в Енисейске, а в 1889 – в Красноярске.

В августе 1897 г. пароходную научную экспедицию привел на Енисей великий флотоводец Степан Осипович Макаров. Через год он издал специальный отчет – книгу о путешествии на Енисей и модернизационных перспективах этого региона [1, с. 124-125].

Настоящим патриотом края стал художник Василий Иванович Суриков. Творчество которого ускорило преобразования в Приенисейском крае.

Можно отметить, что создание в 1822 г. Александром I и М.М. Сперанским енисейской губернии заметно ускорило социально-экономическую и культурную модернизацию Приенисейского края. Революция 1917 г., гражданская война, советское государственное строительство в 20-е годы XX века резко поменяли дальнейший модернизационный код развития региона.

В 1925 г. Енисейская губерния прекратила свое существование.

Список литературы

[1] История Красноярского края. Краснояр. кн. изд-во, 1981.144 с.

[2] Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиогр. Очерки XIX век/ ТГБ – М.: Изд-во «Кн. Палата», 1995. 734 с.

[3] Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917-1925-е годы) / Изд-во КГУ, Красноярск, 1997. 195 с.

[4] Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917-1925-е годы) Крснояр. гос. аграр. ун-т.- 2-е изд. перераб. и доп. Красноярск, 2008. 172 с.

[5] Рогачев А.Г. Исторический опыт отечественных модернизаций в России (V-XXI века). – Красноярск, 2010. 180 с.

[6] Рогачев А.Г Исторические модернизации государства и права в России IX-XXI веках / А.Г. Рогачев; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015, 204 с.

[7] Рогачев А.Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015. 180 с.

[8] Рогачев А.Г. Актуальные вопросы отечественной истории: социально–политическое развитие общества м государства от Древней Руси до современной России: учеб. пособие / А.Г. Рогачев; Краснояр. гос. аргар. ун-.т – Красноярск, 2017. 168 с.

[9] Фортунатов В.В. История: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. – СПб.: Питер, 2013. 634 с.

[10] Рогачев А.Г. Модернизационный поворот в России в XIX-XX веках и мои поволжские предки в его контексте // Социально – экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2018. - № 2. –С.128-140.

[11] Рогачев А.Г. «Исторический путь – не тротуар невского проспекта...» - о письме В.И. Ленина к американским рабочим // Социально – экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2018. - № 3. – С. 102-112.

[12] Рогачев А.Г. Реформатор? В Сибирь! // Родина. – 2019. – №4. – С.18-23.

УДК 94 (47). 084. 3

Продразверстки и протестное поведение крестьян Енисейской Сибири в начале 1920-х гг.

Шекшеев Александр Петрович
Кандидат исторических наук, член Правления, Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий г. Абакан, Россия
turan47@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В данном сообщении автор показывает осуществление победившей советской властью продовольственных разверсток на территории Енисейской Сибири времен военного коммунизма, а также ответное сопротивление крестьянства. Согласно его мнению, оно стало широким и разнообразным и состояло из антисоветской агитации, слухов, отказов от выполнения заданий, волокиты и саботажа сдачи продуктов, сокрытия их запасов, хищения хлеба из государственных хранилищ, поджогов, избиений и даже убийств активистов и советских эмиссаров, наконец, диверсий и волнений, способных перерасти в восстание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА деревня, коммунисты, крестьяне, продовольственная разверстка, саботаж, советская власть, хлеб

Так называемое «оружие слабых» или протестное поведение деревни, признанное «чисто крестьянским вкладом в политику», периодически возникает в качестве явления, обсуждаемого и изучаемого учеными [1]. Однако, в отличие от крестьянских восстаний, повседневное или «пассивное» сопротивление сибирских крестьян политике советской власти не стало темой самостоятельного исследования и освещается, если не классово окрашенным, то незначительным по своим масштабам и политической значимости [3, 5]. Поэтому «разобраться в этих обычных формах сопротивления, - резюмировал один из специалистов, - значит многое понять в том, что на протяжении истории делали крестьяне для защиты своих интересов как от консервативных, так и прогрессивных порядков» [1, с. 285].

С изменением обстановки в Сибири крестьянство демонстрировало разные формы поведения. Собираясь всем обществом, оно еще в конце 1919 г. грабило брошенные белыми поезда и раздевало пленных. К востоку от Красноярска крестьяне показывали смиренность и равнодушие к воззваниям красных, а в районе Минусинска, напротив, поддерживали партизан и записывались в их полки и самооборону [2, с. 100][181].

Советская власть воцарялась на огромной территории региона со множеством селений, в которых проживали крестьяне, зачастую ограниченные общинными и личными интересами, разные по степени зажиточности и вовлечения в политические процессы. Она пришла, возлагая на деревню трудовые обязанности и распространяя новшества жизни, которые не всегда оценивались её жителями положительно. Чаще всего с одобрением относились к начинаниям новой власти жители переселенческих селений, с враждебностью - старожильческих, казачьих и с равнодушием - стремившегося к обособлению коренного населения. Наблюдались случаи крестьянского недовольства введением всеобщей трудовой повинности, использованием в создаваемой милиции «старых» работников и запретом прежнего денежного обращения. Распространяемые слухи в неприглядном свете выставляли «коммунию» и мешали возникновению коллективных хозяйств. В некоторых местностях население с возмущением встретило создание ревкомов и всяческих ячеек. Деятельность их, начавшаяся против зажиточных односельчан, вызывала ответную «травлю» советских служащих, а иногда и попытки

[181] Красноярский рабочий (Красноярск). 1920. 7 марта; Соха и молот (Минусинск). 1919. 23 сентября, 3, 5, 7, 11, 16, 18, 28 октября, 18, 26 ноября, 12, 26 декабря.

погрома учреждений.

Между тем предприимчивые крестьяне, пользуясь характерной для больших территорий слабостью государственного контроля, свободным распоряжением плодов своего труда и проявляя инициативу, «охотно продавали и везли хлеб» на ссыпные пункты, например, Енисейской губернии [6, с. 149]. Но организованная местными продовольственным комитетом (ГПК) и кооперацией заготовительная деятельность осложнялась рядом факторов и прежде всего тем, что продовольствие в первую очередь предназначалось для Красной армии. Нахождение в деревнях воинских частей способствовало упорядочению деревенской жизни, но буквально разоряло крестьянские хозяйства. Объявленная 8 марта 1920 г. в регионе хлебная разверстка должна была проводиться без принуждения. Она вызвала прирост продовольственных поступлений, который в отсутствие материальной поддержки со стороны властей сопровождался массовой спекуляцией и вскоре замедлился. Понуждая крестьян к предоставлению продуктов государству, сибирское политическое руководство приступило путем мобилизации коммунистов к усилению своих позиций в деревне, затем воспретило свободную торговлю и разрешило применять к саботажникам давление и вооруженную силу. Крестьяне ответили показным безразличием, «выжидательными» настроениями и возмущением деятельностью продовольственных агентов. Некоторые общества отказывались вывозить хлеб, сгонять скот на специальные пункты, поставлять лошадей, фураж и дрова, выполнять подводные повинности и вынужденно резали домашних животных. В некоторых местностях уже были слышны призывы не подчиняться данной власти, «как не отражающей волю крестьян», которые, случалось, покушались на жизнь советских работников.

Отношения крестьян к советской власти напрямую зависели от состояния её органов, в которых, по сообщениям губернской ЧК, служили «темные личности» и «неопределенные элементы». Бесчинствами отличались милиционеры и красноармейцы. С приходом весны оживились затаившиеся противники советской власти. Примыкая к ним, местные крестьяне образовывали банды.

Советская власть изыскивала для продовольственной работы новых исполнителей. Ощутив необходимость в выделении заградительных и продовольственных отрядов, её представители добились усиления воинской поддержки. Находясь с целью борьбы со спекуляцией, например, в Тайшетском районе, красноармейцы произвели аресты руководителей волостного и сельского масштаба и тем самым убедили крестьян везти хлеб на ссыпные пункты[182].

Несмотря на недовольство крестьян одновременным выполнением нескольких разверсток, не предоставлением властями обещанной мануфактуры, они увеличили объемы заготовок. В то же время находились селения, жители которых отказывались выполнять государственные повинности. Кускунское общество заявило, что не будет поставлять сено и солому, а затем из-за тяжелых экономических условий не нашло возможным доставить на сгонный пункт требуемое ГПК количество скота[183]. Представители минусинского крестьянства аннулировали резолюцию, призывавшую население полностью сдавать хлеб государству. Разверстку по скоту выполнять отказался сход в с. Шало Красноярского уезда. Крестьяне д. Шошкино заявили, что не станут отбывать подводные повинности и сдавать масло и яйца. Собрание крестьянских представителей Сухобузимской волости постановило ходатайствовать об отсрочке выполнения хлебных нарядов до осени, жители д. Мало-Нахвальская решили сдавать яичную разверстку лишь после удовлетворения их нужд в соли и мыле. Население

---

[182] Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 175. Л. 6.

[183] Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 18; ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 98.

представителей Сухобузимской волости постановило ходатайствовать об отсрочке выполнения хлебных нарядов до осени, жители д. Мало-Нахвальская решили сдавать яичную разверстку лишь после удовлетворения их нужд в соли и мыле. Население Мининской волости с целью наживы отправило скот для продажи в Красноярск[185].

В силу отсутствия у населения хлеба Мало-Улуйский волревком Ачинского уезда решил не выполнять разверстку. Недовольство сбором её выражали жители Белоярской волости Минусинского уезда, а ревкомы Беллыкской - постановили освободить население от выполнения нарядов до получения нового урожая. Получив заготовительные задания, сельские общества Аскизской, Усть-Есинской, Сагайской и Восточенской волостей заявили о полном отсутствии у них продуктов, изымаемых по разверстке. Участники схода жителей с. Абаканское выступили против предоставления кооперативу подвод для вывоза сена[186].

Мерами, способствующими усилению заготовок, должны были стать выборы советов, объединение деревенских коммунистов в ячейки во главе с уездными парткомами, мобилизация членов профсоюза и создание продотрядов для уборки и обмолота хлеба. Все еще воздерживаясь от применения к саботажникам вооружённой силы, губернские власти решили в упорствующих селениях арестовать по кулаку, конфисковать их имущество и провести разъяснительную работу. Но эти меры оказывали слабое воздействие на крестьян, которые продолжали сопротивляться заготовительному нажиму. Так отказались выполнять задания общественные сходы в с. Бея и Сабинка Минусинского уезда. В июле крестьяне губернии уменьшили заготовки хлеба и фуража. По мнению властей, это было обусловлено неудовлетворительным состоянием низовых советов, слабостью и политической неблагонадежностью продовольственной инспектуры[187].

Советская Россия продолжала напрягать свои усилия для победы в гражданской войне. Начиная с конца июля 1920 г. власти были озабочены выполнением Декрета Совнаркома об изъятии хлебных излишков в Сибири, который обязывал крестьян немедленно приступить к обмолоту и сдаче урожая прошлых годов. Сибирский регион не выполнил первое разверсточное задание по хлебу. Окончательным итогом этой кампании в Енисейской губернии был сбор к сентябрю 1920 г. 2549 тыс. пудов хлеба, или 56,1 % от задания[188].

20 августа того же года в Енисейской губернии была объявлена развёрстка по заготовке продуктов сроком с 1 сентября 1920 по 14 марта 1921 г. Кампании сразу же придавалась военно-мобилизационная окраска. В регион начали прибывать продовольственные отряды и рабочие уборочные дружины, на заготовки были мобилизованы местные коммунисты. Для руководства продовольственной кампанией в Енисейском ГПК были созданы военный подотдел, военное бюро и коллегия, а также губернское и уездные продовольственные совещания, и тройки.

Несмотря на побуждения руководства, сбор хлеба, начавшийся с 1 сентября, протекал «чрезвычайно слабо». Причины заключались в недостаточно интенсивной деятельности партийных, советских и продовольственных органов. Посланные в деревню уборочно-молотильные отряды воспринимались крестьянами отрицательно и через некоторое время плохо одетые отправлялись обратно. Крестьяне, отстаивая справедливые отношения с государством, не испытывали желания безоговорочно выполнять задание. Так, еще в августе 1920 г. население Салбинской волости Минусинского уезда, отказавшись выполнять мясную разверстку, приступило к забою

---

[185] Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 135, 152, 188, 190, 192.
[186] Там же. Л. 159; Государственно-казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. Р-674. Оп. 1 а. Д. П-6495. Л. 12.
[187] ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 202. Л. 130, 132.
[188] Там же. Д. 102. Л. 221.

скота для собственных нужд. В первой декаде сентября наблюдалось недовольство продразверсткой сельскими обществами всех уездов губернии. Используя слабую постановку «продовольственного дела» и наличие банд, зажиточные крестьяне открыто переводили хлеб на самогонку и не пускали к себе инструкторов и продагентов. В начале октября выполнять разверстку отказались жители пяти волостей Красноярского уезда и стольких же волостей Ачинского уезда[189].

В некоторых селениях объявление о разверстке вызвало бурную реакцию жителей. В Уярской волости Канского уезда крестьяне срывали плакаты в советских органах и сожгли кузницу кооперативного союза. В ночь на 15 сентября с ранением представителей власти состоялось нападение на Паначевский волисполком (ВИК) в Минусинском уезде. На территории этого и Ачинского уездов были совершены убийства лиц, возглавлявших коммунистическую ячейку, ВИК и милиционера. Крестьяне в Красноярском уезде напали на членов закупочной комиссии и распустили 200 приобретенных ею лошадей, а в с. Дрокино и Бугачево угрожали повесить советских руководителей[190].

Отвечая на такое отношение к мероприятиям советской власти, губернские исполком и продовольственный комиссар 13 октября 1920 г. подписали приказ, в котором говорилось, что «исполнение разверстки должно быть обеспечено всей силой принуждения государственного аппарата...» [4, с. 505]. Для понуждения населения к её выполнению власти перешли к активному использованию воинских частей. На 18–19 октября 1920 г. обмолотом хлеба в Енисейской губернии занимался 491 человек, в частности 60–66 красноярских профсоюзников и 80 череповецких рабочих. Кроме того, в уездах находились 424 красноармейца, из которых 344 – были заняты продовольственной работой[191].

Однако даже использование силовых возможностей не смущало крестьян и близких им сельских управленцев. К примеру, 31 октября, вследствие недорода и ранних заморозков, съезд сельсоветов Новоселовской волости Ачинского уезда, согласившись на поставку сена, отказался выполнять остальные разверстки[192] . К этому времени выявилось «катастрофическое» положение с выполнением сенной разверстки. Меньшие опасения у властей вызывало осуществление заготовительных кампаний по др. видам продукции, хотя и здесь возникали большие затруднения. Начатые в середине мая заготовки говядины были выполнены на 65 %, но свинины из-за значительного падежа животных - только на 10 %. Задание по разверстке масла, к выполнению которого приступили в июне, вследствие бескормицы и отсутствия у крестьян сепараторов было материализовано только на 10 %. Яичная разверстка была реализована более, чем наполовину, но до 30 % яиц в дороге побились[193].

Наряду с массовой мобилизацией молодых, сильных и необходимых в хозяйстве крестьян в Красную армию, продразверстка стала причиной возникновения ряда восстаний. Распространение повстанчества возбудило бедняцкие массы в деревне, начавшие в поисках продовольствия самоорганизовываться. Так, с появлением его в Сухобузимской волости Красноярского уезда под инициативе комячеек были образованы «самочинные» комитеты бедноты, начавшие делить отобранный у кулаков хлеб[194]. Резкое неприятие вызывало у крестьян требование властей снабжать после выполнения 60 % разверсточного задания хлебом еще и бедноту. Повстанчество только на короткое время испугало местные власти и затруднило выполнение хлебозаготовок. Направленные в мятежные селения отряды изымали продовольствие полностью. В свою

189 Там же. Д. 202. Л. 121; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 68; Д. 50. Л. 37, 47, 50.
190 ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 6. Л. 20; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 65; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 47; Д. 124. Л. 81.
191 ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 589. Л. 12, 27.
192 ГА КК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 371. Л. 2.
193 ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 200. Л. 47-48.
194 ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 149.

очередь, крестьяне для своей защиты привлекали банды. 19 ноября имел место налет повстанцев на д. Кожанову Тюльковской волости, где, несмотря на заявления крестьян о переживаемом голоде, власти продолжали заготовки. При этом погибли милиционер и двое продагентов[195]. Вопреки усилиям властей, изъятие разверстки даже в богатых хлебом местностях Енисейской губернии осуществлялось неудовлетворительно. В ноябре 1920 г. полностью выполнять разверстку отказался Ново-Еловский волостной съезд в Красноярском уезде. Из-за угона скота воинскими частями разверстку на мясо решили не выполнять жители Козульской волости. На этой же почве латышским населением Кучеровской волости были убиты председатель сельсовета и два милиционера[196].

Усиливая хлебозаготовки, власти не только организовывали материальное вознаграждение успешных сдатчиков, но и посылали все новые молотильные и продовольственные отряды, которые «свирепствовали», очищая деревни от нажитого вплоть до одежды, обуви и вещей домашнего обихода. На советские органы возлагалась персональная ответственность за выполнение разверстки в своих волостях и селах. Им разрешалось опечатывать кулацкие амбары и выдавать их владельцам хлеб по установленным нормам потребления. Принуждение крестьян выполнять разверстку принимало разные формы: закрывались мельницы и запрещался размол зерна для личного потребления, организовывался принудительный обмолот и вывоз хлеба, разыскивались и изымались спрятанные его запасы, на бездействующих крестьян и служащих советских органов накладывались административные взыскания и штрафы, даже волостного масштаба, наконец, злостные саботажники предавались суду ревтрибунала. Выполнение продразверстки довело деревню до того, что, например, в Ачинском уезде, по словам очевидца, среди крестьян царила «подавленность» и «страшная ненависть к существующим порядкам». Напротив, в Канском уезде подавление мятежа создало «обстановку, способствующую продработе во всех её видах» [4, с. 554–555, 557, 592].

Следуя за центром и объявив некоторые территории на военном положении, губернское руководство ввело в практику заготовок сдачу крестьянами семенного зерна. Но вскоре начавшаяся ссыпка семян в общественные амбары, которая ставила будущий сев в зависимость от властей, начала встречаться населением, например, Минусинского уезда с крайним недовольством. Состоявшееся 23 декабря уездное продовольственное совещание констатировало, что даже деревенские коммунисты готовы перейти в оппозицию к советской власти[197].

Осуществлению продовольственных заготовок способствовало усиление их милитаризации. К 20 января 1921 г. вооруженные силы, занятые на продовольственной работе, выросли до 1321, к февралю - 1243 и на 20 марта - до 1456 военнослужащих 191, 193, 194, 195 и 45-го полков ВНУС, караульного батальона, интернационального полка и партизанского отряда[198]. Однако, несмотря на присутствие красноармейцев, в январе 1921 г. от выполнения разверстки отказалось население Балахтонской волости Ачинского уезда. В Павловской волости продовольствие, предназначенное государству, возами увозилось спекулянтами в Боготол. На селе участились убийства продовольственных инспекторов. Так, в Алзамайской волости Тайшетского района погибли трое заготовителей, ставших жертвами «кулацкого заговора»[199].

Между тем отданные властями приказы об усилении выполнения развёрстки, ссыпке хлеба в общественные амбары спровоцировали крестьянские волнения в ряде волостей Минусинского уезда. С объявлением приказа уполномоченного об изъятии в

---

195 Там же. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 371. Л. 1.
196 Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 24; Д. 54. Л. 2.
197 Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.
198 ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 514. Л. 7, 23-24, 28, 48.
199 Там же. Д. 278. Л. 11; Д. 514. Л. 36.

двухдневный срок дополнительной разверстки хлеба и с вводом специального отряда для конфискации семенного зерна собралась толпа из 500 протестующих крестьян Кнышинской волости. При этом один из красноармейцев был убит, а другой - получил ранение. Во время взимания разверстки в Никольской волости имели место избиения и аресты более 20 жителей, а с противной стороны - ранения двух коммунистов. В Идринской волости от руки уполномоченного погибли двое крестьян, якобы саботировавших заготовки. Волнения были подавлены прибывшими милиционерами и красноармейцами[200].

Силовыми методами завершали власти сбор разверстки в местностях Ачинского уезда. После него население Сережской волости оказалось разутым и раздетым, скот - без кормов, а повинности легли на плечи женщин и детей. Под давлением милиции успешно собиралась разверстка крестьянами Красноярского уезда, которые в начале весны 1921 г. почти её завершили. Требуя от региональных властей осуществления хлебозаготовок в «ударном порядке», сибирское партийное руководство предложило изменить их тактику, сосредоточив все силы, например, в Минусинском уезде.

Переход от продразверстки к продналогу был декларирован 15 марта 1921 г. в резолюции X съезда РКП(б), а затем законодательно оформлен декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Однако принудительные заготовки хлеба в деревне продолжались. Соглашаясь с требованиями Наркомпрода, сибирские власти 14 марта 1921 г. направили на места предписания о дополнительной заготовке хлеба, в частности на территории Енисейской губернии в объеме 1 млн пудов. Все территории, за исключением Красноярского уезда, должны были продолжать заготовку прежними методами. Прибывшие красноармейцы открыли, например, в Шалаболинской волости стрельбу в воздух. Возникшие из-за ошибочных действий продовольственных агентов настроения крестьян Кнышинской и Паначевской волостей «не давать хлеб» едва не переросли в массовые волнения[201]. Задание о дополнительной заготовке хлеба было выполнено благодаря быстрой концентрации всех сил в Минусинском уезде. С 1 марта по 20 апреля на ссыпные пункты губернии поступили 1 млн 70 тыс. пудов хлеба[202].

Дальнейшее взимание разверстки проходило под нажимом центральной власти, которая оставалась глухой не только к разумной критике снизу, но и к сообщениям об отсутствии продуктов и голоде крестьян. Поэтому завершение продовольственной кампании проходило в обстановке обострения отношений между крестьянами и властью. Из-за отсутствия инструментов и истощенности лошадей население Красноярского уезда отказывалось выполнять развёрстку на дрова и уклонялось от подачи подвод для административных нужд. Испытывая недостаток в хлебе, фураже и инвентаре, многие из жителей заявляли, что не выйдут сеять. Массовым являлось сопротивление крестьян изъятию продразверстки, например, в с. Балахта Ачинского уезда. Сельсовет решил её не сдавать, за что был арестован милицией. Собравшись 15 марта, толпа из 500 вооруженных вилами крестьян с криками «Долой коммунистов, хлеба не дадим!» пыталась их освободить. Она рассеялась только после того как милиционеры и продотрядовцы сделали несколько залпов в воздух, смертельно ранив при этом одну из присутствующих женщин. По этому делу были арестованы 90, а в уездную чека увезены 18 «зачинщиков»[203].

В других местностях, например, в д. Вознесенка Минусинского уезда 8 апреля крестьяне, узнав о прибытии продотряда, разбросали хлеб по тайге. В деревне все

[200] ГА НО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 291. Л. 5; МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 37. Л. 40, 153, 157, 195; Д. 225. Л. 120; ГА КК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 170. Л. 5, 7, 9.
[201] МКУ «АГМ». Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 119. Л. 9, 12.
[202] ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 527. Л. 29.
[203] Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 674. Л. 24, 28; ГА КК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 256 а. Л. 120; Д. 342. Л. 63, 68, 76-77, 109.

еще находились лица, которые скрывали свои запасы. Так, 15 мая в с. Каптырево состоялся «политический суд» над укрывавшим зерно кулаком, наказавшим его лишением избирательных прав. В тайнике у члена сельсовета и двоих жителей с. Субботино активисты обнаружили 300 пудов спрятанного хлеба. С выявлением «тайной организации» во главе со священником и учительницей в с. Сагайское были посланы красноармейцы. В селения Кнышинской волости, наказанные за протесты объявлением дополнительной разверстки, был введен продотряд, начавший собирать у крестьян семенной хлеб[204]. Отчаявшись, жители с. Дубенское решились на хищение хлеба из общественного хранилища. В разграблении участвовали 220 крестьян, или 2/3 всего населения. Получив информацию об этом случае, президиум Минусинского уездного исполкома 13 июня направил дело расхитителей на расследование в местное политбюро с привлечением «главарей» к суду. Подобный же случай имел место в июле 1921 г. в Новорождественской волости Канского уезда, где крестьяне разграбили ссыпной пункт. Более того, они переходили к диверсионным акциям: обстрелу подверглись караул моста на ст. Канск и проходящий поезд[205].

С последней декады апреля в губернии началось взыскание с крестьян яичного, а в последних числах мая - масляничного налога. Но, как только в д. Малая Ничка Минусинского уезда власти объявили сбор налога по маслу, как тут же крестьяне скрыли от обложения 120 коров. Сопротивление ему оказывали даже сельсоветы, например, Больше-Улуйской и Ново-Еловской волостей Ачинского уезда. Наблюдая отговорки местных служащих и населения, власти издали приказ, сообщавший крестьянам о последствиях их поведения и послали в селения пятерых особоуполномоченных с 76 красноармейцами. Отказавшиеся от выполнения этих налогов 75 жителей Больше-Улуйской волости были преданы суду ревтрибунала, а служащие советских органов подверглись аресту[206]. С целью усиления заготовок ГПК 25 июня распорядился о привлечении к ответственности саботажников. Для нажима в Минусинский и Новоселовский районы были командированы ответственные работники, в Канский уезд - 10 инструкторов отдела управления и три члена уездного исполкома. В Ачинске состоялся съезд членов советских и продовольственных органов, после чего они, возглавив специальные отряды, отбыли в уезд[207].

Разверстка фактически закончилась с весенней распутицей, когда обнаружилось, что в дальнейшем из-за исчерпания крестьянских запасов власти уже не могли рассчитывать на получение большого количества хлеба. Ставшее «крупнейшей политической кампанией», изъятие продовольствия у крестьян имело большие издержки. В частности, с сентября 1920 по апрель 1921 г. в Енисейской губернии от рук крестьянских повстанцев погибло до двух десятков продовольственных работников. Оно деморализовало исполнительную власть, переставшую выполнять правительственные директивы, сопровождалось всплеском отказов крестьян следовать её приказам, привело многих из них к состоянию выживания и усилило неприязнь к коммунистам. Укрывшись за воинскую силу, некоторые советские служащие прекращали организованную заготовку продуктов. В Красноярске очевидцы наблюдали картину, когда привезшие сдавать хлеб по разверстке крестьяне ждали своей очереди по три-четыре дня на плоту, замерзая. На приемном пункте в с. Юксеево заготовленный крестьянами хлеб портился. В Больше-Муртинской волости сено было погублено. Собранные у населения яйца подвергались порче. Наконец, скот, согнанный по мясной разверстке в с. Шалаболино Минусинского уезда, 13 суток ждал приемщиков и значительно потерял в весе[208]. При этом обнаружилось,

[204] Голос коммуниста (Минусинск). 1921. 1, 20, 26 мая; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 160. Л. 41-42.
[205] МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 36. Л. 41; Д. 225. Л. 263; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 119. Л. 31; ГА НО. Ф. П-302. Оп. 1. Д. 151. Л. 4–5, 35
[206] ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 170. Л. 27; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-1943. Оп. 2. Д. 459. Л. 3 об., 5.
[207] ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 308. Л. 70, 76.
[208] Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188. Л. 14.

что треть всего населения Шалинской, Степно-Баджейской, Кияйской и Тертежской волостей Красноярского уезда голодала. Кызыльская волость Ачинского уезда выполнила разверстку на 106 %, но 4 тыс. инородцев подверглись голоду. Взимание продразверстки привело к тому, что из-за постоянного недоедания среди минусинских хакасов стали распространяться тифозные заболевания. Заготовки скота сопровождались его гибелью и резким ухудшением отношения населения к властям[209].

В результате взимания продразверстки в Енисейской губернии было собрано хлеба в следующем объеме: на 1 сентября 1920 г. 388, к октябрю 498, ноябрю 561, декабрю 1059, январю 1921 г. 2605, февралю 3119, марту 3681, апрелю 4524, маю 4952 и к июлю 5207 тыс. пудов. Её задание было завершено к декабрю 1920 г. лишь на 15,1, к марту 1921 г. на 52,6 и к июлю на 74,4 %. Как и в целом по стране и Сибири, план этой продовольственной кампании губернией так и не был выполнен [6, с. 222, 224-225].

Итак, с установлением советской власти главным инструментом заготовок продовольствия на сибирских пространствах стала продразверстка. Уже первая из них не была свободна от давления властей и военных. Лишив крестьян рынка, она вызвала их недовольство и протесты. Начавшаяся с осени 1920 г. новая кампания по взиманию продразверстки выполнялась милитаризованными органами и с принуждением, оказываемым всяческими отрядами. Она толкнула деревню не только к повстанчеству, но и к более широкому и разнообразному сопротивлению в форме антисоветской агитации, слухов, отказов от выполнения заданий, волокиты и саботажа сдачи продуктов, сокрытия их запасов, хищения хлеба из государственных хранилищ, поджогов, избиений и даже убийств активистов и советских эмиссаров, наконец, диверсий и волнений, способных перерасти в восстание. Возникшие на почве поиска справедливости и большей частью извлеченные крестьянами из арсенала обычных и проверенных отношений с властью, эти приемы протестного поведения носили общественный, групповой и единоличный характер. Показав силу и безжалостность государства, разверстки отрицательно воздействовали на воспроизводство крестьянского социума и озлобили его представителей.

Список литературы

[1] Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина; Под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия», 1992. 432 с.

[2] Великий Сибирский Ледяной поход / [сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова]. М.: Центрополиграф, 2004. 717 с.

[3] Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е - середина 1930-х гг. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 330 с.

[4] Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / сост. и ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Олсиб, 1997. 712 с.

[5] Шишкин В.И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: Сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 3-44.

[6] Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 - март 1921 г.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 319 с.

[209] Там же. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 16. Л. 57; ГА КК. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 5. Л. 10, 15; МКУ «АГМ». Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 334. Л. 76; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 119. Л. 31.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Сибирское наследие М.М. Сперанского: политическое осознание территории. 200-Летие со дня рождения М.М. Сперанского

УДК 930.2-028.22

Специфика визуализации образа М.М. Сперанского в Сибири (XIX - нач. XXI в.)

Белгородская Людмила Вениаминовна
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
blv.kr@yandex.ru, https: // orcid.org/0000-0003-21-65-9464

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию эволюции визуального образа выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского в Сибири в XIX-XXI вв. Автор выделяет три этапа развития образа: имперский период, когда были созданы парадные портреты и скульптуры, советский и новейший период, сопровождающийся возрождением интереса к личности политика. В статье уточняются обстоятельства создания произведений искусства, посвященных «гению русской бюрократии», история бытования портретов, место живописных образов в культурной памяти россиян. Особо внимание уделено визуализации образа М.М. Сперанского в Сибири, где он был генерал-губернатором с 1819 по 1821 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА визуальный поворот в истории, иконография М.М. Сперанского, памятники М.М. Сперанскому

В 1980-х гг. в гуманитарных науках произошел так называемый «визуальный поворот». Одним из проявлений `pictorial turn` стало появление научных дисциплин и учебных курсов по визуальным исследованиям. Само название областей научного знания, связанных с визуальностью, зачастую за рубежом и в России понимается по-разному, не говоря уже об их методах, предметах, источниках. До настоящего времени не завершилось методологическое оформление этого комплекса научных дисциплин в России: визуальная история, визуалистика, визуальные исследования. В поле подобных работ включаются любые визуальные источники, включая художественные фильмы, ментальные карты и образы.

Только на рубеже XX-XXI вв. появились, по словам историка Л.Н. Мазур, первые «историко-визуальные исследования» в России. Она пишет о том, что историческая реальность в новейших работах историков переосмысливается в контексте истории образов. Визуальный поворот оказывает существенное влияние на изменение технологий исторического познания и, возможно, станет причиной их кардинальной перестройки. В исторических исследованиях визуальные источники до сих пор используются крайне редко в силу специфики отражения информации и отсутствия полноценного методического инструментария, обеспечивающего возможность исторических реконструкций. Тем не менее, историческая наука не может полностью игнорировать новые веяния и постепенно приобщается к проблемам изучения аудиовизуальных документов.

О визуальном повороте исторической науки свидетельствует все более широкое использование в словаре историка понятий «образ», «облик», «картина», используемых в самых разных тематических исследованиях: от традиционно историографических работ до изучения сюжетов социальной, политической, интеллектуальной истории, истории повседневности [3, с. 95]. Вместе с тем, применяемое историками понятие образа пока остается слабо структурированным и в значительной степени остается неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» (фактически визуализации) – способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт. Все эти подходы к изучению исторического «образа» чего-либо (политика, врага, союзника, детства, исторической науки и т. д.) сегодня находят отражение в исторических работах, представляя собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого: с позиций

визуального восприятия, а не логики. В этом смысле методику реконструкции и интерпретации образа можно рассматривать как способ отойти от рациональных приемов обобщения исторической информации и обращения к так называемым «качественным» методам познания, основанным на законах чувственного восприятия. Можно согласиться с историком Е.В. Анисимовым в том, что образ, придуманный художником, в общественном сознании прочно идентифицируется с историческим персонажем [1, с. 5].

В исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, он имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. Однако в последние годы, как видно, произошли заметные изменения, связанные с ростом доступности визуальных источников для сообщества историков и повышением интереса к ним. Это заставляет задуматься над используемым исследовательским инструментарием и его методологическим обоснованием [2, с. 19-21, 954–955].

Эволюция визуального образа М.М. Сперанского еще не была предметом научного интереса и не нашла отражения в публикациях. Авторы либо используют художественные изображения для иллюстрирования текста, либо приводят вербальные описание образа реформатора.

Автор публикации выделяет три этапа эволюции образа политика в российском искусстве. В рамках первого этапа (имперского) создавались преимущественно парадные и полупарадные портреты государственного деятеля. В коллекции Государственного Эрмитажа в настоящее время находится самая большая коллекция живописных и скульптурных изображений Сперанского – их десять.

Как заметил современник политика, «портретов Сперанского очень много и все похожи» [7, с. 393]. Основой самого полярного образа политика стал портрет политика, созданный английским художником Дж. Доу в 1822 г. (возможно и в 1821, 1823 г.) Политик с орденами Александра Невского (звезда) и Св. Владимира (звезда) сидит у стола, перед ним лежит карта сибирских губерний, за спиной виден городской пейзаж, который, возможно, так считают искусствоведы Эрмитажа, является видом Иркутска. На корешке большого фолианта написано «Предназначено для Сибири». Полотно погибло в 1845 г., но, к счастью, было сделано несколько копий российскими и зарубежными художниками, которые позволили восстановить авторский замысел облика мыслителя и политика. В XIX в. портреты государственных деятелей копировались массово для публичных мест и частных коллекций. Речь идет о гравюре Томаса Райта, портрете неизвестного художника второй трети XIX в. из коллекции Эрмитажа, изображении П.Ф. Бореля, гравюре А. Василевского. В изданиях не всегда указывается, что это копии портрета работы Дж. Доу. На обложке юбилейного номера журнала Российского фонда «История отечества» помещено изображение гравюры, созданной Т. Райтом по портрету Дж. Доу, а в тексте ошибочно авторство приписано художнику П.Ф. Соколову, создавшему иное, авторское изображение политического деятеля [2, с. 5]. В коллекции Эрмитажа хранится гравюра А.А. Васильевского, выполненная с оригинала П.Ф. Соколова.

На наш взгляд, большой интерес для историка представляет копия портрета политика работы Александра Григорьевича Варнака, выполненная под руководством Дж. Доу в 1824 г. Поясное изображение позволило художнику и копиисту сосредоточить все внимание на одухотворенном лице Сперанского и передаче выражения его умных голубых глаз. Как свидетельствует современник, «таких глаз у Сперанского, я у других не встречал, не возьмусь и приблизительно описать их. Могу сказать только: глаза Сперанского я ни разу не видел изменяющимися – всегда, постоянно тихи, спокойны, ласковы… ум, душа и сердце поместились в этих глазах! [7, с. 393] Портрет приобрел иркутский меценат В.П. Сукачев при невыясненных до конца обстоятельствах. Сейчас

он украшает зал Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева, названного в честь замечательного мецената. Недавно искусствоведам удалось идентифицирован и второй портрет М.М. Сперанского в этом музее, выполненным М. Васильевым, вероятно, в бытность политика генерал-губернатором Сибири в 1819-1821 гг.

В русской скульптуре образ реформатора представлен достойно в императорский период. Его образ есть среди 109 фигур горельефа памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде» и в горельефе постамента памятника Николаю I в Петербурге. А в 1889 г. на заседании Городской думы, состоявшемся 26 апреля, упомянутый выше городской голова Иркутска В. П. Сукачев внёс предложение о ходатайстве по поводу открытия подписки на сооружение памятника этому государственному деятелю. Дума единогласно приняла это предложение. И только через два года, а именно 24 января 1891 г., незадолго до посещения города цесаревичем Николаем, Высочайше утверждается решение об открытии при Иркутской Городской думе подписки на сооружение в городе памятника сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому. К 1894 г. в фонде памятника числилось 4351 рубль и 13 копеек. Сбор по подписке продолжался вплоть до 1913 г. Было собрано немногим более 20 тысяч рублей. Этой суммы не хватало на оплату работ по изготовлению памятника. О предполагаемом памятнике М. М. Сперанскому стало известно в Москве. Владелец одного из российских литейных заводов Э.В. Виллерт прислал в адрес Иркутской Городской думы письмо, в котором он предлагает исполнить проект памятника из бронзы.

Среди любопытных предложений, свидетельствующих о модернизации Сибири в позднеимперский период, стоит упомянуть предложение иркутского купца 2-й гильдии И. Винника, владельца хлебопекарен и производителя различных круп. Он предлагал памятник выполнить в виде колонны, на вершине которой будет установлен источник света силы, достаточной для освещения всего города. Кроме того, он полагал, что свет, пропущенный через специальную решетку, высвечивал бы слова: «Сперанскому — Иркутск». Ни один из дореволюционных проектов памятника М. М. Сперанскому в Сибири так и не был воплощён в жизнь. Удалось только в 1908 г. в Иркутске установить памятник Александру III, на одной из граней постамента расположили скульптурный портрет законотворца. Основой послужил, как мы полагаем, живописный портрет работы П.Ф. Бореля.

В советский период образ политика воспроизводился исключительно в энциклопедиях и учебниках для вузов. Все рассмотренные издания Большой советской энциклопедии либо не имели иллюстративного материала, либо воспроизводили работы старых мастеров. Даже многофигурное полотно И.С. Глазунова «Вечная Россия» (1988 г.), претендовавшее на статус реабилитирующего в перестроечные годы дореволюционную Россию произведения искусства, не содержит визуализированного образа выдающегося государственного деятеля.

В начале XXI в. началось создание скульптурных портретов М.М. Сперанского. Это связано с переоценкой Великих реформ Александра II (в том числе судебной) и широким празднованием в 2022 г. 250-летия со дня рождения Сперанского. По инициативе общественности практически одновременно в 2016 г. памятники реформатору установлены в Белгороде, Перми и Иркутске. Специально стоит отметить то обстоятельство, что с инициативой создания памятника выступила общественность сибирского города, большую роль сыграла активная позиция историков Иркутского государственного университета. Скульптурный памятник в Сибири выполнен по проекту А. Абрамова, А. Виноградова, М. Кирилловой и В. Акулова. Представлен не традиционный погрудный или поясной бюст, а сложное изображение трех четвертей фигуры. Это визуальное послание создателей монумента может быть прочитано зрителями в качестве символа незавершенности политических преобразований

Сперанского, видимого знака его личных потерь и неудач.

Политик в минуту откровенности писал о себе с горечью: «Никогда, ни в какую эпоху жизни, не привязывались ко мне душевно люди счастливые, да и сам я к ним не прикасался» [6, с. 457].

Таким образом, можно утверждать, что можно выделить три этапа эволюции образа политика в Сибири. Самым неплодотворным оказался советский период, когда интерес к имперской элите России был весьма ограниченным. Произведения искусства в Сибири создавались преимущественно на месте и по заказу общественности. Представляется, что историкам следует детальнее изучить историю бытования изображений государственного деятеля в центральных и региональных музеях страны, в зарубежных художественных коллекциях, выяснить обстоятельства создания живописных и скульптурных портретов, установить были ли это частные заказы, государственные или общественные инициативы.

Список литературы

[1] Анисимов Е.В. Письмо турецкому султану. Образы России глазами историка. СПб.: Изд-во «Арка», 2013. С. 226. 359 с.

[2] Воронцово поле. 2022. № 1. 96 с.

[3] Мазур Л.Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX-XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. № 46, С. 95–108.

[4] Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова. М., 2019. 1030

[5] Сперанский М.М. https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/04.+engraving/1514221 (дата обращения 12.06.2022).

[6] Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Изд. 5-е, обнов. и допол. М.: Зерцало-М. 2013. 476 с.

[7] Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 2. 640 с.

УДК 94(57)

Межнациональное разделение труда в Восточной Сибири по данным переписи 1897 г.

Зиновьев Василий Павлович
Доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия.
vpz@tsu.ru

АННОТАЦИЯ В докладе анализируется феномен межэтнического разделения труда в Восточной Сибири по данным Всероссийской переписи населения 1897 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА межэтническое разделение труда, Сибирь, Перепись 1897 г.

Присоединение и освоение Сибири уникальное явление. Этот процесс не похож на завоевание колоний европейскими народами - греками, римлянами, англо-саксами, иберийцами, так как он шел по модели даннических взаимоотношений восточных государств. В отличие от американского фронтира, предполагавшего борьбу и уничтожение варваров, русская модель завоевания предполагала «замирение» инородцев и включение их в даннические отношения с московским царем, а позднее – с российским императором. Подробный анализ этого процесса дан в статьях и монографиях томского этнографа Л.И. Шерстовой [11-13]. Русские служилые люди шли в Сибирь не за территориями, а за податными головами – плательщиками ясака, что подразумевало их безусловное сохранение. Политика Российской империи по отношению к инородцам Сибири всесторонне изучена Л.М. и И.М. Дамешеками, историками Иркутска [1-3]. Продолжение русскими царями и императорами политики Джучиева улуса на завоеванных землях Северной Азии - одна из главных причин относительно мирного и бескровного присоединения Сибири.

Но есть и другой, не менее важный, фактор в целом бесконфликтного сожительства русских и других европейских пришельцев с местным населением – это межнациональное разделение труда. На этот аспект сибирской истории обращают меньше внимания, чем на другие. Есть лишь одна монография Е.В. Карих [7]. Она ограничила анализ взаимоотношений русских и коренных народов Сибири ее западной частью. По Восточной Сибири анализ разделения труда был ею только начат [8]. Статистический анализ переписи 1897 г. по Восточной Сибири продолжен в ряде моих статей [4-6].

Е.В. Карих на материалах Тобольской и Томской губерний доказала факт существования межэтнического разделения труда в Западной Сибири. Цель настоящего доклада - оценить характер межэтнического разделения труда в Восточной Сибири в целом по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. Погубернские тома переписи, в которых имеется редкая по информации таблица № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка». позволяют ответить на вопрос о наличии или отсутствии межэтнического разделения труда в народном хозяйстве региона и отметить особенности такового.

Занятия населения в таблице № XXII разделены на 65 рубрик, что позволяет выявить традиционные и новые виды занятий различных этносов. Данные таблицы подтвердили, что межнациональное разделение труда имело место во всех изучаемых регионах – Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской и Якутской областях, хотя носило разный характер. Анализ проведен по единому алгоритму, результаты подсчета показаны ниже.

В Енисейской губернии перепись 1897 г. учла всего 570161 чел., в том числе 175216

самодеятельных лиц и 394945 лиц, живущих за счет их средств, выражаясь канцелярским языком – иждивенцев. Из общего числа самодеятельного населения 162803 или 92.91% относились к пришлым народам, 12416 или 7.09% - к сибирским коренным народам, из числа иждивенцев 360186 или 91.20% относились к пришлым народам, а 34759 или 8,8% - к сибирским коренным народам. Поскольку соотношение самодеятельных лиц и иждивенцев практически одинаково у пришлого и коренного населения можно ограничиться анализом только самодеятельного населения.

Пришлые (завоеватели) были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 77734 (47,7%), в промышленности – 31580 (19,4%), в услужении – 18126 (11,1%), существовали за счет ренты – 6457 (4,0%), в торговле – 6134 (3,8%), на транспорте и связи – 5010 (3,1%), в военной службе – 3237 (2%), в управлении – 2374 (1,46%), лесными промыслами – 1898 (1,17%), находились в пенитенциарных заведениях – 1809 (1,1%), были заняты рыболовством и охотой – 1606 (1%), животноводством – 1384 (0,85%), в образовании и медицине 1557 (0,83%), были служителями религиозных культов – 955 (0,59%) и т.д.

Коренные жители Сибири занимались преимущественно животноводством – 4225 (34%), земледелием – 3457 (27,8%), рыболовством и охотой – 2478 (20%), промышленностью – 755 (6,1%), услугами – 639 (5,1%), существовали за счет ренты от лиц и учреждений - 217 (1,7%), транспортом – 68 (0,54%), торговлей – 59 (0,5%). В остальных отраслях производства, в управлении, сфере культуры были заняты единичные представители коренных народов Сибири.

Наиболее крупный коренной народ губернии - енисейские тюрки (хакасы) насчитывали в своих рядах 37721 чел., из них 9467 относились к самодеятельному населению, в том числе скотоводами из них были 3892 (41,1%), земледельцами – 3437 (36,3%), занимались промышленностью – 699 (7,4%), услугами – 610 (6,4%), рыболовством и охотой – 401 (4,2%), получали ренту – 150 (1,6%), транспортом – 62 (0,65%), торговлей – 56 – (0,6%). Таким образом, на первом месте у енисейских тюрков было скотоводство, на втором, почти на равных, - земледелие, существенными были занятия промышленностью, услугами, охотой и рыболовством. Среди хакасов появились профессиональные управленцы, медики, учителя, служители религиозных культов. Отрицательная сторона цивилизованности проявилась в наличии 12 арестантов, однако занимающихся проституцией еще не отмечено. В целом можно говорить о высокой степени седентаризации бывших кочевников, их адаптации в имперское пространство. Вместе с тем они были слабо втянуты в индустриальные отношения, в городскую среду. В городах губернии были учтены всего 190 представителей коренных народов Сибири или 0,3% всех горожан губернии, в основном это енисейские тюрки (хакасы) – 145 чел.

Народы, жившие на севере Енисейской губернии, имели единую структуру занятости. В большинстве своем они учтены как рыболовы и охотники: якуты – 524 из 620 или 84,5%, самоеды – 871 из 1085 или 80,3%, тунгусы - 727 из 925 или 78,6% и енисейские остяки – 245 из 286 или 85,7%. Вторым по значению занятием для них было животноводство (оленеводство): якуты – 49 из 620 или 7,9%, тунгусы - 113 из 925 или 12,2%, самоеды 149 из 1085 или 13,7%, енисейские остяки – 22 из 286 или 7,7%. Природные условия диктовали разным по происхождению народам одни и те же способы существования [4, с. 137-141].

В Иркутской губернии перепись 1897 г. учла всего 514267 чел., в том числе 159245 самодеятельных лиц и 355022 лиц, живущих за счет их средств. Из общего числа самодеятельного населения 133377 или 83,8% относились к пришлым народам, 25868 или 17.2% - к сибирским коренным народам, из числа иждивенцев 274364 или 77,3% относились к пришлым народам, а 80658 или 22,7% - к сибирским коренным народам. Соотношение самодеятельных лиц и иждивенцев у пришлого и коренного населения различается более чем на 5%. Это свидетельствует о присутствии значительного числа пришедших на заработки из-за пределов губернии без семей. Вероятнее всего, это

ссыльные, рабочие золотых приисков и строители железной дороги.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 55411 (41,5%), в промышленности – 23789 (19,4%), в услужении – 19476 (14,6%), существовали за счет ренты – 5371 (4,0%), в торговле – 11076 (8,3%), на транспорте и в связи – 3326 (2,5%), в военной службе – 6932 (5,2%), в управлении – 2120 (1,6%), лесными промыслами – 1360 (1,0%), находились в пенитенциарных заведениях – 2992 (2,2%), были заняты рыболовством и охотой – 302 (0,3%), животноводством – 617 (0,5%), в образовании и медицине - 2067 (1,5%), в исправление религиозных культов – 1026 (0,8%) и т.д.

Коренные жители Сибири также занимались преимущественно земледелием – 21420 (82,8%), животноводством – 1604 (6,2%), рыболовством и охотой – 826 (3,2%), промышленностью – 197 (0,8%), услугами 612 (2,4%), существовали за счет ренты - 230 (0,9%), транспортом – 48 (0,2%), торговлей – 112 (0,4%). В остальных сферах занятости были заняты немногие представители коренных народов губернии.

Наиболее крупный коренной народ - буряты насчитывали 106526 чел., из них 24439 относились к самодеятельному населению, в том числе, земледельцами из них были 21517 (88,0%), скотоводами - 1375 (5,6%), занимались промышленностью – 159 (0,7%), услугами – 479 (2,0%), рыболовством и охотой – 335 (1,4%), получали ренту – 213 (0,9%), транспортом – 35 (0,15%), торговлей – 93 (0,4%). Таким образом, на первом месте у бурят Прибайкалья было земледелие, на втором, с большим отставанием, - скотоводство, существенными были занятия промышленностью, услугами, охотой и рыболовством. Среди бурят появились профессиональные управленцы, служители религиозных культов. Отрицательная сторона цивилизованности проявилась в наличии 22 арестантов, однако лиц, занимающихся проституцией, еще не было. Такие данные свидетельствуют о наиболее высокой степени седентаризации прибайкальских бурят в Сибири, их полной адаптации в имперское пространство. Вместе с тем они были слабо втянуты в индустриальные отношения, в городскую среду. В городах губернии были учтены всего 319 представителей бурят или 0,5% всех горожан губернии, в том числе 255 из них были отнесены к самодеятельному населению. На устойчивость системы жизнеобеспечения бурят указывает то, что обеспечивалось простое воспроизводств рабочей силы: один работающий содержал себя и трех членов семьи в среднем.

Народы, жившие на севере Иркутской губернии – якуты и тунгусы, не имели единой структуры занятости. В большинстве своем тунгусы учтены как рыболовы и охотники: 383 из 613 или 62,5%. Вторым по значению занятием для них была промышленность, вероятно, работа на золотых промыслах – 86 или 14,0 %, земледелие – 49 или 8%, животноводство – 38 или 6,2%. Основными занятиями якутов были животноводство и земледелие по 214 чел. или по 33,4% от всех 640 самодеятельных якутов, 108 чел. или 16,9% были заняты охотой и рыболовством.

Учтенные переписью в Иркутской губернии киргиз-кайсаки (казахи) – 176 самодеятельных и 84 иждивенца, были вероятнее всего строителями железной дороги, пережидавшими зиму, работая в крестьянских хозяйствах, прислугой, на промышленных предприятиях и на транспорте [5, с. 40-48].

В Забайкальской области перепись 1897 г. учла всего 676500 чел., в том числе 170253 самодеятельных лиц и 506247 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом занятия населения в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и троих иждивенцев. Из общего числа самодеятельного населения 123373 или 72,5% относились к пришлым народам, 46881 или 27,5% - к сибирским коренным народам, из числа иждивенцев 342555 или 67,7% относились к пришлым народам, а 163692 или 32,3% - к сибирским коренным народам. Доля самодеятельных лиц в числе пришлого населения составляла 26,5%, у коренного населения области – 22,3%. Разница в 4,2% свидетельствует о присутствии значительного числа отходников пришедших на заработки из-за пределов области и оставшихся на зиму. Это, вероятнее всего, рабочие

золотых приисков и строители железной дороги. В это время как раз и сооружалась Забайкальская железная дорога.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 60115 (48,7%), в промышленности – 20198 (16,4%), в услужении – 10691 (8,7%), существовали за счет ренты – 3855 (3,1%), заняты в торговле – 4333 (3,5%), на транспорте и связи – 3879 (3,1%), в военной службе – 6905 (6,0%), в управлении – 1408 (1,1%), заняты лесными промыслами – 677 (0,5%), находились в пенитенциарных заведениях – 2675 (2,2%), были заняты рыболовством и охотой – 386 (0,3%), животноводством – 2272 (1,8%), в образовании и медицине - 1114 (0,9%), в исправление религиозных культов – 616 (0,5%) и т.д.

Коренные жители Сибири также занимались преимущественно животноводством – 32385 (69,1%), земледелием – 10164 (21,7%), рыболовством и охотой – 581 (1,2%), промышленностью – 311 (0,7%), услугами 1173 (2,5%), существовали за счет ренты - 430 (0,9%), транспортом – 363 (0,8%), военной службой – 302 (0,6%), торговлей – 130 (0,3%). В остальных сферах занятости были заняты немногие представители коренных народов области.

Более точное представление о занятиях коренного населения Забайкальской области дает анализ по каждому народу отдельно. Наиболее крупный из них - буряты насчитывали 180125 чел., из них 40598 относились к самодеятельному населению, в том числе, земледельцами из них были 7598 (18,7%), скотоводами - 29861 (73,6%), занятыми военной службой – 302 (0,7%), услугами –997 (2,5%), рыболовством и охотой – 335 (0,8%), транспортом – 355 (0,9%), исполнением религиозных обрядов – 238 (0,6), промышленностью – 174 (0,4%), получали ренту – 365 (0,9%), Таким образом, на первом месте у бурят Прибайкалья было скотоводство, на втором, с большим отставанием, - земледелие, существенными были занятия промышленностью, услугами, охотой и рыболовством, военной службой, транспортом. Среди бурят появились профессиональные управленцы, служители религиозных культов, военные. Отрицательная сторона цивилизованности проявилась в наличии 17 арестантов. Такие данные свидетельствуют о том, что забайкальские буряты, в отличие от прибайкальских, сохранили свое традиционное занятие – скотоводство, а значительное число среди них служителей религиозных культов показывает на сохранение традиционной религии. Они были сильнее втянуты в городскую среду чем прибайкальские буряты. В городах области были учтены 1663 представителей бурят или 3,9% всех горожан области, в том числе 1133 из них были отнесены к самодеятельному населению и составили 5,6 % городского самодеятельного населения области, тогда как буряты Иркутской губернии составляли около полупроцента городского населения губернии.

Тунгусы, второй по численности коренной этнос Забайкалья, не имели единой структуры занятости. Тунгусы делились на земледельцев - 2599 (41,4 %) и скотоводов – 2524 (40,2%). Третьим по значению занятием для них являлись рыболовство и охота 548 (8,7%), заметными сферами приложения труда стали услуги 176 (2,8%) и промышленность – 137 (2,2%). Забайкальские тунгусы (орочоны) еще сохранили традиции кочевников скотоводов, в отличие от их сородичей ушедших в тайгу, и быстро эволюционировали к занятию земледелием. Рыболовство и охота у них, в отличие от их более северных сородичей в других регионах Сибири, были главными занятиями менее чем у 10 процентов самодеятельного тунгусского населения Забайкалья. Все они жили в Баргузинском округе [6].

В Якутской области из 269880 ее жителей 84275 учтены как самодеятельные, 185606 как иждивенцы, 87,3 % населения области составляли коренные жители, 12,7% - пришлые. Из 84275 самодеятельных лиц коренными жителями были 65402 или 77,6%, пришлыми - 18873 или 22,4%.

На одного самодеятельного коренного жителя области приходилось 2,6 иждивенца, на одного пришлого работника – 0,8 иждивенца. Эти цифры свидетельствуют о том, что

пришлые (18873 чел.) были преимущественно временными жителями области, без семей. Они были заняты в промышленности (в основном на Ленских золотых промыслах) – 8339 чел., в услужении – 2826 чел, в земледелии – 2323 чел. (преимущественно ссыльные сектанты), на охотничьих и рыбных промыслах – 1409 чел. Коренное население, в основном якуты (61514 чел.), тунгусы (3232 чел.), чукоты (чукчи) – 351 чел. занимались преимущественно скотоводством - 49977 чел или 76,4 % самодеятельного населения, земледелием – 3086 чел. или 4,7%, рыболовством и охотой - 2884 чел. или 4,4 %, услужением – 2144 чел. или 3,3%, заготовкой леса – 1625 чел. или 2,4%. Юкагиры - 305 чел., занимались в основном охотой – 267 чел. [9, с. 90-105]

Таким образом Якутская область отличалась от остальных регионов Сибири тем, что в ней преобладало коренное население – якуты, главным занятием было традиционное для якутов – скотоводство, земледелие имело второстепенное значение. Пришлое население обслуживало в основном золотые промыслы Олекминского округа. После передачи Ленских приисков в Иркутскую губернию в 1898 г. монополизм якутского скотоводства стал в области подавляющим.

Из пришлого населения Восточной Сибири особенностью занятий выделялись евреи. Попадали они в преимущественно в качестве ссыльных в Баргузинский и Верхнеудинский округа и как военнослужащие-кантонисты. Размещались же они в основном в крупных городах, занимаясь торговлей и ремеслами. В Енисейской губернии их было 5058, в т. ч. в городах – 2630, из них в Красноярске – 1130; в Забайкальской области – 7833, в т ч. в городах – 3113, из них в Чите – 1160; в Якутской области – 631, в т. ч. в городах – 353, из них в Якутске – 338, на приисках – 184. Столицей же евреев Сибири оказался Иркутск, где перепись зафиксировала 3326 чел. из 3686 городского еврейского населения и 7111 евреев губернии [3; 4; 8; 9]. Неслучайно большую часть крупных купеческих капиталов Восточной Сибири составили евреи [10, с. 70-71].

Сохранение в Восточной Сибири межэтнического разделения труда показывает, что традиционное общество еще господствовало в Сибири, индустриальный мир проявил себя лишь в городах, центрах управления, транспорта, промышленности и торговли.

Список литературы

[1] Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.) : монография. Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. 183 с.

[2] Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 136 с.

[3] Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014, 303 с.

[4] Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 40–48. https://doi.org/10.26516/2222- 9124.2022.40.40

[5] Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137-141. doi: 10.17223/19988613/76/16

[6] Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. doi:

[7] Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск: Издательство Томского университета. Томск, 232 с.

[8] Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92-95.

[9] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXX. Якутская область. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакциею Н.А. Тройницкого. СПб.: Тип. Князя В.П. Мещерского. 1905. XIII, 120 с. Таблица XXII.

[10] Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск ТГУ 1975. 326 с.

[11] Шерстова Л.И. Движение русских за Урал: этнокультурные трансформации этноса в XVII-XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 170-177.

[12] Шерстова Л.И. Изучение характера и динамики присоединения Северной Азии к России: фронтир или взаимодействие народов // Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Издательство Томского университета, 2019. С. 5-36.

[13] Шерстова Л.И. Евразийская ментальность: сибирский аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 133-138.

УДК 94 (352). 908

Роль писаря в сельской и волостной администрации Енисейской губернии в XIX – начале XX вв.

Кучерова Ирина Владимировна
Старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела музея-заповедника «Шушенское», п. Шушенское, Россия

АННОТАЦИЯ В статье проанализированы законодательные акты и распоряжения местной администрации, связанные с введением должности писаря в Сибирских губерниях, в том числе в Енисейской; как менялось положение писаря на протяжении времени и какую роль он играл в местном самоуправлении сибирской деревни

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Енисейская губерния, писарь, волостное и сельское правление, крестьянское общественное управление.

Сибирь для царского правительства долгое время являлась далекой окраиной, которая досталась империи достаточно легко, поскольку присоединение происходило мирным путем. Однако по мере заселения этой территории перед монархией вставал вопрос о том, как должна управляться эта окраина.

Для решения этого вопроса царское правительство руководствовалось, прежде всего военно-стратегическим и экономическим значениями региона для империи. Административные преобразования в Сибири проходили, как правило, с учетом местных особенностей, географического положения и политического развития. Поэтому для управления Сибирским краем был использован такой тип управления окраинами Российской империи как управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях. Также стоит отметить, что реформы в сфере управления проходили с большим опозданием по сравнению с Европейской частью России и имели ряд особенностей.

Удаленность территории от столицы, малонаселенность и наличие коренного населения, жившего по своим порядкам, затрудняли управление из центра. Первые попытки решить сибирский вопрос были сделаны еще в первой половине XIX века. Именно административная реформа М.М. Сперанского заложила основы будущего местного управления в Сибири.

М.М. Сперанский, проводя преобразования в сфере управления, стремился укрепить центральную власть в Сибири, при этом позволив местной власти вести реальное управление на местах, таким образом, снизив процент взяточничества и злоупотреблений со стороны местной администрации. Реформа предусматривала ряд новых элементов в управлении, которые ранее не применялись не только в сибирской, но и в общероссийской административной практике, а также административное деление, которое позволило эффективнее управлять этой окраиной империи. В результате была создана четырехступенчатая система управления Сибирью: главное управление, губернское управление, окружное и сельское и инородное. Сибирь была поделена на Восточную и Западную Сибирь, были созданы два генерал-губернаторства. В составе этих двух больших территорий были губернии и области, которые в свою очередь делились на округа. Округа в себя включали волости и инородные управы. В большей степени нас интересует ступень сельского управления.

В сельское управление входило на уровне волости волостное правление, состоящее из волостного головы, старосты и писаря; в селениях управление осуществлял старшина

(после избрания на сходе утверждался земским судом) и десятники[14]. Основа, заложенная Сперанским по управлению Сибири, а в частности по крестьянскому управлению просуществовала с незначительными изменениями вплоть до 1870-х годов, когда в Западной, а затем в 1880-х гг. в Восточной Сибири были проведены преобразования, в части управления исходя из реформ Александра II.

Именно по реформе М.М. Сперанского в системе крестьянского общественного управления появилась должность писаря, которая концу XIX – нач. XX вв. стала в ней основной фигурой.

Писарь – это должностное лицо, занимающееся перепиской, составлением и регистрацией канцелярских бумаг. В «Учреждение для Сибирских губерний» волостной писарь избирался крестьянским сходом, как и другие должностные лица правления сроком на один год. В его обязанности входило ведение делопроизводства в волости, включающее в себя составление общественных приговоров, написание жалоб, прошений, составление ведомостей для отчета перед окружным начальством. Также писарь от имени неграмотных односельчан составлял различные бумаги. Избирался писарь из числа местного населения. При недостатке грамотных людей могли выбрать из посторонних людей, за определенное жалование. Утверждение на должности происходило через земский суд в губернском управлении. В начале XIX в. делопроизводство на местах имело небольшие объемы, поэтому писарь вполне справлялся со своей работой. В своей статье И.А. Коновалов писал о том, что волостное управление напрямую зависело от деятельности писаря, т.к. среди волостного начальства фактически нет людей грамотных и уж тем более знающих делопроизводство [9].

В 1882 г. на крестьянство Енисейской губернии было распространено «Общее положение, о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»[2], по которому произошло преобразование системы крестьянского самоуправления. Были расширены функции волостной и сельской администрации, которая стала низшим звеном в территориально-административной структуре управления Сибирским регионом. В нововведениях должность писаря появлялась уже и на уровне сельского управления. Однако в «Правилах для руководства волостным и сельским сходами»[12], разработанных по указанию и.д. Енисейского губернатора Заботкина, указывалось, что сельский писарь избирался сходом только в случае необходимости. По-прежнему писарем избирали человека грамотного либо со своей среды, либо могли нанять человека, принадлежащего другому сословию. Например, в д. Козловой Шушенской волости Минусинского уезда писарем числился дворянин Александр Григорьевич Петропавлов. На территории деревни он не проживал, а лишь приезжал в нее на время сельских сходов и по необходимости для составления документов. Об этом стало известно из дела о расследовании кражи коня у Петропавлова, когда он находился на сельском сходе в деревне Козловой[5].

После проведенных преобразований писарь начал играть особую роль в волостном управлении. Ремнев в своей монографии отмечает проблему подбора волостных писарей[13]. В то время на писаре лежали большие обязанности, так как фактически он являлся единственным грамотным и образованным человеком. На писаря было возложено все делопроизводство в волости, именно он писал приговоры сходов, рапорты, прошения и различные обращения. К концу XIX столетия по объёму делопроизводство очень сильно возросло, и в таких условиях роль писаря нередко наиболее подготовленного к выполнению функций управления неизбежно возрастала. В большинстве случаев именно он олицетворял и волостное управление, и волостной суд. Значение должности росло по мере того, как обычное право вытеснялось официальным законодательством. Теперь к нему шли крестьяне не только для составления жалоб, прошений, но и за разъяснениями законов и постановлений со стороны высшего начальства. После распространения на Восточную Сибирь «Общего положения...» от 19 февраля 1861 г. с

1885 по 1887 гг. Главное управление Восточной Сибири вело переписку с окружными по крестьянским делам присутствиями о целесообразности введения в сибирских губерниях должности помощника писаря[11]. В конечном итоге эта должность была введена как необходимая, поскольку документооборот к концу XIX века вырос в несколько раз. Так, например, «за первую половину 1891 г. в реестр исходящих бумаг в Шушенской волости было внесено 6 500 документов, Ужурской – 6 800, Назаровской – 7 700, Абаканской – более 8 000. В волостных правлениях велось 24 книги. Ежегодно отчетность представлялась по 83 формам. В каждой волости было по два, а нередко и более помощников писаря»[15] .

Усложнение и увеличение объемов волостного делопроизводства, рост числа помощников писаря приводило к созданию при волостном правлении своей канцелярии, которая содержалась за счет дополнительных сборов с самих же крестьян. А.А. Корнилов по результатам своей ревизии отмечал, что жалование писаря составляло от 700 до 1500 р. в год, также на содержании находилось в среднем от 3 до 6 помощников писаря или учеников[10]. Например, по сводной ведомости расходов по Шушенской волости за 1891 г. жалование писаря составляло 700 р. в год, а на содержание учеников и помощников было определено 950 р. (на всех) в год[8]. Помимо получения хорошего жалования, писари очень часто за отдельную плату брались за составление бумаг по частным просьбам местных крестьян. Поэтому сколько в конечном итоге получал писарь сложно установить. Случалось и так, что писари злоупотребляли своими полномочиями и использовали служебное положение в личных целях.

В итоге писарь, получив опыт в делопроизводственной сфере, при фактическом отсутствии в енисейской деревне лиц интеллигентных профессий, становился неким монополистом в трактовке указов и постановлений вышестоящей власти. Тем самым именно от него местное крестьянство узнавало о нововведениях. К сожалению, если бы авторитет писарей не был подорван обманом, использованием своих служебных полномочий в личных корыстных целях, то должность волостного писаря могла бы стать хорошей площадкой для подготовки чиновников уездного уровня управления, могла привлечь в деревню молодых образованных людей.

Список литературы

[1] Анучин Д. Г. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: в 8 т. / Д. Г. Анучин. – Иркутск: Тип. Н. Н. Синицина, 1883. – Т. 6, Вып. 1: Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири. – 199 с.

[2] Высочайше утвержденное Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи (1825 – 1881). – СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1913. – Т. 36, Ч.1. – № 36657.

[3] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири // Полное собрание законов Российской империи (1825–1881). – СПб.,: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1913. – Т. 54. – № 60210.

[4] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета О преобразовании общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи (1881–1913). – СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1913. – Т. 2. – № 825.

[5] Дело Земского заседателя 3-го участка Минусинского округа. Дело по расследованию кражи коня у дворянина А.Г. Петропавлова в д. Козловой Шушенской волости, 1881–1886 гг. // АГМ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3.

[6] Дело о рассмотрении инструкции главного управления Восточной Сибири о преобразовании общественного управления государственными крестьянами // ГАКК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 144.

[7] Дело об инструкции к сведению циркуляров и предписаний главного управления Восточной Сибири в связи с переустройством крестьянских учреждений в соответствии с Положением 19 февраля 1861 г.// ГАКК. Ф. 807. – Оп. 1. – Д. 11.

[8] Кикилова Т. М. Сводная ведомость расходов по Шушенской волости за 1881–1891 гг.: [рукопись] / Т. М. Кикилова. – [Б. м.], [1891].

[9] Коновалов И.А. Крестьянская община как предмет государственно правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период // Омский научный вестник. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 13–19.

[10] О нуждах и вопросах крестьянского дела, обнаруженных при ревизии крестьянских учреждений Иркутской и Енисейской губернии осенью 1899 г. / сост. А. А. Корнилов. – Иркутск: Тип. газ. "Вост. Обозрение", 1900. – 217 с.

[11] Переписка с Главным управлением Восточной Сибири и окружными по крестьянским делам присутствиями о введении в сибирских губерниях должности помощника волостного писаря // ГАКК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 70.

[12] Переписка с Главным управлением Восточной Сибири, губернским правлением и окружными по крестьянским делам присутствиями о составлении правил работы волостных и сельских сходов. // ГАКК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 69.

[13] Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков : монография / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 580 с.

[14] Россия. Законы и постановления. Учреждение для управления Сибирских губерний. – СПб. : Сенат. тип., 1822. – 614 с.

[15] Сибирь в составе Российской империи / отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

УДК 930.2-028.22

К вопросу об истории местного самоуправления в Минусинске (кон. XVIII в. - нач. XX в.)

Нагорных Валентина Викторовна
Научный сотрудник, МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова», г. Минусинск, Россия.
martianov-muzey@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье автор на примере города Минусинска в историческом разрезе рассматривает вопросы организации местного самоуправления в Сибири, сравнивает организацию деятельности органов власти в разные периоды

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА самоуправление, городская Дума, Минусинск, Минусинский округ

В 2023 г. Минусинск отметит своё 200-летие. Это не так уж много, если сравнивать с некоторыми городами Красноярского края. Но здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Как и у других исторических городов края, у Минусинска две даты основания: первая – дата возникновения первоначального поселения, вторая - дата перехода в статус города. В данном случае за точку отсчета взята дата преобразования села Минусинского в город Минусинск.

Из-за отсутствия доступных архивных документов, относящихся к середине и второй половине 18 в., трудно проследить (описать) историю существования Минусинска в первые полвека своего существования. Кое-что о местной истории можно узнать из научных трудов В.А. Ватина «Село Минусинское», «Город Минусинск», основанных в том числе на документах, не дошедших до нас. Историю местного самоуправления после преобразования села Минусинского в город описать немного проще.

На момент возникновения деревни Минусинской территория между Саянским и Абаканским острогами входила в состав основанной еще при императоре Петре I Енисейской провинции.

«Первыми жителями села Минусинского были приписанные к казенным горным заводам крестьяне», среди которых был и «публично наказанные», и просто ссыльные. Относились они к ведомству Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства [1, с. 9,20].

В 1782 г. Енисейская провинция была ликвидирована, были образованы Тобольская, Колывано-Воскресенская и Иркутская губернии. В конце XVIII в. село Минусинское числилось в Красноярском округе Колыванской губернии, с 1804 г. – приписано к Томской губернии [1, 25; 2, 118]

В 1787 г. были учреждены комиссарства и земские избы с выборными и земскими старостами. Минусинская земская изба была образована позже. Самый ранний документ, хранящийся в Минусинском архиве, в котором она упоминается, это «Указ Ея Императорского Величества из Красноярского нижнего суда Минусинской земской избе» от 23 декабря 1793 г. [3, 23]. Земской избе подчинялись деревни, возникшие на территории от Абаканского до Саянского острогов. На 1796 г. в ведении Минусинской избы были села – Минусинское и Шушенское, Абаканский острог и 36 деревень [4, 84].

Земская изба состояла из старосты, выборных от деревень. Для ведения делопроизводства крестьяне нанимали писаря. Деятельность изб можно условно разделить на административно-полицейскую и фискально-хозяйственную. К первой относилось оповещение населения о распоряжениях и указах, поиск беглых. Ко второй – разнообразные хозяйственные функции (содержание дорог и мостов, сохранность лесов, контроль за натуральными повинностями и пр.), а также надзорно-фискальные:

раскладка и сбор податей, налогов, набор рекрутов и их доставка к месту сбора.

В 1797 г. по указу «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления» земские избы были ликвидированы и образованы волости и волостные правления. Во многих публикациях дата 1797 г. указывается, как дата образования Минусинского волостного правления. Практически же Минусинская земская изба просуществовала до 1799 г. И лишь в мае 1800 г. было открыто Минусинское волостное правление. Это следует из документов Минусинской земской избы и Минусинского волостного правления, хранящихся в Минусинском архиве. Так, в «Приказе Минусинского комиссара Минусинскому волостному правлению о возврате денег крестьянину Якову Солдатову» сказано: «в 1800 г. с мая месяца по открытии волостных правлений был избран обществом в волостные головы, в течение года служили с ним староста деревни Усть-Ербинской крестьянин Алексей Сиротинин и выборный села Минусинского Иван Семенов Узунов»...[5, 55-56]

В деревнях из жителей мужского пола избирали выборных, а они из своей среды выбирали волостного голову и волостного старосту. Волостной голова возглавлял правление, а волостной староста являлся его помощником. Кроме этого, из крестьян селений ежегодно избирался заседатель в Красноярский нижний земский суд.

Функции волостных правлений были аналогичны функциям бывших земских изб. Волостное правление ведало всей жизнью, вверенной ему территории: сбором налогов и податей, пожертвований, ремонтом дорог и мостов, содержанием школ, богаделен, наборе рекрутов, надзором за сбором урожая хлеба, разбором мелких гражданских и уголовных дел и наказанием виновных.

Минусинское волостное правление подчинялось Минусинскому земскому комиссару. Комиссары должны были следить за благосостоянием вверенных волостей, производить разбор мелких тяжб, взыскивать в срок подати. Сохранились рапорта и донесения Минусинского волостного правления «Благородному и почтенному господину Минусинскому частному комиссару» И.М. Воинову [6, 11].

В 1822 г. в связи с образованием Енисейской губернии и образованием в ней округов и города Минусинска Минусинское волостное правление было реорганизовано и перенесено в Шушенское, где с 15 августа 1823 г. начало действовать Шушенское волостное правление. Как об этом сказал А.К. Кузьмин, которого принято считать первым Минусинским окружным начальником: «Нынче дешево стоит заводить города. В старину надобно было рубить острог со сторожевой башней, кругом рыть ров, обносить рогатками, внутри строить казармы,а иногда и брусяной храм, а нынче только прикажите село Минусу переименовать в город Минусинск, следовательно только последнюю букву А переменить на ИНСК, город готов!» [7, 3-4]

Из его же воспоминаний можно составить и структуру местной власти первых десятилетий существования города.

«В бывшем волостном правлении поместились градская полиция и тюрьма, в бывшем комиссарском доме - окружной совет, земской и окружной суды, в комиссарской кухне - соляная лавочка и казначейство, в комиссарском погребе - денежная кладовая. Вот каким нашел я Минусинск в 1827 г!» [7, 3-4]

Надо учитывать, что волостные органы власти были переведены в Шушенское, но в самом городе были образованы окружные органы власти и городские. До 1828 г. городские учреждения Минусинска носили крайне примитивный характер, отличаясь от существовавшего до того сельского управления только тем, что волостной старшина был переименован в «городового старосту». Лишь в 1828 г. с перечислением жителей города из крестьянского сословия в мещан, в Минусинске начинает действовать словесный суд, который вместе с городовым старостой вел городские дела [1, 311].

Словесный суд в Минусинске, отнесенным к разряду «малолюдных «городов, имел хозяйственные и судебные функции. Городовому старосте вменялись в обязанность

сбор податей и повинностей. И городовые старосты, и словесные судьи избирались населением города ежегодно. Фактически они были исполнителями вышестоящей власти – окружной и губернской.

Документы отражают реальное соотношение сил, когда окружной начальник вмешивался в городские дела, отдавая распоряжения городовому старосте, городничий отправлял ему же свои предписания, в том числе и о назначении городу служащих [1, 314]. Такое же положение дел было и у словесного суда. Над ним были и городничий, и окружной начальник, и губернское правление.

Так как должность словесного судьи была выборной, всего на 1 год, то понятно, что она эту должность избирались и не совсем честные люди. Ватин цитирует большое количество документов о присвоении общественных денег словесными судьями и городовыми старостами, а также о нежелании избранных вступать в обязанности. [1, 317-325, 328].

Городничий – глава административно-полицейской власти уездного / окружного города до 1862 г. На городничего с подчиненными ему частными приставами и квартальными надзирателями возлагались все обязанности исполнительной полиции.

«В 1854 г. городское управление Минусинска состояло из следующих лиц: словесный судья, городовой староста, письмоводитель с жалованьем 200 руб., вахтер-сторож, 2 рассыльных, 1 депутат квартирной комиссии, присяжный оценщик, церковный староста, сборщик податей, пожарный староста, 4 служителя в пожарной, 5 полицейских служителей, рассыльный квартирной комиссии, трубочист, 2 депутата для проверки торговли» [1, 350].

20 марта 1862 г. было опубликовано Высочайшее повеление о необходимости безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи. Минусинскому окружному начальнику поступило предписание губернатора о создании комиссии об улучшении общественного управления города. Согласно проекту, разработанному комиссией, к общественным делам городского общества была отнесена деятельность: по внешнему благоустройству города (постройки, чистота и освещение улиц), устройство городового хлебного магазина, меры против пожаров, нищенства; исполнение возложенных на мещанское сословие денежных и натуральных повинностей.

Для управления общественными делами избирался словесный суд, городское мещанское собрание. Для заведывания городскими делами при словесном суде избирались словесный судья и городовой староста, к ним назначается письмоводитель и писарь.

Минусинский словесный суд был ничем иным, как исполнительным органом администрации, лишенным всяческой самостоятельности. Строгий надзор, гнетущая опека подавляли всякие проблески самодеятельности в жизни выборного городского учреждения. Администрация смотрела на городские учреждения, как на подчиненный ей орган [1, 374].

Подводя итог полувекового существования Минусинска в статусе города, подчеркнем, что со дня «открытия» города он управлялся городничим, возглавлявшим полицейскую управу. Исполнительным органом был словесный суд во главе со словесной судьей.

В 1870 г. в России было введено Городовое положение, внесшее кардинальные изменения в систему местного управления. Возникли новые учреждения: городские избирательные собрания, городская дума, городская управа.

Выборы в первую Минусинскую городскую Думу состоялись 5 мая 1875 г. Выборы проводились среди горожан, имевших недвижимость и платящих городские налоги. Каждое сословие проводило свои выборы и выдвигало своих гласных (т. е. депутатов) по трем разрядам [8, 1-5].

Городская Дума на четыре года выбирала свой исполнительный орган – городскую Управу в составе городского головы, его помощника и нескольких членов управы. Городской голова председательствовал и в Управе, и на заседаниях Думы. Городским головой мог быть только купец, либо дворянин или почетный гражданин. Все гласные, городской голова и помощник работали бесплатно, жалованье получали лишь канцеляристы. После избрания гласные приводились к присяге в Минусинском Спасском Соборе и давали клятвенное обещание о честной службе на благо городского общества.

Дума и управа ведали всеми вопросами городской жизни: благоустройством, освещением, дорогами, мостами, тротуарами образованием, торговлей, местным налогами и сборами и т.д.

В Минусинске в период с 1875 г. по 1919 г. городским головой были избраны всего 7 человек: 6 купцов и 1 мещанин [9, 19]. Трижды на эту должность избирались купец И.П. Лыткин и мещанин П. А. Бахов [10, 87]. Состоятельные купцы участвовали в жизни города и своим примером, и своими денежными средствами. И. Г. Гусев, И.П. Лыткин и Г. П. Сафьянов способствовали развитию местного музея, И.Ф. Егорычев и С.И. Кочнев - любительскому театру игородским учебным заведениям [11, 69].

В бурные годы революции и гражданской войны в должности городского головы упоминаются Ф.Н. Талызин, И.Я. Чибизов [12, 39].

Должность городского головы была упразднена вместе с городской Думой через несколько месяцев после перехода власти Советам.

Список литературы

[1] Ватин В.А. Минусинск. Исторические очерки. Минусинск.2018. 636 с.

[2] Власть в Сибири: XVI – начало XX в. /Сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск.: ИД «Сова», 2005. 696 с.

[3] МКУ АГМ. Ф.31 Оп. 1. Д. 1

[4] МКУ АГМ Ф. 31 Оп. 1. Д. 2

[5] МКУ АГМ Ф. 34 Оп. 1. Д. 302

[6] МКУ АГМ Ф. 34 Оп. 1. Д. 154

[7] [Кузьмин А.К.] Из подлинных записок А.К. Кузьмина// Атеней. 1858. № 9-17.; // Искра Ильича. 1988. 26 июля, с. 3-4

[8] МКУ АГМ Ф. 73 ОП. 1 Д. 2

[9] МКУ АГМ Ф. 17 Оп. 1 д. 114а

[10] Чащина Л.П. Минусинская городская Дума: сб. докладов и статей // Мартьяновские краеведческие чтения. - Минусинск, 1999. 222 с.

[11] МКУ АГМ Ф. 86 Оп. 1 Д. 2

[12] МКУ АГМ Ф. Р-51 ОП. 1 Д. 1

УДК 94(571.51) «1950»-054.7

Русская реэмиграция из Китая на территорию Красноярского края в 1950-е гг.

Новоселов Михаил Юрьевич
Научный сотрудник отдела истории, Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.
mnovoselov@mail.ru
ORCID 0000-0001-8428-9144

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме реэмиграции русского (русскоязычного) населения из КНР в Советский Союз в 1950-х гг. В работе рассматривается процесс размещения реэмигрантов на территории отдельного региона – Красноярского края, который был одним из лидеров в Сибири по расселению из Китая русских эмигрантов и их потомков. Также в исследовании на основе мемуарных источников рассматриваются вопросы адаптации реэмигрантов к новым незнакомым им социальным и экономическим условиям жизни в Советском Союзе и взаимоотношениям с местным населением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА реэмиграция, Китай, Красноярский край, освоение целинных и залежных земель.

В течение XX в. на территории Приенисейской Сибири происходили значительные миграционные процессы. В Енисейскую губернию, а затем Красноярский край переселялись как социальные, так и национальные группы. Одной из категорий переселенцев в нашем регионе первой половины и середины XX в. можно считать русских репатриантов из Китая.

На протяжении нескольких десятилетий происходило возвращение т.е. реэмиграция русских мигрантов и их потомков на историческую Родину. Первый этап реэмиграции начался сразу же после окончания гражданской войны. Амнистия 1921 г. позволила рядовым участникам белого движения вернуться из-за рубежа домой. Точных сведений о количестве реэмигрантов в наш регион за этот период времени нет. По данным Н.Н. Аблажей, в 1921 г. в Минусинский уезд Енисейской губернии из Китая вернулось несколько десятков казаков, уроженцев ст. Алтайской. В 1923 г. в южные уезды Енисейской губернии продолжали возвращаться казаки [1, с. 118]. По всей видимости, многие из прибывших подверглись репрессиям в 1930-х гг.

Следующая волна реэмиграции произошла в середине 1930-х г., когда Советский Союз продал свои права на КВЖД оккупировавшей Маньчжурию Японии. Значительная часть эвакуированных советских граждан состояла из эмигрантов или старых «царских» кадров. Дело в том, что по советско-китайскому соглашению 1924 г. для работы на КВЖД нужно было иметь советский или китайский паспорт. Поэтому русский персонал железной дороги в большинстве своем принял советское гражданство.

К концу 1935 г. из Китая в СССР выехали 21343 человек. Их размещали в различных регионах, в том числе и в Красноярском крае. В 1937 г. большинство реэмигрантов второй волны были репрессированы в рамках «Харбинской операции», проводимой НКВД [2, с. 84].

Заключительный и самый массовый этап реэмиграции из Китая начался в 1954 г. и продолжался до начала 1960-х гг. Одной из причин, которая побудила советское руководство организовать реэмиграцию, стала нехватка рабочих рук в связи с изменившимися социально-политическими условиями. Отправка военнопленных на родину и реабилитация жертв политических репрессий привели к нехватке рабочей силы в Советском Союзе, и без того понесшем большие потери в Великой Отечественной войне. В 1955 г. в СССР началась кампания по освоению целинных и залежных земель. В связи с этим репатриантов из Китая планировалось разместить в сельской местности в Казахстане и южных районах Сибири [8, с.82].

Исходу русских эмигрантов из Китая способствовала также политика китайских властей. После передачи КЧЖД (бывшая КВЖД) Китайской Народной Республике русские специалисты, работавшие на железной дороге, стали заменяться национальными кадрами, а обучение в Харбинском политехническом институте было переведено на китайский язык. Вследствие этого многие эмигранты лишились работы, а молодежь – возможности получить образование. В качестве альтернативы была возможность эмигрировать в США, Канаду, Австралию и другие капиталистические страны. Однако не у всех русских колонистов в Китае были средства на переезд за рубеж. Поэтому многие принимали решение ехать в СССР, поскольку переезд был бесплатным, а переселенцам выдавались подъемные средства. При пересечении советской границы семьи реэмигрантов получали по 3 000 рублей и еще 600 рублей на каждого члена семьи [7, с. 109].

Прибывших из Китая реэмигрантов отправляли в Красноярский край, Новосибирскую, Кемеровскую области и другие районы южной Сибири и Казахстана, где интенсивно осваивались целинные земли. В Красноярском крае в течение первых полутора лет были размещены 3331 человек. Согласно данным статистики, Красноярский край был одним из лидеров среди регионов РСФСР в размещении реэмигрантов из КНР [8, с. 83].

Хотя постановления правительства требовали от местных властей при трудоустройстве реэмигрантов в сельской местности учитывать их специальность и квалификацию [10], на деле все обстояло намного сложнее. Люди с высшим образованием, особенно гуманитарии, могли рассчитывать только на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу. Воспоминания С.В. Пятунина, работавшего на Сахаптинской МТС Назаровского района, показывают подобное трудоустройство: «Состав нашей группы – 10 человек, из них – один адвокат, окончивший еще до революции в Петербурге два факультета, два инженера - механика, работавших в проектных конторах, один слесарь – это я, две конторских работницы, одна телефонистка, одна бабушка пенсионного возраста и две малолетние девочки, одна – пяти, а вторая – трех лет, и двое, не имеющие профессий. Кадры еще те. Распределили так: адвокат будет ночным сторожем в мастерских МТС, одного инженера - механика поставили разъездным механиком по ремонту тракторов и комбайнов, второго – механиком по ремонту мастерских, меня – слесарем в мастерские. Из женщин, одну более привлекательную, взяли секретарем - машинисткой в контору МТС, вторую поставили мойщицей деталей в мастерских, а для третьей подходящей работы не нашлось: слишком был у нее интеллигентный вид, а возраст – более чем бальзаковский» [12].

Людям с техническим образованием было проще, однако и им приходилось переучиваться и привыкать к советской технике. Проще всего на целине адаптировалась молодежь, особенно владеющая рабочими специальностями.

Не многим реэмигрантам посчастливилось сразу же устроиться по специальности. Так, например, Е.М. Валентинович, будучи врачом, сразу по прибытии на целину устроился заведующим врачебным участком Балахтинского зерносовхоза Красноярского края. На этой должности он проработал 4 года и создал участковую больницу. Позже был награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель» [3, с. 291].

Помимо тяжелого неквалифицированного труда русские переселенцы из Китая столкнулись на целине с жилищными проблемами. С.В. Пятунин следующим образом описал эту ситуацию: «Подходит осень. Школу нужно освобождать. Селить некуда. Строился один дом, просто изба. Её разделили на две квартиры и туда поселили две семьи инженеров, а нас перевезли на конный двор и поселили в амбар без единого окна. Мы были вынуждены искать частную квартиру. Сняли горницу в деревне» [12]. Эти проблемы привели к оттоку реэмигрантов из сельской местности в города, где было проще устроиться по специальности, получить жилье, а молодежи – получить

образование [5].

Отдельного внимания заслуживает проблема взаимоотношения реэмигрантов с местным населением. Хотя целенаправленной дискриминации реэмигрантов не было, однако, по всей видимости, сказывалось недоверие советских граждан к прибывшим из Китая «целинникам». Советская пропаганда убедила население в том, что за рубежом могут проживать только белобандиты и враги народа. Поэтому у некоторых реэмигрантов возникали проблемы с трудоустройством. Один из таких примеров приведен в воспоминаниях А. П. Сковородникова. После того как он перебрался в Красноярск, устроиться работать в школе ему удалось не сразу, хотя вставшие на очередь в гороно после него уже трудоустроились. Только после обращения в горком его взяли на работу учителем в школу [4].

Не только взрослым реэмигрантам, но и их детям приходилось адаптироваться к советским реалиям. В воспоминаниях К.В. Попова описывается его учеба в одной из школ Красноярска: «Директор школы на школьной линейке вывел меня на середину зала и всем объявил: «Вот мальчик из Китая из эмигрантской семьи, и мы должны все помочь ему стать настоящим советским человеком». И началось...! Для всех пацанов в школе я был просто «китай» или «мигран». Поскольку был невысок ростом и слабоват телосложением, каждый, кто выше меня, при встрече делал мне «шалобан» по лысой голове... На большой перемене все бежали в туалет на улицу, ребята постарше обязательно обмачивали мне низ брюк и ботинки ... Я за первый год воспитания во мне Советского человека постиг все. Например, на горе, где стоит наша знаменитая часовня, я с пацанами катался на лыжах. Именно здесь пацаны научили меня пробовать водку, разметив бутылку мелом и, зажав пальцем свой отрезок, пить из горлышка, а закусывать снегом. Я кое-как научился драться, чтобы постоять за себя. Познал все нюансы матерных выражений и их смысл» [11, с. 40].

В воспоминаниях других реэмигрантов также имеются примеры, когда русских детей, приехавших из Китая, дразнили и называли «китайцами» [6, с.32]. Тем не менее со временем они достаточно успешно смогли адаптироваться к советским реалиям. Как показывает анализ биографий реэмигрантов последней волны, многим из них удалось добиться успеха в профессиональной деятельности. Реэмигранты трудились во многих сферах: медицина, образование, наука, промышленность, коммунальное хозяйство, искусство. Среди известных нам реэмигрантов, проживавших в Красноярске можно назвать двух наиболее известных: С.И. Елисафенко и А.П. Сковородников. С.И. Елисафенко стал проректором Госуниверситета (КрасГУ). Под его руководством был построен главный корпус университета. А.П. Сковородников начал свой трудовой путь в Усть-Ярульском совхозе Ирбейского района Красноярского края, но, переехав в Красноярск, стал доктором филологических наук, профессором. В течение нескольких лет А.П. Сковородников занимал должность проректора по научной работе КГПИ, а перейдя в КрасГУ, открыл кафедру языкознания и риторики, которой заведовал в течение 20 лет [3, с. 304].

На протяжении многих десятилетий реэмигранты, или, как их называют «харбинцы», поддерживают отношения между собой. Определенную роль в подержании коммуникации среди реэмигрантов играют печатные издания. В 1990-2000-е гг. усилиями «харбинцев» издавались газеты «На сопках Маньчжурии» и «Русские в Китае». С 1998 г. и по настоящее время в Челябинске выходит альманах «Русская Атлантида». В этих изданиях публиковались как работы по истории русской эмиграции в Китае, так и воспоминания самих реэмигрантов. Эти мемуарные источники имеют большую значимость при изучении истории русской диаспоры в Китае и реэмиграции в СССР.

В 1990-2000-е гг. появились объединения реэмигрантов в ряде городов России: Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и др. В Красноярске официального объединения реэмигрантов из Китая нет, но они продолжают общаться, поддерживать друг друга, ведь их объединяет общее прошлое [9, с. 72].

Список литературы

[1] Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. М.: Логос, 2007. 298 с.

[2] Аблажей Н.Н. Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80-85.

[3] Дацышен В.Г., Кутилова Л.А., Низовских А.В., Тарасов М.Г. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917-начало 1980-х гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 374.

[4] Из интервью 2011 г. Сковородникова Александра Петровича (Харбин), г. Красноярск.

[5] Из интервью 2011 г. Шестаковой (Бояркиной) Аллы Максимовны (Драгоценка). Красноярск.

[6] Новоселов М.Ю. Вторая родина енисейских казаков // KRASCHINA. 2011. №11 (17) С.30-32

[7] Новоселов М.Ю. Проблемы занятости и трудоустройства русских реэмигрантов из Китая в 50-х гг. XX в. // Восток и Запад: история, общество, культура. Сборник научных материалов по итогам I Международной заочной научно-практической конференции. Красноярск: Литера-принт, 2012. С. 108-110.

[8] Новоселов М.Ю. Процесс и этапы русской реэмиграции из Китая на территорию СССР. // Perspektywy rozwoju nauki we współczesnym świecie. Materiały Międzynarodowej Naukowi-Praktycznej Konferencji. Kraków, 2012. С. 80-84.

[9] Новоселов М.Ю. Реэмиграция из КНР на территорию Красноярского края (вклад в развитие региона). // В мире научных открытий. 2013. №9.1(45) С.64-76.

[10] Письмо заместителя министра совхозов С. Кальченко секретарю Красноярского крайкома КПСС Н.Н. Органову // ГАКК. Крайком КПСС ф. П-26, оп.26, д. 4, л. 67

[11] Попов К.В. Воспоминания о Харбине. // Русская Атлантида. 2010. № 37. С. 36-42

[12] Проект «Живая память» Возвращение на историческую Родину. (Из воспоминаний Пятунина С.В. часть. 1) // Красноярский краевой краеведческий музей. 2019. URL: https://www.kkkm.ru/posetitelyam/stati-i-publikacii/zhivaya-pamyat-vozvrashenie-na-rodinu (дата обращения: 18.06.2022).

УДК 94(571.51) «1950»-054.7

Иудейская община г. Енисейска во второй половине XIX – начале XX вв.

Терскова Аида Александровна
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
teraida@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4557-7957

Дворецкая Анна Павловна
Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
advoreckaya@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-0140-3704

АННОТАЦИЯ На примере иудейской общины г. Енисейска второй половины XIX – начала XX вв. рассмотрены основные направления деятельности общины, особенности ее управления, финансирования, организации богослужений, работы благотворительных и образовательных учреждений. Несмотря на ограничительные нормы еврейского законодательства в России, иудейская община имела больше административной, хозяйственной и финансовой самостоятельности по сравнению с общиной православной, которая в значительной степени зависела от вмешательства государства и епархиальных властейльным и экономическим условиям жизни в Советском Союзе и взаимоотношениям с местным населением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА еврейская община, иудеи, Енисейск

Среди населения Енисейска, являвшегося одним из крупных городов Енисейской губернии, в первой четверти XIX в. уже присутствовало еврейское население. На протяжении XIX в. количество еврейского населения в городе увеличивалось, вместе с тем окрепла иудейская община. Деятельность иудейской общины Енисейска была очень типична, как и во многих российских городах. Она складывалась из нескольких направлений: строительство молитвенного дома, приглашение раввина, поддержание нуждающихся членов общины, открытие еврейского училища. Часто деятельность любой религиозной общины имела такие векторы работы. В статье представлена сравнительная характеристика православной и иудейской общин на примере г. Енисейска во второй половине XIX – начале XX вв. для того, чтобы выявить отличные черты и общие в жизни общин.

Основную массу еврейского населения в Сибири составляли самовольные переселенцы и ссыльные. Численность еврейского населения во многом зависела от государственной политики, которая сменялась в зависимости от императорского правления. Сибирь привлекала еврейское население удаленностью региона, обширностью и богатством территорий, слабым административным контролем. Политика Александра I отличалась некоторым послаблением законодательства, тогда как его брат Николай I придерживался более консервативного курса. В 1837 г. были приняты правила «О мерах против переселения евреев в Сибирские губернии и для уменьшения числа переселенных уже в Сибири евреев», которые запрещали переселение евреев в Сибирь [8, с. 48]. Вместе с тем во второй половине XIX в. правительство разрешило проживать вне черты оседлости (в том числе в Сибири, которая остро нуждалась в специалистах) предпринимателям и ремесленникам, нижним чинам и отставным солдатам. К категориям еврейского населения, имевшего право на жительство в Сибири, относились лица с высшим образованием или учеными степенями, медицинскими профессиями, потомки канто¬нистов, «николаевские солдаты», купцы 1-й гильдии. Таким образом, не смотря на запреты, численность евреев в Сибири увеличивалась.

Однако в 80-е годы XIX в. политика ужесточилась, началось изгнание евреев из Сибири, если они были приписаны к другим регионам России. Указ Енисейского губернского правления от 17 октября 1884 г., основанный на распоряжении Генерал-губернатора Восточной Сибири, требовал, чтобы все евреи, которые не причислены к обществу г. Енисейска покинули город в течение двух недель. Многие евреи города стали обращаться с просьбами к губернскому правительству остаться до весны. Прошения были следующего содержания: «Я как человек бедный должен (с отъездом) лишиться прежнего своего состояния потерять все домообзаводство, ибо столь долгая дорога в настоящее время года (22 ноября) при неимении соответственно теплой одежды не может не повлиять пагубно на положение детей моих» [9, л. 12]. Многим было отказано, власти требовали немедленного выселения.

В 1897 г. сибирским евреям было запрещено покидать пределы своего округа или уезда без санкции полиции. В начале XX в., в связи с антисемитскими настроениями ужесточилось законодательство, благодаря чему вновь многие евреи были высланы из Сибири. Ю.М. Гончаров отмечает, что Сибирь становится полностью закрытой территорией для всех категорий евреев, даже столь необходимых в регионе, как: врачи, учителя, инженеры, ремесленники [2, с. 63].

Постепенно численность еврейского населения возросла в Сибири и в Енисейской губернии в условиях Первой мировой войны, когда увеличилось количество беженцев и военнопленных.

Еврейство для сибиряков было почти исключительно связано с участием в религиозных обрядах. Именно поэтому религия была ведущим консолидирующим фактором, способствовала сохранению национальных традиций и самосознания. Количество евреев, исповедующих иудаизм, в Енисейской губернии учитываться стало только с 80-х годов XIX в. Н.А. Орехова подчеркивает, что разные ведомства указывали разное число лиц в губернии, относящих себя к иудеям [8, с. 76]. Дело в том, что до 1874 г. при молитвенных домах и синагогах не велись метрики [7, с. 43]. Число иудеев часто соответствовало количеству еврейского населения в отчетной документации местных органов власти. Количество людей, исповедующих иудаизм во второй половине XIX в. в Енисейской губернии, указать сложно, однако совершенно определенно можно говорить о росте в конце XIX – начале XX в. числа иудеев: 1889 г. – 3741 иудей, 1897 г. – 6167 иудеев, 1913 г. – 10964 [10, с. 15; 5, с. 131].

В Енисейске в 1863 г. по данным Н.А. Ореховой количество еврейского населения составляло 349 человек, тогда как Л.В. Кальмина указывает цифру 211 человек [2, с. 60]. Несмотря на рост населения, численность еврейского населения в 1870–1905 гг. в Енисейске колебалась от 85 до 591 человек [2, с. 62]. Иудаизм является национальной религией евреев, поэтому часто ведомства вели учет представителей еврейского вероисповедания исходя из национальной принадлежности. Если опираться на данные статистики, то численность иудеев в Енисейске в конце XIX – начале XX вв. возрастала. Так в прошении старосты молельни М.В. Мильштейна в 1893 г. указывается, что в городе 397 евреев или 74 семейства. Количество иудеев в Енисейске согласно Первой всеобщей переписи населения 541 человек, а по данным на 1 января 1917 г. иудеев в городе 680 человек [8, с. 127-128]. Таким образом, численность иудейской общины постоянно увеличивалась, но была не велика. Религиозная община иудеев была значительно меньше любой общины православной г. Енисейска, в каждой из которых состояло около 1 тысячи человек [1, с. 413, 449]. По социальному составу иудейская община была представлена купцами, мещанами и разнорабочими, не особенно отличаясь от православных общин города.

Еврейская община, представляя иноверческую религию, всячески ограничивалась

государством. С 1810 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве Внутренних дел осуществлял контроль над духовной жизнью российских евреев. На местном уровне губернатор согласовывал все решения с Советом Главного управления Восточной Сибири. Кроме того, основные положения религиозной жизни иудеев были зафиксированы в «Положении о евреях» (1804, 1835 гг.), в «Уставе иностранных исповеданий» (1857, по прод. 1896 г.), в «Уставе строительном» (1857 г.) и других документах [8, с. 93-94]. Хочется подчеркнуть, что светское законодательство и светские чиновники регламентировали религиозную жизнь иудейской общины. Именно к светским властям обращались представители иудейской общины для реализации своих религиозных потребностей, отдельного ведомства или учреждения иудейского вероисповедания (в отличие, например от мусульман) в Российской империи не существовало.

Центром сакрального пространства и всей религиозной жизни иудеев был молитвенный дом или синагога. Строительство храма в православной общине, также как и строительство молитвенного дома в иудейской общине были важным консолидирующим началом общинной жизни. Православные христиане ходатайствовали перед епископом о строительстве храма и возможности содержать причт. Храм часто строился на пожертвования прихожан. В период столыпинских переселений в Сибирь государство оказывало помощь в строительстве типовых храмов в переселенческих приходах. Иудейская община ходатайствовала о строительстве синагоги перед губернатором, а тот в свою очередь просил разрешения Министерства Внутренних дел. При отсутствии молитвенного дома первые молельни были организованы в частных домах, где собирался миньян – необходимый для молитвы кворум: минимум 10 совершеннолетних мужчин не моложе 13 лет [8, с.95]. Для того, чтобы предотвратить незаконные сборы евреев в частных домах, местные органы власти разрешали строительство молитвенных домов. Н.А. Орехова отмечает, что глава 4 Строительного устава разрешала открыть молитвенный дом в тех местностях, где число еврейских домов доходило до 30, а синагогу там, где находилось 80 домов евреев [8, с. 93-94]. Из-за сложности и противоречивости многих положений российского законодательства официальное признание большинства молелен в Енисейской губернии происходило через несколько десятков лет после их фактического существования.

В Енисейске о предположительной дате появления Енисейского молитвенного дома говорят документы 1890 г., которые утверждают, что молельня была выстроена около 50 лет назад, т.е. в 1840-е гг. Второе здание молельни было построено и содержалось на средства купца Каминера и частично на пожертвования общества евреев в 1858 г. [8, с. 101]. Новое третье здание возводилось на пожертвования купца М. Мильштейна в 1887 г. А.И. Кытманов в своем сочинении «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594 – 1893 гг.» вспоминал, что евреи имели молельню в маленьком деревянном доме на Большой улице, а в настоящем году на том же месте построено громадное, хотя тоже деревянное здание синагоги. Мордух Мильштейн как строитель синагоги был избран старостой, навел в ней порядок, выписал хорошего раввина Шмерковича [8, с.101].

Здание еврейского молитвенного дома в Енисейске имело купол. Купол был характерен для синагог и молитвенных домов прогрессивного или реформаторского иудаизма. Израильские исследователи В. Левин и А. Березин в своей статье подчеркивают, что в Сибири синагоги были преимущественного прогрессивного (хорального) типа. Появление в крупных городах Сибири синагог с куполами во второй половине XIX в. указывает на то, что здесь в еврейских общинах искали религиозный

компромисс и больше сибирские евреи склонялись к современным им типам синагог. Имели купол здание иркутской синагоги 1881 – 1882 г., проект Каминерской синагоги в Томске также включал небольшой купол венчавший центральную часть здания, здание синагоги в Ачинске [4, с. 33].

В реформированных или прогрессивных синагогах (в России они получили наименование хоральных синагог) также отличался тип богослужения: «В отличие от традиционных синагог, где прихожане читали молитву сами, в полный голос, громко отвечали на произносимые шацем благословения, раскачивались, плевали на пол, и свободно ходили по молельному залу, в хоральных синагогах требовали соблюдать тишину, порядок и постоянно пребывать на своих местах. Молитвы пел профессиональный кантор, зачастую в сопровождении хора. Такая организация молитвы больше соответствовала христианским образцам и была более цивилизованна» [4, с. 27]. В хоральных синагогах предполагалось размещение женщин на открытых галереях внутри зала [4, с. 28]. К хоральному типу синагог относилась Красноярская синагога и Енисейский молитвенный дом. Важно подчеркнуть, что внешний вид еврейского молитвенного дома и способ совместной молитвы были значительно приближены к православным представлениям о религиозных обрядах, что позволяла иудеям сохранять определенный компромисс в христианском окружении.

В Высочайше утвержденном положении «О гражданском устройстве евреев» (13 апреля 1835 г.) большое внимание уделялось вероисповедным обрядам. Право осуществлять религиозные мероприятия связанные с обрядами обрезания, наречения имен младенцев, бракосочетания и расторжения браков предоставлялось только раввину [8, с. 108]. Раввин являлся духовным лидером иудейской общины, избирался членами общины. Он должен был разъяснять сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры, он являлся блюстителем и толкователем еврейского закона, следил за порядком и повиновением евреев установленным государственным законам и властям. Именно раввин представлял интересы общины перед органами власти, вел метрики.

Российское законодательство требовало, чтобы кандидат на должность раввина имел право жительства на территории Сибири и обладал необходимым образовательным цензом, т.е. закончил курс в раввинском училище, в еврейском учительском институте или в общем высшем или среднем учебном заведении [7, с. 43]. С такими серьезными требованиями найти раввина в сибирских городах было достаточно сложно. Пригласить раввина из центральной России было очень дорого для сибирских общин. Именно поэтому во многих еврейских общинах на территории Сибири раввинов не было. В 1863 г. Раввинская комиссия, Еврейский комитет и МВД разрешили применение общих указаний в делах еврейской веры к евреям, живущим в Сибири. Это предполагало некоторые послабления к требованию кандидатуры раввина. Стало возможно приглашать раввина с аттестатом или выдвигать раввина из евреев ссыльнопоселенцев [8, с. 111]. Историк Л.В. Кальмина подчеркивает, что система раввината в Сибири складывалась медленно. «К 1890-м годам сибирский раввинат состоялся, хоть и был структурой рыхлой и неустойчивой» [7, с. 46].

Сведения о раввинах еврейской общины Енисейска обрывочны. Известно, что в 1861 г. Н.З Циханский, являясь резником, неофициально исполнял обязанности раввина в Енисейске [8, с. 112]. Со строительством нового молитвенного дома Мильштейном енисейским раввином стал К.И. Шмеркович [8, с. 119]. Он приехал в Енисейск в 1885 г. До его появления обязанности раввина выполнял Абрам Шапиро, новоалександровский мещанин, получивший разрешение от раввина Забайкальской области. В августе 1889 г. К.И. Шмеркович переехал в Красноярск, но продолжал занимать должность раввина до 1890 г. Не имея других кандидатов, К.И. Шмеркович продолжал оставаться

помощником раввина в Енисейске, исполняя с 1892 г. обязанности красноярского раввина. По требованиям российского законодательства все молитвенные дома должны были избрать себе раввинов или приписаться к раввину какой-либо синагоги. В следующие несколько лет молитвенные дома Енисейска, Канска и Ачинска находились под руководством красноярского раввина. Обширность региона не позволяла красноярскому раввину часто посещать общины в других городах. Н.А. Орехова цитирует документы: «В 1894 г. в Енисейске раввина нет, а религиозные обряды временно исполняет борисовский мещанин Беркович» [8, с. 122-123]. В начале XX в. раввины избирались уполномоченными от общины. Уполномоченным мог стать мужчина, не моложе 25 лет, подающий свой голос от 10 членов общины. Известно, что в Енисейске на рубеже веков раввинами были Хейсин и Прейс [8, с. 127-128, 302-303].

В связи с тем, что раввин был не постоянной фигурой в общине иудеев, то молитвенный дом или синагога управлялись хозяйственным правлением, разрешенным с 1868 г. С 1875 г. разрешено было избирать духовные правления при молитвенных домах. Духовное правление подавало отчеты о своей деятельности в городскую администрацию. В 1890-е гг. духовное правление как форма общинного самоуправления повсеместно в Сибири в административном порядке сменилось хозяйственным правлением [6, с. 57].

Правление молитвенного дома избиралось на 3 года, утверждалось губернатором, члены правления давали присягу и отчитывались перед городским общественным управлением [8, с. 116]. Правление состояло из старосты, казначея и ученого еврея. Если у общины был раввин, то он автоматически входил в состав правления. Кроме выборных должностных лиц при молитвенном заведении по найму работали трапезник, ведавший порядком в синагоге и помогавший раввину в богослужении, и резник, забивавший скот в соответствии с еврейской религиозной традицией [6, с. 57]. В правление Енисейского молитвенного дома в разные годы входили М. Мильштейн, А. Тонконогов, Г. Циханский, Л. Хейсин, И.А. Скоп [8, с. 302-303].

Таким образом, правление еврейского молитвенного дома состояло из выборных представителей. Это часто приводило к нестабильности и борьбе за должности в еврейских общинах, как отмечает Л.В. Кальмина. Православным же приходом управлял назначенный епископом священнослужитель, которому подчинялся весь приходской причт и выборный церковный староста. Священнослужитель во многих вопросах зависим был от епархиального начальства и внедрять любые инициативы мог только с разрешения властей.

Больше значение в жизни иудейской общины играла образовательная и благотворительная деятельность: помощь беднякам, призрение стариков и сирот, открытие училищ. Наиболее стабильной и значимой подобная деятельность в енисейской еврейской общине проводилась с 80-х годов XIX в. Именно в этот период община ходатайствовала об открытие училища для мальчиков, при ней действовала богадельня [1, с. 170].

При молитвенном доме или синагоге организовывалась школы для получения классического талмудического образования. Школы делились на хедеры (начальная школа) или иешива. Обучение в хедере было обязательным для всех мальчиков от 6 до 13 лет. За обучение платили родители или община. Закон 1893 г. разрешил учителям-меламедам преподавать в хедерах иврит и религиозную литературу. В школе дети учились читать и писать на иврите, изучали Пятикнижие и получали первые сведения о Талмуде. Первая еврейское училище появилось в Енисейске в 1880-е гг. Также документы дают сведения о том, что в 1901 г. была открыто частное еврейское училище, а при молитвенном доме училище существовало 1910–1911 гг. [1, с. 136-137].

Хочется подчеркнуть, что в иудейской общине социальные и образовательные организации создавались снизу, по ходатайству и инициативе самой общины. В православной общине благотворительные и образовательные организации насаждались государством сверху, как обязательные. Такими организациями были церковно-приходские попечительства и церковно-приходские школя. Если церковные школы вошли в систему образования Российской империи, то церковно-приходские попечительства, задача которых была в заботе о храме, о причте, а только потом о людях, приживались плохо. А. Беглов подчеркивает: «Самой существенной особенностью деятельности приходских попечительств был временный характер тех целей, что ставили перед собой эти организации (постройка, ремонт, украшение храма)» [3, с. 143]. Если еврейская община, удовлетворяя свои насущные потребности, просила о создании благотворительных и образовательных организаций, то община православная крайне неохотно соглашалась открывать эти учреждения.

Главная причина, вероятнее всего, скрывалась в отсутствие финансов. Финансирование общины иудеев складывалось из нескольких источников. Это и продажа свечей, и кружечные, и кошельковые сборы, и частные пожертвования, и обязательные взносы. В иудейской общине также значительный доход приносила продажа мест в молитвенном доме. Вместе с тем община иудейская была самоуправляемой, собранные средства расходовала на собственные нужды, в том числе на образовательные и благотворительные цели. Духовное правление составляла отчеты и подавало их на рассмотрение городской управы, но более того органы власти не вмешивались в финансовую деятельность еврейской общины. В общине же православной было множество статей расходов и сборов. Значительную часть пожертвований в православном приходе расходовали на епархиальные нужды, на содержание духовных учебных заведений, на канцелярские расходы благочинного и др. «Во второй половине 1890-х гг. канцелярия Синода насчитала более 50 сборов и отчислений, как общецерковных, так и местных, собиравшихся в храмах империи» [3, с. 176]. Все это приводило к тому, что у приходских церквей не оставалось свободных средств, а иногда и к дефициту приходского бюджета [3, с. 183]. Именно поэтому в православном приходе население всячески препятствовало появлению каких-либо еще дополнительных сборов на социальную или образовательную работу.

Таким образом, несмотря на ограничительные меры российского законодательства, касающегося еврейского населения и исповедующих иудаизм, численность иудеев в Енисейске во второй половине XIX – начале XX вв. увеличивалась. Иудейская община в городе к 1880-м г. уже стабильно функционировала, имела большой молитвенный дом, раввина, содержала училище и богадельню. В административно-хозяйственном и финансовом отношениях иудейская община была более самостоятельна и инициативна, чем приходские православные общины, которые находились под пристальным контролем епархиальных властей и государства.

Благодарности

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» (рук. А.П. Дворецкая), https://rscf.ru/project/22-28-01668/ .

Список литературы

[1] Аксенова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. 538 с.

[2] Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2017. 279 с.

[3] Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. Серия: Церковные реформы: Дискуссии в Православной Российской церкви начала XX века. Поместный Собор 1917 – 1918 гг. и предсоборный период. М.: Индрик, 2021.1048 с.

[4] Березин А., Левин В. Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа // Judaic-Slavic Journal. 2021. № 1 (5). С. 17-67.

[5] Дворецкая А.П., Терскова А.А., Хаит Н.Л. Православная церковь и население Приенисейской Сибири 1700 – 1919 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 314 с.

[6] Кальмина Л.В. Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т.23. С. 55-61.

[7] Кальмина Л.В. Институт раввината в Сибири: желаемое или действительное? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т.19. С. 42-48.

[8] Орехова Н.А., Кофман Я.М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. вв.) //Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Выпуск 5(27). Красноярск: Красноярский писатель, 2009. 328 с.

[9] Переписка с Главным управлением Восточной Сибири, Енисейским окружным полицейским управлением, Енисейским губернским правлением о выселении и разрешении проживать поселенцам-евреям в г. Енисейске. Прошения ссыльно-поселенцев евреев о разрешении проживать в г. Енисейске. 1884 // ГАКК Ф. 595. (Енисейское губернское управление). Оп.1. Д. 1308. Л.1-39.

[10] Статистический обзор Енисейской губернии. Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1881-1916.-35 см. ...за 1889 год. Красноярск: Типография губернского правления, 1890. 47 с.

УДК 94(57)

Административная и законотворческая деятельность М.М. Сперанского в Сибири (к 250 – летию со дня рождения М.М. Сперанского и 200 – летию учреждения для управления сибирских губерний)

Толочко Анатолий Павлович
Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.
tnb_omgy@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3898-7408

Коновалов Игорь Анатольевич
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.
konov77@mail.ru, ORCID: 0000 – 0001 – 7622 – 0230

АННОТАЦИЯ Статья подготовлена к юбилею М.М. Сперанского и принятого по его инициативе Учреждения для управления сибирских губерний 1822 г. В работе рассмотрена административная деятельность М.М. Сперанского в Сибири, охарактеризованы его законотворческие усилия по принятию Учреждения для управления сибирских губерний 1822 г., а также проанализировано содержание этого нормативного документа. В заключении подчеркнуто, что принятие Учреждения для управления сибирских губерний способствовало экономическому и социальному развитию Сибири. Правовые нормы, установленные в Учреждении, в дальнейшем подверглись некоторым изменениям, но в целом действовали в Российской империи вплоть до революционных потрясений 1917 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История Сибири; генерал-губернатор; М. М. Сперанский; администрация; законодательство; губерния

В марте 1819 г. М.М. Сперанский вступил в должность сибирского генерал-губернатора, ему были предоставлены чрезвычайные полномочия по производству следственных действий и осуществлению в регионе ревизии. Он также был должен «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление края, сделав оному очертание на бумаге, и представить его в столицу» [1, с. 123].

М.М. Сперанский прибыл в Сибирь в мае 1819 г. М.М. Сперанский посетил в Западной Сибири Тюмень, Тобольск, Омск и Томск. Несколько часов он провел в Красноярске, отправившись затем в Енисейск, который произвел на него неприятное впечатление. В конце августа Сперанский приехал в Иркутск, где провел почти всю зиму 1819 – 1820 гг., затем отправившись в Кяхту и Верхнеудинск [2, с. 76]. На обратном пути из Восточной Сибири Сперанский заехал в Барнаул и Семипалатинск. В феврале 1821 г. Сперанский выехал из Тобольска и покинул Сибирь. Он провел в Сибири 19 месяцев. [3, с. 18].

М. М. Сперанский прибыл в Сибирь с большой канцелярией сотрудников во главе со Шкларевским. Однако главными его помощниками стали не чиновники канцелярии, а Ф.И. Цейер и Г.С. Батеньков [4, С. 249].

Необходимость реформ в Сибири стала очевидной уже при ревизии. Она вызывалась не только выявленными злоупотреблениями, но и недостатками сибирского управления. «Ни в той одной эпохе, которая ныне подверглась ревизии, обнаружены злоупотребления», - писал М.М. Сперанский графу В.П. Кочубею, - «и нельзя утверждать, чтобы при прежнем управлении Сибирь была в другом и лучшем положении. Напротив, с переменою людей, менялись только виды и степени злоупотреблений» [4, с. 249]. По его мнению, нельзя было управлять краем без новых администраторов и новых законов.

Причины злоупотреблений виделись М.М. Сперанскому в несовершенстве местного управления, в недостатке законов, в отсутствии административного надзора

и «общественного мнения», в «ложных понятиях управляющих» [4, с. 107]. «Личная власть», - как писал Сперанский, – «очень быстро перерождается в самовластие. Действуя по причинам, одной ей известным без законных и публичных участников она не может, даже при всей чистоте своих намерений, оградить себя от подозрений. В Сибири, где еще нет публичного мнения, и где почти нет дворянства эти подозрения становятся еще сильнее. Огромные территории края усиливают их: так как предполагается, что до высших властей ничто не доходит, потому что и в самом деле не доходит многое» [4, с. 257].

Завершая отчет о сибирской ревизии, М.М. Сперанский отмечал: «Все меры надзора и исправления имеют и не могут не иметь иного действия, кроме временного, или, так сказать, личного. Они могут приостановить зло, но не могут истребить его в корне. Для этого нужны другие способы, которых твердое постановление зависит не от местного, а от высшего начальства. Способы эти состоят в том: 1) чтобы учредить в Сибири порядок управления, состоянию ее наиболее сообразный; 2) снабдить ее положениями и уставами, в разных частях управления ее необходимыми» [5, с. 228]. Им был разработан и отправлен на рассмотрение в столицу целый комплекс уставов и положений.

Для рассмотрения результатов отчета о ревизии в 1821 г. в Петербурге был создан специальный комитет. Комитет одобрил действия М.М. Сперанского, что нашло отражение в специальном указе 1822 г., который гласил: «1) прежнего сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля отстранить от службы; 2) иркутского губернатора Н. И. Трескина предать суду; 3) томского губернатора Д. В. Иличевского отстранить от должности и его проступки передать на рассмотрение в Сенате» [5, с. 267]. По результатам ревизии 681 человек был отдан под следствие, 48 были судимы, 43 - получили другие наказания, 375 избежали ответственности. Денежные взыскания достигли 2 847 тыс. руб., большая часть из которых ушла в пользу государства [6, с. 404].

Обсуждение проектов о будущем устройстве Сибири было возложено на этот же комитет. Некоторые несущественные разногласия между членами комитета были достаточно легко устранены, и опасения Сперанского о том, что его предложения будут отвергнуты, не оправдались. В Сибири были учреждены Восточно-Сибирское и Западно-Сибирское генерал-губернаторства. В 1822 г. по рекомендации Сперанского были назначены генерал-губернаторы: в Западную Сибирь - генерал-лейтенант Капцевич, в Восточную —тайный советник Лавинский. Сперанский разделил край на два генерал-губернаторства, основываясь на экономических, географических и внешнеполитических факторах. «Это разделение местного управления, - указывал он, - признано необходимым: поскольку одно главное управление, где бы оно ни находилось, не могло охватить всей территории Сибири. Пограничная черта между этими двумя частями проходит по горному хребту, разделяющему на юг системы рек Оби и Енисея, на севере - по возвышенности между рек Таза и Пура. Это естественное разделение, применяемое к гражданскому управлению, давно известно в промышленности и торговле. Все направления внутренней торговли Восточной Сибири обращаются к востоку—в Иркутск и Кяхту; напротив, движение промышленности Западной Сибири идет большей частью на запад, в Ирбит. Места, пригодные для хлебопашества, между Енисеем и Обью делятся этой чертой на две почти равные части. Связи продовольствия между этими частями никакой нет, как потому, что обе одинаково хлебородны, так и из-за трудности сообщений. Напротив, эти связи постепенно усиливаются между крайними пределами каждой из них. Наконец черта, отделяющая Восточную Сибирь от Западной, делит и южную границу Сибири на две части. Первая из них лежит в Киргизской степи, и боком касается китайской Монголии; вторая, во всем

протяжении, смежная с Монголией. Правила пограничных отношений в той и другой части различны: отношения с Монголией основаны на трактатах, отношения чрез Киргизскую степь имеют другие основания» [4, с. 250].

Проекты М.М. Сперанского были переданы на промульгацию Александру I. Комитет, обсуждавший проекты, продолжил работу, получив название Сибирского комитета [5, с. 267]. 22 июля 1822 г. было издано Учреждение для управления сибирских губерний с 6 уставами и 3 положениями, касавшимися важнейших сторон управления в Сибири. Для того, чтобы обеспечить «правильность движения управленческих решений» Учреждение для управления сибирских губерний предусматривало создание при исполнительной власти в Сибири совещательных органов: при генерал-губернаторах - Советов Главных управлений, при губернаторах – губернских советов, на окружном уровне – окружных советов [7, с. 256]. Доказывая необходимость их создания, М.М. Сперанский указывал, что «власть личная нередко превращается в самовластие. Люди с лучшими намерениями могут ошибаться, могут увлекаться личными взглядами, — и действуя по совести, действуют противозаконно. Свободное обсуждение вопросов в совещательных органах предохраняет власть от этих ошибок и увлечений. Исполнительная власть, выслушав мнения членов совещательных органов, могла или принять их, или поступить по своему усмотрению, но обязана непременно выслушать эти мнения прежде, чем приступить к действию. Вместе с тем дела, требующие принятия персональных решений, должны быть предоставлены исключительно власти исполнительной» [8, с. 32].

М.М. Сперанский никогда не считал, что разработанное им Учреждение для управления Сибирских губерний, не требует дальнейших доработок и изменений, а принцип коллегиальности вполне допустим для сибирской управленческой модели. В частности, в письме П.М. Капцевичу он писал: «Общая черта этих учреждений есть то, чтобы вводить новый порядок постепенно и по возможности, не разрушая старого. Все установления представляют в большей степени план к постепенному преобразованию сибирского управления, нежели внезапную его перемену» [4, с. 322].

Положения и уставы Учреждения 1822 г. определили правовое положение различных слоев и категорий населения Сибири (ссыльных, городовых казаков, инородцев и др.), касались также важнейших аспектов экономической жизни региона, как долговые обязательства, земские повинности, хлебные запасы, устройство путей сообщений и т.д. Эти нормативные акты создавали благоприятные возможности для хозяйственного развития сибирской окраины империи, обеспечения населения продовольствием, устраняли казенную монополию при осуществлении хлебных закупок. Они оказали существенное влияние на социально-экономическую жизнь Сибири. Учреждение для управления сибирских губерний устранило продолжительные и разорительные поземельные споры для коренного населения, упорядочило взимание налогов, способствовало сближению коренных народов Сибири и русского населения. После его принятия ссыльные знали, что их ждет в местах ссылки и сколько они должны пробыть в этом положении, какие права у них будут впоследствии. [9.с.235].

Учреждение для управления сибирских губерний инкорпорировало Сибирь в общеимперское правовое поле, став составной частью Свода законов и Полного собрания законов Российской империи. Оно определило особое место Сибирского края в российском законодательстве. Некоторые правовые нормы, установленные в Учреждении для управления сибирских губерний, подверглись изменениям во второй половине XIX в. [10, с. 17], однако в целом Учреждение 1822 г. действовало до революционных событий, потрясших Россию в 1917 г [11, с. 251].

Список литературы

[1] Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. –Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. – 580 с.

[2] Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – 237 с.

[3] М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирской реформы М.М. Сперанского) / Л.М. Дамешек и др. –Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2003. –246 с.

[4] Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. – Т. 2. – СПб., 1872. – 752 с.

[5] Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. – СПб.: Имп. Публ. б-ка, 1861. – 388 с.

[6] Коновалов И. А. Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2017. – Том 16. – № 3. – С. 400 – 414.

[7] Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. –Т. 1-2. –СПб., 1899. – 532 с.

[8] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. – СПб., 1841. – 63 с.

[9] Konovalov, I. A. (2021). Local government in Siberia in the 18th-early 20th century. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 14(8), 1231–1238.

[10] Коновалов И. А. Реформа политической полиции в Сибири во второй половине XIX в. // История государства и права. – 2014. – № 22. – С. 17-21.

[11] Коновалов И. А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII — начало XX в.): монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 311 с.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Сибирь в войнах: Фронт и тыл

УДК 947.084

Трудовой подвиг женщин-железнодорожниц в годы Великой Отечественной войны (на примере Красноярской железной дороги)

Бесчастных Елена Владимировна
Аспирант, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
elena15-60@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0130-5597

АННОТАЦИЯ Статья посвящена трудовому подвигу женщин в годы Великой Отечественной войны. На архивных источниках и материалах периодической печати показано, что женщины-работницы Красноярской железной дороги и жены железнодорожников в сложных условиях военного времени, сыграли важную роль в обеспечении бесперебойной работы сибирской магистрали. Они осваивали «мужские» профессии, заменяли мужей, ушедших на фронт, проявляли подлинный героизм на рабочих местах, стремились поддержать трудовой энтузиазм и производственный подъем среди железнодорожников, обеспечивали продуктами питания все подразделения дороги. Автор делает вывод о том, что самоотверженный труд женщин стал одним из факторов успешной работы железнодорожного транспорта в годы войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Великая Отечественная война, трудовой подвиг, женщины-железнодорожницы, Красноярская железная дорога, бесперебойная работа магистрали.

Советские женщины сыграли огромную роль в работе железных дорог СССР в годы Великой Отечественной войны. Непрерывный процесс привлечения женщин к работам на стальных магистралях начался уже в первые военные дни и продолжался до дня Победы. Они заменяли на рабочих местах призванных на фронт мужей, братьев, сыновей, быстро приобретали необходимую подготовку для работы на железнодорожном транспорте. Колоссальную помощь в подготовке кадровых резервов и отправке посылок на фронт оказали женщины-активистки и домохозяйки – жены железнодорожников.

В 1941 г. в периодической печати были опубликованы заметки и статьи о трудовом подвиге женщин на железнодорожном транспорте [1, 5, 6]. В 1943 г. Советом по научно-технической пропаганде Академии наук СССР была опубликована работа академика В.Н. Образцова «Железнодорожный транспорт в дни Великой Отечественной войны», в которой самоотверженная работа женщин названа одним из «факторов успешной работы транспорта» [8, с. 7, 13]. Авторы всех последующих исследований, характеризуя работу железных дорог СССР в период 1941-1945 гг., с разной степенью детализации писали о роли женщин в обеспечении бесперебойной работы стальных магистралей [2, 4, 7].

В рамках настоящей статьи автором предпринята попытка охарактеризовать трудовой подвиг женщин-железнодорожниц в годы Великой Отечественной войны на примере Красноярской железной дороги.

Основными источниками для написания статьи стали отчеты, документы и материалы из фондов КГКУ «Государственный архив Красноярского края», а также публикации из газеты «Советская Хакассия»[210].

С первых дней войны Красноярская железная дорога, соединявшая западные районы Сибири и Кузбасса с Восточной Сибирью и Дальним Востоком, обеспечивала отправку воинских эшелонов с личным составом и техникой, принимала эвакуационные грузы с оборудованием, вывозимым из западных областей страны. Большая часть

[210] В конце марта 1954 года центральная газета Хакасской автономной области вышла впервые с названием «Советская Хакасия», сменив старое название «Советская Хакассия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gazeta19.ru/index.php/obshchestvo/item/58455-bibliotekari-ob-yasnili-pochemu-nuzhno-pisat-khakasiya-a-ne-khakassiya.

мужчин-железнодорожников была отправлена на фронт, и потому остро встал вопрос о привлечении женщин к работам.

11 октября 1941 г. вышел приказ НКПС № 543/Ц за подписью наркома Л.М. Кагановича «О повышении квалификации и подготовке работников массовых профессий железнодорожного транспорта из женщин». В приказе отмечалось, что «необходимо вести подготовку женщин на должности, не требующие стажа работы на транспорте, без отрыва от производства, причем по сокращенной программе в течение не более трех месяцев» [3, с. 21]. Эта задача была названа политической и имела целью замену мужчин-железнодорожников «ушедших в ряды Красной Армии и Флота».

13 ноября 1941 г. начальником Красноярской железной дороги Л.В. Соболевым был подписан приказ № 368 «О повышении квалификации и подготовке работников массовых профессий из женщин» [11], который был направлен на исполнение приказа НКПС № 543/Ц и предусматривал организацию на обучения 4659 женщин различным железнодорожным профессиям.

Таблица 1 – Обучение женщин в подразделениях Красноярской железной дороги[211]

№ п/п	Подразделение Красноярской железной дороги	Число женщин, направляемых на обучение профессиям железнодорожного транспорта, чел
1	Паровозная служба	810
2	Служба движения	762
3	Вагонная служба	613
4	Служба пути	1 573
5	Служба связи	190
6	Грузовая служба	145
7	Пассажирская служба	80
8	Дорстрой	248
9	Жилищный отдел	116
10.	Трансторпит	122
	Итого:	**4 659**

Данные, представленные в таблице 1, составленной автором, характеризуют распределение женщин, направленных на обучение, по различным подразделениям Красноярской железной дороги в соответствии с приказом № 368 начальника дороги. Из таблицы видно, что наибольшее количество женщин обучалось в службе пути – 1573 человека, поскольку данное подразделение наиболее остро нуждалось в рабочей силе.

На Красноярской железной дороге был утвержден план подготовки женщин по профессиям железнодорожного транспорта и определены сроки. В соответствии с этим планом начальникам подразделений предписывалось приступить к организации курсов и заключению договоров на индивидуальное обучение. Для работы в качестве

[211] Источник: КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Р-2381. Оп. 8. Д. 19. Л. 303.

преподавателей выделялись лучшие инженерно-технические работники и стахановцы дороги. Для проведения теоретических занятий были подобраны помещения, которые оборудовались мебелью и классными досками. Для организации производственного обучения определялись рабочие места и инструменты. Обучение и повышение квалификации работающих женщин осуществлялось без отрыва от производства [11].

6 декабря 1941 г. начальником Красноярской железной дороги Л.В. Соболевым был подписан приказ № 400 «О ходе выполнения № 368 «О повышении квалификации и подготовке работников массовых профессий из женщин» [12]. Этот приказ возлагал персональную ответственность за укомплектование курсов из числа женщин, за создание условий и наблюдение за ходом обучения на начальников подразделений дороги, начальников политотделов отделений и секретарей парторганизций.

В ходе обучения женщины получали различные железнодорожные профессии, начиная со стрелочников, башмачников, сцепщиков, грузчиков, кондукторов и заканчивая профессиями слесарей, составителей поездов, сигналистов. Они становились машинистами, дежурными по станциям, диспетчерами и т. д., с тем, чтобы в любой момент встать на работу там, где железной дороге необходимы квалифицированные кадры.

На страницах периодической печати можно найти множество подтверждений трудового подвига женщин-железнодорожниц. Так, например, маляр-стахановка вагоностроительного депо станции Абакан А.Х. Радюкова июньское производственное задание выполнила на 374 процента [9].

Женщины-активистки из числа жен железнодорожников выступали организаторами агитационной работы, стремились своими действиями поддержать трудовой энтузиазм и производственный подъем среди работников дороги. Так, например, руководитель агитколлектива железнодорожного депо станции Абакан Скурихина[212] разработала тематику агитационно-массовой работы, расставила агитаторов по производственным участкам и ежедневно контролировала их работу. Агитатор Нестеренко разъясняла рабочим «международную обстановку и внутреннее положение страны, рассказывала о великой отечественной войне советского народа с германским фашизмом, о задачах тыла в связи с войной» [15].

В 1942 г. к работе по привлечению женщин к труду на сибирской магистрали подключился Красноярский краевой комитет ВЛКСМ, который вынес решение «мобилизовать для постоянной работы на предприятиях Красноярской железной дороги 600 человек из числа женской молодежи колхозов, учреждений, предприятий и школ районов, примыкающих к дороге» [13]. Приказом начальника дороги Л.В. Соболева от 27 января 1942 г. № 37 «Об использовании на Красноярской железной дороге женской молодежи, мобилизованной Крайкомом ВЛКСМ» утверждалась разверстка, распределявшая на работу будущих железнодорожниц.

Таблица 2 – Распределение на работу девушек-комсомолок в отделения Красноярской железной дороги [213]

№ п/п	Отделение Красноярской железной дороги	Число девушек-комсомолок, направляемых на работу, чел.
1	Боготольское	130
2	Красноярское	260
3	Иланское	100
4	Ужурское	110
	Итого:	**600**

Данные, представленные в таблице 2, составленной автором, характеризуют распределение девушек-комсомолок, направленных на работу в различные отделения Красноярской железной дороги в соответствии с приказом № 37 начальника дороги. Из таблицы видно, что наибольшее количество девушек было распределено на работу в Красноярское отделение как наиболее крупное в структуре железной дороги.

С течением военного времени количество женщин, работавших на Красноярской железной дороге, росло с каждым днем. Женщины с успехом заменяли на работе мужчин. В годы Великой Отечественной войны на Красноярской железной дороге не было такой специальности, которой не могла бы овладеть и не выполняла бы женщина.

7 марта 1942 г. газета «Правда» опубликовала Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне – 8 марта», в котором говорилось: «…священным долгом каждой советской патриотки является самоотверженный труд на помощь фронту…», поскольку их отцы, мужья и братья на фронтах отечественной войны защищают честь и свободу родины [10]. Далее в этом Постановлении подчеркивалось, что в условиях войны против немецко-фашистских захватчиков «от работы миллионов советских женщин во многом зависят наши успехи» в войне. Призыв партии к женщинам заменить ушедших на фронт мужчин встретил у них горячий отклик. Но многие, не дожидаясь официальных призывов, еще в первые дни войны заняли на производстве места своих мужей, отцов и братьев.

«Советская Хакассия» в статье от 11 июля 1941 г. «Женщины ремонтируют пути» сообщила о том, что жены железнодорожников, собравшись в паровозном депо станции Абакан, обсуждали вопрос, как лучше помочь мужьям на производстве в военное время. Жена железнодорожника Коновалова[214] призвала женщин-домохозяек немедленно начать изучение железнодорожного дела, усвоить правила технической эксплуатации и сигнализации: «советские патриотки … хорошо понимают, что в отечественной войне фронт и тыл – одно целое. Мы, женщины, должны заменять наших мужей, ушедших на фронт» [6]. Лаптева заявила о готовности заменить у токарного станка своего мужа, ушедшего на фронт, А. Кошарина – встать на пост путевого обходчика, который до ухода на фронт занимал ее муж [5].

Женщины-домохозяйки 5 околотка станции Абакан организовали бригаду из шести человек и вышли ремонтировать пути. Они ежедневно выполняли технические нормы на 115-120 процентов. Инициаторы этого движения Габайдулина и Мартынова показывали образцы стахановской работы. «Советская Хакассия» писала по этому поводу, что 15 июля 1941 г. «20 домохозяек вышли на ремонт путей станции Абакан и на заработанные деньги решили купить подарки для бойцов доблестной Красной Армии» [1].

Еще одним трудовым начинанием жен железнодорожников в годы Великой Отечественной войны стало ведение подсобных хозяйств в отделениях Красноярской железной дороги. Оно было организовано в 1941 г. с целью снабжения продуктами питания работников дороги и находилось в подчинении треста «Трансторпит» и хозяйственной службы.

За первый год своего существования силами подсобных хозяйств было сдано на снабжение железнодорожников 1100 тонн овощей, 25 тонн мяса, 71 тонна рыбы, 24 тонны молока, заготовлено значительное количество зернофуража и кормов для скота. Большинство подсобных хозяйств в 1941 г. имели положительные финансовые результаты своей работы. Так, например, подсобные хозяйства линейного РТТП дали экономии 69 тыс. рублей, подсобные хозяйства Боготольского РТТП – 75 тыс. рублей, а подсобные хозяйства Боготольского вагонного участка – 12 тыс. рублей [14].

---

[212] Здесь и далее в материалах газеты имена действующих лиц не указаны.
[213] Источник: КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Р-2381. Оп. 8. Д. 20. Л. 73-74
[214] Здесь и далее в материалах газеты имена действующих лиц не указаны.

На 1942 г. приказом начальника дороги Л.В. Соболева № 423 от 27 декабря 1941 г. «О работе подсобных хозяйств треста «Трансторпит» и хозяйственной службы дороги» был утвержден план посева и развития животноводства. Согласно показателям этого плана, посевные площади подсобных хозяйств в отделениях дороги увеличивались до 1614 га, а поголовье скота – до 2674 голов [14].

Безусловно, основными работниками подсобных хозяйств были женщины-домохозяйки – жены железнодорожников, дети и старики, которые своим самоотверженным трудом решали задачу обеспечения продуктами питания всех подразделений Красноярской железной дороги, что позволило отказаться от централизованного снабжения и направить его на нужды фронта.

Таким образом, архивные источники и материалы периодической печати убедительно подтверждают вывод о том, что самоотверженный труд женщин стал одним из факторов успешной работы железнодорожного транспорта в годы войны. В сложных условиях военного времени, когда была острая нехватка рабочих рук, советские женщины освоили «мужские» профессии, заменили своих мужей и братьев на стальной магистрали, обеспечили ее бесперебойную работу. Красноярская железная дорога отправляла воинские эшелоны с личным составом и техникой на запад и принимала эвакуационные грузы с оборудованием и раненых бойцов, вывозимых из прифронтовых областей страны. Жены железнодорожников выступали организаторами агитационной работы. Ведение подсобных хозяйств позволило обеспечить продуктами питания все подразделения дороги. Трудовой героизм, проявленный женщинами на железнодорожном транспорте, сыграл значимую роль в деле всеобщей Победы над врагом в Великой Отечественной войне.

Список литературы

[1] Бояринов И. Женщины становятся к станкам // Советская Хакассия. 1941. 11 июля.

[2] Гарин Е.Н., Леопа В.П., Леопа А.В. Перестройка на военный лад Красноярской железной дороги в начальный период Великой Отечественной войны (июнь – декабрь1941 г.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4 (46). С. 88-94.

[3] Ешпанов В.С. Суровая правда о женском труде на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны // Вестник КРСУ. 2020. Том 20. № 6. С. 20-25.

[4] Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Под ред. Н.С. Конарева. 2-е издание, доп. М.: Транспорт, 1987. 591 с.

[5] Жена заменила мужа // Советская Хакассия. 1941. 20 июля.

[6] Курносов А. Женщины ремонтируют пути // Советская Хакассия. 1941. 19 июля.

[7] Лаптев Н.М. Магистрали Победы: Ж.-д. трансп. Сибири в годы Великой Отеч. войны (1941-1945). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 224 с.

[8] Образцов В.Н. Железнодорожный транспорт в дни Великой Отечественной войны. М.: Издательство ВЦСПС, Профиздат, 1943. 64 с.

[9] Пигаев, Молчанов. Досрочно // Советская Хакассия. 1941. 9 июля

[10] Постановление ЦК ВКП(б) «О международном женском дне – 8 марта» // Правда. 1942. 7 марта.

УДК 947.083.4

Цена войны: добровольный и вынужденный вклад Сибири в Русско-японскую войну 1904-1905 годов

Воробьева Эвелина Александровна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.
tinva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3040-0350

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается один из аспектов Русско-японской войны 1904-1905 годов, а именно вклад Сибири (как непосредственного тыла армии) в войну. Обращается внимание на такие моменты, как: мобилизация сибиряков на фронт и ее масштабы, обеспечение семей запасных нижних чинов, содержание и помощь раненым, снабжение действующей армии продовольствием и обмундированием, мобилизационные расходы сибирских городов. Проводится анализ, в каких случаях помощь населения Сибири армии была добровольная, а в каких – вынужденная. Ставится вопрос о том, насколько правомерными и адекватными были требования военного ведомства к местным властям региона и какова, в прямом и переносном смысле, была цена Русско-японской войны 1904-1905 годов для населения Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русско-японская война 1904-1905 годов, Сибирь, снабжение армии, помощь раненым, снабжение семей запасных нижних чинов.

Русско-японская война 1904-1905 годов с самого начала привлекала внимание исследователей. Однако, если в начале главный упор делался на анализ военных действий как таковых, то в последние два десятилетия исследователи все чаще обращаются к невоенным аспектам войны, в том числе к теме влияния войны на общество и внутреннее положение дел в стране. В данной статье будет проанализирован вклад населения Сибири в Русско-японскую войну, как материальный, так и нематериальный, а также рассмотрен вопрос, был ли этот вклад добровольным или вынужденным.

Прежде всего, следует сказать, что первым вкладом сибиряков в Русско-японскую войну, был вклад людьми. В ходе Русско-японской войны была проведена массовая мобилизация запасных нижних чинов, причем в Сибири она продолжалась в течение всего 1904 г., призваны были все запасные нижние чины, способные носить оружие, без различия сроков службы и категорий запаса, без льгот по какому-либо тяжелому семейному положению [8, с. 69].

Только в Иркутской губернии в феврале 1904 г. из запаса было призвано 6152 человека и еще 2950 человек призвали в июне 1904 г. [16, с. 139]. В Забайкальской области было мобилизовано на службу по Читинскому округу 3411 нижних чинов, по Верхнее-Удинскому округу – 3105 нижних чинов, плюс призвано другими воинскими начальниками и комендантами 318 человек [10, л. 94]. Еще свыше 14 тысяч человек выставило Забайкальское казачье войско. По подсчетам В.И.Баяндина, общая численность сибиряков, призванных на военную службу во время войны, составила 230-240 тыс. человек, причем в это число не вошли находящиеся на военной службе до ее начала. По воспоминаниям современников, «край заметно обезлюдел», среди сибиряков даже ходила поговорка «Сибирь воюет, а Россия лишь помогает деньгами» [1, с. 42].

Из общего числа призванных примерно 100 тысяч человек приходилось на запасных нижних чинов, 39 тысяч – на ратников государственного ополчения, 20 тысяч – на новобранцев, 30 тысяч – на казаков Сибирского и Забайкальского казачьих войск; призывались также казаки Енисейского и Иркутского дивизионов [2, с. 11].

Отношение к мобилизации населения было двояким. С одной стороны, сама мобилизация проходила успешно, на призывные пункты явилось 99% мобилизованных, с другой стороны – потеря на неопределенный срок кормильца не могла оставить семьи равнодушными. Это отмечалось в корреспонденциях региональных газет, в том

числе газеты «Восточное Обозрение». Например, в селе Марковское Киренского уезда в апреле призвали 84 работника, «масленицу провели мы все в слезах»; в селе Култук в мае провожали казаков, мобилизованных до 35 летнего возраста, «в воздухе стояли рыдания»; в июне были мобилизованы ратники запаса и ратники ополчения 1-го разряда – «новое горе и новые слезы» [4, № 61, 98, 179 (12 марта, 25 апреля, 28 июля)].

Массовые мобилизации сразу же поставили на повестку дня проблему обеспечения семей запасных нижних чинов. Для семей запасных нижних чинов была предусмотрена выплата государственного пособия, которое включало в себя т.н. «квартирные деньги» (деньги на наем квартиры с отоплением, если в этом была необходимость), а также продовольственный паек (включал 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли) или заменяющую его сумму. Даже если не вдаваться в вопрос о правильном или неправильном начислении пособий (а злоупотреблений, огрехов и ошибок в этой области было огромное количество), встает вопрос, кто именно обеспечивал финансовую сторону вопроса.

Было бы логичным, если бы расходы на содержание семей запасных нижних чинов взяло бы на себя государство. Однако в действительности, львиная доля расходов была переложена на плечи самого населения. Выплата пособий осуществлялась, в том числе, за счет земских сборов. Например, в Томской губернии к середине июня 1904 г. из земских сборов на призрение семей запасных нижних чинов израсходовали 295 тыс. руб., в Тобольской – 55,5 тыс., в Иркутской – 97,5 тыс. руб. [15, с. 14].

«Квартирные деньги» полностью должны были обеспечивать местные городские думы. В Сибирском военном округе за годы войны «квартирные деньги» получило более 87 тыс. семей, на эти цели города затратили свыше 228 тыс. руб. [8, с. 74].

Размеры государственных пособий в Сибири составляли от 85 коп. до 2,4 рублей в месяц на душу [15, с. 14], что было явно недостаточно. Пособия не покрывали даже расходов на продовольствие (т.к. рассчитывались исходя из официально установленных цен на продукты, а реальные были выше). Что касается найма работников для сельхохработ, то это оказывалось невозможным, т.к. средняя цена на рабочие руки в страду 1904 г. в Сибири составляла 1 рубль в день. Часть солдаток вообще пособий не получала, или получала в меньшем объеме. Таким образом, солдатки не могли ни содержать себя и детей, ни обеспечить выполнение необходимых сельхозработ. Фактически, семьи ушедших на войну запасных нижних чинов были обречены на разорение. Показательно, что в этих условиях власти предпочли не решать проблему, а воззвать к общественной благотворительности.

Общество Сибири, действительно, активно откликнулось на призывы. Например, Томский уездный комитет за первый год войны (с февраля 1904 г. по январь 1905 г.) выдал пособий на сумму 196.438 руб. 80 коп. и еще 82.968 руб. 44 коп. за февраль-апрель 1905 г. [3, с. 105]. Дополнительно Дамский комитет для призрения и помощи семьям запасных нижних чинов Томска за период с февраля 1904 г. по апрель 1905 г. выдал пособий на сумму в 14711 руб. 62 коп., оказывая помощь ежемесячно (в среднем) 385 семьям [3, с. 106]. Аналогичный Дамский комитет г. Ново-Николаевска собрал за годы войны (с февраля 1904 г. по апрель 1905 г.) пожертвований на сумму 6357 рублей и ежемесячно оказывал помощь 91 семье [3, с. 107].

В Иркутске Дамский комитет оказал помощь 843 семьям, в том числе ежемесячные пособия выдавались 71 семье [3, с. 108]. В Барнауле уездный комитет к сентябрю 1904 г. выдал пособий 369 семьям запасных нижних чинов и 103 семьям ратников ополчения на сумму 8817 р. 12 к., часть этой суммы была ассигнована городской думой, а часть собрана в виде пожертвований со стороны горожан [3, с. 108].

В деревнях семьи призванных освобождали от «казенных и мирских платежей», помогали в тяжелых работах, снабжали кормом для скота и хлебом. Например, в Тюменском уезде с февраля по 1 сент. 1904 г. в 1 участке уезда была оказана помощь деньгами 15 семьям, натурой – 55 семьям, всем семьям запасных нижних чинов помогали в работах. В 3-м участке было собрано 388 руб. 15 коп. пожертвований на семьи запасных

деньгами и еще дополнительно хлебом 447 пудов 39 фунтов, всем семьям помогали в сельхоз. работах. По всему уезду лесное ведомство обязалось бесплатно для солдаток отпускать сухостой и валежный лес [12, № 225 (15 октября)].

Подобных примеров можно приводить еще множество. К сожалению, возможности жертвователей были отнюдь не безграничны, т.к. Русско-японская война обернулась для Сибири еще и жесточайшими продовольственными кризисами, а также ростом цен в 3-5 раз. Поэтому суммы пожертвований неуклонно снижались.

К концу 1905 года в сибирском попечительстве наблюдалась катастрофическая нехватка финансовых средств. Например, в Забайкалье на нужды помощи семьям необходимо было свыше 53 тысяч рублей, а местный бюджет давал в 5 раз меньше, всего до 13 тыс. руб. В Иркутской губернии в отдельных уездах число обнищавших по сравнению с довоенным временем выросло в три раза [6, с. 110].

Очень значительным оказался финансовый вклад населения Сибири в помощь непосредственно действующей армии. С началом войны на волне патриотизма были собраны значительные пожертвования в пользу армии, например, жители г. Томска собрали 15.100 рублей, жители Иркутска – 12.000 рублей, жители Забайкальской области – 12.173 рубля [12, № 53 (7 марта); 11, с. 33-34; 9, с. 205]. Пожертвования передавались лично главнокомандующему Маньчжурской армии А.Н.Куропаткину в процессе следования командующего на фронт.

В ходе войны огромные средства собирались для оказания помощи раненым. Масштабы деятельности Красного креста в Сибири поражают: к 1 января 1905 г. было открыто 4 лазарета по Кругобайкальской железной дороге и еще 22 лазарета по линии Транссиба (в том числе лазареты в Канске, Красноярске, Ачинске, Боготоле, Томске, Новониколаевске, Омске, Челябинске), 10 лазаретов в Иркутске, 16 дополнительных лазарета, 8 санитарных поездов [5, № 84 (17 апреля)].

В западном направлении от Харбина крупным госпитальным центром были Чита, а также населенные пункты рядом стоящих горнодобывающих рудников. Госпитали Красного Креста в Забайкалье опекали свыше четырех тысяч коек. В области работало до десятка санитарных отрядов. Под их расположение отдавали солдатские казармы, переселенческие бараки, частные особняки [7, с. 130].

В Томске госпитали для раненых были открыты при Томском университете, для увеличения числа коек администрация вуза планомерно сокращала учебные занятия, освобождала общежития, кабинеты, клиники; ректор и профессора университета бесплатно работали в госпитале. Под нужды раненых в Томске передали также еще ряд зданий (переселенческий барак, городскую больницу, школу на Мухино-Бугорской площади, особняк коммерческого училища). Томское отделение красного креста к июлю 1904 г. собрало средства на сумму свыше 40 тысяч рублей, им были организованы комитеты для сбора пожертвований и изготовления белья для раненых в Томске, Ново-Николаевске, Каинске и других населенных пунктах, организовано чайное довольствие для проезжающих войск на станциях Каинск, Обь, Тайга, Суслово, были организованы курсы по уходу за ранеными и т.д. [13, № 11 (15 января), № 35 (13 февраля)]. Томичи активно участвовали в помощи раненым, ежедневно жертвовали в госпиталь деньги, чай, сласти, сахар, фрукты и т.п., навещали самих воинов, для раненых устраивали на Рождество елку и подарки, на Пасху – пасхальное разговение. Обо всем этом подробно писала газета «Сибирская жизнь».

Барнаульское отделение Красного Креста к 1 августа 1904 г. имело свыше 50 тысяч рублей, организовало 3 госпиталя в Барнауле, а также лазареты в Бийске, Колывани и селах по реке Обь [4, № 205 (28 августа)]. Красноярское отделение Красного Креста организовало чайное довольствие войск на станциях Красноярск, Чернореченск, Ачинск, Канская, Ольгинская, оборудовало два лазарета, организовало курсы сестер милосердия и т.д. [4, № 205 (28 августа)]. Примеры еще можно множить и множить.

Примечательно, что военное госпитальное ведомство снабжало раненых только

верхней одеждой, нательное и постельное белье должны были предоставлять на местах. Общество Сибири, как могло, решало эту проблему. Так, Дамский комитет по изготовлению белья для раненых в Томске в сентябре 1904 г. изготовил и передал для нужд раненых по 450 комплектов постельного и нижнего белья, по 150 байковых одеял и хирургической одежды, а также десятки халатов, скатертей и прочего. Для выписывающихся раненых комитет изготовил 2560 предметов одежды [13, № 82 (13 апреля)].

Иркутский Дамский комитет Красного Креста к 15 марта 1905 г. собрал пожертвований на сумму свыше 45 тысяч рублей, изготовил 200 полных комплектов белья, одежды и обуви; снабжал бельем, одеждой и инвентарем лазарет в Иркутском переселенческом пункте и Мысовский лазарет [4, № 288 (3 декабря); 5, № 59 (18 марта)].

Кроме Дамского комитета, о раненых заботился также Иркутский горный кружок. В ноябре 1904 г. он выдал раненым 9522 предметов и пар белья, в январе 1905 г. – 2524, в феврале 1905 г. – 4279, за март-май 1905 г. – 6407 [3, с. 128].

Но даже такой объем добровольной помощи сибирского общества не устраивал военное ведомство. Лечение раненых и больных в принципе предполагалось производить в тылу (лечебные заведения, состоявшие при войсках, осуществляли лишь временный уход за больными и ранеными). Далее предполагалась эвакуация больных и раненых в тыл. Наиболее крупные госпитали располагались в Приамурском военном округе, но их не хватило, т.к. санитарные потери армии оказались выше запланированных (только заболевших за период с 9 февраля 1904 г. по 1 января 1906 г. было 13998 офицеров и 391912 нижних чинов) [17, с. 153]. В итоге, военное госпитальное ведомство просто ставило городские думы Сибири перед необходимостью принять определенное число раненых и больных, совершенно не считаясь, при этом, с реальными возможностями городов.

Так, в Томске в январе 1905 г. было получено предписание об открытии 10 дополнительных госпиталей, по 210 кроватей в каждом. Томская дума подсчитала, что наличных помещений в городе хватает только на 5, для решения проблемы под раненых отдали помещения школ и приступили к постройке бараков [13, № 19 (25 января)].

Иркутск в октябре 1904 г. обязали принять 15 тысяч раненых, при том, что всех наличных помещений города хватало только под прием 6 тысяч. Городская дума в ходатайстве на имя Николая II указывала, что помимо сложностей с жилым фондом, Иркутск также испытывает трудности с продовольственным снабжением, а эпидемиологическая обстановка, в связи с отсутствием в Иркутске канализации, при приеме требуемого числа раненых ухудшится до катастрофической.

Специальное совещание по вопросам размещения раненых в ноябре 1904 г. установило, что Иркутск не имеет возможности разместить раненых свыше 3585 коек, «но и это число, вследствие крайне дурного санитарного состояния города требует уменьшения» [4, № 272 (14 ноября)].

В январе 1905 г. от Иркутска требовали предоставить уже 20 тысяч мест для раненых, невзирая на крайне скромный жилищный фонд города и жесточайший продовольственный кризис (население Иркутска в начале 1905 г. практически оказалось под угрозой голода).

Несмотря на все это, военное ведомство продолжало настаивать. В марте 1905 г., под его давлением, в Иркутске под госпитали заняли все общественные здания города, включая клуб общества приказчиков, общественное собрание, управление Кругобайкальской железной дороги и даже часть канцелярии генерал-губернатора (и все равно требуемых 10 тысяч мест не набралось, раненых расселяли по домам обывателей) [5, № 56 (15 марта)].

Аналогичная ситуация складывалась и в других городах Сибири. Например, в Чите под строительство госпиталей занимали городские земли и вырубали заповедные леса. В Нерчинске осенью 1904 г. госпитальное ведомство не смогло предоставить раненым даже положенные одежду и белье, в итоге их снабжал Иркутский горный кружок. По всему региону положение усугублялось еще и тем, что поскольку врачей и фельдшеров

мобилизовывали на войну (только из Томска и Иркутска забрали на фронт сразу 55 врачей), врачебная помощь для населения Сибири резко сократилась (а она и без того оставляла желать лучшего).

Проблемы вещевого и продовольственного снабжения касались не только раненых, но и самой действующей армии. В ходе отступлений Русско-японской войны сжигались тысячи пудов продовольствия (в том числе при наличии рядом воинских частей, которым отказывали в выдаче продовольствия), некомпетентность руководителей приводила к тому, что часть продовольствия просто портилась, были также неоднократные случаи хищений продовольствия, обмундирования и прочего со стороны лиц, причастных к снабжению армии [14]. Не удивительно, что в итоге армия оказывалась голодной, раздетой и разутой. Чтобы ее снабдить, власти снова обращались к народной благотворительности.

Обычной стала практика, когда жителей, скажем, Томска призывали жертвовать на нужды 8-го Томского сибирского полка, жителей Иркутска – на нужды Иркутского полка и т.д. Что характерно, население чаще всего быстро и сочувственно откликалось. Так, томичи в августе 1904 г. собрали для Томского полка 5 тюков с одеждой (рубахи, кальсоны, носки и т.д.), в сентябре передали еще по паре сотен рубашек, кальсон и прочего, в октябре еще 9 тюков белья, в ноябре – 33 пудов табака, 10 ящиков спичек, 100 пудов сушек, 16 пудов сухарей, 6 пудов сахара, 8 пуд. 20 ф. варежек, 3 пудов 20 ф. книг, 2 пудов 20 ф. мыла, 3 пудов 20 ф. курительной бумаги, 3 пудов 20 ф. бумазеи, 7 пудов 20 ф. белья, 26 пудов разного платья, 5 пудов свечей, о чем газета «Сибирская Жизнь» составила подробный отчет [12, № 194, 248, 262 (5 сентября, 12, 30 ноября)].

Иркутский Горный кружок непосредственной помощи воинам на Дальнем Востоке к 1 июня 1904 г. изготовил, собрал и передал в действующую армию 191 тюк белья, а с осени 1904 г. снабжал уже целый войсковые части (например, 10, 24, 36-й стрелковый, Енисейский и Иркутский полки). В январе 1905 г. Кружок отправил в действующую армию 5024 предмета и пары, в феврале – 4589 предметов и пар (60 тюков белья), в марте 25 тюков белья, в апреле – 69 тюков, в мае – 47 тюков белья. За 1,5 года войны Иркутский Горный кружок собрал пожертвований на сумму 95 тысяч рублей [3, с. 139-141].

Томичи за годы войны пожертвовали не менее 97 тысяч рублей, что составляло 1/6 части годового городского бюджета [3, с. 141-142].

Но добровольными пожертвованиями дело не ограничивалось. На местные бюджеты возлагались также расходы по мобилизации и по содержанию семей запасных нижних чинов. Так, Иркутск к ноябрю 1904 г. издержал на эти нужды 60 тысяч рублей. В Томске к 1 января 1905 г. расходы по мобилизации составили 88.068 рублей, в том числе на наем квартир для войск – 6218 р. 60 к., на постройку бараков – 25588 р. 42 к., на отопление – 10196 р. 92 к., на устройство столовых, пекарен и т.п. – 14997 р. 28 к., на устройство конюшен, коновязей и т.д. – 7835 р. 74 к. На выдачу квартирных денег семьям запасных нижних чинов было израсходовано 13477 р. [13, № 13 (18 января)].

Итак, за годы Русско-японской войны 1904-1905 годов население Сибири внесло огромный вклад (и людской, и материальный). На фронт ушло наиболее трудоспособное население, семьи потеряли за годы войны (а многие и навсегда) своих кормильцев. В годы войны сибирское общество активно помогало семьям запасных нижних чинов, раненым и больным воинам Маньчжурской армии, и самой действующей армии, собирая пожертвования как деньгами, так и продовольствием, бельем, предметами первой необходимости и т.п. Пожертвования исчислялись в десятках тысячах рублей и десятках тысяч предметов, несмотря на крайне тяжелое положение самого населения, т.к. война вызвала в регионе резкий рост цен и продовольственные кризисы. Несмотря на растущую непопулярность войны, население продолжало жертвовать на нужды «своих» воинских частей, раненых, семьи запасных.

Что касается военных властей и элиты, то они заняли позицию фактической эксплуатации населения. На регион возлагались мобилизационные расходы (также составлявшие для городов по десятки тысяч рублей, что забирало значительную

часть их бюджетов). Не считаясь с возможностями городских дум, на них возлагали выдачу «квартирных денег» и бремя расходов по приему и организации лечения и снабжения раненых. В ряде случаев, требования военного ведомства были совершенно непомерными. Пока интендантские чины армии воровали, население снабжало «свои» части продовольствием и обмундированием, потому что не могло смириться с тем, что «наши солдаты» будут ходить голодными, раздетыми и разутыми.

В целом стоит отметить, что наплевательское отношение элиты к населению, которое проявилось и во многих других вопросах (например, решению, точнее, не-решению проблемы продовольственного снабжения населения) вызвало соответствующую крайне негативную реакцию со стороны общества. Ценой Русско-японской войны для Сибири стало разорение населения, принявшее весьма значительные масштабы. Современники оценивали положение края вследствие войны как катастрофическое. Последовавшая вслед за Русско-японской войной первая русская революция 1905-1907 годов показала, что нельзя бесконечно игнорировать потребности общества. Однако, к сожалению, элита не сделала из этого соответствующих выводов.

Список литературы

[1] Баяндин В.И. Русско-японская война: мобилизация и демобилизация войск в Сибири // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 38-45.

[2] Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 7-12

[3] Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904-1905 годов. Новосибирск: изд-во НГТУ, 2020. 252 с.

[4] Восточное Обозрение. 1904.

[5] Восточное Обозрение. 1904.

[6] Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала 20 века. Кемерово, 2003. 388 с.

[7] Горелов Ю.П. Сибирская помощь раненым в Русско-японскую войну (1904-1905 гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. Т.4. С. 130-134.

[8] Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68-79.

[9] Михеев Б.В. Участие населения Забайкальской области в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. № 8. С. 204-207.

[10] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 396.

[11] Романов, Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. / Н.С. Романов. – Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1994. 556 с.

[12] Сибирская Жизнь. 1904.

[13] Сибирская Жизнь. 1905.

[14] Тонкий Н.В. Человеческий фактор в тыловом обеспечении русской армии в войне с Японией 1904-1905 годов // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2011. Том 10, выпуск 10: история. С. 116-119.

[15] Шиловский М.В. Влияние русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С.12-16.

[16] Ширшов М.А. Организация призрения семей воинских чинов призванных на действительную службу в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С. 139-143.

УДК 94 (47+57)

Влияние Великой Отечественной войны на социально-экономическую жизнь малых городов Сибири на примере г. Ишима

Клюев Николай Васильевич
Ишимский педагогически институт им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, г. Ишим, Россия
nikollo.klyuev@gmail.com

АННОТАЦИЯ В настоящей статье было освещено влияние Великой Отечественной войны на социально-экономические процессы, происходящие на территории города Ишима. Автором была предпринята попытка установить и рассмотреть последствия войны на социально-экономические аспекты города. Основное исследовательское внимание автора было сосредоточено на деятельности исполнительного комитета ишимского городского совета депутатов трудящихся, ключевых для Ишима промышленных предприятиях, образовании и здравоохранении города.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Великая Отечественная война, исполнительный комитет, Ишим, промышленность, социально-экономическая жизнь

Великая отечественная война является одним из важнейших событий в истории нашей страны. Советский народ совершил величайший подвиг, победив в этой войне. В исторической литературе существует много книг о ходе боевых действий, о судьбах непосредственных участников этих событий, и лишь малая часть литературы посвящена трудовому фронту. Об обстоятельствах, в которых приходилось жить и трудиться мирному населению существует очень мало данных – это касается как территории величественной Сибири, так и города Ишима, в частности. Победа в войне заключалась не только в мужестве солдат, но и в тыловой работе граждан в каждом населённом пункте, в том числе и в городе Ишиме. Особенности состояния региональной экономики и социальной сферы жизни общества играют важную роль в тяжёлые времена и могут повлиять на общий вектор его развития. Поэтому изучение событий локального характера в экономической и социальной сферах, в рамках обращения к повседневной микроистории, на примере малых городов имеет весомую научную ценность.

Как только стало известно о вероломном нападении немецких войск на границы страны каждый житель Ишима понимал, что ему нужно сделать всё что понадобится и даже больше, чтобы не дать врагу пройти внутрь страны и победить в этой войне. С первого дня война диктовала свои правила не только на фронте, но и в тылу. Они были обширными и туда входили не только люди, но и различные материальные средства: оружие, боеприпасы. Хоть Ишим находился далеко от боевых действий, жители города чувствовали все тяжести и лишения войны.

Все промышленные предприятия города в скором режиме стали переходить на изготовление продукции, которая могла быть полезной на фронте. Ликеро-водочный завод наладил выпуск мази от обморожения, рабочие отливали корпуса для мин и миномётов, артель им. Ильича шил фуфайки, брюки и рукавицы, пимокатная мастерская изготавливала валенки и другие виды обуви необходимые на фронте [7].

Если армии требовалось оружие, боевая техника, продовольствие, то для тыла были необходимы товары широкого потребления. Взятый в 1925 году курс индустриализации продолжал развиваться и в 1940-е годы, город Ишим не стал исключением [3, л.59]. По решению партии и правительства по вопросу расширения товаров широкого потребления был доведен до всех предприятий города. Они в свою очередь старались повысить показатели производства данных товаров, так же были задействованы рычаги для исполнения решения со стороны Исполкома. Так за нарушение решения партии и правительства по вопросу расширения товаров широкого потребления

артелем им. Крупской, которая занималась медлительностью, а не практическими мероприятиями имея все возможности выпускать в широком ассортименте товары широкого потребления из местного сырья и отходов, также артелем не было принято мер по организации мастерских по ремонту, реставрации одежды и окраске чем не выполнено решение 10 сессии горсовета [3, 5 л.59].

В связи с быстрым наступлением врага, правительством было принято решение о перемещении заводов и фабрик как можно дальше от зоны боевых действий. Так на плечи жителей города Ишима легла новая задача – быстро организовать производство на новых местах на основе мощностей эвакуированных фабрик легкой промышленности [7].

В сентябре 1941 года в Ишим прибыл завод из города Лодейное Поле Ленинградской области. Через полтора месяца Ишимский завод автоприцепов начал выпускать полевые автокухни. В конце сентября 1941 года в Ишим прибыли руководители завода и рабочие во главе с директором И.В. Пучковым, всего – 32 человека. Они привезли с собой 28 станков. Завод начал строиться на площадке машинно-тракторной мастерской. Здесь были размещены сварочное, заготовительное и механическое отделения и инструментальный цех. Предприятие получило название «Ишимский авто-прицепный завод №3» (в будущем «Машиностроительный завод»). На предприятии было поручено организовать производство полевых кухонь на шасси автомобильного прицепа. Несмотря на трудности люди работали не покладая рук, по 11-12 часов, а то и больше, они не уходили со своих рабочих мест, одновременно строили цеха и делали полевые кухни. Уже в апреле 1942 года была получена первая промышленная продукция [4, с. 35].

Осенью 1941 года Государственный Комитет обороны принял решение: создать на востоке страны группу заводов по производству запасных частей к паровозам «СО» («Серго Орджоникидзе»). 4 февраля 1942 года на станцию Ишим прибыл вагон с инструментами, чертежами и несколькими работниками завода из Безымянки, что близ Куйбышева. Им предстояло создать мастерские на базе Ишимского паровозного депо, а главным механиком – А. А. Катин, прибывший из Безымянки. Постепенно изживались и первоначальные трудности, такие как нехватка квалифицированных кадров, станков, оборудования. В мае 1942 года мастерские были пущены в эксплуатацию. В последствии, на базе мастерских был образован механический завод, ставший крупным индустриальным предприятием в г. Ишиме [4, 35].

В процессе производства расширился ассортимент и количество выпускавших изделий. Во второй половине 1942 года железные дороги уже получили не только части к секциям паровозов, но и большие цилиндрические шестерни, турбины вентилятора, валы ротора и другие части. К концу года мастерские дали продукции на 257 тыс. руб. После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом на заводском митинге постановили: развернуть социалистическое соревнование за быстрейшее освоение новых изделий и наращивание выпуска уже освоенных запчастей. Результатом стало то, что за первые три месяца 1943 года мастерские выпустили запасных частей почти столько же, сколько было произведено за весь 1942г [4, с. 35].

Той же осенью 1941 г. в городе были размещены и другие эвакуированные предприятия. В их числе Херсонский авторемонтный завод, на базе ремонтных мастерских которого возник завод «Автозапчасть» (в дальнейшем «Ишимсельмаш»). Главной рабочей силой на заводе были юноши и девушки 15–17 лет. Все производственные операции на заводе выполнялись вручную [7].

В октябре 1941 г. паровозное отделение станции Ишим получило переходящее Красное знамя дороги за успешную подготовку к зиме и за перевыполнение эксплуатационно – технических показателей. Хороших результатов достигли диспетчеры, энергично боровшиеся за быстрое продвижение паровозов, за организацию кольцевой езды. Образцово трудились комсомолец – диспетчер Кокин и его товарищи Поляков и Сокольский, машинист Малинин [5, с.275-276].

Можно говорить о том, что промышленность в годы Великой Отечественной войны в городе Ишиме набирала свои обороты. В приоритеты промышленности в первую очередь входило обеспечение всем необходимым фронта, во вторую увеличение выпуска продукции широкого потребления, которая была необходима ишимцам для осуществления работ на различных предприятиях, учреждениях и в частном хозяйстве.

В начале десятилетия Ишим являлся растущим и развивающимся городом Омской области. В нём проходили различные процессы направленные на развитие инфраструктуры для комфортной жизни деятельности местного населения. Всё это проходило под контролем исполнительного комитета ишимского городского совета депутатов трудящихся.

Деятельность комитета была весьма разнообразна и включала в себя несколько направлений:

1. Планирование финансов бюджета и их учёт.

Это направление включало в себя контроль за распределения бюджета города, разработка планов по реализации социально-экономических процессов, сбор статистических данных о экономической и социальной сферах городской жизни.

Эта область испытывала трудности так как финансирование государства в большей мере шло на фронт. Учитывая этот фактор исполком принимал решения брать средства из других структур. Например, были взято из средств выпасного хозяйства до 30000 рублей на благоустройство города в 1941 году [2, л. 143].

2. Управление муниципальной собственностью, работа с промышленными предприятия и учреждениями города.

В него входило управление муниципальным имуществом, а также его отчуждение в пользование. Заказы работ по благоустройству города, коммунальному обслуживанию. Решение культурных потребностей населения. Поддержка в работе колхозов.

В связи с тем, что город Ишим в период Великой Отечественной войны обладал весьма скудной финансовой базой. Было принято решение о привлечении местных жителей к проблемам благоустройства и инфраструктуры города, так населению около своих домов было нужно ремонтировать дорогу. Исполнительный комитет обязал благоустройство города в первую очередь связанных с оборонными мероприятиями и потребностями населения города [1, л. 63].

Несмотря на богатый урожай сельскохозяйственной продукции в 1941 году, колхозная торговля в городе развернута неудовлетворительно, появилась тенденция к спекуляции сельскохозяйственной продукцией на рынках. Для решения этой проблемы исполнительный комитет обязал милицию вести усиленную борьбу с перекупщиками. Пересмотреть аппарат управления рынками, изгнать из него лиц, не желавших честно, бороться за развёртывание культурной советской торговли [2, л. 280].

3. Территориальное планирование, использование природных ресурсов.

Выдача разрешений на строительство, контроль проектов по реконструкции, капитального ремонта. Осуществление планирования по рациональные использования природных ресурсов.

4. Жилищно-коммунальное, бытовое, торговое обслуживание населения города.

Обеспечение населения услугами общественного питания, организация рынков и правила торговли на них.

Работа по разбору жалоб заявлений была удовлетворительной, проблемой была задержка жалоб и заявлений населения, которые могли находиться в стадии разработки дольше 15 дней, отдельные жалобы не были зарегистрированы в журнал, что не позволяет контролировать поступления и решения жалоб и заявлений. В связи с этим решением исполкома было приняты сроки ответов на заявления трудящихся

оформлять не позже3-5 дней, а разбор жалоб не позднее 11 дней. Было необходимо строго проводить контроль за выполнением решений по жалобам и заявлениям трудящихся, результаты контроля заслушивать не реже одного раза в квартал на исполкоме [2, л.151].

С 1941 года направления деятельности исполнительного комитета ишимского городского совета депутатов трудящихся, в связи с началом Великой Отечественной войны, получили своё расширение. Так на плечи комитета легли новые обязанности, с которыми ещё не приходилось сталкиваться в мирное время. Война диктовала свои правила и это касалось не только фронта, но также и тыл. С каждым днём направление деятельности расширялись если в первые дни войны это была мобилизация, то с каждым новым днём перед органами власти возникали новые проблемы.

В реализации Указа правительства по проведению мобилизации в городе имелась большая недоработка по выполнению возложенных обязанностей на заведующих отделов городского исполнительного комитета по организации и обслуживанию сборных пунктов:

Торговый отдел: в буфетах недостаточное количество молочных продуктов, кулинарных изделий, квасных напитков, отсутствует чай, бумага и конверты. Качество имеющихся продуктов на сборных пунктах весьма низкое [2, л. 167].

Городской отдел здравоохранения: имелась неувязка с военкоматом в работе врачей, медработников, замену уходящих в армию. В основном работа была признана удовлетворительной [2, .4 л.167].

Городской отдел народного образования: недостаточно проведено оформление зданий сборных пунктов лозунгами, плакатами, культ инвентарём (шашки, шахматы, домино и т. п.). Имеющиеся библиотеки не удовлетворяют потребность сборных пунктов [2, 4 л.167].

Городской отдел коммунального хозяйства: не дооборудование твёрдым инвентарём сборных пунктов. Неполностью обеспечены здания электросветом, с большим опозданием сделаны конные площадки. Приказ о противопожарных мероприятиях не вручён коммунальным предприятиям (электростанция, городская баня). Необходимая квалифицированной рабочей силы не было забронировано. Питьевой кипячённой воды на сборных пунктах недостаточно [2, л.167].

Госпиталь не подготовлен из-за необеспеченности со стороны Областного коммунального хозяйства строительными и монтажными материалами. Кроме того, по вине Областного коммунального хозяйства был сорван ремонт госпиталя первой очереди [2, л.167].

Для решение этих проблем было увеличенно продовольственное обеспечение сборных пунктов. Государственный санитарный инспектор Коровин был назначен контролировать качество поступающей продукции. На дни мобилизации было решено запретить продажу спиртных напитков и усилить безалкогольных (квас, морс). Началось усиленное обеспечение пунктов лозунгами, культ инвентарём, музыкальными инструментами, библиотеками и газетами [2, л.168].

Следующей проблемой для города стало размещение семей, эвакуированных с прифронтовой полосы. Для решения этой проблемы исполкомом было решено создать специальную комиссию при комитете в составе 3 человек. Было необходимо в срочном порядке выяснить точные данные о жилой площади для размещения эвакуированных семей. Для этого выли задействованы частновладельческие, коммунальные, военведа, государственных учреждений и предприятий [2, л.174]. Была организована транспортная перевозка семей от железнодорожной станции Ишим до приёмного пункта. Приёмные пункты в свою очередь были обеспечены электросветом, радио, буфетом с горячими и холодными закусками, прохладительными напитками, чаем, молоком и кипячённой водой [2, л.175]. Для обеспечения семей продуктами питания и товарами широкого потребления был выделен один магазин. Эвакуированные получали денежную помощь

по их расходам [2, л. 175].

Можно сказать то, что местные органы власти в лице исполнительного комитета ишимского городского совета депутатов трудящихся, решали проблемы, возникающие из-за войны это мобилизация войск, помощь эвакуированным жителям с фронтовых территорий. Хоть основное внимание органов власти было приковано к проблемам войны, они не забывали о местных жителях. Исполнительный комитет строго следил за деятельностью учреждений города, и старался направить все свободные силы на облагораживание городской инфраструктуры.

Великая Отечественная война оставила отпечаток на образовании Советского союза. Если судьбы выпускников 1941 года были сломаны экстренной мобилизацией всего трудоспособного населения страны, то на плечи тех, кто остался, возлагалось не только обучение, но работа на местных фабриках, заводах и колхозов для обеспечения фронта всем необходимым.

В стране в это время в это время проводились эксперименты по улучшению образовательного процесса в военных условиях [8]. Так были приняты следующие нововведения:

1. Вводилась единая пятибалльная система оценивания учащихся.
2. Появилось обязательное семилетние обучение.
3. Всеобщее обучение стало начинаться с семилетнего возраста.
4. Возникли обязательные выпускные испытания в начальной и семилетней школе.
5. Появились экзамена на аттестат в десятилетней школе.

По всей стране уделялось огромное внимание детям. Дети, потерявшие родителей, устраивались в интернаты или определялись в семьи [8].

В период Великой Отечественной войны в школах города 80% учеников составляли дети фронтовиков, от учителя требовалось не только обучать, но и заменять детям родителей, ушедших, и погибших на войне [1, 2 л.29].

Материальная база школ города находилась на низком уровне, на протяжении всего периода войны учебные заведения Ишима нуждались в необходимом ремонте. Учащиеся учились в тяжёлых условиях, так в 1943 году в шестой и четвёртой школах не работали отопительные приборы. Школы №1 и №6 находились в полуразрушенном состоянии, текли крыши, прослеживались разрушения в фундаменте, также отсутствие света в ряде школ не раз срывали учебные занятия. Несмотря на адовые условия обучения педагогам удалось справиться со своей задачей и добиться удовлетворительных результатов в обучении [1, 2 л. 29–31].

Несомненно, война отразилась на воспитании детей, некоторые тяжело переживали потерю близких. В связи с этим не все дети справлялись с учебной нагрузкой, а некоторые и вовсе её не получали, а те, что получили не торопились трудоустроиться, в следствии, чего на улицах города набирало обороты детская беспризорность. Работа милиции в этом направлении было развито слабо, не только в подборе детей, но и в дальнейшем их устройстве. В основной массе в беспризорности были дети детских домов в возрасте от 13–14 лет. Для решения этой проблемы городской исполнительный комитет решал проблему через трудоустройство этих ребят, с созданием необходимых условий [1, л. 24].

Здравоохранение на ровне с образование являлись важными атрибутами социальной сферы города Ишима. Если образование находилось в стадии кризиса из-за не достаточной материальной базы, то война показала все достоинства и недостатки местного здравоохранения [6, с. 14].

Начальный период войны был самым трудным для советского здравоохранения. Самой неотложной задачей стало быстрейшее развертывание системы оказания медицинской помощи и лечения раненных и больных солдат. Вследствие этого в Ишиме

было размещено несколько госпиталя для раненных солдат: Эвакуированный госпиталь №4284 – выбывший на фронт в 1942 году, госпиталь №3341 – эвакуированный из Харькова, находился на территории Ишима с 1941–1942 года. Оба госпиталя размещались в здании педагогического училища (ныне Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета). Госпиталь №2476 размещался в хирургической больнице [7].

Первые раненые солдаты поступили в ишимские госпитали в августе 1941 года. Ишимские медики оказывали качественное лечение, для скорейшего возвращения солдат на фронт, чтобы как можно быстрее победить в войне [7].

Ишимские медики оказывали лечение и проводили массово-профилактические работы путём организации лекций не только среди солдат, но и среди населения города. Благодаря этим усилиям медикам удалось предотвратить вспышки тифа в 1942 году [1, л. 71].

Можно отметить, что работа здравоохранения в городе Ишиме в период войны была хорошо организована, но существовал ряд проблем. Больницы были укомплектованы квалифицированными врачами, чью работу ограничивало плохие условия, такие как отсутствие электросвета в ночное время, нехватка воды. Низшему медицинскому персоналу приходилось выполнять хозяйственные дела больницы, но не уход за больными. Вследствие чего больные недополучали лечебного питания, которое влияло на скорость выздоровления. Наблюдалась не хватка белья. Помещения требовали ремонта.

Результаты проведенных исследований показали, что происшедшие изменения под влиянием Великой отечественной войны в городе Ишиме сыграли важную роль в становлении социально-экономической жизни города:

1. В области промышленности предприятия стали осваивать новые виды продукции, которые были полезны на фронте, увеличилось количество продукции, которая была востребована не только солдатами, но и населением города. В Ишиме появились новые заводы специализировавшиеся на изготовлении техники и запчастей к ней.

2. Местные органы власти в лице исполнительного комитета ишимского городского совета депутатов трудящихся, решали проблемы, возникающие из-за войны это и размещение, запуск предприятий так и расселение и помощь эвакуированным жителям с фронтовых территорий. Хоть основное внимание органов власти было приковано к проблемам войны, они не забывали о местных жителях. Исполнительный комитет строго следил за деятельностью учреждений города, и старался направить все свободные силы на облагораживание городской инфраструктуры.

3. Образование в данный период истории города испытывало трудности в материально техническом обеспечении и ужасное состояние школ, но даже в таких ужасных условиях педагоги старались оказывать качественные услуги детям по получению первичных навыков не только в грамотности, но и в освоении профессий, которые могли пригодиться здесь и сейчас.

4. Медицина оказывала своевременную помощь жителям города, строго следили за вакцинированием, так как в городе вспыхивали различные эпидемии что могло отразиться на трудоспособного населения. На территории Ишима были расположены реабилитационные центры для солдат, благодаря которым тысячи раненых смогли вернуться на фронт и добыть стране долгожданную победу.

Таким образом можно сказать, что все социально-экономические изменения происходили благодаря мужеству ишимцев, которые смогли преодолеть невзгоды, принесённые войной, а некоторые из них смогли превратить в благо для города, в результате чего в Ишиме произошёл экономический подъём.

Список литературы

[1] Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учета и использования архивных документов Муниципального казённого учреждения «Управление имуществом и земельными ресурсами г. Ишима» Ф.Р752 Оп. 1 д. 2 ЛЛ.: 14-16; 23-25; 29; 30; 49; 61-63; 67-69; 71

[2] Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учета и использования архивных документов Муниципального казённого учреждения «Управление имуществом и земельными ресурсами г. Ишима» Ф.Р752 Оп. 1 д.4 ЛЛ.: 27; 59; 143; 151; 167-169; 174-176; 279; 280; 287; 288

[3] Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учета и использования архивных документов Муниципального казённого учреждения «Управление имуществом и земельными ресурсами г. Ишима» Ф.Р752 Оп. 1 д. 5 л.59

[4] Ишим: исторические очерки. Ишим:Изд-во ИГПИ им П.П. Ершова, 1993 г. Гл. 5. 32-37 с.

[5] Тюменцы — фронту: Сб. док. / Упр. по делам арх. Тюмен. обл., Гос. арх. обществ. и полит. об-ний Тюмен. обл., Гос. арх. Тюмен. обл.; Отв. ред. В.П. Петрова. — Тюмень: ОАО «Тюмен. дом печати», 2005. 275-276 с.

[6] Давыдова Ю. А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 3. С. 14

[7] Ишим в годы Великой Отечественной войны [электронный ресурс] URL:http://www.kmishim.ru/spasibo_vam_za_pobedu/ishim_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny/ (Дата обращения 02.05.2022)

[8] Рамблер. Главархив рассказал о появлении в СССР пятибалльной системы оценок и школьных медалей во времена ВОВ [электронный ресурс] URL:https://news.rambler.ru/education/44379264-glavarhiv-rasskazal-o-poyavlenii-v-sssr-pyatiballnoy-sistemy-otsenok-i-shkolnyh-medaley-vo-vremena-vov/ (дата обращения 08.05.2022)

УДК 620.9:94(5711)"1941/1945

Электроэнергетика Сибири в годы Великой Отечественной войны

Королева Татьяна Валерьевна
Кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново, Россия
kor_tv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4769-7744

Котлова Татьяна Борисовна
Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой философии и истории, Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново, Россия.
ktb@ispu.ru

Будник Галина Анатольевна
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново, Россия
budn@inbox.ru , kafedra.ifip@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье приводятся конкретные факты, статистические материалы, позволяющие оценить вклад энергетиков Сибири в победу СССР над фашистской Германией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА электроэнергетика, Сибирь, Великая Отечественная война

История электроэнергетики Сибири требует глубокого и всестороннего изучения. К настоящему времени имеются лишь отдельные монографии и статьи, освещающие региональные аспекты темы, а также трудовой подвиг рабочих и служащих энергопредприятий Сибири. Целью данной публикации является изучение на основе опубликованных источников и литературы вклада энергетиков Сибири в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне.

История электроэнергетики Сибири берет свое начало в конце XIX века. В 1895 году здесь была основана коммунальная электрическая станция постоянного тока мощностью в 100 лошадиных сил в г. Томске. Это была первая электрическая станция коммунального пользования в Сибири и одна из первых электростанций провинциальных городов России. Спустя несколько лет эта станция была переведена на переменный ток.

В 1920 году делегатами VIII Всероссийского съезда Советов был принят Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО). Одной из его важнейших задач являлось создание единой энергосистемы, состоящей из энергосистем европейской части страны и Сибири. В период с 1920 по 1927 год там были введены в действие несколько десятков новых электростанций. Только в Алтайской губернии за эти годы вступили в строй 44 станции [1, с. 23]. Появление сети районных станций потребовало строительства высоковольтных линий электропередачи. В 1932 году впервые в Сибири начала действовать ЛЭП-110 Новокузнецк – Прокопьевск. К началу войны в Сибири действовало уже две энергосистемы.

В целом, развитие энергетики Сибири в годы восстановления экономики шло по пути электрификации крупных промышленных центров, где были сосредоточены промышленные предприятия и города, а также, частично, сельского хозяйства.

Высокие темпы развития энергетики Сибири сохранялись в период третьей предвоенной пятилетки. Общая мощность сибирских электростанций в 1940 году достигла 586,5 тыс. кВт, а производство электроэнергии – 2478,1 кВт·ч. Это почти в 3 раза больше, чем производила вся царская Россия в 1913 году [1, с. 83]. Однако накануне войны уровень развития электроэнергетики Сибири не успевал за темпами роста экономики. Сибирскую энергетику накануне войны представляли по большей части

молодые, не всегда достроенные, с не полностью отработанным технологическим процессом станции, которые испытывали недостаток сырья, материалов и особенно квалифицированной рабочей силы, и инженерно-технических работников.

Фашистская Германия 22 июня 1941 года вероломно, без объявления войны напала на нашу страну. Несмотря на героическую оборону, гитлеровцы быстро продвигались к Москве. На оккупированной территории оказались крупнейшие энергосистемы Донбасса, Приднепровья, Киева, Белоруссии, Одессы, Ростова, Харькова, Прибалтики. Между тем, без перебойного снабжения электроэнергией фронта и оборонной промышленности страна не могла одержать победу. Следовательно, с первых дней войны, важнейшей задачей Государственного комитета обороны СССР стала сложнейшая задача эвакуации оборудования электростанций в тыл - на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток.

В Сибирь в годы войны было эвакуировано оборудование свыше 80 предприятий оборонной промышленности, на базе которых действовали в разные периоды войны более 50 военных заводов. Основными местами дислокации эвакуированных предприятий были определены крупные города – Новосибирск, Кемерово, Омск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск, т.е. те места, где в предвоенные годы была заложена производственно-промышленная инфраструктура, где были возможности хотя бы минимально обеспечить топливом, электроэнергией, сырьем и рабочей силой прибывающие предприятия [7]. Перед энергетиками региона встала важнейшая задача по обеспечению электроэнергией военно-промышленных предприятий, выпускающих оборонную продукцию, и предприятий других отраслей хозяйства. С началом войны по мере роста потребности в электроснабжении, в связи с увеличением числа эвакуированных предприятий, ситуация переросла в энергетический кризис. Это ставило под угрозу срыва пуск в эксплуатацию вводимых в строй производственных мощностей оборонных заводов.

Очень сложным было положение в Восточной Сибири, где до войны не было построено крупных районных электростанций. Дефицит электроэнергии в Красноярске зимой 1941–1942 года настолько возрос, что, как отмечал директор строящейся КрасТЭЦ П.В. Юренский в своей докладной записке на имя секретаря крайкома ВКП(б) А.Б. Аристова, «…даже хлебозаводы, мельницы, водоснабжение, строительство важнейших предприятий не было обеспечено электроэнергией» [6]. Не имея возможности покрыть потребности промышленности и строящихся объектов в электроэнергии, электростанции вынуждены были временно отключать от потребления даже действующие предприятия оборонного значения.

Развитие энергетики в Сибири осложнялось тем, что по сравнению с другими отраслями промышленности, и другими регионами она получила значительно меньше эвакуированного оборудования для строящихся электростанций.

Поэтому региону пришлось налаживать собственное производство энергооборудования. Особо важную роль в становлении энергетики Сибири сыграли два котельных завода, строившиеся в Алтайском крае – Барнаульский и Бийский. С их помощью удалось значительно сократить острый дефицит в котлах на энергообъектах промышленных предприятий и электростанциях Сибири. Уже в октябре 1942 года Барнаульский котельный завод дал свою первую продукцию, хотя почти все основные цехи (инструментальный, модельный, котельносборочный) работали на открытых площадках. За 1942 год – первую половину 1943 г. завод построил 15 котлов производительностью 900 т/ч пара, что эквивалентно производству 200 тыс. кВт·ч электроэнергии [6].

Для ускорения ввода новых энергетических мощностей и удешевления строительства широко применялись местные строительные материалы взамен дефицитных, значительно упрощались конструкции зданий, широкое распространение получили скоростные методы строительно-монтажных работ

В результате принятых мер энергетический кризис удалось преодолеть и начать активное наращивание энергомощностей. В течение 1941–1943 годов в Сибири были образованы новые энергосистемы: Омская, Томская, Красноярская и Барнаульская. В результате удельный вес выработки электроэнергии в общесоюзном балансе за период 1940–1945 годов для Сибири и вырос с 6,6 до 12 % [5].

Значительно увеличилась мощность созданной в предвоенные годы Новосибирской энергосистемы, которая обеспечивала основной оборонный потенциал эвакуированных в Сибирь предприятий. В соответствии с принятым 26 сентября 1941 года постановлением СНК СССР «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе» предусматривалось расширение Кемеровских ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линии электропередачи Кемерово–Ленинск-Кузнецк и Мундыбаш–Таштагол.

Решение о строительстве левобережной Новосибирской ГРЭС (так в то время называлась ТЭЦ-2) было принято в 1931 году и 5 ноября 1935 года она была введена в эксплуатацию. Начавшаяся Великая Отечественная война стала суровым испытанием для коллектива предприятия. В Новосибирск перевезли десятки заводов из европейской части СССР, и всем им нужна была энергия. Поэтому в августе 1941 года был введен в строй турбогенератор № 2 ТЭЦ-2. Как и вся страна, энергетики трудились, не жалея сил, чтобы приблизить Победу. В первые годы войны на станцию легла основная нагрузка по обеспечению Новосибирска теплом. Станция работала круглосуточно без перерывов. На базе отходов котельного цеха был налажен выпуск шлакобетона, который использовался на строительных работах, как на самой ТЭЦ, так и на предприятиях города. За четыре военных года коллективу ТЭЦ-2 девять раз присуждалось переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны.

В 1939 году было заложено строительство крупной ТЭЦ-3 при заводе Сибсельмаш. Первый агрегат 25 тыс. кВт на этой ТЭЦ дал ток в сентябре 1942 года, второй такой же мощности в октябре 1943 года. С вводом ТЭЦ-3 мощность новосибирских электростанций увеличилась до 110 тыс. кВт [4, с. 144-145].

Во время войны благодаря эвакуированным предприятиям Омская область из аграрного региона превратилась в крупный промышленный центр. Буквально за два месяца до начала войны в Омске начала свою работу ТЭЦ-2, строительство которой велось без применения строительной техники, кирками и лопатами. Имеющихся на тот момент в городе энергетических мощностей не хватало, из-за недостатка электроэнергии предприятия использовали свои ресурсы лишь на 40–50 %, а городу нужны были новые объёмы энергии.

Ещё в декабре 1941 года на базе имеющихся теплоэлектростанций было организовано энергоуправление – Омский энергокомбинат Наркомата электростанций. В 1943 году он был преобразован в районное управление энергетического хозяйства «Омскэнерго» «Главвостокэнерго» НКЭС СССР (РУ «Омскэнерго»). Новая организация объединила электростанции, электросети, часть тепловых сетей и энергосбыт. Таким образом, был создан единый центр руководства омской энергосистемой.

Тепло производила лишь одна ТЭЦ-1. В 1943 году энергетики Омска, казалось, совершили невыполнимое: одновременно пустили в эксплуатацию два турбоагрегата мощностью 5 МВт на ТЭЦ-1 и 25 МВт на ТЭЦ-2 с котлами № 3 и № 4. В результате этого ТЭЦ-1 вышла на общую мощность в 21 МВт, а мощность ТЭЦ-2 составила 41 МВт. Суммарная мощность двух электростанций достигла 62 МВт. Таким образом, энергетическую базу Омска удалось увеличить втрое – с 20 МВт в 1940 году до 62 МВт в 1943 году.

В 1944 году на ТЭЦ-1 был запущен котёл № 11 с пылеугольным сжиганием топлива. Уголь теперь шёл не на решётку, а размалывался в пыль, и через горелки подавался в топку. Производительность котельной поднялась до 141 т/ч.

За годы войны удельный вес Сибири в союзном энергетическом балансе увеличился

более чем вдвое, производство электроэнергии выросло в 4 раза, а мощность электростанций Омска выросла на 208 процентов.

В 1946 году большая группа рабочих, инженерно-технических работников ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2 была награждена орденами и медалями, почётными грамотами и ценными подарками за выполнение задания по обеспечению устойчивой работы Омской энергетики в годы войны.

К началу Великой отечественной войны в Томске работала одна станция Томская ТЭЦ-1. Установленная мощность электростанции при четырёх турбогенераторах составляла 8500 кВт. Но когда, к декабрю 1941 года, в Томск эвакуировали 30 заводов, а всего за годы войны здесь было размещено 40 промышленных предприятий, около 15 научно-исследовательских институтов и учебных заведений, столько же государственных учреждений, несколько госпиталей, ситуация с энергоснабжением стала катастрофической. Даже после установки оборудования эвакуированной Гомельской электростанции, увеличившего мощность ТЭЦ-1 до 11000 кВт, проблему нехватки энергии для города это не решило. ТЭЦ-1 могла обеспечить лишь третью часть требуемой нагрузки.

Томская промышленность работала с большими перебоями и недодавала фронту значительное количество вооружения и снаряжения.

Томские энергетики развернули кампанию за экономию электроэнергии, выпускались брошюры на эту тему. В одной из таких брошюр в декабре 1944 года председатель городского энергосовета И.Н. Бутаков отмечает: «При подписании рапорта товарищу Сталину энергетики Томска обязались сэкономить за 6 месяцев 1,2 млн кВт·ч… обязательство было перевыполнено на 23 %» [2].

Все котлы томской ТЭЦ-1 работали круглосуточно. В годы войны по улицам Томска была проложена временная железная дорога, связавшая ТЭЦ-1 со станцией Томск-2 и многими заводами. По приблизительным оценкам, за годы войны ТЭЦ-1 выработала рекордное по тем временам количество электроэнергии – приблизительно 150–170 млн кВт·ч.

В 1942 году Томская ТЭЦ-1 была передана в подчинение наркомата электростанций СССР. Специалисты понимали, что возможности первой сибирской электростанции исчерпаны. Томский горком ВКП(б) принял решение ходатайствовать перед правительством о строительстве новой городской электроцентрали.

В 1943 году после настойчивых действий в Москве руководителя энергосовета при Томском горисполкоме, опытнейшего энергетика, профессора ТПИ И.Н. Бутакова правительство одобрило сооружение в Томске ГРЭС-2. Строительство новой электростанции в Томске имело важное военно-политическое значение. Для ввода в эксплуатацию отводились крайне сжатые сроки: начало монтажных работ планировалось уже осенью 1943 года, а их окончание и пуск первой очереди – в марте 1944 года. Руководители всех хозяйственно-сбытовых организаций и директора промышленных предприятий обязаны были принять все меры по первоочередному и преимущественному обеспечению стройки материалами и оборудованием.

Для томичей стройка стала ярким объединяющим началом. В самый разгар Великой Отечественной войны 10 мая 1943 года тысячи горожан, партийный и комсомольский актив, студенты томских вузов участвовали в строительстве ГРЭС-2. Котлован рыли вручную, грунт вывозили на тачках. Несмотря на все трудности военного времени, люди работали с огромным энтузиазмом.

Из материала в газете «Красное знамя» № 96 от 12 мая 1943 года: «…10 мая первыми на строительную площадку вышли работники горкома, райкомов ВКП(б), городского и районных исполкомов. За первые шесть часов работы на воскреснике достали около 500 кубометров земли. Многие выполнили норму на 170–200 %.

Почин актива подхватили служащие, студенты, научные работники. Вчера на

воскресник организованно вышли студенты Томского транспортного и Ленинградского театрального институтов...» [2].

В Музее томской энергетики есть фотоплакат, на котором запечатлён один из первых строителей станции: он катит перед собой тяжёлую тачку с землёй, а на лице – сияющая улыбка. Люди верили в свои силы, в светлое будущее. Тяжелейший труд, лишения, голод и холод... Однако люди, особенно коренные томичи, рвались на работу, потому что верили – ГРЭС-2 даст им свет.

Оборудование для электростанции шло по ленд-лизу, морем – через Архангельск, Мурманск и Владивосток. Его поставляли английские фирмы: два трехбарабанных котла по 60 т пара в час каждый, рассчитанные на давление в 33 атмосферы, – от «Интернешнл-Комбастшен» и трофейная японская турбина мощностью 12500 кВт от «Метрополитен-Виккерс», снятая с военного крейсера и вывезенная из Манчжурии.

К сентябрю 1944 года – всего за 1 год и 4 месяца – оборудование первой очереди подготовили к пуску. Строителям и монтажникам пришлось преодолеть немало трудностей: некомплектность оборудования, недостаток металла, нехватка кадров, инструкций по сборке на иностранных языках или вовсе их отсутствие. Тем не менее задача была выполнена.

25 апреля 1945 года, накануне Победы, турбогенератор № 1 опробован на холостом ходу, а 28 мая, после устранения недостатков и неполадок, томская ГРЭС-2 дала первый промышленный ток.

Первенец большой энергетики Якутии – первая паротурбинная станция российского севера Якутская ЦЭС (сегодня – ТЭЦ) – был пущен в эксплуатацию в 1937 году для обеспечения энергетических нужд населения Якутска и некрупной городской промышленности.

В 1941 году коллектив станции возглавил Николай Николаевич Шилин. В 1943 году Постановлением Комитета обороны № 1609 и приказом Наркомхоза РСФСР № 41 Якутская ЦЭС была приравнена к станциям РСФСР и отнесена к первой группе электростанций.

В 1941 году построили 25-метровый механический транспортер, который, впрочем, погрузочно-разгрузочные работы так и не облегчил – при нормально действующем механизме деревянные ковши транспортера постоянно ломались. В 1941 году благодаря стараниям будущего главного инженера ЯЦЭС Н.В. Бесчетнова станция обзавелась первым металлическим краном. В дальнейшем техника для разгрузки угля изготавливалась ремонтно-механическим цехом станции. В августе 1941 года вместе с углем для топки котлов впервые стали использоваться опилки с лесозавода.

Сибирь, пережившая в годы войны по существу промышленную революцию, превратилась в один из крупнейших арсеналов страны. Стремительные темпы развития позволили сибирской военной индустрии уже к концу 1942 года стать вторым после Урала военно-промышленным центром. Это способствовало быстрому развитию электроэнергетики Сибири в этот период. Используя эвакуированное энергетическое оборудование, строя новые крупные и средние электростанции и расширяя действовавшие, энергетики Сибири внесли заметный вклад в укрепление обороноспособности страны, обеспечивая электроэнергией оборонную и связанную с ней отрасли промышленности.

В целом военно-экономический и человеческий потенциал Советского Союза во Второй мировой войне оказался мощнее, чем потенциал противника, объединившего свои усилия и ресурсы в борьбе за завоевание территории нашей страны. Без сомнения, свою лепту в Великую победу внесли предприятия электроэнергетической отрасли, люди, которые героически трудились все годы военного лихолетья, отдавая энергетике все силы.

Список литературы

[1] Бондаренко А.С. Энергетики Сибири (1917–1977 гг.). Новосибирск: Наука, 1981. - 257 с.

[2] По материалам книги Вяткина Н. А. Неутомимое сердце: история томской энергосистемы на срезе двух эпох в воспоминаниях, фотографиях и документах; под ред. Н.П. Чукова. Томск: Красное знамя, 2006. - 623 с.

[3] Статистический сборник 1918–1920 гг. ЦСУ РСФСР. М.: 1922. – 217 с.

[4] Энергия победы. Энергетика России в годы Великой отечественной войны. М.: РАО ЕЭС России, издатель Акчурин А.С., 2005. - 280 с.

[5] Гвоздецкий В.Л. Советская энергетика и Великая Отечественная война URL: https://doc4web.ru/istoriya/sovetskaya-energetika-i-velikaya-otechestvennaya-voyna.html (дата обращения 20.01.2021).

[6] Гришаев В.В., Шевченко В.Н. Развитие энергетической базы военно-промышленного производства в Сибири в период Великой отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37(175). С. 109 - 114. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-energeticheskoy-bazy-voenno-promyshlennogo-proizvodstva-v-sibiri-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения 20.01.2021).

[7] Шевченко В.Н. Вклад промышленности Сибири в укрепление обороноспособности страны в годы Великой Отечественной войны URL: http://izvestia.asu.ru/2009/4-3/hist/TheNewsOfASU-2009-4-3-hist-56.pdf (дата обращения 20.01.2021).

УДК 94:355.691.4(571)(470-25)"1941/1945"

Трасса неизвестных героев. Перегон самолетов на фронт с авиазаводов Сибири и Дальнего Востока.

Филиппов Вячеслав Викторович
Специалист отдела маркетинга и внешних связей, ФГУП «Администрация гражданских аэропортов (аэродромов)», г. Москва, Россия.
akira.62@mail.ru

Нигаматзянова Лия Данисовна
Студент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
kittynigamat@gmail.com

АННОТАЦИЯ В статье на основе ранее не публиковавшихся источников исследуются основные направления деятельности авиагрупп по перегону самолетов на фронт по маршруту: Комсомольск-на-Амуре – Иркутск – Красноярск – Новосибирск – Омск – Свердловск – Казань – Москва в период с июня 1941 года по май 1943 года. Подробно рассматривается хронология проведённых мероприятий в ходе транспортировки самолетов, а также формирование специально созданных авиационных соединений: перегоночных авиаэскадрилий и авиагрупп. Приведены статистические итоги деятельности по транспортировке самолетов. Проанализировано состояние людских ресурсов и транспорта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярская воздушная трасса, аэродромная сеть, авиагруппа, авиакомандование, авиаотряд.

Несмотря на то, что про перегон американских боевых и транспортных самолетов по Красноярской воздушной трассе достаточно известно, то о трассе перегона советских бомбардировщиков с востока страны на фронт, практически по схожему маршруту (начиная от Комсомольска-на-Амуре) нет. Данный перегон начался значительно раньше, с июня 1941 года и проходил в тех же самых условиях, как и на трассе Аляска-Сибирь.

Еще до начала строительства аэродромной сети Красноярской воздушной трассы через Красноярский аэропорт с июня 1941 года поставляли новые советские дальние бомбардировщики ДБ-3Ф, перегоняемые в Москву с авиазавода № 126 г. Комсомольска-на-Амуре и бомбардировщики Пе-2 и СБ с авиазавода № 125 г. Иркутска.

Основным аэродромом сибирского региона, задействованным в обеспечении перегона на фронт самолетов-бомбардировщиков был военный аэродром на станции Белая под Иркутском. Расстояние между промежуточными аэродромами по маршруту от Иркутска до Москвы: 4497 км; от Красноярска до Москвы: 3557 км.

Перелеты проходили в сложных метеорологических, рельефных условиях: множество водоемов, отсутствия выраженных ориентиров. Учитывая дальность полета бомбардировщиков от Комсомольска-на-Амуре до Иркутска промежуточных аэродромов на случай вынужденной посадки было всего два: Куйбышевка-Восточная и Чита. Также были предусмотрены обязательные посадки на обслуживание в гражданских аэропортах Красноярска, Новосибирска, Омска, Свердловска и Казани. Конечная точка - аэродромы Кратово и Остафьево в Москве.

На авиазаводах Иркутска и Комсомольска-на-Амуре система передачи самолетов на фронт была аналогичной, как и в Красноярске на Красноярской воздушной трассе. В Иркутске на станции Белая дислоцировался 23-й запасной авиационный полк, задачи которого были аналогичны задачам 45 Красноярского запасного авиаполка.

Перегон самолетов с авиазаводов осуществляли специально созданные авиационные соединения.

С июня 1941 по апрель 1942 года перегон самолетов из Комсомольска-на-Амуре во фронтовые части Авиации дальнего действия (АДД) осуществляла перегоночная

авиагруппа № 12 завода № 126. За данный период экипажи авиагруппы перегнали 72 самолета Ил-4. Авиагруппа состояла из семи авиаотрядов, в каждом отряде по 9-10 летных экипажей в составе – пилот, бортмеханик, бортрадист. Фактически авиаотряд ГВФ соответствовал штату бомбардировочной авиаэскадрильи ВВС Красной Армии.

12 сентября 1941 года начальник отдела кадров Дальневосточного управления ГВФ А. Алексеев докладывал начальнику Эксплуатационного управления ГУ ГВФ Н.А. Захарову о направлении сводного авиаотряда Дальневосточного управления ГВФ под командованием командира 21 транспортного авиаотряда Н.С. Корчанова в г. Комсомольск-на-Амуре на авиазавод для изучения матчасти самолетов ДБ-3Ф. В сводный отряд входило 9 пилотов, инженер, 2 бортмеханика, 8 бортрадистов, 7 авиатехников из 12,13,20,21,22 авиаотрядов и 54 звена. Позднее из Дальневосточного управления ГВФ в группу Новикова было направлено еще 45 человек в том числе два командира отрядов [1, с. 6-8].

Согласно «Штатное расписание 12 особой авиагруппы на 1 и 2 квартал 1942 г.» [2, с. 15], авиагруппа должна была состоять из семи летных эскадрилий девяти экипажного состава. Насчитывать 206 человек личного состава, в том числе: 62 пилота, 1 штурман авиагруппы, 68 бортмехаников, 40 бортрадистов. Фактически, в начале организации в авиагруппе было 40 пилотов, 40 бортмехаников и 15 радистов.

В соответствии с приказом № 1 по особой авиагруппе № 12 от 27 ноября 1941 года командирами авиаотрядов были назначены В.А. Борисов, М.А. Руднев, А.А. Кошевой, А.И. Романов, С.П. Стоякин, Ф.А. Хруцкий, Н.С. Корчанов [3, с. 1].

Оперативное руководство перегоночными авиагруппами авиазаводов осуществлялось Московской авиагруппой особого назначения (МАГОН).

Маршрут перегона самолетов: Комсомольск-на-Амуре – Иркутск – Красноярск – Новосибирск – Омск – Свердловск – Казань – Москва. Была предусмотрена возможность в случае аварийной посадки на аэродромах Куйбышевка-Восточная и Чита.

Приказами по 12 ОАГ ГВФ № 2 от 1 апреля 1942 года [4, с. 17-18], № 10,11,12 от 10 апреля 1942 года было проведено назначение на должности личного состава. Командирами эскадрилий были назначены Н.Ф. Сентюрин (1 АЭ), С.П. Стоякин (2 АЭ), А.А. Кошевой (4 АЭ), А.И. Романов (5 АЭ), Н.С. Корчанов (6 АЭ) [5, с. 4-8].

Из приказов по авиагруппе о формировании перегоночных авиаэскадрилий (АЭ) видно, откуда прибывал личный состав:

1 АЭ – УВММИ (Управление Воздушной Магистрали «Москва-Иркутск»);

2 АЭ – УВММИ, Казахское УГВФ, Узбекское УГВФ, Дальневосточное УГВФ;

4 АЭ – УВММИ, Енисейская авиагруппа ГВФ, Казахское УГВФ, Украинское УГВФ;

5 АЭ – Дальневосточное УГВФ;

6 АЭ – Дальневосточное УГВФ;

7 АЭ – УВММИ.

Авиагруппа пятью эскадрильями с 2 апреля 1942 года начала перегон первых принятых самолетов Ил-4 из Комсомольска. Первые 8 самолетов (эскадрилья Стоякина) прибыли в Москву 16 апреля. За апрель-май 1942 года авиагруппой было принято 55 самолетов Ил-4, 4 самолета Ил-4 от Нерчинского ремонтного поезда и один Г-2 в Свободном. Сдано в действующую армию 38 самолетов Ил-4 и один Г-2 в Ашхабад. 13 самолетов на этот момент находились в пути на различных этапах маршрута. 4 самолета из-за неисправностей были задержаны на трассе. 3 самолета потерпели аварии, один сгорел при вынужденной посадке.

За 2-й квартал 1942 года было принято 108 самолетов, сдано в действующую армию – 90, 11 самолетов находилось в пути.

В связи со значительно возросшим объемом работ по перегонке самолетов из Комсомольска-на-Амуре и Иркутска, начальником Главного управления ГВФ был издан Приказ № 29/с от 20 мая 1942 года, в соответствии с которым, авиагруппа была

приравнена к действующей армии [6, с. 9].

Возрастающий объем выпуска самолетов на авиазаводах потребовал увеличения штатов уже во втором полугодии 1942 года. И с июля 1942 года авиагруппа состояла из шести летных эскадрилий 9-ти экипажного состава и двух экипажей ПС-84 для переброски эскадрилий с Запада на Восток. Количество личного состава на 1 июля 1942 года составило 207 человек [7, с. 22].

Общая численность авиагруппы в 3 и 4 кварталах 1942 года составляла уже 315 человек и состояла из десяти перегоночных авиаэскадрилий. Вновь прибывший личный состав переучивался на новую технику прямо на месте базирования более опытными специалистами.

На 29 июля 1942 года командирами эскадрилий были Н.Ф. Сентюрин (1 АЭ), С.П. Стоякин (2 АЭ), В.В. Зебров (3 АЭ), А.А. Кошевой (4 АЭ), А.И.Романов (5 АЭ). Н.С. Корчанов (6 АЭ), А.Е. Демин (7 АЭ). 20 летных экипажей проходили тренировку в УТО по изучению матчасти и техники пилотирования ДБ-3Ф [8, с. 39-42].

По итогам 1942 года авиагруппой было принято от завода 329 самолетов, 319 самолетов сдано частям ВВС Красной Армии. Потерпело аварию и списано 10 самолетов.

По итогам работы в 1942 году ряд лучших специалистов был представлен к правительственным наградам.

За март 1943 года экипажи 12 ОАГ ГВФ перегнали с завода 40 самолетов (31 самолет в боевые части, 9 самолетов в 1-ю ВШШЛ). В 1943 году штат 12 ОАГ ГВФ составлял 271 человек. Всего за период с июня 1941 года по май 1943 года 12-й особой авиагруппой ГВФ доставлен в действующие части АДД 561 самолет-бомбардировщик.

Все увеличивающийся объем выполняемых 12 ОАГ ГВФ задач по перегону авиационной техники привел к решению ГКО о передаче авиагруппы в подчинение АДД.

Приказом Командующего АДД № 0191 от 5.05.1943 г. на основе личного состава 12 ОАГ ГВФ была сформирована 73 вспомогательная авиадивизия АДД (73 ВАД АДД) со следующей задачей: перегон на запад импортной авиатехники с аэродрома в г. Красноярске и отечественной авиатехники с заводских аэродромов г. Иркутск и г. Комсомольск-на-Амуре. Первоначально в составе дивизии было два авиаполка – 104 ВАП и 105 ВАП. Большая часть личного состава 12 ОАГ ГВФ вошла в состав полков 73 ВАД АДД, командирами этих полков были назначены командир авиагруппы М.А. Руднев и командир эскадрильи 12 ОАГ ГВФ Н.С. Корчанов [9, с. 44-48].

Часть опытных пилотов-перегонщиков авиагруппы в 1942 году была направлена в боевые части Авиации Дальнего Действия (АДД) и на Красноярскую воздушную трассу полковника Мазурука для выполнения задачи перегона американских самолетов из США в СССР.

В связи с большими сложностями на маршруте Комсомольск-на-Амуре – Иркутск, повлекшими расход ресурса самолетов и моторов, и высокой аварийностью на этом участке трассы, в конце ноября 1942 года командованием АДД было принято решение все экипажи направлять за получением самолетов в г. Иркутск на завод № 39. Из Комсомольска-на-Амуре самолеты стали отправлять по железной дороге.

Список литературы

[1] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1771, Л.6-8.
[2] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л.15.
[3] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л. 1, 1 об.
[4] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л.17-18.
[5] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л. 4-8.
[6] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л.9.
[7] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л.22.
[8] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л.39-42.
[9] РГАЭ, ф.9527, Оп.6, Д.1447, Л.44-48

УДК 94(47).084.3

Участие енисейских казаков в боевых действиях в Карпатах во время Первой мировой войны

Паршуков Владимир Александрович
Ведущий инженер, Управление инженерной защиты, г. Ульяновск, Россия
asf-zavod@yandex.ru

АННОТАЦИЯ На основе разнообразных источников и архивных материалов, в статье представлены результаты исследования об участии енисейских казаков в боевых действиях в Карпатских горах в составе Уссурийского казачьего полка во время Первой мировой войны. Подробно описаны бои, в которых многие из них проявили мужество и отвагу и были награждены за свои подвиги Георгиевскими крестами и медалями. Приведены сведения о казаках, получивших во время боёв ранения и контузии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА георгиевские кавалеры, Первая мировая война, Енисейская губерния, казаки, Георгиевский крест, Уссурийский казачий полк.

К настоящему времени имеется ряд исследований Тарасова М.Г. [10], Шулдякова В.А. [11], Паршукова В.А. [2; 3; 4], Романова Г.И. и Новикова П.А. [7], посвященных различным аспектам участия енисейских казаков в Первой мировой войне. Однако подробных сведений с описанием боевых действий, основанных на архивных источниках, в указанных работах не представлено. Некоторые боевые эпизоды привел в своих воспоминаниях Г.У. Юшков, которые были опубликованы в сборнике, выпущенном енисейскими казаками-эмигрантами в Харбине в 1940 году [12, 157-164].

Цель данной работы исследовать события, происходившие на передовых позициях, которые занимали енисейские казаки в Карпатах в составе Уссурийского казачьего полка, и вернуть из забвения фамилии и имена енисейских казаков, награжденных георгиевскими наградами, а так же казаков, получивших ранения и контузии во время боёв.

В годы Первой мировой войны казачьи сотни Красноярского отдельного казачьего дивизиона несли охранно-полицейскую службу в Красноярске, Минусинске, Томске, Ачинске, Канске, Нижнеудинске, где охраняли и доставляли военнопленных, сопровождали маршевые роты в действующую армию. Многочисленные обращения об отправке на фронт Красноярского казачьего дивизиона, командованием отклонялись. В телеграмме, поступившей на имя командира дивизиона, сказано, что военный министр не считает возможным отправить казачий дивизион на фронт, «ввиду необходимости иметь достаточную силу для защиты окраины и для сохранения порядка округа» [1].

Енисейское казачество это поистине уникальное явление в русской истории. Нигде не найдете больше в истории казачества России таких примеров, когда во время Первой мировой войны, не дождавшись отправки на фронт, десятки казаков Красноярского казачьего дивизиона покинули службу в тылу и дезертировали на фронт. Чтобы прекратить бегство казаков на передовую, военное командование пошло им навстречу и приняло решение об отправке в действующую армию добровольцев, помимо тех, кто уже сбежал на фронт ранее. Тяжёлое положение на фронте [7, с. 270], способствовало так же отправке в действующую армию в 1916 году охотников (добровольцев) в количестве 71 казака от Иркутского казачьего дивизиона и 110 казаков от Красноярского казачьего дивизиона [8, л. 8].

На радостях казаки отправили рапорт Императору Николаю II с благодарностью за принятое решение об отправке их на фронт. В ответ на это, Николай II поблагодарил их и пожелал казакам полного успеха.

На службу добровольцы попали в Уссурийский казачий полк Уссурийской конной

дивизии. Вот что сказано в отчетных документах полка о пополнении людьми и лошадьми: «1 марта 1916 года прибыла команда Иркутского и Красноярского казачьих дивизионов добровольцами, с ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения, в составе казаков 181» [9, л. 32] и 181 лошади. Полк входил в состав Уссурийской конной дивизии вместе с 1-м Амурским казачьим полком, 1-м Нерчинским полком Забайкальского казачьего войска, Приморским драгунским полком и Уссурийским казачьим дивизионом.

Уже в июне 1916 года в Карпатах вблизи крепости, занятой противником сотня, в которой служили енисейские казаки, ходила в атаку в конном строю, взяла одну высоту, где захватила три орудия и пленных.

3 июля 1916 г. сквозное пулевое ранение левой голени получил уроженец деревни Яковлево Тасеевской волости Минусинского уезда казак Крутиков Тимофей Иванович. В этом же бою был контужен Сипкин Степан Фролович, приказный из станицы Арбатской Таштыпской волости. Ещё один казак Яковлев Павел Савельевич из станицы Таштыпской был ранен в правую ногу.

В одном из боев командир Уссурийской конной дивизии генерал-майор Крымов А.М. так же ходил в конную атаку с двумя своими вестовыми-черкесами, зарубил четырех австрийцев и одиннадцать – взял в плен. Крымов был любимым начальником казаков. Храбрость генерала произвела огромное впечатление на казаков и еще выше подняла его авторитет.

Казаки с нетерпением ждали приказа, чтобы идти в общее наступление. По сведениям разведчиков, в крепости Карлибабу была страшная паника. Но поступил приказ об отступлении в тыл. Во время отступления пошли сильные дожди, и казаки немало хватили горя, вытаскивая из грязи артиллерию, а иногда и ездовых вместе с лошадьми. Вот как вспоминал в эмиграции о тех днях енисейский казак Георгий Ульянович Юшков: «В этом же отступлении наш взвод, находясь на левом фланге, ходил в конную атаку под командой прапорщика Чучеловича и попал под пулеметный огонь. Подо мной была ранена лошадь двумя пулями, под командиром взвода лошадь убита, взводный урядник был ранен, а лошадь под ним убита» [12, с. 159]. В руку без повреждения кости был ранен уроженец селения Старое Саянское Коптыревской волости казак Солдатов Василий Яковлевич.

Уссурийская конная дивизия отступила в Буковину, где несла службу на боевых участках, сменив 327-й пехотный Корсунский полк. Казаков с лошадей спешили, и они шесть месяцев занимали окопы. Коневоды с лошадьми в это время находились в 40 верстах, в местечке Шипот-Камерале, а штаб дивизии и базы — в Обер-Викове. Припасы и продовольствие казакам на передовые позиции доставлялись на вьючных лошадях. Раненых вывозили на конных носилках в штаб дивизии, откуда направляли в Черновицы.

С 22 июля по 10 августа 1916 года Уссурийский казачий полк участвовал в тяжелых боях в Карпатах на Юго-Западном фронте. Всё происходящее на боевых позициях, удалось установить благодаря архивным документам, хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве.

В 18 часов 15 минут 21 июля 1916 года Уссурийский казачий полк из Шипот-Камерале, где находился в резерве Уссурийской конной дивизии, был вызван по тревоге для поддержки Приморского драгунского полка. Этот полк занимал позиции: высота 1604, высота 1547 и гребень до долины реки Чибо. Противник, перейдя в наступление значительными силами на всем фронте Приморского драгунского полка, потеснил его 2-й и 5-й эскадроны и овладел высотой 1547 и частью гребня, прилегающего к этой высоте [9, л. 56].

В 2 часа ночи 22 июля 1916 года Уссурийский казачий полк в составе шести сотен

при шести пулемётах прибыл на конный завод Бабейка, где находился штаб отряда полковника Одинцова. Спешившись, казаки заняли окопы, а лошадей вместе с коневодами отправили обратно в Шипот-Камерале. Казачьи сотни полка были распределены по разным участкам фронта. 1-я сотня, в которую входили енисейские казаки, под командованием войскового старшины Пушкова была отправлена для поддержки 5-го и 6-го эскадрона Приморского драгунского полка. После атаки противника эти эскадроны оказались в крайне тяжелом положении, выйти из которого удалось, благодаря своевременной поддержке, оказанной 1-й сотней. Казаки вступили в бой с противником, остановили его и этим предотвратили полное окружение 5-го и 6-го эскадронов. Усилившись, противник перешел в наступление, задерживая которое и нанося противнику большой урон, 1-я сотня полка постепенно отходила на Север. В это время был убит хорунжий Гамбурцев и ранен сотник Лихачев [9, л. 56 об.].

Потери 1-й сотни Уссурийского казачьего полка в бою 22 июля составили: убитыми 1 офицер и 5 казаков, ранеными 1 офицер и 11 казаков. Были потери и среди енисейских казаков, служивших в этой сотне полка. В правое бедро был ранен Ошаров Игнатий Иванович, казак станицы Камчатской Минусинского уезда. Был ранен так же старший урядник Ермолаев Иван Иванович, уроженец села Бейского Минусинского уезда. Ранение в руку получил уроженец Таштыпской волости младший урядник Феофан Семенович Чанчиков. Вот как вспоминал этот эпизод Георгий Ульянович Юшков. «Я не слышал сигнала и не заметил отхода моей сотни, так как увлекся стрельбой с постоянного прицела по отползавшим немцам. Меня остановил зов о помощи, раздавшийся сзади. Я оглянулся и увидел, что меня подзывает к себе раненый енисеец младший урядник Ф. Чанчиков… Когда я полз на гору в свои окопы, имея на спине раненого, видел много убитых и раненых… Первым лежал хорунжий Гамбурцев, без признаков жизни… Ночью обе стороны выносили раненых и убитых» [12, с. 160].

Среди казаков была взаимовыручка, они прикрывали друг друга в бою и с места сражения выносили не только раненых, но и убитых. Г.У. Юшков оставил воспоминания и о том, как енисейские казаки отправились на поиски тела хорунжего Габурцева, по какой-то причине оказавшегося не вынесенным с поля боя. «В полночь мы перешли бруствер наших окопов. Вперед уходило четыре разведчика. Я был в том числе. Мы сразу же наткнулись на немецкий секрет, обошли его с тыла и быстро, бесшумно сняли: урядник Чихачев и я, одновременно поразили обоих немецких часовых штыками… Соединившись всей группой мы поползли к тому месту, где утром лежал Гамбурцев. Видим, стоит германская застава, возле неё – костёр… Одни из них прячутся под деревьями, другие – лежат у костра и не движутся, видимо дремлют… Мы имели полную возможность переколоть всю заставу противника, но не смели этого сделать, потому что нам было ясно приказано найти тело хорунжего, не отвлекаясь от этой задачи» [12, с. 161].

Казаки все же нашли тело погибшего офицера, правда, как пишет Юшков, «он был раздет и разут и весь, буквально, исколот штыками… Мы доставили тело офицера до штаба полка, где были встречены командиром бригады и командиром полка, поздравившими нас с очередными наградами… Сотня была в восторге от нашей удачи. Радовались, что мы вернулись невредимыми из столь опасной экспедиции. Да, братья станичники, такое уже дело казачье – или грудь в крестах или голова в кустах» [12, с. 161].

Были выяснены фамилии казаков-енисейцев, участвовавших в этом опасном рейде и награжденных Георгиевскими крестами IV степени: старший урядник Шеходанов Петр Николаевич, приказные Глубоков Петр Егорович и Чихачев Николай Иванович, казаки Юшков Георгий Ульянович, Солдатов Николай Осипович, Кожуховский Гавриил

Георгиевич и Ошаров Игнатий.

Во время боя 22 июля на высоте 1547 отличились енисейские казаки старшие урядники Ермолаев Иван Иванович и Черкасов Николай Ксенафонтович, получившие Георгиевские кресты IV степени [5, с. 567].

23 июля к 19 часам наступление противника было остановлено на всём фронте, занимаемым Уссурийским казачьим полком. 24 июля после продолжительного огня артиллерии противника, атака его была отражена. Потери Уссурийского казачьего полка за 23 и 24 июля составили: убитыми 3 казака, ранеными и контуженными 3 офицера и 17 казаков. 25 июля ранение получил енисейский казак старший урядник Шеходанов Петр Николаевич из села Торгашино Красноярского уезда.

29 июля противник перешел в наступление и потеснил две роты 327-го пехотного Корсунского полка, которые в беспорядке стали отходить на высоту 1487. Для восстановления утерянного положения туда были отправлены 1-я и 6-я сотни Уссурийского казачьего полка под командованием войскового старшины Пушкова. Эти сотни перешли в наступление, оттеснили противника и восстановили прежнее положение. Во время атаки особенно отличился прапорщик Жигалин, который увлек за собой казаков, ворвался в занятые противником окопы, выбил его и взял в плен 8 австрийцев [9, л. 57 об.].

Приказом по Уссурийской конной дивизии от 29 июля 1916 года, Уссурийскому казачьему полку была дана задача занять, и удерживать позиции по гребню от высоты 1453 до высоты 1339. Этот участок обороны был разбит на два боевых участка. Енисейские казаки, служившие в 1-й сотне, оказались как на первом, так и на втором участке обороны [9, л. 58].

Потери Уссурийского казачьего полка с 29 по 1 августа 1916 г. составили убитыми 7 казаков и ранеными 21 казак. Среди енисейских казаков 29 июля был ранен Байкалов Максим Осипович, казак Саянской станицы Минусинского уезда, а 1 августа был ранен в левое плечо казак Александров Павел Гаврилович, уроженец деревни Большой Луг Таштыпской волости. Во время смены позиций 1 августа на высоте 1453 был контужен артиллерийским снарядом командир полка полковник Губин.

2 августа в 16 часов 30 минут артиллерия противника начала подготовку первой атаки, обстреливая огнем тяжелых орудий высоту 1453 и левый участок полка. В 17 часов 30 минут огонь артиллерии противника перешел в ураганный и продолжался до 18 часов 15 минут, после чего противник повел атаку на левый участок, широко применяя разрывные пули. Встреченный пулемётным и ружейным огнем, противник залёг и окопался [9, л. 59].

В течение всего дня 3 августа артиллерия противника обстреливала левый участок полка. В 21 час 30 минут противник без выстрела приблизился к окопам полка и бросился в атаку, но встреченный перекрестным огнем и ручными гранатами с фронта, был остановлен, а затем с большими потерями отошел на прежние позиции. В этот день отличились в бою на высоте 1453 енисейцы старший урядник Монастыршин Николай Алексеевич и казак Мосин Афанасий, которые получили Георгиевские кресты IV степени [5, с. 568].

5 августа, начиная с 8 часов 45 минут, противник обстрелял ураганным огнем левый участок казачьего полка, а затем пошел в атаку. Бой завязался на всем фронте полка. После безуспешных атак, противник, прикрываясь чащей леса, начал окапываться в 50 – 75 шагах от наших позиций. До конца дня противник предпринял еще три атаки, длившихся от 12 до 20 минут, но был заброшен ручными гранатами, понеся большие потери [9, л. 59 об.].

6 августа противник начал обстреливать позиции казачьего полка ураганным

огнем тяжелой артиллерии. От сосредоточенного огня по высоте 1453, две роты 172-го пехотного Лидского полка не выдержали и отступили. После атаки немцев на 3-й батальон 170-го пехотного Молодеченского полка, те так же отступили. Только казаки Уссурийского казачьего полка не оставили свои позиции. За отличия в боях с 4 по 7 августа 1916 года Георгиевскими крестами IV степени были награждены: вахмистр Лазицкий Георгий Андреевич, приказный Бузунов Афанасий Иванович, казаки Потылицин Василий, Разсказчиков Кузьма Спиридонович, Солдатов Михаил, Терский Нестор, Чихачев Фёдор [5, с. 568].

11 августа Уссурийский казачий полк отошли в резерв дивизии. Всего на участок полка со 2 по 10 августа противником было предпринято 26 атак. Все атаки противника были отбиты с большими потерями для него. Благодаря стойкости Уссурийского казачьего полка было остановлено продвижение противника на всем фронте 3-го кавалерийского корпуса [9, л. 62].

Отличились в боях за 9 и 10 августа и получили Георгиевские кресты IV степени енисейские казаки: старшие урядники Чанчиков Андрей и Семёнов Николай Михайлович, казаки Серебренников Валериан Васильевич, Байкалов Максим Иосифович, Крутиков Тимофей Иванович, Худоногов Владимир Иванович, Чанчиков Фёдор и Черкашин Ефим [5, с. 568]. Георгиевским крестом III степени за эти бои был награжден младший урядник Широков Иван Иванович [6, с. 329].

Потери полка со 2 по 11 августа составили убитыми 1 офицер и 16 казаков, ранеными и контуженными 6 офицеров и 114 казаков. Среди енисейских казаков 5 августа ранение получил Песегов Пётр Панкратович, казак станицы Камчатской Минусинского уезда, 6 августа – Крещук Павел Григорьевич, казак станицы Алтайской, а 9 августа ранение в правую ногу получил Сипкин Пётр Андреевич, казак того же уезда Енисейской губернии.

Потери за весь период боев с 22 июля по 11 августа 1916 года составили: убитыми 6 офицеров и 31 казак. Ранения и контузии получили 8 офицеров и 169 казаков [9, л. 62].

В одном из последующих боёв 16 августа 1916 г. был ранен старший урядник из станицы Таштыпской Минусинского уезда Ермолаев Николай Александрович. В сентябрьских боях 3 числа получил огнестрельное ранение нижней конечности Сипкин Иван Васильевич, казак Арбатской станицы, а 9 числа пулевое ранение – казак Глубоков Иван Михайлович из деревни Глубоково Рыбинской волости Канского уезда. 13 сентября получил ранение в левую руку казак деревни Алтай Лугавской волости Минусинского уезда Нечаев Степан Кононович.

14 сентября были ранены сразу три енисейца: приказный Медведев Фёдор Сергеевич из Красноярска, урядник Сипкин Максим Иванович из Арбатской станицы, приказный Бузунов Иван Михайлович из деревни Бузуново Минусинского уезда.

На следующий день 15 сентября в результате осколочного ранения в ногу, в госпиталь был отправлен казак из станицы Каратузской Минусинского уезда Худоногов Владимир Иванович.

На фронтах Первой мировой войны енисейские казаки проявили отвагу, стойкость и мужество, даже после ранения, перевязав раны, они часто снова возвращались в строй. Так вахмистр Лазицкий Георгий Андреевич 12 сентября 1916 года во время атаки, командуя взводом, был ранен, но, несмотря на это, продолжал вести свой взвод в атаку. Затем, был ранен вторично ручной гранатой в 4-х местах, но все же продолжал оставаться на своем месте до потери сознания. За этот подвиг Георгий Лазицкий был награжден Георгиевским крестом III степени.

Такую же награду получил другой енисеец, приказный Чихачев Николай Иванович. 1 октября 1916 года на высоте 1722, будучи старшим в разведывательной

партии, он незаметно подкрался к немецкому посту, заколол часового и подчаска, чем дал возможность партии незаметно подойти к самым окопам противника и выяснить его силы и расположение [6, с. 554].

Кроме Георгиевских крестов многие енисейские казаки были награждены так же Георгиевскими медалями, как например вахмистр Каргополов Егор Иванович, уроженец станицы Таштыпской Минусинского уезда.

2 октября 1916 года в результате ранения, попали в госпиталь георгиевский кавалер, отличившийся в предыдущих боях, Черкасов Николай Ксенофонтович и енисейский казак, поэт Шереметьев Филипп Александрович, опубликовавший одно из своих стихотворений о казачестве в газете «Вестник енисейского казачества», выпускавшейся в Красноярске в 1917 году. После выздоровления Шереметьев Ф.А., уроженец села Покровского Красноярского уезда, был отправлен на учёбу в Иркутскую школу прапорщиков, которую успешно окончил и получил чин прапорщика.

13 октября 1916 года в обсервационный госпиталь в городе Одесса попал приказный Веретнов Иннокентий Кириллович, уроженец села Ладейка Александровской волости Красноярского уезда. 16 ноября был контужен в голову младший урядник Казаков Сергей Карпович из населённого пункта Кузин Ачинского уезда.

Г.У. Юшков рассказал в своих воспоминаниях как казаки ходили в разведку в немецкий тыл под командованием прапорщика Жигалина и старшего урядника Дымова. «Приказано было… доставить в штаб полка хотя бы одного пленного, как говорят на войне, – «языка» [12, с. 162]. Во время разведки, дозорные, шедшие впереди группы, доложили, что со стороны наших позиций движутся немцы, возвращающиеся с разведки. Прапорщик Жигалин «приказал команде рассыпаться вдоль тропы, залечь и выбрать себе цель… я должен был стрелять в замыкающего. Что думаете, вы, братцы, – когда раздался наш залп, упало шесть человек из восемнадцати, а стреляло нас шестнадцать винтовок. Конфуз этот получился оттого, что мы нервничали. Но когда дело дошло до штыка, тут мы не сплоховали. В происшедшей рукопашной схватке, по счастью, никто из наших, не был ранен, а немцам бежать было некуда.

Домой в полк мы вернулись с трофеями и тремя «языками»: привели офицера, которого взводный оглушил прикладом, и принесли двух раненых солдат» [12, с. 162-163].

Сообщил Г.У. Юшков и о потерях: «При отъезде из войска, думалось нам, что войну мы захватим к концу, но, оказывается, досыта навоевались и около сотни наших казаков легли костьми в Карпатах, на Родину вернулось мало…» [12, с. 158]. Здесь Юшков имел в виду, потери по всему Уссурийскому казачьему полку, который состоял из уссурийских, енисейских и иркутских казаков. Согласно архивным данным, за 1916 год погибших в полку было 76 человек, а пропавших без вести – 4 человека. Раненых и контуженных за этот год было 440 человек [9, л. 49].

Таким образом, в результате исследования были восстановлены события наиболее тяжёлых боёв с 22 июля по 10 августа 1916 года в Карпатских горах, в которых участвовали енисейские казаки. Проявив при этом мужество и отвагу, многие казаки были награждены за свои подвиги Георгиевскими крестами и медалями. Из забвения были возвращены десятки имён героев-енисейцев, как георгиевских кавалеров этой «забытой войны», так и казаков, получивших ранения и контузии на фронте.

Список литературы

[1] Вестник енисейского казачества. Красноярск, 1917. 21 августа. № 3.

[2] Паршуков В.А. Валериан Серебренников – член Войскового правления Енисейского казачьего войска // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири / Ред. А. Г. Елисеенко, А. В. Мармышев, А. В. Ульверт. Красноярск: Типография «Знак», 2010. С. 44–54.

[3] Паршуков В.А. «В чисто казачьих офицерах, которые могли бы… служить… примером, ощущается крайний недостаток» // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. № 21. Екатеринбург: 2013. С. 71–83.

[4] Паршуков В. А. Казаки на войне (по воспоминаниям сотника Г. У. Юшкова) // Война и личность: роль и место личности в истории войн : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 100-летию Брусиловского прорыва, Новосибирск, 12–13 мая 2016 года. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016. С. 56-58.

[5] Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. IV степень. №№ 500 001–600 000. М., «Духовная Нива», 2013. 1024 с.

[6] Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. III степень. №№ 120 001–338 650. М., «Духовная Нива», 2015. 1232 с.

[7] Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII-начало XX вв.). Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009. 352 с.

[8] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1468. Оп. 2. Д. 521.

[9] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 64.

[10] Тарасов М. Г. Енисейские казаки в Первой мировой войне // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 150-153.

[11] Шулдяков В. А. Сибирские, енисейские, иркутские казаки в первой мировой войне // Наука и военная безопасность. 2016. № 2(5). С. 5-14.

[12] Юшков Г.У. Казаки-енисейцы в германскую войну // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы, 1940. С. 157–164.

УДК 94(807)

Методы борьбы противоборствующих сил на территории Минусинского уезда в годы гражданской войны

Топчеев Валентин Владимирович
Старший научный сотрудник. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск, Россия.

АННОТАЦИЯ В статье анализируются особенности формирования вооруженных сил и ведения боевых действий противоборствующими силами в гражданской войне на территории бывшей Российской империи. Специфика их проявления на территории Минусинского уезда. Методы ведения борьбы в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Гражданская война, структурные особенности формирования армий, этнический и субэтнический компонент войны, информационная война, методы ведения борьбы.

Любая политическая система, выстраивая идеологическую концепцию на подконтрольной территории, старается оперировать историческими фактами. К сожалению, если исторические факты противоречат основным положениям доктрины, то люди, работающие в этой ласти, зачастую стремятся исказить их. Не вполне корректная интерпретация событий, предвзятое отношение к ним порождают трансформацию действительности и мифотворчество. Если в работах авторов одни вооруженные формирования «отступают», а другие «драпают», то методологическая ошибка, рано или поздно перерастет в ошибку фактическую [15, с. 91]. В этом плане, методы ведения борьбы противоборствующих сторон в годы гражданской войны, являются, одной из самых политизированных тем в историографии данного периода. Мы никак не можем закончить войну и начать ее всестороннее, объективное изучение.

Таким образом, в данной работе мы хотим рассмотреть некоторые особенности, присущие именно для гражданской войны на территории Российской империи: структурные, социальные, идеологические. Как эти особенности проявлялись в борьбе на территории Минусинского уезда. Какие методы использовались войсками в этом противостоянии. Нас будет интересовать юг Енисейской губернии в 1918 – 1920 годах.

Любая война включает в себя структурный компонент. Это, прежде всего, определенным образом укомплектованные, сведенные в боевые формирования, построенные по иерархическому принципу, с единым командованием вооруженные силы. Это общество и экономика (в XX веке определяющую роль в военное время играл военно – промышленный комплекс) – главные поставщики ресурсов для ведения боевых действий. Это государство с его институтами, осуществляющими определенные функции: здравоохранением; образованием (в том числе и военное); силовым блоком, на основании нормативных актов, занимающимся наведением порядка на всей территории страны; информационной сферой и, конечно, политической властью, координирующей деятельность этих образований. Человек, попадающий в любую из структур (офицер, солдат, рабочий военного завода, служащий, журналист), независимо от его желания, вынужден был подчиняться нормам и принципам этих структур. В противном случае, по законам военного времени, его ждало суровое наказание.

Гражданская война – вооруженное противоборство граждан одного государства. Данная борьба протекала на обломках Российской империи. Причем, все противостоящие друг – другу силы, выступали не за восстановление прежней государственности, а за формирование нового общества, основанного на определенной политической, идеологической, экономической модели [15, с. 23]. Бывшие подданные Российского государства, потерявшие практически все компоненты этой государственности, а

зачастую и не желающие восстановления любых организационных форм, терялись в многообразии моделей. Попадая в одно из формирований, добровольно или по мобилизации, вели себя совершенно иначе, чем солдаты императорской армии. Поэтому, одним из самых страшных порождений войны был хаос, разъедающий любую структуру. Выходцы из одного региона, одного населенного пункта, порой и из одной семьи (без учета этнических, субэтнических и социальных особенностей), вели себя в этих формированиях, в общем и целом, одинаково. Утверждение, что в одной армии собирались исключительно герои, а в другой бандиты, не выдерживает никакой логики. Поведение этих бойцов, во многом определялось умением командиров в условиях хаоса удержать в повиновении своих солдат, что удавалось далеко не всегда [2, с. 225].

Поэтому любая из сторон конфликта формировала вооруженные силы (и все структурные компоненты им сопутствующие) практически с нуля. Уровень структурной организованности данных формирований был разным, причем иногда даже в рамках одной армии. Спектр: от вполне государственных частей с жесткой дисциплиной и профессиональным командованием, до анархических формирований, под руководством всевозможных атаманов и батек, был обширным. Несмотря на эту разницу, условия, диктовавшиеся спецификой гражданской войны, были в целом похожие (необходимость формирования структур с нуля, хаос, разрушение экономического уклада, трансформация социальных и моральных норм), отсюда и схожесть проблем, с которыми сталкивались противоборствующие силы.

Характерной чертой всех армий, участвующих в борьбе, была слабость тыла. Эту слабость усиливали: деградация экономики; не приспособленная, для подобного рода боевых действий логистика; хаос и деформация взглядов общества на характер войны. Все это приводило к тому, что военнослужащие, практически всех армий, в той или иной степени, активно занимались «самообеспечением» ресурсами за счет местного населения. Формы обеспечения были разными, и грань между реквизициями и грабежами практически не ощущалась, что усиливало тяготы жизни населения. Проход двух армий через Барабинскую степь в ноябре 1919 года фактически обрек на голодную смерть крестьян придорожных селений [12, с. 53].

Другой проблемой стали структурные искажения. Армейские формирования, и особенно тыловые учреждения, зачастую упорно не желали адекватно функционировать в рамках боевой обстановки. Порой они являлись рассадником жестокости и беззаконий. А.И. Деникин писал о массовом появлении на подконтрольной территории разного рода контрразведок, которые быстро выходили за рамки дозволенного. Подобного рода «поветрие» наблюдалось и в красной армии [3, с. 135]. Характерно, что в многострадальном Ростове на Дону в разное время зверствовали как красные чекисты, так и белые контрразведчики.

Гражданская война в многонациональной стране включает в себя этнический и субэтнический компоненты. Несмотря на схожие условия, стереотипы поведения различных этносов в условиях войны порой сильно различались. Они формировали националистические подразделения и правительства, имеющие свои специфические цели и задачи. Но даже те, кто выбирал какую – то из сторон, вели себя иначе как по отношению к местному населению (зачастую из них формировались карательные части), так и по отношению к собственному командованию. Руководителям всех уровней приходилось учитывать их интересы. Генерал Юденич осенью 1919 года не смог взять Петроград прежде всего потому, что его не поддержали националистические подразделения, которым он не смог пообещать формирование собственной государственности [5, с. 418]. Наиболее активной субэтнической общностью, в условиях гражданской войны являлись казаки. И если на Юге страны их, хоть и с оговорками, удалось поставить в строй, то Уральские и Сибирские казачьи формирования, вообще не подчинялись центральному командованию, ведя свою войну. Конфликт адмирала

А.В. Колчака с атаманами А.И. Дутовым и Г.М. Семеновым, сопровождающийся многочисленными поездками и объяснениями ни к чему не привел. Об освященных традициями методах ведения войны казаками в историографии, мемуарной и художественной литературе сказано было немало [3, с. 115].

Все эти тенденции в полной мере проявились на юге Енисейской губернии. Рядом полыхал в огне войны Урянхай, на территории которого, помимо «красных» и «белых», в 1919 году оперировали различные националистические формирования: «восставшие соеты», «подхребетники», монгольские и даже китайские части. В период войны отдельные подразделения совершали нападения на селения Минусинского края. Местные хакасы вконец запутались в этой неразберихе. Метания инородцев, уже после войны, нашли свое выражение в их фольклоре (байки о том, как хакасов призывали на военную службу в «белую армию). События, связанные с взятием бойцами Тальского полка осенью 1919 года улуса Райков, отчасти подтверждают эти истории [10, с. 186]. Да и сами сибиряки, в общей своей массе, буквально по тезисам о «без государственности русского народа» Н.А. Бердяева [13, с. 284], уже через несколько месяцев восставали против любой установившейся власти, занимающейся реквизиями и мобилизациями. Битва за Минусинск, развернувшаяся с июня 1918 по сентябрь 1919 годов, сопровождающаяся осадами и штурмами, вполне подтверждает эти положения.

Структурный компонент вооруженных сил, действующих на юге Енисейской губернии, определялся периферийностью данной территории как по отношению к административным центрам, находящимся вдоль Транс – Сибирской магистрали – главной артерии войны, так и по отношению к основным театрам боевых действий. Кадровых частей «красных» и «белых» здесь просто не было. Между тем, статус Минусинска, «хлебной столицы» Южной Сибири, в ходе войны постепенно повышался. Вместе с ним менялась и обстановка в районе боевых действий. Условно, эту динамику можно разбить на три этапа.

Первый этап с весны 1918 до лета 1919 годов характеризовался действиями отдельных отрядов, сформированных по милицейскому принципу, базирующихся на Минусинск или сельскую округу. Казачий дивизион А.А. Сотникова представлял собой серьезную структурную единицу, но он не был поддержан местным населением – сдался фактически без боя. А вот воевавшие против него красногвардейцы, пусть и не плохо вооруженные, под единым командованием, представляли собой отряды ополченцев [7, с. 66]. В июне 1918 года город берут «белогвардейские дружины» [8, с. 1], а в ноябре 1918 года защищают его от штурмующих колонн аморфной крестьянской армии, набранный «с бору по сосенке» гарнизон под командованием генерал – майора Шильникова [9, с. 24]. Так, до июня 1919 года, на юге губернии оперируют отдельные отряды: Бологова, Шаболина, Занина, Земфирова, под руководством харизматичных лидеров.

Второй этап берет отчет в июне 1919 года, когда на территорию Минусинского уезда входит разбитая в майских боях партизанская армия. Это был другой уровень организации вооруженных сил. Четыре полка, с обязательным кавалерийским эскадроном (армия, пехотная по существу, формировалась в тех местах, где лыжники были мобильнее всадников), развернутых к осени в бригады. С артиллерией и пулеметными подразделениями. С единым командованием, мощными тыловыми структурами и оригинальной системой снабжения (которым занимались местные Советы на подконтрольных территориях). Комплектовалась она на добровольных началах из бывших военнослужащих императорской армии, которые превосходили необстрелянных солдат «белых» (А.В. Колчак не доверял распропагандированным бойцам старой армии) в тактическом плане[4, с. 138]. Формировалась партизанская армия постепенно, и к концу периода она превосходила плохо организованное ополчение местных начальников. Результатом стал разгром белогвардейцев, захват Минусинска и появление в регионе полновесной партизанской республики.

Третий этап начинается осенью 1919 года, когда, под угрозой наступления с юга на Красноярск, командование белогвардейской армии формирует против партизан Внутренний фронт. Но создать количественный, да и качественный перевес им не удается. Армия под руководством А.В. Колчака уже безнадежно отступает. Война ведется маневренная, отдельными подразделениями на огромной территории. Батеневский и Новоселовский бои показали, что, несмотря на адекватный ответ, переломить ситуацию не удалось[4, с. 214]. Партизаны воевали умело, используя охваты и засады. В конечном итоге, все закончилось стратегическим окружением «белой армии» и захватом всей территории губернии.

Но если боевые части стремились создать адекватную, оперативной обстановке на фронте, структуру своих подразделений (в противном случае им грозило поражение в борьбе с противником), то, разного рода, тыловые формирования всех армий, оперировавших в регионе, представляли собой жалкое и жуткое зрелище. В период гражданской войны, подчас, очень трудно было разделить боевые и милицейские части. Вооруженные формирования, особенно на периферии, выполняли как функции борьбы с отрядами противника, так и занимались наведением порядка на подконтрольных территориях. Личный состав данных частей выполнял и контрразведывательные мероприятия. При столь широких полномочиях эти подразделения имели архаичную структуру и непонятно кому подчинялись. Найти управу на бойцов и командиров этих отрядов, в случае злоупотреблений полномочиями, было практически невозможно.

Жестокости, в ходе боевых действий, хватало и в строевых частях. «Занинские молодчики» расправлялись с местными жителями на основании малейших подозрений в симпатии к партизанам. Бойцы Тальского полка, без рассуждений, утопили попавших в окружение Усинских милиционеров и расстреляли местного врача, без боя заняв село Бейское [1, с. 24]. Но эти эксцессы носили несистемный характер, о чем свидетельствует практика формирования подразделений укомплектованных военнопленными. А вот деятельность Ольховских милиционеров во время рейда по Кизиру, или грабежи и убийства, осуществляемые бойцами Партизанской армии, оставшимися в Минусинске во время осеннее – зимнего наступления 1919 года, носили ярко выраженный уголовный характер[16, с. 169]. Что характерно, такие военнослужащие, как правило не стремились на фронт, а в боевой обстановке зачастую проявляли малодушие. Поражает сходство приказов военного командования «красных» и «белых», касающихся морального облика своих солдат и воинских преступлений ими совершенных. Летом 1919 года в Иркутске требуют от начальников районов призвать к ответу «своих зарвавшихся милиционеров» [11, с. 1], а руководство Партизанской армии в отчаянии вводит 7 декабря 1919 года осадное положение в Минусинске, в городе, находившимся в сотнях километров от любых вооруженных формирований, способных его осадить [6, с.1].

В условиях структурной слабости всех вооруженных сил, участвующих в гражданской войне, самым страшным явлением конфликта являлась военщина. Человек с ружьем, в условиях безвластия, получал чрезвычайные полномочия карать и миловать. А так как условия театров боевых действий были, в общем и целом, схожими, то и комбатанты вели себя одинаково: занимались «самоснабжением», искали «контру», выплескивали самые темные глубины своей души. И ограничений для них практически не было (в белогвардейских отрядах многое зависело от решений харизматичных атаманов, в партизанской армии командиров на должности утверждал Военный совет с подачи рядовых партизан). И местное население в районе боевых действий страдало как от действий «красных», так от действий «белых». Об этом свидетельствует следующий документ, подписанный командующим Минусинским подрайоном И.И. Трауманом: «Правительство будет возмещать убытки, произошедшие от прохода правительственных отрядов, убытки же нанесенные бандами красных, местным жителям возмещаться не будут» [14, 2].

Таким образом, развал Российской государственности, на обломках которой вели боевые действия все воюющие стороны гражданского конфликта, предопределил структурную слабость их вооруженных сил и гражданских организаций, управляющих подконтрольными территориями. Бывшие подданные империи (при всех своих социальных, субэтнических и этнических различиях), морально и политически дезорганизованные, попадали в примерно одинаковые реалии боевых будней, вели себя адекватно сложившимся условиям, без относительно политической окраски армии, в которой они воевали. Все эти особенности, вполне проявили себя в период гражданской войны на территории Енисейской губернии.

Список литературы

[1] АГМ. Ф. 227, о. 1, д. 1, с. 24.

[2] Гуль Р.Б. Ледяной поход. М., 1993 г., с.225.

[3] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 4. М., 2003 г., с. 115 и 135.

[4] Замураев Я.С. Енисейские партизаны. Новосибирск, 1970 г., с. 138 и 214.

[5] Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград. М, 2004 г., с. 418.

[6] Кравченко А.Д., Щетинкин П.Е., Иванов А.А. Распоряжение Главного штаба и Армейского Совета по крестьянско — рабочей армии и населению города Минусинска и его уезда // Соха и молот — 1919 — 7 декабря (№ 54) — с. 1.

[7] Липинская К. Далеко в заснеженной Сибири. Красноярск, 1974 г., с. 66.

[8] МКМ. Объявление. ОФ. 10426 — 2.

[9] Обухов Н.К. Минусинское вооруженное восстание крестьян. Сборник: Записки сибирских партизан. Новосибирск, 1961 г., с. 24.

[10] Попов Г.Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974 г., с. 186.

[11] Плакальщик. Из кипы заявлений. Земство и милиция // Минусинский край — 1919 — 11 сентября (№ 91) — с. 1.

[12] Серебрянников Н.А. Гражданская война в России: великий отход. М, 2003 г., с. 53.

[13] Философия. Часть первая: история философии. Учебное пособие для вузов под редакцией профессора Кириллова В.И. М, 1999 г., с. 284.

[14] Хроника. Разъяснение правительства // Минусинский край. – 1919 – 22 июля (№ 56). - С. 2.

[15] Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 2002 г.,с. 91 и 23.

[16] Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006 г., с. 169.

УДК 94(47)

Форменное обмундирование и вооружение лесной стражи Алтайского округа в 1910-х гг.

Тяпкин Михаил Олегович
Доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Россия
tyapkin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-1789-4525

АННОТАЦИЯ в статье рассматривается сюжет, связанный с такими атрибутами службы лесной стражи в Алтайском округе, как форменное обмундирование и вооружение. Наличие единого форменного обмундирования лесных объездчиков рассматривается как признак особого военизированного статуса лесной стражи и фактор повышения эффективности деятельности лесоохранного механизма. Описываются отдельные элементы форменной одежды, порядок приобретения формы и ее ношения. Дается краткое описание личного оружия объездчиков и правил обращения с ним. Делается вывод о том, что администрации Алтайского округа в силу объективных причин и обстоятельств не удалось завершить реализацию задачи придания корпусу лесной стражи внешних черт военизированной организации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Алтайский округ, лесная стража, лесной объездчик, форменное обмундирование, Инспекция лесной стражи.

Регламентации деятельности лесоохранного механизма и одного из его важнейших элементов – лесной стражи в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. уделялось особое внимание. Во взаимоотношениях лесной администрации Алтайского округа ведомства Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет) с местным населением по поводу использования лесных ресурсов в рассматриваемый период существовала напряженность, градус которой был достаточно высок. В своих работах мы уже отмечали, что в этих условиях к лесной страже предъявлялись всё более высокие требования, поскольку от ее лояльности и профессионализма во многом зависела успешность реализации обозначенного Кабинетом курса на коммерциализацию лесной отрасли [8, с. 26].

На протяжении первых двух десятилетий XX в. продолжалась модернизация лесоохранного механизма, которая заключалась, помимо прочего, в совершенствовании организации и деятельности лесной стражи. Этот процесс сопровождался приданием службе лесных объездчиков Алтайского округа военных черт: субординация и уставные взаимоотношения по службе, строгая служебная дисциплина, единое обмундирование со знаками различия, вооружение и т.п. Специально для контроля за комплектованием и прохождением службы объездчиками в Алтайском округе была сформирована Инспекция лесной стражи.

В 1911 г. в ходе проведения масштабной административно-хозяйственной реформы в Алтайском округе были учреждены лесничества, что позволило начать реализацию отраслевого подхода к организации земельно-лесного хозяйства. Внимание было обращено и на лесную стражу. Оклады денежного содержания объездчиков были увеличены, разработаны общие правила постройки домов лесной стражи (кордонов), что позволило в течение нескольких следующих лет повысить показатели обеспеченности лесной стражи казенными домами с 23 до 60% [2, л. 240б]. Престиж лесной службы возрастал. У окружной администрации появилась возможность отбирать на службу не случайных людей, а достойных кандидатов, преимущественно из отслуживших срочную службы нижних воинских чинов. В результате, доля бывших солдат и унтер-офицеров среди объездчиков Алтайского округа к 1914 г. составляла 93% [7, с. 208].

Для урегулирования вопросов служебной деятельности объездчиков в 1911 г. была принята «Инструкция по комплектованию, обучению и регистрации лесной стражи, вооружению и довольствию ее, а также установлению за ней надзора» [3] (далее

– Инструкция), а в 1912 г. новая редакция «Наказа лесной страже Алтайского округа» [4] (далее – Наказ). В этих двух нормативных актах впервые содержалось подробное описание форменного обмундирования и вооружения лесной стражи.

Вопрос о введении единого обмундирования для объездчиков Алтайского округа поднимался неоднократно, в том числе, обсуждался в 1899 г. на Совете управляющих имениями. В «Наказе лесной страже Алтайского округа» 1909 г. содержалось требование к страже иметь и носить форменное обмундирование, однако описания его отдельных элементов и правил ношения не было. Этот вопрос получил свое положительное решение с принятием Инструкции 1911 г. и Наказа 1912 г. Введение единого форменного обмундирования у алтайских лесных объездчиков, на наш взгляд, может служить свидетельством более правильной постановки лесоуправления и лесоохраны в Алтайском округе Кабинета, по сравнению с казенными лесами.

Казенное лесное ведомство во второй половине XIX в. лишилось своего военизированного статуса, что повлекло утрату внешних атрибутов военной службы, в том числе форменного обмундирования армейского образца. Лесники и объездчики, находившиеся на службе в казенном лесном ведомстве, носили серые суконные или холщовые армяки, шаровары такого же цвета и из такой же ткани, сапоги и шапку [9, с. 355-356]. Несмотря на наличие узких плечевых погон из зеленого или серого сукна, государственного герба на околыше шапки и нагрудного должностного знака, казенная лесная стража по своему внешнему виду мало чем отличалась от местного крестьянского населения.

Кабинетская администрация, напротив, сделав в конце XIX в. ставку на развитие земельно-лесного хозяйства, пришла к выводу о необходимости придания лесной страже черт военизированной организации. Наличие единого форменного обмундирования должно было не только дисциплинировать объездчиков и помочь сформировать корпоративное единство, но и поднять авторитет обладателя формы в глазах местного населения и всех других лиц, с которыми по роду и долгу службы приходилось общаться представителям лесной стражи.

Наказ 1912 г. закрепил положение о том, что лесным объездчикам Алтайского округа «присвоена установленного образца форменная одежда и знаки их должности: нагрудный знак и государственный герб на головном уборе» (ст. 7). Далее следовало уточнение о том, что при исполнении своих должностных обязанностей объездчики должны быть одеты по форме и иметь установленные знаки различия, «так, как только при этом всякий обязан повиноваться в лесах законным требованиям чинов лесной стражи, как лиц составляющих лесную полицию» (ст. 7). Таким образом, форменное обмундирование лесной стражи рассматривалось как необходимый атрибут ее особого служебного статуса и демонстрировало наличие у объездчиков властных полномочий.

Также Наказ определил, что нагрудные знаки, гербы на шапку и оружие стража должна была получать за счет Кабинета (ст. 7 прим. Наказа). Форменное обмундирование приобреталось и изготавливалось за свой счет, но на поддержание его в порядке объездчик получал 5 руб. в год (два раза в год - 2 января и 1 июля). Этими деньгами он мог распоряжаться по своему усмотрению, но обмундирование должно было поддерживаться в соответствующем виде, что проверялось инспектирующими и контролирующими должностными лицами.

Инструкцией была предусмотрена возможность централизованного снабжения лесной стражи материалами для пошива формы или готовой одеждой по установленным ценам (ст. 47). Эта задача была возложена на лесничих, которые выписывали необходимую ткань или готовые рубахи, шаровары, фуражки и т.д. в Инспекции лесной стражи Алтайского округа. Объездчик, в свою очередь, получая готовую форму или материал для ее изготовления, расплачивался из своего жалования. Это существенно упрощало задачу изготовления обмундирования для объездчиков, проживавших далеко от городов и крупных сел.

Описание форменной одежды старших и младших лесных объездчиков Алтайского содержалось в Инструкции (ст. 40-41) и Наказе (ст. 124-125).

К летней форме относились рубаха цвета хаки, синие шаровары и фуражка с получехлом цвета хаки и гербом на околыше.

Зимнюю форму составляли шинель, рубаха из темно-синего сукна, такого же цвета шаровары. Головным убором служила папаха или фуражка без чехла.

Летняя и зимняя форма имела знаки различия – продольные плечевые погоны в виде жгута, плетеного в три шнура. По цвету жгута можно было отличить старшего объездчика от младшего: у первых погоны изготавливались из шнура золотистого цвета, у вторых – из синего. Кроме того, Инструкция содержала норму о том, что «отличия, полученные в частях войск, переносятся на нижнюю часть наплечных жгутов, в виде желтых металлических шариков» (ст. 42). Речь шла об унтер-офицерских воинских званиях лиц, увольнявшихся в запас и поступавших на лесную службу.

Охарактеризуем некоторые элементы форменного обмундирования более подробно.

В Наказе и Инструкции указано на то, что объездчики должны были носить папаху «образца Сибирских казачьих частей с синим верхом и гербом». На момент принятия этих двух документов Сибирское казачье войско имело униформу, утвержденную осенью 1909 г. [6]. Нововведения в форме казачьих войск начала XX в. не коснулись папахи, внешний вид которой оставался неизменным с 1892 г. [5].

Папаха состояла из суконного колпака с закругленной макушкой и пришитой к колпаку меховой тульи (опушки) из черного бараньего меха. Положением 1892 г. регламентировался цвет колпака (верхней части) папахи, в зависимости от принадлежности к тому или иному казачьему войску. Так, например, казаки Сибирского казачьего войска имели алый цвет суконного колпака папахи. Размер папахи (высота) колебался в пределах от 4,5 до 53/4 вершка (около 20-25 см). Несмотря на то, что папаха объездчиков соответствовала казачьему образцу, ее верх изготавливался из сукна не алого, а синего цвета.

Темно-синий цвет в начале XX в. обозначал принадлежность к кабинетскому ведомству. Утверждённая в 1908 г. форма одежды чиновников Кабинета имела темно-синие бархатные воротники (на сюртуках), околыши на фуражках, темно-синими также были плечевые погоны и выпушки вокруг воротника и обшлагов пальто. Темно-синий цвет получил среди чиновников, служащих в кабинетском округе, неофициальное наименование «алтайский».

Фуражка изготавливалась из черного сукна с околышем и кантом (по тулье) синего цвета, что также должно было подчеркивать принадлежность объездчика к кабинетскому ведомству. Летом черная фуражка покрывалась получехлом цвета хаки. С 1909 г. в армии офицерские и унтер-офицерские фуражки стали оснащаться наружным подбородочным ремнем. Вполне вероятно, что фуражки лесных объездчиков Алтайского округа также имели наружный подбородочный ремешок.

На обоих головных уборах – папахе и фуражке – размещался государственный герб, который выдавался объездчику за казенный счет. Срок его носки до следующей замены составлял два года.

Шинели старших и младших объездчиков, судя по описанию, содержащемуся в Наказе и Инструкции, не имели различий. О шинели сказано, что она изготавливалась из солдатского сукна, была кавалерийского покроя с темно-синими «кабинетскими» петлицами и пуговицами, установленного для Кабинета образца (вензелевым изображением имени императора), и наплечными жгутами.

Выбор кавалерийской модификации шинели, что предполагало наличие широких обшлагов, которые, отворачиваясь, могли закрывать руки, и длинных пол, которые закрывали ноги всадника и одновременно служили попоной для лошади, был вполне оправдан, поскольку объездчики несли службу на лошадях.

Рубаха могла быть зимней (из темно-синего сукна) и летней (цвета хаки). Под рубахой, видимо, понимается гимнастерка с двумя карманами на груди, прямым или косым воротом, являвшаяся в то время основным элементом армейского полевого летнего обмундирования.

Старшие объездчики имели право носить вместо зимней рубахи мундир. В Инструкции и Наказе о нем сказано лишь то, что он должен быть «установленного образца». Вероятно, речь шла о кителе с накладными карманами на груди и боках, стоячим воротником и пятью пуговицами.

Шаровары в «зимнем» и «летнем» исполнении шились из темно-синего сукна. Таким образом, объездчики зимой носили рубаху или мундир и шаровары синего цвета, а летом рубаху защитного цвета и синие шаровары. В Инструкции и Наказе ничего не говорится о выпушке (армейский вариант) или лампасах (вариант казачьих войск) на шароварах, из чего можно сделать вывод об отсутствии того и другого. Также в этих нормативных актах не упоминается об обуви, однако здесь, на наш взгляд, альтернативы сапогам не было.

Учитывая, что служба объездчиков была связана с составлением протоколов о лесонарушениях, актов, донесений и иных служебных документов, они должны были иметь с собой разного рода бумаги и письменные принадлежности, в том числе бланки, печатный экземпляр Наказа, памятную книжку и т.д. Для удобства ношения всего названного выше, объездчики использовали полевую сумку (планшет).

Обязательным атрибутом службы объездчиков являлось огнестрельное оружие. Лесная стража всех ведомств, если даже не имела форменного обмундирования армейского образца, всегда имела право ношения и употребления оружия. Наличие у лесной стражи оружия и данное ей право его применения для защиты вверенного лесного имущества, а также своей жизни и здоровья, являлось насущной необходимостью, поскольку нахождение в лесу и автономное проживание на кордонах было далеко не безопасно, особенно во время массовых самовольных порубок, когда избиения и убийства лесной стражи, а также поджоги кордонов стали распространенной формой народного протеста.

На вооружении лесной стражи Алтайского округа состояли револьверы системы «Смит & Вессон» и винтовки системы «Бердана» (ст. 24 Инструкции). Револьвер «Смит & Вессон» образца 1871 г. стоял на вооружении русской армии, но с конца XIX в. являлся основным стрелковым оружием сотрудников полиции и лесного ведомства. Винтовка Бердана в начале XX в. еще использовалась в русской армии, но во втором десятилетии XX в. рассматривалась уже только в качестве оружия ополченцев, а также гражданского охотничьего оружия.

В комплекте с револьвером шли револьверный шнур, крепившийся на шее, кобура и поясной ремень (ст. 29 Инструкции). В комплекте с винтовкой должна была идти патронная сумка. Винтовки не предназначались для постоянного ношения, они хранились в конторах лесничеств и выдавались объездчикам при возникновении необходимости, например, в случае начала массовых самовольных порубок (ст. 25 Инструкции).

Номер, характеристика и состояние оружия фиксировались в памятной книжке объездчика. При себе объездчики должны были иметь боекомплект на 12 патронов к револьверу и 10 патронов к винтовке. Столько же патронов на каждую винтовку и револьвер хранилось в лесничестве. В случае порчи или потери оружия объездчик был обязан самостоятельно возместить затраты на его ремонт или замену.

Служащему лесной страже было разрешено применять оружие при возникновении прямой угрозы его жизни и здоровью. О любых случаях применения огнестрельного оружия объездчики были обязаны незамедлительно докладывать начальству. Гильзы от выстрелянных патронов подлежали обязательной сдаче лесничему,

который затем передавал их в Инспекцию лесной стражи. За каждый неоправданный выстрел с объездчика взыскивалось по 5 коп., а за незаконное применение оружия, результатом которого стало ранение или гибель человека, объездчики несли уголовную ответственность на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Таким образом, объездчики Алтайского округа в 1910-х гг. получили единое форменное обмундирование, имевшее в своей основе армейскую униформу, демонстрировавшее принадлежность к кабинетскому ведомству и учитывавшее особенности лесной службы.

Несмотря на желание администрации Алтайского округа установить единообразие в ношении форменной одежды объездчиками, полностью решить этот вопрос на протяжении нескольких остававшихся дореволюционных лет не удалось. Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война повлекла за собой мобилизацию, в результате которой в действующую армию были призваны почти все объездчики, находившиеся в запасе, несколько десятков лесничих и их помощников, а также инспектор лесной стражи и его помощник, что привело к приостановке деятельности Инспекции. Военное ведомство изымало у объездчиков исправное стрелковое оружие и направляло его в действующую армию.

Кадровый потенциал алтайского лесного хозяйства существенно ослаб. Старший лесничий В.П. Монюшко докладывал начальнику округа осенью 1916 г., что в таежных лесничествах Кузнецкого района (Верхне-Томское, Нижне-Томское, Кузнецкое) было укомплектовано лишь 20% штатных единиц объездчиков, но и среди них было «много людей, не удовлетворяющих своему назначению: малограмотных, неразвитых, не интересующихся своей службой» [1, л. 10]. В таких условиях говорить о наличии у объездчиков форменного обмундирования и соблюдении правил его ношения не приходится.

Революция и последовавшая за ней отмена кабинетской системы управления округом окончательно «увели» этот вопрос на второй план. Разоружение лесной стражи, повсеместный отказ от форменного обмундирования, как символа старой власти, стали приметой нового революционного времени. Нехватка материалов для изготовления униформы привели к ее максимальному упрощению, в результате чего единственным материальным выражением служебных полномочий лесной стражи в период революций и гражданской войны становилась нарукавная повязка красного или зеленого цвета, в зависимости от того, какие политические силы находились у власти.

Список литературы

[1] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 126. Оп. 1. Д. 9.

[2] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4407.

[3] Инструкция по комплектованию, обучению и регистрации лесной стражи Алтайского округа, вооружению и довольствию ее, а также установлению за ней надзора 1911 г. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета его императорского величества. Т. 1. Барнаул: Типо-Литография управления Алтайского округа, 1913. С. 567-574.

[4] Наказ лесной страже Алтайского округа 1912 г. // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета его императорского величества. Т. 1. Барнаул: Типо-Литография управления Алтайского округа, 1913. С. 701-730.

[5] О форме обмундирования генералов, штаб и обер-офицеров, и нижних чинов всех казачьих войск, кроме кавказских, и гражданских чиновников, состоящих на службе в казачьих войсках и в Областных правлениях и Управлениях отделов Кубанской и Терской областей. Высочайшее повеление от 22 февраля и 27 октября 1892 г., объявленное военным министром // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 12. №8360. СПб.: Государственная типография, 1895. С. 119-120.

[6] Об изменении формы обмундирования и снаряжения казачьих войск. Высочайшее повеление от 4 ноября 1909 г., объявленное военным министром // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. №32693. СПб.: Государственная типография, 1912. С. 915.

[7] Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. 496 с.

[8] Тяпкин М.О. Историко-правовой анализ «Наказа лесной страже Алтайского округа» (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. №1 (96). С. 24-37.

[9] Тяпкин М.О. Форменное обмундирование лесной стражи как вещественный источник по истории лесного хозяйства дореволюционной России // VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28-30 октября 2021 г.) / Отв. ред. П. П. Вибе. Омск: ОГИК музей; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. С. 351-356.

УДК 94:356.113:355.432.1(47+57)"1942"

119-я стрелковая дивизия в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции (8 января 1942 г. – 20 апреля 1942 г.)

Леопа Владимир Павлович
Кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия,
lieopa@mail.ru

Шарафуллин Владислав Альбертович
Студент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
vlad2000.perm@gmail.com

АННОТАЦИЯ Ржевско-Вяземская операция играла важную роль в массированном контрнаступлении фронтов на западном направлении. На основе архивных, мемуарных и других документальных источников были проанализированы предпосылки и особенности подготовки Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции. Более того, была выявлена хронология проведения данной операции, главные пункты и участки ведения боевых действий, части и соединения, ведущие наступление, дислокация оборонительных и наступательных рубежей и эшелонов, а также тактика и стратегия ведения операции, отражённая в распоряжениях и приказах командования и Военных советов СССР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ржев; Вязьма; Белый;военные действия; наступление; группировка войск.

В начале января 1942 г. завершилось контрнаступление на западном направлении. По требованию Ставки Верховного главнокомандования, Военный совет Калининского фронта предложил организовать и провести наступательную операцию. Планировалось провести манёвр охвата, замкнуть «котёл» и уничтожить 9-ую немецкую армию, а затем развить наступление либо на Смоленск, либо на Великие Луки. Тем самым, используя успех, достигнутый в итоге контрнаступления, возможно было развернуть наступление общими силами девяти фронтов. Главный удар планировалось нанести силами Западного и Калининского фронтов с целью завершения разгрома группы армий «Центр».

Ставка ВГК поставила задачи фронтам западного направления: все дальнейшие усилия войск направить на оцепление ржевско-вяземской группировки противника. Операция должна начаться незамедлительно. Между окончанием контрнаступления и началом общего наступления не должно было быть никакой паузы. Калининскому фронту было приказано нанести удар в направлении Ржева и Вязьмы [1, с. 172].

6 и 7 января ударная группа Калининского фронта перешла в наступление. Прорвав оборону противника западнее Ржева, она разбила6-й армейский корпус противника, разделив его, тем самым, на две части. Первая была отброшена на восток, к Ржеву, а другая – к железнодорожной станции Оленин [1, с. 176].

7 января 31-я армия перешла в наступление, нанося главный удар на участке деревни Волыново. 119-я стрелковая дивизия, находясь в районе Отрадное, перебросила свои силы на правый фланг, в направлении Волыново, обойдя его с севера и юга [5, с. 33, 37].

9 и 10 января 1942 г., 634-й и 920-й стрелковые полки вели наступление в направлении Кромзино и перекрестка дорог восточнее Кромзино на 2 км. 421-й стрелковый полк без 1-го батальона 21-го стрелкового полка прикрывал левый фланг дивизии районе Момлино, после чего закрепилась на достигнутом рубеже [4, с. 44].

С 11 по 15 января части дивизии вели наступательные бои на участке Собакино, Рашищи, Ируша с целью прорвать оборонительную полосу противника. В силу сильного огневого сопротивления со стороны противника и егомногократного превосходства атаки советских дивизий успеха не имели.

К исходу дня 15 января по приказу Командующего Калининским фронтом дивизия сдала свой участок 375-й стрелковой дивизии и сосредоточилась в районе Щетинино, Горбатка (Березки) [4, с. 45].

Паралелльно с этим, войска 22-й армии, преодолевая сопротивление арьергардных частей противника, овладели рядом населенных пунктов на левом берегу Волги (Селижарово и др) и частью сил переправились на правый берег. В этот же день 119-я дивизия была выведена в резерв фронта и к 18.00 сосредоточилась в районе Гороватка, Щетинино.

С 20.00 17 января дивизия была передана в распоряжение командарма 22-й армии [5, с. 62, 64, 65, 69].

17 января войска Калининского фронта продолжали полномасштабное наступление. Противник на правом фланге продолжал отход на юго-запад. Противник оказывал упорное сопротивление в районе Сычевка, Осуга, Ржев, желая обеспечить за собой пути отхода на юг. На левом фланге фронта арьергардные части противника, закрепившись на промежуточном рубеже, организованным огнем удерживали наступающие части фронта [5, с. 74]. 22-я армия преследовала противника на флангах и вела бой с его частями прикрытия, удерживающими рубеж Шпалево, Трушково.

Согласно боевому распоряжению Командующего Калининским фронтом генерал-полковника Конева, 119-я дивизия к исходу 17 января овладела районом Зайцево и перешла к обороне на рубеже: Зайцево, Кузнецово, Чертолино, Вахарево, выстроив, тем самым,прочный оборонительный эшелон на правом фланге 39-й армии и в тылу 29-й армии.

С 18 по 20 января части дивизии продолжали преследовать отходящего противника и к 3:00 20 января вышли в район:

421 сп– Стпенка, Чаблаково, отметка 238.6;

920 сп –Кочерешки, Нахватовка, Манаровские;

634 сп – Волосатик, Тараково, искл. Мал. Чары.

Дальнейшая задача дивизии заключалась в том, чтобы к исходу дня 20 января выйти и овладеть районами: Новоселки, Опецкое, Бол. Молявню, в дальнейшем наступать на Белый[4, с. 46].

21 января противник продолжал сдерживать советские дивизии, стремясь отвести свои основные силы в направлении Великие Луки, Вязьма, Смоленск. Войска Калининского фронта продолжали наступление с задачей окружить Гжатско-Вяземскую группировку противника и уничтожить её, не допуская перехода противника к обороне на Ярцевско-Смоленском рубеже.

21 января 22-й армии (179, 186, 178, 119-й сд) была поставлена цель развивать наступление в генеральном направлении на г. Белый, Духовщина и к 1 февраля выйти в район Ярцево [5, с. 88,89].

119-я дивизия к 23 февраля вышла в район Шиздерево, Абабково и 24 и 25 января продолжила наступление на Белый. Тем не менее, в 7.00 26 января противник численностью 200 – 250 человек предпринял контрнаступление. Контратака была отбита с большими потерями для противника.

Для внезапного действия по овладению г. Белый был сформирован и направлен отряд усиления артиллерией и минометами под командованием капитана Левченко. Командующий 22-й армии поставил задачу дивизии в ночь с 26 на 27 января начать наступление и овладеть г. Белый, одновременно обеспечивая тыл и фланги дивизии.

С 27 по 28 января дивизия вела бой за овладение г. Белый. 920-й стрелковый полк вел бой за овладение северной частью города в результате овладел несколькими домами.634-й стрелковый полк вел ожесточенный бой на южной части города. В результате овладел ряд домов южной части города.

29 января и1 февраля дивизия заняла северо-восточную, восточную и юго-восточную окраины г. Белый. Уничтожила до 600 солдат и офицеров, захватила артсклады и склады вещевого имущества, два танка, 100 винтовок [5, с. 135, 143; Журнал боевых действии Калининского фронта Февраль, с. 3]. 2-3 февраля дивизия продолжала удерживать занимаемый рубеж, отбивая контратаки противника. 421-й стрелковый полк продолжал выполнять ранее поставленную задачу по прикрытию тылов дивизии и 39-й армии. 3-й батальон 920-го стрелкового полка наступал на Попово во взаимодействии с 179-й стрелковой дивизией и занял его. Остальные части дивизии активно оборонялись на достигнутых рубежах в районе г. Белый [4., с. 19]

4 февраля, удерживая занимаемый рубеж, дивизия частью сил совместно с партизанским отрядом вела бой в районе Ивановка, Крапивна. 5-6 февраля удерживала занимаемый рубеж [6, с. 11, 16, 23].

7 и 8 февраля дивизия вела подготовку к ночной атаке г. Белый, имея задачей не допустить противника с Выпозлова и в дальнейшем наступать с юга и востока на Белый [6, с. 27, 34]. 9 февраля совместно с частями 179-й дивизии противостояло противнику в г. Белый, и к 12 февраля закрепилась на его восточной окраине. 16 февраля овладела четырьмя кварталами на северо-восточной окраине Белый [6, с. 27, 34]. С 18 по 21 февраля вела бои в центре и северо-восточной части Белый [6, с. 38, 53, 67,74].

В ночь на 16 февраля Ставка ВГК отдала следующее распоряжение: «Войскам Западного фронта при содействии 22-й, 29-й, 30-й, 31-й и 39-й армий и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже...» [Русский архив: Велика Отечественная, с. 98]. Войска начали постепенно переходить в наступление. Наступление 22-й армии, а также 30-й и 39-й армий началось 22 февраля.

28 февраля, 1 марта группа Березина сражалась на северной, северо-восточной и восточной окраине г. Белый. Было уничтожено до 100 немецких солдат и офицеров. 8 марта противник силами до пехотного полка пытался овладеть северной окраиной Белый, но был успешно отбит. 14 – 15 марта части 119-й дивизии перешли в наступление, но безуспешно. 16 марта противник, оказывая сильное огневое сопротивление, в ночь на 16 марта силами 150 – 180 человек неоднократно переходил в контратаки за северную окраину, которые были успешно отбиты.

18 марта до личного состава дивизии был доведен приказ народного комиссара обороны Сталина о преобразовании 119-й стрелковой дивизии в 17-ю гвардейскую стрелковую дивизию, что сопровождалось вручением ей гвардейского знамени за проявленные подвиги в борьбе с немецким фашизмом.

В течение 18 и 19 марта части дивизии прочно закрепили занимаемый рубеж, вели боевую рекогносцировку, отражали контратаки противника в городе. Противник понес большие потери – артиллерией уничтожено несколько огневых точек противника.

20 марта дивизия в составе опергруппы, удерживая занимаемые рубежи, главными силами 920-го полка вела наступление за овладение электростанцией, четырьмя домами и школой.421-й полк продолжал выполнять задачу прикрытия тылов 39-й армии и готовности отражать контратаки противника в направлении села Гусево. Артиллерия дивизии на прежних огневых позициях вела огонь по противнику в районе Белый.

21 марта генерал Г.К. Жуков отдал распоряжение Западному и Калининскому фронтам. В нем ставилась задача общими усилиями 39-й и 30-й армий с усилением не позднее 28 марта отсечь Оленинскую группировку от Ржевской и соединиться друг с другом, после чего выделить часть сил из 30-й армии под командованием зам. командующего 30-й армии для ликвидации совместно с 22-й армией противника в районе Оленино. Главные же силы 30-й армии повернуть на восток для удара вместе с 29-й и 31-й армией по Ржевской группировке противника и для захвата не позднее 3 апреля г. Ржев.

Решением Военного Совета Калининского фронта от 23 марта 1942 г. была создана Оперативная группа фронта в составе 234-й, 134-й, 135-й стрелковых дивизий из состава 4-й ударной армии и 179-й стрелковой дивизии и 17-й гвардейской стрелковой дивизии

17-я гвардейская и 179-я дивизии в составе группы генерал-майора Березина с 24.00 23 марта вошли в состав Оперативной группы Калининского фронта. К началу операции дивизии имели людской состав:

17 гв. сд на 30.3 – 5482 человека;

179 сд на 29.3 –3497 человека;

234 сд на 29.3 –8426 человек.

24 мартапротивник, подтянул резервы и продолжал упорно обороняться перед фронтом опергруппы 17-й гвардейской и 179-й дивизий, оказывая сильное огневое сопротивление. Из районана Демехи на Белый прошло до двух батальонов пехоты противника.

Дивизия в составе опергруппы продолжала выполнять задачу по овладению г. Белый, улучшала свое положение в городе, вела бой и боевую разведку перед фронтом и на флангах. В течении дня и ночи в результате сильного боя противник потерял до 60 человек [4, с. 55, 56].

С 26 марта 22-я армия перешла к временной обороне и закреплялась на достигнутых рубежах [2, с. 19].

29 марта части 17-й дивизии перешли к упорной обороне на достигнутом рубеже (участок северной части г.Белый).

Приказом командующего оперативной группой Калининского фронта № 001/КП от 31 марта войскам группы было приказано 1 апреля перейти в общее в наступление, нанося главный удар в направлении Лосьмино, Бол. Клемятин в тыл группировки противника в районе Белый.

4 апреля части 17-й гвардейской дивизии заняли Турово и продолжали наступать на Выползово. 5 апреля войска Оперативной группы вели ожесточённые бои с противником на всем фронте и готовились к отражению отдельных групп противника, прорвавшихся в расположение группы. В течение 6, 7 апреля оперативная группа значительных успехов не достигла, а на некоторых направлениях вынуждена была оставить несколько ранее занятых населенных пунктов. Все предпринятые атаки и контратаки частей группы срывались противником при помощи авиации, бомбившей боевые порядки и тылы, и танков [3, с. 5, 6, 7].

С 8 по12 апреля перед фронтом противник построил усиленную оборонительную систему на занимаемом рубеже, особенно в населенных пунктах Выползово, Огибалово, Дубровка и занимаемую часть г. Белый. Укрепив материально-техническую базу, усилил свою активность огнем из всех видов оружия на участках 920-го полка и особенно 634-го полка, предпринимал попытки перехода в контратаки на участке 920-го стрелкового полка [4, с. 61].

С 14 по 20 апреля противник прежней группировкой продолжал огнь минометами и артиллерией, а также редким пулеметным огнем. Постоянно проводились разведывательные полеты авиации противника.

20 апреля 1942 г. завершилось общее стратегическое наступление советских войск. Войска Западного стратегического направления на гжатском и юхновском направлениях продвинулись на 80 – 100 км, на витебском – до 250 км, сняв непосредственную угрозу Москве. Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операцией завершилась битва под Москвой.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-77-3019.

Список литературы

[1] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т.3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012.

[2] Выписка из журнала боевых действий 22 армии за период с 1 марта 1942 г. по 25 апреля 1942 г.// ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 522.

[3] Выписка из журнала боевых действий оперативной группы Калининского фронта за период с 23 марта 1942 года по 10 мая 1942 года// ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 745.

[4] Журнал боевых действий 17-й гвардейской стрелковой дивизии // ЦАМО. Ф. 12083. Оп. 1. Д. 6а.

[5] Журнал боевых действий Калининского фронта. Оперативный отдел штаба Калининского фронта. 1942. Январь // ЦАМО. Ф, 213. Оп. 2002. Д. 336.

[6] Журнал боевых действии Калининского фронта. Оперативный отдел штаба Калининского фронта. 1942. Февраль //ЦАМО. Ф.213. Оп. 2002. Д. 343.

[7] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 98–99.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Сибирь постсоветская. Социально-экономические и культурные процессы на территории России в 1957 – 1991 гг.

УДК 94(571)

Становление и развитие деятельности Кабанского рыбозавода в 1930-1999-е гг.

Ангадаева Юлия Юрьевна
Кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия.
yulee@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6519-2758

АННОТАЦИЯ На примере Кабанского рыбозавода рассматривается исторический опыт становления деятельности перерабатывающих предприятий, отмечается роль мобилизационных решений советского государства в этом процессе. Анализируется действовавшее советское законодательство об организации деятельности перерабатывающих предприятий, история создания, ассортимент продукции, основные показатели деятельности рыбозавода. На основе архивных данных приведено количество выпущенной рыбопродукции. Особое место отводится рыбпунктам и рыбозаводам, которые осуществляли планы по выпуску рыбопродукции в годы ВОВ. Обращается внимание на техническое оснащение рыбозаводов

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Байкал; рыбная промышленность; рыбозаводы; Госрыбтрест; рыбная отрасль.

История Кабанского рыбозавода – это история развития района и республики Бурятии в целом. Кабанский рыбозавод один из первых государственных предприятий Прибайкалья, здесь первым в районе начал формироваться рабочий класс. Кабанский рыбозавод считался одним из лучших предприятий не толь¬ко на Байкале, но и в Сибири. На этом рыбозаводе впервые начали вне¬дряться передовые способы лова рыбы, в частности, такие, как ставные невода. Рыбопродукция, выпущенная на Кабанском рыбозаводе, всегда пользовалась повышенным спросом покупателей.

В октябре 1930 г. организован Кабанский рыбный промысел (Гослов) на базе личных рыболовецких хозяйств. Сразу были созданы пункты Энхалук, Харауз, Северный, Посольск, Поворот, а позднее Болдаковская, Шаманка, Исток, Сухая. Контора завода находилась в с. Кабанск. Подчинялся завод Наркомату пищевой промышленности Бурят-Монгольской АССР. В это же время организованы рыболовецкие колхозы в при¬брежных селах, всех их в районе было около десяти. Кроме того, даже сель¬скохозяйственные колхозы имели план добычи рыбы и занимались ловом омуля в летнее время и отловом отнерестившегося омуля на реке Се¬ленге [1].

Все орудия лова делали из хлопчатобумажных ниток, их вязали зи¬мой, по домам, почти все население прибрежных сел. Веревку и сеточ¬ник вязали из конопли, которую сеяли все колхозы, делали деревянные наплавья, заготовляли бересту для грузил. Весь несамоходный флот изготавливали на месте своими мастерами. Организовывали свое бон¬дарное производство. На участке Энхалук начинают работать бондари и лодочники: Березовский Семен Алексеевич, Перевозников Семен Пет¬рович, Баиров Андрей Семенович, Бахаев Василий Комендановичь, бра¬тья Кожевниковы Тимофей Григорьевич и Александр Григорьевич [2].

На первых порах под цеха рыбообработки переоборудовали старые амбары. Не хватало соли, бочек, чановых емкостей. Мастера не имели опыта работы, а рыбы поступало много, приходилось солить даже пря¬мо в лодках. В качестве транспортных средств использовались лошади.

В 1937-1938 гг. начали строить рыбообрабатывающие цеха в Посольске, Повороте, Энхалуке, Харазе. В это же время были построе¬ны льдохранилища временного типа емкостью до 300 кубов, куда заго-тавливали колотый лед. У каждого рыбоприемного пункта сооружались мостки для подхода гребного флота, а большинство бригад сдавали улов прямо с лодок, причаленных к берегу. Главным рабочим инвентарем

были носилки, ведра, сачки.

В 1934-1940 гг. стали учить мастеров-засольщиков. Выпускалась продукция двух видов - соленая на пласт и мороженая. При массовом поступлении рыбы все местное население мобилизовывалось для раз¬делки рыбы, в основном на этой работе трудились женщины и подрост¬ки. Рыбу в бочки укладывали под прессом и заливали тузлуком, мороже¬ную убирали в плетеные корзины. Готовую продукцию баржами переправляли в Мысовую и грузили в вагоны. В таких трудных условиях шло становление рыбозавода [3].

Коллектив завода формировали из местного населения. На базе Усть-Баргузинского и Кабанского рыбозаводов рабочие учились на курсах по под¬готовке мастеров, бригадиров, мотористов. Их окончили Каргапольцева Ульяна Федоровна, Березовские Екатерина Семеновна, Евдокия Семе¬новна, Клавдия Семеновна, Марченок Анна Петровна, Суворова Анисья Николаевна, Шешурихина Евдокия Панкратьевна [4].

В годы Великой Отечественной войны рыболовецкие бригады и флот комплектовали в основном из женщин и подростков. Так, например, бри-гадиром лова была Колмынина Елена Федоровна, капитаном катера Во-ронова Екатерина Ивановна. Много было эвакуированных с запада на промысел рыбы на Байкале.

Лучшие образцы труда показывали работники Кабанского рыбозаво¬да. Это, в частности, механик моторного флота Чумаков, который на митинге заявил: «В ответ на наглое нападение фашистских агрессоров я буду работать за двоих, отдав все силы тому, чтобы моторный флот работал безаварийно и по графику». Он так и работал, сдержав данное слово. Люди понимали обстановку военного времени и работали само¬отверженно [5].

В сентябре 1941 г. Наркомат рыбной промышленности СССР пред¬ложил руководству треста решить вопрос с размещением на Байкале демонтированного завода системы рыбной промышленности. В поселок Клюевка эвакуировалась Керчинская судоверфь. Она строила малый моторный флот для гослова и колхозов [6].

В 1942 г. Кабанский рыбозавод был реорганизован, а на его базе образованы: Посольский рыбозавод с конторой заводоуправления в с. Творогово (на берегу Селенги, место называлось МРС). Там был пост¬роен поселок из двухквартирных домов, в которых проживали работники аппарата управления и шофера. Посольский рыбозавод работал с 1942-1945 г. Но как только окончилась война, завод был упразднен, а все его имущество было передано Кабанскому рыбозаводу. Мысовский рыбозавод был закрыт в конце 1946 г., а все его имуще¬ство было передано Кабанскому рыбозаводу [7].

В 1942 г. для рыбной промышленности и отдельно для Байкала было поставлено большое количество стандартных брусчатых одно и двухквартирных домиков. Силами женщин эти дома были собраны на рыбоприемных пунктах Посольск, Харауз. Был построен почти целиком поселок МРС на реке Селенге около села Творогово, где позднее разме-стилась контора Кабанского рыбозавода. В эти дома расселялись эваку-ированные из прифронтовой зоны, которые обеспечивались работой. Завод был на военном положении и значился как дивизион. В это же время, в 1942 г., прибыли рыбаки с Каспийского и Азовского морей. Они ста¬ли внедрять лов омуля ставными неводами. В 1945 г. было 20 став¬ных неводов, инициатором этого лова был рыбак с Приморск-Ахтарского рыбзавода Цыбан Петр Захарович, который работал на заводе до 1961 г. По-настоящему переработкой рыбы, посолом и копчением начали заниматься в 1942-1943 гг. - эту технологию внедрил эвакуирован¬ные из Астрахани мастер Арефьев. Для холодного копчения рыбы на Посольском участке построили коптильные камеры, провялочный сарай и помещение для уборки готовой продукции. Все было сделано времен¬но и прослужило до 1961 г. В связи с подъемом уровня воды в Байка¬ле для Иркутской ГРЭС, начался перенос жилья и производственных цехов

на новое место. Заново началось строительство рыбообрабаты¬вающих пунктов, складских и вспомогательных помещений на рыбпунктах Посольск, Истомино, Оймур [8].

В 1953 г. на участке Поворот впервые на каждой тони были установ¬лены лебедки ЛМН-1. С 1956 г. стали внедрять промысловые механизмы, в первую оче¬редь лебедки ЛМН-1. В 1961 г. были построены и запущены в эксплуатацию холодильники на участках Посольск и Оймур, внедрили машинную замо¬розку рыбы, параллельно шло строительство производственных цехов. В 1971 г. были внедрены льдобуры, что значительно облегчило труд рыбаков [9].

Из архивных данных видно, что с 1947-1951 г. в Кабанский завод влилось 15 больших и малых рыбных организаций, ОРСы, номерные заводы, а также Мысовский, Корсаковский и Дубинин¬ский рыбозаводы [10].

НА КАБАНСКОМ РЫБОЗАВОДЕ, как и на всех байкальских предприятиях рыбной промышленности, произошли изменения в период пере¬носа всех зданий и сооружений из зоны затопления в связи со строи-тельством Иркутской ГЭС (в конце 1950-х гг.). В это время закрываются такие пункты, как Поворот, Харауз, МРС, строения пункта Посольск были перенесены с берега Байкала на возвышенность, все перевезенные стро¬ения с Поворота, Хараузa, МРС размещаются в Посольске. Идет строи¬тельство жилья, объектов соцкультбыта, производственных помещений, работают не только специальные строительные организации, но и само население. Каждая рыболовецкая бригада, возвращаясь с рыбалки, сразу шла на строительный объект и выполняла ту работу, что ей поручали. В основном же перевозили жилье и строили его для рыбаков [11].

В начале 1960-х г. на промышленную переработку стало поступать океани¬ческое сырье, тем самым была обеспечена занятость рабочих на протяжении всего года. К этому времени сложился стабильный коллектив опытных квалифицированных мастеров рыбообработки, которые прошли воен¬ную закалку - это Орлова Клавдия Семеновна, Марченко Анна Петров-на, Суворова Анистья Николаевна, Ненашева Надежда Григорьевна. Все рыболовецкие бригады имели орудия лова из синтетических материа¬лов. Во главе стояли опытные бригадиры Куриганов Борис Куриганович, Сагалов Сергей Сергеевич, Дарханов Борис Иванович, Темников Иван Афанасьевич, Суворов Иван Андреевич, Конев Иван Александрович, Ер¬маков Иван Семенович, Гашов Афанасий Захарович, Гашов Михаил За¬харович. Выловы рыбы достигали максимальных значений. Свои знания и опыт старейшие бригадиры передавали молодым специалистам. Бригадирами в 1970-е гг. гг. назначаются Дружинин Петр Филиппович, Голиус Леонид Евгенье¬вич, Бадураев Петр Госбоевич. В 1960-1970-е гг. на Кабанском рыбозаводе была проведена реконст¬рукция. Вместо ветхих деревянных цехов обработки рыбы в Посольске и Оймуре были построены цеха посола и копчения в шлакоблочном ис¬полнении. Появились холодильники: в Оймуре на 150 тонн, в Посольске - на 500; были построены автогаражи, котельные системы, очистные сооружения, водоснабжение и другие объекты. После проведенной реконструкции увеличилась производственная мощность цехов, улучшились условия труда рабочих, повысилась куль¬тура производства. После расширения производственных мощностей в Посольске и Оймуре рыбозавод смог сконцентрировать всю обработку рыбы на этих пунктах. В 1960-1980-е гг. идет бурное строитель¬ство объектов соцкультыбта, реконструкция производственных помеще¬ний. В эти годы была произведена реконструкция коптильного производства, построен холодильник на 400 тонн, гавань для захода су¬дов, автозаправочная станция, бытовые помещения в Посольске и в Оймуре. Шло освоение новых видов обработки рыбопродукции, выпущен в эксплуатацию цех мелкой расфасовки, который возглавлял мастер рыбообработки

Благодетелева Нелли Адольфовна. На участках Посольск и Оймур в цеха рыбообработки пришла молодая, грамотная смена - стар¬шие мастера Попова Тамара Анатольевна, Челпанова Ольга Ивановна [12].

Из поколения в поколение совершенствовалось мастерство, опыт передавался от родителей к детям. Необходимо отметить четыре большие династии, корни которых идут от 1930-х гг. - это Орловы, Якушевы, Благодетелевы, Гошовы, также зарож¬дались новые семейные династии Неплановых, Пастушенко [13].

Особо нужно отметить всех тех, кто начинал свою трудовую деятель¬ность с первых десятилетий, в военные годы. Среди ветера¬нов рыбной промышленности числятся: Темников Иван Трофимович, Дружинин Петр Филиппович, Матвиен¬ко Петр Владимирович, Филонов Александр Иванович, Буторин Михаил Филиппович, Пушкарев Семен Иннокентьевич, Калапова Клавдия Ефи¬мовна, Кыштымова Валентина Федоровна, Тахинаева Анна Борисовна, Вещев Николай Илларионович, Кыштымов Григорий Иванович, Суворов Иван Андреевич, Каргапольцев Георгий Михайлович, Суранов Евгений Иванович [14].

Коллектив Оймурского участка под руководством Горковенко Викто¬ра Ивановича, принимал все меры, чтобы выжить - они установили ми-нипекарню и выпекали хлеб для работников завода, открыли магазин, заготавливали лес, обеспечивали древесиной не только свой участок, но и участок Посольск, занимались добычей и переработкой рыбы. Это был дружный коллектив. Всегда приходил на помощь Папинский Анатолий Ген-надьевич, Ягупов Виктор Николаевич, Ахмадеев Александр Владимиро¬вич, Нороев Владимир Павлович. Не считался с личным временем Вторушин Василий Афанасьевич, Черенцов Геннадий Иванович, Черниговский Анатолий Семенович. С большой отдачей и желанием ра¬ботали специалисты - Степанов Алексей Васильевич, Березовский Андрей Владимирович, братья Челпановы Павел и Николай, братья Пастушенко Андрей и Алексей, Левин Алексей Анатольевич. Направлял и под¬держивал молодых специалистов ветераны завода Челпанов Петр Павлович, Орлов Павел Николаевич, Обросова Валентина Артемовна, Снегирева Тамара Ивановна, Папинская Татьяна Николаевна [15].

Одним из первых директоров Кабанского рыбозавода был Лазарев. Длительное время директором работал Шангин А. Н., после него за¬вод принял Крюков И. Е., затем директором был назначен Татарни¬ков Г. А., потом Лисицкий И. Ф., Остапенко Н. М., Пестерев И. Т., Григорь¬ев А. А., Черниговский А. С.

На должности главного бухгалтера работали: Кащеев, Моторин, Во¬робьев А. В., Матушкин Я. И., Осетров В. И., Гашова Л. И.

В прошлом на Кабанском рыбозаводе выпуск продукции в течение года проводился с большими сезонными отклонениями. С 1966 г. пред¬приятие стало получать на промышленную переработку океаническое сырье. Это позволило создавать запас сырья и организовать круглогодичную рабо¬ту завода на полную мощность. В это время осваивались новые техно¬логии по обработке рыбы: баночный посол омуля (пресервы), посол рыбы в контейнерах, выпивка рыбы из чанов при помощи тельфера, механи¬ческая перекачка тузлуков, цех мелкой расфасовки готовой продукции, выпуск пряной, соленой, провесной, вяленой (искусственной и естествен¬ной вялки) продукции. Осваивался и выпуск продукции горячего копче¬ния, балычных изделий из океанического сырья, в обработку поступали сельдь, ставрида, скумбрия, нототения, морской окунь, пристипома, мин¬тай, хек, мойва и др. [16].

Рабочей силы не хватало, и этот вопрос решался путем привлече¬ния рабочих рук со стороны. Привлекались к работе служащие воинских частей, вербованные, рабочие колхозов им. К. Маркса и «Байкал». Трудились в две, а то и в три смены, в дневную смену работало до 60 чело¬век (это во время осенней путины, когда кроме океанического сырья по¬ступало сырье местного вылова – омуль, плотва, окунь и т. п.) [17].

Хозяйственным способом велось строительство жилья. Ежегодно сдавались в эксплуатацию одно и двухквартирные дома. Одновременно с этим теплофицировались рабочие поселки в Посольске и Оймуре, были построены бани, клуб, фельдшерский пункт. И можно по праву сказать, что это были лучшие годы в разви¬тии завода [18].

В декабре 1992 г. завод был преобразован в открытое акцио¬нерное общество, за это время с баланса завода были переданы в му¬ниципальную собственность детсады, клуб, котельная на Новостройке, закрыта баня, приостановилось строительство жилья, а имеющееся ра¬нее было приватизировано [19].

Завод пережил тяжелые годы, когда были огромные процентные став¬ки кредитов, когда высокие налоги душили производство. Завод сокра¬тил коллектив до минимума - 110 человек на двух участках, однако выжил. Основные работы по добыче и обработке рыбы не прекратил, вел рабо¬ты по заготовке леса для тарного производства, строительство бондар¬ного корпуса на Посольском участке. В марте 1996 г. общее собрание акционеров приняло решение объединиться с колхозом «Байкал». Чис¬ленность коллектива увеличилась на 123 человека. Несмотря на сло¬жившиеся трудности, благодаря слаженному труду, завод заработал: по договору лизинга купили новый комбайн, минипекарню (пекли хлеб сначала из по¬купной муки, а затем и из муки своего помола), приобрели пель¬менный автомат, был начат выпуск кулинарной продукции. В 1999 г. уста¬новили минипекарню на Оймурском рыбучастке, обеспечение мукой осуществлялось с Посольска, где на землях присоединившегося колхоза «Байкал» выра¬щивалась своя пшеница. В течение ряда последующих лет завод работал с неболь¬шой, но прибылью, которая в основном приходилась на пополнение оборотных средств [20].

Информационный центр «Бизнес-Б» проводил рейтинг эф¬фективно работающих компаний на рынке Бурятии. Исследования про¬водились по данным Госкомстата, было исследовано более 3000 пред¬приятий промышленности, сельского хозяйства и других отраслей по следующим показателям: оценка деловой активности, оценка ликвидно¬сти, оценка финансовой устойчивости, рентабельность и другие. На ос¬нове этих показателей был составлен рейтинг 100 компаний, эффектив¬но работающих на рынке Бурятии, Кабанский завод занял девятое место в этом списке, в 1999 г. – пятое место в том же рейтинге [21].

Заключение. Таким образом, руководители Кабанского рыбозавода принимали меры по налаживанию собственного промысла в низовьях рек, озер, отличавшихся высокой рыбопродуктивностью. За годы войны, несмотря на предпринимаемые меры, не удалось провести полную механизацию промыслов, обеспечить предприятия отрасли квалифицированными управленцами и специалистами по добыче и переработке рыбы. Тем не менее, рыбаки Кабанского рыбозавода внесли свой вклад в продовольственное обеспечение страны.

За годы первой послевоенной пятилетки в основном была проведена реорганизация рыбной промышленности, обусловленная переводом экономики страны на мирные рельсы и изменением задач, стоящих перед отраслью. Была создана централизованная система управления и оптимизирована структура предприятий рыбной промышленности.

В 1970–1980-х гг. начался завоз на некоторые рыбозаводы океанической рыбы с Атлантического и Тихого океанов для переработки и изготовления рыбной продукции, а также ее реализации через торговую сеть.

Кабанский рыбозавод имел в своем распоряжении необходимую по тем временам материально-техническую базу. Масштабы рыбных уловов не позволяли обеспечить продовольственные нужды местного населения из-за вывоза продукции в другие регионы страны.

Список литературы

[1] Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ОГКУ ГАНИИО). Протоколы общих собраний коммунистов за 1951 г. ГАНИИО. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

[2] Материалы о работе секции охраны леса, рыбных запасов, диких животных, садоводства. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 49. Л. 36. Л. 63.

[3] Материалы о работе секции охраны рыбных ресурсов. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

[4] Сводный годовой отчет о работе совета и справки о дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств в бассейне оз. Байкал за 1977 г. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 224. Л. 40.

[5] Государственный архив Иркутской области (ОГКУ ГАИО). Постановления и переписка о мероприятиях по охране и ловле соболя, нерпы, омуля (1926-1927 гг.). Постановление Иркутского губисполкома от 4.06.1926 г. №41. Ф. р-218. Оп. 1. Д. 30. Л. 11-13, 2, 4, 7, 16.

[6] Переписка с госрыбохраной, с Облпотребсоюзом по охране рыбных запасов и регулированию водоемов. ГАИО. Ф. р-2739. Оп. 1. Д. 62. Л. 49.

[7] Положение о Байкальском и Прибайкальском охотничьем хозяйстве. Постановления об утверждении промыслово-рыбацких угодий 1928-1930 гг. ГАИО. Ф. р-218. Оп. 1. Д. 136. Л. 68, Л. 93.

[8] Государственный архив Республики Бурятия (ГАУК ГАРБ). Годовые планы работы инспекций рыбоохраны. ГАРБ. Ф. р-1712. Оп. 1. Д. 515. Л. 64.

[9] Документы по охране нерестового омуля за 1976 г. ГАРБ. Ф. р-1712. Оп. 1. Д. 541. Л. 1-2.

[10] Протоколы заседаний. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3986. Л. 124.

[11] Социальные обязательства Усть-Баргузинского рыбокомбината за 1947-1950 г. ГАРБ. Ф. п-876. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Л. 29.

[12] Голубая нива Бурятии. М-во сельского хозяйства и продовольствия РБ. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2001. С. 78-82.

[13] Гайдин С. Т. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015. – 370 с.

[14] Аргунова Ю. Ю. Проблемы комплектования руководящих и инженерно-технических кадров на предприятиях рыбной отрасли Иркутской области в первой половине 1950-х гг. // Вестник ИРГТУ. 2015. № 6 (101). С. 307.

[15] Аргунова Ю. Ю. Развитие рыбной отрасли Иркутской области в 1950–1960-х гг. // Известия ИГЭА. 2014. № 3 (95). С. 124.

УДК 33: 94: 339 (571.150)

Роль внешних товарных поставок в экономическом развитии Алтайского края в 1960-е – 1991 гг.

Гряникова Галина Андреевна
Преподаватель кафедры Отечественной истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия.
gryanikova2711@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1251-1874

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрена роль внешних поставок в товарном снабжении населения Алтайского края в 1960-е – 1991 гг. На основе официальных статистических данных, материалов Государственного архива Алтайского края, сведений газет «Алтайская правда» и «Свободный курс» определены динамика развития местных производств легкой и пищевой промышленности в условиях плановой системы хозяйствования, а также характерные черты экономики края, включающие сокращение товарных запасов, спад темпов производительности краевых предприятий, недопоставки товарной продукции из других регионов и союзных республик. Сделаны выводы о неполном удовлетворении материальных потребностей населения в сфере торговли в связи с недостатками организации производства и методов управления экономикой

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА советская торговля, внешние поставки, потребительский рынок, история повседневности, Алтайский край.

Материальное состояние населения и развитие потребительского рынка Алтайского края в середине 1960-х – 1991 гг. находились в прямой зависимости не только от товаров местных производителей, но и от внешних поставок. В связи с этим представляется актуальным разностороннее изучение торговли и уровня товарного снабжения во взаимосвязи с качеством потребления.

К началу 1960-х гг. Алтайский край занимал ведущие позиции по производству продовольствия, сельскохозяйственной и машиностроительной продукции [11, с. 387 – 420]. На предприятиях края производилось более 80 % тракторных плугов, свыше 34 % грузовых вагонов, около одной трети мощностей паровых котлов, выпускавшихся в РСФСР [16, с. 159]. Известность имели тракторы АТЗ, плуги «Алтайсельмаш», энергетические котлы Барнаульского и Бийского котельных заводах, буровые установки Барнаульского геологоразведочного оборудования. Рубцовский завод тракторного электрооборудования стал крупнейшим в стране производителем карбюраторов, стартеров и генераторов.

Большой объем продукции выпускали предприятия столицы Алтайского края – г. Барнаула: овчинно-меховая и спичечная фабрики, фабрика валяной обуви, ликёро-водочный, дрожжевой и пивобезалкогольный заводы, маслозавод, мясокомбинат, гормолзавод, комбинат хлебопродуктов, меланжевый и хлопчатобумажный комбинаты [7, с. 35; 15, с. 158]. На территории г. Рубцовска действовали мясокомбинат, гормолзавод, пищекомбинат, хлебокомбинат, комбинат хлебопродуктов, швейная и мебельные фабрики, осуществлялось производство стройматериалов, в г. Бийске – мясо-, маслосыр-, фанероспичечный комбинаты, обувная, швейная, чулочно-носочная фабрики, в г. Камне-на-Оби – ликёро-водочный завод, мясокомбинат, элеватор по переработке зерна и приему хлеба, в г. Славгороде – швейная и мебельные фабрики, Бурлинский солепромысел, молочно-консервный и хлебный комбинаты, мясокомбинат, пивзавод, в г. Заринске – хлебо-, пищекомбинаты, маслосыркомбинат [17, с. 72, 167 – 168, 314, 330, 143.].

Активное развитие получила не только городская промышленность, но и производственные предприятия, располагавшиеся в сельской местности. В Немецком национальном районе продукцию населению поставляли маслобойни для переработки семян подсолнечника, мельницы, сыроварни, мини мясокомбинаты, колбасные цеха, цеха по производству халвы, в р. п. Павловске – маслозавод, хлебокомбинат, рыбхоз, птицефабрика [17, с. 243, 264]. Совхоз «Сибирский» Советского района специализировался на выращивании облепихи, «Радужный» и с. Усть-Чарышская пристань – на производстве

товарной рыбы [17, с. 335, 377]. Продовольствие для населения края также производили мясокомбинаты сёл Косихи, Михайловское, Усть-Чарышской пристани, маслосырзаводы в сёлах Косихе, Поспелихе, Ребрихе, Родино, Романово, Солонешное, Тальменке, Тюменцево, Целинное, Шипуново, Усть-Калманке, Чарышское, а также в Быстрянском, Краснощёковском, Мамонтовском, Петропавловском, Смоленском, Советском, Троицком, Угловском и Хабарском районах [17, с. 196, 277, 290, 306, 310, 334, 335, 370, 376, 377, 386]. Производство хлебной продукции осуществляли хлебокомбинаты, хлебозаводы и хлебоприемные пункты в сёлах Поспелихе, Ребрихе, Родино, Усть-Калманке и Усть-Чарышской пристани, Краснощёковском, Петропавловском, Смоленском, Советском, Угловском и Хабарском районах. На территории сёл Ребрихи и Усть-Калманки располагались элеваторы, в с. Родино – мельница [17, с. 306, 310, 376].

К менее распространенным предприятиям относились Быстроистокский сахарный завод, Петуховский содовый завод, Быстрянский пчеловодческий комплекс, кондитерская фабрика и молочно-консервный комбинат в р. п. Кулунде, завод сухого молока и швейная фабрика в с. Михайловское, птицефабрика в Смоленском районе, консервный завод в Троицком районе, колбасный цех в Угловском районе [17, с. 87, 176, 195, 200, 229, 334, 367, 370].

С 1965 по 1985 гг. объем товарной продукции промышленности Алтайского края возрос в 3 раза. Наибольший рост производства товаров наблюдался в 1965–1970 гг. при спаде производства в 1980–1985 гг. [12, с. 10].

В 1965–1970 гг. производство сыра возросло на 42 %, пива – на 28 %, безалкогольных напитков – на 73 %. Алтайский край являлся единственным в Сибири регионом по производству сахара и ведущим по производству мёда [10, с. 197]. В 1983 г. на общественных пасеках имелось 110 тысяч пчелосемей, 14 специализированных хозяйств вошли в фирму «Нектар» в с. Солтон [17, с. 301, 338]. По воспоминаниям жителей, Алтайские маслосыркомбинаты реализовывали разнообразные сорта сыра – голландский, костромской, кубанский, российский, советский, степной, ярославский [4, с. 4]. Хлебопекарная промышленность осуществляла производство на дрожжах Барнаульского завода. Конфеты, карамель и плитки шоколада в ассортименте изготовляла Барнаульская кондитерская фабрика [13, с. 174 – 182].

К предприятиям по производству напитков относились Барнаульский ликёро-водочный завод, изготавливающий вино, водку, портвейн, настойку, и Барнаульский завод безалкогольных напитков таких как фруктовые воды на натуральных сиропах и лимонады «Крем-сода», «Саяны», «Ситро», «Байкал» [13, с. 174 – 182]. Спирт, ликеро-водочные изделия, безалкогольные напитки и пиво производили Змеиногорский ликёро-водочный завод, Ключевской и Смоленский пивзаводы, 3 пивзавода в Немецком национальном районе, пивзаводы в сёлах Павловске, Поспелихе, Родино, Усть-Чарышской пристани [17, с. 150, 176, 243, 264, 290, 310, 334, 377]. Барнаульский пивзавод производил пиво на основе саратовского и волгоградского ячменного зерна, имеющего лучшие качества по сравнению с алтайским ячменем [1, с. 4]. В Суетском районе были разведаны запасы минеральной воды [17, с. 348]. В 1991 г. на Рубцовском гормолкомбинате было запущено производство молочного пива «Бочо» крепостью 3–4 градуса [3, с. 2].

Однако сфера потребления промышленных и продовольственных товаров во многом зависела от внешних товарных поставок. В конце 1969 г. в продаже Алтайского края отсутствовало детское питание из-за недопоставок Московским, Грозненским и Ленинградским пищекомбинатами [6, л. 32 – 33]. В 1970 г. Ленинградская фабрика не произвела отгрузки 40 тонн кондитерских изделий, Новосибирская фабрика «Красная Сибирь» – мягкие конфеты в связи с уменьшением плана выработки Росглавкондитером [6, л. 29]. В 1970 г. при наличии нототении, камбалы, пристипомы, хека и кильки спрос на рыбную продукцию удовлетворен не был, во многом в связи с невыполнением поставки свежемороженой рыбы от Дальрыбсбыта (73 %) [6, л. 7 – 10, 28, 30, 33].

Подобная ситуация наблюдалась относительно товаров производства легкой промышленности. В 1970-е гг. на долю местного производства швейных изделий

приходилось 70 %, меховых изделий – 68 %, трикотажа – 38 %, обуви – 15 % [5, л. 28]. При этом во внешних поставках наблюдались случаи нарушения, согласованного с торгующими организациями ассортимента. 15 апреля 1970 г. Грузинский прядильно-трикотажный комбинат вместо взрослых комбинаций без согласования с Алтайской оптовой базой Росторгодежда отгрузил вискозную детскую сорочку, 16 июня 1970 г. – белую мужскую фуфайку вместо изделия синего цвета. Тбилисская трикотажная фабрика и Бузулукская перчаточная фабрика поставляли детские варежки большого покроя [6, л. 18].

В 1971–1973 гг. при общем увеличении продаж одежды и белья на складах магазинов Алтайского края оставались мужские хлопчатобумажные брюки из Корейской Народно-Демократической Республики из-за устаревшей модели и мнущейся ткани, мужские сорочки из Демократической Республики Вьетнам. К 1975 г. при повышенном спросе на джемпера типа «лапша» производства Бакинской трикотажной фабрики не пользовались спросом трикотажное белье производства Ленинаканской, Кировоканской, Душанбинской фабрик из-за неудовлетворительной устаревшей модели, расцветки, отделки, а также последующей усадки и потери формы при стирке [5, л.].

В 1975 г. при повышенном спросе на продукцию киргизской обувной фабрики «Чолпон» (г. Фрунзе), Ташкентской, Шахтинской, Омской, Новосибирской обувных фабрик, женские полусапожки и ботинки из Чехословацкой Социалистической Республики слабо реализовывались женские сапожки из искусственного лака с непрочными металлическими замками. Так, за январь – февраль 1975 г. Алтайским краем было возвращено 24 пар обуви в ЧССР, 5 – В Польскую Народную Республику, 3 – в Социалистическую Федеративную Республику Югославия, 2 – в Австрию [5, л. 12, 24]. Подобная ситуация складывалась относительно детской обуви. Челябинское обувное производственное объединение поставляли мальчиковые туфли тяжелой, грубой, мрачной расцветки, а также к светлым туфлям прилагались черные длинные шнурки. Свердловская фабрика «Уралобувь» поставляла тяжелые туфли однообразной красной расцветки, при этом частым явлением были полупары из разной кожи. Иркутская фабрика «Ангара» поставляла летние женские туфли по цене в 5 руб. 40 коп. из кожи низкого качества комбинированной расцветки (красный и голубой цвет колодки и розовая подошва) [5, л. 23].

В 1990 г. наблюдался острый дефицит в табачных изделиях. По словам директора Бийской табачной фабрики Г.С. Ожерельева, причинами недостатка «Астры» при сохранении уровня производства были снижение поставок сырья из Болгарии, упразднение последнего заготовительного пункта табака в г. Камне-на-Оби в 1989 г., износ оборудования и отсутствие технологий для производства сигарет с фильтром [8, с. 5].

Помимо обозначенных проблем, в 1990 г. предприятия Алтайского края испытывали потребность в основных видах сырья в связи с разрушением централизованной системы снабжения. Наиболее перспективное сотрудничество было возможно с китайским рынком при постепенном увеличении суммы внешнего товарооборота. При этом основная часть поставок в КНР приходилась на сырье, минеральные удобрения и товары бытового назначения с постепенным внедрением экспорта оборудования и машин [2, с. 15]. В 1991 г. состоялась встреча директора китайской компании Су Ни Те и главы барнаульской фирмы «Пансибэкс» В. Зайченко, на которой заключено соглашение о реализации более дешевых китайских товаров на местном рынке с дальнейшим вкладом полученной прибыли в совместные предприятия по производству швейных изделий и обуви [9, с. 3]. Распространенным явлением в торговле г. Барнаула стали выставки китайских товаров – курток, пальто, пуховиков, зонтов, магнитофонов, магнитол и видеоцентров. Относительно свободно приобрести данные изделия возможно было в коммерческих магазинах при превышении по сравнению с государственной торговлей стоимости в 20–25 раза. В связи с этим нередки были случаи кражи экспонатов с выставочных витрин [14, с. 7].

Таким образом, анализ статистических данных и сведений, содержащихся в архивных документах и местной периодической печати, позволил выявить прогрессирующую динамику производства предметов повседневного спроса в 1960-е – 1991 гг. Разветвлённая сеть производственных предприятий может свидетельствовать об экстенсивном пути развития экономики Алтайского края, при котором объем производства увеличивался за счет введения в эксплуатацию заводов и фабрик, а не повышения эффективности использования имевшегося потенциала. В то же время при насыщении рынка отдельными видами продукции многие товары широкого потребления оставались дефицитными. Характерными чертами экономики края стали сокращение товарных запасов, перебои в реализации товаров в связи со спадом темпов производительности промышленных предприятий, уменьшением темпов роста объемов производства краевых предприятий, недопоставками товарной продукции из других регионов и союзных республик. Неудовлетворение спроса населения явилось следствием производства промышленных товаров низкого качества, устаревших моделей одежды и обуви, а также раскомплектования структуры заказов, поскольку действующая система планирования поставок сырья, продовольствия и товаров не учитывала систему заказов торгующих организаций. В целом, недостатки организации производства и методов управления экономикой приводили к неполному удовлетворению материальных потребностей населения края, что наиболее явно проявилось в 1980-е гг.

Благодарности: автор выражает благодарность Евгении Валентиновне Демчик за высококвалифицированную работу в качестве научного руководителя, и.о. директора КГКУ «Государственный архив Алтайского края» Елене Дмитриевне Егоровой за помощь в предоставлении материалов архива о розничной торговле, директору Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай Ольге Валерьевне Ситниковой за предоставление статистических документов для служебного пользования о региональной экономике.

Список литературы

[1] Барнаульское пиво // Алтайская правда. 1966. 20 янв. № 16. С. 4.

[2] Блиц опрос СК // Свободный курс. 1991. № 2. С. 15.

[3] «Бочо» – это пиво. Но какое? // Алтайская правда. 1991. 18 мая. № 98 – 99. С. 2.

[4] В каком виде подавать сыр // Алтайская правда. 1966. 9 янв. № 7. С. 4.

[5] Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р–926. Оп. 4. Д. 217.

[6] ГААК. Ф. Р–926. Оп. 4. Д. 95.

[7] Город Барнаул за 250 лет: статистический справочник / Барнаульский Горком КПСС; Городская инспектура Госстатистики. Барнаул: [б.и.], 1980. 79 с.

[8] Дело – табак // Алтайская правда. 1990. 27 мая. № 121 – 122. С. 5.

[9] Китай нас скоро отоварит // Свободный курс. 1991. № 21. С. 3.

[10] Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине XX в.: от освоения целины к Продовольственной программе // История Алтая: в 3-х т. Т.3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 173 – 210.

[11] Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд., 1987. 448 с.

[12] 50 лет Алтайскому краю: статистический сборник / под ред. В.И. Псарева, Э.Ф. Аунапу, В.И. Шмаковой. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1987. 152 с.

[13] Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках. Барнаул неформальный. Барнаул: [б.и.], 2013. 272 с.

[14] Уперли прямо с витрины // Свободный курс. 1991. № 26. С. 7.

[15] Худяков А.А. История Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. Изд-во, 1973. 96 с.

[16] Энциклопедия Алтайского края: в 2-х т. Т.1 / Редкол: В.Т. Мищенко (гл. ред.) и др. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1995. 367 с.

[17] Энциклопедия Алтайского края: в 2-х т. Т.2 / Редкол: В.Т. Мищенко (гл. ред.) и др. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1996. 488 с.

УДК 94(47)

Российско-китайские гуманитарные контакты в дальневосточном приграничье в 1950-1980-е гг.

Залесская Ольга Владимировна
Доктор исторических наук, декан исторического факультета,
Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск, Россия

Янь Мэйвэй
Соискатель степени кандидат исторических наук,
Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск, Россия

АННОТАЦИЯ Сегодня российско-китайские отношения характеризуются высоким уровнем всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В 2021 г. исполнилось 20 лет со дня подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, символизировавшего доверительные партнерские отношения между Россией и Китаем. Важной частью российско-китайских отношений являются гуманитарные контакты между странами. Между тем, в историческом процессе гуманитарных контактов России и Китая на Дальнем Востоке остается еще немало вопросов, требующих исследования. Целью данной работы стало изучение гуманитарных связей двух стран в дальневосточном приграничье, а именно между территориями на российско-китайской границе – Амурской областью (РФ) и провинцией Хэйлунцзян (КНР) – в зоне максимального сближения и взаимодействия двух этносов. Хронологические рамки исследования охватывают 1950-1980-е гг. – период с начала образования Китайской Народной Республики и до прекращения существования СССР. Задачами исследования стало рассмотреть гуманитарные связи двух стран в дальневосточном приграничье в контексте советско-китайских отношений в исследуемый хронологический период, осветить направления и формы гуманитарных контактов, охарактеризовать особенности гуманитарного взаимодействия. В работе был применен принцип позитивизма, заключающегося в выявлении, описании и упорядочении эмпирических сведений о направлениях российско-китайского гуманитарного сотрудничества, и принцип историзма, позволивший исследовать гуманитарное взаимодействие в дальневосточном приграничье в социально-историческом контексте. В работе использованы архивные материалы на китайском языке в авторском переводе. Авторы приходят к выводу, что гуманитарные контакты в исследуемый период в определенной степени являлись отражением политических курсов двух стран, но, вместе с тем, их формы и направления были обусловлены степенью сближения участников гуманитарных связей, социально-экономическими условиями сотрудничества. Изучение накопленного опыта двусторонних гуманитарных контактов на российско-китайской дальневосточной границе чрезвычайно важно для осмысления исторического процесса отношений России и Китая на межгосударственном и межрегиональном уровнях, имеет большое значение для определения направлений дальнейшего развития российско-китайских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Россия, Китай, российско-китайские отношения, гуманитарные контакты, дальневосточное приграничье

История российско-китайских отношений насчитывает свыше четырех столетий. В XVII веке уже складываются центры русско-китайской торговли: гг. Тобольск, Нерчинск, Селенгинск, через которые шел обмен товарами и вместе с этим происходило взаимное узнавание и взаимодействие. Благодаря деятельности Российской духовной миссии в Пекине, в России в XVIII – первой половине XIX века появляются свои профессиональные переводчики и китаеведы, публикуются первые российские специальные исследования по Китаю. В русских университетах вводится преподавание языков, распространенных в Китае. В русской литературе и публицистике первой половины XIX века стал формироваться образ дальневосточного соседа России.

Во второй половине XIX века вся система русско-китайских отношений качественным образом меняется. Поворотным моментом в дальнейшем развитии российско-китайских отношений стало определение новой линии границы на Дальнем Востоке. Труд китайских рабочих стал активно использоваться в строительстве дальневосточных городов, сооружении железных дорог, разработке приисков и т.д.; китайские купцы

заняли главенствующие позиции в дальневосточной торговле. Присутствие китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке формировало среду для гуманитарных контактов. В конце XIX века начинается становление китаеведческого образования на Дальнем Востоке: в 1899 г. был открыт Восточный институт во Владивостоке, в городах российского Дальнего Востока открываются курсы китайского языка.

В начале XX века появляются переводы русской художественной литературы на китайский язык. Произведения Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова знакомили китайскую интеллигенцию с гуманистическими идеями русских писателей, формировали романтизированный образ русского народа. Китайские дипломаты и культурные деятели знакомились с русским классическим балетом и русской музыкой. После Октябрьской революции 1917 г. стремление китайского общества познакомиться с русской литературой, понять сущность происходивших в России революционных процессов еще более усилилось. Русская и советская литература и искусство оказали огромное влияние на литературу и искусство Китая. В Китае начинается распространение идей марксизма-ленинизма.

Взаимодействие двух культур продолжалось на Дальнем Востоке. В 1920-1930-е гг. на Дальнем Востоке России присутствовало от 50 до 70 тыс. китайских мигрантов. Они вовлекались в социалистическое строительство на Дальнем Востоке и происходящие трансформационные процессы. Советские властные органы создавали для китайских мигрантов библиотеки, газеты, клубы, театры, коммуны, рабфаки, совпартшколы; вовлекали их в кооперативы, профсоюзы и колхозы [1, С. 129-228.]. Особым социокультурным явлением 1920-1940-х гг. в контактной дальневосточной зоне, возникшим на основе преемственности с российской культурой и диалога с социокультурными образованиями в Азии, стало Русское зарубежье. Русскую эмиграцию следует рассматривать как особое явление, обогатившее в процессе взаимодействия с китайским народом культуру принимающей страны, создав огромный пласт материальных, духовных и культурных ценностей. Как отмечает В.Г. Дацышен, «1920-1930-е гг. дают пример интересного и довольно противоречивого русско-китайского культурного сотрудничества и взаимодействия в приграничных регионах... для китайского населения советского Дальнего Востока была проведена попытка «культурной революции»; несмотря на отсутствие у основной массы русских эмигрантов в Маньчжурии знаний китайского языка и китайской культуры, «харбинцы» оказались «на передовых рубежах отечественного китаеведения» и т.д. [2, С. 447].

После освобождения Северо-Востока в 1945 г. от японской оккупации и начала строительства здесь нового Китая, началось изучение советского образовательного опыта: в 1948 г. департамент образования народного правительства Северо-Востока сформировал группу изучения модели российского образования, организовав поездки кадрового состава группы и преподавателей в Люйшунь и Харбин в целях посещения русских средних школ и заимствования методики обучения и пятибалльной системы оценок. На состоявшейся в августе 1948 г. на Северо-Востоке 4-й конференции по проблемам образования было принято официальное решение «изучать и заимствовать российский опыт в сфере образования» [3, С. 98].

Новая страница в истории отношений России и Китая, в т.ч. и в гуманитарной сфере, началась с образованием в 1949 г. Китайской Народной Республики. СССР первым установил дипломатические отношения с КНР. 14 февраля 1950 г. был подписан Договор о Дружбе, союзе и взаимной помощи, регулирующий политическую, военную, экономическую, культурную и др. сферы отношений между двумя странами и оказавший непосредственное влияние на развитие двусторонних контактов. Курс обеих стран на развитие связей в области культуры нашел отражение в соответствующих соглашениях: соглашении об обучении граждан КНР в высших гражданских учебных заведениях СССР от 9 августа 1952 г., соглашении о лечении граждан КНР в больницах и санаториях

СССР от 9 октября 1952 г. и т.д. Развивался взаимный обмен делегациями – за 1950-1958 гг. КНР посетили более 2 тыс. деятелей культуры, искусства, работников просвещения и здравоохранения, спортсменов из СССР в составе свыше ста делегаций. Более 80-ти делегаций из Китая общей численностью свыше 2 тыс. чел. посетили СССР [4, С. 377]. Как отмечают исследователи, «советско-китайские обмены по линии науки, культуры, образования и профессиональных интересов стали инструментам формирования образа двух стран среди народов СССР и КНР», при этом «технологический развитый СССР выступал в роли некого донора не только в плане предоставления опыта и доступа к научно-техническим достижениям, но и к достижениям гуманитарного характера (образование, педагогика, воспитание, быт и образ жизни, культура, медицина и спорт)» [5, С. 124].

Были установлены побратимские связи между Москвой и Пекином, а также между Ленинградом и Шанхаем. Дальневосточные регионы – Приморский и Хабаровский края, Читинская, Амурская и Сахалинская области также установили тесные связи с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР и Северо-Восточными провинциями. При этом установление межрегиональных контактов происходило только при содействии и под контролем партийных органов, которые, в свою очередь, согласно ст.14 Конституции СССР 1936 г. руководствовались в своих действиях указаниями Верховного Совета СССР. Жестко регламентировался порядок приема иностранных туристов – предприятия, учреждения, учебные заведения отбирались и утверждались для их посещения. Визиты делегаций приурочивались к государственным праздникам и знаменательным датам в истории двух стран. В ходе этих визитов, сопровождавшихся культурно-просветительной программой, обсуждались перспективы развития отношений между приграничными районами. В определенной степени они способствовали развитию и расширению межрегионального приграничного сотрудничества, хотя большинство договоров и соглашений заключались на межправительственном уровне [6, С. 38, 69-72]. Стороны обменивались визитами инженерно-технических работников с целью обмена опытом в пищевом и цементном производстве, машиностроении, горнорудном деле, развитии рыбного хозяйства, совместного использования р. Амур.

Жители Благовещенска и Хэйхэ – городов, находящихся в непосредственной близости друг от друга на советско-китайской границе (их отделяют только 700 м реки Амур) – отмечали совместными мероприятиями годовщины образования КНР, Октябрьской революции и т.д. Визитами обменивались представители властных органов и партийные кадры, редакторы газет, молодежь. Так, 14 февраля 1957 г., в ознаменование седьмой годовщины подписания Договора о дружбе и союзе между Китаем и Советским Союзом главный редактор «Комсомольской правды» в Амурской области посетил Хэйхэ и обсудил с главным редактором «Хэйхэ жибао» в присутствии секретаря райкома партии и начальника отдела пропаганды райкома партии Хэйхэ вопросы сотрудничества и обмена рукописями между газетами. 15-17 июня того же года, по приглашению комитета комсомола Амурской области делегация в составе 10 человек во главе с начальником организационного отдела районного комитета Хэйхэ Мэн Сяньли прибыла в Благовещенск для последующего участия в 1-м Фестивале молодежи. 24 августа 1958 г. по приглашению спорткомитета провинции Хэйлунцзян, сборная команда Амурской области по гимнастике в количестве 15 чел. выезжала через Хэйхэ в Харбин для участия в дружеских матчах и соревнованиях. В следующем, 1959 г., 1 июня, амурские гимнасты посетили Хэйхэ с дружеским визитом, а 1 июня 1960 г. в Хэйхэ в присутствии советской делегации с размахом отметили Международный день защиты детей. Были и знаковые события, до сих пор сохранившиеся в памяти русского и китайского порубежного населения: новогодняя елка на льду посредине Амура между Благовещенском и Хэйхэ, российско-китайские ледовые хоккейные матчи в Хэйхэ и Благовещенске [7, С. 128, 130-132].

15 августа 1949 г. было создано Хэйхэское отделение Общества китайско-советской дружбы (ОКСД). В его постоянный комитет вошли 7 членов, в т.ч. председатель Чжао Тянье и два зам. председателя – Ли Ин и представитель российской диаспоры в Хэйхэ (насчитывавшей не менее 1 тыс. чел.) Коробков. 4 сентября, отмечая капитуляцию Японии, Хэйхэское отделение Общества уже насчитывало 500 членов. 14 января 1950 г. Обществом был создан свой клуб, выпущена стенгазета, проведены первые мероприятия в клубе. В дальнейшем члены Общества регулярно отмечали годовщины со дня рождения В.И. Ленина, И.В. Сталина, Октябрьской революции, подписание советско-китайского Договора о дружбе; убирали могилу советских воинов в парке им. генерала Ван Су в г.Хэйхэ и т.п. Под руководством Общества в ноябре 1952 г. в г.Хэйхэ и селах округа Хэйхэ был организован месячник китайско-советской дружбы – были проведены лекции, танцы, соревнования по пинг-понгу, просмотр советского кино (26 советских фильмов посмотрели более 38 тыс. чел.), 17 фотовыставок, отражающих тему китайско-советской дружбы; в Общество вступили более 5700 новых членов [7, С. 121-124].

Тесные связи с китайским порубежным населением поддерживали советские пограничники – они помогали продуктами и медикаментами во время стихийных бедствий (в основном наводнений на Амуре), спасали китайских лесозаготовителей с перевернувшихся плотов и лодок, в исключительных случаях доставляли на катерах жителей приграничных районов Северо-Востока Китая в советские больницы для оказания медицинской помощи и т.п. В 1956 г. самолеты и вертолеты с врачами из Благовещенска были направлены для спасения 62 чел. – специалистов 2-х китайских экспедиций, не сумевших добраться к своей базе в уезде Хума в большой снегопад; по этому поводу из Министерства лесного хозяйства КНР в адрес Амурского обкома КПСС и облисполкома пришло благодарственное письмо. В том же году амурские речники спасли четыре китайских плота с 18-ю сплавщиками. В следующем, 1957 году амурские речники участвовали в спасении от наводнения китайского населения на берегах Сунгари. В мае 1958 г. с советского берега были направлены вертолеты и спасательные команды к терпящим бедствие в результате сильнейшего наводнения китайским жителям волости Эмур уезда Хума провинции Хэйлунцзян; в течение 2-х суток более 300 чел. были вывезены из опасной зоны в Амурскую область. Летом того же года судами Амурского речного пароходства и пограничными катерами 1500 китайцев были вывезены из затопленных населенных пунктов в безопасное место. Летом 1959 г. советские летчики помогали жителям уезда Хума в борьбе с сильнейшими лесными пожарами; в г. Хума в честь этого состоялся митинг дружбы [8, С. 10-11].

С ухудшением советско-китайских отношений в 1960 г. обозначилась тенденция к сокращению китайской стороной культурного сотрудничества с СССР. Уменьшились закупки Китаем советских кинофильмов и литературы, количество переиздаваемых в КНР советских книг. Резко сократилось сотрудничество в области кино, радио, телевидения, высшего образования, просвещения, журналистики, печати и издательского дела. Свертывалось сотрудничество по линии Обществ дружбы, организаций комсомола, учреждений культуры, библиотек, учебных заведений и т.д.

Были прекращены студенческие обмены, обмены делегациями, совместные мероприятия, посвященные памятным датам в истории двух стран. Отношения двух стран предельно обострились, участились провокации на границе. Так, в одно из воскресений 1963 г. по фарватеру Амура около Благовещенска шел китайский пароход; на его палубе были люди в военной форме. Неожиданно он развернулся в сторону советского берега, где купались, загорали и катались на лодках благовещенцы, и прошел в максимальной близости от берега, так что часть лодок перевернулась, другие были выброшены на песок. В следующее воскресенье история повторилась. В 1962 г. была полностью прекращена деятельность совместной советско-китайской комплексной экспедиции (работала в течение 6 лет) по изучению природных ресурсов для развития

производительных сил в бассейне р. Амур и проектно-изыскательские работы по составлению схемы комплексного использования р. Аргунь и верхнего течения р. Амур [6, С. 148, 162].

В конце 1970-х гг. крайние левые силы в Китае потерпели поражение. Началось укрепление оппозиции – «прагматиков». Китайское руководство стало формировать благоприятную внешнюю обстановку для осуществления долговременной программы модернизации страны. На фоне принятого курса «четырех модернизаций» актуальным стало нормализовать отношения с Советским Союзом.

В начале 1980-х гг. в отношениях двух стран наметился поворот к потеплению. Китайская сторона незамедлительно и положительно отреагировала на речь Л.И. Брежнева в марте 1982 г. в Ташкенте о готовности нормализовать отношения, а к лету 1982 г. озвучила свои условия и принципы восстановления связей с СССР. Осенью того же года были проведены политические консультации на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран.

В советско-китайских гуманитарных отношениях произошли некоторые положительные сдвиги: были возобновлены контакты в области спорта, обмены студентами, обмены делегациями работников отдельных отраслей промышленности, туристскими группами активистов обществ дружбы; советские и китайские ученые приняли участие в международных научных форумах в обеих странах; возобновились контакты по линии Обществ дружбы.

С потеплением советско-китайских межгосударственных отношений в 1980-е гг. на региональном уровне также наблюдаются попытки сближения. Территории советского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая, объединенные общей границей, предпринимают шаги к сотрудничеству. С ростом советско-китайской торговли (составлявшей с 180 млн. руб. в 1981 г. до 1,8 млрд. руб. в 1986 г.) [2, С. 273-275] и подписанием ряда соглашений на межгосударственном уровне о торговом, экономическом и научно-техническом сотрудничестве происходит восстановление приграничных связей, возобновляется речное сообщение между СССР и КНР, восстанавливается приграничная торговля. Возобновляется и гуманитарное взаимодействие, прерванное в 1960-х гг.

В восстановлении сотрудничества значимую роль сыграли региональные отделения Обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы. Они возобновили визиты задолго до окончательной нормализации советско-китайских отношений – тогда, когда границы были фактически закрыты. 1 октября 1984 г. по приглашению Хэйхэского отделения ОКСД делегация из 3-х чел. во главе с заместителем председателя Амурского областного отделения ОСКД М.Н. Луценко прибыла в Хэйхэ для участия в праздновании 35-й годовщины основания КНР; переговоры с делегацией провел председатель Хэйхэского отделения ОКСД, заместитель партийного секретаря округа Хэйхэ Ван Дэху. Это мероприятие стало первым мероприятием между двумя сторонами после 20-летнего перерыва. 5-11 ноября состоялся ответный визит: делегация из 3-х чел. во главе с Ван Дэху прибыла в Благовещенск для участия в праздновании 67-й годовщины Октябрьской революции, посетила 14 объектов: заводы, животноводческие фермы, магазины и НИИ, и обсудила с руководителями Амурского отделения ОСКД перспективы культурных, спортивных, научно-технических и дружеских обменов. 23 февраля следующего года, в ознаменование 67-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота, группа из восьми членов делегации советской пограничной охраны во главе с полковником Селиверстовым прибыла в г. Хэйхэ, чтобы возложить венок к памятнику советских и китайских воинов; делегацию встречали Хэйхэское отделение ОКСД и пограничники Хэйхэ. В ноябре 1985 г. делегация ОКСД в сопровождении председателя Амурского отделения ОСКД В.Г. Моисеенко совершила поездку в Тынду и Хабаровск [7, С. 136-138]. Началось межвузовское взаимодействие: 28 сентября 1987 г. Благовещенский государственный педагогический институт (БГПИ) направил

поздравительную телеграмму в педагогический колледж Хэйхэ (тогда филиал Цицикарского педагогического института) по случаю 38-й годовщины основания КНР. 22 декабря того же года в Хэйхэ выступил Амурский хор в составе 60-ти чел. [7, С. 140].

Стратегия внешнеэкономической открытости, принятая в КНР, стала важнейшим фактором не только экономического роста страны, но и развития ее гуманитарных связей. В 1986 г. правительства Китая и СССР утвердили 4 пункта в провинции Хэйлунцзян для перехода границы: Суйфэньхэ – Гродеково, Хэйхэ – Благовещенск, Тунцзян – Нижнеленинское, Маньчжурия – Забайкальск; из них на границе с Амурской областью находился переход Хэйхэ – Благовещенск. Осенью 1988 г. был официально открыт порт Хэйхэ, а гг. Хэйхэ, Тунцзян и Суйфэньхэ были объявлены экспериментальными зонами провинции Хэйлунцзян по приграничной торговле с Россией. В декабре того же года был открыт порт Сюнькэ городского округа Хэйхэ (расположен напротив Михайловского района Амурской области).

С открытием портов и переходов, межрегиональное гуманитарное взаимодействие Амурской области и провинции Хэйлунцзян активизируется по различным направлениям. 26 июля – 4 августа 1988 г. в Благовещенске состоялась китайская ярмарка экспортных товаров г. Хэйхэ; это была первая торговая ярмарка Хэйлунцзяна, проведенная в СССР, с более чем 7300 участниками и оборотом в 35 млн швейцарских франков. 22 сентября в Хэйхэ состоялась выставка художников г. Благовещенска. Началось сотрудничество в сфере туризма – 24 сентября 1988 г. Благовещенск и Хэйхэ обменялись первыми туристическими группами. Начались контакты в сфере спорта: 14 октября 1988 г. на стадионе Хэйхэ был проведен первый женский баскетбольный матч между сборными Хэйхэ и Благовещенска, а 9 июня 1990 г. – 5-е игры по легкой атлетике, где в эстафетах принимала участие юношеская сборная Амурской области. Между Амурской областью и Хэйхэ было подписано соглашение о спортивных обменах, в соответствии с которым 18 июля 1990 г. в Благовещенске состоялся товарищеский турнир по баскетболу между мужскими баскетбольными командами Хэйхэ и Амурской области. 5 сентября 1990 г. на городском стадионе Хэйхэ состоялись первые соревнования по боксу и дзюдо между командами провинции Хэйлунцзян и Амурской области [7, С. 142-146].

Развиваются научные связи: 12-13 февраля 1989 г. делегация во главе с Кузиным, директором Всероссийского НИИ сои, совершила двухдневный дружественный визит в НИИ сельского хозяйства г.Хэйхэ. Это был первый обмен научными делегациями между сельскохозяйственными научно-техническими кадрами на границе Китая и Советского Союза за почти 30 лет. 1 июня того же года был совершен первый в истории российско-китайского гуманитарного взаимодействия обмен детскими делегациями: 60 пионеров Амурской области приехали в Хэйхэ, чтобы отпраздновать международный День защиты детей; китайские пионеры посетили Благовещенск. Разворачивается сотрудничество художественных коллективов – 2 сентября 1989 г. коллектив народной песни и танца Хэйхэ в составе 60 чел. дал концерт в Благовещенске. В середине января 1990 г. в музее Хэйхэ состоялась первая после нормализации китайско-советских отношений выставка советской живописи; на выставке было представлено 77 произведений искусства в русском стиле. 27-30 сентября 1990 г. коллектив народной песни и танца Михайловского района Амурской области в количестве 20 чел. выступил в уезде Сюнькэ [7, С. 147-149].

Последовавшее десятилетие стало сложным периодом в российской истории. Российскую государственность настиг системный кризис, СССР прекратил свое существование. Российский Дальний Восток пережил значительный экономический спад, даже больший, чем в целом по России. В условиях товарного и продовольственного кризиса, нарушения транспортной логистики по линии регион-центр, фактической оторванности от европейской части России территории российского Дальнего Востока в 1990-е гг. уже в составе другого государства продолжили свое сотрудничество с соседним Китаем, в т.ч. и в гуманитарной сфере.

Итак, российско-китайские гуманитарные контакты зарождаются с первыми контактами русских и китайцев. К началу XX века в дальневосточном приграничье сложилась контактная зона двух этносов. Двустороннее взаимодействие поступательно развивалось до осложнения внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг. Начавшееся после образования КНР советско-китайское гуманитарное сотрудничество следует признать феноменом по своей интенсивности. Тем не менее, на межрегиональном уровне гуманитарные контакты 1950-х гг., хотя и были достаточно разнообразны по своим формам (спортивные матчи, выставки художников и фотографов, научные и образовательные обмены и т.д.), организовывались по линии партийных органов двух стран и жёстко контролировались. Такие яркие события, как ёлка на льду Амура, совместный хоккей, обмены детскими делегациями и т.п. не стали системными. С охлаждением отношений между КНР и СССР в 1960-1970-е гг. гуманитарные связи в дальневосточном приграничье были практически полностью прекращены. В 1980-е гг., с потеплением отношений между странами, межрегиональные контакты возобновились. Благодаря накопленному историческому опыту двусторонних связей, гуманитарные отношения начали складываться в различных областях сотрудничества (образовательной, научной, спортивной, области искусства и т.д.), но активное развитие получили уже в 1990-е годы.

Список литературы

[1] Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 380 с.

[2] Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.

[3] Чжун-Э вэньхуа цзяолю ши. Чжунхуа жэньминь гунхэго цзюань (История российско-китайских культурных обменов: Китайская Народная Республика) / Под общ. ред. Сяо Юйцю; под ред. Юэ Вэй. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2016. 452 с. (Кит. яз., авт. перевод).

[4] Капица М.С. Советско-китайские отношения. М.: Госполитиздат, 1958. 424 с.

[5] Никуленков В.В., Дацышен В.Г. История становления и инструменты народной дипломатии в советско-китайских отношениях в 1950-е гг. в обзоре документов Сибири и Дальнего Востока // Современная научная мысль. 2020. №6. С. 121-127.

[6] Фролов А.В. Советско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1949-1969 гг.). Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2011. 186 с.

[7] Чжун-Э юхао цзиши: Хэйхэ – Булагэвэйшэньсыкэ (Протоколы китайско-российской дружбы: Хэйхэ и Благовещенск) / Изд. Бюро архивов г. Хэйхэ. Харбин: Хэйлунцзян Идэ иньшуа юсянь гунсы, 2012. 310 с. (Кит. яз., авт. перевод).

[8] Клим Л.М. «Не в фразах, не в резолюциях, а в деле» // Блокнот агитатора. 1988. №19 (окт.). С. 10-14.

УДК 93. 33.02

Особенности управления в рамках системы СНХ на материалах Красноярского экономического района

Павлюкевич Руслан Витальевич
Кандидат исторических наук, доцент, Красноярский ГАУ, г. Красноярск, Россия.
autocrator@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3537-7118

аннотация Статья посвящена анализу особенностей управленческой системы Красноярского экономического района, сложившейся в ходе реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. Анализируются недостатки прежней системы управления, сформированной в сталинскую эпоху. Показано, что порождаемый ее ведомственный эгоизм пагубным образом сказывался на социальном развитии региона. Эти недостатки повлияли на переход к территориальному принципу управления. Несмотря на, казалось бы, резкую смену парадигмы управления, сама система сохранила господствующие принципы плановости и жесткого государственного контроля. Совнархозы воспроизводили отраслевую систему управления в подотчетных им районах. Территориальная система управления помогла преодолеть ведомственный эгоизм, но создавала опасность местничества. Тем не менее, она давала дополнительные возможности для местного социально-экономического развития. Эффективность самих же совнархозов зависела от множества факторов, в том числе от их взаимоотношений между ними и местными органами управления и планирования.

ключевые слова плановые органы управления, Красноярский экономический район, совнархозы, ведомственность, территориальный принцип управления.

Одним из центральных элементов советской экономики выступала плановость. Для большинства из нас между этими двумя понятиями практически стоит знак равенства. В то же время советская экономическая система подвергалась реформированию и изменению. Появлялись новые элементы и исчезали старые, но плановые начала продолжали сохраняться. Необходимо признать, что во многом плановость была порождена спецификой самого советского и в некоторой степени, русского государства. Огромное государство, раскинувшееся на гигантском неоднородном пространстве, отстающее изначально в своем развитии от большинства своих противников и возможных конкурентов. Необходимость быстрого преодоления данного разрыва требовало повышенной роли государства в процессах модернизации. Плановость в этих условиях была практически неизбежным выбором для советского государства. Именно в таких условиях сложилась сталинская система управления народным хозяйством, основанная на жесткой централизации, ведомственности и мобилизации всех доступных ресурсов. Данная система была заточена на резкий рывок, достижение конкретных, в том числе и военных целей. В результате индустриализации народно-хозяйственного комплекса СССР и последующей Великой Отечественной войны поставленные задачи и цели были по большому счету достигнуты. СССР получил мощную промышленную базу тяжей индустрии, развитый ВПК.

После смерти И.В. Сталина данная система уже не могла функционировать, как и ранее, требовалась новая система управления. Поиск данной системы сопровождался политической борьбой в высшем руководстве СССР, в которой победил Н.С. Хрущев.

Одной из главных проблем, существовавшей прежде системы управления, он видел ведомственность, реализуемую через систему отраслевых министерств. Необходимо отметить, что издержки, порождаемые жесткой ведомственностью, отмечались не только Н.С. Хрущевым. Выходом из этой ситуации в глазах Никиты Сергеевича был переход к территориальной системе управления, при сохранении плановых начал. Целью статьи выступает анализ плановых начал и особенностей территориальной системы управления в рамках Красноярского совета народного хозяйства на момент

его основания.

Отраслевые министерства, по средствам которых происходило управления советской экономикой, представляли собой, по меткому замечанию В.В. Алексеева[1, с.387] закрытые отраслевые империи. В своей работе они руководствовались исключительно своими собственными интересами. В этих условиях различные отрасли имели достаточно слабые связи друг с другом, по средствам высших органов управления страны. Вдобавок, они достаточно прохладно относились к региональному развитию, в свою очередь региональные власти были ограничены в возможности воздействовать на них. Единственным рычагом давления региональных властей на отраслевые министерства были все те же центральные органы власти. К примеру, за период 1940 по 1957 г. заготовка круглой древесины в Красноярском крае возросла в три раза[2, с. 102], при этом большая ее часть по разнарядкам Совета министров СССР и РСФСР вывозилась из края, тогда как местные лесопилки и ЛДК, испытывали нехватку сырья. Жалобы на это игнорировались. Другой пример абсурдности сложившейся ситуации, отмечал сам Н.С. Хрущев в 1956 г., когда министерство строительства металлургической и химической промышленности СССР завезло сборные дома и детали к ним из Карелии общей площадью более 20 тысяч квадратных метров, в то время как министерство строительства завезло те же дома, но уже из Кировской области, а Министерство лесной промышленности и Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности, наоборот, вывезли за год из края сборные дома общей площадью более 170 тысяч квадратных метров[3]. Существовавшие плановые органы и Совет министров не справлялась с задачей координации действий различных отраслевых министерств огромной советской экономической системы. По сути каждое из них действовала, так как будто других не существовало и их интересы не пересекались.

Еще одной проблемой прежней вариации плановости был долгострой. Находившиеся далеко от проектных бюро и научно-исследовательских институтов региональные стройки получали необходимую документацию с опозданием, при чем бюро меняли проекты в процессе, не видя стройки в живую. Все это превращало долгострой в хроническую болезнь Сибири и Дальнего Востока. Так, строительство Красноярского целлюлозно-бумажного комбината шло практически с 1936 г., при этом выделенные на его строительство средства были освоены только на 16% [4, л. 4-10].

Наконец у существующей сталинской системы управления был еще один недостаток, характерный именно для Красноярского края – режимные организации. Как отмечал еще в 1952 г. председатель краевой плановой комиссии Красноярского края Е.Г. Немцова, особая роль «Енисейстроя» в системе управления регионом сдерживает не только экономическое развитие Красноярского края, но и решение социальных проблем местного населения. По мнению Е.Г. Немцова ситуация в Красноярском крае была наиболее тяжелой в регионе. Соседние Иркутская, Кемеровская и Новосибирская области были гораздо лучшем положении. В отличие от них красноярское партийное и советское руководство практически не имело возможности обращаться в Госплан и Совет министров СССР минуя «Енисейстрой». Для последнего местные региональные экономические и социальные проблемы не рассматривались как сфера его ответственности. А соответственно были безразличны. Кроме того край зависел от научных подразделений «Енисейстроя», который фактически не пускал сюда институты АН СССР и ведомственные научно-исследовательские и проектные организации, не связанные с режимными организациями [4, л. 4-10].

Встав у руля управления страной Н.С. Хрущевым, была разработана собственная система управления народным хозяйством СССР. Он искал пути коренной перестройки советской экономики, в то же время при сохранении ее основ. Основой, которую Хрущев не подвергал сомнению, была плановость и государственный контроль. Более того именно контроль он и хотел усилить. На протяжении всего его периода руководства

страной недостатки и просчеты своих реформ и преобразований он раз за разом списывал на недостаточный партийный контроль. Другое дело, что, по его мнению, его усиления должно было происходить непосредственно на местах. К тому же он искал способы покончить с основными недостатками прежней системы управления, что были отмечены в статье выше.

В самом начале 1957 г. Хрущев рассылает записку об улучшении руководства промышленностью и строительством. Суть идеи Н.С. Хрущева заключалась в ликвидации ведомственного подчинения предприятий СССР и передача их под контроль местным органам управления. Последние еще предстояло создать, ими станут, образуемые в рамках различных экономических районов, советы народного хозяйства. Само собой разумеется, данный шаг потребовал бы в свою очередь ликвидацию всех «отраслевых империй» и коренную перестройку плановых органов управления.

Н.С. Хрущев предполагал, что новая система ускорит принятие решений и усилит контроль за работой предприятий, что в свою очередь увеличит объемы промышленного производства, качество продукции и позволит добиться рентабельности советской экономики [5]. Тем более идея децентрализации, по нашему мнению, отвечала представлениям Н.С. Хрущева о социализме, позволила бы ускорить приход коммунистического общества.

На последующем пленуме ЦК КПСС прошло обсуждение данного предложения. Нужно отметить, что ряд его членов, в частности председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков и его заместитель А.Н. Косыгин с насторожённостью восприняли данное предложение. Тем не менее, на состоявшейся вслед сессии Верховного совета СССР было принято решение о создании по СССР советов народного хозяйства.

Ее реализация была начата в 1957 г. в ходе реформы управления промышленностью и строительством. В основу его преобразований лег переход от отраслевого принципа управления к территориальному. Основными акторами новой системы управления должны были стать создаваемые по всей стране советы народного хозяйства или СНХ. В какой-то степени данную реформу можно свести к идее сохранения прежней советской системы за минусом ведомственности и бюрократии. Хрущев в своих статья от 1957 г. указывал, на чрезмерно раздутые штаты центральных рганов управления, в которых пропадают высококвалифицированные специалисты, потонувшие в огромных потоках бумаг и документов. Он указывал, что новая система позволит перевести их непосредственно к производству, что будет намного рациональнее[6].

Создание совнархозов предварила кампания широкого обсуждения положений реформы и вариантов выделения новых экономических районов под СНХ в прессе. Судя по публикациям газет, в стране было проведено более 500 тысяч собраний трудовых коллективов, в работе которых приняло участие около 40 миллионов человек. Принятые ими предложения и замечания публиковались в газетах и передавались в комиссии по проведению реформы. В «Известиях» и «Правде» за период обсуждения были опубликованы письма и предложения от 854 авторов. Регулярно выходили схожие рубрики и в краевой газете «Красноярский рабочий»[7].

В ходе реализации проекта было решено оставить ряд отраслевых министерств стратегического значения, в частности Министерства авиационной, судостроительной, радиотехнической, химической промышленности, среднего машиностроения, транспортного строительства. Министерство оборонной промышленности было объединено с Министерством общего машиностроения, Министерство электростанций было объединено с Министерством строительства электростанций[7].

Предприятия расформированных министерств передавались в регионы, где было создано 105 СНХ. В большинстве союзных республик было создано по одному СНХ, кроме Узбекской ССР– 4 совета, Казахской ССР– 9 советов, Украинской ССР–11 советов. Особенно выделялась РСФСР, где было образовано 70 СНХ.

Важнейшим элементом новой системы должен был стать Госплан СССР. В условиях, когда каждый совет самостоятельно формировал планы хозяйственного развития, задачей Госплана был контроль распределения материальных ресурсов для советов народного хозяйства и обеспечение единой хозяйственной политики. Из планового органа управления он превращался в центральный элемент координации действий всех территориальных управлений. Под контроль Госплана так же передавались проектные организации упразднённых отраслевых министерств, часть которых он должен был подготовить под передачу в отдельные СНХ страны [8, л. 9].

Совнархозы в рамках новой системы управления становились основной формой руководства развитием народнохозяйственного комплекса страны. Совету министров принадлежало право определения границ новых экономических районов, а соответственно и границы хозяйственных комплексов отдельных совнархозов.

Рис. 1. Структура аппарата управления Красноярского СНХ

Набор функций и компетенций СНХ были определены постановлением Совета министров СССР от 27 сентября 1957 г. «Положение о Советах народного хозяйства». Необходимо отметить, что этот документ был принят почти через три месяца после начала организации совнархозов. Поэтому он лишь конкретизировал и закреплял уже созданные и функционирующие управления СНХ.

Конечно же, центральные функции совнархозов лежали в области планирования и управления. Они были ответственны не только за выполнение плана, но что важнее и за его составление. Для этих целей в структуре СНХ создавался специальный плановый отдел. Тем не менее, при составлении планов все равно учитывались рекомендации Госплана, который часто не смотрел на реальные возможности самого региона. К тому же совнархозы имели право при наличии обоснования обращаться к Совмину с просьбой об изменении плановых заданий.

Согласно архивным материалам, особое значение для совнархоза имела работа его финансового отдела, который готовил проекты бюджета, формировал финансовые резервы, отвечал за обеспечение рентабельной работы предприятий, распределение и перераспределение всех имеющихся ресурсов. Он имел право заключать сделки с другими экономическими районами. Роль финансового отдела была высокой, в связи с тем, что совнархозу было дано право, с согласия республиканских властей, увеличивать на 10% ассигнования, необходимые для эффективной работы предприятий. Он мог получать средства, как за счет собственных резервов, так и за счет получения банковских кредитов. По кредитным планам Госбанка СССР СНХ мог оставлять в своем распоряжении резерв до 5% от запланированных кредитов[8, л. 36-40].

Совнархозам были делегированы значительные полномочия по межрайонным связям. Именно СНХ было поручено разработка предложений и идей по установлению наиболее работоспособных межрайонных связей[8, л. 36-40].

В компетенцию СНХ входило планирование производства и развития предприятий разной специализации, строительство промышленных и социальных объектов, распределение финансовых средств, материально-техническое снабжение, научно-техническое обеспечение развития производительных сил района, а также некоторые другие направления.

В целях обеспечения населения региона жильем и привлечения в него дополнительной рабочей силы, совнархозам, было дано право утверждать и изменять проектные задания со сметой свыше 25 млн. рублей (кроме стратегических строек), устанавливать порядок утверждения проектных заданий со сметой до 25 млн., порядок утверждения титульных листов проектов, направлений проектирования и т.д. [8, л. 36-40]. Это давало возможность руководству совнархозов направлять дополнительные средства на жилищное строительство. Непосредственно строительными работами руководили созданные в СНХ управления строительства.

Совет министров РСФСР разработал совместно с руководством будущих совнархозов структуру их аппарата управления. Количество управлений и рабочих отделов в составе каждого СНХ зависело от него самого, точнее от его экономического профиля. Регионы должны были самостоятельно определить тот набор направлений, которые планировалось развивать в дальнейшем. Структура Красноярского СНХ была определена его руководством совместно с крайкомом и практически сразу утверждена Советом министров.

Как уже говорилось выше, в ходе ликвидации отраслевых министерств освободилось огромное количество высокопрофессиональных кадров и специалистов. Красноярскому крайкому, в лице секретаря Н.Н. Органова удалось привлечь для руководства местным СНХ бывшего, к тому моменту министра цветной металлургии СССР, П.Ф. Ломако, который в свою очередь привез с собой команду из высших руководителей своего министерства [9]. Красноярский край имел центральное значение в развитии цветной

металлургии Советского Союза. Ряд амбициозных проектов в крае в свое время было заложено лично П.Ф. Ломако, так что не удивителен был факт его желания возглавить Красноярский СНХ. Следует отметить, что Петр Фадеевич практически сразу приступил к своим обязанностям, как отмечал в своих мемуарах Г.Л. Сизов: «Он был энергичен, решителен, требователен. Ему не понадобились месяцы для того, чтобы войти в новую должность. Предприятия и их директора сразу почувствовали твердую руку председателя и аппарата управления»[10, с.86].

Уже на одном из первых рабочих совещаний Красноярского СНХ был определен аппарат его управления, представленный ниже на схеме (Рис 1). Каждый из пяти человек, высшего руководства Красноярского СНХ отвечали за свои собственные направления развития народнохозяйственного комплекса Красноярского края, что интересно отметить сам П.Ф. Ломако взял на себя контроль плановым отделом, управлениями лесной и пищевой промышленности. Подобный выбор был не случаен. Плановый отдел был центральным в рамках новой экономической системы, от его работы зависела работа всех отраслей. Выбор отраслевых управлений был так же не случаен, по мнению местных властей, развитию местного леспрома в предыдущие годы уделялось недостаточное внимание. Пищевая промышленность была важнейшей отраслью для решения социальных проблем региона и уже, поэтому требовала большего внимания.

Следует отметить, что три из четырех непосредственных заместителя П.Ф, Ломако так же были выходцами из бывшего министерства цветной металлургии. Так А.Д. Бизяев (следующий глава Красноярского СНХ, после повышения П.Ф. Ломако) был раньше начальником отдела оборудования Министерства цветной металлургии СССР. Интересно отметить, что в Красноярском СНХ он курировал управление энергетики, а после свертывания СНХ он получил пост министра электрификации и энергетики РСФСР. В.С. Зверев с 1948 по 1953 г. руководил работой Норильского горно-металлургического комбината, а В.Н. Ксинтарис прошел карьерный путь от начальника Дудинского речного порта до заместителя директора Норильского горно-металлургического комбината (именно он возглавит в 1963 г. Красноярский СНХ). М.Д. Воробиевский, единственный кто не был выходцем из министерства цветной металлургии, до приглашения в Красноярский СНХ он возглавлял один из главков Министерства строительства СССР. В СНХ он курировал соответствующие отраслевые управления.

В целом, как видно из приведенной выше таблицы, структура аппарата управления Красноярского края соответствовала с одной стороны его специализации в рамках СНХ, с другой стороны потребностям развития региона.

Еще одним элементом структуры аппарата управления совнархоза был научно-технический совет. Уже в июне 1957 г, спустя четыре месяца после принятия решения об организации СНХ по стране, был определен его состав. В Красноярском крае в него вошло 140 человек. В частности в совете были Н.Н. Органов (первый секретарь крайкома), А.А. Кокарев (его непосредственный заместитель), И.И. Механиков (председатель исполнительного комитета Красноярского городского совета), Л.В. Киренский (ведущий ученный Красноярского края, директор института физики), Ю.Д. Лапин (секретарь Норильского ГК КПСС). Помимо выше названных персоналий в состав научного-технического совета вошли 28 представителей от партийных организации и наук, 34 представителя непосредственного Красноярского СНХ. Остальные места были распределены между пятью отраслями промышленности Красноярского экономического района: строительство, металлургия и горно-добыча, химическая, лесная и пищевая промышленность. Может вызвать удивление наличие представителей пищепрома, который не был в отличии от других отраслью общесоюзной специализации края. Такое внимание к нему, как уже говорилось выше, было вызвано его ролью в решении местных проблем [10, л.53]. Данный орган имел высокое значение в работе совнархоза. С одной стороны он выступал в роли совещательного органа при составлении планов и

определении векторов развития, с другой стороны он выступал в качестве посредника между совнархозом и местным советским и партийным руководством. Другим посредническим органом был сам крайком, в состав которого практически сразу был введен весь руководящий состав Красноярского совнархоза. Данный факт отражал неплохие отношения, что сложились между совнархозом и крайкомом и крайисполкомом. Наконец последним органом управления вне системы непосредственно самого совнархоза были совещания хозяйственного актива Красноярского экономического района. Они представляли собой специализированные совещания, посвященные проблемам ключевых предприятий Красноярского СНХ. Так одними из первых, стало совещание на базе Норильского горно-металлургического комбината. Самое первое совещание такого рода произошло именно на нем 8-9 августа 1957 г. На нем помимо обсуждения проблем самого комбината, были обсуждены и проблемы местного населения[12, л. 1-20]. Впоследствии совещания здесь станут регулярной традицией.

Сталинская система управления строилась на принципах плановости, строгого государственного контроля и ведомственности. Последний элемент породил проблему ведомственного эгоизма. Именно он стал основной целью критики недостатков прежней системы управления со стороны Н.С. Хрущева. Наибольший урон ведомственность наносила по развитию отдельных удаленных экономических районов СССР, таких как Красноярский край. Министерства и организации уделяли слабое внимание местному социальному развитию. Задуманный Н.С. Хрущевым переход к территориальному принципу управления был призван решить существующие экономические проблемы, не затронув основ советской системы и положения партии в стране. Проводником новой системы стали, созданные советы народного хозяйства. Сама реформа не затронула фактически плановых основ. В их задачу входило плановое руководство развитием под ответственными им территориями. Центральное место в СНХ занимали плановые отделы, так в Красноярском крае он был подотчетен лично его председателю П.Ф. Ломако. Вообще СНХ в некоторой степени воспроизводили прежнюю отраслевую систему управления, но в рамках экономического района. Роль координатора в рамках новой системы управления должен был играть Госплан СССР. По большому счету территориальная система управления давала дополнительные возможности и ускорение социально экономического развития отдельных территорий. В тоже время новая система позволила перенаправить в регионы высококлассные кадры специалистов. Так в Красноярском СНХ оказался не только бывший министр цветных металлов, но и его ближайшее окружение, что так же позитивно отразилось на Красноярском экономическом районе. В тоже время новая система управления несла в себе риски смены ведомственного эгоизма на территориальный. К тому же эффективность работы совнархозов зависела еще от их взаимоотношений с местными властями и их планово-экономическими органами управления. Сами же плановые основы управления советской экономикой остались прежними, они лишь были спущены на региональный уровень с возможностью координации предприятий различных отраслей в рамках одного центра принятия решений.

Список литературы

[1] Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI-XX века / Алексеев В.В. и др.; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. - М.: Наука, 2004. 599 с.

[2] Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М. Статистика, 1966, 616 с.

[3] «Правда».-1957.- 7 января

[4] Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1478. Оп. 1. Д. 324

[5] Хрущев Н.С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством : Доклад и заключит. слово на VII сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 7 и 10 мая 1957 г.. Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М.: Госполитиздат, 1957. – 80 с.

[6] Правда. – 1957. – 30 марта, Правда. – 1957. – 4 июля.

[7] Красноярский рабочий.- 1957.- 9 мая

[8] Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1408 Оп. 1, Д. 2

[9] Курячий, А. Н. Министр Ломако: созидатель в мире металлов / А. Н. Курячий. М. Национальное обозрение, 2011. 174 с.

[10] Сизов Л.Г. Все остается людям. Т.2. Кн. 2. Красноярск, «Платина», 2000, 388 с.

[11] Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1408, Оп. 1, Д. 4

[12] Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1408 Оп.1, Д. 6

УДК 94(571.1)=(512.1)

Азербайджанцы в Западной Сибири в годы ее нефтегазового освоения

Прищепа Александр Иванович
Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России
Сургутский государственный университет, г. Югра, Россия.
aiprishepa@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье анализируется вклад азербайджанских специалистов в освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Последовательно придерживаясь социально-антропологического подхода, автор характеризует выдающуюся роль ряда их представителей в становлении и развитии нефтеразведки в Среднем Приобье, открытии крупнейших в стране месторождений углеводородного топлива, составивших основу ее стабильного экономического, геополитического положения и надежного оборонного потенциала. Производственная деятельность азербайджанских специалистов характеризуется на фонте ретроспективного представления содержания и динамики протекания процессов азербайджанской миграции в Россию на протяжении второй половины XX века. Отмечаются причины ее усиления в к.1980-х-1990-х гг., анализируются формы трудовой активности и хозяйственной занятости мигрантов из Азербайджана. Особое внимание в статьи уделяется исследованию работы администрации сибирских городов по развитию культурно-национальной автономии азербайджанской диаспоры, поддержке инициатив ее землячеств, направленных на сохранение этнического консенсуса и согласия в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА этнос, миграция, культурно-национальная автономия, диаспора, землячество, геология, скважина, нефтегазовая провинция.

В последние годы проблема межнациональных отношений привлекает все большее внимание исследователей в силу ее исключительной геополитической актуальности.

Заметное место в историографии этого вопроса занимают работы, посвященные миграции азербайджанцев в Россию и характеру их жизнедеятельности в новом этническом сообществе. Так, в содержательной статье «Азербайджанцы в России – смена имиджа и социальных ролей» А.Юнусов в контексте многовековых экономических и политических связей России и Азербайджана показал историческую традицию тесного сотрудничества и взаимного духовного обогащения двух дружественных народов.

Особенно подробно в этой связи в статье исследована вторая половина XX века, когда в период становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960-1980 гг. заметно усилился приток жителей Азербайджана в СССР. Большая часть из них обосновывалась в Западной Сибири, внося значительный вклад в промышленное освоение новой нефтегазовой провинции страны.

Автору удалось исследовать новую волну миграции из Азербайджана в Западную Сибирь конца 1980-х-1990- х гг., обусловленную распадом СССР, межнациональным конфликтом в Нагорном Карабахе, экономическим кризисом и ростом безработицы в Азербайджане [4].

Попытки очертить периодизацию миграции азербайджанцев в Россию предпринимали и другие авторы. Так, Измоденов И. и Караваев А. полагают, что в советский и постсоветский период истории можно выделить несколько масштабных волн миграции жителей Азербайджана. Первая относится к послевоенному периоду и связанная с политикой освоения Сибири и Дальнего Востока. Хронологически этот период начинается с конца 40-х – начала 50-х годов и включает в себя массовое переселение азербайджанских специалистов-нефтяников в регионы Западной и Восточной Сибири в течение 1960-х годов.

Вторая волна включает десятилетие с конца 1970-х до конца 1980-х годов. К этой волне, имевшей в основе экономическую подоплеку и носившей нерегулируемый характер, относится поток людей, курсировавший на маршруте Баку–Москва, состоявший в основном из студенческой молодежи и интеллигенции. Применительно

к этому периоду следует относить появление такой социальной группы, как частные предприниматели.

Третья волна иммиграции относится к постсоветскому периоду и имела массовый характер. Она было связана с распадом СССР, разрывом интеграционных связей Азербайджана с центральными регионами России, тяжелым экономическим кризисом нач.1990-х гг., потерей значительной части территории в войне с Арменией, исходом 782 тыс. беженцев.

Авторы справедливо отмечают созидательную роль азербайджанских землячеств в сохранении их этнической идентичности, развитии самобытной культуры азербайджанского народа вдали от исторической Родины и конструктивный вклад в сохранение добрососедских межэтнических отношений в многонациональной России [2].

Эта мысль получила глубокое развитие в статье Мехдиевой Улькер Мустафа Кызы «Азербайджанская диаспора в России: историчесий опыт и перспективы», в которой автор показывает факторы, обусловившие складывание азербайджанской диаспоры России на протяжение длительного хронологического периода, начинающегося со Средних веков и протекающего до нашего времени, подчеркивая значение азербайджанских землячеств для их интеграции в новый социум [3]. Большое историографическое насыщение проблема отношений народов России и Азербайджана на современном этапе получила в ходе публикования докладов и выступлений состоявшегося в рамках проекта «Россия ля всех» круглова стола «Азербайджанцы в России», состоявшегося 5 марта 2013 года на базе исторического факультета МГУ, в которых подчеркивается традиционный дружественный характер отношений двух народов на постсоветском пространстве [5].

Таким образом, историки обнаруживают давние связи россиян с азербайджанцами. В Западной Сибири они появились после присоединения северной части Азербайджана к России в ходе русско-персидской войны 1826–1828 гг. Однако, их численность во второй четверти XIX – нач. XX вв. в восточных районах Российской империи была незначительной.

Миграция азербайджанцев в России заметно возросла в 1908- 1916 гг. в условиях геноцида со стороны Армении. Преобладающей формой интеграции выходцев из Азербайджана в российское многонациональное сообщество являлась культурная ассимиляция, сопровождавшаяся усвоением азербайджанцами русского языка и традиций, а в ряде случаях знаменуемая переходом в православие. Часть из них оседала в Сибири и на Дальнем Востоке.

В СССР огромное влияние на массовое переселение азербайджанцев из Закавказья в другие районы страны было связано с этнополитическими процессами, обусловленными проведением этнических чисток. В 1930-е гг. из приграничных с Арменией азербайджанских районов было насильственно выселено более 50 тыс. чел. В кон. 1940-х – нач. 1950-х гг. из Армении было депортировано 150 тыс. азербайджанцев, определенное количество которых направлялось в Сибирь. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г. в Сибири проживало 0,7 тыс. азербайджанцев.

В 1950–1980-е гг. приток азербайджанцев в Сибирь усилился в связи с освоением целины и созданием новых индустриальных районов. Особенно активно он осуществлялся в районах разработки нефтегазовых месторождений. В Тюменской области численность азербайджанцев выросла с 403 чел. в 1970 г. до 19 455 чел. в 1989 г. Основными сферами занятости азербайджанских мигрантов были геологоразведка и нефтегазодобывающая промышленность[6].

Выдающийся вклад в организацию геологоразведочных работ и развитие нефтегазодобычи на Севере Западной Сибири внес уроженец села Морул Шамхорского района Азербайджана Фарман Курбанович Салманов. Его первая скважина в Мегионе

дала фонтан нефти 21 марта 1961 г. Всем своим оппонентам Ф.К.Салманов отправил письма одного содержания: «Уважаемый товарищ, в Мегионе на скважине №1 с глубины 2180 м получен фонтан нефти. Ясно? С уважением, Фарман Салманов». После того как и из второй скважины в районе Усть-Балыка забил новый фонтан, он отправил начальству радиограмму: «*Скважина лупит по всем правилам*», а Н.С. Хрущеву телеграмму: «*Я нашел нефть. Вот так! Салманов*» [7].

В общей сложности Ф.К. Салманов является первооткрывателем и участником открытий на Тюменском севере более 130 месторождений нефти и газа, среди которых значатся уникальные источники углеводородного топлива, такие как Сургутское, Мамонтовское, Правдинское, Федоровское, Уренгойское, Ямбургское и многие другие, ставшие основой создания нефтегазового комплекса в Западной Сибири [7].

В 1966 г. за выдающиеся успехи, достигнутые в выполнении задания семилетнего плана по развитию геологоразведочных работ, открытие и разведку месторождений полезных ископаемых Ф.К. Салманову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». В Западной Сибири Ф.К.Салманов проработал более 30 лет. 28 июня 1968 г. ему первому было присвоено звание Почетный гражданин города Сургута. В память о нем были открыты памятники и бюсты в Москве, Баку, Сургуте, Салехарде, Ханты-Мансийске. Его именем названы аэропорт, улица и гимназия в Сургуте, нефтегазоконденсатное месторождение, теплоход и самолет

В 1987 г. Салманов переехал в Москву. В 1987-1991 гг. являлся первым заместителем министра геологии СССР. С 1992 г. – президентом ЗАО «Роспан Интернешнл», с 2002 г. – советником председателя совета директоров ООО НГК «Итера», председателем совета директоров ООО «Югнефтегаз» [8].

Практика приглашения на работу в Сибирь специалистов из самых разных уголков страны приводила к тому, что кадровый состав работников нового топливного региона был изначально многонациональным. Во многом этому способствовало Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 года «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений...» , которое обязывало руководителей совнархозов, ведомств, организаций и предприятий освобождать сотрудников, изъявивших желание перейти на постоянную работу в организации и на предприятия нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири.

Историк М.В.Славкина отмечает, что в Главном геологическом управлении, возглавляемом Ф.К. Салмановм, «трудились люди 34 национальностей: заместитель начальника управления Аркадий Тян – кореец, первый буровой мастер Сургутской экспедиции Николай Багдасарян – армянин, буровой мастер Надмжметдин Жуманжанов – казах, главный геолог объединения Марк Бинштok – еврей, главный геолог главка Фаиз Хафизов – татарин, главный экономист Зигфрид Форер – немец, немцы также Корней Дик, Генрих Кизнер, Муртаев Иса Мусаевич – чеченец и т.д.» [1].

Вмести с русскими они были не заменимыми специалистами, которые развивали базовые отрасли экономики многонациональной страны. Трудно переоценить вклад в развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса С.А.Оруджева. Он родился в Баку 31 мая 1912 года. Уже в 16 лет начал преподавать в сельской школе ликвидации неграмотности. Однако гораздо больше С.А.Оруджева интересовала стремительно развивавшаяся в те годы нефтяная отрасль народного хозяйства. Поэтому вскоре он поступил в Азербайджанский индустриальный университет, который с отличием окончил в 1936 году. В тресте «Орджоникидзенефть» С.А. Оруджев со временем стал мастером, а потом и управляющим. Затем были другие учреждения — Азнефтекомбинат, Азнефть, Главзападнефтедобыча, Краснодарнефть.

В 1949 году он был назначен начальником Главморнефти и посвятил себя вопросам морской нефтедобычи. Внеся в ее технологию эффективные совершенствования, в 1955

году стал заместителем министра нефтяной промышленности СССР. За свой труд был удостоин высоких наград: ордена Трудового Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции и ордена Ленина. В 1972 г. С.А. Оруджев был назначен министром газовой промышленности СССР.

С. А. Оруджев был уверен, что именно Сибирь станет главным регионом добычи «голубого топлива». Опираясь на результаты научных исследований, он предложил принципиально новые подходы к освоению крупнейших газовых месторождений.

Одним из главных достижений С. А. Оруджева стало освоение Уренгойского месторождения. В нем он видел главную перспективу развития большого газа тюменского Севера. В сентябре 1973 года он посетил месторождение и лично определил место закладки будущего города Нового Уренгоя.

В июне 1975 года на месторождении было завершено бурение первой эксплуатационной скважины, а в ноябре был заложен первый камень в фундамент 60-квартирного дома. Статус города Новый Уренгой получил 16 июня 1980 года.

Он ушел из жизни 20 апреля 1981 года. Именем Героя Социалистическго Труда С.А. Оруджева названы Уренгойское производственное объединение по добыче газа, пассажирское судно, набережная в городе Надым, а также одна из улиц Баку. На фасаде здания в Москве, где жил С. А. Оруджев в последние годы жизни, установлена мемориальная доска [9].

Сибиряки свято чтят память и о другом выходце из Азербайджана - этническом армянине Николае Мелик-Карамове, в честь которого в 1975 г. была названа одна из центральных улиц города Сургута. Как отмечает историк Александр Петрушин, «в 1915 году, спасаясь от турецкого геноцида, армянская семья Мелкарамяна бежала в Баку, где изменила фамилию на Мелик-Карамова». Отец Николая Баграт Карамов являлся известным на Кавказе нефтяником. Вероятно, семья Карамовых работала на бакинских промыслах, а затем перебралась в Чечню, где тоже шла нефтедобыча. Там в 1930 году у Баграта Карамова родился сын Николай Мелик-Карамов, который пошел по стопам отца и уже в 14 лет работал на нефтепромыслах.

Карамов-старший является одним из первых представителей «азербайджанской школы нефтяников», внесших достойный вклад в становление сибирской геологоразведки. Собрав поисковую бригаду, Баграт Карамов 15 февраля 1949 г. приступил к бурению первой в Сибири опорной геологоразведочной скважины Р-1 в районе тогда являвшемся окраиной Тюмени, а сегодня улицы Мельникайне в центре современного города. Бурение той первой опорной скважины закончили 5 июня 1950 года. При достижении проектной глубины 2000 метров скважина глубиной две тысячи метров нефти не дала. Из недр шла минеральная вода. Но именно с этой скважины, по мнению многих историков, начались планомерные геологоразведочные работы по поиску нефти и газа в Западной Сибири.

По иронии судьбы в бригаде Карамова-старшего помощником бурильщика работал молодой парень Семен Урусов, которому через десять лет суждено было на берегу Конды разбуривать скважину № 6 , ставшую 21 июня 1960 г. первооткрывательницей «большой нефти» Западной Сибири.

Николай Мелик-Карамов приехал на Север вслед за отцом, успев поработать на грозненских промыслах. После окончания курсов буровых мастеров он работал в Тобольской, Нарыкарской, Сургутской и Усть-Балыкской нефтегазоразведочных экспедициях. Бригаду Николая Борисовича называли школой передового опыта, сюда приезжали из других регионов посмотреть, как сибиряки ставят рекорд за рекордом.

Мелик-Карамов-младший участвовал в открытии целого ряда крупнейших месторождений нефти Западной Сибири: Мамонтовского, Средне-Балыкского, Южно-Балыкского, Варьеганского, Лянторского, Покачевского, Ай-Пимского, Вынгапуровского, Федоровского, Южно-Сургутского и ряда других. За выдающиеся достижения в труде

в 1966 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден был двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Особо значимый вклад внес Н. Мелик-Карамов в открытие Покачевского месторождения. Сегодня на месте разведочной скважины Р-21 Усть-Балыкской нефтеразвдо, в ХМАО-Югре, установлен мемориальный знак. В 1975 году, году его смерти, на нефтяной карте страны появилось новое нефтяное месторождение – Карамовское [10].

В 1980-1990-е гг. приток азербайджанцев на север Западной Сибири существенно возрос. Согласно Всероссийской переписи, в 2002 г. их общая численность в Сибирском федеральном округе составляла 60,7 тыс. чел. [6]. К производственным мотивам интенсивной эмиграции жителей Азербайджана в Сибирь добавились последствия межнационального конфликта в Нагорном Карабахе, экономический кризис в Азербайджане, сопровождавшийся массовой безработицей и падением уровня жизни населения. В связи с этим в числе мигрантов преобладали беженцы из пограничных с Арменией азербайджанских районов и безработные, оставшиеся без средств к существованию.

Огромное влияние на увеличение притока мигрантов оказывали личные связи между приезжими и представителями азербайджанской диаспоры, уже осевшими в Западной Сибири. Большую роль в интеграции иммигрантов в новую этносоциальную среду, сохранении связей с родными местами и развитии национальной культуры играли созданные повсеместно в городах Западной Сибири азербайджанские землячества. Их деятельность на современном этапе играет большую роль в сохранении традиций взаимного уважения и сотрудничества двух дружественных народов в меняющейся мировой геополитической обстановке.

Таким образом, отношения национального согласия и государственного добрососедства российского и азербайджанского народа имеет многовековую историю. Они прошли проверку временем в решающие периоды их совместного цивилизационного развития и особенно ярко проявившиеся во второй половине XX века, став решающим фактором открытия Западно-Сибирского нефтегазовой провинции и создания крупнейшего в СССР энергетического комплекса.

В эти годы был накоплен бесценный опыт межнационального сотрудничества русского и азербайджанского народов. Очень важно его не утратить и сохранить сегодня в условиях стремительного переустройства прежнего мирового порядка.

Список литературы

[1] Славкина М.В. Российская добыча. М., Изд-во : Весь мир,2014.-360 с.

[2] Измоденов И.,Караваев А. Азербайджанская диаспора в России// Извгестия.2006.30 марта.

[3] Мехдиева Улькер Мустафа Кызы. Азербайджанская диаспора в России: исторический опыт и перспективы// Клио. 2014. №8(92). С.103-106 .

[4] Юнусов А. Азербайджанцы в России - смена имиджа и социальных ролей// Диаспоры. 2005. №3.С.293-314.

[5] URL: http:// ia-centr.ru / experts / iats - mgu / azerbaydzhancy-v-rossii

[6] URL: http:// bsk.news.ru / enciklopediya / azerbaydzhancy

[7] URL: http:// ru.wikipedia.org /wiki/ Салманов Фарман Курбан Оглы

[8] URL: http:// azerstory. com /?p = 6359/

[9] URL: http:// gazprom.ru /press/ news/ reports/ 2012/ orudzev/ biography

[10] URL: http:// ugra. news. ru /article/ 30082017 /54102/

УДК 94(571.51)+614.2

Реализация государственной политики в области охраны женского здоровья в Приенисейской Сибири 1950-х – 1970-х гг.

Сентябова Мария Викторовна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии
Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Россия.
m.v._redko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1770-3875

аннотация Статья посвящена вопросам реализации государственной политики в области охраны женского здоровья в Приенисейской Сибири во второй половине XX в. На региональном материале автор разбирает такие аспекты этой политики, как обеспечение условий для совмещения материнства с производственной деятельностью путем защиты трудовых прав беременных, а также минимизацию воздействия на женское здоровье тяжелых и вредных условий осуществления трудовой деятельности. Большое внимание в статье уделено развитию акушерско-гинекологических служб в Красноярском крае, также проблемам и трудностям этого процесса.

ключевые слова охрана материнства и детства, гендерная история, Приенисейской Сибирь, Красноярский край, XX век.

Тему охраны женского здоровья следует рассматривать как одну из важных составляющих советской социальной политики. Согласно принятой в 1936 г. Конституции СССР советское государство гарантировало равноправное положение женщин и мужчин во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни путем государственной охраны интересов матери и ребенка, в том числе через развитие медицинской и социальной сферы. [11]

В области охраны женского здоровья эта политика выражалась преимущественно в трех аспектах. Первый их них – создание для женщин наиболее «благоприятных условий для совмещения семейных обязанностей с производственной и общественной занятостью» [16, с. 14], практически выражающихся в предоставлении работающим женщинам отпуска по беременности и родам. Согласно указу Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. была установлена установил продолжительность такого оплачиваемого отпуска в 77 дней, из которых 35 дней до родов и 42 – после. Будущих матерей было запрещено привлекать к сверхурочным работам на сроке более четырех месяцев беременности, а матерей, имеющих грудных детей – к работам в ночное время. При предприятиях предписывалось создавать ясли, детские сады и комнаты для кормления [17]. В 1956 г. размер отпуска по беременности и родам был увеличен до 112 дней (56 дней до и 56 – после родов) [18, с. 377]. Так же женщины получают право на неоплачиваемый отпуск продолжительностью до трех месяцев после отпуска по беременности и родам. Женщины, оставившие работу из-за рождения ребенка, могли сохранить непрерывный трудовой стаж, если устраивались на работу в течение года с момента родов [13]. С 1957 г. женщины-работницы и служащие могли получать пособие по беременности и родам не зависимо от наличия непрерывного трудового стажа на предприятии или места службы [15]. С июля 1968 г. матери грудных детей получили право на отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком возраста 1 года [14].

Второй аспект государственной политики в области охраны женского здоровья составляли усилия по минимизации воздействия на здоровье женщин тяжелых и вредных трудовых условий. В 1932 г. Народный комиссариат труда СССР утвердил список работ, на которых было запрещено применять женский труд. Он применялся до 1972 г., когда подвергся некоторому сокращению из-за того, что в результате прошедшей к тому времени модернизации производства изменились технологические процессы

и вредность некоторых производств для здоровья снизилась. Стоит отметить, что жесткий запрет на некоторые профессии для женщин потенциально создавал ситуацию неравноправия: значительная часть разрешенных для женщин профессий тоже содержали большой объем физического труда, но при этом работа во «вредных для женщин» условиях часто оплачивалась гораздо выше.

Помимо запретительных, применялись и другие меры по охране женского здоровья на производствах. Работницы промышленных предприятий должны были проходить регулярную диспансеризацию у гинеколога, на крупных фабриках и заводах предписывалось открывать гинекологические кабинеты. Так, в одном только Красноярске в 1964 г. непосредственно на заводах работали 11 акушеров-гинекологов, причем 6 из них – на предприятиях химической отрасли [6, л. 21]. К 1970 г. на 14 промышленных предприятиях Красноярска работали 25 цеховых врачей-гинекологов [8, л. 3]. К 1975 г. женские консультации были открыты при медсанчастях телевизорного завода и завода по производству химического волокна [9, л. 3].

Ещё одним инструментом охраны женского здоровья на промышленных предприятиях должны были выступать специальные санитарные помещения, где женщины могли бы осуществлять интимную гигиену. В 1945 г. был утвержден типовой проект «Комнаты личной гигиены женщины на предприятиях». Такие комнаты предполагалось организовывать на фабриках и заводах с большим количеством работниц, причем комнаты предназначались не только для обеспечения интимной гигиены, но и для проведения выставок на темы гигиены и профилактики женских заболеваний [19, с. 204 – 205].

Массово открывать комнаты личной гигиены на промышленных предприятиях в Приенисейской Сибири начинают в период конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. В одном только Красноярске к 1959 г. комнаты личной гигиены женщин имелись на 4 предприятиях, и ещё 5 – на предприятиях за пределами города [4, л. 50]. К 1964 г. на промышленных предприятиях Красноярска было создано 27 комнат личной гигиены женщин [6, л. 22].

Третий аспект государственной политики в области охраны женского здоровья заключался в развитии сети медицинских учреждений для оказания акушерско-гинекологической помощи женскому населению. Для этих целей в СССР с 1930-х гг. начала создаваться разветвленная и многоуровневая сеть женских консультаций и акушерских стационаров. В сельской местности должны были действовать колхозные роддома и фельдшерско-акушерские пункты (ФАП), где нормально протекающие роды у здоровых рожениц должны били принимать акушерки без помощи врачей. В случае, если роженице требовалась врачебная помощь, то её направляли в районную участковую больницу с акушерскими койками. В случаях более серьёзных осложнений женщин направляли в родовспомогательные отделения Центральных районных больниц (ЦРБ), городские роддома и областные акушерско-гинекологические больницы. Многопрофильную квалифицированную специализированную помощью должны были оказывать родосвпомогательные отделения многопрофильных больниц, акушерские отделения областных больниц, межрайонные акушерские отделения на базе крупных ЦРБ, а также специализированные акушерские отделения на базе многопрофильных больниц, родовспомогательные стационары при кафедрах акушерства и гинекологии медицинских вузов или научно-исследовательских институтах акушерства и гинекологии [10, с. 236].

В Приенисейской Сибири сеть учреждений женского здравоохранения начинает складываться с середины 1920-х гг., но наибольшую интенсивность этот процесс приобретает в период 1950-х – 1960-х гг. В 1938 г. в городах Красноярского края действовало 18 родильных домов [1, с. 113], а в сельских районах было оборудовано 352 ФАП, при этом общее количество выделенных для беременных, рожениц и родильниц коек

в медицинских учреждениях, составляло 1070. Уже к 1950 г. на территории края для беременных, рожениц и родильниц было выделено 1 562 коек в медицинских учреждениях, при этом в селах работало 914 ФАП. [12, с. 43].

К 1955 г. количество ФАП вырастает до 1 128. В селах края работает 54 родильных дома и 47 женских консультаций, в городах – 18 и 32 соответственно. Общее количество акушерских коек в медицинских учреждениях края достигает 1 884, из них 612 в городах и 1 272 в сельской местности. [3, л. 2]. Но уже в начале 1960-х гг., по мере роста урбанизации и увеличения доли горожан среди жителей края количество учреждений женского здравоохранения в городах начинает преобладать над сельскими. Уже в 1965 г. в городах Красноярского края насчитывается 1 570 акушерских коек, в то время как в сельской местности их количеств осокращается до 903. Становится меньше сельских женских консультаций и колхозных родильных домов – до 37 и 17 соответственно, в то время как в городах число женских консультаций вырастает до 61. [7, лл. 8, 21]. В 1970 г. в городах Красноярского края насчитывалось уже 82 женских консультации, а число акушерских коек увеличилось до 1 693. В сельской местности края в этом году действовало 38 женских консультаций, а вот количество акушерских коек сократилось до 853 [8, л. 1].

Развитие сети учреждений женского здравоохранения было невозможно без обеспечения медицинским и врачебным персоналом. В 1950 г. на территории Красноярского края работали 112 акушеров-гинекологов, а в 1955 г. – уже 121 [12, с. 44; 3, л. 1.]. К 1960 г. в крае насчитывалось уже 234 акушера-гинеколога, из них 190 в городах и 44 в сельской местности, и 1 335 фельдшеров и акушерок, из них 705 в городах и 630 в селах [5, л. 1].

В последующие годы количество медицинских специалистов в сфере женского здравоохранения в Красноярском крае увеличивается преимущественно за счет городских медучреждений. К 1965 г. в городах края работали 292 акушера-гинеколога и 1 073 фельдшера и акушерки, в то время как в сельской местности – 43 и 567 соответственно [7, л. 6]. К 1970 г. кадровый разрыв между городскими и сельскими акушерско-гинекологическими службами представляет собой уже настоящую пропасть: в городах трудились 362 врача акушера-гинеколога, а в селах только 38 [8, л. 4].

При этом увеличение числа врачей и медицинского персонала в области женского здравоохранения не успевало за ростом потребностей населения Приенисейской Сибири в этих специалистах. В 1955 г. 16 районов Красноярского края были лишены соответствующих специалистов. К 1960 г. количество неукомплектованных районов сократилось до 5, в трех районах отсутствовали районные акушеры-гинекологи, не хватало врачей в роддомах Канска, Ачинска, Абакана, Минусинска, Игарки и Дудинки. Часто на должности районных акушеров-гинекологов назначали молодых специалистов, которые не имели большого опыта работы и потому нуждались в повышении квалификации [3, л. 1; 5, лл.1-2].

Чтобы хоть как-то решить кадровую проблему в первой половине 1960-х гг. в Красноярске начинают регулярно проводиться семинары, а также городские и краевые научно-практические конференции акушеров-гинекологов. С середины 1960-х гг. к ним добавились регулярные заседания Краевого общества акушеров-гинекологов. На этих заседаниях члены общества выступали с отчетами о поездках в центральные институты и обменивались опытом работы. При Красноярской краевой больнице были организованны курсы специализации для медицинских работников среднего звена [8, л. 6]. Это частично решало проблему повышения квалификации имеющихся специалистов, но справиться с дефицитом медицинских кадров не удалось. В 1965 г. укомплектованность медучреждений Красноярского края акушерами-гинекологами составляла 85,4 % вместе совместителями. Наблюдалась нехватка медиков в Красноярске, Ачинске, Абакане, Минусинске, Ирбейском, Курагинском, Туруханском, Казачинском районах, в селах Хакасии и Эвенкии [7, л. 7] В 1970 г. укомплектованность акушерами-гинекологами

без учета совместительства в городах Красноярского края составляла 72 %, в сельской местности – 43 %. В 8 районах края вообще не было акушеров-гинекологов, в 21 – по одному на весь район. 66 фельдшерско-акушерских пунктов не работали из-за отсутствия персонала [8, л. 5].

Другой проблемой развития сети женского здравоохранения в Приенисейской Сибири была слабая материально-техническая база, что выражалось в нехватке медицинского оборудования и инвентаря. Особо остро эта проблема стояла в сельских районах края. В 1955 г. в ФАП края не хватало родильных столов, их заменяли деревянными топчанами. В части роддомов было слишком мало пеленок и постельного белья чтобы полноценно обеспечить ими рожениц и родильниц [3, лл. 2-3]. К 1959 г. обеспечение мягким инвентарем улучшилось, но продолжали существовать проблемы с нехваткой кроваток для новорожденных, пеленок, материала для белья, халатов и тапочек. В 1960 г. отмечалось, что роддома края были недостаточно обеспечены мебелью, шкафам для инструментов, подушками и мягким инвентарем [5, л. 5]. Серьёзную проему составлял и дефицит лекарственных средств. В 1964 г. медицинские службы края жаловались на нехватку магнезии, резерпина и аминазина, то есть препаратов ля терапии токсикоза второй половины беременности [6, л. 9]. В медицинских лабораториях не хватало токсоплазмина и хлоридина для проведения анализов и выявления инфекций [6, л. 6].

Серьезную проблему для организации охраны женского здоровья в Приенисейской Сибири составляло более медленное, по сравнению с акушерской службой, развитие служб гинекологической помощи женщинам. Советские медицинские учреждения изначально были более ориентированы на работу в области родовспоможения, где, как указано выше, полностью покрыть потребности населения так и не удалось. Не удивительно, что в остававшейся на вторых ролях области гинекологической помощи населению ситуация была ещё плачевнее. Как количество гинекологических коек в медицинских учреждениях Красноярского края, так и уровень обеспеченности ими населения сильно отставали от акушерских. Например, в 1955 г. в Красноярском крае для лечения гинекологических заболеваний действовала только 301 больничная койка в городах и 94 – в сельской местности. Это было недостаточно, что приводило к возникновению больших очереди при проведении плановых [3, л.2]. Гинекологическое отделение Ленинского района Красноярска в 1955 г. работало с такой перегрузкой, что были «не единичные случаи, когда женщины с кровотечением лежат на полу, после операции выписываются на следующий день...» [2, с. 139]. В 1959 г. в городах Красноярского края нуждались в госпитализации 4 088 гинекологических больных, а было госпитализировано – 3 060 [4, л. 51]. В результате значительная часть гинекологических больных лечилась в домашних условиях, что приводило к затягиванию сроков излечения. А это, в свою очередь, приводило как к проблемам с женским здоровьем, так и вызывало негативный экономический эффект из-за длительных периодов нетрудоспособности работниц [4, л. 4]. К 1960 г. количество гинекологических коек несколько увеличивается – до 705 и городах и 215 в сельской местности. Но этого по-прежнему не хватало, что создавало трудности для госпитализации, а из-за неполучения помощи в стационарах излечение гинекологических больных затягивалось [5, л. 4] Только к 1965 г. количество гинекологических коек в городах Красноярского края достигает 1 459, почти сравнившись с числом коек акушерских. В сельской местности рост был менее значительным – до 324 коек, причем часто эти койки занимали женщины, обратившимися за прерыванием беременности, а коек для лечения гинекологических больных по-прежнему не хватало. Особенно нехватка коек ощущалась Красноярске, Ачинске, Абакане, Енисейске, Ужуре, Назарово [7, л. 21]. Ситуация в этой сфере начала несколько улучшаться только к концу 1960-х гг. Уже к 1970 г. количество гинекологических коек в городах края достигает 1 913, в сельских районах – 380. В гинекологических отделениях Красноярска, Норильска и Канска были выделены специализированные палаты для оперативной

гинекологии, функциональных маточных кровотечений и гормональных расстройств. В краевой клинической больнице было развернуто гинекологическое отделение для госпитализации больных из районов края, в противотуберкулезной больнице – для больных генитальным туберкулезом [8, лл. 2-3]. Однако полностью решить проблему охвата гинекологической помощью населения Красноярского края так и не удалось.

Заключение. Реализация государственной политики по охране женского здоровья на территории Приенисейской Сибири в период 1950-х – 1970-х гг. привела к сознанию на территории края разветвлённой сети медицинских учреждений соответствующего направления. Однако недостаток квалифицированного медицинского персонала и плохо развитая материально-техническая база медучреждений, а также дефицит коечного фонда приводили к недостаточной обеспеченности женского населения Красноярского края акушерско-гинекологической помощью.

Список литературы

[1] Баранцева Н.А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920-1930-е гг.) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: В трех томах: материалы. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2012. С. 109–114.

[2] Гонина Н.В., Вавиленко А.Ю. Многодетная мать в восточносибирском городе: провинциальные аспекты демографического перехода (вторая половина 1950-х - начало 1980-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 135-147.

[3] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 109.

[4] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 259.

[5] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 266.

[6] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 286.

[7] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 322.

[8] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 459.

[9] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 636.

[10] Кавецкая В.В. Фельдшерско – акушерский пункт в системе родовспоможения и его влияние на репродуктивное поведение сельских жительниц в 1960–80-е гг. // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М., 2016. Т. 1. С. 234–238.

[11] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/28874dd65418c9d77e91c-6f6abf9c861/ (дата обращения: 10.06.2022).

[12] Красноярскому краю – 85. Статистический сборник / Красноярскстат. Красноярск, 2019. 128 с.

[13] 13 Постановление Совета Министров СССР от 13 октября 1956 г. №1414 «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях» // Docs.cntd.ru — электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/765715366 (дата обращения: 10.06.2022)

[14] Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. №517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» // Некоммерческая

интернет-версия Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=ESU&n=730#zQuZYgStY4TBcCb5 (дата обращения: 11.06.2022).

[15] Постановление Совета Министров СССР от 6 декабря 1956 г. №1586 «О порядке назначения женщинам-работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности» // Некоммерческая интернет-версия Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44823#0EI5YgSK8gBCpAHP (дата обращения: 11.06.2022).

[16] Ростова О.С. Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.

[17] Семейное и сопутствующее социальное и налоговое законодательство времен Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. // Музей истории российских реформ имени А.П.Столыпина. URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13843 (дата обращения: 10.06.2026).

[18] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 г. «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 376 – 379.

[19] Хлынина Т.П. «В деле охраны здоровья работающей женщины мы добились значительных успехов»: комната личной гигиены // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 1. С. 204 - 207.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Социальная история Сибири: конец XIX-XX вв.

УДК 94(470+571) «1950/1959»

Сельское население Западной Сибири в 1950–1960 гг.

Бурматов Александр Анатольевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия
al-burmatov@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-5455-4717

АННОТАЦИЯ В статье поставлена задача – проследить динамику численности сельского населения в регионах Западной Сибири в 1950-е годы, и определить факторы, которые доминировали в формировании населения сельских местностей указанного субрегиона. Западная Сибирь рассматривается в границах территорий, составляющих Западно-Сибирский экономический район согласно Всесоюзной переписи населения 1959г. Статья написана на основе официальных ответов территориальных статистических управлений регионов Западной Сибири на запрос автора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Западная Сибирь, Алтайский край, Кузбасс, Новосибирская область, Омская область, Томская область, сельское население.

В статье поставлена задача – проследить динамику численности сельского населения в регионах Западной Сибири в 1950-е годы, и определить факторы, которые доминировали в формировании населения сельских местностей указанного субрегиона. Западная Сибирь рассматривается в границах территорий, составляющих Западно-Сибирский экономический район согласно Всесоюзной переписи населения 1959г. В соответствии с публикациями того периода регион составляли: Алтайский край с Горно-Алтайской автономной областью, Кемеровская область (Кузбасс), Новосибирская область, Омская область, Томская область. Цель исследования на основе материалов статистических управлений Западной Сибири проследить тенденции в формировании сельского населения, факторы, определяющие его численность и естественное движение населения областей, края и региона в целом.

Советский период демографической истории изучен относительно слабо, особенно «сталинский» период и первые годы «оттепели». До перестройки тема была табуирована. Статистических публикаций было мало, а сами публикации носили фрагментарный характер. Сибирь не стала исключением [5]. Имеются исследования городского населения Сибири, опубликованные в последние годы существования СССР [8]. Демография сельского населения оставалась за бортом научных изысканий. В годы радикальных реформ к многим секретным материалам ученые мужи получили допуск. Открылись и архивные фонды. Появились общие работы по населению Сибири в советский период [6]. В это же время стали защищаться диссертации [4] по населению западносибирских регионов [2], в том числе и по сельскому населению Западной Сибири [1]. Исследователи [10] опубликовали монографии [7] и статьи по населению Западной Сибири. Однако демография сельского населения еще не стала предметом пристального изучения. Безусловно, наработки позволяли рассмотреть основные тенденции в развитии сельского населения. Демографическая история населения сибирского села еще не написана.

Численность населения Западной Сибири и ее составляющих частей в непрерывном динамическом ряде никогда не публиковалась. Это в равной степени относится и к городскому и сельскому населению. До 1959г. имеются отрывочные данные за 1950г. и апрель 1956г. Они опубликованы по данным расчетов на основе похозяйственных книг сельских советов, домовых книг в городской местности и материалов текущего учета органов загс. Эти публикации ценны тем, что отражают ожидания властных структур. По данным переписи населения 1959г. в большинстве своем они не подтвердились. Динамические ряды численности населения, полученные на основе данных переписи

первой послевоенной переписи населения в открытой печати, не публиковались. Не были опубликованы по «горячим следам» материалы по населению по Омской, Томской области. В статистических материалах, доступных для населения можно отыскать данные о населении регионов на 1950г, 1951гг, 1959г. Публикации зачастую содержат общую численность населения, не распределены на городское и сельское населения. Не были опубликованы данные о численности населения на 1 января 1960г. Проблема отмечается в материалах статистических сборников, ранее используемых для «служебного пользования». Динамические ряды по всем годам так же не приводятся. Сначала они не были рассчитаны, позже потеряли всякую актуальность для властных структур. В данный период наблюдаются противоречивые тенденции. Отмечаются колебания численности сельского населения, существенные пропуски в регистрации естественного движения, миграционные процессы имеют противоположные векторы развития. Проблема качества статистических источников не снимается и при обращении к архивным фондам региональных архивов. Например, в фондах управления статистики Омской области до 1959г. отсутствуют показатели естественного движения населения, хотя приводятся абсолютные числа рождений и смертей. С осторожностью необходимо пользоваться и показателями естественного движения, наличествующими в материалах статуправления Новосибирской области. Необходимо иметь ввиду, что зачастую они рассчитаны для населения по данным переписи населения 1939г. Эти данные безнадежно к 1950г. устарели.

Исходя из выше обозначенных проблем, были совершены обращения в органы статистических управлений регионов, составляющих Западную Сибирь, непосредственно. Все статуправления предоставили запрашиваемые данные. Полученные ответы содержали сведения о численности всего населения, так же городского и сельского по всем годам за период 1950-1960-х годов, абсолютные числа рождений, смертей, в том числе до 1 года, и показатели естественного движения для всего населения, с разбивкой на городское и сельского населения, и младенческую смертность, так же выделены отдельно городское и сельские населения. Ценность ответов в том, что они получены от составителей, рассчитаны по единой методике и составляют непрерывные динамические ряды. На основе полученных ответов были восстановлены также абсолютные данные о миграционном движении и рассчитаны показатели миграции [3]. Поскольку запросы носят коммерческий характер, то количество данных, которые могли быть полученных таким путем ограничено.

Таблица 1
Сравнение данных о численности сельского населения (1950–1957гг.), тыс.*

Регион	Численность сельского населения			
	Опубликованные до 1959 г		Данные статуправлений	
	1956г. на 1 апреля	1957г.	1956г.	1957г.
Алтайский край	1874	1876,7	1833,0	1850,8
Кемеровская область	736	…	675,9	691,0
Новосибирская область	1113	1103,6	1065,0	1057,7
Омская область	981	…	974,0	959,0
Томская область	434,6	…	431,7	428,2

* *Составлено по официальным ответам на запросы: Алтайкрайстата № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015 и б/н от22.01.2018г; Кемеровостата №. 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГот 30.09.2015 г.; Томскстата № СК-72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г. и 13.02.2018 № СК-72-02/251-ДР (далее – территориальные органы статистики). Народное хозяйство СССР в 1956г.* М.: *Госстатиздат,1957.* С.24 – 26; *Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска. Новосибирск: Кн. изд-во, 1957.* С.11; *Народное хозяйство Алтайского края. Барнаул: Кн. изд-во, 1958.* С. 5 – 8.

Полученные данные от статуправлений о численности населения регионов и его составляющих (городское и сельское населения) рассчитаны на основе итогов переписи населения 1959г. обратным счетом. Они должны отличаться от опубликованных до переписных материалов. Эти данные между собой нужно сопоставить. Полученные результаты покажут какова точность оценки населения, произведенной статистиками до проведения первой послевоенной переписи. Все имеющие данные сведены в табл. 1.

При рассмотрении материалов таблицы нужно отметить, что итоговую численность сельского населения иногда в публикациях не приводят, но имеется статистика по городам и районам. Поэтому необходимо проводить подсчет самим исследователям. В данном случае это относится к статистике населения Алтайского края за 1957г. Сравнение данных текущего учета и относящихся к соответствующим датам, которые были определены по расчетам от итогов переписи, можно установить, что численность сельского населения в текущей статистике оказалась несколько завышенной. В Новосибирской области к 1957г. она была завышена на 46 тыс., или 4,5%. В Алтайском крае завышение составило на эту же дату 25,9 тыс., или на 1,4%. Для Алтайского края ошибка не превысила границы допустимой ошибки. В 1939 – 1957гг. происходили значительные подвижки населения связанных с массовыми мобилизациями, эвакуациями, репрессиями и реэвакуацией, следовательно, ошибка не является сколько-нибудь значимой. В Новосибирской области погрешность оказалась выше в 3 раза, чем в Алтайском крае. Для Новосибирской области и Алтая в сельской местности возможен недоучет населения в ходе проведения переписи населения в 1959г.

Отклонение расчетных материалов от итогов переписи 1959г. по сравнению с опубликованными оценками до проведения её для 1956г. составили для Алтайского края 41 тыс. (2,2%), Кемеровской области 60 тыс. (8,2%), Новосибирской области 48 тыс. (4,4%), в Омской области 7 тыс. (0,8%), в Томской области 2,9 тыс. (0,7%). Для 1956г. сравнение данных напрямую не совсем корректно. Так как статистики опубликовали данные на 1 апреля 1956г., а предоставленные расчётные материалы относятся к 1 января 1956г. В первом квартале года естественный прирост был выше среднегодового, а отток из села в январе-марте ниже среднегодового. Сравнение данных динамических рядов показывает, что отклонение определенных до переписи оценок от расчетов, сделанных на основании ее итогов, отсутствует в 2 случаях. Почти полностью совпали данные по Томской и Омской области. Невелико расхождение и материалов по Алтайскому краю. Что касается данных по Новосибирской области, то здесь возможен недоучет жителей, что подтверждают данные переписи населения 1970г. Например, оценка 1960г. в текущей статистике 1016,3 тыс., а по расчетам от переписи 1970г. 1024,5 тыс., т. е на 0,8% больше. В 1957-1958гг. были расширены административные границы г. Новосибирска и произведены переселения жителей в районе затопления Обского моря, в том числе города Бердск. При переселениях некоторые из респондентов оказались в иной местности и отнесли себя к постоянно проживающим здесь изначально. Для Кемеровской области расчетное число жителей села разошлось наиболее сильно. В городском и высоко урбанизированном Кузбассе на село обращали внимание меньше в ходе переписи. Многие жители пригородных сел трудились на шахтах и

промпредприятиях и считали себя горожанами, менялись границы городов и не всегда эти изменения статистика успевала отразить. Из Кузбасса шел существенный отток жителей, особенно представителей народов, реабилитированных в 1957г. Они не всегда снимались с учета в месте выхода. Не исключен так же недоучет населения. Выезд граждан, относящихся по национальной принадлежности к реабилитированным в 1957г. народам, характерен для всей Западной Сибири. Отсюда в массовом порядке возвращались к местам прежнего проживания калмыки, чеченцы и др. Изменение численности регионов представлено в табл.2.

Таблица 2.
Изменение численности регионов Западной Сибири в 1950–1960гг, тыс.*

Регион	Численность сельского населения			Измение численности 1950-1960гг	
	1950г.	1950г..	Максимум (1950-1960), год	Абс., тыс.	1960г./ 1950г.,%.
Алтайский край	1761,5	1840,0	1861,5 (1958г)	78,5	104,5
Кемеровская область	706,5	621,0	712,8 (1951г.)	-85,5	87,9
Новосибирская область	1075,3	1024,5	1075,3(1950г.)	-50,8	95,3
Омская область	960,0	940,0	991,0 (1952г.)	-20,0	97,9
Томская область	411,7	382,8	431,7 (1956г.)	-28,9	93,0

* *Составлено по официальным ответам на запросы: Алтайкрайстата № ВТ-22-22/673- ДР от 22.09.2015 и б/н от22.01.2018г; Кемеровостата №. 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГот 30.09.2015 г.; Томскстата № СК-72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г. и 13.02.2018 № СК-72-02/251-ДР (далее – территориальные органы статистики). Народное хозяйство СССР в 1956г.* М.: *Госстатиздат*,1957. С.24 – 26.

По данным табл. 2 видно, что снижение численности сельских жителей было не повсеместным. В Алтайском крае отмечался прирост числа сельских жителей на 4,5%. Здесь сельскохозяйственное производство было хорошо развито и более благоприятный климат. Небольшое снижение отмечено в Омской области (на 2,01%) и Новосибирской области (на 4,7%). Эти 3 территории активно участвовали в освоении целины, и здесь в период её освоения наблюдался приток населения в сельскую местность. Повышенное снижение числа жителей села в Новосибирской области по сравнению с Омской тоже свидетельствовало о большем значении промышленности для данного региона по сравнению с Прииртышьем. В Кемеровской области снижение численности сельчан было максимальным 12,1%. На Кузбассе сельское хозяйство большой роли в экономике не имело. Это сугубо промышленный и самый высоко урбанизированный регион Западной Сибири с самой высокой плотностью населения. В Томской области отмечалось снижение жителей села на 7%. Здесь больше преобладало лесное хозяйство и животноводство. Косвенно о влиянии на численность населения села освоения целинных и залежных земель отмечается в достижении максимума числа сельских обывателей. В Алтайском крае, где приток целинников был максимальными превышал 100 тыс., численность сельского населения увеличивалась до 1958г. В Томской, где шла активная заготовка

древесины, пик численности жителей в селе достигнут к 1956г. В остальных регионах пик достигнут до начала освоения целины, следовательно, большого притока сюда мигрантов не было.

Для сельского населения Западной Сибири 1950-х годов характерна высокая рождаемость. Показатели рождаемости у сельского населения превышали 30‰ почти весь изучаемый период. Например, на Кузбассе (Кемеровская область) показатель ниже 30 стал отмечаться в 1958г. В 1957г. он составлял 31,1‰, в 1958г. 29,3‰. На Алтае рождаемость снизилась с 1950г. по 1959г. с 37‰ до 31,6‰. В Томской области рождаемость так же превышала 30‰, и только в 1959г. снизилась до 29,6‰ (в 1952г. и 1953г. она составляла 29,3–29,7‰, что связано очень напряженным продовольственным положением в эти годы). В Омской области только в 1953г. рождаемость была ниже, чем 30‰. В сельской местности рождаемость оставалась выше, чем 30‰. Минимум в ней 31,4‰ отмечен в 1953г. Даже в 1959г. рождаемость в 32,1‰ превышала уровень 1953г. Сама тенденция снижения рождаемости в селах региона отмечалась отчетливо повсеместно. В 1950г. показатель в 37‰ и выше отмечен в Новосибирской, Кемеровской области и на Алтае, то в 1952г. она снизилась повсеместно. «Мини-голод» 1952-53гг. проявил себя. После легализации абортов в 1955г. (отмена уголовного преследования) и 1956г. (разрешение производить аборты в медучреждениях) показатели снижались медленно. Население не было готово в массовом порядке их производить. Респонденты отмечают «боязнь операции» и ее последствий. Адаптация наступила к 1959г., когда повсеместно показатели рождаемости стали резко падать. Например, в Куйбышевской районной больнице Новосибирской области за 1 год число произведенных операций искусственного прерывания беременности выросло в 3,5 раза. Рост шел в основном из-за обращений к прерыванию гестации жительницами села.

В смертности жителей сел Западной Сибири в 1950-е годы отмечаются тенденции, аналогичные советскому населению в целом. Отставание в социально-экономическом развитии всего региона и, тем более сибирских сел, неизбежно приводило к повышенной смертности. В 1950г. по СССР смертность для всего населения составила 9,7‰, в городах Новосибирской области 10,6‰, в селах 12,6‰. В 1959г. показатели соответственно были 7,6‰, 6,8‰ и 8,4‰. Смертность младенцев в СССР в 1950г. была очень высокой 81‰, в Новосибирской области 114,5‰, городах области 121,5‰, в селах 109,4‰. Более низкую смертность детей в селах власти отмечали как пример «более здорового образа жизни и влияние здоровой природы на сельское население». Власти не хотели видеть фальсификацию материалов в сельской местности, приводившей к усилению недоучета смертей младенцев села. В 1959г. ситуация несколько изменилась. В целом по СССР умерло на 1000 родившихся 40,6‰ младенцев, в Новосибирской области 46,2‰, в городах области 39,9‰, в селах 51,4‰. Недоучет в сельской местности смертей отмечали в органах статистики и в органах регистрации – загсах. Власти смотрели на это явление как на остаточные пережитки прошлого и малозначимые проблемы.

Динамика смертности населения в сельской местности Западной Сибири показывает, что смертность имела яркую тенденцию к быстрому снижению. Существовавший недоучет не мог умалить успехи советского здравоохранения. Статистики отмечали быстрый рост числа медицинских кадров в сельской местности. Снижение смертности иногда прерывалось. В 1951г. из-за «недорода» отмечен рост смертности у сельского населения Новосибирской области с 12,6 ‰ до 13,0‰, в 1955г. и 1957г. смертность не снижалась, но и не росла. Эпидемия гриппа (как тогда объясняли) привела к росту смертности с 7,8‰ до 8,4‰ у сельчан-новосибирцев за 1958-1959гг. В 1951г., 1955г.,1957г. и 1959г. отмечался рост смертей в сельской местности Омской области. Это полностью совпадает с динамикой смертности жителей сел Новосибирской области. Так же в 1955г.,1957г. и 1959г. отмечены эпидемии гриппа. В 1951г. «недород», т.е. недоедание

жителей села вышло за обычные пределы. Рост смертности в 1957г. и 1959г. отмечен у сельчан Томской области и Кузбасса. Во всех западносибирских регионах отмечен прирост смертности в 1951г. на 0,2‰ на Кузбассе; на 0,9‰ на Алтае, на 1,6‰ в Омской; на 1,4 ‰ в Новосибирской и на 0,1‰ в Томской. В опубликованных в годы оттепели это хорошо просматривается. Акцентировать на данное обстоятельство, т.е. рост смертности в сельской местности в 1951г., было небезопасно. В публикации Новосибирского статуправления в 1957г. содержится такая информация об естественном движении: общая смертность всего населения в 1950г. 11,8‰, в 1951г. 11,5‰, в 1952г. – 10,9‰. Статистики выдели отдельно г. Новосибирск, так он являлся городом республиканского подчинения. В нем смертность соответственно составляла 11,3‰, 9,6‰ и 9,3‰. Остальное население области имело отличную динамику смертности: 1950г. – 12,0‰, 1951г. – 12,4‰, 1952г. – 11,6‰[215]. Рост смертности в 1951г. подтверждается по до переписной оценки. Снижение смертности в областном г. Новосибирске скрывало рост смертности, при этом в сельской местности рост отмечался, а в небольших городах отмечалось незначительное ее снижение. В этих городах у населения были огороды, коровы и прочая живность. Небольшие города пережили недород легче.

Младенческая смертность в 1950-е гг. снижалась. Снижение было повсеместно, хотя наблюдалось неравномерность снижения во времени и по территориям. Более быстрое снижение наступало в крупнейших городах, в меньшей степени в небольших городах и селах. Например, за 1950–1960гг. смертность младенцев снизилась в Новосибирской области с 114,5‰ до 35‰, т.е. в 3,3 раза. В г. Новосибирске снижение составило с 128‰ до 31‰, т.е. в 4,1 раза, в прочих городах снижение составило с 108‰ до 37‰, т.е. в 2,9 раза. Примерно такое снижение, как в небольших городах, отмечалось и в сельской местности (с 109‰ до 37‰, т.е. в 2,94 раза[216]). Подобное отмечалось и в остальных регионах Западной Сибири. Постоянно снижалась доля умерших детей до года в общей численности умерших. В 1950г. удельный вес умерших младенцев составлял в Омской области 26,3%, в Томской 27,5%, в Алтайском крае 30,5%, в Новосибирской области 30,9%, в Кемеровской 34,6%. В 1960г. доля младенцев в числе умерших составляла соответственно 14,2%; 13,1%; 14,0%; 13,1%; 13,7%[217]. Ранжирование по удельному весу несколько изменилось. Лидером стала Омская область (до этого у неё было самое лучшее положение), оттеснив Кемеровскую область с первого места на третье, Алтайский край поднялся с 3 места на 2. Томская и Новосибирская область сравнялись по доле умерших младенцев в общей смертности. За рассматриваемое десятилетие смертность младенцев в сельской местности снизилась в Омской области с 101‰ до 36,2‰, в Новосибирской с 109,4‰ до 36,5‰; на Алтае с 107,0‰ до 25,8‰; на Кузбассе с 98,7‰ до 33,4‰; в Томской области с 96‰ до36‰. Снижение составило в Омской области в 2,8 раза, в Новосибирской области в 3,0 раза, на Алтае в 4,1 раза, в Кемеровской области в 2,95 раза, в Томской области в 2,7 раза. В 1960г. варьирование показателей младенческой смертности по территориям региона было невелико от 25,8‰ на Алтае до 36,5‰ в Новосибирской области. Но анализ материалов по смертности детей младшего возраста и мертворождений показывает: существовавший недоучет событий, и на статистические манипуляции– переброс умерших вскоре после рождения в мертворожденные или детей в возрасте 10-11 месяцев в годовалые.

Снижение общей смертности и смертности младенцев привели к росту средней продолжительности жизни. Расчёты по горячим следам произвел Е. М. Левицкий. Его работа опубликована в 1962г и представляет особую ценность. Её опыт больше никогда в истории Сибири не повторялся. Выдержки из расчетов Е.М. Левицкого в сравнении со всей страной приведены в табл. 3.

---

[215] Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска. Новосибирск,1957. С.183.
[216] Естественное и механическое движение населения. Новосибирск, май 1968г. С. 17,22,23; Численность населения и развитие здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, октябрь 1959. С.22
[217] Рассчитано согласно ответов Территориальных органов статистики.

Таблица 3.
Средняя продолжительность жизни в 1958–1959 гг., лет.*

Регион	Всё население	Мужчин	Женщин
СССР	68,56	64,42	71,68
В том числе город	68,13	63,69	71,42
Село	68,88	64,90	71,42
РСФСР	67,91	62,99	71,45
В том числе город	67,92	63,03	
Село	67,84	62,86	71,48
Западная Сибирь	67,0	62,62	71,30
В том числе город	66	62,69	71,53
Село	67	62,53	71,42
Восточная Сибирь	66	61,67	71,47
Дальний Восток	67	61,74	69,80

**Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (сводный том). М., 1962. С.262, 264, 266, 268, 270, 272, 276, 278; Демографический ежегодник России. 1996. М., 1996. С.103; [9, с. 17, 37, 41, 45, 49, 61, 81].*

Данные табл. 3 показывают, что Сибирь в своем развитии существенно отставала от всей страны. Отставание от СССР составляло примерно 1,7 года, а от показателей Российской Федерации на 1 год. При этом отставание западносибирского региона наблюдается как в городской, так и сельской местности. Отмечается некоторое превышение продолжительности жизни сельского населения СССР и Западной Сибири над городским населением. Это могло сложится за счет более низкой смертности в старших возрастах и большей доли женщин в населении села. Однако могло и свидетельствовать о существовавшем большем недоучете смертности в сельской местности. Последнее обстоятельство хорошо просматривается по просроченным записям в актах регистрации загса, когда уже истек срок подведения итогов за отчетный период (например, большое число актов записей о смерти во второй и третий квартале в следующем отчетном году) и в ходе проверок учета, проводимых органами статистики сельских советов. В 1960–1970гг. ситуация с ранжированием уровня смертности изменилась – села стали лидировать в ее уровне. Качество учета в последующие годы улучшилось. Западная Сибирь по уровню смертности находилась на одном уровне с Дальним Востоком и была в лучшем положении, чем население Восточной Сибири.

Таким образом, сельское население Западной Сибири проходило тот же путь эволюции, что и население всей страны и городов региона, но с некоторым опозданием. Временной лаг составлял 10–20 лет.

Список литературы

[1] Бадалян Т. М. Изменение численности и состава сельского населения в Западной Сибири. 1946-1959 гг.: автореф. дис… канд. ист. наук. Новосибирск: СО РАН, 1995. 25 с.

[2] Бурматов А.А. Население Новосибирской области 1937- конец XX в. (историко-демографический анализ): автореф. дис… канд. ист. наук.. Омск, 2001. 25 с.

[3] Бурматов А.А. Миграции населения Западной Сибири в 1950-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С.131–139. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-10.pdf (дата обращения 12.06.2022г.).

[4] Григоричев К.В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае: Середина 1940-х — конец 1980-х гг.: автореф. дис… канд. ист. наук. Барнаул: АГУ, 2000. 22 с.

[5] Гущин Н.Я., Бадалян Т.М., Дремова Л.И. Население и трудовые ресурсы сибирской деревни в 1917–начале 80-х годов (Основные этапы, особенности изменения численности и состава). // Население и трудовые ресурсы советской деревни (1917–1984гг.). (материалы XX сессии всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Таллин, 1987. С.19–34.

[6] Гущин Н.Я. Население Сибири в XX в.: Основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск: СО РАН, 1995. 82 с.

[7] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX - XX в.). /отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск Апостроф 2017г. 350 с.

[8] Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению. Конец 30-х – конец 50-х гг. Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.

[9] Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск: Наука, 1962. 103 с.

[10] Население Западной Сибири в XX веке/ отв. ред. Н. Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: СО РАН, 1997. 171 с.

УДК 93 (332.1)

Стратегия региональной власти по вопросам планирования экономического развития Красноярского края в 1960-1980-х годах

Волосов Евгений Николаевич
Доктор исторических наук, заведующий кафедрой,
Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации, г. Иркутск, Россия.
volosov@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5160-0725

аннотация В статье рассматриваются некоторые стратегии действий красноярских партийных и советских лидеров по привлечению инвестиций в экономику края. Показаны роль и место красноярского крайкома КПСС во взаимоотношениях центральной и региональной технократической элиты. Определены причины заинтересованности краевых властей в масштабном промышленном строительстве. Указаны основные направления и инструменты лоббистской политики региональных партийных и советских органов и целевая аудитория, на которую были направлены их усилия. Приведены результаты реализации указанной стратегии

ключевые слова инвестиционная политика, центральные и региональные органы КПСС, планирование и управление экономикой Красноярского края

Планирование народного хозяйства СССР в течение двадцатых – восьмидесятых годов XX века велось Госпланом и подведомственными ему организациями, и институтами. Однако, кроме главных акторов этого процесса существовали важные структуры, заинтересованные во включении в процессы планирования для достижения определенных целей. Это, прежде всего, региональная партийная бюрократия.

Наша задача, на основании изучения документов того времени, научной литературы, публицистики, материалов средств массовой информации, попытаться понять роль местных партийных органов в инициации, разработке и принятии решений по экономическому развитию территорий?

Инженерно-технические и экономические компетенции у большинства представителей партийной бюрократии не давали им возможности в полной мере понимать вопросы, связанные территориальным разделением труда, учетом демографической, технологической, экологической, географической специфики того иного региона. Большинство местных партийных руководителей имели дипломы о высшем техническом или экономическом образовании, однако, за редким исключением карьера в хозяйственном секторе заканчивалась должностью начальника участка, цеха, заводского отдела. Однако и среди них были исключения. Так руководивший в 1969 – 1972 гг. Красноярским краевым комитетом КПСС В.И. Долгих до занятия этой должности являлся директором Норильского горно-металлургического комбината. Региональные партийные органы, понимали, что эффективное решение многочисленных местных проблем, в конечном итоге, зависит от объемов инвестиций, направляемых на промышленное строительство из центра. Поэтому они целенаправленно пытались и, зачастую успешно, играть роль посредника и генератора в процессах взаимодействия между региональными столичными экономическими и хозяйственными ведомствами.

В 1960 - начале 1980-х годов XX века их влияние на подведомственной территории являлось практически бесконтрольным. К сожалению, пользуясь покровительством высших должностных лиц из ЦК КПСС, создали на руководимых ими территориях обстановку всеохватывающей, глубокой коррупции, кумовства, стяжательства, разъедавших, порочащих власть и способствующих её ослаблению [3, с.111].

Вместе с тем, нужно понимать, что, пользуясь близкими и доверительными

отношениями с лидерами партии, руководители региональных партийных организаций могли для решения региональных проблем напрямую обращаться в высшие государственные органы: Совет Министров СССР, подчиненные ему структуры в лице: Госплана, Госснаба, министерств и ведомств.

Благодаря сложившейся политической традиции столичные хозяйственные ведомства не могли игнорировать обращения региональных партийных органов. Конечно, далеко не всегда на исходящую просьбу или предложение следовал положительный ответ. В переписке партийных и хозяйственных структур часто встречаются и вежливые отказы. Но интересно то, что даже отрицательный ответ давался настолько вежливым стилем, что как-бы открывал возможность для продолжения диалога.

Рассмотрим основные алгоритмы взаимодействия региональных партийных органов и столичных ведомств по вопросам планирования стратегического развития регионов. . Основой экономической политики советского строя являлось планирование народного хозяйства. Госплан СССР и подведомственные ему структуры являлись центром, где консолидировалась информация о потенциале предприятий, рассчитывались возможные стратегии распределения ресурсов для удовлетворения, как потребностей народного хозяйства, так и жителей страны.

Сам Госплан СССР представлял из себя совокупность отделов, отвечающих за определенные отрасли и территории и находящихся в отношениях к другу в режиме диалектического спора: кто важнее или приоритетнее. По мнению региональных плановых органов, центральными субъектами в планировании народного хозяйства должны стать отделы, отвечающие за развитие территорий. Работники Госплана, сотрудники центральных научно-экономических ведомств большей частью считали, что план должен составляться в центре и спускаться на места, а местные органы должны его строго выполнять [2, с.253].

Система негласного разделения контрольных и исполнительных функций в руководстве советской экономикой сложилась в тридцатые годы XX века и без особых сущностных изменений просуществовала до конца советского периода российской истории. Арбитрами в глобальных хозяйственно-экономических спорах, касающихся вопросов стратегического развития страны, оставались Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Им приходилось разрешать конфликты между центральными ведомствами и региональными партийными и советскими органами, поддерживать баланс между ведомственными и местными интересами, как в вертикальном, так и горизонтальном измерении.

В Госплане СССР также отсутствовало единство между отраслевыми отделами, структурными подразделениями, которые сводили и увязывали цифровую, информацию, предоставляемую центральными и местными плановыми органами, министерствами и ведомствами. Сотрудники ведомственных отделов, зная векторы развития своей отрасли и объем необходимых ресурсов, защищали ее интересы. Сводный отдел, исходя из общегосударственных, стратегических интересов, определял приоритеты в развитии отраслей, выявлял потенциальные потребности в материальных и финансовых ресурсах и пытался связать их использование с интересами всего народного хозяйства [1, с.101].

В концепциях хозяйственного развития, разрабатываемых Госпланом СССР, Сибирь занимала очень важное место. Востоку страны почти в каждом плановом периоде предоставлялся приоритет перед европейскими районами страны в темпах экономического роста. Первая крупная экономическая программа Госплана, осуществленная в восточных районах страны - реализация Урало-Кузнецкого проекта. Она носила не только долговременный характер, но и принесла мультипликативный эффект по развитию производительных сил для восточных районов страны.

К середине 1960-х годов наметилось окончание проекта, связанного с освоением ресурсов Среднего Приангарья. Поэтому в ЦК КПСС, Совете Министров СССР и Госплане начал меняться вектор внимания к глобальным инвестиционным проектам в пользу

Красноярского края и Тюменской области. Существовали объективные причины нового тренда. Ими являлись открывающиеся месторождения нефти и газа в Западной Сибири, необходимость наращивания производства меди и никеля на севере Красноярского края и др.

В тоже время, можно утверждать, что весьма важную роль, как минимум в Красноярском крае, сыграло активная позиция красноярских партийных органов по лоббированию интересов территории. Сравнивая число обращений по вопросам хозяйственного развития в правительство страны, министерства и ведомства по инициативе Красноярского КК КПСС и Иркутского ОК КПСС за в 1960 – 1980-е годы, мы видим, что красноярские руководители А. Кокарев, В. Долгих и П. Федирко защитой и продвижением интересов региона занимались гораздо более активно и последовательно, секретари Иркутского ОК КПСС середины 1960-х – середины 1980-х годов С. Щетинин и Н. Банников.

Для лоббирования интересов края использовались различные варианты доведения своих намерений до слуха центральных властей. В качестве «толкачей» выступали руководители крайкома партии, краевого исполнительного комитета, промышленных предприятий, депутаты союзного и республиканского уровней.

Формирование и принятие Государственного плана развития народного хозяйства СССР на очередную пятилетку, как и Постановления ЦК КПСС, Совета министров СССР по хозяйственным вопросам проходило через весьма сложную и долговременную систему согласований между хозяйственными ведомствами в столице и на местах.

При этом очень важное место в достижении компромиссов между различными группами технократической элиты занимали центральные и региональные органы Коммунистической партии. Понимая влияние местного партийного руководства региональная технократическая элита, подключая своих коллег из столичных и республиканских ведомств, пыталась воздействовать на Госплан, принимая решения или рекомендации представительных партийных форумов (конференции, пленумы) на местах.

Принятию проекта нового плана развития народного хозяйства на очередную пятилетку предшествовало его обязательное обсуждение на региональной партийной конференции с принятием предложений в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Вовсе не факт, что эти рекомендации целиком включались в окончательный вариант народнохозяйственного плана.

Например, XXVI Красноярская краевая партийная конференция, проходившая в 1966 году, рекомендовала включить в задания Госплана на восьмую пятилетку ключевые строительные объекты края: 1) ввод в на полную мощность Красноярской ГЭС и Ачинского глиноземного завода; 2) пуск в постоянную эксплуатацию Красноярского алюминиевого завода и Красноярского металлургического завода; 3) освоение медно-никелиевых руд Талнахского месторождения в интересах Норильского ГМК; освоение мощностей месторождения нефелинов на юге Красноярского края; строительство лесопильных заводов районах Маклаково и Лесосибирска [7, Л.26].

Указанные позиции не только вошли в план развития народного хозяйства СССР на 1966 – 1970 годы, но и в основном, выполнены.

Эффективной формой воздействия на центральные ведомства и, прежде всего, на Госплан, являлись действия региональных партийных органов в виде писем, обращений, организаций личных встреч, совещаний с обязательным протоколированием.

1) Прямое обращение к руководству партии и правительству.

2) Непосредственная связь с руководством столичных ведомств.

3) Подключение политического и административного высших лиц государства для давления на министерскую технократию.

Для доказательства приведем один из многих примеров. В июне 1966 года 1 секретарь Красноярского КК КПСС А. Кокарев и председатель краевого исполнительного комитета Н.Татарчук отправили в правительство СССР письмо «По вопросу разработки генеральной схемы развития Приангарья и среднего Севера Красноярского края». В документе констатировалось, что базе дешевой энергии гидроэлектростанций на нижней Ангаре можно создать крупнейший энергопромышленный комплекс, включающий предприятия по производству энергоемкой продукции: алюминия, целлюлозы и пр.

Вторая инициатива, озвученная в обращении – возможность освоения железорудных месторождений в центральной части края, которые могли бы снабжать сырьем строящиеся металлургические предприятия в центральной части России. Третьим аргументом в пользу увеличения инвестиций в стройки края стала бы продолжением реализации первой инициативы. Так как под затопление будущих ГЭС на Ангаре ушли бы миллионы гектаров с прекрасной деловой древесины объемом свыше трех миллиардов кубических метров ценнейшей древесины. Поэтому лидеры Красноярского края предложили на базе этих лесных ресурсов создать новые лесопромышленные комплексы по полной переработке древесины. В рамках этого проекта должны были быть построены Маклаковский, Богучанский, и Нижнеангарский лесопромышленные комплексы.

Аргументы в пользу ускоренного промышленного развития Среднего Севера Красноярского края заканчивались логичной многоаспектной просьбой, заключавшейся решении вопроса по разработке генеральной схемы комплексного развития этого района на генеральную перспективу и необходимости изучения научными структурами Госплана проблем и перспектив развития Среднего Севера Красноярского края. Обе просьбы были удовлетворены [8, Л.31-33].

Вторая половина 1960-х – начало 1980-х годов стали, по сути «золотым веком» для всех групп политической элиты. Не были исключением региональная партийная и технократической элита. На территориях активного индустриального строительства к общим факторам благополучия номенклатурных работников добавлялась гордое чувство сопричастности к большим стройкам, крупнейшим промышленным производствам. Ощущение своей миссии творцов «нового мира» придавало им уверенности и настойчивости в деловых контактах на столичном уровне [4, с.54].

Эта тенденция становилась заметной даже в хозяйственных документах. Для принятия наиболее важных решений по развитию экономики края велась не только большая работа научных, планово-экономических учреждений, но активная лоббирование интересов территории посредством бурной переписки с центральными партийными и хозяйственными органами. Содержание самой переписки демонстрирует, что принимаемы решений зачастую являлись результатом переговоров, не отраженных в документах, следствием негласных компромиссов между группами партийной бюрократии и технократической элиты.

Сказанное хорошо подтверждается подготовкой важнейшего для края Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии производительных сил Красноярского края в 1971 – 1980 гг.». 10 октября 1969 года бюро Красноярского крайкома КПСС утверждает докладную записку в ЦК КПСС «О развитии производительных сил Красноярского края в 1971 – 1975 гг.». В документе утверждалось, что в течение 1960-х годов в крае было введено в действие семьдесят процентов основных фондов народного хозяйства территории, построено более тридцати крупных промышленных предприятий. В этот период Красноярский край становится одним из крупнейших индустриальных районов СССР. Создана серьезная основа для реализации еще более масштабных задач по развитию производительных сил в 1971 – 1975 гг.

Далее следовало подробное перечисление минерально-сырьевых, водных,

топливно-энергетических ресурсов. Конечно, не были забыты лесные богатства края, освоение которых имело и большое экспортное значение.

После констатации ресурсного и промышленного значения авторы обращаются к предложениям и проблемам. Главная проблема – отсутствие комплексного, взаимоувязанного плана развития экономики края на девятую пятилетку и последующие годы. Это приводит к тому, что союзные и республиканские министерства и ведомства не всегда продуманно пытаются разместить свои производства без учета специфики края, природно-климатических и социально-демографических особенностей и так далее.

В записке присутствует и прямой шантаж центральных ведомств. И связан он с действительно существовавшей проблемой – наличием в крае крупнейших строительных организаций, ранее задействованных в возведении энергетических объектов, железных дорог, промышленных предприятий.

После окончания той или иной стройки у руководства строительных организаций, местных партийных и советских органов появлялись задача новых объектов для приложения сил, либо расформирования строительной организации. Второй вариант в силу не столько экономических, сколько социальных и политических причин вообще не рассматривался. Поэтому ЦК КПСС и правительство с пониманием относились к просьбам с мест о сохранении строительных организаций и планировании новых строек.

Основными объектами для инвестиций в следующей пятилетке по предложению краевых руководителей должны были стать ведущие отрасли: энергетика, цветная и черная металлургия, электротехническая промышленность и комплексная переработка древесины [6, Л.241-243].

Уже 29 октября 1969 года правительство предложило главному плановому органу страны рассмотреть предложения Красноярского крайкома КПСС. Еще через месяц Госплан СССР принимает свое постановление, в котором раздает поручения Госплану РСФСР, министерствам и ведомствам по выработке предложений и технико-экономическому обоснованию развития экономики края.

Итогом успешных действий по лоббированию комплексной схемы развития производительных сил края стало принятие соответствующего партийно-хозяйственного постановления. Основным алгоритмом успеха стало использование методологии – от общего к частному. Красноярские партийные и хозяйственные органы то, что делать акцент на строительстве одного, пусть важного объекта непродуктивно и не результативно для комплексного развития экономики и социальной сферы края. Поэтому к концу 1960—х годов и было принято принципиальное решение о предъявлении союзным партийным и хозяйственным органам, достаточно хорошо проработанной, основанной на научных прикладных исследованиях программы комплексного развития. Такая программа позволила получить инвестиции для строительства не одного, а десятков предприятий. Наиболее точно по поводу нового понимания взаимоотношений «территория – центр» высказался председатель краевой плановой комиссии В.А. Дубовец: «Представляете, как мы в свое время «хватались» за предложения различных министерств и ведомств разместить у нас в крае то или иное предприятие? Наскоро выбирали площадку – и начиналось строительство. В расчет принимались главным образом транспорт, электроэнергия, сырье. Далеко идущие связи не прослеживались, взаимосвязи улавливались нередко лишь внешне или на первый взгляд. В 1971 году после принятия решения о комплексном развитии производительных сил Красноярского края ситуация изменилась» [9].

Другой важный инструмент воздействия региональных комитетов партии на столичные хозяйственные и экономические структуры - письма за подписью секретарей региональных комитетов партии по вопросам хозяйственной деятельности.

Рассмотрим наиболее типичные схемы взаимоотношений двух отрядов технократии в части обсуждения проблем и принятия решения по хозяйственным вопросам.

Ликвидация совнархозов и возврат к отраслевой системе управления во второй половине 1960-х годов первоначально вызвали серьезные трудности для предприятий и организаций с обеспечением сырьем, комплектующими, то есть материально-техническим снабжением. Это создавало серьезные проблемы с выполнением народнохозяйственных планов. Видимо на уровне «предприятие» - «министерство» хозяйственные руководители решить вопросы снабжения не могли, а потому обращались за помощью к региональному комитету партии.

Например, серия писем, подписанных вторым секретарём Красноярского крайкома КПСС В.Ф. Гаврилова-Подольского от 8 февраля 1967 года. Эти документы показывают, что крайком начал тотальное давление на министерства, не выполняющие своих обязательств по обеспечению подведомственных предприятий материальными ресурсами. Первое письмо было адресовано Председателю Государственному комитету Совета Министров СССР по материальному техническому снабжению (Госснаб СССР) В.Э. Дымшицу. В документе назывались министерства, неудовлетворительно выполнявшие обязательства по поставкам для подведомственных предприятий и организаций в Красноярском крае. В письме озвучивалась просьба повлиять на руководителей отраслей и ведомств. В качестве примера ответственного отношения к поставкам называлось подведомственное Госснабу СССР Управление материально-технического снабжения по Красноярскому краю и Тувинской АССР. Оно, по мнению секретаря крайкома КПСС, успешно справлялось с порученными ему поставками и не допускало срывов в работе предприятий.

Письма аналогичного содержания были отправлены в адрес двенадцати министерств и с приложением копии обращения В.Э. Дымшицу [5, Л.96].

Еще один вариант давления на столичные структуры с целью получения новых инвестиций был использован Красноярским крайкомом КПСС в 1969 году при подготовке партийно-правительственного решения о комплексном развитии производительных сил Красноярского края. В мае 1969 года краевой комитет партии направил письма в адрес более чем десятка министерств, с просьбой, подтвердить намерения по строительству крупных предприятий в регионе. Среди главных адресатов - министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР В.С.Федоров. От него требовалось согласие о размещении в крае нефтеперерабатывающего завода. От министра автомобильной промышленности СССР А.М.Тарасова требовалось согласование строительства автомобильного комплекса рядом с Красноярском. Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР получило запрос на подтверждение о намерениях по строительству двух лесопромышленных комплексов в районах Красноярского Приангарья.

Скорее всего в механизме подготовки и принятия решений по строительству крупных народнохозяйственных объектов подобные письма не играли определяющую роль. Однако, важность их подтверждается письмом Председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова в адрес крайкома КПСС о том, что все предложения должны быть переданы в Госплан для дальнейшего изучения и реализации.

Помимо контактов региональных комитетов партии и правительственных структур в виде комплексных обращений самыми распространенными являлись письма по отдельным вопросам функционирования или развития экономики регионов. Изучение материалов партийного или советского делопроизводства показывает, что от внимания чиновников не уходили ни проблемы развития социальной сферы (наука, образование, культура, медицина), ни, тем более, экономика. Важно, что по содержанию этих документов, мы видим проявление экономической субъектности территории, которая, в конечном итоге, заставляла центр прислушиваться к предложениям с мест.

Региональные власти активно участвовали в дискуссиях по вопросам текущего планирования деятельности предприятий и организаций на подведомственной им

территории, если чувствовали опасность или риски для себя или своей репутации. Таковым являлось невыполнение основных показателей государственного плана на уровне области. Соответственно, выполнение этого плана повышало негласный рейтинг среди других партийных руководителей регионального уровня.

Последний из примеров диалектических взаимоотношений между столичными ведомствами и региональной партийной бюрократией касается раз тех случаев, когда министерства вежливо, но твердо отказывали просьбам региональных комитетов партии.

Выводы

Госплан СССР являлся Центром, где разрабатывались и доводились до исполнителей планы народнохозяйственного развития, осуществлялся контроль за выполнением плановых заданий, собиралась вся информация о производственных возможностях предприятий и делались прогнозы, т.е. просчитывалось несколько стратегий распределения ресурсов с целью удовлетворения тех или иных потребностей народного хозяйства и населения страны.

Помимо Государственного планового комитета Совета Министров СССР значительную роль в процессах планирования играли плановые комитеты союзных республик, краев и областей, научно-исследовательские институты АН СССР, отраслевых министерств и ведомств.

Региональные партийные органы, крайне заинтересованные в эффективном решении местных проблем и понимавшие, что главным источником для этого являются инвестиции на промышленное строительство, целенаправленно играли роль посредника, а, зачастую, и генератора в переговорах между региональным и столичным отрядами технократической элиты.

Региональная технократическая элита, опираясь на политическое влияние партийных комитетов, время от времени, в зависимости от ситуации, подключая своих руководителей из министерств и главков, пыталась воздействовать на Госплан СССР посредством решений или рекомендаций представительных партийных форумов на местах. Наиболее эффективной формой воздействия на главное плановое учреждение страны, было постоянное давление со стороны региональных партийных органов в форме писем, обращений, личных встреч, совещаний.

Особенно удачно в этом направлении действовали руководитель Красноярского крайкома КПСС. Успешное лоббирование комплексной схемы развития производительных сил края вселило в красноярских лидеров уверенность в правильности выбранного курса и обусловило их дальнейшие шаги. Основной алгоритм успеха – от общего к частному. Красноярцы поняли то, что добиваться строительства одного, пусть даже очень важного для края и страны предприятия, не очень результативно. Поэтому был выбран путь предъявления столичной партийной и хозяйственной бюрократии комплексной программы, основанной на более или менее корректных научных данных. В рамках же этой программы были получены инвестиции для возведения не одного, а десятков предприятий.

Другим важным инструментом воздействия региональных комитетов партии на столичные хозяйственные и экономические структуры являлись письма за подписью секретарей региональных комитетов КПСС по различным вопросам хозяйственной деятельности.

Помимо серийных или пакетных обращений в схеме взаимоотношений между региональными комитетами партии и правительственными структурами самыми распространенными являлись письма по отдельным вопросам функционирования или развития экономики регионов.

Список литературы

[1] На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ.ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1990.

[2] Косыгин, А.Н. К великой цели: Избранные речи и статьи / А.Н. Косыгин. В 2-х т. Т.1- М.: Политиздат, 1979.

[3] Байбаков, Н.К. Сорок лет в правительстве / Н.К.Байбаков.- М.: Республика, 1993.

[4] Постановление Красноярской краевой конференции КПСС «О проекте Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы» // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-26, Оп.37, Д.5.

[5] Совместное письмо А. Кокарева и Н.Татарчука от 13 июня 1966 года в СМ СССР. «По вопросу разработки генеральной схемы развития Приангарья и Среднего Севера Красноярского края // ГАКК, Ф.П-26, Оп.37, Д.21.

[6] Ножиков, Ю.А. Я это видел, или жизнь российского губернатора, рассказанная им самим / Ю. Ножиков.- Иркутск: «Издание ГП «Иркутская обл.типография № 1», 1998.

[7] Постановление бюро Красноярского крайкома КПСС от 10.10.1969 г. «О развитии производительных сил Красноярского края в 1971 – 1975 г.» // ГАКК, Ф.П-26, Оп.42, Д.33.

[8] Чернышев, Ю. Саянский комплекс / Ю.Чернышев // Красноярский рабочий. - 1972. – 11 февраля.

[9] Письмо секретаря Красноярского КК КПССС В. Гаврилова-Подольского в Госплан СССР от 08.02.1967 г. // ГАКК, Ф.П-26, Оп.38, Д.37.

УДК 396.2

Правовой статус женщины в Сибири в конце XIX - начале XX вв.

Колыньяк Кристина Анатольевна
Младший научный сотрудник, Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», пгт. Шушенское, Россия.
ms.kolynyak@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается правовое положение женщины в Сибири в XIX веке. Поднимается тема подачи жалоб и прошений в различные инстанции для защиты себя и своих прав. Приведены и проанализированы источники, отражающие проблемы, с которыми женщины обращались в административные учреждения; показаны результаты разбирательств по представленным делам, сделаны выводы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА крестьянка, женщина в Сибири, право, правовое положение.

За последние 150 лет роль женщины в семье и обществе значительно изменилась. Первые законы, выделяющие женщин в качестве самостоятельного субъекта права, появились в России в XIX - начале XX вв. и предполагали постепенное расширение их прав. Сейчас законодательная база в этом направлении значительно шагнула вперед, однако вопрос гендерного равенства до сих пор представляет собой одну из важнейших проблем современности. Для решения данной проблемы, прежде всего, необходимо обратиться к её истории, рассмотреть становление и развитие правового статуса женщин в Российской империи.

Положение женщины в XIX веке хорошо отражено в работе А.А. Савельева «Юридические отношения между супругами, по законам и обычаям великорусского народа»: «… жена и дети в их личных отношениях к мужу и отцу сделались совершенно бесправны: в своих поступках и даже помышлениях они могли руководиться лишь мнением главы дома. Особенно безлична и лишена права свободно располагать собой, была женщина» [4].Такой статус был обусловлен традициями и закреплен законом: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, в почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» - говорилось в Своде законов Российской империи[5]. Несмотря на это, после отмены крепостного права в 1861 году, урбанизации и модернизации в крупных Российских городах того времени стал наблюдаться процесс либерализации внутрисемейных взаимоотношений. Это сказывалось на изменении некоторых функций и ролей женщины в семье и обществе.

Известно, что женщины в Сибири, в отличие от европейской и центральной части России, были более свободны в своих правах, старались их отстаивать, что подтверждается сохранившимися архивными материалами.

Во второй половине XIX века участились случаи подачи жалоб женщин на мужчин в волостные суды, полицейское и губернское управление.

Любопытно, что, не имея должного образования, а часто и вовсе безграмотные сибирячки в своих прошениях ссылались на конкретные статьи законов. В качестве примера можно привести «Дело по прошению крестьянской жены Авдотьи Многогрешновой о нанесении ей побоев мужем», в котором сообщается: «Подверг меня тяжким побоям, от каковых я лишена здоровья и всякой способности к рабочему труду. После довершенных им мне побоев, он выгнал меня из моего собственного дому, и я скитаюсь ныне бесприютною, и без средств к существованию…». Далее: «… всеподданнейше прошу дабы повелено было: настоящую жалобу принять и учинить распоряжение об обязании Красноярское Окружное Полицейское управление о скорейшем производстве изложенной жалобы моей в порядке и всрок определенный

70 п. 139 ст. XV т. Законов о уголовном судопроизводстве, а затем передачи сего дела в подлежащий суд для подвержения мужа моего, крестьянина Заледеевской волости деревни Шуваевой - Александра Петрова Многогрешнова, за довершения мне им тяжкия побои, угрозы и оскорбления законному суждению. Настоящая жалоба, как относящаяся к характеру уголовного производства на основании определения Правительствующего Сената, 19 февраля 1883 г. распубликованного в правительственном вестнике за тот же год в № 232, не подлежит платежным гербовым сборам» [1].

В «Деле по прошению Ачинской мещанской девицы Евдокии Лейзерович об обольщении ее канцелярским служителем Путьковским» также фигурируют ссылки на конкретные статьи: «… поступок Путьковского составляет уголовный поступок наказуемой 1531 ст. Уложения о наказаниях от 1866 года и на основании 70 ст. XV т. Прошение моё подлежало исследованию и, согласно по 279 ст. того же закона, отсылке в судебное место назначение» [2]. Вероятно, женщины могли обращаться за консультацией по правовым вопросам либо к писарю, который занимался делопроизводством волости, либо к грамотным крестьянам (мещанам) или политическим ссыльным. Так известно, что В. И. Ленин (Ульянов) пребывая в ссылке в с. Шушенском, по воскресеньям завел у себя «юридическую консультацию» и нелегально консультировал местных крестьян.

Еще одним делом, подтверждающим возможность женщин обращаться за квалифицированной помощью, является жалоба крестьянки Федоровой об измене мужа, в которой говорится: «…посему всеподданнейше прошу: Дабы повелено было сие мое прошение вместе с копией с оного, общественным удостоверением крестьян села Каптыревского, и копией с него принять, и на основании 2156 ст. XV т. св.зак. / изд. 1857/ мужа моего и поселенческую жену Маремьяну Федорову подвергнуть наказанию за прелюбодейную связь между ними; а меня с сыном моим приказать обеспечить содержанием из имения мужа моего. К поданию надлежит в Минусинский земский суд» [3].

Стоит поднять вопрос о том, на чьей стороне оказывались чиновники при рассмотрении дел. Если более подробно рассмотреть вышеупомянутые дела, то можно прийти к выводу, что, с одной стороны, к мужчинам чиновники относились более лояльно, нежели к женщинам; с другой стороны, детальное рассмотрение дел позволяло заподозрить некоторых женщин в лукавости с целью получения ими определенной выгоды. Так по прошению Авдотьи Многогрешновой в деле о нанесении ей побоев мужем говорится: «Подверг меня тяжким побоям, от каковых я лишена здоровья и всякой способности к рабочему труду. После довершенных им мне побоев, он выгнал меня из моего собственного дому, и я скитаюсь ныне бесприютною и без средств к существованию; довершенные мне побои и изгнание меня мужем Многогрешниковым знают и подтвердят работники его, крестьяне: Иван Казаков, женщина Настасья Макарьева, и ссыльный Иван, а также местный сельский староста и писарь» [1]. При предоставлении свидетелей и доказательств виновности мужа судом было принято решение сделать ему внушение. По мнению исследователей, такие внушения, которым подвергался виновный муж, не способствовали урегулированию конфликтов в семье, а наоборот, часто разозленный из-за этого муж мог начать еще хуже обращаться со своей женой.

Встречается немало дел, в которых женщины пытаются привлечь мужчин к ответственности за их соблазнение и связь до брака. При расследовании дела девицы Евдокии Лейзерович об обольщении ее канцелярским служителем Путьковским указано, что Лейзерович неоднократно обращалась в суд. К делу приложены и показания самого обвиняемого Путьковского.

Со слов женщины следует, что: «Канцелярский служитель Михаил Александров Путьковский, проживающий в доме покойного родителя ея, был вхож в ея квартиру под предлогом взять ея в замужество, как неопытную девушку, обольстил ея, и она в январе

месяце сего года родила дочь Анну. После этого бесчестного поступка Путьковский выехал из дома ея родителя и положительно отвергся от своего предложения и слова взять ея замуж, а когда она стала от него требовать содержания для его дочери, то он выдал ей 10 мая сего года расписку обязываясь давать на содержание дочери ежемесячно по 3 рубля, но и этого не исполнил, заплатив только 2 рубля; а когда дочь Анна умерла, то и совершенно прекратил всякое просительницы иждивение, ввиду сего этого представляя подленную расписку Путьковского, Лазерович просила сделать распоряжение: подвергнуть Путьковского за поступок, совершенный с нею, законной уголовной ответственности; обязать его приговорить по подписке о невыезде из г. Ачинска впредь до окончаний настоящего дела, так как ей известно, что он на днях собирается выехать из Ачинска в своё место родины и тогда она лишится всякой возможности обличить Путьковского, наказав его за его зверский и бездушный с нею поступок. 19 июля Лейзерович, в присутствии Полицейского управления, подтверждая означенное свое прошение добавила, что в подтверждении ея обольщения Путьковским никаких доказательств свидетелями не имеет»[2].

Показания Путьковского по этому делу следующие: «… он просительницы Лайзерович не соблазнял и не обольщал, а имел с нею связь, как и со всякою другою женщиною, и за это платил каждый раз наличными. Когда же Лайзерович обманула и уговорила его, что ребенок родился у неё от него, то чтоб отвязаться от нея, выдал ей расписку выдавать по 3 рубля в месяц на содержание ребенка. А как ребенок уже умер, то и обязательству его конец, так как Лайзерович не калека, и может снисковать себе пропитание сама» [2].

В решении по этому делу говорится что: «… просительница Лайзерович об обольщении ея Путьковским никаких доказательств не представила, что Путьковский не отвергал связи своей с Лайзерович по согласию, объяснил, что не соблазнял ея и не обольщал, и рожденного ею ребенка признал своим только по настоянию и обману Лайзерович…». В ходе разбирательства выяснилось, что, потерпевшим оказался мужчина. Однако суд постановил признать обе стороны «… как одинаково виновные в преступлении, указанном в ст. 994 Уложения о наказаниях, что влечет за собой объявление наказания - только церковное покаяние…» [2].

Таким образом, на основании анализа приведенных в статье материалов, можно сделать вывод, что в конце XIX века на территории Сибири женщины активно обращались в различные инстанции в целях защиты себя и своих прав; им оказывались юридические консультации, помощь в составлении запросов (скорее всего за отдельную плату). Дела эти рассматривались, а итоги разбирательств чаще свидетельствуют о том, что мужчины подвергались таким наказаниям, которые, в сущности, не решали проблему, а порой даже наоборот, могли её усугубить.

Список литературы

[1] Дело по прошению крестьянской жены Авдотьи Многогрешновой о нанесении ей побоев мужем. // ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 658. 25 л.

[2] Дело по прошению Ачинской мещанской девицы Евдокии Лейзерович об обольщении ее канцелярским служителем Путьковским. // ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 865. 6 л.

[3] Жалоба крестьянки Федоровой об измене мужа. 1863 г.// АГМ. Ф. 42. Оп.1. Д. 1978. 20 л.

[4] Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. Нижний Новгород: тип. Н. Ройского и Д. Душина, 1881. 94 с.

[5] Свод законов Российской империи. СПб., 1899. Т. X. Ст. 107.

УДК 94(57)

Дискуссии о развитии сети железных дорог в Сибири в начале XX в. (по материалам журнала «Сибирские вопросы»)

Кудряшов Василий Васильевич
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, г. Братск, Россия.
vas60kud@mail.ru

Максимова Валентина Николаевна
Кандидат исторических наук, доцент, Братский государственный университет, г. Братск, Россия.
maksimova_v_n@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена обсуждению в сибирской прессе и в журнале «Сибирские вопросы» проектов железных дорог, которые планировалось построить в начале XX века от Транссиба. Автор раскрывает роль печатных средств массовой информации в формировании общественного мнения по вопросу развития железнодорожной сети, показывает противоречивость оценок проектов со стороны различных категорий населения. Особое внимание уделено анализу проектов развития железных дорог в Иркутской губернии в Приленский край. В дискуссии были вовлечены депутаты III Государственной думы, губернаторы, промышленники, торговцы. Автор пришел к выводу, что среди обсуждавшихся проектов фактически был подготовлен проект будущей Байкало-Амурской магистрали, реализованный в 1970-1980-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА железная дорога, Сибирь, проекты, дискуссии, журнал «Сибирские вопросы».

Подготовка празднования 50-летия начала строительства БАМа является весомым поводом обращения к истокам магистрали для понимания ее значимости, упущенных возможностей и оценки перспектив развития в современных условиях.

Отсчёт современной истории БАМа принято вести от 8 июля 1974 года, когда было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». Строительство было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Строительство БАМа рассматривалось как основной элемент комплексного развития производительных сил Иркутской области, Бурятии, Забайкалья, Якутии, Амурской области и Хабаровского края. В перспективе ставилась задача продолжить БАМ на север до Якутска, далее на Магадан, Чукотку и Камчатку. Всерьёз обсуждалась проблема сооружения железной дороги между Россией и США через Чукотку и Аляску со строительством тоннеля под Беринговым проливом.

Вопрос о строительстве новых железных дорог в Сибири встал в повестку дня в начале XX века, когда еще не было завершено сооружение Транссиба. Необходимость соединения губерний с Сибирской магистралью диктовалась потребностями капиталистического развития. Проекты новых дорог широко обсуждались в региональной и центральной прессе. Историография строительства Транссибирской железной дороги и Байкало-Амурской магистрали достаточно обширна. Но следует обратить внимание на исследования роли средств массовой информации в формировании общественного мнения по вопросу строительства и о первых проектах параллельной Транссибу дороги. С.К.Канн, глубоко и всесторонне анализируя историю строительства Транссиба, изучил обширный газетный материал второй половины XIX века и показал острую полемику вокруг тогда еще самой идеи железной дороги в Сибирь [8]. Большинство предпринимателей центральной части России признавали необходимость такой дороги, исходя не только из личной выгоды, но и понимая стратегические цели государства. С.К. Канн раскрыл противоречивую позицию областников во главе с Н.М.Ядринцевым, которые ратовали за развитие внутренних путей сообщения в Сибири (водные пути и

трактовые дороги) и видели в будущей железной дороге только возможности дальнейшей эксплуатации сибирских богатств и местного крестьянства.

Подводя итоги своему исследованию, С.К.Канн сделал интересное заключение: «Массив газетных публикаций об одном из самых грандиозных проектов отечественной истории настолько огромен, что его изучение, наверняка, займет срок, сопоставимый с дискуссиями о Сибирской железной дороге в XIX в. Большое количество научного материала продолжает ждать своих исследователей» [8, с.148].

В этой связи интерес представляет петербургский журнал «Сибирские вопросы», основателем которого был В.П.Сукачев, известный иркутский предприниматель, городской голова и меценат, стоявший на позициях областничества. Хотя «Сибирские вопросы» выходили в столице, основное содержание материалов было связано с Сибирью, авторами статей были сами сибиряки, стремившиеся обратить внимание центральных властей на положение дел в регионе. В начале 1900-х годов на страницах сибирской прессы был поднят вопрос о новых магистралях, уходящих вглубь сибирских просторов. Редакция журнала не оставила без внимания развернувшиеся дебаты о развитии железнодорожной сети в Сибири, предоставив свои страницы для желающих высказаться.

Практически в каждой сибирской губернии периодически созывались совещания о железнодорожном строительстве под эгидой губернаторов. Участники форумов, признавая приоритет в принятии решений за компетентными государственными органами правительственных учреждений, считали необходимым учитывать местные интересы и общественное мнение. В данном случае, речь шла о предпринимателях и торговцах. В целом, все авторы статей о проектах железных дорог в Сибири обращали внимание на коммерческую составляющую, говорили о снижении тарифов на перевозку каменного угля и хлеба [5].

Автор одного из материалов под псевдонимом «Степной» назвал ситуацию обсуждения проектов «железнодорожной манией» [13, с.41]. В эту полемику включились даже те, кто никогда не занимался транспортными проблемами. Признавая огромную полезность железных дорог и их положительное воздействие на развитие хозяйства и культуры, Степной подчеркивал: «Рельсовый путь только в том случае является мощным рычагом культуры, когда он послужит не только средством обогащения отдельных лиц отдельных рынков, а прежде всего повысит материальное благосостояние населения того края, который этот путь призван обслуживать» [8, с.43].

В повестки совещаний ставили вопросы соединения Сибирской магистрали со Степным краем. Поставки хлопка остро интересовали владельцев мануфактур Центральной России. Представители казачества считали строительство железнодорожной линии в Туркестан стратегической задачей, которая будет способствовать укреплению обороноспособности южных рубежей России [12].

Дискуссионными были варианты строительства ответвлений от Сибирской магистрали на Алтай. Некто Жерновков отстаивал необходимость строительства ветки Новониколаевск – Барнаул, приводя экономические расчеты коммерческой выгоды данного варианта. По мнению автора, такой вариант давал больше возможностей развития местных производств, колонизации земель в рамках переселенческой политики, роста объемов производства сельскохозяйственной продукции [7].

В связи с вопросом о торговле сибирским хлебом на европейском рынке обсуждался вариант строительства Полярной железной дороги. Отдельные предприниматели на собственные средства проводили изыскания, но решение вопроса о строительстве зависело от правительства. К рассмотрению возможностей реализации проекта были привлечены депутаты Государственной думы Н.В.Некрасов, С.В.Востротин, Н.Л.Скалозубов, А.А.Скороходов и др. Проект обсуждался в «Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта», но не получил поддержки [15].

И.И.Попов, известный иркутский издатель и редактор газеты «Восточное обозрение», выступал за скорейшее развитие сети железных дорог в Сибири, указывая на возможности роста производства хлеба в крае, ссылаясь на приток крестьян в рамках переселенческой политики правительства и расширение запашки. Он полагал, что при

избытке сибирского хлеба дорога будет обеспечена заказами, что приведет к снижению тарифов [11].

Среди многочисленных проектов развития железнодорожной сети в Сибири и на Дальнем Востоке особняком стоял вариант строительства сибирско-американской железной дороги. Его хотели реализовать американские промышленники. Предполагалось через тоннель под Беринговым проливом довести линию до Якутска и далее до Канска, где должно было произойти соединение с сибирской магистралью. Проект предполагал пересечение огромных горных пространств и хребтов, многоводных и бурных рек. Было необходимо обогнуть многочисленные озера Якутской области, пройти через болотистые пространства, прорваться через густую тайгу. Прожектеры прекрасно понимали климатические сложности, связанные с низкими температурами, вечной мерзлотой, малочисленностью населения, практически безлюдьем. По подсчетам критиков данного проекта протяженность пути до Транссиба составляла около 6000 верст, что предполагало огромные затраты на строительство и содержание пути. Возможных доходов от торговых операций в регионе строительства тоже не просматривалось. На выгоду рассчитывали члены американского синдиката, которые надеялись получить исключительные права на разведку и разработку золота и других полезных ископаемых на северо-востоке России.

В начале XX века американские дельцы практически за бесценок, при посредстве продажи спиртных напитков, уже скупали у аборигенов продукты местных промыслов. Автор статьи, главный редактор журнала П.Головачев, обращал внимание правительства на хищническое отношение американцев к богатствам северо-востока России и злоупотреблениям [4]. По мнению автора статьи, «им совершенно не нужна дорога по Сибири, а лишь сеть, хотя узкоколейная, временная… Но для туземных обитателей Чукотского полуострова господство американцев будет равносильно смертному приговору» [4, с.164-165]. П.Головачев, анализируя практику американского капитала по отношению к собственному аборигенному населению и к странам Центральной Америки, пришел к более суровому выводу: «Предоставление синдикату американских капиталистов права хозяйничать на Чукотском полуострове, а тем более проводить там железные дороги – покушение на целостность Империи, попытка ее расчленения, вызванная даже не местным сепаратизмом, а просто стремлением иностранцев к наживе» [4, с.165]. Автор статьи предупреждал правительство о возможных последствиях такого подхода иностранного капитала, который может привести не только к дипломатическим, но и политическим конфликтам, вплоть до военного.

В Иркутской губернии власть в лице генерал-губернатора и губернатора, промышленники, купцы понимали важность развития железнодорожной сети в северные и верхоленские территории. Экономическая жизнь ускорилась со строительством железной дороги, переселенческой политикой правительства. Росла численность населения, появлялись новые поселения. В район будущей трассы направляли изыскательские экспедиции, к обсуждению вопроса подключалась общественность, в первую очередь в лице предпринимателей и купечества. Итоги совещаний или отдельные мнения находили отражение на страницах губернских газет.

На страницах губернских газет дискуссии развернулись вокруг вариантов строительства дороги от Сибирской магистрали на север в Приленский край. Часть этой полемики нашла место и в журнале «Сибирские вопросы».

Дебатировался вопрос об отправном и конечном пунктах этой линии: от Иркутска, или от Тулуна, или от Тырети; до Бодайбо, или до Жигалова, или до Усть-Кута? Какие капиталы и в каком объеме можно найти в губернии и привлечь к строительству? За счет чего и как можно получить прибыли? Как отмечал автор одного из материалов, тема о железнодорожных путях участников совещаний интересовала гораздо больше, нежели обсуждение вопроса о судоходстве на Байкале, Ангаре и Лене. Уже к 1907 г. в результате изысканий инженера В.П.Половникова были найдены лучшие варианты строительства дороги от Лены через отроги Байкальского хребта, р. Тыю в долину р.Верхняя Ангара с последующим выходом к Бодайбо. (Сегодня по этому маршруту проходит БАМ: Усть-Кут – Кунерма – Тыя – Северобайкальск – Нижнеангарск – Кичера

– Таксимо.) Долгое время обсуждался вопрос о возможностях очистки и углубления фарватера реки Лены в ее верхнем течении – от Верхоленска до Усть-Кута для перевозки грузов в район золотоносных приисков водным путем. Но, в конечном итоге, комиссия пришла к выводу о бесперспективности таких работ.

К 1911 г. министерство путей сообщения практически определилось с вариантом будущей магистрали, необходимо было провести ряд технических работ. Но общественные круги Иркутска при поддержке губернатора вновь подняли вопрос о сооружении линии Иркутск – Верхоленск – север Байкала – Бодайбо. В журнале «Сибирские вопросы» было опубликовано несколько материалов, которые свидетельствуют об острой полемике по вопросу выбора маршрута будущей дороги.

Автор статьи под криптонимом «А.Х.» выдвигал ряд аргументов в пользу бодайбинского варианта [1]. Как полагал автор, линия позволит соединить губернский центр с центром золотопромышленности, что позволит упростить связи, будет содействовать росту производства. На момент обсуждения вопроса все главные конторы золотопромышленных компаний, банки, связанные с ними, их складские перевалочные базы дислоцировались в Иркутске. Иркутск был не только административным и культурным, но и важным экономическим и промышленным центром. По мысли автора, здесь могли сложиться центры металлургии для производства рельсов, машиностроения для удовлетворения потребностей горнодобывающей промышленности, железной дороги и сельского хозяйства. Автор приводил в качестве аргумента в пользу данного варианта готовность иркутских промышленников вложить свои средства в строительство железнодорожного моста через Ангару в Иркутске. По мнению автора, освоение прилегающей к магистрали территории могло позволить решить проблемы переселенцев. По данным автора, только в Верхоленском уезде было подготовлено порядка 75 тысяч душевых наделов. Возможности сельскохозяйственного освоения долины Лены и Киренги могли дать еще миллионы десятин удобной земли.

В обсуждении вопроса принял участие депутат III Государственной думы от Иркутской губернии Т.О.Белоусов, выступивший с докладом в Санкт-Петербургском сибирском собрании 1 февраля 1911 г. Текст доклада был опубликован в журнале «Сибирские вопросы» [2].

Докладчик подробно остановился на истории освоения Восточной Сибири русскими первопроходцами, занятиях местного населения к началу XX века. Пристальное внимание было уделено минерально-сырьевой базе и состоянии золотопромышленности Витимо-Олекминской системы. Именно запасы золота привлекали большой капитал. Но, отметил докладчик, себестоимость добычи золота возрастала. Извлекать его приходилось с больших глубин, необходимы были новые технические сооружения, машины и оборудование. Одной из существенных причин дороговизны золотодобычи Т.Белоусов назвал отсутствие удобных путей сообщения.

Автор доклада остановился на анализе существовавших путей доставки оборудования и товаров на Ленские прииски и в Якутскую область, подробно обрисовав протяженность каждого маршрута, его сложности, возможности использования в разные времена года. Но главное внимание было уделено вариантам строительства железной дороги от Транссиба в Ленский бассейн с возможностью выхода к Бодайбо и приискам. Т.О.Белоусов был согласен с мнением, что сооружение железнодорожной магистрали в Иркутской губернии должно способствовать ее развитию и проходить по тем местностям, где имеются необходимые природные ресурсы для промышленности. Он использовал при подготовке доклада материалы съезда промышленников 1906 г. в Иркутске, где обсуждались возможные направления строительства дороги. Значительная часть предпринимателей выступала за выход дороги к судоходному участку Лены в районе Усть-Кута, поэтому поддерживала вариант магистрали Тулун – Усть-Кут. Такое направление включало в орбиту строительства и Николаевский железоделательный завод вблизи села Братска Острожного, его ресурсы, возможность увеличения производства металла.

Альтернативой данному варианту было предложение иркутского купечества – маршрут Иркутск – Жигалово. Местные купцы боялись утратить свою роль в торгово-посреднической деятельности, видели в Тулуне, в случае строительства магистрали

от этой станции, реального торгового конкурента Иркутску. Поэтому иркутские коммерсанты организовали изыскательскую экспедицию инженера Половникова, подключили местную прессу. Результатом стало решение иркутской городской думы, представленное генерал-губернатору, в пользу маршрута Иркутск – Верхоленск – Жигалово и далее в направлении Киренска.

Депутат Т.О. Белоусов фактически высказался в пользу второго направления строительства железной дороги, указав на большую заселенность района, на возможности использования уже освоенных верхоленских территорий для продолжения переселенческой политики правительства. С экономической точки зрения существенное значение имела высокая доля сельскохозяйственной продукции, которую вывозили из верховьев Лены на прииски в Бодайбо. Кроме того, в качестве аргумента он приводил протяженность этой дороги (на 250 верст короче), состояние и использование Якутского тракта при строительстве, меньшую примерную стоимость работ на данном направлении как на более равнинной местности. Т.О. Белоусов призвал правительство тщательно взвесить и изучить все варианты, чтобы выбрать более выгодное и целесообразное.

Автор другой статьи А. Качугский предпринял попытку сопоставить все имевшиеся варианты и высказал свое мнение о преимуществах новой линии [9]. Он критически оценил возможности Жигалова как отправной точки развития железных дорог в северо-восточном направлении – в Якутию и Охотск. По его мнению, дорога не давала широких перспектив для роста грузооборота, продолжая оставаться исключительно дорогой местного значения.

Автор статьи указывал на противоречия в докладах иркутских комиссий в отношении возможностей судоходства между Жигаловом и Усть-Кутом. Если в первоначальном варианте было указано, что Лена на этом участке «совершенно не судоходна», то затем иркутская городская дума пришла к выводу, что данный путь судоходен. Автор полагал, что Лену в ее верхнем течении до Усть-Кута необходимо продолжать исследовать и при необходимости очищать фарватер.

С точки зрения колонизации и решения переселенческого вопроса строительство линии в направлении Верхоленска и Жигалова виделось более перспективным. Город Иркутск обладал гораздо большей доходностью для железной дороги благодаря растущему товарообороту. Новая линия только в отдаленной перспективе могла обеспечить доходы. Для превращения Тулуна в административный, транспортный и культурный центр могло потребоваться долгое время. Как видно, автор статьи выступал за иркутский вариант строительства новой дороги. Хотя Качугский признавал, что линия Тулун – Усть-Кут обойдется государству на 25 млн. рублей дороже, но это позволит вовлечь в хозяйственный оборот новую огромнейшую территорию с большой минерально-сырьевой базой. Как было сказано министром путей сообщения на предложения иркутской делегации: «Думайте о местных нуждах, изучайте их детально, а о стратегических и общегосударственных перспективах подумают другие» [9, с.56].

Отчеты об изыскательских экспедициях, другие материалы нашли своих исследователей в современной России. Так С.В. Гузенков в своей статье проанализировал опубликованные записки и проекты 1906-1912 гг., отчеты ряда экспедиций, материалы совещаний при иркутском губернаторе, находящиеся в архивах, и пришел к выводу, что все практические исследователи проектов будущей магистрали склонялись в пользу строительства линии Тулун – Братск – Усть-Кут с дальнейшим продвижением на восток [6].

Чем же завершилась продолжительная и острая дискуссия, развернувшаяся на страницах сибирских газет и журнала «Сибирские вопросы»?

На 1 января 1917 г. в России в эксплуатации находилось более 75 тыс. км железнодорожных линий [3, с.20]. Межведомственная комиссия выработала план экономических железнодорожных изысканий на 1915-1917 гг. Особое межведомственное совещание, в состав которого вошли представители Государственного совета, Государственной думы, министерства путей сообщения и других ведомств, выработало план строительства железных дорог вплоть до 1922 г. Среди них фигурировала линия Кострома – Уфалей – Томск – Енисейск. Специальное заседание комиссии о

новых железных дорогах 12-30 января 1916 г. было посвящено проблеме соединения железнодорожным путем Приленского края с Сибирской магистралью. После детального обсуждения производственно-экономических, земельных, финансовых и других проблем с учетом перспектив заселения региона комиссия рекомендовала проложить железную дорогу от одной из станций Сибирской магистрали между Тайшетом и Тулуном через Братск в направлении на Усть-Кут и далее на Бодайбо для массовых перевозок грузов горной и золотопромышленной отраслей. Впоследствии предполагалось развитие путей сообщения с Якутией, включая применение узкоколейных железных дорог [3, с.21].

Подводя итоги, можно констатировать, что проекты развития сети железных дорог в Сибири вызвали бурное обсуждение среди общественности, привлекли внимание местной администрации. Проекты получили неоднозначную оценку, продемонстрировали различные подходы к вопросу со стороны регионов и центра. Решение вопроса о выборе маршрутов строительства новых магистралей осталось за правительством.

Бурные события 1914-1922 гг. отложили на неопределенное время реализацию проекта параллельной Транссибу железной дороги на севере Прибайкалья. Только в 1970-1980-е гг. советское государство смогло его воплотить, но не в полном объеме. В современных геополитических условиях, когда происходит переориентация грузопотоков на восток, открываются новые возможности для развития железных дорог Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

[1] А.Х. Иркутск – Верхоленская железная дорога // Сибирские вопросы. 1911. № 1. С. 10-16.

[2] Белоусов Т.О. О проведении железной дороги от сибирской магистрали в Ленский бассейн // Сибирские вопросы. 1911. № 5-6. С. 5-38.

[3] Восточно-Сибирская железнодорожная магистраль. Путь в 100 лет (1898-1998)/ под общ. ред. В.Г.Третьякова. Иркутск: изд-во Иркут.ун-та, 1998. 552 с.

[4] Головачев П. По поводу проекта сибирско-американской железной дороги// Сибирские вопросы. 1906. № 2 (отд.вып.). С. 157-166.

[5] Гольман. Сибирская каменноугольная промышленность// Сибирские вопросы. 1908. № 2. С. 19-24.

[6] Гузенков С.В. Проекты железнодорожного строительства в Ленском крае (начало XX века)// Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск: изд-во БГУ, 2020. С. 317-326.

[7] Жерновков Гр. Необходимость железнодорожной ветви Барнаул – Новониколаевск// Сибирские вопросы. 1907. № 30. С. 8-13.

[8] Канн С.К. Газетная полемика вокруг вопроса о Сибирской железной дороге накануне ее постройки (50-80-е годы XIX века)// Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск: изд-во БГУ, 2018. С. 141-149.

[9] Качугский А. Железная дорога в Приленский край// Сибирские вопросы. 1911. № 37-39. С. 42-57.

[10] Колотилов. Иркутское совещание о привлечении капиталов к железнодорожному строительству в Сибири// Сибирские вопросы. 1908. № 47-48. С. 54-58.

[11] Попов И. О железнодорожном тарифе на сибирский хлеб// Сибирские вопросы. 1908. № 6. С. 22-24.

[12] Совещание о новых железных дорогах в Сибири // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 10-15.

[13] Степной. Железнодорожная мания// Сибирские вопросы. 1909. № 51/52. С. 41-44.

[14] Томское совещание о железнодорожной сети// Сибирские вопросы. 1908. № 43-44. С. 41-43.

[15] V. Полярная железная дорога// Сибирские вопросы. 1909. № 5. С. 29-32.

УДК 94.379.84-053.5(571.51)"1945/1953"

«Много интересного и полезного готовит нам нынешнее лето...»: организация летнего отдыха пионеров Красноярского края в 1945-1953 гг.

Кухта Светлана Васильевна
Ведущий архивист, Государственный архив Красноярского края, г. Красноярск, Россия.
svetla-90@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4618-0353

АННОТАЦИЯ В статье на основании материалов, находящихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, выявляются и анализируются ключевые формы, региональная специфика и проблемы организации летнего отдыха пионеров в первые послевоенные годы. Изучение разнообразных архивных документов позволяет понять масштаб и механизмы летних культурно-досуговых и оздоровительных кампаний, роль комсомольских, профсоюзных, советских и партийных организаций в их проведении, а также оценить возможность применения опыта пионерской работы в современных реалиях

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА пионерская организация, пионерский лагерь, летний отдых, детский туризм, детская площадка, оздоровление, повседневность.

В этом году исполнилось 100 лет со дня создания всесоюзной пионерской организации, членство в которой стало неотъемлемой частью советского детства. Она стала мощной эффективной структурой, игравшей ключевую роль в социализации детей, воспитании в них ответственности, чувства гражданского долга и патриотизма, уважения к обществу и государству. Важной частью пионерской работы были программы летнего отдыха, направленные на оздоровление и физическое развитие подрастающего поколения, расширение его кругозора, приобретение трудовых навыков.

Изучение опыта государства по организации пионерского досуга в Красноярском крае в тяжелое послевоенное время невозможно без анализа многочисленных архивных документов, находящихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, среди которых наиболее содержательны: планы, отчеты, докладные записки школьно-пионерского отдела Красноярского краевого комитета ВЛКСМ, краевого и городского комитетов ВКП (б), районных комитетов комсомола. Визуально погрузиться в насыщенные событиями пионерские будни позволяют сохранившиеся в архиве фотоальбомы пионерлагеря завода «Красмаш».

Система подходов к каникулярной работе с детьми пионерского возраста в общих чертах сложилась еще в довоенный период. Каждой весной подробно определялись основные направления и планы этой работы, для этого органы советской и партийной власти принимали соответствующие постановления и решения, утверждали районные комиссии по проведению летних оздоровительных мероприятий, в которые входили представители комсомола, отделов образования, профсоюзов и др. Необходимо отметить, что весной 1945 г. во главу угла было поставлено оздоровление детей инвалидов войны и воинов, погибших на фронтах.

В стране действовали детские учреждения различного типа. Летом 1945 г. в Красноярском крае работало 67 пионерлагерей (27 городских и 40 сельских), в которых отдыхало 19957 школьников, было организовано 10 площадок санаторного типа (на 3116 детей) и 158 площадок массового типа (на 7650 детей), 15 туристических лагерей (на 1450 детей). Кроме того, функционировали 4 детских санатория: для больных рахитом, легочный и два костных. Всего за лето было охвачено оздоровительными мероприятиями 43356 детей, из которых 30500 – дети красноармейцев и инвалидов войны, получившие путевки бесплатно (за счет средств комсомола, профсоюзов и отделов гособеспечения) [5, л.2]. Время пребывания в пионерских лагерях общего типа

составляло 21 день, санаторного типа – 40 дней, на детских площадках – 30, в школьных лагерях – 15 [1, л.68об.].

Ключевое значение в системе этих учреждений отводилось стационарным пионерским лагерям, формы работы в которых отличались разнообразием и продуманностью. Лагеря создавались каждым крупным предприятием, учреждением, профсоюзом. Так, в Красноярске летом 1945 г. открылись лагеря крайкома союза учителей, железной дороги, НКВД, военкомата, водников, завода №327 и др. [1, л.6-6об.].

Заранее начиналось формирование корпуса педагогических кадров – с вожатыми проводились обучающие семинары, старшие пионервожатые утверждались городскими и районными комитетами ВЛКСМ из числа комсомольцев. Например, в Норильске вся организационная работа по подготовке к летнему сезону 1952 г. началась в феврале, вожатые и воспитатели побывали у каждого пионера дома, познакомились с бытом семьи, побеседовали с родителями об особенностях характера ребенка, узнали о состоянии его здоровья и интересах [15, л.62, 63].

В условиях недостаточного финансирования повсеместно в упадке находилась лагерная инфраструктура. Проводились комсомольско-молодежные воскресники по оборудованию лагерных территорий и жилых корпусов, заготовке топлива и посадке овощей. Многие помещения требовали срочного ремонта, не были обеспечены постельными принадлежностями, посудой, культинвентарем, пионерскими атрибутами, палатками [5, л.2, 2об., 3об.]. Санитарная инспекция в июне 1946 г. обследовала Центральный пионерлагерь г. Красноярска и пришла к выводу о том, что ему необходим ремонт водопровода, колодца и бани, покраска пола, приобретение двух смен белья и др. Обеспечение лагерей посудой возлагалось на местные предприятия. Весной 1946 г. директора заводов №360 и им. Побежимова были обязаны изготовить 4000 бокалов, 2000 солонок, 600 мелких тарелок, 3500 алюминиевых мисок, 112 кастрюль и 90 чайников для нужд летней оздоровительной кампании. [2, л.14, 19-19об.]. В еще более сложном положении находились районные лагеря, подведомственные отделам народного образования, совершенно не имевшим средств на их содержание [12, л.31]. Проблема нехватки базового инвентаря сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода.

Еще одну сложность представлял недостаток автомашин для доставки детей в оздоровительные учреждения. Были случаи, когда ребята проходили длинные расстояния пешком, чтобы вовремя прибыть в лагерь [11, л.10].

Важную роль в оздоровлении играло своевременное полноценное снабжение детских учреждений продуктами питания. Приказом краевого отдела торговли от 29 мая 1945 г. «О снабжении продуктами питания детей дошкольного и школьного возраста в период летней оздоровительной кампании 1945 года» были утверждены следующие нормы: мясо/рыба – 60 г на чел. в день, жиры – 20 г, сыр – 10 г, яйца – 1 шт., крупа и макаронные изделия – 70 г, мука пшеничная – 10 г, мука картофельная – 3 г, сахар, кондитерские изделия, шоколад, какао – 43 г, картофель и овощи – 800 г, молокопродукты – 300 г, хлеб – 400 г. В пионерских лагерях санаторного типа норма была повышенная [1, л.68]. По окончании сезона рассчитывался средний привес отдыхающего, который был одним из параметров оценки работы лагеря.

В послевоенный период стали создаваться новые пионерские лагеря, постепенно в каждом из них сформировались свои особые атмосфера и традиции. В 1951 г. был открыт пионерский лагерь в Курейке – месте ссылки И. В. Сталина. Вот как его описывали сотрудники в письме вождю: «[...] 8 двухэтажных однотипных коттеджей выстроились в два ряда с линейкой и открытой эстрадой посередине. Верхний просторный этаж каждого коттеджа оборудован под спальню, в которой в безукоризненном порядке расставлены 45-50 детских коек, окрашенных в приятный голубой цвет, заправленных снежной белизны простынями поверх мягких матрацев на сетках. Тонкий аромат хвои,

обрамляющей картины, развешанные по стенам, наполняет спальню благоуханием, располагает к здоровому сну [...]» [4, л.1-1об.].

В с. Атаманово на базе дома отдыха «Таежный» был открыт оздоровительный лагерь для детей работников Норильского комбината, в будущем один из самых крупных в СССР. Большой и интересный путь проделывали юные норильчане по пути туда – теплоходы «Иосиф Сталин» и «Серго Орджоникидзе» превращались в плавучие лагеря с соблюдением всех форм пионерской работы [15, л.63].

Программу проведения типичной лагерной смены можно условно разделить на семь основных направлений: организационное (разбивка по звеньям, отрядам, знакомство с лагерем); кадровое (работа с вожатыми и воспитателями); политико-воспитательное; общественно-полезное; культурно-массовое; военно-спортивное; юннатское и туристическое. В основу жизни пионерлагеря был положен распорядок дня, строгое соблюдение которого считалось ключевым условием эффективного функционирования учреждения.

Политико-воспитательная работа подразумевала проведение общелагерных и отрядных бесед, докладов и лекций об актуальных событиях в стране и мире, эпизодах Великой Отечественной войны, партизанах, Героях Социалистического Труда, великих русских полководцах, В. И. Ленине и И. В. Сталине, встреч с выдающимися земляками (например, с бабушкой пионера-героя Гены Щукина). В лагерях Ленинского района г. Красноярска летом 1950 г. были проведены беседы на темы: «Корейская народная демократическая республика», «Комсомол всегда и везде впереди», «Они были пионерами», «Два мира, две системы», «Забота тов. Сталина о советских детях», «Край наш родной» и т.п. [9, Л.16]. Пионеры вместе посещали исторические памятники, выпускали стенгазеты и боевые листки, читали газеты, журналы и книги. Лагерные библиотеки комплектовались популярными в тот период детскими произведениями: «Молодая гвардия», «Повесть о моем сыне», «Повесть о настоящем человеке», «Четвертая высота», «Как закалялась сталь», «Два капитана», «Дорогие мои мальчишки», «Человек-амфибия», «Просто любовь», «Рассказы о юных героях», «Как Ксюша фашистам отомстила», «Тимур и его команда» и т. д. [3, л.14-14об.].

Отдых детей сочетался с общественно-полезным трудом, в первую очередь обслуживанием самого лагеря (уборка постели, территории, очередное дежурство по лагерю, в столовой или в своем домике). Помимо этого их привлекали к заготовке витаминных и лекарственных растений, дикорастущих плодов, ягод, грибов; на помощь близлежащим колхозам, совхозам на полях и в ремонте сельскохозяйственных машин; изготовлению игрушек, плетению корзинок из лозы и пр.; оказанию помощи семьям фронтовиков из соседних деревень [2, л.40].

Большое внимание уделялось культурно-массовой работе, принимавшей самые разнообразные формы, среди которых – творческие кружки, площадки, костры, карнавалы, вечера самодеятельности, загадок и сказок, конкурсы на лучшего чтеца, танцора, певца, выставки художественного и технического творчества, выступления в колхозах, совхозах, воинских частях, красочные праздники открытия и закрытия лагеря. Например, в пионерлагере «Таежный» в 1952 г. с массовым участием пионеров прошли маскарады, на которых дети представили образы: «Шалаш В. И. Ленина», «16 союзных республик», «За высокий урожай», «II Всемирный конгресс сторонников мира», «Великие стройки коммунизма». Кроме того, в лагерь приезжали артисты кукольного театра, московской эстрады, Кемеровского театра драмы [15, л.65-66].

В лагере ребята разучивали танцы: переходную польку, пионерский вальс, тустеп, краковяк, венгерку, чардаш и др. Играли в настольные и подвижные игры: «Вороны и воробьи», «День и ночь», «Музыкальные пятнашки», «Безбилетный пассажир», «Попробуй – найди», «Охотники и утки», «Пересмешник», «Горячие руки» и т.п. Исполняли юношеские песни: «Спортивная пионерская», «Под знаменем мира», «Путевая

пионерская», «Пионерский марш», «Любит юность паруса», «Весенние путешественники», «Гимн демократической молодежи», «Футбольная», «Комсомольская прощальная», «Фронтовая сибирская», «Песня юных садоводов». Наибольшую популярность в эти годы приобрел «Марш нахимовцев» [3, л.15; 7, л.36-38].

Военно-физкультурная деятельность лагеря состояла из ежедневной зарядки, звеньевых и отрядных занятий разными видами спорта, военизированных игр («Борьба за знамя», «Умей найти по следу», «На штурм», «Проберись в лагерь», «Проберись к своим», «Пропавшее звено), подготовки к сдаче норм по комплексу БГТО, обучения плаванию и езде на велосипеде [10, л.8].

Стоит отметить, что в послевоенный период продолжилась практика направления лучших детей на отдых в главный всесоюзный пионерлагерь «Артек». В 1953 г. там отдохнули 29 жителей края, среди которых был Миша Сидельников – сын таймырского колхозника-охотника, который хорошо знал Север и, несмотря на то, что ему было всего 12 лет, самостоятельно управлял оленями [14, л.41]. Очевидно, что отдых красноярских пионеров на черноморских курортах массовым не был, что объяснялось высокой стоимостью переезда и сравнительно коротким временем пребывания на юге. Местные власти хорошо понимали необходимость создания аналогичного центра детского отдыха и оздоровления, который мог бы успешно функционировать в условиях Сибири. Весной 1952 г. Красноярский краевой комитет ВЛКСМ и краевое курортное управление даже ходатайствовали в ЦК ВЛКСМ о возможности организации «Сибирского Артека» на базе курорта «Озеро Тагарское» [13, л.1-2].

Согласно отчетам комсомольских органов, большое количество детей пионерского возраста оставались на лето в городах, что, однако, не означало отсутствие форм организованного досуга, разработанных специально для них. При школах, во дворах, в парках создавались летние лагеря и площадки дневного пребывания. Так, городской пионерский лагерь в парке железнодорожников с 19 июня по 24 августа 1949 г. посетили 19760 детей. В нем работали хоровой, балетный, биологический, исторический кружки, спортивные секции, для родителей по вечерам проводились лекции и демонстрировались кинокартины [7, л.33-36].

В 1950 г. впервые открылся лагерь во дворе по ул. Горького, д. 14 в г. Красноярске, организованный по опыту москвичей. Родители и дети расчистили двор, разбили клумбы, купили и посадили рассаду, покрасили уличную мебель, сделали площадку для волейбола. Они вместе устраивали пионерские костры, читали книги и ходили в кинотеатры, отмечали дни железнодорожника, физкультурника, авиации [10, л.13-18]. Вслед за Красноярском дворовые лагеря стали создаваться и в других городах края.

Центром летней работы в городе был Дворец пионеров, который проводил киносеансы, экскурсии в музеи, утренники, читательские конференции, встречи со знатными людьми [16, л.57]. В формировании досуга юных красноярцев также участвовала краевая станция юных техников [19, л.16-17].

Затруднения возникали при организации физкультурных занятий с детьми, т. к. в городах не хватало инфраструктуры, а на имеющиеся спортивные базы дети свободного доступа не имели. Кроме того, ощущался недостаток учителей физкультуры [12, л.65].

В сельской местности многие пионеры работали в колхозах, вырабатывали трудодни. Ученик Ново-Бородинской школы Тасеевского района Коля Ковалевский летом 1953 г. выработал 150 трудодней в колхозе «Победа». В ряде районов были организованы звенья по охране лесов от пожаров, борьбе с вредителями сельского хозяйства, агиткультбригады, которые выезжали в ближайшие колхозы [18, л.22].

Поддержали красноярские пионеры и всесоюзный призыв о расширении пришкольных садов под лозунгом «Украсим родной край садами и цветниками». Юные натуралисты активизировали свою работу на пришкольных участках и опытных полях, в кружках цветоводства, растениеводства при Красноярской краевой станции

юных натуралистов. В крае начали проводиться слеты юных мичуринцев и краеведов [18, л.19; 8, л.340б.].

Стоит упомянуть, что помимо юннатского движения в рассматриваемый период популярной формой культурно-досуговой деятельности стали экскурсионные поездки, туристические и краеведческие походы, направленные на пробуждение интереса школьников к прошлому и настоящему своей малой родины. В 1946 г. пионерский отряд им. Миклухо-Маклая 346-й школы Москвы начал увлекательное путешествие по изучению родного края, после чего ЦК ВЛКСМ предложил распространить эту инициативу на другие регионы [6, л.75-750б.]. К началу 1950-х гг. детский краеведческий туризм стал массовым и любимым видом отдыха красноярцев, одновременно обогащавшим их знания и умения, оздоравливающим и прививающим бережное отношение к природному и культурному наследию региона.

Передовым в деле детского краеведения стал Даурский район. Много лет юные краеведы Даурской средней школы вели разнообразную и интересную работу, издавали рукописный журнал «Краевед», открыли туристический лагерь в Остроженском бору на берегу Енисея. Опыт их работы был описан в брошюре «Изучение родного края» и распространен по школам. [8, л.30, 32].

В практику повсеместно вошли многокилометровые походы, маршрут которых предполагал остановки в населенных пунктах, колхозах, на предприятиях, в местах работы геологических партий. К примеру, в 1952 г. ученики 19-й школы г. Канска под руководством директора школы совершили 15-дневный 485-километровый поход по маршруту г. Канск – Комарово – Казачка – Богунай – Заозерный – Ирша - Бородинский разрез – Солянка – Канск [17, л.32]. К любому многодневному походу пионеры готовились заранее, изучали снаряжение, совершали небольшие тренировочные выходы. Из путешествий дети приносили гербарии, образцы минералов и другие ценные материалы, оформляли дневники и стенды, становившиеся основой коллекций школьных музеев.

Для оказания помощи школьникам в проведении экскурсий и походов в Красноярске работала краевая детская экскурсионно-туристическая станция. Однако при стремительном росте массовости туристического движения остро ощущалась нехватка специально оборудованных баз. В 1951 г. в Красноярске имелась одна экскурсионно-туристская база, рассчитанная на 70 мест, в то время как одновременно на нее прибывало 150-200 детей [12, л.310б.; 18, л.23].

Главным пунктом летних экскурсий была столица края, где приезжавшие из районов пионеры посещали музеи, парки, станции юных натуралистов и юных техников, Дворец пионеров, Центральный парк, заповедник «Столбы», аэродром, театры, кинотеатры, крупные предприятия. Пионеры Иланской школы №11, побывавшие на экскурсии в Красноярске в 1953 г., вспоминали: «[...] С каким нетерпением ждали мы день, когда поедем на экскурсию в Красноярск [...] С вокзала на автобусе мы доехали до крайкома комсомола, а оттуда нас направили на туристическую базу – в шк. №27. Там мы наметили маршрут нашей экскурсии по городу. Вечером мы побывали на Енисее, посмотрели речной вокзал, покатались на катере. В Красноярске мы прожили неделю и за эти дни мы посетили краеведческий музей, дом-музей И. В. Сталина, дом-музей В. И. Сурикова, побывали в парке культуры и отдыха, в театре, в цирке, на комбайновом заводе, во Дворце пионеров. Но самое главное – мы побывали на знаменитых Красноярских Столбах [...]» [18, л.18-19].

Вторым по популярности туристическим объектом были ленинские места в пос. Шушенское. Пионеры Артемовского района так описывали поездку в Шушенское летом 1950 г.: «[...] Хорошо отдохнув, пионеры познакомились со всеми местами, связанными с Лениным, например: купались в реке Шушь, где часто рыбачил Владимир Ильич, умывались у колодца, где умывался Ленин, посмотрели ведро, которым пользовался Ленин, были на мосту через реку Шушь, где часто Ленин вечерами прогуливался с Н. К.

Крупской [...]» [8, Л.38]. Кроме того, особо отличившиеся школьники путешествовали по СССР: в Москву, Ленинград, Гори, Краснодон и на озеро Байкал [8, л.340б.].

Таким образом, несмотря на нехватку финансирования, материальной базы, квалифицированных педагогических кадров, комсомольские, партийные, советские, профсоюзные организации Красноярского края уделяли значительное внимание разработке и реализации планов детского летнего досуга и оздоровления. При изучении документов архива становится очевидным, что пионерский отдых в 1945-1953 гг. отличался разнообразием, укреплением старых форм работы и поиском новых, практической направленностью, аскетизмом, минимумом свободного времени, и, в конечном счете, стремлением воспитать здорового, всесторонне развитого, социально активного патриота, которому можно было смело доверить будущее страны.

Список литературы

[1] ГАКК (КГКУ «Государственный архив Красноярского края») Ф.П-17.Оп.1.Д.996.
[2] ГАКК. Ф.П-17.Оп.1.Д.1194.
[3] ГАКК. Ф.П-41.Оп.1.Д.484.
[4] ГАКК. Ф.П-42.Оп.1.Д.216.
[5] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.3.Д.839.
[6] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.12.
[7] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.247.
[8] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.326.
[9] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.329.
[10] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.330.
[11] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.489.
[12] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.494.
[13] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.645.
[14] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.649.
[15] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.651.
[16] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.659.
[17] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.667.
[18] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.669.
[19] ГАКК. Ф.П-1474.Оп.7.Д.670.

УДК 94 (47).084.5

Образ левой оппозиции в сознании жителей Барнаульского округа (1926–1927 гг.)

Литвинова Оксана Александровна
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государства и права, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия
litox69@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3352-3679

АННОТАЦИЯ В статье раскрыты особенности формирования образа левой оппозиции в общественном сознании жителей Барнаула и Барнаульского округа в период эскалации внутрипартийной борьбы в 1926–1927 гг. На основе анализа партийной документации предпринята попытка сравнения политических представлений трех категорий населения: партработников, городских рабочих, сельских жителей. В выводе сформулирована мысль об отсутствии единого коллективного образа левой оппозиции в общественном сознании каждой обозначенной социальной группы, а также указаны обстоятельства, определившие внешне схожие, но по сути различные оценки деятельности лидеров оппозиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА левая оппозиция, общественное сознание, политические представления, внутрипартийная борьба, партработники

Одной из тем, разрабатываемых социальными науками, является тема формирования в общественном сознании представлений о конкретных политических событиях. Несомненно, что одни и те же процессы и явления, происходящие в социуме, по-разному понимаются различными категориями населения. Примером тому может служить восприятие обществом внутрипартийной борьбы за лидерство, имевшей место в 1920-е гг. Противостояние, происходившее на уровне руководящих органов РКП(б)–ВКП(б), становилось известным для рядовых граждан через прессу, партийную документацию и агитационно-пропагандистскую деятельность партийного аппарата. В информационном пространстве 1920-х гг. использовались такие понятия, как «генеральная линия партии» и «оппозиция». Эти слова не только стали знаковыми единицами политической жизни 1920-х гг., но и в дальнейшем превратились исторические термины. В настоящее время в науке для обозначения, возникшего в 1920-е гг. в составе РКП(б)–ВКП(б) политического течения, объединившего противников НЭПа, сторонников приоритетного развития промышленного сектора экономики и приверженцев демократизации партийной жизни, используется термин «левая оппозиция». Идейным вдохновителем левой оппозиции считается Л.Д. Троцкий, хотя мысль о демократизации партийной жизни озвучивалась в начале 1920-х гг. не только им. В 1925 г. так называемые «левые» взгляды были характерны для выступлений Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.К. Крупской. Таким образом, состав левой оппозиции на протяжении 1920-х гг. не был постоянным. Однако данное обстоятельство не препятствует изучению левой оппозиции как целостного исторического конструкта.

Противостояние в партийных «верхах» в середине 1920-х гг. происходило на фоне череды политических событий. Это XIII Всесоюзная партийная конференция и смерь В.И. Ленина (январь 1924 г.), XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.), «Литературная дискуссия» Л.Д. Троцкого и его противников (октябрь – декабрь 1924 г.), объединенный пленум ЦК и ЦКК РКП(б), на котором произошла отставка Л.Д. Троцкого с постов наркома военно-морских дел и председателя РВС (январь 1925 г.), XIV Всесоюзная партийная конференция (апрель 1925 г.), формирование «новой оппозиции» (Л.Б. Зиновьев, Г.Е. Каменев) после XIV Всесоюзной партконференции (апрель – декабрь 1925 г.), XIV съезд ВКП(б) (декабрь 1925 г.), пленумы ЦК ВКП(б) (1926–1927 гг.), XV Всесоюзная конференция ВКП(б) (октябрь–ноябрь 1926 г.), XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.). Между тем хронологические рамки

представляемой статьи определены как 1926–1927 гг., поскольку эти годы были периодом эскалации конфликта между левой оппозицией и так называемыми приверженцами генеральной линии партии.

Официально вопрос об оппозиции в партии рассматривался на партийном пленуме 23–26 октября 1926 г. В повестку дня пленума были включены тезисы И.В. Сталина об оппозиционном блоке в ВКП(б). В последующем 1927 г. вопрос об оппозиции стоял в повестке дня трех из семи пленумов ЦК ВКП(б) (июль–август, октябрь, ноябрь). Происходило это на фоне усиливающейся информационной войны против левой оппозиции в партийной печати. В частности, попытка Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева высказать свои взгляды обозначалась в прессе как «болтовня». Этой «болтовне» противопоставлялась «деловая работа», а дискуссии расценивались как предпосылка раскола партии [1]. Сложность и многоаспектность этой политической ситуации привлекла внимание современных исследователей, которые, обратившись к локальной истории, существенно расширили научные знания о внутрипартийном противостоянии 1920-х гг. [2].

С учетом поднятых и решенных к настоящему времени проблем цель настоящей публикации – выявление политических представлений о левой оппозиции в общественном сознании отдельных категорий населения Барнаульского округа. Ввиду того, что с октября 1926 г. вопрос о существующей в ВКП(б) оппозиции стал подниматься на партсобраниях местного уровня, источниковую базу для написания статьи составили региональные архивные документы: протоколы собраний партячеек окружных органов советской власти, материалы сельских партсобраний округа и информационные сводки Барнаульского горкома ВКП(б). Анализ содержания перечисленных архивных материалов, позволяет понять, что в 1926–1927 гг. в Барнаульском округе проводилась работа с населением по официальному разъяснению политической ситуации. Происходило это через созыв собраний партячеек государственных учреждений и предприятий, через работу партийных инструкторов с рабочими и сельскими жителями. Зачастую посредством этих же мероприятий осуществлялся сбор информации о восприятии (сочувствии или осуждении) населением взглядов и действий левой оппозиции. Специфика партийных политических практик (выступления на партсобраниях, беседы секретарей низовых партячеек с работниками предприятий или с крестьянами), дает возможность выявить основные социальные группы, в той или иной степени высказавшие свое отношение к противостоянию «генеральная линия партии – левая оппозиция».

Первая социальная группа – это так называемые партработники, т.е. представители местного партаппарата и секретари низовых партячеек. Тема отношения партработников Барнаульского округа к левой оппозиции была поднята автором представляемой публикации на Сибирском форуме историков 2021 г. и нашла свое отражение в сборнике материалов этой конференции [3]. Исторический сюжет, раскрываемый в указанной публикации, был связан с противостоянием на протяжении конца 1926 – 1927 гг. командированных из Ленинграда в Барнаул и «сочувствующих левой оппозиции» И.И. Подбелло, А.А. Попова и Е.Ф. Селютина с большинством коммунистов из государственного и партийного аппарата округа. Анализ анатомии местного конфликтного взаимодействия позволяет сделать вывод, что речи «сочувствовавших» (А.А. Попова и Е.Ф. Селютина) вызывали на партсобраниях, как правило, негативную ответную реакцию. Однако на этих же собраниях были единичные выступления, свидетельствующие о существовании умеренно критического отношения к происходящему. Так, один из участников собрания партячеек округа (октябрь 1926 г.) сказал: «Исключают только мелких членов партии, а нянчатся с лидерами, каковые вводят в заблуждение малосознательных товарищей»,

другой присутствующий заметил, что «наше государство еще не окрепло и еще не время дискутировать» [4, л. 7 об.–8].

Дополнением к ранее опубликованной статье могут являться материалы совещания Барнаульского горрайкома ВКП(б) (октябрь 1926 г.). Делегаты этого собрания задавали вопросы и давали комментарии в отношении левой оппозиции [5, л. 6–6 об.]. В качестве примеров приведем некоторые из них: «Участвует ли Крупская в оппозиции?», «Какая позиция сейчас у Крупской и Каменева? О них не пишут», «Зиновьев, Троцкий, Каменев – ведь это не рядовые члены нашей партии, и вряд ли можно их переубедить», «Какую еще антиленинскую работу вели после июльского пленума Каменев, Троцкий? Желательно узнать факты», «Чем объяснить такие решительные действия оппозиции, неужели они не понимают, что раскол в партии и борьба с ней сверху донизу грозит большими последствиями и может быть гибелью», «По московской организации идет исключение из партии членов, которым свихнули мозги их лидеры, а по отношению к ним [лидерам] больше только говорят», «Почему с оппозицией нянчатся? Надо бы выбросить из партии», «Возможно ли сейчас исключение из партии Троцкого и ряда других оппозиционеров из ответственных руководителей партии?», «Может ли быть изолирована группа оппозиционеров от предстоящей конференции?», «Что с ними можно сделать? Исключить нельзя, это может вызвать раскол. Выслать из СССР нельзя, их там угробят, в Нарым что ли по-вашему?»

Таким образом, местные партработники очень хорошо осознавали роль Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева в революционных событиях. Скорее всего, именно по этой причине у рядовых партработников имелись опасения по поводу возможного раскола партии. Как следует из заданных вопросов, у партработников имелась потребность восполнить дефицит информации («Желательно узнать факты»). Часть партработников считала, что партия мягко относится к оппозиционерам. Однако явно агрессивный настрой по отношению к лидерам оппозиции, судя по формулировке заданных вопросов, не преобладал на совещании. Например, фразы «с оппозицией нянчатся», «надо бы выбросить из партии», были единичными, в то время как большая часть комментариев носила нейтральный оттенок.

Вторая социальная группа, имевшая на обыденном уровне политические представления о левой оппозиции, – это рабочие Барнаула. Как правило, при составлении информационных сводок указывалось, что такие рабочие были беспартийными. Для анализа восприятия рабочими внутрипартийной борьбы обратимся к архивным документам.

Из информационного отчета Барнаульского горкома РКП(б) о политическом положении (период 1.06.1926–1.02.1927) известно, что беспартийный токарь барнаульского завода «Серп и молот» Денисов говорил секретарю партячейки: «Нет у вас единства партии, потому что нет демократии, хотя и говорите о ней, а всё делаете при закрытых дверях, украдкой от беспартийных рабочих. У Троцкого и Зиновьева линия по отношению к беспартийным лучше, потому они и отказались от вас (от партии). <…> Троцкий и Зиновьев, наверное, большую силу имеют, а потому и выступают так смело. Но почему вы (партия) не даете им говорить открыто?» [6, л. 4]

Из других высказываний беспартийных рабочих барнаульских предприятий: «Троцкий, Зиновьев и другие оппозиционеры правы, коммунизм впоследствии рассыплется», «Что будет Троцкому и Зиновьеву, если они еще забузят», «Могут ли оппозиционеры уйти к меньшевикам и вообще к контрреволюционерам, чтобы пойти войной против СССР?», «Почему не исключили из партии оппозиционеров? Они давно заслужили этого» [6, л. 4].

Таким образом, в среде рабочих, как и в среде партийных работников, озвучивалась

мысль о необходимости исключения оппозиционеров из партии. При этом деятельность лидеров оппозиции порой расценивалась, как стремление устроить скандал («если они еще забузят»). Исключение из рядов партии соответственно рассматривалось как возмездие за начало такого скандала. Между тем интересны элементы симпатии со стороны рабочих по отношению к оппозиционерам. Можно лишь предполагать, что эта симпатия была вызвана неосознанным стремлением подкрепить свои собственные политические представления и эмоции (неверие в коммунизм, политический нигилизм) взглядами большевистских лидеров. Отдельного внимания заслуживают высказывания рабочего Денисова. Рискнем предположить, что смелость его речи вызвана тем, что беспартийные лица не несли ответственности за своё несогласие с «генеральной линией партии». Беспартийным не грозило исключение из партии и иного рода взыскания. Т.е. отсутствие социального статуса партработника или рядового члена партии, давало человеку в 1926–1927 гг. определенную степень свободы действий.

Наконец, третья социальная группа, в общественном сознании которой сложились представления о левой оппозиции, – это сельские жители. Названная социальная группа не была однородной, в 1920-е гг. в ней можно выделить как минимум две три страты: лица, занимающиеся сельским хозяйством, т.е. непосредственно крестьяне и сельские партработники.

Активная агитационная работа сельских партработников с местными жителями по разъяснению ситуации в ЦК ВКП(б) началась с осени 1926 г. В архивных фондах сохранился документ, датированный ноябрем 1926 г. и представляющий собою запротоколированные итоги обсуждений районными сельскими партсобраниями вопроса о внутрипартийном положении. Согласно этому документу, по всем сельскохозяйственным районам Барнаульского округа проводились партсобрания, на которых прорабатывались решения июльского Пленума ЦК и ЦКК 1926 г., касающиеся оппозиции. При этом анализировалась информация, высказанная не только сельскими коммунистами, но и беспартийными жителями села.

Согласно рассматриваемому документу, крестьяне объясняли причину появления левой оппозиции личным противостоянием партийных лидеров за власть. Внутрипартийная борьба в политических представлениях крестьянства выглядела следующим образом: «Грызутся из-за портфеля»; «Где там коммунистам руководить строительством страны, они сами между собой не могут уговориться, центр там раскололся на два лагеря, и кто из них прав, неизвестно»; «Партия раскололась на две части: на сталинскую и зиновьевскую. Зиновьев хочет дать облегчение крестьянам, а Сталин не дает». [5, л. 124] Два последних высказывания приписывались представителям зажиточных крестьян. Однако оценка взглядов Зиновьева не может не удивить, поскольку она мало сочетается со звучащей из уст Зиновьева критикой в адрес политики «уступки кулачеству».

Мнения крестьян, материальное положение которых определялось властью как «ниже середняка», отличались высокой степенью эмоциональности и чувством тревоги за свою судьбу. В частности, высказывались следующие суждения: «… думали, что они [оппозиционеры] идут войной против партии, а мы еще от старой войны не можем хорошо отдохнуть. Мы уже все бедняки и середняки думали написать в ЦК партии заявление, чтобы с оппозиционерами не церемонились, а прямо выгнали к чертовой матери, чтобы они нашу партию как защитницу интересов бедноты не сталкивали с правильного пути»; «Дорогой товарищ, я не буду перед тобой таить или скрывать тех взглядов, которые имеются среди нас даже бедняков против оппозиции. Мы думаем, какого черта им надо. Пьют, едят сладко, ходят гладко, окончили работы – идут в театр и т.д. Одним словом, с жиру люди бесятся» [5, л. 124].

Официальные документы отмечали, что в происходящих в ЦК событиях, т.е. во внутрипартийной борьбе, сумели разобраться лишь крестьяне более или менее близко стоящие к общественной жизни села. Рядовая же часть деревенского населения (в документе они именовались характерным словом «масса») проявляла к политическим вопросам мало интереса, а в некоторых селениях, особенно отдаленных от районных центров, согласно отчетам, даже коммунисты ничего не знали об оппозиции.

Оценивать масштаб критического отношения крестьянства к происходящей внутрипартийной борьбе сложно ввиду недостатка архивных материалов. В настоящий момент автор выявил единичный случай положительного отзыва о левой оппозиции со стороны крестьян. Такая оценка оказалась связана с критикой экономического и политического положения в стране и была представлена заведующим лавкой одной из коммун округа (Фирсовской коммуны Белоярского района) Акимова (беспартийный, состоял в РКП(б) до 1922 г.). Приведем выдержки из его речи: «Госпромышленность наша капиталистического типа. Между частнокапиталистическим и частным хозяйством нет никакой разницы, вся прибыль от промышленности идет на прожирание господствующего класса нашей страны. Везде нажимы и зажимы. На разных съездах и конференциях какой-то один человек грозит пальцем всей конференции и против него никто не смеет пикнуть. На местах нет самостоятельности, всё нам диктует Москва. Возьмем хотя бы обсуждение пленума. Сначала его обсудили на московском активе, который дал тон, и места после этого равняются по нему, примыкая стихийно. Разные оппозиции наталкивают партию на правильный путь. Например, после оппозиции Троцкого стали проводить демократию. Будет ряд изменений в линии партии и после этой оппозиции. Нужно управление народным хозяйством передать профсоюзам. Утопия мыслить – объединить крестьянство в коллективы. Как оно было мелкособственническим, так и останется». Сам Акимов, защищая себя от нападок на партсобрании, отметил, что высказал не свои взгляды, а мнение крестьянства [5, л. 123].

Отношение сельских партработников к оппозиции хорошо улавливается из запротоколированного краткого комментария к речи Акимова: мнение Акимова осудили все шестнадцать человек, присутствовавшие на собрании [5, л. 124]. Между тем случалось, что сельские партработники выступали в поддержку лидеров левой оппозиции. Слова Смирнова, председателя райсекретариата из Алейского района: «Можем ли мы критиковать ошибки вождей? Вожди оппозиции имеют заслуги, они знают больше, чем мы, они и больше нас работали. Мы даже не читали газет, надо быть осторожнее. <…> Оппозиция идет в сотрудничестве с партией и ругать её [оппозицию] не следует». Из речи Богданова, заведующего школой-передвижкой в Алейском районе: «Троцкий и Зиновьев ошибались, но так относиться к старой гвардии нельзя. Мы будем еще долго учиться у них, это лучшие учителя, они признали свои ошибки, а это значит, что Троцкий и Зиновьев являются подлинными ленинцами, всякая дальнейшая борьба – нечестный поход против них» [5, л. 122]. Явная почтительность по отношению к большевистским лидерам, несмотря на обвинения последних в оппозиционности и расколе партии, может быть указана как характерная черта политических представлений сельских партработников. В определенной степени в таких представлениях улавливаются элементы патернализма, основанного на почитании старшего как более знающего и опытного.

Работая с сельскими жителями, секретари сельских партячеек также как и их городские коллеги по цеху, были вынуждены отвечать на вопросы рядовых трудящихся людей. В данном случае это были крестьяне. Приведем примеры таких вопросов: «Не пытается ли оппозиция своими выступлениями проверить рабочий класс, его революционность и единство?», «Зиновьев не тормозил ли всемирной революции или

он её хотел?», «Каким образом и можно ли перевоспитать революционера, если они и так уже сознательны?», «Что такое внутрипартийная дисциплины и что такое дискуссия?», «Какой национальности в своем большинстве оппозиция?», «Каково происхождение и партстаж исключенных из партии за оппозиционные действия?», «Кто Зиновьев по социальному положению и сколько времени он работает в партии?», «Откуда берет деньги оппозиция для своих разъездов?», «Почему Троцкий давно колебался, а его не исключили [из партии]?», «Почему приняли Троцкого в партию и поставили к ответственным постам, тогда как раньше он был меньшевиком?», «Не отразится ли на партии исключение лидеров оппозиции, пользующихся большим авторитетом?», «Почему группа оппозиционеров требовала в своем заявлении принять тех, которые исключены из рядов партии?» [5, л. 118–119].

Перечисленные вопросы свидетельствуют о весьма поверхностных политических знаниях крестьянства. Некоторые из вопросов характеризуются наивностью, непосредственностью. Обращает на себя внимание комментарий о возможности перевоспитания оппозиционеров. Выскажем предположение, что мысль о перевоспитании – есть составляющая ценностных ориентиров крестьянства. Основу этих ценностей составлял общинный коллективизм, поэтому община расценивалась как «коллективная совесть» и контролер действий отдельных людей. Иными словами, в соответствии с крестьянскими представлениями общество может повлиять на «неправильное поведение» отдельного человека. Кроме этого, заметим, что крестьянская среда практически не выражала сочувствия левой оппозиции. Критическое высказывание по отношению к реализуемой партийно-государственной политике и в поддержку взглядов Л.Д, Троцкого принадлежало человеку, хоть и входящего в сельхозкоммуну, но занимавшего в ней особое положение – заведывание лавкой.

Подведем итоги

Во-первых, в социально-политическом пространстве 1920-х гг. можно выявить как минимум три социальные группы (партийные работники, городские рабочие, сельские жители), в общественном сознании которых в 1926–1927 гг. сформировался определенный образ левой оппозиции. Этот образ олицетворялся её лидерами, главным образом Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым. Поэтому для политических представлений всех трех выявленных социальных групп была характерна оценка взглядов и действий не абстрактных оппозиционеров, а вполне конкретных партийных лидеров.

Во-вторых, коллективное сознание ни одной из выявленных социальных групп не создало целостного образа левой оппозиции.

В-третьих, в каждой социальной группе доминировали негативные представления о лидерах оппозиции. Однако отрицательное мнение о левой оппозиции было следствием влияния различных факторов: пониманием действий оппозиционеров как раскольнических (точка зрения партработников), оцениванием поведения лидеров оппозиции как скандального (позиция городских рабочих), недовольством наличия у партийных лидеров социальных привилегий (мнение крестьян).

В-четвертых, в каждой обозначенной социальной группе были «сочувствующие оппозиции». Такое «сочувствие» оппозиции, также можно объяснить различными обстоятельствами. Это и относительная информированность о политической ситуации у городских партработников, и элементы политического нигилизма у беспартийных рабочих, и политический инфантилизм у крестьян, и патерналистский менталитет у сельских партработников и коммунистов.

В заключение отметим, что при изучении заявленной темы важно учитывать недостаточную репрезентативность ряда партийных документов, что делает эту тему открытой для дальнейшего исследования.

Список литературы

[1] Сталин И.В. Об оппозиционном блоке в ВКП(б): тезисы к XV Всесоюзной конференции ВКП(б), принятые конференцией и утвержденные ЦК ВКП(б) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 214–233.

[2] Бакулин В.И. «Аппарат разладился и разлагается»: ход и итоги борьбы левой оппозиции за внутрипарийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 – весна 1924 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 96–115; Баранов А.В. Троцкистская оппозиция как проявление леворадикального протеста в 1926–1929 гг. (на примере Юга России) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 8–15; Морозова Т.И. Троцкистская оппозиция в представлениях партийного руководства Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 55–62; Прокофьева В.Ю. Из истории борьбы с оппозицией в партийных организациях советской провинции в 1925–1926 гг. : «Дело группы Нечаева» в Белгородском уездном комитете ВКП(б) Курской губернии // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2012. № 7 (126). Выпуск 22. С. 199–215; 2012. №13 (132). Выпуск 23; 2012. № 19 (138). Выпуск 24; Шабалин В.В. Партийные институты и левая оппозиция после XV съезда ВКП(б) (на примере Уральской области) // PolitBook. 2018. № 1. С. 79–92.

[3] Литвинова О.А. Дискуссии о левой оппозиции на собраниях партячеек Барнаульского округа: анализ политических практик середины 1920-х гг. // От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история: Материалы VIII Сибирского исторического форума (Красноярск, 21–23 сентября 2021 г.). Красноярск, 2021. С.201–206.

[4] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-7. Оп. 7. Д. 38.

[5] ГААК. Ф.П-4. Оп. 7. Д. 2.

[6] ГААК. Ф.П-7. Оп. 7. Д. 16.

УДК 930.25

Журналы Тувинской Народной Республики в контексте историко-культурного наследия современности

Маадыр Мая Салчаковна
Кандидат исторических наук, Тувинский государственный университет, кафедра всеобщей истории, археологи и документоведения, г. Кызыл, Россия
mmdistancionka@mail.ru, ORCID ID:0000-0002-4885-8757

АННОТАЦИЯ Представлены сведения о создании Тувинской Народной Республики, о государственной и общественной потребности в журнальных изданиях. Представлен обзор журнальной периодики, выходившей на территории республики в 20-40-х гг. XX в. Проанализированы структура и разделы журналов, темы и количественный состав публикаций, сведения об авторах. Отмечена важность тувинских журналов, по праву относящихся к историко-культурному наследию, свидетельствующих материальные и духовные ценности, созданные народом ТНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тувинская Народная Республика, журналы, тематика, авторы.

Тувинская Народная Республика, находившаяся на юге Сибири, просуществовала на протяжении всего двадцати трех лет: с 1921 по 1944 гг. Геополитические процессы, происходившие в 20-е гг. XX в., привели к решению вопроса о самоопределении Тувы. Российский протекторат над Урянхаем, т.е. над Тувой, объявленный в 1914 г., после Октябрьской революции 1917 г. потерял свою юридическую силу. Новая Россия (РСФСР) понимала невозможность быстрой «советизации» края, население которого продолжало вести традиционный кочевой образ жизни.

В целях решения вопроса о статусе Тувы в середине августа 1921 г. при поддержке Сибирского революционного комитета созван Всетувинский учредительный Хурал (съезд), который прошел в местечке Суг-Бажы у села Атамановка (ныне с. Кочетово Тандинского кожууна (район) Республики Тыва). На Хурале были приняты резолюция о независимости Тувы и первая Конституция скотоводческой республики. В международные отношения, как указывалось в Основном законе, республика вступала под покровительством Советской России [6, с. 77-80]. Сформирован состав нового государства. В первые годы государство называлось «Республикой Танну-Тува улус», а с 1926 г. – «Тувинской Народной Республикой» (ТНР).

Во вновь созданном молодом государстве начались трансформационные процессы, о чем свидетельствует появление общественных институтов нового типа, в частности, Тувинской народно-революционной партии (ТНРП; 1922 г.), Тувинского революционного союза молодежи (ТРСМ; 1925 г.), курсов по подготовке партийных кадров и изучению монгольского и русского языков, организованных в Кызыле, в столице ТНР. Кардинальное переустройство традиционного культурно-хозяйственного уклада жизни коренного населения выдвинуло задачу по немедленному развертыванию массово-разъяснительной работы среди тувинских аратов о значении и содержании новых для них явлений. Для этого приступили к созданию средств массовой информации. К моменту образования республики на ее территории вовсе отсутствовали печатное дело, журналисты и другие необходимые средства. К 1926 г. все-таки сумели решить вопрос по выпуску местных журналов. Большую помощь при этом оказали члены райбюро РКП(б) Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), созданной в ТНР. В скором времени первые тувинские журналы стали одной из мощных трибун по популяризации идей социализма, значении новшеств, вводимых в Советском Союзе.

Цель нашей работы – рассмотреть журналы ТНР, ставшие идеологической и информационной базой по формированию новой системы социальных отношений в

тувинском обществе и представляющие сегодня культурно-историческое наследие не только для Республики Тыва и Сибирского региона, но и для всей Российской Федерации, да и на международном уровне.

Если говорить о теоретической разработанности проблемы, то к настоящему времени данный вопрос пока остается малоизученным и исключение составляют всего несколько работ, принадлежащие в большей части автору [2, 3, 4], и указатель журналов ТНР, выпущенный в 2012 г. [1].

По нашим данным, в ТНР выходили 16 разных журналов. В основном это были печатные органы Центральных комитетов (ЦК) ТНРП и ТРСМ, Совета Министров, Министерства культуры ТНР, Комитета искусства при Совете Министров республики.

Из-за отсутствия национальной письменности первые журналы ТНР выходили на старописьменном монгольском языке, распространенном в тувинском обществе еще с XIII в. Таковыми были «Хувискаалчы арат» («Революционный арат»; ЦК ТНРП), «Салуудчуудтун сорулгалары» («Задачи молодежи»; ЦК ТРСМ). Например, в первом номере журнала «Хувискаалчы арат» за 1926 г. опубликованы двадцать разных материалов, в частности, о структуре ТНРП и ее пропагандистской работе, Крестьянском Интернационале, о национальной революции в странах Востока, доклады председателя Совмина, Нота Второго Великого Хурала Монгольской республики, поздравление премьер-министра Монгольской Народной Республики Цэрэндоржа, адресованное Правительству ТНР, о членских взносах ТНРП и другие [1, с.10-11]. Авторами публикаций были председатель Совета Министров ТНР М. Буян-Бадыргы, министр финансов ТНР Х. Ананды, представитель Коминтерна в ТНР С.А. Нацов и другие. К настоящему времени в архивах Республики Тыва сохранились, кроме рассматриваемого, также второй и третий номера журнала за 1927 г. и четвертый за 1929 г.

Главная задача ежемесячного молодежного журнала «Салуудчуутун сорулгалары» (ЦК ТРСМ; с 1926 г.) заключалась в формировании революционного мировоззрения у аратской молодежи и вовлечении ее в политическую, культурно-просветительную и хозяйственную деятельность. Ответственными за выпуск номеров были секретарь ЦК ТРСМ Иргит Шагжыржап, также Содунам, Чалаа, Чамыянсамдан и некоторые другие лидеры местной молодежи того времени. О содержании журнала свидетельствует, например, третий номер за 1927 г., куда вошли материалы о литературе, пропагандистской работе, пионерии, о предстоящих планах молодежной организации, доклады комитетов молодежных организаций Каа-Хемского, Чоон-Хемчикского и Барыын-Хемчикского кожуунов, об избавлении от традиционных привычек и т.д.

С введением в июне 1930 г. новой тувинской письменности, разработанной на основе новотюркского латинизированного алфавита, государственное делопроизводство, печать, издательское дело ТНР были переведены на новую письменность. Вместе с тем проведена замена шрифтового хозяйства Государственной типографии ТНР литерами нового алфавита, доставленными из Москвы. На краткосрочных курсах, организованных в Кызыле, подготовлены первые полиграфисты из числа тувинцев. Отныне в информационном пространстве ТНР появились журналы «TAR cazaan-bn koi medeezi» («Известия правительства ТНР»), «Новая Тува», «Revolustug arat» («Революционный арат»), «Revolustun xereli» («Заря революции»), «Ertem огни» («Путь науки») и другие.

Из них, например, журнал «Revolustug arat» («Революционный арат»), по нашему мнению, возобновление одноименного партийного журнала, издававшегося в Кызыле в 1925-1929 гг. на монгольском языке, о котором писали выше. В его номерах в обязательном порядке подробно освещались материалы о съездах ТНРП, доклады генерального секретаря ЦК ТНРП С. Тока и других партийных руководителей, сведения о съездах и конференциях РКП(б). Печатались также материалы на актуальные темы дня, в частности, об обеспечении медицинским обслуживанием отдаленных сумонов (села),

развитии животноводства, земледелия в республике и другие.

Крупным изданием ТНРП был политико-экономический журнал «Lenin-Stalinnьn tugunun adaa-bile» («Под знаменем Ленина-Сталина»), который в 1942-1945 гг. отдельно выходил на тувинском и русском языках. Первый номер назывался «Lenin-Stalinnin oruu-bile» («По пути Ленина-Сталина»). В настоящее время в архивах Тувы хранятся 13 номеров на тувинском языке и 11номер на русском языке.

Появление журнала «Pioner» («Пионер») связано с принятием решения на VI съезде ТРСМ (1937 г.) о выпуске детского периодического издания. Однако фактический его выход наблюдается в 1938 г. Главная цель журнала заключалась в идейно-политическом, трудовом и физическом воспитании детей. В журнале печатались рассказы о революционерах, жизни детей разных стран мира, стихи начинающих тувинских авторов. В каждом номере помещались схемы и рисунки спортивных упражнений и занимательные задачки. Во втором номере материалы группировались по разделам: «О ТНР», «Об СССР», «Интернациональные связи», «О зарубежных странах», «О Ленине», «О Сталине» [3, с. 45]. В современных архивохранилищах пока обнаружены только 2 номера этого детского журнала.

Функции печатного органа Совета Министров ТНР выполняло журнальное издание на тувинском языке «TAR Mininsterlernin cobulelinin byleteni (Kol medeezi)» («Бюллетень Совета Министров ТНР»), ежемесячно выходивший с 1933 г. В нем публиковались речи Председателя Совмина ТНР Чурмит-Тажы, постановления, положения, приказы Совмина и некоторые другие материалы, касающиеся деятельности различных отраслей народного хозяйства ТНР. Например, в шестой номер 1934 г. включены «Амнистия к 13-й годовщине образования ТНР", постановления «О покупке зерна и фуража в 1934-1935 гг.», «О государственном бюджете на первую половину 1934 года», «Постановление Президиума Малого Хурала ТНР об изменении состава членов Совета Министров ТНР», «О докладе директора госэконома Элегест товарища Толмачапа», «О передаче государственных сберегательных касс в Управление связи», «Об объединенном совещании Малого Хурала и Совета Министров ТНР», «Постановление ЦК НРП об охоте и приеме пушнины, мяса зверей и дичи» и «О докладе председателя Совтувтранспорта товарища Веселовского и т.д. [5, с.26]. С 1936 г. бюллетень выходил под названием «TAR cazaanьn koI medeezi» («Известия Правительства ТНР»).

Из журналов ТНР можно рассмотреть также литературно-публицистическое издание Комитета искусства при Совете Министров ТНР «Revolustun xereli» («Заря революции»), выходившее с периодичностью 1 раз в два месяца. Первый его номер вышел в январе 1941 г. и в нем опубликованы 18 работ, и они распределены в четырех разделах. Первый раздел не имел конкретного названия. Судя по содержанию работ, «похож» на «Критику и библиографию», как принято в современных журналах. Остальные разделы озаглавлены «Pistin uran cogaalьbьs» («Наша художественная литература»), «Orustun ulug cogaalcьzь A.S. Puskin» («Великий русский писатель А.С. Пушкин») и «Kapsьrьlga» («Приложения») [2, с. 156].

3 и 4 номера журнала выпущены в объединенном формате (август 1942 г.). Номер отрывала публикация о Сталине «Pastьncьbьs, paskьbьs, adabьs Ulug Stalinge («Вождю, учителю, отцу великому Сталину»). Военной теме посвящены также работы «Pygy kysty tajzьnь cьlca sabarьnce» («Все силы на разгром врага»), «SSRE-nin uran-cyyl azьldakcьlarь ada-curttun tajьnьnda» («Работники искусства СССР в Отечественной войне»), стихотворения Т. Сарыг-оола «Aatьg serig («Кавалерия»), «Cьlca sabar» («Разбить врага») и «Oraldazьp soglap» («Попытка нападения»). Кроме того, в номере опубликованы переводы стихов М. Исаковского «Прощание» («Carlьbskьn») и В. Лебедева-Кумача «Священная война» («Ьdьktьq tajьn»). Раздел журнала о русской классической литературе состоял из публикаций о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова, переводов его стихов «Прощай, немытая Россия» и «Воздушный корабль», которые по-тувински назывались «Cugdunmaan

Possij» и «Salgьn xemezi».

В этом объединенном номере были публикация, напечатанные на тувинском языке русским алфавитом. Это объяснялось принятием на XII внеочередном съезде ТНРП (апрель 1941 г.) решения о переводе тувинской письменности с новотюркского латинизированного на русский алфавит, которым тувинцы пользуются до настоящего времени. Шрифтами нового алфавита в номере напечатаны «Тыванын орус ужукке ундезилээн саа ужуун бадылаар дугайында ТАРН ТК-нын, Сайыттар Човулелинин доктаалы» («Постановление ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР об утверждении новой письменности Тувы, основанной на русском алфавите», «Чаа ужуувус дугайы» («О нашей новой письменности») и «Тыванын орус ужукке ундезилээн чаа ужуу» («Новая письменность Тувы, основанная на русском алфавите» [2, с. 161]. Всего в объединенный номер журнала «Revolustun xereli» включены 30 работ.

Научно-педагогический журнал «Erttem oruu» («Путь науки») издавался Министерством культуры ТНР. Его первый номер оказался и последним (1941 г.). Материалы номера сгруппированы по разделам «Постановления партии и правительства по вопросам культуры», «Об исследовании тувинского языка и письменности», «Вопросы народного просвещения» и «Публикации по изучению родного края».

В ТНР действовали многочисленные общественные организации. Одной из них была «Организация помощи революционерам», которая функционировала в статусе секции международной организации. Данная секция имела свой журнал – «Revolustug internasional dees» («За революционный интернационал»), периодичностью выхода не менее 1 р. в год. Журнал знакомил тувинских аратов с историей революционного движения и международной обстановкой. Так, первый номер за 1941 г. состоял из более пятнадцати работ, разъясняющих историю Парижской коммуны, Кантонской революции в Китае, революционную деятельность Э. Тельмана и другие события и факты.

В целях разъяснения значения «условий» новой жизни в ТНР издавались журналы «В помощь пионервожатому» (на рус. яз.) и «Arattьn amьdьralь» («Жизнь арата»).

Тувинские журналы имели также свои особенности. Зачастую авторы и члены редколлегий подписывались только именем, то есть не указывали фамилию и отчество. Данную ситуацию можно объяснить все еще привычно соблюдаемыми к тому времени канонами тувинской традиционной культуры, где важное значение имело только имя. С другой стороны, авторы понимали, что по «правилам» новой пролетарской культуры «не приветствовалось» использование полного традиционного имени. Например, у Бурбу, у члена редколлегии всех номеров журнала «Revolustun xereli» и автора многих работ, полное имя: «Тулуштернин Бак-кыс оглу Бурбу», что означало «Бурбу сын Бак-кыса из рода Тулуш». На страницах журналов встречаются также «анонимные» авторы. То есть, авторы вовсе не подписывали работы своим именем, а лишь ставили слово «аноним».

Кроме того, во внешнем оформлении журналов и других видов печатных изданий типичным было использование различных призывов типа «Pygy telegejnin proletarlarь kattьzьnar!» («Соединяйтесь, пролетарии всех стран!») или «Pygy telegejnin proletarlarь polgas Coon cyktyn tarlatkannarь, kattьzьnar!» («Соединяйтесь пролетарии всех стран и угнетенные народы Востока, соединяйтесь!»). В конце номеров размещалась реклама о продолжении подписки на журнал и ее стоимости или о выходе новой книги и где ее можно приобрести.

Подготовкой и выпуском журналов в ТНР занимались также советские организации. Попытки в этом плане предпринимало Торговое представительство СССР в ТНР. В 1929 г. представительством выпущено на русском языке журнал экономической и краеведческой направленности «Современная Тува». Материалы в номере распределялись по разделам «От редакции», «Статьи и очерки», «Хроника», «Библиография» и «Объявления». В них освещались сведения по истории тувинской торговли и торговом обороте ТНР с СССР,

о деятельности Всесоюзного общества культурных связей в Туве, об утверждении тувинского алфавита, составленного представителем буддийского духовенства М. Лопсан-Чинмитом, разработанного на основе немецкого, и некоторые другие работы [3, с. 45]. К сожалению, первый номер журнала оказался и последним.

Комитет советских граждан, созданный вместо исполкома Русской самоуправляющейся колонии, издавал политико-экономический журнал «Новая Тува». В первом объединенном номере (1937 г.) опубликованы работа И. Сталина «Международный характер Октябрьской революции», статьи С.А. Нацова «К 20-летию Великого Октября», Ойдупа «СССР и Тувинская Народная Республика», В. Танева «К вопросу о характере тувинской революции», Ф. Лаврова «Развитие революционной культуры в ТНР» и А. Ленкова «Прошлое и настоящее земледелия ТНР». В приложениях номера даны планы занятий по изучению материалов о 20-ой годовщине Октябрьской революции, по истории, экономике и культуре ТНР.

В целом, рассмотренные факты и события позволяют констатировать, что журналы, выходившие в Тувинской Народной Республике, по праву относятся к историко-культурному наследию, свидетельствующие материальные и духовные ценности, созданные ее народом. Как объекты культурного наследия, они вполне могут иметь не только региональное, но и федеральное значение. Эти издания также дают представление о становлении национальной журналистики, начале проникновения в тувинскую среду образцов русской классической и мировой литературы, свидетельствуют также уровень развития книжной культуры Тувы тех лет. В современных условиях журналы ТНР являются уникальными источниками по изучению тех или иных вопросов истории народной республики, вошедшей в 1944 г. в состав СССР, а ныне Республики Тыва, субъекта Сибирского федерального округа.

Список литературы

[1] Журналы Тувинской Народной Республики (1926-1944 гг.): (Указатель публикаций). Кызыл, 2011. 171 с.

[2] Маадыр М.С. Журнал «Revolustun xereli» – ведущее литературно-публицистическое издание Тувинской Народной Республики // Двенадцатые Макушинские чтения. Новосибирск, 2021. С. 154-164.

[3] Маадыр М.С. Журналы Тувинской Народной Республики в современных архивохранилищах // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народа. Кызыл, 2018. С. 43-47.

[4] Маадыр М.С. США и ТНР: вопросы книгообмена (по документам Центрального архива Республики Тыва) // Библиосфера. 2018. № 2. С. 24-27.

[5] Создание суверенного государства в центре Азии. Протоколы хуралов 1921 г. Бай-Хаак: изд. не указ., 1991. 99 с.

УДК 94(5)

Чайный путь и контрабанда опиума в позднеимперский период

Михалев Алексей Викторович
Доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
mihalew80@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-7069-2338

АННОТАЦИЯ В этом исследовании рассматривается период, когда имперские границы во Внутренней Азии были нарушены и процветала контрабанда. Географические рамки исследования ограничены ключевыми торговыми центрами Чайного пути - старейшего канала русско-цинской торговли. Исторический опыт показывает, что импорт чая был тесно связан с контрабандой опиума. Исследование авторов проверяет гипотезу о том, что торговля чаем и опиумом была важным сегментом мировой экономики, а экспорт чая на определенном этапе стал выступать лишь прикрытием для незаконных операций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Внутренняя Азия, Чайный путь, опиум, экономика, геополитика.

В представленном исследовании рассматривается период слома имперских границ во Внутренней Азии и расцвета контрабандной торговли. Географические рамки исследования ограничены ключевыми торговыми узлами Чайного пути – старейшего канала русско-цинской торговли. Как показывает исторический опыт, импорт чая был тесно связан с контрабандой опиума. Наше исследование тестирует гипотезу о том, что чайный и опиумный трафик был важным сегментом мировой экономики, а вывоз чая к началу XX века стал выступать лишь прикрытием для незаконных операций.

Хронологически исследование охватывает начало XX века, хотя в статье дается обзор изменения законов XIX века, запрещающих торговлю опиумом на Чайном пути. В центре внимания – период поздних империй, с трудом справляющихся с набирающими обороты незаконными операциями: не только с транзитом опиума, но также золота, оружия и алкоголя. После Синьхайской революции 1911 года во Внутренней Азии начала формироваться новая геополитическая конфигурация. Появление на карте монгольской автономии оказало влияние на характер торговых отношений на чайном пути, который перестал непосредственно связывать экономики двух континентальных империй.

Созданные еще на протяжении XIX века торговые сети, а также начавшаяся специализация отдельных регионов на выращивании опиумного мака свидетельствуют о наличии экономической системы, ориентированной на сверхприбыли. Изучаемый нами период это и эпоха «новых скоростей»: развития железных дорог и речных пароходств. Это оказало непосредственное влияние на характер торговых операций. Местные предприниматели активно поддерживали проект трансмонгольской железной дороги. Можно утверждать, что формировалась новая инфраструктура трансконтинентального трафика как легальных, так и нелегальных товаров. Начало XX века во Внутренней Азии связано и с развитием банков и горонодобывающих предприятий, активно работавших не только в России, но и в Монголии. В 1907 году на территории Внешней Монголии были открыты золотодобывающие шахты русской корпорации «Монголор», использовавшие труд китайских рабочих. Все эти процессы способствовали расширению рынка сбыта опиума. Подтверждением этому служат изученные нами архивные материалы, в которых напрямую указываются два основных места сбыта: китайский торговый пригород Маймачен и золотодобывающие прииски [16].

Источниковую базу представленного исследования можно разделить на два больших блока. Первый – это опубликованные материалы российских военных

экспедиций начала XX века: книга В. Попова 1911 года [19], описывающая развитие границы и системы ее охраны на российско-монгольском участке в контексте отношений России и империи Цин, работа полковника Полтавцева 1913 года [18], в которой он достаточно подробно проанализировал условия развития приграничных отношений в послецинский период становления монгольской автономии. Благодаря этим двум книгам мы получили возможность проследить динамику развития трансграничных отношений и их влияния на торговые связи. Изучены были и отчеты о торговых операциях управляющего монгольскими отделениями Русско-Китайского банка С.Ф. Степанова [23], систематически печатавшиеся в российской прессе.

Кроме того, источниками послужили опубликованные документы делопроизводства Российской империи:

- Полное собрание законов Российской империи;
- Сборник консульских донесений Министерства иностранных дел Российской империи;
- Особый журнал Совета министров.

Второй блок источниковой базы составляют документы Государственного архива Республики Бурятия (далее – ГАРБ), фонда 102 Кяхтинской таможни: протоколы задержания и изъятия контрабандных товаров (ханшина и опиума), из которых мы можем судить об объемах изъятий. Сегодня это основной региональный архивный фонд, содержащий материалы о развитии кяхтинской торговли в позднеимперский период (1911–1917 гг.).

Конъюнктура международной торговли: чай в обмен на опиум?

В данном разделе мы попытаемся проследить процесс формировании чайных и опиумных торговых сетей на уровне мировой экономики конца XIX начала XX веков. Железные дороги и новые морские маршруты, возникшие после открытия Суэцкого канала, оказали негативное влияние на российскую торговлю китайским чаем. Однако торговый путь через Кяхту не перестал полностью функционировать, причем спектр проходивших через него товаров был достаточно широким. Под влиянием происходивших в регионе перемен караванная торговля, распространенная в XVIII – XIX веках, меняла формат. Прокладка Транссиба через Верхнеудинск открывала новые возможности. В это же время начинает работать речное пароходство, доставлявшее товары по реке Селенге до монгольской границы. В 1912 году придворным врачом П.А. Бадмаевым был предложен проект еще одной торговой артерии – трансмонгольской железной дороги [4]. Она должна была обеспечить бесперебойный товарообмен между Китаем и Россией и поддержать начавший приходить в упадок чайный путь. Несмотря на то, что проект не получил поддержки, важно отметить, что вплоть до разгрома кяхтинского Маймачена в ходе революции 1921 года в Монголии кяхтинская торговля имела стратегическое значение для всех ее участников.

Трансконтинентальная торговля создала условия и для трансконтинентальной контрабанды. Речь идет прежде всего об опиуме. На территории Забайкалья, в отличие от Приамурья или Илийского края [25], условия для его культивирования неблагоприятны, поэтому весь фиксировавшийся таможней на границе с Монголией опиум был привозным. Также на ситуацию влияла относительно низкая активность банд хунхузов на этом участке границы. Это связано со стратегическим значением чайного пути, где усилиями купцов была налажена эффективная система охраны грузов [13].

События, определившие специфику происходивших на российско-монгольской границе событий, нашли свое отражение в консульских отчетах о торговле России с Персией [5 и 15]. В изучаемый период, согласно дипломатическим источникам, объемы чайной торговли с Персией возрастали. Особенно это хорошо прослеживается в

документах 1906 года, то есть после окончания Русско-японской войны и при снижении количества военных грузов на Транссибе. Данные консульства свидетельствуют, что «китайский чай русской рассыпки» ввозится в Персию через Баку, Красноводск, Асхабад и Мешед. В 1908 году в Персии двухрублевый чай из России продавался по четыре рубля, а потребляли его в основном «высшие слои Персии» [15, с. 49-50]. При этом консул указывает на то, что индийский чай здесь практически не пользуется спросом. Серьезную конкуренцию чаю русской рассыпки составлял лишь яванский (немецкой и голландской фасовки). В донесении отмечается целесообразность поставок чая из России морским путем через одесский порт. Однако это предложение не нашло поддержки [15].

В условиях расцвета торговли китайским чаем в Персии, согласно дипломатическим отчетам, Россия увеличивает закупки в Персии опиума (перс. – терьяк). В сравнительной перспективе можно проследить следующую динамику: в 1903–1904 годах в Персии закуплено 3 856 батмана опиума, а в 1904–1905 годах – 76 803 батмана (1 шахский батман равен 14 русским фунтам) [5, с. 339]. К 1906 году международным центром производства опиума становится персидский Исфаган. Так, российский консул в этом регионе пишет в отчете: «Культура мака с целью производства опиума, процветающая теперь в Исфагане, возникла не ранее сорока лет тому назад и сразу приобрела выдающееся значение, существенно приподняв благосостояние сельского населения. Быстрому своему развитию культура мака обязана постоянному и все увеличивающемуся спросу на опиум как ввиду значительного экспорта его в Индию, Китай и Японию, так и неослабевающему потреблению его внутри страны» [24, с. 482]. По свидетельству официальных документов в Российской империи значительная часть ввозимого опиума уходила на медицинские нужды, хотя в немалых объемах изымалась кяхтинской таможней при попытке транспортировки за границу.

Прокладка Транссиба изменила характер торговли с окраинами империи Цин. При этом традиционный формат торговли XVIII – XIX веков (мех и текстиль в обмен на чай) в XX веке дополнился новой переменной в виде персидского опиума. По мере снижения прибыльности торговли чаем прежние торговые сети становятся эффективным инструментом для контрабанды опиума. Объемы и частота попыток его провоза через границу возросли соразмерно росту интенсивности движения парового транспорта на этом участке границы. Все это происходило на фоне масштабных политических перемен, резко изменивших карту региона в связи с упадком старых империи и появлением новых национальных государств.

Торговля опиумом после падения Цин

Материалы кяхтинской таможни свидетельствуют о почти промышленных масштабах контрабанды персидского опиума. В эту деятельность были вовлечены преимущественно китайцы. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется спецификой неформальных сетей (опиумокурилен) на территории бывшей империи Цин, через которые шел розничный сбыт. Сеть опиумокурилен в Монголии была сформирована в период маньчжурской династии. Монгольский исследователь Д. Батсайхан характеризуя ее пишет: «Первые притоны для употребления наркотиков появились в больших населенных пунктах, таких как Да-Хурэ и Улясутай» [1, с. 44]. Розничная цена на опиум составляла 1 золотник (4,26 грамма) опиума за 1 золотник серебра [20, с. 554]. Еще во второй половине XIX века Н.М. Пржевальский заметил: «Привычка курить опиум быстро проникает от китайцев к соседним монголам, но в глубь Монголии этот порок еще не распространился» [21, с. 143]. Так, Г.М. Осокин – русский колониальный этнограф начала XX века – в своей достаточно одиозной работе 1906 года «На границе с Монголией» писал: «Курение опиума хотя и преследуется китайскими властями, но тем не менее курильщиков его в Маймачене всегда было довольно и не только среди зажиточного класса» [17, с. 55]. Однако уже в 1913 году российский консул, ссылаясь на Международную

опиумную конвенцию 1909 года, писал о недопустимости распространения опиума в Монголии, так как это могло подорвать авторитет правительства богдо-хана [22].

С началом войны в 1914 году Кяхтинская таможня оказалась занята задержанием германских и австро-венгерских товаров. Наиболее крупные дела того времени – это дела о конфискации автотранспорта, принадлежащего германским и австрийским подданным, в связи с задачами проведения мобилизации. В результате этого вплоть до 1916 года сведения о контрабанде опиума на российско-монгольской границе носят нерегулярный характер, а ее регистрируемые объемы крайне низкие (не более нескольких золотников раз в квартал). Для сравнения: самая крупная партия 1916 года оценивалась на 2 506 рублей (8 пудов) [11, л. 11]. 1916 год является ключевым в данной системе отношений, так как начиная именно с этого года объемы контрабанды опиума увеличиваются в десятки раз. На наш взгляд, это связано с подписанием Кяхтинского соглашения 1915 года, изменившего порядок работы монгольской таможни. В пункте 12 соглашения указывалось: «При ввозе китайскими купцами в Автономную Монголию товаров любого происхождения таможенного обложения не предусматривается» [3, с. 261]. В этой ситуации таможенный досмотр становился делом Российской империи фактически в одностороннем порядке.

Основной пусть контрабанды опиума пролегал через Усть-Кяхту по реке: «1916 год сентябрь 23 число в Усть-Кяхтинской таможенной заставе о следующем: сего числа в 10 часов дня при прибытии парохода «Волна» из города Верхнеудинск в слободу Усть-Кяхта мы, управляющий заставой Кафитин и досмотрщики Кузьма Ожеганов, Климентий Цюх, Иван Бачу, обнаружили у прибывшего с парохода пассажира, китайца Ми Дэ Мана, в его предметах одежды 4 бумажные пачки, вес брутто 3 фунта, 94 золотника, с опием курительным персидским, вес нетто 3 фунта, 90 золотников. Оценка 160 рублей» [10, л. 3]. В объяснении Ми Дэ Ман указал: «Настоящий, задержанный у меня в 4 бумажных пачках без знаков и номеров, вес брутто 3 фунта, 94 золотника, опий курительный персидский, вес нетто 3 фунта 90 золотников, я приобрел в городе Верхнеудинск и тайно намеревался выдворить в Маймачен» [10, л. 3]. На следующей странице дела следует отписка вице-консула в Маймачене: «В Кяхтинскую таможню. Имею честь уведомить таможню, что китаец Ми Дэ Ман в Маймачене не найден» [10, л. 7 об].

В другом деле 1916 года отмечалось: «Я, управляющий заставой, Кафитин с досмотрщиками Родиновым Иваном и Бутусиным Степаном сего числа, встретив ночью прибывший в слободу Усть-Кяхта пароход «Работник» у одного из пассажиров этого парохода, китайца Дэн На О, обнаружили семнадцать бумажных пачек с опием персидским для курения, весом (неразборчиво – А.М.) 18 фунтов 48 золотников. В присутствии самого задержанного (неразборчиво – А.М.): Я, китайский подданный Дэн На О, буддистского вероисповедания, 49 лет (две строки неразборчиво – А.М.) проживаю в городах Хайларе и Верхнеудинске, занимаюсь разными работами. Задержанный у меня опий вез в Маймачен китайский для продажи» [6, л. 3].

Наказание для иностранных подданных ограничивалось штрафом из изъятого у задержанного имущества в соответствии с законами Российской империи. В качестве примера можно привести выписку из постановления по делу Дэн На О: «Китайского подданного Дэн На О сверх конфискации задержанного у него опия подвергнуть денежному взысканию в размере пятикратной исчисленной за опий пошлины, то есть всего в сумму 57 рублей 25 копеек, обратив на пополнение казны» [6, л. 7].

Иллюстрируя значения речного пути для контрабанды опиума целесообразно привести еще один репрезентативный пример: «1916 год июня первого дня составлен настоящий протокол в Усть-Кяхтинской таможенной заставе в том, что сего числа в 4 часа утра на пристань слободы Усть-Кяхта на пароходе «Бурлак» прибыл китаец, следовавший по его делам в Маймачен, у коего при осмотре его вещей управляющим заставою Кафитиным в присутствии досмотрщиков было обнаружено шесть бумажных

пачек, вес брутто 6 фунтов 53 золотника, с опием для курения (терьяк): я китайский подданный Ми Лин До, 31 году, проживающий в городе Верхнеудинск и занимающийся черными работами, паспорта при себе не имею, еду в Маймачен, чтобы приехать к брату на прииск в Иро. Задержанный у меня опий весом брутто 6 фунтов 53 золотника я купил в Верхнеудинске и хотел доставить опий на прииск» [7, л. 4].

Документы кяхтинской таможни содержат и сведения о том, что происходило далее с конфискованным имуществом. Если в начале 1916 года изъятый опиум сжигали, о чем свидетельствуют многочисленные постановления, то к концу 1916 – началу 1917 года стали передавать в военные госпитали с формулировкой: «Задержанный по сему делу опий отослать в Управление Верховного начальника Санитарной и эвакуационной части» [8, л. 8]. Кризис на фронте и нехватка медикаментов стали определяющим фактором в отношении к конфискованному.

Как свидетельствуют исторические источники, переправляемый через границу опиум пользовался спросом не только в опиумокурильнях и у монгольских князей. Значительная его часть направлялась на золотоносные прииски как Внешней, так и Внутренней Монголии. Он обменивался на золотой песок по весу в пропорции один к одному, что в условиях труднодоступности и отдаленности приисков свидетельствует о сверхприбыли при сравнительно низких рисках.

Рассматривая социальный состав задержанных курьеров важно отметить, что большинство из них для протоколов опроса заявляло, что они неграмотны, по социальному статусу либо крестьяне, либо мелкие торговцы. Личные данные зачастую намеренно искажались. Многие из курьеров являлись рабочими приисков, хорошо знающими спрос на этот товар у старателей. Однако обращает внимание на себя внимание факт того, что персидский опиум ими «приобретался» в 100% случаев в Верхнеудинске – одном из ключевых торговых центров Забайкалья, находящемся на Транссибе. Следовательно, можно предположить, что этот город был одним из основных перевалочных пунктов на пути доставки персидского опиума во Внутреннюю Азию.

Чайный путь как торговая артерия, связывавшая две крупнейшие континентальные империи, с самого начала XIX века был связан с контрабандой опиума. Все усилия центральной власти, направленные на запрет этой торговли, имели крайне низкую результативность. Несомненно, торговля опиумом противоречила политическому курсу империи на Дальнем Востоке. Более того, присоединяя территории в этом регионе, Россия всячески декларировала необходимость борьбы с наркотрафиком. Однако после падения маньчжурской династии ситуация резко изменилась. Во-первых, технический прогресс трансформировал структуру торгового пути. Запуск Транссиба, открытие речного пароходства на реке Селенга, появление автомобильного транспорта – все это оказало непосредственное влияние на развитие неформального сектора экономики. В сочетании с децентрализацией власти в Китае и аномией на его окраинах это открывало вполне реальные перспективы формирования огромной «серой зоны» мирового хозяйства того времени, о чем свидетельствуют материалы кяхтинской таможни.

Во-вторых, торговля опиумом начиная с 1911 года стала важной частью экономики окраин бывшей империи Цин. Милитаристские режимы в провинциях пополняли свой бюджет за счет продажи опиума. В этих условиях пограничные службы Российской империи единственные сдерживали поток контрабанды и формирование полностью криминализированных анклавов у самой границы. Однако Первая мировая война и последовавшая за ней череда кризисов экономического и политического характера свела все эти усилия к нулю. После революции 1917 года изменились содержание и характер таможенной документации, а после захвата Кяхты войсками интервентов в 1918 году таможенная деятельность прекращается. Парадоксально, но именно с исчезновением таможни и пограничных застав контрабандный промысел пришел в упадок, потому что исчезло основное условие для развития торговли – безопасность.

Список литературы

[1] Батсайхан Д. Возникновение и развитие монгольского законодательства об ответственности за контрабанду // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2010. №1. С. 42-46.

[2] Батсайхан О. (2014). Монголия на пути к государству-нации (1911-1946). Иркутск-Улан-Удэ: Оттиск, 2014. 384 с.

[3] Батсайхан О. Последний великий хан Монголии. Богдо Джебзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 406 с.

[4] Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. М.: Издательство ЛКИ., 2011. 208 с.

[5] Введенский П. Торговля Персии в 1904-1905 году // Сборник консульских донесений. 1906. Год девятый. Выпуск IV. С.339-353.

[6] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 532.

[7] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 557.

[8] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 624.

[9] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 645.

[10] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 659.

[11] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 921.

[12] Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Кяхта в 1840-1930-е гг: блеск и нищета «окна в Китай» // Власть. 2019. №2. С. 240-245.

[13] Курас Л.В. Кяхтинская таможня в первой половине XIX века: контрабанда и борьба с нею // Власть. 2012. №10. С.179-182.

[14] Лиштованный Е.И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 172 с.

[15] Миллер А. К. вопросу о русской торговле в Персии (Донесение консула в Кермане) // Сборник консульских донесений. 1905. Год восьмой. Выпуск I. С. 49-55.

[16] Намсараева С.Б. Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной» зоны Кяха-Маймачен // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. №1. С. 21-45.

[17] Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб: Типография А.С. Суворина, 1906. 304 с.

[18] Полтавцев П.П. Материалы для описания Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле-октябре 1912 г. Генерального штаба подполковника Полтавцева. Иркутск: Издание штаба Иркутского военного округа, 1913. 438 с.

[19] Попов В. Второе путешествие в Монголию. 1910 года. Исследование границы на участке Кяхта-Алтай (урянхайский вопрос). Иркутск: Издание штаба Иркутского военного округа, 1911. 116 с.

[20] Потанин Г. Потанина А. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествие длинною в жизнь. М.: Эксмо, 2014. 464 с.

[21] Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1875. 383 с.

[22] Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861-1917). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. 295 с.

[23] Свечников А.П. (1912). Русские в Монголии (наблюдения и выводы). Сборник работ относительно Монголии (Халхи). С приложением работ С.Ф. Степанова. Санкт-Петербург: Типо-литография «Энергія», 1912. 155 с.

[24] Чиркин С. Производство опиума и кальянного табака в округе Исфагане. Сборник консульских донесений. 1906. Год девятый. Выпуск VI. С.482-492.

[25] Pianciola, N. Illegal Markets and the Formation of a Central Asian Borderland: The Turkestan–Xinjiang opium trade (1881–1917) // Modern Asian Studies. 2020. Pp. 1-48.

[26] Smith N. Intoxicating Manchuria: Alcohol, Opium, and Culture in China's Northeast. UBC Press, 2013. 312 p.

[27] Sorokina T. Liquor and Opium. Joint Efforts to Control Contraband Along the Russia–China Border at the Beginning of the Twentieth Century // Inner Asia. 2014. №1. Pp. 139-151.

УДК 93/94

Представление о советской Сибири и Дальнем Востоке в Японии в межвоенный период (1918-1939 гг.)

Скляренко Никита Сергеевич
Студент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия.
Nik_sklarenko@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье делается попытка проанализировать представление о Сибири и Дальнем Востоке, который сложился в японской прессе с 1918 по 1939 гг. От постепенного улучшения отношений в 1920-е и первой половине 1930-х годов, к их почти полному прекращению в начале 1940-х годов трансформировался и образ данных регионов. Если изначально они определялись как экономические и возможные культурные партнеры, то после событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол Сибирь и Дальний Восток стал ассоциироваться, как потенциальная территория для захвата в будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Япония, представление, пресса.

История российско-японских отношений уходит своими корнями еще к XVIIIв., когда русские мореплаватели сначала открыли Японию, а затем стремились установить с ней торговые отношения. Однако, в силу проводимой изоляционной политики государства Восходящего солнца русским не удавалось заключить торговый договор между Россией и Японией. Только в 1853 г., после заключения Договора о дружбе и торговле, который позволил осуществлять как экономические, так и культурные обмены между двумя государствами. Именно в то время у японцев появилась возможность изучать своего северного соседа. Со временем представление японцев о Сибири и Дальнем Востоке трансформировалось. Особенно заметны эти процессы во время Русско-японской войны и интервенции Японии на Дальний Восток в 1921 году.

Изучению вопроса отношения России к Японии в различные периоды посвящено множество работ [1], однако в них не производился анализ восприятия японской стороной России, что, по нашему мнению, не дает возможности объективно рассматривать тему двухсторонних отношений, так как представление о чужом государстве способно оказывать серьезную роль на построение дипломатических, культурных и экономических отношений между странами. Цель нашего исследования заключается в изучении общего представления японцев о Сибирском регионе, определенное представление которого, не смотря на достаточно слабые межгосударственные контакты, у них сложилось к1920-м гг.

В первые послевоенные годы в Японии существовала поддержка правительства Колчака, которое считалось, по мнению японцев, официальным в Сибири. Красных напротив, считали «кагекива» или экстремистами. Однако, не смотря, на признание Белого движения, прослеживается его критика. Критикуются как попытка армии Колчака в продвижении в сторону Москвы, так и экономическая политика. К примеру, в одной из статей газеты «ДзидзиСинпо» (時事新報) представлено мнение железнодорожных рабочих, которые требовали выплачивать заработную плату дореволюционными рублями, так как они не доверяют «омским казенным ассигнованиям» [2]. Иными словами, валюта Омской директории была настолько неликвидна, что ею старались не пользоваться.

Однако, после гражданской войны и отхода от политики «военного коммунизма»

в СССР в пользу НЭПа происходит трансформация отношений между Японией и СССР, советская власть постепенно становится полноценным актором двусторонних отношений. С ней начинают заключать торговые сделки. Например, компания «Сузуки», приобрела право на добычу цинковой руды на одной из хабаровских шахт. Помимо Японии, также торговые связи старались наладить, например, представители Великобритании и США. Но при этом стоит отметить, что, несмотря на, потопление в отношениях между Советским союзом и Японией, сохранялись некоторые опасения со стороны последний, так как еще витал дух проведенной политики национализации. То есть существовало мнение, что проведение таких операций подобно «прыжку в неизвестность» [3].

Такая осторожность существовала вплоть до 1925 года, когда был подписан Пекинский договор об установлении дипломатических отношений между СССР и Японской империей. В то время в японской прессе со всей серьезностью обсуждался вопрос об увеличении дипломатических контактов между СССР и Японией, так как это, со слов автора газетной статьи, позволяло «выжить» государству в силу возникновения проблемы перенаселенности, а также развития промышленности Японии [4].

Необходимо отметить, что советское руководство само стремилось ограничивать расселение японских колонистов, которое началось после установления дипломатических отношений между двумя странами. Причиной тому служило опасение о «колонизации» советских территорий японской стороной. Так согласно протоколу № 18 от 1-го апреля 1926 г. «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии» говорится, что участки земли, которые будут предоставлены японским крестьянам должны учитывать особенности их японского земледелия, однако они не должны уходить дальше Хабаровского края [5]. При этом, японская иммиграция должна быть строго урегулирована и контролируема. Примечательно, что по отношению к корейским иммигрантам данные ограничения не распространялись.

При этом, не смотря на вводимые ограничения советская сторона стремилась формировать представление о Сибири и Дальнем Востоке, а также их жителях с положительной стороны. Показательным примером может служить перелет японских летчиков через Сибирь из Токио в Москву.10 августа 1925 года в 12 ч. 30 м.[6] была совершена запланированная посадка в Красноярск двух двухместных бипланов типа Луи Бреге (Париж), которыми управляли летчики Абе Хироши и Кавачи Казухико и механики Сиковара и Катаги[218]. Встречали героев воздухоплавания, как представители высшей партийной номенклатуры, так и жители города. После такой теплой встречи, в честь японских летчиков был дан банкет [7]. Но на этом знакомство японской стороны с территорией нынешнего Красноярского края не заканчиваются. В силу плохой погоды летчикам пришлось приземлиться в Ачинске, где их, как и в Красноярске ждал радушный прием [8], [9]. Результатами таких встреч стали телеграммы благодарности от редакции национальной японской газеты «Асахисимбун» (朝日新聞)[10]. Таким образом, у японцев могло сложиться представление о жителях Сибири, как о гостеприимных и отзывчивых людях.

Однако, не смотря на попытку построить добрососедские отношения, в японском обществе существовали националистически настроенные силы, которые стремились очернить Советское государство перед лицом общественности. Основной причиной проведения политики дискредитации советской власти может служить деятельность социалистических и коммунистических партий, которые своей деятельностью

[218] Имена механиков данных самолетов найти не удалось- прим. автора

подрывали государственный строй Японии и японскую монархию, в частности, например, в популистской газете «Кокумин Синбун»(國民新聞) СССР описывается как государство, в котором «в результате установления Советской Россией врачи, женщины, дети, технические работники и т.д. стали принадлежать государственным предприятиям, тем самым были лишены свободы». Сибирь, по мнению авторов статьи, являлась местом, в котором за японскими гражданами будет организован особый контроль. Так, «даже если японские знаменитости и ученые десятки раз попадут на Транссибирскую магистраль и проедут через Европу и Россию, или даже если им удастся удобно разместиться в каком-нибудь городе, они обязательно окажутся под строгим надзором Красной гвардии» [11].

Со временем Западные компании, в основном американские, наладили тесные контакты с Советским правительством в плане освоения природных ресурсов Сибири, что привело к их обогащению в 1920-е гг. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Япония, не смотря на свое близкое в географическом плане положение относилась более насторожено к СССР, нежели западные страны, что не шло ей на пользу. Так в газете «Осака Майничи Симбун» (大阪毎日新聞) была опубликована статья «В Сибирь» от 21-23 июня 1929 года. В ней проводился анализ деятельности Великобритания и США по отношению к Советскому союзу. Например, в ней приводятся данные, что при консервативном правительстве Болдуина в Британии, во время правления которого существовал номинальный разрыв дипломатических отношений с СССР, торговые отношения с последним не прекращались (они сохранялась на планке в 300 млн. фунтов стерлингов в год). Тоже самое проводилось в Германии и США, только в уже в открытом формате. Подчеркивая обилие природных ресурсов и промышленное развитие Сибири (строительство Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали, а также строительство железнодорожной ветки между Минусинском и Ачинском) автор статьи делает вывод, что сформированная еще в начале 1920-х годов точка зрения о Советской России является не совсем корректной. Ее необходимо пересматривать для экономического развития Японии [12]. Например, уже в 1930 году на Европейско-азиатской конференции по связям, которая проходила в Москве, обсуждался вопрос об использовании транссибирской железнодорожной магистрали для перевозки товаров из Азиатского региона в Европейский, осуществляющуюся до начала Великой отечественной войны, что положительно было встречено японской общественностью [13].

После 1935 года в отношениях между государствами происходит охлаждение, которое со временем еще более усиливается. Его кульминацией можно считать военные конфликты на озере Хасан (1938) и реке Халхин-Гол (1939 г.). В это время японская пресса рисует политику СССР на Дальнем Востоке, как попытку наращивания боевой мощи против Японии. При этом подчеркивается, что в Сибири и на Дальнем Востоке существует демографическая проблема, так как большая часть населения проживает на территории Европейской части страны. При этом подчеркивается, что в самой Японии существует проблема перенаселения, тем самым происходит косвенное оправдание проведение военные операций против советской стороны [14].

Все вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы: несмотря на потепление отношений между СССР и Японией, интересы последней по отношению к Сибири и Дальнему Востоку ограничивались исключительно экономическими. После подписания Антикоминтерновского пакта и ухудшения отношений с СССР, Япония стала смотреть на советские территории Сибири и Дальнего Востока исключительно с позиции их выгодного использования и захвата в силу недостатка собственных ресурсов и перенаселенности собственного государства.

Список литературы

[1] Дацышен В.Г., Ипеева А.А. Японское присутствие на дальнем востоке России накануне и в начале второй мировой войны// Японские исследования. 2019. №2. С.109-126

[2] オ政府の危機 ニ市既に陥落//«Дзидзи Синпо»時事新報1919.8.12

[3] 枢府御諮詢中の郵便条約//«Осака Майничи Синбун»大阪毎日新聞 1925.8.1

[4] 不断の歩をつづけつつある国際政局 //«Чугай Сёгё Синпо»中外商業新報 1925.1.8-1925.1.19

[5] ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 808 с.

[6] Экспедиция Токио-Москва в Красноярске //Красноярский рабочий №181 от 11 августа 1925 г.

[7] Перелет Токио-Москва. Японская воздушная экспедиция в Красноярске //Красноярский рабочий №182 от 12 августа 1925 г.

[8] Город за день //Красноярский рабочий № 183 от 13 августа 1925 г.

[9] Японская эскадрилья в Ачинске // Красноярский рабочий №185 от 15 августа 1925 г.

[10] Город за день//Красноярский рабочий №191 от 23 августа 1925 г.

[11] 日本はロシアに大投資を企図//«Кокумин Синбун»國民新聞1927.12.4

[12] 『シベリアへ!』米国商工界のスローガンわが当業者//«Осака МайничиСимбун»大阪毎日新聞 1929.6.21-1929.6.23

[13] シベリア鉄道の貨物輸送を復活//«Хочи Синбун»報知新聞1930.3.6

[14] 労力不足に悩むソ連 //«Мансю Ничи-Нити Синбун» 満州日日新聞 1939.7.23-1939.7.25

УДК 908

Положение попечительства о слепых в Енисейской губернии в дореволюционный период

Скляренко Никита Сергеевич
Студент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия.
Nik_sklarenko@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье анализируется процесс формирования Енисейского отделения попечительства о слепых: процесс становления и проблемы, с которыми столкнулось местное губернское руководство при его формировании. Исследование было проведено на опубликованных источниках (Первая перепись Российской империи, газетные вырезки исследуемого периода), так и не неопубликованных (материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК). В ходе проведенного исследования был сделан вывод, что, несмотря на общую тенденцию по организации системы попечительских учреждений для слепых, которая происходила в Российской империи, в Енисейской губернии данный процесс проходил медленно и бессистемно, что повлияло на качество работы. Учет контингента слепых и слабовидящих в регионе впервые был проведен только во время Всероссийской переписи 1897. Губернская власть не смогла мотивировать местных предпринимателей на создание такого общества в течение 14 лет. Среди общественности губернии не нашлось инициативных и творческих организаторов данного общества вплоть до 1913 г. Вскоре начавшаяся Первая мировая война с одной стороны, увеличила контингент общества о попечении слепых, но с другой стороны ограниченность финансовых средств, отсутствие серьезной материальной базы общества не позволили ему решать проблемы на должном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА слепые, Енисейская губерния, попечительство

Уровень социально-экономической поддержки слепым и слабовидящим в современной Российской федерации довольно высок. Об этом свидетельствует организация широкой сети помощи от Всероссийского общества слепых (ВОС), которое было основано 13 марта 1925 года. Целью данной статьи будет анализ социальной помощи слепым на территории сибирского региона в дореволюционный период.

Стоит отметить, что, несмотря на актуальность исследуемой темы, степень ее изученности на данный момент остается на крайне низком уровне. Большинство работ, затрагивающие вопрос попечительства о слепых и слабовидящих, посвящены, в основном, Константину Карловичу Гроту- создателю первых образовательных учреждений для слепых в Российской империи, занимавшего пост председателя попечительства о слепых с 1881 по 1894 год [1], [2]. Несколько работ посвящены анализу истокам и функционированию попечительства о слепых, действовавших в европейской части Российской империи [3],[4]. Комплексного, системного исследования на материалах Енисейской губернии до сих пор не создано.

Официальная дата основания организация попечительства о слепых в Российской империи относится к 1881 году, которое имело наименование Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых (Мариинское попечительство о слепых), которое занималось учреждением училищ для слепых детей и забота об ослепших участниках русско-турецкой войны 1877-78 гг.[5]

Однако помощь слепым оказывалась и раньше. Например, с 1807 г. в Петербурге начал существовать Институт слепых, который в 1819 г. вошел в состав Императорского человеколюбивого общества. Вместе с тем эффективность данной организации была крайне мала, так, на 1856 г. Императорское общество оказывало помощь только 6 человекам [6].

Организация попечительства о слепых в Енисейской губернии осуществлялось медленно и трудно. Об этом свидетельствует письмо от 22(24) ноября 1895 г. губернатора

Енисейской губернии Леонида Константиновича Теляковского городскому голове г. Красноярска Павлу Марковичу Прейну. Губернатор обосновывал причину открытия попечительства тем фактом, что в помощи нуждаются не только слепые в Европейской части Российской империи, но и в Енисейской губернии. Губернатор указывал, что подобные попечительства уже действовали в Якутской области (1891) и в Иркутской губернии (1893) [7]. Также губернатор пытался заручиться поддержкой у местных предпринимателей. Например, подобное письмо было отправлено купцу 2-й гильдии Геннадию Васильевичу Юдину [8]. Однако данный проект остался лишь на бумаге вплоть до 1913 года [9].

В 1907 г. в сборнике «Общественное и частное призрение в России» отмечалось, что в Енисейской губернии не только не практикуется помощь нуждающимся, но и отсутствуют какие-либо «богадельни» или другие заведения для презрения (С.Н.-присмотра)[10]. Иными словами, даже в 1907 г. в губернии совсем отсутствовала, какая-либо система оказания социальной помощи нуждающимся.

В то время пока решался вопрос о создания попечительства о слепых в Енисейской губернии в соседней Иркутской губернии получали некоторую помощь слепые дети.

С 24 августа 1894 года в Иркутской губернии начало свою работу училище имени И.С, Хаминова для слепых детей, являющиеся одним из первых подобных заведений в Сибири, в которой обучались слепые и слабовидящие дети из Енисейской губернии. Обучение осуществлялось за счет бюджета Енисейской губернии, в которой существовала отдельная ежегодная смета для оказания материальной поддержки Иркутскому отделению попечительства [11]. Например, с 1909 по 1911 год из губернского бюджета выделялось от 1 до 3 тысяч рублей [12]. Однако стоит отметить, что количество детей с Енисейской губернии, обучающихся в данном училище являлось крайне незначительным. Так, на 1901 год в Иркутском училище обучалось 3 ребенка с Енисейской губернии, а закончило только 6 воспитанников, соответственно. При всей сложности программы обучения данный показатель является весьма достойным (в соответствии с уставом по Российской империи училищам в первое время рекомендуется держать у себя не более 10 воспитанников [13]. Например, в первый год работы данного училища (1894 г.) в нем находилось всего 5 воспитанников. К сожалению, отсутствуют архивные данные о 9 воспитанниках Енисейской губернии, которым посчастливилось обучаться в иркутском училище для слепых, тем самым мы не знаем их социальное, имущественное положение в обществе. Однако, можем утверждать, что в самом училище не существовало социальных рамок, так как в первый год работы данного заведения в нем вместе с детьми мещан жили крестьянские и солдатские дети [14].

Программа обучения детей состояла из общеобразовательных предметов, таких как русский язык, гимнастика и арифметика (счет и простые арифметические действия), также в программу входили предмет Закон божий и занятия по рукоделию, так как целью училища была не только дать минимальный объем знаний, но и обучить ремеслу, которое позволилобы воспитаннику в будущем зарабатывать себе на жизнь. Помимо практических и теоретических предметов воспитанников учили «видеть мир». Для этого существовал специальный предмет («предметные уроки»), на котором ученикам помогали изучать такие предметы как: части комнат, окно, дверь, замазка, выделка кирпича и др., тем самым оказывалась поддержка для социализации ребенка в нормальную общественную жизнь [15].

Сложность решения проблем слепых в регионе обусловлена была отсутствием до переписи 1897 года объективной статистики о количестве слепых и слабовидящих не только по губернии, но и по всей Сибири в целом, хотя подобная попытка проводилась в европейской части России (1886 г.) [16]. В ходе проведенной переписи были получены данные представленные в таблице 1.

Таблица 1
Распределение лиц слепых и слабовидящих по Енисейской губернии на 1904 год [17].

Возраст	Слепорожденные		Слепорожденные, вступившие в брак		Ослепшие		Ослепшие вступившие в брак		Итого		Итого вступивших в брак	
	М	Ж	м	ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Менее года	2	1	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-
1-9 лет	15	12	-	-	16	12	-	-	31	24	-	-
10-19 лет	22	10	-	1	23	17	-	1	45	27	-	2
20-29 лет	11	15	-	4	24	32	3	6	35	47	3	10
30-39 лет	11	14	4	3	38	34	14	12	49	48	18	15
40-49 лет	13	16	4	3	48	54	26	29	61	70	30	32
50-59 лет	14	10	3	3	68	81	34	38	82	91	37	41
60 и более	57	39	18	7	347	341	139	102	404	380	157	109
Возраст неизвестен	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Итого	**145**	**118**	**29**	**21**	**564**	**571**	**216**	**188**	**709**	**689**	**245**	**209**

Согласно статистическим данным, на 1897 год в Енисейской губернии проживало порядка 1398 слепых и ослепших обоего пола, что при общем населении губернии на тот момент в 570,161 человек составляло 0,25%. Для сравнения, в соседней Иркутской губернии данный показатель равнялся 514,267 человек, проживающих во все губернии, на 1135 слепых и ослепших или 0,22 %, соответственно.

В 1913 г. усилиями попечительства императрицы Марии о слепых и губернского управления в Енисейской губернии было учреждено попечительство о слепых. На общем собрании первым его председателем был избран епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов Николай). Цели работы попечительства были следующее:

a) Открытие воспитательных и учебных учреждений для слепых с целью подготовки их к самостоятельной трудовой деятельности, а также дальнейшая их поддержка после окончания обучения;

b) Организация попечения взрослых слепых в виде помещения их в учебные заведения, в которых они могли бы обучаться ремеслам, а также оказание поддержки их семьям или опекунам;

c) Организации сети специализированных учреждений(богаделен) для слепых, в которые можно было бы помещать престарелых и уже неспособных к трудовой деятельности слепых;

d) Принятие мер, способствующих к уменьшению развития слепоты среди населения губернии;

e) Изготовление и распространение учебной литературы и книг для слепых, а также организация для них специализированных библиотек;

На реализации данных направлений был создан фонд, который пополнялся из разных источников, таких как:

a) Из капитала, собранного Комиссией по увековечению памяти 300-летия Царствования Дома Романовых на постройку училища для слепых в г. Красноярск;

b) Из пожертвований, собираемых посредством подписных листов, сборных книжек, кружечного сбора (постоянного и в «неделю слепых») и др.;

c) От доходов спектаклей, гуляний, публичных чтений и других мероприятий Отделения попечительства;

d) Членские взносы;

e) Из субсидий от Правительства, Совета попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и др. общественных организаций;

f) Из платы, вносимой состоятельными родителями и родственниками за содержание и лечение слепых;

g) Из стипендий общественных организаций и частных лиц;

Стоит немного уделить внимание некоторым особенностям членских взносов. Существовало 3 группы членов: почетные члены, члены-соревнователи и члены-сотрудники. Первые формировались из числа наиболее видных членов губернского общество, чья деятельность и финансовая поддержка могла оказаться весьма существенной. Членами- соревнователями же являлись те люди, которые вносили фиксированную оплату. Сумма взноса ровнялась 5 рубля в год, но при желании можно было внести разовую оплату в размере 75 рублей. Однако, при отсутствии возможности финансово поддерживать попечительство можно было стать членом-сотрудником, который участвовал «личным трудом в сборе пожертвований или вообще в делах и занятиях отделения». Стоит также отметить, что членами Отделения могли быть не только физические, но и юридические лица. Таким образом, енисейское отделение давало возможность для участия в своей деятельности всем желающим [18].

Сразу же после основания попечительства о слепых был организован сбор пожертвований на строительство бесплатной глазной амбулатории и училища для слепых при ней[18], который был приурочен к празднованию 300-летия правления дома Романовых. К сожалению, собранных денег хватило на постройку только глазной лечебницы на 20 койко-мест, о деятельности которой в 1916 году был составлен подробный отчет. Так за 3 года работы лечебница приняла 2532 больных, из которых коечных составило 239 человек [19]. По социальному положению больные в основном делились на рабочих и служащих с различных учреждений, и обществ (например, железнодорожных и водных путей сообщения). За период деятельности больницы было проведено порядка 554 глазных операций разного уровня (удаление катаракты, глазного яблока, слезных мешков и др.) [20].

По патологиям глазные заболевания делились следующим образом: 1/3 всех глазных заболеваний падало на трахому, остальная часть распределялась между болезнями роговицы, хрусталика, радужной оболочки и др. По справедливому замечанию составителя отчета, основной причиной глазных заболеваний являлся

«суровый климат, предрасполагающий к ревматическим заболеваниям весь организм, а в частности глаз» [21]. Также дополнительными причинами глазных заболеваний были обозначены сифилис и алкоголизм.

Уже после окончания строительства лечебницы стало очевидно, что она не способна удовлетворить потребности всех желающих, необходима ее расширение. В это время в отделении попечительства не было достаточного количества денежных средств для реализации подобного проекта. Поэтому было принято решение об организации 25 апреля 1915 г. однодневного кружечного сбора в г. Красноярск в пользу отделения попечительства для сбора средств на расширение лечебницы. В качестве мест сбора были выбраны городские церковные приходы, что не вызвало нареканий со стороны священнослужителей. В ходе сборов была собрана сумму в размере 848 р. 47 к., но стоит заметить, что мероприятие не обошлось без казусов. Так недобросовестными гражданами была украдена сборочная кружка № 147, по данному факту было возбуждено следствие. К сожалению, предполагаемое расширение больницы не произошло, данных средств оказалось недостаточно, либо деньги не были использованы по назначению.

Важной задачей регионального общества о слепых был систематический учет слепых и слабовидящих. В 1913 г. Енисейское отделение для того, чтобы «определить действительные размеры бедствия, порождаемого слепотой в пределах губернии» [22] разработали специальную анкету.

Целью анкеты было не только учет опекаемого контингента, но и определение его семейного и материального положения, а также учет дополнительных патологий, если таковые были. Таким образом, данная анкета позволяла не только провести учет слепых в Енисейской губернии но и разработать стратегию организации систему адресной им помощи.

На основе собранных анкет было установлено, что общая численность слепых в Енисейской губернии составляла около 471 человек, но эта цифра является далеко не полной т.к. кампания по сбору данных о слепых прошла недостаточно организовано [23]. Например, не была своевременно проведена работа по информированию заведующих медицинских пунктов губернии о планируемой кампании и поэтому не все предоставили сведения. Например, заведующий медицинским пунктом Тульского переселенческого управления, не предоставил данные, т.к. не был информирован о проводимом обследовании [24]. Однако стоит отметить, что данное количество слепых не является исчерпывающей, так как на данный момент, к сожалению, до конца не установлены сведения, полученных с «Карточек для переписи слепых по Енисейской губернии», которые могли бы дать более точную информацию о численности слепых в губернии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Несмотря на общую тенденцию по организации системы попечительских учреждений для слепых, которая происходила в Российской империи, начиная с 1880-х голов, в Енисейской губернии данный процесс проходил медленно и бессистемно. Отдельные категории слепых (преимущественно дети) получали необходимую помощь, но в соседней Иркутской губернии. С созданием в 1913 г. губернского общества о попечении слепых позволило несколько оперативнее решать их проблемы: был проведен учет контингента, нуждающегося в попечении; открыли специализированную лечебницу, где оказывалась квалифицированная помощь, сформировали актив общества, который изыскивал благотворителей в решении проблем слепых и слабовидящих в губернии и пр. Вместе с тем, вскоре начавшаяся Первая мировая война не позволила недавно созданному обществу решить основную массу проблем слепых и слабовидящих в губернии.

Список литературы

[1] Хитров А.А. Константин Карлович Грот- организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С.17-26.

[2] Нагалина М.В. Преобразования ведомства императрицы Марии в период деятельности Константина Карловича Грота // Образование и право. 2018. № 1. С. 222-226.

[3] Меженцева Г.Н. Интересные сведения из документов Смоленского общества слепых конца XIX века // Colloquim-Journal.2020. №10-05. С. 56-57.

[4] Деревягина Т.Г. Исторический опыт социального призрения глухонемых детей в дореволюционной России // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2006. Т.2. №10. С.147-151

[5] Политика О.И., Герасимова Д.И. Истоки попечительства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №4. С. 141-144.

[6] Благотворительная социальная и медицинская помощь слепым в России под покровительством императорской фамилии (вторая половина XIX- начало XX в.)// Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. №4-1. С.54-60.

[7] ГАКК Ф.595 Оп. 48. Д.326 Л. 105

[8] ГАКК Ф. 796 Оп. 1 Д. 4654 Л. 1

[9] Енисейские Епархиальные ведомости (Красноярск). 1913. 1 мая

[10] Общественное и частное призрение в России // Главное управление по делам местного хозяйства. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Акад. наук, 1907. - 296 с.

[11] ГАКК Ф. 595 Оп. 35 Д. 39. Л. 2

[12] ГАКК Ф. 595 Оп. 35 Д. 711 .Л. 9

[13] ГАКК Ф. 595 Оп. 48 Д. 326. Л. 60

[14] ГАКК Ф. 595 Оп. 48 Д. 326 Л.48

[15] ГАКК Ф. 595 Оп. 48 Д. 326л. 49

[16] Аленицин В.Д. Статистика слепых в России по переписи 1886 г. / Разраб. ред. Центр. стат. ком. В. Аленициным и А. Сырневым. - Санкт-Петербург : Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1888. - 223 с.

[17] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1-89. - [Санкт-Петербург], 1897-1905. 73: Енисейская губерния. - 1904. - 185 с.

[18] Енисейские Епархиальные ведомости (Красноярск). 1913. 1 мая

[19] ГАКК Ф. 595 Оп. 71 Д. 418 л. 8

[20] ГАКК Ф. 595 Оп. 71 Д. 418 Л. 9

[21] ГАКК Ф. 595 Оп. 71 Д. 418 Л. 8-9

[22] ГАКК Ф. 595 Оп. 25 Д. 64 Л. 13

[23] ГАКК Ф. 595 Оп. 25 Д. 64 Л. 6-9

[24] ГАКК Ф. 595 Оп. 25 Д. 64 Л.13-14

К 94(57)

Красноярский медицинский техникум: исторический путь от основания до начала XXI века

Хоменко Денис Юрьевич
Кандидат исторических наук, руководитель Центра историко-патриотического воспитания, Красноярский медицинский техникум, г. Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается история Красноярского медицинского техникума. Использованы сведения из архива техникума, Государственного архива Красноярского края и Красноярского городского архива. Выявлены основные вехи в развитии учреждения (открытие дневного отделения, расширение площадей, начало подготовки акушеров и т.д.). Определены характерные черты студенческой повседневности в разные исторические периоды: для 1970-1980-х гг. студенческая жизнь аккумулировалась вокруг комсомольской организации. В 1990-е гг. новым явлением стало материальное поощрение студентов за общественную активность. Отмечены вызовы, с которые столкнулось училище в 1990-е гг.: переход на рыночный механизм хозяйствования, изменение идеологической парадигмы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА среднее профессиональное образование, медицинское училище, Красноярский край, Красноярская межрайонная клиническая больница №20 им. И. С. Берзона.

Красноярский медицинский техникум – это профессиональное образовательное учреждение, которое было основано в 1962 г. при городской больнице № 20 г. Красноярска в качестве вечернего медицинского училища. История Красноярского медицинского техникума (как и история других учреждений среднего профессионального медицинского образования) практически не становилась предметом специального исследования. В 2012 г. в учреждении был издан памятный альбом, посвящённый полувековому юбилею [26]. В нём представлена структура техникума, освещены основные направления деятельности и достижения. Существуют единичные упоминания истории техникума в ряде иных юбилейных изданий [27, 28]. В 2018 г. была издана книга по истории Красноярского медицинского техникума в советский период, имеющая очерковый характер [29].

Целью настоящей статьи является общее рассмотрения исторического пути, пройденного Красноярским медицинским техникумом за 60 лет своего существования, выявление отличительных черт повседневности студентов и преподавателей в разные исторические периоды. Статья подготовлена на основе неопубликованных источников из архива техникума, Государственного архива Красноярского края и Красноярского городского архива.

В начале 1960-х гг. в Красноярском крае обострилась проблема кадрового обеспечения медицинских учреждений. Этот вопрос обсуждался на заседании Исполнительного комитета Краевого совета депутатов трудящихся 17 января 1962 г. Было отмечено, что «в крае создалось крайне тяжёлое положение с обеспечением лечебных учреждений средними медицинскими кадрами. В 7-ми медицинских училищах края Красноярском, Ачинском, Туринском, Рыбинском обучается 2235 человек с ежегодным выпуском 500-600 человек фельдшеров, акушерок, медсестер и зубных врачей. В связи со значительным ростом лечебных учреждений выпускаемое количество средних медработников не покрывает потребности в них и недостаток этих кадров всё время увеличивается. В 1959 г. не доставало 2407 человек, в 1960 г. – 3293 чел. и в 1961 г. – 3950 человек. В результате в районах края закрыто 252 фельдшерских пункта, многие Леспромхозы не имеют на медпунктах медработников» [13, л.40].

В сложившейся ситуации Исполком принял решение об открытии пяти вечерних медицинских училищ при больницах Красноярского края. В числе прочих было предписано открыть училище при Городской клинической больнице № 20 г. Красноярска. Предполагалось начать занятия с 1 марта 1962 г. Однако бюджет края не предусматривал расходов на создание новых училищ. Вплоть до апреля решал вопрос о дополнительном финансировании с Министерством здравоохранения РСФСР [14, л.123].

5 мая 1962 г. был издан приказ № 1 по медицинскому училищу. Руководителем училища была назначена Маргарита Александровна Чичёва. Первый набор составил 142 студента. Есть сведения о том, что первоначально училище специализировалось на подготовке фельдшеров, и даже имело неофициальное наименование «фельдшерская школа». С 1965 г. училище перешло к подготовке медицинских сестёр [29, с.10-12].

В конце 1960-х гг. учреждение было передано на городской баланс и стало называться «Медицинское училище № 2 при Городской клинической больнице № 20». В 1975 г. было открыто дневное отделение, набор на которое составлял 60 человек (две учебные группы). Следует полагать, что дневное отделение было реорганизовано из курсов ясельных медицинских сестёр, которые фигурировали в отчётных документах городской больницы №20 на протяжении 1960¬ – начала 1970-х гг. и пропадают с 1975 г. [24, л.85] Вероятно, именно с созданием дневного отделения связано назначение нового директора: Ольги Николаевны Бреховой. С начала 1978 г. училище было вновь передано на краевой баланс [25].

В начале 1980-х гг. произошло значительное увеличение площадей училища. С момента основания учреждение располагалось в административном корпусе городской клинической больницы №20. С вводом в эксплуатацию нового, кардиологического, корпуса, больничная администрация расположилась в нём, передав старые площади училищу. В это же время для нужд училища был выделен второй корпус, расположившийся в бывшем пищеблоке [10, Исх. №29 от 28.10.1980; 10, Исх. №44 от 23.12.1981].

В 1980-х годах на дневном отделении готовили медицинских сестёр детского профиля, а на вечернем – медицинских сестёр широкого профиля. В 1982 г. была набрана первая группа акушерского профиля (30 студентов). С 1987 г. набор на акушерскую специальность составляет две учебные группы [29, с.26]. С начала 1980-х гг. и до 2005 г. директором училища был Александр Иосифович Богомолов.

С открытием дневного отделения постепенно уменьшался набор на вечернее отделение, до 90 человек в 1984 г. [11, л.2] Большинство студентов-вечерников работали санитарками в Городской клинической больнице № 20. Более того, в объявлении о приёме студентов на 1981-1982 учебный год значилось, что «на вечернем отделении учебный процесс осуществляется без отрыва от производства. Все зачисленные обеспечиваются работой в качестве младшего медицинского персонала в отделениях городской клинической больницы № 20» [10, Исх. №5 от 13.05.1981].

С открытием дневного отделения в училище активизировалась внеучебная воспитательная работа. В 1970-1980-е гг. регулярно праздновались Новый год, Международный женский день – 8 марта, День международной солидарности трудящихся – 1 мая, День Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября. В училище проводилась патриотическая работа в форме встреч с ветеранами труда и Великой Отечественной войны, чествование ветераном в рамках празднования Дня Победы. Организовывались вечера отдыха по окончании учебного года, подведения итогов III трудового семестра [12, л.15; 20, л.14]. Указанный набор воспитательных мероприятий представляется довольно типичным для образовательных учреждений позднесоветской эпохи. Профессиональная специфика прослеживается, пожалуй, только в посвящении выпускниц в медицинские сёстры [19, л.35 об.].

Студенты, состоявшие в ВЛКСМ, помогали организовывать культурно-массовые

мероприятия для сотрудников Городской клинической больницы №20. Чаще всего это были концерты, посвящённые Дню Победы и Первому мая. В 1985 г. организация празднования 67-летней годовщины ВЛКСМ была полностью возложена на комсомольцев училища [21, л.6].

Летом студенты дневного отделения отрабатывали III трудовой семестр в качестве пионервожатых в лагере подшефного завода химического волокна и санитарок в отделениях Городской клинической больницы № 20 [10, Исх. №19 от 11.08.1980]. Летняя отработка студентов в качестве санитарок помогала больнице частично решать «проблему нехватки среднего и младшего медперсонала в период отпусков» [20, л.14]. Этой же цели служил «почин учащихся медучилища № 2 «За ту сестру». В документах отмечалось, что «все студенты училища отрабатывают рабочий день в родильном доме» [18, л.25]. Осенью обучающиеся регулярно выезжали на уборку урожая в Берёзовский совхоз Емельяновского района.

Студенты дневного отделения организовали первичную комсомольскую организацию, которая входила в комсомольскую организацию Городской клинической больницы № 20. Комсомольцы училища составляли больше половины численности организации ВЛКСМ больницы. Отмечалось, что именно студенты медучилища являлись «резервом роста рядов членов ВЛКСМ» [22, л.17].

Повседневность комсомольцев училища хорошо отражена в отчёте секретаря комсомольского бюро гр. «А» за 1979г.: «Почти все комсомольцы группы нашли дело по душе: 7 человек являются членами КОО (комсомольский оперативный отряд, см. ниже – Д.Х.), 12 человек занимаются в спортивной секции. Все комсомольцы принимали активное участие в работе кружков: фармацевтическом, эстетическом, анатомическом, на которых готовили доклады … За год учёбы успели хорошо познакомиться с достопримечательностями города: проводили экскурсии в краеведческий музей, в худож.галерею, по городу, на Красноярскую ГЭС. Часто совершали коллективные выходы в кино с обсуждением … Принимали участие комсомольцы в сдаче норм ГТО по лыжам, по лёгкой атлетике: 3 человека от группы принимали участие в кроссе, посвященному Дню здоровья» [16, лл.15-17].

На рубеже 1970-1980-х гг. в училище существовал комсомольский оперативный отряд. Деятельность отряда напоминала работу дружинников: студенты участвовали в общегородских рейдах (например, охраняли общественный порядок в автобусах и трамваях, а также на улицах), проводили контроль на электричках, проверяли в общежитиях паспортный режим, посещали школу молодого чекиста. Численность отряда была незначительная: в 1980 г. – десять человек, при этом все – студенты училища. «Из работников больницы, желающие были, но по тем или иным причинам они работать не стали» [17, лл.67-68].

Последние сведения о комсомольской организации медицинского училища относятся к 1989 г. и свидетельствует о кризисе комсомольской организации больницы. В отчёте секретаря организации от 25 октября 1989 г. говорится: «на низком уровне в комитете ВЛКСМ ведётся культурно-массовая работа», за отчётный «период в комсомол вступить никто не захотел» и даже «не удалось заманить на комитет ВЛКСМ ни одного комсорга с отчётом и проделанной работе» [23, лл.38,40].

В 1990-х гг., с началом новой эпохи в истории России, произошли изменения и в жизни училища. Например, окончательно была ликвидирована комсомольская организация, прекратились контакты училища с подшефными предприятиями. В 1990-х гг. учреждение было передано в муниципальное управление, получив наименование: «Городское медицинское училище при городской клинической больнице № 20».

Документы рубежа 1980-1990-х гг. показывают, какие перемены происходили в повседневной жизни училища. Так, в советский период обязательным членом приёмной комиссии был представитель КПСС. В 1990 г. в состав приёмной комиссии входил

инструктор районного комитета КПСС по народному образованию Ленинского района [1, пр.№3 от 08.01.1990]. В 1991 г., в лето накануне распада СССР, приёмная комиссия была сформирована без партийного контроля, но по-прежнему включала секретаря комитета ВЛКСМ [2, пр.№25 от 29.01.1991]. В 1992 г. ни представители комсомола, ни представители КПСС в состав приёмной комиссии не вошли [3, пр.№36 от 10.02.1992]. Однако, несмотря на запрет КПСС и идеологический плюрализм, объявленный в годы перестройки, в 1992 г. в училище всё ещё фигурировал кабинет «Основ марксизма-ленинизма» [3, пр.№148 от 10.08.1992].

Таким образом, с одной стороны, в повседневности училища отражались события масштаба всей страны (падение КПСС, кризис ВЛКСМ). С другой – на местах должностные лица часто не успевали за стремительными изменениями в центре.

Кроме политических, на рубеже 1980-1990-х гг. страну потрясали значительные экономические изменения: происходил переход от плановой к рыночной экономике. Среднему профессиональному образованию тоже приходилось встраиваться в новые условия. С 18 по 22 июня 1990 г. в г. Дивногорске проводилось Республиканское рабочее совещание-семинар «базовых училищ по проблемам перехода учебных заведений на новый хозяйственный механизм работы», в котором принимал участие директор училища, А. И. Богомолов [1, пр.№107 от 18.06.1990].

Для студентов переход к новым экономическим реалиям выразился в возможности получения выплат за отличия. Впервые такая форма была реализована в 1994 г.: двум студенткам была назначена «поощрительная стипендия на ноябрь месяц 1994 г. за активное участие в жизни училища» [5, пр.№158 от 08.11.1994].

В феврале 1995 г. пятеро студентов были награждены «денежной премией в размере месячной стипендии» за участие «в проведении обсервационных мероприятий». Процитируем приказ: «В связи с выявлением среди пассажиров рейса самолёта №3584, прибывшего из г.Ташкента 8.10.94 г., больных с подозрением на чуму, и в целях ликвидации очага инфекции на базе санатория «Радуга» был организован обсерватор» [6, пр.№19 от 09.02.1995].

Вероятно, по «горячим следам» этого инцидента в апреле 1995 г. проводились специальные медицинские учения на тему «Организация взаимодействия служб ГОЧС города, ведомств, ЛПУ, ЦГССЭН, объектов экономики при проведении мероприятий по локализации и ликвидации очагов холеры», а в мае 1995 г. – «Мероприятия по предупреждению завоза, распространения заболеваний чумы из сопредельных государств». В этих учениях приняли участие 12 студентов училища, за что и были награждены премией в размере месячной стипендии [6, пр.№84 от 15.06.1995].

В апреле 1995 г. четверо студентов были награждены поощрительной стипендией «за активное участие в проведении конференции» [6, пр.№52 от 04.04.1995]. В январе 1996 г. поощрение было назначено «за успешное проведение КВН» шести студентам [7, пр.№18 от 30.01.1996].

Значительные изменения претерпевали образовательные стандарты и программы. В 1993 г. был произведён последний набор студентов по программам подготовки советского времени. В 1994 г. были набраны шесть групп дневного отделения (180 студентов), все на сестринскую специальность [5, пр.№120 от 14.09.1994]. В 1995 г. группы были переформированы. Четыре из них закончили училище в 1996 г. с квалификацией «Медицинская сестра» [7, пр.№103 от 04.07.1996]; одна группы выпустилась в 1997 г. с квалификацией «Медицинская сестра общей практики» [8, пр. от 27.08.1997]. Шестая группа закончила училище в 1998 г. с присвоением квалификации «Акушерка-организатор» [9, пр.№79 от 24.06.1998].

В результате всех изменений в училище утвердилась подготовка студентов к двум квалификациям: «Акушерка» и «Медицинская сестра» с одинаковым сроком обучения – три года. Все последующие стандарты, в том числе действующие сегодня, сохраняли этот срок обучения.

Происходили и частные изменения в учебных программах. С 22 февраля по 2 марта 1993 г. преподаватель общественных дисциплин была направлена на «курсы переподготовки и повышения квалификации педагогов» в г. Москва [4, пр.№10 от 28.01.1993]. Не вызывает никаких сомнений, что потребность в такой командировке (тем более в столицу) возникла в связи с крушением марксистско-ленинской идеологии.

Приметой времени 1990-х гг. стало внедрение персональных компьютеров. В 1993 г., с 27 сентября по 09 октября состоялась командировка заместителя директора училища в Колледж медицинской электроники и оптики (г. Санкт-Петербург) «с целью обучения по применению персональных компьютеров» [4, пр.№112 от 01.09.1993]. А в 1994 г. в учебный план был введён предмет «Компьютерная грамотность» [5, пр.№143 от 26.10.1994]. В том же учебном году преподавателям этого предмета была назначена дополнительная выплата «ежемесячно по 30% с 1 ноября 1994 г. /6 компьютеров по 5% за каждый/» [5, пр.№174 от 30.10.1994].

В 2005 г. А. И. Богомолова на посту директора училища сменила Татьяна Георгиевна Момот. С 2011 г. техникум возглавляет Елена Юрьевна Шарайкина.

В 2004 г. были внесены изменения в федеральное законодательство, согласно которым предоставление среднего профессионального образования было отнесены к компетенции субъектов РФ, а не муниципалитетов [15, л.54]. Постановлением Совета администрации Красноярского края №380-п от 30 декабря 2004 г. «Городское медицинское училище при городской клинической больнице №20 имени И.С. Берзона» было передано «в государственную собственность Красноярского края» [15, л.47]. С этого времени учреждение получило наименование «Красноярское медицинское училище». В соответствии с приказом министерства здравоохранения Красноярского края от 07.04.2009 №146-орг медицинское училище получило статус техникума.

Изучение 60-летней истории Красноярского медицинского техникума позволяет выделить важнейшие вехи в его развитии: работа в качестве вечернего училища (1962-1975 гг.), создание дневного отделения (1975 г.), расширение площадей (1979-1981 гг.), подготовка акушерок (с 1982 г.), кризисные явления в комсомольской организации (1989 г.). Рубеж XX-XXI вв. стал эпохой перемен не только для страны в целом, но и для отдельного учреждения. Можно выделить следующие вызовы, с которыми столкнулось училище: внедрение новых экономических отношений, смена идеологической парадигмы, наступление научно-технического прогресса в виде персональных компьютеров, новые учебные программы и планы.

Список литературы

[1] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1990 ¬– 31.12.1990.
[2] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1991 – 31.12.1991.
[3] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1992 – 31.12.1992.
[4] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1993 – 31.12.1993.
[5] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1994 – 31.12.1994.
[6] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1995 – 31.12.1995.
[7] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1996 – 31.12.1996.
[8] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1997 – 31.12.1997.
[9] Архив КрасМТ. Книга приказов. 01.01.1998 – 31.12.1998.
[10] Архив КрасМТ. Папка исходящих бумаг по училищу (1979-1981).

[11] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. р-1384. Оп. 4. Д. 2143.
[12] ГАКК. Ф. р-1384. Оп. 4. Д. 2179.
[13] ГАКК. Ф. р-1386. Оп. 1. Д. 2097.
[14] ГАКК. Ф. р-1386. Оп.1. Д.2127.
[15] ГАКК. Ф. р-2430. Оп. 1. Д. 2104.
[16] ГАКК. Ф. п-7892. Оп. 1. Д. 2.
[17] ГАКК. Ф. п-7892. Оп. 1. Д. 3.
[18] ГАКК. Ф. п-7892. Оп.1. Д.7.
[19] ГАКК. Ф. п-7892. Оп. 1. Д. 8.
[20] ГАКК. Ф. п-7892. Оп. 1. Д. 12.
[21] ГАКК. Ф. п-7892. Оп.1. Д.13.
[22] ГАКК. Ф. п-7892. Оп.1. Д.14.
[23] ГАКК. Ф. п-7892. Оп.1. Д.16.
[24] Красноярский городской архив (КГА). Ф. р-1024. Оп. 2а. Д. 270.
[25] КГА. Ф.р-1024. Оп.2а. Д.405
[26] Красноярскому медицинскому техникуму – 50 лет / под ред. Е.Ю. Шарайкиной, Д.В. Лушниковой, З.Г. Самаровой. Красноярск, 2012. 80 с.
[27] Медицинское училище №2 // Страна милосердия. 20-ой больнице 50 лет. Красноярск: ИПК «Платина», 2010. С.140.
[28] Профессия – медсестра // Наш рабочий район / составитель Л.П. Бердников. Красноярск: ИПК «Платина», 2002. С.341-343;
[29] Хоменко Д.Ю. Красноярский медицинский техникум: создание и деятельность в советский период / отв.ред. Е.Ю. Шарайкина. Красноярск: Версо, 2018. 76 с.

УДК 94(5)

От контрабанды к легальному бизнесу: история экспорта драгоценных металлов из России в Китай через Кяхту (XIX – начало XX вв.)

Ширапов Алдар Амаголонович
Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирское отделение Российской Академии наук, г. Улан-Удэ, Россия.
agmaren@mail.ru,, https://orcid.org/0000-0002-5910-3501

АННОТАЦИЯ В данном исследовании рассматривается история экспортно-импортных операций с драгоценными металлами, которые осуществлялись между Российской империей и Цинским Китаем в 19 – начале 20 веков. Находясь в постоянной зависимости от политики российских властей в отношении Китая, купля-продажа золота и серебра развивалась в соответствии с ее изменениями. Созданная в начале 19 века как сугубо частный бизнес, основанный на контрабанде, международная торговля через Кяхту к началу 20 века имела легальный статус при активном участии государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Внутренняя Азия, Российская империя, экономика, торговля, золото, серебро.

В данном исследовании рассматривается история экспортно-импортных операций, с драгоценными металлами, которые проводились между Российской империей и Цинского Китая в XIX – начале XX вв. Находясь в постоянной зависимости от политики властей России в отношении Китая, купля-продажа золота и серебра развивалась в соответствии с ее изменениями. Созданная в начале XIX столетия, как сугубо частный бизнес, основанный на контрабанде, международная торговля через Кяхту, уже к началу XX в., легальный статус с активным государственным участием.

1-я половина XIX столетия – период тайной торговли драгоценными металлами между Россией и Китаем: причины.

История российско-китайских торговых отношений берет свое фактическое начало заключенного 29 августа 1689 г., когда в окрестностях Нерчинского острога соглашения о мире между Московским царством и Маньчжурской империей. Согласно условиям данного договора, обе стороны закрепили существовавшие на тот момент линии государственных границ и официально разрешали взаимную торговлю [1, с. 57]. Уже к началу XVIII в. сформировались основные контуры модели российско-китайской торговли. Так, основным предметом российского экспорта стала пушнина. Из Китая импортировались шелк, фарфор, лекарственные растения. [14, с. 108]. Ключевое место в цепочке взаимного товарообмена занял регион, располагавшийся на границе между двумя державами – Западное Забайкалье (совр. Республика Бурятия). Заложенная в 1728 г. – «Кяхтинская слобода» (совр. г. Кяхта) стала основным центром российско-китайской торговли [12, с. 57]. Уже во второй половине XVIII в. около 70% всего китайского экспорта шла через Кяхту [2, с. 96].

К началу XIX столетия российско-китайская торговля находилась на подъеме. В немалой степени это стало следствием перестройки модели взаимного обмена товарами – вместо шелка и хлопчатобумажных тканей на первое место в российском импорте из Китая вышел чай. Это стало следствием постоянно повышающегося спроса на указанный товар как внутри Российской империи, так и в европейских странах. Торговля чаем занимала 88% общего объема российско-китайской торговли. Товарооборот через Кяхту вырос с 2 млн. руб. в 1769 г. до 16 млн. руб. в 1824 г. [15, с. 93-94]. Из России в Китай поставлялись главным образом пушнина [9, с. 23]. А, с конца 1830-х гг. ведущие позиции в российском экспорте заняли текстильные изделия [10, с. 49].

В начале XIX в., все больший интерес в глазах китайских купцов, как основной

экспортный товар, стали приобретать драгоценные металлы – как в форме слитков, так и в виде наличных денег. Это было вызвано постоянно возрастающим количеством ввозимого в пределы Цинской империи английскими торговцами опиума, за который местные потребители расплачивались серебром. К 1850-м гг. китайская экономика ежегодно теряла около 10 млн. лан серебра [10, с. 54]. Растущий дефицит ликвидной наличности заставил власти и предпринимателей Цинской империи искать все новые источники поступления драгоценных металлов. Одним из таких источников, в первой половине XIX в., стала Российская империя. При этом, еще в марте 1800 г., российское правительство законодательно запретило вывоз из страны золотых и серебряных монет [3, с. 75]. В качество поставщиков наличности китайским купцам выступили российские предприниматели, которые совместно с сотрудниками государственной почтовой службы наладили устойчивый канал по нелегальному вывозу денег через Кяхту. Главная причина возникновения этого преступного бизнеса заключалась в очень выгодном курсе приема российских денег китайскими торговцами. Так, за одну серебряную монету достоинством в один рубль, китайские предприниматели предлагали товаров стоимостью в 1 руб. 71 коп. К сожалению, мы не располагаем точными данными об объемах нелегальной торговли российскими монетами в те годы. Примерные цифры размеров контрабанды можно представить на основании официальных данных об экспорте российских денег в Китай. В 1857-1861 гг. Так, в указанный период из России было вывезено 2,5 млн. серебряных монет на сумму 3,4 млн. руб. и 56 тыс. золотых монет стоимостью 337 тыс. руб. [11, с 51-52]. Таким образом, в первой половине XIX в. было сформировано успешно функционирующее нелегальное русско-китайское совместное предприятие по экспорту драгоценных металлов из Российской империи в Китай. Более того, после отмены 1855 г. запрета на вывоз золота и серебра из России, это направление бизнеса получило новый импульс в своем развитии [4, с 528-529].

2-я половина XIX – начало XX вв. – серебро как основной российский товар в торговле с Китаем.

Во второй половине XIX – начале XX вв. продажа драгоценных металлов из России в Китай через Кяхту продолжилась. Более того – постепенно, их доля в российском экспорте все более увеличивалась. Например – в 1875 г., в пределы Цинской империи было ввезено русскими купцами фабричных изделий на 1864 тыс. руб. а серебра – всего на 161 тыс. руб [16, с 12]. Спустя всего 19 лет в 1894 г. эти цифры составили – 567 тыс. руб. и 1469 тыс. руб. соответственно [16, с 17]. Причиной этому стала резкая активизация процесса проникновения на внутренний рынок Китая дешевой промышленной продукции из стран Западной Европы и США. Так, в 1889 г. только американскими бизнесменами, было ввезено на территорию Цинской империи товаров более чем на 5 млн. руб. По итогам 1893 г. эта цифра превысила 7 млн. руб. [16, с 18-19].

Как и в первой половине XIX в., вплоть до 1890-х гг., экспортными операциями по поставке драгоценных металлов из России в Китай занимались исключительно частные лица. В основном это были представители старых купеческих кяхтинских торговцев чаем – Лушниковы, Швецовы, Синицыны, Коковин и Басов и др. После 1860-х гг. в качестве оплаты за чай русские купцы передавали своим китайским партнерам в основном не наличные деньги, а серебряные слитки. Как правило каждый российский предприниматель располагал большими запасами драгоценного металла. Например, великий русский путешественник Н.М. Пржевальский, проезжая в 1883 г. через Кяхту в Монголию, купил у А.М. Лушникова для путевых расходов 12 пудов серебра [18, с. 32-33].

С началом поворота с 1890-х гг., российской внешней политики в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона в 1890-е гг., торговля серебром привлекла внимание империи. Это объяснялось желанием российского правительства укрепить экономическое влияние страны в Китае. Главным инструментом властей России в осуществлении этого плана стал Русско-Китайский банк. Созданный 10 декабря 1895 г. по инициативе министра финансов Российской империи С.Ю. Витте банк «своим исключительным

назначением поддержку торговых сношений с государствами Восточной Азии» [19, с. 10]. Центральную роль в процессе экспорта серебра играло Кяхтинское отделение учреждения, открывшее свои действия в 1898 г. [20, с. 307].

Свою деятельность, связанную с торговлей серебром Русско-Китайский банк осуществлял по двум направлениям. Первое – прямые поставки металла в Китай с целью его продажи на местном рынке. Пользуясь покровительством российских властей, банк имел право ввозить и вывозить серебро в пределы страны. Согласно положениям специального циркуляра Департамента Таможенных Сборов империи, за № 19174 Русско-Китайскому банку дозволялось приобретать на биржах Лондона и Гамбурга драгоценный металл без оплаты таможенных пошлин. Одним из центральных пунктов экспорта серебра в Китай являлось Кяхтинское отделение учреждения. Объемы ввозимого банком серебра через Кяхту были весьма солидными, так только в течении октября-ноября 1900 г., было отправлено в Цинскую империю свыше 204 пудов металла [8, л. 3, 5 об., 14]. Общий же вес серебра, ежегодно поставлявшего банков в Китай, исчислялось тысячами пудов. Например, в 1904 г. на территорию Цинской империи было ввезено свыше 13 тыс. пудов драгоценного металла. Кроме того, Шанхайское отделение банка согласно положениям своего устава и соглашениям с властями Цинской империи имело право производить чеканку местной монеты из своего сырья [17, с. 335].

Второе направление деятельности Русско-Китайского банка, связанное с коммерческими операциями с серебром, заключалось в оказании содействия российским купцам-чаеторговцам в поставках драгоценного металла на территорию Китая. Так, весной 1901 г., правление банка обратилось с просьбой в Министерство финансов империи о выдаче разрешения торговому дому «Братья Иван и Николай Поляковы» ввезти в Китай, транзитом из Европы, 200 пудов серебра. Разрешение было успешно получено и уже в июле 1901 г. первая партия заказанного металла прибыла в Кяхту [5, л. 1, 5]. Остальные крупные российские чаеторговцы быстро оценили данную возможность. Уже в декабре 1901 г., другой крупный игрок на чайном рынке России – фирма «Коковин и Басов», посредством услуг банка получила первую партию европейского серебра для отправки в Китай [6, л. 1, 2 об.].

Торговля серебром с Китаем оставалась одним из важнейших направлений деятельности Русско-Китайского банка на протяжении всей его истории. Даже не смотря на поражение России в войне с Японией (1904-1905 гг.) не сказалось на объемах поставляемого через Кяхту серебра. Не смотря на поражение России в войне с Японией (1904-1905 гг.) объемы поставляемого через Кяхту серебра не сократились. Так, только за апрель-май 1906 г., было ввезено в Китай свыше 150 пудов драгоценного металла [7, л. 14, 17]. Даже в 1909 г., находясь в крайне тяжелом финансовом положении перед своей реорганизацией, банк покупал и продавал драгоценных металлов через свои китайские отделения на миллионы рублей. Так, в 1909 г. куплено было – на 9 млн. руб., а продано на 8 млн. руб. [13, с. 10].

Заключение

Таким образом, история российско-китайских экспортно-импортных операций с драгоценными металлами прошла длительный путь в своем развитии. Определяющим фактором в этом процессе стала политика государства, действовавшая в интересах развития российско-китайских экономических и политических отношений. Зародившись как частный бизнес, основанный на контрабанде – торговля золотом и серебром через Кяхту постепенно приобрела, статус легального коммерческого предприятия с превалирующим государственным участием.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.), № 121031000243-5)

Список литературы

[1] Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах: вторая половина XVII в. Хабаровск: Книжное издательство, 1984. 271 с.

[2] Балдано М.Н. Великий чайный путь: история формирования и перспективы возрождения // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4. С. 93-99.

[3] Высочайше утвержденные правила, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве с Китайцами торга, поступать долженствуют. 15 марта 1800 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1830. Т.26. №19328. С. 75-79.

[4] Высочайше утвержденное положение Сибирского Комитета, распубликованное 25 августа «Об изменении правил Кяхтинского торга». 1 августа 1855 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1856. Т. 30. Отделение 1. № 29554. С. 528-529.

[5] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 94.

[6] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 156.

[7] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 259.

[8] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 102. Опись 1. Дело 759.

[9] Ермолаев А.Н. Морская торговля Российско-американской компании с Китаем в 1848-1863 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2011. №1 (155). С. 22-27.

[10] Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. Издание кяхтинского купечества. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. 27 с.

[11] Крит Н.К. Будущность кяхтинской торговли. СПб.: Тип. Артиллерийского департамента Военного Министерства, 1862. 101 с.

[12] Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб.: Тип. И. Габермана, 1881. 88 с

[13] Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1909 г. СПб., 1910. 23 с.

[14] Романова Г.Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII-первая треть XVIII в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 101-112.

[15] Скворцова Л.А. Кяхта в системе русско-китайских торгово-экономических отношений // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2018. №15. С. 92-95.

[16] Статистические сведения об оборотах сухопутной торговли России с Китаем через Кяхту с 1875 по 1894 год и торговли Китая с другими государствами за последние годы. М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. 27 с.

[17] Сунь И. Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) банка в Китае в конце XIX – начале XX века // Мавродинские чтения-2018: сб. науч. ст. всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Санкт-Петербург, 2018. СПб.: ООО «Нестор-История», 2018. С. 334-337.

[18] Тагаров Ж.З. История предпринимательской деятельности кяхтинцев Лушниковых (XIX - начало XX вв.) // Историко-экономические исследования. 2010. Т.11. №1. С. 25-45.

[19] Устав Русско-Китайскаго банка: утв. 10 дек. 1895 г. СПб.: Тип. А. Бенке,1895. 39 с

[20] Яго К. Русско-Китайский банк в 1896-1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // Экономическая история: ежегодник. 2012. Т.2011-201. С. 293-314.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Энвайро-ментальные аспекты развития Сибири

УДК 614.2(571.1)

Проблемы санитарного загрязнения городских рек и водопользования в условиях эпидемии холеры в Омске в 1892 году

Барабанова Ксения Сергеевна
Кандидат исторических исследований, ведущий научный сотрудник Лаборатории исторических исследований, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия;
Лаборатория междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
barabanova13@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-7667-7104

Аннотация Эпидемии холеры в XIX – начале XX века послужили важной причиной для изучения проблем санитарного состояния городов Российской империи. Западная Сибирь находилась в более выигрышном положении, чем Европейская часть России, так как холера пришла на эти земли только во второй половине XIX века. Первая крупная эпидемия в Омске началась в 1892 году и стала важным толчком для изучения проблем санитарного загрязнения городских рек. Эпидемия холеры стала удобным контекстом для диалога медицинского сообщества с властями о проблеме водопользования в городе. Рекомендации медиков по изменению водозабора и строительства водопровода теперь обосновывались борьбой с эпидемией и предотвращением новых.

Ключевые слова Сибирь, противоэпидемические мероприятия, санитария

Летом 1892 года в Омске началась одна из самых крупных эпидемий холеры в истории города. Вероятно, первым холерным больным следует считать мальчика Титова, прибывшего в город на пароходе 23 июля. Заразился он во время плаванья от женщины, которая скончалась между Тобольском и Тарой [14, с. 75]. Только с 24 июля по 18 августа 1892 года в Омске было выявлено 1115 больных, из которых 571 человек скончался [17, с. 23]. В период с 1892 по 1896 год в Омске было выявлено более пяти тысяч больных холерой, половина из которых скончалась от этой страшной болезни.

Подготовку к началу эпидемии в городе начале еще за несколько лет до прихода холеры. Первая эпидемия холеры в Российской империи началась в далеком 1823 году со вспышки заболевания в Астрахани, которую удалось погасить крайне быстро. Через несколько лет в 1829 году в том же городе началась новая эпидемия, которая охватила более ста губерний и самыми известными ее эпизодами стали холерный бунт на Сенной площади в Санкт-Петербурге 22 – 23 июня 1831 года, усмирять который прибыл император Николай I и холерные бунты военных поселян в Новгородской губернии. Следует отметить, что во время первых эпидемий холера не доходила до Сибири или дело ограничивалось несколькими случаями заражения, как в 1853 г. в Тюмени и Тобольске. В 1866 г. первые больные были выявлены в Томске и только в 1871 г. холера была обнаружена в Омске. Болезнь распространялась арестантами. Отправной точкой служила Тюмень. Оттуда зараженные холерой разъезжались в разные уголки Сибири по суше и воде [6, с. 133 - 137].

Председатель Омского медицинского общества М.Г. Соколов в 1885 году выступил с докладом об эпидемиях холеры в Европейской части России. И поделился своим опытом. По его словам, омским врачам следовало последовать примеру своих коллег с Европейской части империи и начать обсуждать предохранительные мероприятия на случай начала эпидемии. Соколов работал во время эпидемий в Варшаве (1848 г.), в Венгрии (1849 г.), в Козенице и окрестностях Ивангородской крепости (1852 г.), в Киеве (1865 и 1868 гг.) и в Гродно (1871 г.). Соколов подробно рассказал о мерах по борьбе с холерой,

предпринятых в царстве Польском в 1852 году. Там были реализованы все мероприятия, которые издавались правительством в 1847 и 1848 г.: подание помощи всем заболевшим, организация холерных больниц, рекомендации по питанию. Также к помощи больным были привлечены фельдшера и цирюльники, а местное духовенство должно было успокаивать прихожан. Соколов вел переписку с французскими и английскими коллегами для обмена опытом в борьбе с холерой и его работу оценивали высоко. Сам докладчик позднее применял опыт английских коллег по раннему выявлению больных при первых симптомах холеры [6, с. 133 - 137]. Позднее в 1887 году Соколов еще раз выступил с более подробным докладом о своем опыте лечения холеры. Подытожил он свое выступление выводом о том, что ни одно из перечисленных им средств «не приносило существенной пользы» [11, с. 137].

В 1885 году была избрана комиссия для указания необходимых мер на случай появления холеры, в которую вошли П.В. Андреевский, А.Б. Дрозник, И.П. Владимиров и Ф.И. Климович. Также на собрании было принято решение просить войти в комиссию М.С. Левантуева, участвовавшего в борьбе с эпидемией в Тобольске. Инициатором создания комиссии стал степной генерал-губернатор и командующий войсками Омского военного округа Г.А. Колпаковский. Работа комиссии должна была предотвратить крупную вспышку холеры, как в самом городе, так и в войсках расположенных в нем. Здесь оказался важным опыт членов Омского медицинского общества, которые не только уже сталкивались с холерой, но и благодаря связям смогли бы быстро обмениваться наблюдениями и корректировать мероприятия [6, с. 133 - 137].

Комиссия для указания необходимых мер на случай появления холеры пришла к выводу, что предотвратить занесение холеры в Омск не возможно. Объяснилось это тем, что было нельзя прекратить пароходные рейсы по Иртышу, на которых и ожидалось прибытие больных в город, как это было в 1871 г. В связи с этим комиссия сконцентрировалась на выработке рекомендаций по мерам, которые устранили бы все благоприятные условиях для развития холеры в городе. Рекомендации комиссии были направлены на улучшение санитарного состояния и качества воды в городе. Предлагалось очистить площади, базары, улицы, дворы горожан, помойные ямы и отхожие места. Отдельное внимание следовало уделить бойням, кожевенным и салотопительным заводам. Омские врачи обратились к теории Коха, согласно которой воды была «исключительным разносчиком холерного яда» и подняли важный вопрос о состоянии питьевой воды в городе. Так как водозабор осуществлялся из двух рек – Иртыша и Оми, то их загрязнение вело к распространению эпидемии. Самая хорошая воды была в Иртыше, но на ее качество влияла вода из Оми, которая в свою очередь была загрязнена навозом, нечистотами, отходами бань, заводов, госпитальной прачечной. Для улучшения качества водоснабжения предлагалось построить плоты, с которых водовозы смогли бы забирать воду не у берега, а с середины Иртыша. П.А. Соломин предположил, что лучше было бы проложить трубы, по которым можно было бы забирать воду с средины Иртыша. Но его предложение было признано «затруднительным» [5, с.158 -165].

Омские реки Иртыш и Обь были главным источником воды для горожан. Осмотр колодцев в 1877 году показал, что из 918 только в 181 была пригодная в употребление вода. Первые исследования воды из Иртыша проводились еще в 1850-х годах. В 1885 году Соколов пришел к выводу, что вода из этого водоема может быть отнесена к категории «хороших» вод. Гораздо хуже дела обстояли с водой из реки Омь, которую Соколов охарактеризовал, как нечистую. В воде было повышенное содержание аммиака, нитритов и нитратов. П.А. Соломин в 1886 году вновь вернулся к проблеме обеспечения Омска чистой воды. Он указывал, что для предотвращения эпидемий в городе необходимо строительство канализации и водопровода, приводя в пример европейский опыт [13, с. 10 - 18]. В 1887 году П.А. Соломин вынес на обсуждение новые данные о «санитарном

исследовании питьевых вод в г. Омске». Для обеспечения горожан чистой водой Соломин вновь рекомендовал организовать 2 – 3 водопроводные трубы, по которым бы с помощью насосов или водокачек доставлялась бы вода с середины реки. От идеи плотов на Иртыше Соломин предлагал отказаться, так как они не могли быть установлены на середине реки и использовались бы, как помост прачками, тем самым вода все равно бы загрязнялась [12, с. 85].

Среди виновников загрязнения городских рек отдельно выделялись бани. Кроме того бани были и идеальным местом для распространения болезней. В 1886 году И.П. Владимиров сделал сообщение на заседании общества об осмотре торговых бань купчихи Хаймович, находившихся на берегу Иртыша в Казачьем форштадте. На эти бани ранее жаловались посетили из-за «дурного воздуха, нечистого их содержания» [1, с. 154]. Начальство кадетского корпуса в своих жалобах указывало на то, что бани спускают грязную воду в Иртыш. Во время проверки сообщений о том, что бани Хаймович являются рассадником инфекционных заболеваний, доктор Н.И. Пахоловков констатировал случай заражения в данной бане натуральной оспой. И.П. Владимиров отмечал, что ему нередко приходилось наблюдать заражение в бане Хаймович чесоткой и другими болезнями [3, с. 191]. Отвод же использованной воды из бань осуществлялся через желоб, проходивших вдоль каждой комнаты, шедший к общей трубе. Для безвредного удаления грязной воды из общей трубы в 1881 году по требованию администрации был установлен фильтр [7]. Вода, протекая через него, должна была стекать в Иртыш. При осмотре оказалось, что над фильтрующим слоем в стенах чанов были просверлены дыры и грязная вода стекала напрямую в реку, а вода для бань набиралась на 6 или 7 саженей ниже места сброса [1, с. 155]. Из-за выявленных комиссией нарушений баня Хаймович была перенесена выше по Иртышу. Вследствие чего, теперь уже все горожане были вынуждены употреблять загрязненную воду. Фильтр для очистки воды, как отметил И.П. Владимиров, также как и прежний не работал. Заметим, что омичи обвиняли в сложившейся ситуации врачей, на основании заключения которых администрация разрешила перенос бани [10, с. 272]. Схожая проблема была с баней Рувима Алчедаевского, расположенной на берегу Оми [9, с. 17].

Вновь пристальное внимание омских врачей вода привлекла в 1892 году, когда в Омске началась подготовка к возможной эпидемии холеры, которую ожидали как из Степного края, так и из Европейской России. Наряду с мероприятиями по осмотру прибывающих в город, организации холерного барака и осмотра горожан, были предложены меры по обеспечению омичей предметами первой необходимости и устройству общественных чайн для бедных, где бы раздавали кипячную (отварную) воду, «в виду того, что иртышская вода крайне загрязнена и небезопасна для употребления» [4, с. 72].

Вместе с подготовкой к возможной эпидемии и выявлением больных на подступах к Омску врачи начали осмотр городских частей. Доктор М.А. Шиперович при осмотре Луговского форштадта расположенного на левом берегу Оми сделал вывод о необходимости выселении жителей этого участка. В Луговском участке было размещено 170 домов и 2 завода (салотопенный Терехова и мыловаренный Перфильева). Осмотр проводился 20, 24 и 25 июля, но на Луговском участке были еще заметны следы весеннего разлива Оми, стояли глубокие лужи, распространявшие вокруг сильное зловоние. Нечистоты и мусор со дворов не вывозились. Особо доктор выделил избы Короткова, Колесова и Тюлькиной, под полом которых стояла зловонная вода глубиной ½ аршина. Население Луговского участка брало воду из Оми, ее врач охарактеризовал как «мутную, неприятного запаха и противного вкуса». Вода из 3 колодцев была не лучше и также должна была быть признана негодной для употребления [14, с. 78-79]. Здесь следует согласиться с выводами А.И. Татарниковой и И.А. Ломакина о том, что эпидемии стали превосходным стимулом для местных органов самоуправления для

борьбы с антисанитарией. И хотя санитарное благоустройство было расписано во «Врачебном уставе» (1857 г.), но к проблеме обращались только в условиях или угрозы или уже начавшейся эпидемии [16, с. 48].

С усилением холеры в Омске врачи все больше внимания стали уделять изучению факторов влияющих на интенсивность эпидемии. Доктор П.А. Соломин высказал предположение, что на столь быстрое развитие эпидемии повлияло загрязнение почвы. До декабря 1886 года снег, мусор и отбросы помимо навоза вывозили на Иртыш, а весной все накопленное на льду за зиму уносила река. Омская городская дума же постановила «вывозить чистый снег из дворов на улицу, разравнивая его хорошенько». Вместе с тем Соломин вспомнил и баню Хаймович, продолжавшую портить воду в реке [15, с. 92 - 93].

Осенью 1892 года, когда холера отступила от Омска, но врачи готовились к ее возвращению в следующем летом, Комитет общественного здравия пришел к выводам, что санитарное устройство городов области страдает по нескольким причинам. Во-первых, из-за загрязнения питьевой воды от свалки навоза и нечистот прямо на берега рек и озер. Во-вторых, от плохого устройства ретирадных и помойных ям во дворах обывателей. В-третьих, из-за загрязнения улиц и площадей, Четвертой причиной стал слив стоков бань в источники питьевой воды. И наконец, сброс отходов салотопенных и кожевенных производств [8, с. 26]. Кроме решения этих проблем, было предложено организовать бесплатную раздачу кипяченой воды [8, с. 29].

В 1893 году С.М. Данюшевский выступил на заседании Омского медицинского общества с сообщением на тему «Анализ воды р. Иртыша у правого его берега на разных местностях» [2, с. 223 - 224]. В своем докладе он провел сравнение с результатами, полученными П.А. Соломиным в 1887 году. За прошедшие шесть лет вода в Иртыше загрязнилась в полтора раза. Данюшевский высказал мнение, что эти результаты указывают на необходимость организации в Омске водопровода. Забор воды для водопровода следовало делать выше хутора и железно-дорожных сооружений. Если же делать водокачки, то для 1-й полицейской части труба должна была быть проведена на 40 саженей от берега (свойства воды на 40 и 60 саженях почти одинаковы), в Ржевской же слободке труба должна была быть длиннее 60 саженей (так как во 2-й полицейской части вода Иртыша загрязняется водой Оми).

В 1886 году Омское медицинское общество высказало свое профессиональное мнение о необходимости лечения города через, во-первых, «основательный дренаж почвы после нивелировки города», во-вторых, устройство водопровода и, наконец, тщательное удаление и сожжение нечистот за городом [13, с. 18]. И хотя Омск, по мнению, врачей не был самым проблемным сибирским городов в санитарном плане, но как административный и военный центр требовал мер по оздоровлению. Отметим, что омские медики считали, что удаление нечистот из города при помощи канализационной системы позволит оздоровить горожан, так как воздух станет чище. При этом отходы жизнедеятельности человека «за городом-то эти промывающия воды никому не вредят, а напротив приносят пользу» [13, с. 13].

Водозабор в Омске производился водовозами непосредственно из реки или с плотов. Во время половодья на плоты было сложно заехать, а когда вода спадала, то плоты оставались лежать на берегу. Так как плоты были небольшими, то забор воды происходил рядом с берегом. Врачи отмечали, что организация забора воды только способствовала загрязнению омских рек. В 1892 году уже в свете эпидемии холеры было вновь вынесено предложение об организации водокачек на берегу Иртыша. Водозабор, для которых бы производился бы от 20 (выше Оми) до 40 саженей (ниже Оми) от берега [8, с. 27].

Во второй половине XIX века санитарное состояние Иртыша и Оми стало важной повесткой в профессиональной дискуссии омского медицинского сообщества. Поводом для широкого исследования свойств омской воды стала эпидемия холеры 1892 года.

Исследование физических и химических свойств воды из городских рек Омска взяло на себя Омское медицинское общество. Кроме анализов воды врачи Общества изучали факторы загрязнения Оми и Иртыша и разрабатывали проекты по улучшению качества воды в реках, так как они были главным источником питьевой воды для горожан, в противовес городским колодцам, вода из большинства которых была непригодна для употребления. Омские врачи были в большинстве своем или действующими или отставными военными врачами и обладали опытом работы во время эпидемий. Они участвовали в трансфере знаний о противоэпидемических мероприятиях в Европе и были знакомы с новыми медицинскими теориями. Можно предположить, что для них холера служила одним из поводов к обращению к проблеме водопользования и санитарного загрязнения Омска. Угроза крупной эпидемии была актуальной повесткой, в контексте которой можно было инициировать создание водопровода и канализации и выделения на них средств, как на предотвращение возможной эпидемии.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 "Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири"

Список литературы

[1] Владимиров И.П. Доклад. Протокол заседания общества омских врачей № 7 от 21 января 1886 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1887. С. 152 – 157.

[2] Данюшевский С.М. Анализ воды р. Иртыша у правого его берега. Протокол заседания общества омских врачей № 11 от 11 июля 1893 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1894. С. 223 – 224.

[3] Заражение натуральной оспой. Протокол заседания общества омских врачей № 11 от 14 сентября 1885 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1887. С. 191.

[4] Заявление председательствующего о желательности устройства чайных и проч. Протокол заседания общества омских врачей № 6 от 14 июля 1892 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 72.

[5] Меры против холеры II. Протокол заседания общества омских врачей № 8 от 13 мая 1885 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1887. С. 158 - 165.

[6] Меры против холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 7 от 7 апреля 1885 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1886. С. 133 – 137.

[7] Об устройстве колодцев с трубами для приема грязной воды, вытекающей из бань, устроенных при реках Иртыше и Оми (чертеж на устройство колодца с трубой для приема грязной воды и общий план) // БУ ИсА. Ф. 14. Оп.1. Д. 669.

[8] Полубинский А.А. О мерах против холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 2 от 19 ноября 1892 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 26 – 34.

[9] Проект устройства фильтров для сточных вод из торговых бань г. Омска. Протокол заседания общества омских врачей № 2 от 7 декабря 1889 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1890. С. 17 - 19.

[10] Путилов П.В. Доклад. Протокол заседания общества омских врачей № 14 от 29 августа 1886 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1887. С. 272.

[11] Соколов М.Г. О лечении холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 10 от 11 апреля 1887 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1888. С. 128 - 137.

[12] Соломин П.А. Дополнение к исследованию питьевых вод г. Омска. Протокол заседания общества омских врачей № 7 от 4 апреля 1888 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1889. С. 81 – 85.

[13] Соломин П.А. О санитарном состоянии г. Омска. Протокол заседания общества омских врачей № 1 от 2 ноября 1886 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1888. С. 10 – 18.

[14] Соломин П.А. О холерном больном. Протокол заседания общества омских врачей № 7 от 26 июля 1892 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1893. С. 75.

[15] Сообщение председателя о дальнейшем распространении холерной эпидемии в Западной Сибири и прения по этому поводу. Протокол заседания общества омских врачей № 9 от 19 августа 1892 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., С. 92 – 93.

[16] Татарникова А.И., Ломакин И.А. Роль органов местного самоуправления в санитарном благоустройстве городов Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 1. С. 47 – 53.

[17] Федорова Г.В. Роль Омского медицинского общества в профилактике эпидемий холеры // Вести МАНЭБ в Омской области. 2013. № 3. С. 23-25.

УДК 94(571.51)

История чрезмерного воздействия на промысловые угодья Енисейского Севера в XIX – XX вв.

Гайдин Сергей Тихонович
Доктор исторических наук, профессор, заведущий кафедрой истории и политологии Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия.
gaydinsergey@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1479-5751

Бурмакина Галина Александровна
Лаборатория междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия
burmakinagalina@rambler.ru , https://orcid.org/0000-0003-4916-0745

АННОТАЦИЯ Концепция энвайронментализма исходит из единства, взаимозависимости и взаимного влияния общества и природной среды. В условиях перехода России от традиционного аграрного общества к индустриальному обществу происходило нарастание антропогенного воздействия на природные комплексы. В статье предпринята попытка выявить причины, которые вызывали катастрофический подрыв воспроизводственных возможностей экологических систем Приенисейского региона в различные периоды XIX – XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА энвайронментализм, Приенисейский край, антропогенное воздействие, охота, рыбный промысел, огнестрельное оружие, пароходы, уничтожение вредных животных, промышленные районы, территориально-производственные комплексы, разрушение природных экосистем, охрана природы.

Введение

Еще десять лет назад Международный союз охраны природы отнес 25 % млекопитающих и 13 % птиц планеты к категории "находящиеся под угрозой исчезновения» вследствие деятельности людей, разрушающей естественную среду обитания [19].

Развитие процессов индустриализации и урбанизации в условиях ускоренной модернизации России в XIX вв., также сопровождалось ростом антропогенного воздействия на природную среду. В XIX в. на слабозаселенной территории Енисейской губернии индустриализация проявилась, прежде всего, в золотой промышленности, использовании пароходов, строительстве и эксплуатации Сибирской железной дороги. В 30-е гг. XX в. за Полярным кругом в Красноярском крае началось строительство Норильского промышленного комплекса. С середины 50-х гг. стали нарастать масштабы антропогенного воздействия на природные комплексы края связанные с развитием гидроэнергетики, теплоэнергетики, формированием промышленных районов и территориально – производственных комплексов.

Цель исследования

Выявить причины, которые в разные периоды XIX – XX вв. приводили к катастрофическому подрыву воспроизводственных возможностей экологических систем Приенисейского региона.

Методологической основой исследования нами избрана теория модернизации применительно к особенностям Сибири, как территории фронтирного освоения.

Территориальные рамки исследования

Приенисейский регион, который в хронологических рамках исследования подвергался неоднократным изменениям административно-территориального деления. Енисейская губерния была создана в 1822 г. в составе Ачинского, Красноярского, Канского,

Минусинского и Енисейского округов. В состав последнего входил богатый пушными ресурсами Туруханский край, населенный коренными народами Енисейского Севера. С 1898 г. округа стали называться уездами. После упразднения губернии в мае 1925 г. вновь были образованы одноименные округа, которые вошли в состав единого Сибирского края. В декабре 1934 г. они были введены в состав Красноярского края, территориально совпадавшего с бывшей Енисейской губернией.

Обсуждение.

Из–за ускоренного истребления пушных зверей, Туруханский край к середине XIX в. стал убыточным для государства, и губернская администрация, по утверждению енисейского врача М.Ф. Кривошапкина, даже обсуждала возможность сдачи его в долговременную аренду частным лицам [20, с. 14]. Безусловно, встает вопрос, каким образом богатейший пушными ресурсами край оказался в столь плачевном состоянии.

Одним из первых изучением антропогенного воздействия на популяцию соболя стал заниматься исследователь А.Я. Тугаринов [30]. В советский период биологи занимались изучением конкретных экологических систем, а историки и экономисты делали акцент на изучение организации и эффективности охотничьего промысла. В начале XXI в. изучением проблем воздействия антропогенных факторов на промысловых животных, в основном, занимаются ученые биологи и охотоведы [1; 25]. В последние несколько лет опубликованы статьи историков А.И. Шмыглевой и Е.И. Гололобова о влиянии антропогенного воздействия на природные комплексы Западной Сибири [32; 17].

В своем исследовании мы опирались на публикации авторов XIX –XX вв., которые в той или иной форме рассматривали воздействие человеческой деятельности на состояние промысловой фауны и ихтиофауны Енисейского Севера, а также на материалы фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК).

Нужно вспомнить, что покорение Сибири было обусловлено стремлением государства укрепить свою финансовую базу за счет притока в казну сибирской пушнины. Коренное население региона интересовало государство и частных лиц, как источник получения пушнины, имевшей высокую стоимость на внутреннем и международном рынках. Предприниматели, которые занимались скупкой пушнины, были заинтересованы в использования охотниками огнестрельного оружия для увеличения добычи пушных зверей. В результате коренные северяне, которые добывали животных, зверей и птиц для обеспечения себя продовольствием, одеждой и материалами для чумов, стали добывать пушных зверей для сдачи ясака, покупки тех товаров и продуктов, без которых они обходились раньше: оружия, боеприпасов, хлеба, чая, табака, алкоголя, тканей и украшений и т.д.

За точку отсчета мы взяли данные первого губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова о размерах добычи пушных зверей в 1831г. в самом северном Енисейском округе губернии. Добыча составила: белок - 500 тыс. шт., зайцев – 200 тыс. шт.; белых песцов – 30 тыс. шт., горностаев – 20 тыс. шт., колонков - 10 тыс. шт., лис– 8,5 тыс. шт., соболей – 8 тыс. шт., голубых песцов– 4 тыс. шт., бобров – около 300 шт. [29, с. 78-79].

Как мы видим, цифры добычи имели округленный характер, так как по утверждению губернатора, тогда не существовало достоверной системы учета добычи пушных зверей, аборигены пытались продавать пушнину на ярмарках через подставных лиц, а охотники и купцы не были заинтересованы в утечке информации об объемах ее купли-продажи [29, с. 112].

Цифры добычи могли меняться по годам в зависимости от того насколько тот или иной год был «урожайным» на тот или иной вид пушных зверей. Наиболее сильные различия по годам имела добыча белки и песца.

На сокращение популяций пушных зверей на Енисейском Севере, начиная с 30-х гг. XIX в, помимо охоты, повлияло нарастание, добычи золота. К концу 40-х

гг. на золотоносных территориях между Ангарой и Подкаменной Тунгуской его добычей занималось около ста приисков [21, с. 288]. Как отмечали современники, это сопровождалось уничтожением промысловых угодий. Таежные пожары, которые начинались с приисков, выжигали гигантские пространства тайги, уничтожая кормовую базу пушных зверей, копытных животных и промысловых птиц [31, с. 47; 20, Т.1. с. 9, Т. 2 с. 23].

Ввод енисейским купцами в 1863 г. в эксплуатацию двух пароходов, которые ходили по Енисею намного дальше, чем гребные суда, привел к увеличению промысловой нагрузки на недоступные раньше северные территории. Северные охотники, попавшие в кабальную финансовую зависимость от владельцев пароходов, вынуждены были значительно увеличить добычу пушных зверей.

Появление пароходов, способных вывозить большое количество соленой рыбы, обусловило использование на промыслах неводов длиной по 600 – 800 м. Но в зимнее время владельцы стали использовать их для добычи песцов в период сезонной миграции по Енисею. Реку перегораживали неводами с отверстиями для прохода, ставили возле них дежурных, которые за ночь палками убивали десятки зверей [22, с. 177]. Это способ невозможно квалифицировать как охоту, его следует отнести к способам массового уничтожения песцов.

Одновременное действие таких долговременных факторов как применение огнестрельного оружия и «длинных» неводов, растущие масштабы добычи золота и уничтожение тайги, сопровождалось разрушением экологических систем, частью которых являлись коренные народы Енисейского севера. Следствием этого для многих их представителей стали невозможность обеспечить себя традиционными продуктами питания, голод и высокая смертность.

В результате сокращения промысловых угодий, уничтожения кормовой базы пушных зверей, чрезмерного их промысла, в начале XX в. стало очевидным сокращение популяции соболя в губернии до критических величин. По официальным данным губернской администрации на всей территории губернии в 1911 г. было добыто всего 1327 соболей [26, с. 182].

В Енисейском округе (теперь – уезде), который в 1831 г. поставил 8 тыс. соболей, в 1911 г. было добыто только 348 соболей [30, с. 15]. Сравнение добычи 1831 и 1911 гг. показало ее сокращение почти в 23 раза. Необходимо было использование чрезвычайных мер по восстановлению популяции соболя до промыслового уровня.

Второй, выявленный нами период массового истребления пушных зверей в Приенисейском регионе, произошел уже в советское время в годы проведения новой экономической политики. В целях восстановления торговых операций на внутреннем и внешнем рынках, государство разрешило скупку пушнины частным лицам. Высокая конкуренция между ними, привела к четырех – восьмикратному увеличению цен на шкурки белки по сравнению с ценами предыдущего периода. В условиях накопившегося за годы изоляции страны на мировом рынке дефицита российской пушнины, предприниматели начали скупку шкурок, добытых в летний период, когда белки вынашивали бельчат. За три летних месяца 1924 г. только предприниматели из Средней Азии скупили в Енисейской, Байкальской Сибири и Забайкалье более 200 тыс. шкурок, добытых в сезон размножения белок [3]. Учитывая, что белки в течение года приносит два помета, охота на них в летний период была равносильна истреблению популяции.

В последующие два года проблема усугубилась тем, что многие жители Приенисейского региона при высоком уровне безработицы, попыталась заработать на круглогодичной добыче белки, которая не требовала высокого уровня охотничьей квалификации. Тем более, что после гражданской войны на руках у населения было большое количество неучтенного огнестрельного оружия. Сотни браконьеров устремились на север от Ангары на промысловые угодья эвенков, истребляя диких и

домашних оленей и всех зверей, шкурки которых пользовались спросом у скупщиков пушнины. Нарушение ими традиций и этики северных охотников едва не привело к вооруженному конфликту коренного и пришлого населения. Пришлось принимать чрезвычайные меры и вводить запрет на нахождение не только охотников, но и всех русских в угодьях коренных народов севернее Ангары [4].

К 1926/1927 хозяйственном году исполком Красноярского округа сумел остановить бесконтрольную скупку пушнины на территории округа, созданного в 1925 г., в который вошли бывший Енисейский уезд и Туруханский край. Однако за первый квартал хозяйственного года на территории округа было добыто только 12 шкурок лисицы и 24 шкурки соболя [5]. Даже, если предположить, что часть добычи не была учтена, можно сделать вывод о критическом падении численности пушных зверей.

Поэтому в созданном в декабре 1934 г. Красноярском крае, стали приниматься меры по повышению продуктивности промысловых угодий за счет выпуска баргузинских, енисейских и минусинских соболей, акклиматизации белок – телеуток и ондатры [28].

Однако в чрезвычайных условиях военного времени государству пришлось задействовать все продовольственные ресурсы страны и временно снять ограничения на добычу копытных животных и перелетных птиц для воинских частей, золотых приисков и промышленных предприятий. Заготовители нередко использовали способы добычи, равносильные уничтожению промысловых зверей и птиц. Были зарегистрированы случаи, когда воинские части для добычи гусей производили минирование мест отдыха перелетных стай и устраивали загонные охоты на косуль с использованием автомобильного транспорта и пулеметов [6].

Если чрезмерная добыча промысловых зверей и птиц в военный период была обусловлена чрезвычайными условиями военного времени, то волков, сусликов и хомяков уничтожали целенаправленно. В годы войны было продолжено истребление волков, которые наносили большой ущерб общественному и личному скотоводству. За 1941 – 1945 гг. в крае было уничтожено более 3200 хищников. По нашим подсчетам за двадцатилетний период с 1932 по 1952 гг. в крае было уничтожено около 14400 волков [7].

В 1941 – 1945 гг. была развернута масштабная кампания по истреблению хомяков и сусликов, нацеленная на сохранение зерна для продовольственного снабжения фронтовиков и гражданского населения страны. По утверждению специалистов 10 сусликов на гектаре зернового поля способны уничтожить 40 кг зерна [2]. При урожайности зерновых в крае в годы войны в 5 - 6 центнеров с гектара суслики могли уничтожить 7 – 8 % урожая. При высокой скорости размножения хомяки и суслики обесценивали труд хлеборобов и представляли угрозу для продовольственного обеспечения страны.

В военный период их истреблением, в основном, занимались школьники и за 1941 г. Красноярское отделение конторы «Заготживсырье» приняло от них более 82 тыс. шкурок хомяков и сусликов [8]. Из этих шкурок шили теплые рукавицы и «душегрейки» для бойцов Красной армии. Часть населения употребляла мясо сусликов в пищу.

В годы войны из-за призыва в армию охотников, пушной промысел на части промысловых угодий, особенно на удаленных от населенных мест, не производился. Поэтому была сделана ставка на разведение ондатры, численность которой быстро достигала промысловой концентрации, и охота на которую не требовала высокой профессиональной квалификации. На территории края были созданы специализированные ондатровые хозяйства – Лосиноборское в Енисейском районе и Ширинское в Ужурском районе [23].

За 1941 – 1945 гг. в крае было заготовлено около 37 тыс. шкурок ондатры. В первую послевоенную пятилетку их добыча выросла до 60 тыс., а в 1951 – 1955 гг. она составила 66,8 тыс. экземпляров [24].

Большое внимание в военный период было обращено на увеличение производства

клеточной пушнины, в котором были заняты женщины и мужчины непризывного возраста. Если до начала военных действий в крае работало 78 ферм, маточное стадо в которых насчитывало 770 серебристо–черных лисиц, то на 1 января 1945 г. в крае уже работало 105 звероферм с 1110 производителями [9].

Пушнина, добытая в промысловых угодьях, ондатровых хозяйствах и произведенная на звероферме Красноярского края, стала существенным вкладом в функционирование финансовой системы страны в годы Великой Отечественной войны.

В 1942–1943 гг., чрезвычайной по масштабам эксплуатации были подвергнуты рыбные ресурсы бассейна Енисея. В 1942 г., когда многие сельскохозяйственные районы европейской части страны были оккупированы немецко-фашистскими захватчиками, для снабжения продовольствием армии и гражданского населения было принято правительственное решение об увеличении вылова рыбы в диких водоемах Сибири и Дальнего Востока

В 1941 г. промысловые участки в бассейне Енисея для продовольственного обеспечения коллективов были закреплены за 70-ю управлениями, организациями, промышленными предприятиями и воинскими частями [10]. Для участия в рыбном промысле в Эвенкийский и Таймырский национальные округа в 1942 г. было завезено более 20 тыс. человек и на территории округов было создано 16 рыболовецких заводов, которые были отнесены к основным заготовителям [11].

Благодаря невероятным усилиям завезенного и коренного населения основным заготовителям удалось в 1943 г. добыть 90544 т. северной рыбы. Но в дальнейшем они не смогли закрепиться даже на достигнутом уровне. Северные водоемы отличаются медленным ростом рыбы и низкой продуктивностью. Снятые в условиях военного времени ограничения на правила рыбной ловли привели к вылову неполовозрелых рыб, сокращению маточного стада и подрыву воспроизводства промысловой рыбы. Поэтому в 1944 г. удалось выловить только 81400 т рыбы, а в 1945 г. ее вылов на Енисейском Севере был сокращен до 62634 т [12]. Тем более, что затраты на вылов и доставку северной рыбы были оправданы только в чрезвычайных условиях военного времени. Начало освобождения оккупированных врагом сельскохозяйственных территорий, дало возможность получить продовольствие из других источников и сократить чрезвычайно дорогой вылов северной рыбы, который позволил обеспечить страну продовольствием в самый критический для нее период до коренного перелома в Великой Отечественной войне. В первое послевоенное пятилетие, в 1946–1951 гг. вылов рыбы на Енисейском Севере стабилизировался на уровне 46–48 тыс. т, что соответствовало воспроизводственным способностям диких водоемов [13].

После возвращения страны к мирной жизни пришлось принимать меры по восстановлению популяции соболя, ценных пород рыб. За 1949 – 1954 гг. в разных районах края было выпущено 516 баргузинских, енисейских и минусинских соболей [14].

Освоение целинных и залежных земель в Красноярском крае во второй половине 50-х г., рассматривалось как способ быстрого увеличения производства зерновых культур. В частности, на территории Хакасской автономной области за 1955 – 1957 гг. было распахано около 450 тыс. га таких земель. Это позволило увеличить ее пахотные площади по отношению к 1917 г. в 24 раза [27, с. 80, 85]. Сплошная распашка степных территорий сопровождалась значительным сокращением численности зверей и птиц, связанных со степными ареалами.

С середины 50-х гг. в Красноярском крае появились новые факторы воздействия человека на окружающую среду, связанные со строительством гидроэнергетических и тепловых станций, предприятий добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности, перемещением производительных сил в районы концентрации сырья и энергии. Появление водохранилищ гидроэлектростанций, вырубка лесов, изъятие сельскохозяйственных угодий под разработку полезных ископаемых, производственное,

жилищное и коммунальное строительство, загрязнение отходами производства и жизнедеятельности человека вызывали быстрое изменение природной среды.

Причем со второй половины 60-х гг. в крае началось проектирование промышленных районов, территориально-промышленных комплексов (ТПК) и промышленных узлов (ПУ), охватывающих огромные территории в разных природно-климатических зонах. Это было выгодно, исходя из применяемых в тот период методик расчетов, с экономической точки зрения, но имело непредсказуемый характер с экологической точки зрения. Проектные организации при разработке проектов нового строительства ссылались на отсутствие научных доказательств негативных экологических последствий, практической реализации их проектных разработок.

Так, рассмотренный краевой плановой комиссией в феврале 1968 г. «Проект районной планировки Причулымского промышленного района», предусматривал размещение в районе помимо строящегося Ачинского глиноземного завода, еще и нефтеперерабатывающего завода, угольных разрезов, от 10 до 22 ГРЭС КАТЭКа и доведения численности городского населения района до 1,5 млн. человек [15].

Представленный в краевую плановую комиссию в июле 1976 г. «Проект районной планировки Норильского промышленного района» предполагал создание за Полярным кругом Норильского горно-металлургического и Игарского лесопромышленного промышленных узлов, в зоне северной тайги -Осиновского энергетического и лесопромышленного, Усть-Питского лесопромышленного, Нижне-Тунгусский и Курейского гидроэнергетических промышленных узлов [16].

При рассмотрении проектов, в первую очередь, предусматривался экономический эффект вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот, экологические последствия должны были изучаться в процессе практической реализации утвержденных проектов, с внесением, в случае необходимости коррективов в производственную деятельность. Как показывает опыт реализации масштабных проектов освоения природных ресурсов Красноярского края, органы власти и управления всегда отдавали приоритет экономическим задачам. В результате, начиная со второй половины 50-х гг. XX в. Красноярском крае наблюдалось быстрое изменение природной среды под растущим воздействием антропогенных факторов.

Следствием этого стало включение в «Красную книгу Красноярского края» 1995 г. в число редких, исчезающих 111 видов птиц, 13 – млекопитающих, 6 – рыб. В «Красной книге Красноярского края» 2012 г. среди редких, исчезающих видов было названо 89 – птиц, 25 – млекопитающих, 4 – рыб [18, с. 8]. То есть наиболее уязвимыми являлись млекопитающие, которые плохо приспосабливались к антропогенным факторам воздействия.

Заключение.

Проведенное исследование показало, что в XIX в. эксплуатация ресурсов пушных зверей региона, при растущем антропогенном воздействии на природную среду в условиях рыночных отношений, привела к подрыву продуктивности северных территорий Енисейской губернии и фактическому истреблению соболя. Допущение рыночных отношений в сфере закупок пушнины в годы НЭП привело к существенному подрыву популяции белки в Сибири и, непосредственно, в Приенисейском регионе. Решение продовольственной проблемы страны в условиях Великой Отечественной войны обернулось подрывом популяции промысловых рыб Енисейского Севера. Но переход к освоению гидроэнергетических, минеральных, лесных, других природных ресурсов Красноярского края на основе формирования промышленных районов, строительства ТПК и ПУ, даже при крайней низкой плотности населения около 1,3 человека на квадратный километр, привел к складыванию характерной для мирового сообщества тенденции увеличения антропогенного воздействия на природные комплексы и росту числа видов, нуждающихся в защите.

Список литературы

[1] Величенко В.В. Оценка результатов воздействия антропогенных факторов на промысловые ресурсы охотничьего хозяйства: Автореф. дис.... канд. биол. наук: 06.02.03 / Вят. гос. с.-х. акад. – Киров, 2003. – 23 с.;

[2] Виды сусликов в России, опасных для огорода: чем они питаются и как выглядят на фото. Источник: https://rusfermer.net/ogorod/vrediteli/suslik. (Дата обращения 05.05.2022)

[3] ГАКК. (Государственный архив Красноярского края) Ф. Р – 963. (Фонд Енисейского губернского кооперативно-промыслового союза охотников (Енгубсоюз) Оп. 1. Д. 16. Л. 378.

[4] ГАКК. Ф. Р – 1845. (Фонд Красноярского комитета содействия народностям Енисейского Севера при Красноярском окружном исполнительном комитете) Оп. 1. Д. 156. Л. 12.

[5] ГАКК. Ф. Р –1453. (Фонд Красноярского окружного промыслово-кооперативного союза охотников (Красохотсоюз) Оп. 1. Д. 15. Л. 32, 113.

[6] ГАКК. Ф. Р – 1887. (Фонд Красноярского краевого управления охотничье-промыслового хозяйства при Красноярском крайисполкоме) Оп. 1. Д. 54. Л.12

[7] ГАКК. Ф. Р – 1887. Оп. 2. Д. 4. Л. 52,89; Д. 5. Л. 88.

[8] ГАКК. Ф. П.- 26. (Фонд Красноярского краевого комитета КПСС) Оп. 15. Д. 449 . Л. 282.

[9] ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 15. Д. 449. Л. 263.

[10] 10.ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 3. Д. 164. Л. 37.

[11] 11.ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 3. Д. 4. Л. 107.

[12] 12.ГАКК. Ф. Р–2274. (Фонд Енисейского бассейнового управления по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства («Енисейрыбвод) Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7; Д. 3. Л. 20

[13] 13.ГАКК. Ф. Р–2274. Оп. 1. Д. 4. Л. 15; Д. 5. Л. 39; Д. 6. Л. 33; Д. 7. Л. 8; Д. 9. Л. 11.

[14] 14.ГАКК. Ф. П–26. Оп. 29. Д. 405. Л. 50.

[15] 15.ГАКК. Ф. Р–1478. (Фонд Красноярской краевой плановой комиссии) Оп 3. Д. 907 Л. 5-8.

[16] 16.ГАКК. Ф. Р–1478. Оп. 3. Д. 1229. Л. 93-96.

[17] Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на севере Западной Сибири в 1960-е гг. в 1960 – 1980 гг.// Вестник Томского университета. История. 2019. №. 61. С. 12 – 19.

[18] Красная книга Красноярского края: В 2 т. Т. 1. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных/ Гл. ред. А.П. Савченко (общая редакция), отв. редакторы разделов: А.А. Баранов (классы птицы, амфибии, рептилии); В.А. Заделенов (класс костные рыбы); Ю.Н. Литвинов (класс млекопитающие); О.В. Тарасова (класс насекомые); М.П. Тиунов (млекопитающие, рукокрылые); 3-е изд., перераб. и доп.; СФУ. – Красноярск, 2012. 205 с.

[19] Красный список МСОП // https://wildlife-of-western-asia.fandom.com/wiki/IUCN_Red_List (Дата обращения 10.06.2022)

[20] Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь.Т. 1-2. Издание Русского географического общества. С.-Петербург: тип. В. Безобразова, 1865. 378 с.

[21] Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594-1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016, 888 с.

[22] Латкин, Н.В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее / Н.В. Латкин. – С-Пб.: тип. В.А. Тиханова, 1892. 468 с.

[23] Новые ондатровые хозяйства//Красноярский рабочий. 1944. 15 января.

[24] Охотничье хозяйство Енисейского Севера / Б. Боржонов, В. Булавкин, В. Завацкий и др.: НИИ сел. хоз-ва Крайнего Севера. Красноярск: Кн. изд-во, 1977. 223 с.

[25] Петренко В.Д. Экологическая характеристика продуктивности охотничьих угодий в зоне тайги северных районов Красноярского края (на примере пушных видов): Автореф. дис. ...канд. биол. наук: 03 00 16. Красноярск, 2007. 19 с.

[26] Результаты промысловой охоты в Енисейской губернии в 1911 г. // Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год / Издание губернского статистического комитета. Красноярск, 1913. 229 с.

[27] Смердов И.М. Сельское хозяйство Хакасии за 40 лет советской власти// Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан: Хакасское кН. изд-во, 1958. С.73-91.

[28] Соколовский Г. Ондатра //Красноярский рабочий. 1941.8 февраля.

[29] Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 223 с.

[30] Тугаринов А.Я. Соболь в Енисейской губернии (современное состояние и значение соболиного промысла). Красноярск: тип. М.И. Абалакова, 1913. 20 с.

[31] Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск: Типография «Сибирской газеты», 1885. 197 с.

[32] Шмыглева А.В. Антропогенное воздействие как фактор деградации экосистем Западной Сибири в советский период// Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. №. 6(51). С. 48 – 54.

УДК 908(571.1)”19”:332.14(571.1)

Борьба с промышленными загрязнениями вод Арктического бассейна в Сибири в позднесоветский период (1981-1991 гг.)

Гололобов Евгений Ильич
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия.
gololobov.eig@yandex.ru, https//orcid.org/0000-0002-4512-2461

АННОТАЦИЯ Загрязнение вод Арктического бассейна стало серьезной проблемой для Сибири в целом. Наибольшее загрязнение поверхностных вод имело место в Обь-Иртышском бассейне. В целях исправления сложившейся ситуации было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15.01.1981 №65 и Постановление Совета Министров РСФСР от 20.03.1981 №158 «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения». В полной мере оно выполнено не было. В использовании вод Арктического бассейна в советский период доминировал сверхцентрализованный подход. Ему не хватало учета территориальной специфики. В целях эффективного использования вод Арктического бассейна была необходима разработка региональной политики. Этого в полной мере осуществить не удалось.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА экологическая история Сибири, охрана окружающей среды.

Возникновение экологических проблем обусловлено не только экономическими факторами, оно также обусловлено в целом потребительским отношением человека к природе. Эти проблемы в первую очередь нравственные, культурные, образовательные, имеющие глубокие исторические корни. Поэтому для анализа и осмысления таких проблем в Сибири целесообразно использовать теоретико-методологические наработки экологической истории. Изучать проблему загрязнения окружающей среды с исторических позиций – это значит постоянно помнить о том, что экономика XX в. по своему характеру полностью выпадает из всей предыдущей истории. За один год эта истощительная экономика выпускала в атмосферу дыма от ископаемых энергоносителей, на образование которых ушли миллионы лет. Новым при этом является не хищническая добыча невозобновляемых ресурсов как таковая, а ее стремительно растущий темп и глобальные масштабы [7, с. 306].

Чем масштабнее становились экологические проблемы, тем ярче проявлялись взаимодействия различных проблемных полей, что во второй половине XX в. привело к формированию нового сознания. Экологические проблемы приобрели глобальный характер. При этом очевидным является то, что эффективная реализация экологических инициатив возможна на региональном уровне конкретных предметных областей. Экологическая политика, возникшая как сплав из отдельных политик, от лесной до водоохранной, в конкретных своих проявлениях, вопреки любым претензиям на целостность, до сих пор состоит из подобных секторальных политик [7, с. 316].

Казалось бы, советский подход к охране окружающей среды, опирающийся на ведомства, отвечавшие за рациональное освоение определенного вида ресурса, НИИ, разрабатывавшие прикладные научные темы по охране конкретных ресурсов (объектов природы), как нельзя лучше подходил для осуществления эффективной секторальной экологической политики. Например, в отношении водных ресурсов. На практике все оказалось по-другому. Эта политика была не эффективной. Пример тому может служить охрана вод Арктического бассейна в Сибири от загрязнения.

НТР, развитие производительных сил общества позволили заметно ослабить или нейтрализовать непосредственное – в большинстве случаев отрицательное – воздействие природных условий Сибири на освоение территории. Практически производственная деятельность и жизнь человека стали возможными в любом, самом суровом районе

Арктики и Субарктики [1, с. 253].

Районы Сибири очень разные: они простираются с юга на север более чем на 3 тысячи км. Южные районы Сибири – это степь с достаточно высокой суммой эффективных для земледелия температур, хорошими почвами; затем на севере идет лесостепь, еще севернее – тайга, затем тундра и, наконец, на самом Крайнем Севере – арктическая пустыня, как на Ямальском или Таймырском полуостровах. И поэтому условия для проживания людей, для промышленного производства, ведения сельского хозяйства, для строительства и т.д. очень разные. Естественный круговорот веществ и энергии, например, в северных экосистемах характеризуется крайне замедленными темпами. Нарушенный хозяйственной деятельностью, он должен восстанавливаться долгие десятилетия, прежде всего, из-за низкой биологической продуктивности экосистем. Ежегодный прирост фитомассы и ее общие запасы на единицу площади на Севере в 5-15 раз меньше, чем в более южных зонах (тайге, лесостепи, степи) [5, с. 38].

В этих экстремальных условиях любое антропогенное воздействие разрушает сразу несколько компонентов биоты, а это ведет к нарушению или разрушению всей экосистемы. Особенно сказывается на природе Севера загрязнение среды. Проблема уменьшения выбросов в реки Арктического бассейна вредных веществ во второй половине XX в. на Севере стала очень актуальной. С ростом и развитием промышленности на Севере увеличился сброс сточных вод в реки. Сточные промышленные воды с трудом поддаются очистке в реках, да и то при обилии растворенного в воде кислорода. При сбросе промышленных вод, обогащенных органическим веществом, на окисление его расходуется большое количество кислорода, поступление которого ограничено в реках Севера из-за длительного ледостава [4, с. 51].

Уже в 1970-е гг. было установлено, что почти во всех реках Крайнего Севера, на которых были расположены населенные пункты, увеличилось количество промышленных и бытовых отходов и, в частности, росло фекальное загрязнение [4, с. 52]. В это же время выдвигались идеи перевода промышленных предприятий на замкнутое водоснабжение, при котором сброс промышленных отходов в водоемы совершенно исключается. В первую очередь такой подход к водной проблеме должен был быть осуществлен на предприятиях, спускающих промышленные отходы в реки, текущие на север (предприятия Омска, Новосибирска, Томска, Тюмени и других городов) [4, с. 52].

Загрязнение воды стало серьезной проблемой для Сибири в целом. Водный режим рек и озер тесно связан с общим состоянием природных комплексов и характером климата водосборных бассейнов. Нарушение водного режима природных водоемов и водотоков сразу же сказывается на экологическом состоянии прилегающих территорий. Наибольшее загрязнение поверхностных вод имело место в Обь-Иртышском бассейне, и не только на Севере. Особенно неблагополучно было состояние средних и малых рек Сибири (Томь, Иня, Ишим, Чулым и др.) в зонах крупных промышленных центров. Сложные экологические проблемы возникали также в связи с созданием каскадов крупных водохранилищ ГЭС на Ангаре, Енисее и других реках Восточной Сибири, на Верхнем Иртыше и в бассейне Верхней Оби [2, с. 90].

В зону Обь-Иртышского бассейна входят Алтайский край, Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская, Тюменская, Курганская, Челябинская и Свердловская области. Общее водопотребление всех перечисленных областей и Алтайского края в 1982 г. составило 10,2 км3, в том числе на производственные нужды было использовано 75% от общего водопотребления, на хозяйственно-бытовые – 17% и сельское хозяйство – 8%. Основными водопотребителями в бассейне были предприятия и организации металлургической, химической, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, энергетической, целлюлозно-бумажной, микробиологической и машиностроительной промышленности. Расход воды в системах оборотного и повторного водоснабжения в 1982 составил 32,4 км3, что позволило сэкономить 81%

свежей воды от общего водозабора по бассейну. Однако, несмотря на экономное использование водных ресурсов, наиболее крупные промышленные районы Обь-Иртышского бассейна Свердловский, Каменск-Уральский, Челябинский, Миасский, Карабашский, Южно-Уральский, Троицкий. Кемеровский, Новокузнецкий, Ленинск-Кузнецкий и Беловский испытывали дефицит водных ресурсов [3, л. 23].

В водоемы Обь-Иртышского бассейна в 1982 г. было сброшено 8,4 км3 сточных вод, из них 7% – загрязненных, и 18% – недостаточно очищенных. На начало 1980-х гг. в бассейне эксплуатировалось 703 очистных сооружения общей мощностью 7,82 млн. куб. м. в сутки сточных вод. Из них 311 сооружений (44%) работали неэффективно. Основными причинами их неудовлетворительной работы являлись высокая концентрация в сточных водах загрязняющих веществ, гидравлические перегрузки, нарушение технологического режима, а также устаревшие конструкции сооружений [3, л. 24].

Вследствие невыполнения планов строительства водоохранных объектов, неудовлетворительной эксплуатации действующих очистных сооружений предприятия и организации, а также города и поселки, расположенные в Обь-Иртышском бассейне, продолжали ежегодно сбрасывать в водоемы свыше 2 млрд м3 неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод. Наряду с промышленными предприятиями и городами существенно загрязняли реки и другие водоемы бассейна объекты сельского хозяйства, речного флота и лесозаготовительных предприятий.

В Обь-Иртышском бассейне было расположено свыше 3300 объектов сельского хозяйства, в том числе более 220 животноводческих комплексов. На многих из них вопросы рационального использования и охраны вод решались откровенно плохо. В большинстве колхозов и совхозов, а также на отдельных предприятиях «Россельхозхимия» не были решены вопросы хранения ядохимикатов и минеральных удобрений. Строительство складов для них осуществлялось крайне медленно. Отсутствие типовых навозохранилищ на многих животноводческих фермах и комплексах приводило к сбросу неочищенных сточных вод и загрязнению поверхностных и подземных вод [3, л. 25]. В целом в водоемы Обь-Иртышского бассейна от объектов сельского хозяйства сбрасывалось в год 4,17 млн. м3 неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод, что составляло 54% от общего их объема.

В Обь-Иртышском бассейне эксплуатировалось 8440 судов, в том числе 4922 судна находящихся в ведении Минречфлота РСФСР. Большинство из них было оборудовано системами по сбору подсланевых (97%) и хозяйственно-фекальных (92%) сточных вод. Однако для своевременного сброса с судов и полной очистки подсланевых вод не хватало теплоходов-сборщиков, а также плавучих очистных станций. Не был решен вопрос по приему в портах с судов и очистке хозяйственно-фекальных сточных вод (за исключением Омского, Тобольского, Новосибирского и Томского портов), в результате чего ежегодно около 0,4 млн м3 загрязненных сточных вод сбрасывались судами в водоемы бассейна [3, л. 26]. Не на всех судах осуществлялась закрытая бункеровка топливом, из-за этого водоемы продолжали загрязняться аварийными разливами нефтепродуктов при заправке судов, погрузке и разгрузке нефтеналивного флота. Порты были недостаточно оснащены техническими средствами для ликвидации и локализации аварийных разливов нефти и нефтепродуктов.

Продолжалось интенсивное загрязнение нефтепродуктами водоемов Тюменской области при производстве буровых работ предприятиями Миннефтепрома и Мингео РСФСР. Имели место случаи аварийных разливов нефти при эксплуатации нефтепроводов предприятиями Миннефтепрома, Мингазпрома, Минэнерго, Миннефтехимпрома СССР. Только в Тюменской области в период 1980-1983 гг. было сброшено в водоемы около 7 тыс. т. нефти. Действующие очистные сооружения нефтегазоперерабатывающих управлений Миннефтепрома работали неэффективно. Третья часть очищаемых на них сточных вод сбрасывалось недостаточно очищенной, загрязняя водоемы Обь-Иртышского

бассейна. В результате река Обь в районе городов Сургута, Нижневартовска, Салехарда, а также Обская и Тазовская губы и юго-западная часть Карского моря была загрязнена нефтепродуктами [3, л. 27].

В целях исправления сложившейся ситуации было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15.01.1981 №65 и Постановление Совета Министров РСФСР от 20.03.1981 №158 «О мерах по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения». Эти постановления на самом высоком государственном уровне утвердили задание по полному прекращению сброса неочищенных сточных вод в моря, реки и другие водоемы Арктического бассейна в 1981-1990 годах. В связи с этим в Российской Федерации за 1981-1990 гг. необходимо было построить водоохранные объекты на 433 предприятиях союзного и республиканского подчинения и в 54 городах (всего - 487). По состоянию на 1 января 1991 г., по данным органов по охране природы, было закончено строительство водоохранных объектов на 239 предприятиях союзного и республиканского подчинения и в 22 городах, в стадии строительства – на 100 предприятиях и в 27 городах, не приступили к их осуществлению – на 55 предприятиях и в 5 городах. На 39 предприятиях отпала необходимость в строительстве водоохранных объектов. [6, л. 3.].

В итоге только 14 министерств и ведомств из 41 выполнили задания в 1981-1990 гг. по строительству водоохранных объектов, в том числе Минэлектротехприбор СССР, Минсвязи СССР, Минтрасстрой СССР, Минмонтажспецстрой СССР и ряд других [6, л. 4]. Основными причинами невыполнения в установленные сроки указанных постановлений стало отсутствие финансирования и рабочей силы, недопоставка оборудования и его значительное удорожание. Подрядные организации отказывались брать водоохранные объекты или, если брали, то малыми объемами, что растягивало строительство на долгие годы и вело к его удорожанию. Не по всем объектам была заказана проектная документация, в ряде случаев проекты нуждались в доработке из-за увеличения сроков строительства. Ряд проектов к 1991 г. не прошли экологическую экспертизу. К сожалению, это была типичная картина для советской плановой экономики, для которой, не смотря на все декларации и принимаемые нормативные документы, природоохранные мероприятия не являлись приоритетными.

Кроме того, практика ввода в эксплуатацию промышленных объектов раньше соответствующего ввода водоохранных объектов и отсутствие механизма решения этой проблемы приводило к финансированию природоохранных объектов по остаточному принципу. В результате водоемы бассейна загрязнялись и засорялись производственными, бытовыми и другими отходами и выбросами [6, л. 4].

В итоге складывалась ситуация, при которой природоохранные мероприятия, безусловно, полезные и необходимые обществу в целом, во многом были не выгодны промышленному предприятию. Поэтому одна из первоочередных задач в совершенствовании хозяйственного механизма управления природопользованием была разработка экономической оценки от ущерба, приносимого техногенным загрязнением и разрушением природы, и определение экономической ответственности промышленных предприятий за этот ущерб [8, с. 3]. Такой документ был принят в 1991 г. [6, л. 5]. По известным причинам в полной мере реализовать его на практике не удалось.

На основе первичного анализа выявленных документов можно сделать следующие предварительные выводы. В использовании вод Арктического бассейна в советский период доминировал сверхцентрализованный подход. Ему не хватало учета территориальной специфики. В целях эффективного использования вод Арктического бассейна была необходима разработка региональной политики во всех ее аспектах: экономическом, научном, экологическом и т.д. Этого в полной мере осуществить не удалось.

Советский опыт показал пагубность такого подхода для экологии Сибири в целом.

Государственный подход к освоению ресурсов Сибири должен был быть уравновешен возможностью общества, региональных органов власти реально влиять на принятие решений по социально-экономическому развитию территории. Управленческий плюрализм и децентрализация должны сочетаться с принципами управления экономической активностью и социальным развитием в Сибири.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Список литературы

[1] Агранат Г.А. Проблемы оптимизации использования ресурсов, освоения территории и охраны среды в районах Севера / Проблемы оптимизации в экологии. М.: Наука, 1978. С. 253-270.

[2] Васильев О.Ф. Тенденции изменения природной среды в Сибири и задачи экологических исследований // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 11. С. 89-96.

[3] К вопросу «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15.01.1981 №65 и Постановление Совета Министров РСФСР от 20.03.1981 №158 в краях и областях, расположенных в Обь-Иртышском бассейне // ГАРФ. Ф. 259. Оп. 48. Д. 3663. Л. 23-34.

[4] Крючков В.В. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов. М.: Мысль, 1973. 184 с.

[5] Крючков В.В. Стратегия охраны природы Севера // Природа. 1984. № 1. С. 38-50.

[6] О мерах по охране водоемов Арктического бассейна от загрязнения // ГАРФ. Ф. 259. Оп. 48. Д. 3672. Л. 3-5.

[7] Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.

[8] Федоренко Н.П., Реймерс Н.Ф. Сближение экономических и экологических целей в охране природы // Природа. 1981. № 9. С. 3-12.

УДК 94 (57)

Концепции и проекты советских ученых по освоению лесных ресурсов Сибири во второй половине 1920-х – 1930-х гг.

Зыкин Иван Валерьевич
Кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
zivverh@mail.ru, ORCID 0000-0002-9994-6036

аннотация В Советском Союзе в условиях разработки и реализации первых пятилетних планов возросла потребность в лесных ресурсах и материалах. Одним из перспективных районов в плане развития лесной промышленности являлась Сибирь. Изучение концепций и проектов ученых по освоению лесов этого региона во второй половине 1920-х – 1930-х гг. позволяет глубже понять актуальность и возможность реализации задач по развитию лесной промышленности, сформулированных в первых пятилетних планах. В работах ученых присутствовали как масштабные проекты, так и попытки объективного подхода к эксплуатации лесных массивов с учетом состояния и породного состава насаждений.

ключевые слова первые пятилетки, лесопромышленный комплекс, Сибирь, заготовка древесины, строительство предприятий

Крупные, но почти не изученные запасы лесов Сибирского региона представляли, в условиях индустриализации Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., реализации первых советских пятилеток, огромный интерес для органов власти и ученых – в первую очередь экономистов. Лесные массивы в районах, прилегающих к построенной в конце XIX – начале XX вв. Транссибирской магистрали, активно эксплуатировались. С середины 1920-х гг., в условиях формулирования курса на индустриализацию страны, разработки общесоюзных планов, генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края, освоение лесных ресурсов региона становилось одним из экономических приоритетов.

Противоречива и сама ситуация, сложившаяся во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.: грандиозные планы по развитию лесной промышленности на фоне скудных зданий о сибирских лесах, в том числе в районах, подлежавших первоочередному освоению; доминирование приоритетов центральных партийно-государственных, плановых органов и народных комиссариатов над региональными интересами.

В советский период основные перспективы развития лесной промышленности восточных районов СССР связывались с Восточной Сибирью, куда направлялись крупные вложения. В современной Российской Федерации именно этот регион рассматривается федеральными и региональными органами власти, корпорациями в качестве одного из приоритетных в деле освоения лесов. Относительно подробно изучен опыт хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского района [5; 15], тогда как проблемы развития лесной промышленности, притом в рамках всего Сибирского макрорегиона, требуют исследования.

В этом отношении интерес представляют исследования ученых во второй половине 1920-х – 1930-х гг. касательно изучения лесов региона и определения перспектив их эксплуатации и развития лесной промышленности. Их концепции и проекты использовались в разной мере при разработке и осуществлении первых пятилетних планов и формулировании курса индустриального развития Сибири в послевоенный период. Они позволяют также понять, в какой степени могли быть реализованы строительные программы первых пятилеток, предполагавших (особенно первый и второй пятилетние планы) создание предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины в районе г. Красноярск, в Чулымском и Обско-Иртышском районах .

Н. Н. Колосовский, председатель Сиббюро Госплана СССР, рассматривая в середине 1920-х гг. хозяйственные проблемы Восточной Сибири и Дальнего Востока, освоение лесных ресурсов представлял в контексте разрешения проблемы Ленско-Байкальского района. В годы Новой экономической политики здесь получили импульс заготовки специальных сортиментов – авиалеса, отправлявшегося на экспорт. Колосовский считал, что Ленско-Байкальский район, в случае строительства железной дороги от Верхнеудинска до Пекина, станет основным поставщиком древесины для Китая. Он признавал также наличие, за счет дешевой гидроэнергии, благоприятных перспектив для развития деревообработки. Экономический эффект подкрепляли административно-территориальные преобразования – создание краевого объединения с включением в него территорий Иркутской и Забайкальской губерний Бурято-Монгольской республики [7, с. 246, 254–255]. Публикация Н. Н. Колосовского демонстрировала тесную взаимосвязь между организацией лесной промышленности и развитием гидроэнергетики, добычи полезных ископаемых и при этом исключительно в рамках единой административно-территориальной единицы.

Экономист С. К. Федосеев проектировал развитие лесной промышленности Западной Сибири в связи со строительством транспортных путей – в первую очередь железных дорог меридионального направления: Ачинск – Минусинск, Кольчугино – Кузнецк, Яя – Зыряновское, Томск – Чулым, Кулунда – Семипалатинск, Татарское – Татарский район, Енисейск – Томск – устье р. Иртыш – Курган. Эти дороги были привязаны к Транссибирской магистрали и должны были способствовать увеличению объемов перевозок древесины. С. К. Федосеев отмечал также бездействие части лесопильных заводов и предлагал «оживить лесное хозяйство» организацией фанерного и целлюлозно-бумажного производства. Наиболее вероятный сценарий, по мнению автора, видимо, воспроизводившего установки периода Новой экономической политики, заключался в постепенном накоплении средств и медленном развитии лесной промышленности [14, с. 273, 275–279, 282].

Географ, писатель Н. И. Березин в 1929 г. отмечал низкую степень изученности сибирских лесов. В эксплуатацию автор предлагал вовлечь только «наиболее доступные и ценные» массивы: в Тарском, Барабинском, Томском, Ачинском, Красноярском и Канском округах – по берегам крупных и средних рек и их притоков. Ключевым инструментом освоения новых лесных массивов называлось железнодорожное строительство. Н. И. Березин выделял два его принципа: сооружение меридиональных коротких линий, отходящих от Транссибирской магистрали; строительство широтных магистралей, проложенных параллельно Транссибу. При этом реализация первого принципа могла быть целесообразной, и то с большими оговорками ввиду слабой заселенности районов, только при подведении дорог к устьям рек, текущих в широтном направлении (Тым, Кеть, Чулым, Ангара).

Н. И. Березин пришел к выводу об актуальности уже несколько лет продвигавшихся проектов железных дорог Томск – Енисейск и Тайшет – Усть-Кут, то есть линий «широтного направления с уклоном к диагональности». Чувствуются переживания автора по поводу того, что потребность в древесине в Сибири, Средней Азии увеличивалась, а окончательных решений о строительстве железных дорог принято не было [3, с. 277–280, 282]. И даже сооружение линии Томск – Енисейск не могло покрыть плановый дефицит леса к 1936 г. Стало повышаться значение дороги Тайшет – Усть-Кут, открывавшей доступ к крупному лесному массиву в среднем течении р. Ангара.

В. Кузьмин, А. Рейхбаум, В. Тиунов, С. Эдельман, авторы статьи о перспективах экономического развития Западной Сибири во второй пятилетке, видели ключевой задачей лесной промышленности освоение массивов и строительство крупных комбинатов в Обско-Нарымском, Средне-Чулымском и Хакасском лесоэкономических районах (что должно было способствовать установлению баланса между размещением

лесных ресурсов и их добычей), в том числе для развертывания лесохимии (канифольно-мыльное, канифольно-экстрационное производства, осахаривание древесины, изготовление пластических масс) и выпуска изделий дерева для удовлетворения местных потребностей.

Годичный прирост древесины определялся в 40–45 млн. м3, однако основную часть массивов еще предстояло освоить. Поэтому направления развития лесной промышленности Западной Сибири, как и других, слабо освоенных северных и восточных районов страны, включали преодоление однобокости отрасли, механизацию производственных процессов и комбинирование предприятий. Расчеты показывали, что для обеспечения потребности 10-миллионного населения Западносибирского края (из расчета 20 кг бумаги и картона на человека) требовалось производить 200 тыс. т продукции. Сырьевая база благоприятствовала строительству целлюлозно-бумажных предприятий: массивы елово-пихтовых насаждений с годичным приростом 6,5–7,5 млн. м3, выявленный в ряде месторождений каолин, колчедан от Хакасского медеплавильного завода, каустическая сода от Барнаульского химическая комбината, гарпиус от канифольно-экстракционных заводов, серная кислота из г. Кемерово или из Хакассии [8, с. 164–166].

Вообще, железнодорожное строительство представлялось в работах Н. Н. Колосовского, С. К. Федосеева, Н. И. Березина, как ключ к освоению новых территорий в Сибири. При этом часть дорог являлась тупиковыми ветками и должна была решать задачу вывоза древесины и продукции из нее, но обоснование проектов таких ответвлений было очень слабым. Актуальность рационального использования лесных ресурсов, удовлетворения населения потребностей в бумаге и бумажных изделиях подвигали исследователей к поиску ресурсных обоснований для строительства предприятий по глубокой переработке древесины, без учета финансового, трудового, социально-бытового и продовольственного факторов, из-за которых еще в годы первой пятилетки многие проекты были отклонены.

В начале 1930-х гг. внимание экономистов и лесоводов переключилось на решение двух стратегических для Советского государства задач: освоение Севера и бассейна р. Ангара.

В дореволюционный период проводились преимущественно почвенно-ботанические исследования сибирских лесов. С начала 1930-х гг. осуществляются попытки обоснования комплексного хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского района. В 1931 г. Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР по просьбе «Ангростроя» были организованы лесные экспедиции под общим руководством В. Н. Сукачева. Одна из них, во главе с Я. Я. Васильевым, выполняла работы на участке между Братском и Усть-Кутом, то есть в районе, имевшем первостепенное значение для развития лесной промышленности в Восточносибирском крае. По итогам экспедиции, несмотря на утрату части материалов, большое значение имел вывод о небольших объемах ценного леса в Ангаро-Ленском районе – прежде всего из-за пожаров (качественные насаждения были выявлены только на небольших участках и вдоль рек) [2, с. 5–7].

Академик И. Александров, выступавший в апреле 1932 г. на конференции Госплана СССР по Ангаро-Енисейской проблеме (в переработанном виде стенограмма доклада была опубликована в журнале «Плановое хозяйство») отмечал большой потенциал лесных массивов в бассейне р. Ангара, состоявших на 50 % из сосны и на 20 % – из ели и пихты, в деле развития лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей. Особый акцент был сделан на актуальность использования древесины кедра сибирского и лиственницы в производстве деревянной черепицы (шингла), получившей распространение в Северной Америке благодаря ее дешевизне, прочности, стойкости против гнилостных заражений и огня, а также карандашной дощечки и водоупорных труб [1, с. 194].

Наиболее концептуальное видение решения ангарской проблемы представил главный инженер бюро Ангары Гидроэлектропроекта В. М. Малышев. Располагая данными о состоянии лесов в бассейне р. Ангара (в процессе эксплуатации массивов образовывался большой объем отходов вследствие перестойности или фаутности пород), ученый признавал необходимость проведения сплошных рубок и комплексного использования древесины – разумеется, при строительстве железных дорог общего и специального назначения. Помимо заготовки сосны для нужд строительства, кедр можно было использовать для изготовления карандашной дощечки, фанеры; лиственницу – для производства деревянных труб и деталей для вагоностроения; кедр и лиственницу – для выпуска деревянной черепицы; ель и пихту (отчасти кедр и лиственницу) – для целлюлозно-бумажного производства [9, с. 18–19, 167].

Эконом-географ Д. Богорад, рассматривая перспективы Енисейского лесопромышленного узла, предостерегал хозяйственников от ошибок, допущенных при развитии Архангельского узла, в результате чего лесная промышленность носила односторонний характер. Но, видимо, находясь под впечатлением огромных запасов лесных ресурсов в Нижнем Приангарье, предлагал включить в лесопромышленный узел мощные лесопильные заводы, крупный целлюлозно-бумажный комбинат, фанерное и лесохимическое производство [4, с. 127, 129–131], что могло привести к быстрому исчерпанию сырьевой базы.

И. Капитонов и С. Славин, рассматривая перспективы развития Советского Севера во второй пятилетке, располагавшего основными лесными запасами страны, по сути, сформулировали методологическое обоснование размещения и функционирования лесопромышленного комплекса. Ключевым принципом размещения и функционирования лесопромышленных узлов стала направленность на удовлетворение внутренних потребностей страны, экспорта (в том числе возможность изменить эту направленность в зависимости от конъюнктуры мирового лесного рынка). Согласно их концепции, основу лесной промышленности Азиатского Севера составляли Игарский и Енисейский узлы, Обь-Иртышский комплекс и узел в устье р. Подкаменная Тунгуска. От лесопромышленных узлов проектировались железные дороги для сбыта продукции: из Енисейского узла, Восточной Сибири (устье Подкаменной Тунгуски) благодаря железным дорогам Ачинск – Енисейск и Тайшет – Усть-Кут (или Киренск) – в Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию; из Обь-Иртышского узла посредством дороги от г. Надеждинск до среднего течения р. Обь – на Урал [6, с. 177–178].

Для Главсевморпути, осуществлявшего хозяйственное освоение Азиатского Севера с начала второй пятилетки, в том числе развивавшего лесную промышленность, наиболее перспективными проектами стали Игарский, Обь-Иртышский и Енисейский узлы, что нашло отражение в публикациях экономистов. Во второй половине 1930-х гг. было запланировано строительство нескольких предприятий. Только в Кондинском районе (Остяко-Вогульский округ) запасы пиловочника позволяли построить 4-рамный лесопильный завод для работы на экспорт или 12-рамное предприятие для удовлетворения внутренних потребностей. Благодаря запасам древесины в районах р. Вах, Чулым, Северная Сосьва и других появлялась возможность организовать еще два 4-рамных предприятия. Береза высокого качества могла найти применение в лыжном и фанерном производстве, дрова и отходы проектировавшихся заводов – в лесохимии. То есть в нижнем течении р. Обь предполагалось развивать комплексное лесопользование [12, с. 47–48]. Г. Н. Тарасенков связывал развитие лесной промышленности на Обском Севере со строительством нескольких лесопильных заводов, лесного комбината, организацией фанерного и целлюлозно-бумажного производства и сооружением железной дороги Кабаковск – Белогорье [13, с. 81–82].

Н. В. Специро представил авторский прогноз развития лесопромышленного комплекса на севере Сибири на третью пятилетку, критикуя планы Наркомлеса СССР

и Научно-исследовательского института экономики Севера Главсевморпути. Основные объемы лесопромышленной деятельности приходились на бассейны р. Обь и Енисей. В северных районах Сибири (севернее Транссибирской магистрали) распил древесины увеличивался с 680 тыс. до 9,75 млн. фестметров (мера учета плотной древесины). По мнению Н. В. Спецуро, за 1939–1942 гг. экспорт пиломатериалов из бассейнов р. Обь, Енисей и Лена, должен был увеличиться с 278 тыс. до 612 тыс. фестметров, выпуск продукции для удовлетворения внутренних потребностей территории – с 425 тыс. до 1105 тыс., для вывоза в другие регионы – с 197 тыс. до 1375 тыс. фестметров. Автор выделил следующие лесоэкономические районы на севере Сибири: а) в бассейне р. Обь: Обско-Нарымский и Тобольский Север; б) в бассейне р. Енисей: Туруханский и Ангаро-Енисейский районы; в) бассейн р. Лена. Развитие лесной промышленности связывалось в первую очередь с планами строительства железных дорог Томск – Чулым, Кабаковск – Белогорье, Ачинск – Енисей и доведения Байкало-Амурской магистрали до п. Усть-Кут [11, с. 81–88]. Общий вывод Н. В. Спецуро сводился к тому, что запланированное увеличение объемов лесопромышленной деятельности на севере Сибири не соответствовало крупным запасам лесных ресурсов этой территории.

Наиболее обстоятельный вывод касательно размещения лесной промышленности в восточных районах страны был сделан Н. Рословым и С. Пругавиным. К середине 1930-х гг. имелись относительно полные сведения о породном составе и запасе лесных насаждений на этих территориях, и авторы указывали, что развитие отрасли здесь должно идти «по линии значительного превалирования строительных сортиментов в заготовках древесины и лесопиления – в переработке» [10, с. 100]. Перспективы целлюлозно-бумажной и фанерной отраслей просматривались весьма слабо. И не случайно, что первый в Сибири целлюлозно-бумажный комбинат начали строить в 1936 г. в г. Красноярск, то есть с привязкой к железнодорожной магистрали и при наличии базы для подготовки кадров – Сибирского лесотехнического института. Правда, в 1939 г. у руководства Наркомлеса, Главвостбумпрома, Главлесстроя возникли, в связи с недостаточным финансированием и низкими темпами работ, сомнения в сдаче предприятия целиком в 1940 г. Строительство разбивалось на очереди, однако с началом войны было законсервировано.

Таким образом, содержание рассмотренных проектов и концепций ученых по освоению лесов Сибири во второй половине 1920-х – 1930-х гг. отражают как объективность подходов к размещению лесной промышленности на основе сведений о запасах и породном составе насаждений, так и масштабность задач, стоявших перед отраслью в условиях реализации первых пятилетних планов, – удовлетворения внутренних потребностей Сибири и сопредельных регионов (Урала, Европейской России, Средней Азии) и экспорта продукции. Общим для большинства работ является признание необходимости механизации большинства производственных процессов в силу дефицита трудовых ресурсов. Обязательные акценты – железнодорожное строительство и комбинирование компонентов лесной промышленности для переработки древесных отходов.

На практике, за годы реализации первых пятилетних планов, в Сибири не было сформировано мощных лесопромышленных узлов, какими их представляли в своих работах советские ученые. Лесная промышленность макрорегиона сохранила однобокую структуру: заготовку древесины и ее механическую обработку. Тем не менее проведенные исследования, сформулированные концепции и проекты легли в основу еще более масштабных проектов, реализация которых осуществлялась в 1960–1980-х гг.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43024

Список литературы

[1] Александров И. Проблема Ангарстроя // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 190-199.

[2] Ангарская лесная экспедиция 1931 г. Часть 1. Васильев Я.Я. Леса и лесовозобновление в районах Братска, Илимска и Усть-Кута / Под ред. В.Н. Сукачева. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1933. 111 с.

[3] Березин Н. Лесоэксплуатация и колонизация сибирской тайги в связи с железнодорожным строительством // Плановое хозяйство. 1929. № 7. С. 272-283.

[4] Богорад Д. Енисейский лесопромышленный комплекс // Плановое хозяйство. 1938. № 2. С. 126-132.

[5] Ионова В.Д., Малов В.Ю. Нижнее Приангарье: подходы к освоению и время действий (1920–2020 гг.) // Пространственная экономика. 2007. № 3. С. 21-42.

[6] Капитонов И., Славин С. Проблемы освоения Севера во второй пятилетке // Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 168-189.

[7] Колосовский Н.Н. Хозяйство Восточной Сибири и Дальнего Востока в связи с районированием // Плановое хозяйство. 1925. № 9. С. 239-257.

[8] Кузьмин В., Рейхбаум А., Тиунов В., Эдельман С. Пути хозяйственного развития Западной Сибири // Плановое хозяйство. 1932 № 2. С. 155-177.

[9] Малышев В.М. Гипотеза решения ангарской проблемы. М.; Иркутск: Восточносибирское краевое изд-во, 1935. 193 с.

[10] Рослов Н., Пругавин С. Основные проблемы развития лесной промышленности Северной области // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 97-107.

[11] Спецуро Н.В. Лесная промышленность в третьем пятилетии на Крайнем Севере // Советская Арктика. 1937. № 2. С. 81-88.

[12] Спецуро Н.В. Перспективы развития лесной промышленности Крайнего Севера // Советская Арктика. 1935. № 2. С. 45-48.

[13] Тарасенков Г.Н. Обский север и его экономика (итоги и перспективы) // Советская Арктика. 1937. № 5. С. 74-94.

[14] Федосеев С.К. Лесное хозяйство Западной Сибири // Плановое хозяйство. 1925. № 10. С. 272-284.

[15] Харитонова Н.Г. Нижнее Приангарье в Ангаро-Енисейском проекте // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6. С. 188-198.

УДК 55(09)(571.1)

Сибирская нефть против «Сибирского моря» (к истории проектирования Нижне-Обской ГЭС)

Комгорт Марина Валерьевна
Доктор исторических наук, профессор,
Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия
komgort@mail.ru, https://orhid.org/ 0000-0001- 6336 - 8759

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается роль гидроэнергетических проектов в планах повышения индустриального статуса восточных районов страны в послевоенный период, противостояние двух альтернативных сценариев индустриализации Тюменской области в 1950-1960-е гг. – гидроэнергетического и нефтегазового. Показано, что планируемая реализация проекта строительства мощной гидроэлектростанции в нижнем течении Оби создавала серьезные проблемы как для традиционных отраслей промышленности – лесной и рыбной, так и для дальнейшего геологического изучения региона, ставила под угрозу его нефтегазовые перспективы. Рассмотрены гипотетические варианты проведения поисково-разведочных работ в условиях реализованного проекта с помощью бурения с морских платформ. Показана роль геологов и специалистов других отраслей в отстаивании нефтегазового вектора развития региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Нижне-Обская ГЭС, гидроэнергетика, нефтяная геология, промышленность Тюменской области.

В намерениях руководства страны повысить индустриальный статус восточных районов страны, обозначенных в директивных документах послевоенного периода, важная роль отводилась гидроэнергетическому строительству. Водосборные бассейны крупных сибирских рек, на которые приходилось 80% всего водостока в стране, позволяли ставить амбициозные планы строительства в регионе ряда крупных электростанций. У гидроэнергетических проектов было и неоспоримое экономическое преимущество: по удельным затратам на строительство сибирские ГЭС являлись самыми дешевыми и, как правило, быстро окупались. Так, например, Братская ГЭС полностью окупила стоимость строительства уже к моменту ее приема Государственной комиссией.

Важную роль в реализации этих проектов в 1950-е гг. сыграло назначение в 1955 г. на должность министра электростанций СССР такого политического «тяжеловеса», как Г.М. Маленков, отстраненного от руководства Советом Министров СССР, но сохранившего пост члена Президиума ЦК КПСС. Как свидетельствуют архивные документы, его опыт и авторитет позволили придать новый статус и возглавляемому им ведомству [1, с. 235–259].

По расчетам специалистов, водно-энергетические ресурсы Оби и ее притоков (Иртыша, Тобола, Томи) с площадью бассейна около 3 млн. кв. км, могли составить почти 83 млрд кВт час/год. Обь занимала первое место среди крупнейших рек СССР по площади бассейна, второе место по протяженности и третье место по величине водности. Водные ресурсы Оби давали возможность построить здесь более десяти экономически эффективных гидроэлектростанций. В нижнем течении наиболее крупным звеном гидроэнергетической схемы должна была стать Нижне-Обская ГЭС с мощностью в 6,5–7 млн кВт час., выработкой 36 млрд кВт. часов электроэнергии в год при себестоимости 1 кВт-часа – 0,03 коп. [2, с. 61–62]. «Заманчивость» идеи объяснялась также намерением в перспективе сомкнуть Обь (а в будущем и Енисей, благодаря Красноярской ГЭС), с Камой и Волгой [3]. Энергетический эффект ГЭС должен был оказаться практически равным суммарному эффекту Братской и Волжской гидроэлектростанций. Для сравнения: к началу XXI в. вся Тюменская энергосистема достигла объема генерации электроэнергии в 10,5 млн кВт, что превысило проектную мощность Нижне-Обской ГЭС на 3,5–4 млн кВт.

Руководство Тюменской области «ухватилось» за проект строительства ГЭС на ее территории, полагая, что его реализация послужит своеобразным драйвером для вывода преимущественно аграрного края в число промышленно развитых. В условиях неопределенности иных перспектив, гидроэнергетика рассматривалась как реальная основа для модернизационных перемен в экономике региона. Созданная в 1944 г. Тюменская область по многим показателям уступала своим соседям и региону в целом, получившим мощный импульс промышленного развития в военные и послевоенные годы. В отличие от них, здесь не было создано ни одного предприятия ведущих отраслей промышленности: горнорудной, угольной, металлургической, тяжелого и среднего машиностроения. Более 50% основных производственных фондов и 60% всех рабочих области были заняты в лесозаготовительной, деревообрабатывающей и пищевой промышленности [4, с. 212]. Тюменская область обеспечивала не более 2,8% общего объема промышленного производства в Уральском экономическом районе и занимала предпоследнее место по объему производства промышленной продукции на душу населения, опережая по этому показателю только Курганскую область [5, с. 96].

Отсутствие достаточно полных представлений о природных богатствах региона не позволяли определить его экономический профиль в хозяйстве СССР. Госплан СССР рассматривал Тюменскую область как «бесперспективную» в плане индустриального развития и по этой причине исключал ее из проектов перспективного промышленного освоения. Планирующие и хозяйственные органы рассматривали область преимущественно в качестве аграрного «резервуара» индустриального Урала и промышленных областей Сибири. Не проявляли должного внимания к всестороннему изучению природных богатств и развитию производительных сил области Уральский и Западно-Сибирский филиалы Академии наук СССР, поскольку географически она находилась в окраинной зоне их интересов.

Следует признать, что с точки зрения экономической эффективности проект строительства Нижне-Обской ГЭС выглядел весьма привлекательно. Его разработка была поручена коллективу института «Гидропроект» Министерства электростанций СССР. В 1950-е гг. институт считался «очень сильным», поскольку по его проектам уже было построено несколько гидроэлектростанций в Европейской части СССР и в Сибири, в частности Красноярская и Братская ГЭС. Причем воодушевленный успешно осуществленными проектами, он «каждый раз стремился спроектировать станцию мощнее предыдущей, а плотину повыше» [6, с. 31]. Высота плотины Нижне-Обской ГЭС в первоначальном проекте должна была составить 42 метра, образовавшееся при этом водохранилище затопило бы 113 тыс. кв. км низменности, что почти в три раза превышало площадь Азовского моря

К 1954 г. экспедиция института «Гидропроект» завершила топографо-геодезические изыскания на территории Ханты-Мансийского округа для составления схематического проекта Нижне-Обской ГЭС и схемы энергетического использования рек Оби и Иртыша. К этому времени на территории Тюменской области были открыты первые газовые месторождения в Березовском районе, и геологи, вдохновленные дальнейшими перспективами нефтепоисковых работ, первыми забили тревогу по поводу строительства ГЭС. В июле 1956 г. руководители трестов «ЗапСибнефтегеофизика» и «Тюменьнефтегеология» обратились в Тюменский обком КПСС с предложением поставить перед ЦК КПСС вопрос «о консервации или пересмотре проектов строительства Нижне-Обской ГЭС и других очередей Обского каскада гидроэлектростанций». По их мнению, поскольку «территории проектируемых водохранилищ захватывали нефтегазоносные земли центральной и северной части Тюменской области вопрос о строительстве ГЭС следовало «оставить открытым до

завершения нефтепоисковых исследований на затопляемых территориях» [7, с. 137].

В 1957 г. проект строительства гидроэлектростанции был представлен на совещании со специалистами-геологами в Тюменском обкоме КПСС. Несмотря на их возражения, совещание одобрило проект. В январе 1959 г. руководство обкома в докладной записке, адресованной в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Госплан СССР, РСФСР и Совет Министров РСФСР, признало строительство гидроэлектростанции на территории области «необходимым для освоения богатств Урала и Сибири» и предложило уточнить сроки его начала и окончания [8]. Учитывая, что высшее партийное руководство во главе с Н.С. Хрущевым было поборником масштабного гидроэнергетического строительства, сторонники максимального использования водно-энергетических ресурсов Сибири получили с его стороны своеобразный карт-бланш. В 1958 г. Министерство строительства электростанций признало строительство Нижне-Обской электростанции оправданным и необходимым, а в 1960 г. добилось включения проекта как приоритетного в Генеральную перспективу развития народного хозяйства СССР до 1980 г.

В августе 1960 г. в Москве состоялось совещание с участием представителей Главгеологии РСФСР, Главгаза СССР, института Гидропроект и Министерства строительства электростанций ССР по вопросу о местоположении Нижне-Обского гидроузла. По мнению геологов, лучшим из двух предложенных вариантов было сооружение плотины в районе Салехарда. В этом случае, за счет меньшего подпора воды в долинах рек Конда, Иртыш и Среднего течения Оби, должна была уменьшиться площадь затопления, значительно снизиться глубина водохранилища, что облегчило бы проведение дальнейших поисково-разведочных работ на нефть и газ. В решении совещания геологам было предложено подготовиться к морскому бурению и организации морских промыслов в затопляемых районах и определить мероприятия по техническому и транспортному перевооружению нефтеразведочных организаций [9].

О том, что начало строительства ГЭС не за горами, косвенно свидетельствовало и избрание в 1961 г. на должность первого секретаря Тюменского обкома партии Б.Е. Щербины, до этого в течение десяти лет работавшего в Иркутской области. Щербина «прибыл в Тюмень, имея репутацию человека с хорошим опытом возведения крупной гидроэлектростанции в сложных климатических и природных условиях» (имеется в виду Иркутская ГЭС, построенная и выведенная на проектную мощность в 1958 г. – авт.). При его назначении явно рассчитывали, что приобретенный им опыт окажется полезным и при осуществлении строительства Нижне-Обской ГЭС» [10, с. 142].

Следует отметить, что разработчиков проекта не остановила и последовавшая в начале 1960-х гг. череда открытий высокодебитных нефтяных месторождений в Среднем Приобье – районе проектируемого водохранилища. Освоение нефтегазовых ресурсов региона предполагалось осуществлять в условиях гидроэнергетического строительства. В 1962 г. сотрудники института «Гидропроект» подготовили «Соображения об инженерной защите, разработке и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений в пределах Нижнеобского водохранилища». По мнению составителей документа, разработка месторождений в условиях водохранилища не должна была вызвать непреодолимых препятствий, а, напротив, снизила бы себестоимость добычи нефти и газа. К тому же, считали они, создание Нижне-Обской ГЭС будет способствовать созданию мощной строительной базы, созданию новых городов и поселков, железных и автомобильных дорог, превратит заболоченную тундру в глубоководный водоем, облегчит и ускорит промышленное и транспортное освоение района [11]. В партийном органе областного комитета КПСС газете «Тюменская правда» 15 мая 1962 г. была опубликована фотография с не вызывающей сомнений

подписью «Здесь будет построена Нижне-Обская ГЭС» [12].

Институт «Гидропроект» представил сравнительные расчеты по обустройству и разработке нефтегазовых месторождений в обычных условиях (без затопления), и в условиях водохранилища, создание которого планировалось на 1970 г. По представленным расчетам получалось, что в последнем варианте, то есть при эксплуатации месторождений с воды или льда, это будет обходиться не дороже, чем добыча нефти и газа в обычных условиях. При этом аргументы специалистов сводились к тому, что все месторождения нефти и газа, уже обнаруженные к тому времени в пределах Тюменской области, во время многоводных паводков, как правило, затапливались на глубину до двух метров, в зависимости от рельефа местности. Заболоченные территории в районах зоны влияния Нижне-Обского водохранилища составляли 12%, а площади самих нефтяных и газовых месторождений были покрыты болотами и озерами, что делало их, по существу, непроходимыми [13, с. 143]. Поскольку, как предполагалось, к моменту затопления территории разведка нефтяных и газовых месторождений в ложе водохранилища еще не будет закончена, «Гидропроект» предложил использовать для продолжения разведочного бурения шагающие буровые агрегаты или плавучие буровые установки.

В условиях продолжающихся дискуссий вокруг проекта строительства Нижне-Обской ГЭС он стал предметом пристального изучения специально созданной комиссии Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС). В феврале 1963 г. комиссия, занимавшаяся проблемой комплексного изучения и освоения природных ресурсов северной части Западно-Сибирской низменности, подготовила специальное заключение о возможных последствиях сооружения Нижне-Обской ГЭС. Специалисты СОПСа признали, что наряду с несомненным энергетическим эффектом, строительство гидроэлектростанции окажет отрицательное влияние на ряд природных и народно-хозяйственных факторов, и, в итоге, будет иметь нежелательные последствия, вызванные затоплением обширной территории. По их мнению, созданное водохранилище значительно осложнит разведку и эксплуатацию обнаруженных в его ложе нефтяных и газовых месторождений, погубит обширные лесные массивы и земли, освоенные в долине Оби и ее притоков, вызовет подпор грунтовых вод и еще большее заболачивание смежных земель, нанесет значительный ущерб рыбному хозяйству [14].

По расчетам специалистов института «Гидрорыбпроект», при создании водонапорной плотины в районе Салехарда должно было произойти коренное нарушение обычных миграций сиговых рыб: сига, чира, муксуна, пеляди, ряпушки, а также нельмы и осетра, будут отрезаны все основные нерестилища [15]. Строительство ГЭС создавало серьезные проблемы и для лесной промышленности области. На площади затопления находилось около 250 млн кубометров леса, для вырубки только половины этого объема потребовалась бы работа шестидесяти леспромхозов в течение двадцати лет. Планировалось, что лесосводка будет завершена в условиях водохранилища при помощи лесного комбайна, проект которого всерьез обсуждался в печати [16].

В июле 1963 г. при Госплане СССР была создана Государственная экспертная комиссия из специалистов нефтегазодобывающей, лесной, торфяной промышленности, рыбного хозяйства, энергетики, транспорта, которой было поручено рассмотреть вопрос об использовании природных ресурсов Тюменской области. Доклады были представлены всеми заинтересованными министерствами, а также Госпланом РСФСР, СНХ РСФСР и Главгеологией РСФСР. После изучения полученных материалов комиссия представила заключение, в котором главными природными ресурсами Тюменской области были названы энергетические ресурсы р. Оби, запасы нефти и газа, лесные ресурсы, рыбные

запасы и запасы торфа. Принимая во внимание ожидаемый дефицит топливного баланса в Европейской части СССР, комиссия определила энергетические ресурсы Оби единственно возможным вариантом восполнения дефицита электроэнергии при существовавшей тогда технике ее передачи.

Решению этой проблемы и должно было способствовать строительство Нижне-Обской ГЭС, технико-экономические показатели которой при разных предполагаемых отметках нижнего подпорного горизонта (НПГ) варьировались. Так, при минимальном НПГ в 25 метров площадь затопления должна была составить 45 тыс. кв. км, установленная мощность электростанции – 4 млн кВт, выработка электроэнергии – 19 млрд кВт. час/год. В этом случае экономическая эффективность ГЭС оказывалась на грани приемлемой эффективности. При максимальном НПГ в 37 метров затоплению подлежала территория в 83 тыс. кв. км, мощность достигала 6,5 млн кВт, а выработка электроэнергии – 31 млрд кВт. час. /год.

Изучив представленные материалы, комиссия Госплана была вынуждена признать, что особенностью Нижне-Обской ГЭС при любых отметках НПГ будет чрезвычайно большая площадь затопления территории. По этой причине было предложено начать строительство гидроэлектростанции с отметки НПГ в 30 метров и только затем, после выработки в зоне водохранилища нефтегазовых месторождений и проведения лесосводки, предусмотреть ее достройку до отметки в 37 метров. В последнем случае средняя ширина водохранилища составляла 75 километров, а его протяженность по долине р. Оби – около 1 200 километров. Подпор, образуемый в результате сооружения плотины Нижне-Обской ГЭС, выклинивался по р. Оби в районе с. Медведево в 45 километрах ниже с. Александровского и по р. Иртыш в 40–45 километрах выше Тобольска [17].

По ориентировочной экспертной оценке, комиссии, дополнительные капитальные затраты и эксплуатационные расходы, вызываемые затоплением столь обширной территории, должны были составить от 1 млрд. 320 млн. руб. – при НПГ в 30 метров, до 9 млрд. 620 млн. – при НПГ в 37 метров. Они включали: удорожание разработки нефтяных и газовых месторождений в районах Нижней и Средней Оби, удорожание лесоразработок при их переключении на лесосводку, перенос предприятий рыбной промышленности, обезвреживание всплывающих массивов торфа, перенос существующих устройств сухопутного и водного транспорта, расходы, связанные с заменого флота. Кроме этих расходов, подлежащих финансовому исчислению, комиссия указала на возможный ущерб хозяйству, который нельзя было определить в количественном выражении. Это были потери трудовых ресурсов при переселении населения из обжитых мест на новые территории, повышение заболоченности и без того переувлажненной территории с одновременным ухудшением ее микроклимата, снижение качества древесины на затопляемой территории, сокращение улова рыбы и запасов торфа.

Расчеты, выполненные специалистами Государственной экспертной комиссии, позволили ей сделать вывод о том, что в целом размер затрат и расходов на строительство Нижне-Обской ГЭС намного превысит эффективность от ее эксплуатации. Однако поскольку заинтересованные учреждения и ведомства от своих планов отказываться не собирались, комиссия представила соображения по минимизации возможных потерь при ее сооружении для нефтяной и газовой промышленности.

Так, до разработки генеральной схемы комплексного освоения природных ресурсов Тюменской области, ею было предложено форсировать геолого-поисковые работы в районах Нижней Оби, максимально сосредоточив все силы и средства на участке Ханты – Мансийск – Березово. Доказательство отсутствия в данной зоне нефтяных и крупных

газовых месторождений должно было стать определяющим при оценке строительства Нижне-Обской ГЭС. Также предполагалось усилить проектные и строительные работы по освоению месторождений Березовского газоносного района, а заполнение водохранилища предусмотреть только после отработки запасов, попадающих в его ложе. Основные капиталовложения, предназначенные для развития добычи нефти в Тюменской области, комиссия считала нужным направить, в первую очередь, на работы по освоению Средне-Обского нефтеносного района.

Продолжавшееся лоббирование «Гидропроектом» своих узковедомственных интересов еще какое-то время не давало возможности развернуть в полном объеме геологоразведочные работы в Тюменской области и начать промышленную эксплуатацию открытых месторождений. Принятое в декабре 1963 г. правительственное постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», свидетельствовало о достижении противоборствующими сторонами определенного компромисса. Один из пунктов документа предписывал осуществлять строительство всех объектов нефтяной и газовой промышленности в районе Среднего Приобья с отметкой не ниже 30 метров, поскольку именно до этой отметки, как предполагалось, «может подняться уровень реки Оби при возможном подпоре ее плотиной Нижне-Обской ГЭС» [14]. В декабре 1964 г. в выступлении на сессии Верховного Совета РСФСР известный тюменский буровой мастер С.Н. Урусов, выражая мнение всех геологов, предлагал «прекратить работы по проектированию Нижне-Обской ГЭС и тем самым снять тяжелые ограничения, которые сковывают возможности развития нефтяной, газовой и лесной промышленности Тюменской области» [18].

Дебаты о строительстве Нижнеобской ГЭС продолжались вплоть до начала 1970-х гг., что создавало серьезные проблемы для реализации градостроительных задач на севере Тюменской области. Примером может служить город Салехард. Обратимся к свидетельству современника: «На Оби, у Ангальского мыса, задумали строить плотину и гидростанцию. Старый Салехард должен был уйти под воду, а Салехард новый, каменный, многоэтажный встать на том мысу над морем... Пока проектировали гидростанцию, а потом спорили, кому она полезна и кому вредна, можно ее строить или нельзя, прошло четырнадцать лет. За это время будущему «утопленнику» давали средства лишь на то, чтобы кое-как подлататься, как-нибудь перебиться с жильем за счет строительства деревянных домов. Только деревянных, конечно. Кто же будет давать деньги на дома каменные, если их не сегодня–завтра снесут? Лет пять назад эта здравая мысль была закреплена даже специальным и вполне конкретным запрещением: ниже отметки «30» ничего капитального не строить. А в городе и нет отметок выше. Вот и не строят ничего капитального: ни водопровода, ни канализации, ни дорог. «Работает отметка» – как говорят строители в Салехарде» [19, с. 43].

Окончательную точку в этом вопросе поставило время. Как только «пошли открытия, началась добыча нефти в Среднем Приобье», тогда и «проблема Нижнеобской ГЭС потихоньку заглохла сама собой» [20, с. 68]. Однако есть свидетельства, что еще в середине 1960-х гг. идея ее сооружения по-прежнему препятствовала активизации поисково-разведочных работ на севере Тюменской области. В частности, одной из причин плохого финансирования геофизических исследований, проводившихся в 1964–1965 гг. на территории Пуровского района и даже намерения их полного прекращения, была нерешенность вопроса «строительства Салехардской ГЭС и связанного с этим затопления обширных площадей Западно-Сибирской низменности» [21, с. 148]. В мае 1966 г. в интервью газете «Правда» Б.Е. Щербина признавался, что при планировании

городов, портов, промышленных сооружений в районах нефтедобычи проектировщики по-прежнему вынуждены учитывать возможность затопления огромных территорий, поскольку решение о строительстве ГЭС «все еще откладывается» [22].

Список литературы

[1] Пивоваров Н.Ю. Г.М. Маленков и планы энергетического развития Восточной Сибири. Декабрь 1955 г. // Исторический курьер. 2020. № 1(9).

[2] Бутягин И.П., Васильев А.И., Сухоруков Л.Н., Чельцов М.Б. Энергетика Сибири. М., Л.: Госэнергоиздат, 1963.

[3] Ровнин Л. «Без геологии у страны нет будущего» // Тюменские известия. 2008. 12 ноябр.

[4] Очерки истории Тюменской области. Тюмень: Издат. - полиграф. предприятие «Тюмень», 1994.

[5] Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю. Комгорт М.В., Тимошенко А.И. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта. Тюмень: «Вектор Бук», 2011.

[6] Богомяков Г.П. Ломая лед недоверия... // Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2-х кн. М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. Кн. 1.

[7] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965 гг. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971.

[8] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 2010. Оп. 1. Д. 86. Л. 174.

[9] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–3.

[10] Комгорт М.В., Майданов В.С. Лидер нефтегазовой революции. Тюмень: ЗАО «Сибирский издательский дом», 2013.

[11] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 86. Л. 174.

[12] Тюменская правда. 1962. 15 мая.

[13] Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень: «Вектор Бук, 2008.

[14] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 117. Л. 4.

[15] ГА ХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 172. Л. 13.

[16] Лесной комбайн просится на воду // Техника молодежи. 1963. № 10. С. 26.

[17] ГА ХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 172. Л. 10.

[18] Урусов С.Н. Богатства недр – Родине // Тюменская правда. 1964. 23 дек.

[19] Это наша с тобой биография... / Сост. А.Л. Вычугжанин. Тюмень: ИД «Слово», 2010.

[20] Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века! Новосибирск: СНИИГГиМС, 1996.

[21] Пуровскому району – 75. Это возраст «по паспорту». Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2007.

[22] Щербина Б.Е. Интенсивно осваивать новый район // Правда, 1966, 27 мая.

УДК 9.908

Влияние промышленного развития Севера Западной Сибири на природную среду региона в середине 1960-х – конце 1980-х гг.

Красовитова Эльвира Сергеевна
Кандидат исторических наук, преподаватель, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия;

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя школа № 9, учитель истории, г. Сургут, Россия.
KrasovitovaElvira@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9187-3859

аннотация В XX веке урбанизационные процессы резко возросли и стали мощным экологическим фактором. Север Западной Сибири стал активно развиваться во второй половине XX века. Модернизация региона протекала активно и в форме индустриализации. В статье рассмотрены последствия активного промышленного освоения Севера Западной Сибири. В 1960–1970-е гг. главным событием в Сибири стало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Но несмотря на высокие темпы урбанизации, имелись серьёзные проблемы: некомфортабельная жилая среда, природно-климатические условия региона, а также экологические последствия, связанные с промышленным освоением региона.

ключевые слова Север Западной Сибири, экологические проблемы, природная среда, урбанизация, промышленное развитие.

Своеобразие экологических проблем городов Севера Западной Сибири заключается в особой и тесной связи процессов промышленного освоения территории с природной средой, в её высокой «ранимости», в необходимости более глубокой и комплексной разработки вопросов рационального использования, охраны и преобразования природной среды [7].

Уникальный характер индустриального освоения региона заключался также и в том, что индустриальное развитие края в значительной мере носило, как говорят экономисты, характер пионерного освоения: в процессе строительства объектов здесь создавались транспортная сеть, производственная и социально-бытовая инфраструктура, возводились города [2]. Ещё одной особенностью являлся необычный характер хозяйственного освоения – нефтяные базы создавались не на «сухой» земле, а на болоте [8]. Освоение месторождений открыло перспективу ускоренного индустриального развития всего Обского Севера [4, с. 410].

Развитие Сибирского Севера на протяжении большей части XX в. шло под знаменем модернизации в форме индустриализации, содержанием которой стало промышленное освоение сырьевых ресурсов. Следовательно, всё, что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс», а что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению на Сибирском Севере, оценивалось со знаком «минус» [3].

Более 50 лет природа Севера Сибири находилась под интенсивным воздействием антропогенного фактора. В первую очередь это было связано с деятельностью нефтегазового и горно-металлургического комплексов. Разработка большого количества месторождений, горные работы сопряжены с различными видами интенсивного воздействия на природную среду. Разведочное и эксплуатационное бурение скважин, выбросы газа и пыли, прокладка сборных и магистральных трубопроводов, возрастающее в связи с этим строительство дорог, обустройство вахтовых посёлков – всё это приводило к отторжению части земельного фонда, механическим нарушениям ландшафтов, химическому, тепловому и шумовому загрязнению, замене коренных

экосистем производными. Серьёзными источниками дестабилизации экологической ситуации в регионе также являлись рост численности населения, разработка древесины, интенсивное движение транспорта [1].

Форсированное индустриальное освоение ресурсов Севера Западной Сибири, создание топливно-энергетического комплекса привело к загрязнению промысловых рек, родовых угодий северных народов и сокращению их площади, уменьшению лесных массивов. «Игнорировался уникальный многовековой опыт гармоничного сосуществования человека и природы» [2].

Негативные последствия хозяйственной деятельности человека наблюдались во всех средах: в воде, земле и воздухе. Основным источником загрязнения являлись нефть и нефтепродукты, а также следует отметить бесхозяйственность человека как вредоносный для флоры и фауны фактор. Низкий уровень экологической культуры, неосведомлённость о специфических природно-климатических характеристиках региона приводили к пагубным последствиям.

Поэтому в рассматриваемый период охрана и улучшение окружающей среды стали одной из важнейших проблем городов Севера Западной Сибири, решение которой должно было осуществляться одновременно с формированием производственной и социальной инфраструктуры или даже несколько опережать ее. Главной задачей должно было стать создание устойчивого экологического равновесия, при котором могли быть обеспечены благоприятные условия для труда, быта, отдыха населения и охраны природы.

Несмотря на высокие темпы урбанизации на Севере Западной Сибири в середине 1960-х – конце 1980-х гг., качество жизни населения оставалось низким, что вносило дискомфорт в и без того сложные условия проживания. В сфере торговли, здравоохранения, общественного питания имелись серьёзные нарушения. Многие имевшиеся продукты не проходили бактериологическую проверку. При взятии смывов на санитарно-показательную микрофлору часто обнаруживали кишечную палочку. Не хватало специального оборудования, специалистов, врачей. Санитарное состояние посёлков и городов не соответствовало стандартам. Поэтому основной проблемой населения на Севере Западной Сибири стала некомфортабельность жилой среды региона, а также слабая функциональность пространства городов. Сами экологические условия округа оказывали существенное влияние на состояние здоровья человека: простудные заболевания, проблемы с давлением, не хватка кислорода, описторхоз и др. Потенциально экологический фактор риска может способствовать развитию практически всех заболеваний [5].

В этот период город стал источником экологических проблем, многие из которых не решались из-за ведомственного подхода, перекладывания ответственности за принимаемые различными структурами решения друг на друга.

Некачественное жильё рабочих, антисанитария в местах проживания, тяжёлые условия труда, климатический фактор становились причинами различных простудных и инфекционных заболеваний. Сама городская загрязнённая среда, в которой проживал человек, становилась источником многих болезней.

Строительство в городах велось по принципу «трёх линий», первая – крупные города, вторая – базовые города, третья – вахтовые посёлки. При строительстве допускались нарушения генпланов застройки, отставание жилищного строительства и других объектов, инженерно-технического обеспечения, были факты самовольного строительства, низкого качества строительных работ, ведомственности в создании городского хозяйства. Основными причинами таких проблем являлось отсутствие базы стройиндустрии, типовых проектов, учитывающих особенности градостроения на Севере, отсутствие единого застройщика и заказчика, ведомственность, ненадлежащий надзор [6, с.12].

Урбанизационный процесс мы рассматриваем на примере крупных городов Севера Западной Сибири, таких как Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Салехард, Новый Уренгой, Лабытнанги и т.д. Вначале в генпланах экологический фактор не учитывался совсем. Местные коммунальные органы и исполкомы местных Советов не занимались разработкой перспективных планов и схем развития водоснабжения, канализации, теплоснабжения, санитарной очистки и озеленения. Строительство велось без учёта особенностей северных городов. Ситуация начала постепенно изменяться с 1972 года.

В рамках исследования мы выделяем периоды становления коммунальной инфраструктуры. Критериями для выделения периодов являются наличие или отсутствие очистных сооружений, улучшение или ухудшение санитарного, эпидемиологического состояния городов, использование или неиспользование строительных материалов, соответствующих региональной специфике, наличие или отсутствие градостроительной политики и учёт или неучёт экологического фактора в ней.

1 период (1965 – 1972 гг.) – единичный ввод канализационных сетей, водопровода в городах и посёлках, отсутствие очистных сооружений, отсутствие благоустройства. В этот период многие города строились без генплана. 2 период (1972 – 1979 гг.) – постепенный ввод очистных сооружений, инженерных сетей (в 1972 году Совмин РСФСР указал на то, что Тюменское руководство недостаточно контролирует процесс строительства). В этот период начался активный снос ветхого жилья и переселение людей в благоустроенное жильё. С 1976 г. в строительстве происходили изменения: стали утеплять стены домов, вести строительство с учётом климатических условий.

На этапе первых двух периодов организации по охране природы не успевали за темпами промышленного освоения. Виной тому служило недостаточное количество таких организаций на территории округа и то, что имеющиеся отделения ВООП недостаточно хорошо работали, не выполняли свой функционал. Просветительская деятельность, несмотря на её обширность, мероприятия по очистке территорий, которые проводили вместе с населением, акции по озеленению, высаживанию саженцев деревьев и цветов, различные рейды не давали больших результатов. Также необходимо отметить формальный подход этих обществ в области охраны природы.

На территории округа не был установлен надлежащий контроль за выполнением закона РСФСР по охране природы, за ходом строительства очистных сооружений, сетей водопроводов и канализации. Ведомственная разобщённость, отсутствие эффективной системы контроля и наказаний, экологическая безграмотность населения, потребительское отношение к природе напрямую негативно отражались на здоровье населения региона.

3 период (1980 – 1989 гг.) – усиление надзора за очистными сооружениями и расширение ареала их строительства. Усилился контроль за природоохранными мероприятиями. В начале 1989 года в округе был образован Государственный комитет по охране природы. Разрешалась проблема финансирования. В 1980-е гг. принимались важные для санитарного благополучия северных городов решения, например, дни санитарной очистки и благоустройства. Во второй половине 1980-х гг. в архитектурно-градостроительном сообществе стал доминировать экологический дискурс. Вопросы экологии становились очень важными при разработке документации по планировке территории. Местные органы управления стали активно заниматься благоустройством и озеленением.

Таким образом, изучение истории Севера Западной Сибири свидетельствует о том, что экологическое равновесие в регионе было нарушено в результате многолетней интенсивной разработки месторождений полезных ископаемых и неравномерного размещения крупных промышленных предприятий. Освоение региона осуществлялось без должного учёта специфики природно-климатических условий и не предусматривало превентивных природоохранных мер. В процессе строительства промышленных

предприятий не решались вопросы полного использования сырья и утилизации отходов, не учитывались последствия техногенных решений.

Сами решения часто принимались некомпетентными людьми. Экстенсивные методы хозяйствования, вера в неисчерпаемость природных ресурсов, огромные масштабы неосвоенной территории способствовали тому, что многочисленные решения, распоряжения, постановления правительства в сфере охраны природы повсеместно не выполнялись либо не давали должного эффекта. Данная ситуация была характерна в целом для Западной Сибири.

Открытие углеводородных месторождений в 1960-е гг. и последующее создание Западносибирского нефтегазового комплекса не только изменило традиционную систему природопользования, но и ухудшило экологическую ситуацию в регионе. Север Западной Сибири стал территорией с «промышленным пейзажем», развитой инфраструктурой и городами со значительным для северных условий постоянным населением.

Список литературы

[1] Виноградов А.В. Экологическая история в России и о России в 2017 году // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 104–107.

[2] Гололобов Е.И. История взаимодействия человека и природы на севере западной Сибири // Вестник Югорского государственного университета. 2014. № 3 (34). С. 25–31.

[3] Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917 – 1930): Исторические корни современных экологических проблем. Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры». 2012. 224 с.

[4] История Сибири с древнейших времен до наших дней. История Сибири с древнейших времен до наших дней: Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму / Б.Л. Борисов, Г.А. Докучаев, Ф.А. Аржанов и др. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 470 с.

[5] Карпин В.А. Современные медико-экологические аспекты урбанизированного Севера. М.: Изд-во РУДН, 2003. 197 с.

[6] Кауртаев А. Проблемы вахтовых посёлков // Ленинское знамя. 10.01.1979. № 6 (4496). С. 12.

[7] Перцик Е.Н. Город в Сибири : Пробл., опыт, поиск решений. М. : Мысль, 1980. 286 с.

[8] Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. М.: Наука, 1980. 336 с.

УДК 338.48-32 +351.853

Современные тенденции в экскурсионной деятельности. Экскурсионная деятельность как технология сохранения историко-культурного наследия

Кузнецова Марина Валерьевна
Кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
Mv39@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6672-4309

АННОТАЦИЯ Актуальность сегодняшнего дня требует расстановки новых акцентов в туристско-экскурсионной деятельности: компетентностный подход при оценке деятельности экскурсовода, использование современных инновационных коммуникационных технологий, умение рассматривать экскурсионную деятельность как элемент культурного и экологического туризма и как технологию сохранения историко-культурного наследия. В статье рассматриваются исторические и культурные достопримечательности как экскурсионный ресурс региона. Разработка комбинированных экскурсионных туров, развитие их культурно-развлекательной составляющей, использование элементов анимации, интерпретации, современных информационных технологий – характерная особенность современного инновационного подхода к проектированию экскурсий. Новым акцентом в развитии экскурсоведения является интерес к теоретическим вопросам, продвижение экскурсионных программ в социальных сетях, рассмотрение экскурсионной деятельности как технологии сохранения историко-культурного наследия, как один из способов актуализации подлинного объекта культурного наследия, его вовлечения в сферу туристско-экскурсионной деятельности

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА историко-культурное наследие, виртуальные экскурсии, инновационные подходы в экскурсоведении, коммуникационные технологии в экскурсоведении.промышленное развитие.

Современная экскурсионная сфера стремительно меняется, и реалии развития рынка требуют от экскурсовода не только перманентного совершенствования экскурсионного мастерства, но и освоения сложных надпрофессиональных навыков, таких как предпринимательская деятельность, инноватика, маркетинг, менеджмент и др. Экскурсионный продукт (экскурсию) можно назвать инновационным при условии использования новейших технологий, конструктивно новых приемов и методов создания и внедрения. Инновационными могут быть как усовершенствованные классические, так и внедряемые в практику новые экскурсии и услуги [2].

Классическая методика подготовки и проведения экскурсий лежит в основе экскурсионной работы. Актуальным направлением деятельности по развитию туристско-экскурсионного дела сегодня является применение современных технологий и методик. Инновационные технологии и методики экскурсионной работы позволяют:

- проектировать экскурсионные маршруты и услуги, проектировать комплекс впечатлений экскурсантов;
- использовать технологические инновации для обеспечения конкурентоспособности объектов сферы туристско-экскурсионной работы;
- способствовать осознанию социально-экономической значимости профессии, обладанию высокой мотивации к выполнению профессиональной деятельности
- Современные подходы к экскурсионной работе включают:
- знание профессиональной культуры экскурсовода,
- компетентностный подход при оценке деятельности экскурсовода,
- использование знания нормативно-методических основ,
- использование классической методики подготовки и проведения экскурсий,
- использование современных инновационных коммуникационных технологий,
- умение рассматривать экскурсионную деятельность как элемент культурного и экологического туризма и как технологию сохранения историко-культурного наследия.

Историко-культурное наследие региона изучают различные научные направления, в том числе региональная история, культурология, история искусства, краеведение и др. Это является основой для экскурсоведения как научного направления.

Город Иркутск как экскурсионный ресурс силен культурно-исторической составляющей экскурсионного обслуживания. Разнообразны варианты тематических экскурсий: «Православные храмы Иркутска», «Иркутск музыкальный», «Поляки в Иркутске», «Валентин Распутин в Иркутске», «Его именем назван астероид. Александр Вампилов в Иркутске», «Архитекторы Иркутска XIX века», «Иркутск фонтанный», «Иркутск вечерний», «По улице Большой “прешпективной”…», «Вдоль по Амурской», «Подземелья Иркутска», «По иркутским некрополям», «Легендарный адмирал. А. В. Колчак в Иркутске», «Путешествие в Иркутскую слободу. 130-й квартал», «Ботаническое путешествие по Академгородку» и мн. др. Этот далеко не полный перечень проектируемых студентами, будущими экскурсоводами, экскурсий можно продолжить: «Малое Море – самый теплый пролив на Байкале», «Наследие долины реки Анга. Археологические и культовые места Байкала», «Ольхон – остров духов и рай для мотоэкстрима», «Из Иркутска в город Байкальск и на Теплые озера. Южные ворота на Байкал», экскурсия в Тункинскую долину «Священная земля бурятского народа. Из Иркутска в Аршан, Нилову пустынь, на Шумак», «На северный Байкал. Минеральные источники», «Декабристское кольцо (вокруг Иркутска)», «Декабристы в Бурятии», «Улан-Удэ. Экскурсия по столице восточного Прибайкалья», «Кяхта купеческая. На границе с Монголией (культурно-историческое наследие)», обзорные экскурсии по городам Иркутской области – Братску, Усолье-Сибирскому, Ангарску, Усть-Куту, Усть-Илимску и др.

На карту региона, говоря образно, накинута сеть экскурсионных маршрутов. Однако актуальность сегодняшнего дня – востребованность активного отдыха, развлекательной программы, «погружение» в другой мир, когда человек становится как бы соучастником тех или иных событий, эпох, культурно-антропогенных, цивилизационных сред, атмосфер и т. д. При проектировании программ авторских экскурсий разработчики активно используют элементы анимации, интерпретации, инновационные информационные технологии.

Таким образом, разработка комбинированных экскурсионных туров, развитие их культурно-развлекательной составляющей, использование элементов мотивации, интерпретации, современных информационных технологий – характерная особенность современного инновационного подхода к проектированию экскурсий. Новым акцентом в развитии экскурсоведения является интерес к теоретическим вопросам, продвижение экскурсионных программ в социальных сетях, развитие экскурсоведения в направлении интерпретации историко-культурного наследия.

Экскурсионное дело в Иркутске и Прибайкалье развивается и совершенствуется, увеличивается разнообразие форм экскурсионного обслуживания, многообразие тем экскурсий. Разрабатываются аудиогиды, инновационные экскурсионные проекты, в том числе «Зеленая линия» с самыми интересными локациями в центре города. Получить информацию об интерактивных экскурсионных объектах можно отсканировав QR-код мобильным телефоном – на специальном сайте будет доступна информация об объекте и путь к следующей локации. Экскурсионный ресурс Иркутска используется все более разнообразно, интересно, инновационно.

Используются все направления развития информационных технологий в экскурсоведении: QR-коды, виртуальные экскурсии, дополненная реальность, квест. Использование QR-кодов в экскурсиях увеличивает, безусловно, дополнительные возможности: «расширяет» реальность, позволяет изучать что-либо самостоятельно, добавляет интерактивности, экономит ресурсы. И здесь можно отметить некоторые

особенности: информация может быть представлена не только в текстовой, но и в мультимедийной форме, информацию можно легко менять и др.

Использование технологий дополненной реальности в туристско-экскурсионной деятельности имеет большое значение и ряд особенностей: экологичность, самостоятельный поиск и изучение информации, дополнение элементами, которые невозможно увидеть в реальности (например, при обращении к истории). Дополненная реальность – это среда в реальном времени, дополняющая физический мир, каким мы его видим, цифровыми данными с помощью различных устройств (планшетов, смартфонов) и программного обеспечения. В качестве примера можно привести путеводитель «Байкал экскурсионный» с дополненным интерактивным контентом: читатели могут просматривать дополненную мультимедийную информацию, наводя камеру смартфона на карты маршрутов в начале каждой главы [1].

Разрабатываются иммерсивные экскурсии, когда экскурсанты могут, например, прогуляться по тем маршрутам Иркутска, где ходили герои произведений Александра Вампилова и услышать их разговоры, записанные в мобильном формате.

В Прибайкалье в последнее время рынок экскурсионных услуг развивается, и если еще 5-10 лет назад были востребованы в основном обзорные городские экскурсии для приезжающих посмотреть на уникальное озеро планеты Байкал, то сейчас активно разрабатываются авторские экскурсии и экскурсионные туры, значительно обновляется их тематика, возникают новые формы экскурсионного обслуживания. Сегодня уже можно говорить о росте интереса к истории и культуре «малой родины», историческим городам, историко-культурным объектам.

Современный специалист-экскурсовод должен обладать всеми необходимыми качествами, предъявляемыми современным уровнем развития туристско-экскурсионного дела. Как профессионал, который проектирует и проводит экскурсию, экскурсовод сегодня – чрезвычайно разносторонняя личность, историк-регионовед, культуролог, социолог, писатель, режиссер, драматург, актер-исполнитель, проводник в мир культуры, менеджер, педагог и психолог. Образно говоря, экскурсовод – это «личность-калейдоскоп», и создает он меняющиеся текстовые узоры.

Актуальным направлением является рассмотрение экскурсионной деятельности как технологии сохранения историко-культурного наследия. В данном случае понятие «технология» используется в широком смысле: как применение научного знания для решения практических задач. В Перечне объектов культурного наследия местного, регионального и федерального значения по Иркутской области в границах города Иркутск 1040 наименований.

Бесспорно, решать проблему актуализации подлинного объекта культурного наследия, в том числе вовлечения его в сферу туристско-экскурсионной деятельности, трудно, для этого необходимы усилия и ученых, и реставраторов, и музейных работников, и менеджеров в сферах культурного наследия и туризма. Продвижение подлинного объекта культурного наследия на туристско-экскурсионном рынке связано с множеством проблем, прежде всего с реставрацией. Научная реставрация аутентичного памятника требует вдумчивого отношения специалистов; подлинный объект культурного наследия как товар довольно дорог. Теория «товаризации» культурного наследия, т. е. отношение к подлинному объекту как товару – одна из распространенных в менеджменте культурного наследия, как в зарубежной, так и отечественной практике [3].

Туристско-экскурсионная деятельность может являться важнейшим стимулом реставрации, важно сохранить подлинные объекты – это формирует чувство сопричастности, способствует трансляции традиции. В памятниках истории и культуры воплощены осязаемая связь прошлого с настоящим, традиции поколений.

Историко-культурное наследие всегда являлось одним из важнейших средств формирования общественного сознания и совершенствования духовной жизни людей. В России насчитывается примерно 150 тысяч объектов культурного наследия федерального и регионального значения, значительная их часть находится в состоянии, требующем реставрации.

Сохранение наследия имеет большое значение: это цивилизационные коды нации, утрата которых ведет к потере духовных корней, без которых невозможно развитие; наша историческая и культурная память максимально предметна и не существует без привязки к «малой родине». Кроме того, объекты культурного и исторического наследия являются важным активом современных городов; культурное и историческое богатство, «брендирование» культурного и исторического наследия все чаще используются в качестве эффективного инструмента той силы, которая необходима для продвижения региональных интересов; регенерация и интеграция культурного и исторического наследия все чаще рассматриваются как движущая сила развития исторических городов в целом.

Сегодня используются несколько основных способов интеграции памятников в жизнь современного города и введения их в экономический оборот: приватизация памятников с наложением обременения на частных собственников; девелопмент объектов наследия; развитие экскурсионного и познавательного туризма и создание на базе объектов наследия туристических продуктов и брендов; продажа «ауры» исторического и культурного наследия, когда привлекательность исторических городов и отдельных исторических районов используется для увеличения стоимости новой недвижимости [4].

Историко-культурное наследие города Иркутска весьма весомо, и это определяет значение города Иркутска как колоссального экскурсионного ресурса.

Иркутск интересен памятниками каменной и деревянной архитектуры как объектами показа. Своеобразие и духовная притягательность города определяются, в частности, сохранившимися памятниками деревянного зодчества, уникальной деревянной резьбой на фасадах домов, используемой горожанами в прошлом для украшения жилища («деревянное кружево» Иркутска).

Проблема сохранения культурного наследия, в том числе памятников деревянной и каменной архитектуры, чрезвычайно актуальна в масштабах страны и региона, она решается постепенно и достаточно медленно. Тем не менее в Иркутске отреставрированы уникальные комплексы деревянного зодчества, что, безусловно, может быть интересно при проектировании тематических экскурсий. Это, в частности, комплекс музеев декабристов, ряд домов по улицам Седова, Уткина, легендарный «Кружевной дом» А. И. Шастина (нынешний Дом Европы на ул. Энгельса, 21), 130-й квартал (Иркутская слобода) и др.

Значительно количество памятников, требующих реставрации, в результате чего может быть увеличен туристско-экскурсионный потенциал города. В качестве примеров можно привести восстановленный после пожара единственный сохранившийся с XVIII в. бревенчатый дом-усадьбу на ул. Лапина, 23; реконструкцию исторического комплекса «Иркутские кварталы» и др.

Актуальным направлением является сохранение историко-культурного наследия средствами экскурсионной деятельности; экскурсионная деятельность является одним из методов сохранения историко-культурного наследия. И это, наряду с использованием инновационных подходов, интерактивных форм обслуживания, направленных на активное взаимодействие с экскурсантами, способствуют развитию экскурсоведения.

Список литературы

[1] Власов А. Ф., Кузнецова М.В. Байкал экскурсионный: 15 экскурсий по Иркутску и Байкалу. 3-е изд.– Иркутск, 2022. – 420 с.

[2] Инновации в экскурсионной работе: концепции, технологии, практика. Ч. 1 : Монография / колл. авторов ; под ред. О. Е. Афанасьева. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 544 с. URL: https://www.directmedia.ru/book-600585- innovatsii-v-ekskursionnoy-rabote-kontseptsii-tehnologii-/; Инновации в экскурсионной работе: концепции, технологии, практика. Ч. 2 : Монография / колл. авторов ; под ред. О. Е. Афанасьева. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. 516 с. URL: https://www.directmedia.ru/book-600589- innovatsii-v-ekskursionnoy-rabote-kontseptsii-tehnologii-/(дата обращения 02.06.2022).

[3] Полякова М.А. Культурное наследие и туризм: проблемы взаимодействия и противостояния // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2017. URL: https://history.rsuh.ru/ (дата обращения 02.05.2022).

[4] Сиволап Т.Е. К вопросу сохранения культурного наследия в России: некоторые аспекты решения проблемы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-sohraneniya-kulturnogo-naslediya-v-rossii-nekotorye-aspekty-resheniya-problemy (дата обращения 02.05.2022).

УДК 94(571.1):504

Деятельность постоянных комиссий по охране природы по защите водных ресурсов в 1960-е-1970-е годы (на примере Омской области)

Мостовенко Максим Станиславович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторических исследований, Сургутский государственый педагогический университет, г. Сургут, Россия;

Старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
reiseleiter@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0887-447X

АННОТАЦИЯ В статье автором рассматривается деятельность постоянных комиссий по охране природы созданных после принятия закона «Об охране природы в РСФСР» в 1960 году на примере города Омска. Данные комиссии создавались при городских исполкомах и в их задачу входил, прежде всего, контроль за выполнением природоохранного законодательства промышленными предприятиями города. Высокая степень концентрации в городе нефтеперерабатывающих и нефтехимических производств, а также комплекс оборонных предприятий, актуализировал для города необходимость жесткой охраны водных ресурсов города. Автором делается вывод о том, что, несмотря на принимаемые меры и контроль со стороны общественности, промышленные предприятия стали основными источниками загрязнения водоемов города.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА экологическая история, Западная Сибирь, Омская область, постоянные комиссии по охране природы

Период после конца 1950-х годов ознаменовался для экономики Сибири активным промышленным развитием. Принятая накануне программа развития восточных районов страны ускорило создания крупных индустриальных центров в регионе. Были построены крупные каскады гидроэлектростанций на Енисее и Ангаре, нефтехимический и нефтедобывающий комплекс Западной Сибири. Все это способствовало бурному экономическому росту и освоению новых пространств и ресурсов. Однако, у этой медали имелась и обратная сторона. Экологические последствия всех этих процессов оказались весьма серьезными: масштабные разрушения ландшафта, загрязнение окружающей среды нефтепродуктами, затопление и заболачивание территории в результате создания водохранилищ. Все это создавало неблагоприятную экологическую картину, которая не должна была существовать при социалистическом строе.

Для изменения ситуации в 1960 году принимается закон «Об охране природы в РСФСР». Согласно 15-й статье данного закона контроль за его исполнением возлагался на Совет министров РСФСР, советы министров АССР, исполнительные комитеты краевых, областных, городских, районных, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся, а также на министерства и ведомства [4]. Для реализации данного закона и с целью осуществления контроля за охраной природы в рамках деятельности исполнительных комитетов депутатов трудящихся были созданы специальные постоянные комиссии по охране природы [1, с. 218]. Согласно принятому документу, основные цели комиссий заключались в следующем: «…совершенствовать государственное управление охраной окружающей среды и рациональным природопользованием; обеспечивать систематический контроль выполнения решений партии и правительства, осуществления единой научно-технической политики по охране и рациональному использованию земли и ее недр, водных ресурсов, атмосферного воздуха, животного и растительного мира; обеспечивать воспроизводство природных богатств и улучшение окружающей природной среды…» [3, с. 74]. Кроме того, данные комиссии получили

широкие полномочия, в том числе, заслушивать руководителей различных предприятий по вопросам охраны природы, а также привлекать к природоохранным мероприятиям общественность и проводить депутатские проверки на предприятиях по вопросам соблюдения экологического законодательства. Руководители или представители указанных органов и организаций, предприятий и учреждений обязаны были являться на заседания комиссии и представлять разъяснения по рассматриваемым комиссией вопросам. Комиссии могли затребовать от должностных лиц необходимые материалы и документы [2, с. 74].

Обычно в состав, создаваемых комиссий, включались местные депутаты, которые часто и проводили инспекции на предприятиях, представители местного отделения Всероссийского общества охраны природы, в случае необходимости к деятельности подключались работники прокуратуры и санитарной службы [5, с. 155]. Как отмечает, самарский историк Макеева Е.Д. комиссия осуществляла контроль следующими способами: «во первых, проводились рейды по объектам, воздействовавшим на окружающую природную среду; во вторых, на предприятия направлялись депутатские запросы с требованием предоставить справку или отчет о том, как выполняется закон об охране природы и различные постановления в данной сфере; в третьих, на заседаниях комиссии заслушивались и обсуждались отчеты руководителей предприятий и организаций о природоохранной деятельности подведомственных им структур» [5, с. 155]. На первый взгляд достаточно природоохранные комиссии обладали достаточными полномочиями, однако в реальности ситуация отличалась.

В качестве примера, обратимся к опыту деятельности комиссии по охране природы Омского городского совета народных депутатов. Выбор данного региона в качестве объекта для исследования обусловлен следующими причинами: во-первых, во второй половине 1950-х гг. начинается период активного развития города. За сравнительно короткий отрезок времени с 1956 по 1979 г. население увеличилось с 505 тыс. до 1 млн. человек, сделав его одним из крупнейших промышленных центров Сибири, во-вторых здесь были построены такие предприятия, как Омский нефтеперерабатывающий комбинат, завод синтетического каучука, шинный завод, завод технического углерода, ряд оборонных предприятий, в-третьих, город расположен в лесостепной зоне, что повышало значимость водных ресурсов для города, тем более при наличии крупных нефтехимических предприятий, являвшихся одними из основных потребителей воды.

Первые проведенные данной комиссией проверки состояния дел в сфере охраны водоемов города и рек Иртыш и Омь показали достаточно удручающую картину. Так, на заседании постоянной комиссии в июне 1965 года, заместителем председателя Горбановским отмечалось, что «Был случай, когда вода загорелась в реке. Очень много тревожных статей в центральной печати. У нас 44 мл\грамм загрязнений на литр, вместо 0,01 миллиграмм. И состояние воды не улучшается, а ухудшается с каждым годом. По Иртышу плывет плёнка нефти, запах на пляже не чистый, а неприятный. У нас особенно в этом году охрана водоёмов ухудшилась. Где же забота о человеке» [6, Л. 10]. Била тревогу и областная СЭС: «Сидорова (Врач областной СЭС): Заболеваемость в Омске растет, вспышка дизентерии в пионерских лагерях, каждый день в городе регистрируется 35 случаев желудочных заболеваний. Виновата в этом городская канализация. На строительство очистных сооружений отпущено 14 млн., на этот год 1 млн. Но строительство ведётся крайне медленно. Существующие очистные эксплуатируются плохо. Стоки приходят на очистные сооружения чище, чем уходят» [6, Л. 10].

Кроме того, в результате проведенной совместной выездной проверкой постоянной комиссии по охране природы, городского отделения ВООП и городской СЭС на Омский нефтеперерабатывающий завод в январе 1966 года было установлено, что «С технологических установок завода продолжают поступать сточные воды с высоким содержанием нефтепродуктов. Большую опасность представляют собой

фенолы, сбрасываемы заводом со сточными водами в реку Иртыш в концентрациях превышающих пдк в 1000 и более раз. Проектом завода очистка сточных вод от фенолом не предусмотрена, вопросы строительства сооружений биологической очистки до настоящего времени не решены. Имеющие место случаи сброса нефтепродуктов в хоз. фекалную канализацию очистных сооружений города приводят к выходу их из строя» [6, Л. 10]. Не оставались в стороне и другие предприятия.

Например, анализы сточных вод Сажевого завода, показывали, что им ежесуточно сбрасывались свыше 400 кг. нефтепродуктов в реку Иртыш [6, Л. 58]. Не меньший вред водным ресурсам наносился и со стороны предприятий пищевой промышленности. В результате проведенных проверок в 1973-1975 года, было установлено, что «Гормолкомбинатом №2 за сутки в Иртыш с очистных сооружений сбрасывается от одной до трех тонн животного жира. Фактически биологической очистки сточных вод не происходит. Сточные воды, поступающие на очистные сооружения, содержат больше растворенного кислорода, чем после прохождения их через аэротенки, хотя при нормальной работе очистных сооружений должно наблюдаться противоположное» [7, Л. 420б].

В 1975 году членами постоянной комиссии по охране природы С.М. Стрельченя и Г.Н. Ильинов было установлено в ходе проверки, что на Омском заводе технического углерода работы по проведению природоохранительных мероприятий проводятся неудовлетворительно. «Из сбрасываемых в реку Иртыш стоков в объёме 1 млн. куб. в год, очистку проходит только 139 тыс. куб. метров, остальные 860 тыс.куб.м сбрасываются без очистки, хотя по данным анализов содержание нефтепродуктов в стоках достигает 12,3 мг/м куб. (данные СЭС Октябрьского района на 15.09.75). Из потребляемых заводом 11,6 млн. куб. воды в год, в оборотное водоснабжение включены только 8,6 млн.куб.м» [8, Л. 14].

Не редки были случаи, когда предприятия вообще действовали в обход решений контролирующих органов. Одним из таких было Омское отделение Западно-Сибирской железной дороги. На котором, в результате проверки в 1975 году отмечено, что «Несмотря на запрет отделенческой СЭС, на ст. Омск-Сортировочная производится сброс навоза из вагонов после транспортировки животных возле железнодорожных путей вблизи жилого массива, моются вагоны из-под цемента, извести, пищевых продуктов. Прилегающая территория загрязнена навозом и мусором. Не решается вопрос со сбросом сточных вод от локомотивного и вагонного депо ст. Омск-Пассажирская в коллектор городской канализации и сточные воды по-прежнему спускаются в р. Иртыш по открытому лотку, вызывая заболачивание почвы» [8, Л. 26].

Как следует из вышеприведенных примеров, ситуация с чистотой водных ресурсов в городе была катастрофическая. Причин приведшей к ней было несколько. Во-первых, это отсутствие эффективной системы очистки сточных вод. Очистные сооружения на предприятиях зачастую строились в последнюю очередь и со значительной задержкой относительно планов. Так, во время очередного заседания постоянной комиссии в 1977 году главному инженеру завода им. Октябрьской революции был задан вопрос: «Почему плохо осваиваются средства, отпущенные на охраны природы?

- Строители не любят стоить эти объекты

- Чем объяснить, что завод старый, до сих пор не имеет очистных сооружений?

- Длительное время не было средств. Вышло постановление и отпущено большие средства» [9, Л. 190б]. То есть, складывалась достаточно, парадоксальная ситуация: деньги на строительство выделялись, но предприятиями они не осваивались, поскольку важнее было ввести в строй новые производственные мощности.

Во-вторых, эта слабая способность повлиять на предприятия-нарушители со стороны постоянной комиссии, которая не обладала серьезными рычагами воздействия. Нередко случалось, что руководители организаций не являлись на заседания. Кроме того, как отмечает Макеева Е.Д. «Используемые формулировки: «предложить...», «обратить внимание...», «усилить воспитательную работу...» абсолютно формальны и ни к чему

не обязывали тех, в отношении кого выносилось данное решение» [5, с. 156]. Ряд предприятий был постоянным объектом критики со стороны комиссии, но максимум дело ограничивалось наложением штрафа на должностных лиц (обычно до 100 рублей).

В-третьих, это приоритетность интересов ведомства перед природоохранными. Необходимость выполнения плана и ввод новых промышленных мощностей практически заставлял предприятия игнорировать экологические требования. В качестве примера, здесь можно привести ситуацию с Кировским мясокомбинатом, очистные сооружения которого не работали, о чем было официально уведомлено Министерство, но ответной реакции не последовало.

В заключении следует отметить, что обвинить в неэффективности постоянные комиссии по охране природы все же не стоит. Они действовали в рамках существовавшей модели государственного управления и, по сути, выполняли функции, в том, числе и общественного контроля за деятельностью предприятий. Однако, их усилия сводились на нет приоритетом экономических показателей, а также отсутствием серьезных мер воздействия к нарушителям.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917-1991» и при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири»

Список литературы

[1] Гололобов Е.И. Деятельность природоохранных комиссий исполнительных комитетов депутатов трудящихся на севере Западной Сибири в 1960–80-е гг. (на примере Сургута и Сургутского района) // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Нижневартовск, 2018. С. 217-228.

[2] Гололобов Е.И. Документирование деятельности постоянных комиссий по охране природы исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся (1960–1980-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3(9). С.71-80

[3] Евланов В.В. Формирование территориально-республиканской системы управления охраной природы (50–80-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 4(30): в 3 ч. Ч. 1. С.70-78

[4] Закон об охране природы в РСФСР. URL: https://docs.cntd.ru/document/902066838 (дата обращения: 15.06.2022)

[5] Макеева Е.Д. Причины низкой эффективности природоохранной деятельности местных органов власти в 1960–1980 е гг. (на материалах Куйбышевского областного совета народных депутатов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. №6(69). С. 154-165.

[6] Протоколы и справочный материал постоянной комиссии Омского городского Совета депутатов по охране природы 11 созыва. // БУ ИсА (БУ Исторический архив Омской области) Ф. Р-235. Оп. 3. Д. 1217

[7] Протоколы и справочный материал постоянных комиссий Омского городского совета депутатов трудящихся 14ого состава по охране природы (1973-1975) // БУ ИсА Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4085

[8] Постановление постоянной комиссии Омского городского совета депутатов трудящихся по охране природы «О выполнении Управлением Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги Закона «Об охране природы»». // БУ ИсА Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4025

[9] Протокол заседания постоянной комиссии по охране природы Омского городского совета депутатов трудящихся. // БУ ИсА Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 4203

УДК 93

Проблемы экологии и природопользования в период строительства Ангарского каскада ГЭС в советский период (1950 – 1970-е гг.)

Рябов Юрий Владимирович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия.
ryabov.yu@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0805-8517

АННОТАЦИЯ Возведение Ангарского каскада ГЭС на в советский период было сопряжено с развитием промышленности и освоением значительного природного потенциала Восточной Сибири. Затопление огромных территорий вследствие строительства ГЭС неизбежно повлекло за собой целый ряд специфических проблем, требовавших особых решений. В статье рассматриваются наиболее сложные аспекты земельно-хозяйственного переустройства затопляемых земель, лесоочистки, а также санитарной очистки ложа Иркутского, Братского и Усть-Илимского водохранилищ — именно эти работы являлись одними из самых значимых в комплексе мероприятий, направленных на минимизацию отрицательных воздействий затопления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ангарский каскад ГЭС, подготовка ложа водохранилища, землеустройство, лесоочистка, санитарная очистка, перенос кладбищ, биотическое загрязнение; санитарная очистка.

Строительство крупных гидроэлектростанций всегда влечет за собой целый ряд определенных изменений, играющих большую роль в экологии региона, его сельском хозяйстве, инфраструктуре и изменении условий жизни населения. Вызванные эксплуатацией водохранилищ изменения не всегда просты и однозначны, поэтому создание водохранилищ, как правило, сопровождается самыми противоречивыми оценками как со стороны населения, так и специалистов. Камнем преткновения выступает различие интересов отраслей хозяйства, для которых создаются водохранилища, и интересов населения, а также тех отраслей хозяйства и природных объектов, которым наносится больший или меньший ущерб вследствие затопления, подтопления, переработки берегов и других негативных явлений. Все это ярко демонстрирует недавно завершенное строительство и запуск Богучанской ГЭС — четвертой ступени Ангарского каскада ГЭС.

В связи с вышесказанным интересным будет рассмотреть некоторые аспекты проблем экологии и природопользования в период возведения первых трех ступеней Ангарского каскада — Иркутской, Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций (1950 – 1970-е гг.).

Прежде всего, следует отметить некоторые общие черты, присущие водохранилищам крупных ГЭС. Само воздействие водохранилищ на природу и хозяйство не ограничивается одним лишь собственно затоплением. Так, в прибрежной полосе подъем уровня грунтовых вод приводит к подтоплению и заболачиванию части прибрежных территорий, сказывается на строениях и сооружениях, и тем сильнее, чем глубже заложены их фундаменты. На большей части побережий водохранилищ берега подмываются, обрушаются, просаживаются, обваливаются, случаются оползни; на крупных же водохранилищах берега отступают порой на сотни метров.

В части сельского хозяйства затопление, подтопление и другие воздействия водохранилищ приводят к нарушению внутрихозяйственного землеустройства (в рассматриваемый нами период это были колхозы и совхозы) — меняются площади и соотношение угодий, нарушаются сложившиеся севообороты, специализации отделений в совхозах и бригад в колхозах. Все это требует в той или иной степени реорганизации сельскохозяйственного производства затронутых форм хозяйствования.

Вслед за выносом из зоны затопления населенных пунктов, промышленных

предприятий и путей сообщения меняется и положение сельскохозяйственных предприятий относительно административно-хозяйственных центров, а также мест сдачи, продажи и переработки сельскохозяйственной продукции, возникают перебои снабжения удобрениями, техникой, горючим и т.д.

Однако такие изменения не всегда носят отрицательный характер, оборачиваясь порой и положительными свойствами. Помимо уже перечисленных, на сельское хозяйство влияют также многие другие косвенные факторы, относящиеся по большей части к общему влиянию гидротехнического строительства и вызываемого им промышленного развития: строящаяся ГЭС и возникающие вокруг нее предприятия ведут к оттоку рабочей силы из сельского хозяйства на новые стройки; в районе гидроузла и водохранилища множатся и растут поселки и города — и вот появляется большой и постоянный спрос на продукты сельского хозяйства: свежее молоко, мясо, яйца, овощи и фрукты.

Не стоит забывать и о том, что ГЭС и подведенные к ней ЛЭП улучшают условия электрификации сельского хозяйства, а подвод к гидроузлу железных и шоссейных дорог, создание водных путей по водохранилищу и его притокам в свою очередь улучшают транспортные связи района, в том числе многих колхозов и совхозов. Подобных взаимосвязанных и не всегда очевидных факторов великое множество.

Также под влиянием подтопления и изменений микроклимата происходят изменения в почвенном покрове, растительности и животном мире. Водохранилища вместе с образующими их плотинами вносят существенные изменения и в гидрологический, гидрохимический и гидробиологический режимы рек [1, с. 7].

Итак, главное и коренное противоречие заключается в различии интересов тех отраслей хозяйства, для которых создаются водохранилища, с одной стороны, и интересов населения, отраслей хозяйства и природных объектов, которым наносится тот или иной ущерб вследствие затопления, подтопления, переработки берегов и других негативных явлений — с другой.

Основным же отрицательным последствием создания водохранилищ для сельского хозяйства является затопление сельскохозяйственных угодий.

У колхозов, совхозов, подсобных хозяйств и других сельскохозяйственных предприятий из землепользования изымаются земли, находящиеся в обеих зонах постоянного затопления, так как плановое сельскохозяйственное использование земель в этой зоне невозможно. Степень затопления сельскохозяйственных угодий неодинакова и на разных участках водохранилища. В нижних и средних зонах водохранилищ затопляются значительные площади пахотных, огородных и усадебных земель, вверх по течению удельный вес пашни и усадебных земель уменьшается, а сенокосов — увеличивается.

Так, в зону затопления и подтопления водохранилища Братской ГЭС попали земли колхозов и совхозов — площадь сельскохозяйственных угодий — 166,3 тыс. га, из них пахотных — 45,9 тыс. га (27,6%), усадебных — 6,1 тыс. га (3,7%), сенокосов — 53,3 тыс. га (32,0%), выгонов — 61,0 тыс. га (36,7%). Наибольшие потери сельскохозяйственных угодий понесли районы: Братский — 77,6%; Тангуйский — 15,6; Усть-Удинский — 53,9; Балаганский — 30,0; Боханский — 21,3 и Усольский — 13,7%. При проектировании мероприятий по подготовке ложа водохранилища к затоплению учитывалась перспектива развития и необходимая реконструкция отдельных объектов народного хозяйства.

Новые сельскохозяйственные угодья были созданы путем освоения подлесных земель. Учитывая значительные трудности освоения подлесных земель и низкую (60% потребности) обеспеченность трудового баланса колхозов и совхозов, по согласованию с Министерством сельского хозяйства РСФСР было принято решение установить объем первой очереди освоения подлесных земель при подготовке водохранилища в

размере 90 тыс. га взамен изъятых 166,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Проектом земельно-хозяйственного устройства по левому берегу Ангары были выявлены наиболее плодородные подлесные земли с гумусовым слоем до 10–15 см. В большинстве своем намеченные к освоению земли представляли собой участки старопахотных земель, заросшие смешанным лесом 20–50-летнего возраста. Освоение таежных земель по правому берегу Ангары в пределах Братского района было признано нецелесообразным из-за трудности их освоения, а также бедности почв данной местности. Поэтому все население, проживающее по правому берегу Ангары и занимающееся сельским хозяйством, было переселено в междуречье Оки и Ии. Дальность переселения составила от 50 до 100 км.

В связи с увеличением населения в Братском районе уже в 1957 г. на базе колхозов, попадающих в зону затопления, был организован крупный Братский совхоз. Впоследствии были организованы еще Тангуйский и Кобляковский совхозы.

Схожим образом ранее, при переустройстве земель в период строительства Иркутской ГЭС, на ангарском участке водохранилища был создан новый хозяйственный центр Столбово, а в колхозе им. Ленина было освоено за счет средств госбюджета 1,5 тыс. га новых земель.

Однако, вернемся к Братской ГЭС. Земельно-хозяйственное устройство землепользователей Усть-Удинского района было проведено с освоением новых подлесных земель на водоразделе между реками Уда и Ангара, в южной части района. На эти земли было переселено население с правого таежного берега Ангары, расположенного севернее Уды, с расстоянием переселения до 120 км. В остальных районах освоение подлесных земель было организовано на залесенной территории гослесфонда и госземфонда вблизи новых и существующих населенных пунктов.

Для выполнения большого объема работ по освоению подлесных земель был создан специализированный областной трест, подведомственный Иркутскому облисполкому.

Следует отметить, что помимо восстановленных 90737 га плодородных земель у землепользователей районов, затронутых водохранилищем, осталось вне зоны затопления около 509 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Также в результате строительства Братской ГЭС появилась возможность полностью электрифицировать сельское хозяйство на базе дешевой электроэнергии, повысить его продуктивность, поднять производительность труда и улучшить трудовой баланс землепользователей. Также созданное водохранилище позволило обводнить и улучшить водоснабжение Усть-Удинского, Боханского и Аларского районов, весьма крупных производителей зерна (пшеницы) и продуктов животноводства [2, с. 222].

При затоплении ложа водохранилища Усть-Илимской ГЭС невосполнимой потерей для района стало затопление 14,7 тыс. га сельскохозяйственных угодий знаменитой Илимской пашни. Из всей площади затопленных земель 64% составляли пойменные земли, а сенокосы и пастбища, все 100%, находились в поймах Илима, Ангары и их притоков.

В июне 1965 г. были проведены общие собрания во всех колхозах, на которых были рассмотрены вопросы выбора новых площадок. Члены колхозов приняли единогласное решение о преобразовании колхозов в совхозы и о переезде колхозов им. XX партсъезда (д. Туба), им. Куйбышева (д. Коробейникова) и им. Калинина (д. Большая) на новую площадку Рудногорского совхоза, участок Рудногорск; колхоза им. Кирова (д. Игнатьева) — на участок Читорма Рудногорского совхоза; колхозов «Путь к коммунизму» и «40 лет Октября» — на площадку Уфимцево Березняковского совхоза. На компенсационных земельных фондах, изысканных в районе г. Железногорска, предполагалось создать совхоз «Коршуновский» с перебазированием на его земли подсобного хозяйства Коршуновского горно- обогатительного комбината, организованного в 1965 г. на базе колхоза «Память Ленина».

В дальнейшем в совхоз «Коршуновский» было решено переместить колхоз им. Кирова, а также колхоз им. XX партсъезда, так как разместить на землях Рудногорского совхоза 4 колхоза было трудно. Изменению решения этих колхозов способствовало и то, что к концу 1967 г. был составлен и утвержден проект застройки поселка Новая Коршуниха [4, Л. 18, 19].

В марте 1968 г. приказом по Иркутскому областному управлению мелиорации и водного хозяйства была организована Коршуновская машинно-мелиоративная станция с базированием на площадке будущего поселка совхоза «Коршуновский». Назначение Коршуновской ММС — освоить новые земли из-под тайги в пашню для колхозов, подлежащих переселению из зоны затопления, взамен затопляемых сельхозугодий.

За период с 1970 по 1974 г., когда совхозы переселились из зоны затопления на новые земли и началось наполнение водохранилища, было освоено под пашню по всем трем совхозам 5251 га из 14240, или 37% от проектной площади, в том числе и в совхозе «Коршуновский» — 2973 га из 7489, или 40% от проекта, в совхозе «Березняковский» — 1259 га из 2319, или 54% и в совхозе «Рудногорский» — 1019 га из 4432, или 23% от проекта. К моменту пуска всех агрегатов Усть-Илимской ГЭС в 1979 г. для совхозов района было освоено под пашню только 9611 га, или 67% от проектной площади. Так, сельское хозяйство снова оказалось на задворках [3, с. 226]. Сельское хозяйство района не получило замены затопленных сельхозугодий ни по количеству, ни по качеству [3, с. 244].

Нельзя не сказать и о другом важном мероприятии, связанном с подготовкой ложа водохранилища и имеющим непосредственное отношение к экологии — лесоочистке затапливаемой территории. Назначением лесоочистки является подготовка водохранилища к будущему хозяйственному использованию и вместе с тем обеспечение благоприятных санитарно- гигиенических условий для населения.

По Иркутской ГЭС площадь проведения работ по лесосводке и лесоочистке на Ангарском участке составила 7339 га, все работы на участке были выполнены в срок. По Бурятскому участку работы по лесосводке были выполнены на площади 517 га, в том числе 349 га в Кабанском районе (район Большой Речки) и 168 га в Баргузинском районе (севернее реки Баргузин).

Для Братской ГЭС по итогам работ из площади 326 тыс. га, фактически требовавшей лесоочистки, было оставлено под затопление без производства лесоочистных работ 144 тыс. га, а принято под затопление с производством работ — 177 тыс. га. В результате сокращения объемов лесоочистных работ экономия составила 25,3 млн руб. на прямые работы и 2,2 млн на сопутствующие.

Наблюдения за всплывающей древесиной, проводившиеся с 1962 по 1964 г. Ангарской изыскательской экспедицией института «Гидропроект», показали, что затопленная древесина не имела отрицательного воздействия на нормальную работу ГЭС, а также на судоходство, рыболовство и другие отрасли промышленности, биологический состав воды не ухудшился.

Для Усть-Илимской ГЭС общая площадь лесоочистки составила 32,4 тыс. га — 27,8 тыс. га непосредственно в зоне водохранилища, еще 4,6 тыс. га — на землях компенсационных фондов. Несмотря на трудности и отставание в работе, все работы по подготовке ложа водохранилища Усть-Илимской ГЭС были закончены в срок.

Помимо лесоочистки в комплекс мероприятий по подготовке водохранилища входит также санитарная очистка, подразумевающая ликвидацию поселений, попадающих в зону затопления, изъятие (консервацию) скотомогильников и, конечно, мест захоронений людей. Наибольшую опасность представляли объекты потенциальной биотической угрозы.

Разработкой мероприятий по санитарной очистке ложа водохранилищ занималось Министерство здравоохранения СССР, соответствующие обязательства возлагались на Иркутскую, Братскую и Усть-Илимскую ГЭС постановлениями Совета Министров СССР

соответственно от 27 сентября 1952 г. № 4314, 24 марта 1956 г. № 389 и 23 сентября 1968 г. № 750. За выполнение работ по санитарной очистке отвечал исполком областного Совета депутатов трудящихся.

Санитарная очистка усадебных территорий производилась, по существу, одновременно с переселением населения и переносом строений на новые места. Навоз, солома, строительный мусор, остатки гнилой древесины и т. п. подлежали сжиганию на месте, металлический лом собирали и вывозили за территорию зоны затопления. Навоз, не поддающийся сжиганию вследствие большой влажности, а также нечистоты из помойных и выгребных ям (в случае, если они не могли использоваться в качестве удобрений) предписывалось разбросать слоем толщиной до 10 см и в целях быстрейшей минерализации перепахать не позднее, чем за один летний сезон до затопления очищаемой территории [5, с. 57].

В зоне затопления ложа водохранилища Иркутской ГЭС были приняты подготовленные к затоплению территории 141 населенного пункта; Братской ГЭС — 300 (из них с оценкой «отлично» 58, с оценкой «хорошо» — 157); Усть-Илимской ГЭС — 30.

Кроме населенных пунктов под затопление попадали и промышленные предприятия. Так, в зоне затопления Иркутской ГЭС находились четыре рыбозавода; рыбокомбинаты в Усть-Баргузине, Нижне-Ангарске, на острове Ольхон; Большереченская судоверфь рыболовного судостроения на р. Ангара; Тальцинский стеклозавод; судостроительная верфь им. Ярославского в пос. Лиственичное, а также несколько леспромхозов и сплавных контор.

Для каждого предприятия были определены специфические, обусловленные характером производства меры по очистке территории. Например, Тальцинскому стеклозаводу было необходимо очистить территорию завода от загрязнения посредством измельчения и распределения тонким слоем по всей территории стеклового шлака и сульфата натрия. Дирекции Большереченского леспромхоза и Ангарского лесхоза должны были обеспечить очистку собственных территорий от загрязнения, отбросов, коры, щепы, шлака и угля [6, Л. 16].

В зоне затопления Братской ГЭС в числе наиболее крупных объектов санитарной обработки оказались Усольский сользавод, Заярский мельзавод, объекты Ангарстроя, завод Востсибэлемент и Иркутский мясокомбинат (скотооткормочные пункты и бойни) [7, Л. 26]. В зоне затопления Усть-Илимской ГЭС наиболее сложными объектами были признаны Шестаковский сользавод и Нижнеилимский аэропорт [3, с. 136].

Предстояло перенести и кладбища, попадающие в зону затопления. Мероприятия по обработке мест массового захоронения являлись одними из самых трудоемких из всего комплекса по санитарной подготовке водохранилищ. Точные объемы работ зачастую невозможно было определить ввиду возраста и плотности захоронения, как это было наглядно продемонстрировано практикой зачистки по Братскому водохранилищу. Опыт в дальнейшем применялся при переносе захоронений из зоны затопления Усть-Илимского водохранилища.

Перед началом работ устанавливалось примерное количество захоронений и объем работ, выделялись средства. Довольно часто кладбище располагалось далеко от новой площадки, поэтому по приезду на место бригада строила временное жилье с кухней и баню-санпропускник [8, Л. 293], которые по окончании работ сжигались [8, Л. 35]. Только после этого можно было начинать работы, которые сами по себе носили весьма специфический и тяжелый характер.

Перечень работ определялся санитарными правилами проектирования, строительства и эксплуатации водохранилищ. Сначала вручную проводилось откапывание могил с извлечением гробов с останками, затем могилы засыпали, а вынутые останки перекладывали в новые гробы с посыпкой хлорной известью, после чего производилось захоронение на новом месте [9, Л. 148]. При плохой сохранности

гроба его остатки сжигались на месте. В новую могилу гробы или ящики с останками укладывались с таким расчетом, чтобы верхний слой земли был не менее 1,8–2,0 м. Также в число производимых на новых кладбищах работ входило устройство штакетной изгороди вокруг новых мест захоронений, а также устройство обелисков.

Рабочих, занимавшихся перезахоронением, прививали против столбняка и сибирской язвы, а также обеспечивали тремя комплектами спецодежды и обуви (резиновые сапоги, резиновые рукавицы, респиратор или марлевая повязка, закрывающая рот и нос). Ежедневно по окончании работ спецодежда и обувь подвергались дезинфекции: комбинезоны замачивали на протяжении 2-х часов в 2%-ном растворе хлорамина или 5%- ном — лизола из расчета 5 л дезраствора на 1 кг сухой одежды, резиновые сапоги и перчатки обрабатывали одним из указанных растворов снаружи, марлевые повязки сжигали.

Обезвреживание должно было осуществляться централизованно — стирка спецодежды в домашних условиях строго воспрещалась. Инструмент, применявшийся при производстве работ по переносу трупов и останков, запрещалось выносить за пределы кладбища до окончания всех работ. Транспорт для перевоза останков подлежал ежедневной дезинфекции. Зачастую останки перевозились на моторной лодке.

Индивидуальное перезахоронение проводилось по личным заявлениям граждан на имя начальника районного отдела зоны затопления (или же по подготовке водохранилища) с просьбой о проведении индивидуального захоронения, в том числе с указанием, с какого кладбища надлежит перенести останки и на каком перезахоронить останки родственников. После проведенных работ факт произведенного индивидуального перезахоронения также фиксировался специальным актом за подписью учетчика, бригадира и санврача.

В остальных случаях перезахоронение велось массово. Сама территория переносимого кладбища очищалась от намогильных знаков, обелисков, оградок – деревянные спиливались и сжигались, металлические срезались, выкапывались и вывозились за пределы зоны затопления.

При организации водохранилища Иркутской ГЭС в зоне затопления оказались три кладбища — в с. Михалево, с. Большой Разводной и с. Тальцы [10, Л. 22]. На территории бывшей большеразводнинской церкви имелись захоронения многолетней давности (не позднее 1897 г.). Поскольку эти места попадали в зону глубокого затопления, они не подлежали переносу [11, Л. 41].

Из зоны переработки берегов Братского водохранилища были вынесены захоронения с территории 48 кладбищ, а также индивидуальные захоронения и братские могилы времен гражданской войны, захоронения воинов Великой Отечественной войны [7, Л. 36].

В зону затопления Усть-Илимской ГЭС попали кладбища с. Илимск, пос. Шестаково, два кладбища в населенном пункте Дубынино и по одному в деревнях Антоново, Московское, Матера, Грехуткино, Селезнева, Игирма, Бурнино и Тенга [8, Л. 301]. Кладбища были перенесены в 1970–1971 гг. Кладбища населенных пунктов Бурнино и Грехуткино перенесли на неиспользуемые участки пашни на о. Бурнин; Антоново, Московское и Матера — на площадку в 1 га на 800 м к северо-востоку от с. Матера, на участок, не обрабатывавшийся в течение 56 лет [8, Л. 299].

Следует отметить, что население в целом спокойно восприняло решение о переносе кладбищ, многие сами переносили могилы родственников из зоны затопления. Для этого на имя начальника районного отдела по подготовке водохранилища родственниками умерших подавалось заявление с просьбой разрешить перезахоронение останков с указанием старого места захоронения и предполагаемого нового. После чего желающему перенести останки выдавалась справка, разрешающая перенос, с указанием причин смерти родственников и отметкой о разрешении перевоза останков в простом гробу [8, Л. 269].

Также отдел по подготовке водохранилища шел навстречу и выплачивал незначительные суммы на компенсацию затрат на перезахоронение, а санитарные врачи разъясняли меры безопасности при проведении данных работ. В некоторых случаях жители новых поселков продолжали хоронить умерших на старых кладбищах [3, с. 294].

При обследовании кладбищ населенных пунктов Антоново и Матера было установлено, что в результате многолетнего действия кладбищ (порядка 300 лет) на их ограниченной площади производилось неоднократное захоронение, вследствие чего произошло полное смешение останков и гробов. Работы по перезахоронению проводились методом индивидуального вскрытия могил с прощупыванием и подкапыванием в стороны для обнаружения прилегающих гробов, что не гарантировало полного извлечения останков [8, Л. 295]. В результате кладбища числятся перенесенными, однако часть кладбища Антоново до сих пор находится в зоне переработки берега: прибойная волна обнажает гробы и останки.

Для кладбища в Бурнино и ряда других использовался метод сплошной перекопки — было перенесено 962 захоронения, с погоста пос. Грехутка — 428, с. Дубынино — более 1 000. Некоторые кладбища (например, упомянутого Дубынино) были настолько старыми, что невозможно был установить точные их границы, поэтому на территории кладбища могли быть расположены жилые и хозяйственные постройки.

Необходимо было также перенести или укрепить скотомогильники. Их территории, расположенные в зоне затопления, обрабатывалась хлорной известью; кости и другие остатки сжигались или вывозились за пределы зоны затопления. Скотомогильники, в которых могли быть захоронены животные, павшие от сибирской язвы, укреплялись в целях предотвращения их размыва. Перенос сибироязвенных скотомогильников разрешался лишь в отдельных случаях, с соблюдением ряда специальных условий.

Все работы по переносу скотомогильников должны были проводиться в присутствии государственного санитарного и ветеринарного надзора, с обязательным оформлением акта. При переносе скотомогильников все работы максимально механизировались. Производилась сплошная выемка грунта на глубину 3 м, при переносе почвы и трупов животных то и другое по мере извлечения смачивалось для предупреждения распыления и частичного обеззараживания 15%-ным раствором ДТС ГК (дветретиосновной соли гипохлорита кальция) или 20%-ным раствором хлорной извести и во влажном виде грузилось на самосвалы, которые покрывались брезентом, смоченным дезраствором.

Перезахоронение трупов животных и грунта производилось в траншеи глубиной не менее 3 м, вырытые на специальных участках, согласованных с органами санитарно-эпидемиологической и ветеринарной служб. Рабочие, занимавшиеся перезахоронением, подлежали врачебному наблюдению в процессе работы и в течение 10 дней после ее окончания. Комплект спецодежды и обуви и меры дезинфекции были такими же, как при переносе кладбищ.

По мере окончания работ на отдельных участках или объектах, будь то территория усадьбы или кладбища, представители управления подготовки водохранилища и государственной санитарной инспекции производили приемку площадей, подготовленных к затоплению, с составлением соответствующих актов. Кроме указанных мероприятий при санитарной подготовке водохранилищ для охраны грунтовых вод от загрязнения производилось закрытие (тампонаж) артезианских, геологоразведочных и других скважин, переустройство и строительство очистных сооружений коммунальных и промышленных канализационных сетей [1, с. 301].

Таким образом, все мероприятия по подготовке ложа водохранилищ ангарских ГЭС были направлены на минимизацию отрицательных последствий при затоплении и на использование в наибольшей степени последствий положительных.

В части земельно-хозяйственного переустройства, несмотря на все старания,

выделенные новые участки не смогли скомпенсировать прежние ни объемом, ни качеством, что особенно применимо к безвозвратно утерянной знаменитой Илимской пашне — тем не менее за счет укрупнения совхозов и создания новых хозяйственных центров, электрифицированных и обводненных лучше предшествующих, эффективность сельского хозяйства на новых площадках удалось сохранить на высоком уровне.

В ходе лесоочистки были вырублены миллионы кубометров древесины. Тем не менее в сложных условиях работ по лесоочистке в зоне затопления водохранилища Братской ГЭС практически половина от всего объема была оставлена под затопление. Лесоочистка была проведена с многочисленными недостатками, причиной тому послужило отсутствие контроля со стороны лесхозов Министерства лесного хозяйства, Госбанка, Госстройбанка и дирекции Братской ГЭС, которая практически была отстранена от контроля. Также усугубило ситуацию то, что работы выполнялись по установленному сверху плану, а не на основе договора между дирекцией Братской ГЭС и лесозаготовителями, это привело к неправильной расстановке приоритетов между лесозаготовкой и лесоочисткой. Однако, даже в таких условиях это не привело к ухудшению экологической обстановки, но позволило сэкономить значительные средства, в т.ч. денежные и людские ресурсы.

Проведенная огромная работа по санитарной очистке ложа водохранилищ Ангарского каскада заслуживает весьма высокой оценки — в ходе мероприятий было вынесено порядка сотни гражданских кладбищ и скотомогильников, очищена и убрана огромная территория на месте бывших населенных пунктов и промышленных предприятий.

Таким образом, несмотря на испытываемые временами затруднения, органы власти общесоюзного, республиканского и областных уровней делали все возможное в сложившихся непростых условиях, чтобы подготовить ложа ангарских водохранилищ в срок, с минимальными издержками и наибольшей эффективностью. В общем и целом, эти работы были выполнены на достойном уровне, что позволило, в конечном счете, обеспечить своевременный запуск крупнейших сибирских гидроузлов.

Список литературы

[1] Авакян А.Б., Шарапов В.А. Водохранилища гидроэлектростанций СССР. М.: Энергия, 1968. 384 с.
[2] Братская ГЭС имени 50-летия Великого Октября / гл. ред. А.А. Беляков. М.: Энергия, 1974. Т. 1. 404 с.
[3] Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Иркутск, 2002. 420 с.
[4] Архивный отдел администрации Нижнеилимского муниципального района. Ф. 30. Оп. 1. Д. 96.
[5] Вдовин А.В. Подготовка ложа водохранилищ при строительстве гидроэлектростанций. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1955. 68 с.
[6] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1933. Оп. 7 (ОЦ). Д. 1236.
[7] Архивный отдел администрации г. Братска (АОАгБ). Ф. 137. Оп. 1. Д. 162.
[8] АОАгБ. Ф. 48. Оп. 2. Д. 133.
[9] ГАИО. Ф. Р-2860. Оп. 1. Д. 14.
[10] ГАИО. Ф. Р- 2879. Оп. 1. Д. 58.
[11] ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7 (ОЦ). Д. 1368.

УДК 94 (47) (571)

Изучение традиционного природопользования и хозяйственного быта коренных народов Приенисейской Сибири как часть этнографических исследований сотрудников местных научных обществ и музеев в последней четверти XIX – начале XX вв.

Хорина Вера Владимировна
Ведущий архивист, Государственный архив Красноярского края, г. Красноярск, Россия.
scd.nb.kgau@mail.ru

АННОТАЦИЯ В последней четверти XIX – начале XX вв. в Енисейской губернии появились городские музеи и научные общества. Одним из основных направлений их деятельности стало этнографическое изучение местных народов, в том числе традиций, способов и особенностей хозяйственной практики. В этот период состоялось несколько десятков экспедиций и экскурсий, организованных Минусинским и Красноярским музеями, Красноярским подотделом Русского географического общества, Енисейским губернским статистическим комитетом и другими государственными и общественными организациями, результатом которых стало накопление и изучение полезных сведений о хозяйственном быте и традиционном природопользовании коренных жителей Приенисейского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, коренные народы, музеи, научные общества, этнография, изучение природопользования и хозяйственного быта..

Интерес учёных различных направлений к традиционной материальной и духовной культуре коренных народов Сибири возник ещё в начальный период освоения этой огромной территории, представлявшей собой, на тот момент, одно сплошное «белое пятно». Благодаря усилиям сотрудников научных экспедиций и командировок, организованных Российской академией наук и центральными крупными научными обществами (кстати, довольно немногочисленных), а также местных сибирских учёных-энтузиастов, – в подавляющем большинстве своём самоучек, в XVIII – начале XX вв. были собраны весьма обширные материалы, описывающие (на уровне развития исторических знаний и методологии того времени) многие явления традиционной культуры автохтонных народов Сибири, их уникальные черты и взаимосвязи. Чуть позже, – уже в советское время, – на основе этого весомого, накопленного за два века, фундамента ценных сведений и научных знаний, происходило глубокое теоретическое осмысление и научная систематизация, создавшие в результате современную этнографическую науку в Сибири.

В последней четверти XIX – начале XX вв. в Енисейской губернии стали массово возникать городские музеи и добровольные научные общества, многие из которых сделали одним из главных направлений своей деятельности изучение традиций, обычаев и особенностей хозяйственной практики местных коренных народов. В этот период времени основными районами компактного проживания «инородцев» (хакасов и сойтов-тувинцев) на юге губернии были Кызыльская и Мелецкая управы Ачинского округа, Абаканская и Аскизская управы Минусинского округа и Усинский пограничный округ. На севере же коренные народы – ненцы (юраки), селькупы (остяки-самоеды), кеты (енисейские остяки), энцы (самоеды), нганасаны (авамские самоеды), эвенки (тунгусы), долганы и якуты – проживали повсеместно от Ангары и до самого устья Енисея, по обоим его берегам (в Енисейском уезде и на всей территории Туруханского края).

Нужно отметить, что субъективно русские «пришельцы» не воспринимали коренных жителей Сибири, как равных. Л.И. Шерстова, изучившая проблему взаимоотношений

русского населения и тюркских народов Южной Сибири, пишет о том, что, чаще всего руководствуясь в своих оценках критериями только европейской культуры, русские учёные-путешественники, а за ними и крупные государственные чиновники XVIII – первой половины XIX вв. наделяли народы, издавна проживавшие, в том числе, на территории современных Хакасии и Тувы (и даже не так давно имевшие собственную государственность, либо входившие в государства Центральной Азии), чертами дикости и варварства всего на одном основании – они не похожи на европейцев, а значит являются «первобытными», особенно учитывая их явный общественный и экономический регресс, который русские соседи этих народов наблюдали своими глазами в течение полутора-двух столетий. Во второй половине XIX в., с обострением земельного вопроса в Сибири и ростом числа конфликтов по этому поводу между русским и коренным населением, расхожее представление о «неразвитости» местных народов только усиливалось [40, с. 131-132].

В конце XIX – начале XX вв. даже наиболее «продвинутые» исследователи и знатоки местного автохтонного населения юга Енисейской губернии считали, что эти народы постепенно деградируют, утрачивая свои былые традиции и обычаи. Так, например, исследователь степного права Д.Е. Лаппо написал: «Я думаю, что минусинские инородцы в культурном отношении понижаются: они утрачивают те нравственные идеалы, которыми жили их предки, придерживаясь древних верований, и взамен не приобретают иных, современных христианских идеалов; они утратили древнейшую культуру, приспособленную к степным условиям мирных номадов, и взамен не приобрели нашей европейской культуры промышленного общества» [23, с. 2-3].

А чиновник, член Енисейского губернского статистического комитета П.Е. Кулаков о будущем минусинских хакасов рассуждал таким образом: «Вопрос о печальной участи инородцев, как более слабого и менее культурного племени, предрешён биологическими законами. Разрешение инородческого вопроса заключалось, как и до сих пор заключается, именно в том, чтобы повышением культурных и экономических форм сообщить инородцам силу для борьбы за своё существование. Повышение же и развитие форм могло состояться исключительно лишь приближением инородческого уровня к уровню более сильной расы, русской, то есть исключительно лишь путём обрусения» [18, с. 4].

Такие оценки были весьма распространены в Енисейской губернии среди образованных людей. Северные же народы, обитавшие в гораздо более суровых природных условиях и имевшие совсем уж «нецивилизованный» внешний вид, считались совершенными дикарями даже по сравнению с хакасами и тувинцами.

И тем не менее, эти «сибирские дикари» не только веками сами выживали в местном климате в тундре, густой тайге и засушливых степях, но и обучали своим приёмам хозяйствования и бережного природопользования прибывающих в Сибирь русских крестьян, абсолютно непривычных к таким условиям (в свою очередь заимствуя у них новые полезные навыки, приёмы и инструменты) [4; 38; 39]. Они умели разводить местный «морозоустойчивый» скот, ловить рыбу и морского зверя, добывать в тайге мясо, меха и разные растительные дары леса (орехи, грибы, ягоды, лекарственные растения и т.п), строить системы орошения полей и т.д. И, даже несмотря на то, что многие их традиционные хозяйственные методы были исключительно экстенсивными, присваивающими, эти знания и умения коренных народов могли быть полезными и заслуживали пристального изучения не только в смысле «материала для музея», но и, вполне возможно, для применения их на практике.

В данной статье мы коротко вспомним основные научные исследования, проведённые сотрудниками музеев и научных обществ Енисейской губернии, в ходе которых изучалось, в числе прочего, традиционное природопользование и хозяйственный быт местных коренных народов.

По сути, первым действительно научным учреждением в губернии стал Минусинский

городской музей, основанный в 1877 г. Николаем Михайловичем Мартьяновым. Имея небольшой официальный штат, музей охотно пользовался помощью и участием своих многочисленных внештатных сотрудников, друзей и сочувствующих. Так, при музее работали и проводили научные исследования отбывавшие срок в г. Минусинске политические ссыльные: Д.А. Клеменц, Ф.Я. Кон, П.А. Аргунов, К.И. Горощенко, Е.К. Яковлев, В.А. Ватин и др.

На протяжении всего «мартьяновского» периода деятельности музея для него была весьма характерна экспедиционная и экскурсионная деятельность. Все его штатные и неофициальные сотрудники время от времени отправлялись (чаще всего в летний период) в путешествия по Минусинскому и соседним округам для пополнения музейных коллекций, а следовательно – и сведений о местном крае в различных отношениях (ботаническом, геологическом, археологическом, этнографическом и т.д.). Например, летом 1898 г. Е.К. Яковлев и А.А. Ярилов отправились в поездку по Минусинскому округу, чтобы ознакомиться именно с его этнографическими особенностями, собрав соответствующий материал [29 с. 9]. А годом ранее (летом 1897 г.) музей участвовал в подготовке и снаряжении экспедиции этнографа-краеведа П.Е. Островских в Урянхай (Туву) к тувинцам-тоджинцам по заданию Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО). Ознакомившись с хозяйством и бытом скотоводов Тоджи, Островских собрал богатый материал антропологического, этнографического и лингвистического характера, большая часть которого (кроме кратких отчётов), к сожалению, так и не была издана [5, с. 9-10].

В 1899, 1902-1903 гг. (вновь по поручению ВСОРГО) музейщики помогли организовать ряд экспедиций Ф.Я. Кона в Урянхайский край, итогом которых стало большое собрание предметов, фотографий, записей и ценных сведений, иллюстрирующих материальную и духовную культуру урянхайцев-сойотов (в том числе их хозяйственно-экономическую жизнь и быт), и довольно подробное этнографическое, историческое и экономическое описание этого обширного, но малоисследованного края [15, с. 348-547]. Основная часть коллекции Кона ныне находится в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге.

Кстати, эти экспедиции поддержал материально и лично Г.П. Сафьянов – крупный минусинский купец-промышленник и неофициальный «урянхайский губернатор». Георгий Павлович приобрёл самые обширные знания об Усинском пограничном округе и Урянхае-Туве, регулярно путешествуя по своим торговым и хозяйственным делам. Он отлично знал быт, традиции, обычаи сойотов и охотно делился этими знаниями с приезжими учёными.

Г.П. Сафьянов являлся председателем комитета Минусинского городского музея и членом Восточно-Сибирского отдела РГО, имел ряд работ о Туве, в том числе два больших этнографических очерка, оставшихся неопубликованными – «Сведения о сойотах» и «Записки об урянхайцах» [27, с. 79-83; 31, с. 336-338; 34; 35].

28 января 1901 г. открылся Красноярский подотдел ВСОРГО. С первых же дней своего существования он развернул самую активную научную – в том числе экспедиционную – деятельность. В 1902-1903 гг. была организована упомянутая выше экспедиция Ф.Я. Кона в Урянхай, а также комплексная экспедиция В.А. Ошуркова в Западные Саяны (где, в числе прочего, была собрана и небольшая этнографическая коллекция). В 1899-1904 гг. П.Е. Островских был помощником податного инспектора в Туруханском крае. В течение этих 5 лет он, параллельно со своими служебными обязанностями, осуществлял физико-географические и этнографические исследования, изучая, в частности, экономику, быт и культуру долган, остяков, тунгусов, самоедов, юраков и ессейских якутов. Значительную часть собранных материалов Островских высылал в Подотдел, членом которого являлся [6, с. 65-66; 9; 13, с. 65, 70; 33].

В конце 1903 г., по договорённости с Красноярской городской управой, Подотдел получил в своё управление Красноярский городской музей, до этого момента не

отличавшийся особыми успехами в научной деятельности. В начале декабря 1904 г. в Красноярск прибыл из Саратова новый консерватор (директор) музея – учёный-орнитолог А.Я. Тугаринов, который фактически подарил этому учреждению второе рождение. Именно в период работы Аркадия Яковлевича деятельность музея оказалась самым тесным образом связана с исследованиями Красноярского подотдела ВСОРГО.

Так, в 1905-1910 гг. штатные и внештатные сотрудники музея приняли участие во многих экспедициях Подотдела, в том числе этнографических: А.И. Анучин в 1905-1908 гг. привёз интересный этнографический материал о жизни и повседневном быте остяков-енисейцев, кетов и тунгусов Туруханского края; А.И. Колмогоров произвёл статистико-экономическое обследование коренного населения Енисейского уезда, составив как пообщинные, так и общие описания нескольких волостей; небольшие этнографические коллекции из Туруханского края присылали И.И. Бердников, К.А. Масленников и К.М. Рычков, [2, л. 34-42; 6, с. 66; 10, с. 38-45; 14, с. 98-99; 30, с. 37-40, 56-60, 79-85].

Большое количество различных материалов и коллекций этнографической тематики регулярно привозили из своих научных поездок штатные сотрудники музея – сам А.Я. Тугаринов, его помощник А.П. Ермолаев и др. Так, в 1907-1908 гг. А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова, А.П. Ермолаев и работавший при музее художник Д.И. Каратанов производили комплексные (физико-географические, геологические, зоологические, ботанические и др.) исследования в устье Енисея, заодно собирая коллекции по этнографии местных народов. Они обследовали Туруханск, Курейку, Дудинку, Селиваниху, Насоновские и Бреховские острова и т.д., выполнив титанический объём научных работ.

В период с 1911 по 1917 гг. состоялись экспедиции А.Я. Тугаринова, В.И. Тугариновой и П.Я. Вологдина в Туруханский край для пополнения коллекций северной фауны, а также сбора этнографических сведений о долганах, энцах и ненцах, А.П. Ермолаева в Приангарье для сбора этнографического материала и обследования местных архивов и др. В 1915 г. А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова, Г.П. Миклашевская, А.П. Ермолаев, М.Г. Робустов и В.П. Сибирцев выезжали в длительную и сложную экспедицию в Урянхайский край, исследовав большую его часть, передвигаясь на плотах по Енисею, на лошадях и т.д. (в результате чего в Красноярский музей поступило несколько прекрасных коллекций, в том числе предметы повседневного хозяйственного быта тувинцев-тоджинцев и хакасов). [1, л. 69; 3; 5, с. 12; 6, с. 66-68; 11, с. 79; 16, с. 50; 30, с. 4, 11, 26-28; 32, с. 35-40, 66-67, 74-75; 36]

Строительство на рубеже XIX-XX вв. Транссибирской железной дороги и очередной этап земледельческой колонизации Сибири (связанный с массовым крестьянским переселением) усилили интерес органов государственной власти к изучению накопленного как местными русскими крестьянами-старожилами, так и автохтонным населением опыта в освоении этого региона и изменений в их традиционном образе жизни, произошедших в процессе взаимного культурного общения. Поэтому в конце XIX в. многие сибирские статистические комитеты активизировали свои исследования по сбору сельскохозяйственной статистики и организовали (совместно с центральными научными учреждениями) целый ряд экспедиций по изучению сельского населения Сибири [12, с. 31-32]

Летом 1897 г. Енисейский губернский статистический комитет направил экспедицию в составе секретаря комитета П.Е. Кулакова, А.А. Кузнецовой и А.А. Ярилова для обследования земледелия и скотоводства инородцев Минусинского и Ачинского округов. Ими было привлечено к работе ещё 20 сотрудников из лиц, живущих среди инородцев, – священников, учителей и самих минусинских татар (хакасов), которые собирали в окрестных поселениях ответы на вопросы специально составленных анкетных бланков. Таким образом экспедицией были собраны материалы 124 бюджетов инородческих хозяйств, данные о сельском хозяйстве и повседневном быте хакасов, их жилищах, одежде, пище, сведения об искусственном орошении пашен, о скотоводстве, о кочевании

и другие.

Кстати, фактически работа этой экспедиции проходила тоже под эгидой Минусинского музея, – именно оттуда координировались маршруты по разным хакасским поселениям, здесь уточнялась программа, отрабатывались некоторые концепции исследований и т.д.

Материалы экспедиции предполагалось издать несколькими объёмными статьями: «К новейшей истории культуры татар» П.Е. Кулакова, «Бюджеты инородцев Минусинского и Ачинского округов» его же, «Жилища, одежда, пища и питание татар» А.А. Кузнецовой и «Хозяйство инородцев» А.А. Ярилова, – причём не в составе очередной «Памятной книжки Енисейской губернии» (которые статистический комитет выпускал регулярно), а отдельным томом. Но в ходе подготовки этих публикаций П.Е. Кулаков и А.А. Ярилов кардинально не сошлись во мнении по некоторым вопросам, и в итоге на свет появились два параллельных издания: «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)» П.Е. Кулакова и А.А. Кузнецовой и двухтомник «Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения» А.А. Ярилова [18; 20, с. 31; 28; 37, с. 68; 41; 42].

Одним из наиболее важных направлений научных исследований в конце XIX – начале XX в. в Енисейской губернии стало изучение рыбных промыслов на р. Енисей, ввиду их большого значения для экономики края. Так, в 1892-1893 гг. енисейский золотопромышленник и пароходовладелец А.И. Кытманов (один из основателей Енисейского городского музея и член Красноярского подотдела ВСОРГО) предпринял путешествие вниз по Енисею для знакомства с состоянием рыбного промысла и нуждами коренных жителей низовьев великой реки и приенисейской тундры, по результатам которого издал несколько статей, описав основные виды рыб, местные способы и орудия рыбной ловли и особенности их использования рыбаками станков нижнего течения Енисея, а также зарплату рабочих, цены на рыбу и её провоз, способы засолки и хранения и т.д., предложив меры для развития рыбного промысла на Енисейском Севере [7; 21; 22; 27, с. 46].

В 1897 г. при Красноярском отделе Имп. Московского общества сельского хозяйства была организована комиссия по рыбопромышленности, которая тоже выработала ряд возможных мер для улучшения как положения туруханских рыбаков-промысловиков (главным образом, инородцев), так и для организации хранения и своевременного вывоза рыбы из Туруханского края в более южные районы губернии и регулирования её сбыта. Члены комиссии В.М. Крутовский и П.Е. Кулаков, лично выезжавшие в Туруханский край для исследований, позже сделали несколько публикаций по этому вопросу [7, с. 245; 17; 19; 26, с. 25-26].

В 1908-1909 гг. в г. Красноярске была организована Енисейская научно-промышленная экспедиция, которую возглавил И.К. Окулич – управляющий государственными имуществами Енисейской губернии и казённым срочным пароходством на Енисее (являвшийся также непременным членом Енисейского губернского статистического комитета и сотрудником Красноярского отдела Имп. Московского общества сельского хозяйства). В состав экспедиции вошли ихтиологи В.Л. Исаченко и С.Д. Лавров. Мероприятие носило комплексный характер, но всё же основное внимание было сосредоточено на изучении рыбных промыслов в нижнем течение Енисея. Собранные экспедицией материалы были опубликованы Управлением государственных имуществ в 1908-1916 гг. десятью выпусками, два из которых посвящены конкретно инородцам низовьев Енисея и их рыбным промыслам [7, с. 247-248; 8, с. 158-159; 24; 25].

Мы рассмотрели только основные, наиболее важные, эпизоды научного изучения хозяйственного быта и традиционного природопользования коренных жителей Приенисейской Сибири силами местных научных обществ и музеев. На самом деле эта работа была ещё более интенсивной и достаточно плодотворной, что позже весьма положительно сказалось на становлении и развитии сибирской советской и российской этнографии и региональной экономики.

Список литературы

[1] ААКК (Архивное агентство Красноярского края). Ф. 217. Оп. 1. Д. 52.

[2] ААКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 51.

[3] Археолого-этнографическая экспедиция А.П. Ермолаева в Урянхайский край в 1915-1916 гг. / Баташев М.С., Макаров Н.П., Вдовин А.С., Кочкина Е.И. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII междунар. науч. конф. Красноярск: СФУ, 2016. С. 284-289.

[4] Асочакова В.Н. Проблема межэтнического взаимодействия в ходе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края: XVIII-XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 92-100.

[5] Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М., 1961. 218 с.

[6] Вдовин А.С., Кочкина Е.И. Красноярский подотдел Русского географического общества и этнографическое изучение Туруханского края (1901-1920 гг.) // Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии: материалы Всерос. научно-практ. конф. Уфа, 2016. С. 64-71.

[7] Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История развития рыбного промысла в низовьях Енисея в досоветский период (1822-1917 гг.) // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 242-249.

[8] Гонина Н.В. Туруханские экспедиции второй половины XIX – начала XX вв. как отражение эпохи модернизации // Арктика 2019: традиции, инновации, экология, безопасность, проблемы коренных малочисленных народов: материалы междунар. научно-практ. конф. Красноярск, 2019. С. 155-160.

[9] Григорьев В.Ю. Красноярское географическое общество на исходе трёх лет своего существования // Известия Красноярского подотдела ВСОИРГО. Т. 1, вып. 6. Красноярск, 1904. С. 1-10.

[10] Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889-1914) / Красноярский подотдел ВСОИРГО. Красноярск, 1915. 168 с.

[11] Еремеева О.И. Гуманитарные исследования на Сибирском Севере в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-3. С. 76-81.

[12] Игумнов Е.В. Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835-1917 гг.). СПб.: Реноме, 2010. 88 с.

[13] Известия Красноярского подотдела ВСОИРГО. Т. I, вып. 5. Красноярск, 1903. 72 с.

[14] Известия Красноярского подотдела ВСОИРГО. Т. II, вып. II. Красноярск, 1906. 106 с.

[15] Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер. Т IV. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX вв.). М., 2007. С. 348-547.

[16] Краткий отчёт Красноярского подотдела ВСОРГО за 1911-1922 гг. // Известия Красноярского подотдела ВСОРГО. Т. III, вып. 2. Красноярск, 1924.

[17] Крутовский В.М. Очерки Туруханского края: рыбная промышленность и торговля. Томск, [1897]. 8 с.

[18] Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). Красноярск, 1898. 298 с.

[19] Кулаков П.Е. Рыбный промысел и рыбная торговля в низовьях Енисея (в Туруханском крае) // Русское судоходство. 1898. № 12. С. 49-104.

[20] Кыржинаков А.А. К истории изучения традиционных форм хозяйства хакасов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2012. № 2. С. 31-34.

[21] Кытманов, А.И. О рыболовстве по р. Енисею от Енисейска до Гольчихи. Енисейск, 1898. 49 с.

[22] Кытманов, А.И. Рыбный промысел и рыбная торговля в низовьях Енисея. СПб., 1899. 17 с.

[23] Лаппо Д.Е. Доклад в Минусинском сельскохозяйственном комитете // Восточное обозрение. 1902. № 292. С. 2-3.

[24] Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. II. Инородцы низовья р. Енисей и рыбный промысел / сост. И.К. Окулич, В.Л. Исаченко. Красноярск, 1909. 31 с.

[25] Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. IX. Инородцы Туруханского края, выходящие на берега р. Енисея в районе с. Дудинка – ст. Осиновый и их рыбный и другие промыслы / сост. В.Л. Исаченко. Красноярск, 1915. 62 с.

[26] Мешалкин П.Н. Патриарх красноярской интеллигенции // Мешалкин, П.Н. Одержимые: о деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX-XX вв. Красноярск, 1998. С. 6-37.

[27] Мешалкин П.Н., Одинцова М.Н. Предприниматели Енисейской губернии (XIX – начало XX века). Красноярск: СибГТУ, 2004. 100 с.

[28] Общее собрание Енисейского губернского статистического комитета // Енисей. 1897. № 148. С. 1-2.

[29] Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1898 г. Минусинск, 1899. 17 с.

[30] Отчёты Красноярского подотдела ВСОИРГО за 1907-1910 гг. Красноярск, 1912. 98 с.

[31] Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. 432 с.

[32] Русское географическое общество в Красноярске (1901-1937 гг.) / А.С. Вдовин, Н.П. Гуляева, Н.П. Макаров, М.С. Баташев, А.Д. Васильев, Е.В. Выдрин. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 120 с.

[33] Саввинов А.И. «Пять лет в Туруханском крае». Долганы и якуты в исследованиях П.Е. Островских // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3. С. 43-52.

[34] Сафьянов Г.П. Обзор пограничной линии России с Китаем от оз. Косогола на запад до Шабин-Дабага. СПб., 1903. 145 с.

[35] Сафьянов Г.П. Торговля Минусинска с сойотами // Известия ВСОИРГО. Т. XI, № 3-4. Иркутск, 1880. С. 42-82.

[36] Тугаринов А.Я. В низовьях Енисея (предварительный отчёт о поездке в Туруханский край летом 1907 г.) // Известия Красноярского подотдела ВСОИРГО. Т. II, вып. 3-4. Красноярск, 1908. С. 97-140.

[37] Фёдорова В.И. Минусинский музей и развитие исторического краеведения в Сибири на рубеже XIX-XX веков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-1. С. 65-70.

[38] Хоменко Д.Ю. Коренное и русское население на Енисейском Севере во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 2. С. 270-275.

[39] Хоменко Д.Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 4. С. 396-402.

[40] Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII-XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.

[41] Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Вып. II. Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899. 150 с.

[42] Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Вып. III. Кызыльцы и их хозяйство (литературные, архивные и опросные данные). Юрьев, 1899. 366 с.

УДК 63(091)"18/19":67(470)

Интересы и приоритеты переселенческого крестьянства в промыслах в Степном крае во второй половине XIX – начале XX веков

Южакова Татьяна Леонидовна
Кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани,
г. Славянск-на-Кубани, Россия.
yuzhakovatl@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-7140-9610

АННОТАЦИЯ В данной статье рассматриваются основные интересы и приоритеты крестьян-переселенцев в промысловых занятиях на территории Степного края во второй половине XIX – начале XX веков. Крестьянское земледельческое освоение региона в условиях капиталистической модернизации сопровождалось развитием промысловой деятельности в переселенческой среде на базе самоорганизационных начал. Желание успешного обустройства на новых местах стимулировало реализацию промыслового опыта переселенцев или освоение новых промысловых занятий. В работе указываются главные факторы, определяющие интересы и предпочтения переселенцев в промысловой деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА крестьяне-переселенцы, промысловая деятельность, добывающие промыслы, обрабатывающие промыслы.

Российская цивилизация представляет собой сложную гетерогенную целостность, объединяющую различные культурные и хозяйственные традиции. Цивилизационный синтез осуществлялся в рамках сложного мультикультурного диалога, в котором «каждая малая культурная традиция участвует во взаимодействии с другими, сохраняя основы своей самобытности» [1, с. 45]. Указанный диалог находил выражение, в том числе, во взаимодействии и взаимовлиянии носителей различных хозяйственных и промысловых культур. В России можно наблюдать региональные особенности данного процесса.

Степной край во второй половине XIX – начале XX веков был одним из регионов России, который стал базой для активного переселенческого движения крестьян, оказавшего большое влияние на развитие регионального пространства. Основываясь на географическом подходе к содержанию понятия «Степной край», следует отметить, что в состав края входили Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области. Обширный регион охватывал площадь в 1 625 500 кв. верст [2, с. 43-45]. Переселение крестьян, имея в основном земледельческий характер, способствовало, тем не менее, развитию экономики края в целом, в том числе промыслов.

Крестьяне-переселенцы, являвшиеся носителями определенной промысловой культуры, безусловно, имели свои интересы и предпочтения в промысловой деятельности, обосновываясь на новом месте жительства. Эти предпочтения были обусловлены рядом факторов: нуждами крестьянского хозяйства, природными условиями, традициями промысловой культуры мест выхода крестьян-переселенцев, специализацией и направленностью развития хозяйства местных жителей (казахского населения, казачества, крестьян-старожилов), наличием и близостью городов, других крупных населенных пунктов, являвшихся центрами торговли и промышленности, присутствием удобных транспортных путей сообщения, особенностями регионального правового пространства и др.

На первых порах крестьяне-переселенцы стремились создать все необходимое для ведения хозяйства самостоятельно, в условиях домашнего производства, на основе семейного труда. Наличие благоприятных природных условий способствовало

распространению в их среде таких добывающих промыслов как охота и рыболовство. Переселенцы выступали носителями промысловой культуры, характерной для мест их выхода. Освоение новых территорий, необходимость ускорения процесса адаптации по месту водворения требовали мобилизации явных и скрытых возможностей переселенцев в области хозяйствования. Это побуждало крестьян к занятиям промысловой деятельностью. В обрабатывающих промыслах предпочтение отдавалось освоенным на родине видам производства. Однако не исключались и новые, осваиваемые изначально, промысловые занятия. Источники указывают на отличающийся разнообразием набор обрабатывающих промыслов, характерных для крестьян-переселенцев в областях Степного края [6], что объяснялось широкой географией мест переселенческого выхода крестьян. Переселенческое население из лесного нечерноземья имело навыки в обработке дерева и пополняло контингент мелких промышленников, работающих с данным видом сырья (тележники, бондари, колесники и другие). Выходцы из черноземных губерний занимались производством, основанным на обработке продуктов животноводства (овчинники, мыловары, пимокаты, кожевники и другие). Переселенческий поток из малороссийских губерний содержал в своем составе мастеров гончарного и черепичного дела, лиц, имевших навыки по производству растительного масла.

Основательность владения необходимыми знаниями и навыками для ведения промысла, предприимчивость, деловые качества и наличие свободных средств (хотя бы минимальных) в значительной степени определяли успех предприятия. Умение верно определить вектор и траекторию развития своего промыслового занятия было необходимой составляющей надежного продвижения вперед, залогом экономической стабильности крестьянского производства. В этом смысле показательно успешное становление и развитие династии кустанайских мукомолов Кияткиных. Крестьянин П.И. Кияткин обосновался с крепкой семьей в г. Кустанае в числе многих переселенцев и сумел основать сначала небольшую мельницу. В последующем он со своими сыновьями имел несколько мельниц и крупорушек не только в городе, но и в Кустанайском уезде. Кияткины «строили, усложняли и совершенствовали мельницы. Сначала обходились без наемных рабочих, выполняя все работы своей семьей, потом стали привлекать наемную силу: механиков, рабочих, крупчатников. Но сами, несмотря на большое дело и большие доходы, которые пускали на расширение производства, до последних дней работали на мельницах, выполняя обязанности управляющих, конторщиков, кассиров и машинистов» [4].

Конечно, далеко не всегда дела мелких крестьянских производителей складывались безупречно. Мелкое производство могло простаивать из-за отсутствия сырья или по иным причинам. Оно могло быть свёрнуто в условиях конкурентного противостояния. В то же время, следует отметить, что мелкий промышленник стремился возобновить производственную деятельность, как только препятствия к ней преодолевались.

Среди мелких промышленников, включавшихся в переселенческое движение в Степной край, были представители различных форм промышленного производства (ремесла, мелкого товарного производства, наемные рабочие в мелкой промышленности). Среди зажиточных переселенцев имелись хозяева промышленных заведений типа простой капиталистической кооперации и мануфактуры, но они были немногочисленны. Для основания отдельных промышленных заведений крестьянам требовался некоторый процесс адаптации на месте водворения, предусматривавший не только достижение определенной хозяйственно-экономической стабильности, но и изучение возможностей рынка. Так, при анализе статистических данных подворной переписи населения Чолаксайского поселка Тургайского уезда Тургайской области за 1908 г., составленных заведующим статистической частью в Тургайско-Уральском переселенческом районе, можно отметить, что из 93 хозяйств посёлка 53% занимались различными промыслами в местах выхода. В момент обследования 30% хозяйств занимались промысловой

деятельностью. При этом состав населения поселка формировался в течение ряда лет, начиная с 1900 г. К 1908 г. экономический статус первых переселенческих хозяйств укрепился, они прошли период региональной адаптации. Именно на их основе возникают первые крестьянские промышленные предприятия. Из 7 мелких промышленных заведений (кузницы, мельницы), располагавшихся в поселке, 6 принадлежало переселенцам, водворившимся здесь в 1900-1903 гг. [8, с.132-133], при этом трое из них полностью порвали с земледелием.

Крестьяне-переселенцы стремились использовать в промыслах традиционные навыки и технические приёмы работы с сырьём. Однако условия капиталистической модернизации приводили к появлению нового в хозяйстве и быте, к качественным изменениям рынка и информационного пространства, могли создавать проблемы с сырьевой базой промыслов, способствовали развертыванию конкуренции среди мелких промышленников. Всё это являлось стимулами для изменения техники мелкого сельского производства. Но технические усовершенствования проводились, как правило, в границах существующего способа производства. Любое продвижение в этом направлении требовало дополнительных денежных вложений, и было доступно только лицам более состоятельным. Финансовое благосостояние владельца заведения во многом определяло степень технической оснащенности последнего.

И все-таки традиция в мелком сельском производстве крестьянского населения занимала существенное место и являлась основой для его развития. В частности, под влиянием переселенцев, которые принесли в Степной край пимокатное дело, в регионе стало интенсивно распространяться производство валяной обуви. Во второй половине XIX в. она стала вытеснять другие виды зимней обуви и широко использоваться не только русским, но и казахским населением. Определенным показателем достижений в этом виде промысловой деятельности стал следующий факт: на II Всероссийской кустарной выставке 1913 г. в качестве экспонента от Тургайской области участвовал крестьянин-пимокат из Актюбинского уезда Егор Иванович Кобин, получивший бронзовую медаль за чёрные и белые валенки [9].

Коммуникативные основы промысловой деятельности отражали ментальность переселенческого крестьянства, характеризовавшуюся присутствием готовности к определенному риску, открытостью к взаимовыгодным контактам в производственной сфере. Различие в сословной и национальной принадлежности населения, как правило, не являлось препятствием для обмена производственным опытом или для его рационального учета. Так, среди крестьянок-переселенок Актюбинского уезда Тургайской области постепенно получил распространение промысел по изготовлению платков и шалей из козьего пуха, производственные основы которого они переняли его у казачек соседнего Орского уезда Оренбургской губернии [3, с. 315]. Имело место устройство мельниц и мелких круподёрных заведений на территории казахских волостей предприимчивыми крестьянами-переселенцами и казахами на взаимовыгодных условиях. В этом случае хозяевами мукомольных и круподёрных заведений числились казахи. Например, по данным обзора областного статистического комитета, в Семипалатинской области в 1899 г. было 714 мельниц, причем 631 из них принадлежала русским, 83 – казахам [7, с. 31].

Промысловая деятельность крестьян-переселенцев начиналась и развивалась на основах самоорганизации мелких промышленников, активно использовавших семейный труд и самостоятельно осуществлявших организацию и управление производством.

Предпочтения крестьянства в промыслах, в первую очередь, были продиктованы стремлением обеспечить существование крестьянского переселенческого хозяйства и его экономическое благополучие в новых региональных условиях. Интересы и предпочтения крестьян-переселенцев в промыслах выражались в выборе видов занятий, локализации промысловой деятельности, ее технической оснащенности, в порядке создания и использования ее коммуникативных основ, в основных способах самоорганизации.

Список литературы

[1] Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регинов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2004. 418 с.

[2] Азиатская Россия [Электронный ресурс] : сборник. Т. 1 : Люди и порядки за Уралом. СПб, 1914. VIII. 578 с. URL: http://resolver.gpntb.ru/purl?docushare/dsweb/Get/Resource-127/Aziatskaya_Rossiay_t.1_Lyudi_i_poraydki_za_Uralom (дата обращения: 28.06.2022).

[3] Азиатская Россия [Электронный ресурс] : сборник. Т. 2 : Земля и хозяйство. СПб.: Изд. Переселенческого упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. 709 с. URL: http://resolver.gpntb.ru/purl?docushare/dsweb/Get/Resource-128/Aziatskaya_Rossiay_t.2_Zemlya_i_khozyaystvo (дата обращения: 27.06.2022).

[4] Здоровец Н. Творить добро с купеческим размахом // Наша газета: Костанайский региональный портал. 2017. 14 сентября. URL: https://www.ng.kz/modules/newspaper/article.php?numberid=582&storyid=23692 (дата обращения: 29.06.2022).

[5] Кизилов Ю.А. Земли и народы средневековой России XIII-XV вв. : Начальные этапы образования многонациональной структуры русского централизованного государства. Учебное пособие к спецкурсу. Ульяновск: УГПИ, 1984. - 84 с. С.22-84.

[6] РГИА. Ф.395. Оп.2. Д.3059. Л.17; Ф.1331. Оп.2. Д.1005. Л. 64-65.

[7] Смирнов А. Куяндинская ярмарка (Ее возникновение, история развития и обороты). С приложением краткого географо-экономического очерка Семипалатинской губернии. Семипалатинск: Типография промышленного кооперативного товарищества «Интернационал», 1924. 68 с.

[8] Хворостанайский П.А. Чолаксайский русский посёлок в Тургайском уезде // Изв. Оренбургского отд. ИРГО, 1911. Вып. 22. С.131-138.

[9] Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.25. Оп.1. Д.3139. Л.35, 148.

V

Традиции и современность в культуре и искусстве Сибири

Содержание

Арбатский И.В.
Енисейская губернская типография (1857–1920 гг.).
К 165-летию начала печати и печатного дела в Енисейской губернии . . 1371-1381

Булгутова И.В.
Анималистика в фольклоре и литературе бурят 1382-1385

Горелова Ю.Р.
Уровни репрезентации культурного наследия
в современном художественном процессе 1386-1392

Гридинберг И.Н., Орехова Н.А.
Религиозная живопись буддистов в фондах Красноярского
краевого краеведческого музея 1393-1399

Иващенко Я.С.
Художник и шаман: модели репрезентации в современной
художественной культуре Сибири и Дальнего Востока России. 1400-1407

Киштеева О.В.
Хакасский женский сикпен – традиции формы и декора 1408-1411

Коваль Т.Г.
Сибирский художник Григорий Хлебников.
К памятной дате 100-летия со дня рождения 1412-1416

Крыжановская Я.С.
«Иммерсивный театр» медвежьего праздника 1417-1420

Левченко А.В.
Актуализация традиционного декоративно-прикладного
искусства в контексте этнокультурной идентичности
народов Амуро-Сахалинской историко-культурной области 1421-1429

Москалюк М.В.
Традиции и новаторство в современном художественном
процессе: актуализация смыслов 1430-1435

Савелова Е.В.
Памятник генерал-губернатору Восточной Сибири графу
Н.Н. Муравьёву-Амурскому в контексте проблемы коммеморации . . . 1436-1441

Солодейников А.К.
Художественный образ во времени и пространстве 1442-1450

Урожаева Т.П.
Украинские национально-культурные общества
в Приангарье в 1991–2021 гг. 1451-1458

УДК 74.01/.09

Енисейская губернская типография (1857–1920 гг.). К 165-летию начала печати и печатного дела в Енисейской губернии

Арбатский Иван Валентинович
Профессор кафедры «Дизайн», Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, г. Красноярск, Россия.
arbatsky.ivan@yandex.ru

аннотация Статья посвящена историческому обзору становления типографского дела в Енисейской губернии. Подробно разбираются предпосылки образования Енисейской губернской типографии в свете правительственных постановлений Российской империи. На основе архивных данных автором представлен исторический обзор основных периодов деятельности Енисейской губернской типографии (1857–1920 гг.) и выпуска газеты «Енисейские губернские ведомости». Отдельное внимание уделяется роли типографии в формировании стандартов выпуска книжной и рекламной продукции.

ключевые слова книгопечатание, типографии, шрифты, Енисейская губерния.

Вопросы, связанные с началом книгопечатания с Сибири и ее отдельных регионах, да и России в целом, историографической наукой рассматриваются в основном в связи со становлением издательской деятельности и журналистики. Это связано с односторонним пониманием термина «печать», который отождествляется с прессой, массовой печатью и является, в первую очередь, средством массовой информации. При всем этом остается не затронута история печати как таковой, в том числе – начальный период становления печатного дела в Енисейской губернии.

Первой типографии в Енисейской губернии – «Типографии Енисейского Губернского Правления» – 2 июня 2022 года исполнилось 165 лет.

Необходимость открытия регулярных правительственных изданий в губерниях впервые была озвучена в августе 1807 года в циркуляре «Об устроении Типографий при Губернских Правлениях, а именно: об ассигновании сумм на их содержание». В октябре 1830 г., согласно «Высочайше утвержденному положению об издании «Губернских Ведомостей», в качестве опыта предлагалось печатать газету в Астраханской, Казанской, Киевской, Слободско-Украинской и Ярославской губерниях. Недостаток кадров и отсутствие технической базы на местах (даже в крупных губерниях) не дал возможность реализовать постановление в назначенных губерниях. Воспользовалась положением об издании «Губернских Ведомостей» от 1830 года только Ярославская губерния, где с 1831 г. начали печатать «Ярославские губернские ведомости».

Через семь лет последовал новый циркуляр Министра Внутренних дел – «Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в Губернских Правлениях», в котором, в частности, сообщалось, что для облегчения делопроизводства в подведомственных Министерству присутственных местах при губернских правлениях должны издаваться губернские ведомости на следующих основаниях: «Губернские Ведомости» разделяются на две части – официальную и неофициальную (§ 87); каждая из которых печатается отдельно от другой (§ 90); обращаются в продажу всем желающим по ежегодной или полугодовой подписке, подписка принимается в Типографии Губернского Правления в отдельности за каждую часть – официальную и неофициальную. Таким образом, на типографии возлагалась не только печать газеты, но и подписка на нее.

С начала 1838 года в европейской части России начали выходить 38 еженедельных «Губернских ведомостей» в Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Гродненской,

Екатеринославской, Казанской, Киевской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пермской, Псковской, Таврической, Тамбовской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Херсонской, Черниговской, продолжили выпуск Ярославские губернские Ведомости, а также 2 ежедневных газеты – Пензенские и Харьковские губернские ведомости.

Реализации этой обширной государственной программы предшествовала напряженная работа на местах по приобретению печатного оборудования, инвентаря и оснащения, шрифтов, печатников и другого персонала для губернских типографий.

Так, например, стремясь урегулировать техническую сторону вопросов организации типографии, нижегородские власти прилагали немалые усилий:

> «Для этого в Москву обучаться типографскому делу у известного книгоиздателя С.И. Селивановского ездили в разное время советник губернского правления Бравин, смотритель типографии Богуславский и канцелярист Львов. Приобреталось и новое оборудование. К концу 1837 года типография, находившаяся в кремле, имела в своем распоряжении 7 печатных станков и 50 пудов шрифта» [14, с. 1].

Предпринимало усилия в организации работ губернских типографий с целью снижения государственных затрат, выделяемых на приобретение технического оснащения, и Министерство внутренних дел, так, например, в одном из распоряжений в октябре 1835 г. предлагалось:

> «...завести при Владимирской типографии словолитню (не для отливки, впрочем, новых литер, а только для переливки старых). Этим средством отвратились бы от для казны издержки, необходимые на переливку литер в частных словолитнях, и типография могла бы находиться всегда в добром устройстве и порядке, ибо однажды высланные из Петербурга или Москвы матрицы могли бы служить на долгое время, а между тем словолитное дело настолько просто само по себе, что всякий слесарь, имеющий хотя малые сведения по сему предмету – может оное производить", и далее: "...по этому поводу наведены были подробные справки у содержателя частной типографии и словолитни (в Москве) Селивановского, который считал необходимым для устройства словолитни просторную комнату (не менее 7 кв. саж. пола) с двумя светлыми (т.е. большими) окнами, с каменным сводом для безопасности от огня, вполне светлую и совершенно сухую. Так как многие инструменты от сырости портятся» [6, с. 23].

Предложения вышестоящего руководства не были какой-то прихотью чиновника, износ шрифта в типографиях был насущной проблемой, в кратком историческом очерке 1905 г., изданном к столетию типографии Пензенского губернского, приводится такой эпизод из истории типографии: «Прибывший в Пензу в 1860-х годах, бывший словолитчик Типографии Московского Университета, крестьянин Сейфетдин Мусин предлагал во избежание расходов по покупке литер у Ревильона и Селивановского отливать литеры и делать матрицы в самой Губернской Типографии» [16, с. 14].

Относительно издания «Губернских Ведомостей» 2 января 1845 года были изложены более определенные положения «Высочайше утвержденного учреждения Губернских Правлений» и более точно определена компетенция Губернских Правлений, а именно: губернские типографии должны состоять при самих Правлениях и в непосредственно оных заведениях (ст. 10); ответственность по официальным статьям, печатающихся в Губернских Ведомостях возлагалась на Вице-Губернатора; редактор отвечал лишь за согласность оттисков с утвержденных экземпляров. По неофициальной части Губернатор разрешал печатание как цензор (ст. 167.); плата за Губернские Ведомости на простой бумаге установлена была по 3 руб. сер. в год за экземпляр, а для подписчиков, имеющих желание иметь Ведомости на лучшей бумаге, плата возвышалась с утверждения Губернатора (ст. 172).

27 февраля 1851 г последовали новые уточнения в положении«О подчинении неофициальной части Губернских Ведомостей общей цензуре»: цензурирование неофициальной части Губернских Ведомостей подвергалась цензуре в тех городах, где существовали цензурные Комитеты, в прочих же местах эта обязанность ложилась на одного из профессоров или училищных чиновников по усмотрению Учебных Округов с последующим утверждением Министра Народного Просвещения и с подчинением действий этих лиц Главному Управлению Цензуры.

Типографическое исполнение работ во вновь образованных типографиях было крайне неудовлетворительное, о качестве наборного текста газет 1830-40 гг. в №42 Пензенских губернских Ведомостях за 1865 г. говорилось следующее: «Типографские оттиски крайне небрежны и сделаны при помощи разнокалиберных шрифтов, между которыми главное место занимает какой-то особенно безобразный крупный «цицеро». Расстояние строк одной от другой довольно несимметрично, так что крайне неудобно читать строки, напечатанные таким образом» [16, с. 17].

На начальном этапе подготовки обеспечения типографическим оборудованием губернских типографий (в рамках реализации Положения от 1837 года) в 1820-30 гг. активное участие принимал владелец собственной типографии и словолитни в Москве Семён Иоанникиевич Селивановский. Многие номера губернских ведомостей в 1838 году были набраны шрифтами, приобретенными в словолитне типографии С.И. Селивановского. И если на первом этапе словолитня еще могла решать некоторые вопросы с отдельными типографиями, то после смерти Селивановского в 1835 году оперативное решение постоянно возникающих вопросов во вновь образованных губернских типографиях было не по силам, требовался другой подход в решении обеспечения всем необходимым государственных типографий.

Известный в Санкт-Петербурге издатель, редактор «Журнала Министерства внутренних дел» в 1829–1830 гг. Николай Иванович Греч в редактируемой им газете «Северная пчела» опубликовал в №279 28 ноября 1832 г. в разделе «Смесь», замечание: «По части промышленности, должен я упомянуть о превосходной словолитне, устроенной А.А. Плюшаром. Он привез с собой из Парижа искусных мастеров, все инструменты и снадобья и, перелив все буквы своей собственной типографии, берется теперь и работать на других. Я заказал ему новый, красивый и четкий шрифт для «Севернойпчелы» на 1833 г.».

Искусным мастером, которого Плюшар привез из Парижа, был Жорж Ревильон (Georges Revillon), который в 1830 году открывает в Санкт-Петербурге собственное предприятие, словолитню «Ревильон и Комп.», отличное от всех других, ранее существовавших в России словолитен. Его словолитня, оборудованная по последнему слову техники, занимается только производством и отливкой шрифтов, не имеющих по исполнению и качеству конкурентов в России. Он вводит на своем предприятии международную систему типографических измерений по системе Дидо, у которого работал в Париже до прибытия в Россию. Передовые начинания словолитни «Ревильон и Комп.» поддерживает старейшая в России словолитня типографии Академии Наук, в предисловии к образцам академической типографии от 1870 года об этом сказано так: «С 1848 года в словолитне при типографии переливались все старые шрифты и весь наборный материал по вновь принятой французской системе Дидо, заключающейся в том, что для кегля принята в основу точка. В настоящее время все шрифты перелиты уже по этой системе, так что, например: нонпарель отлит на кегль 6 точек, петит – 8 точек, боргес – на 9 точек, корпус – на 10 точек, цицеро – на 12 точек и так выше, смотря по величине очка. Эта система – иметь шрифты по расчету точек – дает возможность делать самый верный расчет в отношении одного шрифта к другому, а также при наборе таблиц в больших размерах, и позволяет точно и систематически исполнять всякий набор» [8, с. 17]. Введение типометрической системы Дидо в России словолитней Ревильона в

1830–1840 гг. и начальный период становления регулярной государственной печати, проводившейся Министерством Внутренних Дел с 1838 года, совпадают по времени. Для успешной реализации государственной программы по обеспечению губернских типографий шрифтами Министерство определенно делало ставку на словолитню «Ревильон и Ко.», в итоге с середины 1850-х и до конца 1870-х гг. все газеты «Губернские Ведомости» в губернских типографиях набирались шрифтами словолитни «Ревильон и Ком.».

Шрифты, применяемые для набора текста в губернских ведомостях, имели в образцах словолитни Ревильона всего два наименования: обыкновенные русские и обыкновенные английские. Свое объяснение названию «обыкновенные шрифты» дает в своей книге «Русский типографский шрифт» А.Г. Шицгал: «Обыкновенными они именовались, по всей вероятности, потому, что применялись преимущественно для набора текста, в отличии от титульных шрифтов, которые в зависимости от характера рисунка имели множество названий (оттененные, египетские, древние, узорчатые, узкие, рукописные, готические, так называемые чудовища и многие другие)» [20, с. 132].

К середине XIX века губернские ведомости начинают печататься в новых губерниях: с 1843 г. – «Ковенские губернские Ведомости», с 1850 г. «Ставропольские губернские Ведомости», с 1852 г. – «Самарские губернские Ведомости» и «Курлянские губернские Ведомости», с 1853 г. – «Лифлянские губернские Ведомости» и «Эстляндские губернские Ведомости», которые печатаются на русском и немецком языке.

С 1857 года Губернские Ведомости начинают выходить в сибирских губерниях. Первыми 27 апреля 1857 г. вышли «Тобольские губернские ведомости», 16 мая – «Иркутские губернские ведомости», 2 июня – «Енисейские губернские ведомости» и 15 августа 1857 года – «Томские губернские ведомости».

К этому моменту, начиная с 1838 года, был уточнен и сформирован перечень требований и порядок выпуска государственных изданий в губерниях. Для подготовки губернских ведомостей в Правлениях учреждался особый газетный стол, под руководством редактора и под наблюдением одного из советников губернского правления. Начальник газетного стола заведовал рассылкой ведомостей, регистрировал входящие статьи и объявления, отвечал за расходы и доходы издания, формировал экземпляр к печати. Он мог также одновременно занимать должность смотрителя типографии.

Газета «Енисейские губернские ведомости» печаталась в Типографии Енисейской Губернского Правления в Красноярске. В первый полный год издания газеты в 1858 г. особый газетный стол «Енисейских губернских ведомостей» занимало несколько человек. Губернский секретарь С. Митропольский был редактором неофициальной части с сентября 1858 года, а М. Масловский – с №43 25 октября 1858 г. редактором «Енисейских губернских ведомостей», смотрителем типографии и начальником газетного стола. С 6 февраля 1860 г. редактором «Енисейских губернских ведомостей» назначается губернский секретарь П. Галицкий.

Типографическое оформление Енисейских губернских ведомостей было стандартным, как и у всех других губернских ведомостей, выходящих под управлением Губернских Правлений. По всей вероятности, к моменту выхода в 1857 г. газеты в Сибири имелся утвержденный ведомственный шаблон, определяющий внешний вид издания, по которому осуществлялся набор первых номеров на местах. Газета имела формат 24,5 18,5 см, основной текст набран обыкновенным шрифтом словолитни Ревильона, крупным цицеро (12 п) в 2-е колонки формат полосы набора газеты, в колонке ~ 46 букв. Заголовок «ЕНИСЕЙСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» набран в две строки, выключенными по центру, 1-я строка набрана заглавным плотным узким английским шрифтом, 2-я, оттеночным, 16 кегля, словолитни Ревильона. В центре герб Енисейской губернии, от которого справа и слева курсивом набрана информация о условиях и стоимости

подписки на газету. Типографическое оформление первых номеров газеты остается неизменным, с незначительными заменами, вплоть до 1870-х годов.

В 1861 году формат печатного листа «Енисейских губернских ведомостей» становится больше и у печатников возникает проблема, как совместить утвержденный шаблон издания с новым форматом. Это обстоятельство видно начиная с №14 от 8 апреля 1861 года: полоса набора стандартная, формат же печатного листа увеличивается до 33,5 21,5 см. Полоса набора газеты в этом номере привязана к линии сгиба и выровнена по горизонтальной оси печатного листа, при таком композиционном размещении стандартного блока полосы набора, справа и слева образуются пустое поле. В №25, 24 июня 1861 г., полоса набора выровнена по верхнему краю печатного листа, поле снизу становится еще больше, в №38, 23 сентября 1861 г., вновь полоса набора выровнена по горизонтальной оси печатного листа, поле сверху и снизу становятся меньше и приобретают более гармоничные отношения.

В 1862 году в №39 от 29 сентября поля вокруг полосы набора, сверху, снизу и справа, и слева от полосы набора выровнены, газета впервые получает обрезной формат издания; в номерах газеты №5, 2 февраля – №8, 23 февраля 1863 г. снизу опять появляется большое пространство, вероятно печатный лист не обрезан снизу. В 1863 году с №22 1 июня 1863 г. (при редакторе И. Седых) газета вновь приобретает обрезной формат, но в №23 8 июня, №24 15 июня 1863 г. печатный лист снизу не обрезают по формату полосы набора. Неразбериха с необрезными полями прекращается с №7 от 15 февраля 1864 года, газета вновь приобретает снова привычный вид. С чем это связано не совсем понятно, так в статье В.В. Шевцова «Енисейские губернские ведомости» – забытая газета Восточной Сибири», сказано: «В 1866 г., когда неофициальная часть стала композиционным продолжением официальной части (во исполнении указа 20 марта 1865 г. о сокращении издержек на печатание губернских ведомостей), ее содержание значительно упало, а формат увеличился (33,5 21,5)» [18, с. 45]. Возможно, это обстоятельство и привело к чехарде с полями, хотя это случилось до указанной В.В. Шевцовым даты. Это недоразумение показывает на возникающие на первых порах проблемы, связанные с обновлением типографического оборудования. В 1867 году при редакторе И. Малине газета приобрела законченный вид, типографическое оформление «Енисейских губернских ведомостей» оставалось таким до 1880-х годов.

В 1870 году вновь возникла проблема, но теперь уже с подбором редактора смотрителя типографии и начальника газетного стола. Так за 1870 год смотрителями губернской типографии были: коллежский секретарь И. Малин, с №6, 7 февраля 1870 по №41, 10 октября 1870, губернский секретарь К. Попов, с №42, 17 октября 1870 по №44, 31 октября 1870, далее И. Бурыгин. Наконец к концу 1870 года редактором «Енисейских губернских ведомостей», смотрителем типографии и начальником газетного стола становится коллежский асессор Александр Дмитриевич Жилин, он оставался на этом посту в течение десяти лет с №45, 7 ноября 1870 до №46, 15 ноября 1880 года. О деятельности А.Д. Жилина на посту редактора и смотрителя типографии известно немного, этот период определил всю его последующую жизнь.

С №47 от 8 ноября 1880 г. на следующие десять лет до №49, 22 ноября 1890 года, начальником газетного стола, редактором газеты «Енисейские губернские ведомости» и смотрителем типографии назначен Александр Семенович Ильинский (преподававшийв 1875 году вКрасноярском уездном училище) [5, с. 137].

Через полгода после назначения А.С. Ильинского в Красноярске произошел сильный пожар с 17 на 18 апреля 1881 года, уничтоживший два десятка городских строений, в которых размещались присутственные места и учреждения, сгорели: губернский архив, губернское правление с камерой прокурора, губернский и окружной суды, контрольная палата, жандармское управление, городское и окружное полицейские управления, канцелярия статистического комитета, губернская чертежная, канцелярия конной

казачьей сотни, мещанская и ремесленная управы и окружное акцизное управление[7]. Сгорела и типография губернского правления, уничтоженное пожаром оборудование типографии, печатный стан, шрифты и прочее не подлежали восстановлению.

Девять номеров газеты «Енисейские губернские Ведомости» (с №16 от 9 мая, 1881 по №25 от 12 сентября 1881 года) печатаются типографией «Гоштовтт и Ко.». Это первая частная типография в Красноярске, начавшая свою работу 12 декабря 1872 года[2, с. 256]. Разрешение на открытие своей типографии Симон Карлович Гоштовт получает в 1878 году с учреждением типографического товарищества при типографии, в которое в 1880 году, после службы в казенной типографии, вступает Жилин[5, с. 124].

У газеты меняется формат, он уменьшается до 31 22 см, приобретает другие пропорции печатного листа, издание выходит в ином типографическом и шрифтовом оформлении, хотя продолжает печататься в две колонки.

С №26 от 26 сентября 1881 г. Енисейские губернские Ведомости печатаются уже в губернской типографии. На некоторое время сохраняется формат типографии Гоштовта и оформление газеты. В таком, практически пожарном состоянии, новый редактор Ильинский начинает свою работу.

В следующем 1882 году с №5 от 30 января газета приобретает новое типографическое оформление, возвращаются прежние пропорции газеты, с отношением сторон 1:1,3 (6 8), правда репертуар наборных шрифтов газеты уже другой, приобретенный по больше части в словолитне О.И. Лемана в С-Петербурге. Газета приобретает современный вид.

Колонтитул газеты вынесен вверх и подчеркнут линейкой в формат полосы, набран заглавным плотным египетским шрифтом. Заголовок газеты (шапка) – ЕНИСЕЙСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ набран в две строки, 1-я строка отбита по центу и набрана итальянским узким шрифтом в 36 п [9, №106], 2-я строка, в два слова, выключена в формат полосы и набрана заглавным, плотным английским обыкновенном шрифтом, в том же кегле. [9, №115]. Через некоторое время (1882 г.) на титульном листе газеты появляется герб Енисейской губернии. Текст газеты набран узким обыкновенным шрифтом 10 кегля.

С января 1891 г. заголовок меняется: 1-я строка набирается заглавным обыкновенным шрифтом в 36 п. [9, №106], а 2-я строка в 60 п. узким египетским шрифтом. [9, №56]

Такое оформление газеты оставалось неизменны на протяжении девяти лет, до конца 1890 года, с незначительными включениями, так в 1884 г. ни титуле появился герб Енисейской губернии. В этом же году Александр Семенович Ильинский уходит в отставку, его заслуги были отмечены орденом Св. Анны 3-й степени [4, №10, 1890].

В 1895 году было ликвидировано Енисейское губернское правление с передачей функций общему губернскому правлению. В образцах Енисейской губернской типографии на 1898 год, на титулах образцов появляется – Типография губернского управления в Красноярске.Новым редактором «Енисейских губернских ведомостей», смотрителем типографии и начальником газетного стола с 1891 г. назначен надворный советник Л. Лазарев. Его назначение связывают с проездом наследника престола Николая через Красноярск после возращения из Японии через Сибирь [18, с. 45].

С №3 от 21 января1895 года формат газеты увеличился (45 32 см), газета стала набираться в 4-е колонки, изменился заголовок (шапка) газеты, он стал набираться в одну строку со вставкой герба Енисейской губернии посередине, по которым дугой, внизу мелким кеглем набрано рубленным шрифтом «губернские». Сам заголовок набран деревянным афишным шрифтом в 2 кв. т.е. 96 пунктов [9, №4].

Помимо газеты, в 1896 году типография активно осваивает печать акцидентной продукции, примерный ассортимент которой опубликован в рекламном объявлении:

> «Принимаются заказы на всевозможные типографические работы, как-то: брошюры, объявления, бланки, книги и т.п. для правительственных и общественных учреждений,

для правления золотопромышленных и пароходных компаний, торговых домов, винокуренных заводов, оптовых складов и проч.; рецепты для аптек, чайные и водочные этикеты разных красок, визитные карточки, прейс-куранты, счета, поздравительные письма, пригласительные билеты, меню для обедов, ярлыки, афиши и проч.» [11, 1896 г.].

Типография обновляется и регулярно дополняется новыми шрифтами, о чем регулярно сообщается заказчикам потенциальным клиентам в рекламных объявлениях и в печатной продукции, выпускаемой типографией: «Пополненная значительным выбором, шрифтов...» [11, 1896 г.].

Закупаются всевозможные сорта бумаги, расширяется круг полиграфических заказов на акцидентную продукцию: «Имея большой выбор газетной, писчей, альбомной, картузной, мраморной и почтовой бумаги и бристольского картона, типография по самым умеренным ценам, к назначенному сроку принимает печатание книг, бланок, брошюр, счетов, чеков, афиш, объявлений, этикетов, чайных сорочек и проч.» [там же].

Типография наращивает парк полиграфического оборудования, приобретается и заказывается новое оборудование: «При типографии имеется хорошо обставленное Переплетное заведение. В непосредственном времени будут получены бумагорезательная и перфорировальная машины» [там же].

С №29 от 22 февраля 1898 г. редактором газеты и управляющим типографии становится Ф.И. Дмитриев. Он продолжается активное развитие типографии; в 1898 году в типографии имелось три скоропечатные машины, из них одна 2-х красочная (двунакладная), ожидалось получение новой заказанной машины: «Енисейская губернская типография объявляет, что с получением второй двунакладной машины, работоспособность ее значительно увеличилась и потому явилась возможность понизить цену печати на 20% против прежних, также недорогих цен. Стоимость бланок для производства волосных и сельских. Управлений, по формам, установленным сборником узаконений по крестьянскому управлению, каковые бланки имеются в постоянном запросе, в виду большого на них спроса, понижена на 20%» [4, 1899, №41,], а «...с получением линовальной машины (A. Flaskamper, Leipzig-Lindenan, modelII), работающей роликами, при наличности перфорированной (для прокола чеков и квитанций), бумагорезательной, картонорезательной и нумеровальный аппаратов, она производит всевозможные типографические и линовальные работы в одну и несколько красок, а также золотом и серебром» [11, 1898 г.].

В 1898 году типография выпускает рекламный каталог типографии – «Образцы шрифтов Енисейской губернской типографии за 1898 год». В нем представлена обширная коллекция шрифтов, пополненная в основном типографией в 1895–1898 годы. В «Образцах» говорилось, что типография: «Доводит до всеобщего сведения, что, с получением из лучших фабрик и словолитен, большого выбора разнообразных шрифтов, украшений и политипажей» [там же]. Издание Образцов шрифтов носило чисто рекламный характер, его получали постоянные клиенты типографии: «Места и лица, производящие постоянные заказы, могут получить бесплатно Образцы шрифтов и украшений и пользуются рассрочкой платежа денег за произведенные заказы в течение полугода и более» [4, 1899, №41].

Рекламное издание «Образцов», отпечатанное в Енисейской губернской типографии в 1898 году, наглядно демонстрирует уровень художественного и типографского мастерства, а также технические возможности полиграфического оборудования, которое имелось в тот момент, безусловно, сравнивая с другими подобными изданиями, вышедшими на тот момент, типография ни в чем не уступала не только частным типографиям Енисейской губернии, но и типографиям Европейской части России.

Обновленная в 1898 году и укомплектованная новым типографическим оборудованием Енисейская губернская типография вызывала надежды у енисейского губернатора М.А. Плеца как возможность привлечения новых финансовых поступлений.

В связи с этими ожиданиями он в 1899 году обращается в Главное управление по делам печати с ходатайством о расширении неофициальной части «Енисейских губернских ведомостей» до размеров ежедневной газеты, отдавая должное в том, что газета в существующем виде не представляет интереса «ни для читающей публики по своему содержанию, ни для торговых фирм в качестве рекламатора» [18, с. 45-46].

Для реализации губернской программы редактором обновленных «Енисейских губернских ведомостей» поставлен с 1901 года Ф.И. Шильдер-Шульднер, Дмитриев остается заведующим типографии.

Новый редактор Енисейских Губернских Ведомостей организовал активную реорганизацию газеты, с №16 от 25 февраля 1900 г. неофициальная часть стала выходить отдельно по вторникам и пятницам, с №18 от 2 марта – по вторникам, четвергам и субботам, а с №28 от 25 марта в большом формате (56 х 40). Официальная часть издавалась по четвергам [18, с. 46]. Типографическое оформление газеты вернулось к 1895 году. Газета выходила без герба, слово «губернские» набрано мелко, акцент снова смещен в заголовке газеты на ЕНИСЕЙСКИЕ ВЕДОМОСТИ.

Все попытки сделать газету привлекательной для рекламодателей оказались неудачны, 27 ноября 1901 г. было объявлено об ограничении программы «Енисейских губернских Ведомостей»: «...по прошествии почти двух лет издания газеты, как показала практика, надежды, возлагаемые на широкое распространение местных губернских ведомостей, не оправдались и, вместо ожидаемых барышей, типография едва успевала свести концы с концами» [18, с. 45]. Ф.И. Шильдер-Шульднер покидает пост редактора газеты, редактором и заведующим типографии и газетным столом с №29 от 22 февраля1902 года вновь становится Ф.И. Дмитриев.

Развитие типографии продолжается, оптимизируются затраты на выпуск газеты и идут поиски новых областей оказания полиграфических услуг, в 1905 году: «При типографии имеются линовальная машина и стереотип» [11, 1905 г.]. Типография выпускает бланки и книги по техническому надзору за фабриками и заводами и расчетные книжки с рабочими (утвержденного фабричного образца) [11, 1911 г.]. Заведующий типографией Ф.И. Дмитриев в условиях конкурентной борьбы на рынке полиграфических услуг в Енисейской губернии осуществляет попытки создания гибкой системы привлечения новых заказчиков: «Присутственные места и должностные лица, а также торговые фирмы и железнодорожные конторы, производящие в губернской типографии постоянные заказы, пользуются рассрочкой платежа» [11, 1898 г.].«Для постоянных заказчиков допускается кредит» [11, 1905 г.]. В 1911 году типография устанавливает прекрасно оборудованную собственную электрическую станцию – типография гордо называется Электро-Типографией: «С переходом на электрическую энергию Губернская Типография, имеет возможность еще более аккуратно исполнять работы, – нашла возможным также понизить и цены на все работы» [11, 1911 г.].

Развивается партнерская реклама.Так, с открытием в Иркутске отделения новейшей «Словолитни Г. Бертгольд», типография размещает рекламу словолитни в своей печатной продукции: «Словолитня Г. Бертгольд, фабрика медных линеек и гальванопластическое заведение. С.-Петербург. Собственная фабрика: Москва, Берлин, Вена и Штутгард. Золотая медаль Париж 1900. Богатый выбор шрифтов и орнаментов в модном стиле, медные линейки и современные виньетки» [11, 1910 г.].

Февральская революция 1917 года внесла свои изменения в работу типографии:газета «Енисейские губернские Ведомости» переименована в «Известия Енисейской Губернии». Редактором газеты с 7 апреля 1917 г. стал А.Р. Шнейдер. Под таким именем газета выходила до 7 ноября 1917 года, когда при новой власти выходила уже как газета «Известия Енисейского губернского народного комиссариата» до 5 марта 1918 г. В качестве неофициальной части газеты «Известия Енисейского губернского народного комиссариата» с 21 ноября 1917 г. по май 1918 г. издавалась «Рабоче-крестьянская газета»

[18, с. 48]. Исполняющим обязанности редактора «Известия Енисейского губернского народного комиссариата» с правом подписи стал председатель губ. соединенного исполнительского комитета советов рабочих и крестьянских депутатов Енисейской губернии А.И. Окулов. Редакторами «Известий Енисейского губернского народного комиссариата» с 7 ноября 1917 по 5 марта 1918 года были А.Р. Шнейдер и В.И. Щипанова.

С установлением Советской власти в Красноярске 4 января 1920 г. все типографии попали в ведение Информационно-Инструкторского Издательского Отдела, который и заведовал ими до 21 января, т.е. до дня образования Полиграфического Отдела. В докладе представителя красноярской секции профсоюза печатников Д.П. Долбешкина на первом Енисейском губернском съезде печатников, проходившем с 13 по 14 июня 1920 года, прозвучало подробное описание ситуации, сложившейся в полиграфии:

> «...главное внимание Отдела было обращено на собирание инвентаря и материала полиграфического производства, разбросанных по путям железной дороги и приведение их в порядок и недопущение их расхищения, приведение в известность имущества типографий, находящихся в городе, и объединение деятельности всех типографий» [3, с. 7].

Началась приватизация типографий. Первой, в числе других типографий, уже 7 января 1920 года была национализирована Губернская типография. Для определения стоимости национализированных предприятий в Красноярске с 10 по 16 февраля 1920 года работала специальная комиссия с участием представителя Государственного Контроля, определившая стоимость приватизированных типографий.Так стоимость Губернской типографии, названной после приватизации №1, была определена в 499451 руб.; Типография Кохановских (№2) в 562394 руб.; Гарнизонная (№3) в 23564 руб.; Типография Свободная Сибирь (№4) – 297564 руб. [3, с. 8].

Таким образом, старейшая государственная типография Енисейской губернии на момент приватизации в 1920 году была второй по оснащенности типографией в губернии, незначительно уступая частной типографии М. Кохановской, образованной в результате приобретения в 1905 году другой крупной частной типографии Е.Ф. Кудрявцев.В чем-то государственная типография Енисейской губернии оставалась первой, так уже в 1921 году, на втором съезде Енисейском губернском съезде печатников, отмечалось, что: Электричеством приводятся в действие машины только в двух типографиях, находящихся в Красноярске, – Государственная (быв. губернской) и Губсоюза. Во всех остальных типографиях губернии машины приводятся в действие рабочей силою. Освещение во всех типографиях электрическое. [3, с. 91].

В результате национализации произошло объединение полиграфического оборудования отдельных типографий, произведено перемещение шрифтов и иного инвентаря из одной типографии в другую, расширение некоторых отделений за счет других. Первая частная типография в Красноярске, на момент приватизации, «Фирма Абалакова» (приобретенная у А.Д. Жилина в 1907 году М.И. Абалаковым), была объединена с первой государственной типографией Енисейской губернии [3, с. 8].

В докладе были определены и дальнейшие шаги по созданию государственной типографии в Красноярске:

> «...для улучшения и увеличения производительности принимаются шаги к концентрации всех производственных единиц в г. Красноярске в одно место. Для этого, уже найдено помещение» [3, с. 10].

Енисейская губернская типография, образованная в 1857 году в рамках всероссийской государственной программы организации печати выпуска «Губернских Ведомостей», существовала в своем первоначальном статусе государственной типографии 63 года. Из них под управлением Енисейского Губернского Правления – 38 лет и 25 лет под губернским Управлением (с 1895 года до национализации типографии в 1920 году).

За время существования Енисейской губернской типографии можно выделить два основных периода: первый – с 1857 года до пожара 1881 года, второй– с 1881 до 1920 года. И если в рамках первого периода основополагающей функцией типографии был выпуск газеты «Енисейские губернские Ведомости», то в рамках второго периода важно подчеркнуть, что типография, помимо выпуска газеты, стояла у истоков печати книжной и акцидентной, т.е. рекламной продукции, в губернии задавая, высокий стандарт типографического мастерства.

По существу, с национализацией Енисейская губернская типография не перестала существовать, на ее основе была образована Государственная типография №1 в Красноярске.

Список литературы

[1] Адарюков В.Я. Библиография русских типографских шрифтов. М.: Гос. Из-во, 1924.

[2] Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск: Кн. Изд-во, 1995.

[3] Второй съезд Всероссийского Союза работников печатного дела. Красноярск: Шк. печ. дела, 1921. URL: https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=b7fe461ea3b12ac5ec0933bb9e3153a9&viewerType=GUNBKK&squery= (дата обращения: 11.06.2022).

[4] Енисейские Губернские Ведомости. 1881, 1890, 1896, 1898, 1901, 1905, 1911.

[5] Касьянов Василий Дмитриевич, протоиерей. Из дневников 1870–1897 гг.: в 2 кн. / Автор-составитель А.В. Броднева. Красноярск: ООО Издательский дом «Восточная Сибирь», 2012.

[6] Материалы для истории Владимирской губернской типографии, к столетнему юбилею типографии Владимирского губернского правления. 1797–1897. Владимир не Клязьме: Типография Владимирского губернского правления, 1897.

[7] Мишошникова Т.И. Пожар 1881 года в Красноярске / Архивы Красноярского края [офиц. сайт]: URL: http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/490 (дата обращения: 6.06.2022).

[8] Образцы шрифтов типографии и словолитни Императорской академии наук. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1870.

[9] Образцы шрифтов Енисейской губернской типографии в Красноярске ... за 1898 год. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1898. [эл. копия печатного документа]: URL:https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=22979f55c81f4ead0e22976374a91000&viewerType=GUNBKK&squery= (дата обращения: 5.06.2022).

[10] Первый Енисейский губернский съезд печатников 13-14 июля 1920 года / Енисейский губ. отд. Всероссийского Союза работников печатного дела. — Красноярск : Образцовая типография при профессионально-технических курсах печатного дела, 1920. URL:https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=e702810d6addae6320b92cb808c58dfc&viewerType=GUNBKK&squery= (дата обращения: 10.06.2022)

[11] ПамятнаякнижкаЕнисейскойгубернии на .... Красноярск: Енисейская губернская типография, 1896, 1898, 1901, 1905, 1907, 1911.

[12] Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 : О-С / под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929.

[13] Словолитня Ревильона и Компании. Новые образцы [шрифтов словолитни Ревильона]. 1849: [С последующими дополнениями]. 3-е изд. –Санкт-Петербург, 1855.

[14] Смирнов С. По высочайшему повелению: 165 лет назад вышел первый номер первой нижегородской газеты // Нижегородская правда. 2003. №4. 14 января.

[15] Столетие вятской губернской типографии. 1787-1897. [Сост. М.К. Селивановский.] Вятка: Губернская типография, 1898. URL:https://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html (дата обращения: 18.06.2022).

[16] Столетие типографии Пензенского губернского правления: (1804–1904) / В.П. Попов. Пенза: типография Губернского правления, 1904. URL: https://www.prlib.ru/item/372358 (дата обращения: 14.06.2022).

[17] Шевцов В.В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I // Вестник Томского государственного университета. 2007. Выпуск 3 (66). С. 74–80.

[18] Шевцов В.В. Енисейские губернские ведомости – забытая газета Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2014. №1 (27). С. 41–50.

[19] Шевцов В.В. Из истории Томской губернской типографии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 301. С. 73-79.

[20] Шицгал А.Г. Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практика применения. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Книга, 1985.

УДК 821.512.31

Анималистика в фольклоре и литературе бурят

Булгутова Ирина Владимировна
Доктор филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.
irabulgutova@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-3878-6657

аннотация В статье прослеживается архаический компонент бурятской культуры, восходящий к тотемистическим воззрениям на примере анималистских текстов фольклора и литературы бурят. Автором статьи анализируются песни от первого лица – от лица животных и птиц, в которых наблюдается смешение сфер человека и животного. Мотив перевоплощения или оборотничества в бурятской культуре раскрывает особо тесные связи в природном мире, заложенные на уровне бессознательного. Отсылку к сфере бессознательного содержат также тексты, раскрывающие магию действенного слова. В литературе эти тексты функционируют на основе активизации фольклорно-мифологических традиций, что прослеживается на примере стихотворения Д. Улзытуева «Тээгэ» (заклинание овцы).

ключевые слова анималистика, тотемизм, мифологическое сознание

Традиции создания образов животных в искусстве, прежде всего в его изобразительных видах, восходят к глубокой древности. Анималистика также занимает свое место и в словесных видах искусства, отражая специфику культуры народов, проживающих в разных природных и геоландшафтных условиях. Традиции изображения животных в бурятской культуре отражают разные стадии развития человеческого общества, начиная с охотничьего быта как древнейшего пласта, затем нашли отражение моменты, сформированные укладом кочевников-скотоводов. В мифологическом сознании, отразившемся со всей полнотой в устном народном творчестве бурят, сохраняются и тотемистические представления, и шаманистские воззрения. «В духовной жизни народов Сибири прочно живут древние представления их пращуров об окружающем мире, о единстве и кровном родстве человека и природы. Человек в их представлении живет в неразрывном единстве с природой, со всем окружающим миром» [2, с. 28]. Представление об особого рода тесных связях между людьми и животными коренятся в мировоззрении. Так, именно в культуре кочевников оформляется почитание как пяти драгоценностей пяти видов животных: верблюда, коня, коровы, козы, овцы. По мнению исследователей, «табан хушуу мал» (пять животных) имеет концептуальное значение в бурятской культуре.

В рамках данной статьи мы рассматриваем тексты, в которых отразился архаический компонент бурятской литературы, восходящий к тотемистическим представлениям. Это тексты, в которых отразился мотив перевоплощения или же оборотничества, и тексты, отражающие представление о магии устного слова.

В собрании бурятских народных песен фольклориста, этнографа С.П. Балдаева представлены оригинальные тексты – песни от лица животных и птиц (коня, собаки, волка, коровы, дятла, вороны, полевого кулика, горлицы, бекаса –морин, нохой, шоно, үхэр, тоншуул, турлааг, утагалжан, түүтэй, һараалжан), записанные от известных сказителей П. Тушемилова и П. Петрова. Как пишет исследователь-этнограф, «крупнейшие бурятские рапсоды XX века П. Тушемилов, П. Петров, П. Ханхаев, О. Хайнтаев и другие, от которых записаны десятки эпических произведений, в том числе «Гэсэр»– один из величайших памятников устного творчества монголов и бурят, выполняли также функции шаманов, пользуясь в этом качестве не меньшей популярностью в народе, чем на поприще сказительства» [3, с. 129]. Для нас это замечание представляется важным, так как в шаманских легендах и преданиях сохраняется восходящий к тотемизму мотив оборотничества, который имеет в основе концепцию единства вселенной. Мотив знания языка животных был распространен и в бурятских

сказках. В текстах от лица животных вызывает вопрос разграничение сфер человека и животного.

Так, в песне от имени собаки, к которой применены человеческие психологические категории и свойственный человеку предметный ряд, можно увидеть сочувствие к судьбе животного: «Шалагай һүниин хүйтэндэнь / Шэхэмни даарана лэ, / Шэхэтэйхэн толгойдоо / Малгайбай үтэлбэб; / Хуса һарын хүйтэндэнь / Хургадни даарана лэ, / Хургатайхан хүлдөө / Годоһобэй үтэлбэб; / Үбэлэй ехэ хүйтэндэнь / Үбсүүмни даарана лэ, / Үһэтэйхэн үбсүүндээ / Дэгэлбэй үтэлбэб. [1, с. 261] (От безмолвного зимнего холода / Уши мои мерзнут. / Хоть и есть уши на голове, / Без шапки я состарился. / От январского холода / пальцы мои мерзнут. / Хоть и есть пальцы на ногах, / без кожаной обуви я состарился. / От зимнего жестокого холода / Грудь моя мерзнет. / На волосатой груди своей / Без дэгэла я состарился). Отлична от этого песня от лица волка, в которой говорится о клыках и когтях: «Һобоймни бүхэ даа, / Һабарни хурса даа!» [1, с. 262] (Клыки мои крепки, / Когти мои остры).

В песне же от лица собаки говорится о пальцах, а не о когтях, – о части человеческого именно тела, о переживании прихода старости, присущем человеку, своеобразная проекция своего тела и мира и на другое «я» здесь очевидно. В песне же от лица волка очевидно отражение тотемистических воззрений, так как смешение сфер человека и животного коренится в представлении о происхождении: «Бүртэн Шоно угтайб, Бүхэли монгол удхатайб» [1, с. 261-262] (От сивого волка происхожу, всемонгольского рода). Как известно, волк – тотем одного из монгольских родов. В стихотворении от лица волка не просто перечисляются признаки его стати: «Хара ехэ нюдэтэйб, / Хаза гэмэ аматайб, / Ута һайхан хүлтэйб, / Унжагар һайхан һүүлтэйб» [1, с. 261] (Большие черные глаза имею, / Рот, способный укусить, / Длинные прекрасные ноги, / Пушистый прекрасный хвост) и т. д. Все признаки в совокупности призваны раскрыть и передать энергию и природу хищного существа.

Примечательны в сборнике С.П. Балдаева две песни, связанные с образом коня, один из них, записанный от П. Тушемилова, – вполне традиционная хвала скакуну мориной соло, которая воздается человеком за заслуги его верному помощнику. Другой же текст, записанный от П. Петрова, написан уже от лица коня и по структуре он схож с другими подобными текстами, но после перечисления своих примет конь воздает хвалу своему хозяину и там также следует ряд черт, характеризирующих уже человека [1, с. 259-261]. В песнях отражается понимание природы и хищных животных, и травоядных, во всех них воспевается сила, мощь, те качества, которые необходимы для выживания этого вида. Смешение сфер человека и животного достаточно частотно, так, в стихотворении о дятле говорится о нем как о неудавшемся шамане: «Улаан залаа залаалжа, / Бөө боложо ядалайб. / Улхан аяга хэжэ, / Уран боложо ядалайб» [1, с. 263] (Красную кисточку нацепив, / Пытался стать шаманом. / Сделав чашу из наплыва на дереве, / Мастером пытался стать). В бурятском фольклоре есть и пословицы и поговорки от лица дятла. Мотив перевоплощения или же оборотничества усматривается в использовании звукоподражательных слов, особенно в текстах от лица птиц. Так, звучит звукоподражание в песне ворона: «Хушуумни хурса лэ, / Хабамни ехэ лэ. / Далимни ехэ лэ, / Дэбэлни бага лэ. / Хуа-а, хуа-а, хуа-а, хуа-а!» [1, с. 263] (Клюв мой крепок, / Мощь моя велика. / Крылья мои большие, / Дэгэл мой мне мал. / Хуа-а, хуа-а, хуа-а, хуа-а!). Часто встречается в данных текстах и фигура вопрошания от лица животного или птицы. Категории человеческого родства (брат, невестка) сквозной линией идут в стихотворении от лица горлицы – түүтэй. Отождествление сфер человека и птицы последовательно: «Оройбэй малгайтайб, Улабэй годоһотойб» [1, с. 264] (Шапка у меня без верха, / Унты у меня без подошвы).

В бурятской литературе создано немало образов животных, особо бережное отношение к ним прослеживается в произведениях, где воспроизводится традиционный

уклад и быт кочевников-скотоводов. В этом ряду можно назвать стихотворения о домашних животных Д. Улзытуева, М. Самбуева, Б. Сыренова. В литературе бурят есть немало вариаций на тему песни от лица сироты-верблюжонка, в них сохраняется сам принцип раскрытия мира от лица животного. В повести Б. Ябжанова «Эхэ шоно» (Волчица) целый пласт повествования дан от лица самой волчицы, в самом бурятском названии подчеркнута общность судеб всех живых существ – мать-волчица. Древние воззрения воплощены и в пословицах и поговорках от лица животных. Так, в повести Б. Ябжанова об охотниках «Өөдэнь шэдэһэн шулуун» (1989) (Камень, брошенный вверх) приводится пословица от лица изюбра: «Дууем шагнахаа ерэһэн хүн минии наһые абаг, амиием таһалхаяа ерэһэн хүн эбэрэйм наһые абаг!» [5, с. 93] (Кто пришел послушать мою песню, пусть возьмет мои годы, кто пришел прервать мое дыхание - пусть возьмет количество лет рогов моих!). Это пожелание одновременно и заклятие, выполняющее функцию защиты, все это воплощает представление о магии действенного слова. К таким текстам относится и своеобразная песня – заклинание овцы, отказывающейся от своего ягненка. Так, стихотворение Д. Улзытуева «Тээгэ» сразу включает в мир традиций и сознания бурятского народа. Оно имеет свой лирический сюжет, рассказано от лица ребенка, который, увязавшись за матерью на ферму, стал свидетелем того, как овца отказалась принимать своего новорожденного ягненка. В таких случаях скотоводы-буряты пели песню «тээгэ», чтобы пробудить в животном материнский инстинкт. Матери лирического героя не удается его пробудить, это удается ребенку, запомнившему все слова песни: «Хун сагаанай нюдэн байн байн уһатажа, / һаглагархан хурьганайнгаа нэрэ һурагүй годолзоһон / һүүлые үндэн, хүхүүлжэ эхилбэ» [4, с. 3-4] (И тогда глаза белошерстной увлажнились, и она подпустила к себе свое дитя). «Дуушан болохош даа, хүбүүмни, заатагүйл дуушан болохош». [4, с. 3-4] (Быть тебе певцом, непременно быть певцом), – сказала тогда его мать. Вся картина приобретает глубокий символический смысл при выявлении архетипической сущности образа матери, которая олицетворяет инстинкт в чувства высшего порядка: любовь и жертвенность. Не случайно на разных уровнях бурятской культуры сохраняется культ матери. Примечательна сама ситуация «мать и дитя», которая здесь дублируется, в человеческом мире сохраняется естественный порядок вещей: мать любит своего сына, когда же нарушается этот порядок в животном мире, инстинкт у взбунтовавшегося животного восстанавливается голосом ребенка, который замещает собой отвергаемого ягненка обращением к овце с песней-уговором или же заклинанием. В самой народной песне «тээгэ» проявляется древнее представление о магии слова, наполненного энергией жизненной силы человека, слова, в сочетании с мелодией – мягким упреком и сопереживанием, способного пробудить уснувшие инстинкты. «Урин дулаан болохол даа, / Ургы ногоон ургахал даа, / Уһанай шубууд ерэхэл даа, / Уурагшни дэлбэрхэл даа, / Урдаһаашни юуншье угтахаб даа?». [4, с. 4] (Наступит теплая пора, / Вырастут новые травы и цветы, / Прилетят гуси и лебеди (водоплавающие) / Вымя твое переполнится молоком, / Кто тебе выйдет навстречу?)

Традиции кочевнического уклада жизни определяют в творчестве Улзытуева особенности самого взгляда, в частности, способность к гармоническому слиянию с окружающим его растительным и животным миром.

Таким образом, в изображении животных в бурятской литературе прослеживаются элементы архаической эпохи, в частности, восходящие к тотемистическим верованиям, что обуславливает частотность текстов от первого лица. Экологическое сознание бурятского народа во многом основывалось на мифологических представлениях. Мотив «знания языка животных» в бурятских сказках имеет истоки в целом в культуре, в которой шаманистские верования породили представления и об особого рода воздействии ритмического слова на сферу бессознательного, не только общечеловеческого, но и всех живых существ.

Список литературы

[1] Балдаев С. П. Бурятские народные песни (дореволюционные). Т. 1. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1961. 289 с.

[2] Балданов С. Ж. Народно-поэтические истоки национальных литератур Сибири (Бурятии, Тувы, Якутии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Улан-Удэ: Изд-во БГПИ, 1995. 29 с.

[3] Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.

[4] Улзытуев Д. А. Ая ганга: лирические стихи и поэмы. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1961. 104 с.

[5] Ябжанов Б. Н. Рассказууд // Байгал. 1989. № 6. С. 77-103.

УДК 130.2+75.04 +7.036

Уровни репрезентации культурного наследия в современном художественном процессе

Горелова Юлия Робертовна
Кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь,
Сибирский филиал Института культурного и природного наследия,
Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет,
г. Омск, Россия.
Gorelovaj@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4554-7275

АННОТАЦИЯ Автор предпринимает попытку выделения в современном художественном процессе отражения уровней культурного наследия. За основу классификации принимается тезис о наличии нескольких уровней культурного ядра, таких как: этнический, являющийся базовым и более древним, уровень достояний национальной культуры, формирующийся на основе достижений профессионального искусства и локальный уровень, отражающий специфику конкретных территорий и регионов. Данные тенденции автор рассматривает на примере отражения уровней наследия в изобразительном искусстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА культурное наследие, изобразительное искусство, репрезентация, современность

Современный художественный процесс явление сложное, многогранное и противоречивое, как сама современная действительность с присущими постмодерну стремлениями к смешению, иронии, игре, китчу и присущим массовой вненациональной по сути и духу массовой культуре. Как ни странно, а может и вполне закономерно, что именно данные культурные реалии провоцируют современных художников на обращение к теме наследия, к своим культурным и историческим истокам, поиску корней как чего-то незыблемого, настоящего, проверенного временем, того, на что можно опереться даже в это неспокойное время постоянных стрессов, молниеносно меняющихся конъюнктур, конкуренции и повальной коммерциализации.

Исследуя современное состояние художественного процесса на Южном Урале, Г.С. Трифонова подмечает сложность и противоречивость культурных реалий, бросающих определенный вызов времени современным художникам. Она утверждает, что «Современное искусство, оставаясь верным станковым и монументальным формам и многообразию сформировавшихся веками и тысячелетиями видов искусства… все более включает в свое пространство динамику разнообразного потока информации, в которой живет современный человек, информационных технологий, которые постепенно размывают и стирают границы… в результате рождаются произведения, создающие впечатление промежуточных, на перепутье, отражающие серийное мышление в потоке, который является продолжением когда-то начавшегося… и тонущего в отдаленной перспективе художественного развития» [7, с. 78]. При этом автор уверенно заявляет, и мы склонны согласиться с данным утверждением о том, что художникам Южного Урала не грозит подобное растворение в потоке, и именно связь с культурным наследием Места может стать опорой в сохранении и развитии художественного своеобразия искусства региона в размывающемся потоке современного искусства. Подводя некоторый итог своим размышлениям, Г.С. Трифонова актуализирует тезис о том, что «для всестороннего развития и движения в будущее Южно-Уральского региона необходима актуализация всех пластов наследия…» [7, с.78].

Анализируя специфику настоящего момента в сфере изобразительного искусства, Д.Ф. Файзуллина утверждает, что «новым элементом художественной ситуации стало активное обращение к историко-культурному наследию, этническим образам и сюжетам, национальной мифологии и фольклору». [8, с. 51]. Многие искусствоведы, глубоко исследующие особенности современного художественного процесса, обращают внимание на тот факт, что именно на пересечении процессов культурного

наследования (устойчивость) с новыми веяниями культурных изменений как в сфере аксиологии, так и технологии (динамика), происходит формирования многообразия и богатства современного искусства. Так, М.В. Москалюк, анализируя итоги выставки «Сибирь – Дальний Восток», совершенно справедливо, на наш взгляд отмечает, что «современные произведения дают некое «переиздание» традиции, расширяют ее, включают опыт нынешней, полной глобальных противоречий технологичной культуры. Происходит углубление представлений о внешнем и внутреннем пространстве человека, визуализация наиболее важных для нашего времени идей, переживаний, событий» [5, с. 148]. Приведенные выше рассуждения позволяют признать исследование тематики культурного наследия весьма актуальной при изучении особенностей современного художественного процесса в изобразительном искусстве.

Говоря об отражении наследия в изобразительном искусстве, мы не должны забывать, что искусство отражает действительность и воспроизводит ее в виде художественных образов. Образы, в частности образы культурного прошлого, образы наследия, опираясь на факты действительности, фактами далеко не исчерпываются. Природа образа такова, что он является лишь декларацией действительности, представляя собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений, отражающих сущностные черты чего-либо. Процесс формирования образа всегда связан с концентрацией, сгущением определенных представлений. Образы прошлого, прежде всего, опираются на образы воспоминания, но зачастую социокультурный контекст подключает и механизмы домысливания, что относится уже к сфере воображения. Художественные образы прошлого, запечатленные в искусстве еще более связаны с процессами воображения.

В рамках данной публикации мы отразим некоторые тенденции и типы отображения образов культурного прошлого в современном художественном процессе. Логика рассмотрения типологии образов культурного наследия обусловлена в данном случае самой природой сферы культуры. Не дискутируя о сущности культуры, в рамках данной публикации автор принимает тезис о том, что в определенном приближении в культурном пространстве практически любой культуры можно выделить несколько пластов: этнический, национальный и локальный, где этнический пласт – более древний и более приближенный к традициям народной культуры, а национальный включает достижения национального профессионального искусства. Локальный пласт служит уточняющей переменной, углубляющей привязку культурного наследия к конкретному более локальному пространству. С этой точки зрения разнообразные вариации этноархиаки, русские архетипические образы, закрепленные в фольклоре, будут ориентировать нас на этнический пласт, а достояния творчества художников-передвижников и традиции социалистического реализма на национальный. Конечно же, мы признаем, что национальный пласт наследия явление крайне широкое и многогранное. Но определенные причины упоминания именно передвижников в качестве примера все-таки имеются. Мы склонны согласиться с мнением доктора искусствоведения, заведующей отделом живописи второй половины XIX – начала XX в. Третьяковской галереи, ведущим научным сотрудником НИИ Российской Академии художеств Т.В. Юденковой в том, что «Передвижники создали полновесный образ России; русское искусство им обязано открытием новых тем и сюжетов; развитием «критически мыслящего» жанра; высокими достижениями в области психологического портрета. Они переосмыслили отношение к национальному ландшафту, сделали попытки по-новому взглянуть на ход российской истории. Их лучшие полотна составили национальную художественную школу, они во многом способствовали процессу формирования национальной идентичности. Именно передвижники стояли у истоков тех направлений, которые впоследствии определили пути развития русского искусства… Этот импульс был таким мощным, продолжительным и востребованным, что, несмотря на закономерное падение интереса на рубеже XIX–XX столетий и в первые послереволюционные годы, традиции передвижников возрождались и переплавлялись на протяжении XX в. в

советском фигуративном искусстве, являясь для него образцом для подражания» [9, с. 163]. Локальный пласт обеспечивается культурным своеобразием различных регионов России. Так, например, можно говорить об особенностях отражения в искусстве сибирской темы или специфике отражения образа какого-то определенного поселения (можно говорить о художественном образе Москвы, Петербурга, Самары, Омска и др.), потому как специфика культурного наследия рождается не только временем, но и Местом, то есть спецификой конкретного пространства. В данном случае, опять же хотелось упомянуть, что, исследуя творчество художников, современные искусствоведы нередко отмечают эту особенность – своеобразие образов рождается именно на пересечении времени и пространства. Так, анализируя творчество художника Н.И. Рыбакова, М.В. Москалюк отмечает, что «почувствовать Сибирь в ее историческом времени, понять ее пространственную глубину, показать значение данной территории как места встречи многих цивилизаций...» [6, с. 151].

Иногда исследуются такие специфичные культурно-географические образы как образ Степи или же образ Севера [3].

Соответственно предложенному выше типу классификации, первым типом образов, отражающих культурное наследие, можно считать этноархаику, в рамках которой ключевым становится процесс осмысления, переосмысления, актуализации этнических корней. Наличие этого пласта фиксируется в разных странах и различных регионах России. Так, например, исследователи из Казахстана отмечают, что «Современные художники используют богатый арсенал архетипических мотивов и национальной культуры в своей работе для создания образа. Художники должны искать новое, глобальное восприятие мира через психологию, философию и мифологию, и все направление превращается в прототип внутреннего мира» [4, с. 5].

В Сибири говорят о сибирской неоархаике. Так в ноябре 2014 года в Новосибирском государственном художественном музее состоялся Международный художественный проект «Сибирская неоархаика», вызвавший большой интерес и в очередной раз артикулировал акутальность данного направления. Направление неоархаики было представлено и на уже упомянутой нами ранее выставке «Сибирь – Дальний Восток». Из более ранних проектов можно вспомнить выставочный проект «След» (1999-2006): След I -Новокузнецк 1999; След II - Красноярск 2005; След III - Новосибирск 2006. Тематические выставки: «Алтын-Чер Саяно-Алтая» (Новокузнецк, 2000-2001), «Тени забытых предков – Кемерово 2001, международный выставочный проект «Внутренняя Азия» (Новосибирск, Бишкек, Ханты-Мансийск, 2000-2004), «Сибирский миф. Голоса территорий» и «Пост №1» - Омск 2005 и др. По итогам выставочных проектов иногда издавались каталоги и другие материалы. Так, в 2005 году в Омске вышел альбом каталог «Сибирский миф. Голоса территорий: Образы и символы архаических культур в современном творчестве». Интересно, что во вступительной статье к каталогу А.Н. Гуменюк отмечает тот факт, что благодаря творчеству художников, работы которых представлены в данном каталоге «в современную жизнь регионов активно входит их историко-культурное наследие» [2, с. 4].

Термин этноархаика достаточно устоявшийся, но постепенно появляются и новые определения. В своей статье Д.Ф. Файзуллина характеризует одно из течений в современном художественном процессе, обозначая его как «этнический авангард». По мнению автора, данное направление соединяет традиции национального, даже, точнее сказать, этнически ориентированного искусства с модернистскими, авангардными приемами искусства. В рамках этого течения базовые этнокультурные архетипы сливаются с традициями народного примитива и художественно преобразуются с использованием багажа приемов абстрактного искусства. Данные размышления автора базируются на исследовании тенденций неомифологизма в современной художественной культуре. Неомифологизм, как утверждает Д.Ф. Файзуллина, проявляется как в сюжетно-содержательном, идейно-образном аспекте – через символы, образы, актуализацию этноархетипов и мифологем, так и формально-стилистически – через стилизацию и возможности художественного языка [8, с. 76]. Исследуя данный

феномен на примере тюркоязычных народов, автор приходит к выводу о том, что неомифологизм проявляется, во-первых, посредствам вдохновения общетюркскими мифами и фольклором (специфичность содержания самих художественных образов); во-вторых, через специфику художественной подачи материала (цитирование народного творчества и декоративно-прикладного искусства). Так или иначе, пласт этноархаики всегда имеет прочную связь с «почвой», древними пластами, породившей его культуры и представляет собой осмысление художниками культурного наследия страны и региона. Искусствоведы, изучающие творчество художников данного направления, при общей тенденции обращения к древним пластам этнических культур отмечают, «наличие специфики звучания«голосов» различных территорий …, обусловленной не только особенностями протекавших здесь этнокультурных, исторических и художественных процессов, но и индивидуальной творческой позицией каждого мастера» [1, с. 13].

Второй пласт культуры, соответственно второй тип художественных образов наследия, связан с отражением значимых событий прошлого страны или значимых реалий ее культурной современности, а также с традициями преемственности художественных методов. Этот пласт не столь монолитен по своей структуре как предыдущий, поэтому нет возможности в рамках одной публикации отразить все тенденции, выставочные проекты и упомянуть имена художников. Однако, возвращаясь к теме актуализации на современном этапе творчества художников-передвижников, хотелось бы сделать несколько замечаний.

Во-первых, стоит отметить сам факт актуализации в культурном пространстве современности данного пласта культурного наследия. Об этом свидетельствует и внимание исследователей к данной тематике и организация научных мероприятий. В качестве примера можно упомянуть круглый стол «Передвижники: взгляд из XXI века», состоявшийся в Омске в декабре 2021 года и объединивший исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Нижнего Новгорода, Омска. Основной темой, обсуждавшейся на круглом столе, стала тема востребованности современниками культурного наследия передвижников, актуализации их наследия, их культурном значении. Материалы круглого стола к настоящему времени, к сожалению, еще не опубликованы, но многие темы, прозвучавшие на нем, так или иначе нашли отражение в других работах и публикациях.

Во-вторых, следует отметить, что современное прочтение наследия передвижников как мощного явления в русской художественной традиции (наследия как в плане сюжетов и тем, так и художественных приемов) неоднозначно и само по себе разнопланово. С одной стороны, появляются художники, чьи работы навеяны всем богатством красок культуры постмодерна с ее склонностью к смешению, иронии, китчу, с другой – художники, философствующие на исторические темы, либо романтизирующие и идеализирующие историческое прошлое. Разнообразие наблюдается и в манере подачи художественного материала. Опять же можно согласиться с мнением уже упоминаемой нами Т.В. Юденковой о том, что наступило время, когда «мастера современного актуального искусства стали иронизировать над творениями передвижников, предлагая свое видение, цитируя шедевры классиков, трансформируя их в жанр «интеллектуального примитивизма» или «художественного наива» [9, с.163]. При этом Т.В. Юденкова обращает внимание на одну очень показательную закономерность. Широкую публику произведения передвижников как выразителей национального художественного кода продолжают притягивать, а вот в среде профессионалов, к которым относятся искусствоведы, эксперты в области искусства, музейные работники почему-то утверждается снисходительное, а зачастую и ироничное отношение к творчеству художников данного направления, «считается хорошим тоном изобличать передвижников в литературщине, повествовательности, недостаточной живописности…» [9, с.164]. При этом, Т.В. Юденкова отмечает тот факт, передвижники являлись выразителями некой русской ментальной традиции, выражавшейся посредствам искусства и именно эта культурная глубинная общность создала основу того, что основы, заложенные в их творчестве, сегодня считываются в

новейшем концептуальном искусстве, искусстве модернизма. «Определенное родство русского искусства XIX в. и российского современного актуального искусства, contemporary art, тяготеющего к концепту, к постановке важных вопросов бытийного основания, оказывается неискоренимо для русской ментальности… Самые неожиданные, но очевидные сопоставления и аналогии обнаруживают единство русской ментальной традиции… При таком подходе русское искусство XIX и XX–XXI столетий предстает единым, цельным явлением, а не как два разных и чуть ли не противостоящих друг другу этапа его развития» [9, с. 165].

Ставя вынужденную, в силу ограниченности объема публикации, паузу в вопросе влияния передвижников на художественный код нации, перейдем к рассмотрению уровня локальной культурной преемственности. Начиная разговор о локальном, необходимо подчеркнуть, что на этом уровне проявляются все выше отмеченные тенденции и процессы, однако появляются новые локальные сюжеты, специфика художественных школ и традиций. Тематической основой образов наследия на локальном уровне, как правило, выступают либо герои Места (то есть художественные образы центрированы вокруг какой-то личности, оказавшей существенное влияние на культурное пространство данной территории), либо связаны с культурно-историческими событиями и процессами, либо посвящены непосредственно отображению памятников истории и культуры, связаны с материализованным и прежде всего архитектурным наследием.

Если, в качестве примера, обратиться к омскому материалу, то можно отметить следующее. Герои-Места активно воплощаются не только через портреты выдающихся деятелей региональной культуры, но и занимают свое место в городском ландшафте в виде скульптур. Активное насыщение городской среды памятниками и памятными знаками, отражающими культурно-историческую специфику Места, началось с середины 1990-х гг. В этот период общество осознало, что на смену разрушенным памятникам и символам советской эпохи должны были прийти новые и получить свое материальное воплощение и закрепиться в предметной среде города.В 1997 г. на площади Бухгольца был установлен символический памятник в виде пушечного ядра (скульптор В.А. Трохимчук, архитектор А.М. Александрович). В1996 г. в память о первопроходцах – основателях города в месте слияния Оми и Иртыша по проекту художника И.А. Вахитова установлен памятный знак в месте высадки И.Д. Бухольца.В 2000 г. в Омске появляется памятник Ф.М. Достоевскому скульптора А.Н. Капралова «Крест несущий», выполненный из сварного металла.В 2001 г. в городе появляется еще один памятник Ф.М. Достоевскому со склоненной головой и Евангелием в руке (скульптор С.В. Голованцев, архитектор А.М. Каримов).В июне 2006 г. открылся памятник еще одному значимому культурному герою Места – художнику М.А. Врубелю (автор – московский скульптор М.А. Ногин). Не имея возможности упомянуть все памятники и монументы, мы обратим внимание на один интересный момент. Некоторые из них послужили причиной вторичной репрезентации образа Героя Места, но уже в другом формате, в другом виде искусства, в другой художественной форме.

Так, например, в1999 г. появляется скульптура «Любы», прототипом для которой стала личность жены генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда (скульптор С.В. Норышев). В данной скульптуре ярко проявился именно художественный элемент, совмещение факта и вымысла, воспоминания и воображения. Но интересна данная скульптура не только этим. Появившись в реальном городском пространстве, она уже создает вторичные репрезентации – отражения. Она начинает появляться в городских пейзажах Омских художников, неся в себе и память Места и специфику художественного наполнения городского текста. В качестве примера можно упомянуть работы Н.В. Бабаш «Любинский проспект» и С.Н. Демиденко «Пять заезд». В январе 2004 г. на месте закладного камня возник памятник офицеру и ученому, воспитаннику Сибирского кадетского корпуса Чокану Валиханову (автором памятника является казахский скульптор Азамат Баярлин). Эта скульптура также появилась в пейзажах

омских художников, например, в работе Ю.П. Олейникова «Консульство Казахстана в Омске».

Изображение объектов архитектурного наследия в живописных либо графических произведениях в жанре пейзажа характерно для каждого региона. Эта группа работ крайне многочисленна и разнопланова как по техникам исполнения, так по выбору стилистической направленности. В рамках данной публикации принципиально отметить следующие моменты. Во-первых, как правило главными фигурантами подобных работ являются яркие памятники местной исторической архитектуры, расположенные, как правило в исторических центрах городов. Так, например, в случае с Омском чаще всего изображается одна из визитных карточек города – Любинский проспект.

При этом, некоторые художники, как например Н.Я Третьяков, Г.П. Кичигин, в своих работах выходят на глубокий уровень философского осмысления пространства, другие – показывают его будничным и обыденным, но от этого не менее значимым и родным (В.Р. Глухих), третьи – фантазируют (как С.Е. Сочивко и Г.П. Кичигин (серия «Омск времени глобального потепления»), многие же – романтизируют его (как, например, С.В. Демиденко, В.А. Сафронов, Е.Ю. Свешникова, Е.А. Боброва).

Второй по значимости улицей Омска, согласно частотности изображения на полотнах омских художников, является улица Тарская. Уникальность улицы Тарской состоит также в том, что она является преимущественно пешеходной и привлекает, прежде всего, своим историко-культурным значением и расположением на ней одного из немногих дореволюционных храмов Омска, сохранившихся до настоящего времени и не разрушенных в советский период, – Крестовоздвиженского собора. Этот храм часто фигурирует на полотнах омских художников. В качестве примера можно вспомнить работу А.А. Шакенова «Вербное воскресенье». О том, что для омских художников улица Тарская не исчерпывается одним храмом, могут свидетельствовать полотна, на которых изображены другие памятники архитектуры, размещенные на этой улице. В качестве примера можно привести полотно Г.С. Баймуханова «Модерн на Тарской». При этом, также, как в случае с Любинским проспектом, мы можем встретить как камерные пейзажи-настроения, отражающие ностальгию по ушедшему прошлому (Г.С. Катило-Ратмиров), так яркие праздничные картинки – относящиеся к дню сегодняшнему, отражающие мажорное настроение современной бурной городской жизни с ее непременными атрибутами: рекламными стендами, светофорами, спешащими людьми (С.Н. Демиденко). В качестве примера первой группы можно вспомнить работу Г.С. Катило-Ратмирова «Снега на улице Тарской». Здесь интересно обратить внимание на замыкающие композицию Тарские ворота, которые также воспринимаются омичами в качестве одной из визитных карточек города. Тарские ворота отдельно изображены и на других полотнах мастера (например, «Тарские ворота», 2002). В картине С.В. Демиденко с характерным названием «Тарская» мы видим перспективу улицы и вдалеке силуэт Крестовоздвиженского собора. Художник показывает современный облик улицы, совмещающий как объекты культурно-исторического наследия (собор), так современную застройку и элементы городского оборудования и дизайна (уличные знаки, средства рекламы, фонари).

Если говорить об объектах, наиболее часто фигурирующих на полотнах омских художников, то, кроме объектов, расположенных на Любинском проспекте (из них наиболее часто крупным планом изображаются торговый дом Овсянниковых-Ганшиных (современный корпус медицинской академии) и бывший магазин купчихи М.А. Шаниной (современный Торговый дом «Любинский»), очень часто на полотнах встречается изображение еще одной из достопримечательностей Омска – Пожарной каланчи, фигурируют такие достопримечательные объекты Омска как, Тарские ворота, Свято-Успенский кафедральный собор, здание Омского драматического театра и др.

Хотелось бы подчеркнуть, что путей трансляции культурно-исторической памяти множество. Искусство в силу своей эмоциональной образной природы имеет

прекрасный потенциал для актуализации культурного наследия и трансляции культурно-исторической памяти. Этот потенциал должен активно использоваться для формирования позитивной культурной идентичности, создания основы для поддержания культурно-исторической преемственности. При этом важно помнить о том, что культурное наследие имеет многоуровневую природу, в соответствии с которой должны продумываться пути его репрезентации и актуализации в поле современной культуры в целом и художественного процесса, в частности. Для процессов культурной преемственности важно сохранять и транслировать культурные ценности разных пластов культурного ядра нации, а именно этнический пласт как базовый и глубинный, пласт, отражающий ценности и достижения национальных художественных школ профессиональных сфер искусства. Особое значение имеет сохранение локальных культурных вариаций, отражающих региональные ценности и воспроизводящие культурные особенности конкретных областей и пространств.

Список литературы

[1] Буреева Ф.М. Сибирский миф: европейские традиции и архаические реминисценции в сибирском искусстве XX-XXI вв. // Сибирский миф. Голоса территорий: Живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство художников Сибири XX-XXI веков: альбом-каталог / Авт-ст.: Л. Богомолова, Ф. Буреева, Т. Кубанова, Н. Федорова; сост. кат.: Л. Богомолова, Ф. Буреева, Н. Федорова, С. Черноок; ред. Л. Чуйко. Омск, 2008. 160 с.

[2] Гуменюк А.Н. Вступительная статья // Сибирский миф. Голоса территорий: Образы и символы архаических культур в современном творчестве: Омск, Барнаул, Горно-Алтайск, Новосибирск, Тюмень: живопись – графика – скульптура – декоративно-прикладное искусство – объект – инсталляция – медиа-арт: Альбом-кат. / ООМИИ им. М.А. Врубеля; науч. ред. А. Гуменюк, Авт. сост.: Ф. Буреева, Г. Гурьянова, Е. Маточкин, Г. Мысливцева, В. Субботина, Н. Федорова, Н. Царева; Сост. кат. Л. Богомолова. Омск, 2005. 96 с.

[3] Дмитриева Т.А., Козак А.В. Аспекты изображения Севера в актуальном искусстве на материале живописи и современных арт-практик // Социальная антропология Сибири. 2020. №2. Том 1. С.13-23.

[4] Крыкбаева С.М, Абдурахманова Г.А., Бакирова Л.Ш. Архетипы и образы казахской национальной культуры в творчестве современных художников // Евразийский союз ученых. 2020. №2 (71). С.4-7.

[5] Москалюк М.В. Художественное пространство современной Сибири: образы и смыслы // Искусство Евразии. 2016. №1 (2). С.135-149.

[6] Москалюк М.В. Поиск первооснов бытия в пространстве произведения живописи // Культурное наследие Сибири. 2019. №1 (27). С.147-163.

[7] Трифонова Г.С. Изобразительное искусство Южного Урала на перекрестке времени и пространства. Творчество художников челябинской области XX – начала XXI вв. // Искусствознание: теория, история, практика. 2019. 3 (26). С.70-81.

[8] Файзуллина Д.Ф. Концепт «земля предков в произведениях художников Х. Шарипова и С. Гилязетдинова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. №1. С.51-56.

[9] Юденкова Т.В. «Эра передвижников»: взгляд из XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. №4. С.161-186.

УДК 908/294.3

Религиозная живопись буддистов в фондах Красноярского краевого краеведческого музея

Гридинберг Ирина Николаевна
Красноярский буддийский центр, г. Красноярск, Россия.
gridinberg@yandex.ru

Орехова Наталья Алексеевна
Кандидат исторических наук,
Красноярский буддийский центр, г. Красноярск, Россия.
orehova.vladimir2010@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Авторами рассматриваются и атрибутируются экспонаты, хранящиеся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея, представляющие один из видов тибетского изобразительного искусства, относящегося к буддийской религиозной живописи – танка. Значимость их для буддийского учения огромна и важна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА буддизм, буддийская культура, танка, краевой музей

Представители таких мировых религий как христианство, ислам и буддизм, а также монотеистической религии – иудаизма – населяли Енисейскую губернию с года её основания, с 1822 г. И в настоящее время на территории Красноярского края проживают представители более 150 национальностей, исповедующие свои религии. И у каждой религии есть свои традиции и атрибуты. К примеру, изображения божеств отсутствуют как в исламе, так и в иудаизме. У большинства христиан они присутствуют, и у буддистов существует своя традиция иконографии.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея (далее КККМ) сложились коллекции, связанные с религиями и верованиями народов, населяющих территорию Красноярского края (бывшая Енисейская губерния). Так, в художественном фонде хранится около 1000 православных икон. В коллекции, связанной с историей буддизма, насчитывается около 300 единиц хранения [5, с. 458]. Интерес для исследователей представляют 9 «танка (тиб. Thahg-ka) – в тибетском изобразительном искусстве свиток, написанный минеральными красками на хлопчатобумажном полотне или шёлке, предварительно загрунтованном смесью из мела и клея» [4. с. 28].

4 танка находятся в фонде этнографии музея, 5 – в фонде русской этнографии и быта. 17 предметов этнографии, в том числе танка (КККМ Э 1540/8) были привезены из экспедиции из Тувы (Усинский округ и Урянхайский край) и Монголии (Дюрберты, р. Парын, система Убса) Августом Евгением Федоровичем (1874-1914) [5, с. 459]. В 1910 г. они поступили в музей.

В 1915-1918 гг. учёный-археолог Александр Петрович Ермолаев (1886-1919) совершил поездки в Урянхайский край, откуда им была привезена огромная коллекция предметов, а также танка (КККМ Э 1579/36) [5, с. 460].

В 1934 г. учёный-ботаник, первый директор государственного заповедника «Столбы» Александр Леопольдович Яворский (1889-1977) нашёл в гроте на скале Такмак две танка (КККМ Э 1652/13 и Э 1652/25). Другие пять танка (КККМ о/ф 1132/1-5) относятся к первым поступлениям музея (конец XIX в.) и являются частью китайской коллекции. Сохранность всех танка находится в удовлетворительном состоянии, наблюдаются потёртости.

Танка – иконографический образ, используемый в качестве физической опоры в различных религиозных практиках Тибетского Буддизма. Живописные сюжеты включают образы Будд, сцены из жизни святых и великих учителей. Свитки танка бывают разных размеров от нескольких квадратных сантиметров до нескольких квадратных метров. Для написания танка использовались минеральные и органические

краски. Современный историк-востоковед Ю.И. Елихина в своей работе, посвященной искусству тибетского буддизма, пишет, что «согласно канонам, существовало пять основных оттенков цвета – белый, красный, синий, желтый, черный. Остальные краски (всего шестнадцать) получали путём смешивания основных оттенков. Некоторые из них изготавливали из растительного сырья. Синюю краску готовили из карбоната меди, зелёную из малахита, ультрамариновую из лазурита, оранжевую из тетраоксида свинца, желтую из трисульфида мышьяка, красную из сульфида ртути, белую из мела, чёрную из сажи и пепла. Сырье для изготовления красок использовали преимущественно тибетское, китайское, индийское и непальское» [4, с. 30].

Обычно танка писали по заказам: 1) для выполнения определенного ритуала; 2) в случае смерти члена семьи; 3) при болезнях; 4) при несчастьях; 5) в качестве подношения божеству.

По традиционным канонам танкописи на заключительном этапе полотно обрамлялась шёлком. По самому краю танка обшивали узкими полосками шёлка - красной (по краю образа) и жёлтой. Эти полоски символизировали радужное сияние, исходящее от образа. Затем пришивали более широкую часть обрамления. Ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа Ю.И. Елихина отмечает, что «существуют специальные соотношения размеров танка и её обрамления: приблизительно две трети от размера образа снизу и четверть сверху. Дополнительно танка прикрывали тонкой шёлковой завесой (тиб. zal-khebs), которая защищала от пыли и копоти. Если танка делалась по специальному заказу или для храмов, то вместо шёлка для обрамления могли использоваться золотая или серебряная китайская парча»[4, с. 31].

Танка писали в различных живописных стилях, которые в разные времена появлялись в тибетской живописи. Появление первого тибетского стиля «менри» связано с именем художника Манла Дондуба (родился в 1440 году). Дондуб инкорпорировал элементы китайского пейзажа в качестве фона, а в качестве основных красок использовал сочетание синего и зелёного цветов [3, с. 6]. Менри считается непальским стилем. Данный стиль отличается насыщенными цветами, яркими и чистыми красками. Менри сложился во время правления первого Далай-ламы.

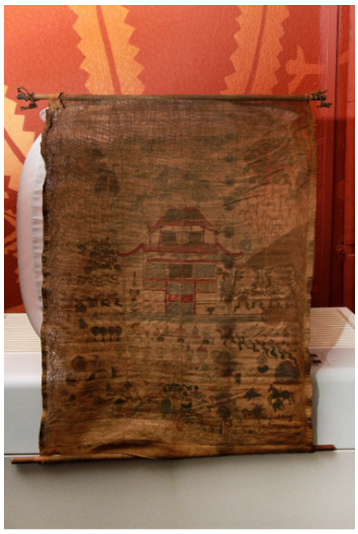
Основателем второго тибетского стиля «кхъенри» является выдающийся художник Кхъенце Ченмо, уделявшего особое внимание оттенкам цвета, “для написания танка использовались ещё более приглушенные, чем в стиле «менри». По особенностям живописи стиль «кхьенри» близок к традиции сакья [4, с. 33].

Третий стиль «чиури» был введён Тулку Чиу. Для его живописи характерно соединение двух предыдущих стилей, но есть и своя черта: в композиции преобладает оранжевый цвет, контуры фигур написаны золотом.

Четвёртый стиль «карма гарди» создан монахами школы Кармапа и художником Намка Таши под патронажем Кончок Янлага и Гьялцаб Драгпа Дондуба. Основной чертой этого стиля является бледный фон, в композиции преобладают небо и пейзаж. Центральная фигура сравнительно небольшая и пишется более темными красками на светлом фоне [3, с. 7]. Карма-гадри появился и расцвел в Восточном Тибете, в провинции Кам, во времена правления Восьмого Кармапы Микьо Дордже (1507-1554). Главные черты данного стиля это прозрачные, реалистичные пейзажи, деликатные и естественные цвета, которые напоминают китайскую живопись.

Пятый стиль «новый менри» получил распространение в XVII - XX вв. Он был основан в середине XVII в. художником Цангпа Чойджин Гьяцо, который работал под патронажем пятого Далай – ламы. Для данного стиля характерно «использование китайских элементов пейзажа, таких как кучевые облака,горы, водопады, реки, радуги, буйная растительность, цветы, храмы, фигурки животных и птиц»; отсутствие симметрии и статичности. Стиль «новый менри» считается наиболее популярным в тибетской традиции [4, с. 34].

Попытаемся на основе выше приведённых данных сделать научное описание хранящихся в КККМ танка.

КККМ Э 1579-36
размер 40 х 54 см

В центре танка изображен трехэтажный буддийский храм. Три этажа символизируют три тела Будды. Вокруг храма деревья, исполняющие желания. Его фоном служат небо, горы и кучевые облака. На нижнем этаже храма расположены девять чаш с подношениями для Будды (обычно используют на алтаре семь чаш с дарами Будде и бодхисаттвам). Чаши располагаются по прямой лини слева направо: 1. питьевая вода символизирует чистоту ума; 2. вода для умывания – чистоту тела; 3. рис и цветы — чистоту взгляда; 4. рис и благовония — свойство Дхармы проникать везде; 5. свеча — озарение; 6. ароматизированная вода — преданность; 7. рис и еда преподносят Буддам в качестве благодарности. Иногда среди даров есть морская раковина и колокольчик, символизирующие пробуждение существ, которые слушают Дхарму, которые размещают в 8 и 9 чаши. Над чашами расположен ряд с пятью тормами — фигурки, сделанные в основном из муки и масла, используемые в тантрических ритуалах или в качестве подношений в тибетском буддизме. На втором этаже нарисованы двери в храм Будды. На крыше храма установлено серто (другое название ганжир) — традиционный элемент буддийской архитектуры. Серто, также является символом всех Трёх колесниц Учения Будды – Хинаяны, Махаяны и Ваджраяны. С правой стороны от входа в храм — буддийское колесо, по обе стороны от которого изображаются два оленя, символизирующие первое учение Будды, которое он провёл в Оленьем парке в Сарнатхе, недалеко от Варанаси. Со временем оно стало символом установления Дхармы повсюду, где передаются учения Будды и где продолжает своё непрестанное вращение колесо Дхармы. На танка в правом нижнем углу расположены животные символы — белый слон и лошадь. Так как не все элементы на танка расписаны, можно сказать, что она незаконченная. Танка написана в примитивном стиле, необычно по сюжету.

КККМ Э 1132/ 4 (4 - 190)
размер 58,5 х 42 см

Среди бодхисаттв особое место занимает Ваджрапани — гневный бодхисаттва, олицетворяющий активное сочувствие и силу, устраняющую препятствия, заблуждения на пути к Просветлению, защитник-охранитель и символ могущества. Бодхисаттва Ваджрапани также является хранителем всех учений исцеления. За спиной Ваджрапани бушует пламя, а над головой отсутствует традиционный нимб. Тело Ваджрапани синего цвета, на изображении он держит ваджру в правой руке, которая исполняет Тараджни-мудру, а в левой, также исполняющей тараджни-мудру, — лассо или крюк для ловли грешников. Ваджрапани — единственный из гневных божеств, у кого в короне нет черепов, а лепестки, символизирующие дхьяни-будд. На его бедрах тигриная шкура. Обрамление выполнено из темно-синего китайского шелка с крупными разноцветными тканными цветами и листьями, и разноцветными благопожелательными символами в виде узла, символизирующего счастье.Сверху – завеса из тонкого жёлтого шелка. Полос нет.

В центре танка изображен красный трёхликий и шестирукий Хаягрива, который относится к генезису Будды Амитабхи, входит в Лотосовое будда-семейство. Он считается гневным Будда, аспектом и защитником Сукхавати, Чистой Страны Высшей Радости Будды Амитабхи. Он попирает ногами змей-нагов. Центральное лицо – красное, правое – зеленое, левое – белое. Над центральным ликом – три темно-зеленых лошадиных головы. Они смотрят вверх. В первой правой руке он держит ваджру, во второй – трезубец, в третьей – меч. Его первая левая рука совершает угрожающую мудру. Во второй левой руке он держит короткое копье, в третьей – лассо, сплетенное из внутренностей. На поясе у него шкура тигра. Вверхней части полотна изображены три ламы – желтошапочники. Центральная фигура в верхнем ряду – сам Цзонкапа (основатель школы Гелугпа), справа и слева от него находятся два его ученика. В нижнем левом углу Белая Тара долголетие дарует, а в нижнем правом углу Зеленая Тара дарует потомство. Божества изображены на фоне лазурного неба и зелёной равнины. Обрамление выполнено из темно-синего китайского шелка с тканым орнаментом в виде медальонов, в которые помещены фигуры двух драконов с жемчужиной. Красная полоса выполнена краской. Сверху – завеса из тонкого жёлтого шёлка с узором.

ККМ Э 1132/ 3 (4 - 190)
размер 31,5 х 25,5 см.

На этих танка изображён один и тот же сюжет Амитабха, Будда рая Сукхавати, XIX век. Абсолютно идентичная по композиции и цветовой гамме танка представлена в работе С.Г. Батыревой «Старокалмыцкое искусство» [1, с. 37]. Иначе можно сказать, чистая страна Будды Амитабха, где царит вечная, величайшая радость. В центре танка изображен Будда Амитабха в свой чистой земле Сукхавати. Будда Амитабха почитается как один из пяти Будд созерцания. Он восседает на лотосовом престоле в алмазной позе, руки сложены в жесте медитации. Тело Будды золотого цвета, оба плеча прикрыты монашескими одеяниями. У престола Будды изображен лотос, на нём разложены подношения.

ККМ Э 1132/2 (2 – 190)
размер 32,3 х 24,5 см

Танка под номером ККМ Э 1132/2 создана в Монголии в конце XIX в., ксилограф на холсте. Изображения напечатаны на ткани с ксилографической доски, что упрощало работу мастера над образом и удешевляло стоимость танка и делало её более доступной для буддистов. При желании оттиск можно расписать или оставить не расписанным, как в данном случае, обрамление сшито из гладкого тёмно-синего китайского шёлка с цветочным орнаментом.

ККМ Э 1132/5 (5 - 190) ►
размер 37 х 28 см

КККМ Э 1132/1 (1 - 190)
размер 30 х 22 см

Танка с изображением Тридцати пяти Будд покаяния, включая Будду Шакьямуни, принцем Сиддхарта из рода Шакья, основателем буддизма, являющимся центральным объектом почитания. В соответствии с традицией он изображён на лотосовом троне в позе полного лотоса с зелёным нимбом над головой, что означает просветленную природу человеческого сознания. На изображении волосы Шакьямуни синего цвета, тело золотистого цвета, на голове навершие – ушниша, в руках – чаша для подаяний, правая рука касается земли, этот жест отличает именно исторического Будду и происходит из легенды, которая говорит о том, что Шакьямуни в момент своего просветления призвал в свидетели землю. Вокруг него в пять рядов сидят 34 Будды разных цветов и с разными жестами рук. Каждый из Будд имеет символическое имя, подчеркивающее один из аспектов его божественной природы, так, Будда Амогхадаршин обладает способностью познавать суть всех вещей. Перечислим остальные имена Будд, изображённых на танка: Ваджрагарбха, Ратнарчис, Нагешварараджа, Вирасена, Виранандин, Ратнагни, Ратначандрапрабха, Ратначандра, Вимала, Шурадатта, Брахман, Брахмадатта, Варуна, Варунадэва, Бхадрашри, Чанданашри, Анатауджас, Прабхасашри, Ашокашри, Нараяна, Кусумашри, Брахмаджьетис, Падмаджьетис, Дханашри, Смритишри, Парикиртита-Намашри, Индракетудхваджа, Сувикранта, Юддхаджайя, Викранта, Самантавибхасашри, Шайлендараджа, Ратнападма.

Будды изображены на фоне лазурного неба, розовых кучевых облаков и зелёной равнины; «оранжевая с синим мандорла и радуги являются характерным признаками стиля «новый менри» [4, с. 125]. Обрамление выполнено из темно-синего китайского шёлка с тканым геометрическим орнаментом в виде свастики. Полос нет.

КККМ Э 1540 /8 (1)
размер 46 х 58 см.

Две танка объединяет один смысловой сюжет в изображении «Двадцать одна форма Зелёной Тары». Эта композиция является иконографическим воплощением «Молитвы к Двадцати одной Таре». В центре композиции Зелёная Тара в окружении 21 Тары разных цветов. Белые проявления Тары выражают умиротворяющую активность. Жёлто-золотые Тары – увеличивающую и расширяющуюся активность заслуги. Её красные проявления очаровывают и воодушевляют. Синий цвет Тары олицетворяет пробуждённую активность. Зелёная Тара – главная, она персонифицирует все эти активности, самыми разными способами защищает, поддерживает существа и удаляет страх. Но среди всех форм Зелёная Тара занимает центральное место.

◄
КККМ 1652/13
размер 22 х 29 см

КККМ 1652/25
размер 15 х 20 см

В центре танка изображена Зелёная Тара, сидящая на лотосовом троне, правая нога опущена на малый лотос. Её правая рука у колена сложена в жесте даяния блага. Левая рука сложена у груди в жесте защиты. В обеих руках Тара держит за стебли цветы лотоса. Тара – одна из главных богинь буддизма. Она родилась из слезы бодхисаттвы Авалокитешвары, когда тот оплакивал страдания мира. Она символизирует сочувствие и ведёт всех желающих к Просветлению через океан перерождений. Вместе с Авалокитешварой Зелёная Тара является покровительницей человечества. Призванная, она приносит спасение от бесчисленных опасностей на пути к Просветлению. Она являет собой пример, что Просветление может быть достигнуто любым человеком вне зависимости, мужчина это или женщина[2, с. 31]. Справа от центрального объекта танка изображена Экаджати, которая является защитником тайных мантр и «как мать матерей всех Будд» представляет конечное единство. Она считается одним из трёх основных защитников школы Ньигма. Слева от Зелёной Тары изображение – в индо-тибетском буддизме Маричи, или по-тибетски Одсер Ченма, она считается Богиней рассвета, которую призывают на восходе солнца или в начале путешествия. Считается, что она защищает в дороге, оберегает от воров и бандитов.

Авторы, изучив визуально танка, учтя время и место, откуда они поступили в фонды музея, пришли к заключению, что танка под номерами ККККМ Э 1540 /8, ККККМ Э 1132/1, ККККМ Э 1132/5, ККККМ Э 1132/ 3, ККККМ Э 1132/ 4, ККККМ Э 1579-36 по стилю написания относятся к Тувинской школе живописи. Тувинское искусство в целом сложилось под влиянием тибетского искусства, которое было интернациональным и получило распространение во всех странах, где исповедовали тибетский буддизм. Исследователи утверждают, что «наибольшее распространение получил тибетский стиль «новый менри», конечно, влияние оказали и традиции монгольской и китайской живописи»[6, с. 259]. Тувинские художники не копировали тибетские танка, а привносили своё восприятие и создавали работы в своём стиле, с характерным признаком «особые лица божеств, не круглые, китайского типа, а скорее квадратные, с широко раскрытыми глазами» [6, с. 264].

По технике написания выделяются две танка под номерами ККККМ 1652/25, ККККМ 1652/13, обнаруженные в гроте на Такмаке. Они, скорее всего, сделаны рукой одного мастера. В основе сюжета лежит Зелёная Тара. Вместе с танка в гроте были обнаружены тибетские тексты и фотографии бурятских лам. На основании этого можно предположить, что танка были написаны бурятским художником.

Предполагаем, что время написания рассмотренных танка –XIX-XX вв.

Итак, атрибуция коллекции буддийской живописи будет использована сотрудниками ККККМ для внесения корректировки описания и интересна для исследователей, так как искусство буддизма в целом, и танка, в частности, являются ценнейшими памятниками мировой художественной культуры.

Благодарности

Fвторы выражают благодарность Николаю Дудко –художнику буддийской живописи танка за оказанную помощь в атрибуции некоторых буддийских персонажей; Августе Быстровой, Михаилу Баташеву и Евгении Еремеевой – ст. научным сотрудникам ККККМ– за предоставленные материалы для статьи.

Список литературы

[1] Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство: Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1991. 127 с., 102 ил.

[2] Дудко Н.Н. Буддийское искусство танка [Текст] = Buddhist Art of Thangka : [альбом] / худож. Николай Дудко; предисл. Чогьяла Намкхая Норбу. [Б. м.]: [б. и.], 2011. Улан-Удэ: Тип. «НоваПринт». 88, [1] с.: цв. ил.; 23х23 см.

[3] Елихина Ю.И. Тибетская живопись (тангка) из собрания Ю.Н. Рериха (коллекция Государственного Эрмитажа). СПб.: «ГАМАС», 2010. 128 с.: ил. – (Культурное наследие регионов России. Уникальные коллекции).

[4] Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.: ил.

[5] Орехова Н.А. Буддийская коллекция в собрании Красноярского краевого краеведческого музея: история комплектования // Буддизм Ваджраяны в России: На перекрестке культур / отв. ред. Е.В. Леонтьева; сост. В.М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2018. С. 514-521.

[6] Елихина Ю.И. Особенности Тувинского буддийского искусства и живописного стиля в тангка // Искусство Евразии № 3 (14) 2019. С. 258-271.

УДК 008:7.036

Художник и шаман: модели репрезентации в современнойхудожественной культуре Сибири и Дальнего Востока России

Иващенко Яна Сергеевна
Доктор культурологии, зав. кафедрой истории и политологии,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия.
iva_ya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5721-9634

АННОТАЦИЯ Исследование посвящено изучению условий и предпосылок формирования в контексте взаимодействия художественной культуры и неошаманизма моделей репрезентации современных деятелей искусства. Представлены типологические характеристики таких моделей, как «шаман-художник», «художник-шаман» и «художник как шаман». Выделены и описаны транслируемые художниками мифемы, формирующие представления о них как о шаманах. Установлено, что в художественных практиках Сибири и Дальнего Востока России преобладает модель репрезентации «художник-шаман», реализуемая в жизнетворчестве представителей национальной художественной интеллигенции. Для этой группы в большей степени свойственно использование выделенных мифем. Предложенная типология может быть использована для изучения других нешаманских направлений неоязычества в искусстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА художественные практики, неоязычество, шаманизм, коммуникация, Сибирь, Дальний Восток России.

В художественных практиках рубежа XX–XXI вв. отмечается неподдельная увлеченность шаманизмом. Шаман становится излюбленным художественным образом, который также определяет жизнетворчество деятелей искусства, их модель самопрезентации и художественный метод. Такие ситуации наблюдаются в том числе в условиях «нешаманских» культур. Считается, что в современной культуре возрождение язычества является выражением «альтернативной духовности», постмодернистской критики западных ценностей, кризиса классического типа рациональности. Обращение к доисторическим формам духовности и религиозного опыта связано с поиском человеком устойчивости и возвращением целостности во фрагментированном нестабильном мире [16; 18].

Проблемой актуализации шаманизма в искусстве XX – начала XXI в., в том числе в художественной жизни России, занимались П.У. Вайс [3], Г.А. Майер [2], А. Баркалая [1], Т.А. Кубанова [14], И.С. Конрад [12] и др. В исследованиях этих авторов содержится описание жизнетворчества художников или отдельных ярких фактов их биографии, изучение переживаемых ими состояний и атрибутики шаманизма как популярных мотивов художественных произведений, а также попытка объяснения причин их обращения к шаманизму. При этом тип взаимодействия художественных и шаманских практик не учитывается. Вместе с тем этот аспект важен для изучения степени влияния традиционных и новых религиозных учений на секулярные сферы культуры и для рассмотрения вопросов религиозной безопасности современного российского общества.

Остаются пока без внимания механизмы формирования социально-культурного портрета «художник и шаман». Знаки шаманского поведения открыто транслируются самим художником, или этот образ присутствует в его репрезентациях завуалированно, с неким намеком, в силу которого изучающие или анонсирующие его творчество субъекты выстраивают характерные интерпретации. Эти интерпретативные модели рождаются в сложных коммуникациях художника, зрителя и «культурного посредника» [2]. К числу последних принадлежат исследователи-искусствоведы и журналисты. Такие коммуникативные ситуации формируют, как минимум, три типа отношений между

сферой искусства и шаманизмом и могут быть представлены в следующих социально-культурных портретах: «шаман-художник», «художник-шаман» и «художник как шаман».

Описание условий и предпосылок возникновения выделенных типов и соответствующих представлений о них входит в задачи исследования. Их решению способствует применение системно-типологического и социокультурного анализа, биографического метода и компаративистики. Для анализа используются материалы интервью с деятелями искусства, их художественные произведения, авторские нарративы и анонсы, представленные на персональных сайтах и сайтах учреждений культуры. Эти источники позволяют осуществить дескрипцию типов отношений и отражающих их социально-культурных портретов в контексте взаимодействия сфер художественной культуры и шаманизма.

Первый тип, обозначенный как «шаман-художник», представляют субъекты, деятельность которых носит преимущественно религиозный характер. Это особенный вариант биографии шамана, который с целью отражения своего мистического опыта неожиданно для всех стал художником. Художественная деятельность для этой категории вторична и является средством визуализации сакрального. Каждый акт их творений «согласован» с миром духов, само искусство носит преимущественно дилетантский характер, но обретает ценность как часть этнокультурной и религиозной традиции. В современном изобразительном искусстве в эту группу можно включить творчество перуанских художников Луиса Тамани и Пабло Амаринго, передающих свои видения в живописных произведениях, и шаманов мексиканского селения в Потрероде-ла-Пальмите, занимающихся изготовлением ниерик – картин из шерстяных ниток как формы репрезентации индейских откровений. В Сибири и на Дальнем Востоке России примеров обращения практикующих медиумов к изобразительному искусству, подобных американским, обнаружено не было. Изготовлением ритуальных атрибутов по канону, «определенному духами», они занимаются в рамках декоративно-прикладного творчества. В выразительном искусстве этих регионов такой модели совмещения могут соответствовать «сказители» или «певцы», не имеющие специального театрального или музыкального образования, однако наличие у них «шаманского дара» на современном этапе вызывает сомнение.

Во втором случае определяющей является художественная деятельность, находящаяся под влиянием современных стилей и направлений. «Художник-шаман» – это в первую очередь профессионал в искусстве, который в поисках своего уникального метода обращается к шаманской практике. Его интересует этническая история, универсальные праобразы и их отражение средствами искусства. В истории художественной культуры модель «художник-шаман» реализовывал такой известный и нетривиальный деятель искусства, как Василий Кандинский. Художника-абстракциониста и теоретика искусства первой половины XX в. интересовала также этнография; согласно одной из версий, он имел шаманскую наследственность [3]. В современном искусстве Сибири и Дальнего Востока России группа «художник-шаман» численно преобладает над другими. Среди них немало этнофоров культуры шаманистов, в том числе предполагаемых «избранников духов», во всяком случае личные биографии этих творческих личностей содержат упоминания об этом. Подобные модели жизнетворчества реализуют, в частности, такие известные представители национальной художественной интеллигенции, как бурятский скульптор Даши Намдаков, якутская художница Анна Осипова, шорская поэтесса, прозаик ихудожница Любовь Арбачакова, нанайская художница и мастер по берестяным узорам Людмила Пассар и др. В описании их жизнетворчества есть схожие факты, требующие специального изучения.

Различение первых двух типов основано на выделении доминанты и

противоположной соподчиненности областей. Соответственно, у шамана-художника первичным и преобладающим видом будет ритуальная деятельность, у художника-шамана – художественная. Шаманы-художники искренне считают себя шаманами, художники-шаманы – художниками, но верят в свою миссию проводника сакрального.

Субъекты, образующие третью группу, последовательно и художественно, порой осознанно эпатажно реализуют метафору «художник как шаман». В основе этой реализации положено представление не о смежности, а о подобии процессов создания произведения искусства и творения Вселенной, поэтому, как пишет Т.А. Кубанова, в обоих случаях это своего рода космогонический акт [14, с. 33]. Как правило, цитируемая ими традиция не привязана к конкретной этнокультуре или, как в базовом (экспериенциальном) шаманизме, универсальна. Связь между мифоритуальной сферой и художественной культурой в этом случае имеет преимущественно символический характер.

Пример третьего сценария реализует, как представляется, Йозеф Бойс – скульптор, деятель искусства Германии, автор скандальных перформансов середины – второй половины XX в. Как в харнеровском понимании «каждый человек может стать шаманом», так и в представлениях Й. Бойса «каждый человек – художник». В его жизнетворчестве проблемно различить реальность и вымысел, поэтому он по-прежнему остается загадкой для публики. Жизнь и творчество Й. Бойса тесно переплетены и представляют собой один большой перформанс. Имеются многочисленные примеры в выразительном искусстве (в частности, белорусские шаманские рокеры НагУаль, предлагающие шаманский рок-н-ролл, магический поп, болотный панк, народно-международный шансон-бит и этносюрреализм).

В России тип художественной самореализации «художник как шаман» используют ярославский художник Арсений Власов, работающий в направлении этносюрреализма, в рамках темы реинкарнации и сублимации древних культур, а также этнофутуристы, осуществляющие символическое погружение в первобытный миф и включающие архаические образы и сюжеты в современный художественный текст. Последние славятся своими неординарными перформансами, напряженными взаимоотношениями с РПЦ. На Дальнем Востоке России в изобразительном искусстве примеры такой реализации демонстрирует владивостокская художница и профессиональный дизайнер Мария Ламзина, осуществляющая «воображаемое метафизическое путешествие» и «межрелигиозный и межкультурный диалог» [8]. Она использует достаточно широкий спектр техник и материалов, занимается живописью, изготовлением одежды и аксессуаров в экостиле, ведет собственный блог. Вопрос о качестве исполнения каждым своего перформанса здесь не ставится. Важно то, что увлечение шаманизмом становится игрой в постмодернистском понимании этого слова. Шаманизм здесь существует на правах не столько разделяемого мировоззрения, сколько уникального способа художественного видения, призванного установить символический мост между реальным (физическим) и метафизическим миром. Национальных художников Сибири и Дальнего Востока, трепетно воспринимающих своею традицию и не позволяющих себе иронии в отношении нее, в этом типе взаимодействия обнаружено не было.

Обнародованные материалы интервью и авторские нарративы известных деятелей изобразительного искусства Сибири и Дальнего Востока России позволяют выделить повторяющиеся «шаманские» признаки, транслируемые художниками и влияющие на формирование соответствующих представлений. Всего на основе творческих биографий было выделено 8 типичных мифем.

1. «Пробуждение» и выбор творческого пути через кризис / болезнь.

Эта мифема содержит намек на шаманскую болезнь, к которой в современной

культуре приравнивается также творческий кризис. Но, в отличие от традиционного шаманизма, здесь предполагается не один выход из критической ситуации, а два: стать шаманом или стать художником-«проводником». Показательны в этом отношении биографии Д. Намдакова и А. Осиповой. В биографии первого автора присутствует упоминание о его болезни и предсказании смерти в детском возрасте; в случае выживания, согласно тому же пророчеству, ему было предопределено стать великим. Д. Намдаков из двух альтернатив выбирает художественную [17]. А. Осипова тоже рассказывает о пограничной ситуации в своей жизни. Выход из сложного творческого кризиса был найден только после обращения к национальным образам и особому способу художественного видения, основанному на бессознательном возрождении архетипов [7].

2. Познание гармонии посредством единения с природой.

Понятие «гармония» в нарративах представителей изобразительного искусства Сибири и Дальнего Востока России используется, как правило, вместе с выражением «родная природа» и в контексте воспоминаний о детстве / юности. Типичными образами девственной природы в воспоминаниях авторов являются горы, степь, ручей, лес. Так, в интервью А. Осипова рассказывает о поездках с отцом в горы, о своих прогулках по степям после «возвращения» и особом переживании слияния с этой средой («Песни о родных просторах, воспоминания детства… Находясь на расстоянии от малой родины, острее чувствуешь, видишь обобщенней…»[4]. «На вершине горы… Духи этих мест… Ты и природа – Космос» [5]). Д. Намдаков свою жизнь и творчество сравнивает с ручьем («Плыву по ручейку, куда – не знаю» [13]). Он пишет: «Мое восприятие красоты сформировалось в раннем детстве, когда детьми мы собирались вокруг костра в степи и смотрели в черное небо, усыпанное сияющими звездами. Это и есть гармония, естественный закон вселенной». В воспоминаниях Л. Арбачаковой символом такой безмятежности, естественности и радости выступает лес вблизи родной деревни. Суровый ландшафт Горной Шории и его животный мир в живописных произведениях художницы исполнены в необычно ярких и неестественных для них красках. Соответственно, образ увядающего, засыхающего растения становится символом утраты Дома, но это значение она реализовала уже в своем поэтическом творчестве. Описываемые авторами состояния умиротворения, беспечности, единения с родным местом, природой – версии уходящего рая, возвращение которого считают возможным через возрождение локальной традиции и духовности, восстановление связи с природой – основы гармоничного космоса.

3. Признание величия вселенной и незначительности отдельной личности.

Тема Вселенной / Космоса и места в ней человека в произведениях и суждениях художников-шаманов отражает трансформацию классической антропоцентрической картины мира. А. Осипова реализовала ее в художественном высказывании, в частности, живописном произведении «Мой космос», в котором ее еле заметная фигура с мольбертом помещена не в центре, а в самой нижней части холста и на нижнем уровне картины мира. В этом также присутствует намек на «недра» бессознательного как область архетипов, транслируемых художницей миру из своих сновидений. Д. Намдаков в своих устных высказываниях называет мир (Вселенную) океаном, а себя (человека) – его песчинкой. Понятие «космос» в значении большого и великого и вместе с тем всеобъединяющего часто используется национальными авторами в различных контекстах. Оно является синонимом «всеобщей связности» [2]. Отзывы современников и коллег обнаруживают, что такое видение Вселенной и человека они выражают и собственным поведением, отношением к жизни и людям.

4. Художник как носитель «родовой памяти».

Увлечение этнографией и археологией, изучение истории своего рода, как было показано на примере биографий художников, – характерная черта творческих личностей, обращающихся к шаманской теме и архетипу. Согласно общераспространенному в их среде мнению, каждый человек несет в себе «память рода», которую можно восстановить при достижении определенного уровня духовного развития. Память рода для них – это, главным образом, связь с предками, устанавливаемая средствами художественной деятельности, когда «руку ведет» не собственное мастерство, а духи-предки. Орнаментальные панно Л. Пассар, основанные на фольклоре нанайцев, посвящены их родовым тотемам [11]. Виртуозное владение техникой создания берестяных узоров, по ее мнению, дается в качестве дара и передается в ее семье по женской линии много поколений. Д. Намдакову однажды сказал шаман: «Это не ты творишь, это твои предки» [17]. Мастер с этой точки зрения лишь канал, через который выливается информация рода. Таким образом, художественное творчество воспринимается ими как сотворчество, реализуемое совместно с духами-предками.

5. Пребывание вне времени и пространства.

Ощущениежизни вне временных и пространственных границ, артикулируемое художниками-шаманами, следует из категорий «всеобщая связность» и «родовая память». Соединение мифологического и реального, прошлого, настоящего и будущего, неба, земли и «глубин» образует ось мира, репрезентированную мифологическим образом мирового древа как символом космоса. Статус «художник-шаман» предопределяет, что человек осознанно или неосознанно берет на себя эту функцию. Л. Пассар рассказывает о том, что существует словно в двух мирах: мифологическом прошлом и современной реальности, не разделяя их [9]. Очевидно, для этнофора культуры коренных народов Приамурья такое разделение непринципиально, и эта позиция поддерживается симпатизирующей этнографией. Утрата ощущения времени, согласно рассказам Л. Арбачаковой, возможна в измененном состоянии сознания: «Я как шаманка – путешествую в образах с помощью кистей и красок. Это особое состояние транса. Когда вхожу в него, могу рисовать и днём, и ночью. Не могу остановиться» [10]. А. Осипова осуществляет синтез культур различных регионов мира и временных периодов посредством интертекстуальных архетипов – символов, постоянно функционирующих в культуре и обладающих значительным мифогенным потенциалом. В ее художественной деятельности, а также в творчестве Д. Намдакова пересекаются Восток и Запад: традиционные восточные образы представляются в современных западных техниках.

6. Акт творения должен быть санкционирован духами.

Так сложились, что самобытный национальный художник может не учитывать некоторые современные художественные тренды, но не позволит себе начать даже обычную работу, не заручившись поддержкой высших сил. Самоуверенная дерзость в подобной ситуации, по мнению Д. Намдакова, способна «навредить духовности» [17], лишить поддержи первоисточника. Известно также, что Д. Намдаков перед важным проектом, особенно если он связан с уникальной личностью или чужой культурой, спрашивает прежде разрешение у шамана или ламы [17]. Такое поведение строится на соблюдении закона равновесия во Вселенной, которая, по мнению неошаманов, благосклонна лишь к гармоничным людям. «Если бы не было Дракона, не было бы моих работ, – говорит Л. Пассар. – Я всегда призываю Дракона помочь мне, когда приступаю к работе» [14, с. 31]. Нанайская художница признается в том, что ей иногда кажется, что «кто-то» водит ее рукой и подсказывает направление узора [9]. Из этого следует,

что получение разрешения означает приобретение покровительства.

7. Ночные образы – послания из параллельного мира.

Изучение персональных биографий показало, что художник стремится иметь помещение, огороженное от повседневности (мастерскую), где возможно полное погружение в творчество. Для него также принципиально время работы. Так, дальневосточная художница Л. Пассар любит работать ночью, именно в это время, по ее словам, возможно установление «контакта с космосом» и получение ответов на важные вопросы [14, с. 31]. А. Осипова и Д. Намдаков придают особое значение образам, возникающим в «предрассветные» часы. Эти образы подлежат мистификации. Именно эти образы авторы стремятся воссоздать в живописных полотнах и бронзе. Очевидно, что наличие таких условий не случайно. Исследования ритуалов перехода, в частности А. ван Геннепа, показали, что для активизации мифологического мышления необходимы изоляция и темнота (автор также говорит о важности соблюдения поста, но в данном случае этот факт не рассматривается). Такие условия способствуют изменению состояния сознания, потому акт творчества может быть сопоставим с шаманским путешествием.

8. Художественное творчество как шаманское путешествие и процесс космогенеза.

Эту мифему достаточно репрезентативно отражает высказывание Л. Арбачаковой. Обращение к мифотворчеству помогает ей «понять собственный мир, повторить путь творца, создающего Вселенную, и путь шамана, рассказывающего о законах первотворения» [15]. Творческий процесс шорская художница связывает с путешествиями шамана (кайчи). «Я, как кайчи, вслед за кистью отправляюсь в какой-то другой мир, неведомый мне... Я могу, к примеру, находиться внутри лошади и наблюдать за похождениями богатыря. И мое путешествие заканчивается лишь тогда, когда я заканчиваю свою картину» [14, с. 31]. Процессу создания произведения предшествует «договор» с материалом, который сам по себе несет творческий потенциал. Если у художника получается установить «контакт» с ним, то «сам процесс работы становится неуправляемым: художник не задумывается, какую краску положить на холст, какой срез сделать, как построить композицию» [14, с. 31]. Особое отношение к материалу и некоторые другие описанные характеристики приводит А.К. Байбурин в дескрипции процесса создания «вещей» в традиционной культуре. По мнению культурантрополога, процессу превращения материала в артефакт культуры предшествует выбор места, времени (установление пространственно-временных границ), правильного материала. Лишь после этого возможно преобразование, которое непрерывно сопровождается ритуалами. Такой процесс создание «вещи» – реализация космогонической схемы [6].

Итак, описанные признаки являются знаками шаманского поведения, которые дают основания аудитории создавать характерные интерпретации, достраивая самостоятельно недостающие звенья цепи. Обозначения «шаман-художник», «художник-шаман» и «художник как шаман» не встретить в самопрезентациях деятелей искусства. Они – результат классификации, позволяющей лучше понять характер взаимоотношений мифоритуальной и художественной сфер культуры. В реальных обращениях художника к аудитории, если таковое было выявлено, обычно содержится обозначение «художник и шаман». Предложенная типология может быть использована для изучения других нешаманских направлений неоязычества в искусстве.

Реализация этих моделей переплетена с этноориентированным искусством, даже если воспроизведению или цитированию подлежит чужая традиция. Объем мифоритуального и художественного в каждом типе определяется, во-первых,

этнокультурной спецификой места, во-вторых – уровнем его цивилизационных благ (в частности, доступностью и качеством художественного образования, урбанизации), в-третьих, степенью секуляризации культуры. Эти три типа отношений, одновременно существующие в современной культуре как культурно-исторические пласты, отражают этапы освобождения сознания человека от власти традиции, других социально-культурных рамок.

Три модели художественной репрезентации – это также объективация локального, регионального и глобального масштаба коммуникации. Шаман-художник – это, как правило, редкий пример аутентичного шамана, по-своему владеющего кистью, которого можно встретить лишь в отдельных, удаленных от цивилизации местах. Художники-шаманы, несмотря на то что среди них есть одиночки, все же стремятся по законам художественной жизни к образованию художественных школ и направлений, нередко привязанных к этнокультурной специфике регионов. Именно этот тип отношений определяет национальные художественные практики Сибири и Дальнего Востока России. Для этой группы также в большей степени свойственно транслирование выделенных и описанных мифем. Уподобление же художественного творчества шаманской практике как универсалия современной культуры не содержит конкретной этнической, региональной и национальной привязки, характеризует способ самовыражения отдельных представителей современного искусства, способных последовательно и виртуозно реализовать эту метафору.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01712).

Список литературы

[1] Barkalaja A. Shamanism as Information Design // Shamanism in the Interdistiplinary Context. Papers from the 6th Conference of the International Society for Shamanistic Research. Florida: Brown Walker Press, 2004. P. 21–55.

[2] Mayer G. The Figure of the Shaman as a Modern Myth. Some reflections on the attractiveness of shamanism in modern societies // The Pomegranate. The International Journal of Pagan Studies. 2008. No. 10. P. 70-103.

[3] Weiss P. Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven: Yale University Press, 1995. 291 p.

[4] Анна Осипова // Галерея «АйнАрта». URL: http://ainarta.lendis.ru/ainarta/xudozhniki/94-anna-osipova (дата обращения: 19.05.2022).

[5] Анна Осипова: «Оторванность от родины помогает мне творить» // Радиостанция «Серебряный Дождь. URL: https://krassilver.ru/#!/rainman/267(дата обращения 21.05.2022).

[6] Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: Сборник статей. Л.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 1989. С. 63-101.

[7] Видеть волшебное в обычном. Художница Анна Осипова о роли отца, творческом кризисе и планах // Новости Якутии. URL: https://news.ykt.ru/article/76565 (дата обращения 21.05.2022).

[8] Выставка Маши Ламзиной «Ротко в деревне» во Владивостоке // Афиша VL.ruURL: https://www.vl.ru/afisha/vladivostok/event/161221 (дата обращения: 08.06.2022).

[9] Глебова Е. Бабушкино наследство Людмилы Пассар // Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. 2002. № 2 (8). URL:https://www.slovoart.ru/node/1311(дата обращения: 10.06.2022).

[10] Исаева Н. Любовь и Шория. Художница – о мечтах и родине // Аргументы и факты. Интернет-сайт. URL: https://kuzbass.aif.ru/culture/culture_person/lyubov_i_shoriya_hudozhnica_-_o_mechtah_i_rodine (дата обращения: 08.06.2022).

[11] Ковальчук А.М Орнаментальные панно Людмилы Уламовны Пассар в коллекции Дальневосточного художественного музея // ХабИнфо – интернет-журнал Хабаровска. URL: https://habinfo.ru/passar (дата обращения: 10.06.2022).

[12] Конрад И. С. Образ шамана на ниериках уичоль // Латинская Америка. 2020. № 4 С. 75-85. DOI: 10.31857/S0044748X0008709-8

[13] Кочевник. Воспоминание о будущем. 2013 // Даши Намдаков. URL: https://dashi-art.com/video (дата обращения: 08.06.2022).

[14] Кубанова Т.А. Художник и шаман: линии соприкосновения // Дискуссия. 2013. №9 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhnik-i-shaman-linii-soprikosnoveniya(дата обращения: 07.06.2022).

[15] Кубанова Т.А. «Душа моя колдунья, люди мои – сотворцы» // Любовь Арбачакова URL: http://anzass.ru/?page=articles&articles=soul (дата обращения: 11.06.2022).

[16] Михалев М.С. Трансформация картины мира шамана как отражение ценностей современного бурятского общества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 35. С. 89– 97.

[17] О Даши, 2012 Даши Намдаков. URL: https://dashi-art.com/video (дата обращения: 08.06.2022).

[18] Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М.: ИЭАРАН, 2006. 300 с.

УДК 7.048

Хакасский женский сикпен – традиции формы и декора

Киштеева Оксана Вячеславовна
Кандидат культурологии, доцент, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, Абакан, Республика Хакасия, Россия
okishteeva@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются конструктивные и декоративные особенности традиционного хакасского женского костюма сикпен, технологическая трансформация народного костюма в XX веке. В самобытной форме хакасского сикпен особая роль отводится конструкции, в которой сочетаются функциональные и эстетические характеристики, отражающие самобытность костюма. Сравнительный анализ женских сикпеновXIX и XX вв. показывает технологическую трансформацию, связанную с применением машинных технологий, но сохраняющую традиции кроя и декоративного оформления. В XXI в. хакасский женский сикпен сохраняет свою праздничную функцию народного костюма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА традиционный костюм, художественные технологии, декор и образ.

В течение XX века вопросами изучения и сохранения традиционного костюма занимались этнографы, искусствоведы, филологи, которые отмечали постепенное исчезновение из повседневного бытования народных форм. Сложные формы хакасской верхней одежды, головные уборы, обувь постепенно потеряли утилитарную функцию, но в значительной степени традиционный костюм приобрёл знаковый статус, обозначая этническую принадлежность, раскрывая идентичность субъекта. В первые десятилетия XXI в. можно констатировать рост интереса к этническому костюму и среди молодого поколения в том числе. В настоящее время самыми распространёнными видами хакасского костюма остаются мужская и женская кӧгенек (платье и рубаха), женская сигедек (жилет-безрукавка), мужская холтырбас (безрукавка), женский сикпен (суконный халат). При этом мужской вышитый жилет в хакасском костюме появляется именно в XX веке, как вариант праздничной одежды, заменившей другие формы мужской верхней одежды.

Из всего разнообразия форм хакасской верхней одежды в XXI в. именно сикпен сохраняется в женском костюме, незначительно изменяется и транслирует этнический стиль. Эта форма одежды была характерна как для мужского, так и для женского костюма, различался крой: мужские были неотрезными в талии, расширяющимися к низу в подоле, сужающимися рукавами, полукруглым отложным воротником, женские шились с отрезной спинкой, со сборками и богатым вышитым декором [2, с.47].

Суконный распашной халат характерен для костюма тюркоязычных кочевых народов. Сам термин сикпен обозначает «сукно» поэтому в языке тюркоязычных народов существуют следующие термины для обозначения распашного халата из шерсти: сукмэн – сибирские татары, шекпеп– западные казахи, чекмень– алтайцы, чокпэн– южные алтайцы. Как правило крой у такой одежды прямой, халатообразный, возможно с небольшим расширением книзу с применением клиньев. Короткий распашной халат до колен с отложными лацканами, являлся характерным элементом мужского костюма раннесредневековых тюрок, а также наборные пояса, мода на которые распространилась территорию степей Евразии [1, с.133].

Крой в хакасском женском сикпен отличается у разных групп хакасов. У качинцев и сагайцев женские сикпен более широкие, до 4-х клиньев, у кызыльцев шились уже на 2 клина. Для спинки характерны глубокие фигурные проймы, которые являются характерными для всех видов верхней одежды, и мужской и женской одежды (тон,

сикпен, сигедек), при это в центре ширина спинки сильно сужается, формируя дополнительное облегание и приталенность. В праздничных сикпен отложной шалевый воротник декорируется контрастным (красным) шёлком, парчой, кумачом и нашитыми перламутровыми пуговицами, раковинами каури, кораллами, встречаются варианты вышитого воротника. Характерной декоративной особенностью спинки является наличие аппликативных элементов прат (пятиугольных похожих на трезубец), под которыми располагаются сборки тартхан (чыынчахтар). Сборки стягиваются цветными нитями, достаточно крепкими, чтобы держать складки, технология такого декоративного элемента состоит в том, что последовательно прошиваются нитями ряды в шахматном порядке, а затем равномерно стягивают и закрепляют узлами, оставляя свободные нити до 10 см, которые образуют кисти. Чаще всего на спинке располагают пять таких декоративных элементов, встречается и три, симметрично распределяясь с центрального по линии шва.

Рассмотрим сикпен Боргояковой Акулины Сергеевны (Аскизский район), который любезно предоставили для изучения на кафедру. Сикпен сшит в конце XIX в., имеет следы ремонта, носился в семье на протяжении XX в. Сикпен сшит из готового полусукна шириной 50 см, ткань состоит их хлопчатобумажной основы и утка из шерстяной нити. Стан сформирован из 2 деталей полочки и отрезной спинки по талии, имеющей средний шов, пришивная поясная часть и четыре боковые клина, собранных из нескольких кусков ткани. Таким образом, общая ширина сикпена в подоле составляет 367 см. С учётом припусков на швы ширина каждой из полочек спереди составила 46 см. Длина сикпена спереди 124 см, длина по спине 129 см, небольшая разница в длине в изделии практически не ощущается, небольшой шлейф – хузурух, является отличительной конструктивной особенностью хакасского костюма и характерна как для платья, так и для верхней одежды. Исследователи отмечают такой крой как своеобразную «степную моду» при верховой езде широкий подол и шлейф верней одежды красиво ложился по крупу лошади.

Спинка сикпена отличается сложностью кроя и декора. Спинка с глубокими вырезами – проймами, скроена из двух деталей с центральным швом. Высота 34,5 см, ширина в талии 40 см, в верхней части полочки по плечам 18 см. Благодаря такому фигурному крою, ширина спинки в самом узком месте составляет 17 см, что фактически в 2 раза меньше чем ширина спинки по талии. У талии на спинке сикпен декорирован пятью декоративными элементами прат и тартхан. Прат выполнен из шелковой ткани с жаккардовым рисунком красно-зелёного цвета, пришит швом чӧрбеен к талии, по внешнему краю зашит гладьевым швом, выполненным из ниток жёлтого цвета и дополнительно ограничен тамбурным швом насыщенного бордового оттенка.

Стягивающие стежки тартхан образованы толстыми кручёными нитями, прошитыми в шахматном порядке. Таких стягивающих нитей двенадцать, они различаются по цвету: по три ряда зеленого, желтого, красного и розового цвета, зафиксированы стягивающие стежки с помощью узелков, висящие концы выполняют роль кисти (которые таким образом получаются полихромные). Центральный шов, швы проймы и шов талии скрыты декоративной вышивкой, выполненной швом ӧрбе, шириной около одного сантиметра. Декоративная вышитая полоса чередующаяся сочетанием красного, зелёного и голубого цвета, длиной каждый сегмент в ширину ладони, дополнительно оформлена тамбурным швом жёлтого цвета.

Широкие у плеча и сужающиеся к кисти рукава (ниин) скроены из полотнища сложенного посередине, снизу которого также вставлен клин, так что соединительный шов скрыт. Длина рукава 43 см, в пройме ширина 50 см.к кисти рукав сужается до 26 см. Манжет с характерным овальным выступом омах, высотой 15.5 см в середине, 10 см к краю. Манжет рукава выполнен из черного плиса с тамбурной вышивкой бордовой, оранжевой, голубой и зеленой нитью, которая меняется по орнаменту вышивки,

складываясь в гармоничный полихромный рисунок. Вышивка выполнена тамбурным швом в два ряда. Композиция орнамента вышивки представляет собой древовидный орнамент с центральной осью симметрии, основные мотивы орнамента трилистник – пальметта, в центральной части их расположено три, от этой центральной части орнамент расходится двумя ветвями азыр, состоящих из двух, трёх и четырех отростков. Орнамент вышивки манжета завершается самостоятельным элементом не входящим в основной, который имеет вид S-образного отростка, закрывающим всё поле.

Мойдырых –отложной шалевый воротник сикпен длина которого составляет 99 см, в самой широкой части 18 см, сужаются к краям до 5 см. Нижняя часть воротника скроена из сукна, лицевая из красного атласа с белым жакардовым рисунком. Дополнительно украшен в 2 ряда перламутровыми пуговицами разного диаметра, в количестве 12 штук в каждом ряду. По самому краю шалевого воротника располагается ещё одни ряд пуговиц – металлических круглых на ножке и шаровидных с красной бусиной, жёлтых стеклянных, по видимому эти пуговицы собирались и были пришиты ради декоративного эффекта. Также это приём имеет и практическое значение – усиливает и утяжеляет край широкого шалевого воротника, который красиво ложится по плечам.

Сикпен застёгивается слева направо с помощью петли, которая в хакасском костюме пришивается к правой поле, на левой располагаются пуговицы - скрытые функциональные и большие декоративные пуговицы белого цвета из пластмассы, которые были дополнены позже.

Изделиеимеет подкладку в верхней части из плотной хлопчатобумажной ткани с цветочным рисунком, розового оттенка. Отличительной технологической особенностью рассматриваемого сикпен является ручная сборка, которая позволяет проследить всю тонкость шиться костюма доиндустриальной эпохи. По очень небольшим припускам на швы около 0,5 см, которые с внутренней стороны изделия подшиты вовнутрь мелкими стежками потайным швом, по составленным из нескольких деталей вставным клиньям в рукавах и стане, можно судить о бережном отношении к материалу и, следовательно, его дороговизне. Также, как и элементы декора, перламутровые пуговицы марха, высоко ценились и по-видимому постепенно покупались для шитья праздничного костюма.

Подол (идек) и полы сикпена с внутренней стороны подшиты подкладкой (алты) из красной плотной хлопчатобумажной материей шириной 15 см, для дополнительной защиты ткани при ходьбе и декоративного эффекта: контраста красного (внутреннего) и черного (внешнего) в динамичном восприятии костюма. В сикпенах часто встречается и такой декоративный элемент как вышитый клапан бокового кармана ізеб, но в исследуемом сикпене Боргояковй А.С. этой детали нет.

Данный сикпен стал основой для выполнения выпускной квалификационной работы «Особенности ознакомления учащихся детской школы искусств. Хакасский женский сикпен» Табаковой И.В. направления подготовки 51.02.03 Народная художественная культура, профиль «Руководство студией декоративно-прикладного творчества» в 2021 г. В процессе выполнения был изучен крой, выполнена копия орнамента вышивки, исследованы аналогичные музейные экспонаты. Практическим результатом стала выполненная художественная реконструкция хакасского традиционного женского сикпен по музейным источникам. Учитывая современную ширины полотна сукна конструкция деталей вышла более цельная, без дополнительных вставок, но были выдержаны общие размерные показатели, также была спроектирована тамбурная вышивка на спинке. На основе мотивов вышивки на манжете первоисточника, цвет был повторён с учётом выцветания нитей и в целом декор получился ярче, сравнимый с изначальным видом изделия. Так же как и в исследуемом сикпен, подкладка располагается в верхней части. Данный проект был выполнен под руководством автора статьи.

В целом крой изученного сикпен является типичным, при сравнении аналогичных

видов хакасской женской одежды позднего времени начала XX в. можно отметить небольшое расхождение, связанное с размерными характеристиками. Например, в качинском сикпен (ХНКМ КП 41-63)сшитом в 1908 г. Дориной Марией Егоровной которой в то время исполнилось 28 лет, проживавшей в улусе Доринов находившейся в то время чуть юго-западнее села Аршаново. Сикпен сшит из черного тонкого сукна. Перед прямой цельнокроеный, спинка отрезная, широкий шалевый воротник из красного натурального шелка. Рукава длинные, обшлага из черного бархата полукруглой формы вышиты растительным орнаментом, вышивка также выполнен тамбурным швом в два ряда. Вышивка более мелкая с округлыми очертаниями, спинка также украшена вышивкой и пятью декоративными прат, заложенные складки в отличие от первого сикпена оформлены швом орбе (козлик). Спинка по проймам вышита и растительным орнаментом нитками мулине. Длина – 141 см; ширина по спинке – 36 см; длина рукава – 67см; ширина подола – 395 см можно сказать, что данный сикпен был сшит на крупную и высокую женщину, также отмечается более выраженный «шлейф» по подолу по спинке изделия. В отличие от первого рассматриваемого сикпен, он частично сшит на машинке.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время хакасский женский сикпен– один их немногих форм традиционного хакасского костюма, который сохранился. В его конструкции происходят изменения, так, например, меняется запах, вместо традиционного левого, на привычный для современного женского костюма правого, меняется конструкция застёжки, возможно из за неполного знания традиционной технологии. В XX в. хакасский женский сикпен сохранился благодаря народным мастерам Чон узы Чаптыковой Елизаветы Григорьевны и Райковой Анфисы Петровны, другим мастерицам, чьи изделия хранятся в коллекциях музеев и бережно передаются в семье из поколение в поколение. В XXI веке особая миссия исследователей и мастеров состоит в том, чтобы вернуться к первоисточникам, тому что было найдено и отшлифовано поколениями до нас, переосмыслить без ущерба ценностного и эстетического содержания и вновь включить эти артефакты в современное культурное пространство.

Список литературы

[1] Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

[2] Шибаева Ю.А. Одежда хакасов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008.140 с.

УДК7.071.1(571.1/.5):929

Сибирский художник Григорий Хлебников. К памятной дате 100-летия со дня рождения

Коваль Татьяна Григорьевна
Кандидат культурологии, доцент, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, Абакан, Республика Хакасия, Россия
tgkoval019@gmail.com

АННОТАЦИЯ Данная статья посвящена памятной дате 100-летия со дня рождения сибирского живописца Г.С. Хлебникова. На основе разноплановых источников показано многообразие творческой биографии художника. Автор в статье осветил самые известные произведения из собрания станковой живописи мастера и картины, не представленные на широкое обозрение общественности. Впервые публикация рассказывает о завершающем этапе творческого пути Григория Семеновича, который прошел через Русскую православную церковь. Автор статьи – дочь художника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Г.С. Хлебников, художник, станковая живопись, музей.

Григорий Семенович Хлебников[1] входит в плеяду художников старшего поколения, творческий путь которых начался в послевоенные годы. Приятно сознавать, что у художника сибирские корни. Он был человек с необыкновенным трудолюбием иповышенным чувством ответственности. Всю свою творческую жизнь художник провел в Хакасии. Это был образ жизни настоящего творца, в которой было место многому, но творчество всегда стояло на первом месте. Живописец широкого творческого диапазона все своиспособности целиком поставил на службу любимой профессии. Творческий путь Григория Семеновича представляется цельным и последовательным. Произведениям художника присуща глубокая исследовательская линия и опыт человека, прожившего полноценную жизнь. Собрание станковой живописи мастера полноценное и разнообразное.Своим потомкам он оставил порядка двухсотпроизведений за 50-летний период творчества.

Известные широкой публике произведения с историческими сюжетами, связанные с гражданской войной, городом Минусинском – это жанровые картины «Вступление крестьянской армии партизан в Минусинск» (1975), «Переход партизанской армии из Тувы в Минусинск», «Сброшенные кандалы»(1980-1985)[2], портрет Кошурникова А.М. (1983)[3], картина «Тройка» (Кошурников, Стофато, Журавлев) (1982-1986)[4]. В ряде других произведений, по которым также узнают Г.С. Хлебникова,–галерея портретов творческой интеллигенции и пейзажная живопись.

Многообразие творческой биографии Григория Семеновича Хлебникова отражено в различных источниках. Особого внимания заслуживают семейный архив художника, Национальный архив Республики Хакасия, фонды Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М.Мартьянова, Хакасского национального краеведческого музея имени Л.Р. Кызласова и Никольский собор Русской православной церкви г. Абакана.

Что же касается наследия из семейного архива художника, то это особенные материалы. Ведь практически их видели только члены семьи и круг художников, с которыми он общался при жизни. В семейном архиве есть редкие фотографии, графические зарисовки и наброски, композиционные поиски, эскизы, которые

[1] Григорий Семенович Хлебников, член Союза художников РСФСР. Родился 1 января 1922 года в деревне Ново-Троицкое, Красноярского края, Ермаковского района.
[2] МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова», МКМ ОФ-8248/7,Ж-127
[3] МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова», МКМ, ОФ-8295/2,Ж-167
[4] МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова», МКМ ОФ-9622/20,Ж-676.

выполнялись на протяжении всей его творческой деятельности. Особенно интересны ранние работы. Они очень тонко передают своеобразную красоту сибирских сел. Григорий Хлебников хорошо знал трудовую жизнь, обычаи и традиции родных мест. А это так напоминало детство. Поэтому ранние неброские пейзажи особенно привлекательны своей достоверностью и лирикой. Таким образом, материалы семейного архива – очень веское дополнение к полной творческой биографии живописца. Среди других материалов архива сохранились стихи и проза военных и послевоенных лет. Небольшая часть графических зарисовок и стихов из тетради художника была представлена в сборнике к 95-летию со дня его рождения.

За время подготовки статьи удалось уточнить историю произведений в коллекции художника в жанре натюрморта. В настоящее время в региональном отделении Союза художников Республики Хакасия хранится альбом с фотографиями. Альбом формировался с учетом выполнения заказов на разные виды искусства в системе художественного фонда до начала 90-х годов прошлого столетия. В альбоме обнаружены малоизвестные натюрморты и многие другие станковые произведения художника. Маленькая деталь: он выполнял их по распределению художественного совета как заказ для музея, профилактория и оформления интерьеров промышленных объектов. Среди них станковая живопись: «Натюрморт с грибами» (1979), пейзаж «Борус» (1979) выполнены для санатория-профилактория п. Усть-Абакан; «Натюрморт с караваем» (1981); портрет В.И. Ленина и пейзаж «Горная речка» (1980) для технического узла №4 с. Бея; пейзаж «Сосны» (1980) в областную библиотеку; пейзаж для актового зала Хакремстройтреста (1986). Как правило, такие произведения не выставлялись на широкое обозрение общественности.

О Григории Семеновиче имеются сведения и в Национальном архиве Республики Хакасия. За период с 1966 по 1991 год информация о творческой деятельности частично отражена в протоколах, каталогах, буклетах, списках об участии в выставках. Все это документы Союза художников Республики Хакасия[5]. Среди них, например, хранится протокол заседания квалификационной комиссии, где о художнике написано следующее: «Работает в художественном фонде с 1952 года. Участвовал в областной выставке 5 раз. Комиссии представил творческие работы. Представленные работы характеризуют товарища Хлебникова, как растущего творческого художника и хорошего исполнителя. Работать в мастерских художественного фонда может»[6].

Таким образом, в 1966 году Григорию Семеновичу присвоена 1-я категория квалификации.

И далеко не случайность, что позднее ему доверили на протяжении многих лет возглавлять художественный совет абаканских художественно-производственных мастерских. Именно до начала 1990-х годов мастерские художественного фонда (АХПМ) сыграли свою роль в монументальном, декоративно-прикладном искусстве, станковой живописи и графики Хакасии, что говорит о личном вкладе Григория Семеновича в процесс повышения профессионального уровня всех видов искусства. И в этом нетрудно убедится. Просмотр протоколов оценки произведений на областных выставках выявил ряд картин художника, опубликованных в каталогах того периода.Это графика «Сосны», живопись «Летний день», тематическая картина «Их было трое», «Портрет сказителя С.П. Кадышева», «Борус», «Сосны» (1988), «Горный перевал», «Портрет хранителя фондов музея М. Чалкиной» (1989), «Автопортрет» (1993).

Сегодня картины Г.С. Хлебникова занимают достойное место в экспозициях музеев. Большую половину произведений художник передал при жизни на хранение в Минусинский региональный краеведческий музея имени Н.М. Мартьянова, а еще часть

---

[5] ГКУ РХ "Национальный архив" Ф.Р-866. О.1, Д.2.
[6] ГКУ РХ «Национальный архив». Ф.Р-866. О.1, Д.1 б

работ находится в Хакасском национальном краеведческом музее имени Л.Р. Кызласова. В фондах музеев хранятся произведения всех жанров, в которых работал живописец. Хотелось бы отметить, что он один из первых обратился к теме археологии Хакасии. Над археологической серией Григорий Хлебников работал в момент оформления музейной экспозиции. Это особая страница его творческой биографии, так как свои известные картины «Натюрморт из раскопок» (1970)[7] и «Натюрморт с кувшинами» (1974)[8] художник написал в период тесного общения и даже дружбы с исторической личностью – археологом А.Н. Липским.

Так случилось, что свой путь Григорий Семенович прошел и через Русскую православную церковь. В последнее десятилетие в творчестве художника присутствовали пейзажи с православными храмами. Например, он запечатлел облик разрушенных церквей в селе Кочергино и Малая Минуса вблизи Минусинска (1980-е). Эти храмы в свое время получили статус объектов культурного наследия. В настоящее время оба храма действующие.

Так распорядилась судьба, что он вернулся к православной теме спустя несколько лет. И это был осознанный шаг в его творчестве. Конец 1980-х годов – время напряженной работы Хлебникова над церковным заказом по приглашению настоятеля Никольского собора г. Абакана Хакасской Автономной области. Григорий Семенович писал ростовые иконы «Покров Пресвятой Богородицы» и «Святой Николай Чудотворец» на западном фасаде церкви. Это канонические иконы написаны в академическом стиле. Таким иконам присуща особая выразительность, реалистичность в передаче изображаемых образов. Образы на иконах получились светлые, проникнутые внутренней духовной красотой. Учителей иконописи в те времена не было. Технику иконы, каноны, художественные приемы художнику приходилось осваивать самостоятельно. Процесс этот весьма сложный, трудоемкий и встречается в биографии живописцев довольно редко.

Работа в Никольском соборе совпала с началом глубокой осознанности художником православной веры. И по сей день этот период его жизни порождает массу вопросов. Стал ли он настоящим верующим? Насколько художник изменил образ своей жизни? Участвовал ли он в таинствах Церкви? Изучал ли богословие? Написание иконы художником это не просто «муки творчества», а самое великое служение. Иконы, написанные Григорием Семеновичем, украшали фасад Никольского собора, и многие годы к ним возносили искренние молитвы верующие люди. В связи с реставрацией церкви в начале 2000-х годов иконы поновили. Эту работу выполнил коллега по Союзу художников Республики Хакасия Г.В. Никоненко.

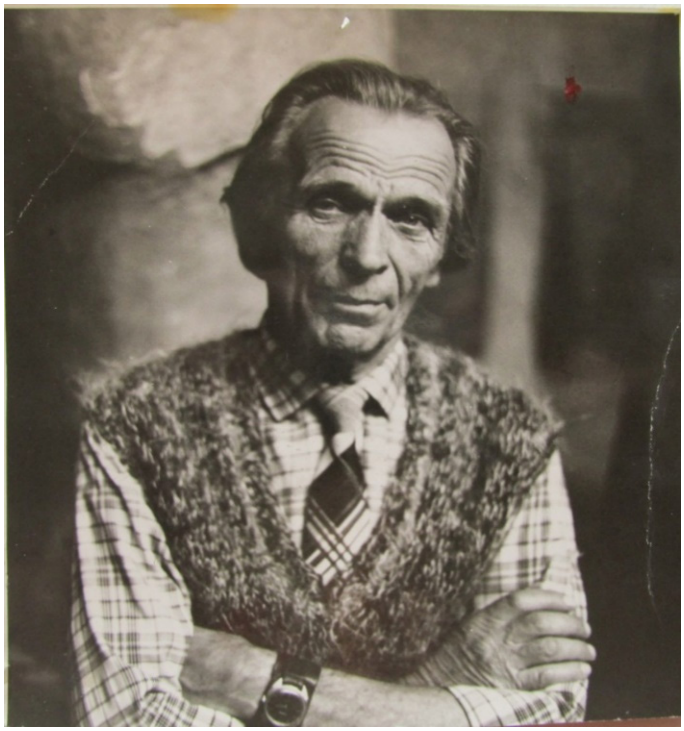
Что же касается памяти о периоде работы Г.С. Хлебникова над иконами в Никольском соборе, то остались фотографии того периода и воспоминания клириков церкви и прихожан. К слову, Григорий Семенович завещал своим потомкам продолжать работу по благоукрашению храма и быть причастными к этому особому, святому делу.

Мы попытались прикоснуться к истокам, под влиянием которых складывалось творчество сибирского живописца. Возможно, пройдет какое-то время, и откроются новые неизвестные факты его биографии и творческой души. Но на сегодня Григорий Семенович Хлебников к своему 100-летию со дня рождения предстал перед потомками человеком, который кистью написал летопись эпохи, в которую он жил, творил и остался в почетном списке «шестидесятников».

---

7 ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова», ХНКМ, КП 5178/1.
8 МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова», МКМ, ОФ-8180, Ж-120

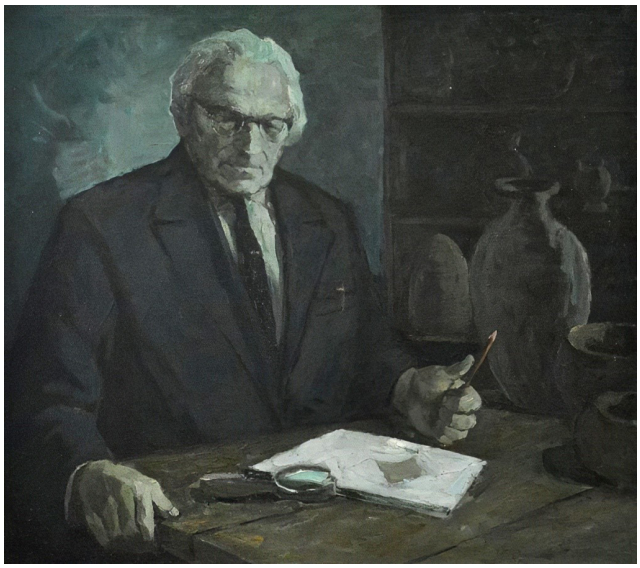
Приложение

◄
Илл. 1.
Григорий Семенович Хлебников.

▼
Илл. 2.
Хлебников Г.С. *Натюрморт из раскопок*, х.м. 100х120, 1970. Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

Илл. 4.
Хлебников Г.С. *Портрет археолога А.Н. Липского,х. м. 89х100, 1973.*
Минусинский региональный краеведческий музей имени Н.М. Мартьянова.

Илл. 3.
Хлебников Г.С. *Портрет археолога А.Н. Липского,х. м.*
Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

Илл. 5.
Хлебников Г.С. *Портрет чабана. В родной Хакасии, х.м. 62х83, 1975.*
Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

Илл. 6.
Хлебников Г.С. Иконы Покров Пресвятой Богородицы» и «Святой Николай Чудотворец»
на западном фасаде Никольского собора РПЦ, Абакан.Фотография из архива Абаканского епархиального управления

УДК 792.03

«Иммерсивный театр» медвежьего праздника (на примере амурских этносов)

Крыжановская Яна Станиславовна
Доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и музеологии, Хабаровский государственный институт культуры, г. Хабаровск, Россия.
krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8381-5250

АННОТАЦИЯ Медвежий праздник является важным элементом культуры коренных малочисленных этносов Приамурья, своеобразным маркером этнической идентичности этих народов, соединяющим ритуальные и зрелищно-игровые элементы. В статье медвежий праздник рассматривается как «пратеатральная» (зрелищно-игровая) форма, с позиций иммерсивных технологий. Автор делает вывод о том, что в празднике присутствовала особая организация пространства, выстраиваемая во взаимодействии с движением, что позволяло присутствующим чувствовать себя частью представления, обеспечивало «погружение».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА иммерсивный театр, коренные малочисленные этносы Приамурья, медвежий праздник, фольклорный театр.

Традиционное наследие коренных этносов Приамурья – нанайцев, негидальцев, удэгейцев, нивхов, ульчей, орочей, эвенков и эвенов – имеет выраженное родовое сходство, сформировавшееся в результате совместного проживания этносов на одной территории. Важной частью «амурской культуры» являются зрелищно-игровые практики, однако, вопрос о существовании фольклорного театра у этих этносов в каком бы то ни было виде до сих пор остается открытым[9] . Так был ли на Амуре народный театр или подобный ретроспективный подход обусловлен исключительно логикой советской исторической науки, согласно которой каждый из народов в составе Советского Союза должен был иметь свою национальную культуру в полном объеме?

Одним из самых ярких проявлений амурской культуры являлся медвежий праздник, до сих пор служащий своеобразным маркером этнической идентичности этих народов. И его же обычно называют в качестве примера прототеатральных форм, причем, не только у народов Севера. Еще Б.А. Рыбаков одним из первых соотнес славянский праздник «комоедица», связанный с наступлением весны и пробуждением медведя от спячки, с древнегреческими комедиями (греч. komodia – «медвежьи праздники»), показав, как архаические обряды модифицируются в процессе исторического развития в пратеатральные формы [9].

У амурских этносов медвежий праздник также объединял в себе ритуально-мифологические и зрелищно-игровые смыслы Он всегда проходил в присутствии и при участии значительного количества людей, которые проявляли себя именно как публика, – эмоционально и действенно откликались на происходящее, легко включались в общее действие. Все происходящее было обращено уже не только к Медведю – горному человек как к сакральному Зрителю, но и предназначалось вполне реальным соплеменникам. Можно сказать, что именно с появлением в организации обряда непосредственного контакта с присутствующими и начинается внутри медвежьего

[5] И.А. Лопатин, решительно отвергая существование у нанайцев любых акций «хотя бы отдаленно напоминающих народное сценическое искусство», тем не менее, описывает игру найува уагавамбури, иначе известную как «борьба нанайских мальчиков» и представляющую вариант кукольного представления. В ходе игры участник становился на четвереньки и, благодаря особому костюму, изображал диалог двух героев-кукол, так, что руки и ноги участника были, соответственно, ноги первой и второй куклы. «Все представление заключается в том, что стоящий на четвереньках ведет диалог за сидящих на нем кукол, а, двигая головою и задом, он тем самым приводит в движение и кукол» [6, с. 184].

праздника формирование «пратеатральных» элементов. Постепенно зарождается исполнительское начало, проявлявшее себя через мастерство реализации и требовавшее не спонтанности, но сформированных умений и навыков, а также предварительной подготовки («репетиций»).

Медвежий праздник коренных малочисленных этносов Приамурья, рассматриваемый в рамках театральной («пратеатральной») парадигмы, демонстрирует, говоря современным языком, использование иммерсивных технологий взаимодействия с аудиторией. Иммерсивность (от англ. Immersive – «создающий эффект присутствия») – это особый метод, направленный на формирование специфического способа восприятия происходящего действия. Присутствие в данном случае понимается как чувство сопричастности и нахождения «внутри» происходящего, как «ощущение нахождения “там” в противоположность наблюдению со стороны» [7].

Активное включение публики в действие – важная, но не единственная особенность иммерсивного театра. Не менее важны отсутствие пространственного барьера между аудиторией и актерами, полихронизм и разнонаправленность происходящего, а также отсутствие непреодолимых барьеров, отделяющих реальные конструкции от воображаемых. По словам современного исследователя, «иммерсивный театр притягивает тем, что позволяет оказаться в другой реальности» [7]. Подобные технологии предполагают полное, тотальное вовлечение участника: не просто наблюдение, а участие, принятие каких-либо действий. Для участников обрядового праздника такой «другой реальностью» вполне естественно оказывается реальность мифа, а «иммерсивность» проявляется через сложную пространственную организацию праздника, существующего как «действие в среде» и разворачивающегося на разных площадках.

Всего в организации медвежьего праздника можно выделить минимум пять самостоятельных локаций, связанных темой перемещения, преодоления пространства, которая и организует драматургию медвежьего праздника.

Во-первых, это территория стойбища, где проходило торжественное шествие, открывающее праздник: объявив о начале, орочи под звуки ударного бревна удядинки и женское ритуальное пение проводили ритуальный обход медведем всех жилищ селения, зверя при этом хорошо угощали [2, с. 88]. Также и ульчи первый день посвящали кормлению медведя, его украшению и последующему вождению вокруг всех домов с весельем и шутками [5, с. 108]. У нивхов процессия могла сопровождаться сольными женскими плясками. По завершении обхода медведя привязывали к украшенным стружками столбам, – чтобы зверь мог видеть гонки собачьих упряжек и другие соревнования в свою честь. В конце гонок его возвращали в клетку.

Другая процессия с медведем проходила по территории стойбища непосредственно перед его убиением, – создавая симметричное драматургическое обрамление для начальной части праздника.

Вторая локация праздника, – это место, где на второй день проходили гонки собачьих упряжек. Место для этого начинали готовить заранее, сразу после объявления о начале, обычно на льду Амура, но недалеко от дома хозяина медведя. Соревнования собачьих упряжек (вагрдь, нивх; гэйин, негид.) – чрезвычайно яркий зрелищный элемент в структуре медвежьего праздника. Гонки начинались только тогда, когда уже успели приехать гости из отделанных мест, но до обряда убиения медведя, – выступая своеобразным «разогревом» публики перед кульминационным событием праздника. Состязания могли продолжаться и после ритуального убиения. Причем, именно от продолжительности гонок в значительной степени зависела общая временная протяженность медвежьего праздника.

В-третьих, территориями, участвующими в проведении праздника, становились соседние стойбища. По сохранившимся сведениям, медведя возили между селениями

по льду Амура, иногда за несколько километров. Для этого зверя связывали особым образом и укладывали на украшенные нарты, запряженные собаками. У ульчей, нивхов и айнов на собак при этом надевали султаны гараха из окрашенного конского волоса либо украшали красными лентами. Такими же лентами украшали и героя праздника – медведя. По приезде праздничной процессии во главе с медведем в каждой деревне «пируют и показывают свою удаль» [3, с. 321].

Еще одна самостоятельная локация – это площадка арачу (ороч.), н''аню (нивх.), где проходила кульминация праздника, включавшая торжественное убиение зверя. Место для этого мужчины готовили в тайге на седьмой день праздника. Женщины в это время занимались специальным угощением и ритуальными стружками. Размеры ритуальной площадки впрямую зависели от пола животного: «Для медведя-самца площадку расчищали длиной 30 саженей (примерно 64 м – Я.К.), шириной 5 саженей (10.7 м), для самки – длина 40 саженей (85 м), ширина 5 саж. (10.7 м). В западной части сооружали четыре столба, украшенные стружками, к ним привязывали медведя. Отдельный столб высотой от 3 до 5 м с разветвлениями ставили с южной стороны. Каждую развилку украшали изображениями змей, лягушек или рыб. На этом столбе гости развешивали различные украшения, – праздничные халаты, ленты, цветные лоскутки, чучела птиц. У столба привязывали собаку (обязательно самца и обязательно черного)[1, л. 11]. По окончании праздника хозяин медведя снимал все украшения со столба.

Важным элементом, находящимся вне ритуальной площадки, но в четкой смысловой взаимосвязи с ней, было музыкальное бревно, выступавшее как часть общей декорации. В качестве индикатора места действия музыкальное бревно (тятян ч'х"ар – нивх.) воздействовало аттрактивно. Подвешенное на специальных елочках шестиметровое бревно с высеченной на конце головой зверя само по себе выразительно. Но его еще и дополнительно украшали ритуальными стружками, раскрашенными соком ягод. Количество стружек и количество красных полос на них кодировало пол животного: четные 2 или 4 – женские числа, 3 – мужское. По словам А.М. Золотарева, игравшие на бревне ульчские женщины были одеты в «лучшие платья, блестя яркими узорами, замысловатыми аппликациями, разнообразными мехами» [5, с. 113]. Это также добавляло декоративности и зрелищности.

Наконец, пятая локация, в которой проходили заключительные события праздника, – это территория жилища хозяина медведя. Уже после ритуального убийства голову зверя вместе со шкурой перемещали в жилище на почетное место. Голову вносили либо через дымовое отверстие в полуземлянке (у нивхов), либо через противоположный вход или (заднее) окно в наземных домах (у айнов). Располагали ее мордой к людям, что должно было обозначить участие медведя в празднестве. В течение всего времени, когда голову медведя вносили и размещали на почетном месте, женщины должны были играть на установленном заранее музыкальном бревне и плясать, подражая походке медведя. Здесь же могли проводиться и общие танцы, – как в юрте, так и за ее пределами, на улице [8, с. 226].

В целом, анализ амурского варианта медвежьего праздника показывает, что организация пространства, движения в нем участников и зрителей становится важной частью драматургии: пространство праздника выступает своего рода самостоятельным персонажем. Каждая отдельная локация выполняла функцию своеобразного регулятора, разделяющего фрагменты драматургического целого. В целом же действие праздника мыслится как «путь», как последовательное перемещение из одного пространственного локуса к другому.

Таким образом, в драматургии медвежьего праздника, – как и в более позднем иммерсивном театре, – реальное пространство, его организация выступают главным фактором. Именно пространство во взаимодействии с движением и временем

являются, по мнению теоретиков театра, компонентами, заставляющими аудиторию чувствовать себя частью представления. Такого зрителя-соучастника уже нельзя считать ни собственно «зрителем» (т.к. он не просто смотрит), ни только «участником». Применительно к обрядовому «дотеатру» можно говорить о том, что эти функции еще синкретичны, а применительно к современным театральным форма исследователи рассуждают о соединении в единую фигуру «реципиента, исполнителя и (иногда) вторичного автора одновременно» [7].

В этой связи обращает на себя внимание противоречие, изначально являющееся частью иммерсивных технологий: «с одной стороны, зритель должен стать полноправным участником происходящего, с другой стороны, полноправное участие означает одинаковые возможности участия в действии, а зритель может включаться в действие только в том случае, если актер-перформер сам решит начать взаимодействие с ним» [4].

В научных публикациях, ориентированных на выяснение типологических особенностей театра, одной из них выступает граница между зрительным залом и сценой (актеры – зрители), отделяющая «театр» от «жизни». Эта граница («рампа») не одинаково проявляет себя в разные исторические периоды. В раннем театре («дотеатре»), тесно связанном с обрядовыми истоками, барьера между «а́кторами» и зрителями не было и быть не могло, пространство обрядового праздника функционировало как единое и неразделимое, в котором все присутствующие были тесно связаны, могли на некоторое время обмениваться ролями, хотя в целом функции основных участников были закреплены. Это и дает основания проводить некоторые аналогии между медвежьим праздником как зрелищно-игровой формой, как региональным вариантом «дотеатра» , – и современными театральными технологиями. Новое в очередное раз оказывается очень хорошо забытым старым…

Список литературы

[1] Архив МАЭ РАН. Ф.К-V. Документы МАЭ РАН. Оп.1. Д. 626.

[2] Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 208 с.

[3] Голубцов И. Религия, нравы и обычаи амурцев // Домашняя беседа для народного чтения. Вып. 34. СПб., 1859. С. 319-325.

[4] Ерохина Т.И., Кукушкина Е.С. Феномен иммерсивного театра в современной отечественной культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-immersivnogo-teatra-v-sovremennoy-otechestvennoy-kulture

[5] Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.

[6] Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Записки ОИАК Владивостокского отделения ПО РГО. Владивосток, 1922. Т. 17. 372 с.

[7] Медведенко В.В., Тумашова Г.А., Тумашов М.А. Иммерсивное театральное искусство как технология социально-культурной деятельности // МНКО. 2020. №4 (83). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43928836_61124551.pdf

[8] Подмаскин В.В. Народные игры и танцы орочей // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 221–227.

[9] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

УДК: 391+745/749

Актуализация традиционного декоративно-прикладного искусства в контексте этнокультурной идентичности народов Амуро-Сахалинской историко-культурной области (по материалам полевых исследований 2019 - 2021 гг.)

Левченко Арина Вадимовна
Младший научный сотрудник, лаборатория антропологии Северной Пасифики Института истории, археологии и этнографии, г. Владивосток, Россия.
arina_levchenko_25@mail.ru
https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-3028-8132

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается проблема взаимосвязи между трансформаций традиционных форм в этическом искусстве и процессом выстраивания этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Приморья, Приамурья и Сахалина. Автор также затрагивает вопрос необходимости актуализации традиционного искусства в процессе этнокультурной индивидуализации. Опираясь на психологический подход к изучению этнокультурной идентичности, автор приводит примеры из личной полевой практики. В них описываются различные современные примеры актуализации в творчестве. Как правило, они связаны с художественным осмыслением конкретных природных объектов или целой территории исторического проживания этнической группы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА декоративно-прикладное искусство, актуализация, этнокультурная идентичность.

На Юге Дальнего Востока, по берегам р. Амур и на Сахалине, обитает несколько этнических групп. Столетиями они развивались в тесном контакте друг с другом. Их объединяет общая территория, особенности природопользования, духовная и материальная культура. Большая часть этих народов говорит на тунгусо-маньчжурских языках (исключая нивхов, чей язык является изолятом). Таким образом, население данных территорий составляет историко-культурную область (ИКО), охватывающую «группы народов, хотя бы и различного происхождения, но связанные между собой общностью исторических судеб, длительностью соседства и общения» [4, с. 50].

Самой многочисленной этнической группой Амуро-Сахалинской ИКО являются нанайцы. С ними соседствуют ульчи, негидальцы, дальневосточные эвенки, орочи, удэгейцы. Южнее всех проживают тазы. В районе амурского лимана и на севере Сахалина живут нихви. На островной территории с ними соседствуют уйльта (ороки) и эвенки.

Несмотря на большое количество схожих черт и долгое тесное соседство, каждый из перечисленных народов стремится поддерживать этническую самостоятельность. Как правило, основным маркером этнической общности и её скрепой выступает язык, ведь именно он «является базовой символической средой функционирования этничности» и «формирует национальное самосознание» [9, с. 135]. Но данная историко-культурная область интересна тем, что язык здесь давно утратил свои позиции. Подавляющее большинство тунгусо-маньчжуров и нивхов знают только русский язык. «Родной речью» на разговорном уровне владеют лишь единицы из пожилого поколения. Изучение «родного языка» не входит в обязательную общеобразовательную программу, поэтому детские учреждения (детские сады, школы) вводят изучение «родных языков» на уровне факультативов.

Тем не менее, этнические общности не распадаются и не сливаются друг с другом. Они продолжают существовать благодаря общей системе знаков и смыслов, действующих в рамках взаимоотношений с окружающей природной средой. Вторым важнейшим каналом конструирования идентичности и её поддержания мы полагаем декоративно-прикладное искусство.

По итогам трёх этнографических экспедиций в различные части

историко-культурной области стало очевидно, что этническое прикладное искусство продолжает существовать как в традиционных формах, так и в новых, более актуализированных[10]. Наши исследования показали, что даже изделия в «современном» стиле сохраняют тесную связь со старинными традициями. Мы же хотим понять степень значимости актуализации прикладного искусства в процессе этнокультурной индивидуализации.

Под идентичностью мы понимаем отличительные аспекты характера индивида или группы, которые связаны с чувством самости [1, с. 218]. Феномен этническойидентичности был и остаётся предметом научных дискуссий.

Выделяют три основных подхода к его определению. Первый из них – примордиалистский, разработанный Ю.В. Бромлеем, Л.Н. Гумилёвым, А. Смитом, К. Гирцем, П. Ван дер Бенгом и др. Согласно ему, этнические общности самовоспроизводятся биологически [13, с. 207] и «имеют объективные характеристики принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение, психологический склад» [12, с. 101].

Сторонники инструменталистского подхода (среди них Д. Белл, Д. Мойнихен, Д. Горовиц, П. Салинс, М.Н. Губогло) считают, что этническая идентичность активизируется отдельными индивидами в целях удовлетворения собственных политических или экономических амбиций. Либо, с целью достижения психологического спокойствия, в стремлении к гармонии и для достижения гедонистических устремлений [12, с. 104].

Конструктивисты (Ф. Барт, Р. Дженкинс, Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др.) объявляют этнос искусственно созданным, воображаемым конструктом. Этническая общность, по их мнению, создаётся путём выстраивания границ, создающих для членов группы внутреннее иллюзорное подобие. В результате, фактически разные люди начинают чувствовать между собой большую схожесть [13, с. 207-208].

Мы же считаем, что наилучший подход для изучения этнической идентичности народов Амуро-Сахалинской ИКО состоит в компромиссе между всеми основными подходами. Мы придерживаемся мнения, что современная этническая группа целенаправленно создаётся через выстраивание границ. При этом, «объективные характеристики принадлежности» имеют фундаментальное значение для самоопределения членов общности и поддержания границ.

«Изобретение» новой этнической общности не может быть осуществимо лишь в целях удовлетворения потребностей одного конкретного индивида, даже если эта идея изначально бы лежала в основе. Главная функция социальной идентификации – «включение в систему социальных взаимосвязей, стремление индивида слиться с общностями и группами, которые обеспечат защиту их жизненных интересов, основных потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении перед лицом реальной или мнимой опасности ущемления базисных потребностей другими группами, общностями и составляющими их индивидами»[15, с. 162]. И конечно, при наличии таких осязаемых выгод, с учётом затраченных сил на конструирование и поддержание границ этнической общности, не приходится сомневаться в степени её реальности.

Говоря об этнокультурной идентичности, дадим определение самой этнокультуре. Согласно Тучиной О.Р., этнокультура представляет собой органическую целостность, в основании которой лежат культурные универсалии, создающие целостный обобщенный образ человеческого мира [13, с. 217]. Это двусоставное понятие, включающее этнос и культуру, где этнос (этническая общность) - собирательное понятие, относящее человека к определённой группе, а культура определяет целостность этой группы и обладает самостоятельным бытийным статусом, который не сводим к соответствующей

[10] Под актуализацией мы понимаем процесс переосмысления и переработки прежних традиционных норм искусства в сторону их осовременивания. В результате, элементы традиционной культуры успешней воспринимаются и усваиваются в массовом сознании

совокупности людей [13, с. 208]. Культура воспроизводится только в человеческом обществе, следовательно, она зависима от ритмов человеческих трансформаций (возрастных, профессиональных, мировоззренческих и т.д.). Такие трансформации были свойственны человеку во все эпохи, следовательно, культура всегда развивалась и меняла свои черты.

Для человека свойственна тяга к творчеству, познанию и рефлексии. Поэтому «деятельность субъекта не сводится лишь к воспроизводству социокультурных образцов. Постоянное ощущение себя в объективной реальности для личности возможно лишь при условии актуализации своих личных возможностей. В любом жизненном пространстве, в том числе и в пространстве этнокультуры, человек стремится удовлетворить свои потребности, определить свои смыслы, добиться согласованности и внешнего подтверждения своей реализации» [13, с. 231].

Творческая свобода субъекта не противостоит сохранению этнокультурной целостности, а дополняет и подпитывает её. И лишь творческое освоение этнокультурных норм может быть естественным, комфортным и гармоничным условием развития личности в культуре. Таким образом, актуализация традиционного декоративно-прикладного искусства является примером творческого освоения этнической культуры и свидетельствует о её развитии.

О традиционном прикладном искусстве тунгусо-маньчжуров и нивхов писало множество исследователей. Начиная с середины XIX в. учёные публиковали массивные труды, посвящённые культуре этих народов, и предпринимали первые попытки анализировать её. Среди таких учёных наиболее известны А.Ф. Миддендорф, Шренк Л.И., Шимкевич, Б. Лауфер, Л.Я. Штернберг, И.А. Лопатин.

В советский период начался процесс систематизации имеющихся знаний и их методического пополнения. В этот период среди учёных отметим Е.Р. Шнейдера, И.П. Лаврова, С.В. Иванова, С.В. Смоляк, К.П. Белобородову. Большой вклад в изучение искусства Приамурья со стороны археологии внёс академик А.П. Окладников.

В начале постсоветской эпохи выходили работы Н.В. Кочешкова, Л.С. Букатовой, Э.Н. Осокиной, П.Я. Гонтмахера, Л.П.Таврид, Г.Т. Титоревой.

Известнейшими современными авторами в области декоративно-прикладного искусства народов Юга Дальнего Востока являются Т.Ю. Сем, А.Б. Островский, Л.И. Миссонова.

Декоративно-прикладное искусство объединяет бытовую и духовную стороны традиционной этнической культуры. С одной стороны, оно выполняет утилитарную функцию (изготовление посуды, одежды, мебели и т.п.), с другой – эстетическую (украшает бытовые предметы), с третьей – отражает религиозные представления и мировоззренческие ценности в визуальных формах.

Искусство народов Амуро-Сахалинской ИКО, ввиду их тесного соседства, имеет больше схожих черт, чем различных. Для всех них характерно разделение искусства на мужское и женское. Мужчины занимались обработкой твёрдых материалов: кость, дерево, камень, металл. Женщины работали с мягкими материалами: ткань, кожа, мех, солома, береста. Практически всё в быту местных народов украшалось резьбой, росписью, аппликацией или вышивкой.

Традиционный костюм состоит из запашного халата с удлинённой левой полой. Покрой женского халата отличается от мужского длиной ниже колена и отсутствием боковых разрезов. На ногах носили короткие штаны и ноговицы. Обувь имела амурский и тунгусский покрой. Основными материалами для одежды служили рыбья кожа, ровдуга, китайская, японская и русская ткани. Общий для всех полов и возрастов головной убор – берестяная шляпа, украшенная аппликацией и росписью.

Орнаментом покрывались постройки, транспорт, домашняя утварь, инструменты, охотничьи принадлежности. Мужчины занимались изготовлением ритуальной

пластики, чаще всего из дерева. Фигуры разной величины использовали для коммуникации с духами-помощниками, а также для «заточения» в них духов-вредителей.

Ритуальные изделия для медвежьего праздника заслуживают отдельного внимания. Наибольшее развитие этот праздник получил среди нивхов, ульчей и негидальцев. Поэтому, в их искусстве мы наблюдаем большое количество искусно украшенных деревянных блюд, ложек и ковшей с объёмной пластикой.

Женщины при пошиве и декорировании одежды использовали большое количество различных декоративных швов. Кроме того, они применяли технику прорезного узора, аппликацию, роспись по коже, меховую мозаику. Обработка рыбьей кожи требовала большого количества усилий и знаний. На один халат в среднем уходило 30 рыбьих шкурок [7, с. 11]. При раскрое изделия необходимо было упорядочить шкурки так, чтобы они сочетались по цвету и направлению чешуи.

Орнамент народов амурского бассейна и Сахалина очень схож. Известный исследователь сибирского и дальневосточного искусства С.В. Иванов классифицировал его как амуро-сахалинский тип орнамента [2, с. 374]. Это крупный, строго симметричный криволинейно-геометрический орнамент. Мотивы состоят из спиралей, завитков, стилизованных зооморфных и фитоморфных изображений. Встречаются изображения китайского «инь-ян» и символа, напоминающего китайскую монету. Важным образом в орнаменте является дракон [2, с. 375].

Традиционное декоративно-прикладное искусство коренных народов изучаемой области тесно связано с природными ландшафтами. В нём отражается флора и фауна лесов, марей и рек. В резной пластике и разнообразных вышивках видно, как человек символизировал природные объекты, наделяя их легендарной историей, магическими свойствами; систематизировал мир, находя в нём место для себя и остальных его обитателей. Словом, даже традиционное искусство, несмотря на наличие определённых правил, оставляет индивиду возможность личного высказывания.

Во время экспедиций, мы подробно беседовали с мастерами об их ремесле. Вопросы задавались по теме профессионального становления мастера, применяемых им технико-технологических приёмах, колористических предпочтениях, об интерпретации орнаментальных сюжетов и магических свойствах изделий. Несмотря на значительное сходство, прикладному искусству каждой из этнических групп присущи свои особенности. Об этом говорится в различных научных трудах. Но и сегодня на данные особенности охотно и без труда укажет любой местный мастер. Эти различия проявляются в толщине линий, частоте употребления определённых мотивов, предпочтении клеймовидного расположения сюжетов или сплошной вязи, в колористике, в применении конкретных техник, в наличии дополнительных элементов костюма и т.п.

Горинские нанайцы (с. Кондон Солнечного района Хабаровского края, 2019 г.)

Село Кондон расположено на берегу р. Девятка (Хуин), впадающей в левый приток Амура – р. Горин. Бывшее стойбище, а ныне село Кондон, разделено на три района (бывших стойбищ, со временем объединённых в одно): собственно, Кондон, Ямихта и Сарголь. Прямо над Девяткой возвышается сопка, имеющая большое значение в культуре аборигенов. Нанайцы верят, эта сопка – спящий дракон Кайласу (Кайласон), охраняющий их село. У «дракона» выделяют части «тела». Сердце мива расположено напротив района Кондон, некогда бывшего главным стойбищем; ниже по течению – голова кондо; выше по течению, на изгибе реки (в районе Ямихта) расположен живот дракона; на следующем изгибе лежат хвост ургули и ноги чонги (в районе Сарголь). Таким образом, сопка-дракон объединяет все основные географические точки и исторические районы села [5, с. 111].

Мотив дракона часто используется в прикладном искусстве горинских нанайцев, являя собой символ села и оберег. Этот мотив стал своеобразной «визитной карточкой»

местной мастерицы Н.М. Дигор. Она имеет высшее художественное образование, является единственным мастером в селе, работающим с рыбьей кожей. Старинные образцы нанайского искусства являются для неё не шаблоном, а источником вдохновения [5, с. 113].

Н.М. Дигор создаёт изделия декоративно-прикладного искусства и станковые произведения. К первому относятся сумки, браслеты, пояса и т.п. Для их изготовления она использует собственноручно выделанную рыбью кожу, замшевый шнур, старинную металлическую фурнитуру. Такие изделия украшаются аппликациями из завитков и стилизованных крылатых драконов. Окрашенные в синий цвет аппликации, нанесённые на светлый фон рыбьих кож, перекликаются с синими узорами на традиционных свадебных халатах амири. Всё же, мастерица не стремится использовать лишь природные материалы и традиционные способы оформления. Данные изделия полностью функциональны и задуманы автором как аксессуары, вписывающиеся в тенденции современной моды [5, с. 113]: «Сумочки современные. Я хочу придумать так, чтобы это было интересно носить самому. Если я что-то делаю, я делаю как для себя, что я хотела бы и могла носить. И в то же время, чтобы это было с национальным колоритом»,– говорит Н. М. Дигор[11].

Традиционный компонент этих изделий связан с материалом (рыбья кожа) и сюжетом (Небесный Дракон Сеймур, элементы узоров). Актуализация обусловлена использованием современного дизайна с расчётом на широкого потребителя. Так же мастер отступает от традиционных способов размещения орнамента на аксессуарах, что значительно отдаляет образ вещей от традиционных аналогов [5, с. 114].

Через свое искусство Н. М. Дигор заявляет о себе как о представителе нанайского этноса, пробуждает интерес у публики к традиционной культуре её народа [5, с. 115]: «... хочу как-то заявлять о себе. Хочу, чтобы люди, которые приходят на мои выставки, смотрели на мои работы и заинтересовывались нашей культурой <...> Чтобы не говорили о нанайцах плохо»[12].

Процесс переосмысления и переработки традиционных форм и символов связан с их глубоким индивидуальным переживанием. Используя старинные образы, мастер отчасти наделяет их новым смыслом, но при этом не менее аутентичным для его культуры. В данном случае, Н.М. Дигор заявляет о себе как о нанайке, главным образом, через использование символа местности – дракона.

Бикинские удэгейцы
(с. Красный Яр Пожарского района Приморского края, 2020 г.)

Река Бикин берёт своё начало в сопках Сихоте-Алиня и впадает в р. Уссури. Село Красный Яр стоит на среднем течении Бикина с 1957 года. Оно образовано из нескольких окрестных стойбищ.

Сегодня Красный Яр развивается как крупный этнотуристический центр при национальном парке «Бикин». Основание парка в 2015 г. повлекло за собой множество изменений в инфраструктуре села, занятости населения, а также актуализировало вопрос о способах репрезентации удэгейской этнокультуры. В селе действуют два художественных центра. Один организован при соседско-территориальной общине «Тигр» («Этнокультурный центр»), другой – при национальном парке («Ремесленный дом»).

Основным способом культурного маркирования территории стали визуальные образы. Наиболее востребованный из них – тигр, что обусловлено большой ролью зверя в духовной и повседневной культуре удэгейцев. Люди в Уссурийской тайге бок обок

[11] ПМА-1 – Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019.
[12] ПМА-1 – Левченко А. В. Полевые материалы. Кондон, 2019.

обитают с тигром. Эти звери часто выходят к людям, их опасаются охотники, о них до сих пор слагают тэлуну[13]. Удэгейцы почитали тигра Куты Мафа как духа предка и царя зверей (Буи адзани). К нему обращались за помощью в охоте. Амулеты с изображением тигра помогали отгонять от себя злых духов [11, с. 294-295].

Личина тира уже давно использовалась местной соседско-территориальной общиной как собственная эмблема. Теперь тигр изображён и на новом детском саду, построенным национальным парком в центральной части села. Орнаментальные личины дополнены элементами разноцветных криволинейных узоров в амуро-сахалинском стиле. Декор подобного рода выполняет, наряду с художественной, функцию брендирования территории [6, с. 46].

Другой важный для тунгусо-маньчжуров и нивхов зверь – медведь, претерпел стилистические изменения в своей орнаментальной композиции. Специфика удэгейской орнаментики в том, что в ней используется большое количество тонких, замысловатых линий. Личины в подобном исполнении очень сложны. Человек, незнакомый с удэгейской культурой, далеко не сразу поймёт, кто «зашифрован» в изображении. Сегодня встречаются примеры и упрощённого, реалистичного, легко узнаваемого изображения медвежьей морды. Например, один из орнаментов в коллекции «Ремесленного дома» отличается простотой и «буквальностью» композиции, чем и полюбился многим мастерам даже за пределами Красного Яра [6, с. 43].

Одна из местных вышивальщиц О.Л. Полубаринова переосмыслила композицию родового древа, поместив в её центр личину изюбря. В тунгусо-маньчжурской мифологии в образе лося или оленя воплощается вселенная, где хребет животного «представляет мировую гору, а рога – мировое древо» [8, с. 63]. Но по свидетельствам самой мастерицы она не имела цели воспроизвести мифологический сюжет, а лишь работала по наитию[14]. Хорошо видно, как в данной работе отображены все основные элементы местного ландшафта: небо, тайга, река. Центральное положение занимает промысловое животное. Важнейший элемент ландшафта для местных удэгейцев — собственно р. Бикин. Она одушевлена и персонифицируется в узорах в виде волн и рыб. О.Л. Полубаринова опиралась на удэгейский орнаментальный стиль (тонкие линии, тамбурный шов, сочетание цветов), но изображение получилось современным за счёт упрощения личины изюбря и нестандартной композиции [6, с. 44-45].

Декоративно-прикладное искусство для бикинской группы удэгейцев является сегодня одним из главных этнодифференцирующих маркеров. Мастера широко используют природные материалы, среди которых много меха и звериной кожи, в тоже время, мало изделий из кожи рыб. Это указывает на принадлежность удэгейцев к миру тайги и преимущественно охотничьей стезе, в отличие от большинства других народов Амуро-Сахалинской ИКО. В сюжетах также преобладают изображения таёжных зверей (тигр, медведь, изюбрь). Именно эти изображения подверглись наибольшей трансформации в сторону осовременивания.

Ульчи (с. Булава, с. Богородское, с. Ухта Ульчского района Хабаровского края)

У ульчей до сих пор на высоком уровне существует как женское, так и мужское искусство. Женщины-мастерицы шьют традиционную одежду из рыбьей кожи, ровдуги и меха, сохраняя технологии ручной обработки материала. Помимо традиционных изделий, мастерицы шьют коллекции в современном стиле для различных фестивалей и этно-дефиле. Такие модели изготавливаются как из традиционных натуральных

[13] Тэлунгу (нан); тэлэнгэл (эвен); тэлуну (удэг); тэлуму, тэлуну (ороч); тэлун/улгу / улгуй (негид) – у тунгусо-маньчжуров этим термином обозначается группа повествовательных жанров, содержание которых признаётся достоверным. Сюда входят космогонические, родовые, промысловые и др. мифы; шаманские легенды; исторические и топонимические предания; охотничьи рассказы [14, с. 129].

[14] ПМА-2 – Левченко А.В. Полевые материалы. Красный Яр, 2020..

материалов, так и из современного текстиля.

Мужчины занимаются резьбой по дереву и кости. Для иллюстрации актуализации декоративно-прикладного искусства у ульчей мы остановимся на примере творчества известного ульчского мастера Ю.Н. Куйсали. Он руководит Булавинской школой искусств, является реконструктором сложной технологии гнутья дерева. Мастер вместе с учениками занимается изготовлением традиционной посуды, подставок кулуму в виде больших деревянных стаканов. Скульптура в виде игрушек или сэвэнов вырезается только в качестве управжения для оттачивания техники. Ю.Н. Куйсали придерживается крайне консервативных взглядов на этническое прикладное искусство и протится стилизации в нём.

Как ни странно, именно под началом Ю.Н. Куйсали у ульчей появилась новая традиция, при которой декоративно-прикладное искусство актуализируется на очень высоком уровне. Речь идёт про установка так называемых «тотемных столбов». Изначально, такой столб был изготовлен Ю.Н. Куйсали специально для Булавы и установлен на территории художественной школы. Но этот отдельный случай стал частью современной этнической культуры.

Ю.Н. Куйсали уточняет, что у ульчей тотемных столбов не было[15]. Но мастер приводит нарратив, настоящий тэлунгу, объясняющий как столбы появились. В нём присутствует сам Ю.Н. Куйсали, старики, маньчжурские тотемные столбы и вмешательство потусторонних сил[16]. Возможно, данный нарратив свидетельствует о попытке приобщиться к маньчжурской этнокультурной идентичности. С учётом того, что у многих ульчей в роду были маньчжуры, такое предположение мы считаем уместным.

По композиции ульчские «тотемные столбы» напоминает монгольскую коновязь. Столб делится на 3 части, символизирующие нижний, средний и верхний миры. Особенность состоит в наличие т.н. «тотема», который венчает столб. Навершие имеет зооморфную и/или антропоморфную форму. Такая скульптура не изображает мифологического первопредка и выбирается по иному принципу. Важно, чтобы она отражала специфику местной природы и/или занятия местного населения.

Так, например, в с. Ухта столб венчает изображение шамана на крылатом медведе. Шаман защищает деревню. А на медведе он, потому что в окрестностях деревни их очень много. Столб рядом со школой в Булаве венчает шаман верхом на гагаре, так как эта птица имеет священный статус в культуре народов Приамурья. Также, это водоплавающая птица, умеющая хорошо ловить рыбу – «прямо как ульчи»[17]. Практика отмечания территорий с помощью зооморфных образов согласуется с верованием в на эдэни – духов, хозяев «земли», определённой территории. Якобы, на каждой территории есть свой дух-хозяин, который покровительствует местным жителям [10, с. 124].

Всего известно о пяти столбах: в сёлах Булава (2), Ухта (1), Кальма (1), Калиновка (1). Навестив один из столбов, автор обнаружил следы, возможно, жертвоприношения: оставленную у основания столба икру. Рядом со столбом есть следы разведения огня. Вероятно, это свидетельствует о том, что хотя бы часть ульчей в магию «тотемных столбов» верит.

Новая традиция заставляет даже консервативного художника Ю.Н. Куйсали обращаться к приёмам стилизации. Автору статьи посчастливилось присутствовать при изготовлении столба для с. Калиновка. В районе этого села издавна водится много

---

[15] Всё же отметим, что у ульчских шаманов были собственные культовые столбы, которые устанавливались в их жилище, но не на главных общественных местах поселений. На таких столбах изображались сэвэны; столб являл солбюой «центр сбора сэвэнов-покровителей и сэвенов-исполнителей шамана». При необходимости шаман совершал камлания вокруг своего столба [3, с. 69].

[16] ПМА-3 – Левченко А.В. Полевые материалы. Богородское, Булава, Ухта, 2021.

[17] ПМА-3 – Левченко А.В. Полевые материалы. Богородское, Булава, Ухта, 2021.

осетровых, поэтому жители Калиновки захотели видеть «тотемом» калугу. Мастер тоже склонялся к этому варианту, но столкнулся с проблемой: как вписать скульптуру калуги в композицию? Традиционно, рыба в скульптуре изображается реалистично и не в изогнутом виде. Устанавливать деревянную рыбу поперёк столба было бы не надёжно и не эстетично. Тогда Ю.Н. Куйсали взял за основу узор рыбы, типичный для женского искусства, и придал ему черты калуги в виде удлинённого носа и спинного гребня. Рыба весьма удачно вписалась в композицию. Воплощение «женского» мотива в «мужской» технике обогатило ульчскую резьбу и, в тоже время, не вышло за рамки аутентичности. Данный пример отлично иллюстрирует трансформации этнического искусства ульчей в связи с появлением его новых функций.

Актуализация декоративно-прикладного искусства у ульчей связана с процессом маркирования территорий исторического проживания с помощью визуальных образов. Процесс создания «тотемного столба» сопряжён с осмыслением себя в контексте местной природы и культурной среды.

Наши полевые исследования показывают, что актуализация традиционного декоративно-прикладного искусства народов Амуро-Сахалинской ИКО происходит повсеместно, во всех его видах. Активнее всего актуализируются образы, связанные либо с конкретными топонимами, либо с целой территорией исторического проживания народа. Трансформация художественных форм может осуществляться как путём осовременивания образа, композиции, назначения изделия, так и путём новой комбинации старинных форм. При этом, современные изделия не теряют визуальной и смысловой связи с традиционными образцами из музеев и научной литературы.

В контексте художественного осмысления природного ландшафта, искусство играет важную роль в маркировании территорий, конструирования и поддержания этнокультурной идентичности коренных народов.

Благодарности

Автор выражает благодарность всем тем, без кого не состоялось бы экспедиций в различные районы Амуро-Сахалинской области, среди них научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института Истории, археологии и этнографии ДВО РАН А.П. Самар, руководитель музея при соседско-территориальной общине «Тигр» (с. Красный яр) Г.И. Суанка, руководитель Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Ульчского района Хабаровского края М.А. Одзял, директора Булавинской школы искусств Ю.Н. Куйсали.

Отдельную благодарность автор выражает ведущему научному сотруднику и заведующему лабораторией антропологии Северной Пасифики Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН за всестороннее содействие автору в постижении этнографической деятельности и написании научных работ.

Список литературы

[1] Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии /пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. Ред. С. Гавриленко. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. 336 с.

[2] Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 496 с.

[3] История и культура ульчей /под ред. Л.Я. Иващенко. СПб.: Наука, 1994. 177 с.

[4] Кочешков Н.В. Хозяйственно-культурные типы Северо-Восточной Азии // Россия и АТР. 2002. С. 50-55.

[5] Латушко Ю.В., Самар А.П., Белая Е.Г., Левченко А.В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. №4. С. 106-121.

[6] Латушко Ю.В., Свистов Н.Л., Левченко А.В. Этнодифференцирующие элементы современного культурного ландшафта р. Бикин // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. Т. 32. С. 33-49.

[7] Мельникова Т.В. Традиционная одежда ульчей (XIX – нач. XX вв.). Хабаровск, 2008. 108 с.

[8] Сем Т.Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX – XXвв. (Типология и семантика образов). Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей; Российский этнографический музей, 2013. 240 с.

[9] Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. 203 с.

[10] Смоляк А.В. Ульчи. М.: Наука, 1966. 292 с.

[11] Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.

[12] Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 542 с.

[13] Тучина О.Р. Самопонимание личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия... диссертация на соискание учёной степени доктора психологических наук: 19.00.01. Краснодар, 2015. 516 с.

[14] Фетисова Л.Е. Традиционный повествовательный фольклор тунгусо-маньчжуров // Россия и АТР. 2013. №3(81). С. 128-141.

[15] Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизны формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. №3-4. С. 158-181.

УДК 7.06

Традиции и новаторство в современном художественном процессе: актуализация смыслов

Москалюк Марина Валентиновна
Доктор искусствоведения, профессор, Сибирский федеральный университет, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, Красноярск, Россия.
mawam@rambler.ru

аннотация Переосмысление диалектичных сущностей «традиции и новаторства» актуализируется вызовами современной эпохи, возникновением новых художественных практик, необходимостью корректировок базовых понятий эстетики и теории искусства в контексте изменений мировоззренческих основ человеческого существования. В статье прослеживается, как от традиционного понимания данных категорий в постмодернистской эстетике складывается теория интертекстуальности, которая в настоящее время исчерпала свои позитивные смыслы. Констатируется, что в современном художественном процессе нарастают традиции неоконсерватизма, художники активно оперируют с различными традициями и с мировым художественным наследием человечества не на уровне цитатности, а в системе глубокого диалога и поиска ценностных смыслов.

ключевые слова традиции, новаторство, интертекстуальность, постмодернизм, глобализм, неоконсерватизм, диалог эпох.

Эпоха глобализма, переживаемая современным обществом, дает уникальные возможности новых коммуникаций и обогащения копилки человеческого опыта за счет разностороннего и глубокого познания мировой цивилизации. но одновременно несет целый ряд серьезнейших вызовов, один из которых - процессы унификации культуры и искусства. Очевидно, что в рамках глобализации происходит экспансия массовой культуры с достаточно активным процессом размывания национальной традиции, национальных и региональных культурных ценностей. В отдельных своих проявлениях этот процесс становится агрессивным, критично занижается высокий смысл общечеловеческих ценностей, а требования политкорректности и законодательной поддержки по отношению к деструктивным идеям и акциям, формулируемые американскими и западноевропейскими институциями, резко выходят за границы общепринятых норм.

Переосмысление диалектичных сущностей ключевых оппозиций мировой культуры, таких как "традиции и новаторство", "прогрессивное и регрессивное" актуализируется многими параметрами: обозначенными выше вызовами современной эпохи, возникновением новых художественных практик во всех сферах искусства, необходимостью корректировок базовых понятий эстетики и теории искусства в контексте изменений мировоззренческих основ человеческого существования. Используя междисциплинарные подходы современного гуманитарного знания, попытаемся выявить наиболее важные аспекты обозначенных выше дефиниций, что необходимо, на наш взгляд, не только для теоретического искусствознания, но и для развития современного художественного процесса в целом.

Прежде всего, подчеркнем антиномическую неразрывность понятий "традиции и новаторства". Как нельзя объяснить "день", не противопоставив его "ночи", так нельзя понять новаторства, не отрефлексировав понимание традиции. Очевидно также, что невозможно выявить становление той или иной традиции, не зафиксировав произошедшие изменения по сравнению с предыдущими периодами развития искусства.

Традиции и новаторство связаны гораздо теснее, чем принято понимать в повседневных художественных процессах. Рассматривая то или иное произведение

современной художественной культуры, мы определяем его либо как традиционное, либо как новаторское, подчеркивая его наиболее очевидные признаки по отношению к какому бы то ни было существующему и отрефлексированному художественной критикой явлению. Через несколько лет, десятилетий, столетий новаторское становится традиционным, а традиционное служит основой новаторства. Для методологии сравнительного анализа в искусствознании последовательное оперирование данными понятиями является основополагающим.

Обозначив антиномичность и сложную диалектичность взаимодействия выбранных для рассмотрения понятий, перейдем к некоторым конкретным примерам практики изобразительного искусства. Весь XX век (и особенно его начало) был ознаменован грандиозным сломом традиций. Сама идея слома художественных традиций разрабатывалась в разных формах от Малевича и Дюшана до Поллока и Уорхолла. Термины «авангард» и «модернизм» рождались из программного противостояния традиции и формирования новой эстетики и нового мироощущения. Необходимость начать историю "с нуля" для мастеров начала XX века диктовалась внутренними ощущениями переломности эпохи.

Самое интересное, что те же «сломщики традиций», авангардные художники, часто оперировали традициями первобытного искусства, архаики, античности. Отказываясь от традиций, они все равно тем или иным образом ее перерабатывали, что говорит о единстве культурной истории человечества. Но одновременно самые революционные стилистические "измы" модернизма и постмодернизма заложили основы того, что мы имеем в сегодняшнем художественном процессе первой трети XXI века, и понимаем как унаследованные традиции века XXго.

Прекрасный визуальный пример – увлечение африканским искусством в творчестве Пабло Пикассо, на чем было построено зарождение кубизма. Далее десятилетиями использование кубистических приемов в творчестве художников первой половины XX века воспринимается как новаторство, сегодня мы уже говорим о традициях кубизма в самых современных художественных направлениях.

Пабло Пикассо на странице журнала Architectural Record за 1910 год

Пабло Пикассо. Авиньонские девицы. 1907. Холст, масло

Роберт Фальк. Мулатка Амра. 1913.

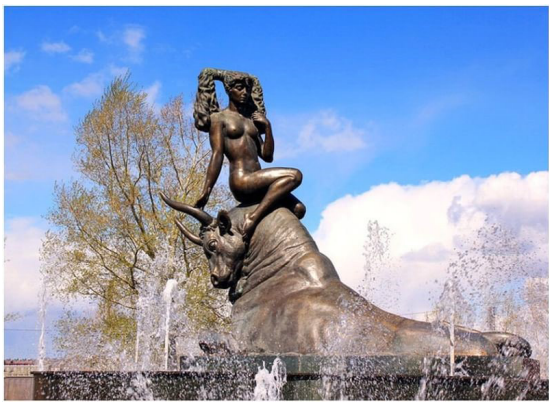
Еще более пролонгированный и системный пример – разнообразие переизданий и интерпретаций традиций греческой и римской античности на протяжении всей мировой истории искусства. Речь идет не только о влиянии образцов античности на формирование таких стилей как Ренессанс и классицизм. Но и о великом множестве

примеров, когда в зависимости от историко-культурных обстоятельств, в которых оказывались и оказываются сегодня архитекторы, живописцы и скульпторы, выстраиваются каждый раз новые индивидуальные взаимоотношения с античностью и рождаются новые и оригинальные произведения. Теоретики искусства, философы, культурологи посвящают проблематике античных влияний множество серьезных изысканий, достаточно назвать имена С.С. Аверинцева, М.М. Алленова. В.С. Турчина и многих других[1;2;6].

«Каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым. Обращение к старому, возрождение старого, сохранение его – это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории. Задержку в развитии создает не приверженность к истокам, а отказ двигаться вперед» [5, с. 346], – в словах Дмитрия Сергеевича Лихачева просто и мудро зафиксированы основополагающие аспекты темы традиции и новаторства. Тем не менее, в художественной практике и теории оппозиция рассматриваемой нами пары постоянно искусственно обостряется.

Фреска «Игра с быком».
Кносский дворец на Крите

Ткачук А.Е. Фонтан Похищение Европы.
2003. Красноярск.

В эпоху постмодернизма активно разрабатываемой идеей становится теория интертекстуальности, опирающаяся на положения о невозможности новаторства в современном обществе, где новое строится на многочисленных цитатах, отсылках к прошлому или интерпретациях уже пройденного. Мир понимается как текст, в котором «все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение отдельных элементов дает новые комбинации» [4, с. 103].

Один из интереснейших теоретиков постмодернизма, талантливый итальянский писатель Умберто Эко (1932-2016) снимал противоречия традиции и новаторства, рассматривая каждое новое произведение звеном в бесконечной цепи вариаций. Обращаясь к феномену интертекстуальности, Эко оперировал семиотическими понятиями, его привлекала проблема множественности интерпретаций произведений искусства (для Эко литературных текстов).

На первый взгляд, теория бесконечных повторений и обновлений, постмодернистский принцип замещения традиции понятием интертекстуальности выглядит весьма гармонично. Но в современной, до предела обострившейся ситуации идеологического противостояния, перерастающей в вооруженные конфликты, мы видим, насколько неприемлемым для сохранения основ человеческой цивилизации становится сопутствующее постмодернизму игровое отношение к базовой категории традиции, уравнивание низового и высокого, массового и элитарного в человеческой культуре.

Всё более яркое проявление тенденций неоконсерватизма в последние два-три десятилетия является, по сути, где-то интуитивной, а где-то вполне осознанной реакцией на многие негативные стороны современного художественного процесса. О тенденциях неоконсерватизма начали писать еще в самом начале XXI века. Один из ведущих критиков «Художественного журнала» (российское теоретическое издание, посвященное проблематике исключительно актуального искусства) Дмитрий Голынко-Вольфсон пишет: «Современное искусство, устав от постмодернистской карнавальности, ироничности и цитатности, (квази) интеллектуализма и превращения всего и вся в медиальное шоу, решило руководствоваться требованиями новой искренности и серьезности, возвратить эстетические критерии вкуса и устойчивые категории технического мастерства»[3]. Далее он пишет, что искусство перестает быть замкнутым на самом себе и все более активно обращается к эмоциональной вовлеченности зрителя, отсюда упадок интереса к таким направлениями как концептуализм (слишком рационален), поп-арт (нет никаких новых открытий), акционизм с неадекватными практиками.

Традиции – это способ передачи культурного наследия, в них заключена многовековая мудрость житейского опыта, особенностей народа, его духовного богатства. В то же время элемент новизны в творчестве необходим. Если один художник повторяет другого или оригинальные художественные приемы предыдущих эпох, это называется эпигонство, которое нельзя путать с эклектикой. На самом деле, эклектика - один из самых интереснейших периодов развития искусства, в том числе и русской архитектуры. Эклектика означает «умный выбор», то есть выбор особенностей, всего того, что можно трансформировать в современную эпоху. Эклектика в истории искусства - всегда небольшой переходный временной период отрабатывания нового стилевого языка. Настоящее творчество - всегда что-то новое, что нельзя повторить и бесполезно повторять другому художнику. Новаторство, нововведения для искусства жизненно необходимы. Каждое произведение обязательно является переосмыслением того, что было до него, вбиранием в себя предыдущего. С другой стороны, оно рождается сегодня и сейчас и не может не соответствовать современной ситуации.

Показателен в этом отношении проект Гриши Брускина «Коллекции археолога». 2015. Художник, как археолог, имеет внутри себя огромный пласт культуры, знания, архетипы, может быть, изучает специально, а может, никогда и не задумываясь об этом, он в этом живет.

Многими современными мастерами выстраиваются не интертекстуальные (простое цитирование и варьирование), а глубокие диалогические взаимоотношения с традициями мировой художественной культуры, и, что наиболее важно, в этих взаимоотношениях превалирует ценностный аспект. В региональном искусстве, как Енисейской Сибири, так и в более широких географических рамках активно заявило о себе направление археоарта во всех возможных его трансформациях. Обращение к самым глубинным слоям региональной культуры, к древним мифам и легендам, археологическим артефактам и интуитивно воскресающим в подсознании художника архетипам становится источником новаторства, неиссякаемым материалом сложнейших мировоззренческих, образных и пластических поисков.

Стремление обратиться к традиции носит все более универсальный характер. Не лишним будет здесь упомянуть имеющиеся, к сожалению, в современных художественных практиках абсолютно внешние, поверхностные имитации и стилизации под ту или иную традицию с целью повышения коммерческой привлекательности художественного продукта, направленного на определенный уровень потребителя. Сам факт, что в процессах коммерциализации более выгодными становятся имитация традиций, чем эпатаж или демонстративный «поиск нового», является косвенным подтверждением обозначенных выше тенденций неоконсерватизма.

В современном искусствознании рассуждения о «диалоге эпох» становятся определяющими во всех направлениях художественного творчества. Обращаясь к прошлому, художники ищут в нем духовную опору, обретают необходимый фундамент подлинной творческой свободы. В ситуации тотальной неопределенности, стремительности и разнонаправленности происходящих перемен именно искусство наиболее остро и кардинально отреагировало на формирование новой картины мира, на раздвижение границ привычной реальности (виртуальная реальность). Современное искусство, как традиционных направлений, так и различных актуальных форм, все решительнее отказывается от постмодернистских цитирований и игр с мировым художественным наследием, находится в состоянии глубокого диалога эпох, пытается в отмеченных выше тенденциях неоконсерватизма отрефлексировать и зафиксировать общечеловеческие ценности.

Тутуальская писаница, неолит, Сибирь

Ануфриев С.Е.
Маленькие воины. 1996

Рыбаков Н.И.
Кочевник. 2019

Ултургашев А.
Шаман. 2020

Список литературы

[1] Аверинцев С.С. Образ античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии / ред. С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1979. С. 5–40.

[2] Алленов М.М. Образы античности в русской живописи // Античность в европейской живописи XV – начала XX в. –М.: Советский художник, 1985. С. 24–32.

[3] Голынко-Вольфсон Д. Консерватизм и искусство эмоциональной вовлеченности. Художественный журнал. 2004. №54. http://old.guelman.ru/(дата обращения: 12.06.2022).

[4] Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.

[5] Лихачёв, Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л.: «Наука», 1985. 575 с.

[6] Турчин В.С. Образ двадцатого… В прошлом и настоящем. М.: Прогресс-Традиция, 2003: [Электронный ресурс]. URL: http://www.dali-genius.ru/library/obraz-dvatsatogo.html (дата обращения: 12.06.2022).

УДК 930.85

Памятник генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому в контексте проблемы коммеморации

Савелова Евгения Валерьевна
Доктор философских наук, кандидат культурологии,
профессор кафедры культурологии и музеологии, проректор по учебной,
научной и международной деятельности,
Хабаровский государственный институт культуры, г. Хабаровск, Россия.
savelova_ev@hgiik.ru, https://orcid.org/0000-0002-3913-8520

аннотация В статье рассматривается и анализируется такой феномен современного исторического сознания, как историческая память. Автор обращается к понятию «коммеморация», определяя ее как процесс упрочения внутренних связей между членами общества через разделяемое большинством отношение к общему прошлому. Основной целью статьи является определение сущности проблемы исторической памяти и особенностей ее репрезентации через визуальный образ, в частности, скульптурный памятник генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому. Подробно излагается биографическая информация о Н.Н. Муравьеве-Амурском и история создания памятника. Делается вывод о современном восприятии памятника жителями города Хабаровска.

ключевые слова историческая память, коммеморация, культурные смыслы, культурно-историческое наследие, скульптурный памятник

Историческая память представляет собой цементирующую основу любой нации. Как писал К. Юнг, «человек всегда носит с собою всю свою историю; в самой его структуре записана история человечества» [7, с. 199]. С одной стороны, она обеспечивает целостную связь между прошлым, настоящим и будущим. А с другой, дает ориентиры, примеры и образцы, которые во многом являются основой формирования системы ценностей.

Историческая память есть не что иное, как особым образом сфокусированное историческое сознание, и которая в латентном виде присутствует в структуре любой культуры. Элементами исторической памяти можно считать не только готовые установки и представления, но и символические, художественные, исторические образы, посредством которых транслируются и реализуются глубинные культурные смыслы.

В этом смысле, знаковые исторические персонажи, как ценностные образцы в пространстве общей культурной памяти, могут быть представлены как «конструируемый, контекстуальный феномен – «место памяти», значение которого выкристаллизовывается в процессе коммеморации. Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] служит выражением солидарности группы» [2].

Коммеморация возникает из потребности общества в чувстве сплоченности и единства, упрочении внутренних связей между его членами через разделяемое большинством отношение к общему прошлому.

В России процессы, направленные на поиск новых ценностных образцов и ориентиров, и способов, позволяющих эти образцы и ориентиры ввести в пространство культурной памяти, берут свое начало в XIX столетии. Одним из таких способов является создание скульптурных памятников выдающимся деятелям отечественной истории.

В Европе история скульптурных памятников берет свое начало в Античности. Затем, после тысячелетнего перерыва, эта традиция вновь возникает в Италии в эпоху Возрождения, и за последующие два столетия скульптурные памятники заполнили практически все пространство Европы, от Португалии до Польши.

Россия до XVIII столетия жила обособленно и ее контакты с западными странами были весьма ограничены. Поэтому для русской культуры скульптура «не была органическим способом выражения (традиции деревянной скульптуры маргинальны и локальны), что определяло, с одной стороны, невосприимчивость к символической стороне такого способа воплощения идеалов и идей, с другой, повышенную значимость самого факта существования скульптурных композиций, когда они появлялись в местном ландшафте» [3, с. 885].

Подобное положение вещей изменилось в царствование Петра I. Петр покончил с изоляцией Российского государства и начал активно его перестраивать по европейскому образцу: «Кроме прочих западных нововведений император хотел привнести в свое государство и памятники. Восславить в камне и бронзе Петр хотел прежде всего самого себя и свое царствование» [5, с. 8].

Однако пространство российских городов только в XIX веке оказалось готовым к восприятию скульптурных памятников: «Указ Екатерины «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» (1763) предусматривал обязательные площади в новой планировке старых городов, но разработанные генпланы для провинции были реализованы в основном (и то не полностью) только после Отечественной войны 1812 года» [3, с. 885-886].

В современном российском обществе, активно и систематически пересматривающем и перестраивающем ценностные системы, происходит постоянный поиск и отбор знаковых исторических фигур, которые способны выполнять функцию конструирования определенных ценностных ориентиров. Обретение ценности подобными фигурами происходит посредством исторической памяти: нация производит селекцию и фиксирует в коллективном сознании тех, кого она готова помнить. Для жителей Хабаровска такой фигурой, несомненно, является генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьёв-Амурский.

Николай Николаевич Муравьёв родился 23 августа 1809 года в Санкт-Петербурге, в старинной дворянской семье. Вместе со своим младшим братом Валерианом, Н.Н. Муравьев обучался в Санкт-Петербургском частном пансионе Годениуса. Затем, по распоряжению Александра I оба брата были зачислены в Пажеский корпус, который Н.Н. Муравьев окончил в 1827 году с золотой медалью. В этом же году он поступил на военную службу и был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. Вместе с полком принимал участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в подавлении польского восстания 1831 года. В 1841 году Н.Н. Муравьёв был произведен в генерал-майоры, однако из-за многочисленных ранений и обострившейся болезни, в 1844 году военную службу ему пришлось оставить.

В 38-летнем возрасте Н.Н. Муравьева назначают генерал-губернатором Восточной Сибири. Прибыв на место службы, он писал императору: «Я нашел здесь весь народ под влиянием и в руках богатых торговцев и всех правительственных чиновников» [1].

Сразу же после вступления в должность, Н.Н. Муравьёв принялся наводить порядок. Несмотря на непрекращающиеся жалобы со стороны местных купцов и чиновников, он непрестанно боролся с коррупцией, пока не искоренил ее полностью. В его приемной всегда было много крестьян и простого народа, которые приходили к нему с самыми разными просьбами. В тоже время, Николай Николаевич всячески поощрял развитие торговых отношений с Китаем: по его инициативе была создана Амурская компания для активизации торгового и промышленного развития края. Большое значение Н.Н. Муравьёв придавал развитию путей сообщения. Он задолго до строительства Транссибирской магистрали говорил о необходимости такого проекта. Однако главной заслугой и делом всей его жизни стало укрепление позиций России на Тихом океане и окончательное урегулирование российско-китайских отношений.

В середине XIX века на Дальнем Востоке между Россией и Китаем оставался ряд

неразграниченных территорий. Само собой разумеется, что ни Россия, ни Китай не были заинтересованы в проникновении на дальневосточные земли колониальных держав Западной Европы (Англии и Франции). Кроме того, в связи с обострением международной обстановки Николай I и его правительство были обеспокоены безопасностью российских границ на Дальнем Востоке. Н.Н. Муравьёв разработал собственный план укрепления позиций России в этом регионе. Получив одобрение, он начал активное исследование и освоение устья Амура, а в целях повышения обороноспособности морских границ России на Дальнем Востоке, в Петропавловск была переведена основная база русского флота на Тихом океане. По его инициативе было создано Забайкальское и Амурское казачье войско, построены пароход «Аргунь» и 76 грузовых баркасов. И наконец, 16 мая 1858 года между Россией и Китаем был подписан Айгунский договор.

Согласно этому договору, граница между Российской империей и Китаем отныне проходила по Амуру: левый берег (от реки Аргуни до устья Амура) отходил к России, а правый оставался за Китаем. Уссурийский край оставался в общем владении до установления точной границы. Плавание по рекам Амур, Сунгари и Уссури разрешалось только российским и китайским судам и запрещалось всем остальным. В 1860 году договор был подтвержден и существенно расширен (в пользу России отошел и Уссурийский край) Пекинским договором. Таким образам, благодаря усилиям Н.Н. Муравьёва и его приемников были пересмотрены невыгодные для России условия Нерчинского договора 1689 года, а наше государство прочно утвердилось на Дальнем Востоке и приобрело значительные территории [4]. За подписание Айгунского договора Н.Н. Муравьёв был возведен в графское достоинство с присоединением к фамилии названия «Амурский».

На торжествах по случаю подписания Айгунского договора Н.Н. Муравьёв-Амурский произнес следующие слова, обращенные к сибирякам и дальневосточникам: «Амур трудами вашими сделался достоянием России. Благодарю вас! Пожалованных мне государем-императором наград я удостоился вашими трудами. И название Амурского оставит в душе моей навсегда воспоминание о славном времени, которое я с вами прожил» [1].

За неутомимую энергию и недюжинный организаторский талант современники называли графа Н.Н. Муравьёва-Амурского «Петром Великим Восточной Сибири».

В 1861 году Николай Николаевич оставил должность генерал-губернатора Восточной Сибири и был назначен членом Государственного Совета. Скончался граф Н.Н. Муравьёв-Амурский 18 ноября 1881 года в Париже.

Уже через месяц после смерти графа Н.Н. Муравьёва-Амурского генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин подал прошение об установке памятника Муравьёву-Амурскому и получил согласие императора Александра III.В 1886 году было принято решение об установке памятника на вершине утеса над Амуром в Хабаровске (до 1893 года Хабаровка). В этом же году был объявлен конкурс и сбор денежных средств. В конкурсе участвовали такие известные скульпторы как А.М. Опекушин, М.О. Микешин, М.М. Антокольский. Победил проект А.М. Опекушина. По объявленной подписке за два года удалось собрать около 50 тысяч рублей [5, с. 348].

Созданием великолепной пятиметровой статуи графа Н.Н. Муравьёва-Амурского А.М. Опекушин занимался в своей петербургской мастерской, в которой несколькими годами ранее им был создан памятник А.С. Пушкину, установленный в 1880 году в Москве. В 1890 году на литейном заводе В.З. Гаврилова приступили к отливке частей скульптуры. После того, как статуя была отлита, ее оправили в Одессу, а из Одессы, на пароходе «Орел» во Владивосток.

К прибытию памятника в Хабаровке уже завершились работы по созданию постамента, начатые сразу после церемонии закладки памятника 27 октября 1888 года. Прибывшие на подводах скульптурные части были быстро собраны, и 30 мая 1891 года состоялось торжественное открытие памятника графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому,

на котором присутствовал цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, возвращавшийся из своего азиатского путешествия. «Муравьев-Амурский был изображен в генерал-адъютантской форме с эполетами и саблей на боку. Руки его были скрещены на груди, в правой граф держал подзорную трубу, в левой – свиток Айгунского договора. Взгляд Муравьева был устремлен к Амуру. Левая нога стояла на забитой в землю свае, символизирующей твердость русского обоснования в Приамурье. Вокруг сваи лежала якорная цепь. Статуя стояла на постаменте светло-серого сиенита. На его лицевой стороне помещалась надпись: «Графу Муравьеву-Амурскому, 1891». Постамент покоился на цоколе серого песчаника, с укрепленными на нем четырьмя бронзовыми досками. На них перечислялись лица, воинские части и суда, участвовавшие в Амурских экспедициях 1849-1855 годов. Памятник стоял на трехметровом насыпном кургане, который окружала цепь на вкопанных в землю пушках. Высота памятника составляла 13,5 метра, обошелся он в 51 280 рублей» [5, с. 348].

В 1925 году на основании «Декрета о памятниках Республики» от 12 апреля 1918 года Дальревком издал постановление о ликвидации памятника графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому как «не представляющий интереса ни с исторической, ни с художественной стороны» (протокол № 6 от 26 января 1925 года). На освободившееся на постаменте место была установлена скульптура В.И. Ленина, простоявшая до 1983 года.

В 1983 году, к 125-летней годовщине Хабаровска на капитально отремонтированный постамент была водружена стела «Ладья», посвященная русским землепроходцам и первооткрывателям Амура. К постаменту были прикреплены памятные доски со сценами освоения Дальнего Востока. Торжественное открытие стелы состоялось 28 мая 1983 года в присутствии руководителей края. Вместе со стелой были открыты памятная доска солдатам 13-го линейного батальона на новой набережной и кафе «Утес». Стела просуществовала ровно девять лет.

В конце 1980-х годов был объявлен сбор средств на восстановление исторического памятника графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому. Памятник предполагалось восстановить по сохранившейся в Русском музее модели памятника, выполненной А.М. Опекушиным. Памятник был воссоздан ленинградским скульптором Л.В. Аристовым и отлит на заводе «Монумент-скульптура». 30 мая 1992 года, ровно через 101 год со дня исторического открытия, восстановленный памятник графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому был открыт вновь. В настоящее время он является объектом культурного наследия народов Российской Федерации регионального значения (рег. № 271710791170005). Помимо самого монумента, был реконструирован и дом караула, охранявшего памятник, а также восстановлена первоначальная ограда из чугунных пушек XIX века, соединенных якорной цепью. Пушки, закопанные в землю, были обнаружены во время реставрационных работ.

Таким образом, монументы и скульптурные памятники, в которых отражены значимые события прошлого и образы великих исторических деятелей, играют важную роль в формировании культурно-исторического своеобразия коллективной памяти и паттернов ментальности ее носителей. Для индивидов, отождествляющих себя с определенной национальной общностью, подобные сооружения представляют собой такой пласт культурного пространства, в котором происходит формирование и закрепление культурных смыслов, складываются и концентрируются коллективные представления о прошлом. Весь объем смыслов, закрепленный в визуальном образе, становится доступным человеческому опыту непосредственно через восприятие этого образа.

Ж.Т. Тощенко подчеркивает и выделяет такое фундаментальное и ключевое свойство исторической памяти, как избирательность в актуализации событий прошлого: «... историческая память не только актуализирована, но и избирательна – она нередко делает

акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. <...> актуализация и избирательность в первую очередь связаны со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее» [6]. В процессе актуализации важнейших событий историческая память почти всегда персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени.

В настоящее время опросы хабаровчан показывают, что из всех памятников города с историей региона ассоциируется именно памятник Н.Н. Муравьёву-Амурскому. Ему уступает даже памятник Ерофею Хабарову, русскому землепроходцу, возглавившему экспедицию по освоению Приамурья, который стоит на Привокзальной площади с 1958 года. Памятник основателю военного поста Хабаровка и его первому управляющему Я.В. Дьяченко также называют очень редко. Причем такие ответы дают как молодые респонденты до 20 лет, так и люди от 45 лет и старше.

Полагаем, что важную роль играет место расположения памятника графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому – в исторической зоне города, где сосредоточено большое количество музеев и других памятников. Такое пространство само по себе способствует дополнительной концентрации сознании на культурно-исторических смыслах. Фактором дополнительной популяризации скульптурного образа графа Н.Н. Муравьёва-Амурского является и то обстоятельство, что в 2006 году Банк России начал выпуск денежной купюры номиналом 5000 рублей с изображением этого памятника.

Заключение

Историческая память представляет собой особую форму коллективного сознания, которая является основополагающим элементом в структуре любого общества. Она не только формирует отношение к прошлому, но и создает установки, нацеленные на будущее. Элементами исторической памяти выступают не только оформленные представления и готовые установки, но и различные образы, в частности, скульптурные, в которых репрезентируются различные глубинные культурные смыслы. Подобные образы представляют собой «весьма устойчивые характеристики образа жизни людей, которые во многом определяют их намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы общественных проблем» [6].

Для любого общества, таким образом, очень важно представлять, как именно функционирует механизм реализации исторической памяти, каким образом происходит непрерывный процесс передачи культурных смыслов, как из всего исторического опыта, представляющего собой огромное информационное пространство, постепенно отбираются и фиксируются конкретные значимые образы, прошедшие культурную селекцию и подтвердившие свою значимость со временем. В дальнейшем именно эти образы и связанные с ними представления формируют культурно-смысловой универсум и выступают носителями глубинных содержаний, отражающих полноту и масштаб исторического опыта.

Таким образом, через памятники выдающимся деятелям истории, которые являются частью культурно-исторического наследия страны, народа, человечества, происходит актуализация важного для общества историко-культурного и историко-социального опыта. Являясь формами коммеморации, скульптурные образы помогают реконструировать взаимодействие прошлого и настоящего, сохраняя, тем самым, коллективную память той или иной культурной традиции.

Список литературы

[1] Барсуков И. Граф Н.Н. М.-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. М.: Синодальная типография, 1891. 334 с.

[2] Данилова Н.Ю. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989) // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3 (40-41): [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/memorialnaya-versiya-afganskoj-vojny-1979-1989-gody.html (дата обращения: 19.06.2022).

[3] Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.

[4] Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Б.А. Адамова. М.: Политиздат, 1952. 464 с.

[5] Сокол К.Г. Монументы империи. М.: Грант, 2001. 458 с.

[6] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4.[Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM(дата обращения: 19.06.2022).

[7] Юнг К.Г. Психологические типы / Пер. с нем. С. Лорие / Под общ. ред. В. Зеленского. Минск: Попурри, 1998. 656 с.

УДК 7.06

Художественный образ во времени и пространстве

Солодейников Алексей Константинович
Научный сотрудник, Историко-культурный музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш», г. Уфа, Россия
solodey@mail.ru

АННОТАЦИЯ В наскальном искусстве Северной Евразии достаточно широко распространены некоторые «паневразийские» образы или сочетания образов, возникновение и распространение которых трудно объясняется конвергентностью. На примере распространения ассоциации образов лося, лодки и антропоморфа предлагается теоретическая междисциплинарная модель, в рамках которой можно поставить и обсудить некоторые принципиальные для изучения искусства вопросы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА наскальное искусство, образ, междисциплинарный подход.

На огромной площади таежной зоны наблюдается удивительное постоянство в запечатленных на скалах образах: от Амура и Байкала до Западной Фенноскандии известно значительное число памятников наскального искусства, на которых встречаются в разных ассоциациях изображения лосей, лодок и антропоморфных персонажей. Встречаются примеры поразительного сходства, как, например, между изображением «лыжника, держащего за хвост лося» на Втором Каменном острове на Ангаре [15, с. 182] и «лыжника» среди беломорских петроглифов [2, с. 145].

За последние десятилетия представителями различных научных дисциплин независимо друг от друга получены результаты исследований, которые свидетельствуют о вероятности существования единого культурного пространства на обозначенной территории в эпоху неолита. В похожем ключе высказывались еще А. П. Окладников и А. А. Формозов (например: [22, с. 131-133]), но эти идеи развития не получили. Возможно, сегодня, в том числе с помощью междисциплинарного подхода, мы можем сделать следующий шаг в этом направлении.

Образы лося (оленя), лодки и «рогатого антропоморфа» распространены по всей таежной зоне Северной Евразии, протянувшейся в широтном направлении и определенной климатическими и ландшафтными условиями. На севере этот пояс ограничен тундрой, на юге – лесостепью и степью. Природные условия в этой зоне определяют доминирующий тип хозяйствования: это «зона рискованного земледелия», где усилия по обработке земли не дают ожидаемый результат. Во всей этой зоне хорошо развита гидрография: хозяйственная жизнь и транспортные нужды древних людей в этой полосе определялись многочисленными водными системами. Освоение этой зоны человеком происходило в несколько этапов, неолитические культуры стали распространяться здесь по мере завершения последнего оледенения.

С точки зрения лингвистики, современные насельники этой обширной области, кроме индоевропейцев, говорят на языках, относящихся к двум разным языковым семьям: уральской и алтайской. Вопрос происхождения обеих языковых общностей является дискуссионным, также, как и проблема генетического родства этих семей. Место и время распада их обозначаются весьма гипотетически. Так, для уральской языковой общности регионом существования носителей реконструируемого прауральского традиционно называется Южный Урал и район Западной Сибири, примыкающий к Уралу. Однако, другая точка зрения, которая базируется на некотором сходстве между языками уральской и алтайской семей, предполагает миграцию носителей уральских языков из области Саян.

Стремительно развивающаяся в последние десятилетия популяционная генетика дает другие данные: эта наука и ее методы позволяют предположить миграцию финно-угорских народов из Северо-Восточного Китая (Манчжурии) (например: [9]).

Хорошие результаты дает сопоставление данных лингвистики и религиоведения, подтвержденное через 20 лет после исследования данными популяционной генетики [13; 14]. Распространение определенных мифологических воззрений, например, космогонического мифа о ныряющей птице, совпадает с ареалом расселения указанных языковых общностей и результатами генетических исследований.

Таким образом, мы имеем дело с одним географическим ареалом, характеризующимся преобладанием таежной зоны с широко развитой речной системой. Наиболее распространенными на этой территории являются языки уральской языковой семьи, для носителей которых характерным генетическим маркером является маркер 231 Y-хромосомной гаплогруппы N. И на всей этой территории, по данным религиоведения, существовали схожие мифологические системы, имеющие общие мотивы, не выводимые из контактов представителей этой общности с носителями других языковых семей и/или генетических последовательностей [14], и также, возможно, связанная с мифологическими представлениями изобразительная традиция, важными элементами в которой являются образы лося, лодки и антропоморфного персонажа.

У каждой из упомянутых научных дисциплин имеется свой методологический предел, и сопоставление результатов исследований упомянутых дисциплин становится своеобразной их верификацией, что отлично иллюстрируется указанными работами В.В. Напольских. Так, сейчас окончательно ясно, что однозначная идентификация этносов по языку является ошибочным представлением, что явствует из истории таких народов как, например, башкиры, среди которых доминируют носители гаплогруппы R1, R2 и N1c, но которые являются тюркоязычным народом. Схожий пример дает народ саха (якуты). Что, в конечном итоге, определяет этнос? Индустрия? Экономика? Язык? Религия? Набор генов? Можно ли говорить об изобразительном искусстве как о еще одном из этнических маркеров? В чем разница между «этническим» и «культурным»? Генезис иконографически стабильных комплексов, их влияние на искусство представителей других археологических культур и/или народов и изменение иконографии того или иного образа в тех или иных условиях изучены мало. Однако очевидно, что, так же, как и язык, только единый образ, использующийся в разных культурах, не может быть основанием для генетического сближения культур: образы Христа или Будды широко распространены по миру и используются в совершенно разных культурных и этнических средах.

Задачу этой статьи я вижу не в ответе на вопросы о появлении или сопоставлении ареалов распространения различных археологических культур, генетических субкладов, языков или определенной картины мира. В первую очередь интересна корреляция результатов исследований в означенных областях науки с данными, полученными в ходе изучения наскального искусства. Затем, интересна некая гипотетическая, или, может быть, лучше, виртуальная модель, позволяющая поставить ряд вопросов, которые позволяют сформулировать некоторые частные и общие проблемы, важные в рамках изучения искусства.

Например, по представлениям многих тунгусских народов обитаемая земля представляет собой горб лосихи, застрявшей в болоте [17, с. 72-76]. Выборка подобных представлений также в [6, с. 117]. С этой точки зрения очень заманчиво сопоставить эту мифологему и парциальность – одну из особенностей большого числа изображений безрогих лосей на Среднем Енисее.

Другой пример: попытки некоторых лингвистов объединить в одну языковую над-семью уральские (доминирующая гаплогруппа N), алтайские (доминириующие гаплогруппы C и N) и дравидийские (гаплогруппа L) языки дают повод для более серьезного сопоставления, например, образов окуневских хищников в Минусинской котловине и индуистского зверя Шарабха, что сегодня в науке выглядит таким же фантастическим построением, как сами эти хищники. Но, в статье Л. А. Соколовой [18]

приводятся свидетельства возможных контактов между представителями окуневской и хараппской культур, то есть, вероятно, что какие-то соответствия в художественных образах Северной и Южной Азии могут иметь неконвергентную природу.

Интересно характерное изменение стилистики изображений при смещении из таежной зоны к югу. Таких коридоров, по которым возможно перемещение водным путем на юг за границы таежной полосы (или в обратном направлении), в Северной Евразии, у нас два: Саяно-Алтай и Каспий. Для Саяно-Алтайского региона таким водным путем является Енисей, для Каспийского – Волго-Донская система. Любопытно региональное изменение стилистики схожих тематических мотивов при движении с севера на юг (или обратно), которое особенно ярко прослеживается в Южной Сибири. Представляется, что эти два коридора были зонами контактов насельников таежной зоны и народов, не совершивших миграций вслед за отступающим ледником.

Можно сформулировать ряд более общих вопросов, которые ставит предложенная модель. Как соотносятся изобразительные ряды и системы мифологических представлений? Или, точнее, можем ли мы сопоставлять данные этнографии и религиоведения с репертуаром памятников наскального искусства? В некоторых работах наскальные изображения прямо увязываются с определенными мифологическими персонажами [6; 11], но какова методологическая основа подобных сопоставлений?

Синкретичность древнего искусства кажется очевидной, хотя остаются нерешенными многие частные вопросы, с этим связанные, например, стадийность возникновения единого синкретичного образа [25]. Но и само понятие «единого синкретичного образа» требует определения и фактологического подкрепления. Вообще, большую проблему представляет собой неразработанная терминологическая база: например, несмотря на то, что спекуляций по поводу стилистики изобразительных рядов множество, в том числе и в этой статье, понятие стиля все же остается недостаточно определенным, несмотря на многочисленные попытки.

Можем ли мы выделить внестилистические и нетехнологические характеристики изобразительных репертуаров, за исключением констатации наличия единого образа? Эти характеристики могут касаться, например, типа ландшафта, в которых использовались те или иные образы, перекрывания одними изображениями других, соответствия и несоответствия археологическим материалам, реальным биологическим видам, и так далее.

Возможно, следует пересмотреть некоторые аспекты типологизации наскального искусства. Так, не все наскальные изображения, видимо, можно считать связанными с какими-либо «сакральными» представлениями и действиями. Некоторые скальные полотна и образы на них могут интерпретироваться как маркеры миграционных или торговых путей [4; 5; 7; 20]. Каковы критерии различия памятников одного и другого типов?

Чем обусловлен выбор места для нанесения наскальных изображений? Ясно, что для наскальных изображений должны быть скалы. По какому принципу и кем они отбирались? А там, где скал нет, но общественная потребность сохраняется — возможно ли замещение? Например, Хейси – священные рощи у финнов: насколько и по каким критериям можно сопоставлять памятники наскального искусства с культовыми местами в ином ландшафте? Могут ли, например, священные рощи финно-угров заполнять пространственную лакуну между районами, где есть выходы горных пород? Как решались задачи оформления сакрального пространства в отсутствии скал? А если не все памятники наскального искусства мы можем списать на «религиозность», например, если мы предполагаем, что наскальное искусство могло выполнять те или иным функции в аспекте маркирования ландшафта, то как тогда решалась эта задача там, где скалы отсутствуют?

Что может считаться более надежным критерием, свидетельствующим о

генетическом родстве или контактах между представителями разных культур: язык, мифологические представления или изобразительная традиция? Или какие их сочетания? Примеры башкирского и якутского народов свидетельствуют, что язык, являющийся одной из определяющих этнос характеристик, может быть гораздо моложе выделения этноса из некоего генетически определяемого «пра-субстрата». Как видно из примера распространения космогонического мифа о ныряющей птице и возможном «обновлении» его вследствие манихейского влияния, мифология также подвержена изменению вследствие межкультурных контактов. Распространение христианской мифологии по современному миру также говорит об определенной степени нестабильности религиозных представлений. Например, слияние образов Ильи-пророка и Перуна у славян, или синкретизм, характерный для вуду. Тем не менее, образ лося у народов, населяющих таежную и тундровую зону Северной Евразии, демонстрирует хорошую стабильность в достаточно широких географических и хронологических пределах, что едва ли можно объяснить лишь чертой, обусловленной промысловой картиной мира. Каковы должны быть условия, в которых иконографический образ может сохраняться при смене народа языка, места обитания, типа хозяйствования, и так далее? Один из возможных факторов — общее происхождение, как, например, сходство между фольклорными клише разных народов, имеющих общий генезис. Тогда условием сохранения образа, словесного или изобразительного, должна быть «формульность», как это определил Я.А. Шер [25]. Что такое эта «формульность»? Как она соотносится с ритуалом? Существует ли она вне ритуала и «сакрального пространства»?

Или, может быть, правильнее поставить вопрос так: как может сохраняться (или изменяться) иконографический образ при смене экономических паттернов, языка, территории проживания, или при использовании одной художественной традиции разными этносами? Только ли «огнем и мечом», или есть другие механизмы изменчивости или поддержания стабильности картины мира? Существуют ли «естественные», не насильственные пути транскультурной передачи или утраты образа? Возможна ли вообще такая передача, и какие общие черты должны обнаруживаться в культуре народов, чтобы такая передача состоялась? Можно ли говорить о «диалектах» иконографических традиций, имея в виду их общее происхождение из одного источника и изменение в силу тех или иных локальных условий? Что такое вообще «иконографическая традиция»? Описывается ли она только постоянством образов, или технологические аспекты также играют важную роль в ее сохранении?

Что является фактором и критерием стабильности образа в широких географических и хронологических пределах? Достаточно ли списать стабильность образа на конвергентность или какие-то другие идеи, отрицающие генетическое родство носителей данной традиции? Может ли быть устойчивое бытование образа в определенных ассоциациях маркером генетического родства? Отдельный персонаж (женщина, конь, лось) может возникать независимо в разных культурах, поскольку является отражением реалий. Сложнее дело обстоит с тем, что Я.А. Шер называет «семантическими блоками» [24], или «мотивами» [25], состоящих из отдельных «семантических инвариантов», например, «женщина с младенцем на руках», или «женщина – бык». Так же дело обстоит с парой «лодка – лось». Объяснить конвергентностью еще более сложные ассоциации, например, лодка – лось – рогатый антропоморф, будет, видимо, еще сложнее.

Что такое вообще «стабильность образа»? Как изменяется иконографический образ при географическом и хронологическом смещении? Как отражается смена экономического паттерна на изменении образа? Где находится точка возникновения и где точка изменения образа? Казалось бы, образы лося и лодки, распространенные по всей Северной Евразии, позволяют приблизиться к решению этих проблем. Однако, множество нерешенных вопросов затрудняют понимание подобных процессов. Во-первых, необходимо определиться с источником распространения данной системы

образов. Можем ли мы, исходя только из изучения следов художественной деятельности, предположить, из каких регионов пришла та или иная иконографическая традиция? Такие попытки предпринимались неоднократно, но для дописьменной истории они, как правило, носят гипотетический характер. Можем ли мы локализовать временно-пространственные точки дискретизации, когда лось уже не тот, что был раньше? Вероятно, более глубокий междисциплинарный подход может дать ответы на эти вопросы.

Менялось ли представление о мифологических персонажах, связанных с этими образами, и, если менялось, то как? Несмотря на то, что объяснения автохтонным развитием тех или иных сюжетов выглядят чаще всего бездоказательными и поэтому неубедительными [1], все-таки пока рано списывать со счета возможность конвергентного развития репертуаров различных памятников. Так, изображения китовых в корейском Бангуде и на Белом море стилистически, тематически и технически очень близки, если не идентичны, по крайней мере, если судить о них по опубликованным прорисовкам. Но такие изображения встречаются только в этих двух приморских локациях, и неизвестны, кажется, нигде между ними. Здесь мы имеем дело с явной зависимостью изобразительного ряда от локальных особенностей, в частности, от морской фауны, и морского промысла. Здесь мы имеем дело с той самой конвергентностью? Если Бангуде и Залавруга – конвергентные явления, то чем тогда объясняется столь поразительное сходство в манере их изображения? Это еще один серьезный вопрос, касающийся изобразительных методов и художественных приемов [19]. Очевидно, что представители совершенно различных и не связанных друг с другом культур изображали животное часто, если не всегда, в наиболее характерном для него виде, касается это мамонта, рыбы или лося. Или, все-таки, мы должны держать в голове возможность существования неких «школ изобразительного искусства», распространенных на огромных территориях в доиндустриальную эпоху? Так, карельские изображения медведей стилистически очень сильно отличаются от енисейских, но эта разница та же, что между изображениями лосей или оленей в этих регионах, она может быть обусловлена общим изменением иконографии животных, связанной, в частности, с развивающимся антропоцентризмом. Каково должно быть расстояние между памятниками, чтобы мы признали их генетически связанными или конвергентными? Обычно в качестве ответа на этот вопрос подразумевается не расстояние, но включенность (или не-включенность) в ареал распространения той или иной археологической культуры или их общностей. Но что может являться критерием конвергентности или генетической общности разных памятников наскального искусства? Достаточно близкие по расстоянию и времени памятники Онежского озера и Белого моря имеют серьезные различия в репертуаре, и можно ли говорить в этом случае о разных диалектах единой культурной традиции, обусловленных локальными географическими и экономическими различиями? Или мы должны рассматривать возможность разной этнической принадлежности мастеров Залавруги и Бесова Носа? И, напротив, некоторыми авторами предлагаются вполне серьезные предположения о генетической связи между корейскими петроглифами и искусством окуневской культуры в Хакасии [12]. Если такие связи действительно были возможны, так же как связи окуневцев и Хараппы, то и единое культурное пространство таежной зоны уже не выглядит таким фантастическим построением.

В рамках подобной теоретической модели мы получаем возможность верифицировать датировки изобразительной деятельности, в некоторых регионах и при некоторых условиях. Если мы, в стиле «широкого мазка», располагаем, например, осиповцев с одной стороны и Танум бронзового века с другой, то определенные археологические культуры, территориально и хронологически (а также в экономическом и индустриальном аспектах) расположенные между ними, должны образовать некую шкалу, которая должна коррелировать с хронологией предполагаемых генетическими

исследованиями миграций и распространением соответствующих языков. То же самое может быть значимо не только для археологических культур, но и для «иконографических диалектов».

Как соотносятся изобразительные традиции, генетические маркеры, археологические культуры и мифологические системы? Если бы мы начинали исследование с другой стороны, с единства иконографического образа, например, опять же, с распространения образа Христа, то мы вынуждены были бы признать одной культурой все пространство от Японии до Мексики, хотя и с определенной степенью «диалектной» дивергенции. В определенном аспекте в этом, конечно, есть смысл, исследование, организованное по такой логике, имело бы весьма ограниченную ценность. Одной иконографии для таких построений недостаточно, так же как данных только лингвистики или археологии.

Один из этапов развития искусства связан с возникновением нарративности: появление в наскальном искусстве «сцен», рассказывающих о тех или иных событиях, является характерной чертой относительно позднего этапа развития наскального искусства, в разных регионах от мезолита до железного века. Для Северной Евразии можно проследить развитие «глагольных» (нарративных) конструкций от «номинативных» изображений древнейших пластов Байкальского региона и Минусинской котловины до беломорской Залавруги. Может ли это быть дополнительным датирующим фактором? Тогда объяснялось бы отсутствие «сцен погони» на памятниках, подобных Крутая II в Притомье [11]. Также представляется, что количественная доминанта при движении с востока на запад смещается от преобладания зооморфных мотивов к доминированию антропоморфных. Прослеживается также иное соотношение геометрических мотивов с анималистическими на разных стадиях развития искусства. С чем связаны такие изменения? Какие изменения в обществе, в его хозяйственном укладе и социальных взаимоотношениях могут маркировать подобные изменения в художественном творчестве?

Можно ли экстраполировать данные, полученные из изучения наскального искусства на историю других искусств, и наоборот? Уместны ли построения, основанные на аналогиях распространения образа, например, Христа с бытованием образа, скажем, лося? Каковы могут быть здесь методологические основы и что является верификацией результатов при таком подходе?

Насколько обязательна корреляция образов наскального искусства с образами мобильного искусства? Пример тагарской и карасукской культур говорит, что, вроде бы, совершенно необязательна. Разные «искусства» могут относится к разным сферам человеческой деятельности, связанной с профессиональной, гендерной, или какой-то другой специализацией. Однако, торевтика Приобья [21], как будто бы не только восполняет отсутствие наскального искусства в данном регионе, но и дает материал для истории образа и смены картины мира. А как могут быть связаны смена образов лося и медведя в приобской торевтике и перекрывания изображений лосей медведями на Шалаболино? Это тоже конвергентность?

Говоря об изменчивости образов, возможно ли проследить их слияние? Я имею в виду, например, присутствие в Фенноскандии многочисленных изображений лодок с лосиными головами. Можно ли в этом случае говорить о том, что два иконографических образа, лося и лодки, слились в один на западной оконечности континента? Тогда следовало бы предполагать сходство в мифологических представлениях, связанных как с лосями, так и с лодками, и в восточном ареале распространения этих образов. То есть, как лось, так и лодка должны были бы относиться к одному или схожим семантическим полям во всем ареале распространения образа, и, исходя из трактовки изображений лодок как «лодок в страну предков», эта семантика должна была бы иметь отношение к представлениям о мире мертвых (или, наоборот, о «солнечной

ладье» и «небесном олене»). A. Lahelma предлагает рассматривать изображения лодок и лосей как семантически связанные с шаманскими путешествиями вообще [26]. Тогда изображение лося на скальных полотнах переходит из категории «животные» в категорию «транспорт», и семантика изображений всех транспортных средств тогда тоже несколько модифицируется. Или же феномены слияния образов обусловлены определенной сменой картины мира, например, вследствие стороннего влияния на традицию? Или, присутствие лодок с лосиными головами на Енисее, хоть и в небольшом количестве, свидетельствует о параллельном существовании различных мифологем во всем ареале?

С другой стороны, нужно быть осторожным при трактовке образа того же лося как некоей константы. Так, я полагаю, нужно различать образы лося с рогами и лося без рогов. Например, лось с рогами может соответствовать мифологическим представлениям круга «небесный олень», а изображение лосихи (без рогов) может коррелировать с представлением об обитаемой земле, как о застрявшей в болоте лосихе. Это не более, чем фантазии: портит эту картину, например, наличие в Минусинской котловине парциальных изображений лосей без рогов, но с серьгами, которые являются гендерным признаком. Кроме того, насколько можно быть уверенным, что постоянство иконографического представления, например, лодки определенного типа, на столь огромной территории отражает схожие представления об устройстве мира? Один ли и тот же лось изображен в Шалаболино и в Астувансальми? Про Христа мы можем быть уверены, что в Москве и Рио-де Жанейро мы имеем дело с одним образом. С лосями такой уверенности нет.

Внутри контемпоральных и регионально близких групп памятников зачастую наблюдается значительное различие в репертуарах. Эта разница может быть обусловлена бытованием в одном регионе племен, испытавших какое-то внешнее влияние, или избежавших его. Такова, возможно, разница между онежскими и беломорскими памятниками. Но разница в иконографии на соседних памятниках может быть связана с другими факторами, например, с передачей традиции по гендерным каналам, или особенностями экономики. Кроме того, эта разница может быть обусловлена разной функциональной нагрузкой конкретных ландшафтов. Интересно в этом контексте рассмотрение разных хронологических пластов внутри одного памятника (например: [8]).

Возвращаясь к изображениям китообразных в Корее и на Белом море, и держа в голове модель, в соответствии с которой создатели этих изображений могут быть генетически связаны, следует ответить на еще один вопрос: может ли изобразительная традиция существовать в латентной фазе, и проявляться только при попадании в сходные географические и экономические условия? То есть, грубо говоря, возможно ли такое, что китообразных рисовали в Корее, потом «забыли» на какой-то, очевидно, внушительный период времени, а затем, встретившись с ними снова на Белом море, стали рисовать опять в той же стилистике? Или здесь мы имеем дело с новым и независимым от корейского возникновением образа? А практика охоты на китовых со всеми технологическими деталями тоже возникла независимо в столь удаленных точках? То есть, гипотетическое генетическое и культурное родство мастеров Бангуде и Залавруги не снимает ряда вопросов, которые легче «решить» с помощью конвергентности.

Лодки бывают разные: «енисейского» типа, в Фенноскандии в том числе, и «варяжского». Говорит ли это о присутствии хронологически различных слоев в наскальном искусстве, например, Фенноскандии? Или это разные сюжеты: например, «лодки в страну мертвых» с одной стороны, и промысловые или военные лодки — с другой? Или одно другого не исключает: схожие сюжеты, с некоторыми характерными особенностями изображались в разное время и несли разную семантическую нагрузку? Но, так же и на Енисее стилистическая вариабельность изображения лосей гораздо выше, чем на Западе. Получается интересная симметрия: на одной стороне ареала

нам известны стилистически (и тематически) разные изображения животных одного вида, на другом краю – такие же разные транспортные средства одного типа. Может ли это быть отражением разных стадий развития человека и общества? Чем обусловлено снижение и повышение значимости образов в рамках одной картины мира?

И так далее. Видимо, основной вопрос, вытекающий из всех этих фантазий, следующий: можно ли представить развитие искусства как развитие образа и на основе такого подхода делать какие-либо выводы о развитии человека и общества? Может ли быть наскальное (или другое) искусство маркером развития общества? Каковы глубинные механизмы такой обусловленности? Другими словами, насколько справедливо построение корреляций между определенными иконографическими особенностями и социально-экономическими характеристиками общества, меняющегося во времени и пространстве? И, наконец, что является константой при изменении художественного образа во времени и пространстве?

Ответы на все эти вопросы и вообще сколь-нибудь значимое исследование по этой теме едва ли было возможно несколько десятков лет назад, не только по причине бурного развития, например, популяционной генетики. Сама идея «бытования образа» получает все более широкое распространение и начинают оформляться некоторые специфические подходы в этом направлении (например: [10]). За последние десятилетия издано серьезное количество материала по наскальному искусству Северной Евразии. В последние десять лет происходит масштабное редокументирование многих значимых памятников наскального искусства, разрабатываются новые подходы и оформляются отвечающие современным требованиям стандарты фиксации изображений, что позволяет проводить гораздо более тщательный анализ изображений на любом уровне интерпретации. Благодаря количеству и качеству доступных для камеральной обработки материалов появляется новая возможность использования статистического анализа. То есть сегодня изучение наскального искусства располагает гораздо более широкими возможностями для анализа и сравнения достаточно большого корпуса данных, что позволяет на новых методологических основаниях и с привлечением данных других гуманитарных дисциплин вернуться к обсуждению предположений, высказанных «китами» нашей науки более полувека назад.

Список литературы

[1] Бутьян В.А. Антропоморфные изображения в грибовидных головных уборах Северной, Средней и Центральной Азии // АЮС, 2003. С. 56–58.

[2] Доманский Я., Столяр А. По бесовым следам. Л., 1962. 246 с.

[3] Дэвлет М.А., Чжан Со Хо. Изображения лыжников в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // АЮС, 2003. С. 59–63.

[4] Килуновская М.Е. Быки Кара-Булуна // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 159–163.

[5] Килуновская М. Е. Быки Саамчыыра // Тропою тысячелетий. Кемерово, 2008. С. 124–131.

[6] Ковтун И. В. Лосиха и лодка // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. С. 113–120.

[7] Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа– маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. С. 59–64.

[8] Лобанова Н.В. Онежские петроглифы: к вопросу об эволюции изобразительной традиции // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. Памяти Е.Г. Дэвлет. М.; Кемерово, 2019. С. 197–210.

[9] Манко Дж. Как заселялась Европа. От первых людей до викингов. М.: Издательский дом ЯСК,2019. 442 с.

[10] Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Сост. Н.Н. Мазур. М.: Новое издательство, 2018. 544 с.

[11] Михайлов Ю.И. Лодки из страны предков // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. С. 120–124.

[12] Миягашев Д.А. Аналогии окуневского искусства в петроглифах Кореи // Вестник Бурятского государственного университета, 2010/8. С. 221–224.

[13] Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии “Народы СССР”. Выпуск 5. Народы уральской языковой семьи. Москва, 1991. 190 с.

[14] Напольских В.В. Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...». М., 2011. С. 215-272.

[15] Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.-Л., 1966. 322 с.

[16] Савинов Д. Г. На пути раскрытия содержания памятников наскального искусства // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии, Кемерово, 2021. С. 238–248.

[17] Сем, Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. 640 с.

[18] Соколова Л.А. Окунево и Хараппа — свидетельства контакта // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 87–95.

[19] Солодейников А.К. Игры восприятия и игры с восприятием: современное и «допотопное» искусство // UniversumHumanitarim, 2020, №1, С. 30–68.

[20] Солодейников А.К. О географии и культурно обусловленной дистрибуции памятников наскального искусства «Древнейшего изобразительного пласта» Минусинской котловины // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии. Кемерово, 2021. С. 271–277.

[21] Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Изображения лосей и медведей в торевтике Приобья // АЮС, 2003. С. 114–117.

[22] Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. 254 с.

[23] Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. М.: «Наука», 1987. 108 с.

[24] Шер Я.А. Петролифы Средней и Центральной Азии. М.: «Наука», 1980.

[25] Шер Я.А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Тропою тысячелетий. Кемерово, 2008. С. 28–34.

[26] Lahelma A. The boat as a symbol in Finnish rock art // Мирнаскальногоискусства. М., 2005. С. 359-362.

УДК 314.04

Украинские национально-культурные общества в Приангарье в 1991–2021 гг

Урожаева Татьяна Петровна
Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
лаборатория исторической и политической демографии,
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.
olgoy@ya.ru

аннотация Несмотря на то, что украинцы остаются третьим по численности народом Приангарья, их число постепенно и повсеместно сокращается. На это повлияло множество причин: и распад Союза, и экономический кризис, и ассимиляция. Однако украинцы стали важной составляющей культурной жизни Приангарья. Деятельность различных этнических организаций помогает их членам не забывать свои корни, чтить память и знать историю. В данном процессе большую роль играет инициатива членов коллектива и позиция руководства. Развитие различных объединений украинцев на территории Приангарья проходило не одинаково. И нынешний этап выживания некоммерческих объединений также весьма сложен (из-за общего кризиса, отсутствия поддержки властей, позиции руководства и проч.).

ключевые слова национально-культурные общества, регион Приангарья, диаспора, национально-культурная автономия.

Исторически так сложилось, что Приангарье – регион многонациональный. Тут совместно живут представители самых разных этносов: русские, буряты, белорусы, немцы, татары. Органично в эту среду вписались и украинцы. На протяжении уже четырёх с половиной столетий они совместно с другими народами осваивают этот край. Но очень мало кто знает, по каким именно причинам украинцы начали сюда переселяться, как это происходило, что способствовало, и как сегодня живут украинцы в Иркутской области.

К концу 1980-х гг. украинцы Приангарья стали ощущать потребность в общении на родном языке. Они стали собираться семьями, компаниями, готовить национальные блюда, петь знакомые с детства песни. Однако ощущение оторванности от Родины усилилось с распадом СССР. В этот период по России прокатилась волна национально-культурного возрождения, это было отмечено объединением граждан по национальному признаку. Не стали исключением и украинцы г. Иркутска.

Первый шаг по организации украинского общества в г. Иркутске был сделан работником Музыкального театра Н.Н. Сребняком. Он собрал многих людей, желающих сохранить свою культуру, знать и изучать свои корни в неформальный клуб. Первым серьезным мероприятием стали «Дни славянской письменности» в 1991 г. На выставку были привезены книги из Украины на национальном языке.

В 1992 г. был зарегистрирован иркутский национальный центр украинцев «Клэкит». Основными целями Центра стало сохранение и развитие национального языка, украинской культуры и традиций, содействие укреплению и развитию межнациональных отношений.

Создание такой организации на территории Иркутской области привело к установлению многочисленных контактов, как с исторической Родиной, так и с украинскими диаспорами мира. Его члены участвовали во всемирных национальных съездах и конкурсах, посвященных как украинской культуре, так и межкультурному взаимодействию. В результате обмена опытом, организационных контактов, совместных проектов с украинцами из других городов и стран возникли идеи создания украинского ансамбля и украинской школы.

Культурный центр «Клэкит» долгое время располагался в стенах библиотеки №13 г. Иркутска. Члены Центра тесно взаимодействовали с работниками библиотеки: помогали

друг другу в проведении праздников, участвовали в городских мероприятиях и пр. Город Киев подарил Украинскому центру книги, из которых была сформирована первая библиотека украинской литературы, оформлялись выставки народно-прикладного творчества. Культурный центр долгое время располагался в стенах библиотеки. Члены центра тесно сотрудничали с работниками библиотеки, вели летопись, организовывали общие мероприятия.

Создание такой организации на территории Иркутской области привело к установлению многочисленных контактов, как с исторической Родиной, так и с украинскими диаспорами мира. Ее члены участвовали во всемирных национальных съездах и конкурсах, посвященных как украинской культуре, так и межкультурному взаимодействию. В результате обмена опытом, организационных контактов, общих проектов с украинцами из других городов и государств возникли идеи создания украинского ансамбля и украинской школы.

За первые десять лет у центра сформировалась полноценная библиотека. Постоянно действующая выставка «Голос України» знакомил с новинками книг и периодики, которые посылались из Киева, Днепропетровска, Мелитополя, Сум, Львова и других городов.

С 1995 г. при центре действовал хор «Славяне», исполняющий песни на украинском и русском языках. Руководителем хора стал С.С. Ильяшенко. В 1996 г. после отъезда Н.Н. Сребняка на Украину (позднее он был рукоположен архиереем Сумским и Ахтырским Украинской Православной Церкви Киевского патриархата) председателем Центра стал Н.Р. Сильвестров, главный дирижер Музыкального театра им. Н.М. Загурского. В 1997 г. были проведены Дни украинской культуры в Иркутской области. Деятельность центра в эти годы имела большое влияние на культурную жизнь региона.

В 1999 г. на финансирование областной программы «Национальная политика» из областной казны было выделено 457 тыс. руб. Административный комитет одобрил смету расходов по этой программе, согласно которой финансировалось проведение национальных культурных праздников – традиционные Шевченковские дни украинцев, а также организационные мероприятия – участие во II конгрессе украинцев России [6, с. 2].

В 2000 г. Центр «Клэкит» был переименован в «Днипро», его главой был избран Г.А. Шаховцов, работник областной администрации. В 2001 г. после его скоропостижной кончины председателем стал Е.К. Васильев, заместителем – М.И. Коник.

В апреле 2001 г. по приглашению общества «Днипро» и областной администрации в Приангарье впервые прибыла на гастроли труппа в составе 51 чел. национального балета Украины под руководством народного артиста Украины В. Писарева. Зрителей ждали встречи с прекрасными спектаклями – шедеврами мирового искусства «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Дон Кихот». Солистами были народные артисты Украины И. Дорофеева и В. Писарев, лауреаты международных конкурсов Ю. Полгородник, Я. Соленко, М. Вальчик, Е. Лагунов. Главный балетмейстер – заслуженная артистка Украины Е. Хасанова. Гастроли украинцев прошли в г. Иркутске (музыкальный театр), Ангарске (ДК «Современник»), Усолье-Сибирском (ДК «Химик») [12, с. 3].

В июне 2001 г. в иркутском парке им. Парижской коммуны прошел Пятый ежегодный фестиваль «Дружбы народов», приуроченный к празднованию Дня независимости России. В нем приняли участие различные национальные культурные центры, общества гг. Иркутска и Ангарска. Представители 14 национальностей, одетые в народные костюмы, танцевали и пели на родном языке.

В ходе начала была открыта аллея Дружбы народов – подарок администрации областного центра к празднику. После того, как красная ленточка была разрезана, участники начали знакомить всех пришедших с народным творчеством своей родины. Тут же недалеко в прохладной тени были накрыты столы, не похожие один на другой

– проходила своеобразная выставка национальной кухни. Национальный центр украинцев «Днипро» традиционно представил вареники, горилку и, конечно, сало.

Как рассказали представители различных землячеств, они каждый год приходили на фестиваль, чтобы и себя показать, и на других посмотреть. Подобные мероприятия – стали прекрасной возможностью вспомнить национальные обычаи и традиции народа, к которому принадлежишь [11, с. 3].

Большинство встреч, национальных праздников для взрослых и детей также проходило в стенах библиотеки № 13 г. Иркутска, где был оформлен яркий, с национальной атрибутикой, «кусочек» Украины. Вышитые полотенца, картины, предметы украинского быта, разнообразные книги и иллюстрированный материал, фотоальбомы и дайджесты привлекали внимание не только украинцев, но и представителей других народов, создавали атмосферу дружественного общения на островке далекой Родины.

Каждый год иркутские украинцы участвовали в общегородской культурной жизни, это День Победы, День России, детский фестиваль «Байкал многонациональный», праздник «Иркутск – город многонациональный», межнациональные интеллектуальные игры, спортивные соревнования, шахматные турниры и многое другое. Также Центр проводил свои праздники, такие, как Рождество, Шевченковские вечера, Дни Независимости Украины и прочее.

В марте 2002 г. очередной день памяти великого поэта Украины Т.Шевченко прошел в г. Иркутске в Доме культуры «Строитель». Организаторы украсили помещение рушниками, цветными платками и лентами. А. Стрелец выступила со словом о поэте, звучали стихи на украинском языке «Любить Украину», отрывок из поэмы «Катерина» «И виріс я на чужині», чтецов поддержал хор, запев протяжно и задушевно «Думы, мои думы».

Прекрасных певцов на вечере памяти Т. Шевченко было много: Н. и Е. Васильевы, солисты музыкального театра А. Айдаров и И. Переверзев, члены украинского общества Л. Поздняк, Л. Скрипник, В. Гапоненко, Т. Луконина.

Руководитель украинских православных приходов на территории РФ, архиепископ Московский и Богородский Адриан высказал предложение, чтобы украинским диаспорам в регионах выделялись помещения для школ и земли под строительство храмов. Иркутское «Днипро» не составил исключения. Оно хотело бы иметь свой дом и храм, чтобы украинские песни звучали не только для украинцев, но и для всех, кто любит и понимает настоящую народную музыку [4, с. 3].

Знаменательным событием в культурной жизни г. Киева стали гастроли Иркутского драматического музыкального театра имени Н.М. Загурского. Коллектив приехал на свой риск – в июле 2002 г., в каникулярный период. Однако уже с первых спектаклей стало ясно, что этот риск оправдался.

Иркутяне показали 12 спектаклей, музыкальных, романтичных, красочных. Среди них были премьеры сезона, а также оперетты «Летучая мышь», «Графиня Марица», «Бабий бунт», «Проделки Ханумы», рок-оперы «Юнона» и «Авось», «Иисус Христос – суперзвезда», последняя была показана на двух площадках: на сцене Киевского театра оперетты, где проходили все гастроли, и в Национальном дворце «Украина» [9, с. 3].

Гастроли Иркутского театра прошли успешно. Исключительно теплый прием зрителей явился красноречивым тому доказательством. Киевляне смогли посмотреть на сцене столичного театра оперетты яркие, захватывающие спектакли с участием поистине талантливых актеров. Успеху Иркутского театра способствовала работа энергичного и компетентного руководства театра во главе с директором В. Шагиным. Гастроли Иркутского театра довольно широко освещались местными средствами массовой информации [14, с. 2].

Традиционный областной фестиваль «Дружба народов – единство России» прошел 12 июня 2003 г. в г. Иркутске на острове Юность. Он открылся праздничным шествием,

после чего начнется конкурсно-игровая программа, выступления самодеятельных коллективов национально-культурных центров Иркутской области. О своем желании принять участие в фестивале заявили и представители украинского национально-культурного объединения «Днипро». Организаторами фестиваля стал комитет по национальным отношениям и связям с общественностью и областной центр народного творчества и досуга [7, с. 3].

В канун профессионального праздника на третий фестиваль музеев области «Маевка–2004» собрались сотрудники 24 музеев из 18 территорий области. Проект года был обозначен темой «Мы все – сибиряки. Культура и духовность многонациональной Сибири на рубеже эпох». 15 национальных центров предоставили музею свои материалы. Помещены здесь произведения декоративно-прикладного искусства, костюмы фольклорных коллективов, музыкальные инструменты, бытовые предметы, книги, сувениры, украшения.

Экспозицию национальных культур продолжила Иркутская региональная организация украинский центр «Днипро». Выступили и самодеятельные артисты: трио украинского общества с красивой песней «Черные брови, карие очи» [8, с. 3].

В 2004 г. в школе п. Батама Зиминского района ввели в обязательную программу изучение украинского языка. Об этом на пресс-конференции, посвященной итогам визита представителей Украинской всемирной координационной Рады в Иркутскую область, заявил председатель комитета по связям с общественностью и национальным отношениям администрации губернатора С. Коженков. В 2005 г. на стажировку в г. Киев был направлен специалист, который в дальнейшем занялся преподаванием украинского языка в школах поселка.

Как сообщил С. Коженков, в ходе визита делегации также обсуждался вопрос создания в г. Иркутске Украинского консульства. Директор Центра гуманитарного сотрудничества с украинской диаспорой С. Пономаревский, который входил в состав делегации, отметил, что приезд в Иркутскую область представителей УВКР – это не разовая акция. В дальнейшем, по словам С. Пономаревского, такие визиты будут систематическими. В ходе двухдневного визита делегация Украинской всемирной координационной Рады также провела переговоры о сотрудничестве с представителями органов миграции, паспортно-визовой службы, побывала на Байкале и в этнографическом музее «Тальцы» [13, с. 2].

12 июня 2005 г. на площади перед Дворцом спорта «Труд» прошел IX областной фестиваль национальных культур «Дружба народов – единство России» с дегустацией национальных блюд. В этом фестивале активно участие приняло украинское общество «Днипро». В течение июня 2005 г. был организован «Караван дружбы» (выезд в Зиминский, Иркутский и другие районы области представителей творческих коллективов национально-культурного центра) при содействии областного центра народного творчества и досуга [2, с. 4].

В 2007 г. Украинский культурный центр «Днипро» отпраздновал свое пятнадцатилетие. В Музыкальном театре был устроен концерт украинской культуры, в котором участвовали как члены центра, так и гости из украинских организаций области и представители других национально-культурных центров.

В том же 2008 г. при центре открылась украинская субботняя школа, которая действует и поныне. Деятельность школы направлена на изучение украинского языка, культуры и истории Украины. Ученикам предлагалось ознакомиться с курсом украинского языка, литературы и украиноведения. Курс украиноведения состоит из изучения песен, стихов и основных данных об Украинском государстве. Школу посещали учащиеся самого разного возраста, от 12 до 57 лет. В среднем на учебный год набирали 10 чел.

В 2009 г. студентами Музыкального колледжа г. Иркутска была поставлена опера

С. Гулака-Артемовского «Запорожець за Дунаєм». Певцы Украинского центра были приглашены вести уроки украинского пения и произношения. Благодаря плодотворному труду студентов и членов центра была поставлена эта опера в театре, она имела большой успех среди зрителей.

В апреле 2010 г. Шиткинский Дом досуга и творчества принимал гостей из Тайшетского района. Более 140 чел. участвовало в районном фестивале национальных культур «Юбилейный калейдоскоп», который прошел в рамках празднования 85-летия со дня образования Тайшетского района. Очень тепло встретил зал детские вокальные группы «Солнышко» и «Заряночка» из с. Берёзовка. И. Ташогло из п. Квиток исполнил песню на гагаузском языке. Д. Фурсова и Н. Федотова из с. Шелехово пели на украинском языке.

В хороводе дружбы можно было услышать весёлые украинские песни, перекликающиеся с задорными танцами. Особый колорит празднику придали зажигательные танцы танцевальной группы краеведческого клуба «Криницы» из с. Черчет. В очередной раз покорил сердца зрителей творческий коллектив из с. Талая. Долго не отпускали зрители автора и исполнительницу частушек Д. Фурсову. М. Долбичкина из с. Талая покорила зрителей исполнением песни на украинском языке. Чистый мелодичный голос и прекрасный национальный костюм. Гармоничный синтез сценического образа надолго запомнился зрителям [3, с. 2].

В 2011 г. председатель украинского центра «Днипро» Е. Васильев встретился с мэром г. Иркутска В. Кондрашовым, где доложил ему об основных проблемах центра. При содействии мэра Украинское общество получило помещение в 25 м2. В марте 2011 г. туда было перевезено все имущество центра. У Центра появился собственный офис по адресу: г. Иркутск, ул. К. Маркса, 39, оф. 37.

В 2011 г. Иркутский музыкальный театр им. Загурского открыл свой очередной театральный сезон каскадом премьерных спектаклей. Оперетта А. Рябова «Сорочинская ярмарка» стала абсолютно премьерной. «Сорочинская ярмарка» была первой украинской опереттой, где композитору удалось счастливо соединить традиции европейской венской оперетты с традициями украинского народа и музыкальными особенностями его музыкально-драматического театра, за что он и стал закономерно родоначальником украинского опереточного жанра. Новая премьера театра представляла собой долгожданное празднично-живописное зрелище с выразительным орнаментальным оформлением, захватывающей вокально-танцевальной стихией, хорошим текстом и по-хорошему весёлое [1, с. 3].

В год 350-летия Иркутска (2011) центр «Днипро» активно участвовал в юбилейных мероприятиях: фестиваль дружбы народов «Байкальская радуга», городской праздник «День национальных культур» и т.д. А 23-им каналом была снята передача «Очень разные люди».

В январе 2012 г. на посту председателя Е.К. Васильева заменила Н.Е. Витт. Центр продолжил жить активной жизнью: проведены Рождество, Шевченковские чтения, День Победы, День Независимости Украины, впервые провели акцию по сбору макулатуры, приняли участие в шахматном турнире и общегородском карнавале «Шагаем вместе!»

В декабре 2012 г. «Днипро» отпраздновал свое двадцатилетие. В Иркутской Филармонии был дан грандиозный концерт, в котором помимо членов Центра приняли участие солисты Филармонии и гости из других национально-культурных организаций. Объединение украинцев-иркутян существовало благодаря их взаимному интересу к сохранению родного языка, культуры, народных традиций, исторических связей с Родиной.

Ежегодно иркутские украинцы участвовали в общегородской культурной жизни, это праздники Ивана Купала и Троицы, День России, День Победы, фестиваль «Сияние России», выставка в областном краеведческом музее «Мы – сибиряки» с разделом

«Украинцы», детский фестиваль «Байкал многонациональный». Также центр ежегодно проводил свои праздники, среди которых Рождество, Пасха, Шевченковские дни, День независимости Украины, День украинской письменности и языка.

Общество взаимодействовало с альтернативными национально-культурными центрами, что способствовало развитию гармоничных межнациональных отношений: с литовцами, поляками, татарами, бурятами, чеченцами, азербайджанцами и другими народами.

Как писал Т.Г. Шевченко: «Все йде, все минає, і краю немає…» («не стоим на месте, а работаем и активно развиваемся»).

Ежегодно, в марте праздновался день рождения великого украинского писателя и поэта, художника и мыслителя Т. Шевченко, которого в народе называли Кобзарь. Особенно пышно в г. Иркутске проводили Шевченковский вечер в 2014 г., в год двухсотлетия со дня его рождения, в Филармонии, с полным залом людей. Приглашены были все иркутяне, а также руководители национальных центров, представители органов власти. Иркутск посетили народные коллективы из Батамы, Братска, Усть-Илимска, местные иркутские группы и ансамбли.

В августе 2015 г. впервые за много лет иркутский мэр лично встретился с руководителями национально-культурных центров города. Разговор шёл о том, где в г. Иркутске появится Дом дружбы народов взамен здания, переданного в аренду партии «Единая Россия».

Руководитель украинского центра «Днипро» Н. Витт поблагодарила иркутян за доброжелательное отношение к украинцам и поддержку. «20 лет я живу в Иркутске. Сын здесь родился, отслужил в армии. Ни разу за всё время нас не обидели. Украинскому центру было 20 лет, мы устроили большой праздник в филармонии. Люди с гордостью прошли по улицам Иркутска в национальных костюмах и с флагом. Не почувствовали от горожан никакого холодка», – поделилась активистка [10, с. 4].

Заместитель председателя общества «Днипро» А. Завьялов, несколько лет подряд вел бесплатную школу по изучению украинского языка. В 2014 г. был самый большой выпуск – порядка 15 чел., которые дошли до сдачи экзаменов. На украинском языке читали стихи Т. Шевченко во время празднования его юбилея.

Необходимо понимать, что украинцы – члены национально-культурной организации, а не политической, и условный девиз – мы вне политики, вне религии. Также есть чувство единения с землей, на которой живем – это самое важное. Культура переживет все разногласия. Политические же вопросы не решаются в одностороннем порядке.

В 2021 г. костяк «Днипра» составляло около 30 чел. Среди них – бессменный руководитель народного хора «Славяне» С. Ильяшенко и солист коллектива В. Гапоненко, которого в центре называют соловьем. Еще около 200 чел. принимают участие в различных мероприятиях организации. В целом же по области довольно много украинских коллективов, которые крепко оберегают традиции малой родины.

Украинцы в Иркутской области очень тесно поддерживают контакты между собой, обмениваются визитами и очень дружат. Масштабные концерты «Днипро» проводит нечасто, приурочивая их в основном к юбилейным датам.

В 2020–2021 гг. и вовсе все мероприятия из-за коронавируса перешли в онлайн. Чтобы не рисковать здоровьем своих активистов, в марте 2021 г. решили отменить традиционный Шевченковский вечер. Тем не менее, работа в центре не останавливается. Например, недавно записали выступление для концерта – фестиваля Дружбы народов Прибайкалья, который транслировался на телевидении.

Также разрабатывается идея создать женский ансамбль, правда, для этого нужен был руководитель коллектива. А еще «Днипро» хотело подарить г. Иркутску дубовую аллею. Сделать это собирались летом 2021 г. В центре задумались и о создании традиционного

украинского фестиваля, благодаря которому можно будет познакомить иркутян и с национальными традициями, со знаменитой вышиванкой, и, конечно, с кухней. Уж что-что, а украинские блюда давно и прочно вошли в меню россиян. Но этой кухне еще есть чем удивить. Например, кутьей, которая сильно отличается от той, что готовят у нас в Сибири. Во-первых, на Украине это блюдо не поминальное, а рождественское, а во-вторых, готовят его из специальной пшеницы.

Впрочем, говорит председатель «Днипра», все самые вкусные блюда – родом из детства. Та же молочная каша «затирка». А еще невозможно забыть вареники с вишней, сметаной и сахаром. Кстати, именно в Батаме проводят фестиваль «Пан Вареник». Подобный фестиваль можно было бы провести и в г. Иркутске.

Н.Е. Витт переехала в г. Иркутск из города Сокаль Львовской области, будучи 25-летней учительницей. – Когда я уезжала в Иркутск, директор школы, в которой работала, отдал мне яркую красочную Библию, наказал найти украинскую диаспору здесь и подарить книгу. Я долго искала. Помог случай. Когда ко мне приехали родители, они познакомились с женщиной, которую вместе с семьей сослали еще до войны сюда в Сибирь. Вот она и позвала нас на мероприятие, его проводил «Днипро», – вспоминает Н. Витт. С тех пор, признается она, национально-культурный центр стал вторым домом, а люди, входящие в него, – второй семьей, с которой переживаются и радости, и горе.

Представители украинского центра отмечают: во всех своих начинаниях они всегда чувствуют поддержку со стороны областной власти и городской администрации. Да и в повседневной жизни не приходится встречаться с негативом. Даже если собьешься в разговоре на родной язык, никто не оборвет.

– Какие бы события ни происходили, мы сохранили в «Днипре» целостность, внутреннее равновесие. У нас есть такое негласное правило: мы живем вне политики, уважаем ту землю, по которой сегодня ходим и которая нас приняла, – отмечает Н. Витт [5, с. 3].

Мы познакомились с культурным центром «Днипро» и прикоснулись к украинской культуре. Объединение украинцев-иркутян существует благодаря их взаимному интересу к сохранению родного языка, культуры, народных традиций, исторических связей с далёкой Родиной. Иркутские украинцы заняты в самых разнообразных сферах деятельности: от политики до культуры, от здравоохранения до науки. Они нашли свое место на Сибирской земле, сохранив Украину в своих сердцах: обустроились, завели детей, друзей, внесли капельку себя в многонациональный край, не забывая своих корней, украинского языка и песен, таким образом, сделав наш край богаче.

В Иркутской области существуют альтернативные украинские организации. А именно: украинская национальная община «Черемшина» (г.Усть-Илимск), фольклорные ансамбли «Барвинок» (с. Карозей), «Зіронька», «Любисток» (с. Батама), «Лучинушка» (п. Качуг) и др.

В 2017 г. в областной филармонии состоялся грандиозный концерт украинской песни с участием хоров «Славяне», «Иркутяночка» (г. Иркутск), «Черемшина» (г. Усть-Илимск), творческого коллектива «Узорочье», (г.Братск).

Существование национально-культурных обществ во многом зависит от позиции властей региона. В Иркутской области этнические движения получают активную поддержку со стороны областной администрации. Строка «национальная политика» неизменно присутствует в бюджете Иркутской области.

Несмотря на то, что украинцы остаются третьим по численности народом Приангарья, их число постепенно и повсеместно сокращается. На это повлияло множество причин: и распад Союза, и экономический спад, и ассимиляция. Однако украинцы остаются важной составляющей культурной жизни Приангарья.

Деятельность различных этнических организаций помогает их членам не забывать свои корни, чтить память и знать историю. Но, наряду с позитивной динамикой, в

жизни организаций были свои взлеты и падения. В данном процессе большую роль играла инициатива членов коллектива и позиция руководства.

Развитие различных объединений украинцев на территории Приангарья проходило не одинаково. И нынешний этап выживания некоммерческих объединений также весьма сложен (из-за общего кризиса, отсутствия поддержки властей, позиции руководства и проч.). Поэтому очень важно не потерять общего духа, позитивного настроя и желания помнить историю и донести ее до своих детей и внуков.

Список литературы

[1] Беркович А. Украинская классика на иркутской сцене // Губерния. 2011. 25 окт. С.3.

[2] Бешнова Е. Приангарье – территория согласия // Вост.-Сиб. правда. 2005. 25 мая. С.4.

[3] Гапонько Н. Юбилейный калейдоскоп // Бирюсинская новь. 2010. 16 апр. С. 2

[4] Григорьева С. Песни с берегов Днепра // Губерния. 2002. 14 марта. С. 3.

[5] Григорьева А. Украинцы в Сибири: как живет украинская община в Иркутске //Вечерний Иркутск. 2020. 4 дек. С. 3.

[6] Деньги для национальной политики // Вост.-Сиб. правда. 1999. 20 апр. С. 2.

[7] Дружба народов – единство России // Губерния. 2003. 10 июня. С. 3.

[8] Жартун С. Уважать чужие обычаи, сохранять свои // СМ-номер один. 2004. 18 мая. С. 3.

[9] Негода Л. Сезон закрыт, впереди гастроли в стольном Киев-граде // Вост.-Сиб. правда. 2002. 6 июля. С. 3.

[10] Петрова И. «Национальные центры – визитка Иркутска» // Губерния. 2015. 25 авг. С. 4.

[11] Подгорная О. Вспоминая национальные обычаи // Пятница. 2001. 15 июня.

[12] Украинский балет едет в Сибирь // Вост.-Сиб. правда. 2001. 12 апр. С. 3.

[13] Украинский язык в школьной программе //Саянские зори. 2004. 30 сент. С. 2

[14] Черномырдин В. Губернатору Иркутской области Б.А. Говорину // Вост.-Сиб. правда. 2002. 28 сент. С. 2.

VI

Краеведение. 200 лет Енисейской губернии

Содержание

Антоник Г.Н.
«Он свято верил – саду цвесть»: о Симакове Н.С. 1463-1467

Болотников А.К.
Историко-краеведческое обоснование для проекта
«откройТЕСЬ – из прошлого в будущее». 1467-1474

Борисова А.П.
Герои-земляки и их забытые подвиги в Первой мировой войне 1475-1478

Борисова А.П.
История Красноярской духовной семинарии 1475-1478

Быкова Е.В.
«Вся жизнь дыхания нашего в книгах»:
м. Македония – книжница староверов-часовенных на Енисее 1483-1487

Вавиленко О.В.
Миф о золотом самородке в 3 пуда 27 фунтов 1488-1493

Воног Е.А.
Кинодокументы и их сюжеты, снятые в столице
Енисейской губернии – Красноярске в период 1918–1920 гг. 1494-1498

Гринь О.В.
Столыпинские переселенцы в Енисейской губернии:
хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация 1495-1498

Гринь О.В.
Использование историческихисточников
в музейно- образовательной деятельности 1503-1506

Гринь С.Ю.
Шушенская монументальная Лениниана 1507-1510

Гридинберг И.Н., Орехова Н.А., Поломошнов А.А.
Буддийские ламы в истории Красноярска 1511-1517
Дементьев А.П., Ульверт А.В.
«Я не останавливался ни пред какой личной опасностью»:
штрихи к биографии Иннокентия Ивановича Покровского. 1518-1521

Доржу З.Ю., Оюн.О.П.
«Оюн Курседи-основоположник Тувинской
народно-революционной партии (ТНРП)» 1522-1527

Дубовая Ю.С.
Вклад педагогов г. Енисейска в становление начальной
школы в период 20-30 годов XX века 1528-1530

Зубова С.С. Работа А.С.
Эфрон в Туруханском районном Доме культуры 1531-1534

Есин Р.С.
К вопросу о коллективизации и раскулачивании на территории
районов современного Красноярского края с момента
«головокружения от успехов» до конца 1930 г. 1535-1539

Калеменева Н.А.
Орджоникидзеградское автомобильно-мотоциклетное училище: годы эвакуации в Минусинске 1540-1545

Калистратов А.А.
Андрей Фёдорович Встовский – лесозаготовитель, воин и наставник . . 1546-1550

Карпухин К.К.
Евгений Кнорре – инженер, покоривший Енисей 1551-1554

Кирпиченко Н.Н.
Комаров Александр Фёдорович – первый красноярский книготорговец, краевед, общественный деятель 1555-1558

Козлова Л.Ф.
Памяти исчезнувшего села Бузуново 1559-1562

Ковтун Ю.В.
Краеведческие игры как инструмент патриотического воспитания школьников. 1563-1568

Кожевников С.В.
Научная работа хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого в посёлке Большая Мурта Красноярского края в 1940–1941 гг.: особенности и результаты 1569-1573

Комкин А.А.
Предивинская судостроительная верфь 1574-1580

Кузьмина Э.В.
Социокультурные практики краеведческой направленности в деятельности школьного музея (из опыта работы). 1581-1587

Майзик Е.И.
Сибирский крестьянин – самый счастливый человек на свете»: образ сибиряка в путевых заметках зарубежных путешественников последней трети XIX в. – начале XX в. 1588-1594

Монгуш У.О.
Оригинальный кладезь творческого наследия композитора Р. Д. Кенденбиля: к 100-летию со дня рождения 1595-1597

Оберман В.Я.
Становление и распад переселенческих деревень Прикунгусья 1598-1603

Орехова Н.А.
Роль личности раввинов в жизни еврейских общин Енисейской губернии (XIX -XX вв.). 1604-1611

Семочкина В.Ф., Попугаева И.Г.
Колокол памяти (о судьбе Магнус Германа Августовича) 1612-1616

Серебренникова М.Е.
Несколько страниц о жизни и деятельности Иннокентия Петровича Кузнецова 1617-1622

Силонов С.М.
Забытый герой (о Харитоне Ивановиче Ткаченко) 1623-1626

Тронина Н.А.
Енисейские купцы начала XIX века: Башуровы 1627-1631

Тулуш Н.Т.
Адъютант (Тулуш Лама Шомбулович) 1632-1638

Шушканова Е.А.
Деятельность императорского православного
палестинского общества в Енисейской губернии 1639-1643

Эртине У.Д.
Участие наших земляков - добровольцев (Соян Бады Соруктуевича
и Аракчаа Оюн Кандановича) в Великой Отечественной войне 1644-1649

УДК 634 (571.51) (092)

«Он свято верил – саду цвесть»: о Симакове Н.С.

Антоник Галина Николаевна
Краевед, г. Красноярск, Россия.
galina.antonik@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена биографии Симакова Николая Семёновича (1911-1997), крупного знатока садоводства, селекционера, специалиста в области агротехники и плодовых культур. Его биография тесно связана с развитием садоводства края и города Красноярска, с историей Красноярской государственной плодово-ягодной станцией и созданием первой системы коллективных садов в крае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Садоводство, селекция, Красноярская плодово-ягодная станция, первая система коллективных садов в крае.

Белопенное кипение цветущих яблонь и вишен в окрестностях Красноярска, – заслуга Николая Семеновича Симакова. Это по его инициативе, при его участии, возникло народное «движение» в ПВРЗ г.Красноярска в создании дачных и садовых обществ, получивших в дальнейшем столь широкое распространение. Симаков Н.С.- известный в России, крупный знаток сибирского садоводства, специалист в области агротехники и плодовых культур, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент[1].

Много лет радовали красноярцев сады близ больницы скорой медицинской помощи и во всём Северо-Западном микрорайоне казавшиеся неотъемлемой частью пейзажа и в наше время во многом не сохранившиеся – это первые коллективные сады Сибири. Между тем зелёные рукотворные массивы – достопримечательность не только города, но и края [3].

Весной 1938 года по берегам ручья Серебряного, на 6,6 гектара подготовили почву, огородили периметр и здесь получили «прописку» саженцы плодовых и ягодных культур, завезённые с опытной станции. Среди тех, кто стоял у истоков рождения коллективного сада паровозовагоноремонтного завода (ПВРЗ-1), а потом ЭВРЗ-1, был и Николай Семёнович Симаков, садовод-селекционер, педагог [1].

Имя этого учёного хорошо знают не только в Красноярье. Сотни его учеников продолжают его путь. Красноярск является родиной коллективного садоводства. Инициаторами создания первого коллективного сада были: С.В.Сухневич, Т.Е.Удовиченко, Н.С.Симаков, П.А.Медведев, А.Г.Проскурин. И, после Великой Отечественной войны, началось бурное развитие коллективных любительских и общественных садов вокруг Красноярска. Появляются сады, организованные заводами правобережья, и многие другие.

В электронной библиотеке Российской государственной библиотеки (Москва) есть книжка Н.С.Симакова: «Как правильно посадить плодовый сад», 1941 года, издательства «Красноярский рабочий», созданной на основе ряда лекций участника ВСНХ, опубликованных на страницах газеты в 1940-1941 годах в «Школе передового опыта» для более широкого распространения опыта. Редакция сочла необходимым издать эту книжку [2].

Садоводством в Енисейской губернии в 19 веке начинал заниматься учёный Дмитрий Нащокин (дендрарий плодово-ягодной станции), известный садовод А.И. Олониченко, Л.П.Симиренко, Вс. Михайлович Крутовский. При внимательном знакомстве с «Летописью Енисейского и Туруханского округов…», составленной А.И.Кытмановым, находим информацию о первых садах в губернии в 18 веке, заложенных по распоряжению графа П.И.Шувалова (около 1767 г.), кедрового сада в том числе [4].

Об этом же говорит и «Русский биографический словарь» (СПб, 1911). Эту традицию продолжил в Туруханске декабрист, князь Ф.П.Шаховской в 1826 г., М.А. и Н.Д.

Фонвизины, ботаник Н.С.Турчанинов, М.С.Миретиков, И.П.Бедро, М.А.Лисавенко и многие другие. В этом же ряду Н.С.Симаков [4].

Николай Семёнович Симаков начинал свою работу агронома-плодовода в октябре 1932 года старшим специалистом плодоводства плодо-ягодного совхоза «Садвинтрест»,г. Красноярск, затем, с 1934 года, заведующим отделом агротехники и одновременно заместителем директора по научной части Красноярской плодово-ягодной опытной станции. В 1941 году он был назначен директором Красноярской плодово-ягодной станции и проработал там до сентября 1956 года. По совместительству работал (с сентября 1955 года по сентябрь 1956 года) преподавателем по кафедре растениеводства Красноярского СХИ [1].

Война стала суровым испытанием для всего коллектива станции. Мужчин призвали на фронт. Самого Н.С.Симакова, несмотря на его просьбы, в действующую армию не брали – здоровье подкачало. Но вместе с оставшимися в коллективе женщинами Николай Семёнович помогал фронту, чем мог. Научные сотрудники сеяли зерновые, выращивали овощи и табак для фронта, вязали варежки, носки. Как и трактористка Аня Гаврилова, всю войну выполнявшая эту мужскую работу, Симакову не раз приходилось садиться за рычаги «железного коня». Молодому директору удавалось заниматься и научной работой: подбором удобрений для малины, смородины, мерами борьбы с вымерзанием земляники, сроками посадок [1].

Перечислю сотрудников Красноярской плодово-ягодной станции в то время. Директор станции – Н.С.Симаков. Его заместитель по науке, заведующий отделом селекции плодово-ягодных культур (1948-1975) Н.Н.Тихонов (выпускник «мичуринской школы»), он же старший научный сотрудник по селекции яблони, груши, сливы, вишне-сливы и вишни. Младший научный сотрудник по яблоне, груше, сливе, вишне-сливе и вишне А.С.Толмачёва. Заведующий отделом технологии – старший научный сотрудник Дубейковская. Техник-лаборант – В.В.Жигар, а затем Е.С.Табунова [1].

Заведующий сектором агротехники Смирнова А.А. – в качестве старшего научного сотрудника она вела работу по удобрениям и подвоям. Младший научный сотрудник Зинаида Сергеевна Воробей вела раздел «Формирование саженцев в питомнике и деревьев в садах». Специалист В.Ф.Коноплёва.

Старший научный сотрудник по защите растений от вредителей и болезней Шауб Вл. И. - человек исключительной организованности, работоспособности и точности, немец по национальности, дипломат в обхождении с людьми -он вновь создавал библиотеку после пожара, работал при температуре не выше 10-15 градусов в фуфайке и валенках, утверждая, что эти условия хороши для дум.

Николай Семёнович Симаков знал садоводство, понимал науку, часто обращался за помощью по разным вопросам к руководителям краевых и городских партийных и советских органов, организовывал всю деятельность на станции, и сотрудники станции активно помогали ему. Работая директором, он одновременно вёл научную работу по удобрению малины и смородины, одним из первых в крае повёл селекционную работу с облепихой (вывел восемь сортов с обстоятельной агротехникой её выращивания), занимался пропагандой и внедрением разработанных мероприятий в производство, мог сесть за руль трактора, мечтая превратить Сибирь в цветущий сад.

Результаты своих творческих поисков и наблюдений публиковал в десятках научных работ. В 1938 году Симаков стал кандидатом сельскохозяйственных наук, аттестат доцента получил 18 февраля 1958 года. Одной из самых значимых наград у Николая Семёновича была «Юбилейная медаль И.В.Мичурина» (1955) [1].

Кроме того - были награды: три малых золотых медали ВСНХ (1939, 1954, 1956), бронзовая медаль ВДНХ, два ордена «Знак почёта» (1961, 1966), орден «Трудового Красного знамени» (1971), медаль «За доблестный труд в ВОВ 1941-45 гг.» (1945), медаль «За освоение целинных земель» (1957), знак «Отличник социалистического сельского хозяйства» и

другие (всего 12 ед.), почётные грамоты и благодарности [1].

В годы его директорства об опытной станции заговорили и в стране. Как до войны, так и после неё сибиряки успешно представляли край сначала на ВСНХ, а позже и ВДНХ. Золотые медали, грамоты, ценные подарки по праву вручались новаторам из Красноярского края. Пять тысяч гектаров садов в суровом, восточносибирском крае – вот прекрасные незримые плоды тех дел.

Симакову была присуща принципиальность, требовательность, твёрдость. Вместе с тем Николай Семёнович, по отзывам десятков его коллег, бывших студентов и аспирантов, был мягким, деликатным человеком в общении, хорошим организатором, эрудированным преподавателем и педагогом, пользовался огромным уважением не только среди студентов, но и в среде профессорско-преподавательского состава вуза [1].

Биография Николая Семёновича, пожалуй, типична для его поколения. Родился 10 апреля 1911 года в селе Кцинь Жиздринского района Калужской области. Сын крестьянина, жадно тянущийся к знаниям, после девятилетки (1929) в г.Ялуторовске, тогда Омской области, а ныне Тюменской области. В тридцатые годы и это было образованием! [1].

После девятилетки была работа секретарём сельского Совета деревни Плюхиной (два месяца), председателем сельхозартели им же и созданной, там же, превратившейся в дальнейшем в совхоз «Путь Октября» в д. Плюхиной Новозаимского района Омской области (три месяца). Было ему тогда восемнадцать лет. В этом же, 1930 году, Николай Симаков, сын крестьянина, поступил учиться в Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства на факультет колхозно-совхозного строительства. Через полгода факультет был расформирован, институт реорганизован и, с 1930 года, Симаков продолжил обучение в Омском Институте Зерновых культур на плодоовощном факультете (1930-1932), что указано в выписке квалификационного свидетельства Народного комиссариата совхозов СССР [1].

Будучи студентом на практике в Красноярском садоводческом совхозе заложил 67 гектаров садов и первые 14 гектар земляники. Окончив вуз в 1932 году, Симаков получил квалификацию агронома-плодовода и приехал навсегда в Красноярск старшим специалистом-плодоовощеводом этого совхоза. Его жена-красавица Елена (коса в руку) – была принята селекционером на опытную станцию. В молодом совхозе «Садвинтрест» по плану необходимо было заложить 570 гектаров новых садов. Людей было мало, и ни теории, ни практики закладки сада в Сибири ещё не существовало (кроме опыта садовода-любителя Крутовского, на базе сада которого был организован вначале опорно-помологический пункт, а затем плодово-ягодная опытная станция). Сажали до этого, например, смородину вручную. Копали ямку, втыкали растение, присыпали землёй [1].

Специалист Симаков решил механизировать этот трудоёмкий процесс. Он пустил по полю тракторный плуг и в борозды произвёл посадку саженцев чёрной смородины. Новое встречено было в штыки. Заведующий отделом селекции треста И.М.Леонов пишет докладную тогдашнему директору опытной станции с просьбой дать рекомендации. Совхозу велено было прекратить посадки в борозду. Симаков не прекратил. Вторично слушают его дело на Совете. Вносится решение: «Несмотря на предупреждение… и т.д. … опытная станция принимает с себя ответственность в случае гибели посадок» [5.].

Симаков и тут не отступил. Он пережил тревожную зиму. Не раз выходил он в поле, вырубал из-под снега кустик смородины и проверял его жизнеспособность. А весной приходила большая радостная победа – приживаемость саженцев была 94 процента вместо 85 по плану! Хорошо закалился в этих битвах молодой специалист, прочно утвердился в жизни, и в полную силу расцвели все его лучшие душевные качества и таланты.

В октябре 1934 года после слияния совхоза с Красноярской плодово-ягодной станцией (созданная в 1932 г.) Симаков был переведён на станцию, где был вначале заместителем директора по научной работе и заведующим отделом агротехники, а с 28 июля грозного

1941 года стал директором этой станции (1941-1956) и старшим научным сотрудником отдела агротехники.

По мере увеличения в крае гектаров стелющихся садов возникла трудность с их обработкой, и Симаков разрабатывает самоходный садовый культиватор по обработке почвы в междурядьях таких садов. Получает за это изобретение авторское свидетельство № 590912 от 27 января 1958 г. в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР (совместно с инженером-механиком П.К.Шрамко) [1].

Кроме того - он автор более пятидесяти опубликованных книг, брошюр, статей в журналах, в сборниках научных трудов, журналах «Вестник плодово-ягодных культур», «Сад и огород», брошюр об облепихе, о малине, брошюры «Влияние отходов завода медпрепаратов на рост, развитие и урожай овощных культур».

Симаков первым в условиях Сибири разработал основные вопросы агротехники сибирского плодоводства: сроки посадки культур, системы удобрений, правила выбора места для закладки плодово-ягодного сада, причины вымерзания растений, выявлен видовой состав вредителей, болезней, степени устойчивости к ним, изучен химический состав плодов и способы их переработки. При нём создана система коллективных садов края, организованы первые выставки, семинары по садоводству ставшие регулярными, организовал новый и самый крупный в Восточной Сибири питомник саженцев на опытной станции [4].

В 1955 году Н.С.Симаков снова опубликовал книжку «Садоводство в Красноярском крае», явившейся практическим руководством по садоводству. Было опубликовано много других печатных работ по садоводству, выступлений в газетах и радиопередачах. Все материалы в дальнейшем были собраны в три монографии и плакаты [5].

Под его руководством выведено более 30 местных сортов яблонь, сливы, смородины и других культур. Он разработал систему агротехники возделывания Сибирского садоводства более чем у 12 новых и местных сортов ягодных растений.

Во время своего директорства превратил опытную станцию в одно из крупных опытных учреждений по плодоводству. И к 1957 году Красноярский край по развитию плодоводства занимал первое место среди краёв и областей Сибири.

С 1 сентября 1955 года Николай Семёнович работал в КСХИ: ассистентом (1955) по совместительству, доцентом на постоянной основе (1956-1957) кафедры растениеводства, проректором по учебной и научной работе (1957-1964), начальником НИСа (научно-исследовательского сектора), заведующим кафедрой плодоводства и овощеводства (1962-1977) и проректором по научно-исследовательской работе (1967-1976), первым проректором ФПК вуза (1966-1967) организованным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР за № 38 от 15 января 1966 г., и снова доцентом кафедры (1976-1997), профессором той же кафедры (1960-1997) на должности [1].

Научные сотрудники сеяли зерновые, выращивали овощи и табак для фронта, вязали варежки, носки. Как и трактористке Ане Гавриловой, всю войну выполнявшей эту мужскую работу, Симакову не раз приходилось садиться за рычаги «железного коня».

Круг его обязанностей был широк: чтение лекций, докладов в колхозах, совхозах, школах, управление и научными исследованиями. Направления науки в вузе: связи с производством, консультации аспирантов, выступления в газетах и много других общественных дел.

Он был членом Октябрьского райкома КПСС (1951-1956), депутатом Красноярского городского Совета депутатов трудящихся (1939-1963), в течение 10 лет председателем постоянной комиссии по сельскому хозяйству, членом Центрального исполкома Красноярского горсовета (1965-1967), членом партийного бюро института, заместителем председателя и председателем краевого правления НТО (1963-1976), членом Центрального правления НТОСХ (сельского хозяйства), г. Москва (1963-1973), членом городского Совета садоводов, имел звание «Почётный член НТО» [1].

В своих лекциях и практических занятиях Симаков умело сочетал теорию с практикой, умел глубоко и доходчиво преподнести студентам учебный материал с учётом особенностей Красноярского края.

Особо следует отметить передвижную выставку «Агит-вагона», организованную Симаковым, которая демонстрировалась по восточной части Красноярской железной дороги. Она вызвала большой интерес жителей городов и пристанционных сёл (1951-1958). Помимо показа, «вагон-выставка» служила, для жителей посёлков и деревень, местом приобретения посадочного материала, выращенного в питомнике (созданного в 1949 г.) Красноярской плодово-ягодной станции [1].

Садоводы Сибири всегда мечтали о больших садах, о «городе-саде», о развитии садоводства по всей Сибири, об изобилии фруктов. Они верили и были правы в том, что плодовод выигрывает в материальном и физическом отношении, а что ещё важнее, в духовном и нравственном самосознании. А это самое дорогое.

Список литературы

[1] Документы и материалы из семейного архива Н.С.Симакова.

[2] Как правильно посадить плодовый сад / Н.С. Симаков. Красноярск: Красноярский рабочий, 1941. –15 с.

[3] Как правильно посадить плодовый сад / Н.С. Симаков. Красноярск: Красноярское краевое издательство, 1943. 10 с.

[4] К 130-летию Всеволода Михайловича Крутовского / Н.С.Симаков // Проблемы химико-лесного комплекса. 1994. Т. 2. С. 132-143.

[5] Садоводство в Красноярском крае / Н.С.Симаков – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1955. 98 с.

УДК 908

Историко-краеведческое обоснование для проекта «откройтесь – из прошлого в будущее»

Болотников Алексей Константинович
Тесинский художественный музей, Красноярский край, Минусинский район, с. Тесь, Россия.
alkobo950_v@mail.ru

АННОТАЦИЯ Село Тесьпривлекательно для организации туризма. Историко-краеведческий ресурс территории обладает огромной притягательный силой — потенциал для краеведа, туриста, исследователя, Он востребован, нуждается в развитии. На его базе замыслен проект «ОТКРОЙТЕСЬ – ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ». Подготовлено обоснование для написания проекта

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Туризм, краеведческий ресурс, история села

Село Тесь Минусинского района является одним из старейших русских селений на берегах Тубы, основанным в середине – начале второй половины XVIII века. [1, с. 21]. Деревня Тесинская (Тесь) основана переселенцами из Енисейского уезда около 1775 года на реке Тесь (Тесинка), уездом, от Красноярска рекою 198, а от Енисейска рекою же —164 версты. Дату основания деревни установил краевед-исследователь Александр Ковалевский (Абакан), исследовав информацию архивных документов: ревизских сказок, исповедных росписей, метрических книг, исследований известных путешественников, ученых. Свою лепту в исследование тесинской истории внес сотрудник Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова Е.В. Леонтьев [2].

В донесении от 25 июня 1776 года сообщается, что жители слободы Поросчинской (Подпорожная) выехали для хлебопашества в деревню Минусинскую и просят у владыки благословенной грамоты на постройку в деревне Минусинской деревянной церкви. Самые ранние данные о жителях деревни Тесинской найдены в исповедных росписях Курагинской церкви за 1776 год. В росписях указаны фамилии с № 53 по 56: Бяков, Самойлов, Колмаков, Тюльков, Конных и Кощеев. (6 семей, 4 двора, 49 душ). Две семьи (по исповедным росписям Курагинской церкви 1776 года) живут на подворье. Позднее поселенцами в деревне Тесинской будут Пашенных, Самковы, Нечаевы, Вороновы, Пушкаревы, Назаровы, Блиновы, Лопатины, Колмаковы и другие [3]. Данные по этим фамилиям в исповедных росписях Курагинской, Минусинской церквях пока не исследовались, не установлено, кто, когда и откуда переселился в деревню Тесинскую в период 1777—1809 гг. Кроме хлебопашества, в Теси появились и начали развиваться ремесла. Посетивший Минусинский округ в 1850-е годы Г. Пейзын отмечал по этому поводу: «местные крестьяне в основном не умеют выделывать тонких холстов и предпочитают им (фабричные) бумажные ткани… (но) в селе Тесинском, деревнях Каптыревой, Екатериновке и Маторской мне приходилось видеть холсты, которые своей добротой и тонкостью не уступят привозным…». [4, с.156]

4 марта 1791 года сход жителей деревень Тесь, Городок, Шошино, Кочергино избрал строителя будущей тесинской церкви, крестьянина Петра Черных. Однако высочайшего разрешения на строительство получено не было. Из монографии Валентины Асочаковой: «Спустя семь лет прихожане возобновили прошение, направив его уже в Тобольск. Дело рассматривалось около года, и только 15 ноября 1798 г. архиепископ наложил положительную резолюцию „по усердному желанию жителей деревни Тесинской иметь каменную церковь имени Пресвятой Богородицы Казанской с приделом Святого Пророка Ильи, то если в землях никакого недостатка не имеют, могут согласием своим назначить священноцерковнослужителям потребное число земли“». 28 февраля 1801 года сход принял решение отправить третье прошение о строительстве церкви в Теси.

Избрал строителей: Мартын Игнатьевич Пашенных, Пётр Петрович Дёмин. Собрали деньги — около 1000 рублей (в 1804 году собрали ещё 3507 рублей).

В 1805 году был открыт православный приход. Примечание из монографии Валентины Асочаковой: «Образование Тесинского прихода было связано с принудительным освоением Хакасско-Минусинского края и прекращением деятельности Ирбинского завода. Прихожане, жившие в деревнях Шошиной и Кочергиной, были причислены к Курагинской церкви, находившейся на расстоянии 15–19 вёрст, а жители деревень Тесинская, Городок — к Минусинскому приходу. В январе 1791 года жители четырёх указанных деревень решили сходом строить церковь, с чем и обратились в Красноярское духовное правление. Вопрос рассматривался почти 13 лет, только в 1804 году была получена разрешительная грамота, и к 1809 году церковь построили и освятили. Приход был небольшим по размерам: всего 915 жителей в 109 дворах». В 1809 году «тщанием прихожан» была достроена и освящена церковь во имя иконы Казанской Божией Матери. Построены часовни в честь святого Егория на горе Егорьевской и в честь святого Илии на горе Ильинской. Деревня Тесинская селом стала называться после освящения собора, построенного на юру в 1805-1809 годах.

История отечества, как известно, во многом основана на биографиях соотечественников. Не исключение и тесинская история. Например, по биографиям ссыльно-поселенцев, известных и уважаемых людей…

1837 год. Прибытие в Тесь первых политических ссыльных, декабристов А. И. Тютчева, Н. О. Мозгалевского: «9 марта 1837 года Николай Мозгалевский и Алексей Тютчев написали графу Бенкендорфу прошение о переводе их в Минусинск, где есть врач, ежедневный базар, вокруг луга, пахотная земля и нет такой дороговизны, как в Курагине». «…доклад от 15 мая 1837 года: переведены в с. Тесинское».

Николай Осипович Мозгалевский – ссыльный декабрист, происхождением из мелкопоместных дворян, родился на Черниговщине, в Нежине, учился в Нежинской народной школе, потом в Петербургском 1-м кадетском корпусе. Состоял в списках лучших воспитанников «по общим науками по строевым занятиям». Член тайного общества Соединенных славян (1825). «Телосложения стройного, рост выше среднего, глаза черные, волосы черные кучерявые, лицо смуглое чистое, нос прямой, на левой руке, пониже локтя – шрам от сабельного удара, тут же родимое пятно величиной с горошину». Николай Мозгалевский в Теси прожил около двух лет. Здесь родился у них с Авдотьей Ларионовной пятый ребёнок (Елена 1838 года рождения, впоследствии замужем за обер-аудитором Четвёртого драгунского дивизиона Симанским — А.Б.). «Николай Мозгалевский после болезни, продолжавшейся четыре дня, 14 июня 1844 года умер». Недалеко от места захоронения в Минусинске, в зоне старого кладбища, установлен мраморный обелиск с фамилиями декабристов Н.О. Мозгалевского и А.И. Крюкова.

Алексей Иванович Тютчев родился в 1801году. Отец его – дворянин, помещик. По окончании срока каторжных работ А.И.Тютчев был обращен на вечное поселение в с. Курагинское Минусинского округа, куда прибыл в июле 1836 года. Жил гражданским браком с крестьянкой Екатериной Жибиновой, имели 4-х детей. Алексей Тютчев пользовался у местного населения любовью и уважением. «…Он учил детей деревенских грамоте, писал крестьянам прошения и письма; по судебным делам своих сельских клиентов приезжал иногда в Минусинск, где посещал своих товарищей-декабристов. Алексей Тютчев из Теси вскоре вернулся в Курагино, здесь умер, похоронен. На могиле поставлен памятник.

В 1852–1855 годы «… обосновались и жили в Теси Юдины — родители в дальнейшем знаменитого красноярского библиофила, золотопромышленника и винозаводчика Геннадия Васильевича. Юдины сначала жили в Минусинске, а затем в Теси. К этому времени в семье было трое детей: Геннадий 12 лет, Татьяна 8 лет и Владимир 3,5 месяца. В тот момент Геннадий уже жил отдельно от родителей, вёл свою самостоятельную

трудовую жизнь, которую начал, по его словам, 18 ноября 1853 года в Минусинске, в питейной конторе...» Очевидно, в течение трёх лет, пока родители проживали в Тесинском, Геннадий бывал здесь и был тесинцам односельчанином.

В 1863-1865 гг. в селах Минусинского округа поселены сосланные в Сибирь участники польского национально-освободительного. т.н. «Январского восстания». Это была вторая волна ссыльных поляков. Их потомки до сих пор проживают в некоторых селах района. В т.ч. в Теси – из фамилии Ревкуц (Иван, Тофиля...). Известны и ссыльные по фамилиям Валенский, Лобоцкий, Любуцкий, возможно, Николай Песковский и Михаил Болсуновский... Романовский «проживал сначала в с. Тесь на Тубе, затем его перевели в с. Белоярское на Сыде, а с конца 1880 поселился в Абаканском (Краснотуранск – АБ), занимался скорняжничеством». Всего их прибыло в Тесинскую волость 23 человека.

1865–1873 годы. Великий русский художник Василий Иванович Суриков, будучи юношей, четырежды бывал в Теси. Здесь жила (умерла в 21 года и 4 месяца и захоронена на церковном погосте) его сестра Екатерина, бывшая замужем за близким другом Сурикова, казаком по происхождению, Сергеем Васильевичем Виноградовым, заседателем второго участка Минусинского округа, коллежским секретарём. Письменные свидетельства переписки говорят нам, что юный живописец во время поездок в с. Тесь сделал около двадцати рисунков жителей села, их домов, окрестностей, но, за исключением рисунка «Село Тесинское. Церковь», неизвестно, где они находятся. И сохранились ли. О плодотворности его пребывания в Теси свидетельствуют слова Сергея Виноградова в письме к Сурикову 30 ноября 1868 года: «Высылаю тебе, Вася, твои картины (15-ть), о целости которых ты беспокоишься». Письмо послано в Красноярск, картины, очевидно, тоже.

В Теси Вася Суриков познакомился с широким кругом людей. И прежде всего с семьей священника Феодосия Петровича Токарева. Токаревы для Теси – непререкаемые авторитеты. Петр Токарев (отец) служил священником до своей кончины (1824—1848 гг.).

Ссыльными в Тесинскую волость прибывали и т.н. народовольцы:

Филюков Антон, участник «Процесса 50-ти», сосланный в Тесь в 1877 году и проживший здесь до 1899 года, оказал тесинским крестьянам большое содействие в создании общества потребительской кооперации. Софья Субботина, как сообщает Википедия, в декабре 1881 года привлечена в числе 52-х лиц к дознанию по делу о «Красном Кресте» «Народной Воли». Арестована 1 января 1882 года и содержалась под стражей по 26 марта 1882 года. Вторично заключена под стражу 22 июля 1882 года и содержалась в Томской тюрьме. По Высочайшему повелению 5 октября 1883 года дело о ней разрешено в административном порядке с высылкою её в Восточную Сибирь под надзор полиции до окончания срока надзора, определенного постановлением Особого совещания. Водворена в Тесинскую волость (Минусинский округ, Енисейская губерния). По постановлению Особого совещания от 23 октября 1886 года срок надзора продлён ещё на два года. До конца ссылки жила в Минусинске. Каких-либо свидетельств пребывания в Теси не выявлено.

1897–1903 годы. Отбывали ссылку видные социал-демократы: Глеб Кржижановский со своей мамой, сестрой, а позднее и женой Зинаидой Невзоровой; Василий Старков, Николай Панин, Егор Барамзин, Фридрих Ленгник, Александр Шаповалов и другие. Четырежды в это время колонистов навещал главный «виновник» открытия краеведческого музея в Теси Владимир Ульянов (Ленин). Друзья, родственники и соратники и в ссылке продолжали готовить будущую революцию: изучали труды экономистов, философов, в частности, социалистов Карла Маркса, Фридриха Энгельса. Отчасти изучали и бытие сибирских крестьян.

19 апреля 1970-го года в Теси торжественно открылся музей «Соратники В.И. Ленина по революционной борьбе и сибирской ссылке».

В 1840-е годы село Тесинское стало являться центром одноименной волости. При проведении податной ревизии 1858 года на ее территории насчитывалось 36 населенных пунктов.

«В Енисейской губернии Минусинского округа в селе Тесинском открыто одно Приходское училище по Уставу учебных заведений 1828 года в 15 день февраля 1861 года. Открытие сопровождалось: 1) молебствием, 2) крестным ходом, 3) произнесением г. г. Благочинным и местным священником поучений родителям детей, учащим и желающим учиться, и, наконец, 4) общественным обедом, данным обществом, на котором был произнесен тост за здоровье Государя Императора и другой тост за всех ревнителей просвещения.

На должность учителя перемещен Господином Енисейским Гражданским Губернатором в 1860 году 15 декабря, служивший по Министерству Внутренних дел в Минусинском Земском Суде журналистом канцелярский служитель Васильев, а законоучителем утвержден в 1861 году местный священник Токарев, 31 года (1830), православного вероисповедания, сын священника с Енисейской губернии. Окончил полный курс Иркутской духовной семинарии. В Тесинском училище состоит со дня открытия училища, с 15 февраля 1861 года. Жалованье составляет 60 рублей серебром в год из общественных сборов. Имеет жену и 5 детей: 4 мужского пола и 1 женского. (В 1868 году появляется еще одна дочь, но в возрасте 8 месяцев умирает, о чем свидетельствует могильная плита, недавно найденная нашими краеведами в одном из сельских дворов). Количество земли при зданиях составляет по перечатку 34 сажени, по длиннику по улице 16 сажен. Земля занята домом, службами, и небольшое количество двором и огородом.

История образования тесинцев исследована и опубликована в книге «Звон отдаленных лет. История Тесинской школы 1861-2016», написанной коллективом авторов: А. Болотников, Г. Ксензик, Л. Соборова. И продолжается ныне в МБОУ «Тесинская СОШ № 10 имени Героя Советского Союза Петра Ивановича Колмакова».

В 1880-м году в Тесинском Минусинского уезда было создано ссудно-сберегательное товарищество, которое стало началом сельскохозяйственной кооперации в Енисейской губернии. 20.11.1897 здесь зародилась её сибирская ветвь. 4 января 1898 года в селе была открыта первая лавка, как факт открытия первого общества потребителей кооперации Минусинского округа.

Возникло при участии и поддержке политических ссыльных (в частности народовольца Антона Филюкова). Первым председателем общества был тесинский крестьянин Михаил Иванович Осколков. В 1901 г. Тесинское общество потребителей, в числе первых сельских потребительских обществ Сибири, вступило в члены Московского Союза потребителей. В правление Тесинского общества обращались крестьяне из сёл Детлово, Шалоболино, Шошино, Курагино.

Осколков Михаил Иванович – «дедушка сибирской потребкооперации» – имел звание «Потомственный почетный гражданин г. Минусинска», о чем ему был выдан соответствующий документ. Последние годы жил в Минусинске по Пионерскому переулку, дом № 9. Умер в апреле 1935 года в возрасте 68 лет и похоронен на старом городском кладбище. Хоронил его Минусинский райпотребсоюз со всеми гражданскими почестями.

> «…Тесинское сельское потребительское общество просуществовало 63 года. В феврале 1961 года оно влилось в Большеинское сельпо. Последний год, как и предыдущие годы, Тесинское сельпо было рентабельным. В 1960 году оно имело два магазина, один из них — сельмаг на три рабочих места. Богатым был ассортимент товаров. План розничного товарооборота в этом году намечался в 250 тысяч рублей, фактически выполнен на 250400 рублей, или на 100,1 процента.
>
> И хотя Тесинское сельпо в настоящее время не существует как самостоятельное потребительское общество, дело, начатое тесинцами, в Сибири не заглохло».

Из документов Тесинского волостного правления за 1923 г. «Об установлении Советской власти в с. Тесинском в 1917—1918 гг.»: «... При выявлении письменных архивных материалов по организации советов по Тесинской волости оказались в сохранности только книги протоколов за 1917 г. и март 1918 г., из которых видно, что в Теси был организован Волостной комитет общественной безопасности (прот. № 1 от 17.03.1917), причем при организации последнего старое волостное правление, как видно, упразднено не было. Комитет переименован в Земскую управу без «производства перевыборов», какая существовала до марта 1918 г. 5 марта 1918 г., как видно из протокола № 9, в Тесинской волости был организован Совет крестьянских и солдатских депутатов. Крестьянство посредством «кулацкого элемента» было настроено против Советов, и в мае-июне того же года власть Советов была свергнута во всем уезде. Под напором армии адмирала Колчака 15 ноября 1919 года пал г. Омск. Отдельные кавалерийские части армии свирепствовали на территории юга края. Возникает протестное партизанское движение. В рядах партизанских отрядов активно участвуют тесинцы: Александр Марченко, командир Тальского полка, Вера Прокудина, дочь Андрияна Прокудина, работник штаба Ачинского полка армии, Ефим Дмитриевич Нестеренко, командир 2-й роты Тальского полка, Во время реакции правительства Колчака были расстреляны активные защитники Советской власти, граждане с. Тесинского: Нестеренко Дмитрий Яковлевич, Ходаков Павел Васильевич, Ревкуц Иннокентий Иванович, Гончаров Василий.

Из воспоминаний Е.Д. Нестеренко (в сокращении): «...Тесинские кулаки избили красногвардейца Федора Осколкова, зверски над ним издевались. Выбили глаз и за городом его расстреляли. Тесинские и большеинские кулаки поймали большевика Терентия Шаповалова, зверски издевались над ним, привели на кладбище, заставили рыть себе могилу и полуживого его закопали. Домой кулачество вернулось, опьяненное успехом. Три дня буйствовали пьяной оргией, веселилось, стараясь унизить Советскую власть, угрожая расправой. Сторонники Советской власти и сочувствующие вынуждены были уйти в подполье. В июле белые арестовали Михаила Жиденова и Павла Ходакова, увезли их в Минусинск. Вскоре, на одном из собраний тесинцев, сельчане потребовали от волостной земской управы освобождение арестованных, выпуск их из Минусинской тюрьмы. Через неделю арестованные были освобождены.

Однако, колчаковцы не унимались. Не прошло и десяти дней, как явилась колчаковская полиция, чтобы арестовать вожаков и организаторов собрания. К вечеру снова арестовали Павла Ходакова, Дмитрия Нестеренко, Иннокентия Ревкуца. Терпению тесинцев подошел предел: они поднялись. Полиция и кулачество сбежали в город. А на собрании сельчан был избран председателем сельсовета Андриян Прокудин, его заместителем Евсей Середа. Через месяц в село пришел карательный отряд белых в сто человек. Каратели арестовали Павла Ходакова, Иннокентия Ревкуца, Гончарова, Нестеренко. Мне и Ткаченко пришлось уйти в подполье, Каратели избили арестованных и полуживых отправили в тюрьму. А председателю Андреяну Прокудину и Сухинину Н. О. всыпали нагаек». «...Ночью белые повели наступление на Городок. Но на рассвете, увидев превосходство наших сил, отступили без боя. Через неделю белые получили подкрепление из Ачинска – артиллерией, пулеметами. И ринулись на Городок. В этом бою погибли наши тесинцы: Филипп Самков, Роман Вишняков. Мы с Лысенко отправились догонять 2-й штаб большеинцев. Но в селе их не обнаружили. Они, освободив Городок, стали догонять отряд. Лысенко вернулся домой, мне удалось догнать отряд. Шаповалова при штабе я не видел. К городу подошли вечером, уже горели огни...».

20 октября 1919 г. был организован Тесинский сельский Совет на основании распоряжения Главного штаба партизанской армии и решения общего собрания граждан с. Тесь Сельский Совет избрал президиум и организовал 11 секций.20 октября 1919 года организован Тесинский сельский совет на основании распоряжения Главного штаба партизанской армии и решения общего собрания граждан села Тесь[3, Ф.Р-4. Оп.

1, Д. 39, Л. 55]. Сельский совет избрал президиум и организовал одиннадцать секций.

Почти вековая история Тесинского сельсовета претерпела множество событий и изменений: колхозное строительство, раскулачивание и репрессии против односельчан, участие призывников-тесинцев в Великой Отечественной войне, подъем колхозного хозяйства до уровня «колхоз-миллионер», перестройка и смена форм собственности хозяйств, кадровые и структурные перемены…

Село Тесьвесьма привлекательно для организации туризма. Два главных рекреационных ресурса: туризм по историческим объектам дорусской колонизации, а именно

> Музей под открытым небом «Ретроспективная история быта кочевых, полукочевых и оседлых племен на территории Тесинского археологического района» и туризм по Краеведческо-мемориальной зоне «Аграрно-индустриальная Тесь».

И если по второму виду туризма имеется множество артефактов, экспонатов и объектов для туристических экскурсий (Тесинский художественный музей, обзорные площадки, ландшафтно-архитектурные памятники), то по первому виду – лишь малоизученные объекты, не готовые для туристической привлекательности.

Воскресным днем 17 апреля 1983 года в Теси торжественно была открыта Тесинская картинная народная галерея, шестьдесят седьмая в реестре галерей РСФСР. Открытие приурочено к 135-летию со дня рождения великого русского художника Василия Сурикова, четырежды бывавшего в Теси.

В декабре 2010года Постановлением администрации Минусинского района на базе Тесинской картинной галереи и в здании Тесинского краеведческого музея было создано муниципальное бюджетное учреждение культуры «Тесинский художественный музей»– жемчужина Минусинского района.В настоящее время основной фонд музея состоит из коллекций: живопись, графика, скульптура, предметы декоративно-прикладного искусства и насчитывает 761 единицу. Представлен работами 360 (трёхсот шестидесяти) авторов, из которых 50 имеют звание Народный художник, 90 – Заслуженный художник. Научно-вспомогательный фонд составляет 494 единицы.При содействии Союза художников РСФСР к 135-летию со дня рождения великого русского художника Василия Сурикова в дар Тесинской галерее были переданы 140 живописных, 130 графических и 30 скульптурных работ, 30 плакатов, 16 изделий ДПИ, созданных 304 авторами – мастерами изобразительного искусства из Москвы, Ленинграда, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Хабаровска, Владивостока, Дагестана (Армения) и многих других городов СССР. Среди авторов художественных произведений – заслуженный художник РСФСР Анатолий Знак, народный художник РСФСР Борис Ряузов, народный художник СССР Николай Жуков, народный художник РСФСР Александра Сахаровская и многие другие.

Отдельный пласт сведений касается упомянутого выше и не описанного в истории села рекреационного ресурса: туризма по историческим объектам дорусской колонизации, а именно

> Музея под открытым небом «Ретроспективная история быта кочевых, полукочевых и оседлых племен на территории Тесинского археологического района».

В ТХМ экспонируются фотография и витрина о Тесинском археологическом районе, уникальном объекте с могильниками захоронений древних культур (от афанасьевской до таштыкской) и древними писаницами (Шалоболинская, Георгиевская, Ильинская, Енисейская). Тесинский археологический район лежит в широкой пойме древней реки Инка (позднее Упса), с её остаточным руслом – рекой Тубой и её протоками. Зафиксирован археологами в окрестностях сёл Тесь, Большая Иня, Малая Иня, Прихолмье, Притубинское(левый берег); Шалоболино, Ильинка (правый берег). Впервые археологические раскопки в районе проведены в 1885 году. С тех пор ученые

периодически обращают внимание на памятники этого региона. Здесь работали такие видные исследователи, как И.Р. Аспелин, И.Т. Савенков, А.В. Адрианов, Р.В. Николаев, А.А. Формозов, А.Я. Шер, Б.Н. Пяткин С.В. Киселев, Евтюхова… Много лет проводились исследования на известнейшей Шалоболинской, а также на Георгиевской, Ильинской и Енисейской писаницах (Эльга Вадецкая, Николай Леонтьев, Александр Заика и другие). Огромное могильное поле с древними курганами различных культур эпохи энеолита – более полутора тысяч захоронений – хранит массу важнейшей информации о жизни и смерти людей, когда-то живших на этой территории. Принадлежали к четырем языковым группам: кетской (5-6 тыс.), самодийской (5-6 тыс.), тунгусской (4-6 тыс.) тюркской (6-8тыс.), уйгурской (?)… Здесь требуется продолжение археологических исследований…

Выводы о проекте:

Тесинский художественный музей имеет статус юридического лица, не позволяющего развиваться в статусе краеведческого. Экспозиции аграрно-индустриального содержания свернуты до минимума. Ни на районном, ни на сельском уровне нет концепции развития музея краеведческого содержания. Нет и текущего финансирования. «Историко-краеведческое обоснование для проекта «ОткройТЕСЬ – из прошлого в будущее» составлено для активации идеи открытия в селе Тесинского краеведческого музея.

Список литературы

[1] Личков Л.С. Новые данные по истории заселения Сибири. Киев, 1894. С. 21.

[2] К истории основания села Тесь Леонтьев Е.В. https://uistoka.ru/stes/jiteli

[3] Архив города Минусинска, Ф. 51. Оп. 1. Д.2; Ф.Р-4. Оп. 1. Д. 39.

[4] Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении// Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. СПб., 1858. Отд. I. С. 156.

УДК 94(57)

Герои-земляки и их забытые подвиги в Первой мировой войне

Борисова Алла Павловна
Краевед, г. Красноярск, Россия.
alla.borisowa1940@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье автор прослеживает удивительные судьбы земляков–участников Первой мировой войны, для которых долг и честь, служение Родине и защите её интересов были превыше всего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА герои Первой мировой войны, Енисейская губерния.

Близится 110-летний юбилей войны, называемой современниками «Священной», «Царской», «Великой», «Германской», а значит есть повод вспомнить о доблести и героизме наших земляков на полях сражений Первой мировой.

Если героев–земляков Великой Отечественной войны мы помним поименно, то о героях войны 1914 – 1918 гг. мы знаем намного меньше. Попытаемся восполнить этот пробел и немного расскажем о забытых подвигах русских солдат, а книги «Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг.», вместившие 1220 георгиевских кавалеров, героев–земляков, будут нам в помощь.

С началом Первой мировой войны детский патриотизм охватил все слои общества, все учебные заведения государства. Воспитанники училищ, семинарий, гимназий просили руководителей отпустить их на борьбу с врагом. Например, директор Енисейской мужской гимназии в сентябре 1914 ходатайствовал перед Красноярским уездным начальником: «Имею честь сообщить Вашему Высокородию, что два ученика 4-го класса вверенной мне мужской гимназии Войтяховский Михаил и Дьяченко Александр выразили желание поступить в действующую армию добровольцами. Я, со своей стороны имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие оказать возможное содействие благородному желанию русских юношей пожертвовать своей жизнью за Царя и Отечество. К сему имею честь добавить, что оба они прекрасно знают военный строй, показали выдающиеся успехи в разных видах гимнастики, отличаются крепким телосложением, физической силой, ловкостью и отвагой, поэтому, могут быть полезны своей службой Родине».

Бегство на фронт гимназистов старших классов, запись в добровольцы семинаристов, а также переход из семинарий в военные училища было рядовым явлением, например,Климовский Георгий, сын дьячка, после окончания Красноярской духовной семинарии на военную службу поступил добровольцем, после окончания Иркутской школы прапорщиков пехоты служил в 11 Сибирском стр. полку, в Августовских лесах был ранен.Климовский Константин, из Енисейского уезда после окончания Красноярской духовной семинарии и Петроградской школы прапорщиков в звании прапорщика служил в 17 Сибирском стр. полку. Кручинин Пётр из села Кежемское, доброволец, после окончания духовного училища и семинарии, Иркутской школы прапорщиков воевал, в чине прапорщика в Курляндии в бою с немцами в декабре 1916 г. ранен. Список можно продолжать - это Дьяконов Михаил, красноярец, после окончания духовного училища и духовной семинарии, Иркутской школы прапорщиков поручиком воевал на австрийском фронте, дважды ранен, имел награды. Это Тимофеев Константин окончил Красноярское духовное училище и духовную семинарию, в 1916 г.– Иркутскую школу прапорщиков, в звании подпоручика на Германском фронте был ранен, имел награды. Это 18-летний Попов Пётр из Большемуртинской волости д. Чернореченской в сентябре 1915 г. обращался с прошением в Уездное воинское присутствие с просьбой: «… объявить мне время явки к призыву для отбывания мне воинской повинности,

я сейчас же приеду…». Это красноярец Мелихов Арсений, подпоручик, находясь в 6-мес. отпуске по ранению досрочно просит выписать его на фронт: «Здоровье моё поправилось, я желаю продолжить службу. Прошу о назначении мне комиссии для переосвидетельствования моего здоровья».

«Ярким проявлением патриотических чувств, взволновавших в это тревожное время юношество, обучающиеся в Красноярской духовной семинарии, было возникшее среди них усиленное стремление послужить дорогой Родине на поле брани в качестве добровольцев. Малолюдная наша семинария дала для защиты Отечества в 1914 году 26 добровольцев. Часть из них ушла рядовыми в действующую армию, часть офицерами и санитарами, часть несёт различные службы в тыловых частях, часть обучается в военных училищах. Это Барашков Ст., Троепольский Ал., Щербаков Ив. из 5-го класса; Гобов Павел, ОрловскийБорис, Орфеев К. из 4-го класса; Решетников К., Чижев Н. из 3 класса; Миронов В. и Рудаков В. из 2 класса. Кроме того, Корнилов Ст. – 3 класса поступил в санитарный отряд, а Бакланов Ан., Зеленецкий Яков – 4 класса и Нестеров Ал. – 5 класса вышли по прошению семинарии для поступления в военное училище. 21 сентября в храме семинарии добровольцам отслужен напутственный молебен, большая часть которых на днях покидает Красноярск. Да благословит Господь Бог доброе желание юных патриотов и да подаст Всемогущий, Свою Всесильную помощь для честного и непорочного служения Родине. Уже получаем сообщения, что некоторые из наших ребят за свои боевые отличия удостоены награждения со стороны воинского начальства. Так воспитанник 4-го класса Орловский Борис награждён Георгиевским крестом IV ст. и представлен к офицерскому чину. Воспитанник 4-го класса прапорщик Трудояков Георгий награждён орденом Св. Анны IV ст. и Св. Станислава III ст. и представлен к следующему офицерскому чину. Три воспитанника нашей школы кровью своею уже запечатлели любовь свою к Родине: смертью храбрых пали они на поле сражения, покрывая ореолом славы как свои собственные имена, так и воспитавших их семьи и родную семинарию. Таковы Щербаков Иван – 4 класса, Круглихин Дмитрий – 4 класса и Хруцкий Стефан - 5 класса. Имена этих самоотверженных героев навсегда останутся лучшим и драгоценнейшим украшением нашей семинарии, лучшею страницею в её летописях». К известным захоронениям на Троицком кладбище краеведы и поныне возлагают цветы, в том числе и Хруцкому Стефану.

По страницам книг «Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг.» видим, что добровольцами ушли на фронт сотни земляков, например, Борзецов Прокопий, Жданов Фёдор, Лампе Николай, Крузе Леонард, Шахматов Александр, Патушинский Григорий, Безносков Анатолий…Воевали 19-летние Зельманович Исай, Мейерович Николай;18-летние Новиков Тимофей,17-летний Лампе Николай и даже 16-летний гимназист Райхельсон Пётр. Это ли не герои, молодые патриоты своего Отечества?

Закаржевский Дмитрий, крестьянин Канского уезда воевал на Рижских позициях, в августе 1916 г. награждён Георгиевским крестом IV ст. за то, «что в местечке Катерингоф, будучи ранен, не покинул строя до конца боя, своей личной храбростью служил примером подчиненным и увлекал их за собой». И это типичный пример, когда получившие ранения оставались в строю, хотя имели право на лазаретное лечение. Не воспользовались лазаретом после ранения Киприн Пётр, Стригин Иван, Бояркин Владимир, Пияненко Василий, Шаболин Илья, Барабанов Мирон, Широков Илья, Королёв Иван, Деньгин Алексей, Зайцев Хрисанф, Наследников Фёдор, Поваров Иван,Флипюк Антон, Фомин Афанасий…

Роммер Иван, русский офицер, герой Первой мировой войны, удостоен ордена Св. Георгия IVст. «за то, что в ночь с 24 на 25 февраля 1915 года, будучи накануне раненым в бок и оставшись в строю, командуя батальоном, вызвался с двумя ротами атаковать противника, захватившего днем наш окоп, составлявший важный тактический ключ всей позиции; после упорного штыкового боя выбил противника, захватил окоп и закрепил его за нами, взяв пленными около ста человек».

Константинов Иван, уроженец с. Кнышинского Минусинского уезда, мл. фейерверкер, разведчик 5-й батареи Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. «В бою 19 сентября 1914 года у д. Стоки под губительным перекрестным огнём противника вывез на своей лошади тяжело раненого подпоручика 6-й батареи, награждён Георгиевской медалью IV ст. А Георгиевским крестом IV ст. Константинов награждён за то, что в бою 19 ноября 1914 года находясь в передовом окопе, под сильным артиллерийским, ружейным и пулемётным огнём, он обнаружил неприятельскую батарею, на которую и направил огонь, нанося ей большие потери…». В последующих боях 1915 года Константинов был награждён Георгиевскими крестами III и II ст. и Георгиевской медалью II и III ст.

Бабенчук Яков,«в бою 3 марта 1916 года у д. Гаргруд под сильным перекрестным пулеметным и ружейным огнем противника во главе бомбометчиков 12 роты полка, увлекая товарищей своим примером беззаветной отваги бросился в реку Пестель, перешел её и у проволочных заграждений противника запечатлел подвиг своею смертью. Посмертно 8 марта 1916 г. награждён Георгиевским крестом IV ст.».

Лупсяков Савелий,крестьянин Канского уезда, ст.у.о. 20-го Сибирского стрелкового полка награждён Георгиевской медалью III ст. за то, что в бою 7 июля 1915 года под сильным огнём противника поддерживал телефонную связь.

Дементьев Александр Петрович после долгой и кропотливой работы восстановил подробности жизни и боевого пути своего прадедаМакарова Николай Милентьевича. Работа опубликована в журнале «Дилетант» под названием «Первая мировая война в истории моей семьи».Макаров Николай руководил выносом раненых с поля боя и оказанием медицинской помощи, в боевых действиях неоднократно проявлял ответственность, смекалку и военную выучку, проявлял распорядительность и полное самообладание. Награждён Георгиевской медалью «За храбрость» и серебряной медалью «За усердие».

Сорокин Ефрем,крестьян Минусинского уезда награждён Георгиевским крестом IV ст. за то, что «в бою с неприятелем под сильным и действительным огнём противника, за убылью взводного командира, принял командование взводом и умело руководил им».

Котряков Фёдор, крестьянин из Сухобузимской вол., д. Толстомысова, на позициях под Варшавой награждён Георгиевским крестом занаходчивость и смекалку, когда при наступлении нужно было преодолеть реку по тонкому льду и многие утонули. Фёдор же свой взвод благополучно провёл по торосам, занял удобную позицию, сохранив людей.

Солдатов Андрей,крестьянин Минусинск. уезда. По рассказам фронтовика во время Брусиловского прорыва при штурме одной из высот от батальона в живых осталось 17 солдат - все герои награждены Георгиевскими крестами IV ст., в том числе и Солдатов Андрей.

Исайкин Петр,крестьянин из Минусинского уезда Ермаковской волости – полный георгиевский кавалер. За отличные разведданные в боях с 30 августа по 10 октября 1914 г. приказом Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта произведен в прапорщики.

Засемба Франц,крестьянин из Минусинского уезда, кавалер четырёх Георгиевских крестов, «за мужество и отвагу в разведке в мае 1916 года, за отличие в бою в ноябре 1916 года, когда под сильным огнем противника, за убылью полуротного командира принял командование полуротой, примерной храбростью и мужеством продолжал выполнять задачу и выбил противника».

Гедич Роман,крестьянин Канского уезда. Участвуя в боевых действиях на Северном фронте, показал себя умелым командиром и получил офицерский чин поручика. За боевые отличия награждён орденами Св. Анны III ст., Св. Станислава III ст., Св. Владимира IV ст. и четырьмя Георгиевскими крестами.

Воросов Иван. На фронте молодой казак показал себя храбрым воином. Архивные документы содержат лишь краткое перечисление его подвигов. Так, 11 октября 1914 г. Воросов со своим взводом выбил неприятеля из деревни Недабиль. За этот бой был

награжден Георгиевским крестом IV ст. Еще два Георгиевских креста он заслужил в том же году, когда во время конной атаки во главе своего взвода бросился на прусский эскадрон, увлек за собой казаков, чем способствовал успеху атаки. В бою 4 ноября, будучи окружен вдесятеро превосходящими силами противника, оборонял мост на р. Варте до подхода частей Гренадерского корпуса.

Алексей, красноярец, участвовал в сражениях на Австро-Германском фронте. Георгиевскую медаль IV ст. получил, будучи старшим в разведке: «Подполз к проволочному заграждению неприятеля, убил часового, а подчасок мною был легко взят и доставлен в штаб полка 15 сентября 1914 года». Георгиевской медалью III ст. награждён «за удачно проведённые маневры». Георгиевский крест IV ст. получил, будучи взводным командиром в октябре 1914 года обезвредил и захватил неприятельский разъезд. Георгиевский крест III ст. получил за бой при наступлении, где захватил группу немцев и доставил в штаб полка. Георгиевский крест II ст. получил в марте 1915 г., когда при атаке первым вошел с ротой во вражеские окопы, взял в плен немцев и доставил в штаб полка. Георгиевский крест I ст. получил за бои на Дуклинском перевале…

Шубенкин Константин, кавалер четырёх Георгиевских крестов. За взятие «языка», сообщивший ценные сведения командованию, был представлен к очередной награде. Во Львове был ранен в левое плечо, после перевязки вернулся в свою часть.

Эти примеры, дополняя друг друга, показывают нам, что все солдаты обладали чертами героизма, что вообще-то необходимо каждому защитнику своей земли.

Патриотизм, удаль, стремление совершить подвиг, рискуя жизнью, присущ русскому человеку. Но простые крестьянезакончили войну героями не ради наград, они «выкладывались» каждый на своём месте защищая свою землю от посягательств чужеземцев. Собственная безопасность в этих случаях уходила на второй план, уступая место долгу и чести, ответственности за Отчизну.

Все подвиги земляков невозможно описать в короткой статье, но список георгиевских кавалеровчетырёх Георгиевских крестов и полных георгиевских кавалеров можно привести: *Авдейчик Алексей, Амосов Яков, Воросов Иван, Брижак Родион, Буда Анатолий, Виноградов Роман, Воросов Иван, Гагарин Виктор, Гедич Роман, Дивеев Н.К., Довбуш Н.К., Дьяков Ананий, Засемба Франц, Зверев Даниил, Исайкин Пётр, Кравцов Тимофей, Лисецкий Иван, Львов Василий, Минин Анатолий, Подойницин Иван, Подоляк Харитон, Рыбаков Филипп, Тарасов Сергей, Ткаченко Харитон, Фоменко Максим, Фролов Иван, Хомич Тихон, Цибульский Антон, Шевченко Гавриил, Шубенкин Константин, Щетинкин Пётр, Ярлыков Павел…*

Как известно, Георгиевский крест самая почетная и желанная награда русского солдата и давался не просто за ратные подвиги вообще, а за действительно геройские поступки, за неустрашимую храбрость, за усердие.

Имена героев-земляков Первой мировой должны навеки остаться в летописи воинской славы Енисейской Сибири, потому что **в каждом бою за каждую пядь земли, рискуя жизнью, проявлялся героизм и отвага наших бойцов.**

Список литературы

[1] Борисова А.П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Красноярск: Офсет, 2019. 607 с.;

[2] Борисова А.П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Кн.2. Красноярск: Офсет, 2021. 567 с.;

[3] Дементьев А.П. «Убыль в людях была громадная» // Дилетант. Режим доступа: https://diletant.media/articles/44990758/

УДК 94(57)

История Красноярской духовной семинарии

Борисова Алла Павловна
Краевед, г. Красноярск, Россия
alla.borisowa1940@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В конце XIX в начале XX веков наиболее образованная часть духовного сословия Енисейской губернии не ограничивала свою деятельность только служебными обязанностями, достаточно активно участвовала в общественной и научной жизни города. С появлением в городе духовной семинарии эта деятельность заметно выросла.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярск, духовная семинария.

Красноярская духовная семинария – это высшее учебное заведениеКрасноярской епархииРусской православной церкви, действовавшее с 1895 по 1920 годы, готовившее священно - и церковнослужителей. Здание хорошо сохранилось, располагается в историческом центре города на пересечении улиц Горького и Бограда (адрес: ул. Горького, 2). Указом президента РФ Бориса Ельцина от 20 февраля 1995 года № 176 здание Духовной семинарии включено в список объектов культурного и исторического наследия Красноярского края федерального значения [1].

Российская империя образовывалась и расширялась благодаря вновь присоединённым землям, территории которых были языческими, в том числе и Сибирь. Требовалась христианизация местного населения. Поэтому насущной необходимостью стало основание в Сибири духовных учебных заведений для подготовки профессиональных кадров духовенства. Сначала открывались духовные школы, затем появились семинарии. Первой на огромной территории Сибири открылась Тобольская семинария (1743), затем Иркутская (1870), Томская (1857), Якутская, перенесённая в 1860-е годы из Русской Америки после продажи Аляски. Но значительная удалённость, большие расстояния между населёнными пунктами, бездорожье и затруднительность служить в необжитых местах – эти проблемы всё ещё оставались, поэтому вскоре после основания в 1861 году Енисейской епархии владыка Никодим направил в Святейший Синод ходатайство об открытии духовной семинарии в Красноярске для подготовки священнослужителей на своей территории [2]. Но из-за отсутствия средств предложение было отклонено и только через тридцать лет необходимые средства были найдены,и по ходатайству епископа Акакия (Заклинский)Красноярская городская дума для постройки здания Красноярской духовной семинарииКрасноярскому духовному ведомству выделила участок за городским садом.

Три года (1896 - 1899) осуществлялось проектирование. Автором проекта был гражданский архитектор из Петербурга Евгений Львович Морозов, а руководил строительством енисейский губернский архитектор Александр Александрович Фольбаум. 11 июня1900 года состоялось освящение места, в ноябре начались строительные работы, продолжавшиеся до 1903 года.

Трёхэтажное кирпичное здание Красноярской духовной семинарии было построено в неорусском стиле - эклетике, на высоком цокольном этажесложной объёмно-планировочной структуры, идущей от многофунционального назначения с хорошо сохранившимися торжественными интерьерами, прекрасными изразцовыми печами, металлическими лестницами, ведущие на второй этаж, где располагались классы и кабинеты, и на третий этаж, где были спальни воспитанников.

Классически построена композиция здания: два выступающих ризалита большого объёма. Восточный ризалит отмечен каменным входом с невысоким шатром, увенчанным луковичной главкой. Слева к зданию примыкает, построенная в 1914

году, Александро-Невская домовая церковь с шатром, увенчанным кованой ажурной решёткой и малым шатром, увенчанным луковичной главкой с крестом. Богатая пластика крупных деталей из тёсаного и лекального кирпича сообщает архитектуре дома скульптурную выразительность. Все детали выделены на фоне краснокирпичных стен побелкой по штукатурке, что изображает белокаменную резьбу старорусских построек. Здание обнесено слева глухой изгородью, а по перспективе улицы Береговой – каменной оградой с ажурной металлической решёткой. Были построены также кирпичные бани, хозяйственные службы, больница. Рациональная планировочная структура соответствовала правилам и нормам проектирования учебных заведений, отработанным ещё в 1870 году [3].

4 сентября 1895 года, в трёх двухэтажных деревянных домах на участке земли, принадлежащей ранее золотопромышленнику Никите Фёдоровичу Мясникову, начала свои занятия Красноярская духовная семинария. Первым исполняющим обязанности ректора семинарии (1895 – 1897) был выпускник Московской духовной семинарии со степенью кандидата богословия, выдающийся церковный и общественный деятель и первый редактор «Енисейских епархиальных ведомостей» - Успенский Константин Алексеевич (1850 - 1906), который в первые трудные два года становления семинарии состоял в этой должности [4]. Сменил его выпускник Томской духовной семинарии кандидат богословия протоирей Асташевский Николай Петрович (1862 - 1937), он вывел учебное заведение в число лучших в России. Под его началом трудились учёная когорта преподавателей, почти все имеющие звания кандидата богословия. Николай Петрович преподавал семинаристам Священное Писание, богословие, немецкий язык и церковное пение, к которому, по словам семинаристов, имел «страстную любовь». Интересно, что ректор Асташевский не признавал неспособности к пению и пояснял: «Разговаривать умеете, значит, можете и петь». Кроме духовных предметов в семинарии преподавали логику, психологию, философию, русскую словесность, историю русской литературы и языки.

В 1903 году при семинарии открылась образцовая школа, обучение в которой проводилось по обычной программе начальных классов. Духовная семинария обеспечивала высокий уровень богословского и общекультурного образования в городе. Количество учеников школы с каждым годом прибавлялось, так в 1908 году в школе училось 54 мальчика, а в 1912 году в семинарии было уже 126 учащихся.

Известными выпускниками духовной семинарии были Пальмин Михаил Иванович - первый заведующий Енисейского центрального книгохранилища, Словцов Пётр Иванович – «сибирский соловей» обучался и пел в хоре, а хором руководил известный композитор и педагог Павел Иосифович Иванов-Ратдкевич. Среди выпускников семинарии были Майнагашев Степан Дмитриевич – этнограф, общественный деятель, основатель хакасской письменности; Нестеров Анатолий Иннокентьевич, сын деревенского священника известный ревматолог, академик РАМН; Лавров Георгий Дмитриевич, сын иконописца, скульптор, в 30-х годах работавший во Франции. Ординатором здесь работал Маерчак Виктор Самуилович. В марте 1917 года здесь прошел освидетельствование и был признан непригодным к военной службе Иосиф Джугашвили.

Выпускники семинарии приняли участие в Первой мировой войне. В это тревожное время сыновья священнослужителей и семинаристы, имевшие по закону освобождение от военной повинности, после долгих хлопот получали разрешение выехать в районы боевых действий. Бегство на фронт гимназистов старших классов, запись в добровольцы семинаристов, а также переход из семинарий в военные училища было рядовым явлением, например,Климовский Георгий, сын дьячка, после окончания Красноярской духовной семинарии на военную службу поступил добровольцем, после окончания Иркутской школы прапорщиков пехоты служил в 11 Сибирском стр. полку, в Августовских лесах был ранен. Климовский Константин, из Енисейского уезда после окончания

Красноярской духовной семинарии и Петроградской школы прапорщиков в звании прапорщика служил в 17 Сибирском стр. полку. Кручинин Пётр из села Кежемское, доброволец, после окончания духовного училища и семинарии, Иркутской школы прапорщиков воевал, в чине прапорщика в Курляндии в бою с немцами в декабре 1916 г. ранен. Список можно продолжать - это Дьяконов Михаил, красноярец, после окончания духовного училища и духовной семинарии, Иркутской школы прапорщиков поручиком воевал на австрийском фронте, дважды ранен, имел награды. Это Тимофеев Константин окончил Красноярское духовное училище и духовную семинарию, в 1916 году - Иркутскую школу прапорщиков, в звании подпоручика на Германском фронте был ранен, имел награды [5].

«Малолюдная наша семинария дала для защиты Отечества в 1914 г. 26 добровольцев. Часть из них ушла рядовыми в действующую армию, часть офицерами и санитарами, часть несёт различные службы в тыловых частях, часть обучается в военных училищах. Это Барашков Ст., Троепольский Ал., Щербаков Ив. из 5-го класса; Гобов Павел, ОрловскийБорис, Орфеев К. из 4-го класса; Решетников К., Чижев Н. из 3 класса; Миронов В. и Рудаков В. из 2 класса. Кроме того, Корнилов Ст. – 3 класса поступил в санитарный отряд, а Бакланов Ан., Зеленецкий Яков – 4 класса и Нестеров Ал. – 5 класса вышли по прошению семинарии для поступления в военное училище» - сообщалось в «Енисейских епархиальных ведомостях» № 19 от 1 октября 1914 года [6].

Выпускники семинарии храбро проявляли себя на фронте. «Уже получаем сообщения, что некоторые из наших ребят за свои боевые отличия удостоены награждения со стороны воинского начальства. Так воспитанник 4-го класса Орловский Борис награждён Георгиевским крестом IV ст. и представлен к офицерскому чину. Воспитанник 4-го класса прапорщик Трудояков Георгий награждён орденом Св. Анны IV ст. и Св. Станислава III ст. и представлен к следующему офицерскому чину. Три воспитанника нашей школы кровью своею уже запечатлели любовь свою к Родине: смертью храбрых пали они на поле сражения, покрывая ореолом славы как свои собственные имена, так и воспитавших их семьи и родную семинарию. Таковы Щербаков Иван – 4 класса, Круглихин Дмитрий – 4 класса и Хруцкий Стефан - 5 класса. Имена этих самоотверженных героев навсегда останутся лучшим и драгоценнейшим украшением нашей семинарии, лучшею страницею в её летописях» - сообщали Енисейские епархиальные ведомости в декабре 1915 года.

Особое внимание красноярцев было приковано к судьбе Хруцкого Стефана Игнатьевича – сына священника. Он родился в 1891 году, обучался в местном духовном училище, по окончании которого поступил в Красноярскую духовную семинарию. По окончании 4-х классов семинарии в августе 1914 г. поступил в Иркутское военное училище, которое окончил в декабре 1914 г. в чине прапорщика. Некоторое время служил в Красноярске комроты. Согласно личному ходатайству получил назначение в действующую армию, - куда и отбыл в феврале 1915 года. «Более полугода пробыл герой на передовых позициях, но в сентябре 1915 г. в бою, идя впереди своей роты, ободряя и поддерживая мужество солдат, он был сражен неприятельской пулей в левый бок и живот. Умирая, выразил желание быть похороненным в г. Красноярске. Его брат, занимавший должность Уполномоченного Сибирско-Енисейского врачебно-питательного отряда получил разрешение на перевоз тела брата в родную Сибирь, согласно предсмертному завещанию Степана. Тело героя в цинковом гробу встречали на вокзале местное воинское начальство, наряд солдат, оркестр военной музыки. Перед вагоном была отслужена лития, в здании духовной семинарии проведена литургия, пели два хора: из воспитанников и солдатский хор. Оркестр играл траурные марши, был троекратный салют из ружей и множество венков. «Спи с миром в родной земле вблизи родного Енисея и родной семинарии, незабвенный герой. Пусть волны реки навевают тебе золотые грёзы; родная семинария будет молиться об упокоении души твоей и память о тебе и твоей геройской смерти передаст, как драгоценное наследие, грядущим юным поколениям». Речь преподавателя Соболева на панихиде Хруцкого:

«Нам твоим товарищам приятно иметь тебя в списке своих незабвенных друзей. Ты и нам делаешь честь своей славой героя. Твоё доброе имя будет незабвенным именем не только для нас, но и для всех будущих сынов нашей духовной школы. Все они прочтут твоё имя вместе с именами других наших героев, помолятся за тебя – и это будет лучшим венком на могилу твою» [7].

К известным захоронениям на Троицком кладбище краеведы и поныне возлагают цветы, в том числе и Хруцкому Стефану Игнатьевичу.

С 1917 г. здание семинарии перестает выполнять свое изначальное предназначение, купола церкви были разобраны и до 1920 года в здании располагалось центральное бюро Красноярских профсоюзов. В 1919 году помещения духовной семинарии были отданы в распоряжение армии Колчака, а семинария переместилась в епархиальное женское училище.

В 1920 году здание семинарии занял гарнизонный военный госпиталь, переехавший сюда с Плац-парадной площади, работал он и во время Великой Отечественной войны. В годы войны здесь профессор Войно-Ясенецкий консультировал и проводил операции. В начале 30-х годов один этаж госпиталя был отведён под санаторий, где отдохнули такие известные люди как Иван Папанин и Отто Шмит.

В настоящее время здание принадлежит министерству обороны, в нём размещается военный госпиталь. Сохранность здания вызывает оправданную обеспокоенность общественности. Отчетливо заметны отслоение штукатурного слоя, следы замачивания стен, разрушения декора, трещины. В марте 2022 г. Арбитражный суд Новосибирской области по иску Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края обязал Управление имущественных отношений Министерства обороны Российской Федерации выполнить работы по сохранению объекта культурного наследия федерального значения. И тогда старинное здание обретет достойный вид.

Список литературы

[1] Памятные места Святителя Луки Войно-Ясенецкого в Красноярске / [ред. О. С. Кечин ; фот. Б. М. Кацева]. Красноярск: Дар, 2015. 47 с.

[2] Оруджиев, Д. Р. Основные тенденции развития духовного образования в Сибири в XVIII – начале XX в.: [в том числе в Енисейской губернии] / Д. Р. Оруджиев // Вестник ТГУ. 2017. № 422. С. 140-144.

[3] Александр Фольбаум. Губернский архитектор // СНиП. Красноярск : строительные новости и проблемы. 2013. 10 дек. (№ 39). С. 14-18; СНиП. Красноярск. 2013. 25 дек. (№ 40). С. 14-18.

[4] Малашин Г. В. 160 лет со дня рождения Константина Алексеевича Успенского, ректора Красноярской духовной семинарии (1895-1897), редактора "Енисейских епархиальных ведомостей" (1884-1894) / Г. В. Малашин // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2016 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края. Красноярск: ГУНБ, 2015. – С. 201-203.

[5] Борисова. А. П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914-1918 гг. / Алла Павловна Борисова. Красноярск : Офсет, 2019. 607, [56] с.

[6] Добровольцы из воспитанников Красноярской духовной семинарии // Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск. 1914. 1 окт. (№ 19). С. 20.

[7] Венок на могилу героя // Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск. – 1915. 15 дек. (№ 24). С. 8-9.

УДК 091.31

«Вся жизнь дыхания нашего в книгах»: м. Македония – книжница староверов-часовенных наЕнисее

Быкова Екатерина Васильевна
Кандидат искусствоведения, доцент,
Вятский государственный университет, г. Киров, Россия.
ev2_74@@mail.ru , https://orcid.org/0000-0002-6024-5398

АННОТАЦИЯ Научные экспедиции на Енисей подтверждают, что традиции переписывания книг и формированиестарообрядческого художественного и книжного центра продолжало формироваться в середине XX века в Сибири. М. Македония (1870 –е гг. – 1967) – известная книжница староверов-часовенных на Енисее. Анализ найденных рукописных источников – это Цветники, которые включают«Повестьо преставлении некоей благочестивой девицы», «Повесть о царице и львице», «Сказание Иеронима о святом ключе», а такженебольшие тексты из Месяцеслова, Поучений и Святого Писания с большим количеством рисунков, выполненных чернилами и акварелью. Компаративные исследования позволилирасширить и дополнить биографию м. Македонии в контексте локальной конфессиональной истории и соотнести с биографией ее брата, известного книжника в часовенном согласии на Урале, Губкина Елисея Петровича.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА рукописная книга; староверы-часовенные; староверческий скит; книжная миниатюра; Урало-Сибирский патерик; книжная культура, рукописная книга, М.Македония (М.П.Губкина), Губкин Е. П.

Со времен раскола XVII века и до сегодняшнего дня во всех толках и согласиях «ревнители древлего благочестия» сохраняют бережное отношение к своему художественному наследию – иконам и книгам.Старообрядческие художественные центры Выга и Лексы, Гуслиц, Ветки, Городца, Москвы распространяли свою книжную и иконописную продукцию по всей Российской империи в течение XVIII-начала XX вв. и в дальнейшем оказывали влияние на складывание индивидуальных стилей переписчиков, которые использовали их как образцы. Книги из этих центров часто встречаются в старообрядческих личных библиотеках Сибири. Формирование старообрядческой книжной культуры на Енисее обусловлено временем и жизненными обстоятельствами: постоянные миграции, гонения, уничтожение религиозной литературы в течение всего XX века и дальнейшее ее восполнение сохраняло традиции переписывания книг. О скрипториях на Енисее и его притоках в XX веке свидетельствуют документальные источники и многочисленная переписка. Составление в скитах Родословий, где часто упоминается о переписывании книг, подтверждается книжными собраниями в староверческих общинах часовенных Сибири.

Уральскими и сибирскими археографами открыты десятки имен духовных крестьянских писателей в Сибири, в том числе на Енисее. Труды Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой для изучения староверов-часовенных являются фундаментальными, так как содержат большое количество документальных источников по истории и формировании книжной культуры[4; 9].Народная христианская литература старообрядчества с периода ее оформления в XVIII веке до сочинений начала XXI века стала предметом рассмотрения в монографиях О. Д. Журавель[5]. Коллективная работа новосибирских археографов над публикацией Урало-Сибирский патерика, ввела в научный оборот уникальный источник для восстановления личных историй в часовенном согласии старообрядчества[10].

В результате экспедиций к староверам часовенным в Красноярском крае в 2018-2022 гг. на Енисее были выявлены образцы рукописных книг с иллюстрациями, выполненными в 30-60-е годы XX века в скитах и таежных заимках. Особо выделяются памятники позднего времени, среди них - рукописи черноризицы Македонии. Принадлежность рукописей, история их создания, были установлены при опросе информантов, которые лично общались с ней, так как посещали скит, где она жила и была уважаемой старицей

в староверческих общинах этого ареала проживания (на р. Кас Енисейского района Красноярского края). Информанты делились своими детскими впечатлениями от общения с матушкой Македонией, отмечая ее немногословность и метафоричность речи. Из беседы с информантом (экспедиция 2019), которая вспоминала о посещении Македонии, когда ей было десять лет (1961 год):

> «Она была небольшого роста, очень тихо говорила... Любила притчи рассказывать... Неделями я потом дома думала, что матушка имела в виду: мзда дается не труду, а смирению... Любила Ефрема Сирина цитировать и Писания...».

Свидетельства современников близки к описанию в Патерике: «Кротка и смиренна была в житии, себе уничижала во всем, ризное украшение не любила, носила одеяние простое и немногоцветно, но и не худое. Была зело молчалива, только что спросишь - ответит. Всем была образ добродетели. Терпение у нее было великое, ей все было добре»[10, с. 186]. В работе при синхронизации данных устная история накладывалась на документальные источники в виде писем и рукописей, которые предоставляли информанты. Источники реконструкции биографии опираются на документы Луговатского сельсовета, в частности, Пофамильного списка, составленного в 1940 году и проживающих в населенных пунктах, относящихся к сельсовету и Похозяйственные книги с 1935 года с указанием состава семьи и их хозяйства (Енисейский районный архив. Ф. Р-277. Опись 2.Д. 16. Похозяйственная книга № 16М-Грива,Шлюз Налимный, Н.Безымянка, М.Кас. 1941 г.Ф. Р – 277. Оп.2 д.49. Списки лиц, проживающих на территории сельского совета. 1951 г. (Луговатский с/с). По книгам можно проследить время появления отдельных заимок, состав семей, год рождения. Таким образом, восстанавливался круг общения матушки Македонии. В отдельных семьях пожилое поколение еще помнят посещение ее скита наВасевской заимке в кон.50-х–нач.60-х гг. XX века. Тем не менее, часто наБезымянке пересказываются тексты опубликованного Патерика, популярного домашнего чтения в домах современных жителей. Биография м.Македонии изложена во втором томе «Повести чюдесных событий» в «Родословие стариц». Написана она была с рукописи черноризицы Флены и «той самой Македонии. И от повести отца Антония» [10, с. 181-188].

Известная книжница часовенных матушка Македония (в миру Мариамия Петровна Губкина) родилась в старообрядческой крестьянской семье в Томских пределах Белобородовой тайги в 70-е годы XIX века. С детства, читая духовные книги, испытывала «ревность жить в пустыне». В Патерике приводится воспоминания, о том как, прочитав о жизни отшельников, она решила уйти в лес тайно от родителей: «Взяла питания и зделала себе келенку в земле...Потом ее родители и домашнии пошли искать, нашли и увели домой»[10, с. 181]. В дальнейшем эта история встречается в устной и письменной трансляции и упоминается в Родословии в среде старообрядческих общин часовенных на Енисее.

В экспедиции были обнаружены письма Елисея Петровича Губкина с Урала своей сестре м.Македонии в Сибирь. При соотношении документальных источников было выявлено, что брат м.Македонии (Мариамии Петровны Губкиной) – Губкин Елисей Петрович, родился в Томской губернии Семилужской волости (Белобородова тайга), деревни Заимка в 1874 году. Письма для сестры были написаны братом в начале 30-х годов XX века и переданы одноверцами при посещении м.Македонии. Елисей Петрович Губкин занимался иконописью и переписыванием книг, был наставником при моленной часовенных, в которой и проживал в деревни Сыскова Пышминского районаСвердловской области. Он был арестован в октябре 1937 года, расстрелян 17.01.1938[8; 9]. В письмах Елисей Петрович Губкин высоко оценивает рукописные лицевые Цветники «пересаживая дивные цветы в свои книжные сады». При этом, в автобиографии, написанную при аресте, Елисей Петрович утверждал, что был

единственным ребенком в семье, чтобы не подвергать преследованиям своих сестер[9]. Из биографических данных становится очевидным, что дети в семье получили первые уроки духовного воспитания: чтения и письма на старославянском языке, интерес к жизни в обители. Они с детства переписывали книги и рисовали, имея хорошую семейную библиотеку. Книги, переписанные Елисеем Петровичем Губкиным, хранятся в археографической лаборатории Уральского федерального университета [9].

В 90-е гг. XIX в. Мариамия Губкина ушла в пустынь на р. Юксе (Чулымская тайга), жила у матери Порфирии 10 лет в строгом послушании. Скит на реке Юксе был основан в 1892 году. Духовником этого скита был отец Савва, проживало там 12 инокинь. Здесь «поучительных писем немало написала, и по сие времяхранятся у пустынножителей и мирян ея руки письма душеполезныя»[10, с. 182]. Затем двадцать лет она провела в обители матери Мелетины, а потом на р. Двоечаг (близ р. Парбиг)– 12 лет. Обители, в которых прошли молодые годы Македонии, имели богатые книжные собрания, в том числе рукописных и старопечатных книг. Македония была ученицей матушки Мелетины (Кунгурской). Археографы из Томска и Новосибирска при описании библиотек староверов в Сибири отмечают значительные собрания рукописных книг, в том числе и поморской работы, позднего происхождения. Возможно, одна из таких библиотек и была в монастырях, где проживала и обучалась книжному мастерству Македония. Иноческий чин Македония получила от отца Израиля, когда жила в обители матушки Мелетины. В этой обители была создана рукопись «Великое Зерцало» в 1925 году.

Книжно-рукописная традиция развивалась на фоне активного использования старообрядцами типографских изданий. Интересно, что независимо от того, переписывали они тексты Священного Писания или духовные стихи, записям придавали «личностный» характер. Исследователь О.Д. Журавель отмечает метафоричность языка матушки Македонии, как одаренной писательницы, составителя отдельных глав Патерика [5, с.312]. О сложении индивидуального стиля на основе древнерусских традиций и «личностном» характере свидетельствуют как тексты, так и книжные миниатюры в рукописях. Интересно сопоставление стилистики изображения отдельных элементов пейзажа и орнамента, который заимствован из печатных книг и настенных святцев, популярных в XIX- начале XX вв.

После 1917 года отъезда м. Мелетины в тайгу (на Водянку), Македония осталась на Двоечаге (Томская область) «допокаивать, исправлять старушек». Здесь она продолжала переписывать книги. В 30-е годы XX века с прочими старицами и старцами она переехала в Енисейские пределы и жила с матерью Евстолией на Безымянке и на Малом Касу. По Родословию, составленному в монастыре, матушка Евстолия была ученицей Македонии, переписывала книги, но в 1937 году уехала на Дубчес с отцом Симеоном.В найденных рукописях, выполненных матушкой Македонией, тема пустыни занимает значительное место в миниатюрах и текстах. Жизнь в обители, пейзаж с рекой и домом («пустынь»,«кельи»), образы черноризцев и черноризиц появляются в иллюстрациях на страницах рукописей, найденных в экспедициях[3]. Достаточно распространенной иллюстрацией в рукописном творчестве книжницы является изображение птиц Сирина и Алконоста. Описывая жизнь девиц-пустынниц можно найти сравнение: скинув ярмо «житейских суетий» они стали сами «безпечальными птицами» и живут там, где не слышался более ничей голос, кроме небесных птиц. Последовательность картинок свидетельствует о такой интерпретации, т.к. они расположены перед изображением обители. При этом стилистика изображения райских птиц близка к лубочной картинке. По свидетельствам информантов, м. Македония любила рисовать природу, животных и птиц. Найдено несколько рисунков, которые были вложены в рукописные книги, подтверждающие это[2].

В 1948-1949 гг. начались репрессии в староверческих поселениях на Енисее в Красноярском крае. На Безымянке были арестованы наставники часовенных, проведены

обыски и частично уничтожена и вывезена духовная литература. Матушка Македония после разорения моленных и скита восстанавливала богослужебные книги: «... опять пишу. Здесь ныне стариков благословили наставников, у них нет ничего, и писать много потребовалось»[10, с.183].

После разорения в 1951 году Дубческих обителей м. Македония с м. Евстолией жили на Еловой. Она писала и рисовала по памяти: эта особенность отмечена о. Антонием, который навестил ее скит на Еловой. Выявленная в экспедиции лицевая рукопись «Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной»по словам информантов, была создана в 50–60-е гг. XX века матушкой Македонией. В рукописной книге 58 листов с 18 книжными миниатюрами, написана полууставом, миниатюры выполнены акварелью.В ней доступно описывается состояние сердца человека в разных духовных состояниях.В качестве источника м. Македония использовала популярные печатные издания конца XIX – начала XX, а так же рукописные книги [1].

С 1960 по 1967 год м. Македония жила на Безымянке «ту сконча временную жизнь». Как повествует послушница, мать Македония предсказала ей о своей кончине:«....она перед концом немного время поболела и преставися в тихом спокойном виде 29 декабря 1967 [7475] года, а память ей 17 февраля. Тело ея покоится на Малом Касу на Васевской заимке»[10, с. 186]. В 2000-х годах она была перезахоронена наДубчесе, в одном из женских монастырей.

Работа по выявлению рукописного наследия Македонии позволила встретиться с очевидцами, которые будучи детьми, по просьбе взрослых приносили ей в скит еду и гостили, знакомясь со Святым Писанием, слушали назидательные беседы.За это она детям делала подарки в виде небольших Цветников с рисунками и цитатами из трудов известных богословов и Священного Писания. Детские Цветники небольшого размера, квадратные, от 5 до 7 см, с небольшими текстами из Месяцеслова, Поучений и Святого Писания и большим количеством рисунков, выполненных чернилами и акварелью. Состав изображений различный. Но в иллюстрациях можно выделить блоки: общепринятая иконография с изображением Богородицы, Св. Николы; пейзаж «прекрасной пустыни»; иноки и старицы-черноризицы; «беспечальные птицы» Сирин и Алконост; грешный человек и его муки. Тексты в детских Цветниках лаконичные, ограничиваются одной-двумя страницами, написанными полууставом или только подпись, сопровождающая картинку. Цветник и Канонник, выполненный для взрослого, отличается своей структурой:сопровождается развернутыми текстами и количество иллюстраций в них ограничено.Интересная визуальная метафора в сопоставительном рисунке отшельника-пустынника и рака. Графическое изображение отшельника Антония со сложенными руками свидетельствует о закрытости и ухода от мира, как и поведение рака, который никогда не покидает своего дома. Иллюстрации, которые создает м. Македония, с одной стороны, многозначны и могут рассматриваться самостоятельными картинками, с другой – вписаны в контекст книги, и создают единое вербальное и визуальное пространство с развитием повествования. Цитата из ее письма: «Вся жизнь дыхания нашего в книгах»[5, с. 330]отражает суть художественного творчества и особое отношение к книге. В одном из найденных Цветников мы находим речь старца Силуяна о «деятельной книге»: «Подобаетъ зело чести книги наипаче деятельный книги напременно нужно чести всякичасъ. На вопрос кия суть деятельныя книги. Отвеща. Святого Ефрема Сирина. Аввы Дорофея. Священноинока Дорофея. Святого Иоанна Лествичника. Лествица. Альфа. Святого Исаака Сирина. Нила Сорского. Все книги читать полезно. А что ети деятельныя книги наипаче всехъ нужна намъ в нихъ ходить непременно всякия день, ходить, ходить»[8]. Так, заканчивает один из детских Цветников м. Македония, который был написан для отрока Афанасия, часто приходившего к ней в обитель в 60-е годы XX века.

Таким образом, в результате анализа документальных источников, оцифрованных

рукописей и опубликованных данных, сделана попытка синхронизировать полученные сведения и сделать атрибуцию рукописей. Компаративный анализ различных уровней источниковой реальности позволил дополнить и пересмотреть некоторые факты в биографии м.Македонии (Губкиной М.П.) и установить родственные связи.Анализ изобразительных средств и стилистики в рукописном книжном творчестве м.Македонии подтверждают использование древнерусских образцов различных старообрядческих художественных центров и переработку книжной графики книг изданных до 1917 года.Широкое распространение эта традиция получила в старообрядческих общинах, которые уходят от «мира» и живут в тайге на Енисее. Традиция создания рукописной книги у староверов сохранилась до сегодняшнего дня и активно развивается на Енисее в часовенном согласии.

Список литературы

[1] Быкова Е.В. «Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной»: рукописная книга и современный лубок староверов-часовенных на Енисее / Е. В. Быкова // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 143-152. DOI 10.26158/TK.2021.22.2.012.

[2] Быкова Е.В. Пригарин А.А. Судьба книжницы-старовера в контексте биографических реконструкций: (со)знание часовенных Енисея и документальные поиски// Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: Сборник материалов международной научной конференции, Москва, 26–27 октября 2020 года / Институт российской истории РАН. Москва: Институт Российской истории РАН, 2020. С. 314-327.

[3] Быкова Е.В. Пригарин А.А. Визуальный образ черноризца в староверческих рукописях на Енисее// Этнос и конфессия. Материалы Восемнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУТД. 2019. С. 33-38.

[4] Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. История Сибири: первоисточники; вып. IX. Новосибирск, 1999. 799 с.

[5] Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII– начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

[6] Клюкина Ю.В. «...Проживая в молельне, занимается изготовлением и распространением контрреволюционной литературы...» (данные к биографии старообрядческого «изуграфа» XX в. Е. П. Губкина по материалам судебно-следственного дела)//Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 107-122.

[7] Клюкина-Боровик, Ю. В. Послание зауральского наставника старообрядцев-часовенных о временах, нравах и покаянии в конце 1920-х гг // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 1(136). – С. 44-51.

[8] М.Македония. Цветник духовный для отроков/ авт.сост. Е.В.Быкова, А.А.Пригарин. – Киров: ООО «Кировская областная типография», 2020. 72 с.

[9] Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII-XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Наука, 2002. 471с.

[10] Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т./ подгот. Н.Н. Покровский, Н.Д. Зольникова, О.Д. Журавель. М.: ЯСК. Кн. 1.Т.1-2. 2014. 464 с. Т.2.2016. 296 с.

УДК 94(57)

Миф о золотом самородке в 3 пуда 27 фунтов

Вавиленко Ольга Михайловна
Заслуженный журналист РФ, с. Сухобузимское, Красноярский край Россия.
vavilencko.olga@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В научной и краеведческой литературе сообщается о том, что в 1878 г. на прииске «Попутный» южной части Енисейского округа был найден гигантский самородок золота в 3 пуда 27 фунтов. Арендатор прииска купец первой гильдии А.К. Матонин якобы утаил находку. Против него было возбуждено уголовное дело, которое рассматривалось в суде. Об этом событии писали столичные и губернские газеты. Почему не был осужден Матонин? Как установить, где правда, а где вымысел? Автор пытается пролить свет на это событие с помощью архивных документов, отложившихся в Государственном архиве Красноярского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейский округ, золотопромышленность, самородок, купцы Матонин и Черноколпаков, городовой и губернский суд

Описывая состояние золотопромышленности в 1876 г., А.И. Кытманов в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии1594–1893 гг.», подчеркивал, что в Южной тайге хорошо обстоят дела у Аверьяна Матонина на Ильинском прииске по Кадре, где добыча золота достигла своей высшей цифры – 16 п. 31 ф. Он также сообщал:

> «Большую сенсацию произвело открытие золота по р. Рыбной, где Черноколпаков заявил «Попутный» прииск. Сколько людей проезжало по этой местности, и никто не подозревал здесь присутствия хорошего золота. «Попутный» и отведенный вскоре за широтой его Козмодемьяновский прииски были главными приисками по реке Рыбной. Разработка первого прииска началась с 1878 г., а второго с 1880 г., оба прииска давали по 22 пуда» [10, с.529].

Но впереди ждала куда большая сенсация, связанная с прииском Попутным. В 1878 г. С.Е. Черноколпаков передал его в аренду Матонину. Как же он пожалел об этом, когда до него дошла невероятная, потрясающая новость – на Попутном найден уникальный самородок золота. В его размеры невозможно было поверить. И тем не менее не только молва, но и газеты утверждали: самородок весом в 3 пуда 27 фунтов (60 килограммов 198 граммов)! Такого крупного еще не было в истории России!

Надо сказать, самородки золота встречаются чрезвычайно редко, поэтому имеют высокую ценность, их называют не иначе как чудом природы или даром Божьим. Подавляющее большинство их имеет весьмаскромные размеры и массу в несколько десятков или сотен граммов.Килограмм – уже музейная редкость.Самый большой самородок, который удалось найти в России, и это документально подтверждено, поднят в 1842 г. в долине р. Миасс на Урале. Он получил название «Большой треугольник», вес – 36,018 килограмма. Хранится и поныне в Кремле, в Алмазном фонде России.

В Российской империи с 1825 г. согласно царскому указу даже совсем мелкие самородки золота и платины **«имеющие несколько золотников весу, как предметы особенно редкие»** подлежали передаче в музей Санкт-Петербургского высшего горного училища. Понятно, что крупные самородки представляют собой особую ценность не только из-за стоимости заключённого в них металла, но и как важный геологический материал для науки. По существующим правилам Аверьян Козьмич обязан был зарегистрировать находку в шнуровой приисковой книге, сообщить о ней в надзорные органы, а затем отправить ее в столицу. Но он ничего не сделал из перечисленного…

Эта история полна загадок. Как установить, где правда, а где вымысел? Разве что попытаться пролить свет на это событие с помощью архивных документов, отложившихся в Государственном архиве Красноярского края. Вот как описывал

ситуацию собственник прииска «Попутный» в своей жалобе в Енисейский губернский суд:

> «Сам Матонин, осмотрев самородку, признал в ней, по его буквальным словам, чудо природы, и феноменальное произведение минерального царства … в восторге от редкостной самородки, забыл все условия нашего договора и все обязанности, налагаемые Горным Уставом на золотопромышленника, помня только одно, что богатому человеку, миллионеру, каковым был он, Матонин, в Сибири все можно себе позволить, и увлекаемый страстью приобретения, тайно увез эту самородку с прииска к себе на дом в Енисейск, без установленного письменного свидетельства начальства, без записки в установленную шнуровую книгу, одним словом утаил ее в свою пользу и тем лишил меня арендной платы в количестве более 9 тысяч руб. а на себя навлек еще штраф следующий в казну до 50 тысяч руб.» **[1, л.5]**

Далее Степан Евгеньевич Черноколпаков утверждал, что в поступке Матонина заключаются все признаки преступления, преследуемого по статьям 599 и 1690 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. За утайку находки у купца должны конфисковать все добытое золото, а сам он лишался права на золотопромышленность, а сверх того за подлог по ст.1690 – лишению всех прав состояния и ссылке на поселение. Не сгущает ли истец краски, описывая столь суровую кару? Одно только лишение всех прав состояния означало гражданскую смерть: лишение прав, преимуществ, собственности, прекращение супружеских и родительских прав.

Действительно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (Дополнено по продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям, с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената), в главе четвертой «О нарушениях Устава Горного» есть такие статьи. Ст. 598 уложения предусматривает санкции по ст. 1690 и платеж в пользу казны двойной подати, если владелец

> «в данные ему от правительства шнуровые книги для записки добываемых или выплавливаемых им металлов, запишет меньше, нежели их действительно добыто или выплавлено, с намерением утаить остальное, или допустит, также с умыслом, в ведении книг какой-либо подлог». А ст. 599 гласит: «Виновные в утайке и подлогах по частным золотым, серебряным и платиновым промыслам, подвергаются: наказаниям за подлоги, определенным в статье 1690 сего уложения, и сверх сего, когда в оных изобличены сами хозяева промыслов, то они лишаются права на все свои прииски, хотя бы утайка или подлог были обнаружены только на одном из них» **[11]**.

Черноколпаков в соответствии с письменным договором получал от Матонина попудную плату с добытого золота. Посчитал: утаив находку, арендатор лишил его дохода более чем в 9000 рублей, и принялся писать многочисленные ходатайства о привлечении Матонина к уголовной ответственности. Первую жалобу составил в 1879 году на Енисейское окружное полицейское управление, на «непроизводство следствия по предмету скрытия купцом Матониным самородка золота».По этой ли жалобе или по другим основаниям против А.К. Матонина возбудили уголовное дело. По окончании следствия оно поступило в Енисейский городовой суд. Как свидетельствуют документы, в ходе судебного разбирательства

> «из показаний Матонина и свидетелей выяснилось, что при разработке в лето 1878 года прииска Попутного был найден камень весом более 3 п. с внешними отблесками золота, что камень этот с прииска был увезен в Енисейск и тут в 1879 г. во дворе дома Матонина был разбит, части его были истолчены и из образовавшихся песков, переданных затем Матониным на Попутный прииск, было получено золота 18 золотников, которое по утверждению Матонина и его служащих, было записано в надлежащую казенную книгу в число общее массы добытого на Попутном золота»**[1, л.15]**. Суд постановил: «Енисейского 1-й гильдии купца Матонина по обвинению красноярского купца Черноколпакова в скрытии найденного самородка от суда освободить».

Черноколпаков приговор обжаловал. Он доказывал, что в ходе следствия преступление вполне подтвердилось как собственными признаниями Матонина, так и показаниями свидетелей Фунтосова, Харченко, Грязнова, Мясникова, Широких, Щербакова, горного ревизора Богуславского. По мнению Черноколпакова, свидетели, в том числе Богуславский, старались выгораживать Матонина, давать объяснения к его оправданию, но невольно дали доказательства, что Матонин тайно увез с прииска не только этот самородок, но и несколько других подобных находок. Но несмотря на все это, городовой суд в июне 1883 г., якобы подвел деяние Матонина под закон о простых находках и освободил его от ответственности.

Не видя материалов следственного дела, нельзя объяснить, на чем основывались утверждения Черноколпакова. Однако возникают вопросы. В решении суда отмечается, что найденный камень был «с внешними отблесками золота». Надо ли это понимать, что изначально были видны золотины? Если да, то почему находка не записана в шнуровую книгу? Ведь в нее промышленники или заведующие приисками обязаны были записывать все добытое золото. По окончании годовой промысловой операции шнуровая книга представлялась на ревизию в управление. И вообще, имел ли право Матонин увезти найденную глыбу с прииска к себе домой? Ведь на тот момент было неизвестно, сколько драгоценного металла она содержит. По документам, только на следующий год выяснилось, что всего 18 золотников (76,86 грамма). Или Матонин взял на разработках просто камень необыкновенной красоты, а позже выяснилось, что он содержит драгоценный металл?

Черноколпаков продолжал строчить жалобы. Одну из них – о неправильных действиях горного ревизора Южной части Енисейского округа Богуславского и незаконном решении Енисейского городового суда, он отправил Главе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. По поручению генерал-губернатора Главное управление Восточной Сибири направило письмо Енисейскому губернатору с просьбой «представить Его Превосходительству надлежащие сведения». Енисейский губернский суд отвечал, что

> «Дело об утайке купцом Матониным самородка поступило на апелляционное разсмотрение из Енисейского городового суда 1 ноября 1883 года и остается нерешенным за непрочтением и рукоприкладством записи из оного поверенным потомственного почетного гражданина А.К. Матонина отставным статским советником Василием Фоминым Долгушиным» [4, л.8].

История с самородком получила широкую огласку, наделала много шума, как писал Черноколпаков, «производила большую ажитацию в золотопромышленном мире не только по Енисейской губернии, но по всей Сибири и даже в столицах о ней …много печаталось статей в газетах» «[1, л.5.].

В «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири» сообщается, что на столь неординарное событие откликнулась газета «Восточное обозрение», издававшаяся в Санкт-Петербурге. В публикации (в №7 за 1884 г.) был брошен упрек в адрес стражей правопорядка, говорилось «о халатном отношении горной полиции к казенным интересам и покровительстве крупным коммерсантам» [12, с.29].

В какой-то момент терпение Аверьяна Козьмича лопнуло. В ГАКК есть дело Енисейского общего губернского управления «по двум прошениям потомственного дворянина Аверьяна Матонина, ходатайствующего о привлечении к уголовной ответственности купца Черноколпакова за оклеветание просителя», начатое 3 августа 1883 года. Но в нем, к сожалению, всего 4 листа – сопровождающий документ и подписка А.К. Матонина от сентября 1883 г., данная «помощнику пристава 2 участка г. Енисейска в том, что предписание Г. Енисейского Губернатора от 3 августа за № 10514 по делу моему с купцом Черноколпаковым мне объявлено, в чем и подписуюсь. Почетный гражданин

Аверьян Матонин» [5, л. 4].

В чем состояло предписание Господина губернатора – неизвестно. Как и не известно, дошли ли до суда прошения Матонина о привлечении Черноколпакова к ответственности за клевету. Очевидно, смерть, последовавшая 1 января 1884 г., не позволила Матонину отстоять свою честь, достоинство и деловую репутацию.

Смерть противника не остановила Черноколпакова. По его апелляции Енисейский губернский суд 27.01.1884 г. признал производство следствия неполным. К тому же отметил процессуальные нарушения Енисейского городового суда. Приговор городового суда был отменен.

Из архивных документов видно, что в Енисейске проводилось дополнительное следствие по делу Матонина, но никаких фактических данных, которые доказывали бы обвинения Черноколпакова, оно не установило. По окончании дополнительно исследования его материалы поступили к товарищу прокурора по Енисейскому округу, который 31.03.1890 г. внес предложение о прекращении дела. Енисейский окружной суд (преемник Енисейского городового суда, просуществовавшего до 1886 г.) своим определением от 21.04.1890 г. за отсутствием состава преступления и смертью обвиняемого дело дальнейшим производством прекратил. Но по какой-то причине не известил об этом Черноколпакова. И это дало ему повод потребовать привлечь к ответственности членов и секретаря Енисейского окружного суда со взысканием с них убытков, причиненных «задержанием дела в безгласности с апреля 1890 г... и от непользования следующих мне капиталов с Матонина в количестве 2478 руб.» [1, л.11].

Такое требование он изложил в частной жалобе в Енисейский губернский суд от 6 октября 1894 г. При этом отметил

> «волокиту, пристрастность и неправосудность, наклонную располагаться в пользу богатого подсудимого и обходить для этого законы»[1, л.10].

Пишет, что не мог предположить, что суд решится на явную противозаконность и выражал надежду, что его многократные и многолетние ходатайства приведут к правильному производству и скорейшему окончанию дела. Черноколпаков просил губернский суд постановление окружного суда от 21.04.1890 г. признать недействительным

> «и предписать тому суду представить это дело в губернский суд на законное рассмотрение и решение...а смерть обвиняемого не может быть поводом к прекращению этого дела, как соединенного с интересами третьих лиц... не может освобождать от имущественной ответственности, которая лежит на наследниках Матонина, принявших оставленные им миллионы»[1, л. 9].

Истец попросил заявленный им гражданский иск в количестве 9389 р. обеспечить имуществом наследников, проживающих в Енисейске и Красноярске.

Данное уголовное дело губернский суд рассмотрел 6 февраля 1895 г. в присутствии товарища губернского прокурора Л.А. Лукашевича. И пришел к выводу, что решение окружного суда правильное, так как следствием достаточно выяснено, что из камня, найденного на прииске Черноколпакова, получено всего 18 золотников золота, и следствием не доказано, что оно не поступило в казну. Суд не усмотрел

> «данных, по коим можно было бы прийти к убеждению о том, что Матонин означенный выше камень увез с прииска с какой-либо преступной целью, а не ради простого любопытства в произведении минерального царства» [1, л. 20].

Губернский суд определил: прошение Черноколпакова оставить без последствий.

Черноколакова это решение, конечно, не устроило и через своего поверенного статского советника Плавтова он обратился с жалобой к губернатору. И вновь пошли проверки. И вновь губернский суд 3 марта 1897 г. рассматривал дело. Но, видимо, на этом эпопея еще не закончилась. В № 45 газеты «Енисейские губернские ведомости» за

1899 год в «Списке дел, назначенных к слушанию по гражданскому отд. Красноярского окруж. Суда на 29 октября 1899 г.» я нашла иск Степана Черноколпакова к вдове Аверьяна Козьмича Ольге Матониной о 8268 р. 78 к. [8, с. 3] В чем состояла претензия на этот раз выяснить не удалось. Как не удалось изучить другие архивные документы, относительно этой тяжбы. В ГАКК, кроме рассмотренных выше, обнаружены ещё четыре дела [2; 3; 6; 7]. Причем, вполне возможно, что и этот список нужно дополнить. Но из приведенных документов видно, что купец 2-й гильдии С. Е. Черноколпаков (позже перешел в сословие мещан) в течение 20 (!) лет вел судебную тяжбу. Наверное, нельзя объяснить столь упорное стремление доказать свою правоту только материальным интересом. В заявлении 1894 года общая сумма взыскания составляет 11867 руб. Существенна ли она для золотопромышленника? Можно предположить, что двигали им все же другие мотивы. Дело рассматривалось неоднократно, следствие тоже шло несколько лет. Вина Матонина не была доказана. Значит, можно сделать вывод, что на Попутном прииске был поднят не гигантский самородок, поражающий воображение, а просто камень редкостной красоты. Кстати, А.И. Кытманов в своей «Краткой летописи» со слов золотопромышленника И.М. Ячменева записал:

> «Много шуму в приисковом мире наделала находка самородка золота на Попутном прииске у Матонина. Самородка или вернее камень с золотом весила 3 п.20 ф. Впоследствии оказалось в «самородке «очень немного золота» [10, с. 538].

Но эта загадочная история, готовый сюжет для детективной повести или романа, кажется, еще не закончилась. Миф об уникальном Матонинском самородке жив до сих пор. В «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири», 2013 года издания и на множестве сайтов сообщается о нем как о достоверном факте. На сайте Музея геологии Средней Сибири в статье о самородках приводится

> «устное сообщение о состоявшемся в 1878 году в Канском уездном суде судебном процессе над купцом Матониным. На принадлежащем ему прииске Попутный в Южно-Енисейской тайге был добыт самородок весом четыре пуда (64 кг!). Матонина судили за сокрытие этого самородка от властей и уклонение от уплаты налога с добытого золота. Но пока эти сведения не нашли полного документального подтверждения. Если это подтвердится, то самый крупный российский самородок окажется красноярским»[9].

Список литературы

[1] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.141. Оп.1. Д.1200. Дело об отклонении иска мещанина Черноколпакова к купцу Аверьяну Матонину;

[2] ГАКК. Ф.595 Оп.15. Д.12188. По прошению золотопромышленника Енисейского купца Степана Черноколпакова, жалующегося на непроизводство Енисейским окружным полицейским управлением следствия по предмету скрытия купцом Матониным самородка золота;

[3] ГАКК. Ф.595 Оп.15 Д.12341. По прошению Красноярского купца Степана Черноколпакова об обмане его Аверьяном Матониным по делу о найденном на Попутном прииске самородке 3 пуда 27 фунтов;

[4] ГАКК. Ф. 595 Оп.17. Д.2653. Дело Енисейского общего губернского управления по прошению золотопромышленника Черноколпакова, жалующего на неправильное постановление губернским судом окончательного решения по обвинению купца Матонина в преступных действиях;

[5] ГАКК. Ф.595. Оп.17. Д.2687. Дело Енисейского общего губернского управления по двум прошениям потомственного дворянина Аверьяна Матонина, ходатайствующего о привлечении к уголовной ответственности купца Черноколпакова за оклеветание просителя;

[6] ГАКК. Ф.595 Оп.17 Д.2636 По прошению золотопромышленника Черноколпакова о невозвращении ему городовым судом отзыва по делу об утайке купцом Матониным самородка в 3 пуда 27 фунтов;

[7] ГАКК. Ф.595 Оп.21 Д.260 Дело об отказе в рассмотрении жалобы статскому советнику Ф.И.Плавтову - поверенному Красноярского мещанина С.Е. Черноколпакова, на нарушение правил судопроизводства при рассмотрении дела по обвинению купца А. Матонина в похищении самородного золота с прииска Попутный, принадлежащего С.Е. Черноколпакову;

[8] Енисейские губернские ведомости. 1899. №45;

[9] Золотые самородки – удивительный «Божий дар» URL: https://museum.krasfond.ru/library/interesnye-fakty/89-zolotye-samorodki-udivitelnyj-bozhij-dar.html (дата обращения: 20.05.2022);

[10] Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии,1594–1893 гг. / А.И. Кытманов; отв.ред. Л.П. Бердников; авт.предисл.В.Г. Дацышен. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.;

[11] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.URL: https://www.prlib.ru/item/459767 (дата обращения: 20.05.2022);

[12] Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т.2. Новосибирск: ГЕО, 2013. 464 с.

УДК 93/94

Кинодокументы и их сюжеты,снятые в столице Енисейской губернии – Красноярске в период 1918–1920 гг.

Воног Евгений Анатольевич
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
vonog.ea@gmail.com

АННОТАЦИЯ В начале 20-го века Гражданская война в Сибири затронула промежуток времени, начиная с 1918 года и заканчивая 1920-м.Несмотря на то, что история российского кино началась лет на десять раньше эпохальных событий гражданского противостояния, сохранилось очень мало немых черно-белых кинохроник, снятых в период 1918–1920 гг., на кадрах которых можно увидеть облики сибирских городов, повседневность быта современников, а также городские праздники и памятные дни тех давних лет.В статье рассматриваются как известные, так и неизвестные кинохроники, сюжеты которых были сняты в Красноярске перед свержением впервые установленной в 1917 году Советской власти, во время действия колчаковского режима, а также после разгрома антибольшевистских сил и окончательной победы «красных» в 1920 году.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Гражданская война в Сибири, кинодокументы, визуальная история.

По мнению автора, наиболее ранняя сохранившаяся кинохроника периода 1918–1920 гг., в котором протекала Гражданская война в Сибири, была снята в столице Енисейской губернии – Красноярске в мае 1918 года. К этому времени с конца октября 1917 года в городе установилась Советская власть, а верховная власть в регионе находилась у соединенного губернского исполкома. В него входили исполкомы Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов и исполком Енисейского Совета крестьянских депутатов [4, с. 19]. Повествуя о майской кинохронике 1918 года, следует отметить, что она, продолжительностью около 6-ти минут, была обнаружена автором статьи в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) с архивным номером 11558 и названием «КиноХроника №1». Кинооператор не указан, но из вступительных титров становится ясно, что это продукт деятельности кино-секции Енисейского губернского отдела народного образования. В хронике на обозрение зрителям представлены два городских мероприятия – «Праздник труда» 1 мая 1918 года и «Праздник красноярского вольно-пожарного общества» 9 мая 1918 года.

Основная сюжетная линия «Праздника труда» – это движение пеших и верхом на лошадях военных и гражданских лиц города Красноярска по улице Воскресенской (ныне Мира) в сторону Новобазарной площади (ныне площадь Революции). На одном из многочисленных транспарантов можно прочесть лозунг «Да здравствует грядущий социализм!». Толпы горожан проходят мимо здания городского общественного собрания (ныне Дома офицеров), балкон которого украшен лозунгами и приветствиями, написанными на широких тряпичных лентах. Без всякого сомнения, что все они красного цвета.

Вторая часть «КиноХроники №1» – «Праздник красноярского вольно-пожарного общества» начинается с показа движения колонны пожарных (в темной форме и шлемах) во главе с духовым оркестром. Пожарные проходят по Благовещенской улице (ныне Ленина) у знаменитого красноярского здания пожарного депо, в котором и поныне размещается действующая пожарная часть. На мероприятии можно увидеть множество зрителей, в том числе находящихся на балконах каменных зданий, расположенных вдоль основных красноярских улиц – Благовещенской и Воскресенской, по которым проходили колонны пожарных. Автором статьи сделано предположение, что 9 мая 1918 года праздник красноярского вольно-пожарного общества завершился в районе реки Кача, где для горожан были устроены показательные учения по тушению пожара,

начавшегося по легенде на чердаке двухэтажного дома. Для эффекта использовалась дымовая шашка. Пожарные отрабатывали как собственную эвакуацию, так и жителей дома – спуск с чердака по матерчатому трапу на землю, прыжки на растянутый на земле батут, а также тушение огня с помощью телескопической лестницы, которую выдвинули на значительную высоту, но без опоры на фасад дома. Члены вольно-пожарного общества забирались на указанную лестницу с пожарными рукавами (гибкими трубопроводами) и с ее вершины тушили мнимый огонь водой, подаваемой по пожарным рукавам.

Во время праздника красноярского вольно-пожарного общества и в конце фильма сделана обзорная киносъемка группы лиц, которые стоя позировали оператору. Примечательно, что среди них присутствуют такие члены исполнительного комитета Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, как Я.Ф. Дубровинский и Г.С. Вейнбаум, а также командующий отрядами Красной гвардии – Т.П. Марковский. Это находит подтверждение в представленных титрах. Жить им оставалось считанные месяцы. Например, Т.П. Марковский без суда был казнен 27 июля 1918 года вместе с другими представителями Советской власти – А.П. Лебедевой и С.Б. Печерским во время конвоирования с пристани в тюрьму. Заключенные Я.Ф. Дубровинский и Г.С. Вейнбаум были расстреляны в 20-х числах октября 1918 года.

После свержения Советской власти в Сибири и установления диктатуры адмирала А.В. Колчака окрестности Красноярска дважды отметились в коротких эпизодах фильмов. По крайней мере, на сегодняшний день автору известны лишь две кинохроники со съемками, проходившими в «белом» Красноярске.

Первый эпизод был снят на перроне железнодорожного вокзала Красноярска американскими кинооператорами 3 декабря 1918 года. Несколько секунд времени американцы уделили внимание итальянским военнослужащим, которые коротали время у своих вагонов. Легко одетые итальянцы на перроне между двумя железнодорожными составами проявляли бодрость духа и оптимизм. В патриотическом порыве они даже растянули перед камерой свой национальный триколор с изображением савойского щита и Королевской короной в середине. Эти кадры стали частью кинохроники американских интервентов, снятой на Востоке России с 6 ноября 1918 года по 1 апреля 1920 года и получившей название «Allied Expeditionary Forces in Siberia» («Союзные экспедиционные силы в Сибири») [5]. Впервые этот немой черно-белый фильм продолжительностью чуть более 2-х часов стал доступен общественности в 2014 году, когда Национальное управление архивов и документации США (National Archives and Records Administration –NARA) обеспечило к нему свободный доступ в сети Интернет [1]. Кадры кинохроники снимались американскими военнослужащими – кинодокументалистами в составе такого подразделения как Корпус связи армии США (USArmySignalCorps). Автором установлено, что в составе группы, изначально состоящей из шести кинофотодокументалистов «SignalCorps», непосредственно кинооператорами являлись капитан Кингсмор (Howard P. Kingsmore) – руководитель группы, лейтенант О`Коннел (L.W. O`Connell) и рядовой Тэннура (PhillipTannura), ставший позднее сержантом [2]. Известно, что в 1919 году в Екатеринбурге кинооператору Филиппу Тэннура (PhillipTannura) с помощью второй камеры помогал вести съемку некий Дональд Томпсон (Donald C. Thompson). Вероятно, что он несколько позднее пополнил ряды указанной группы, став седьмым американским кинофотодокументалистом на Востоке России [2].

Ранее автор придерживался точки зрения, что указанная кинохроника «Allied Expeditionary Forces in Siberia» из числа кинолент американских и британских интервентов была единственным историческим источником, отражающим кинематику эпохи Гражданской войны на Востоке России. Однако весной 2022 года в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) были обнаружены другие ленты с большой долей вероятности того, что их создали американцы. Так, к разряду бесспорно американской хроники относится кинодокумент РГАКФД под названием «Флот США во

Владивостоке» и архивным номером 11640. Он имеется в двух исполнениях – с титрами на английском и русском языках. О том, что фильм был снят американцами, доказывает информация в начальных титрах русскоязычной версии – «Издание осведомительного комитета в Вашингтоне. Председатель комитета Джордж Крил». Фильм неизвестного оператора посвящен пребыванию американского флота во Владивостоке в период интервенции и Гражданской войны. В нем представлены морские учения, спортивные состязания матросов (гребля), а также образ американского адмирала Уильяма Симса (William Sowden Sims).

Возвращаясь к Красноярску, второй эпизод колчаковского периода был снят ориентировочно в период 1918–1919 гг. с высоты вагонной крыши во время движения поезда по первому красноярскому железнодорожному мосту через реку Енисей, если, конечно, информация в титрах не является ошибкой. Этот эпизод продолжительностью несколько секунд вошел в кинохронику, которую автор статьи также обнаружил в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) с архивным номером 11642 и названием «Сибирь в дни оккупации». С учетом того, что данная кинохроника неизвестного кинооператора содержит титры с надписями, сделанными одновременно на двух языках – русском и английском, автором сделано предположение, что фильм был снят американским кинооператором. Об этом говорят его визуальные акценты, сделанные на поезде Американского Красного Креста в районе железнодорожной станции Омска, а также на вагоне некого господина Тука – агронома из США, изучающего постановку земельного дела в Сибири. Кроме съемок, сделанных в районе Омска и Красноярска, кинохроника содержит сюжеты, снятые на таких железнодорожных станциях как Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), Канск и Тайшет.

Несмотря на то, что вышеуказанные американские кинодокументы не отражают облики населенных пунктов и образы российских современников эпохи, их нельзя сбрасывать со счетов, занимаясь визуальной историей Сибири в целом и столицы Енисейской губернии в частности. Крупнейшим специалистом по исследованию фоно- и кинофотодокументов (КФД), членом Правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов, профессором В.М. Магидовым (1938 – 2015) справедливо отмечено, что «всесторонний и полный анализ КФД по истории Гражданской войны возможен только в случае привлечения всех без исключения документов по данной тематике» [3, с. 170].

Последний известный автору фильм периода 1918–1920 гг. был смонтирован из частей, снятых в Красноярске зимой и весной 1920 года после восстановления в городе Советской власти в начале января 1920 года. Указанный фильм неизвестного кинооператора с продолжительностью немного более 3-х минут также был обнаружен автором статьи в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) с архивным номером 12028 и названием «КиноХроника №2». Как и «КиноХроника №1» – это есть продукт кино-секции Енисейского губернского отдела народного образования, который состоит из двух частей, отражающих два городских мероприятия под названиями «День красноармейца» 22 февраля 1920 года и «Памяти павших борцов» 27 марта 1920 года.

Первый сюжет «Дня красноармейца» начинается с обзора большого скопления людей между Богородице-Рождественским собором, находящимся на Новобазарной площади, и Всехсвятской церковью. К сожалению Богородице-Рождественский собор не попал в кадр, так как оставался за спиной оператора, который производил съемку внутри его ограды, направив объектив в сторону реки Кача и Всехсвятской церкви. В сюжете ее удалось опознать благодаря сохранившимся фотодокументам и той отличительной особенности, что если горожане смотрели на данную церковь со стороны, с которой снимал оператор, то она красовалась на фоне Караульной горы с часовней Параскевы Пятницы. Всехсвятская церковь, располагавшаяся в пределах нынешних улиц Обороны

и Красной армии, имела самый большой в городе приход, а также была примечательна тем, что в ней крестился знаменитый русский художник В.И. Суриков. К сожалению, Всехсвятская церковь и Богородице-Рождественский собор не сохранились до наших дней. Они были уничтожены в 30-х годах 20-го века. В конце сюжета гражданские лица и военнослужащие с флагами и транспарантами оставляют площадь у Всехсвятской церкви и направляются в сторону центральных городских улиц – Благовещенской и Воскресенской. Как и в ранее представленной советской кинохронике 1918 года внимание кинооператора не обошло здание городского общественного собрания по улице Воскресенской. Он снимает шпиль этого великолепного здания, опускает камеру ниже, показывая угловую часть с балконом. Балкон украшен праздничными гирляндами и транспарантами. Очевидно, что на балконе разместились указанные в титрах члены Реввоенсовета и Ревкома – Позерн, Финковский, Ужицкий и Долбешкин, которые приветствуют Красную армию и профсоюзные организации. Некоторое время зритель видит под балконом здания городского общественного собрания толпящихся горожан и военный оркестр по центру улицы Воскресенской. Далее оркестр начинает движение и вслед за ним идут военнослужащие и гражданские со знаменами и транспарантами. Другие горожане стоят у обочины и наблюдают за движением колонны, следующей по центру улицы.

Вторая часть «КиноХроники №2» знакомит зрителя с мероприятием, посвященным памяти павших борцов. Оно прошло в городе Красноярске 27 марта 1920 года. На кадрах видно, как предположительно по Воскресенской улице в сторону Новобазарной площади идут около сотни граждан за движущимся автомобилем. У многих в руках большие траурные венки. Далее за ними видны белые катафалки (не менее шести), запряженные лошадьми с накинутыми белыми мантиями, в том числе на головы животным. Каждый катафалк везут четыре лошади – две впереди и две позади. За катафалками следуют духовой оркестр и толпы людей с транспарантами и знаменами. Вдоль улицы у обочины также находится множество лиц, наблюдающих за шествием. Очевидно, что данное мероприятие было посвящено всем павшим в борьбе с колчаковским режимом, например, 13-ти подпольщикам Знаменского стекольного завода, жертвам так называемой Красноярской операции и т.д. Пока трудно объяснить, почему для этого общественного мероприятия было выбрано 27 марта 1920 года. По мнению автора, катафалки на городские улицы могли быть вывезены символично, в память о погибших в Красноярске и на территории Енисейской губернии за власть большевиков.

В настоящей статье автором представлены четыре немых черно-белых фильма, сюжеты которых были сняты в столице Енисейской губернии – Красноярске в годы, затронутые Гражданской войной в Сибири (1918–1920 гг.). Это: 1) «КиноХроника №1» («Праздник труда» 1 мая 1918 года, «Праздник красноярского вольно-пожарного общества» 9 мая 1918 года) – РГАКФД, архивный номер 11558; 2) «Allied Expeditionary Forces in Siberia» – Национальное управление архивов и документации США; 3) «Сибирь в дни оккупации» – РГАКФД, архивный номер 11642; 4) «КиноХроника №2» («День красноармейца» 22 февраля 1920 года, «Памяти павших борцов» 27 марта 1920 года) – РГАКФД, архивный номер 12028.

С точки зрения визуальной истории сюжеты указанных фильмов представляют огромный интерес. Нельзя не согласиться, что в отличие от фотодокументов кино в некоторых случаях дает более широкий панорамный обзор и эффект реального присутствия. Кадры представленных кинохроник возвращают нас к забытым событиям, как, например, мероприятие 27 марта 1920 года посвященное памяти павших борцов, дают представление об облике Красноярска периода 1918–1920 гг. вместе с визуальными образами современников, в том числе первых представителей Советской власти. Более того, рассмотренные в настоящей статье киносюжеты позволяют объективно оценить настроения масс и общую атмосферу эпохи Гражданской войны в Сибири, царившую в столице Енисейской губернии.

Список литературы

[1] Белгородская Л.В., Дроздов Н.И., Воног Е.А. Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «AlliedExpeditionaryForcesinSiberia» (1918–1920 ГГ.) // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 3 (25). С. 9-26.

[2] Воног Е.А. О коллекциях фотоснимков американских и британских интервентов восточного фронта Гражданской войны в России // Сибирский антропологический журнал, – 2022.– № 1 (3). – С. 139–155.

[3] Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. 394 с.

[4] Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: изд-воООО «Версо», 2008. 416 с.

[5] Allied Expeditionary Forces in Siberia, 1918-1919 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jGFxulouS_I (дата обращения: 01.06.2022).

УДК 94(470)

Столыпинские переселенцы в Енисейской губернии: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация

Гринь Ольга Викторовна
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
grin.olga2011@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Основное внимание в статье уделяется трудностям и противоречиям в проведении столыпинского переселения крестьян, их обустройству и социокультурной адаптации на новых местах жительства Енисейской губернии. Одним из самых важных условий социокультурной адаптации стала добровольность переселений, а также помощь государства и местного самоуправления в обустройстве прибывших на новом месте. В целом хозяйственно-культурная адаптация переселенцев определялась рядом факторов и проходила в непростых условиях, связанных с трудностями устройства на новом месте, недостатком материальных и финансовых средств, зачастую напряженными отношениями со старожилами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА социокультурная адаптация, модернизация, крестьянство, переселенцы, аграрные миграции, Столыпинские реформы, экономическое районирование, Сибирь.

В начале XX в. произошла массовая модернизация в аграрном секторе российской экономики, и важная роль в этой реформе отводилась Енисейской губернии. Основными мероприятиями аграрной политики в Сибири являлись организация переселения крестьян, их водворение и устройство на новых местах проживания. Переселенцы, которые пребывали в Енисейскую губернию по Столыпинской аграрной реформе, вынуждены были самостоятельно обустраиваться и адаптироваться к новой для них действительности [1, с. 397].

Организация переселения крестьян сопровождалась массовой агитационно-пропагандистской деятельностью Переселенческого управления. На деньги управления ежегодно издавалась многочисленная литература для «ходоков» и переселенцев. В переселенческих районах «ходоки» получали необходимую информацию от чиновников переселенческого ведомства о месторасположении земельных участков, их плодородии, водоснабжении и др.[8, с.10].

Согласно статистическим данным по Красноярскому и Минусинскому уездам за 1906–1917 гг., большинство крестьян ехало на земли юга Енисейской губернии. В иные годы даже возникала нехватка нарезанных для заселения участков. Большинство переселенцев имели на руках деньги в размере до 100 рублей, полученные от продажи земельных наделов и имущества в европейской части России. Довольно много семей везли с собой лошадей и повозки. На строительство домов, продовольствие и обсеменение полей переселенцы получали безвозмездные ссуды [3, с.141].

Однако, несмотря на помощь, которая оказывалась переселенцам государством, многие приезжавшие в Сибирь оказывались без денег, так как средства, полученные от продажи земли и имущества, уходили на переезд. Весь первый год, до получения первого урожая, новоселы вынуждены были покупать хлеб, а на это уходило 70-80 руб. По подсчетам переселенческих чиновников Енисейской губернии, для первоначального устройства требовалось 450-500 руб. [4, с.458]. Кроме того, прибытие огромных масс самовольных переселенцев, которые не учитывались при организации планомерного переселения, создавало дополнительные сложности в их обустройстве на местах. На размещение переселенцев внутри Енисейской губернии оказывал влияние ряд факторов. Территория Енисейской губернии делилась на степь, лесостепь, подтайгу и тайгу. Наилучшей для занятия земледелием считалась степь, хуже – лесостепь. Основная масса переселенческих посёлков возникала за чертой района старожильческих селений,

в глубине необжитой территории губернии. Переселенцев из Европейской части России направляли в уезды: Ачинский, Канский, Красноярский, причем в Ачинском и Красноярском уездах больше половины поселков возникли к югу от железной дороги, а в Канском – к северу. Но переселенческие поселки возникали и на юге губернии, в Минусинском уезде. Разными были названия отдельных переселенческих групп: новосёлы, новопоселенцы, поселенщики, российские самоходы, кацапы, хохлы, лапотники и прочие. И проживали в этих переселенческих пунктах крестьяне разных национальностей: украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, поляки и другие. Так в Минусинской степи появлялись в конце XIX в. украинские хутора и небольшие деревеньки [3, с.143].

Переселенцам нужно было как-то обустраивать своё жилище. При этом они ограничивались самым необходимым, старались оградить себя лишь от непогоды и холода. Переселенцы сразу же устраивали на участке шалаши и землянки, или покупали у старожилов готовые срубы, или останавливались на квартирах у крестьян соседних селений. Построенные с большим трудом избы переселенцев в основном во многом уступали избам старожилов, так как строили дома переселенцы на скорую руку. Особенностью жилищного строительства в Сибири является широкое использование хвойных пород деревьев – кедра, сосны, лиственницы, ели, пихты. Их активное применение объясняется не только наличием обширных массивов хвойных лесов в северных районах региона, но и высокой устойчивостью этих пород дерева к гниению: «Эта лесина не преет, не гниёт и (сырость) в себя не берёт» говорили переселенцы [4, с.457].

Бурное заселение Енисейской губернии способствовало повышению уровня агрономии и агротехники крестьянского хозяйства. Переселенцы были знакомы с более совершенными орудиями труда и с более совершенной системой ведения хозяйства, чем старожилы. Поселившись в Енисейской губернии, они стремились вести своё хозяйство так, как вели его на родине. Кроме того, переселенцы привозили с родины семена привычных сортов, которые вскоре широко распространились по губернии. Более высокий уровень агрономической культуры переселенцев по сравнению со старожилами отмечала пресса тех лет. Например, газета «Сибирский вестник» в 1907 г. писала: «С наплывом переселенцев в Сибири начинают замечаться некоторые более усовершенствованные приёмы при обработке. На участках, занятых переселенцами, начали распространяться конные плуги, железные бороны, ручные и конные сеялки, простой конструкции молотилки и веялки, косы и грабли вместо серпа, а затем 5–6-конные молотилки, веялки, шерстобитки, мукомольные мельницы, ветряные и даже конные маслобойки и т. д» [3, с. 144].

Результативность хозяйствования новоселов, их благосостояние, здоровье и в целом воспроизводство жизни на новом месте во многом зависели от быстроты их «вхождения» в новую социокультурную среду, установления профессионально производственных связей в местном сообществе [6]. Важным источником заработка для многих переселенцев были наём на работу в старожильческие или более зажиточные переселенческие хозяйства: дворы столыпинских переселенцев поставляли на региональный рынок наёмной рабочей силы 35% всех учтённых переписью сельскохозяйственных рабочих. Процесс социокультурной адаптации переселенцев осложнялся неразвитостью соответствующей инфраструктуры в районах массового водворения, обусловленной недостаточным финансированием переселенческой политики [7, с.235].

В результате многолетних переселений в Енисейской губернии появился еще и сложный полиэтнический и поликонфессиональный конгломерат, возникший в ходе непрекращавшихся миграционных волн. К 1917 г. основную долю населения Сибири составляли украинцы, русские и белорусы. В конфессиональном плане они относили себя к православию. Часть украинцев, белорусов, поляки, латгалы относились

к католическому сообществу; немцы, финны, латыши и эсты – к лютеранскому. На территории губернии проживали также мусульмане (татары) и иудеи (евреи). Эти переселенцы были расселены хаотично, однако во многих районах существовали места их проживания. К началу XX в. в регионе сформировались несколько групп носителей этнокультурных традиций, две наиболее крупные соответствовали основным потокам миграции: «старожилы» и «переселенцы» [5, с.11].

В общем, эффективность хозяйствования переселенцев на территории Енисейской губернии зависела от скорости их «вхождения» в новую социокультурную обстановку. Для этого требовалось, чтобы «переселенцы, устроившись на новых местах, жили вообще в удовлетворительной обстановке, имели возможность получать хорошую медицинскую помощь, учить по возможности всех детей в хороших школах, удовлетворять свои религиозные нужды в полной мере потребностей. Нужно, чтобы Енисейская губерния сделалась для них заботливой и доброй матерью»[2, с.183].

Например, церковь содействовала мигранту адаптироваться в новой социокультурной среде. На индивидуальном личностном уровне она выступала в качестве психологического механизма адаптации личности к новым условиям. В русской, украинской, белорусской переселенческой среде храм являлся символом православной веры. Он вселял уверенность в возможности удовлетворять свои религиозные потребности, а значит, и жить в согласии со своими представлениями о быте, мире в целом. Поддерживал чувство относительного психологического спокойствия по поводу своей духовной жизни, тем самым предотвращая появление состояний психологического дискомфорта. Для удовлетворения религиозных потребностей, конфессиональной и социальной и культурной идентификации переселенцев во вновь заселяемых местностях строились храмы. В основном они были созданы в переселенческих районах Красноярского, Канского и Ачинского уездов. Храмы в этих местностях обычно строились на государственные и ведомственные деньги, к которым в частности можно отнести средства благотворительного Фонда Императора Александра.

Местное население также было вынуждено адаптироваться к мигрантам. Влияние переселенцев начала XX в. на старожилов сказалось на распространении общих песен и молитв во время крестных ходов, посещении в воскресные и праздничные дни храма, совершении паломничеств к святым местам. Стало обязательным исполнение хотя бы раз в год долга исповеди и святого причастия. В приходах, где переселенцы и старожилы проживали вместе, наблюдалось взаимное проникновение различных этнокультурных традиций. Недаром современники отмечали благоприятное влияние переселенцев пореформенного времени на старожилов. Именно благодаря этому в губернии сложилась традиция больших крестохождений, увеличилось число почитаемых икон [5, с.9].

Католицизм на территории Енисейской губернии был однородным в конфессиональном смысле – католицизм латинского обряда, но существовал в различных национальных проявлениях. Большую часть верующих составляли поляки, что накладывало свой отпечаток на деятельность религиозных общин. Повседневное общение прихожан с пастырем велось на польском языке. Этому же способствовало и приглашение на службу священников–поляков. Однако пополнение католической общины губернии начала XX в. за счет литовцев, латгальцев и немцев и выделение отдельных католических общин по национальному признаку потребовали прибытия пастырей других национальностей. Несмотря на отсутствие греко–католических приходов на территории региона, представители этой конфессии тут были. Они могли исповедовать свою веру, но под протекторатом господствующей Русской православной церкви.

Массовые миграции конца XIX - начала XX вв., изменившие этнический облик Сибири и приведшие к появлению крупных групп разных национальностей населения в Приенисейском регионе, завершались адаптационными процессами, имевшими

разные результаты. Можно выделить три ситуации адаптации выходцев из западных областей, характерные для нескольких типов расселения [7, с.256].

Первая ситуация: вытеснение старожильческой культурной традиции разнородной переселенческой культурой в селах, где новоселы многократно преобладали над старожилами. Такая ситуация могла приводить к переселению старожилов в другие районы, как было в селе Рубино Мариинского уезда Томской губернии (ныне – Тюхтетский район Красноярского края). Там местные старожилы–староверы встретили многочисленных новоселов крайне не дружелюбно, общения с ними и в итоге продали дома и покинули этот населенный пункт.

Вторая ситуация – вытеснение враждебно настроенными старожилами новоселов на другие, более отдаленные территории. Это было в Ирбейской волости Канского уезда Енисейской губернии, где так появились переселенческие поселки Романовка, Рождественка, Букша.

Третья ситуация возникала, когда основу населения деревни составляли переселенцы – представители одного этноса. Благодаря этому возникала стабильность и создавались условия для сохранения и развития на новом месте культурных традиций региона выхода переселенцев.

Из сказанного можно сделать вывод, что переселенцы являлись наиболее активной частью российского общества. Не каждый крестьянин решался бросить дом, землю, соседей, сменить привычный уклад и ехать в далекую Сибирь. А на новом месте надо было построить дом, раскорчевать и распахать землю, засеять поля, убрать и сохранить урожай, а затем вывезти и продать его. Миграционная политика царского правительства в Сибири признавала необходимость разработки системы мер, направленных на обеспечение социокультурной адаптации вновь прибывших переселенцев. В начале XX в. в этой области широко использовалось значение конфессионального фактора для вхождения переселенцев в новый социум. Строительство храмов и обустройство религиозной жизни на новом месте способствовали формированию уверенности в завтрашнем дне, и в результате - более быстрой адаптации вновь прибывших членов социума. Большинство переселенцев быстро адаптировались к новым условиям жизни справлялись с работой и содействовали расцвету Енисейской губернии[6, с.218].

Список литературы

[1] Дубровинский С.М. Столыпинская земельная реформа. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 599 с.;

[2] Азиатская Сибирь. СПб., 1914.Т.1. 305 с.;

[3] Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.;

[4] Игнатов Д. Переселенческая тяга // Крестьянское земледелие. 1908. № 16. 501 с.;

[5] Сафонов С.А. Церковное строительство в заселенных районах Енисейской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906-1917 гг.) //Исторические судьбы православия в Сибири. Иркутск, 1997. С. 21;

[6] Сидельников Н.Г. Аграрная реформа Столыпина. - М.: Изд-во МГУ, 1973. 335 с.;

[7] Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. 288 с.;

[8] Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913. 139 с.

УДК 069.01

Использование исторических источников в музейно-образовательной деятельности (на примере музейного урока «История российского паспорта»)

Гринь Ольга Викторовна
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
grin.olga2011@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается музейный урок «История российского паспорта» в музейно-образовательнойдеятельности с использованием исторических источников. Исторические источники рассматриваются как средство для расширения кругозора школьников ипредставление их о жизни людей разных эпох. Использование музейного предмета или документа в качестве исторического источника стало важным требованием, предъявляемым к музейному уроку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музейный урок, исторический источник, паспорт, проезжее письмо.

Современный музейный урок немыслим без применения исторических источников. Их использование позволяет решить ряд взаимосвязанных задач: сформировать более полные и прочные знания у школьников по разным предметам, конкретизировать и углубить их. Использование музейного предмета или документа в качестве исторического источника стало важным требованием, предъявляемым к музейному уроку [3].

Традиционные формы уроков не отвечают требованию современных стандартов. Многие учащиеся плохо справляются с анализом текста при работе с историческим источником, с трудом сравнивают, обобщают изученный материал, не умеют устанавливать причинно-следственные связи. Данные факты говорят о том, что надо искать, разрабатывать и внедрять новые формы и средства активизации познавательной деятельности, в том числе и музейной среде. Результативная познавательная деятельность в такой среде способствует формированию целеустремленной личности, которая готова работать и воспринимать все новую и новую информацию; способна адекватно и ответственно подходить к решению важных жизненных обстоятельств; и, конечно же, реализовывать свои возможности.

Для расширения знаний школьников среднего возраста по теме «Паспорт - основной документ гражданина РФ» был разработан музейный урок «История российского паспорта», в котором активно использовались исторические источники. Просветительская направленность такого урока состоит в знакомстве с основными функциями паспорта разных эпох.Подобные уроки в музеедают больше наглядности, образности, активизирует визуальноемышление, становится эффективным средством преемственности культуры ипередачи социального опыта.

За многие годы в фондах Музея-заповедника «Шушенское» появились паспорта, которые принадлежали людям разных эпох. Так появилась идея создать не просто музейный урок о истории российского паспорта, а рассказать в необычной форме о паспортах XVIII, XIX и XX веков, опираясь на исторические источники: архивные документы, фотографии, дневники. Во время проведения музейного урока «История российского паспорта» подростки знакомятся с подлинными музейными документами: для этих целей используются специально подобранные паспорта из фондов, а также документы-новоделы и наглядные пособия.

Главная задача музейного урока «История российского паспорта» – рассказать школьникам о событиях того времени и вовлечь детей в активный процесс работы.

Дети вспоминают из курса обществознания, для чего необходим паспорт гражданину РФ,что же такое гражданство, какими правами пользуется гражданин России? Для психологического настроя учащихся на изучение довольно трудного материала, используется эмоциональный живописующий рассказ. При этом можно избегать длительных объяснений, которые могут наскучить подросткам. Например, рассказывая о крестьянском паспорте можно использовать воспоминания из дневника жителя с. Шушенское писаря Россиева Георгия Федоровича, который приехал в село Шушенское из с. Глуховка Кирсанского уезда Тамбовской губернии.Такие истории помогают не только нарисовать картину жизни этих людей, но и представить, какими были документы, удостоверяющие личность крестьян, где и когда они такими документами пользовались?

Метод «погружения» в прошлое – это наиболее распространенный метод, который можно активно использовать в музейной практике. Приемы «погружения» в данном случае могут быть следующие: прием формирования образов окружающей среды (сформировать посредством описания представление об окружающей среде в прошлом, образах тех людей, которые получали паспорта); прием сравнения (установить общее и различное в паспортах прошлых эпох и современности); приемы формирования образов материальных предметов (в случае отсутствия музейного предмета можно сформировать его образ посредством описания). Как показывает опыт ведущих музеев, для того, чтобы школьники лучше понимали прошлое, необходимо «погружение» в него путем мысленного перемещения (путешествия) в другое время. Для такого «путешествия» надо использовать не только исторический источник (в данном случае паспорт), но и детское воображение. Надо помочь ребятам представить в своем воображении иной мир, представить его глазами человека иного времени.

На музейном уроке происходит знакомство детей с архивными документами: это проезжие письма, плакатные паспорта, справки, мандат, трудовые книжки, трудовые списки, удостоверения личности. Дети узнают, почему эти документы в разное время выполняли функцию паспорта.

Чтобы школьникипредставили, куда и зачем могли поехать крестьяне в XIX веке, на уроке рассказывается о правилах отлучки, которые были прописаны в «Уставе о паспортах и беглых». Учащиеся узнают в историко-географическом пространстве, узнают какие города, могли посещать крестьяне, получившие плакатный паспорт [1].

Для того, чтобы проследить, как менялся паспорт с течением времени, школьникам демонстрируется фильм-экскурсия о паспорте. Такие фильмы дают возможность в короткие сроки погрузиться в атмосферу разных периодов XIX или XX веков и увидеть, какие условия создавало государство для своих граждан.

Для урока была разработана еще и презентация, с большим количеством наглядных материалов. Старинные паспорта и документы, удостоверяющие личность выступают в качестве источника информации о людях и событиях, они способны воздействовать эмоционально, вызывать чувство сопричастности, так как позволяют проникнуть в дух прошлого. Так прокладывается мостик к сердцу ребенка, так формируются правильные жизненные ориентиры, происходит приобщение к вечным ценностям жизни. В этом суть музейного урока. Кроме того, сегодня музейный урок становится средством приобщения человека к культурной среде и выступает антиподом миру компьютерных технологий. Продолжая оставаться местом хранения реликвий, раритетов музей становится базой для общения, формирования нравственных ориентиров, воспитания человека высокой культуры [5].

Рассматривая старинные фотографии, школьники визуально представляют себе, как могли выглядеть документы, которыми пользовались в России люди 300 лет. Таким образом, за счет зрительной памяти и уже заранее подготовленной информации учащиеся быстро разбираются в непростых исторических вопросах [2].

Для закрепления изученного материала было разработано методическое пособие с интересными интерактивными заданиями. Каждый учащийся получает незаполненный плакатный печатный паспорт крестьянина Шушенской волости XIX века и заполняет его по образцу, тем самым выполняя роль волостного старшины. Для заполнения паспорта подросток описывает свои приметы: возраст, рост (в аршинах и вершках) цвет волос и глаз, особые приметы.

Работа с историческими источниками приближает учеников к изучаемому событию, создается особый эмоциональный фон восприятия. Итак, изучение крестьянского паспорта включает следующие этапы:

1) экскурсовод дает образец разбора паспорта;

2) школьники анализируют паспорт под руководством экскурсовода;

3)ребята заполняют плакатный печатный паспорт XIX векапод руководством экскурсовода самостоятельно.

Необходимо отметить, что для самостоятельной работы такой документ необходим каждому ученику. Это позволяет учащимся выработать собственное отношение к рассматриваемому вопросу. Выполняя подобные задания, школьники учатся внимательно рассматривать предметы и документы, извлекать информацию, сопоставлять ее, делать выводы. Погружаясь в определенную историческую эпоху, дети получают возможность почувствовать дух времени, оценить историческое явление. Музейный урок приобретает исследовательский характер. Тем самым активные формы проведения музейного урока способствуют социализации ребёнка, формируют его гражданскую позицию [5].

При разработке занятия и методического пособия использовалась образовательная программа по «Обществознанию» 9 класса под редакцией Л.Н. Боголюбова. Тем самым на музейном уроке школьники должны быть обеспечены только тем музейным продуктом, который нужно запомнить, узнать, понять. Вопросы и задания заставляют ребят задуматься, и предполагают интеллектуальное напряжение, побуждают искать свои собственные ответы и самостоятельно формулировать выводы на основе полученной в музее информации [3].

Музейный урок «История российского паспорта»дает широкие возможности для того, чтобы сделать процесс обучения интересным и познавательным, тем самым превращает его в существенный фактор развития личности и юного гражданина Российской Федерации. Внедрение музейных уроков в урочное и во внеурочное время является одним из основных компонентов Федерального государственного образовательного стандарта. [2]. Такую практику Музей-заповедник «Шушенское» применяет на постоянной основе, реализуя цикл образовательных программ «Здравствуй, музей!» для школьников поселка Шушенское. В этом году в рамках образовательного проекта «Возвращение к истокам: 200 лет Енисейской губернии» учащиеся 5-8 классов МБОУ Шушенской СОШ № 3 на музейном уроке «История российского паспорта» изучили старинные паспорта, научились составлять паспорт по собственным приметам, познакомились со старинным способом измерения возраста человека. Мероприятие прошло в школьном центре цифрового и гуманитарного профиля «Точка роста», и ребята получили массу полезных знаний по данной тематике.

Использование исторических источников на музейном уроке «История российского паспорта» не только делает знакомство школьников с этим важным документом более интересным и разносторонним, но и дает возможность применить новые знания на практике, вследствие чего выводы, сделанные ими на этих уроках, содействуют более глубоком пониманию и закреплению учебного материала.

Список литературы

[1] Байбурин А. К.Советский паспорт: история - структура - практики: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С.306.

[2] Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Методика преподавания истории в школе, Москва: Владос, 1995. С.176.

[3] Ивашина Н.Н. Методика подготовки выездной экскурсии //Белгородский краеведческий вестник. Белгород, 2001. С.64.

[4] Кацюба Д.В. Историческое краеведение в школе и в вузе. / Д.В. Кацюба – Кемерово: Пресса, 2004. С.335.

[5] Лебедева П.Г. Специфика работы с музейным предметом в Детском историческом музее // Музей XXI века: мечта и реальность.- С-П.: 1999. С.205.

УДК 730

Шушенская монументальная Лениниана

Гринь Сергей Юрьевич
Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»,
пгт. Шушенское Красноярского края. Россия.
serge-grin@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Основное внимание в статье уделяется памятникам В.И. Ленину в Шушенском районе. Освещаются наиболее яркие страницы истории появления скульптур вождю мирового пролетариата. Благодаря личности В.И. Ленина территория п. Шушенское получила свое бурное развитие и благоустройство. С 1970 г. особую значимость и популярность получил Музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» Монументы В.И. Ленину и в наши дни сохраняют историко-культурную ценность как материальное свидетельство прошедшей эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Шушенская монументальная Лениниана, памятник В.И. Ленину, газета «Ленинская Искра», Музей-заповедник «Шушенское», скульптор.

Несмотря на то, что советская эпоха все дальше и дальше уходит в историю, многие ее признаки и символы остаются в нашей жизни, несут историческую память будущим поколениям. И как бы критично не относились к социалистическому прошлому в наше время, у людей старшего поколения сохраняются позитивные воспоминания о жизни в Советском Союзе, возникают мысли о возврате к тому времени, к его ценностям, к символической фигуре эпохи – личности Владимира Ильича Ленина.

Чаще всего такую ностальгию можно услышать от посетителей Музея-заповедника «Шушенское» во время экскурсий, мероприятий и выставок, посвященных истории советского периода. Особое место как символ советской эпохи в нашем районе до сих пор занимает Шушенская монументальная Лениниана.

Все ленинские места и памятники находятся под охраной государства и содержатся в хорошем состоянии. Скульптурных памятников В.И. Ленину в Шушенском районе 6, в том числе:2 памятника на территории Музея-заповедника «Шушенское;2 в районном центре;2 в с. Казанцево Шушенского района.

Сведения о памятниках взяты из справки Отдела культуры, молодежной политики и туризма Шушенского района. Но в этом документе отсутствует информация об авторах некоторых скульптур.

В 2021 году при подготовке видеосюжета «Шушенская монументальная Лениниана», посвященного Дню памяти В.И. Ленина, удалось установить авторов всех памятников. Основанием того является сообщение шушенского отдела культуры в краевое управление культуры за 22 ноября 1968 года о памятниках в Шушенском районе [1]. Несмотря на это, вопрос об авторах скульптур мною до сих пор не закрыт.

История Шушенской монументальной Ленинианы начинается с 1938 года, когда на центральной площади с. Шушенское был установлен первый памятник В.И. Ленину [2]. При разработке плана благоустройства районного центра в 1950 году скульптуру разместили у строящегося Дома Советов, который был построен и открыт 7 ноября 1952 года. Сегодня здесь расположена поселковая и районная администрация. Автор памятника, согласно документу из Шушенского муниципального архива – скульптор Андреев. В 1999 году произошло саморазрушение скульптуры, в результате старения связующего материала элементов памятника. Районной администрацией было принято решение о восстановлении монумента в кратчайшие сроки [3]. Реставрация памятника была произведена шушенским художником, писателем, скульптором Николаем Яковлевичем Звягинцевым.

В 1945 году возле дома Прасковьи Олимпиевны Петровой, второй квартиры Ленина в годы ссылки, был установлен памятник Владимиру Ильичу из гипса.Однако, вследствие малой механической прочности и склонности к разрушениям от воздействия внешней окружающей среды, бюро Шушенского райкома КПСС ходатайствовало в

Красноярский краевой комитет КПСС о его замене. Гипсовую скульптуру установили на улице Мичурина, где была построена и открыта в 1956 г. средняя школа им. В.И. Ленина, ныне это здание районной поликлиники. Сегодня на месте гипсового памятника на территории Музея-заповедника «Шушенское» бронзовая скульптура В.И. Ленина. Вопрос замены был решен положительно и быстро. Деньги были выделены Советом Министров СССР из резервов 1953 года. Были задействованы Метрострой (за 5 тыс. рублей изготовил гранитный постамент) и Мытищинский завод художественного литья (памятник за 95 тыс. рублей был отлит из бронзы). Памятник установлен Шушенским строительным участком. Скульптура Ленина представлена в полный рост высотой 2 метра. Автор памятника – скульптор-монументалист, народный художник СССР, Герой Социалистического труда Николай Васильевич Томский (1900-1984) [4].

Постамент и памятник установили в июне 1954 года специалисты Красноярского мостостроительного отряда. В газете «Искра Ильича» за 17 июня 1954 года историческое событие описывалось так: «13 июня около дома музея В.И. Ленина в Шушенском (вторая квартира) собралось много колхозников, рабочих и служащих, экскурсантов, пионеров и школьников. После краткой приветственной речи под бурные аплодисменты председатель исполкома райсовета т. Каминский снимает полог с бронзового памятника Владимиру Ильичу Ленину. Присутствующие с радостью и восхищением смотрят на знакомые черты и на всю ленинскую осанку памятника, олицетворяющего Ленина – бесконечно дорогого сердцу каждого трудящегося. До позднего вечера сотни шушенцев, экскурсантов и пионеров побывали в этот день у памятника Владимиру Ильичу Ленину» [5].

Памятник В.И. Ленину у дома П.О. Петровой на территории Музея-заповедника «Шушенское» является объектом культурного наследия федерального значения.

Сегодня, как и в советский период, в памятные дни – 22 апреля в День рождения Ленина и 21 января в День памяти Ленина – Шушенское местное отделение КПРФ, а так же местные отделения КПРФ с. Ермаковское, г. Саяногорска и г. Минусинска проводят у этого памятника торжественные мероприятия и ритуалы с возложением цветов.

Заметным событием стала установка «типового» памятника Ленину в 1952 году возле Шушенского сельскохозяйственного техникума им. Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской. Автор монумента – скульптор Андреев.

В 2003 г. произошло обрушение скульптуры. Вскоре после этого события состоялось заседание районной комиссии по военно-патриотическому воспитанию, в ходе которой велась дискуссия о судьбе памятников В.И. Ленину в Шушенском районе.В 2005 году решением комиссии на месте памятника был установлен бюст Ленина. Его автором является шушенский художник Николай Яковлевич Звягинцев.

В 1963 году в селе Казанцево Шушенского района был установлен памятник В.И. Ленину. Автор – скульптор Андреев. В 2003 году ветераны села, несмотря на физический износ скульптуры, высказались категорически против его демонтажа. Памятник отреставрировали. Сегодня скульптуру окружает сквер для отдыха жителей села, где разбиты дорожки, посажены деревья, установлены скамейки [6].

Напротив памятника, у здания сельской администрации, расположена памятная стела из серого гранита с барельефом Ленина. Её установили ещё в 1957 году. Автор – Георгий Дмитриевич Лавров (1895-1991), советский скульптор, портретист, Заслуженный художник РСФСР.

В «Новой деревне» Музея-заповедника «Шушенское» завершает Шушенскую монументальную Ленинниану самый высокий памятник Ленину высотой 9 метров.

Композиция из серо-коричневого полированного гранита представляет собой стелу с горельефом головы Ленина и развернутой книги с выгравированной цитатой из работы «Протест российских социал-демократов» Владимира Ильича, написанной им в годы шушенской ссылки: «Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма».

Все элементы памятника выполнены по проекту советского, российского скульптора

Владимира Ефимовича Цигаля (1917-2013), Народного художника СССР, лауреата множества государственных премий и наград СССР, России и других стран. Архитектор и художник памятника – Игорь Александрович Покровский (1926-2002), Народный архитектор СССР, лауреат государственных премий СССР.

Памятник сооружен в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 апреля 1968 года № 275 и Постановлением Совета Министров РСФСР от 7 июня 1968 года № 365 «О мерах по развитию и благоустройству п. Шушенское и других памятных мест, связанных с пребыванием В.И. Ленина в сибирской ссылке».

Работы по закладке фундамента, сооружению памятника, по благоустройству площади, на которой расположена композиция, былиначаты 30 апреля 1975 года и закончены 18 февраля 1976 года.

Строительство памятника осуществляли:творческие скульптурно-технические работы – экспериментальный скульптурно-производственный комбинат Московского отделения художественного фонда РСФСР;трест «Абаканпромжилстрой» Главкрасноярскстроя Минтяжстроя СССР;трест «Сибтехмонтаж» Минмонтажстроя СССР.

Заказчиком по строительству памятника В.И. Ленину является Управление Капитального Строительства Красноярского крайисполкома.

Проект благоустройства площади у памятника разработан проектным институтом «Гипрогор» и Красноярским краевым отделом по делам строительства и архитектуры, по согласованию с авторами памятника.

Над созданием композиции из габаритных блоков весом в двадцать пять тонн несколько месяцев работали Московские резчики по камню. Гранитные глыбы доставили с месторождения Новоданиловского карьера Николаевской области УССР [7]. Бригадир московской бригады резчиков Иван Иосипович Дуплик говорил: «Самая точная и сложная работа только начинается. Но мы справимся с ней в срок. В день открытия XXV съезда КПСС в Шушенском встанет памятник Ленину».

Решение Государственной комиссии от 19 февраля 1976 года: сооруженный в поселке Шушенское памятник В.И. Ленину принять.

В местной газете «Ленинская искра» за 19 февраля 1976 года сообщалось: «Хороший подарок накануне XXV съезда КПСС получили шушенцы. Завтра в 11 часов дня состоится митинг трудящихся поселка Шушенского по случаю открытия памятника основателю советского государства и Коммунистической партии Владимиру Ильичу Ленину...» [8]. На торжественном открытии памятника присутствовали тысячи шушенцев и жителей Шушенского района, с большим воодушевлением ожидавшие этого события. Возлагались цветы к подножию монумента, гирлянды. Венок возложил и приехавший на открытие скульптор памятника В.Е. Цигаль.

В ходе изучения истории возникновения памятников В.И. Ленину в п. Шушенское, возник вопрос, является ли скульптор Андреев автором некоторых памятников на территории Шушенского района? Инициалы скульптора Андреева в документе муниципального архива отсутствуют.

Основоположником Советской Ленинианы считается Николай Андреевич Андреев (1873-1932). Русский советский скульптор и график, член Товарищества передвижников, Заслуженный деятель искусств РСФСР. Им создано с натуры огромное число портретов политических деятелей, в том числе и В.И. Ленина [9]. Однако, памятники Ленину в типовой форме, которые установлены на территории Шушенского района, больше относятся к «котихинскому типу» - манере работы скульптора Алексея Леонтьевича Котихина.

Первый памятник Ленину в полный рост, без головного убора, в жилетке и пиджаке, с простертой вперед правой рукой был открыт 5 июля 1925 года во Владимире на площади свободы. Это была первая работа скульптора Алексея Котихина, ставшая впоследствии типовой. Появился даже термин – «котихинский тип» памятника В.И. Ленину, то есть призывающий, зовущий вождь. Устанавливался он повсеместно вплоть до конца 1960-х

гг.[10]. При этом случалось, что в одном населенном пункте устанавливали несколько памятников такого типа. В с. Ермаковское у здания администрации расположен подобный тип памятника, как и в п. Шушенское. На данный момент по всей территории России насчитывается около 200 сохранившихся статуй «котихинского» вождя. К сожалению, информация о скульпторе А.Л. Котихине крайне скудна.

На просторах Советского Союза к 1991 году было установлено, по данным из разных источников, от 7000 до 10000 памятников Ленину. К образу вождя мирового пролетариата обращались многие известные скульпторы-монументалисты. Однако большую часть памятников составляли всё-таки «типовые» по размерам и форме монументы, изготовленные в десятках копий, которые подчеркивали всю мощь и величие Советского Союза, самой большой страны в мире.

Часть памятников в Шушенском районе являются индивидуальными авторскими проектами известных советских мастеров и относятся к памятникам искусства.

Памятник Ленину в Музее-заповеднике «Шушенское» работы скульптора Н.В. Томского создан в спокойной пластичной манере, где художник хотел подчеркнуть его ум, человечность, открытость сердца.

К памятникам искусства относится и памятник Ленину по проекту скульптора В.Е. Цигаля в соавторстве с архитектором И.А. Покровским. Этот памятник можно отнести к памятникам-символам: символу мудрости, символу времени, характерным для Ленинианы 70-80-х годов XX века [11].

После распада Советского Союза в обществе начались дискуссии о судьбе монументов, посвященных вождю революции, создателю советского государства Владимиру Ильичу Ленину. По данным опроса «Левада-центра», только 4% респондентов абсолютно согласны с утверждением, что памятники Ленину должны быть снесены, 10% «скорее согласны» с этим. Не согласны со сносом памятников 79% опрошенных, а 8% затрудняются с ответом на вопрос [12].

Любой памятник – большой труд художников и рабочих, часть нашей истории, отражение эпохи, память о прошлом. А если нет истории и памяти о былом – нет и будущего!

Список литературы

[1] Муниципальный архив администрации Шушенского района, ФР.-23; оп. 1; д. 4; л. 79.

[2] Архив Музея-заповедника «Шушенское», Ф.-1; оп. 1; д. 1; л. 3.

[3] Газета «Ленинская Искра», № 93, 04 августа 1993 г.

[4] Архив Музея-заповедника «Шушенское», Ф.-2; оп.1; д. 1; л. 2.

[5] Газета «Ленинская Искра», № 50, 17 июня 1954 г.

[6] Газета «Ленинская Искра», № 151-152, 19 декабря 2003 г.

[7] Акт приемки Государственной комиссией памятника Владимиру Ильичу Ленину в поселке Шушенское Красноярского края. Архив Музея-заповедника «Шушенское», Ф.-1; оп. 1; д. 23.

[8] Газета «Ленинская Искра», № 21, 19 февраля 1976 г.

[9] Википедия (свободная энциклопедия), электронный ресурс, URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Андреев,_Николай_Андреевич

[10] Ковровчанин создал первый в России типовой памятник Ленину. Сетевое издание «ПРИЗЫВ», электронный ресурс. URL: https://www.prizyv.ru/2021/07/kovrovchanin-sozdal-pervyj-v-rossii-tipovoj-pamyatnik-leninu/

[11] Памятники истории и культуры Красноярского края. Выпуск 3/Сост. Быконя Г.Ф. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 432 ., ил.

[12] ЛЕВАДА-ЦЕНТР (Аналитический центр Юрия Левады), электронный ресурс,URL: https://www.levada.ru/2017/04/19/pamyatniki-leninu-obreli-vsenarodnuyu-podderzhku/

УДК 908/294.3

Буддийские ламы в истории Красноярска

Гридинберг Ирина Николаевна
Красноярский буддийский центр, г. Красноярск, Россия.
gridinberg@yandex.ru

Орехова Наталья Алексеевна
Кандидат исторических наук, г. Красноярск, Россия.
orehova.vladimir2010@yandex.ru

Поломошнов Андрей Афанасьевич
Красноярский буддийский центр, г. Красноярск, Россия.
apolo@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена буддийским Ламам в городе Красноярске, от появления первых сведений о них и до наших дней. Авторы статьи попытались найти доказательства присутствия Лам в Красноярске, основываясь на архивных и статистических данных, коллекциях экспонатов, отложившихся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА буддизм, буддийские ламы, краевой музей, буддийский центр.

Издавна население Сибири отражало пестроту этнического и конфессионального состава Российской империи. В годовых отчётах губернаторов Енисейской губернии о числе жителей, направляемых в вышестоящие инстанции, главный акцент делался на их вероисповедании. В Памятных книжках и статистических обзорах Енисейской губернии указывалось также наличие молитвенных учреждений и должностных лиц при них, за исключением лам и монастырей.

Самые ранние статистические данные о жителях далай–ламайского вероисповедания в Енисейской губернии датируются 1863 г.: проживало 11 мужчин в Канском округе и один мужчина в г. Минусинске [4, с. 186 – 187].В конце XIX в., по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в Енисейской губернии значились буддисты и ламаисты – 25 мужчин и 3 женщины, 19 из них проживали в городах [6, с. 50 – 51].

К 1 января 1906 г. в Усинском пограничном округе числилось 54 мужчины и 6 женщин, а в Енисейском уезде - один мужчина далай-ламайского вероисповедания [5, с. 6]. В «Статистическом обзоре Енисейской губернии за 1910 г.» к 1 января 1911 г. значится уже 215 человек далай–ламайского вероисповедания (155 муж. и 60 жен.); они проживали в основном в уездах и только 2 чел. – в городах [8, с. 28]. Интересный факт: к 1 января 1914 г., согласно Статистическому обзору Енисейской губернии за 1913 г., были выделены 12 муж., относящих себя к далай–ламайскому вероисповеданию (в городах), и 230 муж. и 24 жен. – буддистов (в уездах) [9, с. 36]. При этом ни в одном из вышеназванных источников не указывалось на наличие у буддистов духовного учителя – ламы.

В традиционной системе тибетского духовного образования словом «лама» называют любого человека, прошедшего определённый курс обучения в монастыре [3, с. 144]. Кто такой лама в буддизме? Какими качествами должен обладать лама? Прежде всего, «огромным сочувствием ко всем существам. Он сам развил качества ума и имеет большой медитационный опыт, полученный в этой жизни и в предыдущих жизнях. Он является живым Буддой или освобожденным Бодхисаттвой. Он уже пришел к цели, и поэтому может помогать другим в ее достижении» [3, с. 145].

История верховной должности ламайского духовенства в России началась 22 июня 1764 г., когда вышел указ Пограничной канцелярии № 610 по представлению Сената за подписью императрицы Екатерины II Великой об «утверждении Дамба Даржа Заяева в должности главного Пандито Хамбо-ламы всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала» [12].

В XIX в. глава буддийского духовенства Тувы – Камба–Лама – подчинялся буддийской

церкви Монголии, во главе которой стоял ургинский Богдо–гэгэн (монг. «светлейший Владыка») – третье после Далай–ламы и Панчен–ламы лицо в тибетском буддизме. В Туве Богдо–гэгэна почитали так же высоко, как в Монголии, его роль как духовного наставника была чрезвычайно велика.

Став в XVIII в. одной из официальных религий империи, буддизм начал быстро распространяться среди бурятских племён, и дацаны стали строиться повсеместно. В 1741 г. в Бурятии насчитывалось уже 617 лам, в 1822 г. – свыше 2500 [7, с. 10]. В середине XIX в. было 34 монастыря, 144 храма и 4500 лам в Забайкалье [11]. Таким образом, постепенно буддизм, вобрав в себя традиционные верования, становится образом жизни большинства населения забайкальских бурят.

После Октябрьской революции 1917 г. для буддизма, как и для других конфессий России, наступают тяжелые времена. Пик гонений пришёлся на 1930-е гг. В это время большинство храмов и монастырей были разрушены до основания, превращены в тюрьмы, машинно-тракторные станции и даже скотобойни, а тысячи монахов расстреляны, сосланы в лагеря и ссылки. С 1927 по 1938 гг. все 47 дацанов и дуганов, существовавших ранее в Прибайкалье и в Бурятии, были закрыты и разрушены. С 1938 по 1946 гг. не действовал ни один дацан. В это время практически весь цвет буддийского духовенства был уничтожен, и церковь, казалось, перестала существовать. Всё растворилось в окружающем пространстве до лучших времен.

Лам и их учеников ссылают в Сибирь с родных мест, тем самым пытаясь разорвать связь между учеником и учителем. Но ум, который уже имеет привычку медитировать, продолжает практику в новых местах и условиях. Одним из доказательств о преданности учению Будды и своим учителям является тантрическая коллекция, которая была обнаружена Александром Леопольдовичем Яворским в 1934 г. в гроте на скале Такмак и впоследствии переданная им в фонды Красноярского краевого краеведческого музея (далее КККМ). В коллекцию входят фотографии Лам [КККМ Э 1652/6 (5 ед. хр.), /7 (2 ед. хр.)] [1, с. 339].

Фотографии отлично сохранились, несмотря на то, что большая часть из них, вероятно, былавыполнена в дореволюционное время. Три фотографии с изображением Лам на троне в Дацане были изготовлены в фотоателье «Сибирская фотография в Чите» [КККМ Э 1652/6 (2, 4, 5)], одна фотография - в фотосалоне «Фотография Татьяны Алексеевны Урсу Верхнеудинск» [КККМ Э 1652/6 (1)]. Две фотографии были приклеены на простой картон размером 9 х 14 см. и 8 х 10 см. В коллекции имеется открытка, на которой изображен сандаловый стоящий Будда [КККМ Э 1652/7 (2)] [1, с. 341].

Более точно нам идентифицировать эти фотографии помог изданный в 2014 г. фотоальбом А. Терентьева «Буддизм в России – царской и советской».

В тантрической коллекции имеется открытка, на которой изображен сандаловый стоящий Будда. Эта скульптура Будды Шакьямуни высотой 2 метра 18 см. выполнена из сандалового дерева, как гласит предание, около V в. до н.э., по заказу раджи Уддияны. Существует мнение, разделяемое большинством, что она — первая и единственная статуя, сделанная при жизни Будды. В буддийской традиции она приравнивается к живому Будде, и несёт в мир безграничное благословение. По-бурятски Зандан-Жуу (Сандаловый Владыка) — уникальная и очень древняя статуя, известная реликвия буддийского мира. С 1901 г. она хранится в России на территории Республики Бурятия в Эгитуйском дацане. Настоятель Эгитуевского дацана Дашапыл Зодбоев вместе с соржоламой Гомбо-Дорже организовалпохищение Сандалового Будды из Пекина [10, с. 305], спасая его во время Ихэтуаньского восстания в Пекине. В настоящее время Сандаловый Будда признан в России памятником культурыфедерального значения.

Проанализировав найденные фотографии в гроте на Такмаке, можно констатировать,что один из персонажейявлялся главой буддистов Восточной Сибири на протяжении 20 лет, это Пандито Хамбо-лама Дампил Гомбоев. Двое лам были настоятелями монастыря Лавран в Амдо, одногоиз шести крупнейших монастырей школы Гелугпа в Тибете.Лавранская система обучения философии считалась одной

из лучших в Тибете. Монголия и Забайкалье находились под духовным влиянием этого монастыря с XVIII в. И двое лам были настоятелями Эгитуйского дацана. Из фотографийвыстраивается иерархическая лестница от Тибетских до Бурятских лам, которые являлись учителями для практикующих буддистов в живописном гроте на Такмаке в 1934 г. Можно предположить, что они сами были родом из Эгитуйского дацана, который был крупным центром буддизма до 1937 г.

Таблица: Фотографии Лам из тантрической коллекции КККМ, найденные на скале Такмак

Музейный номер фотографии	Имя Ламы
КККМ Э 1652/6 (1)	монгольский Лама Лубсан Жамбал-гэгэн [10, с. 310]
КККМ Э 1652/6(2)	настоятель Эгитуевского дацана Дашапыл Зодбоев [10, с. 306]
КККМ Э 1652/6(3)	Лама Цугольского дацана Бандада-хамбо лама Гомбоевъ [10, с. 376]
КККМ Э 1652/6(4)	Далай-Лама XIII [10, с. 61]
КККМ Э 1652/6(5)	Лама Чжампа Зангпо из монастыря Лавран [10, с. 355]
КККМ Э 1652/7(1)	настоятель Лаврана Гунтан Жамбиян-22-й [10, с. 48]

В буддийском учении нет границ, пространство – единое целое, и лама будет с учеником там, где находится его преданный ученик, независимо от времени и географического пространства. На основании этого мы можем предположить, что первые буддийские ламы появились в Красноярске как энергетические поля на фотографиях, которые хранятся в фондах Красноярского краеведческого музея. И это будет первое упоминание о буддийских ламах в Красноярске, из одной из школ тибетского буддизма – Гелугпа.

Еще один известный бурятский лама, которого судьба связала с Красноярском – это Еши–Доржи Шарапов. Шарапов родился в 1892 г. в Забайкалье, после получения буддийского образования служил в Тамчинском дацане в Бурятии, где принял обеты гелонга. В 1931 г. был осуждён за контрреволюционную деятельность и выслан в ссылку в Красноярский край. Работал бухгалтером на одном из заводов Красноярска. После ссылки вернулся в Читу, полностью прекратил религиозную деятельность и работал простым служащим.

В тибетском буддизме есть четыре главные школы: Гелугпа (Желтая шляпа), Ньингмапа (Красные шляпы), Кагью (Черная шляпа) и Сакьяпа, каждая из которых имеет своего лидера или главного держателя линии. Следовательно, они имеют несколько отличительных черт, но так как они все идут напрямую от самого Будды Шакьямуни, у них имеются некоторые общие черты, характерные для буддийского учения. Следы двух школ тибетского буддизма мы встречаем в Красноярске, в начале XX в. – школа Гелугпа, а в конце XX в. – школа Кагью.

Со строительством социалистического государства и реконструкцией общества в 30 – е гг. XX в., с новыми идеями, где уже не было место религии, значит и Ламам,

наступает время партийных лидеров коммунизма, а религия становится опиумом для народа. Как говорил царь Соломон: «Все пройдет. Пройдет и это». Так оно и получилось: закончился период строительства коммунизма, начинается новый этап в жизни страны.

Семена учения, посеянные в 1930 – е гг., произросли в нач. 1990-х гг. – периоде духовного возрождения. История современного буддизма в Красноярске начинается с 18 октября 1991 г., когда была зарегистрирована министерством юстиции Российской Федерации единственная буддийская религиозная организация в Красноярском крае – Красноярский Буддийский Центр Школы Карма Кагью «Карма Кунзанг Дордже Линг». Эта школа тибетского буддизма, она относится к уровню Алмазного пути (санскр. Ваджраяна). Название «Карма Кунзанг Дордже Линг» дал Центру Лама Оле Нидал в 1991 г. [13, с. 23].

Коренным Ламой для Красноярского буддийского центра является Лама Оле Нидал, который основал более семисот буддийских центров Алмазного Пути во всём мире. С начала 1970-х гг. Оле Нидал путешествует, проводя лекции, курсы и основывая буддийские центры «Алмазного Пути». У него более 80 000 учеников, в том числе, более 5 000 – в России, в том числе и в Красноярске [13, с. 23].

В 2022 г. исполнится 50 лет активности Ламе Оле Нидал по всему миру. Лама Оле – йогин, он не носит монашеской одежды, не сидит на одном месте. Он путешествует два раза в год вокруг земного шара, у него ученики на всех континентах. Лама Оле Нидал разрушил концепцию, что буддизм только для азиатов. Сам Будда говорил, что в каждом человеке есть природа Будды. Но не каждый человек готов сам взять ответственность за свою жизнь на себя, своими словами и действиями создать мир вокруг себя, и только он может его изменить. А чтобы изменить себя и мир, вокруг себя нужны инструменты и методы, а их можно получить от учителя. Погружаясь в историю буддизма, мы видим, сколько трудностей в прошлом приходилось ученику преодолеть, чтобы найти и дойти до своего учителя. Сегодня в век современных технологий и научных достижений добраться до учителя стало намного легче. И даже Ламы сами могут приезжать к своим ученикам.

Лама Оле Нидал в 1992 г. первый раз приезжает в Красноярск по приглашению Вадима Лякина с лекцией о буддизме [2, с. 515]. Он даёт первые поучения небольшой группе студентов Политехнического института. Им двигает большая любовь к людям и мощное желание помочь всем существам на Земле. Он не только прочитал лекцию по буддизму и дал прибежище первым ученикам в Красноярске, но и засеял семена Ваджраяны на Красноярской земле. Что послужило началом к строительству буддийского ансамбля в исторической зоне г. Красноярска на восточном склоне Караульной горы в начале XXI в.

30 августа 2011 г. завершено строительство Красноярского буддийского центра с установкой на крыше Серто. 9 июля 2017 г. прошла инаугурация Ступы Просветления, которую провели Лама Оле Нидал совместно с Шерабом Гьялценом Ринпоче, известным буддийским мастером из Непала. К 30 – летнему юбилею активности Ламы Оле Нидала на красноярской земле 29 сентября 2021 г. было приурочено открытие четырехметровой гранитной статуи Будды Безграничного Света (Амитабхи) в парке перед Ступой.

Двери Красноярского буддийского центра открыты для всех жителей города. Часто организуются для них экскурсии по центру, они могут свободно присутствовать в гомпе на медитациях, слушать лекции приезжих не только российских, но и зарубежных учителей.

Лама Оле Нидал родился 19 марта 1941 г. в местечке к северу от Копенгагена. Он изучал философию, английский и немецкий языки в университетах Копенгагена, США, Тюбингена и Мюнхена. Возможно, он мог быть ученым, но одна встреча изменила всю его жизнь. В 1968 г. Оле Нидал и его жена Ханна познакомились с буддизмом во время медового месяца, который проводили в Непале, в Катманду. Там они встретили Ламу Цечу

Ринпоче, одного из величайших буддийских учителей Тибета. В 1969 г. они встретили Шестнадцатого Гьялву Кармапу и стали его первыми учениками-европейцами. Позднее он попросил их распространять буддизм на Западе. Кармапа – это высший лама из лам школы Карма Кагью. Эта традиция существует уже одиннадцать веков и учит Алмазному пути (санскр. «Ваджраяна»).

XVI Гьялва Кармапа отправляет первых своих пилигримов буддизма в европейский мир, выдав Оле и Ханне Нидал сертификат в том, что они являются учителями, которые могут давать основополагающие поучения об этике и практике драгоценного Пути Будды Шакьямуни. Приводим выдержки из сертификата: «…настоящим документом я назначаю их в качестве учителей, которые могут давать основополагающие поучения об этике и практике драгоценного Пути Будды Шакьямуни. Более того, я уполномочиваю их давать Прибежище и обет Бодхисаттвы любому человеку в отсутствие квалифицированных лам и предписываю Оле Нидалу действовать в качестве первопроходца, который основывает новые буддийские центры Кагью там, где это необходимо» [17].

Полученный сертификат дал возможность Ламе Оле Нидалу распространить Тибетский Буддизм Карма Кагью по земному шару, в том числе на берегах могучего Енисея. С 1992 г. и вплоть до пандемии Лама Оле Нидал 18 раз посещал город Красноярк с лекциями и медитационными курсами. Во время визитов в Красноярск его учениками было организованы две пресс-конференции с журналистами. Лама Оле Нидал дважды был гостем телепрограммы «Новое утро на ТВК», и даже в одной из программ провел медитацию в прямом эфире.

В 2006 г. Лама Оле Нидал давал интервью радиоканалу «Эхо Москвы в Красноярске», как Буддийский Лама, которого в 2004 г. Олимпийский комитет попросил организовать буддийское представительство для лучших атлетов со всего мира в «Центре религиозных услуг» в Олимпийской деревне в Афинах.

Олимпийскую эстафетную палочку Лама Оле передал своим ученикам в организации Буддийской комнаты в Олимпийской деревне в 2013 г. в Казани, где проходила XXVII Всемирная летняя Универсиада студентов, дальше по цепочке эстафету принял Красноярский Буддийский Центр в организации Буддийской комнаты для спортсменов Зимней Универсиады Красноярск-2019.

Мы видим, как много делает Лама Оле Нидал, как сильна его активность и он вправе носит титул Ламы. 28 февраля 2006 г. в своем письме Кюнзиг Шамар Ринпоче – второй по значимости учитель в школе Карма-Кагью после Кармапы, дал по этому поводу разъяснения: «В странах гималайского региона есть много «лам», чей опыт религиозной практики больше, чем у Ламы Оле, и много тех, чей опыт намного меньше. Это справедливо и в отношении западных буддийских обществ. В тибетском языке слово «лама» обозначает буддийского учителя независимо от того получил он или она полное или частичное посвящение в монахи («гелонг» и «гецул» соответственно) или является мирянином («геньен»). Всех их можно называть ламами, если они дают своим ученикам буддийские поучения. Его Святейшество Гьялва Кармапа XVI, я и Лопён Цечу Ринпоче являются учителями Ламы Оле. Будучи уважаемым последователем Его Святейшества Далай-ламы, он получил поучения и посвящения также и от него. В 1973 г. Лама Оле закончил свое обучение в Гималаях, и Его Святейшество Гьялва Кармапа послал его обратно в Европу для передачи поучений. С этого времени Лама Оле передавал учение Будды тысячам западных учеников и основал сотни медитационных центров по всему миру. Поэтому титул Ламы совершенно уместен в отношении Ламы Оле Нидала» [17].

Безусловно, жителям Красноярска безгранично повезло, что Лама Оле Нидал проявил свою активность на Красноярской земле в утверждении тибетского буддизма. В этом 2022 году Тай Дордже, Его Святейшество 17-й Гьялва Кармапа, делится следующим посланием относительно дня рождения ламы Оле Нидала: «Завтра день рождения ламы Оле - благоприятный день, который мы все должны отпраздновать, выражая

благодарность и признательность за его неустанную преданность Дхарме Будды. Кроме того, в этом году также отмечается пятидесятилетие организации буддизма Алмазного пути, которая была основана Ламой Оле и его покойной женой Ханной по инициативе моего предшественника, Его Святейшества 16-го Гьялвы Кармапы, и которая сегодня включает в себя более 600 буддийских медитационных центров по всему миру. Я радуюсь непоколебимому мужеству и решимости ламы Оле, который накопил огромные заслуги, вдохновение и радость за последние пятьдесят лет. Как я уже говорил в предыдущих случаях, такие учителя, как Лама Оле, чрезвычайно редки и их трудно найти, и мы должны напомнить себе, что если мы нашли такого учителя в этой жизни, мы должны лелеять его как можно лучше» [14].

3 июня 2015 г. Лама Оле Нидал получил премию Ассоциации ЮНЕСКО за поддержание межкультурного диалога и мирного сосуществования. Премия также предназначалась Ханне Нидал, ушедшей из жизни в 2007 г. На церемонии во Дворце Конгрессов в Малаге президент Ассоциации Лоренсо Родригес де ла Пенья подчеркнул значимость вклада Ламы Оле Нидала и его жены Ханны в свободу слова, ума, религий и личности; также де ла Пенья отметил ценность проявления их активного сочувствия в стремлении к миру и благополучию [15].

В 2016 г. Лама Оле Нидал был награждён Орденом Агвана Доржиева, присуждаемом за выдающиеся заслуги перед человечеством, а 12 июля 2017 г. настоятель Ацагатского дацана Тарба-лама торжественно вручил этот орден известному буддийскому Ламе Оле Нидалу - орден Фонда Агвана Доржиева за распространение учения Будды по всему миру, принесение вневременной пользы огромному количеству людей. Первый такой орден был вручён Далай-ламе XIV в 2014 г.[16].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в Красноярске, согласно статистическим данным, начиная с XIX в. и по настоящее время буддизм имел и имеет место: сохраняется традиция буддийских Лам и передача учения Будды от учителя к ученику (на примере сохранившейся коллекции в Красноярском краевом музее). В XX – XXI вв. ученики Ламы Оле Нидала исполнили пожелания своего учителя - хранить и развивать учение Будды на Енисее. В результате дружной работы буддистов и местной администрации в Красноярске возник буддийский комплекс – здание Буддийского центра с библиотекой, Ступа Просветления и статуя Будды Амитабхи на ул. Полярной, 152. На самом деле буддизм — это не столько религия, сколько философское учение, и именно это сегодня привлекает приверженцев буддизма, число которых растёт с каждым годом. Если верить статистике, в мире насчитывается около одного миллиарда человек, считающих себя последователями Будды, в том числе и красноярские буддисты

Список литературы

[1] Гридинберг И.Н., Орехова Н.А. Тантрическая коллекция в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Буддизм Ваджраяны в России. Традиции и новации. М.: Алмазный путь, 2016. С. 336 – 343;

[2] Дубич В.В. История Красноярского буддийского центра традиции Карма Кагью и история Гуру Падмасабхавы: неожиданные параллели // Буддизм Вадржаяны в России: На перекрестке культур. М.: Алмазный путь, 2018. С. 514 – 521;

[3] Леонтьева Л. Путеводитель по буддизму. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2012. 256 с.;

[4] Памятная книжка Енисейской губернии на 1865-1866 гг. СПб., 1865. С. 186 – 187;

[5] Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год / под ред. Н. В. Доброхотова. Красноярск: Енис. губ. тип., 1907. XII, 106, 80, 77, 51 с.;

[6] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Издание Центрального Статистического Комитета МВД. Т. LXXIII. Енисейская губерния. СПб., 1904. 185 с.;

[7] Сибирская Советская энциклопедия. Т.3. Л.,Н.: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. 474 с.;

[8] Статистический обзор Енисейской губернии за 1910 год. Красноярск: Енис. губ. тип., 1911. 86 с., 15 прил.;

[9] Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год. Красноярск: Енис. губ. тип., 1914. 134 с.;.

[10] Терентьев А.А. Буддизм в России царской и советской (старые фотографии). СПб.: издание А. Терентьева, 2014. 484с.

[11] Александр Махачкеев, специально для ИА «Байкал Медиа Консалтинг» 17 мая 2006/ Борьба Сангхи: история и современность /http://savetibet.ru/1147867080.html (дата обращения:16.05.2022)

[12] Главные ламы России. Люди и должность. Режим доступа: /https://yapet.livejournal.com/198029.html (дата обращения:16.05.2022)

[13] Гридинберг И.Н., Орехова Н.А. Буддизм на берегах Енисея: прошлое, настоящее и будущее // От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история: Материалы VIII Сибирского исторического форума Красноярск, 2021. Режим доступа: https://sibhistory.ru/архив/. С. 21-25, (дата обращения:16.05.2022)

[14] https://www.karmapa.org/karmapas-message-for-lama-oles-81st-birthday/ (дата обращения:16.05.2022)

[15] http://www.lama-ole-nydahl.ru/награда-юнеско/ (дата обращения:16.05.2022)

[16] http://www.lama-ole-nydahl.ru/орден/(дата обращения:16.05.2022)

[17] http://www.lama-ole-nydahl.ru/official-recognition/ (дата обращения: 16.05.2022).

УДК 94 (571.51)

«Я не останавливался ни пред какой личной опасностью»: штрихи к биографии Иннокентия Ивановича Покровского

Дементьев Александр Петрович
Кандидат исторических наук,
Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
dementjev.ap@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7841-5201

Ульверт Александр Викторович
Краевед, г. Красноярск, Россия.
ulvert1978@gmail.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена биографии Иннокентия Ивановича Покровского, который до 1917 г. работал податным инспектором, а после революции был избран председателем городской думы г. Енисейска. Выявлены важнейшие события его политической биографии и направления научной деятельности. Представлена характеристика важного исторического источника, созданного Покровским, о Енисейском восстании 1919 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Покровский, революция, гражданская война, г. Енисейск.

Имя, вынесенное в название настоящей публикации, малоизвестно историкам и краеведам. Между тем его насыщенная общественная и научная деятельность достойна того, чтобы стать объектом исследования.

Иннокентий Иванович Покровский, родился 16 февраля (ст. ст.) 1870 года на золотом прииске Северо-Енисейского горного округа в семье священника. Обучался в Томской мужской гимназии, высшее образование получил на юридическом факультете Московского университета, служил по судебной и финансовой части в Москве и Ревеле. В 1899 г. получил должность податного инспектора Енисейского участка Енисейской губернии и работал в этой должности вплоть до 1917 г. [2. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 4 об].

Можно утверждать, что в дореволюционный период он симпатизировал социалистам. Так, В 1909 г. он был арестован по подозрению в предоставлении убежища видным политическим ссыльным, бежавшим из Туруханского края: Онипко, Парвусу, Б. И. Гольдману. Покровский в своей автобиографии писал, что факт помощи имел место. [2. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 5 об].

Работая в должности податного инспектора, Покровский видел положение северных народов и защищал их. В 1912 г. в своем докладе губернским властям он указывал на преступления, которые совершали «тунгусники» - предприниматели, занимавшиеся торговлей и заготовкой пушнины на Севере: «Изнасилование тунгусских девушек, кражи, утайки ясака и даров в церкви, мошенничества, эксплуатация невежества и доверчивости, побои, истязания, убийства, опаивания спиртными напитками...» [7, с. 134-135].

Основные положения своего доклада Покровский повторил на уездном съезде крестьянских начальников, который состоялся в августе 1915 г. Съезд запретил русским крестьянам селиться по рекам Подкаменной и Нижней Тунгускам, а также решил выселить в административно порядке всех купцов, поселившихся по этим рекам [6, с. 186-188].

После падения самодержавия в 1917 г. у Покровского появилась легальная возможность проявить себя на политическом поприще. Летом 1917 г. по объединенному социалистическому списку Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, группы профессиональных рабочих и солдат местного гарнизона он был избран в городскую думу Енисейска. 9 июля 1917 г. его избрали председателем думы. Кандидатуру

Покровского поддержали 23 человека, только один человек проголосовал против.

За него единодушно проголосовали: представители социалистического списка (14 гласных); 9 гласных, избранных по списку народных республиканцев, служащих в правительственных учреждениях; группы еврейской и магометанской национальности [2, Ф.Р-1813. Оп. 2. Д. 10. Л. 34]. Это доказывает высокий авторитет Покровского среди различных политических сил. В июне 1919 г. он вновь будет избран в состав думы, но уже по списку либеральной «Группы трудовой интеллигенции». Пост председателя думы он будет занимать вплоть до 1920 г. Кроме председательства он участвовал в работе финансовой и оценочной комиссий [3, 25 июля].

Покровский не был активным политиком: он не выступал на митингах, не печатался в газетах. В период напряженной борьбы за власть он был незаметен на политическом поле. Вероятно, его внимание в большей степени занимала работа по обустройству городского хозяйства, но восстановить эту сторону деятельность Покровского еще предстоит по сохранившимся материалам местной периодической печати и архивным документам.

Настоящим испытанием для Покровского как председателя городской думы стало антиколчаковское восстание в Енисейске в феврале 1919 г. Описание его действий изложены им самим 12 мая 1919 г. в докладной записке, адресованной управляющему Енисейской губернией [4].

Данный текст отличается от других воспоминаний Гражданской войны искренностью и эмоциональностью. Докладная записка погружает нас в размышления человека, который, будучи противником Советской власти, был вынужден контактировать с восставшими ради спасения мирных граждан.

«К утру я пришел к твердому решению... отправиться в революционный штаб для переговоров. Должен сказать, что такое решение явилось у меня в результате столкновения мучительно противоположных чувств. Дело в том, что я – убежденнейший противник выступлений не только явно разбойных, каким было пережитое Енисейском в минувшем феврале, но и более, скажу, деликатного выступления большевиков, действия которых я открыто называл преступными, как в личных переговорах, так и в официальной служебной почтовой и телеграфной переписках. Однако тогда положение было гораздо проще, а потому и легче. В качестве податного инспектора я нес чрезвычайно серьезную ответственность за свой способ действий единолично. Теперь за мои действия как председателя думы могли подвергнуться тяжелым и даже прямо страшным последствиям беззащитные избиратели-горожане», - так рассказывает Покровский о своем решении отправиться в революционный штаб сразу после известия, что солдаты енисейского гарнизона арестовали офицеров в ночь на 6 февраля 1919 г. [4, Л. 20об].

7 февраля И.И. Покровскому удалось созвать частное совещание гласных городской думы и членов уездной земской управы, которое озаботилось «охранением в городе порядка, личной и имущественной безопасность граждан», выработало резолюцию в которой признало свершившееся выступление нецелесообразным, призвало депутатов «оставаться на своих местах и продолжать порученную им избирателями работу». Совещание призывало штаб восставших не производить ночных обысков и арестов; усилить охрану винного склада; немедленно освободить из-под стражи и.о. городского головы Миндаровского и гласного думы Обмоина; освободить из-под ареста всех политических противников; изъять у лиц, замеченных ранее в уголовных преступлениях, все огнестрельное оружие и др. [4, Л. 4 – 4 об].

В этот же день по инициативе Покровского состоялось совместное совещание военно-революционного штаба и общественных организаций города для «обсуждения вопроса о приемлемом выходе из создавшегося исключительно трудного положения». К конструктивному решению стороны не пришли ввиду отказа общественных организаций

признать свершившийся переворот [4, Л. 5-5 об].

На следующий день заседание городской думы и уездной земской управы под руководством Покровского поручило представителям от городского самоуправления «потребовать от революционного штаба часть имеющегося у последнего оружия для организации самоохраны города». [4, Л. 6 об]. Закономерно, что штаб не принял это предложение, но члены органов местного самоуправления арестованы не были и продолжили контакты с членами штаба стремясь предотвратить расправу.

Тем не менее, Покровский стал главным переговорщиком от местного самоуправления с лидерами восставших. Своими действиями он стремился предотвратить расправу над заключенными в тюрьме и смягчить действия восставших по изъятию контрибуции с местных предпринимателей. Вступая в контакты с членами штаба Покровский рисковал как авторитетом, так и жизнью. Так, в докладной записке он описывал ситуацию, как лидер восставших Кузнецов, будучи пьяным, «сидя рядом со мною, все время держал в руке направленный на меня браунинг, стараясь, по-видимому, делать это незаметно» [4, Л. 13].

При подавлении восстания колчаковскими войсками Покровскому пришлось уже действовать в защиту «гуманности и законности», чтобы избежать жертв среди мирного населения. В результате от командного состава правительственного отряда ему пришлось выслушать заявление: «В других местах представители городского самоуправления встречали нас с цветами, а в Енисейске Председатель Думы делает нам выговоры, выпороть его». Как писал сам Покровский: «Немало различных угроз и устрашающих предупреждений пришлось слышать в период колчаковской власти и в дальнейшем» [2, Ф.Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л.5].

Вероятно, при создании своей «Докладной записки» автор выполнял, в числе прочих, и такую прагматическую задачу, как объяснение губернскому руководству причин, по которым он был вынужден взаимодействовать с революционным штабом. В результате этого возник значимый исторический источник, со страниц которого И.И. Покровский предстает перед нами честным и искренним человеком, который с риском для своей жизни, стремился минимизировать угрозы для мирных граждан, несмотря на то, что при этом ему приходилось поступаться политическими принципами. Ввод данного источника в научный оборот и его использование вместе с комплексом уже известных воспоминаний, несомненно, позволит расширить и уточнить историческую картину событий.

В первые годы советской власти Покровский недолгое время находился под арестом по обвинению в участии в колчаковской контрразведке. Информации о дальнейших репрессиях не обнаружено. Вероятно, у Советской власти не было претензий к действиям Покровского в период Гражданской войны. В феврале 1920 г. он занял должность заведующего налоговым подотделом Енисейского уфинотдела, а в августе того же года перешел на службу в Енисейское губстатбюро, в качестве статистика-инструктора.

Помимо общественной работы внимание Покровского занимала также наука. С 1923 г. он состоял членом красноярского отделения РГО. Но долгое время Покровский не имел возможности оформить свои научные изыскания. В своей автобиографии от 1923 г. он признавался, что «ни напечатанных, ни приготовленных к изданию моих трудов у меня нет». «То, что мне удалось написать, я до сих пор не облек в пригодную для печатания форму по той причине, что до последнего времени был загружен выполнением служебных и общественных обязанностей, а теперь, когда эта загруженность сократилась, отдаться с необходимой энергией делу литературной обработки имеющихся у меня материалов мешает состояние моего здоровья». [2, Ф.Р-1380. Оп. 1. Д. 80.Л. 4].

Автор упоминал о наличии у него материалов, посвященных обследованию 9 тунгусских родов, приписанных к Ангарским волостям (1910 г.); проекта мер по сохранению инородцев Севера от вымирания (1912 г.); рукописных очерков золотопромышленности

в Енисейском горном округе (1922 г.). В 1920 г. им была составлена докладная записка о необходимости подробного исследования Туруханского края. [2. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80. Л. 4].

Известно, что в 1928 г. Покровский был начальником ихтиологической экспедиции на р. Ангаре, проводил обследование рыбацких районов. Покровский изучал не только работу рыбаков, но и другие стороны жизни ангарского населения. В частности, он провел перепись населения пяти районов, подсчитал валовый доход приангарских селений от различных видов деятельности, вел статистику начисления и уплаты налогов, описал орудия лова. Покровский первым собрал статистику вылова рыб по отдельным административным районам. В результате этой работы в 1929 г. была опубликована его книга «Рыбный промысел реки Ангары и его роль в экономике края», которая до сих пор не потеряла научной значимости [1, с.5].

Время пребывания Покровского на Ангаре совпало с одной из экспедиций Л. А. Кулика на место падения Тунгусского метеорита. Неизвестно, оказывал ли Покровской помощь экспедиции, но в газете «Красноярский рабочий» были размещены несколько его заметок, посвященных экспедиции. В одной из них он сообщал о семи опасных административно-ссыльных, которые направились к месту расположения экспедиции с целью грабежа [5, 28 сентября]. Но уже в следующей заметке он указывал, что слухи об угрозе утратили силу, а информация о бедственном положении экспедиции не подтверждается данными Покровского [5, 4 октября].

Дальнейшая судьба Покровского в настоящий момент неизвестна. Надеемся, что дальнейшие изыскания авторов публикации позволят больше узнать о деятельности и жизненном пути этого интересного человека.

Список литературы

[1] Аргунова А.Ю. История рыбного хозяйства байкальского региона (1900–1980-е гг.): автореферат дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2016.

[2] Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 80; Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 10.

[3] Голос момента (Енисейск). 1917.

[4] Красноярский краевой краеведческий музей. КПД 3869/32.

[5] Красноярский рабочий (Красноярск). 1928.

[6] Межэтнические связи Приенисейского региона: сборник документов / под ред. Р. Г. Рафикова. Ч. 1.: 1609–1916 гг. – Красноярск, 2007. 215 с.

[7] Хоменко Д.Ю. Проникновение капиталистических отношений на Енисейский Север в начале XX века: влияние на межэтнические отношения // Россия и мир в конце XIX - начале XX века (IX): материалы Девятой всероссийской конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Пермь, 2016. С.128-137.

УДК 9.908 (329.73)

«Оюн Курседи – основоположникТувинской народно-революционной партии (ТНРП)

Доржу Зоя Юрьевна
Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Отечественной истории Тувинского государственного университета, г.Кызыл, Россия,
zoyadorzhu@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3248

Оюн Оксана Петровна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Тувинского государственного университета, г.Кызыл, Россия,
oun.oksana@ mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1922-2215

АННОТАЦИЯ Статья посвящена жизни и деятельности одного из активных участников национально-освободительной борьбы тувинских аратов против китайско-маньчжурских поработителей, защитника аратов от местных феодалов и баев, организатора первой политической партии в Туве Оюна Курседи. Отмечено, что летом 1921 года в Элегестинском сумоне Оюннарского хошуна сын арата создал группу, которая и была организационно оформлена в народно-революционную партию. Но во главе партии он пробыл чуть больше года из-за допущенных им ошибок, враждебного отношения к нему бывших феодалов, как и неоднозначного отношения однопартийцев и членов правительства. Да и в исторической литературе личность основоположника ТНРП занимает более чем скромное место.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тувинская Народная Республика, народно-революционная партия, Оюн Курседи

Курседи Кенден оглу Оюн родился в 1884 году, отец дал ему имя Сайын-Белек, что дословно, с тувинского языка переводится как «особенный подарок». Так оно и произошло: Курседи Кенден оглу оставил след в истории Тувы как борец за светлое будущее тувинского народа. Этому способствовало его неуемная энергия, выносливость, трудолюбие, любознательность. С детства проявились его лидерские качества, помогая взрослым по хозяйству, когда пас овец или в редкие минуты, играя со сверстниками, самостоятельно принимал решения, действовал уверенно, не боялся рисковать. Его неуемный характер особенно проявился во время учебы в буддийском монастыре – хурээ, куда Сайын-Белека отдали на воспитание после смерти отца. Даже будучи подростком, он не мог смириться с жесткими устоями монастыря и, обучившись тибетской грамоте, ушёл оттуда. Тогда же изменил свое имя на Курседи [7, с.4].

Знание грамоты очень пригодилось подростку, его взял к себе помощником китайский торговец, но ему невыносимо было видеть, как издеваются над бедняками и безнаказанно эксплуатируют их труд. И когда в 1911-1912 годы тувинские араты поднялись на национально-освободительную борьбу против ига маньчжурской (Цинской) династии, длившегося полтора века, он стал активным ее участником. При штурме крепости Кобдо – последнего оплота маньчжуров в Северо-Западной Монголии и Туве в августе 1912 года Курседи был тяжело ранен.

Всетувинский Уредительный Хурал, состоявшийся 13-16 августа 1921 года, провозгласил независимость тувинского народа, объявил Туву самостоятельным государством, принял Конституцию. Встречи с большевистски настроенными рабочими Белоцарска (так назывался Кызыл до 1918 года с момента его основания в 1914 году) укрепляла уверенность Курседи в необходимости революционной организации, которая защитила бы аратов от феодалов. «Нас большинство, а значит, мы – тувинские большевики» – уверял он аратов, что способствовало росту его авторитета, множило ряды его единомышленников [4, с. 104].

До образования Тувинской Народной Республики (1921-1944 гг.) в Туве не было политических партий, Дальне-Восточный Секретариат Коминтерна рекомендовал

советским коммунистам, работавшим в Туве, помочь тувинским революционерам «организовать Урянхайскую народно-революционную партию» [8, с.7].

Летом 1921 года в Элегестинском сумоне Оюннарского хошуна революционно настроенные араты объединились в группу, которую возглавил Оюн Курседи. Члены этой группы, названной позднее «Угудар яамы» («агитационное бюро»), ставили перед собой цель организационного оформления народно-революционной партии [2, с.137].

Наряду с Элегестинским в Туране было образовано другое агитбюро во главе с Монгушем Нимажапом, выходцем из богатой байской семьи Айыжы, для своего времени образованного человека. В составе этой группы преобладали феодальные элементы, обладавшие людскими и материальными ресурсами, стремившихся захватить руководство в будущей партии и подчинить себе народное движение. Возникновение и становление органов государственной власти ТНР шли в сложной противоречивой обстановке, связанной, прежде всего, с политической и экономической зависимостью новой тувинской власти от Советской России, где установилась рабоче-крестьянская власть. По мнению советских руководителей, для ТНР больше всего подходила диктатура трудового аратства, но на деле ввиду массовой неграмотности большинства населения представители прежней правящей элиты продолжали играть ключевую роль в жизни страны [1, с. 192-196].

Оюн Курседи со своими единомышленниками провели большую подготовительную работу, что позволило созвать первое совещание членов двух агитбюро. Оно состоялось 29 октября 1921 года в местности Дыттыг-Арыг, вблизи Турана, при активном участии представителей Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. В ходе совещания было приняло решение о создании Тувинской народно-революционной партии, организационного бюро по подготовке учредительного съезда партии. 20 декабря оргбюро обратилось к тувинскому народу с призывом объединить передовые общественно-революционные силы в Танну-Тувинскую (Урянхайскую) народно-революционную партию. Агитаторы разъезжали по хошунам, чтобы разъяснить населению главные задачи создаваемой организации как укрепление революционной власти, дружба с Советской Россией, борьба с врагами народной власти, улучшение жизни аратских масс.

I съезд состоялся 28 февраля – 1 марта 1922 года, в его работе участвовали более 40 делегатов. Съезд принял Временный устав ТНРП и избрал ее Центральный комитет во главе с председателем Совета Министров ТНР Маады Лопсан-Осуром. С самого начала ТНРП, образованная при активном участии местных большевиков, руководила всей организационной и массово-политической работой в стране. Однако дублирование функций государственных органов с партийной работой, отсутствие в Уставе четких целей и задач ТНРП и пункта об обязательном участии членов партии в партийной работе, неопределенность, кто же может быть членом партии, деятельность враждебных сил, пробравшихся в руководство партии и правительства привели к тому, что в марте 1923 года ЦК ТНРП был распущен.

Оюн Курседи и его группа, не согласившись с таким решением, при помощи райбюро РКП(б) развернули борьбу за восстановление деятельности ЦК, за созыв II съезда, за привлечение в ее ряды бедняков, бывших «холечик», что в переводе с тувинского означает «прислуга», «чернь». Несмотря на трудности и препятствия со стороны представителей западных хошунов, оюннарские партийцы провели колоссальную работу, чтобы привлечь в ряды партии бедняков, бывших «холечик», что в переводе с тувинского означает «прислуга», «чернь».

11 июня 1923 года на заседании райбюро РКП(б) от имени оюннарских партийцев с инициативой возобновления деятельности партии выступил Курседи. При поддержке райбюро и его секретаря Я.С. Чугунова совместно с правительством ТНР была создана комиссия по созыву нового съезда партии. Несмотря на противодействие феодально-теократических элементов, 6-7 июля 1923 года в Кызыле состоялся II съезд ТНРП. Съезд

осудил роспуск ЦК и признал (признал это и Нимажап), что «предыдущий ЦК был избран небольшой группой, практически без участия населения, поэтому был распушен как не авторитетный и не представляющий широкие массы» [5, Ф.1, Оп.1, Д. 1, Л.3].

Не отличались активностью и сами члены ЦК, в чем, в частности, признавался в своем выступлении член ЦК Сарба: «я мало принимал участие в работе ЦК, так как меня притесняли такие как Лопсан-Отцер» [5, Ф.1, Оп.1. Д.1, Л.4].

II съезд Танну-Тувинской народно-революционной партии принял резолюцию «О целях и задачах партии», где говорилось о защите политических прав и экономических интересов беднейшего населения, об активном участии всех членов партии в общественной и государственной жизни, поднятии культурного уровня населения и введении всеобщего обучения грамоте, обязательной медицинской помощи за счет государства беднейшему населению страны. По существу, резолюция II съезда явилась первой программой ТНРП.

Заслушав отчеты правительства и некоторых Министерств, съезд избрал новый состав ЦК, председателем которого стал Оюн Курседи.

Съезд также принял решение об оказании материальной помощи «жене и детям убитого агитатора партии Чуржаапая, выдав им: далембы 11 кусков, чаю 18 кирпичей, юфты 1 кусок, муки 15 пудов, одну корову с теленком, о чем сообщить в правительство для исполнения [5, Ф.1, Оп.1. Д.1, Л.7]. Это свидетельствовало о том, что создание партии, подготовка к съезду проходили не просто, велась упорная борьба с противниками, которые воспрепятствовали прибытию хошунных делегатов, чтобы сорвать работу съезда.

Как свидетельствуют архивные документы, предыдущий ЦК не сумел решить поставленные задачи по созданию революционной организации. Партия реально начала функционировать лишь с деятельности ЦК ТНРП под руководством Оюна Курседи. Восстановительный съезд также состоялся благодаря неимоверным усилиям группы оюннарских партийцев во главе с Курседи. Вновь избранному ЦК за год удалось значительно увеличить численность членов партии: с 600 человек до 6 тысяч. Для пополнения рядов партии в каждый хошун были командированы инструкторы, которые в течение 17 дней проводили разъяснительную работу среди населения, при этом «бунтари и не признававшие идеи партии, не могли быть приняты в партию».

На заседаниях ЦК ТНРП рассматривались и решались самые насущные вопросы жизнедеятельности молодого государства. Так в вопросе «об обеспечении бедных аратов плугами, семенами» было решено обязать Минфин «приобрести плуги и семена и раздать их бедным и маломощным аратам, оказать им помощь на время пахоты лошадьми и быками».

Не остались в стороне и вопросы образования населения. В октябре 1923 года на заседании ЦК рассматривался вопрос «Об обучении молодежи», было принято решение «обучать молодежь грамоте в самих хошунах, после вызвать их в школу при правительстве для обучения русской и монгольской грамоте». [5, Ф.1, Оп.1. Д.1, Л.5]. Целенаправленную деятельность проводила народно-революционная партия и в интересах женщины. Уже первой Конституцией ТНР, принятой в 1921 г., было провозглашено: «Все граждане Тану-Тувы Улус равны перед законом, издаваемым с согласия своего народа». Этим декларировалось и общественное равноправие женщин, но в первые годы ТНР, женщины воспользоваться всеми правами в реальной жизни не могли в силу неграмотности, требовалась ломка традиционно-патриархального взгляда на место женщин в семье и обществе, которые укоренились в традициях народа.

О разносторонности рассматриваемых вопросов подтверждает и такой пример, связанный с организацией переписи скота, установлении уртельной (подводно-станционная) повинности, предусматривавшей представлять подводы тем, кто имеет лошадей более 100 голов. Лица же, имеющие менее 100 лошадей, освобождались

от уртельной повинности. Эти и другие решения ЦК ТНРП были обязательны для исполнения Правительством ТНР, о ходе и результатах своей работы правительство отчитывалось на заседаниях ЦК ТРНП, что свидетельствует о руководящей роли ТНРП.

Об этом свидетельствует и то, что «председатель ЦК партии, его заместители, члены и писари ЦК получали такое же жалование как чиновники и писари правительства». Инструкторы, выезжающие в служебную командировку, получали суточные в размере 1 (одного) лана в день. Все виды довольствия и необходимые принадлежности для работы выдавались из государственной казны. К концу года, кроме жалованья, дополнительно осуществлялись расходы на канцелярские и другие потребностями ЦК партии в размере 164 лан» [5, Ф.1, Оп.1. Д.1, Л.9].

Чтобы укрепить власть на местах и преодолеть сопротивление старых чиновничьих кругов «осенью 2023 года впервые проводились выборы в хошунные управления. В ходе этой избирательной кампании партия сумела направить авторитетных трудовых аратов на работу в органы власти» [8, с.13]. Центральный комитет стал регулярно действующим органом, направляющим и контролирующим деятельность партийных организаций и правительства. По предложению ЦК ТНРП, «I Великий Хурал ТНР, который проходил с 20 сентября по 1 октября 2023 года, в соответствии с директивами II Съезда партии отменил все феодальные привилегии, принял постановление о новом административном делении страны по территориально-географическому признаку вместо прежних феодальных уделов, утвердил первый бюджет республики» [8, с.13].

Все основополагающие решения и действия партии по укреплению народной власти в Туве, сплочения партийных рядов проводились под руководством Оюна Курседи. Его активная политика, направленная на тесное сотрудничество с русскими, отмену феодальных привилегий, вызывала недовольство феодалов, и в марте 2024 года вылилось в мятеж на Хемчике. Для его подавления были мобилизованы 100 человек из числа партийно-ревсомольского состава, один из отрядов возглавил председатель ЦК Оюн Курседи [6, Ф.1, Оп. 1, Д. 843, Л. 19]. Несмотря на сложность ситуации, действия Курседи в основном были правильными, никто из мятежников не подвергся репрессиям, но все же, наряду с феодалами и баями, были наказаны и араты, не по своей воле вовлеченные в мятеж. Это стало серьезным поводом для отстранения Оюна Курседи от должности Председателя ЦК ТНРП. Продолжая активно участвовать в работе партии, во время командировки в хошун, его жизнь внезапно оборвалась. Умер от болезни желудка, значилось в документах партии, но что именно стало причиной, отравление или хроническая болезнь, не отмечалось. Так, при невыясненных обстоятельствах в расцвете сил ушел из жизни основатель первой партии Тувы.

Не сохранилось никаких документов о жизнедеятельности Оюна Курседи. Есть лишь воспоминания его современников о силе духа, целеустремлённости, о преданности делу партии, а также упоминания, требующие дальнейшего изучения, что Оюн Курседи вырастил двух сыновей - Оюн Чамзы Курседи оглу (Сайын-Белек) и приемный сын Шагдыр-Сюрюн Санаевич Оюн. Известно, что приемный сын Курседи Шагдыр-Сюрюн родился в Межегее в 1904 году, был членом ТНРП с 1925 года, после окончания КУТВа был избран председателем ЦК профсоюзов, членом Политбюро ЦК ТНРП, членом Правительства ТНР и проработал в этой должности до конца жизни. Умер он молодым - в апреле 1936 года - во время рабочей командировки на один из отдаленных золотых приисков в результате резкого обострения желудочно-кишечного заболевания. Местные

Оюн Курседи Кенден оглу (1884 - 1925)

власти постарались обеспечить социальную защиту оставшейся без кормильца семьи. Постановлением Президиума Малого Хурала ТНР на семью Шагдыр-Сюрюна, награжденного орденом "Республики ТНР, было принято решение «распространить все льготы, предоставляемые награжденному этим орденом. Начиная с 1 апреля 1936 года по январь 1937 года выдавать его семье пособие 225 акша в месяц. Предоставить семье Шагдыр-Сюрюна бесплатную квартиру в г. Кызыле. С 1 января 1937 года детям Шагдыр-Сюрюна до совершеннолетия устано¬вить ежемесячное пособие в размере по 60 акша» [3]. К сожалению, о жене и родном сыне сведений нет, поэтому необходимо продолжить дальнейшие поиски потомков Оюна Курседи, чтобы восполнить неизвестные страницы жизни и деятельности основателя первой партии в Туве.

Исследование показало, что Тувинская народно-революционная партия с самого начала своего образования играла особую роль в жизни молодого государства, о чем свидетельствуют протоколы заседаний ЦК ТНРП и Устав, законодательно утвердивший, что ЦК ТНРП руководит работой государственных органов и общественных организаций через партийные группы, которые должны быть во всех структурах, что прямо свидетельствовало о руководящей роли партии в деле становления и развития Тувинской Народной Республики. Решения и резолюции партии служили руководством к действию для всех органов власти, рост партийных рядов свидетельствовал обо все растущей роли и значении ТНРП в жизни народа. И в этом немалая заслуга членов партии, ее руководящего состава, председателя ЦК ТНРП Оюна Курседи.

Заключение. Важно отметить, что в условиях зарождающегося государства, в ее самый сложный и важный период огромную роль играют только что появившиеся социальные институты и люди, стоявшие у истоков, к коим можно отнести и первую партию в Туве. Волевым усилием, под влиянием и контролем Советского государства образовалось самостоятельное государство ТНР и тувинский народ впервые в истории обрел свою государственность, свободу выбора путей развития. Однако феодально-теократические элементы не хотели признавать власть большинства, выборность основных органов государства пытались использовать в классовых интересах, чтобы усилить свое влияние и в партии, и в правительстве.

Обретение политического опыта было болезненным и противоречивым процессом, в котором участвовали все слои общества под руководством правителей края. Такое противостояние и привело Оюна Курседи к убеждению о том, что поскольку аратская власть является лишь властью подлинных батраков, то только батраки и бедняки должны управлять ею. Как инициатор создания народной партии, видя происки феодалов, Курседи стремился к тому, чтобы власть была не в руках государства, а принадлежала ЦК ТНРП и ее руководителям, чтобы политическая партия, общественные организации вмешивались во внутренние дела государственных органов. Идея государственности ТНРП под влиянием Коминтерна включала диктатуру партии, однопартийную систему, единую и обязательную для всего населения государственную идеологию, режим власти, опирающийся преимущественно на силу в наведении порядка и в руководстве страной. Оюн Курседи был прагматиком, искренне верил в идеи Коминтерна, боролся за их осуществление, чтобы добиться лучшего будущего для Тувы.

За период функционирования ТНРП прошло 12 съездов. В августе 1935 она была принята в Коминтерн. После добровольного вхождения Тувы в состав СССР (11 октября 1944) ТНРП была переоформлена в Тувинскую областную организацию ВКП(б).

Благодарности
Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01254

Список литературы

[1] Доржу З. Ю., Ондар Е. М. К истории образования Великого Хурала Тувинской Народной Республики // Вестник КрасГАУ. 2014. № 1. С. 192-196.

[2] История Тувы : В 3 т. – Т. II / Под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск : Наука, 2007. 430 с.

[3] Кара-Куске Чооду. Профсоюзы Тувы отметили 80-летие и вспомнили своего первого лидера URL: http://www.tuvaonline.ru›Общество/2007/04/20(дата обращения: 19.06.2022).

[4] Курседи Кенден оглу Оюн. Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. Кызыл: Тув.кн.изд-во, 2004. 343 с.

[5] 5.Протокол II Организационного съезда Танну-Тувинской Народно- революционной партии от 6 июля 1923 г. // НА РТ. Ф.1, Оп 1. Д.1.

[6] Протоколы заседаний ЦК ТНРП (2023 по июнь 2024 г.) // НА РТ, Ф.1, Оп.1. Д.843.

[7] Седип-оол Т. Тыва улустун алдарлыг оглу (на тув.яз.) // Шын. 1966. № 274 (6605) 22 ноября.

[8] Толгар-оол О.А. Образование и идейно-организационное укрепление Тувинской народно-революционной партии: автореф.…дис. канд. ист. наук. Иркутск, 1967. 20 с.

УДК 37.078

Вклад педагогов г. Енисейска в становление начальной школы в период 20-30 годов XX века

Дубовая Юлия Сергеевна
Енисейский историко-архитектурный музей–заповедник им. А.И. Кытманова, г. Енисейск, Россия

АННОТАЦИЯ В статье представлен обзор этапов становления начального образования в городе Енисейске. Описан личный профессиональный вклад А.Н. Першиной и С.Н. Наумова в развитие образования в городе Енисейске.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА реформы, декрет, Октябрьская революция, ликбез, Орден Ленина.

В 60–70 гг. XIX в. ряд реформационных преобразований затронул почти все сферы общественной жизни. Результатами этих процессов были качественные и количественные изменения в обществе. В это время открывается большое число учреждений образования. Однако, перепись населения, проводимая в 1897 г., выявила тот факт, что 78,9 % населения страны не владеют грамотой. Наша страна занимала на тот момент едва ли не последнее место по уровню образованности населения среди европейских держав.

В 1917 г. после Октябрьской революции было свергнуто Временное правительство, в результате чего к власти пришли большевики. Следующее десятилетие было не простым периодом в отечественной истории. В это время был взят новый курс развития государства, и это послужило предпосылкой к проведению ряда качественных изменений в политической и социальной сферах.

В период с 1917 по 1930 гг. руководство страны принимает несколько ключевых для сферы образования нормативных актов. Уже 9 ноября 1917 г. для поддержки системы образования в стране был принят декрет об учреждении Государственной комиссии по просвещению. Этот орган сменил в своих функциях министра просвещения. В состав той комиссии были включены видные политический деятели, такие как Н.К. Крупская, М. Н. Покровский, П.Н. Лепешинский. Председателем комиссии был назначен А.В. Луначарский. На базе комиссии было создано несколько отделов. Один из них — Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос Наркомпроса РСФСР). Новый созданный отдел заведовал деятельностью школ. Так же на базе комиссии создан был и Главный политико-просветительский комитет, иначе его называли Главполитпросвет [1, с.81]

26 декабря 1919 г. Советом Народных Комиссаров (СНК) был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В 1920 г. СНК принял декрет об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКл/б), постановления которой имели обязательный характер. С этих пор организационными вопросами ликвидации безграмотности будет заниматься именно этот орган. Сама ликвидация безграмотности не была самостоятельной целью, она служила средством для создания новой интеллектуальной модели человека-гражданина. Именно он и должен был поддержать идеи построения социалистического государства и общества.

Содержание декрета представляет собой краткое описание ключевых положений. Первый пункт декрета устанавливает как обязательное условие — обучение грамоте на родном или на русском языке граждан от 8 и до 50 лет. Характер мер ликбеза носил принудительный характер — к обучению привлекались в прядке трудовой повинности. Уклонисты привлекались к уголовной ответственности.

Для реализации цели было решено использовать народные дома, церкви,

клубы, частные дома, помещения фабрик. Для обучающихся постарались создать благоприятные условия на производстве и в колхозах — их рабочий день был сокращен на два часа. Установление сроков ликбеза отдано в введенья органов исполнительной и законодательной власти [2, с.222]

В это время по стране появляется большое количество пунктов ликвидации безграмотности. Эти пункты активно налаживают работу с предприятиями, военкоматами, колхозами. В 20-х гг. прошлого века такой ликпункт появляется и в г. Енисейске. Но главную роль в становлении начальной школы в г. Енисейске сыграли наши педагоги - земляки.

Александра Никитична Першина внесла существенный вклад в развитие образования.

Родилась Александра Никитична Першина в 1895 г. в городе Енисейске в семье простых рабочих. Семья была большая и заработка отца, который трудился портным, едва хватало, чтоб обеспечить 9 человек. С 1904 по 1912 гг. училась в училище, затем успешно сдала экзамены экстерном на звание народной учительницы при Енисейской мужской гимназии. Осенью 1913 г. 16–летняя молодая учительница уже приступила к работе. Направили ее в глухую таежную деревеньку Климену, расположенную на Ангаре недалеко от Богучан. Четыре года работы в школе не прошли бесследно для юного педагога. Действительность провинции в царской России и ситуация с образованием очень сильно угнетали. Дети крестьян не всегда хотели учиться, а многие просто не могли себе и вовсе это позволить, но, несмотря на столь суровые обстоятельства, она всегда умела найти общий язык с детьми и заинтересовать их.

В 1914 году умер отец, и вся семья осталась на попечение Александры. С 1916 по 1929 гг. она работала в школах Бельшемуртинского района. За это время года изменилась политическая ситуация в стране и Александра Никитична стойко встретила события Октября. Не отступила она и в тяжелые революционные годы, не оставила свою любимую профессию и уже в 30-х гг. прошлого столетия она возвращается в Енисейск. Коллеги отзывались о ней как о грамотном педагоге. Классы, в которых она преподавала, отличались качественной подготовкой. Она всегда умела увлечь учеников и расположить к себе родителей. Учитель с огромным чувством долга и ответственности, показала себя не только как грамотный педагог, но и как активный общественный деятель с четкими политическими взглядами и общественной моралью. Коллеги не раз ее наблюдали ее за кипучей деятельностью на пунктах ликвидации безграмотности и в числе делегаток на различных профессиональных съездах.

За годы отданные образованию она как педагог не раз была удостоена различных благодарностей и наград. За свой честный и благородный труд она была награждена высшей правительственной наградой Орденом Красного Трудового Знамени в 1945 г., Орденом Ленина в 1949 г., медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» в 1947 г., знаком «Отличник народного просвещения» в 1945 г. НКП.

В 1950 г. она поступила в члены КПСС, а уже 17 декабря была избрана депутатом Енисейского районного Совета депутатов трудящихся и в 1952 г. она повторно избирается в Совет [4,3641/9]

Еще один педагог который вложил достаточное количество сил в развитие образования в г. Енисейске это **Сергей Михайлович Наумов**.

Родился Сергей Михайлович Наумов 20 августа 1981 г. в с. Ягодном Самарской губернии в семье обычного крестьянина. Мать потерял в 8 лет. Воспитывался в городе Ставрополе в семье родной тети. Сестра отца забрала к себе мальчика по причине напряженных отношений с мачехой. В этом городе он окончил четырехклассное городское училище. Учился отлично и получал награды.

По окончанию училища он был отправлен в г. Томск продолжать образование. Именно в г. Томске в учительском институте был определен весь его профессиональный путь. В течение прожитой жизни он отмечал, что имеет большую склонность к преподавательской деятельности, поэтому обучение, по данной программе, представляло

для него большой интерес. В Томск, несмотря, на довольно серьёзный вузовский конкурс (90 человек на 25 мест) он поступил со стипендией.

По окончанию института был назначен в 1910 г. в город Канск учителем городского четырехклассного училища. Из Канска в 1913 г. он был переведен в г. Енисейск на должность преподавателя четырехклассного городского училища в наказание за неуважительное отношение к главному инспектору училищ Восточной Сибири Григорию Василенко.

В енисейском училище Сергей Михайлович проработал до 6 января 1920 г. После училища он работал школьным инструктором, завотделом снабжения, секретарем УОНО до 1 ноября 1925 г. На волне всеобуча он продолжает свой педагогический труд преподавателем школы II ступени, преподавателем девятилетней школы до 01 сентября 1927 г., а так же преподавателем педтехникума до сентября 1933 г..

Кроме преподавания, он неоднократно занимал ответственные руководящие должности. Он работал директором Назимовской спортивной школы до 1935 г., завучем Енисейской начальной средней школы № 2, директором Каргинской начальной средней школы до 1938 года, директором Енисейской начальной средней школы № 4, инспектором школ енисейского РайОНО до 1947 г., директором Енисейской начальной средней школы № 2. Кроме этого он преподавал в институте и ушел на пенсию с должности заведующего кабинетом педагогики в 1957 г.

Помимо педагогической деятельности он вел достаточно разнообразную общественную работу. Сергей Михайлович был лектором по педагогике и психологии на учительских курсах, на курсах дошкольных работников, на курсах председателей и секретарей сельсоветов. Был наш земляк и секретарем союза учителей, работал в районной газете и обществе охотников. В начале 30- х гг. у него были длительные разъезды, а именно он ездил по колхозам района и читал лекции агрозооветминимума и был секретарем уездной Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности.

Именно в годы работы Сергея Михайловича протекал достаточно трудоемкий процесс становления Неполной средней школы, он лично измерял своим педагогическим опытом все его ступени, оставив после себя своеобразную летопись педагога, посвятившего всю свою жизнь воспитанию и обучению молодого поколения. За весь период преподавательской и руководящей деятельности он активно проявил себя как активный общественник и грамотный педагог. Сергей Михайлович сплотил не один учительский коллектив, оставил после себя бесценный педагогический опыт и светлую память в воспоминаниях коллег [5, 5442/2; 3641/11]

20–30 гг. прошлого столетия – это не простое время. Оно характеризуется серьезными количественными и качественными изменениями, которые порой воспринимались не всегда позитивно. Но эти изменения диктовало время и потребности общества.

Список литературы

[1] Рудник С.Н. Великие реформы в России 1860 – 1870 годов: Эпоха и люди СПб: изд. РГГМУ, 2013г. 176 с.;

[2] Создание учительского профсоюза в Приенисейской Сибири 1904-1929 гг. Красноярск: ООО «Технология», 2010г. 372 с.;

[3] Аксенова А.В. Особенности образовательной среды Енисейска в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017г. № 2. С.5-13;

[4] Личное дело Александры Никитичны Першиной. КГАУК «Енисейский историко-архитектурный музей- заповедник им. А.И. Кытманова», 3641/9

[5] Личное дело Сергея Михайловича Наумова. КГАУК «Енисейский историко- архитектурный музей- заповедник им. А.И. Кытманова», 5442/2; 3641/11

УДК 94(57)

Вклад педагогов г. Енисейска в становление начальной школы в период 20-30 годов XX века

Зубова Светлана Сергеевна
Туруханский районный Центр творчеств «Аист»,
Туруханский район Красноярского края, Россия.
do.aist@yandex.ru

АННОТАЦИЯ статья посвящена деятельности Ариадны Сергеевны Эфрон в Туруханске во время своей ссылки на север Красноярского края. На основании воспоминаний автор реконструирует образ А.С. Эфрон, ее вклад в развитие театрального дела.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Туруханск, ссылка, А.С. Эфрон

22 февраля1949 года Ариадна Сергеевна Эфрон как ранее репрессированная была арестована повторно и приговорена к пожизненной ссылке на север Красноярского края. Туруханск – центр огромного Туруханского района – с августа 1949 года по 1955 год

Всякий вид культурно-просветительской работы ссыльным был запрещён. Но в Туруханске не хватало грамотных специалистов, и ссыльную Эфрон приняли на работу в ДК художником-декоратором. Ещё в 2010 году эту работу оказалось возможным описать со слов местных жителей, работавших с Ариадной Сергеевной. Среди них особую роль играют воспоминания Калисы Петровны Канаевой.

Нашим информантам А.С. Эфрон запомнилась отнюдь не по должностным обязанностям. По словам Калисы Петровны, каждые три месяца в ДК ставили спектакли. И здесь без Ариадны Сергеевны было невозможно обойтись. Она и декорации рисовала, и реквизит изготовляла, гримировала, ставила мизансцены, помогала в режиссуре, была суфлером.

Ариадна Сергеевна ввела молодёжь из художественной самодеятельности в мир театральной культуры. Ставили много пьес А. Островского. Ариадна Сергеевна делала замечательный интерьер из XIX века. «Из обычных ведер она делала красивые вазы, как-то так декорировала ведро. Нужно было много цветов для интерьера. Она научила нас делать цветы. Вся сцена была оформлена множеством цветов».

Не было краски для декораций, бумаги, ткани. Женские туалеты к постановке «Ревизора», например, были изготовлены из упаковочной марли. Бывший киномеханик ДК и участник художественной самодеятельности Александр Григорьевич Долгинский вспоминал: «Краски ей иногда присылали, а кисти она делала из местных материалов. Ещё и радовалась, если посчастливится добыть кончик беличьего хвоста, чтобы сделать кисточку. Чаще всего она просила коровьей шерсти и делала из неё прекрасные кисти». Чем-то надо было гримировать актёров. И все восхищались, как «Ариадна Сергеевна при всём при том, что не было у нас ничего, варила краску – из резины, из сапог получалась черная, а красная не знаю из чего». Настоящим чудом оказался настоящий театральный грим, который прислал Б.Л. Пастернак.

«Ариадна Сергеевна показывала, как держаться на сцене, как выходить, как кланяться. Учила нас, артистов, культуре речи. Мы, местные, ведь некоторые слова особенно говорили, например, «пришва» вместо «пришла». Ариадна Сергеевна поправляла и учила нас. Мы научились культуре поведения. Все ждали, когда она будет суфлировать. Дикция у неё была хорошая, мы стремились ей подражать. Мы были малограмотные, текст иногда запоминали с чтения Ариадны Сергеевны».

Декорации Ариадны Сергеевны восхищали всех. Многие ссыльные раньше посещали театры, видели декорации знаменитых художников. Но даже они говорили, что декорации изумительные. Ариадна Сергеевна сама делала первоначальные эскизы.

Иногда удавалось найти книгу с иллюстрациями хороших художников. Ариадна Сергеевна считала большой удачей найденный в библиотеке парткабинета том «Мертвых душ» с репродукциями. Это помогло ей в оформлении спектакля «Ревизор» и выставки, посвященной Гоголю. Ни одного портрета писателя в Туруханске не было, поэтому для жителей Туруханска явилось настоящим открытием Гоголя то, что предложила им в клубе А.С. Эфрон, проявив при этом чудеса изобретательности.

Без скидки на провинцию, с рвением и собранностью А.С. Эфрон поставила здесь «Мнимого больного» Мольера, ряд других классических спектаклей.

Калисе Петровне очень запомнилась декорация к спектаклю «За вторым фронтом»: «В кафе сидят немцы, угол сделан из тонкой бумаги, за ней была подсветка: красно-желто-синего тона мозаика. И артисты, и публика были в восторге». Ещё Ариадна Сергеевна изготовляла костюмы к спектаклям. В том же спектакле «немцы были настоящими, такие костюмы она сделала».

О декорациях Ариадны Сергеевны вспоминал и Александр Григорьевич Долгинский. Вот отрывок из его интервью: «Работала она здорово! Жаль, что не сохранились написанные ею декорации хотя бы к спектаклю по пьесе В. Гусева «Сын Рыбакова». Старый Дом культуры сгорел. Иначе осталось бы что-нибудь для потомства. Её декорации «вживляли» нас в спектакль. Это было колдовство какое-то. Декорациями она создавала настроение и актерам, и зрителям». К сожалению, практически нет фотографий с декорациями Ариадны Сергеевны.

Участница художественной самодеятельности Н.И. Абалакова вспоминает: «Особенно запомнились песни, к которым были сделаны костюмы Ариадной Сергеевной. Так, шуточная русская песня «Ах ты душка, моя красотка, на чём играешь - не понимаю» имела такой огромный успех! Мы были одеты в такие красивые костюмы со шляпами, бантами, и всё это сделано, где из цветной бумаги, где из ленточек, где из лоскутков. Так Ариадна Сергеевна воспитывала в нас понимание красоты, любви к русским песням».

Помогала Ариадна Сергеевна и агитбригаде Дома культуры: «сочиняла очень смешные частушки, штук по двадцать сразу. Тогда про кого можно было сочинять? Про рыбаков, доярок, передовых тружеников. А мы в частушки вставляли уже конкретные фамилии». Жаль, что никто не запомнил эти частушки. «У Ариадны Сергеевны было большое чувство юмора. Но сама она всегда смеялась очень тихонько, я никогда не слышала её громкого смеха», - запомнилось Калисе Петровне. «Для агитбригады Ариадна Сергеевна рисовала доски. В отверстие выглядывали частушечницы, у каждой нарисован платок. Ариадна Сергеевна спрашивала, кому какой платок нарисовать – в цветок, в горошек?»

Но основная и очень тяжёлая работа была по оформлению наглядной агитации внутри клуба, снаружи клуба, к праздникам, к выборам и другим событиям, ремонт клуба. По воспоминаниям Н.И. Абалаковой клуб «был маленький, деревянный, одноэтажный. Только над сценой была надстройка второго этажа. Там и проходили все репетиции, там были и владения Ариадны Сергеевны – костюмерная, художественная мастерская». Что же это за «владения»? Вот как об этом писала сама Ариадна Сергеевна: «... лозунг за лозунгом, монтаж за монтажом, плакат за плакатом в какой-то бредовой и совсем не подходящей обстановке. Все мы – контора, дирекция, драмхор и духовой кружок, и я, художник, работаем в одной и той же комнате, в одни и те же часы. На столе, за которым я работаю, стоит ведро с водой, из которого, за неимением кружки, все жаждущие пьют через край, на этом же столе сидят ребята, курят и репетируют, тут же лежит чья-то краюха хлеба, тут же в артистическом беспорядке разбросаны чьи-то селедки, музыкальные инструменты и прочая белиберда. С утра до поздней ночи стоит всяческий крик: начальственный и подчиненный, артистический и халтурный, культурный и колотурный...» [1]. Из-за таких условий Ариадне Сергеевне приходилось с большими полотнищами работать на полу, руки у нее стыли от холода, потому что клуб плохо отапливался.

А вот ещё об условиях работы: «Глаза очень устают от керосиновых ламп и весьма

относительного электричества на работе» [2].

В книге приказов управления культуры Туруханского района записаны благодарности художнику-декоратору А.С. Эфрон за хорошее исполнение служебных обязанностей 5 января 1954 года, 4 января 1955 года и благодарность и премия в 50 рублей в сохранившемся без даты обрывке приказа. А начала она работать в январе 1950 года. Начальство оценило её только через четыре года.

Даже после освобождения А.С. Эфрон по - прежнему много работала. В письме к Н.Г. Астафьевой 1 мая 1955 года она писала: «... неимоверно много работы – часов по 14 ежедневно и без всяких выходных... В течение месяца я совсем не успевала есть, и чуть-чуть успевала спать, и сейчас чувствую себя, как после тяжёлой болезни. Такой работы остаётся мне ещё один день – завтрашний, после чего увольняюсь и начинаю готовиться к отъезду».

Да, Туруханск для Ариадны Сергеевны был местом ссылки, но она для Туруханска была проводником культуры и просвещения. В канун 1953 года она устроила в ДК настоящую новогоднюю ёлку, невиданное для этих мест празднество. «Старое фойе она настолько оформила, что, наверно, и краевой клуб позавидовал бы. Черные тени на белом фоне: цилиндры, фраки, много персонажей по басням Крылова, сказкам Пушкина. Это были такие теневые рисунки на стенах в натуральную величину», - вспоминает Калиса Петровна. В книге А.А. Шкодиной «Рядом с Алей» не описано фойе, но описана одна задумка Ариадны Сергеевны к этой ёлке: «Она задумала с радистом в 12 часов ночи передать кремлёвский бой часов (в Москве и Туруханске разные часовые пояса), а на эстраде в это время медленно вращался бы большой макет кремлёвской башни, склеенный из фанеры, картона и цветной бумаги. Было проведено освещение, и, вращаясь, башня переливалась огнями, а звезда вспыхивала ярким алым светом! Все присутствующие пришли в восторг, аплодировали, кричали «браво художнику», но на сцену Алю вызвать побоялись».

Восторг вызвала и красавица ёлка. «Ариадна Сергеевна учила делать для украшения конфеты, домики, сделали гирлянды из бумаги, немножко игрушек принесли участники художественной самодеятельности»,- рассказывает К.П. Канаева. Старинный клуб показался всем сказочным дворцом.

Что вспоминала Ариадна Сергеевна в эти дни? Может, то время, когда в Чехии перед Рождеством она с родителями готовила сказочные новогодние игрушки? Украшая ёлку, они придумывали друг другу весёлые сказочные имена, радуясь тому, что они – вместе.

Ариадна Сергеевна показала высокий пример театральной культуры. Встретилось даже мнение, что Ариадна Сергеевна создала в Туруханске самодеятельный театр. Но театр был и ранее, а заслуга Ариадны Сергеевны в том, что она очень высоко подняла его планку.

А на судьбу Калисы Самойловой она оказала особое влияние. «Меня тянуло к её культуре, манерам, подкупало то, что взахлёб читала». Талантливую певунью она приметила и опекала, учила. «Ариадна Сергеевна приобщала меня к музыке. Я ведь ничего не знала. Когда в клубе никого не было, Гильда Матвеевна, по просьбе Ариадны Сергеевны, играла мне «Турецкий марш», «Прощанье славянки» и другие произведения. Я впервые их услышала. Ариадна Сергеевна мне говорила: «Это тебе надо знать, тебе ведь нужно учиться»». В 1953 году Калиса Самойлова поступила в Красноярское музыкальное училище.Но от родителей пришла телеграмма о том, что денег на учёбу они высылать не смогут. Пришлось вернуться. «Со слезами прибежала я к Ариадне Сергеевне. А она сказала: «Это не самое страшное в жизни. У тебя ещё всё впереди. Сделаем тебе направление от отдела культуры, и время учёбы пойдёт в твой стаж. А потом, когда будут деньги и когда ты закончишь училище, сможешь поступить в институт». На следующий год она так и сделала – снарядила меня в Минусинское культпросветучилище. Отдала мне единственное пальто. Девочки дали платье и туфли». Возможно, это было то драповое пальто, которое она купила на деньги Б.Л. Пастернака ещё в Рязани.

Все помнят Ариадну Сергеевну работающей или читающей книгу. Книги ей

присылал Б.Л. Пастернак, и она щедро делилась ими. Так благодаря А.С. Эфрон туруханцы познакомились со стихами Б.Л. Пастернака намного раньше, чем это могло случиться, будь у Ариадны Сергеевны другая судьба.

Нам кажется, что пожизненная ссылка – это разновидность казни. Приговор суда перечеркнул жизнь, лишил перспектив. А Ариадна Сергеевна понимала свою жизнь как ЖИЗНЬ. «Жить во весь рост, во все глаза, во все уши, не щурься, не жмурься, не присаживайся отдохнуть, не отставай от своей судьбы!!!», - пишет она Б. Пастернаку.

Богатство и красоту внутреннего мира Ариадны Сергеевны не отнять было никаким тюрьмам и ссылкам. «Луч света в холодном Туруханске», - говорил об Ариадне Сергеевне участник художественной самодеятельности Борис Михайлович Абалаков.

Когда пишут об А.С.Эфрон, неизменно добавляют, что она – дочь великой Марины Цветаевой. Но когда Ариадна Сергеевна отбывала ссылку в Туруханске, никто не знал, кто она. Из устных рассказов тех, кто работал с ней, встаёт привлекательный образ незаурядной, талантливой личности.

Список литературы

[1] Николаева, М. Туруханский берег цветаевского архипелага: по страницам переписки Ариадны Эфрон // Красноярский рабочий.1990. 30 июня. С.10-11

[2] Туруханские нежности /публикация и примечания Н.Г. Астафьевой // Литературное обозрение. 1990. №4. С.11

УДК 930

К вопросу о коллективизации и раскулачивании на территории районов современного Красноярского края с момента «головокружения от успехов» до конца 1930 г.

Есин Роман Сергеевич
Красноярский государственный аграрный университет,
г. Красноярск, Россия.
Silvarium@mail.ru

АННОТАЦИЯ Тема форсированного строительства коллективных хозяйств в СССР, несмотря на то, что изучается уже не одно десятилетие, по прежнему не исследована до конца. В этом году уже опубликованы десятки статей об организации колхозов и проведения «политики ликвидации кулачества как класса». На сегодняшний день актуальным является исследование региональных аспектов строительства коллективных хозяйств, а также определение этапов воплощения в жизнь данной политики. В статье рассматривается проведение коллективизации с момента окончания первой кампании (в марте-апреле 1930 г.), до конца 1930 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА коллективизация, раскулачивание, спецпереселение, Красноярский край.

Форсированная организация коллективных хозяйств, началась в январе 1930 г. Основным методом построения колхозов стало раскулачивание.

С ослаблением репрессивных мер, после публикации 2 марта 1930 г. статьи И.В. Сталина, критиковавшей «перегибы на местах», начался отток крестьян из колхозов. Этому предшествовало взвинчивание темпов колхозного строительства в начале 1930 г., что привело к нарастанию кризисных явлений в деревне, что в свою очередь привело к необходимости приостановить массовую коллективизацию. В восточных и центральных округах Сибирского края (в описываемое время территория современного Красноярского края относилась к данному региону [3, с. 39]) ее уровень снизился с 48% в начале марта до 17% в конце мая 1930 г. С 1 по 20 марта 1930 г. из колхозов в Красноярском округе выбыло – 1956 хозяйств, в Канском — 752 хозяйства, Ачинском — 323 (по Минусинскому округу данных нет, но документы тех лет сообщают, что во всех округах Сибирского края наблюдался массовый выход крестьян из колхозов) [9, Л. 48]. Крестьяне, вышедшие из колхозов, снова стали вести самостоятельное хозяйство [16].

Также, в апреле 1930 г. на территории современного Красноярского края приостанавливается процесс выселения раскулаченных крестьян [17].

Но, власти не думали останавливаться. Маховик построения централизованного управления аграрным сектором экономики был запущен. Несмотря на все очевидные просчеты, что привели к серьезным негативным последствиям коллективизации, таким, например, как массовое уничтожение крестьянами собственного скота [4, Л. 108, 14], форсированная коллективизация, после всех проведенных в первые месяцы 1930 г. действий властей, в отношении сельского хозяйства, стала неизбежной. Теперь только путем жесткого регулирования организации экономики деревни было возможно спасти экономику страны.

На территории округов современного Красноярского края, в марте-апреле 1930 г. также не планировали полностью останавливать коллективизацию.

Руководство Сибирского края лишь ослабило, но не приостановило проведение политики «ликвидации кулачества как класса». Так, уже через 14 дней после выхода вышеуказанной статьи Сталина, 16 марта из Новосибирска в Ачинск, на основе решения ЦК, пришла директива продолжать вытеснять кулаков в районах сплошной коллективизации, а такими районами (из тех, что располагались на территории современного Красноярского края) считать те, где коллективизировано более 50%

хозяйств [6, Л. 104-105]. Из данной директивы видно, что власти Сибирского края отчасти правильно понимали политику партии и то, что с пути форсированной коллективизации никто сворачивать не собирается, а письмо Сталина есть временная установка.

Полагаем, что кроме того, многие руководители не могли забыть наказания властей на местах за невыполнение плана в 1928 г., [1, с. 327] и в последующее время. Кроме того, ряд руководителей на местах восприняли статью Сталина крайне негативно и были уверены в необходимости продолжения политики «ликвидации кулачества как класса» [12, 10, 11].

Уже 18 марта (или немногим позже) В.М. Молотов, в своем выступлении на заседании партактива в Ростове на Дону, говорил о борьбе с кулаками, о необходимости повернуть середняка на путь коллективизации [14, с. 315-318].

Власти страны и ОГПУ, как в Кремле, так и на местах (в том числе и на территории округов современного Красноярского края), переосмысливали свои действия и пытались понять какие ошибки они допустили, что видно по документам тех лет [14, с. 318-321, 365-369, 13с. 83].

2 апреля 1930 г. в Закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии», а также в «Протоколе заседания комиссии СНК СССР ... по устройству выселенных кулаков» определялись некоторые послабления в отношении крестьянства и уже сосланных кулаков [14, с. 377-378].

Но положение ссыльных оставалось тяжелым. Так 2 июня 1930 г. на совещании по вопросу о хозяйственном устройстве переселенных кулаков с докладами от Красноярского, Канского и Ачинского окрисполкомов, постановили, что положение ссыльных кулаков «совершенно неудовлетворительное» [13, с. 173].

Рассмотрения в отдельном исследовании заслуживает ситуация на ст. Тяжин Ачинского округа. В протоколе от 2 июня 1930 г. совещания в Крайисполкоме по вопросу о хозяйственном устройстве переселенных кулаков, отмечено, что во время доклада "тов. Леонтьева" (представитель Ачинского окрисполкома) голос из зала спросил "Что делается на станции Тяжин?" На этот вопрос докладчик ответил, что ситуация катастрофическая, но назвал заниженную цифру погибших. Докладчик не сообщил о возрастных характеристиках погибших и об истинных причинах произошедшего. Озвучено только, что произошла задержка эшелона со ссыльными и развилась болезнь [13, с. 178]. События о которых говорил докладчик на момент его речи уже произошли и было проведено частичное расследование. Начальник Томского отделения УЛОНа ОГПУ Кутилов, еще 21 мая 1930 г. определил произошедшее как преступную халатность [7, Л. 58]. Но на этом расследование не закончилось. В Государственно архиве Красноярского края, имеются около сотни документов по данному происшествию, и их анализ позволит в дальнейшем рассмотреть ситуацию на ст. Тяжин подробнее.

В протоколе вышеупомянутого совещания, отмечено также, что на момент 19 мая в Красноярском округе от СИБУЛОНА принято 256 семейств, из Енисейска приехало 458 семей, а всего в кулацком округе — 4000 семей принятых с СИБУЛОНА. Из Енисейской комендатуры были приняты семьи кулаков и административный отдел хотел направить их в «Комсевпуть», но данная организация их не приняла (всего «Комсевпуть» на момент 2 июня 1930 г. принял 2,5 тыс. раскулаченных) [13, с. 179].

В Канске, на момент 2 июня 1930 г. находилось 25 тыс. раскулаченных (6-7 тыс. хозяйств). Все прибывшие ссыльные в Канском округе были расселены «по всем округам», часть была отправлена «в Ангару, Тайгу, Канск». Также как и у Красноярского, у Канского округа были большие проблемы с принятием ссыльных «Комсевпуть». Кроме того, в общей сумме в Канском округе находилось 8000 семей, без точного определения места расселения, и недостаточным количеством хлеба. Руководство Канского округа планировало брать кредит на 30 тыс. рублей, чтобы хоть как-то помочь ссыльным не умереть с голоду.

Отчасти, подобная ситуация с размещением ссыльных была и в Минусинском округе [13, с. 180-181].

Данные цифры, как и информация из других источников подтверждают тезис о том, что раскулачивание после сталинской статьи 2 марта 1930 г., продолжается, но также видно что, летом 1930 г. в основном власти были заняты обеспечением ссыльных и успокоением крестьянства.

Кроме того воплощались в жизнь идеи по улучшению административного регулирования территорий СССР. Так, 1 августа 1930 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края [2, с. 255], и территория современного Красноярского края стала относиться, основной своей частью, к Восточно-Сибирскому краю с главным городом – Иркутском (Красноярский и Канский округа. Ачинский и Минусинский округа остались в ведении Западно-Сибирского края).

Власти оправились от поражения в первой кампании по форсированному колхозному строительству осенью 1930 г. В это время, по выражению сибирского историка В.А. Ильиных «начинается новый тур борьбы с крестьянством», и начинается он с проведения очередной хлебозаготовительной кампании [15].

В это время по мнению руководства положение дел в Сибири было следующим: «Расчеты на самотек, отсутствие массовой работы по вовлечению в колхозы характерны для большинства руководящих районных организаций. А между тем, по имеющимся материалам, налицо определенная тяга в колхозы.

По данным «Сибземуправления» в Западной Сибири впереди других по коллективизации идут два района. По Павлоградскому району на 1 сентября коллективизированных хозяйств имелось 23%, а на 20 сентября – 30,6%.

Между тем, крестьяне-единоличники интересуются и учитывают внутреннюю обстановку колхоза. Так, решили вступать в с/х артель «Алтай» единоличники Березниковской юрты (Каскаринский сельсовет). В этой артели, благодаря правильному руководству ... председателем правления т. Годнеевым, все с/х работы выполняются в намеченные сроки. Уборка закончена. План озимого сева перевыполнен. На средства артели организована детлощадка.

Будет перевезен из д. П[и]шуковой дом под общественный амбар для ссыпки семстрахфондов. Крепкая спаянность чувствуется среди колхозников (газета «Советская Сибирь», 12 сентября 1930 г.)» [14, с. 676].

На основании информации выше можно сделать выводы о низком уровне (чем планировалось властью) коллективизации в Сибири осенью 1930 г.. При таком состоянии колхозного хозяйства, власти на местах приступали к активным действиям.

Итоги осенне-зимней кампании в рамках «политики ликвидации кулачества как класса» были следующими – в конце 1930 г. в Сибири было раскулачено 55 426 хозяйств [14, с. 760]. В первую кампанию по коллективизации на территории современного Красноярского края (без учета Минусинского округа) было раскулачено в 8 раз меньше чем по Сибири в целом [13, с. 120-121]. Полагаем, что это соотношение в течении 1930 г. сохранялось и соответственно после приостановления форсированной коллективизации в марте-апреле 1930 г. на территории Красноярского, Ачинского и Канского округов к концу 1930 г. было раскулачено около 6 928 хозяйств.

В результате проведения операции по спецпереселению на момент 10 декабря 1930 г. в Сибирь кулаков «2» категории и «одиночек» из других областей было вселено – 11 612 семей (49 801 человек), переселено внутри края – 16 025 семей (82 922 человека), итого – 27 637 семей (132 723 человека). Из УССР - 11 935 семей - 52 425 чел. (из них 323 семьи — 2624 чел. были переотправлены на прииски Союззолота в ДВК и на Алдан) [14, с. 747]. Часть из них была размещена на территории округов Современного Красноярского края.

Размещение ссыльных на месте поселения по прежнему было большой проблемой. Солидный недостаток продовольствия, инвентаря, а также отсутствие жилья, служили

причиной массового бегства из мест ссылки в районах современного Красноярского края (особенно в северных территориях, где с мест расселения сбежало около 70% спецпереселенцев) [18, с. 126, 8, Л. 269].

Власти страны не только раскулачивали кулацкие хозяйства, но и собирали с них налоги. Кампания по сбору с налогов с кулацких хозяйств в 1930 г была признана не удовлетворительной и ЦИК и СНК 17 декабря 1930 г. постановляют усилить работу в этом направлении [14, с. 761].

Итоги осенней кампании 1930 г. по результатам посевной на территории районов современного Красноярского края [5, Л. 37, 44], как и в целом Сибири и потребляющей полосы, по мнению советского руководства были не благоприятными. Основной рост пшеничного клина (речь идет о том, что в земледелии сообразно с устанавливаемым планом хозяйства севооборотом вводится на данной площади последовательная, постепенная замена одних растений другими в течение определенного числа лет и сообразно с тем подчиненная одному севообороту – прим. авт.) произошел за счет Украинской ССР (в основном), Северного Кавказа и Крыма. Положение с урожаем ржи было еще хуже [14, с. 774-778].

Ситуацию с колоссальной убылью скота, после первой кампании по коллективизации, исправить не удалось. Как отмечало ОГПУ «Повсеместно наблюдается резкое сокращение, а нередко и полное уничтожение всего скота в кулацких и части зажиточных хозяйств» [14, с. 762].

В Западной Сибири, на конец 1930 г. только 22 района имели процент коллективизации 30-50%, а 114 районов – от 10 до 30% (как указано выше к Западно-Сибирскому краю относились Ачинский и Минусинский округа). В Хакассии процент коллективизации – 23,9%, в Ойротии – 17,8% [14, с. 677].

Важно отметить, что после первой кампании по коллективизации, в районах, расположенных на территории современного Красноярского края, и с продолжением политики «ликвидации кулачества как класса» растет количество выступлений против властей различного уровня, что отмечается в работах ученых, изучающих крестьянское сопротивление. Однако, как показывают документы тех лет, в 1930 г. территория Восточной Сибири, к которой относилась большая часть территории районов современного Красноярского края из всех территорий СССР, была наиболее лояльной к политике раскулачивания [14, с. 801-809].

Несмотря на сопротивление крестьянства проводимой властями политике форсированного построения коллективных хозяйств, а также ее неудовлетворительные результаты, в конце 1930 г. на пленуме ЦК и ЦКК был установлен план по коллективизации для ряда регионов на 1931 г. – 80%, а для Сибири и некоторых других регионов – 50% [14, с. 773].

На территории районов современного Красноярского края снова было необходимо достигать, и преумножать результаты первой кампании по раскулачиванию, когда, до массового выхода крестьян из колхозов, в начале марта 1930 г., коллективизация в среднем по Западной и Восточной Сибири была проведена на 48,8% [9, Л. 15, 45]

Такая обстановка была вызвана, тем, что крестьяне не вступали в колхозы, или вступали под угрозой раскулачивания, по причинам отсутствия необходимого оборудования и инвентаря в колхозах, а также грамотного руководства (что видно из оценки обстановки в целом по Сибирскому краю, приведенной выше). Кроме того, на фоне отсутствие кардинальных улучшений в колхозах, политика «ликвидации кулачества как класса», скорее отпугивала крестьян, и судя по результатам по проценту коллективизации осенью 1930 г. уже не давала такого процента коллективных хозяйств как в первую кампанию. Анализ документов 1930 г. показал, что власти страны это понимали, но, по причине отсутствия достаточных средств для улучшения состояния колхозов и того, что город нуждался в хлебе, властям оставалось только раскулачивать и ссылать.

Итак, в итоге можно заключить, что после первой попытки форсированного строительства коллективных хозяйств, летом 1930 г. власти страны и на местах, были заняты восстановлением порядка в аграрном секторе экономики и положением в деревне, а также обеспечением спецпереселенцев. Осенью 1930 г., во время новой посевной кампании начинается второй акт политики «ликвидации кулачества как класса». Но результаты этой политики к концу года неудовлетворительные, по причинам отсутствия необходимого оборудования и инвентаря, а также грамотного руководства в колхозах.

Список литературы

[1] Ильиных В.А. Хроники хлебозаготовительного фронта. М. РОСПЭН. 2010.

[2] Очерки истории Красноярской партийной организации / редколлегия: Н.П. Силкова, Л.М. Балашов, Е.А. Елисеев, П.Н. Мешалкин, В.В. Гришаев и др. Красноярск, 1982.

[3] Красноярье: пять веков истории. Красноярск, 2006.

[4] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-10, Оп.1. Д.714.

[5] ГАКК. Ф.П- 46. Оп.1 Д.15.

[6] ГАКК. Ф.П- 59. Оп.1. Д. 742.

[7] ГАКК. Ф.П.-59, Оп. 1, Д. 744.

[8] ГАКК. Ф. Р.-55. Оп. 1. Д. 17.

[9] ГАКК. Ф.Р. 96. Оп. 1. Д. 817.

[10] Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. /под ред. В.П. Данилова Н.А. Ивницкого. Москва, 1989.

[11] Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД / под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003.

[12] Письма во власть. 1928—1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в II 3 5 государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнкж. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

[13] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 / отв. ред. В.И. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1992.

[14] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / отв. ред. Н.А. Ивницкий. Москва, 2000. Т. 2.

[15] Ильиных С.А. Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) // Крестьяноведение. 2021. №1.

[16] Есин Р.С. Раскулачивание и коллективизация... на территории современного Красноярского края: от «коренного перелома» до исправления «перегибов на местах» // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2020. №3 (113).

[17] Есин Р.С. Кулацкая ссылка на территории современного Красноярского края. в начале 1930 г.: планирование и масштабы // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. №2 (118).

[18] Есин Р.С. К вопросу о труде ссыльных кулаков на территории Енисейского района современного Красноярского края в 1930 г.//Освоение Севера: От прошлого к будущему: Сборник докладов научной конференции, приуроченной к 100-летию открытия норильских месторождений. Красноярск. 14–15 декабря 2020 г. – М.: Политическая энциклопедия, 2021.

УДК 94(57)

Орджоникидзеградское автомобильно-мотоциклетное училище: годы эвакуации в Минусинске

Калеменева Наталья Алексеевна
Краевед, г. Минусинск, Россия.
Anarnady@yandex.ru

аннотация Статья освещает историю Орджоникидзеградского военного автомобильно-мотоциклетного училища, эвакуированного в начале Великой Отечественной войны в Минусинск. Автор приводит ряд архивных документов (не публиковавшихся ранее), рассказывающих о проблемах, которые приходилось решать как руководству училища, так и местным властям для организации быта, учебы и практических занятий курсантов. Автор заостряет внимание на проблеме, которую многократно поднимало руководство училища в переписке с органами местной власти,- о необходимости увековечить память о пребывании училища в Минусинске мемориальным знаком.

ключевые слова Великая Отечественная война, военное училище из города Орджоникидзеград, эвакуация, Минусинск, подготовка офицеров, память.

В годы войны в Красноярский край было эвакуировано 10 военных училищ и спецшкол. В Минусинске с декабря 1941 по июнь 1943 года находилось Орджоникидзеградское автомобильно-мотоциклетное училище. Оно было эвакуировано из Орджоникидзеграда – так назывался с 1936 по 1943 небольшой городок Бежиц, расположенный недалеко от Брянска. Училище относилось к Орловскому военному округу. Образовано училище было в 1940 году, как пехотное. А накануне войны, в марте 1941 года, его преобразовали в автомобильно-мотоциклетное.

До прибытия в Минусинск училище подготовило два выпуска командиров для пехотных частей. В нашем городе предстояло подготовить первый выпуск командиров по автомобильной специальности.

Документы Минусинского архива дают представление о том, какие проблемы и как приходилось решать руководству училища и городским властям в связи с эвакуацией его в Минусинск. А проблем было немало.

Об этом свидетельствует, например,документ за подписями начальника училища комбрига Трусевича (инициалы не указаны) и военкома училища Волика, направленный 7 декабря 1941 года в адрес секретаря Районного комитета ВКП(б) и председателя райисполкома Минусинского района под двумя грифами - «Весьма спешно» и «Совершенно секретно». Вот его текст:«Для обеспечения подготовки к размещению училища в новом месте мною были командированы представители (квартирьеры) капитан Надыров и батальонный комиссар Пальгуев, которым поручалось доложить Вам потребность в помещениях для размещения курсантского и красноармейского состава, а также в подобных помещениях для классов, пищевых блоков и др. и просить Вас об отводе таковых с тем, чтобы сразу по прибытию обеспечить нормальную жизнь и учебу училища.

Установлено, что квартирьеры достаточно полно доложили Вам нашу потребность, так как для училища было отведено Вами достаточное количество зданий, обеспечивающее размещение и занятия (классы).

Однако еще до прибытия полностью состава училища, было изменено Вами свое первоначальное решение и из намеченных, а частью уже принятых зданий, от училища изъяты:

1.Здание по улице Красных партизан №24 - 277м.

2. Здание школы №9 - 485 м.

3. Здание гор.библиотеки -320 м.

4. Здание по улице Ленина 87 - 287 м.

5. Клуб Госторговли – 401 м.

Кроме того, часть зданий, намеченных училищу, занимается гужбатом (гужевой батальон – прим. автора) и до сего времени не освобождены.

Все это поставило училище в очень тяжелое положение, а именно:

а/люди размещены очень скученно, а часть по гаражам, мало пригодным для этой цели;

б/ классов для занятий совершенно нет;

в/ пищевые блоки обеспечивают питание в 4-5 очередей;

г/управление училища полностью не развернуто.

При такой обеспеченности помещениями нормальная жизнь и учеба училища невозможны. Для обеспечения минимально сносных условий жизни и учебы состава училища прошу Ваших распоряжений об отводе для размещения людей, под классы, управление и пищевой блок помещений, отвечающих назначению. В частности прошу:

1. Предоставить 2 дома местного музея;

2. Предоставить намеченные ранее перечисленные выше здания или взамен их.О Ваших решениях прошу спешно меня уведомить» [1, д.55. л. 3-4].

Здесь необходимо пояснение. Понятно, что вопрос об эвакуации училища решался вскоре после начала войны. Но война постоянно вносила корректировки в принятые решения. По приказу военного Совета Сибирского округа от 4 июля 1941 года в Ачинске началось формирование 378-й стрелковой дивизии. Два стрелковых полка этой дивизии – 1254-й и 1256-й формировались в Минусинске. Для казарм, штабов, хозяйственных служб формируемых полков выделены были здания и помещения, занятые ранее 613-м полком 91-й Краснознаменной дивизии. Полк этот дислоцировался в Минусинске после возвращения с Советско-Финляндской войны. 30 июня 613-й полк отбыл на фронт, а уже через несколько дней принят приказ о формировании полков 378-й дивизии. Им были переданы часть зданий, в которых предполагалось разместить Орджоникидзеградское училище. Так совпало: эти полки еще не отбыли на фронт, а в Минусинск уже стали прибывать командный состав и курсанты Орджоникидзеградского училища.

Кроме того, в начале октября 1941 года в Минусинск прибыл эвакогоспиталь №3331 из Харькова. Ожидалось прибытие других госпиталей. Из Красноярска шли грозные телеграммы, требующие местные власти срочно принимать меры по подготовке госпиталей к приему больных. Были и сюрпризы. В Минусинск прибыла из Харькова картинная галерея, которую эвакуировали в спешном порядке, когда немцы были уже на окраине города. Конечно, никаких предварительных распоряжений по ее размещению в Минусинске не было. А ее пришлось не только разместить в городе, но и организовать охрану.

В городе проживали больше 170 семей военнослужащих 613-го стрелкового полка, выехавшего на фронт. Кроме того, Минусинск и Минусинский район принимали эвакуированных с оккупированных территорий и прифронтовых районов на Западе страны.

Кроме того, ожидалось прибытие эвакуированных… с Востока. Председателю Райисполкома Величко и военкому ТашаковуКрайком прислал распоряжение от 4 октября 1941 года, где было сказано, что «прибудет 2 800 человек - членов семей военнослужащих, эвакуированных с Востока». Почему с Востока? Там же не шли сражения. Да, не шли. Но было тревожное ожидание того, что вот-вот вступит в войну Япония - союзник фашистской Германии. В Минусинск эвакуировали не только семьи

военнослужащих с Дальнего Востока, но и государственный архив. Всю войну он находился в Минусинске под охраной.

Где, как все это размещали в небольшом городке, каким тогда был Минусинск?! Свободных помещений в городе катастрофически не хватало. Вот почему городские власти вынуждены были отдать под формируемые полки здания, которые, как предполагалось первоначально, должно было занять училище из Орджоникидзеграда. Другого выхода просто не было.

Однако и руководство училища можно было понять: от них требовалась подготовка военных специалистов для фронта. Начальник училища комбриг Трусевич еще не раз будет вынужден обращаться с требованиями выделить помещения под классы, жилье.

На нем же лежала забота и о размещении семей преподавателей и работников училища. Он вновь обращается с просьбой по тому же адресу:

«Вместе с училищем в гор.Минусинск прибыло более 300 семейных командиров, работающих в училище. Большинство этих семей размещаются в случайных, ветхих, малопригодных для квартир зданиях, а часть семей, особенно руководящего состава, совершенно не размещены и сейчас проживают в рабочих комнатах штаба.

Наши неоднократные обращения к председателю Горсовета тов. Красницкому по этому вопросу положительных эффективных результатов не дают, так как товарищ Красницкий отделывается обещаниями, а конкретных мер к удовлетворению ком. нач.состава квартирами не принимает.

Настоятельно прошу Вас дать указание тов. Красницкому обеспечить размещение, совершенно не имеющим квартир семейным командирам предоставить в ближайшие дни 15 квартир, а также предложить ему в ближайшее время предоставить 40 комнат для переселения семейных командиров из совершенно непригодных для жилья зданий.

Ваше решение прошу мне сообщить» [1, д.55. л. 97].

Втакой чрезвычайно сложной, напряженной ситуации, конечно, были неизбежны конфликты. Один из них был связан с тем, что училище занимало здание нарсуда на улице Гоголя, а его требовалось срочно освободить для прибываемого госпиталя. «На основании постановления СЗ Крайсовета для развертывания эвакогоспиталей в гор. Минусинске Вам предлагается немедленно освободить помещение по ул. Гоголя 70 (бывшее здание нарсуда) для размещения эвакогоспиталя).Исполнение настоящего 28 мая 1942 г.» [1, д.60. л.3-5]. Следующее постановление по этому вопросу датировано уже 1 июня. «Суженное заседание президиума Райсовета отмечает, что начальник т.Щеднов и комиссар т. Волик проявили исключительную недисциплинированность в выполнении решений Горсовета, несмотря на трехкратноеуказание освободить здание, принадлежащее госпиталю, не выполнили его и тем самым сорвали срок развертывания госпиталя (25-V-42г.)» [1, д.60. л.12-13].

Судя по архивным документам, в начале войны в здании нарсуда размещался эвакогоспиталь №1025. Он выбыл на фронт в январе 1942 года. В освободившемся здании разместили курсантов училища.. Но… У краевых властей были другие планы. В Абакане в крайне стесненных условиях размещался эвакогоспиталь №3364. Его планировалось переместить в Минусинск, в здания, которые освободились после отъезда эвакогоспиталя №1025. Что и требовали краевые власти.

Но куда девать курсантов? Решение было принято такое: «Бойцов из здания нарсуда разместить в порядке уплотнения в ранее занятых зданиях и дополнительно отвести клуб «Водников», кроме того, выделить часть гаражей типовых и передать военному училищу для приспособления для размещения бойцов» [1, д.60. л.12-13]. Гараж вместо казармы – вот как приходилось устраивать курсантов.

А ведь было еще немало и других проблем, связанных с прибытием училища. Начальник училища Трусевич многократно требовал задействовать прачечную, которая была построена в 1940 году, но по каким-то причинам не работала. Поняв бесполезность

всех хлопот, он просит : «Если Горкомхоз не может или не хочет заниматься этим делом, то пусть дадут возможность нам стирать белье в этом помещении» [1, д.60. л.5].

Училищу требовалось свое бензохранилище. Городская власть передала на временное пользование бензоколонку,находившуюся на базарной площади Боград (ныне просто улица Боград). Это решение было и в интересах города: бензоколонка была неисправна и ею не пользовались. Курсантам предстояло ее отремонтировать.

В воспоминаниях бывшего курсанта училища Леонида Кузьмича Тихонова есть сведения о том, как была организована учеба и повседневная жизнь курсантов. На территории военного городка располагались столовая, клуб и 1-й батальон. 2-й батальон и склады училища находились там, где сейчас военкомат. В угловом здании по улицам Ленина и Мартьянова (ныне детская художественная школа) разместился 3-й батальон. Где располагался 4-й батальон, Тихонов не мог указать точно. Предположительно -«на углу улиц Крестьянской и Гоголя в одноэтажном складском помещении. Это было самое холодное из жилых помещений. Курсанты спали, закутываясь во все, что могли».

В Сретенской церкви на кладбище находился«склад инженерного оборудования (в том числе и мины). Охранялась часовня отдельным караулом из 4-х человек (начальник и трое караульных). Караульное помещение на окраине города, метров 700 от поста. Часовой оставался один. Жуткое место ночью. Связь с караульным полевым телефоном, который еле работал. Летом 1942 г. для поста завели собаку – овчарку, стало часовому повеселее». Взрослым было жутко… А ведь эту церковь на кладбище хотели отдать под школу. Здания части школ в городе были заняты, дети учились в три смены, но даже при этом не хватало помещений для учебы школьников.

«Вообще, классы были разбросаны по всему городу. Например, где-то по улице Комсомольской в одноэтажном домике был класс по огневой подготовке для всегоучилища» - это тоже из воспоминаний бывшего курсанта Тихонова. Площадь и сквер, где находится Спасский собор, использовались как спортивный городок училища. А в качестве спортзала на некоторое время приспособили фойе местного театра.

Училище нуждалось в производственной базе, где курсанты могли бы получать практические навыки. Таким предприятием в Минусинске для них стала ремонтная база при Минусинской автоколонне Союзсовхозтранса - самая крупная на юге края. В войну здесь ремонтировали автомашины для фронта. Специалисты этого предприятия не только выполняли очень напряженный производственный план по ремонту транспорта для фронта, но и были наставниками курсантов. Как вспоминал Тихонов, курсанты «проходили практику по ремонту автомобилей (ЗИС-5 и ГАЗ-АА), попеременно работая по 2-3 дня на различных рабочих местах. Длилась практика месяц».

Старый городской парк стал местом для «занятий в составе взвода по тактике, по огневой подготовке: «ориентирование на местности», «измерение расстояния до цели с помощью бинокля» и др.».

По воспоминаниям Тихонова, зимой строевой подготовкой курсанты занимались на льду затона, рядом с судоремонтным заводом. Штаб училища размещался в угловом здании по улицам Комсомольской и Ленина – там, где сейчас находится библиотека имени В.Яна.

Старожилы вспоминали, что среди курсантов училища было немало жителей Минусинска и Абакана, районов юга края. В училище был свой оркестр, он играл на танцах в городском парке, в клубе,куда охотно приходила местная молодежь.

Курсанты училища, по возможности, помогали городу и району. В Минусинске осталось мало автотранспорта, машины «мобилизовали» на фронт. Выручали учебные автомашины, на которых курсантах учились вождению. Они привозили на этих грузовиках уголь из Черногорска для городского коммунального хозяйства. Совершали неотложные рейсы во время посевной или уборочной страды.

В Минусинском архиве я нашла протокол заседания исполнительного комитета

Минусинского городского совета от 13 марта 1942 года. Рассматривался один вопрос – «О срочной перевозке семенного зерна из г. Минусинска на ст. Абакан для удовлетворения посевных потребностей других районов». В постановлении фигурирует пункт, касающийся училища. Вот он: «Просить комбрига Автомотошколы т.Трусевича оказать помощь району в выполнении этого важнейшего задания и перевезти своим транспортом семенного овса в Абакан 500 тонн» [2, л.45.]

Весной 1942 года 399 курсантов первого выпуска училища по автомобильной специальности отправились на Ленинградский фронт. Вместе с выпускниками училища на фронт отправился старший преподаватель тактики Петр Александрович Тимофеев. Это был кадровый военный, он окончил Костромское военное училище. Участвовал в войне в Испании. Когда началась война, Петр Александрович с женой Верой Константиновой и маленькой дочкой Галиной жил в Орле, работал преподавателем в Орджоникидзеградском военном училище. Он отправил семью в Минусинск, куда должны были эвакуировать училище. По дороге поезд нередко попадал под бомбежку. «...первое время Вере Константиновне с дочерью было нелегко на новом месте. Не было работы, меняли вещи на продукты. В конце 1941 года вместе с училищем прибыл в Минусинск майор П.А.Тимофеев, старший преподаватель тактики» [4, с. 196-198.]

Семья сохранила письма Петра Александровича. Он писал жене: «(...) В Москве пробыл три дня, налетов за это время не было. Продовольствие в Москве всё по карточкам, а так в магазинах купить нечего, потому что они все закрыты. Метро работает хорошо и трамваи ходят. Сама Москва почти незаметно пострадала. И всё восстанавливают сразу же, настроение у москвичей хорошее...».

(...)Верусёнок, из Москвы я выехал 15 марта и сейчас проезжаю ст. Акуловка, приближаюсь к фронту под Ленинград и скоро буду бить немцев. За меня не беспокойся, береги здоровье свое и Галочкино. Если тебе что потребуется, иди в училище и проси, они тебе отказать не имеют права, т.к. я уехал не совсем, а через несколько времени, т.е. самое большое я должен быть обратно в училище через два м-ца. Так что скоро увидимся».

Майор Петр Александрович Тимофеев погиб на Ленинградском фронте 4 апреля 1942 года...

26 мая 1943 года приказом Военного совета Сибирского военного округа училище из авто-мотоциклетного было преобразовано в автомобильное.

В июне 1943 года, согласно распоряжения генерального штаба Красной Армии, училище было передислоцировано на базу ликвидированного 138-го Болховского пехотного полка в городе Рязани.

После войны, в 1987 году, командование училища, преобразованного в Рязанское высшее военное автомобильное училище (ныне – Рязанский военный автомобильный институт –примечание автора), разместило в газете «Красноярский рабочий» заметку «Откликнитесь, однополчане!» о бывших курсантах, среди которых было два Героя Советского Союза. Откликнулись выпускники тех лет П.Д. Федоров, Г.И. Гундарев, А.А. Евсеев, В.В. Николаев, окончившие училище в период его пребывания в Минусинске. Начальник училища генерал-майор А.П. Редько обратился к секретарю Минусинского горкома партии, председателю горисполкома, в военкомат с письмами, где предлагал установить на месте пребывания училища в Минусинске мемориальную доску примерно с таким текстом: «Здесь в 1942-1943гг. находилось Орджоникидзеградское, ныне Рязанское высшее военное автомобильное инженерное ордена Красной звезды училища» [7].

Через двадцать лет, в январе 2008 года, с письмом по этому же вопросу в городские власти, музей и архив обращался начальник Рязанского военного автомобильного института генерал-майор А.Герасимов. В письме в городской архив он сообщил интересные подробности о пребывании училища в городе. «В городе Минусинске местные власти выделили под расквартирование училища несколько помещений, способствовали

созданию материальной базы училища, как автомобильно-мотоциклетного. Силами личного состава оборудовались стрельбище, автодром, учебные классы, ремонтные мастерские, переоборудовался клуб, а также жилые помещения».

Начальник института просил архив оказать «практическую помощь в сборе материалов, фотографий, публикаций газет или других сведений о пребывании училища в г. Минусинске» для музея училища. В письме есть такая фраза: «Надеюсь, что и городской военный комиссариат поможет найти тех офицеров, преподавателей, курсантов, которые служили в годы войны в училище и в последствие стали жителями города».

Прошло еще 14 лет… Памятная доска в городе так и не появилась. Сегодня у минусинцев вызывает удивление даже упоминание о том, что в годы войны в нашем городе находилось эвакуированное авто-мотоциклетное училище из Орджоникидзеграда.

Как-будто и вовсе не было такой страницы в истории Миусинска…

Список литературы

[1] Архив города Минусинска. Ф.Р-275.Оп.4.

[2] АГМ. Ф.Р-33.Оп1.Д.144.

[3] Калинин С.А. Размышления о минувшем. Военно-исторический журнал.1989. №6.Стр.52.

[4] Минусинцы и Великая Отечественная… Книга третья. 2012. ООО «Типография «Печать плюс».

[5] Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС.1982. Красноярское книжное издательство

[6] Чтобы помнили…(Сочинения школьников Минусинска). 2004. Абакан.Типография Хакасского Государственного университета.

[7] Архив Минусинского краеведческого музея, фонд Р-1. Оп.1. Д.1298.

УДК 908

Андрей Фёдорович Встовский – лесозаготовитель, воин и наставник

Калистратов Александр Александрович
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, г. Енисейск, Россия.
aleksandr.kalistratov98@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8338-1579

АННОТАЦИЯ Великая отечественная война знает множество воинов отличившихся на полях сражений, но далеко не все из них имеют довоенную и послевоенную биографию схожую с героем повествования. Андрей Фёдорович Встовский с лёгкостью мог остаться в глубоком тылу и своим трудом вносить вклад в победу, однако, он добровольно отказался от брони работника лесной промышленности и ушел добровольцем на фронт, в наитруднейший момент для Родины в катастрофичном 1941году преодолев путь от Богучан до Вены.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Лесопромышленность, ветеран войны, гвардии майор.

Андрей Фёдорович родился в далёком от нас Владивостоке столице Приморского края в 1916 году. Отец до революции был бухгалтером в местном банке, после же ушёл в лесопромышленность, где проработал до конца трудовой деятельности. Мать, как в царской, так и в советской России была учителем. Андрей Фёдорович пошёл по пути отца, выбрав стезю лесопромышленности.

После школы он поступил в Красноярский лесотехнический техникум, который окончил в 1938 году со специальностью техник-технолог лесозаготовок. Во время своей учёбы в Красноярском лесотехническом техникуме Андрей Фёдорович занимал активную жизненную позицию, был членом ВЛКСМ. В 1936 году Андрей Фёдорович проявил себя в спортивной жизни учебного заведения и города. В январе Андрей Фёдорович был назначен политруком лыжного отряда по переходу Красноярск-Маганск-Заково-Красноярск имени «1-ой Краевой конференции ВЛКСМ» [1]. Летом того же года Андрей Федорович командируется в г. Ленинград для участия во 2-ой всесоюзной спартакиаде втузов, вузов и рабфаков системы Наркомлеса [2]. За время учебы Андрей Фёдорович также отличился и в общественной жизни став делегатом 1-ой краевой конференции союза рабочих леса и сплава Красноярского края проходившей 10-16 сентября 1937 года.

Свой трудовой путь Андрей Фёдорович начал сразу после окончания техникума с должности прораба плотбища в Казачинском леспромхозе проработав, на этой должности с мая по июль 1938 года.

С июля того же Андрей Фёдорович занимал должность начальника лесопункта, в том же леспромхозе (название лесопункта не указано).В октябре того же года был перемещён на должность начальника Пискуновского лесопункта. За время нахождения на этой должности Андрей Фёдорович проявил себя как умелый руководитель: 7 марта 1939 года объявлена благодарность за срочное выполнение плана лесозаготовки сезона 38/39 года [3, с. 11]. В этом же году 16 августа Андрей Фёдорович удостоился еще одной записи в разделе «сведения о поощрениях и награждениях»: «Премирован в размере трехсот рублей за честное отношение к труду на сплаве и организацию повышения производительности труда» [3, с. 11]. С данной должностью связана еще одна запись в трудовой книжке от 20 марта 1940 года: «Объявлена благодарность за досрочное выполнение плана лесозаготовок IV квартала 1939 года, а также и I квартала 1940 года» [3, с. 11].Тот день стал последним на занимаемой должности.

21 марта 1940 года в трудовой книжке появляется следующая запись: «Назначен на должность зам. директора по сплаву Она-Чунского леспромхоза и И.О. директора того же леспромхоза» [3, с. 2]. Это был его первый опыт в роли руководителя большого предприятия лесной промышленности. Занимая данную должность, Андрей Фёдорович

также удостоился награды: «Награждён знаком «Отличник соц. соревнования Наркомлеса СССР»» [3, с. 11].

На должности зам. директора он проработал относительно недолго, следующим местом работы стал Богучанский леспромхоз, где он был назначен и.о. технорука начиная с 11 июня 1940 года. Сведений об успехах на данном месте работы не имеется. На этой должности Андрей Фёдорович встретил 22 июня 1941 года.

О том роковом июньском дне сохранились воспоминания современников Андрея Федоровича, односельчанин Кулаков А. вспоминает следующее:

«Новый день был тревожным. Все собрались по знаку беды. У райвоенкомата тьма народу. Среди всех выделялся Андрей Встовский. Он олицетворял тогда все лучшее. Андрей порвал свою «бронь», защищавшую от призыва в армию и потребовал отправить его на фронт. В ответ отказ, специалисты нужны по месту работы. Основная часть молодёжи и выпускники школы были отправлены на фронт уже в июле. Во второй большой группе ушли воевать Андрей Встовский, Лёня Афанасьев, Женя Безруких, Саша Смолин, Михаил Борзенко, Петр Безруких, Алёша Кулаков и другие» [8, с. 5].

Согласно данным имеющимся в фондах музея Андрей Фёдорович поступил в ряды РККА июле 1941 года Богучанским райвоенкоматом. Данная датировка подтверждается сайтом «Память народа». В дальнейшем был направлен Красноярским крайвоенкоматом в Днепропетровское артиллерийское училище, находившееся в городе Томск. В училище Андрей Фёдорович проходил ускоренный курс подготовки младшего командного состава.

К этому периоду относится письмо высланное Андреем Федоровичем его первой жене Зинаиде подтверждающее его нахождение в Томске:

«22 октября 1941 года, г. Томск. Здравствуй, дорогая Зина! Коротко о себе. Я сейчас нахожусь в Томске, в Днепропетровском училище. Как ты себя чувствуешь? Как здоровье мамы, ведь ей сейчас в холод хуже. По-видимому, это письмо получишь в предпраздничные или праздничные дни. С удовольствием бы провёл эти дни вместе с вами дома. Но обстановка, положение в стране не позволяет сейчас, ибо Родина в опасности. Для нас же будет торжество – день уничтожения гитлеризма. Здесь я принят кандидатом в члены ВКП(б). Целую Андрей» [7, с. 2].

По окончанию училища в апреле 1942 года Андрей Федорович получает звание лейтенанта и остается при училище в должности командира взвода курсантов вплоть до декабря того же года.

О первом фронтовом опыте Андрея Федоровича имеется мало сведений, а те что имеются противоречат друг другу. В автобиографии имеется следующая запись: «В декабре 1942 года был направлен в распоряжение командующего артиллерией Брянского фронта и назначен командиром батареи полковника Щетинина, батарея формировалась из трофейных орудий 75 мм.пушки. В апреле месяце 1943 года был направлен командиром батареи в 438 истребительно противотанковый артиллерийский полк 52 армии 2-го Украинского фронта. Звание имел старший лейтенант» [4].

«Память народа» частично подтверждает информацию, изложенную в автобиографии. Согласно сведеньям сайта Андрей Фёдорович находился на фронте в составе следующих подразделений: 438-ой истрибительно-противотанковый артиллерийский полк (далее 438-ой ИПАП) и 458-ой лёгкий артиллерийский полк (далее 458-ой ЛАП) Брянского фронта.

Касательно нахождения Андрея Федоровича в составе 438-го ИПАП никаких сомнений быть не может, в подтверждение этому выступают документы ЦАМО размещённые на сайте «Память народа», по другим же подразделениям ситуация противоречивая. 458-ой ЛАП никогда не был в подчинении Брянского фронта, на протяжении всего своего существования он был подчинён Северо-Западному фронту. В свою очередь в наградном листе от 6.10.1943 году в графе о пребывании на фронтах имеется следующая информация: «Брянский фронт с декабря 1942 г. по апрель 1943 г.,

Воронежский фронт с 1.09 1943 г.» [9]. Для прояснения ситуации стоит вновь обратиться к автобиографии, в ней упомянут полковник Щетинин. С помощью сайта память народа мне удалось найти человека, который мог бы быть тем самым полковником. Щетинин Павел Михайлович согласно имеющейся информации в приказе о награждении от 27.09.1942 года занимал должность начальника отдела учёта укомплектования и боевой подготовки управления начальника Артиллерии Брянского фронта [9]. Вполне вероятно Андрея Фёдоровича на тот момент мог еще не побывать на фронте. В письме жене от 15 апреля 1943 года присутствуют следующие строки: «Я второй день в Москве. Сегодня выезжаю. Куда – пока не знаю» [7, с. 2]. В данный момент достоверно установить нахождение Андрей Фёдоровича в весенний отрезок 1943 года нет возможности.

Летом того же года Андрей Фёдорович попадает в 438-ой ИПАП на что указывает ряд свидетельств. В письме от 24 июля он пишет следующее: «Нахожусь в одном истребительно-противотанковом артиллерийском полку. Работаю Командиром батареи. Ты можешь меня поздравить – получил звание старший лейтенант»[7, с. 2].

438-ой ИПАП на момент написания письма был выведен с Карельского фронта и переведён в Резерв Верховного Главного Командования, и находился в Московском военном округе. В дальнейшем полк был придан 52-ой армии Воронежского фронта, с которой принял участие в Полтавско-Черниговской стратегической наступательной операции.

О личном вкладе Андрея Фёдоровича в наступательные действия Красной армии сохранился очерк сержанта Ф. Кулькова, который он прислал в редакцию газеты «Ангарский колхозник». Очерк повествовал читателям о форсировании Днепра, в котором непосредственное участие принял Андрей Фёдорович.

«Командиры батарей пытливо смотрели на подполковника, ожидая решения: кто же первым из них перешагнёт Днепр и в смертельной схватке померяется силами с коварным врагом. Выбор пал на батарею старшего лейтенанта Встовского. Батарея ранее встречалась с танками врага и одерживала победу. В бою 20 сентября она победила и сожгла три танка «Тигр» и два «Т-IV».» [6, с. 2]

К вышеупомянутой операции относится и первое награждение Андрея Фёдоровича, он был награждён орденом «Отечественной войны II-ой степени». В наградном листе от 6 октября 1943 года, в графе «краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» имеются следующие сведенья:

«За то, что он огнём своей батареи, под личным своим руководством с 6.9.43 г. По сие время уничтожил одну батарею противника, три танка, одну бронемашину, разрушил 2 наблюдательных пункта артиллерии противника и истребил 150 солдат и офицеров противника.

В бою 20.9.43 г. При атаке танков противника нашей пехоты и батареи на марше у дер. Малая Поповка, он огнём своей батареи уничтожил три танка и одну бронемашину отбив атаку танков противника и обеспечив продвижение нашей пехоты» [10].

С октября того же года Андрей Фёдорович получил звание капитана и был назначен начальником штаба 438-го ИПАПа. До конца года полк принимал активное участие в боях за левобережную Украину.

В конце декабря Красная армия перешла в наступление в рамках Днепровско-Карпатской операции с целью освобождения правобережной Украины. В ходе операции Андрей Фёдорович был удостоен ордена «Красного знамени». В наградном листе описываются следующие события:

«17.02.44 года в районе сев.отт. 239.0 неприятельские войска из окружённой группировки предприняли сильные атаки против боевых порядков полка, стараясь любой ценой вырвать из кольца. Пехота и кавалерия врага охватила клещами с. Пачапинцы. Капитан Встовский немедленно организовал круговую оборону штаба полка и пренебрегая опасностью, под ураганным огнем немцев пробрался к противнику разведал его силы, но был замечен и обстрелян. За ним погналось до 20 кавалеристов.

В завязавшейся перестрелке т. Встовский убил из личного оружия свыше 10 всадников. Благодаря энергии, мужеству и находчивости капитана Встовского бойцы штаба полка истребили 100 солдат и взяли в план 200 гитлеровцев которые на допросе дали ценные сведенья. Противник от села был отброшен» [11].

В результате операции советские вышли на государственную границу СССР, освободив огромные территории УССР важные как в политическом, так и экономическом отношении. На данном направлении фронт успокоился вплоть до конца лета 1944 года, когда советские войска начали реализацию Ясско-Кишинёвской операции. Полк принял в операции активное участие, а Андрей Фёдорович был удостоен очередной награды, ордена «Красной звезды».

«В боях по прорыву обороны противника в районе Петрашты Молдавской ССР капитан Встовский лично руководил батареями, указывая им цели мешающие продвижению нашей пехоты. Подавляющее большинство целей было уничтожено.

Организуя преследование отступающих немцев, и дойдя до дер. Розина, где наша пехота была остановлена сильным пулеметным огнём, капитан Встовский с тремя батареями полка сбив заслон противника и подняв пехоту в атаку, ворвался в деревню и занял её» [12].

Начиная с осени, полк принял участие в Будапештской операции, в результате которой из войны была выведена Венгрия. За данную операцию Андрей Фёдорович получил медаль «За взятие Будапешта».

Весной 1945 года Красная армия начала реализацию Венской наступательной операции, в которой полк также принял участие. За участие в данной операции Андрей Фёдорович был удостоен ордена «Отечественной войны I-ой степени».

«С 16 по 22 марта 1945 года – в дни наступления частей 62 гв. СД на город Секешфехервар, капитан Встовский образцово организовывал работу штаба полка непосредственно на поле боя, штабные офицеры и на ПНП, контролируя их боевую деятельность и ставя новые задачи. Отлично организовал разведку огневых средств противника, связь с батареями и штабами поддерживаемых стрелковых частей, своевременно обеспечивая подразделения боеприпасами и горючим. Лично обрабатывал оперативные данные и докладывал о ходе боёв в высшие штабы.

19 марта 1945 года 62 гв. СД заняла важный опорный пункт противника – высоту 136. Учитывая огромное значение высоты для немцев и возможность контратак в этом направлении, чтобы восстановить положение, полк ночь 20.3.45 г. Оседлал дорогу, идущую на высоту. В 6.00, пользуясь темнотой, 29 немецких танков и бронетранспортеров с десантом автоматчиков пошли в контратаку на высоту, но неожиданно напоролись на батареи полка. Разгорелся ожесточённый бой, в результате которого враг потерял 12 танков, 2 бронетранспортёра и 90 человек пехоты. Контратака немецких танков из «СС-Викинг» была отбита, высота удержана в наших руках и части 62 гв. СД успешно продолжали своё наступление. Успех боя полка с танками решило умело поставленная разведка, связь, быстрое и точное выполнение товарищем Встовским приказов командира полка по оперативному руководству батареями» [13].

Грацско-Амштеттенская наступательная операция стала последней крупной операцией, в которой участвовал полк. В ходе операции были заняты значительные территории Австрии, а так же был установлен плотный контакт с союзными войсками на данном направлении. В апреле 1945 года Андрей Фёдорович получил звание майора, в котором закончил войну.

Заканчивая рассказ о войне нельзя не упомянуть того горя что принесла война в род Встовских. Помимо Андрея Фёдоровича из семьи Встовских были призваны ещё два её члена, братья Фёдор и Николай, которые в разные годы войны отдали свои жизни на полях сражения.

Андрей Фёдорович находился в рядах Красной армии вплоть до февраля 1946 года. Из рядов армии он был направлен в распоряжение треста «Красдрев» для использования на руководящей должности. Первое нгазначениена заставило себя ждать: «Назначен

директором Богучанского ЛПХ треста «Красдрев». Приказ № 13 от 4/III-46 г.»[3, с. 4].

На выше упомянутой должности проработал вплоть до следующего назначения управляющим треста «Енисейсклес» с 18 июля 1952 года. Андрей Фёдорович был управляющим треста вплоть до его ликвидации 10 октября 1955 года.

Следующим назначением стал хорошо знакомый Богучанский ЛПХ, где он занял должность директора в день ликвидации треста «Енисейсклес». На должности руководителя Богучанского ЛПХ он пробыл сравнительно не долго, 20 июня 1957 года был назначен начальником комбината «Енисейлес», окончательно осев в городе Енисейск.

Спустя два года комбинат также был ликвидирован, Андрей Фёдорович был переведён в Енисейский ЛПХ на должность директора с 20 аперля 1959 года, где проработал 2 года.

Последним местом работы в жизни Андрея Фёдоровича стало Енисейское лесотехническое училище №13, приемником которого в наше время является Енисейский многопрофильный техникум. На ниве образования он также достиг успехов, 28 июля 1964 года Андрей Фёдорович был отмечен почётной грамотой «за высокие показатели в работе, достигнутые в социалистическом соревновании во II-ом квартале 1964 года» [5].

Андрей Фёдорович умер в относительно молодом возрасте, прожив пятьдесят лет. Его жизнь оборвалась 21 мая 1966 года, похоронен в городе Енисейске. На полвека Андрея Фёдоровича пришлись наиболее трудные года в жизни нашей страны, где нужно было трудом и кровью служить на благо родины. Андрей Фёдорович был всегда передовой фронта как трудового, так и боевого прожив по-настоящему захватывающую жизнь.

Список литературы

[1] Енисейский краеведческий музей (ЕКМ). ВФ 1952/3. Удостоверение политрука лыжного отряда по переходу Красноярск-Маганск-Заково-Красноярск имени «1-ой Краевой конференции ВЛКСМ» принадлежащие Встовскому А.Ф.

[2] ЕКМ. ВФ 1952/2. Командировочное удостоверение студента Красноярского лесотехнического техникума Встовского А.Ф.

[3] ЕКМ. ОФ 6995/4. Трудовая книжка Встовского А.Ф.

[4] ЕКМ. ОФ 6995/5. Автобиография Встовского А.Ф.

[5] ЕКМ. ОФ 6995/14. Почётная грамота Встовского А.Ф.

[6] Кульков Ф. Бои за Днепр. / Кульков Ф. // Ангарский колхозник. – 1943. 24 декабря. - № 56. – 2 с.

[7] Ларионова Г. Сказки венского леса. / Ларионова Г. // Ангарская правда. – 2000. 8 апреля. – № 43. – 2 с

[8] Андрей Встовский: и войн, и труженик.: Информационная памятка. / МУК БМЦРБ, отдел обслуживания; сост. В.Ю. Толстых. – Богучаны, 2010, - 8 с. URL: http://www.bogbiblio.ru/jirbis2/images/izdat_deyatelnost/2010/wstowskiy1.pdf (дата обращения 8.06.2022 г.).

[9] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1502. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=19581615&tab=navDetailDocument (дата обращения 10.06.2022 г.).

[10] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 413. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123659539 (дата обращения 10.06.2022 г.).

[11] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 284. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=30759419&tab=navDetailDocument (дата обращения 12.06.2022 г.).

[12] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5495. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=33677740&tab=navDetailDocument (дата обращения 12.06.2022 г.).

[13] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1109. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=23390515&tab=navDetailDocument (дата обращения 13.06.2022 г.).

УДК 929

Евгений Кнорре – инженер, покоривший Енисей

Карпухин Константин Владимирович
Подразделение по сохранению исторического наследия
Красноярского центра научно-технической информации и библиотек
Красноярской железной дороги, г. Красноярск, Россия.
kappa67@mail.ru

аннотация В научно-вспомогательном фонде Музея истории Красноярской железной дороги представлены две биографии выдающегося русского инженера-мостостроителя Евгения Карловича Кнорре, написанные его родными – представителями древнего и очень разветвлённого рода Кнорре, выехавшего в Московское царство, согласно семейным преданиям, ещё в 1600 г. Представляем одну из биографий Кнорре, составленную его правнуком Евгением Фёдоровичем Лашем. Она раскрывает качества Евгения Карловича именно как инженера и учёного, которому в следующем году исполнится 175 лет со дня рождения.

ключевые слова Евгений Карлович Кнорре, царский мост через Енисей, постройка Великого Сибирского пути, Всемирная выставка в Париже 1900 г., мостостроение..

Инженер–механиком Е.К. Кнорре взнесено в Красноярское губернское казначейство 3701 руб. на содержание, обмундировку и снаряжение пяти городовых с 1 декабря 1896 г. по 1 января 1899 г., что делает честь отзывчивости частного лица на дело благосостояния города, обязанность охранения которого должна бы всецело лежать на городском управлении» [2]. Такую заметку красноярцы прочли в газете «Енисей» в уходящем 1896 г.

В сентябрьском номере газеты «Енисей» за 1897 г. другая заметка – маленькая, но любопытная: «Находившаяся довольно долго на горе, где дача г. Юдина, часовня господина Кнорре перенесена на луг против лагерей местного батальона, которому господин Кнорре и подарил её» [3]. Что же это за инженер-механик, пожертвовавший для блага Красноярска свои средства?

На свет Евгений Карлович Кнорре появился в причерноморском городе Николаеве 12 (24) октября 1848 г. в семье выдающегося астронома Карла Христофоровича Кнорре – основателя и бессменного директора Николаевской обсерватории. Семья Кнорре была большой – 14 детей (10 сыновей и четыре дочери). Евгений был тринадцатым.

Карл Христофорович приучал своих сыновей с ранних лет к самостоятельной жизни – среднее образование Евгений получил в Берлинской ремесленной школе, а высшее в 1870 г. – в Цюрихском политехникуме, где преподавали одни из лучших профессоров второй половины XIX в. (Рело, Цейнер, Кульман и др.).

Окончив курс со званием инженера-строителя, Евгений Карлович поступил техником по кессонным работам на постройку моста через Днепр у Кременчуга, а затем через Западную Двину в Риге. С 1874 г. он переходит на постройку Волжского моста в Самарской губернии, где самостоятельно опускает половину кессонов. Кнорре трудится одним из руководителей сборки и установки металлических пролётных строений этого моста, названного в честь императора – Александровским. Эта работа была в то время новой для русских инженеров и представляла большой интерес, как по огромности масштаба, так и постановки её. Здесь Кнорре спроектирован трёхкамерный кессонный шлюз, получивший в русской практике исключительное распространение как техническая новинка. Евгений Карлович разработал оригинальный метод подъёма и шлюзования грунта, прослуживший русской технике почти полвека. Здесь же были им придуманы и выполнены остроумные детали и устройства при наводке ферм на плаву и при установке их на место.

Никогда не занимая сколько-нибудь заметных служебных должностей и не будучи по складу характера склонным к чиновничьей службе, Евгений Карлович, вместе с тем, отдавал технике строительного дела все свои недюжинные способности, знания и опыт

и свою исключительную энергию, чем создал себе в инженерном мире выдающуюся известность.

На постройке в начале 1880-х гг. Амурского моста через Днепр в Екатеринославе Евгений Карлович опустил половину кессонов, в то время как другая их половина выполнялась столичным металлическим заводом. Огромная разница между приёмами работ солидной фирмы, носившими установленный старой практикой рутинный характер и новаторскими приёмами молодого инженера, создала Кнорре славу выдающегося специалиста мостового дела. Здесь он впервые выполнил по предложению профессора Белелюбского заложение мостового быка с помощью съёмного ящика. Пережив две мировые и гражданскую войну, мост служит до сих пор.

По окончании работ на Днепре Евгений Карлович занялся сборкой и установкой мостовых ферм на Полесских железных дорогах и резервуаров у Ярославля. Затем около двух лет он прослужил директором Мальцовского завода в Людинове.

Во второй половине 1880-х гг. Кнорре с двумя молодыми талантливыми инженерами В.Г. Шуховым и К.Э. Лембке работал над составлением проекта водоснабжения Москвы мытищинскими подземными водами. Евгений Карлович дал ясное и бесспорное представление о режиме грунтовых вод в качественном и количественном отношениях и обосновал задания для проекта водосбора (количество возможного изъятия воды из слоя, места заложения водосборов, типы инженерных сооружений).

Проект этот, вызвавший сперва ожесточённую критику со стороны представителей официальной науки, благодаря его логичности создал молодым талантливым авторам широкую известность и был положен в основу рабочего проекта, составлявшегося Московским городским управлением.

Творческая работа Евгения Карловича этого периода оставила в нём незабываемый след и во всей последующей его жизни вопросы изучения подземно-водного режима составили его вторую специальность и любимое дело. Ведя впоследствии большие инженерные постройки в качестве строителя–подрядчика, он всё же отдавал своё время предпочтительно любимой работе по подземным источникам пусть даже в порядке подачи совета или технической дискуссии.

В 1890 г., создав себе в Москве прочное имя, Евгений Карлович получил от Московского Высшего Технического Училища звание инженера-механика.

1894-1899 гг. Кнорре провёл на постройке Великого Сибирского пути. Здесь он построил ряд больших мостов на кессонных основаниях через реки Обь, Томь, Чулым, Енисей, Ока, Белая, Китой. На берегу реки Томь, на ст. Поломошная, Евгением Карловичем был выстроен мостостроительный завод, на котором были изготовлены пролётные строения как для некоторых из названных мостов, так и для других, опоры которых строились без кессонов.

В Сибири Евгений Карлович применил ряд блестящих новинок. Во-первых, он придумал и применил свои деревянные кессоны, совершенно отличный от американских. Опытное применение его на енисейском береговом быке, а потом и на других мостах восточнее Енисея, намного сократило срок постройки мостов, так как железо для кессонов, поставлявшееся уральскими заводами обычно сильно запаздывало.

Во-вторых, опасность ледоходов и стремление выиграть время для монтажных работ, привело Евгения Карловича к мысли собирать металлические строения на берегах реки. Длинный же зимний период он решил использовать на устройство подмостей на реке из заготовленных заранее по берегам стандартных рам, которые для скорости можно было собирать на реке сразу же после забивки свайного основания для подмостей. По мере готовности подмостей, собранные на берегах и подготовленные для передвижки пролётные строения, могли быть с берега всего за несколько часов каждое сдвинуты на место установки и посажены на постоянные опоры.

В-третьих, Евгений Карлович разработал оригинальные конструктивные детали

своего метода «перекатки» мостов, вошедшие после во всеобщую практику. Он решил осуществить передвижку на простых цилиндрических точёных роликах с ребордами, заложенных между рельсовыми путями и такими же рельсовыми пакетами, обращёнными головками книзу и подошвами кверху и несущими на себе передвигаемое мостовое строение. Впервые передвижка была применена для единичных пролётов на Томском мосту и, благодаря продуманности метода во всех деталях, блестяще удалась. Затем, уже полностью, для всех пролётов моста – на Енисее.

Как деревянный кессон, так и метод сборки и передвижки, были премированы на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

Эти работы Кнорре оказали благотворное влияние на развитие отечественного мостостроения.

Мостовые работы первого десятилетия XX в. ограничились постройкой в столице, на Неве, гранитных подъездных арок к Троицкому мосту.

В 1907 г. изыскивая подходящую методику для предстоящего глубокого погружения речных кессонов на Бузанском мосту у Астрахани, Евгений Карлович предложил способ совмещения кессонных работ с методом искусственного понижения уровня подземных вод путём откачки из сети буровых колодцев, окружающих кессон. Это предложение преследовало цель уменьшения давления воздуха в кессоне, опасного для здоровья кессонных рабочих.

Этот метод, запатентованный Кнорре в России и за границей, был им опробован только в 1914 г. при опускании кессона №5 на Обском мосту в Барнауле.

Применение метода понижения уровня грунтовых вод откачкой при строительных работах было проведено Евгением Карловичем в Москве на ситценабивной фабрике Эмиля Цинделя на берегу Москва-реки и при закладке водоприёмника из Москва-реки на Раушской набережной для электрической станции.

В конце первого десятилетия XX в. Евгений Карлович принял предложение по проведению изысканий для водоснабжения Западно–Амурской железной дороги. Здесь 60–летнему инженеру, непривычному к верховой езде, пришлось в течение двух зимних месяцев при сильных морозах вести таёжную жизнь и ночевать в парусиновой палатке.

В последние десять лет своей жизни Евгений Карлович был избран преподавателем Московского Высшего Технического Училища, где вёл курс «Оснований сооружений и подземно-водных изысканий».

В это же время инженер Кнорре возобновил свою мостостроительную деятельность и выстроил целый ряд опор больших мостов на кессонных основаниях через реки Пышма, Тобол и Ишим на Тюмень-Омской железной дороге, через реки Обь у Барнаула и Чумыш на Алтайской железной дороге, через Березину на Подольской железной дороге, через Днепр у Дарницы на Киево-Воронежской железной дороге, через Волхов у Новгорода и Мсту на Петроградско-Орловской железной дороге.

По его инициативе был поднят вопрос об устройстве в Москве метрополитена. Совместно с инженером Белинским Кнорре представил доклад Московскому городскому управлению, не получивший одобрения у властей.

В 1912 г., основательно проработав сложную задачу устройства метрополитена в Москве, при участии ряда сотрудников, близко знакомых с городским хозяйством Москвы, Евгений Карлович выступил вторично и представил городским властям схематический проект метрополитена с финансовой и технической записками и сметой. Война остановила это дело…

Во время Первой мировой войны Кнорре выстроил много деревянных мостов на базах и в прифронтовой полосе, в т.ч. мосты через Вислу у Ивангородской крепости, через Днепр в Киеве, через Припять у Мозыря на Подольской железной дороге.

Не будучи сотрудником московских городских организаций, Евгений Карлович близко интересовался инженерными вопросами Москвы и постоянно привлекался

Городским управлением как эксперт и консультант в комиссии по строительству городских сооружений. Например, Московское управление водного транспорта обратилось к нему с просьбой составить проект переустройства с применением кессонов основания прорванной плотины на реке Оке у Белоомута. Старый инженер по своему обыкновению увлёкся научной стороной дела и, одновременно с запрошенным проектом, представил обстоятельную записку с объяснением причины разрушения плотины прорывом напорных вод в нижнем бьефе плотины. В качестве мероприятия, отвечающего природным условиям, вместо кессонов он рекомендовал устройство глубокого дренажа, перехватывающего напорные воды. Это своё предложение он считал принципиально отвечающим вопросам надлежащего устройства оснований плотин во многих случаях и поэтому запатентовал его как в России, так и в Германии и США.

Современное развитие применения на плотинах дренажных конструкций всякого вида, поверхностных и глубинных, показывает, насколько Кнорре предугадал дальнейшее направление развития техники.

Из-за недостатка времени Евгений Карлович зачастую не облекал свои работы, мысли и изобретения в форму печатных научных трудов. Тем не менее, то обстоятельство, что память о нём в инженерных кругах сохранилась до сих пор, показывает, что его знания, опыт и методы решения инженерных задач, всё же распространялись его многочисленными коллегами.

Инженер Евгений Карлович Кнорре был во всех отношениях большим человеком и, как часто бывает у значительных людей, простым, добрым и благожелательным по отношению ко всем, кто к нему обращался. Никому он не отказывал в совете и помощи.

Перед Февральской революцией 1917 г., помогая сойти с трамвая раненому воину, старый инженер был вытолкнут с площадки на мостовую нетерпеливым пассажиром. Получив толчок сзади, и зацепившись ногой за костыль раненого, Евгений Карлович получил несколько переломов и ушиб головы. Организм инженера Кнорре уже не смог справиться с этими ранами...

По другой версии биографии инженер Кнорре вступился за хорошо одетую барышню, которую пытались ограбить революционные матросы, за что и был сброшен на ходу из трамвая. От удара грудью о бордюр у Евгения Карловича развился рак и он скончался 29 октября (11 ноября) 1917 г. на 70 году – в день самых страшных боёв между большевиками и юнкерами, оборонявшимися в московском Кремле. Похоронили инженера на Даниловском кладбище в Москве.

Список литературы

[1] Биография Евгения Кнорре // МИКЖД. НВФ. 314. О. 6. Л. 1-18.

[2] Газета «Енисей». №145 от 04.12.1896 г.

[3] Газета «Енисей». №112 от 24.09.1897 г.

УДК 655.42

Комаров Александр Фёдорович – первый красноярский книготорговец, краевед, общественный деятель

Кирпиченко Наталья Николаевна
Центральная городская библиотека им. А.М. Горького, Красноярск, Россия.
ork@perensona23.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена первому красноярскому книготорговцу А. Ф. Комарову и его общественной деятельности в городе Красноярске. Особое внимание уделено книжной коллекции А.Ф. Комарова, подаренной городской публичной библиотеке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярск, книжная торговля, магазин, первый книготорговец, благотворительность, публичная библиотека, книжная коллекция.

Александр Фёдорович Комаров родился в 1847 г. в мещанской семье. Получил домашнее образование, занимался коммерческой деятельностью. 25 июля 1885 г. он открывает первый в городе книжный магазин и платную библиотеку при нём, ещё не зная, что идёт на большой риск. Культурный уровень города тогда был очень невысок. Город не имел даже своей публичной библиотеки. И купить книги в Красноярске в эти годы было довольно сложно. Учебники, в основном, покупали в стенах мужской гимназии, народные календари, лубочные картинки и сказки – у бродячих книгонош (офеня), но чаще всего книги выписывали по почте, получая их от столичных книготорговцев – занятие дорогое, которое было далеко не каждому по карману [7, с. 3].

Для магазина и своей квартиры Комаров приглядел только что отстроенный дом Алексеева и заключил с ним договор на аренду левой половины нижнего этажа. Магазинчик был небольшим, но уютным. Конечно, он не шёл ни в какое сравнение с крупными книжными лавками П.И. Макушина в Томске и Н.Н. Синицына в Иркутске. Однако, чтобы выдержать конкуренцию и вообще не прогореть, Комаров сделал выбор правильно: он стал вести торговлю учебниками, дешёвыми народными изданиями, всевозможными календарями. В его магазине всегда можно было купить и произведения русских классиков – стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасова, книги Ф.М. Достоевского, В.И. Даля, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, труды Ч. Дарвина, А.Э. Норденшельда, Н.М. Пржевальского и др. По свидетельству современников, этот товар долго на книжных полках не залёживался. При магазине была открыта библиотека, где за умеренную плату можно было взять почитать книги на дом. В фондах библиотеки им. В.И. Ленина в Москве сохранился «Каталог библиотеки Комарова в Красноярске», изданный в 1885 г., который даёт наглядное представление о широкой образованности библиотекаря и книготорговца Александра Фёдоровича Комарова.Ксерокопия этого уникального издания хранится в отделе редких книг красноярской городской библиотеки им. А.М. Горького [6, с. 252].

Судя по каталогу, библиотека Комарова предлагала красноярцам для чтения произведения более 200 авторов. Среди них: Эразм Роттердамский, 19-томное собрание сочинений М.Е. Салтыкова – Щедрина, собрание сочинений О.И. Сенковского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.В. Успенского. Широко в библиотеке были представлены необыкновенно популярные в те годы романы Ф. Шпильгагена, книги редактора популярной газеты «Восточное обозрение» Н. Одринцева, различные справочные издания по добыванию золота. Скромнее была представлена периодика. В основном это были самые читаемые в те годы журналы «Вестник Европы», «Русская старина», «Нива» и все частные сибирские газеты, издававшиеся в городах Томске и Иркутске [3, с. 14].

В магазине Комарова бывали многие известные люди: библиофил Г.В. Юдин,

историк-краевед Н.Н. Бакай, один из создателей городского музея И.А. Матвеев, а также деятель революционного движения В.И. Ульянов-Ленин.

Всё своё книжное хозяйство Комаров вёл один, без помощников. Большой прибыли от книжной коммерции он не имел и, по свидетельству современников, «еле сводил концы с концами».

Много напрасных обвинений обрушивалось на А.Ф. Комарова со страниц томской газеты «Сибирский вестник». Его упрекали в том, что он ничего не понимает в книжном деле. Но, несмотря на все нападки, Комаров оставался верен своему увлечению. Часто он жертвовал в детский арестантский приют учебники и небольшие суммы денег. Особенно много сил Комаров отдал начальному училищу при женской гимназии; здесь для многих воспитанниц он был своим человеком [2, с.13].

Вот как его характеризовали современники: «Это был энергичный и горячо преданный общественным интересам человек. При всяком удобном случае пополнял свою библиотеку редкими книгами о Сибири, которую сильно любит, и давно начал историю родного ему Красноярска, собирая и записывая мельчайшие подробности касающиеся, прошлого...».

Стоимость книг в магазине Комарова точно не известна, но судить о ценах можно по магазину Синицына в Иркутске, где в 1883 г. сочинения А.С. Пушкина в 7 томах стоили 12 руб., «Горе от ума» А.С. Грибоедова — 2 руб. 25 коп., сочинения А.Ф. Писемского в двух томах — 4 руб. 50 коп., «Сибирь как колония» Н.М. Ядринцева — 3 руб. 50 коп., «Словарь иностранных слов» — 5 руб. 50 коп. Почти по такой же цене продавались издания и в других городах Енисейской губернии.

Книги, выпускавшиеся местными типографиями для широкого распространения в народе, продавались по невысокой цене. Так, брошюра «Жизнь и подвиги св. Кирилла и Мефодия», изданная в Красноярске в честь 1000-летнего юбилея основателей славянской письменности, стоила 25 коп. Очерк «Енисейская губерния» учителя красноярской гимназии А.К. Завадского-Краснопольского для народного чтения — 50 коп.

Высокая цена на местные справочники и научные издания объясняется, в первую очередь, дороговизной бумаги, которую постоянно приходилось завозить из европейской части России, и дорогим содержанием обслуживания печатной техники. В столицах средняя цена одного экземпляра книги колебалась между 1 руб. 50 коп. и 2 руб., в Сибири между 2 и 3 руб. Понятно, что в основном сибирские горожане покупали книги наиболее дешевые, издания лубочного характера [2, с.15].

В 1897 г. Комарову стало очевидно, что прежний интерес к его домашней библиотеке, расположенной при книжном магазине, у широкой публики пропал, но вместо того, чтобы распродать библиотеку – он вдруг весь её фонд, насчитывающий около 1500 томов, подарил городской публичной библиотеке. Причём зная, что заведующий библиотекой В. Крутовский не сможет разместить её на своих полках (так и остались 13 ящиков с книгами Комарова лежать неразобранными) [5, с. 13].

Лишь спустя три года, когда библиотека переедет в новое помещение, В. Крутовский в отчёте за 1901 г. напишет, что «ценное пожертвование Комарова значительно пополнило отделы библиотеки».

Александр Фёдорович Комаров вёл в Красноярке большую общественную работу. С 1886 по 1907 гг. он избирался гласным городской думы. Долгие годы заведовал ночлежным домом Синельниковского благотворительного общества, жертвовал денежные суммы на его содержание и на строительство народного дома (Пушкинского театра). В 1906 г. он на свои средства издал план Красноярска, который и сегодня не утратил своего научного значения [8, с. 55].

Деятельность Александра Фёдоровича Комарова была оценена по достоинству его современниками: по ходатайству Красноярской городской думы ему было присвоено звание почётного гражданина «за усердную и полезную службу городу».

В 1907 г. Комаров умер. При вскрытии его завещания оказалось, что 34 тысячи рублей покойный отказал Красноярску на различные благотворительные дела. Кроме того, после него осталась большая неизданная рукопись по истории Красноярска, переданная родственниками в музей.

Чтобы увековечить память нашего замечательного земляка, городская дума постановила присвоить начальному училищу при женской гимназии имя Александра Фёдоровича Комарова. Министерство народного образования решение думы утвердило. Его книжный магазин перешёл к бывшему члену красноярской городской управы И.Г. Григоровскому. Как и при Комарове, магазин специализировался на продаже детских и учебных книг [4, с. 3].

Однако прошло более 100 лет и имя Комарова неизвестно большинству красноярцев. В 2000-2002 гг. было снесено здание книжного магазина на пр. Мира, 74. И теперь о первом красноярском книжном магазине напоминают только книги со штампом «Библиотека Комарова в Красноярске», ещё хранящиеся в библиотеках города и, вероятно, в некоторых частных коллекциях [1, с. 47].

В фондах центральной городской библиотеки им. А.М. Горького выявлено около 10% от полуторатысячного книжного собрания Комарова. Всего в общем фонде отдела редких книг сохранилось 128 книг библиотеки А.Ф. Комарова, причем на 15 книгах стоит штамп «Учебные книги и пособия А.Ф. Комарова в Красноярске», на остальных «Библиотека Комарова в Красноярске». Интересен также тот факт, что на некоторых книгах есть экслибрисы, принадлежащие другим известным красноярским книголюбам. Например, на книге «Сочинения К. Кавелина» (М., 1859), кроме штампа «Учебные книги и пособия А.Ф. Комарова в Красноярске», есть ещё экслибрис «Иосиф Абрамович Ицын». Эта книга – подарок библиотеке нотариуса И.А. Ицына. Из книг, представленных в «Каталоге библиотеки Комарова в Красноярске» за 1885 г., в отделе редких книг ЦГБ им. Горького сохранилось 42 издания [2, с. 13].

В книжной коллекции Комарова, к сожалению, нет уникальных изданий, ценных рукописей, но она во многом отражает интересы красноярцев конца XIX – начала XX в., позволяет узнать, чем жили, чем интересовались люди того времени. Большую часть составляют книги о путешествиях, нравах и обычаях разных стран – 53 издания. Здесь есть и «Путешествие в Уссурийском крае 1867 – 1869 гг.» Н. Пржевальского и «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству» И. Яворского, «Очерки путешествия в Гималаи» Верещагиных и другие.

Сохранились и книги о Сибири: У. Гильдер «Во льдах и снегах: Путешествие в Сибирь для поисков капитана Делонга» (СПб., 1886); И. Завалишин «Описание Западной Сибири. (М., 1876); «Краткая сибирская летопись (Кунгурская)» (СПБ, 1880); «Литературный сборник: сборник научных и литературных статей о Сибири и азиатском Востоке» под редакцией Н.М. Ядринцева (СПб., 1885); А.Е. Норденшельд «Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 годов» (СПб., 1880); Д. Садовников «Наши землепроходцы: рассказы о заселении Сибири» (М., 1874).

Помимо краеведения А.Ф. Комаров увлекался фотографией, печатал открытки с видами Красноярска и его окрестностей. Это увлечение отразилось и в книжной коллекции: А.М. Лавров «Что необходимо знать каждому современному фотографу для получения хороших результатов» (СПб., 1893); П.М. Дементьев «Фотографический ежегодник» (СПб, 1895); «Фотографическое обозрение: Ежемесячный журнал по фотографии и её применениям» (М., 1896).

Произведения художественной литературы в коллекции Комарова представлены такими книгами как: Д. Дидро «Племянник Рамо», А. Пушкин «История Пугачевского бунта», «Письма Пушкина 1816-1837 гг.», «Итальянские хроники» Стенделя, педагогические статьи Л.Н. Толстого (4 части сочинений, изданных в 1880 г.), роман У. Фосколо «Последние письма Якопо Ортиса», «Обломов» И. Гончарова, «Торквемада»

В. Гюго, трагедии Еврипида, а также биографии писателей и учёных, выходивших в серии «Жизнь замечательных людей».

Помимо вышеперечисленных книг, в коллекции «Библиотеки Комарова», есть издания по гигиене, цветоводству, астрономии, истории, религии, политике.

По завершении работы с коллекцией Комарова, отдел редких книг центральной городской библиотеки им. Горького выпустил библиографический указатель, а большая часть книг оцифрованы.

Такие люди, как Александр Фёдорович Комаров, внесли большой вклад в культуру Красноярска, но сейчас имя первого книготорговца Красноярска незаслуженно остаётся забытым. Одной задач для сотрудников библиотеке является рассказывать о красноярцах-благотворителях и меценатах XIX – начала XX в.

Список литературы

[1] Аржаных О.П. Ничего не хочу, кроме славы Отечеству / О.П. Аржаных // Красноярский родослов: историко-информационный бюллетень Красноярского историко-родословного общества. Вып. 2 Красноярск, 2004. С. 42-53;

[2] Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным: Краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838 – 1916) / Л.П Бердников. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995. С. 13-15;

[3] Бердников Л.П. Красноярская интеллигенция жертвовала последние деньги на создание библиотеки / Л.П. Бердников // Городские новости. 1995. 17 февр. С. 14;

[4] Бердников Л.П. Подвижники книги / Л.П. Бердников // Вечерний Красноярск. 1990. 12 июня. С. 3;

[5] Бердников Л.П. Сибирской давности строка: очерки истории книжного дела в енисейской губернии и Красноярском крае. 1822 – 2012. Красноярск: ИД «Офсет», 2013. 221 с;

[6] Богданович К. Записки книголюба // Красноярский библиофил / сост. В.В. Чагин. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987. С. 218-265;

[7] В магазине у Комарова: подвижники книги // Красноярской городской библиотеке имени М. Горького – сто лет: специальный выпуск вузовских газет Центрального района. 1989. 12 февр. С. 3;

[8] Красноярск на заре индустриальной эпохи // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 4 Кн. 1 / сост. Г.Ф. Быконя. Красноярск, 1997. С. 55.

УДК 94(57)

Памяти исчезнувшего села Бузуново

Козлова Любовь Фёдоровна
Самостоятельный краевед-исследователь,
Красноярский край, г.Минусинск, Россия.
lubaedelveis@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена одному из первых русских поселений в Сибири, селу Бузуново, затопленному в ходе строительства Красноярской ГЭС. Собраны и зафиксированы в печатном виде важнейшие подробности его облика, повседневной жизни и трудовой деятельности бузуновцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА с.Бузуново, последние бузуновцы, Бузуновы, зона затопления, строительство ГЭС.

Село Бузуново Краснотуранского района Красноярского края имело давнюю историю, оно просуществовало 230 лет со дня основания, являлось одним из первых русских поселений в верховье могучего Енисея.

Бузуново не было рядовым поселением. Назначение и место расположения его были особенными, возникло оно в первой половине 18-го века как военное укрепление (форпост). «Служилые» казаки принимали присягу и 200 лет несли государеву службу, с большой ответственностью относились к исполнению возложенных на них обязанностей и решению поставленных задач.

В обязанности бузуновских казаков входило: конвоирование арестантов от Краснотуранска до Минусинской тюрьмы и, в случае необходимости, в обратном направлении, из Минусинской тюрьмы в Красноярскую также до Краснотуранска. Через Бузуново проходил тюремный тракт. По пути следования каторжан и ссыльных у них в Бузуново было место привала и суточного отдыха; поддержание в хорошем состоянии дорожного тракта; отправка годовалых на службу (нести в течение года караул у Саянского острога, защищавшего от набегов степняков).

Казаки занимались землепашеством и скотоводством, по вероисповеданию были православными.

После 1917 года в Бузуново начали прибывать переселенцы из разных районов европейской части России. Они привносили свой уклад, свою культуру, свое вероисповедание в жизнь села. В 1923 году в Бузуново проходит регистрацию Бузуновская православная греко-апостольская церковь по всем требованиям регистрации новой власти, опубликованным в 1922 году. В 1925 году в Бузуново прихожанами был построен на площади деревянный храм. Были среди переселенцев и старообрядцы, и баптисты.

Местоположение деревни Бузуново было подарком судьбы. Она лежала внизу по правому берегу Енисея на ровной 15-ти километровой возвышенности между горными хребтами Тепсеем и Тураном, со всех четырех сторон была защищена хребтами высотой 570-640 метров. Располагалась деревня напротив самой высокой точки скального среза хребта Оглахты, который возвышается над коренным Енисеем. Скала хребта Оглахты стоит напротив Этапского лога, который пересекает Поперечную гору, соединяющую хребты Тепсей и Туран. Горная гряда Поперечной горы изрезана логами и ущельями: ущелье Волчье Логово; Листвяговский лог; Солонцов лог; Этапский лог; Дмитриевский лог.

У подножия этой Поперечной горы и лежала деревня Бузуново. У Тепсея Енисей принимает воды реки Тубы. Горные хребты Тепсей и Туран сужают русло Енисея, но зато в промежутке между ними скорость течения снижается, и разливается Енисей на протяжении 15-ти километрового своего пути, образуя протоки и 20 островов, каждому из которых бузуновцы дали название. Острова были гордостью бузуновцев, там были летние выпаса, там заготавливалось сено на зиму, дрова, там набирали грибов и ягод,

там охотились на зайцев, кабанов. В протоках, заводях и ямах ловили рыбу.

Жило село по законам своего государства и вместе со страной переживало все потрясения 20-го века: войны, революцию, репрессии, восстановление сельскохозяйственного производства.

Жители Бузуново понесли огромные потери: репрессировано 60 человек; погибло в Великой Отечественной войне (ВОВ) 75 человек; участников ВОВ, вернувшихся с Победой, награжденных боевыми Орденами, 16 человек; орденоносцев, награжденных орденами за трудовые достижения – более 20 чел.

Бузуново – одно из 20-ти населенных пунктов, самое верхнее по течению Енисея село Краснотуранского района, которое было перенесено из зоны затопления при строительстве Красноярской ГЭС. Точнее, в Краснотуранском районе было вынесено из зоны затопления 25 объектов (населенные пункты, Нефтебаза, Пристань, ферма Комсомольская, пункт Усть-Туба, две ремонтно-технических станции, два хлебоприемных пункта).

Кампания переселения тоже была потрясением для бузуновцев. В Бузуново на тот момент было 132 домовладения, сосчитано было 195 строений, получалось половина на половину: пригодных для переноса было 103 строения, подлежащих сносу – 92.

К моменту переселения (1961 год) в деревне имелись: молочно-товарная ферма с четырьмя силосными полубашнями (ямами); кошары; свинарник; конюховка; крольчатник; пасека; большой сад с огородом; холодный склад с подвалом (мясятник); подтоварник (склады для обработки иразмещения зерна); мельница; электростанция; пилорама (лесопилка); сливотделение, маслобойка; ветеринарка; навесы для стрижки овец; кузница; мастерские.

Работало четыре полеводческих и животноводческих бригады.

Социальная сфера и необходимые вспомогательные направления в хозяйстве были организованы.

Давала образование новая восьмилетняя школа, работал новый детсад, ясли, были оборудованы медпункт с роддомом. В селе были свои: катальня (пимокатка); пекарня; столовая; радиоузел; магазины; библиотека (изба-читальня); клуб.

Работали правление, контора, бухгалтерия. Продукцию в совхозе получали, на месте проводили первичную переработку, работали слаженно, гордились передовиками.

В селе были Пожарный пост и ответственный за его состояние. Было отведено место для причала катеров (Пристань) у берега протоки, вблизи дома Гужевых.

Отец мой, Мордакин Фёдор Севастьянович, бессменный бузуновский пчеловод и садовод, не спал ночами. Он не понимал, как можно уничтожить дело и результат всей жизни. Сад, который вместе с огородом занимал уже 9 гектаров, плодоносит, даёт хорошие урожаи яблок, полукультурки, ягод. Каждое дерево, начиная с саженца, он выхаживал, сохранял, знал. Уйдёт под воду не только сад, но и омшанник, хорошо обустроенный для безопасной зимовки пчёл, который улучшался и готовился с каждым годом так, чтобы без мора там перезимовали пчёлы. А ещё предстояло разбирать и личное, по-хозяйски обустроенное домовладение. Он с этого обжитого места на новое переезжал в числе последних, и дом строил, потом могилы родных переносил.

Так же тяжело было каждому бузуновцу, каждый печалился о своём хозяйстве и судьбе своей семьи.

За короткий срок с 1962-1966 гг. планировалось выполнить немыслимый, громадный объём работ. Вода должна была прийти на пустое, очищенное и освобождённое место (ложе водохранилища). Необходимо было разобрать (перенести, снести, сжечь) все постройки на участке, возвести на новом месте дом, надворные постройки, огородиться, выкопать и обшить погреба, подполья. Предстояло убрать и зачистить не только жилые территории, но и убрать скотные дворы с отходами их жизнедеятельности, скотомогильники, захоронения животных с инфекционными заболеваниями (сибирская

язва и др.), перенести кладбище, выпилить деревья. Сроки доводились сжатые и, конечно, не везде и не всё было сделано. Об этом говорит громоздкий мусор, всплывший на поверхность и анализ Енисейской воды. Долгие годы вода была экологически небезопасной, рассматривался вопрос о пригодности её для потребления людьми и животными.

Переселение продолжалось более двух лет. Началось оно с весны 1964 года, и производилось, в основном, в летнее время. Это была целая эпопея. Люди не только переселялись, они работали в колхозе. Вся земля на месте села была изрыта, пыль стояла на всех дорогах в деревне и за селом. Долго люди жили, работали в хозяйстве, а дети учились на двух территориях. В конце второго года переселения половина жителей находится на новом месте, половина на старом. После переселения в Восточном проживало 559 человек (жителей из Бузуново и Дмитриевки).

Жизнь и работа в период переселения были сродни фронтовым. Невозможно представить себе, как совмещали люди выполнение своей работы в полеводстве(сев, сенокос, уборочная, заготовка силоса и др.), животноводстве (стрижка овец, дойка коров, откорм, выпаса и др.) и переселение (разборка домов, построек на старом месте, строительство дома, утепление, отделка его, устройство построек на новой усадьбе, содержание своего личного скота и хозяйства). Работа кипела от зари до зари без выходных, полный световой день и ночью с освещением.

В связи с предстоящим затоплением территории возобновились и ускорились работы по раскопке курганов под Тепсеем, работы проводились археологами Ленинградского отделения Института Археологи под руководством М.П. Грязнова.

Приенисейская долина, удобное для заселения место правобережья Енисея, была издавна заселена существовавшими до нас народами. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки из раскопок курганов. В публикациях Минусинского музея за 1947 год сообщается, что археологами музея у села Бузуново на песчаных выдувах найдено 192 каменных орудия труда.

При раскопках горы Тепсей в 1950-1960 годы при вскрытии могил было извлечено много интересных предметов, ставших экспонатами музея.

В послевоенное время несколько экспедиций производило раскопки курганов. Перед, предстоящим затоплением приенисейской территории велись раскопки сразу нескольких курганов. Начиная с 1964 года неоднократно производились раскопки разведывательного характера.

На скалах гор Туран, Тепсей, Бычиха сохранились рунические надписи древнего человека. Раскопки курганов проводились научными коллективами Москвы, Ленинграда, Красноярска, Кемерово. Материалы экспедиции Ленинградского отделения Института Археологии под руководством М.П. Грязнова и труд его «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» были опубликованы издательством «Наука».

Осенью 1967 года был подписан акт государственной комиссии о принятии ложа Красноярского водохранилища к затоплению. Поселения, ранее располагавшиеся в низинных местах вдоль русла среднего Енисея (от устья реки Абакан до устья реки Ангара) исключили из Реестра. Вода начала подниматься осенью 1967 года, когда был произведён пуск первого агрегата Красноярской ГЭС, но места расположения многих курганов были доступны ещё для раскопок.

Археологи оставляли в посёлке «Восточное» на зиму свою лодку с мотором, а летом снова приступали к раскопкам.

В 1968 году был найден и изучен погребальный склеп под Тепсеем.

В 1968-1970 годы были произведены системные раскопки, в 1971 году были включены в работы все агрегаты Краснояркой ГЭС, но археологические работы продолжались на доступных участках.

В 1975-1977 годы было раскопано и изучено множество могил.

Вместо могучего Енисея образовалось Красноярское водохранилище шириной от 0,5 – 5,9 км. И длиной по Краснотуранскому району в 239 км. Вместо рек Беллык, Сыда, Туба образовались большие заливы. Исчез Краснотуранский «Борок», исчезло озеро Лебяжье площадью 100 гектар.

Следом возникла ещё выше по течению Енисея Саяно-Шушенская ГЭС, самая мощная в России (первая очередь которой была введена в 1978 году, на полную нагрузку заработала в 1985 году). Теперь производится регулируемый сброс воды. Здесь Енисей перестал замерзать. Для строительства второй ГЭС было выбрано место, где Енисей зажат высоким хребтами. Видимо, сила воды здесь и оказалось необходимой гидростроителям.

Бузуново прекратило свое летоисчисление, завершив свою славную историю на дне Красноярского водохранилища. Построенный в шести километрах от прежнего места новый поселок, куда были переселены жители Бузуново, не сохранил прежнего названия, получил название «Восточное», хотя в годы переселения (1964-1965) именовался «Ново-Бузуново».

Сегодня взору человека, пытающегося рассмотреть с окружающих гор место, где изначально располагалось село, предстает водная гладь. Нагляднее всего воссоздают прошлое не слова и тексты, а фотоматериалы, карты островов, лоцманские и географические карты, План расположения поселения.

Исчезло Бузуново, его не существует больше, есть еще небольшое село с таким же названием Бузуново в Большемуртинском районе нашего края с численностью жителей 115 человек, но это другое село, и у него своя история.

Но было, было наше Бузуново и память о нем хочется сохранить. Память об его истории, облике и жизни бузуновцев.

С целью собрать в одном месте все возможные сведения о нем и начала я свою работу. И чем глубже погружаешься в эту тему, тем острее понимаешь важность её.

Время поисков пришлось на время пандемии, это создало дополнительные трудности. Это ограничения на передвижения, уклонение респондентов от встреч и контактов. Нельзя сказать, что и хранители официальных сведений (фондов архивов и музеев) с готовностью откликаются на обращения. Стариков уже не осталось, а ведь их воспоминания дают зацепки и направление дальнейших поисков. Не только поселение исчезло, но, кажется, легла на дно информация о его жизнедеятельности, даже о недалеком, советском периоде времени.

Да и время это было полным перемен: укрупнение хозяйств, преобразование колхозов в совхозы; соединение (слияние) Краснотуранского и Курагинского районов при переселении(дек.1962г); переселение из зоны затопления населенных пунктов и объектов общехозяйственного назначения (1962-1966гг.); восстановление Краснотуранского района (1964, 1965-1966); реорганизация совхозов (1967г.); изменение в государственном устройстве, закрытие партийных органов (1991г.); разделение Архивных фондов (государственная и муниципальная собственность, 1992г.). При этом архивная документация (дела) перемещалась с прежних мест хранения на новые.

Как нелегко, оказывается, теперь поднять со дна моря на поверхность и хотя бы частично восстановить, что здесь было раньше, какая жизнь здесь шла, кто были они, последние бузуновцы?

Верю, что результаты моего исследования, собранные в печатном издании (монография планируется к выпуску осенью), помогут зафиксировать то, что уцелело в памяти очевидцев и сохранить эти ценные крупицы истории для наших потомков и дальнейшего изучения.

УДК 908

Краеведческие игры как инструмент патриотического воспитания школьников

Ковтун Юлия Анатольевна
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа №6», г. Ачинск, Красноярский край, Россия.
uliy-kovtun@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-6307-8804

АННОТАЦИЯ Патриотическое воспитание начинается с раннего детства. Планомерные действия воспитательного характера, позволяют создать условия для формирования личности человека, любящего свое Отечество, способного проявлять патриотические чувства в поступках, разделяющего традиционные нравственные ценности, готового к мирному созиданию и защите Родины. В краеведческой работе со школьниками среднего звена успешной формой организации мероприятий патриотической направленности являются краеведческие игры. Применение игровых технологий позволяет в непринужденной атмосфере знакомить учащихся с историей, культурой, традициями своей страны, региональными особенностями, культурно-историческим наследием места, где они живут. Представляемое разнообразие игр апробировано на практике, позволяет сделать выбор в пользу той, которая необходима для изучения определенного раздела краеведения и решения конкретных образовательных, воспитательных задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение в школе, краеведческие игры, патриотическое воспитание.

С чего начинается Родина? Эти слова известной песни вызывают у каждого свои ассоциации: родители, отчий дом и друзья, бескрайние просторы лесов, русла извилистых рек и аромат свежеиспеченного хлеба, любимые места родного города или села, то, что близко, любимо, понятно с детства. Это любовь к малой Родине. Со временем патриотические чувства, пройдя через целый ряд этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству. На личностном уровне гражданина страны патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах и нормах поведения.

Мероприятия для школьников рекомендуется планировать с учетом региональных особенностей, культурного и многонационального разнообразия определенной территории.Задачи патриотического воспитания подрастающего поколения закреплены в нормативно-правовых документах, регламентирующих образовательную и воспитательную деятельность, где подтверждается значимость патриотического, духовно-нравственного воспитания, учитываются региональные особенности и этническое многообразие. Материалы содержат следующие тезисы:

1. «Воспитание - деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [9].

2. «…Формирование гармоничной личности, воспитание гражданина России – зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом» [7].

3. «Личностные результаты освоения программы основного общего образования должны отражать готовность обучающихся руководствоваться системой позитивных ценностных ориентаций и расширение опыта деятельности на ее основе и в процессе реализации основных направлений воспитательной деятельности, в том числе в части:

Патриотического воспитания: осознание российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, проявление интереса к познанию родного языка, истории, культуры Российской Федерации, своего края, народов России; ценностное отношение к достижениям своей Родины - России, к науке, искусству, спорту, технологиям, боевым подвигам и трудовым достижениям народа; уважение к символам России, государственным праздникам, историческому и природному наследию и памятникам, традициям разных народов, проживающих в родной стране» [8].

4. «Включение в содержание дополнительных общеобразовательных программ всех направленностей модуля или воспитательного компонента,направленного на формирование у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения; поддержка моделей воспитания детей в системе дополнительного образования детей с использованием культурного наследия регионов, традиций народов Российской Федерации, направленных на сохранение и развития этнокультурного и языкового многообразия страны» [2].

Опираясь на вышеуказанные нормативные документы можно выделить основные направления, на которые необходимо акцентировать внимание при организации воспитательного процесса патриотического воспитания с учетом региональных особенностей:укрепление традиционных ценностей, духовности и нравственности;развитие национальной культуры;общность социокультурных традиций; воспитание российской гражданской идентичности; укрепление основ патриотического воспитания; знание истории, языка, культуры своего народа, своего края; знание основ культурного наследия народов России и человечества; понимание ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа; создание социальной среды для развития обучающихся; систематизация воспитательных мероприятий; реализация культурных и социальных практик, основанного на системе базовых национальных ценностей российского общества, учитывающего историко-культурную и этническую специфику региона.

Это невероятно трудные задачи, поставленные перед системой отечественного образования, которые необходимо решать системно, с пониманием всей важности для воспитания подрастающего поколения, формировать образовательные пространства, которые помогают достижению поставленных целей.

Деятельность в области краеведческого просвещения школьников в нашей образовательной организации широко представлена во внеурочной работе. Игровые технологии традиционно популярны в педагогической деятельности и с большим интересом воспринимаются школьниками.

«Игра, как элемент воспитания, это форма взаимодействия взрослых и детей, порождающая особую реальность, выделяющуюся из повседневности особым, присвоенным ее субъектами игровым пространством; особым, нелинейно протекающим игровым временем; особой, значимой для ее субъектов системой норм и ценностей, отраженных в игровых правилах; особой, сплоченной игровой общностью. Игра создает среди ее участников особое напряжение, делающее данную реальность притягательной для ребенка, значимой и наполненной ценностными смыслами» [6].

Краеведческие игры следует отнести к дидактическим, так как они «специально создаются и приспособлены для достижения целей обучения. Специфическим признаком дидактической игры, является их преднамеренность, планируемость, наличие учебной цели и предполагаемого результата, которые могут быть обособлены, выделены в явном виде. В средней школе дидактические игры, проводятся, как правило, в целях повторения, закрепления и проверки усвоения изученного материала.

Краеведческая тематика актуальна для обучающихся тем, что задания, вопросы содержат информацию о событиях, местах, личностях, предметах и объектах, которые во многом им известны: какую-то информацию слышали в школе, что-то – рассказывали родители, а ведь всегда хочется узнать больше о том, что, на первый взгляд, и так понятно. Изучая родные места – начинаешь лучше разбираться в исторических событиях своей местности, бережно относиться к культурно-историческому наследию, ценить труд своих земляков-сибиряков, из чего и формируются патриотические представления, уважительное ценностное отношение к культурно-историческому наследию своей страны в целом.

На практике мною отработаны разные виды краеведческих игр со школьниками. При этом использовались методические материалы, разработанные специалистами краевого уровня, а также собственные авторские методические материалы.

Краеведческие игры:

Настольная игра «Путешествуем по Красноярью» (2016 г.). Игра была разработана в 2016 г. методистами информационно – методического отдела управления образования администрации города Ачинска Л. Савицкой и М. Баландиной, группой творческих учителей и учащихся города Ачинска, в том числе и командой нашей школы. Апробация игры прошла успешно – были проведены отборочные и итоговые турниры в параллели 7-х классов. Комплект включает в себя карту Красноярского края с обозначенными населенными пунктами и маршрутом игры, комплект карточек с вопросами, фишки, кубик. Содержание настольной игры «Путешествуем по Красноярью» направлено на закрепление знаний о истории населенных пунктов края, их геральдических особенностей, фактов основания и развития городов и поселков. Задача команд: пройти маршрут с юга на север как можно быстрее, продвигая по полю фишки и правильно отвечая на вопросы.

Интеллектуальная настольная игра «85 фактов о Красноярском крае» (2019 г.)

Методическое пособие для проведения единого краевого Урока краеведения, посвященного 85-летию образования Красноярского края, было распространено во все школы к юбилею края. Включает в себя книгу «Красноярский край – 85. Факты, События. Достижения» [3], карту Красноярского края, песочные часы для отсчета времени и 8 видов карточек с тематическими вопросами (спорт, история, наука, культура, природа). Тщательно отобранная информация расширяет знания об освоении, природе, культуре, спортивных и научных достижениях Красноярского края; формирует гражданские и патриотические чувства у молодежи, толерантное отношение к окружающим; способствует овладению основными способами мыслительной деятельности, творческого воображения, критического мышления, умения работать в команде.

Интеллектуальная игра-состязания проводится по принципу командной игры «Что? Где? Когда?». Примечательно, что нашей образовательной организации игра была проведена старшеклассниками в рамках реализации школьного социального проекта и включала в себя ряд других мероприятий краеведческой направленности.

Настольная образовательно-краеведческая игра «Жизнь на Енисее. Освоение Сибири» (2022 г.). Игра является социокультурным региональным образовательным проектом, выпущена при поддержке Фонда президентских грантов в 2022 году. По типологии данная игра является настольной ролевой. Значительное достоинство игры – это привлечение внимания к познанию истории подвига присоединения Сибири к России.

В комплект игры входят: картонное поле с художественным изображением Приенисейской Сибири XVII — начала XVIII веков, комплект карточек с описанием

жизненных ситуаций землепроходцев, персонажей игры. Для учащихся участие в игре – это возможность расширения кругозора, знакомство с интересными событиями и фактами, ощущение понимания значения собственной ответственности за судьбу Родины. Настольная образовательно-краеведческая игра с социальной механикой способствует изучению детьми культуры и исторического наследия родного региона. Команды-участники: ученики 5-8 классов. Игра «Жизнь на Енисее.

Освоение Сибири» включает в себя элементы приключенческой игры, загадок, принятия решений и социального взаимодействия.

Цель игры: планомерное освоение Приенисейской Сибири, знакомство с этнографией, природой и историей региона. Уникальные условия, которые создает игра - это погружение в эпоху, проявление чувства заинтересованности в судьбах героев, сопереживания участникам событий: охотнику Елфиму Меркурьеву и его невесте Татьяне, атаманам Дементию Злобину и Семёну Дежневу, другим историческим персонажам игры. Наполнение игры — это мощнейший ресурс воспитательного характера. Содержательная идея – жизненное самоопределение, значимость выбора пути и принятия решений актуальны для подростков и молодёжи во все времена.

Описанные выше игры изданы в рамках краевых проектов, при поддержке Фонда президентских грантов, разработаны группами специалистов в области истории и краеведения.

Краеведческие игры описываемые ниже разработаны мной и апробированы на практике, получили положительную оценку в профессиональном педагогическом сообществе.

Авторская настольная игра «Под вечным светом кумалана» (2018 г.). Эта авторская разработка является продуктом школьного социально-образовательного проекта, руководитель учитель ИЗО и краеведения Ю. А. Ковтун.

Комплект игры сшит из шерстяной ткани и меха в виде традиционного оберегового круглого коврика народов севера – кумалана, с задней части имеются карманы с комплектами карточек разной тематики: язык, традиции, обычаи, фольклор, костюм, предметы быта, символика эвенкийского народа. Задача игроков - выполнить задания по карточкам, например, найти соответствие между изображением предмета и его названием на эвенкийском языке; составить герб Эвенкии из предложенных элементов и узнать его символическое значение; познакомиться с разнообразием эвенкийского костюма и фольклора (сказки, загадки) и т.п. Игра является одной из локаций социокультурного проекта «Красноярье: близкий север», который в 2020 году стал победителем краевого конкурса работ, представляющих социокультурные практики, направленные на воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской федерации, исторических и национальных культурных традиций детей и молодёжи «Дети дома одного».

Туристско-краеведческая игра «Геокешинг по Ачинску» (2018 г.). Авторское методическое пособие, разработанное учителем ИЗО и краеведения Ю.А. Ковтун, которая стала дипломантом XVI Всероссийского конкурса методических материалов в помощь организаторам и экскурсионной работы с обучающимися в 2019 г., организованный Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения.

Цель игры: создание условий для достижения обучающимися социального опыта в области туристско-краеведческой деятельности, посредством использования интерактивных технологий в системе дополнительного образования и внеурочной деятельности.

Пособие включает в себя: правила игры [1], информационный материал для

погружения в тему экскурсий, перечень и описание серии маршрутов, задания, журнал отчётности, перечень необходимых мероприятий для качественной реализации игры. [4] Разработаны две серии игр по темам: «Архитектура В.А. Соколовского в г. Ачинске», «Госпитали в г. Ачинске во время Великой Отечественной войны».

Форма организации игры: участники делятся на команды, получают задание к маршрутам, связанное с культурно-историческими объектами определенной местности, которые можно выполнить только, побывав на месте. Для определения местонахождения исследуемого объекта можно использовать мобильные приложения: Яндекс карты, 2 ГИС, GOOGLEmaps или воспользоваться картой местности. Это помогает участникам лучше ориентироваться в пространстве города, с пользой применять собственные гаджеты. Прохождение маршрутов осуществляется в группах, что способствует развитию навыка работы в команде, планированию совместных действий, учит договариваться, применять свои знания на практике. Побывав на объекте команды смогут выполнить задания и заполнить журнал отчётности, предоставить ответы организаторам. По итогам прохождения серии маршрутов определяется команда победитель.

Туристско-краеведческая игра «Геокешинг по Ачинску» на столько универсальна, что может мыть адресована для разных категорий участников при условии, что её наполнение: объём и содержание информации, уровень сложности заданий, продолжительность маршрутов будут соответствовать возрастным особенностям участников. Данная методическая разработка туристско-краеведческой направленности, предполагает групповую коммуникативную деятельность в занимательной игровой форме знакомит участников с историческими событиями, архитектурными объектами родного города.

Развивающий и воспитывающий потенциал заложен в самой природе проведения игр. Игровые технологии включают в себя разнообразные формы, которые также, как игра, имеют богатейший мотивационный, познавательный, информационный, соревновательный эффект: викторины, квесты, КВИЗы, интеллектуальные турниры и т.п. Подобные формы можно разрабатывать, пользуясь богатейшим информационным краеведческим материалом вышеописанных игр, использовать их содержание с учетом возрастных особенностей аудитории, а также воспитательных и образовательных задач.

В игре одновременно уживаются добровольность и обязательность, эмоциональность и рациональность, личная заинтересованность и коллективная ответственность. Педагогическая ценность игры заключается в том, что она становится сильнейшим мотивационным фактором, ребёнок руководствуется личностными установками и мотивами, в неформальной обстановке постигает новое, воспринимает информацию легче, позитивнее.

Образовательная организация в праве выработать свой план мероприятий, приемы и методы, учитывая интересы местной общественности и особенностей региона в вопросе сохранения культурного наследия нашей страны в целом, и отдельных территорий, в частности. Представленные формы работы используются в краеведческой деятельности в нашей образовательной организации на протяжении ряда лет. Правильно подобранные приемы и инструменты гарантируют качественный результат.

Краеведческие игры способствуют повышению интереса к изучению истории, традиций, культуры, природных особенностей родного края, стимулируют школьников к исследовательской деятельности краеведческой направленности, в целом расширяют знания о сибирском регионе, вызывают чувство гордости за свой край, а также обогащают научными знаниями, которые могут пригодиться, как в учебной деятельности, так и повседневной жизни.

Список литературы

[1] Игра «Геокешинг по Ачинску»: Правила игры для участников. https://disk.yandex.ru/d/MC_UBEVC3TULJF

[2] Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года от 31 марта 2022 г. N 678-р

[3] Красноярский край - 85. Факты. События. Достижения / [ред.совет: В. В. Нелюбин, А. И. Додатко, И. В. Брежнева ; ред.-сост. Н. Еремина]. - Красноярск: Поликор, 2019. - 191 с.

[4] Портфель экскурсовода-геокешира http://school6ach.ucoz.ru/index/muzej_narodnogo_byta_quot_paraskeva_quot/0-57

[5] Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.Г. Панов. М.: Большая рос. энцикл, 1993. -1160 с. https://didacts.ru/slovari/rossiiskaja-pedagogicheskaja-enciklopedija.html

[6] Современная теория воспитания. Словарь-справочник 2016. Степанов П.В. https://didacts.ru/slovari/sovremennaja-teorija-vospitanija-slovar-spravochnik-2016.html

[7] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 от 29 мая 2015 г. N 996-р

[8] Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 31 мая 2021 года N 287

[9] Федеральный закон от 31.07.2020 N 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся".

УДК 94 (571.51) «1940/41»: 617–089

Научная работа хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого в посёлке Большая Мурта Красноярского края в 1940–1941 гг.: особенности и результаты

Кожевников Семен Валериевич
Кандидат экономических наук, магистр теологии,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия.
semenk2011@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье отражена научная деятельность выдающего хирурга В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) в посёлке Большая Мурта Красноярского края, где он жил и работал с марта 1940 г. до 30 сентября 1941 г. В условиях незаслуженной третьей ссылки за священнослужение и бытовых лишений особо выделена работа Валентина Феликсовича над расширением и завершением 2-го издания «Очерков гнойной хирургии», за которые автор был удостоен Сталинской премии I степени. Раскрыто разнообразие и значение этой новаторской и уникальной работы профессора, важной для лечения гнойных заболеваний в предвоенное и военное время, а также показано современное значение «Очерков…» для хирургов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В. Ф. Войно-Ясенецкий, Большая Мурта, наука, «Очерки гнойной хирургии».

Научный интерес к личности хирурга с мировым именем, профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) не ослабевает и сейчас. О нём написано много статей и книг, большинство из которых относятся к последним десятилетиям [1; 5; 6; 8 и др.]. Вместе с тем масштаб работы В. Ф. Войно-Ясенецкого был настолько велик и результативен, а условия его профессиональной деятельности настолько разнообразны, что о нём постоянно появляются новые сведения и требуется уточнение уже известных. Исключением не стал и период жизни и деятельности Валентина Феликсовича в Большой Мурте (1940–1941). Нас заинтересовала научная работа профессора-хирурга в это время. Именно в этот короткий и ссыльный период В. Ф. Войно-Ясенецкий продолжил качественный переворот в области гнойной хирургии, вывел её на новый, высокий уровень исполнения, значительно повысив эффективность в лечении гражданского населения, а также раненых военнослужащих.

С приездом «на подводах в составе значительного числа ссыльных» [14, с. 86] в посёлок Большая Мурта Красноярского края В. Ф. Войно-Ясенецкий в эту третью, и последнюю, ссылку[2] активно продолжил свою научную деятельность, главным образом направленную на расширение и завершение 2-го издания нужных медицине «Очерков гнойной хирургии». В ряде современных трудов даже утверждается, что Валентин Феликсович закончил свои «Очерки…» для 2-го издания именно в Б. Мурте [11 с. 179 и др.].

Идея существенно дополнить и расширить 1-е издание «Очерков…» (1934) родилась у В. Ф. Войно-Ясенецкого еще в 1930-х гг. в Ташкенте, где усилиями профессора впервые в стране было открыто гнойное хирургическое отделение. По мысли хирурга 2-е издание «Очерков…» должно было увидеть свет к 1940 г. [7, с. 194]. Однако арест и ссылка внесли свои коррективы: работа надолго была прервана. Поэтому рукопись для 2-го издания Валентин Феликсович заканчивал уже в Большой Мурте и немного в Красноярске. Архангельские исследователи, посвятившие целую главу «Очеркам…» В. Ф. Войно-Ясенецкого, работу хирурга над 2-м изданием разбивают на два этапа: I-й – с конца 1934 г. – начала 1935 г. до ареста в 1937 г., II-й – с начала ссылки в марте 1940 г. до сер. 1941 г. [5, с. 94]. Соглашаясь с общей концепцией этого предложения, отметим, что во 2-м

[2] В. Ф. Войно-Ясенецкий в посёлке Большая Мурта с населением около 3,5 тыс. чел. отбывал свою третью ссылку за священнический сан. Согласно сфабрикованному делу официальной причиной этой ссылки было участие Валентина Феликсовича в антисоветской организации. Но на деле причина была в его священном сане и активной поддержкой Русской Православной Церкви. Только в 2000 г. В. А. Лисичкин добился реабилитации В. Ф. Войно-Ясенецкого [8, с. 422–427].

издании «Очерков…» красноярский этап относится всё же не к середине 1941 г., а к 1942 г. описанием В. Ф. Войно-Ясенецким ранения осколком мины красноармейца Василия Г. в левый голеностопный сустав 11 сентября 1942 г. и сделанной ему 5 января 1943 г. операцией под эфирным наркозом [3, с. 502]. А март 1940 г. – середину 1941 г. лучше отнести к Большемуртинскому, основному этапу работы над «Очерками…».

В Мурте у В. Ф. Войно-Ясенецкого появилось время и другие возможности для научной работы. В муртинской ссылке хирург мог вполне закончить «Очерки…», о чём сообщил сыну Михаилу [12, с. 333–334], и эта интенсивная работа отличалась своими особенностями и результативностью.

Так, по просьбе Валентина Феликсовича «из Ташкента прислали очень много историй болезней из гнойного отделения ташкентской больницы» [10, с. 83]. Эти истории хирург «вел в гнойном хирургическом отделении Ташкентского института неотложной помощи в 1934–1937 гг.» [17, с. 453]. Благодаря этим историям болезней и полученному из Ташкента же другому громадному научному материалу он написал «много глав <…> книги “Очерки гнойной хирургии”» [10, с. 83].

С разрешения центральной власти СССР (К. Е. Ворошилов) учёный смог весной 1941 г. выехать в Томск «для работы в тамошней очень обширной библиотеке медицинского факультета» [10, с. 83–84]. Это была целевая двухмесячная командировка [1, с. 187], отличавшаяся насыщенной научной работой. Там В. Ф. Войно-Ясенецкий перечитал «всю новейшую литературу по гнойной хирургии на немецком, французском и английском языках и сделал большие выписки из нее» [10, с. 84]. Очевидец работы Валентина Феликсовича в читальном зале библиотеки профессор Ф. Ф. Сакс в 1988 г. вспоминал об этом так: «Знаменитый хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий. <…> мы его видели ежедневно, он всегда сидел за одним и тем же столом, читал толстые подшивки иностранных журналов (не пользуясь словарем) или старые медицинский руководства в кожаных переплетах. Одновременно В. Ф. Войно-Ясенецкий делал рисунки в рефератах» [1, с. 188]. Сейчас нам сложно представить работу учёного с оригинальной иностранной литературой на разных языках, да ещё в обычном повседневном режиме.

Между делом в Томском медицинском институте В. Ф. Войно-Ясенецкийуспел прочитать студентам-медикам лекцию по гнойной хирургии [15, с. 247]. Помимо напряжённой работы в институтской библиотеке Валентин Феликсович благодаря профессору кафедры патологической анатомии Томского мединститута В. П. Миролюбову смог поработать в томском патологоанатомическом музее, где «нашел макропрепараты гнойного поражения плоских костей, и в том числе костей черепа, пораженные хроническим остеомиелитом[3], столь необходимые для издания его книги “Очерки гнойной хирургии”, II издания» [15, с. 257]. Томские исследователи, говоря о встречах В. Ф. Войно-Ясенецкого с В. П. Миролюбовым, сообщают и о работе Валентина Феликсовича в его кабинете томского профессора и изучении там многотомного руководства по патологической анатомии на немецком языке и отличных зарисовках [6, с. 130]. Вероятнее всего, что эти и многие другие зарисовки автор «Очерков…» использовал для 2-го издания, богатого детальными анатомическими и прочими иллюстрациями. В Автобиографии В. Ф. Войно-Ясенецкий засвидетельствовал: «По возвращению в Большую Мурту (из Томска. – С. К.) вполне закончил свою большую книгу “Очерки гнойной хирургии”» [10, с. 84].

Помимо обработки обширного ташкентского и томского материала для «Очерков…» В. Ф. Войно-Ясенецкий летом 1940 г. заказал нужные ему копии иностранных хирургических статей в Ленинградской публичной библиотеке [9, с. 409]. Также из Мурты он часто просит своих детей прислать ему фотографии из иностранных

[3] Остеомиелит – «воспаление костного мозга, обычно распространяющееся на компактное и губчатое вещество кости и надкостницу» [17, с. 272]

монографий, рисунки. Профессор строит планы об отпуске в научных целях в Москву и Ташкент, информирует о написанных главах книги и о необходимости как можно скорее издать «Очерки…» в связи с начавшейся войной с Германией. Не исключено также, что дети хирурга откликнулись на просьбу отца из Мурты о подписке на журналы «Вестник хирургии» и «Клиническая медицина» [12, с. 332], откуда Валентин Феликсович черпал советские и некоторые зарубежные новости из мира науки. Более того, по свидетельству академика Российской академии медицинских наук Ю. Л. Шевченко, в августе 1941 г. в одном из ведущих советских журналов «Хирургия» вышла иллюстрированная статья В. Ф. Войно-Ясенецкого «Флегмона стопы», которая была использована автором для «Очерков…» [17, с. 454, 456] (глава XXXVI Флегмона стопы «Очерков…» 2-го издания [3, с. 477–498]. – С. К.). С этой самой статьи, как пишут учёные-медики, скорее всего Валентин Феликсович и начал в Мурте работу над 2-м изданием «Очерков…» [8, с. 277].

Как видно, В. Ф. Войно-Ясенецкий не только был в курсе научных новшеств по хирургии, но и сам творил науку, опережая многих своих современников. Между тем ссыльный хирург-епископ испытывал лишения ссыльного человека, гонения на которого хотя и смягчились, но не прекратились, Бытовые условия жизни Валентина Феликсовича в Б. Мурте, плата за его работу в местной больнице были незавидными. Мало того, что ссыльный хирург не сразу был трудоустроен в муртинской больнице, прибыв в ссылку в марте 1940 г. (только с 19 апреля 1940 г. [13, л. 49]), так ещё его оклад на должности «консультанта хирурга и глазника» [там же] составлял всего 200 рублей [там же]. К примеру, зубному врачу полагался оклад 300 руб. [там же, л. 63 об], врачу амбулатории – 350 руб. [там же, л. 64] и т. д. Но такая очевидная несправедливость не сильно смущала В. Ф. Войно-Ясенецкого. Он мало обращал внимания на подобное отношение и за годы ссылок и тюрем успел привыкнуть к такому. Главным же для него было как можно скорей закончить важный для хирургов страны труд.

Кроме плодотворной аналитической и теоретической работы при подготовке новых глав «Очерков…» Валентин Феликсович использовал результаты текущих оперативных вмешательств, проведённых в Б. Мурте. Об этом он сам свидетельствует во 2-м издании «Очерков…», приводя, например, историю болезни страдающей остеомиелитом двадцатишестилетней Феклы Ф., которая поступила в большемуртинскую районную больницу 26 мая 1940 г. и была буквально спасена В. Ф. Войно-Ясенецким в результате проведённой операции под эфирным наркозом [3, с 367–368].

Нашему современнику, доктору медицинских наук, профессору Т. П. Сизых удалось встретиться в Мурте с другой женщиной, также прооперированной Валентином Феликсовичем в 1940 г. Н. А. Жемчуговой по поводу хронического остеомиелита левой большеберцовой кости [16, с. 85–86]. После падения с качели Наталья девять лет (с 3-х до 12-ти лет) терпела боли, её болезнь прогрессировала, а хирургическое и другое лечение не давали результатов. И только летом 1940 г. новый врач больницы В. Ф. Войно-Ясенецкий, благодаря новаторским разработкам по гнойной хирургии, разглядел затянувшуюся проблему. Причиной хронического остеомиелита была «неправильная хирургическая тактика врача (предыдущего. – С. К.) Большемуртинской больницы» [там же, с. 94]. В результате осмотра и оперативного вмешательства В. Ф. Войно-Ясенецкий сумел сделать так, что Наталья Жемчугова быстро пошла на поправку и осталась здоровой на всю жизнь. В свои 79 лет о своём спасителе женщина вспоминала: «Врач он точно от Бога был» [там же, с. 86].

Рядом с учёным в те дни в операционной был заведующий Большемуртинской больницей врач А. В. Барский. Основываясь на собственных наблюдениях и исследованиях Т. П. Сизых нелестно о нём отзывается (карьерист с соответствующими моральными качествами, «партиец» А. В. Барский и проч.) [14, с. 87]. Мы не станем углубляться в эти отзывы, хотя они и не безосновательны. Для нас важно, что молодой хирург и заведующий Большемуртинским врачебным участком в 1939–1941 гг. А. В. Барский был знаком с 1-м

изданием «Очерков…» В. Ф. Войно-Ясенецкого, поэтому с профессиональной точки зрения был рад работать с именитым профессором [там же]. Т. П. Сизых показывает: «В сложных и ответственных вопросах, когда нужно было принять судьбоносное решение (в больнице, во время и после операции. – С. К.), профессор был востребован» [там же, с. 88]. Молодой хирург признавал это и перенимал навыки видного коллеги-учёного, что помогло ему прокладывать себе дорогу в научном мире. Поэтому, несмотря на то, что А. В. Барский держал В. Ф. Войно-Ясенецкого на дистанции, поскольку тот был ссыльным, а А. В. Барскому «его положение в социуме куда было важнее» [там же], вчерашний выпускник Ленинградского медицинского медицинского института многое узнавал от Валентина Феликсовича.

Итак, скрупулёзная и многогранная работа над «Очерками…» была главной особенностью третьей ссылки В. Ф. Войно-Ясенецкого. Поэтому, как уже было отмечено, в Большой Мурте он в основном закончил свои «Очерки…» для 2-го издания (в Красноярске автор сделал небольшие дополнения и качественные улучшения). В марте и июне 1941 г. профессор сообщал из Мурты: «Я написал уже четыре больших главы, около 75 печатных листов <…>», «новые главы и дополнения к старым – великолепны» [12, С. 334]. Двадцатого июля 1941 г. писал сыну Михаилу, что по окончании «Очерков…» пошлёт заявление М. Н. Бурденко и в Наркомздрав «о предоставлении <…> консультативной работы по лечению раненых» [там же, с. 336]. Но в августе «Очерки…» ещё не были закончены [там же], что ещё раз подтверждает окончание работы над ними в Красноярске. Но доделать предстояло немного, 20 июля 1940 г. В. Ф. Войно-Ясенецкий резюмировал: «Остается два-два с половиной месяца работы над ней» (книгой. – С. К.) [там же, с. 334].

Сравнение 1-го и 2-го изданий «Очерков…» позволяет определить объем научной работы, проделанной Валентином Феликсовичем в Б. Мурте. Первое издание 1934 года содержит 22 главы с приложениями на 304 страницах [2], второе (1946) – 39 глав на 544 страницах [3]. Не ставя задачи дать анализ содержанию двух изданий монографии, не сложно заметить, что объём второго вырос на 204 страницы, при этом 2-е издание напечатано на листах большего формата и более мелким шрифтом. Важное значение этого расширенного второго варианта «Очерков…» сформулировал сам автор в письме сыну из Б. Мурты в конце июля 1941 г.: «Очерки…» «буду просить издать экстренно, ввиду большой важности ее для военно-полевой хирургии» [12, с. 334], так как раны суставов солдат и офицеров во множестве были осложнены гнойной инфекцией. Это авторское резюме оказалось актуальным не только в военное и послевоенное время, но и сейчас, что подтверждается словами предисловия к четвёртому современному изданию «Очерков…» (2016). Предисловие написано доктором медицинских наук, профессором Н. Н. Волобуевым, и содержит такие строки: «Главным трудом всей его (Войно-Ясенецкого. – С. К.) жизни следует считать “Очерки гнойной хирургии”, который остается настольной книгой хирургов уже более 60 лет <…> Скромно названная автором “очерками”, она справедливо может считаться “Энциклопедией гнойной хирургии”» [4, с. 6]. Добавим, что книга переведена на несколько иностранных языков, что также свидетельствует о востребованности «Очерков…» среди профессионального сообщества всего мира. Отрадно, что значительная часть книги состоялась на нашей, красноярской земле, в далёком посёлке Красноярского края под названием Большая Мурта.

Подводя итог, отметим следующее. Для научной деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого в Большемуртинский, ссыльный и непростой период (1940–1941) характерна широкая и концентрированная научно-практическая работа с накопленным за предшествующие годы в Ташкенте богатым материалом, а также материалом, полученным благодаря командировке в Томск, знакомству с новейшими достижениями хирургической науки в СССР и мире и работе в муртинской больнице. Фактическое завершение «Очерков…» было главным итогом этой работы.

Список литературы

[1] Байтингер В. Ф. История хирургии в лицах. Томск: Изд-во «Красное знамя», 2007. 246 с.

[2] Войно-Ясенецкий В. Ф. Очерки гнойной хирургии. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1934. 304 с.

[3] Войно-Ясенецкий В. Ф. Очерки гнойной хирургии. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1946. 544 с.

[4] Войно-Ясенецкий В. Ф. (Архиепископ Лука). Очерки гнойной хирургии. М.: Издательство БИНОМ, 2016. 720 с.

[5] Глянцев С. П., Андреева А. В., Чецкая Г. Б. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в Северном крае: монография. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2012. 332 с.

[6] Задорожный А. А., Сакс Ф. Ф., Байтингер В. Ф. В. Ф. Войно-Ясенецкий в Томске // Вестник хирургии им. И. И. Грекова. История хирургии. 1994. № 5–6. С. 130–133.

[7] Избранные страницы истории русской хирургии: учебное пособие для студентов / Д. А. Балалыкин, М. Н. Козовенко, Ф. А. Черноусов. М.: Весть, 2013 272 с.

[8] Косачев И. Д., Гладких П. Ф., Яковлев А. Е. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука: врачевание и священнослужение (1877–1961) / отв. ред. А. Е. Яковлев. СПб.: ВМедА: Дмитрий Буланин, 2013. 622 с.

[9] Лисичкин В. А. Крестный путь Святителя Луки. М.: Издательство Московской Патриархии, 2001. 448 с.

[10] Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Я полюбил страдание...: автобиография. М. : Русский Хронографъ, 1996. 208 с.

[11] Майстренко В. А. Воин // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2007. С. 175–183.

[12] Поповский М. А. Жизнь и житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, Держава, 2002. 528 с.

[13] Приказ № 49 от 19 апреля 1940 г. о приёме В. Ф. Войно-Ясенецкого на работу в Большемуртинскую больницу // Архивный отдел администрации Большемуртинского района. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 1. Л. 49.

[14] Сизых Т. П. Начало третьей ссылки профессора, владыки В. Ф. Войно-Ясенецкого в селе Большая Мурта // Сибирское медицинское обозрение. 2008. № 1. С. 85–93.

[15] Сизых Т. П. Ровесница лихого века (личностно-биографическое повествование). Красноярск: ПИК Офсет, 2015. 696 с.

[16] Сизых Т. П. Соединивший в своих руках крест и скальпель (о св. Луке, д. м. н., проф. В. Ф. Войно-Ясенецком) // Сибирское медицинское обозрение. 2007. № 4. С. 81–95.

[17] Шевченко Ю. Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. СПб.: Наука, 2007. 623 с.

[18] Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. М. : Советская Энциклопедия, 1982–1984. Т. 2. 448 с.

УДК 94(57)

Предивинская судостроительная верфь

Комкин Александр Александрович
Краевед, г. Лесосибирск, Россия

АННОТАЦИЯ Очерк содержит информацию о начале промышленного и транспортного развития Приенисейского края в первые годы установления Советской власти, освоения Севера, о предпосылках образования Енисейского речного пароходства. Организации перевозок лесных грузов и развития лесоэкспортной отрасли Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Предивинск, судостроительство, вервь.

Предивинск – рабочий посёлок в Большемуртинском районе Красноярского края. Расположенный на правом берегу Енисея на 184 км. по течению реки ниже Красноярска. Связь с правобережной частью района осуществляется паромной переправой. Левобережная пристань связана с Енисейским трактом автодорогой через с. Россійка. С 1932 по 2013 года посёлок имел статус П.Г.Т.

Своё название посёлок позаимствовал от названия деревни Предивная, основанной в 1647 году русскими казаками. Своим названием обязана удивительнейшими по красоте местами и спокойной рекой, которая обрамляется по правому берегу холмистым берегом покрытым тайгой. Перед быком из лога текут две горно-таёжные речки. Они впадают в Предивинскую протоку, расположенную по левому берегу и отделённую от основного русла реки большим островом. Деревня Предивная (не посёлок) стояла в устье одноимённой речки. Протока в летние дни хорошо прогревалась и была любимым местом местной детворы и рыбаков.

После установления Советской власти, развивающийся Приенисейский север требовал много мелкосидящего флота для обеспечения продуктами и товарами многочисленные фактории, которые как правило были расположены на малых реках-притоках Большой Пит, Подкаменная и Нижняя тунгуски и другие малые реки Севера. Для освоения их и проникновения в глубь тайги и было принято решение для основания судостроительной верфи для постройки деревянных судов. Место будущей верфи было выбрано в районе д. Предивная, на левом берегу Енисея в месте впадения р. Юдинка. И посёлок, и верфь получили свои названия по деревне.

Сама верфь располагалась на острове Предивинский в протоке. В числе первых строителей приехали в 1928 году, 14 человек, которые занимались подготовкой площадки под верфь. Они сделали съёмку местность, провели замеры и разметку под будущее предприятие, изучили сырьевую базу. Затем, в 1929 году, по найму приехали 30 семей из Алтайского и Пермского краёв. Это были специалисты-судостроители. Остальных - плотников было решено нанимать из числа местных жителей.

Учли, казалось всё, кроме характера самой реки. Весна 1930 года показала, что место для будущей верфи было выбрано неудачно. Весенним ледоходом унесло две готовые баржи-паузка. Пострадали и хозпостройки и частично заготовленный лес.

Исследовав вторично местность, было принято решение о переносе верфи на десять километров. ниже по течению реки в устье р. Луговая, на правый берег Енисея. Высокий берег, близость сырьевой базы показали правильность принятого решения. Страна переживала пик коллективизации и в число будущих строителей попадали мастеровитые крестьяне из числа раскулаченных.

С 1931 года на новую строительную площадку были привезена первая партия сосланных из Забайкалья, а так же с Европейской части России, Украины, Белоруссии, юга современного Красноярского края. Особенно много спецконтенгента (ссыльные раскулаченные крестьянские семьи) было привезено до 1934 года. Население посёлка выросло до 500 человек.

Лес для судостроения, строительства нового посёлка и на хозяйственные нужды заготавливали круглый год. Валили деревья вручную. Основными видами механизации была двуручная пила и топор. Вывозили лес на лошадях. Бригады вальщиков уходили в лес на неделю, добираясь на делянки пешком, неся на себе недельный запас продуктов.

С увеличением мощности верфи, увеличивался и тоннаж построенных судов: от стотонных паузков – до барж грузоподъёмностью 500 –1000 тонн. Кроме барж, строились боты, катера с газогенераторными и бензиновыми двигателями, лихтеры для освоения низовьев Енисея, а также был освоено строительство дебаркадеров для пассажирских пристаней.

О дебаркадерах подробнее будет сказано ниже. На первом этаже располагались каюты для команды с бытовыми удобствами., багажно-почтовое отделение, билетные кассы, буфет, зал ожидание, комнаты-каюты для VIP-персон. На втором этаже-мезонине – гостиница, поскольку пассажирские судов было мало и ожидать приходилось иногда по несколько суток. Штат такого плавучего комплекса доходил до 10 – 15 человек.

Всего за годы существования верфи было построено ок. 350 различных судов, как самоходных, так и несамоходных. Именно «около», поскольку точные сведения не сохранились. Архив верфи хранился крайне небрежно, предприятие за годы своего существования сменила трижды свой статус, а после 1991 года, бывшая контора была брошена на произвол судьбы. Через прохудившуюся крышу, талые и дождевые воды многократно заливали комнату архива, уничтожая бесследно документы. Часть чертежей и документов было растащено местными жителями на растопку печей. Но всё это будет потом, а пока…

Изначально, как и было ранее отмечено, судоверфь строила самоходные суда небольшой мощности и соответственно с небольшой осадкой. Экипажи таких судов были, как правило, 2 – 3 человека, под командованием старшины (так тогда на катерах называли капитанов), был один матрос, а чаще всего моторист, в обязанности которого входило следить за мотором и дозаправкой деревянными чурочками бункера газогенератора.

Топливом служили деревянные сухие чурочки, которые укладывались в бункер, похожий на бочку. В нём под воздействием тепла и выделялся необходимый для горения газ, чем-то напоминающий современный пропан-бутан-метан. Газогенераторный двигатель было уникальное изобретение человека, решивший в впервые годы Советской власти и даже в годы В.О. войны, ряд народнохозяйственных проблем, ликвидировав проблему дефицита бензина. Топливом для таких двигателей служили небольшие сухие деревянные чурочки, которые заготовлялись, сушились и складировались в те годы в большом количестве. План на заготовку чурочек спускался всем: леспромхозам, колхозам и даже школьникам, особенно в годы войны. При необходимости можно было воспользоваться и сухим валежником в лесу. Так что заправочными пунктами при необходимости мог быть обычный лес.

Но я отвлёкся. На больших судах-катерах были и матросы, в обязанности которых входили швартовые работы, а также следить за порядком на палубе и принимать участие в погрузке топлива на катер.

Первым самоходным судном, построенным в 1930 году на Предивинской верфи, был деревянный катер мощностью 12 л.с. У современной молодёжи такая мощность может вызвать усмешку, но для того времени это был прорыв. Бензиновых, а тем более дизельных двигателей в те времена практически не было. А газогенераторные двигателя были на катерах, автомашинах, тракторах и также на колхозных электростанциях. Первое судно называлось «Широта». Более подробных сведений и тем более фотографий не сохранилось.

В этом же 1930 году были построены и спущены на воду катера: «Бурный» (72 л.с.), «Партизан» (120 л.с. длиной 17,5 м.) для ГУСМП, «Первый» (длиной 10,5 м.) и «Упор» (дл. 12,5 м.) по 10 л.с. Все эти суда были не типовые и не имели серийного проекта.

Последующий, 1932 год, для судостроителей был более удачным и продуктивным: «Вьюга» (38 л.с. 12,8 метра), «Дельта» (50 л.с. 18,8 м.), «Зверобой-7» (20 л.с. 7,3 м.), «Зверобой-8» (20 л.с. 7,3 м.), «Зверобой-10» (10 л.с. 6 м.), «Зверобой-11» (10 л.с. 6 м.).

Наверное, уже по названию катера «Зверобой» понятно, что они предназначались для зарождающихся в северных районах зверопромхозов. Качество этих судов было столь высоким, что прослужили эти катера до 1955 года, и только по ветхости деревянного корпуса, были списаны.

В 1933 году мощности верфи возросли, и север получил «Авам» (12 л.с. 8 м.), «Вест» (20 л.с. 16 м.), «Дудыпта» (12 л.с. 8 м.), «Землепроходец Бегичев» (120 л.с. 17,5 м.), «Метель» (38 л.с. 12,8 м.), «Норд» (20 л.с. 16 м.), последних три были уже целенаправленные буксирные катера для транзитного сообщения. А так же «Прибой» (24 л.с.), все эти суда были построены по заказу ГУСМП, но в последствии был передан Енисейскому Бассейновому Управлению Пути, «Струя» (36 л.с. 13 м.), также передан Ен. БУПу. Собственно говоря, и сама судоверфь была создана для обеспечения флотом всесильного ГУСМП

В 1934 году верфь частично перепрофилировалась, переходя на строительство маломерного несамоходного флота. Шло освоение притоков Енисея, особенно золотоносной тайги. Первоначально это были илимки и паузки для нужд северных предприятий. Самоходный металлический флот постепенно вытесняет деревянные катера. Серьёзной конкуренцией предивинским катерам, становится построенная Красноярская судостроительная верфь. Она то и переходит на строительство газогенераторных металлических катеров по проекту гениального сибирского инженера Михаила Хренникова, придумавшего и внедрившего принципиально новый и прорывной вид движителя. Суда, оборудованные таким движителем, позволял работать катерам в условиях мелководья и засоренности рек плавником. В частности на реках ведущих молевой сплав древесины. Это изобретение в будущем будет доработано и займёт ведущее место в малом судостроении с водомётной системой движителя. Поэтому из самоходных судов, на предивинской судоверфи, в этом году будет построен только один «Бегичев» (145 л.с. 25 м.) пришедший на смену своему «однофамильцу».

Новый, Игарский рыбозавод заказывает у Предивинских «корабелов» морской мотобот «Хатанга» мощностью 150 л.с. Он будет работать на промыслах в условиях приближённых к морским и прослужит рыбакам до 1945 года. В 1935 году ГУСМП закажет ещё три катера «Шивера», «Штиль», «Шторм», мощностью по 24 л.с. длиной 15 метров. Все они будут использоваться в лоцманской работе, в Енисейском заливе.

В 1938 году, по данным школьного музея посёлка Предивинск, ЕнУРПу будет построено два последних самоходных судна «Нордвик» (150 л.с.) и «Сталинец» (108 л.с.)

Больше информации о строительстве самоходного флота не сохранилось. К этому году (1938) мощности КСВ уже полностью удовлетворяли потребность речников Енисея и ГУСМП, кроме того Енисейская судоверфь продолжала строительство как деревянного, так и металлического флота. Пароходная пристань Енисейска и ангарская древесина несколько уменьшала затраты, снижая себестоимость.

Предивинская судоверфь после небольшой реконструкции перепрофилируется на строительство несамоходного флота по типовым проектам. Баржи большей частью были номерные, где первая цифра номера баржи, как правило, указывает на её грузоподъёмность. Баржи были командные и после приёмки её экипажем баржи от судостроителей, она сразу же уходила в рейс.

В 1949 году была построена баржа № 508 (с припиской в затон Кононово).

В 1950 году: № 542 (Кононово), № 540 (Кононово), №548 (Пискуновка), № 533 (Кононово), №550 (Пискуновка), № 529 (Кононово), № 553 (Подтёсово),№ 539 (Подтёсово), № 537 (Кононово), № 536 (Кононово), № 546 (Кононово), № 541 (Кононово, № 551, № 554 (Подтёсово), № 534 (Кононово), №549 (Пискуновка), №547 (Пискуновка). Здесь и далее в скобках будет указываться затон-приписка судна

Уже из этого списка видно, что мощность верфи позволила за один год построить 17 барж. Этому способствовало и использование серийного проекта, и так называемый конвейерный способ, что и позволяет увеличить производительность труда. С 1951 года помимо баржи № 502 (Подтёсово), для развивающегося пассажирского флота, был освоен проект плавучих пристаней – дебаркадеров. Дебаркадеры проект № 373Б, имели длина корпуса – 35 м., ширина – 12 м. двухэтажные. Потом будут построены дебаркадеры-пристани: № 11 (Подтёсово), № 12 (Минусинск), а также баржи № 61 грузоподъёмностью уже 1000 тонн (Павловщина). С 1952 года осваивается новый типовой проект барж грузоподъемностью 600 тонн. Были построены головные баржи этого проекта № 601 (Ермолаево), № 604 (Подтёсово), № 605 (Подтёсово), № 606 (Подтёсово), а также дебаркадеры № 18 (Ермолаево), № 24 (Минусинск).

В 1953 году был заказ на строительство паузков грузоподъёмностью 100 тонн для малых рек:№ 134;№ 113;№ 114; № 115; № 107; № 108; №119; № 120; № 121.

Экспериментальная баржа-площадка-лесовоз, грузоподъёмностью 2000 тонн, проекта № 473 «Рион». Эта баржа была пробной и уже в следующий год была запущена в серию. Продолжилось и строительство дебаркадеров: № 22 (Минусинск), № 25 (Ермолаево).

В 1954 году были построены баржи пр. № 473: «Вишера» (Подтёсово), «Бурея» (Подтёсово), «Аракс» (Павловщина), продолжается строительство барж-площадок «шестисоток» пр. № 556:

№ 608 (Павловщина), № 607 (Минусинск), А так же: паузок № 128 (Ермолаево), и дебаркадер № 26 (Подтёсово).

В 1955 году построены баржи пр. № 473 «Мезень» (Павловщина),

и баржи пр. 556:

№ 649 (Кононово), № 650 (Подтёсово), № 651 (Ермолаево), № 652 (Павловщина), № 654 (Ермолаево), № 655 (Павловщина),№ 656 (Павловщина),№ 658 (Павловщина), № 659 (Ермолаево), А также паузки № 136 (Кононово), № 137 (Пискуновка), № 137 (Минусинск).

В следующем, 1956 году продолжается строительство большегрузных барж «двухтысячников» пр. 473:

«Кемчуг» (Подтёсово), «Ахтуба», (Подтёсово), «Самара» (Павловщина), строительство дебаркадеров № 6 (Подтёсово) и барж «шесисоток» пр.№ 556 - № 660 (Пискуновка) и № 661 (Подтёсово). Строительство барж этого проекта продолжается и на следующий 1957 год:

№ 662 (Подтёсово), № 663 (Кононово), № 665 (Минусинск), № 667 (Пискуновка), № 669 (Подтёсово), №670 (Ермолаево), а также построено два дебаркадера: № 8 (Пискуновка) и № 29 (Ермолаево).

В 1958 году построена баржа «Сызрань» (Подтёсово), а в 1959 году дебаркадер № 39 (Ермолаево). Он был последним в истории строительства судов на верфи.

Вообще, 1959 год был знаменательным тем, что Пискуновские СРМ прекратили своё существование и весь флот был переведён во вновь организованный затон в д. Галанино, что располагался на левом берегу, выше одноимённой деревни. За островом в протоку впадает небольшая речка Самковка, в устье которой была небольшая одноимённая деревушка Самково. Так вот после исследования протоки, ниже впадения р. Самковка, на обширной луговине были в короткий срок построены производственные помещения – баржевый цех, пилорама, механический цех с котельной и кузницей, мощная, для своего времени дизельная электростанция с прудом - охладителем дизелей электростанции, склады, контора, конюшня и другие производственные сооружения. Рядом с промплощадкой были построены три улицы со всей инфраструктурой (детсад, медпункт, пекарня, магазины УРСа ЕнУРПА, клуб). В дома было проведено проводное радио и электричество. Ковш будущего затона углубили, отсыпав ухвостье острова дополнительной дамбой, куда установили по большой воде списанные деревянные

баржи, которые были засыпаны донным грунтом. Первую зиму флот перезимовал благополучно, что говорило о правильности принятого решения. К этому времени эра деревянного судостроения стала закатываться, а флот стал пополняться и обновляться новым металлическими судами Красноярской судоверфи и Красноярского судостроительного завода¸ приступившего к серийному выпуску металлических барж-площадок и лесовозов грузоподъёмностью 1500 – 1800 тонн. Но это будет другая история.

Но стоит вернуться в годы процветания Предивинской судостроительной верфи. Одновременно с развитием производственной базы в посёлке развивалась и социальная инфраструктура. Многие бывшие вынужденные переселенцы (спецконтенгент) со временем обжились, кто-то обзавёлся семьёй, стало расти население. В посёлке был построен клуб каркасного типа. (На бруски нашивались доски и пространство заполнялось опилками и стружками. Их утрамбовывали и щиты закрывались). Из таких щитов и был собран первый клуб. Первый клуб находился на современной улице Набережная, против недавнего общежития. К началу войны, в посёлке было много молодёжи и он жил бурной общественной жизнью. Как и во всей стране, проходили собрания, митинги и торжественные мероприятия. В 1940 – 1941 году молодёжь посёлка по собственной инициативе и в не рабочее время построили новый клуб. Это уже было капитальное здание из леса. Клуб был построено по проекту главного инженера верфи И.Ф. Любавского. С появлением полноценного клуба, культурная жизнь посёлка стала ещё насыщеннее. Появились музыкальные инструменты, библиотека, силами художественной самодеятельности ставились концерты, и даже спектакли. Демонстрировались кинофильмы, сначала это была передвижка, а позднее появилась и стационарная киноустановка. Культурная жизнь значительно приобрела новый вид после появление в посёлке высланных из Москвы и Ленинграда так называемых «антигосударственных деятелей», а также «лиц аморального поведения». Среди таких людей были Гитибен Т.Р. – руководитель драмкружка, Мансюк А.В. – руководитель духового оркестра.

С первых лет существования судостроительная верфь старалась обеспечить сама себя максимально всем необходимым. Так, например в д. Симоновка на местном месторождении глины, был построен кирпичный завод. Потребность в этом материале была столь высокая, что завод работал практически круглый год. Ведь на каждой барже была, как правило, кирпичная печь, которая не только обогревала экипаж, но и в ней пекли хлеб. Печи нужны были и в посёлке в жилых и нежилых домах. В большом почёте были и хорошие печники.

Судостроение требовало не только квалифицированных плотников и столяров, требовались и кузнецы. Весь крепёж в сложном и многочисленном наборе корпуса баржи, то, как болты, гайки, шайбы, все возможные скобы и другие приспособления и элементы, изготовлялись на месте и своими силами.

Также заготавливали бересту для выгонки дёгтя. Этот продукт был необходим для пропитки пакли, которой конопатили корпуса барж, а также обслуживание подвижного состава гужевого транспорта. Спасал дёготь и лесозаготовителей в тайге от гнуса. Выгоняли также смолу и варили вар, необходимый для судостроения.

Как уже отмечал, что основной тягловой силой на обслуживании верфи и посёлка были лошади, которых к 1941 году было в хозяйстве в среднем 500 голов. Были и коровы, как в частном владении, так и в подсобном хозяйстве. Соответственно для скота требовались корма. Сено заготовляли своими силами, обкашивая заливные луга на островах вплоть до самой Павловщины. Для доставки сена в Предивинск до самого ледостава использовали плоты, шаланды, паузки, а зимой вывозили на лошадях.

Через Енисей работала переправа. Небольшой деревянный катер и лодки-илимки с четырьмя парами вёсел. Позднее на переправу был поставлен катер «Предивинец» и нечто похожее на паром.

Во время Великой Отечественной войны, когда организации края и весь свой металлический флот передали в ведомство ГУСМП и, подчинив весь флот нуждам фронта верфь начала строить небольшие сейнеры и боты для рыбаков Севера из дерева.

13 октября 1942 года около Предивинска потерпел аварию караван судов парохода «Иван Папанов». В караване была баржа № 46, прозванная в народе «Парашей». На этой барже перевозили заключённых в Дудинку для Норильского комбината. Кроме «сорокшестой» в караване было ещё две баржи. Аварийную баржу отцепили и в полу притопленном состоянии вытолкнули на косу Предивинского острова. Караван продолжил свой путь, а аварийная баржа сев на грунт осталась с конвоем на острове. Люди пытавшиеся спастись из трюма выбраться не могли. Только чудом тысяча человек остались в живых. Груз, расположенный на палубе не пострадал. Среди спасшихся был молодой парень Зелепухин Николай, который после освобождения в 1953 году по амнистии, остался верен реке и всю свою жизнь отдал речному флоту проработав шкипером в Ермолаевской РЭБ до пенсии. Он не мог без содрогания вспоминать те далёкие события. В те годы, когда я работал с ним в одном затоне, я даже и не подозревал об этом, сам он никогда об этом не говорил. Только в девяностые годы XX века впервые от него услышали подробности тех событий. Сейчас уже нет в живых свидетеля трагедии, но в Ермолаево живут и работают его дети, внуки и правнуки.

Более 25 человек погибло в той аварии и то по причине бездействия конвоя, а точнее даже из-за противодействия. Снились ли им потом стоны и крики людей захлёбывающихся с грязной трюмовой воде. Точного числа перевозимых, наверное, и сам конвой не знал. Поднятые трупы были сложены на берегу, сосчитаны и списаны по акту. Их всех похоронили в братской могиле, естественно не обозначив знаками место захоронения. А ведь у каждого из них были матери, жёны, дети, которые, наверное, до последнего ждали родных после амнистии 1953 года.

Для улучшения работ по строительству спец-барж (а таковых было три: «Фатьяниха», «Ангутиха», «Ермачиха», (по названиям малых речек-притоков Енисея) распоряжением Аврамия Завенягина, заместителя руководителя по ИТЛ НКВД СССР в 1942 году создал на Предивинской верфи был организован ЛагПункт, для обеспечения строительства восьми барж для Норильского комбината.

...Под ногами стружка стелется,

Баржи выстроились в ряд,

И опилки как метелица,

Над Предивной полетят...

Писал Игнатий Рождественский, который какое-то время жил и работал в крае, в том числе и знаменитой Игарке, где с ним свела судьба с 14-летнетнего Витю Астафьева. Проплывая мимо Предивной на пароходе и родились у него эти строки, такими он увидел и посёлок и верфь.

Необходимо, наверное, отметить и сложные отношения руководства судоверфи и краевого управления деревянного судостроения с районными партийными и хозяйственными властями. Обеспечение продовольствием и товарами потребления судоверфи было значительно лучше, чем у сельчан. Был случай. Когда обоз с хлебом для верфи по распоряжению райисполкома был остановлен и уведён в Большую Мурту, где это зерно было засчитано в фонд хлебосдачи по району. Разразился жуткий скандал. Руководство верфи обратилось с жалобой во всесильный ГУСМП, по сути хозяину судостроения. Председатель райисполкома, по распоряжению которого был реквизирован хлеб, был снять с работы и осужден. Контролируемый всю жизнь в районе райком ВКП(б), как и положено остался в стороне, за исключением служебного расследования и незначительного внушения первому секретарю.

В 50-х годах прошлого века в стране уже было достаточно металла, для производства самоходного флота и пароходство активно перешло на «металлизацию пароходов и теплоходов, а спустя ещё несколько лет и несамоходный деревянный флот стал заменяться на металлический. Металлические суда, естественно, были прочнее, долговечнее и легче в эксплуатации деревянных. Экипаж барж снизился до трёх человек, кроме больших лихтеров. Отпала необходимость содержать водоливов с их сложной конструкцией насосов «Батрак», которые за счёт струи забортной воды приводили в движение механизмы насосов для откачки воды из трюмов. Не требовалась постоянная конопатка образовавшихся щелей в корпусе баржи в период навигации и трудоёмких работ в период зимнего отстоя в затонах по выморозке барж и поднятия их с помощью различных приспособлений из воды или от льда на «городки». Одних только ручных домкратов, при этой работе, требовалось от 20 до 40 штук. А какая это была ювелирная работа ровно поднять баржу для ремонта днищевой или бортовой подводной части! Необходимость в работе Предивинской и Енисейской судостроительной верфи отпала. Эра деревянного судостроения ушла в историю.

1 сентября 1957 года Предивинскую судоверфь перепрофилировали в домостроительный комбинат и передали в ведомство СУ КрасноярскГЭСстроя. Теперь основной задачей предприятия стало изготовление и комплектация жилых домов для будущего города гидроэнергетиков Дивногорска. Позднее поставка комплектов жилых домов началась по всей стране в безлесные регионы, в том числе и в Казахстанские целинные посёлки.

Ещё раньше, в 1951 году стала действовать постоянная паромная переправа между берегами в Предивной

Летом 1966 года были проведены опытные сбросы воды КрГЭС с волнами от 30 до 18 тыс. кубометров в секунду. Для многих населённых пунктов Приенисейских районов это было трагедией. Не исключением была и Предивная. Было затоплено часть предприятия, и ул. Заречная. Но к этому времени судостроительной верфи уже не было.

Автор выражает огромную благодарность в предоставлении информации руководителю школьного музея Предивинской средней школы Ермолину Елену Владимировну, заведующей межпоселенческой библиотеки пос. Предивинский Харчук Валентине Васильевне, заведующей архивом с. Большая Мурта Окладниковой Татьяне Витальевне, за предоставленные архивные справки об Предивинской судоверфи и заместителя Главы Администрации Большемуртинского района Гриц Светлану Викторовну, за оказание помощи в решении ряда организационных вопросов.

УДК 37.032

Социокультурные практики краеведческой направленности в деятельности школьного музея (из опыта работы)

Кузьмина Эльвира Валерьевна
МБОУ Шуваевская СОШ,
Емельяновский район Красноярского края, Россия.
ademaku@mail.ru

АННОТАЦИЯ Автор рассматривает деятельность, связанную с социализацией подрастающего поколения в современных условиях сельской школы, на основе краеведческого мегапроекта «Петропавловские встречи». Представляется реальный опыт конкретного сообщества единомышленников как одна из моделей организации социокультурных практик краеведческой направленности. При такой организации воспитания и просвещения расширяется образовательное пространство сельской школы как реальное, так и виртуальное. Предложенная модель творческого сотрудничества педагогов и учеников сельской школы с партнерами из других учреждений, создание уникальных краеведческих сборников в качестве дидактических материалов для урочной, внеурочной деятельности и дополнительного образования может быть полезен коллегам-краеведам, работающим с молодежью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Социализация, социокультурные практики, нравственное воспитание, краеведение, сельская школа.

В Федеральном законе "Об образовании в Российской Федерации" процесс образования рассматривается как единство воспитания и обучения. Причем, воспитание поставлено на первый план и определяется как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [6]. Почему же этот процесс не всегда достигает планируемых результатов, почему молодежь недостаточно понимает эти базовые ценности, почему подавляющее количество молодых людей стремится покинуть малую родину, не желая способствовать ее развитию, направляясь в большие города и дальние страны? Какая педагогическая деятельность может способствовать желанию молодого поколения развивать свой потенциал в своем родном селе или городе? По нашему глубокому убеждению, необходимо расширять возможности гражданственно-патриотического и нравственного воспитания на базе школьных историко-краеведческих музеев. Именно такая деятельность формирует осознанную любовь к родной земле и наследию предков. Известно, что трудно любить то, чего не знаешь. Именно поэтому нравственное развитие личности на основе краеведения является целью нашей воспитательной работы, когда в процессе решения воспитательных задач идет формирование мировоззренческого базиса и организация практико-ориентированной деятельности.

В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования в разделе о личностных результатах обучения четко выделяются приоритеты, отражающие «воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству», «освоение социальных норм, правил поведения…с учетом региональных, этнокультурных, социальных и экономических особенностей», «развитие морального сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личностного выбора»[3].

В данной статье хочется поделиться опытом решения вышеназванных задач в процессе краеведческой работы и преподавании модуля «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР) в рамках проекта «Петропавловские встречи» с изданием краеведческих книг в МБОУ Шуваевской СОШ Емельяновского района Красноярского края. Проект был спланирован на три года, и его начало в 2017 г. было

приурочено к 235-летию родного села. Но деятельность оказалась настолько интересной и востребованной, что по просьбе участников проект продлен еще, по крайней мере, на два года.

Для достижения высоких результатов духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России мы постарались сплотить коллектив педагогов – единомышленников и поставили перед собой следующие задачи: разработать систему мероприятий, осуществляя социальное партнерство; приобщить к совместной краеведческой деятельности как можно больше детей и их родителей, опираясь на личностные особенности каждого участника; создать условия для формирования нравственных ценностей, их осознания и применения в практической деятельности, формировать готовность к нравственному выбору.

В такой деятельности школа становится поистине центром духовно-нравственного воспитания в селе. Особенностью нашего подхода к воспитанию является интеграция работы на уроках, факультативах и внеурочной деятельности.

Мы гордимся тем, что разработали свою модель системы работы, которая имеет концентрический характер - после проведения ежегодных календарных мероприятий мы организуем три итоговых события:

- межмуниципальные Петропавловские образовательные педагогические чтения;
- красочный праздник «День села», в котором участвуют все желающие из девяти деревень Шуваевского сельсовета, гости из других поселений и г. Красноярска;
- издание краеведческих книг «Край родной – земля Шуваевская».

Эта модель (или другими словами – проект), на наш взгляд, инновационна и может быть использована в других образовательных организациях.

Важно и то, что все эти события при сохранении высокой духовно-нравственной составляющей и патриотического содержания, каждый год облекаются в новую форму, где используются различные интерактивные методы и приемы воспитания и образования. В 2017-2022 г.г. школьный музей в сотрудничестве с коллегами проводил такие события, как: квест - игра «День народного единства», конкурс рисунков и сочинений «Моя мамочка», поделки на районные фестивали, патриотические часы с викториной «День героев Отечества», историческая дискуссия «Непокоренные» (к Дню снятия блокады Ленинграда), проект «Парта героя», собрание философов «Уроки отечественной истории», акция «Свеча памяти» и многие другие.. Наши ученики победили в конкурсе научно-исследовательских работ на муниципальной научно-практической конференции «Молодежь и наука» с проектом «Сибирские ветви рода казаков Многогрешновых», на региональном этапе конкурсов «Мое Красноярье» и «Воинская доблесть» с работами о своих родственниках - героях Великой Отечественной войны, заняли второе место на очном региональном этапе форума «Научно-технический потенциал Сибири. Научный конвент» в секции «История» с исследованием «Край родной, ты – частица России большой!».

Разнообразные формы работы способствуют достижению предметных результатов в различных областях знаний, метапредметных универсальных умений и развитию нравственных качеств личности. Ребята получают знания по культуре и истории своей малой родины в практической деятельности, так как в основе проекта лежит системно-деятельностный подход.

Организовывая систему духовно-нравственного воспитания в школе на основе краеведения, развивая душу и сердце ребят, вовлекая их в практическую деятельность на благо окружающих, мы также стремились воплощать в жизнь завет великого педагога В.А. Сухомлинского: «Руководить нравственным воспитанием – значит, создавать тот

моральный тонус школьной жизни, который выражается в том, что каждый воспитанник о ком-то заботится, о ком-то печётся и беспокоится, кому-то отдаёт своё сердце»[5].

Глубоко разделяю и поддерживаю идею великого педагога С.Т. Шацкого (она представлена в его труде «Деревенские дети и работа с ними») о том, что ***воспитание детей идет успешнее, когда имеется параллельное воздействие на взрослое население микрорайона путем постоянного сотрудничества.*** Поэтому практически все наши проекты мы осуществляем рука об руку с Домом культуры, центром социальной защиты, емельяновскими казаками, движением «Юнармия», географическим и историческими обществами, постоянно привлекаем родителей обучающихся и бывших выпускников. Многолетняя дружба связывает нас практически со всеми школами района: мы осуществили двухгодичный проект «ЕКИМКа» (Емельяновское культурно-историческое музейное кольцо) - проехали и очно познакомились со всеми школьными музеями и достопримечательностями нашего района. Принимали гостей у себя: провели интерактивную игру «Здравствуй, музей!» и мастер-класс по росписи на бересте. Также мои ученики-старшеклассники создали сайт нашего музея (www.kraevedy.wix.com/muzei), и теперь все желающие могут посмотреть виртуальную экскурсию, узнать историю села, познакомиться с накопленными исследованиями и интерактивными проектами! Вообще, цифровизация в образовательном процессе школьного музея играет значимую роль, как это и требуется в современном обществе.

Для популяризации краеведческой работы мы отмечали День рождения школьного музея, где ребята из всех классов представляли сведения об исторических событиях нашего села, приглашали для общения знатных тружеников, уважаемых земляков, которые рассказывали о своей жизни – таким образом поддерживается связь поколений, наши традиции, духовные скрепы.

Многие ученики, начиная с IV класса, создают научно-исследовательские работы по истории своей семьи и малой родины, и мы ежегодно устраиваем школьные научные конференции. Многие их участники - активисты школьного музея - достигают больших успехов в краеведческой и исследовательской деятельности, не раз занимали первые места в региональных и Всероссийских конкурсах.

Наши воспитанники с удовольствием пишут стихи и рассказы (публиковались в краевом журнале «Енисейка», районных изданиях), создают картины, вышивки и разнообразные поделки не только ради того, чтобы заработать место на конкурсе. Самое главное, они дарят свои изделия ветеранам, нашим выпускникам - военнослужащим, гостям школы и села, творчески самовыражаются.

Своими достижениями и проблемами мы делимся на педсоветах и тематических родительских собраниях, обязательно выступаем на педагогических конференциях и форумах, в том числе, на всех мероприятиях, организуемых центром гражданского образования и воспитания Красноярского ИПК РО, Сибирским федеральным университетом, Архивным агентством Красноярского края, образовательным отделом Красноярской Епархии и другими учреждениями с публикациями в сборниках конференций.

Огромная работа проводится для увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Этому посвящен ролик активистов школьного музея, который стал победителем на межвузовском конкурсе в г. Красноярске.

О своей краеведческой деятельности мы регулярно публикуем материалы на страницах районной газеты «Емельяновские веси», на сайтах школы и районного управления образования; о нас сообщают газета «Аргументы и факты», «Православное слово Сибири», «Комсомольская правда», «Российская газета», ресурсы интернета, краевая телекомпания «Енисей – регион».

Наш краеведческий проект одновременно направлен и на методическое образование учителей, и на развитие молодежи, и всего населения в целом.

Жителям села понравились такие события, организованные музеем совместно с сельской библиотекой как флешмоб, посвященный Дню семьи любви и верности; выставки православных и краеведческих книг; День богатырского мультфильма, фольклорные «Петровские посиделки»; экологическая акция «Чистый берег» - уборка территории местного озера школьниками и молодежью; встреча со старожилами - вечер «На завалинке» и кульминация года – День села (День Петра и Павла). В этих событиях участвовали люди всех возрастов, в том числе, с ограниченными возможностями здоровья.

Педагогическое сообщество активно поддержало Петропавловские чтения – интеллектуальное общение за круглым столом; дебаты о введении курса ОДНКНР и его методической поддержке; презентацию книг о селах Шуваевского сельсовета. В работе Петропавловских чтений ежегодно принимают участие более 30 человек, включая гостей из г. Красноярска, среди которых преподаватели ведущих вузов, ученые, общественные деятели.

Один из участников наших чтений отметил: «Именно такие мероприятия, с учетом ***местных социокультурных особенностей, истории и современного состояния общества*** позволяют качественно осуществлять образовательную политику. Они помогают понять — как и чему мы должны учить детей. Такое объединение культуры, образования, общественных организаций и представителей власти кажется мне очень перспективным»[1].

Вторые наши Чтения включали в себя театрализованное выступление учеников школы на нравственные темы, импровизированную ярмарочную карусель, поучительные задания для ребят, изготовление сувениров.

Участники Чтений делятся своими впечатлениями о нашем образовательном форуме в Интернете. Вот один отзыв из многих: «Как важно в работе сотрудничество и взаимодействие всех учреждений! Это колоссальный обмен опытом, познания чего-то нового и интересного. Все это не только расширяет наш кругозор, но и дает почву для размышлений над своим поведением, отношением, восприятием, смыслом жизни…», - Н.В. Мирошникова, депутат Шуваевского сельсовета.

Третьи Чтения прошли в необычном месте – усадьбе гончаров, так как их темой была «Народные традиции и ремесла в образовании школьников». Результатом чтений стал вывод о необходимости создания районного Центра народных ремёсел.Обучение народным ремёслам, при огромном их разнообразии, может понравиться любому школьнику, осваивающему программу как общего, так и инклюзивного образования. При этом наши дети приобщатся к российскому наследию и культуре. По нашему предложению и эскизу на сайте Емельяновского управления образования был открыт раздел «Духовно-нравственное и патриотическое воспитание», где педагоги могли делится проблемами и опытом преподавания модуля ОДНКНР на этапе его становления.

С огромным чувством исполненного долга хочется сообщить о семейном автопробеге 9 мая 2020 г. по трем селам с музыкой военных лет, флагами на машинах. К 22 июня Года памяти и славы, несмотря на труднейшие условия карантина из-за коронавируса, по инициативе и при активном участии школьного музея был создан и открыт новый прекрасный памятник погибшим воинам в близлежащей деревне Замятино! Огромную помощь оказали меценат, депутат райсовета Поляков С.В., дорожно-строительный техникум, сельсовет. На монументе нанесены 22 фамилии героев. Об этом сообщают статьи в районной газете, региональном журнале «Успешный край», в интернет-сообществах района. Это очень значимое и масштабное событие,

наша гордость как наследников победителей. Его смело можно назвать Четвертыми Петропавловскими встречами в новом формате. Мы считаем, что в каждом населенном пункте должно быть место Памяти. В тот же год с помощью депутата Шуваевского сельсовета Чернухина Ю.Б. и многих земляков мы открыли Памятник участникам ВОВ в д. Старцево.

В 2021 году пандемия продолжала свирепствовать, но краеведы собрались в День Памяти и скорби на пятые Чтения при открытии аллеи Славы и Обелиска героям в п. Сухая Балка. А в День народного единства провели торжественный митинг, посвященный установке Памятника односельчанам в п. Арей.

По инициативе, организации и активном участии школьного музея мы отмечаем День села. На празднике присутствуют руководители района, отдела образования и культуры, Центральной библиотеки и почти все жители. На большой лужайке размещаются подворья. В «Городе мастеров» народные умельцы делятся секретами мастерства кузнечного дела, вязания, вышивки, бисероплетения, флористики. Красной нитью проходит чествование долгожителей и тружеников, внесших большой вклад в развитие села. Ключевым моментом праздника является вручение нашей книги «Край родной - земля Шуваевская».

В настоящее время не только дети, но и многие взрослые не знают истоков народной культуры, историю своего края, своей семьи.Поэтому мы подготовили эту книгу: работали в Красноярском краевом архиве (изучали Клировые ведомости, Исповедальные росписи, Памятные книги, прошения, письма и др.), обходили односельчан, собирали воспоминания и полностью восстановили историю села. Мы узнали, год основания села (1782) и Шуваевской школы грамоты (1888), одноклассной церковно-приходской школы (1898), постройки школы-церкви (1910), нашли имена первых учителей. По нашему замыслу, как авторов-составителей, планировалось создать максимально полную летопись села:сведения о различных направлениях развития своей малой родины - история, население, власть, церковь, образование, хозяйствование, медицина, культура, традиции, знаменитые люди. Это удалось благодаря участию семидесяти четырех школьников, двадцати педагогов и шестидесяти трех земляков, то есть практически каждая семья была участником коллективного творческого дела и получила в подарок экземпляр книги! Деньги на публикацию собираем всем миром. Ежегодно книга обновляется и дополняется, на каждых Чтениях становится отличным подарком учителям для использования на уроках. 20 экземпляров оставляется в школьной библиотеке как учебное пособие для занятий на ОДНКНР и выдается каждому ученику с 5 по 9 класс. Во всех выпусках сборника приведено много примеров высоконравственных поступков, трудовых и боевых подвигов земляков-односельчан, редкие фотографии и не публиковавшиеся ранее документы. Сборник используется педагогами на уроках и внеклассных мероприятиях, а также широким кругом лиц для самообразования [2]. Новизна и практическая значимость издания очевидна, так как никтодо нас не изучал историю и культуру села Шуваево.

Два главных результата, достигнутых в ходе проведения наших краеведческих мероприятий дорогого стоят: 1) мы объединили односельчан всех поколений в общей деятельности и 2) около 200 школьников принимают участие в подготовке и проведении того или иного действия, то есть являются не созерцателями, а творцами. Ребята и взрослые, работая по методике коллективного творческого дела И.П. Иванова, стараются принести максимальную пользу обществу (а иначе зачем?), одновременно обогащая свою душу и сердце высоким духовным содержанием, поддерживая вековые традиции соборности и милосердия.

Высокую оценку нашей деятельности дали многие специалисты и руководители,

положительные отзывы напечатаны в местной газете и соцсетях. Автор этих строк, руководитель школьного музея, стала лауреатом краевого этапа Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя», призером федерального этапа Всероссийского конкурса краеведов, работающих с молодежью, лауреатом краевого Конкурса «Дети дома одного», получила звание «Почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации».

Хочется выделить еще несколько значимых результатов нашего краеведческого проекта, включающего социокультурные и некоторые реабилитационные практики:

- ребята и взрослые приобщаются к исконным традициям русского народа, привыкают к ценности человеческого общения без алкогольных и других разрушающих личность стимуляторов. Все они получили новые знания и навыки. В Книге отзывов музея есть много благодарных слов от детей и взрослых.

- и взрослые, и молодежь приобрели бесценный опыт исследовательской работы, публичных выступлений,общения с научными сотрудниками на образовательных чтениях и конференциях различных уровней, народных праздниках.

- ребята неоднократно становились победителями и призерами районных и краевых конкурсов, развивая интеллектуальный и творческий потенциал.

- многие ученики школы и члены их семей заинтересовались родословием и генеалогией, пишут историю рода, тем самым получая уроки нравственности на героических примерах жизни своих предков и земляков.

- согласно мониторингу ценностных ориентаций (проведен по нескольким методикам) подавляющее большинство обучающихся 8-9 классов (от 70% до 100%), проявляют ситуативно-позитивное отношение к таким ценностям как Отечество, семья, мир, учение. Это значит, что подростки, положительно относясь к базовым ценностям, находятся в периоде своего развития, для которого характерны духовные искания.

- о нашей деятельности сообщают различные СМИ, распространяя важный опыт по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию. Экспонаты школьного музея демонстрировались на краевой выставке «Сибирь Православная – 2018», которую посетили тысячи красноярцев со всего края!

Таким образом, наши практики подтверждают высказывание Я.Д. Григоровича о том, что «социокультурная деятельность есть процесс создания условий для мотивированного выбора личностью предметной деятельности в зависимости от ее интересов и потребностей, деятельности, способствующей усвоению, сохранению, развитию и распространению духовно-культурных ценностей»[4, 18].

Эта деятельность позволяет восстанавливать утраченные позиции в отношениях к нравственности, к семье, к своему народу, укреплять гражданственность. Об этом говорится в Концепции нашего музея.

Наш проект Петропавловские встречи стали неотъемлемой частью культурной и образовательной жизни с. Шуваево, где встречаются и общаютсялюди независимо от пола и возраста, профессии и вероисповедания, образования и семейного положения, национальности и характера, возможностей здоровья.

Впереди у нас много работы, мы сознаем свою ответственность перед будущими поколениями за сохранение наших исторических корней, государственной идентичности, великой российской державы.

Мы надеемся, что благодаря такой деятельности сохранятся духовные связи времен, традиций, поколений, в результате чего молодежь будет больше ценить и любить свою малую родину, возвращаться после получения профессии в родные места и вносить посильный вклад в их процветание.

Список литературы

[1] В небольшом селе под Красноярском на высоком уровне организовали первые Петропавловские образовательные чтения // Красноярская епархия Русской Православной Церкви [Офиц. сайт]. 15.07.2017. URL:http://kerpc.ru/news/33494 (дата обращения: 26.06.2022).

[2] Кузьмина Э.В. Край родной – земля Шуваевская: в трех выпусках. Красноярск: ЛИТЕРА-принт. 2017-2019.

[3] Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. N 1897 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования". Разд. 2, ст.8 // Российская газета[Офиц. сайт]. URL: https://rg.ru/2010/12/19/obrstandart-site-dok.html(дата обращения: 26.06.2022).

[4] Социокультурная деятельность как средство воспитания личности: Пособие для соц. педагогов и рук. учреждений образования / В.Н. Наумчик, Я.Д. Григорович, Н.В. Самерсова и др.; под общ. ред. В.Н. Наумчика. Мн.: Выш. шк., 2004. 143 с.

[5] Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О.В. Сухомлинская. М.: Педагогика 1990. 288 с.

[6] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (с изменениями на 11 июня 2022 года), ст.2. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL:https://docs.cntd.ru/document/902389617 (дата обращения: 26.06.2022).

УДК 908

«Сибирский крестьянин – самый счастливый человек на свете»: образ сибиряка в путевых заметках зарубежных путешественников последней трети XIX в. – начале XX в.

Майзик Елена Игоревна
Красноярский краевой краеведческий музей, г. Красноярск, Россия.
mayzikei@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3548-0142

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается образ сибиряка – жителя Енисейской губернии – глазами зарубежных путешественников и исследователей. Крестьянство как наиболее массовое сословие региона в большей степени выражало сибирскую культуру. Их чаще встречали путники на дорогах, станциях, в населенных пунктах, обращались к ним за помощью и советом, у них могли найти кров и провиант. А также с любопытством знакомились с жизнью местных, наблюдали за их бытом и изучали мировоззрение. История коммуникации европейских путешественников и сибирских крестьян отражена на страницах путевых заметок, знакомивших иностранцев с жителями далекой Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, сибиряк, путевые заметки, путешественник, иностранец

Зарубежные исследователи и путешественники, посещавшие Енисейскую губернию, не только изучали особенности региона, осматривали достопримечательности, но и охотно знакомились с местными жителями. На коммуникацию возлагались важнейшие задачи путешествий. Пока одни встречались с чиновниками и купцами, оказывавшими им содействие и радушный прием [5, с. 313], другие налаживали контакты с сибирскими крестьянами. Это обусловлено тем, что крестьянство было самой многочисленной группой населения губернии с преобладанием в его составе государственных крестьян – 60,3 % [4, с. 160]. По ним могли судить в целом о жителях региона, отражающих характер большинства местных.

Образ сибиряка и попытка понять его этническую принадлежность прослеживается в ряде работ, изданных по итогам путешествий. Их авторов объединяют исследовательские цели визита в губернию, которые реализовывались в ходе научных экспедиций. На страницах английских, французских, шведских, датских путевых заметок отразились сведения о национальной принадлежности жителей губернии, их быт (жилища, пища), занятия, праздники, религиозные представления, вопросы мировоззрения.

Историки определяют сибирских крестьян как территориальную часть русского крестьянства [3, с. 7]. Особенно любопытным является взгляд из вне или свидетельства иностранцев, основанные на общении с сибирским крестьянином как с первоисточником, рассуждающим о своей идентичности.

В конце XIX в. французский инженер Поль Шалон, посетивший губернию, осведомился об этнической принадлежности крестьян, на что получил ответ: «Мы – сибиряки, а не русские». Он связывал это с тем, что сибирский крестьянин не знал крепостного права и не лишен интеллекта, а быстрая адаптация и активное использование ресурсов позволили ему успешно обустроиться и ощутить независимость в Сибири [8, с. 166].

Выносливость и независимый характер сибирского крестьянина в отличие от жителя европейской части Российской империи выделил и английский путешественник Морган Прайс. В 1910 г. в северной части Саянах он посетил таежную деревню Ключевое, где отметил зажиточность местных жителей. Он назвал их настоящими сибиряками, «которые ничего не знали ни о старой России, ни о Сибири, кроме своей деревни» [13, с. 48].

Британский этнограф польского происхождения Мария Чаплицка, совершившая

экспедицию на Енисейский Север в 1914-1915 гг. определила сибиряков как колонистов, «чьи предки осели в Сибири добровольно или по принуждению с конца средневековья; это люди, в жилах которых течет кровь малороссов, великороссов, поляков, немцев, евреев и коренных народов, которые представляют финно-тюрко-монгольскую смесь с другими» [9, с. 243]. Она отметила, что местные ограничивают использование термина «сибиряк» лишь более ранними переселенцами, которые приехали в Сибирь до 1885 г. Мария Чаплицка уточнила, что здесь не имеет большого значения официальное сословное деление общества, которого строго придерживаются в европейской части страны. Хотя 90% сибиряков называют себя «крестьяне», но это не имеет реального отношения к структуре общества. Например, человек с дворянским титулом, который эмигрировал в Сибирь для обработки земли, будет считаться «крестьянином». Таким образом, слово «крестьянин» не вызывает у сибиряков ассоциаций с крепостничеством, подчинением помещику или духовенству. «Крестьянин» в Сибири больше чувствует себя гражданином.

В социальном плане она определила сибиряков как потомков казаков – завоевателей Сибири и колонизаторов; охотников, авантюристов, крестьян; уголовных и политических ссыльных. Отметила, что наибольшее родство они чувствуют с молодой нацией, отделяемой океаном и любят называть себя Канадой Старого Света, хотя и знают, что находятся на более низком уровне культурного развития [9, с. 255-256].

Мария Чаплицка в рамках экспедиции пересекла губернию с севера на юг и имела возможность познакомиться со многими типами сибиряков. С одной стороны, это был искатель приключений, который летом ловит рыбу на Новой Земле или на о. Диксон и охотится зимой в тайге или Арктике. С другой стороны, в земледельческих деревнях юга или в городах находится самый образованный сибиряк, не только знающий языки и имеющий профессию, но также читающий английские и американские газеты. Однако у него нет классовых предрассудков, подобных людям, рожденным в европейских или американских странах. В Сибири по внешнему виду человека невозможно догадаться, имеет ли он хорошее образование или нет, есть у него деньги или нет, длинная его родословная или короткая. «Зачем называть его крестьянином?» - сказал капитан маленького парохода, курсирующего между Красноярском и Минусинском, - «Он сибиряк», - и добавил объяснение: «Мы все крестьяне, и никто из нас не крестьянин». По мнению этнографа, другое предложение не могло бы лучше охарактеризовать социальную структуру сибиряков: «Все они крестьяне, и никто не крестьянин». Новых переселенцев называют новоселами, а иногда – просто россиянами (русскими). Существует старая сибирская традиция, согласно которой старожил – более давний переселенец – должен приветствовать новоприбывшего «с новосельем», принося ему подарки, пожимая руку и желая всего наилучшего. Однако на практике этот обычай исчез, особенно после открытия Транссибирской железнодорожной магистрали, привлекшей слишком много переселенцев [10, с. 123-131].

К старожилам относят крестьян, живущих в Сибири, как минимум, во втором поколении [3, с. 8], также потомков первопроходцев и первых переселенцев и тех, кто прожил здесь 25 лет и более [1, с. 72]. С возрастанием потока переселенцев старожилы опасались ущемления своих земельных прав и падения уровня жизни. Эта сторона их существования обращала на себя особое внимание путешественников.

Французский писатель Виктор Мейньян, проезжавший через Красноярск и окрестности в 1874 г. наблюдал состояние некоторых деревень. Он отмечал, вместо того, чтобы пускать свет в жилища через стекло, местные затыкают проемы шкурами овец. К тому же дома возводятся без фундамента и стоят на столбах или балках, прочно связанных вместе, в результате оседают и наклоняются. В этом положении они обычно остаются, так как жители не утруждаются поставить их в вертикальное положение. Наблюдая за этим беспорядком, он предположил, что на деревню обрушился ураган

или землетрясение [12, с. 172].

В северном поселении – урочище Гольчиха – английский орнитолог Мод Хавиланд заметила, что никого из сибиряков не заботит внешний вид своих домов. Некоторые из них, будучи внутри образцами опрятности, были окружены горами мусора, состоящего из старой обуви, костей, тряпок и битой посуды [11, с. 97].

На юге идентичную картину жизни застал Морган Прайс. На северной стороне Саянских гор он осмотрел деревню, через которую протекал небольшой ручей. Его берега были завалены грудами мусора и навоза; по ним бродили собаки, коровы, овцы. В населенном пункте не оказалось почтовой станции, где по распоряжению правительства для путешественников по специальному тарифу должны предоставляться комната и самовар с чаем и хлебом. Так как это находилось далеко от почтовых дорог. Тем не менее, для него поиски жилья увенчались успехом: «Несколько человек вызвалось принять меня, я остановился в бревенчатом доме в центре села. В углу стояла грубая деревянная кровать, а огромная кирпичная печь занимала почти половину комнаты. Комнаты были тщательно побелены к Пасхе. В Западной Европе принято считать, что русские крестьяне неопрятны. Что касается Сибири, особенно в отдаленных районах, я никогда не видел более чистых домов и крестьян с большим чувством собственного достоинства. На самом деле чистота и самоуважение, казалось, росли прямо пропорционально удалению от цивилизации» [13, с. 95-96].

Путешественник заметил, что дом сибирского крестьянина почти не декорирован. Единственное украшение – несколько горшков с цветами на окнах. Но художественный вкус крестьянина оставлял желать лучшего. В каждой комнате находилась икона, украшенная бумажными цветами и покрытая воском старых свечей. Стены завешаны картинками, изображающими сцены быта, сказки, детей, русско-японскую войну, охоту на диких животных, кораблекрушение, события из жизни святых, природу [13, с. 97].

Чистыми и ухоженными увидел сибирские дома Поль Шалон, отметив, что даже в самых бедных из них можно найти комнату, которая одновременно является гостиной и оранжереей. В ней окна украшены цветами: геранью, петунией, олеандром, суккулентами и другими растениями. «Сибиряк любит цветы, но так как климат не позволяет выращивать их на улице, то он превращает свой дом в теплицу», - заключил он [8, с. 169].

К особо значимым постройкам сибирского крестьянина можно отнести баню – удивительное место для иностранцев. Устройство и использование бани описывает Мария Чаплицка: «Баня – это небольшая постройка или бревенчатый сарай, в котором находится печь, повышающая температуру в крошечной комнате до уровня, необходимого для выпечки хлеба, при кипячении воды в большом котле. Раз в две недели сибиряк совершает ритуальное омовение – наполняет баню густым облаком пара, плеская воду в открытое отверстие в стене печи, и садится на полог напротив, выливая на себя с головы до ног таз воды. Доведя себя до состояния, граничащего с удушьем и подняв температуру тела на несколько градусов выше нормы, он открывает дверь и голым бежит на свежий воздух, катается по снегу, растираясь им, а затем лежит до тех пор, пока тело под собой не растопит снег в воду» [9, с. 251-252].

В пищевых пристрастиях сибиряков усмотрел особенности фарерский путешественник Сигерт Патурссон: «Направляясь к столу, русские никогда не забывают перекреститься перед иконой. К чаю обычно подают один хлеб, черный или белый, и сахар (который не мешают в чай); кое-кто подливает в чай молоко. Простые люди никогда не пьют шоколад, кофе или какао и даже не знают, что это такое. Сибиряки обычно не завтракают, но вместо этого многие, по возможности, устраивают еще одно чаепитие перед обедом. В это время люди могут есть картофель с огурцом или маринованными грибами. На обед подают капусту или уху, но нередко на столе не бывает ни рыбы, ни мяса. Продукты хранятся в глубоком погребе, специально для этого обложенном льдом

и находящемся под полом кухни или в сарае» [7, с. 239].

Морган Прайс основными продуктами питания назвал хлеб, мясо и капусту, которые не стоят крестьянину ничего, кроме его труда, так как он производит их сам. Зима самое тяжелое время, но он сохраняет запасы мяса под землей во льду и засолив часть овощей, которые затем использует для приготовления щей – важной составляющей рациона населения [13, с. 132].

Пищевые привычки сибиряков связаны с занятием в сфере сельского хозяйства преобладающей части населения губернии (91,8 %). Сельское хозяйство составляло и основу экономики губернии. В его структуре преобладало земледелие, которому способствовало наличие обширного фонда свободных земель.

Морган Прайс видя распределение земледельцев на огромных просторах губернии, сравнил одну деревню со своей страной: «В европейской России земля ограничена, а население велико, но здесь небольшое поселение сибирских крестьян имеет участок земли размером почти с английское графство» [13, с. 116-117]. Свободные земли позволяли придерживаться залежно-паровой системы земледелия. При этом способе земля делилась на две части: одна – под обработкой (пашня и пары), другая – в резерве (залежь). По мере истощения пашни она поступала под залежь, а к обработке привлекалась другая часть [3, с. 43; 6, с. 144].

Шведский журналист Йонас Стадлинг, посетивший губернию в 1898 г. отмечал, что из-за избытка земли в Сибири применяется только примитивная система земледелия – переложная, а почва менее плодородная, чем в Европе, и быстро истощается. Крестьянин оставляет свой истощенный участок и переходит на другой. У старожила может быть до двадцати различных участков земли. В отличие от Америки и Австралии русские колонисты всегда селились группами, а не отдельными фермами вдалеке друг от друга. Йонас Стадлинг усмотрел это в коллективизме крестьян, необходимости защиты от нападений враждебно настроенных коренных жителей и разбойников [15, с. 30]. Но схожесть с этими регионами была в полиэтническом характере освоения новых земель, хотя в Сибири он имел более благоприятный характер [1, с. 22-23].

Путешественник пытался узнать у крестьян все об общественных отношениях, привычках и обычаях. Ему удалось выяснить принцип распределения обязанностей в семье. Весной мужчины отправляются в поле, а женщины остаются дома, но летом и осенью последние работают наравне с мужчинами: помогают косить, жать зерно и собирать сено. Осенняя жатва производится, как правило, руками женщин. Жители деревень не только неприхотливы, но и очень закалены, их можно обвинить в чем угодно, только не в лени. Многие крестьяне зимними вечерами ремонтируют телеги и повозки как для собственного пользования, так и для заказчиков [15, с. 29-31].

Морган Прайс дал описание занятий крестьян на основе информации, которую собрал в период жизни среди них. Он заметил, что семья в значительной степени слита с обществом, но функции и обязанности полов строго разделялись. На мужчину ложится вся уличная работа – управление землей, походы в лес и в целом земледелие. Женщины работают по дому, но вполне готовы заняться тяжелой работой – сенокос и уборка урожая, когда требуется помощь [13, с. 129].

Моргана Прайса особенно интересовала деятельность крестьянской общины и право распределения земли. Он указал на проблему общиной земли, в которой ни один человек не должен иметь больше положенной доли. Но с пребыванием новоселов существовала тенденция к уменьшению индивидуального владения и постоянного перераспределения.

В губернии изначально получила распространение захватно-заимочная форма землевладения, при которой крестьянин не платил за приобретение земли, занимал надел согласно своим хозяйственным возможностям и мог им свободно распоряжаться: продавать, сдавать в аренду, передавать по наследству. При этом право юридического

лица принадлежало общине, поэтому в Сибири не сложилось фермерского хозяйства, а крестьянин мог распоряжаться своим наделом только с разрешения общины. К концу XIX в. распространилась уравнительно-передельная форма землевладения. Для нее характерно дальнейшее ограничение прав крестьянина на землю и периодические переделы земли [1, с. 63; 6, с. 147]. Но в общине проблема одного крестьянина становилась делом всех. Например, сельский мир (община) не бросал оставшихся без кормильца, помогал больным или неспособным правильно организовать свой труд. Даже в бытовом устройстве были видны добрые отношения между членами общины: «Скот и свиньи, принадлежащие разным крестьянам, вместе бродят по деревне, забредают в чужие дворы и поедают сено. Похоже, с этим не возникает никаких проблем. Я часто сравнивал такие случаи с тем, что произошло бы, если бы в английской деревне свинья одного человека ворвалась в участок другого и съела его репу» [13, с. 126-128].

Общинный вопрос рассматривался Морганом Прайсом широко. С одной стороны, любое предприятие, которое крестьяне могут развить, вряд ли принесет большие доходы, так как община может наложить на них ограничения. С другой стороны, без общины русские не смогли бы преуспеть в колонизации обширных территорий. Сталкиваясь с трудностями как плохие урожаи или беззаконие чиновников, они могут лучше справиться с ними всей общиной, а не как частные лица [13, с. 130]. Он пришел к выводу, что «исторически община – это институт социальной защиты, созданный людьми, независимыми по своему характеру, с целью преодоления трудностей природы и защиты от произвола местных чиновников». Его поразило экономическое положение сибирского крестьянина и благополучие, которое существовало в отдаленных деревнях: «Здесь земледелие было грубым и примитивным, но крестьяне жили своей простой жизнью с небольшими потребностями и заботами» [13, с. 131].

Досуг сибиряков производил на иностранцев не меньшее впечатление, так как он не обходился без игр, хороводов, песен и танцев. В праздничный день Морган Прайс наблюдал как девушки пели песни, а старые крестьяне отмечали, сидя возле дома и грызя орехи, некоторые из них выпивали. Но молодое поколение собиралось группами, готовились к игре, рисуя круги. Англичанина тоже пригласили принять в ней участие. Вероятно, играли «В пышку» – народную игру, предшественницу хоккея [2, с. 259]. Так как Прайс упоминал как регулярно пропускал мяч, ударяя деревянной клюшкой. Вскоре к игре присоединились и девушки, почти такие же сильные, как некоторые из молодых парней. Остальные водили хоровод, гармонично распевая народные песни. Путешественника более всего поражал общественный дух деревенской общины. Это было собрание не разных семей, а целой деревни, объединенной в одну семью. Вся деревня, казалось, жила одной жизнью [13, с. 99-100]. Он рассуждал: «Если счастье измерять богатством, то сибирский крестьянин менее счастлив, чем городской финансист, но если его измерять, удовлетворением души, то сибирский крестьянин – самый счастливый человек на свете» [13, с. 55].

Стремясь взглянуть на религиозную жизнь деревни, он отправился в церковь на пасхальную службу. После службы встретил священника, который с гордостью показал ему иконы и святые мощи, а затем и свой дом, который казался лучшим во всей деревне. Путешественник заключил, что священник почти ничего не делает и является самым высокооплачиваемым человеком в деревне [13, с. 108-110].

Местные крестьяне были убеждены, что их отцы и деды сибиряками, которые всегда жили в Сибири. «Значит, вы ничего не знаете о Европейской России?» - спросил Морган Прайс. «Большинство из нас никогда не были в Красноярске и даже не видели Сибирской железной дороги», - ответили они [13, с. 103].

А один крестьянин его спросил: «Где Европа?» Оказалось, что его познания в географии не выходили за пределы южных рубежей Енисейской губернии. В итоге пришлось несколько минут объяснять ему, что есть такое место, как старая Россия,

которая наряду с другими странами называется Европой. Крестьянин смутно слышал об Англии, Германии и Франции, но они ничего для него не значили. Он слышал о растущей мощи Японии и был одержим страхом перед китайской опасностью. Такова была граница его политических взглядов [10, с. 118].

В мировоззрении сибиряков Сигерт Патурссон также усматривал отсутствие каких-либо основательных сведений об обширной территории Сибири, из разговоров с крестьянами он понял, что многие не подозревают о жизни здесь других народов, помимо русских, татар и евреев: «В целом люди не заинтересованы узнавать информацию о краях, лежащих за пределами их сферы деятельности. Когда я во время посещений деревень рассказывал, что я приехал из страны, которая называется Данией, мне иногда отвечали: «Да, мы тоже оттуда». В их понимании все, что не является Сибирью, принадлежит европейской части России. У других были более широкие познания: их картина мира состояла из европейской части России, Сибири, Китая и Германии, тогда как другие страны, по их мнению, не существовали» [7, с. 240].

Другой стороной убеждений православных сибиряков иностранцы считали веру в сверхъестественное. На суеверие своего помощника жаловался английский орнитолог Генри Сибом, привлекавший к сборам материалов местных жителей: «Вечером человек, которому я поручил стрелять для меня ворон, приехал из своей деревни без них. Я спросил его, почему он не выполнил мои указания. Он сказал, что стрелять в ворону – к неудаче, что ружье, которое однажды стреляло в ворону, больше никогда не выстрелит ни в одну другую птицу; и он заверил меня, что однажды он застрелил ворону и был вынужден выбросить свое ружье. Вот вам и интеллект русского мужика!» [14, с. 308].

Множество мистических историй услышал и Сигерт Патурссон. Его убеждали в существовании черта, «бродящего по лесу в человеческом обличье, а ночью часто выпускает лошадей из конюшен или выгоняет их со двора и катается на них». Также многие верили, что может быть опасным в одиночестве идти в баню после наступления темноты. На недоверчивого к этим историям путешественника смотрели как на настоящего язычника – ведь датчанин не носил крест, не обращался к иконам и не молился по утрам. Отсюда местные сделали вывод, что немцы – некрещеные и часто спрашивали, есть ли в его стране священники и грамотны ли ее жители. В целом, Сигерт Патурссон заключил, что, не смотря на предрассудки, наибольшими добродетелями у сибиряков считаются «религиозность, невзыскательность в быту и скромность. Они живут непритязательно, хотя нередко с комфортом» [7, с. 249].

В попытках изучить регион и понять местных жителей иностранные путешественники нередко обращались к жизни сибиряка. Среди описания обширных наблюдений в путевых заметках английских, французских, датских, шведских исследователей уделено внимание и простому крестьянину-сибиряку. Его происхождение связывают с европейской частью Российской империи, но жизнь нередко сравнивают с Европой, Америкой, Канадой и даже Австралией, ведь Сибирь воспринимается как колония, но и уникальное место, как для русских, так и иностранцев. Преобладание крестьянского хозяйства не осталось незамеченным зарубежными путешественниками. Отсутствие помещичьего землевладения, многоземелье, вольнозахватное землепользование, слабое по сравнению с европейской частью страны социальное расслоение общества, культурная изолированность – все эти факторы, повлиявшие на жизнь сибиряков в особенности до строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, отмечены в путевых заметках иностранцев.

В результате обозначенных экспедиций появились и специальные работы, посвященные сибирякам. К ним можно отнести статью этнографа и антрополога Марии Чаплицка «Сибирский колонист или сибиряк» в сборнике «Душа России», изданном в Лондоне в 1916 г. Целью этого издания стало знакомство англоязычного мира с многогранной русской культурой, в целом с Россией как активным союзником

в Первой мировой войне.

Для путешественников сибиряки являлись русскими колонистами. Этнографы рассматривали в них смесь разных этносов и социальных групп. Крестьяне же представлялись сибиряками, отделяя себя от русских, живущих в европейской части страны. Они придавали особое значение слову «сибиряк», применимое только к старожилам, тогда как новоприбывших переселенцев именовали «новоселы». Иностранцам было сложно идентифицировать происхождение, статус, достаток сибиряков по внешнему виду. В их природе они усматривали явный коллективизм, вызванный общиной, которой часто и ограничивался их мир. Многие крестьяне ничего не знали о Европе и других странах, не имели представления об европейской части Российской империи, не слышали о жизни вне Сибири, даже не интересовались происходящим дальше их населенных пунктов. Путешественники упоминают отсутствие художественного вкуса, образования, развитых способов земледелия, при этом редкую опрятность, всеобщую беззаботность и распространенное суеверие у крестьян.

Несмотря на экономическую и культурную отсталость, иностранцы отмечают невероятное своеобразие сибиряков. Это люди, имеющие интеллект и чувство собственного достоинства, трудолюбие и выносливость, независимость и достаток, религиозность и скромность. Большинство сибиряков проживали в чистоте и без каких-либо сословных предрассудков, поэтому сибирского крестьянина определили счастливым человеком.

Список литературы

[1] Андюсев Б.Е. Сибирскоекраеведение. Хозяйство, быт, традиции, культурастарожиловЕнисейскойгубернииXIX – началаXXвв. Красноярск: КГПУ, 2003. 335 с.

[2] Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. Москва: Наука, 1986. 274 с.

[3] Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. 351 с.

[4] Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века) / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, В.А. Безруких. Красноярск: РАСТР, 2012. 240 с.

[5] Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885 – 1886 гг.). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. Т. I. 392 с.

[6] Красноярье: пятьвековистории: учебное пособие по краеведению / Н. И. Дроздов [и др.]. Красноярск: Платина, 2005. Ч. 1. 238 с.

[7] Патурссон С.О. От Фарер до Сибири / Сигерт О. Патурссон; пер. с датского А. Мельникова; ил. С. Патурссона. Москва: Паулсен, 2019. 303 с.

[8] Chalon P.F. En Mongolie: le pays des Saïotes // Revue de géographie. 1904. № 6. P. 163-172.

[9] Czaplicka M.A. My Siberian Year. London: Mills and Boon, 1916. 316 p.

[10] Czaplicka M.A.The Siberian Colonist or Sibiriak // The Soul of Russia. London, 1916. P. 123-131.

[11] Haviland M.D. A summer on the Yenesei (1914). London: Edward Arnold, 1915. 328 p.

[12] Meignan V. From Paris to Pekin over Siberian snows. London, 1885. 428 p.

[13] Price M.P. Siberia. London: Methuen and co., limited, 1912. 400 p.

[14] Seebohm H. The birds of Siberia: a record of a naturalist's visits to the Petchora and Yenesei. London, 1901. 542 p.

[15] Stadling J. Through Siberia. Westminster: Archibald Constable and co., limited, 1901. 349 p.

УДК 78 (571.52)

Оригинальный кладезь творческого наследия композитора Р. Д. Кенденбиля: к 100-летию со дня рождения

Монгуш Ульяна Очур-ооловна
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыв», г. Кызыл, Россия.
ochur-ool@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7968-4713

АННОТАЦИЯ В статье представляются произведения тувинского композитора Р. Д. Кенденбиля, которые хранятся в Национальном архиве РТ, в отделе редких книг и памятников Национальной библиотеки им. А С. Пушкина, требуют отдельного исследования и издания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА музыкальное наследие, музыка Тувы, личный архив композитора.

Ростислав Докур-оолович Кенденбиль (1922–1993 гг.) – представитель первого поколения тувинской композиторской школы, Заслуженный работник культуры ТувАССР (1964 г.), народный артист ТувАССР (1982 г.), Лауреат государственной премии ТувАССР (1987 г.), член Союза композиторов СССР (с 1973 г.), был Председателем правления союза композиторов ТувАССР (1985-1988 гг.), награжден медалью «За доблестный труд» (1970 г.), орденом «Знак почета» (1976 г.). С 2002 г. его именем названа Республиканская школа искусств для одаренных детей, в честь 80-летия со дня рождения о жизни и творчестве Р. Д. Кенденбиля выпущена монография музыковеда З. К. Казанцевой [1].

Достижения, открытия и вклад выдающихся деятелей оценивают не только при их жизни, но и после смерти, до тех пор, пока их творческое наследие будет жить в обстоятельствах и условиях других поколений. Благородное дело – распространение творческого наследия композиторов было начато в 2010 г., благодаря тогдашнему Председателю Тувинского регионального отделения Союза композиторов России, д-ру. иск. н., профессору Государственной консерватории им. М. И. Глинки г. Новосибирска Е. К. Карелиной. По ее инициативе были собраны и отобраны лучшие произведения тувинского композитора А. Б. Чыргал-оола, а также организован коллектив из редакторов, музыковедов, наборщиков нот. Достойно увидело свет неполное собрание сочинений в трех томах [3], которыми по сей день пользуются во всех уголках республики.

Что касается творческого наследия Р. Д. Кенденбиля, при жизни композитора были выпущены три сборника его песен [4,5,6], с последнего года выпуска (с 1982 г.) прошло сорок лет, а около 500 архивных его песен нуждаются в обработке и использовании. А также нашлись в Национальном архиве рукописи двух сборников, которых составил сам автор, но они не увидели свет: 1. Сборник песен «Төрээн Тывам, чечектелип ырла!» («Родная Тува, пой, расцветая!»), 1957 г. (Д.№5); 2. Сборник песен «О Родине, о Ленине, о партии», 1971 г. (Д.№17).

Список произведений Р. Д. Кенденбиля за двадцать лет не обновлялся, об этом пишет его супруга, заслуженная и народная артистка Е. С. Кенденбиль [2]. Потому необходимо поднять на широкую публику все произведения композитора из архивных источников, проанализировав их.

С 2014 г. документы личного происхождения Р. Д. Кенденбиля хранятся в Фондовом реестре № 892 «Л» Государственного архива Республики Тыва (ныне в статусе Национальный) в количестве 199 (сто девяносто девять) ед. хр. за 1922-2012 гг.: личный

листок по учету кадров, тексты и ноты, письма, фотографии, статьи из газет, почетные грамоты и др.

Творческие документы состоят из: лирико-романтическая опера «Чечен и Белекмаа» в трех действиях, либретто С. Сарыг-оола, 1990 г.; Духовой оркестр (Д.123), Программа фантазии A-dur Р.Д. Кенденбиля «Звенящая нежность» составлена И. В. Щеголевым (Д.125), Оперетта в 3-х действиях «Мөңге чула» (Вечный огонь, Д. 128), далее по жанровой характеристике разделили по группам.

Симфоническаямузыка – Поэма о родном крае, 1970 г.; Симфонии №1, №2 (Д.№20); Симфоническая поэма «Моя Тува» (1972-1985 гг.); Симфониетта (1973-1975 гг.); Сюита для национального оркестра (дирекцион), 1990 г.; Поэма, 1976 г.; «Чавыдак» (из сюиты для симфонического оркестра на тувинские народные темы) финал 3 ч., 1977 г.; Симфонические танцы (соло для скрипки), 1987 г.; Музыкальное вступление к спектаклю «Хайыраан бот» (Д. №117); Сюита на тувинские народные темы для симфонического оркестра (Д. №130);

Камерная музыка – партитура «Волны Чагытая» (1967 г.); Пьеса для фортепиано «Утро»; Полька; Квартет №4 для фортепиано, 1974 г.; Сюита для квинтета деревянных духовых инструментов (флейта, гобой, кларнет, валторна, фагот), 1977; Сюита для ансамбля тувинских национальных инструментов (на тему современных авторов), 1979 г.; Скерцо (пьеса для квартета деревянных духовых инструментов), 1977 г.; «Новогодний вальс», 1979 г.; Сонатинажыгаш (маленькая сонатина), 1980 г.; Трио №1 (для скрипки, виолончели и фортепиано), 1981 г.; Квинтет №3 для духовых инструментов, 1985 г.; Пьесы для ф-но, флейты 1986 г.; Адажио, 1985 г.; Концертная пьеса для скрипки, фортепиано, альта, виолончели, 1987 г.; Четыре пьесы, 1987 г.; Квинтет для фортепиано, флейты, гобоя, кларнета, фагота, 1990 г.; Элегия для фортепиано, 1991 г.; Три пьесы для детей (для ф-но), 1991 г.; Струнный квартет №2 (Д.№111); Пьеса для домры с фортепиано «Аллегро» (Д. №114); Пьеса для флейты с фортепиано (Д. №116); Лирические пьесы для струнного квартета (Д. №126);

Танцевальнаямузыка – Хореографическая композиция «Долина шеңне (цветов), 1969 г.; Музыка к балету «Легенда о любви» (либретто И. В. Щеголева), 1969 г.; Танец «Озорные девушки», 1973 г.; Музыка к спектаклю «Инчеек», 1977 г.; «Самбажык» (Д.№35); «Узоры Хандагайты» (Д.№35); «Суховей» (Д.№35); Танец молодых строителей(Д.№35); Финальный танец ансамбля «Саяны» за 1979-1989 гг.; Танец (Д. №115);

Вокально-хоровая музыка – «Тувинские припевки для хора и оркестра», 1972 г.; Вокальный квартет для камерного ансамбля «Поем о весне», 1978 г.; Ода о дружбе (хор) на сл. С. Молдурга, 1980, 1985 гг.; Кантата для солиста, хора и оркестра «Легенда о красном орле», 1984 г.; Ариозо, 1986 г.; Детский хор «Гагариниң хүлүмзүрүү» (Улыбка Гагарина), 1987 г.; Кантата для смешанного хора и симфонического оркестра (Д.№128). Всего песен – 415 ед.хр;

Театральная музыка – музыка к спектаклю«Любовь и месть», 1969 г., Увертюра к спектаклю «Саянская русалка» 1974 г., Музыка к спектаклю «Черниң кызы, дээрниң оглу», («Дочь земли, сын неба» либретто А. Хуурака) 1975 г., Музыкальная комедия «Небесное создание» в 2-х д., 1982 г.; Лирическая сцена «Кадарчы болгаш хамнаарак» (Пастух и жаворонок), 1987 г.; Музыкальная комедия «Шагаан-Арыг шаровары» («Шаровар Шагонара» Д.№127).

В Отделе редких книг и памятников Национальной библиотеки им. А С. Пушкина творческие документы Р. Д. Кенденбиля занимают четыре папки рукописей: фонд №4 (за 1970–1992 гг.) «Вокальные произведения» в 294 листах представляют собой 89 песен; фонд №5 (за 1972–1989 гг.) «Вокальные произведения для хора, ансамблей» – в 84 листах 21 ед.хр.; фонд №6 (за 1976–1984 гг.) «Инструментальные произведения» – в 229 листах

15 ед.хр.; фонд №7 (за 1977–1992 гг.) «Инструментальные произведения» – в 193 листах 24 наименований.

Заключение

Итак, следует отметить, что в свое время композитор Р. Д. Кенденбиль считался лучшим мелодистом в Сибирском регионе, в настоящее время его песня «Дагларым» («Горы мои») на слова народного писателя Тувы А.А. Даржая [7,8], разлетелась по всему миру. В настоящее время в республике насчитывается около четырех профессиональных оркестров, достаточное количество музыковедов с ученой степенью, множество учителей музыки, две организации Союза композиторов, которые могут собрать, проанализировать, скомпоновать и опубликовать нетронутые драгоценности, хранимые Национальным архивом и отделом редких книг Национальной библиотеки Тувы. Таким образом, поднимается вопрос о том, сколько еще нетронутых драгоценностей, которых еще не представили в свет для широких масс, находятся в хранилищах.

Список литературы

[1] Казанцева З. К. Рожденный петь: к 80-летию Р. Д. Кенденбиля. Кызыл: «Тываполиграф», 2002. 96 с.;

[2] Кенденбиль Е. С. «Дидим салгын» (Смелый ветерок): воспоминания в честь 80-летия Р. Д. Кенденбиля / ред. Е. Т. Танова. Кызыл: «Тываполиграф». 2002.

[3] Чыргал-оолА. Б. Собрание сочинений в 3-х томах / Т. I. Симфонические произведения;Т. II. Театральная музыка. Кантатно-ораториальные сочинения; Т.III (Детские песни). М: «Композитор», 2010.;

[4] Кенденбиль Р. Д. «Төрээн Тывам» («Тува моя родная»). Кызыл, 1963;

[5] Кенденбиль Р. Д. «Частың аялгалары» («Весенние мелодии»). Кызыл, 1969;

[6] Кенденбиль Р. Д. «Тайбың ишчи аялгалар» («Песни мира и труда»). Кызыл, 1982;

[7] Электронные ресурсы:

[8] https://muzofond.fm/collections/top/

[9] https://sketismusic.bandcamp.com/track/daglarym

УДК 94(57)

Становление и распад переселенческих деревень Прикунгусья

Оберман Виктор Яковлевич
МБОУ Степановская средняя общеобразовательная школа,
Ирбейский район, Красноярский край, Россия.
obermanv@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена становлению и распаду некоторых переселенческих деревень, расположенных в долине р. Кунгус Ирбейского района. Выявлены причины переселения крестьян из западных губерний Российской империи в Енисейскую губернию. Установлены занятия первопоселенцев, их вклад в развитие Ирбейского района. Представлены факторы, способствующие распаду большинства переселенческих деревень.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА аграрная реформа, переселение, промыслы, Великая Отечественная война, укрупнение колхозов, Прикунгусье.

В Сибирь направлялось большое количество участников антиправительственных выступлений, некоторое число военнопленных, участники восстания декабристов, участники польского восстания 1863 г. и др. «В Сибирь, на берега Енисея, переселялись крестьяне из разных мест России, но до начала 90-ых г. 19 века преобладали выходцы из нечерноземных губерний. В последующее время усилился поток крестьян из губерний черноземной полосы и западных. К 1900 году в Енисейской губернии водворилось примерно 150 тыс. чел.» [5, с. 64]. Поселения, основанные до аграрной реформы, назывались старожильческие.

Очередной поток заселения происходил с 1906 г. по реформе П.А Столыпина. По ней предусматривалось переселение крестьян из густонаселенных районов европейской части России в Сибирь. «Цели русской колонизации Сибири были во многом идентичны стимулам европейских колонистов в Америке: поиску лучшей жизни, обретению свободы и самостоятельности, желанию разбогатеть за счет добычи пушнины, затем золота, уйти от крепостничества и наказания, приобрести значительные земельные владения» [1, с. 12]. В Тальской волости появились десятки новых деревень: Степановка (моя родина), Амбарчик, Арангаш, Старики, Покровка, Георгиевка, Соболевка и др.

Главная причина переселения – малоземелье крестьян. В среднем на одно крестьянское хозяйство по России приходилось 7 десятин. А для нормального ведения крестьянского хозяйства необходимо было минимум 15. Именно такую площадь земли получали переселенцы в Енисейской губернии, а значит, в Ирбейской и Тальской волостях. Сравнивая хозяйства Сибири и Центральной России, можно констатировать, что уровень жизни сибиряков был выше. Например, бедняки в Сибири имели 1-3 лошади, а в России 0-1 лошадь. Середняки - 3-7 лошадей, а в России 2-3 лошади. Зажиточные - 7-12, а в России 4 -5 [1, с. 22].

О поисках лучшей доли пишет И.А Долгачев. «Ходоки в 1890 г. пришли в с. Ирбей и попросили крестьянского начальника по переселению указать им «земли не занятый простор» для поселения» [4, с. 24]. Его семья переселилась из Белоруссии в д. Романовка (18 км от Степановки). Семья очень удивилась, какой в Сибири простор, какие природные богатства! Они стали поднимать хозяйство, чтобы выбиться из бедности, чтобы их перестали называть «жабраки», т.е. бедняки. Из «Сказания о Степановке»: «Первопоселенцы в поисках земли/ Из-под Могилева долю здесь нашли/ Ходоки селились возле наших рек/ Сеяли, пахали, строились навек».

Рассмотрим становление и распад нескольких деревень, расположенных в Прикунгусье. Самым близким к Степановке был Амбарчик. Деревня основана в 1908 г. По мнению И.А.Долгачева, название получила от амбара, стоявшего на берегу Кунгуса для хранения охотничьих припасов.

Интересные воспоминания оставил житель Амбарчика Николай Петрович Овчинников из Дивногорска, отмечающий, что основная часть жителей состояла из 4 родов: Овчинников Иван, Овчинников Терентий, Глушков Петр, Зайцев Дорофей. Николай Петрович называет первого довоенного учителя, это Вержбицкий Анатолий Апполонович.

В 2010 году в Амбарчике умер последний житель Селянкин Владимир Дмитриевич, бывший офицер Советской Армии. Его отец был помощником командира взвода охраны в лагере на Белоусовом Ключе (в 5 км). Установлено, что в Амбарчике в 1938 году начинался Краслаг. Место расположения зоны – чистая поляна – сохранилось до сих пор. В Амбарчике можно обнаружить развалины заросшего продовольственного полуподвала лагерной эпохи. Последний раз я в него заглядывал в ноябре 2014 г.

Во время Великой Отечественной войны мужчины отправились на фронт для защиты Родины. Установлено, что погибло 9 ч., вернулось 6 [8].

В деревне была начальная школа. В 1967 году меня, молодого учителя, направил директор школы М.Ф. Карнаух в Амбарчик проводить контрольную работу по математике. Учителем работала Галина Ефимовна Максимова (Грицук) родом из д. Петропавловки. Совсем юной ее направили на работу сначала на Белоусов. Отец привез ее туда на телеге. В 2015 г. она приходила на «Урок памяти» и вспомнила такой эпизод. На въезде в Белоусов висел плакат «Малиновая зона». Эта вывеска привела обоих в затруднение, особенно пугало слово «зона». Я еще раз объяснил присутствующим, что название «маллеиновая зона» происходит от препарата «маллеин», которым лечили больных сапом лагерных рабочих лошадей. А в народе называли «малиновая зона», «малиновые лошади», «Малиновое болото».

В 2004 г. степановские и красноярские краеведы из гимназии № 5 под руководством Ольги Леонидовны Подборской установили на могиле умерших заключенных лиственный крест. По возвращению из Амбарчика гимназисты и руководители оставили на память школьному музею свои отпечатки пальцев. Быть может, у них возникла ассоциация с лагерной эпохой в нашей стране. Фамилии похороненных в Амбарчике заключенных составляют до сих пор тайну. Но все же, из ФБУ ГУФСИН по Красноярскому краю сообщается: «…выявлено 41 архивное личное дело осужденных, умерших и захороненных в с. Амбарчик в 1938-1939 гг.» (справка от 20.05.2009 №24/22/2 -0-2).

Вклад жителей Амбарчика в развитие Ирбейского района состоял в добыче пушнины, заготовке живицы, заготовке древесины, уплате налогов, защите Отечества.

Деревня Арангаш зарегистрирована в Губернском управлении в 1910 году [3, Ф. 595, Оп. 39. Д. 1330]. Стоит на одноименной речке на левом побережье в удивительно красивых местах: внизу протекает рыбная речушка Арангаш (левый приток Кунгуса), на склоне выше на открытой поляне и стали рубить свои избы первые переселенцы.

В переводе с бурятского арангата означает «помост на дереве (скрадок) для охоты на диких зверей». Другое значение – «помост, на который клали труп умершего шамана и родоначальника». В якутском языке слово арангас имеет два значения: «лабаз на дереве» и «укрепленная в древесной кроне древняя гробница» [6, с. 14].

Жители занимались сельским хозяйством, охотой, заготовкой леса. На речке обустроили водяную мельницу. К Арангашу вело несколько путей сообщения. Наши предки не ленились прокладывать дороги, необходимые для осуществления хозяйственной деятельности: вывоз сельхозпродукции в Талое, Ирбей, торговля излишками по соседним деревням, поддержание контактов между родственниками, продвижение в охотничьи угодья, на колхозные сенокосы, на рыбалку и даже в поисках невест. То есть, хозяйственная жизнь в переселенческих деревнях была взаимосвязана. В этом была заслуга государства, которое выделяло для водворения на новых местах не очень удаленные друг от друга участки. Сами переселенцы активно обустраивали не только свои деревни, но и строили между ними дороги, содержали их в проезжем состоянии.

Из д. Арангаш во время ВОв погибло, пропало без вести, умерло от ран 15 человек, вернулось 5 ч [8].

В 1930-е гг. прошла коллективизация (колхоз им. Молотова). Государство проявляло заботу о колхозах, например, в 1960-е гг. проведена электрификация. Но ничто не могло остановить их распад. Впоследствии в сосновых борах около Арангаша стал добывать живицу Степановский химлесхоз. Для вздымщиков (сборщиков смолы) на берегу Арангаша построили барак. В 2002, 2007, 2016 гг. я со школьниками совершил походы в Арангаш. Исследовали остатки домов, фермы. Живичный барак и два жилых дома сгорели. На краю села на сосне укрепили небольшой аншлаг, что здесь была деревня. В 1972 году из Арангаша уехала последняя семья Задоенко.

Урожайные пашни, водяная мельница, школа, ферма, магазин – было все необходимое для проживания. Выделим такие этапы развития Арангаша: обустройство на сибирской земле; развитие единоличного хозяйства; коллективизация;война; объединение колхозов; распад.

Вклад жителей Арангаша в развитие Ирбейского района заключался в сдаче государству зерна, молока, мяса, меда, пушнины, защите Отечества, уплате сельхозналога, получении начального образования.

Следующая деревня в народе называлась Козаевка (р. Арангаш). Этимология названия связана с обилием водившихся здесь коз. Переселенческий участок назывался – «Козий» [3, Ф. 595. Оп. 39. Д. 1330]. С 1911 г. деревня называлась Георгиевка. Анна Ефимовна Шарыпова, бывшая жительница, рассказала мне о расположения жилых домов. Итогом стала примерная схема деревни.

Здесь был колхоз, начальная школа, имелись 2 фермы, бондарка (цех по изготовлению бочек), магазин (сельпо – сельское потребительское общество), да и деревня по сибирским меркам – солидная, около 70 домов. На речке первопоселенцы построили водяную мельницу, остатки плотины можно отыскать в настоящее время. Через деревню и плотину проходил путь на Талое. Услугами мельницы пользовались и жители дальних деревень, например, Благовещенки.

В 1950-60-е годы степановцы сдавали в местный колхоз крупнорогатый скот. В подростковом возрасте мне приходилось помогать отцу сопровождать скотину до Козаевки. Земляки любили заезжать в магазин, там можно было приобрести продукты, промтовары, школьные принадлежности и др. А уже в 1970 - е гг. колхозники стали приезжать в Степановку за продуктами, так как обеспечение колхозов ухудшилось. Годы жизнедеятельности деревни 1910 - 1974. Краеведы установили у дороги аншлаг с указанием дат. Многие жители переехали в Степановку.

Из д. Георгиевка в боях за Родину погибли 13 ч. Вернулось 7 ч. [8]. На картосхеме видим фамилии Горбачёв, Егорочкин, Мазуров, Миронов, Кожевников, Валявкин. Это означает, что о них сохранилась память. После распада Георгиевки в Степановку переехали семьи Козлова М.К., Новикова И.Т., Цифулингуя М., Смашнева Ю., Плотниковых и др. Также семья учителей Викентьева Г.П. и Коврижных П.И. В Степановской восьмилетней школе обучались выходцы из Георгиевки: Козлов В., Козлова Н., Семкин Н., Масынчер А., Новиков М., Цифулингуй А., Ожегов и др.

Вклад в экономику района георгиевских земляков следующий: производство сельскохозпродукции, заготовка и сплав леса, содержание пасек, обеспечение колхозников медом на трудодни и сдача его государству, защита Отечества в годы войны, получение начального образования.

Этапы развития Георгиевки: освоение, индивидуальная хозяйственная деятельность, коллективизация, участие в войне, укрупнение колхозов, распад. Строили деревню (1910) по политике переселения, проводимой царским правительством. Коллективизация проходила в начале 1930-х годов по плану строительства социализма в СССР. Укрупнение колхозов осуществлялось в эпоху Н.С.Хрущева в 1 пол. 1960-х гг. Последнее привело к распаду деревни. Основные периоды развития переселенческих деревень связаны с реформами в сельском хозяйстве.

Деревни с названием Старики (р. Кунгус), пожалуй, больше нет ни на одной карте. Прибрежная деревушка названа в честь двух стариков – первых поселенцев. От Степановки она располагалась в 10 км ниже по течению. 24.01.1909 г. переселенцы Стариковского участка Ирбейской волости обратились с просьбой к господину Крестьянскому начальнику 2 участка Канского уезда об образовании отдельного общества под названием «Стариковское». В феврале начальник просил Губернское Управление об образовании самостоятельных сельских обществ из жителей таких участков: Пищелева, Романовского, Рязанского, Большереченска, Мостового, Сергеевского, Черемуховскаго, Будайскаго, Тоненькаго, Стариковскаго, Агашскаго и Мариинского [2, Ф. 595. Оп. 39. Д. 616].

Стариковцы обустроились прямо на побережье реки, занимались сельским и домашним хозяйством, таежными промыслами, рыболовством, держали ферму чернобурых лисиц. Д. Старики имела короткую биографию, потому что расположена в стороне от тракта. Большинство жителей в процессе распада деревни устроились в Степановском дорожно-строительном участке. К нам переехали семьи: Глущаковы, Сеньковский, Емельяненко, Серяковы, Пиляевы, Бусыгин, Миронов, Краев и др. Все получили новые квартиры.

На войне погибло 23 человека, вернулось 44 [8].

Вкладжителей Стариков в развитие района: развитие таёжных промыслов, заготовка пушнины, уплата натурального сельскохозяйственного налога в виде молока, мяса, шкур домашних животных, яиц, содержание фермы черно - бурых лисиц, боевой, трудовой подвиги во время войны, наличие сельского совета на несколько деревень.

На ключе Тоненьком, притоке Арангаша, возникла д. Покровка. Официальная регистрация в Губернском Управлении - февраль 1909 г. [2, Ф. 595. Оп. 39. Д. 616]. По воспоминаниям самих первопоселенцев, деревня основана в 1907 г. В 1927 году рассказы жителей напечатаны в книге «Правда о нашей деревне» - «Книга крестьян деревни Покровки» (Сибкарйиздат). 28 человек участвовали в составлении этой книжки. Копия хранится в краеведческом отделе районной библиотеки. Мною проведен анализ книги [7, с. 134-135]. Здесь же указаны авторы рассказов и их названия. Чтобы преодолеть невзгоды, переселенцы трудились сообща. Первым делом они построили русскую печь для выпечки хлеба. Скот пасли только по ночам, так как днем его заедал таежный гнус. На собраниях решали все важные дела. За 20 лет жители Покровки неплохо обустроили свою жизнь.

Шаг за шагом шли покровские крестьяне к объединению. И вот уже в 1927 г. стали мечтать о коммуне. Этой мечте не удалось сбыться. Когда началась коллективизация, многие жители стали разъезжаться. В 1969 году из деревни уехала последняя семья Коновалова А.Л. Возраст Покровки – 62 года.

Картосхему Покровки 1936 года прислал из Красноярска бывший житель Покровки Павел Дмитриевич Ковалев, подполковник, участник Великой Отечественной войны. Его воспоминания опубликованы в книге «Прими земной поклон» [7, с. 125-134]. В районном архиве в газете за 1942 год мы с краеведами читали статью лейтенанта Ковалева о боевых буднях его подразделения, где он заверял земляков, что драться с врагом они будут беспощадно. Мы попросили рассказать о Покровке. Павел Дмитриевич живо откликнулся. Впоследствии несколько раз я посещал его в Красноярске. Обаятельный собеседник, заинтересованный читатель, неутомимый пропагандист подвигов своих покровских земляков, Павел Дмитриевич был горячим патриотом России.

Вторую картосхему изобразил Карнаух Михаил Филиппович, бывший директор Покровской семилетней школы с 1955 по 1957 гг. Количество семей составляет уже 28. По сравнению с довоенным периодом число хозяйств сократилось на 50. Государство не приняло мер для сохранения сибирских деревень. Народ бросал обустроенное жилье, раскорчеванные поля и пашни и разъезжался в поисках жилья и работы по соседним деревням, а также мигрировал из Ирбейского района.

Краеведы в 2009 г. установили аншлаг возле куста черемухи, который в 1950-е годы

высадили покровские школьники, включая и учащихся из Степановки. По крайней мере, Леонгард Р.А., бывший директор школы, участвовал в этой акции. В той экскурсии школьники посетили и покровское кладбище.

Вкладпокровцев в развитие района: сдача зерна, молока, мяса, содержание пасеки, заготовка пушнины и сдача «мягкого золота» государству, защита Родины в 1941-45 гг., трудовой подвиг во время войны, открытие семилетней школы для всех таежных деревень.

Деревня Соболевка основана в 1910 г. В 1917 г. здесь проживало 74 чел., 46 мужчин, 28 женщин, из них 20 трудоспособных. Деревня относилась к Благовещенско - Троицкому приходу. Здесь жили семьи Чумаковых, Засемковых, Ронжиных, Зимницких и др.. Название дано от водившихся здесь соболей. Пушнина играла большую вспомогательную роль в хозяйствах первопоселенцев: выручка от ее сдачи государству окупала затраты и приносила прибыль. В настоящее время его стало меньше. В 2012 году промысловики добыли по 50-100 соболей, в среднем его принимали по 5 тыс. руб., остальное можно подсчитать самостоятельно.

Соболевка распалась во время Великой Отечественной войны, но в паспортах ее уроженцев она прописана навечно. Например, в паспорте Крячковой (Засемковой) Зинаиды Федоровны, жительницы Степановки, записано место рождения: д. Соболевка. Мой отец Яков Карлович прибыл в Степановку в трудармию именно через Галунку, Романовку, Соболевку. Он рассказывал, что, когда весной 1945 года они, четверо трудармейцев, ночевали на побережье Кунгуса в Соболевке, там уже дома стояли пустые [7, с. 34]. До нее от нас всего 5 км, поэтому в прежние времена сюда любили совершать походы школьники.

Место здесь открытое, пойменное, кое-где стоят еще столбы от хозяйственных построек, весной можно обнаружить остовы домов, внутри характерные углубления подпольев, а летом на них указывают заросли малинника и шиповника. От соболевских полей идет дорога в гору на Степановку, на ней метрах в трехстах сохранился столб от поскотины (изгородь с воротами для защиты полей от скота). А на месте деревни летом благоухают такие заросли шиповника, что можно его рвать мешками. В 2013 г на лиственнице установлена табличка с названием деревни. Изготовил аншлаг С.В. Ящук, выпускник школы, таежник. Подписала Алена Плахова, краевед, выпускница 2014 г., ныне преподаватель.

Погиб во время войны: Григорьев Евдоким Лаврентьевич (1914-1942), пропал без вести [8, с. 89].

Осваивая сибирские просторы, первопоселенцы преодолевали неимоверные трудности: Первая трудность заключалась в том, что не так - то просто было сорваться с обжитого места, порвать с привычным укладом жизни, покинуть места, где ты родился. По этой причине переселенцы выезжали не в одиночку, а хотя бы несколько семей или родственников из одной деревни. Несмотря на открытие Сибирской магистрали, что сокращало время в пути, переселение было нелегким, на дорогу уходило много времени. Особенно трудным был переход от Канска, например, до Степановки. Здесь приходилось идти пешком. Прибыв на переселенческий участок, новоселам пришлось трудиться не покладая рук, чтобы до осени возвести хотя бы скромное жилье. Местные старожилы, имевшие уже справные хозяйства, встречали новеньких не очень дружелюбно. В случае оказания помощи, ее потом приходилось отрабатывать. Денег, которые выделяло государство, было недостаточно. Они обычно заканчивались еще по дороге. На новом месте, например, в Романовке, за прописку нужно отрабатывать по 5 дней на душу [4, с. 27]. Непривычным было огромное количество лесных оводов разного сорта. Необходимо было научиться вести с ними борьбу, приспособиться к ночным выпасам скота, когда гнус не так свирепствует. Неудобным было посещение по необходимости переселенческого начальства, находившегося в Канске. На это уходило до 5 дней. Хозяйство оставалось на это время без главы. Недостаточное развитие здравоохранения. Земская больница была построена в 1912 в с. Талое, от Покровки это в 20 км.

Положительным было наличие леса для строительства, обилие дичи и других природных даров. У приезжих была взаимовыручка. Все деревни расселялись по реке, она тоже давала помощь в виде рыболовства.

Век жизни большинства деревень составил 50-60-лет. Амбарчик 1908-2010; Арангаш 1910 - 1972; Георгиевка 1910 - 1974; Покровка 1909 - 1969; Старики 1909 - 1968; Соболевка 1910 - 1940. Проведем расчеты и увидим, что Амбарчик просуществовал 102 г.; Арангаш – 62; Козаевка – 64; Покровка – 60; Старики – 59; Соболевка – 30 лет. Средний возраст: 62 года. Почему деревни не сохранились?

Определенный удар по личному крестьянскому хозяйству нанесла коллективизация, проходившая в начале 1930-х гг. На примере Покровки видно, в эти годы жители старались вырваться в город, завербоваться на Дальний Восток, остаться в Армии. То есть, еще до войны видим первые признаки упадка.

Серьезные потери понесли жители таежных деревень во время Великой Отечественной войны. Более 80 чел. из исследуемых деревень погибли. Деревни потеряли рабочие руки. А кто вернулся инвалидом, не мог уже выполнять трудную работу.

Во всех деревнях, кроме Покровки, имелись только начальные школы. В Покровке была семилетка. В связи с этим жители вынуждены были переезжать в другие места, где можно было детям продолжить образование.

Наличие в Степановке лагеря также привлекало многих, так как здесь можно было найти работу. Десятки фронтовиков продолжили военную службу в качестве охранников.

После закрытия Степановского лагеря в 1957 г. образовался лесопункт, а в 1965 г. - дорожно-строительный участок, куда и устремились колхозники, ибо здесь была работа, и строилось жилье.

В начале 1960-х годов правительство Н.С.Хрущева взяло курс на укрупнение колхозов. Их стали объединять, и через 5-10 лет все деревни распались. Отсутствие хорошего медобслуживания, дорог, связи – все это также толкало крестьян искать новое место жительства.

Таким образом, мы видим ряд объективных причин, способствующих распаду деревень. К субъективным можно отнести политику государства в отношении сельского хозяйства. Названия этих деревень сегодня сохранились только в паспортах у наших земляков, да краеведы установили 8 аншлагов там, где когда-то стояли деревни. Статья полезна студентам вузов и колледжей, изучающим аграрную реформу Столыпина П.А. В будущем можно изучить вопрос, сколько пахотной земли потеряно в бывших переселенческих деревнях?

Список литературы

[1] Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Красноярск, 2006;

[2] Государственный архив Красноярского края. Ф 595. Оп. 39. Д. 616;

[3] Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 39. Д. 1330;

[4] Долгачев И.А. Мы сурового времени дети. Канск, 2003;

[5] История Красноярского края. Красноярск, 1967;

[6] Кисловский Ю.Р. Почему так названы? Красноярск, 1999;

[7] Оберман В.Я. Прими земной поклон. Красноярск, 2009;

[8] Шульцев В.В. Книга Памяти. Ирбейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Красноярск, 2020.

УДК 908/296

Роль личности раввинов в жизни еврейских общин Енисейской губернии (XIX -XX вв.)

Орехова Наталья Алексеевна
Кандидат исторических наук, г. Красноярск, Россия.
orehova.vladimir2010@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Представлены результаты изучения проблемы, связанной со становлением институтов общинного самоуправления, отсутствием подготовленных специалистов для исполнения религиозных обрядов, избранием раввинов и их роли в духовной жизни еврейских общин на территории Енисейской губернии. Раскрытие темы основано на источниках и архивных материалах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА еврейская община, религия, раввин, Енисейская губерния, синагога, органы власти.

Важной частью жизни народа, живущего в рассеянии и находящегося вдали от места наиболее компактного проживания, является его внутренняя жизнь. Евреи, появившиеся в первом десятилетии XIX в., были разбросаны по огромной территории Енисейской губернии. Они столкнулись с трудностями и проблемами, связанными с налаживанием внутриобщинной деятельности. Находясь в чужеродном окружении, евреи стремились сохранить собственную идентичность, старались придерживаться национальных традиций и веры своих предков. И в этом отношении роль еврейской общины как объединяющего центра была огромна. Она помогала евреям адаптироваться в чужой обстановке, интегрироваться в местный уклад принимающего общества, сохранить религиозные традиции, которые были заложены в каждом из них с детства в семье.

Чаще всего в официальных документах центральных и местных органов под еврейской общиной подразумевалось либо молитвенное общество, либо общество, объединенное по сословному признаку. Религия играла значительную роль в жизни евреев, она способствовала сохранению еврейских традиций и укреплению национального самосознания. И мы согласны с мнением иркутских дореволюционных историков, утверждавших, что община и общинные учреждения образуют «своеобразную духовную, если так можно выразиться, территорию еврейских масс» [1, с. 186].

В связи с этим одним из основных направлений во внутренней жизни еврейских общин Енисейской губернии стало создание молитвенных домов для отправления общественных молитв и избрание духовного лидера – раввина.

Первые молитвенные здания, которые в официальных документах обычно назывались домами, школами, молельнями, были открыты в городах: в 1822 г. – в Красноярске, в Канске – в 1820-х гг., в Ачинске – в 1830-х гг., в Енисейске – в 1840 г., а в с. Рыбинском – в 1850 -х гг. Официальное же признание Красноярской молельни произошло только через 56 лет с момента ее открытия (в 1878 г.), молитвенной школы в с. Рыбинском через 35 лет (в 1885 г.), а Енисейской, Ачинской и Канской молелен соответственно через 55, 65 и 70-75 лет (в 1895 г.) [30, л. 67]. После организации молитвенных учреждений было важно наладить их эффективную работу, что в большой степени зависело от деятельности руководящих структур еврейских общин и роли личности избранного раввина.

В Высочайше утвержденном положении «О гражданском устройстве евреев» (13 апреля 1835 г.) большое внимание уделялось вероисповедным обрядам. При этом внутренняя жизнь евреев вводилась в определенные рамки, а «право осуществления мероприятий, связанных с семьей (брак, развод, обрезание и т.д.), предоставлялось только раввину, на него возлагались также функции поддержания порядка» [29, с. 299-300]. Российское правительство, желая поставить во главе еврейских молитвенных обществ образованных раввинов, учредило раввинские училища (1844 г.). Раввин считался

«блюстителем и толкователем еврейского закона». В обязанности казённого раввина входило «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам… вести по всему ведомству метрические книги и предоставлять их, куда следует по правилам, означенным в Законах о Состояниях» [44, с. 126].

В 1847 г. красноярские евреи обратились с ходатайством к енисейскому губернатору с просьбой разрешить им вызвать раввина из «мест, открытых для постоянной оседлости» при условии, «если таковой согласится не требовать от них по их несостоятельности на содержание никакого пособия» [4, л. 1-2; л. 3.]. Это ходатайство было отклонено. И только через 33 года после того, как начал действовать Красноярский молитвенный дом, 20 января 1855 г. членам еврейской общины удалось избрать раввина. Им стал красноярский мещанин Пейсах Файбишев Колманович, который был приписан к Канску. Он имел собственный дом, хорошо знал еврейские законы, читал и писал на идиш. Он неплохо владел русским языком, что давало ему право вести метрические книги и делать из них выписки. П.Ф. Колманович стал первым казённым раввином Енисейской губернии, официально же он считался резником, а его помощником стал Мордухай Янкелев Шмулевич [5, л. 37.].

В 1861 г. евреи Красноярска впервые решили вызвать из Могилевской губернии оршанского мещанина Ш. Хайкина для исполнения должности раввина. Это свидетельствовало о том, что еврейская община окрепла материально и имела возможность оплачивать не только работу раввина, но и его приезд. Однако енисейский губернатор не удовлетворил просьбу еврейского общества, так как евреям, приписанным не в сибирских губерниях и не состоящим в гильдии, приезд в Сибирь был воспрещен. Через два года Совет Главного управления Восточной Сибири разрешил евреям открывать молитвенные школы и иметь раввинов с распространением для них правил, установленных «в этом отношении для евреев, проживающих в местах общей их оседлости» [31, л. 2-5; л. 6-12.]. Со стороны центральных властей генерал-губернатору Восточной Сибири и губернаторам на местах было предложено поддержать идею выдвижения раввина из евреев-ссыльнопоселенцев и разрешать прибытие в Сибирь тем евреям, которые имеют аттестаты. В их паспортах должна стоять отметка «для поступления в раввины», чтобы «не смогли приехать под этим предлогом другие» [32, л. 47-51, 59; л. 1-2.]. Тем не менее, в 1863 г. генерал-губернатор так и не удовлетворил просьбу красноярских евреев, решивших вызвать из Могилевской губернии для исполнения должности раввина Ш. Хайкина.

Во второй половине XIX в. отдельные религиозные еврейские общества находились в городах Красноярске, Енисейске, Ачинске, где существовали молитвенные школы и дома, но раввина содержать в состоянии могли только евреи Енисейска» [33, л. 30]. Еще в 1861 г. руководитель Енисейского еврейского молитвенного дома Н.З. Циханский, являясь резником, неофициально исполнял религиозные обряды [2, л. 1.]. В 1865 г. поступило предписание Енисейского губернского правления Енисейскому еврейскому обществу избрать резника, который смог бы исполнять обязанности раввина. Солдат Енисейской полицейской команды Е. Душкин «от имени солдат и других сословий еврейского населения» обратился в Главное управление Восточной Сибири с просьбой «удостоить звания раввина» енисейского II гильдии купца Н.З. Циханского. Неизвестно, как решился этот вопрос, соответствующих сведений нами в архивах не найдено.

Просьба же красноярских евреев «вызвать из внутренних губерний ученого еврея для исполнения обязанностей раввина» Министром внутренних дел была удовлетворена отношением от 20 августа 1865 г. со ссылкой на Высочайше утвержденное постановление от 16 мая 1863 г. Однако приведение в действие этих постановлений было отложенодо окончательного утверждения внесённых в Государственный Совет общих узаконений относительно устройства местного управления делами веры евреев. Поэтому пока

Главное управление Восточной Сибири ждало ответа из Министерства внутренних дел, все ходатайства евреев, которые обращались с разными просьбами, отклонялись [34, л. 1-3].

Этот вопрос не решался в течение многих лет, в связи с этим в еврейских общинах Сибири возникало много проблем и затруднений, особенно по делам о браках. К примеру, в 1864 г. еврей Мордохович из Якутской области за совершение обряда бракосочетания (за неимением раввина) был подвергнут суду, так как он не имел на это законного права [6, л. 90]. Аналогичная ситуация наблюдалась также в Енисейской губернии.

В 1865 г. в Сибири, по сведениям губернаторов, евреи, кроме городов Красноярска, Томска и Каинска, «по малочисленности и трудному положению» отдельных обществ не составляли, и раввина содержать не могли. Разные точки зрения высказывали члены Енисейского губернского правления и енисейский губернатор на решение проблемы, связанной с утверждением избранного Красноярским обществом раввина и его помощника. Первые предлагали возложить на них исполнение обрядов по всей губернии «без производства за то жалованья», исключая добровольные пожертвования [7, л. 7-8]. Ведение метрических книг предполагалось возложить на городские и земские полицейские управления. Они должны были записывать рождение евреев по предварительным удостоверениям, а затем передавать выписки раввину в Красноярске. Он же был обязан делать записи в общей метрической книге, а их по окончании года передавать в Красноярскую Городскую Думу. Бракосочетания и разводы было решено записывать в одном только Красноярске за всю губернию.

Губернатор предложил в других городах губернии возложить исполнение всех религиозных обрядов и ведение метрических книг в том числе, на резников. Совсем другое мнение было у Совета Главного управления Восточной Сибири. Он считал, что Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о порядке ведения метрических книг в еврейских обществах не может быть применено к евреям, находящимся в Сибири «по исключительному их положению», в которое они поставлены «существующими узаконениями». И поэтому Совет предложил оставить существующий в этом отношении порядок без изменений.

В 1867 г. евреи Красноярска и Енисейска вновь обратились к генерал-губернатору Восточной Сибири с просьбой о разрешении иметь раввина для исполнения религиозных обрядов. И хотя еще в 1866 г. Совет Главного управления Восточной Сибири признал это возможным, тем не менее, вопрос оставался нерешенным.По закону метрические книги должны были храниться в синагогах или молитвенных домах, и вести их были обязаны раввины [35, л. 32]. Енисейское губернское правление не дало согласия на ведение метрических книг резниками, исполнявшими обязанности раввина.

В 1868 г. (на основании Высочайше утвержденного 19 января 1868 г. положения Комитета министров) Министру внутренних дел было предоставлено право разрешать «в уважительных случаях еврейским обществам… учреждать молельни и при них хозяйственные правления» [36, л. 40]. Практически в архивных материалах не сохранилось ни сведений, ни отчетов о деятельности хозяйственных правлений губернии, за исключением некоторых фактов. Например, в 1864 г. при Енисейской молельне работало правление, состоявшее из старосты и казначея (утверждены в 1863 г.). Метрических книг в Енисейске не велось, так как не было раввина [3, л. 1].

Возможно, эта ситуация была связана с тем, что первоначально в Енисейской губернии должностных лиц при молельнях не было – до избрания духовных правлений с 1876 г. Часто религиозные обряды исполнялись резниками, которые не избирались еврейским обществом, а нанимались, за что им шла определенная оплата из общественных сумм [37, л. 7-8]. Позднее в практике еврейских общин стало наблюдаться совмещение деятельности ученого еврея или раввина с физической работой резника. Резник, в свою очередь, кроме своих непосредственных обязанностей – резания скота и

птицы на кошер по определенным правилам, – совершал религиозные обряды. Они были связаны с основными вехами жизненного цикла человека (наречение имен младенцам обоих полов, обрезание младенцев мужского пола, достижение совершеннолетия, бракосочетание, развод, погребение). Вызов же специалистов из Европейской России был сопряжен с огромными трудностями в связи с законодательными ограничениями и с отсутствием дополнительных средств на транспортные расходы.

В нач. 70-х гг. XIX в. решение вопроса о применении к сибирским евреям общих правил об устройстве религиозных дел евреев так и не последовало. В 1872 г. генерал-губернатор Восточной Сибири сообщал директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий о «неурядицах», существующих в еврейских обществах Сибири в связи с отсутствием там раввинов: «В Красноярске метрические записи о родившихся и умерших евреях не ведутся, евреи венчаются и разводятся без всяких на это документов» [38, л. 38]. И только в 1875 г. местные власти нашли выход из создавшейся ситуации, предложив соединить все еврейские малочисленные общины Енисейской губернии, избрать одного раввина и содержать его на общие средства. Красноярским еврейским обществом был избран раввин – могилевский мещанин Иосиф Лифшиц, но губернатор не утвердил его в этой должности, т.к. тот не имел специального образования. Несмотря на губернаторское решение, Лифшиц совершал некоторое время религиозные обряды по просьбе еврейского общества [8, л. 1-2].

В апреле 1875 г. Енисейское губернское правление приказало своим постановлением Красноярскому еврейскому обществу учредитьДуховное правление при молитвенном доме. С середины 70-х – конца 80-х гг. XIX в. еврейские общины стали регулярно избирать духовные правления при еврейских молитвенных домах. Первые духовные правления вели свой отсчет в Красноярске с 1876-1877 гг., в Енисейске – с 1880 г., в Канске – с 1886 г., в Ачинске – с 1890 г. Духовное правление относилось к руководящим структурам еврейских молитвенных обществ. По закону оно избиралось на три года евреями, постоянно собирающимися в молитвенную школу для совершения обрядов и молитв. Члены духовного правления (староста, казначей, ученый еврей) утверждались в звании губернатором и давали присягу в присутствии чиновников, они обязаны были отчитываться перед городским общественным управлением. Возглавлял молитвенное общество раввин. Для религиозных евреев важно было иметь духовного раввина, который не утверждался светской властью, а являлся для них авторитетом в религиозных делах.

Красноярскому, Канскому и Ачинскому еврейским обществам Енисейским губернским правлением было предложено избрать на должность раввинов лиц, соответствующих закону. При отсутствии таковых им было приказано причислиться к раввину Енисейска, где эту обязанность в это время исполнял Копель Исаакович Шмеркович, который имел уже богатый опыт работы, являлся уважаемой и авторитетной личностью не только в среде евреев, но и у местных властей. С 1879 г. Шмеркович служил раввином в г. Чите. В 1885 г. по приглашению Енисейского еврейского общества приехал в Енисейскую губернию, где сразу же губернатор утвердил его раввином, хотя он и не соответствовал образовательному уровню. До него в 1884 г. в Енисейске состоял помощником раввина Абрам Шапиро, новоалександровский мещанин. Он исполнял «еврейские требы на основании данного ему разрешения раввином Забайкальской области» [9, л. 20-21]. В 1886-1887 гг. К.И. Шмеркович руководил постройкой новой Енисейской молельни, денежные средства на её строительство пожертвовал купец Мильштейн. При помощи раввина, с разрешения директора Енисейской гимназии Ветошинского, было открыто еврейское училище, где К.И. Шмеркович преподавал безвозмездно.

В 1887 г. указом Енисейского губернского правления Красноярское еврейское общество было причислено в ведение раввина города Енисейска – К.И. Шмерковича

[10, л. 10]. Последовавший отказ канских евреев на предписание губернского правления приписаться к енисейскому раввину был мотивирован большим расстоянием до Енисейска и невозможностью вызывать раввина по каждому конкретному случаю (для наречения имени, обрезания, заключения брака). В марте 1889 г. Енисейским губернским правлением был утвержден приговор Ачинского еврейского общества о причислении к енисейскому раввину; его помощником был избран Ш.Ф. Раппопорт, который прослужил более 2-х лет в их обществе резником [11, л. 81, 85].

В августе 1889 г. раввин К.И. Шмеркович с семьёй переехал на постоянное место жительства из Енисейска в Красноярск. Высочайшим повелением 1 июля 1890 г. Министру Внутренних Дел «в изъятие из закона» было предоставлено право допускать по ходатайствам местного гражданского начальства бывших раввинов, не имеющих образовательного ценза. В Енисейской губернии не было лица, имевшего требуемое образование, поэтому бывшему раввину К.И. Шмерковичу, имевшему звание начального городского приходского учителя, было разрешено в порядке исключения баллотироваться на должность красноярского раввина [12, л. 3-4].

3 октября 1892 г. Шмеркович был избран красноярским раввином [13, л. 1]. Он принял присягу в присутствии членов еврейского общества и местных властей. Жалованье раввина составляло 100 руб. в год из общих сумм за совмещение должности раввина и кантора, за резание и осмотр скота на основании правил иудейского вероисповедания [14, л. 10]. В апреле 1892 г. губернатор обратился в Енисейское губернское правление с предложением обязать Канское, Ачинское и Енисейское еврейские общества приписаться к ведомству раввина ближайшего города. Канские евреи сразу ходатайствовали о приписке их молитвенного общества к красноярскому раввину сроком на 3 года с 1 января 1893 г. и просили утвердить помощником раввина на тот же срок купца II гильдии А.Б. Каминера. Канская городская управа дала Каминеру положительную характеристику, поддержав его кандидатуру [15, л. 17]. В декабре 1892 г. ачинские евреи решили причислиться к получившему право на звание раввина жителю Красноярска К.И. Шмерковичу. Он дал согласие исполнять в их обществе обязанности раввина и вести метрические книги. Его жалованье составляло 100 руб. в год, и ачинские евреи обязались высылать ему по 25 руб. за каждую четверть года вперед [16, л. 5]. 31 марта 1893 г. Шмеркович был утвержден енисейским раввином. С ним был заключен договор на 3 года и определена оплата его жалованья в размере 200 руб. в год из общественных сумм [17, л. 15].

Мы полагаем, что К.И. Шмеркович физически не мог охватить своей деятельностью еврейские общества, приписанные к его ведомству. Следующие данные, поступившие Енисейскому губернатору 12 июля 1894 г., подтверждают это: «В Ачинске, Канске, Енисейске особых раввинов нет, а религиозные обряды временно исправляют за них: в Ачинске – конотопский мещанин Раппопорт, в Канске – красноярский мещанин Вольфанг, в Енисейске – борисовский мещанин Беркович» [18, л. 41]. В 1893 г. под угрозой закрытия оказались духовные правления и еврейские молитвенные дома Канска, Ачинска и Енисейска, так как они не имели официального разрешения Министра внутренних дел на их существование, кроме г. Красноярска, так как эта молельня была разрешена Министерством внутренних дел (еще в 1878 г. – О.Н.) [19, л. 3; 14].

В 1895 г. Министр внутренних дел позволил Иркутскому генерал-губернатору «оставить Енисейский молитвенный дом и избрать особого раввина», [39, л. 146]; такое же решение было принято в отношении Ачинского и Канского молитвенных домов [40, л. 153]. Предлагалось причислить их к ведомству красноярского раввина, если они не найдут возможности иметь особого раввина. К этим молельням были применены состоящие из 9 пунктов «Временные правила для молитвенных учреждений г. Санкт-Петербурга» от 1877 г. с некоторыми поправками [41, л. 11-12]. В этом же году Иркутским генерал-губернатором были утверждены «Временные правила для еврейской молельни в

Красноярске» [20, л. 1, 38]. Эти правила являлись обязательными и для других еврейских обществ губернии.

В нач. XX в. проблема наличия раввинов в городах губернии оставалась. Совершенно по-другому стали производиться выборы раввинов после революционных событий. Так, 17 января 1907 г. во время выборной кампании красноярского раввина баллотировались два человека: прежний раввин К.И. Шмерковичи врач Бенкович, постоянный житель города. Они получили одинаковое число голосов. По закону необходимо было бросить жребий, но выборы были отменены. Существовало совершенно секретное письмо МВД от 16 декабря 1907 г. по поводу надзора за образом действий инославного и иноверного духовенства. У Енисейского губернского жандармского управления имелись крайне неблагоприятные сведения о Бенковиче, «слывшем социалистом-революционером», за которым велось наблюдение. Енисейский губернатор предложил уполномоченным Красноярского еврейского общества произвести новые выборы, устранив Бенковича [42, л. 1-2]. По другим данным, «в числе избирателей Бенковича при равенстве голосов участвовал его отец, поэтому пристав 2-ой части г. Красноярска ходатайствовал о признании акта недействительным и о назначении новых выборов» [21, л. 4].

30 января 1907 г. К.И. Шмеркович вновь стал красноярским раввином. Власти прислушивались к мнению Шмерковича в отношении религиозных дел евреев. Так, в 1911 г. енисейский губернатор отклонил просьбу ачинских евреев, пожелавших пригласить резника из Европейской России. Поводом была информация К.И. Шмерковича, данная енисейскому губернатору относительно наличия хороших резников в Сибири [22, л. 6].

С 1909 по 1910 гг. резником при Ачинской синагоге был Мовша Клебанов. Он владел древнееврейским языком, хорошо знал еврейские обряды и традиции. Его 15-летний сын учился на звание духовного раввина в Сувалкской губернии. В архиве в единственном деле под названием «Духовный раввин Мовша Клебанов» сохранились документы на древнееврейском языке, в том числе текст патриотической речи, произнесённой Клебановым перед солдатами иудейского вероисповедания 29 сибирского стрелкового полка, дававшими присягу на верность Царю и Отечеству (1 мая 1909 г.). Вследствие разногласия и ссоры с хозяйственным правлением Ачинской синагоги Клебанову, кирсановскому мещанину Тамбовской губернии, пришлось оставить службу в 1910 г. [23, л. 3-5].

Недолгое время казенным раввином г. Канска (1909-11 гг.) был Гирш Граус, происходивший из крестьян Енисейской губернии. О его подготовке неизвестно ничего, кроме того, что он закончил среднее учебное заведение (по закону такой уровень образования для занятия должности был допустим). Раввинский стаж у него в общей сложности был солидным: в 1904 г. он был утвержден раввином Якутского еврейского молельного дома, в 1907 г. уехал в Енисейскую губернию, а затем переехал в г. Сретенск Забайкальской области, где состоял раввином вплоть до 1917 г. [28, с. 291].

В 1913 г. енисейский губернатор обратился в Министерство внутренних дел с просьбой допустить к временному исполнению обязанностей раввина канского мещанина А.Б. Каминера, который хотя и не имел необходимого образовательного ценза, «но в 1886 г. он при таких же обстоятельствах был допущен к исправлению должности». По распоряжению Министра Внутренних Дел от 13 мая 1913 г., к занятию должности раввина был допущен избранный местным еврейским обществом А.Б. Каминер [43, л. 21-22, 24; л. 13]. После завершения срока службы А.Б. Каминера с 1917 г. канским общественным раввином стал Л.М. Глицбург – социалист-сионист. Он, находясь на военной службе в г. Канске, принимал активное участие в жизни еврейской общины.

Нужно отметить, что в основном избранные раввины предпочитали не конфликтовать с властью, а поддерживать установленные правила. В своей записке к губернатору К.И. Шмеркович писал, что «он жил и служил не для одного себя, а для блага общего, для блага общей родины – России» [24, л. 37]. По его воспоминаниям, в

первые годы его службы «среди евреев города Красноярска во всем царил хаос, как в духовных, так и гражданских отношениях» [25, л. 42] и ему удалось навести порядок. Причем, помимо своих прямых обязанностей, К.И. Шмеркович исполнял обязанности раввина в Ачинском еврейском обществе (5 лет), а также заведовал молитвенными домами Енисейского (более 10 лет) и Канского (более 6 лет) еврейских обществ.

Заслуги раввина были достойно оценены. По сообщению Департамента Духовных Дел иностранных исповеданий от 6 декабря 1905 г., «состоялось Высочайшее соизволение на пожалование Красноярскому, Енисейскому губернскому раввину К. Шмерковичу золотой медали с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте» [26, л. 33]. Нами не обнаружены материалы, подтверждающие тот факт, что Шмеркович стал потомственным почетным гражданином, в имеющихся списках он не значится, хотя сохранилась переписка по этому вопросу. Последнее упоминание о нем датируется 1922 годом. Председатель еврейской общины и раввин Красноярской синагоги К.И. Шмеркович присутствовал в момент изъятия Енисейской губернской комиссией религиозных предметов из синагоги весом более 8 фунтов серебра в помощь голодающим Поволжья [27, л. 108].

Можно с полной уверенностью констатировать, что раввин сделал очень многое для духовного объединения евреев, для развития еврейского просвещения и культуры в Енисейской губернии, несмотря на некоторую его «приспособляемость» к условиям жизни и к правящим властям. Он был единственным раввином (казённым и духовным – О.Н.), который отправлял службу в Енисейской губернии около 40 лет, за что был российским правительством трижды награжден медалями «за благотворительную и общеполезную деятельность».

В конце 30-х гг. XX в. были закрыты многие молитвенные учреждения на территории Сибири, в том числе синагоги и молитвенные дома в Енисейской губернии. Деятельность еврейских религиозных общин была свернута, часть из них исчезла, а часть фактически перешла на нелегальное положение.

Итак, необходимость сохранения и соблюдения религиозных традиций лежала в основе внутренней общинной организации жизни сибирских евреев, проживавших в иноконфессиональной среде. Роль личности раввина имела огромное значение для евреев, потому что от него зависела не только их духовная жизнь, но их взаимодействие с жителями других вероисповеданий и местными властями.

Список литературы

[1] Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, типо-литография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 390 с., с прилож.

[2] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 127. К. 1739. Л. 1.

[3] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 127. К. 1739. Л. 1.

[4] ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1318. Л. 1-2; Ф. 47. Оп. 1. Д. 1235. Л. 3.

[5] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1027. Л. 37.

[6] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 684. Л. 90.

[7] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 684. Л. 7-8.

[8] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 730. Л. 1-2.

[9] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1312. Л. 20-21.

[10] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 205. Л. 10.

[11] ГАКК. Ф. 595. Оп. 15. Д. 12653. Л. 81, 85.
[12] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3874. Л. 3-4.
[13] ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 3509. Л. 1.
[14] ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 3509. Л. 10.
[15] ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 3759. Л. 17.
[16] ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 3509. Л. 5.
[17] ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 3509. Л. 15.
[18] ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5288. Л. 41.
[19] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1549. Л. 3; Ф. 595. Оп. 1. Д. 4467. Л. 14.
[20] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 231. Л. 1, 38.
[21] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 989. Л. 4.
[22] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 2454. Л. 6.
[23] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1705. Л. 3-5.
[24] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1437. Л. 37.
[25] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1437. Л. 42.
[26] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1437. Л. 33.
[27] ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 127. Л. 108.
[28] Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ: издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. 423 с.
[29] Песковский М.Л. Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению. В 2-х частях. Спб.: тип. И.Н. Скороходова, 1891. 392 с.
[30] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 44. Л. 67.
[31] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 372. Л. 2-5; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 4. К. 2686. Л. 6-12.
[32] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 47-51, 59; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 4. К. 2686. Л. 1-2.
[33] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 30.
[34] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 1-3.
[35] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 32.
[36] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 40.
[37] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 7-8.
[38] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 38.
[39] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 33. Л. 146.
[40] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 32. Л. 153.
[41] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 179. Л. 11-12.
[42] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 179. Л. 1-2.
[43] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 677. Л. 21-22, 24; ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 328. Л. 13.
[44] СЗРИ. Полный текст в 16 т. в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского (печ. кн. 3) (том VIII. ч. II-XI. Ч. 1.) по Т. XI. Спб., 1857.

УДК 908

Колокол памяти (о судьбе Магнус Германа Августовича)

Семочкина Валентина Федоровна
Руководитель научно-краеведческого объединения
Шалоболинская поселенческая библиотека-филиал
МБУК МЦБ Курагинского района Красноярского края, Россия.
semochkina.vala@mail.ru

Попугаева Ирина Геннадьевна
Заведующая Шалоболинской поселенческой библиотекой-филиалом
МБУК МЦБ Курагинского района Красноярского края, Россия.
popugaeva_70@mail.ru

АННОТАЦИЯ В работе на примере судьбы Магнус Германа Августовича и его семьи мы рассказываем о депортации советских немцев в Сибирь 40—годы. Много пришлось им пережить: голод, холод, унижения, лишения социальных и политических прав. Семья Магнус проживала в селе Плахино Красноярского края в очень трудных условиях Заполярья. Но они нашли в себе силы выжить, честно работать, не обозлиться. Работа составлена на основании периодической печати, документов из архивов и материалов Шалоболинского музея, встреч с родными и близкими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Депортация, Плахино, Курганчики.

28 августа 1941 г. был принят Указ наркома внутренних дел Л. Берии о массовом переселении советских немцев в Сибирь и Казахстан. Депортации подлежали все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП/б/ и ВЛКСМ. Руководство по переселению возлагалось на НКВД СССР. Из указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1941 года: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районе Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу Германии должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья».

Жестокость, с которой осуществлялось переселение, неустроенность жизни на новых местах, злоупотребления и произвол местных органов власти привели к высокой смертности, вызвали массовое возмущение и протесты.

Шли тяжелые месяцы войны, не хватало людей, транспорта, техники. Однако на депортацию немцев было командировано 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев и сотни вагонов. Всего на Восток страны было депортировано около 600 тыс. советских немцев, а в Красноярский край прибыло около 75 тыс. человек (33 эшелона).

Указом от 21 августа 1941-го стали отзывать советских немцев в срочном порядке с фронтов и отправлять в места ссылки, видя в них врагов.Довольно трудно им было им адаптироваться к сибирским условиям. Тайга, гнус, непривычный климат и пища – все это осложняло жизнь поселенцев. Самым сложным для них была первая зима.

Раскрыть эту тему мы хотим на судьбе нашего земляка Магнус Германа Августовича, немца по национальности, пережившего трагедию депортации своего народа.

Магнус Герман Августович родился в Ленинграде в 1896 г. Отец - рабочий Кировского завода, где проработал 40 лет. Мать свою Герман не помнит. Материально жили бедно. С 1909 по 1912 гг. Герман учится в Военно-фельдшерской школе за казенный счет при Гродненском местном военном лазарете. В его аттестате-характеристике, данной Заведующим Гарнизонным Зубоврачебным Кабинетом Статским Советником Курковым, отмечается: «Дан сей фельдшеру Герману Магнус в том, что он, будучи в Гродненском местном лазарете в течении двух лет фельдшером, был самым примерным, трезвым, добросовестным фельдшером, и все возлагаемые на него обязанности исполнял честно и

умело. Во время службы в лазарете, на него возлагались ответственные работы, которые он выполнял самым добросовестным образом. В течении почти двух лет работал в Гродненском Гарнизонном Зубоврачебном кабинете и приобрел в зубоврачебном деле значительные практические познания. Около года служил в Хирургическом отделении, очень добросовестно и толково выполнял свои обязанности. Очень дисциплинирован, расторопен, исполнителен и трезв. Что подписями и приложением казенной печати удостоверяется. Город Гродно, Октября 31 дня 1911 года» [2].

За три года Герман Августович стал хорошим фельдшером, зубным врачом и имел навыки по хирургии.

Окончив Военно-фельдшерскую школу в 1912 г, дальше он образование продолжить не смог. «За полученное образование я должен был отслужить на военной службе, но по болезненному своему состоянию был освобожден от военной службы и поступил на работу фельдшером в Городскую больницу г. Ленинграда. В 1914 г. по мобилизации служил фельдшером Военно-полевого поезда» - пишет Герман Августович в Прошении в Президиум Верховного Совета СССР [3].

В 1917 г. был уволен по болезни, продолжил работу в Городской ленинградской больнице. В 1919 г. был призван в Красную армию и назначен заведующим Военно-санитарного делопроизводства подотдела Военно-санитарного Управления Ленинградского округа. С 1924 г, желая повысить свою квалификацию, работал в лечебных учреждениях г. Ленинграда.

В 1928 г. был демобилизован. Имеет благодарность за службу в Красной армии. Во время Великой Отечественной войны работал в военном госпитале Ленинграда. Житель с. Курганчики Бондарев Андрей Романович лежал у него в госпитале во время ранения в Ленинграде, онотмечает внимательность Германа Августовича к больным, его профессионализм.

17 марта 1942 г. был эвакуирован из г. Ленинграда по Дороге жизни, (эвакуационное удостоверение № 11228) и был отправлен в Красноярский край в Игарский район (Туруханский) на 13 лет. Удивительно, что эвакуирован, но отправлен на спецпоселение с ограничением в правах

Первое время находился в станке Плахино. В Плахино в 1924 г. ссылку отбывал и Святой Лука (Войно–Ясенецкий). Как вспоминал сам Валентин Феликсович в своей автобиографии: «Плахино в 1924 году это маленький «станок, состоявший из трёх изб и ещё двух больших, как мне показалось, груды навоза и соломы, которые в действительности были жилищами двух небольших семей. Я остался один в своём помещении. Это была довольно просторная половина избы с двумя окнами, в которых вместо рам снаружи приморожены плоские льдины. Щели в окнах не были ничем заклеены, а в наружном углу местами был виден сквозь большую щель дневной свет. На полу в углу лежала куча снега. Вторая такая же куча, никогда не таявшая, лежала внутри избы у порога входной двери. Утром, когда я вставал со своего ложа, меня охватывал мороз, стоявший в избе, от которого толстым слоем льда покрывалась вода в ведре. В Плахино часто бывают очень сильные морозы. Однажды мне пришлось испытать крайне тяжелый мороз, когда несколько дней подряд беспрестанно дул северный ветер, называемый тамошними жителями "сивер". Это тихий, но не перестающий ни ночью, ни днем леденящий ветер. На чердаке моей избы были развешены рыболовные сети с большими деревянными поплавками. Когда дул «сивер», поплавки непрестанно стучали, и этот стук напоминал мне музыку Грига «Пляска мертвецов».

Вот здесь и начал свою переселенческую жизнь Герман Августович с 1942 по 1955 г. По назначению Игарского горздрава работал заведующим медпунктами на станках района. «В этой же должности работаю и в настоящее время на станке Денежкино Игарского района (сейчас Туруханский район)», - пишет в 1955 г. Герман Августович [3].

Холод, отсутствие теплой одежды, плохо сохранявшее тепло помещение медпункта и квартиры.

Здесь он встречает Софью (Сусанну) Ивановну Цих, которая оказалась на Севере

раньше в числе первых немцев–переселенцев. Ей пришлось много пережить. «Ночью нас подняли и приказали быстро собраться. Едва успели одеяла взять, немного еды и одежды. Бросили все: дома, мебель, все, что было нажито. Потом нас погрузили в холодные вагоны товарника. Народу в вагоне много: ехали и взрослые, и дети, больные и здоровые - антисанитария, голод, холод» - рассказывает Тамара Петровна Сиротинина, внучка Софьи Ивановны, со слов своей мамы Ирмы Иосифовны [8].

В военное время железная дорога была перегружена, поэтому частые долгие остановки. Людям не давали даже воды. Кто успевал на станции выскочить и попить, тому, значит, повезло. Остальным оставалось терпеть. Дорогой их почти не кормили. Уже в поезде некоторые умирали.

Привезли их в Красноярский край, а потом на пароходы и на Север. Выгрузили на берег, один песок, и ничего вокруг. Пошли по берегу, нашли избушки рыбаков, поселились там: ни продуктов не было, ни лекарств, ни нормальных жилищных условий. «Кто мог – выкопали землянки, там и зимовали первый год. Высадили 500 человек, а к весне осталось 200», - рассказывает Тамара Петровна Сиротинина, внучка Софьи Ивановны, со слов своей мамы Ирмы Иосифовны [8].

Трудно жилось депортированным на Севере.Из Докладной записки врача Овчинниковой, составленной в августе 1943 года после медицинского обследования спецконтингента: «Причинами высокой смертности являлись, по ее мнению, отсутствие у людей жилья и теплой одежды, голод, непривычный климат, эпидемии болезней. Многие из спецпоселенцев болели еще в дороге брюшным тифом, дизентерией. Карантин в дороге не везде выдерживался. Но главное — это цинга и голод. Выяснилось, что цингой страдало почти все население. Была большая смертность».

Спецпоселенцы в Плахино должны были ловить рыбу для фронта. Софья Ивановна пошла на весла к одному рыбаку. Жестокий был человек. Он веслом в гневе человека убил, никто не хотел к нему идти работать. Но она пошла – надо было детей кормить. Их у нее было двое. Бывало, по горло в шуге стояла, руки мерзли, горло перехватывало, но все выдержала. Рыбак давал рыбу, рыбий жир, муку. Так и перезимовала. Трудно, но семью сохранила. Потом выучилась на приемщика рыбы, стало полегче. К следующей зиме построили балки (избушки из необструганного леса), так возник поселок Плахино, где заготавливали лес и ловили рыбу. Здесь Софья Ивановна и Герман Августович встретились. Он женился на Софье Ивановне, у которой было уже двое детей, а в 1947 г. у них родился сын Владимир. «Наша бабушка была красавица. Дед наш был третьим ее мужем, - вспоминает Тамара Петровна. Женившись на Софье Ивановне, он принял ее детей и говорил, что это их дети. Относился как к родным, никого не обижал [8].

«Плахино стояло на берегу Енисея. По Енисею проплывали с музыкой пароходы до Красноярска, баржи. Место красивое. Тайга», - вспоминает сын Владимир. Мать строгая была, приучала нас к порядку, чистоте, труду. Однажды попросила отца выпороть меня, слушаться перестал. Отец завел меня в комнату, подмигнул: «Кричи громче». А сам бьет ремнем по стулу, и ругает меня. Я кричал громко, мать не выдержала: «Хватит, что ты так его так сильно бьешь» [8].

Владимир любил своего отца. Еще на Севере, совсем маленького, Герман Августович его всегда брал на вызовы. «Ночь, день. Я всегда вставал и шел с отцом. Характер у отца вспыльчивый, но быстро отходил. Отец был воспитанным, вежливым человеком, хорошо к людям относился. Он никому не отказывал в вызове. Знал свое дело хорошо, хотя не было у него высшего образования. Не любил вспоминать прошлое, веселый был человек» [8].

Закончилась война. Спецпоселенцы надеялись, что теперь им дадут возможность вернуться домой. Но в марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, ликвидировать «зоны», что означало конец «Трудовой армии». И прикреплялись они к своим предприятиям, строительствам, лагерям. Им разрешили вызвать и помогли перевезти к себе свои семьи, они получили возможность проживать в общежитиях и на частных квартирах, строить или покупать себе жильё, но вернуться на прежнее

место жительства им не разрешалось. В районах проживания бывших трудармейцев и прибывших к ним семей создавались спецкомендатуры. Это для спецпоселенцев было тяжёлым ударом.

На 1 января 1953 г. на учёте спецпоселения числилось 2753,4 тыс. человек. Это был самый крупный контингент спецпоселения. Трудно найти слова, чтобы передать те страдания, унижения, оскорбления, издевательства, как моральные, так и физические, которые им пришлось пережить на Крайнем Севере. Спецпоселенцы не имели паспортов, что затрудняло устройство на работу, получение почтовых отправлений и т. п. Кроме того, спецпоселенцы не призывались на военную службу, им не разрешалось работать в милиции и других силовых структурах. Они не могли занимать сколько-нибудь важные посты и должности в государственных органах и учреждениях. Дети спецпоселенцев состояли на «посемейном» учёте с момента рождения до исполнения им 16 лет. После этого их ставили на персональный учёт, то есть они становились «полноценными» спецпоселенцами

И только после смерти Сталина в 1955 г. у переселенцев опять появилась возможность на возвращение домой. В центральные партийные и государственные органы Советского Союза от них шёл огромный поток писем. Переселенцы пытались убедить власти в своей лояльности, просили снять спецпоселение или, по крайней мере, ликвидировать некоторые, наиболее унизительные ограничения.

10 марта 1955 г. Совет министров СССР обязал органы внутренних дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР, ликвидировав, таким образом, существенный моральный элемент дискриминации этой категории советских граждан.

В 1955 году и Герман Августович пишет свое Прошение в Президиум Верховного Совета СССРв Отдел частных амнистий, чтобы ему и его семье разрешили переселиться из Заполярья по состоянию здоровья в удобные для проживания климатические условия. К тому времени семья его состояла: жена Магнус Сусанна (Софья) Ивановна 1905 г; сын жены от первого мужа, Цих Андрей Андреевич, 1938 г; дочь Мельниченко Ирма Иосифовна, 1925 г; внучка Мельниченко Эрланда Федоровна, 1947 г. и их сын, Магнус Владимир Германович 1947 г.

«С 1942 года я тружусь в звании медработника, имею благодарности. Мне доверено ответственное дело – лечение людей, забота об их здоровье. И этот труд я с любовью несу для Родины», - пишет в Прошении ГерманАвгустович. В его Прошении отражена вся его судьба. Он очень корректен в выборе выражений, возможно, что уже по-своему или опыту других репрессированных знает, что с органами лучше не шутить и не искать правды, чтобы не было придирок [3].

«Я по национальности немец, но моя Родина СССР, здесь я родился, вырос. Родине я своей обязан своим образованием, на благо нашей Родины я отдал свои лучшие силы и здоровье. И теперь, когда я состарился, и здоровье мое за 13 лет пребывания в Заполярье ослабело, я обращаюсь с просьбой снять с меня спецпоселение и предоставить возможность мне и моему семейству право на получение паспорта, дабы мы могли выехать из Заполярья в место в климатическом отношении благоприятное для здоровья (слово здоровье зачеркнуто), и тем самым предоставить мне возможность продолжить трудиться на благо нашей Великой Отчизны», - пишет Герман Августович [3].

Не здоровье поправить, а трудиться на благо нашей Великой Отчизны, и это после такой несправедливости, после всего пережитого. В 1955году его Прошение удовлетворили, но обвинение с него не сняли. Разрешили переехать в Курагинский район в распоряжение Райздравотдела. «В Курагинский район добирались на пароходе, поездом до Абакана. Получил отец направление в с. Курганчики. Работал заведующим фельдшерского пункта с зарплатой 600 рублей. В одной половине дома больница, а в другой жили мы. Отец – фельдшер, а мать – санитарка», - рассказывает сын Владимир Германович [8].

Не очень дружелюбно встретили в Курганчиках репрессированных немцев. Понятие немец и фашист было одинаково для жителей села. У многих погибли на войне мужья, сыновья, дочери, а виноваты в этом немцы. «Сколько помню – в школе, на улице, часто

дразнили: «Фашистка недобитая». А какая я фашистка? Я родилась в 1955 году. Осталась в памяти обида», - вспоминает Тамара Петровна [8].

Отмечает это и сын Германа Петровича – Владимир. Дружелюбно встретили только семья Бондаревых и Зотовых. Бондарев Андрей Романович в госпитале, будучи ранен под Ленинградом, лечился у Генриха Августовича, и тот спас ему жизнь. Семьи подружились. Хотя давно нет ни Генриха Августовича, ни Андрея Романовича, дружат их внуки и правнуки. Но вскоре жители села оценили его профессионализм и внимательное отношение к больным. Хороший врач был он, ни одному жителю села вернул здоровье. Отличался вежливостью.

«Дед был интеллигент. Эти привычки ленинградские привез и в Курганчики. Приехали без всего, но посуду привезли всю. В семье заведен порядок: белая скатерть, каждому отдельный прибор, на обед не опаздывать. Опоздал – жди ужина, поэтому на завтрак, обед, ужин семья собиралась в полном составе», - рассказывает Тамара Петровна. «У него был свой стакан, который вставлялся в подстаканник. Он, сколько помню, всегда из него пил чай и не разрешал его брать никому. Его любили и на Севере, и в Курганчиках, где бы он ни жил», - добавляет сын Владимир [8].

Умер Герман Августович в 1956 году, похоронен на Курганчиковском кладбище. Не дождался он Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 Октября 1991 года, в котором с советских немцев были сняты все огульные обвинения в шпионаже, предательстве и пособничестве. Документ о реабилитации получили его родные в 2001 году. Сколько слез было, сколько горечи. «Мама документы готовила на реабилитацию и плакала, боялась: неужели не получится. Она всю жизнь переживала, что в доме не будет хлеба, дров и угля. Бывало, появятся деньги в доме, сразу покупали муку, дрова. Главное, чтобы хлеб и тепло были в доме», - вспоминает Тамара Петровна [8].

Шок, страх пережила семья Генриха Августовича, передался он и потомкам. Никогда в семье его при детях не говорили о депортации. Не дай Бог, где-нибудь проговорятся.

Много пережили советские немцы в то время. Но нашли в себе силы выжить, честно работать, не обозлиться. В 90-е годы предлагали Ирме Иосифовне уехать в Германию, но она отказалась. Здесь её вторая родина, здесь похоронен Генрих Августович, её отец. В целом, советские немцы и в условиях спецпоселения, и после их отмены внесли высокий вклад в развитие экономики и особенно сельского хозяйства Красноярского края.

Благодарности: авторы выражают благодарность сыну Магнус Владимиру Генриховичу и внучке Сиротининой Тамаре Петровне за предоставленные семейные архивы.

Список литературы

Личные архивы Магнуса Германа Августовича:

[1] Свидетельство об окончании фельдшерских курсов при Гродненском местном военном Лазарете в 1909 году. П. 1 Д. 1;

[2] Аттестат. П. 1 Д. 2;

[3] Прошение в Президиум Верховного Совета СССР. Отдел частных амнистий. П. 1 Д. 3;

[4] Выписка из приказа по Курагинскому райздравотделу от 24/IX-1955г.№88 , 6. П. 1 Д. 4;

[5] Удостоверение на имя Магнуса Германа Августовича о праве на санитарный контроль всех предприятий и учреждений, населенных пунктов П. 1 Д. 5;

[6] Справки о реабилитации на имя Магнуса Германа Августовича, Магнус Софьи (Сусанны) Ивановны, Магнус Владимира Германовича. П. 1 Д. 6;

[7] Свидетельство о браке № 10 между Магнус Германом Августовичем и Магнус Софьей (Сусанной) Ивановной. 28.01.1947 г. П. 1 Д. 7;

[8] Беседы с родными и близкими. П. 1 Д. 8

УДК-908

Несколько страниц о жизни и деятельности Иннокентия Петровича Кузнецова

Серебренникова Марина Евгеньевна
Красноярская городская местная общественная организация
«Историко-патриотический клуб «Красноярский краевед»,
г. Красноярск, Россия.
sme1957@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается о научной и литературной деятельности Иннокентия Петровича Кузнецова археолога, музееведа, мецената, путешественника, представителя знаменитого рода красноярских купцов-золотопромышленников Кузнецовых.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И.П.Кузнецов, П.И.Кузнецов, Томский Университет, Минусинский музей,В.М.Флоринский.

Иннокентий Петрович Кузнецов родился в 1851 году в Минусинском округе Енисейской губернии. Образование получил в частной гимназии Келлера в Петербурге. И. П. Кузнецов был избран гласным в четырехлетие с 1883 по 1886 год - один из 42-х членов городской управы г.Красноярска. Был почетным попечителем красноярского уездного училища, аскизского училища, активным членом общества попечения начального образования, созданного в 1884 году,член Рязанской Ученой Комиссии, участвовал в учреждении газет «Справочный листок Енисейской губернии» и «Енисей».И. П. Кузнецов в течение многих лет дружил с художником В. И. Суриковым, оказывал ему поддержку во время учебы в Академии художеств в Санкт-Петербурге[14,с.170].

И.П. Кузнецов собрал великолепную коллекцию минусинских древностей. Коллекционировал предметы археологии, этнографии, старинные документы и безвозмездно передавал их в фонды музеев Минусинска, Томска, Красноярска, а также фотографии, рукописи, книги.

> В семье Кузнецовых все занимались собиранием коллекций разных предметов старины, и глава семейства Петр Иванович Кузнецов подавал пример для подражания. Об этом упоминает в своих записях Иннокентий Петрович Кузнецов: «Мой отец П.И.Кузнецов, будучи членом Императорского Русского Географического Общества Восточно - Сибирского Отдела, занимался между прочими делами, собиранием минусинских древностей и передавал их в Иркутский музей общества, а частью в Минусинский музей; видя с ранней молодости у нас в доме разные древние предметы, впоследствии и я начал заниматься собиранием местных древностей. Большую часть первой, собранною мною в течение 16 лет коллекции древностей в Минусинском и Ачинском уездах, я передал в конце 80-х годов в Археологический Музей Томского Университета (коллекцию я передал В.М.Флоринскому с точным указанием местности, где были найдены предметы), часть предметов в Московский Исторический музей (Около сотни медных и бронзовых предметов и штук 70-80железных наконечников и стрел), некоторые древности в Императорскую Археологическую Комиссию (рисунки разн.) древних могил, сделанные художником А.В.Станкевичем под моим руководством, во время моих археологических поездок по дол. р.р. Абакана и Тоштыпа, и в Минусинский музей. После передачи коллекции, я снова занялся собиранием местных древностей, и у меня в настоящее время составилось собрание минусинских древностей, преимущественно медно-бронзового и железного периодов, которое и будет предметом настоящего издания. Все предметы вследствие их многочисленности в рисунках издать невозможно и мною выбраны из них только наиболее, на мой взгляд, имеющие значение в археологическом отношении. Я срисовал и составил для своего руководства атлас минусинских древностей, своего собрания у меня образовалось до50 таблиц древностей медно – бронзового и переходного периодов и до 70 табл.

> тюрко-монгольских древностей, кроме фотографий и рисунков разных древних могил, изображения на могильных плитах, каменных баб, китайских древностей и материала для сравнения археологии, всего не менее 200 таблиц. В конце 80-х и в начале 90-х годов я был студентом – вольнослушателем медицинского факультета Томского университета, бывал нередко у В.М.Флоринского в Археологическом музее[8, л.12].

Иннокентий Петрович Кузнецов пожертвовал учебному заведению (в Томский университет) солидные денежные средства и книги для библиотеки. [14,с.133], а его коллекция послужила основой университетского музея истории, археологии и этнографии.

Известно, что в археологическом отделе Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится «Коллекция покупных предметов из Минусинского края Кузнецова» и «Коллекция Скандинавских древностей Кузнецова», собранные им во время путешествия по Скандинавии и Дании в 1891году. Подробно описание коллекции составлено автором О.Б.Беликовой в статье «Скандинавская» коллекция И.П.Кузнецова-Красноярского[2,с.140]. А также сведения о путешествии Кузнецова имеют подтверждение:

> «Путешествие 1891г. по Северной Европе не стало случайным эпизодом в биографии И.П.Кузнецова. Возможно, особый интерес ученого к Скандинавии был связан с работами 1887-1889годах финского археологического общества, которыми руководил профессор Гельсингфорского университета историк - археолог И.Р. Аспелин. Маршруты его экспедиции, организованной с целью изучения предполагаемой прародины финского народа, проходили по Минусинской котловине. Алтаю Туве и Монголии. Ежегодно финские ученые посещали Томск, Минусинск. В 1887г-1889гг.И. П. Кузнецов и И.Р.Аспелин имели реальные возможности для совместных встреч». По предположению автора статьи О.Б.Беликовой:«нельзя исключить того, что Кузнецов совместил (или намеревался это сделать) поездку по Северной Европе с участием в работе международного географического конгресса, состоявшегося в августе 1891г в Швейцарии, вБерне. И.П.Кузнецов был неофициальным участником конгресса. Проведение экспедиции и знакомство с И.Р.Аспелиным, очевидно, подтолкнули И.П.Кузнецова к публикации перевода с французского языка части книги Ф.И. Страленберга « Историческое и географическое описание северных и восточных частей Европы и Азии». В которой характеризовались сибирские инородцы» [2, с.140,145].

В период до 1888 года в археологический отдел Музея Томского университета в дар от ученого поступила уникальная коллекция по культуре северо - американских индейцев, собранная им во время продолжительного научного путешествия по Соединенным Штатам Америки. Университетские музеи участвовали в выставках. Первая музейная выставка (с 27 декабря 1888г. по 8 января 1889г.) получила большой общественный резонанс. Привлекла внимание 1820-и посетителей, в их числе более 200 детей. Особенным вниманием публики пользовалась богатейшая коллекция по сибирской археологии и этнографии и совершенно своеобразная «Коллекция принадлежностей быта северо-американских индейцев». Выручка составила 623 рубля и была направлена в пользу общества содействия начального образования[3, с.87].

Коллекцией фотографий северо-американских индейцев пополнился и Минусинский музей. В одном из писем Н.М.Мартьянову И.П.Кузнецов писал:

> «Многоуважаемый Николай Михайлович! Посылаю Вам альбом американских фотографий, которых в настоящее время могу уделить для Минусинского музея небольшое количество, но надеюсь выслать Вам из Томска еще разных фотографий. Готовый к Вашим услугам. Ин. Кузнецов. Немир. 1886г.8августа»[9, л.8].

По рекомендациям Н.М. Мартьянова и И.Т. Савенкова 17 октября 1885годаИннокентий Петрович был избран членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского

географического общества. В 1896 и 1901 годах ученый был награжден памятными жетонами по случаю двух юбилеев географического общества: 50-летия Российского общества и 50-летия его Восточно –Сибирского отдела [2, с.142].

Совместно с И.Т. Савенковым, а также самостоятельно, чем заслужил известность в археологии. По мнению Н.М. Ядринцева, раскопки отмечались достаточно высоким научным уровнем для того времени. Кузнецов-Красноярский предпринял попытку собственной классификации курганов, внедрил новые принципы в традиционные приемы предшественников [13, с.178].

Многие раскопки И.П. Кузнецов производил по просьбе Н.М.Мартьянова. В одном из писем Мартьянову он обращался:

> «Милостивый государь Николай Михайлович!Покорнейше Вас прошу выслать обещанное мне, разрешение на право производить раскопки курганов в Минусинском округе. Если только можно, то пришлите, пожалуйста, несколько засвидетельствованных Минусинской полицией, копий с бумаги, владея которой я намерен нынче весной, с начала мая произвести несколько раскопок наиболее замечательных курганов. Прошу Вас дать мне также вроде наставления или инструкции, которая бы руководила меня во время работы. Если добытые вещи из курганов могут поступить в мое личное распоряжение, то я намерен сообщить, наиболее интересную коллекцию принести в дар Минусинскому музею, а остальные вещи выслать в основной Енисейский музей. Ответить потрудитесь в Аскиз на мое имя, так как я дня через три еду из Красноярска. Всегда готовый к Вашим услугам Иннокентий Кузнецов»[10,л.3].

С конца XIX столетия начинается новый этап в изучении археологического прошлого Хакасско-Минусинского края. В это время на «старинные укрепления и городища» обращают свое внимание такие исследователи, как Д.А. Клеменц, И.П. Кузнецов-Красноярский, И.С. Боголюбский, И.Р. Аспелин, В.В. Радлов, И.Т. Савенков.Горные сооружения, как правило, в системе фортификации имеют каменные стены, сложенные всухую из плоских плит песчаника или обломков рваного камня. В некоторых случаях прослежены каменно-земляные валы.Хакасская фольклорная традиция называет такие памятники све и считаются они средневековыми киргизскими или монгольскими крепостями. Впервые на существование термина све у местного населения Минусинского края для обозначения памятников, имеющих фортификационные укрепления в виде каменных стен указал археолог - любитель XIX века И.П. Кузнецов-Красноярский. Эти сооружения исследователь именовал «старинными укреплениями». В это же время и позже широко употреблялся и термин «городище». Зачастую, крепостями, укреплениями и городищами назывались одна и та же категория археологических памятников, такая как горные сооружения-све [1,с.2].

1 ноября 1905 года в Аскизе состоялся инородческий Съезд, на нем присутствовал глава Аскизской степной Думы, родовые старосты, доверенные от всех 12 родов и делегация от Усть-Абаканской Управы. Председательствовал на Съезде Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский. Активное участие в работе Съезда принял А.А. Ярилов, хорошо владевший хакасским языком. Взятый за основу проект устава, должен был установить связь между коренными народностями Сибири; выяснить и осветить их нужды, защитить их интересы, содействовать всестороннему изучению народностей, улучшить их хозяйство и быт, способствовать развитию просвещения среди них, организации медицинской помощи и добиться избрания хотя бы одного депутата в Государственную Думу от всех инородцев [6, с.52].

Иннокентий Петрович Кузнецов - Красноярский предпринял на свои средства издание исторического сибирского материала. Так он напечатал: Материалы для истории Сибири. вып.1.Томск1890; вып.2.Томск,1897. Он писал статьи и издавал книги. Среди

них: Исторические акты XVII столетия (1630-1699), Архив Аскызской степной думы (Томск.1892), Из Истории южных частей Енисейской губернии (Томск. 1908), Древние могилы Минусинского округа (Томск. 1889), Ясачные сборы в Сибири. (Томск. 1893), Приходные окладные ясачные книги Томского уезда 1706-1718 гг. (Томск 1893), С бытности губернаторской коменданты и Томского уезду в острогах и слободах приказчики, кто был и в которых годах и по каким указам, Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884г., Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии,Томский сын боярский Федор Протопопов, Рафли (памятники старинной русской письменности в Сибири), Описание празднования в Тобольске Кучук- Кайнарчжийского мира,Поездка г. Адрианова по южным частям Томской и Енисейской губернии летом 1883 г.

В типолитографии П.И. Макушина напечатана переделка романа И. А.Гончарова «Обломов» - «Утро Обломова»- автор И. П. Кузнецов.

На средства Иннокентия Петровича Кузнецова-Красноярского в 1886 году была издана в Томске книга Д.А. Клеменца «Древности Минусинского музея» (185 страниц) и приложенный к ней атлас рисунков (21лист). Издав книгу Д.А. Клеменца, И.П. Кузнецов способствовал распространению славы о минусинских древностях и авторитета ее автора в научном мире. Из 500 экземпляров половина была пожертвована в пользу Минусинского музея. Прежде чем книга вышла в свет, была долгая переписка между И.П.Кузнецовым и Н.М.Мартьяновым. В одном из писем Мартьянову Иннокентий Петрович писал:

> «Не менее 100 экз. потребуется мне для бесплатной раздачи (например, в Восточно-Сибирский Отдел Географического общества-6 экз, в Западно-Сибирский Отдел-5, в Сибирский Университет, в Вашингтон экз.10, и т.д....Затем для покрытия издержек сверх 500 руб., (которые я принимаю на себя) остается около ста пятидесяти экземпляров каталога, которые будут продаваться в магазине Макушина в Томске (цена 2р.50коп.). Вам поступит 250 экземпляров» **[11, л.18]**.

Из письма Мартьянова к А.В.Адрианову:

> «Музей не истратил на издание ни копейки. Все нужные расплаты делались и будут делаться Кузнецовым, который весь расход принял на себя, из 500 экз. 250 И.П. пожертвовал Мин. музею, себе оставляет 125 для бесплатной раздачи и 125 отдает в книжный магазин Макушина для продажи.. по 2р.25к. Издание И.П.Кузнецову обошлось в 1000 руб.» **[12, л.31]**.

Составитель атласа «Древности минусинского музея» Д.Клеменц в «Предисловии» книги писал:

> «Из лиц, оказавших мне содействие в моей работе, я считаю своим долгом упомянуть о заведующем Минусинским музеем Н.М.Мартьянове, горном инженере И.А.Лопатине, редакторе «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцеве; бывшем моем начальнике по экспедиции1883г.А.В.Адрианове, издателе каталога, члене Вост. Сиб. отдела И.Р .Геогр. Общ. И.П.Кузнецове, члене того - же общества Г.П. Сафьянове и крестьянине Тесинской волости П.Трухине. Все эти лица принимали живое участие в моей работе и помогали мне своими советами и сообщением полезных сведений, за что им приношу мою искреннюю благодарность» **[4, с.2]**.

Академик Д.Н. Анучин о значении труда Д.А. Клеменца «Древности Минусинского музея» в то время писал:

> « в немдается географический очерк Минусинского края, сообщаются все бывшие известными тогда сведения о местных древностях, и делается опыт истолкования древнейших исторических судеб края.» Работа эта обратила внимание на археологические сокровища Минусинского музея, который стал известен даже за

границей, и позже это вызвало появление большого атласа сибирских древностей Мартина на французском языке[7, с.92].

В библиотеке Минусинского музея находятся книги с автографом Иннокентия Петровича, а также уникальный подносной экземпляр книги А.А.Титова «Сибирь в XVII веке» с дарственной надписью на обложке, подаренный И.П.Кузнецову известным красноярским библиофилом Г.В.Юдиным.

Иннокентий Петрович Кузнецов дожил до 1916г. и скончался 13 января.

Материалы, принадлежавшие покойному И.П.Кузнецову, в 1920 году Ольга Ивановна Иваницкая передала через С.И.Руденко (заведующий кафедрой физики и физической географии в1919-1921гг.) в дар кабинету географии Томского университета. Скорее всего, среди них находились и «скандинавские древности» [2, с.146].

«Заведующему Кабинетом географии профессору Томского университета С.И.Руденко. Согласно принятого мною решения, сообщенного Вам еще в октябре прошлого года, прошу принять в дар для Томского университета принадлежащие мне археологические и этнографические коллекции, архивные документы и книги, оставшиеся после смерти И. П. Кузнецова. По составлении описи всех предметов, копию которой прошу прислать мне, и после разработки, пожертвованные мною коллекции и материалы прошу распределить по соответствующим учреждениям Университета по вашему усмотрению. О получении пожертвованных мною вещей прошу не отказать уведомить. Ольга Ивановна Иваницкая. Томск, 2 января 1920г.» [13, с.178].

Библиотека Иннокентия Петровича Кузнецова была передана в Мартьяновский музей города Минусинска.

«Вся библиотека недавно скончавшегося известного исследователя Сибири и сотрудника «Сибирской Летописи» И.П.Кузнецова - Красноярского приобретена в настоящее время Минусинским Мартьяновским музеем. Богатый отдел « Sibirica» музея теперь пополнится многими весьма ценными изданиями, имевшимися у покойного Иннокентия Петровича. Можно порадоваться, что редкая по подбору изданий библиотека перешла в надежные руки. Несомненно, что приобретение библиотеки – одна из крупных заслуг хранителя музея- Н.И. Тропина» - сообщалось в « Сибирской Летописи» за 1917год [15,с.78].

После смерти отца Мария Иннокентьевна Кузнецова решила передать некоторые документы и рукописи Иннокентия Петровича Кузнецова, хранившиеся у нее вМинусинский музей. Время тогда было неспокойное - предреволюционное. Мария отправилась на пароходе из Красноярска в Минусинск. Тогда весь багаж подвергался досмотру. И Мария Иннокентьевна провезла папку с документами, спрятав ее под одеждой[5]. Долго пылилась папка на полках музея до тех пор, пока ее не обнаружили сотрудники музея. Рукописи И. П. Кузнецова сохранились.

Большой вклад внес потомственный почетный гражданинИннокентий Петрович Кузнецов – представитель купеческой династии красноярских золотопромышленников Кузнецовых в изучение Сибири, а также в развитие исторического краеведения. Научные интересы Иннокентия Петровича были обращены в основном к истории и археологии Сибири. И.П. Кузнецов проводил раскопки курганов в Минусинской котловине, был тесно связан с деятельностью археологов при Минусинском музее, основанном в 1877 году, неоднократно вносил пожертвования на проведение экспедиций. К научным, публикациям и рукописям И.П.Кузнецова на протяжении многих лет обращаются археологи, историки, краеведы.

Список литературы

[1] Готлиб Андрей Иосифович. Горные сооружения-СВЕ Хакасско-Минусинскойкотловины. Археология/Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1999. С.2.

[2] Беликова О.Б. Скандинавская коллекция И.П.Кузнецова-Красноярского Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Том 1.2002. С.140,142,145,146.

[3] Дмитриенко Н. М. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности / Н. М. Дмитриенко, Э. И. Черняк // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 87

[4] Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Атлас. Составил Д.Клеменц. Издание Ин.Кузнецова. Томск. Типография Сибирской газеты. 1886. С.2.

[5] Домашний архив Серебренниковых - потомков Кузнецовых. Воспоминания М.И. Кузнецовой.

[6] Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири. Материалы научной конференции 23-24 июня 2005г. Абакан и Минусинск 2005г. ООО Фирма «Март». Абакан, 2005. С.52.

[7] Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX-начало XX вв. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995. С.92

[8] МКМ (Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова) КМ ВФ 3539 12 л.12.

[9] МКМ. оф.10677/8. л.8

[10] МКМ. оф.10567/3. л.3.

[11] МКМ. оф.10655/7-18. л.18.

[12] МКМ. оф.1о655/21-31. л.3.

[13] Ожередов Ю. И. Иннокентий Кузнецов-Красноярский и Василий Суриков — две жизни на одном пути // Суриковские чтения: Науч.-практ. конф., 2008. Красноярск, 2008. С.178.

[14] Серебренникова М. Е. Великие меценаты России. Кузнецовы / М. Серебренникова, Е. Серебренников. Красноярск: Буква Статейнова, 2020. С.133,170.

[15] Сибирская Летопись за 1917 год. №1-2. Иркутск. Типография Окружного штаба, 1917. С.78.

УДК 908

Забытый герой (о Харитоне Ивановиче Ткаченко)

Силонов Сергей Михайлович
ООО «МФЦ Полюс», г. Красноярск, Россия.
sms-63@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена одному из рядовых участников войн, которые Российская Империя вела в начале XX в. Обычный крестьянин из сибирской глубинки прошёл Русско-японскую и Первую Мировую, стал полным Георгиевским кавалером, получил офицерское звание и заслужил несколько офицерских орденов. Х.И. Ткаченко стоит в ряду тех немногих, кто за ратные подвиги получил шесть Георгиевских крестов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русско-японская война, Первая Мировая война, Берёзовская волость, Шипиловка, Георгиевский крест.

Прошло 108 лет с того дня, когда началась Первая Мировая война, которую современники называли Великой. Еще на 10 лет больше – с начала войны с Японией, ставшей для России первой большой войной в XX столетии. Отгремели сражения и уже давно нет в живых участников тех событий. Десятки тысяч енисейцев воевали на фронтах этих войн, но в нашем Красноярском крае, называвшемся тогда Енисейской губернией, мы не найдем памятников или мемориалов, которые служили бы напоминанием о тех трагических днях, данью памяти землякам-красноярцам, сложившим свои головы на полях сражений. Только в последнее время профессиональные историки обратили свое внимание на изучение вопросов об участии жителей Енисейской губернии в этих войнах, поэтому и исторических исследований на данную тему совсем еще мало. Немного сведений мы найдем и о простых солдатах, на чьих плечах лежал основной груз военных тягот.

Сегодня мы хотим рассказать о Харитоне Ивановиче Ткаченко – одном из наших земляков, который в первые два десятилетия XX века стал участником двух войн – Русско-японской и Первой Мировой. Сразу отметим, что информации о нем сохранилось немного и собирать ее приходилось, как принято говорить в таких случаях, буквально по крупицам.

Харитон родился и до 15 лет проживал в волостном селе Новопетровка Тираспольского уезда Херсонской губернии. В 1895 г. вместе со старшими братьями Иваном, Евсеем и сестрой Фетиньей приехал на постоянное местожи¬тельство в Сибирь – на участок Шипиловский Назаровской волости, что был обмерен и подготовлен для заселения переселенцами из центральных и западных регионов Российской Империи [3, л. 11–12]. Вместе с несколькими десятками семей из Малороссии они стали первопоселенцами будущей деревни Шипиловки, которая буквально через несколько лет, в 1900 г., в результате местной административной реформы вошла в состав вновь образованной Берёзовской волости.

Первой войной для Ткаченко стала Русско-японская, начавшаяся 27 января (9 февраля) 1904 г. с внезапного ночного нападения японских кораблей на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. В этот же день в дневное время в результате боя погибли ставшие впоследствии легендарными крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

Мобилизация в Сибири началась 2 февраля 1904 года. Все лица, находившиеся в запасе, чей возраст не превышал 35 лет, должны были явиться в уездные по воинской повинности присутствия, имея при себе документы, удостоверяющие их «состояние» в армии. Сборный пункт для призывников Берёзовской волости находился в селе Назаровском.

Ткаченко Х.И. был призван одним из первых и отправился на войну в со¬ставе 7 роты

18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, которому после окончания кампании было вручено Георгиевское знамя с надписью «За отличіе въ войну съ Японіей 1904 и 1905 годовъ». Неоднократно он бывал в «делах» с японцами, в одном из боев у реки Шахэ в конце февраля 1905 г. получил пулевое ранение.

Младший унтер-офицер Ткаченко был отчаянно храбрым воином. И об этом свидетельствуют его награды. За неполные полтора года пребывания на фронте Харитон Иванович Ткаченко заслужил три Знака отличия Военного ордена – IV, III и II степени [4, с. 49, 155, 354], являвшегося высшей наградой для солдат и унтер–офицеров за боевые заслуги и храбрость, проявленные против неприятеля (с 1913 г. народное название этой награды – Георгиевский крест – стало официальным). Первый крест – IV степени Ткаченко получил «за мужество и храбрость, оказанные им в боях с японцами 13–24 августа 1904 г. под Ляояном».

Красноярская газета «Енисей» (со ссылкой на корреспондента DailyMail) так описывала ожесточенные бои под этим городом: «Уже при первом штурме в течение целого часа русские и японцы работали саблями и штыками, и далеко был слышен шум звенящего стального оружия в бурной рукопашной схватке и яростные крики врагов. При втором штурме японцы как кошки вскарабкались на почти отвесные высоты и сцепились с русскими. Японские и русские солдаты падали кучами в пропасть. Нет возможности описать все ужасы этой безумной адской борьбы. Головы, руки и ноги валялись во множестве на земле. Каждая лужа воды окрасилась в темно-кровавый цвет» [2].

Мы уже отметили, что Х.И. Ткаченко за подвиги на войне получил три креста, на самом деле во время японской кампании он четыре раза награждался «Георгиями». Уже будучи награжденным крестами IV и III степени, он повторно был пожалован крестом III степени «за мужество и храбрость, оказанные <…> в боях против японцев во время усиленной рекогносцировки <…> с 10 апреля по 4 июня 1905 г.». Когда ошибка вскрылась, этот крест был заменен на Знак отличия Военного ордена II степени [4, с. 49].

После окончания войны Харитон Иванович Ткаченко вернулся в родные края и занимался крестьянским трудом. Всего девять лет продолжалась мирная жизнь. С началом Первой мировой войны Х.И. Ткаченко, состоявший на учете у Ачинского уездного воинского начальника, был призван в действующую армию с присвоением звания фельдфебель. В составе 48–го Сибирского стрелкового полка он воевал на Юго-Западном (в Карпатах) и Северном (в Прибалтике) фронтах. Уже в первый год за отличие в боях с неприятелем был награжден Георгиевским крестом I степени, став, таким образом, полным кавалером этой особо чтимой солдатской награды [5, с. 94]. 3 июля 1916 г. в боях у реки Кеккау (за Ригой) был ранен [6, л. 4]. За боевые отличия последовательно получил звания подпрапорщик и прапорщик.

В 1916 г. Харитону Ивановичу Ткаченко присваивается первое офицерское звание – подпоручик. В этом же году он был дважды награжден уже офицерскими орденами – Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» [6] и Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом (соответственно, за участие в боях с 11 на 12 марта и с 3 на 4 июля).

С августа 1916 г. 12-я Сибирская стрелковая дивизия, в состав которой входил 48-й Сибирский стрелковый полк, была переброшена на Юго-Западный фронт и до конца войны воевала в Галиции против австро-германских войск.

Во время июньского наступления войск Юго-Западного фронта – последней крупной наступательной операции Русской армии в Первой Мировой войне подпоручик Ткаченко совершил подвиг, за который был представлен к награждению военным орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени.

18 июня 1917 г. в бою на высоте Дзике-Ланы, командуя 5-й ротой в составе 80 штыков, видя, что «соседние роты в назначенный для атаки час колеблются выходить из своих окопов», подпоручик Ткаченко бросился впереди своего подразделения, первым вскочил

на бруствер немецкого окопа и своим примером увлек не только свою роту, но и соседние, тем самым положив начало успеху полка. Увидев, что огонь немецкого пулемета во второй линии обороняющихся, вносит смятение в ряды атакующих, Ткаченко «лично ручными гранатами перебил, а часть взял в плен прислугу при пулемете, а также захватил сам действующий пулемет, который тотчас же был им обращен против перешедших в контратаку немцев». Во время этого боя 5-я рота подпоручика Ткаченко, понеся потери в 5 человек убитыми и 10 ранеными, взяла в плен 50 немцев и захватила пулемет.

В бою Ткаченко был ранен, сильно контужен, некоторое время лежал без памяти, но после того, как пришел в себя, не ушел в лазарет, а остался до конца сражения в захваченных немецких окопах.

После боя командир 48-го Сибирского стрелкового полка на основании пунктов 11 и 24 статьи 7 Статута военного ордена Св. Великомученика и Побе¬доносца Георгия, подготовил представление о награждении подпоручика Тка¬ченко И.Х. военным орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени [6].

Надо сказать, что орден св. Георгия Победоносца, так же как и солдатский Георгиевский крест, являлся наградой, глубоко почитаемой в русском обществе. Это был боевой орден, дававшийся исключительно во время военных действий за подвиги, совершенные «на поле брани», которым удостаивались очень немногие. Но награждению (речь идет о III и IV ст. ордена), правом которого обладал только сам Государь Император и по его полномочию командующие армиями, предшествовал целый ритуал [7].

К командирскому представлению к награде в обязательном порядке при¬кладывались письменные свидетельские показания очевидцев, планы местности и иные документы, удостоверяющие совершение подвига. Когда в штабе армии накапливалось достаточное количество таких представлений, командующий для их рассмотрения созывал Георгиевскую Думу, назначая ее членами офи¬церов – Георгиевских кавалеров разных родов войск и разных частей, входящих в состав армии. Заседания Думы были абсолютно секретны. Председательствовал на них старший по званию, обычно – генерал. Для награждения кандидата требовалось, чтобы он получил большинство в 2/3 голосов.

Чем руководствовались члены Георгиевской Думы, принимая решение? Во-первых, они основывали свои выводы на Статуте ордена, который перечислял для каждого рода войск подвиги, дающие право на награждение. Во-вторых, они соотносили представленные сведения с обязательными условиями, которым подвиг должен был удовлетворять: героические действия выполнены в условиях неоспоримой опасности для жизни, то есть под огнем и в боевой обстановке; содеянное является полезным и ценным; события завершились успешным результатом. Если хотя бы одно из этих условий не выполнялось, представление отклонялось. Постановления Думы опротестованию не подлежали. По окончании её сессии председатель отправлял в штаб армии список «удостоенных».

Такую же процедуру прошло и представление на подпоручика Ткаченко. В рамках расследования информации о совершенном им подвиге были собраны и документально оформлены показания пятерых его сослуживцев – поручика Дмитриева, фельдфебеля Бурмакина, унтер-офицеров Бурмистрова, Пасечника и Семкина, бывших непосредственными свидетелями героических действий Ткаченко в бою. И только потом ходатайство, поддержанное вышестоящими командирами, было направлено на рассмотрение Георгиевской Думы [6].

У нас нет сведений, когда состоялось положительное решение Думы, но приказ командующего 7-й Армией «по удостоверению Георгиевской Думы и по предоставленной ему власти» о награждении поручика Х.И. Ткаченко орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени, был издан 31 октя¬бря 1917 года, т.е. уже после Октябрьской революции[6].

В многотомном фундаментальном труде С.Б. Патрикеева «Сводные списки кавалеров

Георгиевского креста» есть указание, что Харитон Иванович Ткаченко помимо уже перечисленных наград награждался еще одним Георгиевским крестом – IV степени с лавровой ветвью, установленным Временным пра¬вительством России летом 1917 года для офицеров «за подвиги личной храбро¬сти и доблести» [5].

К сожалению, мы не располагаем информацией, как сложилась дальнейшая судьба Харитона Ивановича Ткаченко, простого крестьянина из деревни Шипиловки Берёзовской волости Ачинского уезда, волею судьбы ставшего участником двух войн – Русско-японской и Первой Мировой.

Пройдя военной дорогой от рядового до поручика, он стал полным кавалером самой ценимой солдатской награды – Георгиевского креста, а уже как офицер заслужил еще четыре ордена – Св. Анны 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени, Георгиевский крест IV степени с лавровой ветвью, военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени. Эти заслуженные награды ставят его в ряд уникальных людей – очень не много в России было воинов, награжденных пятью Георгиевскими крестами, еще меньше тех, кто при этом имел орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

О Харитоне Ивановиче Ткаченко не сохранилось более подробной информации. Попытки отыскать свидетельства его жизни не принесли результатов. В Шипиловке, еще в 1960-е г. насчитывающей около 200 дворов, осталось всего пять домов, и никто из последних её жителей не вспомнил Харитона Ткаченко и не смог с уверенностью сказать, проживали ли в деревне его потомки: «Да, были Ткаченко, в 50–60-х годах уехали, а куда – не знаем». На сайте «Память народа» есть сведения о том, что житель деревни Шипиловка Берёзовского района Кирилл Харитонович Ткаченко, родившийся в 1914 г., пропал без вести в августе 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны [1]. Вероятно, речь идет о сыне Х.И. Ткаченко. Были ли у него другие дети и остались ли их потомки, неизвестно.

Мы надеемся, что эту статью увидят те, кто сможет дополнить наш рассказ о забытом герое.

Список литературы

[1] ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru (дата обращения 11.06.2022).

[2] Енисей. 21.09.1904. № 33.

[3] Заведующий по водворению и обустройству переселенцев в Ачинском подрайоне. То же на участок «Шипиловский» Берёзовской (Назаровской) волости Ачинского уезда (протоколы, списки, свидетельства, переписка) // МКУ «Архив города Назарово». Ф. 4. Оп. 1. Д. 19.

[4] Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. Сост. Д. Бутрым, И. Маркин. М.: 2006. 1496 с.

[5] Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста. I степень №№ 1–42 480. II степень №№ 1–85 030. М.: «Духовная Нива», 2015. 1012 с.

[6] Портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов». URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения 11.06.2022).

[7] Статут Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия // Проект «ГЕОРГИЕВСКАЯ СТРАНИЦА». URL: http://george-orden. narod.ru/statut1913s1.html(датаобращения 11.06.2022).

УДК 908

Енисейские купцы начала XIX века: Башуровы

Тронина Наталия Алексеевна
Кандидат экономических наук, г. Москва, Россия.
nataliiashishkina@gmail.com

АННОТАЦИЯ Купечество Енисейской губернии занимает особое место в рассмотрении истории купечества Сибири в целом. Вклад купеческих семей в развитие сибирских городов не получил значительного освещения в научной литературе, как фамилия енисейских купцов Башуровых. В данной статье представлены результаты генеалогического исследования рода Башуровых начала XIX века, относившихся к категории «гильдейских купцов» II и III гильдии. Новизна исследования заключается в представлении родословной росписи на основании глубокого исследования переписных книг, исповедных росписей, метрических книг за период XVIII – XIX веков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА купечество, енисейское купечество, Сибирь, меценат, благотворительность

В конце XVIII – XIX веков купечество составляло элиту города, было наделено значимыми социально-политическими правами наряду с сословием дворян, численность которых в сибирских городах была несущественной. С фамилией Башуровых связана история дома, в котором сейчас располагается Енисейский городской архив. Но вместе с тем, исследование рода купцов Башуровых и их вклад в развитие города Енисейска не нашло существенного отражения в работах краеведов. Башуровы относились к категории «гильдейских купцов» II и III гильдии и оплачивавших в казну подать в размере от 2,5% до 4% от объявленного капитала [1]. Происхождение купцов Башуровых и их прибытие в город Енисейск является дискуссионным вопросом. Из анализа научной литературы и архивных документов можно выделить две гипотезы.

Первая гипотеза: Башуровы прибыли в Енисейск из Усть–Кемской волости. Согласно авторам научной монографии «Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.)» [2]Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлевой, А.И. Погребняку, Башуровы происходили из мещан Усть–Кемской волости Енисейского уезда, существовавшей с 1783 по 1822 год, род занятий: хлебопашество и «разные работы». В 1722 году среди посацких людей Усть–Кеми встречаем: 722 года декабря месяца Енисейского уезда Усть–Кемской деревни житель «посацкой человек Филип Агафонов сын Башуров» [2].

В архивном документе «Книга переписная выбывших после I ревизии посадских людей, разночинцев и государственных крестьян г. Енисейска, Бельского, Маковского, Тосеевского, Кемского острогов со слободами и деревнями Енисейского у.» [3] в Усткемской деревне на 1748 год «Ис прежней генералитецкой полковников князя Сонцова Засекина переписи в городе Енисейскуис посацких и разночинцов и крестьян умерших, взятых в рекруты и другими разными случаи невозвратно выбылых А имянно» «ис посадских умершие Енисейского уезду» Филип Агафонов сын Башуров, Ефим Башуров, Иван Башуров. Стоит отметить, что в городе Енисейске на начало 19 века проживала еще одна семья Башуровых, согласно анализу метрических книг и исповедных росписей, имя Ефим является их родовым именем. В этой же переписной книге [3] «взято в рекруты ис посацких» на листе 34 из Усткемской деревни: Сергей Башуров, Фирс Башуров. В поколенной росписи отсутствуют имена Ефим, Фирс, Сергей, Филип, в связи с этим гипотеза о том, что Башуровы произошли из крестьян Усткемской волости, не жизнеспособна.

Вторая гипотеза: Башуровы с начала XVIII века проживают в Енисейске. В РГАДА в фонде 214 хранится книга 1390 (1704 год) «Переписная книга постоялых дворов Енисейска». На листе 25: «Двор посадского человека Павла Феофанова идучи с Абалаку к Мелничной речке по улице, что к квасной избе на левой стороне в межах в одну сторону двор казака Алексея Башурова, за ним государева посацкого человека Ивана Быстрого спереди (….) проезжая улица, позади ево огород. А на том дворе хоромного строения: две избы

против тех изб две клети, меж ими сенишка, все старое, изгнило. На огороде баня новая двух сажень, двор огорожен заплотом, все крыто дранью. Под тем двором и огородом земли мерою длиннику шестнадцать, поперег девять сажень. В избе живет на годовом найму приказной человек Яков Власов» [4]. В рамках генеалогического исследования был проверен библиографический словарь «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века», который оставлен на основе картотеки известного российского историка Д.Я. Резуна [5]. Сведений о Башуровых в нем не обнаружено, что говорит о следующем: либо Алексей Башуров находился в возрасте и не учитывался в числе казаков, а его дети причислялись к крестьянам или мещанам, либо сам Алексей перешел из казаков в мещане или крестьяне. Данная гипотеза является более жизнеспособной.

Родоначальниками купеческой династии являются три брата: Григорий, Василий и Павел, которые вошли в число купцов города Енисейска с 1811 года согласно Краткой летописи: «1811. По обывательской книгѣ градской думы въ этомъ году были купцы: … Башуровы Григорій Петровичъ, Василій Петровичъ, Павелъ Петровичъ» [6, С.174].

Согласно исповедным росписям, первым представителем рода Башуровых является Башурова Ирина Ивановна (ок.1740 – до 1798 гг.). В 1791 году семья Башуровых уже без главы семейства проживала в Енисейске в приходе Преображенской церкви (в настоящий момент церковь не существует, находилась при Гостином дворе, который снесли в 1930–х годах). В исповедных росписях [7] за 1791 год состав семьи Башуровых: глава семьи – вдова Ирина Ивановна Башурова, 51 год. С ней живут неженатые 24–летний Василий (ок.1767 – ?? гг.) и 21–летняя Ирина (ок.1770 – ?? гг.). Имя мужа Ирины Ивановны на сегодняшний день неизвестно. Также в доме по улице Береговой живет семья 32–летнего Башурова Петра (ок.1759 – ок.1792 (1793) гг.) и его жены 35–летней Матроны Алексеевны (ок.1756 – до 1806 гг.). Согласно исповедным росписям [7] у Петра дети: Григорий (14 лет), Павел (12 лет), Василий (10 лет) и Фекла (13 лет).

Вопрос о периоде появление капиталов у семьи Башуровых является дискуссионным. Из исповедных росписей следует, что первоначально Башуровы относились к мещанам, занимавшимся мелкой торговлей, которая потом переросла в капиталы, позволявшие членам семьи именоваться купцами второй и третьей гильдии.

В исповедных росписях [8] за 1794 год главой семьи остается вдова Ирина Ивановна Башурова, 51 год. С ней живут неженатые Василий (30 лет), Иван (20 лет), невестка ее Матрона Алексеевна (40 лет), у нее дети: Григорий (17 лет), Павел (14 лет), Василий (13 лет) и Фекла (15 лет). Ирину, вероятно, выдали замуж. Петр умер либо в 1792, либо в 1793 году.

В исповедных росписях [9] за 1798 год под номером 750 в городе Енисейске проживает семья Башуровых: глава семьи Матрона Алексеевна, 44 лет. Ирина Ивановна умерла в период с 1795 – 1798 годы, после ее смерти главой стала невестка, что свидетельствует о равноправном наследовании капиталов женщинами купчихами. С Матроной Алексеевной проживают Григорий Петрович (21 год), Павел (18 лет), Василий (17 лет), Фекла (20 лет).

Рассмотрим вклад каждого из трех братьев Башуровых в развитие города Енисейска.

Башуров Григорий Петрович (ок.1777 – 25.05.1814 гг.), старший из братьев Башуровых, енисейский мещанин, а затем купец третьей гильдии с 1807 года. Григорий Петрович вносил «патриотические» пожертвования на Отечественную войну 1812 года [2]. Стоит отметить, что в 1812 году из Енисейска на ведение войны с французами 29 купцов внесли финансовые пожертвования (ГАОО фонд 2, опись 1, дело 253, лист 17 – 18) [10].

В исповедных росписях [12] за 1804 год под номером 80 числится семья Башуровых во главе с Григорием Петровичем Башуровым (25 лет), с братом Василием (22 года), сестрой Феклой (23 года), матерью Матроной Васильевной (51 года). В исповедных росписях [13] за 1807 год состав семьи не меняется.

В исповедных росписях [14] за 1814 год состав семьи остается неизменным, за

исключением выбытии Феклы, вероятнее всего, ее выдали замуж.

Григорий Петрович в возрасте 35 лет умер «отъ желтухи» 25 мая 1814 года [15]. Линия Григория Петровича Башурова оборвалась, не оставив потомков.

В исповедных росписях [16] за 1822 год под номером 22 числится семья Григория Петровича отсутствует. Его жена Матрена Амбросимовна проживает в семье Павла Петровича Башурова.

Башуров Василий Петрович (ок.1781 – 30.04. 1831 гг.), средний из братьев Башуровых, енисейский купец 3 гильдии: с 1807 года и до 1831 года объявлял свои капиталы. Так же, как и его брат Григорий Петрович, вносил денежные пожертвования на Отечественную войну 1812 года [2]. Состоял в браке с Евдокией (Авдотьей) Григорьевной (1790 – 24.07.1860 гг.), которая после смерти мужа числилась в третьей гильдии купцов. Наследников капиталов у Василия Петровича и Евдокии Григорьевны не родилось. Согласно Краткой летописи Василий Петрович был выбран кандидатом в городской суд: «1828. Въ городской судъ выбраны: судьей купецъ Григорій Черноусовъ, кандидатомъ Василій Башуровъ» [6, С.217]. Избрание кандидатом в городской суд говорит, о важном социальном положении, ведь избирались только представители купеческого сословия, имевшие вес в обществе города Енисейска.

В исповедных росписях [16] за 1822 год под номером 23 числится семья купца Василия Петровича Башурова (38 лет), его жена Евдокия Григорьевна

(40 лет) и их воспитанница Агафья (13 лет). Попечительство над сиротами, в данном случае над Агафьей, считалось делом благородным и уважаемым в купеческой среде.

Василий Петрович умер «горячкою» в возрасте 48 лет 30 апреля 1831 года [17]. Линия Василия Петровича Башурова оборвалась, не оставив потомков.

Башуров Павел Петрович (ок.1780 – ок.1837 гг.), младший из братьев Башуровых, родился в 1780 году. Числился купцом третьей гильдии в 1811, 1812, 1827 годах. В 1821 году переходил в сословие «мещане», затем перешел в купцы. В 1812 году вносил пожертвования на Отечественную войну 1812 года [2].

Павел Петрович был женат на Стефаниде (Степаниде) Никоновне

(ок.1783 – ок.1858 гг.), девичья фамилия неизвестна. Под номером 102 в исповедных росписях за 1801 год [11] числится в городе Енисейске семья Башуровых, во главе с Матроной Алексеевной тем же составом, что в 1798 году. Мещанин Павел женился на Стефаниде (Степаниде) Никоновне, детей у них еще нет, то есть женились относительно недавно, примерно в 1800 году.

В исповедных росписях [12] за 1804 год под номером 77 в городе Енисейске проживает семья мещанина Павла Петровича Башурова (23 года), его супруга Стефанида Никоновна (21 год) и их первый сын Иоаким (Яким)

(3 лет). В исповедных росписях [13] за 1807 год в семье уже двое детей Яким

(6 лет), Дарья (3 лет). В исповедных росписях [14] за 1814 год семья Башуровых расширилась до шести наследников: Яким (13 лет), Дарья (11 лет), Егоръ

(7 лет), Михайло (6 лет), Александръ (1 год), Александра (8 лет).

В исповедных росписях [16] за 1822 год под номером 22 в городе Енисейске проживает семья купца Павла Петровича Башурова (41 год), его супруга Стефанида Никоновна (42 лет), сын Яким (22 лет), Георгий (Егор)

(19 лет), Михаил (13 лет), Александръ (10 лет), Александра (16 лет), Анна (7 лет), Александръ (3 года), жена Иоакима Марфа Фадеевна (23 лет), вдова Матрона Амбросимова (41 год), жена Григория Петровича. Дарью, вероятно, выдали замуж. Жен умерших братьев не оставляли без внимания, обычно переходили в семьи братьев покойного мужа.

Павел Петрович оставил после себя не только большое количество потомков рода Башуровых, но и вклад в общественную жизнь города Енисейска. Павел Петрович участвовал в делах местном городском самоуправления, в частности в жизни церковного прихода. Семья Башуровых кроме обязательного посещения церковных служб и внесения

пожертвований в храм участвовала в выборах церковно-приходских старост. В частности, Павел Петрович в 1821 году избирался церковно-приходским старостой Преображенской церкви города Енисейска, по данной должности он занимался финансовыми и хозяйственными делами прихода, что было сопряжено с существенными личными расходами. Таким образом, на должность церковного старосты избирались люди состоятельные, в число которых входил Павел Петрович. Согласно правилам Священного Синода, данная должность избиралась на собрании прихожан, церковного клира и в присутствии благочинного городских церквей города Енисейска. Церковным старостой мог быть избран не каждый желающий, а лишь человек уважаемый и деятельный.

В Красноярском краевом архиве на хранении находится дело «Дело о выборе церковным старостой Градо-Енисейской Преображенской церкви купца М. Черноусова», в котором содержится характеристика на Павла Петровича: «...которого зная доброе состояние и особливую приверженность ко Святей Церкви, надеемся, что возлагаемую на него должность исправит с должным рачением. При всем же том он... поведения примерного, в штрафах и наказаниях никогда и ни за что не бывал, а потому и дано ему сие одобрение...» [18]. Занимание должности старосты одобрялось прихожанами, ценилось духовными властями: старост награждали грамотами и медалями, что способствовало росту авторитета купцов в обществе.

Павел Петрович был отмечен Кытмановым А.И. в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594 – 1893 год»: «1831. Купцовъ считалось 70: 1-й гильдіи 4, 2–й 4 и 3–й. ... Эти первогильдейцы были Хорошихъ, Кобычевъ, Толстыхъ. Кромѣ нихъ были тогда купцы Терентій Тронинъ, ... Павелъ Башуровъ» [5, С.220].

Павел Петрович умер в 1837 году, в наследство сыновьям оставил каменный двухэтажный дом на Набережной Енисея. В Краткой летописи за 1788 год имеется следующая запись: «1788. Енисейскимъ городничимъ назначенъ секундъ-майоръ Евсѣевъ. Онъ служилъ въ Енисейскѣ пять лѣтъ, а съ 1792 по 1795 годъ заключался по дѣлу о законопротивныхъ поступкахъ. Евсѣеву принадлежалъ въ Енисейскѣ по Береговой улицѣ Каменный домъ; онъ быль впослѣдствіи проданъ имъ купцу Трескину; сыномъ послѣдняго проданъ Башурову, а послѣднимъ Кытманову» [5, С. 133]. Дом сохранился до наших дней, сейчас в нем располагается Енисейский городской архив, как памятник сибирской архитектуры первой половины XVIII века с чертами «петровского барокко». Так же в собственности у Павла Петровича был дом по улице Береговой: «Василий с Павлом имели общую усадьбу на ул. Береговой в двух домах, один из которых (двухэтажный каменный), судя по купчей крепости, принадлежал им с 1810 года» [2, с.99 – 100].

После смерти Павла Петровича в 1837 году его сыновья, хотя и были женатыми, продолжали жить вместе и приумножать наследный капитал от отца. Согласно исповедным ведомостям, после смерти мужа Стефанида Никоновна объявляла капитал по третьей гильдии. В браке у Павла Петровича со Стефанидой Никоновной родилось десять детей, представленных в родословной росписи (рисунок 1). Потомки Павла Петровича Башурова продолжили купеческое дело, представляли гильдийское купечество города Енисейска 2 и 3 гильдий.

Список литературы

[1] Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний: [Утв. 14 нояб. 1824 г.]. – Печатан в Санктпетербурге при Сенате ноября 23, а в Москве при Сенате ж декабря 4 дня 1824 года. – [М.: Сенат. тип., 1824]. – 52 с.

[2] Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) /

[3] Г. Ф. Быконя, Е. В. Комлева, А. И. Погребняк. – Новосибирск: издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2012. – С 98 – 99.

[4] Книга переписная выбывших после I ревизии посадских людей, разночинцев и государственных крестьян г. Енисейска, Бельского, Маковского, Тосеевского, Кемского острогов со слободами и деревнями Енисейского у. – РГАДА фонд 350, опись 2, дело 957, лист 23.

[5] Переписная книга постоялых дворов Енисейска 1390 (1704 год). –РГАДА фонд 214, опись 1, лист 25.

[6] Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: биобиблиографический словарь / И. П. Каменецкий, Д. А. Ананьев,

[7] Е. В. Комлева, Е. Н. Туманик. – М.: Нестор-История, 2020. – 988 с.

[8] Кытманов, А.И. «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594 –1893 год»/Кытманов А.И.// Красноярск: Сиб. Федер.ун-т, 2016.

[9] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1791 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 32.

[10] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1794 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 79, лист 34.

[11] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1798 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 90, лист 42.

[12] Государственный архив Омской области фонд 2, опись 1, дело 253, лист 17 – 18).

[13] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1801 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 92, лист 58.

[14] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1804 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 102, лист 49.

[15] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1807 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 114.

[16] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1814. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 137.

[17] Метрическая книга Градо-Енисейской Преображенской церкви за 1814 год. – ГААК фонд 819, опись 1, дело 138.

[18] Исповедные росписи прихожан Енисейской Преображенской, Енисейской Воскресенской церквей за 1822 год. – ГАКК фонд 819, опись 1, дело 151.

[19] Метрическая книга Богоявленского собора за 1831 год. – ГААК фонд 261, опись 1, дело 5.

[20] Дело о выборе церковным старостой Градо-Енисейской Преображенской церкви купца М. Черноусова. – ГАКК фонд 812, опись 1, дело 666, лист 1.

УДК 94(57)

Адъютант (Тулуш Лама Шомбулович)

Тулуш Нина Тулушовна
Краевед, с. Булун-Терек Чаа-Хольского района Республики Тыва, Россия.
ninaertine@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена земляку автора, помощнику капитана Тулуш Кечил-оола Балдановича,командира тувинского эскадрона в годы Великой Отечественной войны Тулуш Лама Шомбулович.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Народная Республика, Кызыл, коммунист, адъютант.

Адъютант – это помощник командира тувинского эскадрона Тулуш Лама Шомбулович,один из участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Он доброволец–фронтовик, один из храбрых и смелых молодых парней, выбранных из множества добровольцев, один из первых подавших заявление об отправке на войну с фашистами. В его личной военной учетной карточке отмечено: «Лама Тулуш Шомбулович 1922 года рождения. Уроженец с.Булун-Терекс (с. Кызыл-Даг) Чаа-Хольского кожууна. Окончил объединенную школу в г. Кызыле. Перед отправкой на фронт прошел военную службу. Был назначен ординарцем капитана Тулуш Кечил- оола Балдановича».

Лама Тюлюш Шомбулович родился в многодетной семье чабанов Шомбул Тулуш в местечке Ак-Хем села Кызыл –Даг (села Булун-Терек) Чаа-Хольского района. У отца сыновья Лама-младший и Сандак-старше его на два года, с самого раннего детства они были озорными, подвижными, резкими мальчиками.В каникулах они приезжали в зимнюю стоянку. С дес10–12 лет мальчик Лама с отцом и братом Сандак ходили на охоту, усваивал народную медицину, кузнецкое мастерство, декоративно-прикладное искусство, занимался джигитовкой, научился ножевому бою, овладел спецификой, умениями и навыками, методами и приемами.

Отец Шомбул Тулуш был одним из самых метких стрелков–охотников из аратов этой местности. Он учил сыновей стрелять из ружья, учил всем тайнам охотничьей жизни. Мальчики с большим удовольствием и интересом усваивали навыки и умения охотника. Таким образом, стали самыми закаленными, выносливыми, сильными, смелыми. Даже в темной таежной ночью они отлично ориентировались по местности, заслуживали похвалы отца и их друзей–охотников. Даже удивляли их.

Лама Шомбул окончил четвёртый класс в Булун-Терекской «Красной юрте» ликвидации безграмотности населения, где обучались разновозрастные учащиеся. Самого необычного, одаренного от природы мальчика заметили председатель села и родители. Отправили на учебу в г. Кызыл вместе с одаренными детьми. Окончил объединенную школу в г. Кызыле.

В 1938–39 гг. вступил в ряды Революционной Армии Тувинской Народной Республики. Учитывая его способности от природы, хорошие физические и спортивные данные, интеллектуальный уровень, командование армии приняло решение направить его на учебу в курсы объединенного полка на летное отделение, он стал курсантом и обучался вождению самолета марки «У-2», усвоил боевые припасы.

Когда началась Великая Отечественная война, 22 июня 1941 года в 4 часа утра, все советские люди спали, отдыхали. Фашистская Германия напала на Советский Союз без объявления войны, поэтому никто не знал, что на рассвете начнется война. Тогда Лама Тулуш было 19 лет. Перед отправкой на фронт он прошел военную службу. Был назначен ординарцем Тулуш Кечил-оола Балдановича, капитана эскадрона тувинских добровольцев. В составе тувинского эскадронабыло всего 206 бойцов, из числа многих

желающих, выбранных комиссией, самых лучших молодых парней и девушек – выносливых, сильных, храбрых и смелых, решительных, начитанных отличных спортсменов–борцов, бегунов, стрелуов-охотников, умеющих ориентироваться на местности.

1 сентября 1943 г. из г. Кызыл Тува провожала на войну 206 тувинских бойцов, в их составе 10 девушек–санинструкторов. Эскадрон в 1943 г. с сентября до ноября в городах Муром и Ковров прошёл боевые учения .16-го ноября 1943 г. прошли отлично экзамен по критериям военных обстоятельств в различных этапах. По итогам главный инспектор–эксперт эскадрона Советской Армии отметил: «Военная и политическая подготовка бойцов эскадрона на лучшем уровне. Достойно прошли экзамен все бойцы тувинского эскадрона»

31 ноября 1943 г. в селе Верхняя Снегиревка (территория Украины) тувинские добровольцы эскадрона под командованием капитана Тулуш Кечил-оола Балдановича приняли «Военную присягу». Получили коней, боеприпасы, нагрудные знаки «Гвардеец», были приняты бойцами Шестого корпуса конной армии Восьмой гвардейской дивизии под командованием полковника Павлова, 31 гвардейского полка Четвёртого гвардейского эскадрона Красной Армии под командованием генерала Ефима Абрамовича Попова и его помощника генерала Куц Ивана Федоровича. Так и началась их военная жизнь на передних линиях фронта Великой Отечественной войны против захватнических действий фашистской Германии. Участвовали в войне и освобождали до апреля 1944 г., проехав путь сражений в самые напряженные периоды с фашистами от городов Киев, Дубно, Ровно и более семидесяти сел Украины, до Карпатов. Боевые друзья Ламе дали ему имя Борис, его стали называть Борисом Шомбулович Тулуш [7, с. 41].

«Трубач. Старший сержант. Ординарец командира эскадрона. Старший сержант Гвардии Лама Тулуш проворно, ловко, расторопно раздавал приказы капитана Тулуш Кечил-оола Балдановича-командира полка эскадрона, командирам взводов» – так отмечал в своем боевом дневнике парторг полка гвардии капитан Автунов в феврале 1944 г. Лама Тулуш зафиксировал боевые результаты каждого добровольца, результаты каждого боя, проверял и докладывал о боеприпасах эскадрона, о состоянии медицинских препаратов у санинструкторов эскадрона, анализировал по картам боевой путь разведчиков–связистов эскадрона, тактику и методы, приемы штурма, изучал и анализировал чрезвычайные ситуации в бою, анализировал боевые действия бойцов и давал советы бойцам.

Под командованием капитана Кечил-оола, его адъютанта Лама Тулуш, боевой эскадрон тувинских добровольцев освобождал города Ровно, более 70 городов, сел, в том числе самые тяжелые сражения вели с фашистами за освобождение городов Ровно, Дубно, сел Деражно, Пахарельцы, Полесье, Сурмичи, и многие другие села Украины, по опасным огненным дорогам войны под пули и бомб, взрывов гитлеровцев, днем и ночью, не зная покоя и сна. Адъютант Лама Тулуш выполнял самые ответственные поручения капитана Тулуш Кечил-оола, героически сражаясь с фашистами. Он гордился тем, что именно он был самым главным помощником капитана, готовый на все: бывали случаи, что на краю смерти выполнял самые сложные и ответственные поручения капитана.

–Товарищ старший сержант! Возьми с собой верного товарища, найдите взвод командира Оолак. Если за 2–4 часа не найдете, возвращайтесь! Нам доложили о том, что вблизигорода Ровно, примерно 25 км от эсэсовцев, полицейские полки движутся взад–вперед. Почему? С какой целью? Серьезно изучать эту чрезвычайную ситуацию, не ослабить бдительность – дал приказ капитан эскадрона Тулуш Кечил-оол своему адъютанту Тулуш Лама.

- Есть, товарищ капитан! - смело докладывал Тулуш Лама.

Со своим боевым товарищем верхом вели разведку. В лесу почувствовали запах махорки. Увидели людей. Незаметно приблизились и тихо наблюдали за ними. Они общались на каком-то непонятном языке, но точно не по-немецки. Их было семеро.

Они стояли у маленького костра, грелись. Готовя автоматы к стрельбе, два разведчика приблизились к костру.

–Какая рота? – спросил Тулуш Лама.

–Третья сотня – по-русски отвечал человек в казацкой бурке. Лама Тулуш вспомнил, что они – из Власовской роты – третья сотня – предатели-паны с группой местных. Некоторые жители Украины, которые предавали своих фашистам, помогали фашистам в сборе сведений о коммунистах в городах Украины, доносили гитлеровцам информации о военных тайнах и боевых силах, действиях советской армии в территории Украины. Лама Тулушзаметил,что на шапках у этих людей не было красных советских звезд или красной полоски, которые носили партизаны. Они узнали их. И моментально в них выстрелили, увидев, как они тайком из-под овчинных шуб вынимали ружья, чтобы выстрелить в них. Тувинцы быстро поскакали. Проскакали несколько километров. Вдруг услышали: «Стой! Кто идет?». И сразу услышали разговоры на тувинском языке. Они узнали своих – тувинцев взвода Оолак. Вместе приехали к стоянке эскадрона. [2, с.194]

Бывали бессонные тревожные грозные ночи и дни, тяжелые бои, теряли своих боевых друзей, самые горькие минуты жизни глаз на глаз со смертью. Но Лама всегда побеждал, потому что он самый меткий стрелок, сын опытного меткого стрелка–отца, опытного охотника таежной Тувы. Обученный отцом с раннего детства, он был отличным снайпером, хорошим спортсменом, привыкший всегда побеждать. Капитан Кечил-оол Тулуш всегда надеялся и верил на своего помощника Лама Тулуш, его отлично знал, поддерживал. В то время телефонная связь была только между полком и дивизией. А у эскадрона не было специальной связи. Информации, приказы и донесения передавались только разведчиками, с рук на руки. Во время сражений командир эскадрона всегда должен находиться впереди всех, вожаком: направлять по карте боевые действия, приказывать, управлять эскадроном. Донести все сведения, докладывать, даже умирая. Хорошо знать своих бойцов на каждой битве, быть ответственным за них, их спасти от смерти, если надо, за них идти на смерть. Тулуш Лама хорошо знал боевую тактику капитана Тулуш Кечил-оола: он сначала всегда приказал уничтожить огневую точку (амбразуру, т.е пулемет в охране) фашиста, затем только вступить в бой. Это был неписанный принцип капитана. Этой мудростью капитана Тулуш Кечил-оола был поражен командир полка Попов. «Кечил-оол –такой славной был, что ему завидовали все». – так Лама особо отмечал и гордился капитаном.

Бывали случаи, когда от пули умерли кони, в темной ночью с фашистами в рукопашный бой вступили тувинцы. В таких жестоких боях тувинцы всегда побеждали фашистов. Им всегда помогали охотничьи ножи, тувинский национальный хуреш. Хотя маленькие по росту тувинцы, всегда были сильнее фашистов: резкие, быстрые, гибкие, сильные, с крепкими мышцами, ловкие – тувинцы всегда уничтожали фашистов. «Когда фашист убегал, тувинец всегда догонял его и только взмахнет моментально и конец всего для фашиста» – так вспоминал Лама о своих лихих орлах из-за Саянских гор. Такие бои без оружия часто бывали. Эскадрон находился в лесу. От гнева и ненависти к фашистам-захватчикам, сражались без пощады, уничтожая их. Очень хорошо действовали тувинские разведчики. Они одеты были в национальных шубах, обувь из медвежьих и волчьих шкур. Немецкие овчарки немцев их как огня боялись. Они обратно бежали с испугом к своим немцам. Четверо или пятеро уходили тайком в полночь в местность, где фашисты устроили пьяный праздник в захваченных территориях, тувинцы уничтожали целые взводы немецких захватчиков.В темную ночь тайком подкрадываясь, уничтожали национальными луками и охотничьими ножами, сначала караульных, проникали в стоянку немцев и уничтожали всех. И никакого шума или подозрения не было со стороны противников. Такие боевые действия тувинских бойцов ускорили освобождение Украины от немцев.

«…Самым тяжелым был бой за освобождение города Ровно Украины, продолжался

долго. Невыносимо тяжело было Тулуш Лама, когда его родной брат Сандак, старше его на два года пал смертью храбрых, в неравном бою при освобождении железнодорожного вокзала. В этом же месте, переправляясь через бугор, Лама был ранен в ногу. На помощь прибежала Норжун – санинструктор–землячка, родом из села Чаа-Холь, перевязала рану, откуда текла кровь. Если она не пришла вовремя, наверно, вся кровь вытечет. Она меня спасла от смерти, и я быстро пополз за бугор, в безопасное место, а потом донести информацию» – с радостью и благодарностью вспоминал адъютант. В этом бою мы потеряли почти половину своих боевых товарищей, многие были ранены, поэтому из 206 бойцов остались только 60 свыше наших. Поэтому Четвёртому эскадрону понадобились дополнительные силы. Он в этом бою, хотя был тяжело раненым в ногу, на своих плечах носил своих раненных бойцов, оказывал первую медпомощь, подбадривал, спасал, помогал. Тогда мы уничтожили 24 автомашин фашистов, отобрали 5 пушек, уничтожили более 800 сот немцев,14 миномедов,3 аппарата связи, 8 танков, и отобрали автоматы, немного коробок пули, гранаты немцев…» [5, с. 71]

Бывало, что почти три–четыре дня не было продуктов питания, даже кусочка хлеба, и шли проливные холодные дожди, или сильные ветры. А зимой вьюги, сильные снежные холодные ветры. Бойцы тувинского эскадрона в большинстве случаев, даже зимой, находились в лесу под открытым небом, прямо на снегу,всегда начеку, готовые к бою. Ночью на разведку пешком ходили по сугробу. Фашисты очень боялись бойцов эскадрона, потому что внезапно молниеносно нападали на них тувинцы, беспощадно уничтожая их, всегда побеждали. От страха по глубокому снегу леса не смогли они далеко убежать, взмахнет саблей тувинец–всадник, и всему конец для фашиста.

Долго длилась битва за освобождение села Дубно, выполняя эту операцию, конная армия под командованием Биева за три месяца в наступательных боях израсходовала весь запас боеприпасов, боеспособности. От 206-ти бойцов капитана Кечил-оола остались только 169 с лишним бойцов на передней линии фронта.

Тулуш Лама очень гордился тем, что в годы войны получил возможность лично встретиться с начальником по кавалерийским частям Советской Армии, Героем Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным, который восхищался целеустремленностью, храбростью, смелостью тувинских бойцов.Однажды, в марте 1944 г., после горячих схваток, капитан Кечил-оол обратился к Лама Тулуш в блиндаже (в землянке для охраны):

– Товарищ старшина! Нас вызывает командир дивизии полковник Попов. Пошли.

Они вдвоем сразу прибыли в штаб командования полка.

– Товарищи, добровольцы! Я поручаю вам выполнить особо ответственное задание. Эту информацию донести до главнокомандующего конной армией, Семена Михайловича Буденного. – приказав, полковник дал капитану Кечил-оолу письмо, приклеенное сургучом.

– Служу Советскому Союзу! Разрешите выполнять. – дал рапорт капитан Кечил-оол.

– Хорошо, приступайте. – разрешил полковник. Капитан Кечил-оол в свою очередь повернулся на гвардии старшине Тулуш Лама, сказал:

– Изумительная ответственность попала на нас. Быть в самой бдительности. А то нельзя. А теперь отправляйся в Москву. Вместе с тобой поедет командир разведочного полка майор Кузнецов – по-товарищески объяснил он.

– Слушаюсь, товарищ капитан! – докладывал старшина гвардии Лама Тулуш.

Ему казалось тяжелым это письмо, даже когда он брал его в руки. Тогда Лама Тулуш даже не думал и не осознавал о том, что этот славный разведчик полка, рядом скачущий Кузнецов Иван Тимофеевич, станет близким другом тувинских добровольцев, позже он становится автором книги о тувинских добровольцах «От Саян до Карпат ». Русский и тувинец рядом стремительно скачущие верхом вперед на выполнение задания особо важного назначения, и он же во всей своей жизни может стать самым близким и родным,

и на них легла особо важная ответственность за донесение информации до Москвы… Об этом он тогда, наверно, даже не осознавал, не осмыслил.

Получив письмо, двое всадников–бойцов верхом отправились в Москву. Тогда в Москве уже началась мирная жизнь. Трамваи ехали по графику, легковые машины и грузовики ездили по улицам потоком. Работали магазины.

Прибыли в посольство Тувинской Народной Республики в г. Москва, вместе с полномочным послом пришли в Кремль. В одной из светлых сверкающих золотом орде торжественно и тепло и с радостью принял делегацию, в том числе Лама Тулуш и Кузнецова Ивана Тимофеевича, Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Об этом в своих воспоминаниях писал: «Я радовался и гордился, но волновался при встрече с легендарным героем. Но маршал был простодушным, скромным, человечным, великодушным, и когда мне протянул руку и крепко пожал мою руку, я чувствовал сразу себя свободно, исчезло во мне волнение, и свободно отвечал на его вопросы. При разговоре с ним, я узнал, что он интересовался с жизнью тувинского народа и знает о Туве немало. С изумлением рассказывал, что тувинцы с самого рождения на седле самых хороших скакунов. Он сказал, что с малых лет на седле – значит, из него вырастит настоящий бесстрашный кавалерист–боец. И высоко подняв руку, он с радостью улыбался. В его улыбке сверкала восхищение и изумление.

– Молодцы-тувинцы – легендарные орлы из-за саянских гор! – еще раз крепко пожал мою руку и встал. Со стола дал мне проклеенный сургучом письмо. Я прочитал на обложке конверта строки: «Генеральному секретарю Центрального комитета Тувинской Революционной Партии товарищу Тока СалчакКалбак.-Хорекович лично».

Ехали в попутных машинах, ходили пешком, проскакали через степи Сибири, прискакали в город Абакан – столицу Хакаской Автономной области. Фронтовиков встретил Министр обороны Тувинской Автономной Республики Монгуш Човекович Сувак, земляк Лама, родом из села Ак-Туруг Чаа-Хольского района. Земляки, знакомые и близкие родные радовались удачным боям и победе добровольцев–тувинцев. На легковой машине Министра обороны Тувинской Народной Республики они приехали через день и ночь рано утром в г. Кызыл. А генерального секретаря Тока С. К-Х. не было в правительстве. Он уехал в командировку в западные районы Тувы. Вышли в путь и застали его в местечке Дон-Терезин по дороге посреди степи Шагонар и Чаа-Холь. Встреча и подача письма состоялась прямо в пути. Лама Тулуш с восторгом и гордостью рассказывал о простоте, великодушии, доброте и скромности Тока: «Он общался с нами с особым вниманием, уважением, относился ко мне с большой заботой. Он вкратце рассказал о содержании письма, Министру Сувак Човековичу и мне,» – так Лама вспоминает в своем дневнике. … «Бесстрашные сыновья и дочери Тувы на полях сражения совершая героические поступки, не щадя своей жизни, выполнили священную клятву перед братской Россией. Таких храбрецов в свои боевые ряды Красной Армии всегда с удовольствием и большим желанием принять готова Россия…Так выражено в письме, сказал Тока с гордостью и радостью…»

В 1944 г. адъютант Тулуш Лама Шомбулович, вместе со всеми 169 добровольцами из Тувы вернулся домой с фронта. Жители г. Кызыл, члены правительства Тувинской Народной Республики торжественно встретили своих героев–добровольцев. Генерал Салчак Тока пригласил Лама Тулуш шомбуловича с предложением поучаствовать в встречах с народом. Он побывал во многих селах и городах на встрече с народом, рассказывал о войне и своих боевых товарищах и их героических поступках.

Член революционной партии ТНР. В 1949 г. окончил высшую партийную школу в Москве. Тулуш Лама Шомбулович работал комсомольским секретарем военного специального Орденоносного полка Тувинской Революционной Армии в г. Кызыле, в

партийных органах, органах Министерства Внутренних Дел, в Комитете Государственной Безопасности.

За всю свою жизнь вел и пропагандировал партийную работу. Среди населения он организовал различные конкурсы песен и выразительного чтения о КПСС, о вожде пролетариата Владимире Ильиче Ленине, о мире, космонавте Юрия Гагарине, о героях–фронтовиках, сослуживцах. Его приглашали в школы, в детские центры, молодежные дворцы культуры, праздники Победы. Он был внештатным корреспондентом газет «Шын» («Правда»), «Тувинская правда», «Тыванын аныяктары». Публиковал информации о жизни, о проведенных мероприятиях, очерки о тружениках села, однополчанах, о партийной жизни.

В 1965 г. работал председателем райпо. Много лет проработал в республиканской прокуратуре в г. Кызыле начальником финансового отделения. Вышел на заслуженный отдых. Советское правительство высоко оценило героический подвиг Тулуш Лама Шомбуловича. Он награжден орденом Красной Звезды, орденом ТНР, орденом Великой Отечественной войны 2-ой степени, обладатель многочисленных медалей боевой славы.

Жил в г. Кызыле до 1983 г., работал в комитете респрофсоюза Тувы. Активно участвовал в мероприятиях, посвященных Великой Победе над фашисткой Германией, трудовых праздниках, спортивных соревнованиях среди ветеранов спорта, многократно занимал первые места, награждался дипломами и грамотами. Он был очень энергичным, поэтому не смог сидеть дома, постоянно участвовал в проводимых конкурсах, фестивалях художественной самодеятельности, спортивных соревнованиях по легкой атлетике, по лыжным гонкам, шахматам, бильярду, волейболу, футболу, национальной борьбе «Хуреш».

Да, действительно, он родился в нашем селе Булун-Терек, об этом рассказывали жители нашего села – ветераны,которые видели его своими глазами, общались, в г. Кызыле побывали в его доме в гостях. Тулуш Лама Шомбулович до 2002 г. часто приезжал в наше село на встречи в клубе села, в нашей школе, в библиотеке села. Летом во время отпуска побывал много раз в родном местечке Ак-Хем, где он родился, где он жил, выполнял обряды по традициям предков. Он отдыхал у родственников Араптан Александра Тулушовича и племянницы Маннай-оол Ноября Максимовны, дочери младшей родной сестры Тулуш Анны Шомбуловны, проживавших до 1997 г. в с.Булун-Терек Чаа-Хольского района. Он подарил музею школы села Булун-Терек материалы о себе, об участии в войне, о боевых друзьях, фотографии своих боевых друзей. На встречах с учащимися и земляками в клубе, школе рассказывал о том, как сражались с фашистами, как после войны по приглашению побывали на могилах своих боевых товарищей в Киеве Украины. Коммунист. Он от природы имел организаторский талант, хорошо пел, плясал, танцевал, играл на национальных инструментах: хомусе, лимби, чадагане, балалайке, тувинском национальном инструменте дошпулуур. Обладал артистичностью, красивым голосом. Он часто приезжал в родное село Кызыл-Даг (Булун-Терек) в гости сельский клуб, школу. Его земляки с большим уважением слушали, приглашали в гости к себе родственники, друзья, одноклассники. Его очень любили, и каждый раз на сцену приглашали. Он никогда не отказывался, даже когда собирался уезжать в Кызыл. Он с удовольствием возвращался и поднимался на сцену и исполнял художественный номер по просьбе своих земляков. Земляки его очень любили, ценили, уважали. Он был культурным, тактичным, добрым и интересным, веселым, жизнерадостным человеком. С простой душой, великодушный интеллигент. Никогда не ставил себя выше других, хотя он был гениальным, очень талантливым мудрецом.

Он ушел из жизни в 2002 г. по болезни. Похоронен в городе Кызыл.Его ценят и помнят, свято хранят в памяти земляки.

Список литературы

[1] Бондаренко Т.А., Ооржак Т.Д., Монгуш Б.Д.Тува в годы Великой Отечественной войны в документах. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2005. 232 с.;

[2] КузнецовИ.От Саян до Ровно. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1983. 224 с.;

[3] История Тувы.Т.2. Новосибирск: Наука, 2007. 427 с.;

[4] Маннай-оол М.Х. История Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995.102 с.;

[5] Сундуй М.Б.Добровольный кавалерийский эскадрон. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1989.206 с.;

[6] Сундуй М.Б.Добровольный кавалерийский эскадрон. Кызыл: Тываполиграф, 2015.228 с.;

[7] Оюн К.Т.Добровольцы на передней линии. Кызыл: Республиканская типография, 2003.109 с.

УДК 9(908)

Деятельность императорского православного палестинского общества в Енисейской губернии

Шушканова Елена Александровна
Кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия.
Shushkanovae@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Рассматривается проблема православного просвещения населения Енисейской губернии во второй половине XIX в. – начале XX в. Оценивается роль Енисейского отделения Императорского православного палестинского общества (ИППО) в духовном просвещении народа

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская епархия, духовенство, сельское общество, Императорское православное палестинское общество (ИППО).

Необходимость духовного просвещения народа была одной из основных задач и одновременно больших проблем Русской православной церкви. К XIX в. упадок религиозной духовности в российском обществе рассматривался как данность. По оценке видного богослова Игнатия Брянчанинова, «чем далее времена отклонялись от явления на земле Божественного света, тем усиливался недостаток в истинных наставниках, усиливалось обилие в лжеучителях; они со времен открытия книгопечатания наводнили землю как потоп, как горькие апокалипсические воды, от которых умерло множество людей душевною смертию» [5. с.57]. К середине XIX в. церковные издания открыто и много писали о поверхностном, грубом, небрежном, более привязанном к внешней форме исповедовании христианства в общественной и народной среде.

В отчете о своей поездке по епархии в 1893 г. енисейский епископ Александр (Богданов) называл примерные цифры уклоняющихся от церковной жизни: «Установлено, что число не бывших на исповеди, равняется или ⅓ или ¼ всех прихожан» [2, д. 4637. л.5]. Вместе с тем, оценивая личные впечатления от общения с мирянами, епископ Александр писал: «Уровень религиозно-нравственного состояния православного населения Енисейской епархии вообще не очень высок: простой народ мало даже знаком с основными истинами православной веры. Но искренне верит в Бога и по свидетельству благочинных в вере своей проявляет многие черты истинного благочестия: усердно посещает храм Божий, в большинстве соблюдает посты, благоговейно чтит духовные праздники, охотно принимает духовенство со святым крестом и иконами, пред посевом хлебом и выпасом скота на пастбища служит молебны» [2, д. 4637. л.20]. Если обобщить эти две оценки епископа, то налицо проблема недостатка православного просвещения, которая вела к обмирщению и охлаждению в духовной жизни. В какой степени и какими средствами удавалось противостоять секулярным тенденциям, рассмотрим на материале Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX вв.

Кроме общеисторических причин падения религиозности, указанных И. Брянчаниновым, в России было немало других способствующих тому факторов. Например, страна активно развивалась по пути буржуазных отношений, которые идейно шли вразрез с основополагающими религиозными догматами и формировали почву для атеистических воззрений не только в городе, но и в деревне. Делу духовного просвещения мешал технологически отсталый хозяйственный уклад деревни. Тяжелый и преимущественно физический труд, особенно в разгар полевых работ, не оставлял времени и сил на заботу о духовном просвещении.

Проблема эта в европейской России вначале усугублялась крепостничеством, а после его отмены разорительными выкупными платежами. В Сибири действовала другая

причина изнурительной физиологии труда – это напротив относительно высокий уровень зажиточности хозяйств, но которые в массе своей приходилось вести силами крестьянской семьи. В журналах богослужений сельских храмов прямые свидетельства на этот счет: «полевые работы отвлекли народ от храма» или «народа не было по причине полевых работ» [7, с. 44]. Еще одним фактором, препятствующим духовному просвещению, была тотальная народная неграмотность. Изучение архивных документов по сельским сходам в Красноярском уезде показало, что подавляющая часть крестьян не могла даже поставить подпись на текстах общинных приговоров. Типичной в них была такая запись писаря: «к сему приговору личною просьбою неграмотных крестьян деревни Карымской» с последующим перечислением имен. Из 58 человек, которые были на сходе, лишь один смог вывести «крестьянин Василий Корепов руку приложил» [7, с. 21].

Конечно наиболее успешным путем приобщения деревни к духовной культуре было образование. И как показывает история Русской православной церкви – она веками являлась по сути единственным институтом в государстве, который был проводником образования в народной среде. Например, почти во всех сибирских храмах (включая церкви для инородческого населения) имелись приходские (преимущественно одноклассные) школы. Однако численность учеников в них была низкой по ряду причин: сил приходского духовенства на образовательную деятельность явно не хватало (как и сельских учителей); отчисления общин на школьное дело было невелико и не всегда регулярно; крестьяне уважали грамотность, но многие считали, что их детям в жизни она не понадобится.

Хотя церковные власти школьное дело возводили в ранг своих наипервейших социальных обязанностей, сил одной Церкви было недостаточно. Требовалась общегосударственная программа, которая появилась в России слишком поздно (после первой русской революции). А то, что Церковь много делала в области распространения образования доказывает один только просмотр «Енисейских епархиальных ведомостей» за любой год с многочисленными отчетами и проектами народного просвещения.

В столь непростых условиях епархиальные власти избрали наиболее действенными способами духовного просвещение народа: во-первых, умножение проповеднического труда священников во время церковных богослужений; во-вторых, организацию на приходах так называемых духовно-нравственных чтений. Енисейские епископы неоднократно обращали внимание на то, что священники мало читали собственных проповедей, предпочитая использовать для этого тексты из церковной периодики. «Паства Енисейская мало назидается, проповеди священников недостаточно понятны для простого народа, да и те говорятся, обыкновенно, редко… Живого, согретого любовью, слова паства почти вовсе не слышит», – написал в отчете о своей поездке по Красноярскому, Ачинскому и Минусинскому округам в 1882 г. владыка Исаакий (Каллиникович-Положенский) [1, д.43, л.9].

Что касается духовно-нравственных чтений, то они стали проводиться почти на всех приходах.После окончания службы, священник с добровольными слушателями проводил занятия на религиозные темы. Обычно это были чтения жития святых или рассказы о событиях истории христианства. Однако желающих было немного: в осенне-зимние дни число слушателей становилось больше, хотя в процентном отношении ко всем прихожанам – это были считанные единицы. При сельских храмах имелись и библиотеки, часто с числом книг и журналов более 100. Имелись книги и в церковных лавках. Но учитывая низкий процент грамотных, читали и покупали их редко.

Перспективной возможностью для продвижения дела православного просвещения стало открытие в Енисейской губернии отделения Императорского православного палестинского общества (ИППО). Эта общественно-религиозная организация появилась в России в 1882 г. по указу императора Александра III. Ее основными целями было

поддержание духовных нитей с родиной христианства – Палестиной и обеспечение присутствия России на Святой земле.Почти сразу после основания столичного общества стали создаваться его региональные филиалы. Первым в Сибири в 1882 г. стал Иркутский комитет общества, а 29 марта 1898 г. он был открыт в Енисейской губернии и просуществовал здесь вплоть до революции 1917 г.

В силу региональных условий функции ИППО в Енисейской губернии несколько отличались от работы отделений в европейской России. Несмотря на появление за Уралом Транссибирской железнодорожной магистрали, уровень мобильности населения здесь оставался очень низким. Огромные просторы Приенисейского края, бездорожье, привычка к статичной жизни и в целом не слишком высокий материальный уровень жизни основной массы населения, делали путешествие в Палестину маловероятным. Поэтому основными задачами ИППО в Сибири стали культурно-просветительские и благотворительные. К последним относился сбор денежных средств на Русскую миссию во Святой земле, который проводился во всех храмах на неделе перед Вербным воскресением и в сам праздник.

По численности организация была небольшой:совет Енисейского отдела ИППО в лучшие годы составлял не более 15 человек. Даже если причислить к этому составу вспомогательную структуру совета – уполномоченных Отделения палестинского общества в уездах (еще около 20 человек), то и тогда актив организации оставался небольшим. По своему социальному составу организация в Енисейской губернии (как и по всей стране) была представлена преимущественно духовенством. Хотя ИППО создавалось, как общественно-религиозная организация, представительство мирян в ней было слабым. Например, в первом списке членов Енисейского отделения ИППО из 14 человек только 4 не относились к духовному ведомству. Состоятельные граждане сибирских городов также не были отмечены заметным участием в делах Палестинского общества.

Было бы неверным, сводить деятельность общества в Приенисейском крае лишь к сбору денежных средств, а само Енисейское отделение рассматривать неким финансовым придатком в обеспечении планов столичного ведомства по реализации основных проектов ИППО. Хотя ежегодные кружечные сборы в храмах Енисейской епархии в неделю Вербного воскресенья составляли одну из важных задач организации, практике этих палестинских сборов предшествовала большая просветительская работа Енисейского отделения. Она была призвана вдохновить прихожан проектом Палестинского общества, сделать их добровольными сподвижниками его целей и задач. Поэтому появление отделов ИППО в епархиях российской империи объективно способствовало развитию религиозно-просветительской работы в провинции.

Разнообразные материалы для просветительских чтений тщательно подбирались и редактировались известными учеными и богословами в столице. Это были брошюры, листовки, плакаты, специально подобранные картины для демонстрации их на проекторах (так называемые тогда «туманные картины»). Ценно также то, что Палестинское отделение сотрудничало с другими просветительскими организациями, которые уже существовали в епархии на момент создания Енисейского отделения общества. В частности, мы знаем о совместном опыте просветительской практики Палестинского отдела с Братством Рождества Богородицы (впоследствии Св.Иннокентия) и Православным миссионерским обществом.

На 1901 г. площадки просветительскихчтений организованные отделением Палестинского общества в Енисейской губернии были: в городах Ачинске, Минусинске, Енисейске, Канске; в селах Новоселовском, Шарыповском, Каратузском, Сагайском, Абаканском, Арейском, Нахвальском, Ладейском, Еловском, Сухобузимском, Мининском, Рыбинском, Балахтинском, Усть-Тунгузском. А в 1902 г. чтения о Святой земле стали проводится уже в 45 наиболее густонаселенных пунктах [4, 1903. № 11.с.264]. В 1913 г. для

бесплатной раздачи было получено 24.000 палестинских листков. В 1914 г. по разным пунктам епархии было разослано 200 палестинских брошюр [4. 1915. № 12. с.4].

Важным является вопрос о месте «вербных» пожертвований в числе других многообразных сборов в храмах. Это удалось установить на основании анализа ведомостей о приходе, расходе денежных сумм на приходах Красноярского уезда [8]. Если давать обобщенные данные по всем (весьма многочисленным) группам пожертвований, то на первом месте по сумме пожертвований, как правило, была группа на сооружение храмов в России и за границей. На втором месте была группа «на разоренных по различным случаям», а вот «палестинские» сборы обычно занимали третье-четвертое место. Это позволяет утверждать, что крестьянское население откликалось на просветительскую работу ИППО и с сочувствием относилось к задаче присутствия России на Святой земле.

Работа региональных отделений по сбору пожертвований обеспечивала материальную базу для расширения присутствия России на Святой земле. Народные пожертвования составляли основу бюджета Императорского православного палестинского общества. Если в начальные годы существования Русской миссии в Иерусалиме Святую землю посещало из России 300-400 паломников в год, то накануне первой мировой войны только на Пасху 1914 г. в Иерусалим прибыло около 6 тысяч человек. И проживание этой массы паломников обеспечивало в первую очередь ИППО. Были и другие расходы: например, накануне первой мировой войны Русская духовная миссия и Православное палестинское общество закупили в Палестине более 65 участков земли общей площадью около 150 гектаров.

Что касается деятельности ИППО по организации паломничества на Святую землю, то полных статистических данных по Приенисейской Сибири, обнаружить не удалось. Некоторое представление об этом вопросе дали архивные дела, связанные с оформлением заграничных паспортов в Енисейской губернии [3.Дд.548, 558]. К сожалению, из-за плохого состояния документов, исследовать их в полном объеме не получилось. Тем не менее, можно заключить, что число паломников было невелико, а социальный состав их был преимущественно крестьянский, что подтверждается исследователями и по другим сибирским регионам [6].

Оценить исторический опыт деятельности отделения ИППО в Приенисейской Сибири однозначно не просто. С одной стороны, говорить о нем, как о заметном и влиятельном в общественной жизни проекте, нельзя. Работа в области распространения знаний о Святой земле не носила систематического, регулярного характера, были проблемы с наглядными материалами и литературой, просветительские чтения нередко проводились формально. С другой стороны, столь малочисленными силами, какие имела организация, трудно было рассчитывать на значительный ее общественный резонанс. Кроме того, всего 20 лет существования Отделения при почти полном отсутствии собственных материальных ресурсов, не дают основания признать деятельность Енисейского отделения, неперспективной. Скорее можно считать, что на региональном уровне потенциал палестинского общества в рассматриваемый период, остался до конца не раскрытым. Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы. К первым можно отнести отсутствие налаженной системы делопроизводства паломнической службы, неразвитую транспортную инфраструктуру, а соответственно низкую мобильность населения. К субъективным можно отнести человеческий фактор: отсутствие мотивации к активной работе среди членов-сотрудников Енисейского отделения ИППО. Это было связано с высокими членскими взносами в организации, отсутствием собственных финансов, наличием массы более злободневных вопросов приходской жизни, чем дела далекой Палестины.

Список литературы

[1] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.564 (Енисейский архиерейский дом). Оп.1.

[2] ГАКК. Ф.674 (Енисейская духовная консистория). Оп.1.

[3] ГАКК.Ф.708 (Благочинный церквей 1-го участка Красноярского округа Енисейской духовной консистории). Оп.1.

[4] Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск.

[5] Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений. Т. VIII М., 2007.

[6] Харченко Л.Н. Исторические аспекты деятельности сибирских филиалов Императорского православного Палестинского общества в конце XIX – начале XX вв. //История, языки и культуры славянских народов: от истоков до будущего. Материалы IV международной научно-практической конференции 25-26 ноября 2015. Прага. 2015. [Электронный ресурс]. URL: sociosphera.com ›files/conference/2015…11_25_15.pdf. С. 35.

[7] Шушканова Е.А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейскойгубернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX вв.). Красноярск. 2019.

[8] Шушканова Е.А. История Императорского православного палестинского общества в Енисейской губернии (1898-1917 гг.) Красноярск. 2018. С.105.

УДК 94(57)

Участие наших земляков - добровольцев (Соян Бады Соруктуевича и Аракчаа Оюн Кандановича) в Великой Отечественной войне

Урана Делгер-ооловна Эртине
Член Союза журналистов Республики Тыва и Российской Федерации,
Тес-Хемский кожуун Республики Тыва,Россия
ertineurana@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается о том, как записались добровольцами в Великую Отечественную войну земляки автора Соян Бады и Аракчаа Оюнс желанием помочь, хотя их родина в то время была независимым, отдельным государством –Тувинской Народной Республикой. В статье была исследована их судьба, как погиб Соян Бады. Аракчаа Оюн был посмертно награжден. Командиры, посчитав его погибшим, наградили посмертно. Он был тяжело ранен и подобран без сознания санитарами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА тувинские добровольцы Великой Отечественной войны, тувинские кавалеристы, Х-й Великий Хурал Тувинской Народной Республики.

Когда началась Великая Отечественная война, весь наш тувинский народ поднялся на борьбу с фашистской Германией. Узнав о начале войны, наша Тува самая первая объявила войну фашистской Германии. Сразу же, в этот же день, 22 июня 1941 г. на Х-м Великом Хурале Тувинская Народная Республика провозгласила: «Тувинский народ… не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним» и жила под девизом: «Все для фронта, все для победы!» [5, с. 374].

Наши предки совершили трудовой и военный подвиг. 8 августа 1941 г. пришла телеграмма от самого Иосифа Сталина: «Правительство СССР с большим удовлетворением отмечает готовность тувинского народа с оружием в руках выступить вместе с советским народом на разгром фашизма. Победа советского народа будет также и победой братского тувинского народа» [6, с. 590].

На нужды фронта были направлены весь золотой запас Тувы и добыча золота военных лет на общую сумму более 10 млн. акша, или 35 млн.руб., а также 50 тыс. боевых коней, три эскадрильи истребителей, построенных на средства населения республики, 52 тыс. пар лыж, 10 тыс. полушубков, 19 тыс. пар рукавиц, 16 тыс. пар валенок, 67 т шерсти, сотни тонн мяса, топленого масла, муки, сухарей, кондитерских изделий, облепихи и другой сельскохозяйственной продукции. В дар освобожденным районам Украины было передано более 27 тыс. молодых коров. Скот для нужд фронта тувинские араты отдавали безвозмездно.

За годы войны экспорт продукции животноводства в СССР возрос более чем в 3 раза. Экспортные организации отправили в СССР около 700 тыс. голов скота. Общая сумма материальной помощи тувинского народа фронту превысила 19 млн. акша, или 66,5 млн. руб. Каждая семья внесла свою долю в фонд помощи фронту… Не было ни одной тувинской семьи, которая не отдала бы в помощь фронту от 10 до 100 голов скота [5, с. 379].

Какими словами выразить величие подвига тувинских добровольцев, сражавшихся за освобождение Украинской ССР, ее деревень и города от фашистских захватчиков. Сердце обливаются кровью, когда в настоящее время в Украине переписывается история, искажаются факты. В Украине сложили свои горячие головы мои предки, там они остались навеки, они проливали кровь, чтобы изгнать фашистов оттуда. Тогда народ Украины с благодарностью вспоминал подвиг советских солдат.

20 мая 1943 г. наша Тува проводила на фронт группу танкистов из 11 человек, а 1

сентября того же года выехал отдельный добровольческий эскадрон кавалеристов из 206 человек. Наши предки могли остаться в стороне, ведь их родная страна кочевников-скотоводов была в то время отдельным независимым суверенным государством, тогда она называлась Тувинской Народной Республикой. Таким образом, на фронтах Великой Отечественной войны сражались 217 добровольцев–тувинцев из ТНР. Это были лучшие сыны и дочери, достойные из достойных.

Среди них были наши земляки Бады Соян Сорукту оглу и Аракчаа Оюн Калданович из сумона Чыргаланды.

Вместе с ними из Тес-Хемского кожууна на фронт отправились восемь героев-земляков:

1. Бады Соян Соруктуевич, уроженец с. Чыргаланды.
2. Аракчаа Оюн Калданович, уроженец с. Чыргаланды.
3. Самбуу Оюн Тараачыевич, уроженец с. Шуурмак.
4. Дончун Соян Кумаевич, уроженец с. Кызыл-Чыраа.
5. Курседи Чооду Байырович, с. Берт-Даг.
6. Баазан-оол Чооду Эртинеевич, уроженец с. О-Шынаа.
7. Соян Алдын-Херел Минчимаевич, уроженец Кызыл-Чыраа.
8. Ланзыы Оюн Амыртаевич, уроженец с.Кызыл-Чыраа.

В Центральном Государственном Архиве Республики Тыва мы нашли учетные карточки, подтверждающие о наших земляках:

Бады Соян Соруктуевич родился в августе 1919 года в местечке Тарлашкын сумона Чыргаланды, Тес-Хемского кожууна, ТНР. Его социальное положение: Арат. В семейном положении указан только брат – Хаданша, 37 лет, место работы, должность и месячный заработок: физкомбинат, кузнец, плотник, 700 акша, социальное и имущественное положение: арат, крупный скот – 22, мелкого скота – 17. [10, л. 12]

Аракчаа Оюн Кандановичродился в сумоне Чыргаланды Тес-Хемского района в Тувинской Народной Республике [11, л. 12].

По прибытии в действующую армию тувинский эскадрон был включен в 31–й гвардейский Кубано–Черноморский кавалерийский полк, которым командовал гвардии полковник А.Г. Попов. Они были зачислены в личный состав 8–й гвардейской кавалерийской дивизии по приказу по 31–му гвардейскому полку № 328 от 30 ноября 1943 г. о зачислении прибывшего личного состава в списки полка мы нашли в Центральном архиве Министерства обороны России. [1, л. 67 об.] Приказ о зачислении прибывшего личного состава в списки полка подписали командир полка Гвардии полковник Попов и исполняющий обязанности начальника штаба Гвардии майор Буязиев.

Соян Бады Соруктуевич был зачислен этим же приказом, его фамилия под 119 номером, 69-м обороте. Фамилия Аракчаа Оюн Кандановича была вписана в этом приказе под номером 39 [1, л. 69].

Вся документация полка велась на немецком трофейном журнале, где графы написаны на немецком языке. В гвардейском кавалерийском полку тувинцы составили 4–й гвардейский эскадрон. Всем его бойцам и командирам были присвоены гвардейские звания. Более 1200 км по тылам врага прошли добровольцы в составе гвардейской конницы.

Четвертый эскадрон наших предков, тувинских добровольцев был разбит на шесть взводов. В первом взводе были 33 бойца, во втором – 32, в третий взвод входил 31 человек, в четвертом – 25, в пятом взводе воевали 26 воинов, в шестом противотанковом были 58 добровольцев. Соян Бады Соруктуевич входил в 4 четвёртый взвод, Аракчаа Оюн Кандановичвходил в шестой взвод [4].

Тогда в феврале 1944 года шли ожесточенные бои за освобождение Ровенской области Украинской ССР. Четвертый эскадрон тувинских добровольцев героически

сражался. Из разных источников мы установили, что наши предки участвовали в освобождении деревень и сел, городов как Деражно, Похорельцы, Рачино, Сурмичи, Бронники, Грабув, Ставки, Обарово, Адамковичи, Корпиловка, Клевань, Руду Красну, Ровно, Дубно. Из восьми добровольцев Тес-Хемского кожууна двое погибли, это Соян Бады и Оюн Самбуу. Они погибли в одном бою.

Следопыты музея имени Тувинских добровольцев Деражновской средней школы Украинской ССР по крупицам восстановили события героического пути тувинских добровольцев. Поэтому чтобы показать, как происходил бой, привожу отрывок из их работы:

Пионеры Ровенской области восхищались смелостью и доблестью добровольцев: Исключительную храбрость бесстрашие проявили в этом бою 11 пулеметчиков во главе с командиром своего взвода Сат Бурзекеем и 7 бронебойщиков во главе командиром отделения старшиной Кууларом Дажы-Сереном. Попавшая в окружение горстка тувинских гвардейцев не дрогнула, прикрывая отход своей части, она стала на пути врага неприступной стеной. Никто ни на шаг не отступил, гордые сыны тувинского народа на боевом рубеже приняли героическую смерть. На поле этого боя осталось более 150 убитых гитлеровцев, еще больше было ранено.

Кусочек земли, занятый смельчаками-тувинцами, хорошо просматривался. Был он совсем невелик, до полусотни метров в глубину и несколько сотен шагов по фронту. Этот кусочек следовало удержать во что бы то ни было, любой ценой, чтобы дать возможность основным подразделениям полка занять прочную оборону. Вдруг со стороны Дубно показались два танка. Старшина Дажы–Серен выстрелил. Старшина прицелился и снова выстрелил. Машина остановилась и окуталась дымом. Из люка показались гитлеровцы. Бурзекей их сразил пулеметным огнем. Второй танк подбил Канчыыр–оол Сарыглар. Танк завертелся на месте, распуская по земле разорванную гусеницу. Под него полетела связка гранат Чылбака, и «тигр» загорелся. Но тут произошла прямое попадание вражеской мины на позицию тувинцев. Был убит пулеметчик Сарыглар Дидиржаа. Место у пулемета занял Лакпа Хомушку. Убит сержант Донгур–Кызыл Ховалыг, прекрасный пулеметчик. К его пулемету подползает Оюн Удум–Бара. Тувинские пулеметчики косят фашистов. Сат Бурзекей подбегает то к одному пулемету, то к другому. Не успели отбить одну атаку, последовала другая. Фашистские «хейнкели» бомбят, расстреливают тувинцев из пушек и пулеметов. Убиты Балчий-оол Ховалыг, Шойдакпан Салчак, Оюн Туметей, Бады Соян, Ондар Самбуу. Стонет Монгештей: ему оторвало ногу. Затих у своего пулемета «максима» Кыргыс Сенчен-оол, Дыртык-оол Донгак перевязывает рану Базыр Монгушу, которому осколком мины разорвало живот. Мины накрыли воинов Дыртык-оол Донгака, Сарыглар Канчыыр-оола и Базыр Монгуша. Сразу замолкли три пулемета. Немцы оживились. Пытаются сбить тувинцев с этой высотки. Тувинские смельчаки Ак-оол, Биче-кыс, Лакпа Хомушку, Чылбак, старшина Дажы-Серен, командир взвода Сат Бурзекей отбиваются до конца. Дошло до рукопашной. На Монгуша Чылба набросились сразу два фашиста. Одного он убил прикладом, а другого проколол штыком. Мужественный тувинец хватает немецкий автомат и в упор расстреливает семерых гитлеровцев. Осколок от немецкой гранаты попал ему прямо в висок. Тяжело ранен Дажы-Серен. Кончились патроны. Замолкает еще один пулемет: убит пулеметчик Лакпа Хомушку. Бурзекей подползает к нему и ложится за станковый пулемет. Отбита еще одна атака контратака гитлеровцев. Враг уверен, что теперь–то одолеет нескольких тувинцев, но смельчаки отбивает и третью атаку немцев. Фашисты обрушивают на нескольких тувинских храбрецов массированный артиллерийский и минометный огонь и снова идут в наступление, но и в четвертый раз они не проходят. Тяжело ранен в ногу Биче-Кыс. Осколками мины изрешетило руки Оюну (Алексею) Ак-оолу.

А немцы вновь идут в атаку. Сат Бурзекей отбивался гранатами. Но их было всего три.

Немцы, видимо, решили взять его живым. Они окружили мужественного Сата Бурзекея со всех сторон. Тогда Бурзекей бросает последнюю гранату со словами: «Тувинцы в плен не сдаются!» подорвал себя и больше десятка гитлеровцев.

В живых остался лишь раненый гвардии старшина Дажы-Серен. Он видел, как фашисты, шагая через трупы своих солдат, приближаются к нему, а бить уже нечем. Старшине приходит в голову смелая мысль. Стиснув зубы, он ползет, к стоящему неподалеку подбитому вражескому бронетранспортеру, ложится к пулемету и открывает огонь по наступающим фашистам. Не сразу догадались враги, что огневые очереди хлещут по ним из их же бронетранспортера. Много фашистов скосил этот смельчак из Тувы. Разъяренные фашисты обрушили на него огонь артиллерии, но гвардеец продолжал строчить из пулемета. И только прямое попадание снаряда оборвало жизнь бесстрашного воина. [7, с. 42]

Информацию о том, что наш земляк Соян Бады пал именно в этом бою, мы нашли и в книге «Добровольцы» в воспоминании единственно уцелевшего бойца в этом бою Алексея Ак-оола: «В Дубно были бои еще кровопролитнее, чем в Ровно. Идут танки, а на них автоматчики. Пехоту согнали с танков, отбили. Танки пошли дальше. Мы оказались в кольце – перед нами пехота, а за спиной танки. После взрыва мины замолчал пулемет Туметея и Сояна Бады» [8 с.90].

После гибели их исключили приказом из личного состава, из списков полка, погибшего в боях с немецкими захватчиками за город Ровно от 5 февраля 1944г. № 035 пунктом 3. Пункт 3 начинается с такими словами:«Ниже поименной офицерский, сержантский и рядовой состав погибший в боях с немецкими захватчиками за город Ровно из списков исключить:

18. Бады Соян». (Его фамилия идет 18-м номером) [12, л 35]. Такой приказ назывался «Списком безвозвратных потерь».

Мы нашли письмо нашего земляка в книге «Фронтовые письма». Он писал: «Здравствуй, Кара-Кыс! Выдалась минутка перед боем – вот пишу тебе. Знай, что я буду сражаться с врагом до полной победы. Если у меня не будет рук – буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног – поползу на руках и задушу его...» [9, с. 157]. От его слов веет несгибаемым мужеством. К сожалению, не найдена его девушка с именем Кара-Кыс. Ветеранов сумона, которые смогли знать или подсказать нам о ней, уже не стало.

Его наградили орденом Славы III степени посмертно. Вот его фамилия в наградном. «Список личного состава 4-го эскадрона /тувинского/ 31-го гвардейского кавалерийского полка, награжденных Правительственными наградами по состоянию 5 марта 1944 г.: 10. кавалерист – гвардии красноармеец – Бады Соян Сорукту». [1, л. 670б.].

Таким образом, мы выяснили, что бурзекеевцы повторили подвиг 28 героев–панфиловцев под Москвой. Мы точно сумели установить обстоятельства гибели нашего героя–земляка Бады Соян. Он был среди 19 героев, которые не дрогнули перед многочисленными врагами, превосходящими и техникой, и количеством.

Второй наш земляк–чыргаландинец Оюн Аракчаа Канданович был на фронте стрелком–снайпером. Его боевая судьба была очень запутанной, много и долго искали, чтобы восстановить его фронтовые дороги. Аракчаа Оюн по приказу по 31-му гвардейскому кавалерийскому полку №035 от 5 февраля 1944 г. тоже был исключен из списка личного состава полка, погибшего в боях с немецкими захватчиками за город Ровно Украинской ССР. [12, л. 35].Его фамилия в списке идет пятой. Приказ подписали командир полка Гвардии полковник Попов и начальник штаба Гвардии майор Алехин. Он был награжден посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени приказом по шестому кавалерийскому корпусу от 25 февраля 1944 г. № 05/н.

В наградном листе были указаны все его данные. В кратком, конкретном изложении боевого подвига было написано так:

Товарищ Аракчаа проявил исключительную отвагу и мужество, несмотря на артиллерийско-минометный огонь противника предприняли две контратаки не отступили ни на шаг. Презирая, смерть шел в наступление выполняя наказ тувинского народа и приказ командования о взятии города Ровно. Первыми со своими подразделениями вошли в город. В этом бою т. Аракчаа уничтожил 6 немцев, пал смертью храбрых.

За проявленную отвагу и мужество при взятии жизненно важной дорожной станции и гор. Ровно т. Аракчаа достоин правительственной награды орденом Отечественной войны 1-й степени посмертно.

Командир 31 Гвардейского кавполка Гвардии полковник Попов.

Заключение вышестоящих начальников.

Достоин правительственной награды орденом Отечественной войны 1-й степени.
Командир РКД Павлов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМАНДИРА КОРПУСА

Достоин награждения орденом Отечественной войны 1-й степени.
Командир 6-го Гвардейского кавкорпуса Гвардии генерал-лейтенант С.СОКОЛОВ
24 февраля 1944 г.

Он потом, как рассказывал своей дочери Оюн Марии Аракчаевне – информатору, был тяжело ранен в этом бою, и его подобрали без сознания, поэтому его потеряли в эскадроне, и посчитали погибшим. После этого боя всех тувинских добровольцев, их считали иностранцами, отправили домой в Тувинскую Народную Республику. Все, вернувшиеся добровольцы говорили и писали, что бои за освобождение городов Ровно и Дубно были очень тяжелыми, особенно за Дубно.

В июне 1944 г. вернулись домой с самой страшной и беспощадной войны из 206 добровольцев-кавалеристов 85 бойцов. Земля Ровенщины укрыла, погибшего 61 добровольца-тувинца. Остальные лечились от ранений в госпиталях.

Он тоже долго лечился в госпиталях и вернулся с фронта в конце августа 1944 г. Когда подошел к юрте родителей, мама его упала в обморок, потому что они получили похоронку на сына, родные считали его погибшим.

Наш земляк женился на общественнице, председательнице женского совета села Долзатмаа Светлане Самдановне. У них родились три дочки и сын: Мая, Мария, Марика и Владимир.

14 октября 1946 г. в соответствии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. было вручено ему старшему сержанту медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» № Ч-0295893 [13].

Он был награжден за доблестный труд орденом Труда Тувинской Народной Республики. Имя Аракчаа Оюн Кандановича было вписано в Золотую книгу памяти и чести Тес–Хемского кожууна за выдающиеся заслуги перед родиной, за вклад в развитие экономики, за прославление нашего кожууна. Свидетельство о внесении в Золотую книгу подписал председатель Тес-Хемского кожууна Б.Шыырап от 25 июня 2000 г. Сердце Аракчаа Оюн Кандановича остановилось 7 июля 1976 году.

Наших героев помнят и в родном сумоне. В нашем сумоне Чыргаланды установлен памятник землякам-героям Соян Бады Сорукту оглу и Аракчаа Оюн Кандан оглу.

Список литературы

[1] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф.4625. Оп.450269с. Д.4;

[2] Архив школьного историко-краеведческого музея имени Юрия Аранчына МБОУ Чыргаландинская СОШ Тес-Хемского кожууна.

[3] Государственный архив Республики Тыва.

[4] Архив Национального музея имени Алдан-Маадыров Республики Тыва

[5] История Тувы: в 3 т. Т. II /Под общ. ред. В.А.Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.;

[6] Брилёв С. Забытые союзники во Второй мировой войне. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 712 с.;

[7] Катеринчик Н.Я. От Тувы до Украины: о работе следопытов Деражновской средней школы Ровенской области Украины. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1998. 76 с.;

[8] Пивоваров В.П. Добровольцы: документальная повесть. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990 г. 200 с.;

[9] Фронтовые письма / Составители Сенгин-оол М. М., Бадыргы С.А. и др. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002 г. 176 с.;

[10] Центральный Государственный Архив Республики Тыва (ЦГАРТ). Ф.116. Д.12;

[11] ЦГАРТ. Ф.п-1. Оп.1. Д.12;

[12] ЦАМО. Ф.4625. Оп.450269с. Д.5;

[13] http: //podvignaroda.ru

Научное издание

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА С ДРЕВНИХ ВРЕМЁН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Материалы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.)

Тексты публикуются в авторской редакции

Главный редактор
Н. И. Дроздов

Технический редактор, верстальщик
М. С. Соловьева

Объем данных: 22,4 Мб

Подписано к использованию: 12.09.2022.

Размещено в открытом доступе
на сайте https://sibhistory.ru в разделе «Архив»